

ИСТОРИЧЕСКІЙ
ВѢСТНИКЪ.

ГОДЪ ТРИДЦАТЬ ПЕРВЫЙ.

ТОМЪ СХХ.

ИСТОРИЧЕСКІЙ
ВѢСТНИКЪ

ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛЪ

ТОМЪ СХХ.

1910

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
ТИПОГРАФІЯ А. С. СУВОРИНА. ЭРТЕЛЕВЪ ПЕР., Д. 13
1910

ИСТОРИЧЕСКІЙ
ВѢСТНИКЪ

ИСТОРИКО-
ЛИТЕРАТУРНЫЙ
ЖУРНАЛЬ.

ГОДЪ ТРИДЦАТЬ ПЕРВЫЙ
АПРѢЛЬ, 1910 Г.

СОДЕРЖАНІЕ

АПРѢЛЬ, 1910 г.

	СТРАНА
I. Семейная хроника. (Изъ записокъ моей бабушки). Часть вторая. I—IV. (Продолженіе). В. З. Головиной	5
II. Первое 25-лѣтіе моихъ литературныхъ мытарствъ. Главы VII—VIII. (Окончаніе). А. М. Скабичевского	24
III. «Покажи!..». (Памяти Ивана Александровича Всеволожскаго). В. Я. Свѣтлова	45
IV. Силуэты времени реформъ. (Воспоминанія шестидесятника). X. (Окончаніе). Н. Н. Фирсова (Л. Рускина)	61
V. Одна изъ московскихъ трущобъ и мировой судья Багриновскій. А. П. Соколовой	75
VI. Изъ давнихъ эпизодовъ. Последняя гитара. Н. А. Энгельгардта	89
VII. Миражъ. (Изъ жизни). А. И. Филатовой	117
VIII. Воспоминанія о Ляличахъ. Е. С.	129
IX. Авантюристы, самозванцы и блюстители закона. (Изъ уголовной и полицейской хроники). А. Е. Евгеньева	142
X. Русскія метаморфозы. III. Москва и реформы. (Продолженіе). Н. М. Ежова	149
XI. Народныя суевѣрія о кометахъ. Д. З. Зеленина	161
XII. Первый кружокъ писателей «изъ народа». (Къ 30-лѣтію со дня смерти И. З. Сурикова. 24 апрѣля 1880 года). А. П. Яцимирскаго	169
XIII. Н. Г. Чернышевскій въ 1886—1889 гг. (По воспоминаніямъ Н. Ф. Хованскаго). Сообщ. Александръ Лебедевъ	192
XIV. Сергій Федоровичъ Дуровъ. (Къ сорокалѣтію его кончины). Г. А. Пальма	199
иллюстрація: Сергій Федоровичъ Дуровъ.	
XV. Новое о Гоголѣ. (По поводу опубликованія новыхъ рукописей Гоголя). А. Г. Фомина	206
XVI. Цареубійство 1-го марта 1881 года. (Историческіе очерки). III. Террористическія выступленія. А. Дѣло Вѣры Ивановны Засуличъ. (Продолженіе). Б. Б. Глинскаго	214
иллюстрація: Федоръ Федоровичъ Треповъ.	
XVII. Театральныя странички. (Памяти В. В. Чарскаго). А. Е. Кауфмана	258
XVIII. По ущельямъ Агридага. Я. Я. Полферова	262
XIX. Курскій историко-археологическій и кустарный музей. А. А. Танкова	285
XX. Бѣлгородъ и его святыни. А. И. Фирсова	301
иллюстраціи: 1) Общій видъ Бѣлгорода. — 2) Смоленскій соборъ. — 3) Монастырь, гдѣ почиваютъ мощи св. Іоасафа. — 4) Железнодорожный вокзалъ. — 5) Женская гимназія. — 6) Мужская гимназія. — 7) Св. Іоасафъ, епископъ бѣлгородскій. — 8) Гробъ съ мощами святителя Іоасафа.	

(См. слѣд. стран.)

XXI. Критика и библиографія. 327

1) Памятники русской истории (въ шести выпускахъ), издаваемые подъ редакцію проф. В. О. Ключевского, Ж. К. Любавскаго и др. М. 1909—1910 гг. М. н-ва. — 2) Проф. П. Ф. Каптеревъ, Патріархъ Никонъ и царь Алексѣй Михайловичъ. Томъ первый. Сергіевъ посадъ. 1909. С. — 3) Проф. С. Ф. Платоновъ. Учебникъ русской истории для средней школы. Курсъ систематическій. Часть II (отъ Петра Великаго). Спб. 1910. В. Т-аго. — 4) Извѣстія отдѣленія русскаго языка и словесности императорской академіи наукъ 1909 г. Тома XIV князья 1. Спб. 1909. — То же, тома XIV книжка 2. Спб. 1909. В. Р-ва. — 5) Труды 1-го всероссійскаго женскаго съезда при русскомъ женскомъ обществѣ въ С.-Петербургѣ 10—16 декабря 1908 года. Спб. 1909. Б. Г.—6) Е. Д. Любченко. Народное образование и сокольскія общества у чеховъ. Москва. 1910. кф.—7) Н. М. Затворницкій. 1) Указатель біографическихъ свѣдѣній, архивныхъ и литературныхъ матеріаловъ, касающихся чиновъ общаго состава по канцеляріи военнаго министерства съ 1802 до 1902 г. включительно. Спб. 1909. 2) Приложение къ историческому очерку дѣятельности канцеляріи военнаго министерства и военнаго совѣта. Спб. 1910. Мих. Соколовскаго. — 8) Изъ архива князя С. В. Шаховскаго. Матеріалы для истории недавняго прошлаго прибалтійской окраины (1885—1894 гг.). Т. II. Спб. 1909. Б. Г.—9) Лапкинъ, П. Соборъ, какъ высшій органъ церковной власти. Историко-каноническій очеркъ. Казань. 1909. М. Г. н. — 10) Г. В. Плехановъ. Н. Г. Чернышевскій. Спб. 1910. А. Фаресова. — 11) Чернышевскій, М. Н. Библиографическій указатель статей о Н. Г. Чернышевскомъ и его сочиненіяхъ. Спб. 1909. А. Ф.—на. — 12) Колтоновская, Е. А. Новая жизнь. Критическія статьи. Спб. 1910. А. Фомина.

XXII. Заграничныя историческія новости и мелочи 354

1) Шекспиръ и Вальзакъ.—2) Воспоминанія графини Вестморландъ.—3) Бисмаркъ и Горчаковъ на Берлинскомъ конгрессѣ.—4) Мысль въ искусствѣ.—5) Отовсюду. — 6) Европейскіе юбилеи. — 7) Смерть Морфиля и Люэгера.

XXIII. Смѣсь. 376

1) Императорское училище глухонѣмыхъ.—2) 50-лѣтіе русскаго этнологическаго общества. — 3) Въ обществѣ любителей древней письменности.—4) Въ русскомъ генеалогическомъ обществѣ. — 5) Торжественное открытіе общества имени А. И. Куинджи.—6) Отъ комитета литературнаго фонда.—7) Юбилейное чествованіе М. Г. Савиной.—8) Юбилей С. И. Шохоръ-Троцкаго.—9) Юбилей священника С. Е. Звѣрева.—10) Открытіе памятника Я. Г. Гуревичу.

XXIV. Некрологи. 388

1) Анненковъ, К. Н. — 2) Верховскій, В. В. — 3) Волковскій, Н. С., князя.—4) Воскресенскій, К. П.—5) Кирилловъ, П. А.—6) Куровскій, Е. А.—7) Лемохъ, К. В.—8) Мочалкинъ, О. С.—9) Мурунскій, П.—10) Нефедьевъ, Е. А. — 11) Оболенскій, Н. М., князя. — 12) Подгородниковъ, И. Г. — 13) Тиме, Г. А.—14) Чарскій, В. В.—15) Чернякъ, А. Ф.

XXV. Замятки и поправки. 398

1) По поводу вновь открытаго письма Теофана Прокоповича къ вн. А. Д. Мещикову, А. н-ово. — 2) П. Къ очерку А. И. Соколовой «Маленькая польская графиня и маленькая русская княжна». («Истор. Вѣсти.» 1910 г., мартъ). М. Соколовскаго.—3) III. Домъ, гдѣ жилъ Гоголь, в. Семеновна.—4) IV. По поводу юбилея государственной канцеляріи. И. Елачича.

ПРИЛОЖЕНІЯ: 1) Портретъ Николая Петровича Макарова. — 2) Борьба за тронъ (Beatrice Tynesley). Историческій романъ В. Энвортъ. Переводъ съ англійскаго А. М. Бѣлова, X—XIII.

НИКОЛАЙ ПЕТРОВИЧЪ МАКАРОВЪ.

СЕМЕЙНАЯ ХРОНИКА.

(Изъ записокъ моей бабушки)¹⁾.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

I.

АМЕНЬКА писала Сонѣ, что я должна заѣхать къ Лизѣ, хотя это и порядочный крюкъ. Соня отправила меня въ тарантасѣ съ фордекомъ съ своей Прасковьей и буфетчикомъ Андреемъ, большимъ знатокомъ въ лошадахъ. Поѣдемъ мы на почтовыхъ, а у насъ въ городѣ, для обратнаго пути, Андрей купить тройку киргизовъ: ихъ давно желаетъ имѣть Платонъ Александровичъ.

Къ Лизѣ пріѣхали мы на другой день вечеромъ. Она выбѣжала на крыльцо, цѣловала меня, удивлялась, что я такъ выросла и перемѣнилась. Заговорили мы о болѣзни папеньки; но Лизу громко требовалъ въ дѣтскую ея мальчикъ, и мы пошли туда.

У Лизы съ ребенкомъ все было по-русски: ея Вася былъ запеленанъ «рыбкой». Когда ему развили свивальникъ, онъ такъ мило расправлялъ свои ручки и ножки, залежавшіяся въ одномъ положеніи, что я рѣшительно объявила себя за свивальникъ.

— Да ужъ чего лучше!—говорила полная, румяная, пожилая няня:—спеленаю ему ручки и ножки, и лежитъ онъ, мой голубчикъ, покойно, почиваетъ. А младенцу не спеленанному спать не-

¹⁾ Продолженіе. См. «Историческій Вѣстникъ», т. СХІХ, стр. 785.

хорошо: во снѣ онъ ручкой или ножкой махнетъ, самъ себя испугаетъ; а ужъ отъ этого сохрани Господи!..

Купали его въ корытѣ; лежалъ онъ на сѣнѣ, покрытомъ плотной простынкой. Няня мыла его съ молитвой и разными ласковыми словечками; температуру воды опредѣляла рукой; мылила ему голову безцеремонно, не смущаясь его крикомъ.

— Въ глазки попадетъ ничего,—говорила она:—все слезой выдетъ, только глазки будутъ свѣтлѣе.

Когда его запеленали во все свѣжее, няня перекрестила его и поцѣловала.

— Ужъ на что лучше? Любо глядѣть!—сказала она, подавая Лизѣ завернутую въ одѣяло куколку.

— Разумѣется, Лиза! вѣдь всѣхъ нашихъ богатырей такъ пеленали!.. Да и Петра Великаго... Суворова... Пушкина...

— А Соня тебѣ скажетъ, что твой Вальтеръ Скоттъ, Диккенсъ и Веллингтонъ были въ конвертикахъ,—сказала она смѣясь.

Ребенокъ засыпалъ у нея на рукахъ, и она послала меня осматривать ихъ квартиру. Все у нихъ было очень хорошо: красивая мебель, много цвѣтовъ. Только они еще не выписали рояля, и у нихъ въ залѣ стояло маленькое, старинное фортепіано ихъ хозяевъ, съ томнымъ звукомъ и педалью, которая прижималась колѣномъ къ фортепіанной клѣткѣ. Сергѣя Ивановича не было дома, онъ былъ гдѣ-то на именинахъ. Его кабинетъ былъ изъ передней, я вошла туда. Наша прежняя кружевница Мапа готовила мнѣ тамъ на диванѣ постель и зажгла свѣчи на письменномъ столѣ. Какой интересный столъ! груды книгъ, журналовъ, отписки стихотвореній Сергѣя Ивановича. Я такъ тутъ и осталась.

Въ дверь передней постучали кулакомъ (звонки были еще рѣдки): это пришелъ Сергѣй Ивановичъ, и прямо въ свой кабинетъ. Я встала, но не пошла къ нему навстрѣчу, ожидая, узнаетъ ли онъ меня.

— Привидѣніе!.. Что это за видѣніе?..—заговорилъ онъ трагически, останавливаясь въ дверяхъ.—Неужели эта высокая, стройная красавица наша маленькая Мира?.. Лиза!.. Лиза!.. послушай! Клянусь Зевесомъ! я семь лѣтъ служилъ за Лію и готовъ теперь семь служить за Рахиль!.. Лиза!.. Лиза!..

Онъ былъ какъ-то странно, непріятно возбужденъ. Лиза ужъ была подлѣ него, взяла его подъ руку и говорила шутливо:

— Не декламируй, Вася спать. Пойдемъ отсюда. Это ужъ не твой кабинетъ, а спальня Миры.

— Постой, постой!.. Я только хочу сказать...

— Комплиментовъ ей завтра наговоришь, а теперь она устала, хочетъ спать... Покойной ночи, Мира, мы здѣсь рано ложимся.

Онъ упирался, продолжая что-то о Рахили и Ліи, и вдругъ ударилъ себя по лбу.

— Вѣдь я пришелъ только на минуту, взять Цимисихіа... Прогнать прочесть сцену съ Святославомъ... Pardon, Мира, я только возьму въ столѣ...

— Мира пріѣхала, а ты уйдешь!.. Нѣтъ, нѣтъ, я просто не пушу.

— Понимаешь, милая женщина, что меня тамъ ждуть...

— Я пошлю сказать, что ко мнѣ пріѣхала сестра и завтра уѣзжаетъ.

Она насильно увела его. Что такое съ нимъ сдѣлалось? Какой непріятный тонъ... А какъ онъ былъ милъ женихомъ... Я услышала въ коридорѣ ихъ голоса:

— Ты не понимаешь, какъ автору полезно читать свою вещь!.. Это его вдохновляетъ...

— Ты ужъ на этотъ вечеръ довольно вдохновленъ... Пойдемъ... пойдемъ...

Онъ все чего-то просилъ, а она ему шутливо, но рѣшительно отказывала. Они ушли, но мнѣ еще долго слышались ихъ голоса.

На другой день я рано встала и пошла въ дѣтскую къ Васѣ. Онъ «гулялъ», т.-е. лежалъ распеленанный на подушкѣ, а няня его гладила, приговаривая: «Потягунюшки... порастунюшки». «Гулила» его, и онъ прелестно такъ чуть-чуть улыбался.

Послышались голоса Лизы съ мужемъ въ коридорѣ у буфета; они что-то вполголоса горячо говорили.

— Это имъ напрасно Лизавета Васильевна опохмелиться не даютъ,—заговорила тихо няня.—Какъ въ гостяхъ не выпить?.. И бабы пьютъ, а ужъ мужчинѣ безъ этого нельзя! И вѣдь онъ у нихъ во хмелю веселый, добрый, хоть веревки изъ него вей... только шутить да какъ въ театрѣ представляеть... А ужъ на другой день рюмочку-другую надо выпить, а то голова будетъ какъ не своя.

Моя мать боялась пьяныхъ; а мнѣ они были невыносимо противны... Разумѣется, до сихъ поръ я видѣла пьяныхъ только на улицѣ; кругомъ меня иногда смѣялись надъ ними, а я просто не могла ихъ видѣть. Бѣдная, бѣдная моя Лиза!.. Они подходили къ двери, и я низко наклонилась надъ Васей, чтобы спрятать мое смущенное лицо.

Но Сергѣй Ивановичъ былъ совсѣмъ другой. Какъ хорошо, что Лиза не пустила его вчера уйти и теперь не уступила ему... Онъ былъ опять совсѣмъ благовоспитанный, умный, интересный. Лиза отправила меня съ нимъ осматривать городъ: мы любовались прелестнымъ видомъ съ крыльца собора, садомъ съ небывалыми въ нашей сторонѣ кустами и деревьями. Какъ онъ умѣлъ освѣтить все интересное и замѣчательное! Какъ остроумно подшучивалъ надъ разными провинціальными несообразностями! Какіе милые анекдоты рассказывалъ о своей гимназіи; видно было, что ученики очень любятъ его. Вечеромъ онъ читалъ намъ Пушкина, Гоголя, свои собственныя стихотворенія, и какъ хорошо читалъ. Лиза въ

его литературных трудахъ была какъ дома: подсказывала ему забытый стихъ; выясняла не совсѣмъ понятную мнѣ мысль; подкладывала ему лучшія его вещи, чтобы онъ ихъ мнѣ прочиталъ. Видно было, что она интересуется всѣмъ, что его интересуетъ, любить, что онъ любитъ, что они самые близкіе друзья. И говорили они между собой совсѣмъ особенно: имъ довольно одного слова, одного намека, чтобы понять другъ друга...

Но когда я уѣхала и оставила ихъ веселыхъ и довольныхъ на крыльцѣ, откуда они посылали мнѣ прощальныя привѣтствія, я все-таки нашла, что Лиза несчастна. Мужъ!.. мужъ долженъ быть во всемъ, во всемъ выше жены!.. Она должна итти за нимъ, какъ съ завязанными глазами... А Лиза?! Къ ней приходитъ пьяный мужъ, и... на другой день просить опохмелиться...

До нашего города мы еще ѣхали двое сутокъ. Дорога была ровная, гладкая; лошади были прекрасныя, ямщики лихіе. Отъ крыльца станціи мы отлетали въ карьеръ и неслись такъ по всей деревнѣ; за околицей ямщикъ всегда останавливался, спрыгивалъ съ козелъ, ровнялъ постромки, охорашивалъ коренную и опять скакалъ, помахивая кнутомъ и покрикивая на лошадей. Какъ весело было проснуться на зарѣ оттого, что тарантасъ совсѣмъ нагнулся на бокъ: это его подмазываютъ, сняли колесо и подставили дугу; ямщики кругомъ острятъ и перебраниваются, а въ свѣжемъ утреннемъ воздухѣ сильно пахнеть дегтемъ

Наконецъ послѣдняя станція. Вотъ и Волга. Туманъ ранняго утра закуталъ мой родной городъ; только высоко блестятъ надъ туманомъ золотые церковныя кресты. На дощаникѣ много бабъ съ кузовками ежевики, нашей самой поздней ягоды; Прасковья съ ними бесѣдуетъ. Солидный Андрей охраняетъ распряженный тарантасъ. Ямщикъ стоитъ на самомъ борту передъ своей тройкой, поглаживая холку коренной: она безпокойно перебираетъ ногами и поводитъ ушами. Вотъ столкнулись съ пристанью; я сбѣжала на берегъ, и мои ноги засыпались горячимъ, глубокимъ пескомъ. Лихо помчались мы на крутую, немощеную, изрытую гору мимо публичнаго сада; вотъ и городъ съ деревянными домами и домиками вдоль немощеныхъ улицъ; вотъ и лучшее мѣсто города, вотъ и нашъ домъ.

Встрѣтилъ насъ Вавила.

— Что папенька?—крикнула я ему, подъѣзжая.

— Слава Богу, барышня, ничего!.. Еще всѣ почиваютъ.

Я обняла и поцѣловала его, плакала и благодарила за услуги папенькѣ.

— Что вы! что вы, барышня! за что это мнѣ... Ужъ барыня и такъ меня наградили... За меня Дуныша идетъ! Счастливіе меня человекъа пѣтъ!..

— Ты еще прежде попробуй, попробуй своего счастья-то! Может, и не обрадуешься!—смѣялась ему веселая, разбитная Дуняша, здороваясь со мной и отряхая съ меня дорожную пыль.

Сбѣжалась вся наша дворян; вотъ и няня... и плачетъ, и задохнулась, и обнимаетъ меня.

— Какая выросла, голубка моя!.. И все-то на чужихъ рукахъ... и все безъ меня...

А вотъ и маменька... Посѣдѣла, похудѣла... но какое счастливое лицо!.. Какъ крѣпко обняла меня...

— Не плачь... не плачь...—говорила она:—что за глупая привычка плакать съ радости. Пойдемъ къ папенькѣ... онъ услышалъ, ждетъ тебя. Ужъ его-то не расстраивай, будь веселѣе... Соня говорила тебѣ?

Я приготовилась къ тому, что папенька ходитъ съ клюкой, говорить медленно, что рука ему не повинуется; но никто мнѣ не сказалъ, что его смѣлый, живой взглядъ сдѣлался робкимъ и жалкимъ, что у него теперь взглядъ замученнаго въ клѣткѣ орла... Когда я вошла къ нему и глаза наши встрѣтились, я не знала, что мнѣ дѣлать, какъ удержаться отъ слезъ; не помню, что онъ говорилъ, что я отвѣчала, цѣлуя ему руки и не поднимая на него глазъ.

— Поди къ себѣ, отдохни; ты устала съ дороги; да и я еще не совсѣмъ готовъ,—сказалъ онъ мнѣ.

И потомъ каждый день онъ все отсылалъ меня отъ себя. Поговоришь со мной немного и ласково меня выпроваживаетъ: «Поди читай», или «играй, музыку забудешь», или «поди къ себѣ, мнѣ надо съ матерью поговорить». Мы съ нимъ не искусно притворялись: онъ думалъ, что мнѣ непріятенъ его больной видъ; я думала, что онъ отвыкъ отъ меня и я ему не нужна. Оба мы мучились и стонились другъ отъ друга...

Мнѣ, какъ и горничной Луизѣ, показалось все у насъ просто и не довольно велико послѣ губернаторскаго дома и грачевскихъ палатъ, а можетъ быть, и потому, что сама я выросла; но какъ все это было мнѣ дорого и какъ мнѣ тутъ было хорошо... Маменька только нѣсколько дней какъ приѣхала, а ужъ заботливо убрала мою комнату. На письменномъ столикѣ, на туалетѣ стояли разныя бездѣлушки, привезенныя изъ-за границы: гранатныя, аметистовыя вещицы съ водъ, раковины съ моря; и всѣ мои старыя вещи были на прежнихъ мѣстахъ.

II.

Соня отдала мнѣ всѣ свои дѣвичьи бальные платья и восхитительные костюмы, въ которыхъ она блистала на тетушкиныхъ балахъ *parés et costumés*, но написала маменькѣ, что мнѣ еще рано выѣзжать, что я еще совсѣмъ ребенокъ. Тоже и тетушка совѣтовала не вывозить меня до восемнадцати лѣтъ: тогда, если Нелли

выйдетъ замужъ, она возьметъ меня къ себѣ и займется мной. Маменька соглашалась съ ними, а я и не думала о выѣздахъ, такъ хорошо жилось мнѣ въ родномъ домѣ съ моими книгами. У меня были Пушкинъ, Жуковскій, маменька получала журналы и давала мнѣ читать нѣкоторыя вещи, сама я привезла запасъ англійскихъ книгъ.

Весь мой день былъ занятъ: утромъ послѣ чая мы катались съ папенькой и всегда за городомъ; часто тамъ мы останавливались передъ вѣтряной мельницей старика-француза Виктора: онъ не пожелалъ возвратиться на родину послѣ плѣна 1812-го года. Встрѣчалъ онъ насъ всегда восторженно, бросая шапку вверхъ, и горячо привѣтствовалъ на своемъ родномъ языкѣ, который, къ удивленію, не забылъ. Возвратясь, я иногда занималась маменькиной корреспонденціей, очень оригинальной. Съ ранняго дѣтства я помню, что къ ней приходили какія-то заплаканныя женщины, молодыя и старыя. Ожидали онѣ ея приѣма въ дѣвичьей и тамъ плакали и разговаривали. Маменька принимала ихъ по очереди въ няинной комнатѣ. Теперь она не могла отдавать имъ много времени и посвятила меня въ ихъ дѣла. Въ прямое сношеніе съ своими клиентками она меня не допускала, но я вела ея переписку по ихъ дѣламъ. Писали мы къ Адриану Григорьевичу, чтобы онъ съѣздилъ къ больному и усовѣстилъ его, онъ боленъ отъ пьянства, а женѣ и дѣтямъ ѣсть нечего. Писали къ знакомымъ крупнымъ чиновникамъ, чтобы они отдавали жалованье не своимъ писарямъ, а ихъ женамъ. Писали къ мужьямъ, что если они будутъ продолжать вести недостойную жизнь, объ этомъ узнаетъ ихъ начальство. Я писала, маменька подписывала, няня разносила письма съ устными просьбами и приказаніями, чиновники исполняли просьбы, а мужья покорялись. Одинъ разъ мы даже вмѣшались въ дѣло между старообрядцами и нашимъ почтеннымъ духовникомъ, отцомъ протопопомъ объ опечатаніи старообрядческой часовни, но ужъ не письменно: маменька послала меня съ няней къ отцу протопопу; мы съ нимъ бесѣдовали вдвоемъ, затворившись въ ихъ гостиной, потомъ пришла матушка-протопопица и принесла намъ чаю съ сотovýmъ медомъ. Потомъ отецъ протопопъ игралъ мнѣ на гусяхъ, и часовню не опечатали.

Такъ прожили мы до ноября, а тутъ все пошло совсѣмъ другое. Начали съѣзжаться въ городъ помѣщики, ихъ дамы желали меня видѣть, такъ что я много времени проводила въ гостиной. Тутъ пріѣхалъ въ отпускъ Николенька Головинъ; я ему очень обрадовалась, но встрѣтила церемонно, вспоминая слова Мити, что мы его ловко забираемъ. Потомъ узнали мы интересную новость. Юленька Барычева помолвлена за Алешу Волкова. Я его тоже знала мальчикомъ, онъ часто приходилъ къ намъ съ Николенькой, былъ старше его и потому важничалъ и не игралъ съ нами, а бралъ

книгу, но всегда присутствовалъ на нашихъ играхъ. Только онъ не могъ выдержать, когда играли въ коршуна и няня была маткой. Для этой игры насъ подпоясывали крестьянскими поясками, мы за нихъ держались другъ за друга, иначе у дѣвочекъ были бы оторваны юбочки отъ лифвовъ, да и курточки мальчиковъ могли бы пострадать, потому что мы играли горячо. Няня, подпоясавшись полотенцемъ, подобравши по росту и сѣпивши свой длинный, волнующійся и шумный хвостъ, въ концѣ котораго была я, обращалась всегда къ Алешѣ, приглашая его въ коршуны. Весь хвостъ такъ умолялъ его, что Алеша не выдерживалъ, клалъ книгу и садился на землю рыть ямочку. Тутъ между маткой и коршуномъ начинался діалогъ.

Матка. Коршунъ, коршунъ, что ты дѣлаешь?—Коршунъ. Ямочку рою.—Зачѣмъ тебѣ ямочка?—Иголочку купить.—Зачѣмъ тебѣ иголочка?—Мѣшечекъ сшить.—Зачѣмъ тебѣ мѣшечекъ?—Камешки класть.—Зачѣмъ тебѣ камешки?—Въ твоихъ дѣтей шуркать, буркать.

Послѣ этихъ послѣднихъ таинственныхъ словъ, можетъ быть, чувашскихъ, мордовскихъ, татарскихъ или разинскихъ, я ужъ не слышу продолженія діалога, а визжу, потому что коршунъ всталъ и нападеніе сейчасъ начнется. Няня за мой визгъ безжалостно выдавала меня коршуну; но и въ плѣну, слѣдя за коршуномъ, который бросался во всѣ стороны, стараюсь ухватить крайняго птенца, въ то время, какъ няня, широко разведя руки, защищала ихъ, а хвостъ съ крикомъ извивался, прячась за матку, я все такъ визжала отъ страха и восторга, что маменька рѣдко позволяла намъ эту игру.

И вотъ теперь этотъ Алеша, ловкій хищникъ, женихъ Юленьки. Она прошлую зиму вышла изъ института: онъ кончилъ университетъ и получилъ здѣсь мѣсто въ какой-то палатѣ. Помолвка ихъ была въ деревнѣ, а свадьба будетъ въ городѣ; ужъ у нихъ нанята квартира и ихъ скоро ждутъ.

Когда мы увидались съ Юленькой, то обѣ нашли, что и послѣ семи лѣтъ, прожитыхъ врозь, мы остались съ ней друзьями. Барычева привезла ее къ намъ съ женихомъ. Алеша былъ съ маленькой бородкой, что было большой новостью и очень къ нему шло. Свадьба ихъ будетъ въ началѣ января. Юленька съ перваго визита начала просить маменьку, чтобы я была на ея свадебныхъ балахъ. Маменька отговаривалась тогда Юленька стала просить папеньку, и онъ рѣшилъ въ нашу пользу.

— Ты, матушка, сама пятнадцати лѣтъ замужъ вышла, а шестнадцатилѣтней дочери не позволяешь у подруги на свадьбѣ потанцовать? Нѣтъ, ужъ мы съ Мирой на это не согласны,—сказалъ онъ, смѣясь.

Но я попала на балъ раньше Юленькиной свадьбы. Возвращались мимо насъ изъ Петербурга казаки на Уралъ. Городъ началъ

ихъ чувствовать, предводитель давалъ для нихъ вечеръ съ танцами. Жена его пріѣхала приглашать маменьку и очень просила взять и меня. Такъ какъ было рѣшено, что я буду на свадьбѣ у Юленьки, то маменька согласилась начать съ этого вечера мои выѣзды. Я съ восторгомъ одѣвалась на этотъ балъ. Я любила красивые наряды, а маменька съ Дуняшей сдѣлали мнѣ такое прелестное платье изъ Сониныхъ обносковъ, какъ смѣясь говорила маменька, что я долго повертывалась передъ зеркаломъ и любовалась имъ.

— И не боишься ты ѣхать въ первый разъ на балъ?—спросила меня маменька.

— Чего же мнѣ бояться... Тутъ все знакомые... танцовать буду съ Николенькой Головинымъ да съ Алешей Волковымъ.

— Не все будешь танцовать со старыми знакомыми, теперь здѣсь много пріѣзжей молодежи.

— Мнѣ кажется, что я теперь никого не боюсь,—сказала я, воображая передъ собой цѣлую толпу незнакомыхъ кавалеровъ.

И я ничего не боялась. Только немного захватило мнѣ духъ отъ радости, когда я во время вальса вошла въ свѣтлый залъ, полный танцующими парами. Игралъ ступиловскій оркестръ, и едва я поздоровалась съ хозяйкой, какъ уже летѣла въ вальсъ съ Николенькой. Танцовалъ онъ отлично, и все кругомъ было оживленно. Въ самый разгаръ бала маменька позвала меня и представила мнѣ пожилаго, маленькаго, широкоплечаго, увѣшаннаго орденами полковника. Онъ подошелъ ко мнѣ къ ручкѣ, что было очень неудобно, потому что я должна была снимать убранную лентами бальную перчатку, которая была мнѣ узка.

— Полковникъ былъ у насъ шесть лѣтъ тому назадъ и помнитъ тебя дѣвочкой,—сказала маменька.—Полковникъ очень желаетъ видѣть папеньку и заѣдетъ къ намъ завтра.

Я сказала полковнику, что папенька, навѣрное, будетъ очень радъ, и принялась натягивать перчатку, потому что меня ужъ ждалъ мой кавалеръ. Одну изъ кадрилей я танцевала съ очень юнымъ пріѣзжимъ казакомъ. Только что мы сѣли, какъ полковникъ подошелъ и сталъ за стуломъ у моего кавалера. Тотъ тотчасъ же уступилъ ему свое мѣсто. Полковникъ сѣлъ подлѣ меня, пріятно улыбаясь, сдѣлалъ какое-то замѣчаніе о балѣ и замолчалъ. Моя свѣтская Соня учила меня быть любезной, я придумывала, о чемъ бы съ нимъ говорить, и вспомнила, что недавно слышала о рыбной ловлѣ на Уралѣ. Садясь на свое мѣсто послѣ какой-то фигуры, я спросила его, участвовалъ ли онъ когда-нибудь въ рыбной ловлѣ за осетрами.

— Любимое мое занятіе, Миропія Васильевна, страсть моя!—горячо заговорилъ полковникъ и на мои два-три вопроса началъ живо и интересно рассказывать разныя свои приключенія на Уралѣ, обращаясь безпрестанно за подтвержденіемъ къ моему кавалеру.

— Что, Мирановъ! Вѣдь такъ было?

Кадриль кончилась, а они все еще мнѣ рассказывали, и ужъ только Юленька догадалась меня выручить. Когда мы уѣзжали, полковникъ опять заставилъ меня снять перчатку и заявилъ, что завтра у насъ будетъ.

Онъ пріѣхалъ утромъ, но папенькѣ нездоровилось, и онъ не хотѣлъ никого видѣть. Маменька очень извинялась передъ полковникомъ и, прощаясь, пожелала ему счастливаго пути; но онъ попросилъ у ней позволенія пріѣхать вечеромъ, что, можетъ быть, тогда Василий Андреичъ пожелаетъ его видѣть. Маменька нѣсколько смугилась, но пригласила его.

Маменька принимала всѣхъ утромъ и проводила иногда гостей къ папенькѣ, когда ему было хорошо, а вечеромъ иногда собиралась у насъ самая близкая молодежь, и то только по приглашенію. Матери моихъ подругъ привозили ихъ къ намъ и уѣзжали, чтобы не стѣснять маменьку; всѣ знали, какъ она нужна своему больному. Въ этотъ вечеръ къ намъ должны были пріѣхать Юленька, ея женихъ, двѣ мои пріятельницы съ братьями и Николенька. Когда съѣхалась моя молодежь, мы сѣли съ Николенькой играть въ четыре руки, а остальная компанія ходила по залу и разговаривала, какъ дверь изъ передней отворилась и вошелъ полковникъ. Я оставила музыку и пошла съ нимъ въ гостиную. Онъ похвалилъ нашъ городъ, я похвалила нашу Волгу, и только что хотѣла перейти на Уралъ, какъ пришла маменька, извиняясь, что папенька и теперь не можетъ принять его. Я осталась въ гостиной, ожидая, что полковникъ сейчасъ уѣдетъ, но онъ такъ прочно усѣлся и съ такой пріятной улыбкой началъ опять говорить о нашемъ городѣ и о любезности его жителей, что я пошла къ моимъ гостямъ. Всѣ мы знали другъ друга съ дѣтства и были такъ близки, что разговоръ и смѣхъ такъ и звенѣлъ у насъ. Мы затѣяли *petis jeux*, которые сами и придумывали. Николенька, на примѣръ, увѣрялъ, что онъ такъ хорошо изучилъ всѣхъ насъ, всѣ наши приемы, что съ завязанными глазами угадаетъ, кто изъ насъ обяжетъ ему руку платкомъ. Только что у насъ началась эта интересная игра, какъ маменька вывела къ намъ въ залъ полковника.

— Мирочка, вотъ полковникъ очень заинтересовался, отчего у васъ такой постоянный смѣхъ, и желаетъ посмотреть на вашу игру. А я схожу къ папенькѣ,—сказала она мнѣ тихо.

Я пригласила полковника сѣсть и объяснила ему, въ чемъ дѣло. Онъ съ большимъ интересомъ слѣдилъ за игрой, которая очень насъ забавляла, потому что всѣ, кромѣ меня, нѣсколько разъ завязывали Николенькѣ на рукѣ платокъ, а онъ еще ни разу не угадалъ, и Алеша выкрикивалъ ему это съ большимъ злорадствомъ. Подошла и я, завязала, и онъ угадалъ. Я черезъ нѣсколько времени подошла съ другой стороны, завязала другимъ манеромъ, и онъ опять угадалъ.

— Позвольте и мнѣ попробовать угадать,— подошелъ къ намъ съ просьбой полковникъ.

Видно было, что всѣмъ показалось странно его желаніе участвовать въ этой игрѣ, но его очень любезно пригласили сѣсть среди зала, на мѣстѣ Николенъки, и Алеша старательно завязалъ ему глаза. Но тутъ все мое общество точно съ ума сошло: Юленька задыхалась въ беззвучномъ смѣхѣ, показывая обѣими руками на комическую фигуру полковника; Алеша стоялъ передъ ней, сложивши руки, какъ на молитву, и безмолвно умолялъ ее перестать; всѣ другіе тоже смѣялись; а полковникъ съ завязанными глазами и съ блаженной улыбкой ожидалъ начала игры. Пантомима была уморительная; но я, какъ хозяйка, сдерживая смѣхъ, подошла и обвязала ему руку.

— Миропія Васильевна!—прокричалъ онъ и, когда ему сказали, что онъ угадалъ, сдернулъ съ глазъ повязку.

— А нами, полковникъ, вы не интересуетесь, и еще угадывать не хотите?—подлетѣла къ нему съ вопросомъ Юленька.

— Нѣтъ, благодарю васъ! Сразу угадалъ и совершенно счастливъ!—отвѣчалъ ей полковникъ, чрезвычайно довольный.

Мнѣ было досадно на мою молодежь за насмѣшки надъ нашимъ гостемъ, и я, чтобы ихъ наказать, оставила игру и начала опять разговаривать съ полковникомъ о рыбной ловлѣ. Онъ и теперь рассказывалъ очень интересно. Николенъка тоже сѣлъ около насъ и слушалъ. Пришла маменька, и полковникъ пошелъ съ ней въ гостиную; подали ужинъ, и онъ съ нами ужиналъ, а на другой день пріѣхалъ и сдѣлалъ мнѣ предложеніе.

Можетъ быть, потому, что это былъ мой первый женихъ, маменька такъ торжественно объявила мнѣ объ этомъ, что я расхохоталась: мнѣ пришло въ голову, какъ будетъ забавляться всѣмъ этимъ Юленька.

— Такой почтенный, заслуженный человѣкъ дѣлаетъ такую честь тебя, совершенной дѣвчонкѣ, и ты смѣешь хохотать...

— Мамамочка,—сказала я, очень пристыженная:—но вѣдь тутъ нѣтъ ничего серьезнаго, а только очень странно. .

— Почему же тутъ нѣтъ ничего серьезнаго?.. Можетъ быть, потому, что онъ старше тебя!.. Такъ и слава Богу!.. Ты такая несдержанная, что тебѣ непременно нуженъ опытный мужъ...

— Мамамочка, милая, выслушайте и не сердитесь!.. Какой же онъ опытный мужъ, если хочетъ жениться на мнѣ, когда видѣлъ меня два раза, и мы съ нимъ только и говорили, что объ осетрахъ!

— Разумѣется, онъ, какъ степенный человѣкъ, не могъ болтать тебѣ разнаго вздору, къ которому ты, къ сожалѣнію, очень привыкла за послѣднее время,—сказала строго маменька.—И ты должна еще знать, что молодая дѣвушка, которой дѣлаютъ такую честь, что предлагаютъ ей прожить вмѣстѣ всю жизнь, должна подумать объ этомъ предложеніи прежде, чѣмъ отъ него отказаться.

— Я даже совсѣмъ не знаю, какъ мнѣ объ этомъ думать, маменька... Вѣдь не выйду же я за него, въ самомъ дѣлѣ, чтобы ловить съ нимъ всю жизнь рыбу на Уралѣ... А больше мнѣ съ нимъ совсѣмъ нечего дѣлать... И потомъ мнѣ очень обидно, маменька,—сказала я, кусая губы, чтобы не заплакать:—что я такъ надоѣла вамъ въ эти три мѣсяца, что вы готовы отдать меня замужъ за перваго проѣзжаго казака!

— Я и не думала выдавать тебя за него, а только хочу, чтобы ты знала, что предложеніе хорошаго человѣка дѣлаетъ честь молодой дѣвушкѣ. И еще скажу, что мужчинѣ не легко свататься... Полковникъ былъ разъ двадцать въ бою; съ шестью казаками отъ сотни хивинцевъ отбился; а какъ говорилъ со мной, у него голось такъ дрожалъ, что мнѣ его жалко было. Надо все хорошенько обдумать, чтобы не обидѣть его отказомъ...

— Онъ и не обидится, маменька, а будетъ по дорогѣ въ каждомъ городѣ разговаривать съ дѣвками о рыбной ловлѣ и дѣлать имъ предложеніе.

— Мнѣ очень не нравится, что ты теперь все какъ-то рѣшаешь очень самоувѣренно. Соня и особенно эти ваши кузены, которые тамъ шалопайничаютъ по своимъ деревнямъ, совершенно тебя избаловали!

— Мамоchка, милая, только одно слово позвольте сказать! Что бы съ вами было, если бъ я вамъ сказала, что съ радостью выхожу за этого полковника, завтра бы съ нимъ обвѣнчалась, уѣхала бы съ нимъ догонять его полкъ и разсталась бы съ вами навсегда... Неужели бы вы радовались, а не пожалѣли обо мнѣ, несчастной...

И, вообразивши, что я ѣду куда-то съ этимъ полковникомъ и буду ѣздить съ нимъ всю жизнь, я такъ расплакалась, что маменька обняла меня, цѣловала, вытирала мнѣ глаза, сама плакала и говорила, что никогда не будетъ настаивать, чтобы я вышла за того или за другого.

И вотъ, послѣ этого происшествія маменькѣ пришлось убѣдиться, что ужъ я совсѣмъ большая.

III.

Возвратилась изъ-за границы Александра Петровна и привезла извѣстіе еще объ одной свадьбѣ: Анята Ступилова вышла замужъ за *attaché d'ambassade* ¹⁾, отъ котораго очень много ждуть въ будущемъ.

— Мы долго прожили въ Берлинѣ,—разсказывала Александра Петровна:—чтобы не попасть въ Петербургъ къ свадьбѣ Аняты. Тамъ все была знать, а мы съ Митей совсѣмъ провинціалы. Мы и

¹⁾ Причисленный къ посольству.

пріѣхали въ Петербургъ, когда всѣ праздники кончились, а молодые уѣхали на свой постъ. И Андрея Кириллыча не видали: онъ гдѣ-то охотится съ своими знатными друзьями.

Съ пріѣздомъ Александры Петровны все пошло для меня еще веселѣе: она любила собирать около себя молодежь, и маменька отпускала меня къ ней одну. Алеша Волковъ приходился Ступиловымъ какимъ-то племянникомъ, и Юленька заранѣе начала звать ихъ тетушкой и дядюшкой. У Дмитрія Кириллыча былъ свой кварталъ съ прекраснымъ скрипачомъ Никитой, и когда мы къ нимъ собирались, по нашему желанію являлась музыка. Сколько веселыхъ святочныхъ вечеровъ провели мы въ этомъ прелестномъ залѣ, который я съ дѣтства такъ любила!.. А тутъ незамѣтно подошелъ канунъ Юленькиной свадьбы и ея дѣвичій балъ.

Маменька велѣла съ утра принести въ мою комнату мое бальное платье, чтобы я налюбовалась на него. Петръ сшилъ мнѣ бѣлыя атласныя ботинки, и онъ мнѣ впору. Въ моемъ туалетѣ лежатъ двѣ прелестныя вѣточки volubilis: мнѣ надѣнуть цвѣты!.. Вотъ ужъ я одѣта. Маменька прикалываетъ мнѣ одну вѣточку къ волосамъ, другую къ поясу и ласково говоритъ:

— Не танцуй, пожалуйста, галопа: это черезчуръ живой танецъ... Молода ты еще... очень увлекаешься...

А я его такъ любила!..

Юленька заранѣе рѣшила, что мы откроемъ балъ вальсомъ въ двѣ пары: впереди женихъ и невѣста, а за ними подруга невѣсты и ея шаферъ, то есть я и Николенька. Насъ просили пріѣхать пораньше, но уже залъ благороднаго собранія, гдѣ былъ назначенъ балъ, совсѣмъ былъ полонъ, когда мы вошли. Юленька увела меня во внутреннія комнаты, и при первыхъ звукахъ вальса мы вылетѣли въ залъ. Послѣ нѣсколькихъ туровъ я попросила Николеньку остановиться подлѣ маменьки. Онъ быстро повернулъ меня и остановилъ прямо передъ ней, такъ что оборки моего платья пролетѣли по колѣнамъ какого-то господина, который сидѣлъ подлѣ нея. Онъ всталъ и подвинулъ мнѣ свой стулъ. Я подняла глаза, чтобы его поблагодарить, и узнала Андрея Кириллыча Ступилова. Онъ какъ-то странно смотрѣлъ на меня, забывая поклониться.

— Узнаете вы мою меньшую дочь, Андрей Кириллычъ?—спросила его маменька.

— Да, я сейчасъ узналъ Миропію Васильевну, хотя она очень измѣнилась... А вы меня вспомнили?—обратился онъ ко мнѣ.

— Я никогда не забывала васъ,—сказала я, радуясь, что опять вижу этого человѣка, къ которому олицетворяла всѣхъ своихъ героевъ.

Меня ужъ приглашали на вальсъ, и я долго переходила отъ одного кавалера къ другому. По нашей программѣ танцы должны были быстро слѣдовать одинъ за другимъ. Первую кадрили я танцевала съ Николенькой.

— Когда приѣхалъ Андрей Кириллычъ?—спросила я его.

— Да, кажется, сегодня прямо къ вечеру. Вѣдь его Алеша приглашалъ въ посаженные отцы.

— Надолго онъ приѣхалъ?

— Я думаю, онъ самъ не знаетъ,—сказалъ смѣясь Николенька. — Онъ любитъ Ступиловку и всегда возвращается въ нее съ разныхъ концовъ свѣта.

— Какъ, должно быть, весело путешествовать,—сказала я, и вдругъ живо вспомнила портретъ жены Ступилова подъ южнымъ небомъ.—Какъ бы я хотѣла видѣть Италію!..

Николенька ужасно покраснѣлъ и хотѣлъ что-то сказать, но начался очень живой grand rond, и намъ было не до разговоровъ. Послѣ кадрили я пошла къ маменькѣ; она ужъ была въ гостиной за карточнымъ столомъ. Въ дверяхъ зала стоялъ Андрей Кириллычъ.

— Вы, кажется, очень любите танцевать,—сказалъ онъ, входя со мной въ гостиную.

— Ужасно!.. И сейчасъ буду за это наказана,—сказала я смѣясь.—Маменька не позволяетъ мнѣ больше танцевать галошъ; я буду стоять у ней за стуломъ, а она будетъ отказывать моимъ кавалерамъ.

— Вы мнѣ позволите остаться съ вами и послушать, что будетъ имъ говорить Анѣиса Дмитриевна. Вѣдь не скажетъ же она имъ просто, что вы наказаны.

Я весело засмѣялась.

— О, маменька не выдастъ меня! Я не спрашивала, что она будетъ имъ говорить, но знаю, что и въ этомъ будетъ виновата моя молодость! Если бъ вы знали, сколько интереснаго меня лишаютъ за то, что я молода!

Къ маменькѣ подошелъ нашъ старичокъ-губернаторъ съ двумя незнакомыми молодыми людьми: одинъ былъ гвардеецъ, другой статскій. Губернаторъ представилъ ихъ маменькѣ и мнѣ, какъ своихъ племянниковъ Винтовскихъ. Ко мнѣ онъ всегда обращался съ изысканными любезностями и комплиментами, но теперь очень сократилъ ихъ и занялся Андреемъ Кириллычемъ. Молодые люди приглашали меня на кадрили, но у меня ужъ всѣ были разобраны. Говорили они по-французски съ такимъ изящнымъ выговоромъ, какъ Деляплатьеръ. Заиграли галошъ, и статскій пригласилъ меня.

— Я не танцую галоша,—сказала я, краснѣя.

— Она проговала танцевать, но это очень ее утомляетъ,—сказала маменька.—Всѣ другіе танцы я ей позволяю, а для этого она еще очень молода...

Андрей Кириллычъ что-то серьезно разговаривалъ съ губернаторомъ, но при этихъ словахъ маменьки глаза наши встрѣтились, и онъ выразительно поднялъ брови. Потомъ онъ пошелъ съ губернаторомъ къ разговаривающимъ въ дверяхъ мужчинамъ, оставилъ его

тамъ и возвратился ко мнѣ. Мы стали съ нимъ ходить, разговаривая, по гостиной.

— Знаете ли, Миропія Васильевна, что вы меня вывели изъ затруднительнаго положенія: я, какъ родственникъ, участвую въ этой свадьбѣ и мнѣ непременно надо дать балъ молодымъ. Вы навели меня на прекрасную мысль: что, если бъ я остановился на *bal costumé*?

— Ахъ, какъ хорошо!—сказала я.

— Вѣдь у меня въ Ступиловкѣ большой, прекрасный залъ...

Тутъ у меня невольно вырвалось минорное «а... а!» потому что въ Ступиловку я бы никакъ не могла попасть.

Онъ остановился, думая, вѣроятно, что я хочу что-нибудь сказать, потомъ продолжалъ:

— Но Ступиловка сорокъ верстъ отъ города, многимъ это будетъ неудобно, не правда ли?

— Да, да!..—обрадовался я.

— Но вѣдь и этотъ залъ недурень, если его хорошо убрать...

Къ намъ подходили Алеша съ невѣстой и Николенька.

— Не выдавайте еще нашего плана, намъ надо съ вами хорошенько его обдумать,—сказалъ Ступиловъ.

— Не знаемъ, что дѣлать съ княжнами,—заговорила Юленька.— Приѣхали поздно, у всѣхъ ужъ есть дамы на весь вечеръ...

Она говорила о недавно приѣхавшихъ въ городъ княжнахъ Тунгусовыхъ.

— А эти молодые люди, Винтовскіе?—сказала я Алешѣ:—у нихъ, я думаю, нѣтъ заранѣе приглашенныхъ дамъ?

— Они говорятъ: «съ *m-lle Volotskoï* хотимъ танцевать, а съ княжнами не хотимъ», сказалъ Алеша, передразнивая, какъ Винтовскіе на французскій ладъ произносятъ мою фамилію.

— Эти молодые люди напоминаютъ мнѣ Михайловскій театръ и водевили Скриба,—сказалъ Ступиловъ:—у него всегда два *jeunes premiers*¹⁾: одинъ статскій, другой военный; одинъ завить и горячъ, другой коротко обстриженъ и серьезень; это разнообразіе нравится публикѣ. И французскій языкъ у этихъ молодыхъ людей совсѣмъ изъ Михайловскаго...

— Такъ поди, братецъ,—сказалъ Алеша Николенькѣ:—ты самъ у насъ французъ, уговаривай танцевать скрибовскихъ *jeunes premiers*.

Такъ это прозвище за ними и осталось.

Танцы быстро смѣнялись, но все-таки, когда я приходила къ маменькѣ въ гостиную, я успѣла рассказать Ступилову разныя подробности тетушкинаго бала, и онъ надѣялся все такъ же хорошо устроить.

¹⁾ Первые любовники.

— Только вот чего у васъ не можетъ быть,—сказала я ему, подходя къ двери на террасу, освѣщенную луной и засыпанную снѣгомъ.—Гдѣ здѣсь терраса, у тетушки большая комната, въ ней былъ устроенъ буфетъ, весь въ зелени. Очень жаль, что здѣсь негдѣ этого сдѣлать...

— Мы все-таки постараемся,—сказалъ онъ.

Ужинъ былъ очень веселый. Кромѣ большого, длиннаго стола, были еще маленькіе столики, *partie carrée* ¹⁾. Мы сидѣли въ томъ же составѣ, какъ открывали балъ; только Ступиловъ, который никогда не ужиналъ, попросилъ позволенія подсѣсть къ намъ пятымъ, чтобы хорошенько познакомиться съ своей новой племянницей. Юленька звала его дядюшкой, и они начали говорить о Петербургѣ, объ ея институтѣ.

Ужинъ кончился, всѣ раскланивались и уѣзжали. Мы вышли въ одно время съ Ступиловымъ.

— Вы мнѣ позволите завтра быть у васъ?—спросилъ онъ маменьку, сажая насъ въ возокъ.

— Пожалуйста! Какъ Василій Андреичъ будетъ вамъ радъ,—сказала маменька.

IV.

На другой день Ступиловъ былъ у насъ, и пріѣзжали знакомиться Винтовскіе; а я съ утра уѣхала къ Юленькѣ, чтобы пробыть съ ней ея послѣдній дѣвичій день. У нихъ все было по тому же чину, какъ и на свадьбѣ сестеръ; только теперь я видѣла и обрядъ вѣнчанія. Церковь была полна. Отъ трапезы до алтаря стояла коридоромъ нарядная, оживленная толпа; налѣво отъ невѣсты дѣвицы въ своихъ мундирахъ—бѣлыхъ платьяхъ, а направо дамы и почетные мужчины. Городъ нашъ былъ статскій, мундиры были рѣдки, такъ что шафера, Николенька и гвардеецъ Винтовскій, очень выдѣлялись. Въ толпѣ статскихъ блестяла только одна звѣзда на черномъ фракѣ нашего старичка-губернатора. Юленька и Алеша стояли красивые и серьезные; пѣвчіе пѣли прекрасно. Все было такъ хорошо и торжественно, что мнѣ хотѣлось плакать; а кругомъ всѣ говорили и смѣялись. Когда послѣ обрученія нашъ строй спутался, я попала во второй рядъ и могла тамъ незамѣтно, если не плакать, такъ помолиться.

— Вы одна изъ всѣхъ ея подругъ молитесь за мою новую племянницу,—услыхала я за собой голосъ Андрея Кирилловича.

И онъ тоже разговариваетъ въ церкви!.. Мнѣ хотѣлось остановить его.

— Я думала, что мы всѣ здѣсь собраны, чтобы молиться за нихъ. Посмотрите на Юленьку и Алексѣя Петровича. Я не ожидала, что у

¹⁾ Столъ на четыре прибора,

нихъ можетъ быть такое серьезное выраженіе... Послушайте, что имъ читаютъ... Какъ имъ должно быть страшно... Вѣдь это на всю жизнь...

— *Quelles idées lugubres, m-He Volotskoï!.. Quand à moi, j'adore les poses, c'est si amusant!*¹⁾—весело заговорила меньшая княжна Тунгусова, и за мной начался игривый разговоръ: всѣ три княжны говорили со Ступиловымъ.

Обрядъ вѣнчанья кончился; всѣ поздравляли молодыхъ. Теперь лица у нихъ были веселыя и счастливыя. На паперти въ толпѣ мы опять сошлись съ Андреемъ Кириллычемъ.

— Какъ это ни странно, а вы были сегодня серьезнѣе насъ всѣхъ и дали намъ хорошій урокъ,—сказала онъ мнѣ.

— Маменька была бы этимъ очень довольна. А вы, кажется, находите, что мнѣ еще рано быть серьезной?—спросила я.

— Можетъ быть. Я такъ бы желала, чтобы вамъ всегда было весело.

И на другой день по его милости мнѣ было очень весело. За нашимъ утреннимъ чаемъ подали маменькѣ его пригласительные билеты, и она громко прочитала:

«Андрей Кирилловичъ Ступиловъ имѣетъ честь покорнѣйше просить васъ пожаловать къ нему на костюмированный балъ въ среду, 21-го января 185... года.

— Что это ему вздумалось,—сказала маменька.—Какъ всѣ будутъ недовольны. Шутка ли всѣмъ готовить костюмы... Особенно мужчинамъ...

Я почему-то только очень покраснѣла, а не сказала маменькѣ, что я нѣсколько виновата въ томъ балѣ. Должно быть, я тутъ начала терять мою дѣтскую откровенность.

Маменька рѣшила, что сдѣлаетъ мнѣ изъ Сонины костюма маркизы *bergère de Wateau*¹⁾. Тотчасъ же стали примѣривать, шить, кроить. Весь городъ встрепенулся. Когда пріѣхали къ намъ съ визитомъ молодые, только и разговора было, что объ этомъ балѣ. Юленька будетъ маркиза, Алеша маркизъ, но она уступитъ мнѣ его въ кавалеры, а у нея будетъ статскій Винтовскій, тоже маркизъ.

Все было такъ хорошо и весело, и вдругъ Николенька за меня посватался... Это было ужасно... Это было ужасно, потому что все испортило... Я обвиняла себѣ лентами посохъ пастушки, когда пришла Александра Петровна, что-то по секрету поговорила съ маменькой, потомъ они пошли къ папенькѣ и вызвали меня туда. Я пришла веселая съ моимъ разубраннымъ посошкомъ, чтобы показать его всѣмъ, и мнѣ объявили объ этомъ сватовствѣ. О полковникѣ я смѣялась, а тутъ заплакала.

¹⁾ Какія мрачныя мысли!.. Что до меня, я обожаю свадьбы... Это такъ весело!

¹⁾ Пастушка Вато.

— Какъ это могло прійти ему въ голову въ такое веселое время!.. Это ужасно!.. Я совсѣмъ, совсѣмъ не хочу выходить замужъ!.. Я еще молода для этого!—сказала я и засмѣялась сквозь слезы, что сама употребила въ дѣло мою молодость.—А ужъ онъ еще моложе меня... онъ гораздо моложе своихъ лѣтъ... И потомъ я не могу выйти за него, потому что росла съ нимъ вмѣстѣ... Я всегда знаю, что онъ будетъ говорить, что онъ будетъ дѣлать. Онъ всегда во всемъ будетъ меня слушаться... Что же это будетъ за мужъ!..

— Мнѣ кажется, матушка, всѣ мы теперь видимъ, что ей рано еще замужъ,—сказаль смѣясь папенька.

Но маменька и Александра Петровна думали иначе, и плохо было бы мнѣ, если бъ не папенька. Онъ очень серьезно сказаль Александрѣ Петровнѣ, что просить ее поблагодарить Николая Степановича, но что его дочь еще молода, и онъ не думаетъ выдавать ее такъ рано замужъ.

Все кончилось благополучно; только Юленька ужасно сердилась на меня: бранила, плакала, уговаривала.

— Неужели тебѣ не жаль его?.. Алеша говорить, что онъ просто убить... Уѣзжаетъ въ полкъ раньше отпуска. А какъ бы намъ было весело!.. Мы бы вмѣстѣ поѣхали въ Петербургъ!.. Знаешь, что я тебѣ скажу!.. Мнѣ кажется, я просто тебя возненавижу!.. Человѣкъ объ ней умираетъ, а она сидитъ и читаетъ свои глупые, длинные, скучные англійскіе романы!..

Послѣ всего этого я не весело одѣвалась на костюмированный балъ; но когда вошла туда, все забыла... Что это была за прелесть!..

Только потомъ мнѣ казалось, что я видѣла этотъ балъ во снѣ. Все было какое-то не настоящее: ярко освѣщенный залъ съ оживленной толпой въ пестрыхъ костюмахъ; гостиная вся въ зелени, точно широкая крытая аллея сада въ солнечный день; а тамъ, гдѣ была засыпанная снѣгомъ терраса, предестная комната... Въ ней столики, заставленные хрусталемъ, серебромъ, цвѣтами, фруктами. Тутъ индѣецъ срѣзываетъ ананасы, китаецъ предлагаетъ чай, итальянецъ—апельсины, сбитенщикъ вынимаетъ стаканы изъ своего пояса и наливаетъ оржать и лимонадъ.

Мы вошли туда съ своими кавалерами вслѣдъ за маменькой и Андреемъ Кириллычемъ. Она говорила съ нимъ, смѣялась, но неодобрительно покачивала головой. Кругомъ слышались отрывочныя фразы толпившихся тамъ гостей:

— Двойной полъ, войлокъ, ковры...

— И на стѣнахъ подъ обоями картонъ и войлокъ...

— Еще бы не тепло... двѣ желѣзныя печи...

— Это хоть бы и не для одного вечера. Отлично придумаль Андрей Кириллычъ.

А онъ весело спрашиваль маменьку:

— Me trouvez vous donc extravagant? ¹⁾

Все это какъ-то смущало меня... я боялась на него взглянуть, точно была въ чемъ-то виновата. И во время всего бала я сказала съ нимъ только нѣсколько словъ; онъ былъ занятъ своими гостями. Особенно была любезна съ нимъ княгиня Тунгусова. А меня усердно занимали Винтовскіе. Мнѣ было съ ними хорошо, они напоминали мнѣ Дубецкихъ. Только и тутъ было что-то не настоящее. Вспоминаю, что говорилъ о нихъ Андрей Кириллычъ, мнѣ казалось, что и я играю съ ними на французской сценѣ, и всѣ ихъ красивыя фразы и изящныя комплименты взяты изъ водевилей Скриба. Мнѣ было очень весело, только тоже не попрежнему, не по настоящему; точно чего-то недоставало. Можетъ быть, Николенки!..

Дня черезъ два послѣ бала, когда я была наверху, въ своей комнатѣ, въ домѣ поднялось необычное волненіе. Слышались радостныя привѣтствія и какой-то громкій, какъ будто знакомый мнѣ голосъ. Все это затихло за дверьми папенькинова кабинета: гость вошелъ туда.

— Знаешь, кого намъ Богъ послалъ? Петръ Александрычъ пріѣхалъ,—пришла сказать мнѣ няня.—Ужъ какъ баринъ ему обрадовался!

Я знала, что Силичъ долженъ былъ пріѣхать. Папенька самъ давно съ нимъ не переписывался, но все зналъ объ немъ отъ Андрея Кириллыча и говорилъ мнѣ, что Силичъ живетъ съ дядей безвыѣздно въ деревнѣ и Андрей Кириллычъ смѣется, что они тамъ новую религію сочиняютъ. Недавно дядя умеръ, и Силичъ пріѣдетъ къ Андрею Кириллычу.

Я очень желала видѣть его и теперь ждала нетерпѣливо, когда позовутъ меня внизъ. Но голосъ Силича послышался въ коридорѣ у лѣстницы: онъ самъ шелъ ко мнѣ.

— Нѣтъ, нѣтъ! я самъ пойду къ ней, къ моей маленькой Мирѣ. Я хочу поздороваться съ ней на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ мы съ ней прощались. Гдѣ же она, моя птичка!..

Я весело пошла къ нему навстрѣчу. Онъ былъ все такой же, все въ своемъ синемъ доломанѣ; блѣдный, худой, только усы стали еще длиннѣе.

— Я такъ рада, что вы пріѣхали,—казала я ему.—Только вы, кажется, меня не узнаете?..

— Я никакъ не ожидалъ... Простите меня... Я оставилъ васъ такую маленькую... Меня никто не предупредилъ... — говорилъ онъ сконфуженный, церемонно раскланиваясь.

— Неужели вы думали, что я такъ маленькая и осталась?—сказала я смѣясь.

¹⁾ Не находите ли вы, что я сумасбродъ?

— Да, Петръ Александровичъ, и она у меня высокая выросла. Я думала, она будетъ въ меня, а она вся въ Василя Андреича. Она у насъ очень больна была и послѣ болѣзни такъ вытянулась..

Маменька начала ему рассказывать о моей болѣзни. Потомъ они ушли внизъ, его требовалъ къ себѣ папенька. На другой день онъ уѣхалъ въ Ступиловку, но часто приѣзжалъ оттуда къ намъ. Папенька всегда былъ ему очень радъ. Со мной онъ былъ церемонно-вѣжливъ и, кажется, совсѣмъ забылъ, какіе мы съ нимъ были друзья въ мое дѣтство.

В. З. Головина.

(Продолженіе въ слѣдующей книжкѣ).

ПЕРВОЕ 25-ЛѢТІЕ МОИХЪ ЛИТЕРАТУРНЫХЪ МЫТАРСТВЪ ¹⁾.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

Первые годы моего сотрудничества въ «От. З.».—Очерки развитія русской мысли.—Некрасовъ издаетъ ихъ на свой счетъ.—Арестъ книги и тщетныя хлопоты о снятіи его.—Аудіенція у М. Н. Лонгинова.—Сожженіе книги.—Вступленіе въ число сотрудниковъ «Бирж. Вѣд.»—Столкновеніе съ Каировой.—Характеристика В. А. Полетики.—Мое сотрудничество въ «Бирж. Вѣд.»—Неожиданный разрывъ съ Полетикой.

I.

О ВСТУПЛЕНІЕМЪ моимъ въ «Отечественныя Записки» совершился полный переворотъ въ моей жизни. Такъ, въ 1868 году я переселился съ матушкой съ Петербургской стороны на Васильевскій островъ. Въмѣстѣ съ тѣмъ весь кругъ моего знакомства измѣнился. Правовѣды мало-по-малу разсѣялись. Топоровъ началъ понемножку правѣть. Къ «Отечественнымъ Запискамъ» онъ далеко уже не относился съ такимъ энтузіазмомъ, какъ къ «Современнику». Съ нѣкоторыми изъ сотрудниковъ ихъ, напримѣръ, съ Елисѣевыми, онъ даже разошелся. Въ свою очередь, и я пересталъ бывать у него, и лишь въ половинѣ 70-хъ годовъ разсѣялись всѣ тучки на горизонтѣ нашихъ отношеній, и снова началъ я посѣщать завѣтный чердачекъ его. Особенно памятны мнѣ завтраки, которыми онъ угощалъ меня и Михайловскаго, когда мы заходили къ нему по понедѣльникамъ по пути въ редакцію изъ Парголова, гдѣ мы жили на дачахъ. Топоровъ былъ въ то время уже женатъ, и его гостепрیم-

¹⁾ Окончаніе. См. «Историческій Вѣстникъ», т. СХІХ, стр. 809.

ная супруга, Анна Ивановна, угощала насъ божественными бѣфштексами.

Въ теченіе первыхъ трехъ лѣтъ сотрудничество мое въ «Отечественныхъ Запискахъ» было случайно, ограничиваясь тремя-четырьмя статейками въ годъ. Педагогія все еще преобладала въ моей жазни. Лишь по прекращеніи моего учительства въ 1871 и 1872 годахъ и полученіи опредѣленнаго жалованья сначала въ 75, а впослѣдствіи 150 рублей въ мѣсяць, я принялъ болѣе дѣятельное участіе въ журналѣ. Не ограничиваясь критическими статьями и рецензіями, я предпринялъ въ началѣ 70-хъ годовъ обширный трудъ въ видѣ «Очерковъ развитія прогрессивныхъ идей въ Россіи».

Трудъ этотъ возникъ у меня совершенно случайно. Въ это время среди насъ вращалась нѣкая барышня, Ек. Ал. Солодовникова. Барышня шустрая, весьма неглупая, хотя нѣсколько легкомысленная, она пользовалась общимъ расположеніемъ всего кружка «Отечественныхъ Записокъ». Принимая горячее участіе въ общественныхъ вопросахъ и особенно въ женскомъ движеніи, она за тѣяла какое-то чтеніе, не помню, въ чью-то пользу, и обратилась ко мнѣ съ просьбою принять участіе въ этомъ чтеніи и прочесть что-либо о Бѣлинскомъ. Я согласился и началъ подготавливаться къ чтенію. Но чтеніе почему-то не состоялось; между тѣмъ я такъ втянулся въ изученіе эпохи Бѣлинскаго, равно какъ и предшествующей, что не въ силахъ уже былъ оставить это дѣло, и мало-по-малу рамки моей работы такъ раздвинулись, что въ результатѣ получились обширные историко-литературные очерки въ тридцать печатныхъ листовъ. Очерки эти, вошедшіе впослѣдствіи въ собраніе моихъ сочиненій въ видѣ двухъ статей, озаглавленныхъ «Сорокъ лѣтъ русской критики» и «Три человѣка сороковыхъ годовъ», первоначально печатались въ «Отечественныхъ Запискахъ» съ 1870 по 1872 годъ, подъ заглавіемъ «Очерки умственнаго развитія русскаго общества». Печатаніе шло безпрепятственно за исключеніемъ главы о Герценѣ, которая была вырѣзана цензурой, при чемъ цензоръ обнадежилъ насъ, что вырѣзанная изъ журнала статья эта безпрепятственно пройдетъ въ отдѣльномъ изданіи. Но этотъ добрый совѣтъ не замедлилъ оказаться коварною западнею.

II.

Некрасову такъ понравились мои очерки, что по окончаніи ихъ онъ предложилъ мнѣ издать ихъ на его счетъ съ тѣмъ условіемъ, что по ликвидаціи расходовъ весь чистый барышъ будетъ принадлежать мнѣ. Изданіе печаталось въ типографіи Краевскаго. Въ него вошла злополучная статья о Герценѣ, и лишь въ концѣ книги Некрасовъ сдѣлалъ небольшія сокращенія, именно—выкинулъ тѣ страницы, въ которыхъ говорилось о выходкахъ Благосвѣтлова

на страницахъ прежнихъ «Отечественныхъ Записокъ» противъ «Современника». Посланная обычнымъ путемъ по отпечатаніи въ цензуру книга была задержана, и все изданіе опечатано.

Начались, конечно, хлопоты, но безуспѣшно. Въ то время во главѣ главнаго управленія по дѣламъ печати свирѣпствовалъ блаженной памяти М. Н. Лонгиновъ. Когда-то большой либераль, сотрудникъ «Современника», впервые заговорившій о такихъ запретныхъ писателяхъ, какъ Радицевъ и Новиковъ, и посвятившій имъ весьма цѣнные въ наукѣ изслѣдованія, онъ впоследствии, какъ всѣ ренегаты, сдѣлался болѣе роялистомъ, чѣмъ самъ король. Ни до него, ни послѣ него не было во главѣ цензуры такого жестокаго и безпощаднаго тирана. Всѣ его друзья мало-мальски либеральные отвернулись отъ него съ омерзениемъ, и даже самъ благодушный Тургеневъ не подаль ему руки, встрѣтя его въ какомъ-то собраніи.

Такъ вотъ въ руки такого по истинѣ злодѣя попала моя несчастная книга. Некрасовъ самъ не пошелъ хлопотать о ней, а предложилъ мнѣ сходить къ Лонгинову. То же совѣтовалъ мнѣ и дружественный нашему журналу цензоръ Петровъ. Петровъ представлялъ собою типъ исполненнаго служебнаго подобострастія чиновника и разсмѣшилъ меня во время разговора съ нимъ о посѣщеніи Лонгинова.

— Вы непременно должны сходить къ Михаилу Николаевичу, — сказалъ онъ мнѣ.

— Къ какому такому Михаилу Николаевичу?—спросилъ я его въ недоумѣніи, не зная, что такъ зовутъ Лонгинова.

— Какъ къ какому?—спросилъ онъ меня, въ свою очередь.— Вы не знаете имени и отчества вашего начальника?

— Какого начальника?—спросилъ я еще въ большемъ недоумѣніи.

— Господина начальника главнаго управленія по дѣламъ печати, его превосходительства Михаила Николаевича Лонгинова.

— Какой же онъ мой начальник? Этакъ всякаго городского, который вздумаетъ вести меня въ участокъ, я долженъ считать своимъ начальствомъ?

Почтенный старичокъ только пожалъ плечами и возвелъ очи горѣ въ ужасѣ отъ моего безначалія.

Предлогомъ моего посѣщенія Лонгинова служило то обстоятельство, что какъ разъ передъ запрещеніемъ моей книги вышелъ номеръ «Русской Старины», въ которой былъ помѣщенъ некрологъ Герцена съ изложеніемъ главныхъ фактовъ его жизни.

И вотъ, напаяливъ на себя все, что было у меня наиболѣе повенкаго и чистенькаго, являюсь я часу въ первомъ дня въ главное управленіе по дѣламъ печати. Меня вводятъ въ пріемную комнату—большой залъ, въ которомъ не имѣлось никакой мебели, кромѣ буковыхъ стульевъ по стѣнамъ. Съ четверть часа расхаживаю я

по залу въ полномъ одиночествѣ, какъ вдругъ дверь отверзлась и въ залѣ показалось чудовище.

Да, это было поистинѣ чудовище и въ физическомъ, и въ нравственномъ отношеніи: высокаго роста полный мужчина съ густою черною окладистою бородою, съ загнутою кверху головою, весь преисполненный высокомѣрнаго чиновничьяго чванства.

«Господи,—подумалъ я невольно, глядя на него:—тоже вѣдь былъ когда-то «братъ-писатель», былъ близокъ съ лучшими людьми своего времени, сотрудничалъ, шутка сказать, въ «Современникѣ»! И такъ низко пасть, до такой мерзости можетъ дойти человѣкъ!»

Остановившись шагахъ въ пяти отъ меня, не подавая мнѣ руки и не прося садиться, словомъ, съ полнымъ вельможнымъ невѣжествомъ, онъ процѣдилъ сквозь зубы:

— Что вамъ угодно?

Я отвѣчалъ, что пришелъ просить его о пропускѣ моей книги, которая представляетъ собою перепечатку статей, безпрепятственно напечатанныхъ въ свое время въ «Отечественныхъ Запискахъ».

— Не говоря о томъ,—возразилъ онъ, не мѣняя своего надменнаго тона:—что книга вся преисполнена зловредныхъ идей, проведеніе которыхъ нежелательно правительству, въ нее включена глава о Герценѣ въ сочувственномъ тонѣ къ только что сошедшему въ могилу революціонеру и государственному преступнику.

— Однако въ «Русской Старинѣ» допущенъ же некрологъ по случаю смерти Герцена?

— Да, но, во-первыхъ, некрологъ этотъ заключаетъ въ себѣ лишь краткія свѣдѣнія о жизни Герцена, а во-вторыхъ, что можетъ быть допущено въ специальномъ журналѣ, то немислимо въ книгѣ, издающейся для большой публики. Тѣмъ болѣе, что ваша статья о Герценѣ исполнена цитатъ изъ разныхъ революціонныхъ трактатовъ Герцена. Этимъ однимъ она уже выходитъ изъ предѣловъ легальности.

— Но тамъ нѣтъ ни одной цитаты. Я позволялъ себѣ лишь дѣлать въ нѣкоторыхъ мѣстахъ краткія сообщенія о содержаніи тѣхъ или другихъ статей Герцена, безъ чего я не могъ обойтись.

— Ну, да! Цитатъ-то съ ковычками у васъ нѣтъ, но излагаете вы содержаніе словами самого Герцена.

— Можетъ быть, вы допустите выйти книгѣ безъ статьи о Герценѣ?

— О вашей книгѣ былъ сдѣланъ уже докладъ министру, и теперь все будетъ зависѣть отъ рѣшенія четырехъ министровъ, на судъ которыхъ она будетъ представлена.

Послѣ этого мнѣ только и оставалось, что отретироваться.

Министры обрекли мою книгу предать аутодафе, и въ свое время она была сожжена. При этомъ меня стращали добрые люди, что съ меня полиція взыщетъ за провозъ изданія изъ типографіи на

мѣсто казни. Я твердо положилъ въ своей душѣ ни за что не оплачивать тѣхъ розогъ, которыми правительство вздумало меня высѣчь. Но никто съ меня ничего не взыскивалъ, хотя утверждали, что это не разъ практиковалось. Замѣчательно при этомъ, что какъ ни строго слѣдила инспекція за тѣмъ, чтобы ни одинъ экземпляръ запрещеннаго изданія не вышелъ изъ типографіи, нѣсколько экземпляровъ все-таки проникли въ свѣтъ, и впоследствии такіе завзятые библіофилы, какъ П. А. Ефремовъ, М. И. Семевскій и нѣкоторые другіе, показывали мнѣ экземпляры моей запрещенной книги, хвалясь, что приобрѣли ихъ за большія деньги, — что-то въ родѣ 25 рублей.

III.

Писаніемъ однихъ очерковъ не ограничивалось мое сотрудничество въ «Отечественныхъ Запискахъ». Въ промежутки я писалъ статьи, рецензіи, на мнѣ же лежало чтеніе беллетристическихъ рукописей, во множествѣ поступавшихъ въ редакцію. Вообще, вспоминая прошлое, я дивлюсь, какъ хватало у меня времени и силъ на разнообразныя работы. Не говоря уже о томъ, что очерки требовали массу подготовки и дома, и въ публичной библіотекѣ, въ теченіе лѣтнихъ трехъ мѣсяцевъ всѣ редакторы разъѣзжались, и весь журналъ оставался въ моихъ рукахъ. Однѣхъ корректуръ приходилось держать до тридцати листовъ, выправлять безграмотные переводы и т. п.

Въ половинѣ 70-хъ годовъ еще болѣе прибавилось работы въ видѣ еженедѣльныхъ литературныхъ фельетоновъ въ «Биржевыхъ Вѣдомостяхъ», подъ которыми я подписывался «Зауряднымъ читателемъ». Сотрудничество мое въ «Биржевыхъ Вѣдомостяхъ» образовалось вотъ какимъ образомъ.

Редакція «Отечественныхъ Записокъ» давно уже мечтала завести при журналѣ свою газету. Но при трудности разрѣшенія новыхъ изданій въ тѣ тяжкія времена мечты эти оставались мечтами. Елисѣевъ подбилъ меня подать просьбу въ главное управленіе о разрѣшеніи мнѣ издавать новую газету. Онъ думалъ, что мнѣ, какъ человеку, ни въ чемъ не заподозрѣнному, навѣрное газету разрѣшатъ. Мы нарочно придумали самое благонамѣренное названіе—«Русакъ». Но, увы, ничего не вышло.

Правда, у меня не было ни одного обыска, но изъ этого не слѣдовало, чтобы моя благонадежность была безукоризненна. Кто-то даже сообщилъ мнѣ, что онъ своими глазами видѣлъ на письменномъ столѣ у директора канцеляріи Третьяго Отдѣленія предписаніе усиленно слѣдить за мною и перечитывать адресованныя на мое имя письма, что заставило меня просить моихъ друзей адресовать письма ко мнѣ на чужое имя. Понятно, что недѣли черезъ двѣ послѣ подачи мною прошенія я получилъ категорическій отказъ безъ какой бы то ни было мотивировки.

Вслѣдъ затѣмъ у Елисеѣва возникло намѣреніе взять въ аренду «Петербургскій Листокъ», съ которымъ происходилъ какой-то кризисъ, но и это не удалось, и слава Богу: врядъ ли могло выйти что-либо путное изъ внезапнаго превращенія уличнаго листка въ радикальную газету. Обычные подписчики уличныхъ листковъ—завсегдатаи портерныхъ, дворники, приказчики, требующіе отъ газеты на первомъ планѣ кровавыхъ происшествій, скандаловъ и сплетенъ, конечно, покинули бы газету, а пока она собрала бы новыхъ подписчиковъ, начальство успѣло бы прихлопнуть ее, потому что мыслимо ли было издавать радикальную газету въ такое время, когда и столь умѣренный органъ, какъ «С.-Петербургскія Вѣдомости», показался правительству зловреднымъ.

IV.

Какъ разъ въ это время произошелъ какой-то невѣдомый мнѣ кризисъ съ «Биржевыми Вѣдомостями», издаваемыми К. В. Трубниковымъ. Кризисъ этотъ въ лексиконѣ Ефрона означенъ такъ, что въ мартѣ 1874 г. В. А. Полетика былъ утвержденъ вторымъ издателемъ «Биржевыхъ Вѣдомостей», въ октябрѣ того же года часть газеты, принадлежавшая Трубникову, перешла къ И. Карпинскому, а редакторомъ въ ноябрѣ былъ утвержденъ Е. Карновичъ; въ мартѣ 1875 г. изданіе цѣликомъ перешло къ Полетикѣ, который въ августѣ 1876 года былъ утвержденъ редакторомъ. Не знаю, насколько достовѣрны всѣ эти свѣдѣнія; въ литературныхъ же кружкахъ того времени ходили слухи, что Трубниковъ ловко обогорилъ Полетику, такъ какъ продалъ «Биржевыя Вѣдомости», оставившіяся почти безъ подписчиковъ, ни мало, ни меньше, какъ за 200,000 рублей, а у Полетики, неопытнаго въ литературныхъ дѣлахъ, былъ такой зудъ имѣть въ своихъ рукахъ газету, что онъ ухлопалъ чуть не все свое состояніе на изданіе, которому была грошъ цѣна.

Не знаю ужъ, съ какими сотрудниками велъ Полетика газету до ноября 1874 года, но видно, что они были ему не по вкусу, такъ какъ онъ обратился къ Некрасову съ просьбою рекомендовать ему новыхъ сотрудниковъ изъ кружка «Отечественныхъ Записокъ», что Некрасовъ и сдѣлалъ. Но еще прежде, чѣмъ Некрасовъ рекомендовалъ Полетикѣ нѣкоторыхъ изъ сотрудниковъ «Отечественныхъ Записокъ», у меня произошло прекуръзное столкновеніе съ Н. В. Каировой, взявшей на себя роль приглашать сотрудниковъ въ «Биржевыя Вѣдомости».

Это была та самая извѣстная Каирова, которая въ 1876 г. судилась за покушеніе на жизнь соперницы, а во время турецкой войны писала корреспонденціи въ «Новое Время» и другія газеты.

Въ 1874 же году она была секретаршею въ «Биржевыхъ Вѣдомостяхъ» и, повидимому, играла въ нихъ въ то время большую роль.

Такъ вотъ лѣтомъ 1874 года, въ одинъ изъ понедѣльниковъ я былъ по обыкновенію въ редакціи и правилъ корректуру въ полномъ одиночествѣ (вся редакція была въ обычномъ лѣтнемъ отсутствіи). Вдругъ влетаетъ ко мнѣ молодая особа женскаго пола, довольно смазливенькая, несмотря на свои тридцать лѣтъ, и рекомендуется Каировой, секретаремъ «Биржевыхъ Вѣдомостей». На мой вопросъ, что ей угодно, она отвѣчаетъ, что пришла по порученію Полетики, который желаетъ, чтобы я вошелъ въ газету въ качествѣ литературнаго фельетониста, и что не приду ли я къ Полетикѣ переговорить объ этомъ.

Корректурa была срочная, я былъ сильно занятъ и, желая скорѣе отдѣлаться отъ барыни, имѣлъ глупость буркнуть, что сегодня мнѣ некогда, а завтра я готовъ къ его услугамъ. Барыня ушла, а я тутъ же заднимъ умомъ сообразилъ, какую я сдѣлалъ нелѣпость: что мнѣ такое Полетика и его газета? Разъ не онъ мнѣ, а я ему нуженъ, то долгъ вѣжливости требовалъ, чтобы онъ и шелъ ко мнѣ съ предложеніемъ; вербовать же сотрудниковъ черезъ какихъ-то секретаршъ было въ моихъ глазахъ отсутствіемъ всякихъ приличій, и я считалъ это униженіемъ для себя. На основаніи этихъ соображеній я порѣшилъ къ Полетикѣ не итти, что я и сдѣлалъ.

Въ слѣдующій понедѣльникъ я снова былъ въ урочный часъ въ редакціи. На этотъ разъ я былъ не одинъ: пришелъ А. А. Ольхинъ, и мы принялись отъ нечего дѣлать играть на бильярдѣ, который находился въ пріемной комнатѣ Некрасова. Вдругъ влетаетъ Каирова и, не раскланиваясь, обращается ко мнѣ съ такими словами:

— Александръ Михайловичъ, вотъ вы чѣмъ занимаетесь? Такъ-то вы сдерживаете свое слово! Василій Аполлоновичъ въ прошлый вторникъ прождалъ васъ до четырехъ часовъ, опоздалъ на поѣздъ изъ-за васъ...

Я объяснилъ ей, что по зрѣломъ размысленіи счелъ унижительнымъ итти къ Полетикѣ: я не лакей или дворникъ, которыхъ вызываютъ къ господамъ для переговоровъ о наймѣ, и если у Полетики есть дѣло до меня, простая вѣжливость требуетъ, чтобы онъ самъ пришелъ ко мнѣ.

— Счастливы вашъ Богъ,—возразила мнѣ на это Каирова:— что у васъ короткіе волосы (въ лѣтніе мѣсяцы въ то время я стригся подъ гребенку), а то я отодрала бы васъ за нихъ...

Меня это, конечно, взбѣсило; я отвѣчалъ ей, что у нея руки коротки для этого, и затѣмъ просилъ убираться вонъ съ ея Полетикой.

Она гнѣвно фыркнула, повернулась спиною и ушла.

Но вотъ въ ноябрѣ того же года Некрасовъ пригласилъ меня и нѣкоторыхъ другихъ сотрудниковъ «Отечественныхъ Записокъ» къ себѣ. Одновременно съ нами былъ приглашенъ къ Некрасову и Полетика. Мы были отрекомендованы другъ другу, и тутъ же стоворились объ участіи нашемъ въ «Биржевыхъ Вѣдомостяхъ». Объ инцидентѣ съ Каировой при этомъ не было упомянуто ни слова, какъ будто ничего подобнаго и не было.

V.

Но мечты имѣть при «Отечественныхъ Запискахъ» свою газету остались мечтами. Начать съ того, что вовсе не для того завелъ Полетика газету, чтобы послушно проводить взгляды «Отечественныхъ Записокъ». Онъ былъ себѣ на умѣ. У него было свое прошлое не безъ пятнышекъ. Такъ, ходили слухи, что, будучи горнымъ инженеромъ и управляя алтайскими рудниками, онъ, не знаю ужъ съ какими цѣлями, умысленно затопилъ одну шахту. Нажилъ онъ большое состояніе въ компаніи сталелитейныхъ заводчиковъ тоже, конечно, не безъ грѣшковъ. Да одно то уже, что въ то время, какъ «Отечественныя Записки» ратовали противъ эксплуатаціи рабочихъ, онъ былъ въ качествѣ заводчика истый эксплуататоръ, представляло собою непроходимую пропасть между имъ и «Отечественными Записками». Утонченно-вѣжливый, любезный, онъ выглядѣлъ такимъ, повидимому, простакомъ, но сквозь это добродушіе проглядывало что-то жесткое и черство-холодное, какъ та сталь, которая послужила къ его обогащенію.

Къ несчастью для него, помѣшало ему нажать нѣсколько милліончиковъ и стать во главѣ россійской плутократіи то обстоятельство, что на каждой ногѣ у него была своя Ахиллесова пята. Такъ, онъ воображалъ себя блестящимъ ораторомъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ у него былъ непреоборимый зудъ въ рукѣ сдѣлаться не менѣе блестящимъ публицистомъ.

Но въ качествѣ оратора онъ былъ безпардонный пустословъ; раздражавшійся при каждомъ удобномъ и неудобномъ случаѣ рѣчами, исполненными высокопарною риторикой. Михайловскій особенно ненавидѣлъ его за пошлость этихъ трескучихъ словесныхъ фейерверковъ. Я никогда не забуду, какъ на похоронахъ Некрасова онъ суетился и бѣгалъ, чтобы воспрепятствовать Полетикѣ разразиться своимъ фейерверкомъ надъ могилою поэта, и ему какимъ-то способомъ удалось заткнуть фонтанъ краснорѣчія Полетики: послѣдній удержался отъ своего пустословія.

Въ качествѣ публициста онъ не пропускалъ ни одного номера газеты безъ передовой статьи своего издѣлія, причемъ былъ едва ли не единственнымъ человѣкомъ въ Петербургѣ, который курилъ табакъ Жукова и писалъ гусиными перьями. Каждое утро можно

было застать его въ халатѣ съ длиннымъ чубукомъ до полу, окруженнымъ облаками табачнаго дыма и неистово скрипящимъ по бумагѣ гусинымъ перомъ своимъ размахистымъ почеркомъ. Это онъ совершалъ свое публицистическое священнодѣйствіе. Въ качествѣ же публициста онъ былъ либераль и конституціоналистъ, старался держаться въ оппозиціи, тѣмъ не менѣе, какъ истый плутократъ и сталелитейщикъ, горячо ратовалъ за покровительственную сис. ему и то и дѣло металъ грозные перуны на фритредеровъ.

По одному этому можете судить, насколько «Биржевыя Вѣдомости» были солидарны съ «Отечественными Записками». Къ тому же далеко не всѣ сотрудники «Отечественныхъ Записокъ» вошли въ «Биржевыя Вѣдомости», а лишь братья Курочкины, Плещевъ, Демертъ и я. Читатели спросятъ меня, что же побудило насъ войти въ явно плутократическую газету? Но при всемъ своемъ плутократствѣ газета была во всѣхъ прочихъ отношеніяхъ безукоризненно либеральна; намъ же былъ недостаточенъ заработокъ, какой доставался намъ въ «Отечественныхъ Запискахъ»,—необходимо было подспорье. Такъ, я получалъ въ то время еще 900 р. жалованья, да сверхъ того политная плата за статьи не простиралась свыше 100 р., что было недостаточно для моей семьи, состоявшей въ то время изъ четырехъ душъ—старушки-матери, жены и трехъ дѣтей малаго возраста. Въ газетѣ же за четыре фельетона въ мѣсяцъ я могъ зарабатывать болѣе 200 р. вмѣстѣ съ тѣмъ меня манила къ себѣ газетная работа; меня увлекала перспектива быть ежеминутно на чеку ежедневныхъ злобъ дня, откликаться такъ или иначе на каждую преходящую мелочь, подчасъ вопіющую и волнующую, но недоступную тяжеловѣснымъ журнальнымъ статьямъ, именно какъ мелочь. На журналы я смотрѣлъ, какъ на твердыни, способныя выпускать лишь громадной величины снаряды для сокрушенія броненосцевъ; мелкая же дичь оставалась неуязвимою и требовала той мелкой дроби, какою стрѣляли газетные застрѣльщики. И вотъ безъ малѣйшихъ колебаній я взялъ на свою долю четыре литературные фельетона въ мѣсяцъ и аккуратно поставлялъ ихъ въ теченіе безъ малаго пяти лѣтъ.

Злые языки утверждали въ послѣдствіи, что, пристроивъ насъ въ «Биржевыя Вѣдомости», Некрасовъ сбылъ съ рукъ ненужныхъ ему сотрудниковъ. Но это была вопіющая ложь и клевета. Мы продолжали сохранять въ «Отечественныхъ Запискахъ» тѣ же позиціи, какія имѣли до того времени, и наши жалованья, и нашъ заработокъ нисколько не уменьшились. Къ тому же редакція «Отечественныхъ Записокъ» поставила главнымъ условіемъ нашего сотрудничества въ «Биржевыхъ Вѣдомостяхъ», чтобы мы отнюдь не подписывались подъ статьями настоящими именами. Особенно ревниво слѣдилъ за этимъ Салтыковъ. Каждый разъ онъ выходилъ изъ себя и ворчалъ, когда видѣлъ мою фамилію въ другомъ органѣ. Такъ,

взбѣленился онъ, увидя мои статьи въ «Русскомъ Богатствѣ»— «Разладъ художника и мыслителя»—по поводу «Анны Карениной» Л. Толстого и «Эпидемія легкомыслія»—по поводу «Литературнаго вечера» Гончарова; онъ напустился на меня при первомъ же свиданіи:

— Почему эта статья не у насъ? Зачѣмъ же мы вамъ жалованье платимъ, если вы будете разбрасываться, гдѣ вамъ вздумается?

При всѣхъ этихъ условіяхъ трудно было ожидать, чтобы Полетикъ удалось поднять захудалую газету, и она пошла ковылять изъ году въ годъ, еле влача жалкое существованіе и истощая толстую кошную издателя ежегодными дефицитами. Чего только не предпринималъ Полетика, чтобы привлечь подписчиковъ? Такъ, онъ пригласилъ Суворина въ качествѣ воскреснаго фельетониста, пользуясь тѣмъ, что Суворинъ былъ не у дѣлъ послѣ погрома «С.-Петербургскихъ Вѣдомостей». Не долго сотрудничая въ «Биржевыхъ Вѣдомостяхъ», Суворинъ тѣмъ болѣе не могъ помочь горю Полетики, что внесъ лишь рознь въ столбцы газеты. Въ то время какъ разъ было сербское движеніе и готовилась война съ Турціей. Суворинъ горячо стоялъ за войну, Полетика же, напротивъ того, былъ партизанъ мира. И вотъ въ то время, какъ вверху газеты Полетика ратовалъ противъ войны, внизу то и дѣло раздавались въ фельетонахъ Суворина воинственные клики.

Не помогло Полетикъ и переименованіе газеты въ «Молву», въ 1879 году сдѣланное въ тѣхъ соображеніяхъ, что названіе «Биржевыхъ Вѣдомостей» будто бы отпугивало подписчиковъ, придавая газетѣ характеръ специально-биржевого органа. Къ этому ко всему присоединилось нѣчто въ родѣ эпидеміи смертей: въ первый же годъ издательства Полетики умеръ В. Курочкинъ; за нимъ послѣдовалъ Демертъ. Обѣ эти потери были весьма чувствительны, такъ какъ и Курочкинъ, и Демертъ служили къ немалому оживленію газеты.

Что касается моего сотрудничества, то въ первый годъ я попробовалъ разгуляться во всю, и особенно ополчился на Каткова, но меня не замедлили обуздать. Цензурное вѣдомство грозило всевозможными карами, если мои фельетоны будутъ продолжаться въ томъ же тонѣ. Полетика распорядился, чтобы я каждый разъ, какъ только мой фельетонъ былъ набранъ, являлся въ редакцію и тамъ мы читали фельетонъ съ редакторомъ Карновичемъ, который подвергалъ его при этомъ строгой цензурѣ. Поневоля мнѣ пришлось сбавить тонъ; мой публицистическій пылъ значительно охладѣлъ, и съ каждымъ годомъ я сталъ писать свои обзорнія все болѣе и болѣе спустя рукава, придавая имъ чисто литературный характеръ критики текущей беллетристики, чуждый какихъ-либо политическихъ тенденцій.

Прекратилось мое сотрудничество въ «Биржевыхъ Вѣдомостяхъ» не безъ скандалчика. Это произошло въ 1879 году. Кончилась война. Наступила эпоха террористическихъ покушеній и такъ называемой «диктатуры сердца». Пронумѣль сенсаціонный процессъ Вѣры Засуличъ. Лѣто было въ 1879 году холодное, дождливое, а на сердцѣ было радостно по случаю новыхъ вѣяній, какъ только бываетъ радостно при первомъ дуновеніи ранней весны. И вдругъ Полетику словно муха укусила за самое нѣжное мѣсто тѣла. Ни съ того, ни съ сего онъ разразился нелѣпнѣйшею и безтактнѣйшею статьею противъ русскихъ радикаловъ и террористовъ. Статья эта была вся построена на такомъ соображеніи, что разъ фатально и неизбежно въ каждомъ государствѣ существуетъ опредѣленный процентъ воровъ и проституттокъ, то какъ же вы хотите, чтобы не было, въ свою очередь, постояннаго процента революціонеровъ? Правительство должно только заботиться, чтобы процентъ этотъ не увеличивался. Я ужъ не знаю, зачѣмъ понадобилась Полетикѣ такая статья и въ ней подобное сравненіе,—на меня оно произвело впечатлѣніе личнаго оскорбленія до такой степени, что я тотчасъ же, бросивъ всѣ свои занятія, стремглавъ полетѣлъ съ дачи въ Петербургъ, но не къ Полетикѣ,—съ нимъ я считалъ излишнимъ объясняться,—а въ редакцію газеты Гирса «Правда», гдѣ я составилъ заявленіе о прекращеніи своего сотрудничества въ «Молвѣ». Въ заявленіи этомъ была мотивирована причина моего поступка, но редакция не согласилась помѣстить эту мотивировку, находя ее опасною какъ для меня, такъ и для редакціи «Правды», и было напечатано одно голословное заявленіе о моемъ выходѣ изъ «Молвы». Послѣ того всѣ мои счеты съ Полетикой были покончены. Я встрѣчался съ нимъ лишь на нейтральной почвѣ, и замѣчательно, что онъ относился ко мнѣ такъ же добродушно и дружелюбно, какъ и до нашего разрыва.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ.

Неудача романа «Было—отжило».—Мое участіе въ артельныхъ журналахъ—«Русскомъ Богатствѣ», «Устояхъ», «Дѣлѣ» и «Словѣ».—Обида веселья въ 70-е годы.—«Общество трезвыхъ философовъ», «общество пьяныхъ философовъ».—Вечеринки и журфиксы.—Обѣды «Отечественныхъ Записокъ».—Обѣды «Молвы».—Обѣды въ Метрополѣ.—Женскій клубъ.—Запрещеніе «Отечественныхъ Записокъ».

I.

Но всѣмъ тѣмъ, что было изложено въ предыдущей главѣ, не ограничивались мои занятія. Такъ, въ 1874 году я задумалъ романъ изъ жизни 60-хъ годовъ подъ заглавіемъ «Было—отжило». Первая часть, листовъ въ 20, была уже написана. Въ апрѣльской книжкѣ 1875 года романъ мой началъ уже было печататься, но цензоръ Лебедевъ, читав-

шій «От. Зап.», предупредилъ Некрасова, что онъ сдѣлаеть докладъ о зловредности моего романа, и Некрасовъ принужденъ былъ вырѣзать его. Такъ и не пришлось моему роману прославить своего автора въ качествѣ беллетриста. Впослѣдствіи я его сократилъ въ небольшую повѣсть, которую напечаталъ въ «Русскомъ Богатствѣ» въ 1880 году подъ заглавіемъ «Маленькая трагедія въ средѣ маленькихъ людей», подъ псевдонимомъ «А. Питерскій».

Сверхъ того я принималъ дѣятельное участіе въ тѣхъ артельныхъ журналахъ, которые затѣвалъ Кривенко. Такъ, въ 1879 году ему удалось пріобрѣсти даромъ у нѣкоего Н. Ф. Савича издаваемый имъ журналчикъ «Русское Богатство». Это было спеціальное торгово-экономическое, естественно-научное и сельско-хозяйственное изданіе, выходившее три раза въ мѣсяць, пребывавшее въ полной безвѣстности, совсѣмъ почти безъ подписчиковъ. Тѣмъ не менѣе оно имѣло такую широкую программу, что его легко было превратить въ литературно-общественный журналъ; въ программѣ этой недоставало лишь политическаго отдѣла, но этотъ пробѣлъ легко могъ быть возмѣщенъ отдѣльными статьями политическаго характера. Взявши въ свои руки этотъ журналъ, Кривенко тотчасъ же превратилъ его въ ежемѣсячный и кликнулъ кличъ ко всѣмъ сотрудникамъ «Отечественныхъ Записокъ» и многимъ другимъ виднымъ писателямъ одного съ нами лагеря.

Кривенко проводилъ лѣто 1879 года на дачѣ въ Мурзинкѣ, гдѣ рядомъ съ нимъ проживалъ и Н. С. Курочкинъ. И вотъ на дачѣ у Кривенка было положено основаніе артели въ видѣ колоссальнаго трехдневнаго пиршества. Но въ 1879 году была выпущена лишь одна книжка журнала въ видѣ пробнаго шара и чтобы сохранить право изданія. Съ 1880 же года журналъ началъ выходить ежемѣсячно небольшими книжками листовъ отъ 15 до 20. Два года слишкомъ существовалъ такимъ образомъ журналъ, при чемъ мы словно нарочно задались цѣлью доказать всю нелѣпость издавать журналъ, не имѣя ни гроша въ карманѣ и надѣясь лишь на легковѣріе подписчиковъ и самопожертвованіе сотрудниковъ.

II.

Подобнаго рода предпріятіе могло имѣть успѣхъ, если бы во главѣ его стояли писатели, пользующіеся огромною популярностью, въ родѣ Салтыкова, Толстого, Тургенева и т. п., если бы корифеи эти не ограничивались двумя-тремя произведеніями въ годъ, а являлись постоянными сотрудниками журнала. Правда, въ объявленіи, приложенномъ къ первой книжкѣ, были обѣщаны нѣсколько очень почетныхъ именъ. Но все это были далеко не такія, которыя одни, самостоятельно, влекли бы за собою тысячи подписчиковъ. Къ тому же и эти писатели не имѣли никакой возможности постоянно,

сячно сотрудничать въ журналѣ даромъ: существуя исключительно литературнымъ трудомъ, все лучшее они пристраивали въ толстые журналы, въ которыхъ ихъ труды оплачивались болѣе или менѣе щедро, по большей части впередъ. Понятно, что въ артельный журналъ, безвозмездно, они могли давать по большей части лишь какой-нибудь завалѣющийся хламъ, да и подъ этимъ хламомъ многіе изъ нихъ не могли подписывать своихъ именъ, будучи обязаны печататься исключительно въ журналѣ, въ которомъ они получали ежемѣсячное жалованье. Такъ, я говорилъ уже выше, какъ взѣлся на меня Салтыковъ, увидя мои статьи въ первыхъ книжкахъ «Р. Б.». Послѣ этого я помѣщалъ свои статьи въ «Р. Б.», подписывая ихъ не иначе, какъ непроницаемыми псевдонимами.

Впрочемъ, въ первыхъ книжкахъ «Р. Б.» встрѣчаются еще кое-какія недурныя вещи извѣстныхъ писателей, въ родѣ, напримѣръ: «Attalea Princeps» Гаршина, его же «Люди и война», Гл. Успенскаго «Съ мѣста на мѣсто», Наумова «Горная идиллія». Засодимскій не поскупился помѣстить большой романъ «Стенныя тайны», тянувшійся съ января по іюнь. Но къ концу 1880 года извѣстныя имена встрѣчаются все рѣже и рѣже, а въ слѣдующемъ году и совсѣмъ почти исчезаютъ. Замѣчательно, что самъ основатель журнала, Кривенко, ни одной строкой не удостоилъ свое дѣтище. Мало того: вскорѣ по появленіи первыхъ книжекъ журнала онъ уѣхалъ изъ Петербурга и вернулся лишь черезъ годъ, когда журналъ дышалъ уже на ладанъ. Выразивъ чисто начальническое неудовольствіе членамъ редакціи за плохое веденіе дѣла, онъ приступилъ къ ликвидаціи журнала.

Такимъ образомъ, въ теченіе всего 1881 года маленькія каморочки на заднемъ дворѣ одного изъ старыхъ и грязныхъ домовъ на Знаменской улицѣ, заключавшія въ себѣ редакцію и контору «Русскаго Богатства», были преисполнены тоскливаго унынія, царившаго въ сердцахъ заправилъ журнала, а заправилами только и были всего на всего Бажинъ съ супругою своею Серафимою Никитичной и я. Всѣ прочіе члены артели разбрелись кто куда, и вся тяжесть журнала лежала на насъ троихъ. И, Боже ты мой, какихъ немовѣрныхъ усилій стоило намъ составленіе каждой книжки. Приходилось чуть не Христа ради выпрашивать какой-нибудь жалкій рассказецъ, убогое стихотвореньице, — и все это было такъ бездарно, такъ мизерно! Какъ, бывало, придешь въ редакцію, такъ и пахнеть тебѣ въ носъ трупный запахъ, точно будто только что вынесли покойника.

Всѣ мы вздохнули легко, когда удалось наконецъ отдѣлаться отъ «Русскаго Богатства», сдавши его со всѣми подписчиками Л. Е. Оболенскому. Не знаю, какими судьбами никто изъ насъ не поплатился ни однимъ грошомъ изъ своего кармана по издержкамъ за изданіе, — ни за бумагу, ни за типографскіе расходы. По всей вѣроятности, все это взялъ на себя Оболенскій въ видѣ платы за право изданія.

III.

Казалось бы, двухгодичное изданіе «Русскаго Богатства» на фу-фу должно было служить намъ внушительнымъ урокомъ. Но мы оказались неисправимы. Въ концѣ того же 1881 года, вслѣдъ за ликвидаціей «Русскаго Богатства», Кривенко затѣялъ новое предпріятіе въ такомъ же родѣ. С. А. Венгеровъ въ 1880 году, во время такъ называемой «диктатуры сердца», когда новыя изданія разрѣшались легко, приобрѣлъ право на изданіе толстаго журнала «Новъ». Вотъ мы и рѣшились еще разъ попытать счастье издавать артельный журналъ. Венгеровъ охотно уступилъ намъ свой журналъ, оставшись издателемъ-редакторомъ его. Но названіе «Новъ» не понравилось цензурѣ при тѣхъ строгостяхъ, какія начались послѣ 1-го марта, и мы принуждены были придумать новое названіе—«Устой». Первая книжка, ради сохраненія права на изданіе, была выпущена въ декабрѣ. Затѣмъ съ января журналъ началъ выходить ежемѣсячно книжками малаго формата, листовъ по 15.

Какъ ни ворчалъ Кривенко, что «Русское Богатство» въ его отсутствіе велось нами скверно, нельзя сказать, чтобы лучше велись и «Устой», несмотря на его присутствіе и дѣятельное участіе. Началась та же канитель ежемѣсячныхъ исканій матеріаловъ для книжекъ, то же сваливанье членами артели всякаго мусора, залежавшагося въ портфеляхъ. Мы въ «Русскомъ Богатствѣ» по крайней мѣрѣ своевременно выпускали книжки. Книжки же «Устоевъ» вѣчно запаздывали то по цензурнымъ придирамъ, то по недостатку матеріала, то по прекращенію кредита въ типографіи, вслѣдствіе чего и происходили такіе скандалы, что мартъ и апрѣль, а затѣмъ сентябрь и октябрь вышли двойными книжками подъ одной обложкой. Разница заключалась лишь въ томъ, что прибавилось нѣсколько новыхъ именъ. Таковы были между прочимъ молодые и начинающіе еще тогда писатели—Альбовъ (рассказъ «Глава изъ недописаннаго романа»), Баранцевичъ (повѣсть «Чужакъ») и Маминъ («На рубежѣ Азіи»).

Съ Маминимъ мы сыграли некрасивую шутку. Онъ прислалъ намъ свою повѣсть изъ провинціи, не предполагая, что мы издаемъ журналъ артельно, печатая въ немъ статьи даромъ въ ожиданіи будущихъ благъ. Мы были обязаны предупредить объ этомъ Мамина, а мы взяли да и напечатали его повѣсть, увѣренные въ томъ, что неужели онъ потребуетъ немедленной высылки гонорара, когда сотрудники не чета ему терпѣливо ждутъ. А онъ, сильно нуждаясь и даже голодая, взялъ да и потребовалъ. Тогда только мы уведомили его о той чести, какой онъ удостоивается, раздѣляя наши ожиданія. Маминъ былъ такъ пораженъ, что и до сегодня не можетъ забыть этого казуса, и нѣтъ-нѣтъ да и напомнитъ при случаѣ тому или другому изъ бывшихъ членовъ артели, какъ мы его подвели.

При всемъ томъ «Устой» оставили по себѣ у насъ болѣе теплыя и отрадныя воспоминанія, чѣмъ «Русское Богатство». Въ редакціонныхъ комнаткахъ «Устоевъ» на Пушкинской улицѣ далеко не было того тоскливаго унынія, какое царило въ редакціи «Русскаго Богатства»; напротивъ того, было подчасъ очень весело. Въ назначенные дни по вечерамъ здѣсь сходились члены артели и посторонніе гости, все изъ одного кружка «Отечественныхъ Записокъ». Составленіе книжекъ отнюдь не носило характера священнодѣйствій, сопровождалось шутками, остротами и непрерывнымъ смѣхомъ, а подъ конецъ вечера устраивались маленькія пирушки въ складчину.

При всѣхъ этихъ условіяхъ «Устой» едва выдержали годъ, приобрѣтя не болѣе 500 подписчиковъ, которые всѣ были сданы Вейнбергу, издававшему въ то время «Изящную Литературу». Но съ «Устоями» не такъ легко было раздѣлаться, какъ съ «Русскимъ Богатствомъ». Остался долгъ въ типографію Балашова въ 1,500 рублей. Балашовъ обратился за уплатою къ Венгерову, какъ къ издателю. По справедливости долгъ падалъ на всѣхъ членовъ артели, но большинство ихъ, не исключая и самого Кривенка, испарились изъ Петербурга, и въ наличности козлами отпущенія оставались лишь Венгеровъ, Наумовъ и я. Долгъ былъ разложенъ на насъ троихъ, по 500 рублей на каждаго. Мнѣ пришлось ликвидировать его въ теченіе безъ малаго десяти лѣтъ, въ чемъ большую помощь оказала мнѣ брошюра о Л. Толстомъ, которая была нарочно издана мною для уплаты долга. Брошюра распродавалась хорошо, и весь чистый доходъ пошелъ именно на расплату съ Балашовымъ.

Несмотря на эти двѣ неудачи, Кривенко все-таки не утомился. Какъ разъ около того времени освободились одинъ за другимъ два неудавшихся журнала: «Дѣло», вслѣдствіе ареста Станюковича, издававшего его послѣ смерти Благосвѣтлова, и «Слово», послѣ неудачи его издателей Карабчевскаго и комп. Вотъ за эти два изданія мы и ухватывались, какъ утопающіе за доски. Но утлыя доски, потерпѣвшія уже крушенія, не спасли насъ. Какъ ни были неудачны изданія «Русскаго Богатства» и «Устоевъ», но они все-таки выдерживали по году и болѣе. «Дѣло» же и «Слово» были въ нашихъ рукахъ не болѣе какъ по три, по четыре мѣсяца, и затѣмъ прекращали свое существованіе за неутвержденіемъ цензурнымъ вѣдомствомъ ни издателей, ни редакторовъ.

IV.

При столь многочисленныхъ и разнообразныхъ занятіяхъ, казалось бы, у меня не должно было оставаться ни минуты досуга. Тѣмъ не менѣе какимъ-то образомъ я ухитрялся, кромѣ большихъ прогулокъ лѣтомъ въ Юкки, въ Токсово, въ ближайшіе лѣса за грибами и т. п., зимою не пропускать ни одного собранія, именинныхъ

пиршествъ, журффиксовъ, чтеній рефератовъ, парадныхъ обѣдовъ и проч.

Надо замѣтить, что въ теченіе всѣхъ 70-хъ годовъ, несмотря на усиливавшуюся съ каждымъ годомъ реакцію, массовые политическіе процессы, аресты, обыски, административныя высылки, жилилось весело. Люди жались другъ къ другу, словно стада, усматривающія приближеніе хищнаго звѣря. И столичная и провинціальная интеллигенція были преисполнены жажды сблизаться и собираться вкушѣ и для серьезныхъ дѣлъ и для веселья. Замѣчательно, что, несмотря на то, что въ то время не существовало еще закона, который разрѣшалъ бы свободу сходовъ, она осуществлялась на практикѣ сама собою. Какъ въ 60-хъ, такъ и въ 70-хъ годахъ люди собирались безпрепятственно и никого не предвараая по десяткамъ и сотнямъ, смотря по вмѣстимости залъ, какъ для обсужденія какихъ-либо общественныхъ предпріятій, такъ просто затѣмъ только, чтобы повеселиться.

Такъ, къ кружку «Отечественныхъ Записокъ» примыкало большое общество, состоявшее изъ нѣсколькихъ десятковъ, если не всей сотни членовъ, слывшее подъ названіемъ «общества трезвыхъ философовъ». Это шуточное прозвище общество получило, во-первыхъ, потому, что большинство членовъ его были позитивисты, а, во-вторыхъ, потому, что на собраніяхъ его ничего не полагалось, кромѣ чая съ бутербродами. На собраніяхъ общества этого читались и обсуждались серьезнѣйшіе рефераты на различныя философско-научныя темы. Наиболѣе часто въ этихъ собраніяхъ, сколько помнится, подвизались слѣдующія лица: Н. Ѳ. Анненскій, В. В. Воронцовъ, М. И. Кулишеръ, В. И. Семевскій, С. Н. Южиковъ и пр. Я только разъ покусился выступить на кафедре общества, да и то неудачно: взялся прочитавъ свою статью о Герценѣ, вырѣзанную изъ «Отечественныхъ Записокъ», но по разсѣянности вмѣсто этой статьи принесъ на засѣданіе другую, какую-то корректуру. Представьте себѣ мой ужасъ, тѣмъ большій, что, кромѣ меня, никто ничего не приготовилъ, приходилось хоть расходиться по домамъ, не солоно хлебавши. Оставалось одно, чтобы выйти изъ столь затруднительнаго положенія: изложить содержаніе своей статьи на память устно. Я такъ и сдѣлалъ. Но по непривычкѣ говорить публично я такъ все перепуталъ, что какимъ-то образомъ изложилъ взгляды діаметрально-противоположныя тѣмъ, которые были проведены въ моей статьѣ. Курьезнѣе же всего было то, что, когда начались дебаты, я защищалъ противъ возраженій оппонентовъ именно тѣ взгляды, противъ которыхъ въ своей статьѣ я ратовалъ.

Въ противоположность обществу трезвыхъ философовъ одновременно существовало «общество пьяныхъ философовъ». Оно состояло изъ тѣхъ же членовъ, что и первое, такъ что трезвый философъ перваго внезапно превращался въ пьянаго, едва только пере-

ступаль порогъ второго. Это былъ небольшой тайный клубикъ, ютившійся въ квартирѣ Ал. Ал. Ольхина, который гостепріимно раскрылъ свои двери для его собраний, подъ маскою своихъ журфшксовъ.

А. А. Ольхинъ былъ извѣстенъ въ то время, какъ весьма порядочный адвокатъ, но онъ не довольствовался своей профессіей: ему хотѣлось быть во что бы ни стало поэтомъ и вмѣстѣ съ тѣмъ онъ принадлежалъ къ тайнымъ обществамъ того времени. Но поэта изъ него не вышло: всѣ стихи его, появлявшіеся въ нелегальныхъ изданіяхъ, были очень плохи, несмотря на весь свой революціонный паеосъ. Въ качествѣ же конспиратора онъ претерпѣлъ многолѣтнюю ссылку, изъ которой возвратился съ разстроеннымъ здоровьемъ и умеръ преждевременно, борясь въ послѣдніе годы своей жизни и съ болѣзнию, и съ нуждою. Не менѣе печальна была судьба и супруги его Варвары Александровны (урожденной Беклемишевой), прелестной и во всѣхъ отношеніяхъ симпатичной женщины, которой я одно время давалъ уроки русскаго языка и словесности (она готовилась держать экзамень на сельскую учительницу). Выдержавъ экзамень, она дѣйствительно пошла въ сельскія учительницы. Но подвижничество ея было непродолжительно: она вскорѣ умерла, заразившись тифомъ.

Хотя ольхинскій клубикъ и носилъ компрометирующее его прозвище «общества пьяныхъ философовъ», но было бы ошибочно предполагать, что члены его собирались ради однѣхъ попойекъ. Ужъ по одному тому можно судить о скромности его собраний, что въ числѣ членовъ его были не одни мужчины, но и женщины. Цѣль собраний заключалась не въ чемъ иномъ, какъ только въ сближеніи членовъ другъ съ другомъ. Рефератовъ никакихъ не читалось, а собирались единственно, чтобы повеселиться: вдоволь подъ фортепьяно плясали, пѣли, декламировали и т. п. Никакого пьянства при этомъ не было: лишь нѣкоторые изъ членовъ въ складчину покупали бутылку водки и бутылку бургундскаго и называли такую складчину «государствомъ въ государствѣ», и вотъ за эти-то двѣ бутылки всѣ члены поголовно получили прозвище пьяныхъ философовъ. Правда, этихъ двухъ бутылокъ было достаточно, чтобы веселье на собраніяхъ принимало порой бурный характеръ. Особенно отличился этимъ костюмированный вечеръ на святкахъ. Большинство членовъ явились на этотъ вечеръ наряженными въ самые разнообразныя костюмы. Такъ, Н. О. А. былъ наряженъ городовымъ. Городовой этотъ изображалъ изъ себя пьянаго до безчувствія и, какъ вошелъ въ залъ, такъ и грохнулся на полъ враспяжку. Я пришелъ въ женскомъ костюмѣ, подъ маскою и съ пышнымъ шиньономъ на головѣ, и долго не могли меня узнать, пока не начали у меня спадать юбки и мнѣ пришлось позвать на помощь Курочкина, чтобы подвязать ихъ.

V.

Кромѣ этихъ массовыхъ собраній, немало было маленькихъ вечеринокъ и журфиксовъ. Такъ, я упоминалъ уже объ интимныхъ собраніяхъ младшихъ членовъ редакціи «Отечественныхъ Записокъ» въ первые годы аренды журнала. Вечеринки эти были разъ въ мѣсяцъ по очереди то у Курочкина, то у Демерта, то у меня и пр. Журфиксы въ литературныхъ кружкахъ въ теченіе 70-хъ годовъ какъ-то мало процвѣтали. По крайней мѣрѣ я помню лишь вышеописанные мною четверги у Елисеѣвыхъ и пятницы, если не ошибаюсь, у Михайловскаго. Пятницы у Михайловскаго отличались большимъ оживленіемъ и разнообразіемъ гостей. Такъ, между прочими здѣсь можно было часто встрѣчать художниковъ и артистовъ, напримѣръ, Рѣпина, Ярошенко, Мясоѣдова и пр.

Наиболѣе въ ходу были въ теченіе 70-хъ годовъ литературныя обѣды. У каждой редакціи разъ въ мѣсяцъ были свои обѣды. Таковы были ежемѣсячныя обѣды «Отечественныхъ Записокъ», собиравшіеся въ разныхъ первоклассныхъ ресторанахъ, то у Бореля, то у Дюссо, то у Донона и пр. Въ этихъ обѣдахъ принимали участіе всѣ члены редакціи, не исключая Некрасова и Салтыкова, и сверхъ того приглашались посторонніе болѣе или менѣе близкіе люди, напримѣръ, родственникъ Некрасова Ераковъ, адвокаты Унковскій и Боровиковскій, Горбуновъ и пр. Обѣды эти отличались изысканностью яствъ и питей, шампанское на нихъ лилось рѣкою. Устраивались даже состязанія участниковъ, кто сумѣетъ заказать лучшей обѣдъ. Такъ, П. Д. Боборыкинъ взялся устроить обѣдъ, какой практикуется въ лучшихъ парижскихъ ресторанахъ. Обѣдъ дѣйствительно вышелъ на славу въ гастрономическомъ отношеніи по изысканности и тонкости всего своего состава. Въ пику Боборыкину Гл. Успенскій взялся устроить обѣдъ въ русскомъ духѣ, на манеръ, какъ угощаютъ своихъ друзей московскіе купцы-милліонеры. Обѣдъ былъ заказанъ въ «Маломъ Ярославцѣ», и, надо сказать правду, вышло нѣчто умопомрачительное и прямо-таки убійственное. Послѣ обильной закуски и жирнѣйшей селянки съ растегаями, подали поросенка подъ хрѣномъ, а затѣмъ вдругъ бараній бокъ съ кашей. За симъ слѣдовали рябчики, но до нихъ никто ужъ и не дотрогивался. На обѣдѣ этомъ присутствовалъ одинъ французъ, бѣжавшій изъ Парижа коммунаръ, который во время всего обѣда только и твердилъ:

— Бѣдный старикъ! Убили бѣднаго старика! Отъ версальцевъ бѣжалъ, а куда убѣжишь отъ поросенка и барана, когда съ мѣста не въ состояніи тронуться?

Обѣды, устраивавшіеся разъ въ мѣсяцъ «Молвою» Полетики, были въ тысячу разъ скромнѣе. Сотрудники «Молвы», въ числѣ не

болѣе десяти, собирались разъ въ мѣсяцъ въ «Медвѣдѣ» Эрнеста въ низку, въ подземельицѣ. Обѣды эти отличались не столько изысканностью блюдъ и винъ, сколько особеннаго рода служеніемъ музамъ. Заправилой этихъ обѣдовъ былъ П. И. Вейнбергъ, который завелъ обычай, чтобы члены редакціи извѣщали его о желаніи или нежеланіи участвовать на обѣдѣ не иначе, какъ стихами. Стихи эти потомъ прочитывались Вейнбергомъ на самомъ обѣдѣ. Читатели «Историческаго Вѣстника» знакомы уже съ этимъ застольнымъ виршеллетствомъ по выдержкамъ, приведеннымъ Вейнбергомъ въ «Историческомъ Вѣстникѣ» за 1908 годъ.

Особенно же памяты были обѣды, устраиваемые кружкомъ «Отечественныхъ Записокъ» въ началѣ 80-хъ годовъ въ «Метрополѣ». Общество на этихъ обѣдахъ было не исключительно литературное, такъ какъ въ основѣ ихъ было положено, что членами ихъ могли быть лица обоего пола, при чемъ какъ мужчины, такъ и женщины допускались лишь занимающіеся какою-нибудь интеллигентною профессіей. Законъ этотъ служилъ къ немалому оживленію обѣдовъ, потому что согласно ему на обѣдахъ присутствовало много всякаго рода артистовъ, такъ что послѣ обѣда устраивались сверхъ танцевъ самыя разнообразныя дивертисменты. Но въ то же время тотъ же законъ внесъ въ семьи литераторовъ нѣкоторую смуту. Согласно ему на обѣдахъ могли участвовать лишь тѣ особы женскаго пола, которыя имѣли отдѣльно отъ мужей какія-либо профессіи. Тѣ же, которыя жили на счетъ мужей, занимаясь лишь домашнимъ хозяйствомъ и воспитаніемъ своихъ собственныхъ дѣтей, на обѣды не допускались. Послѣднихъ было немало въ литературныхъ семьяхъ. Всѣ онѣ вломились въ амбицію, причемъ тутъ дѣйствовала не одна только зависть обездоленности, но и ревность: обиженныя жены говорили, что мужья нарочно отстранили ихъ, чтобы безпрепятственно ухаживать за посторонними барынями и барышнями, актрисами и пѣвицами.

Тогда обиженныя барыни рѣшили завести свой собственный женскій клубъ, въ который не допускать мужчинъ. Сказано—сдѣлано. Женскій клубикъ началъ собираться на разныхъ квартирахъ. Но развѣ женщины могутъ обойтись безъ мужчинъ? Некому было за ними ухаживать, не съ кѣмъ флиртовать, и первыя собранія женскаго клуба носили самый снотворный характеръ. Тогда женщины рѣшили допустить на собранія гостями мужчинъ, но лишь безукоризненно благонаправнаго поведенія. Я удостоился быть однимъ изъ такихъ избранниковъ. На моей квартирѣ было даже одно изъ собраній клуба.

VI.

Послѣ 1 марта 1881 года правительственный руль, какъ извѣстно, колебался нѣкоторое время то направо, то налево. Одно время ждали даже чего-то въ родѣ конституціи. По крайней мѣрѣ, «Отечественныя Записки» могли продержаться до 1884 года. Но со вступленіемъ на постъ министра внутреннихъ дѣлъ графа Д. А. Толстого въ 1882 году руль окончательно утвердился въ реакціонномъ направленіи, и дни «Отечественныхъ Записокъ» были сочтены.

Надъ «Отечественными Записками» въ видѣ Дамоклова меча тяготѣли уже два предостереженія, полученныя еще въ первые годы аренды. Но не этотъ Дамокловъ мечъ сразилъ ихъ. Они имѣли въ цензурномъ вѣдомствѣ двухъ покровителей—Петрова, бывшаго предсѣдателемъ цензурнаго комитета, и Ратынскаго, члена совѣта главнаго управленія по дѣламъ печати. По четвергамъ Некрасовъ нарочно для нихъ собиралъ кружокъ игроковъ и вкуплъ съ ними проигрывалъ имъ слѣдующія суммы. Не знаю ужъ, какъ стояло это дѣло послѣ его смерти. Во всякомъ случаѣ третьяго предостереженія «Отечественныя Записки» не дождались. Но зато внезапно, какъ снѣгъ на голову, постигло ихъ запрещеніе по высочайшему повелѣнію.

Начальникомъ главнаго управленія по дѣламъ печати какъ разъ передъ тѣмъ былъ назначенъ Е. М. Феоктистовъ. Онъ былъ женатъ на сестрѣ Ольхина, В. А. Ольхиной, и вотъ замѣчательный примѣръ вліянія мужей на женъ: въ то время, какъ жена адвоката Ольхина, какъ мы видѣли, подъ вліяніемъ мужа сдѣлалась радикалкой и пошла въ народъ, жена Феоктистова, напротивъ того, обратилась въ ярую консерваторку.

При встрѣчѣ съ своей сестрою она замѣтила ей, что ея Евгеша занялъ постъ начальника по дѣламъ печати единственно съ тою цѣлью, чтобы раздавить такую гадину, какъ «Отечественныя Записки». И, какъ видите, онъ достигъ своей цѣли.

Господи, какихъ только тяжкихъ обвиненій не нагромождено было на злосчастный журналъ въ правительственномъ сообщеніи объ его закрытіи. Оказывалось, что «въ редакціи «Отечественныхъ Записокъ» группировались лица, состоявшія въ близкой связи съ революціонной организаціей. Припомнили рѣчь Михайловскаго, сказанную годъ тому назадъ на балу технологическаго института, за которую онъ былъ высланъ изъ Петербурга. Не забыли и ареста С. Н. Кривенка, замѣшаннаго въ политическихъ дѣлахъ. Поставили въ вину даже появленіе статей Салтыкова въ подпольныхъ изданіяхъ, хотя Салтыковъ, конечно, и не думалъ посылать свои статьи въ подпольныя изданія; напечатаны же онѣ были тамъ помимо его воли съ одного изъ рукописныхъ экземпляровъ, во множествѣ вращавшихся среди общества въ то время.

Нѣтъ сомнѣній, что Теокистовъ принималъ горячее участіе во всѣхъ этихъ обвиненіяхъ, изложенныхъ имъ въ своемъ докладѣ министру о зловредности журнала.

Какъ бы то ни было, но апрѣльская книжка «Отечественныхъ Записокъ» вышла благополучно, и я готовилъ уже статью для майской книжки, когда въ одно прекрасное весеннее утро совершенно неожиданно прочелъ въ получаемой мною газетѣ печальное извѣстіе о запрещеніи «Отечественныхъ Записокъ» навсегда.

Запрещеніе «Отечественныхъ Записокъ» совпало какъ разъ съ двадцатипятилѣтіемъ моей литературной дѣятельности. Нѣкоторые мои друзья собирались было праздновать мой юбилей по этому случаю, но я рѣшительно отклонилъ всякія празднества: до нихъ ли было въ виду постигшаго бѣдствія не только для меня лично, но и для всей Россіи.

А. М. Скабичевскій.

„П О К А Ж И!..“

(Памяти Ивана Александровича Всеволожскаго).

ГРОМНЫЙ залъ Маринскаго театра погруженъ въ полутьму. Кое-гдѣ въ креслахъ рѣдкими оазисами—кучки мужчинъ въ темныхъ пиджакахъ и среди нихъ—яркимъ страннымъ пятномъ—двѣ-три танцовщицы въ трико и тюникахъ, не заняты пока на сценѣ.

Ложи закрыты; закрыта и дверь въ залъ; около двери стоитъ ветхій капельдинеръ, похожій на тюремщика изъ «Периколлы» и такъ же, какъ онъ, трюмхающій ключами. Онъ еле попадаетъ ключомъ въ замочную скважину, когда нужно пропустить кого-нибудь изъ пользующихся правомъ присутствовать на репетиціи.

Полутемный залъ имѣетъ уютный домашній видъ. Въ немъ все больше чиновники конторы, администрація театра и сцены.

Идетъ послѣдняя репетиція новаго балета; послѣдняя передъ генеральной, такъ называемая «подгенеральная», съ оркестромъ и въ костюмахъ.

Что касается костюмовъ, то не все артисты соблюдаютъ это условіе. Многія изъ танцовщицъ просто въ «танцевальномъ», то есть въ бѣлыхъ или цвѣтныхъ тюникахъ, розовомъ трико и вязаныхъ накидкахъ или домашнихъ лифахъ и городскихъ прическахъ. И мужчины въ курточкахъ или пиджачкахъ, только ноги ихъ обуты въ трико и танцевальные башмаки.

Оркестръ въ полномъ составѣ. Дирижеръ-итальянецъ, котораго очень любятъ и музыканты и артисты, въ поношенномъ пиджачкѣ, машетъ дирижерской палочкой и ежеминутно останавливаетъ оркестръ, то вслѣдствіе корректурной ошибки, то вслѣдствіе требованія того или другого артиста, а то и самого балетмейстера.

Предпоследняя репетиція, а дѣло идетъ не блистательно. Нѣсколько разъ капельмейстеръ кладетъ въ изнеможеніи палочку на пюпитръ и молча, хотя и досадливымъ жестомъ, потираетъ начинающую лысѣть голову.

На сценѣ на вѣнскомъ стулѣ сидитъ маститый балетмейстеръ. Это старикъ-французъ, творецъ многочисленныхъ балетовъ, шедевровъ хореографическаго искусства того времени. Онъ бодръ, энергиченъ, какъ будто на много десятковъ лѣтъ заряженъ молодостью. Онъ рѣзокъ, иногда бываетъ дерзокъ, не стѣсняясь въ выраженіяхъ, рѣдко выбирая ихъ, даже когда говоритъ съ танцовщицами. Всѣ знаютъ эту его манеру, и никто не обижается, стараясь объяснить ее плохимъ знаніемъ русскаго языка, несмотря на то, что балетмейстеръ уже въ Россіи и среди русскихъ много, много десятковъ лѣтъ. Ему все прощается за его громадный талантъ. Если онъ дѣлаетъ замѣчаніе, хотя и въ рѣзкой формѣ, то всегда дѣльное, необходимое и талантливое. Стоитъ только не обратить вниманія на форму—и получится весьма цѣнный артистическій совѣтъ.

Рядомъ съ нимъ второй балетмейстеръ, общій любимецъ артистовъ. Онъ русскій, всѣ зовутъ его за глаза Левушкой, а кто по-крупнѣе—и въ глаза. Онъ добръ и ласковъ, «какъ ангелъ», но вспыльчивъ, какъ порохъ. Иногда на шумитъ и наоретъ, но это у него проходитъ съ такой же внезапностью, какъ и возникаетъ. И проходитъ безъ слѣда. Онъ мгновенно превращается въ прежняго мягкаго, добросердечнаго товарища, и ему самому конфузно и больно за вспышку. Одѣтъ онъ всегда въ сюртукъ шоколаднаго цвѣта; надъ сюртукомъ и надъ цвѣтомъ артисты добродушно подсмѣиваются. На открытомъ, пріятномъ и красномъ лицѣ Левушки сѣдоватые усы закручены въ стрѣлки, а на носу золотое ринсе-пез. Когда-то это былъ замѣчательный танцовщикъ и артистъ на мимическія роли, и многіе изъ оканчивающихъ службу еще помнятъ его въ зенитѣ его сценической славы. Онъ былъ и хорошимъ балетмейстеромъ, но репутація его, какъ балетмейстера, потонула въ лучахъ славы его старшаго товарища-француза. Однако небольшія вещицы, одноактные балеты и отдѣльныя хореографическія картинки у него выходили чрезвычайно художественными, какъ, напримеръ, его поэтичныя «снѣжинки» въ «Щелкунчикѣ».

Онъ не соперничалъ съ первымъ балетмейстеромъ и по природной скромности, и по славянской лѣни. Ему всегда было некогда, и всегда онъ спѣшилъ уйти съ репетиціи.

Въ красносельскихъ дивертисментахъ, гдѣ онъ долгое время былъ балетмейстеромъ, режиссеръ часто спрашивалъ его, что поставить.

Немного подумавъ, онъ неизмѣнно отвѣчалъ:

— Ставь *pas de manteaux*...

— Изъ «Пахиты», Левъ Ивановичъ?

— А то откуда же? Конечно, изъ «Пахиты».

— Но вѣдь это уже шло въ прошломъ спектаклѣ.

— Такъ что же, что въ прошломъ? И сегодня поставь.

— Да вѣдь это скучно. Левъ Ивановичъ.

— Какъ скучно? *Pas de manteaux* скучно? Такая музыка, и притомъ испанское, и танцовщицы такія красивыя, а тебѣ скучно? Ставь, ставь.

И, чтобы не продолжать спора, онъ уходилъ со сцены выпить въ буфетѣ пива.

II.

Около «Левушки» стоялъ грузный и приземистый человѣкъ, съ заплывшими жиромъ глазами, крашеными усами и парикомъ на головѣ. Это собственно былъ не парикъ, а накладка, которую онъ постоянно потрагивалъ руками, въ особенности въ состояніи нервности, какъ бы изъ желанія убѣдиться, что она все еще на мѣстѣ. Человѣкъ этотъ былъ «главнымъ режиссеромъ» балета. Сначала были просто режиссеры, но для него учредили должность «главнаго режиссера» и облекли его почти диктаторскими правами.

Правъ на эту должность онъ не имѣлъ рѣшительно никакихъ. До начала своей балетной карьеры онъ былъ помощникомъ библіотекаря казенной нѣмецкой труппы. И когда эту труппу упразднили, то добрый директоръ, чтобы дать этому человѣку возможность дослужить до пенсіи, назначилъ его режиссеромъ балета, можетъ быть, справедливо полагая, что режиссерскія обязанности въ балетѣ, не имѣющія ничего общаго съ таковыми же въ драмѣ, суть только обязанности чисто административныя. Нужно вѣдать личный составъ, писать повѣстки для явки на репетиціи и спектакли, слѣдить за прохожденіемъ службы артистовъ, вести списки по алфавиту и разрядамъ, по назначенію балетмейстера представлять къ наградамъ, давать отпуска, штрафовать за опозданіе и пр. и пр.

Но чисто административная должность балетнаго режиссера въ рукахъ помощника библіотекаря постепенно выступала изъ своихъ узкихъ рамокъ. Онъ забиралъ въ свои руки все больше и больше функций. Удивительно было то, что даже властный первый балетмейстеръ уступилъ ему часть своихъ функций, на примѣръ, назначеніе артистовъ на извѣстныя мѣста. Онъ говорилъ режиссеру: для такого-то *ballabile* мнѣ нужно 12 дамъ и 12 кавалеровъ. И вмѣсто того, чтобы выбрать ихъ самому—по способностямъ къ танцамъ, по росту, по

виѣшнему виду и пр.—главный режиссеръ доставлялъ ему готовый списокъ, по своему усмотрѣнію.

Вотъ съ этого-то и началось вмѣшательство «накладки» въ художественную часть балетнаго дѣла. Мало-по-малу, медленно, но вѣрно, онъ отвоевывалъ себѣ по кусочкамъ функціи балетмейстера, рѣшительно, абсолютно ничего не понимая въ хореографіи, не умѣя отличить батмана отъ батманчика, простого антраша отъ антраша-гоуал и путая даже позиціи.

Конечно, артисты негодовали, чувствуя себя оскорбленными въ своемъ артистическомъ и профессиональномъ самолюбіи. Въ чемъ или въ комъ была сила «накладки», никто рѣшительно не зналъ, да такъ и не узнали даже послѣ его ухода со службы. Нѣсколько робкихъ протестовъ ни къ чему не привели; протестантовъ рѣзко заставили замолчать. Два-три болѣе настоятельныхъ протеста привели къ выговору въ «Журналѣ распоряженій»—за сованіе носа куда не спрашиваютъ.

III.

Въ это время въ труппѣ былъ—онъ и сейчасъ въ ней состоитъ—молодой танцовщикъ, котораго товарищи звали, tout court, Егоромъ. Удивительно талантливый танцовщикъ, очень красивый и милостивый юноша, уже и тогда подававшій надежды стать однимъ изъ самыхъ ловкихъ кавалеровъ для pas de deux, Егоръ отлично понималъ свои силы, свой успѣхъ у публики и цѣну своему таланту и очень высоко цѣнилъ себя, какъ танцовщика. Такъ же цѣнило его и начальство. Юноша онъ былъ самолюбивый, въ частной жизни—легкомысленный и довольно-таки безшабашный. Любилъ опаздывать на репетиціи, но только на тѣ, которыя считалъ бесполезными, любилъ пить пиво у Лейнера и подолгу засиживаться въ ресторанѣ. Кромѣ того, онъ отличался безстрашіемъ: начальства не боялся, говорилъ всегда прямо то, что думалъ, и рѣдко выбиралъ округлыя, окольные выраженія для замаскированія мыслей.

На репетиціи, съ которой начинается этотъ рассказъ, онъ долженъ былъ танцевать отдѣльную вариацію, очень эффектно поставленную первымъ балетмейстеромъ.

Егоръ былъ совершенно готовъ, одѣтъ съ иголочки и вышелъ на сцену.

Неподалеку отъ него у правой кулисы сидѣлъ «синклитъ»—первый и второй балетмейстеръ и главный режиссеръ, опывшими глазами слѣдившій за танцовщиками. Вокругъ главнаго режиссера ютились сонмъ его помощниковъ.

Капельмейстеръ, погладивъ себя по зарождавшейся лысинѣ, послѣ большой остановки оркестра постучалъ палочкой и началъ вариацію Егора.

Егоръ сталъ танцевать.

Но едва онъ сдѣлалъ нѣсколько вступительныхъ рас, какъ изъ полутемнаго зала послышались аплодисменты: дѣйствительно, юноша блестяще продѣлалъ нѣсколько антраша-six. Отчетливо, ритмично, чисто, на славу.

И вдругъ раздался голосъ режиссера:

— Не такъ танцуешь...

Оркестръ продолжалъ играть, Егоръ продолжалъ танцевать, по голосъ режиссера еще настойчивѣе повторилъ:

— Неправильно танцуешь.

Егоръ бросилъ вариацию, подошелъ къ рампѣ и остановилъ оркестръ:

— Простите, маэстро...

Капельмейстеръ съ досадой положилъ палочку. Которая оставка! Нельзя же такъ безсовѣстно мучить оркестръ, которому вечеромъ, черезъ нѣсколько часовъ, придется играть оперу.

Между тѣмъ Егоръ подошелъ къ режиссеру.

— Это вы мнѣ говорите?—высоко поднявъ брови, но съ полнымъ спокойствіемъ проговорилъ онъ.

Режиссеръ, имѣвшій обыкновеніе говорить всѣмъ балетнымъ мужчинамъ «ты», не смущаясь отвѣтилъ:

— Тебѣ. По-моему, ты не такъ танцуешь.

Тогда и Егоръ перешелъ на «ты».

— Не такъ? А какъ же надо? Покажи!—еще болѣе спокойно сказалъ онъ.

Этого никто не ожидалъ. Въ полутемномъ залѣ раздались смѣшки. Музыканты фыркали. Танцовщицы убѣжали изъ зала на сцену, предвкусывая скандалъ. Даже оба балетмейстера улыбнулись, а у Левушки соскочило съ носа ринсе-пез. Онъ его подхватилъ на лету и водворилъ на прежнее мѣсто.

Сцена продолжалась. Егоръ стоялъ въ костюмѣ и трико передъ режиссеромъ въ пиджакѣ, въ спокойно выжидательной позѣ. Всѣ знали, что у Егора «мертвая хватка» и что онъ не выпуститъ изъ рукъ своей жертвы.

Режиссеръ начиналъ смущаться. Онъ сощурилъ и безъ того заплывшіе жиромъ глазки и смотрѣлъ на танцовщика съ недоумѣннымъ вопросомъ въ взорѣ: дескать, какъ далеко онъ пойдетъ въ своей неумѣстной шуткѣ? И въ спокойномъ взорѣ танцовщика онъ прочелъ что-то твердое, стальное, безповоротное. Режиссеръ взволнованно потрогалъ накладку. Все на мѣстѣ, и онъ немного успокоился. Онъ даже не замѣтилъ, что дерзкій мальчишка въ тонъ ему заговорилъ на «ты».

— Ну, ну,—сказалъ онъ примирительнымъ тономъ, внутренно давая себѣ слово отомстить ему при другомъ, болѣе удобномъ случаѣ:—не затягивай репетицію, и безъ того поздно. Начинай свою вариацию съ начала.

И совершенно спокойнымъ, но твердымъ, какъ сталь, голосомъ онъ услышалъ въ отвѣтъ:

— Покажи!

Кругомъ всѣ улыбались. Одна мысль, что этотъ обрюзгшій господинъ въ пиджакѣ и брюкахъ, съ накладкой на головѣ, будетъ продѣлывать антраша, вызывала веселое настроеніе въ присутствовавшихъ.

Въ залѣ сидѣвшіе группами чиновники подошли къ рампѣ; даже капелъдинеръ съ ключами, и тотъ, слыша, что что-то происходитъ особенное, вошелъ въ залъ.

Режиссеръ и артистъ стояли другъ противъ друга. Первый—въ смущенной и нѣсколько растерянной позѣ, второй—въ спокойно-выжидательной.

— Прекрати свою глупую шутку,—проговорилъ наконецъ режиссеръ, нервно потрогавъ накладку. Онъ обернулся къ балетмейстерамъ, какъ бы ища поддержки, но тѣ превратились въ каменныхъ сфинксовъ. Въ душѣ они были рады, что нашелся храбрый витязь, взявшій подъ свою защиту отъ профанаціи непосвященнаго ихъ любимое искусство.

— Прекрати свою глупую шутку,—еще разъ повторилъ режиссеръ и обратился къ капелъмейстеру:—Маэстро, пожалуйста.

Но танцовщикъ остановилъ взявшагося за палочку маэстро:

— Я танцовать не буду.

— Какъ не будешь?—спросилъ режиссеръ.—Послѣзавтра генеральная.

— Хотя бы распрогенеральная. Я танцовать не буду. Я танцевалъ, меня смотрѣли Маріусъ Ивановичъ, Левъ Ивановичъ, всѣ товарищи. Ни Маріусъ Ивановичъ, ни Левъ Ивановичъ не сдѣлали мнѣ ни одного замѣчанія. И вдругъ въ ихъ присутствіи вы имѣете... (пауза) смѣлость сказать, что я не такъ танцую.

— Потому что...

— Почему бы ни было. Коли не такъ—покажи!

— Я тебѣ послѣдній разъ говорю: танцуй.

— Покажи!

Тутъ ужъ всѣ увидѣли, что это дѣйствительно Егоркина «мертвая хватка». Артисты ликовали. Всѣ считали режиссера—камнемъ. И вотъ нашлась коса. Кто побѣдитъ въ неравномъ спорѣ?

— Скоро будете кончать эта истуаръ?—закричалъ маэстро.—Оркестръ не можетъ ждать...

Тогда первый балетмейстеръ подошелъ къ Егору, и Левъ Ивановичъ присоединился къ нему.

— Послушай, Егорушка,—сказалъ Левъ Ивановичъ, положивъ руку на плечо юношѣ.—Танцуй, пожалуйста. Ты насъ всѣхъ задерживаешь. Пора и закусить.

Но Егоръ не тронулся просьбой горячо любимато начальника. Онъ только сказалъ:

— Въ вашемъ присутствіи онъ позволилъ себѣ сдѣлать мнѣ замѣчаніе во время танцевъ. Если онъ мнѣ покажетъ, какъ танцовать, я буду танцовать.

Балетмейстеры отошли отъ него и взглянули на режиссера: вотъ, моль, мы по долгу службы все сдѣлали, а теперь наша роль кончена, посмотримъ, какъ вы выйдете изъ этого положенія.

Режиссеръ чувствовалъ себя растеряннымъ.

— Будешь ты танцовать, или нѣтъ?—наконецъ спросилъ онъ, придавая голосу крикливо-начальственный тонъ, чтобы себя подбодрить.

— Буду, если покажешь.

Тутъ ужъ рѣшительно нечего было дѣлать.

— Скажите Петрову 2-му,—обратился режиссеръ къ помощнику:— чтобы онъ одѣвался.—А тебя,—сказалъ онъ Егору,—я штрафую и доложу директору. И буду штрафовать каждый спектакль, пока ты не начнешь танцовать.

— А я скажу директору, что буду танцовать тогда, когда ты покажешь.

И съ этими словами Егоръ ушелъ за кулисы.

IV.

На генеральной репетиціи, состоявшейся нѣсколько дней спустя, присутствовали директоръ, управляющій балетной труппой и училищемъ (тогда была такая должность), управляющій конторой и все вице-мундирное начальство. Театральный залъ былъ на этотъ разъ ярко освѣщенъ и переполненъ приглашенной публикой.

Главный режиссеръ сидѣлъ въ режиссерской, окруженный помощниками. Состояніе духа его было приподнято-тревожное.

— Егоръ здѣсь?—спросилъ онъ у помощника.

— Сбѣгаю, узнаю.

— Какъ же ты этого не знаешь?—грубо осадилъ его режиссеръ.— Это у васъ называется служить? Я доложу директору.

— Да вѣдь еще рано, не все собрались...—попробовалъ оправдаться помощникъ.

— Не разсуждать! Сейчасъ же узнать!

Маленькіе черные глазки главнаго режиссера безпокойно бѣгали въ заплывшихъ жиромъ вѣкахъ, обрюзгшія щеки были желты, и нижняя губа отошла. Онъ волновался. Положимъ, онъ приказалъ артисту Петрову 2-му приготовиться на всякій случай, но если Егорка будетъ продолжать эту дурацкую комедію до безконечности и откажется танцовать и сегодня, то вѣдь директоръ спроситъ, почему вмѣсто него танцуетъ Петровъ 2-й, и весь этотъ глупый балаганъ выплыветъ наружу. Во всякомъ случаѣ онъ, главный режиссеръ, гроза ба-

летней труппы, очутится передъ начальствомъ и труппой въ смѣшномъ положеніи.

— Чего этотъ чортъ не идетъ!—волновался онъ, думая о помощникѣ.—Распустились каналы, надо ихъ подтянуть! А потому, что директоръ очень ужъ добръ, словно это не подчиненные, а дѣти его...

И онъ съ безпокойствомъ потрогалъ накладку, ко орая отъ волненія и хватанія за голову сдвинулась чуть-чуть на бокъ, что придавало главному режиссеру слегка комическій видъ. Онъ подошелъ къ зеркалу и недовольнымъ жестомъ поправилъ ее.

— Ну, что?—съ тревогой спросилъ онъ помощника, вбѣжавшаго впопыхахъ въ режиссерскую.

— Здѣсь.

— А-а!—облегченно вздохнулъ режиссеръ.

— Здѣсь, въ уборной,—повторилъ помощникъ.

— И что же онъ дѣлаеть?

— Одѣвается.

— Какъ, въ костюмъ?

— Да, въ костюмъ.

— Такъ значить?..

Помощникъ успокоительно кивнулъ головой.

— Да вы чего опасаетесь, Владимиръ Ивановичъ? Что онъ танцовать не будетъ?

— Ну, да, чего же еще?

— Какой вздоръ! Что онъ о двухъ головахъ, что ли, Егорка-то? Здѣсь все начальство, публика, генеральная...

— Такъ одѣвается?

— Почти готовъ даже.

Режиссеръ повеселѣлъ. Съ облегченіемъ онъ закурилъ толстую папиросу съ золотымъ концомъ; онъ почти совсѣмъ не курилъ раньше, но танцовщица Евреинова 1, которую онъ противозаконно отпустилъ среди сезона въ Каиръ, съ сохраненіемъ содержанія, вернувшись, привезла ему пять ящиковъ чрезвычайно дорогихъ египетскихъ папиросъ и великолѣпный англійскій зонтикъ. А такъ какъ онъ бралъ и зонтиками, и папиросами, и всякой дрянью, сообразно со средствами артистовъ и поклонниковъ артистокъ, то ему и приходилось такъ или иначе утилизировать дары.

Египетская папироса окончательно его успокоила.

Дѣйствительно, глупо было волноваться изъ-за этого нахальнаго мальчишки! «Начальство, публика, генеральная, что онъ о двухъ головахъ, что ли?» съ внутреннимъ удовлетвореніемъ повторилъ онъ слова помощника и отъ радости запѣлъ фальшивымъ голосомъ вариацию Егорки.

Потомъ его снова взяло сомнѣніе.

— А вдругъ? Вотъ вздоръ какой! А можетъ быть?..

И онъ опять послалъ помощника въ уборную.

- Ну, что?—спросилъ онъ, когда тотъ вернулся.
- Готовъ.
- Совсѣмъ?
- Хотя сейчасъ танцовать. Я же вамъ говорилъ...
- Тебя никто не спрашивалъ,—оборвалъ его режиссеръ и совершенно довольный вышелъ на сцену. Онъ приложился къ дырочкѣ занавѣса.

Да, все въ порядкѣ. Начальство на мѣстахъ. Пора начинать репетицію. Онъ послалъ помощника доложить, что все готово и можно начинать.

Но отвѣтъ получился столь же неожиданный, сколь радостный. Директоръ приказалъ обождать: ждутъ на репетицію великихъ князей.

Режиссеръ чуть не подпрыгнулъ отъ счастья.

Ну, если такъ, Егоркѣ—крышка. Ужъ при великихъ-то князьяхъ онъ не позволитъ себѣ никакихъ выходовъ. Это вѣдь значитъ рисковать всей карьерой. А у него жена,—«мальчишка» только недавно женился на юной драматической артисткѣ. Ладно! Теперь можно подумать, накакую сумму оштрафовать его за его дикую выходку на подгенеральной. И хотя директоръ терпѣть не можетъ штрафовать артистовъ, а всегда приказываетъ дѣлать имъ лучше выговоры, но на этотъ разъ онъ сумѣетъ настоять на своемъ. «Ожгу же я этого нахала!»

Режиссеръ опять посмотрѣлъ въ дырочку. Сердце его радостно забилось. Въ правую ложу входили великіе князья. Впереди всѣхъ сѣлъ Владимиръ Александровичъ, оживленный, веселый, благодущный, лично знавшій всѣхъ артистовъ и сердечно любившій ихъ. Режиссеръ вспомнилъ знаменательную фразу великаго князя, которую при одномъ докладѣ о штрафахъ директоръ, въ видѣ деликатнаго назиданія, процитировалъ ему:

«Я никогда не обижаюсь на артистовъ. Имъ нужно прощать ихъ слабости. Они люди особой организаціи».

— Повозился бы онъ съ ними!—пробормоталъ режиссеръ.—А ужъ Егорку-то я все-таки оштрафую на мѣсячное содержаніе, это самое малое. Директоръ будетъ торговаться, а я не уступлю. Будетъ меня помнить Егорка.

И вдругъ ему стало жутко. Онъ опять позвалъ помощника.

— А Петровъ-то 2-й все-таки одѣтъ?—спросилъ онъ.

— Нѣтъ, зачѣмъ же? Егоръ будетъ танцовать.

— А ты не разсуждай. Ступай и прикажи одѣться. На всякій случай. Мало ли что... А вдругъ Егоръ себѣ жилу вытянетъ? Или ногу сломаешь?

Никакого другого мотива отказа онъ себѣ и представить не могъ.

Помощникъ отправился въ уборную, а режиссеръ выглянулъ въ щелку между занавѣсомъ и аркой, и сдѣлалъ знакъ капельмейстеру.

Заигралъ оркестръ, поднялся занавѣсъ, начались танцы.

Егоръ, заgrimированный, въ костюмѣ съ иголочки, въ балетной обуви, съ сіяющимъ, безпечнымъ и веселымъ видомъ толкался въ первой кулиссѣ.

Въ первой кулиссѣ толкаться было запрещено, но на него никто не обращалъ вниманія,—такъ все начальство было довольно, что онъ «образумился».

За нѣсколько минутъ до того, какъ ему надо было выходить на сцену, къ нему подошелъ режиссеръ и насмѣшливо-горжествуюющимъ тономъ сказалъ ему:

— Тебѣ скоро выходить.

— Это вы мнѣ говорите?—спросилъ Егоръ.

— Нѣтъ, этой скамейкѣ. Кому же? Конечно, тебѣ. Надѣюсь, сегодня-то будешь танцевать: директоръ, въ ложѣ великіе князья.

— Конечно, буду, если покажешь...

Режиссеръ вздрогнулъ. Неужели опять?..

— Съ ума не сходи,—сурово проговорилъ онъ, и губы его задрожали отъ гнѣва.—Довольно шутить. Изволь танцевать.

— Покажи!

Тутъ ужъ режиссеръ понялъ, что это все та же «мертвая хватка». А можетъ быть, онъ просто по-мальчишески глупо шутить? Онъ ему прибавить штрафъ—двухмѣсячное жалованье. Не можетъ же быть, наконецъ, чтобы нахальство его дошло до такой степени!

— Я тебѣ приказываю танцевать.

— Покажи! Какъ только вотъ здѣсь, въ первой кулиссѣ, протанцуешь мою вариацию и я увижу, какъ надо танцевать, такъ я сейчасъ же выйду на сцену.

Ничего нельзя было сдѣлать.

Помощникъ прибѣжалъ:

— Музыка Егора—тебѣ танцевать.

— Въ послѣдній разъ говорю тебѣ,—зарычалъ сдавленнымъ шопотомъ режиссеръ.—Танцуй!

— Покажи!

— Бѣги за Петровымъ 2-мъ,—обернулся режиссеръ къ помощнику.—Скорѣе.

Произошла заминка. Оркестръ остановился. На сценѣ никого не было. Потомъ начали снова: выбѣжалъ Петровъ 2-й въ случайномъ костюмѣ и танцевалъ вариацию. Директоръ обезпокоился и послалъ узнать, въ чемъ дѣло. Режиссеръ явился въ директорскую ложу и доложилъ всю исторію.

Между тѣмъ Егоръ такъ же методично раздѣлся, какъ одѣвался, снялъ гримъ, одѣлся въ свое платье и ушелъ изъ театра въ сосѣдній рестораникъ пить пиво.

Великій князь, придя на сцену въ антрактѣ, отъ окружившихъ его родемъ танцовщицъ узналъ, въ чемъ дѣло, и своимъ искреннимъ, заражающимъ смѣхомъ громко хохоталъ.

Въ директорской ложѣ шло совѣщаніе.

Режиссеръ, въ виду безпримѣрности и дерзости поступка, принимая во вниманіе присутствіе въ театрѣ высочайшихъ особъ, полагалъ штрафовать упрямаго и дерзкаго артиста каждый разъ, какъ будетъ итти балетъ и онъ не будетъ въ немъ участвовать, на мѣсячный окладъ жалованья.

Въ то еще недавнее время не было еще жестокаго обыкновенія негодныхъ начальству артистовъ выгонять со службы и тѣмъ лишать ихъ возможности дослужиться до пенсіи.

Но и предложенная режиссеромъ мѣра не понравилась директору. Его широкое барское сердце запротестовало противъ такой драконовской мѣры, вызванной въ сущности жаждой мести безтактнаго режиссера.

— Это слишкомъ,—сказалъ директоръ, глядя на режиссера сквозь круглое черепашовое *rinse-nez*.—Подумали ли вы, что балетъ пройдетъ *minimum* двѣнадцать разъ, такъ какъ онъ, очевидно, будетъ имѣть успѣхъ, и такимъ образомъ артистъ этотъ лишится годового содержанія?

— Да, но что же дѣлать, Иванъ Александровичъ?—сказалъ режиссеръ, твердо рѣшивъ настоять на своемъ.

— Чѣмъ же онъ жить будетъ?—продолжалъ директоръ.—Я слышалъ, онъ недавно женился. Какъ вы полагаете—имъ ѣсть и пить надо?

— Я очень прошу, ваше превосходительство, утвердить этотъ штрафъ. Дерзость его безпримѣрна, и наказаніе должно быть такимъ же. Онъ не пропадетъ. Уроки найдетъ. Наконецъ, смѣю васъ увѣрить, ваше превосходительство, что на второй, на третій разъ онъ образумится и пойметъ...

— Развѣ, что такъ. Пожалуй, это вѣрно. Вы какъ думаете, Иванъ Ивановичъ?—обратился директоръ къ управляющему труппой.

— Этотъ Егоръ въ гробъ меня вгонить,—пробурчалъ Иванъ Ивановичъ, откашлявшись.—Ужъ сколько у меня съ нимъ возни было...

— Ну, дѣлать нечего, попробуемъ. Вы мнѣ ручаетесь, что онъ къ третьему спектаклю образумится?

— Почти увѣренъ, Иванъ Александровичъ.

Иванъ Александровичъ тяжело вздохнулъ. «Не предложить ли строгій выговоръ?» мелькнуло у него въ сознаніи, но онъ сейчасъ же понялъ, что это не пройдетъ, что режиссеръ поставитъ вопросъ на почву дискредитированія его власти, а этого директоръ совершенно не допускалъ.

— Дѣлать нечего,—повторилъ онъ.—Отдайте въ «Журналъ распоряженій».

V.

Въ «Журналѣ распоряженій» былъ отданъ приказъ объ оштрафованіи Егора на мѣсячный окладъ жалованья каждый разъ, какъ онъ не будетъ участвовать въ новомъ балетѣ. Какъ нарочно, новый балетъ имѣлъ выдающійся успѣхъ, ставился необыкновенно часто, и Егоръ ни въ одномъ спектаклѣ не участвовалъ. Даже попытокъ больше не дѣлалось привлечь его къ участию въ спектаклѣ. Кто бы ни заговорилъ съ нимъ о выступленіи въ новомъ балетѣ, онъ неизмѣнно отвѣчалъ одной и той же сакраментальной фразой:

— Пусть онъ покажетъ, и я буду танцовать.

Сначала это забавляло, потомъ пріѣлось.

Балетмейстеры, за авторитетъ которыхъ Егоръ въ сущности заступился своимъ отказомъ, точно его забыли. Одинъ Левъ Ивановичъ сокрушенно спрашивалъ его при встрѣчахъ:

— Чѣмъ же ты живешь, Егорушка?

— Живу, Левъ Ивановичъ,—загадочно отвѣчалъ онъ.

Среди сезона Егоръ получилъ повѣстку явиться къ управляющему труппой.

Управляющій труппой, Иванъ Ивановичъ, сидѣлъ въ глубокомъ креслѣ у письменнаго стола и кашлялъ. Его громкій кашель, раздававшійся, какъ глухіе выстрѣлы изъ орудія, Егоръ слышалъ еще въ передней.

Онъ вошелъ.

— Бу-бу-бу-бу!—кашлялъ Иванъ Ивановичъ какъ изъ бочки и замахалъ на Егора рукой.

— Уйти?—спросилъ Егоръ и повернулся.

— Бу-бу-бу-бу... останься! Ухъ... Куда тебя несетъ? Останься.

Егоръ подошелъ къ стулу.

— Садись.

Онъ сѣлъ.

— Какъ здоровье, Иванъ Ивановичъ?—участливо спросилъ онъ старика, котораго очень любилъ.

— Кашель мучаетъ... И ты мучаешь,—неожиданно прибавилъ онъ.

— Я, Иванъ Ивановичъ?

— Ты.

— Какъ же это?

— Ну, что ты затѣялъ съ этимъ... съ режиссеромъ? Пора бы кончить эту дрянъ.

— Пусть покажетъ, я кончу.

— Ахъ, брось, брось! Не раздражай меня. И что ты связался? Вѣдь, поди, ѣсть нечего?

— Да, плохо. Живу впроголодь.

— Вот видишь, вот видишь!—обрадованнымъ голосомъ сказалъ Иванъ Ивановичъ.—Ну, и кончи. Мнѣ жаль тебя, очень жаль.

Голосъ его дрогнулъ.

— Пусть покажетъ...

Но Иванъ Ивановичъ разсердился.

— Откуда у тебя такое ослиное упрямство? Ну, не хочешь слушаться, такъ убирайся къ чорту. Уходи! Видѣть тебя не могу больше. Убирайся!

Егоръ всталь.

— Ну, куда ты? Ахъ, Господи, вотъ мальчишка! Уродъ ты этакій! Въ гробъ ты меня вгонишь! Измучилъ просто. Просто измучилъ. Ну, чего сидишь дуракомъ?

— Я уйду, Иванъ Ивановичъ.

— Будешь танцовать?

— Пусть покажетъ.

— Ну, такъ убирайся окончательно! Что жъ изъ-за тебя выгнать режиссера? Это еще нигдѣ не видано...

— Да Богъ съ нимъ, пусть себѣ служить!—великодушно разрѣшили Егоръ.

— А тебѣ ѣсть нечего... съ семьей.

— Нечего, Ивацъ Ивановичъ.

— Ну, на, возьми...

Иванъ Ивановичъ пошарилъ въ столѣ и съ истинно деликатной барственностью незамѣтно всунулъ ему въ руку бумажку.

Егоръ умилился передъ этимъ человѣчнымъ, благороднымъ поступкомъ стараго и больного барина.

— Можно васъ поцѣловать, Иванъ Ивановичъ?

Но Иванъ Ивановичъ снова закашлялся и замахалъ руками.

— Бу-бу-бу-бу...—слышалъ уже въ передней Егоръ:—бу-бу... одумайся... бу-бу-бу!.. Очухайся...

VI.

Весной, передъ окончаніемъ сезона, Егоръ былъ вызванъ къ директору.

Егоръ вошелъ въ большой желтый залъ, гдѣ дежурный чиновникъ въ вицъ-мундирѣ записаль его фамилію и понесъ записочку въ служебный кабинетъ директора, прилежавшій къ залу.

— Пожалуйте,—сказаль чиновникъ, отворяя двери кабинета.

Егоръ вошелъ и низко поклонился.

Передъ нимъ стояль директоръ. Высокій, стройный старикъ съ изящными манерами, величавыми жестами, настоящій вельможа

XVIII вѣка. Добрые, славные глаза его внимательно, участливо и вдумчиво глядѣли изъ-за круглыхъ стеколъ черепахового рince-nez.

Онъ красивымъ жестомъ пригласилъ сѣсть артиста и самъ подсѣлъ къ нему, выйдя изъ-за официальнаго письменнаго стола.

— Скажите, голубчикъ...—мяткимъ тономъ заговорилъ онъ, и Егоръ сразу почувствовалъ, какъ весь холодъ этого огромнаго кабинета и этой казенно-величавой обстановки исчезъ. И вся робость Егора исчезла вмѣстѣ съ ними. И передъ нимъ очутился уже не вельможа, не придворный сановникъ, не директоръ, а обыкновенный человѣкъ, почти равный ему, если бы не разница въ лѣтахъ. И какъ-то не шло съ языка официальное «ваше превосходительство», а такъ и вертѣлось на немъ «Иванъ Александровичъ».

— Скажите, вѣдь вы весь сезонъ не танцовали въ новомъ балетѣ?

— Весь сезонъ, Иванъ Александровичъ.

— И вамъ не стыдно! Вотъ я сдѣлалъ подсчетъ—онъ протянулъ выхоленную руку къ столу и взялъ съ него бумажку.—Десять спектаклей новаго балета. Вашъ мѣсячный окладъ 60 рублей. Это составило 600 рублей—почти все ваше содержаніе. Вѣдь это ужасно!

— Ужасно, Иванъ Александровичъ.

— Вотъ видите, я очень радъ, что вы со мной согласны. Такъ вотъ что я придумалъ. Еще осталось два спектакля этого балета. Не склонны ли бы вы были извиниться передъ Владимиромъ Ивановичемъ?..—и директоръ ласково взглянулъ на Егора.

Тотъ вскочилъ со стула, и немедленно всталъ директоръ.

— Мнѣ? Мнѣ извиниться передъ нимъ? Извините, ваше превосходительство... я ни въ чемъ не виноватъ передъ нимъ. Это ему надо извиниться передъ балетмейстеромъ и передо мною.

— Ну, ну, не волнуйтесь. Я не такъ, можетъ быть, выразился. Вы, можетъ быть, нашли бы возможность... возможность... ну, помириться съ нимъ, что ли...

— Я съ нимъ не ссорился, Иванъ Александровичъ. Это онъ со мной ссорится, такъ пусть онъ ужъ и находитъ эту возможность.

— Но вѣдь онъ режиссеръ...—мягко вставилъ директоръ.—Извѣстный престижъ власти...

— А я артистъ, Иванъ Александровичъ! Иванъ Александровичъ!! возопилъ вдругъ Егоръ.—Сдѣлайте замѣчаніе мнѣ вы! Это другое дѣло! Вы, во-первыхъ, не сдѣлаете его такъ по-хамски... А, во-вторыхъ, вы образованный, вы человѣкъ со вкусомъ, вы сами артистъ-художникъ. Вы хотя и сановникъ, и превосходительство, а все-таки вы артистъ, нашъ братъ, а не младшій помощникъ нѣмецкаго бібліотекаря... И вотъ когда этотъ самый бібліотекарь покажетъ мнѣ, какъ танцовать,—я и буду танцовать.

— Но вѣдь онъ не можетъ показать...

— Тогда пусть молчитъ, когда я танцую. У насъ есть два балетмейстера, которыхъ я всегда послушаюсь, а при нихъ и безъ нихъ— это все равно, не позволю себѣ дѣлать замѣчанія библиотечарю. Пусть свои рапортчики пишетъ да накладку свою бережетъ.

Директоръ не удержался отъ улыбки.

— Меня въ данномъ случаѣ интересуешь не столько онъ, сколько вы,—сказалъ директоръ и положилъ Егору на плечо руку.—Какъ вы живете съ семьей? Я слышалъ, у васъ родился ребенокъ?

— Да, Иванъ Александровичъ.

— Это ужасно, это ужасно!—и легкая судорога покривила его губы.—Я уже просилъ Ивана Ивановича поговорить съ вами. Онъ мнѣ сказалъ, что ничего не могъ сдѣлать.

Онъ замолчалъ и задумался.

— Вы не пойдете на компромиссъ?—вдругъ спросилъ онъ.

— Нѣтъ, Иванъ Александровичъ,—твердо и рѣшительно отвѣтилъ Егоръ.—Не пойду, простите меня. Умру, а не пойду.

— Но вѣдь это же неслыханно жить съ семьей, не получая жалованья. Вотъ до чего упрямство доводитъ! Но мы не звѣри. Я не могу допустить для своего подчиненнаго такого положенія. Подайте просьбу о пособіи, по семейнымъ обстоятельствамъ. Рожденіе ребенка, болѣзнь вашей супруги удобный тому поводъ. Я буду хлопотать у министра. Я думаю, что сумѣю выхлопотать вамъ тысячу рублей.

— Это не спасетъ меня, Иванъ Александровичъ. Я вѣдь все-таки жилъ все это время. Я въ рукахъ у ростовщика и долженъ ему больше тысячи. Артистъ императорскаго театра всегда найдетъ кредитъ. Если я уплачу ему пособіе, у меня ничего не останется, тѣмъ болѣе, что жалованье цѣликомъ удержать еще за два мѣсяца.

— Ахъ, Боже мой!—досадливо вздохнулъ директоръ.—Вотъ тогда что, я представлю министру докладъ и буду просить полторы тысячи. А пока, чтобы вамъ было чѣмъ жить...—онъ замаялся,—позвольте предложить вамъ...

Скромнымъ жестомъ онъ вынулъ бумажникъ и досталъ оттуда сторублевку. Какъ-то робко, конфузливо протянулъ онъ ее Егору.

— Нѣтъ, нѣтъ, не надо, не благодарите. И не отказывайтесь (Егоръ и не подумалъ отказываться). Вы сами сказали, что мы товарищи-артисты. Примите это какъ отъ товарища. И наконецъ, это я не вамъ помогаю, а вашей супругѣ и ребенку. Они не должны голодать, и вы не имѣете нравственнаго права подвергать ихъ мученіямъ изъ-за своихъ капризовъ.

И тотчасъ, перейдя въ дѣловой тонъ:

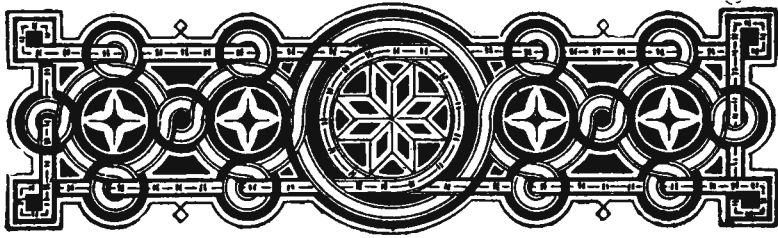
— Я прикажу прекратить это безобразіе и чтобы больше съ васъ не смѣли вычитатъ. Если вы хотите продолжать не танцовать, есть легальный способъ: подайте рапортъ о болѣзни. До свиданія, голубчикъ, будьте здоровы, кланяйтесь вашей супругѣ.

Онъ всталъ, пропустилъ впереди себя Егора и проводилъ его— какъ это онъ имѣлъ всегда обыкновеніе дѣлать— до самыхъ выходныхъ дверей.

Егоръ вышелъ отъ него умиленный, умиротворенный, растроганный. Все дрожало внутри его отъ какого-то хорошаго, чистаго чувства. И комокъ подступалъ къ горлу, и ему хотѣлось плакать, и онъ заплакалъ на послѣдней площадкѣ лѣстницы.

В. Свѣтловъ.

СИЛУЭТЫ ВРЕМЕНИ РЕФОРМЪ.

(Воспоминанія шестидесятника).

Х.

Еще два типа губернаторовъ-шестидесятниковъ—А. А. Татищевъ (консерваторъ, впоследствии членъ государственнаго совѣта), П. П. Косаговетскій (знакомецъ Герцена, либераль, впоследствии директоръ департ. полиціи исполнительной).—Настроеніе дворянскихъ собраній.—Земскіе ходоки—А. Н. Струговщиковъ, сенаторъ князь М. Н. Шаховской.—Представленіе П. П. Косаговетскаго государю и государынѣ.

ВЕРВОЕ послѣ обнаруженія положенія 19-го февраля 1861 года дворянское собраніе въ Новгородѣ закончало сессию.

Былъ вечеръ послѣдняго дня выборовъ, увѣнчивающихся, какъ извѣстно, избраніемъ губернскаго предводителя. Выбранъ былъ вновь князь Н. Ев. Мышецкій. Онъ давно тяготился этимъ положеніемъ, усердно отказывался отъ чести; но, по различнымъ соображеніямъ большинства дворянъ, въ которомъ старики-консерваторы на этотъ разъ сходились съ людьми сороковыхъ годовъ и съ молодыми приверженцами реформъ, ему пришлось сдаться. Этимъ выборомъ былъ недоволенъ А. А. Татищевъ. Во-первыхъ, потому, что самъ имѣлъ причины надѣяться быть избраннымъ; во-вторыхъ, потому что они съ Мышецкимъ взаимно другъ друга не переваривали, хотя служили раньше вмѣстѣ въ лейбъ-гусарахъ, были на «ты» и обращались по-товарищески. Вѣроятно, князь Мышецкій и сдался на просьбу дворянъ для того, чтобы Татищевъ не попалъ на его мѣсто.

¹⁾ Окончаніе. См. «Историческій Вѣстникъ», т. СХІХ, стр. 863.

Александръ Александровичъ Татищевъ, вполсѣдствіи пензенскій губернаторъ (типа сократителей реформъ Александра II), потомъ, въ восьмидесятихъ годахъ, сенаторъ, вскорѣ членъ государственнаго совѣта, вліятельный въ нѣкоторыхъ правительственныхъ и общественныхъ петербургскихъ сферахъ, отмѣченный сатирой Салтыкова, въ описываемое мною время, т.-е. въ первой половинѣ шестидесятихъ годовъ, былъ отставнымъ лейбъ-гусарскимъ полковникомъ и однимъ изъ богатѣйшихъ и хлѣбосольнѣйшихъ помѣщиковъ Новгородской губерніи. Ему было за 40 лѣтъ.

На только что закрывшемся дворянскомъ собраніи Татищевъ былъ избранъ въ первый разъ уѣзднымъ предводителемъ Крестецкаго уѣзда.

Вечеромъ, часовъ въ 10, этого важнаго для стараго дворянства дня князь Путятинъ и я, возвратясь изъ дворянскаго клуба, встрѣтились съ Татищевымъ въ коридорѣ гостиницы, въ которой всѣ мы трое проживали. Послѣдній пригласилъ насъ въ свой номеръ. У него, видимо, накипѣло на душѣ послѣ неудачи; ему хотѣлось высказаться да, вѣроятно, и начать подбирать себѣ партію на будущіе выборы. И онъ, несмотря на то, что иногда шутя говорилъ про себя: «я, господа, косноязыченъ», и дѣйствительно ни въ дворянскихъ, ни потомъ земскихъ собраніяхъ рта не развѣвалъ, проговорилъ въ этотъ вечеръ съ нами безъ умолку далеко за полночь. Собственно Татищевъ говорилъ одинъ; старикъ Путятинъ подремывалъ: для него всѣ подобныя разговоры были давно стары и неинтересны. Для меня же, напротивъ, были новы размышленія и рассказы оратора, словно приподнимавшіе кулисы сцены, гдѣ я сдѣлалъ первый шагъ. Я также въ первый разъ былъ только что избранъ въ предводители дворянства Бѣлозерскаго уѣзда. Князь Ар. Ар. Путятинъ—обладатель извѣстной станціи Николаевской желѣзной дороги Вологое и ея окрестностей—былъ гораздо старше Татищева. Его взрѣнія и прическа коками принадлежали 30-мъ годамъ. Вообще это былъ пріятный, старомодный, богатый и безобидный помѣщикъ. Я самъ былъ очень молодъ; почти наканунѣ вышелъ въ отставку изъ гвардейской конной артиллеріи, потому что мой дѣдъ, Яковлевъ, былъ старъ, и надо было заняться его довольно обширными имѣніями въ Вологодской и Новгородской губерніяхъ, вводить уставныя грамоты и пр. Принялъ я предложеніе дворян баллотироваться въ предводители потому, что меня соблазняла работа въ реформенное время (а ея было не мало), сопряженная съ этой должностью. Я, какъ и множество моихъ однолѣтокъ, глубоко вѣрилъ въ благотворность реформъ новаго царствованія, радовался имѣть возможность по силамъ и разуму содѣйствовать скорѣйшему ихъ осуществленію, хотя бы въ микроскопическомъ уголкѣ родины. Понятно, что бесѣда Татищева меня очень интересовала, хотя раздражительность его тона мнѣ была какъ-то не по душѣ.

Особенно ворчливо и желчно отзывался онъ о Павлѣ Павловичѣ Косаговскомъ, валдайскомъ уѣздномъ предводителѣ дворянства, который былъ однимъ изъ видныхъ молодыхъ либеральныхъ членовъ губернскаго комитета по вопросу объ освобожденіи крестьянъ. На выборахъ предшествовавшего трехлѣтія дворяне предложили Косаговскому баллотироваться въ губернскіе предводители. Онъ отказался; но Татищевъ теперь все-таки негодовалъ на партію, сдѣлавшую предложеніе.

Впослѣдствіи П. П. Косаговскій былъ губернаторомъ типа дѣятельнаго сторонника реформъ Александра II, а далѣе директоромъ департамента полиціи исполнительной. На этомъ мѣстѣ его захватила катастрофа 1-го марта 1881 года, по случаю которой онъ былъ разжалованъ изъ поповъ въ дьяконы, т.-е. вновь назначенъ губернаторомъ. Конечно, во время нашей бесѣды съ Татищевымъ въ уютномъ номерѣ Соловьевской гостиницы ничего этого еще не могло предвидѣться.

Около шестидесятаго года Косаговскому было лѣтъ 30. Онъ, дѣйствительно по возрасту и матеріальной обстановкѣ не соответствовалъ понятію о классическомъ типѣ губернскаго предводителя дворянства: оппонирующаго губернской администраціи, богатаго (или тароватаго,—по русской пословицѣ этихъ свойствъ не отличишь), но вообще беззаботно дремлющаго и пирующаго подъ сѣнью государственно-дворянскихъ традицій, которыя казались еще людямъ дореформеннаго времени столь же несокрушимыми, какъ законы мірозданія. Онъ былъ строенъ, тонокъ, подвиженъ; имѣлъ лицо худощавое, очень умное, выразительное, красивое, но блѣдное, задумчивое, а по временамъ даже болѣзненно-скорбное. Имѣніе его только-только удовлетворяло предводительскому цензу и не могло удовлетворять обычнымъ аппетитамъ (и въ прямомъ и въ переносномъ смыслѣ) стараго дворянства. Онъ воспитывался, кажется, въ кадетскомъ корпусѣ; рано вышелъ въ отставку скромнымъ артиллеріи поручикомъ; потомъ усиленно занимался самообразованиемъ, много читалъ; былъ чутко вдумчивъ; искренно сочувствовалъ освободительнымъ начинаніямъ Александра II. А съ другой стороны, былъ лично знакомъ съ Герценомъ, какъ я зналъ отъ него самого. Его цѣнила въ концѣ пятидесятыхъ годовъ молодая дворянская партія, одобренная остатками людей сороковыхъ годовъ. Собственно, тогда эту партію, по ея немногочисленности, слѣдовало бы назвать «группой», если бы старая партія не пыталась затаивать своего антиреформеннаго настроенія. Надвигающіяся реформы она считала для себя гибельными. Но она еще скрывала свои чувства. Между прочимъ, дворянству было предъ 60-мъ годомъ предоставлено правительствомъ обсуждать въ особыхъ комиссіяхъ нѣкоторыя существенныя части проекта закона объ освобожденіи крестьянъ. Изъ старой партіи мало кто чувствовалъ себя расположеннымъ къ этому заня-

тію; иные отвыкли работать головой, иные были огорчены искренно, огорчены до трагическаго состоянія души и изнурены необходимостью улыбаться, когда на сердцѣ кошки скребуть. Таковыя боялись, что ихъ антиреформенныя чувства могутъ прорваться въ не совсѣмъ вѣрнопопуданнической по времені формѣ, и благоразумно держались подале: «моя хата съ краю, я ничего не знаю». Словомъ, поневолѣ пришлось предоставить суть работы людямъ молодой партіи, среди которой тогда въ Новгородской губерніи особенно выдвинулся своими дарованіями и работоспособностью Косаговскій. Работы комиссій по ихъ окончаніи были представлены въ высшія инстанціи, гдѣ обратили на себя особое вниманіе. Тамъ уже знали, что въ сущности эти работы, соотвѣтствовавшія тогдашнимъ видамъ государя, были дѣломъ рукъ Косаговскаго. На нѣкоторыя либеральныя увлеченія въ то время, какъ извѣстно, сверху смотрѣли со снисходительной улыбкой. Валувевъ тогда же отмѣтилъ въ своей памяти Косаговскаго. А дворянство новгородское на слѣдующихъ же выборахъ (въ декабрѣ 1859 года), по инициативѣ, конечно, молодой партіи, которой старые элементы явно не противодействовали, предложило баллотироваться въ губернскіе предводители. Татищевъ и тогда уже мѣтилъ самъ на этотъ постъ и выражалъ свое негодованіе въ разговорѣ, который три года спустя велъ съ княземъ Путятинымъ: ему во второй разъ не удалось попасть въ губернскіе предводители. Впрочемъ, онъ осторожно направлялъ свое негодованіе, главнымъ образомъ, не на популярнаго еще въ собраніи и на извѣстнаго въ министерствѣ Косаговскаго, а на «нынѣшнее» дворянство вообще и на избраннаго тогда и сегодня снова губернскимъ предводителемъ князя Н. Е. Мышецкаго, который допустилъ, чтобъ овація «этому мальчику» (т.-е. Косаговскому) дошла до приглашенія его на курульное кресло.

— Вѣдь это совершенно нелѣпо!—объяснялъ намъ нашъ хозяинъ.—Не бессмысленно ли было предлагать подобное званіе какому-то «мальчику». Положимъ, Косаговскій очень умный человекъ. Это такъ. Допустимъ, что онъ усердно работалъ въ комиссіи и работа понравилась въ Петербургѣ. Ну, прекрасно! Дворянство могло бы поднести ему подарокъ за его труды, какую-нибудь, тамъ, художественно-цѣнную вещицу. Это было бы уместно, правильно. А то вдругъ—овація! «Не угодно ли, дескать, занять постъ губернскаго предводителя...» Да вѣдь на этомъ креслѣ сидѣли Бахметьевы, Зуровы, Васильчиковы!.. И вдругъ... Косаговскій!! Даровитый человекъ? Я согласенъ. Но все-таки мальчикъ.

Нашъ третій собесѣдникъ замѣтилъ сквозь одолѣвавшую его дремоту, что, дескать, «подарочки» тоже какъ-то оно не того. Татищевъ еще болѣе воодушевился, а когда онъ воодушевлялся, то говорилъ тихо, съ шипомъ.

— Дворянинъ отъ дворянства всегда можетъ принять подарокъ. Но дворянинъ не долженъ принимать ни подарковъ, ни наградъ отъ

правительства... Да! Никакихъ наградъ! Главное, потому, что собственно эти награды и даются-то не правительствомъ, а губернаторами.

— Т.-е. по губернаторскому представлению,—пробурчалъ Путьинъ.

— Ну, да! По представлению губернатора. Это-то и скверно. Это вѣдь подкупъ. Предводитель служить дворянству; по-пустому ссориться ему съ администраціей пѣтъ надобности. Но, на всякій случай, онъ долженъ оставаться всегда отъ нея независимымъ. Вотъ меня нынче выбрали въ уѣздные предводители. Дай мнѣ черезъ пѣсколько лѣтъ Лерхе награду, я откажусь, честное слово. Возвращу имъ орденъ тамъ, что ли. Чтобы не быть связаннымъ... Хотя я противъ самого Лерхе ничего не имѣю.

Надо сказать, что въ началѣ слѣдующаго трехлѣтія, когда Татищевъ вновь былъ избранъ уѣзднымъ предводителемъ, онъ получилъ орденъ на шею по представлению того же Лерхе и принялъ награду, а черезъ пѣсколько лѣтъ принялъ и производство въ дѣйствительные статскіе совѣтники. Это, впрочемъ, не помогло ему пробраться и на третье трехлѣтіе къ завѣтному курульному креслу, потому что оно тогда было предложено одному изъ самыхъ юныхъ уѣздныхъ предводителей и, повидимому, единогласно. Когда же тотъ, поблагодаривъ дворянство, отказался отъ чести по своимъ семейнымъ причинамъ, и когда было произнесено имя Татищева, то три уѣзда въ полномъ составѣ вышли изъ большого зала и сѣли за свои соотвѣтственно-уѣздные столы, демонстративно высказывая этимъ желаніе воздержаться отъ участія въ выборахъ. Надо замѣтить, что въ этихъ трехъ уѣздахъ большинство дворянъ не отличалось особеннымъ либерализмомъ; взглядами на реформы, пожалуй, сходилось съ А. А. Татищевымъ и все-таки не желало его избранія. Понятно, что въ виду такого нѣмого, но явнаго протеста онъ не могъ рискнуть баллотироваться. Губернскимъ предводителемъ и былъ избранъ («изнасилованъ», какъ выражались остроумцы) Гр. Мих. Коковцовъ, простодушный старичокъ, благополучно просидѣвшій затѣмъ много трехлѣтій въ своемъ званіи, до того невинный по части дѣлъ, что, предсѣдательствуя въ собраніяхъ (дворянскомъ и земскомъ), онъ на голоса ставилъ вопросы по записочкамъ, которыя подсовывалъ ему кто-либо изъ сосѣдей.

Татищевъ уже не брезгалъ съ тѣхъ поръ наградами Лерхе—и принялъ мѣры для уготовленія себѣ путей къ видной административной карьерѣ. И достигъ. Могъ уже открыть (въ 80-хъ годахъ) свои карты—но добился даже апогея: кресла въ государственномъ совѣтѣ. Главное, онъ сталъ тогда до пѣкоторой степени камертономъ по настроенію части петербургскаго бюрократическаго общества касательно внутренней полититки. Мы забѣжали впередъ только потому, что явленіе, описываемое нами, характерно выражаетъ на

строение и дворянскихъ и бюрократическихъ сферъ начала 60-хъ годовъ.

Дворянство, какъ вскорѣ и земство, въ общемъ косилось на своихъ членовъ, видѣвшихъ въ выборныхъ должностяхъ только ступеньки къ бюрократическимъ высотамъ. Единолично, впрочемъ, многіе дворяне и земцы далеко не прочь были воспользоваться сами такой ступенькой. Для нихъ губернской предводитель долженъ всегда оставаться «нашимъ превосходительствомъ». Всѣ же остальные превосходительства, начиная съ губернатора, считались «превосходительствами чужими». Къ своему превосходительству каждый дворянинъ считалъ себя въ правѣ являться какъ домой и всѣмъ пользоваться, начиная съ дѣловаго совѣта и поддержки до обильной закуски и отвалистаго обѣда.

Татищевъ по части хлѣбосольства и связей совершенно соответствовалъ традиціоннымъ требованіямъ, которыя дворянство предъявляетъ къ своимъ предводителямъ. Онъ жилъ не выше своихъ средствъ, но шире многихъ помѣщиковъ, превосходившихъ его богатствомъ. Его усадьба Устволье, роскошная по убранству и мѣстоположенію, въ которой онъ проводилъ значительную часть года, славилась какъ разливное море. Она постоянно бывала полна гостей, и званыхъ и незваныхъ. Туда, по пословицѣ, «валились и комаръ и муха». Хозяева относились къ гостямъ съ большимъ радушіемъ, тактомъ, любезностью. Приманивали въ свой домъ между прочимъ и тѣмъ, что у нихъ часто гащивали лица, болѣе или менѣе общественныя, извѣстныя своими дарованіями, умомъ, прѣзвѣденіями—художники, писатели, ученые, поэты. Появлялись иногда метеорами сановники, государственные дѣльцы. Обстановка была обязана своею привлекательностью, однако, не самому Александру Александровичу. Ее налаживала и всѣмъ руководила Лидія Арсеньевна, его жена, рожденная Жеребцова, женщина свѣтская, самостоятельная и по уму и по состоянію. Съ мужемъ она сходилась въ честолюбивыхъ вождедѣніяхъ. Богатствомъ и связями въ высшихъ сферахъ общества она едва ли не превосходила его.

Кромѣ этихъ осязательныхъ пригодностей къ званію губернскаго предводителя, связи Татищева и его жены также подходили къ рутинному идеалу. И тѣмъ и другимъ онъ пользовался подъ руководствомъ Лидіи Арсеньевны. Правда, въ началѣ 60-хъ годовъ ему еще не представлялось случаевъ прибѣгать къ этимъ связямъ ради собственно дворянскихъ интересовъ: напримѣръ, являться въ Петербургъ какъ бы ходокомъ отъ дворянскихъ собраний. Въ этотъ острый моментъ подготовки около государя либеральныхъ реформъ отодвигались на второй планъ—и въ провинціи и въ столицѣ—интересы специально дворянскіе. Но зато по земству съ самаго начала ему представлялось широкое поприще для исканія популярности, хотя бы и противъ его убѣжденій. Губернскія очередныя

собранія съѣзжались ежегодно. Составъ земскихъ собраній былъ въ началѣ ихъ существованія почти исключительно дворянской, хотя по расчету или уму либеральная, по тому времени, партія дворянства имѣла серьезный вѣсъ. Татищевъ, не взирая на преобладаніе въ земствѣ либеральной окраски, мало подходившей къ его личнымъ симпатіямъ, болѣе чѣмъ охотно брался за ходатайства въ столицѣ по дѣламъ земства и исполнялъ ихъ усердно, толково и нерѣдко успѣшно. Это его земляковъ вначалѣ удивляло, ибо онъ во всѣхъ слояхъ дворянства (и стараго и новаго пошиба) по преимуществу считался человѣкомъ ограниченнымъ, малознающимъ и «косноязычнымъ», по его собственному выраженію. Это словечко онъ любилъ повторять каждый разъ, когда кто-нибудь изъ старой партіи пенялъ ему на его безмолвіе по вопросамъ, которымъ, по мнѣнію пенявшаго, Александръ Александровичъ навѣрно сочувствовалъ. Но онъ былъ себѣ на умѣ; остряки его звали «земскимъ тараномъ» за его всегдашнюю готовность добиваться въ Петербургѣ выполненія земскихъ ходатайствъ. Онъ зналъ о прозвищѣ и былъ доволенъ. Во всякомъ случаѣ, это словечко выражало силу. Успѣшными ходатайствами по общественнымъ дѣламъ онъ убивалъ двухъ зайцевъ: 1) располагалъ къ себѣ земцевъ-дворянъ и 2) составлялъ себѣ во вліятельныхъ столичныхъ сферахъ репутацію умнаго, хорошо знающаго провинцію вообще и народъ въ особенности барина. Верхи бюрократіи его считали заслуживающимъ «сановничества». Успѣшность же ходатайствъ, съ одной стороны, и созданіе репутаціи государственнаго ума, съ другой, обусловливались тѣмъ, что Александръ Александровичъ представлялъ весьма распространенный, но мало изслѣдованный типъ людей,—по выраженію одного моего пріятеля, въ умственномъ отношеніи имѣющихъ мало родового имущества, зато въ обилии обладающихъ благопріобрѣтеннымъ. Память его была изумительна: быстро, какъ губка схватывавшая, цѣлко удерживала. Что онъ разъ услышалъ, то гравировалось въ его головѣ, какъ на стальной скрижали. Отправляя его въ Петербургъ въ качествѣ земскаго ходока, близкія ему лица приводили конкретнымъ повтореніемъ всего слышаннаго и схваченнаго его памятью въ систему данныя по надлежащему вопросу; наигрывали ему фіоритуръ, которыя полезно будетъ употреблять при изложеніи дѣла петербургскимъ властямъ. Надо отдать ему справедливость, онъ выслушивалъ такія наставленія терпѣливо, какъ ученикъ, и послушно выполнялъ ихъ.

На его счастье, Крестецкій уѣздъ, гдѣ онъ предводительствовалъ, особенно изобилывалъ умными, дѣловитыми людьми, умѣвшими вліять на своего принцепала, не возбуждая съ его стороны неудовольствія и не шокируя его политическихъ вкусовъ. Умная жена его умѣла окружать его полезнѣйшими въ требуемомъ смыслѣ и даровитѣйшими въ данномъ кружкѣ лицами. Многія изъ нихъ были

искренне либеральны, онъ это понималъ, но позволялъ имъ направлять себя на ходатайства по либеральнымъ, такъ сказать, вопросамъ земства, сознавая духъ времени и не упуская изъ виду въ будущемъ личныхъ интересовъ.

Кстати замѣтить, что, кромѣ Татищева, губернское земство въ первое время располагало и другими полезными и усердными ходатаями изъ своихъ же гласныхъ. Напримѣръ, отпрыскъ сороковыхъ годовъ, поэтъ Александръ Николаевичъ Струговщиковъ, извѣстный въ свое время какъ переводчикъ Гётевскаго «Фауста». Когда-то онъ былъ очень богатъ, но проигралъ въ одну ночь миллионное состояніе. Къ 60-мъ годамъ онъ дослужился до тайнаго совѣтника и имѣлъ связи въ высшихъ бюрократическихъ сферахъ. Струговщиковъ продолжалъ исповѣдывать либеральные принципы сороковыхъ годовъ; брался за хлопоты въ Петербургѣ очень охотно и умѣлъ достигать цѣли настойчивостью, можно сказать, назойливостью. Его съ этой стороны даже боялись—во всякомъ случаѣ избѣгали—министры, директора департаментовъ и прочія лица, на которыхъ онъ взиралъ въ извѣстныхъ случаяхъ какъ на земскія мишени. Если Струговщикова подъ благовидными предлогами не принимали въ министерствѣ, то онъ стучался въ частную квартиру. Если искомаго лица дома не оказывалось, онъ стоически выжидалъ его въ извѣстные часы дня, прогуливаясь по тротуару около министерскаго подъѣзда, или по набережной, или по Лѣтнему саду, соглашаясь съ привычками своей жертвы (это онъ самъ намъ разсказывалъ); добивался не мытьемъ, такъ катаньемъ благопріятнаго отвѣта или назначенія аудіенціи. Если онъ долго не излавливалъ искомаго сановника, то разузнавалъ у знакомыхъ о концертахъ, журфиксахъ, вечерахъ, театральныхъ спектакляхъ и т. п., гдѣ могъ бы разсчитывать встрѣтить свою жертву; старался самъ туда проникнуть. Полезенъ былъ и сенаторъ Михаилъ Николаевичъ Шаховской (тоже земскій гласный), корректный, дѣловой человекъ, тонкій юристъ, тоже сороковикъ, женатый на Мавриной, очень умной женщиной со связями.

Н. А. Качаловъ, предѣдатель губернской земской управы, самъ сумѣлъ настолько обратить вниманіе на свою общественную дѣятельность высокопоставленныхъ лицъ въ первые же годы земства, что его лично знали великіе князья, особенно цесаревичъ Александръ Александровичъ и великій князь Владиміръ Александровичъ, къ которымъ онъ имѣлъ доступъ¹⁾. Помимо всѣхъ этихъ земскихъ ходочковъ, А. А. Татищевъ оставался нѣкоторое время главнымъ

¹⁾ О Качаловѣ и его отношеніяхъ, какъ общественнаго дѣятеля, въ высшихъ сферахъ мы разскажемъ въ другомъ очеркѣ.

боевымъ земскимъ тараномъ и въ то время, когда въ правительственныхъ сферахъ начало обнаруживаться уже охлажденіе, недовольство къ земскимъ учрежденіямъ.

Татищевъ во многихъ случаяхъ оказывался полезнѣе, напримѣръ, Шаховского, Струговщикова и вообще болѣе его убѣжденныхъ въ основательности ходатайствъ, не взирая на свои высокіе чины, сороковиковъ. Онъ казался въ этотъ періодъ предержаннымъ властямъ гораздо болѣе «своимъ», чѣмъ Шаховскіе, Струговщиковы, Васильчиковы, когда-то слушавшіе или читавшіе Грановскаго, Кудрявцева, Бѣлинскаго и не забывшіе ихъ идеаловъ, дружившіе съ поэтами, пѣвшими свободу. (Напримѣръ, князь А. И. Васильчиковъ въ молодости былъ задушевымъ другомъ Лермонтова, который и скончался на его рукахъ послѣ дуэли).

Татищевъ соотвѣтствовалъ новымъ отношеніямъ, напримѣръ, министерства внутреннихъ дѣлъ къ земству въ Петербургѣ и когда министромъ сталъ генералъ-адъютантъ Тимашевъ. Тамъ тогда и считалось похвальнымъ, что А. А. Татищевъ, будучи мѣстнымъ дворяниномъ и земскимъ человѣкомъ, является ходатаемъ по нѣкоторымъ земскимъ нуждамъ, даже по такимъ, которыя по близорукости бюрократіи не признавались «нуждами», которымъ въ правительствѣ уже не сочувствовали, но съ которыми обращались покуда еще въ бархатныхъ перчаткахъ. Въ немъ Тимашевъ, П. А. Шуваловъ и ихъ сподвижники чуяли своего человѣка и не ошибались. Они, какъ Татищевъ, прошли только корпусную науку Николаевскаго времени. Но зато (на ихъ, по крайней мѣрѣ, взглядъ) онъ зналъ то, чего они сами не знали: «суть провинціальной жизни, свойства народа и его потребности». Татищевъ рѣдко не имѣлъ въ карманѣ нѣсколькихъ благодарственныхъ адресовъ отъ крестьянъ дворянскимъ властямъ, адресовъ, составленныхъ по какому-нибудь удобному случаю по внушенію его сподвижниковъ. Въ этихъ адресахъ ясно прописывалось, что крестьяне благодарствуютъ, благодаря заботамъ о нихъ мѣстныхъ крупныхъ дворянъ, что по части государственныхъ нововведеній имъ ничего болѣе не нужно, кромѣ усиленія вліянія дворянства на ихъ общественныя дѣла, расширенія власти мѣстнаго начальства, уничтоженія пьянства, религіознаго обученія и т. п. Такого рода адреса присылались Татищеву его единомышленниками-помѣщиками или ихъ агентами, управляющими, старшинами, волостными писарями, болѣе или менѣе обязанными своимъ положеніемъ даннымъ помѣщикамъ—изъ разныхъ губерній.

Понятно, что люди реакціи шестидесятихъ годовъ видѣли въ этихъ документахъ подтвержденіе своихъ убѣжденій, своихъ соображеній насчетъ будущаго, а въ Татищевѣ одинъ изъ устоевъ новаго курса.

Каждое собесѣдованіе съ Александромъ Александровичемъ вышало въ ихъ глазахъ его умъ, благопріобрѣтенности котораго они не прозрѣвали...

Косаговскій около 60-го года подходилъ бы вполне къ положенію ¹⁾, которое было предложено дворянами: по своимъ убѣжденіямъ, уму, образованію и работоспособности. Онъ былъ либераленъ; его либерализмъ соотвѣтствовалъ какъ настроенію высшихъ сферъ, такъ и настроенію дворянской партіи, состоявшей изъ молодежи и сорокогодниковъ. Всѣхъ этихъ партій обуславливался въ началѣ шестидесятыхъ годовъ не столько численностью и богатствомъ ея (какъ мы уже замѣтили), сколько сдержанностью враждебнаго ей консервативнаго помѣщичьяго большинства, какъ бы оробѣвшаго вначалѣ передъ освободительными намѣреніями молодого царя. Явно оппонировать эта партія еще не осмѣливалась, и средства препятствовать развитію новаго режима искала, но покуда только ощупью. Татищевъ могъ бы быть представителемъ этой партіи, если бы не его слишкомъ явное тщеславіе; если бы въ званіи губернскаго предводителя онъ не искалъ ступеньку, возводящую къ бюрократическимъ вершинамъ; если бы неискреннее вѣдшее противорѣчіе намѣреній дѣлу (не говоря о прочихъ его недочетахъ) не дѣлало его несимпатичнымъ старому богатому дворянству.

Косаговскій, какъ и многіе шестидесятники-карьеристы, сталъ таковымъ и сдѣлалъ значительную карьеру подобно множеству бывшихъ, настоящихъ и будущихъ бюрократовъ по причинамъ, въ которыхъ надо искать женщину. *Cherchez la femme*. Впрочемъ, въ самомъ благонамѣренномъ смыслѣ. Онъ рано женился по любви на дѣвушкѣ, которая его любила: на дочери артиллерійскаго полковника Якова Николаевича Загоскина. Моя семья была знакома съ Загоскиными. Мы съ Елизаветой Яковлевной, впоследствии женой П. П. Косаговскаго, играли еще дѣтьми; потомъ я хорошо зналъ и ее и ея мужа. Она (надо ей поставить въ заслугу, какъ хорошей женѣ и красивой молодой женщинѣ) не претендовала вліять на общественно-служебныя убѣжденія супруга и на его общественную дѣятельность, чего я не могъ бы сказать о многихъ супругахъ лицъ, сдѣлавшихъ въ шестидесятыхъ годахъ болѣе видныя карьеры, чѣмъ П. П. Косаговскій. Въ этомъ отношеніи онъ былъ совершенно свободенъ отъ семейныхъ давленій. По природѣ П. П. былъ человекъ дѣятельный, сдержанный, уравновѣшенный, расположенный къ занятіямъ мирнаго свойства. Онъ не особенно страдалъ честолюбіемъ, не обладалъ ни изысканными аппетитами, ни склонностью къ интриганству. При иной семейной обстановкѣ онъ, вѣроятно, мирно скороталъ бы свой вѣкъ за какимъ-либо кабинетнымъ занятіемъ,

¹⁾ Губернскаго предводителя дворянства.

или насаждая возможно прочнѣе въ излюбленномъ уголкѣ излюбленные имъ реформы, одновременно съ осуществленіемъ своихъ проектовъ объ интенсивномъ хозяйствѣ. Но онъ очень любилъ жену, заботился о будущности дѣтей и оставался до конца жизни примѣрнымъ семьяниномъ и понималъ, что его семья должна быть обеспечена обильнѣе и имѣть положеніе болѣе видное, чѣмъ семьи средней руки помѣщиковъ или ученыхъ. Ему всегда хотѣлось, чтобы любимая имъ женщина была весела и довольна. Для полного довольства матеріальныя ихъ средства были слишкомъ ограничены. Предводительство, какъ извѣстно, статья совѣмъ не доходная, а скорѣе разорительная. Пытались нѣкоторые изъ помѣщиковъ уѣзда—и лично Павла Павловича и его общественную дѣятельность очень цѣнившіе—добиться назначенія ему дворянами жалованія по почетной должности уѣзднаго предводителя. Но эта попытка не удалась, а только сконфузила его. Да если бы и удалась, то едва ли вышло бы прочно и все-таки далеко не удовлетворило бы его жены. Эта попытка не то что дискредитировала его, а лишила политически довольно блестящаго ореола, который созданъ около него во время работъ губернской комиссіи по крестьянскому вопросу. Татищевъ, на примѣръ, имѣлъ возможность съ презрѣніемъ, хотя и въ интимномъ кружкѣ,—какъ, на примѣръ, въ нашей полуночной бесѣдѣ съ нимъ и старикомъ Путятинымъ,—разсказывать:

— Вѣдь это срамъ для дворянства. Приѣдетъ кто-нибудь въ гости или по дѣлу къ Косаговскому,—прежде, чѣмъ доложить о гостѣ предводителю, изъ канцеляріи выскакиваетъ письмоводитель съ листочкомъ: не угодно ли, дескать, подписать предложеніе о назначеніи жалованья предводителю... Да еще перомъ на цифру укажетъ!

Словомъ, Косаговскій понялъ въ самомъ началѣ шестидесятыхъ годовъ, что на выборной службѣ онъ не получитъ возможности желательнымъ манеромъ обставить свои семейныя обстоятельства. (До открытія земскихъ учрежденій оставалось еще два-три года). Да въ шестидесятомъ году едва ли кто предвидѣлъ, что земства будутъ назначать губернаторскіе оклады своимъ избранникамъ, а тѣмъ мѣнѣе, что нѣкоторые изъ этихъ избранниковъ земства въ относительно непродолжительномъ времени продвинутся болѣе или менѣе высоко по бюрократической стезѣ.

П. П. Косаговскій сжегъ свои корабли до обнародованія закона о земствѣ, откровенно промѣнявъ хотя скромный, но почетный предводительскій постъ на мѣсто совѣтника губернскаго правленія (считавшееся чуть не униженнымъ еще въ гоголевскія времена). Однако онъ доказалъ, что не мѣсто человѣка красить, а обратно. Валуевъ, знавшій его по работамъ дворянскаго комитета, болѣе чѣмъ охотно принялъ Косаговскаго въ нѣдра своего министерства. Тѣмъ болѣе, что Косаговскаго лично знали (и помнили объ его работахъ) императоръ, которому тотъ былъ представленъ въ свое время. Однако Ва-

луеву едва ли было извѣстно, что въ памяти государя представленіе о Косаговскомъ оставалось въ связи съ маленькимъ, но характернымъ историческимъ анекдотомъ, который быстрее, чѣмъ можно было ожидать, продвинулъ молодого человѣка на значительный, а главное очень отвѣтственный, постъ директора департамента полиціи исполнительной министерства внутреннихъ дѣлъ.

Косаговскій, благодаря Валугеву (цѣнившему въ немъ, между прочимъ, и западничество, которому самъ старался симпатизировать), съ самаго начала пошелъ быстро. Совѣтникомъ губернскаго правленія пробылъ, что называется, безъ году недѣлю. Немного болѣе того вице-губернаторомъ, а затѣмъ обратился въ губернатора (не помню, въ какой губерніи). Служака онъ былъ безукоризненный, какъ въ смыслѣ способностей, такъ и тогдашнихъ правительственныхъ принциповъ. А послѣдніе во второй половинѣ шестидесятыхъ годовъ становились все труднѣе и труднѣе.

Губернаторомъ онъ, можетъ быть, просидѣлъ бы еще долгонько, если бы не «анекдотъ», на который мы сейчасъ намекали. А именно.

Въ первые годы своего губернаторства Павлу Павловичу случилось пріѣхать въ Петербургъ и попасть на придворный балъ въ Зимнемъ дворцѣ. Когда государь, съ государыней подъ руку, обходилъ залы, то приглашенные, какъ обыкновенно, разступались, образуя шпалеры, блестящія золотомъ и звѣздами. Случилось такъ, что въ одномъ пунктѣ царскаго пути Косаговскій стоялъ впереди на виду. Императорская чета въ этихъ случаяхъ отвѣчаетъ на поклонъ, но почти (за крайними исключеніями) никогда не останавливается и не заговариваетъ ни съ кѣмъ.

На этотъ разъ Александръ II, не останавливаясь, поглядѣлъ на Косаговскаго, слегка улыбнулся (тотъ представлялся ему, кажется, накануне). И, склоня голову къ Маріи Александровнѣ, замѣтилъ тихо: «это N-скій губернаторъ Косаговскій». Затѣмъ на ходу же добавилъ почти шутливо, вполголоса:

— Vous souvenez Vous de l'avoir remarqué à Bologoué.

Марія Александровна утвердительно слегка кивнула головой, тоже улыбнувшись своей кроткой, симпатичной улыбкой. Все это, конечно, какъ и каждое движеніе, каждое слово августѣйшихъ хозяевъ, было по обыкновенію подмѣчено, подслушано близъ стоявшими гостями. А когда черезъ нѣкоторое время государь приказалъ позвать къ нему Косаговскаго и самъ представилъ его императрицѣ, то это рѣдкое вниманіе царя къ скромному губернатору обсуждалось уже какъ событіе.

Инцидентъ же въ Бологое, на который государь намекалъ, заключался въ слѣдующемъ. Въ одинъ изъ проѣздовъ по Николаевской желѣзной дорогѣ императорской четы (около 60-го года) поѣздъ долженъ былъ остановиться для обѣда августѣйшихъ путешественниковъ на станціи Бологое. Такъ какъ было заранѣе извѣстно, что

туда выѣдутъ встрѣчать августѣйшихъ путешественниковъ мѣстныхъ власти—новгородскій губернаторъ, предводители и нѣкоторые именитые дворяне,—то зарагѣ (съ согласія государя, какъ это обыкновенно дѣлается), были занесены въ списки приглашенныхъ къ высочайшему столу немногія изъ ожидаемыхъ лицъ. Въ томъ числѣ и валдайскій предводитель дворянства Косаговскій. По прибытіи поѣзда власти и дворяне представлялись государю и государынѣ. Императрица при такихъ октovýchъ представленіяхъ рѣдко запоминала имена и званія представляющихся. Александръ же II, какъ и его отецъ, напротивъ, былъ очень, до мелочей, памятливъ. За столомъ Марія Александровна замѣтила молодого человѣка въ дворянскомъ мундирѣ, съ задумчивымъ, блѣднымъ, красивымъ лицомъ. Она тихо спросила своего супруга, указывая скользкимъ взглядомъ на замѣченное ею лицо: «Кто это?.. Онъ на Иисуса Христа похожъ». Государь, смѣясь, пояснилъ, что то валдайскій уѣздный предводитель дворянства Косаговскій.

Объ обоихъ инцидентахъ я знаю отъ очевидцевъ, уловившихъ слова государя и государыни. О томъ, что произошло на придворномъ балѣ, я зналъ отъ генерала свиты Его Величества Н. Г. Литвинова, отъ барона Притвица и отъ князя А. А. Суворова. О бологойскомъ же инцидентѣ, между прочимъ, отъ князя Ар. Ар. Путятина, обѣдавшего тоже за царскимъ столомъ. Бологойскій фактъ едва ли кому изъ присутствовавшихъ на балѣ былъ извѣстенъ, но обрывки фразы, пророненныя Его Величествомъ на балу, произвели свое дѣйствіе. Къ Косаговскому въ этотъ же вечеръ многіе, едва знакомые раньше сановники обращались съ неожиданной любезностью. А въ непродолжительномъ времени министръ внутреннихъ дѣлъ предложилъ ему мѣсто директора департамента полиціи.

Время директорства Косаговскаго выходитъ изъ намѣченныхъ мною рамокъ настоящей статьи. Поэтому я не вдаюсь въ подробности; но такъ какъ я почти десять лѣтъ послѣ того продолжалъ близкое знакомство съ Косаговскимъ, то считаю не лишнимъ отмѣтить нѣкоторыя характерныя черточки. Министръ, избирая въ директора департамента полиціи Косаговскаго, зналъ не только объ его легально-либеральномъ прошломъ, но даже объ его личномъ знакомствѣ съ А. И. Герценомъ (котораго между прочимъ Павелъ Павловичъ посѣтилъ во время поѣздки за границу). Своихъ добрыхъ отношеній Павелъ Павловичъ и не скрывалъ ни отъ кого. Когда приходилось къ слову, онъ, видимо, безо всякой задней мысли упоминалъ о фактѣ.

Я помню между прочимъ анекдотъ, который Косаговскій рассказывалъ у меня на дачѣ на островахъ, гдѣ и онъ жилъ по сосѣдству. Остался этотъ анекдотъ въ моей памяти потому, что мнѣ иногда сдавалось, какъ будто герценовскія слова отчасти повліяли на характеръ служебной, полицейской дѣятельности Павла Павловича.

Герцень, бесѣдуя съ Косаговскимъ въ Англіи, однажды сталъ критиковать англійскій строй государственной жизни. Говорилъ о бѣдственномъ положеніи народа, часто несправедливомъ отношеніи мелкихъ властей къ бѣднякамъ, низкопоклонствѣ предъ титулами и богатствомъ вообще и т. д.

— Значить, по вашему мнѣнію, здѣсь не лучше, чѣмъ у насъ въ Россіи?—воскликнулъ Косаговскій.

Герцень, взвинтившій себя рѣзкой критикой, а можетъ быть, нѣсколько болѣе обыкновеннаго нервный въ этотъ день, отозвался очень сильно: «Да, конечно, не лучше! Жить иногда противно среди этой гадости».—«Отчего же вы, А. И., здѣсь живете и не пытаетесь вернуться въ Россію?»—Герцень не сразу отвѣтилъ, какъ бы спохватившись. Подумалъ и грустно произнесъ: «И все-таки здѣсь легче жить. Гадость! такъ! Но подлость и нравственная мерзость, неуваженіе къ личности не бѣгаетъ здѣсь нагло по улицамъ, заголя ... и бахвалясь, какъ у насъ. Здѣсь все-таки стыдъ знаютъ. Хоть винограднымъ листомъ прикрываются».

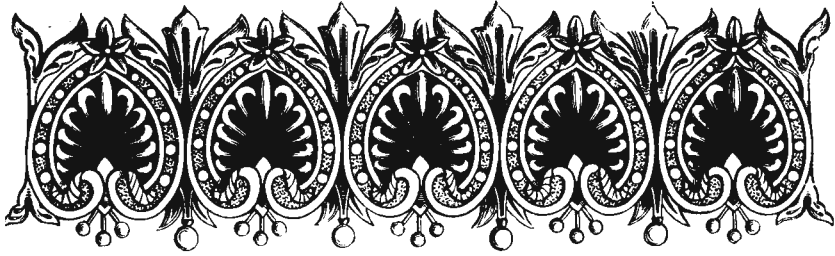
Косаговскій, съ которымъ мы иногда бесѣдовали и на темы его чиновничьей, такъ сказать, специальности, во время своего директорства, кажется, не увлекался надеждами видѣрить въ русскую полицію уваженіе къ человѣческой личности, съ которой ея агентамъ приходилось имѣть дѣло. Онъ старался (какъ и князь А. А. Суворовъ, когда занималъ мѣсто генераль-губернатора), однако по возможности смягчить наглость и воздерживать отъ рысканья заголя ...».

Павель Павловичъ словно оцупью искалъ герценовскаго фиговаго листка въ Россіи. Въ его время еще во многихъ губерніяхъ (я говорю преимущественно о сѣверныхъ, съ которыми болѣе знакомъ) кое-гдѣ оставались, на примѣръ, исправниками лица, выбранныя раньше по старому закону изъ среды дворянъ. И каковы бы ни были многіе недостатки ихъ, надо быть справедливымъ: исправники изъ дворянъ этого времени обращались съ обывателями человѣчнѣе своихъ коллегъ изъ разночинцевъ позднѣйшаго періода.

Еще добавлю, что, будучи директоромъ департамента при большомъ окладѣ, крупныхъ наградахъ, при возможности выпрашивать для себя экстренные казенные куши разныхъ наименованій, Косаговскій жилъ весьма скромно. Небольшая квартира, тѣсный рабочій кабинетъ, въ которомъ онъ занимался часто до глубокой ночи. Скромность обстановки особенно говорила въ его пользу, если сравнить ее съ обстановкой—я не говорю всѣхъ, но значительнаго числа—лицъ, стоявшихъ въ то время въ административномъ отношеніи на одномъ съ нимъ уровнѣ и даже ниже.

Неаполь.

Н. Н. Фирсовъ (Л. Рускинъ).

ОДНА ИЗЪ МОСКОВСКИХЪ ТРУЩОБЪ И МИРОВОЙ СУДЬЯ БАГРИНОВСКІЙ.

ИЗЪ МОСКОВСКИХЪ мировыхъ судей перваго состава или «перваго призыва», какъ шутиа говорили тогда, самымъ оригинальнымъ и самымъ популярнымъ былъ Багриновскій, которому, какъ нарочно, и участокъ выпалъ на долю самый своеобразный.

Въ районѣ его вѣдѣнія была пресловутая Грачевка со всѣми прилегающими къ ней переулками, составляющими, какъ извѣстно, квинтъ-эссенцію московскаго безобразія.

Это то же, что въ Петербургѣ Сѣнная, или, точнѣе, это та же Вяземская лавра, разросшаяся на цѣлый кварталъ.

Тутъ что ни домъ, то или портерная, или кабакъ, не считая прилегающихъ переулковъ, которые всѣ почти сплошь заняты извѣстнаго сорта домами, получившими здѣсь такое право гражданства, что простые обыватели никогда въ эти переулки не заглядываютъ, и ни одинъ извозчикъ, подъ страхомъ отвѣтственности, не позволить себѣ провезти по нимъ обывателей, не только женщину, но и мужчину.

Всѣ свободныя квартиры здѣсь заняты или ночными феями, или мелкими съемщицами, у которыхъ ютятся пропойцы съ временными подругами горькаго существованія.

Отъ дракъ и площадной брани въ этой мѣстности стоить стоить и днемъ и ночью, и драки и потасовки здѣсь служатъ самымъ обычнымъ явленіемъ.

И вотъ этихъ-то мятежныхъ обывателей судьба послала на долю такому оригиналу, какъ покойный Багриновскій.

Съ нравами и обычаями выпавшей ему на долю мѣстности Багриновскій освоился быстро и подробно, во всѣ особенности этого характернаго быта быстро и глубоко проникъ, и даже къ нѣкоторымъ изъ наиболѣе часто попадавшихъ ему на глаза «кlientовъ» такъ привыкъ, что не только зналъ ихъ по имени и отчеству, но даже и съ обычной сущюю ихъ дѣла отчасти познакомился.

Популярность его въ этой мѣстности не поддается никакому описанію. Его всѣ знали, всѣ поголовно любили, и когда онъ былъ избранъ вторично, то ему поднесенъ былъ очень хорошо составленный и прекрасно переписанный адресъ отъ особой корпораціи пропойць, день и ночь засѣдавшихъ въ знаменитомъ и всей Москвѣ хорошо памятномъ кабакѣ, почему-то носившемъ имя «Склада».

«Складъ» этотъ помѣщался въ самомъ центрѣ Грачевки, въ низкѣ небольшого деревяннаго домика, принадлежавшаго въ то время какимъ-то купцамъ Волковымъ, сдававшимъ его въ аренду двумъ братьямъ-полякамъ Павловскимъ, которымъ и принадлежалъ пресловутый «Складъ».

«Складъ» этотъ носилъ совершенно особый характеръ, и лица, въ немъ проводившія время и проживавшія въ немъ свои послѣдніе гроши, и сами ни въ какое другое «заведеніе» не пошли бы и въ свою среду никого бы не приняли.

Это былъ, такъ сказать, притонъ интеллигентныхъ пропойць, горькая, грязная яма, захлестнувшая на днѣ своемъ цѣлую плеяду самыхъ разнообразныхъ, самыхъ разнохарактерныхъ талантовъ.

Все, что спивалось въ мірѣ интеллигенціи, въ мірѣ художества, искусства, литературы,—а гило и спивалось въ этой сферѣ много мощныхъ, крупныхъ силъ,—шло обязательно въ «Складъ» и оставалось тамъ до момента отрезвленія, для того, чтобы по наступленіи новаго «запоя» вновь вернуться подъ гостепріимные своды «Склада» и пропить тамъ все скопленное и заработанное въ моменты просвѣтленія.

И что за умныя, оживленныя бесѣды велись подъ этими пропитанными винными испареніями сводами!.. Что за талантливыя вещи тамъ нарождались и развивались!..

Какими блестящими софизмами завершались и разрѣшались завязывавшіеся тамъ споры и пренія...

И какими мощными, вдохновенными звуками покрывались подчасъ всѣ эти взрывы характерной, обособленной жизни!..

Тутъ въ моменты загула подолгу засиживался нѣкогда знаменитый пѣвецъ Лавровъ... Сюда захаживалъ и не менѣе знаменитый пѣвецъ Бантышевъ... Здѣсь набрасывалъ свои полныя глубины статьи одинъ изъ корифеевъ нашего богословія, имени котораго я не назову, чтобы не оскорбить горькимъ напоминаніемъ родственниковъ его, оставшихся въ живыхъ...

Сюда времена заѣзжалъ, и не на одинъ день, отставной молодой гвардеецъ Б., увлеченный болѣзненной страстью къ вину, заставившей его навсегда разстаться съ тѣмъ обществомъ, въ которомъ онъ выросъ и съ которымъ сроднился, для того, чтобы, предаваясь пагубной страсти, проводить время съ людьми, какъ онъ, упавшими и заблудшимися...

Здѣсь же ютился, доживая свой грустный вѣкъ, старый князь К—кинъ, бывший предводитель дворянства одной изъ крупныхъ и значительныхъ губерній, прожившій все состояніе и упавшій до послѣдней степени увлеченія позорной страстью къ вину.

Всегда строго честный, неподкупный и справедливый и къ себѣ и къ другимъ, старый князь сумѣлъ, и въ горькомъ паденіи своемъ, сохранить добрыя отношенія съ дворянами своей губерніи, и большинство изъ нихъ, пріѣзжая по дѣламъ въ Москву, отыскивали бывшаго предводителя въ пресловутомъ «Складѣ», успѣвшемъ сдѣлаться извѣстнымъ и въ далекой провинціи, и снабжали его и деньгами, и гардеробомъ, и возможной провизіей, обозами приходившей изъ деревень.

Эти дни были настоящимъ праздникомъ для всего «Склада».

Старый князь, и въ нищетѣ сохранившій свои прежнія дворянскія замашки, начиналъ съ того, что свято уплачивалъ всѣ накопившіеся долги, уплачивалъ впередъ за свою скромную каморку и все остальное раздавалъ кругомъ всѣмъ «нуждающимся».

Зато и кредитомъ князь пользовался здѣсь неограниченнымъ, и не было на пресловутой Грачевкѣ лавочки, которая, по первому требованію князя, не отпустила бы ему любого «товара».

Правда, что «товаръ» этотъ ограничивался скромными размѣрами мѣстнаго потребленія и не шель дальше печенки, соленыхъ огурцовъ, хлѣба и тому подобной скромной снѣди, но невзыскательные вкусы мѣстныхъ потребителей дальше этого не шли, и человѣкъ, вполне аккредитованный въ этихъ размѣрахъ, могъ уже считаться обеспеченнымъ человѣкомъ.

Здѣсь же, среди этого разношерстного люда грустно доживалъ свой вѣкъ художникъ Р—ій, нѣкогда подававшій широкія надежды сдѣлаться славой академіи, прожившій нѣсколько лѣтъ казеннымъ стипендіатомъ за границей, сопутствовавшій въ первомъ заграничномъ путешествіи покойному наслѣднику Николаю Александровичу, и... вернувшійся на родину, чтобы погрязнуть на темномъ и топкомъ днѣ самой разнузданной жизни...

Въ ту эпоху, о которой я веду рѣчь, Р—ій въ рѣдко выпадавшія трезвыя минуты занимался тѣмъ, что набрасывалъ эскизы, дѣлалъ «подмалевки» и все это сбывалъ жидамъ-закладчикамъ по 30 и 40 копеекъ за «штуку».

Трезвымъ онъ почти никогда не бывалъ, и въ рѣдкіе проблески трезвости на него взглянуть бывало страшно...

На него напали пароксизмы мучительнаго, почти дикаго отчаянія... Онъ проклиналъ себя, свою несчастную страсть, проклиналъ все прошлое свое... всѣ свои несбывшіяся надежды... всѣ свои загубленныя мечты...

Онъ вспоминалъ о прошломъ... Говорилъ о томъ, чѣмъ онъ могъ бы быть... и рыданія сдавливали ему грудь... и слезы лились изъ его потухшихъ глазъ...

Здѣсь же, цитируя то Гегеля, то Канта, то цѣликомъ декламируя отрывки изъ Байрона и Шекспира,—и притомъ не въ переводѣ, а всегда въ подлинникѣ, съ безукоризненнымъ иностраннымъ произношеніемъ,—возсѣдалъ въ длинномъ и широкомъ пальто, подъ которымъ, по сказанію хорошо освѣдомленныхъ лицъ, не было ровно ничего, бывший магистръ университета, съ блестящимъ успѣхомъ исправлявшій должность судебного слѣдователя въ одномъ изъ кружныхъ южныхъ городовъ и спившійся до «Склада», въ которомъ даже не имѣлъ барскаго авторитета стараго князя и того широкаго, судя по мѣсту, кредита, какимъ пользовался бывший магнатъ.

Въ характерномъ «Складѣ» бывший судебный слѣдователь пользовался особымъ покровительствомъ стараго итальянца-шарманщика, не только кредитовавшаго бывшаго вершителя судебъ, но и просто даромъ угощавшаго его на свои трудовыя деньги, вырученныя отъ хожденія съ утра до ночи по дворамъ съ шарманкой за плечами.

Весь бытъ этого интереснаго уголка старой Москвы я имѣла случай близко и подробно изучить благодаря тому, что близкій родственникъ мой, одержимый тою же горькой страстью, по нѣсколькимъ дней пропадалъ въ знаменитомъ «Складѣ», откуда его приходилось выручать иногда при посредствѣ полиціи.

Впослѣдствіи мнѣ пришлось слышать, что бывший слѣдователь, совершенно излеченный отъ пагубной страсти, вновь вернулся къ прежней жизни и къ прежней дѣятельности, но за дѣйствительность этого исцѣленія я не ручаюсь.

«Складъ» любилъ подчасъ прихвастнуть доблестями своихъ абригеновъ.

Близкое и подробное изученіе всѣхъ этихъ характерныхъ типовъ, видѣнныхъ по одиночкѣ и детально знакомыхъ мнѣ по рассказамъ моего полубольного родственника, дало мнѣ поводъ написать въ «Русскихъ Вѣдомостяхъ», по желанію Скворцова, длинный рядъ статей подъ общимъ названіемъ «Московскія трущобы и ихъ обитатели», не въ духѣ романа или рассказа, а по образцу статей Максима Дюкана («La clan des voleurs à Paris, par Maxime Ducamp»).

Скажу еще нѣсколько словъ по адресу особо характерныхъ представителей этого оригинальнаго уголка Бѣлокаменной и затѣмъ вернусь къ не менѣе оригинальному мировому судѣ, котораго Богъ послалъ этимъ оригинальнымъ обывателямъ.

Однимъ изъ самыхъ рѣзко очерченныхъ типовъ этого своеобразнаго міра былъ маленькій юркій мужиченко, носившій характерное прозвище «Ершъ» и служившій аборигенамъ «Склада» и посыльнымъ, и развѣдчикомъ, и комиссіонеромъ, а подчасъ и лазутчикомъ.

Для лицъ, пріѣзжавшихъ въ «Складъ» разыскивать своихъ запропавшихъ родственниковъ, сослуживцевъ и знакомыхъ, Ершъ былъ положительно незамѣнимъ.

Онъ всегда зналъ, гдѣ кто находится, когда и куда кто ушелъ, и, когда костюмъ его ему позволялъ такую роскошь, то самъ и доставлялъ «домой» заблудившихся овецъ столичнаго «дна».

Но... костюмъ Ерша, видоизмѣнявшійся до безконечныхъ предѣловъ, далеко не всегда позволялъ ему такое почетное вмѣшательство въ судьбу временныхъ сотоварищей по «Складу».

Правда, бывали дни, когда на Ершѣ появлялось нѣчто имѣвшее подобіе настоящаго, общечеловѣческаго костюма, но зато бывали и такіе, когда по случаю наступившихъ внезапно морозовъ на почти обнаженной спинѣ Ерша появлялась привязанная бечевкой подушка, предназначенная ночью служить ему для обычнаго ночлега, а днемъ замѣнять ему отсутствующую шубу.

Но Ершъ никогда не унывалъ.

Онъ всегда былъ веселъ, оживленъ, всѣмъ и всѣми доволенъ, и ежели ссорился со своими временными товарищами, то только подъ вліяніемъ чрезмѣрной выпивки, до крайнихъ степеней которой онъ рѣдко доходилъ, частью по неимѣнію средствъ, а частью и по относительному воздержанію.

У Ерша въ одномъ изъ подмосковныхъ монастырей была родная сестра, помогавшая ему по возможности, а главное усердно молившаяся за него Богу, чему Ершъ придавалъ особое значеніе.

Богомоленъ онъ былъ чрезвычайно и, лишенный чуть не круглый годъ возможности входить въ храмъ Божій, по оригинальности и «неполнотѣ» своего костюма, онъ свято чтилъ праздничные дни и, неизмѣнно оканчивая ихъ безпробуднымъ пьянствомъ, онъ начиналъ ихъ благоговѣйнымъ выстаиваніемъ всей службы церковной на паперти храма «Николы Грачей», расположеннаго на углу пресловутой Грачевки.

Милостыни онъ никогда не просилъ, но и не отказывался отъ добротныхъ подаяній, неизмѣнно дѣлясь ими съ маленькими нищими дѣтьми.

Вообще дѣти въ этомъ оригинальномъ міркѣ пользовались особымъ сочувствіемъ и вниманіемъ, и мнѣ лично пришлось видѣть маленькаго мальчика Сашу, пригрѣтаго нищей старухой, неизмѣнно пребывавшей въ одномъ изъ грачевскихъ кабаковъ и нашедшей себѣ въ оригинальномъ «благодѣяніи» своемъ дѣятельныхъ помощниковъ въ средѣ грачевскихъ пропойць.

Маленькаго четырехлѣтняго Сашку, брошеннаго на произволь судьбы какою-то безслѣдно пропавшей побирушкой, знала и покровительственно любила вся Грачевка.

Князь, при случайно ниспадавшихъ на него благостыняхъ, экипировывалъ его съ головы до ногъ; бывшій гвардеецъ, скрываясь временно изъ дома, не забывалъ захватить на его долю то коробку конфетъ, то банку варенья, а то и нѣсколько штукъ дѣтскаго платья и бѣлья, которое онъ выпрашивалъ у мачехи, искренно его жалѣвшей и готовой многимъ поступиться, чтобы выручить его изъ его временныхъ увлеченій.

Временные посѣтители пресловутаго «Склада» почти всегда приносили Сашкѣ изъ дома посильные «гостинцы», а постоянные жители Грачевки, лишеныя этой возможности, дѣлились съ нимъ своими временными доходами и, запасаясь невзыскательной провизіей на завтракъ и обѣдъ, никогда не забывали прихватить или мороженое яблоко, или пару леденцовъ, или черствый кондитерскій пирожокъ для всеобщаго любимца.

Обиды Сашка не видалъ никогда и ни отъ кого, и плохо пришлось бы тому, кто даже подъ вліяніемъ сильнаго опьянѣнія попробовалъ бы оскорбить ребенка словомъ, а не только толкнуть или ударить его.

Вслѣдствіе этого у Сашки образовался отчасти деспотическій характеръ, и когда въ силу неблагоприятно сложившихся обстоятельствъ онъ не получалъ обычной, сравнительно обильной, порціи угощенія, онъ его требовалъ и прибѣгалъ къ капризнымъ слезамъ, передъ которыми Грачевка положительно пасовала.

Противъ скупыхъ лавочниковъ тогда шли войной, и не выданные добровольно пряники и леденцы отвоевывались силой.

— Что тебѣ, ироду, для ребенка леденчика, что ли, жаль?..—возвышался воинственный, протестующій голосъ.—Такъ за мной зашиши!.. Ты знаешь, я всегда съ тобой, грабителемъ, расплачивался?.. А-то накое что придумалъ... Ребенка до слезъ довелъ!.. Онъ нашъ небось, грачевскій, мы его растимъ и питаемъ!..

И заботливый воспитатель грязной рукой размазывалъ по щекамъ ребенка катившіяся изъ глазъ его слезы, а другой рукой запихивалъ ему въ ротъ отвоеванный у лавочника пряникъ или леденецъ...

Нельзя сказать, чтобы, слоняясь съ утра до ночи по кабакамъ за своими «паненками», Сашка получалъ образцовое воспитаніе, но жизнь онъ велъ по-своему вполне счастливую и въ антрактахъ между угощеніями то шарманку слушалъ до пресыщенія, то надъ ухищреніями знаменитаго «Петрушки» потѣшался, то на ужимки и гримасы шарманщиковой обезьянки любовался, то засматривался на ученыхъ птичекъ, занимавшихъ предсказаніемъ.

И вотъ въ этотъ-то своеобразный міръ занесла судьба Багриновскаго, и вотъ этихъ-то оригинальныхъ обывателей ему приходилось судить, наказывать и мирить между собою.

Зналъ онъ ихъ всѣхъ наперечеть, со всѣми ихъ слабостями, пороками и подчасъ свѣтлыми сторонами ихъ своеобразной жизни.

Маленькаго Сашку онъ тоже зналъ, покупалъ ему дешевыя игрушки, и на Рождествѣ, по возможности принарядивъ его, не только приводилъ на елку къ своимъ роднымъ, но и у знакомыхъ на елкахъ набиралъ все, что могъ, для «сына Грачевки», какъ называлъ онъ маленькаго Сашку.

Самъ подчасъ не въ мѣру много выпивая, Багриновскій очень снисходительно относился къ пьянству, и когда къ нему изъ полицейскихъ домовъ приводили задержанныхъ пьяницъ, то онъ, замѣтивъ ихъ возбужденное состояніе и дрожаніе рукъ, начиналъ съ того, что высылалъ имъ въ отдѣльную маленькую комнатку при передней по рюмкѣ водки съ кусочкомъ хлѣба на закуску.

Женскаго пьянства онъ не любилъ, и къ женщинамъ-пропойцамъ относился очень строго, въ особенности, когда у нихъ въ семьѣ были маленькія дѣти.

Нѣкоторыя изъ разбиравшихся у него дѣлъ какъ-то особенно имъ запоминались, вызывая при напоминаніяхъ единодушное веселье всей, обычно переполненной, камеры.

— А, Матрена Кузьминична!..—привѣтствовалъ онъ однажды, въ присутствіи нѣсколькихъ собравшихся въ его камеру хроникеровъ, толстую бабу въ туго накрахмаленномъ ситцевомъ платьѣ, какъ-то побѣдоносно близившуюся къ столу.—Такъ вѣдь васъ зовутъ?..

— Карповна, а не Кузьминична!..—поправила накрахмаленная баба.

— Ошибся!..—развелъ руками Багриновскій.—Сами виноваты... Давно не судились... Что? опять съ жиличками поссорились?.. Что вамъ Богъ ладу не даетъ?..

— Да какъ же съ ними ладить, господинъ судья, когда онѣ безперечь все пьяны!..

— А вы всегда трезвы?..—съ улыбкой освѣдомляется Багриновскій.

— Я... я иное дѣло...

— Почему иное...

— Потому, я во хмелю не токмо что спокойна, а даже ласкова...

— Знаю я вашу ласку!..—смѣется Багриновскій.—Забыли про клокъ волосъ, что былъ приложенъ къ прошенію вашей жилицы?..

— Такъ вѣдь она въ тѣ поры мнѣ шаль новую чернилами залила!..—оправдывается накрахмаленная баба.

— А вы не разставляйте по столамъ чернильницъ. Не канцелярія вѣдь у васъ.

— Кто говорить, да время такое тогда было... царь жидовскій въ Москву прїѣзжалъ. Всѣ къ нему прошенія писали! — серьезно повѣствуетъ баба.

— Это объ Ротшильдѣ рѣчь идетъ!—съ улыбкой поясняетъ Багриновскій заинтересованнымъ газетнымъ хроникерамъ, часто захаживавшимъ къ нему въ камеру на разбирательства.

— Во, во, такъ его кликали!—одобряетъ баба.

— Что жъ и вы тоже писали прошеніе къ жидовскому царю?

— Нѣтъ, мнѣ ни къ чему! Я только Долгорукову князю пишу, кормильцу нашему, кажный праздникъ.

— На бѣдность просите?

— Извѣстно, не на богатство.

— И даетъ вамъ князь Долгоруковъ деньги?

— Кажинный разъ по трешницѣ. А когда супруга евоная померла, такъ на каждое прошеніе по пятиницѣ вышло! Большое тогда облегченіе бѣдному люду было. Много благодарственныхъ молитвъ вознесли мы къ Господу!

— Это за что же? За то, что княгиня умерла?

Въ камерѣ смѣхъ.

Баба стоитъ недовольная и не отвѣчаетъ.

— Вы сегодня-то на кого же жалуетесь? — заглядывая въ бумаги, спрашиваетъ Багриновскій.

— О выселеніи двухъ жилищекъ прошу. Мочи моей съ ними нѣтъ никакой!

— Это опять все тѣ же портнихи?—смѣясь освѣдомляется Багриновскій, пробѣгая бумагу.

— Онѣ, батюшка, онѣ паскуды!—сокрушеннымъ тономъ подтверждаетъ баба.

— Да вѣдь я ужъ ихъ два раза отъ васъ выселялъ?

— Опять навязались, окаянныя! Слезно просились! На образъ клялись, что драться промежъ себя больше не будутъ.

— Гдѣ же онѣ сами? Не явились?

— Куда имъ явиться! Такъ разодрались, что образа человѣческаго не осталось. Машутка, гляди, вовсе кривая останется. Пропasti на нихъ нѣту!

— А вы не ругайтесь. Вы ужъ тутъ сколько бранныхъ словъ выкрикнули.

— Выкрикнешь, ваше благоутробіе, коли ежели мочи нѣтъ!

— За что же у нихъ дѣло вышло?

— Да все за бурнусъ.

— Опять этотъ бурнусъ!—хохочетъ Багриновскій.—Что онѣ его подѣлать никакъ не могутъ?

— Вотъ и подите вы съ ними! — сокрушенно качаетъ головой просительница.—Одна, значить, его справила, и заложила, а другая за свой счетъ его изъ заклада выкупила. Вотъ онѣ обѣ за него и цапаются.

— Чего вамъ? Мнѣ-то и то бурнусь этотъ до смерти надоѣлъ!— среди общаго хохота заявляетъ Багриновскій.—Такъ какъ же? Выселить ихъ вамъ обѣихъ?

— Безпремѣнно, ваше благоутробіе. Никакъ мнѣ съ ними невозможно.

— Хорошо. Я постановлю предварительное исполненіе!—соглашается Багриновскій и беретъ за перо.

— Это то-есть какое же предварительное? — недоумѣваетъ истица.

— Да чтобы ихъ немедленно отъ васъ судебный приставъ выселилъ!

— Куда же, батюшка?.. Коли ежели онѣ на улицу показаться не могутъ? Вѣдь я же вамъ толкомъ докладываю, что онѣ страсть какъ разодрались! Я это только такъ, для остратки, значить. А то пушай ихъ живутъ. Онѣ ничего себѣ дѣвки.

— Вотъ тебѣ разъ! — комически восклицаетъ Багриновскій, для котораго подобный финалъ не новость.—Зачѣмъ же вы у меня-то время понапрасну отнимали?

Баба, въ свою очередь, кажется удивленной.

— Да вѣдь вы же на то и въ судьи міромъ выбраны, батюшка!—разводитъ она руками.—На то васъ и царь кавалеріей украсилъ?..

— Никакой кавалеріей меня царь не украшалъ!—сдерживая улыбку, говоритъ Багриновскій.—А вотъ ежели вы опять ко мнѣ со вздорнымъ дѣломъ придете, такъ я васъ општрафую! Поняли?

— Понять-то поняла, ваше благоутробіе. Да только...

— Оставьте вы мое благоутробіе въ покоѣ и уходите, пока я на васъ штрафа не наложилъ!

Баба уходитъ, шурша ситцевой юбкой и ворча себѣ подъ носъ:

— Не въ духахъ сегодня! Бываетъ это съ нимъ!

За нею слѣдуетъ молодой малый, доставленный полиціей.

Его опухшее лицо носитъ явные слѣды ожесточенной битвы. Волосы взерошены, казакинъ въ нѣсколькихъ мѣстахъ разорванъ. Онъ дико вращаетъ глазами, и смѣлой, но не совѣмъ твердой походкой приближается къ судейскому столу.

— Семень Каменевъ?—спрашиваетъ судья.

Вмѣсто отвѣта въ камерѣ раздается громкая икота.

Въ публикѣ смѣхъ.

— Каменевъ, вы доставлены сюда за буйство, произведенное вами въ трактирѣ, но, кажется, вы и теперь еще не совѣмъ трезвы...

— Это никакъ не возможно... потому я на службу... подъ красную шапку!.. Значить, царю и отечеству!..—бормочетъ обвиняемый, сильно покачиваясь.

— Вы думаете, что царю и отечеству такіе слуги, какъ вы, очень нужны?—качаетъ головой Багриновскій.

— Я по собственному желанію! И притомъ подь турку... прямо на Кавказъ!..

— А покуда прямо назадъ въ сибирку! — пожимаетъ плечами судья.

— Кто его сюда доставилъ?—обращается онъ къ сторожу.

Къ столу приближаются двое городовыхъ.

— Онъ тверезый былъ... Онъ это дорогой... и опять здѣсь... потихоньку... отходилъ...

— А вы не зѣвайте. Въ другой разъ сами отвѣтите. Ведите его обратно!

— Это царскаго-то слугу? Егорьевскаго кавалера? И опять же изъ купеческаго рода... такъ какъ мой дѣдушка здѣсь, па Устрѣтенкѣ, свой магазинъ имѣлъ, до полного прогара? Никакъ я этого не ожидалъ!..

— И я тоже!—среди всеобщаго смѣха заявляетъ Багриновскій.

Съ аборигенами «Склада» у Багриновскаго былъ особый языкъ и своя повадка. Онъ къ нимъ относился съ особымъ вниманіемъ и, несмотря на ихъ подчасъ положительно невозможный костюмъ, всегда обращался съ ними съ относительнымъ уваженіемъ.

Когда рукопашныя схватки ихъ доходили до его вѣдѣнія и до его разбирательства, онъ съ снисходительной улыбкой спрашивалъ:

— Опять на Гегелѣ столкнулись? — и всячески старался примирить враждующія партіи.

Чаще другихъ заглядывалъ къ нему—по вызову, а не по охотѣ—бывшій бакалавръ духовной академіи, человѣкъ глубокаго образованія и еще болѣе глубокаго и непробуднаго пьянства.

Костюмъ его превосходилъ все, что можно было себѣ представить въ этомъ родѣ, и варьировалъ онъ его до безконечности, вплоть отъ потертаго сюртука до монашескаго полукафтаныя и отъ военнаго кителя до театральнаго польскаго кунтуша...

Къ Багриновскому его обыкновенно приводилъ какой-нибудь экстраординарный скандалъ, по поводу котораго между нимъ и всегда сочувственно относившимся къ нему судьей завязывались крупныя пренія, нерѣдко заканчивавшіяся слѣдующимъ оригинальнымъ приглашеніемъ:

— Вы пообождите тутъ... Я постановилъ рѣшеніе, которое мы съ вами вдвоемъ прочитаемъ! Кстати и потолкуемъ, и поспоримъ... Вы пройдитесь пемножко, а къ концу засѣданія приходите... Къ тому времени и обѣдъ поспѣеть...

Бакалавръ уходилъ, низко опустивъ голову.

Онъ зналъ, что такое милостивое приглашеніе не предвѣщало ему, въ смыслѣ приговора, ничего отраднаго и что по окончаніи очень вкуснаго и гостепріимнаго обѣда онъ услышитъ осужденіе «на высидку», съ обычной «замѣной», которой онъ, конечно, никогда и ни въ какомъ случаѣ не воспользуется.

Ученія пренія затягивались между ними до поздняго вечера, и, расходясь, иногда оба собесѣдника оказывались равно... далекими отъ состоянія полной трезвости.

Политическое міровоззрѣніе «Склада» не отличалось ни особенной терпимостью, ни особой осторожностью въ выраженіи крайнихъ мнѣній, и заведись въ настоящую минуту такой уголокъ свободномыслящихъ людей, не долго бы ему пришлось просуществовать!

Но полиція того времени въ глубокія соображенія не вдавалась, и въ тѣхъ случаяхъ, когда хотѣлось выслужиться путемъ выраженія особо патріотическихъ чувствъ, полиціанты обходились «домашними средствами».

Одно изъ этихъ домашнихъ средствъ возымѣло для изобрѣтательнаго полиціанта настолько благотворныя послѣдствія, что осталось надолго у меня въ памяти, какъ характерное доказательство того, въ какихъ потемкахъ блуждали предержанія власти. Такъ ли это теперь, сказать не могу, но въ то время, о которомъ идетъ рѣчь, всего можно было достигнуть путемъ интриги, подчасъ самой безцеремонной и невзыскательной.

Въ доказательство приведу здѣсь тотъ случай, о которомъ я упомянула выше.

Въ третьемъ кварталѣ Срѣтенской части, томъ именно, который изобилуетъ милыми улицами въ родъ вышеупомянутой Грачевки, былъ кварталнымъ надзирателемъ нѣкто Кудрявцевъ, человекъ довольно ограниченнаго ума, но большой интриганъ.

Относительно доходовъ кварталъ его считался однимъ изъ самыхъ выгодныхъ въ Москвѣ, и за время своего управленія онъ успѣлъ уже сколотить немаленькій капиталецъ и выстроить на имя жены двѣ дачи, дававшія хорошій доходъ. Но тутъ его забралъ демонъ честолюбія, и онъ порѣшилъ, что къ денежнымъ удачамъ не лишнимъ будетъ добавить и еще кое-что, менѣе осязательное, но болѣе почетное.

Одинъ изъ его товарищей по службѣ удостоился получить владимирскій крестъ, и Николая Васильевича—такъ звали Кудрявцева—разобрала зависть.

Настоящихъ заслугъ за нимъ не числилось да и показать себя не на чемъ было на пресловутой Грачевкѣ съ ея «притонами».

Приходилось прибѣгнуть къ хитрости.

И вотъ однажды, темной осенней ночью, Кудрявцевъ, переодѣвшись наподобіе легендарной памяти Гарунъ-аль-Рашида и взявъ съ собой своего вѣрнаго и неотлучнаго товарища и слугу, старшаго городского Перикова, отправился по кварталу и принялся вмѣстѣ со спутникомъ своимъ приклеивать ко всѣмъ дверямъ и воротамъ заранѣе заготовленныя и неизвѣстно гдѣ и какимъ путемъ отпечатанныя прокламаціи въ смыслѣ «потрясенія основъ».

Продѣлавъ это, оба сподвижника мирно почили отъ дѣлъ, а на утро Периковъ, на этотъ разъ особенно поусердствовавшій, подъялся раньше всѣхъ обывателей и прошелъ дозоромъ по кварталу.

Кудрявцеву тоже не спалось... Его тоже одолѣло рвеніе по службѣ, и онъ, вставъ до свѣта, встрѣтился въ одномъ изъ переулковъ съ своимъ alter ego.

Оба вмѣстѣ, продолжая свой начальническій обходъ, вскорѣ «наткнулись» на плакаты, расклеенные «дерзкими злоумышленниками» и, охваченные священнымъ ужасомъ, принялись срывать ихъ.

Вернувшись домой послѣ доблестнаго «открытія», Кудрявцевъ спѣшно переодѣлся и, предваривъ обычный пріемный часъ оберъ-полицеймейстера, отправился къ нему съ важнымъ, сенсационнымъ сообщеніемъ.

Генераль Араповъ, стоявшій въ то время во главѣ московской полиціи и, какъ всѣмъ хорошо извѣстно, не отличавшійся особой пронизательностью, пришелъ въ восторгъ отъ усердія своего подчиненнаго, раздувъ этотъ водевильный эпизодъ до размѣровъ настоящаго «событія», представилъ Кудрявцева къ наградѣ орденомъ св. Владимира 4-й степени. Онъ вмѣстѣ съ семьей былъ такъ доволенъ этой крупной, выдающейся и... не по заслугамъ полученной наградой, что назвалъ въ томъ же году родившагося сына Владимиромъ.

Нарождавшаяся уже тогда высочайшая охрана тоже по-своему использовала это «возстаніе», но мнѣ доподлинно неизвѣстно, кто изъ тогдашнихъ охранителей получилъ воздаяніе за спасеніе отечества отъ «потрясенія основъ», такъ удачно предупрежденнаго двумя стакнувшимися полиціантами...

Не знаю также, какая награда выпала и на долю Перикова.

Полагаю, что денежная, потому что онъ, какъ человѣкъ въполнѣ практичный, за почестями не гнался, а двухъэтажный домикъ себѣ скопить успѣлъ.

Важную роль сыгралъ въ охранѣ того времени другой усердный слуга отечества, нѣкто Яковлевъ, москвичъ по происхожденію, начавшій свою служебную карьеру въ скромномъ чинѣ и званіи писаря пожарной команды въ бытность брандмайоромъ покойнаго Потѣхина и постепенно, путемъ выслѣживанья мнимыхъ государственныхъ преступленій, дошедшій до степеней высокихъ и парадировавшій въ той же Москвѣ въ чинѣ статскаго совѣтника, всюду появляясь не иначе, какъ въ мундирѣ министерства внутреннихъ дѣлъ.

Всѣмъ хорошо памятный Василій Яковлевичъ Яковлевъ одно время былъ въ самой тѣсной дружбѣ съ Плевако, въ свои частые пріѣзды въ Петербургъ останавливавшимся не иначе, какъ у него въ его богатомъ и роскошномъ особнякѣ на Сергіевской, за который Яковлевъ заплатилъ не болѣе, не менѣе, какъ 400,000 рублей.

Какимъ образомъ составилось это громадное состояніе—извѣстно было только самому Яковлеву, который, впрочемъ, кончилъ довольно печально, сначала попавъ подъ судъ за какое-то мошенничество, а затѣмъ въ конецъ разорившись и окончивъ въ прошломъ году свой тревожный вѣкъ въ Петербургѣ въ крайней бѣдности.

Примѣръ этотъ я привожу не для того, чтобы бросить осужденіемъ въ человѣка, уже представшаго на иной, болѣе строгій и правый судъ, а единственно съ цѣлью указать, какими окольными путями люди того переходнаго времени выбивались изъ толпы и достигали несвойственнаго имъ положенія.

Вся система тогдашнихъ государственныхъ столповъ зиждилась главнымъ образомъ на томъ, чтобы запугивать верхи мнимыми опасностями, оставляя при этомъ за собою роль «спасителей»...

Такими «спасителями» въ то время кишѣла Русь православная... а между тѣмъ горькое событіе 1-го марта ясно и отчетливо доказало, что роль «спасителей» была напрасная и бесплодная роль.

Заговоривъ о серьезномъ предметѣ, позволю себѣ отвлечься на минуту, чтобы рассказать небольшой курьезъ изъ высшихъ сферъ юридическаго міра.

Послѣ злодѣйскаго покушенія на полотно Курской дороги императоръ Александръ II довольно долгое время не посѣщалъ Москву, и когда въ первый разъ пріѣхалъ послѣ этого, то заранѣе испрошено было позволеніе встрѣтить его подношеніями на Семерной станціи, составляющей послѣдній полустанокъ передъ Москвой.

Въ числѣ депутацій, заявившихъ о желаніи своемъ представиться государю, были депутаціи отъ московскаго окружнаго суда и московской палаты.

Полицейскій надзоръ за порядкомъ на Семерной станціи ввѣренъ былъ на этотъ разъ полицеймейстеру Безсонову, который лично и рассказывалъ мнѣ слѣдующій «пассажъ».

По обязанности службы онъ подробно осмотрѣлъ всѣ заготовленные адреса и подношенія, миновавъ, конечно, адреса окружнаго суда и судебной палаты, которыхъ онъ не позволилъ себѣ контролировать.

Первымъ пріѣхалъ на Семерную станцію прокуроръ судебной палаты графъ Капнистъ, прекрасно знакомый съ юриспруденціей, но весьма поверхностно знакомый съ русскимъ языкомъ, что могло бы показаться страннымъ во всякой другой странѣ, но не въ Россіи, гдѣ знаніемъ своего роднаго языка хвастать вообще не принято.

Онъ привезъ съ собою икону св. благовѣрнаго Александра Невскаго въ золотомъ окладѣ и, увидавъ, что всѣ показываютъ Безсонову свои подношенія, захотѣлъ тоже похвастать и, подойдя къ нему, сказалъ:

— А папѣ подарокъ вы не видали, полковникъ?...

Безсоновъ отвѣтилъ, что нѣтъ, и взялъ въ руки икону.

— На томъ... на другомъ сторонѣ!..—тономъ глубокаго торжества рекомендовалъ ему графъ Капнисть, перевертывая икону на обратную ея сторону.—Тутъ и надписаніе есть хорошее, изъ псалмовъ Давида пророка!..

Безсоновъ взглянулъ на оборотную сторону иконы, гдѣ на золотой же доскѣ красовалась довольно длинная надпись... Прочелъ ее... и обомлѣлъ!..

— Графъ!.. Такъ.. въ этомъ видѣ... поднести икону невозможно!..—проговорилъ онъ.

Капнисть сдѣлалъ удивленные глаза.

— И почему?—спросилъ онъ.

— Потому, что здѣсь нѣтъ знаковъ препинанія.

— Что это такое? — съ недоумѣніемъ продолжалъ допрашивать Капнисть.

— Точка тутъ должна была быть поставлена... И затѣмъ должна обязательно слѣдовать новая строка.

Лица, стоявшія по сосѣдству; слыша это непонятное для нихъ объясненіе, приблизились и прочли на золотой доскѣ иконы, которую продолжалъ держать въ рукахъ полицеймейстеръ, слѣдующую необычайную надпись:

«Ангеламъ Своимъ заповѣсть о Тебѣ сохранить Тя во всѣхъ путехъ Твоихъ отъ членовъ Московской судебной палаты»

По довольно многочисленной аудиторіи пробѣжалъ ропотъ едва сдерживаемаго смѣха...

Капнисть оглядѣлъ всѣхъ недоумѣвающимъ взглядомъ.

— Такъ... нельзя?—недовольнымъ тономъ спросилъ онъ.

— Нѣтъ, графъ, такъ нельзя!..—подтвердилъ Безсоновъ.

Капнисть пожалъ плечами и удалился, врядъ ли хорошо понявъ, въ чемъ дѣло.

— Ахъ, этотъ полицей!..—довольно громко воскликнулъ онъ, садясь въ ожидавшій его экипажъ.

А. И. Соколова.

ИЗЪ ДАВНИХЪ ЭПИЗОДОВЪ.

2. Последняя гитара.

I.

О ВТОРОЙ половинѣ восьмидесятихъ годовъ прошлаго столѣтія въ узкой, лишенной свѣта и воздуха, ущельной Пушкинской улицѣ «меблированный» домъ «Пале-Рояль» служилъ пріютомъ многихъ писателей. Не знаю, кто теперь тамъ проживаетъ, а тогда ютились въ этомъ огромномъ отелѣ съ длинными мрачными коридорами и Глѣбъ Ивановичъ Успенскій, и Николай Константиновичъ Михайловскій. Литературное опредѣленіе момента такое: между закрытіемъ «Отечественныхъ Записокъ» и открытіемъ «Русскаго Богатства». Многие писатели, пока не созданъ «Сѣверный Вѣстникъ», оставались почти не у дѣль... Впрочемъ, объ этомъ времени и бытѣ «Пале-Рояля» я поговорю потомъ особо, пока же только скажу, что въ пятомъ этажѣ сего «меблированнаго» дома, зато въ очель свѣтлыхъ двухъ комнатахъ, окнами на Лиговку и свободное пространство пустыря, нынѣ уже загроможденнаго зданіями, тогда проживала и моя матушка, Анна Николаевна Энгельгардтъ.

Однажды утромъ, когда рука ея быстро бѣгала по листамъ тонкой бумаги, покрывая ихъ изящными литерами перевода англійскаго романа для «Вѣстника Европы», а я по молодости лѣтъ углублялся въ «Трансцендентальную эстетику» Эммануила Канта, раздался стукъ въ дверь и старческой голосъ попросилъ позволенія войти на томъ французскомъ языкѣ, которымъ въ Россіи говорило

и думало поколѣніе двадцатыхъ и тридцатыхъ годовъ XIX столѣтія, а во Франціи говорили въ XVII вѣкѣ.

Матушка бросила перо и, радостно воскликнувъ:

— Mais c'est para! Entrez, cher para!—поднялась отъ письменнаго стола.

Дверь номера отворилась. Невысокій, сухой старичокъ съ сѣдыми клоками волосъ на черепѣ, съ сверкающими глазами, съ мелкими, но пріятными чертами тощаго лица, съ сѣдой бородкой и усами, въ щегольскомъ сюртукѣ и свѣтлыхъ панталонахъ, съ крупнымъ орденомъ на шеѣ, вбѣжалъ въ комнату, бросился въ первое попавшееся мягкое кресло и, поднявъ маленькія ножки въ ботинкахъ, сталъ охать и растирать ихъ руками.

— Что съ вами, папа?—въ испугѣ вскричала моя мать.

— Ничего! Ничего! Судорога, знаешь! Сейчасъ пройдетъ,—говорилъ старичокъ по-русски.—Вбѣжалъ къ тебѣ на пятый этажъ и вотъ, знаешь, судорога! Ты высоко живешь. Видно, что писательница. Помнишь «la Chartreuse» Грессета?

Une lucarne mal vitrée,
Près d'une gouttière livrée...

— Конечно, помню,—отвѣчала матушка и продолжала:

A d'interminables sabbats,
Où l'université des chats,
A minuit, en robe fourrée,
Vient tenir ses bruyants états...

— Слава Богу, легче! Пренесносная вещь эта судорога! И дѣлается неизвѣстно отъ чего!—говорилъ между тѣмъ старикъ и окончилъ строфу Грессе, или, какъ онъ по старинному называлъ, Грессета:

Une table mi-démambrée,
Près du plus humble des grabats;
Six brins de paille délabrée,
Tressés sur de vieux échalias;
Voilà les meubles délicats,
Dont ma chartreuse est décorée...

Къ слову сказать, комнаты, которыя мы обитали, вовсе не напоминали «une lucarne mal vitrée», а были весьма прилично убраны; мебель вовсе не напоминала «grabats» и «vieux échalias», такъ какъ матушка прибавила много своихъ красивыхъ вещей и на всемъ, на бездѣлушкахъ, книгахъ, картинахъ и портретахъ отпечатлѣлся ея вкусъ. Одно было справедливо: «кошачій университетъ» въ весеннія бѣлыя ночи подлинно собирался на пустырь противъ нашихъ оконъ на полѣвницахъ дровъ и учинялъ тамъ «шумный шабашъ».

— Ну, поцѣлуй меня, дружокъ!—сказаль старикъ, подставляя щеку матушкѣ, которая почтительно цѣловала ее и руку, словно выточенную изъ слоновой кости, съ фамильнымъ Екатерининскимъ перстнемъ.

— Здравствуй, Николай!—продолжалъ старикъ, обращаясь ко мнѣ и протягивая лѣвую свободную руку.—Для тебя есть коробка конфектъ, но она осталась внизу, въ моемъ пальто. Прикажи принести, а также и мою добрую старую пріятельницу, десятиструнную гитару.

Тайно оскорбленный глубоко (мнѣ, въ семнадцать лѣтъ читавшему «Трансцендентальную эстетику» и сознательно не читавшему «Что такое прогрессъ?» убѣжденному легитимисту, и вдругъ—коробка конфектъ!), я наружно благодариль.

— Да, пальцы еще служатъ, хотя уже не та бѣглость, не та!—говориль старикъ.—А ноги совсѣмъ дрянъ... Взбѣжалъ къ тебѣ, и сейчасъ же судорога! Очень непріятно.

Этотъ старикъ, жаловавшійся на судорогу въ ногахъ, приключившуюся оттого, что онъ «взбѣжалъ» на пятый этажъ меблированного дома «Пале-Рояля», былъ мой дѣдъ, Николай Петровичъ Макаровъ, гитаристъ и составитель извѣстныхъ словарей. Тогда ему было ровно семьдесятъ лѣтъ.

II.

Николай Петровичъ Макаровъ родился въ Чухломѣ, уѣздомъ городкѣ Костромской губерніи, года за два до нашествія Наполеона и Отечественной войны. Городъ Чухлома былъ нарочито не великъ, съ полутора тысячами жителей, двумя церквями, четырьмя каменными домами и расположенъ на берегу довольно значительнаго озера, которое славилось чрезвычайно крупными карасями, но отличалось и нѣкоторымъ неудобнымъ свойствомъ: въ лѣтніе мѣсяцы зацвѣтало, и изъ тины зарождались тогда міриады мелкихъ зеленыхъ мошекъ, порою заслонявшихъ собою свѣтъ солнечный и покрывавшихъ городскія улицы слоємъ вершка въ два и болѣе.

Потому городокъ и прозывался «зеленою Чухломою». Отецъ моего дѣда, Петръ Петровичъ Макаровъ, имѣлъ въ окрестностяхъ Чухломы родовое имѣніе, сельцо Першино, и происходилъ отъ стариннаго дворянскаго рода. Въ молодости своей служиль онъ въ военной службѣ и въ концѣ XVIII столѣтія стоялъ съ полкомъ въ Петербургѣ, гдѣ не разъ приходилось ему, завидѣвъ издали катающагося императора Павла Петровича, въ паническомъ страхѣ за неисправность аммуниціи, косы или пуклей прятаться подъ ближайшимъ мостомъ. Выйдя въ отставку, проживая въ деревнѣ, женился онъ на Аннѣ Макаровнѣ, рожденной Мичуриной, тоже изъ очень стараго рода коренныхъ костромичей, солигаличскихъ дворянъ.

Петръ Петровичъ, добрѣйшій человѣкъ, извѣстный въ своемъ краю честностью и безкорыстіемъ, былъ все-таки вполнѣ сыномъ своего времени, обученъ на мѣдныя деньги, держалъ до сотни борзыхъ и гончихъ, почиталъ старину и съ недовѣрчивостью смотрѣлъ на всякое новшество. Великій хлѣбосоль, къ концу жизни своей получилъ онъ страсть къ отыскиванію кладовъ.

Прадѣдъ Анны Макаровны, рожденной Мичуриной, служилъ еще Петру I и былъ начальникомъ его тайной канцеляріи. Въ числѣ приданого за нею находилась ея няня Соломонида. Въ 1808 году, во время замужества ея барышни, вышедшей зрѣлой отроковицей двадцати пяти лѣтъ за Петра Петровича Макарова, нянѣ Соломонидѣ было сто лѣтъ. Въ день кончины императора Петра Великаго ей было уже 17 лѣтъ, такъ что она сохранила въ памяти ту эпоху и видѣла послѣдующія—и царствованіе Екатерины Первой, и аннинскія, и елизаветинскія времена, и царствованіе Сѣверной Астреи. Вынянчивъ четыре поколѣнія господъ своихъ, няня Соломонида стала нянчить и пятое, и являлась живой лѣтописью XVIII столѣтія. Ярko разсказывала она о петровскихъ «ассамблеяхъ», гдѣ пантагрюэлеескія угощенія съ кубками мальвазіи не щадили и слабый полъ, такъ что женѣ прапрадѣда не разъ приходилось возвращаться домой въ вакхическомъ состояніи.

Быть чухломскихъ и солигаличскихъ дворянъ начала XIX столѣтія, среди дремучихъ сосновыхъ и еловыхъ лѣсовъ старожитной костромщины, отличался многими своеобразными особенностями.

Жили сытно, просторно, весело, но грубо, грязновато и съ варварскими нравами. Большинство дворянъ не было обучено ничему, кромѣ русской грамоты да начальной ариметики. Раздѣлялись костромскіе дворяне на три разряда: голышей, мелкопомѣстныхъ и многодушныхъ.

Голыши наполняли мѣстами цѣлыя селенія и, кромѣ избы, огорода и нѣсколькихъ десятинъ сѣнокоса и пашни, не имѣли каждый ничего. Впрочемъ, у нѣкоторыхъ бывала одна «душа», иногда двѣ, и до пяти. Были селенія, гдѣ жили одни дворяне Купріяновы, другіе съ господами Горталовыми, третьи съ Шигоринными и т. д. Все старинные дворяне. Очевидно, размножаясь и дробя землю, они не служили, не промышляли, не увеличивали состоянія и обратились въ «голышей», нѣчто вродѣ польской «дробной шляхты».

Мелкопомѣстными назывались дворяне, имѣвшіе во владѣніи отъ десяти до пятидесяти душъ. Свыше—считались уже многодушными. Всѣ они отличались отсутствіемъ всякаго честолюбія, служили въ военной службѣ, выходили въ отставку оберъ-офицерами и возвращались въ старые срубы дѣдовскихъ усадебъ къ наслѣдственнымъ дѣвичьимъ и псарнямъ, къ лисьимъ лазамъ, къ отъѣзжимъ полямъ, къ русакамъ, волкамъ и медвѣдямъ, къ пирушкамъ и попойкамъ съ шутами и шутихами, къ лѣни, праздности и безпечному приволію.

Псовая охота считалась тогда главной цѣлью жизни столбового дворянина. Не было даже и мелкопомѣстнаго, который бы не держалъ хоть нѣсколькихъ борзыхъ собакъ. Стодушный помѣщикъ держалъ отъ пятидесяти до сотни борзыхъ и гончихъ со стремянными и доѣзжачими. А владѣвшіе свыше ста душъ—триста, пятьсотъ, тысячу, имѣли и псарни огромнѣйшія, такъ что среднимъ числомъ на каждыя три ревизскія человѣческія души приходилось по два четвероногихъ. Однако, должно замѣтить, что крестьяне костромскіе по большей части жили тогда очень зажиточно, чисто, опрятно, въ двухъэтажныхъ избахъ, съ свѣтлицами, крытыми тесомъ и украшенными хитро-узорчатымъ деревяннымъ рѣзнымъ кружевомъ; бабы, дѣвки были дородны, сыты, статны, горласты, дѣтей было множество, мужики почти всѣ были промышленники и мастеровые, кузнецы, столяры, слесаря, краснодеревцы, топоры у нихъ были преострые, кулаки предюжіе, лѣса кругомъ были претемные и предремучіе. И дворянская братія отличалась вообще добродушіемъ и только знала «полевать».

По недѣлямъ охотники съ эскадронами ловчихъ, доѣзжачихъ, съ псовыми легіонами стояли бивуаками подъ открытымъ небомъ, у костровъ, питались солянкою, ватрушками, битымъ мясомъ, полотками, бужениною, всѣ сѣнъ снѣди обильно орошая черемуховкой и рябиновкой, порскали, травили, улюлюкали, ссорились, ругались, дрались арапниками, доходило и до охотничьихъ ножей, псаря тогда трубили «на драку», потомъ мирились, шили, и опять травили, порскали, улюлюкали...

III.

Николай Петровичъ Макаровъ лишился матери, еще будучи мальчикомъ, и воспитывался на полной волѣ: бѣгай, шуми, шали, кричи, бей, ломай, колоти, дерись, озорничай, лазь по деревьямъ, по заборамъ, по угламъ избъ за птичьими гнѣздами, играй съ ребятишками, дворовыми и крестьянскими, трави кошекъ собаками, бѣгай на гумно, кушайся въ прудѣ по пяти разъ на день, лѣши изъ комьевъ снѣга избы и крѣпости, «снѣгуровъ» и «снѣгурокъ», шлепай по весеннимъ лужамъ, снявъ башмаки и засучивъ штаны по колѣна, запрягай въ салазки большую дворняжку «Сѣрку», которая иногда повезетъ, а въ другой разъ пребольно укуситъ—полная свобода и безответственность. Домашнее ученье началось съ девяти лѣтъ и продолжалось четыре года. Педагоги были отмѣнные. Сперва долговязый Яковъ Григорьевичъ, который медлительно и свирѣпо обучалъ дворянское дитя складамъ по истрепанной азбукѣ, прозванной «лапшей», и для вразумленія хлопалъ линейкой по ладонямъ, ставилъ въ уголь, голыми колѣнями на горохъ и острое полѣно, стегалъ «извѣстными и по извѣстнымъ». Черезъ годъ, однако, прогнали

долговязого Якова Григорьевича и взяли полную ему противоположность—маленькаго, толстенькаго добряка и слюняя, Прохора Семеновича, который никакъ не наказывалъ, но котораго самъ ученикъ, за что-то разсердившись, пребольно высѣкъ. И этого расчитали. Наняли иностранца для обученія дворянскаго дитяти языку Мольера.

Господинъ Фокетъ былъ собственно не педагогъ, а только кузнецъ и обломокъ великой арміи Наполеона, но могъ дѣйствовать и дѣйствовалъ, обучилъ дворянскаго дитя «языку Мольера», только, къ сожалѣнію, съ произношеніемъ бретонскихъ кузнецовъ. Такъ проходило время, когда въ началѣ 1823 года неожиданно пріѣхали родные дяди моего дѣда по матери, братья Мичурины.

Старшій изъ нихъ, Валентинъ Макарычъ, былъ заслуженный полковникъ, весь израненный и увѣшанный орденами. Еще подъ Аустерлицемъ онъ сражался въ чинѣ поручика и получилъ первую рану; въ Бородинской битвѣ былъ уже капитаномъ гвардіи и при взятіи одной батареи жестоко раненъ въ правую ногу.

Братъ его, Валеріанъ Макарычъ Мичуричь, былъ десятью годами моложе, воспитывался въ первомъ кадетскомъ корпусѣ, вмѣстѣ съ Рылѣвымъ, написавшимъ ему въ альбомѣ стихи, выпущенъ изъ корпуса въ 1812 году въ конную артиллерию, а потомъ переведенъ для совмѣстной службы съ братомъ въ одинъ изъ гвардейскихъ полковъ, стоявшихъ въ Варшавѣ, именно въ Литовскій, подъ начальствомъ цесаревича Константина Павловича. Оба брата Мичурины считались одними изъ лучшихъ офицеровъ, въ полку были очень любимы и своими товарищами, и цесаревичемъ. Валеріанъ Макарычъ служилъ тогда штабсъ-капитаномъ и полковымъ адъютантомъ. Онъ былъ очень красивъ собою.

Съ пріѣздомъ братьевъ Мичуриныхъ обьяла иная атмосфера впечатлительнаго мальчика; свидѣтели и дѣйствователи великой эпопеи Отечественной войны, боевые, brave дяди его наполнили воображеніе мальчика разсказами боевой славы. Въ живыхъ картинахъ возставала Бородинская битва и ея герои. Вотъ генераль-майоръ Тучковъ 4-й, соединявшій съ прекрасной наружностью душу пламенную, умъ, обогащенный всѣми плодами просвѣщенія, съ знаменемъ въ рукѣ ведетъ свой Ревельскій полкъ на непріятеля, но едва ступилъ онъ нѣсколько шаговъ, пуля поражаетъ его въ грудь. Такъ три родные брата Тучковы, достигнувъ до генеральскихъ чиновъ, пройдя безвредно многія войны, почти въ одно время кончили свое поприще: одинъ, израненный, взятъ въ плѣнъ близъ Смоленска; двое пали подъ Бородинымъ; мать ихъ лишилась зрѣнія отъ слезъ, а юная прекрасная супруга одного изъ падшихъ братьевъ соорудила на Бородинскомъ полѣ обитель и удалилась въ нее отъ свѣта. Окруженный неземнымъ сіяніемъ славы являлся воображенію князь Багратіонъ—его львиная храбрость, велича-

вое спокойствіе, орлиная быстрота. Братья Мичурины рассказывали, какъ въ рѣшительный моментъ сраженія Мюрать съ кавалерійскими полками пошелъ на наше лѣвое крыло. Корпуса шли въ строгомъ порядкѣ, напроломъ, сперва шагомъ, потомъ рысью, наконецъ понеслись во весь опоръ, прямо на полки лейбъ-гвардіи Измайловскій и Литовскій, въ которомъ и служили братья Мичурины.

Полки построились въ каре и, допустивъ французскихъ кирасировъ на ближайшій выстрѣлъ, открыли батальный огонь. Латы были слабою защитою. Враги показали тылъ. Конные гренадеры покусились исправить неудачу кирасировъ, но, принятые одинаковымъ образомъ, имѣли равную участь: ихъ опрокинули. Нѣсколько конныхъ гренадеровъ, осмѣлившихся доскакать до каре, попали на штыки. Третья атака была такъ же безуспѣшна, какъ и первая двѣ. Если бы въ русскихъ рядахъ хотя на самое короткое время водворился безпорядокъ, или наши оробѣли, сраженіе было бы проиграно. Громады непріятельской конницы того только и ждали и обрушились бы на насъ всею своею тяжестью. За ранами старшихъ, Храповицкаго, Козлянинова и Мусина-Пушкина, Измайловскимъ полкомъ командовалъ полковникъ Кутузовъ. Истребляя ряды наши, непріятельскій огонь не производилъ въ нихъ никакого безпорядка. Ряды смыкались и были повѣряемы съ такимъ хладнокровіемъ, какъ бы находились внѣ выстрѣловъ. Командиръ Литовскаго полка, полковникъ Удомъ, выстрѣливъ батальнымъ огнемъ, закричалъ «ура», пошелъ на штыки и гналъ непріятеля до ближайшей высоты. По ожесточенію солдатъ въ плѣнь никого не взяли. Такіе подвиги не могли совершаться безъ большихъ потерь. Въ Литовскомъ полку изъ 1,773 человекъ убито, ранено и безъ вѣсти пропало 953. Однимъ словомъ, полки Измайловскій и Литовскій открыли себя въ видѣ всей арміи неоспоримою славою.

Слушая рассказы дядей своихъ о всѣхъ сихъ и подобныхъ подвигахъ, дѣдъ мой, Николай Петровичъ Макаровъ, совершенно переродился. Участь его была рѣшена. Онъ долженъ былъ ѣхать съ Валеріаномъ Макаровичемъ Мичуринымъ въ Варшаву на службу царскую.

IV.

Мальчикъ ѣздилъ проститься со старой няней рода Мичуриныхъ, проживавшей на покоѣ въ имѣніи Польшинкинѣ Солигаличскаго уѣзда. Стопятнадцатилѣтняя Соломонида, уже слѣпая, сидѣла на теплой лежанкѣ и прядла. Долго цѣловала она мальчика въ голову, крестила и подарила ему на дорогу полтинникъ. Выѣхали изъ «зеленой» Чухломы въ буйную Варшаву въ концѣ марта, въ самую распутицу. Былъ Великій постъ. Воспитанный въ строгомъ соблюденіи всѣхъ церковныхъ обрядовъ, Николай Петровичъ при-

шелъ въ горестное недоумѣніе, когда на первомъ же ночлегѣ подали скоромный ужинъ. Какъ быть? Ъсть хочется. Дяди военные посоветовали ѣсть. Полно постинчать! Долго тотъ крѣпился, наконецъ разрѣшилъ. Но только положилъ первую ложку въ ротъ—слезы ручьемъ брызнули изъ его глазъ. Однако плакать плакалъ, а все ушсалъ. Потомъ, кромѣ дней говѣнья, ѣлъ скоромное и уже не плакалъ. Черезъ пять дней труднаго пути съ сидѣніемъ въ зазорахъ и купаньями въ потокахъ, достигли Москвы. Это было утромъ, часу въ десятомъ. Мальчикъ дрожалъ отъ восторга, когда завидѣлъ золотыя маковки «сорока сороковъ», привыкнувъ къ благоговѣнію предъ первопрестольной столицей. Въѣхали въ заставу. Скоро попался разносчикъ съ жаренымъ макомъ. Потомъ другой предлагалъ патоку съ имбиремъ.

«Дядюшка, постойте! Это — постное!» Остановились, накупили и маку и патоки. Вкусно!

За остановку въ Москвѣ одинъ изъ дядюшекъ успѣлъ помолвиться съ одною изъ безчисленныхъ московскихъ князевъ, Оболенской. Оставивъ Москву, пустились по ужаснѣйшей дорогѣ, перебираясь черезъ «разливы рѣкъ, подобные морямъ».

Изъ всѣхъ городовъ, лежавшихъ между Москвою и Варшавою, болѣе всѣхъ поправилась Николаю Петровичу Вязьма, по случаю пряниковъ съ миндалемъ и цукатами. Купили цѣлый ящикъ. Это — постное! Вся эта дорога поражала уныніемъ. Черезъ одиннадцать лѣтъ послѣ нашествія галловъ и съ ними двадцати языкъ повсюду, въ городахъ, селахъ, деревняхъ, усадьбахъ, виднѣлись слѣды опустошенія и разоренія. Въ Смоленскѣ были цѣлыя улицы обгорѣлыхъ, полуразрушенныхъ домовъ. Въ половинѣ апрѣля 1823 г. въѣхали наконецъ и въ Варшаву.

Дядя Валеріанъ Макарычъ Мичуринъ квартировалъ въ Варшавѣ въ Александровскихъ казармахъ, находившихся на самомъ краю города, на Вислѣ. Едва пріѣхали, вѣсть о семь распространилась, и множество явилось офицеровъ-сослуживцевъ. Всѣ любили Валеріана Макарыча. Оживленное движеніе на улицахъ, польскій языкъ съ обиліемъ трескучихъ и шипящихъ звуковъ, обиліе военныхъ мундировъ, эполетъ, киверовъ, украшенныхъ гербами, вишкетами и высокими цилиндрическими волосяными султанами или помпонами, треугольныя шляпы, надъ которыми колыхались широкіе султаны изъ пѣтушкихъ перьевъ, черные и бѣлые, все это, послѣ костромскихъ дремучихъ лѣсовъ и зеленой Чухломы, произвело сильнѣйшее впечатлѣніе на мальчика.

Предстояли серьезнѣйшіе шаги — представленіе начальству. Мальчика представили сперва полковому командиру Литовскаго гвардейскаго полка генераль-майору Кишкину, а потомъ повезли въ Брюлевскій домъ и тамъ представили великому князю Константину Павловичу. Находясь въ самомъ веселомъ расположеніи духа,

цесаревичъ обласкалъ его, потрепалъ по плечу и, согласно прошенію, приказалъ опредѣлить подпрапорщикомъ въ Литовскій гвардейскій полкъ и назначить въ первую фузилерную роту, которою командовалъ капитанъ Граббе, одинъ изъ лучшихъ офицеровъ во всей гвардейской дивизіи, другъ и совоспитанникъ по корпусу дяди Мичурина.

Николай Петровичъ, или тогда еще просто Коля Макаровъ, былъ еще слишкомъ молодъ для того, чтобы исполнять фронтową службу, не могъ даже поднять на плечо одною рукою тогдашнее тяжелое ружье. Великій князь позволилъ ему жить вмѣстѣ съ дядей, носить юнкерскій мундиръ, получать унтеръ-офицерское жалованье и кончать свое домашнее образованіе, пока лѣта позволятъ отправиться въ школу гвардейскихъ подпрапорщиковъ. Такъ началась новая жизнь въ Варшавѣ двадцатыхъ годовъ, еще имѣвшей польскую армію и свою «кущую конституцію», долженствовавшую погибнуть въ революцію 1830 года, происшедшую на глазахъ Николая Петровича, тогда уже офицера и оказавшагося у поляковъ въ плѣну. Но въ 1823 году Варшава мирно процвѣтала. Старый безпечный польскій характеръ и тысячи историческихъ пережитковъ нравовъ и обычаевъ еще были цѣлы. А русская военная среда полна была того особаго блеска, который лежалъ на всѣхъ участникахъ александровско-наполеоновской эпопеи.

Страсть Коли Макарова къ шалостямъ уже прошла, и онъ сдѣлался очень степеннымъ, кроткимъ и послушнымъ мальчикомъ; развивались въ немъ—большая любознательность, страсть къ скрипкѣ и гитарѣ, а вскорѣ и къ лексикографіи. Послѣднему способствовалъ учитель, къ нему приглашенный для преподаванія собственно французскаго языка, но вообще замѣчательный лингвистъ и оригинальнѣйшій шестидесятилѣтній добрѣйшій старикъ Петерсъ. Онъ говорилъ на всѣхъ европейскихъ языкахъ и очень хорошо зналъ языки: латинскій, греческій, еврейскій, арабскій, персидскій и санскритскій. Въ молодости своей онъ служилъ во французскихъ санерахъ, носилъ длинную бороду и участвовалъ во всѣхъ походахъ и войнахъ первой французской республики, консульства и имперіи. Оставя военную службу, лишь только Бурбоны возвратились во Францію, онъ эмигрировалъ сперва въ Германію, а потомъ въ Варшаву. Онъ очень полюбилъ Колю Макарова, а тотъ равнобѣрно его. Однако по странной російской скупости тратиться на книги мальчикъ не имѣлъ необходимѣйшихъ учебныхъ пособій. Такъ, находился у него старый, изорванный французско-рускій лексиконъ Татищева, но русско-французскаго словаря не имѣлось. Мальчикъ обѣгалъ всѣ книжныя лавки Варшавы. Итъ такого словаря. А дядюшка и не думаетъ выписывать его изъ Россіи. Коля Макаровъ задумалъ самъ составить такой словарь. Онъ переплелъ два довольно толстые тома въ восьмую долю листа изъ чистой бу-

маги, и принялся передѣлывать французско-русскій лексиконъ Татищева на русско-французскій. Цѣлый годъ работалъ неутомимо. Первая часть была уже готова, но вдругъ получилъ отъ старшаго дяди Валентина Макаровича Мичурина въ подарокъ русско-французскій словарь Гейма. Счастье будущаго лексикографа было неописанное.

Въ продолженіе нѣсколькихъ дней онъ не выпускалъ изъ рукъ лексикона и съ наслажденіемъ читалъ его... Но этимъ дѣло не кончилось, мальчикъ вздумалъ создать свой собственный, новый и по возможности звучный и легкій языкъ, много десятилѣтій предупреждая «волапукистовъ» и «эсперантистовъ». Придумалъ новую азбуку, съ довольно красивыми литерами. Затѣмъ сталъ сочинять слова, изъ нихъ составлять словарь и грамматику новаго языка. Полгода трудился въ глубокой тайнѣ. Перевелъ на этотъ языкъ нѣсколько страницъ прозы и стиховъ изъ французской хрестоматіи. Стихи и перевелъ стихами. И наконецъ съ замирающимъ сердцемъ преподнесъ свое изобрѣтеніе старому лингвисту Петерсу. Добрый и умный старикъ просмотрѣлъ словарь, грамматику и переводы съ добродушной учтивостью и улыбкой и наконецъ вѣжливо сказалъ:

— Изобрѣтеніе ваше обличаетъ въ васъ живое воображеніе, хорошій вкусъ и слухъ относительно гармоніи звуковъ и съ тѣмъ вмѣстѣ премного терпѣнія и необычайную настойчивость. Жаль только, что вы потратили такъ много трудовъ на вещь совершенно бесполезную.

— Отчего же бесполезную? Вѣдь мой новый языкъ очень звученъ и легокъ для изученія.

— Все это правда. Да кто станетъ изучать языкъ, на которомъ никто не говоритъ и нѣтъ никакой литературы?

Простое это соображеніе сразило молодого лингвиста, и онъ повѣсилъ голову...

V.

Рядомъ съ ранней страстью къ лексикографіи столь же рано проявилась у Николая Петровича Макарова страсть къ музыкѣ, къ скрипкѣ, а потомъ къ гитарѣ. Музыка сплелась съ первымъ поэтическимъ чувствомъ дѣтскаго сердца... Приѣхавъ въ 1823 году въ Варшаву, дядя моего дѣда скоро поселился на Закрочимской улицѣ. (Существуетъ ли и теперь таковая въ Варшавѣ, не знаю). Управляющій домомъ по-польски «буркграбъ» — былъ нѣкто Гладковскій. У него было три дочери. Старшая, замужняя, брюнетка Клементина, вторая, Эмилиа, блондинка, съ чудными голубыми очами, третья, самая младшая, ровесница Коли Макарова, живая, бойкая, смѣлая, чистая полька, Констанція, уменьшкья дѣвочка.

но великая капризница и насмѣшница. Коля Макаровъ, костромичъ изъ «зеленой» Чухломы, и варшавянка Констанція Гладковска сейчасъ же подружились, еще не вѣдая о «старомъ счетѣ славянъ между собою», бѣгали по двору, играли, рѣзвились и шалили, ежедневно ссорились и мирились, и опять ссорились, и опять мирились, при чемъ насмѣшливая полька за смѣсь французско-польско-костромского нарѣчія своего товарища и обожателя Коли Макарова, впрочемъ, вскорѣ научившагося изъясняться на языкѣ великаго Мицкевича, какъ природный полякъ, прозывала его *makaron do rosolu* (макароны въ супѣ).

Пролетѣли учебные годы, Николай Петровичъ вышелъ въ офицеры, а Констанція Гладковска изъ варшавской консерваторіи на сцену варшавской оперы и сразу стала первоклассной пѣвицей, а затѣмъ скоро сдѣлалась предметомъ первой, несчастной страсти тогда мало извѣстнаго Шопена.

Въ самомъ дѣлѣ, слава великаго композитора и музыканта создавалась далеко не сразу. Товарищъ по полку моего дѣда, Аполлонъ Ильичъ Бибиковъ, былъ въ какомъ-то важномъ домѣ Варшавы на блистательномъ музыкальномъ вечерѣ. Толпа польской аристократіи, вперемежку съ русскими гвардейскими мундирами, наполняла залы и гостиныя «палаца», прелестнѣйшія женщины, пани съ лебедиными шеями и паненки съ польскими очами-звѣздами сверкали плечами, брильянтами и туалетами той эпохи — двадцатыхъ годовъ. Между артистами находился Крамеръ, первый тогда въ Варшавѣ пианистъ, или, какъ тогда называли, фортепианистъ; былъ еще на вечерѣ и молодой студентъ варшавскаго университета, скромный, худенькій, робкій, съ задумчивымъ и блѣднымъ лицомъ. Это былъ — Фридрихъ Шопенъ или, какъ называли тогда, — Шопинъ. Заигралъ Крамеръ; всѣ въ восторгѣ таятъ дыханіе. Кончилъ — громъ единодушныхъ аплодисментовъ. Заигралъ Шопенъ или Шопинъ — всѣ поджимаютъ губы, водятъ носами. Кто такой сей студентъ, держащій послѣ знаменитаго Крамера въ блестящемъ обществѣ упражняться на фортепиано? Шопенъ кончилъ. Жиденькіе хлопки изъ приличія. Пораженный гениальной игрой Шопена и непониманіемъ «избранной» публики, Бибиковъ, страстный и превосходный гитаристъ, подошелъ къ Крамеру и выразилъ свое недоумѣніе. Крамеръ пожалъ плечами и сказалъ:

— Профаны! Что они смыслятъ! Этотъ юноша — гений. Онъ уберетъ свою игрою сто такихъ Крамеровъ, какъ я.

Да, были люди среди старыхъ маэстро. Надо имѣть великую душу, чтобы признать молодой гений, будучи старой знаменитостью.

Шопенъ былъ робокъ по характеру. Огромной публики не любилъ, а, можетъ быть, и не взлюбилъ послѣ перваго опыта съ «избранной» публикой польской аристократіи. Шопенъ рѣдко участвовалъ въ концертахъ.

Николай Петровичъ Макаровъ слышалъ, однако, Шопена въ двухъ концертахъ, данныхъ имъ въ Варшавѣ осенью рокового 1830 года.

VI.

Констанція пѣла, играла. Дивный талантъ будущей знаменитой пѣвицы и красота будущей любви великаго Шопена развивались на глазахъ мальчика-костромича, дѣлившаго ея игры, шутки, смѣхъ и рѣдкія слезы въ теченіе четырехъ лѣтъ.

Въ сентябрѣ 1826 года «Макарон до розолу» поступилъ наконецъ въ школу гвардейскихъ подпрапорщиковъ. Однако военную муштру онъ проходилъ еще раньше. Дядя Мичуринъ назначилъ къ нему дядьку, лучшаго солдата въ своей ротѣ, Войцеха, уроженца Литвы. Николаю Петровичу дали ружье, аммуницію, по три раза въ недѣлю Войцехъ приходилъ на квартиру Мичурина и обучалъ выправкѣ, маршировкѣ и ружейнымъ приѣмамъ. Кромѣ сего, отъ дядьки Войцеха, котораго полюбилъ отъ всей души, мальчикъ научился разбирать все ружье, чистить его тертымъ кирпичомъ, полировать штыкъ, шомполъ и наружные винтики полировникомъ, варить клей, бѣлить аммуницію и начисто ее отдѣлывать, когда клей и мѣлъ засыхали; научился укладывать въ ранецъ и выкладывать изъ ранца солдатскія вещи въ строгомъ предписанномъ порядкѣ; однимъ словомъ, по собственному желанію, изучилъ рѣшительно все, что исправному солдату было необходимо знать и умѣть. Мало того, до шестнадцатилѣтняго возраста, когда должна была начаться дѣйствительная служба, костромской, чухломской и солигаличскій Макарон до розолу ходилъ на ротное и на батальонное и даже на полковое ученье, занимая мѣсто солдата во второй шеренгѣ, чутко прислушиваясь къ командѣ, а при возвращеніи съ ученья къ анекдотамъ, прибауткамъ и остротамъ, на которые лихіе гвардейскіе солдаты были великіе мастера.

Въ маѣ 1825 года Варшаву посѣтилъ императоръ Александръ Павловичъ. Окруженный ореоломъ миротворца Европы, Отечественной войны, взятія Парижа, руководитель борьбы титановъ, сокрушившій сына рока, Наполеона Бонапарта, который, не удостоенный ни однажды даже отвѣта на просьбы о мирѣ, обрушился съ вершины своего могущества, столь великаго, что огромностью разваливъ своихъ потрясало оно еще цѣлые три года въ паденіи своемъ всю Европу, и потомъ угасъ на пустынномъ островѣ среди океана, Александръ въ представленіи современниковъ той эпохи являлся въ ореолѣ полубога.

Во время народнаго смотра въ Варшавѣ на Марсовомъ полѣ Коля Макаровъ находился во фронтѣ за солдата, прошелъ два раза церемоніальнымъ маршемъ мимо императора и зоркими глазами

хорошо присмотрѣлся къ изящному облику Медиатора народовъ. А перваго іюня онъ выступилъ съ полкомъ и участвовалъ въ маневрахъ на обширномъ полѣ за мызою Парижемъ, или по-польски «Пáрисъ», и выдержалъ до конца, несмотря на тяжелую экипировку того времени, зной, пыль, жажду и на слишкомъ еще юный пятнадцатилѣтній возрастъ. И за парадъ съ маневрами, на ряду съ прочими рядовыми, получилъ царскаго награжденія два серебряныхъ рубля, чеканки 1825 года, новенькихъ, блестящихъ, съ ликомъ Благословеннаго.

А муштра и аммуниція тогда были очень тягостныя. Ружье тогда было вдвое тяжелѣе нынѣшняго. Носили его въ лѣвой рукѣ, держа прикладъ прижатымъ къ лѣвому бедру такъ, чтобы стволъ, идущій въ разрѣзъ плеча, стоялъ отвѣсно. Это было чрезвычайно трудно и утомительно, лѣвая рука быстро нѣмѣла, и ломило отъ боли въ локтѣ. Тогда слышался грозный окрикъ:

— Штыки запáли! Подтяни приклады!

На высокомъ, тяжеломъ киверѣ высился волосяной султанъ, длиною двѣнадцати вершковъ. Если вѣтеръ дулъ въ лицо, то султанъ кренило назадъ и онъ оттягивалъ киверъ и голову. Приходилось бороться и балансировать громоздкимъ головнымъ уборомъ, что было весьма утомительно.

Чешуя кивера туго застегивалась у самаго горла, а воротникъ былъ нарочито высокъ, узокъ и на жесткой клеенкѣ. Воротникъ, всегда, вездѣ и на всѣ крючки застегнутый, «напоминалъ службу»—душилъ изрядно.

Нижніе чины носили бѣлыя парусинныя панталоны съ 1-го мая по 1-е октября. Прочее время года—бѣлыя суконныя брюки до колѣна, а ниже—черные суконные штиблеты, застегнутые на множество маленькихъ оловянныхъ пуговокъ. Все это было столь натянуто и затянута, что солдатъ могъ нагнуться и поднять что-либо съ земли лишь опираясь рукою о какой-либо предметъ. Если онъ падалъ, то безъ посторонней помощи подняться уже не могъ. Иначе все бы на немъ лопнуло. Толстая солдатская шинель свертывалась весьма искусно длиннымъ жгутомъ и надѣвалась на правое плечо обручемъ и ранецъ помѣщался сверху на коротенькихъ ремняхъ, лежавшихъ на груди. Эти ремни стягивали четыре солдата, и тогда нижній чинъ едва дышалъ, зато ранецъ на спинѣ принималъ требуемое положеніе—подпиралъ затылокъ.

При столь тягостной аммуниціи 20-хъ годовъ тогдашнія построенія были чрезвычайно многочисленны, разнообразны и сложны, по причинѣ разныхъ фронтовыхъ тонкостей: контрмаршей, деплоядъ, захожденій.

Вотъ образецъ тогдашней фронтовой мудрости. Батальонъ стоитъ въ дивизионной колоннѣ справа. Батальонный командиръ хочетъ развернуть фронтъ въ противоположную сторону. Это дѣлалось

посредствомъ одного изъ трехъ движеній: или черезъ контрмаршъ, или черезъ захожденіе кругомъ, или черезъ смѣшеніе этихъ двухъ движеній.

Въ послѣднемъ случаѣ батальонный командиръ командуетъ:

— Унтеръ-офицеры второго дивизиона передъ дивизионъ на линію съ контрмаршемъ. Въ первомъ полубатальонѣ деплояды и контрмаршъ по второму дивизиону, стройся налѣво и направо назадъ. Во второмъ полубатальонѣ стройся направо и налѣво кругомъ во фронтъ заходи.

Высшей академіей фронтовой мудрости въ Варшавѣ тогда была школа подпрапорщиковъ.

Николай Петровичъ Макаровъ поступилъ въ школу пѣхотныхъ гвардейскихъ подпрапорщиковъ въ сентябрѣ 1826 года, то-есть по шестнадцатому году, предварительно пробывъ въ домѣ своего дяди три съ половиною года. Школа находилась въ Лазенковскомъ паркѣ. Большинство воспитанниковъ были поляки, потомъ было немало нѣмцевъ, нѣсколько французовъ, итальянцевъ, татаръ и перекрещенныхъ евреевъ. Русскихъ было всего восемь человекъ на 350 юнкеровъ. Начальники были поляки. Языкъ преподаванія— польскій.

Каждый изъ гвардейскихъ и армейскихъ полковъ, стоявшихъ въ Польшѣ, отправлялъ въ школу отъ 25 до 30 юнкеровъ, которые, проведя восемь мѣсяцевъ вмѣстѣ, подъ одною кровлею, на лѣто возвращались въ свои полки.

Мастерство маневровъ и построеній въ батальонныхъ и линейныхъ ученьяхъ постигалось юнкерами въ совершенствѣ.

VII.

Въ школѣ подпрапорщиковъ Николай Петровичъ проявилъ чудеса терпѣнія и страсть къ преодоленію трудностей.

Между прочимъ въ школѣ преподавали фехтованіе на штыкахъ.

Изученіе этого весьма труднаго искусства было не обязательно.

Оно требовало необыкновенной силы, особенно въ правой рукѣ и ногахъ, а сверхъ того необыкновенной легкости для совершенія изумительныхъ прыжковъ, при оборонѣ отъ кавалеристовъ и при нападеніи на нихъ. Хорошій фехтовальщикъ на штыкахъ выбивалъ изъ сѣдла любого всадника.

Поступая въ школу, Н. П. Макаровъ былъ сравнительно тщедушень и малосилень, хотя замѣчательно выносливъ. А все-таки онъ рѣшилъ стать лучшимъ фехтовальщикомъ на штыкахъ. Онъ вполне достигъ этого. Въ концѣ перваго же года въ школѣ онъ успѣлъ пройти всѣ классы фехтованія и поступилъ въ высшій. На слѣдующій годъ его сдѣлали инструкторомъ этого искусства и ввѣрили ему одинъ изъ классовъ.

Вторая трудность, преодолѣнная послѣ искусства фехтованія на штыкахъ,—плаваніе. Н. П. Макаровъ страстно любилъ купанье и въ особенности плаваніе. Въ Варшавѣ были тогда двѣ школы плаванія—въ Маримонтѣ, въ озерѣ, и въ Потокахъ, на Вислѣ—для пѣхоты, а для кавалеріи—въ Лазенкахъ, въ широкомъ и глубокомъ каналѣ.

Въ первый же годъ своего пребыванія въ школѣ Н. П. Макаровъ прошелъ и кончилъ полный курсъ въ кавалерійской школѣ плаванія. Въ этихъ курсахъ для перехода въ 5-й классъ требовалось проплыть безъ отдыха цѣлый часъ, для 6-го—переплыть Вислу шесть разъ сряду въ самомъ широкомъ ея мѣстѣ, для 7-го и послѣдняго—переплыть Вислу два раза въ мундирѣ и съ саблею въ рукѣ; сверхъ того требовалось: нырять, доставать въ глубокомъ мѣстѣ горсть земли или камень со дна Вислы. Но все это не удовлетворяло Н. П. Макарова, такъ какъ самое длинное ученіе на водѣ, шеренгами, съ офицерами впереди, командующими разные повороты и построенія, продолжалось не болѣе двухъ часовъ сряду.

Это не удовлетворяло Н. П. Макарова. Онъ и въ позднѣйшіе годы продолжалъ совершенствоваться въ плаваніи и доходилъ до 3, до 3¹/₂ часовъ непрерывнаго плаванія. И все казалось мало.

Лѣтомъ 1850 года жилъ онъ въ Москвѣ, уже со второю женою, и взялъ билетъ на все лѣто для купанья въ школѣ плаванія на Москвѣ-рѣкѣ противъ Кремля. Тутъ дошелъ онъ наконецъ до 4¹/₂ часовъ. Во время такого длиннаго плаванія выпивалъ, не переставая плавать, рюмку водки, закусывалъ тартинкой, выпивалъ еще рюмку хересу, выкуривалъ нѣсколько папиросъ и читалъ, плавая на спинѣ, «Revue des deux mondes». Считалъ, сколько разъ проплывалъ школу плаванія взадъ и впередъ. Выходило 6¹/₂ верстѣ. И это его не удовлетворило.

Онъ хотѣлъ дойти до 6-часового плаванія, въ срединѣ котораго пообѣдать двумя холодными блюдами.

Лишь просьбы жены, напуганной докторомъ, что такіе опыты могутъ кончиться плохо, заставили Н. П. Макарова отказаться отъ послѣдней цѣли многолѣтнихъ трудовъ. Но сейчасъ же онъ и охладѣлъ къ любимому спорту, въ которомъ упражнялся четверть столѣтія.

Въ школѣ подпрапорщикомъ процвѣтало благородное искусство шахматной игры. Н. П. игралъ слабо и постоянно получалъ маты. Онъ рѣшилъ немедленно, что сдѣлается лучшимъ игрокомъ въ школѣ. Но въ Литовскомъ полку имѣлась одна только шахматная игра, а купить себѣ другую онъ не могъ по скудости средствъ. Рѣшилъ самъ соорудить шахматы. Для этого приготовилъ онъ изъ мякиша свѣжаго пеклеваннаго хлѣба тягучую массу и съ помощью деревянныхъ кусочковъ вылѣпилъ правильныя и красивыя шахматныя фигуры. Высушивъ, окрасилъ ихъ въ желтый и черный

цвѣтъ и покрытъ лакомъ. Никто не могъ догадаться, что шахматы приготовлены изъ столь необыкновеннаго матеріала, а не выточены изъ кости. Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ Н. П. Макаровъ достигъ такого совершенства въ шахматной игрѣ, что былъ признанъ лучшимъ игрокомъ въ школѣ.

Четвертая преодолѣнная трудность была по части музыки.

Однажды въ школу явился еврей. Въ обширномъ залѣ, въ присутствіи юнкеровъ показывалъ онъ свое искусство—игралъ разныя пьесы на деревянной гармоникѣ. Удивительный инструментъ состоялъ изъ небольшихъ брусковъ сосноваго дерева, положенныхъ на длинныя цилиндрическія пучки соломы. Еврей билъ по брускамъ палочками въ родѣ барабанныхъ. Разсмотрѣвъ инструментъ, Н. П. Макаровъ сейчасъ же рѣшилъ приготовить его самому и научиться играть. Заказалъ столяру брусковъ разной длины и толщины и убѣдился, что чѣмъ брусокъ длиннѣе и тоньше, тѣмъ ниже извлекаемый изъ него звукъ. Строгая и урѣзвая бруски, набралъ онъ тоновъ и полутоновъ на три октавы хроматической гаммы.

Послѣ десяти дней работы—гармоника была готова. Макаровъ принялся за гаммы и разучиваніе пьесъ. Работалъ онъ тайно, на чердакѣ, куда уходилъ тотчасъ послѣ ученій, которыхъ было по два и по три въ день. Прочіе юнкера въ это время крѣпко спали въ дортуарѣ, измученные ружейными приѣмами и маршировкой.

Наконецъ Н. П. Макаровъ заявляетъ товарищамъ, что дастъ концертъ на своей гармоникѣ во второмъ, самомъ большомъ дортуарѣ. Собрались всѣ литовскіе и волынскіе подпрапорщики и часть Польскаго гренадерскаго полка. Н. П. сыгралъ, къ общему изумленію, два галопа, два вальса, двѣ мазурки и блестящій полонезъ Курпинскаго. Оглушительныя «браво» и рукоплесканія!

Дня черезъ два Макарова и его гармонику пригласили въ дежурную комнату, передъ лицо начальства, которое тоже весьма удивилось, развело руками и хлопало ими.

VIII.

Страсть къ преодолѣнію трудностей и неимоверныя—терпѣніе, усидчивость и трудолюбіе позволили Н. П. Макарову достигнуть совершенства въ игрѣ на десятиструнной гитарѣ. Подлинно, искусство его было чудесно, хотя я слышалъ игру его уже тогда, когда онъ былъ глубокимъ старцемъ и самъ говорилъ, что отъ него осталась едва одна треть. Въ рукахъ дѣда столь бѣдный инструментъ, какъ гитара, совершенно преображался и звучалъ чудесно. Обыкновенно, чтобы разыгратъ, начиналъ онъ романсомъ, нацѣсаннымъ на собственныя его слова:

Одновучно гремитъ колокольчикъ,
И дорога холмится слегка,

И далеко по темному полю
Разливается пѣснь ямщика.

Столько грусти въ той пѣснѣ унылой,
Столько чувства въ напѣвѣ простомъ,
Что въ груди моей мертвой, остылой,
Разгорѣлось сердце огнемъ...

Мнѣ припомнились ночи другія,
И родныя поля, и лѣса,
И на очи давно ужъ пустыя
Набѣжала невольнo слеза...

Однoзвучно гремитъ колокольчикъ,
Издали откликаясь слегка,
Призамолкъ мой ямщикъ...
А дорога
Предо мной далека, далека...

Этотъ красивый «дворянскій» романсъ и нынѣ часто поется въ концертахъ. Когда же дѣдъ исполнялъ его на гитарѣ, положительно звенѣлъ и плакалъ подъ его пальцами колокольчикъ бурной тройки. Затѣмъ слѣдовали болѣе сложныя вещи и цѣлый гитарный «концертъ». Такого артиста на гитарѣ, какимъ былъ Николай Петровичъ Макаровъ, вѣроятно, не будетъ уже никогда, такъ какъ никто не рѣшится убить столько лѣтъ труда, сколько онъ, на столь бѣдный и неблагодарный инструментъ. Мнѣ пришлось слышать въ частномъ домѣ одну знаменитую итальянскую гитару; гитариста этого привезъ съ собою пѣвецъ Баттистини, видимо, желая помочь соотечественнику. На вечерѣ Баттистини пѣлъ серенаду подъ аккомпаниментъ гитариста; потомъ гитара выступила соло. Сравнительно съ игрой дѣда это было жалкое тренканье.

Еще проживая въ родной «зеленой» Чухломѣ, Николай Петровичъ сналъ и видѣлъ научиться играть на скрипкѣ. Вскорѣ по приѣздѣ въ Варшаву, въ апрѣлѣ 1823 года, сталъ онъ просить, умолять со слезами на глазахъ дядю купить ему скрипку и взять учителя. Дядюшка раскошелился: купилъ скрипку на аукціонѣ за три рубля серебромъ и нанялъ учителя, по спеціальности волторниста изъ полковыхъ музыкусовъ, но который и на скрипкѣ пиликалъ втору въ вечериночныхъ квартетахъ и, кромѣ того, «почасту потягнулъ спиритусикъ», или сообразовался діалогу побасенки Измайлова:

— Что у тебя такъ красенъ носъ?
— Да, вотъ-съ пью бѣлое вино-съ!..

За уроки дядюшка платилъ весьма щедро—по полузлѣту, то-есть по 7¹/₂ коп. сер. за урокъ. И отъ семикопеечныхъ уроковъ, и отъ аукціонной скрипки, и отъ эманацийъ изъ устъ сине-багрово-вишнево-алаго волторниста и бальной «вторы» мальчику опротивѣло самое дѣло. Онъ забросилъ скрипку.

Однако на второй годъ послѣ поступленія въ школу подпрапорщиковъ (въ 1827 г.) ему удалось раздобыть порядочный инструментъ. Скоро онъ сносно разыгрывалъ разные танцы, особенно мазурки и аріи изъ тогдашнихъ оперъ, преимущественно россійскихъ. Часто разыгрывалъ дуэты съ товарищами. Чтобы не мѣшать товарищамъ, отдохавшимъ послѣ маршей, контръ-маршей, деплоядъ и «облическихъ» захожденій, уединялся онъ все на тотъ же чердакъ, гдѣ готовилъ и деревянную гармонику. Тамъ часами трудился надъ скрипичными школами Бальо, Роде и Крейцера. Удалось ему недолго брать и уроки у хорошаго скрипача варшавской оперы.

Въ августѣ 1830 года былъ онъ произведенъ въ офицеры, а въ ноябрѣ разразилось повстанье. Н. П. Макарову пришлось пробыть десять мѣсяцевъ въ плѣну у тѣхъ самыхъ поляковъ, которыхъ недавно еще онъ почиталъ своими товарищами. Думать о скрипкѣ было невозможно.

Затѣмъ Литовскій полкъ перевели изъ Варшавы въ Ораніенбаумъ, то-есть изъ королевства Польскаго въ цесарство, иначе изъ «заграницы» на родину. Слѣдствіе сего было весьма постыжнаго свойства: переходъ съ жалованья на серебро и съ порціонами по заграничному положенію на жалованье ассигнаціями, то-есть содержаніе офицеровъ уменьшилось въ три съ половиною раза. Жизнь же въ Ораніенбаумѣ оказалась много дороже, чѣмъ въ Варшавѣ. Офицеры доблестнаго Литовскаго полка, вообще небогатые, терпѣли всевозможныя лишенія. И Николай Петровичъ Макаровъ не избѣгъ общей участи. Нельзя и думать было брать уроки на скрипкѣ. Съ величайшимъ трудомъ сводилъ концы съ концами. Между тѣмъ попалась ему гитара. Онъ сталъ играть на ней и пѣть романсы и аріи изъ французскихъ оперъ, но все безъ серьезныхъ задачъ. Наконецъ въ августѣ 1838 года женился, вышелъ въ отставку и поселился въ имѣніи близъ Тулы.

Тутъ явилась въ немъ страсть къ гитарѣ. Первоклассную игру на этомъ инструментѣ сдѣлалъ онъ цѣлью своей жизни. Достиженію этой причудливой цѣли посвятилъ всю свою энергію, всю настойчивость и силу воли. Противорѣчіе особенно распаяло Николая Петровича къ преодолѣнію гитарныхъ трудностей. Кто-то изъ родныхъ ему сказалъ:

— Трудъ напрасный! Гитара инструментъ не концертный.

— Я докажу, что концертный, и дамъ концертъ на гитарѣ въ какой-нибудь столицѣ!

— Ничего серьезнаго, ничего дѣльнаго сыграть на гитарѣ нельзя, кромѣ пѣсенокъ да неважныхъ оперныхъ арій съ неважными вариациями!

— А я буду играть и дѣльное, и серьезное.

— Помилуй, тебѣ уже 28 лѣтъ. Поздно учиться, чтобы сдѣлаться первокласснымъ гитаристомъ. Начинать надо съ малолѣтства.

— Такъ я же докажу, что мнѣ не поздно сдѣлаться виртуозомъ на гитарѣ! Хочу и буду.

— Воля, конечно, твоя. Однако гитара теперь вышла изъ моды. Это раньше, при Александрѣ Павловичѣ, еще были гитаристы. Тогда и въ Парижѣ, и въ Вѣнѣ гитара всюду была въ чести.

— Очень хорошо. Въ такомъ случаѣ я ставлю отнынѣ цѣлью моей жизни—полнять гитару изъ того унижительнаго положенія, въ которомъ находится она въ настоящее время, и возвратитъ ей былую славу!

— Ты хочешь сдѣлаться, такъ сказать, рыцаремъ гитары? Довольно странная задача для гвардіи майора и столбового дворянина!

Родственникъ совершенно разсердился и уѣхалъ въ глубокомъ негодованіи. Но его противорѣчіе только распалило упрямство Николая Петровича.

IX.

Онъ въ самомъ дѣлѣ сталъ «рыцаремъ гитары» и задался цѣлью «поднять гитару изъ унижительнаго забвенія». Въ первой четверти вѣка подлинно въ Парижѣ славился Мауро Джульяни, котораго прозвали «Бетховеномъ гитары», потомъ Карулли, Соръ, Леньяни, Агуадо и позднѣе Гуэрта. Но съ тридцатыхъ годовъ гитара стала падать, а въ сороковыхъ совсѣмъ пала.

Гитара имѣетъ долгую и славную исторію, самое названіе ея происходитъ отъ античной—cithara; въ глубокой древности этотъ инструментъ былъ извѣстенъ въ Аравіи. Отсюда перешелъ въ Турцію и Персію, потомъ къ маврамъ, которые и распространили его въ Испаніи, гдѣ онъ сталъ любимѣйшимъ инструментомъ всѣхъ влюбленныхъ. Гитара есть вмѣстѣ съ тѣмъ послѣднее воплощеніе лютни, которая, въ свою очередь, родственна цѣлому ряду инструментовъ, каковы: теорбъ, систръ, ангелика, мандора, пандора, колахонъ, мандолина и лиры всѣхъ родовъ.

Изъ Испаніи гитара перешла во Францію. Въ средніе вѣка различали двѣ гитары—латинскую гитару и испанскую, или мавританскую. Во Франціи гитара особенно процвѣтала въ XVI столѣтіи и пользовалась почетомъ у придворныхъ и свѣтскихъ красавиць. Давали серенады въ честь прелестныхъ. Серенады и дуэли, гитара и шпага—служили въ честь красоты. Въ извѣстной балладѣ графа Алексѣя Толстого это хорошо выражено:

Раздаются серенады,
Раздается звонъ мечей...
Много крови, много пѣсень
За прелестныхъ льется дамъ...

И французскій поэтъ находить:

La guitare amoureuse exprime la tendresse —

влюбленная гитара—истолковательница нѣжности. Но время гитары миновало. Историкъ ея пишетъ: «Aujourd'hui, la guitare est, depuis longtemps abandonnée, et rien ne fait présumer, malgré le culte de quelques fanatiques, qu'elle puisse jamais retrouver l'ombre même de ses succès passés», т.-е. нынѣ гитара уже давно въ забвеніи, и ничто не предсказываетъ, несмотря на культъ нѣсколькихъ фанатиковъ, что она можетъ когда-либо вновь обрѣсти хотя тѣнь своихъ былыхъ успѣховъ».

Жестокій приговоръ! Нѣтъ, Николай Петровичъ Макаровъ не хотѣлъ ему подчиниться! Онъ самъ пріобщился къ «le culte de quelques fanatiques», самъ сталъ фанатикомъ сего культа, и... на немъ жестоко исполнилась пословица, что «всякому овощу свое время»...

Но тутъ надо открыть нѣкую великую тайну. Въ сущности, Николай Петровичъ Макаровъ имѣлъ грандіознѣйшую цѣль не только воскресить гитару, но и душу гармоничной свободы, которая въ ней таится, и, создавъ особое братство гитаристовъ, мирно пересоздать все европейское общество.

Выше мы упомянули имя гитариста Гюэрта.

Испанецъ, композиторъ и пѣвецъ, Гюэрта въ 1820 году на слова поэта Эвариста Санъ-Мигюэля написалъ музыку знаменитаго патріотическаго гимна въ честь генерала Ріэго, который сталъ національнымъ гимномъ испанцевъ. Это было въ тотъ знаменательный моментъ, когда генераль Ріэго, вполнѣдствіи повѣщенный (7 ноября 1823 г.), торжественно вступилъ съ войсками въ Мадридъ и принудилъ короля Фердинанда VII провозгласить вновь конституцію 1812 года. Гюэрта былъ тогда семнадцатилѣтнимъ юношей-энтузіастомъ. Гимнъ съ чудесной быстротой облетѣлъ всю Испанію. И не столько слова, сколько именно музыка, звучная, полная вдохновенія кипящей вѣрой и силами молодости, бьющая пѣной вакхическаго опьянѣнія, какъ бы пронизанная солнечными лучами, всѣхъ очаровала. Самъ Фердинандъ вышелъ на балконъ дворца и прослушалъ гимнъ. Однако послѣ 1823 года, вмѣстѣ со свободой и конституціей, онъ изгналъ изъ Испаніи и творцовъ «гимна генерала Ріэго». Мигюэль бѣжалъ въ Лондонъ, а Гюэрта въ Парижъ. Здѣсь, какъ пѣвецъ, Гюэрта имѣлъ огромный успѣхъ. Потерявъ затѣмъ голосъ, онъ занялся гитарой и сталъ блестящимъ гитаристомъ. Послѣ безчисленныхъ приключеній, онъ умеръ въ клиникѣ. Но при немъ именно въ Парижѣ явилась цѣлая компанія гитаристовъ и народныхъ пѣвцовъ, которые славили свободу и пѣли, между прочимъ, во французскомъ переводѣ гимнъ своего маэстро:

L'âme allègre et sereine,
 Vaillant, libre de chaîne,
 Chante, soldat, ta reine,
 La gloire, en chants pieux.
 Qu'à tes accents la terre,
 Dans l'extase guerrière,
 T'admire en la carrière.
 Fils de Sid glorieux.
 Soldats, pour la patrie,
 La gloire, il faut partir,
 Jurons, dignes d'envie,
 De vaincre ou de mourir.—

(Свѣтеть, весель душою, отваженъ, свободенъ отъ цѣпей, воспѣвай, солдатъ, свою королеву-славу въ благоговѣйныхъ пѣсняхъ, и пусть земля въ воинственномъ восторгѣ на твой призывъ дивится твоему шествию, потомокъ славнаго Сиды! Солдаты, ради отечества и славы должно итти! Клянемся побѣдить или умереть!)

Такія пѣсни не слишкомъ нравились правительству и въ особенности дальновидному принцу Рейхштадтскому, впослѣдствіи императору французовъ Наполеону III. «Sombre et taciturne», издали «простирая коварные виды», онъ загодя приготавливалъ Парижъ къ перевороту въ свою пользу. Въ сороковыхъ годахъ составленъ былъ своего рода заговоръ (la sabale) противъ гитары и братства народныхъ пѣвцовъ-гитаристовъ; хотѣли убить инструментъ, уронивъ его въ глазахъ публики. Это было поручено остроумному писателю Леону Гозлянъ, который написалъ романъ «Аристидъ Фруассаръ»; во всѣхъ четырехъ частяхъ романа Леонъ Гозлянъ зло и ядовито осмѣивалъ бѣдную гитару, выведя на посмѣшище карикатурную фигуру злополучнаго гитариста, котораго назвалъ «la dernière guitare» (послѣдняя гитара). И такова сила таланта,—гитара дѣйствительно быстро вышла изъ моды. Осмѣянная, она скрылась въ кабинетъ немногихъ любителей. Но свѣтскіе люди находили гитару «ridicule», старомоднымъ, смѣшнымъ инструментомъ. Конечно, сейчасъ это перешло и въ Россію. Гитара здѣсь удалилась въ дѣвичьи и приказчицы; стали на ней наигрывать «жестокіе романсы» уже одни военные писаря, хотя еще такъ недавно это была неразлучная подруга гвардейскаго офицера. Внезапно прошелъ вѣкъ гитары... Николай Петровичъ Макаровъ думалъ и надѣялся возстановить репутацію инструмента тѣмъ, что, достигнувъ высшей игры и отыскавъ мастера, который создалъ бы необыкновенный инструментъ, дать нѣсколько концертовъ въ Парижѣ, произвести эффектъ и—гитара воскресла! Тогда предстояло выполнить вторую часть грандіознаго плана—создать братство гитаристовъ, пробудить въ груди народовъ великое чувство гармонической свободы и рыцарства! Преобразовать гитарой нравы! Вести въ строй Европы медиацию полногласныхъ звуковъ! Зачаровать народы тихимъ тренькашемъ, задумчивыми аккордами, рудами!..

Какъ сказано, началъ свой подвигъ Николай Петровичъ осенью 1838 года. И началъ не съ легкаго, а съ труднаго: засѣлъ сперва за извѣстный квинтетъ (*Nel cor più non mi sento*) Джуліяни, потомъ за его 3-й большой концертъ. Обѣ пьесы съ аккомпаниментомъ фортепьяно. Аккомпанировала ему жена, ученица Герке. А съ тѣмъ вмѣстѣ составилъ себѣ программу всевозможныхъ трудностей гитарнаго механизма, и въ томъ числѣ двухъ величайшихъ: хроматическихъ гаммъ и трели четырьмя пальцами на двухъ струнахъ.

Принялся онъ за побѣжденіе этихъ трудностей, до того не побѣждаемыхъ никѣмъ, рационально, съ метрономомъ, при чемъ упражнялся отъ 10 до 12 часовъ ежедневно, не исключая праздниковъ, иногда—по 14 и рѣдко менѣе 10 часовъ. Тогда же написалъ огромную пьесу для гитары, назвавъ ее концертомъ.

Года черезъ два работы и квинтетъ, и концертъ, и хроматическія гаммы, въ 4 октавы вверхъ и внизъ и не двумя, а тремя пальцами правой руки, ради быстрѣйшаго темпа,—все это было достигнуто. А для пріобрѣтенія «совершенной трели» дѣдъ сдѣлалъ себѣ карманную гитару, то-есть небольшую овальную доску, съ тремя струнами, терціями, и на ней развивалъ почти непрестанно вообще силу пальцевъ правой руки, и въ особенности безыменнаго, самаго слабаго. «Совершенная трель» была пріобрѣтена.

Въ мартѣ 1840 года Н. П. Макаровъ пріѣхалъ въ Петербургъ и прожилъ тамъ пять мѣсяцевъ. Сейчас по пріѣздѣ обратился онъ было къ одному гитаристу-итальянцу, пользовавшемуся большою извѣстностью въ гитарномъ мірѣ. Прослушавъ его пробную игру, гитарный учитель всталъ, поклонился и сказалъ:

— Non, monsieur, je ne peux pas vous donner des leçons, puisque vous êtes beaucoup plus fort que moi (нѣтъ, не могу давать вамъ уроки, потому что вы гораздо сильнѣе меня).

Х.

Тогда же, въ 1840 году въ Петербургѣ Николай Петровичъ познакомился съ патриархомъ семиструнной гитары семидесятипятилѣтнимъ старцемъ Сихроу. Это былъ замѣчательный обломокъ еще XVIII вѣка и екатерининской эпохи, одѣвался по старому и ѣздилъ въ каретѣ цугомъ. Сихра былъ учителемъ Столыпина, замѣчательнѣйшаго гитариста и страстнаго любителя музыки вообще, отца братьевъ Столыпиныхъ—Петра Аркадьевича, нашего премьеръ-министра, и Александра Аркадьевича, извѣстнаго журналиста. У Столыпина бывали собранія музыкантовъ. Мой дѣдъ познакомился съ композиторомъ Даргомыжскимъ, дружба съ которымъ потомъ продолжалась 28 лѣтъ, то-есть до самой его смерти. Сихра, прослушавъ Н. П. Макарова и слѣдя за игрой по его потному манускрипту, сказалъ:

— У васъ необычайная сила, быстрота, отчетливость, блескъ, чувство и пылъ. Но то, что вы написали и назвали концертомъ, это... извините меня, не гитарная музыка, а гитарныя дерзости. Не только играть то, что вы написали, но и думать-то играть это есть уже величайшая дерзость.

Спустя четыре года, Н. П. Макаровъ снова увидѣлся со старцемъ Сихрою. Онъ сыгралъ тогда уже не концертъ, а исправленную и передѣланную изъ него фантазію подъ именемъ «La bravura».

Прослушавъ, Сихра встала, отвѣсилъ поклонъ и сказалъ съ глубокимъ чувствомъ:

— Теперь я вижу и сознаю, что это—не дерзость, а блистательнѣйшая гитарная пьеса. Но не дерзость только для васъ. А для всѣхъ остальныхъ гитаристовъ есть и будетъ дерзостью.

Изъ этого отзыва Сихры видно, что уже въ 1844 году Н. П. Макаровъ былъ совершенно необыкновеннымъ гитаристомъ. Но ему еще этого было мало.

Даргомыжскій, прослушавъ концертъ Макарова, спросилъ: изучалъ ли онъ композицію, контрапунктъ и генераль-басъ? Получивъ отрицательный отвѣтъ, онъ посоветовалъ Макарову изучить хотя главныя основанія гармоніи, а затѣмъ пересмотрѣть свою пьесу.

Тогда же въ 1840 году Н. П. познакомился еще съ Марковымъ, извѣстнымъ въ преданіяхъ русской гитары любителемъ и аранжировщикомъ.

Зимой 1841—1842 гг. Н. П. Макаровъ бралъ уроки гармоніи въ Москвѣ у Іоанниса, дирижера оркестра московскаго Большого театра, по его опредѣленію—«превосходнаго человѣка и музыканта, чеха и воспитанника пражской консерваторіи». Прослушавъ его игру на гитарѣ, Іоаннисъ сказалъ:

— Должно глубоко сожалѣть о томъ, что вы промѣняли скрипку на этотъ заброшенный инструментъ! Употреби вы для скрипки столько же времени и труда, какіе посвятили вы гитарѣ, изъ васъ вышелъ бы первоклассный скрипачъ.

Макаровъ только улыбнулся. Іоаннисъ не понималъ, что вся сила тутъ была именно въ томъ, что гитара «заброшенный» инструментъ, въ полнзвучныхъ доскахъ своихъ хранящая цѣлый міръ прекраснаго прошлаго рыцарской Европы и что когда этотъ міръ пробудится и изъ-подъ вѣщихъ пальцевъ артиста вырвется на свободу, то покорить себѣ нестройныя толпы демократіи и очеловѣчить ихъ... Ничего этого Іоаннисъ, «превосходный человѣкъ, музыкантъ и чехъ», не понималъ. Итакъ, они разстались, и каждый остался при своемъ убѣжденіи. Продолжая неустанно работать и совершенствоваться, Н. П. Макаровъ въ концѣ 50-хъ годовъ довелъ свой концертный гитарный репертуаръ до небывалаго максимума: 25 концертныхъ пьесъ могъ онъ проиграть въ данную минуту,

сряду одна за другой съ одинаковою силою и отчетливостью. Николай Петровичъ сказалъ себѣ: «Пора! Желанная минута наступаетъ!»

И въ 1851 году отправился въ Вѣну и Парижъ. Тогда уже первая жена его, Болтина, умерла, и онъ поѣхалъ со второй—рожденной Багаевской и дочерью. Итакъ, онъ работалъ надъ гитарой съ 1838 по 1851 годъ, то-есть ни мало, ни много—четырнадцать лѣтъ. Въ Вѣнѣ Н. П. Макаровъ отыскалъ удивительнаго мастера, Шерцера, который создалъ гитару необыкновенную по силѣ и съ тѣмъ вмѣстѣ по глубинѣ, пріятности и пѣвучести тона, которая потомъ въ 1856 г. получила первую премію на гитарномъ конкурсѣ въ Брюсселѣ. Оставалось только дать нѣсколько концертовъ въ Парижѣ... Увы, хотя въ Парижѣ Н. П. и познакомился со многими заграничными гитаристами, которые всѣ были изумлены игрою русскаго маэстро гитары, но выступить публично не пришлось, ибо давній злой врагъ гитары, еще въ 40-хъ годахъ устроившій противъ нея «la sabale», Наполеонъ III, какъ разъ 2 декабря 1851 года учинилъ кровавый переворотъ въ Парижѣ и провозгласилъ себя императоромъ французовъ!.. Конечно, онъ зналъ о приѣздѣ Н. П. Макарова съ его волшебной гитарой и нарочно поспѣшилъ съ *coup d'état*, чтобы помѣшать великому предпріятію пробужденія рыцарскихъ чувствъ и медиации человѣчества помощью всемірнаго братства гитаристовъ...

*C'est la date choisie au fond de ta pensée,
Prince! il faut finir,—cette nuit est glacée,
Viens, lève-toi! Flairant dans l'ombre les escrocs,
Le dogue Libe t'égronde et montre ses crocs...¹⁾*

— Былъ я свидѣтелемъ,—разсказывалъ Н. П. Макаровъ,—знаменитаго *coup d'état* маленькаго Наполеона (по Виктору Гюго), ходилъ посмотрѣть на баррикады, да не пустили, а вдобавокъ меня чуть не подстрѣлили, когда я со многими русскими смотрѣлъ изъ окна отеля Итальянскаго бульвара, какъ проходили мимо войска отъ церкви Мадленъ къ Портъ-Сенъ-Мартенъ, гдѣ уже возникли баррикады. Это было на третій день послѣ переворота 2 декабря. Зрѣлище было весьма интересное, но небезопасное. Вдругъ какой-нибудь тротуарный зѣвака крикнетъ неистово: «Vive la république!» А велѣдъ за этимъ конный жандармъ вихремъ налетитъ на крикуна и давай отсчитывать ему по спинѣ полновѣсные удары палашомъ, т. е. угостить фухтелями, говоря прежнимъ военнымъ языкомъ. На углу улицы Ришелье стояла кучка зѣвакъ. Вдругъ

¹⁾ Изъ «Les chatiments» Victor Hugo: «Вотъ день, избранный въ глубинѣ твоего замысла, принцъ! Надо кончить. Эта ночь леденить. Встань, иди. Чужъ въ тѣни крадущихся мѣшениковъ, сторожевой догъ-Свобода рычитъ и показываетъ клыки...»

кто-то выстрѣлилъ изъ пистолета въ проходившихъ солдатъ, и хотя никого не задѣлъ, но съ десятокъ изъ нихъ повернулись къ кучкѣ и пифъ-пафъ. Одна изъ пуль, шальная, попала прямо въ окно, изъ котораго мы смотрѣли, и, прожужжавъ надъ нашими головами, ударилась въ стѣну. Бывшій тутъ мой шуринъ, Багаевскій, досталъ эту пулю и спряталъ на память.

Когда Н. П. возвратился домой, въ улицу Шоссе д'Антенъ, то почтенный буржуа, хозяинъ квартиры, предостерегъ его, сказавъ: «Ради Бога не ходите, или хоть поменьше расхаживайте теперь по Парижу! Въдъ васъ могутъ застрѣлить въ толпѣ». Но какъ же быть въ Парижѣ во время революціи и не видѣть баррикадъ? Въ тотъ же вечеръ русская компанія отправилась по Итальянскому бульвару къ Портъ-Мартенъ посмотрѣть баррикады, «чего намъ страшно хотѣлось,—разсказывалъ Н. П.:—но, начиная отъ бульвара Боньнувэль, стали намъ попадаться сперва лужи крови на тротуарѣ, потомъ трупы убитыхъ, одинъ, два, цѣлая группа. Все это были мирные прохожіе съ зонтиками, подстрѣленные въ разгарѣ революціонной суматохи. Баррикадъ мы не видали. Цѣпь часовыхъ насъ не пустила».

Очевидное дѣло, что выступать съ гитарой было не время. И въ концѣ января 1852 года Николай Петровичъ уѣхалъ изъ Парижа, грустный, разочарованный, повторяя слова только что вышедшей пѣсни старика Беранже подъ заглавіемъ: «Mes fleurs».

Grondent encore les canons dans la ville;
D'horribles cris nos échos sont tremblants!
Si jusqu'ici vient la guerre civile,
Croissez, mes fleurs, entre ses pieds sanglants.
Fleurs, vous aussi, vous avez vos souffrances.
Le ver est là; le vent joent accourir.
Moi, qui longtemps ai vécu d'espérances,
Que de boutons j'ai vus ne pas fleurir!
Las du combat, des folles théories,
Las de nombrer les taches du soleil,
Que n'ai-je enfin, sous vos tiges fleuries,
Un lit creusé pour mon dernier sommeil! ¹⁾

¹⁾ Пушки еще грохочутъ въ нашемъ городѣ; эхо дрожить ужасающими криками; но если междоусобная война достигнетъ сюда, цвѣтите, мои цвѣты, у ея кровавыхъ ногъ. Цвѣты! И у васъ такъ же свои скорби; тайный червь; злобредный вѣтеръ; и я, столь давно живущій надеждой, сколько видѣлъ я не расцвѣтшихъ бутоновъ? Утомленный борьбой, безумными теоріями, усталый исчислять пятна моего лучезарнаго солнца, когда же лягу подъ вашими свѣжими стеблями въ постель, нзытую для послѣдняго сна.

XI.

Съ 1855 года по 1860 дѣдъ мой жилъ въ Петербургѣ, скромно, но съ комфортомъ; имѣлъ хорошую квартиру, собственный экипажъ, ложу въ итальянской оперѣ. Одинъ вечеръ въ недѣлю были у него музыкальныя собранія. Лѣтомъ 1856 года была напечатана въ «С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ» особая музыкальная программа-прокламація, въ которой говорилось, что Н. П. Макаровъ, «страстный любитель музыки вообще, а гитары въ особенности, желая поднять свой любимый, но упавшій инструментъ и вдохнуть въ него новую жизнь и силу, вознамѣрился устроить музыкальный конкурсъ и назначилъ изъ своего кошелька слѣдующія преміи: двѣ (въ 800 и 500 франковъ)—для композиторовъ за лучшія сочиненія для гитары, и двѣ такія же для гитарныхъ мастеровъ за наилучше сдѣланныя гитары». Затѣмъ, нѣсколько мѣсяцевъ спустя, въ той же газетѣ появились статьи Демке о пребываніи Н. П. Макарова за границую, именно въ Брюсселѣ, о данномъ имъ тамъ концертѣ и вообще о его музыкальныхъ успѣхахъ за границую. По возвращеніи въ Петербургъ имя дѣда, какъ любителя-виртуоза, встрѣчалось на афишахъ нѣкоторыхъ благотворительныхъ концертовъ. Въ концѣ 1860 года Н. П. Макаровъ вдругъ исчезъ изъ столицы, не сказавши никому изъ знакомыхъ, куда, зачѣмъ и надолго ли уѣхалъ... Прошло шесть лѣтъ. И въ февралѣ 1867 года вдругъ вышла первая часть огромнаго и понынѣ единственнаго французско-русскаго словаря.

За десять лѣтъ съ 1856 по 1867 годъ успѣлъ совершиться цѣлый переворотъ въ жизни моего дѣда. Во-первыхъ, всѣ мечты его о преображеніи Европы гармоніей гитары рушились, разбились о внезапно, подобно перевороту Наполеона III въ 1852 году, явившихся новыхъ людей, мыслящихъ семинаристовъ и нигилистовъ преддверія «эпохи реформъ». Представьте себѣ «Искру», «Свистокъ», Чернышевскаго, «Наканунѣ», пѣсни Некрасова, все движеніе и возбужденіе той эпохи и посреди—Николая Петровича Макарова съ романтической гитарой! А, во-вторыхъ, благодаря стеченію разныхъ неблагопріятныхъ обстоятельствъ, дѣдъ потерялъ почти все свое состояніе. Съ разбитыми мечтами, но съ той же неутомимой энергіей, уединился онъ въ имѣннице подъ Тулою, и тутъ «природа, нужда и враги» подсказали ему совершить гигантскій трудъ составленія словаря, то-есть вступить на путь истиннаго своего призванія. Какъ всегда, сказано—сдѣлано. Въ шесть лѣтъ словарь былъ созданъ. Вставалъ дѣдъ въ 6 часовъ утра, ложился въ 11 вечера. Изъ этихъ 17 часовъ только два съ половиной употреблялись на отдыхъ, а остальные 14½ часовъ на лексикографію. Музыкѣ во время отдыха посвящалось теперь только... полчаса. Работа

шла круглый годъ сплошь, и на Рождество, и на Пасху, и въ первый день Новаго года. «Бѣлоручка» и «эстетикъ» доказывалъ «мыслящимъ реалистамъ», какъ онъ можетъ работать.

Концерты, которые Н. П. Макаровъ давалъ на гитарѣ въ 1856 г. въ Брюсселѣ, имѣли большой успѣхъ, но, конечно, не воскресили стариннаго инструмента. Когда же, возвратясь въ отечество, сталъ онъ въ Петербургѣ выступать въ благотворительныхъ спектакляхъ, то такія эстетическія упражненія сочтены были руководителями общественнаго движенія за явныя попытки зачаровать гитарнымъ звономъ правительство и стремящееся къ реформамъ общество, усыпить ощущение боли различныхъ социальныхъ язвъ. Николай Петровичъ Макаровъ попалъ подъ титулъ «Абиссинскаго маэстро» въ № 15 «Искры» 1860 года и былъ тамъ изображенъ въ видѣ «тюленя, набитаго соломой, играющаго на гитарѣ фантазію г. Макарова», «между мѣднымъ носорогомъ и оловяннымъ осломъ», въ каковыхъ персонажахъ всѣ узнали какихъ-то тогдашнихъ ретроградовъ! Можно себя представить, какія горькія минуты пережилъ дѣдъ. Кровью писаны слѣдующія его строки: «И кому, и чему принесъ я въ жертву почти 40 лѣтъ моей жизни, изъ которыхъ 20 лѣтъ самаго упорнаго, энергическаго изученія и труда? Хилому инструменту. Къ чему пришелъ, чего добился я въ концѣ концовъ? Шумныхъ аплодисментовъ въ моемъ концертѣ въ Брюсселѣ, восторженныхъ восклицаній и похвалъ окружившей меня, по окончаніи концерта, кучки любителей, облобызанія меня барономъ д'Аннетанъ, министромъ двора Леопольда I, и другого облобызанія Адана, товарища министра финансовъ, завзятаго любителя гитары, который на другой же день прислалъ мнѣ съ министерскимъ курьеромъ рондо для гитары, своего сочиненія, посвященное мнѣ. Затѣмъ появленіе нѣсколькихъ хвалебныхъ статей о моей игрѣ въ брюссельскихъ газетахъ. Наконецъ два обѣда, данныхъ мнѣ баронами д'Аннетанъ: министромъ да генеральнымъ сборщикомъ податей. Вотъ и все. Небольшой фейерверкъ, трескъ и... дымъ, тотчасъ же разсѣявшійся безслѣдно. А что встрѣтило меня по возвращеніи на родину? Насмѣшки, издѣвательства петербургскихъ зубоскаловъ, журнальные свистки... О, славяно-скисская раса! О, близорукіе! Ликуйте же, нигилисты-всеотрицатели, торжествуйте!»

Нѣкоторое удовлетвореніе Николаю Петровичу доставляла мысль, что гитара его не разъ плѣбляла и даже трогала сердца многихъ дамъ, и пожилыхъ, и молодыхъ, прелестныхъ, что удалось ему гитарой своей растрогать даже двухъ представителей такой твердокаменной породы людей, каковы наши «книгопродавцы», а это уже почти подвигъ Орфея, звукамъ лры коего повиновались, какъ извѣстно, неодушевленные предметы. Такъ, одинъ книгопродавецъ сидѣлъ у Н. П. и покупалъ большую партію его словарей. Давалъ

онъ по 3 рубля за экземпляръ и ни копейки болѣе. Н. П. готовъ былъ согласиться, но прежде, уступая просьбѣ дѣловаго посѣтителя, который былъ еще и большимъ любителемъ музыки и страстнымъ пианистомъ, сыгралъ на гитарѣ нѣсколько пьесъ. Книгопродавецъ пришелъ въ восторгъ и объявилъ съ величайшимъ воодушевленіемъ: «Извольте, я согласенъ прибавить за ваши превосходные словари! Не по 3 рубля, а по 3 р. 25 к. даю вамъ за нихъ!» Другой банкиръ и вмѣстѣ книгопродавецъ, прослушавъ «Камаринскую» Николая Петровича, пришелъ въ такой восторгъ, такъ хлопалъ и прыгалъ на диванѣ, что послѣдній подъ нимъ провалился. И сейчасъ же кончилъ сдѣлку съ лексикографомъ на весьма выгодныхъ для него условіяхъ, а вдобавокъ угостилъ его бутылкою отличнаго шато д'икемъ.

Кромѣ французско-русскаго и русско-французскаго словарей, дѣдъ издалъ еще «Международные словари» для учебныхъ заведеній, «Энциклопедію ума или словарь избранныхъ мыслей», «Латинскія, итальянскія и англійскія пословицы и поговорки». Скончался Н. П. Макаровъ восьмидесяти лѣтъ, въ 1890 году.

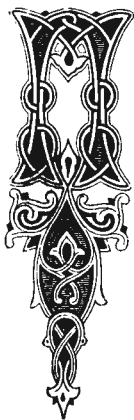
Н. Энгельгардтъ.

М И Р А Ж Ъ.

(Изъ жизни).

ВОТЧОВЫЙ поѣздъ быстро мчался среди снѣговыхъ заносовъ, оглашая воздухъ пронзительными свистками и обдавая искрившійся снѣгъ большими клубами пара; сильные порывы вѣтра подхватывали паръ и вмѣстѣ съ снѣжной пылью уносили куда-то вдаль, въ безпредѣльное пространство...

Вечерѣло. У окна вагона второго класса стояла Муся и, завернувшись въ теплый пледъ, смотрѣла на безконечныя поля, покрытыя толстымъ слоемъ снѣга, разрѣзаемая поѣздомъ.

Край неба пылалъ яркимъ заревомъ пожара: заходящее солнце бросало свой прощальный привѣтъ землѣ и спѣшило уступить мѣсто обычному надвигающемуся мраку; золотистый отсвѣтъ причудливыми тѣнями игралъ на чернѣющихъ деревняхъ, селахъ, погребенныхъ среди снѣжныхъ сугробовъ, и замѣтно исчезалъ, не въ силахъ противодействовать могуществу мрака.

Муся машинально слѣдила изъ окна за быстро смѣняющимися видами; все существо ея было проникнуто чѣмъ-то торжествующимъ, побѣднымъ и сіяло счастьемъ и радостью бытія. Солнце гасило одинъ лучъ за другимъ, а Муся не замѣчала надвигающейся темноты и чувствовала себя все болѣе и болѣе счастливой: каждая секунда уносила ее все ближе къ тому, къ чему стремилась душа...

Радость бытія наполняла все ея существо. Какъ хороша жизнь! Все зависитъ отъ силы желанія, отъ силы стремленія къ разѣ намѣченной цѣли; нужно сильно желать, чтобъ добиться желаемаго. Много слезъ и страданій выпало на долю Муси, чтобъ выбраться изъ родительскаго дома и ѣхать на курсы; она сумѣла доказать, что гимназическое образованіе слишкомъ поверхностно, чтобъ ограничиться имъ и стать настоящимъ человѣкомъ; нужно знаніе, нужно общеніе съ людьми, которые помогли бы ей разобраться въ путаницѣ мыслей и выбраться изъ противорѣчивыхъ выводовъ.

Она выслушивала сначала много обидныхъ словъ, оскорбительныхъ фразъ, ей рѣзко бросили въ перспективѣ тюрьму, какъ финаль всѣхъ ея просвѣтительныхъ желаній. Муся плакала и выслушивала оскорбительныя догадки и умозаключенія и все-таки упорно стояла на своемъ, такъ какъ жить въ сытомъ довольствѣ, не принося людямъ пользы, и равнодушно смотрѣть на общепринятые уловки выдать ее за хорошаго человѣка замужъ было ей не по силамъ.

Мусю отпустили къ дядѣ въ столицу и благословили маленькимъ образомъ. Она была въ восторгѣ: широкое и глубокое знаніе сдѣлаетъ ее человѣкомъ, разъяснитъ ея маленькому сердцу, что нужно человѣчеству для облегченія страданій, тогда какъ теперь она чувствуетъ только стремленіе заключить въ свои маленькія объятія всѣхъ несчастныхъ, обездоленныхъ, засыпанныхъ снѣгомъ въ глухихъ, одинокихъ деревняхъ, мелькавшихъ передъ ея глазами съ быстрымъ движеніемъ поѣзда.

«Знаніе повелѣваетъ и завоевываетъ вселенную, оно созидаетъ волшебное царство,—говорилъ ей знакомый студентъ:—гдѣ будетъ царить любовь и справедливость, гдѣ будутъ жить счастливые люди».

Муся ѣхала приобрѣтать знаніе, приобрѣтать друзей, близкихъ ея душѣ, и въ ухахъ ея гремѣлъ могучій оркестръ, наполняя все существо торжествующими, побѣдными аккордами, а молодая кровь бурлила, какъ стремительно ниспадающій потокъ. Пылкая головка Муси рисовала столько заманчивыхъ картинъ въ предстоящей, осмысленной жизни, что она уже теперь ощущала въ себѣ что-то царственное и не замѣчала, какъ солнце бросило свой прощальный привѣтъ землѣ, потушило яркое зарево, охватившее края неба, и мракъ поглотилъ дорогія ей деревни и всю необъятную снѣговую ширь.

Въ вагонѣ распозлились и вздрагивали причудливыя тѣни отъ зажженныхъ фонарей; пассажировъ было немного. Муся сѣла на занятый ею диванъ; противъ нея оказался господинъ съ длинными усами и орлинымъ носомъ; онъ не спускалъ съ нея глазъ и, видимо, желалъ заговорить. Мусѣ тоже хотѣлось говорить, хотѣлось кому-нибудь сказать, какъ она счастлива, какая чудная жизнь ожидаетъ ее, однимъ словомъ, говорить, говорить безконечно; господинъ съ

орлинымъ носомъ напоминалъ ей отца: въ волосахъ серебрилась сѣдина, лицо изборождено мелкими морщинами. Она съ улыбкой и довѣрчиво посмотрѣла на него и, когда онъ поднялъ пледъ, сползшій съ ея плечъ на полъ, она поблагодарила, и они заговорили. На вопросъ господина, куда она ѣдетъ, Муся охотно стала рассказывать, что она ѣдетъ учиться на курсы, будетъ жить у дяди, который ее очень любитъ, и что у ней духъ захватываетъ отъ счастья при мысли, что она скоро будетъ у цѣли.

— О, какъ я люблю всѣхъ, всѣхъ, всѣхъ...—восторженно запрокинула свою русую головку Муся, а господинъ съ орлинымъ носомъ ближе пододвинулся къ ней и, схвативши маленькую ручку, прижался къ ней своими жесткими усами.

— И меня, старика... и меня, старика...—вкрадчиво шепталъ онъ и восхищался красотой Муси, ея голубыми блестящими глазами, ея гармоничнымъ голосомъ, называя ее «волшебницей», «дѣточкой», и наконецъ упавшимъ голосомъ признался, что она его «маленькій тиранъ», на что Муся весело расхохоталась и все довѣрчивѣе смотрѣла на своего добраго, разговорчиваго сосѣда.

Пассажиры почти всѣ спали; нѣкоторые перекидывались короткими фразами. Поѣздъ остановился около большой станціи; спутникъ Муси накинулъ шинель съ бровнымъ воротникомъ, надвинулъ на бекрень высокую бобровую шапку и молодцовато вышелъ изъ вагона. Онъ скоро вернулся, нагруженный фруктами и пирожками, и сталъ угощать свою «дѣточку», которая навѣрно хочетъ кушать. Муся, правда, успѣла проголодаться, а потому съ удовольствіемъ взялась за сладкіе пирожки и фрукты, продолжая весело строить завлекательные планы.

Рѣзко пронесся свистокъ въ морозномъ воздухѣ; заскрипѣли колеса по обмерзшимъ рельсамъ, и поѣздъ понесся дальше, врѣзаясь двумя свѣтлыми полосками въ сгустившійся мракъ.

Около Муси появился маленькій, тщедушный человѣчекъ съ рѣдкой, рыжеватой бородкой, въ изорванномъ ватномъ пальто и кастановой шляпѣ. Прижимаясь къ входной двери вагона, онъ пугливо оглянулся и вытащилъ изъ-подъ полы пальто скрипку; торопливо прижавъ ее своимъ острымъ подбородкомъ, онъ взмахнулъ смычкомъ и заигралъ полонезъ Огинскаго.

Муся восхитилась неожиданно появившейся музыкой; господинъ съ орлинымъ носомъ побагровѣлъ отъ злости.

— Это—контрабанда... Теперь это запрещено,—крикнулъ онъ музыканту.—Сейчасъ придетъ кондукторъ, и я прикажу взять тебя за шиворотъ и вышвырнуть при первой остановкѣ,—звично окончилъ господинъ, и лицо его все болѣе и болѣе искажалось злобой.

Муся остолбенѣла; она видѣла, какъ старый скрипачъ съ усиленнымъ водилъ смычкомъ по струнамъ своей застывшей, костлявой рукой и, услыжавъ окрикъ, пугливо оборвалъ игру; онъ снялъ

касторовую шляпу, обнаживъ свою совсѣмъ облысѣвшую голову, и робко подошелъ къ Мусѣ.

— Благородному артисту... голодному,—съ надрывомъ въ голосѣ проговорилъ старикъ, и его рѣдкая борода судорожно подергивалась, глаза слезились.

Муся схватила всѣ оставшіеся пирожки и фрукты и опустила ихъ въ протянутую шляпу, торопливо вынула изъ кошелька нѣсколько серебряныхъ монетъ и сунула ихъ въ костлявую красную руку; въ дверяхъ показался кондукторъ, и маленькій человѣчекъ исчезъ изъ вагона; господинъ рванулся къ кондуктору и, жестикулируя въ сторону, куда исчезъ музыкантъ, крикливо говорилъ ему. Муся слышала только два слова: «пропойца» и «вышвырнуть».

— Дѣточка, вы поощряете тунеядство, вы развиваете порокъ,—вернулся онъ къ Мусѣ, стараясь придать мягкій, доброжелательный тонъ своему голосу;—эти бродяги—зловредные наросты общества, а вы готовы отдать все...

— Вы слышали, что онъ сказалъ?.. голодному!—въ ужасѣ проговорила Муся.

— Да мало ли что говорятъ пропойцы и жулики,—перебилъ ее жесткій голосъ.

— Зачѣмъ вы такъ говорите?—съ тоской проговорила Муся:—онъ прекрасно играетъ... Несчастный человѣкъ... Погибшій талантъ,—и вдругъ ея голубые глазки засверкали.

— Вы злой и ужасно злой. Я не люблю такихъ людей,—серdito бросила она своему спутнику и сѣла на диванъ, глубоко забившись въ уголъ.

Онъ стоялъ передъ ней, стараясь доказать послѣдствія дармоедства, а внутренно злясь уже на себя; нѣсколько минутъ, когда онъ былъ самимъ собой, испортили ему интересный флиртъ съ «пикантной, глупенькой дѣвчонкой».

Онъ подсѣлъ ближе и сталъ просить, чтобъ она опять заговорила о своихъ планахъ на будущее, онъ жаждалъ слышать ея обаятельный голосокъ, такъ чудно рисующій волшебное царство...

Муся упорно молчала, а внутри поднялось брезгливое чувство къ выхоленному барину съ хищнымъ взглядомъ, и, когда онъ взялъ ея руку для примиренія, она нетерпѣливо выдернула ее изъ его большой руки и сказала, что хочетъ спать.

— Мой маленькій тиранъ хочетъ капризничать, а потому ему надо заснуть,—по возможности ласково звучалъ жесткій голосъ, а большая рука поправляла пледъ. Муся уткнулась въ подушку и старалась мысленно отогнать отъ себя фигуру злого человѣка съ хищнымъ взглядомъ и перенестись туда, куда несъ ее мчавшійся поѣздъ. Она притворилась, что спитъ, но слышала, какъ ея спутникъ вскакивалъ съ дивана, подходилъ къ окну, останавливался около ея изголовья.

Поѣздъ мчался, останавливался; слышались голоса входящихъ и выходящихъ пассажировъ, и опять свистокъ, и опять стукъ колесъ и быстрое движеніе...

Муся не спала и вдругъ почувствовала, какъ большая рука стала гладить ей ногу; испуганная, она вскочила съ дивана и увидала передъ собой хищное, раскраснѣвшееся лицо своего спутника.

— Какъ вы смѣете!—гнѣвно крикнула Муся, чувствуя, какъ въ неудержимый, властный приступъ мести она способна была на оскорбленіе, но въ эту минуту поѣздъ уже стоялъ, и въ вагонъ вошла обозленная дама, требуя себѣ мѣста; за ней багажный съ трудомъ втаскивалъ въ узкую дверь большой чемоданъ и громадный узелъ. Господинъ съ орлинымъ носомъ, пронизываемый ненавистнымъ взглядомъ Муси, любезно предложилъ дамѣ свой диванъ и, подхвативъ свой ручной саквояжъ, вышелъ изъ вагона.

Муся волновалась всю дорогу и успокоилась только тогда, когда поѣздъ остановился и на платформѣ она увидала старенькое лицо дяди, съ тревожнымъ взглядомъ выискивающее по окнамъ вагоновъ свою любимицу.

Муся поступила на курсы и стала аккуратно посѣщать лекціи. Гимназическое образованіе не дало должной подготовки, а потому она часто чувствовала пробѣлы въ своемъ знаніи и неподготовленность при научномъ изложеніи нѣкоторыми профессорами лекцій. Это затрудненіе казалось ей маленькимъ и вполне устранимымъ: кругомъ нея было столько милыхъ, оживленныхъ лицъ, что со временемъ она непременно со многими сойдется, подружится и съ помощью друзей преодолѣетъ кажущіяся теперь трудности. Въ аудиторіи она опредѣленнаго мѣста не имѣла, а потому сосѣдки ея постоянно мѣнялись. Каждый день, приходя въ аудиторію, Муся надѣялась пріобрѣсти друга, а потомъ еще и еще, и такимъ образомъ у ней будетъ очень много друзей и жизнь ея пойдетъ иначе. Прошелъ мѣсяць, а мечты ея были далеки отъ исполненія. Нѣсколько разъ она пыталась сблизиться съ своей сосѣдкой и каждый разъ терпѣла неудачи.

— Вчера въ послѣдней лекціи по психологіи многое для меня осталось въ туманѣ...—робко начала Муся, смотря на Лаевскую, худую, съ рѣзкими чертами лица дѣвушку, сидѣвшую съ ней рядомъ.

— Это естественно: нужно имѣть подготовку по этому предмету, читать болѣе популярныя книги,—авторитетно проговорила Лаевская.—Я второй годъ на этомъ курсѣ, а потому теперь для меня все ясно.

— Если бы вы были добры указать мнѣ авторовъ этихъ книгъ,—уже смѣлѣе пододвинулась Муся къ Лаевской.

— Хорошо, запишите,—нѣсколько подумавъ, сказала Лаевская и назвала нѣсколько популярныхъ учебниковъ.—Мнѣ кажется, вы придаете большое значеніе нашимъ курсамъ. Въ сущности, прослушавъ всѣ лекціи, развѣ онѣ увеличатъ нашъ жалкій заработокъ хотя на одинъ лишній рубль? Для лицъ же, не имѣющихъ необходимость зарабатывать хлѣбъ, наши курсы скоро недоѣдаютъ, они—скучны.

— Неужели скучны?—удивилась Муся.

— Конечно. Вы не знакомы съ Гриневой, вонъ она стоитъ у окна?—указала Лаевская на красивую, стройную блондинку съ пышной прической.—Познакомьтесь съ ней и вы узнаете, какъ она скучаетъ здѣсь, и вообще это—оригинальный типъ.

Муся давно замѣтила классически-правильное лицо Гриневой, всегда строгое и спокойное, и ея большіе глаза съ загадочно-мечтательнымъ выраженіемъ.

— Развѣ можно говорить о скукѣ на курсахъ: скука—въ насъ самихъ,—уже храбрѣе посмотрѣла Муся на Лаевскую.—Единственно, что меня смущаетъ, это моя неподготовленность къ лекціямъ, и я вамъ очень благодарна, что вы указали мнѣ болѣе популярные изданія. Сегодня же куплю всѣ эти книги.

— Неужели всѣ? Но вѣдь онѣ дорого стоятъ,—недовѣрчиво проговорила Лаевская и пристально осмотрѣла платье Муси.

— Непремѣнно всѣ, а то я совершенно запуталась въ научныхъ терминахъ...

— Мнѣ тоже надо купить двѣ книги, но у меня сейчасъ нѣтъ денегъ,—съ значеніемъ проговорила Лаевская.

— Такъ возьмите у меня,—вынула изъ сумки кошелекъ Муся:—возьмите больше... сколько нужно,—радоетно предлагала она. Лаевская взяла деньги, поблагодарила, но съ этого дня, видимо, стала избѣгать Мусю и не садилась уже съ ней рядомъ.

Знакомство съ Гриневой было тоже мимолетно. Муся подѣла къ ней рядомъ на лекціи во время чтенія и иногда взглядывала на свою загадочную сосѣдку. Гринева сидѣла, какъ мраморное изваяніе, не выдавая своего интереса къ чтенію ни однимъ мускуломъ лица. Когда лекція была кончена, она раскрыла маленькую памятную книжку въ серебряномъ переплетѣ, висѣвшую у ней на золотой цѣпочкѣ, и стала что-то записывать. Муся не знала, какъ начать разговоръ съ Гриневой, которую Лаевская отрекомендовала, какъ «оригинальный типъ».

— Какая у васъ маленькая книжка для замѣтокъ,—конфузясь, съ улыбкой обратилась къ пей Муся.

— Здѣсь наброски моихъ ощущеній,—топируя, отвѣтила Гринева и тутъ только перевела свои загадочно-мечтательные глаза на Мусю.

— Ощущеній?—съ недоумѣніемъ переспросила Муся и густо покраснѣла за свой провинциализмъ и неосвѣдомленность.

— Да, да... ощущеній. Въ жизни только цѣнны одни ощущенія. Отъ этихъ лекцій, далекихъ отъ настоящей жизни, получается ощущение страшнѣйшей скуки!

— Страшнѣйшей скуки!—возмутилась Муся.—Я такъ рада, что поступила на курсы; необходимо расширить знаніе. Моя мечта—окончить эти курсы и перейти на сельско-хозяйственные, и тогда только я могу поѣхать къ себѣ въ деревню, въ глушь и оказать тамъ посильную помощь и нѣкоторую пользу, и тогда только начнется моя настоящая жизнь!

— Да развѣ тамъ, среди грубыхъ, пьяныхъ мужиковъ есть жизнь?—нѣсколько оживилась Гринева и съ любопытствомъ остановила свой взглядъ на Мусѣ.—Я вижу, вы—фантазерка,—медленно протянула она.

— Чтобъ уничтожить грубость, невѣжество, отвлечь крестьянъ отъ пьянства, нужно быть во всеоружіи знанія,—заволновалась Муся, видя въ первый разъ на лицѣ Гриневой улыбку и, какъ ей показалось, снисходительную, если не презрительную къ ея особѣ.

— Зачѣмъ вы такъ улыбаетесь? Вы должны со мной согласиться,—если постепенно открывать людямъ новый прекрасный міръ, ничего общаго не имѣющей съ ихъ обездоленной, грустной жизнью въ глухихъ, потонувшихъ въ снѣжныхъ сугробахъ деревняхъ, то невѣжество и грубость постепенно исчезнутъ; если этихъ людей научить болѣе легкому и производительному способу улучшить землю и тѣмъ обезпечить урожай, а съ нимъ благосостояніе, то и пьянство, повѣрьте, не будетъ такимъ повальнымъ и неизбѣжнымъ зломъ крестьянина.

— И это вы, вы хотите пересоздать деревню?—уже разсмѣялась она:—вы съ своими маленькими, ничтожными силенками?

— Но представьте, если бы я, вы и всѣ находящаяся здѣсь соединили свои маленькія силы для этого дѣла, то какая бы получилась силища!—раскраснѣлась Муся.

— Вы—фантазерка, вы хотите невозможнаго.

— Чего же вы хотите?—вдругъ повернулась Муся къ Гриневой и зло въ упоръ смотрѣла въ ея загадочные глаза.

Гринева откинулась къ спинкѣ стула и перевела взглядъ на потолокъ.

— Чего я хочу?

Я хочу горящихъ зданій,
Я хочу кричащихъ бурь,
Я хочу иныхъ бряцаній
Для моихъ иныхъ пировъ,
Я хочу кинжальныхъ словъ
И предсмертныхъ восклицаній!

продекламировала Гринева

— Вамъ, вѣроятно, извѣстенъ авторъ этого прекраснаго стихотворенія? Я—поклонница его генія,—величественно поднялась она съ своего мѣста.—На прощаніе я могу предсказать вамъ ваше будущее: черезъ годъ вы бросите курсы и выйдете замужъ, потому что вы очень пикантны и интересны,—она кивнула головой Мусѣ и направилась къ двери.

Ошеломленная Муся долго не могла двинуться съ мѣста и внутренно злилась на себя: зачѣмъ она высказала свои завѣтныя мечты «оригинальному типу».

Возвращаясь домой, Муся всегда рассказывала за обѣдомъ все, что случилось съ ней на курсахъ.

Старикъ-дядя часто трунилъ надъ своей любимицей и на ея восторженные рѣчи сомнительно покачивалъ головой.

— Погоди, погоди, скоро обобьешь крылышки и не будешь летать высоко. Узнаешь грустную дѣйствительность, и разлетятся фантазіи!

— Что ты, дядя, я никогда не разочаруюсь въ курсахъ... я не умѣю подойти къ людямъ, а потому у меня еще нѣтъ друзей... Ты увидишь, что будетъ черезъ два мѣсяца.

Прошли два мѣсяца. Муся все искала друзей, и все неудачно. Ей нравилась Кирѣева, слушательница старшаго курса, всегда веселая, сіяющая, она часто встрѣчалась съ Мусей и охотно съ ней разговаривала.

— Вы третій годъ на курсахъ,—обрадовалась Муся:—вѣроятно, у васъ много друзей? Скажите, гдѣ собираются курсистки, чтобъ ближе познакомиться, узнать другъ друга?

— Нигдѣ не собираются. Да и зачѣмъ эти собранія?—удивилась Кирѣева.

— Какъ зачѣмъ? На людяхъ, говорится, и смерть красна, потому эти собранія могли бы быть полезны, вѣдь въ лекціяхъ есть много смутнаго, непонятнаго, по крайней мѣрѣ для меня...—краснѣя проговорила Муся.

— За разъясненіями можно обратиться къ профессору.

— Ну, для этого нужна нѣкоторая храбрость, а у меня ея нѣтъ.

— Для меня лично,—весело засмѣялась Кирѣева,—разъясненіе господина профессора излишне: у меня есть братъ-студентъ, а у него товарищи... Да не придете ли вы ко мнѣ сегодня? У насъ соберется компанія, но не съ научной цѣлью, въ сущности очень скучной,—весело расхохоталась Кирѣева, показывая рядъ блестящихъ зубовъ.—Мой братъ отлично играетъ на гитарѣ и поетъ... приѣдутъ его товарищи,—она слегка покраснѣла.—Не шутя, приходите: будетъ весело.

Муся растерянно смотрѣла по сторонамъ и молчала. Кирѣева дала свой адресъ, отошла нѣсколько шаговъ, но опять вернулась и схватила Мусю за руку.

— Непремѣнно приходите сегодня: я дала слово брату, что вы будете. Онъ васъ видѣлъ на улицѣ, помните, я шла съ нимъ, и мы встрѣтились, и онъ...—Кирѣева наклонилась къ уху Муси и со смѣхомъ протянула:—влюбился въ васъ по уши. Вы придете,—рѣшила она и, кивнувъ своей красивой головкой, исчезла.

Муся пришла домой съ разбитыми нервами и головной болью. За обѣдомъ дядя пристально посматривалъ на нее, а тетя вздыхала и ужасалась ея блѣдностью, допрашивая, не больна ли она.

— Или крылышки обиваютъ?—шутить дядя послѣ обѣда, взявъ Мусю за подбородокъ и внимательно всматриваясь ей въ глаза.

— Нѣтъ, дядя, нѣтъ,—съ трудомъ владѣла собой Муся:—меня даже Кирѣева сегодня приглашала къ себѣ... У ней соберутся ея друзья... Очень будетъ интересно... Но у меня голова болитъ, а потому я не пойду...—и Муся поторопилась уйти въ свою комнату. Оставшись одна, она бросилась на постель и, уткнувшись въ подушку, долго плакала. Щемящее недовольство заползло внутрь все упорнѣй и сильнѣй; изъ глубины души выростало разочарованіе и душило ея надежды и мечты.

Муся видѣла, что всѣ слушательницы курсовъ приходили въ аудиторію, выслушивали лекціи и спѣшили уйти, перебросившись незначительными разговорами; онѣ дѣйствовали стадно и поверхностно, не интересуясь внутреннимъ существованіемъ другъ друга, хитро и искусно скрывая свой внутренній міръ, свое «я».

Она не нашла того близкаго, дружественнаго кружка, въ которомъ среди молодого смѣха кипятъ жаркіе споры, выдвигаются свѣтлыя, прекрасныя идеалы, и въ ней росли муки душевнаго одиночества. Съ каждымъ днемъ Муся все болѣе сознавала, что курсы, на которые она поступила, это—собраніе чуждыхъ, далекихъ другъ для друга людей, не лишенныхъ эгоизма и лживости. Нѣкоторыя иногда ораторствовали, но ограничивались только красивымъ словоизверженіемъ. Муся замѣтила одну типичную брюнетку, любившую собирать около себя слушательницъ; она провозглашала истины, позируя и сознавая всю свою неотразимость.

Мусѣ пришлось слышать, какъ она изъясняла главную цѣль ихъ занятій, а именно—служеніе въ будущемъ человѣчеству и облегченіе его страданій. Она выдвинулась впередъ и, робко смотря на ораторшу, спросила:

— Почему не начать это служеніе теперь? Почему не облегчать страданій людямъ, нуждающимся въ этомъ, теперь же, не откладывая на далекое будущее? Неужели между всѣми нами нѣтъ страдающихъ?

Покраснѣвъ, Муся смолкла: ее пригвоздилъ презрительный взглядъ брюнетки; обращаясь къ одной изъ слушательницъ, она свысока проговорила, по такъ, чтобъ Муся слышала:

— Это повенъкая—недурна собой, но слишкомъ провинціальна, навязчива и несимпатична.

Это замѣчаніе задѣло Мусю.

— Словоизверженіемъ и въ будущемъ не спасти вамъ челоуѣчества, —ѣдко бросила она брюнеткѣ и послѣшила уйти.

Съ каждымъ днемъ Муся тосковала все больше и больше и была увѣрена, что сотни душъ томятся въ томъ же безстрастномъ, губительномъ разединеніи, бросающемъ нерѣдко въ ужасныя пропасти... Она часто видѣла среди курсистокъ такихъ, которыя робко, будто извиняясь, входили въ аудиторію, садились на свои мѣста и даже во время перерывовъ лекцій сидѣли, уткнувшись въ свои книги, а по окончаніи лекцій незамѣтно исчезали; это были бѣдно одѣтыя, у которыхъ нищета кричала изъ каждаго шва платья, а голодь положилъ отпечатокъ на ихъ безкровныя лица, на ихъ горячіе особеннымъ блескомъ глаза.

Однажды Муся пришла на лекцію и была поражена тишиной и подавленностью, охватившими всю аудиторію, хотя всѣ были въ сборѣ; образовались нѣсколько группъ, всѣ говорили тихо, стараясь что-то выяснитъ.

— Слышали, Милонова отравилась? — встрѣтила Мусю Кирѣва.

Муся сначала не могла понять смысла словъ и переспросила.

— Милонова отравилась отъ голода... Помните, это та, которая разъ сидѣла противъ... Ну, бѣдная такая... — старалась объяснить Кирѣва. Муся хорошо помнила Милонову.

— Отъ голоду? Да этого не можетъ быть! — вспыхнула Муся и подбѣжала къ первой группѣ; и тамъ повторяли: «Отравилась отъ голода». Она перебѣгала отъ одной группы къ другой, ловила отдѣльно снующихъ и все допрашивала, какъ это могло случиться, вѣдь зналъ же хоть кто-нибудь лично ее и ея безвыходное положеніе; но никто не могъ отвѣтить.

Муся хорошо помнила согнутую спину Милоновой съ расплывшимся на острыхъ костяхъ темнымъ платьемъ, темный стриженный затылокъ и худую шею. Милонова всегда сидѣла, нагнувшись надъ книгой, и теперь ея нѣтъ и никогда, никогда не будетъ. Сердце Муси отбивало такіе сильные удары, что ей казалось, что оно должно сейчасъ разорваться.

— Умерла оттого, что печого было съѣсть, чтобъ поддержать жизнь въ маленькомъ тѣлѣ... Она не могла просить... Она была слишкомъ одинока среди равнодушныхъ, далекихъ ей людей... — шептала Муся, прижимаясь къ холодной, каменной стѣнѣ и, заложивъ руки за спину, злобно смотрѣла на молодыхъ, разгоряченныя лица, на блестящіе, жизнерадостные глаза.

— Отравилась отъ голода! — громко выкрикнула она. — Ушла отъ жизни потому, что не имѣла куска хлѣба, да вѣдь это позоръ для всѣхъ насъ, это что-то чудовищное, непостижимое! — еще громче выкрикивала Муся.

Группы курсистокъ стали разбиваться и рѣдѣть, многія быстро уходили внизъ одѣваться.

— Это что за ораторствующая инфузорія?—бросилъ кто-то изъ толпы, проходя мимо.

— Гдѣ то человѣчество, которому мы хотимъ служить, хотимъ облегчать страданія?—все болѣе и болѣе волновалась Муся.—Я три мѣсяца выискиваю среди васъ простоты и сердечности; благодаря имъ только люди могутъ сблизиться, согрѣться отъ тоскливаго одиночества, найти возможность жить счастливой жизнью. Я, новенькая среди васъ, испытала столько холодности, равнодушія и незаслуженныхъ уколовъ, что если бъ не моя домашняя жизнь, то, вѣроятно, ушла бъ по пути Милоновой...

Муся задыхалась, но мысли отчаянно бились въ разгоряченномъ мозгу и неудержимо рвались съ языка.

— Вы набрасываете на себя блестящія тоги и стараетесь поразить краснорѣчiemъ, затуманивая себя и другихъ благими намѣреніями. Почему служеніе человѣчеству не начать теперъ же, не откладывая? Почему? Почему? Преслѣдуя далекіе идеалы, мы допустили рядомъ, здѣсь, душу человѣка биться въ агоніи и создавать такое страшное рѣшеніе... Это—позоръ для насъ, позоръ для нашихъ идеаловъ...—унавшимъ, хриплымъ голосомъ проговорила Муся и, закрывъ лицо руками, стояла неподвижно, не замѣчая, какъ между пальцами падали крупныя слезы.

Въ аудиторіи группы все болѣе и болѣе рѣдѣли лекціи были отмѣнены, а потому швейцаръ Яковъ едва успѣвалъ подавать шубки, кофточки, ретонды для желающихъ скорѣй уйти; внизу Мусю пазывали «психопаткой», «истеричной особой».

— Можно умереть рядомъ съ призывами къ свободѣ, рядомъ съ красивыми идеалами,—вдругъ подняла голову Муся.—Можно сойти съ ума. Да вѣдь это лживо и позорно! Развѣ можно такъ жить? Развѣ можно дышать въ такой бездушной атмосферѣ? Здѣсь—ложь въ отношеніяхъ, ложь въ краснорѣчii... Всѣ ваши идеалы лживы, ихъ нѣтъ! Я стремилась сюда всей душой, я мечтала найти то, чего жаждала... о чемъ мечтала... И что же вы мнѣ дали?—окнула Муся обширную аудиторію своими заплаканными глазами и тутъ только увидала, что она была пуста, въ ней уже никого не было.

Изъ коридора гулко раздавались тяжелые шаги Якова: онъ потушилъ нѣсколько электрическихъ лампъ и, замѣтивъ у стѣны Мусю, удивился.

— Барышня, лекцій не будетъ... Сейчасъ дверь запру, пожалуйте одѣваться,—поспѣшилъ онъ сказать, и Муся быстро пошла изъ аудиторіи.

Чуть освѣщенная лѣстница казалась ей страшной: отовсюду высывались исхудалые, голодные призраки и провожали какимъ-

то зловѣщимъ шипѣніемъ; она торопливо одѣвалась и съ ужасомъ думала, какъ она придетъ въ богатую квартиру дяди, сядетъ за столъ, уставленный вкусными кушаньями, и эти голодные призраки не оставятъ ее и вырвутъ у ней хлѣбъ изъ рукъ, опрокинутъ столъ...

Давно Яковъ щелкнулъ замкомъ, сильно прихлопнувъ дубовую дверь, а Муся неподвижно стояла на тротуарѣ и туло смотрѣла въ темноту; ей казалось, что она заблудилась въ пустынь среди сыпучихъ песковъ, и свирѣпый вѣтеръ съ похороннымъ завываніемъ голодныхъ призраковъ подхватываетъ густые валы и безжалостно засыпаетъ ими оазисъ съ изумительно-волшебнымъ царствомъ, гдѣ должны жить счастливые люди.

А. И. Филатова.

ВОСПОМИНАНІЯ О ЛЯЛИЧАХЪ.

ВЪ БУМАГАХЪ моего недавно умершаго родственника я нашелъ тетрадку черновыхъ писемъ, среди которыхъ оказалось нѣсколько заключающихъ въ себѣ воспоминанія о знаменитыхъ въ свое время Ляличахъ, имѣннїи фаворита императрицы Екатерины II, графа Завадовскаго. Мнѣ неизвѣстно, кому были адресованы эти письма, такъ какъ никакихъ отмѣтокъ на нихъ не оказалось, кромѣ номеровъ. Эти воспоминанія хотя и отрывочны и не полны, но, мнѣ кажется, все-таки имѣютъ историческую цѣнность. Это письма очевидца, человѣка, который прожилъ въ Ляличахъ нѣкоторое время, видѣлъ и слышалъ тамъ много интереснаго. Они дополняютъ и отчасти измѣняютъ то, что было уже сообщено о Ляличахъ и ихъ владѣльцахъ на страницахъ «Историческаго Вѣстника» за 1901 и 1902 гг.

Предлагаемыя письма написаны, вѣроятно, въ началѣ 80-хъ годовъ, но по содержанию своему относятся, главнымъ образомъ, къ 50-мъ и 60-мъ годамъ прошлаго столѣтія, т. е. къ тому времени, когда Ляличами владѣлъ Н. А. Атрыганьевъ, «одинъ изъ типичныхъ представителей вымирающаго барства», какъ называетъ его г. Брешко-Брешковскій (газета «Россія» 1901 г.).

Для постоянныхъ читателей «Историческаго Вѣстника» эти письма будутъ служить продолженіемъ того, что уже было сказано о Ляличахъ. Кромѣ того, есть еще, вѣроятно, лица, помнящія Ляличи той эпохи. Для нихъ будетъ пріятно воскресить въ памяти время, проведенное въ этомъ гостепріимномъ домѣ, и. можетъ быть, кто-нибудь дополнить эти отрывочныя письма болѣе подробными и цѣльными воспоминаніями.

I.

Воспоминанія о Ляличахъ.

Недалеко отъ Суража домъ красуется богатый,
 Убранъ онъ и разукрашенъ, словно царскія палаты,
 И въ концахъ далекихъ парка, какъ и прежде, павильоны
 Невредимы; въ нихъ красуясь, такъ же милы купидоны.
 Здѣсь-то радости безъ счета, здѣсь восторги наслажденій,
 Вотъ гдѣ, думаетъ прохожій, вѣчно бѣ жить въ уединеннѣ,
 Далеко отъ шумной жизни, глупо чопорной и бурной,
 Далеко отъ пошлой лѣни и условности мишурной.

Изъ венаданной поэмы „Ляличи“ Л—на.

Послѣ утомительнаго пути по лѣсной дорогѣ наконецъ-то мы подъѣхали къ Ляличамъ... По красивой широкой аллеѣ мы вѣхали на громадный дворъ, посреди котораго возвышалась цвѣточная клумба, и на ея вершинѣ были поставлены массивные солнечные часы. На грандіозномъ подъѣздѣ, подъ главнымъ портикомъ дворца, насъ встрѣтилъ почтеннаго вида дворецкій и проводилъ въ предназначенныя для гостей комнаты. Онъ сообщилъ намъ, что хозяйева съ гостями уѣхали въ лѣсъ на прогулку и вернутся только къ вечеру.

Изрядно утомленные ѣздой на перекладныхъ, пообѣдавъ, мы хорошо отдохнули, а когда спала жара, пошли навстрѣчу хозяйевамъ по направленію къ лѣсу. Только что мы вышли за ворота, какъ были несказанно удивлены невиданнымъ до сей поры зрѣлищемъ: по дорогѣ изъ лѣса прямо на насъ шель настоящій желѣзнодорожный поѣздъ. Локомотивъ съ подкладными рельсами тащилъ нѣсколько открытыхъ вагоновъ, наполненныхъ публикой. На локомотивѣ стоялъ и управлялъ имъ самъ Николай Алексѣевичъ.

Когда мы поздоровались со знакомыми и перезнакомились съ остальными гостями, Николай Алексѣевичъ разсказалъ намъ слѣдующее: онъ привезъ эту желѣзную дорогу изъ Англіи съ цѣлью доставлять при ея помощи строевыя и мачтовыя деревья изъ своихъ лѣсовъ до сплавной рѣки Ипути или въ Клинцы. (Лѣсу было, кажется, 17 тыс. десятинъ). Онъ не захотѣлъ продать этотъ лѣсъ англичанамъ, предлагавшимъ ему громадныя деньги, и рѣшилъ, не давая обогащаться иностранцамъ, сводить и продавать этотъ лѣсъ самолично. А пока эта дорога служить для веселыхъ прогулокъ въ лѣсъ...

Когда все общество собралось въ гостиной, къ роялю подошелъ одинъ изъ гостей, совѣмъ еще молодой человѣкъ, Григорій Андреевичъ Липинъ¹⁾. Всѣ стали просить его продекламировать и сыграть...

¹⁾ Г. А. Липинъ, впоследствіи мелодекламаторъ, авторъ многихъ оперъ («Пыгане», «Графъ Нулинь» и др.), авторъ множества романсовъ и стихотвореній, изъ

и онъ началъ мелодекламацию. Теперь не помню, что исполнялъ онъ, но зато какъ сейчасъ мнѣ слышится его пріятный, въ душу проникающій голосъ. Слушать его мелодекламацию было истиннымъ наслажденіемъ. Потомъ читалъ свои звучные стихи его братъ, гвардейскій офицеръ (кажется, стрѣлокъ). Затѣмъ извѣстный А. С. Ш—й прогѣлъ чудный романсъ Павлова «Не называй ее небесной и у земли не отнимай».

И въ заключеніе нашъ любезный хозяинъ Николай Алексѣевичъ сыгралъ нѣсколько пьесъ на роялѣ и свою композицію на гармоникордѣ (родъ органа). Но вотъ къ нему подошла его красавица-жена Екатерина Иларіоновна и начала пѣть швейцарскую народную пѣсню; голосъ у нея былъ небольшой, но очень пріятный. Николай Алексѣевичъ сначала аккомпанировалъ, а потомъ перешелъ постепенно на полную чарующей прелести импровизацию и закончилъ ее такой потрясающей волной рыдающихъ звуковъ, что все мы замерли на мѣстѣ и долго не могли прийти въ себя... многіе плакали. Такія минуты истиннаго вдохновенія приходятъ не часто, но зато никогда не забываются.

Николай Алексѣевичъ очень мало печаталъ, и его немногія изданныя произведенія теперь, вѣроятно, представляютъ библиографическую рѣдкость.

Въ заключеніе этого письма не могу не рассказать слышанную мною исторію жизни упомянутаго выше А. С. Ш—й.

Не признанный своимъ законнымъ отцомъ, былъ онъ отданъ въ воспитательный домъ, служилъ потомъ мальчикомъ въ ламповомъ магазинѣ, потомъ сдѣлался пѣвчимъ въ придворной капеллѣ. Дѣло о восстановленіи его въ правахъ возбудилъ его дядя, предводитель дворянства Б—а, затѣмъ его голосъ замѣтила великая княгиня Марія Николаевна, дѣлу былъ данъ ходъ, но оно шло очень медленно, наконецъ на маскарадѣ жена его (урожд. Ф—ръ) рассказала подробности дѣла государю, и Николай Павловичъ потребовалъ все дѣло къ себѣ, и очень скоро А. С. былъ восстановленъ въ своихъ правахъ.

которыхъ особенно замѣчательны «Княжна Зося» и «Памятнику Глинки», энергичный музыкальный дѣятель и прекрасный человекъ.

Иванъ Андр., его братъ, видный общественный дѣятель, предсѣдатель самарской земской управы. Военную службу онъ долженъ былъ оставить по слѣдующему случаю: будучи человекомъ пылкой и восторженной натуры, когда началась война на Балканахъ, онъ одинъ изъ первыхъ попросился въ добровольцы (въ это время онъ уже командовалъ полкомъ), но получилъ отказъ. Тогда онъ взялъ кратковременный отпускъ, составилъ свой отрядъ на собственный счетъ и во главѣ его отправился на войну и геройски сражался съ турками. Возвратясь, онъ долженъ былъ оставить службу изъ-за неприятностей, которыя вышли по случаю его ухода на войну. Поселившись въ имѣніи, онъ со свойственной ему энергіей принялся за общественную дѣятельность и много работалъ по земству. Онъ велъ интересныя записки, но судьба ихъ мнѣ неизвѣстна. Умеръ онъ, кажется, въ 1892 году отъ Брайтовой болѣзни, которая свела въ могилу и его талантливаго брата.

Е. С.

9*

II.

Н. А. Атрыганьеву въ альбомъ.

(Стихотвореніе N. N.).

Вельможа знатный и богатый
 Построилъ этотъ дивный домъ;
 Любезный, ловкій, тароватый,
 Знатокъ въ искусствѣ, galant-homme,
 Любитель древностей различныхъ,
 Собралъ онъ много здѣсь чудесъ,
 Твореній мастеровъ отличныхъ
 И чудныхъ статуй цѣлый лѣсъ.
 Прошли года, замолокъ дворецъ,
 Вельможа умеръ, все заснуло...
 Веселью здѣсь насталъ конецъ,
 Былое въ Летѣ утонуло...
 Венера, Геба и Меркурій
 Скучали въ тишинѣ дворца...
 Но вотъ явился новый Туллій,
 И вновь веселье безъ конца!
 Рѣкой обильной вина льются,
 И вновь искусства на алтарь
 И жертвы и дары несутся,
 Какъ было при вельможѣ, встарь.
 Венера, Геба и Меркурій
 Забыли свой печальный сонъ,
 Въ саду толпа веселыхъ гурій
 И съ ними самъ Анакреонъ!

Всѣ девять музъ соединились,
 Чтобъ плѣнять гостей твоихъ,
 И вотъ ко мнѣ онѣ явились,
 Чтобъ вдохновить мой слабый стихъ.
 О, если бъ данъ мнѣ былъ богами
 Талантъ,—запѣлъ бы, какъ Пиндаръ,
 Чтобъ громко, звучными стихами
 Воспѣть Екатеринодаръ.

На слѣдующій день мы пошли съ Николаемъ Алексѣвичемъ и съ гостями смотрѣть знаменитаго рысака «Негодяя»—гордость атрыганьевскаго завода. Эта была великолѣпная лошадь. Смотрѣли манежъ и конюшни; это были дворцы въ своемъ родѣ. Николай Алексѣвичъ былъ знатокомъ и большимъ любителемъ лошадей; его заводъ считался однимъ изъ первыхъ въ Россіи, его лошади бѣжали и одерживали побѣды не только въ Россіи, но даже и за границей. Была особая комната въ ляличскомъ дворцѣ, гдѣ сохранялись призы художественной работы. Особенно помню одинъ: серебряный

рысакъ въ бѣговыхъ дрожкахъ и съ русскимъ кучеромъ... Были и портреты лошадей, рисованные Сверчковымъ.

Послѣ обѣда поѣхали смотрѣть паркъ. Поѣхали, а не пошли, потому что паркъ этотъ занималъ громадное пространство, онъ былъ окруженъ каменной стѣной. Въ паркѣ помѣщался звѣринецъ, въ которомъ на свободѣ водились различныя дикія животныя, для охоты. Изъ прежнихъ обитателей этого парка я замѣтилъ нѣсколько лосей, очень смѣлыхъ, близко подходившихъ къ дорогѣ.

При постройкѣ этой стѣны случилась очень характерная для той эпохи исторія.

Часть этой стѣны примыкала къ саду какого-то мелкопомѣстнаго владѣльца. Завадовскій, осматривая постройку, замѣтилъ недалеко отъ возводимой стѣны, на землѣ этого помѣщика, старый и красивый дубъ. Ему захотѣлось присоединить этотъ дубъ къ своему парку, и онъ сейчасъ же послалъ за помѣщикомъ и, когда тотъ явился, предложилъ ему продать этотъ участокъ земли съ растущимъ на немъ дубомъ за очень большую сумму. Помѣщикъ былъ упрямъ и ни за что не желалъ продать этотъ дубъ. Тогда Завадовскій, истощивъ всѣ способы уговора, пригласилъ его на ужинъ, во время котораго возобновилъ свою просьбу, но, получивъ рѣшительный отказъ, наполнилъ его допьяна, велѣлъ уложить его въ бричку и насыпать въ нее серебра, сколько помѣстится...

Когда помѣщикъ на слѣдующее утро проснулся, то съ изумленіемъ замѣтилъ, что спорный дубъ уже отдѣленъ отъ его владѣній высокой каменной стѣной, выросшей какъ бы изъ земли въ одну ночь.

Вздумалъ было помѣщикъ ѣхать жаловаться на Завадовскаго вышему начальству, велѣлъ запрягать свою бричку, но когда изъ нея выгрузили серебро и сосчитали его, то упрямый помѣщикъ никуда не поѣхалъ. Сумма денегъ была не маленькая, на эти деньги можно было купить цѣлое имѣніе. Къ тому же онъ, вѣроятно, вспомнилъ пословицу: «съ сильнымъ не борись—съ богатымъ не судись». Да и въ самомъ дѣлѣ, куда было тягаться ему съ всеильнымъ вельможей, передъ которымъ трепетали всѣ мѣстныя власти...

Въ паркѣ былъ охотничій домикъ, сторожки, бесѣдки въ видѣ древнихъ храмовъ со статуями, много искусственныхъ сооружений, и большое озеро, замѣчательное своей плотиной, основаніе которой было сдѣлано на сваяхъ, вбитыхъ вплотную одна около другой.

На этомъ озерѣ устраивались грандіозныя катанья на лодкахъ и на катерѣ съ фейерверками и военной музыкой, которая часто бывала въ Ляличахъ, потому что вблизи не помню гдѣ—въ Клинцахъ, въ Суражѣ или въ Стародубѣ, стояли войска. Командиры полковъ и все офицерство подолгу гостили въ гостепримныхъ Ляличахъ. Одинъ изъ этихъ полковъ почему-то назывался Неаполитанскимъ (вѣроятно, по своему шефу). Командиромъ одного изъ этихъ полковъ

былъ извѣстный въ послѣдствіи Ал. Ром. Дрентельнъ. Помню фамиліи нѣкоторыхъ офицеровъ: три друга—Калинъ, Колинъ и Кавелинъ. Два брата Ганъ, близнецы, были такъ похожи другъ на друга, что барышни во время танцевъ ихъ смѣшивали и для отличія прикалывали имъ разноцвѣтные бантики... и М. М. Колесницкій, замѣчательный мазуристъ.

Въ паркѣ находился маленькій домикъ, въ которомъ была комната съ глухими стѣнами и только одной маленькой дверью. По преданію, эта комната во времена Завадовскаго была наполнена до самаго потолка монетами. И дѣйствительно, Николай Алѣксѣвичъ рассказывалъ намъ, что его маленькая дочь Катя ¹⁾ находила въ этой комнатѣ много различныхъ монетъ, застрявшихъ между плитками каменнаго пола.

Однажды въ отсутствіе Николая Алѣксѣвича къ Екатеринѣ Иларіоновнѣ пришелъ очень старый и дряхлый дворовый человѣкъ и сообщилъ ей подъ секретомъ, что въ одномъ изъ подваловъ дворца, «подъ сѣверной звѣздой» замурованъ громадный кладъ, что онъ самъ былъ каменщикомъ и закладывалъ стѣну въ томъ мѣстѣ, гдѣ былъ спрятанъ этотъ кладъ. Онъ никому до сихъ поръ не говорилъ объ этомъ и наконецъ, чувствуя приближеніе смерти, рѣшился показать это мѣсто Екатеринѣ Иларіоновнѣ, такъ какъ очень любитъ и уважаетъ свою новую госпожу. Онъ предложилъ сводить ее въ подвалы и показать это мѣсто, но только съ условіемъ, чтобы никто другой не зналъ объ этомъ. Екатерина Иларіоновна не рѣшилась идти съ нимъ въ подвалы, потому что онъ былъ очень дряхлъ и она боялась, что онъ умретъ въ подвалѣ. Нужно сказать, что тамъ были тяжелыя двери изъ кованаго желѣза, и Екатерина Иларіоновна думала, что какая-нибудь изъ этихъ подъемныхъ дверей можетъ захлопнуться и она не выйдетъ изъ этихъ таинственныхъ подваловъ.

Спускъ въ подвалы былъ отложенъ до пріѣзда Николая Алѣксѣвича, а затѣмъ про это совершенно забыли. Тѣмъ временемъ старикъ умеръ, а съ нимъ умерла и тайна возможнаго клада.

При Энгельгардтѣ, который владѣлъ Ляличами до Атрыганьева, былъ случайно найденъ массивный серебряный сервизъ, замурованный въ стѣнѣ дворца. Вбивали гвоздь, чтобы повѣсить картину, выскочилъ цѣлый кирпичъ и, падая внутрь стѣны, ударился о что-то металлическое: тогда разломали часть стѣны и открыли нишу, въ которой былъ скрытъ этотъ кладъ.

Подобный случай съ вбиваемымъ въ стѣну гвоздемъ былъ и при Атрыганьевѣ, но онъ, несмотря на просьбы бывшихъ при этомъ лицъ, не позволилъ открывать клада, потому что не пожелалъ портить художественной отдѣлки стѣны.

¹⁾ Въ послѣдствіи княгиня Мещерская, дѣятельная помощница своего мужа по народному образованію въ Климовичскомъ уѣздѣ, гдѣ онъ былъ предводителемъ дворянства.

Между спальней и уборной была маленькая комната, въ стѣнѣ которой была потайная дверь, ведущая въ подземный ходъ, по которому никто не рѣшался, или не интересовался спуститься. Говорили, что онъ идетъ до самаго озера и въ какой-то склепъ.

III.

Екатерина здѣсь Вторая
Гостила,—такъ молва гласитъ,
Народъ преданіе хранить,—
Екатерина же другая,
Красой, любезностью, умомъ
Своихъ гостей обворожая,
Преобразила старый домъ
Въ роскошный храмъ земного рая.

М—овъ.

На слѣдующій день мы осматривали цвѣтники, оранжереи, грунтовые сараи и пр. Оранжереи были построены Завадовскимъ и улучшены Николаемъ Алексѣевичемъ. Надъ громадной пальмой ему пришлось построить отдѣльный куполь, такъ какъ она настолько выросла, что упиралась своей верхушкой въ стеклянную крышу оранжереи. Садамъ завѣдывалъ Густавъ Ивановичъ Гринвальдъ ¹⁾.

У стѣнъ дворца на верандѣ были выставлены померанцевыя деревья, верхушками достававшія до оконъ второго этажа.

Цвѣтники намъ показывала сама Екатерина Иларіоновна, она была большая любительница сада и состояла дѣйтельнымъ членомъ російскаго общества садоводства, помнится, что въ то время вице-президентомъ этого общества былъ Регель. Не мудрено, что цвѣтники отличались изяществомъ и вкусомъ, такъ какъ Екатерина Иларіоновна имѣла большія художественныя способности, она недурно рисовала и прекрасно лѣпила. Въ Петербургѣ она работала подъ руководствомъ Пименова и барона Клодта и, живя въ Ляличахъ, не теряла связи съ художественнымъ міромъ. Она мнѣ показывала очень интересныя письма Ивана Ковшенкова, автора цѣлой серіи статуэтокъ, изображавшихъ военныя сцены и обмундированіе различныхъ полковъ, которыя дѣлались имъ по заказу государя и для членовъ царской фамиліи.

Однажды она вылѣпила статуэтку, изображавшую крестьянскую дѣвушку, въ раздумьи остановившуюся у ручейка, и гипсовую копію послала своему хорошему знакомому А. П. Опочинину ²⁾. Вотъ стихотвореніе, которымъ Опочининъ отвѣтилъ на этотъ подарокъ:

¹⁾ Впослѣдствіи служившій въ Знаменскомъ или Петергофѣ, если не ошибаюсь старшимъ садовникомъ. Е. С.

²⁾ Авторъ многихъ остроумныхъ стиховъ и памфлетовъ и между прочимъ извѣстнаго въ свое время стихотворенія, начинавшагося такъ: «Вотъ въ воинственномъ азартѣ воевода Пальмерстонъ раздѣляетъ Русь на картѣ указательнымъ перстомъ». Е. С.

Привѣтъ статуикѣ.

Въ моей угрюмой тихой кельѣ
 Вдругъ стало весело, свѣтло:
 Ко мнѣ сейчасъ на новоселье
 Созданье милое вошло.
 Отраднѣе мнѣ твое явленье:
 Хоть гостя каменная ты,
 Но все жъ въ моемъ уединеньи
 Съ тобою меньше пустоты.
 Тобой люблюсь, я мечтаю,
 Твой видъ задумчивый любя;
 И безпрестанно вспоминаю,
 Чьи ручки создали тебя.
 Красотка, молви мнѣ словечко...
 Но нѣтъ! головку наклона,
 Она все смотритъ на колечко,
 И нѣтъ ей дѣла до меня.
 А я все жду, быть можетъ, взглянетъ
 И не грустна, не холодна,
 Вдругъ улыбнется мнѣ она
 Иль пальчикъ гипсовый протянетъ!

Вотъ еще одно стихотвореніе, написанное въ альбомѣ Екатерины Иларіоновны однимъ изъ поклонниковъ ея таланта, которому была обѣщана вылѣпленная ею статуэтка, но почему-то подарена другому лицу:

Въ моей груди кипитъ вулканъ:
 Вы не сдержали обѣщанья,
 Статуикой завладѣлъ Элькантъ...
 Пропали всѣ мои старанья.

Но, потерявъ оригиналъ,
 Молю (готовъ стать на колѣни),
 Чтобъ глины Ковшенковъ прислалъ,
 Чтобъ Богъ избавилъ васъ отъ лѣни.

И чтобы создали вы внонѣ
 Еще одно такое диво:
 Изъ глины тѣло, кости, кровь,
 Такъ просто, скоро и правдиво!..

У Екатерины Иларіоновны было много рисунковъ Сверчкова, преимущественно наброски лошадей и разныхъ животныхъ; эти рисунки были прекрасны, но фигуры людей и портреты были довольно слабы; онъ нѣсколько разъ пробовалъ рисовать портретъ Екатерины Иларіоновны, но почти всегда неудачно, сходства было мало. Хорошій портретъ Екатерины Иларіоновны акварелью написалъ Орестомъ Томашевскимъ въ 1853 году. Большая картина—

портретъ Николая Алексѣевича, гдѣ онъ изображенъ верхомъ на лошади, въ черкескѣ, въ формѣ казачьяго сотника, писана двумя художниками помнится. что лошадь писалъ на этой картинѣ Сверчковъ.

IV.

По преданью, въ этомъ домѣ
Жилъ бояринъ именитый.
Мнѣ рассказывалъ былины
Про него старикъ маститый.
Сѣдъ, какъ лунь, слѣпой и слабый,
Весь морщинами покрытый,
Про бояръ и про боярынь
Зналъ столѣтній старецъ много.
Судъ въ словахъ его суровыхъ
Былъ рѣшительный и строгій.
«Въ этомъ домѣ былъ порядокъ,—
Говорилъ онъ, — и бывало
У него гостей безъ счету
И царица навѣщала.

.
.
.
.

Не рассказывали люди...
Развѣ выпьютъ,—такъ бывало
Проболтаются порядкомъ,
Да не намъ и знать пристало!
—«Что жъ, спасибо и на этомъ.
Будь здоровъ, живи подольше,
А какъ встрѣтимся,—надѣюсь—
Поразкажешь и побольше.

(Изъ поэмы „Ляличи“).

Память объ императрицѣ Екатеринѣ Второй еще жива среди здѣшнихъ обитателей... Крестьяне рассказываютъ, что до сихъ поръ разъ въ годъ, ночью къ дворцу подъѣзжаетъ золотая карета и изъ нея выходитъ царица. На крыльцѣ встрѣчаетъ ее старый вельможа и ведетъ подъ руки во внутренніе покои... Рассказываютъ также про таинственную черную даму, которая появляется иногда по почамъ и гуляетъ по заламъ и по парку.

Дворецъ построенъ Завадовскимъ по плану Гваренги. Привожу нѣсколько цифръ, онѣ дадутъ представленіе о грандіозности постройки. Главный трехэтажный корпусъ имѣетъ 20 сажень длины и 8 сажень вышины до крыши. Общая высота съ ротондой и куполомъ 12 сажень. Разстояніе отъ прагаго до лѣваго крыла, т. е. длина всего дворца по прямой линіи, 58 сажень. Вышина одноэтажныхъ крыльевъ-флигелей 4½ сажени. Окна 1-го этажа имѣютъ безъ малаго 2 сажени вышины. Портикъ поддерживается шестью

колоннами коринтскаго ордена. Вышина портика съ фронтономъ— 6 сажень. Портикъ украшенъ тремя статуями, каждая по 4 аршина вышины. Оконныхъ и дверныхъ отверстій по наружнымъ стѣнамъ, не считая подвальныхъ, 184. Жилыхъ комнатъ 81. Комнаты второго этажа двухсвѣтныя, центральный залъ трехсвѣтный съ хорами.

Во дворцѣ было много старинныхъ и драгоценныхъ вещей: канделябры, люстры, часы, великолѣпные гобелены ¹⁾, картины, масса бронзы и произведеній искусства украшали строго выдержанныя въ стилѣ имперіи комнаты.

Круглая библіотека снизу доверху была наполнена книгами и рукописями въ кожаныхъ переплетахъ. Тамъ сохранялась интересная рукопись Петра Великаго, тетрадка личнаго расхода государя. На обложкѣ этой тетради было написано: «Очки» ²⁾. Тамъ же былъ замѣчательный географическій атласъ амстердамскаго изданія, эпохи Петра Великаго. Впослѣдствіи библіотека эта была куплена генеральшей Давыдовой.

V.

Одною нѣжностью богатъ,
 Какъ правда, сердцемъ обнаруженъ,
 Какъ непорочность, безоруженъ,
 Какъ постоянство, не крылатъ,
 Онъ былъ въ Астреннѣ вѣкъ. Уже мы не находимъ
 Его нигдѣ, по жизнь въ исканіи проводимъ.

(Подпись подъ статуей Амура въ паркѣ).

Въ Ляличахъ въ особой комнатѣ стояла кровать, украшенная одноглавымъ орломъ, и бюро замѣчательной работы, съ бронзой и медальонами работы Буше. Эти вещи принадлежали Маріи-Антуанеттѣ. Онѣ были куплены послѣ ея казни въ Трианонѣ для Екатерины Второй, но государыня не взяла ихъ во дворецъ, такъ какъ онѣ напоминали ей трагическую смерть французской королевы, и вещи эти достались Заваловскому, который и перевезъ ихъ въ свои Ляличи. Дальнѣйшая судьба этихъ вещей мнѣ неизвѣстна, вѣроятно, ихъ купилъ антикварій Линевицъ ³⁾.

Во дворцѣ было много картинъ старыхъ мастеровъ. Николай Алексѣевичъ самъ былъ довольно извѣстнымъ художникомъ-пей-

¹⁾ Одинъ изъ нихъ находится въ настоящее время во дворцѣ Трокадеро въ Парижѣ, другой Екатерина Иларіоновна подарила своему доктору и другу профессору и лейбъ-акушеру А. Я. Красовскому. Е. С.

²⁾ Эту драгоценную тетрадку Екатерина Иларіоновна подарила своему родственнику, извѣстному профессору и публицисту О. О. Миллеру. Е. С.

³⁾ Бюро теперь находится въ Луврѣ, а кровать—въ Кенсингтонскомъ музеѣ. Судьба этихъ вещей болѣе подробно описана въ «Историческомъ Вѣстникѣ» 1902 г. (январь, февраль, мартъ). Е. С.

Зажистомъ, но относился въ то время къ своему таланту безъ должнаго вниманія и работалъ мало. Онъ былъ другомъ извѣстнаго художника Мещерскаго. Однажды онъ сдѣлалъ копию съ его картины, поставилъ ее въ одинаковую съ оригиналомъ раму, и самъ Мещерскій не могъ отличить своей работы отъ копии. Это не была кропотливая, точная работа, а только особая способность улавливать и передавать чужую манеру, чужой «мазокъ».

Много лѣтъ спустя, когда Ляличи были проданы, Николай Алексѣвичъ долженъ былъ писать картины для продажи, это было почти единственнымъ источникомъ его существованія. Николай Алексѣвичъ былъ дѣятельнымъ членомъ мюссаровскихъ поне-дѣльниковъ.

Тонкій знатокъ по всѣмъ отраслямъ искусства, веселый, остроумный, простой и вмѣстѣ съ тѣмъ утонченно деликатный въ обращеніи со всѣми, Николай Алексѣвичъ обладалъ особенной способностью сразу очаровать всѣхъ, кто съ нимъ встрѣчался на жизненномъ пути.

Въ Ляличахъ всегда было очень много гостей. Люди, интересующіеся искусствомъ во всѣхъ его проявленіяхъ, стремились туда потому что находили удовлетвореніе своихъ возвышенныхъ стремленій въ обществѣ Николая Алексѣвича, его супруги Екатерины Иларіоновны, художниковъ и музыкантовъ, часто посѣщавшихъ Ляличи, а другую часть лялическихъ гостей привлекали лукуловскіе обѣды, замѣчательный винный погребъ, шампанское, лившееся рѣкой, или просто общеніе съ молодежью, балы, дававшіеся на славу.

Лялическіе маскарады отличались особымъ оживленіемъ и продолжались по нѣскольку дней подъ рядъ. Запрягались всевозможные экипажи, начиная отъ громадныхъ охотничьихъ саней и кончая розвальнями. Маскированные отправлялись оригинальнымъ кортежемъ къ сосѣдямъ, забирали ихъ съ собой, и все громадное общество возвращалось въ Ляличи, чтобы еще нѣсколько дней беззаботно веселиться и танцовать.

Одинъ изъ этихъ маскарадовъ чуть было не кончился драмой. Это было во время повстанья—во многихъ мѣстахъ ожидали нападенія польскихъ бандъ. По дорогамъ всю ночь горѣли костры. Часть гостей въ польскихъ костюмахъ, конечно, въ маскахъ, поѣхала къ одной сосѣдней помѣщицѣ. Тамъ не ожидали гостей, приняли ихъ за поляковъ, открыли по нимъ стрѣльбу, кто-то упалъ въ обморокъ, но въ концѣ концовъ все обошлось благополучно.

Въ это же приблизительно время въ Ляличи пріѣхалъ незнакомый офицеръ и объявилъ, что желаетъ купить большое число лошадей; послѣ осмотра ихъ быстро собрался и уѣхалъ, сказавъ, что пришлетъ за лошадьми своихъ людей. Потомъ оказалось, что этотъ

офицеръ былъ не кто иной, какъ знаменитый «Гопоръ». Онъ хотѣлъ завладѣть лошадьми для повстанцевъ, но, вѣроятно, рѣшилъ, что взять приступомъ ляличскую крѣпость слишкомъ трудно. Въ Ляличахъ однихъ дворовыхъ было около двухсотъ человѣкъ.

VI.

Губернаторъ часто посѣщалъ Ляличи. Сосѣдніе предводители дворянства и вся мѣстная дворянская знать гащивали тамъ подолгу. Архіерей во время своихъ поѣздокъ по губерніи заѣзжалъ въ Ляличи, гдѣ его встрѣчали съ подобающимъ почетомъ. Для ночлега отводили ему комнату, въ которой помѣщалась мебель Маріи-Антуанетты, и онъ спалъ на ея кровати. (Интересно знать, какіе сны ему снились тогда?) Припоминаю фамиліи нѣкоторыхъ лицъ, посѣщавшихъ въ то время Ляличи: И. Н. Дурново, впоследствии министръ, тогда онъ былъ, кажется, черниговскимъ предводителемъ дворянства, Баратовъ, Бороздна, Лайкевичъ—родственники Завадовскаго, у нихъ былъ интересный современный портретъ кого-то изъ Завадовскихъ (съ негртенкомъ); Энгельгардтъ, Клейнмихель, Бригенъ, Савичъ, Ширяй, Лишины, Шабельскіе, Галицынъ, Давыдовы, Искрицкіе, князя Мещерскіе, инженеръ Марковъ, Полетика, Чернолуцкіе, Миклашевскіе; братья Николая Алексѣевича: Петръ Алексѣевичъ, женатый на извѣстной въ свое время въ Петербургѣ красавицѣ А. А. Рачъ, другой братъ Александръ Алексѣевичъ, инженеръ, и третій братъ, Михайлъ Алексѣевичъ, бывшій морякъ и петергофскій предводитель дворянства.

Управляющимъ былъ г. Графъ. Завѣдывала домашнимъ хозяйствомъ мадамъ Маркеръ, дама 9-ти пудовъ вѣсомъ, вполне подходившая по внушительности своего вида къ обстановкѣ ляличскаго дворца.

Въ верхнемъ этажѣ дворца жилъ дядька Николая Алексѣевича. Этотъ старикъ давнымъ-давно получилъ вольную, но не хотѣлъ уходить отъ своего бывшего воспитанника. Помню, что онъ былъ большой любитель птицъ, и у него въ особой комнатѣ съ рѣшетками на окнахъ водилось множество канареекъ. Его юбилей былъ торжественно отпразднованъ въ семьѣ Атрыганьевыхъ и сдѣланы были ему цѣнные подарки.

На этомъ мѣстѣ письма обрываются.

Прибавлю нѣсколько словъ отъ себя. Всѣ владѣльцы Ляличей до Атрыганьева включительно поддерживали этотъ роскошный дворецъ—твореніе Гваренги. Но вотъ прошли года, и наступила для Ляличей печальная пора постепеннаго разрушенія. Г. Брешко-

Брешковскій въ газетѣ «Россія» за 1901 г. яркими красками написалъ печальную картину нынѣшняго положенія Ляличей.

Не буду повторять его словъ, скажу только, что всякій, кому дороги памятники прошлаго и произведенія искусства, можетъ справедливо упрекнуть въ вандализмъ тѣхъ, кому сіе вѣдать надлежало. Невольно возмущается сердце, когда проходишь мимо памятниковъ старины, искалѣченныхъ грубыми перестройками (особенно замѣтны эти безобразныя искаженія въ постройкахъ строгаго и величественнаго стиля Empire); но каково видѣть полное разрушеніе этихъ поэмъ изъ камня и бронзы, разрушеніе, которому помогаютъ сами владѣльцы этихъ сокровищъ!

Пора наконецъ обратить на это вниманіе и законодательнымъ путемъ запретить дальнѣйшее уничтоженіе родной художественной старины.

Е. С.

АВАНТЮРИСТЫ, САМОЗВАНЦЫ И БЛЮСТИТЕЛИ ЗАКОНА.

(Изъ уголовной и полицейской хроники).

АСТО самая пылкая и изобрѣтательная фантазія сочинителей уголовныхъ и бульварныхъ романовъ и мелодрамъ во вкусѣ Понсонъ-дю-Террайля, Евгенія Сю, Коцебу и Кенъе не можетъ соперничать съ фактами, подносимыми нашею русскою дѣйствительностью. Успѣхъ произведеній перечисленныхъ авторовъ основывался, главнымъ образомъ, на драматическихъ сочетаніяхъ самыхъ неправдоподобныхъ явленій и событій, воспроизведеніе коихъ и дѣйствовало на умъ и воображеніе читателя. И успѣхъ былъ тѣмъ большій, чѣмъ невѣроятнѣе были подвиги или преступленія героевъ уголовныхъ романовъ или мелодрамъ.

И развѣ не просится въ герои такого романа или мелодрамы «одинъ изъ самозванцевъ», которому посвящена въ высшей степени интересная статья сенатора И. В. Мѣщанинова ¹⁾! Если бы подъ этою статьею не красовалось имя почтеннаго судебного дѣятеля, ссылающагося притомъ на данныя изъ слѣдственнаго производства, то, пожалуй, рассказываемое можно было бы принять за вымыселъ беллетриста.

Но Запольскій-Черемшанскій-Ивановъ и т. д., и т. д.—не легендарная личность. Онъ подвизался еще сравнительно недавно во многихъ городахъ Россіи. Не получивъ никакого образованія, онъ занимался врачебною дѣятельностью, завѣдывалъ больницами, совершалъ самыя сложныя хирургическія операціи, которыя признавали для себя непосильными патентованные эскулапы, дѣлалъ

¹⁾ См. «Историческій Вѣстникъ», мартъ 1910 г.

научные доклады о земской медицинѣ, не возбуждая ни въ комъ и тѣни сомнѣнія.

Пишущій эти строки имѣетъ возможность своими личными воспоминаніями дополнить характеристику «одного изъ самозванцевъ», сдѣланную И. В. Мѣщаниновымъ, на основаніи судебныхъ матеріаловъ. Попутно я познакомлю читателей съ подвигами нѣкоторыхъ другихъ самозванцевъ, авантюристовъ и, такъ называемыхъ, блюстителей порядка, подвизавшихся въ одномъ изъ южныхъ нашихъ городовъ въ доброе старое время.

Съ героемъ очерка И. В. Мѣщанинова—Запольскимъ—я познакомился еще въ серединѣ 70-хъ годовъ въ городѣ Одессѣ, когда онъ дѣлалъ первые шаги на криминальномъ поприщѣ. Это былъ тогда вылитый Иванъ Александровичъ Хлестаковъ. Неувядающій типъ, созданный гениальнымъ перомъ Гоголя, какъ будто ожилъ въ Запольскомъ, воспринявъ лишь нѣкоторыя новыя формы, новыя краски.

Свелъ я знакомство съ Запольскимъ въ одесской тюрьмѣ, гдѣ я навѣщалъ часто одного знакомаго писателя, нынѣ покойнаго Л. Это тоже была въ своемъ родѣ достопримѣчательная личность, на которой стоитъ нѣсколько остановиться.

Л. участвовалъ въ одесской прессѣ не безъ успѣха и время отъ времени выпускалъ злободневныя брошюры, также пользовавшіяся успѣхомъ. Во время русско-турецкой войны Л. издавалъ въ Бухарестѣ русскій журналъ—«Записки гражданина», гдѣ заступался иногда за поставщиковъ нашей арміи.

Литература, особенно 30—40 лѣтъ назадъ, плохо обеспечивала писателей, и Л., подъ руководствомъ тестя-адвоката, занимался одно время частною адвокатурою. Среди кліентовъ его былъ нѣкто Гитесъ, другъ его дома и владѣлецъ огромнаго зданія Маріинскаго театра въ Одессѣ.

Въ одно прекрасное утро является къ Гитесу Л. и заявляетъ, что чрезъ нѣсколько часовъ истекаетъ срокъ для обжалованія какого-то судебного рѣшенія.

— Но вѣдь я чрезъ десять минутъ уѣзжаю на вокзалъ, и мнѣ некогда ждать составленія апелляціонной жалобы...

— Въ такомъ случаѣ—подмахните свою подпись, я тутъ же у васъ восполню пробѣлъ надъ нею...

Гитесъ питалъ полное довѣріе къ своему адвокату. Послѣдній сверху листа бумаги надписалъ названіе судебного учрежденія, а кліентъ поставилъ внизу свою подпись и поспѣшилъ на поѣздъ. Л., не долго думая, срѣзалъ названіе судебного учрежденія, восполнилъ пробѣлъ текстомъ задаточной расписки о продажѣ дома, полученіи 20,000 рублей наличными и уплатѣ двойной суммы, въ случаѣ нарушенія сдѣлки.

По возвращеніи Гитеса въ Одессу Л. былъ арестованъ въ театрѣ, гдѣ онъ возсѣдалъ на рецензентскомъ мѣстѣ въ русской оперѣ, и отвезенъ въ тюрьму.

Цѣлый рядъ уликъ и предательская складка на листѣ бумаги, отъ котораго была срѣзана верхняя часть, послужили основаніемъ для обвинительнаго приговора, угрожавшаго Л. арестантскими ротами. Приговоръ былъ кассированъ, и послѣ второго разбора дѣла Л. былъ оправданъ—во вниманіе отчасти къ его продолжительному пребыванію въ тюрьмѣ.

Одесская тюрьма была въ то время, къ которому относится мой рассказъ, довольно доступна для посѣтителей, рекомендовавшихъ себя знакомыми заключенныхъ. Безъ особаго труда я выхлопоталъ себѣ право посѣщенія Л. и снабженія его провизією, письменными принадлежностями т. п.

Л. увѣрялъ меня, что пострадалъ, главнымъ образомъ, за свои политическія убѣжденія и, въ доказательство своего свободомыслія, предъявилъ мнѣ однажды во время свиданія экземпляръ лавровскаго журнала «Впередь», добытый имъ у сосѣдей по тюрьмѣ, привлеченныхъ по политическому дѣлу. Свои недоразумѣнія съ Гитесомъ Л. объяснялъ личными счетами изъ-за своей жены, съ которою онъ разошелся.

Я ни на минуту не усомнился въ этой исповѣди Л.

Во время одного изъ моихъ посѣщеній Л. я и познакомился съ Запольскимъ, который также отрекомендовалъ себя страдальцемъ за политическія убѣжденія. Онъ не переставалъ говорить о своихъ связяхъ въ «свѣтѣ», который не сегодня-завтра заступится за него и отомститъ его гонителямъ, намекалъ, что въ его жилахъ течетъ царская кровь. И надо сказать правду, что въ этомъ арестантѣ было что-то такое, что заставляло это допускать.

Я внималъ каждому слову моихъ обиженныхъ людьми страдальцевъ, принималъ ихъ рассказы за чистую монету и за стѣнами тюрьмы старался среди близкихъ мнѣ людей возбуждать къ нимъ сугубое сочувствіе.

И старанія мои не пропали даромъ, мои слова упали на благодарную почву. Двѣ дѣвушки, учительница и ея ученица-гимназистка, воспылали самыми нѣжными чувствами къ жертвамъ общественной несправедливости. Онѣ рѣшительно заявили, что хотятъ проникнуть въ тюрьму, чтобы участливымъ словомъ облегчить страданія Запольскаго и Л. Я не менѣе рѣшительно протестовалъ, ссылаясь на трудность добиться разрѣшенія для дѣвицъ посѣщать заключенныхъ и на справедливое негодованіе родныхъ.

Протесты мои не возымѣли никакого дѣйствія. Какими-то судьбами сначала одна дѣвушка, затѣмъ другая добились пропуска ихъ въ тюрьму. И въ стѣнахъ ея одновременно начались два романа.

Запольскій, рассказывая молодой неопытной дѣвушкѣ турысы на колесахъ о своихъ связяхъ, рисовалъ ей перспективы самой блестящей карьеры и счастливой семейной жизни, несмотря на значительную разность въ лѣтахъ. Выдавая себя уже тогда за врача, онъ читалъ дѣвушкѣ цѣлыя лекціи по анатоміи человѣка и медицинѣ и совѣтовалъ ей посвятить себя этой послѣдней при его благосклонномъ содѣйствіи.

Л. не заходилъ такъ далеко въ своихъ планахъ и мечталъ о тихой семейной идилліи съ учительницей. Во второмъ случаѣ разность въ лѣтахъ была не столь значительна, любовь была интенсивнѣе, и плодомъ этой любви явился чрезъ самое короткое время по выходѣ Л. изъ тюрьмы вполне зрѣлый младенецъ, созрѣвшій впоследствии въ талантливаго писателя.

Первый романъ удалось скоро и быстро разстроить, къ удовольствію родныхъ неопытной дѣвушки. Этому немало содѣйствовали получившіе скоро огласку чисто-хлестаковскіе подвиги Запольскаго.

Гоголевскій герой, навравъ съ три короба о томъ, что управлялъ департаментомъ, что за нимъ слали тридцать пять тысячъ однихъ курьеровъ, просилъ взаймы, ибо въ дорогѣ издержался.

Хлестаковъ, о которомъ мы говоримъ, продѣлывалъ то же самое—только въ нѣсколько иной формѣ.

Городскіе головы и другіе видные дѣятели юга Россіи стали получать одно время телеграммы за подписью вліятельныхъ лицъ съ просьбою оказывать всяческое покровительство командированному по дѣламъ службы врачу Имяреку.

Въ назначенное время Имярекъ являлся въ дорожномъ костюмѣ и справлялся: нѣтъ ли на его имя телеграммы?

— Какъ же, есть о васъ телеграмма отъ вашего начальства!..

И гостю оказывалось всяческое вниманіе. Онъ очаровывалъ всѣхъ своею благовоспитанностью, рассказывалъ о своихъ вліятельныхъ знакомствахъ, сулилъ всякія протекціи, тонко намекалъ на свое высокое происхожденіе.

— Не нужно ли вамъ чего?—обыкновенно спрашивали гостя.

— Пожалуй, если это васъ не затруднитъ, не откажите ссудить меня небольшою суммою. Я, знаете, въ дорогѣ издержался: то да се...

И по полученіи ссуды гость исчезалъ съ горизонта.

Впоследствии выяснилось, что телеграммы были подложны, что ихъ посылалъ съ желѣзнодорожныхъ станцій самъ Запольскій или его близкіе. Возникъ цѣлый рядъ дѣлъ, Запольскаго изловили, и скамья подсудимыхъ въ одесскомъ и кишиневскомъ окружныхъ судахъ была однимъ изъ первыхъ этаповъ криминальной карьеры Запольскаго, такъ ярко и документально описанной въ статьѣ сенатора Мѣщанинова.

Съ теченіемъ времени ловкій авантюристъ разнообразилъ приемы своихъ художествъ и достигъ степеней извѣстныхъ. Департаментамъ

управлять его чрезъ курьеровъ не приглашали, но зато онъ фактически управлялъ больницами и на глазахъ врачей съ учеными степенями этотъ ничему не учившійся субъектъ совершалъ самыя сложныя операціи.

Запольскій подвизался въ Бирскѣ и Елабугѣ, а вотъ другой авантюристъ, нѣкто Покровскій, не нюхавшій никогда медицины, нѣсколько лѣтъ тому назадъ въ университетскомъ городѣ—въ той же Одессѣ—занимался врачебною дѣятельностью, прописывалъ рецепты, приглашалъ консультантами выдающихся врачей. И никто изъ послѣднихъ не замѣтилъ его невѣжества.

У мнимаго врача, оказавшагося на повѣрку бѣглымъ каторжникомъ, отбою не было отъ больныхъ. Его квартира съ утра до вечера осаждалась людьми разныхъ званій и положеній. По всему городу пошла молва о заѣзжемъ докторѣ и его обширной практикѣ. Стало извѣстно, что онъ холостъ, хотя, въ дѣйствительности, у него были и жена, и невѣста. Не одинъ чадолюбивый родитель мечталъ о выгодной партіи для дочери въ лицѣ моднаго врача.

А тѣмъ временемъ полиція разыскивала бѣглаго каторжника, который долго не давался ей въ руки, пока въ одно прекрасное утро не было установлено тожество искомаго и «доктора» Покровскаго.

И лишь тогда одесскіе врачи прозрѣли и поняли, какъ ихъ околпачилъ бѣглый каторжникъ. Сосульку они, по выраженію Сквозника-Дмухановскаго, приняли за важнаго человѣка. Ничего не было въ этомъ вертопрахѣ похожаго на врача! Рецепты его—говорили потомъ одесскіе врачи, консультировавшіе съ Покровскимъ,—обнаруживали полнѣйшее его невѣжество и безграмотность...

Странныя дѣла совершаются у насъ иногда на Руси! Одесса, гдѣ подвизались Запольскій и Покровскій, являлась особенно благодарною почвою для дѣятельности разныхъ авантюристовъ. Сама атмосфера, такъ сказать, благопріятствовала имъ.

Сто слишкомъ лѣтъ тому назадъ Одесса, прозванная жемчужиной Россіи, являющаяся нынѣ по благоустройству и богатству четвертымъ городомъ въ Россіи, представляла заброшенную турецкую деревушку Хаджибей. Съ переходомъ послѣдней къ Россіи она стала привлекать отовсюду авантюристовъ и искателей золота. Не одинъ пиратъ и корсаръ сдѣлалъ здѣсь головокружительную карьеру. Даже городскимъ головою въ Одессѣ состоялъ потомокъ корсара, воспѣтаго А. С. Пушкинымъ.

Бывшій одесскій полицеймейстеръ Антоновъ въ своей книгѣ, изданной имъ много лѣтъ тому назадъ, въ 70-хъ годахъ, подъ заглавіемъ: «Одесскія катакомбы», и подъ псевдонимомъ Правдина, описалъ, какими преступными способами нахлынувшіе въ Одессу авантюристы составляли свое богатство.

Знаменитыя одесскія каменоломни служили всегда мѣстомъ, гдѣ зарождались и завершались всякія преступныя авантюры.

Самъ Антоновъ оказался причастнымъ къ преступленіямъ такого рода.

Изъ одесскаго кафедральнаго собора была нѣсколько десятковъ лѣтъ тому назадъ украдена богато украшенная брильянтами Касперовская икона Богоматери, найденная чрезъ нѣкоторое время подъ мостомъ у спуска, ведущаго къ морю, безъ всякихъ украшеній. Впослѣдствіи утверждали, что къ этому святотатству былъ причастенъ самъ Антоновъ.

Въ рядахъ одесской полиціи не разъ служили люди съ уголовнымъ прошлымъ, поддерживавшіе и во время нахождения на службѣ самыя близкія сношенія съ ворами. Одесскіе старожилы не разъ передавали мнѣ, что въ доброе старое время иные чины полиціи, вкушѣ съ грабителями, составляли планы грабежей и затѣмъ братски дѣлились добычей. Квартальные надзиратели, получавшіе грошевыя оклады, наживали цѣлыя состоянія, обзаводились домами и имѣніями.

Грабежи оставались безнаказанными, если пострадавшіе не находили заступниковъ въ лицѣ высшихъ начальниковъ города.

Однажды было украдено все столовое и чайное серебро на весьма значительную сумму у одной вдовы милліонера, съ которой былъ въ большой дружбѣ командовавшій войсками М. П. И одного слова послѣдняго было достаточно, чтобы немедленно все украденное было возвращено по принадлежности—до послѣдней чайной ложечки включительно.

Въ близости старой одесской полиціи съ ворами я имѣлъ возможность лично убѣдиться. Много лѣтъ назадъ я завѣдывалъ редакціей газеты, издававшейся братомъ начальника карантиннаго округа, не разъ исправлявшаго обязанности градоначальника, когда отсутствовалъ послѣдній. Случилось такъ, что у меня на улицѣ въ вагонѣ конки украли золотыя часы, которые были дороги мнѣ по воспоминаніямъ. Объ этомъ узналъ приставъ, впослѣдствіи убитый бомбой, П—къ, и вызвался найти вора, чтобы отличиться предъ начальствомъ, т.-е. временнымъ градоначальникомъ, съ которымъ я могъ встрѣчаться у брата-издателя.

— Но вамъ придется, — заявилъ мнѣ приставъ, — объѣхать со мною мѣста, гдѣ собираются воры и грабители. Это, пожалуй, для васъ, какъ для журналиста, не лишено будетъ интереса.

И, дѣйствительно, весьма интересно было наблюдать, какія трогательныя и дружескія отношенія существовали между приставомъ, ворами, укрывателями ихъ и торгующими краденымъ.

Притоны воровъ помѣщались въ самыхъ модныхъ частяхъ города. Это были частныя, хорошо обставленныя квартиры, съ модною ме-

белью, роялями, зеркалами, портняжныя мастерскія, табачныя лавки, молочныя и т. п. Въ одной квартирѣ гимназистка играла на рояли.

Съ обывателями квартиръ приставъ былъ на короткой ногѣ, какъ и съ содержателями мастерскихъ и лавокъ. Со всѣми онъ здоровался запросто, подавая руку, справлялся о здоровьѣ, о мѣсто-пробываніи отсутствовавшихъ членовъ семей и обмѣнивался короткими фразами на недоступномъ для меня воровскомъ жаргонѣ.

Въ молочной мы застали нѣсколько десятковъ человѣкъ. Были среди нихъ, какъ мнѣ заявилъ приставъ, и «душегубы». Онъ разспрашивалъ воровъ, кто «работалъ» на конкѣ въ тѣ часы, когда я лишился часовъ, просилъ помочь ему найти ихъ и незамѣтно опу-скалъ руку въ карманы посѣтителей молочной, словно извлекая оттуда что-то.

На вопросъ, почему разрѣшается завѣдомымъ ворами открыто собираться, приставъ далъ мнѣ такой отвѣтъ:

— Во-первыхъ, пока человѣкъ не пойманъ, онъ не воръ. Затѣмъ намъ легче при такихъ условіяхъ находить краденое. Вы слышали, какъ полиція однажды, по требованію командующаго, сразу нашла все украденное у его дамы. Попробуйте мѣшать ворами и грабителямъ собираться, и они будутъ прятаться въ каменоломняхъ и подпольяхъ,—и тогда мы никогда никакой пропажи не найдемъ.

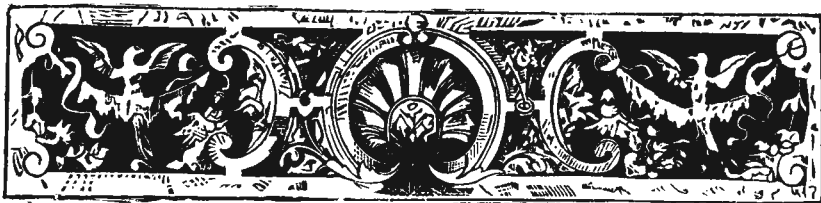
Едва ли теперь въ Одессѣ воровскіе притоны помѣщаются въ центральныхъ частяхъ города, но зато недавно еще въ этотъ городъ назначался полицеймейстеромъ капитанъ Ермоловъ, изблеченный потому въ участіи въ ограбленіи поѣзда между Красноводскомъ и Асхабадомъ, гдѣ украдено было полмилліона.

А въ сосѣднемъ съ Одессой Кишиневѣ судился недавно и осужденъ помощникъ пристава Зальбергъ, который организовалъ кражи, грабежи, нападенія на мирныя жилища, на лечебницу, снабжалъ воровъ необходимыми свѣдѣніями, отмычками и сигнализировалъ имъ во время грабежа...

Невольно задумаешься надъ вопросомъ, какъ это возможно было, чтобы бѣглые каторжники открыто занимались врачебною дѣятельностью, а грабители и экспроприаторы служили по полиціи и фигурировали въ роли охранителей личной и имущественной безопасности обывателей!..

А. Евгеньевъ.

РУССКІЯ МЕТАМОРФОЗЫ ¹⁾.

III.

Москва и реформы.

ВРОСМАТРИВАЯ свои записныя книжки конца 1905 года, я нахожу замѣтку о томъ, что волненія жизни особенно были опутительны на биржѣ. Этотъ «пульсъ» города бился явно ненормально. Совершались то крахи, то фиктивные сдѣлки. Бумаги то понижались въ цѣнѣ, то взвинчивались до своего зенита. Одновременно съ биржевой лихорадкой сдѣлалось «неладно» въ московской ремесленной средѣ. Въ половинѣ сентября забастовали типографіи, сначала Сытина, затѣмъ Кушнерева, Левенсона, Чичерина, Машистова, Мамонтова и др. Газеты кое-какъ держались до 23-го сентября, а затѣмъ въ теченіе 11 дней Москва осталась безъ ежедневной прессы. Наборщики, организовавшись въ большую и дружную корпорацію, распространили свою власть почти на всѣ типографіи, даже на синодальную. Наборная «Московскихъ Вѣдомостей» пробовала послушаться—и всѣ стекла помѣщенія были выбиты камнями. вмѣстѣ съ наборщиками забастовали слесаря городского трамвая, потребовавшіе жалованья не ниже 35 рублей, отмѣны штрафовъ и больничнаго сбора и т. п.

Съ 23-го сентября начались бурныя и многочисленныя сходки въ московскомъ университетѣ. Ректоръ князь С. Н. Трубецкой гово-

¹⁾ Продолженіе. См. «Историческій Вѣстникъ», т. СХІХ, стр. 588.

рилъ рѣчь, прося не нарушать порядка, что послужить къ поддержкѣ университетской автономіи. Московская администрація производила аресты, снаряжала полицейскихъ для разгона сборищъ; произошли—и не разъ—кровавыя столкновенія; забастовщики не унывали и требовали все настойчивѣе разныхъ льготъ и прибавокъ къ своему заработку. Мнѣ случилось быть на совмѣстномъ засѣданіи владѣльцевъ типографій съ депутатами отъ наборщиковъ. Предсѣдательствовалъ собраніемъ, нынѣ покойный, гласный думы и дѣльный типографъ Казначеевъ. Когда владѣльцы типографій судили и рядили, какъ быть, явился «парламентеръ» отъ депутаціи и заявилъ слѣдующее:

— Депутація наборщиковъ, находя для себя унизительнымъ дожидаться въ особой комнатѣ, пока состоится то или другое постановленіе владѣльцевъ типографій, предлагаетъ, чтобы всѣхъ депутатовъ немедленно допустили на собраніе и обсуждали дѣло совмѣстно съ ними. Въ противномъ случаѣ депутація удалится, и забастовка можетъ затянуться еще дольше.

Типографы были поражены. Пришлось сдаться и позвать «пролетаріевъ». Тѣ вошли въ числѣ, кажется, 8 человекъ и расположились противъ своихъ «эксплоататоровъ», принявъ живописныя и свободныя позы. Это были молодые наборщики въ синихъ блузахъ и высокихъ сапогахъ. Они глядѣли смѣло, гордо и сейчасъ же, не спрашивая ни у кого разрѣшенія, закурили папирсы.

Начались «переговоры». Казначеевъ спрашивалъ, нельзя ли уменьшить разныя экономическія требованія, такъ какъ многія типографіи не вынесутъ подобнаго бюджета и закроются, что повлечетъ бѣдствія для самихъ наборщиковъ.

Одинъ изъ депутатовъ, молодой и красивый, съ черными усами и интеллигентнымъ лицомъ, продолжая сидѣть и курить, началъ возражать Казначееву.

— Не одни экономическія требованія нами выставлены!—сказалъ онъ.—Мы желаемъ установленія человѣческихъ отношеній хозяевъ съ работниками. Мы не потерпимъ ни прежнихъ грубостей, ни старыхъ несправедливостей. Мы хотимъ не зависѣть отъ произвола предпринимателей. Намъ очень хорошо извѣстно, какъ эти господа относятся къ рабочимъ! Чуть что не такъ—вонъ, и кончено. А возьмите вы отношенія нѣкоторыхъ хозяевъ къ красивымъ работницамъ... мнѣ стыдно приводить примѣры подобныхъ гнусностей! Всему этому пора положить конецъ. Мы устраиваемъ свой союзъ, будемъ работать добросовѣстно, но не дозволیمъ ни увольнять рабочихъ по личному произволу хозяина, ни заколачивать насъ непосильными трудами. Вы говорите, что наши условія такъ тяжелы, что даже нѣкоторыя типографіи закроются; ну, въ этомъ я сильно сомнѣваюсь. Если же рабочій станетъ отъ васъ, предпринимателей, брать плату болѣе высокую, чѣмъ бралъ до сихъ поръ, то пора же и

вамъ, представителямъ буржуазіи, отдать намъ, труженикамъ, часть своихъ, подчасъ весьма жирныхъ, барышей!

Надо было видѣть, какъ эту смѣлую рѣчь слушали наши типографскіе Левенсоны и Сытины! Они краснѣли, блѣднѣли, ерзали на мѣстѣ, а молодой ораторъ спокойно и твердо произносилъ свои фразы. Когда онъ намекалъ на отношенія хозяевъ къ женщинамъ (рѣчь его касалась, вѣроятно, фабрикъ, а не типографій), на его лицѣ вспыхнуло искреннее негодованіе. Я не могъ не залюбоваться этимъ развитымъ юнымъ рабочимъ. Гдѣ-то онъ теперь? Не поглотила ли его волна декабрьскаго разгрома Москвы ¹⁾?

Одинъ изъ типографщиковъ всталъ и попросилъ слова. Всѣ думали, что онъ заговоритъ о заявленіи, гдѣ пересчитывались требованія наборщиковъ, но вставшій началъ жаловаться на наборщиковъ за ихъ грубости.

— Вотъ они толкуютъ насчетъ нашихъ выговоровъ, а развѣ наборщики не оскорбляютъ хозяевъ? Да ужъ если на то пошло, меня самого ругали непечатными словами...

Молодой наборщикъ презрительно усмѣхнулся и громко отвѣчалъ:

— Если вы себя до этого допустили, какая же вамъ самимъ цѣна? Тутъ собралась вся типографская Москва. Пусть всѣ скажутъ, хорошъ ли хозяинъ, коли его третируютъ и бранятъ гадкими словами собственные наборщики?

Предсѣдатель собранія сталъ говорить на ту тему, что экономическія требованія рабочихъ типографскаго дѣла, конечно, должны быть разсмотрѣны, и то, что возможно, слѣдуетъ исполнить по желанію рабочихъ, а что невозможно, пусть уступятъ и наборщики. Но все это сразу не рѣшить, нужно время, и поэтому слѣдуетъ организовать комиссію, которая, совмѣстно съ уполномоченными отъ наборщиковъ, и рѣшитъ всѣ вопросы. Но пока надо приступить къ дѣлу въ типографіяхъ. Не говоря ужъ объ убыткахъ хозяевъ, нужно принять во вниманіе интересы москвичей, оставшихся безъ газетъ.

Услыша эти рѣчи, другой депутатъ, приземистый наборщикъ съ нахмуреннымъ и непріятнымъ лицомъ, вскочилъ со скамейки и, поднявъ руку, воскликнулъ на всю залу:

— Московскія газеты не выйдутъ до тѣхъ поръ, пока всѣ, буквально всѣ требованія рабочихъ типографскаго дѣла не будутъ удовлетворены! Такъ вы и запишите!..

Собраніе разошлось при общемъ шумѣ и взаимномъ неудовольствіи. Однакожъ требованія газетныхъ наборщиковъ были потомъ полностью удовлетворены: рабочіе стали получать не менѣе 70 рублей

¹⁾ На собраніи дѣлалось предположеніе, что этотъ наборщикъ—переодѣтый рабочимъ студентъ. Это неправда, я видѣлъ этого молодого человѣка въ одной изъ газетныхъ наборныхъ (какой газеты — позволю себѣ умолчать). Онъ тамъ работалъ года два или три. *Авт.*

въ мѣсяцъ, почти автономно управляться, а газеты не печататься въ воскресные и праздничные дни. Этотъ порядокъ сохранился въ Москвѣ до сихъ поръ. Правда, въ понедѣльникъ выходятъ двѣ-три газетки, но ихъ набираютъ особыя артели наборщиковъ.

5-го октября 1905 г. вышли первые нумера газетъ послѣ упорной забастовки, кончившейся побѣдой рабочихъ надъ предпринимателями. «Русскій Листокъ» г. Казецкаго—въ то время газета архиправая—и «Московскія Вѣдомости» Грингмута съ перерывами выходили и во время забастовки. Казецкій разыскивалъ наборщиковъ среди пропойцъ Хитрова рынка, а въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ» часть рабочихъ не присоединилась къ забастовкѣ. У Казецкаго въ наборной выбили стекла, и послѣ этого редакцію и типографію «Русскаго Листка» охраняли войска. Кстати объ этомъ изданіи. Архи-патріотическій г. Казецкій, невѣроятный юдофобъ, послѣ декабрьскихъ дней внезапно преобразился: газету свою переименовалъ въ «Раннее Утро», въ сотрудники пригласилъ разныхъ журнальныхъ оборышей «прогрессивно-еврейскаго оттѣнка»—началъ такъ же яростно нападать на монархическую бюрократію, какъ раньше нападалъ на жидовъ и пролетаріатъ. Эта неопытная метаморфоза не вызвала чувства негодованія ни въ одномъ «прогрессивномъ» изданіи, и теперь г. Казецкій, этотъ бывший «чечечесъ» (такъ у насъ въ шутку называли крайнихъ правыхъ, производя данное слово отъ фразы—«чернѣе черной сотни»), оборотился въ краснаго юдофила и сторонника... освободительныхъ принциповъ!

Отмѣчая русскія метаморфозы, вызванныя политическими событіями, я, конечно, не ставлю продѣлки журнальныхъ гг. Казецкихъ во что-нибудь крупное. Это мелочь, но политическая буря Россіи нанесла намъ тьму такихъ мелочей. Многіе изъ бывшихъ газетныхъ патріотовъ, ставъ либеральными ненавистниками всего національнаго, въ настоящее время опять выказываютъ тенденцію вернуться въ лоно «чечечесовъ». Возможно, что всѣ эти безграмотные «Раннія Утра», «Вечерá», «Полдни» и т. п. снова превратятся въ «Истинно-Русскіе Листки», «Патріотическія Вѣдомости» и т. д.

Забастовка московскихъ наборщиковъ и слесарей вызвала подражанія. 24-го сентября въ Москвѣ забастовали булочники Филиппова, ихъ арестовали и выслали изъ Москвы. Все это волновало нашъ городъ. На улицахъ стали раздаваться выстрѣлы изъ револьверовъ, а также и изъ солдатскихъ ружей. Участились столкновения казаковъ и жандармовъ съ толпами забастовщиковъ. Разбили нѣсколько булочныхъ, хлѣбопекаренъ, а нѣсколько раньше, до приглашенія съ предпринимателями, и типографій (напримѣръ, Латкова и Евдокимова). На московскихъ бульварахъ и площадяхъ начались шумные митинги. 22-го сентября какой-то Демосеентъ въ мѣховой папахѣ влѣзъ на памятникъ Пушкина на Тверскомъ бульварѣ и сталъ говорить рѣчь, но сорвался, упалъ и разбилъ себѣ

фпзіономію. На бульварныхъ митингахъ раздавались призывы къ забастовкамъ, а также къ ограниченію правъ владѣльцевъ заводовъ и фабрикъ. Забастовка приняла грозный характеръ съ 27-го сентября, когда стали заводы Листа, Бромлея, Гопшера, Тильманса и др. На Долгоруковской улицѣ забастовщики силой заставили прикончить работы на мебельной фабрикѣ Зибрехта и на велосипедной фабрикѣ «Дух» (Меллера) и вступили въ бой съ казаками и городскими. Было много раненыхъ съ обѣихъ сторонъ... Кровь начинала окрашивать московскія мостовыя!

30-го сентября умеръ ректоръ университета князь Трубецкой. Его похороны были торжественны и замѣчательны обиліемъ красныхъ лентъ на вѣнкахъ. Надписи на лентахъ гласили, что скончался «борецъ за идеаль академической свободы», «другъ русской науки» и т. п. Въ рѣчахъ на могилѣ проводились умѣренно-кадетскіе взгляды, что тогда казалось новымъ и смѣлымъ. Но въ недалекомъ будущемъ похороны Баумана показали, какими гигантскими шагами шло впередъ измѣненіе формъ русской жизни. Послѣ похоронъ ректора было арестовано много студентовъ.

Съ 5-го октября стали выходить газеты и скоро оповѣстили Москву о митингѣ адвокатовъ и разгонѣ ихъ при помощи вооруженной силы, но, къ счастью, безъ кровопролитія.

Между тѣмъ забастовка все разрасталась. Уже не работали мастерскія Брестской желѣзной дороги, а съ 7-го октября прекратилось движеніе пассажирскихъ и товарныхъ поѣздовъ на Московско-Казанской и Московско-Ярославской желѣзныхъ дорогахъ. На вокзалы этихъ дорогъ были введены войска, но забастовка попрежнему продолжалась. Служащіе на желѣзныхъ дорогахъ требовали свободы собраній и сходокъ, союзовъ, свободы слова, печати, религіозныхъ взглядовъ, требовали также выборовъ въ государственную думу на основаніи четырехчленной формулы: всеобщаго, прямого, равнаго и тайнаго голосованія. Съ 8-го октября къ забастовавшимъ желѣзнымъ дорогамъ присоединились все остальные, кромѣ Николаевской и Савеловской, вокзалы которыхъ охраняли войска.

Близились выборы въ государственную думу по закону 6-го августа, но пресса, а за нею и публика сильно критиковали этотъ законъ и требовали гораздо большихъ свободъ и льготъ. А забастовка все усиливалась, все разрасталась. Въ Москвѣ бросили свою работу ювелиры, булочники, кондитера, пекаря, желѣзнодорожники и т. д.; забастовка перекинулась, какъ огонь, въ Петербургъ и какимъ-то родомъ попала даже въ Саратовъ. Наконецъ, 10-го октября московскій городской голова князь В. М. Голицынъ получилъ отъ городскихъ служащихъ заявленіе, гдѣ объявлялось о «признаніи фактически существующей корпораціи городскихъ рабочихъ»; въ немъ же была заключена прямая угроза: «если 11-го октября не

будеть рѣшенъ вопросъ объ улучшеніи быта низшихъ служащихъ и рабочихъ городскихъ предприятий, то эти послѣдніе прибѣгнутъ къ единственному дѣйствительному средству добиться своей цѣли— къ забастовкѣ, которая повредитъ не только бѣднякамъ, но и сытой буржуазіи».

Засѣданіе думы состоялось 11-го октября. Гласный С. А. Муромцевъ (впослѣдствіи предсѣдатель первой государственной думы) предложилъ по вопросу о требованіяхъ рабочихъ принять слѣдующую резолюцію:

«Признавая, что современное рабочее движеніе является лишь частью общаго политическаго движенія страны, донести высшему правительству: о необходимости пересмотра учрежденія государственной думы и положенія о выборахъ на конституціонныхъ началахъ; о необходимости созыва народныхъ представителей, избранныхъ на основѣ всеобщаго избирательнаго права, для окончательной выработки основнаго государственнаго закона; о необходимости немедленнаго установленія началъ свободы, обеспечивающихъ каждому безпрепятственное проявленіе его политической личности».

Городская дума приняла муромцевскую резолюцію большинствомъ всѣхъ противъ четырехъ голосовъ (Казначеевъ, Ляпинъ, Карякинъ и товарищъ городского головы И. А. Лебедевъ). Уполномоченный отъ рабочихъ С. С. Красниковъ сказалъ такъ:

— Рабоче ничего не имѣютъ противъ политическихъ требованій, но они полагаютъ, что либеральная буржуазія желаетъ добиться политической свободы ихъ кровью, а послѣ сядетъ имъ на шею!

Эти характерныя фразы были приняты городской думой «къ свѣдѣнію»; гласные признали нужнымъ принять на счетъ города плату за больничныя квитанціи рабочихъ, а гласный Н. Н. Щенкинъ предложилъ благодарить депутата рабочихъ «за совмѣстное разсмотрѣніе вопроса о нуждѣ рабочихъ».

Однакожъ «совмѣстное разсмотрѣніе» не убавило роста и силы забастовки. Заговорили о возможности пріостановки подачи воды изъ Мытищенскаго водопровода, а въ тотъ же день, 11-го октября, около 4 часовъ пополудни стала Николаевская желѣзная дорога. Свыше 4,000 забастовщиковъ окружили вокзалъ, проникли на линію, въ мастерскія, выпустили изъ паровозовъ пары, избили сопротивлявшихся машинистовъ, а одинъ паровозъ на всѣхъ парахъ пустили на вагоны: произошло столкновеніе, 5 вагоновъ и паровозъ были разбиты въ щепки. Узнавъ объ этой катастрофѣ, министръ путей сообщенія приказалъ прекратить всякое движеніе на дорогѣ, и товарное, и пассажирское. Забастовщики между тѣмъ громили депо дороги, опять пустили второй паровозъ, который, пробивъ каменную стѣнку мастерской, упалъ искалѣченнымъ внутри помѣщенія.

Узнавъ объ событіяхъ, я поѣхалъ на Николаевскій вокзалъ и узналъ отъ начальника станціи г. Карпова, что отрядъ солдатъ «растерялся» и допустилъ погромъ депо и мастерскихъ. Напротивъ Николаевского вокзала находится Рязанскій вокзалъ Московско-Казанской желѣзной дороги. Тамъ скопилось нѣсколько сотъ чело- вѣкъ пассажировъ, преимущественно крестьянъ и пассажировъ 3-го класса. Придя на этотъ вокзалъ, я увидѣлъ небывалую карти- ну: залъ 3-го класса представлялъ собою сплошной ночлежный домъ; всюду лежали, сидѣли и стояли люди. На кафтанахъ, полушуб- кахъ, кофтахъ, подложивъ подъ головы мѣшки, спали крестьяне-ра- бочіе, собравшіеся было уѣхать изъ Москвы; масса дѣтей пищала возлѣ бабъ; всюду виднѣлись заморенныя, унылыя лица, со всѣхъ сторонъ слышались вопросы:

— Батюшка, не знаешь, скоро насъ отправятъ? Ужли и завтра не поѣдемъ?

Другіе голосили:

— Ёсть нечего! Денегъ нѣтъ, только, только билетъ выправить хватило...

Полиція смущенно выслушивала эти заявленія и не знала, что говорить въ отвѣтъ. Солдаты стояли, угрюмо опершись на штыки; всюду было подавленное состояніе душъ и умовъ... Въ залѣ 1-го класса, обыкновенно чистомъ и прибранномъ, теперь также было подобіе походнаго лагеря. На диванахъ, на полу и даже на нѣкото- рыхъ столахъ были устроены постели. Пассажиры сидѣли и по- рознь, и группами. Въ одномъ углу какіе-то кавказскаго типа сту- денты играли на балалайкѣ, ихъ слушали, но вяло, безучастно. Интеллигентная публика была еще печальнѣе крестьянъ; на лицахъ гостила скука и вопросъ:

— Когда же кончится это безобразіе?

Московская пресса, мимоходомъ описавъ «затрудненія» пасса- жировъ на вокзалахъ, продолжала пѣть въ униссонъ съ забастовщи- ками. Даже умѣренныя и впоследствии названныя чуть ли не «черносотенными» «Русскія Вѣдомости» вѣщали въ передовой статьѣ, что «свобода собраній должна быть немедленно признана» и даже «провозглашена», иначе катастрофа неизбежна и т. д.

12 октября въ Москвѣ открылся съѣздъ новообразовавшейся конституціонно-демократической партіи («калеты»), причемъ почти каждое засѣданіе заканчивалъ не предсѣлатель, а мѣстный приставъ, подкрѣпленный городовыми и жандармами. Въ городской думѣ служащіе устроили свое засѣданіе, не приняли предсѣдателемъ В. Г. Михайловскаго и избрали отставнаго генерала П. В. Аверья- нова (мелкій служащій въ канцеляріи управы). Собраніе это одоб- рило политическую забаставку, присоединилось къ ней и рѣшило требовать—свободъ, высказанныхъ другими забастовщиками, пе- реработки «никуда не годнаго» (подлинное выраженіе резолюціи)

существующаго городского положенія, реорганізаціи городского общественнаго управленія «на демократическихъ началахъ», амнистіи политическимъ преступникамъ и т. д.

На этомъ собраніи освободили отъ забастовокъ только фельдшеро́въ, фельдшеріцъ и акушеровъ, а высшій техническій персоналъ городскихъ учрежденій, съ своей стороны, примкнувъ ко всеобщей забастовкѣ, освободилъ водопроводъ и канализацію.

Потревоженные забастовкой, терпя огромныя убытки и не ругаясь за цѣлость своихъ фабрикъ, московскіе фабриканты также собирались на совѣщаніе и пробовали «выработать мѣры противъ массовыхъ стачекъ». Они констатировали то, что всѣмъ и безъ нихъ было извѣстно: Москва въ ужасномъ положеніи, газъ и электричество потушены, воды нѣтъ, клозеты заражаютъ дома, мяса скоро не будетъ, такъ какъ ожидается забастовка на бойняхъ; дерзость забастовщиковъ стала такъ велика, что они ворвались въ городскую управу и силой пріостановили занятія... Но это знала вся Москва!

Со стороны людей правыхъ взглядовъ въ эти тяжелыя времена храбро выступилъ редакторъ «Московскихъ Вѣдомостей» В. А. Грингмутъ. До тѣхъ поръ его никто не уважалъ въ Москвѣ, считая этого преемника г. Петровскаго просто чиновникомъ, питающимся казенными объявленіями и пишущимъ то, что ему укажутъ изъ Петербурга. По покойный Грингмутъ доказалъ, что онъ человѣкъ идеи, а не одиѣхъ субсидій. Онъ пошелъ противъ политики графа Витте, тотъ лишилъ его объявленій на 40,000 рублей въ годъ, но это не остановило Грингмута. Онъ сталъ организовывать монархическую партію и изъ ничтожнаго количества своихъ единомышленниковъ умѣлъ своей энергичной пропагандой организовать обширную корпорацію. Казалось, всякій голосъ крайняго монархиста, идущаго даже противъ идеи Государя Императора создать въ Россіи парламентъ, долженъ былъ бы замереть въ одиночествѣ, но Грингмута голосъ былъ услышанъ. Около него сгруппировались очень многіе, и образовалась партія союза русскаго народа. Я не разбираю, какая изъ партій въ то время была нужнѣе, полезнѣе или вреднѣе для страны, но лишь отдаю должное энергіи каждаго замѣтнаго дѣятеля. Грингмутъ не убавилъ къ себѣ ненависти всѣхъ, кто желалъ революціонной свободы или конституціи, но презрѣнія къ нему уже не было. Всѣ увидали, что это борець, что у него нѣтъ маски, нѣтъ хромоты на оба колѣна. Монархисты, въ свою очередь, называли крайнихъ лѣвыхъ гораздо болѣе честными дѣятелями, но презирали октябристовъ и калетовъ за балансированье посрединѣ двухъ воюющихъ армій. Грингмутъ напечаталъ воззваніе, прося всѣхъ русскихъ людей объединиться и, если потребуется, дать вооруженнымъ забастовщикамъ такой же отпоръ. Отсюда начались ожиданія погромовъ, легенды о дружинникахъ «черной сотни» и т. д.

Прокламацію Грингмута называли призывомъ къ междоусобной войнѣ, который «не вяжется съ религіей мира и любви христіанской». Грингмутъ въ отвѣтъ писалъ громовыя передовыя въ своей газетѣ и упрекалъ лѣвыхъ въ желаніи образованія республиканскаго строя, а также обрушивался на Витте, на сочувствующихъ ему министровъ и на весь чиновный Петербургъ, по мнѣнію автора, не понимающій, что въ этотъ моментъ начинается гибель Россіи.

А забастовка все ширилась и крѣпла...

Въ городской думѣ А. И. Гучковъ объявилъ, что забастовка водопровода и лечебницъ—грязныя средства, а въ отвѣтъ на это состоялся митингъ рабочихъ городскихъ учреждений; на немъ постановили: «предложить московской думѣ передать власть комитету рабочихъ и выдать всѣ деньги на организацію національной гвардіи».

Пожаръ умовъ явно разгорался. А пожарныхъ не было! Забастовали служащіе въ губернской и уѣздной земскихъ управахъ, рабочіе въ больницахъ, богадѣльняхъ и т. д. Фабричныя стойко поддерживали свои требованія, а фабриканты, наговорившись на своемъ совѣщаніи, сочинили докладъ генераль-губернатору (имъ тогда былъ П. П. Дурново), гдѣ было сказано, что «военное положеніе въ городѣ нежелательно, что надо предоставить рабочимъ право на свободное обсужденіе своихъ нуждъ, и что лучшею мѣрою успокоенія умовъ явилось бы дарованіе основныхъ свободъ русскому народу, а также—реорганизація положенія о государственной думѣ на конституціонныхъ началахъ».

Какъ видите, предприниматели не пошли дальше собственныхъ рабочихъ. Они оказались безсильны выработать что-нибудь свое и отдались общему настроенію. Таковы ихъ были «мѣры пресѣченія забастовокъ»...

14 октября закрылись бойни, и забастовали средне-учебныя заведенія. Въ городскую думу явился делегатъ рабочихъ Тимофеевъ и потребовалъ отдать въ вѣдѣніе рабочихъ водопроводъ, иначе грозилъ, что городъ будетъ безъ воды.

13, 14 и 15 октября въ московскомъ университетѣ происходили многолюдныя сходки, на которыхъ принимали участіе не только студенты, но и бастующіе рабочіе и масса постороннихъ лицъ обоого пола. Кругомъ университета то и дѣло происходили столкновенія съ полиціей, а въ Охотномъ ряду произошло цѣлое побоище, такъ какъ торговцы хотѣли не бастовать, а торговать. Распространился слухъ, что «черная сотня» и казаки пойдутъ брать университетъ приступомъ. Тогда участники сходокъ забаррикадировали университетскія ворота, организовали стражу, вооружились чѣмъ попало и стали ждать. Всю ночь горѣли костры на университетскихъ дворахъ. Въ зданіе, въ разныя аудиторіи было нанесено множество бревенъ, каменье, брусье, досокъ, предназначенныхъ для обороны.

Студенты искали въ лабораторіяхъ сѣрной кислоты, но таковой нашлось очень немного. Вотъ до какого ожесточенія дошли человѣческія сердца!

Совѣтъ университета, растерявшись не на шутку (ректоромъ въ это время уже былъ здравствующій и понынь А. А. Мануиловъ), отправилъ въ городскую думу профессоровъ Вернадскаго и Каблукова, «поручивъ имъ заявить отцамъ города, что въ случаѣ образованія городской милиціи совѣтъ университета просить взять подъ охрану и университетъ».

Между тѣмъ никакого нападенія на московскій университетъ не было и быть не могло: администрація города въ лицѣ П. П. Дурново сама проявляла крайнюю растерянность, а грингмутовская «черная сотня» даже въ послѣдствіи ни разу не проявила военныхъ талантовъ. Словомъ, это была фальшивая тревога, провокаціонный слухъ. Однако въ думѣ гласные взволновались. С. А. Муромцевъ опять пугалъ всѣхъ Грингмутомъ и его «проповѣдью возстанія темныхъ силъ»; прогрессивные гласные его поддержали и заговорили объ организаціи «комитета общественной безопасности» и о «защитѣ освободительнаго движенія отъ темныхъ силъ и опасностей», а также объ «огражденіи свободы собраній, съ мирными цѣлями происходящихъ». Думская резолюція въ IV пунктѣ гласила о томъ, чтобы «поручить означенному комитету немедленно приступить къ организаціи милиціи, съ привлеченіемъ въ ея ряды московскихъ обывателей».

Вysłушавъ эту еще нерѣшенную резолюцію, зрители (изъ забастовщиковъ) кричали:

— Долой думу! Погодите, гг. гласные, дождетесь вы другой резолюціи!

Это очень смутило московскихъ гласныхъ. Вообще городская дума была домомъ безъ хозяина. Городской голова князь Голицынъ и его товарищъ И. А. Лебедевъ рапортовались больными, засѣданіе растерянно велъ членъ управы Дувакинъ, который только и могъ «констатировать фактъ переутомленія управы» и просилъ избрать особую комиссію для помощи управѣ въ ея работахъ. Такая комиссія была тутъ же избрана, въ нее вошли М. Я. Герценштейнъ, Н. Н. Щепкинъ, Н. М. Кишкинъ, А. И. Гучковъ и М. В. Челноковъ.

Пока комиссія разбиралась въ жгучихъ вопросахъ, московскія ненормальности все шли кресчендо. Освѣщенія на улицахъ и въ театрахъ не было. «Конки» и трамвай бездѣйствовали. Телефонъ, телеграфъ и почта не работали. Въ почтамтѣ скопились горы писемъ, газетъ, журналовъ, посылокъ и всяческихъ почтовыхъ отправленій. Я побывалъ въ экспедиціяхъ, и г. Стеткевичъ водилъ меня всюду. Мы даже шли по грудамъ мѣшковъ съ разной корреспонденціей. Я долженъ былъ получить нѣсколько спѣшныхъ писемъ изъ Петербурга, въ особенности—изъ редакціи «Новаго Времени», но при

видѣ этого океана брошенныхъ всюду писемъ я только руками развелъ.

— Письма не пропадутъ!—говорилъ г. Стеткевичъ (нынѣшній петербургскій почтъ-директоръ), но, увы, многое изъ корреспонденціи ко мнѣ пропало безслѣдно.

Магазины и лавки въ Москвѣ всюду были не только закрыты, но и во всѣхъ окнахъ были вставлены деревянные щиты или металлическіе ставни. Даже тѣ немногіе кушцы, которые ненадолго отворяли двери своихъ торговыхъ помѣщеній, оконъ отъ щитовъ не освобождали. Разумѣется, предметы первой необходимости поднимались въ цѣнѣ, хотя и не на очень большой процентъ. Мясо, на примѣръ, доходило до 25 копеекъ за фунтъ, и тогда всѣ этому ужасались; но съ 1909 года эта цѣна стала нормой... Москва, сказать къстати, прогрессируетъ въ дороговизнѣ квартиръ и предметовъ торговли съ поражающей быстротой!

15 октября, за два дня до объявленія манифеста о свободахъ, возлѣ городской думы, гдѣ «работала» съ управой особая комиссія съ Герценштейномъ во главѣ, собралась толпа. Внезапно явились драгуны, стали топтать людей лошадыми, затѣмъ пустили въ ходъ сабли и быстро очистили площадь. Раненыхъ и помятыхъ унесли въ университетъ, и опять alma mater приняла видъ военного лагеря.

Хотя нападенія на университетъ все-таки не послѣдовало, но въ городѣ стало очень опасно, особенно по ночамъ. Начинались грабежи. Разгромили нѣсколько лавокъ и магазиновъ. Хулиганы, воры и обитатели Хитрова рынка выползли изъ своихъ трущобъ и стали привязываться къ проходящимъ, прямо требуя денегъ «бѣдному пролетариату» (нѣкоторые называли «проливату», а бюрократовъ именовали «бурографами»). Легіоны нищихъ уснастили церковныя наперти и нагло требовали подавня, но уже не «ради Христа», а потому, что они «безработные». Прибавляли безобразія и господа забастовщики, колотя всѣхъ своихъ сотоварищей, которые не присоединились къ забастовкѣ. Среди этихъ бастующихъ и «снимающихъ» другихъ рабочихъ было много студентовъ,—въ Охотномъ ряду они жестоко были избиты гириями и ранены ножами охотнорядцевъ, не желавшихъ прекращать торговлю. За это «Русскія Вѣдомости» приглашали москвичей «бойкотировать» Охотный рядъ, забывая, что не политическія страсти, а прямой шкурный интересъ заставилъ драться торгашей Охотнаго ряда...

Наконецъ зараза проникла въ самые дѣловые уголки Москвы.

Забастовали служащіе въ банкахъ и банкирскихъ конторахъ, служащіе на городскомъ телефонѣ, забастовали лакеи, кучера, кухарки, полотеры etc.

Такъ какъ нападенія на университетъ никто не дѣлалъ, ректоръ А. А. Мануиловъ предложилъ (16 октября) разойтись студентамъ по домамъ. Центральный студенческой комитетъ поставилъ условіемъ

гарантию безопасности, т. е. чтобы расходящихся не подвергали ни теперь, ни послѣ того аресту. Ректоръ просилъ градоначальника удалить войска, это было исполнено, Никитская улица была освобождена, но переулки загорожены отрядами драгунъ. Кстати сказать, въ Москву все-таки успѣли пріѣхать на помощь слабому гарнизону кое-какія войска. Они прибыли на воинскихъ поѣздахъ по Николаевской желѣзной дорогѣ.

Шествіе студентовъ (въ числѣ 1500 человекъ) было торжественное: во главѣ шель генераль Рудневъ (помощникъ московскаго градоначальника) и г. Мануиловъ. Послѣ выхода университетъ былъ запертъ, и возлѣ его воротъ стали военные караулы.

Приближались знаменательные дни, наступившіе съ 18 октября, сейчасъ же послѣ обнаруженія высочайшаго манифеста 17 октября...

Н. Ежовъ.

(Продолженіе въ слѣдующей книжкѣ).

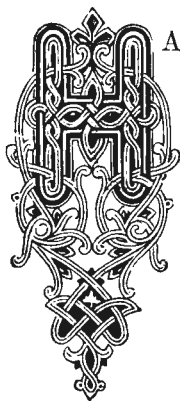

НАРОДНЫЯ СУЕВѢРІЯ О КОМЕТАХЪ.

«Явился знаменіе на небеси: звѣзда хвостата».

Новгородская 1-ая лѣтопись,
годъ 6910.

А ДОЛЮ нашего поколѣнія выпало рѣдкое счастье любоваться на историческую комету Галлея. Немного на свѣтѣ людей, которые уже видѣли на своемъ вѣку эту рѣдкую гостью нашего неба. Цѣлыхъ 75 лѣтъ блуждала она гдѣ-то въ невѣдомыхъ мірахъ и теперь вновь является передъ нами во всемъ блескѣ своей оригинальной красоты, какою-то таинственной небесной вѣстницей. Мало того, она какъ бы выслала передъ собою—да простятъ намъ астрономы эту дерзкую вольность выраженія!—двухъ младшихъ своихъ спутницъ. Когда астрономы только еще ждали Галлееву комету, на небо-склонѣ пронеслась совсѣмъ невѣдомая міру новая комета—«первая комета 1910 года», какъ ее окрестили ученые; а когда комету Галлея видно было только въ лучшіе телескопы,—пронеслась другая небесная странница. Такъ что нынѣшній годъ можно будетъ безъ преувеличенія назвать «годомъ кометъ».

«Кометъ во вселенной столько же, сколько рыбъ въ океанѣ», сказалъ знаменитый астрономъ Кеплеръ. Но изъ этого необъятнаго количества Галлеева комета—единственная въ своемъ родѣ. Черезъ каждыя 75 лѣтъ регулярно пронесится она надъ землею и нынѣ пролетитъ надъ христіанскимъ міромъ (считая отъ Рождества Христова) двадцать пятый разъ, какъ бы празднуя свою серебряную свадьбу. Путь Галлеевой кометы былъ впервые разгаданъ человѣческимъ геніемъ, такъ что съ именемъ этой «хвостатой звѣзды» связана одна

изъ славнѣйшихъ страницъ въ исторіи человѣческаго знанія. Но насколько ярко освѣщаетъ Галлева комета побѣду гордаго человѣческаго знанія, настолько же мрачную тѣнь бросаетъ она на человѣческое невѣжество и суевѣріе.

Комета Галлея памятна всему человѣчеству по тѣмъ ужасамъ, которые связывало съ ея видомъ суевѣрное людское воображеніе. Нѣтъ въ человѣческой жизни такихъ бѣдствій, которыхъ бы не приписывали этому невиннѣйшему изъ небесныхъ свѣтилъ. И теперь, когда комету Галлея видятъ только немногіе записные астрономы, въ народѣ уже ходятъ по поводу ея самыя разнорѣчивыя слухи и гаданія. Говорятъ о предстоящей войнѣ, о неурожаѣ, о концѣ міра. По сообщенію газетъ, нашлись и ловкіе проходимцы, воспользовавшіеся кометою въ цѣляхъ эксплуатаціи народной темноты. «Въ Лубнахъ появились какія-то темныя личности, которыя съ подписными листами шныряютъ по домамъ обывателей и собираютъ деньги на молебень, имѣющій яко бы состояться въ мѣстномъ монастырѣ, «объ избавленіи земли русской отъ падающихъ кометъ». Характерно, что въ числѣ первыхъ подписавшихся жертвователей значатся лица, пользующіяся въ городѣ уваженіемъ» («Новое Время» 1910 г., февраля 7).

Предоставивъ астрономамъ вычислять путь и орбиту кометы, длину и составъ ея хвоста и т. п., мы остановимся только на этихъ народныхъ предразсудкахъ, связанныхъ съ необычайными небесными страницами, на исторіи и на значеніи этихъ суевѣрій. Если, по пословицѣ, «гласъ народа—гласъ Божій»; если даже въ самыхъ нелѣпыхъ народныхъ суевѣріяхъ кроется подчасъ зерно истины (такъ, напримѣръ, въ «урокахъ» или «дурномъ глазѣ» русскаго простонародья нельзя не видѣть предчувствія не такъ давно открытаго наукою гипнотизма),—то и въ данномъ случаѣ: суевѣрный ужасъ всего человѣчества передъ «хвостатыми звѣздами» не заключаетъ ли въ себѣ чего-нибудь похожего на правду?

Было время, когда человѣкъ, погружаясь въ мракъ ночи, каждый разъ сомнѣвался и страшился—возвратится ли вновь на горизонтъ благодѣтельное небесное свѣтило, или же онъ останется въ вѣчномъ мракѣ. Но періодъ такихъ сомнѣній прошелъ весьма скоро. Строгая закономерность и періодичность въ движеніи солнца и луны была слишкомъ ясною и несомнѣнною даже для первобытнаго человѣка. Одинъ изъ семи древнегреческихъ мудрецовъ, Фалесъ Милетскій, уже предсказалъ солнечное затменіе: настолько глубоко къ тому времени человѣческой гений успѣлъ проникнуть въ природу и движенія таинственныхъ небесныхъ свѣтилъ.

Позже всѣхъ было разгадано движеніе кометъ. Только двѣсти съ небольшимъ лѣтъ тому назадъ, со времени великаго открытія

знаменитаго Галлея (1681 г.), кометы утратили для пытливаго человѣческаго ума ту таинственность, которою онѣ были до той поры покрыты. Таинственность этихъ «небесныхъ странницъ», неожиданность ихъ появленія и исчезновенія, ихъ странный видъ и мѣняющаяся фигура хвоста, въ которомъ человѣческое воображеніе нерѣдко усматривало самые причудливыя и фантастическія образы,— вотъ обстоятельства, способствовавшія появленію и распространенію всевозможныхъ суевѣрій, связанныхъ съ «хвостатыми звѣздами».

Но замѣчательно, что чѣмъ дальше мы углубляемся въ древнюю исторію человѣчества, тѣмъ извѣстій о народныхъ суевѣрїяхъ относительно кометъ встрѣчаемъ все меньше и меньше, хотя свидѣтельства о появленіи и движеніи самыхъ кометъ на небѣ имѣются и для того времени въ достаточномъ количествѣ. Средніе вѣка, въ частности XVI и XVII столѣтія—вотъ время самаго пышнаго расцвѣта связанныхъ съ кометами всевозможныхъ суевѣрій.

До послѣдняго времени думали, что первое историческое свидѣтельство по интересующему насъ вопросу принадлежитъ Плинію ¹⁾. По словамъ этого писателя древности, кометы суть ужасныя звѣзды, предвѣщающія кровопролитную войну. По формѣ и цвѣту кометъ этотъ римскій натуралистъ старается разгадать ходъ будущей войны, предназначеніемъ коей данная комета служить. Онъ различаетъ кометы съ бородой, кометы въ видѣ меча, диска, бочки, факела и т. п.

Но недавно молодому русскому астроному Д. О. Святскому удалось доказать, что ветхозавѣтные еврейскіе пророки нерѣдко пользовались кометами, какъ образами и предзнаменованіями грозныхъ событій будущаго. Въ извѣстномъ пророчествѣ Валаама звѣзда съ «жезломъ» (т. е. съ хвостомъ) «разить князей Моава и сокрушаетъ сыновъ Сиеовыхъ» (Числь XXIV, 17). Пророкъ Іеремія говоритъ о видѣніи имъ въ 619 году до Рождества Христова кометы Галлея (древнѣйшее извѣстіе объ этой кометѣ), которую онъ поэтически изображаетъ въ видѣ «кипящаго котла, поддуваемаго вѣтромъ», и опять-таки въ видѣ «жезла миндальнаго дерева». «И лицо его (котла, т. е. ядра или головы кометы),—подчеркиваетъ пророкъ,—со стороны сѣвера». А это знаменуетъ вотъ что: «и сказалъ мнѣ Господь: отъ сѣвера откроется бѣдствіе на всѣхъ обитателей сей земли» (Іерем. I, 13). И хотя тотъ же самый пророкъ предостерегаетъ вѣрующіихъ: «не страшитесь знаменій небесныхъ, которыхъ язычники страшатся» (Іереміи X, 2), но средневѣковое духовенство, угрожая съ церковной кафедры грѣшникамъ небесными кометами, приводило въ доказательство именно эти грозныя слова пророка Іереміи.

Лѣтописцы всѣхъ временъ и народовъ заносили извѣстія о появленіи и фигурѣ кометъ въ свои хроники. При этомъ они весьма

¹⁾ К. Покровскій, Кометы въ русскихъ лѣтописяхъ 1903 г., стр. 237.

часто дѣлають замѣчанія о таинственномъ значеніи этихъ «небесныхъ знаменій», повторяя большею частью мудрствованія Плинія. Бѣдныя кометы обвинялись при этомъ во всѣхъ несчастіяхъ человѣческаго рода. Чего только имъ ни приписывали! Въ нихъ видѣли предзнаменованіе кровопролитныхъ войнъ, междоусобныхъ раздоровъ и мятежей, голода, чумы и другихъ эпидемій, землетрясенія, кончины царей и даже... свѣтопреставленія. Изъ греческихъ хроникъ эти мудрствованія вошли въ русскія лѣтописи.

Извѣстный греческій хронистъ, источникъ древнѣйшихъ русскихъ лѣтописей, Георгій Амартоль пишетъ: «Звѣзда явися велія отъ запада, копійника (ξίφίου) его нарицаху; отъ сихъ зліи; та звѣзда познаменуеть крови пролитіе» (переводъ въ рукописи XV в.). И русскіе лѣтописцы, вообще бывшіе, какъ это доказано профессоромъ К. Покровскимъ, прекрасными наблюдателями кометъ, повторяютъ одинъ за другимъ эти мудрствованія. Подъ 1064 годомъ мы находимъ въ одной изъ русскихъ лѣтописей даже цѣлое изслѣдованіе по вопросу о знаменованіяхъ «хвостатыхъ звѣздъ», заимствованное также изъ греческихъ источниковъ. «Въ си же времена бысть знаменіе на западѣ, звѣзда превелика, лучи имуща акы кровавы, восходяща съ вечера по заходѣ солнечнѣмъ, и пребысть за 7 дній. Се же проявляшеся не на добро: по семъ бо быша усобицѣ много и нашествіе поганыхъ на Русьскую землю. Си бо звѣзда бѣ акы кровава, проявляющи крови пролитіе». И дальше лѣтописецъ приводитъ цѣлый рядъ историческихъ примѣровъ, когда различнымъ бѣдствіямъ предшествовало явленіе кометъ. «При Неронѣ цари въ Іерусалимѣ,—пишетъ онъ—возсія звѣзда, на образъ копійный, надъ градомъ; се же проявляше нахожденіе рати отъ римлянъ». (Тутъ разумѣется комета Галлея въ ея періодическомъ появленіи въ 66 году). «И паки сице же бысть при Устиньянѣ цари, звѣзда возсія на западѣ, испущающи луча, и бысть блистающа дній 20... Се же проявляше крамолы, недужи, чловѣкомъ умертвіе бяше». Дальше лѣтописецъ указываетъ на подобныя же предзнаменованія въ видѣ дождей падающихъ звѣздъ, рожденія необыкновенныхъ уродовъ и т. п., и заключаетъ: «Знаменія на небеси—звѣздахъ... на зло бывають, ли (или) проявленіе рати, ли граду, ли смерть проявляють».

Комету 1223 года русскіе лѣтописцы связывали съ несчастною битвою на Калкѣ, комету 1264 г.—съ сильнымъ моромъ скота, комету 1382 г.—съ нашествіемъ на Русь Тохтамышя. Послѣ кометы 1471—1472 гг. «много зла быша на землѣ, гладь, морь и брани», замѣчаетъ лѣтописецъ. Однако и лѣтописцы признавали, что не всегда комета предвѣщаетъ бѣдствія. Въ 1265 г. явилась на небѣ «звѣзда власатая»; «отъ видѣнія же сея звѣзды страхъ объя вся чловѣкы и ужасъ. Хитрецы же смотрѣвше тако рекоша: «оже мятежъ великъ будетъ на земли»; но Богъ спасе своею волею, и не бысть ничгоже». (Ипатіевская лѣтоп.).

Въ сентябрѣ 1618 г., когда польскій королевичъ Владиславъ расположился подъ Москвой, на небѣ явилась комета. Глава ея, по словамъ лѣтописи, стояла надъ самымъ городомъ Москвой, а хвостъ ея протянулся къ польской и нѣмецкой землямъ. Царь и окружающіе его видѣли въ этомъ предзнаменованіе того, что Москва будетъ взята королевичемъ. Но другіе возражали имъ: «сія звѣзда когда явится надъ которымъ государствомъ главою стоящая, являетъ тамо вся благая, тишину и благоденствіе, а идѣже протянется хвостъ, въ тѣхъ странахъ являетъ быти нестроенію, кровопролитію, междоусобной брани и великимъ войнамъ. И исполнися—добавляетъ «Новый Лѣтописецъ»—такъ напоследѣди».

Зимой 1584 г. явилась «комета» надъ Москвой, которую современные астрономы склонны считать метеоромъ. По свидѣтельству бывшаго въ это время въ Москвѣ англійскаго посла Горсея, Іоаннъ Грозный вышелъ на Красное крыльцо, долго смотрѣлъ на комету, измѣнился въ лицѣ и потомъ сказалъ окружающимъ: «вотъ знаменіе моей смерти». Тревожимый этою мыслью, царь повелѣлъ созвать астрологовъ, которыхъ и созвано было до 60 человекъ. Между тѣмъ Іоаннъ опасно заболѣлъ: внутренность его начала гнить, а тѣло—пухнуть. Астрологи предсказали ему неминуемую смерть 18-го марта, а когда царю, послѣ теплой ванны 17-го марта, сдѣлалось лучше и онъ приказалъ было уже казнить лжепророковъ, то они отвѣчали, что день еще не миновалъ.

Весьма интересный эпизодъ сообщаютъ также изъ жизни знаменитаго патріарха Никона. Когда, зимою 1664 г., Никона отправили въ Воскресенскій монастырь въ заточеніе, надъ Москвой сіяла комета. Бывшій патріархъ, садясь въ сани, ядовито «отрясалъ прахъ отъ ногъ своихъ». Сопровождавшій его стрѣлецкій полковникъ на это замѣтилъ: «мы этотъ прахъ подметемъ». Находчивый іерархъ, указывая на горѣвшую въ небѣ «метлу» (подъ этимъ именемъ въ русскомъ народѣ и теперь извѣстны кометы), грозно отвѣчалъ: «Да размететъ Господь Богъ васъ иною божественною метлою, иже является на дни многи!»

Позволю себѣ закончить эти свидѣтельства изъ старыхъ русскихъ лѣтописей выдержкою изъ новѣйшей хроники одного сельскаго священника Пермской губерніи, наблюдавшаго комету 1858 года. Комета была видна осенью; хвостъ ея, сначала маленькій, постепенно увеличился до громаднхъ размѣровъ. «Сводъ небесный сталъ тихъ и прозраченъ; звѣзды заблистали на небѣ, и луна показала во всемъ величїи своемъ. Тогда-то комета, какъ невѣста прекрасная, явилась во всемъ блескѣ красы своей. Величаво и гордо, съ распущеннымъ хвостомъ, шла она съ Юга на Западъ, и къ первому часу ночи скрылась отъ глазъ нашихъ...» «Въ селахъ называли комету просто «звѣзда съ хвостомъ». Раскольники назвали ее звѣздою «комъ» и по ней утверждали, что скоро наступитъ второе пришествіе.

Православные, хотя и подшучивали надъ мудрствованіями старообрядцевъ, но не прочь были отъ разныхъ предположеній. Одни говорили, что будетъ у Россіи война съ какимъ-либо царствомъ; въ доказательство сего указывали на звѣзду съ хвостомъ, бывшую будто бы въ 1812 году. Другіе утверждали, что слѣдующій годъ будетъ тяжелъ для людей. Третьи, не опредѣляя ни того, ни другого, увѣряли, что впереди случится что-то особенное». Дальнѣйшая лѣтопись священника посвящена доказательствамъ того, что слѣдующій послѣ кометы годъ былъ дѣйствительно «тяжелымъ» для крестьянъ: плохой урожай, эпидемія на скотъ и на людей («Пермскія Губернскія Вѣдомости» 1860 г., №№ 367—368).

Переходя теперь на Западъ, мы сталкиваемся тамъ еще съ болѣе большимъ расцвѣтомъ суевѣрій и предрасудковъ по поводу кометъ. Здѣсь человѣческому невѣжеству и суевѣрному воображенію приходили на помощь схоластическая наука и католическая церковь.

Схоластики не по разуму ревностно занимались изслѣдованіемъ таинственнаго значенія кометъ. Когда одинъ изъ нихъ, астрономъ Бонфікій въ XV вѣкѣ, не могъ найти никакого важнаго событія, которое можно было бы связать съ появленіемъ Галлеевой кометы въ 1456 году, то онъ успокоился, лишь доискавшись, что въ Римѣ въ этомъ году явился на свѣтъ двуголовый теленокъ, а въ Анконѣ родился младенецъ съ шестью зубами. Все-таки комета показала се даромъ: она предвѣщала два этихъ великихъ событія!

Видимую днемъ (что бываетъ рѣдко) комету 43 года до Р. Х. схоластики признали предвѣстницею смерти Юлія Цезаря, точно такъ же какъ комету 1223 года—предвѣстницею кончины французскаго короля Филиппа-Августа.

Когда въ 1531-мъ и слѣдующихъ годахъ по три лѣта сряду сіяли на небѣ кометы, то это, по толкованью средневѣковыхъ ученыхъ, дьяволъ высиживалъ новыхъ еретиковъ—анабаптистовъ.

Нашей нынѣшней гостѣ, кометѣ Галлея, въ разныхъ ея періодическихъ появленіяхъ около солнца приписывали цѣлый рядъ великихъ историческихъ бѣдствій: взятіе Иерусалима Титомъ и гибель Помпеи (комета 66 г.), нашествіе гунновъ на Италію (375 г.), неистовства «бича Божьяго гнѣва» Атиллы (451), нашествіе Норманновъ на Англію (1066), землетрясеніе въ Лиссабонѣ (1531) и т. д.

Комета 1456 г. объявлена была современниками предвозвѣстницею полной гибели на землѣ христіанства: всѣхъ христіанъ должны были поработить невѣрные турки. Длинный хвостъ этой кометы казался тогда суевѣрному воображенію турецкимъ ятаганомъ. Тогда, чтобы умилостивить предрекаемый кометою гнѣвъ Божій, папа Калликстъ III повелѣлъ всѣмъ чадамъ церкви совершать ежедневно молитвы о спасеніи вѣры Христовой; а чтобы вѣрующіе не

забывали объ этомъ; повелѣно было напоминать о томъ ежедневнымъ звономъ въ церквахъ въ самый полдень. Этотъ полуденный звонъ (angelus) до сихъ поръ раздается во всѣхъ католическихъ костелахъ, служа какъ бы живымъ памятникомъ средневѣковаго невѣжества. Замѣчательно, что не меньше христіанъ страшились Галлеевой кометы 1456 года и турки, которымъ кометный хвостъ представлялся христіанскимъ крестомъ.

Надъ кометою 1531 года римскій папа Климентъ VII произнесъ церковное заклинаніе: именемъ Всемогущаго Бога, распятаго на крестѣ, онъ повелѣвалъ небесной гостьѣ отклонить всякое вредное вліяніе отъ христіанъ и обратить всѣ бѣдствія на невѣрныхъ турокъ.

Суевѣрная боязнь передъ бродячими свѣтилами съ хвостомъ была въ средніе вѣка такъ широко распространена, что ея не чуждъ былъ и величайшій астрономъ своего вѣка Кеплеръ. А основатель протестантизма Лютеръ убѣжденно говорилъ: «только невѣжды и глупцы не вѣрятъ, что кометы суть выраженія Божественнаго гнѣва». И то же самое повторилъ вслѣдъ за нимъ другой вождь религіознаго движенія на Западѣ—Меланхтонъ.

Мы отмѣтили всѣ важнѣйшіе и выдающіеся факты въ исторіи человѣческихъ суевѣрій и предрасудковъ, связанныхъ съ небесными кометами. Изъ этой исторіи съ несомнѣнностью явствуетъ одинъ важный выводъ: всѣ эти суевѣрія и предрасудки были измышленіями книжниковъ, людей ученыхъ, а не были отнюдь «гласомъ народа». Нечего говорить о Плиніи и западныхъ схоластикахъ; и ветхозавѣтные пророки были учеными поэтами и публицистами, а отнюдь не выразителями народныхъ воззрѣній, съ которыми они, напротивъ, всѣми силами боролись. Русскіе лѣтописцы, часто не «мудрствующіе лукаво», по вопросу о кометахъ находились сначала подъ сильнѣйшимъ вліяніемъ греческихъ хронографовъ, а потомъ уже у нихъ выработалась на этотъ счетъ и своя манера, мало чѣмъ уступавшая схоластической.

Изъ лѣтописей и хронографовъ, черезъ посредство книжниковъ и грамотеевъ, суевѣрный взглядъ на невинныя небесныя кометы распространился и въ русскомъ народѣ. Мы уже знаемъ, что говорили о кометѣ 1858 года пермскіе мужички. Бѣлоруссы видятъ въ появленіи на небѣ кометы предзнаменованіе эпидеміи («Этнографическое Обзорѣніе» 1892, № 2, стр. 33). У малороссовъ существуетъ примѣта: «тільки явиться на небі метла, то буде война» (Чубинскій, Труды экспедиціи въ Западно-Русскій край, III, 451). Въ центральныхъ великорусскихъ губерніяхъ комету считаютъ предвѣстницею бѣдствій: града, пожара, засухи, войны, и «наказаніемъ отъ Бога». Иные мудрствуютъ такъ: если хвостъ кометы обращенъ кверху, то будетъ война; если внизъ—моръ. Третьи утверждаютъ, что ко-

меты предвѣщаютъ вообще «важныя событія» и въ доказательство указываютъ, будто бы передъ уничтоженіемъ крѣпостного права комета лежала на небѣ въ продолженіе шести недѣль («Этнографическое Обзорѣніе», 1896, № 3, стр. 196).

Что это все взгляды, навѣянныя книжными теоріями,—въ томъ нѣтъ никакого сомнѣнія. Особенно замѣчательно, что въ народѣ распространено еще и другое воззрѣніе на кометы, исключющее приведенныя нами выше мудрствованія грамотеевъ и гораздо болѣе соответствующее общему тону народнаго міросозерцанія. «Божья планета не можетъ предвѣщать худа» (тамъ же). Въ частности же: «мѣтлы (т. е. кометы) небо подметають передъ Божьими стопами» (В. И. Даль, «Пословицы русскаго народа», II, 276). Здѣсь сказался чисто народный мистически-благочестивый взглядъ русскаго человѣка, который въ звѣздахъ видитъ глаза небесныхъ ангеловъ Божьихъ, въ громѣ и молніи—колесницу св. пророка Іліи, а въ млечномъ пути—путь пророка Моисея на небо.

Точно также въ народныхъ примѣтахъ метеорологическаго характера кометы совсѣмъ не представляются грозными призраками, провозвѣстниками Божественнаго гнѣва, а, напротивъ, самыми невинными свѣточами. Появленіе кометы, гласятъ народныя примѣты, предвѣщаетъ жаркое лѣто и холодную зиму, а также—хорошій урожай винограда. Хотя ученые отвергаютъ правильность этихъ примѣтъ, но для насъ важно не то: важно убѣдиться, что связанныя съ кометами мрачныя суевѣрія и предрасудки отнюдь не идутъ изъ тайниковъ неразгаданной еще до сихъ поръ народной души, во многомъ опередившей нашу науку,—а суть праздыя измышленія досужихъ книжниковъ, только потому распространенныя въ народной массѣ.

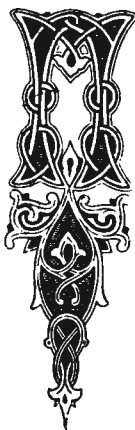
Дш. Зеленинъ.

ПЕРВЫЙ КРУЖОКЪ ПИСАТЕЛЕЙ „ИЗЪ НАРОДА“.

(Къ 30-лѣтію со дня смерти И. З. Сурикова 24 апрѣля 1880 года).

ВОЯВЛЕНІЕ знаменитостей изъ крестьянской и мѣщанской среды замѣчалось у насъ всегда. Не было столѣтія, эпохи, когда талантливые представители изъ сословія «подлыхъ» не фигурировали бы на разныхъ поприщахъ общественной и культурной жизни. И недаромъ еще въ половинѣ XVI вѣка князь Андрей Курбскій обратилъ вниманіе на то, что въ его время царскіе дѣяки набирались «не отъ шляхетскаго рода, ни отъ благородна, но паче отъ поповичевъ или отъ простаго всенародства»... Слова эти знаменательны—и исторію крестьянскихъ знаменитостей, оказывается, можно начинать съ очень ранняго времени.

На первомъ мѣстѣ среди этихъ дѣятелей стоятъ, конечно, писатели, воспитанные русской деревней. Они знали ея запросы и нужды. Въ своихъ твореніяхъ высказывали думы и чувства выдвинушаго ихъ народа. Въ XIX вѣкѣ появляется уже цѣлый рядъ выдающихся «самородковъ», и число ихъ замѣтно увеличивается въ шестидесятыхъ годахъ, въ то самое время, къ которому относится пророчество Некрасова:

Покажетъ Русь, что есть въ ней люди,
Что есть грядущее у ней.
. Въ ея груди
Вѣжитъ потокъ живой и чистой
Еще нѣмыхъ холодныхъ силъ.
Такъ подъ корою Сибири льдистой
Золотоносныхъ много жилъ...

И вотъ, сейчасъ же послѣ освобожденія крестьянъ эти нѣмыя силы народа заговорили. Онѣ привлекли къ себѣ интересы литературы и общества. А въ концѣ шестидесятыхъ годовъ въ Москвѣ собирается первый у насъ кружокъ писателей «изъ народа», писателей-крестьянъ. Раньше освобожденія подобное явленіе, какъ извѣстнаго рода организація, было бы даже немислимо.

Для исторіи этого кружка мы располагаемъ нигдѣ пока не напечатанными матеріалами, перепиской участниковъ кружка, недавно поступившей въ «Музей русскихъ самоучекъ» при академіи наукъ.

I.

Душой и центромъ перваго кружка писателей «изъ народа» былъ пѣвецъ русской тоски и горя, поэтъ-горемыка Иванъ Захаровичъ Суриковъ. Чуткій и отзывчивый, мягкій и любвеобильный, онъ сумѣлъ объединить вокругъ себя разрозненныя силы цѣлой группы писателей «изъ народа». Результатомъ этого объединенія явилось нѣсколько предпріятій, не всегда осуществимыхъ по разнымъ причинамъ, и первый товарищескій сборникъ, носившій глубокое и многообѣщающее названіе—«Разсвѣтъ». Оно говорило о новой зарѣ, послѣ которой долженъ настать свѣтлый день. Оно наводило на размышленія и еще разъ заставляло русское общество ожидать отъ пробужденнаго народа открытія въ его средѣ «золотоносныхъ жилъ»...

Объединеніе это имѣло глубокой смыслъ, оказывалось своевременнымъ, необходимымъ, и, намъ кажется, правъ былъ тотъ критикъ, который утверждалъ, что «все народныя поэты представляютъ какъ бы самостоятельную группу въ русской литературѣ, и произведенія ихъ отличаются тоже нѣкоторою особенностью отъ произведеній другихъ писателей какъ съ внѣшней стороны стиха, такъ и по своимъ настроеніямъ. Робкая русская душа, запуганная складомъ крѣпостной жизни и суровой природы, и тихое, грустное чувство, стѣсненное неурядицею жизни, бѣдностью, невѣжествомъ,—говорять въ ихъ пѣсняхъ за себя и звучать неподдѣльно и непосредственно. А пристальнѣе присмотрѣвшись къ тѣмъ ихъ произведеніямъ, гдѣ они пытаются изобразить черты изъ жизни народа,—мы находимъ описаніе то жизни деревни въ крѣпостное время, то жизни русскаго крестьянина послѣ освобожденія, то жизни фабричнаго и мастерового въ сутолокѣ городской жизни»¹⁾. Къ этому прибавимъ еще, что искренность, непосредственность—самыя характерныя, самыя отличительныя черты поэтовъ изъ народа, и лучшіе ихъ представители имѣли полное право заявлять, что

¹⁾ В. Брусь. Поэты-крестьяне. Спб. 1899, стр. 6.

Жизнь даетъ для пѣсни
 Образы и звуки:
 Дастъ ли она радость,
 Дастъ ли скорбь и муки,
 Дастъ ли день роскошный,
 Тьму ли безъ разсвѣта,—
 То и отразится
 Въ пѣснѣ у поэта.

Эти слова принадлежать Сурикову, и чѣмъ-то фатальнымъ представляется упоминаніе о какой-то тьмѣ «безъ разсвѣта». Такимъ «разсвѣтомъ» ему казался, быть можетъ, тотъ небольшой сборникъ съ произведеніями товарищей по перу, который на время объединилъ ихъ, обѣщая дать со временемъ и «день роскошный», на самомъ дѣлѣ оставшійся лишь въ мечтахъ...

Впрочемъ, иначе оно и не могло быть. Сурово началось дѣтство Сурикова, юность прошла еще печальнѣе, а зрѣлый возрастъ оказался началомъ той грустной развязки, которая замыкаетъ сплошной рядъ ненастныхъ дней въ недолгой жизни поэта. Одинъ изъ біографовъ Сурикова припоминаетъ, что еще «восьмилѣтнимъ ребенкомъ онъ покидаетъ свою деревню, и городъ лицомъ къ лицу стоитъ передъ нимъ, говоря своимъ шумомъ и душными улицами о новой, непонятной еще жизни. И эта жизнь сложилась для него такъ, что спустя много лѣтъ, оглядываясь на свое прошлое, поэтъ могъ только съ щемящей грустью сознаться, что, благодаря ей условіямъ, —

Все убито во мнѣ суетой и нуждой,
 Все закидано грязью столицъ;
 Въ книгѣ жизни моей нѣтъ теперь ни одной
 Освѣжающей душу страницы!

«За прилавкомъ овощной лавки, среди атмосферы мелкаго торгашества, купли и продажи, среди коммерческихъ счетовъ и соображеній занимается заря юности Ивана Захаровича. Но то былъ внѣшній міръ жизни, знакомый всѣмъ, проходившій на глазахъ у всѣхъ. А за этимъ міромъ, въ тѣсной каморкѣ среди краткаго отдыха, развѣтывался и вставалъ новый, невѣдомый никому, кромѣ самого юноши, міръ мечтаній и грезъ, чтенія урывками книгъ и украдкой, словно стыдясь постороннихъ глазъ, увлеченія творчествомъ. Тогда-то въ первый разъ «въ сердцѣ всколыхнулись молодая греза», и почувствовался первый разладъ съ обычной обстановкой, съ окружающими близкими по крови, но далекими по духу людьми. Обычная исторія—къ писанію стиховъ отецъ отнесся очень неблагоклонно, къ чтенію такъ же: все это отнимало юношу отъ прямого дѣла, которое только одно и составляло настоящее занятіе, по мнѣнію старика. Впрочемъ, почти такой же отзывъ пришлось выслушать юношѣ и отъ человѣка другого стана, на судъ котораго робѣющей отъ смущенія юноша Суриковъ принесъ тетрадку своихъ

первыхъ стиховъ. Но этотъ приговоръ только далъ возможность Сурикову строже отнестись къ своимъ первымъ опытамъ. Отрывая рѣдкіе часы досуга, работая по ночамъ, онъ не отступилъ отъ своего призванія. Иная, лучшая жизнь, одухотворенное и сознательное существованіе манили его,—и грудью, шагъ за шагомъ онъ отвоевываетъ себѣ и право на эту жизнь, и возможность ея существованія»¹⁾).

II.

Но Суриковъ отвоевывалъ это право не для одного себя: собственные интересы никогда не стояли у него на первомъ планѣ. Правда, его очень радовали личные успѣхи. Каждой благопріятной рецензіей онъ дѣлился со своими друзьями по перу. Особенно пріятенъ показался ему, въ сущности незначительный, случай, когда какой-то неизвѣстный поэтъ написалъ стихотвореніе въ подражаніе Суриковской пѣснѣ «Въ дорогѣ». Оно было прислано Кичееву и начиналось словами:

Какъ соловушко, изъ клѣтки
Выпорхнувъ на волю,
Ты, покинувъ душный городъ,
Идешь по раздолью...

«Очень радъ,—заявляетъ Суриковъ:—что мои стихи кое-кого трогаютъ и заставляютъ умственно работать. Это признакъ, стало-бытъ, нѣкоторой моей полезности».

Такими отрывками полны всѣ воспоминанія его друзей, присланные намъ въ рукописяхъ для задуманнаго обширнаго труда о русскихъ «самородкахъ». Они любили Захарыча, интересовались его мнѣніемъ. Зато и самъ Суриковъ не меньше дорожилъ друзьями, называлъ ихъ «братьями по духу». Свою трогательную любовь къ нимъ объяснялъ той простой причиной, что

Вѣдь не поле насъ насѣяно;
Нѣтъ, не много насъ, братъ, видано,—
И всего-то горстка малая
По святой Руси раскидана!

А въ припискѣ къ одному изъ писемъ онъ проситъ поэта-крестьянина И.Г. Воронина вернуть переписку С. Я. Дерунова: онъ дорожитъ письмами друзей, какъ святыней, и вѣритъ, что «нѣтъ на свѣтѣ ничего выше чувства дружбы. Любовь, слава—почти все проходитъ; но дружба остается!» Она будетъ жива и послѣ смерти друга въ видѣ доброй памяти: «вокругъ могильнаго креста дружба обовѣется тонкимъ плющомъ».

¹⁾ «Живописное Обозрѣніе», 1900, № 19.

Сурикова интересовали жизненные дѣла и литературные успѣхи друзей.

Предъ нами, напимѣрь, его письмо къ Дерунову, первому гласному изъ крестьянъ въ Пошехонскомъ уѣздѣ послѣ учрежденія земства. «Душевно радуюсь успѣху твоего доклада о школахъ, который земское собраніе утвердило,—пишетъ Суриковъ.—За такое благое дѣло, какъ училища для развитія бѣдныхъ крестьянскихъ

Иванъ Захаровичъ Суриковъ.

дѣтей, я готовъ привѣтствовать тебя». Когда тотъ же Деруновъ задумалъ издать сборникъ своихъ стиховъ, Суриковъ совѣтовалъ:

«Если издавать, то, по-моему, не болѣе 600 экземпляровъ: на быстрый расходъ разсчитывать нельзя. Нынче поэзія, или, проще сказать, стихи, не въ модѣ; на нихъ очень мало обращаютъ вниманія. Нынче вѣкъ—вѣкъ полнѣйшаго матеріализма, и читаются только тѣ вещи, въ которыхъ болѣе или менѣе развивается взглядъ матеріаль-

ныхъ выгодъ челоѳчества... Подумай, сообрази и напиши мнѣ, что ты думаешь и какъ соображаешь по поводу этого дѣла».

Другіе писатели посылали ему свои стихи для отзыва, сообщали литературныя новости, спрашивали совѣта, просили составить смѣту на изданія, жаловались на горести, — и всегда Суриковъ находилъ что-нибудь такое, что могло оказаться имъ полезнымъ. Онъ высылалъ имъ книги, фотографіи, выписывалъ журналы, получалъ гонорары, хлопоталъ въ цензурѣ и т. д. Въ 1872 году Суриковъ и его ближайшіе друзья, Григорьевъ, Козыревъ и Родіоновъ, зерно кружка, выписывали въ складчину четыре журнала — «Вѣстникъ Европы», «Отечественныя Записки», «Дѣло», «Всемирный Трудъ». Сообщая объ этомъ Воронину, Суриковъ прибавляетъ:

«По прочтеніи журнала у насъ обыкновенно затѣваются споры:

Поэтому немудрено, что когда больной поэтъ уѣзжалъ въ самарскія степи, и нѣсколько товарищей пріѣхали на вокзалъ провожать его, то сцена прощанья произвела на него сильное впечатлѣніе.

«Распростились со слезнымъ цѣлованіемъ, — сообщаетъ онъ тому же Воронину: — должно быть, я для нихъ что-нибудь значилъ. Они собирались ко мнѣ каждую недѣлю потолковать о литературѣ, поэзії, искусствѣ, дѣлиться взглядами, такъ сказать, освѣжаться отъ житейской пыли. Будутъ ли они собираться теперь — и у кого?.. И мнѣ безъ нихъ тоскливо, и они безъ меня осиротѣли».

Въ этихъ фразахъ нѣтъ и гѣни похвалы: свидѣтельствомъ этому служить та переписка Сурикова съ престарѣлымъ крестьяниномъ-поэтомъ, родомъ изъ пошехонскаго Козьмодемьянска, Саввой Яковлевичемъ Деруновымъ, которой мы пользуемся для нашего очерка. Ему же принадлежитъ стихотвореніе, посвященное памяти Сурикова, и написанное въ 1900 г. Оно могло бы служить прекраснымъ эпиграфомъ къ нашей статьѣ:

Другъ умеръ. Двадцать лѣтъ въ землѣ
Лежишь... Вставай, отъ сна воскресни!
Послушай, тѣ же на селѣ
Поетъ съ тоскою наши пѣсни.

Лежишь, не слышишь, другъ, въ тиши
Друзей своихъ, ихъ пѣсенъ звуки,
Ихъ изстрадавшейся души
За счастье братьевъ слезы, муки...

III.

Въ началѣ 70-хъ годовъ въ Москвѣ жило нѣсколько писателей-крестьянъ. Они хорошо знали другъ друга и печатались, главнымъ образомъ, въ двухъ петербургскихъ изданіяхъ — «Воскресномъ Досугѣ» и «Иллюстрированной Газетѣ». Редакторомъ обоихъ жур-

наловъ былъ Владимиръ Рафаиловичъ Зотовъ. Онъ всегда шелъ навстрѣчу всякому молодому дарованію и радъ былъ напечатать мало-мальски сносный разсказъ или стихотвореніе. Издателемъ былъ Бауманъ. И онъ не препятствовалъ привлеченію къ сотрудничеству писателей «изъ народа», хотя нѣкоторые изъ нашихъ корреспондентовъ думаютъ, что издатель не брезгалъ ими прежде всего потому, что видѣлъ въ нихъ даровыхъ сотрудниковъ.

Благодаря гостепримству этихъ журналовъ, въ нихъ стали присылать свои статьи и провинціальныя писатели-крестьяне. Черезъ Зотова они знакомились другъ съ другомъ, и мысль о возможности единенія совѣмъ окрѣпла къ 1871 году, когда Суриковъ задумалъ собрать разрозненныя силы «самоучекъ» и издать товарищескій сборникъ. Названіе «Разсвѣтъ» говорило очень много...

За дѣло принялись энергично. Предстояло открытіе всероссійской выставки, на которой впервые могли быть представлены во очію нѣкоторые результаты крестьянскихъ реформъ: сборникъ явился бы виднымъ украшеніемъ и показателемъ духовныхъ силъ освобожденнаго народа. Суриковъ очень надѣялся на выставку.

— Народу понаѣдетъ много,—говорилъ онъ,—и сборникъ нашъ растащатъ живо!

Частный повѣренный изъ торговцевъ-мясниковъ, Н. П. Елизаровъ, согласился считаться издателемъ «Разсвѣта» и принимать рукописи. На нѣсколько приглашеній, напечатанныхъ въ столичныхъ изданіяхъ, матеріалы присылались со всѣхъ концовъ Россіи. Рукописи просматривалъ Суриковъ, помогалъ ему Козыревъ, кажется, самый грамотный изъ всего кружка. Впрочемъ, оказалось, что изъ новыхъ корреспондентовъ очень немногіе могли участвовать въ сборникѣ, и составилъ онъ преимущественно изъ статей тѣхъ лицъ, которыя извѣстны были Сурикову и раньше. Изданіе предпринято было на артельныхъ условіяхъ: каждый участникъ долженъ былъ внести по 10 рублей на предварительные расходы, а о будущемъ рѣчи не заводили, потому что надѣялись на успѣхъ. Предвидѣли даже барыши.

Въ числѣ приглашенныхъ былъ и Деруновъ, который получилъ приглашеніе отъ лица московскихъ друзей Сурикова. На присылку статей они отвѣтили ему слѣдующимъ коллективнымъ письмомъ:

Милостивый Государь

Савва Яковлевичъ.

Ваши собратья по искусству шлютъ вамъ свой привѣтъ и благодарность за присылку стихотвореній и просятъ васъ не оставить еще вашимъ участіемъ сборникъ «Разсвѣтъ», предпринятый изданіемъ.

Н. П. Елизаровъ, Д. Е. Жаровъ, И. Д. Родіоновъ, А. Е. Разореновъ, И. З. Суриковъ, И. Е. Тарусинъ, М. А. Козыревъ, И. З. Новоселовъ¹⁾).

Несмотря на то, что душой сборника былъ Суриковъ, онъ не выставилъ своего имени на книгѣ. «Съ какою цѣлью я принялся издать сборникъ «Разсвѣтъ», я думаю, тебѣ извѣстно,—писалъ онъ И. Г. Воронину черезъ два года, въ апрѣлѣ 1874 года.—Я хотѣлъ, чтобъ о писателяхъ-самоучкахъ сказали что-нибудь журналы, чтобы выдвинуть писателей-самоучекъ на свѣтъ Божій. Тутъ моего личнаго «я» не имѣется. Имѣется общность, а не единичность... Свое личное «я» нигдѣ впередъ не ставлю и не ставилъ. Въ этомъ могутъ поручиться М. А. Козыревъ, И. Д. Родіоновъ, Ѳ. С. Гурьинъ и Григорьевъ, которымъ я помогалъ совѣтомъ, заботился о ихъ развитіи, насколько хватало моихъ силъ и умственныхъ способностей; хлопоталъ о помѣщеніи ихъ произведеній въ журналахъ».

Однимъ словомъ, его намѣренія были болѣе чѣмъ возвышенныя, въ чемъ никто, впрочемъ, и не сомнѣвался.

IV.

Къ открытію выставки сборникъ не поспѣлъ, и отъ 13 мая мы имѣемъ письмо Сурикова, въ которомъ онъ извѣщаетъ Дерунова о положеніи печатанья: «Пишу тебѣ на скорую руку. Мнѣ некогда было отвѣтить тебѣ: на нѣсколько дней я слегъ въ постель. Поэтому я не могъ этого исполнить... Теперь я оправился и могу писать. На слѣдующей страницѣ этого письма я выписалъ тебѣ составъ сборника. Но сцены и этнографическій очеркъ едва ли пропуститъ цензура. Къ 15 іюня сборникъ, пожалуй, можетъ не выйти. Всѣ типографіи работою завалены: на срокъ не берутся печатать».

Затѣмъ приводится и предполагаемое содержаніе книги:

Стихотворенія: Былина «Двѣ пѣсни о Садкѣ Богатомъ» И. З. Сурикова, «Дума пахаря» С. Дерунова, «Нищій» М. Козырева, «Косарь» И. Новоселова, «На кладбищѣ» Д. Жарова, «Богатырь Илья» А. Разоренова, «Смотрить мѣсяцъ съ неба» И. Родіонова, «Ласточка» И. Сурикова, «Стеша» С. Дерунова, «Жатва» М. Козырева, «Удалецъ» И. Родіонова, «Бѣдность» И. Новоселова, «Пѣсня» Разоренова, «Кошка и щеголь», басня А. Бакулина, «Мы вѣримъ» Родіонова, «Послѣ набора» И. Родіонова, «Сонъ и смерть» М. Козырева, «И вотъ опять пришла весна» И. Сурикова, «Заря занимается» И. Новоселова, «Пѣсня» С. Дерунова, «Полно, полно мнѣ шататься» И. Родіонова, «На улицѣ» Д. Жарова, «Грамотей» И. Сурикова,

¹⁾ Всѣ эти фамилія—настоящія, принадлежащія извѣстнымъ въ кружкѣ лицамъ, кромѣ послѣдней—псевдонима Сурикова. Такимъ образомъ Суриковъ подписался подъ письмомъ два раза.

«Лисица и осель», басня А. Бакулина, «Пройдетъ и день, пройдетъ и ночь» И. Новоселова, «Пѣсня» С. Дерунова, «Что не вольный вѣтеръ въ полѣ» М. Козырева, «Встало утро, сылетъ на цвѣты рососою» И. Сурикова, «Счастливецъ» И. Родіонова, «Сонъ бѣдняка» С. Григорьева, «Ярко въ небѣ мѣсяцъ» С. Дерунова, «Жди, вернусь я изъ похода» И. Сурикова, «Заключенный» И. Новоселова, «Умеръ старый батюшка» И. Родіонова, «Жизнь» И. Кондратьева, «Ярко солнце свѣтитъ» И. Новоселова, «Правежъ» И. Сурикова, «Пожаръ отъ грозы» И. Родіонова, «Вдова» Д. Жарова.

Проза: «Негодный человѣкъ», рассказъ С. Дерунова; «Свекровь», рассказъ М. Козырева; «Дешевый уголь, листки изъ записокъ писца», И. Кон—ва; «Въ избѣ у старосты», сцены С. Дерунова; «Въ захолустѣ», отрывокъ разсказа И. Новоселова; «Поэтическія и суевѣрныя воззрѣнія народа въ Пошехонскомъ уѣздѣ», этнографическій очеркъ С. Дерунова.

Приведенный списокъ интересенъ тѣмъ, что на основаніи его можно составить представленіе о предполагавшемся составѣ сборника. А сравненіе его съ выпущенными экземплярами показываетъ, что именно было прибавлено къ нему въ послѣднемъ мѣсяцѣ. Очевидно, съ печатаніемъ очень спѣшили, и этимъ объясняется плохая редакція, масса опечатокъ. Новый матерьялъ составилъ изъ слѣдующихъ статей: «Утромъ» Григорьева, «Лихоманка. Разсказъ ямщика» его же, «Съ хмельнаго», разсказъ Козырева, «Бѣдность, бѣдность-нищета» Е. Назарова, «Пустынникъ и земледѣлецъ», разсказъ Григорьева, «Ночь давно» его же, «Проводы. Обычай изъ простонароднаго быта» Матвѣева, «Утопленница. Изъ дорожныхъ воспоминаній» Новоселова, «Невзгода» Тарусина, «Вѣтеръ вѣетъ за горой» Григорьева, «Дядя Игнатъ», очеркъ Новоселова, «Лжеюродивый» Евсѣева, «Добро и зло» Родіонова, «Разсвѣтъ» Козырева, «Морозный день» Григорьева. Кромѣ того, были сдѣланы измѣненія: «Бѣдность»—подписана Суриковымъ полностью, вмѣсто псевдонима, «Пѣсня» Разоренова помѣчена только инициалами а заглавія разсказовъ Жарова замѣнены: вмѣсто «На улицѣ»—«Разговоръ», вмѣсто «Вдова»—«Сумасшедшая». Наконецъ, указанное письмо раскрываетъ псевдонимы участниковъ: «Новоселовъ»—Суриковъ, «Евсѣевъ»—Родіоновъ, «Крюковъ»—Козыревъ, «И. К—въ»—Кондратьевъ¹⁾.

Цензура отнеслась къ сборнику снисходительно, и ни одна статья не была задержана, несмотря на опасенія редактора.

¹⁾ Письмо это во время пожара у Дерунова сохранилось плохо, края обгорѣли и многія слова восстановлены нами на основаніи другихъ матерьяловъ.

V.

Сборникъ вышелъ въ концѣ іюля: цензурное разрѣшеніе помѣчено 5 іюля. Книга снабжена такимъ заглавіемъ:

«Разсвѣтъ. Сборникъ нигдѣ не бывшихъ въ печати произведеній писателей-самоучекъ. Содержаніе: рассказы, сцены, очерки, обычаи, былины, басни, стихотворенія. Выпускъ первый. Москва. Въ типографіи Бахметева на Срѣтенкѣ, д. Карлони. 1872». II+249 стр. Цѣна 1 руб. 25 копеекъ.

Очень характерно предисловіе, написанное, какъ оказывается, Суриковымъ: «Изданіе «Разсвѣта», сборника писателей-самоучекъ, возникло изъ желанія познакомить читающую публику съ произведеніями современныхъ нашихъ писателей-самоучекъ, не получавшихъ научнымъ путемъ ни образованія, ни воспитанія, но саморазвившихся, самовоспитавшихся. Сборникъ нашъ не есть какаелибо претензія на литературное его значеніе. Единственная его цѣль—показать читающей публикѣ, какъ нашъ народъ, безъ всякихъ насилій, самъ собой, въ настоящее время развивается и какъ сочувствуетъ грамотности и какъ любитъ литературу».

Небольшое предисловіе вышло скромнымъ, тактичнымъ. Въ немъ нѣтъ ничего лишняго, вызывающаго. И если бы не литературная бѣдность его и неказистый внѣшній видъ, то ему можно было бы предсказать даже относительный успѣхъ: коллективное изданіе литературныхъ силъ изъ народа являлось новостью. Общество и критика того времени особенно интересовались всякимъ проявленіемъ народнаго духа, а всероссійская выставка, казалось, вполне обезпечивала сбытъ оригинальному сборнику. Впрочемъ, и самъ Суриковъ понималъ недостатки «Разсвѣта» и въ письмѣ къ Дерунову, посланномъ черезъ двѣ недѣли послѣ предыдущаго, извѣщалъ своего друга, что «сборникъ печатается, и думаю къ 15 іюля его окончить, если нѣкоторыя статьи не задержитъ цензура. Онъ цензируется отдѣльными статьями. Твои статьи и сцены «Въ избѣ у старосты» и «Этнографическій очеркъ» цензура пропустила. Въ очеркѣ я сдѣлалъ нѣкоторыя измѣненія и урѣзки: иначе бы его не пропустили. Я думаю, ты это извинишь мнѣ. Какъ только сборникъ отпечатается, я тебѣ его вышлю. Если ты что-нибудь встрѣтишь въ немъ не по вкусу, извини меня, братъ. Срокъ для составленія сборника былъ очень малъ, какъ ты самъ знаешь. Статьи пужно было просмотрѣть и въ нѣкоторыхъ изъ нихъ надо было сдѣлать измѣненія, поправки, и все это было пужно исполнить одному. Стихотворенія, пьесы и прозаическія статьи для сборника я выбиралъ, насколько позволяло мнѣ мое разумѣніе, лучшія; но насколько я успѣлъ въ такомъ выборѣ, судить не мнѣ. Это оцѣнишь ты самъ. Другъ Савва! мнѣ пришлось отвѣтить по крайней мѣрѣ на сто писемъ безтолковаго содержанія:—

трудъ немалый! Присланы были цѣлые ворохи стиховъ, да что въ нихъ! Если это изданіе встрѣтитъ нѣкоторое сочувствіе въ читающей публикѣ, тогда мы общими силами постараемся издать второй выпускъ. Ты, братъ, матеріалы побереги до времени. Теперь я занятъ вознею по типографіи да еще хлопотами по цензурѣ. Въ 3 № этого мѣсяца «Иллюстрированной Газеты», въ «Корреспонденціи изъ Москвы», мимоходомъ задѣто и наше будущее изданіе. Прочти, братъ. Быть можетъ, по выходѣ сборника насъ и прихлопнуть. Ну, да тамъ увидимъ. Будь, что будетъ. Мы съ тобой, кажется, уже люди обстрѣлянные: намъ бояться этого пороха нечего... На выходномъ листѣ «Сборника» будетъ значиться «Изданіе Н. П. Елизарова», Это я сдѣлалъ для того, чтобъ меня не было видно. Н. П. Елизаровъ—мой товарищъ».

«Разсвѣтъ» былъ разосланъ всѣмъ сотрудникамъ, во многія редакціи и книжные магазины. Такимъ образомъ писатели-крестьяне въ первый разъ цѣлой артелью выступили на судъ критики и публики. Результаты не замедлили обнаружиться.

Сначала дѣло пошло недурно. 9-го сентября Суриковъ извѣщалъ Дерунова, что сборникъ идетъ хорошо:

«Въ «Иллюстрированной Газетѣ» къ нему сочувственно отнеслись, впрочемъ, ты это, я думаю, уже читалъ. Теперь затѣвается второй выпускъ,—помоги, братъ! Въ этомъ выпускѣ участвующихъ будетъ болѣе. Какія статьи у тебя будутъ, вышли на мое имя...»

Впрочемъ, очень скоро начались разочарованія, и почти черезъ мѣсяцъ Иванъ Захаровичъ былъ огорченъ первой неудачей. «Въ 240 № «Московскихъ Вѣдомостей» прочти-ко, другъ: какъ насъ писателей-самоучекъ какой-то ученый Фалалей изволилъ отбрякать—писалъ онъ ему же.—Въ одномъ мѣстѣ онъ говоритъ: «Кто таковы составители сборника? Можно ли ихъ считать представителями народа русскаго, какъ они сами считаютъ себя, или нѣтъ»? А вотъ тебѣ другое мѣсто: «Кромѣ сюжетовъ, связь съ народомъ видна въ идеяхъ и представленіяхъ авторовъ». Что за чертовщина?—самъ себѣ противорѣчить. А это какъ, по-твоему, вѣрно: «музыкальнымъ ухомъ народа слѣдуетъ, думаемъ мы, объяснить поразительное разнообразіе и оригинальную правильность размѣровъ при малограмотности авторовъ». Что, братъ? Мы, кажется, и размѣровъ-то ужъ не знаемъ, а знаетъ ихъ наше ухо. Bravo! Не трудись, братъ, провѣрять и стихотворныя стопы, вали прямо,—ухо знатокъ... Назвалъ я этого критика Фалалеемъ потому, что ему-то кажется оригинальнымъ то, что вовсе не оригинальное, а передѣлка. «Есть стихотворенія замѣчательныя, не только по формѣ, но и по мысли, какъ, напримѣръ, «Сонъ и Смерть» Козырева и другія». «Сонъ и Смерть»—извѣстное стихотвореніе. Взгляни въ сборникъ Паульсона—и узнаешь, какъ изложена эта мысль и озаглавлена даже «Сонъ и Смерть». Можетъ быть, мысль этого стихотворенія чужая,

а критикъ принялъ ее за мысль оригинальную. Теперь поговоримъ объ изданіи второго выпуска. Другъ Саввушка тебѣ небезызвѣстно, что нельзя издавать съ ограниченными матеріальными средствами, и что располагать большою суммою свободно не могу. Вотъ это-то и тормозитъ все дѣло. Въ изданіе перваго выпуска я ухлопалъ свои 500 рублей да Григорьевыхъ 125 руб., а когда я ихъ выручу? Положимъ, Григорьеву я ихъ уже отдалъ, теперь остается получить свои. Дѣло издателя—дѣло самое невыгодное».. Какъ увидимъ нѣсколько дальше, эта первая неудача сразу же поселила въ Суриковѣ сомнѣнія относительно успѣха второго выпуска.

VI.

Отзывы о «Разсвѣтѣ» были помѣщены въ нѣсколькихъ изданіяхъ: въ «С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ», «Голосѣ», «Отечественныхъ Запискахъ», «Бесѣдѣ» и нѣкоторыхъ провинціальныхъ, кромѣ того, въ упомянутыхъ уже «Иллюстрированной Газетѣ» и «Московскихъ Вѣдомостяхъ». Критики рѣзко разошлись во мнѣніяхъ, хвалили больше мысль, чѣмъ исполненіе.

Въ письмѣ отъ 12 ноября Суриковъ извѣщаетъ Дерунова, что «Воронинъ пишетъ разборъ сборника «Разсвѣтъ», который будетъ напечатанъ въ «Саратовскомъ Справочномъ Листкѣ». Вступительная статья къ разбору сборника уже напечатана тамъ («Нѣсколько словъ о Никитинѣ»). Эту статью мнѣ Воронинъ выслалъ, но, къ несчастью, я ее послалъ Григорьеву, а то я бы тебѣ ее послалъ. Въ этой статьѣ сказано много дѣльнаго».

Суриковъ вполне правъ. Воронину не разъ приходилось говорить о писателяхъ изъ народа, а его разборъ второго изданія суриковскихъ стихотвореній можно назвать даже удачнымъ. Здѣсь онъ говоритъ о значеніи художественнаго творчества вообще и отношеніи къ послѣднему школы критиковъ-моралистовъ 60-хъ годовъ. Онъ замѣчаетъ нѣкоторый поворотъ въ сторону эстетическихъ требованій и этимъ оправдываетъ характеръ музыки Сурикова. По его мнѣнію, Сурикова нельзя сравнивать ни съ Кольцовымъ, ни съ Никитинымъ, такъ какъ окружавшія ихъ условія были совсѣмъ иныя. «Мы не утверждаемъ, что въ стихотвореніяхъ Сурикова нѣтъ подражаній Никитину, Кольцову и другимъ нашимъ поэтамъ,—продолжаетъ онъ:—но кто же начиналъ сразу оригинальными произведеніями? Кто съ первыхъ шаговъ своихъ выразался самобытными, своими чертами? Мы убѣждены, что силы таланта Сурикова уступаютъ во многомъ Кольцову—въ богатствѣ образовъ, въ мощномъ народномъ выраженіи; но задумчивость стихотвореній Сурикова, художественная правда ихъ содержанія, и, наконецъ, великолѣпная, выработанная форма ставятъ ихъ не много ниже, по общему интересу, стихо-

твореній Кольцова. Мы убѣждены, что Суриковъ въ средѣ нашихъ второстепенныхъ поэтовъ займетъ довольно почтенное мѣсто». Тѣ же мысли разбросаны въ обширной перепискѣ Воронина съ Суриковымъ, и предсказанія критика, поэта-крестьянина, исполнились. У насъ налицо безспорный фактъ; полныя собранія стихотвореній Сурикова выдержали три изданія, а для поэтовъ это хорошій показатель.

Не менѣе сочувственной была большая статья «Бесѣды» (1872, кн. X). Авторъ ея выставилъ только инициалы А. В., которые наводили Сурикова на предположеніе, что отзывъ принадлежитъ А. Н. Веселовскому, покойному академику. Авторъ говоритъ, что «Разсвѣтъ»—«оригинальный и небывалый сборникъ» и «производитъ на мыслящаго читателя благопріятное впечатлѣніе».

«Онъ служитъ живымъ указаніемъ тѣхъ скрытыхъ силъ, таящихся въ народѣ,—читаемъ дальше:—которымъ превратно сложившіяся жизненныя условія не даютъ возможности выступить наружу, на свѣтъ и волю Онъ показываетъ, сколько одиночныхъ стремленій къ просвѣщенію, сколько жажды новой жизни поддерживается честными, но слабыми силами личной инициативы, сколько самодѣятельности выказываютъ ежедневно никѣмъ не оцѣненные, не понятые неопиты просвѣщенія въ заповѣдной глуши русской земли. Намѣреніе неизвѣстнаго издателя «Разсвѣта»—«показать читающей публикѣ, какъ нашъ народъ, безъ всякихъ насилій, самъ собою въ настоящее время развивается и какъ сочувствуетъ грамотности и какъ любить литературу»,—нельзя не признать вполне заслуживающимъ сочувствія. Вслѣдствіе отсутствія поддержки со стороны общества, отдѣльныя личности, грудью пробиваясь сквозь сплошной строй невѣжества, были издавна осуждены на роль самородковъ, самоучекъ,—словомъ, диковинокъ: на нихъ смотрѣли какъ на рѣдкое растеніе, Богъ вѣсть, какими судьбами самопроизвольно зародившееся среди тинистой почвы. И какъ длиненъ этотъ рядъ самоучекъ, совмѣщающій въ себѣ, на ряду съ посредственными, и замѣчательные таланты! Отъ забытыхъ нынѣ крестьянъ-поэтовъ (замѣчательна эта, почти исключительная, склонность нашихъ чисто-народныхъ писателей къ поэзіи)—Суханова, Алипанова, Слѣпушкина, которыхъ восхвалялъ издатель первыхъ «Отечественныхъ Записокъ» П. Свининъ, къ которымъ сочувственно относился самъ Пушкинъ,—до Кольцова и Никитина, радостно встрѣченныхъ и оцѣненныхъ ужъ не отдѣльными только лицами, а всѣмъ, что было живого и честнаго въ обществѣ, и, наконецъ, до робко выступающаго нынѣ «Разсвѣта» съ его шестнадцатью сотрудниками-новичками, идетъ почти непрерывающаяся нить развитія этой крестьянской литературы, которая занимаетъ такое своеобразное мѣсто въ исторіи нашей новѣйшей письменности».

Далѣе слѣдуетъ необыкновенно вѣрный и очень рѣдко при-
мѣняющійся взглядъ, что «къ трудамъ писателей неопытныхъ, ко-

торые сами собой развились, невозможно подходить съ абсолютными требованіями, умѣстными лишь въ отношеніи къ трудамъ литераторовъ-спеціалистовъ». «Нѣтъ спора, что даже въ тѣхъ произведеніяхъ, которыя должно отнести къ лучшимъ въ «Разсвѣтѣ», найдется иногда иная шероховатость, недодѣланность формы; что подчасъ хотѣлось бы большей оригинальности въ манерѣ, большей независимости отъ стиля Кольцова и новѣйшихъ нашихъ новеллистовъ изъ народнаго быта, но со всѣмъ этимъ примиряетъ честность побужденій, несомнѣнные проблески таланта, пробивающіеся то тамъ, то сямъ, и во всякомъ случаѣ живая близость къ народной, ничѣмъ не прикрашенной жизни и трезвое отношеніе къ ней.—Говорить ли объ основныхъ мотивахъ, которые можно прослѣдить въ произведеніяхъ сотрудниковъ «Разсвѣта»?—Въ нихъ повторяются тѣ черты народныхъ возрѣній, которыя отразились въ народной пѣснѣ и отзывались потомъ во всемъ, чтò шло изъ-подъ пера писателей изъ народа, вскормленныхъ этой пѣснью. Любовь къ природѣ, несмотря на ея суровую непривѣтливость; страсть къ описаніямъ ея, картиннымъ, живымъ; сознаніе горькой, сѣрой доли народа, живущаго среди этой суровой природы; вѣчно грызущее сердце чувство недовольства окружающимъ, собственнаго одиночества и неудовлетворенной жажды, жажды исхода; глубокое соболѣзнованіе о нуждахъ своихъ братій и ясное представленіе чужихъ ощущеній и страданій—вотъ эти основные мотивы, которые въ той или другой формѣ мы встрѣтимъ въ большей части стихотвореній. Если обратимъ вниманіе на форму, то придется отдать преимущество произведеніямъ тѣхъ изъ писателей-самоучекъ, которымъ довелось ужъ печататься въ журналахъ и тѣмъ приобрести навыкъ и вкусъ. Такъ, лучшими изъ стихотвореній нельзя не назвать принадлежащихъ гг. Дерунову и Сурикову». Эти сужденія критика намъ кажутся настолько справедливыми и вдумчивыми, что къ нимъ ничего не остается прибавить. Если даже догадка Сурикова относительно Веселовскаго не вѣрна, все-таки ясно, что сужденія эти принадлежатъ лицу, серьезно смотрѣвшему на «самоучекъ», какъ на культурно-соціальное явленіе и спеціально русское, а не на исключительно литературное.

VII.

Менѣе справедливымъ оказался Н. К. Михайловскій, и его разборъ въ «Отечественныхъ Запискахъ» доставилъ немало огорченій Сурикову, который не замедлилъ сообщить объ этомъ Дерунову:

«Въ январской книгѣ «Отечественныхъ Записокъ» насъ разбранили наповаль — Жарова, Григорьева, Дерунова, Сурикова, Разоренова. Теперь подъ руками у меня этой книги нѣтъ, но постараюсь ее достать и выписать статью для тебя, если тебѣ неоткуда будетъ этой книги взять»...

Критикъ считаетъ «Разсвѣтъ» достойнымъ вниманія, но «только по нѣкоторымъ косвеннымъ причинамъ».

Онъ перечелъ весь сборникъ, ожидая чего-нибудь новаго, но оказалось, что за послѣднее время ему не приходилось читать ни одной книги, которая оставила бы такое же грустное впечатлѣніе. Помимо техническихъ недостатковъ, его поразило то, что авторы сборника, какъ будто стоящіе близко къ массѣ народа и въ то же время люди грамотные, даже развитые, не выполнили ни одной изъ двухъ задачъ, которыя могли бы быть, по мнѣнію Н. К. Михайловскаго, ихъ прямою обязанностью—не дали ни книги «для народа» и не ознакомили образованные классы съ чувствами и воззрѣніями народа.

Съ этимъ мы не согласны: первая цѣль никогда не занимала нашихъ «самоучекъ», и сами они ни разу не говорятъ объ этомъ; понятіе второе—слишкомъ растяжимо, и выполненіе этой стороны можетъ быть признано различно. Чтобы доказать неудовлетворительность второго пункта, онъ приводитъ тѣ стихотворенія, которыя выражаютъ чувства общечеловѣческія, въ которыхъ «не видно ничего характернаго, ничего такого, что свидѣтельствовало бы о развитіи нашего народа». Такія мѣста онъ называетъ «общими», даже «плоскостями». Что касается произведеній этнографическаго характера, то здѣсь критикъ не находитъ «того теплаго, сочувственнаго, любовнаго отношенія къ народу, котораго мы могли бы ждать отъ нихъ, и которое такъ краситъ произведенія нѣкоторыхъ нашихъ молодыхъ беллетристовъ». Разбирая далѣе отдѣльныя произведенія и находя въ нихъ или «размазню», или «щеголяніе цивилизаціей», онъ приходитъ къ заключенію слишкомъ общаго характера. Ни знанія, ни талантъ, ни техника—ничто не выдѣлитъ писателей изъ народа, потому что, «пока литература не станетъ голосомъ общественной совѣсти въ самомъ широкомъ смыслѣ, пока она не сдѣлаетъ интересовъ народа центромъ своихъ изслѣдованій, помысловъ и образовъ,—ей не помогутъ никакіе таланты, никакія знанія, до тѣхъ поръ она будетъ производить въ самомъ благопріятномъ случаѣ только красивыя игрушки». Признавая справедливость общихъ требованій критика, если не отъ всей литературы, то отъ опредѣленныхъ теченій,—мы не можемъ согласиться съ отношеніемъ ихъ къ «Разсвѣту», и его разборъ окажется въ концѣ концовъ интереснымъ «только по нѣкоторымъ косвеннымъ причинамъ».

Противорѣчія во взглядахъ отдѣльныхъ рецензентовъ, переходы ихъ къ общимъ требованіямъ отъ литературы, наконецъ, сознаніе самихъ сотрудниковъ «Разсвѣта» въ собственныхъ ошибкахъ разнаго рода—все это наводило ихъ на мысль немедленно же приступить къ изданію второго выпуска, который былъ обѣщанъ въ предисловіи къ первому.

Первый выпускъ далъ огромный дефицитъ, павшій на Сурикова и Григорьева, Теперь предположено издать сборникъ такъ, чтобы расходы были раздѣлены между всѣми участниками поровну. Эта мысль принадлежитъ Дерунову. За нее ухватился Суриковъ. Объ этомъ онъ говорилъ въ письмѣ отъ 18 октября, изъ котораго мы уже приводили выдержки. Сознавая, что издательское дѣло невыгодное, онъ продолжаетъ: «издать же, какъ говоришь, на артельныхъ началахъ это, пожалуй, еще можно. Сколько будетъ стоить изданіе и на затраченную сумму каждымъ писателемъ-самоучкой, — выслать ему изданіемъ, чтобы онъ самъ въ мѣстѣ своего жительства заботился распродавать его. Этотъ способъ я считаю выгоднымъ и въ отношеніи даже самаго распространенія сборника въ народѣ. На это предпріятіе согласны—С. А. Григорьевъ, И. Д. Родіоновъ, М. А. Козыревъ, И. Г. Воронинъ и я; Д. Е. Жаровъ, А. Е. Разореновъ, И. К. Кондратьевъ, Е. П. Назаровъ, А. Я. Бакулинъ и Мироновъ—эти, не знаю, будутъ ли согласны: съ ними нужно переписываться. Второй выпускъ можно составить поинтереснѣе и сдѣлать выборъ статей получше. Половину редакціи сборника беретъ на себя И. К. Кондратьевъ, мой товарищъ. Это—человѣкъ недюжинный, и выборъ статей ему можно довѣрить. Не читалъ ли ты въ М. В... и многихъ другихъ изданіяхъ—было напечатано, что изъ представленныхъ въ комитетъ о развлеченіяхъ для рабочихъ драматическихъ пьесъ для народнаго театра авторъ драматической хроники «На Поволожѣ» награжденъ золотою медалью, а туда же представлены пьесы Островскаго и Потѣхина, но онѣ не удостоены награды. Драма «На Поволожѣ»—И. К. Кондратьева; онъ—талантливый крестьянинъ... Если онъ согласится участвовать въ изданіи, какъ я говорилъ, то второй выпускъ мы издадимъ въ концѣ 1873 года, ближе невозможно, надо быть поосмотрительнѣй».

А друзья поэта думаютъ, что подъ впечатлѣніемъ этой именно неудачи имъ написано слѣдующее мрачное стихотвореніе:

Темна, темна моя дорога,
 Все ночь да ночь—когда жъ разсвѣтъ?
 Убыль я силъ душевныхъ много,
 А все изъ тьмы исхода нѣтъ!
 Къ чему жъ борьба, къ чему стремленья?
 Мнѣ нѣтъ надежды впереди,
 И тяготятъ меня сомнѣнья
 На полупройденомъ пути.
 Куда иду? и гдѣ святая
 Цѣль неусыпнаго труда?..
 И ноетъ грудь моя больная,
 Что жизнь проходитъ безъ слѣда..

VIII.

Объ этомъ же планѣ, съ нѣсколькими лишь измѣненіями по части взносовъ, Суриковъ упоминаетъ въ письмѣ къ Воронину отъ 10 октября 1872 года: «Второй выпускъ «Разсвѣта» предполагается издать артелью писателей-самоучекъ на общія средства. Григорьевъ изъ Перми и Деруновъ изъ Козьмодемьянска были въ Москвѣ, видались со мною и условились такъ, чтобы издать общими средствами, и на затраченную сумму каждому участвующему материальными средствами—выслать книгами, которыя онъ у себя на мѣстѣ и распродастъ. Этотъ способъ и въ отношеніи распространенія сборника самый удобный. Сумма на каждого члена не опредѣляется, а кто сколько въ состояніи удѣлится». Но новый 1873 годъ принесъ съ собой знакомый уже намъ неблагопріятный отзывъ «Отечественныхъ Записокъ», отъ которыхъ скорѣе всего можно было ожидать, по крайней мѣрѣ, снисхожденія. И началось замѣтное раздвоеніе въ Суриковѣ относительно необходимости изданія второго выпуска,

Этимъ раздвоеніемъ отмѣчены почти все послѣдующія его письма. На нихъ мы остановимся нѣсколько подробнѣе, потому что въ исторіи перваго кружка писателей изъ народа сборникъ занимаетъ видное мѣсто. Уже 5 января Суриковъ сообщаетъ Дерунову, что «Разсвѣтъ» идетъ очень тихо, едва ли стоитъ издавать другой, да и гдѣ же на это средства? Положимъ, что артелью одолѣть можно,—не знаю, подумай и напиши. А я было объ изданіи второго выпуска отдумалъ. Положимъ, что однимъ выпускомъ закончить изданіе неловко, это я сознаю, нужно бы дѣлать второй выпускъ, тогда, пожалуй, и довольно. Если бы издать второй выпускъ, тогда эти двѣ книги могли бы занять мѣсто въ любой библіотекѣ, какъ будто что-то такое законченное, а теперь—оборванное, неполное. Второй выпускъ нужно составить потщательнѣе перваго. Это—дѣло возможное. Ты пишешь, братъ, что у тебя написаннаго ничего нѣтъ, и у меня также. Я отдумалъ издавать «Разсвѣтъ», то потому свои писанья, какъ-то «Немочь», Колыбельная пѣсня», «Пѣсня о свободѣ»—успѣлъ спихнуть въ Петербургъ, въ «Библіотеку», гдѣ они будутъ напечатаны. Произведенія Разоренова, Родіонова, Григорьева я пристроилъ въ «Грамотеѣ», гдѣ они и печатаются. Козырева посланы къ Зотову». Кромѣ того, къ этому же времени относятся первые планы Сурикова относительно собственнаго журнала, который былъ бы органомъ его кружка.

Въ слѣдующемъ письмѣ предположенія Сурикова становятся еще нерѣшительнѣе. Онъ уже не вѣритъ въ успѣхъ сборника и въ письмѣ отъ 20 февраля 1873 года говоритъ: «Объ изданіи второго выпуска «Разсвѣта» ничего не могу тебѣ сказать: подумай и напиши

мнѣ, какъ ты надумаешь—стоитъ ли?.. Дѣла мы не надѣлали, а толковъ подняли много. По прочтеніи статьи въ «Отечественныхъ Запискахъ» ты увидишь, стоитъ ли издавать второй выпускъ. Собравши всѣ статьи журналовъ, писавшихъ о сборникѣ «Разсвѣтъ», видится поразительная рознь взглядовъ нашихъ журнальныхъ кружковъ и неосновательность ихъ убѣжденій. Всѣ ползутъ врозь—такъ и видится крыловскій квартетъ: «кто въ лѣсъ, кто по дрова». Кого изъ нихъ слушать,—самъ Богъ не разберетъ; кому изъ нихъ вѣрить,—этого никто не рѣшитъ. «Бесѣда» пишетъ такъ, «Отечественныя Записки» вотъ такъ, «Петербургскія Вѣдомости» вотъ такъ-то, «Иллюстрированная Газета» вотъ такъ-то, «Голосъ»—нѣтъ, такъ-то, «Московскія Вѣдомости»—нѣтъ, такъ-то. Ну, а тамъ еще чортъ знаетъ какъ!.. Другъ Саввушка, жду твоего письма и твоей думы о изданіи второго выпуска. Денегъ нѣтъ».

Недѣли приблизительно черезъ двѣ мысль о томъ же сборникѣ подвергается еще большимъ сомнѣніямъ. «Что же касается изданія второго выпуска «Разсвѣта», то увы и ахъ! Сборникъ продавался положительно плохо, его продано всего на 47 рублей. Я принужденъ былъ продать его весь и продалъ ¹⁾. Взялъ за оставшіеся экземпляры 228 р., слѣдовательно, понесъ убытку, по стоимости изданія съ публикаціями, аккуратно 321 руб. 78 к. Понесши такой громадный убытокъ самъ, не хочу втягивать другихъ въ это дѣло, это было бы съ моей стороны нечестно, зная по опыту исходъ этого дѣла, и втянуть въ него другихъ, которые должны бы были понести такой убытокъ, какъ понесъ его и я. По этимъ-то вышеприведеннымъ даннымъ я выбросилъ изъ головы даже думу о изданіи второго выпуска «Разсвѣта». Теперь мы думаемъ поддерживать «Грамотея», который начинаетъ приобрѣтать годъ отъ году болѣе подписчиковъ».

Дѣйствительно, «Грамотей» Н. Н. Алябьева сдѣлался любимымъ журналомъ Сурикова. Сюда онъ направлялъ лучшія статьи своихъ друзей по перу, а черезъ нѣсколько лѣтъ самъ думалъ приобрѣсти этотъ журналъ, какъ одно изъ болѣе живыхъ въ то время изданій, предназначавшихся для народа.

IX.

Чтобы прослѣдить борьбу, которая происходила въ Суриковѣ на почвѣ мысли объ изданіи, сопоставимъ нѣсколько писемъ.

Въ первомъ онъ рѣшительно отказывается отъ изданія, а въ остальныхъ, относящихся ко второй половинѣ того же 1873 г., говоритъ объ изданіи съ большей или меньшей увѣренностью. 3 апрѣля онъ пишетъ Воронину, что «Разсвѣтъ» принесъ ему 397 руб. убытку:

¹⁾ Изданіе купилъ московскій букинистъ Н. П. В.—вт.

«Я его продалъ, и затѣвать другое изданіе, чтобы затянуть въ него матеріальными средствами другихъ, считаю безчестнымъ, зная напередъ дурной исходъ этого дѣла».

Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ его взгляды снова перемѣнились: видно, вторымъ выпускомъ онъ хотѣлъ загладить неблагоприятное впечатлѣніе перваго опыта. Объ изданіи онъ говоритъ теперь въ полной увѣренности и въ письмѣ къ Дерунову сообщаетъ, что «сборникъ будетъ изданъ не ближе, какъ къ концу 1874 года. Не оставь своимъ сотрудничествомъ это зарождающееся дитя. Сборникъ этотъ нужно составить посерьезнѣе. Козыревъ пишетъ рассказъ, И. Г. Воронинъ пишетъ повѣсть. Г. Г. Урусовъ пишетъ тоже рассказъ изъ народной жизни «Дядя Алѣна». Урусовъ—человѣкъ замѣчательно даровитый. И. К. Кондратьевъ написалъ драматическій этюдъ «Въ лѣсу». Н. П. Елизаровъ поздно рѣшился издать; мы много матеріаловъ кое-куда раскидали уже по журналамъ. Ѳ. С. Гуринъ написалъ повѣсть «Благословенная». Тѣмъ же настроеніемъ отмѣчено письмо отъ 23 ноября 1873 года: «Изданіе второго выпуска сборника «Разсвѣтъ», кажется, состоится. Н. П. Елизаровъ беретъ его издать своимъ иждивеніемъ. Я за свое сотрудничество ему ручался. Вышло уже объявленіе въ «Современныхъ Извѣстіяхъ», гдѣ въ числѣ сотрудниковъ сборника «Разсвѣтъ» ты стоишь во главѣ. Въ декабрьской книгѣ «Грамотея» тоже будетъ объявленіе о вызовѣ писателей-самоучекъ къ сотрудничеству». Однимъ словомъ, дѣло опять налаживалось, и писатели-крестьяне снова рѣшили явиться на судъ критики и читателей.

Какъ и слѣдовало ожидать, на приглашеніе отозвалось много провинціальныхъ писателей. Для второго выпуска была прислана масса статей, хотя годнаго къ печати, какъ и раньше, оказалось очень мало. Подробности объ этомъ находимъ въ слѣдующемъ письмѣ, отъ 19-го декабря 1873 года. Теперь Суриковъ говоритъ о сборникѣ вполне увѣренно и не можетъ опредѣлить только срока выхода книги.

«Относительно изданія «Разсвѣта» могу тебѣ сказать одно: едва ли онъ издастся къ осени 1874 года, потому что матеріаловъ присылается по объявленію кучами, но порядочнаго ничего нѣтъ,—писалъ онъ Дерунову.—Редакторство этого изданія я положительно отказался принять на себя. Заниматься этимъ дѣломъ положительно теперь некогда: по лавкѣ дѣла много, отецъ мой все нездоровъ, посидитъ въ лавкѣ часа два и потомъ уйдетъ домой. Редакторство этого сборника взялъ было на себя Николай Яковлевичъ Страховъ, кандидатъ правъ, окончившій курсъ въ московскомъ университетѣ, но отъ статей беллетристическихъ и изящной словесности отказался, а мнѣ за это дѣло взяться положительно неудобно, потому что я по торговлѣ много потеряю и жить мнѣ будетъ нечѣмъ».

Къ сожалѣнію, мы не имѣемъ подъ руками статей, присланныхъ для «Разсвѣта»—ни перваго, ни втораго выпуска—и не принятыхъ.

Для нашихъ цѣлей это было бы очень интересно, потому что свѣдѣнія о писателяхъ изъ народа 60-хъ и 70-хъ годовъ вообще очень мало-численны и отрывочны. Если статьи оказались негодными для помѣщенія и отягощали редакцію, то ихъ можно было бы, конечно, передать въ любую изъ столичныхъ библиотекъ, за что многіе теперь сказали бы спасибо. Теперь объ этомъ приходится пожалѣть.

Но весной слѣдующаго года Суриковъ окончательно понялъ, что предполагаемое изданіе не можетъ состояться, и 18-го марта писалъ Дерунову:

«Относительно «Разсвѣта» исторія молчитъ. Дѣло—такого рода: Н. П. Елизаровъ, какъ тебѣ извѣстно, брался издать этотъ сборникъ и дѣлалъ о немъ публикаціи. Но съ Елизаровымъ повстрѣчалась одна довольно крупная невзгода,—и деньги, предназначенныя для изданія сборника «Разсвѣтъ», погибли».

Это—отрывокъ изъ послѣдняго письма Сурикова, въ которомъ упоминается о «Разсвѣтѣ».

Х.

Затѣмъ пошли всякія невзгоды въ его жизни: пожаръ, во время котораго погибло нѣсколько рукописей, предназначавшихся для злосчастнаго сборника, начало тяжелаго недуга, черезъ семь лѣтъ окончательно добившаго здоровье поэта. Къ тому же обострились отношенія его къ отцу. Наконецъ, самъ Суриковъ дѣлается желаннымъ сотрудникомъ въ лучшихъ толстыхъ журналахъ, приглашается для составленія дѣтскихъ хрестоматій. Немного позднѣе у него является мысль о собственномъ журналѣ, который сдѣлался бы органомъ «самоучекъ его кружка». На это его наводила судьба «Грамотея». Нѣкоторое время журналъ этотъ имѣлъ успѣхъ, а затѣмъ началъ понемногу опускаться и требовалъ обновленія литературныхъ силъ.

Мы уже упоминали, что 10-го марта 1873 года Суриковъ писалъ, что изданіе второго выпуска «Разсвѣта» совсѣмъ не состоится; вмѣсто этого сотрудники товарищескаго сборника рѣшили поддерживать «Грамотея». «Въ этомъ журналѣ,—писалъ онъ,—будетъ напечатано мое стихотвореніе, если его пропуститъ цензура,—«Садко у морского царя», «Сельскія сцены» Н. Козырева и нѣсколько стихотвореній Родіонова и Разоренова. Твоя повѣсть отдана туда же, но я думаю, что она не подойдетъ подъ направленіе журнала. Ты писалъ мнѣ, что у тебя есть статьи «Сельское хозяйство въ Пошехонскомъ уѣздѣ» и «Сельскій учитель». Вышли ихъ на мое имя, я постараюсь ихъ помѣстить въ «Грамотеѣ», если нѣтъ для нихъ у тебя мѣста въ болѣе видныхъ журналахъ. «Грамотей», нужно тебѣ сказать, журналъ хорошій, какъ народный». Дѣйствительно, къ этому времени «Грамотей» напечаталъ очень много статей писателей-крестьянъ и вообще подлаживался подъ пониманіе простого читателя.

Въ другомъ письмѣ къ тому же Дерунову Суриковъ соглашается съ мыслью друга, что «дѣйствительно, хорошо бы издавать народный журналъ, хотя въ видѣ «Грамотея».

«Я это сознаю. Въ этомъ журналѣ можно бы стянуть всѣ силы писателей изъ народа, работающихъ для народа. Но гдѣ же наши силы? гдѣ же наши средства на такое важное предпріятіе, какъ изданіе журнала? Въ первые годы своего существованія онъ не можетъ оправдать затраченной на него суммы—это я уже знаю вѣрно—и потомъ, кто же возьметъ на себя трудъ редактированія его? А изданія этого журнала желаютъ многіе».

«Черезъ пять лѣтъ Суриковъ собирался пріобрѣсти петербургскій журналъ «Маларъ», для чего просилъ Н. А. Соловьева-Несмѣлова, теперь тоже покойнаго, сходить къ издательницѣ Волковой и спросить о цѣнѣ. «Я слышала,—прибавляетъ онъ:— что она проситъ 2,000; но, говорятъ, возьметъ съ удовольствіемъ и 1,000 рублей. Если дѣйствительно возможно дать эту сумму, то мы его купимъ маленькимъ кружкомъ. Издавать «Маларъ» мы будемъ въ Москвѣ, отвѣтственнаго редактора найдемъ, издателемъ могу фигурировать и я. Думаю, что не провалимся. Сотрудники для этого журнала есть—художники и писатели. Сообщите мнѣ скорѣе ваши переговоры съ Волковой, и я тогда пріѣду въ Петербургъ. Денегъ для покупки и начала изданія мы найдемъ—или сложимся, говорю, компаніей. Надѣюсь, общими силами журналъ этотъ мы поставимъ хорошо».

Письмо относится къ половинѣ мая 1878 года, а по пріѣздѣ изъ самарскихъ степей, куда онъ ѣздилъ лечиться, Суриковъ снова пишетъ Николаю Александровичу и проситъ совѣта относительно покупки «Развлеченія» у О. Б. Миллера. Впрочемъ, черезъ недѣлю оказалось, что издатель «Развлеченія» раздумалъ продавать журналъ.

Тогда Суриковъ рѣшаетъ издавать уже собственный журналъ и назвать его «Зарницей». 22-го августа 1878 года онъ посылаетъ Соловьеву-Несмѣлову подробную программу журнала и проситъ сдѣлать указанія. По его мнѣнію, задача новаго журнала состояла бы въ освѣщеніи какъ хорошихъ, такъ и дурныхъ сторонъ общественной жизни: «однѣ—какъ отрадныя явленія и поэтому заслуживающія уваженія, другія—какъ уродства, и потому онѣ должны быть преданы порицанію и осмѣянію. Расчетъ мною сдѣланъ на 5,000 нумеровъ еженедѣльно. Годичная стоимость этого журнала, съ платою сотрудникамъ, художникамъ, за бумагу, печать, наборъ, наемъ помѣщенія для редакціи, плата редактору и т. д.—обойдется 25 тысячъ. Тутъ включены всѣ, даже непредвидѣнные расходы. Къ сотрудничеству должны быть приглашены лучшія наши силы какъ въ литературѣ, такъ и въ художествѣ». Приложенная къ письму программа оказывается оч нь широкой: журналъ обѣщаль быть живымъ и отвѣчать на самые разнообразныя вопросы общественной жизни. Но московскій оберъ-полнѣймейстеръ отказалъ Сурикову

въ свидѣтельствѣ, о чемъ онъ не замедлилъ извѣстить Соловьева-Несмѣлова 31-го августа. Этимъ окончились планы его о собственномъ журналѣ. Черезъ мѣсяць онъ снова хлопоталъ о покупкѣ «Маляра» и измѣненіи его программы, чтобы сдѣлать изъ него журналъ литературный и художественный. Тяжелый недугъ Сурикова помѣшалъ всякимъ мыслямъ объ издательствѣ.

Кромѣ этого, Суриковъ думалъ соединить силы и средства членовъ своего кружка около двухъ предпріятій—библіотеки для чтенія или же собственной типографіи на паяхъ. Въ 1875 году онъ общалъ тому же лицу, что нѣкоторые московскіе книгопродавцы пророчатъ ему успѣхъ, если онъ откроетъ библіотеку для чтенія:

«Они говорятъ, что у меня подписчиковъ будетъ много, потому что «васъ уже въ настоящее время многіе знаютъ, въ библіотекѣ имя содержателя значить много. Подумай, милый мой Николай Александровичъ, и сообщи мнѣ свое мнѣніе. Имъ я очень дорожу».

Черезъ три года онъ предлагалъ Соловьеву-Несмѣлову продать старыя книги изъ его саратовской библіотеки, потому что для задуманнаго предпріятія новыя книги обойдутся слишкомъ дорого. Наконецъ, въ августѣ 1877 года и январѣ слѣдующаго онъ писалъ ему же относительно покупки типографіи Грачева въ разсрочку; по словамъ друзей, Суриковъ хотѣлъ объединить здѣсь своихъ собратьевъ, но и это ему не удалось, какъ и въ остальныхъ дѣлахъ.

ХІ.

Однимъ словомъ, собственныя страданія и бѣды поэта нисколько не сдѣлали его эгоистомъ. Безъ кружка, безъ друзей, дорогихъ ему и горемычныхъ «писателей-самоучекъ», Суриковъ даже немислимъ.

Немного окрѣпнувъ на литературномъ пути, онъ начинаетъ ободрять своихъ товарищей. Но во всѣхъ предпріятіяхъ его встрѣчала роковая неудача. «Силы, убитыя въ юности, давимыя сутолокой городской жизни, уже были не тѣ,—говоритъ цитированный раньше біографъ Сурикова.—Тридцатилѣтній поэтъ уже чувствуетъ, какъ неясные еще вѣстники болѣзни, сведшей его въ могилу, подкрадываются къ нему и подтачиваютъ изнуренный лишеніями и нуждой организмъ. Болѣзнь пришла къ нему именно въ такое время, когда только что жизнь начала улыбаться ему, когда литературные успѣхи манили и звали его къ дальнѣйшимъ работамъ. Извѣстность пришла поздно къ Сурикову. Когда занималась заря новаго существованія, жизнь уже потухала въ его больномъ, изможденномъ недугомъ тѣлѣ. Среди обстановки угольнаго склада, среди торговли желѣзомъ сложились рамки дальнѣйшей жизни поэта. Вдыхая больными легкими губительный для чахоточнаго ѣдкій воздухъ, онъ съ каждымъ днемъ слабѣлъ и таялъ. Въ эти минуты тяжелаго недуга, сознавая близость конца, онъ, подобно невольнику,

рвущемуся изъ душевной тюрьмы, рвался на волю, на просторъ. Но невидимыя сильныя цѣпи, называемыя борьбою за существованіе, удерживали его въ ненавистной и губительной обстановкѣ. Одна только мечта поэта летѣла на волю, на просторъ, на раздолье родныхъ полей и зеленыхъ луговъ. Онъ чувствовалъ самъ, самъ сознавалъ, какъ губительна для его творчества городская, блѣдная впечатлѣніями, жизнь».

И все-таки, даже при самыхъ тяжелыхъ обстоятельствахъ, въ своей любвеобильной душѣ Суриковъ черпалъ силы, чтобы ободрять друзей, ободрять болѣе слабыхъ, менѣе выносливыхъ, чѣмъ онъ самъ. Онъ ободрялъ ихъ и живымъ словомъ, и стихами, обращенными къ «Трудящемуся брату»:

Пусть громъ гремитъ надъ головою;
Но тучи черныя пройдутъ.
Все одолѣетъ сила духа,
Все побѣдитъ упорный трудъ!

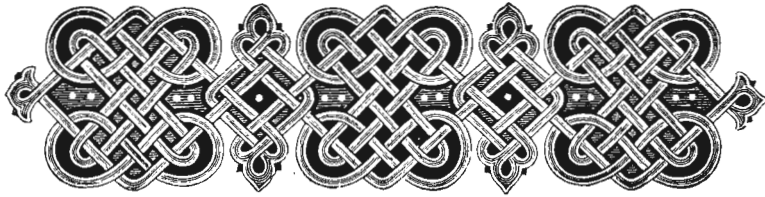
Жизненные удары додѣлывали свое дѣло. На Страстной недѣлѣ 1880 года, 24-го апрѣля, поэтъ умеръ послѣ сплошныхъ лѣтъ мучений. И на его могилѣ, вмѣсто длинной эпитафіи, читаются простыя слова: «Поэтъ-крестьянинъ Иванъ Захаровичъ Суриковъ».

Его образъ не разъ вдохновлялъ многихъ писателей-крестьянъ, явившихся позже, а слѣдующій по времени кружокъ ихъ въ Москвѣ былъ основанъ «въ память Сурикова». Однимъ изъ членовъ его, извѣстнымъ С. Дрожжинымъ, написано стихотвореніе, которое лучше всего подходитъ по идеѣ «къ памяти Сурикова»:

Вѣчную память надъ гробомъ споемъ
Тѣмъ, кто на свѣтѣ жилъ честнымъ трудомъ,—
Нажилъ немало мозолей въ работѣ
И, умирая, въ предсмертной заботѣ
Намъ завѣщаль—не отчаянье въ жизни,
А, прозрѣвая величье отчизны,
Вѣрилъ, что колосъ нальется зерномъ.
Вѣчную память споемъ
Тѣмъ, кто за родину въ битвѣ кровавой
Умеръ вѣнчанный народною славой;
Въ слово живое кто мысль воплощалъ
И въ тишинѣ свое дѣло свершалъ,
Къ счастью стремился въ годину невзгоды
Съ вѣрою въ силу родного народа,
Духомъ не падалъ въ призваньи святомъ.—
Вѣчную память споемъ.

Таковъ былъ на самомъ дѣлѣ скромный основатель перваго въ Россіи кружка писателей «изъ народа».

А. И. Яцимирскій.

Н. Г. ЧЕРНЫШЕВСКИЙ ВЪ 1886—1889 ГОДАХЪ.

(По воспоминаніямъ Н. Ф. Хованскаго).

ВЪ НАЧАЛѢ января 1910 г. собралось нѣсколько саратовскихъ архивистовъ въ гостяхъ у одного любителя старины. Для пишущаго эти строки былъ приготовленъ матеріалъ о Н. Г. Чернышевскомъ, собранный покойнымъ Ф. В. Духовниковымъ. Стали разбирать и разсматривать эти интересныя страницы.

Среди насъ находился и почтенный саратовскій старожиль, Н. Ф. Хованскій, лично знавшій Николая Гавриловича, какъ его родственникъ. Какъ нарочно намъ попались воспоминанія Н. Ф. о Чернышевскомъ, записанныя имъ для Духовникова, и по нашей просьбѣ онъ самъ прочиталъ ихъ намъ ¹⁾.

Они относятся къ послѣднимъ годамъ жизни Николая Гавриловича (1886—1889 г.), т. е. къ астраханскому и второму саратовскому періодамъ.

Я,—пишетъ Н. Ф. Хованскій,—посѣтилъ Николая Гавриловича въ Астрахани два раза: въ 1886 и 1887 годахъ.

Въ первый разъ это было вскорѣ по пріѣздѣ Николая Гавриловича изъ Сибири. У него до этого времени уже побывали кое-кто, между прочимъ были А. Н. Пыпинъ и какой-то англійскій корреспондентъ. Послѣдній описалъ впоследствии наружность Николая Гавриловича, но очень невѣрно; это объясняется тѣмъ, что у Николая Гавриловича онъ былъ вечеромъ, въ сумеркахъ, и, къ тому же, они сидѣли безъ огня.

¹⁾ Авторъ воспоминаній любезно разрѣшилъ намъ напечатать ихъ, за что приносимъ ему глубокую благодарность.

Желая узнать адресъ Николая Гавриловича, я заходилъ въ редакцію «Астраханскаго Листка». Тутъ меня немного напугали: редакторъ сказалъ, что бывать у Чернышевскаго небезопасно,— за посѣтителеми его слѣдятъ, и одна дѣвушка даже пострадала за это. Но всѣ эти страхи оказались вздоромъ и доказали, что интеллигентные люди Астрахани «страха ради іудейска» избѣгали знакомства съ опальнымъ писателемъ. Потомъ самъ Николай Гавриловичъ рассказывалъ мнѣ, какъ редакторъ «Астраханскаго Листка» имѣлъ поползновеніе съ нимъ познакомиться, но Чернышевскій отклонилъ это желаніе ради его же пользы.

Я былъ у Николая Гавриловича съ женой и четырехлѣтнимъ сыномъ.

Николай Гавриловичъ все время ласкалъ моего мальчика, гладилъ по головѣ и держалъ около себя. Мой сынъ передалъ ему въ подарокъ хорошій янтарный мундштукъ въ бархатной коробочкѣ. Чернышевскій благодарилъ и подарилъ мнѣ коробку прекрасныхъ сигаръ, которыхъ онъ не курилъ и которыя, видимо, тоже были поднесены ему кѣмъ-либо.

Затѣмъ онъ вынесъ мнѣ томы исторіи Вебера, кажется, на англійскомъ языкѣ¹⁾, показывая, чѣмъ онъ занимался въ то время.

Подали кофе, сваренный радушно встрѣтившей насъ Ольгой Сократовной. Николай Гавриловичъ, сидя на диванчикѣ, сталъ повѣствовать о своей сибирской жизни и заговорилъ о томъ, какъ онъ пытался сѣять культуру на сѣверѣ и цивилизовать тамошнихъ инородцевъ. Не помню теперь его подлинныхъ словъ,—не записалъ въ свое время.

Николай Гавриловичъ рассказывалъ все очень просто, по-стариковски, спокойнымъ медленнымъ и тихимъ голосомъ, прерываемымъ по временамъ кашлемъ.

Этотъ высоко-образованный человѣкъ, этотъ мыслитель и ученый, къ словамъ котораго прислушивались литература, студенты, общество, тамъ, въ Сибири, былъ поставленъ бокъ-о-бокъ съ народомъ чуть ли не каменнаго вѣка, не имѣвшимъ понятія о желѣзѣ... Этому человѣку, привыкшему витать въ отвлеченной области мысли, выпало на долю показывать этимъ дикарямъ, какъ надо сдѣлать коромысло, чтобы облегчить трудъ ношенія воды, какъ устроить лопату и пр. существовавшей у нихъ лопатой (собственнаго изобрѣтенія) только они и могли пользоваться: нижняя ея часть привязывалась къ палкѣ и въ неумѣлыхъ рукахъ вертѣлась во всѣ стороны. Въ большомъ употребленіи была береста, древесная кора; изъ нея и ведра дѣлали. Ни срубить, ни выточить, ни обдѣлать вещь изъ прочнаго дерева люди не умѣли,—у нихъ не было нужныхъ инструментовъ. Едва ли, конечно, Николай Гавриловичъ, какъ мыслитель

¹⁾ Должно быть, на нѣмецкомъ. А. Л.
«истор. вѣстн.», апрѣль, 1910 г., т. сxx.

по преимуществу, оказался на высотѣ своего призванія въ этой совершенно новой для него роли; вся обстановка его жизни, та забота, которою окружала его Ольга Сократовна, и все, что мнѣ впоследствии пришлось узнать о немъ, отнюдь не доказывало, чтобы Николай Гавриловичъ имѣлъ большія познанія въ обиходѣ домашней жизни. О неудавшейся попыткѣ Мышкина съ товарищами освободить его изъ Сибири Николай Гавриловичъ отзывался послѣ: «Они не знали, что я и ѣздить верхомъ не умѣю».

Мой первый визитъ не былъ продолжителенъ. Дѣло въ томъ, что я не съѣзжалъ съ парохода, а тутъ случилась перемѣна въ расписаніи пароходнаго движенія, и нашъ пароходъ отошелъ изъ Астрахани, пробывъ тамъ всего лишь одинъ день.

Ольга Сократовна угостила насъ обѣдомъ въ какой-то астраханской «Конкордіи» или что-то въ этомъ родѣ. Николая Гавриловича съ нами не было. Пили довольно рано вечерній чай въ его квартирѣ. Около пяти часовъ Николай Гавриловичъ, ради прогулки, на которой настаивала Ольга Сократовна, пошелъ проводить насъ до извозчичьей биржи.

Тутъ, на улицѣ, въ своемъ плохонькомъ лѣтнемъ костюмѣ и поношенномъ картузѣ, такимъ онъ мнѣ показался жалкимъ старикомъ... Жена потомъ говорила, что всякій, не знающій его, принимаетъ Николая Гавриловича, вѣроятно, просто за старичка-мастерового. Когда извозчикъ подъѣхалъ и мы сѣли на него, Николай Гавриловичъ снялъ свой картузъ и долго стоялъ съ непокрытой головой, въ какой-то приниженной позѣ...

Впечатлѣніе мы увезли самое безотрадное, жалкое. Казалось, мы посѣтили челоуѣка, лишь недавно выпущеннаго изъ подвала, въ которомъ онъ находился замурованнымъ много, много лѣтъ.

Квартира, которую занималъ Николай Гавриловичъ, находилась на Варваціевомъ каналѣ, въ большомъ каменномъ домѣ, въ нижнемъ этажѣ; входъ въ его квартиру находился во дворѣ. Подъ кабинетъ была отведена большая угловая комната, черезъ залъ. Ольга Сократовна рассказывала, что она постаралась обставить эту комнату всѣми удобствами, но Николай Гавриловичъ многое поломалъ, многое пожегъ; золотыя шпешки у желѣзной кровати онъ уничтожилъ. Онъ не терпѣлъ ни малѣйшей роскоши.

Николай Гавриловичъ занимался подолгу по ночамъ, несмотря на просьбу жены не заниматься. Переписчиками у него были первый годъ барышни. Впоследствии писцомъ у него былъ симпатичный юноша, Федоровъ; онъ до самой смерти Николая Гавриловича не разставался съ покойнымъ писателемъ. Федоровъ не только записывалъ подъ диктовку Николая Гавриловича (главнымъ образомъ переводъ исторіи Вебера), но исполнялъ и секретарскія обязанности ¹⁾.

¹⁾ Нѣсколько лѣтъ тому назадъ вышли его воспоминанія о Чернышевскомъ А. Л.

На другой годъ Ольга Сократовна, посѣтивши Саратовъ, привезла мнѣ отъ Николая Гавриловича въ подарокъ большой коробъ книгъ—«Вѣстника Европы» за 1885, 1886 и начало 1887 гг., «Русскую Мысль» тоже съ 1885 г. и 1-й томъ исторіи Вебера.

Лѣтомъ 1887 г., катаясь по Волгѣ, я совершилъ вновь поѣздку въ Астрахань, на этотъ разъ одинъ, и засталъ Николая Гавриловича одного съ его письмоводителемъ Федоровымъ.

Довольно долго искалъ я его квартиру, нѣсколько уже зная его новый адресъ. Ходилъ около самаго дома, гдѣ жили Чернышевскіе, но кого ни спрошу изъ прохожихъ: гдѣ живетъ Чернышевскій?— всѣ отвѣчаютъ незнаемъ. Благая мысль осѣнила меня вернуться въ мелочную лавочку, и тамъ задать тотъ же вопросъ.

— А вотъ, наверху этого дома они и квартируютъ,—отвѣтилъ мнѣ лавочникъ.

Ходъ былъ со двора. Всѣ ставни въ квартирѣ затворены отъ жары. Позвонилъ. Отперъ самъ Николай Гавриловичъ, въ халатикѣ и съ папиросой въ рукѣ. Повелъ въ залъ-гостиную и стать было трудиться отворять ставни. Я просилъ не беспокоиться,—и такъ хорошо. Мебель была вся въ чехлахъ, видимое дѣло, парадныя комнаты были нежилыя, за отъѣздомъ Ольги Сократовны.

«Какъ Оленька въ Саратовѣ? — спрашивалъ Николай Гавриловичъ, усаживая меня въ кресло, но потомъ перемѣнилъ свое намѣреніе.—Пойдемте туда, ко мнѣ», сказалъ онъ.

Черезъ темненькую комнатку, между двумя передними, парадной и черной, мы прошли въ маленькую угловую комнату, его кабинетъ. Здѣсь ничего не было, кромѣ маленькаго стола, кровати и комода. Да еще у кровати стоялъ кругленькій столикъ. Вообще обстановка—совершенно студенческая.

На столѣ лежала тетрадь изъ почтовой бумаги большого формата, на кровати—Веберъ. Очевидно, шла работа надъ переводомъ, Николай Гавриловичъ диктовалъ, Федоровъ записывалъ. Мнѣ было совѣстно, что я прервалъ работу.

Николай Гавриловичъ, видимо, желалъ занимать меня, какъ гостя, разговорами. Помню, что онъ рассказывалъ что-то смѣшное и передъ тѣмъ, какъ засмѣяться, вставалъ, запахивалъ полы халата, и тогда уже раздражался смѣхомъ. Шуткой онъ обыкновенно заканчивалъ фразу, начатую сдержанно, какъ бы серьезно, но первый затѣмъ начиналъ смѣяться, вставалъ и запахивалъ халатикъ...

Поставили самоваръ. Сѣли въ той комнаткѣ, что находилась между передними, у единственнаго окна. Все было какъ нельзя болѣе просто. Николай Гавриловичъ самъ разливалъ чай. Совсѣмъ по-старчески онъ клалъ въ стаканъ кусочки сухого калача и вынималъ ихъ ложечкой. У стола съ самоваромъ мы такъ и сидѣли, покончивъ съ чаемъ. Вблизи Николая Гавриловича стояла коробка

съ табакомъ, онъ часто крутилъ папиросы и вставлялъ въ камыше-
вый мундштукъ.

Такъ я провелъ у него три вечера подъ рядъ.

И всё эти вечера онъ неуставно говорилъ, говорилъ...

Говорилъ онъ характерно: какого бы отвлеченнаго предмета онъ ни касался, все у него выходило ужасно просто, иногда анекдотически даже. Не скажу, чтобы это производило хорошее впечатлѣ-
ніе: тутъ совершенно не оставалось мѣста для серьезнаго спора и, даже болѣе,—для серьезнаго взгляда на вещи. Николай Гавриловичъ какъ бы оживлялъ собесѣдника, заставляя его забыть фразы, заглянуть на то, что таится за ними, за этими громкими фразами. Онъ смотрѣлъ за кулисы исторіи, и своего собесѣдника заставлялъ смотрѣть туда же.

Современный міръ, современные интересы—все это было чуждо Николаю Гавриловичу. Это меня всего болѣе поразило. Едва ли онъ читалъ получаемые имъ журналы, едва ли заглядывалъ въ газеты.

Случайно онъ привелъ нѣсколько эпизодовъ изъ саратовской жизни—объ одномъ полицейскомъ приставѣ, тогдашней простотѣ нравовъ. Въ прошломъ онъ указывалъ на такіе факты, которые, вѣроятно-де, и теперь бываютъ не лучше—не хуже.

Зашла рѣчь объ евреяхъ. Онъ указалъ на честность расчетовъ ихъ съ рабочими, вообще на ббльшую ихъ культурность передъ русскими кулаками.

Тутъ же Николай Гавриловичъ развилъ старую теорію о федеративномъ устройствѣ Россіи, поляковъ, армянъ, финляндцевъ и пр. Не помню только, раздѣлялъ ли онъ эту теорію, или лишь знакомилъ меня съ нею.

Провожая меня, съ лампой въ рукѣ, онъ все еще продолжалъ говорить, и вдругъ, оборвавъ свою рѣчь, замѣтилъ съ обычнымъ смѣшкомъ: «Вотъ, если все, что здѣсь говорилось, вы пойдете и сообщите кому слѣдуетъ,—это будетъ патріотизмъ... ха-ха... патріотическій поступокъ».

Конечно, отъ такого рода патріотическаго поступка и пострадалъ въ свое время Николай Гавриловичъ. Въ немъ пострадалъ не человѣкъ дѣла, а человѣкъ-мыслитель.

Николай Гавриловичъ аккуратно высылалъ мнѣ выходившіе томы исторіи Вебера. Прямо-таки поразительна быстрота перевода такого объемистаго сочиненія. Можно было дивиться тому, какая сила таилась въ старческомъ тѣлѣ Николая Гавриловича. Какъ извѣстно, онъ къ тому же написалъ въ это время статью въ «Русской Мысли» подъ псевдонимомъ «Старый трансформистъ». Когда я читалъ эту статью, я какъ бы бесѣдовалъ съ Николаемъ Гавриловичемъ. Онъ именно въ этомъ самомъ тонѣ и разговариваетъ... Недостаетъ только мѣстами его смѣшка и кашля.

Припоминается мнѣ одинъ изъ его разсказовъ въ Астрахани. «Иду я по улицѣ... Кошка мяукаетъ... Я подзвалъ ее... Подошла. Дать кусочекъ хлѣбца. Потомъ захожу къ лавочнику. Говорю: у васъ много остатковъ разныхъ... Давайте этой кошкѣ. Я буду вамъ платить за нее».

И очень возможно, что Николай Гавриловичъ ходилъ и платилъ за кошку, которая была, такимъ образомъ, его пенсионеркой. Любвью къ кошкамъ отличается и Ольга Сократовна.

Въ 1888 г. Николаю Гавриловичу дозволено было переселиться въ Саратовъ. Я въ самый день его приѣзда встрѣтился съ нимъ въ полицейскомъ управленіи. Переѣздъ этотъ, видимо, нарушилъ ходъ работъ Николая Гавриловича и ввелъ его въ долги.

Первое время, съ мѣсяцъ или болѣе, онъ никого не принималъ. На двери его квартиры была вывѣшена бумажка съ надписью: «Николай Гавриловичъ извиняется и проситъ не беспокоить его первое время посѣщеніями, такъ какъ онъ очень занятъ».

Лѣтомъ, будучи съ своей семьей въ городскомъ саду Сервье, я съ удивленіемъ замѣтилъ на одной изъ аллей сутуловатую фигуру Николая Гавриловича рядомъ съ Ольгой Сократовной. Тутъ, усѣвшись у столика на террасѣ, онъ объяснилъ мнѣ, что «Оленьку некому было проводить въ театръ». Потомъ,—не помню, съ чего зашелъ разговоръ,—Николай Гавриловичъ сказалъ, что онъ теперь очень занятъ, потому что желаетъ отработать поскорѣе взятые въ долгъ 1,500 рублей.

Я, между прочимъ, заявилъ Николаю Гавриловичу, что нѣкоторые лица, его восторженные поклонники, желали бы быть ему представленными. Но Николай Гавриловичъ рѣшительно отклонилъ это предложеніе, присоединивъ, что особенно сторонится восторженныхъ. «Я думаю, вы и сами не особенно расположены къ нимъ», сказалъ онъ.

Разъ я былъ у Николая Гавриловича на его квартирѣ, противъ бульвара, въ домѣ Никольскаго. Разговоръ зашелъ какъ-то объ историческихъ личностяхъ Саратова. Помню, какъ онъ осмѣялъ «ученость» епископа Аѳанасія: «Онъ ученый былъ. Только ученость его въ томъ заключалась, что онъ читалъ такія книги, которыхъ никто не читалъ... И поражалъ этимъ... Текстами оттуда такъ и говорилъ».

Замѣчу, что въ Саратовѣ Николай Гавриловичъ уже не производилъ такого впечатлѣнія приниженаго, какъ въ Астрахани. Онъ, видимо, съ годами оправлялся.

Почти ежедневно онъ ходилъ мимо моей квартиры на почту, чтобы отправлять въ Москву или прочитанную корректуру исторіи Вебера, или дальнѣйшій переводъ. Ходилъ быстро, вѣчно попыхи-

вая папирсой. Ходилъ онъ въ очкахъ. Волоса всегда прикрывали ему половину лба съ правой стороны. Знакомыхъ онъ не замѣчалъ на улицѣ; я, изъ уваженія къ его личности и зная о недосугѣ его, не останавливалъ его, когда мы встрѣчались на улицѣ.

На именины моей жены Николай Гавриловичъ осчастливилъ насъ своимъ посѣщеніемъ; былъ разговорчивъ, много смѣялся, рассказывалъ о прошлыхъ купеческихъ нравахъ Саратова. Но при каждомъ новомъ звонкѣ онъ тревожился, и, наконецъ, когда не свои, родные, а посторонніе гости стали являться, Николай Гавриловичъ посѣшно простился и ушелъ.

Въ квартирѣ его перебывали нѣкоторые саратовцы, прѣзжали кое-кто и изъ Петербурга.

Въ послѣдніе дни передъ смертью Николай Гавриловичъ собирался посѣтить саратовскаго губернатора А. И. Косича, о которомъ ему говорили много хорошаго.

17-го октября 1889 г. Николай Гавриловичъ умеръ.

Сообщ. Александръ Лебедевъ.

СЕРГѢЙ ФЕДОРОВИЧЪ ДУРОВЪ.

(Къ сорокалѣтію его кончины).

. . Блаженъ, кому житейской книги
Не довелось прочитать!

(Изъ стихотв. Дурова).

ЕСТОГО декабря 1869 года, около четырехъ часовъ пополудни, въ городѣ Полтавѣ, на рукахъ моего покойнаго отца А. И. Пальма, окруженный всей нашей семьей, тихо скончался одинъ изъ талантливейшихъ русскихъ людей, литераторъ и поэтъ, имѣвшій неотразимое вліяніе на современное ему русское интеллигентное общество, идеалистъ чистѣйшей воды Сергѣй Федоровичъ Дуровъ.

Сверстники Сергѣя Федоровича давно ужъ покоятся въ могилѣ, изъ лично знавшихъ этого удивительно самобытнаго и оригинальнаго чело-вѣка въ живыхъ очень немногіе, сочиненія и стихотворные переводы Сергѣя Федоровича, разбросанные по стариннымъ журналамъ и альманахамъ,

до сей поры не собраны и не систематизированы, какъ это неизмѣнно бываетъ на Руси съ произведеніями скромныхъ талантовъ, брезгливо относившихся къ крикливому саморекламированію нахальныхъ посредственностей,—и Дуровъ забыть! Поросшая травой, затерявшаяся среди богатыхъ памятниковъ, могила писателя на провинціальномъ кладбищѣ заброшена.

Скончался Сергѣй Федоровичъ на 54-мъ году своей многострадальной жизни. Судьба жестоко преслѣдовала его, но онъ, пламенно любившій Россію, вѣрившій въ ея свѣтлое будущее, глубоко цѣнившій нравственную мощь и цѣлину русскаго народа, терпѣливо несъ свой тяжелый крестъ. Каторга совершенно надломила его физи-

ческія силы; послѣдніе годы Сергѣй Ѳедоровичъ испытывалъ жестокія мученія и напоминалъ ходячій трупъ. Но, несмотря на болѣзнь, окончательно подточившую его слабый организмъ, Сергѣй Ѳедоровичъ чутко слѣдилъ за культурнымъ ростомъ русскаго общества, радовался малѣйшему пробужденію общественнаго самосознанія, живо интересовался отраженіемъ на народныхъ массахъ сперва крестьянской, а затѣмъ судебной реформъ... Слабый, больной, онъ ежедневно записывалъ свои мысли и впечатлѣнія; интереснѣйшій дневникъ свой Сергѣй Ѳедоровичъ писалъ карандашомъ на клочкахъ бумаги, на поляхъ газетъ и журналовъ, часто на оборотѣ печатныхъ объявленій, бывшихъ въ большой модѣ въ провинціи 60-хъ годовъ. Къ глубочайшему сожалѣнію, незадолго до смерти Сергѣй Ѳедоровичъ собственноручно изорвалъ и сжегъ свои записки, шутливо сказавъ моему отцу:

— Вмѣстѣ съ моимъ тѣломъ земля должна похоронить и мои мысли! Кому онѣ нужны?!

По возвращеніи съ каторги Сергѣй Ѳедоровичъ создалъ свои лучшія произведенія, но присущій ему сарказмъ мало-по-малу уступалъ мѣсто грустнымъ ноткамъ пессимизма. Беззавѣтно любя народъ, онъ ненавидѣлъ толпу, «способную (по его выраженію) глумиться даже надъ несчастными». Въ одномъ изъ своихъ стихотвореній Сергѣй Ѳедоровичъ далъ такую характеристику толпѣ:

. . . Толпа, любя обманъ пустой,
Гордяся мнимымъ состраданьемъ,
Готова ложь почтить слезой
И проводить рукоплесканьемъ...

Но, если выйдя за порогъ,
Насъ со слезами встрѣтитъ нищій
И, прахъ цѣлуя барскихъ ногъ,
Попроситъ крова или пищи,—

Глухіе къ бѣдствіямъ чужимъ,
Чужой нужды не понимая,
Мы на несчастнаго глядимъ
Какъ на лжеца и негодяя...

Взглядъ Сергѣя Ѳедоровича на жизнь вообще вылился въ слѣдующихъ незабвенныхъ строкахъ:

Жизнь наша—книга. Много въ ней
Найдется сценъ разнообразныхъ,
Смѣшныхъ, нелѣпныхъ, скучныхъ, грязныхъ,
Тяжелыхъ, вялыхъ и безсвязныхъ,—
Какъ на страницахъ повѣстей.
Читать ее—нести вериги,
Прочтешь—не выдержишь сказать:
Блаженъ, кому житейской книги
Не довелось прочитать!

Родился Сергій Федоровичъ въ 1816 году въ Кіевѣ, гдѣ отецъ его, Федоръ Сергѣевичъ Дуровъ, занималъ мѣсто полицеймейстера. Федоръ Сергѣевичъ былъ женатъ на дочери сенатора Хмѣльницкаго, Надеждѣ Ивановнѣ, родной сестрѣ извѣстнаго драматическаго пи-

Сергій Федоровичъ Дуровъ.

сателя и переводчика Мольера Николая Ивановича Хмѣльницкаго. Сергій Федоровичъ высоко цѣнилъ дарованіе своего дяди Николая Ивановича и даже написалъ надѣлавшее много шума предисловіе къ собранію сочиненій Николая Ивановича, изданному Смирдинымъ

въ 1849 году, спустя четыре года послѣ смерти Николая Ивановича, умершаго въ Петербургѣ черезъ два года послѣ окончанія своего заключенія въ Петропавловской крѣпости (Хмѣльницкій просидѣлъ около пяти лѣтъ). Семья Ѳедора Сергѣевича Дурова состояла изъ жены Надежды Ивановны, сыновей Сергѣя, Николая и Александра и дочерей Варвары и Любви.

Сергѣй Ѳедоровичъ воспитывался въ Петербургѣ, въ «благородномъ пансіонѣ», изъ котораго прямо поступилъ на гражданскую службу, но карьера тогдашняго чиновника далеко не плѣняла Сергѣя Ѳедоровича, и онъ вскорѣ вышелъ въ отставку въ чинѣ коллежскаго ассесора. Литературную дѣятельность Сергѣй Ѳедоровичъ началъ въ 1843 году.

Въ 1845 году Сергѣй Ѳедоровичъ сдѣлался однимъ изъ дѣятельныхъ участниковъ только что организовавшагося кружка Петрашевскаго, куда вошли почти всѣ участники такъ называемаго дуровскаго кружка—молодежь, собиравшаяся съ конца 1843 г. и въ теченіе 1844 года у Сергѣя Ѳедоровича. Петрашевскій увлекался составленіемъ и изданіемъ своего «Словаря иностранныхъ словъ», но каждую пятницу (день собраній у Петрашевскаго) всецѣло отдавался дружескому обмѣну мыслей и мнѣній по тремъ, такъ сказать, кардинальнымъ вопросамъ, волновавшимъ тогда всю прогрессивную молодежь, сгруппированную при помощи С. Ѳ. Дурова: уничтоженіе крѣпостного права, судебная реформа на началахъ гласнаго судопроизводства и свобода печати. Извѣстное письмо Бѣлинскаго къ Гоголю было впервые прочитано въ одну изъ пятницъ у Петрашевскаго С. Ѳ. Дуровымъ. Тамъ же Сергѣй Ѳедоровичъ прочелъ свое предисловіе къ сочиненіямъ Хмѣльницкаго, возстановивъ тѣ мѣста, которыя были запрещены цензурой.

Въ апрѣлѣ 1849 года, по доносу, были арестованы и заключены въ Петропавловскую крѣпость слѣдующіе участники «преступнаго кружка»: Петрашевскій, Дуровъ, Достоевскій, Спѣшневъ, Григорьевъ, Момбели, Ахшарумовъ, Пальмъ, Плещеевъ, два брата Дебу, Тимковскій, Филипповъ, Кашкинъ, Толь, Ханьковъ, Головинскій, Европеусъ, Черносивитовъ, Ястржембскій, Шапошниковъ, Катеневъ и Львовъ. Изъ нихъ офицеры лейбъ-гвардейскихъ полковъ: штабсъ-капитанъ Львовъ и поручики Момбели, Пальмъ и Григорьевъ. Изъ всѣхъ двадцати трехъ арестованныхъ только Константину Дебу, Дурову, Черносивитову и Ястржембскому было болѣе 30-ти лѣтъ.

Высшій военный судъ всѣхъ приговорилъ къ смертной казни чрезъ разстрѣляніе. С. Ѳ. Дуровъ не любилъ вспоминать объ ужасныхъ минутахъ, пережитыхъ осужденными къ смерти. По рассказамъ моего покойнаго отца, впечатлѣніе рокового дня 22-го декабря 1849 года, когда всѣхъ петрашевцевъ, отсидѣвшихъ восемь мѣсяцевъ въ Петропавловской крѣпости, привезли на Семеновскій плацъ, гдѣ все было готово къ страшному моменту, осталось на всю жизнь.

На осужденныхъ были надѣты бѣлые саваны съ капюшонами. Первыми были привязаны къ столбамъ Григорьевъ, Петрашевскій и Момбели. Предварительно всѣ 23 осужденныхъ попрощались другъ съ другомъ и горячо обнялись. Взводъ солдатъ взялъ ружья на при-дѣлъ. Прошло нѣсколько томительныхъ минутъ, какъ вдругъ барабаны забили отбой. Всѣ поняли, что пришло помилованіе. Когда отвязали отъ столбовъ трехъ привязанныхъ, имъ подняли капюшоны. Всѣхъ поразило выраженіе лица Григорьева, начавшаго безмысленно хохотать. Несчастный, какъ оказалось, не выдержалъ и сошелъ съ ума. Смертная казнь была замѣнена различными наказаніями, преимущественно Сибирью и каторгой. Петрашевскаго тутъ же посадили въ приготовленные сани и отправили подъ конвоемъ прямо на каторгу, а всѣхъ остальныхъ отвезли обратно въ Петропавловскую крѣпость, откуда затѣмъ и отправляли постепенно.

Сергія Ѳедоровича отправили однимъ изъ первыхъ въ омскую каторгу, вмѣстѣ съ Достоевскимъ, гдѣ онъ провелъ четыре года, закованный въ кандалы. По истеченіи четырехъ лѣтъ Сергій Ѳедоровичъ, благодаря ходатайству нѣкоторыхъ вліятельныхъ лицъ, особенно Якова Ивановича Ростовцева, начальника штаба военно-учебныхъ заведеній (родственникъ Дуровыхъ), былъ откомандированъ «для письменныхъ занятій» въ канцелярію «мѣстнаго надзора за ссыльно-каторжными».

Окончивъ «наказаніе» и получивъ разрѣшеніе покинуть холодную далекую Сибирь, Сергій Ѳедоровичъ въ началѣ 1857 года пріѣхалъ прямо на югъ, въ Одессу, къ своему «неизмѣнному, вѣрному, вѣчному другу», моему отцу А. И. Пальму и поселился въ нашей семьѣ.

— У тебя и умру, единственный другъ мой!—говаривалъ Сергій Ѳедоровичъ:—ты меня и похоронишь.

Отъ кандаловъ всѣ руки и ноги Сергія Ѳедоровича были въ ли-палыхъ. На указательномъ пальцѣ правой руки Сергій Ѳедоровичъ носилъ не снимая желѣзное кольцо, сдѣланное изъ того самаго же-лѣза (кандаловъ), которымъ онъ былъ скованъ на каторгѣ въ теченіе четырехъ лѣтъ.

— Настоящее «обручальное» колечко!—острилъ не разъ Сергій Ѳедоровичъ.

Въ теченіе пяти лѣтъ Сергій Ѳедоровичъ не выѣзжалъ дальше Севастополя, куда на лѣто отецъ мой отправлялъ дѣтей къ роднымъ моей матери. Эти пять лѣтъ Сергій Ѳедоровичъ почти всецѣло по-святилъ поэзіи. Периодически появлялись въ «Современникѣ» и «Отечественныхъ Запискахъ» новыя произведенія Сергія Ѳедоро-вича. Тогда же написано его маленькое обращеніе къ петербург-скимъ друзьямъ, напомнившее многимъ удары погребальнаго ко-локола:

Я не приду на праздник шумный
 Къ вамъ, сердцу милые друзья,—
 Дѣлиться чувствами безумно
 Теперь,— увы! — не въ силахъ я.
 Со мной повсюду неразлучны
 Противорѣчащiе сны:
 Всѣ ваши радости мнѣ скучны,
 Всѣ ваши горести смѣшны.

Въ 1862 году Сергѣй Ѳедоровичъ уѣхалъ въ Бронницкiй уѣздъ Московской губерни, въ село Марьино, принадлежавшее Натальѣ Дмитриевнѣ Пущиной (кажется, родственницѣ семьи Дуровыхъ). Отсюда Сергѣй Ѳедоровичъ, при помощи друзей, хлопоталъ о разрѣшенiи жить въ столицѣ. Хлопоты увѣнчались успѣхомъ, и лѣтомъ 1863 года Сергѣй Ѳедоровичъ побывалъ въ Москвѣ и Петербургѣ. Въ Петербургѣ онъ отдалъ въ печать нѣсколько своихъ блестящихъ переводовъ: ямбовъ Барбье и нѣкоторыхъ стихотворенiй Гюго. Несмотря на самый теплый приѣмъ, оказанный появившемуся послѣ долгаго отсутствiя страдальцу-поэту, сырой и туманный Петербургъ, въ которомъ, какъ выражался Сергѣй Ѳедоровичъ,

«... не знаешь чего больше: сырости или чиновниковъ...»,

не могъ замѣнить «вѣрнаго друга и родной семьи». Сергѣй Ѳедоровичъ тяготился своимъ пребыванiемъ «среди болотнаго идолопоклонства» и вернулся къ намъ въ Одессу. Въ 1865 году онъ перѣхалъ, вмѣстѣ съ нашей семьей, въ Кишиневъ, а затѣмъ въ 1868 году въ Полтаву. Но ни южное живительное солнце, ни самый родственнiй уходъ не могли предотвратить надвигавшейся катастрофы.

Сергѣй Ѳедоровичъ съ каждымъ мѣсяцемъ таялъ. Въ 52 года онъ казался 70-лѣтнимъ старикомъ. Сухой кашель все усиливался и буквально изнурялъ больного. Въ концѣ ноября (1869 г.) врачи нашли положенiе Сергѣя Ѳедоровича безнадежнымъ; послѣ продолжительнаго консилиума домашнiй докторъ нашей семьи категорически заявилъ моему отцу, что дни Сергѣя Ѳедоровича сочтены и что болѣе восьми-десяти дней онъ не протянетъ. Когда, взволнованный этимъ грустнымъ извѣстiемъ, отецъ вошелъ въ комнату больного, Сергѣй Ѳедоровичъ спросилъ его, улыбаясь:

— Ну, что повѣдали тебѣ гг. доктора: смертнiй приговоръ?

— Полно, какой вздоръ,—отвѣтилъ отецъ:—напротивъ, нашли, что дѣло идетъ на поправку.

— Не криви душой, Александръ, да, наконецъ, я самъ прекрасно сознаю, что развязки ждать не долго.

4-го декабря, послѣ полудня, Сергѣю Ѳедоровичу было особенно плохо. Насъ, дѣтей, не пустили къ больному, а отецъ и мать поочередно дежурили у постели угасающаго страдальца. Къ вечеру 4-го Сергѣй Ѳедоровичъ почувствовалъ нѣкоторое облегченiе, шутилъ,

смѣялся, острилъ и даже набросалъ дрожащей рукой четыре строчки шуточнаго стихотворенія, оставшагося неоконченнымъ:

Меня поймала глупость въ сѣтъ
И говоритъ: «живи, пріятель!»—
Прикончи жизнь мою, Создатель,
Чтобъ могъ я сразу поумнѣть...

Весь день 5-го декабря Сергѣй Ѳедоровичъ былъ особенно молчаливымъ и ни съ моимъ отцомъ, ни съ моею матерью не проронилъ ни слова. Нѣсколько разъ онъ доставалъ изъ-подъ подушки евангеліе, пробовалъ читать и сердился, что не могъ.

— Этакая тьма кромѣшная въ комнатѣ, ничего не вижу!..— брюзжалъ Сергѣй Ѳедоровичъ, а на самомъ дѣлѣ въ большія окна ярко свѣтило солнце.

6-го декабря съ утра Сергѣй Ѳедоровичъ увѣрялъ отца и доктора, что чувствуетъ себя превосходно.

— Грудь не болитъ, кашель не мучить... Давно ужъ мнѣ не было такъ хорошо. Кажется, дѣйствительно идетъ на поправку.

Но сразу наступившее улучшение, по словамъ врача, именно и предвѣщало близкій конецъ. Послѣ 10 часовъ утра началась агонія. Сергѣй Ѳедоровичъ потерялъ сознание. Лицо его перекосилось и выражало нестерпимыя страданія. Умиравшій нѣсколько разъ бредилъ, называя никому изъ насъ неизвѣстныя фамиліи, съ кѣмъ-то горячо споря. Около двухъ часовъ Сергѣй Ѳедоровичъ сперва продолжительно стоналъ, а потомъ кричалъ. Съ большими усиліями онъ поднималъ правую руку, поднесъ ее ко рту и съ трудомъ снялъ зубами съ указательнаго пальца свое символическое желѣзное кольцо, которое затѣмъ, на глазахъ моего отца, быстро проглотилъ. Отецъ разрыдался, такъ что доктору пришлось увести его изъ комнаты. Въ исходѣ 4-го часа больной какъ будто началъ успокаиваться. Страшные хрипы въ груди прекратились. Видимо, были проблески сознанія. Открывъ глаза, Сергѣй Ѳедоровичъ печально посмотрѣлъ на склонившагося къ нему моего отца и что-то прошепталъ, но такъ тихо, что невозможно было слышать. Отецъ горячо поцѣловалъ нѣсколько разъ умирающаго друга въ лобъ, и послѣ послѣдняго поцѣлуя Сергѣй Ѳедоровичъ тихо скончался.

8-го декабря состоялись похороны. Одинъ изъ послѣднихъ идеалистовъ, въ лучшемъ и благороднѣйшемъ значеніи этого слова, нашелъ вѣчное упокоеніе на полтавскомъ городскомъ кладбищѣ.

Гр. Пальмъ.

НОВОЕ О ГОГОЛѢ.

(По поводу опубликованія новыхъ рукописей Гоголя).

ДЕСЯТОЕ изданіе сочиненій Гоголя подъ редакціей Н. С. Тихонравова и В. И. Шенрока имѣеть репутацію «образцоваго». Да, дѣйствительно, при маломъ числѣ сколько-нибудь удовлетворительныхъ изданій сочиненій нашихъ писателей,—это изданіе является отраднымъ явленіемъ и должно быть причислено къ однимъ изъ лучшихъ. Но репутація «образцоваго», державшаяся до нашихъ дней, должна быть теперь, послѣ послѣднихъ изслѣдованій, оставлена. Во-первыхъ, нужно оставить возрѣніе на абсолютную полноту этого изданія, во-вторыхъ, долженъ считаться установленнымъ фактъ невнимательнаго, даже отчасти халатнаго, отношенія редакціи къ имѣвшемуся въ ея распоряженіи богатому собранію рукописей Гоголя. Вина падаетъ исключительно на второго редактора, только что скончавшагося В. И. Шенрока. Н. С. Тихонравовъ, какъ извѣстно, умеръ, проредактировавъ первые 5 томовъ, остальные 6-й и 7-й томы редактировалъ В. И. Шенрокъ. Въ этихъ послѣднихъ томахъ какъ разъ помѣщенъ тотъ матеріалъ, изученіе котораго въ наше время обнаружило небрежность редакціи. Такимъ образомъ, вина падаетъ всецѣло на В. И. Шенрока, не использовавшаго всего матеріала, оставшагося послѣ Н. С. Тихонравова.

Рукописи Гоголя, служившія матеріаломъ для 10-го изданія сочиненій, по окончаніи его были приобрѣтены московскимъ Румяновскимъ музеемъ. Тамъ онѣ пролежали спокойно много лѣтъ, пока одному изъ библіотечарей Г. П. Георгіевскому не пришла счастливая мысль заняться гоголевскими рукописями. Онѣ не были приведены

В. И. Шенрокомъ даже въ самый примитивный порядокъ, а поступили въ музей въ невѣроятно хаотическомъ видѣ: самыя разнородныя рукописи Гоголя были перемѣшаны съ автографами разныхъ лицъ, повѣсти перемѣшаны съ письмами, статьи съ комедіями, произведенія Гоголя съ многочисленными выписками его изъ произведеній другихъ авторовъ, все это тонуло въ копіяхъ редакторовъ и, наконецъ, многое было разрознено по листкамъ. Съ большимъ трудомъ Г. П. Георгіевскому удалось привести все въ порядокъ и провѣрить, насколько хорошо весь богатый рукописный матеріалъ былъ использованъ редакторами 10-го изданія. Въ результатѣ обнаружилось, что редакціей много не использовано, причемъ это относится не къ какимъ-нибудь малозначащимъ мелочамъ, но къ матеріалу большого значенія, дающему новое о Гоголь.

Не использованные въ десятомъ изданіи матеріалы опубликовываются Г. П. Георгіевскимъ въ специально издаваемомъ академіей наукъ сборникѣ «Памяти Жуковскаго и Гоголя». Во второмъ выпускѣ, вышедшемъ въ 1908 году, опубликованы три тетради, одна съ великорусскими и двѣ съ малороссійскими народными пѣснями. В. И. Шенрокъ крайне невнимательно отнесся къ этимъ тетрадямъ, очевидно, даже хорошо не просмотрѣлъ, назвавъ ихъ въ 1896 году въ 7-омъ томѣ «Сочиненій» Гоголя просто «выписками». Изслѣдованіе этихъ тетрадей Г. П. Георгіевскимъ дало много цѣннаго и новаго о Гоголь, какъ собирателѣ народныхъ пѣсенъ, обнаруживъ, что Гоголь не былъ простымъ «переписчикомъ», какъ его выставилъ В. И. Шенрокъ, а являлся ревностнымъ собирателемъ въ полномъ смыслѣ слова, записывая по первоисточникамъ, и долженъ занять почетное мѣсто на ряду съ видными собирателями народного творчества: его собраніе имѣло большую цѣнность для своего времени и не потеряло извѣстной цѣнности и до нашихъ дней ¹⁾.

Такимъ образомъ, скептическое отношеніе многихъ историковъ литературы къ собиранію Гоголемъ народныхъ пѣсенъ оказалось не выдерживающимъ критики.

Второй выпускъ «Памяти Жуковскаго и Гоголя» явился, несомнѣнно, однимъ изъ наиболѣе цѣнныхъ вкладовъ въ Гоголевскую юбилейную литературу 1909 года. Вышедшій недавно третій выпускъ также даетъ цѣнный матеріалъ.

Уже не говоря о томъ, что Г. П. Георгіевскимъ вносятся значительныя поправки въ уже напечатанный текстъ,—публикуется громадный матеріалъ, вовсе еще не напечатанный. Сюда относятся довольно большая статья, начинающаяся словами: «Начало, корень и утверженіе всему есть любовь (къ) Богу», молитва о созда-

¹⁾ Подробно о Гоголь, какъ собирателѣ народныхъ пѣсенъ, см. въ нашей статьѣ—«Гоголь и народное творчество» въ журналѣ «Познаніе Россіи», 1909, кн. III, стр. 218—223.

ніи «Мертвыхъ душъ», очень обширныя замѣтки, относящіяся къ географіи Россіи, и, наконецъ, довольно значительныя замѣтки историческаго характера.

Особеннаго вниманія заслуживаютъ замѣтки по географіи Россіи. По письмамъ Гоголя было извѣстно, что онъ интересовался географіей Россіи, собирался писать книгу по этому вопросу. Но до сихъ поръ не было найдено подтвержденіе, что Гоголь дѣйствительно работаль въ этой области, что это были не только слова. Г. П. Георгіевскимъ публикуются шесть тетрадей. Изъ нихъ только о двухъ, самыхъ малыхъ по объему, имѣются краткія упоминанія въ Гоголевской литературѣ В. И. Шенрока въ 7-мъ томѣ 10-го изданія (стр. 866 и 893), сами же тетради не были извѣстны. Первые четыре тетради содержатъ изложеніе Гоголемъ многотомнаго «Путешествія по разнымъ провинціямъ Россійской имперіи» П. С. Паласса. Пятая тетрадь является сокращеннымъ изложеніемъ книги «Подробныя свѣдѣнія о волжскихъ калмыкахъ, собранныя на мѣстѣ Н. Нефедьевымъ» (Спб. 1834). Въ шестой тетради мы находимъ травники, составленные, повидимому, на основаніи труда Паласса.

Эти тетради подтверждаютъ, что Гоголь дѣйствительно работаль по географіи Россіи, что его сообщенія объ этомъ не были ложью, какъ нѣкоторые это считали, показываютъ, какъ серьезно Гоголь работаль въ этой области.

Еще болѣе цѣнное даютъ опубликовываемыя Г. П. Георгіевскимъ историческіе матеріалы, окончательно разрѣшая крайне спорный вопросъ о профессорской дѣятельности Гоголя.

Какъ извѣстно, съ половины 1834 года по декабрь 1835 года Гоголь занималь кафедру всеобщей исторіи въ петербургскомъ университетѣ. Первая его лекція «О среднихъ вѣкахъ» была встрѣчена съ восторгомъ, потомъ лекціи дѣлались все хуже и хуже, Гоголь много манкировалъ и наконецъ прекратилъ лекціи совсѣмъ.

Гоголь чувствовалъ себя вполне способнымъ быть профессоромъ. Такого же взгляда были многіе—не только Пушкинъ, Жуковский, Уваровъ, Надеждинъ, но и люди съ установившейся научной репутаціей, какъ, напримѣръ, извѣстный ученый М. А. Максимовичъ, приглашавшій Гоголя въ профессора въ Кіевъ, Погодинъ, приглашавшій Гоголя адъюнктъ-профессоромъ по всеобщей исторіи въ Москву. Убѣжденіе въ способности быть профессоромъ не оставило Гоголя и послѣ неудачи его на этомъ поприщѣ, хотя иногда Гоголь терялъ вѣру въ свои научныя силы, говорилъ объ этомъ другимъ. Въ письмѣ къ Погодину въ декабрѣ 1835 года время своего профессорства Гоголь называетъ «годами безславія» и пишетъ: «Общее мнѣніе говоритъ, что я не за свое дѣло взялся».

Если многіе современники считали Гоголя способнымъ быть профессоромъ, то другіе современники смотрѣли на профессорство, какъ на своего рода хлестаковщину Гоголя, который, вынеся изъ

гимназіи самыя элементарныя знанія, не имѣя никакого научнаго опыта, выступилъ въ роли профессора. Извѣстный профессоръ Никитенко сначала считалъ Гоголя способнымъ быть профессоромъ и хлопоталъ объ его профессорствѣ, но потомъ разочаровался въ этомъ и 21 февраля 1835 года записалъ въ своемъ знаменитомъ дневникѣ слѣдующій отзывъ о Гоголѣ: «Гоголь такъ дурно читаетъ лекціи въ университетѣ, что сдѣлался посмѣшищемъ для студентовъ. Начальство боится, чтобы они не выкинули надъ нимъ какой-нибудь шалости, обыкновенной въ такихъ случаяхъ, но непріятной по послѣдствіямъ. Надобно было приступить къ рѣшительной мѣрѣ. Попечитель призывалъ его къ себѣ и очень ласково объявилъ ему о непріятной молвѣ, распространившейся объ его лекціяхъ. На минуту гордость его уступила горькому сознанію своей неопытности и безсилія. Онъ былъ у меня и признавался, что для университетскихъ чтеній надо больше опытности... Но это въ концѣ концовъ не поколебало вѣры Гоголя въ свою всеобъемлющую гениальность. Хотя, послѣ замѣчанія попечителя, онъ долженъ былъ перемѣнить свой надменный тонъ съ ректоромъ, деканомъ и прочими членами университета, но въ кругу «своихъ» онъ былъ все тотъ же всезнающій, глубокомысленный и гениальный Гоголь, какимъ былъ до сихъ поръ»¹⁾.

Еще болѣе отрицательно отнесся къ Гоголю его слушатель Тургеневъ, который въ своихъ «Воспоминаніяхъ» пишетъ о Гоголѣ: «Я былъ однимъ изъ его слушателей въ 1835 году, когда онъ преподавалъ (!) исторію въ с.-петербургскомъ университетѣ. Это преподаваніе, правду сказать, происходило оригинальнымъ образомъ. Во-первыхъ, Гоголь изъ трехъ лекцій непремѣнно пропускалъ двѣ, во-вторыхъ, даже когда онъ появлялся на кафедрѣ—онъ не говорилъ, а шепталъ что-то весьма несвязное, показывалъ намъ маленькія гравюры на стали, изображавшія виды Палестины и другихъ восточныхъ странъ,—и все время ужасно конфузился. Мы всѣ были убѣждены (и едва ли мы ошибались), что онъ ничего не смыслить въ исторіи—и что г. Гоголь-Яновскій, нашъ профессоръ (онъ такъ именовался въ расписаніи лекцій), не имѣетъ ничего общаго съ писателемъ Гоголемъ, уже извѣстнымъ намъ, какъ авторъ «Вечеровъ на хуторѣ близъ Диканьки». На выпускномъ экзаменѣ изъ своего предмета онъ сидѣлъ, повязанный платкомъ, якобы отъ зубной боли—съ совершенно убитой фізіономіей—и не развѣвалъ рта. Спрашивалъ студентовъ за него профессоръ И. П. Шульгинъ. Какъ теперь вижу его худую, длинноносую фигуру съ двумя высоко торчащими, въ видѣ ушей, концами чернаго шелковаго платка. Нѣтъ сомнѣнія, что онъ самъ хорошо понималъ весь комизмъ и всю

¹⁾ Моя повѣсть о самомъ себѣ. Записки и дневникъ. Спб. 1906, т. I, стр. 263—264.

неловкость своего положенія; онъ въ томъ же году подалъ въ отставку»¹⁾.

Въ печати впервые отрицательно отозвался о Гоголѣ, какъ профессорѣ, извѣстный ориенталистъ Григорьевъ въ половинѣ 50-хъ годовъ. Съ тѣхъ поръ отрицательный взглядъ установился прочно, О. Э. Миллеръ назвалъ эпизодъ съ профессорствомъ Гоголя—«порозорнымъ», психіатръ Н. Н. Баженовъ въ статьѣ «Болѣзнь и смерть Гоголя»²⁾ отнесъ этотъ эпизодъ къ «странностямъ почти патологическимъ».

Если мы имѣемъ, съ одной стороны, отзывы о профессорствѣ Гоголя опредѣленно отрицательные, начало которыхъ исходитъ еще отъ современниковъ, то съ другой—имѣются отзывы двойственные. А. Н. Пыпинъ говоритъ о Гоголѣ: «Исторія его профессуры извѣстна и съ нынѣшней точки зрѣнія не можетъ не казаться крайней самонадѣянностью это исканіе каѳедры, когда Гоголь имѣлъ за собою только посредственно оконченный курсъ въ плохой «гимназій высшихъ наукъ», когда и теперь онъ мало восполнилъ свои знанія, и когда, наконецъ, онъ былъ, видимо, неспособенъ къ научной работѣ, требующей настойчиваго труда совѣмъ иного свойства, чѣмъ трудъ художественный»³⁾. Высказавъ такой вполне опредѣленно отрицательный взглядъ, А. Н. Пыпинъ въ то же время замѣчаетъ, что Гоголь искренно былъ убѣжденъ въ своихъ способностяхъ, что это убѣжденіе раздѣляли многіе другіе, что требованія отъ профессора въ то время были не высоки и, слѣдовательно, Гоголь подходилъ подъ общій научный уровень профессуры. Такимъ образомъ, взглядъ А. Н. Пыпина отличается двойственностью и неопредѣленностью.

Впервые подвергъ основательному изученію вопросъ о профессурѣ Гоголя въ 1902 году С. А. Венгеровъ и рѣшительно выступилъ въ защиту его⁴⁾. С. А. Венгеровъ, на основаніи изученія обширнаго историко-литературнаго матеріала, пришелъ къ выводу, что Гоголь былъ не только ниже, но и выше многихъ современныхъ ему профессоровъ по своимъ способностямъ, научному интересу къ исторіи и даже по своей эрудиціи: двѣ прекрасныя лекціи, прочитанныя Гоголемъ въ началѣ курса и въ срединѣ, когда лекцію посѣтили Пушкинъ и Жуковский, по мнѣнію С. А. Венгерова, показываютъ, что Гоголь могъ быть блестящимъ по тому времени профессоромъ. На основаніи этого С. А. Венгеровъ горячо протестовалъ противъ признанія претензій Гоголя на каѳедру близко граничащими съ нахальствомъ и хлестаковщиной; по мнѣнію изслѣдователя, такой

¹⁾ Сочиненія. Спб. 1898, т. XII, стр. 70—71.

²⁾ «Русская Мысль», 1902, кн. I, стр. 143.

³⁾ Исторія русской литературы. 2-е изданіе, т. IV, стр. 493—494. Спб. 1902.

⁴⁾ Писатель-гражданинъ.—«Русское Богатство», 1902, т. I—IV.

взглядъ лишень всякой исторической перспективы. Защищая притязанія Гоголя на профессорскую кафедру, С. А. Венгеровъ самое профессорствованіе считаетъ неудачнымъ, не отрицаетъ, что, какъ профессоръ, Гоголь потерпѣлъ рѣшительное пораженіе. Но причину этого С. А. Венгеровъ видитъ не въ «неспособности» Гоголя къ научнымъ занятіямъ и не въ «невѣжествѣ» его, а въ томъ, что онъ поставилъ предъ собою слишкомъ большую задачу—внести новое, дать блестящія литературныя характеристики. Но Гоголь работалъ медленно, въ эпоху профессорства былъ всецѣло поглощенъ художественнымъ творчествомъ и не могъ справиться съ тѣми задачами, которыя онъ ставилъ себѣ, какъ профессору. Вотъ эта погоня за повизной, широтой и художественностью, по мнѣнію С. А. Венгерова, и сгубила Гоголя, какъ профессора.

Несмотря на убѣдительность положеній С. А. Венгерова, и послѣ его статьи повторялись отрицательныя сужденія о профессорствѣ Гоголя, взглядъ на данный вопросъ оставался двойственнымъ. А. Н. Пыпинъ, причисливъ статью С. А. Венгерова къ «весьма цѣннымъ» работамъ, все-таки остался при своемъ прежнемъ двойственномъ взглядѣ на профессорство Гоголя ¹⁾. Уже не двойственность, а настоящая шаткость и противорѣчивость обнаруживается въ воззрѣніяхъ на профессорство Гоголя академика Д. Н. Овсяннико-Куликовскаго. Въ книгѣ «Гоголь» (Спб. 1907 и 2-е изд. Спб. 1909) онъ въ категорической формѣ согласился со взглядами на профессорство С. А. Венгерова (стр. 229), а въ книгѣ «Гоголь въ его произведеніяхъ» (М. 1909) заявилъ, что «эпизодъ профессуры Гоголя былъ именно казусомъ въ этомъ хлестаковскомъ родѣ» (стр. 85).

Такимъ образомъ, и послѣ работы С. А. Венгерова вопросъ о профессорствѣ Гоголя не находился на надлежащей плоскости. Опубликованные Г. П. Георгіевскимъ Гоголевскія рукописи историческаго характера вполнѣ разрѣшаютъ вопросъ, въ полной мѣрѣ подтверждая выводы С. А. Венгерова. Матеріаль по исторіи сохранился на отдѣльныхъ листахъ, вырванныхъ или вырѣзанныхъ изъ записныхъ книжекъ разнаго формата. Сохранилась обертка одной книжки; озаглавленная «Матеріаль лекцій». На основаніи внѣшняго вида рукописей не подлежитъ сомнѣнію, что уцѣлѣли лишь немногіе листы. Но и то, что уцѣлѣло, составляетъ довольно большой матеріаль, свидѣтельствующій о томъ, съ какимъ стараніемъ, какъ серьезно занимался Гоголь исторіей; опровергается взглядъ на бѣдность историческаго багажа Гоголя, обнаруживается его знаніе историческихъ источниковъ. Есть даже слѣды работы Гоголя по первоисточникамъ. Объ этомъ свидѣлствуютъ «Выписки изъ Кіевской лѣтописи», сравненіе которыхъ съ напечатанными лѣтописями обнаруживаетъ, что оригиналь былъ не печатан-

¹⁾ Исторія русской литературы. Изд. 3-е. Спб. 1907, т. IV, стр. 527.

ный. Меньшая часть матеріала относится къ всеобщей исторіи, большая часть—къ русской. Вторая часть матеріала показываетъ, что Гоголь усиленно работалъ надъ исторіей Малороссіи.

Въ письмахъ Гоголь неоднократно сообщалъ, что пишетъ исторіи Малороссіи, среднихъ вѣковъ и собирается писать книгу по географіи. До сихъ поръ держался взглядъ, что Гоголь, сообщая въ письмахъ о своихъ занятіяхъ по географіи Россіи, по собиранію народныхъ пѣсень, по исторіи среднихъ вѣковъ и Малороссіи, на самомъ дѣлѣ этимъ не занимался, что это было лишь хвастовство, что онъ не былъ способенъ къ серьезному занятію сколько-нибудь научнаго характера. Это до сихъ поръ считалось многими хлестаковщиной Гоголя, и еще въ дни юбилея 1909 года такъ смотрѣлъ на это В. Я. Брюсовъ, авторъ вдумчивой рѣчи на юбилей, а затѣмъ и книги («Испепеленный. Къ характеристикѣ Гоголя». М. 1909). Между тѣмъ опубликованный Г. П. Георгіевскимъ матеріалъ показалъ, что не только на словахъ, но и на дѣлѣ Гоголь занимался средней, русской исторіями и географіей Россіи, что его сообщенія объ этомъ—не были пустымъ хвастовствомъ Хлестакова.

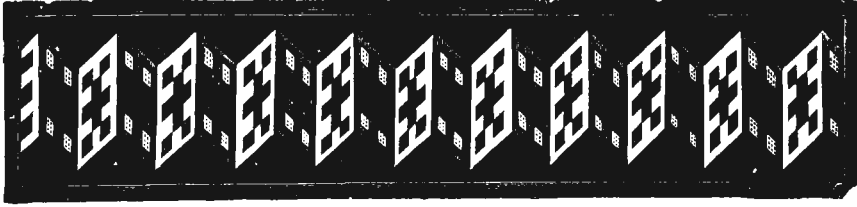
Такимъ образомъ, послѣ опубликованія Г. П. Георгіевскимъ бумагъ Гоголя нужно окончательно оставить отрицательный взглядъ на профессорство Гоголя, онъ серьезно работалъ по исторіи, и если не привелъ въ исполненіе своихъ плановъ, если его профессорство потерпѣло неудачу, то не потому, что онъ былъ неспособенъ къ исторической работѣ; Гоголя погубила, какъ вѣрно замѣтилъ С. А. Венгеровъ, широта историческихъ замысловъ, колоссальность задуманной работы. Поставленные Гоголемъ задачи въ области исторіи по своему существу требовали полного сосредоточенья, концентрации силъ, вниманія,—а Гоголь хотѣлъ соединить эту работу съ художественнымъ творчествомъ, которое брало у него всѣ силы, вниманіе, все напряженіе душевной жизни. Соединить страшно напряженную художественную работу съ серьезными историческими изысканіями, требующими также сильнаго напряженія, Гоголь не былъ въ состояніи.

Говоря все это, мы не хотимъ сказать, что Гоголь стоялъ высоко, какъ историкъ, понимая это понятіе въ современномъ значеніи. Гоголь, конечно, не былъ историкомъ-соціологомъ, онъ не былъ въ состояніи вскрыть внутреннюю сущность историческихъ явленій и процесса, построить историческія схемы, сдѣлать философскіе выводы изъ разсмотрѣнія исторической эволюціи, иначе говоря, не былъ историкомъ въ современномъ смыслѣ слова, но для своей эпохи Гоголь, какъ историкъ, хотя и не былъ тѣмъ, чѣмъ казалось ему самому,—наличность самомнѣнія нельзя отрицать,—но былъ далеко не такъ ничтоженъ, какъ это многіе считаютъ, наоборотъ, Гоголь далеко оставлялъ за собою очень многихъ современныхъ

ему историковъ. Онъ уже ясно понималъ, что исторія не есть лишь простое нагроможденіе фактовъ, что историкъ долженъ проникнуть во внутренній смыслъ исторической эволюціи, вскрыть историческіе законы. Это ясно проглядываетъ въ историческихъ статьяхъ Гоголя, особенно въ статьѣ «О преподаваніи всеобщей исторіи». Уже одно это показываетъ, что, какъ историкъ, Гоголь стоялъ выше многихъ историковъ того времени, въ простомъ нагроможденіи фактовъ видѣвшихъ весь смыслъ исторіи.

А. Г. Фоминъ.

ЦАРЕУБИЙСТВО 1 МАРТА 1881 ГОДА.

(Историческіе очерки).

Ш. Террористическія выступленія.

I.

А. Дѣло Вѣры Ивановны Засуличъ.

АНИФЕСТАЦІЯ землевольцевъ на Казанской площади 6-го декабря 1876 года, о которой мы уже говорили, имѣла печальныя послѣдствія для ея участниковъ. Правительство взглянуло на «проваль» здѣсь петербургскихъ революціонеровъ съ излишней пугливостью, раздуло этотъ ничтожный самъ по себѣ моментъ въ жизни русской революціи и создало изъ него громкое судебное дѣло, съ вытекшими отсюда не въ мѣру строгими карами, не соотвѣтствовавшими величинѣ преступнаго дѣянія. Въ числѣ пострадавшихъ былъ Боголюбовъ, одинъ изъ главныхъ дѣйствовавшихъ лицъ событія, ораторствовавшій на площади, оказавшій полиціи сопротивленіе и присужденный за все это къ 15 годамъ каторжной работы. Подъ фамиліей Боголюбова онъ состоялъ членомъ народившагося общества «Земля и Воля», подъ этой фамиліей (а также подъ именемъ Андреичъ) онъ ходилъ

¹⁾ Продолженіе. См. «Историческій Вѣстникъ», т. СХІХ, стр. 1604.

за годъ передъ тѣмъ въ «народъ» въ области войска Донского, въ Саратовской губерніи, на Кавказѣ, подъ этой кличкой онъ былъ судимъ, осужденъ, сосланъ въ рудники, сошелъ въ Сибири съ ума и печально кончилъ свои дни въ казанской психіатрической больницѣ. Настоящая же его фамилія была Емельяновъ, но конспиративная дисциплина настолько была въ данномъ случаѣ сильна, что подлинность его фамиліи была обнаружена лишь много спустя послѣ его смерти. Приговоренный судомъ къ тяжкому наказанію, Боголюбовъ въ теченіе лѣта 1877 года находился въ домѣ предварительнаго заключенія, въ ожиданіи своей ссылки, и вотъ тутъ-то и произошло его столкновеніе съ петербургскимъ градоначальникомъ Ѳеодоромъ Ѳеодоровичемъ Треповымъ, повлекшее за собою тяжелыя послѣдствія, какъ для осужденнаго, такъ и для представителя столичной полицейской власти. Въ обоихъ случаяхъ намъ приходится стать лицомъ къ лицу съ актами насилія, гдѣ въ первомъ случаѣ развертывается картина злоупотребленія административной властью и надругательства надъ беззащитною чловѣческой личностью, а въ другомъ—картина кровавой мести, гдѣ исполнительницей этого акта мщенія явилась дѣвушка, дотолѣ мало вѣдомая, но сразу выдвинувшая свое имя въ исторіи русской революціи на очень видное мѣсто. Алексѣй Андреевичъ Боголюбовъ, Ѳеодоръ Ѳеодоровичъ Треповъ и Вѣра Ивановна Засуличъ—вотъ герои двухъ трагедій 13 іюля 1877 и 24 января 1878 годовъ, къ которымъ надолго было приковано общественное вниманіе и около имени которыхъ сосредоточился шумный по своимъ послѣдствіямъ «процессъ Вѣры Засуличъ». Этотъ процессъ имѣлъ въ исторіи нашей общественности чреватые результаты, почему одному ему и приходится посвятить весь нашъ очередной очеркъ цѣликомъ. Но прежде, чѣмъ говорить о фактахъ, вошедшихъ въ содержаніе намѣченныхъ драмъ, остановимся нѣсколько на характерной фигурѣ тогдашняго петербургскаго градоначальника, являвагося типичнымъ представителемъ полицейской бюрократической власти, на которой покоились столичные общественные порядокъ, безопасность и законность семидесятихъ пореформенныхъ годовъ.

Намъ извѣстно, что политическая волна, набѣжавшая на Россію послѣ выстрѣла Каракозова, выкинула на поверхность столичной жизни Ѳ. Ѳ. Трепова ¹⁾. Въ своей книгѣ «Итоги» Г. К. Градовскій ²⁾, въ статьѣ «Роковое пятилѣтіе», посвящая одну изъ первыхъ главъ воспоминаніямъ о «дѣлѣ Засуличъ» и описавъ, какъ совершилось покушеніе на жизнь столичнаго градоначальника, даетъ и характеристику послѣдняго, какъ равно и той «атмосферы», въ которой проявлялась и расцвѣла его власть. Публицистъ говоритъ:

¹⁾ «Историческій Вѣстникъ» 1909 г., апрѣль.

²⁾ Г. К. Градовскій «Итоги» (1862—1907).

«Уличная манифестація, возведенная въ тяжкое политическое преступленіе; сомнительный судъ, административный произволь, подавленная печать и бездѣйствующее, плохо освѣдомленное общественное мнѣніе. Это та почва, на которой всегда и вездѣ создавались злоупотребленія власти и росли преступления. Выстрѣлъ Засуличъ указалъ на это, какъ въ свое время рука Шарлотты Корде покарала произволь и звѣрство Марата. Марать былъ убитъ, а Треповъ выздоровѣлъ отъ нанесенной ему раны, и Засуличъ заявила на судѣ, что она рада этому выздоровленію, убивать она не хотѣла. Замѣчательно, что первые слухи и толки о покушеніи на генерала Трепова не придавали этому дѣлу сколько-нибудь важнаго значенія. Мало ли по какимъ причинамъ совершаются покушенія? Около петербургскаго градоначальника въ теченіе 12 лѣтъ образовалась очень сгущенная атмосфера недовольства и раздраженія. Наружныя улучшенія въ полиціи были сдѣланы; въ городѣ стало чище и удобнѣе, «треповская весна» и треповскіе приказы вошли въ разговорки и стали предметомъ моды и подражанія для губернаторовъ и полицеймейстеровъ всей Руси великой. Но тысячи людей высылались административнымъ порядкомъ; домовладѣльцы, фабрики и заводы, торговцы и извозчики, дворники и ремесленники крехтѣли и жаловались. Взятки усилились; вмѣсто чернослива и головы сахара, которыми довольствовался Сквозникъ-Дмухановскій, обывателямъ приходилось отплачиваться всякаго рода товарами, праздничными и чрезвычайными денежными подачками, даже акціями и паями. На все требовалось предварительное разрѣшеніе. Вывѣски нельзя было поставить или объявленіе напечатать безъ «хожденія» въ участкѣ и градоначальствѣ; всякая новая машина требовала осмотра и подмазки; уроки можно было давать лишь съ «належащаго» разрѣшенія. Городовые, пристава, городскіе врачи— все это было поставлено на лучшую ногу, опиралось на технику и науку въ пониманіи Собакевича; мундиры были повенькіе, но надъ «ввѣреннымъ населеніемъ» гнетъ тяготѣлъ съ большой силой и надо было непрерывно отплачиваться, чтобы жить, дышать, работать, торговать. Только особыя знакомства, связи и покровительства спасали отъ этого гнета и произвола, но праздничныя деньги и «на чай» платили всѣ. Изъ системы предварительныхъ разрѣшеній и полицейской опеки возникали концессіи и монополіи. Рекомендовались образцы вывѣсокъ, квартирныя книжки, флаги, домовыя книги. Аптеки, заводы, трактиры могли существовать или уничтожаться по усмотрѣнію полиціи. Отъ расположенія духа градоначальства зависѣло устройство тѣхъ или другихъ благотворительныхъ предпріятій и публичныхъ чтеній; рестораны торговали въ часы, назначенные «недреманнымъ окомъ» полиціи. Обратившись по-пріятельски къ градоначальству, вліятельныя лица могли избавиться отъ непріятной обязанности платить по векселямъ...

«Мнѣ случалось не разъ обличать въ печати тѣхъ или другіе промахи или злоупотребленія полиціи. За это артели газетчиковъ внушено было не продавать «Русскаго Обозрѣнія». Оказалось, что и въ эту отрасль труда Треповъ ввелъ монополію. Я пригрозилъ жалобой въ сенатъ. Нѣсколько дней спустя, является ко мнѣ цѣлая депутація и разсыпается въ благодарностяхъ. Имъ долго не давалось разрѣшенія на розничную торговлю произведеніями печати, грозили даже выслать изъ столицы за назойливое домогательство; но послѣ моей статьи разрѣшенія были выданы. Во главѣ депутаціи былъ Копаныгинъ...

«О покушеніи на Ѳ. Ѳ. Трепова я прочелъ въ Санъ-Стефано. На минуту объ этомъ поговорили, но всѣ догадки сводились къ тому, что покушеніе было вызвано личною местию за какое-нибудь произвольное распоряженіе.

«— Хорошій человекъ Ѳедоръ Ѳедоровичъ, но часто горячится; слишкомъ много у него власти! Можетъ быть, онъ выслалъ эту дѣвушку въ угоду какому-нибудь донъ-Жуану.

«Да, у петербургскаго градоначальника, какъ и у всѣхъ другихъ властителей надъ російскими обывателями, было очень много власти; а безгласность и безконтрольность поощряли увлеченія и злоупотребленія. Закоренѣлая привычка къ своеволію напоминала о законахъ и законности только для пущаго угнетенія людей. Въ лучшемъ случаѣ это было самодурство тѣхъ же Китъ-Китычей; но это самодурство восходило за предѣлы семьи и лавки и распространялось на все «вѣренное населеніе. Когда генераль Треповъ былъ раненъ, въ Петербургѣ ходили слухи, что государь поручилъ одному изъ министровъ успокоить пострадавшаго обѣщаніемъ обезпечить его семью. Министръ, съ своей стороны, успокоилъ государя завѣщеніемъ, что раненый давно самъ себя обезпечилъ и обладаетъ весьма крупнымъ состояніемъ. Этотъ слухъ попалъ въ газеты въ видѣ разсказа о случаѣ съ китайскимъ мандариномъ, который молилъ богдыхана объ обезпеченіи его семьи».

Таковъ портретъ тогдашняго вершителя судебъ столичной жизни, нарисованный бывшимъ публицистомъ «Голоса», которому, какъ увидимъ далѣе, суждено было впоследствии въ связи съ дѣломъ Засуличъ обратить также на себя вниманіе администраціи и общества по случаю своего горячаго и красиваго фельетона, посвященнаго этому дѣлу. Вотъ представителю такой-то всемогущей полицейской политики и пришлось стать лицомъ къ лицу съ «новыми людьми», выдвинутыми русской революціей. Старое и новое рѣзко столкнулись, и въ результатъ получилась шумная и кровавая катастрофа. Дѣло разыгралось при слѣдующей политической обстановкѣ, созданной всѣмъ ходомъ событій второй половины 70-хъ годовъ.

Только что въ сенатѣ закончилось слушаніемъ громкое «дѣло 193-хъ», и большинству участниковъ его вынесенъ былъ строгій приговоръ, усиленный въ мѣрахъ наказанія по настояніямъ шефа жандармовъ Мезенцова, согласно высочайшей конфирмаціи приговора. Такимъ образомъ, въ домѣ предварительнаго заключенія скопилось много народа, какъ по настоящему процессу, такъ и по недавнему процессу о дѣлѣ безпорядковъ на Казанской площади. Собранные здѣсь со всѣхъ концовъ русской земли, всѣ между собою знакомые по большей части по «мирной пропагандѣ» и «политической пропагандѣ» 1874 и 1875 гг., рады были напоследкахъ, передъ отправкой за предѣлы Европейской Россіи, между собою встрѣтиться, подѣлиться впечатлѣніями, видами на будущее, планами и предположеніями. Обстановка въ тюрьмѣ поэтому получалась довольно оживленная и отчасти нервная, возбужденная. Завѣдывавшій домомъ заключенія полковникъ Федоровъ былъ человѣкъ мягкій, гуманный, хорошо понимавшій психологію очутившейся подъ его призоромъ молодежи и относившійся къ ней снисходительно, уступчиво и далеко не формально. Тогдашній врачъ тюрьмы Д. М. Герценштейнъ, воспоминаніями котораго далѣе намъ придется пользоваться, говорить о немъ очень тепло и сочувственно. Благодаря указаннымъ свойствамъ полковника, въ домѣ предварительнаго заключенія установился относительно мягкій режимъ, при которомъ заключенные пользовались нѣкоторыми льготами, являвшимися съ формальной точки зрѣнія своего рода, исключеніемъ, и исключеніемъ при томъ выгоднымъ въ пользу заключенныхъ, изъ общаго режима тогдашней всероссійской тюремной жизни, о которой намъ впоследствии еще придется говорить. Однимъ изъ исключеній, отнесенныхъ высшимъ начальствомъ къ разряду вредныхъ упущеній, было нѣкоторое снисходительное смотрѣніе тюремной администраціи на сношенія между собою арестованныхъ во время прогулокъ. На четырехугольномъ внутреннемъ дворѣ былъ начертанъ кругъ, раздѣленный радіусами, на промежуткахъ котораго полагалось гулять по одному заключенному. 13-го іюля 1878 года выпедшіе на прогулку политическіе преступники Кадьянъ, Петропавловскій (Каронинъ) и Боголюбовъ, сидѣвшіе въ то время въ заключеніи по разнымъ дѣламъ, нарушили изолированность территоріи прогулокъ и сошлись въ одну группу, гуляя по двору совместно и бесѣдуя между собою. Вотъ въ это-то время именно тюремныя ворота отворились, и во дворѣ появился петербургскій градоначальникъ О. О. Треповъ, явившійся освидѣтельствовать въ отсутствіе полковника Федорова, находившагося въ отпуску, тюремный порядокъ. Событія развернулись въ слѣдующей послѣдовательности.

II.

Свидѣтель по процессу Вѣры Засуличъ, сидѣвшій въ то время въ домѣ предварительнаго заключенія, показалъ на судѣ по настоящему предмету слѣдующее ¹⁾: «Я гулялъ вмѣстѣ съ девятью человѣками, которые были выведены на дворъ для гулянья. Эти девять человѣкъ раздѣлялись на группы; въ каждой было по два, по три человѣка; въ одной изъ группъ были Кадьянъ, Боголюбовъ и я. Это было около 10 часовъ утра. Вдругъ отворяются ворота, и появляется градоначальникъ. Мы въ то время стояли на противоположномъ концѣ двора; градоначальникъ подходитъ къ нашей группѣ и обращается къ управляющему, который шелъ рядомъ съ нимъ, и спрашиваетъ его раздраженнымъ тономъ, почему мы гуляемъ вмѣстѣ, такъ какъ, по правиламъ, мы должны и въ камерахъ сидѣть въ одиночку. Въ это время управляющимъ былъ майоръ Куршбевъ. Что онъ отвѣтилъ, я не знаю; но вмѣсто его счелъ нужнымъ отвѣтить самъ Боголюбовъ, который замѣтилъ, что онъ уже присужденъ и имѣетъ право видѣться со всѣми, которые сидятъ тутъ въ домѣ предварительнаго заключенія. Послѣ этого градоначальникъ сталъ еще болѣе раздраженъ. Онъ обращается къ Боголюбову и довольно зычнымъ голосомъ закричалъ: «Развѣ я къ тебѣ обращаюсь?!» и этотъ вопросъ повторилъ нѣсколько разъ. Въ концѣ концовъ онъ закричалъ: «Взять его въ карцеръ!» Но такъ какъ въ это время не было лица, которое могло бы исполнить его приказаніе, мы имѣли возможность обойти еще вокругъ двора. Когда мы обошли и встрѣтились опять съ управляющимъ и градоначальникомъ, тогда градоначальникъ подбѣгаетъ къ Боголюбову очень близко, замахивается на него рукой и кричитъ: «Долой шапку!» Боголюбовъ, видя угрожающее движеніе руки, отскакиваетъ; вслѣдствіе такого движенія шапка свалилась нѣсколько на бокъ; онъ подхватываетъ и надѣваетъ; тогда опять подбѣжалъ къ нему и замахнулся на него рукою, но я былъ тогда въ такомъ возбужденномъ состояніи, что не видалъ, сбиль ли онъ съ него шапку. Въ скоромъ времени послѣ того Боголюбовъ былъ отведенъ въ карцеръ».

Далѣе на судѣ послѣдовалъ слѣдующій допросъ свидѣтеля.

Предсѣдатель.—Что вамъ извѣстно о наказаніи?

О.—Я самъ объ этомъ не слыхалъ, такъ какъ въ это время уже сидѣлъ въ камерѣ.

В.—Такъ что потомъ объ этомъ узнали?

О.—Да.

В.—Другіе арестанты въ это время производили шумъ?

¹⁾ «Процессъ Вѣры Засуличъ (Судъ и послѣ суда)». Изд. книгоиздательства «Современникъ».

О.—Да, во время послѣдней сцены, когда градоначальникъ замахнулся рукой на Боголюбова, сдѣлался ужасный шумъ, и вслѣдствіе этого шума градоначальникъ ушелъ.

В.—Быль одинъ шумъ или что было еще?

О.—Нѣтъ, быль только шумъ.

В.—Форточки разбивались?

О.—Нѣтъ, въ это время быль только одинъ шумъ.

В.—Боголюбовъ къ чему быль присуждёнъ?

О.—Онъ быль присуждёнъ къ каторгѣ.

В.—Встрѣчаясь съ градоначальникомъ, онъ кланялся ему?

О.—Когда мы первый разъ встрѣтились съ нимъ, мы всё сдѣлали ему поклонъ; Боголюбовъ снялъ шапку такъ же, какъ и Кадьянъ.

Присяжный повѣренный Александровъ.—Не было возбужденія со стороны Боголюбова прочихъ арестантовъ къ шуму?

О.—Нѣтъ, послѣ тѣхъ словъ, которыя вызвали раздраженіе градоначальника, Боголюбовъ ничего не говорилъ; я могъ слышать, такъ какъ стоялъ возлѣ него.

В.—Вслѣдствіе же чего начался шумъ со стороны арестантовъ?

О.—Когда они увидали послѣднюю сцену, когда градоначальникъ сшибъ шапку съ Боголюбова, тогда всё подняли крикъ негодованія.

В.—Вы не помните, не отвѣтилъ ли Боголюбовъ градоначальнику, что онъ по другому дѣлу, нежели вы и докторъ Кадьянъ?

О.—Онъ именно это и сказалъ ему при первой встрѣчѣ, что онъ осуждёнъ и, кромѣ того, по другому дѣлу.

В.—Вы услышали въ тотъ же день о наказаніи Боголюбова?

О.—Объ этомъ я слышалъ часа черезъ три. Куряевъ зашелъ на дворъ къ намъ и громко сказалъ, что Боголюбова будутъ сѣчь.

В.—Это онъ сказалъ вслухъ при арестантахъ?

О.—Да, и послѣ того произошелъ ужасный шумъ.

По просьбѣ защиты была прочтена замѣтка газеты «Новое Время», сообщающая объ этомъ происшествіи: «Съ недѣлю уже въ городѣ ходятъ настойчивыя слухи о какомъ-то происшествіи въ домѣ предварительнаго заключенія, находящемся рядомъ съ зданіемъ судебныхъ установленій. «Голосу» передавали по этому поводу, что 13 іюля одинъ изъ представителей администраціи въ Петербургѣ, при посѣщеніи тюрьмы, остался недоволенъ порядками, введенными въ тюрьмѣ лицами прокурорскаго надзора, на обязанности которыхъ лежитъ наблюденіе за содержаніемъ арестованныхъ. Между прочимъ онъ замѣтилъ, что три арестанта прогуливаются вмѣстѣ и обратился къ одному изъ арестантовъ съ вопросомъ о причинѣ такой свободы. Арестантъ этотъ оказался однимъ изъ обвиненныхъ по дѣлу о беспорядкахъ, происшедшихъ 6-го декабря прошлаго года на площади Казанскаго собора, Боголюбовымъ, приговореннымъ

уже особымъ присутствіемъ правительствующаго сената къ лишенію всѣхъ правъ состоянія и ссылкѣ въ каторжную работу, но еще ожидающимъ исполненія этого приговора. Неудовлетворительный, а можетъ быть и недостаточно почтительный отвѣтъ Боголюбова вызвалъ со стороны посѣтителя тюрьмы распоряженіе о немедленномъ заключеніи арестантовъ въ карцеръ. Исполнявшему это приказаніе пришлось проводить Боголюбова опять по двору, гдѣ находилось и лицо, отдавшее приказаніе. Проходя вблизи стоявшаго съ другими лицами посѣтителя, Боголюбовъ не снялъ фуражки; представитель администраціи размахомъ руки сшибъ фуражку съ головы Боголюбова, а въ наказаніе за оказанное ему неуваженіе приказалъ тюремному начальству подвергнуть Боголюбова тѣлесному наказанію для примѣра другимъ содержащимся. На слѣдующій день распоряженіе это было исполнено, и Боголюбовъ наказанъ розгами въ коридорѣ тюрьмы, въ присутствіи всѣхъ арестантовъ того отдѣленія, въ которомъ содержался».

Такова фактическая сторона событія 13 іюля 1877 года съ нѣкоторой небольшою разницей въ несущественныхъ деталяхъ, которое имѣло мѣсто въ домѣ предварительнаго заключенія. Послѣдовавшія событія описаны чрезвычайно живо и въ потрясающихъ своей силой краскахъ въ воспоминаніяхъ доктора Д. М. Герценштейна о тѣхъ дняхъ¹⁾. «Полковникъ Федоровъ былъ въ отпуску,—повѣствуетъ онъ. — Будь онъ здѣсь, не подлежить ни малѣйшему сомнѣнію, что ни гнуснаго насилія надъ Боголюбовымъ, ни, слѣдовательно, этого волненія не было бы. Можетъ быть, дѣло кончилось бы печально для самого Федорова—изгнаніемъ, отставкой, можетъ быть, арестомъ и судомъ, но онъ не допустилъ бы этого позора и оберегъ бы отъ него и самого необузданнаго самодура Трепова. Но Федорова замѣщаль одинъ изъ приставовъ... Это былъ майоръ Курпѣевъ—коренастый, грубаго полицейскаго вида бурбонъ, способный на все, что угодно начальству, разумѣется, кромѣ какого-нибудь благородства и человѣчности.

«Для пониманія этого происшествія и нѣкоторыхъ послѣдующихъ нужно сказать два слова о расположеніи дома предварительнаго заключенія. Оставляя въ сторонѣ службы, квартиры и пр., окружающія первый дворъ, со Шпалерной улицы, мы остановимся на главной части зданія—на мужскомъ отдѣленіи. Оно непрерывной постройкой окаймляетъ большой квадратный дворъ, на который выходятъ окна всѣхъ 6 этажей камеръ. Ни на улицу, ни на сосѣдніе дворы камеры окопъ не имѣютъ. Внутри зданія коридоръ четырехъ нижнихъ этажей отдѣленъ отъ верхнихъ двухъ сплошнымъ каменнымъ потолкомъ, тогда какъ вокругъ камеръ другихъ этажей тянутся желѣзныя, узкія, не доходящія до противоположной стѣны

¹⁾ «Былое» 1907 г., іюнь.

галереи, сообщающіяся одна съ другой довольно крутыми желѣзными лѣстницами съ высокими ступеньками. Такимъ образомъ, заключенные могли видѣть и лѣтомъ, при открытыхъ окнахъ, отчасти слышать то, что произошло во дворѣ, тѣмъ болѣе, что временно замѣщавшій полковникъ Федорова майоръ Кургѣевъ объявилъ со двора громогласно о предстоящемъ наказаніи Боголюбова. Позорнѣйшее не для Боголюбова, а для Трепова и исполнителей его звѣрской фантазіи наказаніе было приведено въ исполненіе въ галереѣ, въ которой находилась камера Боголюбова, и такимъ образомъ, какъ его сосѣди, такъ и многіе другіе вверхъ и внизъ по галереямъ слышали борьбу, возню, можетъ быть, свистъ розогъ, стоны и крики истязуемаго, тѣмъ болѣе, что резонансъ въ домѣ удивительный.

«Нужно знать вѣчное нервное, напряженное, постоянно тревожное состояніе заключенныхъ, особенно одиночныхъ, пока они еще не впали въ апатичное оупѣніе отъ долговременнаго пребыванія, нужно видѣть это состояніе, чтобы понять, какое впечатлѣніе это событіе должно было произвести и какое волненіе вызвать среди всѣхъ заключенныхъ, изъ которыхъ иные даже не знали еще, въ чемъ дѣло. Въ чемъ можетъ выразиться негодованіе, которое душило ихъ, невѣдомый страхъ передъ происходящимъ чѣмъ-то ужаснымъ, безсильная злоба до скрежета зубовъ, въ чемъ можетъ проявиться такое адское состояніе возбужденія, до потери сознанія у людей, запертыхъ въ каменные клѣтки, заживо замурованныхъ въ этихъ склепахъ? Имъ оставался только крикъ и стукъ. Для меня не подлежитъ сомнѣнію, что, не будь этого исхода для переполившагося чувства, у многихъ сердце бы лопнуло или—говоря точнѣе и научнѣе—ихъ постигъ бы параличъ. И вотъ поднялся невообразимый, бѣшеный крикъ и стукъ. Въ камерахъ столъ, табуретъ и койка все желѣзное и неподвижно придѣлано къ стѣнамъ,—и остается только тяжелая оловянная посуда. Ею и стучали. Колотили въ двери и окна, стучали въ полъ и стѣны и по наружному желѣзному подоконнику. Стучали съ бѣшенствомъ, безъ перерыва, съ сверхъестественной силой...

«Шумъ и недостаточно опредѣленные слухи о происшедшемъ достигли женскаго отдѣленія, обитательницы котораго имѣли среди заключенныхъ мужчинъ друзей, родственниковъ, мужей, жениховъ и просто глубоко уважаемыхъ товарищей и знакомыхъ. Кромѣ того, изъ своихъ оконъ нѣкоторыя видѣли, какъ городовые и служителя вязали въ сараѣ и проносили по двору пучки розогъ. А эти грубые люди мимикой и жестаи объясняли, улыбаясь, что это для мужскаго отдѣленія, причемъ, выразительно размахивая руками, указывали, для какого собственно употребленія. По ихъ понятію, что же здѣсь особеннаго; развѣ они этого постоянно не видѣли въ деревнѣ надъ вольными людьми, не то что надъ «арестантами»? Можно себѣ представить—нѣтъ, трудно для тѣхъ, кто не видѣлъ,—что происхо-

дило здѣсь. Тутъ волненіе и безпокойство, кромѣ криковъ, сопровождалось истерическими рыдаціями, обмороками и еще большей растерянностью женщинъ служебнаго персонала. въ свою очередь блѣдныхъ и потрясенныхъ до глубины души событіями, еще небывалыми и неслыханными въ этомъ «образцовомъ» и цивилизованномъ мѣстѣ заключенія. Я самъ былъ потрясенъ рассказомъ и совершенно ошеломленъ хаосомъ звуковъ. Какая-то тупость царила въ головѣ, что-то безотчетно скверное владѣло душой. Однако, кос-какъ собравшись съ мыслями, я невольно поспѣшилъ къ двери, чтобы пойти по камерамъ. Едва ли я отдавалъ себѣ отчетъ—для чего; это было инстинктивное чувство—бѣжать туда, къ тѣмъ, кто стучитъ и кричитъ, у кого сердце рвется въ груди; но меня не пустили...

«— Что вы, докторъ, нельзя. Васъ убьютъ!—говорили даже фельдшера.

«— Меня! За что? Вотъ еще!—возразилъ я, нѣсколько задѣтый.

«— Да, да, даже васъ, несмотря на самое лучшее къ вамъ отношеніе. Теперь разбирать не будутъ. Вы откроете двери и вамъ раскроютъ голову тяжелой кружкой. Они теперь не видятъ и не слышатъ. Потомъ очнутся, но будетъ поздно, особенно для васъ. Мы тоже не ходимъ.

«Дѣлать нечего—пришлось подчиниться. Тогда я бросился въ женское отдѣленіе. Успокаивалъ, утѣшалъ, смягчалъ извѣстія, брызгалъ водой и давалъ капли,—но чувствовалъ свое безсиліе и пошлость положенія съ этой «помощью» въ такую минуту! Опять зашелъ на мужское отдѣленіе. Тамъ все безъ перемѣны. Я чувствовалъ самъ, что просто ошалѣлъ отъ одного даже физическаго шума, не говоря ни о чемъ прочемъ... Я не умѣю передать ни этой картины, ни своего состоянія—это нужно было видѣть и испытать. Меня уговаривали уѣхать; я, наконецъ, послушался и ушелъ; я не могъ больше выдержать».

III.

Приѣхавъ на слѣдующій день въ тюрьму, д-ръ Герценштейнъ нашелъ ту же картину возбужденія, но только шумъ былъ слабѣе, потому что началось усмиреніе и многіе были уже размѣщены по карцерамъ. «Оказалось, что въ тюрьму ввели военный караулъ и большой отрядъ полицейскихъ—продолжаетъ онъ свои свидѣтельства о видѣнномъ.—Эти послѣдніе, снявъ свои фуражки съ номерами, группами расхаживали по камерамъ, избивая стучавшихъ и волоча многихъ изъ нихъ по карцерамъ. Кого тащили подъ руки, а кого волокли за ноги, причемъ голова колотилась о чугунный полъ галереи и особенно объ острые ступени желѣзныхъ лѣстницъ. Прекрасному молодому человѣку Г—ву ключами разбили голову до крови. Разумѣется, избіенія были общимъ правиломъ, а остальное—

карцеры и прочее—только дополненіемъ. Но избіеніе не спасало отъ карцеровъ, и я съ фельдшерами сталъ обходить карцеры и подавать возможную, вѣриге, фиктивную помощь и нѣкоторое утѣшеніе¹⁾. По молодости и наивности, я совѣтовалъ непременно жаловаться и заявилъ, что съ охотою дамъ медицинское свидѣтельство о признакахъ и слѣдствіяхъ побоевъ. Для несчастныхъ заключенныхъ въ карцеры, избитыхъ и поруганныхъ, приходъ посторонняго лица, не изъ ихъ палачей, со словами сочувствія и ободренія было дѣйствительно утѣшеніемъ и, кромѣ довѣрія и жалобъ, я ничего не видѣлъ съ ихъ стороны. Изумительно—даже озлобленія не видно было! Избитые и измученные, они рады были посѣщенію сторонняго, но все-таки сочувствующаго человѣка. Имъ казалось, что они не забыты и не отданы цѣликомъ во власть своихъ палачей, что кто-нибудь вынесетъ вѣсть объ этомъ на бѣлый свѣтъ, за стѣны тюрьмы.

«Спасибо обоимъ фельдшерамъ... Я вспоминаю объ нихъ съ благодарностью и уваженіемъ за ихъ образъ дѣйствія вообще и въ эти ужасные дни въ особенности. Они указывали мнѣ карцеры и водили по нимъ. Они же привели меня въ уголокъ ада въ этомъ усовершенствованномъ «европейскомъ» домѣ заключенія. Мы прошли въ ворота, соединяющія оба двора тюрьмы. Налѣво въ стѣнѣ я увидалъ небольшую желто-бурую дверь обыкновеннаго тюремнаго образца. Мы ее отперли и очутились въ узенькомъ, почти совсѣмъ темномъ маленькомъ коридорѣ. Воздухъ жаркій, сырой и запахъ отвратительный.

«— Осторожно, осторожно!—предостерегали меня мои спутники, оберегая отъ прикосновенія къ стѣнамъ.

«Я не понималъ, въ чемъ дѣло, но было не до разспросовъ, и я остерегался, сколько могъ. Но вотъ еще такая же узенькая тюремная дверь. Мы отперли и ее. Несмотря на яркій солнечный день, здѣсь такъ темно, какъ въ самую глухую ночь въ комнатѣ съ плотно закрытыми ставнями. Жарко, какъ въ банѣ, но какъ-то странно: сухо или сыро—не понять; но воздухъ какой-то промозглый, деретъ въ горлѣ и вонь просто невѣроятная. Что-то фантастическое копшится въ этой тюрьмѣ; я это слышу, чувствую, но ничего не могу различить, ровно ничего не вижу.

«— Это г. докторъ,—говорить одинъ изъ фельдшеровъ кому-то въ темнотѣ.

«— Смотрите, смотрите—раздается въ отвѣтъ чей-то голосъ, мрачный, торопливый, фантастическій.

«Все это дико, фантастично, похоже на сонъ или сказку.

«— Кто здѣсь?—спрашиваю я.—Кто вы?

¹⁾ Объ этихъ избіеніяхъ см. также «Воспоминанія чайковца» С. С. Синегуба въ «Выломѣ» 1906, ноябрь.

Федоръ Федоровичъ Треповъ.

«— Я Дическуль,—и опять глухой голосъ съ какимъ-то ужасомъ и изумленіемъ повторяетъ:—смотрите, смотрите, вотъ, вотъ черви, живые!

«Но я не могу смотрѣть, потому что ничего не видно. Одинъ пзъ фельдшеровъ сбѣгалъ куда-то и досталъ огарокъ свѣчи. Мы ее зажгли. Красноватый свѣтъ озарилъ ближайшее пространство, оставляя во мракѣ остальную часть помѣщенія. Длинноватая, рас-

«истор. вѣстн.», апрѣль, 1910 г., т. сxx.

15

трепанная и растерзанная фигура поднялась съ голога асфальтоваго пола. Это какое-то фантастическое видѣніе. Опять послышалось:

— Смотрите, смотрите, черви, живые, копошатся! Смотрите!

Фельдшеръ съ огаркомъ сталъ освѣщать чернѣйшій асфальтовый полъ, усѣянный человѣческими экскрементами, различной давности... Весь полъ былъ усѣянъ этими выдѣленіями. Одни, совершенно высохшіе, едва чернѣли, другіе, болѣе недавняго происхожденія, кишѣли большими бѣлыми ползавшими и извивавшимися червями. Стѣны въ различныхъ мѣстахъ также были выпачканы. Судна, такъ называемой парашки, не было, ни ведра, ни наръ, какъ вообще, ровно ничего, кромѣ изверженій. Они составляли единственную принадлежность, движимость или убранство—не знаю, какъ сказать,—этого помѣщенія. И среди нихъ и на нихъ долженъ былъ лежать культурный человѣкъ, все преступленіе котораго заключалось въ томъ, что онъ желалъ лучшей участи своему народу... Онъ долженъ былъ сидѣть или лежать, избитый, въ указанной обстановкѣ и атмосферѣ, чувствовать, какъ копошились надъ нимъ и на немъ, на его голыхъ рукахъ и шеѣ, смрадные черви! Онъ былъ близокъ къ помѣшательству и все повторялъ, указывая на множество мѣстъ:

«— Смотрите, смотрите!

«Заключенный пробовалъ бороться съ этимъ. Со сверхъестественной силой, самъ избитый, онъ вышибъ глухую форточку въ двери и черезъ нее, голыми руками, сталъ выбрасывать эту мерзость въ вышеупомянутый коридорчикъ, загадивъ этимъ полъ и противоположную стѣнку: вотъ чѣмъ объясняется заботливость фельдшеровъ и ихъ предостереженія: осторожно, осторожно!.. Но трудъ несчастнаго былъ совершенно напрасенъ и у него въ помѣщеніи ничего не измѣнилось. Это и былъ темный карцеръ, заботливо построенный одновременно со всей этой «образцовой» тюрьмой. Его помѣстили рядомъ съ машинной топкой и, не продѣлавъ ни окна, никакой щели, не снабдили ни малѣйшей вентиляціей, а начальство не поставило даже парашки. При Федоровѣ имъ, вѣроятно, какъ карцеромъ, не пользовались и не запирали. Поэтому рабочіе во дворѣ, дворники и прочіе, чтобы не ходить далеко, примѣняли его къ своимъ надобностямъ. Теперь объ немъ вспомнили. И сюда, въ эту вѣчную смрадную ночь, сажали людей на нѣсколько сутокъ по волѣ какого-нибудь безмысленнаго бурбона. Несчастный Дическуль провелъ уже здѣсь цѣлыя сутки, и можно себѣ представить его состояніе въ этой тѣмѣ кромѣшной, въ этой обстановкѣ изъ однихъ червей съ ихъ обиталищемъ, когда нельзя было знать, когда день, когда ночь, и когда казалось, что прошли уже не однѣ сутки! Человѣкъ былъ близокъ къ сумасшествію. Къ счастью, удалось добиться его перевода въ лазаретъ».

Волненія въ домѣ предварительнаго заключенія длились цѣлыхъ три дня, все ослабѣвая, и наконецъ были потушены. Докторъ Гер-

ценштейнъ посѣтилъ всѣхъ заключенныхъ въ свѣтлыхъ карцерахъ и оказавшихся избитыми и съ болѣе или менѣе сильными поврежденіями, понесенными имъ при свалкѣ съ полицейской стражей, совѣтуя имъ принести соотвѣтствующія жалобы по начальству. Участливое отношеніе врача къ пострадавшимъ не прошло ему даромъ и вслѣдъ за успокоеніемъ, наступившимъ въ тюрьмѣ, онъ по приказанію градоначальника былъ отчисленъ отъ дома предварительнаго заключенія. Императоръ Александръ II, прослышавъ о событіи 13-го іюля и его послѣдствіяхъ, надѣлавшихъ большого шума въ городѣ и проникшихъ въ печать, поручилъ предсѣдателю комиссіи по тюремному преобразованію, покойному нынѣ К. К. Гроту, осмотрѣть тюрьму, гдѣ произошли безпорядки. Гротъ, дѣйствительно, въ сопровожденіи своего тогдашняго секретаря, нынѣшняго министра финансовъ В. Н. Коковцова, прибылъ въ тюрьму, посѣтилъ и карцеръ, гдѣ провелъ такіа ужасныя сутки Дическулъ, но къ тому времени заботливой рукой начальства всѣ ужасныя живые слѣды были уже сметены и передъ взоромъ гостей оказались заново отремонтированныя помѣщенія, блестящія чистотою и всѣми требуемыми тюремной инструкціей приспособленіями, до градусника на стѣнѣ включительно. Назначено было также по поводу избіенія арестованныхъ судебное слѣдствіе и особое слѣдствіе административное, по почину самого Трепова. Но слѣдствія эти не привели ни къ какимъ явнымъ результатамъ, и вся исторія оказалось замѣтой. Интересъ къ ней заглохъ въ обществѣ, заслоненный другимъ, болѣе яркимъ интересомъ, сосредоточившимся на дѣлѣ Вѣры Засуличъ и ея выстрѣлѣ, направленномъ противъ петербургскаго градоначальника. Во время процесса Засуличъ весь инцидентъ въ домѣ предварительнаго заключенія получилъ должное освѣщеніе и оцѣнку, сдѣланную въ рѣчи защитника обвиняемой, присяжнаго повѣреннаго Александрова.

Оцѣнивая по справедливости распоряженіе генерала Трепова по отношенію Боголюбова и тѣмъ самымъ оправдывая негодованіе, охватившее всѣхъ бывшихъ свидѣтелями исполненія этого распоряженія, а также услышавшихъ о немъ, Александровъ рисовалъ примѣнительно къ психологін Засуличъ дѣло такъ: «Не съ точки зрѣнія формальности закона могла обсуждать В. Засуличъ наказаніе, произведенное надъ Боголюбовымъ, но и для нея не могло не быть яснымъ изъ самихъ газетныхъ извѣстій, что Боголюбовъ, хотя и былъ осужденъ въ каторжныя работы, но еще не поступилъ въ разрядъ ссыльно-каторжныхъ, что надъ нимъ не было исполнено все то, что, по фикціи закона, отнимаетъ отъ человѣка честь, разрываетъ всякую связь его съ прошедшимъ и низводитъ его въ положеніе лишеннаго всѣхъ правъ. Боголюбовъ содержался еще въ домѣ предварительнаго заключенія, онъ жилъ среди прежней обстановки, среди людей, которые напоминали ему его прежнее положе-

ніе. Нѣтъ, не съ формальной точки зрѣнія обсуждала В. Засуличъ наказаніе Боголюбова, была другая точка зрѣнія, менѣ спеціальная, болѣе сердечная, болѣе человѣческая, которая никакъ не позволяла примириться съ разумностью и справедливостью произведеннаго надъ Боголюбовымъ наказанія. Боголюбовъ былъ осужденъ за государственное преступленіе... Характерныя особенности нравственной стороны государственныхъ преступленій не могутъ не обращать на себя вниманія. Физіономія государственныхъ преступленій нерѣдко весьма измѣнчива. То, что вчера считалось государственнымъ преступленіемъ, сегодня или завтра становится высокочтимымъ подвигомъ гражданской доблести. Государственное преступленіе нерѣдко только рановременно высказанное ученіе преждевременнаго преобразованія, проповѣдь того, что еще недостаточно созрѣло и для чего еще не наступило время. Все это, несмотря на тяжелую кару закона, постигающую государственнаго преступника, не позволяетъ видѣть въ немъ презрѣннаго, отвергнутаго члена общества, не позволяетъ заглушить симпатій ко всему тому высокому, честному, доброму, разумному, что остается въ немъ внѣ сферы его преступнаго дѣянія... Боголюбовъ судебнымъ приговоромъ былъ лишенъ всѣхъ правъ состоянія и присужденъ къ каторгѣ. Лишеніе всѣхъ правъ и каторга—одно изъ самыхъ тяжелыхъ наказаній нашего законодательства. Лишеніе всѣхъ правъ и каторга одинаково могутъ постигнуть самыя разнообразныя тяжкія преступленія, несмотря на все различіе ихъ нравственной подкладки. Въ этомъ еще нѣтъ ничего несправедливаго. Наказаніе, поскольку оно касается сферы права, измѣненія общественнаго положенія, лишенія свободы, принудительныхъ работъ, можетъ безъ особенно вопіющей неравномѣрности, постигать преступника разнообразнаго характера. Разбойникъ, поджигатель, распространитель ереси, наконецъ, государственный преступникъ могутъ быть, безъ явной несправедливости, уравнены постигающимъ ихъ наказаніемъ. Но есть сфера, которая не поддается праву, куда безсиленъ проникнуть нивелирующій законъ, гдѣ всякая законная уравнительность была бы величайшей несправедливостью. Я разумью сферу умственнаго и нравственнаго развитія, сферу убѣжденій, вкусовъ, сферу всего того, что составляетъ умственное и нравственное достояніе человѣка. Высокоразвитый, полный честныхъ нравственныхъ принциповъ, государственный преступникъ и безнравственный, презрѣнный разбойникъ или воръ могутъ одинаково, стѣна объ стѣну, тянуть долгіе годы заключенія, могутъ одинаково нести трудъ рудниковыхъ работъ, по никакой законъ, никакое положеніе, созданное для нихъ наказаніемъ, не въ состояніи уравнивать ихъ во всемъ томъ, что составляетъ умственную и нравственную сферу человѣка. Что, потому, для одного составляетъ ничтожное лишеніе, легкое взысканіе, то для другого можетъ составить тяжелую нравственную пытку, не-

выносимое безчеловѣчное истязаніе. Законъ карающій можетъ отнять виѣшнюю честь, всѣ виѣшнія отличія, съ ней сопряженныя, но истребить въ человѣкѣ чувство моральной чести, нравственнаго достоинства, судебнымъ приговоромъ измѣнить нравственное содержаніе человѣка, лишить его всего того, что составляетъ неотъемлемое достояніе его развитія, никакой законъ не можетъ. И если законъ не можетъ предусмотрѣть всѣ нравственныя, индивидуальныя различія преступника, которыя обусловливаются его прошедшимъ, то является на помощь общая, присущая человѣку нравственная справедливость, которая должна подсказать, что примѣнимо къ одному, или что было бы вышею несправедливостью въ примѣненіи къ другому. Если съ этой точки зрѣнія общей справедливости смотрѣть на наказаніе, примѣненное къ Боголюбову, то понятнымъ станетъ то возбуждающее, тяжелое чувство негодованія, которое овладѣвало всякимъ неспособнымъ безучастно относиться къ нравственному истязанію надъ ближнимъ. Съ чувствомъ глубокаго, непримиримаго оскорбленія за нравственное достоинство человѣка отнеслась Засуличъ къ извѣстію о позорномъ наказаніи Боголюбова».

IV.

Александровъ правильно установилъ уголъ моральнаго зрѣнія на поступокъ Трепова и на обязательное отношеніе къ этому поступку со стороны общества: поступокъ недостойный интеллигентнаго человѣка, вызывающій негодованіе и оскорбляющій лучшія человѣческія чувства. Но пока подробности всего эпизода 13-го іюля оставались не выясненными, ни печать, ни русское общество не рѣшались или не имѣли способвъ и возможности такъ или иначе на этотъ эпизодъ реагировать. Но иначе обстояло дѣло въ революціонныхъ кругахъ, въ обществѣ «Земля и Воля», которыхъ поступокъ Трепова ближайшимъ образомъ задѣвалъ и касался. Здѣсь, въ революціонной средѣ, наказаніе Боголюбова розгами и всѣ происшествія въ домѣ предварительнаго заключенія вызвали настоящій взрывъ возбужденныхъ чувствъ, взрывъ, который рѣшено было въ видѣ акта мести градоначальнику направить непосредственно на его личность. Идея покушенія на Трепова, если не родилась, то во всякомъ случаѣ созрѣла и пріобрѣла реальную форму на югѣ. По этому предмету одинъ изъ видныхъ тогдашнихъ революціонеровъ М. Ф. Фроленко, имя котораго уже намъ знакомо, когда шла рѣчь о Чигиринскомъ дѣлѣ, въ своей статьѣ «Комментаріи къ статьѣ «Возникновеніе Народной Воли»¹⁾, говоритъ: «Въ Одессѣ, Кіевѣ, въ концѣ 71-го года (77) уже начинаетъ ходить мысль о необ-

¹⁾ «Былое» 1906 г., № 12.

ходимости открыть походъ противъ правительства въ лицѣ хотя бы мелкихъ его агентовъ. На Пасху 77-го года, при скопленіи радикальнаго народа, въ Одессѣ происходили уже и разные дебаты насчетъ необходимости болѣе систематичнаго похода на правительство, причѣмъ большинство признавало нужнымъ уничтожить, срубить сначала лѣса, какъ тогда выражались, а волки тогда, моль, и сами погибнуть. Меньшинство же стояло за то, чтобы начать съ волковъ. Все это, правда, за недостаткомъ средствъ и хорошей организаціи, не имѣло практическаго осуществленія, если не считать мелочей, но зато вполне подготовило мысль къ подобному способу. Поэтому, когда въ концѣ 77-го года явился въ Одессу Валеріанъ Осинскій съ предложеніемъ объ освобожденіи Стефановича, Дейча, Бохановскаго¹⁾, то здѣсь онъ сразу нашелъ подходящую почву, встрѣтивъ уже цѣлую кучу людей, согласныхъ не только на это освобожденіе, но и вообще на всякое дезорганизаторское дѣло. Взявъ изъ нихъ часть, Осинскій сначала двинулся въ Кіевъ, не, пробывъ тутъ недолго, направился въ Питеръ. Здѣсь имѣлось въ виду тогда устроить демонстрацію при похоронахъ рабочихъ, погибшихъ отъ взрыва на пороховомъ, кажется, заводѣ. Демонстрація не вышла. Тогда было питерцами рѣшено использовать привезенныя силы противъ Трепова. На Гороховой улицѣ, противъ Адмиралтейской части, Пошко и еще одинъ южанинъ²⁾ наняли квартиру, стали слѣдить за выходомъ Трепова. «Варваръ» (рысакъ) долженъ былъ имъ помогать³⁾. Но одновременно въ другой части города Вѣра Засуличъ, Чубаровъ и другіе, въ свою очередь, задумали, независимо отъ этого, произвести наблюденія тоже за Треповымъ. У нихъ подготовка кончилась скорѣе. Вѣра Засуличъ училась стрѣльбѣ еще на югѣ, когда была въ кружкѣ кіевскихъ бунтарей. Ей пришлось только провѣрить себя и рѣшиться на жертву. Узнавъ отъ южанина, жившаго съ Пошко, что ихъ дѣло еще находится въ періодѣ выслѣживанія и опредѣленія способа, что время дѣйствія не установлено, Вѣра не стала выжидать, а сочла за лучшее выступить самой, предупредивъ, такимъ образомъ, другихъ. Осинскій, Пошко и другіе двинулись тогда на югъ и тутъ открыли цѣлый рядъ террористическихъ дѣйствій».

Такимъ образомъ, пока дѣятели «Земли и Воли» готовились въ лицѣ представителей дезорганизаторской группы къ покушенію на Трепова, Засуличъ, не входившая тогда въ число членовъ молодого общества, но принадлежавшая цѣликомъ, всей душой и тѣломъ дѣлу русской революціи, въ качествѣ одиночки, но, конечно,

1) Дѣятели Чигиринскаго заговора,

2) Самъ Фроленко.

3) Тотъ самый «Варваръ», принадлежавшій д-ру Веймару, при помощи котораго состоялся побѣгъ Кропоткина.

при поддержкѣ и содѣйствіи близкихъ единомышленниковъ рѣшила осуществить актъ мести за поруганное достоинство Боголюбова. Къ такому рѣшенію привело и все ея революціонное прошлое, которое въ достаточной подробности и обрисовалось на ея процессѣ изъ рѣчи ея защитника, а также изъ ея личныхъ показаній. Мы уже встрѣчали ея имя, когда говорили о Нечаевѣ и его конспиративныхъ похажденіяхъ, и видѣли ее тогда молоденькой дѣвушкой, случайно оказавшейся на послугахъ этого революціонера. Но уже революціонное пламя въ тѣ дни пахнуло на нее своимъ дыханіемъ, обожгло ее и захватило въ свою власть. Случайное ея знакомство съ Нечаевымъ послужило основаніемъ къ привлеченію ея, въ качествѣ подозреваемой въ государственномъ преступленіи. «Вы помните изъ разсказа В. Засуличъ,—говорилъ въ своей рѣчи Александровъ:—что двухъ лѣтъ тюремнаго заключенія стоило ей это подозрѣніе. Годъ она просидѣла въ Литовскомъ замкѣ и годъ въ Петропавловской крѣпости. Это были 18 и 19 года ея юности. Годы юности, по справедливости, считаются лучшими годами въ жизни человѣка, воспоминаніе о нихъ, впечатлѣнія этихъ лѣтъ остаются во всю жизнь. Недавній ребенокъ готовится стать созрѣвшимъ человѣкомъ, жизнь представляется пока издали ясною, казовою, оболстительною стороною, безъ мрачныхъ тѣней, безъ темныхъ пятенъ. Много переживаетъ юноша въ эти короткіе годы, и пережитое кладетъ слѣдъ на всю жизнь. Для мужчины это пора высшаго образованія; здѣсь пробуждаются первыя прочныя симпатіи, здѣсь завязываются товарищескія связи, отсюда доносится навсегда любовь къ мѣсту своего образованія, къ своей alma mater. Для дѣвицы годы юности представляютъ пору расцвѣта, полного развитія; переставъ быть дитятею, свободная еще отъ обязанностей жены и матери, дѣвица живетъ полною радостью, полнымъ сердцемъ. То пора первой любви, беззаботности, веселыхъ надеждъ, незабываемыхъ радостей, пора дружбы; то пора всего того дорогого, неуловимо-мимолетнаго, къ чему потомъ любить обращаться воспоминаніями зрѣлая мать и старая бабушка. Легко вообразить, какъ провела Засуличъ эти лучшіе годы своей жизни, въ какихъ забавахъ, въ какихъ радостяхъ провела она это дорогое время, какія розовыя мечты волновали ее въ стѣнахъ Литовскаго замка и казематахъ Петропавловской крѣпости. Полное отчужденіе отъ всего, что за тюремной стѣной. Два года она не видала ни матери, ни родныхъ, ни знакомыхъ. Изрѣдка только черезъ тюремное начальство доходила вѣсть отъ нихъ, что всѣ, молъ, слава Богу, здоровы. Ни работы, ни занятій. Кое-когда только книга, прошедшая черезъ тюремную цензуру. Возможность сдѣлать нѣсколько шаговъ по комнатѣ и полная невозможность увидѣть что-либо черезъ тюремное окно. Отсутствіе воздуха, рѣдкія прогулки, дурной сонъ, плохое питаніе. Человѣческій образъ видится только въ тюремномъ сторожѣ, приносящемъ обѣдъ, да въ часовомъ, за-

глядывающемъ время отъ времени въ дверное окно, чтобы узнать, что дѣлаетъ арестантъ. Звукъ открываемыхъ и закрываемыхъ замковъ, бряцаніе ружей смѣняемыхъ часовыхъ, мѣрные шаги караула да уныло-музыкальный звонъ часовъ петропавловскаго шпица. Въмѣсто дружбы, любви, человѣческаго общенія одно сознаніе, что справа и слѣва, за стѣной такіе же товарищи по несчастью, такіа же жертвы несчастной доли. Въ эти годы зарождающихся симпатій Засуличъ дѣйствительно создала и закрѣпила въ душѣ своей навѣки одну симпатію—беззавѣтную любовь ко всякому, кто, подобно ей, принужденъ влачить несчастную жизнь подозрѣваемого въ политическомъ преступленіи. Политическій арестантъ, кто бы онъ ни былъ, сталъ ей дорогимъ другомъ, товарищемъ юности, товарищемъ по воспитанію. Тюрьма была для нея alma mater, которая закрѣпила эту дружбу, это товарищество. Два года кончились. Засуличъ отпустили, не найдя даже никакого основанія предать ее суду. Ей сказали: «иди» и даже не прибавили: «и больше не согрѣшай», потому что прегрѣшеній не нашлось, и до того не находилось ихъ, что въ продолженіе двухъ лѣтъ она всего только два раза была спрошена и одно время серьезно думала въ продолженіе многихъ мѣсяцевъ, что она совершенно забыта. «Иди». Куда же итти? По счастью, у нея есть куда итти—у нея здѣсь въ Петербургѣ старуха-мать, которая съ радостью встрѣтитъ дочь. Мать и дочь были обрадованы свиданіемъ; казалось, два тяжкіе года исчезли изъ памяти. Засуличъ была еще молода—ей было всего 21-й годъ. Мать утѣшала ее и говорила: «Поправишься, Вѣрочка, теперь все пройдетъ, все кончилось благополучно». Дѣйствительно, казалось, страданія излечатся, молодая жизнь одолѣетъ и не останется слѣдовъ тяжелыхъ лѣтъ заключенія. Была весна, пошли мечты о лѣтней дачной жизни, которая не могла не казаться земнымъ раемъ послѣ тюремной жизни, прошло 10 дней, полныхъ розовыхъ мечтаній. Вдругъ поздній звонокъ. Не другъ ли запоздалый? Оказывается, не другъ, но и не врагъ, а мѣстный надзиратель. Объясняетъ онъ Засуличъ, что приказано ее отправить въ пересыльную тюрьму.

«— Какъ въ тюрьму? Вѣроятно, это недоразумѣніе, я не привлечена къ Нечаевскому дѣлу, не предана суду, обо мнѣ дѣло прекращено судебною палатою и правительствующимъ сенатомъ.

«— Не могу знать,—отвѣчаетъ надзиратель:—пожалуйте, я отъ начальства имѣю предписаніе взять васъ.

«Мать принуждена отпустить дочь, дала ей кое-что; легкое пальто, бурнусъ, говоритъ:

«— Завтра мы навѣстимъ, мы пойдемъ къ прокурору, этотъ арестъ очевидное недоразумѣніе, дѣло объяснится, и ты будешь освобождена.

«Проходитъ пять дней. В. Засуличъ сидитъ въ пересыльной тюрьмѣ съ полной увѣренностью скората освобожденія. Возможно ли, чтобы послѣ того, какъ дѣло было прекращено судебною властью,

не нашедшей никакого основанія въ чемъ бы то ни было обвинить Засуличъ, она, едва 20-лѣтняя дѣвица, живущая у матери, могла быть выслана и выслана только что освобожденная послѣ двухлѣтняго тюремнаго заключенія.

«Въ пересыльной тюрьмѣ навѣщаютъ ее мать, сестра, ей приносятъ конфеты, книжки, никто и не воображаетъ, чтобы она могла быть выслана, и никто не озабоченъ приготовленіями къ предстоящей высылкѣ. На пятый день задержанія ей говорятъ:

«— Пожалуйте, васъ сейчасъ отправляютъ въ городъ Крестцы.

«— Какъ отправляютъ? Да у меня нѣтъ для дороги ничего. Подождите, по крайней мѣрѣ, дайте мнѣ возможность дать знать родственникамъ, предупредить ихъ. Я увѣрена, что тутъ какое-нибудь недоразумѣніе. Окажите мнѣ снисхожденіе, подождите, отложите мою отправку хоть на день, на два, я дамъ знать роднымъ.

— «Нельзя,—говорятъ,—не можемъ по закону, требуютъ немедленно васъ отправить.

«Разсуждать было нечего. Засуличъ понимала, что надо покориться закону, не знала только, о какомъ законѣ тутъ рѣчь. Поѣхала она въ одномъ платьѣ, въ легкомъ бурнусѣ; пока ѣхала по желѣзной дорогѣ, было сносно, потомъ поѣхала на почтовыхъ, въ кибиткѣ, между двухъ жандармовъ. Былъ апрѣль мѣсяць, стало въ легкомъ бурнусѣ невыносимо холодно, жандармъ снялъ свою шинель и покрылъ барышню. Привезли ее въ Крестцы, въ Крестцахъ сдали ее исправнику, исправникъ выдалъ квитанцію въ принятіи клади и говоритъ Засуличъ: «Идите, я васъ не держу, вы не арестованы. Идите, по субботамъ являйтесь въ полицейское управленіе, такъ какъ вы гостите у насъ подъ надзоромъ».

«Разсматриваетъ Засуличъ свои ресурсы, съ которыми ей приходится начать новую жизнь въ неизвѣстномъ городѣ. У нея оказывается рубль денегъ, французская книжка да коробка шоколадныхъ конфетъ.

«Нашелся добрый человѣкъ, дьячокъ, который помѣстилъ ее въ своемъ семействѣ. Найти занятіе въ Крестцахъ ей не представилось возможности, тѣмъ болѣе, что нельзя было скрыть, что она выслана административнымъ порядкомъ... Изъ Крестцовъ ей пришлось ѣхать въ Тверь, въ Солигаличъ, въ Харьковъ. Такимъ образомъ, началась ея бродячая жизнь, жизнь женщины, находящейся подъ надзоромъ полиціи. У нея дѣлались обыски, призывали для разныхъ допросовъ, подвергали иногда задержкамъ не въ видѣ арестовъ и, наконецъ, о ней совсѣмъ забыли. Когда отъ нея перестали требовать, чтобы она еженедѣльно являлась на просмотръ къ мѣстнымъ полицейскимъ властямъ, тогда ей улыбнулась возможность контрабандой поѣхать въ Петербургъ и затѣмъ съ дѣтьми своей сестры отправиться въ Пензенскую губернію. Здѣсь она, лѣтомъ 1877 года, прочитываетъ въ первый разъ въ газетѣ «Голосъ» извѣстіе о наказаніи Боголюбова».

V.

Таковъ революціонный *curriculum vitae* Засуличъ, чрезвычайно типичный для обрисовки существовавшихъ въ 70-хъ годахъ русскихъ административно-полицейскихъ порядковъ и свидѣтельствующій, какъ молоденькая дѣвушка всѣмъ ходомъ вещей неуклонно была приведена къ самому тѣсному единенію съ сторонниками русской оппозиціи и революціи. Всѣ тѣ провинціальныя центры, куда она волею администраціи попадала, являлись въ ея революціонномъ воспитаніи этапными пунктами, которые подготовляли и выработывали изъ нея непримиримаго представителя революціонной арміи боевого направленія. Пребываніе среди «бунтарей» dokonчило ея революціонную подготовку для какого-нибудь шумнаго выступленія, которое ей на собственный страхъ, внѣ конспираціи «Земли и Воли», и пришлось проявить 24-го января 1878 г. въ пріемной петербургскаго градоначальника. Къ дѣйствию активному и рѣшительному приводили ее и импульсы личнаго характера, обрисовываемые Степнякомъ-Кравчинскимъ въ «Подпольной Россіи» слѣдующимъ образомъ:

«Это натура очень сдержанная и сосредоточенная, хотя на первый взглядъ ее можно принять за человѣка открытаго, потому что говорить она много и охотно. Въ свою интимность она допускаетъ лишь немногихъ... Она неспособна къ внезапной дружбѣ молодыхъ и неопытныхъ душъ. Сближаясь съ человѣкомъ, она подвигается медленно и осторожно, не стараясь никогда дополнить воображеніемъ недостатокъ положительныхъ наблюдений. У нея мало друзей, да и тѣ принадлежать почти исключительно къ ея старымъ знакомымъ,—но въ нихъ ея міръ, отдѣленный отъ прочихъ людей непроходимой границей. Вообще, она очень много живетъ внутренней жизнью и сильно подвержена специально-русской болѣзни, состоящей въ терзаніи собственной души, въ безжалостномъ анатомированіи ея, въ выскиваніи пятнышекъ и недостатковъ, часто воображаемыхъ и всегда преувеличенныхъ. Отсюда происходятъ тѣ припадки черной хандры, которые овладѣваютъ ею отъ времени до времени, какъ царемъ Сауломъ, и держать ее въ своей власти дни за днями; и ничто не можетъ разогнать ихъ. Тогда она становится разсѣянной, избѣгаетъ всякаго общества и по цѣлымъ часамъ ходитъ взадъ и впередъ по комнатѣ, вся погруженная въ свои думы или убѣгаетъ изъ дому, ища успокоенія въ единственномъ, что можетъ дать ея,—въ природѣ, безстрастной и величественной, которую она любитъ и понимаетъ, какъ только могутъ любить и понимать люди съ истинно-поэтической душой... Она переполнена тѣмъ вѣчнымъ чув-

1) Библиотека «Свѣточа», №№ 6—9 «Подпольная Россія».

ствомъ внутренней неудовлетворенности, источникомъ великихъ дѣлъ, которое въ ней прямой результатъ безграничнаго идеализма, составляющаго основу ея характера. Преданность ея дѣлу народнаго освобожденія, которому она посвятила себя съ самой ранней молодости, окристаллизовалась въ ея душѣ въ воззрѣнія на собственныя обязанности и нравственныя требованія до такой степени высокія, что жизнь рѣшительно не можетъ удовлетворить ихъ. Все кажется ей недостаточнымъ. Расправа съ Треповымъ не дала ей ожидаемаго удовлетворенія.

«Александра Малиновская, женщина очень наблюдательная и умная и большая пріятельница Засуличъ, видя ее въ припадкѣ черной хандры и недовольства всего черезъ нѣсколько недѣль послѣ ея оправданія, говорила:

«— Вѣрѣ хотѣлось бы стрѣлять въ Треповыхъ каждый день, или по крайней мѣрѣ разъ въ недѣлю. А такъ какъ этого нельзя, такъ вотъ она и мучится.

«И Малиновская принималась доказывать Засуличъ, что нѣтъ возможности приносить себя на закланіе въ жертву каждое воскресенье, что суждено помириться со своей участью и дѣлать то же, что и всѣ.

«И Вѣра дѣлала то же, что и всѣ, но это не помогало. Ея вѣчное недовольство не имѣетъ рѣшительно ничего общаго съ самолюбіемъ людей, жаждущихъ стоять выше другихъ и отличаться отъ прочихъ во всемъ. Не только до, но и послѣ того, какъ имя ея пріобрѣло такую извѣстность, она брала на себя роли самыя скромныя и обыкновенныя: наборщицы въ типографіи, горничной и т. п. и всѣ свои обязанности исполняла всегда съ безукоризненной добросовѣстностью и усердіемъ. Но это не давало ей мира душевнаго—и ничего противъ этого она не могла подѣлать. Помню, однажды, рассказывали мнѣ о томъ, что она почувствовала, услышавъ изъ устъ предсѣдателя суда о своемъ оправданіи,—она сказала, что то была не радость, а необыкновенное удивленіе, за которымъ тотчасъ послѣдовало чувство грусти.

«— Я не могла объяснить себѣ тогда этого чувства,—прибавила она:—но я поняла его потомъ. Если бы я была осуждена, то по силѣ вещей не могла бы ничего дѣлать и была бы спокойна, потому что сознаніе, что я сдѣлала для дѣла все, что только могла, было бы мнѣ удовлетвореніемъ. Но теперь, разъ я свободна, нужно снова искать, а найти такъ трудно...» Скромность поистинѣ непримѣрная, единственная въ своемъ родѣ, составляетъ лишь другую форму проявленія того же безграничнаго идеализма. Это печать избранныхъ натуръ, въ которыхъ героизмъ вещь естественная и логичная, почему и проявляется у нихъ въ такой дивной простотѣ. Среди всеобщаго восторженнаго удивленія, среди настоящаго апофеоза Засуличъ сохранила всю ту простоту, всю младенческую чистоту души, которую она имѣла прежде, чѣмъ чело ея окружилъ ореолъ безсмертной

славы. Эта слава, отъ которой закружилась бы голова у самаго твердаго изъ стойковъ, оставила ее совершенно безучастной и равнодушной, точно дѣло ея вовсе не касалось... Совершивъ свое великое дѣло подъ вліяніемъ внутренняго убѣжденія, безъ малѣйшей тѣни честолюбія, Засуличъ упорно избѣгала какихъ бы то ни было выражений восторга, вызваннаго ея поступкомъ въ другихъ. Вотъ почему она всегда отказывалась являться передъ публикой. Это въ ней вовсе не робость молоденькой дѣвушки, а благородная нравственная застѣнчивость, запрещающая ей принимать дань благоговѣнія за то, что въ высотѣ своихъ идеальныхъ фантазій она сама отказывается признать героическимъ поступкомъ».

Таковъ портретъ героини дня 24-го января 1878 года, нарисованный восторженной кистью единомышленника-писателя Степняка-Кравчинскаго. Еще наканунѣ рядовая революціонерка, мало кому вѣдомая и безъ громкихъ дѣяній въ своемъ революціонномъ формулярѣ, она сразу послѣ покушенія на Трепова становится своего рода всемірной знаменитостью, извѣстность которой выдвигается и рѣчью на судѣ, сказанной въ ея защиту Александровымъ, и фельетономъ Г. К. Градовскаго-Гаммы, посвященнымъ и самому суду, и ея оправданію, и прокламаціями партіи «Земли и Воли», выпущенными вслѣдъ за надѣлавшей такого шума въ исторіи нашей общестственности оправдательной резолюціей суда. Но обратимся къ порядъ дня.

Взглянувъ на поступокъ Трепова въ отношеніи Боголюбова именно подъ тѣмъ угломъ зрѣнія, который впоследствии на судѣ именно установилъ Александровъ и который нами приведенъ выше, Засуличъ явилась контрабандно въ Петербургъ, и тутъ ее объяла та нервная атмосфера общаго возбужденія въ революціонныхъ здѣшнихъ кружкахъ, куда она по пріѣздѣ, какъ «свой человекъ», попала и гдѣ шло обсужденіе вопроса о мести петербургскому градоначальнику. Пока южане съ Осинскимъ во главѣ вырабатывали наиболѣе безопасный планъ дѣйствій съ минимумомъ печальныхъ послѣдствій, Засуличъ съ полнымъ рискомъ для себя рѣшается на актъ покушенія. Огнестрѣльнымъ оружіемъ она достаточно искусно владѣетъ и вотъ 24-го января 1878 г. въ десятомъ часу утра она съ спрятанымъ въ карманѣ револьверомъ очутилась въ пріемной комнатѣ градоначальника въ роли просительницы. Когда генераль Треповъ при обходѣ просителей подошелъ къ ней, она спокойно подала ему свое прошеніе, гдѣ изложено было ходатайство о выдачѣ ей свидѣтельства для поступленія въ домашнія учительницы, подписанное вымышленнымъ именемъ. По принятіи этого прошенія, Треповъ сдѣлалъ на немъ надлежащую помѣтку и засимъ повернулся къ слѣдующей просительницѣ. Въ тотъ моментъ, когда сопровождавшіе градоначальника чиновники сдѣлали ей знакъ къ удаленію, она спокойно вынула изъ-подъ тальмы револьверъ-бульдогъ и произ-

вела въ генерала выстрѣль, которымъ и ранила его въ верхнюю часть таза съ раздробленіемъ кости. Тяжело раненый, Треповъ упалъ, а Засуличъ была схвачена тутъ же, безъ всякой попытки съ ея стороны къ исчезновенію, чиновниками. Револьверъ послѣ произведеннаго одного выстрѣла былъ ею брошенъ на полъ. Такова фактическая сторона событія 24-го января. При первомъ допросѣ арестованная назвала себя дочерью поручика, домашней учительницей Елизаветой Ивановной Козловой и откровенно объяснила свой поступокъ, какъ прямое слѣдствіе, вытекающее изъ распоряженія генерала Трепова по отношенію Боголюбова, съ которымъ, однако, она лично знакома не была. Такимъ образомъ вопросъ былъ поставленъ ею сразу же на принципиальную почву въ мотивовъ личной мести, личной заинтересованности, а какъ дѣяніе общественнаго политическаго порядка.

При дальнѣйшемъ допросѣ арестованная отреклась отъ перваго объявленнаго ею имени, но отказалась назвать свою настоящую фамилію. Адресъ, показанный ею въ прошеніи градоначальнику, оказался также вымышленнымъ. Тогда начались розыски. Нѣкоторыя соображенія заставили слѣдователей и полицію обратиться къ Нечаевскому дѣлу, при просмотрѣ котораго обратило на себя вниманіе сходство примѣтъ Козловой съ примѣтами Вѣры Засуличъ. Найдена была немедленно ея мать и при предъявленіи ей арестованной она признала въ ней именно свою дочь. Такимъ образомъ личность Вѣры Ивановны Засуличъ была обнаружена. Согласно тогдашнимъ официальнымъ бюллетенямъ, «первые допросы были произведены въ домѣ градоначальника, гдѣ виновная оставалась до пяти часовъ пополудни. Въ этотъ длинный промежутокъ времени, находясь въ отдѣльной комнатѣ, подъ стражею двухъ нижнихъ полицейскихъ чиновъ, Засуличъ сохраняла полное спокойствіе. Когда, напри- мѣръ, въ исходѣ четвертаго часа пополудни въ комнату къ ней вошелъ одинъ изъ состоявшихъ при градоначальникѣ полицейскихъ офицеровъ, то она, полагая, вѣроятно, что наступилъ моментъ ея отправленія къ мѣсту заключенія, самымъ спокойнымъ тономъ обратилась къ нему со словами: «Могу я получить свою шляпу и надѣть ее?» Самообладаніе измѣнилось только тогда, когда противъ нея былъ установленъ фотографическій приборъ. Она усиленно старалась гримасами исказить свое лицо. Засуличъ утверждаетъ, что въ ея преступленіи никто другой не причастенъ. Всѣ первоначальныя дѣйствія арестованной такимъ образомъ клонились къ тому, чтобы не дать возможности пролить свѣта на ея личность и тѣмъ самымъ дать возможность здѣшнимъ дѣятелямъ революціи, стоявшимъ въ тѣхъ или иныхъ отношеніяхъ къ ея замыслу, принять надлежащія мѣры противъ возможныхъ обысковъ, арестовъ и прочее. Она выигрывала время, и, дѣйствительно, полиціи не удалось напасть на какіе-нибудь слѣды ея соучастниковъ и произвести въ связи съ ея

арестомъ соотвѣтствующій разгромъ столичныхъ революціонныхъ силъ. Засуличъ вынесла весь эпизодъ 24-го января на собственныхъ плечахъ и одна предстала черезъ три мѣсяца передъ лицомъ суда.

Послѣ ея покушенія въ печати относительно всего трагическаго инцидента 24-го января замѣчалась нѣкоторая нерѣшительность тона: къ самому акту огнестрѣльной расправы никто, разумѣется, сочувствія не выражалъ, но и по адресу градоначальника, въ связи съ извѣстными уже событіями въ домѣ предварительнаго заключенія, не замѣчается теплаго отношенія. Читатели могли отсюда усмотрѣть, что готовящійся процессъ, несомнѣнно, представитъ выдающійся интересъ, какъ по личности подсудимой и по личности потерпѣвшаго, такъ и по тѣмъ обстоятельствамъ и картинамъ изъ нашей административной жизни, которыя должны, несомнѣнно, въ теченіе процесса раскрыться. Вотъ почему отъ времени до времени, до начала процесса, мы видимъ въ повременныхъ изданіяхъ предварительныя свѣдѣнія, которыми печать спѣшила дѣлиться съ читателями, какъ бы подготавливая общество къ любопытному моменту, имѣющему скоро наступить.

Такъ, въ газетахъ «Голосъ», «Русскомъ Мирѣ», «Сѣверномъ Вѣстникѣ» оповѣщалось:

3-е марта.

Предварительное слѣдствіе о покушеніи на жизнь петербургскаго градоначальника **Ө. Ө. Трепова**, въ чемъ обвиняется дочь коллежскаго секретаря **Вѣра Ивановна Засуличъ**, приведено къ окончанію и препровождено къ товарищу прокурора петербургскаго окружнаго суда для дальнѣйшаго его направленія. Все движеніе этого дѣла слѣдуетъ, по свѣдѣніямъ «Голоса», *безусловно общему порядку, установленному судебными уставами 20 ноября 1864 года*. Слѣдствіе было произведено мѣстнымъ судебнымъ слѣдователемъ 1 участка города Петербурга, Кабатомъ, подъ наблюденіемъ мѣстнаго прокурорскаго надзора; по составленіи же обвинительнаго акта, дѣло будетъ внесено на разсмотрѣніе обвинительной камеры петербургской судебной палаты и, въ случаѣ преданія Засуличъ суду, дѣло будетъ подлежать разрѣшенію окружнаго суда съ участіемъ присяжныхъ засѣдателей.

16-е марта.

Дѣло о покушеніи на жизнь петербургскаго градоначальника генералъ-адъютанта **Ө. Ө. Трепова** уже поступило въ 1-е уголовное отдѣленіе с.-петербургскаго окружнаго суда. По обвинительному акту, составленному товарищемъ прокурора петербургскаго окружнаго суда, **Кесселемъ**, и утвержденному обвинительною камерою здѣшней судебной палаты, дочь капитана **Вѣра Ивановна Засуличъ**, 27-ми лѣтъ, обвиняется въ томъ, что съ цѣлью лишить генералъ-адъютанта **Трепова** жизни приобрѣла револьверъ и, явившись въ одинъ изъ пріемныхъ дней въ канцелярію градоначальника, выстрѣлила ему, на близкомъ разстояніи, въ лѣвый бокъ, и если послѣдствіемъ такого дѣянія не послѣдовала смерть,

то лишь по обстоятельствамъ, отъ нея не зависѣвшимъ, т. е. въ преступленіи, предусмотрѣнномъ 9-ю и 1454-ю ст. уложенія о наказаніяхъ. Какъ слышала «Голосъ», дѣло будетъ назначено къ слушанію не ранѣе конца апрѣля или начала мая; предсѣдательствовать будетъ предсѣдатель А. О. Кони, обвинителемъ явится товарищъ прокурора окружнаго суда Кессель; защитникъ подсудимой Вѣры Засуличъ еще не назначенъ, но разсказываютъ, что она сама избрала для своей защиты присяжнаго повѣреннаго округа петербургской судебной палаты Александра, бывшаго товарища оберъ-прокурора уголовного кассационнаго департамента сената. Самое дѣло, по существу своему, несложно, и слушаніе его не можетъ продолжаться долѣе одного дня; къ судебному слѣдствію вызываются всего шесть свидѣтелей, въ томъ числѣ г. градоначальникъ и два эксперта.

21-е марта.

Къ предстоящему 31-го марта въ нашемъ окружномъ судѣ разсмотрѣнію дѣла о покушеніи В. Засуличъ на жизнь генерала Трепова должны будутъ прибыть корреспонденты нѣкоторыхъ нѣмецкихъ газетъ, для полученія которымъ доступа въ засѣданіе суда уже приняты нужны мѣры; однимъ изъ нашихъ книгопродавцевъ предпринимается изданіе отчета по этому дѣлу отдѣльной брошюрой.

26-е марта.

Число публики, желающей присутствовать на предстоящемъ въ нашемъ окружномъ судѣ процессѣ о покушеніи на жизнь спб. градоначальника, уже въ настоящее время настолько значительно, что оказывается возможнымъ удовлетворить не болѣе одной четверти обращающихся съ просьбами о допущеніи въ засѣданіе суда по этому дѣлу.

29-е марта.

Въ спб. окружный судъ въ отвѣтъ на повѣстку, доставленную ген. ад. Трепову, которою онъ вызывается въ судъ, въ засѣданіе 31 марта въ качествѣ свидѣтеля по дѣлу о покушеніи на его жизнь дочери капитана В. Засуличъ, поступило медицинское свидѣтельство профессора Склифасовскаго, лейбъ-медика Каде и директора Максимилиановской больницы доктора Барча, удостовѣряющее въ томъ, что генералъ Треповъ по состоянію своего здоровья не только не можетъ явиться въ судебное засѣданіе, но и снятіе допроса у него, ген. Трепова, на дому, отозвалось бы, несомнѣнно, вредно на ходъ леченія. Защита подсудимой В. Засуличъ, въ лицѣ прис. повѣр. Александра, ходатайствовала передъ первымъ отдѣленіемъ окружнаго суда о вызовѣ для допроса на судѣ нѣсколькихъ свидѣтелей, могущихъ, по ея мнѣнію, выяснитъ мотивы покушенія на жизнь градоначальника, и съ тою же цѣлью просила объ истребованіи къ настоящему дѣлу копій съ нѣкоторыхъ протоколовъ изъ производящихся у судебного слѣдователя по особымъ важнымъ дѣламъ, Книрима, слѣдствія о безпорядкахъ въ домѣ предварительнаго заключенія, но судъ, будто бы, въ обѣихъ просьбахъ отказалъ защитнику, удовлетворивъ лишь его ходатайство о приглашеніи третьяго эксперта-врача.

30-е марта.

Послѣ отказа окружнаго суда прис. повѣренному Александрову, защитнику подсудимой Вѣры Засуличъ, въ вызовѣ указанныхъ имъ свидѣтелей, защитникъ изъявилъ готовность вызвать указанныхъ имъ свидѣтелей на свой счетъ, въ чемъ судъ не считалъ уже возможнымъ отказать, и ему предоставлено пригласить пять свидѣтелей, находящихся на свободѣ, а о вызовѣ двухъ свидѣтелей, содержащихся въ настоящее время въ Петропавловской крѣпости, Купріянова и Волховскаго, судъ сдѣлалъ распоряженіе на счетъ подсудимой Засуличъ. Всѣ вызываемые защитникомъ свидѣтели содержались въ домѣ предварительнаго заключенія одновременно съ арестантомъ Боголюбовымъ, по обвиненію въ государственномъ преступленіи. *Судъ постановилъ, что неявка кого-нибудь изъ этихъ свидѣтелей не будетъ принята во вниманіе и разбирательства дѣла не приостановитъ.*

Свѣдѣнія печати внесли въ общественное сознаніе нѣкоторое успокоеніе и дали отвѣтъ на волновавшій вопросъ: какимъ способомъ будетъ судима Засуличъ и дано ли будетъ обществу въ лицѣ его избранниковъ-присяжныхъ сказать свое по дѣлу нелицепріятное мнѣніе? Извѣстіе, что дѣло будетъ разбираться въ окружномъ судѣ подъ предсѣдательствомъ извѣстнаго юриста и дѣятеля судебныхъ учрежденій Анатолія Ѳедоровича Кони, что интересы подсудимой находятся въ рукахъ такого опытнаго защитника, какъ Александровъ, давали полное основаніе полагать, что всякимъ административнымъ воздѣйствіямъ на судѣ не дано будетъ мѣста и что судъ сдѣлаетъ свое дѣло по разумѣнію и совѣсти.

VI.

Но вотъ наступилъ и день 31-го марта. Его описываетъ въ своихъ воспоминаніяхъ Г. К. Градовскій такъ ¹⁾: «На дѣло Засуличъ въ пятницу 31-го марта 1878 года можно было попасть только по билетамъ, а добыть ихъ было трудно. Зала засѣданія уголовного отдѣленія невелика. Всѣ мѣста за судьями были тѣсно заняты высшими представителями администраціи и суда. Въ обычныхъ мѣстахъ для публики, внизу и наверху, трудно было дышать. Видѣлось много дамъ избраннаго общества. Впереди, въ самой залѣ, было устроено нѣсколько загородекъ для чиновниковъ, адвокатовъ, стенографовъ и представителей печати. Ихъ было не болѣе 10—12 лицъ; между ними Ѳ. М. Достоевскій съ своимъ страдальческимъ желтымъ лицомъ. А страдать приходилось много, не только отъ духоты и тѣсноты, но и отъ всего, что было узвано и перечувствовано при разбирательствѣ этого дѣла.

¹⁾ Г. К. Градовскій. «Итоги» (1862—1907).

«Предсѣдательствоваль А. О. Кони, присяжные въ большинствѣ были изъ чиновниковъ. Защицаль присяжный повѣренный Александровъ, нервный, правдивый, смѣлый, съ истерическими нотами въ голосѣ. Представитель прокуратуры не выдавался, но былъ приличень (въ городническомъ смыслѣ) и держался дѣловито, не превеличивая и не умаляя своей роли.

«Напоминаю всѣ эти подробности потому, что среди молчанія «обузданной» печати разнузданная реакціонная журналистика утверждала, будто въ судѣ по дѣлу Засуличъ находился какой-то сбродъ и неистовая толпа нигилистовъ. Въ эту мнимую толпу жрецы и прислужники реакціи включили всѣхъ и все: судей, присяжныхъ, защитника, литераторовъ, представителей высшей администраціи и общество. Можно увѣренно сказать, что въ судебной залѣ не было ни одного «нигилиста», ни одного студента. Учащаяся молодежь не могла проникнуть безъ билетовъ даже во дворъ судебного зданія. Сильный нарядъ полиціи охранялъ всѣ входы. Сѣрый людъ и учащаяся молодежь не пускали далѣе противоположнаго тротуара. Съ ранняго утра густая толпа занимала Литейный проспектъ, между старыми пушками артиллерійскаго управленія и арсенальнаго зданія. Накрапываль дождь, было сыро; но молодые люди упорно, стоически ожидали исхода процесса, кутаясь въ пледы, безъ нищи, слѣдя за счастливыми, попадавшими въ двери суда, по предъявленіи дозволительнаго билета, и хмуро, терпѣливо ожидали рѣшенія присяжныхъ, представителей общественной совѣсти. Эта толпа, отстраненная и толпившаяся въ уличной слякоти, однимъ своимъ видомъ упреждала, что въ судѣ совершается нѣчто незаурядное, предрѣшаются важныя событія. Но разгадка превзошла всѣ ожиданія.

«Всѣ формальности соблюдены. Появилась подсудимая. Скромная, тихая, она разомъ производитъ самое благопріятное впечатлѣніе. Въ отвѣтахъ ея слышится сердечность и правда. Чѣмъ болѣе длится ея рассказъ, тѣмъ больше привлекательности на ея сторонѣ. Хочется сказать жандармамъ: «Уйдите, оставьте эту несчастную дѣвушку; вложите ваши шапки въ пожны, холодный блескъ ихъ стали не вяжется съ свѣтлымъ взоромъ добрыхъ глазъ подсудимой».

«Рассказъ Засуличъ тронулъ всѣ сердца; но когда начались показанія свидѣтелей, когда присутствовавшій въ залѣ «весь Петербургъ» узналъ, что продѣлываль Треповъ въ предварительной тюрьмѣ надъ беззащитнымъ человѣкомъ, какъ грубо оскорбилъ его и жестоко истязаль; когда мы услышали стоны и крики негодованія всей тюрьмы, вопіявшей о защитѣ и тщетно протестовавшей противъ насилія, которому такъ же легко и безнаказанно могъ подвергнуться каждый заключенный, всѣмъ стало тяжело, стыдно. Тяжело, какъ отъ пытки, стыдно отъ сознанія, что подобныя варварства могутъ совершаться надъ русскимъ народомъ, въ столицѣ Петра, у самого

зданія суда «правда и милости», да еще во время войны за освобожденіе братскихъ инородцевъ отъ турецкаго ига! Довольно, не надо подобныхъ безобразій, пора положить предѣлъ беззаконію и создаваемому имъ недовольству. Таковы чувства и мысли, набѣгавшія и накопившіяся во время судебного слѣдствія. Но вотъ оно выстрадано и закончено. Отъ общей картины произвола надо возвратиться къ частному случаю поступка этой дѣвушки, на себѣ испытавшей политику ссылки и административныхъ расправъ. Проходитъ прокурорская рѣчь, и раздается слово защиты. Это была громовая рѣчь, построенная на обвиненіи тѣхъ, кто привелъ эту дѣвушку на скамью подсудимыхъ. Оправданіе заключалось въ обличеніи обвинителей. Варывъ рукоплесканій привѣтствовалъ вдохновенное слово защиты, мужественно и честно выполнившей свой гражданскій долгъ. У многихъ на глазахъ были слезы. Звонокъ предсѣдателя и его безпристрастное, ясное резюме, произнесенное съ обычнымъ краснорѣчіемъ, вносятъ успокоеніе въ высоко приподнятое настроеніе судебной залы... Когда присяжные получили вопросный листъ и удалились, когда насталъ томительный перерывъ засѣданія, Ф. М. Достоевскій, сидѣвшій подлѣ меня, высказалъ... свое мнѣніе. Оно предрѣшало судьбу подсудимой, но великій писатель придалъ своему мнѣнію своеобразный отпечатокъ. Осудить нельзя, наказаніе неумѣстно, излишне; но какъ бы ей сказать: «Иди, но не поступай такъ въ другой разъ».

— Нѣтъ у насъ, кажется, такой юридической формулы,—добавилъ Достоевскій:—а чего добраго, ее теперь возведутъ въ героини.

«Мнѣ казалось, что Достоевскій опасается, какъ бы Засуличъ не впала въ рецидивъ. На это я замѣтилъ, что оправданные присяжными случайные преступники никогда не повторяютъ своихъ преступленій, и рецидивы въ большинствѣ случаевъ возникаютъ отъ излишества и несовершенства уголовныхъ каръ. Для такой дѣвушки, какъ Засуличъ, достаточно уже тѣхъ страданій, какія она пережила послѣ покушенія во время слѣдствія и суда. Достоевскій промолчалъ. Мы протиснулись и вышли изъ залы отдышаться въ коридоръ. Не прошло и получаса, какъ раздался электрическій звонокъ. Совѣщаніе присяжныхъ длилось не долго. Шумною толпою, обгоняя другъ друга, всѣ бросились въ залу. На свое мѣсто трудно было попасть, и я остановился у дверей. Почти всѣ стояли, такъ что судебному приставу не было надобности возглашать свое обычное приглашеніе. Вопли судьи, медленно потянулись одинъ за другимъ присяжные къ своимъ кресламъ. Все замерло, всѣ притаили дыханіе. Совершаетъ свои переходы вопросный листъ. А. Ф. Коши просматриваетъ и спокойно возвращаетъ рѣшеніе старшинъ присяжныхъ. Слышится медленное чтеніе обвинительнаго вопроса. Всѣ глаза обращены къ представителю суда совѣсти; всѣ угадываютъ, чувствуютъ, что будетъ произнесено, но всѣ боятся ошибиться».

Напряженіе общаго вниманія достигаетъ крайняго предѣла. Вдругъ вся зала точно ахнула, всѣ лица просіяли; казалось, будто электрическая искра пробѣжала по этому сборищу истомленныхъ людей и оживила всѣхъ. Разразился громъ рукоплесканій, послышались рыданія, истерическіе голоса женщинъ. Предсѣдатель усиленно звонить, призываетъ къ порядку. «Нѣтъ, невиновна», произнесъ старшина присяжныхъ. «Нѣтъ, невиновна», механически повторили многіе, и вся зала едиными устами и единымъ сердцемъ подтвердила: «Нѣтъ, невиновна!»

Таково яркое воспоминаніе отъ всего, что происходило на судѣ 31 марта, стараго публициста черезъ тридцать лѣтъ послѣ того, что онъ тогда видѣлъ, слышалъ, испыталъ. А вотъ другія, не менѣе живыя воспоминанія доктора Герценштейна, которыя для ясности всего тогда происходившаго также приведемъ въ нѣкоторыхъ отрывкахъ ¹⁾. Описавъ обстановку суда, онъ говоритъ: «Главный интересъ послѣ Засуличъ сосредоточивался на личности ея защитника—присяжнаго повѣреннаго Александрова. Говорили, что это бывшій дореформенный губернской прокуроръ, оставившій изъ либерализма службу и теперь боровшійся, гдѣ только могъ, съ деспотизмомъ и гнетомъ власти. Онъ уже составилъ себѣ имя въ разныхъ процессахъ, но на этотъ разъ превзошелъ самого себя. Ни до того, ни послѣ онъ больше не доходилъ до того пафоса, до той сатиры, которыми блистала вся его рѣчь. Длинный, тощій и гибкій, онъ извивался и нещадно жалилъ и изливалъ свой ядъ на систему и на представителей насилія и самовласти. Онъ безпощадно гналъ всю систему и всѣхъ, кто ее поддерживалъ, сквозь строй своей сатиры и нещадно хлесталъ ее, обнаженную, бичами своего пламеннаго негодованія и рѣжущаго остроумія. Онъ не защищалъ Засуличъ, онъ обвинялъ весь строй—таково было впечатлѣніе, и въ этомъ была его сила и залогъ его побѣды. Сановныя персоны впослѣдствіи говорили, что судили не Засуличъ, а Трепова, и даже весь порядокъ, и обвиняли въ допущеніи этого предсѣдателя суда. Положеніе предсѣдателя, дѣйствительно, было трудное, но онъ вышелъ изъ него съ честью и достоинствомъ. Похоже было вообще, что симпатіи суда не на сторонѣ Трепова...

«Прокуроръ построилъ свое обвиненіе—вопросы на судебномъ слѣдствіи и свою рѣчь—на слѣдующемъ простомъ и безспорномъ силогизмѣ; нельзя, чтобы каждый обыватель становился судьей и расправлялся по собственному усмотрѣнію со всякимъ, кого онъ сочтетъ въ чемъ-либо виновнымъ. Засуличъ, не дождавшись окончанія слѣдствія и суда по поводу событія въ домѣ предварительнаго заключенія, предпочла сама судить и осудить лицо, виновное, по ея мнѣнію, и сама же привела приговоръ въ исполненіе... Рѣчь

¹⁾ «Былое» 1908 г., июнь.

прокурора гладкая, безъ излишествъ, не произвела впечатлѣнія. Зато Александровъ былъ неподражаемъ... Кульминаціоннымъ пунктомъ его рѣчи было то мѣсто, гдѣ онъ говорилъ: «Мучителямъ Боголюбова нуженъ былъ стонъ не физической боли, а поруганной человѣческой души, удушеннаго, униженнаго и раздавленнаго человѣка. Священнодѣйствіе совершилось, позорная жертва принесена. Россійскій апоѳеозъ розги торжественно устроенъ».

«При этихъ словахъ громъ аплодисментовъ и криковъ прервалъ его рѣчь. Я утверждаю, что не физически, а духовно участвовали въ этой невольной, стихійно всѣхъ захватывающей манифестаціи и присяжные и даже, кажется, судьи и, во всякомъ случаѣ, звѣздочносные слушатели позади судейскихъ креселъ. Говорятъ,—и, мнѣ кажется, это вѣрно,—что нѣкоторые изъ нихъ тоже аплодировали. Предсѣдатель сдѣлалъ строгое внушеніе, и Александровъ могъ продолжать».

«Вообще, такъ сказать, внѣшній характеръ его рѣчи заключался въ объясненіи психологіи Засуличъ. Кратко содержаніе ея можно формулировать его же словами: «Не звуки цѣпей смущали душу, не мрачные своды мертваго дома леденили воображеніе, а рубцы, позорные рубцы рѣзали ея сердце; и замогильный голосъ заживо погребеннаго звучалъ».

«Что жъ молчитъ въ васъ, братья, злоба,
Что жъ любовь молчитъ?»

«Но внутреннее содержаніе, идея состояла въ томъ, что гдѣ личность не ограждена, гдѣ царствуетъ произволъ, гдѣ законъ молчитъ, тамъ болѣе чувствительныя, болѣе тонкія натуры вынуждены сами чинить судъ, чтобы не оставлять злодѣяства безнаказанными».

«Въ заключеніе онъ говорилъ присяжнымъ, чтобы они покарали ее, если признаютъ это нужнымъ. «Да свершится карающее правосудіе. Не задумывайтесь»... «Безъ упрека, безъ горечи и жалобы, безъ обиды приметь она ваше рѣшеніе и утѣшится тѣмъ, что, быть можетъ, ея страданія и ея жертва предотвратили возможность повторенія случая, вызвавшаго ея поступокъ. Какъ бы мрачно ни смотрѣть на него, въ мотивахъ его нельзя не видѣть честнаго и благороднаго порыва и ничего больше. Засуличъ можетъ войти изъ суда осужденной, но не опозоренной, и надо желать, чтобы никогда больше не повторялись причины, вызывающія такія преступленія и порождаящія подобныхъ преступниковъ».

«Въ этихъ послѣднихъ словахъ все внутреннее значеніе его превосходной рѣчи. Прокуроръ не возражалъ, а Засуличъ отъ послѣдняго слова отказалась. Дѣло до такой степени шло о значеніи факта въ политическомъ отношеніи, а не о самомъ поступкѣ, что Алексан-

Дровъ съ замѣчательнымъ тактомъ ничего не возражалъ противъ предложенныхъ судомъ трехъ вопросовъ: 1) о виновности въ нанесеніи раны съ обдуманымъ заранее намѣреніемъ; 2) сдѣлано ли это съ намѣреніемъ лишить жизни и 3) все ли было сдѣлано для достиженія цѣли—лишенія жизни.

«Сколько въ обыденномъ процессѣ спорили бы противъ этихъ вопросовъ, сколько предлагали бы поправокъ и дополненій! А здѣсь ничего, даже прокуроръ: всѣ понимали, что дѣло въ сущности, а не въ мелочахъ, и что вопросъ рѣшается только тѣмъ, имѣла ли Засуличъ нравственное основаніе подвергнуть ответственности безответственного, всесильнаго самодура, или нѣтъ. Все остальное частности безъ значенія. Послѣднее слово предсѣдателя А. Ѳ. Кони отличалось обстоятельностью, ясностью содержанія и мягкостью тона. По-моему, оно было безпристрастно. Доказательство этому я вижу, между прочимъ, въ томъ, что отдѣльныя части ея казались мнѣ, какъ и другимъ, то въ пользу Засуличъ, то въ пользу Трепова. Обратите вниманіе, читатель, на это выраженіе: «Засуличъ, Треповъ»,—такъ говорили всѣ, потому что всѣ чувствовали и понимали, что судятъ присутствующую Засуличъ и отсутствующаго Трепова и, если признана будетъ виновною Засуличъ, то оправданъ будетъ Треповъ, и, наоборотъ, оправданіе Засуличъ будетъ обвиненіемъ Трепова. И его обвинили...

«Присяжные совѣщались не долго и вынесли оправдательный вердиктъ. Предсѣдатель объявилъ Засуличъ свободной. Это было часовъ въ 6 вечера. Публика пришла въ невыразимый экстазъ, радость сіяла на всѣхъ лицахъ. Изъ залы суда радость перелилась къ массамъ, переполнившимъ коридоры, лѣстницы, вестибюли, раздѣвальные. Ждали и во дворѣ. Особенно многочисленная толпа запрудила Литейный проспектъ у зданія суда. Вездѣ шло ликованіе; всѣ понимали, что это жестокій ударъ правительству и его системѣ, и были въ восторгѣ. Вышедшаго Александра качали и носили на рукахъ. Настроеніе толпы было такое, какое бываетъ въ измученномъ осадомъ и страхомъ городѣ, когда вдругъ окажется, что непріятель снялъ осаду и ушелъ. Увы, въ данномъ случаѣ непріятель ушелъ недалеко и очень не надолго!»

Таковы показанія двухъ присутствовавшихъ на судебномъ разбирательствѣ 31 марта, гдѣ рисуется вполнѣ обстоятельно вся картина происходившаго въ залѣ окружнаго суда. Эти свидѣтельства настолько обстоятельны и колоритны, настолько соответствуютъ всему тому, что объ этомъ засѣданіи писалось впоследствии и что даетъ отчетъ о самомъ засѣданіи, что къ сказанному мало что остается прибавить. Отмѣтимъ, что Засуличъ на слѣдствіи показала, что она не имѣла въ виду непременно убивать Трепова, не искала его смерти, но стрѣляла въ него и ранила исключительно въ цѣляхъ разоблаченія его дѣйствій въ предварительной тюрьмѣ и обращенія на нихъ

вниманія русскаго общества. «Я не видала другого способа... Страшно поднять руку на челоуѣка, но я находила, что должна это сдѣлать».

Отмѣтимъ также, какъ характерное обстоятельство судебного процесса, что Треповъ на судъ не явился для дачи показаній, хотя, по позднѣйшему свидѣтельству г. Градовскаго, уже къ тому времени настолько оправился отъ нанесенной ему раны, что даже гулялъ по Петербургу и исправлялъ свои градоначальническія обязанности. Не нашель онъ возможнымъ безъ вреда для своего здоровья быть допрошеннымъ и на дому. Свидѣтельства врачей избавили его отъ необходимости пережить непріятныя готовившіяся мгновенія въ судѣ. Равнымъ образомъ Третье Отдѣленіе собственной Его Величества канцеляріи отказало суду въ приведеніи на разбирательство изъ крѣпости свидѣтелей Волховскаго и Купріянова, какъ лицъ, отбывавшихъ въ крѣпости наказаніе. Неявка этихъ свидѣтелей, къ слову сказать, сильно также пострадавшихъ при избіеніи заключенныхъ въ предварительной тюрьмѣ, а равно неприбытіе Трепова не помѣшали раскрытію картины всѣхъ происшествій и не остановили процесса.

VII.

Вердиктомъ присяжныхъ не исчерпался интересъ дня. Последующія событія протекли довольно бурно и явились чрезвычайно интересными иллюстраціями для исторіи русской общественности, на которыхъ стоитъ остановиться во всѣхъ ихъ подробностяхъ, согласно показаніямъ дѣйствовавшихъ въ тотъ вечеръ лицъ. Управляющій дома предварительнаго заключенія полковникъ М. Федоровъ въ своихъ воспоминаніяхъ, напечатанныхъ въ «Русской Старинѣ», повѣствуетъ слѣдующее ¹⁾:

«31 марта 1878 года, по требованію суда, Вѣра Засуличъ была доставлена мною въ зданіе судебныхъ учрежденій къ 12 часамъ дня и сдана подъ расписку дежурнаго пристава. По окончаніи засѣданія и произнесеніи резолюціи предсѣдателемъ Кони, на моихъ глазахъ, судебный приставъ объявилъ Засуличъ о ея свободѣ, а начальникъ конвоя, жандармскій офицеръ, скомандовалъ: «сабли въ ножны», снялъ часовыхъ и, такимъ образомъ, Засуличъ, сойдя со скамьи подсудимыхъ, имѣла полную возможность совершенно безпрепятственно вмѣстѣ съ публикою выйти на улицу, но она первоначально отправилась въ домъ предварительнаго заключенія за вещами. Пока она занималась сборкою вещей и чаепитіемъ, я обратно вернулся въ зданіе суда и, встрѣтивъ тамъ, спускавшимся

¹⁾ «Русская Старина» 1905 г., № 1. «Изъ воспоминаній по управленію 4.-петербургскимъ домоу предварительнаго заключенія».

съ лѣстницы, вновь назначеннаго прокуроромъ судебной палаты Л., заявилъ ему, что Засуличъ въ данный моментъ въ домѣ предварительнаго заключенія собираетъ свои вещи. На это Л., какъ бы въ видѣ совѣта, сказалъ мнѣ, чтобы я, до полученія предписанія, повоздержался бы ея освобожденіемъ.

«Придя въ домъ, я находился въ крайне затруднительномъ положеніи: съ одной стороны—незаконное мною задержаніе Засуличъ, которое, хотя и было извѣстно прокурору палаты, но тѣмъ не менѣе въ такомъ серьезномъ дѣлѣ, безъ письменнаго документа, однимъ словамъ невозможно было придавать особаго значенія; съ другой—возбужденная огромная толпа, собравшаяся на улицѣ, горѣла нетерпѣніемъ скорѣйшаго свиданія съ Засуличъ и, вслѣдствіе задержки въ выпускѣ, могла произвести безпорядокъ, который, конечно, всецѣло былъ бы отнесенъ ко мнѣ, но, къ счастью, не прошло и четверти часа, какъ я получилъ предписаніе суда о ея немедленномъ освобожденіи, и одновременно съ этимъ явившійся мѣстный участковый приставъ передалъ мнѣ просьбу предсѣдателя суда Кони (который, несомнѣнно, видѣлся съ прокуроромъ Л.) о томъ, чтобы Засуличъ была выпущена не на Шпалерную, а на Захарьевскую улицу, во избѣжаніе могущей быть демонстраціи собравшейся толпы. Предложенія этого я исполнить не могъ и не желалъ; не могъ—за неимѣніемъ выхода на Захарьевскую улицу, не желалъ, во-первыхъ, потому, что это было бы противъ установленнаго порядка, и, во-вторыхъ, освобождая Засуличъ секретнымъ путемъ, невозможно было бы убѣдить волновавшуюся толпу въ ея освобожденіи, и, безъ сомнѣнія, произошелъ бы крупный скандалъ, который опять-таки могъ быть приписанъ моей винѣ. Въ виду этихъ соображеній, Засуличъ была освобождена обыкновеннымъ порядкомъ, черезъ ворота на Шпалерную улицу, въ восьмомъ часу вечера».

А на улицѣ тѣмъ временемъ, по описанію г. Градовскаго, происходило слѣдующее¹⁾. По выслушаніи оправдательнаго приговора онъ поспѣшилъ къ выходу. «Надо было торопиться, чтобы докончить подготовленный къ этому дѣлу фельетонъ. Любопытство публики было удовлетворено; она могла отдохнуть или выразить свои восторги; а писателямъ надо было выполнить свой публицистическій долгъ, передать всему обществу, всей Россіи о совершившемся правосудіи... Мысли роемъ толпились въ головѣ публициста, когда онъ изъ зданія суда вышелъ на Литейный проспектъ. «Глаза мои невольно обратились къ густой толпѣ молодежи, занимавшей противоположную сторону улицы. У зданія суда было пусто, а тамъ особенно многолюдно. Было около 7 часовъ вечера и смеркалось, а они съ утра ждутъ, не дождутся вѣсточки изъ недоступнаго судилища. Едва я показался въ дверяхъ, какъ нѣсколько молодыхъ людей

¹⁾ Г. К. Градовскій. «Итоги».

точно сорвались съ мѣста, отдѣлились отъ толпы и, не обращая вниманія на окрики городскихъ, бросились ко мнѣ. Понятно, чего они хотѣли. Я пошелъ имъ навстрѣчу. Посыпались торопливые вопросы.

«— Оправдали,—отвѣчалъ я.

«— Совсѣмъ свободна?

«— Безусловно, нѣтъ, невиновна.

«Быстро задавались эти вопросы, но еще быстрѣе увеличивался кружокъ набѣгавшихъ къ первому случайному вѣстнику судебного рѣшенія. Не успѣлъ я два-три раза подтвердить свой отвѣтъ, какъ кто-то снялъ шапку, махнулъ ею высоко надъ головой и крикнулъ «ура!..» И многія головы обнажились, и радостное «ура» охватило всѣхъ. Затѣмъ, точно по сигналу, эта восторженно возбужденная толпа побѣжала на Шпалерную, какъ взбаламученное море, огибая зданіе суда, и хлынула къ предварительной тюрьмѣ, чтобы встрѣтить оправданную при выпускѣ ея на свободу».

Этимъ кончилось личное участіе г. Градовскаго въ уличной сценѣ. О дальнѣйшемъ ему передавалъ одинъ его знакомый П., которому въ событіяхъ пришлось играть активную роль. Этотъ П. очутился случайно въ толпѣ на Шпалерной улицѣ. По его словамъ, когда тюрьма раскрыла свои двери, Вѣру Засуличъ чуть не задавили восторженные поклонники и поклонницы. Привѣтствія, рукопожатія со всѣхъ сторонъ. П. вмѣшался и сталъ уговаривать молодежь:

— Надо же пощадить ее, она истомлена, едва держится на ногахъ. Дайте ей хотя уѣхать, успокоиться.

— Вѣрно, вѣрно!—раздались голоса.

Двери кареты раскрылись, Вѣру Засуличъ чуть не на рукахъ внесли и усадили въ карету. Дѣвушка была въ изнеможеніи, почти въ обморокѣ.

— Надо проводить!—крикнулъ кто-то.

— А главное надо, господа, разойтись, не привлекать полиціи.

Всѣ были въ томъ добромъ, приподнятомъ настроеніи, когда радушно и быстро принимается всякій сочувственный, разумный совѣтъ. Съ П. согласились, и онъ не успѣлъ даже одуматься, какъ его тоже усадили въ карету и быстро надавали нѣсколько десятковъ рублей. П. хорошо не помнитъ, кто давалъ эти деньги, но кредитки были въ обѣихъ его рукахъ и бросили ихъ еще на переднюю скамейку. Дверцы кареты захлопнули, какой-то молодой человѣкъ вскочилъ на козлы, рядомъ съ кучеромъ, и лошади тронулись. На углу карета повернула на Воскресенскій проспектъ и направилась къ Кировной. Но большая часть толпы не отставала и бѣжала по тротуару почти рядомъ съ каретой.

П. оглянулъ свою спутницу; она, повидимому, нѣсколько оправилась, но выглядѣла сумрачно и молчала.

-- Это ваши деньги...

Но Засуличъ не брала ихъ, и П. сложилъ ихъ къ тѣмъ, что были брошены на переднее сидѣніе.

— Куда прикажете ѣхать?—спрашиваетъ П., сознавая всю неловкость своего положенія.

— Вы лучше знаете куда,—получился короткій отвѣтъ, и опять молчаніе.

П. ровно ничего не зналъ, но и выйти было неудобно; задерживать, останавливать карету не хотѣлось. Поѣздкой, видимо, распорядился молодой человѣкъ на козлахъ. Онъ, безъ сомнѣнія, зналъ, куда ѣхать, и разузнавать объ этомъ было неловко.

— Вы принимаете меня, кажется, за дурного человѣка; увѣряю васъ, вы заблуждаетесь.

Но испуганная, встревоженная спутница все молчитъ.

Стали приближаться къ Кировной, гдѣ расположены жандармскія казармы. Вдругъ цѣлый взводъ ихъ выѣзжаетъ и окружаетъ карету. Толпа въ одинъ мигъ бросается на выручку. Происходитъ какая-то свалка, раздаются крики. Сидящій на козлахъ молодой человѣкъ (Сидорацкій) выхватываетъ револьверъ и дѣлаетъ нѣсколько выстрѣловъ и затѣмъ стрѣляетъ себѣ въ високъ и падаетъ замертво на мостовую. Все это произошло такъ быстро, что разобраться было невозможно. П. инстинктивно опускаетъ переднее стекло и кричитъ кучеру: «пошелъ скорѣе, а то насъ всѣхъ перебьютъ!» Жандармы въ это время разгоняютъ толпу, а кучеръ ударяетъ по лошадямъ, и карета быстро исчезаетъ съ мѣста свалки, поворачиваетъ на Надеждинскую, дѣлаетъ опять поворотъ на Литейный проспектъ и ускользаетъ отъ преслѣдованія.

П. опять оглядывается на свою спутницу и находитъ ее почти въ обморокъ. Онъ повторяетъ свой вопросъ:

— Куда ѣхать?

Теперь уже не стало руководителя на козлахъ и надо во что бы то ни стало осмыслить дальнѣйшее движеніе и свое положеніе. П. убѣждаетъ свою спутницу, что онъ не сыскной агентъ и желаетъ ей всякаго добра. Самый исходъ столкновенія съ жандармами краснорѣчиво говоритъ за него. Вѣра Засуличъ успокаивается и даетъ адресъ. П. указываетъ извозчику должное направленіе. Поѣздка дальняя. П. успѣлъ разсказать о случайности своего участія въ этомъ дѣлѣ и посоветовалъ оставить карету, не доѣзжая до той улицы, куда надо было ѣхать. Такъ и сдѣлали. Извозчику заплатили, что слѣдуетъ, взяли деньги, узелокъ вещей и пришли къ желанному дому. Квартира была внутри двора. Позвонили, дверь открылась, Засуличъ вошла.

— Вѣрочка!..—раздался радостный возгласъ, и нѣсколько женщинъ бросались обнимать освобожденную. Ее, вѣроятно, поджидали, П. почувствовалъ себя лишнимъ, неожиданная роль проводника кончилась. Онъ отдалъ все, что было на его рукахъ, пожелалъ благополучія и раскланялся. Больше онъ не видѣлъ Вѣры Засуличъ

Объ этомъ же замѣшательствѣ при встрѣчѣ кареты съ оправданной повѣствуетъ и д-ръ Герценштейнъ, но придаетъ дѣлу нѣсколько иное освѣщеніе. Онъ говоритъ ¹⁾: «При встрѣчѣ толпы съ жандармами произошло замѣшательство и столкновение, которое позволю себѣ назвать добродушнымъ; они не особенно усердствовали и, хотя старались овладѣть Вѣрой Ивановной, но безъ особаго усердія. Мнѣ даже казалось, что цѣлью ихъ было не завладѣніе ею, а разсѣяніе толпы. Они какъ будто хотѣли изъять Засуличъ изъ толпы, чтобы этой послѣдней не было повода собираться. Повторяю, таково впечатлѣніе; но я также сомнѣваюсь, чтобы они въ это время (черезъ 1½ часа) уже имѣли распоряженіе о новомъ ея задержаніи и положительно увѣрены, что, если бы пожелали, они могли это сдѣлать даже легко, при безоружной толпѣ съ массою женщинъ и при близости жандармскихъ казармъ, до которыхъ пѣшкомъ дойти отъ мѣста встрѣчи можно было въ 3—4 минуты.

«Какъ бы то ни было, здѣсь случилось одно происшествіе, остающееся до сихъ поръ не разъясненнымъ. Это именно смерть Сидорацкаго ²⁾. Когда онъ соскочилъ съ козель—не знаю; но когда началась суматоха, раздался выстрѣлъ и стали говорить, что убили Сидорацкаго, то большинство говорило: «Сидорацкій застрѣлился». Какъ врачъ и знакомый, я поспѣшилъ къ тому мѣсту, гдѣ онъ находился. По Воскресенскому проспекту, домъ № 11, гдѣ находится аптека, имѣть по фасаду выступъ, такъ что у наружной стѣны образуется уголъ. Вотъ въ этомъ углу, плотно прислонясь къ стѣнѣ, сидѣлъ на тротуарѣ Сидорацкій. Онъ былъ мертвъ. Сколько я теперь припоминаю, рана у него была въ лѣвомъ вискѣ. Тутъ же на тротуарѣ, около покойника, валялся револьверъ. Нужно еще имѣть въ виду, что встрѣча жандармовъ съ толпою произошла нѣсколько дальше, впереди отъ Сидорацкаго, такъ что послѣдній находился теперь позади нея. Опять повторяю: общій голосъ тѣхъ изъ толпы, съ кѣмъ я говорилъ, согласно утверждаетъ, что онъ застрѣлился въ экзальтаціи. Версія, что его застрѣлили жандармы, явилась послѣ. Отношенія же всѣхъ, въ томъ числѣ и такъ называемаго общества, къ жандармамъ и начальству было таково, что усвоили именно эту послѣднюю версію, какъ наиболѣе естественную и правдоподобную, и я никогда позже не слышалъ ни возраженій, ни сомнѣній, ни другихъ объясненій. Хотя правительственное разъясненіе и сообщало о самоубійствѣ Сидорацкаго, но это, конечно, по господствующему у насъ довѣрію къ такого рода сообщеніямъ, служило для общества лучшимъ доказательствомъ, что его убили жандармы. Между тѣмъ на этотъ разъ оно, кажется, говорило правду. Когда я отошелъ отъ мертваго опять къ толпѣ, кареты уже не было; она уѣхала, а люди расходились. Исчезновеніе на глазахъ у жандармовъ пе-

¹⁾ «Былое», 1907 г., июнь.

²⁾ Сидорацкій также принадлежалъ къ революціоннымъ сообществамъ.

тербургской дрянной извозчицей кареты, запряженной плохой парой лошадей, также подтверждает, на мой взгляд, отсутствие въ тотъ моментъ намѣренія арестовать Засуличъ. Достаточно было послать за каретою 1—2 конныхъ жандармовъ, чтобы ее задержать на любой улицѣ съ помощью ближайшаго городского вдали отъ толпы, если ужъ не хотѣли задерживать тутъ, опасаясь сопротивленія этихъ невооруженныхъ людей, въ томъ числѣ съ массою женщинъ».

Предположенія и выводы г. Герценштейна, конечно, основательны. Къ моменту выпуска Засуличъ изъ воротъ тюремнаго замка приказъ о ея вторичномъ задержаніи еще не могъ поспѣть, онъ прибылъ нѣсколько позже, хотя и въ тотъ же день. Вотъ что повѣствуетъ объ этомъ приказъ М. Федоровъ ¹⁾. Около 11 часовъ вечера прибылъ къ нему прокуроръ окружнаго суда С. съ предписаніемъ прокурора судебной палаты о содержаніи Засуличъ подъ стражею впредь до особаго распоряженія. Вотъ та бумага, гдѣ это распоряженіе было изложено.

МИНИСТЕРСТВО

ЮСТИЦИИ

КАНЦЕЛЯРІЯ

СТОЛЬ

Марта 31 дня
1878 года

№ 4843.

С.-Петербургъ.

Господину Прокурору С.-Петербургской
Судебной Палаты.

ГОСУДАРЬ ИМПЕРАТОРЪ 31-го сего марта ВЫСОЧАЙШЕ повелѣть соизволил: дочь отставнаго капитана дѣвицу Вѣру Ивановну Засуличъ взять подъ стражу и содержать ее въ домѣ предварительнаго заключенія впредь до особаго распоряженія.

Прошу Ваше Превосходительство сдѣлать распоряженіе о немедленномъ приведеніи таковой — ВЫСОЧАЙШЕЙ воли въ исполненіе.

Министръ Юстиціи

Статсъ-Секретарь гр. ПАЛЕНЪ.

Управляющій канцеляріей бар. КОРФЪ.

Помѣта прокурора палаты: Доложить Его Сіятельству, что Засуличъ уже освобождена и что мною лично сообщено г. Градоначальнику объ исполненіи ВЫСОЧАЙШЕЙ воли.

¹⁾ «Русская Старина» 1905 г., № 1.

«Я до того поразился подобнымъ предписаніемъ,—говорить г. Федоровъ:—что сначала принялъ его за мистификацію, такъ какъ всему Петербургу уже было извѣстно объ освобожденіи Засуличъ, а тѣмъ болѣе прокурору, изъ канцеляріи котораго часа 4 тому назадъ я получилъ предписаніе о немедленномъ ея освобожденіи; но моментъ столбняка моего прошелъ, и я уразумѣлъ, что здѣсь мистификаціи быть не можетъ и что такое предписаніе послѣдовало, вѣроятно, въ силу какихъ-либо исключительныхъ обстоятельствъ, чего прокуроръ С. объяснить мнѣ не могъ, или, вѣрнѣе, не хотѣлъ, а далъ только понять, что въ данномъ случаѣ онъ исполнитель приказанія вашей власти. Составивъ по этому поводу докладную записку, я на слѣдующій день, рано утромъ, поѣхалъ съ нею къ генералу Трепову, который, несмотря на свое болѣзненное состояніе, принялъ меня и, выслушавъ, обѣщаль дать ходъ моей запискѣ.

«Черезъ нѣсколько дней я вызываюсь къ прокурору Л. Являюсь. Въ кабинетѣ у него застаю прокурора С., и мы втроемъ садимся за письменный столъ. Л., предложивъ мнѣ любезно папирасы, повель со мной приблизительно слѣдующій разговоръ: «Я желалъ съ вами, полковникъ, побесѣдовать, чтобы освѣжить въ вашей памяти обстоятельства освобожденія Засуличъ... Вы, вѣроятно, помните, что по окончаніи судебного засѣданія, встрѣтившись со мной на лѣстницѣ, я предложилъ вамъ не выпускать Засуличъ впредь до моего распоряженія?»—Этого я не помню,—отвѣчаю я:—а помню очень хорошо, что вы предложили не выпускать Засуличъ до полученія мною бумаги отъ суда, что я исполнилъ.—«Нѣтъ, это не такъ!.. Вы припомните хорошенько!.. Конечно, вы были въ такомъ экзальтированномъ состояніи, что легко могли не дослышать или перепутать мои слова, но я-то очень хорошо помню, что предупреждалъ васъ не освобождать Засуличъ впредь до моего особаго распоряженія».

«Дѣйствительно, я находился тогда подъ сильнымъ впечатлѣніемъ только что окончившагося суда надъ Засуличъ, да и кто не былъ подъ этимъ впечатлѣніемъ изъ присутствовавшихъ?! Въ бытность свою управляющимъ домомъ предварительнаго заключенія я не пропускалъ ни одного политическаго судебного процесса, слышалъ всѣхъ лучшихъ защитниковъ, какъ-то: Спасовича, Лохвицкаго, Герарда, Утина, Турчанинова, Потѣхина и др., но никто изъ нихъ не говорилъ такъ сильно, убѣдительно, захватывая за душу, какъ Александровъ, защитникъ Засуличъ. Впервые тогда я слышалъ на судѣ взрывъ аплодисментовъ, не только со стороны обыкновенныхъ смертныхъ, переполнившихъ залъ и хоры, но и среди лицъ, сидѣвшихъ за судейскимъ креслами, изъ которыхъ на многихъ виднѣлись звѣзды. Слѣдовательно, впечатлѣніе было общее.

«Бесѣда моя съ прокуроромъ Л. длилась недолго. Я рѣшительно отказался считать себя виновнымъ въ неисполненіи его распоря-

женія и въ доказательство своей правоты приводилъ тотъ аргументъ, что если бы онъ имѣлъ въ виду сдѣлать распоряженіе относительно задержанія Засуличъ, то, вѣроятно, пригласилъ бы меня къ себѣ, ибо встрѣча со мной на лѣстницѣ, по которой онъ спускался, чтобы ѣхать съ докладомъ къ министру юстиціи, была дѣломъ случайнымъ. Л. стоялъ на своемъ, и на томъ мы разстались.

«Проходитъ еще нѣсколько дней, и меня потребовалъ къ себѣ генералъ Козловъ, исправлявшій должность градоначальника за болѣзнию генерала Трепова. По прибытіи моемъ въ канцелярію градоначальника, генералъ Козловъ уводитъ меня въ отдѣльную комнату, сажаетъ подлѣ себя на диванъ и говоритъ: «Вы много терпѣли и выслушивали разныя непріятности, выслушайте теперь послѣднюю, а затѣмъ, надѣюсь, пойдетъ все къ лучшему. Дѣло въ томъ, что вы, по высочайшему повелѣнію, за несвоевременное освобожденіе Засуличъ должны отбыть семидневный арестъ на гауптвахтѣ, въ утѣшеніе же вамъ скажу, что вы теперь же представляетесь къ слѣдующему ордену, на лѣто увольняетесь въ отпускъ, съ выдачею вамъ пособія, и въ приказѣ объ арестѣ вашемъ не будетъ отдано, а равно не будетъ онъ занесенъ и въ формуляръ вашъ, такъ какъ, въ данномъ случаѣ, вы становитесь жертвою неблагопріятно сложившихся обстоятельствъ, хотя все мы не сомнѣваемся въ вашей правотѣ. Кромѣ того, я попрошу васъ, когда вы выберете гауптвахту и получите отъ насъ бумагу, отправиться подъ арестъ какъ можно раньше и никому не говорить, гдѣ будете находиться. Имѣйте въ виду, что дѣло это исправить ничѣмъ нельзя, и высочайшая воля должна быть исполнена.

«Генералъ Козловъ, какъ прекраснѣйшей души человѣкъ и очень хорошо меня знавшій, все это старался высказать насколько возможно мягко и сочувственно, но тѣмъ не менѣе суть дѣла осталась та же—грустная и тяжелая, и я чуть не со слезами на глазахъ вышелъ изъ комнаты. На слѣдующій же день я сталъ отбывать свое наказаніе, а по отбытіи его подалъ прошеніе объ увольненіи меня отъ должности управляющаго домомъ предварительнаго заключенія и послѣ того не переступалъ порога его даже тогда, когда сдавалъ должность».

VII.

Первою жертвою такимъ образомъ правительственнаго недовольства по поводу оправданія Засуличъ явился ничѣмъ не повинный и вполне правильно дѣйствовавшій полковникъ Федоровъ. Это недовольство пало и на всѣхъ прочихъ, кто такъ или иначе содѣйствовалъ и былъ причастенъ къ оправданію и освобожденію. Предсѣдатель суда А. Ѳ. Коппи впалъ въ немилость, и блестяще развертывавшаяся его служебная карьера надолго затуманилась,

пока сила его личного таланта не превозмогла неблагоприятных обстоятельств... Александровъ былъ на время высланъ изъ Петербурга; газетѣ «Голосъ» за помѣщеніе сочувственнаго фельетона Градовскаго по случаю оправдательнаго вердикта присяжныхъ по дѣлу Засуличъ было дано «предостереженіе», а самому Градовскому было отомщено за его восторженный фельетонъ закрытіемъ издававшейся имъ газеты «Русское Обозрѣніе». На послѣднемъ чрезвычайно характерно отразилось недовольное настроеніе правительственныхъ сферъ исходомъ процесса Засуличъ, настроеніе, выразившееся несправедливостью, причиненною Федорову, и тѣми дальнѣйшими его дѣйствіями, о которыхъ сообщаетъ въ своихъ воспоминаніяхъ редакторъ «Русскаго Обозрѣнія».

Надо замѣтить, что постоянному сотруднику «Голоса» удалось въ чрезвычайно сильныхъ выраженіяхъ передать въ своемъ фельетонѣ-отчетѣ, появившемся въ газетѣ на слѣдующій день послѣ оправданія Засуличъ, ту общественную психологію, которая развернулась на процессѣ, и стать такимъ образомъ своего рода глашатаямъ настоящаго общественнаго голоса, возмущеннаго, съ одной стороны, и торжествующаго побѣду—съ другой. Рядомъ съ дѣятелями судебного разбирательства 31 марта, можно сказать, Градовскій сталъ также героемъ дня, на долю котораго выпадали со всѣхъ сторонъ выраженія сочувствія, признательности и поклоненія его публицистическому таланту. Но почтенный публицистъ уже тогда же понималъ, что его общественное служеніе не пройдетъ ему даромъ. И тѣмъ болѣе, что тогда уже стало извѣстнымъ объ убіеніи шефа жандармовъ Мезенцева. Въ печальныхъ размышленіяхъ онъ отправился въ редакцію «Голоса».

— Что, вы еще цѣлы?—встрѣтилъ его престарѣлый В. Р. Зотовъ, несшій въ газетѣ обязанности редакціоннаго секретаря.

— Что случилось?

— А случилась битва двухъ терроровъ, легальнаго и подпольнаго, и подполье одержало побѣду. Теперь, батенька, намъ не сдобровать... Печать у насъ первая за все отвѣтчица.

«Пророчество было на этотъ разъ не трудное. Во всѣхъ редакціонныхъ комнатахъ шли оживленные толки, но настроеніе было унылое. Несмотря на лѣтнюю пустоту, многіе заѣзжали въ редакцію. Ждали свѣдѣній или дѣлились слухами.

«— Чего добраго, образумятся... Если себя не умѣютъ оберечь, среди бѣлага дня, на улицахъ столицы, то гдѣ же имъ охранять государство!..

«— Эхъ, государство!.. Много имъ заботы о государствѣ!»

«И пошли рассказы о томъ, какъ успелись и озлобились кадры реакціи. Не только Вѣру Засуличъ хотѣли арестовать, но стали хватать причастныхъ къ процессу 193-хъ. Громадное дѣло, результатъ многолѣтней ловли, подъ вліяніемъ затишья во время войны

было разрѣшено спусходительнѣе обыкновеннаго. Многіе были оправданы или отданы подѣ надзорѣ полиціи; для другихъ судѣ ходатайствовалъ о смягченіи наказанія, въ виду долговременнаго предварительнаго заключенія. Все это были «пропагандисты», обвинявшіеся въ «хожденіи въ народѣ». Послѣ оправданія и побѣга Засуличъ, всѣхъ ихъ повернули въ крамолу, снова обратили въ тяжкихъ преступниковъ и заключили въ тюрьмы. Нарушалась самая простая справедливость и сколько-нибудь здравая политика. Пропаганду превратили въ дѣяніе, слова—въ дѣло. Главнымъ виновникомъ такого «поворота» считали Мезенцева, человѣка весьма ограниченнаго, но занимавшаго важное мѣсто шефа жандармовъ и начальника Третьяго Отдѣленія. Изъ 193-хъ попавшихъ послѣ дѣла Засуличъ во вторую отвѣтственность многіе бѣжали, скрылись и перешли въ «нелегальные», имѣя въ своемъ распоряженіи какіе угодно фальшивые паспорта, опираясь на негодованіе родныхъ, друзей, всѣхъ сочувствующихъ обновленію Россіи. Въ нихъ видѣли страдальцевъ и передовыхъ борцовъ, стремящихся освободить народъ отъ зла и пережитковъ крѣпостнаго права. Цѣпь смуты все болѣе и болѣе нарастала»...

Въ мрачныхъ мысляхъ вернулся нашъ публицистъ домой. Спустя нѣкоторое время, въ его квартирѣ раздался звонокъ; ему принесли вызовъ на слѣдующій день въ главное управленіе по дѣламъ печати къ его начальнику Григорьеву для выслушанія особаго правительственнаго распоряженія.

«Въ назначенное время,—повѣствуетъ г. Градовскій,—я былъ въ хорошо знакомомъ кабинетѣ начальника главнаго управленія по дѣламъ печати. Григорьевъ всталъ и, стоя, безъ всякихъ вступленій заявилъ:

«— По приказанію управляющаго министерствомъ внутреннихъ дѣлъ, я обязанъ объявить вамъ послѣдовавшее высочайшее повелѣніе.

«Затѣмъ Григорьевъ взялъ бумагу и съ чувствомъ, съ толкомъ, съ разстановкой прочелъ, что, по всеподданнѣйшему докладу управляющаго министерствомъ внутреннихъ дѣлъ, высочайше повелѣно газету «Русское Обозрѣніе» за крайне вредное направленіе прекратить навсегда. Я молчалъ. Григорьевъ передохнулъ и тѣмъ же холодно официальнымъ тономъ, смакуя каждое слово, медленно прошипѣлъ:

«— Не угодно ли дать подписку какъ въ выслушаніи объявленнаго вамъ высочайшаго повелѣнія, такъ и слѣдующаго распоряженія управляющаго министерствомъ.

«Подписка, заготовленная заранѣе, заключалась въ обязательствѣ не печатать и не оглашать высочайшаго повелѣнія о запрещеніи «Русскаго Обозрѣнія».

«И все молчалъ и далъ требуемую подписку. Шпня, Григорьевъ продолжалъ:

«— Мнѣ приказано еще предупредить васъ, что въ случаѣ огласки и нарушенія подписки вы будете немедленно высланы въ Архангельскую губернію.

«И Григорьевъ сдѣлалъ пѣчто въ родѣ поклона.

«— Все?—спросилъ я.

«— Все-съ.

«Было бы излишнимъ разговаривать съ этимъ господиномъ; ничего добраго отъ него ждать было нельзя. Я молча вышелъ. Будучи на Театральную улицу, я былъ еще полноправнымъ и собственникомъ газеты, все болѣе и болѣе пріобрѣтавшей успѣхъ; со временемъ, при благопріятныхъ условіяхъ, могли бы покрыться расходы и долги по изданію. Возвращаться же мнѣ пришлось безправнымъ, разореннымъ, лишеннымъ редакторства. Мало того, мнѣ грозятъ насиліемъ надъ личностью и свободой, лишаютъ даже возможности оправдаться передъ подписчиками и обществомъ по поводу невыхода газеты»...

Запрещеніе «Русскаго Обозрѣнія» было пріурочено къ послѣдствіямъ убіенія Мезенцева, но источникъ этого запрещенія, какъ это выяснилось потомъ и было очевидно ужъ тогда, скрывался именно въ дѣлѣ Вѣры Засуличъ и въ той роли, которую въ печати и общественномъ настроеніи сыгралъ по этому предмету Градовскій.

Бюрократическія сферы были крайне озлоблены на всѣхъ, хотя бы косвенно соприкасавшихся сочувственно съ этимъ дѣломъ, и, въ пылу возмущеннаго чувства, высочайшей волей и именемъ царя творили несправедливости и дѣлали ложные шаги, которые только дискредитировали законность и вмѣстѣ съ тѣмъ ставили личность самодержца подъ ту опасность, которая ужъ и безъ того скоплялась все гуще надъ его головой. Настроеніе этихъ сферъ, какъ придворныхъ, аристократическихъ, такъ и полицейско-бюрократическихъ, очень рельефно передается въ «Воспоминаніяхъ» кн. В. Мещерскаго, который по поводу оправданія Засуличъ говоритъ¹⁾: «Торжественное оправданіе Вѣры Засуличъ происходило какъ будто въ какомъ-то ужасномъ кошмарическомъ снѣ... Никто не могъ понять, какъ могло состояться въ залѣ суда самодержавной имперіи такое страшное глумленіе надъ государевыми высшими слугами и столь наглое торжество крамолы: но въ то же время въ какомъ-то летаргическомъ оцѣненіи всѣ молчали, и никто не смѣлъ громко протестовать... Такъ, промежъ себя нѣкоторые русскіе люди говорили, что если бы, въ отвѣтъ на такое прямо революціонное проявленіе правосудія, государь своею властью кассировалъ рѣшеніе суда и весь составъ суда подвергъ изгнанію со службы, и проявилъ бы эту

¹⁾ Кн. В. П. Мещерскій. «Мои воспоминанія». Часть вторая.

строгость немедленно и всенародно, то, вопли вѣроятно, развитіе крамолы было бы сразу приостановлено».

Сенатомъ рѣшеніе петербургскаго окружнаго суда по дѣлу Засуличъ было, дѣйствительно, кассировано и дѣло передано для новаго разсмотрѣнія въ новгородскій судъ, но такое рѣшеніе было лишь актомъ теоретическаго порядка: судить вторично было уже некого. Засуличъ нашла на свободѣ друзей, ее пріютившихъ, которые дали ей возможность скрыться за границу, гдѣ и началась ея полная тревогъ жизнь эмигрантки, состоящей и поднесъ въ самыхъ первыхъ рядахъ русскихъ активныхъ революціонеровъ. Въ силу закона о свободѣ, возвѣщенной уже въ наши дни, она было вернулась въ Россію, но послѣдующія событія заставили ее снова бѣжать въ Швейцарію, гдѣ она пребываетъ по сію пору.

Б. Глинскій.

(Продолженіе въ слѣдующей книжкѣ).

ТЕАТРАЛЬНЫЯ СТРАНИЧКИ.

(Памяти В. В. Чарскаго).

ВЕТВЕРТАГО марта скончался въ Москвѣ отъ грудной жабы, на 76-мъ году жизни, хорошо извѣстный въ свое время трагикъ Владимиръ Васильевичъ Чарскій-Чистяковъ.

Не было въ Россіи сколько-нибудь крупнаго города, на подмосткахъ котораго не подвизался бы покойный Чарскій. Онъ началъ свою артистическую дѣятельность въ 1864 году въ провинціи, выступалъ въ Москвѣ въ антрепризѣ С. В. Танѣева, К. С. Станиславскаго, М. В. Лентовскаго, Е. Н. Горевои, М. М. Абрамовой, Бренко и Корша, самъ не разъ организовывалъ театральныя предпріятія и игралъ (въ 1882 г.) въ императорскомъ Александринскомъ театрѣ.

Большую часть своей жизни Чарскій посвятилъ провинціальной сценѣ, гдѣ выступалъ преимущественно въ роляхъ классическаго репертуара. Онъ считался однимъ изъ лучшихъ исполнителей главныхъ ролей въ шекспировскихъ трагедіяхъ: «Гамлетъ», «Король Лиръ» и «Макбетъ».

В. В. Чарскій былъ всегда кумиромъ молодежи, она буквально посила его на рукахъ и забрасывала цвѣтами и благодарственными адресами за свѣтлыя минуты, которыя онъ доставлялъ ей. Немногіе изъ артистовъ удостоивались такихъ овацій, какъ только что скончавшійся трагикъ.

Мнѣ случилось въ 70-хъ годахъ быть въ Одессѣ свидѣтелемъ такой процессіи. Послѣ спектакля молодежь, поджидавшая Чарскаго у артистическаго подъѣзда Русскаго театра, подхватила своего

любимца на руки и отнесла на квартиру, въ гостиницу на ссѣдней Дерибасовской улицѣ.

Еще болѣе торжественная процессія произошла однажды, по словамъ очевидцевъ, въ Кіевѣ, гдѣ молодежь, усадивъ Чарскаго въ кресло, убранное цвѣтами, носила его по улицамъ, бросая по пути цвѣты.

Когда Чарскій началъ свою артистическую дѣятельность—въ 60-хъ годахъ прошлаго столѣтія—на нашихъ сценахъ не процвѣтали еще самодѣльные и заморскіе фарсы, скабрзные оперетки, легкомысленные «кабаре» и кафешантанный жанръ. Экспансивная провинціальная молодежь увлекалась серьезной драмой и произведеніями классическаго репертуара.

Счастливъ былъ тотъ артистъ, который нравился молодежи, и горе было тому, кто ей не нравился. Пользовавшемуся симпатіями артисту устраивались шумныя оваціи, а не нравившагося почему-либо артиста встрѣчали шиканьями, а то и забрасывали тухлыми яйцами и гнилыми яблоками. Не одинъ артистъ долженъ былъ среди сезона укладывать свои костюмы и парики и уѣзжать, вслѣдствіе недоброжелательнаго къ нему отношенія молодежи.

Это и случилось однажды съ покойнымъ В. В. Чарскимъ.

Дѣло происходило въ Одессѣ. Послѣ своего удачнаго дебюта въ этомъ городѣ въ 1868 году въ роли Жадова въ «Доходномъ мѣстѣ» Островскаго, Чарскій сразу завоевалъ симпатіи университетской молодежи. Популярности артиста способствовало и то, что Чарскій называлъ себя «бывшимъ студентомъ»: онъ кончилъ университетъ св. Владимира въ Кіевѣ.

Послѣ «Доходнаго мѣста» Чарскій началъ выступать въ шекспировскихъ пьесахъ, и съ каждымъ новымъ дебютомъ успѣхъ его возрасталъ.

Но Чарскаго угораздило разсориться съ боготворившей его молодежью, и эта ссора взбудоражила весь новороссійскій университетъ, подняла на ноги всю мѣстную администрацію и взволновала почти все мѣстное населеніе.

Для своего бенефиса кумиръ молодежи выбралъ нынѣ забытую пьесу «Говоруны» Манна, въ которой содержится рѣзкое сужденіе о молодежи.

Юные почитатели артиста были крайне смущены такимъ выборомъ ихъ любимца и стали убѣждать его взять для своего бенефиса другую пьесу. Но Чарскій былъ неумолимъ.

Наступилъ день бенефиса. Всѣ мѣста были раскуплены. Даже ложи были разобраны студентами въ складчину.

Всѣ ждали большого скандала, который и произошелъ въ началѣ спектакля. Свистки и крики: «долой Чарскаго! вонъ режиссера изъ театра!»—разсказываетъ очевидецъ С. Яронъ въ своихъ «Воспоминаніяхъ»,—стали раздаваться, едва окончился первый актъ.

На сцену вышелъ режиссеръ Н. И. Новиковъ, и среди шума ему удалось довести до свѣдѣнія публики, что онъ не причастенъ къ постановкѣ пьесы, которую и не одобряетъ.

Это заявленіе подлило масла въ огонь. Но шумъ достигъ апогея, когда режиссировавшій пьесу артистъ вышелъ на авансцену и сталъ апеллировать къ «лучшей части публики».

Скандалъ принялъ такіе размѣры, что пришлось опустить занавѣсъ и доложить обо всемъ градоначальнику Бухарину. Немедленно былъ усиленъ нарядъ полиціи, переписали и арестовали студентовъ, и отдано распоряженіе продолжать спектакль.

Но не тутъ-то было! Публика, заступившаяся за молодежь, не унималась, и «Говоруновъ» замѣнили какими-то плохо срепетованными водевилями.

На слѣдующій день носились слухи, что генералъ-губернаторъ Коцебу приказалъ непременно поставить «Говоруновъ» и принять соотвѣтственныя мѣры для обузданія юныхъ «скандалистовъ».

Взволновалась молодежь, взволновалось университетское начальство, когда слухи подтвердились, и пьеса была анонсирована. Особенно волновался любившій молодежь инспекторъ Логиновъ.

Билеты на «Говоруновъ» были быстро разобраны публикою, падкою на скандалы, и молодежью.

Налицо были въ театрѣ ректоръ, популярныя профессора и инспекторъ. Они всячески успокаивали молодежь, хотя не рассчитывали особенно, что имъ удастся предупредить скандалъ и репрессіи противъ студентовъ.

Предъ началомъ спектакля на авансценѣ неожиданно появился режиссеръ и объявилъ, что, якобы, по внезапной болѣзни одного изъ артистовъ, «Говоруны» итти не могутъ и замѣняются другой пьесой. Болѣзнъ оказалась мнимой.

Трудно передать, что произошло въ театрѣ. Раздались оглушительныя крики «браво». Студенты и университетское начальство торжествовали. Были недовольны только любители скандаловъ.

Когда въ пьесѣ, замѣнившей пьесу «Говоруны», со сцены раздалось «Gaudeamus igitur», весь театръ поддержалъ артистовъ-исполнителей, и стѣны задрожали отъ пѣнія многотысячнаго хора.

Бѣдный Чарскій лишился симпатіи молодежи и долженъ былъ скоро покинуть городъ.

Черезъ нѣсколько лѣтъ, въ концѣ 70-хъ годовъ, когда онъ снова появился въ Одессѣ и сталъ выступать преимущественно въ произведеніяхъ классическаго репертуара, другія поколѣнія молодежи снова устраивали ему оваціи и не разъ, какъ я уже говорилъ выше, носили его на рукахъ. Эпизодъ, надѣлавшій въ свое время столько шума, былъ преданъ забвенію.

Когда В. В. Чарскій въ 80-хъ годахъ появился на Александрийской сценѣ, его выступленія проходили какъ-то незамѣченными.

Не проявила большаго вниманія къ нему и тогдашняя театральная критика. Провинціальные почитатели артиста объясняли это тѣмъ, что его «затирали» и ему не давали ролей его репертуара.

Дѣйствительно ли это было такъ, или талантъ, который несомнѣнно былъ у Чарскаго, пришелъ въ упадокъ—сказать не берусь.

Одно время Чарскій состоялъ преподавателемъ декламациі и дикціи въ театральной школѣ А. Ѳ. Ѳедотова.

Лебединою пѣсней В. В. Чарскаго было его участіе въ артистическомъ собраніи въ Уфѣ 17 января прошлаго года, когда онъ справлялъ 45-лѣтній юбилей своего служенія русской сценѣ. Оглядываясь на пройденный имъ длинный артистическій путь, Чарскій видѣлъ на немъ и розы, и терніи, которыми усыянь путь каждаго дѣятеля искусства, особенно въ Россіи.

В. В. Чарскій умеръ въ большой бѣдности и похороненъ въ Москвѣ. На похоронахъ его отсутствовали артисты московской казенной сцены. Одна М. Г. Савина отдала послѣдній долгъ своему старому товарищу по сценѣ, прибывъ для этого спеціально изъ Петербурга.

Не откликнулась на смерть Чарскаго и наша провинція, гдѣ прошла лучшая пора его артистической дѣятельности.

А. Кауфманъ.

ПО УЩЕЛЬЯМЪ АГРИДАГА.

I.

Дорога по р. Кара-су.—Деревня Абази.—Отшельникъ Вартанъ.

БЫ ОСТОРОЖНО спускались съ вершины Эзноса. Конвойный казакъ-кубанецъ то и дѣло предупреждалъ меня объ опасности извилинъ горной тропинки, боясь, что моя молодая лошадь испугается какого-либо неожиданнаго взлета горнаго орла и я рискую упасть въ бездну, гдѣ глухо рокотала рѣчка Кара-су. Однако все обошлось благополучно, и черезъ полчаса наши лошади уже брели по руслу рѣчки, высоко поднимая ноги и разбрасывая цѣлые каскады брызговъ. Рѣчки—единственные пути сообщенія въ ущельяхъ Агридагскаго хребта. Путь по нимъ, благодаря массѣ камней, усѣявшихъ русло, тоже небезопасенъ, такъ какъ каждую минуту лошадь можетъ споткнуться, упасть и изувѣчить всадника.

По склонамъ ущелья двумя гигантскими стѣнами высился вѣковой сосновый лѣсъ. Если гдѣ еще можно говорить о лѣсахъ дремучихъ, «непроходимыхъ» и «непроѣзжихъ», гдѣ, при желаніи взглянуть на вершину дерева, шапка валится съ головы, такъ это именно въ верховьяхъ Аракса. Здѣсь лѣса еще незнакомы съ губительной силой топора, отсюда не тянутся желѣзнодорожныя платформы, нагруженныя бревнами, не несутся по стремлинамъ плоты,—развѣ только изрѣдка грекъ или курдь свалить бревно на матицу для

своей тунны. Вѣками стоятъ хмурья сосны, ревниво оберегая свои заповѣдныя тайны, служа пріютомъ для дикихъ звѣрей и контрабандистовъ-курдовъ. Русло Кара-су шло небольшими порогами и наши лошади осторожно нащупывали дно рѣчки, то и дѣло ударяясь ногами о скользкіе камни.

На одномъ изъ поворотовъ предъ нами неожиданно выросла фигура рослаго кубанца. Оказывается, что здѣсь надо было мѣнять постовыхъ лошадей и конвойнаго казака. Въ предшествіи кубанца, мы стали подниматься по прорубленной тропинкѣ по лѣвому краю, и скорѣ на просѣкѣ показалась постовая туна съ неизмѣннымъ дозорнымъ на крышѣ. Недоумѣвая, какъ можно съ низкой тунны видѣть изъ-за высокаго лѣса окружающую мѣстность, я взобрался на крышу и былъ пораженъ открывшейся моимъ глазамъ далью. Туна стояла какъ разъ надъ обрывомъ, дающимъ начало широкому плато, окаймленному съ одной стороны Кара-Куртомъ, а съ другой—широкой лентой Аракса. Вдали вырисовывался вѣчно окутанный дымкой Сурупхачъ—вершина Саганлуна, внизу подъ туной шумѣлъ горный потокъ, скрывающійся саженьхъ въ пяти-десяти отъ истока въ каменномъ футлярѣ—плотинѣ туземной мельницы. Влѣво видны жалкія землянки греческой деревушки Абази со слѣдами развалинъ какихъ-то древнихъ сооружений. По крутой тропинкѣ я спустился въ деревню, но не успѣлъ пройти и двухъ шаговъ, какъ предо мной выросла довольно тощая фигура грека-оборванца, который пазойливо сталъ предлагать свои услуги въ качествѣ гида. Оказалось, что я находился въ важномъ историческомъ центрѣ—здѣсь имя Кира, царя персидскаго, переплеталось съ именами Исланъ-хана, извѣстнаго вождя курдовъ, проникавшаго съ своими ордами въ глубь Аравіи, и Вартана, сначала вождя армянской дружины, а потомъ отшельника-монаха; здѣсь отдыхалъ со своей свитой Измаиль-паша, разбитый генералъ Гейманомъ у Деве-бойну.

По преданью, на этомъ мѣстѣ былъ армянскій монастырь, въ теченіе вѣковъ служившій оплотомъ противъ набѣговъ кочевниковъ-курдовъ, пока Исланъ-ханъ не разрушилъ его до основанія, мстя за смерть брата, убитаго армянами въ одной изъ стычекъ. При ближайшемъ осмотрѣ развалинъ прежде всего бросается въ глаза оригинальность древнихъ армянскихъ построекъ—огромныя, гладко обтесанныя гранитныя глыбы соприкасались другъ съ другомъ узкой краевой полосой, выдѣлявшейся бѣлизной цемента на сѣромъ фонѣ дикаго камня; благодаря этому, стѣны зданія, судя по изображеніямъ святыхъ—церкви, имѣли граненый видъ. Вѣроятно, особымъ искусствомъ считалось также прикрѣпленіе къ стѣнамъ гранитныхъ плитъ однимъ краемъ, такъ что обѣ поверхности остаются свободными и на нихъ видны слѣды изображеній. Не говоря уже про собственную тяжесть плиты, удары ломомъ не разъеди-

пяли ее на мѣстѣ скрѣпа. Объясняется это свойствомъ цемента, составъ котораго является и до настоящаго времени загадкой для техниковъ. Впрочемъ, доказательствомъ прочности цемента древнихъ техниковъ можетъ служить «мостъ Кира», о которомъ будетъ рѣчь дальше. На уцѣлѣвшихъ изгибахъ видны слѣды картечи— это уже результаты позднѣйшихъ бомбардировокъ. Вблизи одной изъ этихъ руинъ, надъ самымъ обрывомъ, въ стремнину котораго ниспадалъ каскадомъ ручей, прилѣпилась небольшая келейка монаха Вартана. Сопровождавшій меня грекъ, знавшій нѣсколько русскихъ фразъ, почтительно снялъ шапку при входѣ въ келью и со вздохомъ произнесъ:

— Святая, господишь, монахъ...

Келья представляла собой нишу, высѣченную въ гранитной скалѣ. Размѣръ кельи 4 кв. аршина. На восточной стѣнѣ высѣчено изображеніе Христа и ликъ Божьей Матери, и тутъ же висѣло мѣдное распятіе. Мой чичероне старался пояснить, что все это сдѣлано самимъ отшельникомъ. Потомъ онъ сдвинулъ камень, лежавшій въ углу, и моимъ глазамъ открылась дыра, въ $\frac{3}{4}$ аршина діаметромъ. Это оказался входъ въ подземелье, служившее во время набѣговъ курдовъ убѣжищемъ для армянъ. Такими подземельями изрыто все плато, такъ что преданіе о «подземномъ городѣ» не есть мифъ, а историческій фактъ. Къ сожалѣнію, я не могъ проникнуть дальше второй галереи, вслѣдствіе заваловъ, но и на основаніи видѣннаго можно заключить, что это были армянскія катакомбы—слѣды надписей и изображеній свидѣтельствовали о томъ. Тянулись эти катакомбы, по удостовѣренію мѣстнаго старожила, греческаго священника Саріева, на 8 верстъ, до устья р. Кара-Курта, гдѣ онѣ имѣли два выхода къ Араксу.

Вартанъ—легендарная личность, которыми богата исторія армянскихъ возстаній противъ турецкаго гнета. Уроженецъ Эрзерума, Вартанъ еще мальчикомъ долженъ былъ покинуть предѣлы Турціи, такъ какъ ему грозила лютая смерть, которой преданъ былъ весь его родъ. Отецъ Вартана—зажиточный торговецъ, человекъ огромной воли и преданный идеѣ освобожденія армянъ отъ мусульманскаго ига. Онъ не ограничивался одними мечтаніями во время кейфа на богатыхъ нарахъ своей туны, а дѣятельно подготавливалъ возстаніе. Съ этой цѣлью онъ разъѣзжалъ по главнымъ армянскимъ провинціямъ, проникалъ въ глубь Персіи, устроилъ въ нѣсколькихъ пунктахъ большіе склады оружія. И вотъ почти наканунѣ осуществленія завѣтной мечты, когда уже были готовы воззванія къ бѣднымъ сыновьямъ дорогой Арменіи, одинъ изъ заговорщиковъ, исключительно изъ трусости, выдалъ планъ возстанія турецкимъ властямъ. Въ одну изъ темныхъ ночей въ туну ворвалась шайка курдовъ, и Вартанъ видѣлъ, какъ истязали его отца, какъ надругались надъ его сестрами, избивали братьевъ. Отъ ужаса мальчикъ забился подъ нары, и его не замѣтили. Убіиство семьи

Вартана послужило сигналомъ къ ужасной рѣзнѣ курдами армянъ Эрзерумскаго вилайета. Вартанъ скрылся въ горахъ, гдѣ и прятался по пещерамъ въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ, питаясь корнями тузлука. Когда рѣзня утихла и курды упились христіанской кровью (такъ гласить исторія 1805—7 гг.), многія армянскія семьи бѣжали въ Россію подъ защиту русскаго царя. Въ числѣ бѣжавшихъ былъ Вартанъ, поселившійся вблизи Тифлиса. Въ 20-хъ годахъ прошлаго столѣтія вспыхнула русско-персидская война. Въ рядахъ русскихъ войскъ бились и армяне, среди которыхъ особенно отличался своими смѣлыми партизанскими набѣгами Вартанъ. Онъ сформировалъ дружину изъ приграничныхъ армянъ, проникъ съ нею за Араксъ и въ теченіе нѣсколькихъ недѣль угрожалъ тылу врага. Однако вскорѣ онъ исчезъ съ театра войны, и черезъ два мѣсяца стали поступать извѣстія объ армянской шайкѣ «разбойниковъ, грабящихъ турецкое населеніе въ верховьяхъ р. Аракса». То былъ Вартанъ. Однажды, когда дружина Вартана отдыхала отъ своихъ набѣговъ въ Кизиль-Килиса, на нее напалъ курдскій отрядъ, и почти всѣ дружинники были перебиты. Раненый Вартанъ едва добрался до Эзноса, гдѣ его укрыли пастухи, а оттуда ночью перешелъ въ катакомбы Абази. Въ теченіе послѣдующихъ 20 лѣтъ Вартанъ былъ грозой мусульманъ и былъ неуловимъ. Озлобленные курды вымещали свои неудачи на мирныхъ армянахъ и послѣ каждаго набѣга Вартановой дружины устраивали отчаянную рѣзню по армянскимъ деревнямъ, иногда вырѣзывая населеніе до грудного ребенка. Видя такіе результаты своей дѣятельности, Вартанъ исчезъ. Но ему суждено было еще разъ стать въ ряды войскъ, дѣйствовавшихъ противъ турокъ, но только не съ ятаганомъ въ рукѣ, а съ крестомъ,

Объ этомъ эпизодѣ рассказываютъ такъ.

Послѣ неудачной атаки Зивина, гдѣ русскихъ полегла не одна тысяча, въ обходъ турецкой арміи былъ двинутъ изъ урочища Саракамышъ отрядъ подъ командой полковника Свиридова. Въ урочищѣ Кара-Куртъ, на одномъ изъ поворотовъ, его встрѣтилъ старецъ-монахъ съ мѣднымъ распятіемъ въ рукѣ. Невольно всѣ вздрогнули отъ неожиданности, но черезъ мгновеніе весь отрядъ опустился на колѣни и принялъ благословеніе старца.

— Съ вами Богъ, избавители стада Христова!..—громко произнесъ старецъ и бодро зашагалъ впереди отряда.

— Самъ Богъ посылаетъ намъ свое благословеніе, —радостно шептали солдаты.

Это былъ Вартанъ.

На другой день отрядъ Свиридова неожиданно напалъ на десяти-тысячную зивинскую армію.

Завязался жаркій бой. Турецкіе окопы нѣсколько разъ переходили изъ рукъ въ руки. Впереди русскаго отряда все время

шелъ старикъ-монахъ съ высоко поднятымъ въ правой рукѣ крестомъ, онъ же первымъ взошелъ на вражескій брустверь. Солдаты не теряли изъ вида это живое знамя и отчаянно дрались. Скоро турки окончательно были опрокинуты и поспѣшно стали отступать за Араксъ къ устью р. Кара-Куртъ, бросая на пути пушки, обозъ и раненыхъ. Свиридовъ насѣдалъ. Турецкія колонны, успѣвшія переправиться черезъ Араксъ, открыли залповой огонь, и первымъ былъ сраженъ Вартанъ.

II.

Кара-Куртское ущелье.—Населеніе и его промыслы.—Вражда христіанъ съ мусульманами.

Черезъ часъ мы снова покачивались на сѣдлахъ, спускаясь по уклону ущелья Кара-Куртъ. Внизу бурлила рѣчка, каскадами спускаясь къ Араксу, а по склонамъ змѣйками вились оросительныя канавки—сооруженіе туземца-земледѣльца. Бѣдная каменистая почва при незначительныхъ оазисахъ, возможныхъ къ разработкѣ подъ хлѣба, скудность атмосферныхъ осадковъ заставляютъ мѣстнаго земледѣльца прибѣгать къ искусственному орошенію. Отлогія стѣны ущелья изрѣзаны сѣтью канавъ, большихъ и малыхъ, причемъ получается впечатлѣніе, что всѣ онѣ поднимаются вверхъ. Но это обманъ зрѣнія. Дѣло въ томъ, что между угломъ паденія плато сравнительно съ угломъ уклона рѣчки огромная разница, почему канава, отведенная изъ рѣчки за 200 сажень выше поля, естественно поднимается по отношенію къ руслу и въ то же время имѣетъ одинаковый уклонъ съ общимъ пониженіемъ поверхности плато. Благодаря только орошенію, населеніе получаетъ средніе урожаи ячменя, имѣетъ баштаны. Зато и труда же влагается въ миниатюрный клинъ земли, имѣющійся въ распоряженіи земледѣльца! Одна вспашка на крутыхъ склонахъ чего стоитъ. Порой прямо поражаешься, какъ это туземецъ могъ взбороздить уклонъ, по которому едва взбираешься, опираясь на палку. Но грекъ и армянинъ приспособились къ такой пашиѣ, настойчиво борются съ суровой обстановкой и нашли себѣ вѣрнаго союзника въ неуклюжемъ буйволѣ. Съ ревомъ тянетъ соху массивный быкъ, мотаетъ головой, упрямится, но пахарь терпѣливо сноситъ всѣ эти протесты рабочаго животнаго и достигаетъ своего. Всю весну, лѣто и осень туземецъ не покидаетъ своего посѣвнаго клочка: то онъ, вооруженный сохой, борется съ сорными травами, то съ лопатой въ рукахъ закрываетъ и открываетъ оросительныя канавки, или же на тачкѣ возитъ изъ лѣсу перегнившую землю. Здѣсь полное олицетвореніе того тяжелаго земледѣльческаго труда, который дѣйствительно требуетъ кроваваго

пота и притомъ при самой ничтожной оплатѣ. Семья земледѣльца средней зажиточности обезпечиваетъ себя хлѣбомъ только на зиму, въ теченіе 5—6 мѣсяцевъ, имѣетъ изъ живого инвентаря лошадей, чаще осла, буйвола и козу, рѣдко кто имѣетъ корову. Не сидитъ безъ дѣла земледѣлецъ и зимой—онъ промышляетъ на сторонѣ въ качествѣ чернорабочаго, а семья справляетъ домашнія работы—ткутъ сукна изъ шерсти, готвятъ сыръ, въ видѣ мотковъ. Но зато у закавказскаго земледѣльца все примитивно, все допотопное. Я не ошибусь, если скажу, что такими орудіями пахали тысячу лѣтъ назадъ, такъ же молотили во времена дохристіанскія, въ такихъ же арбахъ передвигались во время великаго переселенія народовъ. Дѣйствительно, представьте себѣ суковатый кривой кусокъ дерева, обшитый листовымъ желѣзомъ,—это соха; бревно съ вдѣланными въ его нижнюю поверхность острыми голышами изображаетъ борону, телѣга двухколесная съ вертящейся осью и неподвижными толстыми кругами, изображающими колеса, издаетъ отчаянный скрипъ, такъ какъ о дегтѣ здѣсь не имѣютъ понятія. Та же примитивность, усиленная нищетой, видна въ жалкомъ убранствѣ туны, въ домашней обстановкѣ. Туна земледѣльца—врытая землянка, обложенная камнемъ, съ окномъ вверху, съ плоской крышей, по которой ходятъ, ѣздятъ, на которой въ ясный морозный день кормятъ козъ и овецъ. Туна дѣлится на двѣ половины—въ одной помѣщается семья, а въ другой—скотъ, запасы хлѣба, корма и орудія. По одеждѣ туземецъ напоминаетъ нищаго цыгана. Казалось бы, въ такой жизненной обстановкѣ долженъ выработаться угрюмый и озлобленный характеръ. Однако, нѣтъ. Туземецъ-грекъ и туземецъ-армянинъ всегда веселы, общительны, не прочь устроить попойку съ пляской и пѣснями. вмѣстѣ съ тѣмъ онъ хитеръ, съ его губъ не сходитъ занскивающая улыбка, онъ готовъ на всякаго рода услуги, разъ это обѣщаетъ хотя бы маленькую выгоду. Въ этомъ отношеніи армяне-туземцы напоминаютъ факторовъ-евреевъ.

На ряду съ этой жалкой фигурой совершеннѣйшимъ контрастомъ вырисовывается высокая статная фигура курда. Этотъ пришелецъ изъ Курдистана не знаетъ мозолей земледѣльческаго труда. Захвативъ лучшія угоды, онъ водить стада скота, которыя и обезпечиваютъ ему безбѣдное житье, а если включить сюда и другіе промыслы, въ видѣ грабежей армянскихъ поселеній и контрабанды, то вполне станетъ понятнымъ и костюмъ курда, гдѣ фигурируютъ цвѣтныя шелковыя матеріи, и убранство туны коврами. Лихой конь, дорогое оружіе, дерзкій набѣгъ—вотъ стихія курда. Въ горахъ Агридагской гряды сохранился у курдовъ варварскій обычай подбора—лишь только родится ребенокъ, онъ тотчасъ погружается въ прорубь, а лѣтомъ въ ледяную воду, и голымъ бросается на холодный полъ. «Выживетъ—курдомъ будетъ, подохнетъ—значитъ дрянъ родилась». Такъ мнѣ объяснялъ курдь-старикъ.

Вражда между курдами и христіанами страшно обострена. Ни курдь, ни армянинъ не пропустятъ удобнаго случая, когда возможно убить, изувѣчить, ограбить или просто досадить «проклятому», какъ величаютъ другъ друга курды и армяне. Слѣдующій эпизодъ можетъ послужить характерной иллюстраціей этому.

Въ пути къ Эносу меня, кромѣ двухъ конвойныхъ казаковъ, сопровождалъ еще и старшина курдской деревни. Къ вечеру мы были у цѣли, и я отпустилъ старшину. Онъ поклонился, но не поворачивалъ своего коня, а въ упоръ смотрѣлъ на меня своими стальными глазами. Жутко отъ этихъ глазъ, если бы даже существовала увѣренность, что ваша жизнь въ полной безопасности. Сначала я думалъ, что онъ ждетъ обычной на Руси подачи «на чай», «на водку», и уже пожалѣлъ о проникновеніи этого продукта цивилизаціи въ дикія горы Малой Азіи. Я ошибся... Курдь снялъ чалму и на ломаномъ русскомъ языкѣ спросилъ:

— Можно твоя просить патронъ.

— Какой патронъ?—недоумѣвающе переспросилъ я.

— А чимъ стрелять...

— Это онъ, ваше вскородіе,—вмѣшался кубанецъ,—просить дозволенія взять у насъ патроновъ, а то боится ночью ѣхать, какъ бы армяшки не подстерegli, мимо ихъ деревень ему ѣхать-то... Когда мы сюда ѣхали, то армяшки на куртинца смотрѣли ой-ой какъ, такъ бы и съѣли.

— Да вѣдь у него есть свои патроны.

— Есть два—мало, говорить...

Я отказалъ и не пожалѣлъ. Черезъ два дня я узналъ, что не армяне замышляли напасть на старшину, а онъ подмѣтилъ хорошую лошадь и пытался угнать ее. Къ счастью, армяне во время замѣтили и не дали себя ограбить. Курдь, озлобленный неудачей, выстрѣлилъ и ранилъ армянина. Армяне въ долгу не остались и послали въ догонку нѣсколько пуль, одна изъ которыхъ ранила лошадь курда.

Ущелье Кара-Куртъ раздвинулось. Впереди блеснула желтая полоса воды, а вскорѣ нашимъ глазамъ открылась цѣлая группа каменныхъ построекъ. Это штабъ 1-го Кубанскаго казачьяго полка, пріютившагося при устьѣ р. Кара-Куртъ, на берегу р. Аракса.

III.

Кара-Куртъ.—Араксъ.—Пещеры.—Развалины дворца.—Контрабандисты.

Послѣдняя русско-турецкая война расширила наши малоазіатскіе предѣлы до верховьевъ Аракса, при чемъ граница идетъ по срединѣ Агридагскаго хребта, дѣлая тѣ же самые зигзаги, какъ и причудливая горная гряда. Благодаря этому получилось довольно

странное распредѣленіе угодій между приграничными селеніями, а именно угодья турецкихъ подданныхъ кѣлиньями почти сплошь врѣзываются въ угодья русскихъ армянъ и грековъ, и нерѣдко тѣмъ и другимъ приходится переходить границу, чтобы попасть на свой полевой надѣлъ или пастбище. Происходятъ постоянныя недоразумѣнія, оканчивающіяся вооруженной дракой и вмѣшательствомъ войскъ. Всѣ, кто проѣзжалъ по границѣ, поражены непонятнымъ разграниченіемъ русскихъ владѣній отъ турецкихъ. Несомнѣнно, лица, рѣшавшія этотъ вопросъ, руководились желаніемъ подальше отодвинуть приграничную черту, чтобы воспользоваться частью вѣковыхъ лѣсовъ, но никакъ не хозяйственно-бытовыми условіями туземнаго населенія. Вотъ почему у насъ собственно нѣтъ естественной границы съ азіатской Турціей, если не считать отдѣльных отрѣзковъ р. Аракса, приближающагося къ Агридагской грядѣ. Между тѣмъ р. Араксъ въ своихъ верховьяхъ могла бы служить прекрасной естественной границей. Теперь же приходится разбрасываться, въ отношеніи охраны неприкосновенности границъ, съ войсками и охрана вытянута не цѣпью, а беспорядочными постами казаковъ и пограничниковъ. Въ 1892 году послѣдовала было отмѣна охраны границы пограничниками и возложено это было на кубанскій казачій полкъ, однако скоро пришлось снова усилить послѣдній пограничниками, такъ какъ оказалось невозможнымъ, «въ силу ломанности и извилистости пограничной линіи», охранять границу отъ контрабандистовъ и свободныхъ переходовъ.

Ур. Кара-Куртъ, являющееся сліяніемъ и устьемъ двухъ большихъ ущелій, одно изъ которыхъ тянется отъ Саракамыша, а другое отъ Эноса, представляетъ собой небольшую котловину, открытую къ р. Араксу. На западѣ вырисовывается вершина Сурупахачъ, на югъ синеватой грядой уходитъ Агридагскій хребетъ, а съ востока и сѣвера нагромождены горные кряжи съ скалистыми ущельями, покрытые сосновымъ лѣсомъ. У подножья немолчно рокочетъ Араксъ. Я видѣлъ грандіозныя картины каскадами падающаго Терека, пѣнящійся въ горахъ Ала-тау Джиланчикъ, порожистую Вуоксу съ ея Иматрой, но Араксъ въ своихъ верховьяхъ оставляетъ еще болѣе глубокое впечатлѣніе. Начинаясь въ нѣдрахъ Деве-Баюкъ и Бингаль-дагъ, онъ стремительно несется по узкой стремнинѣ Агридагской гряды. Болѣе извилистое и ломаное русло трудно представить. Бѣшено ударяя въ подножныя скалы, причемъ брызги мириадами капель достигаютъ вершины, рѣка подъ острымъ угломъ отбрасывается въ сторону, но тамъ ее ждетъ новый гранитный великанъ-утесъ, новый поворотъ—и такъ на протяженіи 60 верстъ. Но вотъ ущелье противъ Кизиль-Килиса нѣсколько раздвинулось, и пѣнистыя волны съ ревомъ несутся по уклону, играя камнями-гигантами, какъ мячиками. Вѣчно, зимой и лѣтомъ, слышится гулъ, точно подземный,—это камни катятся по дну. При

крутыхъ поворотахъ нерѣдко вылетаетъ на берегъ, съ легкостью щепки, камень въ нѣсколько десятковъ пудовъ. Весь берегъ устьянъ такими каменными колоссами, на которыхъ въ солнечный день грѣются змѣи-гадюки. Лѣвый берегъ Аракса обрывистый, совершенно недоступный снизу и сверху. Этимъ воспользовались христіане, ища здѣсь убѣжища отъ курдовъ. Весь этотъ берегъ зияетъ дырами, точно бойницами, въ діаметрѣ отъ $\frac{3}{4}$ до 1 арш., причемъ наблюдается извѣстная симметричность. Обыкновенно каждое верхнее отверстіе, на высотѣ 8—10 сажень, имѣетъ внизу по прямой линіи такое же отверстіе. Нижнее отверстіе начинается узкимъ ходомъ, отлого подымающимся вверхъ, причемъ у входа всегда приваленъ тяжелый камень, запирающій входъ изнутри. Чтобы пробраться въ пещеру, надо около 2—3 сажень ползти, послѣ чего ходъ нѣсколько расширяется и ступеньками идетъ вверхъ. На высотѣ 6—8 сажень открывается пещера, размѣромъ въ небольшую комнату. Это и служило помѣщеніемъ для семьи и кладовой для имущества. Изъ пещеры вверхъ поднимался ходъ, по направленію къ рѣкѣ, который оканчивался верхнимъ сторожевымъ отверстіемъ. Нѣкоторыя пещеры соединены между собой узкими ходами, такъ что получается что-то въ родѣ подземной деревни. По заявленію стариковъ-армянъ, эти пещеры еще сравнительно недавняго происхожденія, а именно до послѣдней турецкой войны онѣ служили убѣжищемъ отъ курдовъ во время памятной рѣзни въ 1875 году, когда одновременно болгары и сербы vyrѣзывались албанцами и арнаурами. Пещеры-убѣжища были недоступны для курдовъ, и единственно чѣмъ они заставляли иногда сдаваться,—это осадой, но и то бѣглецы предпочитали умирать отъ голода, чѣмъ отдаться на истанія баши-бузукамъ.

Немного выше устья р. Кара-Куртъ видны остатки древняго моста, переброшеннаго когда-то черезъ Араксъ. Въ настоящее время сохранились только береговые каменные устои, да и тѣ скоро совсѣмъ исчезнутъ, благодаря нашему варварству по отношенію къ памятникамъ прошлаго. Такъ, на моихъ глазахъ офицеры расположеннаго здѣсь полка пробовали силу пироксилиновыхъ шашекъ на этихъ устояхъ, причемъ «восторгались», когда вверхъ взлетали куски гранита, а цементъ, связывающій глыбы, оставался нетронутымъ. По ту сторону рѣки, противъ моста, на красивомъ плато, окаймленномъ причудливыми холмами, видны развалины какой-то постройки—груды беспорядочно наваленныхъ камней правильной четырехугольной формы, а также что-то въ родѣ остатковъ фундамента, вросшаго въ землю.

По преданію, здѣсь былъ дворецъ-гаремъ одного изъ властителей Персіи и Курдистана, который часто пріѣзжалъ сюда на отдыхъ и кейфъ, охотился у вершины Сурупхача, изобилующей и по настоящее время разнаго рода звѣрьемъ.

Къ той же эпохѣ относятся и постройку моста, что подтверждается особенностями въ кладкѣ, не похожей на древне-армянскія, а равно и эпохи XIX столѣтія каменные сооруженія. Рядомъ, съ остатками этого моста видны развалины другого моста, построеннаго турками и разрушеннаго ими во время отступленія въ послѣднюю войну. Въ верстѣ отсюда, вверхъ по теченію, перекинуть красивый, желѣзнодорожнаго типа мостъ, сооруженный уже русскими.

Въ настоящее время отъ Саракамыша до границы проведена шоссеиная дорога, напоминающая въ нѣкоторыхъ мѣстахъ по своимъ причудливымъ и красивымъ извилинамъ военно-грузинскій путь. Контрабандная дѣятельность курдовъ и армянъ, несмотря на усиленную охрану границъ, процвѣтаетъ. Чего еще лучше, когда мнѣ, въ верстѣ отъ поста, удалось наткнуться на двухъ армянъ-контрабандистовъ, провозившихъ шелковыя ткани. Армяне нисколько не смутились, хотя у меня и былъ конвой, напротивъ, предложили купить по дешевой цѣнѣ прекрасныя шелковыя матеріи. Я заинтересовался такой смѣлостью и, если хотите, безопасностью контрабандистовъ, причемъ склоненъ былъ обвинить слабость пограничнаго надзора.

— Зачимъ, каспадинъ, бояться... Ничего нэ выйдетъ, нѣльзя гоняться за нами—ущелья многа, всякій дыра многа... А то вотъ тутъ русски граница, а два шага турецки граница... Зачимъ такой безпорядокъ... А мы народъ честный, торговый, симья имѣемъ...

Нѣсколько своеобразно на контрабандистовъ смотрятъ пограничники-казаки. Такъ, конвойный казакъ, сопровождавшій меня въ деревню Сатаганъ, лежащую при самой границѣ, съ завистью смотрѣлъ на солдатъ и каждый разъ, какъ проѣзжали мимо поста, глубоко вздыхалъ.

— Что ты, станичникъ, такъ вздыхаешь? Солдатской службѣ завидуешь?—спросилъ я его.

— А какъ же, ваше вскородіе, не завидовать... Богатѣть тутъ можно,—охотно откликнулся казакъ.

— Какъ богатѣть?

— А такъ вотъ. Попадешь на контрабанду, прихлопнешь его чорта, а добычу себѣ, да еще награду получишь.

— Но вѣдь это убійство и грабежъ... Грѣшно, наконецъ...

— Какое убійство. Вѣдь куртинъ нехристь, а казну добычей богаче не сдѣлаешь...

Сказано это безъ малѣйшаго оттѣнка злобы и ненависти, а скорѣе наивно. Въ этомъ взглядѣ сказалось все невѣжество нашего пограничника-казака, къ подавленію котораго, къ сожалѣнію, не прилагается стараній, напротивъ, фантастическіе рассказы «бывалыхъ» вахмистровъ и урядниковъ о несмѣтныхъ богатствахъ, которыя перевозятся контрабандистами, разжигаютъ алчность. Благодаря этому, нерѣдки случаи убійства контрабандистовъ изъ-за куска шелковой матеріи, въ которой будто бы «завернуты турецкія лиры».

На одномъ изъ переваловъ около деревни Башкей мнѣ пришлось наблюдать охоту на контрабандиста-курда. Какъ ни осторожно пробирался онъ по ущелью, стараясь держаться ближе къ скалистой стѣнѣ, зоркій глазъ постового замѣтилъ «волка», какъ зовутъ здѣсь контрабандистовъ, и онъ тотчасъ далъ знать на ближайшей постъ. Черезъ полчаса курдъ былъ окруженъ. Поздно замѣтилъ онъ засаду, но все же пытался прорваться и сталъ карабкаться чуть не на отвѣсную стѣну, надѣясь укрыться въ камняхъ. Раздались выстрѣлы. Мы подѣхали къ мѣсту облавы. Курдъ змѣей извивался среди нависшихъ надъ ущельемъ камней, а за нимъ лѣзли солдаты. Однако онъ, несомнѣнно, ускользнулъ бы, если бы двое изъ пограничниковъ не догадались заскакать съ болѣе пологого отвѣса и тѣмъ самымъ окончательно отрѣзали курду путь къ бѣгству. Видя бесплодность своихъ ухищреній, курдъ незамѣтно сбросилъ небольшой тюкъ, выпрямился и смѣло пошелъ навстрѣчу пограничникамъ. Къ несчастью его, одинъ изъ моихъ конвойныхъ видѣлъ, какъ онъ бросилъ тюкъ, и указалъ солдатамъ. Тѣ тотчасъ подняли добычу, связали курда и повели въ Кара-Куртъ. Я подѣхалъ къ плѣннику. Молодой, стройный, съ сверкающими злобой глазами, онъ производилъ впечатлѣніе затравленного звѣря.

IV.

Къ верховьямъ Аракса.—Измаилъ-паша. Встрѣча съ курдами.

Послѣ двухдневнаго отдыха въ Кара-Куртѣ я, въ сопровожденіи двухъ конвойныхъ казаковъ, двинулся дальше къ верховьямъ Аракса. Путь нашъ лежалъ сначала по берегу Аракса, а около деревни Кизиль-Килиса, гдѣ рѣка дѣлала крутую извилину, мы свернули по ущелью того же названія. Тропинка, пробитая ногой туземца и его единственнымъ рабочимъ животнымъ—ишакомъ, змѣйкой вилась вверхъ по отвѣсному склону ущелья, то прячась среди камней, то взбѣгая по глинистому скату. Лошади наши осторожно ступали, низко опустивъ свои головы и время отъ времени останавливаясь передъ осыпавшейся тропкой, такъ какъ такія разрушенія единственнаго пути самыя опасныя и бывали случаи, когда опытное животное летѣло внизъ вмѣстѣ съ сѣдокомъ. Происходятъ осыпанія обыкновенно лѣтомъ, когда высохшій грунтъ начинаетъ осѣдать. Впереди блеснула полоска арыка, и мы скоро выѣхали на плато, сплошь засѣянное ячменемъ. Пріятное зрѣлище представлялъ этотъ небольшой, десятинъ въ 20, четырехъугольникъ, съ котораго кормилась деревня въ 25 дворовъ. Густой золотистый ячмень тихо шелестѣлъ своими полными усатыми колосьями, а среди его пустой поросли взрѣзывались серебряныя ленты канавокъ, зигзагообразно

извиваясь по каждой полоскѣ и питая влагой каменную сухую почву. Кое-гдѣ показывались согнутая фигура туземца съ сапой въ рукѣ, заботливо наблюдающаго за тѣмъ, чтобы ни одна капля цѣнной влаги зря не пропала. Одинъ изъ нихъ подошелъ къ намъ и, низко поклонившись, спросилъ по-армянски:

— Ты, господинъ, богатый, а я бѣдный, одолжи мнѣ табаку, а то я два дня не курилъ...

Я далъ ему нѣсколько папиросъ. Армянинъ слегка кивнулъ головой, надѣлъ свою шапку и, принявъ небрежную позу, началъ философствовать.

— Ты, конечно, господинъ добрый, сразу далъ. А вотъ иной сначала откажетъ, а то еще ногойкой разъ-другой опояшетъ, ну, а потомъ ничего—все-таки дастъ: «на, армянская собака», крикнетъ. А какая собака армянинъ?! Армянинъ—христанинъ. Это курды—вотъ собака... Магомету кланяется...

Мы тронулись дальше. Армянинъ, попыхивая папироской, пошелъ рядомъ со мною и продолжалъ думать вслухъ:

— Армянамъ тяжело отъ нихъ, курдовъ. Грабятъ, жгутъ, рѣжутъ. Защиты отъ нихъ никакой... Налетятъ, какъ волки, разобьютъ все, и прощай все добро...

— Ты, господинъ,—поворачивая ко мнѣ свое почернѣвшее отъ пота и загара лицо, снова вкрадчиво обратился назойливый собесѣдникъ,—далъ бы мнѣ нѣсколько монетъ (рублей) на поправку хозяйства, а я тебя провожу...

— Прочь, армянская собака,—неожиданно закричалъ подскокившій конвойный и замахнулся ногойкой.—Смотрите, ваше вскородіе, онъ уже бурку вашу отстегнулъ и въ сумѣ шарить.

Армянинъ испуганно отскочилъ въ сторону и скоро скрылся за поворотомъ. Бурка моя свалилась, а лѣвая сума оказалась отстегнутой. Меня неприятно удивила такая назойливость, связанная съ любовью къ чужой собственности. Потомъ, когда я поближе столкнулся съ армянами, я еще болѣе убѣдился въ ихъ назойливости, доходящей даже до нахальства, но повышеннаго воровства не замѣчалъ, такъ что указанный случай со мной пришлось отнести на счетъ обычнаго процента этого соціального зла, въ равной степени встрѣчающагося у всѣхъ народностей Россійскаго государства.

Скоро тропинка круто повернула къ ущелью, и мы врѣзались въ лѣсную чащу. Сразу какъ-то стало темно и насъ охватило сыростью. Полное безмолвіе, только увѣренный шагъ нашихъ лошадей, звонко отчеканивавшій по каменной тропинкѣ, нарушалъ жуткую тишину.

Удивительно мертвые лѣса здѣсь. Отлично знаешь, что они полны разнаго рода дикими звѣрами, различными породами пернатыхъ существъ, а такъ все тихо и безмолвно, что невольно охватываетъ жуть, невольно хочется скорѣе выбраться на полянку, на просторъ. Въ эти моменты я испытывалъ такое чувство, какъ будто

двигаюсь по тому заколдованному спящему царству, о которомъ слышалъ въ дѣтствѣ изъ сказочныхъ подвиговъ Ивана-царевича. Въ эти моменты каждый шорохъ падающей сосновой шишки заставляетъ вздрагивать. Даже лошади какъ-то нервнѣе настораживаются, постоянно прядутъ ушами и осторожно пофыркиваютъ, подозрительно косясь на каждый кустъ около тропинки. Вдругъ моя лошадь шарахнулась въ сторону, испуганно захрапѣла и попятилась назадъ. Я посмотрѣлъ впередъ и увидѣлъ около тропинки двухъ курдовъ, безмолвно сидящихъ на краю обрыва въ своей обычной позѣ. Я невольно вспомнилъ рассказъ таможеннаго чиновника о любимомъ времяпровожденіи курдовъ — забираться въ лѣсъ и часами сидѣть въ полномъ безмолвіи, не мѣняя позы, съ угрюмыми лицами, отъ которыхъ «морозъ пробѣгаетъ по кожѣ». Получается что-то въ родѣ обожанія этихъ дикихъ лѣсовъ, создается изъ нихъ какой-то культъ.

— Ну, и народъ этотъ куртины, — заговорилъ мой конвойный, когда мы миновали курдовъ, проводившихъ насъ взглядами, полными ненависти: — живетъ, не работаетъ, днемъ въ лѣсу сидитъ, видно, пнямъ поклоняется, а ночью промышляетъ... Одно слово звѣрь, вотъ какъ бы въ родѣ чекалки (шакаль). Ну, и боязно, когда такъ вотъ одинъ на нихъ найдешь, — того и гляди, голову срубятъ тебѣ. Тутъ бѣда какъ сторожкимъ надо быть...

Когда я услышалъ послѣднюю фразу, то тотчасъ же вспомнилъ рассказъ пограничнаго офицера, какъ онъ разъ чуть не сталъ жертвой этой излишней казачьей «сторожкости».

Какъ-то осенней ночью онъ въ сопровожденіи двухъ конвойныхъ пробирался къ себѣ на постъ. Дорога шла по ущелью. Офицеръ не допускалъ, чтобы одинъ изъ конвойныхъ ѣхалъ впереди, какъ это обыкновенно дѣлается большинствомъ офицеровъ, и они слѣдовали сзади въ нѣсколькихъ шагахъ. Тишина была мертвая. Вдругъ послышалось шелканье затворовъ. Офицеръ сдержалъ лошадь, громко окрикнувъ: «Кто тамъ?» Молчаніе. Одинъ изъ конвойныхъ солдатъ поѣхалъ впередъ, но не успѣлъ сдѣлать и пяти шаговъ, какъ грянулъ выстрѣлъ. Къ счастью, пуля никого не задѣла. Офицеръ снова окрикнулъ, и минуту спустя впереди неясно обрисовались силуэты двухъ всадниковъ. Оказались казаки. Послѣдніе объяснили свой поступокъ сторожкостью насчетъ «куртинъ». Остается вѣрить на слово, хотя, надо правду сказать, казаки, прослуживъ 2—3 года въ такихъ дебряхъ, особенно на посту, гдѣ въ теченіе многихъ мѣсяцевъ они, кромѣ нѣсколькихъ примелькавшихся и надоѣвшихъ физиономій однополчанъ, никого не видятъ, сами дичають.

Тропинка, по которой мы пробирались сквозь лѣсную чащу, исчезла, и передовой казакъ сталъ искать слѣдовъ дороги. Пришлось снова спуститься въ ущелье и ѣхать по руслу узкой горной рѣчки,

усѣянной гладкими скользкими камнями, надводная часть которыхъ покрылась зеленоватою плѣсенью. Подвигались крайне медленно, и конвойный то и дѣло останавливался, ища свободнаго прохода между камнями. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ приходилось брать эти барьеры прыжками съ рискомъ принять ванну, но привычныя горскія казачія лошади продѣлывали это крайне осторожно, точно понимая неопытность сѣдока. Послѣ часового переѣзда по импровизованному пути вддали показалась блестящая лента воды, а за крутымъ поворотомъ насъ охватилъ шумъ рѣки...

Мы снова у Аракса... Еще грандіознѣе картина паденія воды съ 10-футовымъ уклономъ на каждые 100 футовъ русла... Пудовые камни, точно мячики, прыгали по откосамъ и гребнямъ, снова увлекаемые пѣнистой волной. Лошади, насторожившись, тихо пробирались по грядамъ камней, обходя опасныя мѣста по водѣ. Этотъ путь былъ для насъ самый опасный, такъ какъ наши лошади ежесекундно рисковали быть изувѣченными камнями, подбрасываемыми волной, и когда мы выбрались на плато, казаки сняли свои палахи и истово перекрестились.

— Слава те, Христось... Ну, и чортово мѣстужко,—проговорилъ одинъ изъ нихъ, обращаясь ко мнѣ.—Въ позапрошломъ году мы по рѣкѣ ѣхали, каменюкой казака убило—вотъ такъ же ѣхали съ конвоемъ, а каменюка какъ хватить о берегъ, да подкочить и прямо по носу—такъ тутъ и легъ...

— А въ прошломъ годѣ,—заговорилъ другой,—вотъ въэтой щели, што проѣхали, вѣдмедь казака задралъ. Послала ево барыня, офицерша-то, за малиной... Нѣтъ и нѣтъ... Прошла недѣля, ну, думали, къ туркѣ сбѣжалъ... Анъ смотримъ, куртинъ пріѣхалъ на постъ и болтаеть, што убитый казакъ лежить. Ну, сичасъ туда—глядимъ Ермилинъ сердешный подь кустомъ лежить и смердитъ уже отъ нево, весь бокъ такъ и вырванъ...

Передъ нами разстилалось огромное плато, которое ровной степью уходило къ Саганлугу и къ Поссинской долинѣ, а на югѣ упиралось въ мрачный хребетъ Агридага. Солнце склонилось къ западу, и подножье хребта было изрѣзано причудливыми группами свѣтлѣней, на фонѣ которыхъ ярко вырисовывались вершины хребта, залитыя солнцемъ.

На этомъ плато былъ послѣдній и жестокій бой отряда генерала Геймана съ отрядами Измаила-паши. Послѣ аладжинскаго пораженія Мухтаръ-папа съ 8-ю батальонами послѣпно отступилъ къ Саганлугу и въ то же время приказалъ Измаилъ-пашѣ итти въ Поссинскую долину на соединеніе съ нимъ, чтобы преградить путь русскимъ къ Эрзеруму. Отрядъ генерала Геймана, силою до 30,000 человекъ, слѣбно двинулся по пятамъ Мухтара-паши. Въ теченіе нѣсколькихъ дней русскія войска продолжали отчаянныя преграды, въ видѣ

ущелій, горныхъ грядъ, непроходимыхъ чащъ, благодаря чему турецкіе отряды не только соединились, но укрѣпили позиціи и были готовы къ встрѣчѣ русскихъ войскъ. Эта была послѣдняя попытка турокъ удержать «русскую лаву». Мухтаръ-паша, испытанный полководецъ, отлично сознавалъ, что разъ и здѣсь имъ будетъ проиграна битва, то вся азіатская часть Турціи безъ выстрѣла будетъ занята русскими, — настолько турецкое войско и все населеніе было подавлено рядомъ крупныхъ неудачъ. Вотъ почему этотъ бой, по словамъ турецкихъ офицеровъ, принимавшихъ въ немъ участіе и любезно рассказывавшихъ мнѣ различные эпизоды изъ минувшей войны, былъ самый ожесточенный и дорого обошелся какъ туркамъ, такъ и намъ. Много разъ соединенные отряды Геймана и Тергукасова ходили въ отчаянную атаку позицій, занятыхъ турками, но каждый разъ вынуждены были прекращать бойню съ огромными уронами. Но взять надо... Тутъ боролись за тотъ конецъ, который вѣнчаетъ дѣло... Проиграй этотъ бой русскіе, сообщалъ мнѣ командиръ турецкаго драгунскаго полка, всѣ ихъ побѣды, всѣ ихъ трофеи пропали бы, потому что свѣжихъ силъ у нихъ не было, позиціи страшно растянулись, а тутъ зима наступала съ своими трескучими морозами и ужасными метелями... «Мы были дома, а вамъ, русскимъ, и хлѣба негдѣ бы взять, такъ какъ край былъ совершенно разоренъ, да и армяне плохіе помощники въ этомъ»... Турецкіе отряды проявили въ этомъ бою удивительную стойкость и показали, что въ храбрости ихъ упрекнуть нельзя... Только отчаянный натискъ приступомъ, когда рукопашный бой превратился въ что-то дикое и «изувѣрское», сломалъ турецкое упорство... Ряды вражьи дрогнули, турокъ охватилъ панической ужасъ, и они, бросая оружіе, бѣжали къ Эрзеруму.

Вдали видны были армянскія и курдскія поселенія, занятые нашими и турецкими пограничными отрядами. Къ одному изъ нихъ, Сатагану, расположенному какъ разъ на границѣ, мы и направились.

V.

Сатаганъ.—Въ тунѣ пограничнаго офицера.—Переездъ черезъ границу.

Сатаганъ, армянская деревушка, служитъ пограничнымъ пунктомъ на пути къ Эрзеруму. Здѣсь расположенъ отрядъ пограничной стражи. Мѣстность вокругъ Сатагана совершенно открытая, и только на юго-востокѣ чернѣла гряда Агридага. Почва скудная, мѣстами каменистая, мѣстами солончаковая. До послѣдней русско-турецкой войны деревню населяли курды, а послѣ войны, когда это населеніе вошло въ русскіе предѣлы, а сосѣднее армянское въ турецкіе, то произошелъ обмѣнъ. Послѣдній былъ довольно обычнымъ явленіемъ чѣ то время, онъ же служитъ источникомъ постоянныхъ столкно-

веній между пограничными селеніями. Обмѣнявшись селеніями и землями, курды и армяне взаимно не могутъ забыть прежнихъ угодій, которыя какъ съ той, такъ и другой стороны кажутся въ нѣкоторыхъ случаяхъ болѣе цѣнными, а, кромѣ того, нѣкоторыя владѣнія продолжаютъ оставаться, въ силу обычая, въ обоюдномъ пользованіи. Вотъ почему захватъ скота тѣми и другими, драки, уничтоженіе посѣвовъ—здѣсь явленіе хроническое.

Начальникъ пограничнаго отряда любезно предложилъ мнѣ остановиться у него, пока не будутъ продѣланы всѣ формальности съ пропускомъ меня черезъ границу.

Въ армянской тунѣ, глубоко врытой, съ скуднымъ освѣщеніемъ черезъ верхнее окно, убранной мѣстными палазами, съ серіей большихъ и малыхъ тахтъ, съ неизмѣннымъ оружіемъ на стѣнахъ, мы бесѣдовали до глубокой ночи... Предо мной развернулася знакомая безотрадная картина гиблыхъ мѣстъ, но повѣсть офицера про жизнь на малоазіатской окраинѣ вѣдетъ безысходной тоской, представляетъ собой сплошную драму съ обычнымъ эпилогомъ—пьянствомъ, сумасшествіемъ или самоубійствомъ, если только счастливый случай во-время не вырветъ изъ «этого ада».

Вотъ, точно живая, фигура сотника Среброва, заброшеннаго съ своей полусотней въ Башкей—жалкую армянскую деревушку, пріютившуюся у подножья Агридага... Изъ дня въ день одна и та же безотрадная природа, одинъ и тотъ же сѣрый пейзажъ, тѣ же незагнѣившія обязанности по службѣ и тѣ же три четверти сутокъ совершенно не занятія... Книги, газеты, письма заполняютъ три недѣли службы, а поѣздка въ штабъ, свиданіе съ товарищами нѣсколько освѣжаетъ впечатлѣнія. Но все это постепенно блѣднѣетъ на сѣромъ фонѣ обыденщины, растаиваетъ подъ гнетущей тоской, которая все больше и больше вѣдается въ сердце и...

— Полусотня, готовься... Коршуновъ, дьяволь, гдѣ ты?!

Въ грязномъ бешметѣ, опоясанный кинжаломъ, въ папахѣ на затылокъ, съ безумнымъ взглядомъ стоитъ на крышѣ туны, широко разставивъ ноги и «руки въ боки», сотникъ Сребровъ и хрипло кричитъ на всю деревню. Черезъ нѣсколько минутъ полусотня, предводительствуемая пьянымъ командиромъ, вихремъ вылетаетъ изъ деревни, бѣшено несется по плато, время отъ времени давая залпы... Окрестное населеніе, знакомое уже съ этими выходками сотника, старается не попадаться на глаза, всѣ спѣшатъ сняться съ работъ и укрыться подальше отъ безумной джигитовки полусотни. Во время одной такой бѣшеной скачки Сребровъ упалъ съ лошади и сломалъ позвоночникъ.

— А вѣдь былъ одинъ изъ самыхъ интеллигентнѣйшихъ офицеровъ, съ университетскимъ образованіемъ, вдумчивый человекъ, водки и въ ротъ не бралъ... Теперь живетъ въ станицѣ, уродъ и пья-

ница... И такихъ драмъ на моихъ глазахъ за десять лѣтъ службы было немало и если что меня спасаетъ—такъ это семья и частыя поѣздки въ Карсъ и Саракамышъ. Поѣдешь, освѣжишься и какъ будто легче, свѣтлѣе станешь на душѣ. Но когда семья уѣзжаетъ, какъ вотъ сейчасъ она уѣхала гостить къ роднымъ въ Варшаву, то прямо не знаешь, куда дѣваться отъ тоски ¹⁾.

Рано утромъ мы выѣхали къ границѣ, вызвали начальника турецкаго караула, и я передалъ ему свою официальную бумагу о пропускѣ и письмо отъ генерала Ф. къ начальнику пограничныхъ турецкихъ войскъ Магомедъ-бекъ-Али. Такъ какъ вся эта процедура должна была занять не менѣе 6—7 часовъ, то офицеръ предложилъ мнѣ поѣхать въ горы. Я охотно согласился. Сдѣлано было распоряженіе о высылкѣ впередъ двухъ солдатъ съ самоваромъ и завтракомъ.

Проѣзжая армянскую деревню, я не могъ не обратить вниманіе на слѣдующее странное явленіе. Былъ праздничный день. Всѣ жители высыпали на крыши тунъ и кейфовали, попыхивая трубками. Когда мы проѣзжали мимо, то никто не только простымъ кивкомъ не привѣтствовалъ насъ, но даже позы не перемѣнилъ, а съ одной туны въ меня попала, очевидно, нечаянно, арбузная корка, и виновникъ, пожилой армянинъ, только осклабился... Спутникъ мой сначала вскипѣлъ и уже поднялъ нагайку, но потомъ съ силой рванулъ лошадь и карьеромъ пролетѣлъ черезъ деревню.

— Не могу привыкнуть къ такому систематическому пренебреженію, граничащему съ ненавистью. Между тѣмъ поводовъ къ этому положительно нѣтъ никакихъ... Я и жена старались войти съ жителями въ болѣе тѣсное общеніе, но бесполезно. За солдатами зорко слѣжу, чтобы не обижали населеніе, и жалобъ дѣйствительно не поступаетъ. Только когда нужно имъ что-нибудь отъ меня, то армяне становятся до противнаго льстивыми, изгибаются въ три дуги, но это до момента, когда они или добьются своего, или получаютъ категорическій отказъ—послѣ вотъ такое же дикое отношеніе.

Я попытался объяснить это вѣковымъ униженіемъ армянскаго народа, которое и выковало такое отношеніе къ господамъ положенія.

— Сначала я и самъ такъ думалъ, но потомъ убѣдился, что все-таки господа положенія армяне, а не другая нація—не греки, ни тѣмъ болѣе курды.

Армянинъ—экономическій властелинъ. Вся торговля въ его рукахъ, мимо которыхъ не пройдетъ ни одинъ курдскій быкъ, ни одинъ греческій овощъ и обратно—ни одна спичка, иголка не попадетъ къ курду и греку помимо армянина. Еврей на Западѣ, китаецъ на

¹⁾ Позднѣе я узналъ, что мой любезный сатаганскій собесѣдникъ страдалъ уже въ то время періодическимъ запоемъ.

Дальнемъ Востокѣ, армянинъ въ Малой Азіи—въ одной роли, въ смыслѣ торговаго господства. Армянская масса трудолюбива, поразительно работоспособна, но также закабалена своими сородичами-кулаками, и все-таки они не только не питаютъ къ послѣднимъ ненависти, напротивъ, гордятся, что ихъ среда, а не другая нація поставляетъ сильныхъ купцовъ.

— Такъ, по-вашему, причина армянскихъ погромовъ курдами имѣетъ подъ собой экономическую подкладку?—спросилъ я.

— Главнымъ образомъ, но, конечно, религіозная ненависть играетъ не послѣднюю роль. Я бы такъ сказалъ: начинается экономическій расчетъ, а религіозная рознь разжигаетъ и остервеняетъ курдовъ.

На полянкѣ, подъ старой чинарой, былъ разостланъ палазъ, завтракъ и чай готовы. У нашихъ ногъ безбрежной сѣрой далью разстиралась сатаганская равнина, играя на горизонтѣ причудливымъ маревомъ. Невольно охватываетъ грусть при мысли, что въ этой безотрадной обстановкѣ не одна культурная жизнь задыхается въ мучительной борьбѣ за право пользоваться иной, болѣе свѣтлой долей, не одна интеллигентная сила сгинула подъ бременемъ ужасовъ моральныхъ...

Я съ боку посмотрѣлъ на своего спутника. Онъ, полулежа и подпирая правой рукой голову, разсѣянно смотрѣлъ вдаль, а выраженіе лица выдавало его затаенную мысль—рвался онъ туда, въ свѣтлый шумный городъ, въ пеструю нарядную толпу, на Узядовскую аллею (онъ былъ полякъ)—въ Варшаву, гдѣ онъ провелъ свою юность, гдѣ прошли его лучшіе годы...

— А хорошо бы теперь въ Питеръ или въ Варшаву... А! какъ вы думаете?—вдругъ обратился онъ ко мнѣ.—Ну, да что мечтать, вѣрно, стину здѣсь, въ этихъ проклятыхъ ущельяхъ...

Онъ взялъ бинокль и сталъ осматривать равнину...

— Эге... Никакъ за вами Турція ѣдетъ... Такъ и есть. Да никакъ и офицеръ выѣхалъ навстрѣчу для почета. Молодецъ Магометъ-бекъ. Ну, надо ѣхать и собираться вамъ въ путь-дорогу... Счастливецъ вы—черезъ мѣсяцъ снова увидите Питеръ, красавицу Неву, широкій Невскій... А, чортъ!.. неожиданно закончилъ свое напутствіе офицеръ, съ ожесточеніемъ швырнувъ недокуренную папиросу.

Онъ не ошибся. Меня встрѣтилъ молодой турецкій офицеръ съ десяткомъ конныхъ солдатъ. Привѣтствуя меня рукой, быстро описавшей красивую линію отъ сердца къ головѣ, турокъ-офицеръ передалъ по-французски приглашеніе Магомета-бека-Али навѣстить его въ штабъ-квартирѣ. Подали мнѣ осѣдланную лошадь, покрытую красивымъ узорнымъ чапраккомъ. Чемоданъ мой изъ рукъ пограничника-вятича перешелъ къ рослому драгуну-турку. Я простился съ офицеромъ, благодарилъ за радушный пріемъ. Офицеры обмѣнялись воинскими привѣтствіями, и мы тронулись въ путь.

VI.

Въ гостяхъ у турецкихъ офицеровъ.

Черезъ два часа быстрой ѣзды, вызванной скорѣе горячностью моей лошади, чѣмъ моимъ собственнымъ желаніемъ, мы были у Кизляръ-Дага, у подножья котораго живописно раскинулась курдская деревня того же названія, гдѣ и была штабъ-квартира Магометъ-бекъ-Али. Офицеръ, сопровождавшій меня, все время ѣхалъ нѣсколько позади такъ, что голова его лошади была у моего стремена. Это былъ знакъ почетнаго вниманія. Когда показалась деревня, онъ поровнялся со мной и, извинившись, познакомилъ съ воинскимъ турецкимъ обычаемъ, по которому я долженъ, въ случаѣ встрѣчи меня самимъ генераломъ, за нѣсколько сажень слѣзть съ лошади и итти пѣшкомъ. Дѣйствительно, Магометъ-бекъ-Али вышелъ навстрѣчу, окруженный офицерами. Лишь только ясно обрисовалась высокая фигура старика въ красивой формѣ, я слѣзъ съ лошади, сбросилъ бурку и направился къ группѣ, очевидно, ожидавшей меня. Не допуская меня на нѣсколько шаговъ, генералъ медленно пошелъ навстрѣчу, красиво отсалютовалъ рукой и, когда я отдалъ честь по военному, онъ обѣими руками пожалъ мою правую руку, а затѣмъ обнялъ и поцѣловалъ уже совсѣмъ по-русски.

— Добро пожаловать, дорогой гость,—заговорилъ Магометъ-бекъ-Али, къ моему удивленію, на русскомъ языкѣ съ тѣмъ характернымъ акцентомъ, гдѣ буквы у и ю, а и я, и и ы, и и э е вободно замѣняютъ другъ друга.

Онъ подвелъ меня къ офицерамъ и отрекомендовалъ. Тѣ салютовали, я козырялъ.

— А теперь ко мнѣ, прошу,—обратился генералъ ко мнѣ по-русски, а къ своимъ по-турецки.

Квартира Магометъ-бекъ-Али представляла собой огромную туну, всю устланную и положительно затканную паласами. Обстановка была самая скромная—длинные софы, низкіе столики, по стѣнамъ оружіе.

Когда я осматривалъ помещеніе, хозяинъ, очевидно, замѣтилъ мое любопытство и, улыбнувшись, сказалъ:

— Живу по-солдатски, а не по-генеральски. У васъ, русскихъ, не такъ живутъ генералы, да что генералы—вотъ я знаю полковника. въ Кара-Куртѣ имѣетъ квартиру, въ пору нашему пашѣ.

— А вы, генералъ, были въ Россіи?—задалъ я вопросъ.

— Да я давно жилъ, но только по неволѣ—въ плѣну былъ...

Онъ провелъ рукой по своей красивой бѣлой бородѣ, и по лицу пробѣжала тѣнь грусти. Потомъ онъ вскинулъ головой, снялъ шапку, повязанную шарфомъ, усѣлся на софѣ, по-турецки поднявъ ноги, рукой показалъ мнѣ мѣсто рядомъ и снова заговорилъ:

— Генераль Ф. мой лучший другъ. Я люблю его. Великій полководецъ, храбрый воинъ. Если бы не онъ—не взять бы русскимъ Карса, не быть бы мнѣ въ плѣну, не зналъ бы друга. Онъ узналъ слабое мѣсто крѣпости, неожиданно зашелъ съ востока и ударилъ на мой редутъ съ своими молодцами. Бой былъ ужасный... Мы, голодные и холодные, напрягали всѣ свои силы и были близки къ побѣдѣ, да къ Ф. подоспѣла помощь... Я былъ раненъ въ грудь штыкомъ и попалъ въ плѣнъ.

Генераль помолчалъ немного, какъ бы что-то вспоминая.

— Когда я уже лежалъ раненый и ждалъ смерти, вдругъ слышу голосъ Ф. (а по-русски я и тогда понималъ): «Братцы, щадите безоружныхъ и раненыхъ, были они враги, а теперь братья, которые дрались, какъ львы, за честь своей родины». Вотъ за это я его и любилъ... Въ плѣну я жилъ во Владикавказѣ, былъ и въ Москвѣ...

Нѣсколько солдатъ внесли на огромномъ подносіе кофе въ миниатюрныхъ чашечкахъ, груды лакомствъ, среди которыхъ преобладали засахаренные орѣхи разныхъ сортовъ. Меня занималъ тотъ этикетъ, съ которымъ все это продѣлывалось. Тутъ во всей силѣ сказался восточный деспотизмъ, свитый изъ тончайшихъ нитей гордости, доходящей до предѣловъ спеси, болѣзненного и жестокаго самолюбія, а главное—отрицающій личность въ подчиненномъ. Только этимъ и можно объяснить манеру уходить изъ комнаты, въ которой начальство, не поворачиваясь, а пятясь въ изогнутомъ положеніи, съ рукой, постоянно козыряющей отъ сердца къ головѣ.

Генераль два раза ударилъ по подносу, стоявшему передъ нами съ яствами. Явился сѣдой турокъ. Генераль по-турецки сказалъ, чтобы онъ предупредилъ женщинъ, такъ какъ онъ съ гостемъ будетъ у нихъ.

Я, понимая по-турецки, совершенно не ожидалъ такой чести и выразилъ свою благодарность по-русски.

Генераль, видимо, былъ польщенъ и тутъ же пояснилъ, что онъ противъ обычая прятать женъ, что онъ вообще сторонникъ широкихъ реформъ во всѣхъ областяхъ турецкой жизни—государственной, экономической, социальной и семейной. Вотъ почему онъ имѣетъ только одну жену, дочерей воспитываетъ по-европейски, а сыновья получили образование въ Англіи: одинъ—морякъ, другой—докторъ.

Этотъ взглядъ отразился и на семьѣ. Когда я вошелъ въ женскую половину туны, убранной крайне пестро и раздѣленной на нѣсколько полукомнатъ, навстрѣчу мнѣ поднялась пожилая, но еще сохранившая слѣды красоты женщина и, протягивая руку, привѣтствовала съ благополучнымъ прибытіемъ. Тутъ же она познакомила меня съ двумя взрослыми дѣвицами, которыя реверансировали на мой поклонъ и охотно отвѣчали по-французски на мои вопросы. Вечеръ прошелъ совершенно незамѣтно, и я никакъ не могъ допустить и тѣни возможности такой культурной семьи гдѣ-

то въ чортовомъ углу Малой Азіи, въ то время какъ на 2—3-часовомъ разстояніи отсюда, въ чертѣ европейскихъ владѣній, культурные люди опускаются, пьянствуютъ, стрѣляются. Нѣкоторое объясненіе этому можно найти въ томъ, что турецкіе офицеры въ большинствѣ случаевъ выросли въ этой обстановкѣ, здѣшняя природа—имъ родина; между тѣмъ русскій пограничный офицеръ по неволѣ загнанъ сюда, отъ родныхъ сердцу дорогихъ мѣстъ.

Утромъ я былъ разбуженъ неистовымъ грохотомъ барабана.

Я вскочилъ. Комната была залита солнечными лучами, снопомъ проходившими черезъ широкія окна туны, и «зайчики» причудливо переливали своими быстрыми свѣтотѣнями. Въ это же время тяжелая ковровая портьера, замѣняющая дверь, приподнялась, и передо мной выросла огромная фигура турка-драгуна. Добродушная фізіономія этого верзилы невольно внушала довѣріе.

— Я приготовилъ высокому господину воду для мытья,— произнесъ онъ по-русски довольно чисто.

Я выразилъ по этому поводу недоумѣніе. Оказывается, что онъ съ европейскаго берега и долго служилъ юнгой на торговомъ суднѣ, бывалъ часто въ Одессѣ, знаетъ хорошо Новороссійскъ. Генераль нарочно прикомандировалъ его ко мнѣ. Звали его Досъ-Али.

Барабанный бой продолжался, а когда трели замирали, слышался отдаленный гулъ—точно земля глухо рокотала.

Я спросилъ Али, что это значитъ.

— Полки подходятъ. Генераль нашъ смотрѣть ихъ будетъ.

— Какіе полки?

— А что султанъ потребовалъ—курдскіе, вродѣ русскихъ казаковъ.

Я быстро одѣлся, вышелъ изъ туны и направился къ мѣсту, гдѣ грохоталъ барабанъ.

На крайней тунѣ стоялъ Магометъ-бекъ-Али, окруженный офицерами, а внизу расположился цѣлый взводъ барабанщиковъ, которые неистово выбивали трели палками по натянутой кожѣ. Саженьяхъ въ 20-ти безконечной лентой тянулись войска.

Генераль любезно привѣтствовалъ меня и спросилъ, хорошо ли я спалъ. Я поблагодарилъ за вниманіе и попросилъ принять меня въ кругъ его свиты.

Онъ любезно согласился и охотно дѣлился впечатлѣніемъ отъ проходившихъ полковъ.

— Это наша легкая кавалерія, въ родѣ вашихъ казачьихъ войскъ. Все курды. Идутъ на укомплектованіе европейскихъ войскъ, главнымъ образомъ въ Македонію.

Вѣроятно, на моемъ лицѣ выразилось сомнѣніе, потому что генераль сейчасъ же началъ горячо доказывать, что онъ говоритъ правду.

— Я знаю, вы, русскіе, все про войну съ нами толкуете, что будто мы усиленно готовимся. Нѣтъ, воевать намъ не изъ-за чего

съ Россіей. Изъ-за армянъ? Аллахъ съ ними, мы пойдемъ на всё уступки, чтобы мирно уладить этотъ проклятый вопросъ. Вѣдь вы не станете воевать изъ-за еврейскаго вопроса, а онъ для Россіи то же, что армянскій для Турціи.

Когда полки прошли и скрылись въ ближайшемъ ущельѣ, гдѣ имъ была назначена стоянка, къ тушѣ красивой кавалькадой подскакали на кровныхъ лошадяхъ начальники отрядовъ въ пестрыхъ костюмахъ, отсалютовали генералу и примкнули къ общей группѣ.

— Сегодня будетъ смотръ,—обратился ко мнѣ генераль:—и я съ удовольствіемъ допустилъ бы васъ, но боюсь вызвать ропотъ среди моихъ подчиненныхъ. Вы для нихъ, особенно для курдовъ, попрежнему врагъ... Но я васъ устрою на хорошемъ мѣстѣ, и въ бинокль вы можете наблюдать издали джигитовку.

Послѣ кофе и обильнаго завтрака генераль пошелъ осматривать части и пригласилъ меня, шутливо предупредивъ, что мнѣ, какъ чужеземцу, воспрещается фотографировать и зарисовывать.

Въ общемъ я получилъ пріятное впечатлѣніе отъ всего видѣннаго. Солдаты, лошади, аммуниція, дисциплина, муштровка. Особенно меня занимали солдаты-драгуны. На подборъ рослые, съ добродушными фізіономіями, хорошіе наѣздики. Я невольно сравнивалъ эти симпатичныя фігуры съ тѣми звѣроподобными въ красныхъ фескахъ турками, которыми офени щедро наводняютъ русскія села и деревни... Я подѣлился впечатлѣніемъ съ генераломъ. Онъ улынулся и сказалъ:

— Почему-то у европейцевъ сложилось убѣжденіе, что турокъ—это звѣрь. Но вѣдь и на казаковъ русскихъ такъ смотрятъ нѣмцы и французы, а развѣ они такіе. Курды съ ихъ постоянной распрей съ армянами, доходящей до взаимной рѣзни, много поддерживаютъ составившееся невыгодное мнѣніе о турецкомъ солдатѣ. Турокъ—солдатъ храбрый, лихой воинъ, но онъ добрый и великодушный.

Смотръ курдскихъ полковъ произвелъ на меня неизгладимое впечатлѣніе. Наша знаменитая казачья лава и та отчаянная джигитовка, которой стяжали себѣ славу донцы, нашли достойныхъ соперниковъ въ курдахъ. Но тутъ лихость получаетъ какой-то дикій отбѣнокъ, благодаря, конечно, болѣе низкому уровню развитія какъ рядового курда, такъ и офицерскаго состава, набраннаго изъ простыхъ же курдовъ. Я увѣренъ, что прототипомъ этихъ полковъ послужили наши казачьи войска, и, насколько мнѣ удалось узнать, происхожденія они недавняго.

Вечеромъ бесѣда наша снова вертѣлась на военныхъ вопросахъ.

— Нѣтъ, ошибаются европейцы, думая, что турецкая армія слабая, не выдерживаетъ натиска европейскихъ войскъ. Послѣдняя война съ Россіей показала обратное. Какъ вы не признаете себя побѣжденными японцами, такъ и мы вами въ послѣднюю кампанію. Вспомните, во что обошлась она вамъ. Сколько русскихъ войскъ

погибло здѣсь подъ Зивиномъ, Ардаганомъ и Карсомъ... А Карсъ— это вашъ Портъ-Артуръ. Если мы проиграли кампанію, то по тѣмъ же причинамъ, что и вы въ японскую войну: отсутствіе запасовъ оружія, его несовершенство, плохая боевая подготовка офицеровъ, отвратительно поставленная интендантская часть. Прибавьте ко всему этому еще одно весьма важное обстоятельство — это скудную матеріальную обеспеченность турецкаго офицера на службѣ и полную необеспеченность семьи на случай инвалидности и смерти. Вотъ почему довольно часты были случаи, когда офицеры, подготовивъ свои части къ битвѣ, отходили за черту выстрѣловъ, предоставляя солдатамъ распоряжаться боемъ. А офицерское жалованье? Оно ровно въ два раза меньше, чѣмъ у русскихъ, и въ три раза—чѣмъ въ Германіи. Затѣмъ у насъ не даютъ обмундировочныхъ, а натурой—даже и мундиръ, который переходитъ отъ замѣстителя къ замѣстителю, не считаясь ни съ ростомъ, ни съ комплекціей. Да, Турція нужны реформы во всѣхъ отрасляхъ государственной жизни. Настанетъ время, когда и Турція войдетъ въ составъ культурныхъ европейскихъ государствъ.

На слѣдующій день я простился съ Магомтомъ-бекъ-Али, который снабдилъ меня письмами къ его друзьямъ въ Эрзерумъ и Трапезундъ, и я тронулся по эрзерумской дорогѣ въ сопровожденіи цѣлаго эскорта драгунъ.

Я. Я. Полферовъ.

КУРСКІЙ ИСТОРИКО-АРХЕОЛОГИЧЕСКІЙ И КУСТАРНЫЙ МУЗЕЙ.

1.

НМБЮТЬ свою судьбу книги!—гласит старинное латинское изреченіе. Оно всецѣло можетъ быть отнесено и къ научнымъ учрежденіямъ, судьба которыхъ далеко не одинакова, хотя бы въ смыслѣ освѣдомленности объ ихъ существованіи и дѣятельности. О какихъ только музеяхъ мнѣ ни приходилось читать въ ежемѣсячныхъ періодическихъ изданіяхъ, преимущественно въ «Историческомъ Вѣстникѣ», болѣе или менѣе обширныя и содержательныя статьи! Все это, конечно, въ порядкѣ вещей. Но едва ли въ порядкѣ вещей то обстоятельство, что никто до сей поры не написалъ о курскомъ, историко-археологическомъ и кустарномъ музеѣ, существующемъ уже седьмой годъ при курской ученой архивной комиссіи и состоящемъ подъ высокимъ покровительствомъ его императорскаго высочества великаго князя Михаила Александровича. Объ этомъ научномъ учрежденіи пока не напечатано ни одной, хотя бы небольшой статьи или замѣтки въ какомъ-либо изъ историческихъ или другихъ журналовъ. А между тѣмъ курскій музей, по признанію авторитетныхъ лицъ, профессоровъ и знатоковъ въ художественно-археологической области, несомнѣнно, выдается въ средѣ другихъ русскихъ музеевъ своими коллекціями. Не вдаваясь въ подробности, приведемъ здѣсь отзывъ о курскомъ музеѣ предсѣдателя пермской ученой архивной комиссіи В. С. Малченко, сдѣланный имъ письменно: «Съ большимъ удовольствіемъ осматривалъ интересный историческій музей и

провелъ съ большою для себя пользою нѣсколько часовъ въ изученіи его коллекцій. Весьма немногія губернскія ученые архивныя комиссіи могутъ даже мечтать пока о подобномъ помѣщеніи и подборѣ подобныхъ научныхъ пособій».

Это было высказано въ началѣ 1905 года, а теперь музей выросъ еще болѣе.

Лично я, участвовавшій въ дѣлѣ основанія курской ученой архивной комиссіи и бывшій, до своего недавняго выѣзда изъ Курска, въ теченіе ряда лѣтъ помощникомъ предсѣдателя комиссіи, имѣлъ возможность изо дня въ день наблюдать, какъ возникъ, устраивался и развивался нашъ музей, и не разъ порывался составить о немъ небольшой, соотвѣтственный интересамъ большой публики очеркъ для напечатанія въ «Историческомъ Вѣстникѣ», который охотно давалъ мѣсто на своихъ страницахъ статьямъ о музеяхъ, разбросанныхъ въ различныхъ уголкахъ нашего отечества, и въ настоящее время рѣшился выполнить свое намѣреніе. Считаю, однако, необходимымъ сдѣлать ту оговорку, что я имѣю въ виду остановить вниманіе читателей на томъ, что въ курскомъ музеѣ заключается семь большихъ отдѣловъ: первый отдѣлъ—военныхъ маневровъ, бывшихъ въ Курской губерніи въ 1902 году, въ высочайшемъ Его Императорскаго Величества Государя Императора присутствіи, отдѣлъ церковный, доисторическихъ древностей, историческій, нумизматическій, этнографическій, кустарный, и прекрасная—до 1000 томовъ специальныхъ, цѣнныхъ и рѣдкихъ изданій—библіотека. Въ нумизматическомъ отдѣленіи находится до 4000 монетъ, медалей, знаковъ, жетоновъ и т. д. вещей; есть въ числѣ ихъ выдающіеся предметы. Количество же всѣхъ предметовъ, имѣющихся въ курскомъ музеѣ, приближается къ шести тысячамъ экземпляровъ.

Такъ вотъ рука просится къ перу, перо къ бумагѣ для того, чтобы предложить читателямъ краткую замѣтку о курскомъ музеѣ, причѣмъ она явится не сухимъ номенклатурнымъ описаніемъ, или чѣмъ-то въ родѣ отчета о музеѣ, современнаго или хронологическаго, а изложеніемъ нѣкоторыхъ впечатлѣній и наблюденій автора, достаточнымъ, по нашему мнѣнію, для знакомства съ курскимъ научнымъ учрежденіемъ.

Чрезвычайно интересно отмѣтить, какъ случилось основаніе музея и архивной комиссіи. Въ свое время мнѣ пришлось писать въ «Историческомъ Вѣстникѣ» ¹⁾ о томъ, что къ XX вѣку у курянь изсякъ, повидимому, всякій интересъ къ своему прошлому, всякая охота заняться имъ, поставить на очередь и разработать какой-нибудь мѣстно-историческій вопросъ, а тѣмъ болѣе устроить хоть небольшое и немудрое археологическое общество. А какъ нарочно къ данному времени подоспѣло нѣсколько важныхъ юбилейныхъ

¹⁾ 1899 года, № 7-й.

дать изъ исторіи Курскаго края, напр., шестисотлѣтіе явленія мѣстной святыни чудотворной иконы Знаменія Божіей Матери, исторія которой тѣсно связана съ исторіей Курска и даже Московскаго государства, а также и другихъ знаменательныхъ датъ; но онѣ не вызвали никакого оживленія мѣстной исторической дѣятельности. Достаточно сказать, что празднованіе шестисотлѣтія явленія св. иконы въ 1895 году не сопровождалось даже изданіемъ какой-либо книжечки, касающейся прошлаго нашего края и чтимой курянами святыни. На археологическихъ сѣздахъ и выставкахъ не показывалось изъ Курской губерніи ни одного человѣка, не экспонировалось ни одной рукописи, ни одной вещицы. Правда, въ «Курскихъ Вѣдомостяхъ» печатался длинный рядъ статей пишущаго эти строки о необходимости и возможности открытія въ Курскѣ ученой архивной комиссіи, но всѣ доводы, высказываемые въ статьяхъ, не приводили ни къ чему.

Въ Курскѣ былъ тогда кружокъ людей, «чаявшихъ движенія воды» въ мѣстной археологіи. Однакоже они, зная условія курской жизни, не рассчитывали на то, что вскорѣ и, главное, почти что внезапно Курскъ можно будетъ поздравить сразу съ двумя серьезными и хорошо обставленными научными учрежденіями. Въ концѣ 1901 года въ годичномъ засѣданіи губернскаго статистическаго комитета была организована историческая комиссія при этомъ комитетѣ и избраны предсѣдатель комиссіи и ея члены. Но дѣйствовать она могла только подъ эгидой комитета, откуда и почерпнуть нравственныя и матеріальныя силы... Когда предсѣдатель этой комиссіи явился къ тогдашнему губернатору покойному графу А. Д. Милютину, какъ къ предсѣдателю статистическаго комитета, за указаніями, какимъ именно образомъ начать археологическое дѣло, то А. Д. Милютинъ со страдальческимъ выраженіемъ лица сказалъ слѣдующее:

— Ради Бога, отложите это дѣло! Вѣдь у меня да и у Николая Георгіевича ¹⁾ всякихъ дѣлъ теперь, да кромѣ того по предстоящимъ большимъ маневрамъ,—выше головы!

При этихъ словахъ губернаторъ нѣсколько секундъ подержалъ свою руку надъ головой. Предсѣдателю осталось только откланяться. Кстати сказать: и предсѣдатель новой комиссіи отчетливо сознавалъ, что самая идея образованія комиссіи при статистическомъ комитетѣ, которая обслуживала бы историко-археологическіе интересы цѣлой губерніи и имѣла бы широкое общественное значеніе, совершенно мертворожденная. Я былъ вполне согласенъ съ этимъ и считалъ вопросъ о возникновеніи надлежащаго органа мѣстной исторіографіи и археологіи погребеннымъ на долгіе годы.

¹⁾ П. Г. Бюнтингъ, тогдашній курскій вице-губернаторъ, теперь начальникъ Тверской губерніи.

Представьте себѣ, при такихъ условіяхъ, мое изумленіе, когда не болѣе какъ черезъ полгода, когда А. Д. Милотинъ вскорѣ послѣ маневровъ покинулъ губернаторство въ Курскѣ, совершенно случайно одинъ изъ моихъ знакомыхъ, довольно крупный мѣстный чиновникъ, при встрѣчѣ сказалъ мнѣ:

— Знаете чтò, у насъ скоро откроется ученая архивная комиссія. Ваше желаніе исполнится, и вы останетесь довольны!

— Какимъ образомъ?—воскликнулъ я.—Кажется, никакихъ нѣтъ данныхъ для этого, да не можетъ и быть.

— Будутъ!—увѣренно сказалъ мнѣ мой собесѣдникъ.—Вотъ увидите: комиссія будетъ, и музей будетъ!

Заинтриговавъ меня въ высшей степени, чиновникъ передалъ мнѣ слѣдующее:

— Къ намъ назначенъ губернаторомъ плочкій губернаторъ Н. Н. Гордѣевъ¹⁾, извѣстный знатокъ, любитель и поклонникъ археологіи. Онъ создастъ здѣсь археологическія учрежденія, вотъ увидите!

Такъ и случилось. Искра стремленія къ изученію родной старины въ образованномъ курскомъ обществѣ вспыхнула впервые еще въ концѣ XVIII вѣка, иногда она чуть-чуть разгоралась, иногда потухала, иногда куряне дѣлали потуги упрочить положеніе мѣстной историографіи; но все-таки дѣло кончилось тѣмъ, что явились въ Курскъ «иностранцы» и зажгли свѣточъ мѣстной историко-археологической науки. Подъ «иностранцами» мы разумѣемъ Н. Н. Гордѣева и Н. И. Златоверховникова, секретаря курскаго губернскаго статистическаго комитета. Первый создалъ у насъ ученую архивную комиссію и прекрасный музей, вложивъ въ это дѣло массу таланта, умѣнья, заботливости и художественнаго вкуса. Второй, будучи ближайшимъ исполнителемъ предначертаній Н. Н. Гордѣева, съ полной энергіей и преданностью любимому дѣлу, затратилъ много труда, мелкой, но искусной, кропотливой работы для оборудованія музея и болѣе всего для тщательной соотвѣтственной постановки и разстановки музейныхъ предметовъ, ихъ описанія въ инвентарныхъ книгахъ и для надлежащаго храненія. Вотъ уже седьмой годъ Н. Н. Златоверховниковъ несетъ безвозмездно тяжелый, хотя и скромный, трудъ правителя дѣлъ ученой архивной комиссіи.

Курскій историко-археологическій и кустарный музей, съ высочайшаго соизволенія, былъ учрежденъ архивной комиссіей въ 19-й день марта 1903 года. Оба ученыхъ учрежденія были удостоены 17-го мая 1904 года высокоимлостивой телеграммы его императорскаго высочества великаго князя Михаила Александровича: «Очень

¹⁾ Имя покойный.

радь принять комиссію и состоящій при ней музей подъ мое покровительство и шлю всёма наилучшія пожеланія успѣха въ работахъ по изученію исторіи края и развитію кустарнаго дѣла, столь полезнаго подспорья въ крестьянскомъ хозяйствѣ».

II.

Поздній вечеръ. Ярко освѣщенный электричествомъ парадный кабинетъ губернаторскаго дома. Обстановка кабинета имѣетъ особенности: масса книгъ, фоліанты, гравюры, картины, старинные предметы искусства ясно свидѣтельствуютъ о любви и преданности курскаго губернатора археологіи. Здѣсь собрались уже мы, члены ученой архивной комиссіи, и во главѣ насъ помощникъ предсѣдателя комиссіи (теперь предсѣдатель), товарищъ предсѣдателя курскаго окружнаго суда А. Н. Кобылинъ, истинный благодетель нашего музея своими цѣнными пожертвованіями.

Губернаторъ находится въ дѣловомъ своемъ кабинетѣ. Вотъ онъ кончилъ съ правителемъ канцеляріи, хотѣлъ было къ намъ. Но не тутъ-то было, —входитъ полицеймейстеръ.

— По экстренному дѣлу, —шепчетъ онъ и перехватываетъ Н. Н. Гордѣва.

Мы еще ждемъ, но не скучаемъ. Вокругъ насъ, кромѣ археологическихъ изданій, которыми мы интересуемся, находятся установленные на креслахъ и диванахъ кабинета археологическіе предметы, старинные портреты, орнаменты крестьянскихъ избъ, —все это купленное Н. Н. Гордѣвымъ во время только что совершенной имъ поѣздки въ Москву и Петербургъ и посѣщенія магазиновъ антикваровъ. Всѣ эти предметы были предназначены для нашего курскаго музея, помѣщеніе для котораго въ данное время (лѣто 1903 года) уже устраивалось въ зданіи присутственныхъ мѣстъ на средства, дарованныя Его Императорскимъ Величествомъ Государемъ Императоромъ, по всеподданнѣйшему представленію Н. Н. Гордѣва.

Наконецъ-то оставилъ губернатора полицеймейстеръ, и Н. Н. могъ всецѣло посвятить себя археологическому засѣданію съ нами. Видимо, послѣ всѣхъ административныхъ дѣлъ и занятій для него истиннымъ наслажденіемъ было работать на поприщѣ археологіи, и въ эту область онъ погружался, какъ говорится, совсѣмъ съ головою. А работы въ этомъ направленіи была масса: устроить, сравнительно въ короткое время, помѣщеніе для музея и оборудовать его самымъ недорогимъ и въ то же время наилучшимъ образомъ, приобрести, собрать и заполнить соответственными предметами отдѣлы музея и вообще создать цѣнное по археологическому, научному и художественному значенію учрежденіе.

И вотъ пошелъ у насъ рядъ засѣданій въ губернаторскомъ домѣ, гдѣ обсуждались вопросы за вопросомъ, касавшіеся музея. Самъ Н. Н. Гордѣевъ, вооруженный большими серьезными знаніями, опытомъ, начитанный въ высшей степени, влагалъ всю свою душу въ предпринятый имъ подвигъ. Не буду говорить о массѣ затрачивавшагося на это имъ труда, когда безъ него въ зданіи музея не дѣлалось ничего болѣе или менѣе важнаго, когда каждая подробность, каждая деталь устройства научнаго хранилища обсуждалась Н. Н. совместно съ членами ученой архивной комиссіи; скажу только, что, напримѣръ, онъ посвятилъ почти цѣлое засѣданіе рѣшенію вопроса о томъ образцѣ рисунка, по которому долженъ былъ быть сдѣланъ въ разныхъ залахъ музея плиточный полъ. На столахъ были разложены альбомы образцовъ, и рисунки обсуждались со всѣхъ точекъ зрѣнія, шелъ живой обмѣнъ мнѣній между членами собранія, Н. Н. выслушивалъ своихъ коллегъ самымъ внимательнымъ образомъ, возражалъ... при этомъ дѣлались сопоставленія съ другими музеями: столичными и провинціальными, которые губернатору и намъ были отлично извѣстны, и въ концѣ концовъ дѣло рѣшалось, по моему мнѣнію, самымъ удачнымъ образомъ. Н. Н. успокаивался, радовался, что, по всѣмъ видимостямъ, полы въ музеѣ будутъ стильными, машинально взглядывалъ на свой хронометръ, а онъ давно уже показывалъ второй часъ ночи... Всѣ удивлялись тому, что время засѣданія пролетѣло быстро, хотя въ 8 часовъ вечера мы были уже на собраніи...

Да и какъ было не летѣть быстро времени? Помимо обсуждения живыхъ, такъ сказать, боевыхъ вопросовъ по устройству музея, кромѣ всей нашей горячей любви къ этому дѣлу и желанія содѣйствовать всѣмъ, чѣмъ могли, столь дорогому для Курскаго края человѣку, который пришелъ къ намъ извнѣ и совершалъ то великое дѣло, на которое у насъ, курянъ, не хватило ни синь-пороха въ теченіе длиннаго ряда лѣтъ, когда въ сосѣднихъ городахъ вырастали научныя учрежденія, на засѣданіяхъ нашихъ представляли большой, для меня лично животрепещущій интересъ импровизации самого губернатора на темы художественнаго и историко-археологическаго характера. Боже мой! что это былъ за очаровательный лекторъ. По таланту его изложенія ему можно было отвести мѣсто въ числѣ краснорѣчивѣйшихъ профессоровъ нашихъ высшихъ учебныхъ заведеній. Импровизованныя лекціи Н. Н. Гордѣева являлись вслѣдствіе перехода его отъ обсуждения какого-либо вопроса, касавшагося нашего музея, къ изложенію общаго вопроса научнаго значенія. Ну, тутъ уже надо было затаять дыханіе и слушать незабвеннаго лектора-оратора, положительно наслаждаясь его лекціей, полной глубокаго содержанія и «самаго милаго» (подбираю наиболѣе подходящее къ предмету моей рѣчи выраженіе) изложенія. Не думайте, что нашъ губернаторъ-лекторъ билъ на эффектъ и пу-

скаль въ ходъ искусственныя, хотя бы и искусныя, приемы. Ни чуть не бывало: онъ, какъ и все выдающіеся профессора-лекторы, которыхъ доводилось мнѣ слышать, говорилъ вполне естественно, даже съ легкимъ оттѣнкомъ того, что называется *causegie*, непринужденно, какъ бы рассказывалъ изъ своихъ воспоминаній, наблюдений, изученій, размышленій, а между тѣмъ рѣчи Н. Н. «сладчайшія меда лилися»... Въ трактуемые имъ предметы Гордѣевъ вкладывалъ живую душу, пробуждалъ въ слушателяхъ не ослабѣвавшее вниманіе и приковывалъ умѣньемъ передавать мысли въ изящной и занимательной формѣ.

Мнѣ однажды пришлось высказать ему это по такому случаю: въ разговорѣ осенью 1905 года Н. Н. замѣтилъ, что для увеличенія средствъ архивной комиссіи (*eo ipso* и для музея) слѣдовало бы прочесть нѣсколько публичныхъ лекцій желающимъ изъ членовъ комиссіи. Въ отвѣтъ на это я позволилъ себѣ замѣтить, что если онъ выступитъ во главѣ лекторовъ и будетъ читать, то успѣхъ лекцій можно будетъ считать обезпеченнымъ, а, пожалуй, и колоссальнымъ.

— Это потому, быть можетъ,—возразилъ Н. Н.:—что публику привлечетъ мое имя на афишѣ. Скажутъ: какая странная диковинка—губернаторъ будетъ фигурировать въ роли лектора, да еще по археологіи или искусству. Ну, и наполнять залъ. Вотъ что вы думаете?

— Нѣтъ, не это. На первую лекцію соберется много публики, конечно, поэтому. А на вторую или третью пойдутъ исключительно изъ-за вашего профессорскаго таланта...

Улыбнулся Н. Н. Гордѣевъ и промолвилъ:

— Ну, хорошо. Посмотримъ. Рѣшительно я не отказываюсь, попробуемъ. Я думаю—въ Великомъ посту...

Но 1906 годъ уже не засталъ Н. Н. на посту курскаго губернатора. Онъ былъ уволенъ и покинулъ Курскъ, успѣвъ, къ счастью, вполне сформировать ученую архивную комиссію и организовать музей.

III.

Какъ извѣстно, главный районъ большихъ военныхъ маневровъ въ высочайшемъ присутствіи Государя Императора Николая Александровича въ 1902 году былъ въ Курской губерніи. Его Величество изволилъ посѣтить Курскъ и быть въ великолѣпномъ Знаменскомъ соборѣ и нѣкоторыхъ общественныхъ учрежденіяхъ Курска, вездѣ привѣтствуемый восторженнымъ выраженіемъ радостныхъ чувствъ народа и воодушевленными кликами въ честь и славу вѣчноценнаго монарха. По окончаніи маневровъ и отбытіи царя въ Курскъ сейчасъ же возникла мысль объ увѣковѣченіи случившагося историческаго событія. Но какъ было достигнуть этого? Нѣ-

которые предлагали воздвигнуть памятникъ Государю на Красной площади, другіе—устроить благотворительное или учебное заведеніе имени Государя. Особенно останавливались на мысли связать воспоминаніе о царскомъ посѣщеніи съ основаніемъ ремесленного училища, въ которомъ такъ нуждался Курскій край. Но нужно сказать, что во время большихъ маневровъ было сдѣлано немало фотографическихъ снимковъ съ различныхъ моментовъ этихъ маневровъ, съ группъ военныхъ лицъ и войскъ, съ разныхъ предметовъ, относившихся къ маневрамъ, и т. под. Эти снимки ходили по рукамъ и, естественно, интересовали многихъ. Приходилось видѣть снимки въ частныхъ домахъ на стѣнахъ, неподалеку отъ портретовъ Государя Императора и Государыни Императрицы, а перѣдко и въ общественныхъ учрежденіяхъ. Кромѣ того, въ мѣстномъ населеніи стали курсировать нѣкоторыя вещи и предметы, имѣющіе то или иное отношеніе къ бывшимъ маневрамъ. Мысль объ увѣковѣченіи важнаго для Курскаго края событія путемъ составленія коллекціи предметовъ на вѣчную память о немъ была у насъ и высказывалась... Но нечего и говорить, что отъ появленія мысли до ея реального осуществленія—разница громадная.

Только что Н. Н. Гордѣевъ пріѣхалъ изъ Плоцка въ Курскъ, онъ твердо и непоколебимо рѣшилъ открыть здѣсь ученую архивную комиссію и археологическій музей. Но для этого нужно было обширное помѣщеніе, средства и пожертвованія цѣлыхъ сотенъ и тысячъ старинныхъ и художественныхъ вещей. Говорили, что все, что было въ нашемъ краю цѣннаго въ художественно-археологическомъ отношеніи, уже исчерпано и препровождено въ разное время въ музеи другихъ городовъ. Отчасти это было горькой правдой. И теперь приходится пожалѣть о томъ, какъ въ теченіе какихъ-либо 5—6 лѣтъ (въ началѣ девяностыхъ годовъ прошлаго вѣка) служившій въ Курскѣ сначала полицеймейстеромъ, а потомъ совѣтникомъ и секретаремъ губернскаго статистическаго комитета Т. І. Вержбицкій ¹⁾, страстный любитель археологіи, пріобрѣлъ въ Курскій губерніи нѣсколько сотенъ археологическихъ вещей, рукописей и печатныхъ книгъ и все это пожертвовалъ въ кіевскій музей при духовной академіи. Были въ числѣ ихъ необыкновенныя рѣдкости, уникамы, и теперь они вдали отъ Курска. Я иногда пенялъ покойному Вержбицкому на «вывозъ» «антиковъ» отсюда въ Кіевъ, но онъ справедливо говорилъ, что безъ этого экспорта пропадетъ все, что заслуживаетъ сохраненія. Оставалось соглашаться съ этимъ, такъ какъ мнѣ хорошо была извѣстна судьба нѣкоторыхъ научныхъ коллекцій, собранныхъ нѣкогда въ нашемъ краѣ и затѣмъ словно провалившихся въ тартарары.

¹⁾ Статьи его есть въ «Историческомъ Вѣстникѣ» 90-хъ годовъ.

Н. Н. Гордѣевъ рѣшилъ испросить, по всеподданнѣйшему докладу, средства для устройства музея, гдѣ бы первѣе всего нашли себѣ мѣсто всѣ предметы, касающіеся высочайшаго посѣщенія и пребыванія въ Курской губерніи Государя Императора и большихъ маневровъ, а въ другихъ отдѣлахъ предметы доисторическаго и историческаго времени, касающіеся преимущественно Курскаго края. Замѣчательно, что Н. Н. Гордѣевъ считалъ непрѣмнымъ своимъ долгомъ образовать въ музеѣ и кустарный отдѣлъ, который служилъ бы для современной практической пользы трудящемуся люду въ отрасляхъ кустарныхъ промысловъ. Такимъ образомъ, не только прошлое, но и будущее, въ смыслѣ показательности кустарнаго отдѣла для усовершенствованія крестьянскихъ занятій и выработки различныхъ вещей, вошло въ задачу нашего музея. Онъ даетъ возможность видѣть и разсматривать какъ предметы исторической любознательности, такъ и предметы, поучительные для профессиональнаго искусства.

Всеподданнѣйшее ходатайство курскаго губернатора-археолога увѣнчалось успѣхомъ. Государь Императоръ въ своихъ монаршихъ щедротахъ изволилъ отпустить 10,000 рублей на устройство музея. Съ величайшею радостью и благоговѣйною благодарностью къ обожаемому августѣйшему вождю земли русской была принята вѣсть о царскомъ дарѣ. Въ особенности радовалъ курянь тотъ фактъ, что археологическія учрежденія въ ихъ краѣ получаютъ свое бытіе такимъ счастливымъ и достопримѣчательнымъ образомъ.

Подобное же радостное и благодарное чувство было вызвано принятіемъ ученой архивной комиссіи и музея его императорскимъ высочествомъ великимъ княземъ Михаиломъ Александровичемъ подъ свое покровительство.

Удачно и счастливо былъ разрѣшенъ вопросъ о помѣщеніи музея и комиссіи. Дѣло въ томъ, что къ данному времени какъ разъ казенная палата и губернское казначейство, помѣщавшіяся въ зданіи присутственныхъ мѣсть, перешли въ только что выстроенный для нихъ новый домъ. Оказалось возможнымъ приспособить комнаты, служившія для казначейства, къ цѣлямъ комиссіи. Не будь такого случая, очень затруднительно было бы подыскать для музея маломальски сносное помѣщеніе ¹⁾. Приспособленіе казначейства къ новому назначенію потребовало массы идейной работы и соответственныхъ соображеній. Надо было, считаясь съ существующими, не вполнѣ благоприятными для размѣщенія музейныхъ отдѣловъ и предметовъ въ стѣнахъ бывшаго казначейства, условіями приложить всѣ старанія къ тому, чтобы были соблюдены удобства для посѣтителей музея, сдѣлано надлежащее размѣщеніе витринъ и содержимаго въ нихъ, чтобы соблюдены были правила размѣщенія

¹⁾ Помѣщеніе казначейства для устройства музея.

художественныхъ объектовъ: картинъ, портретовъ, рисунковъ и т. под. Всѣмъ намъ и во главѣ всѣхъ Н. Н. Гордѣеву страстно хотѣлось устроить все такъ, чтобы устройство музея запечатлѣно было идейностью, красотою и изяществомъ. И надо сказать правду—мы успѣли достигнуть въ этомъ смыслѣ многого, а порукой въ томъ для насъ было сравненіе нашего устройства съ устройствомъ и расположеніемъ предметовъ въ другихъ музеяхъ, которые мы хорошо знали.

Въ то время, когда шла передѣлка помѣщенія казначейства, Н. Н. Гордѣевъ по нѣсколько разъ въ день прїѣзжалъ на работы и здѣсь самъ руководилъ ими. Подолгу онъ оставался въ перестраиваемомъ зданіи, несмотря на невыносимый воздухъ, проникнутый известью, разными ядовитыми испареніями и проч. Не покладая рукъ, съ истиннымъ самоотверженіемъ, работалъ на постройкѣ правитель дѣлъ комиссіи Н. И. Златоверховниковъ. Все свободное отъ служебныхъ занятій время онъ проводилъ въ самомъ интенсивномъ наблюденіи за работами, имѣя между прочимъ въ виду и самое строгое соблюденіе матеріальныхъ интересовъ комиссіи, оберегая каждую ея копейку... Результатомъ этого явилась необыкновенная дешевизна устройства музея.

Наконецъ нашлось для него множество такихъ вещей, которыя по праву наполнили его отдѣлы, а изъ нихъ оказалось достаточное число такихъ, которыя могли бы быть украшеніемъ любого древлехранилища. Это въ послѣдствіи было засвидѣтельствовано компетентными посѣтителями музея изъ столицъ, университетскихъ и другихъ городовъ и мѣстъ. Нашлись и обладатели крупныхъ и цѣнныхъ коллекцій, которые пожертвовали ихъ музею и сразу же такимъ образомъ поставили на твердую почву музей. Назову изъ начальныхъ его благотворителей Н. А. Кобылина, помощника предсѣдателя, а теперь предсѣдателя курской архивной комиссіи, Н. А. Лоскутова, нынѣшняго помощника предсѣдателя, С. А. Юрьевича, бывшаго суджанскаго предводителя дворянства, А. Н. Логофета и іеромонаха Венедима.

Н. А. Кобылинъ ¹⁾ издавна уже собиралъ и пріобрѣталъ археологическія вещи и владѣлъ драгоцѣнными коллекціями. Онъ еще въ 90-хъ годахъ XIX столѣтія проводилъ въ курскомъ обществѣ идею объ устройствѣ музея; но широкое поприще дѣятельности представилось для него именно съ того времени, когда въ Курскѣ учреждена была ученая архивная комиссія. Тогда онъ явился первымъ, по количеству и въ извѣстной степени по значенію пожертвованныхъ вещей, вкладчикомъ въ музей. Достаточно сказать, что около четвертой части ихъ пожертвовано г. Кобылинымъ. Замѣчательно также единственное въ Россіи, переданное камеръ-юнкеромъ высочайшаго двора С. А. Юрьевичемъ на храненіе въ музей

¹⁾ Долго служившій въ Курскѣ товарищемъ предсѣдателя окружнаго суда.

драгоценнѣйшее собраніе предметовъ, относящихся къ дѣтскимъ и юношескимъ годамъ жизни царя-Освободителя Александра II. Много цѣннаго принесено въ даръ музею Н. А. Лоскутовымъ, іеромонахомъ Венедимомъ, А. Н. Логофетомъ, извѣстнымъ археологомъ Дубасовымъ и другими лицами и учрежденіями, которыя сочувственно отнеслись къ задачамъ музея и представляли въ архивную комиссію разныя вещи и денежныя жертвы въ большемъ или меньшемъ размѣрѣ. Представители рѣшительно всѣхъ сословій и классовъ населенія вносили и теперь вносятъ свои дары отъ самыхъ скромныхъ до весьма значительныхъ.

IV.

Входная въ музей комната, изъ которой можно войти въ его отдѣлъ, бібліотеку и канцелярію архивной комиссіи, украшена нѣсколькими картинами и картами. Здѣсь, въ передней, помѣщенъ портретъ учредителя и основателя музея Н. Н. Гордѣева. Когда ему пришлось оставить Курскъ, то комиссія постановила помѣстить его портретъ на одномъ изъ видныхъ мѣстъ перваго отдѣла. Но какъ велика была скромность этого человѣка, видно изъ того, что онъ, не имѣя возможности отклонить помѣщеніе своего портрета, категорически выразилъ свое желаніе, чтобы этотъ портретъ былъ повѣшенъ во входной комнатѣ, недалеко отъ двери, ведущей въ самый музей.

— Я,—сказалъ онъ,—буду здѣсь находиться на стражѣ нашего музея и охранять его, какъ вѣрный часовой...

Самое видное мѣсто въ первомъ отдѣлѣ занимаетъ отдѣлъ большихъ военныхъ маневровъ 1902 года. Здѣсь собрано все, что можно было и что даетъ наглядное представленіе о посѣщеніи Курска и Курской губерніи Государемъ Императоромъ и о ходѣ военныхъ дѣйствій. Пріятно видѣть, что такимъ путемъ увѣковѣчено знаменательное событіе начала XX вѣка. Передъ нами большой альбомъ фотографическихъ снимковъ съ разныхъ моментовъ маневровъ и дѣйствовавшихъ въ нихъ войскъ. Въ числѣ многихъ другихъ, имѣющихъ интересъ, предметовъ находится прекрасный снимокъ съ памятника, воздвигнутаго дворяниномъ В. Н. Толубѣевымъ въ его имѣніи Курскаго уѣзда въ ознаменованіе посѣщенія Государемъ 3 сентября 1902 года имѣнія его. Монументъ, очень изящный и красивый, находится на мѣстѣ присутствія Его Величества за завтракомъ. Кромѣ портрета Государя на конѣ во время маневровъ, въ 1-мъ отдѣлѣ находятся портреты особъ императорской фамиліи, какъ присутствовавшихъ на маневрахъ, такъ и другихъ.

Вообще въ музеѣ находятся портреты всѣхъ государей царствующаго дома, начиная съ царя Михаила Ѳеодоровича до нынѣ цар-

ствующаго Государя Императора Николая Александровича, изволившаго осчастливить музей пожалованіемъ своего портрета съ собственноручной подписью, а также два портрета августѣйшаго покровителя архивной комиссіи великаго князя Михаила Александровича, пожалованные имъ въ 1904 году, и портреты высочайшихъ особъ.

Чрезвычайна интересна фототипія золотой лампы, усѣянной драгоценными камнями, съ надписью: «Отъ дворянокъ Курской губерніи», въ память 14 ноября 1894 года, поднесенная княгиней М. В. Барятинской Ихъ Императорскимъ Величествамъ. Въ смежной витринѣ хранится закладка въ евангеліе работы Государыни Императрицы Александры Ѳеодоровны.

Въ первомъ же залѣ находится масса старинныхъ предметовъ, имѣющихъ мѣстное значеніе. Но особенно интересна лѣвая отъ входа сторона отдѣла: здѣсь въ коллекціи С. А. Юрьевича находимъ собственныя рукописи Карамзина, Пушкина, Жуковского, автографъ пушкинскаго стихотворенія «Клеветникамъ Россіи», съ исправленіями. Такъ, стихъ:

Вы грозны на словахъ, попробуйте на дѣлѣ...

въ первоначальномъ текстѣ читается такъ:

И вы грозили намъ. Что жъ въ самомъ дѣлѣ...

Вмѣсто словъ:

Иль старый богатырь, спокойный на постели...

читается въ стихотвореніи такъ:

Иль старый богатырь, простерты на постели...

Наконецъ во фразѣ:

Среди нечуждыхъ имъ гробовъ

значится вмѣсто «нечуждыхъ»—«фатальныхъ».

Нужно по справедливости сказать, что патріотическая пьеса Пушкина въ ея первоначальномъ видѣ представляется намъ лучше и сильнѣе, чѣмъ съ исправленіями, хотя бы и небольшими.

Публика, посѣщающая музей, особенно останавливается на витринахъ, гдѣ собрано много предметовъ, относящихся къ дѣтскимъ и юношескимъ годамъ жизни царя-Освободителя. Здѣсь его солдатскій мундиръ, его рапортъ, подписанный «Александръ Романовъ», 16-го января 1827 года, собственноручно переписанная молитва «Отче нашъ» съ припиской: «день рожденія сестры моей Маріи Александровны», его письма, оружіе, много снимковъ сценъ изъ юно-

шеской жизни. Подобнаго отдѣла намъ не приходилось встрѣчать въ другихъ историческихъ хранилищахъ.

Историческій отдѣлъ заключаетъ въ себѣ громадное количество любопытныхъ вещей, касающихся всѣхъ отраслей прошлаго быта. Не останавливаясь на нихъ, упомянемъ только о письмахъ Тургенева, Костомарова и Чернышевскаго и о рукописи 15-й главы романа Л. Н. Толстого «Воскресеніе» съ его собственноручными поправками текста. Старинный и болѣе новый снимки спасаютъ отъ забвенія видъ домика Петра Великаго ¹⁾, гдѣ онъ былъ въ годѣ Полтавской побѣды, такъ какъ во время погромовъ этотъ домикъ былъ разрушенъ и уничтоженъ до основанія. На другомъ снимкѣ красуется древнѣйшій и оригинальнѣйшій въ Курскѣ домъ-дворецъ князя Ромодановскаго, существующій и до настоящаго времени.

На улицѣ, противъ этого дома, нѣсколько лѣтъ тому назадъ было случайно обнаружено крайне загадочное погребеніе. Когда проводили ровъ для укладки водопроводныхъ трубъ, то натолкнулись на остатки шести гробовъ, гдѣ было схоронено 6 дѣвушекъ 16—17 лѣтъ отъ роду. Судя по остаткамъ погребенія, тѣла дѣвушекъ были одѣты въ богатые наряды, и самые гроба обиты дорогими парчами. Поразительно было то обстоятельство, что на основаніяхъ всѣхъ 6-ти уцѣлѣвшихъ дѣвичьихъ косъ были на волосахъ слѣды запекшейся крови, такъ что казалось, что дѣвушки были заколоты въ области затылка какимъ-либо острымъ орудіемъ и погребены. Трудно было опредѣлить время погребенія, и странно то обстоятельство, что всѣ гроба стояли рядомъ, тѣсно одинъ къ другому.

Что означало это страшное погребеніе?

Очень богаты въ курскомъ музеѣ до-петровскій и церковный отдѣлы. Рѣдко какой-нибудь изъ провинціальныхъ музеевъ можетъ гордиться такими коллекціями! Въ до-петровскомъ отдѣлѣ красуется прекрасно исполненный портретъ великаго князя Михаила Александровича въ боярскомъ костюмѣ. Здѣсь особенное вниманіе привлекаютъ къ себѣ разнообразныя вещи рѣзного по дереву искусства, напимѣръ, русскій буфетъ XVII вѣка, домашняя утварь, всевозможныя мужскія и женскія одежды, кубки, предметы посуды, масса разнообразнѣйшихъ старинныхъ украшеній не изъ одной только Курской губерніи, но и изъ нѣкоторыхъ сѣверныхъ. Очень слабо въ музеѣ представлены предметы быта малороссійскаго населенія Курскаго края, а оно здѣсь довольно значительно. Много столбцовъ стариннаго письма, свитковъ, книгъ, рукописей, но всѣ они особеннаго значенія, кромѣ, конечно, мѣстнаго, не имѣютъ.

Въ церковномъ отдѣлѣ—прямо противъ входа въ него—возвышается величественное изображеніе изъ дерева фигуры Господа Саваоа, окруженнаго серафимами и херувимами. Оно есть даръ Курен-

¹⁾ Въ Грайворонскомъ уѣздѣ, недалеко отъ слободы Борисовки.

скаго монастыря (пустыни), существовавшего еще до татарскаго ига. Можно, не обинуясь, сказать, что изображеніе это по своему (хотя и примитивному) искусству производить сильное и неотразимое впечатлѣніе. Громадныя размѣры, импозантныя черты главной фигуры, общій колоритъ дѣлаютъ этотъ предметъ старины выдающимся. Есть и другія подобныя изображенія. Но по своему замыслу интересна фигура «Христа въ темницѣ» изъ церкви села Коломійцева ¹⁾ Корочанскаго уѣзда. Христосъ изваянь сидящимъ, подпершись ладонью правой руки, а ладонь лѣвой руки Его приложена къ сердцу. Удачно выполненъ ликъ—глубоко-глубоко задумчивый. смертно страдающій ликъ Спасителя. Вообще въ подобномъ положеніи фигуры Христа нѣтъ ни въ одномъ изъ музеевъ. По своей дѣйности (въ нѣсколько тысячъ рублей), а также внѣшности обращаютъ на себя вниманіе старинныя церковныя оплечья, шитыя по золоту жемчугомъ и драгоценными камнями, одни изъ курскаго женскаго монастыря, а другія—даръ малороссійскаго гетмана Самойловича одной изъ церквей Путивльскаго уѣзда. Витрины содержатъ въ себѣ рукописныя и печатныя церковныя книги, на примѣръ, евангеліе виленскаго изданія 1575 года.

Нумизматическія и этнографическія коллекціи требуютъ дальнѣйшаго пополненія и развитія, хотя въ первой есть одна золотая монета, которая представляетъ unicum и не имѣетъ себѣ равной.

Что касается доисторическаго отдѣла, то онъ и теперь уже довольно богатъ. Громадныя кости мамонта и другихъ вымершихъ чудовищ занимаютъ широкіе стеллажи, въ витринахъ размѣщены вещи, добытыя при раскопкахъ. Въ одной изъ витринъ находится 1483 предмета, добытыхъ при раскопкахъ городищъ и кургановъ въ Курскомъ уѣздѣ, организованныхъ курской ученой архивной комиссіей и бывшихъ отъ 27 мая по 3 іюня 1907 года, подъ руководствомъ профессора В. Е. Данилевича. Въ доисторическомъ залѣ находится и такъ называемый «курскій сфинскъ», недавно попавшій въ музей. О томъ, что такое представляетъ собой «сфинскъ», былъ горячій споръ: игра ли онъ природы, или произведеніе рукъ человѣческихъ? Но какъ бы то ни было дѣло, видъ и форма этой фигуры очень замѣчательны. Представьте себѣ цѣльный камень въ формѣ какого-то животнаго, въ родѣ верблюда, съ подогнутыми подъ себя лапами, довольно длинной шеей, впадинами для глазъ и ноздрей, туловищемъ и т. под. частями тѣла животнаго. На первый взглядъ кажется, что это—ни дать, ни взять—каменная баба, только въ образѣ фантастическаго звѣря, а не человѣка, какъ это обыкновенно бываетъ.

Все это относится къ прошлому; но вотъ вы входите въ кустарный отдѣлъ, и картина рѣзко измѣняется. Такъ какъ въ пятнадцати

¹⁾ Село Коломійцево мѣстными жителями называется по старинному Коломия, какъ извѣстный городъ въ Галиціи.

уѣздахъ Курской губерніи кустарные промыслы болѣе или менѣе развиты, то они дали богатый матеріаль для музея. О полнотѣ кустарнаго отдѣла въ высшей степени заботился Н. Н. Гордѣевъ, приобрѣтшій много издѣлій на свой счетъ. Надо сказать правду, въ кустарномъ отдѣлѣ есть на что обратить вниманіе, и онъ имѣетъ исполнѣ практически показательный характеръ, что засвидѣтельствовано опытомъ нѣсколькихъ лѣтъ.

V.

Конечно, нѣтъ никакого резона описывать здѣсь значеніе курскаго музея, его службу на пользу Курской губерніи, точно такъ же, какъ и дѣятельность нашей архивной комиссіи. Онъ и она выполняли свое назначеніе, и, сколько я могу судить, съ теченіемъ времени созданныя Н. Н. Гордѣевымъ при участіи любителей-куряицъ учрежденія развиваютъ свое симпатичное дѣло. Послѣ Гордѣева Кобылинъ продолжаетъ въ намѣченномъ ранѣе направленіи вести музей и комиссію. Достойнѣйшимъ и незамѣнимымъ его помощникомъ является Н. А. Лоскутовъ, съ самаго начала музея ведшій денежныя дѣла его, при всей скудости поступающихъ въ него матеріальныхъ средствъ, самымъ наилучшимъ образомъ и своимъ авторитетнымъ и удачнымъ мнѣніемъ много разъ содѣйствовавшій разрѣшенію затруднительныхъ вопросовъ, возникавшихъ въ ходѣ дѣятельности комиссіи. Какъ же отнеслось курское общество къ своимъ новымъ для того времени ученымъ учрежденіямъ?

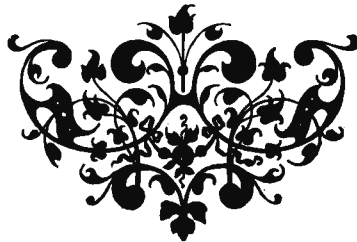
Отвѣтъ на этотъ вопросъ долженъ быть таковъ: «въ средней мѣрѣ». Со стороны дворянства, земствъ и городовъ нашей губерніи дѣлались тѣ или иныя пособія и вспомошествованія; частныя лица жертвовали разные предметы и вещи для музея, были денежныя пожертвованія. Число членовъ было всегда не особенно значительно. Впрочемъ, въ послѣднее время явилась возможность предпринять изданіе «Трудовъ» комиссіи. Статей и рефератовъ для изданія—очень достаточно. Можно надѣяться, что въ недалекомъ будущемъ послѣдуетъ выпускъ первый этихъ «Трудовъ». Въ добрый часъ!

А вообще приходится сказать, обращаясь къ своимъ личнымъ воспоминаніямъ и бесѣдамъ съ нѣкоторыми, наиболѣе, такъ сказать, «усердными» членами комиссіи, что собранія членовъ комиссіи, вначалѣ подъ предсѣдательствомъ Н. Н. Гордѣева, а впослѣдствіи Н. А. Кобылина, были въ Курскѣ тѣми отрадными моментами въ тоскливо-тягучей провинціальной жизни, почти что лишенной научныхъ интересовъ, которые (т. е. моменты) не могутъ быть забыты никогда. Въ засѣданіяхъ время летѣло незамѣтно, и собранія

почти всегда затягивались за полночь. Но мало того: еще съ первыхъ дней устройства музея вошло въ обычай всякій разъ по окончаніи научнаго нашего собранія, какъ бы ни было поздно, изъ зала за-сѣданія направляться въ отдѣлы музея, вновь любоваться прежними и новыми предметами при чудномъ электрическомъ освѣщеніи всего помѣщенія музея. Особенно оригинально и интересно свѣтились два старинныхъ церковныхъ паникадила, на которыхъ яркимъ пламенемъ горѣли электрическія лампочки. Здѣсь же на мѣстѣ рѣшались членами комиссіи вопросы о размѣщеніи новыхъ приобрѣтеній, шелъ оживленный обмѣнъ мнѣній, передача нѣкоторыхъ воспоминаній, задумывались проекты на будущее. Бывало, начинаемъ расходиться, а глядишь—въ музеѣ провели еще часъ-полтора... и скоро забрезжится утро!

Нужно по справедливости сказать, что для курскихъ историческихъ учрежденій положено доброе и твердое начало. Отъ дальнѣйшихъ дѣйствій членовъ комиссіи, составъ которыхъ, естественно, измѣняется съ теченіемъ времени, зависитъ многое. Эти дѣйствія или могутъ повести къ разностороннему, въ предѣлахъ задачъ комиссіи и музея, развитію и процвѣтанію обоихъ учрежденій, или, наоборотъ, могутъ довести дѣло до того, что оно затрепещетъ по всеѣмъ швамъ и развалится.

А. Танковъ.

БѢЛГОРОДЪ И ЕГО СВЯТЫНИ.

I.

По дорогѣ въ БѢлгородъ.

А «БОЛЬШОЙ» дорогѣ, соединяющей нашу Сѣверную Пальмиру съ прекрасной Тавридой, есть городокъ, виды окрестностей котораго привлекаютъ вниманіе каждаго пассажира мимо бѣгущаго поѣзда. Этотъ городокъ—БѢлгородъ.

Послѣ двадцатиминутной остановки въ Курскѣ курьерскій севастопольскій поѣздъ помчался далѣе. Въ широкомъ окнѣ вагона-ресторана мелькаютъ виды одинъ живописнѣе другого. Сзади остался красивый древній городъ, предки жителей котораго были еще воспѣты въ «Словѣ о полку Игоревѣ». По обширной долинѣ змѣнится красавица Тускорь; ея берега покрыты великолѣпною густою зеленью. Всюду сады и сады, не оглашаемые, къ сожалѣнію, въ эту пору года щелканіемъ знаменитыхъ курскихъ соловьевъ. Среди садовъ рѣзко выдѣляются бѣлыя мазанки съ гладко подстриженными соломенными крышами.

Весь окутанный пылью поѣздъ мчится, не останавливаясь на большинствѣ станцій. Кажется, нигдѣ въ Россіи на ходу поѣздъ не вздымаетъ такія тучи пыли, какъ именно на перегонахъ между Курскомъ и БѢлгородомъ: песокъ засыпаетъ и уши, и глаза, и ротъ, хруститъ на зубахъ, сплошь покрываетъ весь вагонъ, и несчастный проводникъ съ тряпкой въ рукахъ ведетъ съ нею непрерывную, бесполезную борьбу.

Впереди показались бѣлыя, словно покрытыя снѣгомъ горы. У подножья ихъ протекаетъ тихій, красивый Донецъ.

— Бѣлгородъ. Поѣздъ стоитъ одиннадцать минутъ.

Я и моя семья были единственными туристами, которыхъ курьерскій поѣздъ оставилъ въ Бѣлгородѣ для поклоненія мощамъ святаго Иоасафа.

II.

Исторія Бѣлгорода.

Постоянные набѣги татарскихъ полчищъ и литовцевъ заставляли московское правительство заботиться объ укрѣпленіи старыхъ городовъ и объ основаніи на Украинѣ городовъ новыхъ. «Углубленіе въ степь, — говоритъ С. М. Соловьевъ, — было необходимо для безопасности государства: подвижныя разѣзжія станицы не вполнѣ помогали, необходимы были станицы неподвижныя, города, мимо которыхъ нельзя было бы проходить безнаказанно хищнымъ толпамъ татарскимъ. Но, съ другой стороны, построеніе города въ степи означало взятіе во владѣніе всей окружной страны; такъ незамѣтно, ибо безпрепятственно, распространялась и безъ того уже обширная государственная область; городъ съ своимъ военнымъ населеніемъ вытягивалъ въ степь и другого рода насельниковъ, которые могли быть безопасны подъ его защитою; такимъ образомъ, все далѣе и далѣе двигалась русская колонизація» ¹⁾.

Однимъ изъ такихъ городовъ былъ и Бѣлгородъ, построенный въ 1593 году, по приказу царя Феодора Иоанновича, воеводами княземъ Михаиломъ Ноздреватымъ и княземъ Андреемъ Волконскимъ на правомъ берегу Донца, на Бѣлой (т. е. мѣловой) горѣ. Но вскорѣ послѣ основанія городъ былъ разоренъ литовцами, вслѣдствіе чего онъ былъ временно перенесенъ на лѣвую, луговую сторону рѣчки, на мѣсто нынѣшняго села Стараго Городища, гдѣ и простоялъ до 1665 года, когда былъ снова перенесенъ на правый берегъ рѣчки, при впаденіи въ нее рѣчки Вязедки. Такъ какъ Бѣлгородъ очень часто подвергался нападеніямъ крымскимъ татаръ, то по обѣ стороны отъ него отходили земляные валы на протяженіи трехсотъ верстъ, отъ р. Ворсклы до Дона, и эта укрѣпленная линія получила названіе Бѣлгородской черты, въ которой среди двѣнадцати укрѣпленій Бѣлгородъ и былъ самой сильной крѣпостью. Въ 1600 году городъ подвергся нападенію крымскихъ татаръ, которое, впрочемъ, было отражено орловскимъ воеводою княземъ Иваномъ Андреевичемъ Татевымъ. Въ 1604 году Бѣлгородъ вмѣстѣ съ другими городами подчинился Лжедмитрію, а черезъ два года послѣ этого бѣлгородцы взбунтовались противъ царя Василя Шуйскаго и убили своего воеводу князя Буйносова-Ростовскаго. Въ 1719 году

¹⁾ Соловьевъ, С. М. Исторія Россіи съ древнѣйшихъ временъ. Книга вторая. Стр. 637—638.

Бѣлгородъ былъ сдѣланъ главнымъ городомъ Бѣлгородской провинці Кіевской губерніи, а въ 1779 году онъ перешелъ въ разрядъ уѣздныхъ городовъ съ причисленіемъ его къ Курской губерніи.

Въ 1667 году, по опредѣленію московскаго собора, была открыта бѣлгородская епархія, получившая въ свои предѣлы тридцать восемь городовъ, такъ что она заняла огромное пространство—значительнѣйшія части нынѣшнихъ воронежской, харьковской и курской епархій. Епархія была присвоена титулъ митрополіи, и на кафедрѣ былъ назначенъ сербъ Θεодосій съ титуломъ митрополита бѣлгородскаго и обоянскаго. Преемникомъ Θεодосія (1671 г.) былъ Мисаиль, прославившійся особою ревностю къ чистотѣ нравовъ своей паствы и безопаднымъ обличеніемъ безпутныхъ кулянъ. Послѣднимъ, шестымъ, митрополитомъ бѣлгородскимъ былъ Иларіонъ, скончавшійся въ 1720 году. Послѣ него были уже архіепископы и епископы. Первымъ епископомъ былъ Епифаній (Тихорскій), который, по отзыву архіепископа Филарета, былъ «однимъ изъ благодѣтельныхъ архіепископовъ Украйны, для которой онъ основалъ въ Харьковѣ коллегіумъ». Но особое почитаніе изъ епископовъ бѣлгородскихъ заслужилъ Іоасафъ, изъ рода Горленко: за его высокое благочестіе, добродѣтельную и праведную жизнь церковь причисляетъ его къ лику святыхъ. О «житіи» святителя Іоасафа рѣчь будетъ ниже. Послѣднимъ, тринадцатымъ, епископомъ былъ Θεоктистъ, при которомъ епархія въ 1799 году была переименована въ курскую. Съ 1905 года въ Бѣлгородѣ учреждено викариатство, и епископъ бѣлгородскій является настоятелемъ Свято-Троицкаго монастыря.

Въ эпоху освобожденія крестьянъ въ Бѣлгородѣ было 12 тыс. жителей, а по переписи 1897 года въ немъ оказалось уже до 22 тыс. жителей. Такой большой приростъ населенія объясняется торговымъ и промышленнымъ значеніемъ города, особенно усилившимся съ проведеніемъ въ 1869 году черезъ него Курско-Харьково-Азовской желѣзной дороги, составляющей нынѣ одну изъ линій Южныхъ желѣзныхъ дорогъ. Въ настоящее время Бѣлгородъ является важнымъ желѣзнодорожнымъ узломъ, такъ какъ, кромѣ упомянутой линіи, отъ него идутъ еще линіи на Волчанскъ, Купянскъ и Сумы.

III.

Современный Бѣлгородъ.

Бѣлгородъ—лучшій городъ Курской губерніи, а по своему относительному благоустройству онъ является однимъ изъ лучшихъ уѣздныхъ городовъ Россійской имперіи.

Отъ хорошаго пассажирскаго вокзала, передъ которымъ разбитъ небольшой садикъ, идетъ лучшая улица города—бывшая

Корочанская, переименованная въ улицу Николая II въ память посѣщенія города 4 мая 1904 года нынѣ царствующимъ императоромъ. Улица выходитъ на обширную базарную площадь, на лѣвой сторонѣ которой находится женскій монастырь, а прямо, какъ бы продолженіе ея, расположены новый и старый недурные бульвары съ фонтаномъ, упирающіеся въ стѣны мужского монастыря, который, занимая возвышенную площадь, господствуетъ надъ городомъ.

Большинство улицъ отлично вымощены, имѣютъ очень широкіе и обсаженные деревьями тротуары. Зато не мощенныя улицы покрываетъ такое море песка, черезъ которое пара сильныхъ лошадей иной разъ съ трудомъ вывозитъ фаэтонъ. Улица императора Николая II прекрасно освѣщается керосино-калильными, а остальные—простыми керосиновыми фонарями. Лучшіе магазины помѣщаются какъ на главной улицѣ, такъ и на Смоленской; нѣкоторые изъ нихъ могутъ соперничать съ лучшими магазинами любого губернскаго города. Особенно хороши книжный, писчебумажный, игрушечный и музыкальный магазинъ А. А. Вейнбаума¹⁾, помѣщающійся на главной улицѣ, подъ гостиницею, принадлежащею тому же хозяину. Последняя, носящая названіе «Номера для пріѣзжающихъ», имѣетъ одиннадцать очень высокихъ, замѣчательно чистыхъ, прилично мебелированныхъ съ отличными кроватями, номеровъ, цѣною отъ 50 к. до 2 р. въ сутки; имѣется здѣсь и прекрасная ванна и телефонъ. Въ гостиницѣ можно получать отъ 1¹/₂ до 3¹/₂ ч. дня обѣдъ изъ двухъ блюдъ за 60 коп., а изъ трехъ—за 75 коп. Есть въ городѣ нѣсколько и другихъ «номеровъ для пріѣзжающихъ», но они хуже описанныхъ. На базарной площади расположены обширный крытый рынокъ и много закрытыхъ и открытыхъ лавокъ. Красивѣйшими зданіями въ городѣ являются мужская и женская гимназіи и учительскій институтъ. Городъ имѣетъ телефонную сѣть.

Промышленное значеніе города обусловливается находженіемъ здѣсь обширныхъ шерстмоеновъ, воскобойныхъ, салотопенныхъ, мѣловыхъ и известковыхъ заводовъ и паровыхъ мельницъ.

IV.

Смоленскій соборъ.—Троицкій монастырь.

По срединѣ города, около улицы императора Николая II, на возвышенности стоитъ большой двухэтажный Смоленскій соборъ, довольно некрасивой архитектуры. Внутри собора замѣчательна лишь чудотворная икона Божіей Матери.

¹⁾ Въ магазинѣ Вейнбаума можно пріобрѣсти открытыя письма съ видами Вѣлгорода. Полная коллекція, состоящая изъ 37 «открытокъ», стоитъ всего 1 р. 25 к.

Общій видъ Бѣлгорода.

Въ концѣ улицы императора Николая II, за бульварами, какъ было упомянуто выше, находится Троицкій, мужской, второго класса, монастырь.

Свято-Троицкій храмъ монастыря современникъ Бѣлгороду, такъ какъ основаны они были одновременно. Вначалѣ онъ былъ деревяннымъ и маленькимъ. Страшный пожаръ, опустошившій городъ, испепелилъ и храмъ. Послѣдній на средства казны былъ вновь выстроенъ въ 1623 году, съ двумя придѣлами въ честь Похвалы Пресвятыя Богородицы и Михаила Малеина. Съ учрежденіемъ въ Бѣлгородѣ епархіи Свято-Троицкій храмъ былъ возведенъ на степень кафедральнаго собора, а въ концѣ восьмидесятихъ годовъ XVII в. онъ снова, по ветхости или вслѣдствіе пожара, прекратилъ свое существованіе, почему митрополитомъ Аврааміемъ былъ заложенъ уже каменный, нынѣ существующій храмъ, освященіе котораго состоялось въ 1707 году. Съ перенесеніемъ въ 1833 году изъ Бѣлгорода въ Курскъ архіерейской кафедры Троицкій соборъ вмѣстѣ съ архіерейскимъ домомъ были обращены въ монастырь, при чемъ сюда была переведена братія изъ Знаменскаго Курскаго монастыря.

Краткая лѣтопись собора крупнымъ славянскимъ шрифтомъ начертана на внутреннихъ его стѣнахъ. Вотъ эта надпись: «Основана сія святая первопрестольная Св. Троицы бѣлгородская церковь въ 1690 году преосвященнѣйшимъ митрополитомъ Аврааміемъ бѣлоградскимъ, совершена и освящена преосвященнымъ митрополитомъ Іустиномъ бѣлоградскимъ 1707 года, блаженной памяти преосвященный Іоасафъ Горленко по исправленіи ветхости церкви въ 30 день мѣсяца іюня 1751 года вновь освятилъ ее. Самое капитальное обновленіе церкви произведено было преосвященнымъ Аггеємъ, епископомъ бѣлоградскимъ и обоянскимъ, тогда были перестроены верхи сей церкви, вновь освящена въ 1-й день января 1782 года. Преосвященнымъ Сергіемъ, епископомъ курскимъ и бѣлоградскимъ, церковь вновь обновлена и освящена 18 іюля 1864 года. Въ царствованіе благочестивѣйшаго Государя Императора Николая II при преосвященныхъ епископахъ курскихъ и бѣлоградскихъ Ювеналіи и Лаврентіи и настоятелѣ обители архимандритѣ Антоніи въ 1897—1898 годахъ, соборный сей храмъ обновленъ, вновь оштукатуренъ, и внутри храма стѣны написаны орнаментами съ изображеніемъ святыхъ, масляной краской, сдѣланы новые иконостасы, вызолочены съ вновь написанными св. иконами, а также вставлены въ окна желѣзные рамы, сдѣланы вновь паркетные полы; снаружи тротуары передъ входными дверьми высланы плитками 1 октября 1899 года. Храмъ освященъ преосвященнымъ Лаврентіемъ».

Широкая, высланная красивыми плитками лѣстница ведетъ къ рѣшетчатымъ вратамъ Троицкаго собора. Соборъ имѣетъ куполообразную форму. Главный куполь его, усѣянный золочеными звѣз-

Смоленский соборъ.

дами, возвышается надъ круглымъ восьмерикомъ, утвержденнымъ на высоко поднятомъ четверикѣ. На четырехъ стѣнахъ храма высятся четыре главы. На куполѣ, вмѣсто оконъ, устроены продолговатыя ниши, въ которыхъ поставлены скульптурныя изображенія двѣнадцати апостоловъ. Соборъ достаточно великъ и свѣтелъ.

Главныя святыни монастыря составляютъ чудотворная икона св. Николая Чудотворца, извѣстная подъ именемъ Николы Ратнаго, и мощи святителя Іоасафа Горленка.

Эта икона небольшая и имѣетъ всего въ длину $7\frac{1}{2}$, а въ ширину $6\frac{1}{2}$ вершковъ. Святитель изображенъ на ней во весь ростъ, въ саккосѣ, съ благословляющею десницею и осѣняющею евангеліемъ лѣвой рукой.

Въ нѣсколькихъ верстахъ отъ Бѣлгорода на берегу р. Кореня находится село Устинка, называвшееся прежде Коренемъ. Вблизи этого села, на двухъ полянкахъ Коренскаго лѣса въ XVII вѣкѣ жили отшельники Іона и Пименъ, а въ началѣ XVIII вѣка близъ села находилась Коренская пустынь. Во время одного изъ набѣговъ въ началѣ XVIII вѣка крымскіе татары хотѣли напасть на пустынь и уже перебѣжали по длинной плотинѣ черезъ р. Корень, когда настоятель обители взялъ изъ церкви образъ св. Николая и вышелъ къ нимъ навстрѣчу въ полномъ облаченіи со всею своею братію и невооруженными жителями села и началъ молебствіе у самаго выхода съ плотины. Татары были такъ поражены этимъ зрѣлищемъ, что бросились бѣжать, при чемъ тѣ, которые хотѣли удержать своихъ товарищей, были смяты и попали въ рѣку, а остальные бѣжали въ степи. По этому случаю образъ св. Николая и получилъ названіе «Ратнаго».

Въ силу высочайшаго указа о секуляризаціи церковныхъ имуществъ, повлекшаго за собою упраздненіе свыше пятисотъ русскихъ монастырей, Коренская пустынь, какъ безвочтинная, также была упразднена, и образъ св. Николая 5 іюня 1765 года былъ перенесенъ въ бѣлгородскій Троицкій соборъ. Изъ послѣдняго образъ ежегодно 5 мая съ крестнымъ ходомъ переносится въ село Устинку, гдѣ онъ и остается до 10 мая.

Въ юго-западной сторонѣ собора въ небольшой пещерѣ, въ которую нужно спуститься по крутой узкой лѣстницѣ, въ открытой ракѣ почиваютъ нетлѣнныя мощи святителя Іоасафа Горленка, епископа бѣлгородскаго и обоянскаго. Святитель лежитъ въ архіерейскомъ облаченіи, съ митрою на головѣ; часть руки его обнажена для прикладыванія богомольцевъ. У раки стоитъ святительскій жезлъ. Надъ мощами теплятся нѣсколько лампадъ, изъ коихъ одна по величинѣ и высокохудожественной работѣ обращаетъ на себя особое вниманіе.

Надъ пещерою устроенъ придѣлъ во имя Страшнаго Суда Божія, сооруженный на средства брата святителя, полтавскаго полков-

ника Андрея Андреевича Горленка. Послѣдній въ своемъ донесеніи бѣлгородской духовной консисторіи писалъ, что его покойный братъ преосвященный Іоасафъ, устроившій для себя каменный склепъ при соборной церкви, намѣревался «поставить престолъ и иконостасъ въ воспоминаніе Страшнаго Суда Божія, для служенія всегда въ томъ придѣлѣ Божественной ранней литургіи и поминовенія всѣхъ усопшихъ и его покойнаго преосвященства». При посѣщеніи по случаю болѣзни брата, послѣдній завѣщалъ ему исполнить его намѣреніе относительно построенія въ придѣлѣ соборной церкви престола и иконостаса. Считая себя обязаннымъ выполнить это завѣщаніе, А. А. Горленко просилъ консисторію пеходатайство-

Монастырь, гдѣ почиваютъ мощи св. Іоасафа.

вать ему передъ синодомъ «на то позволенія и благословенія: а по устроеніи тамъ церкви, какъ по немъ, преосвященномъ, такъ и по всѣмъ усопшимъ повелѣно было отправлять Божественныя раннія литургіи и поминовенія о упокоеніи души въ вѣчномъ блаженствѣ».

Ходатайство А. А. Горленка было удовлетворено, и названный придѣлъ былъ освященъ въ 1755 году.

На южной сторонѣ собора былъ устроенъ въ 1750 году епископомъ Іоасафомъ Горленкомъ придѣлъ въ честь Успенія Пресвятыя Богородицы.

Послѣ соборнаго храма въ монастырѣ древнѣйшею является домовая церковь въ честь свв. Антонія и Θεодосія, находившаяся

ранѣ въ настоятельскихъ покояхъ и устроенная (въ 1706—1708 г. г.) митрополитомъ Густинномъ Базилевичемъ. Первоначально эта церковь была крестовой, а съ перенесеніемъ каѳедры изъ Бѣлгорода въ Курскъ она была упразднена и передѣлана въ монастырскія келіи. Въ концѣ 1860 года она была возстановлена. Наконецъ, при передѣлкѣ настоятельскихъ келій епископомъ Сергіемъ въ 1864 году была устроена въ южной сторонѣ новая домовая церковь во имя св. Тихона Задонскаго. Постройка этой церкви стоитъ въ связи съ открытіемъ 13 августа 1861 года мощей св. Тихона, въ коемъ принималъ участіе и преосвященный Сергій. При ней помѣщаются часть ризницы и монастырская библіотека.

На югѣ-востокѣ отъ собора стоитъ каменная церковь въ честь Знаменія Пресвятыя Богородицы, освященная 10 ноября 1835 года. Эта церковь, довольно вмѣстительная, ничего примѣчательнаго не имѣетъ. Служба въ ней совершается лишь зимою.

При монастырѣ имѣются свѣчной заводъ и иконно-книжная лавка.

V.

Рожденіе святителя Іоасафа.—Предки святителя.—Лазарь Горленко.

8 сентября 1705 года, въ день Рождества Пресвятыя Богородицы, въ уѣздномъ городкѣ нынѣшней Полтавской губерніи Прилукѣ въ богатой и знатной семьѣ бунчукова товарища Андрея Дмитріевича Горленка и жены его Маріи Даніиловны, урожденной Апостоль, родился сынъ первенецъ Іоакимъ, который и былъ крещенъ въ существующемъ и нынѣ въ Прилукѣ Преображенскомъ храмѣ. Этому младенцу было предопредѣлено стать «свѣтилникомъ Божиимъ, горящимъ свѣтомъ божественнаго огня».

«Семейныя преданія Горленковъ считаютъ своихъ предковъ выходцами «изъ Венгровъ» въ славную Сѣчь Запорожскую», говоритъ князь А. В. Дабжи.

«Дошедшіе до насъ письменные памятники не упоминаютъ о нихъ ранѣ XVII столѣтія, что легко объясняется хаотическимъ состояніемъ края, во время котораго навѣки погибла масса драгоценныхъ документовъ. Зато украинская «дума», поэтическая исторія страны, сохранила память объ одномъ изъ членовъ этой фамиліи, повидимому, сподвижникѣ доблестныхъ гетмановъ Свѣрчовскаго и Зборовскаго, козацкихъ мучениковъ послѣдней трети XVI вѣка.

Ой, пань пышный, пань Свѣрчовскій,
А ще другій—пань Зборовскій,
А ще третій—Морозенко,
А четвертый—пань Горленко ¹⁾.

¹⁾ Святитель Іоасафъ Горленко, епископъ бѣлгородскій и обоянскій.—Матеріалы для біографіи, собранныя и изданныя княземъ Н. Д. Жеваховымъ. Т. I, часть I, стр. 5.

Потомокъ этого «четвертаго пана» Лазарь Горленко, «полковникъ войска его царскаго пресвѣтлаго величества запорожскаго прилуцкій», открылъ собою рядъ знаменитыхъ дѣятелей, данныхъ Украинѣ семьею Горленковъ.

Пройдя военное воспитаніе въ суровой боевой школѣ, закаливъ въ ней свою желѣзную натуру, которую не могли надломить ни годы, ни испытанія, Лазарь Горленко болѣе десяти лѣтъ дѣлилъ съ освободителями Украины ихъ воинскіе труды, невзгоды и удачи, а затѣмъ въ теченіе почти тридцати лѣтъ онъ былъ во главѣ полка, занимая этотъ важный постъ до самой смерти. Твердо и неуклонно стоялъ онъ всю свою жизнь на стражѣ цѣлости и достоинства родной Украины, оберегая въ то же время честь царя московскаго.

Усилившіеся набѣги крымскихъ татаръ заставили московское правительство объявить въ 1687 году всеобщее ополченіе на крымцевъ. Весною двинулся въ походъ съ своими прилучанами и престарѣлый Горленко.

Углубившись въ степи, не встрѣчая на пути врага, изнемогая отъ зноя и недостатка провіанта, томясь праздною и бездѣйствіемъ, козацкое войско быстро утратило всякое понятіе о дисциплинѣ и страшно деморализировалось. И этотъ несчастный крымскій походъ окончился трагически. Пьяные, разъяренные, озвѣрѣлые казаки бросились грабить ставки своихъ старшинъ и убивать ихъ. Одной изъ первыхъ жертвъ дикаго разгула палъ престарѣлый Лазарь Горленко. Его, обезображеннаго сабельными ударами, но еще живого, казаки поволокли къ раскаленной печи, куда и бросили его: Останки полковника-мученика были преданы землѣ, «въ полю, межи Кодакомъ и Самарою» ¹⁾. Эта катастрофа какъ разъ совпала съ принятіемъ гетманской булавы Мазепою, съ судьбою котораго трагически связалась жизнь сына Лазаря Димитрія. Лишь черезъ десять лѣтъ послѣ этого кости запорожскаго «лицаря» были погребены въ родной его Густынской обители.

«Стоящій на рубежѣ стараго, отживающаго міра легендарнаго козачества и занимающей новой его эры, онъ (Лазарь Горленко) олицетворяетъ въ себѣ типичныя черты той переходной эпохи. Близкій къ вершителямъ судебъ Украины, непосредственный участникъ и свидѣтель ея роста, сближенія ея съ Великороссіей и затѣмъ внутренняго ея разложенія, прожившій одинъ изъ самыхъ гибельныхъ періодовъ малорусской исторіи, на своемъ долгомъ вѣку видѣвшій четыре царствованія, столько же королевствованій и длинный рядъ гетмановъ, одинаково извѣстный въ Москвѣ и Крыму, въ Польшѣ и на Запорожьѣ, воинъ, правитель, дипломатъ,—онъ является одной изъ тѣхъ величинъ, которыхъ не можетъ обойти вниманіе изслѣдователя» ²⁾.

¹⁾ Т. е. между р. Самарою, впадающею въ Днѣпръ, и Кодацкимъ порогомъ.

²⁾ Ibid., стр. 79.

VI.

Димитрій Горленко.

Изъ многочисленныхъ сыновей Лазаря Горленка громкую извѣстность приобрѣлъ только младшій—Димитрій, полковникъ прилуцкій, наказной гетманъ. «Глубоко трагична судьба этого выдающагося сына знаменитаго Лазаря, столь тѣсно связавшаго свое имя съ судьбою злосчастнаго Мазепы. Несомнѣнный баловень фортуны, Димитрій обладалъ при этомъ и тѣми дарованіями, какія рѣдко прощаются людьми. Это былъ человѣкъ призванный властвовать, повелѣвать, вести за собою. Предпріимчивый и рѣшительный, онъ отличался той несокрушимой энергіей и желѣзной волей, какія позволяли ему чувствовать себя совершенно независимо отъ окружающихъ его людей и обходиться безъ ихъ помощи»¹⁾).

До 1692 года Димитрій не занималъ никакого уряда, а въ этомъ году прямо получилъ полковничій перначъ. Въ слѣдующемъ году Димитрій во главѣ Прилуцкаго полка, съ другими полками, одерживаетъ блестящую побѣду надъ буджакскими татарами, а черезъ два года послѣ этого онъ участвовалъ во вторичной осадѣ и взятіи Азова, во главѣ пятнадцатитысячнаго малороссійскаго отряда. Затѣмъ, подъ Гродномъ, Димитрій сражается вмѣстѣ съ царскими войсками, командуя, въ званіи наказнаго гетмана, соединенными прилуцкимъ и кievскими полками. За храбрую и непрерывную дѣятельность Димитрій былъ пожалованъ царями Феодоромъ, Иоанномъ и Петромъ различными «маетностями».

Время идетъ. Реформы Петра чередуются одна за другою поразительно быстро. Увлеченный всѣмъ иноземнымъ, великій преобразователь подчасъ неосмотрительно, безжалостно ломалъ исторически сложившіяся основы истинно-русскаго уклада жизни, въ сущности нисколько не могшія служить помѣхою прогрессивному развитію государства. Въ страстномъ исканіи выхода въ открытое море, столь необходимаго для Россіи, въ стремленіи во что бы то ни стало «открыть окно въ Европу», въ исканіи союзника въ предстоящей борьбѣ съ шведскимъ королемъ изъ-за обладанія моремъ Петръ сдѣлалъ политическую ошибку: онъ сталъ искать поддержки у Польши, издавна относившейся коварно къ политикѣ Московскаго государства, и при этомъ—умышленно, или неумышленно, трудно сказать—отнесся съ недоувѣріемъ, пренебреженіемъ къ Малороссіи, искренно къ нему расположенной и боявшейся, пуще огня, единенія московскаго царя съ искони ненавистными ей ляхами.

Было надъ чѣмъ задуматься головамъ лучшихъ людей Украйны: ихъ родному краю, за благоденствіе котораго каждый изъ нихъ

¹⁾ Ibid., стр. 81—82.

готовъ былъ бы сложить голову, грозило, по ихъ мнѣнію, не только уничтоженіе въ немъ всего дорогого, сложившагося вѣками, быта, но и отторженіе отъ него части территоріи въ пользу его злѣйшаго врага, короля польскаго. Единственнымъ выходомъ изъ такого пестерлимаго положенія, подсказываемымъ быстро идущими событіями, было—«измѣнить» царю и искать защиты у Карла, шведскаго короля, но только затѣмъ, чтобы не отдаться ненавистой Польшѣ.

Alea jacta est... Но, повторяя, «не стремленіе Малороссіи къ автономіи, не личные счеты съ Москвою, не оскорбленное самолюбіе гетмана были причиною измѣны Петру всей Малороссіи въ лицѣ гетмана Мазепы и выдающихся представителей малороссійской аристократіи, а та горячая любовь къ родинѣ, какая усматривала въ реформахъ царя не только посягательство на ея вѣковѣчныя святыни, но даже на ея цѣлость, и подозрѣвала Петра въ намѣреніи уничтожить Малороссію, купивъ ея цѣною благорасположеніе Польши»¹⁾).

Конечно, «измѣнникамъ» оставаться долѣе въ Малороссіи не представлялось возможнымъ. Димитрій Горленко вмѣстѣ съ Мазепою бѣжалъ сначала въ Молдавію, а затѣмъ въ Турцію. Въ добровольномъ изгнаніи онъ провелъ шесть лѣтъ, послѣ чего помилованный возвратился въ Россію и послѣ кратковременнаго пребыванія на родинѣ поселился въ ссылкѣ въ Москвѣ, гдѣ и прожилъ шестнадцать лѣтъ, вплоть до воцаренія императрицы Анны Іоанновны. Окончательно амнистированный послѣднею, Димитрій вернулся на родину древнимъ старцемъ. Но свобода не могла уже возродить его къ жизни и заглушить жестокія пережитыя страданія.

Предчувствуя скорую кончину, Димитрій составилъ духовное завѣщаніе, въ которомъ между прочимъ просилъ похоронить его «смердное тѣло» въ Густынскомъ монастырѣ. Скончался онъ зимою 1731 года.

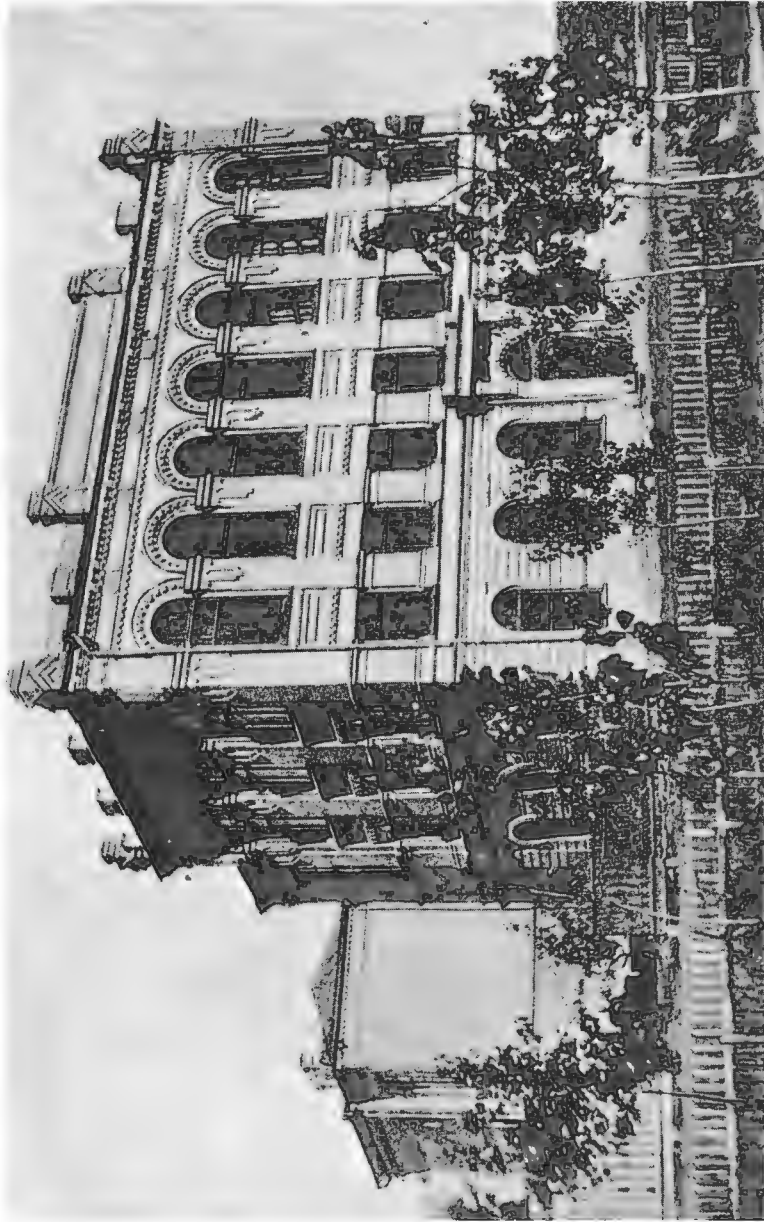
VII.

Андрей Горленко.

Андрей Горленко, бунчуковый товарищъ, отецъ святителя Іоасафа, былъ старшимъ сыномъ Димитрія Лазаревича. Въ противоположность своему отцу, Андрей «былъ удивительно скромный человекъ, гораздо болѣе озабоченный вопросами нравственнаго совершенства, чѣмъ тѣми, съ коими соединялось значеніе общественныхъ или государственныхъ... Онъ жилъ своею внутреннею духовною жизнью и касался внѣшней лишь настолько, насколько этого требовали внѣшнія обстоятельства, а не его личная воля»²⁾).

¹⁾ Ibid., стр. 97.

²⁾ Ibid., стр. 121, 123.

Женская гимназія.

По навѣтамъ и лживымъ доносамъ гетмана Скоропадскаго, Андрей Димитріевичъ былъ признанъ «политически неблагонадежнымъ» и былъ отправленъ въ Москву, гдѣ и содержался подъ арестомъ пять лѣтъ. Большею частью его маетностей незаконно завладѣли Скоропадскій и его приверженцы.

По возвращеніи изъ ссылки Андрей началъ процессъ противъ враговъ, который черезъ нѣсколько лѣтъ кончился всецѣло въ его пользу.

Андрей Димитріевичъ пережилъ своего знаменитаго сына-подвижника и скончался глубокимъ старцемъ. Семидесятилѣтнимъ старикомъ въ іюль 1754 года принималъ онъ въ Прилукѣ святителя Іоасафа; «опершись на трость, со всею семьею ждалъ онъ на крыльцѣ важнаго гостя. Подѣхала карета, отворились дверцы... Долгъ и обычай времени требовали привѣтствовать владыку земнымъ поклономъ. Старый козакъ медлилъ, и, уронивъ, будто нечаянно, трость, нагнулся до земли, ее приподнимая: но пріѣхавшій преосвященный, обливаясь слезами, уже лежалъ у ногъ старца и поспѣшалъ поднять его съ земли»...

«Трое изъ Горленковъ, дѣдъ, сынъ и внукъ (Димитрій, Андрей и Андрей же, сынъ его), громко заявили о своемъ существованіи въ лѣтописяхъ малороссійской исторіи первой половины прошлаго вѣка, а трое другихъ (Пахомій, Іоасафъ и Анастасія) удалились подъ своды монастырскихъ храмовъ, которыми была усѣяна Малороссія и гдѣ они имѣли великое общественное значеніе. Изъ этихъ монастырей, отъ этихъ отшельниковъ-монаховъ шло тогда примиряющее слово съ событіями быстро текущей жизни, съ перемѣнами, переживаемыми Малороссіей: они уже не являлись представителями старыхъ козацкихъ интересовъ. Насколько встревожилъ современниковъ Димитрій Горленко, настолько же сынъ и особенно внукъ заботились объ умиротвореніи...»¹⁾.

VIII.

Святитель Іоасафъ, епископъ бѣлгородскій и обоянскій.

Не обширны матеріалы для біографіи святителя Іоасафа. «Жизнь подвижниковъ вѣры, протекавшая вдали отъ человѣческаго взора, предъ лицомъ Тайнозрителя, жизнь полная сокровенныхъ подвиговъ и внутренняго дѣланія, даетъ всегда скудный матеріаль для ихъ біографіи. Чѣмъ выше были подвиги, тѣмъ тщательнѣе они скрывались. Чѣмъ выше свѣтильникъ Божій, горящій свѣтомъ божественнаго огня, тѣмъ меньше, бываетъ, знаютъ о немъ люди. И часто проходятъ вѣка прежде, чѣмъ его замѣтятъ или догадаются

¹⁾ Ibid., стр. 141—142.

Мужская гимназія.

о немъ. Но если волей Божіей такой свѣтильникъ возносится надъ людьми, чтобы свѣтить имъ и согрѣвать сердца страждущихъ среди омута человѣческой жизни, если Господь посылаетъ его для служенія людямъ на арену общественной дѣятельности, тогда жизнь его пріобрѣтаетъ значеніе назидательнаго примѣра, для всѣхъ очевиднаго, тогда каждый шагъ его дѣятельности, являясь откровеніемъ Божіимъ, посылаемымъ милосерднымъ Богомъ для указанія людямъ ихъ ошибокъ, для направленія ихъ жизни на вѣрный путь, сознательно или безсознательно ими оставляемый, становится замѣтнымъ, какъ бы тщательно ни скрывался. Такимъ свѣтильникомъ Божіимъ, призваннымъ управлять людьми и будить ихъ заснувшую совѣсть, былъ и святитель Иоасафъ бѣлгородскій, нетлѣнно почивающій въ Свято-Троицкомъ бѣлгородскомъ соборѣ. Велика предъ Богомъ была его святая жизнь, полная сокровенныхъ подвиговъ, велико было и его служеніе людямъ на кафедрѣ бѣлгородской. Она протекла среди условій, такъ мало отличавшихся отъ настоящихъ, она была полна столкновеній съ неправдой, такъ живо напоминающихъ нынѣшнее время» ¹⁾.

Когда Иоакиму исполнилось четыре года, на поляхъ Полтавы разыгралась знаменитая битва, послѣ которой дѣдъ и отецъ его вынуждены были, какъ «измѣнники», бѣжать изъ Малороссіи. Такое печальное событіе въ родной семьѣ, конечно, не могло не отразиться на душѣ впечатлительнаго мальчика.

Восьми лѣтъ Иоакимъ былъ отвезенъ въ Кіевъ и помѣщенъ въ школу Братскаго монастыря. Преподаваніе въ этой школѣ имѣло строго церковный характеръ; наставники ея были монахи, воспитанники носили послушническую одежду. Такое направленіе, несомнѣнно, способствовало развитію въ Иоакимѣ прирожденнаго духовнаго начала, и уже въ шестнадцать лѣтъ онъ сталъ серьезно помышлять о монашеской рясѣ. Два года у юноши происходила жестокая внутренняя борьба и, наконецъ, духъ аскетизма и смиренномудрія, презрѣнія къ благамъ жизни и стремленіе къ подвигу служенія Богу и людямъ одержали у него верхъ. Тайно отъ родителей, вопреки ихъ желанію, Иоакимъ удалился въ Кіево-Межигорскій монастырь, гдѣ 27 октября 1725 года и принялъ монашескій постригъ съ именемъ Иларіона.

Черезъ два года послѣ этого онъ возвратился въ Братскій монастырь и здѣсь 21 ноября 1727 года былъ постриженъ въ мантию съ именемъ Иоасафа (въ честь индійскаго царевича Иоасафа, память котораго празднуется 19 ноября). 8 января 1728 года Иоасафъ былъ посвященъ въ іеродіаконы и назначенъ учителемъ низшаго класса кіевской академіи. 8 ноября 1734 года онъ былъ посвященъ въ іеромонахи съ переводомъ изъ Братскаго монастыря въ Кіево-

¹⁾ Ibid.—Т. II, часть II, стр. 265—266.

Софійскій каедральный монастырь, при чемъ онъ былъ назначенъ экзаминаторомъ кievской митрополіи-епархіи.

24 іюня 1737 года іеромонахъ Іоасафъ былъ назначенъ настоятелемъ Лубенскаго Мгарскаго Преображенскаго монастыря, при чемъ онъ былъ возведенъ въ санъ игумена. Здѣсь онъ впервые проявилъ хозяйственно-строительскій талантъ. Благодаря неустанному труду и родственнымъ связямъ, онъ значительно благоустроилъ эту дотолѣ пришедшую въ совершенный упадокъ обитель. Между прочимъ для изысканія средствъ на возстановленіе соборнаго храма онъ добровольно принялъ на себя трудъ зауряднаго сборщика и отправился за сборомъ подаяній въ Москву и Петербургъ. Въ Москвѣ Іоасафъ произнесъ въ присутствіи императрицы Елизаветы Петровны свое знаменитое, сильное по убѣдительности и богатое по содержанію слово о любви къ Богу и къ ближнему, произведшее глубокое впечатлѣніе какъ на государыню, такъ и на дворъ.

По приказанію императрицы, Іоасафъ 14 сентября 1744 года былъ возведенъ въ санъ архимандрита, а черезъ полтора мѣсяца послѣ этого онъ былъ назначенъ намѣстникомъ Троице-Сергіевой лавры. Много любви и труда положилъ Іоасафъ на приведеніе въ порядокъ и украшеніе знаменитой лавры. Между прочимъ при немъ началась кладка колокольни, одной изъ самыхъ величественныхъ въ Россіи, при немъ былъ отлитъ лаврскій четырехтысячный царь-колоколь.

1 января 1748 года скончался митрополитъ бѣлгородскій Антоній, и на его мѣсто былъ избранъ синодомъ и императрицей Іоасафъ. 2 іюня въ Петербургѣ въ Петропавловскомъ соборѣ, въ присутствіи государыни, онъ былъ рукоположенъ во епископа бѣлгородскаго и обоянскаго.

Утромъ 6 августа 1748 года епископъ Іоасафъ пріѣхалъ въ Бѣлгородъ и немедленно отслужилъ въ соборѣ литургію.

Не въ хорошемъ состояніи была бѣлгородская епархія, когда въ управленіе ея вступилъ Іоасафъ. «Еще въ Петербургѣ изъ дѣлъ синода епископъ Іоасафъ узналъ, что предшественникъ его по кафедрѣ административными способностями не отличался, сотрудники его и помощники по управленію были люди недостойные, алчные и грубые, опереться было не на кого, ибо духовенство большею частью малообразовано, дворянство заражено вольнодумствомъ и безрелигіозно, простой народъ—истинъ вѣры не зналъ и правилъ христіанской жизни не соблюдалъ» ¹⁾.

Обширно было поле дѣятельности для новаго епископа въ бѣлгородской епархіи. Но посѣять и пожать богатую жатву на этомъ полѣ могъ только человѣкъ незаурядный, человѣкъ отмѣченный перстомъ Божьимъ при самомъ рожденіи, избранникъ Божій. А

¹⁾ Протоіерей А. І. Маляревскій, «Іоасафъ, епископъ бѣлгородскій». Изданіе с.-петербургскаго кружка почитателей святителя. Спб. 1909 г. Стр. 23.

такимъ именно добрымъ сѣятелемъ на нивѣ Божіей и былъ Іоасафъ Горленко. Я приведу здѣсь краткую, но чрезвычайно вѣрную, вышуклую характеристику святителя Іоасафа, данную протоіереемъ Маляревскимъ: «На знамени его дѣятельности мы читаемъ: пламенная ревность къ насажденію въ сердцахъ пасомыхъ вѣры въ Бога, требованіе строгаго исполненія всѣми служебнаго долга, чистая, святая евангельская любовь къ Богу, людямъ и міру, непримѣрное милосердіе къ ближнимъ, и все это среди распространеннаго невѣрія, невѣжества и распущенности. Можно сказать, времена апостольскія повторились на паствѣ бѣлгородской во время святительства Іоасафа. Вотъ два-три сопоставленія, подтверждающія сказанное. Познакомившись съ дѣятельностью святителя, мы узнаемъ, что онъ не сидитъ постоянно въ своихъ архіерейскихъ покояхъ, хотя бы за писаніемъ резолюцій, а днемъ и ночью и въ погоду и непогоду дѣйствуетъ въ мірѣ, чтобы проповѣдывать царствіе Божіе всюду. Отсюда частые объѣзды епархіи, отсюда посѣщеніе рынка для покупки дровъ, провизіи, продовольствія нуждающимся, отсюда постоянное общеніе съ паствою въ молитвѣ, отсюда самоличныя бесѣды святителя и учительство пастырей. Какъ апостоль Петръ получилъ особое повелѣніе Духа Божія итти въ домъ Корнилія сотника, подобно этому и святитель Іоасафъ по особенному откровенію свыше обрѣтаетъ чудотворную икону Песчанской Божіей Матери, отрѣшаетъ отъ мѣста недостойнаго (пьянствующаго) церковнослужителя. Какъ апостоль Іоаннъ Богословъ, придя въ общественную баню, духомъ постигъ присутствовавшаго тамъ еретика и поторопился удалить ученика своего, пока не постигъ гнѣвъ Божій, такъ святитель, по такому же свыше ниспосланному страху, открываетъ небрежнаго священнослужителя и изверженіемъ его изъ священнаго сана спѣшитъ оградить его паству отъ могущаго постигнуть наказанія Божія. Какъ апостоль Петръ сказалъ Симону волхву: «Серебро твое да будетъ въ погибель съ тобою», такъ святитель подвергъ для пресѣченія публичнаго соблазна церковному отлученію офицера Выродова, вздумавшаго глумиться надъ порядками церковными. Наконецъ, любовь заставила апостола Іоанна забыть свои преклонные годы и предпринять трудъ отысканія совратившагося снова на путь грѣха юношу-разбойника: а развѣ святитель Іоасафъ не тѣмъ же чувствомъ руководился, когда прилагаетъ столько заботливости, дабы разрѣшить отъ ангельскаго проклятія стотридцатилѣтняго старца-священника или когда рѣшается публично обличить вельможу, графа Салтыкова...

«Вообще говоря, въ дѣятельности и личности святителя мы находимъ удовлетворительное разрѣшеніе задачъ и современнаго пастырства и архипастырства... Тайна архипастырскаго воздѣйствія святителя Іоасафа... въ его живой, глубокой и непреклонной вѣрѣ, въ подвигахъ его личной жизни. Рядомъ и въ связи съ его

Св. Иосафъ, епископъ Бѣлгородскій.

кипучей ви́шней дѣятельностью открывается обаятельная простота и патріархальность его келейной жизни. Тамъ, въ бурливомъ и грязномъ водоворотѣ житейскомъ святитель Іоасафъ опытный кормчій, ревностнѣйшій пастырь своихъ овецъ, неподкупно строгій судія для наглыхъ нарушителей Божіихъ велѣній, неустанный молитвенникъ, самоотверженный учитель, авторитетный вождь слабыхъ, вдохновенный наставникъ заблуждающихся, защитникъ обиженныхъ и отецъ сирыхъ, а здѣсь, у себя, онъ—смиранный, богобоязненный подвижникъ, святая же хранина его внутренней жизни—это какъ бы лампада ярко горящей любви къ Господу и къ ближнимъ ¹⁾).

Другой біографъ говоритъ о святителѣ: «Отъ Іоасафа Горленка сохранились многочисленныя слѣды его замѣчательной архипастырской дѣятельности въ видѣ разнообразныхъ его посланій къ духовенству и паствѣ, распоряженій и писемъ. Іоасафъ Горленко весьма внимательно относился къ харьковскому коллегіуму, прекраснѣйшему разсаднику просвѣщенія въ Слободской Украинѣ, и къ другимъ духовнымъ школамъ своей епархіи. вмѣстѣ съ тѣмъ онъ усиленно заботился о поднятіи умственного и нравственного уровня духовенства бѣлгородской епархіи, равно какъ и о достойномъ прохожденіи имъ своего служенія церкви. замѣчательна его настойчивая заботливость о религіозномъ просвѣщеніи всей паствы (приказывалъ священникамъ обучать прихожанъ молитвамъ въ церкви по окончаніи литургіи), объ искорененіи разныхъ слѣдовъ уни и пережитковъ старины въ жизни и бытѣ народа, въ видѣ безнравственныхъ игръ, увеселеній и волшебствъ, объ охраненіи своей паствы отъ иновѣрія и расколо-сектантства. Іоасафъ Горленко былъ строгъ къ презрителямъ церковныхъ установленій и нарушителямъ чистоты нравовъ и вмѣстѣ съ тѣмъ въ высшей степени милосердъ ко всѣмъ несчастнымъ, страждущимъ и нуждающимся» ²⁾).

Святитель оставилъ намъ краткую, но удивительно сильную молитву, которую онъ непрестанно произносилъ и днемъ и ночью: «Буди благословенъ день и часъ, въ онъ же Господь мой Іисусъ Христосъ мене ради родися, распятіе претерпѣ и смертію пострада. О Господи Іисусе Христе, Сыне Божій, въ часъ смерти моя пріими духъ раба Твоего въ странствіи суща, молитвами пречистыя Твоея Матере и всѣхъ святыхъ твоихъ, яко благословенъ еси во вѣки вѣковъ, аминь».

Хилый, слабый здоровьемъ, но мощный духомъ, святитель Іоасафъ былъ однимъ изъ тѣхъ духовныхъ богатырей, которыхъ издревле знала и чтала православная Русь. Онъ былъ, по истинѣ, пастыремъ добрымъ, который зналъ своихъ овецъ и котораго знали

¹⁾ Ibid., стр. 23—26.

²⁾ Православная Богословская энциклопедія. Т. VII. Слб. 1906 г. Статя про-тоіерея Ф. Титова. Стр. 181.

Гробъ съ мощами святителя Юасафа.

овцы его, онъ, отрешившись отъ міра, но работавшій въ немъ, по завѣтамъ Христа, прямо и твердо стоялъ передъ сильными міра сего, ни на югу не поступаясь передъ ними ни своими убѣжденіями, ни своей вѣрою. Строгий судья, осѣненный благодатью Божіей, онъ творилъ великій нелицепріятный судъ. Онъ управлялъ бѣлгородской епархіей только немного болѣе шести лѣтъ, но слава о немъ, о которой онъ и не думалъ и которой не искалъ, прошла далеко за предѣлы его епархіи, и къ нему пошли тысячи труждающихся и обремененныхъ, алчущихъ правды, скорбящихъ духомъ и страждущихъ тѣлесно. И всѣ эти тысячи подъ благословляющей рукою епископа бѣлгородскаго получили и откровеніе, и утѣшеніе, и исцѣленіе. Было явно, что благодать Божія почилла на святителѣ Іоасафѣ...

29 мая 1754 года епископъ Іоасафъ отслужилъ литургію въ бѣлгородскомъ соборѣ, во время которой обратился къ братіи и паствѣ съ сильнымъ словомъ. Онъ просилъ у всѣхъ прощенія и самъ простилъ всѣхъ и сказалъ, что болѣе въ Бѣлгородъ живымъ онъ не вернется. Онъ ѣхалъ на родину повидаться съ стариками-родителями. Передъ отъѣздомъ онъ завѣщалъ братіи приготовить къ осени въ юго-западной сторонѣ собора склепъ для его погребенія.

О трогательномъ свиданіи святителя съ родителями мною уже было упомянуто выше.

Въ концѣ лѣта Іоасафъ въ Прилукѣ расхворался, однако, несмотря на это, онъ, вѣрный долгу службы, тронулся въ путь въ свою епархію. Онъ доѣхалъ только до Грайворона: здѣсь онъ совершенно слегъ и 10 декабря 1754 года, въ пятомъ часу дня, тихо скончался на 50 году жизни.

15 декабря тѣло Іоасафа было перевезено въ Бѣлгородъ и поставлено въ соборѣ. Народъ цѣлыми толпами ежедневно стекался сюда для отданія послѣдняго цѣлованія святителю и, къ удивленію своему, не замѣчалъ за все это продолжительное время никакихъ слѣдовъ тлѣнія. 28 февраля 1755 года состоялось погребеніе святителя въ соборѣ въ устроенномъ, по его приказанію, склепѣ.

Черезъ два года соборное духовенство открыло входъ въ склепъ и увидѣло, что тѣло святителя не подверглось ни малѣйшему тлѣнію, несмотря на то, что въ склепѣ было сыро. Съ того времени къ мѣсту упокоенія святителя потекла волна богомольцевъ. Въ настоящее время могила и гробъ святителя открыты, и у его нетлѣнныхъ мощей совершаются непрестанныя панихиды и читается молитва святителю.

Болѣе чѣмъ полуторавѣковое мѣстное почитаніе святителя Іоасафа должно обратиться въ всенародное чествованіе подвижника Божьяго. Лѣтомъ этого года предполагено торжественное открытіе мощей святителя и канонизація его.

Желающихъ подробно познакомиться съ біографіями предковъ святителя, его архипастырской и подвижнической дѣятельностью, описаніями исцѣленій, полученныхъ множествомъ лицъ у его мощей и по молитвамъ ему, отсылаю къ прекрасному изданію князя Н. Д. Жевахова, неоднократно мною выше цитированному.

IX.

Село Кошары.

Въ 2—3 верстахъ отъ города находится село Кошары (Архангельское тожь), посѣтить которое считаетъ своимъ долгомъ каждый правовѣрный туристъ.

Село почти примыкаетъ къ пригороднымъ слободамъ, такъ что все время приходится ѣхать мимо жилыхъ построекъ. Господи, какая ужасная пыль окутала насъ, когда мы покинули мощенныя улицы и поѣхали по немощенымъ улицамъ и дорогамъ!

Мѣстами пара рослыхъ сильныхъ лошадей съ великимъ трудомъ тащила нашъ фэтонъ.

Проѣхали по высокому мосту, перекинутому черезъ рѣчку, берега которой красиво заросли ивами. Широкая пойма раскинулась вплоть до полотна Сумской желѣзной дороги. Около села по обѣ стороны дороги расположены помѣщичьи усадьбы, изъ коихъ одна обращаетъ на себя вниманіе благоустройствомъ.

Храмъ села Кошаръ стоитъ на небольшой возвышенности и обнесень каменной стѣной. Онъ не великъ и простъ. Святыня его—явленный и чудотворный крестъ, на поклоненіе которому и ѣздить и ходять бѣлгородскіе богомольцы.

Крестъ—деревянный, очень большой, въвышину имѣетъ почти сажень, лицевая и задняя стороны его покрыты серебряной оправой, вѣсящей около пуда ¹⁾. Онъ помѣщенъ около иконостаса, налѣво отъ сѣверныхъ дверей алтаря.

Исторія этого креста такова.

Во времена святителя Иоасафа въ Кошарахъ жилъ богатый помѣщикъ Юрій Выродовъ. Въ его домѣ и находился этотъ крестъ, который былъ присланъ ему братомъ, послушникомъ съ Аѳона. Окрестное населеніе почитало его чудотворнымъ.

«Сей помѣщикъ пріобрѣлъ своимъ безбожіемъ и безнравственностью печальную историческую извѣстность,—говоритъ священникъ Амфитеатровъ.—Въ 1750 году со множествомъ своихъ слугъ онъ ворвался ночью въ домъ священника Покровской бѣлгородской церкви и, «разбойнически» забравши дочь священника Пелагею, увезъ ее къ себѣ въ домъ на растлѣніе, за каковой поступокъ, сое-

¹⁾ Изображеніе распятія Христа на немъ уже сильно полиняло.

диненный съ упорнымъ нераскаяніемъ, былъ отлученъ святителемъ Іоасафомъ отъ «входа церковнаго и сообщенія божественныхъ тайнъ».

Нечестивый и развращенный помѣщикъ съ неохотою держалъ въ своемъ домѣ крестъ и не питалъ къ нему ни малѣйшаго благоговѣнія. Однажды послѣ неудачной охоты, во время которой звѣри растерзали любимую его собаку, возвратившись домой въ раздраженномъ состояніи духа и остановивши свой взоръ на крестъ, помѣщикъ вдругъ пришелъ въ сатанинскую ярость и, обращаясь къ слугамъ, закричалъ: «Выносите сейчасъ же этотъ крестъ изъ дома и бросьте его въ трясины. Мнѣ говорили, что онъ святой и чудотворный, а я пользы никакой не вижу въ немъ».

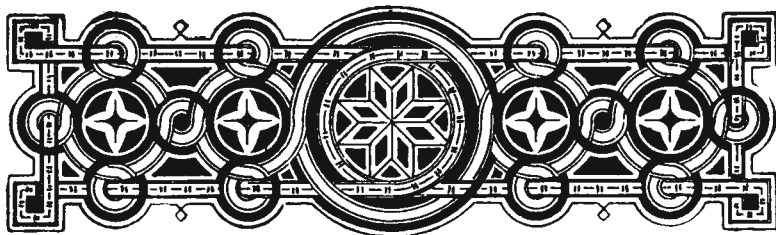
Крестъ былъ брошенъ въ болото.

Прошли годы. «Выродовъ умеръ лютой смертію грѣшника, а поруганный и зарытый въ грязь крестъ былъ обрѣтенъ чудеснымъ образомъ». Въ концѣ XVIII вѣка одинъ слѣпой слышалъ во снѣ голосъ, обѣщавшій ему исцѣленіе, если онъ достанетъ изъ болота крестъ. Послѣдній былъ найденъ, и лишь только слѣпой приложился къ нему, какъ тотчасъ же прозрѣлъ и началъ славить Бога. На мѣстѣ обрѣтенія креста оказался ключевой источникъ, гдѣ впослѣдствіи былъ устроенъ колодезь.

Сначала крестъ былъ поставленъ на подмосткахъ, а затѣмъ былъ перенесенъ въ каменную часовню, сооруженную тогдашнимъ кошарскимъ помѣщикомъ Пузановымъ. Эта часовня существуетъ и въ настоящее время. Потомъ, по распоряженію курскаго архіепископа Иліодора, крестъ былъ перенесенъ въ бѣлгородскій Николаевскій монастырь, гдѣ и простоялъ около тридцати лѣтъ. Въ 1863 году въ Кошарахъ былъ построенъ на средства г-жи Богдановичъ нынѣшній храмъ, въ которомъ и былъ водруженъ крестъ.

Андрей Фирсовъ.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФІЯ

Памятники русской исторіи (въ шести выпускахъ), издаваемые
подъ редакцію проф. В. О. Ключевского, М. К. Любавскаго
и др. М.-1909—1910 гг.

ВЪ ПОСЛѢДНІЕ годы въ университетскомъ преподаваніи на историко-филологическомъ факультетѣ произошелъ переломъ, связанный съ введеніемъ предметной системы. Въ прежнее время преподаваніе сводилось къ тому, что профессора въ теченіе учебнаго года читали лекціи, студенты же ихъ спокойно слушали, не принимая активнаго участія въ работѣ, а затѣмъ въ концѣ года принимались за литографированные курсы или наслѣхъ составленные записки и сдавали экзамены. Въ этомъ была своя прелесть: добрыя три четверти учебнаго года можно было почивать на лаврахъ, настанетъ пора экзаменовъ—было тяжело, но зато недолго; пройдетъ страда—и снова студентъ порхаешь вольной пташкой. Естественно, что отъ такого порядка и результаты были невелики, студенты проходили курсъ науки съ легкимъ сердцемъ, но и выходили изъ университета въ общемъ съ легкой головой; нужно было много усилій воли, собственной инициативы, чтобы университетская наука дала прочные результаты, сообщила серьезныя знанія.

Введенная въ настоящее время предметная система должна исправить недочеты прежней системы; она имѣетъ цѣлью приблизить учащагося къ источнику знанія, не только научить его механически, слухомъ, зрѣніемъ и памятью усваивать результаты научныхъ изслѣдованій, но и самого ввести въ мастерскую знанія, приучить къ научной работѣ, дать въ руки методы изученія и

раскрыть секретъ научнаго творчества. Такая цѣль, конечно, значительно осложняетъ преподаваніе, требуетъ отъ учащагося не только слушанія лекцій, но и работы практической. Отсюда на ряду съ лекціями въ систему университетскаго преподаванія входятъ, какъ необходимая и самостоятельная часть, практическія занятія (такъ называемыя «семинаріи»—для лицъ, болѣе или менѣе подготовленныхъ, и «просеминаріи»—для лицъ, только что приступающихъ къ работѣ).

Что касается практическихъ занятій по русской исторіи, то въ основу ихъ кладется непосредственное изученіе памятниковъ. Но большую трудность представляетъ пользованіе матеріалами, первоисточниками, главнымъ образомъ въ виду того, что памятники разбросаны въ многочисленныхъ и малодоступныхъ для учащейся молодежи изданіяхъ. А потому «преподаватели русской исторіи въ московскомъ университетѣ, какъ то сообщается въ предисловіи каждаго сборника «Памятниковъ», задались цѣлью издать серію сборниковъ, которые въ особенности могутъ пригодиться при веденіи практическихъ занятій по русской исторіи». Два подобныхъ сборника уже были напечатаны до этого изданія; въ нихъ были помѣщены «Соборное уложеніе Алексѣя Михайловича» и «Акты царствованія Екатерины II» (учрежденіе о губерніяхъ и жалованныя грамоты).

Серія сборниковъ, предпринятыхъ кружкомъ преподавателей московскаго университета, состоитъ въ слѣдующихъ шести выпускахъ: 1) «Духовныя и договорныя грамоты князей великихъ и удѣльныхъ» (подъ редакціей С. В. Вахрушина, 148 стр. Цѣна 85 коп.). 2) «Памятники исторіи Великаго Новгорода» (редакція С. В. Вахрушина, 87 стр. Цѣна 55 коп.). 3) «Памятники исторіи смутнаго времени» (редакція А. И. Яковлева, 101 стр. Цѣна 65 коп.). 4) «Акты, относящіеся къ исторіи земскихъ соборовъ, подъ редакціей Ю. В. Готье» (76 стр. Цѣна 50 коп.). 5) «Основные законодательные акты, касающіеся высшихъ государственныхъ учреждений въ Россіи XVIII и первой четверти XIX столѣтій», подъ редакціей А. А. Кизеветтера (97 стр. Цѣна 65 коп.). 6) «Памятники исторіи крестьянъ XIV—XIX вѣковъ», подъ редакціей А. Э. Вормса, Ю. В. Готье, А. А. Кизеветтера и А. И. Яковлева (260 стр. Цѣна 1 р. 60 коп.).

Въ первый сборникъ вошли духовныя и договорныя грамоты за удѣльный періодъ, причемъ онѣ подобраны съ такой полнотой, что даютъ возможность использовать этотъ матеріалъ въ извѣстной системѣ и послѣдовательности, сравнить его между собой и взять изъ него все, что только можетъ дать этотъ родъ документовъ. Во второй, посвященный исторіи Великаго Новгорода, включены, во-первыхъ, договорныя грамоты Великаго Новгорода съ князьями; во-вторыхъ, уставныя и жалованныя грамоты, а также новгородская судная грамота 1471 года, характеризующія внутренній строй Новгорода, наконецъ, въ-третьихъ, памятники, касающіеся торговыхъ сношеній съ нѣмецкими городами.

Въ сборникѣ документовъ о смутѣ помѣщены: 1) грамоты и отписки за время съ 1604—1606 г., дающія матеріалъ для изученія исторіи перваго самозванца и официальной со времени Шуйскаго традиціи объ углицкомъ событіи, воцареніи Бориса, сверженіи Разстриги и другихъ драматическихъ эпизодахъ

этого периода; 2) документы по перепискѣ между городами, грамоты ополченій, Троицкой лавры и Гермогена, освѣщающіе тотъ нравственно-патріотическій подъемъ, который былъ пережитъ русскимъ обществомъ въ періодъ смуты; 3) документы, которые имѣютъ значеніе какъ бы политическихъ программъ, выдвигавшихся въ разные моменты смуты, и 4) грамоты, относящіяся къ послѣднему періоду, которыя призывали поспѣшить на защиту отечества, присылать денежную казну и выборныхъ людей для земскаго совѣта.

«Акты, относящіяся къ исторіи земскихъ соборовъ», заключаютъ въ себѣ дошедшія до насъ соборныя грамоты, начиная съ «приговорной грамоты» 1566 г. и кончая грамотой о соборѣ 1653 года (пропущена лишь, въ виду ея обширности, грамота объ избраніи на царство Михаила Феодоровича Романова; пропускъ восполняется существующимъ отдѣльнымъ изданіемъ этой грамоты московскаго общества ист. и древн. рос.); здѣсь же помѣщены отписки воеводъ, челобитныя, «выборъ за руками по Галичу», вообще матеріаль, рисующій фактическую обстановку избранія депутатовъ для земскихъ соборовъ, взятый редакторомъ этого сборника изъ неопубликованныхъ архивныхъ документовъ.

«Основные законодательные акты» (XVIII и первой четверти XIX вѣковъ) состоятъ изъ указовъ о верховномъ тайномъ совѣтѣ, о сенатѣ, о штатахъ разнымъ присутственнымъ мѣстамъ, о государственномъ совѣтѣ и министерствахъ, вообще говоря, здѣсь собраны указы, относящіяся къ устройству и компетенціи высшихъ государственныхъ учреждений въ Россіи за указанный періодъ.

Наибольшій интересъ по подбору матеріала представляетъ сборникъ, посвященный исторіи крестьянъ. Дѣло въ томъ, что лѣтъ 25 тому назадъ В. О. Ключевскимъ въ его статьяхъ о крѣпостномъ правѣ была развита теорія, по которой крѣпостное право выводилось изъ приложенія условій кабальнаго холопства къ задолжавшему крестьянству, оно разсматривалось, какъ результатъ сближенія и сліянія двухъ прежде самостоятельныхъ и рѣзко различныхъ состояній: свободнаго крестьянства и временнаго (кабальнаго) холопства. Эта блестящая теорія въ послѣдующихъ историческихъ трудахъ получила большее развитіе и углубленіе и теперь стала господствующей. Прекрасную иллюстрацію къ ней представляетъ сборникъ памятниковъ по исторіи крестьянъ. Въ немъ сгруппированъ богатѣйшій матеріаль, всесторонне освѣщающій положеніе крестьянъ, отмѣчающій какъ первоначальные моменты зарожденія крестьянской крѣпости, такъ и дальнѣйшую сложную исторію развитія крѣпостнаго права.

Таково содержаніе сборниковъ. Въ началѣ каждого изъ нихъ данъ краткій обзоръ печатаемыхъ документовъ и указана литература предмета. Нечего и распространяться о томъ, что это изданіе, столь доступное по своей цѣнѣ, вполне отвѣчаетъ намѣченной цѣли и сослужитъ хорошую службу въ дѣлѣ ознакомленія учащихъ съ нашими памятниками.

М. К—въ.

Проф. Н. Θ. Каптеревъ. Патриархъ Никонъ и царь Алексѣй Михайловичъ. Томъ первый. Сергіевъ посадъ. 1909. Стр. V + 524. Цѣна 3 р.

Въ предисловіи къ своему изслѣдованію профессоръ Н. Θ. Каптеревъ сообщаетъ, что изученіемъ времени патриарха Никона авторъ сталъ заниматься еще въ восьмидесятихъ годахъ прошлаго столѣтія, когда онъ помѣстилъ въ московскомъ журналѣ «Православное Обозрѣніе» (за 1887 г.) рядъ статей о патриархѣ Никонѣ, какъ церковномъ реформаторѣ. Въ этихъ статьяхъ ученый авторъ имѣлъ цѣлью показать, что извѣстные дѣятели русскаго раскола-старообрядчества протопопы Аввакумъ, Нероновъ, Лазарь и другіе никогда не были справщиками церковно-богослужбныхъ нашихъ книгъ и вообще не имѣли никакого отношенія къ книжной справѣ въ Москвѣ при патриархѣ Іосифѣ. На вопросъ же о томъ, кто и когда испортили наши древніе православные церковные чины и обряды, которые потомъ пришлось исправлять патриарху Никону, профессоръ Каптеревъ далъ въ своихъ статьяхъ отвѣтъ, что древніе наши церковные чины и обряды никогда никѣмъ у насъ не портились и не искажались, а существовали въ томъ самомъ видѣ, какъ они были восприняты русскими отъ грековъ вмѣстѣ съ христіанствомъ, только у грековъ нѣкоторые изъ нихъ позднѣе измѣнились, а русскіе остались при старыхъ, неизмѣненныхъ обрядахъ, почему впоследствии и явилась рознь между московскими церковными чинами и позднѣйшими греческими. Это общее положеніе было иллюстрировано профессоромъ Каптеревымъ на формѣ перстосложенія для крестнаго знаменія, причѣмъ было доказано, что въ христіанской церкви древнѣйшею формою перстосложенія было единоперстіе, которое потомъ у грековъ было замѣнено двоеперстіемъ, перешедшимъ и на Русь; однако греки впоследствии замѣнили двоеперстіе троеперстіемъ, русскіе же остались при прежней формѣ—двоеперстіи, которое до патриарха Никона и было господствующимъ на Руси церковнымъ обычаемъ.

Изложенныя воззрѣнія профессора Каптерева на роль основателей русскаго раскола-старообрядчества въ дѣлѣ книжнаго исправленія и на древній характеръ двоеперстія произвели въ свое время сильное впечатлѣніе и показали смѣлымъ и беспочвеннымъ новаторствомъ. Они шли въ разрѣзъ съ принятымъ въ русской литературѣ мнѣніемъ о томъ, что древніе православные обряды и чины искажило вѣковое русское невѣжество, а въ наши печатныя церковныя книги они были внесены при патриархѣ Іосифѣ невѣжественными книжными справщиками—Аввакумомъ, Нероновымъ, Лазаремъ и другими, которые, возставая потомъ противъ реформы патриарха Никона, въ сущности защищали себя и оправдывали твореніе собственныхъ невѣжественныхъ рукъ; въ частности двоеперстіе не было обрядомъ православнымъ, но старообрядческимъ. Вообще профессоръ Каптеревъ представлялся защитникомъ старообрядчества. Самымъ горячимъ его противникомъ былъ профессоръ московской духовной академіи Н. И. Субботинъ, извѣстный полемистъ противъ раскола-старообрядчества. Онъ выступилъ въ издаваемомъ имъ журналѣ «Братское

Слово» съ рѣзкими статьями противъ профессора Каптерева и добился того, что, по приказанію покойнаго оберъ-прокурора святѣйшаго синода К. П. Побѣдоносцева, дальнѣйшее печатаніе изслѣдованія нашего автора о патріархѣ Никонѣ было приостановлено.

Между тѣмъ взгляды профессора Каптерева на старыя обряды получили потомъ авторитетное научное подтвержденіе. Въ частности извѣстный историкъ русской церкви академикъ Е. Е. Голубинскій въ своемъ изслѣдованіи— «Къ вашей полемикѣ съ старообрядцами» (М. 1902 г.) подтвердилъ правильность его возрѣній на перстосложеніе и другіе спорные обрядовыя вопросы. Теперь они являются общепринятыми въ русской литературѣ и не возбуждаютъ никакихъ споровъ среди нашихъ полемистовъ съ старообрядцами.

Въ виду того, что въ послѣднія двадцать лѣтъ появилось много новыхъ матеріаловъ, относящихся къ исторіи патріарха Никона, профессоръ Н. Ѳ. Каптеревъ нашелъ возможнымъ еще разъ возвратиться къ старой работѣ, вновь пересмотрѣть прежніе матеріалы, дополнить и освѣжить ихъ новыми данными. Въ результатъ появилось совершенно новое и очень интересное изслѣдованіе. Все оно рассчитано на два тома. Появившійся первый томъ имѣетъ задачей представить патріарха Никона, какъ церковнаго реформатора, со всѣми прикосновенными къ такой его дѣятельности обстоятельствами.

Дѣло въ томъ, что наши историки обыкновенно видятъ въ патріархѣ Никонѣ единственнаго виновника произведенной при немъ церковной реформы и считаютъ эту реформу дѣломъ исключительно одного патріарха и главною его заслугою предъ русской церковью. Профессоръ же Каптеревъ держится того взгляда, что инициатива произвести церковную реформу въ смыслѣ объединенія нашихъ церковныхъ чиновъ, обрядовъ и богослужебныхъ книгъ съ современными греческими чинами и книгами принадлежитъ не Никону, а царю Алексѣю Михайловичу и его духовнику—протопопу Стефану Вонифатьевичу, которые, еще до вступленія Никона на патріаршій престолъ, задумали произвести церковную реформу, камѣтили общій ея характеръ и приступили къ осуществленію, вызвали въ Москву изъ Кіева книжныхъ справщиковъ, знающихъ греческій языкъ и, наконецъ,—что весьма важно,—создали и самого Никона, какъ реформатора-грекофила. Никонъ, сдѣлавшись патріархомъ, только выполнилъ ту программу, которая въ общихъ чертахъ была ему намѣчена царемъ Алексѣемъ Михайловичемъ и протопопомъ Стефаномъ Вонифатьевичемъ, хотя онъ дѣйствовалъ вполнѣ самостоятельно, на основаніи личнаго отношенія ко всей реформѣ. И самъ Никонъ никогда не считалъ себя инициаторомъ книжныхъ исправленій и не смотрѣлъ на послѣднія, какъ на главную и основную задачу своего патріаршества. Оставивъ патріаршую кафедру, онъ даже пересталъ и интересоваться своей реформой, а послѣ съ рѣзкимъ осужденіемъ относился и къ грекамъ и къ греческимъ книгамъ, при помощи которыхъ велись при немъ всѣ книжныя исправленія. Что же касается главной задачи и смысла патріаршества Никона, то они, по сужденію профессора Каптерева, намѣчались въ томъ, чтобы освободить церковь отъ зависимости государству, поставить патріарха, какъ представителя церкви, на ряду съ царемъ, какъ представителемъ государства, и даже выше его, потому что

«священство выше царства». Но объ отношеніи Никона къ царской власти и о его попыткѣ поставить патріарха не только рядомъ, но и выше царя рѣчь будетъ во второмъ томѣ изслѣдованія профессора Калтерева (стр. I—V).

Такова судьба разсматриваемой книги и такова основная ея задача. Последняя выполняется почтеннымъ ученымъ въ одиннадцать главахъ его изслѣдованія.

Въ частности, въ первой (стр. 1—30) и второй (стр. 31—80) главахъ книги рѣчь идетъ о церковно-реформаціонномъ движеніи во время патріаршества Іосифа и о главныхъ его представителяхъ. Здѣсь сообщается, что послѣ такъ называемаго смутнаго времени въ русскомъ обществѣ возникло сознание необходимости улучшить религіозно-нравственную жизнь всего русскаго народа. Въ связи съ этимъ реформаціоннымъ стремленіемъ къ духовнымъ и свѣтскимъ властямъ стали поступать различныя челобитныя съ жалобами на церковныя неурядки, на дурное поведеніе клириковъ и монаховъ; на суевѣріе и пороки въ народѣ. Подъ вліяніемъ общаго настроенія въ Москвѣ образовался кружокъ ревнителей благочестія, во главѣ котораго сталъ образованный царскій духовникъ, благовѣщенскій протопопъ Стефанъ Вонифатьевичъ. Членами кружка были царь Алексѣй Михайловичъ, Феодоръ Михайловичъ и Анна Михайловна Ртищевы, Борисъ Ивановичъ Морозовъ. Авторъ подробно говоритъ о воззрѣніяхъ, задачахъ и цѣляхъ столичнаго кружка, отличавшагося грекофильскимъ настроеніемъ и характеромъ дѣятельности, сообщаетъ о церковной реформѣ, предпринятой кружкомъ, о приготовленіи Никона къ патріаршему престолу, о распространеніи грекофильскихъ идей и за предѣлами Москвы и образованіи провинціального кружка ревнителей благочестія и т. д. Вообще, авторъ довольно прочно установилъ свой тезисъ о томъ, что инициатива извѣстной церковной у насъ реформы принадлежала не Никону и была начата до него.

Въ третьей главѣ (стр. 81—105) говорится о борьбѣ кружка ревнителей благочестія съ патріархомъ Іосифомъ по вопросу о единогласіи, который и былъ рѣшенъ согласно желанію кружка, чѣмъ совершенно былъ поколебленъ авторитетъ патріарха.

Въ четвертой главѣ (стр. 106—150) описываются первыя церковно-реформаторскія дѣйствія патріарха Никона. Хотя Никонъ былъ выдвинутъ на престолъ кружкомъ ревнителей и старательно подготавливался имъ къ церковной реформѣ, но онъ, оказавшись у власти, порвалъ свои прежнія близкія отношенія къ кружку и сталъ въ прямую къ нему оппозицію. Кружокъ стѣснялъ его, вмѣшиваясь въ церковныя дѣла. Никонъ по самому характеру своему не терпѣлъ ни малѣйшаго ограниченія своего самовластія, не выносилъ никакого противорѣчія себѣ. Онъ хотѣлъ быть патріархомъ по всей своей волѣ. И онъ, сдѣлавшись патріархомъ, не только не сталъ совѣтоваться съ ревнителями, но не допускалъ ихъ въ свою крестовую церковь. Отсюда—крайнее озлобленіе къ нему и непримиримая ненависть. Борьба имѣла принципиальный церковный и общественно-культурный характеръ и вращалась около кардинальнаго вопроса: останется ли Русь при своихъ старыхъ идеалахъ, воззрѣніяхъ, задачахъ и цѣляхъ, какъ они опредѣлились у насъ подѣ вліяніемъ

флорентійской уніи и паденія Константинополя, или же русское общество стало выше міровоззрѣнія русскихъ книжниковъ XV—XVI вѣка? Побѣда Никона означала бы отреченіе отъ прошлаго, съ его своеобразными идеалами и стремленіями, признаніе необходимости коренной реформы, въ виду иного пониманія задачъ и цѣлей жизни. Напротивъ, побѣда кружка ревнителей благочестія показала бы, что прежніе устои и основы русской жизни стоятъ еще прочно и крѣпко и русская жизнь не нуждается въ какихъ-либо существенныхъ преобразованіяхъ. Въ такомъ или иномъ рѣшеніи этихъ вопросовъ и заключался великій смыслъ ожесточенной, страстной, обостренной личными отношеніями борьбы между патриархомъ Никономъ и кружкомъ ревнителей благочестія. Борьба началась при первыхъ же церковно-реформаторскихъ дѣйствіяхъ Никона, касавшихся поклоновъ и перстосложенія,—о чемъ подробно и говорится въ четвертой главѣ.

Въ пятой главѣ (стр. 151—226) рѣчь идетъ о церковно-обрядовыхъ реформахъ Никона (перстосложеніе для крестнаго знаменія, чинъ освященія храма и елеосвященія въ Великій четвергъ), а въ шестой—объ исправленіи церковно-богослужебныхъ книгъ (стр. 227—269).

Главы седьмая (стр. 270—307) и восьмая (стр. 308—393) посвящены описанію борьбы протопоповъ Іоанна Неронова и Аввакума съ патриархомъ Никономъ изъ-за церковной реформы,—гдѣ даны и прекрасныя характеристики этихъ противниковъ патриарха.

Въ главѣ девятой (стр. 394—431) разсказывается объ оставленіи Никономъ патриаршей кафедры въ 1658 году. Авторъ раскрываетъ, что отреченіе Никона отъ патриаршества въ дѣйствительности имѣло демонстративный характеръ, а не было настоящимъ отреченіемъ. Никонъ рассчитывалъ возстановить этимъ путемъ свои прежнія пошатнувшіяся отношенія къ царю, хотѣлъ заставить послѣдняго попрежнему подчиняться ему и имѣть его главнымъ совѣтникомъ и руководителемъ въ царской дѣятельности. Никонъ былъ убѣжденъ, что онъ необходимъ царю, который не рѣшится разстаться съ нимъ. Но Никонъ ошибся въ своихъ расчетахъ и вынужденъ былъ изъ блестящаго и могучаго, царившаго въ церкви и государствѣ всероссійскаго патриарха превратиться въ простого, ссыльнаго монаха...

Въ главѣ десятой (стр. 432—490) излагается критика церковной реформы Никона въ литературныхъ произведеніяхъ его первыхъ противниковъ, которые держались воззрѣнія, что русское благочестіе самое высшее и совершеннѣйшее въ цѣломъ мірѣ и русскія церковныя книги вполне правильны и не нуждаются въ исправленіи, а благочестіе современныхъ грековъ, которымъ слѣдоваль Никонъ, очень сомнительно, ихъ церковныя книги испорчены еретиками, почему истинному благочестію нужно учиться не русскимъ у грековъ, а грекамъ у русскихъ. Значитъ, Никонъ, какъ реформаторъ, былъ еретикъ и слуга антихриста, въ своей реформаторской дѣятельности руководился личнымъ произволомъ, пренебреженіемъ къ родной святой старинѣ и высокоуміемъ. Такова была логика тенденціозныхъ критиковъ церковной реформы Никона.

Наконецъ, въ одиннадцатой главѣ (стр. 491—518) рѣчь идетъ объ отрицательномъ отношеніи къ реформѣ Никона въ средѣ православныхъ—іерарховъ,

клириковъ и монаховъ, а въ заключеніи главы характеризуется общее печальное состояніе тогдашней церковно-богослужебной практики на Руси, какъ слѣдствіе церковной реформы Никона, которая все привела въ полное смятеніе, неустройство, рознь и расшатанность.

Книга профессора Н. Θ. Каптерева представляетъ трудъ очень цѣнный въ научномъ отношеніи и полезный въ русской литературѣ, посвященный знаменитому церковному реформатору-патріарху Никону. Авторъ привлекъ въ научный оборотъ обширный рукописный матеріалъ, весьма тщательно изучилъ его и прочиталъ въ немъ то, чего не нашли другіе изслѣдователи его эпохи. Книга богата содержаніемъ, содержитъ немало оригинальныхъ точекъ зрѣнія на частные вопросы и читается съ большимъ интересомъ. Повсюду въ разсматриваемой книгѣ видны зрѣлая и продуманная оцѣнка фактическихъ матеріаловъ, умѣлое пользованіе данными историческаго построенія, обоснованная мотивировка выводовъ. Въ частности представляетъ интересъ грекофильская тенденція въ древней Руси, которую профессоръ Каптеревъ прекрасно охарактеризовалъ въ связи съ дѣятельностью московскаго кружка ревнителей благочестія. А съ другой стороны, какою жизненностью отличается у насъ и злобно-тенденціозное и высокоумѣрно-самохвальное отношеніе къ грекамъ, нашедшее типичное себѣ выраженіе еще въ лицѣ московскаго протопопа Аввакума, который на соборѣ 1667 г. говорилъ патріархамъ греческимъ: «у васъ православіе пестро стало отъ насилія турскаго Махмета,—и впредь пріѣзжайте къ намъ учитьца...» На святой Руси и теперь много Аввакумовъ, которые глухи и слѣпы къ явленіямъ русской церковной жизни и съ тупымъ самодовольствомъ приглашаютъ къ себѣ «учитьца» тѣхъ, къ кому, наоборотъ, они сами должны возможно чаще обращаться за свѣтомъ знанія и пониманія церковно-общественныхъ отношеній. Русскимъ «Аввакумамъ» XX вѣка, страдающимъ грѣхами невѣжества, мракобѣсія и недобросовѣстнаго отношенія къ единовѣрцамъ нашимъ—грекамъ, особенно можно рекомендовать для прочтенія поучительную книгу московскаго профессора Н. Θ. Каптерева. Σ.

Проф. С. Θ. Платоновъ. Учебникъ русской исторіи для средней школы. Курсъ систематическій. Часть II (отъ Петра Великаго). Спб. 1910. Стр. 230. Ц. 90 к.

На страницахъ «Историческаго Вѣстника (августъ 1909 г.) уже говорилось о первой части учебника проф. Платонова. Въ вышедшей нынѣ второй части (главы шестая—девятая) авторъ доводитъ русскую исторію до вступленія на престолъ Государя Императора Николая II.

6-ая глава, носящая заглавіе: «Образованіе Россійской имперіи», посвящена эпохѣ реформъ Петра Великаго, періоду временщиковъ и времени императрицы Елизаветы Петровны. Въ главѣ VII авторъ даетъ картину царствованій Екатерины II и Павла I, на эпоху которыхъ онъ смотритъ, какъ на «расцвѣтъ дворянскихъ привилегій и крѣпостнаго права». Слѣдующая глава отведена царствованіямъ Александра I и Николая I; въ этомъ періодѣ г. Плато-

новъ видить «преобладаніе задачъ внѣшней политики надъ задачами внутрѣшняго управленія». Въ послѣдней главѣ даются очерки: «Время императора Александра II Освободителя», которое характеризуется какъ «эпоха великихъ реформъ», и «Императоръ Александръ III». Въ учебникѣ проф. Платонова вездѣ на первомъ мѣстѣ поставлена внутренняя жизнь страны въ самомъ широкомъ смыслѣ этого слова; ни одно важное общественное, экономическое или литературное движеніе не оставляется авторомъ безъ вниманія. Только уяснивъ сначала въ каждомъ періодѣ событія внутреннія, авторъ выясняетъ для учащихся проявленія народной мощи или слабости вонѣ. Проявляется въ новомъ учебникѣ и еще одна довольно рѣдкая въ руководствахъ исторіи черта. Излагая исторію XVIII и XIX вв., составители учебниковъ по ложнымъ педагогическимъ или иначе говоря «тактическимъ» соображеніямъ, умалчиваютъ о многихъ фактахъ или даже искажаютъ ихъ. Въ русской исторіи у нихъ «все обстоитъ благополучно», но, благодаря этому, сама исторія, какъ говорится въ анекдотѣ, становится «темна и непонятна». Такія умолчанія лишь подрываютъ довѣріе учениковъ къ исторіи, а съ фактами они все равно знакомятся и изъ бесѣдъ со старшими и изъ чтенія литературныхъ произведеній, или же узнаютъ о нихъ въ тенденціозномъ освѣщеніи тощихъ брошюрокъ извѣстнаго пошиба.

Правда—вотъ главное достоинство новаго труда г. Платонова. Въ учебникѣ его нѣтъ умолчаній и искаженій. Петръ III «лишился жизни отъ удара, полученнаго въ хмельной ссорѣ», но народу было объявлено, что онъ скончался «отъ геморроидической колики». Павелъ I «былъ лишень жизни» заговорщиками. Правдиво рассказана драма Александра I, поставленнаго между притязаніями бабки и почти душевно-больнаго отца-деспота. Подробно излагается исторія декабристовъ. Выясненъ гнетъ реакціи въ концѣ царствованія Александра I и при Николаѣ I («Николаевщина»). Рассказано также и о дѣятельности революціонныхъ кружковъ при императорѣ Александрѣ II.

Большое вниманіе удѣляетъ авторъ и сословной жизни въ Россіи: по крайней мѣрѣ жизнь двухъ нашихъ главныхъ сословій—дворянства и крестьянства—подробно прослѣжена какъ въ XVIII, такъ и въ XIX вѣкѣ. Ростъ политическаго значенія дворянства г. Платоновъ выводитъ изъ эпохи временщиковъ. Въ это время гвардія стала силой, отъ которой зависѣли судьбы престола, государи, а въ особенности государыни награждали гвардейскіе полки за ихъ преданность и службу.

«Но такъ какъ гвардейство было дворянское, то и награды гвардіи имѣли характеръ шляхетскій, доставались всему дворянству». Екатерина II «многозависѣла отъ дворянской среды, изъ которой должна была брать своихъ сотрудниковъ и въ которой нашла себѣ поддержку при вступленіи на престолъ». По словамъ автора, личные взгляды Екатерины осуществлялись лишь тогда, когда они совпадали со взглядами и желаніями дворянства; въ противномъ случаѣ императрица «обыкновенно уступала косности господствующей среды». Указавъ на либерализмъ лучшей части дворянства при Александрѣ I, приведшій къ бунту декабристовъ, г. Платоновъ объясняетъ возникновеніе бюрократическаго режима при Николаѣ I недовѣріемъ императора къ дворянской средѣ—«Николаевщина» приводитъ къ тому, что интеллигенція, которая, благодаря

распространенію образованія, потеряла свой исключительно дворянскій характеръ, «устраненная отъ общественныхъ и государственныхъ дѣлъ, привыкла къ осужденію правительственныхъ порядковъ и взглядовъ и, слѣдуя космополитическимъ убѣжденіямъ западниковъ, стала переносить свое отрицаніе съ временной политической системы на особенности русской жизни вообще. Отсюда было уже недалеко до утраты того горячаго патріотическаго чувства, которымъ была богата и сильна старая Русь и которымъ сравнительно стали бѣдны ближайшія къ намъ поколѣнія интеллигенціи».

Подробно также разсматривается авторомъ и крестьянскій вопросъ во всѣ царствованія, при чемъ особенное вниманіе обращено на освобожденіе крестьянъ въ 1861 году.

Въ каждомъ изъ періодовъ, на которые разбиваетъ авторъ исторію императорской Россіи, имъ дается также очеркъ государственнаго хозяйства въ это время.

Учебникъ г. Платонова, безъ сомнѣнія, вызоветъ рядъ вопросовъ у каждаго изъ пытливыхъ учениковъ. По этой книгѣ, въ виду ея серьезнаго научнаго характера, нельзя ученикамъ только задавать «съ этого мѣста до этого», а учитель долженъ самъ работать съ классомъ и готовиться къ урокамъ, чтобы быть на высотѣ своего призванія.

Курсъ исторіи въ средней школѣ долженъ будить еще сонную мысль юношества, толкать ее на работу для родины, правильно освѣщая пути прошлаго, указывать такимъ образомъ дорогу къ разумному будущему. Эту миссію книга г. Платонова, какъ намъ кажется, выполнить съ честію и успѣхомъ.

В. Т—ій.

Извѣстія отдѣленія русскаго языка и словесности императорской академіи наукъ 1909 г. Тома XIV книжка 1. Спб. 1909. Стр. 369. Ц. 1 р 50 к.—То же, тома XIV книжка 2. Спб. 1909. Стр. 392. Ц. 1 р. 50 к.

Содержаніе первой книжки XIV тома академическихъ «Извѣстій» составляютъ слѣдующія ученые работы: 1) «Посланіе владимирскаго епископа Симона къ дочери своей Анастасіи», академика А. И. Соболевскаго, напечатаннаго его по списку XV вѣка московской синодальной библіотеки съ вариантами изъ нѣкоторыхъ другихъ списковъ, бывшихъ неизвѣстными первому издателю «Посланія» К. И. Невоструеву (въ 1862 г.), и доказавшаго, что подъ Анастасіей здѣсь слѣдуетъ разумѣть Верхуславу, жену князя Ростислава Рюриковича и дочь князя Всеволода III Большое Гнѣздо, которая вела переписку съ епископомъ Симономъ и проживала, послѣ скорой смерти своего мужа, монахиней, съ именемъ Анастасіи, во Владимирскомъ женскомъ княгининѣ монастырѣ. 2) «Къ вопросу о литературной дѣятельности русскихъ писателей XVII вѣка, носившихъ имя «Каріонъ», С. Н. Браиловскаго, открывшаго въ рукописномъ отдѣленіи библіотеки императорской академіи наукъ новые списки трудовъ Каріона Истомина, а также и другого Каріона; 3) «Къ вопросу о возникновеніи родительнаго и винительнаго падежей въ славянскихъ языкахъ. Сходныя явленія въ другихъ языкахъ», А. И. Томсона; 4) «Изъ исторіи

русской литературы XVIII и XIX столѣтій», профессора Евг. А. Боброва; 5) «Къ исторіи польскаго и русскаго народнаго театра», профессора В. П. Петца; 6) «Нѣскольکو словъ о житіи и сочиненіяхъ святого Димитрія Ростовскаго», А. И. Никольскаго; 7) «О германизмѣ выгладитъ (неправильная форма средняго глагола настоящаго времени) въ русскомъ языкѣ», П. Д. Драганова; 8) «Армянскій прологъ о свв. Борисѣ и Глѣбѣ», В. Н. Бенешевича; 9) «Украинская сказка въ фонетической транскрипціи» (Zly dni), В. Г. Ярошенко и 10) «Какъ Владимиръ осаждалъ Корсунь», А. Бертье-Делагарда.

Изъ всѣхъ перечисленныхъ статей наибольшій интересъ для читателей «Историческаго Вѣстника» представляетъ, несомнѣнно, во-первыхъ, «Изъ исторіи русской литературы XVIII и XIX столѣтій», профессора Е. А. Боброва и затѣмъ «Какъ Владимиръ осаждалъ Корсунь», А. Бертье-Делагарда. Профессоръ Е. А. Бобровъ свою работу началъ печатать въ «Извѣстіяхъ» еще въ 1906 году и придавъ ей характеръ сборника отдѣльныхъ этюдовъ о писателяхъ и разнаго рода литературныхъ явленіяхъ. Въ настоящей статьѣ онъ говоритъ о двухъ стихотвореніяхъ И. И. Дмитріева; сообщаетъ нѣкоторыя новыя данныя къ біографіи М. Ю. Лермонтова, заимствуя ихъ изъ частнаго письма къ нему профессора П. А. Висковатова, подробно отвѣчавшаго ему на вопросы, отвѣта на которые онъ не нашель въ его большой біографіи М. Ю. Лермонтова; приводитъ официальную переписку о «препровожденіи» извѣстнаго слависта В. И. Григоровича изъ Дерпта въ Казань, найденную имъ въ архивѣ юрьевскаго университета; сообщаетъ подробности о французскомъ писателѣ XVIII вѣка Раканѣ и объ авторѣ комедіи «Раканы» Н. В. Сушковѣ и, наконецъ, разбираетъ характеристику И. А. Гончарова о профессорѣ Н. И. Надеждинѣ.

Въ своемъ довольно пространномъ изслѣдованіи А. Бертье-Делагардъ провѣрилъ всѣ лѣтописныя извѣстія объ осадѣ и взятіи русскими крѣпости Корсуня, считавшіяся нѣкоторыми историками за «чисто пѣсенный вымыселъ», согласовалъ ихъ съ военнымъ существомъ дѣла и съ мѣстными особенностями, наглядно представляющимися изъ разсмотрѣнія топографическихъ условій самой мѣстности вокругъ Корсуня и данныхъ отъ раскопокъ на развалинахъ этого города (стр. 241), доказалъ неточность показанія Льва Діакона о взятіи Корсуня и заключилъ свою работу слѣдующими словами: «дѣйствительно мы видимъ, что тѣвшіеся быть правдивыми лѣтописцы сохранили намъ не выдуманная сказки, а истинную, правдивую исторію осады Корсуня, славнѣйшаго подвига ихъ дѣдовъ» (стр. 307).

Въ видѣ «приложенія», въ разсматриваемой нами книжкѣ «Извѣстій» начато печатаніемъ—«Обозрѣніе трудовъ по славяновѣдѣнію, составляемое В. Н. Бенешевичемъ, Вс. И. Срезневскимъ, М. Р. Фасмеромъ и А. А. Шахматовымъ, подъ редакціей В. Н. Бенешевича». Цѣль этого «обозрѣнія» составителями выражена такъ: указать по возможности: 1) всѣ труды, посвященные научной разработкѣ языка, исторіи и литературы славянскихъ народовъ за древнѣйшій періодъ существованія, 2) всѣ труды русскихъ ученыхъ въ области славяновѣдѣнія и 3) всѣ труды, посвященные изученію русскаго языка и русской литературы и исторіи». «Обозрѣніе» это, охватывающее всю книжную и журнальную литературу по указаннымъ вопросамъ съ 1908 года, явится, несомнѣнно,

цѣннѣйшимъ пособіемъ для всѣхъ занимающихся изученіемъ славяновѣдѣнія и всей прошлой жизни нашего отечества.

Продолженіе этого «Обозрѣнія» или второй его выпускъ напечатанъ и во второй книжкѣ XIV тома и будетъ издаваться «выпусками при каждой книжкѣ «Извѣстій».

Во вторую книжку XIV тома вошли слѣдующія статьи: 1) В. Адриановой— «Евангеліе Ѳомы въ старинной украинской литературѣ» (съ приложеніями: I. «Текстъ украинскаго евангелія Ѳомы по рукописи церковно-археологическаго музея начала XVIII вѣка (бывшаго Божовскаго) съ вариантомъ изъ родственныхъ списковъ», и II. «Текстъ евангелія Ѳомы изъ сборника Головацкаго XVIII вѣка». 2) Д. Н. Кудрявскаго— «Къ статистикѣ глагольныхъ формъ въ Лаврентьевской лѣтописи»; 3) Ю. А. Яворскаго— «Византійскія сказанія о Львѣ Премудромъ въ русскихъ спискахъ XVII—XVIII вѣковъ» (здѣсь авторъ подвергаетъ разбору найценную имъ статью въ трехъ спискахъ XVI—XVIII вѣковъ (тексты напечатаны въ приложеніи) «о премудрыхъ дѣлѣхъ Льва Премудраго», представляющую, по его словамъ, «литературный сводъ нѣсколькихъ, безъ сомнѣнія, народно-византійскихъ сказаній о миѳическихъ дѣйствіяхъ Льва Премудраго, довольно искусно и просто спаянныхъ съ собою какъ краткимъ общимъ введеніемъ и заключеніемъ, такъ и нѣсколькими соединительными главами между отдѣльными разказами». Это довольно рѣдкій примѣръ византійскаго вліянія на московскую литературу XVII вѣка. 4) В. Ѳ. Миллера— «Къ сказкамъ объ Иванѣ Грозномъ» (свое изслѣдованіе авторъ заключаетъ сближеніемъ сказочнаго Бормы съ историческою личностью—Ѳедоромъ Барминимъ, протопопомъ Благовѣщенскаго собора, духовникомъ царя Іоанна IV Грознаго). 5) Н. П. Кашина— «Неизданныя произведенія Н. Ѳ. Щербины»; 6) А. С. Грушевскаго— «Изъ исторіи украинской этнографіи. Этнографическія темы въ украинской литературѣ»; 7) А. И. Велича— «Замѣтки по чакавскимъ говорамъ», и 8) А. И. Яцимирскаго— «Къ исторіи апокрифовъ и легендъ въ южно-славянской письменности. I—V».

«Настоящія произведенія Н. Ѳ. Щербины,—пишетъ въ своемъ предисловіи Н. Кашина,—извлечены мною изъ рукописей, хранящихся въ Румянцовскомъ музеѣ и пожертвованныхъ туда И. Ю. Вецкимъ. Въ «Литературномъ Вѣстникѣ» (1904 г., кн. 4) я помѣстилъ замѣтку объ этихъ рукописяхъ. Теперь я нахожу бесполезнымъ опубликовать и тѣ произведенія Щербины изъ этихъ рукописей, которыя я считаю ненапечатанными» (стр. 105). «Произведенія эти слѣдующія: стихотворенія изъ пяти различныхъ рукописныхъ сборниковъ (около 1843 г.): 1) «Пляска», 2) «Сцены изъ жизни грековъ», 3) «Осада Ипсары», 4) «Пиръ», 5) «Прощальное утро», 6) «Молва», 7) «Ночь и сичѳора», 8) «Поддѣльная роза», 9) «Ветрѣча», 10) «Раскаленіе», 11) «Сердце», 12) «Дума жизни», 13) «Свиданіе», 14) «Стансы», 15) «Недовольному», 16) «Нашъ вѣкъ», 17) «Новый годъ» и нѣкоторыя другія.

Слѣдующею работою, наиболѣе интересной въ историко-литературномъ отношеніи, безспорно, являются издаваемые А. И. Яцимирскимъ «апокрифическіе тексты и легенды въ южно-славянской письменности», которые онъ собралъ въ разныхъ заграничныхъ бібліотекахъ. Издавая эти тексты, А. И.

Яцимирскій присоединилъ къ нимъ нѣсколько русскихъ, изъ рукописей заграничныхъ библиотекъ, «въ виду того, что многіе изъ русскихъ текстовъ давно были занесены къ южнымъ славянамъ и могли послужить оригиналами для мѣстныхъ списковъ, или же матерьяломъ для свѣрки новыхъ копій»... Тексты всюду сопровождаются «краткими введеніями характера главнымъ образомъ библиографическаго», какъ увѣряетъ самъ авторъ, но нерѣдко и краткими изслѣдованіями текстовъ. Напечатано въ настоящей книжкѣ только начало обширной работы А. И. Яцимирскаго, распадающееся на слѣдующія главы: 1) «Апокрифическій элементъ у нѣкоторыхъ южнославянскихъ писателей» (наибольшее вниманіе удѣлено Григорію Цамблаку), 2) «Южнославянскіе и восходящіе къ нимъ списки индекса отреченныхъ книгъ», 3) «Сказанія о ветхозавѣтныхъ лицахъ и событіяхъ», 4) «Сказаніе о земной жизни Богоматери» (напечатано по болѣе исправному и интересному списку, изъ сборника XVI вѣка вѣнской придворной библиотекы, № 9, называемому обыкновенно «Креховской Палеей») и 5) «Сказанія объ Успеніи Богоматери» (здѣсь изданы три текста).

В. Р.—въ.

**Труды I-го всероссійскаго женскаго съѣзда при русскомъ женскомъ обществѣ въ С.-Петербургѣ 10—16 декабря 1908 года.
Спб. 1909. Стр. 927. Ц. 5 р.**

Въ свое время мы дали на страницахъ «Историческаго Вѣстника» краткую хронику I-го всероссійскаго съѣзда, основанную какъ на нѣкоторыхъ поверхностныхъ личныхъ наблюденіяхъ, такъ и на тѣхъ отчетахъ въ газетахъ, по коимъ можно было слѣдить за ходомъ работъ съѣзда. Вышедшій во второй половинѣ минувшаго года отчетъ о немъ, составленный комиссіей изъ 4-хъ лицъ—А. Кальминовичъ, Е. Чебышевой-Дмитріевой, Е. Щепкина и А. Шабановой, даетъ въ распоряженіе русскаго общества богатый матеріалъ по женскому вопросу вообще, какъ онъ былъ представленъ и освѣщенъ на этомъ съѣздѣ. Можно положительно удивляться той скорости и умѣлости, которыя проявила сказанная комиссія изданіемъ настоящаго труда. Обычно такіе труды-отчеты чрезвычайно запаздываютъ, и самъ извѣстенъ многія явленія отечественной жизни, протекшія на протяженіи того же времени, что и женскій съѣздъ, которыя и по сію пору не нашли своихъ регистраторовъ и историковъ, напримѣръ, съѣздъ писателей, юбилей А. С. Суворина и др. вмѣстѣ съ тѣмъ въ настоящемъ случаѣ въ теченіе полугода съ небольшимъ въ компактной книжкѣ, обнимающей собою 927 страницъ, по очень умѣлой планировкѣ, со всѣми нужными справочными отдѣлами и указателями, дано все теченіе женскаго съѣзда въ его историческомъ развитіи, со всѣми входившими въ него фактическими данными—докладами съ ихъ тезисами, резолюціями, преніями, отдѣльными мнѣніями, постановленіями секцій и общихъ собраній и т. д. И все это редактировано умѣлою рукою, съ любовью къ тому дѣлу, которому посвященъ трудъ и съ сознаніемъ всей отвѣтственности за свою работу. Благодаря этому, мы имѣемъ въ настоящее время дѣйствительно прекрасное справочное изданіе, которое даетъ въ наше распоряженіе богатѣйшій матеріалъ, могущій быть использованнымъ по самымъ разно-

образнымъ случаямъ и по видамъ, имѣющимъ то или иное прикосновеніе къ женскому труду, женскимъ профессіямъ, женскимъ вождельніямъ, правамъ и обязанностямъ. «Груды» глубокий источникъ, изъ котораго теперь можно легко въ интересахъ исторіи, публицистики, законодательства и т. д. черпать обстоятельный матеріалъ для задуманныхъ работъ. Нѣтъ, кажется, той сферы дѣятельной жизни интеллигенціи, которую бы они не затрагивали, не исчерпывали, не ставили ребромъ въ примѣненіи, конечно, къ женщинамъ и ея индивидуальнымъ особенностямъ. Мы обогатились очень хорошимъ изданіемъ, которое должно быть обязательно въ книгохранилищѣ каждаго интеллигентнаго работника, и остается лишь пожелать, чтобы сильная половина рода человѣческаго постаралась использовать изданіе «Грудовъ» какъ добрый примѣръ издательскаго подражанія, когда предстанетъ аналогичный случай для отчетовъ о другихъ сѣздахъ и общественныхъ явленіяхъ.

В. Г.

Е. Д. Любченко. Народное образование и сокольскія общества у чеховъ. Москва. 1910 г. Ц. 1 р.

Во время состоявшагося въ прошломъ году въ Прагѣ всеславянскаго сѣзда русскіе делегаты имѣли возможность ознакомиться съ культурными успѣхами чешскаго народа, съ его промышленностью, съ высокимъ уровнемъ сельскаго хозяйства въ чешскихъ деревняхъ и съ образцовой постановкою народнаго образованія.

Со всѣмъ этимъ можно было ознакомиться и въ самой Прагѣ, не предпринимая экскурсіи въ глубь страны, благодаря обширной и всеобъемлющей выставкѣ, на которой были блестяще представлены всѣ разнообразныя стороны жизни чешскаго народа. Но нѣкоторые русскіе делегаты, по закрытіи всеславянскаго сѣзда, побывали во многихъ чешскихъ городахъ и деревняхъ. Къ сожалѣнію, почти никто изъ нихъ не считалъ нужнымъ восполнить значительныя пробѣлы въ нашихъ свѣдѣніяхъ о чехахъ, которыхъ многіе російскіе граждане знаютъ только какъ учителей латинскаго языка въ суровую толстовскую эпоху. Нельзя не быть поэтому благодарнымъ автору вышеупомянутой книги о Чехіи г-ну Любченко, учителю гор. Екатеринослава, посѣтившему Золотую Прагу вмѣстѣ съ другими экскурсантами-учителями. Пребываніе экскурсантовъ въ гостяхъ у чеховъ совпало и съ выставкой, и со славянскимъ сѣздомъ, когда жизнь была ключомъ, а потому авторъ могъ черпать свои наблюденія, такъ сказать, цѣлыми пригоршнями.

И дѣйствительно, все, что сообщаетъ намъ г. Любченко о постановкѣ народнаго образованія и сокольствѣ, полно интереса и весьма назидательно. Есть намъ чему поучиться у чеховъ, есть чему позавидовать! Не скоро еще мы обзаведемся такими школами-дворцами для простаго народа, пользующагося всѣми благами всеобщаго и обязательнаго для всѣхъ обученія. Впрочемъ, «простаго народа» въ общепринятомъ смыслѣ нѣтъ у чеховъ. Все чешское населеніе Австріи—является однимъ народомъ-демократомъ,

Заслуживают подражанія и материнскія школы для малышей отъ четырехъ лѣтъ съ десятками тысячъ учащихся, и образовательные дома со столовыми для учащихся, и оранжереи при школахъ, гдѣ дѣти сами сажаютъ растенія, и постановка физическаго воспитанія. О послѣднемъ специально заботятся сельскія общества, имѣющія свои собственные просвѣтительныя, художественныя и т. п. учрежденія. Десятки тысячъ людей, участвующихъ въ сокольскихъ сѣздахъ или слетахъ, — лучшее доказательство успѣховъ сокольства, такъ туго пока прививающагося у насъ. На знамени «соколовъ» написаны великія слова: «вольность, братерство и ровность».

Тѣснимые нѣмцами, чехи рѣшили бороться съ ними не съ оружіемъ въ рукахъ, а школами и физическимъ совершенствованіемъ своей расы. И это культурное сопротивление оказывается безрезультатнымъ.

Въ книгѣ г. Любченка, снабженной многими иллюстраціями, разсказана исторія сокольства съ момента зарожденія его и сообщаются весьма цѣнныя свѣдѣнія о школьномъ дѣлѣ. Къ сожалѣнію, при бѣгломъ даже просмотрѣ книги бросаются въ глаза нѣкоторыя стилистическія погрѣшности, менѣе всего, казалось бы, умѣстныя въ трудѣ учителя, — быть можетъ, еще и преподавателя русскаго языка и словесности...

Кф.

Н. М. Затворницкій. 1) Указатель біографическихъ свѣдѣній, архивныхъ и литературныхъ матеріаловъ, касающихся чиновъ общаго состава по канцеляріи военнаго министерства съ 1802 до 1902 г. включительно. Спб. 1909. Стр. V+951+XIX. 2) Приложение къ историческому очерку дѣятельности канцеляріи военнаго министерства и военнаго совѣта. Спб. 1910. Стр. I+183

Оба справочно-біографическихъ труда Н. М. Затворницкаго, заглавія которыхъ приведены выше, входятъ въ серію юбилейныхъ очерковъ столѣтія военнаго министерства, редактируемыхъ вообще Д. А. Скалономъ, и относятся къ тому отдѣлу, который въ частности редактируется Н. А. Даниловымъ. Коллекція юбилейныхъ очерковъ, достигающая нѣсколькихъ десятковъ томовъ, представляетъ явленіе, исключительное даже для западно-европейской литературы. Нѣкоторые выпуски этого капитальнаго изданія, въ большинствѣ случаевъ имѣющіе обще-историческій интересъ, были разбираемы въ библиографическомъ отдѣлѣ «Историческаго Вѣстника». Большой интересъ представляютъ два тома, составленные Н. М. Затворницкимъ.

Въ одномъ томѣ, почти въ тысячу страницъ, заключается «Указатель біографическихъ свѣдѣній, архивныхъ и литературныхъ матеріаловъ, касающихся чиновъ общаго состава по канцеляріи военнаго министерства съ 1802 до 1902 г.». Здѣсь помѣщены свѣдѣнія о всѣхъ директорахъ и начальникахъ канцеляріи и ихъ помощникахъ, о всѣхъ чиновникахъ канцеляріи, о чинахъ военно-походной Его Императорскаго Величества канцеляріи, объ адъютантахъ военнаго министра, о чинахъ военно-кодификаціонной комиссіи и комитетовъ: главныхъ военно-госпитальнаго, военно-санитарнаго, военно-учебнаго, военно-тюремнаго

и по устройству и образованию войск и пр. Словомъ, томъ представляет собою обширный сборникъ біографій и источниковъ для біографій лицъ, соприкасавшихся съ канцеляріею военного министерства. Трудъ, потраченный на составленіе этого тома г. Затворницкимъ, поистинѣ громаднъ, и нужно выразить признательность и удивленіе исключительному трудолюбію автора. Правда, біографическія свѣдѣнія, вполне согласно съ цѣлью изданія, даны въ самыхъ общихъ чертахъ и въ весьма сжатомъ, конспективномъ изложеніи. Однако и при словарномъ, справочномъ характерѣ своего труда г. Затворницкій ухитрился для нѣкоторыхъ лицъ дать подробнѣйшій списокъ касающихся ихъ матеріаловъ, печатныхъ и архивныхъ. Напримѣръ, источники для біографіи графа А. А. Аракчеева занимаютъ цѣлый печатный листъ, набранный петитомъ (стр. 460—473); здѣсь, помимо печатныхъ матеріаловъ, приведены архивные источники изъ архивовъ: канцеляріи военного министерства, военно-учебнаго и артиллерійскаго историческаго музея, съ точнымъ означеніемъ номеровъ и связокъ дѣлъ. Къ сожалѣнію, не затронуть архивъ главнаго штаба, въ московскомъ отдѣленіи котораго имѣется громадное количество дѣлъ, соприкасающихся съ Аракчеевымъ.

Трудъ составителя не пропагъ даромъ. Отнынѣ, можно утвердительно сказать, нельзя обойтись безъ сборника г. Затворницкаго для всякаго, кто желалъ бы навести какую-либо справку о лицахъ, имѣвшихъ какія-нибудь должности по канцеляріи военного министерства. И въ этомъ—несомнѣнное научно-историческое значеніе кропотливаго труда. Конечно, этотъ сборникъ имѣетъ и практическое, служебное значеніе, облегчая любую служебную справку о какомъ-либо чинѣ. Г. Затворницкій въ предисловіи и рассказываетъ, какъ благодаря тому, что въ 1904 году большая часть подготовительной работы для сборника была готова, удалось безъ труда выяснитъ происхождение служившаго въ канцеляріи Турыгина, а это имѣло значеніе для его наслѣдниковъ.

Въ другомъ сборникѣ г. Затворницкаго приведены законченныя, болѣе или менѣе полныя, біографіи военныхъ министровъ, начальниковъ канцеляріи военного министерства и наиболѣе замѣчательныхъ лицъ, служившихъ въ этой канцеляріи. Для широкихъ читательскихъ круговъ особенно интересно, что здѣсь помѣщены свѣдѣнія о М. Е. Щедринѣ-Салтыковѣ, Н. В. Кукольникѣ и А. В. Дружининѣ, служившихъ одно время въ канцеляріи министерства.

Особенно цѣнны и любопытны свѣдѣнія о знаменитомъ русскомъ сатирикѣ. Матеріалы, относящіяся къ прохожденію его службы въ канцеляріи, до сего времени оставались не использованными, не взирая на тщательный трудъ издателей и горячее желаніе имѣть наиболѣе полное собраніе біографическихъ о немъ свѣдѣній. Михаилъ Евграфовичъ вышелъ изъ лица съ чиномъ X класса и 23-го августа 1844 года зачисленъ на службу въ канцелярію военного министерства. 6-го сентября 1844 года онъ былъ переименованъ въ коллежскіе секретари, въ августѣ 1846 года назначенъ помощникомъ секретаря 2-го отдѣленія и 21-го апрѣля 1847 года произведенъ въ титулярные совѣтники. Состоя на службѣ въ канцеляріи, Щедринъ занимался литературою, и это обстоятельство послужило поводомъ къ ссылкѣ его въ Вятку. Однажды Салтыковъ явился къ князю Чернышеву и сталъ проситься въ отпускъ. Чернышевъ спросилъ его.

не писать ли онъ въ журналахъ, и на утвердительный отвѣтъ потребовать, чтобы онъ представилъ свои сочиненія. «Тогда мы и посмотримъ, можно ли васъ отпустить», добавилъ министр. Салтыковъ представилъ два разсказа, разсмотрѣннѣ которыхъ было поручено Н. В. Кукольнику. Послѣднїй представилъ министру докладъ въ такомъ видѣ, что Чернышевъ «ужаснулся, что такой опасный человѣкъ, какъ Салтыковъ, служить въ его министерствѣ». Въ разсказахъ Салтыкова было найдено, что «какъ самое содержаніе, такъ и все изложеніе сихъ повѣстей обнаруживаютъ вредный образъ мыслей и пагубное стремленіе къ распространенію идей, потрясшихъ уже всю Западную Европу и ниспровергшихъ власти и общественное спокойствіе» (дѣло канцеляріи, 1847 г., № 41—273). Чернышевъ вошелъ съ докладомъ къ государю, послѣдствія чего извѣстны: Салтыковъ былъ переведенъ въ Вятку, а временно, впредь до отправки туда, былъ содержанъ на гауптвахтѣ въ комендантскомъ управленіи. 28-го апрѣля 1848 года Михаилъ Евграфовичъ былъ отправленъ въ Вятку, 19-го мая послѣдовалъ приказъ объ его переводѣ, и 3-го юня онъ былъ зачисленъ канцелярскимъ чиновникомъ при губернскомъ правленіи, т.-е. пониженъ по службѣ. Такъ кончилась недолгая служба Салтыкова въ военномъ вѣдомствѣ.

Однако Петербургъ привлекалъ Салтыкова. Родители его неоднократно ходатайствовали о возвращеніи Салтыкова въ столицу. Но все было напрасно. Наконецъ, 15-го декабря 1851 года Салтыковъ самъ отъ себя написалъ письма князю Чернышеву и барону Вревскому, прося перевода въ Петербургъ. Повторилъ свою просьбу Салтыковъ и въ письмѣ къ Чернышеву отъ 12-го декабря 1853 года. Г. Затворницкій приводитъ тексты всѣхъ этихъ трехъ писемъ (стр. 170—172). И эти письма были гласомъ вопіющаго въ пустынь. Разрѣшеніе Салтыкову на выѣздъ изъ Вятки послѣдовало только съ новымъ царствованіемъ, въ ноябрѣ 1855 года.

Н. В. Кукольникъ служилъ въ канцеляріи военнаго министерства довольно долго, съ 1843 по 1856 годъ. Онъ часто получалъ командировки по дѣламъ комитета о развитіи въ Россіи каменно-угольной промышленности и по различнымъ военно-хозяйственнымъ дѣламъ.

А. В. Дружининъ, служившїй вначалѣ въ л.-гв. Финляндскомъ полку, 15-го февраля 1846 года былъ назначенъ сверхштатнымъ чиновникомъ въ канцелярію военнаго министерства, гдѣ черезъ годъ получилъ штатную должность журналиста; въ январѣ 1851 года онъ былъ уволенъ въ отставку.

Мих. Соколовскій.

Изъ архива князя С. В. Шаховскаго. Матеріалы для исторіи недавняго прошлаго прибалтійской окраины (1835—1894 гг.).

Т. II. Спб. 1909. Стр. 311. Ц. 2 р.

Второй томъ архивнаго матеріала покойнаго выдающагося дѣятеля прибалтійской окраины обнимаетъ документы, касающіеся крестьянскаго дѣла въ этомъ краѣ и главнымъ образомъ въ Эстляндской губ., которою покойный кн. С. В. Шаховской управлялъ въ теченіе почти десяти лѣтъ. Матеріалъ этотъ относится

именно къ тому горячему составу, которой создалъ, т. е. правильнѣе, послужилъ основаніемъ для огромнаго движенія среди эстовъ и латышей, надѣлавшаго въ теченіе 1905—1906 г.г. столько хлопотъ правительству и оставившаго по себѣ замѣтные слѣды въ мѣстной жизни еще на долгіе годы. Еще Ю. Самаринъ, а вслѣдъ за нимъ въ лѣтописяхъ нашей родины именно кн. Шаховской дальновидно отводили крестьянскому вопросу въ остзейскихъ губерніяхъ, благодаря его специфическимъ особенностямъ, чрезвычайное мѣсто и всегда указывали правительству, что именно въ этомъ вопросѣ покоится весь узелъ, вся суть нашей тамошней окраинной политики. Но, какъ извѣстно, практической русской умъ, работающій на пользу русской государственности, никогда еще не встрѣчалъ поддержки и должной оцѣнки въ столичныхъ правящихъ сферахъ, а потому здѣсь заслуги обоихъ нашихъ государственныхъ и общественныхъ дѣятелей при ихъ жизни и не были достаточно оцѣнены, какъ это могло бы имѣть мѣсто въ судьбахъ другихъ народовъ. Остается надежда на оцѣнку ихъ стремленій и трудовъ въ будущемъ. Благопріятный судъ потомства относительно Ю. Самарина уже произнесенъ, очередь теперь за кн. Шаховскимъ, и второй томъ его архивнаго матеріала даетъ для сего въ наше распоряженіе цѣнныя данныя.

Покойный эстляндскій губернаторъ, отъ вниманія котораго не ускользнула ни одна сколько-нибудь важная сторона въ жизни Прибалтійскаго края, тщательно изучалъ крестьянскій вопросъ и подготовлялъ, поскольку это отъ него зависѣло, возможность справедливаго по отношенію къ заинтересованной части населенія края и вполне пріемлемаго съ государственной точки зрѣнія—рѣшенія его. Въ этомъ отношеніи заслуживаетъ особеннаго вниманія его записка, относящаяся къ 1886 г., посвященная крестьянскому вопросу въ Эстляндской губ. въ полной его и всесторонней разработкѣ. Не меньшій интересъ имѣютъ и другіе документы, нынѣ опубликованные, затрогивающіе тотъ же вопросъ въ видѣ его записокъ и представлений министру внутреннихъ дѣлъ по разнымъ случаямъ, но гдѣ каждый разъ русскій дѣятель въ прибалтійской окраинѣ возвращается къ интересующему его животрепещущему предмету. Весь обширный экономическій, юридическій и бытовой матеріалъ, собранный кн. Шаховскимъ, не утратилъ своего значенія и для настоящаго времени и было бы просто преступленіемъ со стороны тѣхъ, кому такъ или иначе пришлось бы соприкасаться съ работой на пользу прибалтійской окраины, кто обошелъ бы труды Шаховского должнымъ вниманіемъ. Наши законосовѣщательныя учрежденія, несомнѣнно, когда для того наступитъ нужное время, должны стать лицомъ къ лицу съ тѣмъ, что говорилъ и на что указывалъ покойный губернаторъ двадцать слишкомъ лѣтъ тому назадъ, и изъ его отчета и свѣдущаго мнѣнія почерпнуть руководящія начала для своихъ законодательныхъ начинаній. Вотъ почему въ бібліотекахъ государственнаго совѣта и государственной думы настоящему изданію должно быть отведено надлежащее мѣсто, какъ изданію справочному, руководящему въ кругу опредѣленной категоріи дѣлъ и дополняющему все то, что будетъ сказано и писано подъ угломъ зрѣнія нынѣ накопившихся и выяснившихся вопросовъ современнаго дня.

В Г

Лапинъ, П. Соборъ, какъ высшій органъ церковной власти. Историко-каноническій очеркъ. Казань. 1909. Стр. 577—VIII.

Обширное изслѣдованіе г. Лапина относится къ весьма интересному вопросу о томъ, «кому принадлежала и усвоилась правовымъ сознаниемъ высшая власть во всей единой католической церкви на протяженіи всего времени ея существованія, и какіе органы были и признавались носителями этой власти въ церквахъ помѣстныхъ» (стр. 5). Вопросъ этотъ въ настоящее время, когда въ виду предстоящаго созванія помѣстнаго собора русской церкви возникъ горячій споръ о томъ, могутъ ли не епископы—клиры и міряне—войти въ составъ этого собора, получаетъ особую важность.

Соотвѣтственно двойственности поставленнаго выше вопроса, сочиненіе автора естественно распадается на двѣ части: I. О церкви вселенской и II. О церквахъ помѣстныхъ. Изученіе исторіи, говоритъ онъ, приводитъ къ тому заключенію, что въ православной церкви касательно высшаго церковнаго управленія всегда признавался соборный принципъ. Но формы выраженія этого принципа какъ во вселенской, такъ и въ помѣстныхъ церквахъ не всегда были однѣ и тѣ же. Соотвѣтственно различію формъ выраженія соборнаго принципа а также и нѣкоторымъ удобствамъ изложенія, каждая изъ названныхъ частей, въ свою очередь, раздѣляется авторомъ на нѣсколько неравныхъ по объему главъ.

«Изученіе дѣяній вселенскихъ соборовъ,—говоритъ онъ,—приводитъ къ тому убѣжденію, что это право принадлежитъ именно епископамъ; только они были дѣйствительными членами соборовъ, облеченными властью объявлять вѣру и постановлять законы. По сознанию императоровъ, созывавшихъ соборы, помимо епископовъ, никто не можетъ дѣлать постановленій относительно церкви. Самые соборы держались тоже того воззрѣнія, что только епископы—полноправные ихъ члены. Соборы называютъ одинъ другого по числу присутствовавшихъ на нихъ епископовъ. Первый соборъ, напр., называется соборомъ 318 соборовъ (число присутствовавшихъ на немъ епископовъ). Наконецъ, подъ актами соборовъ мы видимъ подписи именно епископовъ. Правда, между епископскими подписями тамъ встрѣчаются подписи и нѣкоторыхъ другихъ клириковъ—пресвитеровъ, діаконовъ и даже чтецовъ, но эти подписи были сдѣланы ими въ силу епископскаго уполномочія. Конечно, такія лица, не будучи епископами, но являясь на соборѣ представителями своихъ епископовъ, были полноправными соборными членами. Но, понятно, такія лица получали на соборахъ значеніе исключительно въ силу уполномочія со стороны ихъ епископовъ. И клирики—пресвитеры, діаконы, чтецы,—не облеченные представительствомъ со стороны своихъ епископовъ, не были полноправными членами соборовъ. Они являлись на соборы въ качествѣ спутниковъ своихъ епископовъ, имѣя въ виду поучиться на соборахъ урокамъ истины. И если они выступали на соборахъ въ качествѣ дѣйствующихъ лицъ, то голосъ ихъ имѣлъ только совѣщательное значеніе. Они, правда, иногда оказывали соборамъ важныя услуги. Такъ, въ силу своихъ глубокихъ богословскихъ познаній, нѣкоторые изъ нихъ разъясняли поставленные на соборахъ вопросы, другіе выполняли на соборахъ обязан-

пости нотаріевъ; но сами по себѣ они не имѣли правъ дѣйствительныхъ членовъ соборовъ. Сказанное о низшихъ клирикахъ, понятно, примѣнимо и къ простымъ мірянамъ. Послѣдніе также не имѣли голоса въ соборныхъ рѣшеніяхъ (стр. 32—34).

Но, какъ извѣстно, на вселенскихъ соборахъ присутствовали еще императоры и ихъ уполномоченные. Возникаетъ вопросъ: какое положеніе занимали они на соборахъ? Изслѣдованіе документовъ, относящихся къ данному вопросу, приводитъ къ тому заключенію, что императоры и ихъ представители на вселенскихъ соборахъ вообще не вмѣшивались въ соборныя дѣла на правахъ имѣющихъ голосъ въ ихъ рѣшеніи. Дѣятельность ихъ на соборахъ была дисциплинарная и формальная: они охраняли тишину, руководили соборными разсужденіями, направляя ихъ къ рѣшенію тѣхъ вопросовъ, которые вызывали созваніе того или другого собора, и отстраняя тѣ заявленія, которыя не относились къ дѣлу (стр. 34—37). Книга П. Лапина написана весьма яснымъ языкомъ и представляетъ собою весьма отрадное явленіе въ нашей богословской литературѣ.

М. Г. К.

**Г. В. Плехановъ. Н. Г. Чернышевскій. Спб. 1910. Стр. 536.
Цѣна 3 руб.**

Плехановъ начинаетъ свой трудъ о Чернышевскомъ подробной его біографіей. Но подробности этой біографіи значительно отличаются отъ внѣшнихъ и скучныхъ подробностей, избилующихъ всегда въ біографіяхъ крупныхъ людей. Настоящая біографія Чернышевскаго исполнена поучительными фактами его внутренней жизни. Познакомивъ съ семьей Чернышевскаго, г. Плехановъ долго останавливается на его школьномъ и студенческомъ періодѣ жизни. Связавъ его ранніе годы съ развитіемъ характера, біографъ типичными чертами рисуетъ затѣмъ слагающіеся у Чернышевскаго идеалы общественной жизни подъ вліяніемъ изученія европейскихъ философовъ и рационалистовъ.

Отдавая должное энциклопедическимъ познаніямъ Чернышевскаго, г. Плехановъ однако относится ко всѣмъ его работамъ весьма критически.

Прежде всего біографъ знакомитъ насъ съ философскими взглядами Н. Г. Чернышевскаго, яркаго послѣдователя Фейербаха, материализмъ котораго можно охарактеризовать нѣсколькими словами: «для всякаго химическаго процесса нуженъ органъ. Безъ соотвѣтственнаго органа нѣтъ ни мышленія, ни дѣятельности...» Статья Чернышевскаго «Антропологическій принципъ въ философіи» исполнена также ученія о томъ, что «никакого дуализма въ человѣкѣ не видно и что если бы человѣкъ имѣлъ, кромѣ реальной своей натуры, другую натуру, то эта другая натура непременно обнаружилась бы въ чемъ-нибудь, и такъ какъ она не обнаруживается ни въ чемъ, такъ какъ все происходящее и проявляющееся въ человѣкѣ происходитъ по одной реальной его натурѣ, то другой натуры въ немъ нѣтъ». Указаніе на то, что въ человѣческомъ организмѣ наблюдаются и душевныя движенія и физическія явленія, Чернышевскій примиряетъ тѣмъ, что нѣтъ такого предмета, который имѣлъ бы только одно качество и что, напротивъ, каждый предметъ обнаруживаетъ безчисленное мно-

жество разныхъ явленій, которыя мы для удобства сужденій о немъ подводимъ подъ разные разряды. Даже дерево имѣетъ растительную силу и удобогорастимость и т. д.

Многіе думали (въ томъ числѣ и профессоръ кievской духовной академіи П. Юркевичъ), что Чернышевскій не понималъ разницы между матеріальными и психическими явленіями; между тѣмъ Чернышевскій нигдѣ не говоритъ въ своей статьѣ, что нѣтъ никакой разницы между такъ называемыми физическими явленіями, съ одной стороны, и явленіями психическими—съ другой. Напротивъ, онъ категорически признаетъ существованіе этой разницы; но онъ думаетъ, что она не даетъ никакого права относить психическія явленія на счетъ особаго матеріальнаго фактора. Тяжкій грѣхъ противъ логики,—замѣчаетъ г. Плехановъ,—совершаетъ тотъ, кто полагаетъ, что такъ какъ ощущеніе и мышленіе совсѣмъ не похожи на движеніе и протяженіе, то они должны быть отнесены на счетъ другой субстанціи (духа), совершенно отличной отъ той (матеріи), къ которой пріурочивается протяженіе и движеніе.

Онъ очень высокаго мнѣнія о философскомъ умѣ Чернышевскаго. Его,—говоритъ онъ,—знаютъ у насъ, какъ публициста, отчасти какъ историка литературы, т. е. какъ автора «Очерковъ Гоголевскаго періода» и статьи о Лессингѣ,—но его совсѣмъ не знаютъ, какъ философа. Это объясняется, во-первыхъ, тѣмъ, что онъ мало писалъ о философіи, а, во-вторыхъ, его манерой изложенія своихъ мыслей. Онъ писалъ такъ просто и ясно, что нѣкоторые его читатели наивно отказывались именно по этой причинѣ признавать за философію то, что онъ излагалъ въ статьѣ «Антропологическій принципъ». Самъ Чернышевскій по этому поводу очень мило остритъ: «Вы наслушались, что философія—предметъ головоломный. Вы пробовали читать философскія статьи, вродѣ произведеній г. Лаврова, и ровно ничего не понимали. А г. Лавровъ былъ, по вашему мнѣнію, хорошій философъ. Вотъ и состроился у васъ въ умѣ силлогизмъ такого рода: «философіи я не понимаю; слѣдовательно, то, что я могу понимать,—не философія».

Что касается историческихъ взглядовъ Н. Г. Чернышевскаго, то г. Плехановъ полагаетъ, что Чернышевскій во многихъ случаяхъ придерживается матеріалистическаго взгляда на исторію и преобладающимъ условіемъ прогресса считалъ развитіе общественной среды, т. е. преобладаніе челоуѣческихъ интересовъ и выгодъ надъ мнѣніями объ истинѣ и лжи. Но въ другихъ случаяхъ Чернышевскій переходилъ на идеалистическую точку зрѣнія. По поводу «Писемъ объ Испаніи» Боткина онъ допускаетъ въ Испаніи существованіе сословій и не признаетъ ихъ классовой борьбы. Считая всюду одно невѣжество націи препятствіемъ къ прогрессу, онъ думаетъ о странахъ, какъ утописты-реформаторы (Сень-Симонъ, Фурье и Оуэнъ), о которыхъ въ «Манифестѣ» Маркса и Энгельса сказано: «они видѣли уже антагонизмъ классовъ, равно какъ и вліяніе разрушительныхъ элементовъ внутри самого господствующаго общества. Но они не видѣли въ пролетаріатѣ никакой исторической самодѣтельности, никакого, свойственнаго ему, политическаго движенія». Они,—характеризуетъ ихъ г. Плехановъ,—обращались ко всѣмъ классамъ общества, они въ пропагандѣ своихъ практическихъ плановъ указывали не на то, что разъединяетъ эти классы,

а на то, что могло бы ихъ объединить. А такъ какъ современное общество построено на антагонизмѣ классовъ, то главныя усилія пропагандистовъ-утопистовъ естественно направлялись на изображеніе преимуществъ будущаго общественнаго порядка, въ которомъ исчезнетъ классовый антагонизмъ, уступивъ мѣсто всеобщей солидарности. Чтобы понять преимущества этого будущаго общественнаго порядка, нужно только вдуматься въ социальныя законы, открытыя даннымъ социальнымъ реформаторомъ. Соціалистамъ-утопистамъ казалось, что достаточно было понять ихъ системы, чтобы немедленно признать ихъ наилучшими планами наилучшаго общественнаго устройства. Но если вся дальнѣйшая исторія общества сводилась для социалистовъ-утопистовъ къ пропагандѣ и практическому осуществленію ихъ реформаторскихъ плановъ, то она по необходимости представлялась имъ въ свѣтѣ идеализма. Мнѣнія правятъ міромъ, говорили французскіе просвѣтители XVIII вѣка. Они были убѣждены, что судьба этого общества будетъ рѣшена «мнѣніемъ», т. е. взглядомъ его членовъ на планъ общественнаго переустройства, предлагаемый тѣмъ или другимъ реформаторомъ. Они не спрашивали себя, отчего же зависить то, что въ данномъ обществѣ господствуютъ тѣ, а не другіе взгляды. Чернышевскій иногда признавалъ зависимость «взглядовъ» отъ классовыхъ интересовъ, а иногда забывалъ послѣднее. «Эта неустойчивость, этотъ постоянный переходъ отъ идеализма къ материализму,—говоритъ Плехановъ,—даютъ себя чувствовать и въ историческихъ разсужденіяхъ Чернышевскаго, который въ этомъ отношеніи очень напоминаетъ великихъ утопистовъ Запада». То у него общественныя взгляды опредѣляются общественными интересами, общественная мысль — общественною жизнью («латифундіи погубили Италію»); то у него прогрессъ основывается на умственномъ развитіи и коренная сторона его прямо состоитъ въ успѣхахъ и развитіи знаній. Въ послѣднемъ случаѣ Чернышевскому и въ голову не приходитъ, что «успѣхи и развитіе знаній» могутъ зависѣть отъ социальныхъ отношеній, въ однихъ случаяхъ способствующихъ этому успѣху и этому развитію, а въ другихъ препятствующихъ имъ. Соціальныя отношенія изображаются у него, какъ простое послѣдствие распространенія извѣстныхъ мнѣній. Такимъ образомъ, Чернышевскій держался разныхъ взглядовъ на исторію въ одно и то же время, и это характерно для него, какъ для человѣка, еще не успѣвшаго свести къ одному принципу свои историческіе взгляды и потому, такъ сказать, одновременно державшагося и материализма, и идеализма въ своихъ разсужденіяхъ о ходѣ исторіи. Но, говоритъ г. Плехановъ, въ сочиненіяхъ, написанныхъ Чернышевскимъ по возвращеніи изъ Сибири, встрѣчаются уже поразительно мѣткія замѣчанія, насквозь пропитанныя духомъ материалистическаго объясненія исторіи. Немало такихъ замѣчаній въ приложеніи къ 7-му тому Вебера («О расахъ»), къ 8-му («О классификаціи людей по языку») и наконецъ, и особенно, въ приложеніи къ 9-му тому («О различіяхъ между народами по національному характеру»).

Что касается экономическихъ взглядовъ Чернышевскаго, то и въ нихъ г. Плехановъ видитъ ту же двойственность: то Чернышевскій глядитъ съ утопически-идеалистической точки зрѣнія на экономическій строй страны, то даже въ свახъ Вѣры Павловны Лопухиной въ романѣ «Что дѣлать?» Чернышевскимъ прово-

дится сознание того, что социалистическій строй может основываться только на широко́м примѣненіи къ производству техническихъ силъ, развитыхъ буржуазнымъ періодомъ. «Въ снахъ Вѣры Павловны огромныя арміи труда занимаются производствомъ сообща. Все-это, конечно, можно было вообразить и съ помощью Фурье, но что этого не знала русская читающая публика, видно даже изъ послѣдующей исторіи такъ называемаго русскаго социализма. Въ своихъ представленіяхъ о социалистическомъ обществѣ наши революціонеры нерѣдко доходили до того, что воображали его въ видѣ федераціи крестьянскихъ общинъ, обрабатывающихъ свои поля той же допотопной сохой, съ помощью которой они ковыряли землю еще при Василии Темномъ. Но само собою разумѣется, что такой «социализмъ» вовсе не можетъ быть признанъ социализмомъ. Освобожденіе пролетаріата можетъ совершиться только въ силу освобожденія человѣка отъ «власти земли» и вообще природы. А для этого послѣдняго освобожденія безусловно необходимы тѣ арміи труда и то широкое примѣненіе къ производству современныхъ производительныхъ силъ, о которыхъ говорилъ въ снахъ Вѣры Павловны Чернышевскій». Здѣсь г. Плехановъ, очевидно, говоритъ о побѣдоносномъ шествіи въ Россіи капитализма, со всѣми его послѣдствіями въ томъ случаѣ, когда на фабрикахъ кооперированныя массы рабочихъ поймутъ противоположность коллективнаго производства съ его индивидуальнымъ распределеніемъ и изыщутъ мѣры къ ихъ примиренію.

Въ примѣчаніяхъ къ «Политической экономіи» Милля Чернышевскій говоритъ, что принципы будущаго экономическаго устройства состоятъ въ томъ, что труду не слѣдуетъ быть товаромъ; что человѣкъ работаетъ съ полною успѣшностью лишь тогда, когда работаетъ на себя, а не на другого; что чувство собственнаго достоинства развивается только положеніемъ самостоятельнаго хозяина; что поэтому искать надлежащаго благосостоянія будетъ работникъ только тогда, когда станетъ хозяиномъ; что съ тѣмъ вмѣстѣ принципъ сочетанія труда и характеръ улучшенныхъ производительныхъ процессовъ требуетъ производительной единицы очень значительнаго размѣра, а физиологическія и другія естественныя условія требуютъ сочетанія очень многихъ разнородныхъ производствъ въ этой единицѣ; и что поэтому отдѣльные хозяева-работники должны соединяться въ товарищества.

Пути къ осуществленію коллективнаго производства богатствъ и такого же его распределенія Чернышевскій допускалъ, при умственной солидарности рабочихъ, даже въ выпускѣ государствомъ бумажныхъ денегъ, избѣгая прогрессивнаго налога, чтобы не произвести на капиталистовъ «тяжелаго впечатлѣнія» и «не нарушить замѣтнымъ образомъ никакихъ существенныхъ интересовъ». Однѣ эти строки,—говоритъ Плехановъ,—могли бы убѣдить насъ, что въ лицѣ Чернышевскаго мы имѣемъ дѣло съ социалистомъ-утопистомъ; что Чернышевскій, разсуждая о буржуазномъ обществѣ, искалъ основаній для своихъ выводовъ не въ дѣйствительной жизни этого общества, а въ «требованіяхъ здоровой теоріи». Въ основѣ этихъ требованій лежали ученія тѣхъ же буржуазныхъ экономистовъ, противъ которыхъ спорилъ Чернышевскій. Но онъ видоизмѣнялъ и дополнялъ эти ученія, руководясь размышленіями объ экономической жизни воображаемаго социалистическаго общества съ населеніемъ отъ нѣсколь-

кихъ сотъ до нѣсколькихъ тысячъ человѣкъ. Примѣрные арифметическія выкладки—счетоводство воображаемаго общества—составляли всю сущность его «гипотетическаго» метода. Съ помощью такихъ пріемовъ нельзя было сдѣлать что-нибудь прочное въ наукѣ. Примѣръ Чернышевскаго, обладавшаго такими огромными, по истинѣ рѣдкими, способностями, лучше всякаго другого показываетъ несостоятельность утопической точки зрѣнія.

Этотъ приговоръ надъ Чернышевскимъ г. Плехановъ смягчаетъ оговоркой о томъ, что эпитетъ «утопическій», прилагаемый къ социализму въ извѣстной фазѣ его развитія, совсѣмъ не имѣетъ смысла порицанія. «Онъ просто-напросто характеризуетъ подъ нашимъ перомъ ту точку зрѣнія, съ которой смотрѣлъ на общественную жизнь социализмъ въ первой фазѣ своего развитія. Эта точка зрѣнія стала неудовлетворительной съ тѣхъ поръ, какъ социализмъ перешелъ, благодаря Марксу и Энгельсу, на точку зрѣнія науки. Но въ свое время утопическій социализмъ оказалъ огромныя услуги дѣлу развитія общественной мысли; въ числѣ его представителей мы встрѣчаемъ цѣлый рядъ по истинѣ гениальныхъ людей, и относиться къ нему съ пренебреженіемъ могутъ только самодовольные филистеры, не имѣющіе ни малѣйшаго понятія о томъ, какъ развивается человѣческая мысль. По той же самой причинѣ нелѣпо было обижаться на насъ,—какъ обидѣлись нѣкоторые, не по разуму усердные поклонники Чернышевскаго,—за то, что мы отнесли нашего великаго «просвѣтителя» къ числу утопистовъ. Утопистами были также Сень-Симонъ, Фурье, Р. Оуэнъ, а мы смѣемъ думать, что находиться въ ихъ компаніи значитъ быть въ очень и очень хорошемъ обществѣ».

Это, конечно, очень утѣшительно для Чернышевскаго, хотя можно и усомниться въ безусловной достовѣрности мнѣній Маркса и Энгельса о томъ, что и политическая исторія и экономическій бытъ страны обусловлены не множественностью причинъ и ихъ взаимодействіемъ (матеріальныя нужды, политическія формы, политическія права, умственное развитіе массъ, психологическое и религіозное ихъ настроеніе, критическая сила отдѣльной личности, диктатура и т. д.), но главнымъ образомъ состояніемъ производительныхъ силъ, способами производства богатства и его распредѣленія, социальной средой, въ соотвѣтствіи съ которой вырастаютъ и идеологическія надстройки. Такимъ образомъ въ области исторіи и политической экономіи Чернышевскій, по заявленію г. Плеханова, весьма часто отступалъ отъ матеріалистической точки зрѣнія Фейербаха («человѣкъ есть то, что онъ ѣстъ») и тѣмъ болѣе отъ Маркса и Энгельса. Съ такой же точки зрѣнія историческаго идеализма, по мнѣнію Плеханова, Чернышевскій разсматриваетъ весьма часто и литературныя явленія. Признавая, на примѣръ, въ разсказахъ Н. В. Успенскаго русскаго крестьянина «простофилей» и вообще безотраднымъ существомъ, Чернышевскій въ то же время заявилъ, что и этотъ деморализованный народъ способенъ въ минуты подъема на «отважныя рѣшенія». Не объясняя обстоятельствъ, которыми создается историческій подъемъ, Чернышевскій вѣритъ въ энергію народныхъ массъ а priori.

Той же вѣрой проникнуто и его увлеченіе литературой, когда, разбирая «Бригадира» Фонвизина, онъ признаетъ за литературнымъ произведеніемъ влияние на общество только тогда, когда идеи, лежащія въ основаніи произведенія,

входить въ живое прикосновеніе съ дѣйствительною (умственной, нравственною или практическою, это все равно, но непременно съ дѣйствительною) жизнью общества, такъ что, прочитавши это произведеніе, общество станетъ чувствовать себя не совсѣмъ такимъ, какъ прежде, почувствуетъ, что его взглядъ на вещи прояснился или измѣнился, почувствуетъ, что данъ толчокъ его умственной или нравственной жизни.

Исходя изъ этого взгляда на литературу, Чернышевскій признаетъ новый въ ней періодъ съ Гоголя, а не съ Пушкина. Послѣдній, говоритъ Плехановъ, не прочь пожурить своихъ героевъ за ихъ свѣтскую пустоту, ограниченность, эгоизмъ и т. д.; но въ его «Онѣгинѣ» нѣтъ даже намекъ на то коренное отрицаніе изображаемаго имъ общественнаго быта, какое находится въ произведеніяхъ Гоголя. Вотъ этотъ-то элементъ отрицанія старыхъ общественныхъ порядковъ и называется у Чернышевскаго началомъ общественнаго самосознанія.

Усматривая въ крупныхъ произведеніяхъ пера сознательное отрицаніе устарѣлыхъ общественныхъ и семейныхъ порядковъ, Чернышевскій, разумѣется, былъ врагомъ теоріи «искусства для искусства», «науки для науки», «богатства для богатства» и т. д.

По Чернышевскому, «всѣ человѣческія дѣла должны служить на пользу человѣку, если хотя бы не пустымъ и празднымъ занятіемъ: богатство существуетъ для того, чтобъ имъ пользовался человѣкъ, наука для того, чтобъ быть руководительницею человѣка; искусство также должно служить на какую-нибудь существенную пользу, а не на безплодное удовольствіе».

Онъ отлично понималъ, что наука служитъ на пользу человѣка логическими доводами, а искусство воплощается для той же цѣли въ образахъ при помощи творческой фантазіи.

Этотъ взглядъ на искусство, ославленный именемъ утилитарной и публицистической критики, не умаляетъ значенія художественной техники (выполненія), но признаетъ искусство, какъ мышленіе въ образахъ, подчиненное процессу историческаго развитія. Чѣмъ оно ближе къ дѣйствительности и, главнымъ образомъ, къ высшимъ идеаламъ, тѣмъ вліяніе его на общество сильнѣе и глубже.

Взгляды Чернышевскаго на искусство, проповѣдуемые имъ въ диссертаци «Эстетическія отношенія искусства къ дѣйствительности», въ «Очеркахъ Гоголевскаго періода», въ статьяхъ о Лессингѣ и т. д., были воспроизведеніемъ мыслей В. Г. Бѣлинскаго о томъ, что «искусство есть осуществленіе въ изящныхъ образахъ современнаго сознанія о значеніи и цѣли жизни». Эти же взгляды на искусство были пропагандируемы потомъ Н. А. Добролюбовымъ и до сихъ поръ господствуютъ въ русской критикѣ.

А. Фаресовъ.

Чернышевскій, М. Н. Библиографическій указатель статей о Н. Г. Чернышевскомъ и его сочиненіяхъ. Спб. 1909. Стр. 38. Цѣна 20 к.

Родственники нашихъ писателей въ большинствѣ случаевъ относятся индифферентно къ ихъ памяти, не только не заботятся о хорошемъ изданіи ихъ сочиненій, о собираніи матеріаловъ для біографіи, но даже не заботятся о сохра-

пені рукописей, писемъ. Рѣдкимъ исключеніемъ является сынъ Чернышевскаго Михаилъ Николаевичъ: онъ съ большою любовью относится къ памяти своего отца, къ изданію его сочиненій, трудится надъ собираніемъ матеріаловъ объ отцѣ, облегчая изученіе его личности, жизни и дѣятельности. Несомнѣнно, громадную услугу изслѣдователямъ оказалъ сынъ Чернышевскаго, выпустивъ обширный библиографическій указатель литературы объ отцѣ, составленный съ большою любовью и стараніемъ.

Несмотря на всѣ старанія, М. Н. Чернышевскій все-таки не избѣжалъ нѣкоторыхъ пропусковъ. Укажемъ слѣдующіе: 1) перепечатка отзыва архіепископа Никанора о Чернышевскомъ—«Новости», 1890, № 194; 2) Маслово, «Идеализація натурального хозяйства»—«Научное Обозрѣніе», 1899, № 3. 3) Л. Шелгунова, «Изъ далекаго прошлаго». Спб. 1901, стр. 111—112. 4) Гутьяръ, И. С. Тургеневъ. Юрьевъ. 1907, стр. 243—247, 338. 5) С. А. Венгеровъ, «Очерки по исторіи русской литературы». т. I, Спб. 1907, стр. 55—56. 6) Отзывъ о Чернышевскомъ Тургенева.—Бирюковъ, Толстой, т. I. М. 1908, стр. 281—282; 7) «Памяти Карла Маркса». Сборникъ. Спб. 1908; 8) Вѣтринскій, «Герценъ», Спб. 1908; 9) С. А. Венгеровъ, «Основныя черты исторіи новѣйшей русской литературы», 2-е изд. Спб. 1909, стр. 53; 10) А. Г. Фоминъ. Н. Г. Чернышевскій.—«Пробужденіе», 1908 г.; 11) Къ посмертной судьбѣ Н. Г. Чернышевскаго. Сообщилъ Л. С. М.—«Русскій Архивъ», 1909, № 6, стр. 217—218; 12) Н. И. Мердерь. Письмо къ издателю «Русскаго Архива» о Н. Г. Чернышевскомъ.—«Русскій Архивъ», 1909, № 6, стр. 218—220; 13) Г. В. Плехановъ, «Чернышевскій», Исторія русской литературы XIX вѣка подъ ред. Д. Н. Овсяннико-Куликовскаго, т. III, М. 1909, стр. 160—203. Наконецъ указатель нужно дополнить вышедшими послѣ его появленія статьями: Туганъ-Барановскій, «Герценъ и Чернышевскій»—«Жизнь для всѣхъ», 1909, № 12, и А. Лебедевъ, «Къ біографіи Н. Г. Чернышевскаго»—«Историческій Вѣстникъ», 1909, кн. XII, стр. 999—1004.

А. Ф—въ.

**Колтоновская, Е. А. Новая жизнь. Критическія статьи. Спб. 1910.
Стр. VIII+239. Ц. 1 р.**

Извѣстность писателя у насъ часто не бываетъ связана съ внутренней его цѣлностью и наоборотъ. Кто, кромѣ узкаго литературнаго круга, знаетъ г-жу Колтоновскую? А между тѣмъ она, несомнѣнно, выдѣляется изъ значительнаго числа нашихъ критиковъ, имена которыхъ хорошо извѣстны. Статьи г-жи Колтоновской появлялись въ разныхъ изданіяхъ, главнымъ образомъ въ «Образованіи», теперь онѣ выпущены отдѣльной книжкой-сборникомъ. Можетъ быть,—и мы отъ всей души желаемъ этого,—сборникъ наконецъ обратитъ должное вниманіе на г-жу Колтоновскую.

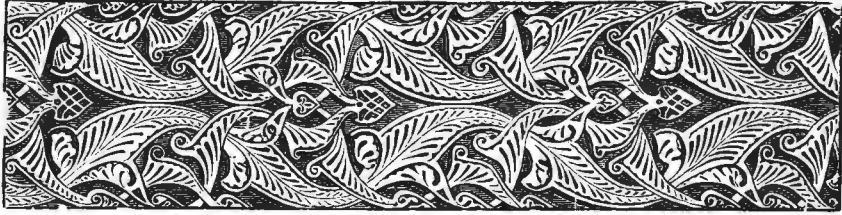
Статьи, вошедшія въ сборникъ, посвящены Куприну, Вересаеву, Ропшину, Потапенку, Л. Андрееву, В. Зайцеву, Арцыбашеву, Дмитріевой, Олигеру, Тимковскому, Юшкевичу и иностраннымъ писателямъ Ведкиндю, Гамсуну, Гофмансталу и другимъ.

У многих наших критиков нѣтъ критическаго темперамента, повышенной воспримчивости, чуткости, однимъ словомъ, ихъ душевная организація не имѣетъ ничего общаго съ психикой критика. Въ этомъ отношеніи г-жа Колтоновская выгодно выдѣляется. Когда читаешь ея статьи, чувствуешь въ авторѣ настоящій критическій темпераментъ, чего нельзя сказать про многихъ нашихъ критиковъ, ту чуткость и повышенность воспріятія, которыя составляютъ основныя черты психики критика. Съ первыхъ же страницъ книги видно, что авторъ не простой критикъ-ремесленникъ, что критика—его «святая святыхъ», что каждая мысль имъ прочувствована и продумана, неотдѣлима отъ личности критика, составляетъ частицу его души, что въ написанномъ—весь авторъ со всѣми своими чувствами, со всѣми своими душевными переживаниями. Съ каждой страницей постепенно все яснѣе и яснѣе вырисовывается личность критика, и наконецъ его душевный обликъ дѣлается совершенно яснымъ: это очень нѣжная, чуткая душевная организація, ищущая, стремящаяся разрѣшить вопросы жизни, осмыслить ее, оправдать. Чрезвычайно характерно для г-жи Колтоновской, что, несмотря на то, что сборникъ состоитъ изъ нѣсколькихъ разнообразныхъ статей, написанныхъ въ разное время, онъ весь проникнутъ единствомъ настроенія, единствомъ темперамента, единствомъ мысли, покоится на одномъ философскомъ фундаментѣ. Это говоритъ о глубокой искренности г-жи Колтоновской, что такъ рѣдко встрѣчается въ критикѣ. Эта неотдѣлимость своего «я» отъ написаннаго, эта искренность влечетъ за собою другую цѣнную въ критикѣ черту—самостоятельность, независимость сужденій отъ тѣхъ или иныхъ установившихся взглядовъ. Смѣло идетъ авторъ своею собственною дорогою, смѣло высказываетъ то, что имъ пережито, перечувствовано.

Въ книгѣ есть субъективное, такое, съ чѣмъ можно спорить, не соглашаться; отдавая своимъ личнымъ ощущеніямъ, критикъ иногда обнаруживаетъ какъ бы своеобразную потерю перспективы, какую-то догматичность, гиперболичность, въ родѣ утвержденія, что «Купринъ самый яркій изъ нашихъ новыхъ писателей». Можно спорить съ авторомъ, но нельзя отказать его мыслямъ во вниманіи, интересѣ, въ книгѣ столько исканій, столько чуткости, столько настоящей бьющей ключомъ жизни! Въ г-жѣ Колтоновской такъ много оптимизма, такая страстная любовь къ личности, къ жизни, такая горячая вѣра въ то, что утвержденіе личности и жизни принесетъ человѣчеству обновленіе, что невольно проникаешься настроеніемъ автора, хочется раздѣлять эту вѣру, хотя разумъ и препятствуетъ, вызываетъ сомнѣнія, не является ли это лишь вѣрой, лишь прекрасной мечтой, чарующей иллюзіей, что жизнь лишена того смысла, который видитъ въ ней авторъ.

Статьи написаны съ большимъ подъемомъ, иногда звучитъ настоящій лиризмъ; г-жа Колтоновская не только чуткій критикъ, но и недурной стилистъ, статьи написаны очень живо, литературно.

А. Фоминовъ.

ЗАГРАНИЧНЫЯ ИСТОРИЧЕСКІЯ НОВОСТИ И МЕЛОЧИ.

ЕКСПИРЪ и Бальзакъ.—По приглашенію редакціи «Revue Bleue» ¹⁾ англійскій критикъ Джорджъ Муръ прочиталъ лекцію, взявъ темой представителей литературы двухъ народностей—Шекспира и Бальзака. Каждый народъ имѣетъ свое излюбленное искусство: на примѣръ, греки—скульптуру, англичане же—поэзію, и у нихъ глубокая мысль отыщется скорѣе въ поэзіи, чѣмъ въ прозѣ, поэтому, не найдя среди англійскихъ романистовъ равнаго по глубинѣ мысли такому мыслителю-романисту, какъ Бальзакъ, Муръ остановился на поэтѣ-мыслителѣ, а именно—Шекспирѣ. Въ произведеніяхъ Уортсворда, Шелли Китса, Байрона много мысли, но они лирическіе поэты, не имѣющіе ничего общаго съ авторомъ «Человѣческой Комедіи». Проводя параллель между обоими писателями, Муръ говоритъ: «Если вся Франція погибнетъ подъ водою, то зло не будетъ такъ велико, лишь бы выплыли наверхъ произведенія Бальзака; точно также, если Англія очутится подъ водою, то пусть только драмы Шекспира останутся наверху. Я не преувеличиваю, что Бальзакъ и Шекспиръ ставятъ обѣ наши страны внѣ времени и катастрофы. Благодаря имъ, онѣ никогда совершенно не исчезнутъ. Можно будетъ прочитать на самомъ лучшемъ англійскомъ языкѣ, на какомъ только когда-либо писали, чѣмъ была Англія въ тотъ моментъ, когда она была сама собою и только сама собою, а вмѣстѣ съ тѣмъ и большую часть исторіи Франціи, такъ какъ исторія обѣихъ странъ любопытно переплеталась въ теченіе двусотъ лѣтъ». Генрихъ II чрезъ свой бракъ съ Элеонорой Аквитанской

¹⁾ Shakespeare et Balzac. Par George Moore. «Revue Bleue». 26 Fevrier, 5 Mars 1910.

приобрѣлъ Пикардю, Нормандю, Бретань до Нижнихъ Пиринеевъ. Шекспиръ начинаетъ свои историческія драмы съ Іоанна. Посланный отъ короля Филиппа требуетъ, чтобы Іоаннъ отрекся отъ престола въ пользу своего племянника Артура. Тогда вспыхиваетъ война между Англійей и Франціей. Англія побѣждаетъ, и Артуръ дѣлается плѣнникомъ. Однако эта побѣда мало принесла выгоды Англіи вслѣдствіе подозрительнаго и упрямаго характера Іоанна, котораго ни его nobility, дворянству, ни самому Шекспиру не удалось разобрать. Поэтому драма Шекспира осталась неясной, противорѣчивой. Напротивъ, характеръ Ричарда II, нерѣшительный, раздумывающій, послужилъ Шекспиру для прекрасной драмы, которую всегда признавали подготовительнымъ этюдомъ къ «Гамлету». Здѣсь всѣ событія чисто англійскія; но съ Генрихомъ V уже слѣдуетъ переходъ къ Франціи, въ Азенкуръ, гдѣ герцогъ Орлеанскій дѣлается плѣнникомъ. Генрихъ женится на Катеринѣ и становится французскимъ королемъ. Во время его царствованія завязывается борьба между обѣими націями. Іоанна бросаетъ свои стада и идетъ отыскивать Карла VII. Она освобождаетъ Орлеанъ, и чрезъ немного лѣтъ англичане изгоняются изъ Франціи. Вторая и третья части драмы «Генрихъ VI» рассказываютъ о войнахъ Алой и Бѣлой Розы, т. е. между Іоркомъ и Ланкастеромъ, оканчивающихся смертью Ричарда III въ битвѣ при Босвортѣ. Шекспиръ ничего не написалъ о царствованіи Генриха VII, но онъ написалъ прекрасную драму на Генриха VIII, какъ бы желая указать на послѣднюю связь, существовавшую между Англійей и Франціей.

«Французы едва не сдѣлались протестантами,—замѣтилъ лекторъ:—только Генрихъ Наваррскій думалъ, что Парижъ стоилъ мессы, а Генрихъ VIII ради поцѣлуя Анны Болейнъ рѣшился пойти еще дальше».

Въ твореніяхъ Бальзака исторія Франціи не такъ полна и опредѣленна. Романиста слишкомъ захватывала его эпоха, и все-таки онъ съ нею разстался для прекраснаго изслѣдованія о Катеринѣ Медичи, соблазненный религиозной борьбой между Англійей и Франціей. Ничего нѣтъ болѣе поразительнаго въ «Человѣческой Комедіи», какъ сцена Катерины, находившейся лицомъ къ лицу съ человѣкомъ, предназначеннымъ къ пыткѣ. Королеву спрашиваютъ, надо ли еще повернуть колесо, и она, зная, что жертва въ силахъ противостоять страданіямъ, отвѣчаетъ: «Да, еще одинъ поворотъ, это вѣдь еретикъ». Сцена возлѣ умирающаго дофина также прекрасна. Форма Корнеля, Мольера, Расина совершенно отлична отъ формы Бальзака и, можно сказать, вполне противоположна, но когда вникнуть въ сущность идей, то видно, что онъ не менѣе ихъ французъ. Такъ же, какъ и они, Бальзакъ остается горожаниномъ, пользующимся услугами природы только для любовныхъ сценъ и ухаживаній, нисколько не заботясь о красотѣ деревьевъ и, быть можетъ, не умѣя отличить березы отъ лиственницы. Ему надобъдается голубоватый горизонтъ, и онъ ищетъ глазами города, не интересуясь ничѣмъ, какъ только людьми и городами, которые они строятъ. Въ «Fergus» онъ описываетъ на нѣсколькихъ страницахъ улицы Парижа. Въ «Катеринѣ Медичи» ему нуженъ весь городъ, и онъ рассказываетъ со всѣми подробностями, какія произошли перемѣны въ Парижѣ съ XVI вѣка. Не будь онъ чудный романистъ, замѣчаетъ Муръ, онъ былъ бы архитекторомъ или историкомъ. Историкъ онъ и есть. Въ «Катеринѣ Медичи» она и окружающія ее лица столь же

живья, какъ и въ «Человѣческой Комедіи». Бальзакъ добился того, что придалъ своимъ произведеніямъ особую жизненность, прибѣгая къ разговорамъ, и хотя такой способъ толковать исторію не совсѣмъ научный, но непрофессиональные историки съ удовольствіемъ прочтутъ «Катерину Медичи». Живая исторія, прибавляетъ Муръ, лучше, чѣмъ мертвая, если даже она правдивая. Закрывая книгу, они пожалѣютъ, что это произведеніе—единственный историческій опытъ Бальзака. Подъ романистомъ Бальзакомъ скрывался историкъ и во всѣхъ своихъ разсказахъ онъ заботился объ историческихъ подробностяхъ. Въ «*Ménage de Garçons*» Бальзакъ останавливается на описаніи деревни, какъ она существовала въ XVI вѣкѣ, подъ предлогомъ, что тамъ родилась его героиня или подъ другимъ какимъ-нибудь пустымъ предлогомъ. Въ «*Les paysans*», описывая паркъ, онъ начинаетъ съ семи воротъ парка. Цѣль этого романа—доказать, что закона было недостаточно для защиты выгодъ землевладѣльцевъ противъ соображеній крестьянъ; съ необычной проицательностью онъ предусмотрѣлъ всѣ событія, случившіяся въ Ирландіи въ теченіе послѣднихъ двадцати пяти лѣтъ. Побѣда фермеровъ въ концѣ романа только точная картина того, что происходитъ въ Ирландіи въ настоящее время. Въ своихъ «*Choans*» Бальзакъ разсказываетъ о несчастіяхъ и героизмѣ крестьянъ, не желавшихъ признать республики, а, ради удовольствія описать отступленіе французовъ изъ Россіи онъ создалъ сказку «Прощай», гдѣ, описывая переправу черезъ Березину, несчастная женщина, говоря послѣднее слово своему мужу, произноситъ: «Прощай»,—единственное слово, которое пришло ей на умъ въ ея безуміи. Эта сказка доказываетъ, что Бальзакъ умѣлъ интересоваться крупными историческими событіями, но его захватывала собственная эпоха.

У обоихъ этихъ мастеровъ человѣческой мысли есть общность въ главныхъ чертахъ ихъ таланта, но и разница въ малосущественныхъ чертахъ. «Для насъ,—говоритъ Муръ,—оба они самые великіе вызыватели душъ, какіе когда-либо существовали. Въ этомъ отношеніи имъ не найдется равныхъ ни въ Германіи, ни въ Испаніи, ни въ Италіи, а если вернуться къ античной Греціи, то найдется болѣе вкуса, но не найдется того изобилія, какъ у Шекспира и Бальзака: «они плодovиты, какъ сама жизнь». Признавая, что персонажи Бальзака—крупны, Муръ, однако, оговаривается, что у нихъ нѣтъ безсмертной привлекательности Лира, Отелло, Макбета и Гамлета, ни Донъ-Кихота, ни Санхо. У Бальзака нѣтъ героическаго чувства, а у Шекспира оно есть. Именно это чувство героическаго столько разъ спасало его отъ крушенія, какъ, на примѣръ, въ «Королѣ Лирѣ». Поэты, какъ боги, не приводятъ своихъ причинъ, говоритъ Муръ, недовольный замѣчаніями Льва Николаевича Толстого, который нашель, что если чего не хватаетъ трагедіи, то здраваго смысла. Свенборнъ, расхвалившій «Короля Лира», однако тоже нашель маленькій недостатокъ, а именно—исчезновеніе безумнаго, наиболѣе разсудительной личности во всей трагедіи, послѣ котораго вся трагедія не что иное, какъ буря, отчаяніе, ужасъ. По мнѣнію Мура, не одно это исчезновеніе странно въ означенной пьесѣ: все въ ней необъяснимо, даже геній Шекспира, если не допустить, что эта пьеса—черновикъ, недостаточно обработанный. Роль Эдмонда составлена изъ довольно плоскаго лицемѣрія: его братъ Эдгаръ—непонятенъ. Въ его роли угадывается идея, которую авторъ тщетно

искалъ и не находилъ. Дѣйствіе колеблется между очень отдаленной эпохой и средневѣковьемъ. Три дочери Лира чуть болѣе намѣчены, чѣмъ три сестры въ «Сандрильонѣ». Такъ кажется, когда читаешь пьесу, но она пріобрѣтаетъ сверхъестественное величіе, когда ее разыгрываютъ на сценѣ. «Шекспира надо видѣть, говорить Муръ, ему необходимъ парадъ, и особенно его надо слышать, такъ какъ онъ скорѣе обращается къ уху, чѣмъ къ глазу. Король Лиръ самый прекрасный эскизъ, какой когда-либо поэтъ оставилъ послѣ себя, но не надо забывать, что эскизъ въ литературѣ не стоитъ законченнаго произведенія».

Въ этомъ отношеніи Бальзакъ, по мнѣнію Мура, утѣшающаго французовъ тѣмъ, что заимствовать сюжеты у другихъ—право самаго великаго артиста, позаимствовалъ у Шекспира. Рубенсъ дѣлалъ то же, привезя съ собою изъ Италіи композицію «Снятія со Креста». Только задача Бальзака была труднѣе: Рубенсъ дѣлалъ честь, беря собственность у какого-нибудь художника, тогда какъ Бальзакъ вступилъ въ борьбу съ самымъ великимъ поэтомъ на свѣтѣ и съ торжествомъ вышелъ изъ нея съ образцовымъ произведеніемъ, стоящимъ на одной высотѣ съ оригиналомъ. Читая «Короля Лира» и «Père Goriot», мы испытываемъ художественный восторгъ, который не заставляетъ проливать слезъ. Въ произведеніяхъ Шекспира нѣтъ ни одной слезы; въ сочиненіяхъ Бальзака—тоже.

Муръ обратилъ вниманіе на одно обстоятельство: всѣ критики Шекспира, обогащая критическую литературу ежемѣсячно по шести книгъ, въ одинъ голосъ оглушаютъ своимъ восклицаніемъ, что «все прекрасно, все блестяще у этого несравненнаго автора». Подобное безуміе съ каждымъ годомъ возрастаетъ и среди этихъ голосовъ громче всѣхъ раздается голосъ Свенборна изъ могилы: «Все, что можно знать о человѣческой жизни мужчины, женщины или ребенка, Шекспиръ зналъ лучше, чѣмъ какой-либо человѣкъ, родившійся когда-либо на свѣтѣ!» Между тѣмъ Шекспиръ такъ мало написалъ о дѣтяхъ. Все несчастіе въ томъ, по мнѣнію Мура, что эти преувеличенныя похвалы мѣшаютъ правдивой оцѣнкѣ поэта. Всѣ теряютъ голову, и самыя характеристичныя черты его генія пропадаютъ незамѣченными. Въ настоящее время Шекспира читаютъ, какъ когда-то читали пророковъ съ предвзятой мыслью—доказать, что авторъ драмъ—актеръ, а не лордъ Бэконъ, или чтобы написать книгу, которая проведетъ автора на хорошо оплачиваемую университетскую кафедру, или же по патріотическимъ причинамъ.

Точно также знаменитые критики, между прочимъ Тэнъ, расхваливали шекспировскіе женскіе типы. Въ этомъ случаѣ поговорка: «изъ-за дерева не видно лѣса»—вполнѣ подходит, и изъ-за восторженныхъ похвалъ не видно Шекспира. Муръ удивляется, какъ это послѣ ихъ восемнадцатичасоваго чтенія, закрывая томъ сочиненія Шекспира, критикамъ никогда не приходитъ въ голову, что поэтъ ничего другого не дѣлалъ, какъ рисовалъ серію портретовъ мужчинъ самыхъ совершенныхъ, какіе только существовали, и давалъ только кое-гдѣ эскизы нѣкоторыхъ женскихъ силуэтовъ, правда, силуэтовъ прелестныхъ, какъ, на примѣръ, Офелія, Дездемона и Корделія. Даже тотъ фактъ, что въ эпоху Шекспира женскія роли исполнялись молодыми людьми, не наводилъ профессоровъ на мысль, что Шекспиръ писалъ только роли для раздачи—и дѣй-

ствительно онъ именно это дѣлалъ. Въ его пьесахъ мало женскихъ ролей, которыя требовали бы тѣла и граціи женщины, а измѣчивый умъ Беатрисы могъ бы изобразить и молодой человѣкъ.

Создвія лэди Макбетъ, Шекспиръ, можно сказать, избѣгалъ доказывать, что она господствовала надъ своимъ мужемъ. «Господа профессора скажутъ мнѣ,—замѣчаетъ Муръ:—что это господство было исключительно интеллектуальное. Да, но почему? Потому, что Шекспиръ зналъ, что роль будетъ разыграна молодымъ человѣкомъ. Катерина въ «Укрощеніи строптивой» также могла быть разыграна мужчиной, эта роль проста—роль разъяренной женщины. Въ «Двѣнадцатой ночи» Шекспиръ еще разъ старается изгнать женщину: Віола передѣвается мальчикомъ, чтобы находиться возлѣ герцога, котораго она любитъ. Живопись и музыка такъ настойчиво указываютъ на женственность Джульетты, что я не осмѣливаюсь говорить о ней, но все-таки если заглянуть въ текстъ, то видно, что Шекспиръ никогда не старался вложить разницу между любовью Ромео къ Джульеттѣ и любовью Джульетты къ Ромео. Личность Дездемоны еще болѣе неясная: она выражаетъ немного повиновенія—не болѣе. Тѣмъ не менѣе одинъ извѣстный профессоръ посвятилъ ей много страницъ въ своей книгѣ «Женщины Шекспира», гдѣ онъ преслѣдуетъ этотъ прекрасный призракъ, быть можетъ, самый красивый въ литературѣ, и другіе прекрасные призраки, немного менѣе красивые. Профессоръ не понималъ, что если бы Шекспиръ разработалъ свой женскій персоналъ, его произведенія были бы не такъ совершенны, потому что произведение искусства не можетъ состоять только изъ вершинъ, ему надо и равнины и долины. По исторической или практической причинѣ, а можетъ быть это дѣло темперамента, только женщины Шекспира представляютъ совершенно второстепенный интересъ. Но, по замѣчанію Мура, вотъ въ чемъ дѣло: если допустить это, значить допустить, что искусство Шекспира не является совершенствомъ, высшимъ искусствомъ? На это онъ отвѣчаетъ, что у человѣка достаточно генія, чтобы его поклонникамъ дѣлать изъ него бога, который знаетъ прошедшее и будущее и даже угадываетъ, какая будетъ женская душа въ будущемъ, такъ какъ собственно женская душа появилась въ искусствѣ только пятьдесятъ лѣтъ спустя послѣ Шекспира, въ серединѣ XVII вѣка, и сначала не въ литературѣ, а въ живописи.

Рембрандтъ первый замѣтилъ, что у женщины есть свое собственное существованіе, что она, какъ и мужчина, думаетъ, мечтаетъ, задаетъ себѣ вопросы: является ли жизнь большимъ несчастіемъ, которое можетъ умалить лишь смерть, или прелестная прогулка, за которую надо благодарить Создателя, какъ училъ Ренанъ? Впервые женщину увидѣли на картинѣ Рембрандта—она изображала портретъ его жены. Въ ея глазахъ можно прочесть ея душу. Она печальна, какъ можетъ быть печальна женщина. Она даетъ себѣ отчетъ въ своей слабости и зависимости и почти безсознательно думаетъ, что она только спутница гениальнаго человѣка. Но Рембрандтъ написалъ ее такую безсознательно, такъ какъ, по выраженію Мура, не надо забывать, что называемое нами правдой не существуетъ въ предметахъ, а лишь въ глазахъ, которые на нихъ смотрятъ. Все, что касается женщины, мы видимъ лучше, чѣмъ это видѣли 250 лѣтъ тому назадъ. По различнымъ причинамъ Муръ не считаетъ произве-

денія Корнеля и Расина первыми попытками къ откровению женскаго сердца. Между прочимъ понимать психологію женской души въ ихъ трагедіяхъ мѣшается полустигіе и рѣма. Кромѣ того, ихъ женщины были все принцессы и дамы высшаго круга, далекія отъ простыхъ обиденныхъ огорченій и живущія отвлеченной жизнью. Поэтому первый выведшій на свѣтъ женскую душу былъ Бальзакъ, и его Эжени Гранде существо одинокое, печальное, никѣмъ не любимое и однажды въ жизни любившее. Эту меланхолію женскаго сердца угадалъ еще Рембрандтъ въ своей картинѣ. «Хотя одалиски,—говоритъ Муръ,—еще существуютъ въ нашей литературѣ, но только въ дурной литературѣ, точно также и въ живописи—только въ дурной, и если мы сдѣлаемъ что-нибудь лучше обыкновеннаго, то мы думаемъ объ Эжени Гранде. Это единственная женщина, находящаяся среди персонажей Бальзака, которая приходитъ намъ на умъ, когда мы думаемъ о «Человѣческой Комедіи». Поэтому въ произведеніяхъ Бальзака не больше женщинъ, чѣмъ у Шекспира.

Шекспира и Бальзака связываетъ еще общій выборъ типовъ: оба они поняли, что писатель найдетъ «свое дѣло» въ скромномъ обществѣ всякаго рода неудачниковъ, скорѣе въ низшемъ обществѣ, чѣмъ въ высшемъ. Мнѣніе Льва Николаевича Толстого, что Фальстафъ самое оригинальное и всемірное лицо въ произведеніи Шекспира, Муръ признаетъ правильнымъ, но не согласенъ съ нимъ, что Фальстафъ единственный персонажъ, всегда говорящій своимъ собственнымъ языкомъ, дѣйствія котораго всегда согласуются съ его словами. По его мнѣнію, безспорно, «Гамлетъ»—тайная мечта всѣхъ мужчинъ. Едва въ человѣкѣ просыпается сознание, онъ готовъ считать себя Гамлетомъ. Гамлетъ—іероглифъ и символъ ума, Фальстафъ же—символь и арабеска плоти. Но плоть Фальстафа проникнута умомъ Гамлета. Плоть Фальстафа болтаетъ, и ея болтовня нѣжна и мила, какъ щебетанье проснувшихся по утру птицъ; на половину она сознательна—Фальстафъ любить свое толстое брюхо, зная, что именно его брюхо связываетъ его съ міромъ. Его брюхо дѣлаетъ его немного пантеистомъ, такъ какъ брюхо есть то, что мы всѣ имѣемъ общаго; брюхо—основаніе существованія какъ у животныхъ, такъ и у людей. У птицъ есть крылья, у рыбъ плавники, но вообще все, что живетъ, имѣетъ брюхо: поэтому Фальстафъ, означающій брюхо и ничего болѣе, какъ брюхо,—есть образъ земнаго существованія. У древнихъ былъ Силенъ, но онъ не говорилъ: Фальстафъ же много говоритъ, и Шекспиръ позаботился, чтобы его языкъ былъ такъ же матеріаленъ, какъ и органъ, который онъ такъ хорошо изображаетъ. Фальстафу грозила опасность, что онъ сдѣлается пустымъ символомъ, но гений Шекспира охранялъ его личность до самой смерти. Лирическая муза Шекспира, прятая отъ Фальстафа, вышла въ самый моментъ, когда толстякъ началъ умирать, и вложила въ его уста благородныя фразы. Но все-таки до послѣдняго вздоха Фальстафъ оставался Фальстафомъ. Гамлетъ центръ одной пьесы, Фальстафъ показывается во многихъ и потерять его было бы несчастіемъ, которое никогда нельзя исправить. Если надо сдѣлать выборъ между обоими, колебаться даже минуту было бы непростительно.

Послѣ описанія матеріализма, Шекспиръ почувствовалъ необходимость описать умъ. По замѣчанію Мури, надо быть Шекспиромъ или Аристофаномъ

въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ языкъ грубъ. Для описанія сцены могильщиковъ въ «Гамлетѣ» требуется болѣе генія, чѣмъ для знаменитаго монолога: «Быть, или не быть». Нигдѣ Шекспиръ не является такимъ великимъ поэтомъ, какъ при описаніи комическихкихъ персонажей. Въ «Человѣческой Комедіи» Бальзака та же фантазія и изобрѣтательность; въ ней болѣе фантазій, чѣмъ въ произведеніяхъ какого-либо другого автора.

Шекспиръ много писалъ прозой, и она была такъ же прекрасна, какъ и его стихи; стихи Шекспира на рѣдкость рифмованы; онъ легко переходилъ отъ прозы къ стихамъ. Поэтъ онъ былъ настолько сильный, насколько Бальзакъ—слабый. Изъ всѣхъ людей на свѣтѣ, говоритъ Муръ, послѣдній, быть можетъ, самый нечувствительный къ красотѣ стиховъ, а такъ какъ онъ жилъ въ эпоху, когда всѣ любили поэзію, исключая его, то составила легенда, что Бальзакъ не умѣетъ писать по-французски. Онъ много писалъ и съ большою легкостью, и въ сорокъ ночей собственноручно написалъ «*La cousine Bette*», но стиль его былъ небреженъ и у него даже попадались неправильности. У Шекспира тоже есть неправильности, но это не доказываетъ, что они не природные писатели.

Хотя Муръ и находитъ общую связь Шекспира съ Бальзакомъ, даже въ присущемъ имъ обоимъ юморѣ, но другой англійскій критикъ, Вильмэнъ, ранѣе его помѣстившій критику на Шекспира въ «*The Saturday Review*», говоритъ, что французы не понимаютъ Шекспира. Онъ находитъ большую разницу между тевтонскимъ юморомъ и галльскимъ смѣхомъ. Этотъ смѣхъ безсердечный, критическій, который судитъ о безуміяхъ жизни, какъ они представляются французамъ и какъ Мольеръ имъ показываетъ ихъ. Это нѣчто въ родѣ «мозгового смѣха». Болѣе глубокій смѣхъ, происходящій менѣе отъ впечатлѣнія, чѣмъ отъ ощущенія существенныхъ «неблагопрістойностей природы»; смѣхъ чело-вѣка, находящагося выше того, что онъ видитъ, не переставая смотрѣть на это съ симпатіей, обильный, тихій смѣхъ, проявляющійся изъ всей жизни цѣ-ликомъ, который бьетъ ключомъ изъ самой глубины страстей и часто вызы-ваетъ улыбку сквозь слезы, этотъ родъ смѣха—не галльскій, и у францу-зовъ не существуетъ слова, которое бы его выражало; они трагедію чувству-ютъ, а комедію воспринимаютъ мозгомъ. Англійскій же юморъ—не произведе-ніе ума: опредѣлить его, какъ выставку смѣшныхъ сторонъ жизни, недо-статочно. Скорѣе это способъ чувствовать жизнь и противодѣйствовать; это придастъ ему трагическую сторону, и Вильмэнъ замѣчаетъ справедливо, что существенная сцена въ «Гамлетѣ» написана исключительно для англичанъ и является лучшимъ образцомъ юмора Шекспира.

Говоря о Шекспирѣ, упомянемъ, что «*Intermédiaire des chercheurs de curieux*» сообщаетъ о недавно найденной реликвиі, принадлежавшей Шекспиру, которая отчасти разрѣшаетъ спорный вопросъ о недостаткѣ умственнаго раз-витія Шекспира, на что сторонники Бэкона любятъ ссылаться. Эта находка представляетъ томъ всеобщей исторіи отъ сотворенія міра до 1491 г., *Supplementum chronicarum*, откуда Шекспиръ могъ черпать историческія свѣдѣнія. Этотъ томъ составляетъ 260 листковъ и очень хорошо сохранился: ни одна страница не разорвана, но ея переплетъ современный. Она напечатана въ Венеціи въ 1492 г. ксилографически, что уже служить замѣчательнымъ

явленіемъ, какъ одна изъ первопечатныхъ книгъ. При ней приложенъ рукописный листъ на латинскомъ языкѣ съ именами ея владѣльцевъ. Изъ него видно, что сначала она принадлежала Юганесу Карестинусу изъ Болоньи, потомъ Максимилиану и Франческу Сфорца, герцогамъ Миланскимъ. Этотъ послѣдній въ 1534 г. продалъ ее съ другими книгами нѣкому Бальвину—лондонскому гражданину, а въ 1607 г. ее купилъ Вильямъ Шекспиръ, *ignotus et insignis Aboniae suscipis* и уступилъ ее затѣмъ въ 1607 г. доктору Голлю. Послѣ этого книга перешла къ семейству Сень-Симона. Въ 1794 г. монсиньоръ Сень-Симонъ, епископъ Агда, казнень на гильотинѣ, и его библіотека попала въ разныя руки. Два его друга, генераль Гоэпъ и серъ Пеллье, собрали нѣсколько изъ его книгъ, и среди нихъ попался этотъ томъ. Прежняя обложка, на которой находились имена ея владѣльцевъ, исчезла, но внутренняя часть сохранила много цѣнныхъ указаній. На первомъ листкѣ красуется гербъ, подъ которымъ находится античная маска и надпись: «*Ex Sacer Libr (ex Saksperi Libris)*». Нѣтъ никакого сомнѣнія, что если Шекспиръ авторъ своихъ пьесъ, то онъ вдохновлялся и пользовался этой книгой, какъ пособіемъ для своихъ историческихъ драмъ. Теперь только остается доказать, что авторъ ихъ—Шекспиръ.

— Воспоминанія графини Вестморландъ—Въ Лондонѣ напечатаны и вышли въ свѣтъ письма графини Вестморландъ, племянницы Веллингтона, представляющія немалый интересъ, такъ какъ она имѣла многочисленныя связи какъ съ иностраннымъ высшимъ обществомъ, такъ и съ англійской аристократіей—съ одной стороны черезъ дядю, съ другой—черезъ мужа, извѣстнаго дипломата. Раздѣляя старинныя взгляды торіевъ, она опасалась всякаго народнаго движенія и проявляла крайнюю боязнь малѣйшихъ реформъ. О Крымской кампаніи и причинахъ, вызвавшихъ ее, она говоритъ страстно, описывая ее, какъ «несчастную войну», порожденную личной враждой, взаимными уколами самолюбія, агентами-подстрекателями. Эта война, по ея словамъ, была совершенно бесполезной для Англии, которая никоимъ образомъ не могла извлечь изъ нея ни выгодныхъ результатовъ, ни почета. Преувеличенія и неточности всѣхъ газетныхъ извѣстій, проворство, съ какимъ была похищена Синяя книга, чтобы скрыть историческую правду относительно переговоровъ,—всѣ эти маневры возбудили въ Англии горячее воодушевленіе, повидимому, общее, но которое не имѣло причины существовать.

Лэди Вестморландъ писала эти письма изъ Вѣны, гдѣ ея мужъ находился въ качествѣ посланника. Онъ увѣрилъ англійское правительство въ поддержкѣ Австріи, которая готова, по его словамъ, принять участіе въ борьбѣ противъ Россіи. Въ дѣйствительности же эта помощь могла бытъ лишь нравственной.

По поводу паденія министерства Эбердина лэди Вестморландъ пишетъ: «Я такъ огорчена, унижена и взбѣшена поведеніемъ моей страны, мнѣ такъ противно видѣть націю, сошедшую съ пьедестала, котораго никто до сихъ поръ не думалъ у нея оспаривать, чтобы взять на себя роль услужливой помощницы, что я краснѣю при мысли, что я англичанка».

¹⁾ The correspondence of Priscilla, countesse of Westmorland 1813—1870.

Простой и сердечный характер Веллингтона обрисованъ лэди Вестморландъ съ рѣдкой прямою, безъ всякихъ прикрасъ. Съ комичнымъ безпокойствомъ и негодованіемъ она и ея друзья смотрѣли на малѣйшее народное движеніе, но среди всѣхъ этихъ тревогъ они все-таки жили довольно спокойно. При чтеніи ея писемъ всѣ эти безпокойства даютъ впечатлѣніе, что Англія наканунѣ большихъ смуть и всѣ учрежденія находится въ страшномъ непоправимомъ упадкѣ. Однако все кончилось благополучно. Симпатіи либеральной партіи къ итальянской революціи, по ея словамъ, дискредитировали тѣхъ, кто въ ней остался. Но, несмотря на всѣ перемѣны, несмотря на катастрофу 1848 г., социальная жизнь европейскихъ столицъ текла своимъ порядкомъ.

На Роберта Пиля она смотрѣла, какъ на выскочку, которому совсѣмъ не мѣсто въ обществѣ. По ея словамъ, онъ немало доставилъ безполезныхъ непріятностей Веллингтону. Въ это время Робертъ Пиль былъ самымъ могущественнымъ главою консервативной партіи и инициаторомъ свободной торговли, преданнымъ другомъ Веллингтона, которому онъ далъ и сохранилъ за нимъ съ 1834—1835 г., затѣмъ въ 1841 г. постъ министра, и Веллингтонъ смотрѣлъ на него иными глазами, чѣмъ его племянница.

— Бисмаркъ и Горчаковъ на Берлинскомъ конгрессѣ.—Въ краткой статьѣ на страницахъ «Hebdo-Débats»¹⁾ Анри Вельшингеръ рисуетъ настроеніе двухъ видныхъ фигуръ на Берлинскомъ конгрессѣ—Бисмарка и Горчакова. Въ дипломатическомъ мірѣ всѣмъ было извѣстно, какое сильное чувство озлобленія противъ Александра II, а главное Горчакова, возбудило въ Бисмаркѣ вмѣшательство Россіи въ 1875 г. въ пользу Франціи, послужившее препятствіемъ къ осуществленію его скрытыхъ, недобрыхъ плановъ. Онъ съ чисто нѣмецкимъ злорадствомъ насмѣхался надъ притязаніями Горчакова брать на себя въ этомъ дѣлѣ роль единственнаго охранителя Франціи отъ несправедливыхъ нападокъ. Критикуя гордость русскаго канцлера и его роль политическаго клоуна, который давалъ за свой счетъ цирковое представленіе съ внезапными прыжками на слишкомъ довѣрчиваго друга, онъ предлагалъ на свои средства отчеканить пятифривковую меноту со слѣдующимъ изреченіемъ: «Горчаковъ покровительствуетъ Франціи», и заставить его въ бѣлой одеждѣ при бенгальскихъ огняхъ сыграть роль ангела-хранителя на сценѣ театра русскаго посольства. Его злорадныя, тяжеловѣсныя насмѣшки надъ Горчаковымъ доходили до того, что онъ ему приписывалъ самовосхваляющія слова: «Если я удалюсь отъ дѣлъ, то я не хочу погаснуть, какъ догорающая лампа, а хочу закатиться, какъ небесное свѣтило».

Столько накопившей и перекипѣвшей желчи, по выраженію Вельшингера, указывало на очень дурную недобросовѣстность. Однако, какъ бы ни были злы эти насмѣшки, для Бисмарка онѣ казались недостаточны. Надо было наказать Россію за вмѣшательство, уничтожившее его вѣроломные планы, и, зная, что между Австріей и Россіей ведется борьба относительно Востока, онъ только и ждалъ случая сыграть съ нею злую шутку. «Если Россія,—говорилъ онъ Гоген-

¹⁾ Bismark et Gortchakov au Congrès de Berlin. Par Henri Welchinger. «Hebdo-Debats». 11 Février 1910.

лоэ,—хочеть сдѣлаться всемогущей, Австрія будетъ тамъ, чтобы помѣшать ея намѣреніямъ». Такъ и случилось. Волненія и рѣзня на Балканахъ въ 1874 г. повели къ вмѣшательству русскихъ. Россія заранѣе хотѣла знать, можетъ ли она рассчитывать на нейтралитетъ Германіи. Бисмаркъ, не желая себя ничѣмъ обязывать, отвѣтилъ, что если завяжется борьба между Австріей и Россіей, Германія не перенесетъ, чтобы та или другая была бы серьезно ранена и ея положеніе въ европейскомъ концертѣ было бы скомпрометировано. Такъ Горчаковъ и не добился ничего болѣе опредѣленнаго; онъ понялъ, что этотъ нейтралитетъ не захочеть рискнуть «костями хотя бы одного померанскаго пѣхотинца» и совсѣмъ недоброжелателенъ къ Россіи. 24 апрѣля 1877 г. вспыхнула русско-турецкая война и въ тотъ самый моментъ, когда русскіе дошли до Константинополя, послѣдовало вмѣшательство англичанъ и австрійцевъ. 3-го марта 1878 г. былъ подписанъ въ Санъ-Стефано предварительный мирный договоръ.

Россія добилась въ свою пользу ректификаціи границы между Турціей и Черногоріей, независимости этой страны, Сербіи и Румыніи, образованія изъ Болгаріи автономнаго княжества подъ суверенитетомъ Турціи съ избираемымъ христіанскимъ княземъ, уничтоженія крѣпостей и укрѣпленій на Дунаѣ, реформъ и улучшеній въ Арменіи, новыхъ персидско-турецкихъ границъ и военныхъ контрибуцій въ 1.400.000.000 руб., открытія свободнаго прохода черезъ Дарданеллы и Босфоръ для торговыхъ судовъ нейтральныхъ государствъ въ Россію и оттуда, амнистіи турецкихъ подданныхъ, скомпрометированныхъ въ послѣднюю войну.

Столь благоприятный, по мнѣнію Вельшингера, договоръ возбудилъ зависть и гнѣвъ въ англичанахъ, австрійцахъ, а главное нѣмцахъ. Лордъ Лоттусъ замѣтилъ Горчакову, что подобный договоръ задѣваетъ трактаты 1856 и 1871 г., а потому онъ не можетъ быть утвержденъ безъ согласія заинтересованныхъ сторонъ. Австрія, которой Россія въ іюль 1876 г. заявила, что за свой нейтралитетъ она получить Боснію, заупрямилась. Графъ Андраши, желавшій слѣдовать политикѣ Бисмарка, официально предложилъ собрать въ Берлинѣ изъ шести державъ конгрессъ. Этому именно и добивался Бисмаркъ, желавшій сыграть роль честнаго маклера, который хочеть дѣйствительно довести дѣло до благополучнаго конца. Цѣлью его было посредствомъ присутствія уполномоченныхъ въ Берлинѣ какъ бы освятить могущество имперіи, привлечь Австро-Венгрію въ нѣмецкое лоно и наложить наказаніе на Россію, причинивъ ей непріятность видѣть свои побѣды и трактатъ подвергнутыми контролю Европы, тогда какъ Германія этого ловко миновала. При этомъ Бисмаркъ охотно забывалъ, что самъ же порицалъ русскихъ, что они не вошли въ Константинополь на другой же день своей побѣды.

13 іюня 1878 г. открылся конгрессъ. Прибытіе Горчакова привело въ раздраженіе Бисмарка. Ему хотѣлось, чтобы Александръ II удовольствовался присутствіемъ на конгрессѣ графа Шувалова, и онъ очень удивился, что Горчаковъ насилывалъ волю императора, взявъ на себя роль представителя Россіи. Когда онъ въ силу своего званія канцлера имперіи и министра иностранныхъ дѣлъ занялъ мѣсто на конгрессѣ, создалось положеніе не совсѣмъ обыкновенное. Начальникъ и его административный подчиненный сидѣли рядомъ, но представителемъ

полномочія и влчети Россіи былъ посланникъ, а не канцлеръ имперіи. Бисмаркъ нашель, что такихъ примѣровъ не бывало, и сожалѣль, что въ государствѣ, гдѣ главою былъ самодержавный государь, политическое единство не всегда было обезпечено. Какъ будто, прибавляеть Вельшингеръ, онъ самъ во всякое время и подѣ различнымъ видомъ не проявляеть желанія предписывать свою политику собственному государю и господствовать надъ нимъ.

Поразительной противоположностью являлись оба канцлера. Горчаковъ, худой, согбенный, съ бритымъ, подвижнымъ лицомъ, тонкими ироническими губами, блестящимъ взоромъ изъ-подъ своихъ золотыхъ очковъ, утонченно воспитанный, напоминаль дипломатовъ XVIII вѣка. Бисмаркъ, великанъ, съ грубой физиономіей, съ свѣтло-голубыми глазами, скрывавшимися подъ взъерошенными густыми бровями, съ повелительнымъ лицомъ и осанкой, тяжелымъ и рѣзкимъ голосомъ, умѣль согласовать съ обстоятельствами свой авторитетный темпераментъ и даже выраженіе лица. Въ то время, какъ Горчакова носили въ креслѣ въ первый этажъ дворца, Бисмаркъ весело подымался по ступенямъ и представляль образецъ чисто военной мощи. Впрочемъ, однажды, по словамъ свидѣтеля этого случая, секретаря посольства Муи, послѣ слишкомъ обильнаго завтрака, на которомъ Бисмаркъ хорошо угостился, онъ, слегка пошатываясь, вошелъ и, какъ одурманенный, упалъ въ кресло. Всѣ думали, что онъ умеръ. Горчаковъ въ своей черной шляпѣ, забывъ свой возрастъ и недуги, бросился къ своему противнику, схватилъ его руку и началъ сильно по ней похлопывать для возбужденія кровообращенія и въ ужасѣ воскликнулъ: «Ахъ, Боже мой, что съ нимъ!» Тотчасъ же Бисмаркъ выпрямился и, устремивъ на него свои свѣтлые насмѣшливые глаза, произнесъ: «Нѣтъ, милый князь, нѣтъ еще!..»

Бисмарку думалось, какъ будто Горчаковъ ожидаетъ, что онъ съ особымъ рвеніемъ будетъ угадывать и защищать желанія Россіи, безъ того, что русскій канцлеръ выразитъ ихъ. «Въ нѣкоторыхъ случаяхъ, гдѣ мы могли думать,—говорилъ Бисмаркъ:—что мы вполне знаемъ интересы и намѣренія Россіи, и гдѣ мы поспѣшили дать ей доказательства нашей дружбы, однако не вредя нашимъ личнымъ интересамъ, насъ отблагодарили, выказавъ намъ угрюмое одобреніе, потому что мы не угадали, чего нашъ русскій другъ ожидаетъ отъ насъ... Въ сущности въ подобномъ образѣ дѣйствій былъ безсовѣстный расчетъ не относительно насъ, а относительно императора Александра, которому надо было представить нѣмецкую политику вѣроломной и непостоянной».

Тотъ, кто съ помощью Австріи и Англіи, говоритъ Вельшингеръ, убавилъ расширеніе границъ между Черногоріей и Турціей, отсрочилъ независимость Сербіи и Румыніи, помѣстилъ Боснію и Герцеговину подѣ австрійское господство, отодвинулъ разрѣшеніе вопроса о военномъ вознагражденіи, также какъ и объ открытомъ проходѣ черезъ Дарданеллы и Босфоръ, смѣль впоследствии говорить, что Берлинскій трактатъ былъ однимъ изъ самыхъ благопріятныхъ, какіе когда-либо Россія заключала послѣ своихъ войнъ съ Турціей.

Но тщетно Бисмаркъ старался политикѣ Горчакова противопоставить политику Александра и хвастался, что велѣль сказать Шувалову, что русскій канцлеръ «не вѣдетъ». Александръ тѣмъ не менѣе написалъ Вильгельму на другой

день конгресса: «Канцлеръ вашего величества забылъ обѣщанія 1870 г.». Онъ могъ бы прибавить, замѣчаетъ Вельшингеръ, что и самъ нѣмецкій императоръ забылъ цѣнныя выгоды нейтралитета, за который онъ съ трогательнымъ излияніемъ благодарилъ царя на другой день послѣ войны 1870 года.

Въ послѣдній моментъ конгресса русскій канцлеръ совершилъ мастерской ударъ. Какая гарантія для исполненія коллективнаго договора? Обязуются ли державы поддерживать его, какъ было относительно трактата 1856 г., или онъ его предоставитъ случаю будущихъ событій? Русскій канцлеръ, сдѣлавъ видъ, что въ этомъ не заинтересованъ, потребовалъ окончательной статьи, которая обезпечивала бы исполненіе этого крупнаго дипломатическаго акта, совершеннаго въ Берлинѣ. Съ ловкостью, присущей ему, онъ поставилъ уполномоченныхъ въ безвыходное положеніе: приходилось принять на себя отвѣтственность, или отказаться отъ своихъ дѣйствій. Предъ лукавымъ любопытствомъ Горчакова Бисмаркъ попробовалъ освободиться изъ заколдованнаго круга, куда Горчаковъ хотѣлъ его запереть вмѣстѣ съ его коллегами. Сначала онъ высококомѣрно сказалъ, что воздержаніе конгресса было формальнымъ примѣненіемъ международныхъ правъ, затѣмъ онъ прибавилъ съ философской меланхоліей, что ни одно государство не было обязано способствовать исполненію принятыхъ обязательствъ и что, впрочемъ, конгрессъ можетъ только исполнить человѣческую задачу, подверженный, какъ и все другое, измѣнчивости обстоятельствъ. Естественно, что послѣ рѣчи своего президента конгрессъ не далъ никакой гарантіи.

Горчаковъ вознаградилъ себя за горечь, причиненную ограниченіями, внесенными въ Санъ-Стефанскій трактатъ, говоритъ Вельшингеръ, официально удостовѣривъ отказъ всѣхъ исполнительныхъ санкцій Берлинскаго трактата. Извѣстно, и недавніе факты это доказали, съ какой свободой обращались съ этимъ трактатомъ, и когда, подвергнутый высочайшей немилости, Бисмаркъ находился въ вынужденномъ изгнаніи въ Фридрихсруэ, то сказалъ своему другу доктору Кризандеру: «Берлинскій конгрессъ былъ единственной ошибкой въ моей дипломатической карьерѣ. Мнѣ надо въ тотъ моментъ было предоставить борьбу Англій и Россіи, которыя съѣли бы другъ друга съ головою и хвостомъ. Въ этомъ случаѣ я вѣлъ политику, какъ муниципальный совѣтникъ». Онъ ничего не сказалъ, и не даромъ, о франко-русскомъ союзѣ, какъ невольномъ обстоятельстве, вынужденномъ поведеніемъ Германіи противъ Россіи. Между тѣмъ это была настоящая ошибка нѣмецкаго канцлера, и союзъ, которому онъ хотѣлъ всегда воспрепятствовать, сдѣлался реваншемъ того Горчакова, малопрактичный умъ, тщетное краснорѣчіе, старческое хвастовство и тщеславіе котораго Бисмаркъ такъ высмѣивалъ.

— Мысль въ искусствѣ. Скульпторъ Родэнъ продолжаетъ высказывать свой взглядъ на искусство, и въ мартовскомъ номерѣ «La Revue» ¹⁾ Поль Гзель передаетъ свою новую бесѣду съ нимъ. На этотъ разъ темою для ихъ бесѣды послужилъ вопросъ: надо ли въ произведенія искусства вкладывать мысль, или только ограничиваться изображеніемъ правильныхъ, артистически исполненныхъ фигуръ. Для начала бесѣды Гзель обратилъ свое вниманіе на статую

¹⁾ La pensée dans l'art. Par Paul Gsell. «La Revue» 1 mai 1910.

Родэна, изображавшую прекрасную молодую женщину, тѣло которой конвульсивно сжилось, какъ будто ее охватывала какая-то тайная тревога: она низко склонила голову, и ея губы и глаза сомкнулись, будто она спала. Но тоскливое выраженіе чертъ ея лица обнаруживаетъ драматическое состояніе ея ума. Еще болѣе поражаетъ зрителя отсутствіе у нея ногъ и рукъ, какъ будто скульпторъ разбилъ ихъ въ припадкѣ недовольства самимъ собою. Это вызываетъ въ зрителѣ сожалѣніе, что такая сильная фигура изуродована.

На выраженное со стороны Гзеля недоумѣніе Родэнъ замѣтилъ съ удивленіемъ: «За что вы меня упрекаете: я нарочно оставилъ статую въ такомъ положеніи. Она изображаетъ «Размышленіе»—вотъ почему ей не хватаетъ ни рукъ, чтобы дѣйствовать, ни ногъ, чтобы ходить. Развѣ вы не замѣтили, что размышленіе, если оно заходитъ далеко, внушаетъ различные доводы, настолько вѣроятные для самыхъ противоположныхъ рѣшеній, что совѣтуютъ бездѣйствіе». Такимъ образомъ, эта женщина—эмблема человѣческаго разума, повелительно побуждаемаго задачами, которыхъ онъ не можетъ разрѣшить, осаждаемаго идеаломъ, который онъ не можетъ осуществить, окруженнаго безпредѣльностью, которую онъ не можетъ объять. Сокращеніе мускуловъ торса обозначаетъ муки мысли и ея славную, но тщетную попытку разрѣшить вопросы, на которые умъ не способенъ отвѣчать. Изуродованіе членовъ указываетъ на непреодолимое отвращеніе къ практической жизни, испытываемое созерцательными душами. Родэна упрекаютъ, что его вдохновеніе болѣе литературное, чѣмъ пластическое и находятъ, что онъ ловко овладѣваетъ одобреніемъ писателей, доставляя имъ темы, благодаря которымъ они даютъ волю своему краснорѣчію; а искусство не допускаетъ столько философскаго честолюбія. Но у Родэна готовъ отвѣтъ: «Если моя модель дурна, если я совершилъ анатомическія ошибки, дурно примѣнилъ движенія, если я невѣжда въ наукѣ оживлять мраморъ—эти критики правы. Но если мои фигуры правильны и живы, что же въ нихъ они критикуютъ? И по какому праву они хотятъ помѣшать мнѣ придавать имъ извѣстную мысль? На что они жалуются, если, кромѣ моей профессиональной работы, я предлагаю имъ идеи и обогащаю смысломъ формы, способныя прельщать глаза. Впрочемъ, странная ошибка думать, что настоящій артистъ можетъ удовлетвориться положеніемъ ловкаго мастераго и разумъ ему не нуженъ. Напротивъ, онъ ему необходимъ въ рисованіи или въ лѣпкѣ изображеній, даже совсѣмъ лишенныхъ духовныхъ запросовъ и предназначенныхъ лишь, чтобы очаровывать взоры.

Когда хорошій скульпторъ лѣпитъ статую, то прежде всего необходимо, чтобы онъ въ ней хорошо выразилъ общее движеніе, затѣмъ до конца своей задачи онъ энергично долженъ поддерживать при полномъ свѣтѣ своего разума идею цѣлаго, чтобы постоянно приводить къ ней и связывать съ нею малѣйшія подробности. А это не обходится безъ тяжелаго усилія мысли. Безъ сомнѣнія, то обстоятельство, что въ частной жизни большинство художниковъ кажутся лишенными умственныхъ способностей, заставляетъ думать, что можно обойтись безъ него. Біографы и критики знаменитыхъ скульпторовъ избилуютъ анекдотами относительно наивности нѣкоторыхъ изъ нихъ. Причина этому та, что постоянное размышленіе надъ работами часто лишаетъ ихъ проявленія умственныхъ спо-

способностей въ повседневной жизни. Многие артисты, какъ бы ни были умны, кажутся ограниченными просто потому, что они не умѣютъ свободно говорить. а для легкомысленныхъ наблюдателей умѣнье говорить единственный признакъ тонкаго ума.

Родэнъ не считаетъ, что между искусствомъ и литературой должна проходить граничащая линія, которую артисты не должны переступать. Наконецъ не должно существовать правилъ, которыя могли бы помѣшать скульптору создавать, по его усмотрѣнію, художественное произведеніе. Не все ли равно, что это, скульптора или литература, лишь бы публика нашла въ нихъ пользу и удовольствіе. Живопись, скульптура, литература и музыка болѣе близки между собою, чѣмъ это обыкновенно думаютъ. Всѣ онѣ выражаютъ чувства человѣческой души. Только способъ передачи измѣняется. Но если скульптору удастся посредствомъ своего искусства внушить впечатлѣніе, какое обыкновенно доставляютъ литература или музыка, то зачѣмъ же къ этому придираются? «Одинъ публицистъ недавно раскритиковалъ моего Виктора Гюго,—замѣтилъ Родэнъ:—объявивъ, что это не скульптура, а музыка, и наивно прибавилъ, что онъ напоминаетъ ему симфонію Бетховена. Впрочемъ, я не отрицаю, что небезполезно поразмыслить относительно разницы, отдѣляющей литературныя средства отъ артистическихъ».

Прежде всего особенность литературы та, что она можетъ выражать идеи, не прибѣгая къ изображеніямъ. Она можетъ сказать, напримѣръ, что «очень глубокое размышленіе часто приводитъ къ бездѣйствию», не прибѣгая къ изображенію задумавшейся женщины, не имѣющей возможности двигаться; и эта способность жонглировать съ отвлеченностями съ помощью словъ даетъ, по крайней мѣрѣ литературѣ, преимущество предъ другими искусствами въ области мысли. Еще надо отмѣтить, что литература развертываетъ цѣлую исторію, имѣющую начало, средину и окончаніе; связываетъ различныя событія, изъ которыхъ извлекается заключеніе. Она же заставляетъ дѣйствовать личностей и показываетъ обстоятельства ихъ поведенія. Въ искусствѣ же формъ другое дѣло. Оно всегда представляетъ одну фазу дѣйствія. Вотъ почему художники и скульпторы, быть можетъ, неправы, черпая свои сюжеты у писателей, какъ это бываетъ часто.

Но художникъ можетъ брать изъ литературы всѣмъ извѣстный сюжетъ, не опасаясь, что его не поймутъ, хотя, по мнѣнію Родэна, художникамъ и скульпторамъ лучше брать собственные сюжеты. Искусство можетъ порождать мысль и мечту, не прибѣгая къ литературѣ. вмѣсто того, чтобы иллюстрировать сцены поэмы, оно можетъ пользоваться услугами символовъ очень ясныхъ, подъ которыми не требуется выставлать никакого пояснительнаго текста. Однимъ изъ такихъ символическихъ произведеній Родэна является женская головка съ тонкими чертами лица. Она мечтательно склонилась, что придаетъ ей не матеріальную внѣшность, но ея шея и подбородокъ какъ бы заключены въ грубую массивную глыбу мрамора, отъ котораго они не умѣютъ освободиться. Это символъ неосуществимой мысли, расцвѣтшей на груди неподвижной матеріи и освѣщающей ее отраженіемъ своего великолѣпія. Въ такого рода темахъ, по мнѣнію Родэна, легко прочитать мысль. Онѣ пробуждаютъ безъ всякой посторонней

помощи воображеніе зрителя. И между тѣмъ далекій отъ того, чтобы заключать ихъ въ узкія границы, онъ даетъ имъ полеть, чтобы онѣ порхали согласно своей фантазіи. «По-моему, — замѣтилъ Родэнъ, — въ этомъ роль искусства. Формы, создаваемые артистомъ, не должны доставлять душевному движенію ничего, кромѣ предлога для безконечнаго развитія».

Вмѣстѣ съ тѣмъ Родэнъ, не противорѣча прежнему мнѣнію, говоритъ, что въ общемъ не слѣдуетъ приписывать слишкомъ большого значенія темамъ и главная забота артиста отдѣлывать живую мускулатуру. Остальное не важно. Но это не значитъ, что Родэнъ исключаетъ изъ своей работы мысль, но всякая идея—уже символъ. Форма и осанка человѣческаго существа обнаруживаютъ движеніе его души.. Тѣло всегда выражаетъ разумъ, для котораго онъ служитъ оболочкой, а для того, кто умѣетъ смотрѣть обнаженное тѣло, оно имѣетъ еще болѣе богатый смыслъ. Въ величественномъ ритмѣ контуровъ великій скульпторъ Фидіасъ призналъ тихую гармонію, распространенную на всю природу божественной мудростью; простой спокойный торсъ, хорошо уравновѣшенный, сіяющій силой и граціей, можетъ заставить его мечтать о всемогущемъ разумѣ, управляющемъ міромъ. Красивый пейзажъ трогаетъ не только болѣе или менѣе пріятными впечатлѣніями, которыя онъ доставляетъ, но особенно идеями, которыя онъ пробуждаетъ. Линія и цвѣта, наблюдаемые въ немъ, волнуютъ его не сами собою, но значеніемъ, какое имъ придаютъ. Въ силуэтахъ деревьевъ, въ обрисовкѣ горизонта великіе пейзажисты, какъ Рюисдалъ, Гипъ, Корро, Теодоръ Руссо, видѣли мысли, веселія или серьезныя, смѣлыя или безнадежныя, спокойныя или тревожныя, которыя согласовались съ расположеніемъ ума этихъ художниковъ, потому что артистъ, у котораго есть чувство, ничего не можетъ вообразить, что не было бы одарено тѣмъ же чувствомъ, чѣмъ онъ самъ. Во всей природѣ онъ подозреваетъ великій разумъ, похожій на его собственный. Нѣтъ ни одного животнаго организма, ни одного неодушевленнаго предмета, ни одного облачка на небѣ, ни одной зеленой былинки въ долинѣ, которые бы не довѣрили ему тайны неизмѣримаго могущества, скрытаго въ каждомъ предметѣ. Взгляните на произведенія искусства. Вся ихъ красота исходитъ изъ мысли, изъ намѣренія, которыя ихъ авторы думали разгадать во вселенной. Красота готическихъ соборовъ въ томъ, что во всемъ проявленіи жизни, въ человѣческихъ изображеніяхъ, украшающихъ ихъ порталы, до стеблей растений, увѣнчивающихъ капители, вездѣ обнаруживается небесная любовь. Повсюду наши кроткіе средневѣковые художники видѣли безконечную доброту, и въ своей очаровательной наивности они бросали отраженіе добродушія даже на лица своихъ демоновъ, которымъ они придали привѣтливую хитрость и наружность, родственную ангеламъ.

На всѣхъ лицахъ тиціановскихъ сеньоровъ замѣтна высококомѣрная гордость, которая, безъ сомнѣнія, воодушевляла его самого. Его обнаженные женщины разрѣшали обожать себя, какъ божество, увѣренныя въ своемъ господствѣ. Его пейзажи, украшенные величественными деревьями, окрашенные торжественнымъ закатомъ солнца, не менѣе высококомѣрны, чѣмъ его персонажи. На всемъ твореніи онъ заставлялъ царствовать аристократическую гордость: это постоянная мысль его гения.

Другого сорта гордость освѣщала морщинистыя, закопченныя лица старыхъ поденниковъ, которыхъ рисоваль Рембрандтъ, облагораживая свои задымленныя жилища и окошечки, освѣщая внезапной красотой свои сельскіе пейзажи, озаряя кровли хижины, которыя съ такимъ удовольствіемъ гравировалъ на мѣди своимъ рѣзцомъ. Это прекрасная мощь мелкихъ людей, святость вульгарныхъ вещей, набожно любимыхъ величіе униженности, принявшей свою скромную судьбу и достойно ее исполнившихъ.

Мысль артистовъ такъ жива, такъ глубока, что она выдѣляется изъ всякаго сюжета. Даже цѣлой фигуры не требуется для выраженія ея. Возьмите какой-нибудь обрывокъ образцоваго произведенія, и вы узнаете въ немъ душу автора. Если хотите, сравните руки на двухъ портретахъ, напимѣрь, кисти Тиціана и Рембрандта. Рука Тиціана будетъ аристократическая; Рембрандта же скромная и мужественная. Въ этихъ узкихъ кусочкахъ живописи содержится весь идеаль этихъ мастеровъ.

Мыслие, что талантъ даръ Божій, безсознательно управляющій артистомъ, а не управляемый разумъ, Родэнъ отрицаетъ. Есть такіе любители со сложнымъ мозгомъ, которые придаютъ артистамъ совсѣмъ неожиданныя намѣренія. Но эти въ счетъ не ставятся. «Будьте увѣрены,—прибавилъ Родэнъ:—все мастера всегда вполнѣ сознаютъ, что они дѣлаютъ. По истинѣ, если бы такіе скептики знали, какая энергія нужна порою артисту, чтобы хотя слабо передать то, о чемъ онъ усиленно думаетъ и что такъ сильно чувствуетъ, разумеется, они не сомнѣвались бы, что появившееся блестящее изображеніе на картинѣ или въ скульптурѣ не было именно то, чего онъ желалъ. Въ общемъ самыя чистыя, образцовыя произведенія тѣ, въ которыхъ не находится болѣе никакого невыразительнаго искаженія формъ, линій, колорита, но все, безусловно все превращено въ мысль, въ душу. Возможно, что когда артисты одушевляютъ природу своего идеала, они заблуждаются, фантазируютъ. Возможно, что ими руководитъ необъяснимая сила или воля, планы которой нашъ разумъ неспособенъ постичь. По крайней мѣрѣ артистъ, представляя вселенную такой, какъ онъ ее воображаетъ, излагаетъ свою собственную мечту. Въ природѣ онъ прославляетъ свою душу и этимъ обогащаетъ душу природы. Придавая своимъ умомъ окраску матеріальному міру, онъ показываетъ современникамъ чувства въ тысячѣ оттѣнковъ: онъ заставляетъ ихъ открывать въ самихъ себѣ до тѣхъ поръ невѣдомыя богатства, онъ даетъ имъ новыя причины любить жизнь, новый внутренній свѣточъ для личнаго поведенія. «Онъ, какъ сказалъ Данте о Виргиліи, — оканчиваетъ Родэнъ свою статью,—ихъ проводникъ, ихъ владыка и господинъ».

— Отовсюду.—Профессоръ богословской школы въ Гартфордѣ Гильбертъ выступилъ съ энергичнымъ протестомъ противъ американскихъ, а также европейскихъ живописцевъ, задумавшихъ нововведеніе, а именно придавать чертамъ лица Иисуса Христа женственность въ знакъ его безконечной кротости. «Съ такими изображеніями,—пишетъ Гильбертъ,—намъ подготовляютъ поколѣніе «папшу-рашбу», т. е. бабенокъ. Вредно, подъ видомъ благочестія, топить молодежь въ такой приторности. Хотѣлъ бы я видѣть въ каждой школѣ, въ каждомъ питомникѣ картину, на которой Христосъ изгонялъ бы церковныхъ торговцевъ и ногами бы опрокидывалъ вырочки, разбивая головы однихъ, по-

ками другихъ». Молодые художники забыли, что Христосъ не всегда былъ кротокъ, онъ также былъ судья.

Итальянецъ Артуро Графъ разсматриваетъ въ «Nuova Antologia» вопросъ о вліяніи итальянцевъ на французовъ въ XVI вѣкѣ и обратное вліяніе въ XVIII вѣкѣ. Литературная, артистическая и свѣтская Франція считала для себя необходимымъ отправляться въ Италію для окончательнаго образованія. Итальянскіе архитекторы Леонаръ, Приматисъ, Россо, Челлини, Боккадоръ строили и украшали во Франціи дворцы; итальянскія пьесы переводились на французскій языкъ, и многіе французскіе комическіе писатели до Мольера включительно вдохновлялись произведеніями итальянской литературы, а поэты заимствовали у нихъ сонеты и пасторали. Такимъ образомъ, французскій языкъ итальянизировался, что вызвало негодованіе въ Анри Этьеннѣ. Французскій дворъ заполонили итальянцы, благодаря Катеринѣ Медичи, и итальянскія колоніи руководили вкусомъ парижскаго общества. Самъ Малербъ вначалѣ не избѣгнулъ подражанія итальянскимъ поэтамъ, напримѣръ, въ своихъ «Larmes de Saint Pierre». На смѣну итальянскому вліянію въ XVIII вѣкѣ явилось испанское, но все-таки, несмотря на проклятія Буало, итальянскіе поэты были въ модѣ, и ими услаждали себя Лафонтенъ, г-жа Севиньи, Менажъ и его врагъ Мольеръ писали итальянскіе стихи. При Людовикѣ XIII французы знали итальянскій языкъ и слушали читаемыя на немъ лекціи.

Но въ XVIII вѣкѣ при Людовикѣ XIV обѣ націи помѣнялись ролями. Полу-вѣковая политическая гегемонія Франціи, которую не могъ ослабить Утрехтскій миръ, престижъ короля, побѣды, а также выдающіяся произведенія Расина, Мольера и Боссюэ, все это укрѣпляло вліяніе французовъ, и Гольдони, объявившій себя ученикомъ Мольера, писалъ въ своихъ мемуарахъ на французскомъ языкѣ, какъ и многія свои произведенія, что «французы даютъ тонъ всей Европѣ». Французскій языкъ настолько господствовалъ въ высшемъ обществѣ, что многіе итальянскіе писатели, между прочимъ Маффеи и поэтъ Парини, высмѣивали за это итальянцевъ, переполнившихъ итальянскій языкъ французскими словами и оборотами. Въ Пьемонтѣ избранное общество не говорило иначе, какъ по-французски, то же происходило и въ Миланѣ, какъ утверждали Альфіери и Ортисъ. Гальяни, Чезаротти, Гольдони, Казанова, Риккони, Баретти, Пьетро Верри, Горани написали цѣлые томы брошюръ стиховъ и комедій на французскомъ языкѣ. Увлеченіе французскимъ языкомъ дошло до того, что патриотъ Альгаротти, хотя и восторгался французской литературой, однако нашелъ нужнымъ напечатать трактатъ о необходимости писать на родномъ языкѣ. Французскія вина, кухня, моды, товары, все это предпочиталось итальянскимъ.

Такое увлеченіе возмутило нѣкоторыхъ итальянцевъ и вызвало съ ихъ стороны походъ противъ всего французскаго. Писатели Деодати, Орси, Гравина, Джелеани, Напіане принялись критиковать французскій языкъ, по словамъ Альфіери, глухой и нѣмой, мелочной и неблагодарный для поэзіи, какъ выразился Альберготто; Гравина и Маффеи возстали противъ тираніи французскаго театра. Нѣкоторые сатирики упрекали французовъ за тщеславіе, легкомысліе, пахальство, ихъ презрѣніе къ иностранцамъ. Наконецъ Альфіери сдѣбался въ

коніѣ концовздѣйшимъ врагомъ всего французскаго и написалъ злой памфлетъ «Il Misogallo». На смѣну французскому вліянію въ Италіи явилось англійское.

Въ «Revue de Paris» приводится любопытный эпизодъ изъ жизни Бетховена. Въ 1803 году, была эпоха, когда знаменитый композиторъ, недовольный самъ собою, сказалъ себѣ: «До сихъ поръ я недоволенъ моими работами, я хочу слѣдовать по новому пути». Этотъ новый путь онъ открылъ, создавъ свою третью симфонію «Simfonia Egoica». Для ея концепціи онъ рѣшилъ взять за образецъ лицо, которое въ его глазахъ являлось бы символомъ человѣческаго могущества и силы. Въ это время Бонапартъ сдѣлался первымъ консуломъ французской республики. Начавъ свою работу въ 1803 году, Бетховенъ окончилъ ее въ 1804 году и посвятилъ Наполеону, какъ путеводной звѣздѣ своей мысли. Многіе изъ друзей видѣли на его столѣ оконченную партитуру съ надписью наверху: «посвящается Бонапарту», а внизу Луиджи ванъ-Бетховенъ. Но въ одинъ прекрасный день онъ узнаетъ, что Бонапартъ объявилъ себя императоромъ. Бетховенъ разгнѣвался и воскликнулъ: «Такой-то простой человѣкъ. Теперь онъ станетъ поирать ногами всѣ человѣческія права и будетъ только рабомъ своего честолюбія». Онъ бросился къ столу, схватилъ первый листъ партитуры, разорвалъ его и бросилъ на полъ. Страница была написана новая и, по словамъ Жюльена Тьерсе, симфонію онъ назвалъ уже «Simfonia Egoica».

Профессоръ колумбійскаго университета въ Нью-Йоркѣ Бѣтлеръ написалъ книгу объ американцахъ, любопытную тѣмъ, что въ ней высказывается взглядъ самого американца на свою націю. По его словамъ, главная черта американцевъ «вѣра въ самого себя». Американцы довѣряютъ своимъ собственнымъ силамъ по природѣ и по традиціямъ. Эта вѣра въ себя и независимость характера проявляется во многомъ и навсегда дѣлаетъ невозможнымъ установленіе постоянныхъ, неизмѣнныхъ классовъ общества въ Соединенныхъ Штатахъ и служитъ препятствіемъ для развитія тамъ социализма. Распространенное мнѣніе, что нажива есть главный рычагъ американскаго существованія, Бѣтлеръ отвергаетъ: по его словамъ, это второстепенная цѣль. «Американцы,—говоритъ онъ,—менѣе любятъ деньги, чѣмъ французы и нѣмцы». Такъ называемый европейцами американскій практическій умъ умѣряется и сдерживается горячими чувствами и стойкимъ идеализмомъ. Не практическій умъ, а идеализмъ населяетъ берега Атлантическаго океана». Источникъ этого идеализма—религія. Американскій народъ въ основѣ—религіозный. Христіанство часть его природы. Не принадлежать къ какой-либо церкви считается у американцевъ отсутствіемъ самоуваженія. Бѣтлеръ отмѣчаетъ еще духъ равенства въ своихъ соотечественникахъ, ихъ склонность къ консерватизму, а также ихъ честность въ дѣлахъ. Онъ увѣряетъ, что ихъ необыкновенная слесь уменьшилась. Старая привычка хулить все, что не ихъ,—языкъ другихъ народовъ, чужія страны, культуру и т. д.,—исчезла. Стремленіе «выразить свою личность» американецъ оканчиваетъ разсмотрѣніемъ того, чѣмъ была Америка и чѣмъ она становится съ каждымъ днемъ въ умственномъ отношеніи. Онъ утверждаетъ, что въ народѣ развилась страсть къ образованію. Университеты все болѣе и болѣе процвѣтаютъ, вкусъ къ умозрительнымъ наукамъ разростается, образованные классы общества распространяются, и появляется литературная традиція.

Американцы стремятся совершенствоваться не только въ умственномъ отношеніи, но и въ эстетическомъ. Журналъ «Art et les artistes» сообщаетъ, что они поняли пользу, какую приносятъ нравственному развитію народа «красота». Всѣ болѣе или менѣе крупныя центры Америки, принялись организовать «Municipal art society» и почти всѣ эти общества принадлежатъ къ американской «большой федераціи искусствъ», основанной прошедшій годъ въ Вашингтонѣ, гдѣ каждую весну будетъ собираться большой конвентъ, чтобы члены этихъ различныхъ обществъ могли соединяться вмѣстѣ для обсужденія лучшихъ способовъ увеличить прогрессъ въ этой области. Въ Бостонѣ, кромѣ Exposition, открылся еще музей искусствъ, который пользуется большимъ успѣхомъ; особенно въ немъ хорошъ японскій отдѣлъ изъ двѣнадцати залъ, окружающихъ прелестный, совершенно восточный садъ.

Одно только явленіе въ общественной жизни нѣсколько смущаетъ американцевъ: изнѣженность молодыхъ людей.

Въ «Literary Digest» Александръ Фрэнсисъ жалуется, что совмѣстное обученіе дѣвочекъ и мальчиковъ невыгодно отразилось на сильномъ полѣ—онъ сдѣлался дурной копіей дѣвочекъ. Мальчики отъ постоянного пребыванія съ дѣвочками становятся нѣжныѣ, чувствительнѣе и теряютъ свойственныя мужчинамъ мужество и силу. Причиной этого нежелательнаго явленія онъ считаетъ еще то обстоятельство, что сильно увеличился процентъ женщинъ-преподавательницъ. Въ 1870 г. въ народныхъ и второстепенныхъ школахъ находилось 77,528 мужчинъ преподавателей и 122,795 женщинъ-преподавательницъ. Прошедшій годъ количество мужчинъ-преподавателей увеличилось до 109,178, а количество женщинъ возросло до 356,884. Поэтому въ дѣйствительности воспитателями являются женщины; кромѣ того, учащихся дѣвочекъ болѣе процентъ, чѣмъ мальчиковъ, и ради этого пришлось измѣнить программу.

Жалобы на отсутствіе выдающихся талантовъ въ области живописи и скульптуры раздаются и по адресу изящной Франціи. Въ «Nineteenth Century» Бонье энергично раскритиковалъ ея современное изящное искусство. Количество художниковъ возрастаетъ неимоверно, а вмѣстѣ съ этимъ нѣтъ болѣе ни школы, ни преподавателей. Въ возрастѣ, когда Винчи, Микель-Анджело, Рафаэль и Тиціанъ еще послушно работали въ мастерскихъ своихъ маэстро Веррокіо, Гирландайо, Перужини или Беллини, французскіе молодые художники уже заняты «проявленіемъ своей личности» въ искусствѣ, несмотря на предупрежденіе Рескина, сказавшаго шестьдесятъ пять лѣтъ тому назадъ, что «оригинальности никогда не надо искать ради нея, это просто заблужденіе, она должна естественно родиться изъ страстнаго изученія природы». Среди французскихъ художественныхъ силъ—полная анархія. Несмотря на стремленіе оригинальничать, молодые художники поддаются подъ разныя вліянія, часто совершенно противорѣчивыя. Но главное, повсюду замѣтна небрежность и нерадѣніе. Художники не «удостаиваютъ» заканчивать свои картины, ограничиваясь лишь обозначеніемъ своего намѣренія, намеками на свою мысль, по она не всегда ясна. Вмѣстѣ съ тѣмъ замѣтно, что они озабочены болѣе техникой, чѣмъ мыслью, слишкомъ забывая, что живопись, какъ и другія искусства, является средствомъ выраженія и что, безъ сомнѣнія, прекрасно

умѣть выражаться гениальнымъ и новымъ способомъ, но важно также имѣть мысль. Еще отличительная черта молодыхъ французскихъ художниковъ— свѣтлые тона, такъ что темный тонъ царитъ лишь въ Салонѣ французскихъ артистовъ—у стариковъ. Въ Національномъ обществѣ изящныхъ искусствъ его уже меньше, а у независимыхъ—онъ совершенно отсутствуетъ. Въ общемъ, если бы эти картины были закончены, онѣ скорѣе годились бы быть декоративными, а не станковыми. По мнѣнію автора статьи, музейнымъ картинамъ пришелъ конецъ. Картины, какъ книги, выходятъ изъ моды. Въ наше время коллективной жизни предпочтеніе отдается театру, а не книгѣ, и декоративной, а не музейной картинѣ. Во французскомъ официальномъ Салонѣ все банально, монотонно, незначительно. Здѣсь художники и не революціонеры и не традиціоналисты; они боятся и выказать себя слишкомъ передовыми и прибавляютъ къ своей старости почти всегда бесполезное мальчишество. Чувствуется, что они традиціоналисты помимо своего желанія. Главное, французскимъ молодымъ силамъ не хватаетъ эстетики. Повсюду виденъ хаосъ, анархія.

Нашлевы молодыхъ силъ въ отдѣлѣ скульптуры незначителенъ, и замѣтно стремленіе къ уменьшенію. Здѣсь та же незаконченность, тотъ же хаосъ. Родэнъ царитъ уже не какъ монархъ, а переходитъ въ состояніе полубога среди молодыхъ скульпторовъ. Ни въ какое время, ни въ какой странѣ, говорить строгій критикъ, никакой артистъ такъ не гордился бы своими работами, какъ Родэнъ. Французская скульптура теперь раздѣлилась на двѣ партіи: «классическую и родэнскую». Родэнская—куча обломковъ, а классическая скульптура—круглая, гладкая, полированная, облизанная и пустая.

Современная французская архитектура впала въ безобразіе и бессмысленность. Тотъ же упадокъ виденъ и въ отдѣлѣ декоративной обстановки: никогда еще, по словамъ критики, не было менѣе вкуса, чѣмъ теперь. Наша эпоха не способна установить стиль; попытки его создать приводятъ къ нелѣпицѣ, путаницѣ, неуклюжести, къ «*vermicelle exasperée*», какъ выразился Бонье. Однимъ словомъ, современное французское искусство въ жалкомъ положеніи упадка и безпорядка, и причиной этому онъ считаетъ безпорядокъ, царящій въ умѣ, мысляхъ, вкусѣ, мнѣніяхъ нашихъ современниковъ. Интеллектуальная анархія порождаетъ анархію артистическую, а послѣдняя роковымъ образомъ порождаетъ упадокъ всѣхъ искусствъ.

— Европейскіе юбилеи.—22 февраля новаго стиля музыкальный міръ почти во всѣхъ крупныхъ европейскихъ центрахъ справлялъ столѣтіе со дня рожденія Фредерика Шопена. Уроженецъ Варшавы, этотъ музыкальный гений жилъ и умеръ за границей, вдали отъ своей родины. Быть можетъ, ни одинъ музыкальный гений не былъ такъ тѣсно скрѣпленъ внутренней душевной связью съ музыкальными звуками, какъ Шопень. Всѣ движенія души выливались у него то въ бурные, то въ нѣжно-жалобные или веселые звуки, и его музыкальныя произведенія могутъ служить потомству мемуарами, въ которыхъ онъ заносилъ всѣ пережитыя имъ страданія, радости и бури. Первые уроки музыки онъ бралъ у чешскаго профессора Цивни, гармонию же и композицію изучалъ у директора варшавской консерваторіи Эльснера. Уже въ 1829 году онъ былъ отиѣ-

чень музыкальнымъ гениемъ и уже сочинилъ свои два концерта: *fa mineur* и *mi mineur* и вариацию на Дюнь-Жуана, обратившую на него вниманіе Шумана. Въ сентябрь 1828 года онъ провелъ двѣ недѣли въ Вѣнѣ, гдѣ самъ ничего не дѣлалъ, но много слушалъ музыку, зато, возвратясь туда черезъ годъ, онъ уже выказалъ себя крупнымъ пианистомъ. Съ этимъ временемъ связана его первая запись въ его музыкальныхъ мемуарахъ. Онъ платонически полюбилъ молодую пѣвицу Констанцію Гладковскую. «Быть можетъ, на свое несчастье, я нашелъ свой идеаль,— писалъ онъ своему другу.— Я всей душой ее боготворю. Уже шесть мѣсяцевъ, какъ я вижу ее каждую ночь во снѣ и еще ни разу не говорилъ съ нею. Думая объ этомъ чистомъ существѣ, я сочинилъ *adagio* моего концерта въ *mi mineur*, также какъ и вальсъ, написанный сегодня утромъ, который посылаю тебѣ».

Съ печальнымъ сердцемъ онъ въ третій разъ покинулъ Варшаву 1 ноября 1830 года, предчувствуя, что придется сказать родинѣ навсегда «прости». Онъ прожилъ нѣсколько мѣсяцевъ въ Вѣнѣ и рѣшился отправиться въ Англію чрезъ Парижъ, гдѣ онъ навсегда остался.

Три крупныя событія повліяли на жизнь Шопена, отразившись на его гени. Первое—національное горе, второе—разрывъ съ невѣстой и третье—связь съ Жоржъ-Зандъ. Первое страстное чувство была жгучая ненависть къ побѣдителямъ его родины—русскимъ, отравившая ему душу. Въ это время ему былъ 21 годъ. Извѣстіе о взятіи Варшавы застало его по дорогѣ въ Штутгартъ. Всѣ близкіе оставались въ Польшѣ. «Я сижу здѣсь бездѣятельно съ пустыми руками,— писалъ онъ въ своемъ дневникѣ:—иногда только вырывается у меня стонъ, и я довѣряю мои страданія, мое отчаяніе роялю». И въ его музыкальныхъ мемуарахъ были занесены «Этюдъ» *C-moll*, прелюды *D-moll*, *A-moll*. Всѣ его страданія вылились въ звуки. Эта связь его душевнаго состоянія съ его музыкальными произведеніями сдѣлала изъ него лирическаго композитора, и чѣмъ сильнѣе были душевныя бури, тѣмъ болѣе блестящими являлись его произведенія.

Поселившись въ Парижѣ въ концѣ 1831 года, онъ подружился съ знаменитымъ пианистомъ Калькбреннеромъ, отказавшись, однако, сдѣлаться его ученикомъ. Два концерта, съ трудомъ устроенные имъ, создали ему громадный успѣхъ и въ то же время денежныя затрудненія, изъ которыхъ онъ вышелъ лишь благодаря встрѣчѣ съ графомъ Валентиномъ Радзивиломъ, представившимъ его барону Ротшильду, въ гостиной котораго онъ познакомилъ съ своимъ музыкальнымъ талантомъ аристократическое общество Парижа и получилъ много приглашеній давать уроки. Его изящная аристократическая внѣшность, заставившая Листа прозвать его «княземъ», а Генриха Гейне—«Рафаэлемъ музыки», завоевала симпатіи аристократовъ. Но слабое сложеніе вліяло на его игру и, исполняя чудесно *legato*, онъ не могъ выступать въ сильныхъ вещахъ, не обладая ни звучностью, ни мощью. Послѣ многихъ путешествій по Германіи, гдѣ онъ видѣлся съ Шуманомъ и Мендельсономъ, онъ встрѣтился съ другомъ своего дѣтства Маріей Водзинской, сильно въ нее влюбился, сопровождалъ ее съ семьею на Маріенбадскія воды и сдѣлался ея женихомъ. Въ Дрезденѣ они разстались въ надеждѣ скораго соединенія. Шопень отправился въ Лейпцигъ, а затѣмъ вернулся въ Парижъ, гдѣ узналъ, что отецъ Маріи воспротивился этому браку. Шопень заболѣлъ съ горя и, когда поправился, то для развлечения предпринялъ поѣздку

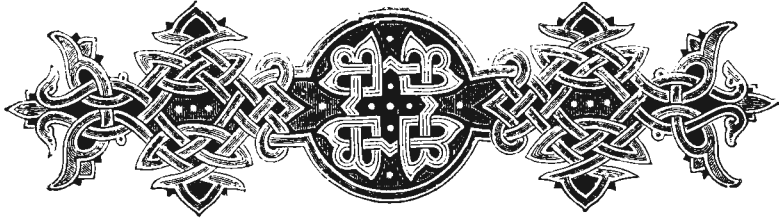
въ Лондонѣ. Въ Парижъ онъ возвратился въ самомъ апохондрическомъ настроеніи и на пакетѣ съ письмами отъ Водзинскихъ подписалъ: «Мое несчастіе». Его душа жаждала утѣшенія. Въ это время онъ встрѣтилъ Жоржъ-Зандъ: ей было тридцать четыре года; онъ всей душой привязался къ ней—и они сошлись.

При первыхъ признакахъ чахотки Жоржъ-Зандъ подъ предлогомъ слабого здоровья сына отправилась вмѣстѣ съ Шопеномъ на Майорку. Въ 1839 году они вернулись въ Ноанъ, гдѣ Шопену стало лучше и онъ принялся за работу. Въ 1841—42 гг. его здоровье улучшилось и онъ могъ дать два концерта. Въ 1847 году они разстались и видѣлись разъ въ 1848 году. Послѣдній концертъ Шопень далъ 22 февраля 1848 года. Уже слабый, онъ не хотѣлъ, чтобы публика это замѣтила, но при выходѣ упалъ въ обморокъ. Въ апрѣлѣ онъ отправился въ Англію и Шотландію. Возвратясь во Францію въ 1849 году, Шопень былъ въ самомъ критическомъ положеніи, но его ученица миссъ Стирлингъ подарила ему 25000 франковъ, и онъ могъ дотянуть свое существованіе до 17 октября 1849 года.

— Смерть Морфилля и Люэгера.—Въ концѣ ноября въ Лондонѣ скончался профессоръ славянскихъ языковъ въ Оксфордѣ Вильямъ Ричардъ Морфилль, убѣжденный руссофилъ и славянофилъ, всю жизнь посвятившій ознакомленію англичанъ съ славянами и особенно русскими. Морфилль написалъ много основательныхъ трудовъ по разнымъ отдѣламъ славяновѣдѣнія и въ частности по русской исторіи, языку и словесности. Зная русскій языкъ и обладавъ отличной памятью, онъ читалъ наизусть выдержки изъ русскихъ поэтовъ и классиковъ и собралъ прекрасную русско-славянскую бібліотеку. Онъ бывалъ въ Россіи и слѣдилъ за русской литературой. Въ его лицѣ Россія лишилась одного изъ сторонниковъ англо-русскаго сближенія.

26-го февраля скончался въ Вѣнѣ бургомистръ Карлъ Люэгеръ, одинъ изъ популярнѣйшихъ политическихъ дѣятелей Австріи, историческая фигура въ Европѣ, объединившая всѣ элементы мелкой буржуазіи, изъ которой онъ составилъ самую сильную политическую партію. Выйдя изъ народа (онъ родился въ 1844 г.), Люэгеръ, обладавшій даромъ горячаго трибуна, вступилъ въ политическую жизнь въ тотъ моментъ, когда финансовый скандалъ 1837 г. разстроилъ либеральную партію. Онъ выступилъ противъ злоупотребленій въ общественныхъ дѣлахъ. Съ 1895 г. онъ былъ избранъ вѣнскимъ бургомистромъ. Какъ политическій дѣятель, Люэгеръ основалъ вмѣстѣ съ княземъ Лихтенштейномъ и Гессманомъ партію демократическихъ христіанъ, которая сдѣлалась самой могущественной въ Австріи. Президентъ палаты депутатовъ, объявляя объ его смерти, указалъ на исключительную популярность «этого стража справедливости и истиннаго христіанина».

С М Б С Б.

ИМПЕРАТОРСКОЕ училище глухонѣмыхъ. 20 февраля въ церкви спб. училища глухонѣмыхъ по случаю предстоящаго юбилея его столѣтія утромъ была совершена заукокойная литургія, а въ 2 часа дня торжественная панихида по почившимъ императорамъ Александрѣ I, Николаѣ I, Александрѣ II и Александрѣ III и императрицамъ Маріи Ѳеодоровнѣ, Елизаветѣ Алексѣевнѣ, Александрѣ Ѳеодоровнѣ и Маріи Александровнѣ, почетнымъ опекунамъ, попечителямъ, начальствовавшимъ, учившимъ и учившимся. Богослуженіе совершалъ митрофорный протоіерей Сосняковъ соборнѣ съ бывшимъ настоятелемъ училищной церкви о. Смирновымъ и нынѣшнимъ о. Дымскимъ при прекрасномъ пѣніи мѣстнаго хора подъ управленіемъ Филиппова. Присутствовали: попечитель училища почетный опекунъ, членъ Г. Совѣта кн. Куракинъ, товарищъ главноуправляющаго вѣдомствомъ императрицы Маріи тайный совѣтникъ Стефановичъ, почетный опекунъ тайный совѣтникъ Масловъ, начальникъ женскихъ гимназій, бывшій здѣсь директоромъ, тайный совѣтникъ Степановъ, членъ комитета попечительства о глухонѣмыхъ М. С. Толстая, директоръ г. Енько и весь служебный и педагогическій персоналъ училища, нынѣшніе воспитанники и воспитанницы и многіе бывшіе. Училище глухонѣмыхъ получаетъ названіе «Императорскаго». Начало обученію глухонѣмыхъ въ Россіи положено супругой императора Павла императрицею Маріею Ѳеодоровною. Ближайшимъ поводомъ къ началу обученія послужила случайная встрѣча императрицы съ глухонѣмымъ мальчикомъ Александромъ Меллеромъ. Императрица основала опытное училище глухонѣмыхъ въ Павловскѣ, оно было открыто 2 декабря 1806 года на личные средства государыни. Первымъ учителемъ и организаторомъ обу-

ченія былъ кесндзь Сигмундъ изъ Вильны. Черезъ 3 года государыня, убѣдясь, что дѣло обученія итти можетъ, перевела училище въ Петербургъ и 1 января 1810 года императрица въ указѣ воспитательному дому объявила объ учрежденіи училища глухонѣмыхъ подъ вѣдомствомъ спб. опекунскаго совѣта. Въ училищѣ было 24 питомца. Руководитель училища И. А. Жофре велъ обученіе по мимическому методу Сикара. Обучались Закону Божию, русскому и французскому языкамъ, ариѳметикѣ, геометріи, исторіи и рисованію, нѣкоторымъ ремесламъ и рукодѣльямъ. Въ 1820 г. училище приобрѣло собственный домъ на Гороховой улицѣ. Начиная съ 1847 г., сдѣланы попытки къ обученію устной рѣчи, но лишь въ 1900 г. устная рѣчь была введена во все училищѣ. Мимическія отдѣленія закрылись при директорѣ Остроградскомъ, котораго смѣнили нынѣшній директоръ г. Енько, введшій «естественный» методъ обученія. Императоръ Александръ III въ Маріинскомъ театрѣ на парадномъ спектаклѣ для учащихся, при бесѣдѣ съ учебно-воспитательнымъ персоналомъ училища, сказалъ имъ: «Старайтесь учить своихъ питомцевъ такъ, чтобы они понимали духъ языка, а не говорили только заученное, какъ попугай». Эти слова государя опредѣлили смыслъ новаго въ Россіи метода устной рѣчи. Въ теченіе всего времени въ училище было принято 2,205 чел. (1,401 мальч. и 804 дѣв.). Училище давало образованіе общее и профессиональное, существовало оно не даромъ 100 лѣтъ, и изъ безсловесныхъ существъ дѣлало тысячи разумныхъ Божіихъ созданій. Въ четыре часа того же дня бывшіе питомцы училища въ Петропавловскомъ соборѣ служили по основательницѣ его императрицѣ Маріи Феодоровнѣ панихиду и возложили на гробницу художественный складень съ лампадою въ видѣ императорской короны. На складнѣ изображеніе свв. Маріи Магдалины, Николая Чудотворца и Царицы Александры. Въ воскресенье 21 февраля въ церкви училища, обновленной и украшенной щедрыми приношеніями старосты г. Самсонова, совершалось торжественное богослуженіе. Совершать богослуженіе прибылъ высокопреосвященный митрополитъ спб. Антоній. Въ церкви присутствовали: главноуправляющій вѣдомствомъ императрицы Маріи князь Голицынъ, товарищъ его т. с. Стефановичъ, почетные опекуны: ген.-адъют. бар. Фредериксъ 2-й, ген. Хлѣбниковъ, Ивановъ-Луцевинъ, Трегубовъ, Евреиновъ, гр. Гейденъ, Всеволожскій, гофмейстеръ Декарьеръ, шталмейстеры гр. Пиродъ, Пантелѣевъ, д. т. с. Ермоловъ, начальникъ женскихъ гимназій т. с. Степановъ, изъ старшихъ чиновъ вѣдомства: Адеркасъ, Зувевъ, бар. Кистеръ, Колубовскій, Кузьминъ, гр. Рошефоръ, Страшевичъ, кн. Трубецкой, г.-л. Аничковъ и др. Въ столовыхъ залахъ отъ высочайшаго двора былъ накрытъ завтракъ, столы были красиво усажены живыми цвѣтами. За завтракомъ игралъ хоръ музыки л.-гв. Семеновскаго полка. Первый тостъ возгласилъ князь Голицынъ за Государя Императора, встрѣченный общимъ «ура» и звуками народнаго гимна, затѣмъ слѣдовали тосты за Государынь Императрицу, за Наслѣдника Цесаревича. Князь Голицынъ поднималъ бокаль за процвѣтаніе училища, за учащихся и учащихся и за его попечителя князя Куракина. Затѣмъ присутствовавшіе прошли въ столовую воспитанниковъ. Митрополитъ благословилъ каждого питомца и питомицу. Дѣти стали вдоль лѣстницы и часть ихъ, особенно успѣвавшая въ обученіи, пропѣла «исполазти деспота» и «многая лѣта». Глухіе, безжизнен-

ные голоса, но отчетливые, на манеръ речитатива, все-таки свидѣтельствуютъ объ успѣхахъ обучающихся и трудѣ обучающихся. На слѣдующій день состоялся торжественный актъ и балъ для глухонѣмыхъ.

50-лѣтіе русскаго энтомологическаго общества. 26-го февраля въ зданіи главнаго управленія земледѣлія и землеустройства состоялось торжественное празднованіе 50-лѣтія русскаго энтомологическаго общества. На торжествѣ присутствовали многочисленныя депутаціи, представители главнаго управленія земледѣлія и землеустройства, министерства народнаго просвѣщенія, делегаты русскихъ и заграничныхъ ученыхъ обществъ и учреждений. Президентъ общества П. П. Семеновъ-Тянь-Шанскій привѣтствовалъ общество отъ имени августѣйшаго почетнаго президента общества великаго князя Николая Михайловича и отъ своего имени, отнеся это привѣтствіе также и къ единственно оставшемуся въ живыхъ учредителю общества Ф. Р. Осень-Сакену. Затѣмъ Г. Г. Якобсонъ доложилъ краткій отчетъ о дѣятельности общества за полувѣковое существованіе. Число членовъ въ настоящее время 340. Общая сумма всѣхъ расходовъ достигла за 50 лѣтъ 176,161 руб. 44 коп. Въ теченіе 50 лѣтъ въ обществѣ было сдѣлано 1,037 научныхъ докладовъ и сообщений. Экскурсіи и экспедиціи членовъ общества были совершены по Европейской Россіи, по Центральной и Восточной Азіи и Южной Америкѣ. Всѣ они имѣли цѣлью изученіе фауны и біологіи насѣкомыхъ, а также изученіе вредителей и примѣненіе мѣръ борьбы съ ними. Послѣ рѣчи вице-президента общества А. П. Семенова-Тянь-Шанскаго о значеніи энтомологіи начались привѣтствія отъ различныхъ обществъ и учреждений. Первымъ привѣтствовалъ общество на рускомъ языкѣ представитель лондонскаго энтомологическаго и зоологическаго общества мистеръ Бурръ. Отъ имени финляндскаго общества изученія флоры и фауны произнесли рѣчи г. Опиніусъ и профессоръ Сальбергъ. Далѣе слѣдовали привѣтствія отъ академіи наукъ, отъ петербургскаго университета, отъ военно-медицинской академіи, отъ ученаго комитета главнаго управленія землеустройства и земледѣлія, отъ вольно-экономическаго и географическаго обществъ, отъ лѣснаго института, отъ московскаго общества естествоиспытателей. Получено много привѣтственныхъ телеграммъ, въ томъ числѣ отъ главноуправляющаго земледѣліемъ и землеустройствомъ проф. Кривошеина. Ко дню 50-лѣтія общества избраны въ почетные члены: В. Ф. Ашанинъ, проф. Н. А. Холодковскій, вице-президентъ энтомологическаго общества А. П. Семеновъ-Тянь-Шанскій, В. Е. Петерсенъ и проф. гельсингфорскаго университета Юнгъ Сальбергъ.

Въ обществѣ любителей древней письменности. 5 марта состоялось общее собраніе императорскаго общества любителей древней письменности подъ предсѣдательствомъ графа С. Д. Шереметева. Въ началѣ засѣданія предсѣдатель довелъ до свѣдѣнія присутствовавшихъ о состоявшемся 18 минушаго февраля посѣщеніи Фердинандомъ, царемъ болгаръ, музея общества. Затѣмъ была прочтена грамота 1605 г. сентября 17, данная Разстригой Алексѣю Веселкину. Означенная грамота принесена въ даръ обществу М. М. Веселкинымъ. Доклады въ этомъ собраніи принадлежали профессору университета св. Владимира В. Н. Перетцу и членамъ его семинарія, возникшаго въ 1907 г. Доклады

эти были слѣдующіе: В. Н. Перетца «О новыхъ малорусскихъ діалогахъ XVII в.». Изложивъ исторію діалоговъ, возникшихъ въ эпоху возрожденія и особенно процвѣтавшихъ въ школахъ иезуитовъ, референтъ отмѣтилъ, что діалоги перешли въ Польшу и на Украину, гдѣ въ нихъ стали рано проникать народные элементы. Въ найденныхъ г. Перетцомъ въ рукописяхъ народного дома во Львовѣ 2 малорусскихъ діалогахъ эти элементы проявились очень опредѣленно; оба діалога построены по опредѣленному плану, т. е. заключаютъ въ себѣ прологъ, рѣчи участниковъ и эпилогъ; въ одномъ изъ діалоговъ прибавлена и интермедія—фактъ важный для исторіи драмы; рѣчи первыхъ участниковъ діалога построены на проповѣдническомъ и литургическомъ матеріалѣ; въ рѣчи же остальныхъ проникаютъ элементы юмора и бытовыхъ картинокъ. Изученіе діалоговъ, по мнѣнію г. Перетца, приводитъ къ выводу, что малорусскіе авторы не оставались въ рамкахъ схоластики, а являлись выразителями новыхъ литературныхъ вкусовъ, созданныхъ эпохой гуманизма. А. С. Грузинскому принадлежатъ докладъ «Изъ исторіи перевода Евангелія на малорусскій языкъ въ XVI в.». Референтъ обратилъ вниманіе на малорусскую вставку въ найденномъ имъ въ мѣстечкѣ Лѣткахъ Черниговской губ. текстѣ евангелія XVI в., при чемъ указалъ, что данная языка, словарный и фонетическій матеріалъ, а также изученіе другихъ старшихъ списковъ малорусскихъ евангелій, пересопницкаго 1561 г., волинскаго 1571 г. и чешскаго Н. Завѣта 1545 г., заставляютъ предполагать существованіе болѣе древняго списка, изъ котораго можно было бы вывести особенности существующихъ списковъ. Это предположеніе, такимъ образомъ, выдвигаетъ вопросъ о достовѣрности даты пересопницкаго евангелія, хранящагося въ Полтавѣ. В. П. Адрианова сдѣлала сообщеніе: «О цѣнахъ на книги въ Сѣверо-Восточной и Юго-Западной Руси въ XVI—XVIII в.». Указавъ, что выясненіе этого вопроса затрудняется недостаткомъ матеріала, г-жа Адрианова изложила выводы, къ которымъ она пришла на основаніи ею собраннаго матеріала: оцѣнка книгъ въ древней Руси была очень высока и крайне неравномѣрна; въ XVII в., а иногда и въ XVIII в., рукописныя книги были дешевле печатныхъ; пониженіе стоимости рукописныхъ книгъ наблюдается не всегда: въ XVIII в. печатныя книги становятся доступнѣе; соотношеніе стоимости книгъ различнаго содержанія можетъ быть въ общихъ чертахъ разрѣшено только для Сѣверо-Восточной Руси, гдѣ служебныя книги цѣнились выше четьихъ: дороже всего цѣнились евангелія и прологи, лѣтописи и хронографы.

Въ русскомъ генеалогическомъ обществѣ. 13-го февраля въ залѣ петербургскаго дворянскаго депутатскаго собранія, подъ августѣйшимъ председательствомъ его высочества великаго князя Георгія Михайловича, состоялось первое въ текущемъ академическомъ году общее собраніе русскаго генеалогическаго общества. Изъ прочитаннаго секретаремъ общества С. Н. Бурнашевымъ отчета о дѣятельности общества за минувшій годъ видно, что общество выпустило изданный подъ редакціей извѣстнаго историка Н. П. Лихачева III выпускъ «Извѣстій» общества и печатало подъ редакціей Н. В. Мятлева, весьма важныя для исторіи и родословія русскаго дворянства родословныя росписи, поданныя разряду представителями служилыхъ фамилій въ концѣ

XVIII столѣтія. Въ это изданіе войдутъ 494 росписи. Копіи росписей сняты покойнымъ В. В. Руммель. Значительно увеличившаяся бібліотека общества переведена въ отчетномъ году въ домъ петербургскаго дворянства. По утвержденіи отчета казначея барона Н. А. Типольта, произведены были выборы. Избраны: въ товарищи предсѣдателя—К. А. Губастовъ, въ члены совѣта: А. С. Ермоловъ, Н. П. Лихачевъ, баронъ М. А. Таубе и князь М. С. Путятинъ, въ казначеи—баронъ П. А. Типольтъ и въ бібліотекари—М. И. Ушаковъ; въ члены ревизіонной комиссіи—Г. В. Каховскій, П. Н. Брокъ и А. П. Остафьевъ; въ члены-сотрудники—Ю. В. Арсеньевъ, А. А. Голомбевскій, Е. В. Кузнецовъ, А. А. Мироновъ, Б. Л. Модзалевскій, князь Н. С. Путятинъ, А. С. Раевскій, Г. И. Студенкинъ и А. И. Успенскій; въ дѣйствительные члены—В. Я. Адарюковъ, баронъ А. Г. Кноррингъ, А. А. Бухе, П. Г. Горе, Люба-Радзимицскій, В. К. Лукомскій, Л. В. Лыщинскій, С. Н. Тройницкій, Н. И. Булычевъ и Е. С. Протопоповъ. К. А. Губастовымъ сообщено о предстоящемъ, подъ его редакціей, изданіи IV выпуска «Извѣстій» общества и желательности скорѣйшаго представленія матеріаловъ для этого изданія. Бывшему редактору «Извѣстій», Н. П. Лихачеву, отказавшемуся отъ этой должности за неимѣніемъ времени, общимъ собраніемъ выражена была благодарность. Г. А. Власевъ прочелъ докладъ: «О происхожденіи князей Острожскихъ». Польскіе генеалоги считаютъ князей за Рюриковичей, прямыхъ потомковъ Владимира Святого и Владимира Мономаха. Нѣкоторые русскіе ученые отрицаютъ это предположеніе. Въ тщательно изложенномъ и строго обоснованномъ докладѣ референтъ попытался всесторонне освѣтить этотъ еще недостаточно выясненный вопросъ и пришелъ къ выводу, что съ несомнѣнностью можно установить только трехъ предковъ князей Острожскихъ, а именно—Романа Михайловича, князя владимірскаго и галицкаго, сына его князя Данила Романовича, короля русскаго, и Василько Романовича. Б. Л. Модзалевскій прочелъ рефератъ, посвященный «памяти Н. Н. Кашкина и его неизданнымъ сочиненіямъ». Скончавшійся въ концѣ 1909 года Н. Н. былъ извѣстнымъ русскимъ генеалогомъ, обладавшимъ богатымъ семейнымъ родовымъ архивомъ въ Козельскомъ уѣздѣ, Калужской губерніи. Матеріалы этого архива, восходящія къ XVI столѣтію, и послужили источникомъ для цѣлаго ряда историко-генеалогическихъ трудовъ покойнаго. Особенный интересъ представляютъ данныя о родѣ «Ртищевыхъ». Посмертная работа Н. Н. «Родословныя развѣдки» осталась ненапечатанной. Въ завѣщаніи Н. Н. забота о рукописи возложена на докладчика. Одна изъ работъ Н. Н., касающаяся рода Ртищевыхъ, посвящена выдающемуся представителю этого рода, близкому совѣтнику царей Михаила Феодоровича и Алексѣя Михайловича, Ѳ. М. Ртищеву. Н. П. Лихачевъ сообщилъ о надписяхъ на иконахъ, какъ источникѣ историко-генеалогическихъ данныхъ.

Торжественное открытіе общества имени А. И. Куинджи. 19-го февраля, въ день именинъ профессора Архипа Ивановича Куинджи, состоялось въ конференцъ-залѣ академіи художествъ открытіе находящагося подъ Высочайшимъ Государя Императора покровительствомъ художественнаго общества имени А. И. Куинджи. Въ 12 часовъ дня въ одномъ изъ залъ академіи происходило общее собраніе учредителей общества. Предсѣдательствовалъ ректоръ выс-

шаго художественнаго училища В. А. Беклемишевъ. Собраніе выслушало и утвердило отчетъ о дѣятельности общества со дня утверженія устава до перваго общаго собранія. Въ заключеніе члены-учредители отправили отсутствовавшему по болѣзни А. И. Куинджи слѣдующую привѣтственную телеграмму: «Дорогой Архипъ Ивановичъ! Члены-учредители шлютъ вамъ свое искреннее и сердечное поздравленіе съ днемъ вашего ангела и торжественнымъ открытіемъ общества вашего имени. Пусть Богъ даруетъ вамъ здоровье на радость всѣхъ любящихъ и цѣнящихъ васъ и на благо русскаго искусства». Торжественное открытіе общества имени А. И. Куинджи состоялось въ 2 часа дня. Кромѣ профессоровъ высшаго художественнаго училища и членовъ академіи, присутствовала августѣйшій президентъ академіи художествъ. Въ началѣ собранія былъ отслуженъ молебенъ. Оркестръ военной музыки троекратно исполнилъ гимнъ. Академикъ Крыжицкій прочиталъ затѣмъ отчетъ о дѣятельности общества. Въ настоящее время общество насчитываетъ 85 членовъ. Дѣйствительными членами общества могутъ быть художники всѣхъ отраслей пластическихъ искусствъ, а также другія лица, оказывающія содѣйствіе цѣлямъ общества. Первое собраніе для присужденія преміи втораго конкурса имени А. И. Куинджи состоится 26-го марта въ академіи художествъ. Учрежденный конкурсъ имѣетъ цѣлью «поощреніе выдающихся русскихъ талантовъ, такъ какъ это главный и единственный путь къ развитію роднаго искусства». Преміи учреждены въ слѣдующихъ размѣрахъ: 1-я премія имени Государя Императора Николая Александровича въ 3,000 рублей, 2-я премія имени Государыни Императрицы Александры Феодоровны въ 2,000 рублей, и 3-я премія имени великаго князя Владимира Александровича въ 1,000 рублей. Получившему 1-ю премію выдается золотая медаль имени А. И. Куинджи. Преміи присуждаются за лучшія произведенія русскихъ художниковъ, выставляющихъ на всѣхъ выставкахъ въ С.-Петербургѣ по живописи, скульптурѣ, архитектурѣ и другимъ отраслямъ искусства. Въ присужденіи премій участвуютъ всѣ дѣйствительные и почетные члены общества, кромѣ желающихъ участвовать на конкурсѣ. Преміи присуждаются простымъ большинствомъ голосовъ. Въ дальнѣйшей части своей рѣчи К. Я. Крыжицкій отмѣтилъ, что вопросъ о постройкѣ выставочнаго зданія, являющейся однимъ изъ основныхъ задачъ новаго общества, пока остался открытымъ. Не разрѣшенъ пока также вопросъ о реализаціи пожертвованнаго А. И. Куинджи обществу участка земли. Отъ имени общаго собранія Архипу Ивановичу была послана вторая привѣтственная телеграмма. Въ заключеніе фотографъ снялъ всѣхъ присутствовавшихъ на торжествѣ. Вечеромъ у Донона состоялся товарищескій обѣдъ.

Отъ комитета литературнаго фонда. Литературный фондъ съ самаго своего основанія считалъ себя обязаннымъ оказывать поддержку недостаточнымъ литераторамъ и ученымъ въ дѣлѣ воспитанія и образованія ихъ дѣтей. Въ послѣднее время онъ расходовалъ около 4 тысячъ рублей въ годъ на стипендіи и на взносы платы въ разныя высшія и среднія ученыя заведенія; кромѣ того, располагалъ нѣкоторымъ числомъ бесплатныхъ вакансій въ частныхъ учебныхъ заведеніяхъ. Но при расширившемся кругѣ кліентовъ фонда, значительномъ повышеніи платы въ учебныхъ заведеніяхъ—всей этой помощи въ настоящее время оказывается недостаточно. Не имѣя возможности выйти изъ предѣ-

ловъ своихъ средствъ, литературный фондъ вынужденъ ограничивать свою помощь взносомъ платы лишь за одного сына или за одну дочь; бываютъ случаи, что взносъ дѣлается только одновременный съ предупреденіемъ кліента, что фондъ не принимаетъ на себя обязательства за будущее; иногда уплачивается только часть взноса, встрѣчаются и прямые отказы. Нынѣ комитетъ литературнаго фонда, желая дать возможно болѣе широкое развитіе пособіямъ на воспитаніе и образованіе, постановилъ: 1) учредить спеціальныи капиталъ, проценты съ котораго должны расходоваться только на выдачу пособій на воспитаніе и образованіе; 2) предложить ближайшему общему собранію фонда зачислить въ этотъ капиталъ около 16,000 рублей, полученныхъ по духовному завѣщанію Евгеніи Алексѣевны Поповой, и 3) обратиться за содѣйствіемъ къ русскому обществу, всегда отзывчивому на нужды образованія. Всякое пожертвованіе въ этотъ капиталъ будетъ считаться неприкосновеннымъ, причѣмъ жертвователи могутъ по своему усмотрѣнію ставить тѣ или другія условія. Предсѣдатель комитета Л. Пантелѣевъ. Пожертвованія могутъ быть адресуемы на имя Лонгина Федоровича Пантелѣева, Спб. Бассейная, 42.

Юбилейное чествованіе М. Г. Савиной. Русскій театръ пышно и торжественно отпраздновалъ тридцатипятилѣтній юбилей сценическаго творчества М. Г. Савиной. Въ Александринскомъ театрѣ присутствовала въ день юбилейнаго спектакля 24 февраля вся театральная Россія въ лицѣ заполонившихъ обширную сцену депутацій, съ рядомъ безчисленныхъ адресовъ, рѣчей, телеграммъ, вѣнковъ и подношеній. Два поколѣнія зрителей объединились въ порывѣ чистой благодарности первой русской актрисѣ, оставивъ подрастающему поколѣнію примѣръ того, какъ надо чтить національные таланты. Парадный спектакль былъ составленъ изъ четырехъ отрывковъ пьесъ: 1-го дѣйствія «Холоповъ», сцены 3-го дѣйствія «Власти тьмы», 3-го дѣйствія «Мѣсяцъ въ деревнѣ» и сцены 1-го дѣйствія «Дикарки». Развернулась словно панорама художественнаго творчества юбиляриши, вновь блеснули мягкимъ свѣтомъ незабываемые образы, созданные знаменитой артисткой, объединенные при всемъ своемъ разнообразіи той глубокой правдой художественнаго изображенія, что свойственна только Савиной. Самое чествованіе состоялось послѣ представленія «Дикарки». Когда занавѣсъ поднялся, на сценѣ была вся труппа Александринскаго театра, представители другихъ петербургскихъ труппъ, депутаціи отъ многочисленныхъ обществъ и учреждений среди цѣлаго лѣса вѣнковъ. Потрясающій громъ рукоплесканій встрѣтилъ М. Г. Савину, показавшуюся на сценѣ подъ руку съ г. Аполлонскимъ. Выступили впередъ В. А. Мичурина и М. А. Потоцкая съ вѣнкомъ отъ труппы Александринскаго театра. Стоявшій во главѣ депутаціи В. Н. Давыдовъ прочелъ прежде всего рескриптъ августѣйшаго президента Императорскаго русскаго театральнаго общества великаго князя Сергѣя Михайловича Маріи Гавриловнѣ Савиной:

«Марія Гавриловна!

«Сегодня праздникъ русской сцены. Сегодня Россія празднуетъ день тридцатипятилѣтія вашей высокохудожественной творческой дѣятельности. Созданные вами сценическіе образы, проникнутые глубокой правдой, будутъ жить вѣчно,

какъ вѣчна въ жизни сама правда. Глубокая отзывчивость вашей души къ искусству звучитъ неизмѣннымъ откликомъ и въ жизни, проводя тѣ же принципы красоты и добра, которые составляютъ девизъ вашей жизни. Ваша сердечная, чисто-родственная заботливость и попеченіе о нуждахъ вашихъ товарищей по искусству наполняетъ всѣ ваши досуги. Ваша дѣятельность въ императорскомъ русскомъ театральномъ обществѣ навсегда сохранится на первой страницѣ его исторіи, какъ его учредителя и неизмѣннаго, неуклоннаго работника.

«Я радъ руководить тѣмъ дѣломъ, гдѣ моими сотрудниками являются такіе крупные дѣятели, какъ вы. Дай вамъ Богъ еще на многіе годы озарять вашимъ талантомъ русскую сцену и согрѣвать вашимъ сердцемъ товарищескую среду вашихъ собратій по искусству.

«Глубокоуважающій васъ великій князь
Сергій Михайловичъ».

Рескриптъ былъ покрытъ долгими рукоплесканіями. Затѣмъ В. Н. Давыдовъ прочелъ прочувствованный адресъ отъ александринской труппы, въ которомъ воздавалось достойное «таланту славной артистки, лучшему украшенію Александринской сцены». Растроганная юбилярша обняла и расцѣловала В. А. Мичурину, М. А. Потоцкую и В. Н. Давыдова. На смѣну товарищамъ юбилярши появилась депутація отъ императорской оперы, въ лицѣ: г-жъ Кузнецовой, Славиной, гг. Тартакова и Серебрякова. Г. Серебряковъ произнесъ теплое привѣтствіе, и депутація поднесла вѣнокъ. Отъ балета поднесли роскошный букетъ г-жа Кшесинская и г. Гердтъ, причемъ г. Гердтъ привѣтствовала «неподражаемую и не подражающую Савину». Вѣнокъ отъ французской труппы Михайловскаго театра поднесли гг. Делормъ, Дево и Андриэ, сравнившій въ своей изящной рѣчи М. Г. Савину съ Саррой Бернаръ и высказавшій убѣжденіе, что обѣихъ этихъ знаменитостей связываетъ воедино ихъ одинаковая неподражаемость. Театральные плотники поднесли М. Г. Савиной икону. Ст. И. Яковлевъ прочелъ адресъ отъ императорской московской драмы, приславшей «красѣ и гордости русской сцены» золотой вѣнокъ. Затѣмъ г. Долиновъ сталъ читать привѣтственные телеграммы: отъ М. Н. Ермоловой, Г. Н. Фодотовой, Никулиной, Яблочкиной, Боборыкина, А. И. Южина, Шпажинскаго, Дюжиковой, Собинова. Каждая телеграмма вызвала горячія рукоплесканія. М. Г. Савина, растроганная пережитыми оваціями, заплакала. А впереди все новыя и новыя депутаціи, адреса, рѣчи, вѣнки... Отъ императорскаго театральнаго общества прочелъ адресъ Я. А. Плющевскій-Плющикъ, отдавъ земной поклонъ «титану искусства, рѣдкому человѣку», внесившему тепло и свѣтъ въ жизнь обездоленныхъ тружениковъ сцены. Всероссийскій національный клубъ, въ лицѣ М. А. Суворина и г. Гарязина, поднесъ вѣнокъ и поздравилъ М. Г. Савину въ слѣдующихъ выраженіяхъ: «Прекрасная русская артистка! Всероссийскій національный клубъ привѣтствуетъ васъ, нашу славу, въ день вашего юбилея. Ваше сценическое дѣло—національная гордость. Образы, созданные вами, воспѣвали русскую женщину. Это цѣлый театральный эпосъ, цѣлая поэма женственности, и вашъ драматическій героизмъ, скромный и сильный, какъ героизмъ великаго русскаго народа, всегда отличалъ вашу игру. Слава вамъ! Мы гордимся вами.

Слава первой русской актрисѣ!» Трогательно было привѣтствіе депутаціи отъ убѣжища для престарѣлыхъ сценическихъ дѣятелей съ г-жой Піуновой во главѣ, которая дрожащимъ голосомъ пожелала многая лѣта «свѣточу убѣжища, золотому сердцу...». Вслѣдъ за этимъ почтеннымъ прошлымъ сцены выступило и будущее: представители учениковъ и ученицъ императорскихъ драматическихъ курсовъ, которые просили у М. Г. Савиной разрѣшенія учредить на курсахъ стипендію ея имени въ честь этого знаменательнаго дня. Отъ имени Литературно-Художественнаго общества поднесли роскошный бюварь и привѣтствовали дорогую юбиляршу В. В. Протопоповъ и В. П. Далматовъ слѣдующимъ адресомъ: «Глубокоуважаемая Марія Гавриловна! Это привѣтствіе отъ Литературно-Художественнаго общества, почетнымъ членомъ котораго вы состоите. Что сказать вамъ, чего пожелать сегодня! Вашъ праздникъ—русскій праздникъ. Наша національная гордость удовлетворена: у насъ есть Савина. Вы рѣдкій примѣръ обширнаго и могучаго русскаго таланта. Съ вами вѣришь въ себя и въ свое искусство. Звѣзда чудесная, сіяющая звѣзда, которой поклонились и на Западѣ! Пожелаемъ же вамъ долгой, счастливой жизни, пожелаемъ новыхъ прекрасныхъ созданій. Русское общество, какъ одинъ человѣкъ, скажетъ сегодня: «Слава нашему театру, слава нашей драмѣ, слава нашей Савиной!...» Труппа Малаго театра прислала депутацію, привѣтствіе которой имѣло большой успѣхъ у публики. Искренно и горячо говорилъ г. Нерадовскій, отмѣтившій вдохновляющія и одушевляющія другихъ свойства блестящаго Савинскаго таланта, а г. Глаголинъ поднесъ юбиляршѣ изящное серебряное ведерко, наполненное шампанскимъ. Онъ пожелалъ, чтобы въ жизни ея всегда было «вѣдро» и просилъ пригубить вина, что М. Г. и сдѣлала среди оглушительныхъ рукоплесканій, показавъ жестомъ, что пьетъ здоровье всѣхъ. Принесъ свой привѣтъ Всероссійскій національный союзъ въ лицѣ г. Пантелѣева, а Ѳ. Д. Батюшковъ прочелъ адресъ отъ Литературнаго фонда. Онъ же вручилъ М. Г. Савиной золотую вѣтку отъ московскаго Художественнаго театра, адресованную «прелестному таланту и человѣку». Союзъ драматическихъ и музыкальныхъ писателей прислалъ депутацію изъ В. А. Рышкова и Е. П. Карпова, прочитавшихъ адресъ и поднесшихъ золотой вѣнокъ. Московское общество драматическихъ писателей и оперныхъ композиторовъ также привѣтствовало юбиляршу адресомъ и подношеніемъ. Выступила депутація отъ театральной школы имени А. С. Суворина, вслѣдъ за которой представители Новаго драматическаго театра съ г. Санинымъ во главѣ положили къ ногамъ М. Г. Савиной свой вѣнокъ. Затѣмъ пошли: Народный Домъ (г. Ратовъ и г-жа Райдина), Екатерининскій театръ, кружокъ Полонскаго, общество народныхъ университетовъ, драматическіе курсы Заславскаго (стипендія), редакція «Театра и Искусства»,—однимъ словомъ, безъ конца. Были студенческія депутаціи отъ петербургскаго университета, лѣснаго института, политехническаго и электротехническаго институтовъ. Читались поздравленія отъ театровъ: Корниа, одесскаго, казанскаго, тифлискаго, кіевского, харьковскаго, рижскаго, иркутскаго, петрозаводекаго и др. Множество телеграммъ остались не прочитанными за полной-невозможностью одолѣть ихъ въ одинъ вечеръ. Во время заключительнаго чтенія телеграммъ юбиляршѣ было сообщено объ изданіи альбома ея фотографій, причемъ прибыль съ этого изданія предназна-

чена на учрежденіе стипендій ея имени при театральномъ обществѣ. М. Г. Савина, растроганная и потрясенная, молча кланялась. А навстрѣчу ей неслись неумолаемые, оглушительные рукоплесканія и привѣты.

Юбилей С. И. Шохорь-Троцкаго. 15-го февраля исполнилось 35-лѣтіе педагогическо-литературной дѣятельности С. И. Шохорь-Троцкаго. С. И. родился въ 1853 году въ Каменецъ-Подольскѣ. Среднее образованіе получилъ въ кievской и херсонской гимназіяхъ. Пробывъ нѣкоторое время на физико-математическомъ факультетѣ новороссійскаго университета и въ петербургскомъ институтѣ инженеровъ путей сообщенія, С. И. въ 1877 году отправился за границу, гдѣ учился въ Берлинѣ, Гейдельбергѣ и Кенигсбергѣ. Литературно-педагогическая дѣятельность С. И. Шохорь-Троцкаго началась очень рано. Въ 1875 г., еще до отъѣзда за границу, онъ началъ работать въ журналѣ «Семья и Школа», гдѣ проводилъ новые взгляды на изученіе элементарной математики. С. И. принималъ далѣе близкое участіе въ «Русской Школѣ», «Народномъ Образованіи», «Физико-Математическомъ Ежегодникѣ», «Педагогическомъ сборникѣ военно-учебныхъ заведеній» и др. Юбиляромъ составлено свыше 20 методическихъ руководствъ по математикѣ. Его «Методика ариѳметики» выдержала 7 изданій, «Ариѳметическій задачникъ»—13 изданій. Въ послѣднее время С. И. выпустилъ геометрію на задачахъ—одинъ выпускъ для учителей и два выпуска для учениковъ. На практическомъ педагогическомъ поприщѣ С. И. Шохорь-Троцкій началъ работать въ 1887 году. Въ настоящее время онъ читаетъ лекціи въ психо-неврологическомъ институтѣ, на педагогическихъ курсахъ военнаго вѣдомства, на фребелевскихъ курсахъ, гдѣ состоитъ предѣвателемъ педагогическаго совѣта, и въ выборгскомъ коммерческомъ училищѣ. Въ нѣкоторыхъ петербургскихъ учебныхъ заведеніяхъ занятія по математикѣ ведутся по системѣ С. И. Съ 1896 года юбиляръ принимаетъ близкое участіе въ устройствѣ курсовъ для учителей начальной и средней школы. Онъ руководилъ учительскими курсами въ Нижнемъ-Новгородѣ, Москвѣ, Саратовѣ, Тулѣ, Рязани, Екатеринославѣ, Курскѣ и т. д. Въ 1905 году С. И. былъ однимъ изъ дѣятельныхъ участниковъ делегатскаго съѣзда всероссійскаго союза учителей и дѣятелей по народному образованію, а въ 1906 году—съѣзда учителей и дѣятелей средней школы.

Юбилей священника С. Е. Звѣрева. 14-го февраля исполнилось 25 лѣтъ учебной службы законоучителя воронежскаго великаго князя Михаила Павловича кадетскаго корпуса священника Стефана Егоровича Звѣрева. Имя священника С. Е. Звѣрева въ ряду провинціальныхъ дѣятелей занимаетъ одно изъ видныхъ мѣстъ. Городъ Воронежъ, на который падаетъ 22 года педагогической дѣятельности юбиляра, обязанъ ему организаціей ученыхъ обществъ: комиссіи по устройству воронежскаго губернскаго музея (съ 1894 года), въ которой юбиляръ предѣвателствуетъ, и ученой архивной комиссіи (1900 годъ), въ которой юбиляръ состоитъ правителемъ дѣлъ за все время ея существованія. Воронежскій губернский музей является въ настоящее время однимъ изъ богатѣйшихъ провинціальныхъ музеевъ. 4-го марта 1909 года министръ внутреннихъ дѣлъ разрѣшилъ комиссіи по устройству воронежскаго губернскаго музея сборъ пожертвованій въ предѣлахъ Воронежской губерніи

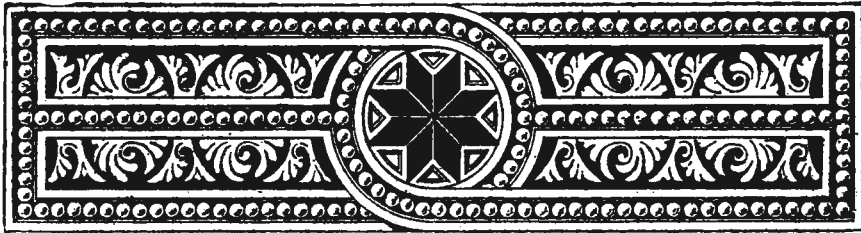
и между уроженцами Воронежскаго края на постройку спеціального зданія для этого музея. Дѣятельность священника С. Е. Звѣрева направлена къ популяризаціи научныхъ историческихъ и археологическихъ знаній. Помимо музея о. Стефаномъ время отъ времени устраиваются въ городѣ Воронежѣ выставки, при участіи мѣстныхъ коллекціонеровъ и любителей старины. Первая выставка—съ 14-го по 30-е мая 1896 года—была посвящена предметамъ, относящимся до коронаціи государей Дома Романовыхъ. Затѣмъ, съ 6-го по 30-е ноября того же года, въ виду 100-лѣтія со дня смерти императрицы Екатерины II открыта была выставка памятниковъ екатерининскаго времени; съ 30-го марта по 1-е мая 1897 года—выставка гравюръ религіознаго содержанія. Къ этой выставкѣ былъ составленъ спеціальный указатель. Сначала выставки устраивались въ стѣнахъ музея (выставка предметовъ эпохи св. Митрофана (1897 годъ), выставка произведеній мѣстной печати, по поводу столѣтія воронежской губернской типографіи (1898 годъ); выставка памяти поэта И. С. Никитина по случаю 75-лѣтія со дня его рожденія (1901 годъ); въ послѣднее время воронежское дворянское собраніе для историко-этнографическихъ и художественныхъ выставокъ архивной комиссіи предоставляетъ бесплатно свое помѣщеніе. Грандіозныя выставки въ этомъ новомъ роскошномъ помѣщеніи устроены въ истекшемъ 1909 году 27-го, 28-го и 29-го іюня въ память полтавскаго побѣдителя ¹⁾ и въ февралѣ сего года 6-го, 7-го, 8-го, 9-го и 10-го чисель—въ память поэта А. В. Кольцова. Въ Кольцовской выставкѣ принимали участіе: императорская академія наукъ, московскій историческій музей, столичные коллекціонеры А. І. Лященко, Ф. А. Витбергъ (С.-Петербургъ), А. И. Станкевичъ (Москва). Душою же всего дѣла являлся священникъ С. Е. Звѣревъ. Разрядомъ изящной словесности императорской академіи наукъ командированъ былъ на Кольцовскую выставку депутатъ-секретарь разряда Иванъ Андреевичъ Кубасовъ, который далъ о выставкѣ восторженный отзывъ, напечатанный въ «Правительственномъ Вѣстникѣ» № 42 отъ 21-го февраля 1910 года, подъ заглавіемъ: «Кольцовская выставка въ Воронежѣ 6—10 февраля 1910 года». Изъ научныхъ работъ священника С. Е. Звѣрева, печатавшихся въ «Русскомъ Архивѣ», «Русской Старинѣ», «Русскомъ Вѣстникѣ», «Богословскомъ Вѣстникѣ», «Христіанскомъ Читеніи», «Трудахъ археологическихъ съѣздовъ», «Трудахъ рязанской и воронежской архивныхъ комиссій», «Церковныхъ Вѣдомостяхъ», «Воронежскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостяхъ», назовемъ: «Матеріалы для жизнеописанія св. Митрофана, перваго епископа воронежскаго», Воронежъ, 1897 г.; «Слѣды христіанства на Дону въ до-монгольскій періодъ», рефератъ на X археологическомъ съѣздѣ въ городѣ Ригѣ, 1896 г.; «Историческая записка о Михайлов-

¹⁾ Въ три дня выставку эту посѣтили 10.000 человекъ. Изданъ былъ указатель. О. Стефаномъ въ сотрудничествѣ съ нѣкоторыми членами архивной комиссіи издана иллюстрированная брошюра «Памяти полтавскаго побѣдителя», разошедшаяся въ 40.000 экз. по 5 коп. за экз. Интересно отмѣтить, что петербургская комиссія по устройству полтавскихъ торжествъ замолчала предложеніе воронежскаго губернатора о выдачѣ полтавской медали воронежскимъ дѣятелямъ, устроившимъ выставку и издавшимъ патриотическую брошюру, конечно, безвозмездно.

скомъ воронежскомъ кадетскомъ корпусѣ», 1895 г.; «Николай Дмитриевичъ Чертковъ, соорудитель и попечитель воронежскаго Михайловскаго кадетскаго корпуса»; «Книги, брошюры и листы воронежской печати», 1904 г.; «Матеріалы по археологіи Дона» и др. Во вниманіе къ историко-археологическимъ трудамъ священника С. Е. Звѣрева императорское московское археологическое общество избрало его сначала членомъ-корреспондентомъ, а потомъ дѣйствительнымъ своимъ членомъ. Юбиляръ состоитъ дѣйствительнымъ членомъ церковно-археологическаго общества при кievской духовной академіи, пожизненнымъ членомъ владимирской архивной комиссіи и многихъ другихъ ученыхъ обществъ.

Открытие памятника Я. Г. Гуревичу. 3-го марта на кладбищѣ Александро-Невской лавры освященъ памятникъ на могилѣ скончавшагося четыре года тому назадъ Я. Г. Гуревича. На торжествѣ освященія и панихидѣ, кромѣ членовъ семьи покойнаго, присутствовали также нѣкоторые члены педагогическаго совѣта гимназіи и реального училища Гуревича, многіе учащіеся этихъ учебныхъ заведеній и нѣкоторые изъ многочисленныхъ друзей и почитателей покойнаго. Одинъ изъ бывшихъ учениковъ гимназіи произнесъ нѣсколько трогательныхъ и прочувствованныхъ словъ въ связи съ надгробной надписью, гласящей: «Я не гасилъ священнаго огня». Юный ораторъ отмѣтилъ, что покойный Я. Г. не только не гасилъ священнаго огня, но его всегда поддерживалъ, его зажигалъ... Я. Г. Гуревичъ всецѣло принадлежитъ исторіи русской школы, исторіи русской общественности. Въ самую мрачную и реакціонную эпоху этой исторіи (во второй половинѣ XIX вѣка) онъ былъ настоящимъ учителемъ, благороднымъ наставникомъ, идеалистомъ-педагогомъ и идеалистомъ-человѣкомъ. Его имя будетъ записано въ исторіи русской школы рядомъ съ именами Н. И. Пирогова, К. Д. Ушинскаго, В. Я. Стоюнина, А. Я. Герда, В. П. Острогорскаго. Онъ не только не гасилъ священнаго огня истинной любви къ просвѣщенію, къ юности, къ культурѣ, къ добру и красотѣ въ педагогическомъ дѣлѣ: онъ поддерживалъ и зажигалъ этотъ огонь въ своихъ сотрудникахъ и товарищахъ по общему дѣлу, въ своихъ ученикахъ и друзьяхъ.

НЕКРОЛОГИ.

АННЕНКОВЪ, К. Н. 28 февраля скончался въ своемъ родовомъ имѣннн, селѣ Ивницѣ Льговскаго уѣзда Курской губерніи, одинъ изъ немногихъ уже остающихся еще въ живыхъ «шестидесятниковъ», кандидатъ правъ харьковскаго университета, выпуска 1865 г., Константинъ Никаноровичъ Анненковъ, быть можетъ, мало извѣстный широкимъ кругамъ русскаго образованнаго общества, но имя котораго съ глубочайшимъ уваженіемъ и съ такою же благодарностью произносится чуть не ежедневно во всѣхъ мѣстахъ нашего обширнаго отечества, гдѣ дѣйствуютъ судьи разныхъ наименованій, разрѣшающіе гражданскія дѣла, и гдѣ занимаются послѣдними старые и молодые юристы-цивилисты, не исключая и ученыхъ профессоровъ юридическихъ факультетовъ. Несокрушимый временемъ памятникъ К. Н. Анненковъ создалъ себѣ двумя колоссальными трудами: «Комментаріемъ къ уставу гражданского судопроизводства» и «Системой русскаго гражданского права», надъ которыми съ необыкновенною трудоспособностью, усидчивостью, добросовѣстностью и любовью проработалъ большую часть своей жизни, принеся первымъ изъ этихъ памятниковъ столько облегченія въ правильномъ пониманнн многочисленныхъ нормъ русскаго формальнаго гражданского права, что безъ преувеличенія «Комментарій» является необходимою настольною книгою въ судахъ всѣхъ степеней и названій до правительствующаго сената по его гражданскому кассационному департаменту включительно. Шестидесятникъ самой чистой воды, К. Н. всю свою жизнь (онъ умеръ 67 или 68 лѣтъ) прожилъ у себя въ деревнѣ, не чуждаясь крестьянства, и, обладая независимыми средствами къ жизни, положилъ десятки тысячъ рублей на

созданіе у себя въ деревнѣ образцовой земеской школы, больницы и на обезпеченіе быта своихъ бывшихъ дворовыхъ людей, а на переселенческое дѣло для облегченія крестьянъ имъ однажды была внесена, куда слѣдовало, очень крупная сумма (чуть ли не 30,000 р.) и при томъ безъ всякой огласки, по великому завѣту: «да не увѣсть шуйца твоя, что творить десница твоя». Большимъ добромъ помянуть въ Львовскомъ уѣздѣ и почтенную служебную дѣятельность К. Н. въ должности предсѣдателя съѣзда мировыхъ судей этого уѣзда, которую онъ, въ званіи почетнаго мирового судьи, чуть ли не 20 лѣтъ отправлялъ съ честью, достоинствомъ и, конечно, съ выдающимся знаніемъ своего дѣла, благодаря чему бывший министръ юстиціи статсъ-секретарь Н. В. Муравьевъ пригласилъ его къ участию въ своей извѣстной коммисіи по пересмотру судебныхъ уставовъ. (Некрологъ его: «Новое Время», 1910 г., № 12206).

† **Верховскій, В. В.** Въ городѣ Оспедалетти скончался 18 февраля членъ гос. совѣта Владимиръ Владимировичъ Верховскій. Покойный принадлежалъ къ виднымъ государственнымъ дѣятелямъ, много поработавшимъ по вѣдомству учрежденій императрицы Маріи, по кредитнымъ и желѣзнодорожнымъ вопросамъ. В. В. родился въ 1849 году. По окончаніи курса въ московскомъ университетѣ со степенью кандидата правъ, онъ началъ службу въ правительствующемъ сенатѣ, былъ помощникомъ и оберъ-секретаремъ перваго департамента (оберъ-прокуроромъ былъ А. А. Половцевъ), затѣмъ былъ командированъ въ законодательное отдѣленіе департамента министерства юстиціи и исполнялъ должность юрисконсульта консултанціи при этомъ министерствѣ. Выдѣляясь замѣчательной энергіей и недюжинными дарованіями, покойный обязанъ своей блестящей карьерой исключительно самому себѣ. Пробывъ около шести лѣтъ начальникомъ канцеляріи комитета министровъ, онъ былъ приглашенъ въ 1883 г. (на 34 году отъ роду) на должность директора особенной канцеляріи по кредитной части и явился однимъ изъ дѣятельнѣйшихъ сотрудниковъ тогдашняго министра финансовъ Н. Х. Бунге и въ теченіе двухъ лѣтъ И. А. Вышнеградскаго. Изъ его работъ въ періодъ управленія имъ департаментомъ слѣдуетъ упомянуть составленный имъ законопроектъ о сборахъ съ доходовъ и промышленныхъ предпріятій. Пробывъ два года членомъ совѣта министра финансовъ, В. В. былъ назначенъ въ 1890 г. товарищемъ главноуправляющаго Собственной Его Величества канцеляріей по учрежденіямъ императрицы Маріи и занималъ этотъ постъ въ теченіе шести лѣтъ, исполняя неоднократно, по случаю отъѣзда гр. Н. А. Протасова-Бахметева, обязанности главноуправляющаго. Съ его службой въ этомъ вѣдомствѣ совпадаетъ періодъ улучшеній, направленныхъ къ борьбѣ съ хроническими дефицитами въ бюджетѣ вѣдомства. При немъ и при его живѣйшемъ участіи разработаны особой коммисіей почетныхъ опекуновъ кассовыя и другія правила по вѣдомству, подъ его руководствомъ издано «Собраніе узаконеній вѣдомства учрежденій императрицы Маріи». Въ 1896 г. покойный былъ назначенъ членомъ государственнаго совѣта, присутствовалъ въ департаментѣ государственной экономіи и принималъ дѣятельное участіе какъ въ разрѣшеніи законодательныхъ вопросовъ (особенно желѣзнодорожнаго характера), такъ и въ занятіяхъ особыхъ совѣщаній, образованныхъ при гос. совѣтѣ по разсмотрѣнію проекта уголовного уложенія и для пере-

смотря устава о службѣ гражданской. Въ общихъ собраніяхъ совѣта В. В. выступалъ неоднократно, какъ ораторъ, и всегда со знаніемъ дѣла. Былъ убѣжденнымъ сторонникомъ широкаго земскаго и городскаго самоуправленія и упорядоченія желѣзнодорожнаго дѣла. По реформированіи госуд. совѣта въ 1906 г., покойный присутствовалъ во второмъ департаментѣ. Будучи сердечнымъ человекомъ, онъ всегда относился сочувственно и доброжелательно ко всѣмъ, кто просилъ его, и помогалъ не только совѣтами, но и дѣломъ. (Некрологъ его «Новое Время», 1910 г., № 1293).

† **Волконскій, Н. С., князь.** Въ Москвѣ 22 февраля скончался одинъ изъ лучшихъ представителей октябристской фракціи, членъ гос. думы отъ Рязанской губ., кн. Николай Сергѣевичъ Волконскій. Покойный былъ однимъ изъ немногихъ сейчасъ представителей лучшей поры нашего земства, искренній, энергичный и правдивый дѣятель, пользовавшійся въ думѣ общимъ уваженіемъ. Кн. Волконскій окончилъ московскій университетъ по историко-филологическому факультету и сразу же затѣмъ занялся сельскимъ хозяйствомъ. Уже въ 1874 г. его выбираютъ въ гласные рязанскаго губернскаго земства, а въ 1878 г. онъ отправляется за границу и слушаетъ лекціи въ вѣнскомъ и боннскомъ университетахъ. Одно время кн. Волконскій служилъ по хозяйственному департаменту, но съ конца 70-хъ годовъ онъ всецѣло отдается земской дѣятельности, сначала въ качествѣ члена губернской рязанской земской управы, а затѣмъ и въ качествѣ ея предсѣдателя. Кн. Волконскій принималъ участіе во всѣхъ земскихъ сѣздахъ, его имя имѣется среди подписей на всѣхъ резолюціяхъ сѣздовъ. Избранный въ первую гос. думу, онъ былъ однимъ изъ немногихъ на ея правомъ крылѣ, вмѣстѣ съ покойнымъ гр. Гейденемъ и М. А. Стаховичемъ. Послѣ роспуска первой думы князя Волконскаго выбираютъ въ гос. совѣтъ, но онъ тамъ пробылъ недолго, отказался отъ званія члена совѣта и былъ выбранъ въ 3-ю думу. Въ думѣ покойный, котораго шутя называли «сердитымъ княземъ», выступалъ рѣдко, но всегда съ большой горячностью, не останавливаясь передъ возраженіями сочленамъ своей же фракціи. Послѣдній разъ кн. Н. С. Волконскій выступалъ 20 февраля, при обсужденіи смѣты министерства внутреннихъ дѣлъ. Отказываясь отъ слова, онъ обѣщалъ сдѣлать свои замѣчанія черезъ день при постановномъ обсужденіи смѣты. 20 числа вечеромъ кн. Волконскій уѣхалъ въ Москву, взявъ отпускъ на одинъ день, а 22 числа его уже не стало. Покойный давно уже страдалъ порокомъ сердца и умеръ отъ его разрыва. И среди своихъ политическихъ противниковъ, и среди своихъ единомышленниковъ покойный пользовался большимъ уваженіемъ, какъ человекъ безусловно независимый, всегда искренній, не считавшійся ни съ какими вліяніями. (Некрологъ его: «Новое Время», 1910 г., № 12197).

† **Воскресенскій, К. П.** 29 февраля скончался на 72-мъ году жизни К. П. Воскресенскій, основатель извѣстнаго въ Москвѣ частнаго реальнаго училища. Покойный былъ однимъ изъ пионеровъ частной инициативы въ организаціи средняго образованія. Отличаясь гуманностью и тактомъ въ отношеніяхъ къ учащимся, покойный пользовался среди нихъ большимъ уваженіемъ и любовью, равно какъ и симпатіями ихъ родителей. Какъ директоръ и руководитель учебнаго заведенія, онъ сумѣлъ не только собрать около себя хорошихъ сотрудни-

Ковъ, но и поддержать на высотъ роль педагогическаго совѣта, предоставляя послѣднему широкую свободу въ постановкѣ учебнаго и воспитательнаго дѣла. Три года тому назадъ въ виду преклоннаго возраста покойный передалъ безвозмездно свое училище, въ которомъ было уже свыше 500 учащихся, со всѣмъ имуществомъ въ собственность «общества московскаго реальнаго училища Воскресенскаго», но, устранившись отъ непосредственнаго завѣдыванія дѣломъ, оставался, однако, предсѣдателемъ совѣта общества. За это время подъ его общимъ руководствомъ училище обзавелось новымъ прекраснымъ помѣщеніемъ и обогатилось образцовыми учебно-вспомогательными учреждениями. Тысячи бывшихъ и настоящихъ учениковъ училища, тысячи ихъ родителей и всѣ сотрудники и многочисленные почитатели покойнаго съ искреннимъ сожалѣніемъ узнаютъ объ его кончинѣ и сохраняютъ благодарную память о немъ, какъ о гуманномъ человѣкѣ и полезномъ работникѣ на поприщѣ образованія. Въ слѣдующей книжкѣ «Истор. Вѣстн.» мы посвятимъ К. П. Воскресенскому особую статью.

† **Кирилловъ, П. А.** 1-го марта скончался на 36-мъ году жизни одинъ изъ учредителей спб. философскаго собранія, Петръ Андреевичъ Кирилловъ. Покойный принималъ активное участіе въ созданіи сего общества и до конца своей жизни оставался однимъ изъ самыхъ дѣятельныхъ его членовъ. Не получивши даже средняго образованія, П. А. являлъ рѣдкій примѣръ любителя-философа, сумѣвшаго путемъ долгихъ и серьезныхъ самостоятельныхъ занятій не только добиться солидныхъ философскихъ познаній, но и сплотить около своей личности цѣлую группу специалистовъ и любителей философіи, организовавшихъ въ концѣ концовъ философское собраніе. Въ той или иной степени большинство этой группы членовъ-учредителей собранія были его учениками. Слѣдуетъ для характеристики покойнаго прибавить, что, находясь подъ гнетомъ матеріальной нужды, покойный могъ отдавать своей научной дѣятельности только досуги. Тѣмъ болѣе энергія его заслуживаетъ удивленія. Болѣзнь, сведшую его въ могилу, П. А. схватилъ во время манчжурской кампаніи 1901 года, которую онъ продѣлалъ въ качествѣ брата милосердія. Больной, проводившій большую часть дня на службѣ, П. А. все же находилъ время и энергію не только для частыхъ выступленій на засѣданіяхъ собранія, но и для составленія труда по теоретической философіи. Какъ разъ передъ самой смертью П. А. принялся за окончательную обработку имѣвшихся у него матеріаловъ. Смерть помѣшала ему привести это намѣреніе въ исполненіе. (Некрологъ его: «Рѣчь», 1910 г., № 60).

† **Куровскій, Е. А.** 17 декабря прошлаго года скончался сенаторъ, тайный совѣтникъ Евгенийъ Александровичъ Куровскій. Покойный происходилъ изъ дворянъ Черниговской губерніи, родился 14 іюля 1845 г., воспитывался во 2-мъ московскомъ кадетскомъ корпусѣ, Михайловскомъ артиллерійскомъ училищѣ и академіи генеральнаго штаба. Принималъ участіе въ подавленіи польскаго возстанія въ 1863 г. въ рядахъ гусарскаго Елисаветградскаго ея величества королевы вюртембергской полка, за что и награжденъ былъ орденомъ св. Анны 4-й степени съ надписью: «за храбрость». Съ 1871 года началась его служба по министерству внутреннихъ дѣлъ, сначала старшимъ чиновникомъ особыхъ порученій при костромскомъ губернаторѣ, затѣмъ совѣтникомъ мо-

сковскаго губернскаго правленія; въ 1875 году онъ былъ пожалованъ въ званіе камеръ-юнкера двора Его Императорскаго Величества, назначенъ членомъ попечительнаго совѣта заведеній общественаго призрѣнія и управляющимъ контролемъ для отчетности этихъ заведеній въ Москвѣ. Въ 1881 году Е. А. былъ назначенъ нижегородскимъ вице-губернаторомъ, а въ 1883 г. саратовскимъ вице-губернаторомъ. Въ 1887 г. ковенскимъ губернаторомъ, гдѣ, несмотря на непродолжительное (3 года) управленіе губерніей, успѣлъ сдѣлать много полезнаго, и городская дума въ его память назвала улицу его именемъ. Въ 1890 г. Е. А. назначенъ воронежскимъ губернаторомъ. Здѣсь въ памятные года 1891 и 1892, годы голода и холеры, онъ проявилъ самоотверженную, энергическую и плодотворную дѣятельность, отдавая дѣлу помощи всѣ свои силы, чтобы предупредить грозившія народу бѣдствія; былъ приглашенъ участвовать въ комитетѣ, образованномъ съ Высочайшаго соизволенія подъ предѣлательствомъ статсъ-секретаря И. Н. Дурново, по принятію мѣръ помощи пострадавшему отъ неурожая населенію 17 губерній имперіи. Въ 1893 г. участвовалъ съ Высочайшаго соизволенія въ засѣданіяхъ комиссіи по пересмотру устава о народномъ продовольствіи. Четырехлѣтнее пребываніе Е. А. воронежскимъ губернаторомъ ознаменовалось по всѣмъ главнѣйшимъ отраслямъ управленія проведеніемъ въ жизнь многихъ реформъ, преобразованій и улучшеній, памятныхъ въ исторіи края: введеніе закона 12 іюня 1889 г. о земскихъ участковыхъ начальникахъ, новаго земскаго положенія, преобразованіе губернскаго ополченія, тюремная реформа и проч. Талантливый администраторъ, всегда доступный, обходительный въ обращеніи, онъ отличался независимостью взглядовъ, всегда свободно проявлялъ твердость и силу воли, укрѣпляя во всемъ правду и справедливость. Въ декабрь 1894 г. ему было Высочайше повелѣно присутствовать во 2-мъ департаментѣ правительствующаго сената. Покойный, состоя на службѣ 47 лѣтъ, получилъ знаки отличія до Бѣлаго Орла включительно, былъ почетнымъ членомъ російскаго общества Краснаго Креста, общества спасанія на водахъ, воронежскаго отдѣла попечительства о слѣпыхъ, общества вспоможенія учащимся, православнаго братства св. Митрофана и Тихона, общества охраненія народнаго здравія, воронежскаго и ковенскаго статистическихъ комитетовъ, почетнымъ попечителемъ пріютовъ, почетнымъ гражданиномъ городовъ Воронежа и Острогожска.

† **Лемохъ, К. В.** Академія художествъ понесла новую утрату. 22-го февраля на 69-мъ году жизни скончался отъ разрыва сердца дѣйствительный членъ академіи и бывший хранитель русскаго музея императора Александра III, Кирилль Викентьевичъ Лемохъ. К. В. родился въ Москвѣ въ 1841 г. Первоначальное художественное образованіе получилъ въ московскомъ училищѣ живописи, ваянія и зодчества. Въ 1858 г. онъ поступилъ въ академію художествъ, которая присудила ему постепенно слѣдующія медали: въ 1859 году вторую серебряную за этюдъ, въ 1860 г. первую серебряную за этюдъ и вторую золотую за рисунокъ, въ 1861 году первую серебряную за рисунокъ и въ 1863 году малую золотую за исполненіе программной работы «Моисей источаетъ воду изъ скалы». Въ 1863 году К. В. вмѣстѣ съ другими 12 товарищами оставилъ академію, отказавшись отъ программной работы на большую золотую медаль. Академія при-

судила ему тогда званіе класснаго художника II степени. Въ 1868 году за картину «Семейное горе» онъ былъ удостоенъ званія художника I степени. Въ 1875 году за выставленныя К. В. картины на академической выставкѣ ему было присуждено званіе академика. Съ 1878 года покойный сталъ дѣятельнымъ участникомъ товарищества передвижныхъ выставокъ. Преобладающіе сюжеты картинъ К. В. Лемоха—сцены изъ крестьянскаго семейнаго быта. Съ особой любовью онъ писалъ крестьянскихъ дѣтей. Лучшія его картины: «Семейное горе» (1868 г.), «Дѣвочка съ кошкой» (1873 г.), «Утро въ швейцарской» (1874 г.), «Круглая сирота» (1878 г.), «Новое знакомство» (1885 г.), «Умирающая мать» (1888 г.), «Выздоровливающая» (1889 г.), «Весеннее солнышко» (1897 г.), «Безъ кормильца» (1899 г.), портреты: Шохина (1887 г.), священника Д. (1904 г.) и др. Нѣкоторыя его картины находятся въ музеѣ Александра III и въ Третьяковской галереѣ. Въ 1893 году К. В. былъ назначенъ членомъ академіи художествъ, а съ 1900 года до 1909 года состоялъ хранителемъ музея Александра III. (Некрологъ его: «Рѣчь», 1910 г., № 54).

† **Мочалкинъ, О. С.** 24-го февраля внезапно скончался отъ припадка грудной жабы завѣдующій опытной пасѣкой императорскаго русскаго общества акклиматизаціи въ измайловскомъ звѣринцѣ Федоръ Семеновичъ Мочалкинъ. Покойный родился въ 1841 году въ селѣ Подзавалье, близъ Калуги, въ бѣдной семьѣ служителя архіерейскаго дома. Въ молодости О. С. терпѣлъ большую нужду, а въ 1857 году пришелъ пѣшкомъ въ Москву искать заработка. Составивъ себѣ личнымъ трудомъ нѣкоторое состояніе, О. С. приобрѣлъ въ семидесятыхъ годахъ небольшой участокъ земли и началъ заниматься садоводствомъ и пчеловодствомъ, которое стало его любимымъ дѣломъ. Своими усердными занятіями пчеловодствомъ покойный вскорѣ обратилъ на себя вниманіе ближайшихъ дѣятелей общества акклиматизаціи и былъ назначенъ завѣдующимъ опытной измайловской пасѣкой общества. На благо этого учрежденія покойный клалъ всѣ свои силы, все свое усердіе, а также и матеріальныя средства. Его стараніями пасѣка была обезпечена пожертвованіемъ И. Г. Гурьевымъ неприкосновеннаго капитала въ 20,000 р., на проценты съ коего и ведутся главные расходы пасѣки. За послѣдніе годы О. С. обратилъ большое вниманіе на постановку пчеловодныхъ курсовъ, причѣмъ лично принималъ большее участіе въ преподаваніи. Очень много труда клалъ О. С. на воскресныя объясненія по пчеловодству для народа. Объясненія эти посѣщались сотнями окрестнаго населенія. За свои труды покойный былъ удостоенъ званія «пожизненнаго» завѣдующаго пасѣкой. Въ лѣтописяхъ общества акклиматизаціи имя покойнаго займетъ навсегда почетное мѣсто. (Некрологъ его: «Русскія Вѣдомости», 1910 г., № 45).

† **Муринскій, П.** Преждевременно сошелъ въ могилу молодой поэтъ, почти юноша, Петръ Муринскій, извѣстіе о смерти котораго отъ чехотки пришло изъ Екатеринослава. Двадцатилѣтнимъ юношей пріѣхалъ въ концѣ 1906 г. въ Петербургъ съ Дальняго Востока Муринскій, прослуживъ на театрѣ военныхъ дѣйствій простымъ санитаромъ-доброзольцемъ. Дальній Востокъ юношѣ пришлось оставить не по доброй волѣ, кой-кому его злыя эпиграммы пѣпали не въ бровь, а въ глазъ и, кромѣ того, за нимъ «числилась» организація какой-то забастовки. Съ тетрадкою стиховъ, звучныхъ, смѣ-

лыхъ и красивыхъ стиховъ, онъ мыкался въ Петербургъ по редакціямъ... Редакціи одобряли стихи, но... печатать не рѣшались. Времена настали—«печать». Разсказъ «Отрывки страшной были», рисовавшій эпизодъ пробужденія дальне-восточной окраины, напечаталъ въ декабрьской книжкѣ за 1906 г. своего журнальчика «Весѣда» **И. И. Ясинскій**, и это было началомъ литературной дѣятельности **П. Мурина**. У Ясинскаго въ «Весѣдѣ» появилось еще нѣсколько «кованныхъ» стиховъ талантливаго юноши, и въ «Историческомъ Журналѣ»—красивая былина «О Басаргѣ-купцѣ». Сильно нуждаясь, **П. Мурина** вынужденъ былъ согласиться на сотрудничество въ разныхъ мелкихъ сатирическихъ и юмористическихъ изданіяхъ, гдѣ напечаталъ массу стиховъ и разсказовъ подъ различными псевдонимами («Донъ Педро», «Сэръ Питеръ Муръ» и др.). Одна изъ его лучшихъ былинъ—«О Стенькѣ Разинѣ»—была напечатана въ сборникѣ г. Барона «Воля» (сборникъ конфискованъ). За послѣднее время произведенія **П. Мурина** стали появляться въ «Пробужденіи», «Виржевыхъ Вѣдомостяхъ», «Баянѣ» и др.) Нѣсколько незаурядныхъ вещей написалъ **М.** и для дѣтскаго журнала «Красныя Зори» (**К. С. Баранцевича**). Но недугъ, являвшійся наслѣдіемъ пребыванія на войнѣ, чувствовался съ теченіемъ времени все острѣе, и **Мурина** долженъ былъ уѣхать изъ Петербурга. Въ Екатеринославъ онъ пріѣхалъ минушею осенью совершенно больнымъ. Пришлось лечь въ больницу, гдѣ чахотка осложнилась тифозною горячкою, приблизившею тяжелую развязку. Умеръ **П. Мурина**, не достигнувъ 23 лѣтъ. Въ ознаменованіе его памяти кружкомъ молодыхъ писателей, друзей **П. Мурина**, предполагается къ выпуску посмертный сборникъ произведеній столь рано угасшаго, талантливаго поэта-юноши. (Некрологъ его: «Рѣчь», 1910 г., № 68).

† **Нефедьевъ, Е. А.** 12 марта скончался заслуженный профессоръ московскаго университета и императорскаго лица цесаревича Николая и сотрудникъ «Московскихъ Вѣдомостей», дѣйствительный статскій совѣтникъ **Евгеній Алексѣевичъ Нефедьевъ**. Покойный, изъ дворянъ Симбирской губерніи, родился въ 1851 году и воспитывался въ гимназическихъ классахъ Лазаревскаго института, откуда поступилъ на юридическій факультетъ московскаго университета. По окончаніи курса со степенью кандидата правъ въ 1875 году, онъ отправился на родину и состоялъ тамъ мировымъ судьей, а затѣмъ переселился въ Казань и былъ присяжнымъ повѣреннымъ въ округѣ казанской судебной палаты. Послѣ шестилѣтнихъ практическихъ занятій на судебномъ поприщѣ **Е. А. Нефедьевъ** началъ свою научную дѣятельность. Съ 1881 г. онъ поступилъ въ приватъ-доценты казанскаго университета по кафедрѣ гражданскаго права; удостоенный степени магистра (1887 г.) и доктора гражданскаго права (1891 г.), покойный занималъ въ томъ же университетѣ должность профессора торговаго права и судопроизводства до половины 1896 г., когда въ званіи ординарнаго профессора былъ переведенъ на ту же кафедру при московскомъ университетѣ и оставался на ней до дня кончины, причемъ одно время (съ 4 сентября 1899 г. до половины 1903 г.) былъ помощникомъ ректора московскаго университета. Въ теченіе почти тридцатилѣтней ученой дѣятельности покойный профессоръ напечаталъ рядъ юридическихъ трудовъ, изъ которыхъ особенно извѣстны:

«О способах освобождения недвижимых имуществъ отъ описи третьими лицами, не имѣющими на свои имущества актовъ укрѣпленія» (1881 г.), «Задачи и элементы науки гражданского процесса» (1883 г.), «Устраненіе судей въ гражданскомъ процессѣ», магистерская диссертация (Казань, 1887 г., 170 стр.), «Причины и цѣль изданія Полнаго собранія и Свода законовъ съ точки зрѣнія Сперанскаго» (1889 г.), «Склоненіе сторонъ къ миру въ гражданскомъ процессѣ» (1890 г.), «Къ ученію о сущности гражданского процесса: соучастіе въ гражданскомъ процессѣ», докторская диссертация (Казань, 1891 г., 228 стр.), «Основные начала гражданского судопроизводства» (1895 г.), «Сборникъ законовъ, относящихся къ распорядку на внутреннихъ водныхъ путяхъ сообщенія» (Казань, 1896 г.), «Очерки воднаго права» (Москва, 1899 г.), «Курсъ гражданского судопроизводства» (Москва, 1902—1906 гг., три выпуска), «Учебникъ торговаго права» (Москва, 1904 г.), «Учебникъ гражданского судопроизводства» (Москва, 1904—1905 гг., три выпуска), «Конкурсный процессъ» (Москва, 1908 г.) и др. За послѣдніе три года Е. А., кромѣ чтенія публичныхъ лекцій для рабочихъ, нерѣдко откликался на «вопросы дня» своими статьями въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ», гдѣ помѣстилъ и своей предсмертный трудъ: «Къ вопросу о реформѣ мѣстнаго суда» (1910 г., №№ 12, 13, 25, 31, 32). (Некрологъ его: «Московскія Вѣдомости», 1910 г., № 60).

† **Оболенскій, И. М., князь.** 27-го февраля, въ 11 часовъ вечера, скончался бывшій финляндскій генераль-губернаторъ ген.-лейт. кн. И. М. Оболенскій. Послѣдніе два года покойный, послѣ постигшаго его паралича, не покидалъ постели. Нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ онъ потерялъ зрѣніе и быстро сталъ приближаться къ смерти. И. М. получилъ образованіе въ морскомъ кадетскомъ корпусѣ и гардемариномъ принималъ участіе въ русско-турецкой войнѣ. Вскорѣ послѣ войны покойный покинулъ морскую службу и поселился въ Симбирской губерніи, въ своемъ имѣніи. Съ 1882 года два трехлѣтія И. М. служилъ симбирскимъ уѣзднымъ предводителемъ дворянства, а затѣмъ былъ избранъ губернскимъ предводителемъ. Князь И. М. пріобрѣтаетъ извѣстность со времени назначенія его губернаторомъ—сначала херсонскимъ, а затѣмъ харьковскимъ. Эта извѣстность и выдвинула его на постъ финляндскаго генераль-губернатора послѣ смерти генерала Бобрикова. На князя И. М., повидимому, возлагалась задача продолжать прежнюю политику, но здѣсь онъ обманулъ ожиданія и вынужденъ былъ выйти въ отставку. (Некрологъ его: «Рѣчь», 1910 г., № 59).

† **Подгородниковъ, Ш. Г.** Скончавшійся въ Варшавѣ 7 марта помощникъ варшавскаго генераль-губернатора, сенаторъ Иванъ Григорьевичъ Подгородниковъ съ царствомъ Польскимъ началъ свое знакомство еще въ 60-хъ годахъ, когда ему вскорѣ по окончаніи кіевскаго университета, какъ чиновнику особыхъ порученій при начальникѣ Кіевской губ., пришлось вести формальныя слѣдствія. Съ 1868 г. по 1880 г. покойный служилъ въ Сѣверо-Западномъ краѣ правителемъ канцелярій сперва виленскаго, кіевскаго, гродненскаго и минскаго генераль-губернаторовъ, потомъ виленскаго губернатора. Въ этотъ періодъ онъ получилъ рядъ командировокъ для приведенія въ извѣстность казенныхъ и подлежащихъ переходу въ казну недвижимыхъ имѣній и ознакомился съ земельнымъ вопросомъ края и съ его экономическими нуждами.

Съ 1880 г. дѣятельность его сосредоточилась въ Привислинскомъ краѣ и продолжалась непрерывно въ теченіе тридцати лѣтъ почти до дня его смерти. Онъ былъ послѣдовательно чиновникомъ особыхъ порученій при варшавскомъ генералъ-губернаторѣ, кѣлецкимъ и петроковскимъ вице-губернаторомъ, сувалскимъ и радомскимъ губернаторомъ и съ 1899 г. помощникомъ варшавскаго генералъ-губернатора. Когда въ 1898 г. была организована съ Высочайшаго соизволенія особая комиссія для изслѣдованія современнаго состоянія крестьянскаго дѣла въ царствѣ Польскомъ, на покойнаго было возложено предсѣдательство въ ней, и онъ съ того времени съ замѣчательной энергіей, внимательностью и умѣньемъ занимался всестороннимъ изслѣдованіемъ крестьянскаго поземельнаго устройства, сельскихъ, судебныхъ и административныхъ учреждений, школьнаго, медицинскаго и кредитнаго дѣла въ краѣ. Комиссія эта подъ его руководствомъ собрала богатѣйшій матеріалъ и подробно разработала его, подготовивъ рядъ проектовъ для улучшенія управленія краемъ и поднятія его экономическаго благосостоянія. Этою же комиссіей были между прочимъ подготовлены проекты городского и земскаго самоуправленій въ губерніяхъ царства Польскаго. Кромѣ, того И. Г. неоднократно исправлялъ должность генералъ-губернатора, предсѣдательствовалъ въ различныхъ спеціальныхъ комиссіяхъ и лично руководилъ дѣятельностью варшавскаго статистическаго комитета. Вездѣ, гдѣ ни служилъ, онъ пользовался симпатіями мѣстнаго русскаго населенія. Умеръ И. Г. на 70-мъ году жизни, оставивъ по себѣ добрую память. (Некрологъ его: «Новое Время», 1910 г., № 12210).

† **Тиме, Г. А.** 25-го февраля на 77 году жизни скончался отъ разрыва сердца заслуженный профессоръ горнаго института по кафедрѣ высшей математики и аналитической механики, Георгій Августовичъ Тиме. Покойный окончилъ институтъ корпуса горныхъ инженеровъ (нынѣ горный институтъ) и въ чинѣ поручика былъ опредѣленъ на службу въ распоряженіе главнаго начальника уральскихъ заводовъ. Въ 1853 году Г. А., по высочайшему повелѣнію, былъ командированъ въ Германію и Бельгію для изученія горной механики, гдѣ обратилъ на себя вниманіе извѣстнаго нѣмецкаго математика профессора Гауса. По возвращеніи изъ заграничной командировки Г. А. занялъ кафедру въ горномъ институтѣ, гдѣ и читалъ лекціи до послѣдняго дня. Съ 1862 года почти до конца послѣднихъ дней Г. А. состоялъ профессоромъ Николаевской морской академіи, гдѣ читалъ высшюю математику. Изъ ученыхъ трудовъ Г. А., кромѣ статей по маркшейдерскому искусству, помѣщенныхъ въ «Горномъ Журналѣ», необходимо отмѣтить: «Объ отысканіи астрономическаго меридіана для цѣлей маркшейдерскихъ», «О рудничномъ нивеллированіи и о съемкѣ рудниковъ градусникомъ и компасомъ», а также «Плоская тригонометрія для гимназій» и «Аналитическая механика». Въ прошломъ году горный институтъ праздновалъ 50-лѣтній юбилей дѣятельности покойнаго. Почти всѣ теперешніе горные инженеры—ученики Г. А., чѣмъ и объясняется популярность и уваженіе, которымъ пользовался Г. А. среди горныхъ инженеровъ и студентовъ. (Некрологъ его: «Рѣчь», 1910 г., № 56).

† **Чарскій, В. В.** 5 марта въ Москвѣ послѣ продолжительной болѣзни скончался Владимиръ Васильевичъ Чистяковъ (по сценѣ Чарскій), одинъ изъ

старѣйшихъ русскихъ артистовъ и крупная въ свое время сила русской сцены. Покойный скончался въ преклонномъ возрастѣ—на семьдесятъ шестомъ году жизни. Но, несмотря на такіе годы, онъ покинулъ сцену только въ прошломъ сезонѣ. Покойный началъ свою сценическую дѣятельность 17 января 1864 г. въ провинціи (подъ режиссерствомъ знаменитаго въ свое время Н. К. Мило-славскаго) и въ теченіе всей своей долгой сценической карьеры оставался по преимуществу провинціальнымъ артистомъ. Переѣзжая изъ города въ городъ, онъ переигралъ весь репертуаръ артиста-«трагика», какой былъ въ спросѣ въ то время на провинціальныхъ сценахъ, и вездѣ пользовался большою любовью и популярностью. Въ 1882 г. онъ получилъ приглашеніе на императорскую Александринскую сцену въ Петербургъ, но оставался здѣсь недолго—всего одинъ сезонъ. Въ Москвѣ онъ выступалъ въ народномъ домѣ на Солянкѣ въ труппѣ С. В. Тапѣева, въ артистическомъ кружкѣ, въ театрѣ Бренко, въ труппахъ М. М. Абрамовой, Е. Н. Горевой, М. В. Лентовскаго и два сезона (съ 1896 г. по 1898 г.) служилъ въ театрѣ Корша, затѣмъ (въ сезонъ 1901—1902 г.) выступалъ въ труппѣ г-жи Пуаре. (Некрологъ его: «Московскія Вѣдомости», 1910 г., № 54).

† **Чернякъ, А. Ѳ.** 16 февраля похоронили на Успенскомъ кладбищѣ отставнаго сапернаго капитана Александра Ѳедотовича Черняка, одного изъ скромныхъ героевъ ахаль-текинской экспедиціи Скобелева въ 1880—1881 г. Покойный происходилъ изъ дворянъ Ярославской губерніи. Родился онъ въ 1856 г., воспитывался въ Михайловскомъ инженерномъ училищѣ, по окончаніи курса котораго былъ выпущенъ прапорщикомъ въ саперныя войска. Въ текин-ской экспедиціи А. Ѳ. участвовалъ въ составѣ единственной роты саперъ, которая была при небольшомъ отрядѣ М. Д. Скобелева въ его удивительно смѣломъ походѣ къ Геокъ-Тепе. Много разъ молодому саперному поручику приходилось исполнять трудныя самостоятельныя работы по прокладыванію дорогъ черезъ перевалы Копеть-Дага, возведенію временныхъ укрѣпленій въ степи и т. д. Но особенно тяжелыя работы выпали на долю саперъ при осадѣ крѣпости Геокъ-Тепе. Достаточно сказать, что изъ четырехъ офицеровъ саперной роты было убито два. вмѣстѣ съ капитаномъ Гетшелемъ покойный А. Ѳ. руководилъ работами по проложенію подземной минной галереи, длиной въ 80 сажень, подъ глинобитныя стѣны крѣпости. Взрывъ двухъ минныхъ горновъ этой галереи, заряженныхъ 26 пудами каждый, образовалъ въ стѣнѣ Геокъ-Тепе 12 января 1881 г. брешь въ 15 сажень ширины, черезъ которую ворвалась штурмовая колонна полковника Куропаткина и овладѣла твердыней текинцевъ. За отличіе при осадѣ Геокъ-Тепе покойный А. Ѳ. былъ награжденъ орденомъ св. Георгія 4-й степени. Выйдя въ отставку въ концѣ 80-хъ годовъ прошлаго столѣтія, А. Ѳ. поселился въ Лѣсномъ. Въ отставкѣ покойный занимался литературнымъ трудомъ, сотрудничая въ специальныхъ военныхъ журналахъ. Очень живое описаніе текинскаго похода, принадлежащее перу А. Ѳ., напечатано въ «Военномъ Сборникѣ» (томъ CLXXXX) подъ заглавіемъ «Замѣтки объ экспедиціи генерала Скобелева въ Ахаль-Теке». (Некрологъ его: «Сиб. Вѣдомости», 1910 г., № 41).

ЗАМѢТКИ И ПОПРАВКИ.

I.

**По поводу вновь открытаго письма Теофана Прокоповича
къ кн. А. Д. Меншикову.**

Въ февральской книжкѣ «Русскаго Архива» за текущій годъ помѣщено сообщенное г. Прокопиемъ Лебедевымъ «Письмо Теофана Прокоповича князю А. Д. Меншикову» (стр. 303—304). Помѣщеніе этого письма на страницахъ пользующагося извѣстностью журнала свидѣтельствуетъ, что редакція послѣдняго сдѣлалась жертвой довольно злой мистификаціи, вызывающей невольное удивленіе у всякаго, кто хоть сколько-нибудь знакомъ съ литературой петровскаго времени.

Второю книгою, отпечатанною въ царствованіе Петра I гражданскимъ шрифтомъ, были «Приклады, како пишутся комплименты разные на нѣмецкомъ языкѣ то есть, писанія отъ потентатовъ къ потентатамъ»—переводъ нѣмецкаго письмовника съ образцами писемъ на разные случаи и къ разнымъ лицамъ (Ключевскій, Курсы русской исторіи, IV, 330). Книжка эта получила широкое распространеніе, такъ что уже въ сентябрѣ 1725 г. вышло третье изданіе ея; въ свое время она пользовалась широкой извѣстностью; названіе ея нерѣдко встрѣчается въ употребляющихся до сихъ поръ учебникахъ исторіи русской литературы. Одинъ изъ «комплиментовъ», помѣщенныхъ въ этой книжкѣ, и перепечатанъ въ «Русскомъ Архивѣ» подъ именемъ письма Теофана къ кн. Меншикову. Комплиментъ этотъ въ упомянутомъ выше третьемъ изданіи «Прикладовъ» помѣченъ на стр. 138—142. При этомъ мистификаторъ сдѣлалъ слѣдующія измѣненія. Опустивъ приведенный въ «Прикладахъ» заголовокъ, онъ въ началѣ письма вставилъ обращеніе «Свѣтлѣйшій княже Александръ Даниловичъ», а въ концѣ письма вмѣсто обычнаго указанія «вашъ, и прочая» помѣстилъ полную подпись: «богомолецъ вашъ смиренный Теофанъ архіепископъ псковскій». Въ самомъ текстѣ письма, кромѣ недосмотровъ, допущенныхъ при списываніи,—«особливо», вмѣсто «особліво» (въ началѣ письма), и «достоіное» вмѣсто «достоіно» (въ концѣ), сдѣланы лишь слѣдующія измѣненія. Изъ вступительнаго предложенія «Прикладовъ»: «Понеже я отъ вашего здѣсь во ученіи сущаго господина брата Г: увѣдомился... въ «Письмѣ» опущено слово «во ученіи» и имя брата. Далѣе выраженіе «Прикладовъ»: «Такъ же при нынѣшней воинѣ въ Гішпанскіхъ и соединенныхъ Нідерляндахъ во Элзасѣ, и при Ренѣ рекѣ погѣбли...» въ «Русскомъ Архивѣ» сокращено (не совсѣмъ удачно) такъ: «такъ же при нынѣшней воинѣ погѣбли». Во всемъ остальномъ текстѣ «комплимента», помѣщеннаго въ «Прикладахъ», и «письма», напечатаннаго въ «Русскомъ Архивѣ», совершенно сходны, не исключая и орфографическихъ особенностей.

Конечно, все можетъ случиться при трудной редакціонной работѣ, и въ области археологіи легко можно поддаться мистификаціи, но удивительнымъ является то обстоятельство, что самое содержаніе этого шаблоннаго, не имѣющаго даты, не сроднаго духу Прокоповича письма мало гармонируетъ съ исто-

рическими данными о князѣ Меншиковѣ. Въ самомъ дѣлѣ, ни о какомъ братѣ Меншикова, жившемъ или обучавшемся въ Псковѣ, намъ ничего неизвѣстно. Невѣроятно, чтобы Меншиковъ, который, «съ трудомъ рисуя буквы своей фамилии» (Ключевскій, IV, 217), до самой смерти былъ не гораздо въ грамотѣ, имѣлъ хорошую бібліотеку и «хитростную (въ подлинникъ—хитростную) камеру», и даже самъ составлялъ какія-то «писма, иже и вѣчности достойны были». Наконецъ, самый фактъ пожара, по поводу котораго написано письмо, представляется миѳическимъ, сомнительнымъ, ничѣмъ не подтверждаемымъ.

Во всякомъ случаѣ является въ высшей степени желательнымъ, чтобы въ современныхъ научныхъ изданіяхъ не помѣшалось документовъ подобнаго рода, и историческіе журналы не служили бы поприщемъ для мистификаціи.

А. К—ово.

II.

Къ очерку А. И. Соколовой «Маленькая польская графиня и маленькая русская княжна. («Истор. Вѣстн.», 1910 г., мартъ).

Необходимо исправить фактическія неточности въ воспоминаніяхъ А. И. Соколовой въ вышеприведенной ея статьѣ.

Говоря о петрашевцахъ, мемуаристка упоминаетъ о Монъ-Трезорѣ. Такого петрашевца не было, и, вѣроятно, институтская память г-жи Соколовой спутала фамилію Момбелли. Старшему по возрасту петрашевцу, Тимковскому, было не 39 лѣтъ, а 34 года. Кашкина г-жа Соколова не могла видѣть въ правовѣдскомъ мундирѣ, такъ какъ онъ былъ лицеистомъ. (См. мою замѣтку въ ноябрьской книжкѣ «Русской Старины» за 1905 г., стр. 351—365).

Подтверженіе же особаго нерасположенія императора Николая I къ полякамъ, о которомъ говоритъ и г-жа Соколова, имѣется, между прочимъ, въ процесѣ Петрашевскаго. Подсудимый Ястржембскій примѣшивалъ къ своимъ социальнымъ воззрѣніямъ польскій вопросъ, выражаясь, что «за свободу Польши позволить выпустить себѣ всю кровь по каплѣ». Императоръ Николай I, конфирмовавшій приговоръ о петрашевцахъ, большинству подсудимыхъ облегчилъ ихъ участь, сбавивъ срокъ каторги для нѣкоторыхъ на одну треть; и только для одного Ястржембскаго высочайшая резолюція прибавила два года каторги, т. е. усилила наказаніе.

М. Соколовскій.

III.

Домъ, гдѣ жилъ Гоголь.

По поводу исполнившагося 19-го марта прошлаго года столѣтія со дня рожденія Н. В. Гоголя петербургское городское управленіе рѣшило почтить память великаго писателя установкой мраморной доски на томъ домѣ, гдѣ онъ жилъ.

Въ распоряженіи городского управленія нашлись необходимыя для этого средства, но вмѣстѣ съ тѣмъ явился главный, вызвавшій много споровъ, по

такъ и до сего времени успѣшно не разрѣшенный вопросъ, въ какомъ именно домѣ жилъ Гоголь.

Въ письмахъ Гоголя съ 1831 по 1835-ый годъ онъ сообщаетъ такой свой адресъ:

Малая Морская, домъ Лепея, подъ № 97.

Благодаря этому можно считать несомнѣннымъ, что четыре года своей жизни въ Петербургѣ Гоголь провелъ въ этомъ домѣ.

Но въ настоящее время, какъ извѣстно, дома подъ № 97 на Малой Морской, переименованной нѣсколько лѣтъ назадъ въ улицу Гоголя, нѣтъ. Поэтому для рѣшенія вопроса, какой номеръ носить въ настоящее время разыскиваемый историческій домъ, обратимся къ стариннымъ планамъ Петербурга.

Изъ плана Петербурга, изданнаго въ 1828 г. въ масштабѣ 1—4200 и имѣющагося въ нашемъ распоряженіи, видно, что домъ подъ № 97 на Малой Морской улицѣ находится между Гороховой и Вознесенскимъ. Всего между двумя этими улицами было пять домовъ, и домъ подъ № 97 былъ вторымъ отъ Гороховой.

Составленный въ 1849 году Н. Цыловымъ «Атласъ тринадцати частей С.-Петербурга» даетъ намъ указаніе, что на Малой Морской улицѣ второй домъ отъ Гороховой, носящій въ 1849 году уже № 18, принадлежитъ какъ разъ художнику Андрею Лепею.

Въ настоящее время домъ этотъ состоитъ подъ № 17 и принадлежитъ Генриху Андреевичу Лепею.

Вотъ на этомъ домѣ, гдѣ Гоголь провелъ большую часть петербургской своей жизни и номеръ котораго даже увѣковѣчилъ въ письмѣ Хлестакова къ Тряпичкина, должна быть установлена памятная доска въ честь творца «Мертвыхъ душъ» и «Ревизора».

В. Семенниковъ.

IV.

По поводу юбилея государственной канцеляріи.

Въ февральской книгѣ «Историческаго Вѣстника» помѣщена, на стр. 755, обстоятельная замѣтка о 100-лѣтнемъ юбилеѣ государственной канцеляріи. Въ концѣ замѣтки, между прочимъ, сказано: «Въ память юбилея чинамъ канцеляріи выданъ нагрудный знакъ и награда въ видѣ годового оклада квартирнаго довольствія». Строки эти, къ сожалѣнію, не соответствуютъ дѣйствительности. Въ «Новомъ Времени» еще 5 января с. г. было помѣщено официальное опроверженіе однороднаго слуха, при чемъ сказано, что «такого предположенія, по послѣднимъ свѣдѣніямъ, даже не возникало». Съ своей стороны позволяю себѣ удостовѣрить, что мы, чины канцеляріи, получили лишь право ношенія высочайше утвержденнаго нагруднаго знака, который и приобретаемъ себѣ у Фаберже за 20 р. Затѣмъ никакихъ юбилейныхъ денежныхъ наградъ никто изъ чиновъ не получалъ.

Н. Елачичъ.

Усѣвшисъ съ нимъ рядомъ, онъ приказалъ кучеру ѣхать прямо въ Кенсингтонскій дворецъ.

Дорога шла черезъ Сентъ-Джемскій паркъ мимо Букингемскаго дворца и далѣе по Гайдъ-парку, разбитому королемъ Вильгельмомъ. Этотъ паркъ считался въ то время лучшимъ украшеніемъ города, ибо въ немъ были разставлены на нѣкоторомъ разстояніи фонари—новость для столицы, не имѣвшей въ то время освѣщенія.

Экипажъ быстро двигался впередъ и скоро въѣхалъ въ дворцовыя ворота. Кенсингтонскій дворецъ, любимая резиденція короля Вильгельма, былъ купленъ имъ у графа Ноттингема и значительно расширенъ, а мѣстами и передѣланъ заново. Внутреннія работы производилъ знаменитый художникъ-архитекторъ Кентъ, по плану котораго была устроена и главная лѣстница—чудо тогдашняго строительнаго искусства.

Украшенія дворца послали отпечатокъ вкуса королевы Маріи, которая слѣдила сама за его перестройкой, пока ея супругъ былъ во Фландріи. Слѣдуя его указаніямъ, королева Марія приказала увеличить садъ и разбить его въ голландскомъ вкусѣ, который такъ любилъ ея мужъ.

Главнымъ украшеніемъ дворца былъ огромный садъ, занимавшій площадь больше трехъ квадратныхъ миль. Самый дворецъ не отличался громадными размѣрами и его въ то время никакъ нельзя было сравнить съ Сентъ-Джемскимъ, Уайтгольскимъ и Виндзорскимъ.

Вальтеръ, впрочемъ, не раздѣлялъ этого мнѣнія. Когда они подъѣзжали ко дворцу по обсаженной великолѣпными деревьями аллеѣ, ему показалось, что дворецъ имѣетъ очень величавую внѣшность. Онъ подѣлился своими впечатлѣніями съ сэромъ Тренчардомъ, который посоветовалъ ему рассказать ея величеству, какъ поразилъ его новый дворецъ. Оба спутника говорили между собою очень мало, сэръ Джонъ казался погруженнымъ въ свои думы и ограничивался лишь тѣмъ, что только отвѣчалъ на вопросы Вальтера.

Наконецъ они подъѣхали ко дворцу и, выйдя изъ экипажа, поднялись на подъѣздъ и вошли въ вестибюль, гдѣ имъ навстрѣчу вышли нѣсколько дворцовыхъ служителей. Ихъ появленіе доказывало, что ихъ ждали. Сэръ Джонъ въ сопровожденіи своего спутника вступилъ въ длинныя сѣни, ведшія къ главной лѣстницѣ, построенной, какъ сказано выше, Кентомъ. Имъ же были расписаны потолоки и стѣны дворца.

Поднимаясь по чернымъ мраморнымъ ступенямъ, они узнали отъ дежурнаго камеръ-лакея, что ея величество въ большой галереѣ. На это приглашеніе оба они отвѣтили легкимъ поклономъ.

Прежде, чѣмъ наши герои предстанутъ передъ королевой Маріей, скажемъ здѣсь нѣсколько словъ о ней.

Въ то время, къ которому относится нашъ рассказъ, королевѣ Маріи было тридцать два года. Казалось, передъ ней начинается

длинный рядъ лѣтъ власти и блеска. Но въ книгѣ судебъ было написано другое, и ей оставалось жить всего нѣсколько мѣсяцевъ.

Ей суждено было рано умереть. Но никто не могъ этого предполагать: здоровье ея было превосходно и никакія непріятности, по крайней мѣрѣ явныя, не омрачали ея жизни.

Несмотря на свой сравнительно молодой возрастъ, Марія была уже семнадцать лѣтъ замужемъ. Хотя принцъ Оранскій и не принадлежалъ къ числу лицъ, способныхъ внушать къ себѣ искреннюю любовь, однако ея привязанность къ нему была непоколебима. Бракъ ихъ былъ бездѣтенъ.

Марія была въ полномъ блескѣ своей красоты. Высокаго роста, достаточно полная, она сохраняла все обаяніе молодости. Ея овальное привѣтливое лицо, обрамленное волною свѣтло-каштановыхъ волосъ, отличалось красотой и тонкостью чертъ. Ея обращеніе съ окружающими было просто, хотя въ немъ каждый чувствовалъ величавость.

Достигнувъ верхней площадки лѣстницы, гдѣ стояло нѣсколько лакеевъ, камеръ-лакей ввелъ сэра Джона и его спутника въ первую комнату, за которой шелъ цѣлый рядъ другихъ. Въ концѣ этой амфилады находились большая галерея, гдѣ ихъ ждала королева.

Комната, какъ успѣлъ замѣтить Вальтеръ, была вся увѣшана гобленами, изображающими охоту Діаны на кабана. Надъ каминомъ висѣла картина работы Гвидо Рени.

Во второй комнатѣ, потолокъ которой былъ расписанъ Кентомъ, висѣли картины Гольбейна и портреты короля и королевы, когда они были еще принцемъ и принцессою Оранскими, писанные сэромъ Питеромъ Лелемъ.

Пройдя еще три комнаты, украшенные картинами Тиціана, Рафаэля, Аннибала Караччи и Вандейка, они вошли въ большую галерею. Въ концѣ ея сидѣла на креслѣ королева, имѣя около себя лэди Фортескью.

Эта длинная галерея была также увѣшана картинами первоклассныхъ мастеровъ, начиная съ портрета Генриха VIII кисти Гольбейна. Среди портретовъ висѣлъ и портретъ Якова II въ бытность его герцогомъ Йоркскимъ. Послѣднимъ пріобрѣтеніемъ галереи были портреты короля и королевы въ коронаціонныхъ мантияхъ, работы сэра Готфрида Неллера.

Королева была въ утреннемъ бѣломъ шелковомъ платьѣ, украшенномъ кружевами; ея прекрасныя косы, заложеныя короной на головѣ, не были напудрены.

Лэди Фортескью, женщина также очень красивая, была одѣта гораздо богаче королевы и носила высокую прическу, скрадывавшую ея небольшой ростъ.

Обѣ съ большимъ любопытствомъ приняли и осматривали Вальтера, пока онъ приближался къ нимъ по галереѣ.

— Капитанъ Кросби дѣйствительно красавецъ, и ваше величество совершенно вѣрно описали его наружность, — замѣтила лэди Фортеस्कю.

Исполнивъ свою обязанность, камеръ-лакей удалился, а сэръ Джонъ, отвѣсивъ королевѣ низкій поклонъ, представилъ ей Вальтера, который встрѣтилъ такой же милостивый пріемъ, какъ и наканунѣ.

Королева поднялась съ кресла и, давъ понять молодому человѣку, что она желаетъ говорить съ нимъ, медленно пошла по длинной галереѣ. Вальтеръ почтительно слѣдовалъ за нею.

Лэди Фортеस्कю и сэръ Джонъ остались на своихъ мѣстахъ.

— Не могу надивиться! — сказалъ Тренчардъ.

— Очень понятно, — отвѣчала лэди. — Ея величество желаетъ говорить съ капитаномъ Кросби о своемъ августѣйшемъ отцѣ. Она чрезвычайно встревожена недавнимъ покушеніемъ на него.

— А, теперь я понимаю! — воскликнулъ сэръ Джонъ. — Какъ это раньше не пришло мнѣ въ голову?

Королева дошла почти до самаго конца галереи и остановилась въ амбразурѣ окна, почти скрытая занавѣсками отъ постороннихъ глазъ. Тутъ только она нарушила молчаніе.

Ея обращеніе съ Вальтеромъ сразу измѣнилось.

— Вы спасли жизнь моего отца, капитанъ Кросби, — произнесла она весьма серьезно. — Благодарю васъ отъ всего сердца.

— Ваши слова чрезвычайно милостивы, ваше величество, — отвѣчалъ Вальтеръ. — Но я не ожидалъ услышать ихъ отъ васъ.

— Я вижу, что вы раздѣляете общее мнѣніе, будто бы я не люблю своего отца, — возразила королева. — Вы ошибаетесь. Я питаю къ нему глубокую привязанность. Кромѣ короля, моего супруга, я люблю его больше всего на свѣтѣ.

— Я ни одной минуты не сомнѣвался въ томъ, что вы изволите говорить, всемилостивѣйшая государыня, но вы простите меня, если я скажу, что ваше поведеніе не соотвѣтствуетъ вашимъ словамъ.

— Прощаю васъ, сэръ, — отвѣчала королева. — Благодарю васъ за то, что вы говорите со мною такъ откровенно. Но скажите мнѣ, — я даю вамъ право говорить мнѣ всю правду, — неужели король думаетъ, что это покушеніе было подстроено моимъ супругомъ?

— Преступникъ самъ сознался въ этомъ, — отвѣчалъ Вальтеръ.

— Это ложь, — воскликнула Марія съ негодованіемъ. — Король Вильгельмъ не способенъ на такое гнусное дѣло.

— Я вполне увѣренъ въ этомъ — сказалъ Вальтеръ. — Думаю, что и вашъ августѣйшій отецъ считаетъ его непричастнымъ къ этому дѣлу.

— Благодарю васъ за эту вѣсть. Вы сняли съ моей души страшную тяжесть. Я знаю, что отецъ считаетъ меня неблагодарной. Знаю,

что онъ смотритъ на моего супруга, какъ на злѣйшаго своего врага, но я не могу себѣ представить, какъ онъ могъ подумать, что я или онъ желаемъ его смерти.

Королева, видимо, сильно волновалась.

— Выслушайте правду и тѣмъ дайте мнѣ возможность облегчить мое сердце,—продолжала она.—Я очень страдала отъ того, что я сдѣлала. Но передѣлать я ужъ не могу.

— Почему же нѣтъ? Исправить ошибку никогда не поздно.

— Невозможно!—воскликнула королева съ отчаяніемъ въ голосѣ.—Я боюсь небеснаго гнѣва.

— Позвольте мнѣ утѣшить ваше величество,—сказалъ Вальтеръ, не смѣя сомнѣваться въ ея искренности.—Могу ли я взять смѣлость повторить вашему августѣйшему отцу все то, что я здѣсь слышалъ.

— Конечно, сэръ. Но никому другому, кромѣ него.

— Ваше величество можете въ этомъ случаѣ положиться на меня,—серьезно сказалъ Вальтеръ.

— По всей вѣроятности, мнѣ не придется больше увидѣться съ отцомъ. Жаль, что не удастся получить прощеніе изъ его устъ.

— Я надѣюсь, что дѣло можетъ повернуться иначе,—замѣтилъ Вальтеръ.

— Нѣтъ,—произнесла королева, вздрагивая:—у меня есть свои предзнаменованія.

— Предзнаменованія?—спросилъ Вальтеръ.—Я не понимаю васъ, ваше величество.

— Да, мнѣ было предсказано, что я не увижу отца.

Судя по тому, какъ она сказала эти слова, видно было, что она вполне вѣритъ въ предзнаменованіе.

— Это могъ предсказать вашему величеству только врагъ,—замѣтилъ Вальтеръ.

— Нѣтъ, это мнѣ сказалъ человѣкъ, которому я вполне довѣряю. Я желала бы умереть въ мирѣ со всѣми. Но больше всего мнѣ хотѣлось бы, чтобы отецъ меня простилъ. Добейтесь этого, если можно. Если вы увидите его, напомните ему о дочери, которую онъ такъ нѣжно любилъ. Я дрожу при мысли, что онъ будетъ проклипать меня.

— Не слѣдуетъ такъ думать, ваше величество,—сказалъ растроганный Вальтеръ.—Несмотря на все то, что случилось, я полагаю—нѣтъ, больше, я увѣренъ, что онъ васъ любитъ.

— Будемъ надѣяться!—вскричала королева.—Вотъ его портретъ противъ насъ. Всякій разъ, какъ я гляжу на него, мнѣ кажется, что онъ начинаетъ хмуриться. Я не смѣю поднять на него глаза. Но, скажите, сильно онъ измѣнился?

— Лицо короля вовсе не хмуро,—отвѣчалъ Вальтеръ:—напротивъ, оно всегда озарено улыбкой.

— Нѣтъ, я была права,—вскричала королева, взглянувъ на портретъ и тотчасъ же отворачиваясь отъ него.— Онъ все еще хмурится на меня.

И, едва овладѣвъ собою, королева продолжала:

— Я не буду спрашивать васъ о вашихъ планахъ. Я увѣрена, что они касаются ланкаширскихъ якобитовъ. Но я не хочу вѣрить, будто вы рѣшились измѣнить вашимъ друзьямъ. Вы, очевидно, имѣете какія-то другія причины такъ поступать. Объясните мнѣ все откровенно.

— Ваше величество угадали,—отвѣтилъ Вальтеръ.— Я не намѣренъ измѣнять моимъ друзьямъ. Я стараюсь спасти ихъ и уничтожить замыслы негодяевъ и измѣнниковъ. Одинъ изъ нихъ—лѣкій Лентъ—вчера ночью уже покушался на мою жизнь.

— Я слышала объ этомъ Лентѣ отъ сэра Тренчарда. Мнѣ очень досадно, что онъ принужденъ пользоваться услугами такого господина. Но я вотъ что скажу вамъ: какъ только я увидѣла васъ, я сейчасъ же поняла ваши намѣренія. Ваша природа слишкомъ благородна для предательства. Я не могу отдать себѣ отчета въ довѣрїи, которое чувствую къ вамъ. Не обманите же меня. Я питаю расположеніе къ вамъ, какъ къ брату.

— О, довѣрїе вашего величества глубоко трогаетъ меня, —воскликнулъ Вальтеръ.— Вы изволили уже раньше что-нибудь слышать обо мнѣ?

— Что вы хотите сказать?—спросила она съ изумленіемъ.

— Ваша благосклонность ко мнѣ даетъ мнѣ право говорить совершенно откровенно. Вашему величеству, вѣроятно, уже намекали, что меня считаютъ сыномъ короля Іакова.

— Никогда я этого не слышала! Но если это такъ, тогда становится понятенъ интересъ, который вы возбуждаете во мнѣ.

— Это вѣрно, ваше величество,—продолжалъ Вальтеръ.— Я дѣйствительно сынъ короля Іакова, хотя я и не признанъ имъ открыто. Но наединѣ онъ открылъ мнѣ, что онъ мой отецъ. Королева Марія также знаетъ объ этомъ и всегда обращается со мной весьма милостиво. Я не могу, конечно, судить по этому о ея добротѣ, но она охотно всегда исполняла всѣ мои просьбы.

— Этимъ и объясняется кое-что, о чемъ мнѣ недавно передавали,—прервала его королева.— Вы, конечно, не удивитесь, что мы располагаемъ секретными донесеніями о Сень-Жерменскомъ дворѣ—вѣдь и королева Марія Моденская получаетъ свѣдѣнія о нашемъ. Мнѣ передавали, что Беатриса Тильдеслей была назначена фрейлиной именно по вашей просьбѣ.

— Вамъ вѣрно сказали, государыня,—отвѣчалъ Вальтеръ.— Королева Марія сразу согласилась на мою просьбу.

— Если бы вы обратились съ такою просьбою ко мнѣ,—продолжала королева:—я бы также не отказала вамъ.

Вальтеръ поклонился въ знакъ благодарности.

— Вы любите Беатрису Тильдеслей?—спросила она.

— Больше моей жизни!—пылко воскликнулъ онъ.

— Въ такомъ случаѣ будьте увѣрены, что она будетъ принадлежать вамъ. Я объщаю вамъ это. Впрочемъ, что это я говорю. Мнѣ вѣдь не долго суждено жить.

— Государыня, отбросьте эти страхи, сказалъ Вальтеръ.— Послѣ всего того, что было здѣсь сказано, я приложу все усилія, чтобы возстановить между вами и вашимъ отцомъ доброе согласіе. Думаю, что мнѣ это удастся.

— Теперь, когда я нашла брата, мнѣ нечего падать духомъ. Какъ будто небеса услышали мою молитву. Нужно, однако, окончить нашу бесѣду, хотя мнѣ хотѣлось бы сказать вамъ еще многое. Вы должны явиться сюда еще разъ.

— Я предполагалъ возвратиться въ Ланкаширъ, государыня,—сказалъ Вальтеръ.

— Нѣтъ, нѣтъ, я вамъ приказываю.

— Повинуюсь приказанію вашего величества.

Королева направилась обратно въ другой конецъ галереи, гдѣ сидѣли сэръ Джонъ и лэди Фортескью, которые поднялись при ея приближеніи.

— Благодарю васъ, сэръ Джонъ, за то, что вы привели ко мнѣ капитана Кросби,—обратилась королева къ Тренчарду.—У меня былъ очень интересный разговоръ съ нимъ. Прежде, чѣмъ вы пойдете отсюда, я хотѣла бы сказать вамъ нѣсколько словъ.

При этомъ намекъ присутствовавшіе успѣли отойти въ сторону.

— Извѣстны ли вамъ, сэръ Джонъ, причины, по которымъ капитанъ Кросби пользуется такимъ расположеніемъ моего отца?

— Ваше величество, я слышалъ, что нѣкоторые считаютъ короля Іакова въ родствѣ съ нимъ,—отвѣчалъ тотъ уклончиво.—Но я не знаю, извѣстно ли вамъ объ этомъ.

— Я знаю объ этомъ и потому особенно интересуюсь имъ,—сказала королева.—Поэтому я желаю, чтобы вы взяли его подъ свое покровительство, сэръ Джонъ. Онъ долженъ быть въ полной безопасности.

— Ваше величество можете положиться на меня: я сдѣлаю все, что отъ меня зависитъ,—съ поклономъ отвѣчалъ Тренчардъ.—Вамъ не благоугодно болѣе говорить съ нимъ теперь?

— Нѣтъ,—последовалъ отвѣтъ.

Сэръ Тренчардъ отвѣсилъ глубокій поклонъ и приготовился ѣхать обратно.

Также поклонившись, Вальтеръ почтительно поцѣловалъ протянутую ему королевой руку. Она слѣдила за нимъ глазами и едва могла подавить вздохъ, когда онъ скрылся за дверью.

— Ваше величество довольны молодымъ челоуѣкомъ?—спросила лэди Фортескью.

— Вполнѣ. Онъ, вѣдь, сынъ моего отца.

— Вотъ какъ!—воскликнула графиня.—Это, впрочемъ, не новость.

На обратномъ пути въ Уайтголлъ сэръ Тренчардъ поздравлялъ Вальтера съ благопріятнымъ впечатлѣніемъ, которое онъ произвелъ на королеву, снова подчеркивая, что онъ самъ будетъ виноватъ, если не создастъ себѣ при дворѣ выдающагося положенія. У воротъ дворца они разстались. Сэръ Джонъ просилъ своего спутника прійти къ нему завтра, говоря, что у него есть важныя новости.

— А теперь я долженъ переговорить съ мистеромъ Аарономъ Смитомъ,—прибавилъ онъ.—Итакъ, до завтра.

Вальтеръ не зналъ, что ему думать и какъ дѣйствовать. Одно только рѣшилъ онъ твердо: ни за что на свѣтѣ не выдавать короля Іакова.

— Что бы ни случилось, я буду вѣренъ ему,—твердилъ онъ про себя.

Х.

Арестъ.

Прежде, чѣмъ вернуться въ гостиницу «Королевы», Вальтеръ сдѣлалъ большую прогулку по Сентъ-Джемскому парку. Дома хозяинъ сообщилъ ему, что незадолго до его возвращенія къ нему явились два какихъ-то господина, которые теперь ждутъ его въ общей залѣ.

— Вамъ нечего ихъ бояться, сударь,—сказалъ Праймъ:—я отвѣчаю за нихъ.

Вальтеръ, боясь попасть въ какой-нибудь новый заговоръ, хотѣлъ, чтобы теперь никто не беспокоилъ его своимъ посѣщеніемъ. Ему не доставило особаго удовольствія узнать въ поджидавшихъ его господахъ полковника Паркера и доктора Бромфильда въ его неизбѣжномъ квакерскомъ одѣяніи.

— Какъ только мы узнали, что вы здѣсь,—началъ полковникъ, дружески поздравившись съ Вальтеромъ:—мы сейчасъ же поѣхали васъ провѣдать. Правда ли, что вы намѣтили какой-то планъ, чтобы сокрушить замыслы этого гнуснаго Лента? Можетъ быть, мы могли бы помочь вамъ въ этомъ случаѣ?

— Благодарю васъ, полковникъ,—отвѣчалъ Вальтеръ.—Возникли неожиданныя затрудненія, которыхъ я не предвидѣлъ. Боюсь, какъ бы мнѣ не пришлось разстаться съ своимъ планомъ.

— А воть до этого не дойдетъ!—воскликнулъ докторъ.—Но у насъ есть свой, которымъ мы и хотимъ подѣлиться съ вами. Присаживайтесь къ намъ и разопьемъ для вида бутылку бургонскаго

Когда Праймъ поставилъ на столъ вино, Вальтеръ украдкой бросилъ на него взглядъ, котораго тотъ сначала не понялъ. Вскорѣ, однако, значеніе его выяснилось.

Только что собесѣдники, сдвинувшись поплотиѣ, принялись обсуждать свои дѣла, какъ дверь отворилась, и въ залу вошелъ мистеръ Ааронъ Смитъ. Всѣ трое знали его, и онъ зналъ ихъ всѣхъ.

Полковникъ Паркеръ и докторъ сильно струхнули, полагая, что появленіе такого лица несетъ за собою бѣду. Но каково же было ихъ удивленіе, когда Смитъ подошелъ къ ихъ столу и дружески сказалъ Вальтеру:

— Я думалъ, что вы зайдете ко мнѣ въ канцелярію по возвращеніи изъ Кенсингтонскаго дворца.

Паркеръ и Бромфильдъ вздрогнули отъ этихъ словъ.

— Я вѣдь не обѣщаль вамъ,—отвѣчалъ Вальтеръ, стараясь скрыть свое смущеніе.

— А я все-таки васъ ждалъ. Скажите, вы видѣли ея величество?

— Какое вы имѣете право предлагать мнѣ подобные вопросы, сэръ? Я не желаю отвѣчать вамъ!—воскликнулъ Вальтеръ.

— Съ вашего позволенія,—сказалъ Ааронъ.—Я спросилъ только изъ любопытства. Очень радъ былъ узнать, что вы имѣли во дворцѣ полный успѣхъ.

— Я имѣлъ такой именно успѣхъ, на который рассчитывалъ.

— Вамъ, кажется, непріятны мои разспросы,—замѣтилъ Ааронъ Смитъ.—Но я, право, не желалъ васъ оскорбить, да и сюда я пришелъ не за вами. Но я увидѣлъ васъ и рѣшилъ къ вамъ подойти— вотъ и все.

И, неловко поклонившись, онъ вышелъ изъ залы. Вальтеръ былъ разсерженъ, а его собесѣдники не могли прійти въ себя отъ изумленія.

— Я и не зналъ, капитанъ Кросби, что вы были въ Кенсингтонскомъ дворцѣ,—сказалъ Паркеръ.—Это правда?

— Правда,—отвѣчалъ Вальтеръ.—Я не могу теперь же объяснить вамъ, какъ все это случилось. Но что бы тамъ ни было, у Смита были, очевидно, свои причины навѣдаться сюда. Его посѣщеніе меня касаться не можетъ, но для васъ оно будетъ имѣть послѣдствія.

— Я думаю, что намъ лучше всего уходить отсюда какъ можно скорѣе,—сказалъ Бромфильдъ.

— Я то же думаю,—подтвердилъ Вальтеръ.—Я не могу быть вамъ полезенъ, иначе я бѣжалъ бы съ вами. Предоставьте мнѣ обдѣлать дѣло съ хозяиномъ.

Оба посѣтителя разомъ поднялись и направились было къ выходу, но въ залу вошелъ уже Кулленфордъ въ сопровожденіи двухъ вооруженныхъ полицейскихъ и, быстро подойдя къ столу, сказалъ:

— Я уже давно слѣжу за вами, господа. Наконецъ-то я нашелъ васъ. Я имѣю приказъ арестовать васъ, подписанный шестью членами Тайнаго совѣта, и долженъ васъ отправить въ Ньюгетскую тюрьму.

— Въ чемъ насъ обвиняютъ?—спросилъ полковникъ.

— Въ измѣнническихъ дѣйствіяхъ,—отвѣчалъ Кулленфордъ.— Вы будете заключены въ Ньюгетской тюрьмѣ подъ крѣпкой карауль. Посмотримъ, что будетъ, когда васъ станутъ допрашивать. Говорятъ, образовался большой заговоръ. У насъ есть противъ васъ три свидѣтеля: Лентъ, Уомбалъ и Вильсонъ.

— Три негодяя!—воскликнулъ полковникъ.—Намъ нѣтъ спасенія,—тихо сказалъ онъ Бромфильду.

— Сопротивляться бесполезно,—сказалъ Кулленфордъ.— Со мной здѣсь экипажъ, который можетъ васъ доставить въ Ньюгетъ.

— Да, лучше будетъ покориться,—произнесъ Бромфильдъ.— Вы очень счастливы, что унесли ноги изъ этой ловушки,—прибавилъ онъ, обращаясь къ Вальтеру.

— Если дѣло идетъ о заговорѣ Лента, то вы оба можете доказать, что были въ то время въ Сенъ-Жерменъ.

— Конечно, мы можемъ это сдѣлать,—сказалъ Паркеръ.

— Предоставьте имъ дѣйствовать самимъ, капитанъ Кросби,— прервалъ его Кулленфордъ.— Они сами могутъ постоять за себя.

— Мы, навѣрно, сошлемся на него, какъ на свидѣтеля,—сказалъ Бромфильдъ,—и мы...

— Идемъ, господа, садитесь въ экипажъ,—прервалъ его одинъ изъ полицейскихъ.— Нечего больше мѣшкать.

Арестованныхъ увели на дворъ.

Было запрещено выходить на дворъ, а хозяинъ гостиницы долженъ былъ строго слѣдить, чтобы во время ареста все было спокойно, пока арестованные не тронутся въ путь.

Такимъ образомъ все обошлось тихо.

XI.

Гроза надвигается.

Дней десять спустя послѣ посѣщенія Вальтеромъ Кенсингтонскаго дворца, полковникъ Тильдеслей и Беатриса въ одинъ прекрасный вечеръ гуляли по аллеямъ майерскофскаго парка.

Бесѣда ихъ была не весела: виды на будущее якобитской партіи повсемѣстно становились все болѣе и болѣе безотрадными.

Какъ ни противился полковникъ Тильдеслей бѣгству, но становилось очевиднымъ, что ему придется оставить свой домъ и искать спасенія во Франціи. Хотя его и вызвали провожать нѣсколько друзей, въ томъ числѣ и полковникъ Тоунлей, но сердце его было

разбито. Онъ скучалъ по Вальтерѣ и нетерпѣливо ждалъ его возвращенія.

Беатриса одинаково чувствовала себя несчастною. Не имѣя вѣстей отъ Вальтера съ того самаго времени, какъ онъ уѣхалъ, она мучила себя самыми мрачными предчувствіями. Иногда ей начинало казаться, что онъ уже брошенъ въ тюрьму и больше не вернется, но отцу Джонсону удавалось уговорить ее отогнать эти мрачныя мысли.

Въ этотъ вечеръ полковникъ и священникъ, выйдя изъ парка, пошли полемъ, а Беатриса вернулась назадъ. Подходя къ дому, она замѣтила недалеко отъ моста, переброшеннаго черезъ ровъ, всадника и сразу узнала въ немъ Вальтера. Тотъ тоже увидалъ ее, быстро соскочилъ съ лошади и, бросивъ поводья Горнби, вышедшему ему навстрѣчу, бросился къ ней. Беатриса въ волненіи остановилась подъ однимъ изъ дубовъ, которыми была обсажена аллея.

— У васъ видъ такой, какъ будто вы достигли полнаго успѣха, Вальтеръ!—сказала она, сердечно поздоровавшись съ пріѣзжимъ.

— Да, я добился успѣха, поскольку дѣло касается лично меня,—отвѣчалъ онъ.—Я видѣлся съ королевой!

— Съ царствующей королевой?—спросила она съ изумленіемъ.

— Да, я видѣлся съ нею дважды въ Кенсингтонскомъ дворцѣ, и оба раза она была чрезвычайно милостива ко мнѣ. Теперь не время рассказывать о всѣхъ подробностяхъ свиданія, скажу только, что я встрѣтилъ ее случайно, когда она садилась на шлюпку у Уайтголлскаго дворца. Она пожелала, чтобы сэръ Тренчардъ представилъ меня ей. На слѣдующій день онъ возилъ меня въ Кенсингтонскій дворецъ, гдѣ я имѣлъ аудіенцію, во время которой она выказала большую благосклонность ко мнѣ. Черезъ два дня я былъ вторично принятъ ею въ прощальной аудіенціи, и она была еще милостивѣе, чѣмъ въ первый разъ.

— Все это чрезвычайно радуетъ меня, Вальтеръ,—сказала Беатриса.—Но я слишкомъ предана королевѣ Маріи Моденской, и ваша королева мало интересуется меня.

— Послушайте, бросьте ваше предубѣжденіе противъ нея. Я увѣренъ, что вы привязались бы къ ней и пожалѣли бы ее.

— Пожалѣла бы ее, Вальтеръ?—воскликнула Беатриса съ изумленіемъ.

— Да, пожалѣли бы,—продолжалъ Вальтеръ.—Она очень несчастна.

— Какъ, однако, я ошиблась! Я думала, что она недоступна никакимъ чувствамъ.

— Напротивъ, она горько жалѣетъ о своемъ поступкѣ относительно отца.

— Вы изумляете меня! Это примиряющая черта въ ея характерѣ.

— Я надѣюсь, что отецъ проститъ ее,—замѣтилъ Вальтеръ.

— Очень можетъ быть. Король Иаковъ такъ добръ, что можетъ простить ее.

— Будемъ надѣяться — сказалъ Вальтеръ. — Но позвольте задать вамъ одинъ вопросъ. Если бы она предложила вамъ быть ея фрейлиной, приняли ли бы вы такое предложеніе?

— Нѣтъ, — рѣшительно отвѣчала Беатриса. — У меня только одна государыня — Марія Моденская, и никакой другой я служить не буду. Я ѣду обратно въ Сень-Жерменъ. Полковникъ ѣдетъ со мною.

— Ему небезопасно оставаться здѣсь, — сказалъ Вальтеръ. — Полковникъ Паркеръ и докторъ Бромфильдъ уже заключены въ тюрьму. Скоро будутъ произведены большіе аресты.

— Но Тильдеслею сильно не хочется разставаться съ этимъ мѣстечкомъ, Вальтеръ. Ему все кажется, что онъ уже не вернется сюда, и онъ впалъ отъ этой мысли въ меланхолію.

— Когда онъ попадетъ въ Сень-Жерменъ, онъ оправится. Можетъ быть, ему придется провести нѣсколько лѣтъ за границею, а затѣмъ, я увѣренъ, онъ вернется.

— Вы побѣдете съ нами, Вальтеръ?

— Не могу обѣщать вамъ этого сейчасъ. Можетъ быть, полковникъ попроситъ меня остаться здѣсь нѣкоторое время послѣ его отъѣзда. Отецъ Джонсонъ позаботится о вашей безопасности, а я рано или поздно буду въ Сень-Жерменѣ.

Разговаривая, они незамѣтно подошли къ самому дому. Здѣсь ихъ встрѣтили полковникъ и священникъ, узнавшіе о пріѣздѣ Вальтера и вернувшіеся съ прогулки другимъ путемъ.

— Какъ я радъ видѣть васъ опять! — воскликнулъ полковникъ, сердечно здороваясь съ Вальтеромъ. — Я боялся, не случилось ли съ вами какого-нибудь несчастія.

— Мы получили извѣстіе объ арестѣ Паркера и Бромфильда, — сказалъ отецъ Джонсонъ, — и боялись, какъ бы и вы не попались вмѣстѣ съ ними.

— Нѣтъ, я счастливо избѣгъ и ареста, и покушенія на мою жизнь, — отвѣчалъ Вальтеръ. — Но мнѣ не удалось положить конецъ замысламъ Лента. Вы должны быть очень осторожны теперь, полковникъ. Многіе изъ нашихъ друзей въ этой мѣстности наканунѣ ареста, въ ихъ списокъ внесены и вы.

— Кажется, мнѣ придется бросить домъ и бѣжать во Францію, — со вздохомъ сказалъ полковникъ. — Это для меня хуже смерти. Но я не вижу другого выхода.

— Я тоже, — сказалъ Вальтеръ. — Во что бы то ни стало, вы должны избѣжать ареста.

Полковникъ совѣмъ погрузился въ печальныя думы, и только прібытіе коннаго гонца съ письмомъ отъ полковника Тоунлея вывело его изъ глубокой задумчивости. Это письмо заставило его

совершенно измѣнить свои планы. Онъ объявилъ, что вмѣсто того, чтобы ѣхать во Францію, онъ отправится завтра же въ Нортумберландъ къ сэру Джону Фенвику, у котораго и пробудеть мѣсяца два-три въ полномъ уединеніи.

«Надѣюсь, дорогіе друзья мои,—писалъ Тоунлей:—что вы пріѣдете ко мнѣ. Сэръ Фенвикъ будетъ очень радъ видѣть васъ у себя и вы можете оставаться здѣсь, сколько угодно. Пріѣзжайте ко мнѣ завтра утромъ. Вашу прекрасную Беатрису лучше будетъ оставить въ Майерскофѣ. Тамъ съ отцомъ Джонсономъ она будетъ въ безопасности. Завтра къ ней пріѣдетъ мистриссъ Стандишъ, которая гоститъ здѣсь».

— О, если со мной будетъ мистриссъ Стандишъ, я не буду чувствовать себя одинокой,—воскликнула Беатриса.

— Въ такомъ случаѣ я также могу остаться съ вами и охранять васъ, —сказалъ Вальтеръ.—Меня арестовать не могутъ, такъ какъ у меня охранный листъ отъ королевы.

Полковникъ Тильдеслей былъ въ восторгѣ отъ такой перспективы, которая давала ему возможность отложить свое бѣгство во Францію. Онъ послалъ Тоунлею отвѣтъ, что непременно будетъ у него завтра утромъ и что Беатриса съ нетерпѣніемъ ждетъ мистриссъ Стандишъ и другихъ дамъ, если тѣ пожелають ее навѣстить.

На свѣдующее утро полковникъ поднялся очень рано и отдалъ Горнби распоряженія, чтобы во время его отсутствія всѣ въ домѣ слушались миссъ Тильдеслей.

— Исполню ваши приказанія въ точности, г. полковникъ,—отвѣчалъ дворецкій.—Надѣюсь, что вы вернетесь къ намъ цѣлы и невредимы.

Послѣ завтрака Тильдеслей простился нѣжно съ Беатрисой и въ сопровожденіи двухъ верховыхъ, которые везли съ собой багажные вьюки и были вооружены пистолетами, двинулся къ Тоунлею, чтобы вмѣстѣ съ нимъ продолжать свой путь въ помѣстье сэра Фенвика.

Подѣхавъ къ воротамъ, онъ бросилъ печальный взглядъ на свой домъ, не зная, суждено ли ему вернуться въ него. Беатриса стояла у окна въ верхнемъ этажѣ, въ воротахъ неподвижно застылъ вѣрный Горнби. Вальтеръ поѣхалъ съ полковникомъ, желая проводить его нѣсколько миль.

Полковникъ Тильдеслей былъ, впрочемъ, такъ разстроенъ, что дорогою едва могъ поддерживать разговоръ съ своимъ спутникомъ.

На прощанье онъ стряхнулъ съ себя задумчивость и, обращаясь къ нему, сказалъ:

— Вы должны знать о томъ, какія распоряженія я сдѣлалъ. Я боюсь, что въ самомъ непродолжительномъ времени помѣстья лучшихъ семей будутъ конфискованы. Я принялъ всѣ мѣры, чтобы

сохранить свое, но я не отдалъ его іезуитамъ, какъ мнѣ совѣтовали. Если со мною что-нибудь случится, оно достанется Беатрисѣ. Я оставляю ей весь домъ со всѣми принадлежностями. Она будетъ моей единственной наслѣдницею.

— Я полагаю, что вы правильно поступили,—сказалъ Вальтеръ.—Но вы, конечно, избѣгнете всѣхъ опасностей и еще долго-долго будете жить въ своемъ старинномъ домѣ.

— Сильно сомнѣваюсь,—мрачно сказалъ полковникъ.—Я очень желалъ взять съ собою къ Фенвику и Беатрису, но она, кажется, не расположена туда ѣхать. Пожалуй, это лучше, что она осталась въ Майерскофѣ. А теперь прощайте!

— Прощайте, полковникъ. Будемъ надѣяться, что вы скоро вернетесь къ намъ.

Съ этими словами Вальтеръ круто повернулъ лошадь и далъ ей шпоры. Когда онъ вернулся въ Майерскофъ, Горнби доложилъ ему, что съ нимъ желаетъ говорить отецъ Джонсонъ, который ждетъ его въ своей комнатѣ.

Къ удивленію своему, Вальтеръ засталъ священника въ самомъ радостномъ настроеніи.

— Я получилъ хорошія вѣсти,—сказалъ онъ.—Полковникъ Паркеръ и докторъ Бромфильдъ уже не въ Ньюгетѣ.

— Это удивительное извѣстіе!—воскликнулъ Вальтеръ.—Впрочемъ, докторъ Бромфильдъ гораздо на все, да и полковникъ Паркеръ ему не уступить. Очевидно, мы скоро увидимъ ихъ здѣсь въ Ланкаширѣ.

— Они уже въ Ланкаширѣ,—продолжалъ священникъ,—и, по-видимому, недалеко отъ насъ.

Заинтересованный этими словами, Вальтеръ вопросительно поглядѣлъ на собесѣдника.

— Они здѣсь?

Отецъ Джонсонъ всталъ съ своего кресла и отворилъ потайную дверь. Оба бѣглеца вышли изъ своего убѣжища.

Вальтеръ горячо пожалъ имъ руку.

— Могъ ли я думать, что снова увижусь съ вами послѣ того, какъ мы разстались въ гостиницѣ «Королевы»?—сказалъ онъ.—Но какъ вамъ удалось вырваться изъ Ньюгетской тюрьмы? Вѣрно, кто-нибудь изъ тюремщиковъ выпустилъ васъ на волю?

— Это сдѣлала пятьдесятъ гиней,—отвѣчалъ докторъ Бромфильдъ.

— Изъ Лондона мы прямо направились въ Майерскофъ,—прибавилъ полковникъ Паркеръ.—Мы были увѣрены, что полковникъ Тилдеслей окажетъ намъ радушный пріемъ.

— Полковникъ только что уѣхалъ къ сэру Фенвику,—сказалъ Вальтеръ,

— Я имъ уже объ этомъ говорилъ,—замѣтилъ отецъ Джонсонъ.—Но это все равно. Въ его отсутствіе я могу отъ его имени предложить убѣжище нашимъ добрымъ друзьямъ.

Въ это время послышался стукъ въ дверь. Въ комнату вошелъ Горнби и доложилъ, что миссъ Тильдеслей будетъ очень рада видѣть гостей и что прибыла мистриссъ Стандиншъ въ сопровожденіи мистера Роджера Дикконсона.

— Очень радъ, очень радъ,—заговорилъ докторъ.—Дикконсонъ мой старый пріятель. Онъ главный вникъ всего заговора.

— Не очень-то радуйтесь,—замѣтилъ полковникъ Паркеръ.— У него, кажется, есть что-то на умѣ.

Полковникъ Паркеръ и докторъ Бромфильдъ были встрѣчены Беатрисой очень сердечно. Съ мистриссъ Стандиншъ и ея спутникомъ оба были уже знакомы.

Несмотря на свои немолодые годы, мистриссъ Стандиншъ была замѣчательно красива. Она держала себя со всѣми любезно, но въ высшей степени сухо.

Роджеру Дикконсону было лѣтъ сорокъ. Наружность его ничѣмъ не обращала на себя вниманія. Несмотря на простоту, съ которой онъ держалъ себя, видно было, что онъ хорошо воспитанъ и надѣленъ острой пронизательностью. Какъ и его старшій братъ, Вильямъ Дикконсонъ, онъ былъ ярымъ якобитомъ и участвовалъ во всѣхъ заговорахъ, имѣвшихъ цѣлью вернуть корону Іакову.

При тогдашнемъ положеніи вещей онъ чрезвычайно беспокоился за брата, которому угрожалъ арестъ. Въ Майерскофъ онъ пріѣхалъ для того, чтобы посоветоваться съ капитаномъ Кросби. Онъ былъ, видимо, очень радъ, что засталъ здѣсь еще двухъ соратниковъ, которые также могли дать ему полезный совѣтъ.

Маленькое общество якобитовъ усѣлось около широкаго окна и принялось обсуждать положеніе дѣлъ.

— У меня есть планъ,—быстро заговорилъ Дикконсонъ:—который я хотѣлъ бы предложить вашему вниманію прежде, чѣмъ приводить его въ исполненіе. Я узналъ отъ сыщика, нѣкоего Джона Таффа,—вы, вѣроятно, о немъ уже слышали,—что въ случаѣ, если наши друзья будутъ арестованы и преданы суду, главнымъ свидѣтелемъ противъ нихъ будетъ этотъ вѣроломный негодяй Лентъ.

— Для этой цѣли онъ и былъ нанятъ Аарономъ Смитомъ,—замѣтилъ Вальтеръ.—Но продолжайте, пожалуйста.

— Я узналъ отъ Таффа, что Лентъ не знаетъ въ лицо многихъ, кому грозитъ арестъ. Ему извѣстны только Тильдеслей и Тоунлей, которые теперь спаслись бѣгствомъ. Другихъ онъ никогда не видѣлъ.

— А видѣлъ онъ вашего брата Вильяма? — спросилъ Дикконсона Вальтеръ.

— Нѣтъ. Точно также онъ никогда не видалъ и меня,—отвѣчалъ Роджеръ.— Онъ не знаетъ въ лицо и другихъ нашихъ друзей, которымъ предстоитъ попасть подъ судъ.

— А между тѣмъ Лентъ будетъ свидѣтелемъ противъ нихъ!— воскликнулъ докторъ Бромфильдъ.

— Онъ, впрочемъ, увѣряетъ, что на судѣ онъ покажетъ всю правду,—продолжалъ Роджеръ.—Этотъ негодяй теперь въ Манчестерѣ, гдѣ живетъ въ гостиницѣ «Бычьей Головы», подъ именемъ Никласа Ричби. Здѣсь онъ старается найти себѣ кого-нибудь, кто могъ бы показать ему намѣченные имъ жертвы. Я выдалъ себя за шпіона и имѣю къ нему рекомендательное письмо отъ Таффа, который поможетъ мнѣ осуществить мой замыселъ. Я явлюсь къ нему переодѣтымъ, подъ ложнымъ именемъ, и, конечно, если только представится малѣйшая возможность, проведу его.

— Вы хотите указать ему совершенно другихъ лицъ?—спросилъ полковникъ Паркеръ.

— Именно,—отвѣчалъ Роджеръ.—Я хочу внушить ему, что, напримѣръ, сэръ Вильямъ Джерардъ есть Роуландъ Станлей и такъ далѣе.

— Вы предполагаете ввести его къ нимъ въ домъ?—спросилъ Бромфильдъ.

— Нѣтъ. Ихъ всеѣхъ подъ какимъ-нибудь предлогомъ привезеть въ Манчестеръ мой братъ,—отвѣчалъ Дикконсонъ.

— Это, конечно, потребуетъ меньше времени и хлопотъ, да и успѣхъ будетъ вѣрнѣе,—замѣтилъ Вальтеръ.—Когда вы отправляетесь въ Манчестеръ?

— Думаю ѣхать какъ можно скорѣе. Я захватилъ съ собою нужный для переодѣванія костюмъ. Могу я попросить у васъ лошадь?

— Конечно,—отвѣчалъ Вальтеръ.— Полковникъ Тильдеслей далъ бы вамъ ее съ удовольствіемъ. То же самое я рѣшаюсь сдѣлать за него.

— Въ такомъ случаѣ нечего откладывать дѣло,—сказалъ Роджеръ.—Нужно только проститься съ дамами.

Вальтеръ повелъ его къ Беатрисѣ, бесѣдовавшей съ своей гостей, и объяснилъ ей вкратцѣ причину столь внезапнаго отъѣзда Дикконсона.

Узнавъ о задуманной хитрости, обѣ дамы весело разсмѣялись и пожелали Дикконсону полного успѣха.

— Если вы проведете этого Лента, то заслужите горячую благодарность всей нашей партіи,—сказала Беатриса.—Вы накажете этого негодяя и освободите многихъ отъ угрожающей опасности.

Вальтеръ позвалъ Горнби и приказалъ ему отнести въ комнату Дикконсона чемоданъ, который тотъ привезъ съ собой. Черезъ нѣсколько минутъ оттуда вышелъ настоящій крестьянинъ весьма почтеннаго вида. Шляпа, сапоги и весь костюмъ былъ какъ разъ такой, какой носили мѣстные крестьяне.

Не откладывая дѣла, переодѣтый Дикконсонъ вскочилъ на сильную лошадь, приготовленную ему по распоряженію Вальтера, и подъ именемъ Питера Кромптона пустился въ Манчестеръ.

Вскорѣ уѣхала и мистриссъ Стэндишъ, обѣщая Беатрисѣ не забывать ее и время отъ времени навѣщать опустѣвшій Майерскофъ.

ХІІ.

Капитанъ Бриджъ.

На другой день къ вечеру Роджеръ Дикконсонъ былъ уже въ Манчестерѣ. Онъ направился прямо въ гостиницу «Чернаго Быка» и узналъ, что мнимый Никласъ Ричби остановился здѣсь.

Войдя въ общій залъ, Дикконсонъ какъ разъ засталъ тамъ Лента, который сидѣлъ одинъ. Передъ нимъ стояла бутылка хересу.

Подойдя къ столу, Роджеръ отвѣсилъ поклонъ и, подавая письмо, сказалъ:

— Отъ мистера Таффа, сэръ.

— Васъ зовутъ Питеръ Кромптонъ?— спросилъ Лентъ, пробѣжавъ письмо.

— Такъ точно, сэръ. Я ланкаширскій уроженецъ и знаю въ лицо всѣхъ якобитовъ здѣшней округи и могу указать вамъ ихъ.

— Вотъ это мнѣ и пужно. Мистеръ Таффъ пишетъ, что да васъ вполне можно положить и что вы можете быть мнѣ очень полезны. Сколько вы желаете получить за ваши услуги?

— Что вы думаете о двухъ гинеяхъ въ день, сэръ?

— Двѣ гинеи! Дорогого!— вскричалъ Лентъ. — Но я не буду съ вами торговаться. Но зато я потребую отъ васъ особаго вниманія къ моимъ приказаніямъ.

— Вы вполне можете рассчитывать на меня, сэръ.

— Въ такомъ случаѣ по рукамъ, Питеръ,— сказалъ Лентъ покровительственнымъ тономъ.— Садитесь и выпейте стаканчикъ вина.

— Радъ стараться,— отвѣчалъ мнимый Питеръ, осушая налитый ему стаканъ.

— Надѣюсь, мистеръ Таффъ передавалъ вамъ, кого именно я желаю видѣть?— спросилъ Лентъ.

— Нѣсколько именъ онъ мнѣ назвалъ: лорда Молине, сэра Вильяма Джерарда, сэра Роуланда Станлея, сэра Клифтона— все это завѣдомые якобиты.

— Отлично. Я именно желаю видѣть только якобитовъ,— замѣтилъ Лентъ.

— Я хотѣлъ васъ спросить, мистеръ Ричби, не якобиты ли вы сами. Но вижу, что нѣтъ.

— Вы правы.

— Тогда вы, какъ и мистеръ Таффъ, шпионъ, какъ они васъ называютъ?

— Въ родѣ этого, — сухо отвѣчалъ Лентъ. — Скажите-ка лучше, не приходилось ли вамъ встрѣчать нѣкоего Дикконсона изъ Райтингтона?

— Я знаю его близко, — отвѣчалъ мнимый Питеръ. — Я часто имѣлъ съ нимъ дѣла и могу устроить такъ, что вы его увидите, если вы желаете.

— Великолѣпно! — вскричалъ Лентъ.

— А Бартоломей Уольмсей изъ Денкергальфа васъ не интересуесть, сэръ? — спросилъ Роджеръ.

— Напротивъ, очень интересуесть. Его-то именно я особенно хочу видѣть.

— Въ такомъ случаѣ будьте вполне спокойны.

— Мнѣ бы не хотѣлось терять времени, — сказалъ Лентъ. — Мы отправимся на развѣдки завтра же.

— Съ кого мы начнемъ?

— Съ лорда Молинэ.

— Ну, намъ не придется ходить далеко, чтобы видѣть этого лорда, — замѣтилъ мнимый Питеръ.

— Какъ такъ?

— Да онъ будетъ здѣсь, вотъ въ этой самой комнатѣ, — отвѣчалъ Роджеръ.

— Вы увѣрены въ томъ, что говорите? — недовѣрчиво спросилъ Лентъ.

— вполне увѣренъ. Я получилъ секретное извѣщеніе, что завтра въ этомъ домѣ готовится съѣздъ якобитовъ. Несомнѣнно, всѣ лица, которыхъ вы желаете видѣть, будутъ на немъ.

— Эхъ, дай-то Богъ! — воскликнулъ Лентъ. — Это меня избавило бы отъ напрасной траты времени и денегъ. Но почему же вы не сказали этого сразу, глупый вы малый? Впрочемъ, не бойтесь: я не нарушу своего договора съ вами, и вы получите свои двѣ гинеи въ день.

— Повидимому, съѣздъ не будетъ отложенъ, — сказалъ Роджеръ. — Это мы узнаемъ окончательно завтра утромъ и сообразно съ этимъ и будемъ дѣйствовать.

Тутъ въ залу вошло нѣсколько новыхъ посѣтителей. Роджеръ всталъ и, пожелавъ Ленту спокойной ночи, вышелъ изъ гостиницы. Подумавъ немного, онъ направился къ церкви Коллегіатовъ, какъ назывался въ тѣ времена городской соборъ.

Здѣсь на церковномъ дворѣ его поджидалъ его братъ Вильямъ, который сообщилъ ему, что онъ посвятилъ уже въ заговоръ всѣхъ заинтересованныхъ лицъ и что заговорщики обѣщали завтра съѣхаться въ Манчестеръ и дѣйствовать такъ, какъ онъ ихъ научилъ. Эта новость обрадовала Роджера, и онъ сталъ надѣяться, что его затѣя увѣнчается полнымъ успѣхомъ.

Условившись съ братомъ, онъ вернулся въ гостиницу и, плотно позавтракавъ на другой день съ Лентомъ, объявилъ, что предполагавшійся съѣздъ якобитовъ состоится непременно.

Пока они сидѣли и разговаривали другъ съ другомъ, въ гостиницу вошелъ мужчина среднихъ лѣтъ, въ красивомъ дорожномъ костюмѣ, въ высокихъ сапогахъ и треугольной, съ загнутыми краями шляпѣ, вышитой серебромъ.

— Это одинъ изъ нихъ? — тихо спросилъ Лентъ, пораженный его красивой наружностью.

— Это Бартоломей Уольмслей изъ Денкергальфа, — отвѣчалъ Роджеръ.

— Именно такимъ я и представлялъ его себѣ, — замѣтилъ предатель.

На самомъ же дѣлѣ то былъ лордъ Молинэ.

Чтобы окончательно сбить Лента съ толку, мнимый Питеръ при входѣ незнакомца поднялся и отвѣсилъ ему почтительный поклонъ.

— А я и не зналъ, что вы вернулись изъ Франціи, мистеръ Уольмслей, — прибавилъ онъ.

— Я вернулся въ Денкергальфъ ужъ болѣе недѣли тому назадъ, — отвѣчалъ тотъ.

— Это мы запомнимъ, — сказалъ Лентъ. — А это кто такой? — спросилъ онъ, увидя еще одного якобита.

— Лордъ Молинэ.

— Ну, его милость не отличается внушительной наружностью и смахиваетъ на обыкновеннаго горожанина, — замѣтилъ Лентъ.

Онъ продолжалъ еще всматриваться въ мнимаго лорда Молинэ, когда появился третій якобитъ, высокій, красивый мужчина въ богатомъ костюмѣ.

— Я, кажется, догадываюсь, кто это, — замѣтилъ Лентъ.

— Кто же это, по вашему мнѣнію?

— Сэръ Вильямъ Джерардъ.

— Вѣрно, — сказалъ Роджеръ, едва удерживаясь отъ смѣха.

То былъ сэръ Роуландъ Станлей.

— А вотъ этотъ, несомнѣнно, сэръ Роуландъ Станлей, — продолжалъ Лентъ, подмигивая на вновь прибывшаго посѣтителя.

— Вѣрно. Вы очень быстро соображаете, сэръ. Только не спутайте лицъ.

— Я никогда не забываю лицо, которое однажды видѣлъ, — отвѣчалъ Лентъ. — Это кто такое?

— Первый — сэръ Томасъ Клифтонъ, а тотъ, который идетъ за нимъ — мистеръ Вильямъ Дикконсонъ.

— Этотъ Клифтонъ удивительно похожъ на васъ, Питеръ, — замѣтилъ Лентъ. — Можно подумать, что это вашъ братъ.

— Это мнѣ очень пріятно слышать, сэръ, — громко сказалъ мнимый Питеръ. — Вотъ идутъ еще двое, — продолжалъ онъ. — Тотъ, ко-

торый постарше, Филиппъ Лангтонъ. Помоложе — Блонделль изъ Кросби.

— Мнѣ всегда казалось почему-то, что Блонделль—молодой человекъ,—замѣтилъ шпионъ.—Ему, повидимому, не больше лѣтъ тридцати. Это я отмѣчу въ своей книжкѣ.

Мало-по-малу всѣ нужныя Ленту лица собрались. Усѣвшись посрединѣ комнаты, они сдѣлали видъ, что о чемъ-то совѣщаются. Лентъ чувствовалъ, что вотъ-вотъ его выпшвырнуть отсюда вонъ и, желая предупредить такой случай, готовился уже исчезнуть изъ залы, какъ вдругъ дверь широко отворилась и хозяинъ ввелъ новаго незнакомца—сильнаго мужчину въ малиновомъ камзолѣ, расшитомъ золотомъ, котораго онъ называлъ мистеромъ Траффордъ.

Якобиты заволновались при его появленіи.

— Извините меня, господа, что я помѣшалъ вамъ,—сказалъ Траффордъ, снимая шляпу.—Я узналъ, что вы здѣсь и пріѣхалъ пригласить васъ къ себѣ въ Траффордъ, гдѣ я радъ буду васъ видѣть.

— Что жъ, господа, ѣдемъ,—сказалъ тотъ, котораго Питеръ выдалъ за лорда Молинэ.—Намъ здѣсь больше дѣлать нечего.

— Конечно,—раздалось нѣсколько голосовъ.

— Въ такомъ случаѣ прошу васъ слѣдовать за мною,—сказалъ Траффордъ.

И якобиты разомъ вышли изъ комнаты, оставивъ Лента въ полномъ недоумѣніи.

— Что это значить?—спросилъ онъ Роджера.

— Не могу понять самъ,—отвѣчалъ тотъ.—Очевидно, собраніе состоится у Траффорда въ болѣе интимной обстановкѣ. Счастье, что они прежде всего заглянули сюда.

— Траффордъ—якобистъ и папистъ, но онъ не замѣшанъ въ заговоръ. Иначе мы могли бы ихъ всѣхъ арестовать у него.

— Не совѣтую вамъ этого дѣлать. Если вы появитесь въ домѣ Траффорда, то едва ли выйдете оттуда.

Между тѣмъ якобиты вышли на дворъ и, велѣвъ ожидавшимъ ихъ слугамъ подавать лошадей, подъ предводительствомъ лорда Молинэ, двинулись по направленію къ Экклесу. Добравшись до этой деревеньки, славившейся въ тѣ времена своими пирогами, они сдѣлали остановку.

— Я думаю, господа, что мы славно одурачили этого негодяя!—воскликнулъ лордъ.

— Повидимому, намъ это удастся,—отвѣчалъ за всѣхъ Траффордъ.

Помѣстье Траффорда, куда направлялась кавалькада, лежало среди прекраснаго дубоваго лѣса, омываемаго рѣкою Ирвелль. Домъ былъ построенъ изъ чернаго и краснаго лѣса, какъ въ тѣ времена обыкновенно дѣлалось въ Ланкаширѣ. Многіе изъ этихъ до-

мовъ вполнѣдствіи были скрыты и уступили мѣсто новѣйшимъ зданіямъ,—такая участь постигла между прочимъ и домъ Траффордъ,—съ которыми же было уже связано столько историческихъ воспоминаній.

Траффорды—одинъ изъ древнѣйшихъ римско-католическихъ родовъ въ Ланкаширѣ—жили здѣсь еще до появленія Вильгельма-Завоевателя. Въ тѣ времена, къ которымъ относится нашъ разсказъ, всѣ представители этого рода крѣпко держали сторону короля Іакова и пламенно желали вернуть ему престолъ. Но, отличаясь спокойнымъ темпераментомъ, они не принимали участія ни въ какихъ заговорахъ и уклонялись отъ всякихъ порученій сверженнаго короля.

Однако Траффордъ нельзя было назвать равнодушнымъ къ дѣлу Іакова. Когда его друзья-якобиты обратились къ нему въ трудную минуту, онъ безъ колебаній далъ имъ пріютъ, навлекши такимъ образомъ на себя возможность судебнаго преслѣдованія. Прежде, чѣмъ явиться, какъ было условлено, въ гостиницу «Чернаго Быка» въ Манчестерѣ, всѣ участники этой мистификаціи собрались у Траффордъ, который не хотѣлъ уже отпустить своихъ гостей, когда тѣ сдѣлали свое дѣло, и настоятельно просилъ ихъ переночевать у него.

Мистеръ Траффордъ устроилъ для гостей отличный ужинъ. Настроеніе царило самое веселое, и гости, сидя еще за столомъ, чокались стаканами, какъ вдругъ вбѣжали дворецкій и нѣсколько чело-вѣкъ слугъ и съ испугомъ доложили хозяину, что прибылъ капитанъ Бриджъ съ голландскими драгунами и требуетъ, чтобы его немедленно впустили.

Капитана Бриджа и въ этой мѣстности знали такъ же хорошо, какъ и въ окрестностяхъ Престона и потому его появленіе привело въ ужасъ все населеніе Траффордъ.

Что было дѣлать? Слѣдуетъ ли сопротивляться? На этотъ вопросъ всѣ гости единогласно отвѣтили отрицательно.

Дверь отворилась, и капитанъ Бриджъ, ставъ у хозяйскаго конца стола такъ, чтобы ему видно было всѣхъ сидѣвшихъ, сказалъ:

— Если бы мнѣ не удалось застать васъ всѣхъ вмѣстѣ, господа, то я принужденъ былъ бы ѣхать къ каждому изъ васъ отдѣльно: мнѣ приказано васъ арестовать. Мистеръ Лентъ предупредилъ меня, что я застаю всѣхъ васъ у Траффордъ. Такъ оно и вышло. Можно, стало-быть, исполнить свою обязанность, не теряя много времени.

Раздались гнѣвные крики, и плохо пришлось бы Ленту, если бы онъ оказался тутъ.

— Итакъ, вы не отпускаете насъ домой!—вскричало нѣсколько голосовъ. — У насъ есть спѣшныя дѣла.

— Никакъ не могу позволить это,—отвѣчалъ Бриджъ.—Я обязанъ отправить васъ всѣхъ отсюда прямо въ Лондонъ. Шесть изъ

вась будутъ заключены въ Тоуэръ—лордъ Молинэ, сэръ Вильямъ Джерардъ, сэръ Роуландъ Станлей, сэръ Томасъ Клифтонъ, мистеръ Бартоломей Уольмсей и мистеръ Вильямъ Дикконсонъ. Остальные будутъ посажены въ Ньюгетскую тюрьму.

— Мнѣ очень грустно разставаться съ моими друзьями,—сказаль Траффордъ. — Не позволите ли вы имъ, — продолжалъ онъ, обращаясь къ капитану Бриджу, — по крайней мѣрѣ, остаться у меня до завтра.

— Съ удовольствіемъ бы исполнилъ ваше желаніе, мистеръ Траффордъ, — отвѣчалъ Бриджъ: — но я подвергаюсь слишкомъ большой отвѣтственности.

— Вы могли бы поставить такую стражу, что никому и въ голову не пришло бы бѣжать и вы были бы совершенно спокойны за вашихъ плѣнниковъ.

— Нѣтъ, я долженъ строго исполнять свой долгъ.

— Вы и исполните его, если отправитесь отсюда завтра утромъ; а тѣмъ временемъ отдохнуть хорошенько и ваши люди.

— Пожалуй, я согласенъ, — сказалъ Бриджъ: — если только завтра утромъ всѣ арестованные будутъ доставлены мнѣ здоровы и невредимы.

— Нѣтъ, за это я поручиться не могу, — возразилъ Траффордъ. — Я могу дать вашимъ людямъ ужинъ, а затѣмъ пусть они сами стерегутъ арестованныхъ, какъ будто бы дѣло происходило въ гостиницѣ.

— Что жъ, это справедливо, — въ раздумѣ сказалъ Бриджъ.

— Въ такомъ случаѣ, будьте здѣсь, какъ дома.

Капитанъ Бриджъ, видимо, обнаруживалъ гораздо больше желанія остаться здѣсь, чѣмъ пускаться ночью въ далекій путь, сулившій усталость и невзгоды.

Не дожидаясь дальнѣйшихъ приглашеній, онъ сѣлъ за столъ между Уольмсеемъ и Дикконсономъ. Оба они относились къ нему самымъ внимательнымъ образомъ и то и дѣло подливали ему вина.

Узнавъ, что отрядъ остается здѣсь на ночь, голландскіе драгуны направились въ помѣщеніе для прислуги и здѣсь получили обильный ужинъ.

Распорядившись, чтобы люди были готовы къ выступленію рано утромъ, капитанъ Бриджъ бросился на кушетку и заснулъ, какъ убитый. Когда онъ проснулся, солнце уже давно стояло на небѣ.

Онъ еще протиралъ себѣ глаза, когда явился съ встревоженнымъ видомъ лейтенантъ Клеймонъ и спросилъ:

— Что намъ теперь дѣлать, капитанъ? Вѣдь всѣ арестованные бѣжали.

— Какъ бѣжали?—съ удивленіемъ воскликнулъ Бриджъ.

— Бѣжали всѣ. Ни одного не осталось.

— Они только задали мнѣ лишнюю работу. Все равно черезъ недѣлю ихъ всѣхъ доставлю въ Тоуэръ и Ньюгетъ.

Способствовавшій бѣгству друзей мистеръ Траффордъ ждалъ, что капитанъ Бриджъ немедленно арестуетъ его, какъ соучастника въ государственномъ преступленіи, но у того не оказалось необходимаго для этого приказа. Бриджъ хотѣлъ выждать до завтрашняго дня. Осторожность такого шага не замедлила оправдаться.

Рѣшивъ, наконецъ, дѣйствовать, Бриджъ горячо взялся за дѣло. На другой день почти всѣ бѣглецы были словлены и отправлены въ Лондонъ.

Прежде, чѣмъ тронуться изъ Лондона въ обратный путь, капитанъ зашелъ въ канцелярію главнаго прокурора. Тамъ ему, между прочимъ, сообщили, что въ Манчестеръ выѣзжаетъ особая комиссія, которая будетъ судить арестованныхъ.

— Но прежде, чѣмъ начнется судъ, — сказалъ Ааронъ Смитъ: — я хотѣлъ бы заручиться еще однимъ свидѣтелемъ. Боюсь, что показаній Лента будетъ недостаточно и они не произведутъ надлежащаго дѣйствія. Есть одинъ свидѣтель, который вполне отвѣчаетъ моимъ планамъ. Ахъ, если бы мнѣ заручиться его содѣйствіемъ.

— Кто же это? — спросилъ Бриджъ.

— Капитанъ Вальтеръ Кросби. Не знаете ли вы, гдѣ онъ теперь.

— Постараюсь разыскать, — съ поклономъ отвѣчалъ Бриджъ.

— А я ужъ васъ за это поблагодарю, — продолжалъ прокуроръ.

— Отлично. Дайте мнѣ приказъ объ его арестѣ, и я вамъ доставлю его черезъ недѣлю.

— Получите, — произнесъ Смитъ, заполняя бланкъ и вручая его капитану. — Исполненіе этого приказа дастъ вамъ сотни двѣ фунтовъ.

— Дѣло сдѣлано, — воскликнулъ капитанъ Бриджъ. — Мнѣ извѣстно, что лицо, которое вамъ нужно, находится сейчасъ въ Майерскофѣ.

— У полковника Тильдеслея?

— Да. Но арестовать его тамъ очень трудно, такъ какъ домъ хорошо охраняется.

— Это ужъ я предоставляю вамъ. Онъ, впрочемъ, нуженъ мнѣ только какъ свидѣтель, и я вовсе не хочу, чтобы онъ оказался подъ судомъ. Захватите его поскорѣе. Съ судомъ медлить нечего.

— Судъ будетъ въ Манчестерѣ?

— Да.

— Хорошо ли вы обдумали этотъ шагъ? Вѣдь въ этомъ городѣ масса якобитовъ и папистовъ.

— Я знаю это, но есть особыя причины, которыя заставляютъ судить арестованныхъ именно въ этомъ городѣ.

— Иначе, конечно, вы предпочли бы Престонъ или Ланкастеръ.

— Подсудимые, несомнѣнно, будутъ признаны виновными. Ихъ ждетъ смертная казнь. Имущество ихъ будетъ конфисковано, и мы получимъ хорошую долю.

— Да, эти якобиты даютъ намъ, хорошій доходъ, — сказалъ со смѣхомъ Бриджъ.

— Слѣдуетъ отдать имъ справедливость,—разсмѣялся и Ааронъ Смитъ:—все это народъ богатый. Не буду васъ больше задерживать, капитанъ Бриджъ. Мѣсяца не пройдетъ, какъ мы съ вами увидимся въ Манчестерѣ. А тѣмъ временемъ вы заручитесь Вальтеромъ Кросби.

— Обдѣлаю это дѣло безотлагательно,—отвѣчалъ капитанъ, прощаясь.

Прогостивъ въ Майерскофѣ около недѣли, полковникъ Паркеръ и докторъ Бромфильдъ двинулись въ Сентъ-Жерменъ. Хотѣлось имъ взять съ собою и Вальтера, но тотъ не рѣшился оставить Беатрису безъ всякой защиты.

Никто, кромѣ самыхъ близкихъ лицъ, не зналъ, что полковникъ Тильдеслей покинулъ свой домъ и живетъ у сэра Фенвика.

Не будь сознанія опасности, которая ежеминутно грозила и ему, и его друзьямъ, Вальтеръ чувствовалъ бы себя превосходно. Каждый день онъ нѣсколько часовъ наслаждался обществомъ Беатрисы, все болѣе и болѣе убѣждаясь, что она питаетъ къ нему горячую привязанность. Со времени смерти ея отца въ ней произошла большая перемѣна. Она уже не смѣялась больше, стала очень сдержанной и большую часть времени проводила за чтеніемъ книгъ религіознаго содержанія. Даже отецъ Джонсонъ удивлялся ея ревности и совѣтовалъ ей быть снисходительнѣе къ себѣ, но она не слушала его совѣтовъ.

— Мои дни, — говорила она, — кончатся, по всей вѣроятности, въ монастырѣ. Тамъ я буду счастливѣе, чѣмъ въ міру. Блестящія видѣнія, которыя когда-то меня ослѣпляли, теперь исчезли и, очевидно, не вернуться болѣе. У меня нѣтъ больше влеченія къ свѣтскимъ удовольствіямъ, къ которымъ меня прежде такъ тянуло. Я съ ужасомъ думаю теперь о томъ, что мнѣ придется опять окутаться въ шумный свѣтъ.

Священникъ поглядѣлъ на нее съ состраданіемъ.

— Я радъ, что вы хотите вести благочестивый образъ жизни, дочь моя, — сказалъ онъ. — Но вы не должны отказываться отъ исполненія свѣтскихъ обязанностей, лежащихъ на васъ. Мнѣ было бы прискорбно, если бъ вы удалились въ монастырь. Вы еще такъ молоды и впереди васъ ждетъ столько удовольствій!

— Когда-то мнѣ самой такъ казалось, — перебила его Беатриса: — но теперь все это измѣнилось.

— Это не долго будетъ продолжаться, и прежнія чувства возьмутъ верхъ.

— Не думаю, отецъ мой. Мое отвращеніе къ міру все увеличивается.

— Какое несчастье будетъ для Вальтера Кросби, если вы уйдете въ монастырь!

— Но при теперешнемъ моемъ настроеніи я не думаю о бракѣ съ нимъ.

— Не слѣдуетъ принимать быстрыхъ рѣшеній и дѣлать несчастнымъ того, кто васъ любитъ такъ преданно.

— Нѣтъ, моимъ женихомъ будетъ Тотъ, передъ Которымъ все земное—прахъ. Вотъ вамъ мое рѣшеніе.

Беатриса произнесла эти слова какъ-то особенно твердо и торжественно, и священникъ понялъ, что она дѣйствительно готова выполнить свое намѣреніе.

— Въ такомъ случаѣ,—произнесъ онъ,—мнѣ нужно будетъ поговорить съ Вальтеромъ.

— Прошу васъ объ этомъ. Передайте ему все, что я вамъ сказала. Тогда онъ будетъ смотрѣть на меня, какъ на сестру. Или лучше, пошлите его въ церковь: я буду его тамъ ждать.

Отецъ Джонсонъ отправился за Вальтеромъ, а Беатриса пошла въ церковь и стала горячо молиться передъ изображеніемъ св. Дѣвы. Скоро послышались торопливые шаги Вальтера. Она поднялась. Выраженіе ея лица было печально, но твердо.

— Беатриса! Беатриса! Неужели то, что я сейчасъ слышалъ,— правда?—воскликнулъ Вальтеръ въ отчаяніи.

— Правда, Вальтеръ,—отвѣчала она тихо.—Я не могу быть вашей женой. Я рѣшилась посвятить себя Богу и хочу порвать всѣ свои связи съ землею.

— Но какъ же королева Марія Моденская, которую вы такъ любите?

— Я увѣрена, что она одобритъ мое рѣшеніе.

— Можетъ быть, вы отложите исполненіе вашего желанія до тѣхъ поръ, пока не повидаетесь съ ней?—спросилъ Вальтеръ, хватаясь за послѣднюю надежду.

— Позвольте и мнѣ присоединиться къ этому,—сказалъ незамѣтно вошедшій священникъ.—Позвольте мнѣ какъ можно скорѣе отвезти васъ въ Сенъ-Жерменъ.

— Я согласна,—отвѣчала Беатриса:—но съ тѣмъ условіемъ, чтобы объ этомъ не говорить до того момента, когда мы будемъ у королевы.

— Хорошо,—согласился Вальтеръ.—А теперь постараемся собраться въ дорогу поскорѣе.

Приготовленія не потребовали много времени: они должны были ѣхать верхомъ и потому могли взять съ собою лишь самое необходимое.

Отправляясь къ Фенвику, полковникъ Тильдеслей оставилъ Беатрисѣ значительную сумму, которая теперь перешла въ распоряженіе отца Джонсона, завѣдывавшаго путевыми расходами.

Беатриса написала полковнику длинное письмо, въ которомъ сообщала, что она ѣдетъ въ Сенъ-Жерменъ, и совѣтовала ему безотлагательно отправляться туда же. Письмо это Горнби вызвался немедленно доставить по назначенію.

На другой день изъ воротъ майерскофскаго парка выѣхала маленькая кавалькада, и домъ, оставленный на попеченіе Горнби, опустѣлъ.

Вечеромъ Беатриса и ея спутники были уже въ Горрингтонѣ и, переночевавъ здѣсь, рано утромъ двинулись дальше, стараясь по возможности не утомляться.

Такъ ѣхали путники почти недѣлю безъ всякихъ приключеній. На седьмой день они сѣли на небольшой корабль, который перевезъ ихъ изъ Ньюгавена въ Діепшъ, откуда можно было уже съ полной безопасностью добраться до Сентъ-Жермена.

Но вернемся къ Майерскофу.

Принявъ на свое попеченіе цѣлый домъ, Горнби чувствовалъ, что онъ взялъ на себя огромную отвѣтственность. Но онъ зналъ, какъ нужно дѣйствовать. Нанявъ нѣсколько шпионовъ, онъ разослалъ ихъ въ разные концы и щедро платилъ за всякое сообщеніе, которое оказывалось ему полезнымъ. Черезъ нихъ онъ узналъ, что капитанъ Бриджъ, доставивъ арестованныхъ якобитовъ въ ньюгетскую тюрьму, возвратился обратно и находится теперь въ Ланкастерѣ. Было очень вѣроятно, что этотъ энергичный офицеръ залянетъ и въ Майерскофъ, и Горнби приготовлялся встрѣтить его, какъ слѣдуетъ. Всѣ его люди были вооружены и приготовились отразить нападенія.

Опасенія Горнби не замедлили оправдаться, и дня черезъ два послѣ своего прибытія въ Ланкаширъ капитанъ Бриджъ съ своими голландскими драгунами уже стоялъ передъ воротами майерскофскаго парка.

Мостъ, ведущій къ дому, былъ поднятъ, и все указывало на то, что обитатели Майерскофа намѣрены защищаться.

Увидавъ Горнби на другой сторонѣ рва, капитанъ закричалъ:

— Спустите немедленно мостъ. Я имѣю приказъ арестовать Вальтера Кросби.

— Капитана Кросби нѣтъ въ Англіи, — отвѣчала дворецкій. — Уже болѣе недѣли, какъ онъ уѣхалъ во Францію.

— Я имѣю основанія думать, что онъ здѣсь, и намѣренъ обыскать домъ.

— Въ такомъ случаѣ подѣзжайте сюда, какъ знаете, — возразилъ Горнби. — Вы ужъ меня знаете и потому можете быть увѣрены, что я задамъ вамъ жаркую встрѣчу.

— Вы не осмѣлитесь противодѣйствовать этому приказу! — вскричалъ Бриджъ, предъявляя бумагу.

— А вотъ увидимъ! Эй, вы, — закричалъ Горнби своимъ людямъ. — Стрѣляйте въ перваго, кто вздумаетъ сюда пробраться.

— Вы не смѣете такъ поступать со мною! — въ гнѣвъ вскричалъ капитанъ. Въ послѣдній разъ говорю вамъ: опустите мостъ!

— Попробуйте сами! — отвѣчалъ Горнби.

Осмотрѣвшись кругомъ, капитанъ Бриджъ замѣтилъ вдали отрядъ, почти вдвое превышавшій его силы и мчавшійся на рысяхъ къ Майерскофу. Онъ еще не успѣлъ разобрать, были ли то враги, или подкрѣпленіе, какъ Горнби и его люди подняли громкій крикъ. Бриджъ немедленно повернулъ назадъ и сталъ отступать, не задерживаемый прибывшимъ отрядомъ. Отрядъ этотъ, подоспѣвшій какъ разъ во время, былъ посланъ, какъ оказалось впослѣдствіи, сэромъ Фенвикомъ. Разумѣется, подъемный мостъ былъ сейчасъ же спущенъ, и спасители были встрѣчены съ восторгомъ и криками радости.

ХІІІ.

Судъ надъ якобитами.

Въ первыхъ числахъ октября въ Манчестеръ прибыла правительственная коммиссія, которая должна была судить восемь якобитовъ, обвиняемыхъ въ государственной измѣнѣ. Засѣданія ея должны были открыться 20 числа.

Прежде, чѣмъ описывать этотъ замѣчательный процессъ, который въ свое время надѣлалъ большого шума и сильно повредилъ министерству, необходимо познакомить читателя съ господствовавшимъ въ городѣ настроеніемъ умовъ.

Манчестерцы смотрѣли на это дѣло, какъ на кровавый походъ, задуманный правительствомъ при помощи судей, чтобы погубить несчастныхъ якобитовъ и конфисковать ихъ имущество. Поэтому общія симпатіи были на сторонѣ обвиняемыхъ.

Несмотря на то, что якобитовъ заточили въ тюрьму и такимъ образомъ лишили ихъ возможности дѣйствовать, тѣмъ не менѣе въ Манчестерѣ у нихъ осталось немало друзей, которые напрягали всѣ усилія, чтобы представить это дѣло публикѣ въ надлежащемъ свѣтѣ. Для этого они заручились искуснымъ перомъ Роберта Фергюсона, смѣлаго публициста, который напечаталъ открытое письмо къ сэру Джону Тренчарду о злоупотребленіяхъ властью, которыя позволяютъ себѣ министры. Онъ доказывалъ, что судъ составленъ искусственно, путемъ давленія и подкупа, жестоко нападалъ на главнаго прокурора и выводилъ на свѣтъ Божій гнусную личность Лента и другихъ свидѣтелей обвиненія.

Широко распространяемые и всюду читаемые, памфлеты Фергюсона производили огромное впечатлѣніе по всей странѣ и привлекли къ обвиняемымъ симпатіи и виговъ и торіевъ, которые чувствовали, что совершается большая несправедливость, и надѣялись, что правительству не удастся ее осуществить. Разоблаченія Фергюсона вызвали такую бурю негодованія, что манчестерцы грозили побить камнями Аарона Смита и его вѣроломнаго свидѣтеля, если они вздумаютъ явиться къ нимъ въ городъ. Они, несо-

миѣнно, привели бы свою угрозу въ исполненіе, но главный прокуроръ былъ слишкомъ остороженъ и не такъ-то легко было захватить его.

Онъ пріѣхалъ въ городъ глубокой ночью, заранѣе увѣдомивъ о своемъ пріѣздѣ, и вмѣстѣ съ своимъ свидѣтелемъ поселился въ гостиницѣ «Чернаго Быка», гдѣ для нихъ были уже приготовлены комнаты.

На другой день къ дверямъ гостиницы былъ приставленъ часовой, другой стоялъ во дворѣ. По этому пововеденію всѣ узнали, что Смитъ и его свидѣтель пріѣхали. Возлѣ гостиницы стала собираться возбужденная толпа, слышались крики и ругательства по адресу пріѣзжихъ. Хозяинъ гостиницы, Джо Типпингъ, не зналъ, какъ отъ нихъ и отдѣлаться. Лентъ цѣлый день сидѣлъ дома и выходилъ на прогулку, когда становилось совсѣмъ темно, направляясь обыкновенно къ мосту черезъ рѣку Ирвелль.

Во время одной изъ такихъ прогулокъ онъ и не замѣтилъ, что какіе-то люди шли за нимъ слѣдомъ отъ самой гостиницы, пока одинъ изъ незнакомцевъ не окликнулъ его. Не успѣлъ онъ оглянуться, какъ преслѣдователи окружили его со всѣхъ сторонъ. Бѣжать было невозможно.

— А, негодяй!—вскричалъ одинъ изъ незнакомцевъ, хватая его.—Мы слѣдили за тобою съ того самаго момента, какъ ты пріѣхалъ въ Манчестеръ. Наконецъ-то ты въ нашихъ рукахъ!

— За кого вы меня принимаете, джентльмены?—храбро спросилъ Лентъ.

— Мы знаемъ, что ты не кто иной, какъ Лентъ, вѣроломный свидѣтель, купленный правительствомъ. Мы не дадимъ тебѣ выступить съ твоими лживыми показаніями противъ честныхъ людей, которыхъ собираются засудить на смерть.

— Я покажу только правду,—увѣрялъ Лентъ.—Какимъ же образомъ вы можете не дать мнѣ выступить свидѣтелемъ?

— Повѣсимъ тебя вотъ на томъ фонарѣ,—сказалъ державшій его незнакомецъ, указывая на фонарь, стоявшій посрединѣ моста.

— Неужели вы будете участвовать въ этомъ убійствѣ?—жалобно спросилъ Лентъ остальныхъ.

— Да, да, повѣсите его, негодяя!—раздалось нѣсколько голосовъ.

Лентъ закричалъ, но ему моментально заткнули ротъ, накинули на шею петлю и потащили къ фонарному столбу. На его счастье, къ его преслѣдователямъ присоединился какой-то молодой офицеръ.

— Что вы хотите сдѣлать съ этимъ человѣкомъ?—вскричалъ онъ.

— Повѣсите его, негодяя,—былъ отвѣтъ.

— Его, дѣйствительно, стоитъ повѣсить,—произнесъ офицеръ.— Однако не совѣтую вамъ дѣлать этого; не навлекайте на себя кару закона, иначе вы только повредите своему дѣлу. Отпустите его!

— Отпустить его?—закричали всѣ съ изумленіемъ.—Мы охотились за нимъ цѣлый день, а теперь отпустить его?

— Да, отпустить,—стоялъ на своемъ офицеръ.—Онъ не можетъ повредить на судѣ нашимъ друзьямъ. А если вы его повѣсите, это, несомнѣнно, послужитъ имъ во вредъ. Вотъ почему я и говорю вамъ опять: отпустите его.

— Приходится повиноваться вамъ, капитанъ,—заговорили кругомъ:—хотя намъ не очень это пріятно. Смотрите, какъ бы вамъ не пришлось раскаяться въ вашемъ милосердіи.

Съ этими словами они сняли съ Лента веревку и выпустили. Чтобы подбодрить его и придать ему живости, ему дали два-три хорошихъ пинка, но Лентъ и безъ того пустился со всѣхъ ногъ по направленію къ гостиницѣ «Чернаго Быка», давая себѣ клятву не выходить изъ-подъ ея кровли все время, пока ему придется жить въ Манчестерѣ.

На другой день, поздно вечеромъ, привезли въ Манчестеръ обвиняемыхъ. Ихъ сопровождалъ капитанъ Бриджъ съ своими драгунами, такъ какъ было опасеніе, что по дорогѣ друзья арестованныхъ сдѣлаютъ попытку отбить ихъ. Но тѣ, чувствуя, что приговоръ суда будетъ въ ихъ пользу, предупредили всѣхъ, что необходимо сохранять полное спокойствіе.

Несмотря на поздній часъ, на улицахъ были толпы народа, которыя привѣтствовали подсудимыхъ криками, когда тѣ медленно и съ трудомъ ѣхали къ мѣсту суда. Толпа не ограничивалась лишь проявленіемъ своего сочувствія: слышались и негодующіе возгласы по адресу правительства. Голландскихъ драгунъ встрѣтили гиканьемъ, такъ что капитанъ Бриджъ, выведенный изъ себя сыпавшимися на него и на его солдатъ оскорбленіями, пригрозилъ разогнать толпу силою, если она не прекратитъ своихъ оскорбительныхъ выкриковъ. Послѣ этого народъ сталъ держать себя спокойнѣе, и подсудимые двигались уже безпрепятственно. Помѣстили ихъ въ обширномъ домѣ, прилежавшемъ къ зданію суда и нанятомъ нарочно для этого дѣла.

Судъ, въ которомъ долженъ былъ слушаться этотъ громкій процессъ, занималъ обширное зданіе безъ всякихъ скульптурныхъ украшеній, очень подходящее для этой цѣли. По другую сторону зданія суда былъ нанятъ еще одинъ домъ—для судей и судебныхъ чиновниковъ, которые еще не пріѣзжали.

Въ сосѣднихъ улицахъ было снято еще нѣсколько домовъ для членовъ совѣта его величества.

Въ ночь, когда прибыли подсудимые, большая толпа народа собралась на площади передъ занятымъ ими домомъ и стояла здѣсь нѣсколько часовъ. Эти демонстраціи помѣшали якобитамъ видѣться съ ихъ друзьями. Имъ сказали, что если ночь пройдетъ спокойно и не произойдетъ никакихъ столкновеній, ихъ друзья получатъ разрѣшеніе навѣстить ихъ завтра утромъ.

На другой день прибыли четыре члена суда, назначенные правительствомъ для разбирательства этого дѣла, и пять членовъ королевскаго совѣта. Ихъ прибытіе дало новый толчокъ возбужденію, которое все сильнѣе и сильнѣе распространялось въ городѣ.

Черезъ друзей подсудимыхъ публика была хорошо освѣдомлена о политическихъ взглядахъ судей и отлично понимала, что они являются простыми орудіями въ рукахъ правительства.

Предсѣдатель этого совѣта Вильямъ Вильямсъ былъ очень способный, но безпринципный человѣкъ, вертѣвшійся, какъ флюгеръ по вѣтру. Въ царствованіе Карла II онъ былъ въ оппозиціи двору. Ставъ баронетомъ при Іаковѣ II, онъ теперь преслѣдовалъ приверженцевъ этого короля и преслѣдовалъ съ поразительнымъ усердіемъ. Онъ не дожидаясь удобнаго случая напасть на сверженнаго короля и самъ перешелъ въ наступленіе.

Остальные члены, подобно своему предсѣдателю, были на всѣ руки, за исключеніемъ сына Вильямса, который пока не имѣлъ еще случая измѣнить своимъ убѣжденіямъ.

Не было еще ни одного процесса, въ которомъ публика относилась бы съ большимъ презрѣніемъ и къ судьямъ, и къ членамъ совѣта, и къ обвинителю, и къ свидѣтелямъ обвиненія. Больше всего доставалось правительству, но ему было рѣшительно все равно, что думаетъ публика о немъ самомъ и его агентахъ, для него важно было только одно—добиться осужденія якобитовъ.

Наконецъ съѣхались въ Манчестеръ всѣ лица, которыя должны были принять участіе въ этомъ процессѣ.

Хотя друзья и увѣряли обвиняемыхъ, что ихъ, несомнѣнно, оправдаютъ, однако они чувствовали себя очень неспокойно, зная, что правительство сдѣлало все возможное для ихъ осужденія.

Что касается судей и членовъ совѣта, то они чувствовали себя прекрасно и заказали себѣ въ гостиницѣ «Чернаго Быка» превосходный ужинъ, на который былъ приглашенъ и Ааронъ Смитъ. За обѣдомъ было выпито немало вина, причемъ прокуроръ не отставалъ отъ другихъ.

Но Лента на обѣдѣ не пригласили. Такое пренебреженіе смертельно обидѣло эту важную и мстительную персону.

На другой день открылся судъ.

Усѣвшись на своихъ мѣстахъ, судьи представляли внушительное зрѣлище. Рядомъ съ ними сидѣли еще четыре лица: шерифъ, Ааронъ Смитъ, мѣстный прокуроръ Белей, манчестерскій секретарь Винтеръ и, наконецъ, капитанъ Бриджъ.

Сзади нихъ толпилось множество второстепенныхъ чиновниковъ, за которыми прятались, по приказанію Смита, свидѣтели обвиненія Лентъ, Уомбалль и Вильсонъ.

Несмотря на обширные размѣры, залъ суда былъ переполненъ.

Послѣ мелкихъ предварительныхъ формальностей вошли присяжные, которыхъ тутъ же привели къ присягѣ. Всѣ смотрѣли на

нихъ съ любопытствомъ. Все это были члены лучшихъ ланкаширскихъ семействъ, которые на этотъ разъ охотно отказались бы отъ исполненія своей тяжелой обязанности, если бъ только это было можно.

Приведя присяжныхъ къ присягѣ, предсѣдатель суда придалъ своему лицу строгое выраженіе и произнесъ рѣчь, въ которой объяснилъ сущность предстоящаго процесса. Присяжные, выслушавъ рѣчь, поклонились. Первымъ обвинялся сэръ Вильямъ Джерардъ.

— Введите подсудимаго сэра Вильяма Джерарда, — распорядился предсѣдатель.

Подсудимый предсталъ предъ судомъ. Винтеръ прочелъ обвинительный противъ него актъ на англійскомъ и латинскомъ языкѣ, но сэръ Джерардъ не призналъ себя виновнымъ.

Одинъ за другимъ были введены и остальные подсудимые, и ни одинъ изъ нихъ не призналъ себя виновнымъ.

Послѣ этой процедуры предсѣдатель заявилъ, что засѣданіе прерывается до утра слѣдующаго дня.

Къ концу перваго засѣданія безпокойство публики стало замѣтно усиливаться. Всѣ присутствовавшіе почувствовали, что дѣло принимаетъ весьма плохой оборотъ для подсудимыхъ. Впрочемъ, Ааронъ Смитъ, для котораго необходимо было добиться обвинительнаго вердикта, все еще сомнѣвался, удастся ли его игра.

Къ шести часамъ утра, когда должно было начаться засѣданіе суда, площадь была полна народомъ. Въ семь часовъ утра, когда судьи, члены совѣта и другіе чины заняли свои мѣста, въ залъ едва можно было пройти.

При появленіи подсудимыхъ въ публикѣ произошла сенсація. Всѣ они держались съ достоинствомъ и по внѣшнему ихъ виду нельзя было и предполагать, что здѣсь дѣло идетъ о ихъ жизни.

Когда присяжные засѣдатели заняли свои мѣста, мистеръ Вильямсъ, сынъ сэра Вильямса, какъ младшій членъ совѣта, первый произнесъ рѣчь, въ которой доказывалъ, что обвиняемые старались измѣннически свергнуть правительство, низложить короля и королеву и склоняли французскаго короля вторгнуться для этого въ предѣлы Англій. Съ этою же цѣлью они исполняли всякія порученія бывшаго короля Іакова.

Первымъ свидѣтелемъ со стороны обвиненія выступилъ Лентъ. Необыкновенной своею наглостью и развязностью, которую не могъ сдержатъ даже Ааронъ Смитъ, онъ произвелъ на публику самое отталкивающее впечатлѣніе. На немъ былъ костюмъ, обращавшій на себя общее вниманіе: малиновый вышитый камзолъ, парикъ съ длинными кудрями и гастукъ изъ фландрскихъ кружевъ. Велъ онъ себя въ высшей степени нагло, и общее желаніе было — вышвырнуть его вонъ изъ зала засѣданія.

Несмотря, однако, на его развязность, вопросъ, предложенный ему сэромъ Вильямсомъ; смутилъ его.

— Мистеръ Лентъ, знаете ли вы подсудимыхъ?

— Очень хорошо, г. председатель,—отвѣчалъ свидѣтель, выпрямляясь во весь свой ростъ.—Я всѣхъ ихъ знаю.

— Въ такомъ случаѣ, свидѣтель, потрудитесь указать, гдѣ тутъ сэръ Роулантъ Станлей?—спросилъ сэръ Роулантъ.

— Онъ сидитъ направо отъ васъ,—отвѣчалъ Лентъ безъ колебаній.

Въ залѣ раздалися смѣшки. Лентъ, видимо, сконфузился. Но председатель поспѣшилъ на помощь ему.

— Мистеръ Лентъ, возьмите булаву у пристава и дотроньтесь ею до головы сэра Роуланда.

Лентъ взялъ булаву и тронулъ сэра Томаса Клифтона.

Хихиканье превратилось въ громкій смѣхъ, который председателю съ трудомъ удалось прекратить.

Давая свое показаніе, Лентъ разсказалъ далѣе, какъ онъ ѣздилъ въ Майерскофъ, какъ онъ передалъ порученіе короля Іакова полковнику Тильдеслею и другимъ, какъ онъ познакомился съ подсудимыми, изъ которыхъ Роуланту Станлею передалъ приказъ сверженнаго короля о назначеніи его полковникомъ коннаго полка, а лорду Молине—приказъ быть губернаторомъ Ливерпуля.

— Скажите, пожалуйста, сэръ,—обратился къ нему председатель:—въ то время всѣ подсудимые были вмѣстѣ?

— Да, всѣ вмѣстѣ.

— Вы утверждаете, что были знакомы со мною раньше этого времени?—спросилъ сэръ Роулантъ Станлей.

— Нѣтъ, этого я не утверждаю,—отвѣчалъ Лентъ.

— Если я не ошибаюсь,—продолжалъ сэръ Роулантъ:—я получилъ приказъ отъ человѣка, чрезвычайно похожаго на васъ, тотъ самый приказъ, который и навлекъ на меня опасность лишиться жизни и имущества?

— Я передалъ вамъ только письмо доктора Бромфильда,—возразилъ тотъ.

— Вы получили отвѣтъ, сэръ Роулантъ,—сказалъ председатель суда.—Вы можете предлагать вопросы,—прибавилъ онъ, обращаясь къ остальнымъ подсудимымъ:—но теперь не время входить въ препирательства. Позвольте васъ спросить, свидѣтель; знали ли вы въ лицо подсудимыхъ Клифтона и Станлея прежде, чѣмъ передали имъ это порученіе?

— Нѣтъ, я никогда раньше ихъ не видалъ.

— Въ такомъ случаѣ,—продолжалъ председатель,—не слѣдуетъ придавать ошибкѣ, сдѣланной свидѣтелемъ Лентомъ, такого значенія, которое ей пытаются приписать подсудимые. Онъ только смѣшалъ имена двухъ подсудимыхъ, которыхъ онъ не зналъ хорошо въ лицо.

— Подсудимые, которымъ я передалъ приказъ, дали мнѣ каждый за это по пяти гиней,—заявилъ Лентъ.—Я могу передать нѣкоторыя подробности въ доказательство того, что я говорю правду. Сэръ Роуландъ далъ мнѣ двѣ гиней золотомъ, остальные серебромъ. Всѣ подсудимые, получивъ приказъ, цѣловали его и затѣмъ, ставъ на колѣни, пили за здоровье короля Иакова, королевы и принца Уэльскаго.

— Почему же вы, свидѣтель, не говорили объ этихъ фактахъ раньше?—спросилъ Дикконсонъ.

— Я бы и не заговорилъ о нихъ, если бы отъ меня не требовали того, чего я не могъ исполнить.

— Потрудитесь объяснить, что вы этимъ хотите сказать,—обратился къ Ленту предсѣдатель.

— Когда я былъ во Франціи, ваша милость, тамъ готовили убійство короля Вильгельма, и графъ Мельфордъ просилъ меня принять участіе въ этомъ покушеніи. Но по дорогѣ въ Англію я встрѣтилъ одного картезіанскаго монаха, который успѣлъ отклонить меня отъ этого намѣренія.

Послѣ Лента было допрошено еще нѣсколько свидѣтелей. Затѣмъ Дикконсонъ задалъ вопросъ: всѣ ли улики приведены противъ обвиняемыхъ?

— Я долженъ спросить объ этомъ у королевскаго совѣта,—отвѣчалъ предсѣдатель.

Всталъ сэръ Вильямсъ.

— Мы не имѣемъ надобности въ дальнѣйшихъ доказательствахъ преступленія,—сказалъ онъ.

Начались защитительныя рѣчи.

— Ваша милость,—началъ сэръ Роуландъ Станлей, обращаясь къ предсѣдателю суда.—Мы не будемъ обращать вниманіе суда и присяжныхъ на всѣ несообразности взведеннаго на насъ обвиненія. Мы увѣрены, что вы сами сдѣлаете это за насъ. Отъ насъ съ величайшей тщательностью скрываютъ подробности обвиненія, но мы надѣмся доказать и вамъ и присяжнымъ, что здѣсь дѣло идетъ о заговорѣ противъ нашей жизни, составленномъ жадными и нищими негодяями съ цѣлью овладѣть нашимъ имуществомъ.

— Милостивые государи,—началъ, въ свою очередь, Дикконсонъ.—Мы имѣемъ здѣсь дѣло съ гнусной интригой, похожей на ту, которою палаты общинъ опутали Фуллера. Но дѣло Фуллера не было такъ плохо, какъ наше. Вспомнимъ еще и дѣло Витнея, который, чтобы спасти свою жизнь, обвинилъ лордовъ Лигфильда и Сольсбери въ томъ, что они хотѣли убить короля. Но ложь Витнея раскрылась, и на слѣдующій день онъ былъ повѣшенъ. Надѣюсь, и намъ удастся доказать, что взведенное на насъ обвиненіе такого же сорта. Мы докажемъ это свидѣтельскими показаніями.

За рѣчами обвиняемыхъ начался допросъ свидѣтелей со стороны защиты. Послѣ ихъ показаній былъ составленъ письменный прото-

КНИЖНЫЯ НОВОСТИ

МАГАЗИНОВЪ

„НОВАГО ВРЕМЕНИ“

А. С. СУВОРИНА

(С.-Петербургъ, Москва, Харьковъ, Одесса, Саратовъ и Ростовъ н.-Д.)

«Книжныя Новости» магазиновъ «Новаго Времени» (ежемесячные списки вновь поступающихъ въ магазины «Новаго Времени» книгъ) выдаются въ магазинахъ и изъ шкафовъ А. С. Суворина на станціяхъ желѣзныхъ дорогъ бесплатно, пересылка въ теченіе года 25 коп. (можно марками).

Нижепоименованныя, а также и другія, находящіяся въ продажѣ русскія книги можно выписывать черезъ книжные шкафы А. С. Суворина на желѣзныхъ дорогахъ.

ВЪ МАРТѢ 1910 г. ПОСТУПИЛИ НОВЫЯ КНИГИ.

№ 3-й.

Богословіе.

Колпиновъ, Н. Апологетическое богословіе. Вып. 1-й. Кіевъ. 1910. Ц. 75 к.	станству. Образъ Христа древне-христіанской вѣры въ религиозно-историческомъ освѣщеніи. Спб. 1910. Ц. 70 к.
Моревъ, І. Въ защиту вѣры и особенно православнои. Противъ невѣрія и религиознаго заблужденія. Спб. 1910. Ц. 1 р.	Свѣтловъ, П. Христіанское втпроученіе въ апологетическомъ изложеніи. Т. I. Кіевъ. 1910. Ц. 3 р. 50 к.
Пфлейдереръ, О. Отъ іудейства къ хри-	

Философія, психологія, логика.

Бутру, Э. Наука и религія въ современной философіи. М. 1910. Ц. 2 р.	Оккультныя науки. Ридель, М. Личный магнетизмъ. — Линде-Северинъ. Гипнотизмъ, магнетизмъ и внушеніе. — Марръ, Э. Спиритизмъ. Спб. 1910. Ц. 1 р. 50 к.
Вейнингеръ, О. Полю и характеръ. М. 1910. Ц. 1 р. 50 к.	Петцольдъ, І. Проблема о мірѣ съ точки зрѣнія позитивизма. Спб. 1909. Ц. 80 к.
— То же. Спб. 1910. Ц. 2 р.	Франкъ, С. Философія и жизнь. Этюды наброски по философіи культуры. Спб. 1910. Ц. 2 р.
Воронцовъ, Н. Эфирныя волны и сознание. М. 1910. Ц. 50 к.	Штейнеръ, Р. <i>Эзотерика</i> . Введеніе въ сверхчувственное познание міра и назначеніе теловѣка. Спб. 1910. Ц. 1 р. 25 к.
Липпсъ, Т. Самосознание, ощущеніе и чувство. Спб. 1910. Ц. 40 к.	
Мюльфордъ, П. Вѣри сплы и способъ ихъ употребленія. Т. I. Спб. 1910. Ц. 60 к.	
Нинаноръ (Вровковичъ). О свободѣ воли съ христіанской точки зрѣнія. Спб. 1910. Ц. 35 к.	

«Истор. вѣстн.», апрѣль, 1910 г., т. сxx.

1/220

Словесность, исторія литературы, критика и библиографія.

- Абрамовичъ, Н. Кнуть Гамсунъ. Общій очеркъ о жизни и творчествѣ. М. 1910. Ц. 20 к.
- Фридрихъ Ницше. М. 1910. Ц. 20 к.
- Айхенвальдъ, Ю. Валерій Брюсовъ. Опытъ литературной характеристики. М. 1910. Ц. 20 к.
- Антошевскій, И. Библиографія оккультизма. Указатель сочиненій. Спб. 1910. Ц. 75 коп.
- Брандесъ, Г. Собраніе сочиненій. Т. 17-я. Литературныя характеристики. Спб. 1910. Ц. 75 к.
- Венгерова, Э. Анатолий Франсъ. М. 1910. Ц. 20 к.
- Моганъ, П. Очерки по исторіи западно-европейскихъ литературъ. Т. 3-я, 2-я. М. 1910. Ц. 1 р. 25 к.
- Козловскій, Л. Владиміръ Короленко. Опытъ литературной характеристики. М. 1910. Ц. 40 к.
- Колтоновская, Е. Новая жизнь. Критическія статья. Спб. 1910. Ц. 1 р.
- Минскій, Н. И. Толстой и реформація. II. Идеи «Соломен». М. 1910. Ц. 20 к.
- Осянино-Куликовскій, Д. Собраніе сочиненій. Томъ 3-й. Л. Н. Толстой. Спб. 1910. Ц. 1 р. 50 к.
- Пошана. Сборникъ Харьковскаго историко-филологическаго общества. Т. 18. Изданіе въ честь проф. Н. Ф. Сумцова. 1874 — 1909. Ц. 4 р.
- Рамеръ, С. Августъ Стриндбергъ. М. 1910. Ц. 30 к.
- Соловьевъ, Е. В. Г. Вѣднскій въ его письмахъ и сочиненіяхъ. Спб. 1910. Ц. 90 к.
- Чуриновъ, И. Трагедія мысли. По поводу «Анатэмы» Л. Андреева. Подольскъ. 1910. Ц. 15 к.
- Шайневичъ, М. Психопатологія и литература. Спб. 1910. Ц. 80 к.
- Ящуринскій, Х. Нравственно-общественныя идеалы Гоголя. Одесса. 1909. Ц. 20 к.

Беллетристика, поэзія и драматическія произведенія.

- Бальмонтъ, К. Морское свѣщеніе. Спб. 1910. Ц. 1 р. 25 к.
- Билибинъ, В. Сборникъ веселыхъ пьесъ. Т. 2-я. Спб. 1910. Ц. 1 р. 50 к.
- Братская жизнь. Сборникъ статей о возрожденіи русской жизни. Вып. 1-й. Призывъ. Спб. 1910. Ц. 25 к.
- Бялинъ, Х. Огненная хартия. Поэма. Спб. 1910. Ц. 50 к.
- Винторіенъ-де-Соссей. Страсть. Спб. 1910. Ц. 1 р. 25 к.
- Вилли. Игры принца. Спб. 1910. Ц. 1 р. 25 к.
- Гейерстамъ, Г. Власть женщины. Романъ. М. 1910. Ц. 1 р.
- Снѣжная зима. Разсказъ. Ц. 10 к.
- Петръ съ глазомъ. Разсказъ. Ц. 10 к.
- Сытъ тетушки Лены. Разсказъ. Ц. 10 к.
- Гольдбаевъ, Разсказы. Т. I. Спб. 1910. Ц. 1 р.
- Гринъ, А. Разсказы. Т. I. Спб. 1910. Ц. 1 р.
- Де-Фреттъ. Воспоминанія и анекдоты изъ жизни авіаторовъ. Спб. 1910. Ц. 80 к.
- «Иенщина». Литературно-художественный альманахъ. М. 1910. Ц. 1 р. 25 к.
- Кашменскій, Н. Чары земли. Стихотворенія. Спб. 1910. Ц. 75 к.
- Кистенеръ, А. Аэрополисъ. Фантастическій романъ. Спб. 1910. Ц. 1 р.
- Корфъ, И. Ренегатъ и др. разсказы. Одесса. 1910. Ц. 80 к.
- Красновъ, П. Сборникъ повѣстей и разсказовъ. Т. 2-я. Спб. 1910. Ц. 1 р.
- Крыжановская, В. (Рочестеръ). Маги. Романъ. Спб. 1910. Ц. 1 р. 60 к.
- Гаввъ Вожій. Оккультный романъ. Спб. 1910. Ц. 1 р. 70 к.
- Купчинскій, И. Театръ. Книга 4-я. Еданный изъ 150 милліоновъ. М. 1910. 1 р. 50 к.
- Ливень, М. Цезарь Борджія. Спб. 1910. Ц. 1 р.
- Лопе-де-Вега. Пастушка-Герцогиня. Комедія. Спб. 1909. Ц. 1 р.
- Лоти, П. Собраніе сочиненій. Т. 5. Ислаудскій рыбакъ. М. 1910. Ц. 1 р.
- Собраніе сочиненій. Томъ VI. Третья молодость г-жи Салвы. М. 1910. Ц. 1 р.
- Лыщинскій, Л. Въ этомъ ли счастье? Пьеса въ одномъ дѣйствіи съ балетомъ. Спб. 1910. Ц. 40 к.
- На плаху. Спб. 1910. Ц. 50 к.
- «Любовь». Альманахъ. А. Блокъ, В. Лазаревскій, С. Городецкій, П. Чулковъ, гр. А. Толстой, О. Дымовъ, Н. Архиповъ, В. Торманъ. Спб. 1910. Ц. 1 р. 25 к.
- Маниъ, Т. Флоренца. М. 1909. Ц. 1 р.
- Тристаъ. М. 1909. Ц. 1 р.
- Максимовъ, А. За свободнымъ трудомъ. Разсказы. Спб. 1910. Ц. 1 р. 25 к.
- Полю Симеонъ. Ц. 1 р. 25 к.
- Буранъ и др. разсказы. Ц. 1 р. 25 к.
- Перстъ Вожій. Ц. 1 р. 25 к.
- Китобон и др. разсказы. Ц. 1 р. 25 к.
- Корветъ «Аскольдъ» вокругъ свѣта. Ц. 2 р. 50 к.
- Безъ руля, компаса и вѣтриль. Ц. 1 р. 25 к.
- Два миссіонера и др. разсказы. Ц. 1 р. 25 к.
- Роковой поцѣлуй. Ц. 1 р. 25 к.
- Мильтонъ, Д. Потерянный и возвращенный рай. Перев. въ стихахъ кн. Е. Кудашевой. М. 1910. Ц. 2 р.
- Муйноль, В. Разсказы. Томъ 4-й. Спб. 1910. Ц. 1 р.
- Неклонъ, Б. Разсказы и стихотворенія. Могиель. 1910. Ц. 1 р.
- Немировичъ-Данченко, Вас. Бубны-ковыри. Романъ. М. 1910. Ц. 1 р.

- Никитинъ, С. Гимнъ женщинъ. Стихи. Слб. 1910. Ц. 50 к.
- Осиповичъ, Н. Разказы. Томъ I. Слб. 1910. Ц. 1 р.
- Пѣсь-пѣсней Оломоуна. Изд. 2-е. Слб. 1910. Ц. 2 р. 25 к.
- Ротштейнъ, А. Сонеты. Слб. 1910. Ц. 1 р. 50 к.
- Сборникъ товарищества «Знаніе» за 1910 г. книга 29-я. Слб. Ц. 1 р.
- Семеновъ, В. Страшное слово. Слб. 1910. Ц. 50 к.
- Сниталець. Разказы. Т. 3. Слб. 1910. Ц. 1 р.
- Столица, Л. Раня. Первая книга стиховъ. М. 1910. Ц. 1 р. 25 к.
- Стриндбергъ, А. Полное собраніе сочиненій. Томъ 10-й. Трагикомедія брака. М. 1910. Ц. 1 р. 25 к.
- Студенческій литературный сборникъ «Отзѣли». Книга 1-я. М. 1910. Ц. 60 к.
- Татагине, М. (Хаджетламе). Современная Турція. Повѣсть. Парижъ. 1910. Ц. 1 р.
- Фабристъ, Д. Человѣкъ съ тринадцатью кроватями. Комическій романъ. М. 1910. Ц. 60 к.
- Фофановъ, К. Послѣ Голгофы. (Мистерія— поэма). Слб. 1910. Ц. 50 к.
- Фрамсъ, А. Ревнивый покойникъ. Романъ. М. 1910. Ц. 1 р.
- Хиченсъ, Р. Дикая овца. Романъ. Слб. 1910. Ц. 1 р.
- Чириковъ, Е. Пьесы. Слб. 1910. Ц. 50 к.
- Швобъ, М. Деревянная звѣзда. Ц. 10 к.
- Крестовый походъ дѣтей. Ц. 10 к.
- * Шекспиръ. Антоній и Клеопатра. Трагедія въ пяти дѣйствіяхъ. Переводъ Д. Л. Михайловскаго. Изданіе А. С. Суворина. («Дешевая Библиотека»). Слб. 1910. Цѣна 25 к.
- Трагедія о Гамлетѣ, принцѣ датскомъ. Переводъ К. Р. Изд. 2-е. Слб. 1910. Ц. 1 р. 50 к.
- Ясинскій, І. Плоское. Разказы. Ц. 20 к.
- Фантасія. Разказы. Ц. 20 к.
- Федоровъ, А. Жатва. Разказы. М. 1910. Ц. 1 р. 25 к.

Исторія, біографія и археологія.

- Багалъй, Д., проф. Сочиненія, письма и бумаги В. Н. Каразина. Изданіе Харьковскаго университета. Х. 1910. Ц. 4 р.
- Бибель, А. Изъ моей жизни. Мемуары. М. 1910. Ц. 1 р. 20 к.
- Варнеке, Б. Исторія русскаго театра. Часть 2-я. XIX вѣкъ. Казань. 1910. Ц. 2 р. 50 к.
- Виноградовъ, П. Книга для чтенія по исторіи средних вѣковъ. Вып. 3-й. М. 1910. Ц. 2 р.
- Зайцевъ, И. Къ вопросу о платежныхъ книгахъ и платежникахъ. Слб. 1909. Ц. 15 к.
- Историко-филологическій факультетъ Харьковскаго университета за первые 100 лѣтъ его существованія. I. Исторія факультета. II. Біографическій словарь профессоръ и преподавателей. Х. 1908. Ц. 2 р. 50 к.
- Книга русской скорби. Томъ 3 и 4-й. Слб. 1909. Ц. по 40 к.
- Медицинскій факультетъ Харьковскаго университета за первые 100 лѣтъ его существованія (1805—1905). I. Исторія факультета. II. Историческіе очерки кафедръ.
- III. Біографическій словарь профессоръ и преподавателей, Х. 1906. Ц. 4 р.
- Пестриковъ, И. Исторія Лейбъ-Гвардіи Московскаго полка съ 1811 по 1825 г. и съ 1825 по 1855 годъ. Слб. 1910. Цѣна за два тома 12 р.
- Свободный текстъ крестьянскихъ порядковъ XVI вѣка. Составленъ слушателями Слб. высшихъ женскихъ курсовъ. Слб. 1910. Ц. 50 к.
- Тройницкій, С. Гербовые девизы русскаго, польскаго, финляндскаго и прибалтійскаго дворянства. Слб. 1910. Ц. 1 р. 25 к.
- Фатъевъ, А. М. М. Сперанскій. 1809—1909. Біографическій очеркъ. Харьковъ. 1910. Ц. 65 к.
- Юридическій факультетъ Харьковскаго университета за первые сто лѣтъ его существованія, Х. 1908. Ц. 1 р. 50 к.
- Физико-математическій факультетъ Харьковскаго университета за сто лѣтъ его существованія. I. Исторія факультета. II. Очерки кафедръ. III. Біографическій словарь профессоръ и преподавателей. Х. 1908. Ц. 3 р.

Правовѣдніе, общественныя науки и публицистика.

- Авербахъ, Е. Положеніе о казенныхъ подрядахъ и поставкахъ со всѣми относящимися къ этому предмету узаконеніями, исправленными по 1-ею июля 1909 г. Вильна. 1910. Ц. 3 р.
- Аксаковъ, Н. Всеславянство. М. 1910. Ц. 75 к.
- Александровъ, М. Государство, бюрократія и абсолютизмъ въ исторіи Россіи. Слб. 1910. Ц. 1 р.
- Антоновъ, М. Н. Н. Г. Чернышевскій. Соціально-философскій этюдъ. М. 1910. Ц. 2 р.
- Берендтъ, Э. Къ вопросу о правовомъ положеніи Финляндіи. Слб. 1910. Ц. 20 к.
- Богословскій, В. Оцѣнка земель. Минскъ. 1909. Ц. 75 к.
- Брунсъ-Адамсъ. Новая держава. М. 1910. Ц. 1 р. 75 к.
- Брюннелли, П. Молодой адвокатъ. Изд. 3-е. Слб. 1910. Ц. 1 р. 85 к.
- Бѣловѣжскій, В. Система желѣзнодорожныхъ тарифовъ на сѣти Россійскихъ желѣзныхъ дорогъ. Изд. 2-е. Слб. 1910. Ц. 1 р. 25 к.
- Васильевъ, Н. «Оппозиція». Слб. 1910. Ц. 20 к.
- Войтенковъ, В. Уголовное уложеніе, Вѣсчаише утвержденное 22 марта 1903 г. Пр.

- ступленія государственныя. Общая часть и введенная въ дѣйствіе статьи особенной части о преступныхъ дѣяніяхъ государственныхъ, съ разъясн. общ. собр. кас. деп. и угол. кас. деп. Прав. Сената, Харьковъ. 1910. Ц. 1 р.
- Вопросы: приходскій, старообрядческій, вѣроисповѣдныя. Рѣчи и доклады въ третьей Государственной Думѣ. Сесія 2-я 1908 г. Спб. 1910. Ц. 75 к.
- «Вѣхи», какъ знаменіе времени. Сборникъ статей. М. 1910. Ц. 1 р. 75 к.
- Горбуновъ, А. Борьба съ нищенствомъ и бродяжничествомъ. М. 1909. Ц. 15 к.
- Гумпловичъ, Л. Общее ученіе о государствѣ. Спб. 1910. Ц. 3 р.
- Зомбартъ, В. Евреи и ихъ участіе въ образованіи современнаго хозяйства. Спб. 1910. Ц. 25 к.
- Зомъ, Р. Институція. Учебникъ исторіи и системы римскаго гражданскаго права. Вып. 2-й. Спб. 1910. Ц. 3 р.
- Идейные нассирь. Изъ исторіи Горнаго института Императрицы Екатерины II. Дѣло по обвиненію В. М. Пуриппевича въ клеветѣ. Спб. 1910. Ц. 1 р. 20 к.
- Изговъ, А. Русское общество и революція. М. 1910. Ц. 1 р.
- Натновъ, В. Кое-что о критикѣ въ юриспруденціи. Одесса. 1910. Ц. 50 к.
- Кауфманъ, Р. Финансовое хозяйство органовъ мѣстнаго самоуправленія въ Англіи, Франціи и Пруссіи. Томъ I. Спб. 1910. Ц. 3 р. 50 к.
- Коврадь, I. Сельское хозяйство и аграрная политика. Ч. 1-я. М. 1910. Ц. 50 к.
- Коринъ, Е. Двадцать лѣтъ на желѣзныхъ дорогахъ. 1889 — 1908 г. Воспоминанія о желѣзнодорожной службѣ. Спб. 1910. Ц. 1 р.
- Куплеваснй, Н. Справка о мнѣніяхъ 25 ти русскихъ ученыхъ, специалистовъ права, по вопросу о юридическомъ положеніи Финляндіи въ составѣ Русской Имперіи. Спб. 1910. Ц. 10 к.
- Левенстимъ, А. Рѣчь государственнаго обвинителя въ уголовномъ судѣ. Кіевъ. 1910. Ц. 1 р.
- Профессиональное нищенство, его причины и формы. Вытовые очерки. Кіевъ. 1910. Ц. 1 р.
- Мейеръ, Д. Русское гражданское право. Спб. 1910. Ц. 3 р.
- Набоновъ, В. Дуэль и уголовный законъ. Спб. 1910. Ц. 40 к.
- Невзоровъ, А. Краткое изложеніе курса мѣстнаго права Прибалтійскихъ губерній. Ч. 2-я. Семейственное право и наследственное право. Юрьевъ. 1910. Ц. 2 р.
- Нордау, М. Ложь современнаго брака. М. 1909. Ц. 35 к.
- Нордманъ, Н. Н. Статистическій методъ въ изслѣдованіяхъ древне-русскаго хозяйственнаго быта. Спб. 1909. Ц. 75 к.
- Общественное движеніе въ Россіи въ началѣ XX вѣка. Томъ 2-й. Ч. 2-я. Спб. 1910. Ц. 2 р. 50 к.
- Петровъ, А. Политическая жизнь Японіи. Спб. 1910. Ц. 75 к.
- Плехановъ, Г. Отъ обороны въ нападенію. Отвѣтъ г. А. Богданову, критика итальянскаго синдикализма и др. статьи. М. 1910. Ц. 3 р.
- Плеханъ, И. Общій уставъ счетный. Спб. Спб. Ц. 1 р. 75 к.
- Роговинъ, Л. Объ отмінѣ нѣкоторыхъ ограниченій въ правахъ сельскихъ обывателей и лицъ бывшихъ податныхъ состояній. Высочайшій указъ 5 октября 1906 г. Спб. 1910. Ц. 50 к.
- Семиновъ, Д. Основные вопросы мѣстнаго самоуправленія. Земская реформа на Кавказѣ и Валу. Валу. 1910. Ц. 50 к.
- Сюминскій, А. Свобода судебной рѣчи. (Итоги дѣла Гиллерсона). М. 1910. Ц. 20 к.
- Статьи генерала М. И. Вотьянова, помѣщенные въ печати въ 1908—1909 гг. Спб. 1910. Ц. 35 к.
- Стифенъ, Д. Очеркъ доказательственнаго права. Спб. 1910. Ц. 1 р. 50 к.
- Табурно, I. «Новая Панама — Н. А. Демчинскаго». Спб. 1910. Ц. 20 к.
- Фэрли, А. Мѣстное управленіе въ Соединенныхъ Штатахъ Сѣверной Америки. Спб. 1910. Ц. 1 р. 50 к.
- Цѣтновъ, И. Практика Правительствующаго Сената по гражд. кассац. департ. и по общему собранію перваго, втораго и кассац. департ. за 1901—1908 г. Спб. Ц. 2 р.
- Часовой, М. Угроза Сибирскому востоку. Спб. 1910. Ц. 1 р.
- Чечотъ, А. Практическое руководство для членовъ окружныхъ судовъ по веденію судебныхъ засѣданій по уголовнымъ дѣламъ, составленію приговоровъ и опредѣленій и по разнымъ вопросамъ, наиболее часто встрѣчающимся въ судебной практикѣ. Кіевъ. 1909. Ц. 2 р.
- Шрейберъ, Н. Учрежденіе судебныхъ установленій. Спб. 1910. Ц. 5 р.
- Щегловитовъ, С. Судебные уставы Императора Александра II съ законодательными мотивами и разъясненіями. Уставъ уголовного судопроизводства. Изд. 10, дополн. по 1-е января 1910 г. Спб. Ц. 5 р.
- Яблочковъ, Т. Учебникъ русскаго гражданскаго судопроизводства. Ярославль. 1910. Ц. 1 р. 80 к.

Искусство.

В—ой. Феликсъ Мендельсонъ-Бартольдъ. Биографическій очеркъ. Спб. 1910. Ц. 40 к.

Ежегодникъ Императорскихъ театровъ. 1910. Вып. 1-й. Спб. Ц. 1 р.

Нартинь современныхъ художниковъ въ краскахъ. Текстъ Сергѣя Глаголя. Серия 3-я. Ц. по подпискѣ за 12 вып. — 12 р. Вышелъ выпускъ № 1-й.

- Писсаро, Л. Россети. М. 1910. Ц. 1 р. 25 к.
 Пловъ, И. Армянская музыка. Историческій очеркъ. Спб. 1910. Ц. 40 к.
 Портреты русских писателей въ геліо-гравюрахъ по оригиналамъ извѣстныхъ русскихъ художниковъ. Редакция В. В. Калаша. Выпускъ 25-й. Изданіе I. Кнебель. Ц. по подпискѣ за 26 вып.—52 р.
 Станиславскій, М. Вагнеръ въ Россіи. Спб. 1910. Ц. 80 к.
 Фийдезейнъ, Н. Музыка въ Норвегіи. Очеркъ ея развитія. Спб. 1910. Ц. 40 к.

Естествознаніе и математика.

- Бонола, Р. Неевклидова геометрія. Критико-историческое изслѣдованіе ея развитія. Спб. 1910. Ц. 1 р. 50 к.
 Бурисеръ, Е. Очерки явленій радиоактивности. Николаевъ. 1909. Ц. 65 к.
 Ганъ, Г. Физическіе опыты на самодѣльныхъ приборахъ. Часть I. Практическія указанія. Измѣренія. Механика твердыхъ тѣлъ. Николаевъ. 1908. Ц. 1 р. 35 к.
 Голкинсъ, Д. Опытная наука. Общедоступная физика. Николаевъ. 1909. Ц. 1 р. 85 к.
 Граффъ, Н. Комета Галлея. Одесса. 1910. Ц. 30 к.
 Далматовъ, А. Воздухоплаваніе. Спб. 1910. Ц. 1 р.
 Дэльфъ, Г. Сборникъ задачъ по дифференціальному и интегральному исчисленіямъ, съ отвѣтами и необходимыми основными теоретическими разъясненіями. Рига. 1910. Ц. 1 р. 25 к.
 Кайгородовъ, Д. Пятнадцатый стѣнной календарь петербургской весны. Изданіе А. С. Суворина. Спб. 1910. Ц. 30 к.
 Каменскій, М. Что такое кометы? Спб. 1910. Ц. 30 к.
 Каменьщиковъ, Н. Неправильность постановки дѣла изслѣдованія атмосферы въ Россіи. Спб. 1910. Ц. 25 к.
 Кладъ, Ж. и Оствальдъ В. Электричество и его примѣненія въ общедоступномъ положеніи. М. 1910. Ц. 5 р. 50 к.
 Ностинскій, С. Къ возвращенію кометы Галлея. Николаевъ. 1910 г. Ц. 45 к.
 Рамсей, У. и Оствальдъ, В. Популярно-научные очерки. Спб. 1910. Ц. 70 к.
 Риги, А. Современная теорія физическихъ явленій. Одесса. 1910. Ц. 90 к.
 Ройтманъ, Галлеева комета. Спб. 1910. Ц. 10 к.
 Ростовскій, А. Практическія работы по химіи. Ц. 25 к.
 Сазонова, С. Опыты съ катушкой Румкорфа. Николаевъ. 1908. Ц. 85 к.
 Фадѣевъ, Н. Воздухоплаваніе и его успѣхи. Николаевъ. 1909. Ц. 95 к.
 Штейнеръ, Я. Геометрическія построенія, выполняемыя посредствомъ прямой линіи и неподвижнаго круга, какъ предметъ преподаванія въ средн. уч. зав. Харьковъ. 1910. Ц. 50 к.
 Штрайхманъ, А. Сборникъ задачъ по механикѣ съ подробн. рѣш. Ч. I. Статика. Спб. 1910. Ц. 1 р. 50 к.
 Щунаревъ, А. Курсъ молекулярной физики въ элементарномъ изложеніи. М. 1910. Ц. 75 к.

Географія, этнографія, антропология, путешествія.

- Дунинъ-Горнавичъ, А. Географическое описаніе низовьевъ рѣки Оби и условія судоходства. Спб. 1909. Ц. 1 р.
 Лохтинъ, В. Картины самобытнаго русскаго судоходства. Изъ сборника моихъ воспоминаній. Рѣка Чусовая. Спб. 1910. Ц. 30 к.
 Пенарскій, Э. и Васильевъ, В. Планы и бубень якутскаго шамана. Спб. 1910. Ц. 1 р.
 Путешествіе къ сѣверному полюсу на воздушномъ кораблѣ. (Статья майора фонъ-Парсеваля) съ 9 рис. Спб. 1910. Ц. 30 к.
 Радовановичъ, С. Семейные праздники у сербовъ. Петроградъ. 1910. Ц. 1 р.
 Шергинъ, И. Въ дѣбряхъ сѣвера. На сѣвѣрѣ Архангельскъ. Зырянскій край. Вымскій уголокъ. Ухтинская нефть. Спб. 1910. Ц. 50 к.

Сельское хозяйство и домоводство.

- Акимычъ. Деревенскій плодовый садъ. Яблоня, груша и слива. Спб. 1910. Ц. 15 к.
 Бэлозанъ, А. Земледѣліе и хлѣбопроявленность Сѣверной Манчжуріи. Харбинъ. 1909. Ц. 2 р. 50 к.
 Граціановъ, П. Обработка земли на юго-востоку Россіи. Саратовъ. 1909. Ц. 10 к.
 Доппельмайеръ, А. Травяныя поля, луга и пастбища Озерной области. Спб. 1910. Ц. 90 к.
 Ежегодникъ Главнаго управленія землеустройства и земледѣлія по департаменту земледѣлія и лѣсному департаменту. За 1908 г. Спб. Ц. 3 р.
 Красноперовъ, С. Пчелиный уставъ или уходъ за пчелами. М. 1910. Ц. 15 к.
 Ларбалетръ, А. Домашнія растения и уходъ за ними. Спб. 1909. Ц. 50 к.
 Шимановскій, П. Руководство къ сельскохозяйственному самообразованію Спб. 1910. Ц. 20 к.
 Юрмаліатъ, А. Культура кормовыхъ корнеплодовъ для молочнаго скота въ сѣверной Россіи. Наибольше пригодные сорта свеклы, брюквы, моркови и турнепса. Спб. 1910. Ц. 50 к.

Торговля и промышленность. Счетоводство.

- Бѣловъ, В. Кризисъ Уральскихъ горныхъ заводовъ. Спб. 1910. Ц. 60 к.
- Видеманъ, К. Ванковая бухгалтерія. Вып. 1-й. Спб. 1910. Ц. 1 р. 25 к.
- Крюновъ, П. Англія, какъ рынокъ сельскохозяйственныхъ продуктовъ. Спб. 1910. Ц. 20 к.
- Козьминъ-Ланинъ, Н. Фабрично-заводская промышленность Московской губерніи по даннымъ на 1 января 1909 г. Ц. 1 р.
- Понотилловъ, А. Страхование фабрикъ отъ огня на началахъ взаимности въ Северо-Американскихъ Соединенныхъ Штатахъ. Спб. 1909. Ц. 30 к.
- Труды съезда дѣятелей по кустарной промышленности въ С.-Петербургѣ 1910 г. Т. I., ч. I и II. Спб. 1910. Ц. 3 р.
- Харитоненко, М. Учебникъ двойной сельскохозяйственной и торгово-промышленной бухгалтеріи въ связи съ сельскимъ хозяйствомъ, торговлею и промышленностью. Кіевъ. 1909. Ц. 2 р.
- Чинновъ, Я. Артельные маслодѣльные заводы и артельные лавки. Вологда. 1901. Ц. 35 к.
- Яновскій, І. Рѣшеніе вопроса объ установленіи общей формы баланса для предприятий всякаго рода, проливающее свѣтъ въ потемки, окружающія искусство управленія предприятиемъ. Спб. 1910. Ц. 75 к.

Технологія, строительное и инженерное искусство. Ремесла.

- Бернгардъ, В. Курсъ гражданской архитектуры, читанный въ институтѣ Инженеровъ Путей Сообщенія Императора Александра I. Изд. 2-е. Спб. 1910. Ц. 5 р. 50 к.
- Гданскій, Л. Сапожникъ практикъ. Спб. 1910. Ц. 50 к.
- Графини. Какъ самому построить летательный аппаратъ. Спб. 1910. Ц. 40 к.
- Гречининъ, С. Телефонъ и дополнительные приборы, ихъ устройство и примѣненіе на телефонныхъ свѣтахъ. М. 1910. Ц. 1 р. 50 к.
- дѣйнгардтъ-Шломанъ, А. Иллюстрированный техническій словарь на шести языкахъ. Т. 7-й. Подъемныя машины. Спб. 1910. Ц. 4 р. 50 к.
- Дмитріевъ, В. Технический контроль работы машинъ на центральныхъ электрическихъ станціяхъ. Вып. 1-й. Паровыя электрическія станціи. Испытанія паровыхъ котловъ. Спб. 1909. Ц. 1 р. 25 к.
- Вып. 3-й. Испытанія дизель-моторовъ. Спб. 1910. Ц. 1 р. 80 к.
- Drzewiecki, S. Воздушные винты. Теорія винтовыхъ двигателей и способы ихъ вычисленій. Севастополь. 1910. Ц. 1 р.
- Замѣтки фотографа-любителя. Какъ самому готовить бромо-серебряныя пластинки. Николаевъ. 1908. Ц. 20 к.
- Свѣтотвореніе безъ камеръ. Ц. 20 к.
- Дешевыя фотографическія бумаги. Ц. 20 к.
- Заринъ, В. Коросино и спирто-калильные приборы наружнаго освѣщенія. Спб. 1909. Ц. 60 к.
- Игнатовъ, К. Къ вопросу о надежности и наилучшей конструкціи инженерныхъ сооружений (водопроводныхъ и канализационныхъ). М. 1909. Ц. 60 к.
- Изъ любительской прантими. Вып. I. Гальванизация. Общія приемы электролиза и покрытие мѣдью. Ц. 20 к. Вып. 2-й. Золоченіе и серебреніе. Ц. 20 к.
- Кантелу, М. Этюдъ объ авіаціи. Механика аэроплановъ. Ваку. 1910. Ц. 2 р.
- Кашнаровъ, Н. Фильтрованіе и очистка питьевой воды. Спб. 1910. Ц. 60 к.
- Михайловъ, В. Проектированіе современныхъ паровозовъ большой мощности. Спб. 1910. Ц. 3 р.
- Морновъ, А. Разбивка желѣзнодорожныхъ кривыхъ. Спб. 1910. Ц. 1 р. 25 к.
- Плотницкій, А. Механическая технологія металловъ. Ч. 1-я. Одесса. 1910. Ц. 1 р. 50 к.
- Потресовъ, М. Контроль топки паровыхъ котловъ при помощи газовализатора системы «Крель Шульце». М. 1910. Ц. 1 р.
- Пржевальскій, Е. и Бобинскій, А. Руководство по полювому телефонному дѣлу. Спб. 1910. Ц. 1 р.
- Ратновскій, Л. Подъемныя краны, лебедки, шпиди, домкраты и т. п. Спб. 1910. Ц. 4 р.
- Рюминъ, В. Кустарное производство бетонныхъ, тротуарныхъ и половыхъ плитъ, лѣстничныхъ ступеней и площадокъ. Спб. 1910. Ц. 30 к.
- Сакулинъ, Б. Простѣйшія начала сельскаго строительнаго искусства въ связи съ устройствомъ хуторовъ и поселковъ. Ч. I. М. 1910. Ц. 2 р.
- Спицынъ, В. О существующихъ способахъ и приборахъ для передвиженія по воздуху и о примѣненіи способа полета насекомыхъ и способа полета птицъ къ постройкѣ летательныхъ снарядовъ. Спб. 1910. Ц. 75 к.
- Стори, В. 115 проектовъ домовъ, дачъ, бесѣдокъ, оградъ и др. Дешевыя постройки. Ц. 2 р.
- Форрейтеръ, А. Аэропланы. Спб. 1910. Ц. 1 р. 25 к.
- Чернышевъ, К. Вѣсѣлы по фотографіи съ начинающими. Николаевъ. Ц. 85 к.

**Медицина, гигиена, анатомія, физиологія и хирургія.
Ветеринарія.**

- Бинштонъ, В. Наставленіе для дезинфекто-
ровъ. Спб. 1910. Ц. 50 к.
- Blusch, J. Половая жизнь нашего времени
и ея отношеніе къ современной культурѣ.
Спб. 1909. Ц. 3 р. 50 к.
- Браунъ, Г. Жѣсткая анестезія, ея научное
обоснованіе и практическія примѣненія.
Спб. 1909. Ц. 2 р. 25 к.
- Вреденъ, Р. Консервативное леченіе хи-
рургической бугорчатки вспрыскиваніями
камфоръ-нафтола. Спб. 1910. Ц. 50 к.
- Vogtsch, T. Учебникъ клиническихъ мето-
довъ изслѣдованія для студентовъ и вра-
чей. Ч. I. Спб. 1909. Ц. 2 р. 50 к.
- Критическій разборъ системы Миллера, съ
приложеніемъ системы врачебной комнат-
ной гимнастики врача М. И. Яковлева. М.
1910. Ц. 50 к.
- Küstner, O. Краткій учебникъ гинекологин.
Спб. 1910. Ц. 4 р.
- Луининъ, Домашній врачъ. Общедоступный
лечебникъ. М. 1910. Ц. 1 р. 50 к.
- Масляниновъ, К. Борьба со старостью
общедоступными средствами. М. 1910. Ц.
30 к.
- Рыбановъ, Ѡ. Атласъ для эксперименталь-
но-психологическаго изслѣдованія личности
съ подробнымъ описаніемъ и объясненіемъ
таблицъ. М. 1910. П. 3 р. 50 к.
- Тимъ, Н. Заболѣванія отъ несчастныхъ
случаевъ. Х. Т. I. Ц. по подисскѣ 6 р.
- Шанцъ, А. Курсъ діагностики. Спб. 1910.
Ц. 2 р. 50 к.

Военное и морское дѣло.

- Соболевъ, Л. Куропаткинская стратегія.
Спб. 1910. Ц. 3 р. 50 к.
- Фельдтъ, П. Желѣзнодорожныя войска и
ихъ неотложныя нужды. Спб. 1910. Ц. 2 р.

Воспитаніе и обученіе. Учебныя руководства.

- Аниловичъ, Г. Полныя таблицы спряже-
ній французскихъ правильныхъ и непра-
вильныхъ глаголовъ во всѣхъ оборотахъ
рѣчи. Вильна. 1910. Ц. 35 к.
- Базановъ, П. и наймаръ, М. Сборникъ
алгебраическихъ задачъ для старшихъ
классовъ среднихъ учебныхъ заведеній.
Пособіе для лицъ, готовящихся къ экза-
мамъ зрѣлости. Спб. 1910. Ц. 1 р.
- Бахмутскій, Я. Рѣшенія всѣхъ геометриче-
скихъ задачъ на вычисленіе по сборнику
Н. Рыбкина. Часть I-я. Планиметрія. Киевъ.
1910. Ц. 1 р. 50 к.
- Боголюбовъ, Л. Естественно-историческія
основы общеобразовательной школы. М.
1910. Ц. 75 к.
- Гердъ, В. Строеіе и жизнь человѣче-
скаго тѣла. Спб. 1910. Ц. 1 р. 60 к.
- Гунай, Г. Природовѣдѣніе. Краткій учеб-
никъ для экстерновъ. Спб. 1910. Ц. 55 к.
- Давидовичъ, И. Начальный курсъ обуче-
нія дѣтей потному пѣнію. Пособіе для на-
чальныхъ учителей. Киевъ. 1909. Ц. 60 к.
- Ежегодникъ экспериментальной педаго-
гики. 1909. II. Подъ ред. А. П. Нецаева.
Спб. 1910. Ц. 1 р.
- Карасевъ, П. Звукъ и музыка. М. 1910.
Ц. 54 к.
- Крюгеръ, Ф. Краткій курсъ химіи. М.
1910. Ц. 1 р. 50 к.
- Курочкинъ, А. Изъ жизни растений. Вып. I.
Какъ питается растеніе. Вып. II. Какъ раз-
множается растеніе. Для школъ и домаш-
наго чтенія. Спб. 1910. Ц. 60 к.
- Лавровъ, М. Рѣшенія ариметическихъ
задачъ сборника И. Верещагина. Минскъ.
1909. Ц. 90 к.
- Лонъе, Мои первые уроки французскаго
языка. М. 1910. Ц. 1 р.
- Немилова, Ю. Сборникъ статей для упраж-
ненія въ правописаніи, курсъ I класса. Спб.
1909. Ц. 40 к.
- Новиковъ, А. Овидій. Избранныя метамор-
фозы. Вып. I. Спб. 1910. Ц. 50 к.
- Платоновъ, С. Учебникъ русской исторіи
для средней школы. Ч. 2-я. Спб. 1910. Ц.
90 к.
- Тростниковъ, М. Атласъ для обученія рус-
скому языку: чтенію, письму и грамматикѣ
по картинамъ Шрейбера. Юрьевъ, 1910. Ц.
30 к.
- Чернышевъ, В. Азбука выразительнаго
чтенія. Спб. 1910. Ц. 20 к.

Книги для дѣтей и юношества.

- Вечель, Х. Романъ изъ жизни школьника.
изданіе А. С. Суворина. Спб. 1910. Ц. въ пе-
репл. 2 р.
- Соловьевъ-Несмѣловъ, Н. У пристани.
Сборникъ рассказовъ для дѣтей старшаго
возраста. М. 1910. Ц. 80 к.

Спортъ, охота и игры.

- Андреевскій, М. Охотничьи записки и
дневники. М. 1910. Ц. 5 р.
- Пфейферъ, К. Атлетъ. Физическое раз-
витіе. Спб. 1909. Ц. 75 к.

Справочныя книги.

- Адресная и справочная книга «Весь Кіевъ» на 1910. Ц. 1 р. 50 к.
 Астафьевъ, А. Инженерный календарь на 1910. Ц. 2 р. и 2 р. 50 к.
 Бихеле, Н. Технический календарь на 1910. Ц. 2 р. 50 к.
 Ганъ, И. Толкователь газетъ и журналовъ, съ прибавленіемъ словаря иностранныхъ словъ. Изд. 5-е, дополн. Вильна. 1909. Ц. 50 к.
 Гейслеръ, М. Строительный адресъ-календарь и справочныя цѣны на 1910. Ц. 1 р. 50 к.
 Дмитриевъ, С. Полный коммерческій дѣловой писмовникъ. М. 1910. Ц. 1 50 к.
 Ландензенъ, А. и Шуруинъ, П. Настольная книга о Китаѣ. Вып. I. Справочный отдѣлъ. Харбинъ. 1909. 1 р. 50 к.
 Манаровъ, А. Банковый и торговый календарь на 1910 г. Ц. 1 р. 50 к.
 Памятная книжка Саратовской губерніи на 1910 г. Саратовъ. Ц. 1 р. 25 к.
 Пиринейскій, Б. Календарь снегоднякъ артельщика на 1910 г. Ц. 1 р. 25 к.
 Сыромятниковъ, А. Сборникъ дѣйствующихъ распоряженій Мин. Нар. Просв. о родительскихъ комитетахъ и собраніяхъ при мужскихъ и женскихъ гимназіяхъ и реальныхъ училищахъ. Одесса. 1910. Ц. 1 р.
 — Составленіе сметы доходовъ и расходовъ городского училища. Одесса. 1910. Ц. 1 р.

Разныя книги.

- Кузьминъ, Г. и Ржаницынъ, И. Популярное самое подробное и наглядное руководство съ атласомъ, для опредѣленія характера и способностей человѣка, для узнаванія его прошлой жизни и грядущей судьбы. М. 1910. Ц. 1 р.

Періодическія изданія.

- «Аполлонъ». Журналъ. 1910 г. №№ 4 и 5. 1910 г. Ц. кажд. № 1 р. 25 к.
 «Библиотека Воздухоплаванія». 1910. № 3. Спб. Ц. 60 к.
 «Весь Міръ». Литературный, художественный и популярно-научный журналъ. 1910 г. № 1. Спб. Ц. 10 к.
 «Воздухоплаватель». Органъ Имп. Всероссийск. аэроклуба. 1910 г. №№ 1 и 2. Спб. Ц. кажд. № 50 к.
 «Всеобщій Ежемесячникъ». Журналъ беллетр. и искусств. 1910 г. № 1. Спб. Ц. 25 к.
 «Вѣстникъ Азіи». Журналъ обществарусск. ориенталистовъ. 1910 г. № 3. Ц. 2 р.
 «Вѣстникъ Воздухоплаванія и Спорта». 1910 г. №№ 1 и 2. Спб. Ц. кажд. № 50 к.
 «Вѣстникъ Иностранной Литературы». 1910 г. Январь и февраль. Спб. Ц. кажд. № 60 к.
 «Вѣстникъ Теософій». 1910 г. № 2. Спб. Ц. 7 5 к.
 «Городское Дѣло». 1910 г. №№ 3—5. Спб. Ц. кажд. № 50 к.
 «Европейская Жизнь». Художественно-литературный и политическій журн. 1910 г. №№ 19 и 20. Спб. Ц. кажд. № 20 к.
 «Журналъ Театра Литературно-Художественнаго Общества». 1910 г. № 3. Спб. Ц. 25 к.
 «Золотое Дѣтство». Журналъ для дѣтей. 1910 г. Ц. №№ 7—9. Спб. Ц. кажд. № 20 к.
 «Извѣстія Архангельскаго Общества изученія русскаго Сѣвера». 1910 г. №№ 2—4. Архангельскъ. Ц. кажд. № 25 к.
 «Лѣсопромышленникъ». Ежедѣльный журналъ дѣл. торговли и промышленности. 1910. №№ 1—9. Ц. кажд. № 25 к.
 «Московскій Еменедѣльникъ». 1910 г. №№ 6—9. Москва. Ц. кажд. № 15 к.
 «Наша охота». Ежемесячн. журн. посвящен. охотѣ ружейной, псовой и рыболовству. 1910 г. Январь и февраль. Спб. Ц. кажд. № 60 к.
 «Окраины Россіи». Политич., общественная и литературн. газета. 1910 г. №№ 5—9. Спб. Ц. кажд. № 10 к.
 «Оса». Худож.-литературн. и юмористическ. журналъ. 1910 г. №№ 5—8. М. Ц. кажд. № 10 к.
 «Петербургская Стрѣла». 1910 г. Вып. 1 и 2. Спб. Ц. кажд. вып. 1 25 к.
 «Письма къ ближнему». Изд. М. О. Меншикова за 1909 г. Спб. Ц. 2 р.
 «Славянскія Извѣстія». 1910 г. № 1. Спб. Ц. 50 к.
 «Театръ и Искусство». 1910 г. №№ 5—9. Спб. Ц. кажд. № 20 к.
 «Физическое образованіе и спортъ». 1910 г. № 1. Спб. Ц. 60 к.
 «Христіанинъ». Ежемесячн. журн. 1910 г. №№ 1—2. Спб. Ц. кажд. № 30 к.
 «Хуторъ». Практич. сельск.-хоз. журналъ. 1910 г. № 2. Спб. Ц. 30 к.
 «Экономистъ Россіи». 1910 г. №№ 6—8. Спб. Ц. кажд. № 20 к.

*) Изданія А. С. Суворина.

ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ

ЖУРНАЛЪ

„ИСТОРИЧЕСКІЙ ВѢСТНИКЪ“.

Подписная цѣна за 12 книгъ въ годъ **десять** рублей съ пересылкой и доставкой на домъ.

Главная контора въ Петербургѣ, при книжномъ магазинѣ „**Новаго Времени**“ (А. С. Суворина), Невскій просп., д. № 40. Отдѣленія главной конторы въ **Москвѣ, Харьковѣ, Одессѣ, Саратовѣ и Ростовѣ на Дону** при книжныхъ магазинахъ „**Новаго Времени**“.

Программа „**Историческаго Вѣстника**“: русскія и иностранныя (въ дословномъ переводѣ или извлеченіи) историческія, бытовыя и этнографическія сочиненія, монографіи, романы, повѣсти, очерки, рассказы, мемуары, воспоминанія, путешествія, біографіи замѣчательныхъ дѣятелей на всѣхъ поприщахъ, описанія нравовъ, обычаевъ и т. п., бібліографія произведеній русской и иностранной исторической литературы, некрологи, характеристики, анекдоты, новости, историческіе матеріалы, документы, имѣющіе общій интересъ.

Къ „**Историческому Вѣстнику**“ прилагаются **портреты и рисунки**, необходимые для поясненія текста.

Статьи для помѣщенія въ журналъ должны присылаться по адресу главной конторы, на имя редактора **Сергѣя Николаевича Шубинскаго**.

Редакція отвѣчаетъ за точную и своевременную высылку журнала только тѣмъ изъ подписчиковъ, которые доставили подписную сумму непосредственно въ главную контору или ея отдѣленія съ сообщеніемъ подробнаго адреса: имя, отчество, фамилія, губернія и уѣздъ, почтовое учрежденіе, гдѣ допущена выдача журналовъ.

О неполученіи какой-либо книги журнала необходимо сдѣлать заявленіе главной конторѣ тотчасъ же по полученіи слѣдующей книги, въ противномъ случаѣ, согласно почтовымъ правиламъ, заявленіе остается безъ разслѣдованія.

Оставшіеся въ небольшомъ количествѣ экземпляры «Историческаго Вѣстника» за прежніе годы продаются по 9 рублей за годъ безъ пересылки, пересылка же по разстоянію.

Издатель А. С. Суворинъ.

Редакторъ С. Н. Шубинскій.

Типографія А. С. Суворина. Зртелевъ пер., д. 13

ИСТОРИЧЕСКІЙ
ВѢСТНИКЪ

ИСТОРИКО-
ЛИТЕРАТУРНЫЙ
ЖУРНАЛЪ.

ГОДЪ ТРИДЦАТЬ ПЕРВЫЙ
МАЙ, 1910 Г.

СОДЕРЖАНІЕ

МАЙ, 1910 г.

	СТРАН.
I. Семейная хроника. (Изъ записокъ моей бабушки). Часть вторая. V—VII. (Продолженіе). В. З. Головнойой	401
II. Восемь лѣтъ въ Сибири. I—XV. Е. В. Борша	423
III. Юношеская любовь И. М. Сѣченова. І. І. Ясинскаго	450
IV. Воспоминанія о князѣ А. И. Урусовѣ. А. И. Соколовой	456
V. Воспоминанія о Петрѣ Семеновичѣ Ванновскомъ. П. А. Крыжановскаго	465
VI. Кавказскій бунтъ. (Отрывки изъ воспоминаній о 1905 годѣ). Г. А. Затеряннаго	502
VII. Изъ бесѣды Поццо ди Борго съ барономъ Мейендорфомъ въ Вѣнѣ въ 1832 году. Великаго князя Николая Михайловича	540
VIII. Одинъ изъ немногихъ. (Памяти К. П. Воскресенскаго). Князя В. А. Щетинина	544
IX. Русскія метаморфозы. IV. Манифестъ 17 октября 1905 года. (Продолженіе). Н. М. Ежова	555
X. Живыя встрѣчи. А. И. Фаресова	572
XI. Евангелисты ислама. (Изъ личныхъ воспоминаній о кавказскихъ бабидахъ). С. И. Уманца	602
XII. Цареубійство 1-го марта 1881 года. (Историческіе очерки). III. Террористическая выступленія. Б. Убійство шефа жандармовъ Н. В. Мезенцова (Продолженіе). Б. В. Глинскаго	618
Иллюстрація: Николай Владимировичъ Мезенцовъ.	
XIII. Среди малолѣтнихъ преступниковъ. П. И. Кореневскаго	636
Иллюстраціи: 1) Общій видъ исправительной колоніи. 2) Группа воспитанниковъ и воспитателей во главѣ съ председателемъ общества. — 3) Группа служащихъ въ колоніи. — 4) Добываніе торфа. — 5) Оркестръ. — 6) Саможвная мастерская. — 7) Кузнечная мастерская.	
XIV. Трехсотлѣтіе памяти героя. Князь Михаилъ Васильевичъ Скопинъ-Шуйскій. М. М. Тебенькова	660
XV. Къ вопросу о происхожденіи крѣпостного права въ Россіи. В. Е. Рудакова	667
XVI. Собраніе Пушкинскаго лицейскаго общества въ память П. Я. Дашкова	673
XVII. Памяти Павла Яковлевича Дашкова. Великаго князя Николая Михайловича	684
XVIII. Памяти артиста Ф. П. Горева. Н. Ежова	688
XIX. По поводу статьи «Губернаторъ-революціонеръ». И. Подольскаго	691
XX. Критика и библиографія	711

1) А. С. Мумовинъ. Пріѣздъ иностранцевъ въ Московское государство. Изъ исторіи русскаго права XVI и XVII вѣковъ. Сиб. 1909. П. Верховскаго. — 2) Чтенія въ императорскомъ обществѣ исторіи и древностей російскихъ при московскомъ университетѣ. 1909 годъ. Книга третья. Двѣсти тридцатая. Издана подъ завѣдываніемъ М. К. Любавскаго. М. 1909. В. Рудакова. — 3) С. Н. Троицкій. Гербовые девизы русскаго, польскаго, финляндскаго и прибалтійскаго дворянства. Сиб. 1910. Влад. Лукомскаго. — 4) А. Н. Куро- (См. слѣд. стран.)

пятикн. Россіи для русскихъ. Задачи русской арміи. Томъ I, съ 15-ю картографическими приложениями. Томъ II, съ 16-ю картами и схемами. Спб. 1910 г. Л. Н.—5) Проф. Байовъ. Курсъ исторіи русскаго искусства. Вып. V. Эпоха императрицы Екатерины II. 17 табл. чертежей Спб. 1909. М. Соколовскаго.—6) С. Мицловъ. На зарѣ вѣкъ. Спб. 1910. Е. С. У.—7) Сборникъ учено-литературнаго общества при императорскомъ юрьевскомъ университетѣ. Томъ XV. Юрьевъ. 1909. М. Г. 8) Источники словаря русскихъ писателей. Собралъ С. А. Венгеровъ. Т. II. Гогоцкая—Карамзинъ. Спб. 1910. П. Д.—8) Отрывки изъ воспоминаній М. К. Рейхель и письма къ ней А. И. Герцена. М. 1909. А. Г. Ф.—9) В. В. Даниловъ. Вліяніе бытовой и литературной среды на «Вечера на хуторѣ близъ Диканьки» Н. В. Гоголя. Одесса. 1909. Д. Э.—10) Академическая библиотека русскихъ писателей. Выпускъ 2-ой. Полное собраніе сочиненій М. Ю. Лермонтова. Томъ первый. Подъ редакціей и съ примѣчаніями проф. Д. И. Абрамовича. Изданіе разряда изящной словесности императорской академіи наукъ. Спб. 1910. В. Руданова.—11) В. В. Варнеке. Исторія русскаго театра. Т. 2-й, XIX вѣкъ. Опытъ изложенія. Кіазань. 1910. А. Измайлова.—12) Ежегодникъ императорскихъ театровъ. Выпуски XVII и XVIII, подъ редакціей П. Н. Гайдича. Спб. 1909. Б. Г.—13) С. Ф. Либровичъ. Необыкновенный рубль. Спб. 1909. А. Фаресова.—14) И. А. Родіоновъ. Наше преступленіе. (Не бредъ, а быль). Изъ современной народной жизни. Спб. 1910. Б. Г.—15) В. В. Латышевъ. Изборникъ научныхъ и критическихъ статей по исторіи, археологіи, географіи и эпиграфикѣ Скии, Кавказа и греческихъ колоній. Спб. 1909 г. П. Б.—16) Двѣ рѣчи Феодора Дафнопата, изданныя съ введеніемъ о жизни и литературной дѣятельности автора и съ русскими переводами В. В. Латышевымъ. (Православный палестинскій сборникъ. Вып. 59-й). Изданіе императорскаго Палестинскаго общества. Спб. 1910. А. М. Л.—17) Протоіерей А. Рождественскій. О приходской жизни во Франціи. Прага Чешская. 1908. Профессора М. Красножена.—18) Исусъ Христосъ въ изящной литературѣ, поэзіи, живописи и скульптурѣ. Часть I. Спб. 1909. А. Я.—19) А. А. Вапшаковъ. Балканскія рѣчи. Спб. 1909. А. С.—20) Профессоръ Вилгелмъ Отвальдъ. Изобрѣтатели и изсѣдователи. Переводъ съ нѣмецкаго, подъ редакціей В. В. Витнера. Спб. 1909. В—ова.

XXI. Заграничныя историческія новости и мелочи 746

1) Цѣлительная польза мушій.—2) Новая книга о Рашели.—3) Отговору.—4) Европейскіе юбилеи.

XXII. Смѣсь. 763

1) Годовое общее собраніе императорскаго русскаго историческаго общества.—2) Годовое общее собраніе императорскаго русскаго археологическаго общества.—3) Годовое собраніе географическаго общества.—4) Торжественное открытіе общества охраненія правъ женщинъ.—5) Открытіе выставки произведеній печати.—6) Открытіе древлехранилища въ Александровской лаврѣ.—7) Экспедиція академика С. Ф. Ольденбурга.—8) Юбилей императорскаго клиническаго института.—9) Юбилей В. А. Алексѣева.—10) Юбилей профессора В. К. Рота.—11) Юбилей В. В. Безевицкаго.—12) Юбилей Н. Д. Чечулина.—13) Всероссийская подписка на народный домъ имени В. Г. Вѣлинскаго.

XXIII. Некрологи. 777

1) Афанасьевъ, М. И.—2) Виревиусъ, А. С.—3) Врубель, М. А.—4) Кирпичевъ, К. Л.—5) Компанейскій, Н. И.—6) Кропивницкій, М. Л.—7) Архієпископъ Неофитъ.—8) Троицкій, Д. И.—9) Проф. Халанскій, М. Г.—10) Шукевичъ, І. В.

XXIV. Замѣтки и поправки. 784

1) I. По поводу домика Петра Великаго. А. Бронзова.—2) II. Къ статьѣ о графѣ Муравьевѣ-Виденскомъ. Одичъ изъ сослуживцевъ покойнаго г.-ад. Потапова.

ПРИЛОЖЕНІЯ: 1) Портретъ Константина Павловича Воскресенскаго. — 2) Борьба за тропѣ (Beatrice Tyldesley). Историческій романъ В. Энсвортъ. Переводъ съ англійскаго А. М. Бѣлова. XIV—XV.

СЕМЕЙНАЯ ХРОНИКА¹⁾.

V:

ВЪ НАЧАЛЪ масленицы большой мой приятель, маленький, веселый и голосистый фореиторъ Мишка, извѣстный всему городу по своему отчаянному «па-а-ди!» и по страсти къ голубямъ, принесъ мнѣ отъ Александры Петровны записочку. Между пальцами лѣвой руки и въ высокой кучерской шапкѣ были у него еще и другія записки, написанныя, какъ и моя, на клочкѣ бумаги и небрежно сложенныя: безграмотность посланнаго и вообще прислуги замѣняла тогда конверты и печать; а Мишка разбирался въ порученной ему корреспонденціи такъ увѣренно, какъ опытный почтальонъ, и твердо зналъ, кому долженъ передать тотъ или другой клочокъ бумаги. Александра Петровна мнѣ писала:

«Chère enfant²⁾, у насъ сегодня будетъ княгиня Тунгусова съ дочерьми; вѣроятно, еще кто-нибудь пріѣдетъ, можетъ быть, и потанцуете. Надѣнь, пожалуйста, свое темное платье и черное кружевное канзу, да причешись, какъ я люблю. Попроси маменьку

¹⁾ Продолженіе. См. «Историч. Вѣстникъ», т. СХХ, стр. 5.

²⁾ Милое дитя.

отпустить тебя пораньше, часамъ къ шести. Пока я отдыхаю, просмотри хорошенько *secondo* въ нотахъ, которыя найдешь на роялѣ; я ихъ только что получила; да захвати съ собой сонату Онелова: одна изъ княженъ большая музыкантша и любитъ играть въ четыре руки».

Я въ это время усердно поила чаемъ монахинь, прѣбывавшихъ за сборомъ: у насъ въ домѣ ихъ принимали, какъ дорогихъ гостей. Одна была пожилая, высокая, суровая; она была за кучера. Другая молодая, благообразная, очень смиренная; во время чая она развязала ситцевый платокъ, въ которомъ была ея сборная книга, и очень робко заговорила, подавая ее мнѣ:

— Вотъ, малая барышня, что я васъ попрошу посмотрѣть; можетъ, что намъ и посовѣтуете. Заѣзжали мы въ большое село къ богатому барину, Андрею Кириллычу Ступилову. Приняли насъ, спаси ихъ Господи, такъ хорошо, что мы этого и не стоимъ; напоили насъ, накормили...

— Овса двѣ мѣры лошадямъ дали, а сѣна бери сколько хочешь,—встала грубомъ голосомъ старая монахиня, подавая мнѣ опрокинутую вверхъ дномъ чашку, что означало, будто она больше не хочетъ; но я, хорошо зная этотъ церемоніаль, быстро налила и подала ей другую.

— Все такъ было по хорошему,—продолжала молодая монахиня.—Утощала насъ экономка ихняя, Ирина Павловна; книжку къ барину въ кабинетъ понесъ самъ ихъ камердинеръ Михаилъ Созонъчъ и вынесъ намъ отъ барина три красненькія. А вотъ только, что ихъ баринъ тутъ намъ написалъ, мы, по нашему разуму, понять не можемъ.

— Магушка игуменья все пойметъ,—сказала старая монахиня.

— Вотъ, милая барышня, не оставьте насъ, посмотрите,—продолжала молодая.

Почеркъ Ступилова былъ четкій и красивый; буквы стояли ровно, какъ нанизанныя бусы. Въ книгѣ было написано:

«Подано для молитвъ о избавленіи нашего, доселѣ благословеннаго края, отъ труса, потопа, огня, меча, нашествія иноплемненныхъ и отъ становаго пристава Рамейки». Внизу цифра пожертвованія и фамилія жертвователя.

Я такъ была сконфужена этой неумѣстной шуткой, что не нашла ничего сказать и молча возвратила монахинѣ ея книгу.

— Такъ вотъ, милая барышня, подумайте объ насъ, горемыкахъ, продолжала она пѣвучимъ голосомъ.—Вѣдь у насъ эту книгу всѣ читаютъ, и господа и всякій народъ. Мы, по нашему послушанію, и по трактирамъ и по кабакамъ обязаны ходить. Хорошіе господа прочитаютъ да посмѣются между собой, а въ трактирѣ намъ вотъ что написали.

Она опять раскрыла книгу и показала мнѣ написанное:

«Жертвую цѣлковый-рубль на тотъ же предметъ, какъ и милый нашъ баринъ Андрей Кириллычъ, то есть, чтобы изгнать изъ предѣловъ одного человѣчка. Отъ неизвѣстнаго рубль».

— Я понимаю, какъ вамъ это непріятно,—сказала я.

— Еще все это, милая барышня, не самая большая наша бѣда,—продолжала молодая монахиня:—а вотъ какъ, да кого поминать-то мы будемъ? отъ кого будемъ просить избавленія? Написано: Рамейка; а вѣдь это, говорятъ, не имя, а прозваніе.

— Тамъ, какъ матушка игуменья благословить, такъ и будемъ поминать,—успокоительно проговорила старая монахиня, подавая мнѣ опять опрокинутую чашку.

Я ничего не умѣла посоветовать бѣдной монахинѣ, но пришла маменька и все устроила. Я видѣла, какъ ей было смѣшно, когда она читала тексты этихъ двухъ вкладовъ въ монастырское поминанье, но она сохранила серьезный видъ и все разъяснила монахинямъ.

— Разумѣется, вамъ надо будетъ только молиться о здравіи и спасеніи боярина Андрея и о... благополучіи его весей... а прочее все придетъ само собой. И неизвѣстный жертвователь того же желаетъ и о томъ же просить. А въ книгѣ, чтобы никого не искушать, можно эти страницы слѣпить воскомъ, до вашего возвращенія въ монастырь. А тамъ ужъ вамъ все укажетъ матушка игуменья.

Монахиня, видимо, успокоилась; а я все больше и больше волновалась. Все это время я много думала о Ступиловѣ. На дняхъ маменька, очень озабоченная какимъ-то дѣломъ, поручила мнѣ разыскать въ паненькиной шкатулкѣ нужное ей письмо какого-то господина.

— Тебѣ не трудно будетъ найти его письма, потому что онъ пересыпаетъ ихъ всегда французскими фразами,—сказала маменька.—Почеркъ у него невозможный; но ужъ ты потрудишься, читай всё, пока не найдешь нужнаго.

Пересматривая эти письма, я между прочимъ прочитала:

«Вотъ новость, которая заинтересуетъ всѣхъ жителей Заволжска: Андрей Ступиловъ преданъ суду за дѣло съ своимъ собственнымъ крестьяниномъ, на котораго онъ жаловался за неповиновеніе. Въ чемъ было дѣло и какъ рѣшила его палата, не знаю; но Ступиловъ остался недоволенъ ея рѣшеніемъ и написалъ ей предерзкую бумагу: просто въ бумагѣ разругалъ ихъ всѣхъ. Палата представила его бумагу въ губернское правленіе, которое велѣло его предать суду. Je m' imagine, comme il sera enragé, mais que faire ¹⁾, надобно быть поскромнѣе, онъ уже слишкомъ зазнался. Но, признаюсь, пренепріятное его положеніе».

Я долго ходила по комнатѣ съ этимъ письмомъ, перечитывая его и волнуясь. Судился съ своимъ крестьяниномъ! Его самого судили!..

¹⁾ Я воображаю, какъ онъ взбѣсится; но что дѣлать.

Ужасно!.. Я отыскала маменькѣ нужное письмо и пошла къ ней просить разъясненія.

— Ахъ, Боже мой! все это страшный вздоръ и было ужъ Богъ знаетъ когда!—заговорила она съ раздраженіемъ, которое у нея всегда являлось, если ее спрашивали о чемъ-нибудь, что ужъ ей приходилось нѣсколько разъ оспаривать.—Разумѣтся, всегда и во всемъ виноватъ его языкъ. Былъ онъ по дѣламъ въ губернскомъ городѣ и заѣхалъ къ губернатору, тотъ его и спрашиваетъ при многихъ лицахъ, какъ идутъ его дѣла въ разныхъ палатахъ.—Я, слава Богу, выбрался цѣлъ и невредимъ изъ вашихъ муромскихъ лѣсовъ,—отвѣчалъ онъ.—Почему же это изъ муромскихъ лѣсовъ? спросилъ губернаторъ.—Да потому, что въ этихъ лѣсахъ, купцы сказываютъ, что пень, то разбойникъ; а тутъ у васъ я самъ видѣлъ, что стулъ, то разбойникъ. Разумѣтся, всѣ на него за это взбѣсились, и когда онъ вздумалъ рыцарствовать, и вмѣсто того, чтобы самому наказать своего мужика, подалъ на него прошеніе въ судъ, они сдѣлали ему такую гадость, что онъ разбранилъ ихъ всѣхъ въ официальной бумагѣ, и за это его самого отдали подъ судъ.

— Какъ же его судили?.. Что съ нимъ сдѣлали?..

— А сдѣлали то, что ему не велѣно было два года выѣзжать изъ деревни... Разумѣтся, срокъ сейчасъ же сократили, но все-таки онъ нѣсколько времени никуда не могъ выѣзжать...

— А за что онъ жаловался на крестьянина? Почему былъ недоволенъ судомъ?

— Ахъ, ужъ это не нашего съ тобой ума дѣло!.. Папенька говорилъ, что мужикъ былъ негодяй, а Андрей Кириллычъ во всемъ правъ... Я думаю, что намъ съ тобой этого довольно!..

Но мнѣ не было этого довольно. У меня за это время много накопилось недоумѣній, которыя мнѣ хотѣлось разъяснить, чтобы понять, что за человекъ этотъ Ступиловъ. Еще во время Юленькиной свадьбы Николенка, отыскивая что-то для меня въ обширныхъ карманахъ своего военного сюртука, вынулъ сложенный листокъ почтовой бумаги, заглянулъ въ него, улыбнулся и сказалъ:

— Ахъ, это не то! Это стихи Андрея Кириллыча...

Я пристала къ нему, чтобы онъ мнѣ ихъ далъ. Онъ отговаривался, что не интересно; что Андрей Кириллычъ это написалъ про своихъ сосѣдей; что маменька мнѣ бы ихъ не дала... Но я, зная, что онъ мнѣ непременно уступить, продолжала просить:

— Дайте, Николай Степанычъ!.. по старой дружбѣ!.. Неужели не дадите?.. Это моя первая къ вамъ просьба съ тѣхъ поръ, какъ я стала большая...

Онъ сильно покраснѣлъ, отдалъ стихи и ушелъ. Мнѣ стыдно объ этомъ вспомнить, потому что онъ вскорѣ посватался и ему отказали... А стихи были вотъ какіе:

Хоть снѣгъ и таетъ каждый часъ,
 А Баскаревка подъ горою,
 Но, ахъ! не смоешь грязи съ васъ
 Ни вешней, никакой водою.
 Вашъ батюшка свой кончилъ вѣкъ;
 Въ своей деревнѣ жилъ онъ Ноемъ,
 И даже, добрый человѣкъ,
 Имѣлъ привычку пить запоемъ.
 Ему бывало чортъ не братъ,
 Когда, по штофу взявъ подъ мышки,
 На свой взберется Араратъ
 И выпьетъ все на самой вышкѣ.
 Такъ много лѣтъ онъ жилъ да жилъ,
 И, чтобъ дивилися народы,
 Всю Баскаревку населилъ
 Онъ тварью собственной породы.
 Въ дурномъ онъ Ною подражалъ,
 И въ наказаніе за это
 Трехъ Хамовъ Богъ ему послалъ,
 Не давъ ни Сима, ни Іафета

Такъ вотъ какіе стихи онъ пишетъ!.. Потому мнѣ ихъ никогда и не давали!.. Вѣдь это пасквиль!.. Какъ мнѣ тогда сдѣлалось стыдно за него. Мой Делацплатьеръ относился презрительно къ этому роду литературы. А миссъ Смишь!.. Какъ трогательно просила она меня даже сатиры не читать, потому что находила во мнѣ расположеніе къ насмѣшливости. А ужъ до «libel»¹⁾ она просила меня никогда и не дотрогиваться. Какъ бы она огорчилась, если бы узнала, что я выпросила у молодого человѣка и прочитала стихи, которые мнѣ не дала бы моя мать. До чего я, въ самомъ дѣлѣ, распустилась и испортилась! Милая, дорогая м-съ Смишь!.. А что бы она сказала о моемъ знакомствѣ with alibler²⁾, который даже о Ноѣ осмѣливался упоминать въ своихъ сатирахъ... Напишу ей мою исповѣдь, рѣшила я тогда; но почему-то ничего не написала...

Все это мнѣ припомнилось теперь, послѣ посѣщенія монахинь, и я перебирала въ умѣ все, что знала и слышала о Ступиловѣ, въ то время какъ ловкая маменькина горничная одѣвала меня, чтобы ѣхать къ Александрѣ Петровнѣ. «Его любятъ и уважаютъ мои родители и очень хорошіе люди, напримѣръ, Силичъ, — думала я, — и совѣмъ его не боятся. Потомъ, мнѣ кажется, многіе только боятся его, но необыкновенно съ нимъ любезны», и я начинала замѣчать, что такъ къ нему относится Александра Петровна. Она при мнѣ рассказывала одной гостьѣ, что ужасно боялась его, когда была невѣстой, и упросила Дмитрія Кириллыча извѣстить брата о днѣ ихъ свадьбы такъ поздно, чтобы онъ никакъ не могъ пріѣхать. Она принесла и прочитала, смѣясь, гостьѣ его отвѣтъ на это приглашеніе:

¹⁾ Пасквиль.

²⁾ Съ пасквильянтомъ.

«Сейчасъ получилъ твое письмо и въ первый разъ въ жизни позавидовалъ Іоанну Новгородскому. Сей святой памяти епископъ, отслуживъ заутреню въ Новгородѣ, поспѣвалъ въ тотъ же день къ обѣднѣ въ Іерусалимъ. Будь увѣренъ въ томъ, что если бъ я имѣлъ его средства, то непременно бы ими воспользовался, чтобы посидѣть на твою свадьбу. Впрочемъ, святитель могъ отслужить обѣдню и у себя, не носясь такъ далеко; такъ поступлю и я: помолюсь дома о твоёмъ благополучіи и милостивой государыни сестрицы и попрошу тебя засвидѣтельствовать ей мое глубочайшее почтеніе».

Гостья очень смѣялась, но неодобрительно качала головой. Разумѣется, это было ужасно дурно, что онъ опять все поминалъ имя святого... Обѣ дамы пошли ходить по комнатамъ и тихо разговаривали, я была увѣрена, что обѣ немъ, и гостья ужъ не смѣялась, а, видимо, негодовала... И вотъ такъ выдаютъ его всёмъ самымъ близкіе родственники... А, вѣроятно, еще есть и такіе люди, что ненавидятъ его, а все таки очень любезны съ нимъ, потому что его боятся. Отчего всё его такъ боятся? «Оттого, что каждому не остановится правду въ глаза сказать», находятъ маменька. «За злой языкъ, за насмѣшки надъ всёмъ и надъ всёми», говорятъ другіе. А за что его любятъ?

— Ну, барышня, совсѣмъ готовы. Посмотритесь въ зеркало, да пожалуйте маменькѣ показаться,—прервала мои мысли горничная.

VI.

Я любила бывать у Александры Петровны; тамъ съ дѣтства всё меня встрѣчали такъ радостно. И теперь, какъ только я вошла въ переднюю, меня окружили привѣтливыя лица старыхъ слугъ. Изъ огромной, висящей на вѣшалкѣ медвѣжьей шубы барина выпрыгнула ко мнѣ маленькая дочь дворецкаго и обняла ручонками мою пышную юбку, приговаривая: «моя, моя, моя барышня!» Она тутъ плясала при всеобщемъ одобреніи, когда слышали подѣхавшихъ гостей и ее быстро спрятали въ давно знакомое ей убѣжище, откуда она выбѣжала на мой голосъ.

— Тоже масленицу справляетъ,—сказалъ мнѣ дворецкій, любовно глядя бѣлокурую головку своей дѣвочки.

Въ большомъ залѣ было темно, горѣли только двѣ свѣчи на открытомъ роялѣ. На придвинутомъ къ роялю столикѣ приготовлены были для меня мои любимыя лакомства. На пюпитрѣ лежало нѣсколько оперъ въ четыре руки и записочка отъ Александры Петровны:

«Если тебѣ, душа моя, все равно, такъ не вели зажигать лампъ до половины осьмого. Княгиня всегда поздно пріѣзжаетъ, а я боюсь, чтобы кто другой не пріѣхалъ очень рано на огонекъ. Дмитрій возвратится изъ деревни не раньше осьми, а у меня нынче что-то голова не хороша: надо вылежаться»

Распорядившись освѣщеніемъ, я сѣла за рояль и стала пробовать «Гугенотовъ», которыхъ совсѣмъ не знала. Я такъ увлеклась прелестными мотивами, что забыла назначенное мнѣ скромное secondo, а старалась, правда, не совсѣмъ удачно, захватить двумя руками все, что было назначено для четырехъ. Дверь изъ передней отворилась. «Что-нибудь объ освѣщеніи», подумала я и, не поднимая глазъ отъ нотъ, ожидала, что такое мнѣ почтительно доложатъ. Вдругъ что-то заставило меня быстро оглянуться: ко мнѣ подходилъ Андрей Кириллычъ.

Я весело его привѣтствовала.

— Вѣрные слуги Александры Петровны не пускали меня къ вамъ,—продолжалъ онъ шутливо:—говорили, что Волоцкая барышня играетъ и не велѣла освѣщать залъ, чтобы кто не пріѣхалъ и не помѣшалъ ей. Меня приглашали въ кабинетъ брата... но мнѣ такъ захотѣлось видѣть Волоцкую барышню, que j'ai osé violer sa consigne ¹⁾.

Я спросила, отчего онъ такъ долго не пріѣзжалъ въ городъ.

— Намъ, деревенскимъ жителямъ, городъ опасенъ,—продолжалъ онъ въ томъ же тонѣ.—Все это время, какъ я не былъ здѣсь, я старался побѣдить въ себѣ страсть... къ маскарадамъ, которую получилъ въ городѣ.

— Какъ же вы боролись съ этой страстью?—спросила я смѣясь.

— Учился по-испански.

— И помогло?..

— Очень мало! Извѣстная вамъ bergère de Wateau все время заслоняла отъ меня текстъ «Донъ-Кихота», такъ что я теперь очень удивился, увидавши Волоцкую барышню въ темномъ платьѣ, съ темными волосами: я все время видѣлъ ее пудреную, въ голубомъ и розовомъ.

— Прелестный былъ вашъ балъ,—сказала я:—мы всѣ тоже долго имъ бредили! Вы такъ расшевелили наше общество, что мы все время танцуемъ, у насъ балъ за баломъ... Только вы ни разу не пріѣхали взглянуть на насъ. Прежде, до занятія испанскимъ языкомъ, вы говорили, что любите изучать веселящуюся молодежь...

— Но я знаю все, что у васъ тутъ было; слышалъ все о вашихъ балахъ: Силичъ и tutti quanti ²⁾, которымъ не сидится дома и которые не понимаютъ, мучать они или забавляютъ человѣка своими рассказами, пріѣзжали ко мнѣ безпрестанно съ разными новостями; и вотъ я, какъ слабый человѣкъ, бросилъ испанскую грамматику и пріѣхалъ посмотреть, что вы тутъ дѣлаете.

— Мы веселимся,—сказала я.—До поста будетъ еще два бала.

¹⁾ Что я осмѣлился нарушить ея приказъ.

²⁾ Всѣ подобныя.

— Вот я и приѣхаль посмотрѣть, какъ вы веселитесь; собственно вы... И это такъ понятно... Ужь если мнѣ изучать кого, такъ это васъ. Вѣдь я знаю васъ съ дѣтства; помню васъ прелестной дѣвочкой, радостной, впечатлительной, всеѣмъ увлекающейся... но мгновенно утихавшей при первомъ словѣ вашей матушки, то-есть при первомъ словѣ человѣка, котораго вы любили...

Онъ остановился. Я молчала, и мнѣ припоминалось мое милое дѣтство.

— Теперь я васъ увидаль молодой дѣвушкой,—продолжалъ онъ.—Вы прошли черезъ строгую школу вашей тетушки и ея чопорной англичанки, но остались все такой же живой, искренней и отзывчивой, какъ были въ дѣтствѣ. Вы всеѣмъ вкружили головы нашей молодежи, да и намъ, старикамъ... Самые наши отборные jeunes premiers предлагали вамъ руку и сердце. Даже заѣзжіе воины клали къ вашимъ ногамъ свое оружіе! Были между ними и такіе, за кого ваши родители желали бы отдать васъ... Но тутъ, какъ настоящая женщина, вы слушались только вашего сердца... Разумѣется, у васъ, какъ у каждой молодой дѣвушки, есть ужъ идеаль вашего будущаго мужа. Можетъ, вы его составили по Диккенсу, Вальтеръ-Скотту или Пушкину, которыхъ такъ любите. Мнѣ, какъ старой нянѣ, которая гордится «славой вашею и вами», хотѣлось бы знать, кого вы можете выбрать и... полюбить...

Его голосъ, который я съ дѣтства такъ любила, эта смѣсь шутокъ и задушевности, съ которой онъ теперь говорилъ, всеѣмъ меня обезоружили. Я совершенно забыла, что этотъ красивый, изящный и увлекательный человѣкъ, который стоитъ передо мной, пишетъ па-сквили, издѣвается надъ становымъ въ монастырской книгѣ; судился съ своимъ крестьяниномъ и самъ былъ за дерзость подъ судомъ... Да, я забыла все волновавшія меня сомнѣнія и заговорила съ нимъ опять такъ свободно и откровенно, какъ съ старымъ другомъ.

— Я знаю жизнь не только изъ Диккенса и Вальтеръ-Скотта... Разумѣется,—продолжала я, чувствуя, что краснѣю:—послѣ всѣхъ этихъ... которые мнѣ дѣлали честь... я думала и о томъ, какого бы я хотѣла имѣть мужа.... Изъ литературныхъ жениховъ мнѣ всего больше нравится сказочный принцъ,—сказала я смѣясь.—Еще дѣвочкой я рѣшила, что выйду замужъ непременно за принца. Надо только быть кроткой, послушной; ласково поить у фонтана старушекъ; сидѣть въ золѣ и угождать своимъ злымъ сестрамъ; быть такой доброй, что даже соглашаться выйти замужъ за звѣря... и къ вамъ за это является принцъ. Тутъ ужъ не надо выбирать, потому что для каждой сказочной героини приготовленъ добрыми феями ея принцъ. Онъ всегда красивъ, добръ, уменъ, честенъ, великодушенъ, храбръ и любить ее, какъ можетъ любить только принцъ...

— Вы забыли прибавить, что вашъ принцъ долженъ быть модь,—сказалъ Ступиловъ.

— Это все равно... онъ только тогда ужъ король. И когда онъ является, сказочная героиня забываетъ все: семью, родину, подругъ. Принцъ сажаетъ ее къ себѣ на сѣдло и увозитъ, или ведетъ ее во дворецъ къ королю-отцу. И она идетъ за нимъ, потому что вѣрить въ своего принца... И въ нашей, не сказочной жизни, мнѣ кажется, можно выходить только.. за своего принца... то-есть за человѣка, съ которымъ пойдешь, забывая все и оставляя всѣхъ...

— Можетъ быть, вы ужъ знаете вашего принца?—спросилъ Ступиловъ.

— О, нѣтъ,—сказала я смѣясь.—Принцъ обыкновенно является, когда героиня несчастна; когда у ней или злая мачеха, или злая сестры; когда ее не любятъ, притѣсняють.... А мнѣ такъ хорошо живется, что самъ Перро не придумалъ бы для меня такого очаровательнаго принца, съ которымъ бы я уѣхала и оставила всѣхъ, кого такъ люблю...

— Половина осьмого, прикажете освѣщать?—спросилъ меня неслышно вошедшій дворецкій.

— Погоди, братецъ, еще рано,—рѣзко отвѣтилъ ему за меня Ступиловъ.

Дворецкій кашлянулъ въ руку и, не трогаясь съ мѣста, вопросительно смотрѣлъ на меня.

— Да, можно еще немножко подождать... я тогда позвоню...—сказала я, сконфуженная невниманіемъ дворецкаго къ приказанію Ступилова и моей ролью хозяйки.

Дворецкій вышелъ съ почтительнымъ «слушаю-съ».

— Мы, можетъ быть, здѣсь сегодня потанцуемъ,—сказала я.—Александра Петровна писала мнѣ, что у ней будетъ княгиня Тунгусова съ дочерьми...

— Княгиня?.. И съ дочерьми!.. Это ужасно... Я сейчасъ уйду. Я не переносу ея!.. Меня раздражаютъ ея чепцы съ длинными, развѣвающимися лентами, ея вѣчная фальшивая улыбка, ея несчастныя дочери! Чтобы сдѣлать интереснѣе этихъ дѣвицъ, княгиня пришила имъ этикетки: художница, музыкантша, ingénue, и возитъ ихъ по всему свѣту, отыскивая имъ жениховъ... Мнѣ ужасно досадно,—сказалъ онъ, берясь за шляпу:—но я долженъ уйти; я не хочу видѣть, какъ эти несчастныя княжны будутъ здѣсь разыгрывать назначенныя имъ маменькой emplois!...

Я нервно вертѣла кольцо на рукѣ, стараясь побѣдить мое негодованіе на его злую выходку. Но зачѣмъ притворяться? Зачѣмъ оставлять между нами что-нибудь невыясненное?.. И я «сорвалась», какъ выражалась обо мнѣ въ такихъ случаяхъ моя мать. Страшно волнуясь, я встала и начала говорить, что совсѣмъ не понимаю, какъ онъ, такой хорошій человѣкъ, можетъ не выносить кого-нибудь только за то, что ему не нравится улыбка или длина лентъ на чепцѣ... И потомъ эта привычка все и всѣхъ осмѣивать!.. Почему онъ думаетъ,

что имѣть на это право? Потому, что онъ находчивъ, остроумень и можетъ однимъ словомъ уничтожить человѣка? Тутъ я упомянула о монахиняхъ и кончила тѣмъ, что насмѣшка орудіе опасное; можно, уничтожая враговъ, оттолкнуть отъ себя и всѣхъ друзей!.. Я перестала говорить, потому что боялась заплакать; но все время, какъ говорила, храбро смотрѣла ему въ глаза. Онъ сначала только удивился моей выходкѣ, потомъ очень поблѣднѣлъ и все время смотрѣлъ на меня такими глазами, что я бы испугалась, если бъ у меня могъ быть къ нему какой-нибудь страхъ. Когда я замолчала, онъ меня спросилъ:

— Почему вы все это мнѣ сказали?

— Потому, что я хочу, чтобы всегда и во всемъ вы были правы... А теперь?.. теперь я совсѣмъ не знаю, что вы за человѣкъ!..

Онъ сдѣлалъ быстрое движеніе, какъ будто хотѣлъ подойти ко мнѣ, но остановился, положилъ свою шляпу и остался на прежнемъ мѣстѣ у рояля.

— Вы бы хотѣли, чтобы я всегда и во всемъ былъ правъ... Но, къ несчастію, я виноватъ во всемъ, въ чемъ вы такъ горячо и справедливо меня обвиняли. Я ничего не могу отрицать... ни въ чемъ не могу оправдаться...

Онъ говорилъ не совсѣмъ своимъ голосомъ, но у него было странно счастливое лицо для такого виноватаго человѣка.

— Но почему вы такой?..—продолжала я, еще больше волнуясь.— Почему вы не желаете быть лучше... отчего не боретесь съ собой?..

— Вотъ вопросы, на которые я могъ бы много отвѣтить и даже нѣсколько оправдать себя, если бъ это было не передъ вами... Почему я такой?.. Чтобы отвѣтить вамъ, надо васъ провести по всей моей жизни, а это путь не для вашихъ ножекъ!.. Сколько грязи... Сколько разныхъ гадовъ!.. Моя жизнь!.. Моя безумная жизнь!.. Но въ ней, въ моей жизни и все мое оправданіе... а я страстно хочу возвратить хоть частичку вашего прежняго довѣрія ко мнѣ. Вы сказали, что совсѣмъ теперь не знаете, что я за человѣкъ? Вы, можетъ быть, думали, что я Баярдъ, *chevalier sans peur et sans reproche!* Но если бы мы жили съ вами въ средніе вѣка, и я бы былъ храбрый рыцарь, а вы моя дама, и вы бы захотѣли повязать мнѣ на руку шарфъ съ девизомъ: «Будь всегда правъ», я, какъ честный рыцарь, возвратилъ бы вамъ шарфъ съ просьбой перемѣнить девизъ на другой, мнѣ возможный: «Винись мнѣ, когда былъ не правъ». И если бы дама на это согласилась, рыцарь прославилъ бы ея имя на весь міръ своими подвигами и, возвратясь, положилъ бы къ ея ногамъ свои трофеи и свои грѣхи... Вы спрашиваете, почему я такой... Можетъ быть, потому, что я выросъ безъ матери... Меня, шестилѣтняго мальчика, отдали моему дѣду, чтобы утѣшить его въ потерѣ единствен-

1) Рыцарь безъ страха и упрека.

наго сына; судя по портретамъ, я былъ поразительно на него похожъ. Молодой человѣкъ лишилъ себя жизни, потому что отецъ не позволилъ ему жениться на дѣвушкѣ, которую онъ любилъ. Отецъ былъ въ отчаяніи; бросилъ Петербургъ и заперся отъ всѣхъ въ своей степной деревнѣ. Моя мать была любимая его дочь; она пріѣхала къ нему и, несмотря на запрещеніе, вошла къ нему со мной въ кабинетъ. Я какъ теперь вижу, какъ высокій, сѣдой старикъ въ бархатной мѣховой шубѣ грозно поднялся съ своего кресла при видѣ незваныхъ гостей. Мать моя бросилась передъ нимъ на колѣни и пригнула мою голову къ его ногамъ. Дѣдушка поднялъ мою мать, взялъ меня на руки, долго смотрѣлъ мнѣ въ лицо и заплакалъ въ первый разъ послѣ смерти сына... Тутъ рѣшилась моя участь... Съ шести лѣтъ я ужъ началъ повелѣвать всѣми меня окружающими. Не поддавался мнѣ только мой дядька Михеичъ, но что могъ онъ одинъ противъ всѣхъ. Дѣдушка былъ человѣкъ съ желѣзной волей, сильными связями, огромнымъ богатствомъ; не только всѣ въ домѣ, но и всѣ сосѣднія губерніи передъ нимъ трепетали... а я дѣлалъ изъ него что хотѣлъ. Учители и воспитатели, русскіе и иностранцы, которыхъ дѣдушка бралъ для меня, желали только быть со мной въ дружбѣ, потому что имъ платили щедро и житье имъ у дѣдушки было отличное. Да и я былъ очень милый мальчикъ, когда мнѣ позволяли дѣлать все, что я хочу... Потомъ въ школѣ, въ полку, вездѣ я былъ милымъ товарищемъ, если всѣ мнѣ подчинялись. Карманы мои были полны дѣдушкиныхъ денегъ. У меня не было желанія, котораго бы я не могъ исполнить; не было цѣли, которой бы я не могъ достигъ... Мнѣ всегда все удавалось... И вотъ въ этотъ періодъ моей жизни, когда мое самолюбіе было удовлетворено со всѣхъ сторонъ, этимъ самолюбіемъ воспользовались и жестоко меня обманули... Дѣло шло о моей чести, стало быть, и о моей жизни... Судьба и тутъ меня выручила... Но зато потомъ, въ самое счастливое время моей жизни, отняла у меня все, чѣмъ была дорога мнѣ жизнь...

Онъ остановился. «Смерть его жены», промелькнуло у меня въ умѣ.

— Послѣ этого страшнаго наказанія я боролся съ собой, Миropія Васильевна, я старался быть лучше...—продолжалъ Ступиловъ, нервно заламывая сложенные пальцы.—Но вѣдь у меня чуть не отъ Рюрика идутъ предки, и все богатыри... народъ отчаянный, удалой и... развеселый... Одинъ Богъ знаетъ, какъ мнѣ трудно бороться съ собой, когда во мнѣ закипають унаслѣдованныя отъ нихъ страсти!.. Хожу на медвѣдей... иногда помогаетъ... Вы говорите, что было недостойно меня издѣваться надъ становымъ въ книгѣ смиренной монахини, посланной за сборомъ... Это сидящій во мнѣ бѣсъ насмѣшки... Я его, можетъ быть, тоже унаслѣдовалъ отъ какого-нибудь предка, лихого застольнаго бражника и балагура... и потому это бѣсъ неодолимый... Правда, что въ подобныхъ этому случаяхъ я и не борюсь съ собой; столько кругомъ дряннаго и пиз-

каго, что не стоить каждый раз торжественно извлекать мечъ, а можно дать и хорошій мѣткій щелчокъ... Но, разумѣется, я бываю безпрестанно неправъ, и это меня мучить. Трудно бороться съ врожденной и закоренѣлой привычкой властвовать и надъ всѣмъ потѣшаться, когда вооруженъ только однѣми идеями... прекрасными идеями; я вѣрю въ ихъ свѣтлую будущность, но онѣ не вошли еще въ мою плоть и кровь... Повѣрьте, что я не все только злюсь или смѣюсь, но и сильно страдаю... Меня успокаиваетъ, дѣлаетъ лучше природа... русская природа съ ея зимой и вьюгами, и теперь я буду больше жить здѣсь въ деревнѣ... Одинъ изъ моихъ дядей былъ отшельникъ... У меня хранятся его вериги; я очень силенъ, но не легко поднимаю ихъ... Онъ ушелъ, молодой, блестящій красавецъ, изъ своего великолѣпнаго полка въ приволжскій монастырь. Года черезъ два его нашла мать въ прелестной мѣстности, въ вырытой имъ самимъ пещерѣ. Она застала его на колѣняхъ передъ грубымъ крестомъ. Когда онъ обернулся на ея страстный призывъ, ее такъ поразило торжественное спокойствіе его исхудалаго лица, что она не осмѣлилась предложить ему возвратиться къ прежней жизни, а поселилась сама въ сосѣдней деревнѣ. Онъ скоро умеръ у нея на рукахъ, свѣтлый и радостный. Она похоронила его тамъ, гдѣ нашла, и поставила надъ нимъ только его крестъ... Я тоже дѣлаюсь лучше, когда вижу дѣтей... васъ... Не сердитесь!.. Несмотря на тѣ справедливыя, прелестныя нравоученія, которыя вы сейчасъ мнѣ дѣлали, вы еще совсѣмъ, совсѣмъ ребенокъ... И вы всегда дѣйствуете и дѣйствовали на меня благотворно. Когда вы маленькой дѣвочкой пріѣхали въ Ступиловку и весело бѣгали по моему скучному дому, радостно и вопросительно глядя кругомъ... я вспомнилъ, что у меня есть дочь... я взялъ ее къ себѣ... Но моя дочь не похожа на васъ... Да и я оказался невозможнымъ отцомъ...

— Что же это, Мира, ты дорогого гостя впотьмахъ принимаешь!..— сказала, выходя къ намъ изъ гостиной, Александра Петровна.

Я бросилась къ сонеткѣ, но ужъ входили слуги съ лампами, и залъ быстро освѣтился.

VII.

Александра Петровна съ гостемъ прошли, разговаривая, въ гостиную. Я осталась въ залѣ. Я точно проснулась отъ интереснаго сна и боялась забыть его. Мнѣ хотѣлось повторить въ умѣ, передумать все, что говорилъ Ступиловъ. Но гости начали съѣзжаться, пришли Силичъ, Гаристовъ; мнѣ надо было ихъ слушать, съ ними говорить. Княгиня пріѣхала безъ дочерей и игриво заявила Александрѣ Петровнѣ, qu'elle aura le plaisir de recevoir des masques ¹⁾.

¹⁾ Что она будетъ имѣть удовольствіе принимать у себя ряженыхъ.

Андрей Кириллыч стоялъ въ дверяхъ гостиной, и онѣ обѣ остановились съ нимъ. Княгиня что-то горячо говорила ему, нервно отбрасывая назадъ голубыя завязки чепца... правда... очень длинные; а онѣ покорно ее слушались.

Въ это время вошелъ въ залъ запоздавшій хозяинъ дома и съ нимъ... нѣтъ, я не ошибаюсь... съ нимъ рядомъ, красиво держа подъ рукой цилиндръ, идетъ Борисъ Дубецкій... Я едва удержалась, чтобы не броситься къ нему навстрѣчу; и въ то время, какъ онѣ съ достоинствомъ и учтивостью истаго правовѣда почтительно разговаривалъ съ хозяйкой, я приготовилась встрѣтить его какъ должно взрослой дѣвицѣ.

— Ma cousine, ужасно радъ васъ видѣть,—сказалъ онѣ, подходя ко мнѣ съ хозяиномъ и цѣлуя у меня руку.

— Не вѣрьте, не вѣрьте... Я насильно увезъ его со станціи, чтобы сдѣлать вамъ сюрпризъ,—сказалъ смѣясь Дмитрій Кириллычъ.

— Правда, кузина, во мнѣ долго шла борьба чиновника, стремящагося на свой постъ, и вашего преданнаго кузена; но, какъ видите, чиновникъ побѣжденъ, и я здѣсь...

— Только благодаря моей настойчивости и усердію,—говорилъ Дмитрій Кириллычъ, уводя его знакомить со всѣмъ обществомъ. Съ Гаристовымъ онѣ почему-то поцѣловался, и тотъ хлопалъ его по плечу и что-то рассказывалъ окружающимъ ихъ мужчинамъ.

— Молодъ, красивъ и изященъ, какъ сказочный принцъ; не правда ли?—сказалъ, подходя ко мнѣ, Андрей Кириллычъ.

— Да, да!.. Недостаетъ только плаща, берета и шпаги,—сказала я смѣясь.—Если бъ вы знали, Андрей Кириллычъ, какъ милы эти Дубецкіе!.. Талантливые, веселые, простые!.. Борисъ прекрасно поетъ и никогда не отказывается пѣть, когда его просятъ.

— Мнѣ кажется, все это очень идетъ къ вашему принцу,—продолжалъ онѣ шутиливо.

— Андрей, пойдѣмъ пожалуйста къ княгинѣ,—позвалъ его Дмитрій Кириллычъ.—Она проситъ тебя рѣшить нашъ споръ... знаешь, о войнѣ. Она получила письма изъ Петербурга и увѣряетъ, что все улажено, войны не будетъ...

— Пойдемъ, пойдѣмъ... Надѣюсь, что вы мной довольны?—сказалъ мнѣ Андрей Кириллычъ, уходя.

Я вспомнила мою проповѣдь и очень смутилась. Ко мнѣ подошелъ Борисъ.

— Вообразите, кузина, этотъ милый старикъ Гаристовъ былъ въ одной дружинѣ съ моимъ отцомъ. Ужасно мнѣ обрадовался; говоритъ, очень я на отца похожъ. Рассказываетъ анекдотъ изъ ополченскихъ подвиговъ, но я... незамѣтно исчезъ... Вѣдь я сдѣлалъ восемьдесятъ верстъ крюку только для того, чтобы видѣть васъ... Ну, могу сказать, кузина Мира, похорошѣли такъ, что, пожалуй, бросишь своего прокурора, да тутъ и останешься... И здѣсь ужъ,

кажется, всё въ васъ влюблены, между прочимъ и нашъ хозяинъ. Все время, какъ мы приводили себя въ порядокъ послѣ дороги, онъ только и говорилъ, что о вашихъ побѣдахъ... А этотъ Головинъ славный малый... Я его видалъ въ Петербургѣ у его родныхъ...

— На долго ли пріѣхали, mon cousin?—перебила я его, краснѣя.

— На этотъ вечеръ, кузина.

— Какъ! на одинъ вечеръ?.. Это невозможно... Вы должны непременно быть у насъ... Неужели нельзя остаться на завтра?..

— Невозможно, кузина. Ужъ дурно и то, что я теперь здѣсь.

Я начала его разспрашивать о тетущкѣ, о Нелли, о моемъ миломъ Володѣ, о миссъ Смиль; всё они совсѣмъ забыли меня.

— Тетущка все такъ же хороша и изящна. Шлангенбадъ всегда ее оживляетъ. Я видѣлъ ихъ, когда онѣ возвращались черезъ Петербургъ. Кузина Нелли была очень довольна путешествіемъ, къ нимъ пріѣзжалъ дядюшка и ѣздилъ съ Нелли въ Шварцвальдъ, а вѣдь они съ нимъ большіе друзья. Теперь у васъ въ сердцѣ миссъ Смиль есть опасный соперникъ, маленькій Саша; она будетъ жить у Софьи Васильевны, когда Володю отвезутъ въ Петербургъ. А Володя послѣ вашего отъѣзда прислалъ мнѣ меланхолическое стихотвореніе, полное тоски по васъ. Свои строфы онъ озаглавилъ: «Уѣдинѣніе» съ тремя ятями, и это какъ-то еще сильнѣе подчеркивало его печаль.

— Милый, дорогой мой мальчикъ!—сказала я, смѣясь сквозь слезы.—Безъ меня ему будетъ еще труднѣе справляться съ ореографіей.

Доложили о ряженныхъ. Съ хоръ заиграли имъ польскій. Они вошли парами и церемонно раскланивались передъ хозяйкой; сзади всѣхъ шла голова сахару. Мы съ Борисомъ стали въ выемкѣ окна, чтобы не быть замѣченными: намъ такъ хотѣлось поговорить. Но это не удалось: всё заинтересовались моимъ красивымъ кузеномъ, да и просто новымъ лицомъ. Ряженые насъ обступили: цыганка (княжна *ingéne*) начала ему гадать по рукамъ; королева картъ въ карточной коронѣ и мантии (княжна-художница) предлагала ему нести ея шлейфъ, и за это она наградитъ его счастьемъ въ картахъ; астрологъ въ мантии и остроконечной шапкѣ съ кабалистическими знаками предложилъ составить ему гороскопъ, и я узнала голосъ княжны-музыкантши. Пьеро и шуты острили и паясничали около насъ. Борисъ отшучивался на всѣхъ языкахъ.

Заиграли польку, и всѣ пары пустились танцовать. Цыганка пригласила Бориса; они сдѣлали нѣсколько туровъ и оба подошли къ Дмитрію Кириллычу, что-то ему заявляя.

— Редову,—крикнулъ онъ музыкантамъ.

Всѣ пары, кто какъ умѣлъ, затанцовали этотъ красивый танецъ. Около меня стоялъ Гаристовъ и все время ворчалъ, что ужъ теперь и ряженые не пляшутъ, а какія-то редовы выфантавуютъ.

Зрѣль ли ты, нѣтъ тиесійскій,

началь онъ декламировать навстрѣчу подходящему Борису.—

Какъ весной въ лугахъ бычка,
Пляшутъ дѣвушки россійски
Подъ свирѣлью пастушка.
Какъ, склонясь главами, ходять,
Башмачками въ ладъ стучать,
Тихо руки, взоръ поводятъ
И плечами говорятъ...

— Да, Борисъ, милый другъ, есть у насъ своя пляска подъ нашу русскую пѣсню; мы съ твоимъ отцомъ ее плясывали, да еще какъ!.. А вы теперь только редовами пробавляетесь... А это что такое...

И онъ началъ напѣвать редову, еще очень красивымъ голосомъ, конечно спотыкаясь на концѣ каждого такта.

— А что, кухня, если бъ мы проплясали ему нашу грачевскую?.. Вѣдь потѣшили бы старика!..—сказалъ Борисъ, когда Гаристовъ ушелъ дальше жаловаться на нынѣшніе танцы.

— Да, я думаю!.. Я ее помню... Какъ тогда было весело... Какъ смѣшно благодарила и угощала насъ Соня...

— Такъ вспомните старину, кухня!.. Вѣдь ряженые не оставлять насъ въ покоѣ; а тутъ мы будемъ въ парѣ; да и потѣшимъ милого старичка... Ну, пожалуйста!.. Вы такая патриотка, а вѣдь онъ насъ отъ французовъ спасалъ...

— Надо одѣваться въ сарафанъ... Да и вы не во фракъ будете плясать.

— Въ каждомъ русскомъ домѣ есть еще, слава Богу, русское платье... Намъ съ вами надо самое простое, а здѣсь навѣрно всякое найдется...

Я ужъ сама начала загораться.

— Надо спросить у Александры Петровны, можно ли,—сказала я и пошла въ гостиную.

— Пойдемте вмѣстѣ, ma cousine, я лучше васъ умѣю просить. Помните, миссъ Смисъ никогда противъ меня устоять не могла...

Мы вошли въ гостиную, смѣясь и разговаривая. Тамъ были только Силить и Андрей Кирилловичъ.

— Хотимъ нарядиться и проплясать русскую,—сказала я имъ, проходя:—только не говорите.

Передъ дверью диванной я остановилась.

— Помните вы, подъ какую пѣсню надо плясать?—спросила я Бориса. Онъ закинулъ голову, припоминая, а я запѣла ему:

Научить ли те воръ, Ванюша,
Научить ли те воръ, Ванюша.

И Борисъ подхватилъ совсѣмъ по-грачевски:

Какъ ко мнѣ-а-ходить,
Какъ ко мнѣ-а-ходить.

Александра Петровна была одна и что-то приказывала своей экономкѣ. Мы явились передъ ней смѣющіеся и возбужденные. Ее не надо было просить; она сама радовалась всякой веселой затѣѣ. Тотчасъ же она приказала экономкѣ, что надо вынуть и послать на мужскую половину и что принести къ ней въ уборную.

— Кузинѣ надо непременно фартукъ и красный платокъ на голову,—сказаль Борисъ.—Только я васъ подвяжу, кузина, вы сами не умѣете.

Онъ уходилъ.

— Борисъ,—крикнула я ему въ гостиную, забывая второпяхъ всѣ церемоніи,—сбѣгайте прежде на хоры къ музыкантамъ, вызовите Никиту и напоите ему «Ванюшу». Надо все скорѣе, а то, пожалуй, ряженые уѣдутъ.

— Имъ подають фрукты,—сказала Александра Петровна.—Да велите, Борисъ Петровичъ, музыкантамъ кадрили имъ сыграть. А тамъ я махну изъ дверей гостиной, когда начинать плясовую.

Меня живо одѣли. Сарафанъ я выбрала синій, рубашку потолще, фартукъ бѣлый со строчками. Косу мнѣ распустили и вплели въ нее красную ленту. Красный фуляръ я сложила и повязала, какъ грачевскія дѣвушки; въ руки взяла бѣлый платокъ съ цвѣтной каемочкой. Пришли сказать, что и Борисъ готовъ. Мы вышли съ Александрой Петровной въ гостиную; тамъ теперь никого не было, всѣ ушли смотрѣть, какъ ряженые танцуютъ кадрили.

Борисъ былъ прелесть. Хотя на немъ былъ все шелкъ, но онъ такъ подвязаль поясъ съ мѣднымъ гребнемъ и ключомъ, такую добыль шапку гречаникомъ, что былъ совсѣмъ деревенскій парень.

— А вы, кузина, совсѣмъ грачевочка... Только платокъ не совсѣмъ хорошо... Надо, чтобы спереди рожки торчали... вотъ такъ...

Онъ сталъ передо мной и поправляль мнѣ платокъ.

— Какъ вы выросли, кузина... Вы почти съ меня ростомъ. И можно ли было такъ безбожно похорошѣть...

Мнѣ было не до комплиментовъ, я вся была занята пляской.

— Выучилъ Никита плясовую?

— Еще бы!.. вашъ Никита виртуозъ!.. Онъ мнѣ ее сыграль такъ лихо и красиво, что весь залъ съ нами запляшетъ.

— Послушайте, Борисъ, намъ надо сговориться, какъ плясать: подходите ко мнѣ только три раза, и чтобы третій—былъ самый забористый... А когда я пойду передъ вами большимъ кругомъ, такъ вы то догоняйте, то отставайте, чтобы мнѣ ловко было то манить васъ, то отмахиваться... Ну, да вотъ вамъ: пляшите, какъ Кузьма съ мельницы, а я буду какъ старостина Алена.

— Слушаю!.. слушаю!..—сказаль онъ смѣясь:—совсѣмъ моя прежняя горячая кузиночка!..

Кадриль кончили; мы пошли въ залъ. Въ дверяхъ стояли Андрей Кирилловичъ и Александра Петровна. Я весело имъ кивнула. Музыка грянула «Ванюшу», и мы вышли на средину зала «за ручку», какъ выходили въ Грачахъ изъ хорада пары на пляску. Гаристовъ закричалъ: «браво, браво!» и всѣ зааплодировали. Мы съ Борисомъ разошлись и стали другъ противъ друга. Стояла я подбоченясь лѣвой рукой и держала въ ней уголь фартука. Когда Борисъ началъ подходить ко мнѣ, притопывая мелкой дробью, я подняла надъ головой руку съ платочкомъ и, то отмахиваясь отъ него, то порою плечами, плавно прошла кругъ на одномъ мѣстѣ, перебирая въ лады ногами; я чувствовала, что у насъ идетъ очень хорошо... Кончили мы при общемъ одобреніи публики, но все заглушалъ голосъ Гаристова; онъ держаль Андрея Кирилловича за лацканъ сюртука и кричалъ въ совершенномъ экстазѣ:

— Вотъ это наше родное!.. Русское!.. Настоящее!.. Всѣ косточки, всѣ суставчики заходятъ!.. Изъ старика молодымъ дѣлаешься.

— Мы для васъ и старались, Василій Степановичъ,—сказаль Борисъ, подводя меня къ нему «за ручку» и кланяясь ему въ поясъ, какъ послѣ пляски кланялись господамъ въ Грачахъ.

— Не обезсудьте насъ, Василій Степановичъ, ужъ какъ умѣемъ,—вспомнила я фразу бойкой Алены и тоже низко ему поклонилась.

Онъ расцѣловаль мнѣ руки, благодаря, что такъ потѣшили старика, и обняль Бориса.

— Весь въ отца,—сказаль онъ, обращаясь къ Андрею Кирилловичу.—Тотъ на все былъ молодець: и съ барышнями поплясать, и съ непріателемъ драться...

— Намъ съ братомъ не суждено драться,—сказаль Борисъ, и на лицо его налетѣла тѣнь.—А въ Петербургѣ говорятъ, война будетъ.

— Что же вамъ мѣшаетъ поступить въ полкъ?..

— Воля покойной матушки: она непремѣнно хотѣла, чтобы я былъ правовѣдъ, а братъ—лицеистъ.

Гаристовъ взяль его подъ руку, и они отошли, разговаривая.

— А вамъ нравится, какъ мы плясали?—спросила я Андрея Кирилловича.

— Прелестно!.. И всего лучше то, что вамъ такъ весело.

— Съ Дубецкими всегда весело!.. Посмотрите... Борисъ станвится плясать съ цыганкой... Вы не узнали ее?.. Это меньшая княжна. И вотъ онъ только приплюснулъ шляпу, какъ-то весь по добрался... и—настоящій цыгань!..

— Это тотъ вашъ кузень, съ которымъ вы все катались верхомъ?

— Нѣтъ, нѣтъ!—сказала я смѣясь:—то былъ Павелъ. Онъ тоже очень милъ, только немножко сумасшедшій... Ему, какъ и мнѣ, надо бы тоже многое запретить... Можетъ быть, мнѣ и теперь не надо бы наряжаться и плясать,—сказала я, вглядываясь съ беспокойствомъ въ лицо Андрея Кирилловича.

— Почему вы это думаете?

— Мнѣ кажется, что вы не одобряете... что вамъ не нравится...

— Такъ вы до сихъ поръ еще не замѣтили, что мнѣ нравится все, что вы дѣлаете?—спросилъ онъ тѣмъ шутливымъ тономъ, который всегда меня успокаивалъ.

Ряженые откланивались Александрѣ Петровнѣ, подходили съ привѣтствіями ко мнѣ и уѣзжали. Остались только княжны и голова сахару, жена вице-губернатора Нежданова, ей только надо было снять съ себя синій бумажный футляръ съ прозрачной маркой изъ блага тюля: «Фабрика Штиглица. Рафинадъ», черезъ которую она смотрѣла, и поставить его въ уголь, а княжны пошли со мной снимать свои мантии и головные уборы.

Переодѣлась я жиро, но Александра Петровна задержала меня съ моей прической такъ, что, когда я вышла въ залъ, Борисъ и княжна *ingénue* ужъ нѣли дуэтъ, а княжна-музыкантша имъ аккомпанировала. У княжны былъ маленькій голосокъ, но она съ большимъ чувствомъ просила Бориса:

Гондольеръ, подавай мнѣ гондолу.
Помолюсь за тебя я ночнымъ небесамъ,
Цѣловать я тебѣ руку бѣлую дамъ,
И вдобавокъ спою баркаролла.

А Борисъ своимъ прелестнымъ теноромъ отъ всего отказывался и только повторялъ:

Одного жажду я по-цѣ-луя!..

Когда они кончили, пропѣвши вмѣстѣ, что у сеньоры на щечкѣ «поцѣлуй пламенѣль», Борисъ усадилъ княжну-музыкантшу играть. *Ingénue* стала перевертывать ей листы, потому что Борисъ съ поклонами и энергичными жестами отъ этого отказался. Онъ пошелъ ко мнѣ по опустѣвшему залу; Андрей Кириллычъ отдѣлился къ нему навстрѣчу отъ разговаривающихъ мужчинъ, и они что-то поговорили и посмѣялись.

— Знаете, кузина,—сказалъ Борисъ, подходя ко мнѣ:—у насъ въ Грачахъ есть пѣсня съ такимъ же сюжетомъ, какъ эта баркаролла. Я ее всю не помню, но тамъ дѣвушка тоже подходитъ къ рѣкѣ и просить:

Перевозчикъ-рыболовщикъ,
Перевези дѣвку меня.

А онъ ей отвѣчаетъ:

Красавица, вешній дорогъ,
Дорогъ перевозъ..
Поди, дѣвка, поди красна
Замужъ за меня.

— Да, у насъ все это какъ-то проще и ближе къ цѣли,—сказаль онъ, задумываясь.

Я нашла, что теперь самое время заговорить съ нимъ о его невѣстѣ, о которой рассказываль Сонѣ Павелъ.

— А что ваша невѣста?

— Какая, кузина?..—спросиль онъ, недоумѣвающій и смущенный.

— Когда Павелъ пріѣхаль... онъ намъ говорилъ...—начала я, тоже смущаясь.

— Павелъ!.. Нынче весной!.. Она вышла замужъ, кузина,—объявилъ онъ съ самымъ счастливымъ лицомъ.

Въ романахъ я очень цѣнила вѣрность въ любви, и его отношеніе къ невѣстѣ оскорбило меня.

— Вотъ ужъ и не думала, что вы такой, —сказала я съ негодованіемъ.

— Какой, кузина?

— Я васъ считала совсѣмъ хорошимъ. И никогда бы не повѣрила, что вы можете такъ относиться къ вашимъ невѣстамъ.

— Кузина Мира, послушайте,—началь онъ своимъ милымъ голосомъ.—Вотъ сію минуту, какъ я шелъ къ вамъ, меня остановиль Андрей Ступиловъ и посовѣтоваль мнѣ быть осторожниѣе, что напрасно я такъ горячо пѣлъ о поцѣлуяхъ, что ужъ княгиня Тунгусова откинула назадъ ленты чепца и идетъ на меня въ атаку. Вотъ такимъ рьянымъ искательницамъ жениховъ я все и попался... А настоящей невѣсты... невѣсты моего сердца у меня еще не было. Такъ вамъ бы, кузина, надо пожалѣть меня, а не упрекать.

Я уже не думала ни о Борисѣ, ни о его невѣстѣ; я была поражена тѣмъ, что Ступиловъ послѣ всего, что мы съ нимъ говорили, могъ опять подшучивать надъ княгиней, какъ будто ничего и не было...

— Борисъ,—заговорила я горячо:—я передъ вами очень виновата, простите меня!.. Я знаю, что вы хорошій человѣкъ... а мнѣ все говорятъ, что я ребенокъ... что я ничего не понимаю... вотъ я и хочу спросить... Неужели, по вашему, по-мужски, это было хорошо, что Андрей Кириллычъ, который видитъ васъ въ первый разъ въ жизни, нашель нужнымъ предупредить васъ о неблагоприятныхъ намѣреніяхъ княгини?.. Вѣдь опасности вамъ нѣтъ; вы сейчасъ уѣзжаете!.. Не поѣдетъ же княгиня съ дочерьми васъ преслѣдовать!..

— Это была шутка, кузина!

— Стало быть самая ваша любимая мужская шутка—шутка надъ женщинами?..

— Кузина Мира! Я ужасно дурно, я нечестно поступилъ, что пересказалъ вамъ слова Ступилова... Теперь я считаю своей обязанностью оправдать его передъ вами... Я самъ вижу его въ первый разъ, но много слышалъ о немъ. Осенью въ Петербургѣ была свадьба его дочери; присутствовалъ весь beau monde, и послѣ всѣ только и говорили, что объ отцѣ невѣсты. Онъ уменъ, интересенъ; объѣхалъ чуть не весь свѣтъ. Объ его охотничьихъ походахъ пишутъ въ иностранныхъ журналахъ... Разумѣется, кузина, вы еще совѣмъ ребенокъ... но ужъ вамъ дадутъ читать англійскіе романы, такъ непременно и у Вальтеръ-Скотта есть, что женщины влюбляются именно въ такихъ героевъ... И посмотрите, какъ онъ хорошъ!.. А ему уже навѣрное за сорокъ.... Потомъ онъ какъ-то человекъ на особомъ положеніи... Онъ любитъ женское общество, очень рано овдовѣлъ, и вотъ съ тѣхъ поръ женщины влюбляются въ него tout franchement ¹⁾, а матери его ловятъ... Для матерей онъ gros lot ²⁾: богатъ, знатенъ, съ большими связями... Я слышалъ объ немъ много хорошаго отъ одной очень милой женщины, его родственницы. Мнѣ кажется, она много виновата, что его такъ преслѣдуютъ: она всѣхъ увѣряетъ, что онъ жаждетъ семейной жизни; что онъ непременно женится, если найдетъ свой идеалъ. Вотъ матери и стараются представить ему его идеалъ въ своихъ дочеряхъ и всѣми способами отстранить другихъ претендентокъ... Я, къ несчастью, по своему опыту знаю, какъ онѣ ловки и хитры... А княгиня назойлива и безтактна. Посмотрите, какъ она теперь осаждаетъ этого бѣднаго Силича. А Ступилову она, должно быть, давно смертельно надоѣла... Неужели, кузина, и теперь, когда я вамъ все это рассказалъ, вы не простите ему его шутки?..

Я чувствовала себя такой маленькой и ничтожной передъ этой таинственной мужской жизнью, занавѣсъ которой мнѣ сегодня два раза приподнимали, что я не считала себя способной ни прощать, ни обвинять.

— Я вѣрю вамъ, Борисъ,—сказала я только.

— Благодарю, кузина, и мысленно цѣлую ваши ручки... Ну, слава Богу, all right... Такъ теперь я буду вамъ пѣть. Весь мой репертуаръ вынуть изъ чемодана, и я спою вамъ все, что вы любите, и такъ хорошо спою, что вы простите мнѣ мое равнодушіе къ моимъ невѣстамъ... Только вы мнѣ аккомпанируйте: когда я стою сзади васъ и смотрю на вашу темную головку, мнѣ всегда такъ хорошо поется...

¹⁾ Откровенно.

²⁾ Большой выигрышъ.

Онъ началъ съ моего любимаго «Earl König». Поднимая иногда глаза отъ знакомаго аккомпанимента, я видѣла Андрея Кирилловича, и подъ скачущія октавы мнѣ чудился иной всадникъ, и его преслѣдовали, пѣли ему эти прелестные мотивы фантастическія толпы женщинъ... А я была маленькая, маленькая...

Потомъ Борисъ пѣлъ Глинку, Варламова, Даргомыжскаго и такъ хорошо пѣлъ, что всѣ столпились около рояля. Только Александра Петровна, Нежданова и Андрей Кирилловичъ сидѣли въ далекомъ уголкѣ зала.

— А это для васъ, Василій Степановичъ, — сказалъ Борисъ, ставя мнѣ на пюпитръ теноровую партію изъ «Аскольдовой могилы».

— Вантышевъ, настоящій Вантышевъ! — кричалъ Гаристовъ послѣ каждой вещи и обнималъ его.

Потомъ пѣли хоромъ цыганскія пѣсни. Борисъ взялъ гитару и дирижировалъ хоромъ, подражая всѣмъ имъ извѣстному московскому цыгану Ильѣ. Тутъ всѣ такъ оживились, что и мнѣ стало весело.

Сѣли за ужинъ; Борисъ и Андрей Кирилловичъ были близко отъ меня, и я слушала ихъ серьезные мужскіе разговоры. Говорили о предстоящей войнѣ; и Борисъ такъ хорошо зналъ и такъ интересно рассказывалъ о намѣреніяхъ иностранныхъ государей, о хитрости ихъ министровъ и посланниковъ, что я гордилась имъ.

Прощаясь, онъ сказалъ мнѣ много дружескихъ, искреннихъ милыхъ словъ. Андрей Кирилловичъ и всѣ мужчины простились съ нами и вмѣстѣ съ нимъ. Ночь была лунная, свѣтлая, морозная. Мы съ Александрой Петровной подошли къ окну и видѣли, какъ подали тройку Ступилова. Борисъ сѣлъ съ нимъ, увидалъ насъ и помахалъ намъ шапкой.

— Андрей Кирилловичъ везетъ его къ себѣ въ Ступиловку и на своихъ лошадахъ доставить на почтовую станцію, — сказала мнѣ Александра Петровна.

Такъ онъ уѣхалъ!... А мнѣ казалось, что онъ хотѣлъ посмотреть, какъ мы веселимся...

— Вотъ что я тебѣ скажу, душа моя, — сказала мнѣ Александра Петровна, прощаясь со мною у себя въ комнатѣ: — надо было тебѣ сейчасъ велѣть освѣтить залъ и доложить мнѣ, когда пріѣхалъ Андрей Кирилловичъ.

Я очень смутилась и ничего не отвѣчала. Это былъ первый выговоръ, который я отъ нея получила.

Великомъ постомъ было рѣшено, что въ половинѣ мая мы ѣдемъ въ Ширяево и возвратимся по первому пути. Этому очень желала папенька.

— Что тутъ будешь дѣлать!.. Привыкъ вояжировать,—говорилъ онъ шутливымъ тономъ, отъ котораго у меня набѣгали слезы на глаза.

Я, разумѣется, желала, чтобы все было такъ, какъ онъ хочетъ. Но мнѣ самой не надо было никакихъ перемѣнъ...

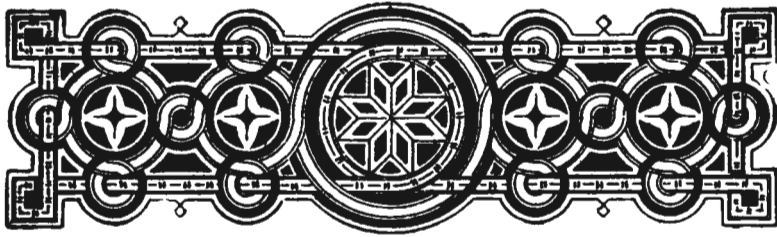
В. З. Головина.

(Продолженіе въ слѣдующей книжкѣ).

КОНСТАНТИНЪ ПАВЛОВИЧЪ ВОСКРЕСЕНСКІЙ.

ВОСЕМЬ ЛѢТЪ ВЪ СИБИРИ.

I.

НОГОЧИСЛЕННЫЯ воспоминанія, напечатанныя за послѣдніе годы въ нашихъ историческихъ журналахъ, достаточно полно обрисовали жизнь ссыльныхъ въ Сибири, почти исключительно политическихъ. Каторга и ссылка на поселеніе по приговорамъ уголовного суда также имѣютъ своихъ лѣтописцевъ, въ лицѣ Максимова и въ послѣднее время Мельщина-Якубовича. Забыта одна только категорія ссыльныхъ по суду «на житье» съ лишеніемъ всѣхъ особенныхъ правъ и преимуществъ. Между тѣмъ эта довольно многочисленная категорія ссыльныхъ, разселенныхъ въ городахъ Западной и Восточной Сибири, служила долго предметомъ особаго вниманія такъ называемыхъ «сибирскихъ патріотовъ», съ покойнымъ Н. М. Ядринцевымъ во главѣ. Печать вѣрила страстному публицисту-сибиряку и, вторя ему, горячо ратовала за скорѣйшую отмѣну ссылки въ Сибирь, особенно такъ называемыхъ «привилегированныхъ», развращающихъ невинное и добродѣтельное коренное населеніе Россійской Америки.

Нынѣ цѣль Ядринцева и его единомышленниковъ достигнута: ссылка по суду на житье отмѣнена и замѣнена исправительной тюрьмой. Теперь она представляетъ уже одинъ историческій интересъ, и правдивыя фактическія свѣдѣнія о ней могутъ лишь послу-

жить для провѣрки сибирскихъ патріотическихъ воплей Ядринцева, Загоскина и другихъ грамотныхъ сибиряковъ, а также освѣтить вопросъ: право ли было наше законодательство, отказавшись отъ ссылки, какъ отъ «исправительнаго» уголовного наказанія, и всѣ задачи уголовной репрессіи возложивъ на тюрьму?

Этотъ вопросъ не праздный,—нужды нѣтъ, что ссылка отмѣнена, новый законъ не вѣченъ, придетъ чередъ и его пересмотра, можетъ быть ожиданія, возложенныя теперь на тюрьму, не оправдаются, и за неимѣніемъ другого надежнаго «исправительнаго» уголовного возмездія, вновь обратятся къ ссылкѣ, если прошлое послѣдней будетъ освѣщено не одними Ядринцевыми.

Я прожилъ въ ссылкѣ, въ Томскѣ, восемь лѣтъ (1880—1888 гг.) и пользовался особымъ вниманіемъ изданій Ядринцева, какъ зловредный развратитель мѣстнаго населенія. Правдивое описаніе моей томской жизни, не лишенной общаго интереса, послужить лучшимъ подтвержденіемъ или опроверженіемъ моей зловредности.

II.

Ни по происхожденію, ни по образованію я не былъ кандидатомъ въ невольные жители Сибири. Какъ и почему попалъ я туда,—разсказывать долго и не интересно. Достаточно сказать, что тотчасъ послѣ состоявшаго обо мнѣ судебного приговора, осуждавшаго меня на житье въ Томской губерніи, съ лишеніемъ всѣхъ особенныхъ правъ и преимуществъ, раздумывая объ ожидавшей меня участи и нуждаясь въ средствахъ къ жизни, я рѣшился написать заблаговременно томскому губернатору откровенное письмо и просить его дать мнѣ, какъ кандидату университета, какую-нибудь работу въ одномъ изъ многочисленныхъ, подвѣдомственныхъ губернатору, губернскихъ учрежденій. Задумано—сдѣлано. Письмо было тотчасъ же написано и отправлено.

Я сталъ ждать разрѣшенія министра внутреннихъ дѣлъ отправиться въ ссылку «на свой счетъ» отдѣльно отъ общихъ арестантскихъ партій. Разрѣшеніе скоро послѣдовало, но съ страннымъ ограниченіемъ: до Москвы надо было ѣхать съ ближайшей арестантской партіей, а дальше позволялось двигаться отдѣльно, на свой счетъ. Пробывъ сутки въ арестантскомъ поѣздѣ Николаевской желѣзной дороги и нѣсколько дней въ московской центральной пересыльной тюрьмѣ, на Бутыркахъ, я былъ сданъ двумъ жандармамъ для доставленія меня, при особой бумагѣ, томскому губернатору.

Это произошло 25-го октября 1880 года.

Путь предстоялъ не легкій, навигація всюду прекратилась, большую часть длиннаго пути надо было ѣхать на лошадахъ, при-

чемъ санный путь еще не установился, рѣки еще не успѣли хорошо замерзнуть, а предстояло переѣзжать Волгу (2 раза), Каму и многія другія, болѣе мелкія понутныя рѣки. На почтовыхъ станціяхъ за Нижнимъ рассказывали, что наканунѣ провалилась почта и совѣтовали переждать дня два, пока ледъ окончательно окрѣпнетъ. Но ждать не хотѣлось, и мы двигались впередъ, то на саняхъ, то на колесахъ. Каму, послѣ суточного пережиданія, перешли пѣшкомъ, тарантасы перевезли на рукахъ, чемоданъ передвинули на ручныхъ салазкахъ. Все это сдѣлали очень искусно мѣстные перевозчики, привыкшіе къ перевозкѣ почты въ длинный періодъ ледостава и ледохода (весной). Наконецъ, послѣ почти мѣсячнаго странствованія по волжскимъ, камскимъ и сибирскимъ водамъ и сушамъ, мы вѣхали 20-го ноября въ Томскъ.

— Гдѣ пристанете?—спросилъ ямщикъ.

— Вези прямо къ губернатору,—отвѣтилъ старшій жандармъ.— Знаешь?

— Не въ первый разъ въ городѣ. Какъ не знать,—и ямщикъ свернулъ въ боковую улицу. Скоро мы подъѣхали къ небольшому двухэтажному деревянному дому, у подъѣзда котораго стоялъ городской. Онъ тотчасъ подошелъ къ остановившейся у подъѣзда повозкѣ и спросилъ сидѣвшаго на облучкѣ младшаго жандарма:

— Что надо?

Изъ повозки вылѣзаль уже старшій жандармъ, который, не отвѣчая на вопросъ городского, въ свою очередь, спросилъ:

— Генераль дома?

И, получивъ на свой вопросъ утвердительный отвѣтъ стража, пригласилъ меня слѣдовать за нимъ. Мы скрылись въ подъѣздѣ, оставивъ младшаго жандарма сторожить багажъ.

Дверь губернаторской квартиры была не заперта, мы вошли въ переднюю безъ звонка. Тамъ сидѣлъ другой стражъ, въ мундирѣ курьера. Жандармъ подаль ему конвертъ, съ которымъ курьеръ исчезъ во внутренніе покои начальника губерніи. Черезъ 5—10 минутъ къ намъ вышелъ не старый еще человѣкъ, средняго роста, съ свѣтло-русыми волосами и большими усами, добрые, привѣтливые глаза ясно говорили, что передъ нами стоитъ не грозный сибирскій администраторъ, а простой, добрый человѣкъ.

— Ваши обязанности кончены,—сказаль губернаторъ, обращаясь къ жандарму.—Явитесь завтра къ полицеймейстеру, онъ выдастъ вамъ квитанцію, а теперь можете итти.

Жандармъ исчезъ.

— Вы, г. Коршъ, теперь свободны, я получилъ ваше письмо, распорядился, чтобы васъ приписали въ Томскъ, къ сожалѣнію, дать вамъ сейчасъ работу у себя не могу, но я говорилъ о васъ съ управляющимъ здѣшнею контрольною палатою, онъ обѣщаль дать вамъ работу въ палатѣ. Явитесь къ нему завтра утромъ, онъ уже дѣтъ васъ, а теперь желаю вамъ успѣха и всякихъ благъ.

Я поблагодарилъ и вышелъ. У подъезда меня поджидали оба мои спутника, караулившіе мой чемоданъ. Завидѣвъ проѣзжавшаго мимо свободнаго извозчика, я попросилъ младшаго жандарма переложить на городского возницу мой чемоданъ, простился съ жандармами, сѣлъ на извозчика и велѣлъ везти себя въ лучшую гостиницу.

Проѣхавъ 2—3 квартала, возница остановился у довольно большого каменнаго дома, на которомъ висѣла соблазнительная вывѣска: «Гостиница для пріѣзжающихъ «Европа».

III.

Европа оказалась чистѣйшей Азіей во всемъ, кромѣ цѣны. За два рубля мнѣ дали довольно большую, но адски холодную комнату, въ которой не только нельзя было снять шубу, но даже сбросить съ ногъ валенокъ. Болѣе теплой комнаты въ гостиницѣ не нашлось, номерной, извиняясь, повѣдалъ мнѣ, что хозяинъ гостиницы прогораетъ, денегъ у него нѣтъ ни гроша, кругомъ онъ долженъ, и теперь уже ему ничего больше въ долгъ не даютъ. Это не замедлило подтвердиться: мнѣ не могли дать ничего съѣдобнаго, пока я не далъ официанту впередъ три рубля на покупку необходимой провизіи и бутылки портеру, которою я задумалъ отпраздновать день своего освобожденія.

Такъ начался и кончился первый день моей ссылки.

На слѣдующій день я утромъ отправился въ контрольную палату, представился управляющему, который встрѣтилъ меня очень привѣтливо, позвалъ секретаря палаты и поручилъ ему дать мнѣ работу, сказавъ, что мнѣ назначается жалованье по 30 руб. въ мѣсяць. Такимъ образомъ, на другой день по прибытіи въ ссылку я имѣлъ заработокъ, обезпечивавшій существованіе одинокаго человѣка. Свою службу я началъ со слѣдующаго дня. Составъ палаты, когда я познакомился съ нимъ, оказался очень симпатичнымъ. Должность управляющаго, недавно переведеннаго въ Омскъ, исправлялъ старшій ревизоръ, Мартиніанъ Карловичъ Шпейеръ, москвичъ по рожденію, начавшій свою службу въ Сибири въ началѣ 60-хъ годовъ и съ тѣхъ поръ не выѣзжавшій въ Европу. Въ томской контрольной палатѣ онъ служилъ уже давно и пользовался уваженіемъ и любовью всѣхъ его сослуживцевъ. Человѣкъ еще не старый, не болѣе 48 лѣтъ, Шпейеръ отличался добродушнымъ, всегда веселымъ характеромъ и жизнерадостнымъ настроеніемъ, хотя жизнь не баловала его, у него была огромная семья, жена и 6 человѣкъ дѣтей разнообразнаго возраста, жалованья съ сибирскими прибавками, въ суммѣ не болѣе 2,500 руб. въ годъ, не хватало на всѣ многочисленныя потребности семьи, приходилось дѣлать долги, и бѣдный Шпейеръ

постоянно бился, какъ рыба объ ледь, рѣшая ежедневно неразрѣшимую жизненную задачу. Это не мѣшало ему, однако, казаться всегда въ отличномъ, беззаботномъ настроеніи, быть веселымъ и пріятнымъ собесѣдникомъ, внимательнымъ къ нуждамъ другихъ, готовымъ помочь каждому всѣмъ, чѣмъ только онъ можетъ, кромѣ денегъ, которыхъ у него никогда не было. Это дѣлало Шпейера общимъ любимцемъ города.

Другой старшій ревизоръ, недавно взявшій переводъ въ Томскъ изъ Воронежа, чтобы пособіями и двойными прогонами, выдаваемыми при назначеніи на службу въ сибирскія губерніи, поправить свои разстроенные финансы,—Павель Андреевичъ Стоша былъ старый контрольный дока, чиновникъ до мозга костей, но человѣкъ простой, добрый и хорошій. Онъ дослуживалъ до пенсіи, былъ чуждъ какихъ-либо честолюбивыхъ помысленій и въ короткое время успѣлъ пріобрѣсти общую любовь всей палаты. Въ палатѣ у Стоши не было никакихъ отношеній: пріѣхавъ въ Томскъ одинъ, безъ жены, онъ поселился въ одной комнатѣ, нанятой у какой-то старушки, и отказывалъ себѣ во всемъ, собирая деньги къ предстоявшему весной пріѣзду жены съ сыномъ, студентомъ-медикомъ московскаго университета.

Кромѣ этихъ двухъ старшихъ чиновъ, палата имѣла еще: секретаря, 5 помощниковъ ревизора, нѣсколько счетныхъ чиновниковъ и до 20 канцелярскихъ и вольнонаемныхъ служащихъ. Составъ небольшой, и немудрено, что онъ плохо справлялся съ ревизіей отчетности двухъ губерній: Томской и Семипалатинской области. Въ числѣ чиновъ палаты было много бывшихъ ссыльныхъ поляковъ за возстаніе 1863 года, уже давно амнистированныхъ и принятыхъ на государственную службу; нѣкоторые изъ нихъ служили со дня открытія контрольной палаты и получали уже прибавки за сибирскую службу.

IV.

Я быстро освоился и съ новыми людьми, и съ новой работой, черезъ мѣсяцъ мнѣ уже была поручена самостоятельная ревизія нѣсколькихъ отчетностей, подъ фиктивнымъ наблюденіемъ секретаря.

По заведенному въ палатѣ порядку, ревизію самостоятельно производили всѣ наличные служащіе палаты, какъ классные чиновники, такъ и канцелярскіе и вольнонаемные, подъ мнимымъ надзоромъ и отвѣтственностью ревизоровъ, которые подписывали готовые ревизіонные доклады и разрѣшали возникавшіе при ревизіи спорные вопросы. И при такой утилизаціи всѣхъ силъ палаты, цѣлые тѣки отчетности годами лежали не тронутыми, въ ожиданіи «всемилюстивѣйшихъ манифестовъ», которые открывали возможность «закончить» ревизію скоро и просто—утвердить всѣ расходы по бухгалтер-

скимъ табелямъ. Въ общемъ работа въ палатѣ шла скоро и дружно, всѣ дѣлали, что могли, и не ихъ вина, если работа не соответствовала количеству рабочихъ рукъ, а всѣ просьбы объ увеличеніи личнаго состава палаты оставались постоянно гласомъ воиющаго въ пустынь.

Съ новаго 1881 года я уже получалъ 50 руб. въ мѣсяць, и этотъ приходъ не только покрывалъ мои первыя потребности (я платилъ за квартиру въ двѣ комнаты, съ необходимою мебелью, 15 р. и за самовары, прикуску (булки и пирожки къ чаю, 2 раза въ день) и обѣдъ тоже 15 р., значить на другія потребности оставалось ежемесячно по 20 рублей. При этомъ у меня были свободны всѣ вечера, ибо занятія въ палатѣ, начинаясь въ 10 часовъ утра, кончались въ 3—4 часа дня. Это давало мнѣ возможность взять еще какую-нибудь работу, и я ждалъ для этого необходимаго случая. Таковой мне замедлить представиться.

V.

За два мѣсяца я успѣлъ сдѣлать небольшія знакомства, между прочимъ познакомился съ извѣстнымъ сибирскимъ дѣятелемъ, томскимъ книгопродавцемъ и типографомъ—П. И. Макушинымъ. Онъ возбудилъ ходатайство о разрѣшеніи ему издавать въ Томскѣ еженедѣльную газету, подъ редакціей кандидата спб. университета А. И. Ефимова, сибиряка по рожденію, состоявшаго учителемъ въ томскомъ реальномъ училищѣ. Ближайшее участіе въ газетѣ обѣщали: товарищъ Александра Ивановича по университету, А. В. Адриановъ, переселившійся для этого въ Томскъ, и контролеръ томскаго отдѣленія государственнаго банка И. Г. Муромовъ, оба сибиряки по рожденію и ярые патриоты своей родины. Имѣлось въ виду и сотрудничество Г. Н. Потанина, Н. М. Ядринцева, Н. И. Наумова, Омулевского и другихъ. Разрѣшеніе газеты ожидалось со дня на день. Губернаторъ относился къ предпріятію Макушина сочувственно и обѣщаль свою поддержку въ министерствѣ. Надо сказать, что В. И. Мерцаловъ былъ человѣкъ умный, просвѣщенный и желалъ, чтобы въ его губерніи издавалась газета. Правда, страдая честолюбіемъ, онъ надѣялся, что мѣстная газета не одинъ разъ сослужитъ ему полезную для него службу въ дѣлѣ прославленія его административной дѣятельности. Губернаторомъ онъ былъ назначенъ недавно, связей у него въ Петербургѣ не было никакихъ, кромѣ А. И. Деспотъ-Зеновича, съ которымъ В. И. служилъ раньше въ Кяхтѣ, потомъ онъ былъ приглашенъ на службу въ новый контролъ, былъ управляющимъ рязанской и омской контрольныхъ палатъ и съ послѣдней должности попалъ въ губернаторы, по приглашенію западно-сибирскаго генераль-губернатора. Понятно, В. И. было желательно укрѣпить за собой свое новое видное положеніе,

и газета, если она будетъ внимательна и послушна, можетъ прославить новичка-администратора, полнаго самыхъ широкихъ и просвѣщенныхъ намѣреній. Питая такія надежды, В. И. самъ съ нетерпѣніемъ ждалъ разрѣшенія газеты. Наконецъ, въ началѣ февраля пришла такъ нетерпѣливо ожидаемая бумага, и «Сибирская Газета» получила право на существованіе.

Въ ожиданіи разрѣшенія у А. И. Ефимова неоднократно собирались редакціонныя совѣщанія для обсужденія порядка веденія будущей газеты. На этихъ совѣщаніяхъ присутствовали, кромѣ издателя и редактора, А. В. Адриановъ, И. Г. Муромовъ, я и пріятель издателя, помощникъ ревизора контрольной палаты, ссыльный полякъ 1864 года, Адамъ Михайловичъ Войцеховскій, пользовавшійся въ Томскѣ репутаціей честнаго и просвѣщеннаго челоуѣка, всѣ «столпы» новой редакціи были его хорошими знакомыми, дорожили и глубоко цѣнили его прямой, независимый, стойкій образъ мыслей, чуждый узкаго націонализма и проникнутый широкими обще-человѣческими тенденціями. Проживъ почти 20 лѣтъ въ Сибири, куда попалъ 18-лѣтнимъ юношей по распоряженію Муравьева, Войцеховскій терпѣливо несъ свой крестъ, пока не получилъ возможности поступить на государственную службу въ вновь открытую въ Томскѣ контрольную палату, пріютившую уже ранѣе нѣсколькихъ его земляковъ. Здѣсь А. М. съ полной добросовѣстностью тихо дѣлалъ порученное ему скромное дѣло, далекое отъ всякой политики, не требовавшее отъ него никакого «обязательнаго» образа мыслей. Въ службѣ онъ велъ знакомство съ мѣстными просвѣщенными людьми, симпатичными ему по своему характеру и по своимъ передовымъ стремленіямъ. Такихъ людей было немного, но всѣхъ ихъ зналъ Войцеховскій, и всѣ они любили и уважали добрѣйшаго Адама Михайловича. Понятно, что такое просвѣтительное начинаніе, какъ первая мѣстная газета, не могло обойтись безъ участія Войцеховскаго. Черезъ него и я получилъ приглашеніе на первое предварительное редакціонное совѣщаніе у П. И. Макушина. Въ этотъ вечеръ было рѣшено, что всѣ принципиальныя статьи, руководящія по крупнымъ сибирскимъ вопросамъ, будутъ печататься не иначе, какъ по одобреніи ихъ единогласно всѣмъ составомъ редакціи, что просмотръ почты члены редакціи будутъ производить каждый по своему отдѣлу, что читать редакціонную корректуру, послѣднюю передъ выпускомъ газеты, и рѣшать вопросы,—что можно отложить при накопленіи набраннаго матеріала, отъ чего приходится отказаться вовсе,—будетъ очередною членъ редакціи, выпускающій номеръ, и другіе, болѣе мелкіе вопросы внутреннаго распорядка.

Въ серединѣ февраля, когда разрѣшеніе уже было получено, редакція собралась для распредѣленія работы по выпуску перваго номера газеты. Рѣшили выпустить его въ воскресенье 1-го марта

1881 года. Работу раздѣлили такъ: составленіе руководящихъ статей по сибирскимъ вопросамъ, просмотръ мѣстныхъ статей и корреспонденцій, составленіе мѣстной текущей хроники взяли на себя сибиряки—А. И. Ефимовъ, А. В. Адриановъ и И. Г. Муромовъ; внутренняя хроника и литературное обозрѣніе (два раза въ мѣсяць—обзоръ толстыхъ журналовъ) поручили мнѣ; А. М. Войцеховскому досталось составленіе заграничной хроники. Какъ видите, дѣло старались обставить и поставить возможно лучше и серьезнѣе.

Всѣ дружно принялись за работу. Къ 20 февраля намѣченныя статьи и обозрѣнія были готовы, сданы въ типографію и спѣшно набирались—надо было спѣшить въ цензуру. Отдѣльнаго цензора въ Томскѣ еще не было, не существовало еще и закона, возложившаго вполнѣтвѣн обязанность цензуровать періодическія изданія въ мѣстностяхъ, гдѣ нѣтъ органовъ цензуры, на мѣстныхъ вице-губернаторовъ. И насъ не могъ не интересовать вопросъ,—кто будетъ назначенъ губернаторомъ цензуровать «Сибирскую Газету». Оказалось, что В. И. Мерцаловъ пожелалъ дѣлать это самъ. Насъ такое рѣшеніе губернатора не могло не порадовать: мы предпочитали имѣть дѣло съ просвѣщеннымъ властнымъ человѣкомъ, нежели зависѣть отъ какого-нибудь невѣжественнаго сибирскаго чиновника особыхъ порученій, всегда еще робкаго, сомнѣвающегося и не рѣшающагося даже лишній разъ «безпокоить» начальство. Судьба избавляла насъ отъ зависимости отъ такого чиновника, и мы считали это благимъ предзнаменованіемъ для нашей газеты.

Скоро весь матеріаль, предназначенный для 1-го номера, былъ набранъ, сверстанъ въ гранки, которыя и были посланы губернатору съ письмомъ редактора, заключавшимъ просьбу сообщить, когда на будущее время корректуры очередного номера должны доставляться на цензорскій просмотръ и когда возможно присылать въ цензуру послѣднія извѣстія и телеграммы.

На слѣдующее утро В. И. Мерцаловъ прислалъ корректуры обратно, безъ всякихъ помянокъ, съ разрѣшительною подписью, и сообщилъ, что онъ проситъ доставлять ему цензорскія корректуры по пятницамъ и что послѣднія извѣстія и депеши онъ готовъ просматривать въ субботу до конца занятій въ губернаторской канцеляріи. Это вполнѣ удовлетворяло редакцію, и мы ликовали.

Подписка на газету шла тоже удовлетворительно. Впрочемъ, наши надежды въ этомъ отношеніи были очень скромны: мы знали, что иркутская «Сибирь», существовавшая уже много лѣтъ и умѣло и интересно обслуживавшая всю Сибирь, отъ Тюмени до Владивостока (гдѣ была своя газета), не могла набрать и 2000 подписчиковъ. Поэтому мы не рассчитывали имѣть на первый годъ болѣе 1000 подписчиковъ и ограничились этою цифрою нашъ тиражъ, который покрывалъ расходъ на бумагу, на льготное печатаніе въ типографіи издателя, на публикаціи и другія конторскія потребности, оставляя еще кое-

какіе гроши на вознагражденіе нуждавшихся въ немъ сотрудниковъ. Въ провинціи въ то время мѣстные газетные авторы, особенно корреспонденты, не рассчитывали на оплату ихъ статей и сообщеній маленькими и бѣдными мѣстными изданіями, вполне удовлетворяясь тѣмъ, что ихъ произведенія попадали въ печать и производили впечатлѣніе въ ихъ захолустьяхъ и муравейникахъ. Конечно, и «Сибирская Газета» могла рассчитывать на этотъ цѣнный бесплатный матеріалъ, безъ котораго самое существованіе провинціальной періодической печати было бы невозможнымъ. Этимъ невѣдомымъ, но многочисленнымъ абсолютно безкорыстнымъ труженикамъ обязана Россія созданіемъ и развитіемъ мѣстной, областной газетной печати. Съ горячей отзывчивостью встрѣчали мѣстные грамотные люди отдаленнѣйшихъ угловъ необъятной матушки Россіи каждую новую попытку создать въ относительной близости къ ихъ медвѣжьимъ угламъ печатный органъ, посвященный ихъ нуждамъ, до которыхъ нѣтъ и не можетъ быть дѣла большимъ столичнымъ изданіемъ. Надо пожить въ провинціи, особенно глухой и далекой, надо самому поработать въ редакціи маленькой провинціальной газетки, чтобы понять и оцѣнить по достоинству вѣру захолустнаго, еле грамотнаго русскаго обывателя въ силу и могущество печатнаго слова, онъ шлетъ въ редакцію мольбы о всѣхъ наболѣвшихъ у него нуждахъ, о всѣхъ пережитыхъ или угрожающихъ ему обидахъ и притѣсненіяхъ, часто испытывъ всѣ другіе пути защиты и отчаявшись найти послѣднюю гдѣ-либо, кромѣ газеты, которой онъ вѣритъ и которой онъ боится и другіе всѣ не могутъ не бояться; она представляется ему высшей, единственно-независимой инстанціей, которой подсудны всѣ его дѣла и дѣлишки. Онъ часто не отличаетъ еще своего личнаго интереса отъ интереса общаго и горюетъ, когда редакція отказывается стать на его защиту, не усматривая къ тому общаго повода. Зато какъ же онъ счастливъ, когда видитъ свою корреспонденцію напечатанной, какъ жадно ждетъ результатовъ опубликованія какого-нибудь интереснаго для его мѣстности факта или статьи, какъ искренно и горячо благодаритъ онъ редакцію за вниманіе къ мѣстной нуждѣ, какъ пламенно вѣритъ онъ въ скорое теперь осуществленіе мѣстной надежды. Конечно, нерѣдко скучно и надоѣдливо читать обывательскія рукописи, зачастую еще и совершенно безграмотныя, но эта скука въ концѣ концовъ вполне вознаграждается сознаніемъ, что вліяніе и значеніе газеты растетъ, что довѣріе къ ней увеличивается, что она дѣлаетъ свое маленькое дѣло, объединяя все мѣстное грамотное населеніе на почвѣ общихъ интересовъ, вызывая гласное обсужденіе послѣднихъ скромными мѣстными силами. Понятно, что редакція «Сибирской Газеты» относилась съ полнымъ вниманіемъ къ каждому мѣстному сообщенію, тщательно прочитывая всѣ получаемыя изъ разныхъ угловъ Сибири письма, вылавливая изъ нихъ отдѣльныя годныя для газеты строки,

соединяя отрывки изъ разныхъ писемъ въ одну связную корреспонденцію и т. д., стараясь не пропустить ни одного интереснаго сообщенія. Корреспонденты цѣнили эту нелегкую работу редакціи и писали все больше и больше.

VI.

Вернемся, однако, къ 1-му номеру «Сибирской Газеты». Онъ вышелъ 1 марта. Составленный полно и интересно, онъ привлекъ общее вниманіе, цѣлый день въ городѣ всѣ только и говорили, что о новой газетѣ, предсказывая ей большой успѣхъ.

На утро была получена телеграмма о страшной катастрофѣ на Екатерининскомъ каналѣ въ Петербургѣ и о мучительной кончинѣ императора Александра II. Событіе это отодвинуло всѣ другіе факты мѣстной общественной жизни, всѣ лихорадочно ждали подробностей страшнаго событія, но скромныя телеграммы «Сибирской Газеты» были кратки и не удовлетворяли общественнаго любопытства. Въ городѣ служили панихиды, одна изъ нихъ, наиболѣе торжественная, вызвала соборы толки. Служилъ панихиду мѣстный архіерей, епископъ Владимиръ. До начала богослуженія онъ вышелъ на середину собора и прочелъ громко телеграмму, полученную губернаторомъ отъ существовавшего еще тогда генералъ-губернатора Западной Сибири, генерала Мещерянова. Архіерей прочелъ всю длинную депешу, какъ говорится, однимъ духомъ, не сдѣлавъ никакого перерыва между текстомъ депеши и подписью, вслѣдствіе чего по собору громко раздалась связанная фраза: «Преступникъ пойманъ генералъ-адъютантъ Мещеряновъ». «Боже мой, генералъ, генералъ», раздалось въ толпѣ, наполнившей соборъ, и долго потомъ въ городѣ, ссылаясь на телеграмму, прочитанную архіереемъ въ соборѣ, утверждали, что государя убилъ генералъ. Чтобы прекратить эти нелѣпыя толки, губернаторъ приказалъ напечатать въ губернской типографіи телеграмму генералъ-губернатора отдѣльными оттисками и расклеить ихъ по городу.

Кончились панихиды, началась присяга новому государю. Не обошлось и тутъ безъ характернаго эпизода, на этотъ разъ въ контрольной палатѣ. Было сдѣлано распоряженіе, чтобы всѣ служащіе палаты, не присягавшіе въ соборѣ, вмѣстѣ съ губернскими властями, принесли присягу у одного изъ городскихъ священниковъ и доставили въ палату присяжные листы съ подписями присягнувшаго и приводившаго къ присягѣ священника.

Въ половинѣ марта секретарь палаты сидѣлъ и разбиралъ доставленные служащими присяжные листы. Не находя одного—листа стараго сторожа Яна, вѣчно точавшаго сапоги въ прихожей комнатѣ палаты, секретарь съ своего мѣста крикнулъ въ растворенную дверь въ прихожую:

- Янъ, ты присягаль?
- Не,—отвѣчалъ старикъ, не трогаясь съ мѣста.
- Что же ты думаешь? За тобой остановка. Надо посылать присяжные листы въ сенатъ. Иди, присягай сейчасъ.
- Не, буде, четыремъ присягаль, больше не треба.
- Не разсуждай, а дѣлай то, что тебѣ говорятъ, а не то скажу управляющему, и онъ тебя прогонитъ.

И Янъ, которому тогда было уже болѣе 70 лѣтъ, положилъ сапогъ, который точаль, на окно и пошелъ присягать. На утро и его присяжный листъ былъ у секретаря и вмѣстѣ съ другими ушелъ въ сенатъ. Больше ужъ Янъ, конечно, не присягаль.

Объ этомъ эпизодѣ узналъ весь городъ, жандармскій полковникъ попытался было потребовать увольненія Яна изъ палаты, но М. К. Шнейеръ отстоялъ старика, поручившись за его полную благонадежность. Впрочемъ, полковникъ согласился на это поручительство только послѣ того, какъ губернаторъ призналъ случай съ Яномъ не заслуживающимъ серьезнаго вниманія, въ виду возраста и незначительнаго служебнаго положенія Яна, которому управляющій палаты обязался сдѣлать строгое внушеніе.

VII.

Постепенно жизнь входила въ свою обычную колею. «Сиб. Газ.» аккуратно выпускала свои очередные номера, благоразумно и умѣло обходя всѣ политическіе пороги, созданные событіемъ 1-го марта. Отношенія редакціи съ цензурой были пока сносныя, особыхъ притязаній и притѣсненій не проявлялось. Казалось, дѣло наладилось болѣе или менѣе прочно... Но это только казалось. Достаточно было губернатору уѣхать изъ Томска на охоту и для ревизіи губерніи, чтобы цензура тотчасъ же показала газетѣ свои когти. Назначенный недавно новый предсѣдатель губернскаго правленія (такъ назывался въ сибирскихъ губерніяхъ вице-губернаторъ) еще не пріѣхаль, и въ должность губернатора вступилъ, по порядку службы, управляющій казенной палаты, д. с. с. М. А. Гиляровъ, старый сибирскій чиновникъ, чуждый какихъ-либо политическихъ стремленій, ярый поклонникъ «Московскихъ Вѣдомостей» Каткова, не признававшій никакихъ новшествъ и считавшій, что для Сибири никакія реформы не только не нужны, но даже вредны, ибо нарушаютъ стройное мѣстное устройство, данное Сибири «великимъ» Сперанскимъ. Себя Гиляровъ считалъ «сибирякомъ», за 20 лѣтъ службы въ Сибири успѣвшимъ узнать всѣ дѣйствительныя нужды края, которыя, по его мнѣнію, вполне возможно удовлетворить, не ломая умнаго и «величественнаго» зданія, построеннаго Сперанскимъ, и не вводя никакихъ коренныхъ реформъ въ мѣстной общественной

жизни. Томское высшее чиновничество и купечество считали Гилярова знатокомъ Сибири, его мнѣнія внимательно выслушивались новыми губернаторами, его отзывами дорожили и генераль-губернаторы, а купцы любили его за доступность, за внимательное отношеніе къ ихъ интересамъ, за «ласку и дружбу». Печать всю, и столичную и мѣстную, кромѣ катковскихъ «Вѣдомостей», онъ считалъ излишнею и вредною. Къ такому-то цензору принуждены мы были послать очередной номеръ газеты. Зная, съ кѣмъ мы имѣемъ дѣло, мы старались устранить малѣйшій поводъ къ столкновенію.

Что же мы увидѣли, развернувъ цензорскія корректуры? Прежде всего Гилярову не понравился циркуляръ новаго министра внутреннихъ дѣлъ графа Игнатъева; изъ телеграфнаго изложенія этого циркуляра были вычеркнуты слова о томъ, что «правительство предоставитъ надлежащіе способы» общественнымъ силамъ участвовать въ искорененіи крамолы; что «права дворянства, земства и городскихъ сословій останутся неприкосновенными» и что «крестьяне получаютъ возможное облегченіе отъ тягостей, улучшеніе ихъ общественнаго устройства и хозяйственнаго быта». Далѣе изъ официальнаго отчета о судебномъ засѣданіи по дѣлу 1 марта, перепечатаннаго изъ «Правительственнаго Вѣстника», въ показаніи подсудимаго Желябова Гиляровымъ были вымараны слова: «Я долго былъ въ народѣ, работалъ мирнымъ путемъ, но вынужденъ былъ оставить эту дѣятельность по той причинѣ, на которую указалъ подсудимый Кибальчичъ». Описаніе казни осужденныхъ, взятое изъ газеты «Порядокъ», также было урѣзано. Выкинута, затѣмъ, цѣлая статья объ «инспекціи народныхъ училищъ», предлагавшая усилить вліяніе сельскихъ обществъ и училищныхъ совѣтовъ на народную школу на счетъ вліянія казенныхъ наблюдателей за народными училищами. Не ограничившись запрещеніемъ этой невиннѣйшей статьи, цензоръ написалъ на поляхъ: «незавидный мечтатель». Въ томъ же родѣ была масса и другихъ помарокъ, съ замѣчаніями на поляхъ: «пустяки», «вздоръ», «ой ли?», «темна вода», «излишнее раздраженіе» и пр. Редакція рѣшила выпустить номеръ съ пробѣлами тамъ, гдѣ должны были стоять зачеркнутыя цензурой статьи, извѣстія и отдѣльныя выраженія.

На утро въ день выхода газеты управляющей типографіей, по заведенному порядку, явился къ Гилярову за билетомъ на выпускъ газеты въ свѣтъ. Увидѣвъ бѣлыя страницы, и. д. губернатора отказалъ въ выдачѣ билета. Редакція телеграфировала министру внутреннихъ дѣлъ, а пока просила полицеймейстера разрѣшить напечатать объявленіе о томъ, что очередной номеръ газеты не разосланъ по независящимъ отъ издателя причинамъ. Полицеймейстеръ разрѣшилъ, но Гиляровъ, узнавъ объ этомъ, позвалъ его, пригрозилъ ему отдачею подъ судъ и приказалъ немедленно отобрать въ типографіи и уничтожить напечатанное уже объявленіе. Черезъ 2—3 дня

на всѣхъ улицахъ Томска было расклеено новое объявленіе редакціи, разрѣшенное къ печати самимъ Гиляровымъ, въ которомъ былъ приведенъ отвѣтъ главнаго управленія по дѣламъ печати на депешу, посланную редакціею министру внутреннихъ дѣлъ. Князь Вяземскій сообщалъ редакціи, что «пробѣлы, составляя косвенный протестъ противъ предварительной цензуры, не допускаются».

Редакція послала жалобу министру внутреннихъ дѣлъ съ приложеніемъ подлинныхъ корректуръ Гилярова, который, въ свою очередь, отправилъ въ Омскъ генераль-губернатору донесеніе, что газета вредная, издается людьми, «не имѣющими корней въ томскомъ обществѣ и не оправдываетъ надеждъ лучшихъ гражданъ города».

Такъ кончилось первое серьезное столкновение новой газеты съ цензурой. Дальнѣйшее теченіе и окончательный исходъ этой «бури въ стаканѣ воды», разрѣшившейся въ концѣ года, не интересенъ. Долженъ сказать, впрочемъ, что буча, поднятая по поводу изложеннаго столичной печатью («Голосъ», «Порядокъ», «Московский Телеграфъ», «Молва» и др.), принесла свою несомнѣнную пользу: слѣдующіе два номера «Сибирской Газеты» были пропущены Гиляровымъ безъ первоначальнаго неистовства, а потомъ возвратился В. И. Мерцаловъ, и дѣло опять пошло гладко, безъ рѣзкихъ инцидентовъ. Лѣтомъ вся редакція разѣхалась, и газета осталась до осени на попеченіи А. М. Войцеховскаго и моемъ. Тутъ произошелъ случай, имѣвшій для меня серьезныя послѣдствія. Разбирая какъ-то редакціонную почту, я распечаталъ два письма въ редакцію, присланныя Н. М. Ядринцевымъ; въ одномъ была рукопись для газеты, въ другомъ—письмо А. В. Адріанову съ просьбою напечатать упомянутую рукопись, двѣ вырѣзки изъ старыхъ номеровъ московской газеты «Русскій Курьеръ», которыя предлагалось перепечатать въ «Сибирской Газетѣ». Рукопись я тотчасъ же прочелъ, выправилъ, сдѣлалъ въ ней кое-какія измѣненія и сокращенія и отправилъ въ типографію, вырѣзки изъ «Русскаго Курьера», какъ заключавшія въ себѣ извѣстія не важныя и во всякомъ случаѣ запоздавшія, я бросилъ въ корзинку, а Ядринцеву написалъ на редакціонномъ бланкѣ, что ни Макушина, ни Ефимова, ни Адріанова въ Томскѣ нѣтъ, что газета оставлена ими на меня и Войцеховскаго, что присланная имъ рукопись уже набирается, что газета очень цѣнитъ его вниманіе и дорожитъ его сотрудничествомъ, но въ вырѣзкахъ изъ старыхъ газетъ не нуждается, ибо получаетъ всѣ главныя столичныя газеты и сама редакція сумѣетъ извлечь изъ нихъ своевременно все, что найдетъ нужнымъ дать своимъ читателямъ. Я считалъ небезполезнымъ съ перваго же раза осадить генераль-патріота, чтобъ онъ не думалъ, что съ редакціей «Сибирской Газеты» можно дѣлать все, что угодно его «сибирскому величеству». Ядринцевъ, какъ мы узнали послѣ, моимъ письмомъ обидѣлся и затаилъ злобу, обнаружившуюся весной 1882 года.

VIII.

Газета выходила аккуратно каждое воскресенье, приобретающая все большее и большее доверие и распространение. Цензура не неистовствовала, Ядринцевъ молчалъ, мы тихо и скромно дѣлали свое несомнѣнно нужное для края дѣло. Не оправдывала газета только честолюбивыхъ надеждъ В. И. Мерцалова, не прославляла она губернаторской дѣятельности, ограничиваясь сообщеніемъ фактовъ этой дѣятельности, достойныхъ общественнаго вниманія, безъ славословія, оиміама и желательныхъ губернатору выводовъ и обобщеній. В. И. Мерцаловъ жаловался на это «сухое» отношеніе газеты къ губернской администраціи при личныхъ свиданіяхъ съ редакторомъ, издателемъ и мною, но эти жалобы не достигали цѣли: редакція неуклонно продолжала свою «политику», находя иной образъ дѣйствій недопустимымъ для независимой газеты. Губернаторъ понялъ, что его надежды тщетны, и не мстилъ газетѣ.

Иначе поступилъ Н. М. Ядринцевъ; онъ задумалъ выжить меня изъ редакціи «Сибирской Газеты», и ему это удалось. Въ маѣ 1882 г. Адриановъ сообщилъ мнѣ, что въ ближайшее редакціонное собраніе явится делегатъ Ядринцева, ѣдущій въ Иркутскъ для усиленія «Сибири», врачъ Писаревъ, котораго Ядринцевъ просилъ остановиться на нѣсколько дней въ Томскѣ и отъ имени его, Ядринцева, явиться въ редакцію «Сибирской Газеты» и передать надлежащія «внушенія» Макушину, Ефимову и Адрианову относительно веденія «Сибирской Газеты». Я съ интересомъ сталъ ждать редакціоннаго собранія, понимая отлично, чѣмъ именно вызвана присылка депутата съ грозными ультиматумами.

Писаревъ вошелъ въ редакціонную комнату съ гордо поднятой головой, подошелъ къ Макушину и Адрианову, которыхъ зналъ, поздоровался съ ними, поклонился остальнымъ и сѣлъ рядомъ съ Ефимовымъ. П. И. Макушинъ, изображая какъ бы председателя, обратился къ «делегату» съ просьбой изложить редакціи порученіе Николая Михайловича. Писаревъ немедленно приступилъ къ выполненію своей миссіи.

— Прежде всего,—началъ онъ,—Н. М. очень сожалѣеть, что редакція лишила его нравственной возможности сотрудничать въ «Сибирской Газетѣ», она ввела въ редакцію ссыльный элементъ, противъ котораго сибиряки, любящіе свой край, должны всѣми мѣрами бороться, а не пускать его руководить мѣстнымъ органомъ печати и вести корреспонденцію отъ имени газеты. Далѣе Н. М. очень обиженъ поправками и сокращеніями, сдѣланными въ его статьѣ рукой, которая не должна бы прикасаться не только къ рукописи автора съ именемъ, знатока сибирскихъ дѣлъ, но и къ болѣе скромнымъ рукописямъ. Вотъ причина, по которой Ядрин-

цевъ не присылаетъ ничего для газеты. Затѣмъ Н. М. требуетъ, чтобы «Сибирская Газета» помнила, что она не болѣе, какъ подголосокъ своей старшей сестры—иркутской «Сибири», этого заслуженнаго, испытаннаго органа сибирскихъ интересовъ, въ хвостѣ котораго итти не стыдно.

Писаревъ приостановился. Я, желая избавить редакцію отъ затруднительнаго выбора, который ей слишкомъ ясно поставленъ, воспользовался остановкой Писарева и сказалъ:

— Дѣло ясно, какъ день: Ядринцевъ желаетъ, чтобы редакція отказалась отъ моего сотрудничества, онъ не можетъ помириться съ тѣмъ, что нашелся человекъ, да еще ссыльный, который рѣшился сдѣлать въ его рукописи кое-какія поправки и прямо сказать ему, что «Сибирская Газета» не нуждается въ вырѣзкахъ изъ старыхъ газетъ, хотя бы и присланныхъ «самимъ» Ядринцевымъ. Требованіе, чтобы мы покорно шли въ хвостѣ «Сибири», я считаю оскорбительнымъ и недостойнымъ уважающей себя и свое дѣло редакціи. Не знаю, какъ другіе, а я не только у Ядринцева, но и у самого Господа Бога въ дуракахъ и холопахъ состоять не согласенъ и сегодня же прекращаю свое сотрудничество и выхожу изъ состава редакціи «Сибирской Газеты».

Сказавъ это, я всталъ и ушелъ изъ собранія. На утро я получилъ отъ П. И. Макушина очень любезное письмо, въ которомъ онъ просилъ меня успокоиться и вѣрить, что редакція глубоко цѣнитъ мою годовую безкорыстную и полезную работу, что напрасно я ушелъ такъ скоро изъ вчерашняго собранія, это помѣшало мнѣ услышать, какой единодушный протестъ всей редакціи вызвало «безтактное и нелѣпное поведеніе Писарева». Я поблагодарилъ Макушина, но возобновить работу въ газетѣ рѣшительно отказался.

Такъ кончилось мое участіе въ «Сибирской Газетѣ».

IX.

Прошло нѣсколько дней. Какъ-то утромъ получаю отъ губернатора записку, приглашающую меня зайти къ нему вечеромъ на квартиру «по дѣлу, которое можетъ меня заинтересовать». Вечеромъ въ тотъ же день я былъ у В. И. Мерцалова. Онъ встрѣтилъ меня вопросомъ:

— Вы разошлись съ Макушинымъ?

— Не съ Макушинымъ, а съ «Сибирской Газетой»,—отвѣтилъ я.

— Что бы вы сказали, если бы я предложилъ вамъ заняться неофициальной частью здѣшнихъ «Губернскихъ Вѣдомостей»?—спросилъ губернаторъ.

— Я не совсѣмъ понимаю васъ. Здѣсь, въ Томскѣ, официальная газета не нужна и не можетъ привлечь читателей. Есть хорошая

частная, независимая газета, конкурировать съ которой я бы не желалъ, да оно и бесполезно.

— Зачѣмъ конкурировать?—перебилъ меня В. И. Мерцаловъ.— У обѣихъ газетъ имѣются свои отдѣльныя задачи, такъ что онѣ могутъ существовать рядомъ, не мѣшая другъ другу и не конкурируя одна съ другой. Вы знаете, конечно, что было время, когда «Томскія Вѣдомости» гремѣли на всю Сибирь, въ нихъ работали Ядринцевъ, Потанинъ и другіе извѣстные сибиряки. Потомъ началось злополучное дѣло о «сибирскомъ сепаратизмѣ», всѣхъ главныхъ сибирскихъ литераторовъ засадили въ тюрьму, пострадали и наши «Губернскія Вѣдомости», въ которыхъ неофициальная часть почти исчезла: иногда еще печатали тамъ свои статьи, случайныя изслѣдованія кн. Костровъ, бывший секретарь губернскаго статистическаго комитета, а съ его смертью и этотъ случайный матеріалъ изсякъ, и теперь въ неофициальной части печатаются только объявленія о подпискѣ на иллюстрированныя изданія, которыя за это высылаютъ въ газетный столъ губернскаго правленія бесплатныя экземпляры. Между тѣмъ закономъ и отдѣльными распоряженіями установлена довольно широкая программа, толковое и умѣлое пользование которой можетъ сдѣлать губернскую газету полной и интересной. Этого я буду ждать отъ васъ, если вы примите мое приглашеніе.

— Я согласенъ попробовать, оставляя за собой право отказаться тотчасъ, если увижу какія-либо серьезныя затрудненія или препятствія, которыя помѣшаютъ мнѣ вести дѣло такъ, какъ я нахожу это нужнымъ.

Говоря такъ, я имѣлъ въ виду главнымъ образомъ дать понять губернатору, что не намѣренъ помогать ему въ прославленіи мѣстной губернской и окружной администраціи.

— Конечно, вы всегда вольны отказаться,—отвѣчала губернаторъ.

Переговоры были кончены, и вскорѣ я былъ назначенъ редакторомъ неофициальной части «Томскихъ Губернскихъ Вѣдомостей». По закону на эту должность могло быть назначено лицо, не имѣющее права государственной службы; управляющій контрольной палаты не встрѣтилъ препятствій къ соединенію мною занятій въ палатѣ съ новыми моими обязанностями.

Х.

По моему докладу, одобренному губернскимъ правленіемъ, губернаторъ разрѣшилъ открыть на неофициальную часть отдѣльную подписку и выпускать ее особо отъ официальной части разъ въ недѣлю. Я началъ составлять первый номеръ, написалъ руководящую

статью, озаглавивъ ее: «Наши задачи», составилъ изъ предоставлен-ныхъ въ мое распоряженіе официальныхъ матеріаловъ мѣстную текущую хронику, выбралъ изъ газетъ внутреннія и заграничныя извѣстія, получилъ разрѣшеніе печатать въ газетѣ телеграммы только что народившагося «Сѣвернаго телеграфнаго агентства», ежедневно получаемыя губернаторомъ и «Сибирской Газетой». Въ общемъ нумеръ вышелъ полный и для губернской официальной газеты интересный. Для ознакомленія я распорядился разослать его всѣмъ подписчикамъ (обязательнымъ) на официальную газету «Губернскихъ Вѣдомостей». Такихъ было около пятисотъ, и посылать имъ за 3 рубля въ годъ губернское правленіе было обязано одну официальную часть. Я разчитывалъ, что, ознакомившись съ новымъ содержаніемъ неофициальной части, эти подписчики захотятъ и дальше получать ее всего лишь за 5 рублей до новаго года. Мои расчеты оправдались вполне: требованія о высылкѣ новой газеты поступили отъ всѣхъ безъ исключенія обязательныхъ подписчиковъ «Вѣдомостей», въ городѣ подписка тоже пошла успѣшно,—въ общемъ черезъ 3—4 недѣли у меня уже было болѣе 600 подписчиковъ. Я получилъ нѣсколько привѣтственныхъ писемъ отъ корреспондентовъ «Сибирской Газеты», новый сотрудникъ послѣдней—Ф. В. Волховской, котораго я зналъ по процессу 193-хъ, при встрѣчѣ со мной поздравилъ меня «съ отличнымъ началомъ», назвалъ мою руководящую статью («Наши задачи») интересной по новой мысли, положенной въ ея основаніе, пожелалъ дальнѣйшаго успѣха и обѣщалъ поговорить о моей статьѣ въ «Сибирской Газетѣ». Но это ему не удалось. Ядринцевъ началъ уже издавать въ Петербургѣ свое «Восточное Обозрѣніе» и открылъ походъ противъ меня и изъ-за меня противъ В. И. Мерцалова. Полился неудержимый потокъ сплетенъ, лжи, грустныхъ кляузъ и инсинуацій, диктуемыхъ оскорбленнымъ самолюбіемъ и затаенной злобой, мѣстной вѣрной печати дана была грозная категорическая директива: если нельзя погубить, то обязательно упорно замолчать перемѣну въ изданіи «Губернскихъ Вѣдомостей». «Сибирь» и «Сибирская Газета» погубить меня не могли, но обѣ газеты упорно выполняли вторую часть полученной директивы, не гнушась, однако, позаимствованіемъ изъ «Губернскихъ Вѣдомостей» мѣстныхъ извѣстій, полученныхъ мною раньше. Къ чести «Сибирской Газеты» я долженъ сказать, что она не перепечатывала изъ газеты Ядринцева всѣхъ злобныхъ инсинуацій противъ ея бывшаго сотрудника, предоставляя иркутской «Сибири» одной заниматься распространеніемъ злобной лжи о человѣкѣ, не связанномъ съ газетою г. Загоскина никакими обязательными отношеніями.

Со стороны Ядринцева это была гнусная, беззастѣнчивая травля безправнаго человѣка, вся вина котораго состояла въ томъ, что онъ желалъ и умѣлъ работать. добросовѣстно дѣлая небольшое, несо-

миѣнно полезное мѣстное дѣло, открыто уклоняясь отъ всякой запрещенной ему закономъ дѣятельности, громко заявляя на всѣ многочисленныя предложенія, что онъ обходитъ велѣнія закона не намѣренъ, никакихъ дѣлъ не ищетъ и ни въ какихъ дѣлахъ, какъ бы они выгодны ни были, принимать ни прямого, ни косвеннаго участія не будетъ. Эта твердая «политика» ставила меня дѣйствительно въ нѣсколько исключительное положеніе среди мѣстныхъ ссыльныхъ: я не бѣдствовалъ, жилъ добропорядочно, пользовался довѣріемъ и гостепріимствомъ всего города, администрація относилась ко мнѣ доброжелательно, охотно пользовалась моими знаніями и работоспособностью для исполненія отдѣльныхъ работъ, требующихъ вниманія и пониманія, соединеннаго съ умѣніемъ связно и толково изложить необходимое на бумагѣ. Эти качества моихъ работъ, понятно, цѣнили и губернаторъ и управляющій контрольною палатою и пользовались каждымъ представлявшимся случаемъ доказать мнѣ свою признательность за добросовѣстное исполненіе возложенной на меня задачи. Но все это не выходило за предѣлы дозволяемаго закономъ и не вызывало ни малѣйшаго неудовольствія и противодѣйствія въ мѣстномъ обществѣ. Всѣ знали, что я живу тихо, не лѣзу впередъ, не злоупотребляю оказываемымъ мнѣ вниманіемъ и довѣріемъ, отказываюсь отъ всякихъ ходатайствъ, въ чьихъ бы то ни было интересахъ, передъ губернаторомъ и въ губернскихъ установленіяхъ, не вожу знакомства съ сомнительными элементами, не пьянствую, въ карты не играю, никакими «художествами» не занимаюсь. Казалось бы, нѣтъ никакихъ причинъ къ систематической травлѣ мирно живущаго и мирно работающаго человѣка, покорно несущаго постигшую его кару. Но Ядринцевъ разсуждалъ иначе: по его теоріи, ссыльный обязательно долженъ обходить законъ, мошенничать и учить мошенничеству другихъ, быть неустанно предметомъ оскорбленія и униженія, недостойнымъ общенія съ «честными» людьми, обреченнымъ на общее поруганіе и презрѣніе, лишеннымъ не только дворянства, чиновъ и орденовъ, но и права честно зарабатывать себѣ черствый кусокъ хлѣба. И вдругъ находится ссыльный, не желающій подтверждать собой эту патріотическую сибирскую теорію, осмѣлившійся жить въ ссылкѣ добропорядочно, внушить къ себѣ довѣріе и сочувствіе, получить работу, гласную и полезную для другихъ, которую когда-то дѣлали «сами» Ядринцевъ и Потанинъ. Помилуйте, развѣ это терпимо? Развѣ возможно допускать, чтобъ опозоренный по суду человѣкъ контролировалъ «честнаго» сибирскаго чиновника или руководилъ официальной газетой? Нѣтъ, его дѣло—мошенничать, а онъ вздумалъ работать и жить порядочно, наглядно опровергать нашу теорію о вредѣ интеллигентной ссылки для «дѣвственнаго» населенія Сибири. Ату его, дерзающаго не мошенничать, заводитъ какіе-то новые нравы въ сибирской ссылкѣ, ату его!

XI.

И травля продолжалась съ усердіемъ, достойнымъ лучшаго дѣла. Травя меня, Ядринцевъ задѣвалъ по пути губернатора и управляющаго контрольною палатою, обвиняя ихъ въ попустительствѣ и въ униженіи правительственнаго престижа, оскорбленіи общества и т. д. Забывалось все: логика, здравый смыслъ, факты, порядочность, уваженіе личности, заслуги, безупречная многолѣтняя дѣятельность, признанная репутация,—все это нагло попиралась изъ-за предвзятой мысли—сбить съ ногъ ненавистнаго, дерзкаго человѣка, хотя бы пришлось для этого задѣть положеніе ни въ чемъ неповинныхъ людей.

Зимой 1882 года В. И. Мерцаловъ поѣхалъ въ Петербургъ, надѣясь личными разъясненіями парализовать впечатлѣніе розсказней «Восточнаго Обозрѣнія». Министромъ былъ гр. Д. А. Толстой. Предубѣжденный противъ В. И. Мерцалова, онъ встрѣтилъ его сурово и съ массой упрековъ, но затѣмъ внимательно выслушалъ губернатора и потребовалъ одного: чтобы моя подпись, какъ редактора «Губ. Вѣд.», была тотчасъ же снята съ газеты. Я получилъ распоряженіе объ этомъ по телеграфу и ждалъ разъясненій почтой. Съ первой затѣмъ почтой и. об. губернатора, предсѣдатель губернскаго правленія Н. Н. Пѣтуховъ, получилъ подробное письмо, въ которомъ В. И. Мерцаловъ поручалъ передать мнѣ его просьбу продолжать работу, не смущаясь тѣмъ, что газету будетъ, по необходимости, подписывать начальникъ газетнаго стола губернскаго правленія Н. Е. Васильевъ, которому просилъ дать по этому поводу необходимые указанія. Я продолжалъ вести неофициальную часть въ томъ же духѣ, какъ и раньше, съ Васильевымъ у меня были добрыя, искреннія отношенія, и онъ ни въ чемъ не нарушалъ моей самостоятельности, отлично вѣря, что я его не подведу подъ отвѣтъ передъ начальствомъ.

Въ январѣ 1883 года возвратился В. И. Мерцаловъ, скоро распространился по городу слухъ, что онъ оставляетъ свой постъ вслѣдствіе многихъ разногласій съ министерствомъ гр. Толстого. При встрѣчѣ я спросилъ В. И. Мерцалова: справедливы ли эти слухи? В. И. отвѣчалъ:

— Да, Ядринцевъ, Гиляровъ и Александровъ (жандармскій полковникъ) такъ настроили министерство противъ меня своими доносами, что мнѣ оставаться невозможно. Представьте себѣ, что меня обвинили даже въ томъ, что я по часамъ держу въ приемной Гилярова и Александрова, принимая въ это время политическихъ ссыльныхъ или васъ. Я такого случая рѣшительно не помню, но не могъ, конечно, отрицать, что не бросалъ начатаго приема и не бѣжалъ навстрѣчу кому бы то ни было. Возможно, что и Гилярову и

Александрову когда-либо пришлось подождать четверть часа въ моей приемной, пока я отпущу принятаго до ихъ прихода посѣтителя, но такого случая, чтобъ я завѣдомо заставлялъ ихъ ждать, а другихъ принималъ, я не помню, и этого не было и быть не могло уже потому, что всѣхъ должностныхъ лицъ я принимаю всегда, когда я дома, и рѣдко кто-либо изъ нихъ является ко мнѣ въ часъ, назначенный для приема частныхъ посѣтителей, а особенно Гиляровъ или полковникъ Александровъ. Не понимаю, какъ не стыдно было имъ прибѣгать къ такому вздорному обвиненію. Впрочемъ, нѣкоторые люди признаютъ въ борьбѣ всѣ средства годными, лишь бы они вели къ намѣченной цѣли. Въ данномъ случаѣ цѣль достигнута: я ухожу.

— И скоро уѣзжаете?—спросилъ я.

— Съ первымъ пароходомъ,—отвѣтилъ В. И. Вскорѣ былъ полученъ указъ объ увольненіи Мерцалова въ отставку, и въ должность губернатора вступилъ временно опять Н. Н. Пѣтуховъ. Это измѣненіе въ составѣ губернской администраціи на судьбѣ «Губ. Вѣд.» не отразилось. Н. Н. Пѣтуховъ былъ человѣкъ добрый, чуждый какихъ-либо затаенныхъ стремленій, а тѣмъ болѣе честолюбивыхъ вождельній, всю службу свою онъ провелъ въ Сибири, въ Петербургѣ никакихъ вліятельныхъ знакомствъ у него не было, въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ его никто не зналъ и занять освободившуюся вакансію губернатора онъ и не мечталъ. Въ Томскѣ Н. Н. пользовался репутаціей «хорошаго» человѣка, его любили: чиновничество—за доступность, горожане—за обходительность, политическіе ссыльные—за терпимость и отсутствіе въ немъ стремленія доказать ихъ притѣсненіемъ свою благонадежность, прочіе ссыльные—за человѣколюбивый взглядъ на судьбу безправныхъ, обездоленныхъ существъ. Ко мнѣ лично Н. Н. относился доброжелательно, выражалъ неоднократно сочувствіе моей дѣятельности и, вступивъ въ исправленіе должности губернатора, просилъ меня продолжать начатое при Мерцаловѣ дѣло на тѣхъ же основаніяхъ.

ХІІ.

Я забылъ сказать, что незадолго до своего увольненія губернаторъ поручилъ мнѣ исполненіе обязанностей секретаря губернскаго статистическаго комитета; должность эта оставалась вакантною за смертью занимавшаго ее много лѣтъ кн. Кострова, ибо въ наличномъ составѣ губернаторскихъ чиновниковъ не имѣлось ни одного лица съ высшимъ университетскимъ образованіемъ (условіе, поставленное закономъ для занятія должности секретаря). Принявъ это назначеніе и оставаясь негласнымъ редакторомъ «Губ. Вѣд.», я принужденъ былъ сократить свои занятія въ контрольной палатѣ,

для которыхъ у меня имѣлось не болѣе двухъ часовъ въ день. Я хотѣлъ совсѣмъ отказаться отъ занятій въ палатѣ, но управляющій палатою убѣдительно просилъ меня не уходить совсѣмъ и работать столько, сколько могу, причемъ разрѣшилъ мнѣ являться на службу не ежедневно, а по возможности, лишь бы порученная мнѣ отчетность была обрѣзана къ сроку и ревизіонные доклады своевременно представлены на перевѣрку общаго присутствія палаты. Такія льготы открывали мнѣ полную возможность исполнить желаніе новаго управляющаго палатою, покойнаго теперь А. Г. Лейбина, котораго я до конца моихъ дней буду вспоминать съ глубокимъ уваженіемъ и горячею признательностью.

Поручая мнѣ новыя обязанности, В. И. Мерцаловъ просилъ меня тотчасъ же заняться составленіемъ «Обзора Томской губерніи» за 1882 годъ, который долженъ былъ быть приложенъ къ годовому всеподданнѣйшему отчету губернатора за минувшій годъ.

Оставляя свой постъ, губернаторъ желалъ представить свой отчетъ до полученія приказа объ увольненіи и потому торопилъ составленіе необходимаго къ нему приложения, о своевременномъ напечатаніи котораго въ губернской типографіи обязанъ былъ заботиться секретарь статистическаго комитета, для чего въ этотъ комитетъ въ началѣ cadaго года поступали изъ губернскихъ и окружныхъ (уѣздныхъ) установленій и отъ подлежащихъ должностныхъ лицъ всѣ указанныя въ законѣ свѣдѣнія и статистическія данныя. Слѣдить за своевременнымъ доставленіемъ этихъ свѣдѣній и цифровыхъ таблицъ, за смертью кн. Кострова и за неназначеніемъ новаго секретаря, было некому. Это и заставило губернатора прибѣгнуть ко мнѣ. Тотчасъ была послана въ комитетъ бумага о назначеніи меня, по вольному найму, временно исполнять обязанности секретаря, а на имя секретаря—предписаніе ускорить составленіе и отпечатаніе приложения ко всеподданнѣйшему отчету за 1882 годъ.

Отправившись на другой день въ комитетъ, помѣщавшійся въ зданіи присутственныхъ мѣстъ, я нашелъ въ канцеляріи комитета единственнаго служащаго—вольнорабочаго писца, ссыльнаго К. А. Томаса, бывшаго судебного пристава изъ Москвы. Онъ былъ приглашенъ еще покойнымъ кн. Костровымъ и со смертью послѣдняго, не имѣя опредѣленной текущей работы, ограничивался тѣмъ, что записывалъ во входящій журналъ поступающія на имя комитета бумаги и рассылалъ заведенныя кн. Костровымъ печатныя требованія о доставленіи свѣдѣній для приложения къ отчету губернатора за минувшій годъ, съ печатными подписями Мерцалова и кн. Кострова.

— Вчера поступила бумага о вашемъ назначеніи,—закончилъ Томасъ:—я записалъ ее и началъ ждать васъ, ожидая отъ васъ ближайшихъ указаній; просто истомился, сидя здѣсь, какъ въ оди-

ночномъ заключеніи, безъ всякаго опредѣленнаго дѣла, ежедневно отъ 10 до 3^{1/2} часовъ.

— Ну, теперь начнемъ зато спѣшно и много работать; я обѣщаль губернатору серьезно заняться «обзоромъ», онъ спѣшитъ съ отчетомъ.

— Кое-что я уже сдѣлалъ,—отвѣтилъ мнѣ Томасъ:—но остановился, вспомнивъ, что эту работу дѣлалъ всегда самъ секретарь.

Ему онъ поручалъ только составленіе сводныхъ статистическихъ вѣдомостей, но и ихъ всегда самъ провѣрялъ, боясь грубыхъ ошибокъ и нелѣпостей, которыя Томасъ, не зная мѣстныхъ условій, могъ легко пропустить. Я попросилъ Томаса подобрать мнѣ всѣ полученные матеріалы, приложивъ къ нимъ и сдѣланную уже имъ работу. Забравъ домой полный портфель полученныхъ донесеній, таблицъ и отчетовъ, я въ тотъ же день вечеромъ вплотную засѣлъ за новую работу, живо заинтересованный въ томъ, чтобы сдѣлать ее не только скоро, но и возможно лучше. Въ матеріалахъ попадались изумительные курьезы. Если память мнѣ не измѣняетъ, нарымскій отдѣльный засѣдатель доносилъ, что во вѣренномъ ему округѣ «раскольниковъ римско-католическаго вѣроисповѣданія нѣтъ»; одинъ исправникъ,—помнится, бійскій,—насчиталъ въ своемъ округѣ болѣе 800 фабрикъ и заводовъ; томскій равнинъ доносилъ, что въ 1882 году число рожденій, бракосочетаній и смертей среди мѣстнаго еврейскаго населенія было 14; были и другіе курьезы, которыхъ не помню. Разобравъ всѣ полученные уже матеріалы, я раздѣлилъ всю предстоявшую работу на двѣ части: на свою долю оставилъ ту часть, гдѣ нуженъ былъ пояснительный, болѣе или менѣе подробный текстъ (положеніе врачебной и учебной частей), а составленіе чисто цифровыхъ сводныхъ вѣдомостей (количество церквей, ростъ населенія, число рожденій, бракосочетаній, смертей, распределеніе населенія по племенному составу, по вѣроисповѣданіямъ и пр.) я рѣшилъ поручить Томасу и просмотрѣть эти вѣдомости передъ отсылкою ихъ въ типографію. Мой планъ работы былъ одобренъ В. И. Мерцаловымъ, и мы въ Томасомъ энергично и дружно принялись за дѣло.

Черезъ мѣсяць приложеніе было составлено и отпечатано въ видѣ отдѣльной книжки въ 10—12 печатныхъ листовъ средняго размѣра. По моему ходатайству, Томасу за старательную и спѣшную работу была выдана экстренная денежная награда, а меня губернаторъ сердечно поблагодарилъ за скорое и успѣшное исполненіе его порученія. Всеподданнѣйшій отчетъ былъ отосланъ своевременно, и В. И. Мерцаловъ могъ спокойно ждать указа объ увольненіи.

XIII.

Въ концѣ 1882 года я взялъ на себя еще небольшое дѣло. Покойный В. А. Кокоревъ, одинъ изъ основателей «Уѣвернаго телеграфнаго агентства», предложилъ мнѣ взять въ Томскѣ агентуру этого агентства. Я согласился. Это обязывало меня выпускать ежедневно бюллетени съ телеграммами агентства, на полученіе которыхъ я имѣлъ право объявить особую подписку. На большую подписку я, конечно, рассчитывать не могъ; томичи имѣли уже тѣ же телеграммы два раза въ недѣлю: въ «Губ. Вѣд.» по четвергамъ и въ «Сиб. Газ.» по воскресеньямъ, такъ что подписчиковъ на мои бюллетени едва набралось на расходы по печатанію и разсылкѣ телеграммъ, да и то съ помощью небольшой розничной продажи. Весь барышъ заключался въ полученіи извѣстій прямо изъ телеграфной конторы, раньше опубликованія ихъ въ газетахъ, а трудъ по приведенію депешъ въ годный для печатанія видъ былъ не великъ. Впрочемъ, и подписка на полученіе телеграфныхъ бюллетеней въ новомъ 1883 году увеличилась, въ виду назначенія коронаціи императора Александра III и обѣщанія агентства подробно сообщать о всѣхъ коронаціонныхъ празднествахъ, манифестахъ и пр.; томичи надѣялись на обильныя милости и не поскупились на нѣсколько рублей, чтобы узнать объ этихъ милостяхъ днемъ или двумя раньше.

XIV.

Помнится, въ апрѣлѣ было получено телеграфное извѣстіе о назначеніи новаго томскаго губернатора. Былъ назначенъ московскій вице-губернаторъ Ив. Ив. Красовскій, бывший инспекторъ студентовъ московскаго университета, а до того служившій адъютантомъ кн. М. Д. Горчакова въ Крыму и въ Варшавѣ. Томичи не имѣли о немъ никакого реального представленія и искали о новомъ губернаторѣ всякихъ свѣдѣній. Вскорѣ всѣ узнали, что Красовскаго отлично знаетъ ссыльный Полянскій, бывший директоръ-распорядитель лопнувшаго московскаго ссуднаго банка, котораго въ Томскѣ всѣ знали за человѣка умнаго и правдиваго, на отзывъ котораго можно было положиться. Полянскій жилъ въ ссылкѣ уже болѣе пяти лѣтъ, не имѣя никакихъ средствъ. Онъ, по прибытіи въ Томскъ, искалъ работы и его пріютилъ, по вольному найму, въ губернскомъ правленіи предмѣстникъ Н. Н. Пѣтухова А. П. Дмитріевъ-Мамоновъ—москвичъ, знавшій Полянскаго еще въ Москвѣ. Въ губернскомъ правленіи Полянскій быстро завоевалъ общую любовь и довѣріе начальства. Онъ велъ

жизнь тихую, скромную, работалъ усердно и добросовѣстно; его умъ, знанія и опытность во многихъ дѣлахъ, преимущественно городскихъ, даръ изложенія, все это выдвинуло Полянскаго изъ среды окружавшихъ его «канцелярскихъ служителей 3-го разряда» и обратило на него вниманіе совѣтниковъ губернскаго правленія, которые въ 1883 году всѣ относились къ нему уже совершенно дружески, приглашая его къ себѣ и посѣщая его, какъ хорошаго знакомаго. Я познакомился съ Полянскимъ въ срединѣ 1882 года, встрѣтивъ его у М. К. Шпейера, съ которымъ связывали его общія московскія знакомства и взаимная симпатія. Моя встрѣча съ Павломъ Моисеевичемъ (такъ звали Полянскаго) превратилась сначала въ знакомство, потомъ въ сожительство и тѣсную дружбу, продолжавшуюся до смерти его, послѣдовавшей въ началѣ 1890 года, когда меня уже не было въ Томскѣ.

Возвращаясь къ Ив. Ив. Красовскому. Изъ разсказа Полянскаго оказалось, что послѣдній былъ нѣкогда предсѣдателемъ наблюдательнаго комитета московскаго городского кредитнаго общества, гдѣ Красовскій состоялъ дѣлопроизводителемъ и находился въ прямомъ подчиненіи предсѣдателя, т. е. Полянскаго.

— Это было давно,—говорилъ П. М.:—тогда Ив. Ив. былъ человѣкъ простой, хорошій, жизнерадостный, веселый, большой театралъ, любилъ литературу и вращался въ кругу московскихъ передовыхъ литераторовъ, профессоровъ и лучшихъ артистовъ и артистокъ, считался человѣкомъ, близкимъ кружку, вѣрному завѣтамъ Грановскаго, другомъ старика Щепкина, Шумскаго, Самарина, Ѳедотовой, Никулиной и другихъ корифеевъ московскаго Малаго театра, имѣлъ друзей среди видныхъ представителей московскаго купечества, московской адвокатуры и т. д.; вся Москва знала и любила Красовскаго за его веселость и отзывчивость на все доброе, честное, полезное. Но, повторяю, все это было давно, когда Красовскій еще не мечталъ объ административной карьерѣ; каковъ онъ теперь, побывавъ въ школѣ Долгорукова и въ шкурѣ вице-губернатора, не знаю. Приѣдетъ—увидимъ, ждуть недолго.

Первое извѣстіе о новомъ губернаторѣ получилъ полицеймейстеръ; телеграммой губернаторъ просилъ присмотрѣть ему квартиру. Тогда въ Томскѣ губернаторскаго дома еще не было и губернаторамъ отпускалось изъ казны на наемъ квартиры 1,400 р. въ годъ. Найти квартиру для губернатора было не легко; лучшіе въ городѣ дома принадлежали купцамъ, которые или сами жили въ нихъ, или искали жильцовъ тихихъ и непритязательныхъ; губернаторъ, какъ жилецъ, представлялся домовладѣльцу не только нежелательнымъ, но прямо-таки непереносимымъ бѣдствіемъ, такъ что полицеймейстеръ не безъ труда убѣдилъ купца Ненашева отдать подъ губернаторскую квартиру второй этажъ его большого дома на главной улицѣ за отпускаемую казною сумму.

Квартира была чуть ли не лучшая во всемъ городѣ. Полицеймейстеръ торжествовалъ, радуясь, что ему удалось блистательно исполнить первое порученіе новаго губернатора. Второй депешей, уже на имя управляющаго губерніей, Ив. Ив. извѣстилъ о своемъ выѣздѣ изъ Тюмени на пароходѣ. Пароходы отъ Тюмени до Томска шли не опредѣленное число дней, а, въ зависимости отъ состоянія погоды и очищенія отъ льда сибирскихъ рѣкъ, находились въ пути 10, 12 и до 15 дней. Телеграфа на пути тоже не было, такъ что съ выходомъ парохода изъ Тобольска до прихода его въ Томскъ о немъ нельзя было получить никакихъ свѣдѣній. Но сибирская полиція изобрѣтательна; она на десятый день по выходѣ парохода изъ Тюмени установила на Черемошниковой пристани (6 верстъ отъ Томска) постоянное дежурство, которое, завидѣвъ первый дымокъ ожидаемаго парохода, спѣшило извѣстить начальство о приближеніи парохода. Этотъ способъ былъ изобрѣтенъ давно, съ тѣхъ поръ, какъ пассажирскіе пароходы начали привозить въ Томскъ баржи съ арестантами, назначенными въ каторгу, на поселеніе и на житье въ Сибирь. Начальство было заинтересовано въ томъ, чтобы во-время прибыть на пристань для встрѣчи очередной арестантской партіи, и указанный способъ исполнѣ гарантировалъ начальство отъ опозданія и отъ томительнаго ожиданія. Тѣмъ же способомъ узнали о подходѣ парохода, на которомъ ѣхалъ губернаторъ. Часа въ 4 дня въ городѣ уже знали, что пароходъ подходит, что полицеймейстеръ уже «побѣждалъ» въ Черемошники, что у купца Пастухова взяли его праздничную коляску и пару лошадей, въ которой поѣдетъ встрѣчать губернатора Н. Н. Пѣтуховъ.

XV.

Еще съ осени 1882 года мы жили съ Полянскимъ въ одной квартирѣ. Случилось это такъ: къ П. А. Стоша весной пріѣхали жена и сынъ. Они начали искать квартиру и долго не находили ничего подходящаго, наконецъ, къ осени Фанни Андреевна Стоша нашла помѣстительный особнякъ, въ одинъ этажъ, съ мезониномъ, пустовавшій за смертью владѣльца и находившійся въ опеку. Опекунъ охотно соглашался сдать домъ старшему ревизору контрольной палаты за 650 рублей въ годъ. Въ домѣ было 6 хорошихъ комнатъ внизу и двѣ въ мезонинѣ, со всѣми необходимыми службами, такъ что назначенная наемная плата, по существовавшему въ Томскѣ на квартиры цѣнамъ, была не высока. Но домъ для одной семьи Стоша былъ великъ, и они искали надежныхъ соквартирантовъ. Стоша сказалъ мнѣ объ этомъ въ палатѣ. Одновременно Н. Н. Пѣтуховъ предложилъ мнѣ найти помѣщеніе для канцеляріи статистическаго комитета, такъ какъ занимаемая послѣднею комната

въ зданіи присутственныхъ мѣстъ нужна губернскому правленію. Имѣя это въ виду, я предложилъ Стошѣ сдать комитету мезонинъ, а мнѣ одну комнату внизу, и обѣщаль переговорить съ Полянскимъ, не возьметъ ли онъ послѣднюю свободную комнату, при чемъ мы оба имѣли право пользоваться общей пріемной и общей столовой, ибо Ф. А. Стоша обязывалась насъ продовольствовать, т. е. давать намъ полный пансіонъ. Полянскій охотно согласился, такъ какъ за 40 руб. въ мѣсяць нигдѣ не могъ получить хорошую комнату и добросовѣстное продовольствіе. Такимъ образомъ, съ осени мы поселились вмѣстѣ и прожили такъ до отъѣзда Ф. А. съ сыномъ въ Москву весной 1884 года.

Въ день пріѣзда Красовскаго мы всей коммуной сидѣли въ столовой за вечернимъ чаемъ, послѣ котораго обыкновенно расходились по своимъ комнатамъ, каждый для своей работы. Такъ думали мы поступить и въ этотъ день, не ожидая никакихъ посѣтителей. Вдругъ раздался неожиданный громкій звонокъ, и прислуга проскочила мимо насъ отворять входную дверь.

— Самъ полицеймейстеръ, — возвѣстила, возвращаясь, прислуга, — спрашиваетъ Павла Моисеевича.

Полянскій всталъ и направился въ пріемную, за нимъ пошли и мы, заинтересованные неожиданнымъ визитомъ начальника городской полиціи, которому никто изъ насъ не симпатизировалъ.

Столовую отдѣлялъ отъ пріемной небольшой темный коридоръ. Увидѣвъ выходящаго изъ коридора Полянскаго, полицеймейстеръ направился къ нему навстрѣчу и, протягивая руку, произнесъ:

— Новый губернаторъ приказалъ мнѣ тотчасъ же разыскать васъ, Павелъ Моисеевичъ, и привезти къ нему. Пожалуйте, лошади ждутъ.

Полянскій пошелъ надѣть сюртукъ, а я остался съ полицеймейстеромъ.

— Встрѣтили благополучно? — спросилъ я. — Каковъ показался вамъ новый начальникъ губерніи?

— Встрѣтили хорошо. Старикъ, хотя весь лысый, но бодрый, видный и, должно быть, строгій, сразу показалъ зубы — отказался сѣсть въ коляску Пастухова, подозвалъ мой фазтонъ, сѣлъ въ него и приказалъ везти его прямо къ архіерею. Мнѣ пришлось возвращаться съ пристани въ коляскѣ Пастухова, вмѣстѣ съ Нафаниломъ Назаровичемъ, который даже обидѣлся на эту первую выходку губернатора.

— Готовы? — спросилъ полицеймейстеръ, увидѣвъ входившаго въ комнату Полянскаго.

— Да, къ вашимъ услугамъ, — отвѣтилъ тотъ.

— Такъ ѣдемъ, а то его превосходительство, пожалуй, осерчаетъ, что я долго не исполняю его перваго приказанія.

И полицеймейстеръ съ Полянскимъ уѣхали.

Прошло два часа. Полянской вернулся веселый и довольный.

— Ну, что?—спросилъ я.—Какъ встрѣтилъ васъ вашъ бывший дѣлопроизводитель?

— Отлично, просто и радушно; повидимому, онъ не измѣнился, остался тѣмъ же хорошимъ человѣкомъ, какимъ я зналъ его въ Москвѣ. Поручилъ мнѣ просить васъ завтра прійти къ нему утромъ на квартиру для неофициальной бесѣды. Разказывалъ, что въ Петербургѣ, въ гостиницѣ, его поймалъ Ядринцевъ, общалъ ему поддержку «Восточнаго Обзорѣнія», если онъ «укротитъ» Корша и удалить его изъ правительственныхъ установлений, гдѣ ссылкой не мѣсто; затѣмъ настаивалъ на прекращеніи изданія «Губ. Вѣд.» въ мерцаловскомъ видѣ въ виду имѣющейся въ Томскѣ частной, независимой газеты, поддержка которой также будетъ ему обезпечена, если онъ заслужитъ благоволеніе «Восточнаго Обзорѣнія» и т. д. Красовскій увѣряетъ, что онъ ничего Ядринцеву не общалъ, что его образъ дѣйствій зависитъ отъ того, что онъ найдетъ на мѣстѣ, увидитъ собственными глазами и слушать кого-либо зря не намѣренъ и въ благоволеніи газетъ не нуждается. Скажите Коршу, что ему не грозитъ никакая неприятность, можетъ относиться ко мнѣ съ полнымъ довѣріемъ, я не намѣренъ его ѣсть въ угоду г-ну Ядринцеву. Я—не людоедъ.

Е. В. Коршъ.

(Продолженіе въ слѣдующей книжкѣ).

ЮНОШЕСКАЯ ЛЮБОВЬ И. М. СЪЧЕНОВА.

Въ 1848 году, въ концѣ іюня въ Кіевѣ пріѣхалъ изъ Петербурга, въ качествѣ учителя юнкерской школы, саперный прапорщикъ Иванъ Михайловичъ Съченовъ. Онъ только что окончилъ инженерное училище въ Михайловскомъ замкѣ, но въ инженеры не попалъ, потому что на экзаменѣ напуталъ что-то въ рисункѣ и, кромѣ того, былъ не въ ладахъ съ начальникомъ.

Представившись бригадному генералу и батальонному командиру, молодой прапорщикъ помѣстился съ обычнымъ офицерскимъ «комфортомъ» въ лагерномъ баракѣ въ двухъ верстахъ отъ Кіева.

Ротный командиръ его, кривоногій, плотный и низкаго роста, былъ по всеѣмъ признакамъ бурбонъ, но саперы считали себя ученымъ войскомъ, и даже этотъ бурбонъ вель себя прилично не только съ офицерами, но и съ простыми солдатами.

Съченовъ былъ очень неказистъ собою. Лицо у него было калмыцкое и изъ тѣхъ, о которыхъ говорятъ, что на нихъ чортъ горохъ молотилъ. Но у него были добрые и умные глаза, онъ былъ хорошо воспитанъ, говорилъ по-французски и по-нѣмецки, происходилъ изъ небогатыхъ, но породистыхъ дворянъ, и новые товарищи полюбили его. Офицеръ онъ былъ неисправный, но ему все сходило съ рукъ, и покровительствовавалъ ему бригадный адъютантъ, который самъ тяготился военной службой.

Ученое войско, къ удивленію Съченова, мало занималось саперными работами, а больше практиковалась шагистика, какъ и повсемѣстно во всеѣхъ російскихъ войсковыхъ частяхъ.

Два лѣта провелъ Съченовъ подѣ Кіевомъ и, хотя онъ считался завѣдующимъ минными работами, но игралъ въ нихъ роль не дѣятеля, а зрителя.

Офицеры жили вразбивку, не образуя цѣльнаго товарищескаго кружка. Въ лагерѣ не было даже помѣщенія, гдѣ они могли бы сходиться вмѣстѣ. Все же молодые саперные офицеры соединились въ кружокъ.

Этотъ кружокъ заводилъ знакомства въ городѣ, разумѣется, съ барышнями. Офицеры барышень занимали, танцовали съ ними или играли въ фанты.

Молодой Съченовъ постепенно затягивался въ офицерскую среду. Въ дѣтствѣ онъ былъ окруженъ женщинами, и его влекъ къ себѣ прекрасный полъ; помимо того, онъ былъ молодъ, и, естественно, не былъ равнодушенъ къ женской красотѣ.

Можетъ быть, онъ женился бы въ концѣ концовъ на какой-нибудь хорошенькой провинціальной барышнѣ, сдѣлался бы ротнымъ командиромъ, дослужился бы до генеральскаго чина и умеръ бы безвѣстнымъ генераломъ въ отставкѣ. Но однажды въ Кіевъ пріѣхалъ однокурсникъ Съченова по инженерному училищу, познакомилъ его съ другими инженерами, и одинъ изъ нихъ предложилъ ему познакомиться съ его семействомъ, получилъ, конечно, его согласіе и съѣзъ къ своимъ на Подоль.

Семья оказалась чудесная. Съченовъ сталъ бывать у новыхъ знакомыхъ разъ въ недѣлю во всю зиму 1848 года и въ первую половину слѣдующаго. Онъ заѣзжалъ за поручикомъ М. и вдвоемъ съ нимъ отправлялся на Подоль; вмѣстѣ же они и возвращались оттуда.

Отецъ и мать, будучи католиками, крестили дѣтей своихъ въ православную вѣру, потому что жили когда-то въ захолустѣ, гдѣ не было ксендзовъ. По профессіи отецъ былъ врачомъ и не такъ давно передъ тѣмъ жилъ въ Костромѣ, гдѣ занимался частной практикой, и изъ Костромы уже переѣхалъ въ Кіевъ. Семья вела скромную жизнь.

Съченова привлекала, впрочемъ, не личность доктора, а его дочь—двадцатилѣтняя Ольга Александровна. Несмотря на свою молодость, Ольга Александровна успѣла уже овдовѣть. Съченова она сразу заворожила. Онъ такъ говоритъ о ней въ своей автобіографіи: «Достаточно будетъ сказать, что она не была, какъ полька Мицкевича, бѣла, какъ сметана, и какъ роза, румяна, и не была весела, какъ котенокъ у печки; но принадлежала, несомнѣнно, къ породѣ кошечекъ, съ подвижнымъ гибкимъ станомъ, и очи ея очень часто свѣтились, дѣйствительно, какъ двѣ свѣчки, потому что она была вообще изъ породы экзальтированныхъ. Всего же милѣе въ ней была добрая улыбка, которою нерѣдко кончались ея горячія выходки, когда она сама чувствовала, что доходила въ своихъ увлеченіяхъ до парадоксовъ».

Въ тѣ дни, когда Сѣченевъ бывалъ въ этомъ семействѣ съ поручикомъ М., мать никогда не выходила къ гостямъ. Старшій сынъ—путьскій офицеръ—показывался крайне рѣдко; отецъ-старикъ являлся лишь на короткое время; другихъ гостей никогда не было; поэтому вечернюю компанію, подъ предѣдательствомъ Ольги Александровны, составляли только Сѣченевъ съ товарищемъ М. да два ея брата: инженеръ, введшій Сѣченева въ домъ, и студентъ университета.

Сѣченевъ скоро замѣтилъ, что Ольга Александровна не была сторонница и почитательница воинскаго званія и къ жизненнымъ вопросамъ относилась серьезно и съ нѣкоторыми признаками озлобленности, вытекавшей отчасти изъ общихъ условій тогдашняго существованія, отчасти изъ претерпѣнныхъ ею личныхъ испытаній. Между прочимъ она рассказывала, что, когда она жила въ Костромѣ, въ 40-хъ годахъ случился пожаръ. А Кострома была однимъ изъ ссыльныхъ городовъ для поляковъ послѣ возстанія 1830 года. Губернаторъ былъ умный человѣкъ и, не долго думая, заподозрѣлъ поляковъ въ поджогѣ и засадилъ всѣхъ безъ исключенія въ острогъ. Ольга Александровна, тогда шестнадцатилѣтняя дѣвушка, была тоже посажена въ острогъ. Въ историческихъ журналахъ между прочимъ можно найти указаніе, что даже костромской архіерей возмутился этой мѣрою, но былъ немедленно обвиненъ въ польской интригѣ; ему приходилось круто, когда пріѣхалъ князь Суворовъ, посланный Николаемъ Павловичемъ для разслѣдованія нелѣпаго дѣла. Суворовъ, извѣстный впоследствии петербургскій генералъ-губернаторъ, освободилъ заключенныхъ и выпустилъ на свободу Ольгу Александровну, а Николай Павловичъ, узнавъ о ней, прислалъ ей въ подарокъ серьги, въ утѣшеніе за напраслину.

По развитію и по уму, Ольга Александровна была выше своихъ собесѣдниковъ; она любила много читать и сѣтовала на женскую долю. Въ это время только что появилась въ кievской продажѣ книга Легувэ «La femme». Ольга Александровна носилась съ нею, дала ее Сѣченеву прочитать и никакъ не хотѣла помириться съ проповѣдью высокой роли женщины въ семьѣ и въ школѣ. Женщину она считала, не то шутя, не то серьезно, вѣнцомъ созданія; подчиненное положеніе женщины она признавала съ болью въ сердцѣ безвыходнымъ и ожидала въ будущемъ въ общемъ прогрессѣ просвѣщенія лишь смягченія ея участи, а не кореннаго измѣненія ея доли.

Время было мрачное. Жить было страшно. Крѣпостная оргія свирѣпѣла съ каждымъ днемъ. Людей было мало. Но все же начиналъ пробиваться свѣтлый лучъ въ темномъ царствѣ.

Двадцатилѣтній Сѣченевъ внималъ Ольгѣ Александровнѣ, какъ оракулу. Она ставила университетское образованіе очень высоко и считала московскій университетъ стоящимъ впереди всѣхъ прочихъ. Сѣченевъ впервые отъ нея услышалъ имя Грановскаго, и, вѣроятно.

были и другія прекрасныя имена, которыя узналъ Съченовъ отъ своей учительницы или «благодѣтельница», какъ онъ называетъ ее въ своихъ запискахъ.

Она пробудила его мысль и расшевелила сердце юноши, отъ природы склоннаго ко всему благородному и возвышенному.

— Что же мнѣ дѣлать?—спрашивалъ ее Съченовъ, когда она распространялась о призваніи человѣка.

— Служите ближнему.

— Какъ?

— Вы такъ молоды. Если бы вы захотѣли, могли бы сдѣлаться врачомъ.

Съченовъ внималъ ей, ловилъ каждое ея слово. Но она не имѣла замашекъ ученой женщины, держала себя на равной ногѣ съ нимъ, не впадала въ докторальный тонъ, а высказывала свои взгляды случайно, вскользь, среди обычныхъ общихъ разговоровъ и споровъ. Она ничего не навязывала Съченову, а поученія ея добровольно воспринимались имъ и западали глубоко въ его душу, пламенѣвшую, къ тому же, любовью къ ней.

Подъ ея вліяніемъ онъ сталъ читать. Разумѣется, Ольга Александровна была почитательницей романовъ Жоржъ-Занда—и Съченовъ перечиталъ произведенія этой романистки, имѣвшей вообще огромный успѣхъ въ тогдашнемъ русскомъ обществѣ. Жоржъ-Зандъ—да благословенно будетъ имя ея!—встрянула мыслящую Россію, и не одно поколѣніе русскихъ женщинъ воспиталось на ней. Тогда же Съченовъ познакомился съ Гёте, Шиллеромъ и приобрѣлъ даже полное собраніе сочиненій Лессинга.

Итакъ, Жоржъ-Зандъ въ лицѣ Ольги Александровны нашла въ Россіи усердную и даровитую ученицу, а Ольга Александровна увлекла Съченова на путь служенія челоѣчеству; она же заронила въ его душу искру особаго уваженія къ женщинѣ и привила ему мысль, что женщина можетъ быть и должна быть равноправна мужчинѣ... И впослѣдствіи, исполнивъ завѣтъ Ольги Александровны и добившись осуществленія своихъ лучшихъ грезъ, Съченовъ былъ первый, протянувшій руку русской женщинѣ въ ея борьбѣ за право учиться и получать высшее образованіе.

Любовь свою къ Ольгѣ Александровнѣ Съченовъ тщательно скрывалъ. Правда и то, что любовь вообще изъ всѣхъ страстныхъ движеній души труднѣе всего скрыть. Поэтому Ольга Александровна первая замѣтила его чувство къ ней. Братъ-путеецъ—тоже. И. М.—тѣмъ болѣе, что офицеръ этотъ имѣлъ особыя причины слѣдить за Съченовымъ. Но это никому изъ нихъ не дало повода улыбаться надъ любовью молодого человѣка. Съ нимъ продолжали обращаться ласково и, вѣроятно, находили, что первая любовь полезна для него. Объясниться Съченовъ не дерзалъ. Онъ только каждый день сталъ ѣздить на Подоль неизмѣнно все съ тѣмъ же М., который дружески

велъ себя съ нимъ. Вдвоемъ они прїѣзжали, вдвоемъ уѣзжали.

Однажды Ольга Александровна объявила Сѣченову, что она скоро уѣзжаетъ.

— Надолго?

— Скоро вернусь... Не скучайте... Я вернусь.

Сѣченовъ обѣщалъ не скучать, хотя сердце его сжалось, когда онъ простился съ прекрасной женщиной на первой станціи отъ Кіева, по черниговской дорогѣ, въ Броварахъ; онъ провожалъ ее вмѣстѣ съ обоими братьями ея.

У Ольги Александровны былъ веселый и загадочный видъ. Она очень тепло пожала руку Сѣченову.

Проводивъ Ольгу Александровну, Сѣченовъ узналъ въ Кіевѣ, что М. тоже уѣхалъ, оттого и не былъ на проводахъ ея—и уѣхалъ въ 4-мѣсячный отпускъ. Совпаденіе это не показалось ему страннымъ; и только черезъ нѣсколько мѣсяцевъ, сидя разъ въ своемъ кружкѣ съ товарищами за картами, онъ услышалъ чье-то восклицаніе:

— А знаете ли, господа, Ольга Александровна вышла замужъ! Сѣченовъ такъ и вздрогнулъ.

— За кого?

— За М.

— Не можетъ быть...

— На дняхъ молодые прїѣзжаютъ въ Кіевъ.

Сѣченовъ сдѣлалъ нелѣпный ходъ, но игра продолжалась...

Черезъ нѣсколько дней новобрачные прїѣхали. Сѣченовъ отправился къ нимъ съ поздравительнымъ визитомъ.

Ольга Александровна встрѣтила его съ усиленной свѣтской любезностью. Прежней простоты не было. Да и внѣшность ея измѣнилась. На ней было шелковое модное платье, голова ея была въ локонахъ и въ высокихъ гребняхъ, и она въ столовой сидѣла за серебрянымъ самоваромъ.

Сѣченовъ поздравилъ ее. Она улыбнулась и слегка сконфузилась; должно быть, въ голосѣ поздравителя ей послышалась укоризненная нота. Сѣченовъ признается въ своихъ воспоминаніяхъ, что его грызла ревность на этомъ парадномъ приѣмѣ; было очевидно, что надежды больше нѣтъ и не можетъ быть.

— Не забывайте насъ!—сказала Сѣченову Ольга Александровна, когда онъ собрался уходить.

Но онъ рѣшилъ повидать ее только еще одинъ разъ. Онъ вышелъ въ отставку, скинулъ военную форму и уже въ штатскомъ прїѣхалъ проститься съ Ольгой Александровной навсегда.

— Какъ я рада,—дружески вскричала она:—что ваши мечты объ университетѣ осуществляются. Поздравляю васъ, поздравляю.

Что долженъ былъ пережить и почувствовать бѣдный юноша? Слезы, можетъ быть, не разъ навертывались на глаза его. Но онъ

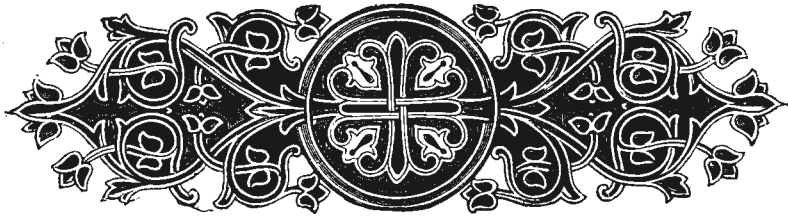
примирился съ судьбою и сердечно на этотъ разъ разстался съ любимю женщиною.

Въ домъ ея онъ вошелъ почти мальчикомъ, плывшимъ до того времени инертно по руслу, въ которое бросила его судьба, безъ яснаго сознанія, куда она можетъ привести его; а изъ ея дома онъ вышелъ съ готовымъ жизненнымъ планомъ, зналъ, куда итти и что дѣлать. Онъ вскорѣ сталъ знаменитымъ ученымъ.

А Ольга Александровна? Была ли она счастлива, выйдя замужъ за другого? Потеряла или выиграла эта ясная душа, своимъ свѣтомъ озарившая и взволновавшая душу Сѣченова? Замужество ея прошло безвѣтно, но любовь не взвѣшиваетъ и не дѣлаетъ расцѣпокъ. И, конечно, мужъ Ольги Александровны М. ей правился, чѣмъ все и сказано. Черезъ 14 лѣтъ, когда Сѣченовъ сталъ уже профессоромъ въ медицинской академіи, онъ встрѣтился съ Ольгой Александровной въ Петербургѣ. Она привезла безнадежно больного мужа посоветоваться съ петербургскими врачами. Встрѣча была дружественная. Но, должно быть, въ сердцѣ Сѣченова горѣлъ еще огонь былого чувства къ милой женщинѣ: высказать ей настоящимъ образомъ благодарность за все, чѣмъ былъ ей обязанъ, онъ постѣснялся въ присутствіи мужа.

І. Ясинскій.

ВОСПОМИНАНІЯ О КНЯЗѢ А. И. УРУСОВѢ

ЖИВО помню открытіе новыхъ судовъ въ Москвѣ.

Открытію этому предшествовала масса новыхъ разнообразныхъ толковъ, въ большинствѣ случаевъ очень сочувственныхъ. До тѣхъ поръ всѣми дѣлами, и по денежнымъ взысканіямъ, и по всевозможнымъ правонарушеніямъ, вѣдала почти исключительно полиція, и всякому, сколько-нибудь знакомому съ полицейскими порядками, даже позднѣйшихъ, менѣе «безцеремонныхъ» эпохъ, понятно будетъ, какъ нетерпѣливо ждали обыватели московскіе возможности обходиться безъ вмѣшательства «самого квартального».

Открытіе окружнаго суда ожидалось еще съ бѣльшимъ нетерпѣніемъ, нежели открытіе мировыхъ учрежденій. Въ особенности сильно занималъ всѣхъ первый составъ присяжныхъ повѣренныхъ. Съ ораторскимъ краснорѣчіемъ Москва вообще была мало знакома. Рѣдкіе изъ москвичей присутствовали на гласномъ разбирательствѣ за границей. Немногіе слышали подробности гласнаго суда въ Польшѣ, уничтоженнаго, какъ извѣстно, именнымъ указомъ императора Николая I, сказавшаго по выходѣ своемъ изъ открытаго засѣданія варшавскаго суда: «Уберите эту собачью комедію!»

Имена будущихъ ораторовъ, намѣченныхъ въ первый составъ присяжныхъ повѣренныхъ, ровно ничего не говорили публикѣ. Все это были люди мало извѣстные, начиная съ позднѣйшей красы и славы русскихъ ораторовъ—**Ө. Н. Плевако**, въ то время человѣка очень бѣднаго и очень склоннаго подчасъ выпить лишнюю рюмочку.

Воспитанникъ московскаго университета, ничѣмъ не выдавшійся изъ толпы товарищей, Плевако вовсе не обѣщаль того, чѣмъ сдѣлался впоследствии, хотя, строго и безпристрастно говоря, вся его ораторская слава зиждется главнымъ образомъ на смѣлости его вѣчныхъ, неизсякаемыхъ и увлекательныхъ софизмовъ.

Несомнѣнно, выше его стоялъ, какъ по развитію, такъ и по дару строгаго, ежели можно такъ выразиться, величаваго, импонирующаго краснорѣчія, князь А. И. Урусовъ, мастерскія, художественныя рѣчи котораго увлекали и нравственно поднимали аудиторію.

Арестъ и высылка князя Урусова, а затѣмъ его переходъ изъ защитниковъ въ число прокурорскаго надзора значительно помогли возвышенію и извѣстности Плевако, которому, смѣло можно сказать, никогда не удалось бы побѣдоносно вынести сравненіе съ талантливымъ соперникомъ.

Упомянувъ объ арестѣ князя Урусова, я не могу не сказать нѣсколько словъ о подробностяхъ этого ареста, хорошо и отчетливо мнѣ памятныхъ.

Я въ то время работала въ «Русскихъ Вѣдомостяхъ», редакторъ которыхъ, Н. С. Скворцовъ, былъ очень коротко знакомъ съ Урусовымъ.

Урусовъ, по возвращеніи своемъ изъ-за границы, гдѣ, какъ извѣстно, онъ произнесъ какую-то революціонную рѣчь, пріѣхалъ къ Скворцову и въ интимной бесѣдѣ передавалъ подробности произнесенной имъ въ Швейцаріи рѣчи.

Управляющимъ конторой «Русскихъ Вѣдомостей» въ то время былъ нѣкто Гринчаръ, человекъ никому изъ насъ хорошо не извѣстный, но сумѣвшій съ изумительной ловкостью втереться въ полное довѣріе къ добряку Скворцову, всегда готовому всякому повѣрить и во всякомъ принять участіе.

Поступивъ на службу совершенно бѣднымъ человекомъ, на глазахъ всѣхъ насъ, не имѣвшимъ даже чѣмъ заплатить за прописанное докторомъ лекарство, Гринчаръ успѣлъ въ самое короткое время поправить свои дѣла настолько, что обзавелся и собственной мебелью, и только что появившимися тогда въ употребленіи пружинными кроватями, и, отвоевавъ себѣ одну изъ внутреннихъ комнатъ редакціи, убралъ ее съ непривычнымъ для себя комфортомъ, и сталъ въ ней принимать гостей.

Въ тотъ день, о которомъ идетъ рѣчь, въ гостяхъ у Гринчара былъ какой-то жандармскій офицеръ, пріѣхавшій, по его словамъ, изъ Кинешмы и усѣвшійся пить чай въ комнатѣ Гринчара, отдѣленной отъ редакторскаго кабинета небольшимъ незанятымъ чуланомъ.

Мы оживленно толпой окружили князя Александра Ивановича, и онъ, на вопросы заинтересованныхъ слушателей, почти полностью повторилъ рѣчь, произнесенную имъ на митингѣ въ Швейцаріи. Всѣ мы съ живымъ интересомъ слѣдили за увлекательной пе-

редачей, и никому изъ насъ, никогда не сблизившихся съ офицерами жандармскаго дивизиона, не пришло въ голову неудобство того сосѣдства, какимъ на этотъ разъ наградила насъ судьба.

Александръ Ивановичъ кончилъ подъ взрывъ нашихъ горячихъ аплодисментовъ, а на другой день рано утромъ онъ былъ арестованъ въ квартирѣ, въ которой проживалъ съ молодой красавицей, впоследствии сдѣлавшейся его женой.

Арестъ этотъ, поразившій всѣхъ своей неожиданностью, произошелъ при обстоятельствахъ, совершенно исключительныхъ.

Князь былъ разбуженъ рано утромъ приходомъ полицейскаго офицера въ сопровожденіи полицейскихъ солдатъ.

Въ отвѣтъ на заявленіе камердинера князя, что баринъ его спитъ, полиціантъ заявилъ, что онъ имѣетъ приказъ разбудить его и «тотчасъ», безъ малѣйшаго промедленія, доставить въ управленіе Пречистенской части, въ районъ которой находился домъ князя.

Въ исполненіе этого приказа полиціантъ принялся самымъ безцеремоннымъ образомъ колотить въ дверь, и въ отвѣтъ на заявленіе, что князь въ комнатѣ не одинъ, въ свою очередь, отвѣтилъ, что онъ проситъ всѣхъ, кто бы тамъ ни былъ, немедленно удалиться, рискуя, въ противномъ случаѣ, быть удаленными силой.

Къ князю, оставшемуся однимъ, полицейскій офицеръ вошелъ въ сопровожденіи конвоя и потребовалъ, чтобы Урусовъ немедленно одѣлся и слѣдовалъ за нимъ.

Вся процедура туалета происходила въ присутствіи полиціантовъ, причемъ никто положительно не допускался въ комнату, не исключая и жены князя. Урусовъ, всегда находчивый и далеко не робкій отъ природы, такъ потерялся, что внезапно запѣлъ какую-то французскую шансонетку, исполняя ее съ жестами присяжнаго шансонетнаго пѣвца.

На просьбу князя вызвать близкаго ему присяжнаго повѣреннаго Никольскаго, чтобы поручить ему судьбу близкихъ ему людей и въ томъ числѣ только что родившагося ребенка, ему отвѣчено было категорическимъ отказомъ, и дѣло дошло до того, что ему не позволено даже было проститься съ женой и ребенкомъ. Не былъ допущенъ къ нему также и вѣрный и долгіе годы состоявшій при немъ камердинеръ, бывшій всегда въ курсѣ дѣлъ барина и способный въ трудную минуту быть серьезной поддержкой семьѣ, оставшейся на произволъ судьбы.

Князь въ отчаяніи не зналъ, къ кому прибѣгнуть, и кого онъ ни называлъ изъ числа присяжныхъ повѣренныхъ, всѣ оказывались не достаточно благонадежными.

Очевидно, эта почтенная корпорація не была въ то время въ болѣе довѣрїи у администраціи. Наконецъ Урусовъ наудачу назвалъ имя Антропова, автора извѣстной пьесы «Блуждающіе огни», бывшаго въ то время фельетонистомъ «Московскихъ Вѣдомостей».

Авторитетъ этой газеты, вѣроятно, сдѣлалъ то, что Антроповъ былъ вызванъ къ Урусову, который, въ присутствіи полиціи, выдалъ ему довѣренность на устройство его дѣлъ въ первую минуту его отсутствія.

Такой выборъ могъ оправдываться только тѣмъ исключительно-безвыходнымъ положеніемъ, въ какое былъ поставленъ арестованный, и возмутилъ всѣхъ, знавшихъ какъ высокоуважаемаго до вѣрителя, такъ и неожиданнаго и необъяснимаго повѣреннаго.

Антроповъ постарался всѣми силами оправдать всеобщее удивленіе, вызванное его избраніемъ.

Онъ съ первыхъ шаговъ принялъ на себя какую-то неподобающую роль, началъ всѣмъ и всѣми властно распоряжаться, потребовалъ выдачи ему всѣхъ наличныхъ денегъ и всѣхъ бумагъ арестованнаго и покушался даже увезти съ собой изъ квартиры нѣсколько картинъ, но всему этому вскорѣ положенъ былъ предѣлъ, и вслѣдствіе объясненія между нѣкоторыми изъ друзей и товарищей князя и прокуроромъ судебной палаты довѣренность, такъ поспѣшно и такъ необъяснимо выданная на имя Антропова, была немедленно уничтожена, и завѣдываніе его дѣлами перешло въ другія, болѣе надежныя руки.

Но все это воспослѣдовало уже черезъ два или три дня послѣ внезапнаго ареста князя, въ самый же моментъ этого ареста никто положительно не зналъ, куда именно онъ былъ увезенъ, и всѣ старанія узнать что-нибудь по этому поводу оставались безплодными.

Изъ Риги только получена была, черезъ недѣлю послѣ отъѣзда Урусова, коротенькая записка, очевидно, процenzурованная подлежащей властью и увѣдомлявшая близкихъ князя о томъ, что онъ живъ и здоровъ и будетъ писать подробно, достигнувъ мѣста назначенія. Впослѣдствіи оказалось, что самъ арестованный не зналъ положительно, куда его везутъ, что до вечера онъ просидѣлъ въ одиночной камерѣ пречистенскаго частнаго дома и только къ часу отбытія поѣзда Николаевской желѣзной дороги доставленъ былъ на дебаркадеръ, гдѣ и занялъ приготовленное ему мѣсто въ отдѣльномъ купе, въ сопровожденіи двухъ жандармовъ.

Арестъ этотъ пришелся въ воскресный день; въ управленіи военнаго округа въ это утро какой-то военный французскій аэронавтъ дѣлалъ публичное сообщеніе о примѣненіи воздушныхъ полетовъ къ военному дѣлу, и среди собравшейся на эту лекцію избранной публики только и толковъ было, что о внезапномъ арестѣ моднаго и всѣми любимаго русскаго Демосоена.

Причины и поводы этого ареста комментировались на всѣ лады, всѣ единодушно сходились на томъ, что главнымъ поводомъ была рѣчь, произнесенная княземъ на сходкѣ въ Швейцарскомъ союзѣ, и никто почти, или очень мало кто, догадался спросить, не была ли инкриминируемая рѣчь повторена въ Россіи, а ежели была, то гдѣ именно и чьего она могла достигнуть слуха?

Не касаясь подробнаго разбора адвокатской карьеры А. И. Урусова, уже достаточно подробно разобранной и оцѣненной лицами, въ этомъ дѣлѣ болѣе меня компетентными, я не могу обойти молчаніемъ одну изъ первыхъ его рѣчей по времени и, несомнѣнно, самую краткую и оригинальную по содержанію.

Гласный судъ былъ введенъ въ столицахъ, и открытія его нетерпѣливо ожидала провинція...

Никто не могъ не оцѣнить ту громадную разницу, какая существовала между закрытымъ, словно потайнымъ судомъ, всё производства котораго являлись ненарушимой тайной даже для заинтересованныхъ въ дѣлѣ лицъ, и судомъ гласнымъ, прямымъ, открытымъ, гдѣ каждое показаніе выслушивается и оцѣнивается цѣлыми плеядами безпристрастныхъ стороннихъ слушателей, гдѣ судьба живого человѣка обсуждается не мертвой буквой закона, а живымъ словомъ судей общественной совѣсти...

Столицы уже видѣли въ стѣнахъ своего новаго суда много оправданій, невозможныхъ при прежнемъ закрытомъ судопроизводствѣ...

Много вышло изъ стѣнъ судовъ и тюремъ арестантовъ, виновныхъ передъ буквой закона и правыхъ передъ судомъ общественной совѣсти...

Провинція готовилась къ открытію гласныхъ судовъ съ живѣйшимъ, почти лихорадочнымъ нетерпѣніемъ... Тамъ тоже нарождались доморощенные адвокатскія силы, жаждавшія показать себя...

Но дѣло все замедлялось и замедлялось, и въ Москвѣ давно уже была серія своихъ Демосееновъ, когда живописная Одесса еще переживала послѣдніе дни старыхъ закрытыхъ судовъ.

Наконецъ назначено было открытіе одесскаго окружнаго суда, встрѣченное всѣми одесситами съ живѣйшимъ и горячимъ сочувствіемъ.

Назначенъ былъ и день открытія, и къ этому дню готовились, какъ къ мѣстному торжеству.

Первымъ назначено было уголовное дѣло съ несомнѣнно благопріятнымъ исходомъ, какъ это и всегда дѣлается.

Нельзя же открывать судъ горемъ и слезами!..

Выбрана была изъ вороха скопившихся дѣлъ какая-то мелкая кража, поступившая на разсмотрѣніе суда присяжныхъ только потому, что она сопровождалась взломомъ какого-то несчастнаго сундучка...

И сумма украденнаго была ничтожна... И подсудимая, несчастная, совершенно нищая женщина, не могла возбудить ничего, кромѣ искренней жалости...

Тѣмъ не менѣе, для защиты ея, скорѣе въ смыслѣ практической лекціи, нежели въ видахъ серьезной защиты, вызванъ былъ изъ Москвы князь Урусовъ, охотно откликнувшійся на такое лестное приглашеніе.

Онъ, всегда оживленный, дѣятельный и отзывчивый на всякое крупное явленіе въ сферѣ русской жизни, горячо привѣтствовалъ въ душѣ открытіе одесскаго суда и радъ былъ привѣтствовать его и съ высоты ораторской трибуны.

Для обвиненія «преступницы» назначенъ былъ вновь назначенный товарищъ прокурора изъ мѣстныхъ чиновниковъ, особенно серьезно отнесшійся къ такому лестному для него избранію.

Усердіе его возросло еще сильнѣе съ тѣхъ поръ, какъ ему стало извѣстно, что оппонентомъ его на судѣ будетъ такое свѣтило, какъ князь Урусовъ.

Онъ готовился къ своей обвинительной рѣчи со всеѣмъ рвеніемъ новопосвященнаго рыцаря, со всеѣмъ задоромъ не уходившихся молодыхъ силъ.

Онъ зналъ, что на судѣ будетъ положительно «весь городъ», и что залъ суда въ этотъ день представитъ собой зрѣлище несравненно болѣе оживленное, нежели любого театра въ день постановки самой сенсаціонной пьесы...

Тутъ и начальство его должно быть, и его недавніе товарищи, и члены того общества, среди котораго онъ такъ дорожилъ успѣхомъ. А, можетъ быть, собиралась на торжество открытія и особа, близкая его юному сердцу...

Словомъ, налицо были всѣ данныя для того, чтобы постараться по возможности отличиться и выйти побѣдителемъ изъ не всеѣмъ равнаго турнира.

Стеченіе публики было громадное.

Всеобщее оживленіе не могло поддаться никакому описанію. Отслуженъ былъ парадный молебенъ. Громко и торжественно провозглашено было многолѣтіе мудрому монарху, даровавшему Россіи такое новое, свѣтлое благо. И двери гласнаго суда впервые отворились...

Члены суда заняли свои мѣста.

Товарищъ прокурора, въ новомъ съ иголочки мундирѣ, важно водворился передъ своимъ пюпитромъ.

Два бравыхъ жандарма ввели въ залъ суда первую подсудимую.

Не дебютантомъ оказался только прибывшій изъ Москвы защитникъ князь А. И. Урусовъ.

Онъ съ обычной своей аристократической выдержкой любопытно оглядывалъ развернувшуюся передъ нимъ пеструю картину и ждалъ начала засѣданія, какъ обычный посѣтитель первыхъ представленій ждетъ поднятія занавѣса, новой сенсаціонной пьесы.

Подсудимая, въ конецъ растерянная и перепуганная, робко и неясно отвѣчала на предлагаемые ей вопросы. Чтеніе обвинительнаго акта много времени у суда не отняло, такъ какъ все преступленіе состояло въ томъ, что «преступница», подъ вліяніемъ нужды и... довольно сильнаго опьянѣнія, «залѣзла» въ сундукъ товарки

и, сломавъ и безъ того почти совершенно надломленный замокъ, вынула изъ сундучка весь бывший въ немъ наличный капиталъ, состоявшій изъ 2 рублей 50 копеекъ.

Во все время чтенія обвинительнаго акта «преступница» горько плакала, а на вопросъ предсѣдателя, признаетъ ли она себя виновной, попыталась броситься передъ нимъ на колѣни, чему помѣшалъ дежурный судебный приставъ.

Немногочисленный штатъ свидѣтелей, состоявшихъ всего изъ двухъ или трехъ оборванцевъ и столькихъ же женщинъ, принадлежавшихъ къ подонкамъ общества, ничего не могъ прибавить къ дѣлу, откровенно сознаваясь, что находились въ сильномъ «подпитіи» и ничего положительнаго не помнятъ.

Предсѣдатель объявилъ судебное слѣдствіе оконченнымъ и открылъ судебныя пренія...

Этого именно момента нетерпѣливо ожидали всѣ присутствовавшіе.

— Господинъ прокуроръ, ваше слово!..—торжественно обратился предсѣдатель къ представителю прокурорскаго надзора.

Тотъ всталъ съ мѣста, пріосанился, окинулъ гордымъ взглядомъ залъ, и началъ...

Онъ сознавалъ себя въ эту минуту героемъ, ораторомъ, онъ видѣлъ и понималъ, что вниманіе всего зала приковано къ нему. Онъ чувствовалъ на себѣ пристальные взгляды всей этой одушевленной, глубоко заинтересованной толпы. Онъ понималъ, что отъ бѣльшаго или мѣньшаго успѣха его строго обдуманной и красиво изложенной рѣчи зависитъ вся его дальнѣйшая карьера, не только служебная, но и общественная.

Онъ сознавалъ, что надо «постараться», и... дѣйствительно «постарался». Онъ началъ свою рѣчь громко, вдумчиво, серьезно, тономъ безошаднаго, строгаго осужденія. Его рѣчь лилась грознымъ, неумолимымъ потокомъ и, Боже праведный, чего только не было въ этой рѣчи! Онъ говорилъ и о святости законовъ, о преступности ихъ дерзкаго нарушенія, рисовалъ мрачныя картины паденія общественной нравственности, ставилъ предложенное на обсужденіе новаго суда дѣло въ связь съ гибелью, уже встающею на мрачномъ горизонтѣ удрученной, расшатанной Россіи. Онъ говорилъ объ оскорбленіи всего святого, всего, во что привыкло вѣрить общество. Онъ съ паѳосомъ призывалъ наличный судъ спасти гибнущее отечество и съ глубокимъ негодованіемъ упоминалъ о потрясеніи тѣхъ основъ, на которыхъ зиждется общественное благосостояніе...

Весь залъ внималъ ему въ нѣмомъ напряженномъ молчаніи. Всѣ казались глубоко заинтересованными, а нѣкоторые и слегка озадаченными этимъ потокомъ краснорѣчія!

Мнѣнія слушателей дѣлились. Нѣкоторые любовались бойкимъ ораторскимъ словомъ, другіе находили его слишкомъ строгимъ.

Иные, болѣе наивные, вѣрили въ то, что именно «такъ надо», но всѣ единодушно сливались въ томъ исключительномъ, почтительномъ вниманіи, какое они удѣляли этому первому опыту новаго гласнаго суда, и тишина въ залѣ стояла мертвая!..

Урусовъ все время внимательно слушалъ своего оппонента, и на его выразительномъ, строго корректномъ лицѣ нельзя было прочесть ни одобренія, ни критики.

Онъ былъ весь вниманіе... и только!..

Новоиспеченный прокуроръ закончилъ рѣчь свою громкимъ и торжественнымъ воззваніемъ къ неумолимой строгости суда, призваннаго охранять святость поправныхъ законовъ государства.

По залѣ пробѣжалъ сдержанный ропотъ одобренія.

Чувствовалось, что новый Демосеенъ, ежели не всѣхъ успѣлъ безповоротно убѣдить въ истинѣ проведенныхъ имъ идей, то всѣмъ сумѣлъ внушить уваженіе къ своему несомнѣнному таланту. Онъ понялъ это и опустился на свой судейскій стулъ, переполненный чувствомъ собственнаго достоинства...

— Ваше слово, господинъ защитникъ! — не безъ нѣкотораго волненія произнесъ предсѣдатель, обращаясь къ яркому свѣтилу современной русской адвокатуры.

Князь Урусовъ всталъ, облокотился на стоявшій передъ нимъ пюпитръ и тихо, сдержанно, не торопясь, началъ свою талантливую рѣчь, которую я постараюсь передать, ежели не дословно, то по крайней мѣрѣ съ возможнымъ сохраненіемъ ея общаго, своеобразнаго характера, въ томъ видѣ, какъ онъ самъ передавалъ ее намъ по возвращеніи своемъ изъ Одессы.

— Господа судьи, господа присяжные засѣдатели! — началъ онъ тѣмъ яснымъ, отчетливымъ голосомъ, благодаря которому каждое произносимое имъ слово, безъ всякаго усилія, было отчетливо слышно въ отдаленнѣйшемъ углу залы.—Глубоко польщенный призывомъ одесской судебной палаты, которой угодно было сдѣлать меня въ нѣкоторой степени участникомъ торжественнаго открытія новаго, гласнаго суда, я съ благодарностью откликнулся на него и поспѣшилъ, прибывъ сюда, ознакомиться съ тѣмъ дѣломъ, которое ввѣрялось моей защитѣ, и которому суждено было первымъ быть занесеннымъ въ лѣтописи одесскаго окружнаго суда.

Я тщательно ознакомился съ этимъ дѣломъ, вникнулъ во всѣ его подробности, и, не придавая ему никакого серьезнаго юридическаго значенія, понялъ, почему такое, въ сущности незначительное дѣло призвано было открыть эру новаго, народившагося гласнаго суда.

Я понялъ, что лицо, призванное впервые занять мѣсто на горькой скамьѣ подсудимыхъ, должно выйти изъ суда оправданнымъ, что первый вердиктъ, призванный прозвучать въ стѣнахъ новаго суда, долженъ быть оправдательнымъ вердиктомъ.

Понялъ я и то, что моя роль «присяжнаго защитника» въ этомъ дѣлѣ сводится къ простой формальности, и что настоящей защиты,

въ томъ широкомъ и обязательномъ смыслѣ, въ какомъ ее понимаютъ и судъ, и общество, на мою долю въ этомъ дѣлѣ не выпадаетъ вовсе.

Я понялъ все это, и, преклоняясь передъ разумнымъ и гуманнымъ рѣшеніемъ суда, почти не готовился къ защитѣ, почти не обдумывалъ той рѣчи, съ которой мнѣ приходится предстать передъ вами!

Мнѣ сдавалось, что и «рѣчи» тутъ никакой не нужно... и что и судъ коронный, и судьи совѣсти, и многочисленная почетная аудитория наша, всѣ равно поймутъ этотъ юридическій дебютъ такъ, какъ его понялъ я!.. Я думалъ все это, господа судьи и господа присяжные засѣдатели, входя въ залъ суда, но рѣчь моего талантливаго противника заставила меня понять всю глубину моей ошибки.

Я вмѣстѣ съ вами внимательно выслушалъ представителя прокурорскаго надзора, я глубоко вдумался въ его талантливую рѣчь... Я зорко вглядѣлся въ тѣ, полныя захватывающаго ужаса картины, которыя онъ рисовалъ передъ нами...

Я прослѣдилъ, и пережилъ все это... и понялъ всю силу, всю громадность моей ошибки!..

Я понялъ, что тучи на русскомъ горизонтѣ сгущаются... что всѣ законы страны нарушены... всѣ основы потрясены... всѣ надежды на спасеніе разрушены!... Моя баба украла два съ полтиной!..»

Онъ умолкъ и спокойно опустился на свое мѣсто.

Передать то, что произошло въ эту минуту среди публики, невозможно.

Всѣ на минуту оцѣпенѣли.

За судейскимъ столомъ произошло полное смятеніе.

Всѣ молчали, но молчаніе это было краснорѣчивѣе всякаго разговора.

Прокуроръ, блѣдный отъ душившей его злобы, нервно перелистывалъ лежавшія передъ нимъ бумаги. Молоденькій секретарь, закрывшись платкомъ, дѣлалъ неимоверныя усилія, чтобы сохранить серьезное выраженіе лица.

Въ рядахъ публики прорывались взрывы неудержимаго хохота.

Одинъ Урусовъ сидѣлъ корректный и спокойный, сохраняя на лицѣ полнѣйшее равнодушіе.

Въ немъ сказывалось невозмутимое, глубокое сознание исполненнаго долга, какъ будто только для этой оригинальной рѣчи онъ и въ Одессу специально былъ вызванъ!..

«Первую подсудимую», конечно, оправдали, «но баба, укравшая два съ полтиной», долгое время составляла благополучіе безчисленныхъ друзей нашего талантливаго адвоката, и восклицаніе это вошло въ пословицу среди его многочисленныхъ друзей.

А. Соколова.

ВОСПОМИНАНІЯ О ПЕТРѢ СЕМЕНОВИЧѢ ВАННОВСКОМЪ.

Первое военное Павловское училище.

I.

А ВСЕ время моей продолжительной службы (почти 60 лѣтъ) мнѣ только однажды случилось быть подъ ближайшимъ начальствомъ крупнаго человѣка, дѣятельность котораго оставила, несомнѣнно, слѣды, если не въ исторіи Россіи, то въ управленіи нашей арміей въ царствованіе императора Александра III. Я далекъ отъ мысли писать его біографію; на это у меня нѣтъ ни умѣнья, ни матеріаловъ, но нѣкоторыя событія его жизни, его дѣйствія, характеръ и мнѣнія могутъ заинтересовать тѣхъ, которые такъ же, какъ и я, воздають ему должное и чтутъ его память, какъ государственнаго человѣка.

Я говорю о Петрѣ Семеновичѣ Ванновскомъ.

Въ бытность еще юнкеромъ артиллерійскаго училища, на лекціяхъ исторіи мнѣ казалось страннымъ и подозрительнымъ, почему всѣ наши великіе люди обладали, по словамъ преподавателей, одними достоинствами и добродѣтелями; ну, хоть бы кака-нибудь маленькая тѣнь, какой-нибудь крошечный недостатокъ, чтобы изъ намалеваннаго ходульнаго образа сдѣлать живого человѣка. Это тѣмъ болѣе поражало мое воображеніе, что наши историки не особенно церемонились съ иностранцами, даже съ королями, французскими Людовиками и англійскими Генрихами разныхъ номеровъ.

Когда я возмужалъ и ознакомился съ великими историческими лицами въ ихъ настоящемъ свѣтѣ, во мнѣ родилось неодолимое отвращеніе отъ слащавыхъ образовъ героевъ.

Все это я пишу для того, чтобы читатель зналъ, что я не намѣренъ скрывать не только недостатковъ, но и темныхъ сторонъ Петра Семеновича; пусть каждый, прочитавшій эту замѣтку, положить на одну чашку вѣсовъ всѣ положительныя стороны Ванновскаго, а на другую его отрицательныя свойства и судить самъ, какая чашка и насколько перетягиваетъ; по моему же глубокому убѣжденію, достоинства этого сильнаго человѣка оставляли далеко позади его недостатки, и я не разъ сожалѣлъ, въ періодъ нашей нелѣпой революціи, что воскресить его невозможно. Человѣкъ съ такой непреклонной волей, яснымъ умомъ и обаяніемъ на людей оказалъ бы Россіи великія заслуги, если бы былъ поставленъ на подобающее мѣсто.

Въ заключеніе предисловія скажу, что при дальнѣйшемъ изложеніи разговоры и фразы, поставленныя мною въ ковычки, не надо принимать буквально, но смыслъ ихъ совершенно вѣренъ.

Еще до поступленія подъ его начальство, я слышалъ о немъ слѣдующій характерный разговоръ, не знаю, вѣрно ли переданный мнѣ. Въ то время Ванновскій командовалъ офицерской стрѣлковой школой и не знаю, какимъ образомъ столкнулся съ ген.-адъют. Паткулемъ, бывшимъ личнымъ другомъ императора Александра II.

Паткуль серьезно обидѣлся и пожаловался государю, который, по своему добродушію, хотѣлъ погасить ссору и черезъ третьихъ лицъ послалъ Ванновскому совѣтъ извиниться передъ его любимымъ генераль-адъютантомъ; но Петръ Семеновичъ, считая себя вполне правымъ, наотрѣзъ отказался отъ добрыхъ совѣтовъ и съ извиненіями не поѣхалъ. Тогда государь послалъ къ нему одного изъ своихъ флигель-адъютантовъ съ приказаніемъ принести требуемое извиненіе. Въ тотъ же день Петръ Семеновичъ, надѣвъ полную парадную форму, отправился къ Паткулю и извинился, сказавъ:

— Государь императоръ повелѣлъ мнѣ принести вашему пресвосходительству извиненіе за слова, сказанныя мною вамъ (тогда-то). Исполняю волю его величества.

Конечно, такое извиненіе не удовлетворило Паткуля, и хотя официально исторія и затихла, но Ванновскій и Паткуль навсегда остались врагами. Говорили въ то время, что государь не могъ простить Ванновскому его упорства и до конца своей жизни былъ къ нему не расположенъ. Понятно, что Петръ Семеновичъ не любилъ вспоминать о разказанномъ эпизодѣ и я никогда его о немъ не спрашивалъ.

Затѣмъ Ванновскій былъ назначенъ директоромъ Павловскаго кадетскаго корпуса, а въ 1863 году, при преобразованіи Д. А. Милютинымъ военно-учебныхъ заведеній, начальникомъ 1-го военнаго Павловскаго училища.

Начало семидесятыхъ годовъ было, какъ извѣстно, время либеральное. Обличительная литература не щадила никого и обливала грязью все то, что называлось начальствомъ. «Колоколь» Герцена, свободно ходившій по рукамъ, добилъ обаяніе власти и окончательно уронилъ ее. Конечно, общее настроеніе проникло въ стѣны учебныхъ заведеній и выразилось волненіями въ университетахъ и паденіемъ авторитета начальства въ кадетскихъ корпусахъ. Кадеты старшихъ классовъ стояли во главѣ своихъ товарищей либераловъ и обходились со своими директорами весьма безцеремонно. Излишне говорить, что тогда, какъ и теперь, главными виновниками этого были нѣкоторые слабовольные директора и значительная часть статскихъ воспитателей и преподавателей, вносившихъ въ военныя заведенія вовсе невоенный духъ. Вотъ въ это-то трудное время сформировалось изъ самыхъ разнообразныхъ элементовъ первое военное Павловское училище, и Ванновскій далъ ему тотъ тонъ и направленіе, которые не смогли вытравить слѣдовавшіе за Петромъ Семеновичемъ начальники, менѣе его умные и гораздо болѣе слабые.

Не помню, котораго именно числа августа мѣсяца я получилъ приказъ о моемъ назначеніи помощникомъ инспектора классовъ въ первое Павловское военное училище съ предписаніемъ явиться въ 9^{1/2} часовъ утра къ его начальнику. Облекшись въ полную парадную форму, я поѣхалъ на Васильевскій островъ, гдѣ, въ зданіи нынѣшняго 1-го кадетскаго корпуса, помѣщалось Павловское училище. Войдя въ квартиру начальника, я приказалъ доложить о себѣ. Не прошло и двухъ минутъ, какъ въ пріемную вошелъ Ванновскій, Это былъ небольшого роста, широкоплечій, плотно скроенный человекъ съ маленькой головой, въ очкахъ. Онъ подошелъ ко мнѣ вплотную и нѣсколько мгновеній молча смотрѣлъ мнѣ прямо въ лицо своими холодными, пронизывающими сѣро-голубыми глазами, потомъ протянулъ руку и тихо, едва слышно сказалъ: «Прошу служить усердно и исправно; бѣлоручекъ не выношу. Съ обязанностями вашими ознакомить васъ инспекторъ классовъ, генералъ Домерщиковъ, а теперь отправляйтесь въ сборный залъ и ожидайте тамъ меня». Затѣмъ повернулся быстро и ушелъ въ кабинетъ.

Непріятное впечатлѣніе произвелъ на меня Ванновскій. «Бурбонъ, старозавѣтный генералъ николаевскихъ временъ», подумалъ я, избалованный любезными, почти дружескими пріемами, вошедшими уже въ то время въ моду у разныхъ начальствующихъ лицъ. Ну, да что же дѣлать, назвался груздемъ—полѣзай въ кузовъ; а между тѣмъ на днѣ души гнѣздилося какое-то неопредѣленное сознаніе, что мой новый начальникъ человекъ недюжинный.

Когда я добрался до сборнаго зала, самаго огромнаго въ Петербургѣ и по настоящее время, въ залѣ этомъ была уже масса народа. По тремъ стѣнамъ были выстроены юнкера. Старшій классъ отъ младшаго отдѣлялся небольшимъ интерваломъ. По срединѣ собра-

лись всѣ строевые офицеры съ батальоннымъ командиромъ во главѣ и всѣ штатные преподаватели съ инспекторомъ классовъ. Явившись ему, я сталъ рядомъ.

Минуть черезъ 10 дежурный офицеръ доложилъ громкимъ голосомъ: «начальникъ училища идетъ». Офицеры и преподаватели вытянулись въ струнку, но, къ моему удивленію, юнкера продолжали стоять въ весьма непринужденныхъ позахъ, иные выставивъ впередъ ногу, другіе скрестивъ руки на груди или закинувъ ихъ назадъ. «Смирно!» скомандовалъ громко батальонный командиръ. Многіе юнкера поправились и стали, — хотя, видно, неохотно, — такъ, какъ того требуетъ строевой уставъ; но человекъ 50—60 продолжали стоять безцеремонно. Тихо, наклонивъ голову, немного сторбившись, вошелъ Ванновскій, поклонился строевымъ офицерамъ и преподавателямъ и молча прошелъ къ срединѣ строя юнкеровъ. Не здороваясь, онъ громкимъ, внятнымъ голосомъ сказалъ:

— Я слышалъ команду «смирно», а вы какъ стоите: разгильдяями; я васъ заставлю уважать строй и выбью изъ головъ всѣ бредни, не отвѣчающія требованіямъ военной службы, — и затѣмъ скомандовалъ самъ «смирно».

По всей массѣ 300 человекъ юнкеровъ пронесся какой-то тихій, едва уловимый вздохъ, и черезъ секунду шеренги стояли, вытянувшись въ струнку, руки по швамъ, головы приподняты, при мертвой тишинѣ во всемъ залѣ. Выждавъ нѣсколько секундъ, Ванновскій поздоровался съ юнкерами. Отвѣтъ былъ громкій, ясный, ровный.

Начальникъ училища побѣдилъ.

Молодежь сразу поняла, что она попала подъ начальство непреклоннаго, строгаго хозяина училища. Затѣмъ, обойдя фронтъ и спросивъ фамилію каждаго юнкера, Ванновскій снова сталъ по срединѣ зала и сказалъ:

— Считаю долгомъ напомнить вамъ, что, какъ военно-служащіе, вы подчиняетесь всѣмъ требованіямъ дисциплинарнаго устава, съ которымъ рекомендую ознакомиться близко. Сверхъ того, каждому изъ васъ, господа, будутъ выданы правила, какъ должно вести себя въ училищѣ и внѣ стѣнъ его. Знайте, что всякое нарушеніе дисциплинарнаго устава и училищныхъ правилъ, всякое небрежное или невнимательное отношеніе къ приказаніямъ офицеровъ и вообще начальства будетъ мною строго караться. Разводите юнкеровъ по классамъ.

Затѣмъ, повернувшись, такой же медленной походкой, такъ же понуривъ голову, вышелъ изъ зала. Мы всѣ переглянулись. Каждый безъ словъ понялъ, что протекшіе полчаса имѣли важное значеніе, что юнкера, вошедшіе въ училище съ разными либеральными бреднями, обузданы и будутъ повиноваться. И дѣйствительно, жизнь училища потекла ровно, съ тѣми маленькими волненіями и мелкими выскалками, которыя неизбежны при скопленіи недисциплинированной молодежи.

Какъ я уже сказала, 1863 годъ былъ годомъ преобразованія военно-учебныхъ заведеній по мысли и системѣ военнаго министра, генерала Милютина; поѣтому нѣтъ ничего удивительнаго, что онъ вложилъ въ это дѣло свою душу и часто посѣщалъ вновь народившіяся военныя гимназіи и училища.

Его милая простота, его увлеченіе дѣломъ и вниманіе, которое онъ удѣлялъ учебно-воспитательной части, привлекли насъ всѣхъ. Казалось, что Милютинъ, безъ словъ, говорилъ: «Мы всѣ, господа, поставлены для рѣшенія и осуществленія важной задачи образованія и воспитанія офицеровъ, этой основы войскъ, такъ давайте же трудиться»—и мы трудились, насколько позволяли наши знанія и способности. Его пріѣздъ въ училище возбуждалъ не страхъ, какъ это было въ недавнее николаевское время при посѣщеніи высшаго начальства, а удовольствіе и ожиданіе дѣльнаго совѣта и указанія. Не даромъ нашъ старый швейцаръ остался совершенно доволенъ Милютиннымъ: «Что это за военный министръ,—говорилъ онъ:—влетитъ въ переднюю, какъ прапорщикъ, сброситъ шинель на руки кому попало, и не успѣешь оглянуться, какъ онъ очутится уже наверху лѣстницы. То ли дѣло былъ князь Чернышевъ: прикатить съ адъютантами; въ передней два штабъ-офицера снимаютъ съ него галоши, шинель прикажетъ взять непременно швейцару и скажетъ громко: «проводи», и только тогда двинется далѣе. Всѣ боялись, трепетали, а этотъ что, пріѣзжаетъ какъ простой офицеръ». Не знаю, правду ли говорилъ швейцаръ, что два штабъ-офицера «снимали съ Чернышева галоши», но мнѣніе стараго николаевского солдата характерно.

Ванновскій тоже, казалось, встрѣчалъ Милютина съ удовольствіемъ; по крайней мѣрѣ я ни разу не замѣчалъ въ немъ скрытаго раздраженія, а замѣтить это было легко: лишь только Петръ Семеновичъ злился—онъ стискивалъ зубы, вытягивалъ губы впередъ, и взглядъ его становился стекляннымъ.

Это случалось каждый разъ, какъ въ училище пріѣзжало слѣдующее по рангу лицо, главный начальникъ военно-учебныхъ заведеній, генералъ Исаковъ.

Черезъ кого и какъ попалъ Исаковъ въ главные начальники—не знаю. Говорили, что онъ обязанъ своей карьерой необыкновенной красотѣ, и, дѣйствительно, это былъ красавецъ, баловень знатныхъ дамъ; мы его называли мраморнымъ красавцемъ.

Какъ бы то ни было, но волей судебъ Исаковъ оказался начальникомъ Ванновскаго. Трудно найти двѣ натуры болѣе противоположныя. Исаковъ, благороднѣйшій рыцаръ чести, всегда свысока вѣжливый, невозмутимый, холодный, равнодушный ко всему, вообразившій себя высшимъ аристократомъ, пріѣзжалъ въ училище рѣдко, никому не протягивалъ руки, не исключая и Ванновскаго, и молча ходилъ по коридору, пока не надумывался посѣтить ка-

кой-нибудь классъ. Интересный вышелъ случай съ этимъ протягиваніемъ руки. Ванновскій, конечно, справедливо обижался такому невниманію начальника, и пожаловался ли онъ военному министру, или это дошло инымъ путемъ до Милютина, но какъ-то разъ Исаковъ посѣтилъ наше училище, протянулъ Ванновскому съ самой любезной улыбкой руку и сказалъ: «Что же? это васъ устраиваетъ?» и замолокъ. Ванновскій позеленѣлъ отъ злости и рѣзко отвѣтилъ: «Да, устраиваетъ». При слѣдующихъ посѣщеніяхъ они всегда обмѣнивались нѣмыми рукопожатіями.

Каковы были умственные качества Исакова, право, не знаю. Могу только съ увѣренностью сказать, что это былъ умъ какой-то путанный, метафизическій, подходившій къ рѣшенію каждаго вопроса съ самой трудной и неопредѣленной стороны. Какъ доказательство, приведу слѣдующій случай, когда я уже былъ инспекторомъ классовъ.

Какъ-то разъ пріѣхалъ къ намъ въ классы Исаковъ, засталъ, конечно, Ванновскаго и меня и началъ свою молчаливую прогулку, въ сопровожденіи насъ обоихъ. Вдругъ онъ заговорилъ:

— Конечно, если медикъ сдѣлаетъ ошибку въ опредѣленіи болѣзни или въ способѣ ея леченія, можетъ послѣдовать ухудшеніе недуга и даже смерть больного.

Слѣдуетъ довольно значительная пауза.

— Поэтому,—продолжалъ онъ:—совершенно справедливо расширить до крайнихъ предѣловъ преподаваніе специальныхъ предметовъ въ медико-хирургической академіи.

Новая пауза.

— Не то въ военныхъ училищахъ. Здѣсь трудно даже указать, какія науки существеннѣе и необходимѣе, а между тѣмъ каждый преподаватель-спеціалистъ, увлекаясь, раздуваетъ свою программу въ ущербъ другимъ. Поэтому я полагалъ бы предложить вамъ,—обратился онъ ко мнѣ,—выработать программу тактики, а полковника Леера (былъ тогда инспекторомъ классовъ 2-го Константиновскаго военнаго училища) попрошу заняться программой артиллеріи.

И смолкъ.

— Я не могу взять на себя такую задачу, ваше превосходительство,—въ полномъ убѣжденіи, что мой трудъ принесетъ военнымъ училищамъ не пользу, а вредъ,—возразилъ я коротко.

— А я добавлю,—сказалъ Ванновскій:—что и программа артиллеріи, составленная полковникомъ Лееромъ, будетъ не лучше программы тактики, выработанной моимъ инспекторомъ классовъ.

— Ну, такъ оставимъ все по старому,—сказалъ Исаковъ и вошелъ въ одинъ изъ классовъ.

Нужно отдать справедливость генералу Исакову: онъ не былъ ни упрямъ, ни мелочно самолюбивъ. Онъ почти никогда не приказывалъ, а какъ бы совѣтовалъ или совѣщался и, если встрѣчалъ дѣльное возраженіе, не шелъ ему наперекоръ.

Чтобы окончить характеристику Исакова, скажу, что, по словамъ его знакомыхъ, онъ былъ въ частной жизни милымъ, веселымъ и всегда занимательнымъ собесѣдникомъ, особенно въ обществѣ дамъ, горячимъ поклонникомъ которыхъ онъ остался до конца жизни.

Совѣтъ инымъ человѣкомъ былъ Ванновскій.

Основной мыслью всей его жизни и всѣхъ поступковъ было неуклонное исполненіе долга, а фундаментомъ военной службы онъ считалъ строгую дисциплину.

Примѣръ исправности онъ подавалъ самъ: уже за 5 минутъ до начала классовъ его можно было встрѣтить въ коридорахъ, медленно разгуливающимъ взадъ и впередъ.

Если кто-нибудь изъ классной администраціи запаздывалъ на нѣсколько минутъ, онъ произносилъ какъ бы нехотя «поздненько», или вынималъ часы и молча показывалъ ихъ опоздавшему; къ преподавателямъ, громадное большинство которыхъ было нештатными, т. е. служившими не въ вѣдомствѣ военно-учебныхъ заведеній, онъ относился снисходительнѣе; но если видѣлъ, что опаздываніе одного и того же лица повторялось довольно часто, то дѣлалъ выговоръ инспектору классовъ, справедливо замѣчая, что это его дѣло. Такъ же педантично и постоянно слѣдилъ онъ за тѣмъ, чтобы преподаватели не забалтывались въ дежурной комнатѣ долѣе 10 минутъ, назначенныхъ для маленькой перемѣны. На лекціяхъ онъ бывалъ часто, слушалъ всегда внимательно и, при его громадной памяти, вынесъ, какъ я думаю, немало положительныхъ знаній по военнымъ наукамъ за свое шестилѣтнее командованіе училищемъ. Иногда Петръ Семеновичъ незамѣтно исчезалъ изъ классовъ и появлялся вдругъ нечаянно, когда его менѣе всего ждали, и замѣчалъ какую-нибудь неисправность: то юнкеръ задремалъ на лекціи, то въ такомъ-то отдѣленіи шумъ, и всѣмъ виновнымъ доставалось, и препорядочно.

Вечеромъ, на репетиціяхъ, та же исторія, т. е. вѣчное и неустанное наблюденіе начальника училища: онъ, какъ говорили, всегда виситъ на шеѣ.

Чтобы покончить съ отношеніемъ Петра Семеновича къ классной части, скажу, что онъ не производилъ никакого непріятнаго давленія на инспектора. Зная хорошо массу людей, давалъ совѣты, какого преподавателя пригласить, дѣлалъ замѣчанія, всегда дѣльные, но не принималъ на себя роли руководителя научнымъ образованіемъ юнкеровъ, а наблюдалъ неустанно, если такъ можно выразиться, за благочиніемъ и порядкомъ и за успѣхами юнкеровъ, которыхъ онъ прекрасно зналъ, каждаго отдѣльно.

Если надзоръ его за исправностью классной части былъ такой внимательный, то въ строевомъ дѣлѣ, на ученьяхъ, гдѣ Ванновскій являлся знаткомъ, его требовательность была безгранична. За внутренней жизнью юнкеровъ, въ свободное отъ занятій время, онъ слѣдилъ во всѣ глаза, подавалъ совѣты, дѣлалъ выговоры и на-

кладывалъ мелкія взысканія за малѣйшіе проступки. То онъ заставлялъ, внезапно появляясь, юнкера лежащимъ на постели, то съ разстегнутымъ бушлатомъ, то съ папироской въ зубахъ внѣ курительной комнаты и проч., и всёмъ отъ него доставалось на орѣхи.

Такой неустанный, постоянный начальнической надзоръ водворилъ въ училищѣ идеальный порядокъ. Однажды, возвращаясь со мною ночью изъ комитета въ главное управленіе, Ванновскій пожелалъ пройтись по ротамъ, чтобы убѣдиться, не «нашкодиль ли» кто-либо, пользуясь его отсутствіемъ, какъ онъ выразился; но въ ротахъ все было въ полномъ порядкѣ: чистота необыкновенная, платье и бѣлье на табуретахъ сложено совершенно однообразно; спавшіе, казалось, даже во снѣ равнялись. Только дневальные юнкера, застегнутые и при оружіи, встрѣчали начальника училища въ каждой ротѣ рапортомъ. Когда мы вышли въ коридоръ, Петръ Семеновичъ внезапно остановился, такъ что я едва не наскочилъ на него, обернулся ко мнѣ лицомъ, видимо довольный, и спросилъ:

— Вѣдь я собака, не правда ли, всёхъ кусаю, никому дремать не даю, а потому и порядокъ такой, какъ, можетъ быть, ни у кого нѣтъ. Когда и вы будете начальникомъ, совѣтую также быть собакой.

Затѣмъ направился къ своей квартирѣ.

Огромную роль играли въ училищной жизни ежедневные приказы начальника училища. Въ нихъ онъ безпощадно каралъ, а иногда и высмѣивалъ юнкеровъ за предосудительные поступки. Приказы эти были вродѣ слѣдующаго. «Проходя вчера, въ 3 часа дня, по 1-й ротѣ, я замѣтилъ, что юнкеръ N. спряталъ что-то быстро въ карманъ. На мой вопросъ, что у него было въ рукахъ, N. отвѣчала, совершенно растерявшись: «ничего»; когда же я настоялъ, чтобы N. при мнѣ опорожнилъ карманы, въ нихъ оказались двѣ колоды картъ. Скверно, что N., вопреки правилъ, позволилъ себѣ принести въ училище карты, еще хуже, что онъ растерялся, и ужъ совсѣмъ гадко, что онъ солгалъ. Юнкеръ N. долженъ знать и помнить, что онъ скоро получить высокое званіе офицера, а офицеру нарушать правила, теряться и тѣмъ болѣе лгать—непристойно. Такого офицера начальство не полюбитъ, а товарищи уважать не будутъ. Предписываю юнкера N. арестовать на двѣ недѣли и представить въ дисциплинарный комитетъ о сбавкѣ ему балловъ за поведеніе».

Такіе приказы устрашали юнкеровъ; не такъ наказаніе, какъ задѣтое живо самолюбіе заставляло многихъ и многихъ позабыть ложь и даже подъ страхомъ самаго сильнаго взысканія признаваться въ своихъ проступкахъ. Вотъ что произошло, на примѣръ, на моихъ глазахъ. Часа въ два дня я былъ на квартирѣ у Ванновскаго съ докладомъ, когда ему доложили, что какой-то штатскій желаетъ его видѣть. Посѣтитель былъ тотчасъ же приглашенъ въ кабинетъ. Это оказался господинъ лѣтъ 50, съ весьма пріятной и почтенной наружностью. Назвавъ свою фамилію, онъ приступилъ къ разсказу.

— Я смоленскій помѣщикъ, пріѣхавшій съ женой и 18-лѣтней дочерью въ Петербургъ, повеселиться зимою. Вчера вечеромъ мы пошли на Невскій проспектъ полюбоваться ярко освѣщенными магазинами. Дочь шла впереди одна, а мы съ женой подъ руку слѣдовали сзади, какъ вдругъ къ дочери подошелъ юнкеръ вашего училища, поднялъ вуаль, посмотрѣлъ въ лицо и сказалъ: «Ахъ, что за душка, пойдемъ со мною». Я подскочилъ къ нему съ крикомъ: «Нахаль», а юнкеръ въ тотъ же мигъ исчезъ, неизвѣстно куда.

— Вы замѣтили его лицо, вы узнаете его, если я представлю вамъ бывшихъ вчера въ отпуску юнкеровъ?—спросилъ Петръ Семеновичъ.

— Конечно, нѣтъ,—отвѣтилъ помѣщикъ:—гдѣ ужъ ночью разглядѣть челоуѣка.

— Хорошо, подождите,—сказалъ Ванновскій, позвонилъ и приказалъ тотчасъ же послать къ себѣ дежурнаго офицера. Когда послѣдній явился, начальникъ училища передалъ ему рассказъ помѣщика, приказалъ обойти всѣ четыре роты и спросить, кто изъ юнкеровъ позволилъ себѣ оскорбить порядочную женщину. Черезъ полчаса дежурный пришелъ съ юнкеромъ К. ¹⁾

— Вы оскорбили вчера на Невскомъ дочь этого почтеннаго помѣщика?—спросилъ Петръ Семеновичъ.

— Я, ваше превосходительство, ошибся, принявъ ихъ дочь за дѣвицу легкаго поведенія.

— Вручаю вамъ виновнаго, дѣлайте съ нимъ, что хотите,—сказалъ Ванновскій, видимо, довольный смѣлымъ признаніемъ К.

Послѣ переговоровъ съ оскорбленнымъ отцомъ и искренняго извиненія К., помѣщикъ смягчился и просилъ не взыскивать съ виновнаго.

— Хорошо,—сказалъ Ванновскій, обращаясь къ К.:—я васъ не накажу, но въ приказѣ объявлю вашъ романъ.

— Бога ради, ваше превосходительство, только не это, лучше накажите, какъ хотите сильно,—завоилъ К.

— Не могу,—возразилъ Ванновскій:—разъ сказалъ, долженъ исполнить.

К. вышелъ, понутивъ голову.

— Однакоже у васъ честные юнкера,—сказалъ удивленный помѣщикъ.—Позвольте и мнѣ присоединиться къ просьбѣ г. К. не объявлять о его проступкѣ въ приказѣ.

— Ну, ужъ это не ваше дѣло,—воскликнулъ, всныхнувъ, Ванновскій.—Предоставьте мнѣ самому знать, что дѣлать.

Сконфуженный помѣщикъ поторопился уйти.

¹⁾ Я не буду называть фамиліи юнкеровъ. Они, вѣроятно, теперь почтенные генералы и напоминаніе шалостей можетъ имъ быть непріятно.

На другой день въ приказѣ былъ описанъ случай съ К., но обвиненіе за нахальство было настолько скрашено похвалою за смѣлое откровенное признаніе, что репутація К. въ глазахъ юнкеровъ несколько не пошатнулась.

Вообще на указы по училищу Ванновскій смотрѣлъ очень серьезно. Не помню, чтобы въ теченіе шестилѣтней службы моей съ нимъ онъ хоть разъ отмѣнилъ указъ. Однажды, введенный въ заблужденіе, онъ сдѣлалъ въ указѣ явно несправедливый выговоръ одному офицеру. Я указалъ ему на это и просилъ указъ отмѣнить, но Ванновскій положительно отказалъ, добавивъ:

— Указы никогда не отмѣняю и держусь наполеоновскаго правила: *Ordre contre ordre est toujours desordre*—лучше извинюсь лично.

Умъ у Ванновскаго былъ сильный, ясный. Къ рѣшенію вопроса онъ приступалъ просто и смѣло, и никакіе софизмы не могли сбить его съ толка. Вообще онъ былъ очень молчаливъ и въ длинные дебаты не пускался. Въ коммисіяхъ выслушивалъ обыкновенно всѣхъ, почти не проронивъ слова, въ концѣ высказывалъ свое мнѣніе и не любилъ, если встрѣчалъ потомъ противорѣчіе. Когда возраженіе было лишено основанія или дѣловитости, онъ отвѣчалъ коротко, иногда грубо, переходя къ слѣдующему замѣчанію, и если оно было дѣльное, принималъ его безъ возраженій. Многословія, ораторствованія онъ не выносилъ и безъ церемоніи останавливалъ болтуновъ, а самоувѣренную глупость казнилъ иногда невѣроятно грубо.

Здѣсь будетъ кстати сказать нѣсколько словъ о дисциплинарныхъ комитетахъ, происходившихъ подъ предѣлательствомъ Ванновскаго, для обсужденія воспитательной дѣятельности офицеровъ и проступковъ юнкеровъ и для наложенія на нихъ взысканій. Конечно, при громадномъ авторитетѣ начальника училища мнѣнія его имѣли преобладающее значеніе, но все же случались иногда споры и противорѣчія. Помню, какъ однажды въ серьезномъ дѣлѣ большинство офицеровъ не соглашались съ мнѣніемъ Петра Семеновича и спорили съ нимъ зубъ-за-зубъ.

— Хорошо же, я самъ лично представлю главному начальнику наше разнорѣчіе, и съ кѣмъ онъ согласится, такъ и будетъ,— закончилъ Ванновскій.

Когда мы вышли изъ комнаты, нѣкоторые офицеры говорили, что это только хитрость Ванновскаго, чтобы свалить на шею Исакова отвѣтственность за неправильное рѣшеніе, а поступать такъ, какъ хочетъ Петръ Семеновичъ. Другіе противорѣчили и предлагали пари.

Дня черезъ два начальникъ училища собралъ насъ и объявилъ, что генералъ Исаковъ согласился съ мнѣніемъ офицеровъ, а не съ его, Ванновскаго. Конечно, отъ такого поступка уваженіе къ нему въ нашемъ кругу только возросло.

По моему мнѣнію, онъ, весьма вѣроятно, и схитрилъ, но схитрилъ умно, самъ уговаривая главнаго начальника принять мнѣніе большинства комитета, такъ какъ сознавалъ въ душѣ, что офицеры правы, а уступить и признать свою ошибку было ему не по нутру.

Память у Ванновскаго была колоссальная. Смѣло могу утверждать, что черезъ мѣсяць или полтора послѣ сформированія училища онъ зналъ всѣхъ 300 юнкеровъ по фамиліямъ. Этой же памяти я удивлялся и много лѣтъ спустя, когда работалъ подъ его руководствомъ надъ перевооруженіемъ арміи. Зачастую онъ ловилъ насъ, ближайшихъ участниковъ этого дѣла, въ забвеніи такихъ мелочей, которыя у него, военнаго министра, въ то время занятаго государственными дѣлами, оставались въ мозгу какъ бы выгравированными.

Крайне недовѣрчивый, подозрительный, Петръ Семеновичъ трудно сходилъ съ людьми на близкую, а тѣмъ болѣе на дружескую ногу. Я не могу указать ни на кого изъ служащихъ, къ которому бы въ теченіе шестилѣтняго командованія Ванновскій приблизился, какъ къ человѣку. Нѣкоторыхъ онъ уважалъ, цѣнилъ, но ни съ кѣмъ не былъ ни ласковъ, ни любезенъ. Вѣроятно, это обстоятельство было причиной, что дежурные офицеры и преподаватели чуждались его. Бывало, въ большую перемѣну, длившуюся полчаса, когда всѣ сходились въ дежурную комнату попить чайку и побесѣдовать безъ церемоніи, по душѣ, входилъ иногда Ванновскій. Смѣхъ, игривый разговоръ и непринужденность тотчасъ исчезали, и на сцену являлась тема для скучнаго казеннаго разговора. Смотришь, минуты черезъ двѣ-три выходитъ кто-нибудь въ сосѣднюю комнату, за нимъ другой-третій, и чайная пустѣетъ, а рядомъ собирается то же общество, чтобы продолжать пріятную бесѣду. Вѣроятно, по той же причинѣ, Ванновскаго весьма немногіе называли въ глаза Петромъ Семеновичемъ, а титуловали вашимъ превосходительствомъ.

Конечно, Ванновскій, какъ умный человѣкъ, не могъ не замѣчать такого отъ себя отчужденія, но нимало не обижался. Онъ справедливо думалъ, что это происходитъ отъ боязни, а заставить себя бояться онъ старался всѣми силами, нимало не заботясь о томъ, любить его или не любить. Впослѣдствіи, когда я съ нимъ сошелся ближе, онъ говорилъ мнѣ: «Любовью людей, конечно, кромѣ тѣхъ, которыхъ я самъ люблю,—а такихъ не много,—я вполне пренебрегаю; повѣрьте, двигателями большинства служатъ только личный интересъ и страхъ. Вотъ на этихъ струнахъ я и играю».

Весь офицерскій составъ Павловскаго военнаго училища очень боялся Ванновскаго, о большинствѣ же юнкеровъ и говорить нечего; они старались съ нимъ не встрѣчаться, куда-нибудь улизнуть и запрятаться. Никогда не забуду, какъ однажды, часовъ въ 11 утра, мы съ нимъ ходили по коридору старшаго класса въ нижнемъ этажѣ, когда старшій одного изъ отдѣленій младшаго класса, расположеннаго во второмъ этажѣ, подошелъ ко мнѣ и доложилъ:

«Полковникъ Д. прислалъ сказать вамъ, г. полковникъ, что онъ не можетъ продолжать занятій, такъ какъ юнкеръ Ф. своимъ вызывающимъ и неприличнымъ поведеніемъ прерываетъ его на каждомъ словѣ».

— Ступайте навѣрхъ,—обратился ко мнѣ Ванновскій:—узнайте, въ чемъ дѣло, и приведите Ф. ко мнѣ сюда.

По сжатымъ зубамъ и вытянутымъ впередъ губамъ я уже зналъ, что въ душѣ Петра Семеновича поднимается буря.

Войдя въ классъ къ Д. и разспросивъ его, въ чемъ дѣло, я увидѣлъ, что ничего особенно серьезнаго нѣтъ; просто глупость, нелѣпая и школьническая выходка со стороны Ф.

— Пожалуйте внизъ, къ начальнику училища,—сказалъ я ему.

Ф. вскочилъ со скамейки и, размахивая руками на канканный манеръ, направился со мною къ двери, сопровождаемый улыбками товарищей.

— Вы не очень-то размахивайте руками,—обратился я къ нему:—генералъ не въ духѣ и вамъ не сдобровать.

Походка Ф. сразу стала приличной, спускаясь съ лѣстницы, уже сдѣлалась неувѣренной, а когда я отворилъ дверь въ нижній коридоръ, и онъ увидѣлъ въ другомъ его концѣ Ванновскаго, стоявшаго съ заложеными за спину руками, устремившаго холодный взглядъ на Ф., молодой человекъ поблѣднѣлъ и началъ дрожать. По мѣрѣ приближенія къ генералу Ф. блѣднѣлъ болѣе и болѣе, а когда подошелъ вплотную, позеленѣлъ и его стала бить форменная, ужасная лихорадка.

Ванновскій вынулъ часы и, показывая ихъ Ф., тихо сказалъ:

— Теперь 11 часовъ. Если къ 11^{1/2} полковникъ Д. васъ не извинить, къ вечеру васъ не будетъ въ училищѣ. Ступайте.

Ф. повернулся и, уже коверкаясь не отъ излишней смѣлости, а отъ лихорадки, пошелъ въ свое отдѣленіе.

— Ступайте, пожалуйста, за нимъ,—сказалъ мнѣ Петръ Семеновичъ:—и устройте дѣло такъ, чтобы мнѣ не пришлось исключать Ф.

Конечно, Д. простилъ Ф., и наказаніе ограничилось дисциплинарнымъ взысканіемъ.

Хотя далеко не все юнкера боялись начальника училища такъ, какъ Ф., но все же на многихъ изъ нихъ онъ производилъ такое же дѣйствіе, какъ очковая змѣя на маленькихъ птичекъ.

Чѣмъ объяснить это? Гипнозомъ, должно быть, который возрасталъ по мѣрѣ того, какъ исторіи, подобныя происшедшей съ Ф., дѣлались юнкерамъ извѣстными.

Вѣдь, въ сущности, Петръ Семеновичъ былъ далеко не жестокъ и при немъ изъ училища было исключено за проступки меньше юнкеровъ, чѣмъ при его преемникѣ, болѣе снисходительномъ. По природѣ, Петръ Семеновичъ былъ человекъ добрый, хотя и скры-

валь это, какъ порокъ, и стоило разъ заслужить его любовь, оказать ему важную услугу или доказать на дѣлѣ, а не на словахъ, привязанность къ нему, и вы имѣли въ немъ навсегда самаго безкорыстнаго защитника и покровителя. Точно также онъ никогда не забывалъ зла, сдѣланнаго ему или его близкимъ, и такимъ людямъ приходилось зачастую плохо.

Вспыльчивъ Ванновскій былъ непомѣрно и, разъ вспылывъ, дерзокъ и грубъ до невѣроятія, хотя долженъ оговориться, что за все свое шестилѣтнее командованіе онъ надерзилъ настоящимъ, по тогдашнимъ нравамъ, образомъ только тремъ своимъ подчиненнымъ, дѣйствительно мало заслуживающимъ уваженія. Не стараясь его облить въ этомъ, я скажу одно въ облегченіе обвиненія: Петръ Семеновичъ не только воспитывался въ николаевское время, но лѣтъ 13—14 прослужилъ офицеромъ въ этотъ грубѣйшій періодъ нашей исторіи, когда самъ императоръ кричалъ зачастую на плацу, въ присутствіи тысячъ людей, престарѣлымъ генераламъ: «Дуракъ». Что же послѣ того говорилось генералами маленькимъ офицерамъ! Я своими ушами слышалъ, какъ генераль Сутгофъ на ученіи вѣзмъ военно-учебнымъ заведеніямъ въ Петергофѣ кричалъ: «Полковникъ М. (не хочу называть фамилію), вы глупы». Такая школа не могла не подѣйствовать вредно на человѣка властнаго и вспыльчиваго.

Позволю себѣ рассказать о самой ужасной, возмутительной грубости Петра Семеновича, свидѣтелемъ и причиной которой, къ крайнему сожалѣнію, я былъ самъ.

Въ училищѣ было принято за правило, послѣ окончанія курса законовѣдѣнія, водить юнкеровъ въ окружный судъ, чтобы ознакомить ихъ практически съ ходомъ судопроизводства и съ обрядностью его. Чтобы не наскочить на дѣло, которое юнкерамъ не подобало слушать, на обязанности инспектора классовъ лежало узнать наканунѣ, какія именно дѣла подлежатъ разсмотрѣнію. Такъ поступилъ и я, когда настало время посланки юнкеровъ въ судъ. Получилась записка, что судиться будутъ такія-то за воровство, воровство со взломомъ, грабежъ и т. п., ну, какъ нарочно, самыя, такъ сказать, невинныя преступленія.

Согласно приказу, юнкера отправились, подъ командой офицера, въ судъ, а я пошелъ домой благодушествовать, какъ вдругъ, около трехъ часовъ, получаю отъ адъютанта, поручика У., человѣка недалекаго и мало усерднаго въ службѣ, записку, написанную писарскою рукой, слѣдующаго содержанія:

«Благодаря небрежности и невнимательности вашего высокоблагородія, юнкера младшаго класса не могли слушать сегодня назначенныхъ къ разсмотрѣнію въ окружномъ судѣ дѣлъ и должны были вернуться въ училище къ 12 часамъ дня. Поручикъ У.»

Прочитавъ эту записку, я отдалъ ее обратно разсыльному и сказалъ:

— Возврати эту записку обратно адъютанту и скажи, чтобы онъ прочиталъ ее внимательно.

Черезъ пять минутъ мнѣ снова приносятъ ту же записку. Съ моей стороны такой же отвѣтъ, съ прибавкой:

— Скажи поручику, что если онъ еще разъ пришлетъ мнѣ эту записку, я выброшу ее въ грязь.

Черезъ нѣсколько минутъ приносятъ опять ко мнѣ записку, съ прибавкою наверху собственной рукой адъютанта, весьма отличной отъ писарской, приписки:

«По приказанію начальника училища сообщаю вашему высокоблагородію, что и т. д.».

Конечно, записку я принялъ, недоумѣвая, что все это значить, какъ вдругъ черезъ полчаса приходитъ ко мнѣ посланный отъ Ванновскаго, съ приказаніемъ немедленно пожаловать къ нему. Захвативъ съ собою записку адъютанта и списокъ дѣлъ, присланныхъ мнѣ изъ окружнаго суда, я пошелъ къ начальнику училища, предчувствуя ужасную грозу. Дѣйствительно, какъ только я появился въ кабинетъ, Петръ Семеновичъ, сидѣвшій за письменнымъ столомъ, вскочилъ съ мѣста и прокричалъ:

— Какъ смѣете вы два раза не принять моей записки, да еще послали сказать адъютанту, что выбросите ее въ грязь.

— Ваше превосходительство,—возразилъ я, самъ кипящая отъ злости,—ничего подобнаго не было. Вотъ записка.

Ванновскій выдернулъ изъ моихъ рукъ злочастный ключокъ бумаги и сталъ читать, а я продолжалъ:

— Конечно, я не могу допустить, чтобы поручикъ, отъ своего имени, дѣлалъ выговоръ мнѣ, полковнику. Сблагovolите взглянуть на почерки. Два раза я получилъ только то, что написано писаремъ, и только въ третій разъ поручикъ У. сдѣлалъ собственной рукой сверху приписку; тогда я принялъ выговоръ, не знаю, за что мнѣ сдѣланный,—добавилъ я, протягивая ему другую записку, присланную изъ окружнаго суда.

Ванновскій взялъ и эту записку, прочелъ и обѣ записки спряталъ въ карманъ. Хотя бѣшенство его прошло, но онъ все-таки сильно волновался и пробурчалъ:

— А я все-таки дѣлаю вамъ словесный выговоръ, слѣдовало рано утромъ послать вашего помощника въ окружный судъ узнать, сохранилась ли назначенная программа.

Мнѣ хотѣлось отвѣтить, что рано утромъ въ судѣ и стѣрожей нѣтъ; но вѣдь я самъ былъ пять лѣтъ юнкеромъ и пять офицеромъ въ царствованіе Николая I и зналъ, что возражать начальству не подобаетъ. Поклонился и вышелъ.

Когда я разузналъ дѣло, оказалось слѣдующее. Едва офицеръ, приведшій юнкеровъ въ судъ, размѣстилъ ихъ на указанныя мѣста, какъ его потребовалъ къ себѣ предсѣдатель и объявилъ, что первымъ

дѣломъ пойдетъ какое-то происшествіе въ веселомъ домѣ и всѣ его обитательницы будутъ вызваны въ качествѣ свидѣтельницъ. Предсѣдатель ничего не имѣлъ противъ присутствія юнкеровъ, но, замѣтилъ онъ, едва ли зрѣлище будетъ полезно для молодежи. Конечно, офицеръ тотчасъ же повелъ свою команду обратно.

Не знаю, была ли перемѣнена программа, или мнѣ дали фальшивую справку, но посѣщеніе юнкерами окружнаго суда не состоялось. Съ этого дня я надулся на Ванновскаго и относился къ нему строго офиціально, ограничиваясь короткими отвѣтами на вопросы, по возможности словами: «точно такъ» и «никакъ нѣтъ», прибавляя неизмѣнно титулованіе.

Такъ длилось дня 4—5, когда однажды поручикъ У. пришелъ съ бумагами для подписи Ванновскаго въ классы, что случалось довольно часто. Петръ Семеновичъ сидѣлъ у меня въ комнатѣ. Я упорно занимался высчитываніемъ какихъ-то балловъ. Мы оба молчали. Когда поручикъ У. вошелъ, съ Ванновскимъ сдѣлалось что-то невообразимое. Лицо, шея и руки покраснѣли, глаза метали молніи; онъ сорвался съ мѣста и подскочилъ съ сжатыми кулаками къ У.

— Какъ осмѣлились вы два раза послать отъ вашего имени выговоръ полковнику. Я бы васъ отдалъ за это подъ судъ, если бы вы не были такъ глупы. Сами напакостили и сами же прибѣжали ко мнѣ ябедничать на инспектора классовъ, который ни душой, ни тѣломъ не виноватъ, и поставили меня передъ нимъ въ фальшивое положеніе,—и пошелъ, и пошелъ. Не помню всѣхъ любезностей, сказанныхъ имъ своему адъютанту; но послѣднія слова врѣзались въ мою память.

— Знайте и помните,—прокричалъ Петръ Семеновичъ:—что у васъ въ головѣ меньше мозговъ, чѣмъ у полковника К. въ каблукѣ, и убирайтесь отсюда.

И Ванновскій, обезсиленный волненіемъ, грузно опустился въ кресло. У. выбѣжалъ, заливаясь слезами; я послѣдовалъ за нимъ, чтобы по возможности его утѣшить.

Такъ кончилось это печальное событіе. У. остался адъютантомъ. Натянутость между мною и Ванновскимъ сгладилась.

Ванновскій былъ безусловно чистымъ, честнымъ человѣкомъ и хотѣлъ, чтобы офицеры и юнкера не сомнѣвались въ этомъ. Въ одинъ прекрасный день мы получили приказаніе собраться въ сборномъ залѣ. Въ опредѣленный часъ всѣ юнкера были выстроены покоемъ. Офицеры въ срединѣ. Вошелъ Ванновскій, сталъ впереди офицеровъ, вынулъ изъ кармана какое-то письмо и громко сказалъ:

— Какой-то мерзавецъ изъ числа юнкеровъ прислалъ мнѣ безыменное письмо, которое я прочту вамъ отъ первой буквы до послѣдней,—и онъ началъ чтеніе. Письмо, съ обращеніемъ на «ты», на половину состояло изъ самыхъ грубыхъ, извозчичьихъ ругательствъ

и кончалось, между другими безмысленными обвиненіями, упрекомъ, что Ванновскій крадетъ съ дровъ, мяса и вообще всѣхъ матеріаловъ, поставляемыхъ въ училище. Подписано письмо: «ненавидящій тебя юнкеръ».

— Я бы не сталъ читать этой мерзости, если бы не послѣднія обвиненія, которыя могутъ ввести въ заблужденіе юнкеровъ, еще мало знакомыхъ съ ходомъ училищнаго хозяйства. Такъ знайте же и помните, что я не расходую по своей волѣ ни одной копейки. Все потребное училищу заготовляетъ хозяйственный комитетъ, а пищевые продукты покупаются на рынкѣ при участіи дежурнаго по кухнѣ юнкера; изъ этого вы видите, что если бы я и хотѣлъ украсть что-либо, то не могъ бы. Ну, а теперь я обращаюсь къ тому, кто написалъ это письмо, обещаю ему не взыскивать съ него, не помнить зла; но если онъ выйдетъ, я не лишу себя удовольствія сказать ему въ лицо: «подлецъ».

Конечно, такое обѣщаніе не поощрило любителя безыменныхъ писемъ обнаружить себя.

Я какъ-то сказалъ уже мелькомъ, что Ванновскій былъ добръ отъ природы, но стыдился обнаружить это качество, обязательно скрывалъ сдѣланное имъ добро и принималъ холодно и неохотно приносимую ему благодарность.

Я знаю навѣрно, что онъ всегда неутомимо хлопоталъ, чтобы доставить своимъ офицерамъ возможно болѣе наградъ, а бѣднымъ семейнымъ людямъ денежныя пособія. При выпускѣ вновь произведенныхъ изъ его училища офицеровъ онъ ѣздилъ по разнымъ мытарствамъ, просилъ, неустанно ходатайствовалъ, ссорился и бранился съ разными властью имущими, только бы лучше устроить «своего», какъ онъ называлъ юнкеровъ Павловскаго училища. Я лично знаю, что Петръ Семеновичъ, уже будучи военнымъ министромъ, два раза спасалъ полковника В. «своего» отъ гибели, грозившей ему за непочтительное отношеніе къ начальству, дѣйствительно не заслуживавшему никакого почтенія.

Слѣдуетъ также сказать, что въ теченіе шестилѣтней службы моей съ Петромъ Семеновичемъ въ Павловскомъ военномъ училищѣ онъ никого изъ офицеровъ не выгналъ, никого не сдѣлалъ несчастнымъ, да и сами офицеры, несмотря на требовательность, вспыльчивость и грубость начальника училища, не стремились уйти отъ него въ какое-нибудь другое мѣсто службы. Полагаю, что это происходило потому, что Петра Семеновича безусловно уважали и сознавали, что если онъ тяжелый педантъ и чрезмѣрно требователенъ, то лишь потому, что отъ этого выигрывала служба, а недостатки прощали.

Много и много встрѣчалъ я потомъ бывшихъ воспитанниковъ Ванновскаго въ чинахъ полковниковъ и генераловъ, и почти всѣ они сохранили о немъ благодарную память и говорили, что онъ выучилъ ихъ служить, выучилъ долгъ ставить выше всего, подчиняться и

сдерживать себя въ необходимыхъ случаяхъ и заставлятъ, въ роли начальника, исполнять ихъ волю; однимъ словомъ, сдѣлать изъ нихъ истинно-военныхъ людей.

Въ 1868 году Ванновскій былъ назначенъ начальникомъ 12-й пѣхотной дивизіи, и мы проводили его настолько тепло и сердечно, что этотъ, казалось, суровый, холодный человекъ плакалъ, расставаясь съ нами.

II.

Первооруженіе арміи.

Прошло много времени со дня назначенія Ванновскаго начальникомъ 12-й дивизіи. Офицеры подчиненныхъ ему полковъ ругали его во всю. Я былъ у него въ Кіевѣ и самъ слышалъ это отъ него и отъ другихъ. Да и не мудрено: его страсть наводить на всѣхъ ужасъ осталась та же, рѣзкость не уменьшилась, а увеличилась, и пренебреженіе къ любви и популярности осталось такимъ же. Но въ училищѣ, въ замкнутомъ, тѣсномъ и малочисленномъ кругу, при ежедневныхъ сношеніяхъ, мы могли оцѣнить его хорошія качества: въ роли же сперва начальника дивизіи, а потомъ корпуснаго командира (назначенъ въ 1876 г.) онъ стоялъ слишкомъ далеко отъ офицерства всѣхъ ранговъ, и оно знало только его требовательность, назойливость и зачастую слышало брань.

Былъ даже такой случай; Ванновскій, подѣхавъ на маневрахъ или ученіи къ какой-то артиллерійской бригадѣ, сталъ пунить ея командира и, забывшись, громко крикнулъ: «г....я бригада». На другой день всѣ офицеры, во главѣ съ бригаднымъ командиромъ, подали въ отставку. Исторія вышла громкая и пренепріятная. Офицеры оскорбленной бригады совершили военное преступленіе, подавъ въ отставку скопомъ, какъ явный протестъ противъ старшаго начальника; но общественное мнѣніе всей арміи было на ихъ сторонѣ, да и времена, когда можно было всласть ругаться, уже прошли. Дѣло дошло до государя и ужъ какъ уладилось, не помню; но знаю, что Ванновскій получилъ здоровую нахлобучку. Съ этого именно времени, по мнѣнію многихъ артиллеристовъ, началось недоброжелательное отношеніе Петра Семеновича къ артиллеріи.

На почвѣ этого, почти всеобщаго, убѣжденія произошелъ даже такой случай. Ванновскій, уже министръ, поѣхалъ въ Тифлисъ и являлся великому князю Михаилу Николаевичу, намѣстнику Кавказа. Являлась и масса другихъ офицеровъ. Въ ожиданіи выхода намѣстника болтали по угламъ пріемной. Вдругъ Ванновскій слышитъ, — а слухъ у него былъ необыкновенный, — слѣдующую бесѣду двухъ артиллерійскихъ оберъ-офицеровъ:

— Зачѣмъ сюда притащился Ванновскій?.. Вѣрно, чтобы надѣлать пакостей артиллеріи?—говорилъ одинъ.

«истор. вѣст.», май, 1910 г., т. сxx.

6

— Безъ сомнѣнiя,—отвѣчала другой:—вѣдь онъ безъ этого не можетъ.

— А вотъ и несправда,—воскликнулъ Петръ Семеновичъ, повернувшись въ сторону говорившихъ:—я до артиллерiи и не коснусь.

Къ счастью молодежи, дѣло тѣмъ и кончилось. Министръ не спросилъ даже ихъ фамилiи.

Этимъ же поступкомъ съ артиллерiйской бригадой объясняли и тотъ немилостивый прiемъ, который оказалъ Ванновскому императоръ Александръ II при своемъ посѣщенiи Кiева. На смотру, произведенномъ 12-му корпусу, государь остался имъ крайне недоволенъ. Многiе говорили, что войска, подчиненныя Петру Семеновичу, нарочно сорвали смотръ, и это весьма вѣроятно: у такого строевика, какъ Ванновскiй, едва ли войска могли быть худо подготовлены. Какъ бы то ни было, на обѣдъ, данный государемъ начальствующимъ лицамъ, не былъ приглашенъ только одинъ Петръ Семеновичъ. Серьезно обиженный, онъ рѣшился выйти въ отставку, и только его однополчанинъ и близкiй другъ, командовавшiй въ то время войсками Кiевского военнаго округа, генераль-адъютантъ А. Р. Дрентельнъ, успѣлъ уговорить его взять двухмѣсячный отпускъ. Послѣ долгихъ убѣжденiй, Ванновскiй согласился и уѣхалъ. Время и нѣкоторыя милостивыя слова благодушнаго императора Александра II залечили душевную рану Петра Семеновича, и онъ остался на службѣ.

Въ русско-турецкую войну Ванновскiй выступилъ корпуснымъ командиромъ, но вскорѣ былъ назначенъ начальникомъ штаба Рущукскаго отряда, которымъ командовалъ наслѣдникъ цесаревичъ Александръ Александровичъ. Хотя Петръ Семеновичъ никакой академiи не окончилъ и официальное образованiе его ограничилось курсомъ кадетскаго корпуса, но, по словамъ самого графа Милютина, слышаннымъ мною лично, Ванновскiй былъ хорошимъ начальникомъ штаба и заслужилъ глубокое уваженiе и расположенiе наслѣдника.

Послѣ горестной кончины великаго Царя-Освободителя, ближайшiе сотрудники его начали, одинъ за другимъ, удаляться отъ дѣлъ. Пожелалъ уйти и графъ Милютинъ, ссылаясь на разстроенное здоровье. Императоръ Александръ III не сталъ его удерживать, но попросилъ назвать фамилiю того лица, которое, по его мнѣнiю, могло бы нести съ честью и пользою бремя управленiя военнымъ министерствомъ. Графъ Милютинъ отказался назвать фамилiю кандидата, а сказалъ:

— Одно могу доложить вашему величеству: лицо это должно пользоваться безусловнымъ вашимъ довѣрiемъ и уваженiемъ.

— Благодарю васъ,—отвѣтилъ императоръ:—такое лицо я знаю,—и послалъ телеграмму Ванновскому съ требованiемъ немедленно прiбыть въ Петербургъ.

22-го мая 1881 года Петръ Семеновичъ былъ назначенъ управляющимъ военнымъ министерствомъ, а 1-го января 1882 года военнымъ министромъ.

Не безъ нѣкоторой борьбы съ самимъ же государемъ вступилъ Петръ Семеновичъ въ новую должность.

Какъ онъ рассказывалъ мнѣ, непремѣннымъ условіемъ для своего согласія на принятіе военного министерства онъ поставилъ самостоятельный выборъ своихъ ближайшихъ сотрудниковъ, причемъ назвалъ Николая Николаевича Обручева, какъ будущаго начальника главнаго штаба, и Павла Львовича Лобко—какъ кандидата на должность начальника канцеляріи военного министерства. Противъ Лобко государь ровно ничего не имѣлъ; но противъ Обручева сильно возсталъ, указывая Петру Семеновичу, что Николай Николаевичъ былъ соредакторомъ Чернышевскаго въ 1858 году при изданіи «Военнаго Сборника» и вообще отличался ярко-либеральнымъ направлениемъ. Долго не соглашался государь на убѣжденія и просьбы своего новаго избранника; но когда, наконецъ, Ванновскій сказалъ, что за Обручева онъ отвѣчаетъ самъ, лично, и что, въ случаѣ отказа, онъ будетъ просить уволить и его, Ванновскаго, отъ должности военного министра, государь уступилъ, и Обручевъ былъ назначенъ. Дальновидный Лобко самъ просилъ Петра Семеновича, указывая на свою молодость въ чинѣ, назначить сначала начальникомъ канцеляріи умнаго, дѣльнаго и опытнаго, но, къ сожалѣнію, глухого, генераль-лейтенанта Якимовича ¹⁾, которому мѣсто это приходилось по праву, а ужъ потомъ, когда онъ уйдетъ, его, Павла Львовича. «Тѣмъ временемъ, говорилъ онъ, я подучусь». Такъ и было сдѣлано, и хотя Якимовичъ оставался не долго во главѣ канцеляріи, но сохранилъ до своей смерти наилучшія, можно сказать, дружескія отношенія къ Петру Семеновичу и зачастую, будучи уже членомъ военнаго совѣта, совершенно частнымъ образомъ помогалъ ему въ работѣ. Но и здѣсь выразилась ярко недовѣрчивость Ванновскаго.

— Бывало,—рассказывалъ Якимовичъ:—я, присяжный знатокъ канцелярскаго дѣла, разбираю часа два груды бумагъ и разложу ихъ на двѣ кучки.

— Вотъ эту, большую,—говорю я Ванновскому:—можете подписать не читая, а меньшую прочитайте. И что жъ бы вы думали? Непремѣнно схватится за большую кучу и начнетъ читать одну бумагу за другою и лишь тогда, когда я вломлюсь въ претензію, станетъ подписывать всякую дребедень не читая.

Но возвращаюсь къ прерванному.

Обручевъ и Лобко, эти два талантливые человѣка во всѣ 16 лѣтъ министерства Ванновскаго были ближайшими его сотрудниками.

¹⁾ Въ министерствѣ графа Милютина былъ помощникомъ начальника канцеляріи генерала Мордвинова,

Говорили, правда, что впоследствии съ Обручевымъ онъ ладилъ не вполне и даже при мнѣ пазывалъ его не разъ фантазеромъ; но Лобко имѣлъ на Петра Семеновича безусловное вліяніе своимъ строго-логическимъ, холоднымъ умомъ и до конца жизни Ванновскаго остался его вѣрнымъ и неизмѣннымъ совѣтникомъ и другомъ, что не мѣшало Петру Семеновичу подчасъ горячиться и покрикивать на Павла Львовича.

Долго я не имѣлъ къ Ванновскому никакихъ служебныхъ отношеній, изрѣдка посѣщалъ его, какъ бывшаго уважаемаго начальника и знакомаго, а когда въ 1881 году получилъ назначеніе въ Выборгъ командиромъ крѣпостной артиллеріи, то почти вовсе пересталъ бывать у него.

Въ 1887 году я былъ назначенъ инспекторомъ крѣпостной артиллеріи и снова долженъ бы былъ вступить въ дѣловыя отношенія съ военнымъ министромъ; но не вступилъ: Ванновскій въ наше дѣло не вмѣшивался. А жаль! Если бы онъ не предоставилъ всѣхъ стратегическихъ вопросовъ въ полное вѣдѣніе Обручева, а пожелалъ самъ войти въ это дѣло, то наши и тогда никуда не годныя крѣпости, какъ Бендеры, Кіевъ, Бобруйскъ и Двинскъ, нынѣ упраздненныя, были бы уничтожены много лѣтъ раньше и не обременяли бы напрасно государственнаго казначейства; да кто знаетъ, можетъ быть, и нѣкоторыя другія крѣпости, благополучно существующія, но дышавшія на ладонь, тоже исчезли бы своевременно съ географической карты Россіи. Но кто же тогда хотѣлъ разговаривать съ маленькимъ человѣкомъ, инспекторомъ крѣпостной артиллеріи, и слушать его? Отчеты свои, въ которыхъ я усердно, но тщетно описывалъ слабыя стороны нашихъ крѣпостей, я подавалъ товарищу генераль-фельдцейхмейстера, удостоивался за нихъ всегда самыхъ лестныхъ похвалъ, а затѣмъ они передавались въ архивъ, въ распоряженіе крысъ и мышей, негодныя же крѣпости оставались въ прежнемъ положеніи.

Какъ-то, въ концѣ 1889 года, ѣду я на извозчикѣ въ главное артиллерійское управленіе, мѣсто моей службы, и обгоняю моего милѣйшаго начальника, товарища генераль-фельдцейхмейстера Леонида Петровича Софіано, который поманилъ меня пальцемъ. Я подъѣхалъ къ нему, отпустилъ извозчика и пошелъ рядомъ.

— Куда это вы спѣшите?—спросилъ Леонидъ Петровичъ со своимъ всегдашнимъ хладнокровіемъ.

— Какъ куда,—отвѣчалъ я:—на службу.

— Напрасно, садитесь опять на извозчика и отправляйтесь, какъ есть, на квартиру къ военному министру, который хочетъ назначить васъ для перевооруженія арміи новыми винтовками.

Совершенно озадаченный, я запротестовалъ:

— Помилуйте, да я-то этого вовсе не желаю. Я всю жизнь занимался пушками, а о ружьяхъ и понятія не имѣю.

— Ну, ужъ это не мое дѣло,—сказаль Софіано:—я исполниль приказаніе и чисть.

— Такъ позвольте хоть съѣздить домой, надѣть мундирь.

— Ни въ какомъ случаѣ,—отвѣтилъ Леонидъ Петровичъ:—васъ велѣно схватить хоть въ халатѣ и немедленно представить предъ ясныя очи Петра Семеновича.

— Да вѣдь и мѣсто-то это не штатное,—возразилъ я:—пройdetь 5—6 лѣтъ, и я останусь, какъ ракъ на мели, за штатомъ.

— Перестаньте,—возразилъ Софіано:—того, кто совершитъ хорошо такое государственное дѣло, не забудутъ. Примѣромъ можетъ служить генераль Рѣзвый. Перевооружилъ армию ружьями Крынка и сидитъ въ военномъ совѣтѣ. То же будетъ и съ вами.

Но доводы Софіано меня не убѣдили. Оставить дѣятельность, которая мнѣ пришлась по сердцу, думаль я, и вступить на неизвѣстную дорогу, заниматься незнакомыми мнѣ ружьями и прійти, можетъ быть, къ плачевнымъ результатамъ,—нѣтъ, лучше отказаться. Съ другой стороны, я зналь, что высшее начальство смотритъ, и совершенно напрасно, на инспектора крѣпостной артиллеріи, какъ на зауряднаго дѣятеля. Рѣзкій примѣръ былъ передъ глазами: мой предшественникъ, генераль Шварцъ, первый инспекторъ, можно сказать, вывелъ эту артиллерію изъ грязи и вмѣсто хаоса, безпорядка и невѣжества поселиль въ ней порядокъ, стройность и нѣкоторыя знанія,—и что же? Когда К. Н. Шварцъ состарился, захвораль и просилъ, какъ боевой офицеръ, какъ славный севастополецъ, назначить его въ комитетъ о раненыхъ, ему предложили просто подать въ отставку. Вѣроятно, то же ожидало и меня.

Когда я входилъ на лѣстницу къ Ванновскому, ко мнѣ навстрѣчу спускался П. Л. Лобко и поздравилъ съ новымъ назначеніемъ; но я сказаль ему, что хочу отказаться.

Павель Львовичъ, который былъ ко мнѣ искренно и дружески расположенъ, горячо совѣтоваль не поступать такъ опрометчиво.

Не стану наскучать рассказомъ, какъ убѣждалъ меня Ванновскій, тѣмъ болѣе, что его доводы были тѣ же, которые приводилъ Софіано. Упомяну только, что на слова мои: «Я долженъ по чести сказать, что не имѣю понятія о ружьяхъ», онъ отвѣтилъ:

— И прекрасно, новыхъ ружей никто не знаетъ, такъ какъ даже никакой системы мы не имѣемъ въ виду и не рѣшили, принять ли однозарядное, или магазинное ружье. Вотъ и будемъ вмѣстѣ учиться, разсуждать и работать.

Подумавъ немного, вспомнивъ слова Лобко и Софіано, людей мною уважаемыхъ и мнѣ доброжелательныхъ, я согласился на предложеніе принять новое трудное и казавшееся мнѣ непріятнымъ назначеніе. Затѣмъ Ванновскій объяснилъ мнѣ, какъ опъ намѣренъ организовать дѣло.

Для перевооруженія арміи учреждалась двѣ комиссіи.

Распорядительная, подъ предѣдательствомъ самого военнаго министра, которая имѣла власть военнаго совѣта, т. е. главнымъ образомъ хозяйственную. Она разматривала все представленія, взвѣшивала и обсуждала цѣлесообразность того или другаго предложенія, выгодность его въ денежномъ отношеніи и разрѣшала необходимые кредиты.

Исполнительная, на которую возлагалось все веденіе перевооруженія, т. е. соображенія о томъ, какіе именно нужны заводы для производства неизвѣстной еще въ то время системы ружей, столь же неизвѣстнаго бездымнаго пороха и вовсе незнакомыхъ патроновъ; возможно ли передѣлать или примѣнить заводы старые, или придется воздвигать все заводы вновь, откуда взять достаточное число техниковъ-офицеровъ, хорошихъ мастеровъ и простыхъ надежныхъ рабочихъ.

На исполнительную же комиссію возлагались сношенія съ частными заводами, русскими и иностранными, для изготовленія машинъ, станковъ и приборовъ, необходимыхъ для выдѣлки новыхъ предметовъ вооруженія; наконецъ, приобрѣтеніе матеріаловъ съ торговъ или хозяйственнымъ способомъ. А матеріаловъ этихъ, какъ оказалось впоследствии, пришлось заготовить громадное количество и весьма разнообразныхъ. Сталь множества сортовъ, латунь, мельхіоръ, очищенные хлопчато-бумажные концы (для пороха или, правильнѣе, для пироксилина), разныя кислоты и проч. и проч., безъ конца, причѣмъ множества изъ потребныхъ матеріаловъ, какъ, на примѣръ, олова, никкеля, очищенныхъ концовъ, сурьмы и другихъ, въ Россіи вовсе не добывалось и имѣлось на рынкѣ лишь малое количество для потребностей частной торговли.

Когда я замѣтилъ Ванновскому, что едва ли можно начать постройку и переустройство заводовъ, не имѣя образцовъ ни ружья, ни пороха, ни патроновъ, онъ согласился съ этимъ, но сказалъ, что учрежденіемъ комиссіи онъ надѣется подогнать нашихъ техниковъ, а особенно ружейную испытательную комиссію въ Ораніенбаумѣ, къ болѣе энергической и плодотворной дѣятельности.

— Иначе, — прибавилъ онъ, — она не сниметъ халата (любимое словечко Петра Семеновича) и будетъ долго копаться, гоняясь за недосыгаемымъ совершенствомъ. Къ ускоренію дѣла и къ его безукоризненному, честному веденію вы должны приложить все усилія. Помните, что мы затратимъ отъ 150 до 200 милліоновъ народныхъ денегъ, — закончилъ онъ и взглянулъ такъ, какъ будто хотѣлъ залѣзть въ душу.

— Предѣдателемъ исполнительной комиссіи, которая будетъ составлять временный 3-й отдѣлъ главнаго артиллерійскаго управленія, — продолжалъ Петръ Семеновичъ: — я назначаю генерала Софіано, а его помощникомъ васъ; но знайте, что отвѣтчикомъ передо мной будете вы. Я хотѣлъ было всецѣло предоставить пере-

вооруженіе вамъ; но подумалъ, что для успѣха дѣла необходимо дружное усиліе всѣхъ чиновъ главнаго артиллерійскаго управленія, да и старика Леонида Петровича обижать не хотѣлъ. Вѣдайтесь съ нимъ, какъ хотите; если у васъ произойдетъ важное разнорѣчіе, приходите ко мнѣ: я разберу. Доклады мнѣ о ходѣ дѣла будете дѣлать вы, въ присутствіи Софіано, по средамъ; но если я вамъ буду нуженъ въ другіе дни, пишите записки, и я буду назначать дни и часы, когда вы можете прійти ко мнѣ съ экстреннымъ докладомъ. Повторяю, отвѣтчикъ за ходъ перевооруженія—вы.

Чтобы покончить съ описаніемъ моихъ отношеній къ Л. П. Софіано, скажу, что при началѣ перевооруженія онъ посѣщалъ, и то не всегда, засѣданія исполнительной комиссіи, въ которыхъ, въ сущности, рѣшались всѣ дѣла по перевооруженію, потомъ сталъ бывать все рѣже и рѣже и наконецъ, къ моему огорченію, совсѣмъ пересталъ бывать, по болѣзни и слабости силъ. Говорю—къ огорченію, потому что этотъ умный и уравновѣшенный человѣкъ всегда высказывалъ что-нибудь полезное для дѣла и давалъ практическія указанія.

И все-таки мнѣ пришлось два раза столкнуться съ Леонидомъ Петровичемъ и итти для разрѣшенія нашего спора въ первый разъ на разборку къ самому Ванновскому, а во второй отдать вопросъ на сужденіе большой комиссіи, въ которую Софіано собралъ всѣхъ нашихъ выдающихся ученыхъ артиллеристовъ.

Въ короткихъ словахъ, первое дѣло состояло въ слѣдующемъ. Леонидъ Петровичъ, какъ артиллеристъ-фанатикъ, очень не любилъ, когда въ дѣла наши вмѣшивались постороннія вѣдомства, почему хотѣлъ ограничиться испытаніемъ винтовокъ только на оружейныхъ заводахъ и никакъ не хотѣлъ согласиться на мое предложеніе, чтобы первыя 50—100 ружей, изготовленныя валовымъ способомъ на нашихъ трехъ оружейныхъ заводахъ, отправлялись на испытаніе въ офицерскую стрѣлковую (пѣхотную) школу. При этомъ каждый заводъ могъ усиливать выдѣлку только тогда, когда школа выдастъ ему, какъ мы говорили, «аттестатъ зрѣлости»; иными словами, когда она одобритъ винтовки каждаго отдѣльнаго завода. Вотъ это разнорѣчіе мы и представили на судъ Петра Семеновича. Онъ согласился со мною, и я имѣю полное основаніе думать, что именно благодаря этому мы имѣемъ хорошее ручное огнестрѣльное оружіе. Какъ доказательство, скажу, что мы долго и упорно добивались аттестата зрѣлости и съ трудомъ его добились. Артиллеристы, особенно заводскіе, ворчали.

Второй вопросъ состоялъ въ томъ, что, по моему мнѣнію, не слѣдовало спѣшить переустройствомъ Шостенскаго завода для приготоуленія бездымнаго пороха для крѣпостныхъ орудій. Въ запискѣ, составленной мною по этому поводу, я указывалъ, что новый порохъ есть продуктъ химическій, что стойкость его (т. е. способность

выносить храненіе безъ измѣненія своихъ свойствъ) неизвѣстна и что при разложеніи и порчѣ пороха могутъ произойти самовзрыванія, какъ и всякаго пироксилина ¹⁾). Между тѣмъ, освѣженіе зарядовъ крѣпостныхъ орудій происходитъ черезъ 30—60 лѣтъ, а въ такой громаднѣйшій срокъ мало ли что можетъ случиться.

Рѣшеніе комиссіи было противъ меня, и Шостенскій заводъ подвергся переустройству. До сихъ поръ, слава Богу, все идетъ благополучно; можетъ быть, такъ будетъ и далѣе; но я позволю себѣ посовѣтовать гг. артиллеристамъ внимательно слѣдить и почаще испытывать крѣпостные пороха. Чѣмъ чортъ не шутить ²⁾).

Излишне говорить, что приведенныя два разнорѣчія не повліяли ни на волосъ на мои отношенія къ Софіано. Этотъ благороднѣйшій человѣкъ былъ выше мелочнаго самолюбія и старался только принести пользу дѣлу.

Не лишень интереса и самый составъ комиссій. Въ число членовъ распорядительной комиссіи, кромѣ ея предсѣдателя, военнаго министра, входили: товарищъ генераль-фельдцейхмейстера Софіано, начальникъ канцеляріи Лобко, чиновникъ государственнаго контроля тайный совѣтникъ Кузнецовъ, членъ военнаго совѣта и бывшій начальникъ тульскаго оружейнаго завода генераль Нотбекъ, начальникъ стрѣлковой офицерской школы генераль Ридигеръ, инспекторъ оружейныхъ и патронныхъ заводовъ генераль Бестужевъ-Рюминъ и инспекторъ пороховыхъ заводовъ генераль Каминскій. Роль прокуроровъ играли, и довольно строго, Ванновскій, Лобко и особенно Кузнецовъ. Отвѣтчиками были: я и оба инспектора. Софіано иногда заступался за насъ, когда нападенія противниковъ бывали слишкомъ упорны. Особенно назойливъ былъ контролеръ Кузнецовъ, маленькій, невзрачный, весьма неглупый, но державшій себя такъ гордо и величественно, что мы прозвали его незаконнымъ сыномъ Юпитера. Его мы не любили, и однажды одинъ изъ насъ сыгралъ съ нимъ такую штуку. Предложены были для покупки на выборъ какіе-то два станка, изъ которыхъ исполнительная комиссія выбрала болѣе дорогой, какъ совершеннѣйшій. Всѣ согласились, какъ вдругъ Кузнецовъ запротестовалъ во имя казенныхъ интересовъ.

— Дайте г. контролеру просимыя объясненія,—сказалъ Ванновскій, обращаясь къ соотвѣтствующему инспектору.

Тотъ понесъ нарочно несоосвѣтимуую и довольно длинную техническую чепуху, послѣ которой Кузнецовъ призналъ себя удовлетвореннымъ. Ванновскій смотрѣлъ какъ-то подозрительно и потомъ, при докладѣ, когда мы остались глазъ на глазъ, спросилъ:

¹⁾ Нашъ порохъ есть, въ сущности, желатинированный пироксилинъ и при высокихъ температурахъ—разлагается.

²⁾ Взрывъ, кажется на «ленѣ», французскомъ броненосцѣ, многими приписывается разложенію пороха; а вѣдь французскій порохъ и нашъ — два родные брата.

— А Кузнецова вы всё, кажется, оболванили.

Я сознался въ нашемъ грѣхѣ, и Петръ Семеновичъ разсмѣялся. Этотъ бѣдный Кузнецовъ вскорѣ умеръ и былъ замѣненъ милѣйшимъ, дѣльнымъ Н. Г. Тычино, дружескими совѣтами и указаніями котораго мы пользовались до самаго конца перевооруженія.

Не стану перечислять всѣхъ членовъ исполнительной комиссіи, скажу только, что главную въ ней роль, какъ и подобало, играли наши техники: оба инспектора, профессоръ механики полковникъ Барановскій и предсѣдатель ораніенбаумской ружейной испытательной комиссіи генераль Чагинъ. Не могу, однакоже, умолчать объ одномъ постороннемъ членѣ, именно генеральнаго штаба генераль-майорѣ Андрѣе Андреевичѣ Боголюбовѣ, который попалъ къ намъ, казалось, по совершенно необъяснимой причинѣ, какъ не техникъ, не артиллеристъ и не администраторъ. Какъ потомъ мы догадались, дѣло объяснялось единственно слѣдующимъ обстоятельствомъ. Боголюбовъ, весьма умный и образованный, пользовался большимъ довѣріемъ Ванновскаго. Онъ ли убѣдилъ Петра Семеновича, или Ванновскій самъ дошелъ до мысли назначить къ намъ соглядатаемъ нашей честности своего человѣка—не знаю; но въ началѣ Боголюбовъ былъ намъ тяжелъ. Не проходило ни одного хозяйственнаго дѣла, чтобы милѣйшій, въ сущности, Андрей Андреевичъ не совалъ намъ палки въ колеса и не задерживалъ хода засѣданій; а время было дорого, и вотъ мы предложили ему, чѣмъ спорить, лучше писать отдѣльныя мнѣнія, а ужъ распорядительная комиссія разберетъ, кто правъ. И надо отдать справедливость Боголюбову: онъ широко воспользовался чернилами и перомъ и навалялъ кучу отдѣльныхъ мнѣній. Представьте же себѣ мое удивленіе, когда я убѣдился, что эти произведенія даже не докладывались въ главной распорядительной комиссіи. Когда я говорилъ объ этомъ съ Лобко и спрашивалъ: почему пропускаются безъ вниманія замѣчанія лица, довѣреннаго министра?—Павель Львовичъ отвѣчалъ коротко, что распорядительной комиссіи нѣтъ времени разбирать литературу человѣка, вовсе незнакомаго съ администраціей и хозяйствомъ.

Со временемъ Боголюбовъ, убѣдясь, что мы взятокъ не беремъ, уgomонился и сталъ нашимъ добрымъ сотоварищемъ; а его мнѣнія, какъ умнаго человѣка, приносили иногда пользу.

Первое засѣданіе соединенныхъ распорядительной и исполнительной комиссій происходило торжественно, въ залѣ военнаго совѣта, при зеркалѣ, въ мундирахъ. Обсуждался вопросъ, какое принять оружіе: однозарядное или магазинное. Вопросъ дѣйствительно первостепенной важности, и большинство высказалось за магазинки, военный министръ съ этимъ согласился и предложилъ исполнительной комиссіи и, главное, ораніенбаумской ружейной комиссіи употребить всѣ усилія, чтобы поскорѣе представить на обсужденіе и испытаніе удовлетворительный образецъ многозарядной виптовки.

Въ настоящее время можетъ показаться страннымъ, какъ такой вопросъ могъ возникнуть; но въ 1890 году многозарядныя ружья были новинкой; ихъ имѣла на вооруженіи одна только Франція, системы Лебеля, весьма несовершенной. Въ военной литературѣ писатели, и весьма авторитетные, высказывались за однозарядное ружье, да и мы сами, въ душѣ, колебались въ выборѣ, особенно, если принять во вниманіе, что хорошаго, надежнаго образца многозарядной винтовки мы не имѣли.

И вотъ, когда уже явственно запахло жаренымъ, да вѣдь какимъ роскошнымъ (150—200 милліоновъ рублей), забѣгали ко мнѣ изобрѣтатели всѣхъ странъ и народовъ; но такъ какъ я пишу не специальную статью, а простой рассказъ, то и не говорю о всѣхъ терзаніяхъ, подвохахъ и жалобахъ, которыя посыпались не только на меня, но и на Ванновскаго, самому государю.

Какъ бы то ни было, оружейный отдѣлъ артиллерійскаго комитета, на обязанности котораго лежало обсужденіе всѣхъ техническихъ достоинствъ разныхъ предложеній, одобрилъ, послѣ долгихъ опытовъ, колебаній и споровъ, смѣшанную систему двухъ изобрѣтателей: нашего артиллерійскаго полковника Мосина и простого бельгійскаго оружейника Нагана. Патронъ къ этой винтовкѣ принять тотъ, который проектировала ораніенбаумская ружейная коммиссія.

Бездымный порохъ, какъ къ ручному оружію, такъ и къ артиллерійскимъ орудіямъ, выработанъ нашими артиллерійскими офицерами-техниками вполне самостоятельно. Кстати сказать, въ то время всей Европѣ было уже извѣстно, что во Франціи удалось осуществить наилучшій образецъ казеннаго бездымнаго пороха, и такъ какъ тогда мы уже начали заигрывать съ французами, а они, подъ вліяніемъ не зажившихъ еще рубцовъ, нанесенныхъ имъ нѣмецкими бичами, строили намъ самые сладкіе глазки, то мы и обратились къ нимъ съ просьбой выслать намъ нѣсколько фунтовъ ихъ казеннаго пороха. Получили мы, конечно, самый любезный отвѣтъ, съ обѣщаніемъ немедленно исполнить наше желаніе, но... такъ и не дождались осуществленія обѣщанія и, можетъ быть, къ счастью.

Повидимому, нашъ порохъ болѣе стоекъ, т. е. менѣе подверженъ разложенію и, слѣдовательно, самовозгоранію; но въ то время мы ругали французовъ во всю за лицемеріе и обманъ.

Винтовки наши изготовлялись на четырехъ заводахъ: нашихъ трехъ (Тульскомъ, Ижевскомъ и Сестрорѣцкомъ), которые должны были сдѣлать 2 милліона ружей, и на французскомъ Шательро, которому предоставлено было изготовить 500,000 винтовокъ, на сумму 30—40 милліоновъ франковъ. Для чего внесли мы эту дань французамъ? Официально говорили: для ускоренія перевооруженія. Можетъ быть, отчасти это было и такъ, но главный мотивъ былъ тутъ другой. Однажды, въ самомъ началѣ дѣла, Ванновскій собралъ

у себя въ кабинетѣ маленькое совѣщаніе, состоявшее только изъ начальника канцеляріи генерала Лобко, инспектора оружейныхъ заводовъ генерала Вестужева-Рюмина и меня, и предложилъ намъ вопросъ: заказывать или нѣтъ французамъ 500.000 винтовокъ. Мы всѣ, единогласно, высказались противъ заказа. Петръ Семеновичъ не открывалъ рта и, повидимому, былъ доволенъ нашимъ рѣшеніемъ. Очень удивились мы потомъ, когда узнали, что заказъ долженъ состояться. Какъ всегда, Ванновскій молчалъ о причинѣ такого рѣшенія и только позже, когда мы съ нимъ остались вдвоемъ, высказалъ мнѣ, что онъ былъ противъ заказа, но государь указалъ ему, что нашъ посоль въ Парижѣ, баронъ Моренгеймъ, общалъ французскимъ властямъ полумилліонный заказъ и, если онъ не будетъ данъ, то баронъ Моренгеймъ не сочтетъ возможнымъ остаться на своемъ посту. Должно быть, очень высоко цѣнили этого барона, если за его фантазію рѣшались заплатить такую крупную сумму. Впослѣдствіи съ заводомъ Шательро у насъ было много неприятностей и столкновеній. Наша строгая инструкція для приѣма винтовокъ пришлась ему непо вкусу, и онъ все уваливалъ то отъ того, то отъ другого требованія. Пошли жалобы тогдашнему французскому военному министру Фрейсине вмѣстѣ съ просьбой, однако, увеличить заказъ. Съ своей стороны, наша приѣмная комиссія, посланная въ Шательро для наблюденія за изготовленіемъ винтовокъ и для испытанія и приѣма ихъ, не скупилась на жалобы на небрежность и изворотливость завода и сдатчиковъ. Наконецъ Ванновскій, выведенный изъ терпѣнія моимъ докладомъ о назойливости французъ, сказалъ мнѣ однажды:

— Берите карандашъ и пишите подъ мою диктовку, — и продиктовалъ мнѣ шифрованную депешу нашему военному агенту въ Парижѣ, черновикъ которой остался у меня. Вотъ эта депеша:

«Не понимаю претензій Фрейсине; сообщеніе его, если телеграмма передана правильно, считаю дерзостью; онъ не имѣетъ ни правъ, ни основаній подозрѣвать насъ въ нежеланіи исполнить контрактъ; пусть онъ ведетъ это черезъ министра иностранныхъ дѣлъ, а я съ Фрейсине не желаю болѣе имѣть никакихъ сношеній. Образецъ ружья установленъ давно и посланъ въ Шательро въ мартѣ, лекала, исключая трехъ неважныхъ и для ложъ, отправлены изъ Петербурга. Уполномочія комиссіи расширить невозможно, ибо нужны ружья нашего образца и по-нашимъ лекаламъ, а не то, что удобнѣе французамъ. Никакихъ заказовъ французамъ, кромѣ данныхъ уже 500 тысячъ ружей, не желаемъ дѣлать и надобности не имѣемъ».

Я позволилъ себѣ замѣтить Ванновскому, что онъ, отправляя эту депешу безъ одобренія ея государемъ, можетъ навлечь на себя жалобы Фрейсине и Моренгейма и неудовольствіе государя. Какъ всегда, онъ отвѣчалъ на это:

— Ну, ужъ это мое дѣло, — и приказалъ немедленно отправить депешу.

Къ моему удивленію, отвѣтъ отъ Фрейсине получился самый милый, любезный, и дѣло пошло далѣе гораздо глаже.

Не могу не упомянуть здѣсь, кстати, что Ванновскій былъ всегда откровененъ, искрененъ и смѣлъ въ своихъ отношеніяхъ къ государю.

Вотъ что рассказывали мнѣ вполнѣ достовѣрныя лица, присутствовавшія однажды при представленіи императору Александру III вновь произведенныхъ офицеровъ.

Все шло обычнымъ порядкомъ. Государь, въ сопровожденіи военнаго министра и высшаго военно-учебнаго начальства, обходилъ шеренгу выстроенныхъ офицеровъ и дѣлалъ иногда кое-какіе вопросы и замѣчанія, какъ вдругъ, слѣдуя мимо лѣваго фланга, кажется, Константиновскаго военнаго училища, въ то время еще пѣхотнаго, онъ поравнялся съ молодымъ подпоручикомъ, внезапно упавшимъ предъ нимъ на колѣни.

Конечно, этотъ сюрпризъ былъ весьма неприятенъ всѣмъ. Государь нахмурился и сурово сказалъ стоявшему на колѣняхъ:

— Встаньте.

Онъ всталъ.

— Что вамъ нужно?

— Прошу милости вашего императорскаго величества.

— Какой?

— Прикажите выпустить меня въ...—и онъ назвалъ войсковую часть, стоящую въ какомъ-то городѣ въ Сибири.

— А почему вамъ нужно быть именно тамъ?

— Потому, ваше величество, что въ этомъ городѣ живетъ мой старикъ-отецъ, слѣпой, въ крайней бѣдности, безъ всякаго ухода, и только я одинъ могу поддержать его и помочь матеріально.

Бѣдный юноша говорилъ прерывающимся голосомъ, задыхаясь. По щекамъ его текли слезы.

Тогда государь обратился къ Ванновскому и гнѣвно, даже злобно, спросилъ:

— Петръ Семеновичъ, объясните, что это значитъ?

— Это значитъ,—отвѣчалъ Ванновскій совершенно спокойно:— что я въ точности исполняю волю вашего величества, произвожу выпускъ согласно старшинству и имѣющимся вакансіямъ и никакихъ исключеній не дѣлаю.

— Да! Но вѣдь это случай особенный,—замѣтилъ государь, уже нѣсколько смягчаясь.

— Конечно,—отвѣчалъ Петръ Семеновичъ:—но, во-первыхъ, я о немъ ничего не зналъ, а, во-вторыхъ, если бы и зналъ, то едва ли исполнилъ бы просьбу этого молодого офицера.

— Почему же?

— Потому, что стоитъ сдѣлать мнѣ лишь одно исключеніе, какъ на меня посыплется рядъ подобныхъ же просьбъ со стороны выпуск-

ныхъ и особенно ихъ родственниковъ и покровителей и какія просьбы правдивы, а какія ложны—разобраться невозможно. Если же удовлетворять ихъ всё, то мы вернемся къ старому, т. е. важнѣйшій нашъ фронтъ—западный, куда молодежь выходитъ неохотно, останется безъ офицеровъ; части же, стоящія внутри Россіи, особенно въ хорошихъ городахъ, будутъ имѣть тройной комплектъ. Допустить это невозможно.

— Ну, такъ наводите справки, какія просьбы заслуживаютъ вниманія, а какія нѣтъ,—замѣтилъ государь, окончательно смягчаясь.

— И это невозможно,—отвѣтилъ строптивый министръ:—вакансіи, по необходимости, рассылаются окончательно чуть ли не наканунѣ выпуска и наводитъ справки совершенно нѣтъ времени.

— Такъ вотъ что, Петръ Семеновичъ, выпустите именно этого юношу, куда онъ проситъ, по причинѣ, безспорно, уважительной,—сказалъ государь, обращаясь къ Ванновскому уже вполне ласково.

— Слушаю, ваше величество. Приказаніе ваше, совершенно согласное съ моимъ сердечнымъ желаніемъ, будетъ исполнено.

Такъ благополучно кончилось это дѣло; но, спрашиваю, много ли найдется министровъ, которые, ради государственной пользы, рѣшились бы въ такихъ, вполне почтительныхъ, однако твердыхъ выраженіяхъ возражать монарху, особенно въ присутствіи многочисленныхъ свидѣтелей.

Нужно сказать, что первые полтора года Ванновскій злился на насъ и былъ не въ духѣ отъ неудовлетворительнаго, недовольно скорого, по его мнѣнію, хода перевооруженія. Главной причиной его возбужденія были несчастныя лекала, которыя и намъ всёми достались дорого. Но чтобы объяснить это, я позволю себѣ войти въ нѣкоторыя подробности тѣхъ требованій, которыя предъявляются къ современному ручному оружію.

Одно изъ самыхъ необходимыхъ и трудныхъ условій изготовленія винтовокъ было «взаимно-замѣняемость» ихъ. Вотъ что это значитъ: ружья, состоящія изъ массы мелкихъ частей, должны быть сдѣланы настолько точно и однообразно, чтобы всё части приходились одинаково хорошо ко всякому ружью любого завода. Иначе говоря, если взять, на примѣръ, по 10 винтовокъ всёхъ четырехъ заводовъ, разобрать ихъ, перемѣшать части и снова собрать эти сорокъ винтовокъ безъ выбора частей, то винтовки должны дѣйствовать такъ же правильно и хорошо, какъ и ружья, собранныя изъ частей отдѣльнаго, на примѣръ, Тульскаго, завода. Конечно, если нѣкоторыя части винтовки, скажемъ, завода Шательро, хоть на $\frac{1}{4}$ точки толще или тоньше нормальной, то, попавъ въ ружье Ижевскаго или Сестрорѣцкаго завода, онѣ придадутъ ему сейчасъ же неправильное, или затруднительное дѣйствіе, а то и вовсе остановятъ его.

Чтобы достигнуть такой почти математической точности въ изготовленіи частей, существуютъ лекала, т. е. повѣрочные инструменты. Образцовыя лекала, которыя изготовлялись изъ самой твердой закаленной стали, выдѣлывались инструментальнымъ отдѣломъ артиллерійскаго вѣдомства и разсылались во всѣ 4 завода, которые должны были, по этимъ образцамъ, приготовить свои рабочія лекала, образцовыя же оставались неприкосновенными, для повѣрки рабочихъ лекаль. Одна серія такихъ лекаль состояла изъ множества экземпляровъ (кажется, около 400—500 штукъ) и нѣкоторыя изъ нихъ были весьма тонкой, такъ сказать, кружевной работы. Такимъ образомъ, инструментальному отдѣлу слѣдовало изготовлять отъ 1600—2000 штукъ образцовыхъ лекаль. Самое критическое положеніе наступало при закалкѣ ихъ. Бывало, изготовленіе лекала удастся на славу, но при закалкѣ его повело—и вся работа идетъ на смарку.

Насколько работа эта трудна, лучшимъ доказательствомъ служить слѣдующее обстоятельство. Чтобы ускорить ходъ работы, Ванновскій приказалъ приготовленіе части лекаль передать въ руки частныхъ механиковъ, за любую цѣну. Что же? Несмотря на наши просьбы и убѣжденія, ни одинъ изъ нихъ не взялся за дѣло, ссылаясь на неимѣніе у нихъ такихъ искусныхъ мастеровъ.

Быль у насъ такой случай. Одному изъ лучшихъ мастеровъ инструментальнаго отдѣла, получавшему, кажется, 7—8 рублей въ день жалованья, было поручено изготовить весьма сложное и слѣбно необходимое лекало. Дѣло шло прекрасно, лекало изготовилось точное и, вдругъ, при закалкѣ, его повело. Мастеръ отъ огорченія упалъ въ обморокъ и потомъ долго хворалъ; но такъ какъ такихъ артистовъ у насъ было всего 2—3, то его болѣзнь довольно надолго остановила изготовленіе сложныхъ лекаль.

Помню, что я справлялся каждый день съ трепетомъ душевнымъ о состояніи здоровья Игнатьева (такъ, кажется, звали мастера), и если бы кто-либо со стороны услышалъ, въ какихъ выраженіяхъ дѣлались мои вопросы и какіе получалъ я отвѣты, то подумалъ бы, что Игнатьевъ мой близкій родственникъ или сердечный другъ.

А Ванновскій тѣмъ временемъ злился и злился; но, я долженъ отдать ему справедливость, ни одной рѣзкости или грубости мы отъ него не слышали. Тяжело было и то, что наши старые заводы, вмѣстѣ со станками и машинами, оказались совершенно непригодными для изготовленія новаго вооруженія. Въ оружейныхъ и патронномъ заводахъ хоть зданія, съ нѣкоторыми передѣлками, могли служить для помѣщенія въ нихъ новыхъ станковъ; но заводы пороховые, состоящіе изъ многихъ химическихъ и механическихъ производствъ въ широкихъ размѣрахъ, надо было выстроить и оборудовать совершенно заново. Можно себѣ вообразить, какихъ денегъ это стоило,

какими заботами обременяло насъ и какую отвѣтственность нагрузило на наши плечи. И теперь, когда уже прошло 11—12 лѣтъ со времени окончанія этого громаднаго дѣла, мы, участники его, можемъ съ чувствомъ удовлетворенія сказать, что со стороны государственнаго контроля не было сдѣлано ни одного сколько-нибудь серьезнаго замѣчанія, а со стороны такого недовѣрчиваго человѣка, какъ Ванновскій, не было высказано ни одного подозрѣнія того или другаго члена исполнительной комиссiи въ недобросовѣстномъ исполненіи долга.

Помню, какъ однажды, въ концѣ перевооруженія, Петръ Семеновичъ, послѣ доклада, взялъ меня подъ руку и началъ расхаживать по кабинету, какъ это дѣлалъ, когда бывалъ въ духѣ.

— Меня одно удивляетъ,—позволилъ я себѣ сказать ему:— что при вашей недовѣрчивости вы ни разу не высказали мнѣ сомнѣній ни въ моей честности, ни въ честности инспекторовъ?

— Да,—отвѣчалъ Петръ Семеновичъ:—я очень недовѣрчивъ и не знаю, достоинство это или порокъ; но такъ какъ ни на васъ, ни на инспекторовъ я не получилъ ни одного, даже безыменнаго, доноса, то и не имѣю поводовъ для подозрѣній.

— Ну, а если,—возразилъ я,—завтра какой-нибудь писарь-негодяй, котораго я выгоню за пьянство, вздумаетъ настрочить на меня какую-нибудь гадость, вы повѣрите?

— Вотъ видите ли,—отвѣчалъ Ванновскій, немного подумавъ:— я васъ знаю слишкомъ давно, чтобы повѣрить клеветѣ, а все-таки на днѣ души у меня останется что-то нехорошее, похожее на подозрѣніе. Таковъ я есть,—закончилъ Петръ Семеновичъ, и мы перемѣнили разговоръ.

Признаюсь, мнѣ было это очень непріятно. Въ тѣ времена, пользуясь широко подозрительностью военнаго министра, масса негодяевъ, всѣхъ ранговъ и званій, заваливала его доносами, большею частью безыменными и терзала какъ его самого, такъ и тѣхъ, на коихъ сыпала свои клеветы. Какъ избѣжали такой участи мы не знаю; но если бы Петръ Семеновичъ высказалъ хоть малѣйшее сомнѣніе въ нашей честности и порядочности, у насъ опустились бы руки и упала бы энергія и трудоспособность.

Въ то время министромъ финансовъ былъ С. Ю. Витте, уже начавшій заирать власть въ свои руки, и, конечно, не могъ не сталкиваться съ Ванновскимъ по самымъ разнообразнымъ дѣламъ военнаго министерства. Сколько могъ прослѣдить я, стоявшій далеко отъ борьбы этихъ двухъ людей, ихъ отношенія часто измѣнялись; то Петръ Семеновичъ побранивалъ, по-своему, Сергѣя Юльевича, то даже съ нѣкоторою нѣжностью отзывался о немъ. Одно онъ говорилъ постоянно даже въ свои злыя минуты: «Витте умный человѣкъ, а потому съ нимъ пріятно имѣть дѣла».

Въ концѣ перевооруженія намъ потребовалось 72 милліона для завершенія его. Составили, какъ водится, докладъ и представили на уваженіе государственнаго совѣта. Оттуда его препроводили на заключеніе министра финансовъ и государственнаго контроля, и мы получили отъ этихъ двухъ министровъ массу замѣчаній, касающихся большею частью или чисто военной стороны, или техническихъ вопросовъ, въ которыхъ они знали мало толка.

Наконецъ назначенъ былъ день доклада нашего дѣла въ департаментѣ экономіи государственнаго совѣта, а Ванновскій, какъ на зло, захворалъ настолько серьезно, что совершенно не могъ выѣхать изъ дома. Тогда онъ призвалъ меня къ себѣ и поручилъ замѣстить его и защитить наши требованія.

— Два милліона вы уступите, не торгуйтесь, — говорилъ Петръ Семеновичъ: — ну, а изъ остальныхъ отвоюйте, сколько можете. Я знаю вашу манеру спорить и на этотъ счетъ спокоенъ.

— Вотъ видите ли, — отвѣчалъ я: — въ Государственномъ Совѣтѣ я никогда не бывалъ и могу надѣлать промаховъ; въ чемъ я сильнѣе и Витте, и Филиппова ¹⁾, это въ знаніи потребностей перевооруженія и во всѣхъ его деталяхъ; а такъ какъ оба они, въ своихъ замѣчаніяхъ, опираются именно на эти стороны, то я и надѣюсь возразить имъ основательно.

Слѣдуетъ замѣтить, что чуть ли не наканунѣ я узналъ отъ нашихъ артиллеристовъ, что императоръ Вильгельмъ посѣтилъ заводъ Круупа, чтобы присутствовать при испытаніи новой скорострѣльной пушки.

Во Франціи, какъ говорили, такая пушка была уже испытана и дала прекрасные результаты. Все это побудило наше артиллерійское вѣдомство войти въ военный совѣтъ съ представленіемъ объ ассигнованіи изъ запаснаго кредита 300,000 руб. для изысканій и опытовъ надъ образцами новой системы полевой артиллеріи.

Это, казалось бы ненужное, свѣдѣніе очень пригодилося мнѣ для защиты нашего дѣла. Лишь только мы усѣлись, министръ финансовъ началъ рѣчь приблизительно такъ:

— Петръ Семеновичъ нездоровъ и поручилъ защищать дѣло лицу, которое ведетъ перевооруженіе. Ясно, что на всѣхъ мелочахъ, составляющихъ сущность моихъ письменныхъ возраженій, онъ побьетъ (именно это простое слово было сказано) меня на всѣхъ пунктахъ, но я взгляну на дѣло съ иной, государственной точки зрѣнія. Какъ возможно, господа, министру финансовъ вести правильно и въ порядкѣ свое дѣло, когда то отъ одного, то отъ другого вѣдомства, а особенно отъ военнаго, являются сюрпризомъ требованія: пожалуйста столько-то десятковъ милліоновъ на то, а столько-то на это, и едва успѣешь удовлетворить просьбы, какъ возрождаются

¹⁾ Государственный контролеръ.

новья и новья. Такъ вести далѣе государственное хозяйство невозможно, и я объявляю, что съ закрытыми глазами соглашаюсь на 72 милліона, но съ тѣмъ, чтобы замѣщающій сегодня военнаго министра далъ при всѣхъ насъ слово не требовать въ теченіе пяти лѣтъ никакихъ денегъ ни на какое перевооруженіе.

Во время этой рѣчи меня поразила простота языка, которою она была сказана, ясность и убѣдительность доводовъ и, наконецъ, оживленность лица самого С. Ю. Витте. Признаюсь, онъ сразу завоевалъ меня.

Я молчалъ, не считая себя въ правѣ возражать безъ приглашенія предсѣдателя, М. С. Каханова.

— Что можете вы сказать на доводы министра финансовъ?— обратился онъ ко мнѣ.

Я объяснилъ совѣту положеніе дѣлъ по перевооруженію артиллеріи въ Германіи и Франціи, упомянулъ объ отпускѣ артиллерійскому вѣдомству крупной суммы на опыты съ новыми пушками и закончилъ такъ:

— Къ сожалѣнію, я долженъ сказать, что не только не могу, отъ имени военнаго министра, дать просимое министромъ финансовъ слово; но, напротивъ, почти могу дать обѣщаніе, что въ скоромъ времени потребуются весьма крупныя суммы на перевооруженіе артиллеріи, и если государственный совѣтъ находитъ, что намъ не подобаетъ быть слабѣе другихъ державъ, то онъ найдетъ необходимые для насъ ресурсы.

— А вѣдь онъ правъ!—воскликнулъ первымъ С. Ю. Витте, и, признаюсь, это благородное сознаніе было мнѣ такъ пріятно, что я вспоминаю его съ удовольствіемъ и по сей день.

Дебаты по разнымъ мелочнымъ возраженіямъ, преимущественно государственнаго контролера, продолжались еще довольно долго, и дѣло окончилось тѣмъ, что намъ ассигновали 70 милліоновъ рублей съ нѣкоторыми ограниченіями нашихъ правъ на остатки и на передвиженіе суммъ. Ограниченія эти я безъ спора призналъ правильными.

Когда я сообщилъ результаты засѣданія Петру Семеновичу, онъ остался очень доволенъ и, вопреки обыкновенію, горячо поблагодарилъ меня.

Вообще распорядительную комиссію Петръ Семеновичъ велъ деспотически, какъ дѣлалъ все въ своей жизни. Полагаю, и не безъ основанія, что онъ заранѣе, глазъ на глазъ, уславливался съ Лобко о рѣшеніи по нѣкоторымъ, преимущественно касавшимся разныхъ лицъ, представленіямъ и рѣдко отступалъ отъ разъ высказаннаго мнѣнія. Тѣмъ не менѣе, обыкновенно я шелъ въ засѣданія главной распорядительной комиссіи со спокойнымъ сердцемъ, если мы испрашивали на дѣло даже весьма крупныя суммы; тутъ спорить съ нами было трудно, такъ какъ на сторонѣ инспекторовъ

были и техническія знанія и опытность, недостававшія нашимъ прокурорамъ. Въ одномъ только случаѣ я волновался, а именно тогда, когда мы просили какое-нибудь, хотя ничтожное, денежное вознагражденіе военному служащему. Тогда я былъ увѣренъ встрѣтить оппозицію министра, и даже если другіе вліятельные члены поддерживали насъ, то далеко не всегда результатъ получался успѣшный. Помню, какъ однажды, истощивъ всѣ доводы въ пользу какого-то несчастнаго офицера, я сказалъ наконецъ:

— Да позвольте же, ваше высокопревосходительство, вѣдь дѣло идетъ только о 150 рубляхъ!

— Для васъ 150 рублей мало, — рѣзко отозвался Ванновскій: — а для меня много. Рѣшительно отказываю.

Что это такое было? Стремленіе сохранить гроши для государства, или желаніе показать власть. Полагаю, что скорѣе послѣднее.

Какъ бы то ни было, перевооруженіе шло стройно и хорошо. Всѣ были довольны винтовками, патронами, порохомъ и экономнымъ веденіемъ дѣла. Какъ-то въ самомъ концѣ я выразилъ Ванновскому мнѣніе, что мы сохранили казнѣ до 16 милліоновъ рублей.

— А вотъ и ошибаетесь, — возразилъ онъ: — мнѣ лучше вашего извѣстно, что мы сохранили 26 милліоновъ.

Конечно, ему лучше было это извѣстно, и я искренно выразилъ ему свою радость.

Наступило наконецъ время, когда приходилось упразднить обѣ наши комиссіи, и тягостный моментъ, въ который я долженъ былъ испрашивать вознагражденіе лицамъ, много потрудившимся при перевооруженіи; награды эти были двойкія: такъ называемыя почетныя, т.-е. ордена, и денежныя. Я зналъ напередъ, что на ордена Ванновскій скупиться не будетъ; но противъ денежныхъ возстанетъ всѣми силами, а между тѣмъ изъ моихъ сотрудниковъ громадное большинство были люди бѣдные, семейные и ждали нѣкоторой матеріальной помощи, какъ манна небесной, чтобы вынутаться изъ долгишекъ или состряпать женѣ и дѣтямъ новое платье.

Когда я заговорилъ въ первый разъ о денежныхъ наградахъ, Ванновскій молчалъ, выпятивъ впередъ губы, что служило мнѣ яснымъ признакомъ, что онъ злится, и только въ концѣ доклада произнесъ: «Я на это не согласенъ и вознагражу вашихъ сотрудниковъ почетными наградами».

Черезъ недѣлю я снова затѣялъ ту же рѣчь; но привелъ данныя о томъ, какія солидныя денежныя награды получили лица, участвовавшія въ перевооруженіи арміи ружьями Крынка и особенно берданками.

Ванновскій снова отказалъ и раскричался на меня за то, что я, вопреки его первому рѣшенію, позволилъ себѣ снова докладывать о томъ же самомъ.

Возвратясь въ главное артиллерійское управление, я сказалъ моимъ ближайшимъ сотрудникамъ, что надежда на денежное вознагражденіе есть, такъ какъ Ванновскій раскричался на меня. Я тотчасъ же приказалъ составить письменный докладъ, со спискомъ представляемыхъ, но, конечно, безъ обозначенія цифръ наградъ. Да, я хорошо зналъ Петра Семеновича. Уже не разъ мнѣ случалось быть свидѣтелемъ, что если онъ раскричится даромъ, то потомъ въ душѣ раскаивается и старается загладить свою рѣзкость.

Дѣйствительно, представляя въ третій разъ уже письменный докладъ, я сказалъ:

— Хотя вы въ прошлый разъ и накричали на меня, но я все-таки считаю долгомъ озаботиться благомъ моихъ сотрудниковъ и подчиненныхъ и рискую просить васъ въ третій разъ разсмотрѣть доброжелательно мой докладъ.

— Ну, давайте,—произнесъ Ванновскій съ дѣланной грубостью и какъ бы вырвалъ у меня изъ рукъ бумагу.

Награды, хотя далеко не крупныя, были даны всѣмъ, кромѣ меня, конечно, такъ какъ и имени моего въ спискахъ быть не могло. Уже потомъ, много времени спустя, я получилъ 2,600 рублей.

Дѣло было окончательно и счастливо завершено, и, казалось бы, намъ съ Петромъ Семеновичемъ слѣдовало разстаться друзьями; но тутъ именно и обнаружился въ немъ еще одинъ весьма непріятный недостатокъ, который или не существовалъ до его назначенія на высокій постъ министра, или не имѣлъ случая проявиться раньше въ Павловскомъ военномъ училищѣ. Тамъ онъ *командовалъ*, а прочіе повиновались, тутъ онъ *совѣщался*, и ему приходилось считаться со способностями и званіями другихъ. Ванновскій охотно пользовался результатами трудовъ своихъ сотрудниковъ, но не допускалъ мысли, чтобы хотя кто-нибудь изъ насъ, за исключеніемъ техники, выдѣлился настолько, чтобы могли сказать: «Вы этимъ обязаны такому-то». Однимъ словомъ, затмить его хоть въ мелочахъ было опасно.

Я забылъ сказать, что во весь періодъ перевооруженія, т.-е. въ теченіе 7 лѣтъ, я, по приказанію великаго князя Михаила Николаевича, дѣлалъ ему, по четвергамъ, доклады о ходѣ нашего дѣла, заслуживавшіе одобренія его императорскаго высочества. Это обстоятельство и побудило великаго князя отдать по артиллеріи приказъ, въ которомъ, отзываясь лестно о моей службѣ вообще, выражается особенная благодарность... «за неутомимую работу, въ теченіе 7 лѣтъ, по перевооруженію нашей арміи 3-линейными винтовками, такъ какъ на долю этого генерала (т.-е. меня) выпала наибольшая отвѣтственность въ исполненіи такой серьезной и сложной операціи, успѣшно выполненной и заслужившей высокоимлостивую похвалу Государя Императора» и т. д. —И ничего о Ванновскомъ. Будь послѣ слова «выполненной»—маленькая прибавка: «подъ руководствомъ военнаго министра», мои отношенія къ Петру Семено-

вичу остались бы, вѣроятно, до конца жизни наилучшими, но вѣдь не я же писалъ приказъ!.. Къ моему огорченію, этой прибавки не было, и все между нами измѣнилось. Можетъ быть, впрочемъ, это и не такъ; но другихъ причинъ охлажденія не было, да и многіе, хорошо знавшіе Ванновскаго, утверждали, что именно уязвленное самолюбіе заставило его сдѣлать то, что онъ впоследствии сдѣлалъ.

Нужно сказать, что еще за годъ или за полтора до окончанія перевооруженія Софіано былъ сдѣланъ членомъ государственнаго совѣта и на мѣсто товарища генераль-фельдцейхмейстера назначенъ былъ генераль Барсовъ. Упоминаю объ этомъ потому, что при Леонидѣ Петровичѣ первая, и самая чувствительная, обида была бы, полагаю, невозможна.

Иду я какъ-то по Невскому проспекту и встрѣчаю моего добраго пріятеля, инспектора оружейныхъ и патронныхъ заводовъ генерала В. Р.

— Я радъ васъ встрѣтить, — воскликнулъ онъ: — такъ какъ долженъ сообщить, секретно, не совѣмъ для васъ пріятную новость.

Я былъ пораженъ его мрачно-торжественнымъ видомъ и, взволнованный, попросилъ разсказать, въ чемъ дѣло.

— Вотъ видите ли, — продолжалъ В. Р., — всѣ заводы и техническія заведенія, которые участвовали въ перевооруженіи арміи, пожелали проводить васъ какимъ-нибудь актомъ, который бы ярко выразилъ ихъ уваженіе и расположеніе къ вамъ, и для этого рѣшили открыть подписку между всѣми артиллеристами-техниками; но такъ какъ подобный сборъ денегъ можетъ, по новымъ правиламъ, производиться только съ разрѣшенія военнаго министра, то мы и просили Барсова заручиться разрѣшеніемъ Ванновскаго. Барсовъ, конечно, доложилъ и получилъ согласіе, но съ тѣмъ, чтобы, вмѣсто подписки, на заводахъ были выставлены кружки съ надписью, разъясняющею, на что производится сборъ. Такъ какъ все это произошло уже давно, то успѣли заказать кружки и на дняхъ ихъ разошлуть по заводамъ. Признаюсь, я не имѣлъ духа предупредить васъ своевременно; но теперь, встрѣтивъ случайно, рѣшился быть откровеннымъ.

Я горячо поблагодарилъ В. Р. за дружбу и отправился домой, чтобы тотчасъ написать Барсову письмо. Письмо было не длинное: я писалъ, что до свѣдѣнія моего дошло предположеніе совершить денежный сборъ, кружечный, для поднесенія мнѣ какого-то подарка; но такъ какъ я во всю мою службу взялъ себѣ за правило никакихъ цѣнныхъ подарковъ не принимать, то и прошу сборъ денегъ остановить. «Предупреждаю ваше высокопревосходительство, — кончалъ я письмо: — что во всякомъ случаѣ я никакого дара не приму и очень прошу васъ отклонить непріятность отказа и отъ меня и отъ бывшихъ моихъ сотрудниковъ».

Признаюсь, я былъ взбѣшенъ. Какъ, думалъ я, такому умному человѣку, какъ Ванновскій, могла прійти мысль дѣлать для меня унизительный кружечный сборъ, какъ дѣлають въ пользу подкидышей или калѣкъ. Наконецъ, кто можетъ поручиться, что какой-нибудь милый шутникъ не выплетъ въ кружку мѣдныхъ копеекъ на три рубля. Конечно, этотъ поступокъ—издѣвательство надо мною. Такъ я былъ убѣжденъ тогда, такъ думаю и теперь; но за что же? Неужели за приказъ! Спѣшу сказать, что сборъ денегъ, къ счастью, успѣли остановить во время.

Я уже сказалъ, что получилъ 2,600 руб. наградныхъ за окончаніе перевооруженія и долженъ былъ ѣхать къ Ванновскому благодарить его за подарокъ. «Кстати,—думалъ я,—поговорю съ нимъ о томъ, въ чьи руки я полагалъ бы полезнымъ передать окончаніе такъ называемаго перевооруженія второй очереди, да и указать на нѣкоторыя мѣры, которыя необходимо было бы принять для освѣженія патроновъ и пороха, а дѣло это нешуточное и крайне трудное».

Молча принявъ благодарность, Петръ Семеновичъ началъ со мною болтать, но какъ-то странно, преувеличенно любезно; разспрашивалъ о здоровьѣ жены, о томъ, гдѣ думаю жить на дачѣ и т. п., но о дѣлѣ ни слова. Такимъ я его никогда ни видалъ. «Что онъ меня принимаетъ за знатную даму, что ли», мелькнуло у меня въ головѣ, и я всталъ. Проводивъ меня до дверей кабинета, Ванновскій самъ предупредительно открылъ дверь и только тогда, протянувъ руку, сказалъ коротко:

— Благодарю васъ за перевооруженіе.

Конечно, этотъ странный, небывалый приемъ послѣ семи лѣтъ трудной, утомительной совмѣстной работы я не могъ понять иначе, какъ за желаніе выразить, безъ словъ: «Ни твоихъ мнѣній, ни указаній я слушать не хочу; ты мнѣ чужой».

Послѣ этого дня я уже больше никогда у Ванновскаго не былъ.

Я не сталъ бы описывать всѣхъ этихъ неприятностей, касавшихся лично меня, если бы онѣ не обрисовывали мелочныхъ сторонъ большого и способнаго государственнаго человѣка; а такъ какъ я рѣшился изобразить его правдиво, безъ бѣлилъ и румянъ, то и не считалъ себя въ правѣ скрыть того, что было въ немъ дурно.

Теперь, когда миновало много лѣтъ со дня моего послѣдняго свиданія съ Петромъ Семеновичемъ, когда чувство горечи совершенно притушилось, когда онъ безотрадно сошелъ сначала съ общественной сцены, а вскорѣ и со сцены жизненной, мнѣ хочется еще разъ и отъ души сказать: да, это былъ большой человѣкъ, съ желѣзнымъ характеромъ и съ яснымъ умомъ, и если бы теперь у насъ было побольше людей его закала, это было бы большимъ счастьемъ для нашего отечества, страдающаго безлюдьемъ.

П. Крыжановскій.

КАВКАЗСКИЙ БУНТЬ.

(Отрывки изъ воспоминаній о 1905 годѣ).

А КАВКАЗЪ 1905 годъ былъ годомъ кровавыхъ ужасовъ, звѣрской рѣзни, яростныхъ схватокъ и безшабашной анархіи, годомъ крушенія своеобразной и опасной политики обанкротившейся на окраинѣ русской власти и никогда не изгладится изъ памяти тѣхъ, кому было суждено пережить его. Типичный кавказскій бунтъ, заслуживающій быть отмѣченнымъ своею жестокостью и вмѣстѣ съ тѣмъ бессмысленностью, послужитъ интереснымъ матеріаломъ не только для историка, но и для психолога. Начатый исключительно чернью, подстрекаемой общественными подонками, онъ былъ быстро подхваченъ значительнымъ большинствомъ интеллигенціи, обратившей его въ какой-то спортъ. Потоки человѣческой крови оросили цвѣтушія горы и долины Западнаго Кавказа. На улицахъ большихъ и малыхъ кавказскихъ городовъ происходила настоящая бойня. Озвѣрѣлые «борцы» не жалѣли ни стариковъ, ни женщинъ, ни дѣтей. Убійцамъ рукоплескали, бомбистамъ устраивали оваціи. Свистъ пуль и трескъ разрывныхъ снарядовъ сливались съ мучительными стонами умирающихъ. Запахъ свѣжей крови смѣшивался съ дымомъ пороха. Божескіе и человѣческіе законы попирались грязными ногами торжествующаго сброда, сокрушавшаго все, что осмѣливалось становиться на пути опьяненнаго побѣдителя.

Кавказская революція, захватившая весь 1905 годъ, продолжала свое триумфальное шествіе въ первой половинѣ 1906 года, а затѣмъ пошла на убыль и мало-по-малу теряла остроту. Но и въ

настоящее время почти весь Кавказъ еще объять мятежнымъ движеніемъ. Порѣдѣвшіе ряды «борцовъ» постепенно пополняются свѣжими силами. Кое-гдѣ, правда, замѣчается нѣкоторое отрезвленіе, но оно—капля въ морѣ. Вожаки движенія по чисто тактическимъ соображеніямъ какъ будто попричихли, активныя выступленія «товарищей» сократились, но это временное затишье не можетъ быть продолжительнымъ. Успѣхи революціонеровъ въ Турціи и въ особенности въ Персіи нашли живой откликъ среди многочисленныхъ кавказскихъ революціонныхъ комитетовъ, пользующихся большою популярностью во всемъ Закавказьи. Послѣднія извѣстія о томъ, что подполье, взгрѣтое подъемомъ узкаго шовинизма, начало проявлять усиленную дѣятельность, подтверждаются рядомъ весьма симптоматическихъ фактовъ. Настроеніе же массы таково, что достаточно одной брошенной спички—и костеръ снова запылаетъ. Мы же все сидимъ у моря и ждемъ погоды; съ какимъ-то совершенно непонятнымъ упорствомъ мы забронировали отъ малѣйшихъ коррективовъ никуда негодную нынѣшнюю систему управленія потрясенной съ верха до низа окраиной, несколько не использовавъ горькаго опыта чернаго прошлаго.

Время мчится безудержно, событія нарастаютъ... Къ чему же закрывать глаза на положеніе Кавказа?.. Умиравшій отъ смуты и внутреннихъ раздоровъ богатый край долженъ воскреснуть подъ благотворными, живительными лучами культуры. Край этотъ ждетъ успокоенія.

I.

Начало революціи. — Озургетскій уѣздъ и социаль-демократы. — Правители безвременья. — Возстановленіе намѣстничества и пріѣздъ гр. Воронцова-Дашкова. — Первый сигналъ въ Тифлисѣ. — «Товарищъ» въ роли губернатора. — «Народное собраніе». — Девять бомбъ и уличный бой. — Теченія среди интеллигенціи.

Начало революціи на Кавказѣ положилъ Озургетскій уѣздъ Кутаисской губерніи, территорію котораго прежде занимало княжество Гурійское, такъ называемая Гурія. Гурійцы (одна изъ мелкихъ картвельскихъ народностей), малокультурные, лѣнныя, привыкшіе къ бродячей жизни, оказались весьма воспримчивыми въ дѣлѣ революціонной пропаганды. Эмиссары русско-еврейскихъ революціонныхъ партій, работавшіе въ Закавказьи съ начала девяностыхъ годовъ, нашли благодарную почву среди гурійцевъ и быстро рекрутировали будущихъ «освободителей».

Сперва наибольшій успѣхъ имѣла социаль-демократическая партія, къ которой примкнуло почти все гурійское крестьянство. Доктрины социаль-демократическаго ученія были совершенно своеобразно поняты невѣжественной массой; всѣ мелкіе собственники

земли превратились въ социаль-демократовъ, продолжая владѣть своею земельною собственностью. Что мое—то мое, а что твое—то тоже мое!—говорилъ помѣщику новоиспеченный гурійскій «эсдекъ». Попадались въ Гуріи приверженцы и другихъ революціонныхъ партій, но въ очень маломъ количествѣ. Къ борьбѣ за «свободу» и за отобраніе отъ помѣщиковъ земли присоединилась борьба за «угнетенныя національныя права». Въ отуманенныхъ головахъ гурійцевъ крѣпко засѣла мысль объ освобожденіи родины отъ «русскаго ига» и о воскрешеніи «Великой Грузіи», но уже не маленькаго царства грузинскаго, какимъ оно было въ концѣ XVIII столѣтія, а федеративной республики, объединяющей всѣхъ картвельцевъ. Великую Грузію должны были составлять республики: Гурійская, Имеретинская, Мингрельская, Кахетинская, Карталинская и др. Наводнившіе Гурію эмиссары-революціонеры совершенно сбили съ толка невѣжественныхъ недоумковъ, по какому-то недоразумѣнію причислявшихъ себя къ прогрессивной интеллигенціи. Спасать родину взялись преимущественно юноши 18—20 лѣтъ; они и стали во главѣ «освобожденія».

Съ начала 1904 года во всеѣмъ Озургетскомъ уѣздѣ, которому протянулъ братскую руку ближайшій портовый городъ Батумъ съ его нефтеналивными станціями и ящичными заводами, гдѣ доминировали среди рабочихъ гурійцы и имеретины, шли приготовленія къ возстанію. Съ ноября 1904 года населеніе Гуріи отказалось отъ правительственныхъ судовъ и объявило бойкотъ всеѣмъ правительственнымъ учрежденіямъ. «Свободолюбивые» гурійцы работали свои собственныя организациі—судебную и административную. Первая примѣняла установленныя «трибуналомъ» наказанія въ такой прогрессіи: первое наказаніе—кандалы, второе—высылка, третье—смертная казнь. Во второй организациі, административной, видную роль играли десяткіе, сотскіе и тысяцкіе, «избранники народа». Составился комитетъ общественной безопасности, въ составъ котораго вошли сельскія и городскія боевыя дружины. На улицахъ уѣзднаго городка Озургеты среди бѣла дня на площади дружинники совершенно открыто обучались стрѣльбѣ. Мязежное броженіе разгоралось. Начались шествія съ красными флагами, сжигались сельскія управленія, разстрѣливались полицейскіе чины, убивались «не сочувствующіе бунту», въ которыхъ видѣли предателей. Съ каждымъ днемъ положеніе становилось серьезнѣе.

Счастливая звѣзда ярко сіяла мятежникамъ: въ управленіи Кавказомъ было своего рода междуцарствіе. Главнотачальствующій на Кавказѣ князь Г. С. Голицынъ, тяжело раненый въ голову въ окрестностяхъ Тифлиса армянскими дашнакцаканами, уѣхалъ въ Петербургъ и вскорѣ былъ уволенъ отъ службы на покой, а въ управленіе окраиной временно вступилъ генералъ Малама, совершенно

растерявшійся при первыхъ извѣстїяхъ о революціи. Что въ Гурїи была настоящая революція—не подлежало ни малѣйшему сомнѣнію; но мало освѣдомленнаго генерала Маламу увѣрили, что тамъ-де исключительно аграрное движеніе, не имѣющее ничего общаго съ политикой. И вотъ въ Озургетскій уѣздъ, вмѣсто необходимаго сильнаго военнаго отряда, былъ отправленъ членъ совѣта главноначальствующаго г. Султанъ-Крымъ-Гирей, пользовавшійся фаворомъ грузинской и армянской интеллигенціи и слывшій за выдающагося прогрессиста. Какъ потомъ оказалось, г. Крымъ-Гирей въ поѣздкѣ по Озургетскому уѣзду сопровождали, по собственному желанію, нѣсколько революціонныхъ главарей. Возвратившись въ Тифлисъ, г. Крымъ-Гирей завѣрилъ отсутствіе революціи и подтвердилъ единственно лишь существованіе недовольства крестьянъ притѣсненіями помѣщиковъ. А тѣмъ временемъ во всѣхъ гурійскихъ селеніяхъ молодежь, не исключая женщинъ, принимала присягу («торжественное обѣщаніе») на единодушную борьбу съ русскимъ правительствомъ. Весь уѣздъ фактически находился во власти социаль-демократическихъ комитетовъ и ихъ агентовъ.

Въ другихъ мѣстностяхъ Кавказа также готовились къ борьбѣ. На Сѣверномъ Кавказѣ орудовали преимущественно евреи и армяне, въ Закавказьи—грузины. Несмотря на объединявшій всѣхъ кавказцевъ лозунгъ «долой самодержавіе», «долой русское правительство», одновременно съ революціоннымъ движеніемъ росла и крѣпла всегда существовавшая въ краѣ національная вражда. Угаръ анархіи отуманилъ буйныя головы, а торжество безшабашнаго насилія разбудило звѣря. Особенно обострились отношенія между старинными врагами—татарами и армянами. 15-го февраля 1905 года въ Баку, гдѣ внушило тревогу сильное броженіе между рабочими на нефтяныхъ промыслахъ и заводахъ, произошло первое кровопролитное столкновеніе враждующихъ. Армяно-татарская рѣзня съ массою жертвъ внесла полный хаосъ въ кавказскія дѣла. Высшая русская власть въ Тифлисѣ окончательно не знала, что предпринять и съ какой стороны взяться за дѣло. Донесенія изъ Баку становились все тревожнѣе. Тогда на скорую руку создали въ Баку и въ Бакинской губерніи временное генераль-губернаторство и послали генераль-губернаторомъ стараго испытаннаго воина князя Ивана Гіевича Амилахварова (нынѣ покойнаго). Грузинъ по происхожденію, старикъ Амилахваровъ по духу, по традиціямъ и по отношенію къ Россіи былъ вполнѣ русскимъ человѣкомъ, преданнымъ долгу службы и вѣрно служившимъ царю и родинѣ. Случайный выборъ этотъ оказался очень удачнымъ. Амилахваровъ сразу энергично принялся тушить національный пожаръ, и волненія въ Баку утихли. Въ концѣ концовъ Иванъ Гіевичъ, къ радости «прогрессивныхъ круговъ, облившихъ клеветою и бранью этого честнаго и прекраснаго человѣка, долженъ былъ оставить свой трудный постъ изъ-за того, что ца-

рившія въ кругахъ высшей кавказской бюрократіи интриги тормозили самоотверженную дѣятельность стараго князя, серьезно расшатавшаго здоровье и нервы. Горячимъ сторонникомъ Ивана Гевича былъ единственный В. О. Трофимовъ, директоръ канцеляріи главноначальствующаго; но и Трофимовъ вскорѣ ушелъ, увидавъ, что одинъ въ полѣ не воинъ. Уходъ Трофимова былъ большой потерей для мирныхъ элементовъ кавказскаго населенія.

26-го февраля была восстановлена должность намѣстника кавказскаго; на эту должность получилъ назначеніе графъ И. И. Воронцовъ-Дашковъ, въ молодыхъ годахъ бывший адъютантомъ на Кавказѣ извѣстнаго князя А. И. Барятинскаго. Намѣстнику дали двухъ помощниковъ: по военной части—того же генерала Маламу, помощника бывшаго главноначальствующаго, по гражданской части—г. Султанъ-Крымъ-Гирея, ѣздившаго сперва въ Петербургъ для доклада новому намѣстнику объ «аграрномъ движеніи» въ Гуріи. А мятежъ все разрастался. Прежде, чѣмъ пріѣхать на Кавказъ, графъ Воронцовъ-Дашковъ прислалъ въ Тифлисъ для обнародованія свое «воззваніе къ населенію края», призывающее къ успокоенію, порядку и соблюденію закона (воззваніе датировано 31-го марта). Но никакія воззванія не могли помочь бѣдѣ. Спокойствіе и порядокъ исчезли безслѣдно, а государственные законы уступили мѣсто требованіямъ и приказаніямъ «великаго пролетаріата», забрасывавшаго жителей регулярно появлявшимися прокламаціями. На улицахъ мелькали черныя блузы и черныя мягкія шляпы—форменная одежда кавказскихъ революціонеровъ. Новый намѣстникъ пріѣхалъ въ Тифлисъ съ большимъ опозданіемъ: только 5-го мая. Черезъ нѣсколько дней революціонеры, какъ было сказано въ одной изъ ихъ прокламацій, ознаменовали пріѣздъ намѣстника убійствомъ бакинскаго губернатора кн. Накашидзе, брата другого кн. Накашидзе, управлявшаго имѣніями гр. Воронцова-Дашкова. Черезъ два дня послѣ убійства кн. Накашидзе, въ Эриванской губ. началась жесточайшая рѣзня между армянами и мусульманами. Конецъ мая прошелъ относительно спокойно. Въ іюнѣ намѣстнику дали третьяго помощника, генерала Ширинкина, съ титуломъ завѣдывающаго полиціей на Кавказѣ на правахъ намѣстника. Ширинкинъ привезъ съ собой въ качествѣ управляющаго канцеляріей небезызвѣстнаго Гуровича, о сношеніяхъ котораго съ революціонерами въ свое время подробно говорила столичная печать. Незадолго до назначенія третьяго помощника революціонеры сдѣлали первый крупный опытъ расправы съ воинскими командами. Подлѣ сел. Чемахлы, по дорогѣ изъ Евлаха въ гор. Нуху, боевики-товарищи произвели нападеніе на этапную команду; результатъ нападенія: убиты три рядовыхъ и одинъ стражникъ, тяжело ранены унтеръ-офицеръ, ефрейторъ и четыре рядовыхъ. Опытъ, очевидно, удачный.

Первыя бомбы Тифлисъ, резиденція намѣстника и центръ всего Кавказскаго края, увидѣлъ и услышалъ 24-го іюня. Соціалъ-демократы, несмотря на увѣренія въ пользованіи исключительно мирными средствами борьбы, сформировали отряды бомбистовъ и выпустили ихъ на улицы. Первая бомба была брошена въ людной бойкой части Тифлиса, на углу Графской улицы и Солдатскаго базара. Бомбу эту швырнули въ казаковъ, изъ которыхъ двухъ убило на мѣстѣ; нѣсколько мирныхъ прохожихъ и дворниковъ получили тяжелыя раны. Вторую бомбу въ тотъ же день бросили въ азіатской части города—на углу Татарскаго майдана (базара) и Воронцовской улицы—въ полицейскихъ чиновъ; приставъ Глѣбовъ, помощникъ его Моргаевскій, одинъ околоточный и одинъ городской оказались опасно ранеными, пострадали и частныя лица. Третью бомбу того же 24-го іюня бросили на Авлабарѣ (армянская часть Тифлиса) въ воинскій патруль, но случайно она попала въ грязь и не разорвалась. Въ городѣ произошла настоящая паника. На другой день, 25-го іюня, революціонеры занялись продолженіемъ начатаго: на Авлабарѣ, почти тамъ же, гдѣ наканунѣ не разорвалась бомба, соціалъ-демократъ-боевикъ, типичный грузинскій пролетарій, смертельно ранилъ русскаго околоточнаго Ильина. Подоспѣвшіе казаки кинулись къ убійцѣ и схватили его. За убійцу, который за подлое преступленіе заплатилъ жизнью, заступилась стоявшая тутъ же «на дежурствѣ» группа соціалъ-демократовъ, начавшая стрѣлять въ казаковъ; завязалась перестрѣлка, во время которой убита одна армянская революціонерка. Вечеромъ 25-го іюня въ другой части Тифлиса, неподалеку отъ Головинскаго проспекта (тифлискаго Невскаго) соціалъ-демократы бросили бомбу въ полицейскій патруль; осколками бомбы убило русскаго городского и двухъ дворниковъ и ранило восемь прохожихъ. Мирная часть тифлискаго населенія, предоставленная свободному разстрѣлу и грабежу гг. освободителей, спѣшила—кто могъ, конечно—выгхать изъ Тифлиса.

Первымъ административнымъ назначеніемъ новаго намѣстника было назначеніе, по рекомендаціи г. Султанъ-Крымъ-Гирея, кутаискимъ губернаторомъ старшаго агронома управленія землеустройства и земледѣлія на Кавказѣ г. Старосельскаго. За много лѣтъ до начала кавказскаго бунта 1905 года чиновникъ Старосельскій пользовался репутаціей «крайняго лѣваго»; нѣсколько разъ его хотѣли арестовать, но родственныя и иныя связи спасали революціонера въ видѣ мундирѣ. Впослѣдствіи, какъ извѣстно, Старосельскій оказался во главѣ кутаисской революціи, былъ арестованъ, а затѣмъ, изгнанный и скомпрометированный, принужденъ былъ скрыться (кажется, бѣжалъ за границу). Назначеніе революціонера губернаторомъ въ самую революціонную губернію подлило масла въ огонь. Получивъ себѣ въ помощники небезызвѣстнаго грузинскаго націо-

налиста нѣкоего Кишпидзе, назначеннаго кутаисскимъ вице-губернаторомъ, Старосельскій поднялъ на ноги не только грузинскихъ социаль-демократовъ, но и федералистовъ (грузинская революціонная разновидность) и социаль-революціонеровъ. Все перевернулось вверхъ дномъ. Вся Кутаисская губернія очутилась сплошь въ распоряженіи и подчиненіи у революціонныхъ комитетовъ. Русскихъ отовсюду гнали по шеямъ. Населеніе Озургеть не впустило въ городъ состава судей изъ кутаисскаго окружнаго суда, которые должны были пріѣхать въ сессію. Старосельскій, когда нѣкоторые смѣльчаки изъ русскихъ упрекали его въ слабости и попустительствѣ, съ апломбомъ заявлялъ, что его «программа» одобрена самимъ намѣстникомъ, рекомендовавшимъ дѣйствовать «примирительно».

Положеніе всей Тифлисской губерніи становилось критическимъ. Помѣщичьи усадьбы выжигались, черноблузники руководили озвѣрѣлымъ крестьянствомъ. Въ самомъ Тифлисѣ, откуда вскорѣ выѣхалъ и самъ намѣстникъ (въ Кисловодскъ), циркулировали сенсационные слухи о томъ, что «освободители» составляютъ планъ взятія дворца намѣстника революціонными дружинами. По городу ходили легендарные рассказы о готовящемся грандіозномъ «народномъ собраніи», которое объявитъ-де волю народа. «Мы наканунѣ большихъ событій», многозначительно заявляли застрѣльщики «освободительнаго похода», разработавшіе детально проектъ кавказской федеративной республики. И дѣйствительно, событія не заставили себя долго ждать. Первой ласточкой революціонной весны было памятное Тифлису 29 августа. Вотъ что гласило краткое официальное сообщеніе:

«29 августа, около 9 час. вечера, рабочіе и молодежь, въ количествѣ около полуторы тысячи человекъ, собрались въ помѣщеніи тифлисскаго городской думы для обсужденія бакинскихъ событій и вопроса о государственной думѣ. Временный генераль-губернаторъ приказалъ сначала полиціи, а затѣмъ воинской части очистить думскій залъ отъ публики. Въ казаковъ былъ произведенъ выстрѣлъ, казаки отвѣчали. Изъ публики убито 23 и ранено свыше 50; изъ послѣднихъ 13 человекъ умерли. Ранены также казакъ и городской».

На самомъ же дѣлѣ произошло слѣдующее. Представители соединенныхъ комитетовъ всѣхъ революціонныхъ партій, въ сопровожденіи сочувствующей имъ черни, имѣя не мало сторонниковъ въ составѣ тифлисскаго городского общественнаго самоуправленія, задумали устроить въ городскомъ домѣ революціонное собраніе для организациі «комитета народныхъ избранниковъ». Этотъ комитетъ долженъ былъ взять въ свои руки бразды правленія всѣмъ городомъ; замѣнить полицію и войска «народной милиціей» и объявить Тифлисъ «вольнымъ городомъ». Когда собрались эти самозванные представители народа, городской голова Вермишевъ, хотя и принадле-

жавшій по убѣжденіямъ къ крайнимъ лѣвымъ, но прекрасно понимавшій, что можетъ произойти (Тифлисъ уже былъ объявленъ на военномъ положеніи), просилъ собравшихся удалиться, но тѣ, поощряемые группой гласныхъ-революціонеровъ во главѣ съ А. Бабовымъ, А. Евангуловымъ и др. и кое-къмъ изъ управскихъ служащихъ, категорически отказались. Революціонное собраніе было объявлено открытымъ. Начались торжественныя рѣчи, сопровождавшіяся возгласами: «долой самодержавіе, долой Николая II!» Генераль-губернаторъ немедленно послалъ военный отрядъ, предписавъ начальнику отряда предварительно исчерпать всѣ мирныя средства. Но дѣло приняло сразу иной поворотъ. Едва пластуны мирно и спокойно вошли въ думскій залъ, какъ были встрѣчены градомъ пуль. Разъяренная чернь, съ криками: «долой опричников!» бросилась на казаковъ. Чернь оказалась почти сплошь вооруженной револьверами. Войскамъ пришлось отвѣчать на выстрѣлы. Произошла жаркая схватка. Видя, что съ русскими войсками сладить невозможно, храбрые борцы за свободу кинулись вразсыпную; помѣщеніе думы и управы быстро опустѣло. Революціонеры потеряли 24 убитыхъ и 67 раненыхъ (въ томъ числѣ 13 тяжело).

Атмосфера сгущалась. Изъ разныхъ мѣстъ Закавказья получались извѣстія одно тревожнѣе другого. Забастовки и убійства чередовались, не давая мирной части населенія никакой передышки. Прокламации революціонныхъ комитетовъ совершенно свободно расклеивались на домахъ и афишныхъ столбахъ и раздавались на улицахъ. Чернь чувствовала себя господиномъ.

Тифлисскіе социаль-демократы, социаль-революціонеры и дашнак-цаканы готовились отомстить «ненавистному правительству» за 29-е августа. Въ двадцатыхъ числахъ сентября появилась прокламация «соединенныхъ комитетовъ», возвѣщавшая «поголовное истребленіе казаковъ, препятствующихъ народу сдѣлаться свободными гражданами». Среди тифлисскаго гарнизона царило сильнѣйшее озлобленіе противъ бунтовщиковъ. А бунтовщики не дремали; по всему Кавказу начались грабежи, завершившіеся «экспропріаціей» 250 тысячъ въ Екатеринодарѣ изъ мѣстной почтово-телеграфной конторы; спустя десять дней былъ ограбленъ почтовый поѣздъ подъ Карсомъ, между станціями Ахтала и Садохло, но тутъ экспропріаторы ошиблись въ расчетахъ: ожидали сотенъ тысячъ, а въ почтовомъ вагонѣ оказалось только 10 тысячъ, которыя все же, конечно, были взяты на подкрѣпленіе революціоннаго фонда.

«Истребленіе казаковъ» въ Тифлисъ было назначено «комитетами» на 25-е сентября. Несмотря на воскресный день, съ утра ничто не предвѣщало никакихъ событій. На улицахъ черныя блузы попадались рѣже обыкновеннаго, нигдѣ не замѣчалось особеннаго скопленія народа, все было тихо. Вечеромъ, по заранѣ выработанному

мятежниками плану, ровно въ $7\frac{1}{2}$ часовъ раздались въ разныхъ частяхъ города взрывы разрывающихся метательныхъ снарядовъ. Бомбистами было брошено девять бомбъ въ казаковъ въ мѣстахъ расположенія этихъ послѣднихъ. На улицахъ и въ обывательскихъ домахъ, въ клубахъ, въ театрахъ произошла не поддающаяся описанію паника. Съ быстротою молніи пронеслась вѣсть, что народъ началъ сраженіе съ правительственными войсками. Напуганное воображеніе рисовало ужасную картину уличнаго боя. Дѣйствительность была такова. На Водовозной улицѣ, близъ казармъ шестой сотни 2-го Полтавскаго полка, революціонеры бросили три бомбы, осколками которыхъ тяжело ранены два казака, стояшіе у казармъ; когда на трескъ бомбъ выбѣжали на улицу казаки, подскочившій отрядъ революціонеровъ-дружинниковъ началъ ихъ обстрѣливать. Отвѣтными выстрѣлами одинъ бомбистъ убитъ, а другой (оба грузины) схваченъ, остальнымъ дружинникамъ удалось скрыться въ прилегающихъ переулкахъ. На Воронцовской улицѣ, у входовъ въ казармы третьей сотни того же 2-го Полтавскаго полка, брошены двѣ бомбы, одновременно брошены тоже двѣ бомбы близъ конюшенъ сотни, помѣщавшихся напротивъ. Два бомбиста, грузинъ и армянинъ, схвачены. На Ермоловской улицѣ, въ ворота казармъ конвоя намѣстника, брошено въ конвойныхъ казаковъ двѣ бомбы. Почти одновременно со всѣми этими взрывами, на Головинскомъ проспектѣ съ крыши дома Ананова и изъ оконъ гостиницы «Англетеръ», а также въ другихъ частяхъ города произведена стрѣльба въ воинскіе и полицейскіе патрули. Жертвами бунтовщиковъ явились не только казаки и полицейскіе, но и частныя лица: лютеранскій пасторъ Мюллеръ (убитъ), живописецъ Пармезановъ, актеръ Боярскій, какой-то несчастный мальчикъ и еще нѣсколько человекъ. Изъ казаковъ два убиты и одиннадцать ранены.

Тяжело пережитый сентябрь окончательно убѣдилъ мирную часть населенія, что она вполне беззащитна и что слѣдуетъ ждать еще болѣе черныхъ дней. Графъ Воронцовъ-Дашковъ, сидя во дворцѣ, послѣшно то вводилъ въ различныхъ мѣстностяхъ края военное положеніе, то черезъ два-три дня отмѣнялъ его, то отдавалъ приказъ о сформированіи и посылкѣ военныхъ отрядовъ, то приказывалъ расформировать и посылку отмѣнить. Чернь наглѣла. Началась диктатура пролетаріата, дѣйствовавшего съ невѣроятной смѣлостью.

Среди большинства туземной интеллигенціи замѣчалась полная готовность подлаживаться подъ «требованія момента»; къ этому теченію, къ стыду нашему, примыкали и нѣкоторые русскіе люди, преимущественно учителя и юристы. Учащееся юношество бросило учиться и толпами бродило съ утра до поздней ночи по улицамъ Тифлиса, Кутаиса и другихъ городовъ.

II.

Забастовки, убійства, нападенія и погромы.—Послѣ манифеста 17 октября.—Митинговая горячка и расстрѣлы русскихъ людей.—Тифлисскіе школьники-убійцы.—«Труды» губернатора-революціонера и «непротивленіе» кавказской власти.—Русская кровь.—Батумское народное собраніе.

Наступилъ октябрь. «Друзья народа» не дремали: на улицахъ освободители продолжали палить изъ револьверовъ и швырять бомбы, а депутація отъ грузинскаго дворянства вручила намѣстнику (11-го октября) петицію объ автокефаліи грузинской церкви, этомъ первомъ этапѣ будущей автономной Грузіи. Петиція была навѣяна грузинскими федералистами, вступившими въ блокъ съ «прогрессивной» частью городского грузинскаго духовенства. Грузинскіе батюшки, плѣненные лаврами армянскихъ священниковъ, очертя голову кинулись въ водоворотъ политики. Въ день подачи графу Воронцову-Дашкову дворянской петиціи грузинскіе революціонеры остановили близъ желѣзнодорожной станціи Супса, въ районѣ Гуріи, поѣздъ и разграбили цѣлый вагонъ съ казенными револьверами, перевозившимися въ городъ Александрополь въ артиллерійскій складъ; по увѣренію очевидцевъ, среди грабителей двое были въ рясахъ!..

14-го октября, въ полдень, забастовали служащіе и рабочіе депо и мастерскихъ Закавказскихъ желѣзныхъ дорогъ въ Тифлисѣ, за исключеніемъ группы русскихъ рабочихъ, не пожелавшихъ играть въ руку забастовщикамъ. Вечеромъ забастовали наборщики тифлисскихъ типографій и тифлисскаго трамвая. Въ этотъ же день въ Тифлисѣ убиты: русскій желѣзнодорожный машинистъ Петровъ, согласившійся ѣхать съ поѣздомъ, городской и полицейскій агентъ; въ городского бросили бомбу, взрывомъ тяжело ранены двѣ русскія женщины.

На другой день въ Тифлисѣ съ утра началась общая забастовка. Всѣ магазины закрылись. Городъ словно вымеръ. Тифлисскіе социаль-демократы окропили начало «всеобщей политической забастовки» русской кровью: на Авчальской улицѣ убили желѣзнодорожнаго жандарма Печерскаго, а на Вокзальной улицѣ околоточнаго надзирателя Зборовскаго. Въ тотъ же день на эриванской линіи Закавказской желѣзной дороги социаль-демократы устроили крушеніе воинскаго поѣзда, везшаго въ Тифлисъ казаковъ: пять казаковъ убиты, пять ранены. 16-го октября революціонеры напали на почтовый поѣздъ близъ разъѣзда Кады-Юртъ Владикавказской желѣзной дороги, ограбивъ и почту и пассажировъ; убито 12 человекъ, ранено болѣе 20.

Всеобщая политическая забастовка, устроенная чернью и охватившая низшіе классы тифлисскаго населенія, получила подкрѣпле-

ніе со стороны гг. интеллигентовъ, гдѣ, наравнѣ съ грузинами, армянами и горстью русскихъ, ретиво старались и евреи. 17-го октября къ всеобщей забастовкѣ присоединились присяжные повѣренные, вслѣдствіе чего въ судебной палатѣ и окружномъ судѣ засѣданія не состоялись; то же было и въ мировыхъ отдѣлахъ. 17-го октября въ Кутаисѣ кутаисскіе освободители совершили вооруженное нападеніе на кутаисскій окружный судъ, но потерѣли неудачу: нападеніе было отбито.

18-го октября утромъ въ Тифлисѣ распространилось извѣстіе о манифестѣ 17-го октября. Около 11 часовъ утра революціонеры большими толпами начали собираться на Головинскомъ проспектѣ у Давидовской улицы, на которой помѣщалась редація чисто революціонной газеты «Возрожденіе». Редакторомъ «Возрожденія» былъ имеретинъ или мингрелецъ, нѣкій Пареевъ Готуа, бывшій незадолго до своего редакторства нѣсколько лѣтъ на русской государственной службѣ—цензоромъ въ кавказскомъ цензурномъ комитетѣ (предсѣдателемъ цензурнаго комитета былъ остзеецъ Гаккель, вслѣдствіе членъ совѣта намѣстника). Впрочемъ, разъ былъ революціонеръ-губернаторъ въ Кутаисѣ, почему же не быть революціонеру-цензору въ Тифлисѣ? Въ газетѣ Готуа участвовали всѣ составители комитетскихъ прокламацій, и эта газета, какъ будетъ видно ниже, являлась центромъ всего мятежнаго Тифлиса. Къ группамъ подходившихъ революціонеровъ присоединились гимназисты, мелкіе приказчики, мелкіе туземные чиновники, уличныя праздношатаи. Тутъ же состоялся первый въ Тифлисѣ митингъ на улицѣ. Появились ораторы, произнесшіе зажигательныя рѣчи на туземныхъ и русскомъ языкахъ. Толпа ревѣла отъ восторга, провожая каждаго оратора криками: «долой самодержавіе! долой царя! долой русскую тиранію! да здравствуютъ соціалъ-демократы!» Демонстранты съ заранѣе заготовленными красными флагами направились къ казенному театру и потребовали, чтобы оркестръ этого театра немедленно вышелъ на улицу и сыгралъ «Марсельезу». Требованіе толпы было безпрекословно исполнено. У подъѣзда казеннаго театра снова начались рѣчи. Толпа все росла. Масса двинулась, размахивая флагами, на окраину города, такъ называемую Нахаловку, гдѣ помѣщались революціонныя комитеты со своими главарями Рамшвили, Долидзе и др.

Къ вечеру 18-го октября митинги образовались у военно-историческаго музея на Головинскомъ проспектѣ (неподалеку отъ военного собора и дворца намѣстника) и на Эриванской площади у зданія городского общественнаго самоуправленія. Чернь пришла въ экстазъ. На митингахъ принята бурными одобреніями слѣдующая резолюція: «Продолжить борьбу съ правительствомъ впредь до установленія полного демократическаго строя». Въ толпѣ на Эриванской площади чернь перемѣшалась съ интеллигенціей. Насту-

пала ночь, а ораторы все продолжали говорить и никакъ не могли наговориться. То же самое происходило и въ другихъ кавказскихъ городахъ.

День 18-го октября отмѣченъ въ Екатеринодарѣ грандіознымъ уличнымъ побоищемъ между революціонерами и не сочувствующими уличнымъ беспорядкамъ. Побоище не обошлось безъ человѣческихъ жертвъ. Бушующая толпа сожгла домъ еврея Рохлина (врача), считая самого Рохлина за одного изъ главарей мятежниковъ. Въ Баку манифестанты имѣли столкновение съ войсками, были убиты и ранены; днемъ позже революціонеры на одной изъ главныхъ бакинскихъ улицъ напали на участниковъ патріотической контръ-манифестаціи, совершивъ кровавую расправу съ «инакомыслящими».

Три дня Тифлисъ съ его почти 250-тысячнымъ населеніемъ былъ словно въ чадѣ. Герои дня, социаль-демократы, распоряжались жизнью и имуществомъ цѣлаго города. Правительственныя власти ступевались. Подполье вылѣзло на улицу, а администрація залѣзла въ подполье. Появленіе на улицахъ, хотя и рѣдкое, полицейскаго встрѣчалось свистками и хохотомъ. Безпрестанныя шествія съ красными флагами, уличныя рѣчи, дерзкія выходки по адресу русскаго населенія—все это только увеличивало смуту. Намѣстникъ издалъ «обращеніе къ населенію Кавказскаго края», призывавшее къ успокоенію и мирному труду,—однако объ успокоеніи не могло быть и рѣчи, а о мирномъ трудѣ не было и помину: всѣ, словно по командѣ, бросили работать. вмѣстѣ съ трудовой повседневной жизнью города забастовалъ и здравый смыслъ. И старъ и малъ все время проводили на улицахъ. Въ социаль-демократическихъ процессіяхъ черная блуза браталась съ адвокатскимъ фрактомъ, дворянской черкеской, чиновничьимъ вицъ-мундиромъ и гимназической фуражкой. Дикій ревъ стоялъ надъ городомъ. Анархія достигла своего апогея. Русское населеніе, въ своемъ громадномъ большинствѣ, рѣшило реагировать на революціонную вакханалію. 22-го октября свыше двадцати тысячъ человѣкъ произвели патріотическую манифестацію. Съ портретами Государя, хоругвями и національными флагами русскіе люди, при пѣніи народнаго гимна, двинулись отъ Миссіонерской церкви на Андреевской улицѣ черезъ весь городъ къ дворцу намѣстника. Въ процессіи участвовали не только русскіе простолюдины, но и огромное количество русской интеллигенціи, воспитанники юнкерскаго училища и кадетскаго корпуса, видные русскіе общественные дѣятели, дамы общества съ дѣтьми и другіе. Убѣленный сѣдинами отставной генераль шель рядомъ съ сѣрой сибирской мастерового, маленькій кадетъ рука объ руку съ шитымъ мундиромъ гражданскаго вѣдомства. Пѣніе гимна прерывалось восторженными кликами: «Да здравствуетъ Россія! Ура русскому Царю!» Чѣмъ ближе подходила процессія къ дворцу намѣстника, тѣмъ болѣе увеличивалось количество ея участниковъ. На балконахъ и въ окнахъ

многихъ русскихъ домовъ появлялись иконы, портреты царской семьи и русскіе трехцвѣтные флаги. Солнце ярко свѣтило, заливая своими яркими лучами грандіозную картину. Когда манифестанты прошли значительную часть Головинскаго проспекта, изъ оконъ большого дома Манташева, гдѣ помѣщается тифлисское собраніе, изъ дома Ротиновой, гдѣ помѣщались фотографія Ганкевича и редакція «Тифлискаго Листка», а также съ крышъ ближайшихъ домовъ въ процессію посыпался градъ пуль.

— Предательство! Засада! Насъ разстрѣливаютъ!—пронеслось въ толпѣ.

— Впередъ! Молитесь Богу!—раздался чей-то громовой голосъ, и шествіе направилось дальше, хотя было нѣсколько убитыхъ и много раненыхъ.

Едва шествіе поравнялось съ каменнымъ заборомъ первой тифлисской мужской гимназіи, какъ раздался новый залпъ выстрѣловъ. Оказалось, что въ заборѣ были продѣланы для дулъ ружей и револьверовъ отверстія. Одновременно съ обстрѣломъ шествія гимназистами и пришедшими къ нимъ на помощь «товарищами»-черноблужниками начался обстрѣлъ и изъ другихъ мѣстъ: изъ-за угловъ, чрезъ рѣшетку храма Славы (военно-историческій музей), изъ переулковъ и пр. Военскіе патрули и прискакавшіе казаки быстро отвѣчали на предательскій разстрѣлъ мирныхъ безоружныхъ русскихъ людей. Тутъ ужъ произошелъ настоящій хаосъ. Крики, вопли, истерическій плачъ женщинъ и дѣтей, свистъ пуль, стрѣльба пачками войскъ... Невозможно описать кровавой картины!.. Мать обнимала плавающего въ крови ребенка, обезумѣвшій мужъ рыдалъ надъ трупомъ убитой жены, умирающій старикъ конвульсивно прижималъ къ груди національный русскій флагъ... По полицейскимъ свѣдѣніямъ, изъ участниковъ процессіи убито 41, ранено 66, но въ дѣйствительности количество раненыхъ равнялось почти двумстамъ. Изъ раненыхъ, какъ потомъ оказалось, нѣкоторые умерли у себя на квартирахъ. По прекращеніи стрѣльбы войска заняли 1-ю мужскую гимназію, тифлисское собраніе, зданіе дворянской грузинской школы (тутъ были штабъ-квартира боевой дружины социаль-демократовъ), гостиницу «Мухранъ», фотографію поляка Ганкевича и помѣщеніе конторы и редакціи мѣстной бульварной газеты «Тифлисскій Листокъ». Социаль-демократы, къ которымъ примыкали и нѣкоторые радикальствующіе учителя гимназіи и дворянской грузинской школы, въ тотъ же день занялись распространеніемъ въ обществѣ живыхъ гнусныхъ слуховъ, что яко бы пластуны кололи штыками «несчастныхъ учениковъ», что никакой стрѣльбы изъ гимназіи не было, что тутъ имѣла мѣсто «провокація» (это ополненное и затрепанное слово тогда было въ модѣ и не сходило съ устъ всей радикальствующей интеллигентной братіи) и пр. Съ неоспоримою достовѣрностью выяснилось впоследствіи, что была не «про-

вокація», а подлая заеда, и что нѣкоторые питомцы первой гимназіи и грузинской школы въ данномъ случаѣ явились послушными исполнителями приказаній тифлисскихъ соединенныхъ революціонныхъ комитетовъ. Мало того: нѣкоторые учителя (въ числѣ ихъ два русскихъ прогрессиста, наиболѣе афишировавшіе свой «радикализмъ» въ эпоху кровавой смуты) не погнушались, въ присутствіи учениковъ, высказать прозрачными намеками одобреніе кровавой расправы съ «хулиганами-черносотенцами».

Слѣдующій день, 23-го октября, принесъ извѣстіе объ ужасномъ погромѣ въ Армавирѣ (на Сѣверномъ Кавказѣ), населенномъ русскими и армянами. Произошло нѣчто грандіозное: разгромлены и сожжены многіе дома, склады земледѣльческихъ орудій, аптека и др. Бѣшенство толпы достигло такихъ размѣровъ, что семь человекъ были въ буквальномъ смыслѣ слова растерзаны.

Изъ Кутаисской губерніи также приходили тревожныя вѣсти; тамъ революція была подъ надежнымъ покровительствомъ самого губернатора Старосельскаго, не только поощрявшаго устройство революціонныхъ митинговъ, но и принимавшаго въ нихъ самое живое участіе въ качествѣ организатора и оратора. Какъ курьезъ, отмѣчу, что на одномъ изъ кутаисскихъ митинговъ председательствовалъ временно исполнявшій обязанности товарища прокурора окружнаго суда крещеный жидокъ, въ послѣдствіи бѣжавшій изъ Кутаиса. «Иллюминація» сельскихъ канцелярій въ Озургетскомъ, Зугдидскомъ, Рачинскомъ и другихъ уѣздахъ достигла феерическихъ размѣровъ; разъяренная чернь съ дикимъ визгомъ устраивала въ нѣкоторыхъ мѣстахъ костры изъ бумагъ и «дѣлъ» правительственныхъ учреждений. Освободители пуще огня боялись присылки войскъ въ подкрѣпленіе разбросаннымъ по губерніи небольшимъ воинскимъ частямъ. Провѣдавъ, что присылка эта рѣшена и начинается въ исполненіе, социаль-демократы для начала устроили крушеніе воинскаго поѣзда, вышедшаго изъ Кутаиса на станцію Ріонъ, причѣмъ было убито восемь нижнихъ чиновъ и тяжело ранено двадцать семь.

Какъ ни старались заинтересованныя въ усиленіи смуты лица увѣрить намѣстника, что «непротивленіе злу»—лучшее средство «успокоить край», однако графъ Воронцовъ-Дашковъ не выдержалъ и объявилъ всю Кутаисскую губернію на военномъ положеніи, назначивъ временнымъ генералъ-губернаторомъ начальника 20-й пѣхотной дивизіи; для Озургетскаго уѣзда съ его «свободолюбивыми» гурійцами, помимо этого, былъ сформированъ особый отрядъ изъ воинскихъ частей разнаго рода оружія. Узнавъ объ этомъ, «товарищи» всполошились. Старосельскій прискакалъ въ Тифлисъ. «Непротивленіе» восторжествовало: графъ Воронцовъ-Дашковъ отмѣнилъ свое распоряженіе; черезъ пять дней послѣ введенія военное положеніе въ Кутаисской губерніи было снято и отправленные въ

Озургетскій уѣздъ войска отозваны. Возвратившемуся въ Кутаисъ торжествующему Старосельскому сплошь революціонированное население устроило рядъ шумныхъ овацій. А сторонники «непротивленія» самодовольно говорили:

— Помилуйте, гдѣ же тутъ революція? Посмотрите: губернатору, высшему представителю въ губерніи правительственной власти, жители кричатъ «ура» и благодарятъ его за труды по успокоенію!..

Октябрь закончился практикуемымъ и до сего времени обычнымъ пролитіемъ русской крови. За 30-е и 31-е октября въ Тифлисъ были убиты социаль-демократами: казакъ 2-го Полтавскаго полка Притыко, нижній чинъ желѣзнодорожнаго батальона Сагуневичъ и фельдфебель 1-го Кавказскаго сапернаго батальона Лапченко.

А событія все нарастали. Кавказскіе «освободители» нашли товарищескую поддержку въ нѣкоторыхъ городскихъ общественныхъ управленіяхъ. Въ Новороссійскѣ, въ стѣнахъ городской управы орудовалъ революціонный комитетъ, подчинившій себѣ весь городъ. Для иллюстраціи поведенія гг. кавказскихъ муниципаловъ укажу на многимъ памятное ноябрьское «народное собраніе» въ Батумѣ подъ предѣдательствомъ батумскаго городского головы, грузинскаго князя И. Андроникова. Это «народное собраніе» сдѣлало слѣдующія постановленія: «1) Въ виду угрожающаго контръ-революціоннаго движенія (!) противъ мирныхъ (!!) гражданъ немедленно потребовать удаленія казаковъ и войскъ, введенныхъ во время военнаго положенія; 2) организовать посильное (!) вооруженіе гражданъ для самообороны, для чего народомъ избрана комиссія изъ двѣнадцати человекъ (перечисляются фамиліи); 3) организовать городское самоуправленіе прямымъ, равнымъ и тайнымъ голосованіемъ, на что батумская городская управа изъявила полное свое согласіе». Отмѣчу еще, что для ходатайства передъ намѣстникомъ объ удаленіи изъ Батума казаковъ поѣхали въ Тифлисъ: городской голова и два военныхъ, состоявшихъ на дѣйствительной службѣ, одинъ грузинъ и одинъ, къ нашему позору, русскій, занимавшійся на сторонѣ, но совершенно открыто, городскими строительными работами.

Вотъ какое сумасшедшее время переживала пылавшая мятежомъ окраина! Власть до того растерялась, что не нашла ничего лучшаго, какъ отмѣнить, несмотря на усиливавшуюся революцію, военное положеніе въ Тифлисъ и Тифлисскомъ уѣздѣ. 30-го октября послѣдовала эта изумившая всѣхъ благоразумныхъ людей отмѣна съ упраздненіемъ временнаго генераль-губернаторства. Революціонерамъ открылось въ столицѣ Кавказа широкое поле дѣятельности,

III.

Тифлисскія свободы.—Революціонеры вооружаются.—Почтово-телеграфная забастовка.—Національныя схватки и сигналъ изъ Елисаветполя.—Студенческій митингъ.—Армяно-татарская рѣзня въ Тифлисъ.—Спектакль въ пользу мятежниковъ въ казенномъ театрѣ.—Революціонная демонстрація съ участіемъ властей.—Примиреніе и братскія добанія передъ новой схваткой.—Вѣсти съ желѣзнодорожной линіи.

Наиболѣе культурный (относительно, конечно) изъ всѣхъ кавказскихъ городовъ, Тифлисъ, первый далъ примѣръ самаго широкаго толкованія «свободъ», закружившихъ буйныя кожныя головы. Самое слово свобода сдѣлалось синонимомъ разнузданности. Каждый спѣшилъ освободить себя отъ всякихъ обязанностей. «Товарищи» освобождали карманы и кассы кредитныхъ учрежденій и состоятельныхъ людей. Молодежь, забросившая книжки, устраивала сходки и выносила «резолуціи», поражавшія своею смѣлостью. Достаточно сказать, что ученицы одного изъ учебныхъ заведеній постановили: требовать введенія гражданскаго брака!! Администрація, за рѣдкими исключеніями, своими распоряженіями, такъ сказать, узаконяла хаосъ. Въ Тифлисъ, на примѣръ, поспѣшили упразднить... адресный столъ и отдѣленія его при полицейскихъ участкахъ; упразднили веденіе домовыхъ книгъ, упразднили дворниковъ. Высшая власть, отмѣнивъ 30-го октября военное положеніе въ Тифлисъ, 2-го ноября отмѣнила военное положеніе въ Кутаисской губерніи, а 8-го ноября—въ Батумской области. Отмѣны эти, какъ и слѣдовало ожидать, были истолкованы, какъ уступка «великому пролетариату» и самоопредѣляющимся инородцамъ. Революціонные комитеты, воспользовавшись удобнымъ моментомъ, приступили къ вооруженію своихъ боевыхъ дружинъ. Хотя въ распоряженіи революціонеровъ уже имѣлось значительное количество оружія, но «борьба» требовала увеличенія комплекта дружинниковъ, стало быть, и увеличенія революціонныхъ арсеналовъ. 14-го ноября, ночью, въ Поти прибылъ въ портъ огромный баркасъ съ оружіемъ, присланнымъ изъ Сухума, гдѣ оружіе было получено на иностранномъ пароходѣ. Рабочіе и толпа молодежи начали разгружать баркасъ и переносить оружіе въ городъ. Пограничная стража вступила съ разгрузчиками въ перестрѣлку. «Товарищи» ловко отстрѣливались. Перестрѣлка продолжалась два часа, но раненыхъ оказалось немного: одинъ казакъ и два революціонера. Казакамъ, подоспѣвшимъ уже къ концу перестрѣлки, удалось захватить живьемъ девятнадцать революціонеровъ; задержано 54 ящика боевыхъ патроновъ и 21 ящикъ заграничныхъ винтовокъ (по 20 въ каждомъ ящикѣ). Баркасъ, не успѣвъ выгрузить всего привезеннаго оружія, удралъ въ море. Послѣ разныхъ препирательствъ съ распорядителями пор-

товыхъ работъ, власти послали въ погоню портовый катеръ «Ріонъ» подъ командой помощника капитана одного изъ пароходовъ Россійскаго общества; вмѣсто матросовъ отрядили солдатъ. Утромъ катеръ вышелъ въ море и къ вечеру нагналъ баркасъ, нагруженный винтовками и патронами, и привелъ его въ потійскій портъ. На всѣхъ парахъ пришелъ изъ Батума военный крейсеръ и забралъ весь грузъ пойманнаго баркаса. Черезъ день отважный помощникъ капитана былъ найденъ въ своей каютѣ убитымъ; революціонеры «казнили» его за «помощь правительству», всадивъ несчастному въ грудь три пули. Убитому во время перестрѣлки рабочему Квартильяни чернь устроила демонстративныя похороны. Передъ гробомъ, за которымъ слѣдовала толпа тысячи въ три человѣкъ, несли красный флагъ съ грузинской надписью; процессія нѣсколько разъ останавливалась на улицахъ, выходили ораторы и произносили рѣчи на русскомъ и грузинскомъ языкахъ. Безусые «пролетаріи» несли вѣнки съ красными лентами. По пути слѣдованія останковъ «погибшаго героя» всѣ магазины были закрыты. Не зѣвали «товарищи» и въ Батумѣ. Пять террористовъ въ 9 часовъ вечера вошли въ помещеніе 2-го полицейскаго участка, открыли кабинетъ пристава, взяли находившіяся тамъ берданки, отобрали у городовыхъ револьверы и винтовки и начали удаляться медленнымъ шагомъ, но наскочили на подоспѣвшихъ казаковъ. Началась пальба, во время которой одинъ террористъ былъ убитъ, остальные же четверо убѣжали. Въ тотъ же вечеръ террористы явились въ помещеніе 3-го полицейскаго участка, взяли 4 винтовки и револьверъ у дежурнаго городского, а затѣмъ убѣжали. Отобраніе у полиціи и частныхъ лицъ оружія прошло полосой по всей Кутаисской губерніи, затѣмъ перешло на Тифлисскую. Революціонеры оказались очень разборчивыми: они отбирали оружіе только новыхъ системъ, хорошее, а старое не трогали.

Какъ снѣгъ на голову мирной части населенія, и безъ того подавленной текущими событіями, свалилась почтово-телеграфная забастовка, начавшаяся 16-го ноября, въ 6 час. вечера по петербургскому времени. Сперва никто не хотѣлъ вѣрить, чтобы господа освободители, кричавшіе о благѣ края, благѣ народа, рѣшились нанести и краю и народу такой чувствительный ударъ. Лишить десять милліоновъ людей почтовыхъ и телеграфныхъ сношеній, отрѣзать ихъ отъ общенія съ внѣшнимъ міромъ, остановить торговлю и промышленность—развѣ это не величайшее преступленіе предъ родиной, народомъ? Но въ революціонномъ чаду всякій шагъ, тѣмъ болѣе такой крупный, къ крушенію государства привѣтствовался одурманенными фанатиками смуты. Почтово-телеграфнымъ преступниками рукоплескали. Въ революціонной кавказской газетѣ «Возрожденіе», пользовавшейся сумасшедшимъ услѣхомъ у интеллигентной и полуинтеллигентной толпы, печатались такіе «бюллетени» делегатовъ забастовочнаго комитета:

«Настроение самое лучшее, рѣшительное. Такого единодушія, проявленнаго нашимъ вѣдомствомъ, Россія еще не видала ни въ одной забастовкѣ. Все стало: почта, телеграфъ правительственный и желѣзнодорожный, почтовые вагоны и телефонныя сѣти. Держитесь стойко.

«Горжусь свѣдѣніями объ идеальномъ единодушіи Кавказа. Слава вамъ, товарищи, борцы за свободу. Заклинаю бороться до конца. Делегатъ Кверквеладзе».

«Копія циркулярной телеграммы, полученной окружнымъ бюро всероссійскаго почтово-телеграфнаго союза въ Тифлисѣ: «Всѣмъ городамъ и почтовымъ вагонамъ. Настроение твердое. Съѣздъ работаетъ. Завтра ожидаютъ въ Петербургѣ нашихъ делегатовъ. Результаты сообщимъ, будьте стойки».

«Мы всѣ вѣримъ въ торжество, лишь бы насъ поддержали. Повторяю: все прекрасно. Бастуетъ вся Россія со всѣми окраинами.— Делегатъ Кверквеладзе.

«Настроение твердое. Придержитесь продолженія забастовки. Съ часу до 2 час. дня делегатамъ быть у аппаратовъ для сообщенія результатовъ. Делегаты Махарабидзе и Кахеладзе».

Почтово-телеграфное «бюро» въ Тифлисѣ устраивало митинги, на которые являлись представители свободныхъ профессій, представители «пролетаріата», учителя, гимназисты и др. Сторонніе «ораторы» пѣли диѳирамбы забастовщикамъ. Мало того: начался сборъ пожертвованій въ пользу бастующихъ почтово-телеграфныхъ чиновниковъ; въ пожертвованіяхъ приняли участіе даже нѣкоторые частныя банки, но все же сумма, собранная «съ міру по ниткѣ», оказалась столь ничтожной, что съ ней далеко не уѣдешь. Мизерность «матеріальнаго сочувствія» повергла забастовщиковъ въ нѣкоторое уныніе. Начали раздаваться голоса въ пользу прекращенія забастовки, но голоса эти заглушались коноводами, начавшими дѣйствовать на образумливающихся сослуживцевъ терроромъ.

Въ разгарѣ забастовки грянулъ громъ изъ неожиданно надвинувшейся тучи: вспыхнули армяно-татарскія національныя схватки. Изъ Елисаветполя получилось сообщеніе, что между татарами и армянами началась рѣзня. По желѣзнодорожному телеграфу забастовщики сообщили въ Тифлисѣ, что положеніе угрожающее. Затѣмъ желѣзнодорожные служащіе станціи Евлахъ передали въ Тифлисѣ же по телеграфу такое извѣстіе: «Въ ночь на 21-е ноября татарами, количествомъ приблизительно около 350 человѣкъ, при безпрерывной ружейной стрѣльбѣ, начавшейся съ 7 час. вечера, произведено нападеніе на станцію. Взломанъ пакгаузъ товарнаго склада, изъ котораго увезено на фургонахъ огромное количество цѣннаго груза; сумма стоимости его—колоссальная».

Рѣзня придвигалась къ Тифлису. Какъ сообщало официальное донесеніе, «шайка вооруженныхъ армянъ явилась на заводъ въ мѣст.

Эльяръ Борчалинскаго уѣзда Тифлисской губ. и напала на рабочихъ мусульманъ, изъ которыхъ 2 убиты, а остальные 14 уведены въ лѣсъ, гдѣ почти всѣ подверглись той же участи. Среди армянскаго населенія Тифлиса произошла тревога. Изъ устъ въ уста перелетали слухи, одинъ другого сенсаціоннѣе. Въ татарской части города царила зловѣщая тишина; лишь изрѣдка въ мусульманскихъ лавочкахъ и лавкахъ происходили какія-то таинственныя совѣщанія. Для усиленія смуты гг. освободители выпустили прокламацію о томъ, что «царскіе опричники», по наущенію «реакціонеровъ», готовятъ избіеніе студентовъ. Среди наѣхавшаго въ Тифлисъ студенчества (грузинъ, армянъ и евреевъ) прокламація произвела впечатлѣніе. 19-го ноября въ залѣ городской думы, въ то время широко раскрывшей свои двери для всевозможныхъ революціонныхъ собраній, состоялся «митингъ студентовъ и студентокъ (?)» по вопросу объ организаціи самообороны. Митингъ отличался необычайно бурнымъ характеромъ и закончился скандаломъ.

Соціалъ-демократы, соціалъ-революціонеры, дашнакцаканы, федералисты и др. революціонеры биткомъ набили думскій залъ. Какъ «доложилъ» предсѣдатель, типичный кавказецъ, образовалась группа изъ 30 студентовъ, но эти 30, вѣря въ «прогрессивную молодежь», надѣются, что всѣ безъ исключенія находящіеся въ Тифлисѣ бастующіе студенты примкнутъ къ нимъ.

— Необходимо дать отпоръ темнымъ силамъ хулиганства, — закончилъ докладчикъ.

Начались пренія. Одинъ неугомонный соціалъ-демократъ, безпрестанно поджигавшій другихъ «ораторовъ», авторитетно возгласилъ:

— Прежде, чѣмъ вооружаться, студенты должны дать себѣ отчетъ, чьими защитниками (!) они будутъ: пролетаріевъ или буржуевъ? Я признаю силу интеллигенціи только при единеніи съ пролетарскимъ слоемъ населенія; только идя подъ знаменемъ революціонной соціалъ-демократической рабочей партіи, интеллигенція сможетъ добиться успѣха въ борьбѣ съ темными силами.

— Bravo! Да здравствуетъ великій пролетаріатъ! — заревѣли присутствовавшіе.

Вскакиваетъ молодой студентъ:

— Товарищи! я не только студентъ, но и соціалъ-революціонеръ, поэтому съ предыдущимъ ораторомъ, соціалъ-демократомъ, я не согласенъ. Утверждаю, что студенчество и интеллигенція начали революцію, а не рабочая партія. Не забудьте также, что первую конституцію въ Россіи объявили декабристы, интеллигенты».

Вся публика вскочила со своихъ мѣстъ и наперебой кричала:

— Неправда! Ложь! Это профанація.

— Вы меня не поняли, господа.

— Тутъ критикуютъ программы политическихъ партій.

— Прошу соблюдать тишину!—кричить предсѣдатель.

— Убирайтесь къ чорту!—кричать ему въ отвѣтъ.

Предсѣдатель встаетъ, пытается что-то говорить, а затѣмъ убѣгаетъ изъ зала. Публика выбираетъ новаго предсѣдателя, но дѣло отъ этого не измѣняется. Гвалтъ продолжается. Слышны уличныя ругательства. Новый предсѣдатель проситъ успокоиться. Просьба не помогаетъ. Сознательная молодежь готова итти въ рукопашную. Этимъ и окончился студенческій митингъ!..

22-го ноября, съ вечера въ татарской и армянской частяхъ Тифлиса сразу вспыхнула жажда кровавой схватки. Около 9^{1/2} час. вечера началась между враждующими національностями перестрѣлка, продолжавшаяся, съ перерывами, часа полтора. Съ обѣихъ сторонъ были убитые и раненые, но «первый бой» ограничился небольшимъ сравнительно райономъ. При первыхъ выстрѣлахъ моментально закрылись ставни въ азіатскихъ лавкахъ и домахъ. Большая часть тифлисцевъ узнала о перестрѣлкѣ только на другое утро. Роковой вечеръ 22-го ноября ознаменовался демонстративнымъ выступленіемъ грузинскихъ революціонеровъ въ стѣнахъ казеннаго театра, гдѣ назначенъ былъ спектакль «въ пользу пострадавшихъ (!) гурійцевъ», попросту говоря въ пользу гурійскихъ революціонеровъ!.. Революціонный спектакль въ казенномъ театрѣ! Шла на грузинскомъ языкѣ опера «Севильскій цирюльникъ» въ исполненіи мѣстныхъ любителей. Театръ былъ буквально переполненъ; какъ говорится, негдѣ было яблоку упасть. Первый актъ прошелъ благополучно. Начался второй. Минуть 10 спустя съ галереи раздался по-грузински возгласъ:

— Братья-товарищи!.. Остановитесь!

Публика замерла, оркестръ пересталъ играть, пѣвцы замолчали. Голосъ съ галереи продолжалъ:

— Сегодня получены подробности объ ужасномъ злодѣяніи, совершенномъ въ Севастополѣ царскимъ правительствомъ: поднявшій знамя возстанія во флотѣ народный герой лейтенантъ Шмидтъ взятъ въ плѣнъ. Его истязали палачи. Снова самодержавіе бросило дерзкій вызовъ революціонному народу (тутъ «ораторъ» началъ читать газетныя сообщенія о севастопольскомъ бунтѣ). Въ знакъ траура мы, социаль-демократы, предлагаемъ прекратить сегодняшній спектакль. Всѣ присутствующіе внѣ опасности, даемъ въ этомъ слово. Расходитесь по домамъ.

И публика безпрекословно стала расходиться, конвоируемая чернoblузниками.

На утро армяно-татарская рѣзня разгорѣлась. Какая-то стихійная сила толкала враждующихъ другъ на друга. Вотъ что рассказывали очевидцы о началѣ боины 23-го ноября. Раннимъ утромъ въ районахъ столкновенія царила зловѣщая тишина. Все было заперто, улицы безлюдны. Въ десятомъ часу со стороны торговыхъ

рядовъ показался фаэтонъ, въ которомъ сидѣло нѣсколько татаръ. Фаэтонъ мчался черезъ Майданъ и Воронцовскую улицу, а сидѣвшіе въ немъ вдругъ начали стрѣлять изъ револьверовъ. Эти выстрѣлы были сигнальными; тотчасъ же со всѣхъ сторонъ выскочили вооруженные татары и армяне и завязали перестрѣлку. Пули летали также у дверей и оконъ армянскихъ и татарскихъ домовъ. Стрѣльба охватывала все большее и большее пространство; «война» шла въ районахъ 6-го, 7-го, 8-го и частью 5-го полицейскихъ участковъ и продолжалась до 11 часовъ. Весь городъ всполошился. На улицы высыпала чернь и съ криками: «вооружайтесь, товарищи», бросилась грабить оружейные магазины. Взломавъ двери въ магазинахъ Курца (на Головинскомъ проспектѣ) и Теръ-Саркисова (на Николаевскомъ мосту), а также во всѣхъ оружейныхъ мастерскихъ лезгинъ, чернь разграбила все оружіе и всѣ патроны. Сразу тифлисская чернь оказалась великолѣпно вооруженной. Добавлю, что ночью «товарищи» взломали магазины готоваго платья Лазарева (на Мадатовскомъ островѣ) и забрали оттуда сто теплыхъ пальто; черезъ день въ этихъ пальто щеголяли социаль-демократы дружинники, о дѣйствіяхъ которыхъ будетъ сказано дальше. Состоятельные армяне попрятались въ своихъ домахъ, ожидая съ минуты на минуту нападенія. Вообще на улицахъ толпилась только чернь, поджигаемая эмиссарами революціонныхъ комитетовъ. Едва утихла перестрѣлка, въ татарскую часть и на Авлабаръ (населенный преимущественно армянами) отправились члены «умиротворительнаго бюро» (такое бюро было организовано гг. интеллигентами), во главѣ съ исполняющимъ обязанности тифлискаго городского головы и полицеймейстеромъ г. Цыссомъ. Татары увѣряли, что первыми стрѣляли армяне съ Авлабара, а армяне, что начали бой татары, открывъ стрѣльбу съ противоположнаго берега рѣки Куры, раздѣляющей Тифлисъ на двѣ части. Социаль-демократы рѣшили, что насталъ благоприятный моментъ показать себя хозяевами положенія и проявить свою власть не только надъ населеніемъ, но и надъ русскимъ правительствомъ, обанкротившимся на Кавказѣ при первомъ же напорѣ пролетарскаго сброда. Къ 11 часамъ утра въ Нахаловкѣ (резиденціи главарей социаль-демократической партіи, сплошь грузинъ) состоялось экстренное засѣданіе «тифлискаго комитета социаль-демократической рабочей партіи», сообщенное затѣмъ желѣзнодорожнымъ мастерскимъ и типографіямъ. Желѣзнодорожные и типографскіе рабочіе тотчасъ же бросили работы и поспѣшили въ Нахаловку на митингъ. Рамишвили произнесъ рѣчь въ томъ смыслѣ, что социаль-демократы должны вмѣшаться въ армяно-татарскую распрю, которая-де является результатомъ провокаціи русскаго правительства. Начался обычный ревъ толпы: «долгой самодержавіе! долгой ненавистное правительство! да здравствуетъ

великій пролетаріатъ». Около 3 час. дня рабочіе и чернь, составившіе массу тысячъ въ десять человекъ, предводительствуемые представителями социаль-демократическаго комитета, съ бѣлыми флажками въ рукахъ, двинулись изъ Нахаловки по Авчальской улицѣ въ татарскую часть. Около памятника кн. Воронцову, на перекресткѣ трехъ улицъ толпа была остановлена временнымъ тифлисскимъ генераль-губернаторомъ генераль-майоромъ Рыльскимъ.

— Во избѣжаніе весьма серьезныхъ послѣдствій и даже несчастя, я прошу васъ, господа, разойтись по домамъ!—началь генераль Рыльскій уговаривать толпу.

Но расходившіеся «пролетаріи» ничего не хотѣли слушать и требовали пропуска черезъ Николаевскій мостъ. Рыльскій объявилъ, что своею властью онъ этого не можетъ разрѣшить.

— Послать депутацію къ намѣстнику!—раздался въ толпѣ громкій голосъ.

— Потребовать разрѣшенія намѣстника!—подхватила толпа.

— Если не послѣдуетъ разрѣшенія, мы силой пойдемъ впередъ!—закричалъ одинъ изъ комитетскихъ.

Пока шли переговоры, толпа стояла сравнительно спокойно. Намѣстникъ, несмотря на то, что появленіе одной сотни казаковъ, безъ всякихъ репрессивныхъ дѣйствій, заставило бы революціонную банду разсѣяться, поспѣшилъ дать требуемое отъ него революціонерами разрѣшеніе. Толпа съ крикамъ: «да здравствуютъ социаль-демократы», двинулась впередъ. Что же произошло дальше? Какъ и чѣмъ реагировала власть на грандіозную манифестацію революціонеровъ? А вотъ какъ и вотъ чѣмъ: во главѣ шествія, направлявшагося отъ памятника кн. Воронцову черезъ Солдатскій и Армянскій базары на Майданъ, Шайтанъ-базаръ и Арбузную площадь, находился... тифлисскій губернаторъ баронъ Раушъ-фонъ-Траубенбергъ. Объ этомъ съ откровенностью, мало отличающеюся отъ цинизма, опубликовала во всеобщее свѣдѣніе официальная газета намѣстничества (№ 293 «Кавказа» отъ 27 ноября 1905 года). Впереди всѣхъ полицеймейстеръ, затѣмъ губернаторъ, окруженный Рамишвили и компаніей, а затѣмъ остальные члены революціоннаго комитета, группа социаль-демократовъ и чернь.

Трогательная картина!..

По пути шествія толпа все увеличивалась. На Арбузной площади демонстранты остановились. Начался въ присутствіи губернатора и полицеймейстера митингъ: Ораторы говорили на русскомъ, армянскомъ, грузинскимъ и татарскомъ языкахъ, умоляя враждующихъ не поддаваться агитаціи провокаторовъ, дѣйствующихъ по наущенію правительства.

— Поймите,—говорилъ одинъ изъ главарей-революціонеровъ:—русскому правительству выгодна армяно-татарская рѣзня... Васъ наускиваетъ другъ на друга администрація... Долой провокаторовъ!

— Да здравствуют социаль-демократы!—заорала чернь.

Тутъ произошло нѣчто невѣроятное. Губернаторъ баронъ Раушъ-фонъ-Траубенбергъ, обратясь съ рѣчью къ социаль-демократамъ, началъ оправдываться:

— Посмотрите мнѣ прямо въ глаза (таковы были подлинныя слова барона),—ну, похожъ ли я на провокатора? Даю вамъ мое честное слово, что никакой провокаціи не было и не могло быть...

И дальше въ такомъ же родѣ. Послѣ губернаторской рѣчи, названной официальнымъ органомъ намѣстничества «прямодушной и откровенной», снова говорили социаль-демократы. Въ результатѣ— три армянина и три татарина облобызались и заявили, что вражда окончена! Толпа, невѣжественная и легковѣрная, повѣрила, совершенно забывая, что три случайно попавшихъ на «митингъ съ губернаторомъ» армянина или три татарина далеко не могли выражать чувствъ и мнѣній всѣхъ армянъ или татаръ и что вѣковая національная вражда, дошедшая до кровопролитія, не можетъ исчезнуть, какъ дымъ, отъ официальныхъ лобзаній на площадномъ митингѣ... Но... но социаль-демократы пропѣли диамрамбы блестящему успѣху своей примирительной миссіи и торжествующіе начали расходиться. Мало-по-малу площадь опустѣла.

— Миръ, полный миръ!—разнеслось по Тифлису.

— Социаль-демократы примирили враждующихъ! Да здравствуютъ социаль-демократы!—кричали на улицахъ чернoblузники и «сознательные гимназисты».

И въ то время, какъ великій пролетаріатъ праздновалъ въ Тифлисѣ побѣду, вотъ какія вѣсти пришли по телеграфу съ нѣкоторыхъ желѣзнодорожныхъ станцій, находившихся въ районѣ армяно-татарской войны:

Изъ Елисаветполя: «Представители населенія, помирившись между собою, послѣ 8 час. вечера разошлись, но съ 9 час. веч. опять началась перестрѣлка по всему городу, продолжавшаяся съ перерывами цѣлую ночь. Трудно ожидать искренняго примиренія; дѣйствительнѣе же будетъ прислать скорѣе два эскадрона драгунъ и два батальона». (Телеграмма отъ генераль-лейтенанта Маламы къ намѣстнику).

Изъ Евлаха: «Служащіе станціи Евлахъ въ страшной паникѣ. Они заявляютъ, что если не пришлютъ охрану не менѣе ста человекъ, то они покинутъ станцію».

Изъ Тауза: «Находимся безъ охраны, приставъ со стражниками куда-то уѣхалъ. Татаръ собралось человекъ 300, съ арбами, изъ окрестныхъ селъ, они забираютъ все наше имущество. Умоляемъ о помощи».

Изъ Саганлуга: «Татары подожгли саганлугскій постъ. Убить и ограбленъ хозяинъ сосѣдняго имѣнія. Стражникамъ угрожаютъ убійствомъ. Армянскій Саганлугъ горитъ. Просимъ помощи и защиты».

Изъ Сандара: «По донесенію дорожныхъ мастеровъ 99-го и 100-го участковъ, сегодня съ утра по линіи Карскаго участка направились къ Тифлису полчища татаръ, которые, подъ угрозой смерти, приказали всѣмъ линейнымъ служащимъ убраться съ дороги, при этомъ грабили попутные духаны и живущихъ въ нихъ убивали. Благодаря этому, всѣ служащіе и рабочіе, бросивъ линію, убѣжали въ Тифлисъ».

Послѣдняя телеграмма серьезно встревожила тифлисцевъ. Движеніе на Тифлисъ татарскихъ полчищъ предвѣщало нѣчто грандіозное. Многія армянскія семьи, несмотря на возвѣщенное социаль-демократами полное прекращеніе армяно-татарской рѣзни, не ложились спать всю ночь, съ тревогой ожидая наступленія рокового утра.

IV.

Новый бой. — Челобитная полицеймейстера и совѣщаніе съ революціонерами. — Сдача резиденціи кавказскаго намѣстника социаль-демократамъ. — Вооруженіе революціонеровъ казеннымъ оружіемъ и что изъ этого вышло. — Баррикады въ Кутаисѣ и Ватумѣ. — Портной, лакей и адвокаты въ роляхъ триумвировъ. — Авархія и терроръ.

24-го ноября «примиреніе» было нарушено съ первыми лучами утра. Раннимъ утромъ затрещали пули. Сперва армяне и татары подстрѣливали другъ друга въ одиночку, но вскорѣ страсти опять заговорили, и одиночныя убійства перешли въ настоящій бой. Въ довершеніе всего начались поджоги: то здѣсь, то тамъ вспыхивали армянскіе и татарскіе дома, облитые поджигателями керосиномъ.

Не знаю, что думалъ предпринять графъ Воронцовъ-Дашковъ, какіе планы зрѣли у губернатора барона Рауша-фонъ-Траубенберга, находили ли нужнымъ близко стоящіе къ намѣстнику «вышшіе чины» администраціи вообще чѣмъ-нибудь заявить о существованіи русской правительственной власти, но тифлисскій полицеймейстеръ г. Цыссъ, увѣровавшій въ спасительную силу социаль-демократіи, порѣшилъ обратиться съ челобитной къ революціонеру-редактору газеты «Возрожденіе» Пароену Готуа, бывшему правительственному чиновнику. Вотъ какъ описала газета визитъ г. Цысса и послѣдствія этого визита:

«24 ноября утромъ, въ 9^{1/2} ч., въ помѣщеніе редакціи газеты «Возрожденіе» явился тифлисскій полицеймейстеръ г. Цыссъ и, выяснивъ редактору серьезность положенія момента въ виду начавшихся въ Тифлисѣ армяно-татарскихъ столкновеній, заявилъ, что онъ желалъ бы лично поговорить съ представителями социаль-демократическаго комитета, чтобы комитетъ, со своей стороны, принялъ мѣры къ прекращенію рѣзни. Редакторъ, посоветовавшись съ сотрудниками, рѣшилъ пригласить

представителей комитетовъ всѣхъ существующихъ въ Тифлисѣ партій для обсужденія вопроса о прекращеніи армяно-татарскихъ столкновеній, такъ какъ этотъ вопросъ одинаково интересуетъ всѣ партіи и всѣ обязаны помочь дѣлу умиротворенія. Къ 12 час. дня въ помѣщеніе редакціи явились представители комитетовъ слѣдующихъ партій: социаль-демократической партіи меньшевиковъ и большевиковъ, грузинской партіи социалистовъ-федералистовъ, партіи социалистовъ-революціонеровъ, армянской революціонной федераціи дашнакцутюнъ, партіи хинчакъ и представители мусульманъ. Представитель социаль-демократовъ фракціи меньшевиковъ явился на совѣщаніе съ готовой резолюціей, только что выясненной на митингѣ. Представители всѣхъ партій имѣли сперва конспиративное совѣщаніе, а затѣмъ пригласили г. полицеймейстера, чтобы сообщить ему рядъ требованій. вмѣстѣ съ полицеймейстеромъ вошли и представители городского самоуправления. Полицеймейстеръ доложилъ собранію свѣдѣнія, имѣющіяся у него, о положеніи дѣлъ въ городѣ. Предсѣдательствующій заявилъ полицеймейстеру, что митингъ въ Нахаловкѣ постановилъ, а присутствовавшіе здѣсь представители всѣхъ партій вполне одобрили рѣшеніе митинга и вмѣстѣ съ представителями социаль-демократовъ требуютъ отъ правительства: во-первыхъ, чтобы правительство выдало оружіе для боевой дружины, которая будетъ сама охранять населеніе, и, во-вторыхъ, чтобы начальники отдѣльныхъ войсковыхъ частей, назначенныхъ для охраны порядка, дѣйствовали съ приставленными къ нимъ отъ партій. Выслушавъ это требованіе, полицеймейстеръ удалился для доклада намѣстнику; вернувшись, г. Цыссъ заявилъ, что намѣстникъ согласился. Сейчас же былъ командированъ къ намѣстнику представитель меньшевиковъ социаль-демократовъ Рамишвили, которому намѣстникъ разрѣшилъ получить 500 ружей, подъ честное слово, что по минованіи надобности ружья будутъ возвращены. Давъ честное слово, Рамишвили получилъ ружья и передалъ ихъ своей организаціи, которая организовала дружину для охраны города. Всѣ существующія въ Тифлисѣ партіи мобилизовали свои силы. Социаль-демократическая организація меньшевиковъ рѣшила принять на себя руководящую роль въ этомъ дѣлѣ. Дружины грузинъ социаль-федералистовъ и социаль-революціонеровъ занимаютъ въ городѣ посты рядомъ съ дружиной социаль-демократовъ. Дружины ведутъ себя образцово и самоотверженно».

Такимъ образомъ, резиденція намѣстника, главный городъ всего Кавказскаго края, административный центръ, былъ сданъ русскою властью въ распоряженіе революціонеровъ. Создалась, съ благословенія начальства, диктатура пролетаріата. Въстъ о томъ, что намѣстникъ самъ вооружилъ бунтовщиковъ, сперва была сочтена за злую и неумѣстную шутку. Но когда мирная

часть населенія увидала, что вездѣ и всюду вмѣсто абсолютно отсутствовавшихъ правительственныхъ войскъ и полиціи расхаживали соціаль-демократы съ казенными ружьями и въ новенькихъ пальто, украденныхъ, какъ я уже говорилъ, изъ магазина готовыхъ платьевъ Лазарева, стало яснымъ полное подчиненіе революціонерамъ всего потрясеннаго событіями Тифлиса. На слѣдующій день по всѣмъ улицамъ было расклеено слѣдующее правительственное сообщеніе отъ 25-го ноября:

«Объявленіе намѣстника Его Императорскаго Величества на Кавказѣ. Въ виду чрезвычайно обострившихся за послѣднее время отношеній между армянскимъ и татарскимъ населеніемъ намѣстникъ Его Императорскаго Величества на Кавказѣ счелъ необходимымъ: 1) Для предварительной разработки и доклада ему мѣрь, необходимыхъ къ восстановленію спокойствія края, образовать совѣщаніе подъ предсѣдательствомъ члена совѣта намѣстника д. ст. сов. Джунковскаго, изъ членовъ: директора канцеляріи намѣстника ст. сов. Петерсона, тифлискаго губернатора шталмейстера барона Раушъ-фонъ-Траубенберга, а также другихъ чиновъ управленія намѣстника, участіе коихъ будетъ признано необходимымъ, и восьми лицъ—по два отъ населенія русскаго, грузинскаго, армянскаго и татарскаго. 2) Въ виду неотложности работъ этого совѣщанія указаніе этихъ восьми лицъ предоставить тифлисской городской думѣ по ея усмотрѣнію. 3) Вмѣстѣ съ тѣмъ намѣстникъ Его Императорскаго Величества на Кавказѣ, довѣряя вполне мирному настроенію рабочей партіи, обратившейся къ нему съ просьбой о снабженіи ея оружіемъ для внесенія умиротворенія въ возникшую въ городѣ Тифлисѣ армяно-татарскую распрю принятіемъ мѣрь къ ея прекращенію, нашелъ возможнымъ выдать рабочимъ нейтральныхъ національностей, по выбору и подъ ручательствомъ рабочей организаціи, 500 ружей. Въ виду установленія указаннымъ путемъ совмѣстныхъ дѣйствій администраціи съ представителями населенія по восстановленію спокойствія въ городѣ, всякая произвольная организація охраны въ городѣ не должна имѣть мѣста, какъ могущая внести лишь рознь и беспорядокъ».

Нужно ли говорить, какое потрясающее впечатлѣніе произвела эта замѣчательная «декларация» высшаго представителя русскаго правительства на окраинѣ? Сперва всѣ мирные люди были положительно ошеломлены, а затѣмъ, смѣло можно сказать, почти все русское населеніе Тифлиса (за исключеніемъ игравшихъ въ революцію чиновниковъ и свободныхъ профессионаловъ) стало на ноги. Въ Братскій залъ 2-й миссіонерской церкви, гдѣ въ критическіе моменты смуты собирались русскіе люди, а оттуда на Артиллерійскую площадь потянулись тысячи народа. Составилось грандіозное контръ-революціонное сборище. Многотысячная толпа, съ криками: «да здравствуетъ русскій Царь! да здравствуетъ недѣлимая

Россія», начала обсуждать положеніе, созданное властями, от-
давшими Тифлисъ во власть революціонеровъ. Потребовали Цысса,
который, надо отдать справедливость его храбрости, не струсилъ
и быстро прѣхалъ.

— Измѣнникъ! Предатель! Что ты надѣлалъ?—завопилъ на-
родъ.

Цысъ началъ оправдываться, но возбужденіе было такъ велико
и злоба такъ быстро разгоралась, что Цысъ улетучился... Останься
онъ еще нѣсколько минутъ—толпа разорвала бы его въ клочки.

— Не революціонеры, а вотъ кто наши единственные защит-
ники!—закричалъ народъ, выдѣливъ группу случайно проходив-
шихъ казаковъ.—Ура, доблестные слуги Царя! Многая лѣта слав-
нымъ казакамъ! Долой намѣстника! Пусть онъ сейчасъ же отберетъ
оружіе, которое далъ изъ арсенала бунтовщикамъ... Идемъ прямо
во дворецъ!.. Впередъ, ребята!

Много труда выпало на долю нѣсколькихъ лицъ, сумѣвшихъ
успокоить и удержать толпу. Эта лица обѣщали сейчасъ же обра-
титься къ представителямъ войсковыхъ частей и просить ихъ при-
нять мѣры къ устраненію создавагося опаснаго и позорнаго для
русскаго народа положенія. Народъ успокоился и началъ мед-
ленно расходиться. Сильное возбужденіе росло и въ войскахъ.
Въ штабѣ состоялось закрытое совѣщаніе военныхъ, отличавшееся
необычайно бурнымъ характеромъ. По адресу командующаго вой-
сками раздавались далеко не лестныя замѣчанія. Начальники от-
дѣльныхъ частей прямо заявили, что трудно ручаться за спокой-
ствіе и повиновеніе нижнихъ чиновъ, если намѣстникъ не отмѣ-
нить тотчасъ же своего распоряженія и не передастъ охрану города
войскамъ, замѣненнымъ нынѣ боевыми дружинами грузинской и
армянской черни. Словомъ, громадное большинство русскаго на-
селенія и всѣ войска проявили такую энергію, что намѣстникъ
вынужденъ былъ поспѣшно отмѣнить все то, на что далъ согласіе
24 ноября. Узнавъ объ этомъ, русскіе люди ликовали и устроили
войскамъ рядъ самыхъ сердечныхъ овацій. Соціалъ-демократы и
прочіе революціонеры мигомъ ступевались, всѣ посты были за-
няты военными караулами, начались казачьи разъѣзды, воинскіе
патрули; всюду замелькали солдатскія ружья, офицеры, находясь
во главѣ патрулей, буквально проводили на ногахъ и дни и ночи.
Въ результатъ—порядокъ былъ возстановленъ, и армяно-татар-
ская бойня прекратилась. Полчища татаръ, конечно, повернули
отъ Тифлиса обратно и не дерзнули даже подступить къ
окрестностямъ города. Озлобленные революціонеры, загнанные
въ свое подполье, систематически старались нарушить порядокъ,
но каждое ихъ выступленіе встрѣчало беспощадный отпоръ доблест-
наго тифлискаго гарнизона, поведеніе котораго, отъ офицера до
последняго солдата, достойно быть увѣковѣченнымъ на страни-

цахъ будущей исторіи тифлисской революціи. Войска несли но истинѣ каторжную службу: недѣлями приходилось не раздѣваться; нельзя было и мечтать не только о спокойномъ снѣ, но и о томъ, чтобы во-время поѣсть и подкрѣпить свои силы.

Въ это время въ Кутаисѣ и Батумѣ назрѣвали чрезвычайныя событія. Пользуясь услугами «товарища-губернатора» Старосельскаго, кутаисская чернь готовилась устроить на улицахъ Кутаиса форменное сраженіе съ войсками. Одновременно увеличались дерзкіе грабежи и разбойныя нападенія, чему много способствовала единственная во всемъ Закавказскомъ краѣ забастовка кутаисскихъ городскихъ-имеретинѣ. Забастовка городскихъ,—какъ сообщала прелестная въ своей наивности и расшаркиваніи передъ «освободителями» официальная газета намѣстничества «Кавказъ»,—создала такое положеніе, что губернский городъ Кутаисъ остался совершенно безъ всякой полицейской охраны. Этимъ, кромѣ грабителей и разбойниковъ, широко воспользовались революціонеры, на сторонѣ которыхъ были не только губернаторъ и вице-губернаторъ, но и подавляющее большинство туземной «интеллигенціи». Вотъ что разсказывала официальная газета: «Кутаисское городское общественное управленіе, въ интересахъ обезпеченія личности и имущества гражданъ (!!), образовало особую думскую комиссію для разработки вопроса объ организаціи постоянной городской милиціи. Въ настоящее время рѣшено взамѣнъ забастовавшихъ городскихъ организовать временную охрану. Городская охрана образована изъ лицъ выборныхъ и пользующихся довѣріемъ населенія, въ составѣ 60 человекъ, которые вооружены револьверами и саблями. Охранники занимаютъ посты въ различныхъ частяхъ города...» На самомъ дѣлѣ эти «выборные» и «пользующіеся довѣріемъ населенія» 60 человекъ были членами одной изъ «красныхъ сотенъ» грузинскихъ боевиковъ социаль-демократовъ. Курьезная картина получалась при встрѣчахъ губернатора Старосельскаго съ охранниками. Сперва охранникъ отдавалъ губернатору честь по-военному, а затѣмъ кричалъ ему: «Гамарджоба, Ладо!» (Здравствуй, Володя). Старосельскій самодовольно улыбался и любезно раскланивался. Вмѣсто полиціи—свои боевики, губернаторъ—«товарищъ», военное положеніе отмѣнено, сочувствіе массы и передовой интеллигенціи—на сторонѣ революціи. Это ли не подходящій моментъ? И революціонеры его использовали: на улицахъ Кутаиса появились первыя на всемъ Кавказѣ баррикады! Прискакали казаки. Революціонеры вступили съ ними въ бой. Началась трескотня револьверныхъ и ружейныхъ выстрѣловъ. Но достаточно было двухъ залповъ казаковъ и затѣмъ казачьихъ нагаекъ, чтобы храбрые «освободители» быстро очистили мѣсто «сраженія». Потерявъ немало дружинниковъ убитыми и ранеными, революціонеры бросились вразсыпную. Баррикады были скоро разо-

браны, въ городѣ наступила тишина, а губернаторъ... губернаторъ поѣхалъ въ Тифлисъ жаловаться намѣстнику на репрессивныя дѣйствія казаковъ, «безъ всякаго повода совершившихъ нападеніе на народъ».

Въ Батумѣ, гдѣ мѣстные революціонеры находились въ тѣсныхъ общеніяхъ съ кутаисскими, первое столкновеніе уличной черни съ казаками произошло 29-го ноября. Увидавъ, что въ «открытомъ бою» съ войсками дѣло неизбежно окончится скандальнымъ пораженіемъ, батумскіе «товарищи» съ ночи принялись устраивать баррикады. На утро многія улицы были забаррикадированы. Главное распорядительство взялъ на себя революціонный тріумvirатъ, въ составъ котораго вошли: еврей-портной, еврей-адвокатъ и русскій лакей; этотъ русско-еврейскій союзъ былъ въ высокой степени смѣшонъ. За спиною тріумvirовъ, исполнявшихъ роли подставныхъ «распорядителей», стоялъ революціонный комитетъ, въ составѣ котораго, какъ опредѣленно указывала переволюціонная часть батумцевъ, находились нѣкоторые муниципальные дѣятели, одинъ юристъ, одинъ врачъ (впослѣдствіи выставившій свою кандидатуру въ члены госуд. думы и фигурировавшій въ списокѣ социаль-демократической партіи), армянинъ-ветеринаръ съ женой и др.; преимущественно грузины. Утромъ 30 ноября по улицамъ шнырялъ добровольный санитарный отрядъ, во главѣ съ революціонизированными дамами-патронессами съ бѣлыми повязками на рукахъ. Были устроены перевязочные пункты. Словно дѣйствительно знали о предстоящемъ сраженіи «народа» съ «ненавистными казаками». Въ одномъ забаррикадированномъ пунктѣ гордо расхаживалъ еврей-портной въ черномъ сюртукѣ, опоясанный саблей. Глубокомысленно отдавалъ онъ какія-то распоряженія группѣ мальчишекъ.

— Ай-да Ч—нъ, молодець!—одобряли стоявшіе у своихъ лавокъ приказчики.

Какой-то шутникъ, видимо, желая испытать храбрость «молдца Ч—на», громко крикнулъ:

— Казаки идутъ!

Моментально Ч—ъ впрыгнулъ въ пустую бочку безъ дна, чѣмъ возбудилъ хохотъ въ толпѣ, смотрѣвшей на всю эту исторію какъ на необычное зрѣлище. Вскорѣ казаки дѣйствительно подошли. Забаррикадированные революціонеры открыли стрѣльбу; когда казаки начали тѣснить бунтовщиковъ, а съ другой стороны надвигалась пѣхота, бунтовщики начали бросать въ войска бомбы. Произошла жаркая схватка. Конечно, революціонеры были разбиты. Въ этотъ день со стороны войскъ были ранены: одинъ офицеръ и три нижнихъ чина, а революціонеры потеряли свыше 30 человекъ убитыми и ранеными. Баррикады были разобраны, городъ приведенъ въ порядокъ, а комендантъ крѣпости объявилъ осадное

положеніе. Мигомъ наступила тишина. Тріумвиратъ бѣжалъ; портному удалось остаться безнаказаннымъ и онъ до сей поры неизвѣстно гдѣ скрывается; адвоката, кажется, черезъ годъ поймали, но при попыткѣ бѣжать онъ былъ застрѣленъ конвойными; лакея впоследствии судили и сослали въ Сибирь. Послѣ кутаисской и батумской неудачъ больше ни одинъ изъ городовъ Закавказскаго края уже не пытался прибѣгать къ помощи баррикадъ, и кутаисско-батумскіе примѣры не нашли подражателей.

Частичныя пораженія въ Тифлисъ, Кутаисъ и Батумъ, однако, не имѣли вліянія на дальнѣйшую дѣятельность революціонныхъ комитетовъ, начертавшихъ на своемъ знамени слова: «анархія и терроръ». Теперь, спустя пять съ лишнимъ лѣтъ, когда событія конца 1905 года до извѣстной степени потеряли свою остроту, положительно недоумѣваешь: какъ это все могло случиться? Какъ могла власть растеряться до такой степени, что чернь ею командовала? Что не отрезвѣли фанатики-революціонеры, упоенные своимъ калифствомъ на часъ,—это очень естественно; но какъ не отрезвѣли правовѣрные воронцовцы, воочію увидавшіе, до чего доводитъ заигрываніе съ толпой и побрякка,—это совершенно непонятно.

Кавказъ трещалъ по всѣмъ швамъ, а между тѣмъ, при умѣннѣ, пожаръ могъ быть потушенъ въ самомъ началѣ. Анархія и терроръ, орошенные человѣческой кровью, преимущественно русской, безпрепятственно царили на всей безъ исключенія окраинѣ. Слезы осиротѣлыхъ семей не трогали каменнаго сердца свирѣпствовавшего человѣка-звѣря... Звѣрь ежедневно требовалъ новой крови и никакъ не могъ утолить своей исполинской жажды.

V.

Гимназисты-публицисты.—Нападенія, грабежи и рѣзня.—Железнодорожная забастовка и захватъ социаль-демократами Закавказскихъ желѣзныхъ дорогъ.—Бой въ Нахаловкѣ.—Погромъ.—Новыя бомбы въ Тифлисъ.—Массовыя нападенія въ Терской области.—Разгромъ революціоннаго гнѣзда и пушки на улицахъ.—Событія въ Дидубѣ и другихъ частяхъ столицы Кавказа.—Конецъ года.

Начало декабря открылось выступленіемъ тифлисскихъ гимназистовъ на поприщѣ революціонной журналистики. Бросившіе учебную книжку въ грязный уголъ великовозрастные питомцы средней школы задумали сдѣлаться публицистами. Лавры Парѣ. Готуа, Гигинейшвили и прочихъ столповъ революціонной газеты «Возрожденіе», органа мѣстныхъ социаль-демократовъ, плѣнили гимназистовъ 1-й мужской гимназіи, той самой, изъ-за стѣнъ которой 22-го октября разстрѣливали русскихъ патріотовъ. Съ разрѣшенія гимназическаго начальства гимназисты выпустили 1-й номеръ журнала «Эхо». Содержаніе этого дебютнаго выпуска было

таково, что даже въ то время «Эхо» покончило свое существованіе на первомъ номерѣ. Гимназисты заткнули за-поясъ сотрудниковъ «Возрожденія» и поднесли читателямъ сплошную «прокламацію».

Въ день выхода гимназическаго «Эхо» революціонеры проявили свою власть въ предѣлахъ буйной Кутаисской губерніи, проявили дважды. Во-первыхъ, убили начальника депо станціи Батума Оболенскаго, глубоко-русскаго человѣка, открыто возмущавшагося тѣмъ, что творится въ Закавказьи. Батумскіе «товарищи» давно уже угрожали Оболенскому убійствомъ; сперва Оболенскій смѣялся, затѣмъ началъ безпокоиться, и наконецъ заботы о семьѣ, единственнымъ кормильцемъ которой былъ этотъ честный, прекрасный человѣкъ, взяли верхъ: Оболенскій рѣшилъ бросить Батумъ и просить перевода въ болѣе изолированное отъ грузинскихъ товарищей мѣсто. Получивъ желанный переводъ, Оболенскій выѣхалъ изъ Тифлиса въ Батумъ за семьей и вещами. Но «товарищеская» месть не дремала: на ходу поѣзда въ купе, гдѣ находился Оболенскій, ворвались революціонеры и убили несчастнаго. Разумѣется, убійцы благополучно удрали. Вторымъ выступленіемъ революціонеровъ было пополненіе революціоннаго арсенала. Въ мѣстечкѣ Квирилы банда социаль-демократовъ напала на уѣздное управленіе, откуда похитила 64 винтовки и 90 револьверовъ казеннаго образца.

Отъ западныхъ товарищей не отстали восточные: на станціяхъ Акстафа и Долляръ бакинскаго участка главной линіи Закавказскихъ жел. дорогъ произведено разграбленіе грузовъ. Въ Акстафѣ разграблены 19 груженыхъ товарныхъ вагоновъ, опустошенныхъ дочиста, а въ Доллярѣ разграбленъ станціонный пакгаузъ. Въ Акстафѣ же, при отходѣ со станціи пассажирскаго поѣзда № 17, террористы буквально вытащили изъ вагона нѣкоего Мартироса Очанова и тутъ же его убили. При разграбленіи вагоновъ станціонная охрана, состоявшая изъ 25 человѣкъ, всю ночь вела перестрѣлку съ грабителями, но безуспѣшно. Черезъ три дня на станціи Татлу, того же бакинскаго участка, разграблены 11 вагоновъ съ цѣнными товарами. Извѣстія объ этихъ крупныхъ и дерзкихъ грабежахъ сильно поразили тифлисскую власть, но грабежи были скоро забыты, такъ какъ получилось тревожное донесеніе о томъ, что въ Казахѣ произошла кровавая схватка между татарами и армянами. Снова разгоралась національная вражда. Казахскіе татары во время рѣзни ограбили много армянскихъ магазиновъ и объявили оставшимся въ живыхъ армянамъ, что перерѣжутъ всѣхъ до одинаго. Армяне укрылись въ казармахъ, гдѣ русскія войска ихъ спасли отъ неминуемой смерти.

Въ Тифлисѣ соединенные революціонные комитеты подготовляли захватъ всѣхъ Закавказскихъ желѣзныхъ дорогъ и рядъ убійствъ должностныхъ лицъ. Погода словно благопріятствовала мятеж-

никамъ: 6 декабря выпалъ глубокой снѣгъ (явленіе довольно рѣдкое въ Тифлисѣ), порвавшій телефонные провода и прекратившій на нѣсколько дней трамвайное движеніе. Городъ, и безъ того переживавшій сильный экономическій кризисъ, благодаря все еще продолжавшейся почтово-телеграфной забастовкѣ, очутился безъ телефона и безъ трамвая. Войсковыя части, казармы которыхъ расположены въ различныхъ, отдаленныхъ другъ отъ друга частяхъ Тифлиса, лишились возможности скоро сообщаться между собою. Комитеты работали не покладая рукъ и 10-го декабря поднесли новый сюрпризъ: какъ кратко сообщало официальное «объявленіе», рабочіе тифлискаго желѣзнодорожнаго депо и служащіе на станціяхъ Закавказскихъ желѣзныхъ дорогъ прекратили работы и примкнули къ «общей всероссійской политической забастовкѣ».

Забастовка отразилась главнымъ образомъ на бѣдномъ людѣ: дошло до того, что фунтъ сахара продавался по 30—40 коп., пудъ керосина стоилъ 6 руб., сажень дровъ—70 руб., и все въ такомъ же родѣ.

Соціалъ-демократы захватили-таки желѣзную дорогу. Составилось свое революціонное управленіе: свой начальникъ дорогъ, свой начальникъ движенія и проч. Революціонеры отправляли только такъ называемые делегатскіе поѣзда; по особой протекціи принимались изрѣдка и пассажиры, однако въ очень ограниченномъ количествѣ и лично извѣстные революціоннымъ начальникамъ. Но и это выдающееся по своей грандіозности и дерзости событіе не вызвало по горячимъ слѣдамъ рѣшительныхъ мѣръ со стороны дремавшей власти. Курьезно, что на слѣдующій день послѣ объявленія забастовки и захвата желѣзной дороги официальная газета, издававшаяся канцеляріей намѣстника, объявила себя всенародно кадетской. «Газета «Кавказъ»,—какъ гласило объявленіе накануне,—съ № 306 будетъ издаваться подъ редакціей П. А. Опочинина (мѣстнаго адвоката, нынѣ покойнаго) по программѣ конституціонно-демократической партіи». И вплоть до лѣта 1906 г. официальный органъ издавался канцеляріей намѣстника по кадетской программѣ!!

Желѣзнодорожные забастовщики почувствовали, что теперь они въ полномъ смыслѣ господа положенія. Захватъ казенной желѣзной дороги—дѣйствительно триумфъ революціи. Прошло 10-е число, 11-е, 12-е, 13-е, за это время революціонеры укрѣпили свои позиціи. И только 14 декабря появился приказъ намѣстника о военномъ положеніи. Въ официальной газетѣ 15 декабря было опубликовано коротенькое правительственное сообщеніе, гласившее:

«Приказомъ намѣстника Его Императорскаго Величества на Кавказѣ городъ Тифлисъ, Тифлисскій уѣздъ и Закавказскія казенныя желѣзныя дороги объявлены на военномъ положеніи. Мѣра эта вызвана тѣмъ, что крайнія революціонныя организаціи высту-

пили съ активными дѣйствіями, выразившимися въ насильственномъ завладѣніи желѣзнодорожной линіей съ устройствомъ на ней забастовки, въ закрытіи въ городѣ Тифлисѣ торговыхъ и промышленныхъ предпріятій, въ воспрепятствованіи возстановленію почты и телеграфа и т. п.»

Временнымъ генераль-губернаторомъ былъ назначенъ, въ виду чрезвычайности событій, помощникъ намѣстника по военной части генераль-лейтенантъ Малама, издавшій рядъ обязательныхъ «постановленій», устанавливавшихъ различныя ограничительныя мѣры. Мирное населеніе оказалось въ крайне стѣсненномъ положеніи, однако ничуть не прибавившемъ городу безопасности; революціонеры же не обращали вниманія на строгіе «приказы» и «объявленія», принявшись за подготовленіе политическихъ убійствъ. На первую очередь социаль-демократы поставили начальника штаба кавказскаго военного округа Ѳедора Ѳедоровича Грязнова и тифлискаго полицеймейстера ротмистра Мартынова. Генераль Грязновъ былъ безпощаднымъ противникомъ революціонной вахканаліи; необычайно мягкій, добрый, привѣтливый, онъ въ борьбѣ съ революціей становился непоколебимо суровымъ. Только благодаря Грязнову въ Тифлисѣ предприняты были крутыя мѣры для обузданія наглости и кровожадности мѣстныхъ социаль-разбойниковъ. Войска души не чаяли въ этомъ глубоко русскомъ отважномъ человѣкѣ, дерзнувшемъ изъ любви къ родинѣ и желанія прекратить смуту пойти противъ теченія и всѣми силами парализовать неустойчивость и дряблость современной ему кавказской высшей власти. Впослѣдствіи, въ началѣ 1906 года, негодяи доканали-таки Ѳедора Ѳедоровича; по приказанію «комитета» одинъ изъ бомбистовъ подкараулилъ Грязнова на Барятинской улицѣ и швырнулъ бомбу, отъ которой Ѳедоръ Ѳедоровичъ тутъ же скончался.

По настоянію Ѳедора Ѳедоровича Грязнова, послѣ объявленія 14 декабря военного положенія, рѣшено было первымъ дѣломъ приняться за очистку отъ революціонеровъ такъ называемой Нахаловки, рабочей части Тифліса. Весь городъ отлично зналъ, что въ Нахаловкѣ живутъ главари бунта, что въ Нахаловкѣ имѣются революціонныя склады бомбъ и оружія, что вся подготовительная революціонная работа производится въ Нахаловкѣ, откуда уже дѣлаются всевозможныя сообщенія редакціи «Возрожденія». Народная молва увѣряла, что въ Нахаловкѣ имѣется даже свой революціонный генераль-губернаторъ (Рамишвили). 18 декабря, съ разсвѣтомъ, Нахаловка была оцѣплена войсками. Участвовавшіе въ оцѣпленіи нижніе чины были до того озлоблены, что ихъ еле сдерживали. Появленіе внушительной военной силы, конечно, чрезвычайно смутило нахаловцевъ-товарищей; не рассчитавъ, насколько силенъ противникъ, боевики-революціонеры задумали дать войскамъ настоящій бой. Едва войсковое оцѣпленіе расчистило до-

рогу взводу пѣхоты, двинувшемуся впередъ, какъ изъ оврага грянули выстрѣлы. Боевики стрѣляли беспорядочно, но выпустили громадное количество пуль. Войска немедленно открыли огонь. Легли на мѣстѣ девять убитыхъ бомбистовъ; остались въ оврагѣ и трое раненыхъ, остальные бросились вразсыпную, убѣгая безъ оглядки. Затѣмъ, при осмотрѣ церкви, въ подвалѣ подъ церковью найдено семь революціонеровъ съ ружьями и бомбами; установлено, что именно въ этомъ подвалѣ хранились бомбы, вполне готовыя къ метанію. Бой въ Нахаловкѣ произвелъ потрясающее впечатлѣніе на сознательный пролетаріатъ; въ знакъ протеста съ 6 часовъ вечера прекратилось движеніе электрическаго трамвая.

На другой день «товарищи» рѣшили покончить съ Мартыновымъ, которому приписали инициативу оцѣпления Нахаловки. На Судебной улицѣ въ проходившаго Мартынова было произведено четыре выстрѣла, но «стрѣлки» оказались не изъ опытныхъ, и всѣ пули пролетѣли мимо. Мартыновъ и подоспѣвшіе на выстрѣлы чины полиціи бросились въ погоню за стрѣлками, но тѣхъ и слѣдъ простылъ; они искусно скрылись въ близлежащихъ домахъ, а укрывательство—спеціальность большинства «сознательныхъ» туземцевъ.

Къ вечеру того же числа въ гор. Моздокѣ туземная чернь произвела погромъ домовъ и лавокъ. Мѣры, принятыя малочисленной моздокской администраціей, оказались совершенно недѣйствительными; тогда,—какъ сообщалъ потомъ офиціальный «Кавказъ»,—была организована «гражданская самооборона изъ двухсотъ семидесяти человекъ, которая арестовала 17 громилъ». Моздокскій погромъ и моздокская самооборона еще разъ подкрѣпили создавшееся въ мирной части населенія Кавказа убѣжденіе, что администрація въ борьбѣ съ терроромъ и революціей безсильна.

20-е декабря прошло очень бурно. Въ Тифлисѣ революціонеры смертельно ранили полицейскаго пристава Снитко (умершаго черезъ шесть дней), убили жандармскаго вахмистра Бобрусова и ранили желѣзнодорожнаго служащаго Головачевскаго; затѣмъ «боевики» бросили бомбу въ помѣщающійся на Головинскомъ проспектѣ магазинъ кавказскаго офицерскаго экономическаго общества, которою ранено семь человекъ. Въ Терской области произошло серьезное событіе, показавшее, сколько дикости и азіатскаго звѣрства въ кавказской массѣ. Жители селеній Кадгаронъ и Накгаузъ произвели вооруженное нападеніе на сел. Ардонъ, гдѣ разграбили главнымъ образомъ армянскіе магазины; все награбленное было увезено, какъ курьезно значилось въ офиціальномъ сообщеніи, «жителями неизвѣстныхъ селеній». Громилы наказали ардонцевъ на сумму до 100 тысячъ рублей. На слѣдующій день въ той же Терской области произведенъ разгромъ селенія Алагирь, еще большій, чѣмъ ардонскій. Въ числѣ другихъ раз-

громлены и сожжены канцелярии и квартиры судебного слѣдователя, мирового судьи и лѣсничаго и казенная винная лавка. Грабители, перепившись, раздѣлились на партіи. По всему селенію раздавались выстрѣлы; шелъ форменный бой съ домовладѣльцами; а зарево пожара ярко освѣщало всю округу. Все разграбленное увезли на саняхъ и на арбахъ жители окрестныхъ мѣстностей. Убытки отъ разгрома опредѣлялись на сумму около полумилліона рублей. Единственный колодезь, изъ котораго брало воду населеніе, въ ночь погрома былъ отравленъ.

Въ Кутаисской губерніи правительственная власть окончательно ступсевалась. Вся губернія управлялась революціонными комитетами. Новороссійскъ весь былъ во власти революціонеровъ, и правительственныя учрежденія не функціонировали; почта, телеграфъ, телефонъ, желѣзная дорога и портъ продолжали бастовать; тридцать пять иностранныхъ пароходовъ тщетно ожидали на рейдѣ погрузки. Въ Сухумѣ хозяйничали грузинскіе соціалъ-демократы во главѣ съ Сахокіей, Джугели и другими; сухумскій «комитетъ» готовился захватить мѣстное казначейство.

22-го декабря въ Тифлисѣ войскамъ пришлось прибѣгнуть къ артиллерійскому огню. Когда казачій разъѣздъ проѣзжалъ по Солдатскому базару, изъ раскрытаго окна 2-го этажа дома, принадлежавшаго армяно-грегоріанской духовной семинаріи, были брошены двѣ бомбы, которыми убило трехъ казаковъ. При бомбометаніи изъ окна высунулась какая-то молодая женщина съ краснымъ флагомъ и закричала: «да здравствуетъ революція, долой царя!» Одновременно съ бросаніемъ бомбъ, изъ дверей и оконъ этого дома, оказавшагося гнѣздомъ революціонеровъ, посыпались пули. Стрѣлявшіе громко пѣли революціонныя пѣсни. Быстро примчалась артиллерійская полубатарея. Весь домъ былъ уничтоженъ артиллерійскимъ и ружейнымъ огнемъ. Во время пожара взрывались патроны и бомбы; очевидно, тутъ былъ цѣлый складъ «средствъ мирной борьбы» господъ революціонеровъ. Изъ революціонеровъ, находившихся въ домѣ, убито и погребло въ огнѣ тридцать три, ранено тридцать. 23-го декабря такое же «бомбометаніе» повторилось въ Дидубѣ (одна изъ тифлисскихъ окраинъ); изъ двухъ домовъ были произведены въ войска выстрѣлы и брошены бомбы, которыми тяжело ранены два нижнихъ чина; во время пожара одного дома, происшедшаго отъ артиллерійскаго огня (снова пришлось прибѣгнуть къ артиллеріи), раздались послѣдовательно четыре взрыва. Войска, въ которыхъ швыряли бомбы, убили восемь бомбистовъ. Въ тотъ же день на Авчальской улицѣ были захвачены мчавшіеся на биржевомъ фэтонѣ два революціонера съ двумя начиненными бомбами. На Андреевской улицѣ группа рабочихъ, съ цѣлью произвести тревогу въ войскахъ и вызвать панику въ населеніи, произвела до пятидесяти выстрѣловъ въ воз-

духъ, а затѣмъ разбѣжалась. Кромѣ того, на углу Вокзальной и Елизаветинской улицъ террористы дали револьверный залпъ въ зданіе управленія Закавказскихъ желѣзныхъ дорогъ; пострадавшихъ на этотъ разъ, къ счастью, не было. Всѣ эти террористическіе акты вызвали въ городѣ массовые обыски; при обыскѣ одного дома на улицѣ Паулучи обнаруженъ складъ разнаго оружія, боевыхъ патроновъ и бомбъ; четыре революціонера, пытавшіеся бѣжать, схвачены.

Первый день Рождества въ Тифлисѣ прошелъ относительно спокойно; была лишь короткая перестрѣлка въ армянской части города между военнымъ патрулемъ и тремя чернoblузниками, захваченными патрулемъ живьемъ. Въ Новороссійскѣ, куда прибылъ посланный изъ Севастополя броненосецъ съ войсками, въ городъ вошли казаки и небольшой артиллерійскій отрядъ съ пушками; тотчасъ же революціонеры попрятались, и Новороссійскъ былъ переданъ правительственнымъ властямъ. Въ Елисаветпольской губерніи, близъ селенія Аскеранъ, революціонеры убили ротмистра Иконникова и полицейскаго пристава Мирзоева и ранили находившагося при Иконниковѣ унтеръ-офицера Буркана. На линіи Закавказскихъ желѣзныхъ дорогъ революціонеры свободно хозяйничали; только 20 верстъ главной линіи (отъ Батума до Кобулетъ) не находились въ распоряженіи «товарищей», и по этому маленькому участку днемъ отправлялись дачные поѣзда подъ воинской охраной. Затѣмъ, отъ Кобулетъ до Нотанеби (откуда идетъ шоссе на дорогу въ уѣздный городокъ Озургеты) желѣзнодорожный путь былъ разобранъ и мосты повреждены, а дальше, отъ Нотанеби и вплоть до сурамскаго тоннеля движеніе поѣздовъ производилось революціонерами и исключительно для революціонныхъ цѣлей. Тоннель былъ закупоренъ умышленно сброшенными съ рельсовъ изломанными паровозами. По дорогѣ, въ будкахъ и на станціяхъ, выбиты стекла, поломаны окна и двери, имущество разграблено.

26-го декабря, сознавая, что революція сдѣлала громадныя успѣхи и что, захвативъ всѣ пути сообщенія, социаль-демократы могутъ захватить и нѣчто большее, напримѣръ, дворецъ намѣстника, графъ Воронцовъ-Дашковъ назначилъ тифлискимъ генераль-губернаторомъ храбраго генерала Максуда Алиханова, одно имя котораго нагоняло страхъ на бунтовщиковъ. Алихановъ въ одну недѣлю сдѣлалъ въ смыслѣ успокоенія Тифлиса столько, сколько не могли сдѣлать до него другіе кавказскіе администраторы въ полгода. Водворивъ въ столицѣ Кавказа относительный порядокъ, Алихановъ, по распоряженію намѣстника, двинулся съ сильнымъ отрядомъ въ Тифлисскую и Кутаисскую губерніи для отобранія желѣзной дороги отъ революціонеровъ, что и было имъ блестяще исполнено въ январѣ 1906 года; ближайшими помощниками Али-

ханова были полковники (теперь уже генералы) Толмачевъ и Крыловъ.

Конецъ рокового 1905 года, спокойный въ Тифлисѣ, благодаря Алиханову и Грязнову, былъ очень неспокойнымъ въ другихъ районахъ Кавказа. На станціи Евлахъ (бакинскаго участка) революціонеры взорвали грузъ казеннаго пороха, при чемъ пострадали 14 человекъ. На той же станціи наканунѣ новаго года въ почтовомъ вагонѣ обнаружены взрывчатые вещества и оружіе, — произошелъ взрывъ, отъ котораго ранены восемнадцать человекъ.

Въ Кутаисской губерніи революціонеры, объединивъ почти все сельское населеніе, систематически нападали на воинскіе отряды, разбросанные по разнымъ труппамъ. Русскій солдатъ и тутъ, при самыхъ ужасныхъ условіяхъ, проявлялъ не только выносливость и непоколебимую преданность долгу службы и присягѣ, но и прямо-таки геройство. Въ Тквибулахъ, напримѣръ, на воинскую команду, состоящую всего на всего изъ тринадцати нижнихъ чиновъ, напала сотня революціонеровъ-боевиковъ, прекрасно вооруженныхъ. Революціонеры предъявили требованіе сдать оружіе и самимъ сдаться. Когда команда наотрѣзъ отказала, боевики начали стрѣлять, троихъ убивъ и троихъ ранивъ. Видя, что и это не помогаетъ, боевики бросили подъ вагонъ, гдѣ находилась команда, двѣ бомбы. Изъ 13 человекъ остались въ живыхъ только пять. Удальцы съ криками: «вонъ, негодяи», бросились на революціонеровъ и начали въ нихъ стрѣлять; революціонеры постыдно бѣжали. И это далеко не единичный случай! Вездѣ русскія войска вели себя образцово. Какъ ни старались «товарищи-освободители» посѣять смуту въ войскахъ—это имъ не удалось. Въ самый разгаръ кавказской революціи русскій солдатъ, руководимый русскимъ офицеромъ, съ честью выдержалъ тягчайшее испытаніе.

Послѣднимъ событіемъ послѣдняго дня 1905 года было звѣрское убійство революціонерами двухъ русскихъ крестьянъ въ глухой деревушкѣ Озургетскаго уѣзда. За полчаса до наступленія новолѣтія три сознательныхъ пролетарія вошли во дворъ духана и, увидавъ спящими на соломѣ двухъ русскихъ мужичковъ, случайно забредшихъ въ деревушку по пути изъ русскаго селенія Смѣкаловка (близъ Кобулетъ) въ Сцысу, откуда мужики хотѣли пройти въ Поті, гдѣ думали найти работу въ порту, всадили въ грудь каждаго нѣсколько револьверныхъ пуль.

Пролитіемъ русской крови начался 1905 годъ—и этимъ же и окончился!

Заключивъ рядъ отрывочныхъ воспоминаній о первой стадіи кавказскаго бунта, относящейся къ 1905 году, считаю нужнымъ отмѣтить, что вовсе не задавался цѣлью дать полную, всеобъемлющую картину кровавой кавказской революціи; моя задача гораздо

Скромнѣе: воскресить наиболѣе выдающіеся моменты мятежа, доведшаго прекрасную русскую окраину до полного развала.

Глубоко вѣря въ творческія силы русскаго народа, вѣками собиравшаго русскую землю, горячо надѣюсь, что для Кавказа настанутъ лучшіе дни, что обогрѣнная русскою кровью горы и долины будутъ ярко освѣщены живительными лучами солнца правды, мира и культурнаго труда. Пройдетъ революціонный чадъ, и упившійся кровавой влагой человѣкъ-звѣрь уступитъ мѣсто человѣку-работнику.

Затерянный.

ИЗЪ БЕСѢДЫ ПОЦЦО ДИ БОРГО СЪ БАРОНОМЪ МЕЙЕНДОРФОМЪ ВЪ ВѢНѢ ВЪ 1832 ГОДУ.

ВЪ БУМАГАХЪ покойнаго члена государственнаго совѣта А. А. Половцова нашлась, между прочимъ, выписка изъ архива барона Петра Казимировича Мейендорфа. Эта записка озаглавлена слѣдующимъ образомъ: «Conversation avec Pozzo à Vienne en septembre 1832».

Баронъ П. К. Мейендорфъ (р. 1796, † 1863) былъ дипломатомъ школы графа Нессельроде, перебивалъ за свою многолѣтнюю службу на самыхъ различныхъ дипломатическихъ постахъ Европы и закончилъ свою карьеру въ царствованіе императора Александра II.

Въ 1832 году баронъ Мейендорфъ былъ совѣтникомъ русскаго посольства въ Вѣнѣ, въ томъ же году попалъ въ посланники въ Штутгартъ, гдѣ оставался до 1839 года; затѣмъ съ 1839 по 1850 годъ баронъ Петръ Казимировичъ былъ русскимъ посломъ въ Берлинѣ, въ 1850 году перевелся на тотъ же постъ въ Вѣну, гдѣ оставался до 1854 г., послѣ чего получилъ назначеніе (1 іюля 1854 г.) состоять членомъ государственнаго совѣта и скончался 7 марта 1863 года.

Вотъ что записалъ баронъ Мейендорфъ относительно бывшаго у него разговора съ Поццо ди Борго ¹⁾ въ Вѣнѣ, въ 1832 году.

¹⁾ Графъ К. А. Поццо ди Борго р. на о. Корсикѣ въ 1768 г., умеръ въ Парижѣ 15 февраля 1842 г.

Обратившись къ Поццо, Мейендорфъ сказалъ: «Я знаю, съ какой точностью вы предсказали на Вѣнскомъ конгрессѣ польское возстаніе и какъ вы протестовали противъ введенія польской хартіи».

На это Поццо отвѣчалъ: «Еще бы! Мое поведеніе вызвало немилость императора Александра I и онъ никогда не могъ мнѣ простить этого. Дѣло въ томъ, что государь меня вызвалъ въ Вѣну, чтобы ограждать его интересы на конгрессѣ (1815), какъ одного изъ представителей Россіи.

«Когда я пріѣхалъ, онъ потребовалъ меня въ свой кабинетъ и продержалъ въ теченіе двухъ часовъ. Тонъ его рѣчи былъ вдохновенный, «*le sang dans l'oeil*». Онъ сокрушался о всѣхъ несправедливостяхъ, выпавшихъ уже столько лѣтъ на долю этой несчастной Польши, о необходимости возстановленія Польскаго королевства, съ возвратомъ ей бывшихъ провинцій, отнятыхъ Россіей, и т. п. Послѣ того, какъ императоръ долго декламировалъ на эту тему, онъ мнѣ сказалъ, что выборъ его палъ на меня, чтобы работать надъ созданіемъ польской хартіи. Я сейчасъ же объяснилъ императору на какой лживый путь онъ становится, и далъ ему понять, что это рѣшеніе не только было бы ошибкой, но и преступленіемъ относительно Россіи. Какъ можно было возвеличивать страну, бывшую злѣйшимъ врагомъ Россіи, ту Польшу, которая была бы вѣчнымъ нарывомъ не только для внутреннихъ русскихъ дѣлъ, но и для ея внѣшнихъ отношеній? Враги Россіи сосредоточили бы всю свою дѣятельность и всѣ свои надежды на Польшѣ; наконецъ, что зло, которое должно было совершиться, стало бы непоправимымъ, что нельзя было нанести родинѣ еще большаго вреда, какъ при достиженіи этой цѣли.

«Что касается бывшихъ польскихъ провинцій, то онѣ были приобрѣтены для Россіи императрицей Екатериной II и никогда русскій народъ не простилъ бы ему распоряженія такимъ образомъ чужой собственностью. Пока русскіе, пребывавшіе въ Вѣнѣ, мнѣ просто лбызали руки («*me baisaient les mains*») за мои старанія отстоять это дѣло, государь настолько показывалъ мнѣ свое нерасположеніе, что я счелъ нужнымъ обратиться къ графу Нессельроде, прося его объяснить, что, если императоръ желаетъ отдѣлаться отъ меня и отъ моей службы, то, какъ истый баринъ, онъ могъ забыть эту немилость. (Въ это время мнѣ предлагали мѣсто во французскомъ министерствѣ, и я чувствовалъ, что я лишень возможности быть полезнымъ для дѣла, если императоръ Александръ желалъ мнѣ только зла).

«Послѣ этого государь потребовалъ меня къ себѣ и расцѣловалъ. Я ему разъяснилъ, что если бы я желалъ только его милости, то я бы воздержался отъ возможности его разсердить, а что, напротивъ того, въ моихъ сужденіяхъ онъ могъ усмотрѣть лишь мою преданность. Тогда же я ему сказалъ: «*Vous êtes comme la lance d'Achille qui guérit les maux qu' elle cause*».

«Но наше примиреніе не было чистосердечно, и Богъ знаетъ, что изъ всего этого вышло бы, если бы Бонапартъ не высадился на берегахъ Франціи. Что же мнѣ оставалось дѣлать? То Поццо сюда, то Поццо туда. Я предпочелъ молчать, пока на выяснится обстановка и отношеніе къ Наполеону. Подлецъ Талейранъ сперва сочинилъ неопредѣленную декларацію, онъ хотѣлъ служить на обѣ стороны, и только, когда стало извѣстно, что Наполеонъ лишилъ его состоянія и перехватилъ его векселя, Талейранъ измѣнился и не находилъ ничего, кромѣ ругательствъ по адресу Бонапарта.

«Императоръ Александръ никогда не могъ настолько собой совладать, чтобы обращаться со мной прилично при постороннихъ. Другое дѣло, когда мы были одни,—ласкамъ не было конца. Достаточно, чтобы присутствовали двое русскихъ, и государь уже измѣнялся, боясь, что у нихъ сложится дурное мнѣніе о немъ, вслѣдствіе любезнаго обращенія со мной.

«Долженъ сознаться, что я привыкъ къ этимъ неровностямъ.

«Такъ, на примѣръ, когда по требованію Бонапарта мое пребываніе въ Вѣнѣ въ прошломъ являлось нежелательнымъ, то, несмотря на то, что я былъ на русской службѣ, императоръ Александръ меня изгонялъ, а это рѣшеніе я узнавалъ изъ французскихъ газетъ. Впослѣдствіи я писалъ государю, чтобы выразить ему мое недоумѣніе, и писалъ въ такихъ выраженіяхъ, что ихъ можно было выгравировать на моей надгробной плитѣ. Онъ на это мнѣ приказалъ отвѣтить черезъ графа Н. П. Румянцова, что мое поведеніе не соотвѣтствовало моей обычной осторожности, и послѣ того болѣе ни слова.

«Скажу даже больше: когда въ 1826 году я просилъ вернуться на русскую службу и просьба моя была препровождена лордомъ Уэлеслей (Wellesly) изъ Лондона,—меня не удостоили отвѣтомъ. Но когда французы сожгли Москву, меня немедленно призвали (on m'appela à grands cris). И въ эту пору я увѣрилъ англійскихъ министровъ, что Александръ и не помышляетъ о примиреніи съ Наполеономъ; иначе бы онъ меня не вызывалъ обратно къ себѣ. Мы снова встрѣтились съ государемъ въ Калишѣ, и сколько я получилъ поцѣлуевъ и изліяній въ любви!

«Какая разница съ императоромъ Николаемъ I, который всегда опредѣленно знаетъ, чего онъ хочетъ! Вотъ онъ дѣйствительно пропитанъ національнымъ духомъ и владѣетъ крѣпкой волей.

«Я убѣжденъ, что въ мозгу Александра Павловича былъ какой-то недочетъ, ему и жизнь и власть опротивѣли, и онъ заживо именно перенесся въ небесныя сферы».

Вотъ характеристика, данная Поццо ди Борго Благословенному Монарху. Ни генераль-адъютантскіе аксельбанты, ни званіе посла російскаго въ Парижѣ, ни прочія милости, ни, наконецъ, кончина государя въ 1825 году не измѣнили взгляда коренканца Поццо п послѣ смерти его благодѣтеля на чарующую особу Александра I.

Тѣмъ большѣе читать предыдущія строки, что едва ли у самого Поццо ди Борго были какія-либо твердыя убѣжденія вообще, кромѣ ненависти къ Наполеону. Типъ кондотъери, выходецъ съ острова Корсики, хитрый, ловкій, не безъ дарованій дипломата, Поццо, не знавшій ни звука изъ русскаго языка, былъ въ теченіе двадцати одного года (1814—1835) представителемъ Россіи въ Парижѣ. И что же? У этого человѣка создался вполне справедливый взглядъ на польскій вопросъ; онъ имѣлъ смѣлость и почти дерзость отстаивать круто интересы Россіи, напоминать Александру о завѣтахъ матушки Екатерины и предсказать польское возстаніе тридцатыхъ годовъ. Тѣ черты характера Александра Павловича, на которыя мы не разъ имѣли случай указывать раньше, подмѣчены весьма зло и опредѣленно этимъ иностранцемъ, при чемъ сдѣлано неслестное сравненіе съ младшимъ братомъ Николаемъ Павловичемъ, безусловно въ пользу послѣдняго. И чѣмъ больше мы вникнемъ въ показанія современниковъ, тѣмъ меньше будемъ понимать сложную душу Александра, полную противорѣчій. Ежегодно всплываютъ новыя данныя, новыя разоблаченія, новыя записки и мемуары, дающіе новыя подробности о его личности. Къ сожалѣнію, вся фигура Александра I все болѣе блѣднѣетъ—не только какъ монарха, но и какъ человѣка.

Чрезмѣрная скрытность, недовѣріе къ людямъ, иногда зависть къ успѣхамъ другихъ, словомъ, все то, что уменьшаетъ симпатіи къ личности,—вотъ тѣ черты, которыя мало привязывали къ нему современниковъ, заставляють и послѣдующія поколѣнія отнестись строго къ его дѣятельности и къ его характеру.

Великій князь Николай Михайловичъ.

ОДИНЪ ИЗЪ НЕМНОГИХЪ.

(Памяти К. П. Воскресенскаго).

Вліяніе личности воспитателя на молодую душу составляет ту воспитательную силу, которой нельзя замѣнить ни учебниками, ни моральными сентенціями, ни системой наказаній и поощреній.

Ушинскій.

Приготовить человека на искреннюю борьбу съ самимъ собою и съ жизнью — вотъ главная дѣль воспитанія.

Пироговъ.

А, ЭТО былъ дѣйствительно одинъ изъ тѣхъ сравнительно немногихъ русскихъ людей, чей духовный обликъ, чья глубоко плодотворная дѣятельность и вся безукоризненно прекрасная жизнь могутъ служить высокимъ образцомъ для подражанія.

Константинъ Павловичъ Воскресенскій, сынъ сельскаго священника, родился 2-го сентября 1838 года въ Верейскомъ уѣздѣ Московской губерніи. Окончивъ въ 1860 году вѣанскую духовную семинарію, онъ поступилъ на службу въ канцелярію московскаго генералъ-губернатора. Крайне необезпеченное существованіе при скудномъ казенномъ заработкѣ заставляло его искать частныхъ уроковъ, которые онъ давалъ всегда съ большимъ успѣхомъ, еще будучи семинаристомъ. вмѣстѣ съ тѣмъ онъ не переставалъ думать о своемъ дальнѣйшемъ образованіи. Его неудержимо влекло къ высшей наукѣ, и онъ тайнѣмъ лелѣялъ сладкую мечту поступить когда-нибудь въ университетъ, который представлялся ему чѣмъ-то недосыгаемымъ, какимъ-то святилищемъ, куда могутъ

пмѣть доступъ лишь счастливые избранники. И дѣйствительно, этой мечтѣ суждено было осуществиться только по прошествіи нѣсколькихъ лѣтъ, когда Воскресенскій получилъ мѣсто въ мужскомъ пансіонѣ Кудрякова, гдѣ, кромѣ небольшого жалованья, ему давали квартиру и столъ. Почувствовавъ себя болѣе или менѣе обеспеченнымъ въ матеріальномъ отношеніи, молодой человекъ посѣшилъ сдать экзамень при московскомъ университетѣ и былъ принятъ въ число студентовъ юридическаго факультета, который особенно привлекалъ тогда лучшую часть нашей молодежи благодаря блестящему составу профессоровъ. Воскресенскій съ жаромъ принялся за изученіе высшей науки, такъ долго являвшейся для него запретнымъ плодомъ, и окончилъ университетъ кандидатомъ правъ. Но юридическая карьера совсѣмъ не соблазняла его, и, когда онъ очутился за порогомъ высшей школы, роковой вопросъ: что же дѣлать дальше? — неотразимо стоялъ передъ нимъ и повелительно требовалъ отвѣта. Правда, онъ былъ оставленъ при университетѣ, и мысль о профессурѣ нѣкоторое время занимала его, но это продолжалось недолго. Его манило болѣе скромное педагогическое поприще, такое, которое наиболѣе отвѣчало бы его истинному призванію и дало бы ему возможность развернуть свои природныя дарованія съ наибольшей пользой для общества. Однако его не могла бы удовлетворить дѣятельность рядового преподавателя въ какомъ-нибудь среднемъ учебномъ заведеніи, — онъ это чувствовалъ, — и все чаще сталъ задумываться надъ созданіемъ собственной школы, гдѣ онъ являлся бы отвѣтственнымъ руководителемъ всѣмъ дѣломъ воспитанія. Онъ мечталъ создать такое учебное заведеніе, которое рѣзко отличалось бы отъ правительственныхъ школъ по духу и выпускало бы изъ своихъ стѣнъ не только свѣдущихъ по разнымъ предметамъ той или иной учебной программы, но и хорошихъ, честныхъ людей. Его будущая школа представлялась ему питомникомъ, откуда должны были выходить безупречные въ нравственномъ отношеніи общественные дѣятели, честные русскіе граждане.

Вотъ каковъ былъ замыселъ у этого человека и какъ трудно было, разумѣется, его осуществить при отсутствіи денежныхъ средствъ. Но судьба благопріятствовала Воскресенскому. Нашлось лицо, которое ссудило ему необходимую сумму для оборудованія школы, и вотъ уже въ слѣдующемъ 1871 году Москва обогатилась новымъ «частнымъ мужскимъ учебнымъ заведеніемъ 1-го разряда съ курсомъ реальныхъ наукъ», учрежденнымъ К. П. Воскресенскимъ. Это было первое въ Россіи реальное училище и оно функционировало по учебной программѣ, выработанной самимъ учредителемъ. Программа эта была такъ умѣло составлена, такъ продумана во всѣхъ мельчайшихъ деталяхъ, что впослѣдствіи легла въ основу правительственныхъ программъ для всѣхъ подобнаго же рода реальныхъ училищъ. Вообще учебно-воспитательная дѣятельность К. П., въ

связи съ созданной имъ школой, съ самаго начала вызвала благо-склонное отношеніе къ нему со стороны правительственныхъ орга-новъ, и въ результатъ явилось назначеніе его въ 1878 году директо-ромъ учрежденнаго имъ учебнаго заведенія, причемъ послѣднему были присвоены права казенныхъ реальныхъ училищъ.

Таковы въ краткихъ чертахъ біографическія свѣдѣнія о К. П. Воскресенскомъ. Переходя къ характеристикѣ этого выдающагося человѣка, я буду руководствоваться, главнымъ образомъ, отзы-вами о немъ его бывшихъ учениковъ и друзей. Въ общемъ, эти отзывы представляютъ собою настоящій панегирикъ. Основной тонъ ихъ таковъ: «у К. П. положительно не было недостатковъ; даже на солнцѣ есть пятна, но это было солнце безъ единого пятнышка».

Прежде всего это былъ удивительный педагогъ, равнаго которому, быть можетъ, еще не знаетъ лѣтопись нашей средней школы. Отно-шенія, существовавшія между нимъ и воспитанниками училища, какъ живущими въ пансіонѣ, такъ и приходящими, представляли нѣчто совершенно исключительное по своей простотѣ и сердечности. Когда онъ появлялся въ училищѣ, окруженный дѣтворой раз-наго возраста, ласково улыбающійся, весело и шутливо настроен-ный, никто бы не подумалъ, глядя на него со стороны, что это директоръ,—такъ не былъ онъ похожъ на начальника въ обще-принятомъ значеніи слова.

К. П. въ совершенствѣ зналъ дѣтскую психику и такъ ис-кусно умѣлъ вліять на ребенка, что душа его развѣртывалась передъ нимъ, какъ чашечка цвѣтка подъ дѣйствіемъ горячихъ лучей солнца. Не даромъ онъ изъ года въ годъ преподавалъ въ одномъ лишь первомъ классѣ и только русскій языкъ. Здѣсь онъ, какъ мастеръ своего дѣла, какъ артистъ, впервые отшлифовы-валъ дѣтскую душу, еще не тронутую школьнымъ воспитаніемъ, бросалъ въ нее первыя сѣмена любви, добра и истины, пригото-вляя для жизни будущаго хорошаго человѣка. Ученикъ пе-реходилъ во второй классъ, но Воскресенскій зорко продолжалъ слѣдить за его развитіемъ до самаго конца; при этомъ онъ могъ не беспокоиться за участь ребенка, такъ какъ отлично зналъ, кому ввѣряется его дальнѣйшее воспитаніе,—такимъ же искус-нымъ и страстно любящимъ свое дѣло педагогамъ, какъ и онъ самъ. Въ самомъ дѣлѣ Воскресенскій сумѣлъ привлечь въ свое училище лучшія педагогическія силы, сгруппировать около себя талантливыхъ сотрудниковъ, которые помогали ему осуще-ствлять намѣченную имъ великую задачу воспитанія. Это былъ какъ бы симфоническій оркестръ хорошо сыгравшихся между собою музыкантовъ, вкладывающихъ всю душу въ исполняемую пьесу и въ то же время повинующихся малѣйшему движенію палочки своего даровитаго капельмейстера.

Система воспитанія въ реальномъ училищѣ Воскресенскаго была построена на началахъ любви и гуманности. Бережно и любовно относились здѣсь къ личности каждаго ученика. Ни одинъ преподаватель не позволялъ себѣ глумиться надъ мальчикомъ или юношей, или третировать его съ высоты своего величія, какъ это часто бываетъ въ нашихъ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ. Щадить самолюбіе ученика, примѣняться къ его индивидуальности и тщательно ее оберегать,—вотъ что, наоборотъ, каждый изъ нихъ считалъ для себя священнѣйшей обязанностью и величайшимъ нравственнымъ долгомъ. Боже избави сдѣлать ученику хотя бы замѣчаніе въ слишкомъ рѣзкой формѣ—никто объ этомъ даже и помыслить не могъ, зная въ особенности, какъ отнесется къ такому поступку преподавателя самъ К. П., который являлъ собою воплощенную деликатность. Само собою разумѣется, что ни о какихъ наказаніяхъ или репрессіяхъ въ училищѣ и помину не было, зато система нравственнаго воздѣйствія, всякаго рода увѣщанія и наставленія практиковались здѣсь въ очень широкихъ размѣрахъ. К. П. былъ въ этой области настоящимъ виртуозомъ, рѣшительно не имѣвшимъ соперниковъ. Бывало, подзоветъ къ себѣ провинившагося и начнетъ его «отчитывать» съ глазу на глазъ. Долго продолжается бесѣда, иногда больше часу, и никто не знаетъ, о чемъ ведется у нихъ рѣчь. Но вотъ они выходятъ вмѣстѣ изъ комнаты, — и директоръ и ученикъ, — директоръ ласково треплетъ мальчика по плечу и съ отеческой нѣжностью смотритъ ему въ лицо, озаренное радостной, счастливой улыбкой.

Такія интимныя бесѣды происходили весьма часто въ директорскомъ кабинетѣ, и воспитанники не только ничего противъ нихъ не имѣли, но даже съ большой охотой шли къ К. П.—чу «на исповѣдь», послѣ которой обыкновенно чувствовали себя добрѣе и лучше, точно дѣйствительно сбрасывали съ своихъ плечъ цѣлую кучу грѣховъ.

Истинная педагогическая мудрость Воскресенскаго выражалась еще въ томъ, что онъ одинаково относился рѣшительно ко всемъ своимъ питомцамъ, не дѣлая между ними различія: бѣдный ли, богатый ли, знатный, или незнатный — для всѣхъ была у него, какъ говорится, одна честь, и ни одинъ не пользовался передъ другимъ ни малѣйшими преимуществами. Въ училищѣ царило, можно сказать, полное равенство и братство. Случалось, что сынъ какого-нибудь кушца-милліонера даже и не подозрѣвалъ, что живущій вмѣстѣ съ нимъ въ интернатѣ товарищъ, съ которымъ онъ дружилъ и сидѣлъ въ классѣ на одной партѣ, воспитывается бесплатно. Да и никто не зналъ этого. Это была тайна, которую К. П. никому не открывалъ, и въ этомъ сказывалось особенное благородство его души..

Отличаясь рѣдкимъ безкорыстіемъ, К. П. часто упускалъ изъ виду самыя элементарныя соображенія личной для себя выгоды или пользы. Такъ, замѣтивъ, что поступившій къ нему въ училище сынъ одного московскаго богача обнаруживаетъ склонность къ иностраннымъ языкамъ, онъ, не задумываясь, приглашаетъ къ себѣ родителя этого ученика и говорить ему съ полной откровенностью:

— Послушайте, я позволяю себѣ дать вамъ дружескій совѣтъ: отдайте вашего сына въ классическую гимназію; ручаюсь, что онъ тамъ хорошо пойдетъ, потому что у него несомнѣнныя способности къ языкамъ.

Богачъ крайне удивленъ и пробуетъ возражать:

— Что вы, Константинъ Павловичъ! Я именно хочу, чтобъ мой сынъ воспитывался у васъ, подъ вашимъ благотворнымъ вліяніемъ. Пусть онъ живетъ у васъ пансіонеромъ. Если хотите, я буду вамъ платить вдвое, втрое, сколько пожелаете...

— Ахъ, нѣтъ, это совсѣмъ не нужно!—энергично отказывается К. П. —Я вѣдь думаю не о себѣ въ данномъ случаѣ, а исключительно о вашемъ сынѣ, о его личной пользѣ; по окончаніи гимназіи, онъ можетъ поступить, на примѣръ, въ институтъ восточныхъ языковъ, и—какъ знать?—быть можетъ; его ожидаетъ впереди блестящая дипломатическая карьера, а мы съ вами направимъ мальчика по совѣмъ неподходящей для него дорогѣ,—развѣ это хорошо? Право же, послушайтесь моего совѣта...

Въ концѣ концовъ увѣщанія К. П. возымѣли дѣйствіе, и богачъ отдалъ своего сына въ классическую гимназію. И такихъ случаевъ было нѣсколько.

— Въ мое время,—разсказывалъ мнѣ одинъ изъ бывшихъ воспитанниковъ реальнаго училища Воскресенскаго, инженеръ путей сообщенія М. К. Лупицкій,—жило у насъ въ интернатѣ человекъ 70. Мы жили тѣсной, дружной семьей, а на Константина Павловича смотрѣли, какъ на родного отца,—такой лаской и вниманіемъ, такой по истинѣ отеческой заботливостью окружалъ онъ насъ, своихъ пансіонеровъ. Онъ всѣмъ намъ говорилъ «ты», а мы за глаза называли его «Костей»,—и въ этомъ словѣ было столько нѣжности и любви къ нему! Дышалось намъ въ атмосферѣ училища удивительно легко и правильно. Кажется, еще нигдѣ не было подобныхъ интернатовъ. Представьте себѣ наши дортуары: изящныя, чистенькія комнатки, бѣлоснѣжное постельное бѣлье, на потолкахъ розовые и голубые фонарики, горѣвшіе всю ночь,—прямо какой-то женскій институтъ... И вотъ что замѣчательно: несмотря на то, что мы находились подъ постояннымъ наблюденіемъ Константина Павловича, мы чувствовали себя совершенно свободными и даже скучали, если не видѣли его долго. А онъ, куда бы ни уѣзжалъ изъ дому и какъ бы

поздно ни возвращался, никогда не ложился спать прежде, чѣмъ не обойдетъ наши дортуары. Бывало, проспнешься ночью и видишь его милую фигуру въ люстриновомъ пиджакѣ и въ туфляхъ, осторожно, чуть слышно пробирающуюся вдоль нашихъ кроватей,—закроешь тотчасъ же глаза и притворишься спящимъ, чтобъ не причинять ему огорченія. Кормили насъ въ пансіонѣ превосходно. Достаточно сказать, что ежедневно ровно въ 12 часовъ въ квартиру директора приносили тотъ же самый завтракъ, который подавали намъ; часто мы ѣли и одинаковый съ нимъ обѣдъ. Однимъ словомъ, жилось намъ въ училищѣ такъ хорошо, что, когда приближались каникулы, мы съ грустью думали о томъ, что вотъ скоро намъ придется развѣзжаться по домамъ. Мнѣ припоминается случай, какъ-то особенно врѣзавшійся въ мою память и удивительно хорошо рисующій Константина Павловича, какъ человѣка и педагога—въ одно и то же время. Случай этотъ произошелъ со мной. Мнѣ было тогда лѣтъ 14. Однажды, послѣ общей утренней молитвы и напившись уже чаю, я о чемъ-то глубоко задумался, неподвижно устремивъ взглядъ въ лежавшую передо мною на столѣ книгу. Вдругъ кто-то, тихо подкравшись ко мнѣ, схватилъ меня сзади за оба локтя. Въ рукѣ у меня былъ разрѣзной ножъ, которымъ я инстинктивно отмахнулся, не желая, разумѣется, никому причинять вреда. Но случилось нѣчто неожиданное. Какимъ-то образомъ я ухитрился жестоко поранить державшаго меня сзади товарища Краузе, понавъ ему ножомъ въ жилу руки около самой кости. Краузе вскрикнулъ, я оглянулся и съ ужасомъ увидѣлъ, какъ изъ руки его фонтаномъ била кровь. Поднялся переполохъ, и вѣсть о печальномъ происшествіи мигомъ разнеслась по училищу. Немедленно явился врачъ, раненому сдѣлали перевязку и положили его въ лазаретъ. И вотъ тутъ-то началась для меня нравственная пытка. Мнѣ было невыразимо тяжело и стыдно за свой поступокъ. Особенно меня тревожила мысль: что скажетъ или подумаетъ обо мнѣ Константинъ Павловичъ? А ну, какъ онъ разсердится или совершенно измѣнитъ свое мнѣніе обо мнѣ? Вѣдь это будетъ ужасно! И вотъ я начинаю избѣгать встрѣчи съ нимъ. Какъ увижу его издали, сейчасъ же спрячусь. Такъ проходитъ около недѣли. Разъ мнѣ показалось, что онъ меня замѣтилъ и чуть-чуть улыбнулся. Другой разъ я неожиданно столкнулся съ нимъ въ коридорѣ и весь покраснѣлъ до ушей. Я остановился, какъ вкопанный, низко опустивъ голову. И вдругъ слышу около себя ласковый голосъ: «Я не сержусь на тебя, Луицкій, Богъ съ тобой! Я знаю, что тебя самого мучила совѣсть. Будь только, голубчикъ, осторожнѣе на будущее время и избѣгай опрометчивыхъ поступковъ». И долго еще говорилъ со мной К. П., наставляя меня и уча, какъ нужно обходиться

съ товарищами и съ людьми вообще, какъ нужно самому развивать въ себѣ сознание долга, твердость воли и самообладание для того, чтобы имѣть право потомъ называться хорошимъ человекомъ и гражданиномъ. Помнится, я даже прослезился, слушая его, но какія это были хорошія, сладкія слезы, и какъ свѣтло и радостно было у меня тогда на душѣ!

Замѣчательно, что у Воскресенскаго навсегда сохранялась самая тѣсная, неразрывная связь со всѣми его учениками. По выходѣ изъ училища большинство ихъ поступало въ разныя высшія учебныя заведенія, потомъ шло на службу, разбредясь по всему лицу земли русской. Многие достигали высокаго общественнаго положенія, получали директорскія мѣста на фабрикахъ и заводахъ, огромные оклады жалованья и высшіе административные посты, многие успѣвали даже состариться, но никто изъ нихъ никогда не забывалъ самаго лучшаго и дорогого друга своей юности, Константина Павловича Воскресенскаго. Будучи въ Москвѣ, хотя бы только проѣздомъ, на нѣсколько часовъ, всякій изъ нихъ считалъ своимъ долгомъ уже успѣть на Мясницкую въ роскошный, старинный барскій домъ, нѣкогда принадлежавшій гр. Панину, гдѣ помѣщалось училище и квартира К. П. Тутъ обыкновенно часовъ въ 12 дня, во время завтрака, происходили дружескія встрѣчи съ объятіями и поцѣлуями, съ сердечными изліяніями и воспоминаніями о счастливыхъ минувшихъ дняхъ.

Крѣпкая внутренняя связь сохранялась у Воскресенскаго не только съ самими учениками, но и съ ихъ семьями— братьями и сестрами, отцами и матерями. Обладая изумительной памятью, онъ помнилъ, какъ ихъ всѣхъ зовутъ, зналъ ихъ біографіи. А родители и родственники учениковъ, въ свою очередь, относились къ К. П. какъ къ близкому, родному человѣку. Они приходили къ нему запросто совѣтоваться о своихъ дѣлахъ, дѣлиться съ нимъ горемъ или радостью, и всегда были увѣрены, что услышатъ отъ него дѣльный совѣтъ или найдутъ сочувствующій откликъ въ его отзывчивой душѣ. Въ глазахъ многихъ изъ нихъ К. П. былъ, такъ сказать, высшей инстанціей житейской мудрости. Дочь ли выдавать замужъ, сына ли женить—сейчасъ идутъ къ нему за совѣтомъ, и вотъ совмѣстно съ нимъ начинается подробное обсужденіе, какое выдать дочери приданое, какъ выдѣлить сына изъ родового или благопріобрѣтеннаго имѣнія и т. п. Кажется, уже давно все переговорено, но собесѣдникъ или собесѣдница ни за что не хотятъ «отпустить» К. П., они продолжаютъ осыпая его всевозможными разспросами и слушать въ отвѣтъ тихую, задушевную рѣчь. И вѣдь ни одинъ мускуль не дрогнетъ на его добромъ лицѣ, ни разу не проскользнетъ на немъ ни тѣни досады или нетерпѣнія; ровнымъ, спокойнымъ блескомъ свѣтятся его про-

нищательные глаза и ничего нельзя прочесть въ ихъ бездонной глубинѣ, кромѣ вниманія и участія къ людямъ, кромѣ полной готовности имъ служить.

Случалось, что родители ученика приглашали К. П. къ себѣ на какое-нибудь семейное торжество, а то и просто звали крестить ребенка или быть на свадьбѣ посаженнымъ отцомъ—и онъ рѣдко кому отказывалъ, благодаря чему у него бывало всегда безчисленное множество крестниковъ, на которыхъ онъ тратилъ массу денегъ.

Отношеніе къ нему бывшихъ учениковъ ярче всего обрисовывалось въ многочисленныхъ отзывахъ, присланныхъ въ училище со всѣхъ концовъ Россіи ко дню его 25-лѣтняго юбилея. Нѣкоторые изъ этихъ отзывовъ заслуживаютъ особаго вниманія. Вотъ что писалъ, напримѣръ, нашъ знаменитый художникъ М. В. Нестеровъ:

«Моя профессія прекрасна, она свободна и возвышенна—я люблю ее. Я люблю живопись, художество во всѣхъ его поэтическихъ проявленіяхъ. Тѣмъ, что я художникъ,—я прежде всего обязанъ Константину Павловичу Воскресенскому. Онъ подмѣтилъ мою дѣтскую страсть первый, онъ съ первыхъ дней сталъ поддерживать эту страсть, всѣми средствами способствуя ея развитію. По его желанію, нашъ тихій и добрый учитель рисованія А. П. Драбовъ бывалъ въ школѣ по праздникамъ, показывая мнѣ первые приемы масляной живописи. Это было хорошее время—далеко оно, но и теперь, спустя 20 лѣтъ, вызываетъ во мнѣ добрыя чувства, трогательныя воспоминанія. Голосъ К. П. имѣлъ рѣшающее значеніе въ моей судьбѣ.

«Помню, весной, въ маѣ мѣсяцѣ за мною пріѣхалъ изъ Уфы отецъ, чтобы взять меня на каникулы, и тутъ К. П., пользуясь своимъ исключительнымъ вліяніемъ и авторитетомъ у моего отца, уговаривалъ его не противиться моему влеченію и отдать въ художественную школу—школу живописи, ваянія и зодчества, гдѣ тогда была славная эпоха: во главѣ этой своеобразной школы стояли такія имена, какъ покойный Перовъ, Сорокинъ, Прянишниковъ и другіе. Ученіе мнѣ давалось. Константинъ Павловичъ зорко слѣдилъ за мною, нерѣдко призывалъ меня или для наставленій, или чтобы ободрить меня, когда то было нужно. Въ 86 году я кончилъ курсъ, получивъ установленное число медалей, и для меня началась самостоятельная дѣятельность. На первыхъ порахъ жизнь мнѣ приготовила тяжелое испытаніе, но и тутъ К. П. не оставилъ меня своей поддержкой—не только нравственной, но и матеріальной. Какъ тогда, такъ и до послѣднихъ дней я ношу въ себѣ глубокую признательность какъ къ добрымъ намѣреніямъ, такъ и къ прекраснымъ дѣяніямъ К. П. Воскресенскаго. И имя его живетъ во мнѣ на ряду съ тѣмъ избранниками, которыми подарила меня судьба»...

Письмо написано въ Москвѣ и помѣчено 22 марта 1896 года.

Интересный отзывъ полученъ былъ и отъ В. М. Михеева, извѣстнаго беллетриста и драматурга, нынѣ уже покойнаго. Въ письмѣ

своёмъ на имя самого К. П. онъ, между прочимъ, говорилъ слѣдующее:

«Не могу не выразить вамъ чувствъ, просыпающихся во мнѣ всякій разъ, какъ я вспоминаю дни, проведенные мною подъ покровомъ вашего училища, подъ вашимъ руководствомъ. То были одни изъ лучшихъ дней моей жизни. То было пребываніе не въ стѣнахъ «учебнаго заведенія», столь тяжелое обыкновенно для дѣтей; то была обширная дѣтская семья, собравшаяся вокругъ учителя-отца, дожившаго малѣйшимъ проявленіемъ свѣтлой индивидуальности въ душѣ каждаго изъ насъ, — еще не понимавшихъ себя самихъ, — дѣтей. Если мнѣ впоследствии удалось проявить въ моей литературной дѣятельности (а также и отчасти общественной: въ качествѣ попечителя училища и т. п.) хотя слабую искру свободной человечности, то эту искру обратили въ до сихъ поръ неугасимый огонекъ — вы, дорогой Константинъ Павловичъ, и ваша школа, и — какъ школа — она одна, никакая другая! И мало ли моихъ товарищей чувствуютъ то же, говорятъ вамъ то же спасибо отъ всей души! Одинъ изъ нихъ, Михаилъ Васильевичъ Нестеровъ, проявившій такую глубоко поэтическую силу въ своихъ художественныхъ созданіяхъ, былъ въ этомъ отношеніи понять и двинуть на вѣрный путь — вами! Онъ сей часъ на родинѣ въ Уфѣ. По его просьбѣ я препровождаю съ этимъ письмомъ его работу, которую онъ проситъ васъ принять, какъ знакъ глубочайшаго уваженія къ вамъ, какъ скромное свидѣтельство искренней благодарности за все, что вы для него сдѣлали».

Рѣшительно во всѣхъ отзывахъ отмѣчается, что пребываніе въ училищѣ Воскресенскаго было самою лучшею и счастливою порою жизни. Трогательной нѣжностью звучать тѣ строки писемъ, гдѣ упоминается о самомъ К. П., свѣтлый образъ котораго его бывшіе ученики никогда не переставали носить въ своемъ сердцѣ.

Въ 1905 году К. П. Воскресенскій, чувствуя себя уже достаточно утомленнымъ, передаетъ директорство одному изъ своихъ преподавателей, А. М. Воронцу, а самъ остается лишь почетнымъ попечителемъ училища.

— Это, можетъ быть, единственная ошибка, которую сдѣлалъ въ своей жизни Константинъ Павловичъ, — скромно замѣчаетъ по этому поводу А. М. Воронецъ въ бесѣдѣ со своими знакомыми.

Но, разумѣется, К. П. отлично зналъ, кого выбиралъ себѣ въ преемники, и едва ли могъ впасть въ этомъ случаѣ въ какую-либо ошибку.

Далѣе К. П. предпринимаетъ по отношенію къ любимому своему дѣтищу новый крупный шагъ, а именно съ 1-го августа 1906 года онъ передаетъ училище въ вѣдѣніе специально учрежденнаго попечительнаго общества, жертвуетъ его со всѣмъ инвентаремъ «на пользу

народнаго образованія». Въ исторіи русской школы такой фактъ безвозмездной передачи хорошо оборудованнаго учебнаго заведенія является совершенно безпримѣрнымъ, въ особенности, если принять во вниманіе, что К. П. получалъ много чрезвычайно выгодныхъ предложеній отъ разныхъ лицъ, желавшихъ приобрести его училище. Но могъ ли онъ поступить иначе, онъ, благородный идеалистъ, никогда въ жизни и ни въ чемъ не руководившійся соображеніями выгоды? Въ дѣлѣ же, въ которое онъ вложилъ всю душу свою, самую собою разумѣется, коммерческіе мотивы для него должны были рѣшительно отсутствовать.

Достойна вниманія та тщательность и продуманность, съ какою единолично былъ выработанъ К. П. уставъ учрежденнаго имъ «общества московскаго реального училища Воскресенскаго». Этотъ уставъ вышелъ изъ его рукъ настолько юридически совершеннымъ, что послужилъ впоследствии образцомъ для дѣлаго ряда уставовъ подобныхъ же образовательныхъ учреждений. Вообще, одаренный яснымъ и точнымъ умомъ, онъ удивительно хорошо умѣлъ формулировать не только свои, но и чужія мысли, напр., постановленія педагогическаго совѣта—съ такимъ искусствомъ, что нельзя было придаться ни къ одному слову. Недаромъ говорили про него въ шутку, что у него «языкъ кассационнаго департамента сената». Зато ораторскимъ искусствомъ онъ не обладалъ и почти никогда не выступалъ съ публичными рѣчами. Говорилъ онъ всегда медленно, обдумывая и взвѣсивая каждое слово. Мягкій и деликатный отъ природы, К. П. ни о комъ никогда не отзывался дурно, ни съ кѣмъ не становился въ боевую оппозицію. Съ высшимъ учебнымъ начальствомъ, съ которымъ онъ какъ-то особенно умѣлъ ладить, у него никогда не было трений. Конечно, онъ получалъ въ изобиліи всякаго рода министерскіе циркуляры, но... преспокойно ихъ не исполнялъ, игнорируя не нравившіяся ему распоряженія безмолвно и тихо, безъ шума и протестовъ.

Такимъ онъ всегда былъ,—спокойный, уравновѣшенный. Его ласковый, проникновенный взглядъ, добрая улыбка и задушевный, бархатный голосъ дѣйствовали на людей умиротворяющимъ образомъ: ни ссора, ни вражда, казалось, не могли имѣть мѣста въ его присутствіи. Бодрый, веселый, жизнерадостный, всегда одѣтый съ иголки, какъ истый джентльменъ, весь какой-то чистенькій, холеный и опрятный, съ изящными манерами, даже отдаленно не вызывавшій представленія о себѣ, какъ о бывшемъ семинаристѣ,—онъ производилъ на всѣхъ чарующее впечатлѣніе. Отличаясь при этомъ живымъ, разностороннимъ умомъ и большой начитанностью, онъ былъ необыкновенно интереснымъ собесѣдникомъ, умѣвшимъ сразу овладѣть вниманіемъ слушателей, къ какому бы классу или общественному положенію они ни принадлежали. Онъ обладалъ даромъ въ любой моментъ найти подходящую тему и трактовать ее

въ легкой, занимательной, понятной для всѣхъ формѣ. Сужденія его отличались мѣткостью и оригинальностью. Достаточно было послушать его полчаса, чтобы рѣшить, что всякія партійныя перегородки ему чужды *органически*, что мысль этого истинно свободного человѣка съ тонко развитой индивидуальностью не можетъ быть загнана ни въ какія искусственныя шоры. И дѣйствительно, его политическій катехизисъ вполнѣ исчерпывался двумя словами: безпартійный прогрессистъ. Кстати, не мѣшаетъ сказать, что хороший политическій дѣятель, по мнѣнію К. П., тотъ, кто честенъ, уменъ и талантливъ,—и онъ находилъ, что тремъ этимъ условіямъ какъ нельзя лучше удовлетворяетъ депутатъ В. А. Маклаковъ, котораго онъ страстно любилъ, хотя и не зналъ лично.

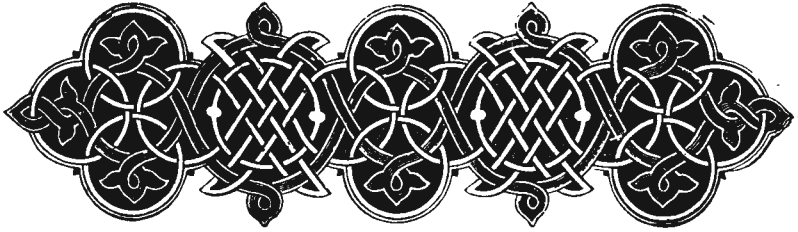
Для общей характеристики К. П. Воскресенскаго не лишнимъ будетъ добавить, что онъ былъ тонкимъ цѣнителемъ и знатокомъ искусства, особенно живописи. Говорятъ, что близкій его другъ, художникъ В. М. Васнецовъ, нерѣдко совѣтовался съ нимъ по поводу своихъ картинъ и даже исправлялъ ихъ по его указаніямъ.

Выше я уже говорилъ о поразительномъ самообладаніи К. П., въ заключеніе скажу еще слѣдующее: когда обострилась его болѣзнь—ракъ въ печени—и дни больного были сочтены, онъ ни за что не хотѣлъ звать доктора. Между тѣмъ по ночамъ у него бывали мучительные припадки, такіе, которые обыкновенно всѣхъ заставляютъ корчиться отъ боли и громко кричать. А Воскресенскій долго и упорно уклонялся отъ всякой медицинской помощи и мужественно переносилъ боль, ни разу не вскрикнувъ.

Такъ жилъ и умеръ этотъ достойный изъ смертныхъ.

Князь Б. А. Щетининъ.

РУССКІЯ МЕТАМОРФОЗЫ ¹⁾,

IV.

Манифестъ 17 октября 1905 года.

БСКОРѢ послѣ «зубатовской исторіи», которая была какъ бы фундаментомъ колоссальнаго забастовочнаго зданія въ Москвѣ, въ русскихъ политическихъ партіяхъ произошли несогласія, распаденія и подраздѣленія. Главари партій во многомъ разошлись во взглядахъ. Напримѣръ, среди социаль-демократовъ организовались «большевики» и «меньшевики», во главѣ первыхъ сталъ Ленинъ, во главѣ вторыхъ— Плехановъ; первые допускали союзъ съ социалистами-революціонерами, вторые готовы были вступить въ «блокъ» даже съ «кадетами», но отказывались отъ единенія съ социалистами-революціонерами. Уладить разногласія ни могли не специальная литература, ни съѣзды (за границей). Однако, судя по фактамъ, большинство нашего прогрессивнаго общества и почти вся молодежь отдали предпочтеніе террору, и Россія опять была потрясена цѣлой «серіей» политическихъ истребленій: въ 1901 году убитъ министръ народнаго просвѣщенія Боголѣповъ, въ 1902—министръ внутреннихъ дѣлъ Сипягинъ и уфимскій губернаторъ Богдановичъ; черезъ два года погибаетъ отъ разрывнаго снаряда Плеве, а въ февралѣ 1905 г. въ Москвѣ, въ самомъ Кремлѣ, на глазахъ у самихъ сыщиковъ и

¹⁾ Продолженіе. См. «Историч. Вѣстн.», т. СХХ, стр. 149.

полицейскихъ совершается убійство великаго князя Сергѣя Александровича. Въ этихъ убійствахъ замѣчается характерная черта безвременья: мечутъ бомбы и стрѣляютъ изъ браунинговъ юноши-студенты, а главари и предводители, посредственные и даже бездарные, но ловкіе и хитрые, остаются гдѣ-то въ сторонѣ, въ тѣни, за кулисами; раньше такого порядка вещей не было: прежніе инициаторы террористическихъ актовъ шли впереди своихъ отрядовъ и сами, творя свое дѣло, рисковали жизнью. Но времена переменчивы. Во всѣхъ послѣдующихъ событіяхъ, вплоть до возстанія въ Москвѣ, представители социаль-демократическихъ и революціонныхъ партій точно также не принимали непосредственного участія: ихъ имена рѣдко упоминаются при событіяхъ; на общеземскихъ съѣздахъ они не выступали; беру въ примѣръ хотя бы умѣреннаго и аккуратнаго либерала г. Струве, редактора «Освобожденія», получившаго «свободу пріѣзда» въ Россію и въ ея столичные города; чѣмъ опъ заявилъ себя на собраніяхъ земцевъ и городскихъ гласныхъ? Другіе ораторы произносили политическія рѣчи, иные люди заставляли комментировать свои слова...

Особенностью политическаго движенія въ Россіи наканунѣ манифеста 17 октября 1905 года былъ фактъ перемѣщенія ядра событій изъ Петербурга въ Москву. Раньше, какъ я уже отмѣчалъ, Петербургъ игралъ роль заповѣды, а Москва слушала. Позднѣе заговорила Москва—и ея голосъ неожиданно заглушилъ всѣ остальные голоса, въ томъ числѣ и петербургскій. На нашихъ московскихъ собраніяхъ, сходкахъ и митингахъ явилась масса новой интеллигенціи, смѣшавшаяся съ простолюдинами и невѣждами и увлекшая ихъ. Энтузіазмъ Москвы росъ, ощущалась сила, развивалась фантазія. Наконецъ, первымъ актомъ выступленія въ походъ на старыи государственный режимъ была поѣздка депутаціи къ Государю Императору, имѣвшей во главѣ извѣстнаго профессора и ректора московскаго университета князя С. Н. Трубецкаго, который сказалъ во дворцѣ рѣчь и въ ней выразилъ мысль о неизбѣжности скорѣйшаго созыва народныхъ представителей.

А русскія событія точно торопились подтвердить вѣрность взгляда князя Трубецкаго: лѣтомъ произошло возмущеніе въ черноморскомъ флотѣ, начались беспорядки въ Кронштадтѣ. Законъ 6 августа 1905 года о созывѣ государственной думы, о которомъ за годъ и мечтать не могли, уже не удовлетворялъ русское общество, и онъ не только не успокоилъ страну, а еще болѣе усилилъ возбужденіе. Въ Москвѣ чувствовалось что-то небывалое. На фабрикахъ совѣщались рабочіе, шумѣлъ университетъ, неистовствовала пресса...

Наконецъ былъ обнародованъ знаменитый манифестъ 17 октября. Этимъ новымъ закономъ вводились въ Россіи тѣ льготы, о какихъ вопили именно послѣ законодательнаго акта 6 августа. И что же? Гуманный, обильный щедротами конституціоннаго характера, гла-

сящій о неприкосновенности личности, о свободѣ религиозныхъ убѣжденій, о свободѣ слова, печати, собраній, союзовъ, манифестъ былъ одобренъ только частью общественныхъ дѣятелей, будущимъ «центромъ» русскаго парламента; крайніе лѣвые шли дальше и требовали созыва учредительнаго собранія, а крайніе правые, видя ущербъ монархическаго образа правленія, шли противъ государственной думы, противъ свободъ манифеста. Новый законъ устанавливалъ нашъ парламентъ на болѣе прочное основаніе; права членовъ будущей думы расширялись, и сама дума становилась законодательнымъ органомъ. Русское правительство, издавая подобный законъ, имѣло полное право предполагать, что волненія въ государствѣ кончатся или, по крайней мѣрѣ, примутъ радостный характеръ. Но этого не случилось, потому что какъ первый законъ 6 августа вышелъ позднѣе, чѣмъ бы слѣдовало, такъ и манифестъ 17 октября былъ опубликованъ во время сильнаго пожара умовъ,—и законъ не оцѣнили по достоинству. Мало того, на сходкахъ и митингахъ его называли «обманомъ» и «ловушкой». Желанія крайнихъ переросли либеральный законъ, отсюда и начались серьезныя несчастія страны.

Приступаю къ описанію того дня, когда въ Москвѣ сталъ извѣстенъ текстъ манифеста. Собственно, день 17 октября прошелъ у насъ такъ же ненормально, какъ и предыдущіе: освѣщенія (газоваго и электрическаго) не было, движеніе конокъ и трамваевъ не производилось, телефонъ, телеграфъ и почтамтъ не работали, магазины, за рѣдкими исключеніями, были закрыты, всюду на окнахъ виднѣлись деревянные щиты и ставни. О манифестѣ узнали только въ 10 часовъ вечера, и толпы народа хлынули въ редакціи газетъ, гдѣ наперерывъ разбирали листки съ текстомъ манифеста. На другой день въ «Русскихъ Вѣдомостяхъ» была напечатана статья, въ которой къ манифесту 17 октября относились одобрительно, хотя и отмѣчали, что слово «конституція» не упомянуто; однакожь, если новымъ закономъ даруется рядъ перечисляемыхъ свободъ, то государственная дума имѣетъ возможность выработать основной законъ, который и будетъ конституціей,—заканчивала свои выводы газета.

Съ утра 18 октября народъ показался въ обиліи на центральныхъ улицахъ и бульварахъ Москвы. Стояла прекрасная погода, и это увеличило массы политиканствующихъ случайными гуляющими, множествомъ дѣтей, нянекъ, дамъ и т. п. Въ городской думѣ былъ отслуженъ молебень, городской голова князь В. М. Голицынъ поздравилъ гласныхъ съ манифестомъ; всѣ кричали «ура» и поздравляли другъ друга. Одновременно съ этимъ огромныя толпы народа стали передвигаться отъ зданія думы вверхъ по Тверской, отъ Постниковскаго пассажа къ дому генераль-губернатора. Съ Моховой и Никитской шли студенты, со стороны Охотнаго ряда простой народъ. Я также попалъ въ эту лавину и шелъ среди улицы, окруженный поющими, вопіющими, зывающими и глаголющими..

— За нами, за нами! Впередъ, русскіе люди!—раздавались громкіе голоса.—Присоединяйтесь къ намъ, русскіе граждане! Присоединяйтесь къ манифестаціи!

Студенты махали фуражками и руками; толпа пѣла «русскую марсельезу» на мотивъ извѣстной французской; я видѣлъ красные флаги, красные банты на людяхъ, такого же цвѣта розетки въ петлицахъ; многіе повязали красными лентами шляпы; къ процессіи все приливали новыя толпы; кто-нибудь спрашивалъ:—Въ чемъ дѣло? Куда идете, товарищи?—Иди! Впередъ!—отвѣчали ему, и ново-прибывшій отдавался теченію. Помню свои ощущенія: я былъ сильно взволнованъ и весь охваченъ волей толпы, моментально истребившей мою собственную; я шелъ... но куда? А Богъ его знаетъ! Я шелъ и кричалъ «ура», потому что манифестъ 17 октября казался мнѣ великимъ счастіемъ Россіи, и я думалъ въ тотъ моментъ, что манифестація имѣетъ восторженный характеръ. Однако ближайшія сцены выдвинули во мнѣ другія соображенія.

Когда толпа влилась на площадь между домомъ генераль-губернатора и зданіемъ полицейской части, она закипѣла, какъ море, ударившееся въ крутые берега. Раздались такіе крики, что попавшія въ толпу женщины стали пугаться и умолять вывести ихъ изъ толкотни. Но передвигаться было почти невозможно. Множество красныхъ флаговъ скопилось какъ разъ передъ балкономъ генераль-губернаторскаго дома, а въ центрѣ площади особенно сгустилась толпа манифестантовъ. Крики усиливались, превращались въ ревъ.

— Амнистія! Амнистія!—гремѣло кругомъ.

— Свобода! Отворить тюрьмы!

— Амнистію заключеннымъ!

— Долой цѣпи!

На высокіе электрическіе фонари взобрались студенты съ флагами и кричали во всю мочь легкихъ:

— Генераль-губернатора! Пусть выйдетъ господинъ Дурново!

Это требованіе было подхвачено всей площадью и, несомнѣнно, влетѣло, какъ звукъ канонады, въ апартаменты московскаго генераль-губернатора.

И вотъ двери балкона открылись. Вышелъ П. П. Дурново, тогдашній московскій генераль-губернаторъ; это былъ средняго роста, полный, съ просѣдью въ бородѣ и на вискахъ человекъ лѣтъ за 50; его сопровождали два офицера. Появленіе главы города вызвало всеобщій шумъ, и опять одно слово покрыло всѣ прочія:

— Амнистія! Амнистія!

Генераль Дурново сдѣлалъ знакъ рукой, давая понять, что онъ хочетъ говорить, но спокойствіе возстановилось не скоро. Наконецъ все затихло, толпа выжидающе замерла.

— Поздравляю васъ, господа, съ монаршей милостью, съ манифестомъ 17 октября!—громко сказалъ генераль-губернаторъ.

— Амнистію заключеннымъ!—загремѣло опять кругомъ, но опять стихло.

— Господа, я вижу у васъ какіе-то странные флаги,—продолжалъ г. Дурново.—Эти флаги не соотвѣтствуютъ событію. Вы должны водрузить русскій національный трехцвѣтный флагъ, потому что...

Ему не дали кончить.

— Выпустить заключенныхъ, кромѣ уголовныхъ преступниковъ!—послышались дружные крики.—Амнистію всѣмъ политическимъ, всѣмъ, кто взятъ за религіозныя уклоненія! Манифестъ даруетъ всѣмъ свободу.

— Господа!—хотѣлъ опять говорить генераль-губернаторъ.

Ему въ отвѣтъ протягивали красные флаги, махали по воздуху почти передъ перилами балкона и вопили:

— Амнистія! Амнистія!

— Требуемъ немедленно выпустить заключенныхъ!

— Я не могу своей властью это сдѣлать!—крикнулъ въ отвѣтъ г. Дурново.—Я долженъ ждать распоряженій изъ Петербурга.

— Телеграфируйте въ Петербургъ!

— Да что Петербургъ!? Вы, генераль, прочтите манифестъ...

— Свобода! Свобода!

Ревъ усилился. Г. Дурново пожалъ плечами и, сказавъ что-то сопровождавшимъ его офицерамъ, быстро ушелъ съ балкона.

Ему вдогонку раздался свистъ и угрожающіе крики. Толпа ринулась къ крыльцу дома и немедленно отрядила депутацію, которую генераль принялъ, и, какъ это всѣ скоро узнали, обѣщавъ навести справки въ Петербургъ; если тамъ запрета не будетъ, онъ сейчасъ же выпуститъ всѣхъ заключенныхъ.

— Это вздоръ!—раздались фразы.—Надо сейчасъ освободить! Законъ даетъ это право... это все проволочка времени!

— Товарищи, идемъ къ прокурору, пусть онъ разъяснитъ!

— Къ прокурору, къ гражданскому губернатору!

И опять двинулась толпа; опять раздалось пѣніе «марсельезы», «похороннаго марша» («Вы жертвою пали» и т. д.), снова потянулась процессія и увлекла за собой случайныхъ зрителей; а съ крылецъ магазиновъ, въ окнахъ и на балконахъ виднѣлись тысячи головъ; кругомъ кричали «ура» и аплодировали процессіи съ красными флагами.

Обязанности гражданскаго губернатора въ Москвѣ исполнялъ нынѣшній губернаторъ В. Ф. Джунковскій, человекъ гуманный и доступный всякому посѣтителю, отъ важной персоны до послѣдняго бѣдняка. Депутація отъ манифестантовъ, требовавшихъ освобожденія заключенныхъ, являлась и къ нему. Онъ освободилъ часть заключенныхъ, и это произвело сильное впечатлѣніе на толпу. Выпущенныхъ на свободу обнимали и цѣловали. Къ сожалѣнію, радость была омрачена, случилась неожиданная бѣда: послышались

револьверные выстрѣлы, произошла паника. Толпа требовала, чтобы открыли Таганскую тюрьму и кричала, что немедленно отправится туда. В. Ф. Джунковский, опасаясь столкновений толпы съ полиціей, рѣшилъ самъ итти къ Таганской тюрьмѣ; онъ велѣлъ казакамъ уѣхать къ себѣ на квартиры и отправился съ манифестантами; они шли, пѣли «марсельезу» и несли красныя знамена съ надписью: «Да здравствуетъ свобода!»

Въ тотъ же день изъ Таганской тюрьмы было выпущено 80 чело-вѣкъ политическихъ преступниковъ, а изъ Бутырской—141. Это была первая побѣда манифестантовъ-гражданъ надъ московской администраціей. Приходится отмѣтить, что хлопоты и. д. губернатора Джунковского не привели къ желательнымъ результатамъ: столкновения на улицахъ все-таки были. Во-первыхъ, толпы, носившія красныя знамена, набрасывались на всѣхъ, кто несъ трехцвѣтные русскіе флаги, и обдирали синюю и бѣлую полосы, оставляя только красную. Затѣмъ, когда въ тюрьму ѣхала карета съ заключенными, молодежь бросилась отбивать ихъ, крича о томъ, что законъ 17 октября предписываетъ дать свободу всѣмъ, кто арестованъ за политическія убѣжденія. Но, должно быть, городовые и казаки плохо усвоили себѣ этотъ законъ: они стали стрѣлять въ толпу, а толпа пустила въ ходъ камни и браунинги. Много было убитыхъ и раненыхъ, причѣмъ нѣкій Соколовъ, раненый городовымъ, показалъ, что полиція «добивала раненыхъ». Эта безобразная сцена происходила на Тверскомъ бульварѣ, возлѣ дома градоначальника. Масса народа едва не подверглась ужасному разстрѣлу отъ взвода солдатъ, вышедшаго со двора градоначальника, но бывший въ толпѣ помощникъ градоначальника генералъ Рудневъ, взбравшись на возвышеніе, объявилъ, что часть заключенныхъ уже освобождена изъ тюремъ, и просилъ всѣхъ успокоиться.

— Ура!—отвѣчала толпа и ринулась дальше.

Такимъ образомъ, побоище (въ которомъ принимали участіе и пожарные) не разрослось въ настоящее сраженіе... по крайней мѣрѣ на Тверскомъ бульварѣ. Въ другой мѣстности (въ Каменщикахъ) взводъ казаковъ встрѣтилъ народныя процессіи залпами изъ ружей. На Тверской, близъ Англійскаго клуба появилась патріотическая манифестація съ портретомъ Государя и національными флагами. На нее напали участники процессій съ красными флагами; произошла нелѣпная пальба изъ револьверовъ, полилась кровь, повалились раненые; патріоты, по большей части не вооруженные, бросивъ свои флаги, бѣжали во всѣ стороны...

Въ этотъ же знаменательный день произошло не менѣ знаменательное по своимъ послѣдствіямъ событіе: близъ императорскаго технического училища, на Нѣмецкой улицѣ былъ убитъ дворникомъ Михалинымъ ветеринарный врачъ Бауманъ, недавно лишь выпущенный изъ Таганской тюрьмы. Въ газетахъ было дано въ то время

совершенно невѣрное описаніе этого случая; репортеры сообщили, что какой-то неизвѣстный выстрѣлилъ въ Баумана два раза и убилъ его наповаль. На самомъ дѣлѣ было такъ. Бауманъ сидѣлъ на извозчикѣ, держалъ въ рукахъ красное знамя и кричалъ толпѣ:

— Свобода! Свобода! Да здравствуетъ русское учредительное собраніе! и т. д.

Сидѣвшій у воротъ одного дома дворникъ Михалинъ, имѣя въ рукахъ стальной обломокъ водопроводной трубы, бросился къ пролеткѣ и сталъ вырывать красное знамя. Бауманъ вынулъ револьверъ и выстрѣлилъ въ Михалина, кто говоритъ—одинъ разъ, кто—два раза. Тогда дворникъ ударилъ Баумана стальной трубой, а когда врачъ упалъ на землю, добилъ его на землѣ.

Этотъ звѣрскій поступокъ, можетъ быть, не попалъ бы въ «исторію», потому что вскорѣ въ Москвѣ было цѣлое море еще болѣе тягчайшихъ звѣрствъ, но имя Баумана было прославлено его необыкновенными похоронами. Это, дѣйствительно, оказалось чѣмъ-то грандіознымъ даже для тогдашнихъ дней, полныхъ сумятицы, крови и ужасныхъ событій. Но объ этомъ я буду говорить нѣсколько позже.

Пока на улицахъ и площадяхъ происходили всевозможныя и дикія, и радостныя сцены, пока чернь орала и распѣвала на бульварахъ и скверахъ,—въ московскую городскую думу явилась пѣлая партія присяжныхъ повѣренныхъ, и ихъ депутатъ доложилъ гг. гласнымъ желаніе всѣхъ своихъ товарищей, чтобы гласные вышли къ нимъ и выслушали резолюцію, постановленную на митингѣ московскихъ адвокатовъ и чиновниковъ судебного вѣдомства.

Гласные согласились удовлетворить это требованіе и вышли къ адвокатамъ, занявшимъ одну изъ залъ думы. Тогда одинъ изъ помощниковъ присяжныхъ повѣренныхъ, поздравивъ свободную московскую думу, поставилъ на видъ, что, невзирая на манифестъ 17 октября и его свободы, московской полиціей и казаками производятся нападенія на публику, и что гласные должны противъ этого принять немедленно самыя энергичныя мѣры.

Гласный Н. Н. Щепкинъ (нынѣшній членъ 3-й государственной думы) отвѣчалъ, что подобные факты нападеній возмущаютъ и гласныхъ, и что московское городское общественное управленіе разсматривать и удовлетворить ходатайство гг. адвокатовъ и чиновъ судебного вѣдомства.

Между тѣмъ передъ зданіемъ городской думы собрались тысячи народа. Тутъ была и патриотическая группа, несшая портретъ Государя. Городской голова вышелъ на подъѣздъ и поздравилъ съ манифестомъ «дорогихъ и свободныхъ гражданъ Москвы». Но тутъ опять хорошее смѣшалось съ дурнымъ, снова въ чашу ликованій брызнула человѣческая кровь. Когда толпа расходилась отъ думы, полиція, не имѣвшая указаній насчетъ свободы процессій, напала

на толпу въ Черкасскомъ переулкѣ (очень узкомъ, кстати сказать) и совершила избіеніе ни въ чемъ неповинныхъ людей, въ томъ числѣ и патріотовъ; казаки хлестали всѣхъ нагайками...

Вечеромъ въ многолюдномъ засѣданіи городской думы была предложена подписанная 54 гласными такая резолюція (составлялъ ее будущій предсѣдатель 1-й государственной думы С. А. Муромцевъ):

1) Почтить вставаніемъ память всѣхъ, положившихъ свою жизнь за дѣло русскаго освобожденія.

2) Признать безусловную необходимость полной амнистіи всѣхъ пострадавшихъ за свои политическія и религіозныя убѣжденія и отмѣны всѣхъ существующихъ въ Россійской имперіи исключительныхъ положеній.

3) Ознаменовать настоящій торжественный день широкими мѣропріятіями въ области свободнаго просвѣщенія народа и ассигновать особыя суммы на дѣла благотворительныя, принявъ потомъ во вниманіе бѣдственное положеніе семей рабочихъ, участвовавшихъ въ забастовкахъ.

Гласные думы А. И. Гучковъ, Н. И. Гучковъ, гг. Казначеевъ, Новицкій, товарищъ головы И. А. Лебедевъ и нѣкоторые другіе высказывались противъ подобной резолюціи, но большинство задавило ихъ при баллотировкѣ, и резолюція г. Муромцева была принята 62 голосами противъ 24.

Тогда А. И. Гучковъ составилъ текстъ привѣтственной телеграммы Государю Императору, съ благодарностью отъ московской думы за дарованный манифестъ 17 октября и его свободы. Это предложеніе имѣло успѣхъ: 68 голосовъ раздѣлили взглядъ г. Гучкова, 18 высказались противъ, и телеграмма была отправлена. Это была первая телеграмма, которая выполнила актъ вѣжливости передъ Монархомъ. Вторую—приблизительно такого же характера—послалъ московскій университетъ. Были ли благодарственные телеграммы отъ другихъ вѣдомствъ, обществъ и корпорацій? Затрудняюсь сказать. Въ моей записной книжкѣ «октябрь, 1905 г.» ни текста, ни факта отправки другихъ телеграммъ не занесено, хотя возможно, что это лишь мое упущеніе: масса событій, слѣдовавшихъ одно за другимъ съ быстротою снимковъ синаматографа, помѣшала мнѣ быть болѣе точнымъ.

Въ обыденной жизни Москвы, нарушенной, спутанной и взбудораженной, съ 17 октября началось нѣкоторое просвѣтленіе и упорядоченіе. И. о. гражданскаго губернатора расклеилъ увѣдомленіе, что Москворѣцкій (въ Рублевѣ) и Мытищенскій водопроводы охраняются войсками, и поврежденія исправлены (забастовщики, разобравъ машины на части, зарыли ихъ въ песокъ; все это было найдено и поставлено опять на мѣсто). Рабочіе, послѣ переговоровъ съ глас-

ными, стали опять на работы, и съ 17 октября появилась въ кранахъ вода: и была пора!—люди пили скверную колодезную и рѣчную воду, ретирады заражали воздухъ. Съ того же числа возобновились работы на скотобойняхъ, пошли вагоны 2-го общества конныхъ дорозъ и его же трамвай.

Но волненія не улеглись! Напротивъ, они росли, нарождались, были новы, неожиданны. Вѣсти изъ Петербурга не радовали, а пугали. Тамъ манифестъ 17 октября встрѣтили также бурно. 18 октября забастовали чиновники государственнаго банка и свистали министру финансовъ, явившемуся «умиротворить рѣчью служащихъ». На улицахъ Петербурга, какъ и въ Москвѣ, появились манифестанты, а солдаты Семеновскаго полка стрѣляли въ нихъ (происшествіе на углу Гороховой улицы). Петербургскіе уличные ораторы говорили толпѣ, что не вѣрятъ въ выполненіе свободъ, возвѣщенныхъ въ манифестѣ, и призывали народъ къ возстанію. Огромныя толпы манифестантовъ, шествовавшіе къ университету, имѣли во главѣ троихъ офицеровъ, которые шли съ завязанными платками погонами; рядомъ съ ними шла небольшая группа солдатъ (одинъ даже обнялся съ офицеромъ) и несла красное знамя...

Такія вѣсти для Москвы были искрами въ порошокъ. Даже депутація редакторовъ газетъ у графа Витте, требовавшая удаленія войскъ изъ Петербурга, организациі милиціи и политической амнистіи,—была фактомъ, вовсе не указывавшимъ на мирное разрѣшеніе вопроса, какъ ввести въ жизнь объявленныя свободы.

Въ Москвѣ это немедленно узнали и намотали на усъ. На другой день (19 октября) «Русскія Вѣд.» напечатали передовую статью, начинающуюся такъ:

«Конституціи пишутся въ сердцахъ гражданъ. Свобода живетъ только тамъ, гдѣ въ гражданахъ есть готовность за нее умереть».

И далѣе профессорская газета призывала всѣхъ «дать Аннибалову клятву отстаивать дарованныя свободы».

Спрашивается, что должны были думать взбаламученные московскіе обыватели, если серьезная газета профессоровъ съ непонятнымъ легкомысліемъ приглашала бороться за только что объявленныя свободы и, главное, свободы, которыя пока никто не пытался изъять изъ гуманнаго манифеста? И если низшіе слои общества, какъ бы подчиняясь свободамъ, требующимъ порядка, прекращали свои забастовки, на примѣръ, желѣзнодорожники, возобновившіе работу по движенію поѣздовъ почти на всѣхъ желѣзныхъ дорогахъ, то интеллигенція, наоборотъ, стремилась нарушить всякій порядокъ.

19 октября состоялся митингъ присяжныхъ повѣренныхъ, подъ предсѣдательствомъ г. Тесленко. На этомъ митингѣ постановленія и резолюціи, а также рѣчи ораторовъ просто поражаютъ несерьезностью, а порою явнымъ мальчишествомъ. Начали съ того, что рѣшили

возложить вѣнокъ на гробъ Баумана съ надписью: «Славному борцу за пролетаріатъ—свободная адвокатура». Теперь заурядность Баумана, какъ общественнаго дѣятеля, никто не станетъ отрицать, но тогда даже адвокаты, люда жизни, опыта и закона, почему-то стали чествовать ветеринарнаго врача, именовать его «борцомъ» и т. д. Впрочемъ, событія иногда создаютъ гигантскіе ореолы мизернымъ карликаммъ. Наконецъ, трагическая гибель Баумана по человѣчеству возбуждаетъ къ нему жалость. Вѣнокъ на его гробъ—тутъ ничего особеннаго нѣтъ. Но вотъ вамъ рѣчь прис. пов. Гартунга. Этотъ юристъ объявилъ, что въ дѣлѣ убійства Баумана онъ не винитъ невѣжественную массу, а винитъ московскаго митрополита, разрѣшившаго читать въ церквахъ поученія, гдѣ, будто бы, рекомендовалась расправа черной сотни съ интеллигенціей.

Что же сдѣлало собраніе адвокатовъ, какъ оно «реагировало» на эту рѣчь?

Отвѣтомъ служить резолюція, въ которой говорится о продолженіи освободительной борьбы, о требованіи отмѣны положенія объ усиленной охранѣ, уничтоженіи охранныхъ отдѣленій, полиціи и жандармеріи, удаленіи отъ дѣла Д. Θ. Трепова и дарованіи всеобщей амнистіи. Затѣмъ, въ той же резолюціи было рѣшено требовать учрежденія городской милиціи; если городская дума въ этомъ откажетъ, то принять свои мѣры къ организациі народной милиціи. Послѣдній пунктъ резолюціи просвѣщенныхъ юристовъ—верхъ совершенства: адвокаты постановили обратиться съ воззваніемъ къ войскамъ московскаго гарнизона, чтобы они «не стрѣляли въ народъ, добывающійся свободѣ».

Нисколько не касаясь политическихъ взглядовъ гг. московскихъ адвокатовъ и не имѣя права осуждать даже болѣе серьезныя выступленія людей, начавшихъ борьбу съ правительствомъ, я никакъ не могу понять именно отсутствія серьезности адвокатскаго собранія. Своей резолюціей, распубликованной въ газетахъ, адвокаты посѣяли такую сумятицу въ мысляхъ, что менѣе развитыхъ людей, ставшихъ жертвами дальнѣйшихъ кровавыхъ событій, совсѣмъ винить не приходится. Я вообще пришелъ къ выводу, что въ знаменательные дни броженія и возстанія московская интеллигенція сыграла плохую роль легкомысленныхъ подстрекателей, а блѣдные студенты, фабричные и простой народъ, повѣрившіе необдуманнѣмъ резолюціямъ и совсѣмъ глупымъ газетнымъ статьямъ, суть только жертвы, невинныя вечернія жертвы нашего комнатнаго политическаго азарта. И когда при мнѣ, послѣ побоища, устроеннаго казаками (разстрѣлы студентовъ возлѣ зданія университета послѣ похоронъ Баумана), пронесли на носилахъ молодыхъ людей, блѣдныхъ, залитыхъ кровью, я ощущалъ истерическія спазмы въ горлѣ и глубокое негодованіе противъ палачей, совершившихъ такое злодѣяніе. Но позднѣе нарождался и другой неотвязный вопросъ:

— А кто же толкнулъ это бѣдное юношество на смерть, на увѣчья, болѣзни и послѣдующую затѣмъ порчу карьеры и, можетъ быть, всей жизни?

Со всѣхъ сторонъ русское студенчество и сознательные плебеи слышали одобрительное понуканіе. Всякая корпорація, засѣдая, высиживала резолюцію, гдѣ требовалось «отстаиванье свободы», «борьба за дарованныя свободы». Всякій полуграмотный газетный свистунъ поджигалъ массу своими статьями, не понимая самъ, что онъ безсознательно провокаторствуетъ и губить дѣло русской свободы. Но не было обидно читать статью какого-нибудь уличнаго публициста или ренегата (ихъ объявилась тогда сразу цѣлая уйма), а вотъ когда сжималось сердце: если такія же легкомысленныя статьи писалъ уважаемый писатель, если корпорація, до сихъ поръ считавшаяся собраніемъ просвѣщенныхъ дѣятелей, составляла резолюціи, послѣдствіемъ которыхъ были рѣзня и бунтъ...

Мудрено ли, послѣ того, что московскій университетъ 19 октября 1905 г. представлялъ собою готовую къ услугамъ арену для цѣлаго ряда политическихъ митинговъ, съ участіемъ рабочихъ, курсистокъ и многихъ другихъ постороннихъ лицъ. На этихъ митингахъ, помимо общихъ вопросовъ, обсуждалась программа похоронной процессіи съ тѣломъ Баумана. Рѣшили сдѣлать похороны пышными, торжественными. Не личность убитаго, скажу еще разъ, а обстоятельства, при какихъ онъ былъ лишенъ жизни, создали ему лучезарный ореолъ.

Но не одни студенты, а даже извѣстные общественные дѣятели и люди почтенные, если не заслугами, то возрастомъ, также приняли большое участіе въ баумановской исторіи. Составилась депутація къ генераль-губернатору: князь Д. И. Шаховской, инженеръ А. Н. Милоковъ и членъ союза присяжныхъ повѣренныхъ О. В. Гольдовскій явились къ г. Дурново въ качествѣ «уполномоченныхъ» съ докладомъ о проектѣ похоронъ Баумана. При этомъ уполномоченные указали генераль-губернатору на продолжающіяся нападенія и столкновенія полиціи съ народомъ и просили удалить всякія войска въ день похоронъ.

Растерявшійся генераль-губернаторъ далъ обѣщаніе убрать городовыхъ, жандармовъ и казаковъ, хотя и просилъ сказать, каковъ будетъ маршрутъ шествія съ тѣломъ. Но уполномоченные отказались сообщить ему это, прибавивъ, чтобы въ особенности казаки не появлялись на улицахъ, такъ какъ «одинъ ихъ видъ приводитъ народныя массы въ крайнее раздраженіе». Возможно, что это такъ и было. Но въ раздраженіе приводили москвичей не одни казаки, но и газетныя зажигательныя статьи. Такъ, въ день похоронъ Баумана въ «Рус. Вѣд.» было напечатано письмо нѣкоего Вл. Д., гдѣ заявлялось, что русскій пролетаріатъ не забудетъ именъ своихъ героевъ и не проситъ преждевременной смерти ихъ. Спрашивается, неужели профессора газеты не понимали всей безтактности этого письма, под-

ливавшего въ огонь масло? Въ той же газетѣ какой-то Л. описываетъ стычку краснознаменщиковъ съ черносотенцами; увѣряя, что люди, несшіе красные флаги, стрѣляли холостыми зарядами, онъ потѣшается надъ быстрымъ бѣгствомъ черной сотни, покидавшей свои національныя знамена; и будто бы какая-то артистка Художественнаго театра сказала весело:

— У насъ на сценѣ и послѣ 15 репетицій такъ хорошо не убѣгаютъ!

Такова была тогда эта считавшаяся у насъ всегда корректной и умѣренной газета, превратившаяся въ какой-то винегретъ изъ московскихъ событій, подобранный съ извѣстной тенденціозностью. Очевидно, у гг. редакторовъ-профессоровъ не было духовнаго ока взглянуть и понять картину русской жизни, не было сердца почувствовать ужасъ грядущаго. Впослѣдствіи, когда «выросшее» общество реформаторовъ перешло границы профессорскихъ рамокъ, газета спохватилась, но было поздно, и ее саму, вмѣстѣ съ ея профессорами причислили къ разряду отсталостей и чуть-чуть не черносотенцевъ...

Ища и добываясь амністіи для арестованныхъ за политическіе взгляды, москвичи не ограничились своей администраціей. Уже 18 октября графъ Витте получилъ такое же требованіе, подписанное 140 видными москвичами, начиная съ Ѳ. Шаляпина, Б. Абрикосова, Ив. Морозова, Р. Вострякова, И. Баранова, Б. Малевского и многихъ другихъ.

Между тѣмъ въ Москвѣ становилось тревожнѣе и безпокойнѣе: то здѣсь, то тамъ толпа имѣла столкновенія съ полицейскими, и каждый разъ кровавыя пятна нестрили тротуары и улицы. 19 октября московское губернское земство прекратило забастовку. У меня въ записной книжкѣ стоитъ помѣтка: примѣръ земства долженъ произвести хорошее впечатлѣніе, это начало конца московскихъ забастовокъ. Но я ошибался...

20-го октября состоялись похороны Баумана. Я никогда не забуду этого дня. Я отправился вмѣстѣ съ извѣстнымъ адвокатомъ и нынѣшнимъ членомъ 3-й государственной думы Н. П. Шубинскимъ на Театральную площадь, куда съ самаго утра стремилась бездна народа. Черезъ эту площадь, направляясь съ Лубянской, должна была прослѣдовать вся похоронная процессія. Огромный плацъ между Большимъ, Малымъ и Новымъ Императорскими театрами съ одной стороны, зданіемъ гостиницы «Метрополь», домомъ Журавлева и городской думой съ другой представлялъ необычайно диковинное зрѣлище. Всѣ крылечки, тротуары, дворы были заняты зрителями. Изъ всѣхъ оконъ выглядывали сотни любопытныхъ глазъ. На ступеняхъ главнаго подъѣзда Большого театра, широкихъ и отлогихъ, живописными группами и съ большимъ для себя комфортомъ разсѣлось человѣкъ четыреста зрителей разнаго зва-

нія и одѣянія. Я и г. Шубинскій также заняли мѣсто возлѣ одной изъ колоннъ. Отсюда площадь была какъ на ладони. Мы сразу увидели, что полиція отсутствуетъ. Оказывается, генераль-губернаторъ сдержалъ слово, данное уполномоченнымъ отъ организаторовъ похоронъ: казаки, жандармы и городовые исчезли, и публика, привыкшая къ старому режиму, пугалась и сейчасъ же торопилась сочинить трагическій анекдотъ на тему, что, дескать, вотъ какъ только процессія войдетъ на Театральную площадь, сейчасъ съ разныхъ сторонъ выйдутъ казаки и начнется рѣзня.

Нѣкоторые, слыша подобныя предположенія, поспѣшили убраться во-свои, но мы знали, что полиція удалена по распоряженію властей, знали и то, что устроители похоронъ ручались за полный порядокъ этого дня.

Кое-гдѣ шныряли въ толпѣ подозрительныя личности и собирали на освободительное движеніе. Нѣкоторые субъекты выговаривали даже «ослобонительное передвиженіе». Деньги они собирали въ картузы и шапки.

Къ намъ подскочилъ молодецъ острожнаго типа, съ лихими усами и наглымъ взглядомъ:

— Пожертвуйте, господа, пролевіяту на освобожденіе!—зычно крикнулъ онъ и подставилъ свой картузъ, почти до краевъ наполненный серебромъ и мѣдью. Изъ нашей группы кое-кто нехотя далъ, а когда собиратель прошелъ дальше, послышались осторожные голоса:

— А не собираетъ ли онъ на кабачное разореніе да на табачное построеніе?

— Мудренаго нѣтъ. Мошенниковъ теперь видимо-невидимо развелось...

Мы сидѣли около часу, это намъ надоѣло, и мы стали прохаживаться по площади. Вдругъ пронесся заглушенный крикъ:

— Казаки!

Часть публики всколыхнулась, бросилась бѣжать, но скоро всѣ увидели, что на площадь пріѣхало двое верховыхъ,—не казаковъ, а какихъ-то штатскихъ. Это была «верховая милиція», временно организованная устроителями похоронъ. Съ верховыми были и пѣшіе, въ пиджакахъ, высокихъ сапогахъ и черныхъ фуражкахъ. Это оказались фабричныя съ разныхъ московскихъ фабрикъ. Они начали расчищать путь на площади, заявляя, что сейчасъ похоронная процессія выйдетъ на Лубянскую площадь.

Дѣйствительно, скоро закричали:

— Идутъ, идутъ! Несутъ!

Лубянская площадь расположена выше Театральной, и отъ первой улица мимо Третьяковскаго проѣзда идетъ подъ гору. И вотъ, глядя вверхъ, по направленію къ Лубянской площади, публика вдругъ увидала, что просвѣтъ вверху внезапно закрылся...

Что-то огромное, сѣрое и какъ бы пылавшее вверху, влилось на ту площадь и медленно потекло внизъ, къ театрамъ... Это была трехсотъ-тысячная толпа людей, составлявшихъ похоронную процессію Баумана. Издали люди сливались въ темно-сѣрый тонъ... Но откуда же эти огни вверху, яркіе языки пламени, это длинное, красное, какъ свѣжая кровь, пятно надъ головами людей?

Я недоумѣвалъ, но не долго.

Красныя пятна, пламя, протянувшаяся лента крови—были красныя флаги, знамена, щиты такого же цвѣта. Ихъ обиліе и огромныя размѣры создали на минуту зловѣщую иллюзію. Мелкіе флаги колебаль вѣтеръ, они вились, какъ языки пламени горящаго зданія; громадныя красныя транспаранты съ черными надписями окрасили кровью это необычайное скопище людей. Издали все это было внушительно и страшно. Казалось, какое-то чудовище ползеть къ намъ,—тихо, осторожно, но увѣренно и грозно...

Громкое пѣніе, могучее, торжественно-унылое, долетѣло къ намъ. Мы стали разбирать мотивъ извѣстнаго и популярнаго въ тотъ годъ въ Москвѣ похороннаго марша.

— Дорогу! Дорогу!—кричали на площади.

Но толпа, напротивъ, ринулась къ «Метрополю» и загородила проходъ. Между тѣмъ процессія приближалась.

— Сколько красныхъ знаменъ, флаговъ!—говорили кругомъ.

— А вы читайте надписи... вотъ, глядите въ бинокль!

— Ого-го!

Я вспомнилъ, что есть бинокль и у меня. Я навелъ его на процессію. Какъ сейчасъ помню: четыре студента съ открытыми ртами (они что-то пѣли) несли на двухъ древкахъ красный щитъ, и я прочелъ на немъ:

«Да здравствуетъ временное революціонное правительство и демократическая республика!»

Надпись меня ошеломила.

Какъ—временное правительство? Когда же оно организовалось? И затѣмъ, что же это такое? Всѣ кричатъ о борьбѣ за свободы, дарованныя манифестомъ 17 октября, а здѣсь отмечено въ сторону даже правительство, писавшее этотъ манифестъ?

А надписи все прибывали, и я читалъ много аналогичныхъ выражений: «Да здравствуетъ свобода!», «Борцу за свободу!» и т. д. Нѣкоторые щиты гласили: «Долой самодержавіе!», «Да здравствуетъ учредительное собраніе!», «Долой царизмъ!» и т. д.

Все было красное: флаги, ленты, розетки на костюмахъ, даже гробъ Баумана, несомый на рукахъ молодежью, былъ покрытъ чѣмъ-то краснымъ. Въ разныхъ мѣстахъ процессіи пѣли то «Марсельезу», то «Похоронный маршъ». Кругомъ гроба и ядра процессіи шли фабричныя, схватившись рука съ рукой и образуя живую цѣпь. Скажу откровенно, что, несмотря на необозримое количество народа, давки не было, и порядокъ соблюдался образцовый. Со-

ставлявшіе цѣпь охотно пропускали желающихъ итти внутри, за гробомъ; они обращались со всѣми вѣжливо, съ какой-то особенной важностью; грандіозность этой картины, повидимому, всѣхъ утратила, взволновала, и всѣ притихли. Исчезли горланы, собиравшіе на «передвиженіе» (они, впрочемъ, ступевались даже при появленіи на площади фабричныхъ и конныхъ распорядителей), прекратились крики. Площадь народа внимала зловѣщему пѣнію и была подавлена моремъ кровавыхъ флаговъ и надписей, говорящихъ, быть можетъ, о томъ, что скоро въ невѣроятномъ изобиліи брызнетъ настоящая кровь...

И я былъ подавленъ, охваченъ весь этимъ стихійнымъ зрѣлищемъ, этой громадой внѣшняго и мощью внутренняго. Тутъ было нѣсколько сотъ тысячъ какъ бы участниковъ процессіи, хотя на самомъ дѣлѣ $\frac{7}{8}$ оказывалось любопытствующимъ и вполне случайнымъ элементомъ. Но тогда казалось, что Баумана хоронитъ вся Москва. Казалось, что вся Москва, хороня Баумана, хоронитъ свой старый, вѣками освященный обрядъ... новые звуки, новые напѣвы и новые люди гремѣли теперь по Москвѣ...

И Москва, созерцая эти незабываемыя картины, была погружена въ глубокую думу и тревожное недоумѣніе...

.....
 День похоронъ Баумана прошелъ чинно и мирно, вопреки всякимъ предсказаніямъ. Цѣпь молодыхъ фабричныхъ желѣзнымъ кольцомъ окружала процессію и сохранила образцовый порядокъ во все время шествія по Москвѣ.

Но вечеръ ознаменовался крупнымъ несчастіемъ. Часовъ въ 10 или немного позже я, по своей корреспондентской должности, опять пошелъ къ университету, чтобы узнать, какъ закончились похороны. Со мной былъ студентъ московскаго университета В. Н. Л—въ. Мы шли, разговаривали о событіяхъ, студентъ сообщалъ мнѣ слухи о томъ, что будто бы черная сотня предрѣшила заранѣе напасть и избить возвращающихся съ похоронъ студентовъ, курсистокъ и фабричныхъ. Это были слухи вздорные; «черная сотня» въ Москвѣ 1905 года никакихъ «массовыхъ» нападений ни на кого не дѣлала, да и дѣлать не могла. Монархистовъ оставалось въ городѣ немало, но такихъ, чтобы итти съ дубьемъ и браунингами на студентовъ и интеллигенцію, я не встрѣчалъ. Вообще патріоты не были воинственны; случай, давшій поводъ артисткѣ Художественнаго театра сострить о скорости бѣгства патріотовъ, говорить намъ скорѣе о явно трусливыхъ, а не о боевыхъ наклонностяхъ членовъ патріотическихъ организацій.

Не успѣли мы съ г. Л—вымъ свернуть къ университету, на Большую Никитскую, какъ вдругъ толпа, ея крики и волненіе заставили насъ ускорить шагъ. Что же мы увидали? Изъ узенькой университетской боковой двери выносили одного за другимъ на носилкахъ тяжело-раненыхъ молодыхъ людей...

— Что случилось!?—спрашивали мы, пораженные этимъ зрѣлищемъ.

— Развѣ вы не знаете? Правительственныя войска вышли изъ манежа и дали нѣсколько залповъ по возвращавшейся съ похоронъ Баумана процессіи.

— Почему же войска стрѣляли?

— Неизвѣстно. Должно быть, администрація рѣшила вступить въ активную борьбу съ революціонной организаціей.

Въ другой группѣ какой-то парень въ панковомъ пиджакѣ рассказывалъ:

— Солдаты вышли, а студенты въ нихъ и пальнули... Вотъ они и давай въ насъ чесать!

Какая-то дама, схвативъ меня за руку, зашептала:

— Не слушайте, господа! Это провокаторъ! Онъ нанятъ полиціей... Онъ провокаторъ!

Я слушалъ и не слушалъ эти разговоры. Но я тѣснился къ двери, изъ которой показывались носилки, и среди бѣлья съ пятнами крови я видѣлъ смертельно блѣдныя, нѣжныя юношескія лица, безусыя, съ закрытыми глазами...

— Вотъ они, наши дѣти, наше дорогое студенчество, наша пылкая молодежь! За что они гибнуть?—думалъ я, холодѣя отъ горестнаго ужаса.

Толпа молчала, всѣ, глядя на эту пугающую процессію, задерживали дыханіе. Какая-то дама, не могши удержаться, закрылась платкомъ и тихо плакала.

Ужасающее событіе, какъ получается въ итогѣ разныхъ слуховъ, разговоровъ и думскихъ разслѣдованій, заключалось въ слѣдующемъ:

Съ могилы Баумана по Воздвиженкѣ и по Моховой къ зданію университета толпа вернулась всего въ количествѣ 2—3 тысячъ человекъ. Въ это время на лихачѣ проскакала какая-то пьяная компанія, пѣвшая нѣсни (такіе гуляки въ эти дни, какъ это ни странно, все же иногда попадались), и одинъ, сидѣвшій въ пролеткѣ, выхватилъ револьверъ и произвелъ недѣльную пальбу, произведшую панику на два, такъ сказать, фронта: студенты и фабричныя, предполагая нападеніе черной сотни, съ крикомъ бросились къ университету, и, какъ говорятъ, кто-то, подъ вліяніемъ нервнаго переполоха, выстрѣлилъ изъ браунинга.

Въ то же время казаки, сидѣвшіе въ манежѣ, слыша выстрѣлы (говорятъ, пули пьянаго скандалиста попали въ двери и окна манежа), выскочили изъ помѣщенія на улицу и, имѣя во главѣ только одного унтеръ-офицера предположили стрѣльбу по манежу со стороны революціонеровъ. Общій крикъ и сумятица довершили дѣло, и солдаты дали по толпѣ два залпа, давшіе свыше семидесяти человекъ убитыми и ранеными...

Вотъ, по крайней мѣрѣ, какъ многимъ свидѣтелямъ происшествія рисуется это возмутительное дѣло. Мнѣній о немъ, конечно, существуетъ много и очень рѣзко разнящихся одно отъ другого. Монархисты кричали, что революціонная банда открыла пальбу по казакамъ, а лѣвые клялись, что казакамъ вмѣнили въ обязанность разстрѣлять процессію. Говорили также, что казаки мстили этими выстрѣлами за удаленіе ихъ съ московскихъ улицъ въ день похоронъ Баумана, что казацкіе офицеры были возмущены визитомъ къ г. Дурново гласныхъ думы А. И. Гучкова, А. Э. Арманда, М. Г. Комисарова, А. Я. Герценштейна, Д. И. Тихомирова, Н. Ю. Кирхнера и П. А. Столповскаго, которые просили генераль-губернатора не только удалить войска и полицію въ день похоронъ Баумана, но казаковъ даже совсѣмъ вывести изъ Москвы.

Я не буду разбираться во всѣхъ этихъ мнѣніяхъ. Прибавлю лишь одно: если казаки и подумали, что на нихъ устраивается нападеніе, они во всякомъ случаѣ не могли стрѣлять въ толпу. Ихъ выстрѣлы были не вынужденная при самой крайности оборона, но какая-то произвольная казнь неповинныхъ людей за то, что двое негодяевъ произвели свои нелѣпыя выстрѣлы. Не надо также забывать, что казаки остались невредимы; въ манежѣ выбиты только два-три стекла, а на тротуарахъ и мостовой передъ университетомъ повалилось нѣсколько десятковъ юношей...

Въ эту ночь, вернувшись домой, я не уснулъ до утра; меня била лихорадка, мнѣ мерещилась кровь, мертвыя тѣла...

Н. Ежовъ.

(Продолженіе въ слѣдующей книжкѣ).

ЖИВЫЯ ВСТРѢЧИ

I.

Лѣсникъ Татьяна.—«Маланенокъ».—«Образованный мужикъ».—Провокаторъ въ деревнѣ.

О ВЫХОДѢ изъ вагона желѣзной дороги, меня встрѣтили на платформѣ старшій мой егеръ, Василій Лукичъ Моховикъ, и его помощникъ Максимъ изъ Черемши. Они выражали сожалѣніе о томъ, что я не могъ ранѣе пріѣхать къ нимъ на охоту.

— Морозило и было тихо все время, а сегодня ночью сталъ сверху падать мокрый снѣгъ и вѣтрено...

— Ну, эта оттепель теперь не надолго,—утѣшалъ меня Максимъ, видя, что я сильно огорченъ.—Не къ тому идетъ дѣло... Ободняетъ и опять подморозить.

Его предсказаніе, однако, не сбылось. Днемъ стало еще хуже. Снѣгъ валилъ большими хлопьями и тотчасъ же таялъ. Лошади вязли въ мокромъ снѣгу и лѣдиво тапились по дорогамъ.

— Погоняй, Максимъ!—сердито кричалъ сзади насъ Моховикъ.— Не заводи рокотнякъ съ бариномъ, а погоняй лошадь. Ъхать надо.

— Ну, ты, сморкачь!—отозвался Максимъ добродушно.—Къ теплой кашѣ поспѣшаешь?

— А замѣшкаешься здѣсь, такъ и ночки хватимъ въ дорогѣ,—отозвался Моховикъ.—До Татьяны еще версты три съ гакомъ... Послѣ трехъ верстъ, будешь еще столько же верстъ дышать, какъ усталая собака: «гакъ-гакъ»... Наши версты не мѣряны... Давай ходу! Давай ходу!—покрикивалъ онъ.

Максимъ, однако, считалъ болѣе приличнымъ развлекать меня дорогой и посвящать въ сельско-хозяйственныя предсказанія о томъ, что зима хотя и ранняя, да безъ толку.

— Снѣгъ выпалъ безъ морозу, вода на поляхъ не промерзла, и хлѣбъ къ веснѣ попрѣтеть...

— Ну, а пойдутъ ли ребята на охоту въ такую мокрую погоду?— перебилъ я, интересуясь болѣе всего своими облавами.

— Давно дожидаются тебя! Имъ эта погода ни по чемъ...

Я вспомнилъ, дѣйствительно, что и прежде, въ болѣе худое время даже малолѣтнія дѣти ходили на облавы въ лаптяхъ и холщевыхъ штанахъ, съ дырчатыми армячишками на плечахъ...

«Богатыри, а не дѣти», думалъ я и тотчасъ увидѣлъ подтвержденіе своихъ о нихъ воспоминаній.

Навстрѣчу мнѣ бѣжала толпа дѣтей взапуски другъ передъ другомъ, съ сумочками черезъ плечо, рѣдко по дорогѣ, а болѣе по канавкамъ сбоку. Они плескались ногами въ водѣ, пихали одинъ другого на моховыя кочки и оглашали воздухъ громкимъ хохотомъ чистыхъ голосовъ.

— Балуются! Школьники!—пояснялъ Максимъ.—Кончили занятія и бѣгутъ домой...

«Въ такую-то погоду,—подумалъ опять я:—подъ такимъ-то вѣтромъ, идутъ эти дѣти весело полями и лѣсами изъ школы, верстъ за пять и шесть, въ свои деревни, безъ всякой усталости, съ играми и пѣснями, послѣ дневныхъ занятій грамотой и письмомъ... А наши малыши въ городахъ, —охраняемые гувернантками въ комнатахъ отъ форточекъ, не смѣющие выйти на улицу безъ калошъ и провожатыхъ, страдающие малокровіемъ и всякими «свинками»,—будутъ ли они годны переживать тяготу жизни и не проклянутъ ли они насъ за то, что мы съ дѣтства изнѣжили ихъ, воспитали ихъ на всемъ готовомъ, душевно-избалованными и не умѣющими мириться съ лишеніями?»

— Здравствуйте,—кричали школьники, поровнявшись со мной въ лѣсу и весело выбѣгая навстрѣчу изъ кустовъ, куда завлекли ихъ слѣды на снѣгу какого-то таинственнаго для нихъ лѣснаго звѣрька.

Я пожи малъ руки мальчугановъ, зная многихъ въ лицо и памятуя, что нѣкоторые изъ нихъ выросли на моихъ глазахъ. Одни изъ нихъ громко кричали, перебирая ножками сбоку моихъ саней, что у нихъ въ деревнѣ зайцы всѣ зелены на поляхъ поразрыли, другіе что-то фантазировали о лосяхъ въ лѣсной дачѣ, и каждый звалъ непременно заѣхать къ нимъ въ деревню.

Вдругъ одинъ изъ нихъ вспомнилъ, что въ прошломъ году я обѣщалъ ему привезти книгу для чтенія.

— Наказывалъ я тебѣ,—произнесъ онъ строгимъ тономъ:—достань мнѣ евангеліе по-русски и по-славянски... Такихъ намъ здѣсь не купить. Запиши себѣ въ бумажку, а то опять забудешь.

— Правильно,—соглашался я и вынулъ изъ кармана памятную тетрадку.—Обѣщаль, такъ надо исполнить слово. Ты что же, въ церковно-приходской школѣ учишься?

— Енъ да еще этотъ малецъ,—закричали дѣти,—къ псаломщику ходять, а мы въ земской школѣ...

«Этотъ народъ не пропадетъ,—невольнo думалось.—Такое стремленіе къ образованію даже въ дѣтяхъ...»

— Погоняй, Максимъ! Погоняй шибчей!—перебилъ насъ всѣхъ Моховикъ, недовольный медленной ѣздой и проволочками въ пути за разговорами съ дѣтьми.—Погоняй, что ли, своего голубя-то,—насмѣшливо продолжалъ онъ, намекая именемъ голубя на маленькую лошадь своего пріятеля.

Максимъ нахмурился и молча задергалъ вожжами.

Его лошадка, однако, бѣжала хорошо, и дѣти скоро отстали отъ насъ.

Я также былъ радъ поскорѣе отдохнуть у Татьяны, служившей лѣсникомъ въ обширныхъ дачахъ мѣстнаго землевладѣльца.

Эта женщина, 55 лѣтъ, поражала своимъ высокимъ ростомъ, широкими плечами и физической силой. Лѣсные порубщики боялись ея гораздо больше, чѣмъ лѣсниковъ изъ мужчинъ.

Она была не только сильной, но и неподкупной. Такихъ величавыхъ славянокъ я рѣдко видалъ въ Псковской губерніи. Нѣсколько разъ мужики собирались подкараулить ее въ лѣсу и убить, но она, какъ рассказываютъ, правой рукой сбиваетъ съ ногъ одного мужика, а лѣвой душитъ другого...

— На палкѣ ее ни одному изъ насъ и теперь не перетянуть,—говорятъ крестьяне:—а драться и не думай... Когда она стегнетъ кнутомъ лошадь, такъ та даже вся присядетъ отъ боли. Далеко слышно за деревней, когда Татьяна ѣдетъ и погоняетъ лошадь кнутомъ. Ея руку и слышно и видно... Была она молодой дѣвкой и пошла поздней осенью на рѣку ноги замывать... У нея ноги гусиные и холоду не боятся. Мальцы изъ чужой деревни ѣхали съ ярмарки и навалились на нее сзади... Такъ она всѣхъ до одного перекидала въ рѣку... Не даетъ имъ вылѣзти изъ студеной воды. Какъ какой на берегъ, такъ она его еще глубже закинетъ... Просили долго прощенія у нея ребята при всемъ народѣ. Вотъ у насъ какая лѣсничиха,—не безъ гордости говорятъ примирившіеся съ нею крестьяне.

Я бывалъ у Татьяны много разъ и теперь съ удовольствіемъ подѣхалъ къ ея двухъэтажной просторной избѣ. Она встрѣтила меня по обыкновенію веселымъ голосомъ.

— Подымайся наверхъ въ чистую половину,—закричала она, здороваясь за руку.—Посвѣтите-ка намъ. Эй, вы... люди!

Изъ жилой половины избы выскочила внучка Татьяны и также радушно пошла впередъ по лѣстницѣ со свѣчой въ рукѣ.

Тесовая горница была чисто вымыта, и двѣ кровати для гостей, съ высокими перинами и подушками, завѣшаны красными само-тканными пологамй.

— О, какъ хорошо у тебя, Татьяна.

— Рада и я тебѣ,—перебила она.—Скидавай шубу-то... Давай, сюда повѣшу.

Только что я усѣлся за столъ, крытый бѣлой скатертью, какъ та же внучка Татьяны внесла самоваръ и заварила чай.

Костюмъ на дѣвушкѣ былъ домашняго производства, равно какъ и украшенія на немъ. Окна въ комнатѣ и образа въ углу покрыты полотенцами тоже съ вышитыми орнаментами.

— Рукодѣльница она у меня,—похвалила Татьяна внучку, замѣтивъ мое любопытство къ особенностямъ ея наряда.—У насъ въ избѣ и сукна и ткани свои, а бумазеи и кумачу малость найдешь.

— Въ деревнѣ-то всего найдешь,—перебила внучка.—Народъ бываетъ въ отхожихъ промыслахъ и привозитъ къ намъ городскія моды. У насъ только въ избѣ по старинѣ живутъ.

— Покажи, покажи барину новые пологи къ кроватямъ и полотенца съ рисунками. Все домашнее издѣліе...

Я съ удовольствіемъ поглядѣлъ кустарное производство рушниковъ, божниковъ, занавѣсокъ и головныхъ уборовъ. Вспомнилъ я при этомъ поѣздку Н. М. Могилянскаго въ центральную Россію для собиранія этнографическихъ коллекцій въ музей императора Александра III и его замѣчаніе о томъ, что чѣмъ рогатѣе основа «кички» или «сороки», украшенной иногда золотомъ и серебромъ, тѣмъ дороже головной уборъ.

— Иная баба,—говорили этнографу,—этого добра на голову наворотитъ такъ, что попь и въ церковь не пуститъ. «Зачѣмъ въ храмъ съ рогами лѣзешь!» Въ другой деревнѣ головные уборы такъ рогаты, что не всякая сосватанная дѣвка идетъ туда: «Не хочу,—говоритъ,—ходить съ рогами».

Слушая мой пересказъ, Татьяна такъ громко хохотала за столомъ, что чашки на блюдечкахъ стучали. Внучка болѣе сдержанно улыбалась и показала мнѣ мѣстныя «сороки»—болѣе скромныя.

— Гдѣ сороки рогатыя, а у насъ трехнастные сарафаны,—воскликнула Татьяна.—Три сарафана дѣвки надѣваютъ сразу на себя... По одному сарафану заворачивается подъ мышки и послѣ, въ теченіе дня, по одному спускаютъ, чтобы всѣ видѣли дѣвку въ разныхъ нарядахъ... Вотъ, молъ, какъ я богата. Вотъ какъ наряжаюсь: за однимъ махомъ въ трехъ разныхъ нарядахъ.

— И пьютъ, и наряжаются, а кругомъ бѣдность и грязь,—дѣловито отвѣтила внучка и, какъ бы желая прекратить разговоръ о дѣвичьихъ нарядахъ, стала хлопотать около самовара.

— Егеря твои и внизу попьютъ чаю,—сказала Татьяна, не любившая того, чтобы мужики топтали ея чистую комнату гряз-

ной обувью, но, вспомнивъ тотчасъ, что я безъ егерей не пью, не ѣмъ на охотѣ, она сама пошла за Моховикомъ и Максимомъ.

Вокругъ стола собрались вскорѣ и прочіе домочадцы Татьяна.

Одинъ изъ нихъ пріѣхалъ съ ярмарки изъ Ашевы и все удивлялся тому, что тамъ проведенъ телефонъ въ Бѣжаницы.

— Теперь вездѣ проводятъ ихъ по волостямъ, — видно, къ войнѣ, — отозвались мужики. — Намъ не съ кѣмъ говорить по проволокамъ и платить за нихъ въ казну не хочется. Часто и обрываютъ телефоны на поляхъ, но начальство вновь натягиваетъ ихъ на столбы и велитъ беречь эту «чужбинку»... Гадаютъ, какъ бы японцы опять не задрались съ нами.

Догадки наивныхъ людей совпадаютъ съ распространеннымъ и среди интеллигенціи мнѣніемъ о будущей войнѣ съ Японіей, несмотря на правительственное сообщеніе о взаимномъ мирѣ, такъ какъ этому сообщенію противорѣчитъ то, что Японія строитъ на границѣ крѣпости, склады, стратегическіе пункты, вызываетъ панику и пріостановку дѣлъ у мѣстныхъ торговыхъ людей, а китайцы избиваютъ русскихъ безнаказанно на пароходѣ «Хлопецъ», устраиваютъ таможеню на рѣкѣ Сунгари, запрещаютъ вывозъ зерна изъ Манчжуріи и самымъ наглымъ образомъ тѣснятъ русскаго коммерсанта не только за полосой отчужденія, но и въ полосѣ отчужденія.

До русскаго мужика доходятъ эти слухи о желтокожихъ изъ газетъ, и война мерещится ему при каждомъ удобномъ и неудобномъ случаѣ.

— Тоже и полиція, — говорятъ крестьяне: — ѣздятъ по деревнямъ и за недоимки отбираютъ самовары, ружья, сапоги — все, что попадетъ подъ руку, — тащатъ на продажу. Видно, къ войнѣ... Казнѣ нужны деньги.

Я пробовалъ возражать имъ, но «бородачи» упрямо повторяли свое:

— А какъ же въ газетахъ писали о сокращеніи призывного возраста? Къ чему же это, если не къ войнѣ?

Проектированную въ газетахъ мысль о наборѣ изъ ребятъ въ 16—18 лѣтъ они принимаютъ уже за осуществленный фактъ и ничѣмъ не увѣритъ ихъ въ томъ, что во внѣшней политикѣ все обстоитъ благополучно.

— У насъ и дома, промежъ себя, война и пожары, — повторяла Татьяна. — Въ Малыхъ Старикахъ, Новинской волости, сгорѣло гумно съ двумя женщинами, лошадыю и льняной машиной. Въ Городицѣ, Горской волости, сгорѣла постройка, скотъ, хозяинъ съ хозяйкой и три внука. Въ селѣ Велейнѣ малецъ 17 лѣтъ перерѣзалъ нѣсколько челоуѣкъ изъ чужихъ деревень на гулянкѣ... Всѣ ребята въ кузницахъ заказываютъ себѣ ножи, непремѣнно отточенные на обѣ стороны, и носятъ ихъ за голенищами. А въ Малыхъ

Старикахъ Маланенокъ, сынъ Маланьи, какъ напѣется пьянъ, такъ и ходитъ по дорогамъ съ двумя-тремя парнями. Ведутъ они его подъ руки, какъ злую собаку на цѣпи... Если надо спустить на встрѣчнаго прохожаго, то пускаютъ. Маланенокъ кидается съ кулаками и крикомъ: «давай на водку или кланяйся въ ноги». Не послушаетъ прохожій, его избиваютъ... Потомъ далѣе ведутъ «Маланенка» подъ руки; если нельзя спустить на новаго прохожаго, то крѣпко держать его за руки. А вырвется онъ, то вновь кричитъ: «давай на водку или кланяйся въ ноги». Вотъ каковъ у насъ Маланенокъ въ Малыхъ Старикахъ.

— Доставалось и «старицкимъ»,—вставили свое замѣчаніе мои егеря.—Канинскіе ребята ловко порѣзали ихъ ножами.

— За что же?

— А все—то же. У насъ вездѣ война за водку или изъ-за дѣвокъ. Мальцы затѣмъ и идутъ въ праздничное. Канинскіе ребята смиренные, а тоже не чортъ ихъ несъ на дыравый мостъ... Сами пошли лѣтомъ гулять въ Малые Старики. А тамъ есть такіе братья, Михаилъ и Григорій Васильевы. Не понравилось имъ, что парни чужой деревни пришли гулять съ ихъ дѣвками. Подучили они свою сестру попросить у нихъ сѣмечекъ... Канинскіе дали, а она вмѣсто спасибо хватила пястку грязи да и обметала ихъ всю чистую одежду грязью... Ну, канинскіе и спихнули ее съ крыльца недоброй честью. Вотъ и пошла между ребятами война. На судѣ стороны помирились. У насъ судьи всѣ драки замиряютъ, а только новыхъ не миновать... Одинъ разговоръ у деревенскихъ парней—какъ бы долгъ вернуть обидчикамъ. Ребятенки малые и тѣ пристають: «Бабка! а бабка! дай Богъ, чтобы я поскорѣе выросъ... Взялъ бы тростку у батьки, да и побилъ бы весь народъ».

Татьяна громко засмѣялась и прибавила:

— Родитель самъ нажрется водки и забавляется съ ребенкомъ... «Сругаешь мать—яблоко дамъ, а не будешь ругать—не дамъ».—«Большой вырасту—тогда и сругаю»...—«Большой вырастешь и безъ яблока выругаешь!» перебиваетъ мальчугана старый чортъ.—Ну, малышъ и растеть «пулиганомъ»... У насъ на Пасху, въ самый торжественный часъ, на деревенской иллюминаціи всѣ плошки были перебиты, а въ церкви у многихъ женщинъ платья нарочно перепачканы саломъ изъ этихъ плошекъ. Это уже не взрослые мужики, а «пулиганы» съ не обсохшими отъ молока губами... Вотъ какой теперь народъ растеть.

— Водка много портитъ человѣка,—произнесъ Моховикъ, ранѣе, нѣсколько лѣтъ тому назадъ, любившій сильно выпить.

— Пей, да дѣло разумѣй,—перебила его Татьяна нѣсколько сердито.—А то теперь одинъ угощаетъ другого: выпей и закуси... «А какая же польза будетъ съ того?» спрашиваетъ гость.—«Какъ какая? Пьютъ, чтобы аппетитъ былъ»...—«Нѣтъ, чтобы больше изо рта

«истор. вѣстн.», май, 1910 г., т. сxx.

12

разило водкой! Чтобы всё знали, что у меня есть деньги на водку... По модному надо пьянствовать, безъ закуски... Чтобы разило!» Вотъ и толкуй съ нимъ... Однимъ кивкомъ въ ротъ полный стаканъ водки выпиваетъ... «А выпьемъ стакановъ восемь, тогда и бросимъ», хвастаются нынѣшніе пьянчуги. А помрутъ, такъ по бѣдности глаза нечѣмъ будетъ прикрыть... Развѣ что призоветъ иной какую-то «сѣверную дружину» и разнесетъ весь край! Тоже съ пьяныхъ глазъ въ разныхъ мѣстахъ хвастаютъ и этимъ... А кто смиренно живеть, о томъ говорятъ, что онъ дуракомъ и на гулянкѣ кажется... Въ морду не умѣетъ заѣхать и не бахвалится тѣмъ, что отъ него водкой разить... Видно, что необразованный!

Татьяна вспомнила и семейную жизнь этихъ «образованныхъ» мужиковъ.

— Бывало, сѣрый мужикъ побьетъ женку, а та пѣсенку играетъ и виду не показываетъ, что ей больно. По ниткѣ жена ходила и служила хозяину, что свѣча предъ иконою... А нынѣ съ пьяницами и жены такія же. Гуляютъ, какъ на волѣ... Потому что нынѣшніе мужья говорятъ: «чи бы бычки ни скакали съ коровами, а телятки будутъ наши...» Такъ у нихъ въ избѣ и не разобрать, какія дѣти рождены отъ законнаго мужа, а какія отъ прохожаго «бычка».. Это теперь сколько хочешь въ избѣ у образованныхъ-то пьяницъ. У молодыхъ борода, какъ ворота, а ума съ защелки нѣтъ... Иной собою и большого росту, да на немъ только собакъ давить хорошо. Думаетъ-то и онъ думаетъ, да все нескладно. Ты его поздравить съ веселымъ утромъ, а онъ въ отвѣтъ: «здравіе намъ, а не вамъ»... Ну, нешто это хорошо? Пригоже ли, что человѣкъ такъ загордился? Или въ городѣ поживетъ годковъ десятокъ и въ деревню пріѣдетъ бариномъ. А начнетъ онъ ни къ чему разговоръ про начальство, все въ разговорѣ у него сучки и крючки, какъ у полицейскаго... «Ты казенный хлѣбъ ѣшь,—отвѣтила я:—а свой будешь ѣсть, не будешь такъ думать... Говоришь съ утра до вечера, а слушать тебя нечего». Смерть не люблю такихъ, которые прихватываютъ чужбинки. а своей совѣсти не имѣютъ. «Отъ насъ,—говорю такому гостю,—ничего не жди, что изъ городовъ будетъ»... А кто не поостерегся съ нимъ, тѣ и побывали у судьи не по своей надобности. Языкъ у такого человѣка правду не скажетъ, а въ душѣ онъ другое чувствуетъ, чѣмъ говоритъ. Насъ тоже онъ хотѣлъ здѣсь обжулить, да я пошла по деревнѣ и всѣмъ мальчикамъ привѣсила гирию на языкъ... Ряженный-то чокаль-чокаль, что дроздъ въ кустахъ, и сталъ на меня глядѣть, что гадъ изъ-подъ куста... А я ему въ глаза прямо и сказала: «Ты черезъ людей хочешь у начальства выправиться и затѣмъ пріѣхалъ къ намъ... Да природнаго человѣка дуракомъ не сдѣлаешь. Природная собака всегда чистой крови: чутыста и умна»...

— Такъ ты и отдѣлала этого сыщика?—спросилъ я, восхищаясь тактомъ лѣсной старухи.

— Такъ и обдѣлала, — смѣясь отозвалась она. — «Много въ тебѣ лихости, Татьяна», сказалъ онъ и уѣхалъ отъ насъ прямо въ городъ.

— Что же такое онъ говорилъ съ вами? — полюбопытствовалъ я.

— А вотъ послушай и разсуди его сказку. Служилъ у одного генерала челоувѣкъ, по имени Иванъ, и захотѣлось Ивану воды напиться...

— Выпилъ бы стаканъ водицы, да итти не хочется, — говорить Иванъ, лежа на скамьѣ. Генераль-то и услыхалъ это...

— Эй, Иванъ! — кричить ему. — Подай мнѣ стаканъ воды.

Иванъ мигомъ соскочилъ и принесъ то, что ему приказано. Генераль и сказываетъ ему:

— Выпей самъ этотъ стаканъ воды. Если тебѣ не приказывать, то ты, по своей лѣности, помрешь безъ питья... Вотъ такъ и весь народъ. — Пропадетъ безъ генераловъ, — поучалъ насъ городской гость.

— Ловкая западня! — согласился я.

— Ужъ такой капканъ для нашихъ ротозѣевъ, — воскликнула Татьяна: — что опаснѣе и не придумать! И государственная дума, говорить, одна балаболка, потому что нѣтъ тамъ генераловъ; и сами генералы, гдѣ они тамъ есть, имѣютъ жалость къ народу, а надо имъ имѣть такой характеръ, чтобы кровь изъ-подъ ногтей брызнула, когда, разсердившись на насъ, генераль сожметъ кулакъ... Вотъ что онъ намъ говорилъ и чѣмъ сердилъ народъ... Да я все дѣло смѣшала ему, — похвасталась Татьяна. — Мужики-то, вспоминая старинныхъ господъ, не залюбили и его генераловъ съ кулаками.. Да я привѣсила имъ гирю на языкъ, — они и замолчали.

II.

Кража невѣсть. — «Испорченные шматы». — Мужики о Маріи Тарновской. — Школа и внѣшкольное образованіе. — Пушкинская читальня въ Св. Горахъ.

Послѣ чаю Татьяна пошла въ нижнюю половину избы распорядиться насчетъ ужина для мужиковъ. Но и послѣ ея ухода разговоръ о деревенскихъ нравахъ не прекращался.

— Пойдутъ на мясоядніе ярмарки въ Марыняхъ да въ Цевлѣ и воровство невѣсть отъ Крещенья до первой недѣли поста, — произнесъ Моховикъ задумчиво. — Помнишь, — обратился онъ вдругъ ко мнѣ: — мы ѣхали прошлой зимой на волковъ и повстрѣчали старика на дорогѣ?.. «Иду, говорить, мириться къ отцу невѣсты моего сына... Не я къ нему, а онъ первымъ пришелъ ко мнѣ потолковать про дѣвку».

— Помню, какъ же...

Внучка Татьяны, разсмѣявшись, тоже воскликнула:

— Про порченный шмать, значить, толковать шель! Испорченная вещь—дочка-то его... Сыножь мужика укралъ дѣвку и мириться не захотѣлъ съ ея отцомъ. «Обирай, говорить, невѣсту долой!» А кто же возьметъ дѣвку послѣ жизни въ чужой избѣ? Ну, да его отецъ маленько съ совѣстью и пошелъ за него мириться къ отцу невѣсты. Мы всѣ знаемъ возню ихъ. Оно экономнѣе украсть невѣсту, по уговору съ ней,—продолжала Татьяна внучка:—одни расходы на вѣнецъ и только. А не надо ни сватовъ, ни гостей... Зато «испорченныхъ шматовъ» куда стало больше съ воровскими свадьбами.

Она добродушно засмѣялась, увѣренная въ томъ, что ее самое никакому мальцу не выкрасть изъ избы, не испортить на гулянкѣ.

— Пока живешь въ дѣвкахъ,—произнесла она убѣжденно:—такъ всѣмъ годишься, а родишь ребенка—никто и смотрѣть не захочетъ...

— И глазамъ стыдно, и душѣ нерадостно,—растроганно добавила Татьяна, поднявшись опять къ намъ наверхъ.—Все больше распутство въ пьяномъ видѣ... Дѣвки и тѣ приучены пить...

— Вино и елей поминаются въ Евангеліи...

— Ну, ты, Моховикъ, молчи лучше!—крикнула она на моего егеря.—Кнутомъ бы тебя попарить за эти самыя слова. Пьяная женщина ничего не имѣетъ своего... Ни души, ни тѣла... Кто приучить ее водку пить, тотъ научить ее и всякому дѣлу... Что я тебѣ скажу,—обратилась она ко мнѣ:—читалъ здѣсь еврей газету про госпожу одну такую... Полюбовники у нея были и вмѣстѣ съ нею пьянствовали, а потомъ за границей они убили богача и оправдываются тѣмъ, что госпожа надоумила ихъ на убійство. А по моему разсудку, кто надоумилъ ее вино пить, тотъ и дѣло все сдѣлалъ... Пьяная баба ничего своего не имѣетъ. Всякій владѣетъ и тѣломъ, и душой ея...

— Это что и говорить!—согласились мужики.—Кто научить бабу водку пить, тотъ же учить ее и воровству, и грабежу. Развѣ мы не видимъ у себя этого въ деревняхъ? Сколько хошь!..

Переночевавъ у Татьяны, я поѣхалъ далѣе въ глушь Холмскаго уѣзда, на сборный охотничій пунктъ, гдѣ меня ждали охотники изъ мѣстныхъ помѣщиковъ.

Они приѣхали передо мною и всѣ были пріятно возбуждены предстоящей на другое утро облавою на рысей, прослѣженныхъ ихъ собственными лукашами.

— Мы здѣсь мѣстовъ не знаемъ,—сказалъ Моховикъ за себя и за Максима, отказываясь отъ провѣрки рысей.—Будемъ стоять на крыльяхъ въ загонѣ. Звѣрь иной часъ выскочитъ между загономъ и охотниками, если никто не поставленъ съ ружьемъ на кромкахъ лѣса.

— Рысь, братъ, идетъ чащей, середкой лѣса,—возразилъ ему лукашъ.—На чистое мѣсто она и лисица не пойдутъ. Это не зайцы.

— Понажмешь загономъ, такъ пойдутъ, когда дѣваться больше некуда, — отвѣтилъ Моховикъ, закуривая «чортову пожку» и уходя съ самодѣльной папиросой въ сѣни курить.

— А ребятъ будешь въ загонъ брать или однихъ взрослых? — шопотомъ спросилъ меня Максимъ. — Надо заранѣе сказать, а то наберется мелкота да бабы...

Вопросъ, однако, услышали другіе охотники, и младшій изъ нихъ, студентъ изъ Москвы, отвѣтилъ, шутя:

— Изъ ребятъ брать только тѣхъ, которые въ школу ходятъ, а неучей — не надо... А то будутъ собираться въ кучу и ходить чистыми мѣстами. Не прогнать въ кусты глупцовъ, сколько ни говори!

Этотъ отвѣтъ мнѣ понравился, но я все-таки замѣтилъ, что въ такой глуши едва ли много школъ.

— О, да! Холмичи отстали, — грустно воскликнулъ онъ. — Заправили нашего земства скорѣе пригласятъ въ школы отставныхъ унтеръ-офицеровъ для преподаванія крестьянскимъ дѣтямъ гимнастики, чѣмъ образованныхъ учителей для пробужденія народа...

— Ну, милый другъ, — перебилъ его старый помѣщикъ изъ Опочецкаго уѣзда: — образовательный цензъ учителей вездѣ не высокъ... Можетъ быть, оттого и пользы нѣтъ отъ нашихъ школъ. Грамотные мужики такъ же пьютъ водку, какъ и неграмотные; такіе же они недоимщики, какъ и ихъ невѣжественные отцы. Школъ и мало, и развивающаго значенія онѣ не имѣютъ... Если бы онѣ оказывали вліяніе на населеніе, то могло ли бы случиться такъ, чтобы на весь Островскій уѣздъ съ 483,000 жителей выписывалось всего 226 газетъ; чтобы въ земскомъ собраніи по Новоржевскому уѣзду, гдѣ строятся такія прекрасныя школы, гласный В. В. Философовъ рекомендовалъ внѣшкольное образованіе народа съ цѣлью, какъ онъ сказалъ, «хотя бы нѣсколько поднять замѣтно упавшій уровень нравственности населенія и приучить его къ книгѣ и болѣе разумнымъ развлеченіямъ?» Тоже хорошо и это «внѣшкольное образованіе» — воскресныя школы, бібліотеки... Слова и слова! На бумагѣ все хорошо, а на дѣлѣ — ничего.

Студентъ сталъ горячо возражать противъ его пессимизма, но старикъ перебилъ его:

— Въ Святыхъ Горахъ, Опочецкаго уѣзда, гдѣ похороненъ А. С. Пушкинъ, имѣется бібліотека-читальня его имени, существующая уже десять лѣтъ... тоже на словахъ! Не угодно ли, — обратился онъ ко мнѣ, — посмотрѣть номеръ 229 «Псковской Жизни». Я захватилъ съ собою газетку, чтобы не скучать на охотѣ во время отдыха. Надо сказать вамъ, что два года тому назадъ въ Святыхъ Горахъ были спектакли въ пользу читальни, и вырученныя деньги отданы мѣстному купцу И. Бакусову для передачи ихъ распорядителямъ читальни, но до сихъ поръ комитетъ бібліотеки не видалъ этихъ денегъ... Да вотъ, почитайте сами.

Изъ любопытнаго сообщенія «Псковской Жизни» я узналъ, что Бакусовъ, зная, какъ поставлено дѣло библіотеки, по совѣту друзей, приобрѣлъ на всѣ эти деньги книги, которыя и просилъ комитетъ принять въ библіотеку. Формально Бакусовъ не правъ, и членамъ комитета не понравилось, что заботу о пополненіи библіотеки книгами приняло на себя, такъ сказать, частное лицо. Комитетъ наотрѣзъ отказался принять купленные Бакусовымъ книги, хотя онѣ пополняютъ читальню многими произведеніями по сельскому хозяйству и другимъ отраслямъ знаній. Всѣхъ этихъ книгъ въ читальнѣ нѣтъ и доказывать ихъ полезность не нужно.

Между тѣмъ комитетъ требуетъ деньги, а Бакусовъ вмѣсто денегъ предлагаетъ книги. Исторія эта тянется уже болѣе двухъ лѣтъ. Библіотека пустуетъ и становится мѣстомъ для свиданій и сплетенъ. Въ распоряженіи комитета имѣется 29,000 руб. Пушкинскаго капитала, съ котораго однихъ процентовъ 1,160 руб. получается ежегодно, а «казанскіе сироты», когда дѣло касается читальни, плачутся на отсутствіе денегъ. Для читальни денегъ нѣтъ, а для богадѣльни—сколько угодно. Содержаніе богадѣльни поглощаетъ всѣ процентныя деньги отъ Пушкинскаго капитала, благодаря тому, что главный членъ пушкинскаго комитета г. Крестинъ состоитъ поставщикомъ провизіи для упомянутой богадѣльни и поэтому понятно, что всѣ его симпатіи на сторонѣ этого учрежденія. Книгъ Крестинъ не читаетъ и вообще чтеніе книгъ считаетъ пустой забавой.

Подобранный Крестинымъ завѣдующій читальней А. П. Волковъ не нарушилъ гармоніи. Ему безразлично, есть книги или нѣтъ; ему все равно, куда употребить деньги,—на муку для богадѣльни, или на покупку книгъ.

Между тѣмъ, если бы во главѣ комитета стояли энергичные люди, не чуждые дѣлу просвѣщенія, то читальня давно представляла бы собою цѣнное учрежденіе. Изъ получаемыхъ 1,160 руб. процентныхъ денегъ легко можно было бы ежегодно тратить по 300 руб. на покупку книгъ. Въ теченіе десяти лѣтъ библіотека обогатилась бы книгами на сумму въ 3,000 рублей.

Потерявъ надежду на благоразуміе гг. членовъ Пушкинскаго комитета, святогорцы подали начальнику губерніи жалобу приблизительно слѣдующаго содержанія:

«Прошло уже больше десяти лѣтъ съ основанія нашей Святогорской Пушкинской читальни, но дѣла въ ней къ лучшему нисколько не измѣнились. За всѣ десять лѣтъ книгъ въ читальнѣ не прибавилось. Выдача книгъ велась крайне небрежно, почему пропало много книгъ, сочиненія получились разрозненными, и книги потеряли свою цѣнность.

«Завѣдующій читальней и члены Пушкинскаго комитета индифферентно относятся къ читальнѣ и не заботятся о пополненіи чи-

Тальни книгами, а всѣ процентныя деньги съ Пушкинскаго капитала тратятъ на богадѣльню, состоя для этой же богадѣльни поставщиками провизіи. Въ виду того, что читальня находится въ такомъ печальномъ видѣ, мы устроили въ ея пользу нѣсколько благотворительныхъ вечеровъ и, купивъ на собранныя деньги книги, внесли ихъ въ читальню. Члены Пушкинскаго комитета книгъ не приняли и потребовали отъ насъ деньги, не рассчитывая ихъ тратить на книги. Такое требованіе денегъ, вмѣсто книгъ, насъ удивило, потому что книги, вносимыя нами, допущены въ народныя читальни, разрѣшены, и списокъ ихъ подписанъ инспекторомъ народныхъ училищъ. Принося жалобу на дѣйствія членовъ Пушкинскаго комитета, не заботящихся о читальнѣ и мѣшающихъ поддерживать читальню, мы покорнѣйше просимъ ваше сіятельство принять участіе въ нашей читальнѣ».

— Ну, что-съ?—спросилъ меня торжествующій старикъ, замѣтивъ, что я оставилъ читать газету и тяжело задумался о томъ, что творится вблизи могилы Пушкина. Знаете ли еще, что въ библиотекѣ имени великаго поэта нѣтъ сочиненій Пушкина, и надо ли еще распространяться о томъ, какъ жизнь идетъ въ разрѣзъ съ нашимъ идеализмомъ,—обратился онъ вновь къ студенту.

III.

«Углами отбиваютъ землю».—Новый бытъ на почвѣ капитализма.—Экспроприаторъ разыскиваетъ по усадьбамъ «стильную старинную мебель».—«Маленькій Гапонъ» и становой.—Двѣ власти.

Споръ между старымъ и молодымъ человѣкомъ разогналъ нашъ сонъ. Нѣсколько разъ они переходили отъ мѣстныхъ интересовъ къ общимъ и отъ общихъ—опять къ мѣстнымъ. Одинъ желалъ, чтобы Россіей правило образованное меньшинство, другой—привѣтствовалъ государственную думу; одинъ говорилъ, что и въ Финляндіи, при всеобщемъ голосованіи, 40% населенія воздерживается отъ выборовъ, да изъ остальныхъ половина дураковъ; другой объяснялъ это недоразвитіемъ массы и надѣялся на скорое и окончательное ея пробужденіе.

— Ну, когда она проснется, тогда и давайте ей право управлять страной,—сказалъ горячій старикъ.—А до тѣхъ поръ мнѣ милѣе просвѣщенное и обеспеченное меньшинство во главѣ порядка.

— Господа!—остановилъ я ихъ, видя, что они оба разгорячились.—При такомъ коренномъ различіи взглядовъ на политическіе вопросы слѣдуетъ избѣгать ихъ и не раздражать другъ друга.

Они оба съ этимъ согласились, но черезъ десять минутъ опять уже полемизировали по вопросу о деморализаціи народа.

— А вы не приписываете распаденіе деревни, между прочимъ, и правительственному распоряженію объ отрубномъ хозяйствѣ?—спросилъ рѣзко студентъ.—Тамъ, гдѣ община не разлагается, возможно ли насильственно требовать отъ крестьянъ подписки въ томъ, что, покупая землю изъ банка, они будутъ селиться на ней хуторами? Кто порождаетъ это недовольство въ деревнѣ, какъ не ваше «просвѣщенное меньшинство»? Развѣ оно руководится «просвѣщеніемъ», а не классовыми своими выгодами и интересами?

Присутствовавшіе въ охотничьемъ домѣ лукаши прибавили отъ себя, что теперь вездѣ «углами отбиваютъ землю»...

Раскраснѣвшійся отъ спора угрюмый старикъ закричалъ на нихъ:

— Потому что мужики поземельныя не платятъ, недоимки растутъ, ничего съ ними нельзя подѣлать... Прогнать съ общественной земли нельзя, а разбилъ ее углами, наросъ долгъ, и землю можно продать,—получай остатокъ, а все прочее въ казну. Законъ о выходѣ крестьянъ изъ общины вызванъ тѣмъ соображеніемъ, что въ крестьянской общинѣ очень слабо развито представленіе о личной собственности и что этимъ обстоятельствомъ обусловлены всѣ позднѣйшіе аграрные беспорядки въ Россіи. Частная собственность научить мужика уважать трудъ и возбудить довѣріе къ крестьянскому хозяйству.

— Ну, послушайте,—спорилъ студентъ:—получивъ въ личную собственность надѣльную землю, крестьянинъ не можетъ продать ее постороннимъ лицамъ и взыскаііе частныхъ долговъ не можетъ быть обращено на нее. Крестьянинъ имѣетъ право заложить ее въ банкъ и, если не будетъ платить процентовъ и погашать долгъ, то банкъ тогда можетъ продать землю въ постороннія руки. Можетъ и крестьянинъ продавать ее, но предварительно предложивъ купить землю въ теченіе трехъ мѣсяцевъ тому сельскому обществу, изъ котораго онъ выдѣлился на участковое хозяйство. При этихъ ограниченіяхъ, разумѣется, крестьянинъ не будетъ имѣть кредита и довѣрія такъ же, какъ и теперь ихъ нѣтъ у него. Зато, получивъ надѣль въ «полусобственность» и предложивъ его купить сельской общинѣ, онъ тотчасъ же найдетъ на него охотниковъ среди разбогатѣвшихъ односельчанъ... Прежде эти собиратели земли, по выраженію проф. М. М. Ковалевскаго, назывались живоглотами, міроѣдами и кулаками, а теперь ихъ зовутъ «хозяйственными мужичками». Скупивши земли «полусобственниковъ», хозяйственные мужички будутъ потомъ называться помѣщиками, а послѣ за «особыя заслуги» ихъ назовутъ «дворянами». Широкое развитіе будущаго дворянства изъ крестьянскаго сословія—вопросъ ближайшаго времени, въ тѣсной связи съ выходомъ крестьянъ изъ общины въ положеніе собственниковъ, но безъ денегъ и кредита, безъ просвѣщенія и политическихъ правъ въ странѣ для обезземеленныхъ

массъ. Новый бытъ на почвѣ капитализма, со всѣми его послѣдствіями, идетъ на смѣну отживающаго.

Старикъ былъ придавленъ доводами молодого человѣка и не скоро нашелся, что отвѣтить ему.

— Не бѣдность угнетаетъ народъ, а непосильное богатство; къ которому крестьянинъ стремится,—отозвался наконецъ онъ.—Мужикъ хочетъ жить по-городски и будетъ самъ виноватъ, если заложитъ землю и потеряетъ ее.

— Не ладно ты говоришь, баринъ,—перебили его крестьяне.— Неужели Пахому и быть такому: родился съ лысинкой и умереть съ звѣздинкой? Неужели никакой перемѣны къ лучшему? Неужели начальство намѣрено разорить мужиковъ? Насъ разоришь, такъ и вездѣ станеть худо: некому будетъ покупать товаръ у купца, не на кого будетъ и фабрикамъ работать, да и помѣщику неспокойно съ голоднымъ народомъ.

— Ахъ, лихонько мнѣ!—насмѣшливо воскликнулъ тотъ на ихъ замѣчаніе о голодномъ народѣ.—Да неужели всѣ пойдете разбойничать? Ну, я тогда окопаюсь въ своей усадьбѣ валомъ и рвомъ, проведу мостъ съ колоколомъ и собакъ волкодавовъ заведу. Было время, когда такъ господа и жили. Будемъ и теперь по средневѣковому строиться и жить... Къ тому идетъ дѣло... Недавно пришелъ ко мнѣ на мельницу въ легкомъ пальтишкѣ и барашковой шапкѣ молодой и развязный паренекъ. Рекомендуются холмичемъ и за руку здороваются... Мнѣ и это показалось подозрительнымъ, что онъ такъ развязно идетъ ко мнѣ, старику.

— Что же вамъ угодно?—спрашиваю его.

— Разыскиваю стильную старинную мебель,—отвѣчаетъ.—Не можете ли вы показать мнѣ такую?.. У васъ гдѣ-нибудь на чердакѣ или въ домѣ... Я комиссіонеръ и живу въ Петербургѣ. Мои хозяева даютъ хорошія деньги даже за обломки старины.

Я ему отказываю въ этомъ, но онъ настойчиво и нахально продолжаетъ:

— Если нѣтъ мебели, то мнѣ интересенъ планъ вашего дома... Такой старинный домъ. Покажите мнѣ, какъ вы тамъ живете и какъ старинное расположеніе комнатъ.

«Что за дьявольщина!—думаю.—Онъ высмотритъ все у меня въ домѣ и ночью съ «товарищами» ворвется ко мнѣ... Можетъ быть, ты и не разбойникъ, но лучше быть осторожнымъ».

— Подождите,—говорю,—на мельницѣ... Я пришлю за вами...

Я велѣлъ лакею никого не пускать въ домъ, а самъ уѣхалъ къ сосѣду въ имѣніе.

— Такъ я и бѣгалъ изъ собственной усадьбы отъ прохожаго. Вѣры въ деревнѣ не стало ни въ кого... На часъ нельзя въ домъ пустить незнакомаго человѣка, а не только напоить и накормить его.

Показывая вѣшніе знаки согласія, крестьяне сдѣлали ему весьма существенное возраженіе.

— Тяжело жить въ деревнѣ и опасительно для богатыхъ людей, — сказали они: — но въ городѣ еще хуже. Здѣсь ограбить или убить — труднѣе... Въ городѣ выбралъ время, забрался въ квартиру, взломалъ ящики да вышелъ на улицу. Тамъ, за угломъ, и скрылся безслѣдно тотчасъ же. А здѣсь мы, мужики, съ хозяйками и съ дѣтьми, всегда въ избѣ и никогда она не бываетъ пустой. А на дворѣ собаки, а въ горницѣ топоры... Но если и случится въ уѣздѣ убійство, то какъ вы скроетесь, если отъ насъ желѣзная дорога въ 40—50 верстахъ, а городъ за сто верстъ? Да прежде, чѣмъ доѣхать до вокзала желѣзной дороги, такъ васъ всѣ будутъ по деревнямъ видѣть и знать всѣ примѣты. Вы поѣдете по уѣзду на лошадахъ, всюду будутъ посланы телеграммы и васъ захватятъ, какъ захватили въ глуши Новоржевскаго уѣзда убійца купца Марковского. Не такъ ужъ худо съ мужиками, какъ ты про насъ рассказываешь... Въ городѣ и полиціи больше, и господа умны, а опасительнѣе жить... У насъ обѣднѣетъ мужикъ, пойдетъ и воровать. Но нѣтъ такого мужика, который хотѣлъ бы быть воромъ.

— Да, чего вы-то плачетесь на бѣдность? — перебилъ онъ ихъ раздраженно. — Хватаетъ же денегъ на водку вамъ и на наряды бабамъ, а на подати и хозяйство нѣтъ денегъ? Мальцы въ праздничное ходятъ въ синей «тройкѣ» съ ножомъ за голенищами, а дѣвки въ трехнастномъ сарафанѣ щеголяютъ... Вотъ вамъ бѣдность... А у господъ, куда ни погляди, вездѣ разореніе.

Мужикамъ было смѣшно то, что баринъ такъ умѣло подбираетъ противъ нихъ факты и плачется на господскую бѣдность.

— Это, право, — перебилъ студентъ, — напоминаетъ Марію Тарновскую. На вопросъ горничной, почему барыня въ то время, какъ она била своего мужа, кричала, Тарновская съ улыбкой на лицѣ замѣтила: «Надо умѣть жить, дитя мое... Надо бить, а самой кричать». Русскіе бары поступаютъ именно такъ: забили народъ, а саміе всегда кричали о своихъ боляхъ и нуждахъ. Теперь у нихъ въ модѣ поносить народъ и за франтовство, и за обнищаніе, и за невѣжество, и за распропагандированность... И такъ, и эдакъ — худо. Но почему они, русскіе интеллигентные люди, жившіе въ усадьбахъ и представительствовавшіе передъ властью о народѣ, не содѣйствовали улучшенію быта, какъ содѣйствовала тому англійская аристократія, объединившаяся съ народомъ еще во времена составленія Magna Charta Libertatum? Почему ваше духовенство и до сихъ поръ молчить и спать? — гнѣвно спрашивалъ студентъ. — Оно такъ мило вамъ... Во всемъ вы ищите опоры въ клерикализмѣ и завидуете французскимъ конгрегаціямъ временъ Комба и Золя. Почему же оно, единственный классъ населенія, которому всегда были предоставлены средства воспитанія народа, допустило оскотиниться послѣднему?

Старикъ замахалъ на него рукой и тѣмъ же возбужденнымъ голосомъ отвѣтилъ:

— Не запугаете! Не запугаете страшными вопросами... Духовенство уже просыпается и рвется поднять свое значеніе въ народной жизни.

— Не тѣмъ ли,—перебилъ его студентъ:—что въ погостѣ Троицѣ-Хловицѣ, Холмскаго уѣзда, объявился, по словамъ полиціи, «маленькій Гапонъ»?

— А вамъ не стыдно,—спросилъ насмѣшливо старикъ,—повторять эту исторію со словъ полиціи? Дѣло вовсе не въ «маленькомъ Гапонѣ», а въ томъ, что становой Камбергъ вообразилъ себя насадителемъ культуры и въ Троицынъ день сталъ насаждать трезвость нагайками среди пріѣхавшихъ изъ деревень и подвыпившихъ мужиковъ, а мѣстный священникъ заступился за нихъ...

— У меня чтобъ не было пьяныхъ на улицѣ въ Троицѣ-Хловицѣ!—приказалъ становой стражникамъ.—Въ то время, когда послѣдніе возбудили противъ себя мужиковъ, и началась драка, въ толпу попалъ священникъ Головацкій, который, спасаясь отъ стражниковъ, закричалъ крестьянамъ: «не дайте, братцы, погибнуть православному священнику»... Вотъ это самое и вмѣняется ему въ вину; за это и ославили его «маленькимъ Гапономъ».

Студентъ сталъ оправдываться незнаніемъ подробностей и внимательно слушалъ старика.

— Дѣло въ томъ,—продолжалъ послѣдній:—что когда священникъ увидѣлъ, какъ стражники рубятъ и гонятъ людей по улицѣ, то очень можетъ быть, что онъ и сталъ усовѣщевать полицію и, будто бы, сказалъ самому становому: «Здѣсь въ погостѣ всѣ мои люди, всѣхъ я знаю своихъ прихожанъ, всѣ они хорошіе люди... Уберите стражниковъ, и мужики сами разъѣдутся по деревнямъ». Это становому не понравилось, который мнитъ себя въ станѣ хозяиномъ.

— Значить,—спросилъ студентъ:—столкнулись двѣ власти? Коса на камень нашла? Это любопытно: священникъ съ авторитетомъ и приставъ, кричащій: «у меня не будетъ въ первомъ станѣ воровъ и пьяницъ»!

— Какъ смѣшно?—вспылилъ опять старикъ.

— Смѣшно. Послушать полицію—виноватъ священникъ. Мужики всѣ, конечно, будутъ на судѣ обвиняемыми, равно какъ и обыватели Троицы-Хловицы. Ни тѣ, ни другіе не вызовутся на судъ, какъ свидѣтели; полиція ихъ привлечетъ всѣхъ къ отвѣтственности за безпорядки; а у пристава въ свидѣтеляхъ будутъ его стражники и урядники, которые утверждаютъ, что «маленькій Гапонъ» собралъ толпу и руководилъ ею... А если послушать священника и жителей Троицы-Хловицы, виновата кругомъ полиція... Ну, какъ же не смѣшно, что обѣ стороны насаждали цивилизацію по деревнямъ и

такъ поссорились между собой? Священникъ гордь. Предшественникъ Камберга, становой Станкевичъ, во всемъ ему уступалъ, и онъ вообразилъ себѣ, что такъ долженъ и новый приставъ во всемъ его уважать. А новый-то приставъ высоко несетъ престижъ полицейской власти и вѣрить, что онъ съ одними стражниками выведетъ въ станъ всѣхъ пьяницъ и воровъ... Вотъ такъ и перессорились гордые власти въ уѣздѣ. Матеріалецъ хоть для Щедрина...

Старикъ, однако, не на шутку разволновался и дрожащимъ голосомъ говорилъ, что этотъ матеріаль вове не для зубоскальства, что «двѣ власти» въ медвѣжьихъ углахъ Россіи—дѣлая драма и что когда подробности ея будутъ выяснены въ судебной палатѣ, то многіе серьезно задумаются объ этомъ дѣлѣ и перестанутъ хихикать надъ горестными героями уѣздной жизни.

— Каждый,—повторилъ онъ,—хотѣлъ быть по-своему полезнымъ краю и нѣтъ здѣсь виноватыхъ лицъ, а если только пострадавшіе...

IV.

Облава.—Не налучное ружье.—«Задній умъ».—Что значить «въ петлю посадить торговца»?—Прирученная лисичка.

Облаву на рысей на слѣдующее утро нельзя было назвать удачной. Всенощный споръ старика и студента, видимо, отразился на ихъ нервахъ, и они оба «промазали» по рысямъ, вышедшимъ на ихъ номера.

Мнѣ удалось убить одного рыся, и тѣмъ кончилась наша на нихъ охота.

Всего болѣе возмущался промахами Моховикъ, не понимая, какъ можно было старому охотнику «перекинуть» зарядъ въ двадцати шагахъ по рысю, а молодому—«обнизить».

— Вотъ на моего барина,—указалъ онъ на меня не безъ гордости,—какъ пошелъ звѣрь, такъ я и подумалъ: «ну, за смертью идти»... Слышу выстрѣлъ—готово, значить.

— Не всегда,—возразилъ я.—Помнишь, какъ я съ Поташомъ изъ Конины пропуделяли вдвоемъ по лисицѣ изъ двухстволокъ?

— Да-а!—согласился онъ.—Вотъ штука... Четыре выстрѣла унесла лисица, и ни однимъ не попадено. Ружье не налучное было у тебя по звѣрю въ ту зиму... Птицу ты убивалъ изъ него, а на звѣря не было удачи.

— Просто ружье разбрасывало дробь.

— Не налучное!—поправилъ меня Моховикъ.—То же самое ружье будетъ бить и звѣря въ однѣхъ рукахъ, а въ другихъ оно не ручить...

Я не сталъ оспаривать это распространенное мнѣніе среди крестьянъ о налучныхъ и не налучныхъ ружьяхъ.

Мы всё торопились разбѣзжаться по домамъ; кто въ городъ, кто къ себѣ въ усадьбу, а миѣ хотѣлось остаться одному среди мужиковъ и уѣхать къ нимъ въ глухія деревни Псковской губерніи.

Максимъ уже ждалъ меня въ санкахъ у крыльца охотничьяго дома и торопилъ Моховика выносить чемоданъ и ружье.

Вдругъ къ охотничьему дому подѣхали новыя сани съ новыми охотниками. То были графъ и его жена, недавно поселившіеся въ этой мѣстности и оба страстные охотники.

Всѣ радостно оживились и рѣшено было на слѣдующее утро сдѣлать облаву на зайцевъ.

Вечеръ опять затянулся въ длинныхъ разговорахъ за ужиномъ.

Графъ говорилъ о южномъ хозяйствѣ и хвастался тѣмъ, что у него оно даетъ восемнадцать тысячъ чистаго дохода.

— Пятипольный сѣвооборотъ... Въ каждомъ участкѣ по 40 десятинъ.

— Это не дастъ все-таки восемнадцати тысячъ доходу,—замѣтилъ одинъ изъ охотниковъ, какъ-то хозяйничавшій на югѣ Россіи.

— Ахъ, я забылъ,—воскликнулъ графъ наивнымъ тономъ.— Я продаю ежегодно 60 десятинъ лѣсу, отъ 150 до 500 рублей за десятину... Правильное лѣсное хозяйство...

— А-а... Это другой разговоръ! Возьмемъ среднюю 300 рублей за десятину. Вотъ съ одного лѣсу вы и получите 18 тысячъ доходу, а полевое хозяйство вамъ ничего не даетъ... Простая ариеметика.

Сконфуженный графъ посматривалъ то на охотниковъ, то на жену и своимъ растеряннымъ видомъ вызывалъ усмѣшку у всѣхъ.

— А знаете,—обратилась къ намъ его жена:—графъ-то такъ этого и теперь сообразить не можетъ, а всѣмъ кричалъ о доходности и благодѣяніяхъ крупнаго хозяйства... Эхъ, ты, младенецъ!

— Значить, мой управляющій обманываетъ меня?—спросилъ онъ ее.—А я-то всегда ругалъ его дуракомъ по самую спину, а онъ умнѣй меня.

— Ну, послѣ будемъ говорить о немъ,—примирительно и ласково отозвалась жена, вынимая изъ охотничьяго ларца на столъ всякія закуски и бутылки съ виномъ.—Всѣ мы богаты заднимъ умомъ.

— Въ мужикахъ,—перебилъ Моховикъ добродушно,—тоже этого ума много... Ужъ на что купецъ Пожинскій образованъ, а жидъ все-таки сумѣлъ его «посадить въ петлю».

— Да какъ же это случилось?—заинтересовался болѣе всего графъ.

— А просто. На одной ты съ нимъ линіи: сдѣлаешь что, а думаешь послѣ... Вѣрно тебѣ говорю,—повторилъ Моховикъ, когда и графъ, и всѣ мы покрыли его слова смѣхомъ.—Купецъ-то, ви-

дишь ли, продалъ лень еврею и дозволилъ ему увезти его на складъ въ Ашеву... А теперь еврей задерживаетъ платежъ денегъ; купецъ-то дѣлалъ ему подрывъ въ торговлѣ. Тоже скупалъ у крестьянъ лень и перепродавалъ евреямъ. «Сиди безъ денегъ,—думаетъ теперь еврей про него.—Пока мы не скупимъ въ краю весь лень за бездѣлицу, ты не будешь мѣшать намъ». Послѣ еврей и отдастъ ему его деньги, а ложка-то нужна къ обѣду... Вотъ этого не сообразилъ купецъ въ льняномъ дѣлѣ.

— Впередъ умнѣе будетъ,—произнесъ графъ.—Горькій опытъ человѣку тоже даромъ не дается.

— Даромъ и чирій не сядетъ, а надо почесать его,—согласился Моховикъ, не понимая того, чему господа хохочутъ.

— Поди, братъ, къ лошадямъ,—перебилъ я его весело:—посмотри, ѣдятъ ли онѣ сѣно. Что-то твоя лошадь плохо ѣла его.

— Не любить она чужого сѣна... Возьму изъ-подъ сидѣнья въ саняхъ своего сѣна,—произнесъ онъ, выходя изъ избы.

Невольно многіе изъ насъ стали говорить о немъ и хвалить его егерскія достоинства. Максимъ распространился о томъ, какъ хорошо была выдрессирована Моховикомъ его полевая собака, но одинъ изъ крестьянъ перебилъ его:

— У насъ на отрѣзѣ, вблизи Заболотья, жилъ Алексѣй Паможникъ... Ну, такъ онъ выдрессировалъ даже лисицу. Молодой она росла у него вмѣстѣ съ легавымъ щенкомъ. Вмѣстѣ они всюду бѣгали, играли, и Алексѣй бралъ ихъ обоихъ на охоту за птицей и за звѣрюшками; за лаской, горностайкой, норкой... А послѣ онъ сталъ охотиться съ одной лисичкой. Чутье у нея было прекрасное, отлично подводила она къ тетеревинымъ выводкамъ и стойку дѣлала... А ночью она всегда спала съ хозяиномъ. Жена-то поталкивала лисичку на постели, такъ она послѣ прежде, чѣмъ прыгнуть на постель, прибѣжитъ, обнюхаетъ постель и тогда только ляжетъ съ Алексѣемъ рядомъ. Отъ радости всѣ ему руки оближетъ.

— Это интересно въ спортивномъ мірѣ,—воскликнули охотники.

Повѣствовавшій крестьянинъ досказалъ, какъ померла лисичка у Алексѣя.

— Въ Заболотѣ ночью пожаръ случился, и Алексѣй прибѣжалъ туда. Лисичка тоже встревожилась и погналась за нимъ по слѣду. Бѣгаетъ около пожара и ищетъ хозяина между народомъ. Кто-то изъ мужиковъ изъ дальней деревни увидѣлъ лисицу у ногъ и ударилъ ее палкой... Говорятъ, что Алексѣй плакалъ по ней, какъ по родному человѣку.

— Фактъ интересный,—согласились всѣ охотники.—До сихъ поръ у человѣка одомашнены только тѣ животныя, которыя были съ нимъ въ Ноевомъ ковчегѣ, а можно приручить къ себѣ множество новыхъ породъ и звѣрей и птицъ.

V.

«Питеръ въ деревнѣ».—Соціалъ-демократъ.—«Шалунъ-попъ».

На другой день, послѣ веселой облавы на зайцевъ, всѣ загонщики были приглашены въ охотничій домъ закусить и попить чаю.

Многимъ изъ нихъ надо было итти къ себѣ въ деревни за нѣскольکو верстъ, и всѣ были рады подкрѣпиться на дорогу.

Я также сѣлъ съ ними пить чай, находя мужицкую компанію всегда для себя полезной. У одного изъ нихъ сынъ ушелъ на фабрику, и это очень раздражало отца.

— У насъ и дома Питеръ,—говорилъ онъ.—Работы, слава Богу, много... У еврея въ лѣсу больше ста кубиковъ дровъ нарѣзано и надо все перевозить въ заводъ... Чего же бѣгать въ столицу?

Нѣсколько молодыхъ парней насмѣшливо отвѣтили ему:

— Покуда есть работа у еврея, до тѣхъ поръ и заработки здѣсь...

— Такъ точно и въ Питерѣ,—перебилъ старикъ.—Одно и то же. А вамъ, молодцамъ, хочется на легкіе хлѣба въ столицу... Кто только васъ дѣлалъ? Какой дуракъ?!

— Засохнуть въ деревнѣ надо-тъ,—отозвались парни, жившіе ранѣе въ Петербургѣ.—Здѣсь во тѣмъ краю нѣтъ, Степанъ Игнатьичъ... Богъ съ ней и съ землей, если и будетъ ровненіе.

— Что же вы это говорите?—перебилъ ихъ тотъ въ сильномъ гнѣвѣ.—Васъ, питерскихъ бурлаковъ, на всю волость десять чело-вѣкъ, а землепашцевъ—тысячи... Вамъ своего дома не надо, свою женку и скотинку кормить не надо, а всего норовите захватить бунтомъ... Свольничались въ Питерѣ-то! Да крестьянство на болотныхъ кочкахъ и слушать не хочетъ васъ, а просить у Царя милости и ждать землицы. Гдѣ отцовскія могилки, тамъ и жить намъ, а не по Питеру бѣгать.

Парни не соглашались съ нимъ и смѣло возразили ему:

— Законъ вышелъ, Игнатьичъ, такой, что можно будетъ скоро и надѣльную землю крестьянъ заложить въ банкъ и за долги продавать... Мужикамъ нечего будетъ дѣлать около отцовскихъ могил-локъ, а надо будетъ итти и тебѣ на фабрику къ сыну.

— Благодарю всѣмъ крещенымъ!—воскликнулъ Степанъ, комично приподнявшись изъ-за стола и кланаясь присутствовавшимъ.—Эхъ ты, ласкатуха,—прикрикнулъ онъ на парня.—Дурной твой языкъ, а все говорить... Спросилъ бы лучше народъ, какъ и гдѣ ему жить.

Мужики были съ нимъ заодно и тоже говорили, что лучше живыми въ могилу лечь, чѣмъ земли рѣшиться и итти на сторону искать заработка.

Питерскій рабочій, видимо, былъ хорошо распропагандированъ и осторожно отвѣтилъ имъ:

— Безъ земли крестьяне за умъ возьмутся, а теперь они живутъ тихо, какъ мухи на солнцѣ... Въ городахъ и лекціи для народа, и на фабрикѣ видишь, гдѣ твои интересы, и гдѣ хозяйскіе... Еще лучше будемъ жить, чѣмъ здѣсь голодать на бѣлугѣ и подзолѣ (земля въ Псковской губерніи).

Мужики, однако, плохо понимали его и, видимо, не раздѣляли его социаль-демократическихъ идеаловъ съ фабричнымъ производствомъ при участіи большихъ распропагандированныхъ массъ народа.

Они упорно молчали и оживились только тогда, когда одинъ изъ нихъ вспомнилъ, что еще не такъ давно они все надѣялись устроиться на землѣ къ лучшему.

— Пустошники искали, кому заложить свои пустоши,—сказалъ онъ.—Будетъ уравненіе, тогда все равно всемъ дадутъ землю...

— Что же не даютъ?—злорадно спросилъ фабричный.

— Не торопись радоваться, сынокъ... Государственная дума-то еще идетъ у насъ.

— Наживаются въ думѣ у васъ, а не хлопочуть о народѣ,—воскликнулъ фабричный.—Выборные-то отъ крестьянъ собираютъ деньги да слушаютъ, что другіе говорятъ; а распустятъ думу, они хутора себѣ купятъ... Видать, къ чему созвана эта государственная дума. Для мужицкаго успокоенія... Народъ все чего-то ждалъ, вотъ ему и дали думу. Правительство работаетъ, а народъ довѣряя ему и жди спокойно...

Мужики склонны были этому вѣрить и печально отозвались:

— Отъ насъ ничего теперь не жди, а что изъ городовъ будетъ... Если и тамъ не придумаютъ, какъ быть, то будемъ некрещеныхъ жидовъ слушаться... Довѣрія имъ нѣтъ, а тоже и они умѣютъ всякія дѣла разсудить.

Въ споръ мужиковъ вмѣшался старый земець и совѣтоваль имъ лучше всего обратиться за совѣтами и указаніями къ ближайшему священнику.

— Нашъ батька столько же знаетъ про это, какъ и мы,—отвѣтили мужики.—Его дѣло новые праздники открывать да откладывать старые на другіе дни, если праздникъ приходится въ неприбыльное время, когда у мужиковъ лень не проданъ и нѣтъ денегъ въ избѣ. Онъ о мірскихъ дѣлахъ и разговаривать не будетъ съ нами.

— Не вездѣ же такъ,—сердито крикнулъ старый баринъ.

— А у насъ еще хуже,—отвѣтилъ ему загонщикъ, отпившій уже чай и вышедшій изъ-за стола.—У насъ попъ-шалунъ... Не по-священнически обращается съ прихожанами.

— Ты изъ другого уѣзда?

— Изъ другого, баринъ...

Старый охотникъ начиналъ сердиться, но словоохотливый мужичокъ не замѣчалъ этого раздраженія и весело продолжалъ:

— Шалунъ-попъ любить въ рюхи съ мальцами играть на улицѣ. Кончить обѣдню и торопится изъ церкви... «Попадья!—кричить издали,—намажь хлѣбъ масломъ»... Придетъ съ хлѣбомъ къ молодцамъ и тоже кричитъ: «Подержи-ка кусокъ... Надо бить». Бросается за палкой и выбиваетъ рюхи... А то придетъ въ кузницу и мѣшаетъ тамъ работать хозяину; на улицѣ—женщинъ пугаетъ, а дома—пьянствуетъ...

— Вспоминается и мнѣ этотъ священникъ,—произнесъ я, вмѣшиваясь въ разговоръ.—Бѣхаль я на Пасху на глухаринные тока и остановился у знакомаго мнѣ крестьянина. Вхожу въ избу и вижу по срединѣ комнаты священника, который служитъ передъ образомъ молебень, а хозяинъ стоитъ сбоку и держитъ въ лѣвой рукѣ между пальцами сороковку и рюмку, а правой усердно крестится и отвѣшиваетъ поклоны. Стали подходить къ кресту, и хозяинъ и прикладывается все также съ сороковкой и рюмкой въ лѣвой рукѣ. Тотчасъ же и угощенье пошло послѣ цѣлованья креста. Однако какъ ни былъ пьянъ попъ, но, переходя съ молебствіемъ изъ избы въ избу, онъ передъ выѣздомъ изъ деревни предварительно сосчиталъ въ телѣгѣ всѣ причитающіеся ему съ домохозяевъ пироги и нашель, что кто-то не додалъ ему два пирога.

— Впередъ буду деньгами брать,—кричалъ онъ во гнѣвѣ.—Не доносите пироговъ, припасайте деньги на будущій разъ...

— Бобылка бѣдная, видно, не исправна,—оправдывались мужики.

— А мнѣ что? Самому изъ-за васъ безъ хлѣба сидѣть? Съ вашей деревни полагается по два пирога съ избы, а съ которой и три, а гдѣ они? Не хватаетъ по счету?

— Видно, ребятишки скрали съ телѣги пирожокъ-то, когда съ нами въ хатѣ служилъ молебень...

— А почему жъ карауль не ставите? Пока я въ избѣ, вы бы карауль держали при телѣгѣ...

Интеллигентные мои спутники всѣ были очень удивлены этой картиной изъ жизни сельскаго священника и даже начинали возмущаться имъ.

— Представьте себѣ,—перебилъ я:—этотъ «шалунъ-батюшка», какъ зовутъ его прихожане, пользуется любовью ихъ. Онъ и играетъ съ ними въ рюхи, и съ бабами шутить, и водку пьетъ, и пирогамъ счетъ ведетъ; но онъ простъ и добръ; онъ больше на словахъ торгуется за требы, а на дѣлѣ онъ вѣритъ въ долгъ, не тѣснитъ прихожанъ правилами и формализмомъ, и такъ же грѣшенъ, какъ и они сами... Многіе изъ трезвыхъ и дѣльныхъ священниковъ едва ли полезнѣе его въ деревняхъ, и вотъ почему я всегда защищаю его, когда говорятъ объ его недостаткахъ веселаго и въ то же время несчастнаго характера.

Мужики поддерживали меня и сочувствовали «шалуну-попу», но интеллигенты еще долго не могли примириться съ нимъ.

Старый земець замѣтилъ, что, кромѣ бездушныхъ церковниковъ и «поповъ-шалуновъ», много есть духовныхъ лицъ съ безупречной нравственностью и высокимъ умомъ, на что никто ему ничего не возражалъ, и всѣ пожелали ему въ этомъ случаѣ оказаться правымъ.

— Старый типъ священства выводится,—продолжалъ онъ.— Это не «союзный» попъ, но и не Онуфрій-безпятый, играющій въ подрясникѣ съ деревенскими парнями въ рюхи... Веселый батюшка милъ деревенскому населенію, но въ немъ мало старины... Это все свѣжепривозный типъ.

— А въ старину развѣ было лучше?—неожиданно спросилъ его студентъ съ насмѣшливой интонаціей въ голосѣ.

Старикъ хотѣлъ поразить его спокойнымъ и величавымъ отвѣтомъ.

— Все было лучше въ старину,—сказалъ онъ.—Въ старину люди на палку долгъ нарѣзали и разбирались между собой, а теперь и по векселямъ не получишь... Въ старину священникъ былъ въ помѣщичьемъ домѣ другомъ и совѣтчикомъ.

— Полноте! — перебилъ студентъ. — Вы забыли... Почитайте «Очерки Тамбовскаго края» Дубасова или «Потревоженные тѣни» С. Атавы. Развѣ не прятались священники отъ помѣщиковъ во ржи и развѣ послѣдніе не выгоняли оттуда церковнослужителя гончими и борзыми собаками? Это исключеніе... Ну, хорошо! Согласенъ... Все-таки идеальный типъ священнослужителей иной и указанъ еще апостоломъ Павломъ, когда онъ говоритъ имъ: «не сообразуйтесь съ вѣкомъ симъ, но преобразуйтесь обновленіемъ ума вашего, чтобы познавать что есть воля Божія, благая, угодная и совершенная». Апостоль не боится и новшества среди нихъ... «Ибо надлежитъ быть и разномыслиямъ между вами, дабы открывались между вами искусны».

— Это мечта,—перебилъ несговорчивый старикъ.—Евангеліе—святое руководство въ личной жизни, а не въ государственной... Священника-пророка и реформатора не потерпитъ ни одно государство...

— Вотъ мы и договорились, и пора кончить споръ,—нѣсколько грубо отвѣтилъ студентъ, отираясь къ себѣ на кровать спать.

Загонщики стали тоже выходить изъ-за стола и, утоливши голодь послѣ двухъ-трехъ самоваровъ съ хлѣбомъ, весело прощались съ нами, приговаривая:

— Господа пьютъ по двѣ чашки, а мужики—пока станутъ мокры ляшки.

Я приказалъ Моховику и Максиму запрягать лошадей, намѣреваясь тотчасъ ѣхать съ ними въ ихъ деревни на новыя облавы, но уже безъ участія интеллигентныхъ товарищей.

— Любите вы ѣздить по ночамъ.—напутствовали меня послѣдніе.—Не боитесь сбиться съ дороги?

— О, нѣтъ... Сколько лѣтъ ѣзжу всюду съ моими егерями. Вездѣ все знакомо и всюду пріятели. Пишу о нихъ... Многое описываю такъ, какъ было на самомъ дѣлѣ... А болѣе стараюсь черезъ правду достигнуть поэзіи, т. е. художественной правды въ предѣлахъ моихъ творческихъ силъ... И мѣстность и герои бываютъ часто литературными, нужными мнѣ для фабулы, всегда, однако, проникнутой бытовымъ характеромъ родины и ея интересами. Всего менѣе я обличитель отдѣльныхъ личностей и всегда избѣгаю вредить имъ перомъ... Типъ ихъ меня интересуеетъ, но, и нападаая на него, я твердо вѣрю, что, если злой воли на свѣтѣ гораздо менѣе, чѣмъ человѣческой глупости, то все же страданій оттого не менѣе, а гораздо болѣе, и говорить о нихъ въ печати необходимо.

VI.

Одно изъ радикальныхъ разочарованій и Л. Н. Толстой.

Я, собственно говоря, торопился не на новыя облавы по звѣрю, а для встрѣчи на станціи желѣзной дороги пріѣзжей изъ Петербурга барышни, пожелавшей пріѣхать на мои охоты для ознакомленія съ деревней.

Она такъ часто въ радикальномъ смыслѣ говорила о служеніи народу и въ то же время никогда не была въ деревнѣ, что передъ отъѣздомъ въ глушь Псковской губерніи я предложилъ ей ѣхать вмѣстѣ со мной.

— Правда?

Она вся покраснѣла отъ волненія и робко замѣтила:

— Я боюсь стѣснить васъ на охотѣ.

— Чѣмъ же? На облаву вы едва ли поѣдете, а остановитесь въ избѣ знакомаго моего пріятеля-крестьянина... Въ избѣ двѣ половины, и каждая изъ нихъ, въ свою очередь, раздѣлена самодѣльными шкапами и занавѣсками. Вы можете остаться совершенно одна, когда захотите. Между тѣмъ увидите русскую деревню и ея нравы.

Барышня приняла мое предложеніе, но пріѣхать мнѣ пришлось за ней отдѣльно.

Мы встрѣтились съ ней на вокзалѣ радостно и безъ всякаго смущенія.

Первое время она была вся поглощена новыми для нея впечатлѣніями и громко выражала восторгъ, когда маленькія сани, въ которыхъ она сидѣла съ моимъ Максимомъ, ныряли изъ ухаба въ ухабы или закатывались подъ покрытую снѣгомъ густую сосну.

— Глаза береги... Захлестнетъ вѣткой!—кричалъ мужикъ, отстраняя рукой сучья и засыпая снѣгомъ пассажирку.

Оба они смѣялись и имъ было гораздо веселѣе, чѣмъ у меня съ Моховикомъ въ саняхъ. Но мало-по-малу и въ саняхъ Максима стихли разговоры и громкій смѣхъ.

Мы ѣхали впереди, когда Максимъ крикнулъ намъ остановиться.

Я вылѣзъ изъ саней и былъ пораженъ блѣдностью лица его спутницы.

— Меня закачало по ухабамъ,—силься улыбнуться и конфузяться, сказала она.—Что-то въ родѣ морской болѣзни... Холодный потъ... Тошнить.

— Поѣзжай потише,—сказалъ я Максиму.

Къ вечеру мы доѣхали до деревни Дупло, гдѣ меня уже ждали мѣстные загонщики.

— Какъ здоровье?—спросилъ я, помогая барышнѣ снять ея шубу.—Сейчасъ будемъ чай пить...

— Ничего я не хочу,—апатично отозвалась она.—Гдѣ бы прилечь мнѣ и прійти въ себя?

Бабы тотчасъ же засуетились около нея и показали ей кровать съ пологомъ, за которымъ она черезъ минуту заснула.

— Малокровная,—подумалъ я и сталъ разспрашивать мужиковъ про волковъ.

На ночлегъ мы устроились очень просто. Для барышни нашлась вторая половина избы, хорошо вытопленная и совершенно пустая.

— Вы будете тамъ одна,—сказалъ я,—и можете спать, сколько хотите, а я чуть свѣтъ поѣду на облаву и вернусь сюда дня черезъ три-четыре.

— Да, уѣзжайте безъ меня,—согласилась она.—Я такъ устала, что буду спать до двѣнадцати часовъ дня, а потомъ поѣду съ Максимомъ въ разныя деревни и посмотрю на житье мужиковъ. Я не буду скучать и сама познакомлюсь съ крестьянами.

Возвращаясь черезъ нѣсколько дней съ охоты, я вспомнилъ въ первый разъ о моей спутницѣ уже вблизи деревни Дупло.

Но по пріѣздѣ туда я былъ очень удивленъ, когда узналъ, что моя спутница вернулась обратно въ Петербургъ и оставила для меня письмо.

— Не обидѣлась ли она на то, что я бросилъ ее,—подумалъ я, но тотчасъ же вспомнилъ, что она собственно не на охоту ѣхала, а познакомиться съ крестьянской средой и себя испытать въ этой средѣ. Я разорвалъ конвертъ и прочелъ ея письмо, поразившее меня тонкой наблюдательностью и искренностью своего признанія.

Она писала о томъ, какъ она, по моимъ указаніямъ, поѣхала въ окрестныя деревни къ знакомымъ мнѣ мужикамъ, что она испытала за эти дни и почему, не дождавшись меня, собралась обратно въ Питеръ.

«Миновавъ массу деревень,—писала она,—я наконецъ пріѣхала съ Максимомъ туда, куда слѣдовало. Приведись мнѣ второй разъ

заѣхать въ тѣ же мѣста,—я не разберу, въ которой избѣ мнѣ нужно остановиться, который мужикъ Иванъ, который Антонъ, который Ниль. Кто кому братъ, кто кому дядя, даже зачастую не упомнишь, который изъ нихъ отецъ всего семейства. До того съ перваго взгляда кажутся всѣ мужики и бабы похожими другъ на друга, какъ и ихъ деревни, и избы, убранства и обычаи...

«Сѣли пить чай. Поданы были чашки, стаканы и блюдечки самага разнообразнаго калибра и съ самыми разнообразными надписями и рисунками. Вся эта посуда подверглась мытью на моихъ глазахъ въ ведеркѣ, которымъ носить воду изъ колодца, и тщательно перетиралась полотенцемъ, которое только что подавалось для вытиранія рукъ за ужиномъ и потнаго лица отъ жары и духоты въ избѣ. Обыкновенно въ деревняхъ не принято мыть посуду, по крайней мѣрѣ чайную, тотчасъ же послѣ употребленія. Это называется капризами.

«Закрывъ какъ можно тщательнѣе собственною простынею предложенную мнѣ хозяйскую постель, я расположилась тотчасъ же уснуть мертвецкимъ сномъ. Но не тутъ-то было. Погасивъ свѣчу, я закрыла было глаза, но шорохъ въ сосѣдномъ углу заставилъ меня открыть ихъ. Черезъ секунду томительнаго прислушиванія я рѣшила, что это крысы, и отвернулась къ стѣнѣ. Я хотѣла уснуть и не могла. Я чувствовала, что за моей спиной идетъ какая-то невѣдомая жизнь... Всѣ углы избы наполнились какимъ-то таинственнымъ шорохомъ. Въ одномъ окнѣ ритмично постукивала соломенная ставня и мнѣ приходило въ голову, что это кто-нибудь выколачиваетъ раму, чтобы влѣзть въ избу. Черныя тѣни, тараша и пяля свои широкія лапы и оскаливъ зубы, лѣзли въ другое окно... На печкѣ подъ грудой сѣрыхъ армяковъ и шубъ возились крысы, ничуть не стѣсняясь моимъ присутствіемъ. Онѣ (т.-е. крысы) бѣгали подъ этимъ тряпьемъ и шевелили груды, а мнѣ казалось, что тамъ кто-то живой нервно дышитъ и страдаетъ. Въ углу, въ которомъ я спала, явственно слышались мнѣ чьи-то тяжелые вздохи...

«Что это со мной?—думала я.—Никогда не случалось, чтобы я боялась потемокъ или незнакомыхъ мѣстъ. Какъ это глупо,—думалось мнѣ.—Чѣмъ объяснить мою такую нервность?» Вдругъ неожиданный дикій порывъ вѣтра потрясъ всю хижину... Черныя тѣни остервенѣло забились съ наружной стороны въ окна и дико выли, какъ бы давая сигналы другъ другу.

«Гдѣ-то, должно быть, въ сѣняхъ, съ грохотомъ сорвалась дверь... Мигъ—и все замерло... Замерла и я... Я чувствовала, что не могу пошевелить ни однимъ членомъ... Холодный потъ лилъ съ меня градомъ... Сердце мое перестало биться, когда взглядъ мой упалъ на печь, съ которой безпомощно и безразлично, какъ околѣблѣнный трупъ, свѣшивалась какая-то неясная фигура... Я почувствовала, что на меня страшно повѣяло откуда-то холодомъ. Тутъ только я

замѣтила, что одѣяло мое сползло на полъ съ высокой постели, а дверь, очевидно, была нѣсколько открыта, судя по сильному теченію воздуха со стороны сѣней... Кричать что—пришло мнѣ въ голову... Но нервный звукъ вырвавшася полушопота заставилъ меня со-всѣмъ окаменѣть... Что было дальше—я не помню...

«Дикія тѣни, ворвавшись въ раскрытую дверь, подползли ко мнѣ со всѣхъ сторонъ. Фигура мертвеца медленно тянулась къ моимъ ногамъ, кто-то, пользуясь всеобщимъ хаосомъ, торопился выставить раму въ окнѣ у моего изголовья... Чѣмъ бы кончилась эта мука—я не знаю, если бы до меня не донесся пронзительный скрипъ гармошки и разгульная пѣсня какого-то кутилы, проходящаго по деревнѣ. Какъ ни дикі были эти звуки, ворвашіеся въ мое обиталище среди страшнаго мрака деревенской ночи, они вернули мнѣ сознаніе. Призраки меня больше не пугали, но я почувствовала такой упадокъ силъ, такой ознобъ во всемъ тѣлѣ, въ то время какъ голова горѣла, что я не въ состояніи была протянуть руку, чтобы взять съ лавки спички... Сознаніе, что открытая дверь грозитъ мнѣ реальною опасностью, а призраки исчезнуть, какъ только я зажгу огонь, придало мнѣ силы протянуть руку за спичками.—А что какъ страшныя тѣни въ своей пляскѣ унесли спички, что будетъ тогда?—мелькнуло у меня въ головѣ.—Полно, что за глупости... И спички въ моихъ рукахъ...

«Свѣча слабо и уныла освѣтила темные, ничуть не страшные углы и свѣсившуюся съ печи шубу. Только не завѣшенные ничѣмъ окна таинственно чернѣли и наводили жуть. Я взглянула на часы. Было всего на всего десять минутъ одиннадцатаго зимней ночи. Я взяла свѣчу и пошла плотнѣе закрывать дверь, у которой не было ни крючка, ни задвижки. Затѣмъ подняла одѣяло, изъ-подъ котораго предупредительно выпрыгнула крыса величиною съ добраго котенка. Безотчетный страхъ начиналъ пропадать. Крысы меня не смущали. Нѣсколько минутъ я просидѣла, не двигаясь, на кровати, положивъ голову на колѣни, и думала, что сегодня великій праздникъ; что въ то время, какъ я чуть не умерла отъ глупыхъ страховъ, Петербургъ весь въ огняхъ и оживленіи готовился къ встрѣчѣ Новаго года... Неожиданный лай сторожевой собаки подъ самымъ окномъ заставилъ меня вернуться къ окружающей меня дѣйствительности. Я вспомнила, что меня можетъ всякій видѣть черезъ незавѣшенное окно и чего добраго какой-нибудь деревенскій шалопай или урядникъ подарятъ меня новогоднимъ визитомъ, а разгоряченная фантазія уже рисовала мнѣ, какъ цѣлая стая парней глазѣла подъ окномъ и, пока я мечтала, теперь хочетъ войти въ избу. Мигомъ я погасила свѣчу и подбѣжала къ двери... Увы... на ней не было ни малѣйшаго намека на запоръ, а въ головѣ почему-то вставалъ образъ хозяйскаго сына, при взглядѣ на котораго у меня почему-то мелькнула мысль о преступникѣ по Ломброзо—

именно о насиллователѣ и убійцѣ... Я подошла къ окну и прильнула къ стеклу, посмотрѣла на улицу... Тихо и таинственно пустынно... Тѣмъ не менѣе я рѣшила какъ-нибудь закрыть двери комнаты, гдѣ я одна спала. Хозяева спали въ другой половинѣ избы. Я взяла свои дорожные ремни отъ чемодана и, связавъ ихъ вмѣстѣ, одинъ конецъ прикрѣпила къ скобкѣ, а другой замотала вокругъ лавки. Покончивъ съ этимъ дѣломъ, окончательно продрогнувъ, я осмотрѣла всѣ окна и углы и только тогда рѣшила лечь въ постель. Но не спать... Спать уже я не могла и отъ перепесенныхъ волненій, и отъ нахлынувшихъ думъ.

«Господи, и зачѣмъ я здѣсь?—шептала я.—Зачѣмъ? Зачѣмъ тебѣ нужно такое разнообразіе и почему тебѣ мало дѣла въ городѣ, гдѣ ты болѣе приспособлена и гдѣ ты до сихъ поръ работала? Вѣдь здѣсь могила... Здѣсь нѣтъ жизни, здѣсь въ десять часовъ вечера волки ходятъ около жилищъ, здѣсь нѣтъ часовъ, люди не знаютъ иногда, какой нынче мѣсяць... Они ложатся спать, какъ становится темно, и просыпаются, какъ начинается свѣтать.—«Всѣ люди—братья», пронеслось у меня въ головѣ.—Нѣтъ, это не люди... Какъ они вчера ѣли? Изъ грязнаго чугуна появляется на столѣ разваренная донельзя свинина. Хозяинъ, высморкавъ прежде пальцами носъ, началъ руками крошить ее въ чашку, которую баба обтерла подоломъ сарафана. Въ свинину налили квасу и стали «хлебать». Хлебали сразу изъ одной чашки семь или восемь человѣкъ. Здѣсь была и дѣвчушка съ трахомными глазами и въ англійской болѣзни мальчуганъ, сосавшій вмѣстѣ съ свининой леденецъ. Потомъ въ ту же чашку налили молока и накрошили хлѣба и опять «хлебали», а напоследокъ все это запили квасомъ—и это праздничный обѣдъ.

«Отрывки подобныхъ картинъ одна за другой проходили въ моей памяти. Ужасъ охватывалъ меня... Я чувствовала, что меня начинаютъ тошнить и отъ картины вчерашняго ужина, и отъ шубъ, сваленныхъ въ кучу подъ моимъ носомъ, и отъ запаха скинидара, которымъ я опрыскала кровать отъ клоповъ...

«А въ Петербургѣ Новый годъ,—пронеслось опять у меня въ головѣ.—А я одна здѣсь... Одна... Одна,—повторяла я вслухъ, не въ состояніи сдержать душившія меня рыданія... Какъ бы я дорого дала, чтобы хоть на минутку увидѣть человѣческое вымытое лицо, услышать культурную рѣчь. Или хотя бы только кому-нибудь сказать, какъ тяжело, какъ невыносимо тяжело свыкнуться съ этими ужасными условіями... Отсутствіе всякихъ культурныхъ человѣческихъ потребностей въ этихъ людяхъ поражаетъ и давитъ. Нѣтъ, здѣсь всѣ чужіе. И жить съ ними подъ силу не всякому. Только какое-нибудь очень философское основаніе дать человѣку силу переносить, не терзаясь безплодными страданіями, эту дикую жизнь. А я не могу, не могу,—шептала я, колотясь головой о подушку.

«И слезы безсильнаго возмущенія и отчаянїя текли изъ моихъ глазъ. Мнѣ стало жаль себя, жаль дѣвчонку съ трахомой, жаль маленькаго ребенка, у котораго его мать смазывала гнойную рану какъ-то попавшими въ избу чернилами.

«Нѣтъ, чужіе они мнѣ, чужіе,—шептала я, изнемогая отъ безплодныхъ рыданій и чувствуя, что я не могу «опроститься» съ ними и вмѣстѣ бороться противъ враговъ. Сегодня я вернусь въ Петербургъ и буду искать себѣ дѣла по своимъ силамъ. Я не гожусь въ «Рахметовы» и искренно признаюсь въ этомъ. Конечно, личный мой опытъ не рѣшаетъ вопроса о пригодности интеллигентовъ къ организаторской роли въ народныхъ массахъ, но для себя лично я выяснила по крайней мѣрѣ собственныя силы и приношу вамъ благодарность за то, что вы доставили мнѣ къ этому возможность».

Я нѣсколько разъ перечиталъ письмо сбѣжавшей изъ деревни барышни. Оно дышало искренностью, талантомъ и было поучительно въ томъ отношеніи, что, вѣроятно, подъ нимъ подписалось бы большинство молодыхъ людей, говорящихъ теперь о сліяніи съ народомъ и совмѣстномъ съ нимъ переустройствѣ жизни, если бы эти разговоры были не въ Петербургѣ среди интеллигенціи, а въ дѣйствительности на народной нивѣ.

Но, несмотря на это, я былъ весьма взволнованъ, и каждая жилка во мнѣ протестовала противъ письма моей спутницы.

Не вѣрить въ народъ и такъ ужасно его чувствовать—значить отказать ему въ великихъ людяхъ и подвигахъ; а между тѣмъ то и другое существуетъ во всѣхъ націяхъ, и нашъ народъ только несчастнѣе другихъ, но не менѣе способенъ къ блестящему будущему. Даже его обиденная жизнь—развѣ не сплошной подвигъ трудолюбія, которымъ обезпечены культурные классы страны, чтобы заниматься имъ науками, искусствами, обученіемъ войскъ, управленіемъ страной и т. д.

Народъ нашъ суровъ и первобытенъ. Неудивительно повсюду разочарованіе въ него. Его духовность, даровитость и трудолюбіе—скрыты для многихъ, несмотря на то, что онъ несетъ за насъ всюду самую тяжелую и черную работу. Его радость съ водкой и гулянкой—но это потому, что нѣтъ у него ни книгъ, ни развлеченій, ни общенія съ интеллигенціей. Онъ пьетъ, но онъ не былъ привычнымъ пьяницей и никогда не имѣлъ денегъ, чтобы изо дня въ день отравлять себя алкоголемъ. Его горе говоритъ иначе, чѣмъ наше...

— Привей ты ему «бобушки»¹⁾ (оспу),—говоритъ баба фельдшерницѣ о своемъ ребенкѣ.—Богъ дастъ, помретъ съ твоей руки...

¹⁾ Всякую «болячку» въ Псковской губерніи зовутъ «бобушкой»—въ частности оспу. «Деревенскія игрушки ребятъ между собой—всегда съ «бобушками», т. е. съ дракой и болячками», поясняютъ старики, когда видишь дѣтей съ ушами и ранами.

Дѣти въ деревнѣ голодаютъ, какъ и родители; нѣтъ силъ у взрослыхъ смотрѣть на страданія малютокъ... Но всё ли понимаютъ этотъ языкъ обѣдненія и страданій?

Мужики завидуютъ господамъ и всегда потаенные враги имъ...

— Мы,—говорили они мнѣ,—притихли... Крѣпкой пробкой закрыли квасъ въ бутылкѣ, но сила осталась тамъ... Внутри посуды. Тоже и мы теперь до поры до времени молчимъ и терпимъ.

Но такъ народъ былъ настроенъ всегда... Онъ всегда мечталъ о лучшемъ будущемъ и безъ гнѣва не говорилъ о своей участи. Это, однако, не мѣшало ему выплачивать казнѣ бюджеты, сражаться за отечество, воздѣлывать землю, пѣть пѣсни и гулять съ дѣвками...

Несмотря на угрозу вырвать изъ бутылки пробку, хочется сказать мнѣ о нихъ словами Л. Н. Толстого:

«Толпа озлобленныхъ крестьянъ, подбитыхъ революціонерами, сожжетъ усадьбу, вырубитъ лѣсъ, убьетъ приказчика, помѣщика; отбившіеся отъ деревни и заболтавшіеся въ городѣ крестьянскіе ребята ограбятъ винную лавку, почтовую контору, убьютъ купца; вообще злые и развращенные люди изъ народа совершаютъ какое-нибудь скверное преступленіе, и всё будутъ говорить: «Русскій дикій, озвѣрѣлый народъ. Только дать ему волю, и все (все то прекрасное, что мы дѣлаемъ) будетъ разрушено этими варварами». Дѣлаютъ тѣ злыя дѣла, которыя поражаютъ насъ, десятки, сотни, допустимъ—тысячи, а мы обвиняемъ 150-милліонный народъ, приписывая ему все то, что дѣлаетъ одна тысячная часть его. Клевета эта на народъ вредна не ему, а намъ, лишаящимъ себя самого лучшаго и дорогого чувства любви и довѣрія къ ближнему и вызывающимъ въ насъ самыя мучительныя чувства недоброжелательности и къ кому же? Къ тому многомилліонному народу, который и кормитъ, и всячески обслуживаетъ, и охраняетъ насъ. Народъ этотъ—глупый, невѣжественный народъ—одинъ теперь среди всей сумятицы и безумія, и озлобленія, охватившихъ насъ, умныхъ и ученыхъ, одинъ въ своемъ огромномъ большинствѣ продолжаетъ жить спокойной, разумной, трудовой, свойственной человѣку жизнью. А мы говоримъ: «озвѣрѣлый народъ», и хотимъ поучать и исправлять его. Не исправлять намъ надо народъ и поучать, а постараться вникнуть въ его жизнь, научиться отъ него жить такъ, чтобы дѣлать то самое дѣло, о которомъ говоримъ. Не знаю, можно ли научиться этому у тѣхъ или иныхъ европейскихъ социалистовъ, а у народа, навѣрное, можно».

А. Фаресовъ.

ЕВАНГЕЛИСТЫ ИСЛАМА.

(Изъ личныхъ воспоминаній о кавказскихъ бабидахъ).

«О, люди міра! Божественная религія дана для любви и единенія. Не дѣлайте ее предметомъ раздора!»
Беха-Улла.

«Мудрецъ сказалъ: мое ученіе просто и смыслъ его ясенъ — оно все въ томъ, чтобы любить ближняго, какъ самого себя».

Буддійское изреченіе.

Одна изъ ошибокъ внѣшнихъ религіозныхъ ученій та, что они предписываютъ опредѣленныя дѣла, жертвы, таинства, молитвы, тогда какъ главное въ истинномъ религіозномъ ученіи только то, что указываетъ на то, чего не должно дѣлать.

Графъ Л. Н. Толстой.

ИНЕЕ, какъ драгоценная бирюза, небо вечерѣющаго дня... Тифлисъ понемногу отдыхаетъ послѣ удушающаго іюльскаго зноя и выходитъ на улицу.

Въ восточныхъ кварталахъ раздается веселая болтовня гортаннаго говора. Въ узкихъ и темныхъ торговыхъ рядахъ слышатся энергичные оклики смуглолицыхъ продавцовъ. Въ открытыхъ снаружи, съ одуряющимъ запахомъ пряностей, съѣстныхъ ларькахъ и тѣсныхъ харчевняхъ полунагіе повара-татары бойко торгуютъ на грязныхъ прилавкахъ сочнымъ кебабомъ и бастурмой, а изъ мѣстныхъ пекаренъ то и дѣло выносятъ румяные чуреки и пухлыя и горячія лепешки лаваша.

Я и мой спутникъ, молодой, красивый персіянинъ въ европейскомъ платьѣ и модномъ цвѣтномъ галстукѣ, медленно двигаемся по узкимъ, какъ коридоръ, улицамъ армянскаго базара. Вокругъ мелькаютъ все туземныя фигуры, — гибкіе, какъ сталь, гру-

зины въ разноцвѣтныхъ, блистающихъ оружіемъ черкесахъ и мягкихъ, безъ подошвъ, сапогахъ здѣшняго издѣлія, тучные и приземистые армяне съ крупными чертами лица, узколицы и важные персіяне, въ черныхъ шапочкахъ, робко скользяція мусульманки, полуприкрытыя чадрами, и плавно выступающія скромныя грузинки въ своеобразномъ головномъ уборѣ.

— Мы сейчасъ уже придемъ,—сказалъ мой спутникъ Эметъ-ханъ, спускаясь впереди меня на маленькую площадку, пріютившуюся среди лабиринта восточныхъ закоулковъ Тифлиса и называемую здѣсь по-персидски—майданомъ. Вокругъ—карточные домики съ безконечными верандами, въ беспорядкѣ здѣсь столпившіеся и такъ близко прильнувшіе другъ къ другу, что одной шальной искры довольно, чтобы сразу спалить эти жалкія деревянныя постройки. Посрединѣ—оживленный живописный базаръ восточнаго типа: горы фруктовъ, разная провизія, бакалея, сласти...

— Вотъ сюда, сюда, налѣво,—и мы снова нырнули въ узенькій грязный закоулокъ и остановились у крыльца невзрачнаго деревяннаго домика съ неизмѣнной галереей, шатко висѣвшей надъ головами прохожихъ.

— Кого же мы сегодня услышимъ?—полюбопытствовалъ я освѣдомиться у Эметъ-хана.

— Я вамъ развѣ не говорилъ? Конечно, говорилъ, да вы забыли,—отвѣтилъ тотъ, улыбаясь.—Сегодня вы услышите своего рода нашу знаменитость: нашего престарѣлаго (ему подъ восемьдесятъ лѣтъ!) миссіонера, сеидъ-Мехти-Исмаилъ-Уллу. Это называется у насъ «мубеликъ»,—въ родѣ какъ у вашихъ сектантовъ начетчикъ.

Мы стали гуськомъ подыматься по скрипучей узенькой лѣсенкѣ во второй этажъ.

— Вы его поразспросите хорошенько, онъ вамъ много интереснаго расскажетъ, такъ какъ былъ молодымъ человѣкомъ, когда наше ученье въ Персіи началось. Онъ помнитъ и казнь Баба...

Наверху слышался восточный громкій говоръ. На порогѣ насъ любезно встрѣтилъ хозяинъ—тифлисскій купецъ Ахмедовъ.

Въ просторной комнатѣ съ низкимъ потолкомъ, съ окнами на улицу было человѣкъ двадцать персіанъ въ разноцвѣтныхъ халатахъ, черныхъ колпакахъ и чалмахъ. Были также здѣсь кое-кто и въ европейскомъ платьѣ, какъ, на примѣръ, мой спутникъ Эметъ-ханъ, поклонникъ европейскаго костюма. Полъ былъ устланъ пестрыми коврами. Стульевъ не было: сидѣли на полу, поджавъ по-восточному подъ себя ноги. У многихъ на колѣняхъ бѣлѣли раскрытыя книги восточнаго письма.

Мы были въ молельнѣ у здѣшнихъ бабидовъ.

Вокругъ меня стояли и сидѣли мусульмане. Я былъ на этотъ разъ единственный русскій въ этой восточной компаніи. Разговоръ шелъ по-адербиджански. Я понималъ это нарѣчіе, и это дѣлало

свободнымъ мое общеніе съ окружающими. Я поздоровался съ собраніемъ; со многими я былъ знакомъ уже раньше.

Мнѣ принесли изъ внутреннихъ комнатъ плетеный стулъ, и я сѣлъ въ ожиданіи «мубелика» у окна.

Эти «начетчики» постоянно объѣзжаютъ бабидскія общины, раскинувшіяся по всему лицу земли, поучаютъ единовѣрцевъ, толкуютъ законъ и поддерживаютъ религіозную жизнь секты.

По грубому булыжнику узкаго переулка загрохотали колеса фазтона и остановились подъ нашими окнами.

— Приѣхалъ!—шепнулъ мнѣ Эметъ-ханъ, и мы всѣ разомъ поднялись навстрѣчу медленно входившему въ комнату гостю, въ сопровожденіи нѣсколькихъ лицъ.

Это былъ очень старый, высокаго роста, худой человекъ съ изжелта-блѣднымъ лицомъ, рѣдкой сѣдой бородкой, сѣрыми, усталыми и смотрѣвшими куда-то вдаль, вглубь глазами.

Онъ былъ въ зеленомъ шелковомъ халатѣ и бѣломъ высокомъ тюрбанѣ.

Хозяинъ и Эметъ-ханъ представили меня сеидъ-Мехти-Исмъ-Уллѣ.

— Сынъ мой приѣхалъ изъ сѣверныхъ странъ,—сказалъ старецъ, любезно пожимая мнѣ руку:—онъ недавно еще у насъ здѣсь и уже въ нашей средѣ! Добро пожаловать и да благословить его Господь!

— Алла Эбха (пресвѣтлый Боже)!—обратился онъ затѣмъ къ почтительно окружавшимъ его бабидамъ и тихо двинулся, опираясь на посохъ, къ приготовленному для него мѣсту на низкой тахтѣ, покрытой темнымъ персидскимъ ковромъ.

— Алла азамъ, Алла акбаръ!—хоромъ отвѣтили присутствовавшіе и быстро размѣстились на коврѣ вдоль стѣны и у ногъ желаннаго пришельца... Я присѣлъ на тахту и слушалъ.

Хозяинъ дома сталъ первый читать священную книгу бабидовъ «Китабе-акдесъ», имѣющую у нихъ то же самое значеніе, что Коранъ для мусульманъ.

Медленно, нараспѣвъ, своеобразно скандируя звучныя арабскія фразы, то возвышая голосъ, то понижая его, читалъ бабидъ священные завѣты творцовъ секты Баба и Беха-Уллы.

Эти наставленія были просты и въ то же время проникнуты широтой взгляда и духомъ величайшей кротости, какъ и все возвышенное ученіе бабизма вообще.

— Пришелъ владыка міра и указалъ путь!—раздавались въ тишинѣ горячія слова призыва.—Его установленія—добрыя дѣла; Его обряды—перенесеніе невзгодъ! Наша вѣра даруетъ жизнь вѣчную, а обряды приведутъ къ тому міру, гдѣ нѣтъ воздыханій. Эта религія и обряды—обладатели всѣхъ религій и обрядовъ! Принимайте и обладайте! Религія—это свѣтъ явный и неприступная

твердыня для сохраненія благополучія народовъ, ибо страхъ Божій повелѣваетъ людямъ то, что угодно Богу, и запрещаетъ то, что осуждено Имъ.

По очереди сидѣвшій рядомъ съ читавшимъ, перевернувъ нѣсколько мелко испещренныхъ красивыми завитками арабской книги страницъ, сталъ продолжать чтеніе, также протяжно съ характерной ритмичностью дикціи.

— Благо тѣмъ, кто держится непрестанно милосердія и доброты и освобождается отъ гнѣва и злобы! Беха-Улла завѣщаетъ міру терпѣніе и добродѣтель... Это два свѣточа вселенной и два наставника для познанія народамъ. Благо тому, кто это постигъ, и горе пренебрегающимъ!

Далѣе, все также по очереди, читалось о единеніи и согласіи рабовъ Божіихъ. Для достиженія этого согласія необходимо взаимное знакомство народовъ съ языкомъ и письменностью другъ друга, причемъ выражалось желаніе о введеніи какого-либо одного, общаго для всѣхъ, языка, который бы былъ универсальнымъ орудіемъ для взаимнаго сношенія людей, чтобы міръ являлся одной для всѣхъ родиной и одной частью свѣта, такъ какъ и всѣ люди—вѣтви одного дерева и листья одного развѣтвленія.

— Мы всѣмъ дали повелѣніе о величайшемъ мирѣ на землѣ,— снова раздается громкій голосъ одного изъ молящихся:—это главнѣйшее средство сохраненія рода человѣческаго. Всѣмъ повелителямъ странъ слѣдуетъ единодушно держаться этого завѣта. Молимъ Бога, да поможетъ Онъ имъ въ томъ, что ведетъ къ благополучію рабовъ Его!

Собраніе закончилось трогательной молитвой, съ чувствомъ произнесенной престарѣлымъ сеидомъ.

— О, возлюбленные, вѣрьте, что всякое страданіе на пути Господа—высшее лекарство, всякая горечь—сладость, всякое униженіе—возвышеніе!.. Если хотите безпечалія, то читайте эти слова, которыя истекли изъ пера милосердаго: Боже мой, Боже мой, свидѣтельствую, что Ты единъ и молю Тебя, Владыка существъ и Творецъ неба и земли, мощью Твоего высокаго слова помоги мнѣ знаменіемъ власти и силы Твоей! Сохрани меня отъ зла враговъ Твоихъ, которые нарушаютъ Твой завѣтъ,—воистину Ты всемогущій, всеильный!

И, въ молитвенномъ единеніи съ присутствовавшими умудренный жизнью проповѣдникъ закрылъ свое худое и прозрачное, какъ воскъ, лицо тонкими ладонями съ длинными высохшими пальцами красивыхъ старческихъ рукъ и погрузился въ нѣмую молитву.

Стало совсѣмъ тихо...

Солнце уходило за горы, золотя косыми лучами эту низкую восточную комнату, окутанную пестрыми коврами, съ чинно сидѣвшими вокругъ стѣнъ фигурами въ восточныхъ одеждахъ... Мечта

быстро бѣжала впередъ, за стѣны дома и переносила туда, въ сосѣдній Иранъ, гдѣ жилъ, проповѣдывалъ и умеръ въ мукахъ казни этотъ полулегендарный, таинственный Баба...

А сквозь раскрытыя настежь окна долеталъ благовѣсть съ сосѣдней армянской церкви...

Жизнь этого загадочнаго аскета, Али-Мухаммеда, сына мелкаго торговца изъ благословеннаго Шираза, родины знаменитаго поэта-мистика Хафиза, была столь же кратковременной, сколько полной трагизма. Двадцати восьми лѣтъ отъ роду онъ уже выступилъ съ проповѣдью отреченія отъ земныхъ благъ и «жизни въ Богѣ» и назвалъ себя «бабомъ», что по-арабски означаетъ «дверь», т.-е. въ данномъ случаѣ—врата, ведущія къ истинѣ, къ богопознанію и нравственному совершенству.

Нелицемерная строгость его жизни, вдохновенность проповѣдничества, та увѣренность въ свое «призваніе свыше», которая рождаетъ пророковъ и заставляетъ чуткую толпу слѣпо идти за своимъ героемъ, сдѣлали изъ молодого мистика полусвятого, полупророка, къ которому отовсюду стали стекаться народъ и съ жадностью ловить его каждое слово.

Все это, конечно, и прежде бывало въ исторіи мусульманскаго раскола, давашаго міру немало фанатиковъ, претендовавшихъ на исключительное обладаніе «истиной» и выдававшихъ себя за пророковъ, святыхъ и даже за само божество. Самое ученіе Баба—мистическій пантеизмъ (суфизмъ), также не новое по существу, не могло бы, разумѣется, ни получить такого широкаго распространенія, не имѣть столькихъ послѣдователей, ни дойти, наконецъ, до такихъ серьезныхъ результатовъ, какъ вооруженное возстаніе бабидовъ въ Персіи въ 50-хъ годахъ прошлаго столѣтія, усмирять которое шахскому правительству стоило немало труда, если бы въ Иранѣ, какъ самой передовой странѣ Востока, не существовало издавна потребности въ религіозно-соціальной реформѣ, сторонники которой воспользовались популярнымъ именемъ «Баба» для распространенія своихъ идей.

Такъ какъ движеніе многочисленныхъ приверженцевъ Баба (всегда при этомъ остававшагося въ сторонѣ и бывшаго въ теченіе всей своей короткой жизни какимъ-то обоготворяемымъ мифомъ) стало принимать со дня на день угрожающіе размѣры, то, по распоряженію шахскаго правительства, Баба былъ арестованъ въ Ширазѣ, въ 1847 году, гдѣ онъ родился и проповѣдывалъ, и перевезенъ въ ханство Маку, пограничное съ Кавказомъ, и заключенъ тамъ въ темницу, а отсюда вновь перевезенъ въ другое мѣсто—крѣпость Чехрикъ. Арестъ Баба не помогъ, однако, шахскому правительству. Движеніе бабидовъ все росло. Со всѣхъ концовъ Ирана стекались

въ Маку, къ заключенному тамъ Бабу, какъ на паломничество. Въ Хорасанѣ, Мазандаранѣ, Зенджанѣ, Испагани, Тебризѣ и Ширазѣ произошли серьезныя волненія бабидовъ, взявшихся за оружіе.

Противъ нихъ были высланы войска. Въ Зенджанѣ бабиды удачно отражали ихъ въ теченіе цѣлыхъ девяти мѣсяцевъ, а въ Мазандаранѣ они выдерживали правильную осаду почти весь годъ (одиннадцать мѣсяцевъ) и сдались только благодаря вѣроломству осаждавшихъ.

Все это побудило тогдашняго шаха Насръ-ед-дина поскорѣй избавиться отъ самого главаря опасной секты—и казнь Баба была рѣшена.

Казнь—разстрѣляніе—совершилась въ Тебризѣ 27 іюня 1850 г., во дворѣ мѣстной казармы.

Такъ какъ изданная въ 60-хъ годахъ извѣстная книга о бабидахъ бывшаго профессора петербургскаго университета мирзы-Каземъ-Бека, изъ которой русская публика знаетъ кое-что объ этой сектѣ, переполнена всякими неточностями, то я воспользовался моимъ знакомствомъ въ Тифлисѣ (въ 1902 г.) съ сеидомъ Мехти-Исмъ-Уллою и лично слышалъ отъ него всю полную драматизма исторію Баба.

Это былъ вѣрнѣйшій и чистѣйшій источникъ, такъ какъ почтенный сеидъ зналъ самого Баба и, будучи 18-лѣтнимъ юношей, присутствовалъ при его казни.

— Я твердо помню, сынъ мой, все, что тогда происходило во время его казни... Въ вашихъ русскихъ рассказахъ объ этомъ написано кое-что неправильно—и о казни Баба и о многомъ другомъ...

Исмъ-Улла отрицаетъ, напримѣръ, передаваемый профессоромъ Каземъ-Бекомъ фактъ, что, когда первый залпъ направленныхъ въ Баба выстрѣловъ прострѣлилъ, по странной случайности, веревки, которыми онъ былъ привязанъ къ позорному столбу и онъ вдругъ упалъ на землю невредимымъ, то онъ, будто, побѣжалъ къ толпѣ, окружавшей мѣсто казни, выдавая случившееся съ нимъ за чудо.

Этого, конечно, никогда не было, такъ какъ, если бы только это дѣйствительно было, то въ этотъ самый моментъ вся Персія увѣровала бы въ Баба и безпрекословенно приняла его вѣру: такъ былъ великъ тогда его нравственный авторитетъ!

Нѣтъ, все произошло гораздо проще. Послѣ перваго, неудачнаго залпа Баба снова привязали къ столбу и пустили въ него новый залпъ, который и покончилъ съ нимъ навсегда.

Съ нимъ вмѣстѣ былъ казненъ также и его юный послѣдователь Ага-Меметъ-Али.

Трупы Баба и казненнаго вмѣстѣ съ нимъ юноши были выброшены, по приказанію шаха, за городскія ворота на съѣденіе собакамъ.

Одинъ зажиточный бабидъ, Сулейманъ-Ханъ, упросилъ губернатора Тебриза отдать ему эти останки, на что и получилъ согласіе,

въ виду всеобщаго въ странѣ уваженія къ Бабу даже и со стороны тѣхъ, кто не принадлежалъ къ его приверженцамъ. Трупы были доставлены къ Сулейманъ-Хану и въ ту же ночь переданы, въ ящикѣ, одному мѣстному купцу изъ гор. Мейлана (близъ Тебриза), который и спряталъ ящикъ на своей фабрикѣ шелковыхъ издѣлій. Съ тѣхъ поръ священный для бабидовъ ящикъ переходилъ изъ рукъ въ руки, отъ одного бабида къ другому, и былъ сохраняемъ ими въ величайшей тайнѣ. Потомокъ одного изъ хранившихъ этотъ ящикъ—тотъ самый упомянутый выше купецъ Ахмедовъ, въ домѣ котораго собирались молиться тифлисскіе бабиды.

Такъ продолжалось непрерывно свыше 50 лѣтъ, вплоть до 1900 года, когда свято хранимый гробъ Баба былъ перевезенъ изъ Персіи въ Акру (С.-Жанъ д'Акръ), гдѣ жилъ недавно скончавшійся послѣдній глава секты Беха-Улла, а отсюда, по его уже распоряженію, въ Яффу, близъ Іерусалима, гдѣ прахъ Баба съ почетомъ преданъ былъ наконецъ землѣ.

Съ разрѣшенія турецкаго правительства надъ нимъ теперь возвышается роскошный мавзолей.

Что же это было за ученіе подъ названіемъ «бабизмъ», въ чемъ заключались религіозныя и философскія воззрѣнія бабидовъ, отчего движеніе ихъ приняло такіе широкіе размѣры и такъ глубоко потрясло Персію?

Что была за личность Бабъ и въ чемъ, въ сущности, заключалась его проповѣдь, это навсегда останется нерѣшеннымъ.

Мы слишкомъ мало знаемъ о Бабѣ чего-нибудь положительнаго. Будучи мистикомъ и преданный ученію суфизма, породившаго массу религіозныхъ братствъ и дервишество въ исламѣ, Бабъ въ своихъ притчахъ и иносказаніяхъ, свойственныхъ всѣмъ мистикамъ вообще, говорилъ, конечно, то же, что и всѣ суфіи. Онъ проповѣдывалъ самоусовершенствованіе путемъ аскетизма и созерцательной, духовной жизни, призывалъ къ покаянію, восхвалялъ смиреніе и всепрощеніе и возвѣщалъ скорое пришествіе мусульманскаго Мессіи—«имама Мехди». При этомъ, будучи сыномъ своего вѣка, онъ высказывалъ, несомнѣнно, и то, что давно думалось и чувствовалось всѣми въ Персіи,—говорилъ о назрѣвшей потребности реформы въ исламѣ, касаясь и соціальнаго положенія женщины на Востокѣ.

Вотъ почему всѣ, жаждавшіе этихъ реформъ, тѣсно сплотились вокругъ Баба и, какъ выше сказано, воспользовавшись обаяніемъ надъ толпой его мистической личности «не отъ міра сего», попробовали вырвать Персію изъ цѣпкихъ когтей ислама.

Если имъ это, къ несчастію, не удалось тогда исполнѣ, то они все-таки сдѣлали свое дѣло. Бабизмъ не погибъ; несмотря на пережитыя имъ преслѣдованія, онъ пустилъ въ Персіи глубокіе корни, и теперь половина Ирана исповѣдуетъ религію Баба.

Казнь Баба не прекратила собой вооруженнаго движенія бабидовъ и шахскому правительству стоило громадныхъ усилій подавить его, что и было достигнуто, наконецъ, въ обильныхъ потокахъ крови и въ ужасахъ казней.

Таковъ мрачный финаль, съ гибелью героя, перваго акта драмы.

Второй актъ ея носилъ совсѣмъ уже иной характеръ и выводитъ новаго героя, спасагого отъ гибели ученіе своего предшественника и поставившаго бабизмъ на его современную высоту.

Я говорю о Беха-Уллѣ, замѣнившемъ собой Баба и ставшемъ главою и творцомъ того симпатичнѣйшаго раскола въ магометанствѣ, который заставилъ «поклонниковъ пророка» забыть давно отжившія «твердыни» ислама и приблизилъ ихъ къ общечеловѣческому прогрессу и евангельской истинѣ.

Будучи однимъ изъ самыхъ горячихъ поклонниковъ Баба, мирза-Хусейнъ-Али, принявшій впоследствіи имя «Беха-Улла» (т.-е. свѣтъ Божій), сталъ во главѣ увѣлѣвшихъ отъ погрома приверженцевъ секты и своей личной энергіей и педюжиннымъ умомъ придасть ей новую жизнь и новую окраску.

Богато одаренный отъ природы, прекрасно образованный, краснорѣчивый, отлично владѣвшій перомъ, съ благороднымъ и независимымъ характеромъ, глубокой и тонкой психологъ, ясно сознававшій необходимость самой коренной реформы въ давно сыгравшемъ свою историческую роль исламѣ, какъ проповѣди единобожія, — Беха-Улла былъ выдающимся явленіемъ въ мусульманствѣ, и живи онъ въ эпоху Магомета, то еще очень большой вопросъ, кто былъ бы теперь «пророкомъ» ислама: красивый ли мужъ престарѣлой вдовы Хадиджи, или Беха-Улла?

Возвышеніе Беха-Уллы среди бабидовъ, увидѣвшихъ въ этой выдающейся личности якорь своего спасенія, и сплотившіяся вокругъ него разрозненныя силы погибавшей послѣ кроваваго разгрома секты тотчасъ же вызвали къ нему подозрѣніе повелителя Ирана. Онъ подвергся всевозможнымъ притѣсненіямъ и преслѣдованіямъ.

Видя, что секта снова крѣпнетъ, благодаря энергіи ея новаго главара, Беха-Уллу стараются всячески погубить. Его обвиняютъ, напримѣръ, въ соучастіи въ заговорѣ противъ шаха въ 1852 году и сажаютъ въ тюрьму, откуда, впрочемъ, ему вскорѣ удается освободиться, благодаря вмѣшательству русскаго посольства. Затѣмъ пытаются вооружить противъ него духовенство, чтобы объявить опаснаго «еретика» виѣ закона, т.-е. виѣ всякой защиты, но муштехидъ (глава шитскаго духовенства) отказывается издать по этому поводу указъ.

Беха-Улла принужденъ поэтому вести скитальческую жизнь. Мы видимъ его то въ Багдадѣ, то въ горахъ Курдистана, то въ Стамбулѣ, то въ Адрианополѣ. Шиты упорно преслѣдуютъ его и

въ Турціи, и, благодаря проискавъ изъ Тегерана, турецкое правительство въ 1868 г. высылаетъ Беха-Уллу (вмѣстѣ съ его семьей и 80 приверженцами) изъ Адрианополя въ С.-Жанъ д'Акръ, въ Сирію, гдѣ глава бабизма и остается всю остальную жизнь, до самой смерти, послѣдовавшей въ 1892 году.

Отсюда начинается новый, реформаторскій періодъ жизни Беха-Уллы. Онъ всецѣло выразился въ его «посланияхъ» бабидскимъ общинамъ (эти посланія называются лаухами, т.-е. скрижалями, наподобіе законовъ Моисея), и обширной перепискѣ, создавшихъ изъ прежняго туманнаго, мистическаго бабизма совершенно новое, прогрессивное ученіе, съ европейскимъ уровнемъ мысли и духомъ чисто христіанской морали.

Здѣсь же, въ Акрѣ, написанъ и Коранъ новаго бабизма—«Китабе-акдесъ» (т.-е. священнѣйшая книга), проникнутая духомъ реформы и имѣвшая цѣлью поднять отсталый и неподвижный, какъ окаменѣлость, исламъ до высоты европейскаго міровоззрѣнія и придать ему либеральное вѣяніе, столь противное наивной рутинѣ поклонниковъ Магомета.

Полная ума и энергіи дѣятельность Беха-Уллы въ этомъ направленіи напоминаетъ собою Лютера и созданное имъ протестантство въ католической церкви.

Подобно тому, какъ Лютеръ боролся съ абсолютизмомъ панства и злоупотребленіями католическаго духовенства, такъ и Беха-Улла возсталъ противъ ига мусульманскаго духовенства и приниженія личности въ исламѣ. Лютеръ требовалъ реформы церкви, Беха-Улла требовалъ реорганизации всего строя жизни Персіи, гдѣ религія тѣсно связана съ гражданственностью. Лютеръ въ увлеченіи борьбой довелъ свое ученіе до крайности, сдѣлавъ протестантство религіей сухой, лишенной мистической прелести католичества и чисто разсудочной, съ пасторомъ, болѣе похожимъ на профессора, чѣмъ на священника. Беха-Улла также погрѣшилъ въ этомъ отношеніи, лишивъ первоначальную доктрину загадочнаго Баба мистическаго вдохновенія, восточнаго символизма и созерцательной нирваны суфіевъ.

Послѣ смерти Беха-Уллы въ 1892 году главой бабизма сдѣлался его старшій сынъ Аббасъ-Эфенди, который такъ же, какъ и его отецъ, по распоряженію турецкаго правительства, остался жить въ Акрѣ. Аббасъ-Эфенди, какъ лично передавалъ мнѣ извѣстный бабидскій миссіонеръ мирза-Хайдеръ-Али, съ которымъ я также познакомился на Кавказѣ, держитъ себя очень просто и доступно, живетъ въ самой Акрѣ, а не за городомъ, въ уединеніи и умышленной отчужденности отъ міра, какъ это дѣлалъ Беха-Улла часто посѣщаетъ своихъ единовѣрцевъ и многихъ другихъ уважаемыхъ лицъ изъ мѣстнаго общества и принимаетъ многочисленныхъ посѣтителей. Аббасъ-Эфенди вовсе не претендуетъ

ни на какую сверхчеловѣческую роль, какъ это дѣлалъ его отецъ, выдавая себя за предсказаннаго Бабомъ пророка и даже чуть ли не за воплощеніе самого божества, и въ глазахъ самихъ бабидовъ онъ считается только главой секты и отнюдь не болѣе.

Очень охотно и часто захаживалъ я въ бабидскую молельню въ Тифлисѣ, близъ Авлабара, по воскресеньямъ (это бабидскій праздникъ, вмѣстѣ съ христіанами) и подолгу бесѣдовалъ съ поклонниками Беха-Уллы.

Боже мой, сколько любви, кротости, человѣчности звучало въ ихъ словахъ и воззрѣніяхъ и какъ это не было похоже на фанатизмъ, ненависть ко всему иноземному, узость и вопіющую отсталость мусульманства!

— Наша священная книга «Китабе-акдесъ»,—говорили мнѣ бабиды,—написана простымъ, доступнымъ всеѣмъ, внятнымъ языкомъ. Вы понимаете по-арабски—возьмите и судите сами. Это вовсе не похоже на Коранъ. Здѣсь нѣтъ загадокъ, да и зачѣмъ опѣ въ религіи, въ любви къ Богу и къ людямъ?

Я взялъ эту прекрасную книгу у одного изъ моихъ друзей-бабидовъ и сталъ читать ее подъ ихъ руководствомъ.

Дѣйствительно, она написана удивительно просто, убѣдительно, благородно, и въ ней вовсе не встрѣчается мѣсть, подобныхъ тѣмъ главамъ Корана, гдѣ невропатическая растерянность текста и будто умышленно приподнятая, образная туманность смысла дѣлаетъ ихъ совершенно неудобопонятными и въ сущности излишними, такъ какъ ихъ каждый можетъ толковать по-своему.

Прежде всего «Китабе-акдесъ» совершенно отмѣняетъ цѣлую массу разныхъ уставовъ шіитскаго шаріата (духовнаго закона): отмѣняется пятикратная ежедневная молитва (чего мусульмане, впрочемъ, никогда и не исполняютъ), наивное дѣленіе предметовъ на «чистые» и «нечистые», разрѣшается больнымъ и путникамъ забыть о постахъ, отмѣняется обязательное омовеніе предъ молитвой (мусульмане практикуютъ это простымъ плеваніемъ на руки, что врядъ ли гигиенично), разрѣшается не брить головы, вполне допускаются запрещенныя кораномъ пляска и музыка, все многочисленныя праздники сводятся къ четыремъ въ году и т. д.

«Китабе-акдесъ» рисуетъ предъ всеѣми симпатичный, здоровый складъ жизни современнаго бабида, исполненный духомъ истины и альтруизма, который такъ разнится отъ фанатически-узкихъ воззрѣній на міръ мусульманской «морали».

Прежде всего Беха-Улла проситъ cadaго заниматься какимъ-нибудь доступнымъ ему трудомъ, который бы давалъ средства къ жизни и приносилъ какую-либо пользу ближнимъ, такъ какъ бабизмъ презираетъ всякое попрошайничество, тунеядство, эксплоа-

тированіе общественной благотворительностью. Предписывается равнодушіе къ внѣшнимъ благамъ міра, благочестіе, вѣрность, честность, уваженіе къ законамъ страны, гдѣ живутъ бабиды, воздержанность отъ излишней радости и скорби, чистота нравовъ, скромность требованій отъ жизни, простота обихода, гостепримство. Пророкъ новаго бабизма горячо возстаетъ противъ отшельничества и аскетизма, какъ пассивнаго служенія Богу, а не дѣятельной, реальной любви къ Нему. Многоженство отвергается и допускается имѣть лишь двухъ женъ, причемъ одна предпочтительнѣе; разводъ, который по Корану совершается мгновенно, по капризу мужа, строго порицается и дозволяется лишь какъ крайняя мѣра и только по истеченіи года со времени начала раздора между супругами; при бракосочетаніи требуется согласіе невѣсты. Богатые должны помнить бѣдняковъ и, по мѣрѣ возможности, облегчать ихъ горькую участь. Обученіе дѣтей у бабидовъ обязательно.

Переходя въ болѣе сложную область общественной жизни, Беха-Улла такъ же широкъ и прогрессивенъ, какъ и въ предписаніяхъ, касающихся жизни каждаго отдѣльнаго бабида.

Уваженіе къ религіи вообще и вѣрованіямъ народовъ ставится въ непремѣнную обязанность секты.

Забота о всеобщемъ мирѣ является столь же важнымъ дѣломъ для каждаго, какъ и любовь и согласіе вообще ко всему окружающему и ближнимъ.

Наука въ глазахъ Беха-Уллы «крылья для каждаго разумнаго существа и ступень для поднятія» и усвоеніе ея необходимо всѣмъ, въ виду чего родителямъ вмѣняется, какъ было только что замѣчено, въ обязанность обученіе ихъ дѣтей. Вмѣстѣ съ этимъ Беха-Улла предостерегаетъ школу отъ фанатизма и ложно понимаемаго узкаго патріотизма, а этотъ послѣдній въ его глазахъ заключается вовсе не въ томъ, чтобы любить только свое собственное отечество потому, что вы случайно увидѣли тамъ впервые свѣтъ, но и въ томъ, чтобы любить весь міръ и все человѣчество.

Весьма любопытны слова Беха-Уллы о прессѣ и ея значеніи, а также о тѣхъ принципахъ, которые онъ къ ней предъявляетъ, требуя отъ публицистики полного безпристрастія, сдержанности, справедливой оцѣнки фактовъ, а главное—правды.

Эта пожеланія по адресу печати вполне въ духѣ современности и могутъ быть повторены и въ наши дни, особенно въ отношеніи русской прессы съ ея дикою неводержанностью, яркой партійностью и безцеремоннымъ извращеніемъ фактовъ.

А вотъ что говоритъ Беха-Улла людямъ науки: «О, ученые народовъ! Отверните очи отъ отчужденія и взирайте на объединеніе, ищите опоры въ томъ, что ведетъ къ миру и спокойствію всѣхъ вообще людей. Это единая мѣрка. Міръ одно для всѣхъ отечество. Оставьте гордость, причину раздора, а направьтесь къ тому, что

ведеть къ согласію. Людямъ Беха (т.-е. приверженцамъ Беха-Уллы) можно гордиться лишь хорошими дѣлами, чистыми нравами и познаніями, а не отечествомъ и мѣстомъ!»

По адресу правителей читаемъ слѣдующее:

«Необходимо для всѣхъ правительствъ быть хорошо освѣдомленными о дѣлахъ ихъ агентовъ и заботиться о соотвѣтственной раздачѣ должностей. На это обязательно слѣдуетъ обращать вниманіе каждому главѣ отдѣльнаго управленія и государю. Тогда, быть можетъ, предатель не будетъ сидѣть на мѣстѣ вѣрнаго, а грабитель на мѣстѣ скопидома. Мы ждемъ отъ начальниковъ и царей, чтобы они старались разслѣдовать дѣла подданныхъ и быть свѣдущими о дѣяніяхъ и поступкахъ каждаго племени. Раздоръ тогда исчезнетъ, и страны озарятся свѣтомъ согласія. Мое перо завѣщаетъ царямъ, правителямъ, начальникамъ, улемамъ (духовенству), арифамъ (ученымъ) держаться религіи. Слабость опоръ всякой религіи ведеть къ силѣ и наглости невѣждъ. Все, что убудеть въ высотѣ положенія религіи, увеличить небреженіе злыхъ и въ конечномъ результатѣ приведетъ къ анархіи. Тотъ государь, котораго власть, богатство, почетъ, повиновеніе войскъ и преклоненіе придворныхъ не лишать блеска безпристрастія, будетъ обладателемъ высокаго мѣста среди небожителей!»

Слѣдуетъ также упомянуть здѣсь и объ одномъ очень симпатичномъ проектѣ одного общественнаго учрежденія, это такъ называемые «дома справедливости» (бейт-ул-адль), которые, по мысли Беха-Уллы, должны были бы играть роль совѣщаній свѣдущихъ людей по вопросамъ общественнымъ, благотворительнымъ и даже государственнымъ. Это послѣднее дѣлаеть изъ «домовъ справедливости» какъ бы попытку введенія въ строй восточной жизни народнаго представительства, что въ настоящее время уже осуществлено.

На дѣлѣ «домовъ справедливости» до сихъ поръ въ бабидскихъ общинахъ не существуетъ, за исключеніемъ, впрочемъ, Америки, гдѣ, въ Чикаго, мѣстные бабиды-янки устроили «домъ справедливости», исполняющій обязанности лишь благотворительнаго клуба.

Мнѣ показывали фотографическій снимокъ членовъ этого «клуба». Почтенныя, бородатая фигуры и своеобразныя американскія фижіономіи смѣшаны здѣсь съ дамскими изображеніями въ отмѣнно-эксцентрическихъ костюмахъ самаго заатлантическаго пошиба.

Таковы, въ общихъ чертахъ, устой новаго бабизма или бехаизма, по имени его основателя.

Не правда ли, что всѣ они настолько европейскаго типа, что трудно даже повѣрить, чтобы они исходили не отъ какого-нибудь современнаго западнаго мыслителя, а отъ персидскаго сектанта?

А въ области догматики мы встрѣчаемъ такія неожиданности: проповѣдуя единство Божіе, Беха-Улла возвѣщаетъ «благо тому, кто предпочтетъ брата своего самому себѣ!»

Или вотъ взглядъ на религію, изъ которой исламъ сдѣлалъ оплотъ дикой ненависти къ гяурамъ.

«О, люди міра, божественная религія предназначена для любви и единенія. Не дѣлайте ее причиной раздора!»

Вспомните молитву, которую я слышалъ въ бадибской молельнѣ, вдумайтесь въ эти чудныя строки и скажите: кто же ихъ создалъ, — мусульманскій сектантъ или христіанинъ?

Развѣ настоящій мусульманинъ можетъ учить о любви къ ближнему, если этотъ ближній не такой же мусульманинъ, какъ онъ самъ? Конечно, нѣтъ; онъ долженъ ненавидѣть гяура!

— О, нѣтъ, у насъ ни къ кому нѣтъ и не можетъ быть ненависти, — говорятъ бабиды. — Беха-Улла запретилъ вражду... А между тѣмъ насъ ненавидятъ шиты, и у нихъ существуетъ цѣлая полемическая литература противъ насъ!

— На что же собственно они нападаютъ?

— Они говорятъ, что мы обожествляемъ Беха-Уллу... Конечно, этого нѣтъ! Мы не считаемъ Беха-Уллу за божество въ прямомъ значеніи этого слова, но въ немъ была особая божественная сила, какъ и въ каждомъ пророкѣ есть она; иначе не могъ бы онъ достигнуть той высоты, на которую поднялся!

— Однако Магометъ, — возражалъ я, — не выдавалъ себя за божество и вездѣ называлъ скромно «рабомъ Божіимъ», а между тѣмъ проповѣдь Магомета имѣла колоссальный успѣхъ.

— Успѣхъ этотъ былъ колоссальный вовсе не потому, что Магометъ исключительно держался роли «посланника Божія» (ресуль-иллахи), а потому, что проповѣдь великой и свѣтлой идеи единобожія должна была покорить смутныя и низменныя вѣрованія язычниковъ... Къ тому же вы не совѣмъ правы: Магометъ также приравнивалъ себя къ божеству. Мусульмане приписываютъ ему, на примѣръ, такія слова: «воистину я близокъ къ Аллаху; я и Онъ составляемъ единое, но вмѣстѣ съ этимъ Онъ — Онъ, а я — я!» Благоговѣйное отношеніе Беха-Уллы къ Богу видно ясно изъ его писаній: въ нихъ онъ называетъ себя — атомъ, капля, древесный листъ, ничтожество, рабъ Божій...

— Тѣмъ не менѣе, — настаивалъ я, — въ твореніяхъ Беха-Уллы есть мѣста, гдѣ его претензіи на божественное достоинство весьма прозрачны...

— А вотъ, на примѣръ, халифъ Али, — возражали мнѣ мои собесѣдники, — говорилъ такія слова: «я тотъ, къ которому не приложимы ни имя, ни качество, я съ виду имамъ и намѣстникъ пророка, существо же мое не поддается опредѣленію», — однако шиты не считаютъ же халифа Али за божество... Припомните кстати эти

оригинальные и знаменательные по глубинѣ стихи персидскаго поэта Джелалъ-ед-дина-Руп, который говоритъ: «разъ можно слышать: я Богъ!—изъ купины, почему нельзя этого слышать отъ одареннаго Богомъ человѣка?»

Нападки шитовъ на бабизмъ основаны, главнымъ образомъ, на отрицаніи его, какъ новой религіи, и Беха-Уллы, какъ «пророка».

Мусульмане проходятъ мимо всей выдающейся социальнo-религіозной доктрины Беха-Уллы, создавшаго своего рода евангелизмъ въ исламѣ. Это выше ихъ пониманія! Имъ до этого вовсе нѣтъ дѣла, да къ тому же эта сторона дѣятельности Беха-Уллы, какъ реформатора, имъ глубоко ненавистна, такъ какъ исламъ отрицаетъ всякій прогрессъ и заковываетъ человѣка въ крѣпкія цѣпи исполненія буквы религіи.

Итакъ, шиты возмущаются исключительно «пророческой миссіей» Беха-Уллы и заступаются за Магомета, который заявилъ, что послѣ него міръ не увидитъ болѣе иного пророка.

Вотъ почему съ европейской точки зрѣнія эта полемика совершенно не интересна, да при этомъ и самые упреки мусульманъ по адресу Беха-Уллы за его «пророческую миссію» и «самообоженствленіе» (въ чемъ, конечно, онъ не безгрѣшенъ) могутъ быть съ полнымъ успѣхомъ возвращены мусульманамъ, такъ какъ нѣтъ ни малѣйшаго сомнѣнія, что и Магометъ очень охотно приписывалъ себѣ божественныя качества, что явствуетъ изъ самого же Корана.

— Пусть насъ всячески бранятъ и критикуютъ,—говорятъ бабиды:—это никому не возбраняется, но пусть же и не пишутъ о насъ разныхъ вздорныхъ небылицъ, какія, напримѣръ, можно встрѣтить у профессора Каземъ-Бека... Русскіе имѣютъ поэтому о насъ превратное понятіе.

Дѣйствительно, какъ я уже упомянулъ, книга профессора Каземъ-Бека о бабизмѣ («Бабъ и бабиды, религіозныя смуты въ Персіи». Спб., 1865 г.) изобилуетъ большими неточностями въ отношеніи бабизма и его послѣдователей. Это объясняется, конечно, тѣмъ, что, какъ ни странно, но почтенный профессоръ, взявшисъ писать о бабизмѣ, не видѣлъ въ теченіе своей жизни ни одного бабиды, лично не соприкасался съ ними и не изучалъ ихъ доктрины самостоятельно, а составилъ о нихъ свою монографію со словъ своихъ единовѣрцевъ, шитовъ, заклятыхъ враговъ бабизма, которыя, конечно, не могли быть для нихъ благопріятны.

Такъ, напримѣръ, заявленіе профессора Каземъ-Бека, что бабиды самовольно провозгласили себя «внѣ законовъ», чтобы свободно творить разныя безчинства, и завели у себя коммунизмъ женщинъ, съ правомъ каждой женщины имѣть по нѣсколько мужей сразу (поліандрія),—является чистѣйшимъ вымысломъ шитовъ.

Шиты не могли, конечно, одобрить процвѣтавшей у бабидовъ свободы женщины, выведенной изъ гарема и принимавшей, по ихъ либеральному ученію, участіе въ общественной жизни. Знаменитая прозелитка Баба красавица Хуреть-ул-айнъ¹⁾ играла выдающуюся роль въ возстаніи бабидовъ въ Персіи и, снявъ надѣтую Кораномъ на мусульманокъ чадру, съ открытымъ лицомъ проповѣдывала предъ народомъ религіозно-соціальную реформу бабизма. Въ глазахъ шитовъ это было чудовищнымъ преступленіемъ противъ ислама и отсюда—появленіе басни о «коммунизмѣ» женщинъ и «поліандріи» у бабидовъ.

Это очень жаль, такъ какъ публика, вездѣ и всегда падкая до сенсационныхъ легендъ, охотно вѣритъ именно вздорнымъ вымысламъ, и я позволяю себѣ предостеречь читателей, интересующихся бабизмомъ, отъ излишняго довѣрія къ книгѣ профессора Каземъ-Бека, тѣмъ болѣе, что есть серьезное изслѣдованіе о бабизмѣ г. Туманскаго («Китабе-акдесъ, священная книга бабидовъ»), рисующее доктрину Баба и Беха-Уллы въ ея настоящемъ свѣтѣ²⁾.

Приверженцевъ Беха-Уллы—по меньшей мѣрѣ третья часть изъ семи милліоновъ населенія Персіи. Въ Средней и Малой Азій, Сиріи, Египтѣ, Индіи, Китаѣ и у насъ на Кавказѣ и въ Закаспійской области ихъ насчитывается до 2.000,000 человекъ.

Въ Асхабадѣ бабидская община весьма значительна. Много бабидовъ проживаетъ въ Баку и Шемахѣ. Въ Тифлисѣ ихъ всего меньше, причемъ у нихъ нѣтъ даже особой молельни, и бабиды устраиваютъ свои богомоленія въ частныхъ квартирахъ.

Мѣстные мусульмане—шиты—относятся къ бабизму крайне враждебно; рутиня ислама не можетъ воспринять прогрессивныхъ идей этой секты. Въ Шемахѣ вражда между бабидами и шитами доходила въ 1902—1903 г. до вооруженныхъ столкновеній на улицахъ, причемъ, конечно, какъ слабѣйшіе, терпѣли бабиды, которые рассказывали мнѣ подробности объ этихъ побоищахъ.

Русская власть на Кавказѣ въ теченіе всего времени управленія краемъ князя Г. С. Голицына (1897—1905 гг.) относилась къ бабизму скорѣе отрицательно. Несмотря, напримѣръ, на всѣ хлопоты и просьбы тифлисскихъ бабидовъ, имъ упорно отказывали въ устройствѣ въ Тифлисѣ собственной молельни, какъ въ Асхабадѣ, гдѣ у бабидовъ свой прекрасный молитвенный домъ. Это объясняется,

¹⁾ Въ русской литературѣ существуетъ очень интересная драма Изабеллы Гриневской «Бабъ», гдѣ героиней является Хуреть-ул-айнъ. Драма написана прекрасными стихами и очень сценична. Пьеса шла въ Маломъ театрѣ (А. С. Суворина) и нельзя не пожалѣть, что она снята съ репертуара.

²⁾ См. также мою брошюру «Современный бабизмъ», Тифлисъ, 1904 г. (изд. Г. П. Меликъ-Караванова), гдѣ я привожу по первоисточникамъ, въ переводѣ съ арабскаго и персидскаго, обширныя выдержки изъ этики и богословія бабизма.

конечно, полнымъ незнакомствомъ администраціи края съ бабизмомъ и напрасной боязнью предъ словомъ «секта».

Кончая настоящій очеркъ, я не могу не повторить еще разъ, что бабизмъ представляетъ собою любопытнѣйшее и, прибавлю, симпатичнѣйшее явленіе переживаемой эпохи, возникшее на почвѣ мусульманства; всего менѣе податливой на какія бы то ни было реформы и новшества, какъ результатъ неудовлетворенности исламомъ, убившимъ личность и саморазвитіе. Какъ въ общемъ, такъ и въ частности, теперешній бабизмъ представляетъ собою движеніе въ пользу мирнаго прогресса и реформы въ исламѣ по преимуществу.

Основанный аскетомъ не отъ міра сего, бабизмъ, придавъ своему первоначальному, воспринятому изъ буддизма и христіанства, ученію любви и всепрощенія черты мистицизма, выродился со временемъ, благодаря другому своему руководителю, въ мусульманское протестантство, совершенно забывшее о мистицизмѣ, жаждущее лишь европейской культуры и доходящее въ своихъ воззрѣніяхъ на запросы жизни до лучезарныхъ идеаловъ Христа.

Теперешній бабизмъ—секта почти ужъ совсѣмъ не мусульманская и является переходной ступенью отъ ислама къ христіанству, къ которому бабиды относятся съ величайшимъ уваженіемъ и возвышенными основами котораго сплошь проникнуто ихъ религіозное ученіе. Вотъ почему бабизмъ представляется въ высшей степени желательнымъ для современнаго общества, среди котораго магометанство съ его дикимъ фанатизмомъ и косностью, которые не уничтожать, конечно, никакіе «парламенты», уже давно представляется какимъ-то печальнымъ недоразумѣніемъ и никому не нужнымъ старьемъ.

Будучи вѣрованіемъ значительной части современнаго населенія Персіи, бабизмъ (который уже давно тамъ не преслѣдуется) былъ и всегда будетъ поборникомъ цивилизаціи, прогресса и идеи всеобщаго мира, упорно сторонясь отъ всякаго насилія и вражды¹⁾ (бабиды глубоко осуждаютъ послѣднія кровавыя событія въ Персіи) и насадителемъ христіанскихъ началъ и европеизма въ неприступныхъ твердыняхъ вражды и отчужденности «правовѣрнаго» ислама въ отношеніи всего, что не слѣпо чтитъ Коранъ и «пророка», — и въ этомъ драгоцѣнная историческая заслуга современнаго бабизма на мусульманскомъ Востокѣ.

С. Уманецъ.

¹⁾ Бабиды искренно восхищаются гуманными идеями извѣстной сѣверной романистки г-жи Суттнеръ о всеобщемъ разоруженіи и вѣчномъ братскомъ мирѣ народовъ и высоко чтутъ благородныя задачи Гаагской конференціи, собиравшейся по инициативѣ Россіи.

ЦАРЕУБИЙСТВО 1 МАРТА 1881 ГОДА.

(Историческіе очерки).

III. Террористическія выступления.

Б. Убийство шефа жандармовъ Н. В. Мезенцова.

I.

ВЫСТРѢЛЪ Вѣры Засуличъ, ея процессъ и оправданіе были тѣмъ историческимъ моментомъ преломленія въ жизни русскихъ революціонеровъ, послѣ котораго все оппозиціонное движеніе принимаетъ рѣзкій наклонъ въ сторону активныхъ террористическихъ выступленій, въ коихъ принимаютъ горячее участіе не только такіе стóронники «политики», какъ Валеріанъ Осинскій, но и адепты пропаганды, какъ Кравчинскій, Кибальчичъ и др. Если не прямо, то косвенно эта тенденція къ активной борьбѣ проглядываетъ въ первыхъ двухъ прокламаціяхъ, выпущенныхъ по случаю оправданія Засуличъ «вольной русской типографіей». Вотъ эти обѣ прокламаціи:

1) Ко всѣмъ честнымъ людямъ.

13 іюля петербургскій градоначальникъ Треповъ нанесъ въ лицѣ Боголюбова оскорбленіе всѣмъ честнымъ людямъ, отказывающимся лизать руку своихъ злодѣевъ. Торжествуя свою легкую побѣду, Треповъ думалъ, что укротилъ всѣхъ непримиримыхъ враговъ произвола. Несмотря на жа-

лобы и протесты, его не предали суду. Его покрыли. Нѣсколько мѣсяцевъ ликоваль грубый опричникъ и насмѣхался надъ своими жертвами. Но пробилъ и его часъ. 24 января Вѣра Засуличъ явно, на глазахъ у вооруженныхъ полицейскихъ, исполнила надъ Треповымъ приговоръ общественной совѣсти. Ей не пришлось убить его. Судьба сберегла ему остатки жизни, чтобы поразить его еще сильнѣе и безвозвратно убить его приговоромъ общественнаго мнѣнія въ лицѣ присяжныхъ засѣдательей, оправдавшихъ великую дѣвушку. Всѣ присутствовавшіе на судѣ, и старые, и молодые, и люди нашего лагеря, и чужіе, все, что сохранило въ себѣ хоть сколько-нибудь честности и чувства собственнаго достоинства,—все поддержало этотъ приговоръ и скрѣпило его восторженными заявленіями Вѣрѣ Засуличъ, ея защитнику и присяжнымъ засѣдателямъ.

Оправдывая Вѣру Засуличъ, представители общественнаго мнѣнія обвинили всю систему, на которую Засуличъ такъ самоотверженно подняла свою руку.

Давно русское общество не торжествовало такой побѣды!

Восторженная толпа, бывшая въ судѣ и окружавшая его зданіе, направилась къ дому предварительнаго заключенія дожидаться выхода молодой героини. Около тюрьмы собрались не одни наши друзья. Туда стекались люди всѣхъ званій, всѣхъ сословій, даже высокопоставленные звѣздоносцы. (Это ли не знаменіе времени!) Когда Засуличъ вышла, ее подняли на руки и при восторженныхъ крикахъ понесли по улицѣ.

Жандармы напали на ликующее шествіе, но, остановленные общимъ негодованіемъ, отступили передъ толпою въ 1500 человекъ. Воздавши должное своей любимицѣ, толпа усадила ее въ карету вмѣстѣ съ ея доброжелателями, и карета поѣхала. Всѣ думали, что этимъ дѣло окончится, и многіе съ радостнымъ сердцемъ начали расходиться. Но они ошиблись. Жандармы не покорились общественному мнѣнію—они только обманули его. Когда толпа порѣдѣла, жандармы, получивши подкрѣпленіе, напали на двигавшуюся карету и вздумали похитить Засуличъ. Они окружили карету и немедленно прибѣгли къ насилію: они уже стащили съ козелъ одного изъ сопровождавшихъ Вѣру Ивановну и намѣревались полѣзть въ карету... Но въ это время одинъ юноша—Григорій Сидорацкій—выстрѣлилъ въ злодѣевъ и самъ погибъ въ происшедшей свалкѣ. Своимъ выстрѣломъ онъ спасъ Вѣру Засуличъ: во время суматохи, произведенной его выстрѣломъ, карета умчалась. Ошалѣлые жандармы потерялись и не нашлись. Засуличъ была спасена.

Миръ праху твоему, честный юноша, своею грудью защитившій дорогую дѣвушку!

Одновременно съ нападеніемъ на карету, пѣшіе и конные жандармы бросались на толпу, гнали ее, мяли лошадыми, но все-таки ничего не подѣлали. Жертва ускользнула изъ ихъ рукъ.

И было пора! Нельзя было терять ни минуты. Въ тотъ же вечеръ явилось секретное предписаніе по полиціи арестовать ее. Но полиція и тутъ опоздала. Вѣру Засуличъ успѣли спрятать, и теперь она въ безопасности...

Взрывъ общественнаго мнѣнія не ограничился минутой увлеченія. Два дня подъ рядъ всѣ газеты, впервые сплоченныя общимъ интересомъ, были наполнены восторженными статьями, требовавшими прекращенія правительственнаго произвола. Даже самая подлая газеты—и тѣ увлеклись общимъ движеніемъ и печатали такія статьи, подъ которыми могъ бы подписаться довольно честный человекъ. Это не сошло имъ даромъ. Безсильное правительство принялось направо и налево расточать предостереженія, запрещать розничную продажу и торжественно объявило всѣ редакціи обманщиками, сообщающими ложныя извѣстія. Оно даже сни-

зошло до опроверженія. Но опроверженіе его оказалось лживо отъ начала до конца. Вотъ нѣкоторыя изъ выдумокъ, которыми правительство полагаетъ обмануть русское общество, и отвѣтъ на нихъ, который можетъ быть подтвержденъ тысячею свидѣтелей:

1. Правительственное сообщеніе утверждаетъ, будто Засуличъ была встрѣчена толпою «молодыхъ людей». Явное желаніе свести все дѣло на почву уличныхъ безпорядковъ! Это ложь! Засуличъ привѣтствовали люди всѣхъ возрастовъ, всѣхъ положеній.

2. Карету привела не предупредительная полиція, а публика.

3. «Правит. Вѣстникъ» утверждаетъ, будто на углу Фурштатской карету остановили лишь для того, чтобы упросить публику разойтись. Неумѣлая выдумка! Чтобы публика разошлась, надо было не останавливать, а погонять карету.

4. То же сообщеніе говоритъ, будто жандармы ограничились выжидательною ролью. Но и эта попытка скрыть истину и подтасовать факты опровергается сама собою людьми, пострадавшими отъ натиска пѣшихъ и конныхъ жандармовъ, и цѣлымъ рядомъ статей, напечатанныхъ очевидцами.

Ложь, ложь и клевета—вотъ единственная характеристика правительственнаго сообщенія!

Правительство до того растерялось, что прибѣгло къ цѣлому ряду беззаконій. Оправданную судомъ присяжныхъ усиленно разыскиваютъ, и уже предписано заключить ее въ тюрьму, какъ обыкновенную злодѣйку. Ее хотятъ сгноить и этимъ показать свою силу. Жалкая сила! Слѣдствіе о безпорядкахъ, вызванныхъ жандармами, отнято отъ слѣдователя Руснова и передано жандармамъ же, т. е. обвиняемому. Хорошо будетъ слѣдствіе! Правительство боится правильнаго общественнаго суда. Ему нужны органы, способные на всякія гнусности, лишь бы добиться предположенной цѣли! Но какъ бы оно ни направило слѣдствіе, какими бы извращеніями, лжесвидѣтельствами, запугиваніями и подлогами ни наполнило его,—никогда ему не удастся смыть съ себя позора и уничтожить событія, получившаго значеніе историческаго факта.

31 марта будетъ играть не послѣднюю роль въ лѣтописяхъ развитія русскаго сознанія: въ этотъ день выборные общественные судьи впервые явно отвернулись отъ бывшей правительственной системы; въ этотъ день русское общество впервые показало, что оно можетъ не бояться открыто заявлять свои желанія и симпатіи.

Не станемъ преувеличивать событій. Мы знаемъ, что этотъ расколъ, это отреченіе имѣетъ значеніе только начала, только перваго самостоятельнаго шага ребенка—нашего общества. Если бы оно обладало большимъ запасомъ гражданскаго мужества и имѣло болѣе гражданскаго развитія, 31-е марта кончилось бы баррикадами. Но мы привѣтствуемъ и это начало, и эти признаки пробужденія отъ вѣковой летаргіи; привѣтствуемъ ихъ, несмотря на то, что только дальнѣйшія событія должны непреложно доказать, правы ли мы, придавая столь серьезное значеніе событіямъ послѣдующихъ дней. Если мы угадали, то дѣло не ограничится вспышками, вызванными минутнымъ настроеніемъ. Это настроеніе должно расти и вызывать новыя событія. Люди, обладающіе чувствомъ долга и гражданскаго мужества, сплотятся и смѣло выступятъ на борьбу съ каждымъ проявленіемъ правительственнаго произвола. Но если наше общество заснетъ на другой же день послѣ своего перваго порыва, то оно подтвердитъ правильность тѣхъ историковъ, которые утверждаютъ, что каждый народъ надѣленъ именно тѣмъ правительствомъ, какого онъ наиболѣе заслуживаетъ.

Обращаемся съ этимъ предостереженіемъ ко всѣмъ, не отчаявшимсяъ въ своихъ силахъ, и зовемъ ихъ на борьбу съ произволомъ. Мы не предрѣшаемъ формы этой борьбы. Форму указываютъ обстоятельства и создаютъ сами событія.

Повторяемъ: мы отъ всей души привѣтствуемъ начало возможнаго конца теперешнему плачевному состоянію русскаго общества!

2) Къ русскому обществу.

31 марта 1878 года для Россіи начался прологъ той великой исторической драмы, которая называется судомъ народа надъ правительствомъ. Обвинительный актъ — это вся русская исторія, на страницахъ своихъ не представляющая ничего, кромѣ батожья, палокъ, плетей и шпицрутеновъ, съ одной стороны, и систематическаго разоренія народа «ради его государственныхъ доходовъ» — съ другой.

Послѣ событий 31 марта нѣсколько совѣстно говорить о томъ, что правительство русское держится апатіей и индифферентизмомъ русскаго общества; въ этотъ день разрывъ русскаго общества съ правительствомъ выразился *de facto*, въ зданіи окружнаго суда оправдательнымъ приговоромъ присяжныхъ и поведеніемъ публики, апплодировавшей приговору. Присяжные отказались обвинять ту, которая рѣшилась противопоставить насилию — насилие, они отказались подписаться подъ политикою душиенія всякаго самостоятельнаго проявленія общественной мысли и жизни, они открыто признали невинность враговъ существующаго порядка.

Этимъ ознаменовалось пробужденіе нашей общественной жизни, а полиція и жандармерія и не думали измѣнять своего обращенія съ публикою. На оправданную общественною совѣстью Засуличъ кинулись жандармы, съ цѣлью расправиться съ нею административнымъ порядкомъ. Людей, радовавшихся ея оправданію, били и мяли лошадьми, не щадили даже беременныхъ женщинъ... Самое слѣдствіе объ этихъ «уличныхъ беспорядкахъ» передано въ руки Третьяго Отдѣленія, которому приходится, такимъ образомъ, произнести приговоръ надъ своимъ собственнымъ поступкомъ. Въ довершеніе всего секретнымъ отдѣленіемъ отданъ приказъ участковымъ приставамъ «разыскать и арестовать оправданную судомъ присяжныхъ Засуличъ».

Русское общество долго молчало.

Оно молчало, когда въ теченіе столѣтій его лучшіе, свободомыслящіе люди погибали въ рудникахъ Сибири; когда русская наука несла такія потери, какъ потеря великаго экономиста Н. Г. Чернышевскаго.

Оно молчало, когда надежда Россіи — молодое поколѣніе — подвергалась такимъ систематическимъ преслѣдованіемъ, какъ въ 60-хъ годахъ и въ настоящее время, когда нѣтъ семейства, гдѣ бы не дрожали за участь своихъ дѣтей, сколько-нибудь способныхъ и чуткихъ.

Оно давало обманывать себя перспективой освобожденія болгаръ, когда собственный народъ голодалъ, когда нѣсколько сотъ тысячъ чиншевиновъ юго-западныхъ губерній разоряли до тла и пускали по міру.

Оно молчало и теперь, когда со всѣхъ сторонъ газеты приносятъ извѣстія о народномъ голодѣ и разореніи.

Оно довольствовалося лицемѣрными полуреформами въ то время, когда даже турецкій султанъ счелъ себя вынужденнымъ дать своему народу извѣстныя гарантіи свободы и самоуправленія.

Оно занималось сборомъ пожертвованій въ пользу «братьевъ-славянъ» и оставалось равнодушнымъ, когда истязали розгами Боголюбова.

Оно молчало, молчало и молчало.

Мы не знали, заговоритъ ли оно когда-нибудь.

Но 31 марта и въ слѣдующіе дни петербургское общество заговорило, наконецъ, человѣческимъ языкомъ.

Правительство игнорируетъ подобные симптомы общественнаго пробужденія. Какъ бы въ насмѣшку надъ приговоромъ петербургскаго окружнаго суда, полиціи отдается вышеупомянутый приказъ объ заарестованіи Засуличъ. Полиція вызываетъ столкновение на улицѣ, и въ первый разъ послѣ 14 декабря 1825 года петербургскія улицы орошаются кровью борцовъ за свободу!

Прологъ начался. Общество не должно, оно и не можетъ далѣе молчать, когда низводятся до нуля даже такія реформы, какъ институтъ присяжныхъ, когда надъ общественнымъ мнѣніемъ издѣваются такъ нагло, такъ открыто.

Всякій, кто не за правительство, въ подобныхъ случаяхъ долженъ быть противъ него. Все общество должно было такъ или иначе, въ той или другой формѣ выразить свой протестъ противъ варварской администраціи!

Мы приглашаемъ учащуюся молодежь, приглашаемъ всѣ партіи, кромѣ партіи кнута и палокъ, соединиться въ одномъ общемъ и дружномъ натискѣ для пріобрѣтенія своихъ издавна попираемыхъ человѣческихъ правъ, для защиты своихъ свободомыслящихъ согражданъ отъ адскихъ казематовъ центральной тюрьмы и Петропавловской крѣпости, для защиты русскаго народа отъ поголовнаго разоренія, для защиты русской науки и мысли отъ жалкой и безславной смерти подъ рукою цензора - палача...

Пусть разныя политическія партіи преслѣдуютъ разныя цѣли, но ни одна ихъ ни въ чемъ не позволяетъ господствовать надъ собою тѣмъ, вся политика которыхъ исчерпывается двумя мрачными, давно вездѣ забытыми словами: «Слово и дѣло!»

Вездѣ и всегда, у всѣхъ народовъ, когда-либо возстававшихъ за свободу, имена первыхъ павшихъ бойцовъ становились святынею, а смерть ихъ не оставалась безнаказанною...

Эти прокламаціи, хотя и зовутъ общество на активную борьбу, но еще не раскрываютъ программы общества «Земли и Воли», гдѣ впоследствии центръ всей тяжести былъ перенесенъ въ такъ называемую дезорганизаторскую группу. Петербургъ, встрѣтившій, какъ мы знаемъ, несочувственно голосъ Осинскаго съ его проповѣдью «политики», оказался болѣе консервативнымъ, нежели югъ Россіи—Одесса, Ростовъ и Кіевъ, и потому мы видимъ, что въ то время, какъ тамъ, на югѣ, вырабатывается своего рода цѣлая система террористическихъ выступленій, въ сѣверной столицѣ въ теченіе 1878 г. имѣетъ мѣсто одна кровавая расправа революціонеровъ съ представителями правительственной власти, расправа, правда, произведшая сильнѣйшее впечатлѣніе и на общество, и на власть, и повлекшая за собою именно тотъ рядъ репрессивныхъ мѣропріятій, о которыхъ мы говорили въ своемъ мѣстѣ¹⁾. Убійство шефа жандармовъ Н. В. Мезенцова Кравчинскимъ при участіи Бараникова и при содѣйствіи А. Михайлова, Веймарна и др.—вотъ

¹⁾ «Историческій Вѣстникъ» 1910 г., февраль.

то событіе, имѣвшее мѣсто 4 августа того года, которое показало, что терроръ выросъ въ своемъ дерзновеніи и что къ этому теченію становятся причастны и тѣ, кто еще недавно являлись типичными представителями теории пропаганды и отдѣла «деревенщины». Вмѣстѣ съ тѣмъ убійство шефа жандармовъ на улицѣ среди бѣлаго дня показывало, что правительство было очень слабо освѣдомлено о перестройкѣ, такъ сказать, революціонныхъ рядовъ и совершенно было не подготовлено къ встрѣчѣ дерзко шедшаго ему навстрѣчу врага. По этому предмету кн. В. П. Мещерскій въ своихъ воспоминаніяхъ говоритъ¹⁾: «Убійство шефа жандармовъ генераль-адъютанта Мезенцова, совершенное съ такою дерзостью, и при томъ съ исчезновеніемъ даже слѣда убійцы, повергло въ новый ужасъ правительственныя сферы, обнаруживъ съ большею еще ясностью, съ одной стороны, силу ассоціаціи крамолы и слабость противодѣйствія со стороны правительства... Для всѣхъ было очевидно, что если шефъ жандармовъ могъ быть убитъ въ центрѣ города во время прогулки, то, значить, ни онъ, ни подвѣдомственная ему тайная полиція ничего не знали о замыслахъ подпольныхъ преступниковъ, и если послѣ совершенія преступленія злодѣи могли такъ ловко укрыться, то, значить, въ самой петербургской полиціи ничего не было подготовлено къ борьбѣ съ преступными замыслами крамольниковъ...»

Убійство Мезенцова имѣло мѣсто 4 августа, черезъ два дня послѣ того, какъ въ Одессѣ былъ разстрѣлянъ революціонеръ Ковальскій, о чемъ мы будемъ говорить ниже, и явилось своего рода местию за этотъ разстрѣлъ, местию, основанной на принципѣ— «смерть за смерть». Именно Мезенцову, какъ главѣ русской полицейской власти, его вліянію при дворѣ, его совѣтамъ государю революціонеры приписали печальные исходы и «процесса 193» и южныхъ дѣлъ съ ихъ карательными смертельными исходами, и жестокое обращеніе съ заключенными какъ въ Петропавловской крѣпости, такъ и въ другихъ провинціальныхъ тюрьмахъ, въ особенности въ харьковской центральной.

II.

Генераль-адъютантъ Николай Владимировичъ Мезенцовъ создалъ себѣ въ свое время почетное имя, какъ боевой генераль въ теченіе севастопольской кампаніи. Съ 1864 г. онъ перешелъ на службу по корпусу жандармовъ, а въ 1876 г. былъ назначенъ на смѣну Потапову на постъ шефа жандармовъ и главнаго начальника Третьяго Отдѣленія собственной Его Императорскаго Величе-

¹⁾ Кн. В. П. Мещерскій «Мои воспоминанія», часть вторая (1865—1881 гг.).

ства канцеляріи и вмѣстѣ съ тѣмъ членомъ комитетовъ кавказскаго и царства Польскаго. По словамъ его біографа и друга И. Красовскаго¹⁾, «какъ человекъ, Николай Владимировичъ былъ одаренъ всѣми высокими качествами души; онъ былъ честенъ въ высшемъ значеніи этого слова и шелъ въ жизни всегда прямо и смѣло. Когда постъ шефа жандармовъ сдѣлался вакантнымъ, онъ въ письмахъ ко мнѣ доказывалъ невозможность назначенія его на эту высокую государственную должность. Я былъ свидѣтелемъ той минуты, когда онъ получилъ это назначеніе, и трудно представить себѣ, какъ былъ онъ удивленъ, пораженъ, взволнованъ. Онъ мгновенно почувствовалъ всю отвѣтственность, возлагаемую на него Высочайшимъ довѣріемъ и милостью. Когда назначеніе его сдѣлалось извѣстнымъ, всѣ радовались, что судьба возводила на поприще государственной дѣятельности столь рѣдкаго по качествамъ человека. Николай Владимировичъ никогда, нигдѣ и ни передъ кѣмъ не скрывалъ своихъ убѣжденій. Со всѣми онъ былъ добрѣ до безотчетности, и—что такъ рѣдко случается—несмотря на свое высокое положеніе, онъ никогда не измѣнялся въ отношеніяхъ своихъ къ старымъ товарищамъ и пріятелямъ. Идеаломъ его жизни была правда; онъ носилъ ее въ душѣ своей и искалъ во всемъ и вездѣ. Онъ былъ набоженъ, рѣдко пропускалъ, и то помимо воли, церковныя службы. Онъ былъ чуждъ всему мелкому, узкому. Всегда кроткій, веселый, простой, задушевный, готовый помочь, принести пользу, онъ служилъ въ тяжелое время и понесъ немало трудовъ. Обладая громадною памятью и сильнымъ здоровьемъ, онъ могъ работать по 14 и 18 часовъ въ сутки».

Таковъ портретъ человека, на котораго выпала дѣйствительно трудная и отвѣтственная роль руководителя нашей въ тѣ годы плохо организованной полиціи, когда самому правительству, въ лицѣ всѣхъ своихъ руководящихъ органовъ, была совершенно неясна та борьба, которая начинала закипать въ своихъ крайнихъ проявленіяхъ около историческихъ задачъ Россіи. Мезенцовъ при всѣхъ своихъ личныхъ качествахъ былъ вмѣстѣ съ тѣмъ однимъ изъ яркихъ представителей той внутренней политики, характеристикой которой мы въ свое время сдѣлали въ нашихъ очеркахъ, и онъ палъ именно жертвою этой политики, пораженный ударомъ кинжала Кравчинскаго, однако не по побужденіямъ личной мести революціонеровъ, но какъ жертва, принесенная чувству ненависти, питаемой ими ко всему режиму.

Самое трагическое событіе 4 августа 1878 г., согласно тогдашнему репортажу «Новаго Времени», произошло такъ: Николай Владимировичъ вставалъ обыкновенно очень рано и совершалъ ежедневно прогулки пѣшкомъ, во время которыхъ посѣщалъ часовню

¹⁾ «Генераль-адъютантъ Николай Владимировичъ Мезенцовъ». Москва. 1878 г.

Николай Владимирович Мезенцовъ.

у Гостиного двора, на Невскомъ. Зайдя туда и 4 августа, въ девятомъ часу утра, Николай Владимировичъ, по окончаніи молитвы, въ сопровожденіи своего бывшаго товарища, отставного подполковника Макарова, направился обратно домой, через Михайловскую улицу, Михайловскую площадь и Большую Итальянскую улицу. Едва онъ вступилъ на мостовую Итальянской улицы и поровнялся съ домомъ Кочкурова, передъ самыми окнами кондитерской приблизились къ нему двое шедшихъ навстрѣчу людей, весьма при-

«Истор. вѣстн.», май, 1910 г., т. сxx.

15

лично одѣтыхъ. Одинъ изъ нихъ нанесъ ему рану кинжаломъ и вмѣстѣ со своимъ спутникомъ поспѣшно сѣлъ въ поджидавшій тутъ же экипажъ. Г. Макаровъ сдѣлалъ попытку задержать ихъ, но въ него сдѣлали выстрѣлъ изъ револьвера, пуля пролетѣла мимо, а виновники катастрофы, никѣмъ не задерживаемые, такъ какъ въ этой мѣстности не было ни одного полицейскаго стража, а равно отсутствовала и публика, успѣли скрыться. Рассказываютъ, что они быстро поскакали по Итальянской и завернули на Малую Садовую; кучеръ, по всей вѣроятности, былъ изъ числа сообщниковъ; рассказываютъ, что они будто бы и въ предыдущіе дни являлись на то же мѣсто, гдѣ были сегодня. Несомнѣнно только, что преступники имѣли собственный экипажъ, запряженный хорошею лошадыю въ серебряной упряжи. Заключаютъ нѣкоторые по этимъ признакамъ, что это люди со средствами. На одномъ изъ нихъ было надѣто сѣрое пальто. Самъ Николай Владимировичъ въ моментъ катастрофы не потерялъ присутствія духа, и когда выбѣжавшіе на выстрѣлъ изъ кондитерской занятые въ ней уборкой приказчики съ ужасомъ спросили: кто раненъ?—Николай Владимировичъ отвѣчалъ, что раненъ онъ, и при этомъ указалъ на свою окровавленную одежду. При помощи полковника Макарова и вышедшаго изъ сосѣдняго дома камергера Бодиско, Николай Владимировичъ Мезенцовъ дошелъ по Итальянской до угла Малой Садовой, гдѣ его посадили на извозчика. Оттуда онъ доѣхалъ до своей квартиры у Цѣпного моста, на Фонтанкѣ. Значительное истеченіе крови скоро обезсилило раненаго. Приглашенный въ 11 часовъ утра докторъ Мамоновъ, осмотрѣвъ больного, нашелъ, что положеніе его серьезное. И дѣйствительно, несмотря на помощь, оказанную ему докторами, во главѣ съ знаменитымъ тогда хирургомъ Богдановскимъ, въ 4 часа въ области раны и желудочной полости открылись сильнѣйшія боли, и въ 5 час. 15 мин. въ ужасныхъ страданіяхъ бѣдный Мезенцовъ скончался.

Г. Красовскій приводитъ въ своей брошюрѣ одну любопытную подробность относительно его послѣдняго дня жизни. Онъ говорить: «Многіе не вѣрятъ въ предчувствія, многіе относятся даже къ рассказамъ о нихъ съ улыбкой недовѣрія, а между тѣмъ у покойнаго Николая Владимировича въ злополучное для него утро какъ будто было предчувствіе чего-то недобраго, какъ будто что-то омрачало его обычное, неизмѣнно веселое расположеніе духа. Обыкновенно, отправляясь на свои ежедневныя прогулки въ 8 часовъ утра, Николай Владимировичъ, спускаясь съ лѣстницы, напѣвалъ что-нибудь на веселый мотивъ. Надѣвъ пальто, онъ имѣлъ обыкновеніе ласково привѣтствовать швейцара и дежурныхъ жандармовъ. Утромъ 4 августа, отправляясь въ обычные часы на прогулку, Николай Владимировичъ былъ очень серьезенъ; не слышно было обычныхъ веселыхъ мотивовъ, и онъ не обратилъ ни малѣй-

шаго вниманія на привѣтствія прислуги и жандармовъ, какъ будто и не замѣчалъ никого. Только у входной двери онъ пріостановился на нѣсколько минутъ и обождалъ спускавшагося позади по лѣстницѣ подполковника Макарова. Не прошло и часу со времени ухода Николая Владимировича на прогулку, какъ швейцарь, Иванъ Антоновъ Шведъ, любившій покойнаго и служившій при немъ въ Третьемъ Отдѣленіи въ теченіе девяти лѣтъ, увидаль, что Николай Владимировичъ подѣхалъ на извозчикѣ къ подъѣзду, склонившись немного на передъ и поддерживаемый подполковникомъ Макаровымъ. Послѣдній сейчасъ же соскочилъ съ пролетки и крикнулъ швейцару: «помоги, генераль ранень». При помощи Макарова и швейцара Николай Владимировичъ опустился съ дрожекъ и вошелъ въ прихожую. Здѣсь онъ началъ самъ разстегивать пальто. Швейцарь хотѣлъ поддержать его за талію, но Николай Владимировичъ остановилъ его, сказавъ, что въ этомъ мѣстѣ онъ чувствуетъ сильную боль. Тогда швейцарь взялъ его подъ мышки, и въ такомъ положеніи Николай Владимировичъ самъ снялъ съ себя пальто. На сочувственный вопросъ швейцара: «что съ вами, ваше высокопревосходительство?»— Николай Владимировичъ отвѣчалъ: «все кончено; приходится умирать».

Похороны Мезенцова протекли чрезвычайно торжественно, были почтены личнымъ присутствіемъ государя императора, наслѣдника цесаревича, и отдать послѣднюю дань ему пріѣхали многіе представители высшаго общества и бюрократическаго міра. Эта трагическая кончина произвела на всѣхъ очень сильное впечатлѣніе, и выразителемъ столичнаго общественнаго мнѣнія по сему предмету явилась тогдашняя либеральная газета «Голосъ», посвятившая событію 4 августа громовую передовую статью. Здѣсь было сказано: «Съ глубоко тяжелымъ чувствомъ приходится намъ говорить сегодня о преступленіи, которому сердце отказывается вѣрить и разумъ—понять его! Это—даже и не преступленіе; преступленіе обуславливается злою волею, здѣсь же недостаточно было злой воли, а потребовались еще развращенная мысль и безнравственное чувство, чтобы покуситься на жизнь человѣка, при обстоятельствахъ, сопровождавшихъ дѣяніе, которому человѣческое слово не знаетъ еще соотвѣтствующаго названія...

«23 года назадъ, въ 1854 и 1855 гг., въ самую тяжелую для Русскаго государства годину, молодой офицеръ Мезенцовъ открытою грудью защищалъ честь родины отъ сильнаго врага, налегшаго на Россію, былъ постоянно въ дѣлахъ, трудился на бастионѣ № 5, бился при Черной рѣчкѣ 4 августа—и не былъ ранень. Теперь же, 23 года спустя, въ тотъ же день 4 августа, генераль-адъютантъ Мезенцовъ падаетъ на улицѣ столицы отъ удара, направленнаго изъ-за угла злодѣями, недостойными той веревки, на которой имъ

суждено испустить послѣдній вздохъ! Какое страшное совпаденіе даже для не боящихся ни Божескаго, ни людскаго суда!..

«Нѣтъ, у нихъ нѣтъ Бога, и чувства совѣсти имъ неизвѣстны!

«Въ кого направили они смертельный ударъ свой? Въ ближайшаго совѣтника государя императора, въ лицо, облеченное высочайшимъ довѣріемъ,—въ человѣка, прямой и честный характеръ котораго снискалъ ему глубокое уваженіе всѣхъ, его знавшихъ и въ Крыму, подъ градомъ вражескихъ пуль, и въ Варшавѣ, во времена намѣстничества князя Горчакова, и въ Петербургѣ, въ совѣтѣ, вершающемъ судьбы всей Россіи. Вездѣ и всегда онъ пользовался любовью,—его, русскаго душою и сердцемъ, любили даже въ царствѣ Польскомъ.

«Чего хотѣли достигъ они своимъ злодѣйствомъ? Замертво паль въ столицѣ имперіи и въ страшныхъ мученіяхъ скончался, среди высшихъ сановниковъ государства, собравшихся у смертнаго одра, тотъ, кому волею государя императора ввѣрена была важнѣйшая отрасль управленія! Погибъ вѣрный слуга государства; не спасла его отъ удара и та золотая полусабля «за храбрость», которою награждены его военные подвиги въ Крымскую кампанію! Но, умирая, онъ завѣщалъ всему русскому обществу горькую ненависть къ анархическимъ элементамъ, подтачивающимъ русскую жизнь. У его гроба теперь, какъ и у могилы впослѣдствіи, сомкнутся крѣпкимъ строемъ всѣ здоровые, трезвые элементы общества, принявъ на себя отвѣтъ передъ людьми и Богомъ за преждевременную его смерть отъ руки злодѣя, станутъ на стражѣ тѣхъ государственныхъ, общественныхъ и семейныхъ интересовъ, которымъ объявили войну вырожденія человѣчества, возведшіе произволь и насиліе въ символъ своей жизни...

«Что заслужили злодѣи своимъ злодѣяніемъ? Ударъ кинжаломъ изъ-за угла, нанесенный сегодня близъ Михайловской площади, отрезвить русское общество и очистить, какъ послѣ грома, ту разную атмосферу, въ которой такъ невыносимо тяжело живетъся. Мы уповаемъ на такія именно послѣдствія этого злодѣянія. Надо быть справедливымъ даже и къ злодѣямъ: они избрали своимъ средствомъ кинжалъ и револьверъ,—огнестрѣльное и холодное оружіе, употребляющееся только на войнѣ,—пусть же и судятся они судомъ военнымъ! Но и въ этомъ судѣ, допускающемъ смертную казнь, разстрѣліаніе слишкомъ почетно для изверговъ, дерзко насмѣхающихся надъ святыми чувствами правды и справедливости! Имъ можетъ быть оказана одна только честь: ихъ, не признающихъ законности и провозглашающихъ произволь, будутъ судить—и только послѣ суда повѣсятъ...

«Пора положить предѣлъ стремленіямъ анархіи. Пусть все русское общество возстанетъ противъ насилія и произвола горсти мерзавцевъ, беспокоящихъ государя императора, оскорбляющихъ рус-

ское общество, позорящихъ Русскую землю. Государство не ослабѣетъ отъ уничтоженія злодѣевъ, сколько бы ихъ ни было,—оно получитъ бѣольшую крѣпость и станетъ чище, когда люди, не признающіе законности, исчезнутъ съ лица земли...»

III.

Настаивая на строгихъ карахъ по отношенію революціонеровъ, до военныхъ судовъ включительно, съ предрѣшеннымъ исходомъ этихъ судовъ въ видѣ смертной казни въ формѣ повѣшенія, либеральный «Голосъ», тогда очень освѣдомленный въ области правительственныхъ теченій, формулировалъ такимъ образомъ то именно, что намѣчалось въ нѣдрахъ правительственного механизма. «Голосъ» спѣшилъ какъ бы забѣжать впередъ и взять на себя инициативу въ вопросѣ огромной и отвѣтственной важности. Рѣзкія фразы газеты, съ одной стороны, до извѣстной степени являлись выраженіемъ волновавшихъ широкіе столичные круги чувствъ, а съ другой—являлись той, такъ сказать, игрой, при помощи которой органъ Краевскаго-Бильбасова надѣялся въ смутное время вернуть себѣ пошатнувшееся въ бюрократическихъ сферахъ бывшее вліятельное положеніе. Такъ или иначе, но мы видимъ, что совѣты газеты имѣли подъ собою реальное основаніе, которое детально уже формулировалось въ будущей программѣ дѣйствій министерства внутреннихъ дѣлъ, результатомъ каковой формулировки и явились тѣ ультра-репрессивныя мѣропріятія, о которыхъ мы говорили въ нашемъ февральскомъ очеркѣ. Что же происходило въ то время въ революціонныхъ кружкахъ и какъ они реагировали на событіе 4-го августа?

Выстрѣлъ Вѣры Засуличъ былъ, по признанію самихъ революціонныхъ сообществъ, сигналомъ, взбудоражившимъ всѣ революціонные элементы. Онъ былъ произведенъ, какъ Засуличъ сама на судѣ въ томъ призналась, не съ цѣлью лишенія жизни Трепова, сколько въ интересахъ обращенія вниманія общественности на его распоряженіе въ отношеніи Боголюбова. Конечно, она дѣйствовала не одна, а имѣла единомышленниковъ, косвенныхъ сообщниковъ, которые, однако, остались въ тѣни и не попали подъ кару закона. Намъ уже извѣстно, что и Осинскій съ южно-русскими своими товарищами обдумывалъ тоже террористическую манифестацію, которая, впрочемъ, была предупреждена женщиной-революціонеркой, не принадлежавшей непосредственно къ ихъ организаціи. Послѣ того они уѣхали на югъ, гдѣ, какъ увидимъ далѣе, развили очень энергично свою программу дѣйствій. Но какъ ихъ пріѣздъ въ Петербургъ, такъ и выступленіе Засуличъ оказали сильное давленіе на настроеніе умовъ столичныхъ революціонныхъ группъ, и та самая программа дѣйствій, предложенная въ свое время Осинскимъ

и такъ несочувственно отброшенная здѣсь, становится единственною практическою и реальною программой, къ которой и стягиваются главные помыслы, совѣщанія и дѣйствія членовъ «Земли и Воли». Югъ Россіи становится на первое время тѣмъ полемъ дѣйствій, куда привлекается вниманіе петербургскихъ группъ и по поводу которыхъ они выпускаютъ свои воззванія, беря ихъ подъ свое, такъ сказать, покровительство и санкціонируя ихъ своимъ одобреніемъ и *post factum* согласіемъ. Выпущенное исполнительнымъ комитетомъ извѣстное «объявленіе», приведенное нами въ мартовскомъ номерѣ ¹⁾, образецъ этого согласія и одобренія. Дальнѣйшія дѣйствія террористовъ на югѣ даютъ поводъ ихъ сѣвернымъ единомышленникамъ не только къ выпуску сочувственной литературы, но вызываютъ потребность практическаго на нее реагированія, и объектомъ этого реагированія избирается именно шефъ жандармовъ Мезенцовъ, вліянію и распоряженіямъ котораго безъ достаточныхъ, однако, для того реальныхъ основаній, провѣренныхъ и вполнѣ установленныхъ, и приписываются всѣ репрессіи, имѣвшія мѣсто за это время. Ему, именно ему, какъ мы то уже отмѣтили, приписываютъ и усиленіе карательныхъ мѣропріятій въ отношеніи участниковъ процесса 193-хъ въ инстанціи высочайшей конфирмаціи сенатскаго приговора по этому дѣлу, ему же приписывается и давленіе на судъ въ направленіи смертнаго приговора надъ Ковальскимъ, его же системѣ дѣйствій и распоряженій приписываютъ и мѣропріятія, примененныя къ заключеннымъ въ тюрьмахъ какъ на югѣ, такъ и въ Петербургѣ въ теченіе голодныхъ забастовокъ заключенныхъ, объявленныхъ ими, какъ протестъ противъ суровости тюремнаго режима и репрессивныхъ мѣропріятій въ отношеніи товарищей, оставшихся на волѣ. И вотъ убійство Мезенцова, какъ актъ мести, является фактомъ предрѣшеннымъ. С. Синегубъ, сидѣвшій въ то время въ домѣ предварительнаго заключенія, воспоминаніями котораго мы въ своемъ мѣстѣ широко пользовались, говоритъ по поводу настроенія революціонныхъ кружковъ передъ этимъ убійствомъ слѣдующее ²⁾:

«На свиданіи я получилъ записку, въ которой меня увѣдомляли, между прочимъ, о томъ, что Сергѣй Кравчинскій задумалъ убить Мезенцова въ отомщеніе за насъ, за его жестокость къ намъ во время нашей голодовки, за то, наконецъ, что онъ насъ надулъ, и подслѣдственныхъ перевели по его приказанію не въ другія мѣста заключенія, а въ рavelины той же крѣпости. И всѣ они очутились изъ подслѣдственнаго отдѣленія въ рavelинахъ, кромѣ Тютчева, котораго изъ крѣпости перевели въ одну изъ полицейскихъ тюремъ. Какъ оставшіеся въ рavelинахъ, такъ и Тютчевъ продолжали и тамъ начатую ими голодовку. Это сообщеніе о подслѣдственныхъ удалось провѣрить чрезъ крѣпостную стражу.

¹⁾ «Истр. Вѣстн.», 1910 г., мартъ.

²⁾ «Былое», 1906 г., 6 октября.

«Поднялся вопрос о возобновленіи и нами голодовки, такъ какъ мы оказались не побѣдителями, а самымъ подлымъ образомъ надутыми людьми.

«Противъ возобновленія голодовки высказалось нѣсколько заключенныхъ, въ томъ числѣ и я. Я былъ противъ возобновленія голодовки по слѣдующимъ соображеніямъ.

«Изъ сообщеннаго съ воли было видно, что наша голодовка вызываетъ намѣреніе совершить террористическій актъ убійства Мезенцова. Я же былъ противъ начинанія террористической борьбы вообще, а тѣмъ болѣе противъ такихъ актовъ, которые мотивируются тюремными исторіями изъ-за смягченія тюремнаго режима въ томъ или другомъ мѣстѣ заключенія.

«Если наша тюремная голодовка изъ-за общихъ прогулокъ и пр. является причиною террористическаго акта, который вызоветъ тяжкія реакціонныя воздѣйствія на все общество, я прекращаю голодовку и призываю къ тому же и товарищей. Я поэтому сталъ возражать противъ возобновленія голодовки.

«Затѣмъ я написалъ большое посланіе Кравчинскому, какъ старому другу, въ которомъ убѣждалъ его отказаться отъ мысли убивать Мезенцова, и высказалъ ему, почему я считаю въ данный моментъ выступленіе на террористическій путь несвоевременнымъ и политически ошибочнымъ. Я и сейчасъ ясно помню тѣ доводы, которые я выставлялъ противъ начинанія террористической борьбы вообще и въ частности противъ убійства Мезенцова и которые состояли въ слѣдующемъ:

«Нашъ девизъ—«все для народа при помощи самого народа»,— поэтому всякое наше дѣяніе должно быть понятно народу и должно вызвать его сочувствіе.

«И то и другое можетъ имѣть мѣсто только тогда, когда дѣяніе партіи будетъ основываться на интересахъ народа, будетъ непосредственно изъ нихъ вытекать. Наша же партія—партія народная—едва начала свое существованіе. Цѣлымъ рядомъ политическихъ процессовъ на нее, наконецъ, обращено вниманіе такъ называемаго общества, которое стало проникаться несомнѣннымъ сочувствіемъ къ намъ: мы въ его глазахъ окружены ореоломъ мученичества. И покуда этотъ именно ореолъ одно изъ сильнѣйшихъ завоевательныхъ нашихъ орудій по отношенію къ «обществу».

«Что же касается народной рабочей среды, то наша партія едва-едва лишь стала проникать въ эту среду и далеко еще въ ней не укрѣпилась; для огромнаго большинства народа—наша партія совершенно неизвѣстная величина, и то, что мы дѣлаемъ,—остается для народа или совсѣмъ невѣдомымъ, или непонятнымъ, или не вызываетъ его сочувствія. Наша партія не можетъ еще пока свои дѣянія, а въ особенности террористическія, мотивировать чисто

народными интересами, такъ какъ насъ народъ еще не знаетъ и потому мы и не можемъ еще явиться въ его глазахъ защитниками его интересовъ. Наша задача—проникать въ народъ и все больше и больше охватывать его своимъ вліяніемъ. Это—единственная наша задача и никакой другой у насъ—у народной партіи—не можетъ быть. Но для такой задачи нужна обширная партія, а обширностью, количествомъ членовъ народная партія, къ сожалѣнію, похвастать пока не можетъ.

«Начинать же намъ борьбу «огнемъ и мечомъ», т.-е. террористическую борьбу, съ такой огромной организованной силой, какой является наше правительство, за котораго и темнота народныхъ массъ, у котораго и миллионъ солдатъ, у котораго, словомъ, огня и меча значительно больше, чѣмъ у народной партіи,—начинать такую борьбу по меньшей мѣрѣ нерасчетливо. Что произойдетъ оттого, что будетъ убитъ Мезенцевъ?

«Вѣдь у правительства такихъ Мезенцевыхъ хоть прудъ пруди: одного убили,—тотчасъ же полсотни новыхъ такихъ же готово занять его мѣсто. А наша партія будетъ принуждена отдать, вслѣдъ за убійствомъ, сотни! Будутъ эти сотни гнить въ тюрьмахъ, падать духомъ въ дебряхъ Сибири отъ неволи, отъ нужды и полной оторванности отъ жизни по душѣ; огромная ихъ часть будетъ превращена въ абсолютно бесполезныхъ, заживо вычеркнутыхъ злою силою изъ списка живыхъ борцовъ за народное дѣло. Мезенцова можно сдѣлать изъ любого бутыря, изъ любого жандарма. А сотню членовъ народной партіи сразу не замѣнить новыми. Чтобы человекъ выработался въ члена народной партіи—надо время, надо извѣстный путь развитія. И рисковать отдать за одного Мезенцова сотни своихъ—это ужасно! Для немногочисленной, едва начавшей зарождаться народной партіи это была бы почти смертельная рана.

«Во-вторыхъ, убійство Мезенцова вызоветъ реакцію, которая упадетъ не только на нашу партію, но и на общество, да, пожалуй, отчасти и на народъ. «Общество», которое только что начало поднимать голову и устами нашихъ защитниковъ на судахъ стало выражать свое недовольство правительству за нашу гибель, за мучительство, которое надъ нами учиняется, оно при видѣ реакціонной гидры струсить, забьется въ свои заячьи норы, и мы потеряемъ то, что приобрѣли въ формѣ его сочувствія. И какъ бы мы пренебрежительно ни относились къ этому обществу, но должны признать, что, оппозиционно настроенное, оно для насъ много цѣннѣе, чѣмъ настроенное по-заячьи.

«Въ-третьихъ, трата силъ на террористическій актъ (въ данномъ случаѣ на убійство Мезенцева), не связанный съ понятными для народа и съ истинными его интересами, не этими интересами мотивированный,—для народной партіи есть трата неоснова-

тельная, не соотвѣтствующая настоящей главной задачѣ партіи непосредственнаго воздѣйствія на народную среду.

«На основаніи этихъ соображеній я даже «заклиналъ» Сергѣя всѣмъ для него святымъ не совершать убійства Мезенцова, въ особенности по такому ничтожному въ государственномъ отношеніи поводу, какъ наша голодовка изъ-за общенія подслѣдственныхъ съ осужденными.

«Получивъ мое письмо, Кравчинскій заказалъ передать мнѣ, что онъ отвѣтитъ мнѣ обстоятельно, но, къ моему сожалѣнію, онъ уже не успѣлъ этого сдѣлать, такъ какъ дня черезъ три-четыре меня увезли въ Сибирь.

«Это мое посланіе прочитала и Соня Перовская и тоже заказала передать мнѣ, что подписывается подъ моимъ письмомъ обѣими руками.

«Впрочемъ, долженъ замѣтить, что впослѣдствіи я измѣнилъ свое отношеніе къ террору. Я призналъ его, во-первыхъ, роковымъ неизбѣжнымъ явленіемъ въ русской политической жизни,—ничѣмъ неотвратимымъ рефлексомъ живого государственнаго организма на жгучія муки гнета и насилія, чинимаго надъ нимъ жестоко, безпощадно и систематически организованной шайкою, въ рукахъ которой очутилась государственная власть; во-вторыхъ, только террористическіе факты оживляли вниманіе замиравшаго политически общества и фиксировали его на главномъ злѣ русской жизни—самодержавной бюрократіи и полицейскомъ произволѣ; только террористы вносили жгучую струю въ организмъ угасавшаго политически народа и затемняли ореолъ святости и неприкосновенности того, что всѣ были склонны считать совершенно незаслуженно святымъ и неприкосновеннымъ.

«То обстоятельство, что Соня Перовская еще въ 1878 г., какъ мнѣ сообщали тогда, раздѣлявшая тогдашнее мое отношеніе къ террору, уже въ 1881 г. была казнена, какъ главная участница и организаторша въ главныхъ террористическихъ дѣяніяхъ, включая убійство Александра II, еще болѣе утвердило меня въ роковомъ характерѣ террора на Руси.

«Терроръ такой же неизбѣжный спутникъ русскаго деспотизма, какъ безработица неизбѣжный спутникъ капитализма. Я даже думаю, что и разсуждалъ я въ 1878 году не въ террористическомъ духѣ лишь потому, что былъ изолированъ тюремными стѣнами отъ реальныхъ воздѣйствій русской жизни. Будь я на волѣ, вращаясь я въ сутолокѣ боевой жизни русскихъ народниковъ,—и русская жизнь неизбѣжно привела бы меня къ террору.

«Впослѣдствіи я узналъ, что Кравчинскій задумалъ казнить Мезенцова не только за отношеніе къ намъ во время нашей голодовки, но и за утвержденіе по его настоянію царемъ приговора надъ Ко-

вальскимъ, разстрѣляннымъ въ Одессѣ, и за всѣ ужасы въ харьковскихъ центральныхъ тюрьмахъ, которымъ подвергались заключенные тамъ товарищи по внушенію изъ Питера Мезенцовымъ».

Судившійся впослѣдствіи по дѣлу 20-ти народовольцевъ въ 1882 г. А. И. Баранниковъ, принимавшій дѣятельное участіе въ убіеніи Мезенцова и тогда успѣвшій скрыться, на судебномъ разбирательствѣ формулировалъ такъ основанія, по которымъ рѣшено было убійство шефа жандармовъ. Баранниковъ показывалъ: «Признаю себя виновнымъ въ участіи въ этомъ убійствѣ. Я между прочимъ выстрѣлилъ по направленію полковника Макарова, но не съ цѣлью попасть въ него, а только для того, чтобы этимъ выстрѣломъ произвести смущеніе и дать возможность убійцѣ и себѣ самому скрыться отъ преслѣдованія.

«Я долженъ сказать, что кучеромъ, правившимъ лошадыю, на которой мы уѣхали, былъ не Адрианъ Михайловъ, осужденный за это, а другое лицо. Причинъ, побудившихъ убить Мезенцова, было много: онѣ изложены въ прокламаціи, изданной послѣ этого убійства. Между ними помню слѣдующія: 1) крайне суровое, жестокое обращеніе съ заключенными въ крѣпости; 2) весьма усилившіяся административныя высылки: людей совершенно незаконно высылали, хотя они ничего ни съ какой точки зрѣнія преступнаго не сдѣлали; 3) приговоръ по дѣлу 193 лицъ былъ по личной инициативѣ Мезенцова измѣненъ; на примѣръ, поселеніе замѣнено каторжными работами, людей оправданныхъ высылали административнымъ порядкомъ. Были еще и другія причины»...

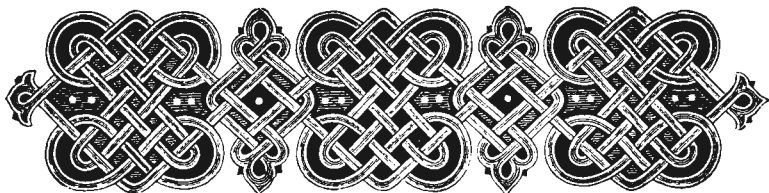
Баранниковъ формулировалъ главныя основанія, которыя легли и въ содержаніе выпущенной послѣ убіенія Мезенцова прокламаціи, почему приводитъ ее здѣсь мы и не будемъ. Одно, что надлежитъ подчеркнуть, это, что если выстрѣлъ Засуличъ былъ актомъ террористической манифестаціи, то кровь Мезенцова была уже свидѣтельствомъ акта мщенія и не столько личнаго, сколько мщенія режиму и его исполнителямъ. Лично противъ Мезенцова никто ничего не имѣлъ, но въ немъ видѣли убѣжденнаго сторонника этого режима, почему кровавый судъ надъ нимъ и былъ произнесенъ. Главными исполнителями его явились Кравчинскій, Баранниковъ, А. Д. Михайловъ, пособникомъ докторъ Веймарнъ, опять-таки отдавшій въ распоряженіе убійцъ своего знаменитаго «Варвара», который такъ удачно помогъ скрыться изъ Николаевскаго военнаго госпиталя князю Кропоткину. И на сей разъ «Варваръ» оправдалъ возложенныя на него надежды, и хотя послѣ выстрѣла Баранникова и шарахнулся въ сторону, однако помогъ безслѣдно исчезнуть участникамъ убійства на Михайловской площади. Слѣды ихъ были открыты только впослѣдствіи, но главный виновникъ убійства шефа жандармовъ, Кравчинскій, при содѣйствіи силь-

ной уже тогда своей сплоченностью и даже матеріальными средствами организаціи «Земли и Воли» успѣлъ вскорѣ бѣжать за границу, гдѣ и поселился навсегда въ Лондонѣ, посвятивъ себя, съ одной стороны, революціонной публицистикѣ, а съ другой и революціонной беллетристикѣ, въ области каковой и составилъ себѣ подъ псевдонимомъ Степняка выдающееся имя. Наибольшею популярностью пользуется его произведеніе «Подпольная Россія», гдѣ дана между прочимъ характеристика цѣлаго ряда представителей русской революціи. Скончался онъ въ 1904 г., попавъ подъ поѣздъ желѣзной дороги во время перехода черезъ желѣзнодорожное полотно, приближенія котораго онъ по близорукости не замѣтилъ.

Б. Глинскій.

(Продолженіе въ слѣдующей книжкѣ)

СРЕДИ МАЛОЛѢТНИХЪ ПРЕСТУПНИКОВЪ.

Истинно говорю вамъ: кто не приметъ царствія Божія, какъ дитя, тотъ не войдетъ въ него.

Луки, гл. 18.

I.

ДНАЖДЫ въ камерѣ мирового судьи довелось мнѣ слушать дѣло двѣнадцатилѣтняго мальчугана, уличеннаго въ кражѣ и очутившагося такимъ образомъ предъ лицомъ неумолимой Фемиды. Судья, уже немолодой, язвительно-желчный господинъ, суетливо извинялся за столомъ, нервничалъ, бранился. А передъ нимъ, какъ затравленный звѣрекъ, дрожалъ всѣми своими членами юный преступникъ — крошечный, свѣтловолосый, съ ясно-голубыми глазами, — прижимался къ стоявшей тутъ же матери и боязливо озирался по сторонамъ. Сзади, широко разставивъ толстыя ноги, почтительно держался на караулѣ непрѣмѣнный членъ суда — городской, запечатлѣвъ на своемъ безстрастномъ лицѣ полную готовность во всякій моментъ сняться съ якоря, чтобы закрѣпить актъ правосудія.

— Ты укралъ часы? — спросилъ судья такимъ суровымъ тономъ, точно передъ нимъ стоялъ самый закоренѣлый преступникъ, какихъ онъ привыкъ посылать въ тюрьму ежедневно.

— Укралъ или нѣтъ? Отвѣчай же!

Мальчишка еще крѣпче прижался къ матери и растерянно взглянулъ на судью.

— Нѣтъ... Я такъ себѣ...

— То есть, какъ это — такъ себѣ? — допытывался судья, замѣтно волнуясь.

Посудимый не имѣлъ права отвѣчать иначе, какъ только «да» или «нѣтъ». Но обстоятельства содѣяннаго преступленія не пред-

ставлялись ему такъ отчетливо ясно, какъ ясны для закона тѣ вопросы, какіе онъ предлагаетъ. Безсознательно, по-дѣтски соблазнился онъ красивой игрушкой, которая лежала къ тому на видномъ мѣстѣ, никѣмъ не охраняемая; по-дѣтски и использовалъ эту первую «удачу».

— Прибѣгаетъ вечеромъ домой,—показала на судѣ мать:—приходить и прямо за печку, чего раньше никогда не дѣлалъ; притаился и сидитъ. Я къ нему: «Что это, спрашиваю, съ тобою?»—«Ничего, говоритъ, мамочка, ничего...» А самъ такъ и дрожить, такъ и трясется... Вотъ сердце у меня и захолонуло. Неладно, думаю, дѣло! Недолго и крѣпился. «Маму-у-ся, говоритъ, дорогая! да вѣдь я часы украл!» Сказалъ и прямо ко мнѣ на шею—и такъ и зарыдалъ... Какъ услышала я это, у меня въ глазахъ позеленѣло. «Ди-и-тятко, говорю, дорогонькое! неужто сѣдую голову мою опозорить захотѣлъ?.. Взяла часы и отнесла. Прихожу—анъ тамъ уже полиція. «Ага, говорятъ, ага!» Я къ приставу и въ ноги: «Пощадите, прошу,—шалость, самъ и отдалъ!» Отвелъ онъ меня въ сторону: «Дашь, говоритъ, пятерку—такъ и быть... а не дашь—крышка...»

— Это къ дѣлу не относится!—перебилъ ее судья.

— Такъ, такъ, господинъ судья, ваше благородіе!.. Такъ вотъ, значить, я и не могла...

И въ заключеніе, рыдая, она просила отдать ей ея единственнаго сына.

Потерпѣвшая характеризовала мальчика прилежнымъ и честнымъ. Онъ былъ у нея въ услуженіи нѣсколько мѣсяцевъ и ни въ чемъ предосудительномъ замѣченъ не былъ. Отъ обвиненія она отказалась и была весьма огорчена, что дѣло приняло такой серьезный оборотъ.

Судья могъ его оправдать, онъ и долженъ былъ такъ поступить. Но онъ не пожелалъ задумываться долго надъ такимъ ничтожнымъ дѣломъ. На немъ былъ новенькій мундиръ, на шеѣ—золотая цѣпь; а тутъ передъ глазами шевелилась какая-то сѣрая публика, которая вѣчно разстраивала его нервы... А что досаднѣе всего, у него, у мирового судьи, вчера кто-то укралъ изъ кладовой банку варенья...

— Знаемъ мы васъ!—бросилъ онъ въ сторону присутствовавшихъ и осудилъ мальчишку въ тюрьму на три мѣсяца.

Городовой насторожился—и черезъ минуту, ухвативъ осужденнаго за шиворотъ, поволокъ въ тюрьму...

Давно это было, а я и до сихъ поръ не могу забыть этой раздрающей картины, никакъ не могу примириться съ такимъ вопіющимъ несоотвѣтствіемъ между шаловливой выходкой ребенка и столь жестокой карой. Голубоглазый юноша—и смрадная, развращающая тюремная обстановка. Въ три мѣсяца онъ похоронилъ тамъ душистые лепестки своей дѣтской души, а еще одна отсидка—и хулиганъ готовъ...

Своимъ приговоромъ судья пропѣлъ отходную чистому душой ребенку и приготовилъ тріумфъ будущему вору и разбойнику...

Съ той поры, когда услышу я о всякомъ новомъ грабежѣ, каждый разъ спрашиваю себя, не было ли тамъ того, кого я видѣлъ когда-то у судьи съ такими ясно-голубыми глазами; когда услышу о кровавой драмѣ, задаю себѣ тотъ же вопросъ...

Это грубое несоотвѣтствіе между проступкомъ ребенка и существовавшей формой наказанія давно уже сознавалось передовою частью общества; сознавалось, что всѣ эти сироты, безпріютные, бездомные бродяги и попрошайки, которыми, главнымъ образомъ, и пополняются кадры преступниковъ,—несчастныя жертвы общественнаго неблагоустройства; что на обществѣ лежитъ тяжелая отвѣтственность за ихъ невольныя или вынужденныя преступленія; сознавалась необходимость прійти на помощь этимъ обездоленнымъ существамъ, порочныхъ исправить, не испорченныхъ поддержать...

Но практическое осуществленіе эти гуманныя начала получили сравнительно недавно, при чемъ первый камень въ основу новаго зданія положенъ былъ, какъ это водится, частной инициативой. Въ Англіи и Франціи въ концѣ восемнадцатаго вѣка зародилось нѣсколько частныхъ пріютовъ и убѣжищъ для малолѣтнихъ преступниковъ и бродягъ. Немного времени спустя, подъ давленіемъ общественнаго голоса, эти начала были проведены и законодательнымъ порядкомъ. Поддерживаемыя правительствомъ и народомъ, одинъ за другимъ стали открывать свои дѣйствія отдѣльныя лица и частныя общества. Появились пріюты, школы и колоніи, въ которыхъ юные преступники, кромѣ воспитанія нравственнаго, получили возможность изучить то или иное ремесло. И не одни лишь преступники,—всѣ эти учрежденія, по мѣрѣ своихъ средствъ, радушно открыли двери всякому бездомному бродяжкѣ; они сами стали искать ихъ. Въ послѣднее время учреждены даже особые дѣтскіе суды, ревностно отбивающіе отъ суда короннаго всякую жертву, подающую хоть малѣйшія надежды на исправленіе. На подмогу воспитательно-исправительнымъ учрежденіямъ выступили впослѣдствіи общества патроната, задающіяся цѣлью пристраивать выпущенныхъ на свободу питомцевъ этихъ учрежденій къ тому или иному дѣлу и вообще поддержать ихъ первые самостоятельные шаги. Дѣло налаживалось, развивалось, и въ настоящее время какъ въ Англіи и Франціи, такъ и въ другихъ культурныхъ государствахъ Европы постановку воспитательно-исправительнаго дѣла можно признать вполне удовлетворительной.

Россія, по обыкновенію, и въ этихъ начинаніяхъ осталась въ самомъ хвостѣ. Приведенный мною примѣръ—не исключеніе и не «преданіе старины глубокой». Такіе приговоры и въ настоящее время выносятся судомъ ежедневно, особенно тамъ, гдѣ для малолѣтнихъ преступниковъ не существуетъ еще исправительныхъ колоній. Мало

Общий вид исправительной колонии.

того, въ отечественной лѣтописи послѣдняго времени отмѣчены еще и такія позорныя явленія, какъ висѣлица для несовершеннолѣтнихъ...

Въ защиту юныхъ преступниковъ первымъ выступило у насъ общество распространенія полезныхъ книгъ, открывшее для нихъ въ Москвѣ въ 1864 году небольшой пріютъ. Дѣло первоначально организовано было на самыхъ скромныхъ началахъ, но впоследствии, благодаря неусыпной дѣятельности одного изъ выдающихся попечителей этого пріюта, Николая Васильевича Рукавишникова, и широкой благотворительности москвичей, настолько развилось, что въ настоящее время «Рукавишниковскій пріютъ» по достигнутымъ результатамъ считается однимъ изъ лучшихъ въ Россіи. Московское просвѣтительное общество опередило, значить, въ этомъ дѣлѣ власть законодательную, которая лишь въ концѣ 1866 года легализировала институтъ исправительныхъ пріютовъ и колоній и измѣнила такимъ образомъ дѣйствующую систему наказаній для малолѣтнихъ преступниковъ. Но для развитія этихъ началъ русское правительство, кромѣ хорошихъ пожеланій, пока ничего почти не сдѣлало, предоставивъ опеку надъ этими несчастными частной инициативѣ. При всемъ томъ исправительно-воспитательныя колоніи для дѣтей стали открываться въ Россіи одна за другой, и въ настоящее время ихъ насчитывается уже 53. Нѣкоторыя изъ этихъ колоній, подобно Рукавишниковскому пріюту, достигли уже извѣстныхъ результатовъ; значительная же часть ихъ, за недостаткомъ средствъ и опытнаго руководства, влачить самое жалкое существованіе. Двѣ или три колоніи, забытыя обществомъ, въ послѣднее время совсѣмъ даже не функціонируютъ.

Съ бытомъ и дѣятельностью одной изъ такихъ колоній я и желаю познакомить тѣхъ, кто интересуется этимъ вопросомъ, тѣхъ, чье доброе сердце страдаетъ за участь этихъ несчастныхъ.

II.

Яснымъ іюльскимъ утромъ прибылъ я на станцію Ново-Вилейскъ Либаво-Роменской желѣзной дороги для ознакомленія съ «Виленьской исправительной земледѣльческо-ремесленной колоніей для малолѣтнихъ преступниковъ». Колонія расположена въ имѣніи Вилюцкыи, въ шести верстахъ отъ Ново-Вилейска и въ пятнадцать отъ города Вильны. Мѣстность холмистая, живописная; много солнца и тѣни, много песку и жесткой гальки на вершинахъ холмовъ, много пестрыхъ душистыхъ цвѣтовъ въ лѣсахъ и вѣчно зеленѣющихъ долинахъ. Таковы всѣ окрестности Вильны. Но и этотъ укромный уголокъ не могъ, однакожь, укрыться отъ челоуѣка; мало того, пресловутый «вѣнецъ творенья» пришелъ, кажись, сюда съ явно выра-

Група воспитанниковъ и воспитателей во главѣ съ председателемъ общества.

женнымъ намѣреніемъ бросить въ лицо улыбающейся природѣ самую безопадную иронию... Съ лѣвой стороны, у самой дороги, возвышаются мрачныя, непривѣтливыя стѣны какихъ-то гигантскихъ сооружений. Психіатрическая лечебница. Тутъ, въ пріятной тиши деревни уже много лѣтъ не умолкаетъ раздрающее эхо безумныхъ; здѣсь же, у красивой опушки лѣса, на ласкающемъ солнцекѣ, никѣмъ не оплакиваемые, всѣми забытые, складываются они и свои многострадальныя кости...

Еще далеко, а на горизонтѣ ясно видѣется огромное двухъ-этажное каменное зданіе съ красной желѣзной крышей. Вилла—не вилла, тюрьма—не тюрьма,—нѣчто такое, что, подобно лечебницѣ, въ свою очередь, вноситъ рѣдкій контрастъ въ своеобразный пейзажъ деревни. Новая драма, новая безопадная иронія чело-вѣка... Маленькій лѣсокъ—и колонія какъ на ладони. Рядомъ съ тяжелымъ каменнымъ корпусомъ главнаго зданія виднѣются деревянные жилые флигели и холодныя постройки—амбары, сараи, мастерскія. Неподалеку, въ полѣ и на лугу, копошатся люди; на склонѣ оврага разсыпалось огромное стадо коровъ; дальше, на горизонтѣ, желтѣютъ дозрѣвающіе хлѣба. Веселые тоны красокъ, не видно заборовъ, часовыхъ,—ничто не напоминаетъ обычной тюремной обстановки. Колонія. Подхожу ближе. На небольшомъ пустырьѣ копошится большое стадо свиней. Во рву, у самой дороги, лежатъ и пѣжкаты на солнышкѣ два мальчугана-пастушка. Одинъ съ типичной фізіономіей еврея, другой христіанинъ.

— Вы изъ колоніи?—спрашиваю ихъ.

— Да!

У одного на головѣ жалкое подобіе форменной желѣзнодорожной шапки безъ козырька, у другого—засаленный еврейскій «двай-дашкесъ». На плечахъ—ворохъ какихъ-то лохмотьевъ, сквозь которыя просвѣчиваютъ грязныя рубахи, а мѣстами и голое тѣло. Такое же одѣяніе и на ногахъ. Типичные герои улицы.

— Ты за что попалъ сюда?—спрашиваю у еврейчика.

— Сто рублей укралъ!

— А ты?

— Часы вытащилъ у прохожаго...

Смотрятъ смѣло, вызывающе, отвѣчаютъ непринужденно, нѣсколько даже иронически.

— А когда уйдете на свободу, воровать больше не будете?

— А что же намъ тогда останется дѣлать? Конечно, будемъ!

Колонія, какъ заявляютъ они, ровно ничего имъ не дала. Вотъ уже два года они только пасутъ свиней, причемъ, по странной прониі судьбы, эту паскудную обязанность приходится нести даже еврейчику. Школа имъ не по душѣ, въ мастерскія попасть не удастся, такъ какъ онѣ приспособлены лишь для самаго ограниченнаго числа воспитанниковъ. Гоняютъ иногда на разныя сельско-хозяйственныя

Група служачихъ въ колоніи.

работы: колоть дрова, возить навозъ, копать картошку. Но зачѣмъ, спрашивается, эта работа имъ, кореннымъ питомцамъ города! Работаютъ вяло, неохотно, по принужденію, работаютъ и рошцуть. И неудивительно: за невысокимъ бугоркомъ,—такъ близко отъ нихъ,—въ живописной лощинѣ холмовъ, залегаетъ знакомый городъ, большой, привольный и веселый!.. И вотъ, сбитые въ кучу, какъ затравленное стадо барановъ, сидятъ они теперь въ этихъ ненавистныхъ стѣнахъ—подневольные, порабощенные,—сидятъ и дѣлятся воспоминаніями; всѣ одинаково презираютъ эту ненавистную обстановку, всѣ мечтаютъ о потерянной свободѣ. У этихъ, еще не окрѣвшихъ, желторотыхъ младенцевъ есть уже свое прошлое, имѣется представленіе о какой-то свободѣ. На улицѣ, въ притонахъ и труппахъ города прошли они первую школу жизни, тамъ и закончили свое воспитаніе,—узнали вкусъ вина и табаку, преждевременно испытали сладость любви и разврата...

Въ колоніи происходила работа. Мимо меня проѣхало нѣсколько телѣгъ съ сѣномъ и навозомъ; на небольшой лужайкѣ мальчишки косили траву; неподалеку отъ нихъ другая артель колонистовъ, купаясь въ грязи, добывала торфъ; откуда-то доносились звонкіе удары кузнечнаго молота; на гумнѣ складывали свѣжее душистое сѣно, копошились въ сараяхъ и амбарахъ. И въ самомъ центрѣ этого незатѣйливаго по своей простотѣ муравейника, какъ загадочный сфинксъ, расположилась тяжелая каменная громада,—улеглась, измяла и пожрала вокругъ траву и цвѣты, и господствуетъ надъ горизонтомъ... Зачѣмъ она здѣсь? Какія начала таитъ она въ своей каменной груди?..

Когда я входилъ въ главное зданіе, начали звонить къ обѣду. Изъ кухни пахнуло свѣжимъ хлѣбомъ и горячимъ варевомъ. Мальчишки одинъ за другимъ подходили съ мисками къ огромному котлу, получали «порцію» и направлялись въ столовую. Сегодня по распisanію ячменный супъ съ саломъ и гречневая каша. Меню чередуется: супъ и каша, щи и каша съ саломъ, съ постнымъ масломъ или молокомъ; два раза въ недѣлю дается мясная пища, ежедневно утромъ и вечеромъ—чай, остатки отъ обѣда подаются на ужинъ. Пищевые продукты, какъ растительные, такъ и животные, большею частью свои, не покупные. Супъ и каша хотя и не богато сдобрены жиромъ, но на вкусъ очень пріятны. На длинной скамьѣ въ кухнѣ я нашель девятнадцать огромнѣйшихъ караваевъ свѣже испеченнаго хлѣба,—все это будетъ съѣдено въ одинъ день. Завтра послѣдуетъ новое печено, послѣзавтра—опять и т. д. На пищу, повидимому, жаловаться нѣтъ основанія, тѣмъ болѣе дѣтямъ городского пролетаріата. Но жалобы, однако, раздаются. И не удивительно: эти «дѣти» уже видали виды: они умѣли переносить голодъ при застоѣ «въ дѣлахъ», научились смачно и утолять его, когда «дѣло» спорилось... Эту привередливость вкуса внесли они

Добываніе торфа.

и въ колонію: одинъ не ѣсть гороху, другой—фасоли, третій находитъ хлѣбъ перепеченнымъ или недопеченнымъ, четвертый—въ принципѣ всѣмъ недоволенъ и ни съ чѣмъ мириться не хочетъ... Но это еще полбѣды: вся бѣда, по заявленію администраціи, состоитъ въ непримѣрной во всемъ солидарности воспитанниковъ. Нигдѣ, пожалуй, принципъ «всѣмъ за одного и одному за всѣхъ» не осуществляется въ такой высокой степени, какъ здѣсь. Достаточно одному изъ питомцевъ бросить за обѣдомъ ложку и заявить во всеуслышаніе: «я не хочу гороху»,—и другіе не стануть его ѣсть; достаточно одному заявить часто совсѣмъ неосновательную жалобу на какую-либо обиду—и все «общество» въ той или иной формѣ непремѣнно выразитъ свой протестъ. Одинаковое положеніе, одинаковое у всѣхъ недовѣріе къ непривычному режиму, настойчивое желаніе свободы—вызываютъ въ нихъ чувства озлобленія противъ окружающей обстановки и заставляютъ ихъ цѣлко держаться другъ за друга.

Въ столовой мало-по-малу собрался полный комплектъ воспитанниковъ—евреи и христіане, дѣти и подростки,—всѣхъ ихъ въ колоніи пятьдесятъ четыре человѣка, всѣ получили свою «порцію», выслушали молитву и усѣлись за столы. Медленно, съ безстрастнымъ выраженіемъ лица, прохаживается по комнатѣ надзиратель: одному броситъ упрекъ, на другого прикрикнетъ; а они ѣдятъ и рѣзвятся по-дѣтски. Вотъ двое изъ нихъ передрались за столомъ.

— Господинъ надзиратель! онъ меня ложкой ударилъ!—жалуется одинъ.

— А зачѣмъ онъ меня ущипнулъ?—оправдывается второй.

Дѣти, тѣ же дѣти. Есть очень открытыя, симпатичныя лица; глядятъ умоляюще, стыдливо,—видно, что попали сюда прямо-таки по капризу судебной власти. Большинство же колонистовъ отчетливо ясно носятъ на своихъ фізіономіяхъ печать преступности. У многихъ на открытыхъ частяхъ тѣла замѣтны шрамы и рубцы,—видно, что ребята не разъ бывали въ передѣлкѣ. Здоровыхъ, краснощекихъ очень мало,—все больше помятыя, изможденные лица. И свѣжій воздухъ деревни не могъ возстановить того, что еще съ пеленокъ постепенно разрушалось въ городскихъ трущобахъ.

Какъ вся обстановка, такъ, въ особенности, наружный видъ дѣтей производятъ очень удручающее впечатлѣніе. Не похожи эти дѣти на пансіонеровъ школы, не похожи и на арестантовъ,—что-то неопредѣленное и жалкое, досадно-жалкое. Одежка у всѣхъ не по плечу, плохонькая, засаленная, грязная; у многихъ совсѣмъ не видно бѣлья, нѣтъ и сапогъ,—оборванцы въ буквальномъ значеніи этого слова. Мнѣ приходилось бывать въ колоніи и зимою, въ сильные морозы; тогда она казалась мнѣ еще болѣе жалкой. Въ колоніи къ услугамъ воспитанниковъ имѣется всего пять полушубковъ и 5—6 теплыхъ куртокъ; остальнымъ приходится бѣгать по двору и работать на гумнѣ въ лѣтнихъ рубахахъ.

Столовыхъ двѣ: одна для болѣе надежныхъ, другая для «неисправимыхъ». Такъ же раздѣлены спальни, мастерскія, классы и т. д. Но эта «изоляция»—кажущаяся; въ дѣйствительности и малоиспорченные и «неисправимые» находятся между собою въ самомъ тѣсномъ общеніи.

Послѣ обѣда мѣстный духовой оркестръ воспитанниковъ, соорганизованный однимъ изъ надзирателей, исполнилъ нѣсколько русскихъ пѣсень. Этотъ «номеръ», признаться, меня прямо-таки поразилъ. Какъ ни жалки инструменты, на которые, надо замѣтить, колонія потратила, однако, большія деньги, какъ ни примитивна и музыка, аранжированная оставнымъ солдатомъ-трубачомъ, но найти въ этомъ царствѣ отверженныхъ что-либо подобное и этому я никогда не ожидалъ.

Изъ столовой я пошелъ осматривать другія помѣщенія главнаго зданія. Какой-то беспорядочный лабиринтъ коридоровъ, лѣстницъ и дверей. Мало свѣта, грязно, воздухъ сырой, удушливо тяжелый. Кажется, будто здѣсь совсѣмъ не жилое помѣщеніе, а плохо оборудованный заѣзжий домъ. Повсюду взадъ и впередъ снуютъ колонисты, въ одиночку и группами, и серьезно, не по-дѣтски осматриваютъ свѣжаго человѣка. Нѣкоторые снимаютъ шапки, здороваются, другіе демонстративно отворачиваются.

— Берегите ваши карманы!—предупреждаетъ надзиратель.—Не вводите ихъ во искушеніе...

Противъ соблазна даже здѣсь, въ исправительномъ домѣ, дѣтшки устоять не въ силахъ. То у надзирателя украли щепотку табаку или нѣсколько кусочковъ сахару, то въ пустомъ амбарѣ сломали замки, то изъ мастерской порастаскали инструменты; бываетъ, что и другъ другу обкрадываютъ. Случаются подчасъ и прямо-таки трагикомическія исторіи. Надумали какъ-то вилепскіе благодетели устроить въ колоніи елку. Съ міру по ниткѣ—и въ назначенный часъ въ столовой весело вспыхнула огнями богато разубранная елка. Попаѣхало изъ Вильны много знатныхъ гостей; передъ елкой торжественно отслужили молебенъ. Фуроръ небывалый. Закончилось, однако, это торжество пренепріятнымъ инцидентомъ. Послѣ молебна одинъ изъ гостей спохватился вдругъ, что у него изъ кармана исчезъ кошелекъ. Денегъ тамъ было немного. Но не въ томъ дѣло,—никто не могъ объяснить, какъ это во время молебна, при полномъ освѣщеніи, можно было такъ незамѣтно вытащить кошелекъ. Собрали дѣтей въ шеренгу.

— Ребята!—началъ директоръ.—Къ вамъ пріѣхали гости, ваши друзья и доброжелатели. Они оставили свои семьи, чтобы съ вами провести этотъ великій праздникъ. И вдругъ—такой скандалъ! Какъ приняла вы своихъ гостей, чѣмъ отплатили имъ за такое вниманіе? Стыдно! Да будетъ вамъ стыдно!..

Дѣтшки переглянулись; а на слѣдующее утро старшій изъ колонистовъ вручилъ директору кошелекъ съ деньгами.

— Получайте! А съ виновнымъ мы сами расправились...

Виновнымъ, какъ потомъ выяснилось, оказался миниатюрный, плюгавенькій на видъ еврейчикъ, отъ котораго никто не могъ ожидать такой удивительной ловкости. Недѣли двѣ послѣ этого несчастный еврейчикъ носилъ на тѣлѣ кровоподтеки; видно, товарищи за такую вопіющую некорректность основательно его наказали.

Въ главномъ зданіи, кромѣ кухни и столовыхъ, помѣщаются еще квартиры надзирателей и прислуги, классы, спальни, столярная и сапожная мастерскія. Столярная мастерская, за недостаткомъ средствъ, въ послѣднее время совсѣмъ не функционируетъ. Въ сапожной мастерской я засталъ за работой трехъ мальчугановъ, это полный комплектъ подмастерьевъ. Работа грубая, топорная, товаръ простой, тяжелый. Мастерская вообще оборудована очень плохо, съ трудомъ обслуживаетъ только нужды колоніи и поддерживается, надо полагать, только изъ уваженія къ памяти основателей. Это очень печально, тѣмъ болѣе, что на оборудованіе ея и трехъ другихъ мастерскихъ въ свое время истрачено въ общемъ около тринадцати тысячъ рублей, не считая содержанія мастеровъ, расходовъ на постройку зданій, отопленіе, освѣщеніе и т. п. На ремесло между тѣмъ слѣдовало бы обращать наибольшее вниманіе, такъ какъ для питомцевъ города, которыхъ здѣсь подавляющее большинство, оно служитъ главнымъ, если не единственнымъ источникомъ существованія. Кромѣ того, располагая такимъ огромнымъ количествомъ бесплатныхъ рабочихъ рукъ, колонія могла бы работать для сбыта и увеличивать такимъ образомъ свои средства, въ которыхъ она въ послѣднее время такъ нуждается. То же можно сказать и про кузнечную и слесарную мастерскія, которыя въ настоящее время существуютъ, можно сказать, только на бумагѣ и никакого воспитательнаго значенія не имѣютъ. Въ слесарной мастерской я нашелъ небольшой запасъ издѣлій довольно тонкой работы,—видно, что здѣсь когда-то были хорошіе мастера; теперь же руководитъ работами бывший воспитанникъ колоніи, и работаетъ у него всего 2—3 человекъ. Кузнечная мастерская ограничивается починкой плужковъ, телѣгъ, колесъ и другихъ принадлежностей сельскохозяйственнаго инвентаря.

Въ училищѣ преподаются начала русскаго языка, ариметика, Законъ Божій, исторія и географія. Къ систематическому ученію дѣти, за рѣдкими исключеніями, не обнаруживаютъ большого стремленія, въ школу многихъ приходится загонять насильно. Зато всѣ почти охотно читаютъ книги, которыхъ въ мѣстной библиотекѣ, къ сожалѣнію, очень немного; любятъ также и побесѣдовать. Случается, что забредетъ сюда изъ Вильны какой-либо ректоръ-филантропъ и прочтетъ дѣтишкамъ лекцію съ туманными картинками. Это, повидимому, производитъ на нихъ благопріятное впечатлѣніе.

Значительную часть верхняго этажа занимаютъ спальни. Еще издали слышится какой-то острый гнилостный запахъ. Въ огром-

ныхъ комнатахъ правильными рядами разставлены желѣзные кровати и досчатая нары съ соломенными матрацами и такими же подушечками. Ни наволочки, ни простыни, все пропитано грязью и потомъ. Отъ нѣкоторыхъ постелей отдаетъ особенно удушливымъ запахомъ. «Рыболовы-съ!» острить надзиратель. Постели ихъ, по видимому, никогда не провѣтриваются и во всякомъ случаѣ не освѣжаются. Полъ мокрый, скользкій, въ грязныхъ пятнахъ, мѣстами прогнившій; какъ воспитанники, такъ и воспитатели за чистотой, по видимому, не особенно гоняются. На нѣкоторыхъ кроватяхъ лежатъ больные. При колоніи имѣется и больница, но она вмѣщаетъ не больше 3—4 человекъ, а такихъ больныхъ набирается иногда и десятокъ. Болѣютъ золотухой, глазами, зубами и разными простудными болѣзнями. Случается, что приносятъ съ собою изъ города и венерическія болѣзни.

Изъ оконъ верхняго этажа открывается великолѣпный видъ на колонію и ея окрестности. Отъ дома тянется на гору огромный садъ. Онъ еще молодой, не устроенъ, но въ будущемъ обѣщаетъ быть очень хорошимъ. Съ другой стороны зеленѣютъ огороды; тамъ же, надъ красивой лужайкой—небольшая пасѣка. Неподалеку въ чащѣ цвѣтущей сирени виднѣется директорская квартира. За гумнами, на крутомъ бугоркѣ, въ гущѣ березъ и кустарника сиротливо наклонились къ землѣ нѣсколько надмогильныхъ крестиковъ. Кладбище. Мимо колоніи, извиваясь змѣйкой среди желтѣющихъ полей, потянулась куда-то неширокая пыльная дорожка. А тамъ пошли уже лѣса, холмы и голубое небо...

III.

«Вывать малолѣтняго члена общества изъ глубины порока, спасти его отъ растлѣвающаго вліянія преступной среды и благотворно воздѣйствовать на его умъ, сердце и волю»—вотъ съ какимъ знаменемъ выступила колонія на поприще общественной дѣятельности. Для осуществленія этихъ благородныхъ началъ нужны, конечно, средства, а, слѣдовательно, и сочувствіе общества; затѣмъ требуется любовь къ этимъ несчастнымъ жертвамъ нашего несовершенства, пониманіе ихъ, а при всемъ томъ—и удачный выборъ соотвѣтствующихъ воспитательныхъ мѣръ. Прежде, однако, чѣмъ приступить къ разсмотрѣнію этихъ вопросовъ, мы попытаемся хоть бѣгло ознакомиться съ тѣмъ преступнымъ элементомъ, который попадаетъ въ колонію для исправленія. Наибольшій процентъ преступниковъ даетъ, конечно, пролетаріатъ и преимущественно городской. Бѣдность, сиротство, отсутствіе ухода, а иногда и полная заброшенность толкаютъ дѣтей на улицу. Недостатокъ воспитанія, часто дурной примѣръ родителей дѣлаютъ ихъ неустойчивыми въ борьбѣ съ соблазномъ. Въ результатѣ—знакомство съ преступной

средой, совѣты, наговоры, задоръ свободного ребенка, первые робкіе шаги и первая удача; затѣмъ въ веселой компаніи первая рюмка вина, заманчивый поцѣлуй проститутки—и начало сдѣлано... Иные долго сознають всю несостоятельность такой преступной жизни, но слабой воли ихъ слишкомъ недостаточно для того, чтобы измѣнить ее. «Я не могу!—говорить одинъ.—Я знаю, что плохо, но меня тянетъ... Знаю, что это гадко, а тянетъ...»—«Когда сидишь въ тюрьмѣ или въ полиціи,—заявляетъ другой,—да задумаешься о домѣ, о родныхъ, такъ станетъ стыдно своего порока!.. Раскаюсь, думаешь себѣ, раскаюсь!.. А выйдешь на улицу—и не удержишься..»

Есть много такихъ «преступниковъ», за которыхъ прямо-таки душой болѣешь. Вотъ нѣкоторые изъ нихъ.

Еврейчикъ Л—ль, 15 лѣтъ, имѣетъ отца и мать, которые живутъ очень бѣдно. Они часто наказывали его, нанося удары преимущественно по головѣ. Л. производитъ впечатлѣніе полупомѣшаннаго и часто жалуется на «шумъ въ головѣ»; умственные способности его крайне ограничены; грамотѣ и мастерству обучается безуспѣшно. Въ колонію приговоренъ за кражу, которую совершилъ, убѣгая отъ родительскихъ побоевъ.

Б—съ, 16 лѣтъ, католикъ, имѣетъ родителей, при которыхъ и жилъ. Въ колонію приговоренъ за участіе въ кражѣ вмѣстѣ съ... отцомъ.

Цыганенка М—ча, 13 лѣтъ, тоже «бачка» съ дѣтства патаскивалъ въ воровствѣ.

Крестьянинъ С—кій, 15 лѣтъ, воровствомъ никогда ни занимался и потому ни разу ни судился. Соблазнился въ лавочкѣ конфеткой—и попалъ въ колонію. Ведетъ себя хорошо и никакихъ признаковъ преступности не проявляетъ.

Крестьянинъ К—ко, 12 лѣтъ, незаконнорожденный, имѣетъ мать, которая давно уже его бросила и гдѣ проживаетъ—неизвѣстно. Онъ все время помнитъ себя только въ положеніи нищаго. Въ колонію приговоренъ за кражу яблокъ изъ амбара.

Еврейчикъ Г—инъ, 15 лѣтъ, имѣетъ мать, которая держитъ въ Москвѣ публичный домъ. Комментаріи, конечно, излишни.

Католикъ Р—къ, 17 лѣтъ, воровствомъ, какъ заявляютъ его знакомые, никогда ни занимался. Мировой судья судилъ его однажды за покушеніе на кражу, но, за недостаткомъ уликъ, оправдалъ. Дѣло было передано въ сѣздъ, который и осудилъ его въ колонію. Р—къ производитъ впечатлѣніе ни въ чемъ неповиннаго мальчика; въ колоніи ведетъ себя безукоризненно, кротокъ, трудолюбивъ, но часто груститъ, жалуясь на судебную ошибку. Какъ далеко, однако, уклонился судъ отъ извѣстнаго принципа: «лучше оправдать десять виновныхъ, чѣмъ осудить одного невиннаго!» Колонія, положимъ, въ правѣ исправить эту ошибку, освободивъ мальчишку досрочно, но никогда не можетъ она предохранить его отъ растлѣвающего

Оркестръ.

вліяння той среды, въ которой онъ здѣсь вращается; никогда не смоетъ и того клейма, которое наложено на него судебнымъ приговоромъ.

А вотъ еще болѣе краснорѣчивый примѣръ. Католикъ Л—скій, 14 лѣтъ, имѣетъ отца и мать. Отецъ совершилъ кражу со старшимъ сыномъ, но, желая освободить его отъ суда, заявилъ, что воровалъ съ младшимъ. Л—скій безропотно несетъ всѣ тяготы тюремнаго режима, но сильно удрученъ такимъ несправедливымъ приговоромъ.

Въ больницѣ я обратилъ вниманіе на одного больного мальчика. Тонкія черты лица, глаза выразительные, глядятъ такъ печально и умоляюще стыдливо. Залѣзъ въ садъ сосѣда и сорвалъ нѣсколько яблочекъ. Сосѣдъ возбудилъ «дѣло» и погубилъ такимъ образомъ ни въ чемъ неповиннаго мальчика. Удрученный такой жестокой карой, мальчишка слегъ въ постель и, несмотря на исключительный уходъ, кажется, умереть вдали отъ роднаго дома ¹⁾. Администрація колоніи, повидимому, очень сочувственно относится къ этому несчастному ребенку, но помочь ему ничѣмъ не можетъ, такъ какъ своимъ правомъ сократить срокъ пребыванія осужденнаго въ колоніи на одну треть она, въ виду кратковременнаго его пребыванія, воспользоваться пока не можетъ.

Какъ, однако, неумолимо жестока бываетъ подчасъ судьба чело-вѣка! Чьи, напримѣръ, грѣхи отмаливаютъ здѣсь эти несчастные узники, кто и чѣмъ искупить тяжелья незаслуженныя страданія ихъ?..

Значительная часть преступниковъ—крайніе бѣдняки и просто-народье. Случается, однако, что попадаютъ сюда и дѣти интеллигентнаго и даже состоятельнаго класса. Причины, толкающія ихъ на преступный путь, конечно, очень разнообразны: недостатокъ ухода, излишнее баловство, извращенное воспитаніе, или врожденная склонность къ дурному и т. п.

Приведенную нами категорію преступниковъ составляютъ, такъ сказать, преступники случайные, т. е. тѣ, которыхъ толкнули на этотъ путь неблагоприятныя условія быта или воспитанія; сложись обстоятельства болѣе благопріятно—и они пошли бы совсѣмъ по другому пути. Но есть еще преступники по крови, т. е. тѣ, которые обречены, можно сказать, на преступный путь особенностями своей природы—это дегенераты. Ихъ одинаково рождаетъ и интеллигенція и простонародье, и пролетаріатъ и богачи. Съ кровью и молокомъ матери воспринимаютъ они порочныя начала, которыя умѣлымъ воспитаніемъ можно, пожалуй, ослабить, но едва ли возможно совсѣмъ парализовать. Поглядишь на эти изможденные, помятыя фізіономіи, исполосованныя шрамами и рубцами,—ничего, кажись, особеннаго,—нѣсколько, правда, подозрительныхъ,

¹⁾ Недавно онъ уже умеръ и похороненъ въ колоніи.

Сапожная мастерская.

но иногда очень даже симпатичныя. А прочтешь формуляръ и ужаснешься, узнавъ, до какого чудовищнаго предѣла успѣлъ уже дойти иногда двѣнадцатилѣтній молокососъ.

Католикъ П—чь имѣеть отца алкоголика, который служить лакеемъ въ ресторанѣ. Съ девятилѣтняго возраста П—чь свелъ уже тѣсное знакомство съ ворами, изучилъ воровской языкъ, сорганизовалъ даже цѣлую шайку, съ которой принималъ участіе въ самыхъ дерзкихъ кражахъ. Въ немъ нѣтъ ни малѣйшаго сознанія преступности совершенныхъ имъ дѣяній, и всѣ рассказы его передаются съ тѣмъ цинизмомъ, съ какимъ можетъ мириться только глубоко испорченная натура. Въ убійствѣ для самозащиты онъ не видитъ ничего дурного и въ свое время всегда носилъ при себѣ оружіе. Въ настоящее время ему двѣнадцать лѣтъ, а между тѣмъ здоровье его уже надломлено не соответствующимъ его возрасту порокомъ, котораго онъ не оставляетъ и въ колоніи. Въ этомъ возрастѣ онъ уже тяготится жизнью и иногда говоритъ со слезами, что лучше было бы, если бы кто-нибудь избилъ его до смерти. Вслѣдствіе расстройства нервной системы онъ въ раздраженіи часто забывается, грубитъ и способенъ на самое отчаянное сопротивление. По временамъ бываетъ мраченъ, задумчивъ, а иногда плачетъ безъ всякой видимой причины.

К., крестьянинъ Виленской губерніи, 17 лѣтъ, католикъ, имѣеть мать, которая ведетъ распутную жизнь. Съ двѣнадцати лѣтъ онъ сталъ заниматься воровствомъ и, сколько совершилъ кражъ, самъ опредѣлить не можетъ. Пять разъ отбывалъ тюремное заключеніе. Въ колоніи пребываніе его было слишкомъ нежелательно—развитой физически, но глубоко испорченный нравственно, онъ производилъ очень тяжелое впечатлѣніе своею необузданностью и склонностью къ противоестественнымъ порокамъ. Пробывъ въ колоніи всего три недѣли, онъ бѣжалъ съ двумя другими товарищами и назадъ больше не возвращался.

О. К—тъ, 13 лѣтъ, католикъ, имѣеть отца, который сосланъ въ Сибирь за воровство. Оставшись трехлѣтнимъ ребенкомъ, онъ былъ на воспитаніи у какой-то еврейки, потомъ у нищенки, затѣмъ и самъ сталъ просить милостыню. Во время нищенствованія свелъ знакомство съ ворами, которымъ сталъ указывать расположеніе тѣхъ квартиръ, куда ходилъ за милостыней. Потомъ и самъ сталъ воровать, за что и попалъ въ колонію. Ведетъ себя плохо, часто совершаетъ кражи въ силу привычки; лживъ, неряшливъ, лѣнивъ и мстителенъ, склоненъ также къ противоестественному пороку. Жестокіе удары судьбы въ раннемъ дѣтствѣ наложили на него свою печать, которая не изгладится, пожалуй, и до могилы.

Д—ръ, 14 лѣтъ, вѣроисповѣданія іудейскаго, имѣеть мать, которая занимается мелочной торговлей. Мать съ дѣтства желала пріучить его къ ремеслу, но безуспѣшно. Д—ръ вскорѣ совсѣмъ

Кузнечная мастерская.

бѣжалъ отъ матери, бродяжничалъ и занимался воровствомъ, а также предлагалъ себя къ услугамъ развратныхъ мужчинъ, съ какимъ порокомъ поступилъ и въ колонію. Въ колоніи ведетъ себя крайне неодобрительно: сварливъ, задоренъ, неряшливъ и лѣнивъ, учится плохо, надеждъ на исправленіе не подаетъ.

В. С—ій, 15 лѣтъ, католикъ, имѣетъ отца и мать. Отецъ—подрядчикъ каменныхъ работъ, много зарабатываетъ, но сильно пьетъ и играетъ въ карты. Въ семьѣ постоянныя ссоры и драки. С—ій съ самаго ранняго дѣтства сталъ обнаруживать порочныя наклонности, четыре раза былъ отдаваемъ по суду на исправленіе родителямъ, четыре раза отбывалъ наказаніе въ заключеніи и наконецъ приговоренъ въ колонію. С—ій самъ даже не можетъ опредѣлить, сколько совершилъ кражъ; въ колоніи обнаруживаетъ несомнѣнные признаки клептоманіи: крадетъ все, что попадаетъ подъ руку. Къ своему положенію относится сознательно и не безъ сожалѣнія. Рассказывая о прошломъ, не разъ со слезами заявляетъ: «Какой же я человѣкъ?—Извѣстное дѣло,—пропащій, воръ, негодяй!..» Однажды бѣжалъ было изъ колоніи, но задержанъ и препровожденъ обратно. Вѣчно задумчивъ, необщителенъ, ничѣмъ не интересуется, машинально выполняетъ все, что отъ него требуется.

Изъ приведенныхъ примѣровъ можно понять, что миссія колоніи сколь благородна, столь же тяжела и отвѣтственна. Общество изо дня въ день вышвыриваетъ туда изъ своей среды все, что кажется ему нежелательнымъ, начиная съ несчастныхъ жертвъ судейскаго легкомыслія и кончая закоснѣвшимъ въ порокъ элементомъ. Задача воспитателей—переоцѣнить вновь тѣхъ и другихъ и—кого исправить, кого же только пожалѣть и сберечь. Ясно, что только при томъ пониманіи дѣтской природы да самоотверженной любви къ этимъ несчастнымъ можно разрѣшить эту задачу въ благопріятномъ смыслѣ. Посмотримъ же теперь, въ какой степени наличность матеріальныхъ и духовныхъ средствъ колоній соотвѣтствуетъ той великой задачѣ, какая на нее возлагается.

IV.

Еще въ 1883 году, въ ознаменованіе введенія въ Сѣверо-Западномъ краѣ общеперскихъ судебныхъ законовъ, кружкомъ интеллигенціи было организовано въ Вильнѣ «общество исправительныхъ колоній для малолѣтнихъ преступниковъ». За недостаткомъ матеріальныхъ средствъ общество это долгое время существеннаго практическаго значенія не имѣло. Тѣмъ не менѣе дѣло было начато и оно не заглохло. Составъ общества постепенно увеличивался, а вмѣстѣ съ тѣмъ увеличивались его средства и моральная сила. Въ концѣ восьмидесятихъ годовъ обществу оказало большую поддержку

министерство государственныхъ имуществъ, подаривъ ему въ полную собственность для устройства колоніи имѣніе Виллюцянны, въ которомъ 160 десятинъ пахотной земли, 30 десятинъ луговъ и 70 десятинъ подъ усадьбой, огородами, пастбищами и кустарникомъ. Лѣса въ немъ нѣтъ. Уголокъ былъ готовъ, и 24 сентября 1901 года, въ присутствіи высшихъ представителей губернской администраціи, множества гостей и одиннадцати первыхъ питомцевъ вновь народившагося учрежденія, торжественно освящено было въ Виллюцянахъ новое каменное зданіе—пріютъ, и колонія, фактически существовавшая уже съ начала 1900 года, въ этотъ день объявлена открытой официально.

Средства колоніи, кромѣ доходовъ съ принадлежащаго ей имѣнія, составляются изъ ежегодныхъ членскихъ взносов общества, 10⁰/₀ отчисленій отъ штрафныхъ суммъ по Виленской, Ковенской, Гродненской и Минской губерніямъ ¹⁾, ежегодныхъ отчисленій тюремнаго вѣдомства на содержаніе воспитанниковъ, субсидій отъ городскихъ управленій, частныхъ пожертвованій непосредственно въ колонію или въ принадлежащія ей кружки и разныхъ другихъ поступленій; отъ спектаклей, литературныхъ вечеровъ, доходовъ съ мастерскихъ и т. п. Въ общемъ бюджетъ колоніи, вмѣстѣ съ запаснымъ капиталомъ, накопившимся за все время существованія общества, составлялъ къ 1 января 1901 года: наличными 38621 рубль и процентными бумагами 60,950 руб. Въ 1901 году поступило вновь 16,222 рубля, въ 1902 г.—12,590 р. 54 к. и т. д. Средствъ, повидимому, съ самаго начала было исполнѣ достаточно для полного оборудованія колоніи, поступленія же послѣдующихъ лѣтъ обезпечивали и дальнѣйшее ея развитіе, принимая во вниманіе еще и то, что комплектъ воспитанниковъ никогда не превышалъ 55—60 чело-вѣкъ и что одно имѣніе при умѣлой эксплуатаціи могло бы, пожалуй, удовлетворить всѣ потребности колоніи. Извѣстно между тѣмъ, что колонія, оборудованная вначалѣ довольно основательно, въ послѣдующіе году постепенно начала клониться къ упадку и въ настоящее время влечетъ самое жалкое существованіе. Немаловажной причиной такого упадка колоніи служитъ равнодушіе къ ней мѣстнаго общества, выразившееся въ замѣтномъ уменьшеніи притока денежныхъ средствъ. Главной, однако, причиной этого упадка служитъ, несомнѣнно, недостатокъ опытнаго руководительства. Изъ данныхъ официальныхъ отчетовъ извѣстно, что на оборудованіе мастерскихъ въ теченіе восьми лѣтъ истрачено, какъ я уже сказалъ, около тринадцати тысячъ рублей. Въ свое время эти мастерскія были въ полномъ ходу и приносили даже извѣстный доходъ; въ настоящее же время всю обстановку ихъ можно оцѣнить въ нѣсколько сотенъ рублей, тысячъ же тамъ что-то совсѣмъ не видать.

¹⁾ Колонія обслуживаетъ четыре губерніи.

«истор. вѣстн.», май, 1910 г., т. сж.

На одежду, обувь, бѣлье и постели для воспитанниковъ израсходовано: въ 1900 году—358 руб., въ 1901 г.—984 руб., въ 1902 г.—1097 руб., въ 1903 г.—1406 руб. и т. д.,—въ среднемъ около 25 рублей въ годъ на человѣка; между тѣмъ и одежда и постели ихъ имѣютъ, повторяю, очень печальный видъ. Далеко не оправдываютъ произведенныхъ затратъ наличность музыкальныхъ инструментовъ, сельскохозяйственнаго инвентаря и т. п.

На эксплуатацію имѣнія лишь въ послѣдніе два-три года, при новомъ составѣ администраціи, обращается, повидимому, серьезное вниманіе: введена многопольная система обработки, дѣлаются попытки примѣнить минеральное и зеленое удобреніе, значительно увеличено количество рогатаго скота, положено начало организаціи молочнаго хозяйства, сдѣланы опыты грядковой культуры, давшіе хорошіе результаты. Въ настоящее время уже полгода въ колоніи работаетъ ученый агрономъ. Можно, значить, надѣяться, что хозяйство пойдетъ теперь хорошо. До этого же оно велось небрежно и, вполне естественно, не давало колоніи ощутительнаго дохода. При колоніи, надо замѣтить, имѣются еще богатые залежи торфа, который при широкой эксплуатаціи могъ бы составить немаловажную статью дохода. Въ настоящее же время онъ добывается лишь собственными средствами и въ количествѣ, потребномъ только для отопленія колоніи.

Въ апрѣлѣ 1909 года вошло въ дѣйствіе новое положеніе о воспитательно-исправительныхъ учрежденіяхъ, обезпечивающее такимъ со стороны правительства значительныя денежныя средства.

Переходя затѣмъ къ разсмотрѣнію чисто воспитательной стороны дѣла, долженъ замѣтить, что вилюцянская исправительная колонія не лишена, къ сожалѣнію, недостатковъ, свойственныхъ вообще всѣмъ подобнымъ учрежденіямъ. Оно и понятно: дѣль хороша, но дѣло не легкое. Мы замѣчаемъ, что даже въ свободной школѣ педагогъ и ученикъ очень часто не могутъ найти какой-либо общей примиряющей точки. Гораздо труднѣе найти ее здѣсь, при тюремномъ режимѣ. Воспитанникъ исправительной колоніи, какъ бы хорошо ему тамъ ни жилось, видитъ все же въ воспитателѣ особаго рода тюремщика, который хоть, можетъ быть, и не бьетъ его и въ карцеръ сажаетъ рѣдко, но который почему-то держитъ его подъ надзоромъ да еще принуждаетъ пасти свиней, колоть дрова, копаться въ грязи и навозѣ. Онъ не понимаетъ и не признаетъ никакихъ воспитательныхъ цѣлей и тяготится окружающей обстановкой. Сколько любви и пониманія долженъ, значить, вложить въ свое святое дѣло воспитатель, чтобы расположить къ себѣ разбитыя дѣтскія сердца и сдѣлать, такимъ образомъ, задачу осуществимой! Такихъ воспитателей мало. Долженъ, однако, замѣтить, что наличный воспитательный составъ колоніи, начиная съ директора К. Абрамчика и учителя Н. Ждана и кончая старухой-экономкой, относится, повидимому, къ этимъ несчастнымъ съ отеческой заботливостью.

Это, такъ сказать, внутренняя психологическая сторона вопроса; внѣшняя же воспитательная обстановка колоніи далеко не отвѣчаетъ сущности задачи. Прежде всего обращаетъ на себя вниманіе отсутствіе при колоніи, не въ примѣръ другимъ подобнымъ учрежденіямъ, подслѣдственного отдѣленія, благодаря чему осужденный приходитъ сюда черезъ дверь тюрьмы, гдѣ въ развращающей средѣ сидитъ до суда иногда очень долго. Но и здѣсь условія нисколько не лучше. Общежитіе колоніи представляетъ въ общемъ не что иное, какъ самую обыкновенную солдатскую казарму, такъ какъ и погрязшіе въ пороки преступники и совершенно невинные юноши садятся здѣсь на одну общую скамейку. Съ этой стороны колонія рѣзко отличается, на примѣръ, отъ Рукавишниковскаго пріюта, гдѣ воспитанники строго раздѣлены на группы по степенямъ испорченности. Такая же беспорядочность замѣчается здѣсь и въ распредѣленіи работъ и разныхъ служебныхъ занятій: еврейчику навязывается несвойственная его природѣ роль пастуха, крестьянскій мальчикъ посаженъ за сапожный столикъ, тогда какъ сынъ городского ремесленника работаетъ въ полѣ или на гумнѣ. Систематическихъ знаній колонія не даетъ, — все проходится слегка, всего дается понемногу. Въ числѣ многихъ недостатковъ колоніи свѣдуетъ отмѣтить отсутствіе при ней патроната, благодаря чему выпущенные на свободу питомцы сразу попадаютъ въ безвыходное положеніе. Безъ знаній, безъ опеки, да еще съ позорнымъ клеймомъ отпускаются они прямо на улицу и, вполне естественно, въ погонѣ за кускомъ хлѣба, часто опять попадаютъ въ омутъ, въ который, можетъ быть, искренно не желали бы возвращаться. Ощутительной пользы колонія при такой постановкѣ дѣла принести, конечно, не можетъ. Но свести результаты десятилѣтней дѣятельности ея къ нулю было бы, однако, несправедливо. За отсутствіемъ патроната ихъ трудно, правда, учесть; но о многихъ питомцахъ свѣдѣнія въ колонію все-таки поступаютъ и очень часто утѣшительныя. Въ большинствѣ случаевъ сами же питомцы о себѣ и сообщаютъ, адресуя въ колонію иногда весьма трогательныя посланія. Мнѣ показывали одно изъ такихъ посланій, полученное изъ далекой Америки. Бывшій преступникъ горячо благодаритъ воспитателей за то, что они «сдѣлали его человекомъ». Не забылъ и товарищей. «Я помню, кѣмъ я былъ, — говоритъ онъ имъ: — знаю, кто я теперь!.. Держитесь, товарищи, за эти стѣны руками и ногами: тамъ вамъ укажутъ путь къ честной трудовой жизни!..»

Петръ Корневскій.

ТРЕХСОТЛѢТІЕ ПАМЯТИ ГЕРОЯ.

Князь Михаилъ Васильевичъ Скопинъ-Шуйскій.

ВЪ АПРѢЛѢ настоящаго года исполнилось ровно три вѣка со дня трагической кончины нашего народнаго героя, выдающагося полководца и мудраго государственнаго мужа, князя Михаила Васильевича Скопина-Шуйскаго.

Рѣдкая, исключительная историческая роль выпала на долю славнаго русскаго витязя.

Отличившійся своими воинскими подвигами въ борьбѣ съ полчищами мятежниковъ—Шаховскаго, Телятевскаго и Болотникова, молодой, талантливый вождь возведенъ былъ царемъ Василиемъ Шуйскимъ въ санъ боярина, имѣя всего лишь двадцать лѣтъ отъ роду, и съ тѣхъ поръ до самой своей смерти усиленно трудился на пользу отчизны, выполняя дѣла государственныя, самыя разнообразныя, сложныя и отвѣтственныя. Особенно много заботъ и тревоженій пришлось ему испытать за два года, 1608-й и 1609-й, когда, послѣ появленія такъ называемаго Тушинскаго вора, неурядица въ Русской землѣ дошла до размѣровъ чрезвычайныхъ и грозила гибелью не только самому царю Василию, но всему государству Московскому.

По водвореніи самозванца и поляковъ въ Тушинскомъ станѣ подъ Москвою, положеніе царя Василія оказалось критическимъ. Начали передаваться на сторону вора люди самыя знатныя и вліятельныя, изъ родовъ боярскихъ и княжескихъ. За ними потянулись и лица болѣе второстепенныя: стольники, стряпчіе, дьяки и

подъячіе. Войска у царя было мало и казна пуста. Въ то же время полчища вора постепенно увеличивались прибывавшими къ нему свѣжими отрядами польскими, шайками голытьбы и казаками.

Ради спасенія отъ гибели Василию пришлось прибѣгнуть къ послѣднему, рѣшительному средству, до той поры имъ отвергаемому, а именно—къ исканію помощи иноземной, и это первостепенной важности дипломатическое дѣло было передано царемъ всецѣло въ руки князя Михаила Скопина, который и выѣхалъ лѣтомъ 1608 года изъ Москвы въ Новгородскую землю для заключенія договора о наймѣ вспомогательнаго воинскаго отряда въ сосѣднемъ королевствѣ Шведскомъ.

Порученіе это, несмотря на всевозможныя встрѣтившіяся на пути препятствія, князь Михаилъ выполнилъ блистательно. 28 февраля 1609 года заключенъ былъ въ Выборгѣ договоръ со шведами, и уже 16 марта шведское войско, состоявшее изъ нѣсколькихъ тысячъ наемниковъ, подъ начальствомъ молодого, но уже успѣвшаго прославиться, генерала Делагарди, вступило въ русскіе предѣлы и въ концѣ того же мѣсяца расположилось станомъ въ 70 верстахъ отъ Новгорода. Отсюда Делагарди выѣхалъ впередъ для личнаго свиданія со Скопинымъ въ самомъ городѣ.

Оба молодые полководца сразу полюбились другъ другу и стали въ отношенія самыя дружественныя. Современный шведскій историкъ передаетъ, что и всѣ шведы вообще восторгались русскимъ вождемъ, его красотою, статностью и привѣтливостью. Но болѣе всего привлекалъ онъ ихъ своимъ умомъ и тою силою души, которая выказывалась во всемъ его поведеніи.

При встрѣчѣ вожди обмѣнялись привѣтствіями. Делагарди объявилъ о готовности короля оказать помощь царю московскому противъ обманщиковъ, поляковъ и прочихъ мутителей. Въ отвѣтъ Скопинъ дипломатично заявилъ, что особой смуты въ странѣ нѣтъ, что бунтуютъ всего лишь нѣсколько тысячъ русскихъ бездѣльниковъ, примкнувшихъ къ вторгнувшимся самовольно отрядамъ поляковъ, къ казакамъ или просто къ мѣстнымъ шайкамъ разбойничьимъ, что тронъ царя Василія крѣпокъ и всѣ подданные остаются ему вѣрными. Но тѣмъ не менѣе онъ благодарилъ короля отъ лица земли Московской за оказываемую помощь и просилъ Делагарди немедленно слѣзнуть вмѣстѣ съ нимъ къ Москвѣ, завѣряя, что при первомъ же появленіи ихъ соединенныхъ отрядовъ вся смута окончательно уляжется и всѣ бунтари смирятся и принесутъ повинную.

При обсужденіи этого послѣдняго предложенія Скопина между вождами возникло нѣкоторое пререканіе. Делагарди находилъ полезнымъ, медленно подвигаясь впередъ, усмирять и занимать отдѣльные непокорные города, Скопину же подобный планъ не нравился. Онъ предпочиталъ прежде всего стремиться къ Москвѣ

на выручку царя Василія. Въ концѣ концовъ Делгарди уступилъ и согласился придерживаться плана Скопина.

Къ этому времени, по доходившимъ отовсюду къ князю Михаилу свѣдѣніямъ, неурядица въ Московской землѣ и бѣдствія народныя дошли до степеней высшихъ. Постоянныя измѣны, крамолы, заговоры и боярскіе «перелеты» изъ одного лагеря въ другой совершенно распатали власть и значеніе царя Василія. Онъ не чувствовалъ себя лично въ безопасности даже у себя въ столицѣ, такъ какъ, не имѣя войска, вполнѣ зависѣлъ отъ доброй воли жителей Москвы, воздерживавшихся до сихъ поръ отъ сдачи города Тушинскому вору единственно лишь изъ опасенія неистовствъ и насилій со стороны его необузданныхъ сторонниковъ. Города и провинціи, оставшіеся еще вѣрными Василію, подвергались репрессіямъ со стороны враговъ самымъ жестокимъ, и защитить ихъ онъ былъ не въ состояніи. Авторитетъ его вслѣдствіе этого падалъ съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе. Разбойничали всѣ: и ляхи, и казаки, и возмущившаяся гольтьба, расправлявшаяся со своими личными недругами едва ли не свирѣбѣе, чѣмъ даже первые.

Выслушивая эти вѣсти, Скопинъ сознавалъ, что единственная надежда—поддержать распатанное государство, обуздать поляковъ и другихъ разбойниковъ и водворить хоть какой-нибудь порядокъ въ землѣ Русской—покоилась на сборѣ достаточнаго количества войска въ центрѣ царства, подъ Москвою. Туда уже направлялся съ войскомъ, набраннымъ въ юго-восточныхъ провинціяхъ, бояринъ Федоръ Шереметевъ, но подвигался онъ крайне медленно, постоянно задерживаясь на пути усмиреніемъ городовъ поволжскихъ. Отряды оставшихся еще вѣрными царю Василію нижегородцевъ, рязанцевъ и смолянъ были немногочисленны и едва способны противостоятъ врагамъ даже въ собственныхъ своихъ районахъ. Спасеніе Москвы могло явиться, такимъ образомъ, только со стороны войска самого же князя Михаила а въ томъ числѣ и ставшаго подъ его знамена отряда наемниковъ шведскихъ.

Въ маѣ мѣсяцѣ Скопинъ выступилъ изъ Новгорода и, соединившись со шведами, сталъ подвигаться по пути къ Москвѣ, разбивая и тѣсня встрѣчавшіеся отряды ляховъ и тушинцевъ. Въ началѣ іюня союзники дошли до Твери. Сильный отрядъ поляковъ укрылся въ этомъ городѣ и задерживалъ дальнѣйшее наступленіе. Приходилось ихъ выбивать изъ укрѣпленной позиціи, и Шведы храбро бросились на приступъ, но потерпѣли неудачу. Поляки успешной вылазкой отбросили нападающихъ и, торжествуя побѣду, съ триумфомъ возвратились въ городъ. Но это торжество ихъ продолжалось очень не долго. Зная хорошо обычную безпечность поляковъ послѣ удачной для нихъ битвы, Скопинъ въ ту же ночь повелъ войска въ новую, ночную атаку и скоро овладѣлъ и городомъ и укрѣпленнымъ острогомъ. Главные польскіе вожди съ остатками своихъ отря-

довъ бѣжали и только нѣсколько сотенъ отдѣльныхъ воиновъ за-сѣли въ городскомъ кремлѣ и стали отстрѣливаться изъ пушекъ. По своему обычаю Скопинъ не захотѣлъ задерживаться подь городомъ и двинулся далѣе, но шведамъ показалось обиднымъ отступать передъ горстью враговъ, и они снова бросились на приступъ, но опять-таки были отбиты. Тогда, наконецъ, и Делагарди согласился съ мнѣніемъ Скопина и рѣшилъ нагонять его, но тутъ возникло усложненіе крайне серьезное.

Иноземные наемники взбунтовались противъ своихъ же генераловъ и объявили, что итти далѣе за Скопинымъ въ глубь невѣдомой имъ страны они не желаютъ и требуютъ возвращенія на родину. Делагарди вынужденъ былъ уступить требованіямъ бунтовщиковъ и сталъ медленно отводить ихъ обратно къ Новгороду, пославъ гонцовъ къ Скопину съ просьбою прислать обѣщанное жалованье войску, надѣясь, что послѣ этой получки мятежники снова подчинятся его волѣ. При Скопинѣ остался только тысячный отрядъ наемниковъ подъ начальствомъ генерала Зоме, который единственный успѣлъ склонить своихъ солдатъ остаться въ Россіи и не измѣнять своимъ обѣщаніямъ.

Покинутый шведами и вынужденный остановиться на время подь Калязинымъ, Скопинъ тѣмъ не менѣе не растерялся и не палъ духомъ. Онъ занялся усиленнымъ обученіемъ своихъ войскъ, а также и разсылкою многочисленныхъ гонцовъ и увѣщательныхъ грамотъ во всѣ окружные города съ просьбою примкнуть къ его дѣлу и выслать на подмогу ратныхъ людей и деньги. Увѣщанія эти увѣнчались успѣхомъ; къ отважному отечественному вождю, уже извѣстному въ народѣ по своимъ подвигамъ, стали стекаться со всѣхъ сторонъ и средства и люди. Вскорѣ послѣ того уже одному Скопину безъ участія Делагарди удалось разбить и оттѣснить выступившихъ противъ него поляковъ, и успѣхъ этотъ еще болѣе поддержалъ его славу. Полученныя одновременно деньги дали ему возможность расплатиться со шведами, которые послѣ этого смирились и къ началу осени снова примкнули къ его отряду.

Въ октябрѣ знамена князя Михаила уже развѣвались въ Александровской слободѣ, извѣстной нѣкогда резиденціи Иоанна Грознаго, которую Скопинъ избралъ своей главной квартирой. Соединенные отряды всѣхъ польскихъ военачальниковъ сдѣлали послѣднюю, отчаянную попытку сломить грознаго для нихъ врага, но были отбиты и бѣжали. Вскорѣ послѣ того присоединился къ Скопину и отрядъ Ѳедора Шереметева, и пѣсня Тушинскаго вора и поляковъ оказалась окончательно спѣтой. Въ концѣ декабря развѣвается Тушинскій станъ, и самъ самозванецъ бѣжитъ въ Калугу а черезъ нѣсколько дней поляки вынуждены снять осаду и бѣжать изъ-подъ Троице-Сергіевой лавры.

Слава о подвигахъ князя Михаила прогремѣла въ ту пору по всей землѣ русской. Враги, послѣ цѣлаго ряда неудачъ, страшились самаго его имени. Иноземные наемники уважали и любили его какъ человѣка безукоризненно честнаго и вождя выдающагося. Измученный народъ взиралъ на него, какъ на единственнаго своего защитника и избавителя. Служилые люди охотно стекались подъ знамена героя, ни разу не показавшаго тылъ передъ непріателемъ. Люди земскіе, духовенство и торговое сословіе почитали въ немъ яркаго выразителя тѣхъ началъ, на которыхъ основывали созданіе народнаго благополучія.

Уже давно жаждали всѣ классы народа русскаго появленія лица, способнаго принять въ свои мощныя руки великое дѣло упорядоченія и возстановленія издревле чтимой народомъ московской государственности.

Царь Василій, помимо своихъ личныхъ недостатковъ—коварства и лживости, былъ царемъ, ограниченнымъ боярскою думою. Народъ такимъ царемъ удовлетвориться не могъ, хорошо сознавая, что управляетъ государствомъ не царь, а ненавистная народу боярщина.

Игрушкою въ рукахъ ляховъ и разныхъ разбойничьихъ воеводъ выказалъ себя и Тушинскій самозванецъ, даже въ глазахъ тѣхъ немногихъ, которые еще вѣрили въ его подлинность. Судя по поведенію его сторонниковъ и пособниковъ, воцареніе его могло повлечь за собою бѣдствія еще худшія.

Не нравился народу и новый кандидатъ на престолъ, выставленный нѣкоторыми крамольными боярами въ лицѣ Владислава, сына короля польскаго. Не вѣрилось народу, чтобы иновѣрецъ-католикъ искренно принялъ бы православіе и выполнилъ бы обѣщаніе—не мирволить иноземцамъ, соблюдать обычаи и охранять древнее благочестіе.

И начавшій уже сомнѣваться въ возможности найти себѣ достойнаго вождя и руководителя народъ съ радостью остановился на свѣтлой личности молодого героя, князя Михаила Скопина-Шуйскаго. Онъ являлся одновременно и героемъ національнымъ, православнымъ, и образцовымъ полководцемъ и администраторомъ, и сверхъ того, по душевнымъ и умственнымъ качествамъ, человѣкомъ во всѣхъ отношеніяхъ выдающимся. Пылкій и вліятельный Прокопій Ляпуновъ явился въ Александровскую слободу и отъ имени всѣхъ своихъ многочисленныхъ сторонниковъ билъ челомъ, прося возложить на себя, взамѣнъ неспособнаго Василя, корону-царскую. Князь Михаилъ рѣшительно отказался измѣнить царю, но по своему благодушію не донесъ о поступкѣ Ляпунова царскому правительству, и едва ли не это обстоятельство и послужило причиною его гибели.

Пріемъ, оказанный царемъ и народомъ побѣдителю при въѣздѣ его въ освобожденную Москву, 12 марта 1610 года, былъ самый

восторженный. Царь ласкалъ и благодарилъ героя въ выраженіяхъ самыхъ выпреннихъ, но тѣмъ не менѣе врядъ ли искреннихъ: онъ не могъ не сознавать, вслушиваясь въ народныя привѣтствія, расточаемыя избавителю, что стоитъ князю Михаилу лишь захотѣть, чтобы свергнуть его съ престола и самому возсѣсть на его мѣсто.

Едва ли еще не болѣе царя опасались воцаренія Скопина—въ качествѣ монарха уже на сей разъ независимаго—бояре, сторонники Василя. Къ этому примѣшивалось у многихъ, вѣроятно, и чувство зависти. Особенно ненавидѣлъ Скопина родной братъ и прямой наслѣдникъ Василя—князь Дмитрій Шуйскій. Онъ подалъ царю извѣтъ, обвиняя Скопина въ превышеніи полномочій при заключеніи договора со шведами, но царь не рѣшился выступить противъ побѣдителя и оставилъ доносъ брата безъ послѣдствій.

Делагарди, искренній другъ Скопина, замѣтилъ зловѣщіе признаки боярскаго недовольства и, опасаясь за участь героя, уговаривалъ его выѣхать какъ можно скорѣе изъ Москвы къ войску, въ походъ противъ стоявшаго подъ Смоленскомъ короля Сигизмунда. Но князь Михаилъ не внялъ совѣту друга, и трагическая судьба его свершилась.

23 апрѣля Скопинъ приглашенъ былъ крестить въ домъ боярина князя Ивана Воротынскаго. Кумою его была жена Дмитрія Шуйскаго, княгиня Екатерина Григорьевна, дочь извѣстнаго нѣкогда своими злодѣяніями Малюты Скуратова. На пиру князь Михаилъ внезапно почувствовалъ себя дурно: у него открылось сильное кровотеченіе изъ носа. Перевезенный немедленно домой, онъ былъ данъ на попеченія жены и матери. Делагарди послалъ къ больному своего личнаго врача, но медицинская помощь оказалась безсильною. Силы больного постепенно слабѣли, и жизнь угасала. Скончался онъ въ тотъ же день ночью.

Едва лишь вѣсть о болѣзни народнаго любимца разнеслась по городу, какъ одновременно возникъ слухъ объ отравѣ. По народной версіи, отравила героя жена Дмитрія Шуйскаго, поднеся ему ядъ въ кубкѣ съ медомъ. Разсвирѣпѣвшій народъ бросился громить домъ заподозрѣннаго боярина, и только сильные отряды стрѣльцовъ, высланные царемъ на помощь брату, оградили Дмитрія отъ народнаго самосуда.

Современники-иностранцы всѣ удостовѣряютъ что отравленъ былъ Скопинъ по приказанію царя Василя; русскій же народъ въ своихъ пѣсняхъ и преданіяхъ склоненъ приписывать злодѣяніе боярскаго неависти и зависти.

Горестъ народная, выразившаяся на похоронахъ Скопина, была неопишуема. Громкія причитанія и рыданія раздавались въ густой толпѣ людей всѣхъ званій и состояній, сопровождавшихъ останки героя. Искренно горевали даже и иностранцы. Делагарди, подойдя къ тѣлу усопшаго, прослезился и сказалъ: «Люди московскіе!

знайте, что не только въ Русской землѣ, но и въ королевскихъ земляхъ государя моего не встрѣчалъ я такого человѣка!» Шель за гробомъ и плачущій царь Василій, но никто не вѣрилъ искренности его печали. Со смертію Скопина онъ утратилъ окончательно всякое народное уваженіе, и дни его царствованія были уже сочтены.

Погибъ герой, и еще цѣлыхъ два года суждено было страдать русскому народу подъ гнетомъ внутренней неурядицы и вражескаго нашествія, но тѣмъ не менѣе подвиги князя Михаила не остались безрезультатными. Ими онъ ясно обозначилъ тотъ единственный путь къ спасенію, по которому и пошли народные руководители и вожди послѣдующіе. Путь этотъ выразился въ исканіи единого державнаго вождя, вѣрнаго основнымъ устоямъ московской государственности—вѣрѣ и родной народности.

Блестящій примѣръ Скопина ясно доказалъ народу, что еще возможно на Руси появленіе героевъ, способныхъ къ совершенію великаго дѣла національнаго единенія, и въ этомъ смыслѣ одухотворилъ всю послѣдующую дѣятельность Минина и Пожарскаго и воздвигъ державный тронъ Михаила Ѳеодоровича Романова.

И въ результатъ, къ великому удивленію иностранцевъ, Русское государство уцѣлѣло, окрѣпло, расправилось со своими недругами и не только замирилось и успокоилось, но и быстрыми шагами пошло впередъ къ расширенію своей силы и могущества.

Мих. Тебеньковъ.

КЪ ВОПРОСУ О ПРОИСХОЖДЕНИИ КРѢПОСТНОГО ПРАВА ВЪ РОССИИ.

Ъ ЛЕГКОЙ руки російскаго историографа Н. М. Карамзина, въ нашей исторической и историко-юридической литературѣ до послѣднихъ дней господствовало ученіе, проникшее и въ учебные курсы, о полной, всеобщей и повсемѣстной свободѣ перехода крестьянъ до конца XVI вѣка. Въ основу этого ученія историки и юристы полагали извѣстныя имъ княжескія жалованныя, договорныя и духовныя грамоты и въ особенности статью судебниковъ (1497—1550 годовъ) «о христіанскомъ отказѣ»: «а христіаномъ отказыватися изъ волости въ волость, изъ села въ село одинъ срокъ въ году,—за недѣлю до Юрьева дни осеняго и недѣля по Юрьевъ дни осеннемъ».

Указавъ на эту статью, Н. М. Карамзинъ писалъ: «Мы знаемъ, что крестьяне искони имѣли въ Россіи гражданскую свободу—свободу въ назначенный закономъ срокъ переходить съ мѣста на мѣсто, отъ владѣльца къ владѣльцу...; въ 1592 или 1593 г. законъ уничтожилъ свободный переходъ крестьянъ изъ волости въ волость, изъ села въ село ¹⁾». То же почти говорить и позднѣйшій изслѣдователь, наиболѣе яркій выразитель вышеприведеннаго ученія, Б. Н. Чичеринъ. Въ его «Опытахъ по исторіи русскаго права» между прочимъ читаемъ: «Свободный переходъ крестьянъ—повсемѣстное явленіе въ древней Россіи... Князья были собственно владѣльцы земли, а подданныхъ у нихъ не было. Таково было положеніе кре-

¹⁾ «Исторія Госуд. Рос., т. X, стр. 120.

стьянъ до конца XVI вѣка. Въ 1592 или 1593 г. послѣдовало ихъ укрѣпленіе». Было затѣмъ немало историковъ и юристовъ, которые подолгу и все время тщетно разыскивали такой законъ, устанавливающій совершенно новую эру жизни нашего крестьянскаго народонаселенія. Большинству изслѣдователей нашей старины казалось, что письменный матеріаль за XV и XVI вѣка вполне извѣстенъ и исчерпанъ...

Но въ самые послѣдніе годы, какъ бы по особой ироніи судьбы, обрушился, подобно огромной лавинѣ, новый матеріаль, неизвѣстный археографіи и историко-юридической литературѣ, доселѣ мирно покоившійся въ одномъ изъ лучшихъ и обширнѣйшихъ нашихъ древнихъ бумагохранилищъ, въ московскомъ архивѣ министерства юстиціи, образованномъ и разрабатываемомъ уже болѣе 50 лѣтъ... Невольно при этомъ поднимается издавна гнетущій каждаго любителя родной старины вопросъ: доколѣ же будетъ продолжаться «нестроеніе» нашихъ архивовъ; доколѣ мы будемъ видѣть одно только «небреженіе» къ старинѣ и старымъ документамъ со стороны нашихъ высшихъ властей, отдающихъ распоряженія лишь объ уничтоженіи дѣлъ и не находящихъ никакой возможности не только упорядочить храненіе архивнаго матеріала, но даже хотя бы отчасти расширить «тѣсныя, темныя, и сырыя» архивныя помѣщенія? За примѣрами далеко ходить не надо; ихъ достаточно и даже черезчуръ въ нашей невеликой столицѣ..., но объ этомъ какъ-нибудь скажемъ подробнѣе въ другой разъ, а правильнѣе уже въ третій и четвертый...

Открытіемъ, обнародованіемъ и разработкою новыхъ документовъ, проливающихъ, несомнѣнно, новый свѣтъ на пресловутый вопросъ о времени и условіяхъ происхожденія крѣпостнаго права въ Россіи и болѣе полно и точно выясняющихъ вообще юридическое положеніе черныхъ крестьянъ въ XVI вѣкѣ, наука обязана управляющему московскимъ архивомъ министерства юстиціи, профессору Д. Я. Самоквасову, который издалъ уже два объемистыхъ тома, подъ названіемъ: «*Архивный Матеріаль. Новооткрытые документы помѣстно-вотчинныхъ учреждений Московскаго царства*». Первый томъ «Архивнаго Матеріала» появился въ свѣтъ тогда, когда все наше общество было занято извѣстнымъ политическимъ движеніемъ 1905—1906 гг., а второй—въ самомъ концѣ 1909 года, поэтому и неудивительно, что до сихъ поръ цѣннѣйшіе «новооткрытые документы» остаются почти неизвѣстными не только въ большой публикѣ, но даже среди большинства такъ называемой «ученой братіи».

Въ первый томъ вошли «грамоты и дѣла конца XV и всего XVI столѣтій, характеризующія формы и содержаніе актовъ установленія, удостовѣренія и укрѣпленія помѣстныхъ правъ и порядокъ дѣлопроизводства помѣстнаго стола новгородской съѣзжей избы по дачѣ помѣстій, выдачѣ помѣстныхъ грамотъ и судебнымъ тяжбамъ между

помѣщиками». Тексту этихъ грамотъ и дѣлъ, конечно, предшествовало подробное описаніе ихъ и характеристика, выясняющая «происхожденіе и значеніе двухъ формъ землевладѣнія въ Новгородской землѣ, возникшихъ по присоединеніи Новгорода къ Москвѣ въ 1478 году,—дворцовыхъ волостей и жалованныхъ помѣстій». Содержаніе второго тома «Архивнаго Матеріала» составляютъ «акты исполнительнаго помѣстно-вотчиннаго дѣлопроизводства, открытые въ сборникахъ бывшаго архива помѣстнаго стола новгородской сѣвзжей избы, именуемыхъ въ описяхъ XVII и XVIII столѣтій вообще «отказными книгами», а въ частности—книгами обыскными, отписными, приказными, описными, отдѣльными, верстальными, межевными, писцовыми, переписными, дозорными» и т. д. Текстъ этихъ «отказныхъ книгъ», разбитыхъ издателемъ на пять отдѣловъ, напечатанъ частію полностью, а въ большинствѣ случаевъ конспектуально. Въ «прибавленіи» къ нимъ помѣщены открытыя въ самомъ концѣ 1908 и въ началѣ 1909 гг.: записная книга 1648 г. новоприбылыхъ крестьянскихъ и бобыльскихъ дворовъ въ Псковской землѣ и порядныя изъ сборника «кабальныхъ книгъ» по городу Пскову, первой половины XVII вѣка. «Отказныя книги» по городу Новгороду,—говоритъ Д. Я. Самоквасовъ,—представляютъ собою богатый фактическій матеріалъ по многимъ вопросамъ исторіи русскаго права; но особымъ интересомъ отличаются акты, характеризующіе крѣпостное право древней Россіи, опредѣляющіе истинное значеніе статьи судебниковъ «о крестьянскомъ отказѣ» и выясняющіе юридическое положеніе черныхъ крестьянъ въ составѣ государственнаго народонаселенія до и послѣ реформы мѣстнаго управленія по боярскому приговору 1556 года и порядокъ обращенія черныхъ волостей въ помѣстья и вотчины» (стр. 5). На основаніи этихъ-то послѣднихъ актовъ мы и попытаемся сказать нѣсколько словъ по поставленному нами въ заголовкѣ вопросу.

Прежде всего оказывается изъ текста нѣкоторыхъ вновь найденныхъ «обыскныхъ» и «отписныхъ» книгъ, что пресловутый крестьянскій «отказъ» судебниковъ означалъ «плату за разрѣшеніе выхода и вывоза крестьянъ», а вышедшіе и вывезенные безъ уплаты «отказа» крестьяне возвращались владѣльцамъ установленнымъ порядкомъ—съ женами, дѣтьми и имуществомъ (стр. 10 и слѣд.); стало быть, извѣстные «юрьевскіе дни» сами по себѣ еще не давали права крестьянамъ «отказываться» по своей волѣ отъ однихъ владѣльцевъ и переходить къ другимъ.

Анализируя затѣмъ другіе новооткрытые документы и сопоставляя съ ними уже извѣстные въ печати о вольныхъ людяхъ, Д. Я. Самоквасовъ утверждаетъ, что и право выхода и вывоза въ юрьевскіе дни, съ уплатою «отказа», пожилаго и пошлннѣ, не принадлежало тяглымъ людямъ, которые прикрѣплялись къ землѣ опредѣленной данью отъ сохи и двора еще по словеснымъ уставамъ князей Рюри-

ковичей, княжескимъ грамотамъ и писцовымъ, переписнымъ и отказнымъ книгамъ Московскаго государства, — а было удѣломъ именно вольныхъ людей, «земледѣльцевъ по своей волгѣ». Въ «Русской Правдѣ» вольные люди, поряжавшіеся на работы къ землевладѣльцамъ, именуются вообще закупами и наймитами, а въ частности поряжавшіеся на земляныя работы называются ролейными закупками. До исполненія договора закупы не имѣли права уходить отъ своихъ господъ, подъ угрозой обращенія въ рабство, за исключеніемъ случаевъ жалобы на господъ. Въ Псковской судной грамотѣ, княжескихъ грамотахъ, писцовыхъ книгахъ и порядныхъ записяхъ наймиты и ролейные закупы изъ вольныхъ людей называются въ частности изорниками, огородниками, исполовниками, кочетниками, серебрянниками, новопорядцами и крестьянами, въ значеніи земледѣльцевъ. Къ этимъ категоріямъ вольныхъ людей, имѣющихъ «право поряжаться въ крестьяне и «бобыли»; новооткрытыя «порядныя» прибавляютъ еще зарубежныхъ выходцевъ, вольноотпущенныхъ или такъ называемыхъ «задушныхъ людей», послуживцевъ, подсуздниковъ, батраковъ, вскормленниковъ и родственниковъ крестьянъ и бобылей, не владѣвшихъ крестьянскими дворами и земельными жеребьями по писцовымъ, оброчнымъ и писцовымъ книгамъ, старинныхъ крестьянъ, когда они возвращались изъ бѣговъ или изъ полона къ старымъ своимъ владѣльцамъ, и бобылей, когда они получали жеребья пахотной земли. Всѣ эти вольные люди — «новопорядцы» становились обязательными жильцами данныхъ владѣній, поряжались вѣчно жить въ данной деревнѣ, на данной пустоши, обращаемою въ деревню новымъ поселенцемъ, отчего порядныя записи именуются въ записныхъ книгахъ нерѣдко «жилецкими записями». Новопорядные крестьяне и бобыли, отжившіе льготные годы на данныхъ имъ участкахъ земли, признавались старинными крестьянами своихъ владѣльцевъ, исчислялись поименно въ писцовыхъ, переписныхъ и другихъ книгахъ и получали наименованіе тяглыхъ и письменныхъ, не имѣвшихъ права отказываться отъ своихъ тяглыхъ дворовъ и тяглыхъ жеребьевъ земли безъ разрѣшенія правительства и частныхъ владѣльцевъ.

Такимъ образомъ, по крайней мѣрѣ для XVI вѣка можно признать, что право выхода и вывоза крестьянъ въ юрьевскіе дни принадлежало сравнительно небольшому числу крестьянскаго населенія древней Россіи, и что оно въ то же время было и правомъ для однихъ землевладѣльцевъ отпускать своихъ людей, а для другихъ приобрѣтать и вызывать себѣ новыхъ работниковъ разными средствами. Это-то послѣднее право и было источникомъ многочисленныхъ незаконныхъ выходовъ и вызововъ крестьянъ и безконечныхъ споровъ между сосѣдними владѣльцами. Чтобы прекратить то и другое, Іоаннъ IV Грозный, приступая къ общей переписи государственнаго народонаселенія и реформѣ податнаго обложенія, еще

въ 1582 г. воспретилъ выходъ и вывозъ на какихъ бы то ни было условіяхъ крестьянъ, поименованныхъ въ писцовыхъ, переписныхъ и отказныхъ книгахъ. Этотъ законъ Іоанна Грознаго въ новооткрытыхъ архивныхъ документахъ именуется указомъ о «заповѣдныхъ годахъ» и долженъ считаться первымъ закономъ, воспрещавшимъ выходъ и вывозъ крестьянъ въ юрьевскій срокъ судебниковъ. Проектированное возстановленіе юрьевского срока въ 1589 г. не было утверждено царемъ Ѳеодоромъ Іоанновичемъ, а извѣстный царскій указъ 21-го ноября 1597 г. о бѣглыхъ крестьянахъ, который обыкновенно признавали за окончательно уничтожившій статью судебниковъ «о крестьянскомъ отказѣ», только подтвердилъ указъ о заповѣдныхъ годахъ. Тотъ же Борисъ Ѳеодоровичъ Годуновъ, котораго считают виновникомъ этого закона, видя, какъ тяжело отразилось на экономическомъ состояніи землевладѣльцевъ, особенно мелкопомѣстныхъ, лишеніе ихъ съ 1582 г. возможности вывезти крестьянъ въ свои владѣнія изъ сосѣднихъ помѣстій и вотчинъ, однимъ указомъ уменьшилъ на половину военную повинность помѣстій и вотчинъ, а другимъ, въ 1601 году, возстановлялъ на одинъ годъ для дворянъ низшихъ и среднихъ чиновъ право вывоза крестьянъ въ юрьевскій срокъ, но въ числѣ не болѣе двухъ крестьянъ одному владѣльцу отъ другого. «Этотъ указъ,—говоритъ Д. Я. Самоквасовъ,—былъ послѣднимъ закономъ, давшимъ право однимъ владѣльцамъ отпускать, а другимъ вывезти крестьянъ въ юрьевскій срокъ судебного 1550 года, конечно, на тѣхъ же условіяхъ, на какихъ практиковался вывозъ крестьянъ до изданія закона о заповѣдныхъ годахъ 1582 года» (стр. 50).

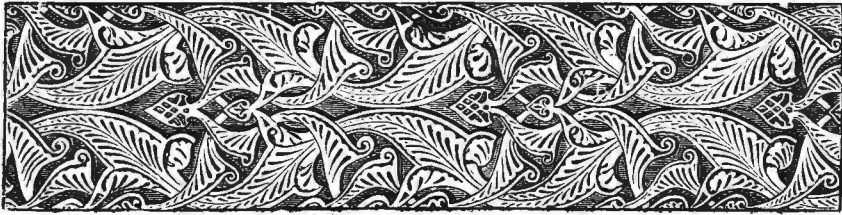
Въ заключеніе нельзя не согласиться съ Д. Я. Самоквасовымъ въ томъ, что столь важный вопросъ, какъ вопросъ о происхожденіи крѣпостного права, рѣшался у насъ теоретически или скорѣе гадательно. Такъ, М. М. Сперанскій выводилъ крѣпостное право въ Россіи изъ ханскихъ ярлыковъ о переписи и обложеніи данью земледѣльцевъ въ пользу завоевателя; В. И. Сергѣевичъ—изъ предполагаемаго указа о прикрѣпленіи крестьянъ первыхъ годовъ царствованія Ѳедора Іоанновича; изъ такого же указа только послѣднихъ годовъ этого царствованія выводилъ крѣпостное право Н. М. Карамзинъ. Профессоръ Владимірскій-Будановъ считалъ источникомъ его соборное уложеніе 1649 г. и наконецъ А. С. Лаппо-Данилевскій—указъ Петра Великаго о подушной подати. Происходило такое гадательное разногласіе отъ одной причины—недостатка фактическаго матеріала, заставлявшаго изслѣдователей прибѣгать къ выводамъ на основаніи формулъ законовъ, ставшихъ уже мало понятными по ихъ краткости и особой терминологіи. Чтобы понять смыслъ старыхъ законодательныхъ формулъ, нужно было обратиться къ актамъ современнаго имъ дѣлопроизводства, выражающимъ смыслъ законовъ въ практикѣ юридической жизни народа. Но такихъ «актовъ по крѣ-

постному праву древней Россіи» сохранилось въ архивахъ немного, да и сохранившіеся не были открыты и опубликованы до настоящаго времени (стр. 60). Поэтому-то всѣмъ изслѣдователямъ нашей старины слѣдуетъ особенно быть благодарными Д. Я. Самоквасову за то, что онъ первый привелъ въ извѣстность эти уцѣлѣвшіе драгоцѣнные матеріалы и далъ возможность для всѣхъ интересующихся ознакомиться съ ними и приступить на мѣстѣ къ ихъ изученію. Послѣ этого только изслѣдованіе вопроса о крѣпостномъ правѣ у насъ станетъ на правильную почву и дастъ точные и научно-обоснованные взгляды.

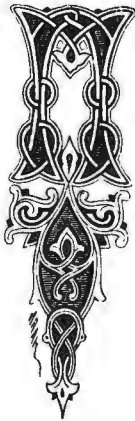
Но какъ все это ни утѣшительно, а есть тутъ одна и грустная сторона: разборъ, описаніе, изданіе и изученіе сотенъ тысячъ новыхъ актовъ потребуеетъ много времени, много средствъ и новыхъ научныхъ силъ; сравнительно малый наличный составъ нынѣшняго архива министерства юстиціи, какъ признается и самъ Д. Я. Самоквасовъ, при массѣ текущихъ занятій, выполнить эту работу не въ состояніи (стр. 64), а надѣяться на скорое появленіе постороннихъ работниковъ, да еще субсидированныхъ правительствомъ, очень и очень трудно.

В. Рудаковъ.

СОБРАНИЕ ПУШКИНСКАГО ЛИЦЕЙСКАГО ОБЩЕСТВА ВЪ ПАМЯТЬ П. Я. ДАШКОВА.

ПАМЯТЬ скончавшагося П. Я. Дашкова была почтена 5 апрѣля сего года торжественнымъ собраніемъ Пушкинскаго лицейскаго общества, гдѣ Павелъ Яковлевичъ состоялъ товарищемъ предсѣдателя съ самаго основанія общества.

Въ актовомъ залѣ лицея на красиво драпированномъ мольбертѣ былъ выставленъ рисованный нѣсколько лѣтъ тому назадъ покойнымъ художникомъ Трифоновымъ масляный портретъ покойнаго лицеиста-коллекціонера, а передъ актовымъ заломъ, въ комнатѣ Пушкинскаго музея, были разложены на двухъ столахъ подъ стеклами рукописи Пушкина, его родственниковъ, Мея, В. Зотова и другихъ лицеистовъ, а также бывшаго директора лицея Е. А. Энгельгардта. Заль былъ переполненъ избранной публикой, состоявшей по преимуществу изъ бывшихъ лицеистовъ. Засѣданіе почтилъ своимъ присутствіемъ и великій князь Николай Михайловичъ, прибыли также на собраніе многіе члены императорскаго русскаго историческаго и военно-историческаго обществъ.

По открытіи засѣданія статсъ-секретарь А. С. Ермоловъ повѣдалъ собравшимся о назначеніи настоящаго собранія и предложилъ почтить память покойнаго Павла Яковлевича вставаніемъ. Затѣмъ онъ же оповѣстилъ о дарѣ обществу сказанныхъ рукописей присутствовавшими въ залѣ братьями знаменитаго коллекціонера, Андреемъ Яковлевичемъ и Дмитріемъ Яковлевичемъ Дашковыми,

какое извѣстіе было встрѣчено публикою шумными аплодисментами.

Первое слово было предоставлено профессору лицея, академику Н. А. Котляревскому, посвятившему свою рѣчь вопросу о значеніи коллекціонированія вообще и коллекціонированія П. Я. Дашкова въ частности. По словамъ оратора, оригинальный способъ собиранія покойнымъ дѣятелемъ отечественнаго просвѣщенія, способъ храненія накопленныхъ коллекцій и употребленіе, которое онъ изъ нихъ дѣлалъ въ интересахъ науки и литературы, отводятъ ему въ исторіи русской жизни вполне опредѣленное мѣсто, позволяющее отнести его къ сонму людей научнаго знанія, несмотря даже на то, что лично имъ ничего не было написано и издано. Онъ подготовлялъ матеріалъ для исторіи русской культуры и подготовлялъ съ извѣстнымъ методомъ научнаго подбора. Если пользовавшимся его матеріалами принадлежала честь ихъ разработки, то за нимъ остается почетная и отвѣтственная роль подготовителя нужныхъ для извѣстныхъ цѣлей документовъ и источниковъ.

Вторую рѣчь произнесъ генераль-майоръ А. М. Заіончковскій, извѣстный военный историкъ и авторъ прекраснаго труда о Восточной войнѣ 1855 года. Представительная наружность, громкій голосъ, очевидно, привыкшій подъ гулъ орудій командовать тысячами людей, позволили оратору произвести даже съ внѣшней стороны на публику большое впечатлѣніе. Но и по содержанію сказанная имъ рѣчь отличалась всѣми достоинствами, соотвѣтствующему тому предмету, которому она была посвящена.

Личный другъ покойнаго П. Я. Дашкова, пятнадцать лѣтъ пользовавшійся непосредственной близостью къ нему и за это время успѣвшій хорошо его изучить, А. М. Заіончковскій далъ всестороннюю характеристику покойнаго.

Сдѣлавъ небольшое вступленіе, генераль-майоръ Заіончковскій отмѣтилъ, что въ живыхъ горячихъ спорахъ на разныя жгучія темы и вопросы дня почившій Дашковъ всегда опредѣленно высказывался въ томъ смыслѣ, что каждый вопросъ жизни государства долженъ быть разрѣшаемъ на основаніи двухъ данныхъ: опыта исторіи и свѣдѣній по статистикѣ. Онъ исходилъ изъ заключенія, что историческій путь народовъ неизблѣмъ и страницы прошлаго даютъ намъ ясное представленіе о настоящемъ и будущемъ. Становясь на эту точку зрѣнія, Павелъ Яковлевичъ съ особеннымъ умѣніемъ создавалъ изъ прибывавшихъ къ нему молодыхъ офицеровъ любителей исторіи, зажигалъ въ нихъ святой огонь знанія. «Въ чемъ собственно заключалась прелесть, если можно такъ выразиться, поученій Павла Яковлевича?» задалъ ораторъ вопросъ и тутъ же далъ отвѣтъ въ слѣдующей картинной страничкѣ Дашковской жизни: «Это были не серьезные научные трактаты, которые могли бы навѣять тоску на не подготовленныхъ, занятыхъ своими повседневными

нуждами и интересами людей,—кружка лицъ, которыя очень часто впервые другъ друга видѣли и не имѣли ничего общаго между собой... Нѣтъ, здѣсь все дѣлалось какъ-то случайно, и дѣло перемѣшивалось съ бездѣльемъ. Рассказываются новости, разбираются злобы дня, говорятъ анекдоты... Но вотъ до сего времени молчавшій хозяинъ начинаетъ вертѣть всегда плохо очиненный кусочекъ карандаша и медленно говорить. Все смолкаетъ, и передъ слушателями постепенно возникаютъ образы прошлаго, но въ такой захватывающей интересной формѣ, что просто забываешь, что находишься въ центрѣ Петербурга XX столѣтія, а чувствуешь, что окунулся, какъ въ «Синей птицѣ», въ «страну воспоминаній». Вотъ одна изъ причинъ, почему люди занятые, придя иногда на минутку навѣстить Павла Яковлевича, засиживались у него часами, забывая всѣхъ и все... Послушавши хозяина, когда онъ бывалъ въ ударѣ, разъ, невольно тянетъ въ его гостепріимный кабинетъ второй, третій разъ, и изъ человѣка, безучастнаго къ историческому прошлому Россіи, является человѣкъ, интересующійся имъ, и зачастую получается новый работникъ на этой полезной нивѣ».

Обрисовывая засимъ кабинетъ хозяина съ его посѣтителями, А. М. Заіончковскій выдвинулъ здѣсь фигуру покойнаго исторіографа Н. К. Шильдера и поставилъ его лицомъ къ лицу съ Павломъ Яковлевичемъ Дашковымъ, при чемъ пришелъ къ выводу, что вліяніе Дашкова должно было отразиться на твореніяхъ Шильдера, и, въ свою очередь, Шильдеръ долженъ былъ оставить слѣдъ на Дашковѣ. Засимъ ораторъ провелъ мысль, что именно подъ вліяніемъ послѣдняго характеръ историческихъ трудовъ за послѣднее время принялъ нѣсколько иной, болѣе изящный обликъ. Въ нихъ—по его словамъ—свѣжей струей влились, какъ матеріаль для изслѣдованія, и влились въ большой дозѣ, дневники, записки, письма, благодаря чему эти труды получили жизненность и стали болѣе близки читателямъ. «Одна изъ заботъ Павла Яковлевича состояла въ томъ, чтобы дать возможность простому народу знакомиться съ исторіей своей родины,—говорилъ ораторъ.—Удачное разрѣшеніе этого вопроса онъ считалъ очень труднымъ. Павелъ Яковлевичъ былъ противникъ того мнѣнія, что для простого народа необходимо писать какъ-то особенно, съ разными прибаутками, принаравливаясь къ его языку, выраженіямъ и т. д. Нѣтъ, онъ здѣсь требовалъ простого, яснаго и исключительно русскаго слова. Слово это должно быть коротко, такъ какъ иначе не уяснится читателемъ—расплывется въ его памяти, да и цѣна книжки не будетъ соответствовать карману покупателя. Рассказъ долженъ быть по возможности правдивъ и послѣдователенъ, такъ какъ Павелъ Яковлевичъ въ русскомъ крестьянинѣ цѣнилъ весьма большія наклонности къ критикѣ. И, наконецъ, онъ былъ врагъ аляповатыхъ изданій для народа, такъ какъ намъ надо подымать художественный вкусъ народа на свой уровень,

а не спускаться до его уровня. Въ народныхъ изданіяхъ Дашковъ придавалъ особое значеніе иллюстраціямъ, хорошо исполненнымъ и разумно подобраннымъ». Отмѣтивъ, что покойный оказалъ именно въ этомъ отношеніи издательству для народа неоцѣнимыя услуги, г. Заіончковскій обрисовалъ обстоятельно заслуги покойнаго коллекціонера и передъ исторической иконографіей вообще.

Благодаря именно этимъ его заслугамъ, дѣло русскаго иллюстрированія изданій сдѣлало громадныя шаги. Ораторъ здѣсь остановился особенно подробно на работѣ Дашкова въ пользу полковыхъ изданій, большинство которыхъ и было выпущено при его непосредственномъ участіи. Заключительная часть рѣчи была такова: «Смѣю ли говорить о Павлѣ Яковлевичѣ, какъ о человѣкѣ?—спросилъ А. М. Заіончковскій.—Думаю, что нѣтъ. Онъ еще очень близокъ отъ насъ, чтобы говорить о немъ съ фактами въ рукахъ. Я ограничусь лишь общими впечатлѣніями, которыя онъ на меня производилъ. Это былъ въ полномъ смыслѣ слова рыцарь безъ страха и упрека. Это былъ вѣрный, безкорыстный и твердый другъ. Но другъ не отдѣльныхъ лицъ, а другъ всего честнаго, всего добраго, правдиваго, всего любящаго свою родину и честно ей служащаго. Это былъ человѣкъ, не переносившій фальши и становившійся во весь свой гигантскій нравственный ростъ въ защиту правды и правыхъ. Штатскій по внѣшности, Павелъ Яковлевичъ любилъ нашу армію, интересовался ею, зналъ ее. Какъ часто мнѣ приходилось бесѣдовать съ нимъ по этому поводу и какъ для меня, военнаго, эти бесѣды были поучительны и интересны! Я приведу три разговора Павла Яковлевича, которые хоть немного обрисуютъ характерныя его черты.

«Шель разговоръ о храбрости Скобелева. Павелъ Яковлевичъ молчалъ, а потомъ указалъ, что въ Бородинскомъ бою одному изъ офицеровъ раздробило ступню и онъ продолжалъ командовать, оставаясь на лошади, пока не истекъ кровью. Таковъ былъ его взглядъ на мужество. Впослѣдствіи и не отъ Павла Яковлевича я узналъ, что въ его жилахъ текла благородная кровь этого офицера.

«Разгаръ послѣдней войны. Среди посѣтителей Дашкова смятеніе; раздаются голоса о необходимости заключить миръ. «Все это пустяки,—сурово говоритъ хозяинъ.—Надо строить вторую колею». Такова была его вѣра въ мощь Россіи и убѣжденіе, что она выйдетъ побѣдительницей изъ тяжелаго испытанія.

«Мукденская катастрофа. Раздаются голоса, что намъ останется только умирать, если война продолжится. «Русскій мужикъ умирать не собирается», съ укоризной раздается сухой и отрывистый голосъ Дашкова. Таково было его знаніе нашего простолюдина, вѣра въ него и уваженіе къ нему.

«Нѣтъ больше Павла Яковлевича. До боли грустно намъ, тѣмъ, которые его знали, и еще больше приходится пожалѣть тѣхъ, кого судьба не столкнула съ этой замѣчательной личностью».

Шумные и долго не смолкавшіе аплодисменты были наградою оратору за его прекрасную рѣчь.

За симъ слово было предоставлено Б. В. Глинскому.

Послѣ краткаго вступительнаго слова, гдѣ онъ высказалъ отъ имени редактора «Истор. Вѣстн.» его сожалѣніе, что тяжкая болѣзнь лишила его возможности быть на торжественномъ собраніи и посвятить Павлу Яковлевичу слово памяти и дружбы, Б. В. Глинскій, какъ представитель редакціи «Истор. Вѣстн.», сказалъ:

«Около имени Павла Яковлевича, можно сказать, нынѣ образовалась довольно обширная литература, куда сдѣлали свои вклады люди разныхъ профессій и специальностей. Ко всему ранѣе сказанному о незабвенномъ П. Я. Дашковѣ сегодняшніе ораторы, съ своей стороны, прибавили и еще прибавятъ нѣкоторыя драгоцѣнныя черты. Благодаря всему этому, мнѣ кажется, нынѣ уже готовъ для памяти потомства портретъ отошедшаго отъ насъ въ невѣдомую даль дѣятеля русскаго просвѣщенія, портретъ, созданный, такъ сказать, коллективной кистью, гдѣ, по счастью, краски со всѣхъ разнообразныхъ литературныхъ палитръ не разошлись въ тонахъ. Портретъ получился удовлетворительно выполненный, ясно-освѣщенный и въ духѣ той школы, которая не бьетъ на внѣшній эффектъ, не гонится за кричащими красками, а стремится воспроизвести одухотворенный образъ опредѣленнаго лица со всей той обстановкой, которая какъ бы отвѣчаетъ тѣмъ задачамъ жизни, которымъ онъ служилъ и посвятилъ себя. Бытовой портретъ Дашкова—вотъ что создала коллективная кисть трудившихся надъ нимъ и сейчасъ уже изъ дали времени глядятъ на насъ оригиналь этого портрета во всей его бытовой и удивительно русской обстановкѣ.

«На историко-литературное полотно занесенъ рельефно и самый обликъ Павла Яковлевича и весь тотъ бытъ, свидѣтелями котораго были многіе и многіе изъ здѣсь присутствующихъ. И милой задушевной прелестью вѣетъ на насъ отъ видимаго нами, отъ той милой старины на Михайловской площади, къ которой, какъ къ жизненному реальному факту, уже нѣтъ возврата. Но эта михайловская старина не исчезнетъ изъ созерцанія потомства—она зарегистрирована, зарисована на историко-литературномъ холстѣ Дашковскаго портрета, зарисована со всѣми деталями и характерными подробностями, и будущія поколѣнія познаютъ ту оригинальную, если позволено будетъ такъ выразиться, лабораторію, гдѣ въ теченіе многихъ и многихъ годовъ русскій меценатъ и коллекціонеръ изо-дня въ день старательно собиралъ сокровища русскаго духа, русскаго искусства, явленія государственной, общественной и бытовой отечественной жизни. Вотъ они по столамъ, на подоконникахъ, на полу наваленныя груды документовъ, прикрытыя большими листами оберточной бумаги. Это живые документы—свидѣтельства о тѣхъ или иныхъ моментахъ русской жизни, о жизни общественныхъ группъ

и отдѣльныхъ людей. Тутъ же и ихъ иллюстраціи, какъ ихъ возсоздалъ русскій художественный геній и передалъ въ вѣдѣніе поколѣній. Всѣ эти груды бумагъ не молчаливый мертвый инвентарь. Онъ говоритъ и говоритъ внятно и подробно: какъ слалась, развивалась и разнообразилась отечественная дѣйствительность, изъ какихъ факторовъ она созидалась, чѣмъ радовалась, мучилась и страдала. И надъ всѣмъ этимъ документальнымъ богатствомъ человеческого бытія стоитъ какъ бы нѣсколько загуманенный неожиданнымъ трагическимъ концомъ его владѣтель, его собиратель, съ грустью взираая на свое осиротѣлое достояніе, но съ полно выраженнымъ въ лицѣ сознаніемъ, что онъ сдѣлалъ для своей родины все, что было ему положено отъ природы и Бога. Онъ, какъ лѣнивый рабъ, не расточилъ по вѣтру сокровищъ своего духа и своей казны, но, отлѣтѣвъ отъ насъ въ невѣдомую намъ вѣчность бытія, понесъ съ собою и свидѣтельство своей плодотворной и выдающейся работы на пользу родины, на пользу ближнихъ и всѣхъ тѣхъ, кто нуждался въ его сокровищахъ, кому онъ былъ другомъ и помощникомъ. И свидѣтельство это о жизненномъ трудовомъ подвижничествѣ не малое по своему объему. Содержаніе его раскрывается передъ вами и изъ сегодняшнихъ рѣчей, а также изъ всего того, что было писано о прикосновенности Дашкова къ міру науки, литературы и искусства. Это свидѣтельство даетъ право на зачисленіе его имени въ списокъ лучшихъ сыновъ своего историческаго времени, даетъ ему право на безсмертіе въ анналахъ нашей исторіи просвѣщенія и на благодарную память потомства. И нѣтъ сомнѣнія, что эта память нынѣ обережена и созданный всѣми нами его историко-литературный образъ во всемъ его бытовомъ антуражѣ сохранится въ лѣтописяхъ отечественной жизни. Мы, всѣ тѣ, кто пользовались тѣмъ или инымъ приближеніемъ къ нему, въ этомъ отношеніи сдѣлали по мѣрѣ силъ и возможности все отъ насъ зависящее. Остается лишь пожелать, чтобы и то дѣло, которое столькими годами жизни созидалъ покойный, не исчезло во всей своей цѣлости изъ вѣдѣнія поколѣній и въ той или иной формѣ, при тѣхъ или иныхъ условіяхъ, оставалось бы просвѣтительнымъ достояніемъ русской земли.

«Но я думаю, что и отмѣченное мною, что сдѣлано и будетъ сдѣлано для увѣковѣченія общественнаго образа Павла Яковлевича, не удовлетворитъ въ полной мѣрѣ по крайней мѣрѣ тѣхъ, и тѣхъ весьма и весьма многихъ, кто при его жизни пользовался его расположеніемъ, его гостепріимствомъ, близостью къ нему. У этого широкаго круга людей все же нынѣ отпала извѣстная личная частица жизни, тотъ весьма опредѣленный центръ, около котораго въ свое время образовывалась извѣстная жизненная и житейская дѣйствительность. Этотъ центръ выпалъ, и какъ реальную дѣйствующую силу его болѣе не возобновить. Но практика

жизни подсказываетъ, что въ аналогичныхъ случаяхъ существуетъ вполне опредѣленный способъ дѣйствія, когда живую силу замѣняютъ памятью о ней, идею ея, вокругъ которыхъ въ той или иной формѣ сплачиваются всѣ тѣ, кто чувствуетъ сердечное и умственное влеченіе къ этой памяти, къ этой идеѣ. Образовываются въ этихъ случаяхъ извѣстныя содружества, кружки, общества, групповыя организаціи, которыя именно и сплачиваются во имя того и въ память того, къ кому чувствуется извѣстное и необходимое влеченіе, извѣстная потребность чувства. Эти групповыя организаціи и принимаютъ на себя даже наименованіе того, во имя котораго они сплотились и сомкнулись. Сегодняшнее собраніе, стоящее подъ стягомъ великаго русскаго гениа—Пушкина, наилучшій тому примѣръ и доказательство. Существуютъ групповыя организаціи, въ связи съ именами и другихъ дѣятелей отечественной жизни (напр. кружокъ Полонскаго, Леонтьева, Вл. Соловьева, Бобрікова и т. д.), и всѣ эти организаціи имѣютъ разныя формы, разныя проявленія, принимающія на себя и разныя задачи, кладущія въ основаніе своего бытія и разныя цѣли. Люди, чужіе памяти опредѣленнаго лица, собираются во имя его или для продолженія его дѣла и развитія его идей, или для обмѣна между собою воспоминаніями о дорогомъ почившемъ.

«Я не могу брать на себя лично почина и инициативы того, что можно было бы сдѣлать широкому кругу людей, стоявшихъ къ Павлу Яковлевичу въ отношеніяхъ дружбы и приближенія. Не можетъ въ данномъ случаѣ брать на себя почина и редакція «Истор. Вѣстн.». По чувству семейной скромности ограниченная роль естественно отводится и представителямъ рода Дашковыхъ его братьямъ. Поэтому мнѣ казалось бы, что именно комитету Пушкинскаго лицейскаго общества, коего покойный Дашковъ былъ товарищемъ предсѣдателя, можно бы было взять дѣло въ свои руки, выдвинувъ изъ своего состава нѣсколькихъ лицъ, бывшихъ наиболѣе близкими въ свое время къ Павлу Яковлевичу, знавшихъ достаточно обстоятельно все то огромное количество людей, которые бывали частыми гостями исторической отнынѣ квартиры на Михайловской площади. Эти нѣсколько лицъ могли бы присоединить къ своему составу еще нѣсколькихъ и не изъ состава комитета и даже вообще общества, и вотъ уже передъ нами своего рода организационный комитетъ налицо. Пусть этотъ комитетъ, стоя подъ покровительствомъ Пушкинскаго лицейскаго общества, но внѣ обязательныхъ и зависимыхъ отношеній къ нему, возьметъ на себя задачу на первое время хотя бы собрать на специальный вечеръ всѣхъ тѣхъ, кто имѣлъ доступъ и право входа въ кабинетъ и историческую столовую на Михайловской площади. Такого рода специальное собраніе, господа, не является праздною затѣю. Весьма вѣроятно—по крайней мѣрѣ, я въ томъ убѣжденъ, такого рода поми-

нальное собрание состоится и на слѣдующій годъ. Можетъ быть, дѣло этимъ и ограничится и собравшіеся во имя Павла Яковлевича получать возможность лишь общаго единенія, но, можетъ быть, и на первомъ уже собраніи образуется возможность иного рода болѣе отвѣтственнаго и сложнаго сообщества во имя нашего дорогого покойника. Почему знать: будущее въ настоящее время еще темно и не выяснено. Быть можетъ, вскорѣ накопятся и болѣе сложныя задачи. Я о нихъ сейчасъ, какъ о преждевременныхъ, говорить не буду. Пока я отмѣчаю лишь, что не хочется вѣрить, чтобы всѣ, собиравшіеся и группировавшіеся вокругъ Павла Яковлевича, съ его смертью прекратили между собою единеніе. Да, Павла Яковлевича нѣтъ между нами, но его образъ, какъ я уже говорилъ, образъ историко-бытовой, созданъ и готовъ. Пусть же этотъ образъ и послужитъ тѣмъ центромъ, тѣмъ, такъ сказать, стягомъ, во имя котораго близкіе Павлу Яковлевичу не только сошлись на сегодняшнее торжественное поминальное собрание, но будутъ собираться и впредь. Образцы такого рода собраній имѣются налицо. Историческая практика жизни ихъ узаконила. За чѣмъ же стало дѣло? Надо только рѣшиться и сдѣлать въ этомъ направленіи первый шагъ. И вотъ, заканчивая свое краткое слово и покидая настоящую кафедру, я позволяю себѣ почтительнѣйше просить комитетъ Пушкинскаго лицейскаго общества отъ имени своего и редакціи «Истор. Вѣстн.» обсудить сдѣланное предложеніе и сдѣлать попытку къ его реальному осуществленію. Этимъ откроется исходъ чувству многихъ знавшихъ и любившихъ Павла Яковлевича и создастся возможность, дабы память о немъ была дѣйствительно живою и вѣчною памятью».

Въ отвѣтъ на предложеніе Б. Б. Глинскаго предсѣдатель А. С. Ермоловъ заявилъ, что предложеніе его симпатично, заслуживаетъ вниманія и что комитетъ Пушкинскаго лицейскаго общества войдетъ въ ближайшее обсужденіе поставленнаго вопроса и практическаго его осуществленія.

Объявленъ былъ за симъ перерывъ, во время котораго присутствовавшіе осматривали выставленные и принесенные Пушкинскому музею автографы изъ коллекціи П. Я. Дашкова.

Послѣ перерыва на кафедру вступилъ Д. М. Левшинъ, составитель исторіи лица, имѣющей ко дню столѣтняго юбилея этого учебнаго заведенія появиться. Рѣчь г. Левшина была оригинальна и онъ освѣтилъ покойнаго Дашкова съ новой точки зрѣнія, еще не использованной въ литературѣ, посвященной скончавшемуся.

Ораторъ выяснилъ, какъ воспитывавшійся первоначально за границею, узнавшій сначала Европу, а затѣмъ уже Россію, П. Я. Дашковъ послѣ окончанія курса въ лицей окунулся въ русскую жизнь, полюбилъ ее, полюбилъ ту среду, въ которой сначала его корбило, какъ сдѣлался коллекціонеромъ, начавъ съ портретовъ,

перейдя къ біографіямъ и ставъ наконецъ глубокимъ знатокомъ русской жизни и оригинальнымъ философомъ и тонкимъ сердцевѣдомъ..

Тотъ путь, которымъ Дашковъ шелъ отъ привязанности къ европейской жизни къ русскимъ симпатіямъ и благородному отечественному патриотизму, г. Левшинъ окрестилъ наименованіемъ «драмы въ жизни Павла Яковлевича». Эта драма кончилась, и его поѣздки за границу сдѣлались все рѣже и рѣже. Гравюры, касающіяся русскаго быта, портреты, письма, семейные архивы, находящіяся въ Россіи, поглотили все вниманіе Павла Яковлевича. Въ немъ проснулась русская душа, до тѣхъ поръ дремавшая. «Изучая портреты, біографіи, переходя затѣмъ къ изученію бытовыхъ гравюръ и событій русской исторіи, Павелъ Яковлевичъ, по словамъ оратора, убѣждается, что психологія неминуемо приведетъ къ пониманію соціологіи, къ пониманію ея процессовъ. Въ этомъ направленіи и сталъ усиленно и непрестанно работать его умъ. Онъ все болѣе и болѣе вырабатывалъ въ себѣ философскій взглядъ на русскую исторію. Работа его мысли въ этомъ направленіи привела его къ удивительнымъ результатамъ. Онъ такъ ясно представлялъ себѣ эволюцію историческихъ процессовъ, совершающихся въ Россіи, что въ нѣкоторыхъ случаяхъ могъ предсказывать или предвидѣть тѣ или иныя явленія. Эта его способность—результатъ знанія и упорнаго систематическаго труда—послужила многимъ на пользу. Онъ неоднократно выдерживалъ самый трудный экзамень, экзамень жизни. Къ нему нерѣдко обращались лица, занимающія отвѣтственные посты, и просили разъяснить, или же болѣе дипломатично наводили разговоръ на вопросы, которые могли бы освѣтить ту или другую сторону русской жизни. Они же обращались въ трудные моменты личной жизни къ нему за совѣтомъ». По словамъ Д. М. Левшина, между Дашковымъ и Станкевичемъ, въ смыслѣ ихъ громаднаго вліянія на окружающихъ, много общаго. Лично они сами были не созидателями опредѣленныхъ историко-литературныхъ цѣнностей, но именно благодаря имъ и подъ ихъ вліяніемъ окружающіе созидали эти цѣнности. Вотъ почему, по мнѣнію оратора, «европейское образованіе, русская душа, упорное стремленіе къ поставленной цѣли, систематичность въ трудѣ, порядочность, которую они ставили выше всего на свѣтѣ, образованіе, глубокое и разностороннее, способствовавшее его превращенію въ ученаго историка-психолога и историка-философа,—позволяютъ не только гордиться имъ, и не только лицю, воспитавшему его, но и Россіи, которую онъ такъ зналъ и такъ любилъ. Въ любомъ европейскомъ государствѣ онъ составилъ бы гордость своей страны».

Когда въ залѣ смолкли аплодисменты по адресу покинушаго кафедрѣ оратора, слово было предоставлено почетному члену и секретарю Пушкинскаго лицейскаго общества П. Е. Рейнботу. Рѣчь свою

онъ началъ сообщеніемъ о послѣднемъ своемъ свиданіи съ Павломъ Яковлевичемъ въ пятницу, 5-го февраля. Живо интересуясь картиною, которую по просьбѣ Пушкинскаго лицейскаго общества, пишетъ одинъ изъ извѣстнѣйшихъ нашихъ художниковъ на сюжетъ: Пушкинъ на экзаменѣ въ лицейъ читаетъ Державину стихотвореніе «Воспоминанія въ Царскомъ Селѣ», принимая самое горячее участіе въ собираніи исторически вѣрныхъ матеріаловъ для этой картины, а также въ подборѣ иллюстрацій для исторіи лицея, Павелъ Яковлевичъ въ это свиданіе нѣсколько разъ повторилъ, что «теперь медлить невозможно», а при прощаніи пригласилъ П. Е. Рейбота и еще троихъ лицейстовъ собраться у него на слѣдующій день, въ субботу, 6-го февраля, въ 8 часовъ вечера, чтобы заняться выборомъ и распределеніемъ гравюръ и рисунковъ.

Въ назначенный часъ приглашенные товарищи собрались въ кабинетъ на Михайловской площади, но, увы, не для того, чтобы подъ просвѣщеннымъ и авторитетнымъ руководствомъ хозяина дома заниматься исторіею и иконографіею... Они пришли сюда помолиться за упокой души одного изъ славныхъ питомцевъ императорскаго Александровскаго лицея и возложить вѣнокъ Пушкинскаго лицейскаго общества на гробъ безвременно скончавшагося лицеиста XXX курса Павла Яковлевича Дашкова.

Тогда же, послѣ панихиды, у собравшихся лицейстовъ возникла мысль, подобная той, которую и въ печати и сегодня устно развили представитель редакціи «Историческаго Вѣстника», Б. Б. Глинскій, мысль о «единеніи», въ той или иной формѣ, въ память П. Я. Дашкова. Члены Пушкинскаго лицейскаго общества искренно благодарны Б. Б. Глинскому за то, что общее многочисленныхъ друзей и почитателей Павла Яковлевича пожеланіе онъ первый ставитъ на реальную почву и указываетъ одинъ изъ способовъ ея осуществленія. Нельзя сомнѣваться, что мысль эта будетъ сочувственно встрѣчена и братьями покойнаго.

Павелъ Яковлевичъ неоднократно говорилъ ближайшему своему другу-лицейсту Н. В. Минину и другимъ товарищамъ-лицейстамъ: «все пушкинское и лицейское, что имѣется въ моемъ собраніи, послѣ моей смерти, конечно, поступитъ въ Пушкинскій музей». Не нужно быть юристомъ, чтобы знать, что словесныя завѣщанія и такъ называемыя «изустныя памяти» никакой юридической силы не имѣютъ. Но Андрей и Дмитрій Яковлевичи пожелали исполнить волю покойнаго брата, хотя она и не была выражена въ формѣ, установленной закономъ, и сегодня, благодаря щедрому дару братьевъ Дашковыхъ, Пушкинскій музей обогатился десятками драгоценныхъ автографовъ А. С. Пушкина и его родственниковъ, Л. А. Мея, В. Р. Зотова и ихъ лицейскихъ товарищей, рукописями директора царско-сельскаго лицея Е. А. Энгельгардта, документами, касающимися жизни Пушкина, интереснѣйшими матеріалами для исторіи русской

цензуры, такъ недружелюбно относившейся къ лицейстамъ-писателямъ пятидесятихъ и шестидесятихъ годовъ, М. Е. Салтыкову-Щедрину, Л. А. Мею и В. Р. Зотову.

Изъ числа девятнадцати автографовъ А. С. Пушкина ораторъ обращаетъ особое вниманіе на письма къ Льву Сергѣевичу Пушкину, въ которыхъ Пушкинъ художественно описываетъ свое пребываніе на югѣ Россіи въ первые годы по выходѣ изъ лицея, а также на письмо къ А. А. Бестужеву, въ которомъ Пушкинъ дѣлаетъ разборъ «Горе отъ ума» по рукописи, привезенной ему въ Михайловское И. И. Пущинымъ, подлинныя записки котораго также принадлежатъ Пушкинскому музею.

Рѣчь свою П. Е. Рейнботъ закончилъ указаніемъ на то, что значеніе Павла Яковлевича, какъ общественнаго дѣятеля, было настолько велико, что оно какъ бы заслонило собой его личность, какъ частнаго человѣка. Въ рѣчахъ, произнесенныхъ въ сегодняшнемъ собраніи, не было упомянуто о той глубокой скорби, какую испытали сестра и братья покойнаго. «Да будетъ мнѣ позволено—сказалъ ораторъ,—отъ имени всѣхъ друзей Павла Яковлевича выразить Аннѣ Яковлевнѣ, Андрею и Дмитрію Яковлевичамъ наше искреннее сочувствіе въ постигшемъ ихъ семейномъ горѣ и въ утѣшеніе имъ повторить заключительныя строки стихотворенія Мея, посвященнаго *«покойнымъ»*:

«Я вѣрю пламенно въ присутствіе несущихъ,
Я вѣрю—есть союзъ межъ жившихъ и живущихъ,
Какъ есть безсмертіе и вѣчность впереди!..»

Засѣданіе кончилось краткимъ словомъ А. С. Ермолова, который, какъ попечитель Императорскаго Александровскаго лицея и предсѣдатель Пушкинскаго лицейскаго общества, указалъ на то, что покойный П. Я. Дашковъ былъ лицеистъ и именно здѣсь, въ стѣнахъ лицея, въ немъ зародилась искра любви къ родинѣ, любви къ Россіи. Словомъ признательности по адресу собравшихся для почтенія памяти славнаго лицеиста А. С. Ермоловъ заключилъ свою рѣчь.

ПАМЯТИ ПАВЛА ЯКОВЛЕВИЧА ДАШКОВА.

НОГО было говорено въ стѣнахъ императорскаго Александровскаго лица 5-го апрѣля сего года о П. Я. Дашковѣ: одни восхваляли въ немъ прекраснаго человѣка, другіе искуснаго коллекціонера, третьи разсматривали его личность, какъ общественнаго дѣятеля; наконецъ, Дашковъ былъ особо отмѣченъ, какъ русскій патріотъ. Все это вѣрно, многое было схвачено весьма мѣтко, чувствовалась неподдѣльная любовь къ недавно почившему, словомъ, царила всеобщая симпатія къ этому рѣдкому человѣку.

Но мало кто сказалъ о томъ, какъ именно Павелъ Яковлевичъ дѣйствовалъ, чтобы зашедшій къ нему ушелъ отъ него вполне удовлетвореннымъ. Правда, генераль Заіончковскій отмѣтилъ приемы Дашкова относительно офицеровъ войсковыхъ частей, писавшихъ полковыя исторіи, сказавъ, что П. Я. ни въ чемъ не отказывалъ приходящимъ и вселялъ въ нихъ искру любознательности.

Близко зная Дашкова, могу засвидѣтельствовать, что все, описанное генераломъ Заіончковскимъ, сушая правда, но добавляю, что едва ли эти посѣщенія особенно радовали П. Я. Дашкова и удовлетворяли его. Особенно за послѣдніе года количество полковыхъ исторій до того возросло, что посѣтители-офицеры, составители этихъ хроникъ, подчасъ ужасно утомляли нашего радушнаго хозяина на Михайловской площади, утомляли и отнимали драгоценное время у Павла Яковлевича!

Другое дѣло, когда заходили къ Дашкову люди, занимающіеся исторіей, литературой, художествомъ или какой-либо серьезной общественной дѣятельностью. Тутъ передъ вами представалъ настоящій Павелъ Яковлевичъ, вдохновленный, съ обычнымъ юморомъ и обычными заиканіями; въ эти моменты Дашковъ дѣйствительно по-

учаль и направляль очарованнаго имъ собесѣдника. Приходилось, наприимѣръ, заниматься какимъ-либо историческимъ изслѣдованіемъ. Посѣтитель объяснялъ намѣченную программу своей работы, посвящаль П. Я. во всѣ ея детали, а Дашковъ молча слушалъ, почесывая бородку. Едва вы успѣвали окончить ваше повѣствованіе, какъ П. Я. задавалъ вамъ рядъ вопросовъ. «А иллюстраціи, конечно, будутъ?»— «Очевидно», слѣдоваль отвѣтъ, «и надежда на вашу поддержку».

Тогда П. Я. начиналь перечислять все то, что, по его мнѣнію, должно было войти въ область иллюстрацій. Шель перечень дѣятелей этой эпохи, перечень видовъ различныхъ мѣстностей, дворцовъ, зданій, садовъ и т. д.

— А гдѣ вы намѣрены печатать вашъ трудъ?— было вторымъ вопросомъ. Слѣдовали отвѣты: или въ экспедиціи заготовленія государственныхъ бумагъ, или у Вильборга и Голике, тамъ дороже, здѣсь дешевле.

Дашковъ немедленно давалъ самыя точныя указанія, къ кому именно слѣдовало обратиться въ этихъ учрежденіяхъ для печати. Такъ, благодаря его совѣтамъ, мнѣ лично было указано въ экспедиціи на почтеннаго Г. И. Франка, и выборъ этого лица, могу заявить, былъ лучшей рекомендаціей. Всѣ таблицы для изданія русскихъ портретовъ были исполнены и геліографюрой, и фототипіей по указаніямъ Франка, и исполнены великолѣпно.

Если ваше произведеніе удостоивалось одобренія Павла Яковлевича, не только по исполненію таблицъ, но и по тексту, то онъ совѣтоваль распространить изданіе въ большой публикѣ.

Для этого имъ предлагались всевозможные варианты уменьшенныхъ изданій, но обязательно съ иллюстраціями. А съ какою любовью, предупредительностью и знаніемъ дѣла онъ лично производилъ выборъ иллюстрацій для намѣченной цѣли изданія!

Чтобы оцѣнить его отношеніе, нужно было быть живымъ свидѣтелемъ его обращенія. При разбросанности его собранія ему иногда приходилось рыться не только на городской квартирѣ въ различныхъ ящикахъ и шкапахъ, но и поискать у себя въ деревнѣ Лужскаго уѣзда.

Когда процессъ подбора всего необходимаго былъ законченъ, П. Я. доставляль вамъ лично эти матеріалы при самыхъ подробныхъ разъясненіяхъ. Важнымъ вопросомъ обсужденія всегда подвергались также форматъ и выборъ бумаги для предназначеннаго изданія. Словомъ, онъ не упускаль никогда ни одной мелочи, до того любилъ онъ это дѣло.

О богатствѣ его собранія гравюръ и литографій мало кто имѣеть даже приблизительное понятіе, кромѣ самыхъ близкихъ къ нему людей, каковы старые его друзья: Н. П. Мининъ, А. С. Кротковъ, П. Е. Рейнботъ...

Какъ-то разъ мнѣ было необходимо просмотрѣть букву Б, для отысканія гравюръ Барклая или Бенигсена. Цѣлые два часа пришлось осматривать листы только на одну эту букву.

А что сказать о другихъ буквахъ, каковы А, Е или П, гдѣ имѣются сотни вариантовъ почти всѣхъ имѣющихся вообще гравюръ Александра I, Елизаветы Петровны, Екатерины II, Павла I и Петра I.

Если перейти къ листамъ видовъ мѣстностей, какъ Петергофа или Царскаго Села, другихъ окрестностей Петербурга или Москвы, различныхъ дворцовъ и домовъ обѣихъ столицъ въ разныя эпохи, то отъ количества матеріаловъ у непривычнаго человѣка могла просто закружиться голова. Здѣсь находились и русскія, и всевозможныя иностранныя произведенія, но, конечно, всѣ, относящіяся до Россіи. Къ сожалѣнію, только часть этихъ драгоценностей приведена въ порядокъ. Многое разбросано, и тѣмъ, кому будетъ поручено приведеніе въ извѣстность всего имѣющагося, предстоитъ почти непосильная задача, такъ какъ каталога коллекціи не имѣется и никогда не имѣлось.

Подчеркиваю эти подробности для того музея или учрежденія, куда со временемъ будетъ рѣшено передать Дашковское собраніе. Что еще затруднить работу въ будущемъ, такъ это то, что у П. Я. не было сотрудниковъ по собиранію, и трудно будетъ установить, у кого и гдѣ были пріобрѣтены рѣдчайшіе экземпляры гравюръ или видовъ. Покойный, лично, все зналъ и помнилъ, но никто даже изъ ему близкихъ не былъ посвященъ въ эти тайны.

Что касается документовъ, то количество ихъ невѣроятно, но разобрана и переплетена только часть ихъ. За послѣднія десять лѣтъ П. Я. лѣтомъ, на досугѣ въ деревнѣ, приводилъ въ порядокъ кипы накупленныхъ бумагъ, тщательно сортировалъ, а все нужное бережно переплеталъ въ отдѣльныя тетради.

Но Дашковъ успѣлъ привести въ порядокъ лишь самую незначительную часть собранныхъ документовъ. Большая часть же разбросана и находится въ городскомъ домѣ или въ деревнѣ и даже въ подвалахъ въ папкахъ, связкахъ, ящикахъ.

Разобрать этотъ громадный матеріалъ будетъ не легко.

Накопилось такое множество бумагъ по весьма простой причинѣ.

За одинъ годъ умирало такое количество лицъ, занимавшихъ извѣстное положеніе на государственной службѣ, гражданской или военной, писателей, литераторовъ, художниковъ и т. д., что весь этотъ матеріалъ, который приносили къ нему на квартиру, приходилось только складывать. П. Я. не успѣвалъ часто даже поверхностно пересмотрѣть купленное.

Помню, когда скончался Пыляевъ, лучшій знатокъ стараго Петербурга, мы поѣхали вмѣстѣ съ Дашковымъ на бывшую квартиру покойнаго, кажется, гдѣ-то на Мойкѣ. То было уже послѣ похоронъ Пыляева.

Любо было наблюдать, какъ П. Я. все осматривалъ и сразу замѣчалъ все то, что могло ему пригодиться.

Почительны и любопытны были вопросы, задаваемые Дашковымъ старухѣ, служившей у Пыляева, отвѣчавшей нехотя, но въ концѣ концовъ сказавшей все то, что отъ нея требовалось. Да, надо сознаться, что второго Павла Яковлевича больше не будетъ. Оригинальность его личности была уже достаточно оцѣнена другими его почитателями.

Какъ не вспомнить тѣхъ часовъ, которые приходилось проводить съ нимъ за его гостеприимнымъ столомъ или у меня дома.

Дашковъ всегда завтракалъ около часа дня и во время трапезы велась самая оживленная бесѣда, а хозяинъ угощалъ гостей чудными винами изъ своего богатѣйшаго погреба. Особенно хороши были красныя французскія вина, бордо и бургонь, любимые напитки покойнаго. Въ его погребѣ имѣлись также рѣдчайшія десертныя вина, ликеры и наливки всѣхъ сортовъ. Передъ знатоками вина П. Я. любилъ похвастать и этими сокровищами.

Иногда засиживались долго за столомъ, хотя за послѣднее время гости переходили въ его рабочій кабинетъ, гдѣ и продолжались разговоры на всѣ темы.

Потеря такого человѣка—незамѣнимая утрата не только для его друзей и почитателей, но и для исторической науки и литературы.

Откровенно сознаюсь, что для всѣхъ моихъ скромныхъ трудовъ въ области исторіи Дашковъ снабжалъ меня щедрой рукой и документами, и гравюрами, и рисунками.

Этому милѣйшему человѣку я вѣчно буду обязанъ и благодаренъ за его драгоценные совѣты и указанія, которые онъ имѣлъ даръ такъ просто и мило давать.

Что-то родное, близкое кануло въ вѣчность.

Великій князь Николай Михайловичъ.

ПАМЯТИ АРТИСТА О. П. ГОРЕВА.

АКЪ БОЛЬНО мнѣ, старому посѣтителю и поклоннику московскаго Малаго театра, отмѣчать потери и минусы этого учрежденія искусства! Мнѣ случалось писать въ газетахъ о временномъ охлажденіи публики къ названному театру, я обсуждалъ это явленіе и говорилъ, что оно временное и должно скоро исчезнуть, и что въ будущемъ, при общей дружной работѣ артистовъ и режиссера, вполне возможенъ возвратъ «золотыхъ дней Аранжуэца». Именно это самое и произошло теперь, послѣ смуть жизни и бурнаго увлеченія крайностями въ искусствѣ. Но одно дѣло писать о работѣ актеровъ, другое—отмѣчать смерть крупнаго артистическаго дѣятеля. Тутъ ужъ нѣтъ надежды на возвратъ былого. Умираетъ талантъ—образовывается громадная брешь, которую кѣмъ вы ни заполняете, все равно нельзя забыть милаго лица дорогаго артиста, его оригинальныхъ особенностей, составлявшихъ суть его прекрасной игры. Смерть Александра Павловича Ленскаго (объ этомъ артистѣ въ «Ист. В.» были интересныя воспоминанія Н. П. Шубинскаго) нанесла такой уронъ труппѣ московскаго Малаго театра, что она до сихъ поръ не можетъ опомниться. Одна изъ послѣднихъ ролей Ленскаго—Мамаевъ въ пьесѣ «На всякаго мудреца довольно простоты»—исполнялась такъ дивно, что не хочется и сравнивать игру г. Лужскаго изъ Художественнаго театра. Умеръ гигантъ, рядомъ съ которымъ нельзя ставить карликовъ...

Послѣ смерти Ленскаго были еще смерти второстепенныхъ артистовъ Малаго театра: Парамонова, Федотова и нѣкоторыхъ другихъ. Но вотъ, въ день Благовѣщенія, 25 марта, мы услышали

вѣсть недобрую: повалился другой гигантъ труппы того же театра, артистъ Федоръ Петровичъ Горевъ. Молодая публика послѣдняго десятилѣтія не имѣетъ яснаго представленія объ истинномъ размѣрѣ таланта и силъ О. П. Горева. Послѣ своей отставки отъ службы въ Александринскомъ театрѣ, недолгой службы у г. Корша и въ провинціи, послѣ сильной болѣзни и потери одного глаза, только тѣнь прежняго Горева вновь появилась на подмосткахъ Малаго театра въ Москвѣ. Правда, эта «тѣнь» все еще поражала блестками и вспышками своего дарованія. Артистъ иногда одной вдохновенно сказанной фразой мгновенно заставлялъ вспомнить о быломъ Горевѣ, о быломъ времени Малаго театра. Не только игра, но даже гримъ Горева (беру въ примѣръ хотя бы опереточнаго актера въ богадѣльнѣ, въ одной изъ плохихъ пьесъ позднѣйшаго репертуара) подчасъ былъ такъ художественъ, что хотѣлось апплодировать за одно это умѣнье переродиться. Я это говорю не для старыхъ московскихъ театраловъ: тѣ, кто помнитъ прежняго Горева и его дебюты въ Маломъ театрѣ, лучше меня могутъ понять, какого артиста только что похоронила Москва...

Когда-то молодой Горевъ гремѣлъ въ провинціи. Про него увѣренно говорили, что это единственный женъ-премьеръ, достойный любой столичной сцены. Въ газетахъ сообщались успѣхи Горева въ разнообразнѣйшихъ роляхъ. Критики хвалили его страстность, искренность, чудный голосъ и правильную русскую рѣчь (качество, цѣнное еще болѣе теперь, когда на сцену пришли нерусскіе элементы и внесли множество неправильностей языка). Я въ первый разъ увидалъ Горева на частной сценѣ, кажется, въ казенномъ зданіи театра Петровскаго парка (тамъ же впослѣдствіи устроился увеселительный садъ «Фантазія» Соколовскаго, имѣвшій хорошіи успѣхъ; теперь отъ театровъ и садовъ не осталось и слѣда; унылая роща шумитъ на мѣстѣ столькихъ храмовъ искусства!). Шла старинная пьеса «Гражданскій бракъ», гдѣ двухъ героевъ играли: фата—г. Далматовъ, честнаго влюбленнаго—О. П. Горевъ. Оба артиста были молоды, полны силъ, соковъ, крови и, конечно, имѣли огромный успѣхъ. Тутъ я убѣдился, что отзывы критиковъ и товарищей по сценѣ о Горевѣ вполне вѣрны.

Въ московскомъ Маломъ театрѣ, послѣ ряда удачныхъ дебютныхъ выступленій, Горевъ принялъ на себя чуть не весь репертуаръ женъ-премьера. Онъ переигралъ массу ролей, проявляя и силу, и разнообразіе своего таланта. Это былъ не только артистъ «натур», какъ принято о немъ думать, но просто человѣкъ таланта, чудесный самородокъ, какимъ, напримѣръ, является знаменитая М. Н. Ермолова.

Москва полюбила Горева. Его, какъ говорятъ актеры, «принимали» всегда хорошо, а его бенефисы проходили шумно, оживленно, торжественно, при полныхъ сборахъ. Горева всѣ любили: зрители,

товарищи по сценѣ. Въ провинціи онъ оставилъ по себѣ также превосходное воспоминаніе. Помню, на первомъ съѣздѣ сценическихъ дѣятелей, происходившемъ въ Москвѣ, въ Маломъ театрѣ, подъ предсѣдательствомъ незабвенной артистки Н. М. Медвѣдовой, антрепренеръ Никулинъ, читавшій докладъ (или говорившій рѣчь) на тему о товарищескихъ отношеніяхъ, публично заявилъ, что образецъ товарища-друга, безкорыстія и доброты—это именно Ѳ. П. Горевъ, который однажды, пріѣхавъ въ провинціальный городъ на гастроли, засталъ труппу въ ужасномъ положеніи: антрепренеръ бѣжалъ, и платить гастролеру было не изъ чего. Тогда Горевъ сыгралъ рядъ спектаклей бесплатно, жилъ на свой счетъ, а чтобы добраться до Москвы, размѣнялъ выигрышный билетъ.

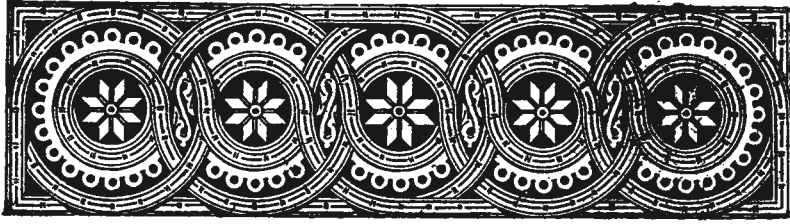
Отъ артистовъ Малаго театра, отъ М. Н. Ермоловой, отъ Н. П. Шубинскаго и другихъ лицъ я слышалъ много лестнаго о Горевѣ, какъ о прекрасномъ человѣкѣ. Не даромъ г-жа Ермолова плакала на похоронахъ этого артиста,—опускали въ землю не только большой талантъ, но и чудесное сердце.

Изъ послѣднихъ удачныхъ сценическихъ созданій Горева я укажу на роль генерала Владыкина въ пьескѣ г. Рышкова «Казенная квартира». Надо было видѣть Горева, чтобы оцѣнить это прелестное, тонкое и полное комизма исполненіе. Публика устроила овацію талантливому артисту, не зная, что въ этотъ день ея симпатіи вдвойнѣ къ мѣсту: Горевъ «неофициально» праздновалъ 40-лѣтіе своей артистической дѣятельности...

Скончался Горевъ отъ воспаления легкихъ, увя, не дождавшись своего официальнаго юбилея. Возлѣ его гроба сошлась масса артистовъ и театраловъ; сами они, ихъ вѣнки, цвѣты и общія слезы—были аксессуаромъ праха артиста, его посмертнымъ и вполне заслуженнымъ «антуражемъ»...

Николай Ежовъ.

ПО ПОВОДУ СТАТЬИ „ГУБЕРНАТОРЪ-РЕВОЛЮЦІОНЕРЪ“.

ОЗВРАТИВШИСЬ послѣ продолжительнаго отсутствія, во время котораго мнѣ пришлось посѣтить очень отдаленную и глухую мѣстность нашего отечества, въ Петербургѣ я узналъ, что моя статья «Губернаторъ-революціонеръ», помѣщенная въ декабрьской книжкѣ «Историческаго Вѣстника», вызвала нѣсколько замѣчаній и дополненій, на которыя я могу отвѣтить только въ настоящее время, за что и прошу извиненія у читателя.

Первымъ откликнулся на нее, какъ оказывается, полковникъ Шешкевичъ, который помѣстилъ весьма рѣзкое по выраженіямъ, но слабое по существу письмо въ № 12121 «Новаго Времени», а затѣмъ критическую статью въ февральской книжкѣ «Историческаго Вѣстника» за 1910 годъ, подъ заглавіемъ «По поводу статьи «Губернаторъ-революціонеръ». Вторымъ моимъ оппонентомъ выступилъ полковникъ В. Темниковъ, помѣстившій статью въ той же книжкѣ подъ заглавіемъ «Ващукъ-Выгорскій». Возражая на нѣкоторыя мои указанія, онъ большею частью вполне подтверждаетъ приводимые мною факты. Въ той же книжкѣ помѣщена чрезвычайно интересная статья г. Яковлева «Ващукъ-Погосскій». Наконецъ, въ мартовской книжкѣ «Историческаго Вѣстника» помѣщено письмо капитана Самонова, дополняющее мой рассказъ объ арестѣ Старосельскаго.

Такимъ образомъ, по одному изъ описанныхъ мной эпизодовъ—появленію въ Кутаисѣ Выгорскаго—создалась въ своемъ родѣ не-

большая литература, и потому я нахожу своевременнымъ отвѣтить моимъ оппонентамъ и дополнить мой рассказъ нѣсколькими фактами, на опубликованіе которыхъ я получилъ разрѣшеніе заинтересованныхъ лицъ. Начну со статьи полковника В. Темникова.

Прежде всего замѣчу, что самъ полковникъ В. Темниковъ не былъ въ Кутаисѣ во время описанныхъ мной событій и потому говорить о нихъ не какъ очевидецъ, а со словъ другихъ и въ своей статьѣ пересказываетъ официальное донесеніе о дѣйствіяхъ Ващука-Выгорскаго. Поэтому онъ не имѣлъ въ сущности права заявлять, какъ онъ это дѣлаетъ, что онъ, «къ сожалѣнію, убѣдился, что авторъ (т. е. я) нѣкоторыя картины разрисовалъ слишкомъ яркими красками, а нѣкоторые факты даже исказилъ, основываясь, очевидно, на ложныхъ слухахъ». Вообще также онъ въ данномъ вопросѣ не можетъ считаться компетентнымъ и авторитетнымъ лицомъ, основываясь въ своихъ сужденіяхъ только на показаніяхъ другихъ.

Въ дѣйствительности же я никакихъ фактовъ не искажалъ и въ основаніе написаннаго никакихъ ложныхъ слуховъ не принималъ. Все мной написанное основывается на документахъ, на разсказахъ и запискахъ участниковъ дѣла и свидѣтелей и на моихъ личныхъ наблюденіяхъ, походы же Выгорскаго отъ появленія его въ поѣздѣ около Грознаго и до момента представленія его Алиханову записаны по подлинному документу опроса свидѣтелей ихъ. Во всякомъ изложеніи, какъ бы ни стараться точно придерживаться событій, могутъ быть недосмотры и неточности; не избѣгъ этого, быть можетъ, и я, но къ искаженіямъ и сообщенію ложныхъ слуховъ я не прибѣгалъ.

Къ этому необходимо добавить, что событія, о которыхъ идетъ рѣчь, произошли сравнительно недавно и не о всемъ еще можно говорить съ полной откровенностью. Не все поэтому вполне точно изложено въ документѣ, которымъ пользовался полковникъ В. Темниковъ, и много подробностей въ немъ опущено. Можно надѣяться, что со временемъ всѣ эти пробѣлы будутъ возстановлены,—съ своей стороны, ниже я привожу нѣсколько дополненій.

Предоставляя въ остальномъ внести ближайшимъ участникамъ дѣла необходимыя поправки и дополненія къ разсказу полковника Темникова, я ограничусь лишь нѣкоторыми замѣчаніями. Капитанъ Самоновъ, о которомъ онъ сообщилъ, что его нѣтъ въ живыхъ, благополучно здравствуетъ и, надо надѣяться, будетъ здравствовать еще много лѣтъ. Нельзя, затѣмъ, согласиться съ ображеніями моего оппонента, что Ващукъ только воспользовался для ареста Старосельскаго слухомъ, будто генералъ Алихановъ пригласилъ его прибыть въ Квирилы къ 10-му января. Ни однимъ словомъ никто изъ свидѣтелей происшедшаго не даетъ основанія предполагать, что Ващуку-Выгорскому и другимъ бывшимъ съ нимъ офицерамъ было извѣстно подобное распоряженіе. Да и самый слухъ, если таковой былъ, не могъ быть

главнымъ импульсомъ, наведшимъ его на мысль объ арестѣ Старосельскаго. Психологія этого момента совсѣмъ иная: несомнѣнно, Ващукъ-Выгорскій въ данномъ случаѣ пошелъ по теченію сложившагося противъ г. Старосельскаго въ офицерской средѣ кавказскихъ войсковыхъ частей негодованія. Вѣдь не всѣ военные начальники и представители офицерства кавказской арміи могли такъ добродушно отнестись ко всему, что г. Старосельскій продѣлалъ по отношенію войскъ, и къ плѣненію революціонерами двухъ ротъ славнаго Тенгинскаго полка, какъ отнеслись кутаисскіе военнначальники. Напротивъ, большинство съ такими дѣйствіями губернатора примириться не могли и не могли простить ему, что онъ былъ главнымъ виновникомъ этого печальнаго событія и смерти доблестнаго капитана Давыдова. Да развѣ можно было оставаться равнодушнымъ всякому истому кавказскому офицеру къ тому факту, что одинъ изъ доблестнѣйшихъ полковъ русской арміи, полкъ, давшій Архипа Осипова и тьму героевъ, полкъ, никогда не клавшій оружія передъ непріателемъ, въ лицѣ своихъ двухъ ротъ сложилъ оружіе передъ бандой отребья, что называется, въ нѣсколькихъ шагахъ отъ губернаторской резиденціи, гдѣ имѣлся многочисленный гарнизонъ подъ начальствомъ генерала Шешковскаго и полковника Шешкевича. Это оскорбленіе святыни военнаго—чести доблестнѣйшей части—жгучей болью отозвалось всюду въ кавказскихъ войскахъ и общественное мнѣніе военнаго сословія требовало, чтобы преступный губернаторъ получилъ законное возмездіе. Отправляясь арестовывать Старосельскаго, Выгорскій-Ващукъ воплощаль общее желаніе лучшей части офицерства кавказской арміи и выполнилъ то, что у каждаго кавказскаго офицера было на душѣ, но что никто изъ начальствующихъ лицъ сдѣлать не нашель въ себѣ достаточно душевной силы. Какъ увидятъ читатели ниже, предположенія и соображенія полковника Темникова также не согласуются съ дѣйствительнымъ положеніемъ вещей.

Меня чрезвычайно удивляетъ, что какъ полковникъ Темниковъ, такъ и полковникъ Шешкевичъ особенно подчеркивають, что Ващукъ былъ невзрачный эпилептикъ и не скупятся на весьма не лестные эпитеты по его адресу: онъ и трусь, и лжець, и пьяный проходимецъ и т. д. Всѣ видѣвшіе Ващука-Выгорскаго въ Кутаисской губерніи свидѣтельствуютъ, что онъ былъ образованный человѣкъ, говорившій на нѣмецкомъ и французскомъ языкахъ, интересный собесѣдникъ; держалъ себя съ достоинствомъ и весьма корректно, не пьянствовалъ и не кутилъ и производилъ настолько сильное обаяніе, что ни у кого не зарождалось сомнѣнія о его дѣйствительномъ командированіи по Высочайшему повелѣнію. Всѣ этому вопль вѣрили, тянулись передъ нимъ и исполняли его приказанія. Вѣдь надо же имѣть дѣйствительно какое-нибудь внутреннее содержаніе, чтобы такъ импонировать окружающимъ. Абрисъ его, нарисованный г. Яковлевымъ,

болѣе соотвѣтствуетъ дѣйствительности: Ващукъ, ставъ кн. Волконскимъ, Выгорскимъ, Погоскимъ, безъ чего никто, можетъ быть, не обратилъ бы на него вниманія, дѣйствуетъ энергично, находчиво, цѣлесообразно и вполне полезно для дѣла, рискуя и жизнью. Вездѣ онъ проявляетъ патріотическое чувство, вездѣ поднимаетъ духъ. На всѣхъ онъ производитъ обаяніе своей рѣшительностью и именно потому, что кругомъ него не было рѣшительности и всюду царилъ растерянность и колебаніе, по какому пути итти.

Будущее было неизвѣстно, и у многихъ начальниковъ въ душѣ во время забастовки созрѣвала увѣренность, что завтра они, быть можетъ, проснутся при республиканскомъ строеѣ и должны будутъ предстать, чего добраго, передъ конвентомъ. Отсюда и проистекало то кажущееся невѣроятнымъ «бездѣйствіе» властей. На самомъ дѣлѣ это были лишь въ своемъ родѣ осторожность и дальновидность, и кто могъ, въ это время «заболѣвалъ», сдавая управленіе помощнику, другіе на всякій случай принимали парады революціонной милиціи, какъ генераль Шешковскій въ гор. Цоти, третьи, какъ прокуроръ, о которомъ говоритъ капитанъ Самоновъ, обѣдали у губернатора-революціонера вмѣсто того, чтобы его арестовать. Вѣдь онъ могъ стать, чего добраго, президентомъ Кутаисской республики и тогда...

Солдаты и казаки, которыхъ притѣсняють, не выпускають изъ казармъ въ свободное время въ городъ, не дають водить самимъ лошадей на водопой, которыхъ убивають и которые хорошо оцѣнивають всю ничтожность революціонеровъ, какъ боевой силы, недоумѣвають передъ непротивленіемъ злу начальства, негодуютъ на это. Негодованіе, сдерживаемое дисциплиной, превращается въ величайшее раздраженіе противъ губернатора-революціонера, клеветущаго на нихъ и требующаго противъ нихъ еще большихъ репрессій со стороны начальства.

И вотъ въ самый разгаръ такихъ пастроеній появляется лицо съ особыми полномочіями и рѣшительнымъ образомъ дѣйствій. Конечно, впечатлѣніе получилось сильное, и неудивительно, что власть имущіе, все время пассивавшіе передъ революціей и чувствовавшіе за собой недочеты, переполошились и перетрусили не на шутку, а низшіе чины всѣ возликовали и воспрянули духомъ.

Этому обаянію самоувѣренности и рѣшительности поддаются всѣ, кто приходитъ въ соприкосновеніе съ Ващукомъ-Выгорскимъ: начальникъ отряда разрѣшаетъ ему ѣхать съ эшелономъ, офицеры отряда задають ему обѣдъ, сопровождаютъ его въ Кутаисъ, генераль Шешковскій подаетъ ему свой шарфъ и смиренно выслушиваетъ укоры, всѣ исполняютъ его приказанія, губернаторъ, окруженный революціонной милиціей, признаетъ себя имъ арестованнымъ, и т. д.—всѣ признають его авторитетъ и власть.

Вполнѣ понятно, что начальствующія лица, которые подчинились обаянію и авторитету Ващука, принимали его за особыми полномочіями облеченнаго посланца и сыграли въ дѣлѣ довольно-таки смѣшную роль, когда впоследствии оказалось, что они были просто одурачены, понавѣ въ весьма конфузное положеніе. За это они должны были бы сѣтовать только на себя. На самомъ же дѣлѣ, когда случай этотъ предается гласности, они, какъ полковникъ Шешкевичъ, просто выходятъ изъ себя и стараются какъ можно больше дискредитировать Ващука-Выгорскаго и дѣлаютъ въ сущности грубую ошибку: подчеркиваніе, что они были одурачены «эпилептикомъ», «пьянымъ проходимцемъ», жалкимъ трусомъ» и т. д., не только не можетъ ихъ оправдать въ общественномъ мнѣніи, но еще болѣе отгѣняетъ ту жалкую роль, которую они сыграли.

Отмѣчу здѣсь одну характерную подробность, какъ современникъ описанныхъ событій: случай съ Ващукомъ признавался, очевидно, одинаково для себя конфузнымъ какъ кавказской администраціей, такъ и революціонными организаціями, поэтому ни въ официальномъ «Кавказѣ», ни въ другой (а другія все были лѣвыя совершенно или революціонныя) какой-либо газетѣ объ этомъ инцидентѣ не было проронено ни слова. Обѣ стороны его тщательно скрывали. Если о немъ стало извѣстно, то со словъ пріѣхавшихъ обратно изъ Кутаисской губерніи офицеровъ. Молва о выступленіи Ващука быстро распространилась и породила немало легендъ.

Въ концѣ своего повѣствованія, желая подтвердить даваемую имъ характеристику Ващука «блудливъ, какъ кошка, а трусливъ, какъ заяцъ», полковникъ Темниковъ впадаетъ въ противорѣчіе самъ съ собой: онъ говоритъ, что «Ващукъ, доѣхавъ въ поѣздѣ до Квирилъ, постарался скорѣе улизнуть, какъ заяцъ въ лѣсъ, въ первомъ попавшемся поѣздѣ по направленію къ Кутаису, куда велѣдъ за нимъ полетѣла телеграмма объ его арестованіи». Но это соображеніе вполнѣ опровергается сообщаемыми имъ на стр. 625 фактами: очевидно, считая, что послѣ доставленія генералу Алиханову Старосельскаго въ Квирилы эта задача закончена, Ващукъ возвратился въ Кутаисъ для продолженія своей дѣятельности; на слѣдующій день въ 10 часовъ утра онъ распорядился въ управленіи полицеймейстера, а оттуда уѣхалъ къ генералъ-лейтенанту Шешковскому, гдѣ были собраны командиры частей для представленія вновь назначенному начальнику гарнизона генералъ-майору Сулимову, когда генералъ Шешковскій предложилъ ему свой шарфъ... Еще вечеромъ въ 7 часовъ приставъ Эльчибековъ видѣлъ его на вокзалѣ. Очевидно, до этого никакой телеграммы объ арестованіи Ващука не было и онъ вовсе не бѣжалъ изъ Квирилъ, какъ заяцъ въ лѣсъ.

Въ нѣкоторыхъ случаяхъ полковникъ Темниковъ, предполагая исправить мои ошибки, въ сущности исправляетъ предположенныя имъ и приписанныя мнѣ безъ всякаго основанія невѣрности: я рѣ-

шительно нигдѣ не говорю, чтобы какая-либо часть доискъ въ Кутаисѣ сдавалась революціонерамъ, равно какъ о томъ, чтобы въ Кутаисѣ получено было извѣстіе о прибытіи ревизора до пріѣзда Ващука въ Кутаисъ, или что онъ лично представилъ генералу Алиханову Старосельскаго: очевидно, онъ недостаточно внимательно прочиталъ мой рассказъ.

Въ заключеніе нельзя не остановиться на слѣдующемъ высказываемомъ полковникомъ Темниковымъ положеніи, которое привожу дословно: «Никто изъ военнотружущихъ начальствующихъ лицъ въ городѣ Кутаисѣ, какъ бы онъ ни сознавалъ не только незаконныя, но прямо противозаконныя дѣйствія губернатора-революціонера,—не будучи свыше уполномоченъ, не могъ и не имѣлъ права рѣшиться сдѣлать то, что сдѣлалъ ненормальный эпилептикъ, но не герой Ващукъ».

Такимъ заявленіемъ полковникъ Темниковъ, очевидно, высказывается въ видахъ оправданія пассивности генерала Шешковскаго и полковника Шешкевича, котораго онъ и во многихъ другихъ мѣстахъ своего разсказа старается поддержать. Не имѣя, конечно, возможности судить, были или не были уполномочены начальствующія лица дѣйствовать такъ или иначе, я не могу никоимъ образомъ, однако, принципиально согласиться съ этимъ мнѣніемъ. Помимо соображенія о полученіи или неполученіи уполномочія «свыше», у каждаго состоящаго на государственной службѣ и особенно военнаго есть еще одинъ критерій, съ которымъ они должны сообразоваться прежде всего,—это та присяга, которая ими приносится на вѣрную службу своему монарху. Вотъ этотъ-то критерій въ тѣ смутныя времена частенько игнорировали, и это-то и было причиной того, что на Кавказѣ разыгралась невѣроятная кровавая эпопея, которую мнѣ пришлось пережить. Не могу не сдѣлать слѣдующаго сопоставленія, которое напрашивается само собой: вѣдь едва ли генералъ Шешковскій, принимая парадъ революціонеровъ и приказавъ пластунамъ въ Потн разоружиться и въ другихъ аналогичныхъ случаяхъ поблажекъ революціонерамъ, дѣйствовалъ на основаніи уполномочій свыше,—въ такихъ случаяхъ онъ ихъ не ждалъ, а дѣйствовалъ по собственной инициативѣ. Объ уполномочіяхъ же вспоминалось лишь тогда, когда надо было дѣйствовать противъ революціи. Не указываетъ ли это обстоятельство на нѣчто иное, а вовсе не на отсутствіе «уполномочій свыше»?

Полагаю, что если бы гг. кутаисскіе начальники неуклонно придерживались выполненія своихъ обязанностей, то имъ не пришлось бы и арестовывать г. Старосельскаго, ибо послѣдній передъ твердо выраженной волей или указаніемъ начальниковъ воинскихъ частей не посмѣлъ бы проявлять не только противозаконныхъ, но и незаконныхъ дѣйствій. Съ твердо выраженными указаніями военной среды считался и самъ намѣстникъ и подчинялся имъ. какъ

въ дѣлѣ увольненія отъ должности своего помощника Султанъ-Крымъ-Гирея и др. Да и вездѣ, гдѣ была твердость, вездѣ революція пассивала: горсточка пластуновъ держитъ въ почтеніи потійскую орду; «горсточка» бессарабцевъ даетъ отпоръ нападенію; «горсточка» русскихъ патріотовъ въ Тифлисѣ разрушаетъ весь грандіозный планъ революціонеровъ по захвату власти и созыву учредительнаго собранія и т. д. Прояви себя сколько-нибудь военныя власти Кутаиса, онѣ предупредили бы всю кутаисскую катастрофу. Революція торжествовала лишь тамъ, гдѣ встрѣчалась «съ непротивленіемъ злу» и благорасположеніемъ къ ней властей...

Другой мой оппонентъ, полковникъ Шешкевичъ, въ противоположность полковнику Темникову, былъ участникомъ, дѣйствующимъ лицомъ въ кутаисскихъ событіяхъ или свидѣтелемъ ихъ—вполнѣ естественно, что онъ проявляетъ въ своей статьѣ больше страстности, стараясь показать свои дѣйствія въ болѣе выгодномъ для себя свѣтѣ, оговариваясь, что говоритъ лишь по поводу извращенія фактовъ, касающихся дѣятельности войскъ и ихъ начальниковъ.

На это я долженъ замѣтить, что, во-первыхъ, совершенно непонятно, о какомъ извращеніи фактовъ говоритъ полковникъ Шешкевичъ. Вѣдь на глазахъ у «начальствующихъ лицъ» и при наличности въ Кутаисской губерніи 8-ми батальоновъ и 4-хъ батарей 33-й дивизіи и бригады, не считая другихъ войскъ, тамъ разыгрался мятежъ и вся она захвачена была революціонерами—этотъ фактъ неопровержимъ. Неопровержимы факты смотра революціонной милиціи въ гор. Поти генераломъ Шешковскимъ и приказанія казакамъ выходить безъ оружія, запрещенія казакамъ выходить изъ казармъ въ Кутаисѣ, плѣненія двухъ ротъ Тенгинскаго полка, равно какъ и ареста губернатора Ващукомъ на глазахъ у самого же полковника Шешкевича. Неопровержимъ также фактъ, что до прибытія отряда генерала Алиханова кутаисскій гарнизонъ не проявлялъ себя активно; и въ городѣ и кругомъ хозяйничали революціонеры. Я не буду утомлять читателей подробнымъ анализомъ произведенія полковника Шешкевича, но онъ, какъ непосредственный участникъ и свидѣтель этихъ событій, является настолько серьезнымъ оппонентомъ, что съ его заявленіями нельзя не считаться, и потому я остановлюсь на главнѣйшихъ изъ нихъ, слѣдуя за его порядкомъ изложенія.

Такъ на стр. 606 генералъ Шешковскій говоритъ, что мое сообщеніе, будто вокзалъ въ Кутаисѣ былъ занятъ казаками, невѣрно, но я этого нигдѣ вѣдь и не говорю. На той же страницѣ говорится, что около станціи Ріонъ никакихъ позицій, окопанныхъ траншеями, не было, а была застава революціонеровъ около селенія Симонети, но вѣдь это какъ разъ и выходитъ около Ріона. На страницѣ 607 онъ говоритъ, что въ декабрѣ никакой батареи 33-й артиллерійской бри-

гады въ Кутаисъ не прибывало и описанныхъ мной затрудненій въ пріисканіи квартиры для этой батареи не могло быть,—но вѣдь я и не говорю, чтобы эта батарея прибыла въ декабрѣ, но отъ офицеровъ этой бригады и Бессарабскаго полка, гдѣ у меня оказались старые знакомые, да и отъ другихъ офицеровъ кутаисскаго гарнизона я слышалъ немало сѣтованій на то, что, когда батарея прибыла въ Кутаисъ, городъ не хотѣлъ отвести ей помѣщеніе, а Старосельскій не хотѣлъ оказывать никакого содѣйствія, и ей пришлось стоять довольно долго въ палаткахъ подъ проливнымъ дождемъ, отчего люди страдали. На стр. 608, опровергая меня, онъ говоритъ, что на площади передъ вокзаломъ частей войскъ, когда пріѣхалъ Вацукъ, не было и онъ не могъ ихъ объѣхать. Да я и не говорю, что войска были на площади,—это г. Шешкевичъ приписываетъ мнѣ совершенно ошибочно. На стр. 610, опять думая меня опровергнуть, онъ говоритъ, что Старосельскій никакихъ ружей тенгинцамъ не выдавалъ, но и этого я нигдѣ не говорю. Подобными неосновательными опроверженіями испещрена вся статья г. Шешкевича, поэтому я перейду къ нѣкоторымъ мѣстамъ ея, которыя требуютъ разсмотрѣнія по существу, ибо затрагиваютъ болѣе серьезные вопросы.

Однимъ изъ самыхъ печальныхъ случаевъ для всего періода мятежа на Кавказѣ было плѣненіе двухъ ротъ Тенгинскаго полка революціонерами, чего нельзя не поставить особенно въ вину начальникамъ кутаисскаго гарнизона. Самъ полковникъ Шешкевичъ къ этому факту относится весьма благодушно и считаетъ его только печальнымъ исключеніемъ; негодованіе солдатъ не только не находитъ въ немъ сочувственнаго отклика, но, напротивъ, онъ предлагаетъ генералу Шешковскому арестовать ротами своего полка негодующихъ солдатъ, пришедшихъ къ Старосельскому требовать возврата оружія, и разъясняетъ имъ «нелѣпость ихъ требованія, такъ какъ губернатору они ружей не сдавали». Не правда ли, случай весьма характерный: нижніе чины-тенгинцы и казаки удручены несчастнымъ случаемъ, негодуютъ и стараются добиться возврата утеряннаго оружія, а начальствующія лица не только ничего не предпринимаютъ въ этомъ направленіи, но хотятъ принять репрессивныя мѣры противъ солдатъ и казаковъ? А какъ отнеслись эти «энергичные, не растерявшіеся» военноподчиненныя къ дѣлу, когда происходила квирильская эпопея? Объ этомъ полковникъ Шешкевичъ хранитъ упорное молчаніе, но, повидимому, они даже находились въ полномъ невѣдѣніи того, что творилось въ Квирилахъ. По крайней мѣрѣ такое заключеніе вытекаетъ изъ документовъ, любезно опубликованныхъ имъ, въ подтвержденіе того, что генералъ Шешковскій относился не безучастно къ дѣлу, а также и распорядился.

Какъ видно изъ моего разсказа, роты были взяты въ плѣнъ 30-го декабря 1905 года, а въ письмѣ генерала Шешковскаго къ

полковнику Шешкевичу отъ 31-го декабря мы находимъ слѣдующее мѣсто: «сегодня казаки поѣдутъ на станцію Ріонъ силой узнать, что дѣлается на большой линіи, и потребовать привоза керосина и другихъ продуктовъ. Я ничего противъ не имѣю. Теперь они (т. е. революціонеры) дали намъ полное основаніе дѣйствовать рѣшительнѣе».

Затѣмъ, 3-го января «спѣшно» генераль пишетъ полковнику Шешкевичу: «съ цѣлью выяснитъ обстановку въ Квирилахъ и выручить, быть можетъ, осажденную тамъ роту послана была первая сотня казаковъ Хоперскаго полка. На пути она обстрѣляна, и раненъ есауль Ларіоновъ. Первая сотня возвратилась, а посылается шестая сотня. Прошу васъ немедленно командировать двѣ роты—одну бессарабцевъ, а другую кубинцевъ—по грунтовой дорогѣ въ Квирилы для поддержки казаковъ и, если понадобится, для освобожденія роты пѣхоты».

На этомъ документѣ, къ сожалѣнію, полковникъ Шешкевич опускаетъ завѣсу, и мы остаемся въ невѣдѣніи, въ какой мѣрѣ и съ какимъ успѣхомъ было имъ исполнено приказаніе «энергичнаго, не растерявшагося» начальника гарнизона, но мы знаемъ, что роты были освобождены только войсками генерала Алиханова, т. е., иными словами, посланный отрядъ ничего не сдѣлалъ. Приведенный же документъ неопровержимо свидѣтельствуетъ, что оба военноподчиненнаго ничего не знали, что дѣлается на «большой линіи» и 3-го января, т. е. черезъ 4 дня послѣ обезоруженія тенгинцевъ, а это происходило не за тридевять земель, а всего въ какихъ-нибудь 30-ти верстахъ отъ Кутаиса! Приведенный выше документъ неопровержимо свидѣтельствуетъ о полной растерянности и нераспорядительности гг. начальниковъ: въ теченіе цѣлаго мѣсяца революціонеры хозяйничаютъ въ Квирилахъ, избравъ ихъ своей штабъ-квартирой, въ теченіе 10 дней готовятъ разоруженіе, а только 3-го января гг. военноподчиненныя спохватились послать отрядъ выяснитъ «обстановку въ Квирилахъ». Ну, развѣ это не возмутительно?

Въ средѣ войскъ славной кавказской арміи мнѣ пришлось прожить 48 лѣтъ. Дѣтство мое протекло среди героевъ Севастополя, Башкадыкляра, Салтовъ, Гуниба, въ дальнѣйшемъ до послѣднихъ дней я былъ съ кавказскими войсками въ ближайшемъ общеніи и пережилъ съ ними всю позорную для кавказскихъ властей эпопею 1905—1906 гг., и тѣ событія, которыя полковнику Шешкевичу кажутся какъ бы нормальными, совершенно не укладываются въ мое представленіе и возможность ихъ совершенно не вяжутся съ тѣмъ доблестнымъ геройскимъ духомъ, который всегда одушевлялъ эти войска.

И вотъ въ средѣ этихъ геройскихъ войскъ мы встрѣчаемся съ бунтами въ Самурскомъ полку, среди частей войскъ въ Елиса-

ветполѣ и въ Александропольскомъ лагерѣ, со сдачей двухъ ротъ Тенгинскаго полка революціонерамъ, среди офицеровъ доблестнѣйшихъ частей оказываются негодяи, организовавшіе ограбленіе душетскаго казначейства и александропольскаго склада оружія... Эта серія завершается экспедиціей противъ персидскихъ разбойниковъ шахсевенъ, во время которой отрядъ чуть не потерпѣлъ пораженіе и потерялъ было пулеметь...

Кто виновать въ подобныхъ печальныхъ явленіяхъ? Разумѣется, не войсковыя части, а начальствующія лица. Во всѣхъ частяхъ, гдѣ начальники были энергичны и вѣрны долгу присяги и воинской чести, не соображаясь съ выгодами или невыгодами для себя отъ этого для даннаго момента, они не потерялись и части ихъ остались все вѣрны долгу и присягѣ и не запятали себя никакимъ актомъ, подобнымъ перечисленнымъ. Въ прежнее время случай, подобный квирильскому, въ средѣ войскъ кавказской арміи былъ невозможенъ,—во-первыхъ, никогда не былъ бы брошенъ отрядецъ въ 50 человекъ на произволъ судьбы и оставленъ безъ связи съ базой, во-вторыхъ, при наличности такихъ силъ, какъ въ Кутаисѣ, былъ бы вырученъ своевременно; въ-третьихъ, если бы при той обстановкѣ, въ которой это произошло, и совершилось бы разруженіе, то были бы безотлагательно приняты такія мѣры, что оружіе было бы немедленно возвращено. Наконецъ, и самое главное, скопленіе и хозяйничанье мятежниковъ въ Квириллахъ не было бы никогда допущено. Все это оказалось возможнымъ только благодаря какому-то непонятному созерцательному состоянію, въ которое было погружено кутаисское начальство, прекрасно иллюстрированное опубликованными полковникомъ Шешкевичемъ документами, какъ видно и изъ слѣдующихъ примѣровъ.

Такъ, начальникъ гарнизона генераль Шешковскій пишетъ полковнику Шешкевичу послѣ свиданія съ тремя «очень возбужденными гимназистами»: «легко можетъ быть, что возбужденіе молодежи и революціонеровъ дойдетъ до того, что они бросятся уничтожать все и всѣхъ русскихъ»... «все мы (?!), русскіе, ввѣряемъ себя вамъ и вашему молодецкому полку. Докажите, что мы вездѣ сила, сломить которую нельзя».

Подумать стыдно, что это громкое слово пишется генераль-лейтенантомъ генеральнаго штаба не передъ лицомъ грознаго непріятеля, а послѣ разговора съ «тремя очень возбужденными гимназистами» и въ предположеніи, что «молодежь» и «революціонеры»—настоящее отребье—бросятся уничтожать русскихъ... Самъ генераль, однако, повидимому, не очень-то довѣрился «молодецкому полку» и распорядительности полковника Шешкевича и передъ лицомъ столь великой опасности на всякій случай поспѣшилъ уѣхать изъ Кутаиса провѣрять посты (см. стр. 614).

Въ другомъ мѣстѣ, 21-го декабря 1905 года, генераль Шешковскій пишетъ: «Сейчасъ получилъ свѣдѣнія, что ночью съ поѣздомъ пріѣхало до 2,000 человекъ вооруженныхъ имеретинъ и всѣ они расположились у обывателей на Архіерейской горѣ». «Прошу васъ имѣть это въ виду и сообразить оборону складовъ и артиллеріи (!)»... «легко можетъ случиться, что мнѣ пріѣхать къ вамъ или будетъ невозможно, или я поневолѣ запоздаю»... «Рабочіе въ городѣ дѣлаютъ носилки, гимназистки рвутъ въ гимназіи корпію, кажется, что опасность очень близка. Быть можетъ, что я ночевать сегодня буду у казаковъ въ собраніи». Оно, пожалуй, при близости опасности было вѣрнѣе, а то еще чего добраго «вооруженные имеретины» похитили бы начальника гарнизона. «Революціонеры очищаютъ верхній этажъ и намѣрены бросать бомбы, вѣроятно, въ процессію похоронъ. Надо бы ихъ своевременно захватить и обезоружить рѣшительно. Церемониться уже нечего».

Не правда ли, этими выписками возстановляется весьма характерная картина, доказывающая совершенно обратное тому, что желаетъ полк. Шешкевичъ! Какой поразительный контрастъ получится, если сравнить этотъ жалкій лепетъ съ приказами и словами Суворова, Кутузова, Скобелева, Нахимова... «Я атакую непріятеля и разобью его...»—поднималъ послѣдній сигналъ; «гимназистки рвутъ въ гимназію корпію,—кажется, что опасность близка», пишетъ генераль Шешковскій. «Чудо богатыри, я съ вами»,—воодушевлялъ солдатъ Суворовъ. «Я поневолѣ запоздаю»,—пишетъ генераль Шешковскій.

Разнымъ языкомъ говорили вожди славной русской арміи и начальникъ кутаисскаго гарнизона!

Приведенная выписка изъ документовъ дополнена слѣдующимъ заявленіемъ полковника Шешкевича (см. стр. 606): «Исполнителемъ воли революціонеровъ онъ, т. е. генераль Шешковскій, не былъ, да и не могъ быть по своему положенію. Къ сожалѣнію, онъ во многомъ вѣрилъ Старосельскому и у него не хватило рѣшимости безъ указанія свыше объявить своевременно военное положеніе и взять на себя, опираясь на исключительныя обстоятельства, управленіе губерніей, на чемъ неоднократно настаивали собиравшіеся у него войсковые начальники».

Мнѣ кажется, что опубликованными полковникомъ Шешкевичемъ документами и этимъ его заявленіемъ вполне ясно иллюстрируется картина пераспорядительности и бездѣйствія начальниковъ кутаисскаго гарнизона.

Полковникъ Шешкевичъ напрасно старается ослабить заслуги казаковъ и пластуновъ—заслуги ихъ огромны, вездѣ они оказались на высотѣ положенія и ничѣмъ себя не запятнали. Это лучше всего доказали и революціонеры—всюду они испытывали паническій страхъ передъ казаками и не боялись войскъ кутаисскаго гар-

низона съ пулеметами и артиллеріей: если бы Старосельскому удалось добиться вывода казаковъ изъ Кутаиса, то, пожалуй бы, дѣло тамъ окончилось не такъ благополучно. Какое значеніе имѣли казаки, видно изъ письма генерала Шешковскаго, намѣревавшагося въ минуту жизни трудную перекочевать въ военное собраніе подъ ихъ защиту...

Посѣтивъ неоднократно Кутаисскую губернію въ 1905, 1906 и 1907 гг. и видѣвъ много разъ закулисную жизнь войскъ, я видѣлъ многое такое, чего, вѣроятно, не видали и не знали командиры полковъ. Напримѣръ, я былъ свидѣтелемъ, какъ въ Квирилахъ во время забастовки довольно уже пожилой фельдфебель полка 33-й дивизіи съ бѣлымъ околышемъ велъ революціонную пропаганду среди группы солдатъ на перронѣ станціи. Въ другой разъ между Батумомъ и Чаквой мнѣ пришлось ѣхать въ дачномъ вагонѣ перваго класса. Противъ меня развалился въ креслѣ фельдфебель полка той же дивизіи съ синимъ околышемъ; рядомъ съ нимъ усѣлась баба, какъ потомъ оказалось, его жена. Черезъ нѣсколько времени вошелъ штабсъ-капитанъ того же полка, передъ которымъ фельдфебель нехотя всталъ. Я глазамъ своимъ не повѣрилъ, когда офицеръ подавъ руку фельдфебелю и просилъ его не стѣсняться и сѣсть, а затѣмъ усѣлся рядомъ съ бабой и повелъ съ ней въ почтительномъ тонѣ бесѣду. Выходя на пути, офицеръ снова любезно и съ поклономъ пожалъ руку фельдфебелю и разсыпался въ любезностяхъ... Да, много пришлось мнѣ видѣть совершенно невѣроятнаго, приведшаго меня къ заключенію, что во многихъ случаяхъ начальствующія лица заискивали передъ нижними чинами. Силу они чувствовали не въ себѣ, а въ нихъ и, отдавая приказаніе, не имѣли увѣренности въ ихъ авторитетности для солдатъ. При такихъ условіяхъ, революціонеры, очевидно, о всемъ осведомленные и ведшіе дѣятельную пропаганду въ войскахъ, рассчитывали въ критической моментъ склонить солдатъ на свою сторону и потому смотрѣли на войсковыя части въ Кутаисской губерніи безъ опасенія, особенно принимая во вниманіе странное поведеніе генерала Шешковскаго.

Ничего не было бы удивительнаго, если бы, въ случаѣ вывода казаковъ, имъ удалось вызвать мятежъ въ войскахъ, расположенныхъ въ Кутаисѣ...

Не безъ удивленія приходится читать на стр. 613, что если мятежъ и входилъ въ планы революціонеровъ, то не разыгрался благодаря доблести войскъ, оставшихся вѣрными своему долгу, но не одной горсточкой пластуновъ, а всѣхъ войскъ вообще, которыя были разбросаны по различнымъ пунктамъ Кутаисской губерніи, и что въ то же время объ «горсточкахъ» преданныхъ своему долгу людей да о дѣйствіи энергичныхъ, не потерявшихъ начальниковъ и разбились широкіе планы революціонеровъ. Странно говорить, что мятежъ не разыгрался, когда вся Кутаисская губернія имъ была

охвачена и мятежники даже хозяйничали въ Кутаисѣ. Несомнѣнно, что «горсточка» людей остались вѣрны своему долгу, но, къ сожалѣнію, именно горсточка и преимущественно пластуновъ—и проявили большую храбрость и твердость и мѣшали революціи. Но гдѣ же «энергичные и не потерявшіеся» начальники? Видѣвъ близко всю революціонную эпопею въ Кутаисской губерніи и другихъ мѣстахъ Кавказа, я могу засвидѣтельствовать, что если въ Кутаисской губерніи «широкіе планы революціонеровъ не осуществились, то главнымъ образомъ потому, какъ я это въ своемъ мѣстѣ и указывалъ, что между ними были раздоры и что сама въ себѣ вся эта «революція» не имѣла никакой нравственной и умственной силы. Это было сборище людей дѣйствительно блудливыхъ, какъ кошки, и трусливыхъ, какъ зайцы, которые отважились на мятежъ въ полной увѣренности, что имъ сопротивленія не будетъ оказано. Вся инициатива этихъ неразвитыхъ и со слабой нравственностью людей сводилась къ террору и убійствамъ, а осуществить сколько-нибудь широкій планъ у нихъ не было ни ума, ни умѣнья. Если тѣмъ не менѣе эта орда могла безчинствовать и захватить губернію, то только благодаря тому, что власть сама себя повязала и играла на руку революціонерамъ. Въ тотъ моментъ, когда эта летаргія власти кончилась, кончился и мятежъ въ Кутаисской губерніи, но вмѣстѣ съ нимъ кончилось правленіе генерала Шешковскаго и другихъ «энергичныхъ и не потерявшихъся начальниковъ».

На этомъ я покончу свои замѣчанія на статью полковника Шешкевича.

По отношенію къ статьѣ г. Яковлева я остановлюсь только на одномъ обстоятельстве,—онъ указываетъ, что Вапукъ назывался не Александромъ, а Алексѣемъ. Какое имя вѣрнѣе, я не знаю, не видѣвъ его документовъ, но во всей официальной перепискѣ на Кавказѣ и въ своихъ показаніяхъ онъ именуется Александромъ.

Наконецъ, послѣдній документъ—письмо капитана Самонова—дополняетъ мой рассказъ весьма интересной подробностью. Чтобы связать его съ ходомъ событій, мной изложенныхъ, я долженъ внести слѣдующее дополненіе къ моему разсказу, получивъ разрѣшеніе дѣйствующаго лица на опубликованіе нѣкоторыхъ фактовъ.

Капитанъ Самоновъ съ отрядомъ чиновъ желѣзнодорожнаго батальона былъ командированъ въ составѣ отряда полковника Гаврилова, направленнаго для прекращенія мятежа въ Кутаисскую губернію. Прежде всего пришлось его командѣ очистить Сурамскій тоннель отъ двухъ паровозовъ, что было выполнено въ то время, какъ первый эшелонъ отряда переходилъ Сурамскій перевалъ пѣшкомъ. При подъемѣ на перевалъ онъ наткнулся на окопы передоваго отряда революціонеровъ, численностью въ нѣсколько сотъ человѣкъ подъ командой князя Палавандова, который считался однимъ изъ величайшихъ стратеговъ въ революціонномъ подпольѣ.

Одѣтый въ живописный малиновый костюмъ, который присвоили себѣ гурійскіе революціонные дружинники «расмисты», князь, стоя на окопахъ, картинно распоряжался боемъ, который рѣшилъ дать сравнительно малочисленному отряду. Перестрѣлка очень оживленная. Командиръ роты Эриванскаго полка К., подзвавъ унтеръ-офицера своей роты, хорошаго стрѣлка, приказалъ ему ссадить князя Палавандова. Первымъ же выстрѣломъ онъ убилъ князя наповаль, попавъ ему прямо въ лобъ. Послѣ этого пластуны и эриванцы бросились штурмовать окопы и послѣ жаркаго дѣла взяли ихъ и задали жестокою трешку расмистамъ, остатки которыхъ бѣжали въ горы.

Объ этомъ дѣлѣ революціонеры въ Тифлисѣ распускали на другой день слухи, какъ о блестящей побѣдѣ, одержанной ими надъ нашими войсками: говорили, что огнемъ изъ маузеровъ и пулеметовъ они совершенно уничтожили нашъ отрядъ и что съ поѣздомъ въ Тифлисъ везутъ нѣсколько сотъ раненыхъ. Эти слухи немало волновали русское населеніе Тифлиса.

На самомъ дѣлѣ потеря нашего отряда оказалась довольно большая—изъ строя вышло 36 человекъ. Послѣ этого отрядъ спустился къ тоннелю по ту сторону перевала, гдѣ его передовыми людьми уже былъ разсѣянъ отрядъ революціонеровъ, бѣжавшій въ Бѣлогоры и далѣе.

Къ вечеру того же дня отрядъ въ составѣ пластуновъ, казаковъ, части Эриванскаго полка, подъ командой князя Ч. и съ двумя орудіями, посаженный въ поѣздъ подъ начальствомъ капитана Самонова, прибылъ на станцію Бѣлогоры. Едва поѣздъ остановился у станціи и когда еще ни одинъ человекъ изъ него не былъ выпущенъ, селеніе Бѣлогоры, расположенное по ту сторону рѣчки, запылало съ нѣсколькихъ концовъ и во время пожара въ одномъ изъ домовъ начали взрываться бомбы. Офицеры отряда насчитали 29 взорвавшихся бомбъ. Изъ Бѣлогоръ отрядъ направился въ Аджаметы, гдѣ и остановился 7-го января утромъ.

На станціи Аджаметы отряду пришлось простоять дольше предположеннаго, начальникъ эшелона князь Ч. запретилъ производить обыски на станціяхъ, и въ результатѣ чуть не погибъ пластунъ: когда онъ вышелъ изъ поѣзда на платформу и проходилъ мимо начальника станціи Жгенти, тотъ выхватилъ револьверъ и выстрѣлилъ въ упоръ въ пластуна, котораго не ранилъ, но у котораго загорѣлась черкеска. Пластунъ книжаломъ уложилъ его на мѣстѣ. Тогда произвели тщательный обыскъ станціи, при которомъ пластуны нашли шесть съ привязанной къ нему запиской, въ которой отряду объявлялась непримиримая месть за смерть Жгенти. Слѣды отъ шести шли въ деревню. Тогда возмущенные офицеры стали требовать отъ князя Ч., чтобы онъ приказалъ сгрузить орудіе и въ отвѣтъ на угрозу сдѣлать по населенію нѣсколько выстрѣловъ. Но

онъ не соглашался, доказывая, что на населеніе надо дѣйствовать силою словъ, а не оружія.

Пока шли споры между княземъ Ч. и офицерами, со стороны станціи Ріонъ показался несшійся паровозъ съ двумя вагонами, который, несмотря на то, что стрѣлки были закрыты со стороны Квириль, откуда ожидался поѣздъ со вторымъ эшелонѣмъ, проскочилъ черезъ станцію и помчался въ Квирилы,—очевидно, кто-то изъ революціонеровъ успѣлъ переставить стрѣлки. При обыскѣ въ кустахъ около стрѣлокъ дѣйствительно были найдены два революціонера съ поясами Тенгинскаго полка и убиты. Капитанъ Самоновъ, сообразивъ, что поѣздъ желаетъ произвести крушеніе ¹⁾ вышедшаго уже изъ Квириль поѣзда со 2-мъ эшелонѣмъ, дымокъ котораго уже видѣлся вдали, отцѣпилъ отъ своего поѣзда локомотивъ и послалъ его съ 18 саперами, пластуномъ и офицеромъ вслѣдъ за мятежнымъ паровозомъ. Онъ управлялся, повидимому, неопытнымъ машинистомъ, такъ какъ тотъ открылъ регуляторъ, не поднявъ какъ слѣдуетъ пара. Поэтому пара не хватило; и мятежный поѣздъ, проскочивъ быстро черезъ станцію, причѣмъ вооруженные революціонеры легли между скамейками въ вагонѣ, сталъ убавлять ходу. Поэтому паровозъ его быстро нагналъ. Тогда революціонеры остановили поѣздъ, бросились въ кусты и открыли огонь по саперамъ. Часть послѣднихъ овладѣла поѣздомъ и предупредила шедшій навстрѣчу, а остальные атаквали мятежниковъ и всѣхъ ихъ перебили. Ихъ оказалось 13 человекъ,—два студента, одинъ гимназистъ кутаисской классической гимназій и 10 гурійцевъ, настоящихъ боевиковъ. Въ поѣздѣ 2-го эшелона оказался капитанъ Выгорскій, который тутъ и пересѣлъ на поѣздъ капитана Самонова.

Убравъ мятежный поѣздъ, послѣдній повелъ свой поѣздъ въ Ріонъ, куда первый эшелонъ и прибылъ 7-го января вечеромъ. Дальше, на Батумъ онъ направился уже одинъ, а капитаны Самоновъ и Выгорскій и часть казаковъ—сотня эсаула Братухина—остались на Ріонѣ. Здѣсь казаки захватили шайку мятежниковъ туземцевъ-студентовъ и расмистовъ, въ числѣ которыхъ оказался бѣглый матросъ съ «Потемкина».

На слѣдующій день капитанъ Выгорскій отправился съ казаками въ сел. Багдади, а капитанъ Самоновъ занялся приведеніемъ пути въ Кутань въ порядокъ. По возвращеніи изъ экскурсіи капитанъ Выгорскій поручилъ приготовить ему поѣздъ на слѣдующій день утромъ, чтобы ѣхать арестовать Старосельскаго. Какъ капитанъ Самоновъ, такъ и остальные офицеры принимали его за лицо,

¹⁾ Планъ былъ, очевидно таковъ: идти навстрѣчу воинскому поѣзду, при приближеніи его соскочить съ своего, полнымъ ходомъ пустивъ пустой поѣздъ на воинскій, произвести крушеніе и разстрѣлять побольше солдатъ во время катастрофы.

командированное по Высочайшему повелѣнію, и исполняли все его распоряженія. Когда поѣздъ былъ готовъ, капитанъ Выгорскій пригласилъ ѣхать съ собою капитана Самонова и двухъ казачьихъ офицеровъ съ нѣсколькими казаками. По прибытіи въ Кутансь произошло все въ томъ порядкѣ, какъ у меня изложено, а затѣмъ Выгорскій-Ващукъ съ капитаномъ Самоновымъ отправились къ Старосельскому.

Когда они вошли въ переднюю, то застали здѣсь охрану изъ революціонной милиціи, которая стояла у дверей во внутреннія комнаты, и вздумала не пускать офицеровъ и относиться къ нимъ пренебрежительно. Ващукъ далъ ближайшему звонкую пощечину, и вооруженная банда сразу присмирѣла. Тѣмъ временемъ вошли казаки и стали на часахъ у дверей. Видя это, расмисты поспѣшили скрыться.

Такъ какъ ни Ващукъ, ни капитанъ Самоновъ не знали въ лицо Старосельскаго, то Ващукъ попросилъ послѣдняго вызвать Старосельскаго. Войдя въ комнату, гдѣ сидѣлъ Старосельскій съ приглашенными лицами и ораторствовалъ, капитанъ Самоновъ обратился къ нимъ со слѣдующимъ вопросомъ:

— Господа, будьте добры сказать, кто изъ васъ губернаторъ Старосельскій.

— Я губернаторъ, — отозвалась поднявшаяся долговязая фигура съ оттопыренными ушами.

— Васъ требуетъ къ себѣ командированный по Высочайшему повелѣнію капитанъ Выгорскій, пожалуйста сюда.

Старосельскій сразу поблѣднѣлъ и съежился и покорно послѣдовалъ за Самоновымъ, имѣя самый жалкій видъ.

Капитанъ Выгорскій обратился къ нему съ приведенной у меня фразой, послѣ чего они втроемъ поднялись въ кабинетъ, гдѣ и произошелъ какъ приведенный у меня разговоръ, такъ и сцена съ прокуроромъ г. Томильно, описанная въ письмѣ капитаномъ Самоновымъ, и все дальнѣйшія описанныя мною дѣйствія.

Почему Выгорскій-Ващукъ не арестовалъ въ этотъ разъ Старосельскаго, онъ никому не объяснялъ, — очевидно, онъ почему-то вдругъ измѣнилъ свой планъ, но привелъ его въ исполненіе на слѣдующій день, однако это дѣйствіе происходило безъ участія капитана Самонова, который въ это время приготовлялъ поѣздъ, долженствовавшій отвезти арестованныхъ къ генералу Алиханову въ Квирилы.

Посаженные въ купе, въ которое сѣли и Самоновъ съ Выгорскимъ, Старосельскій и Кипшидзе, одѣтые въ мундиры при орденѣхъ, съезжившись, сидѣли рядомъ, совершенно растерянные, и имѣли самый жалкій видъ. Когда поѣздъ остановился на станціи Ріонъ, разъяренные казаки стоявшей тамъ сотни окружили вагонъ, въ которомъ находился Старосельскій, и требовали, чтобы онъ былъ

выведенъ изъ вагона и тутъ же разстрѣлянъ. Капитанъ Самоновъ бросился къ командиру сотни и тому удалось успокоить казаковъ, объяснивъ имъ, что Старосельскаго и Кишшидзе везутъ по требованію генерала Алиханова къ нему для преданія его военно-полевому суду.

Когда капитанъ Самоновъ вошелъ въ купе, въ которомъ находились Старосельскій и Кишшидзе, то засталъ въ немъ казака, который, ущемивъ носъ Старосельскаго между суставами пальцевъ, водилъ его голову вправо и влево, приговаривая: «Убилъ бы тебя, бисова батьку, да вотъ тебя требуетъ генераль Алихановъ». Старосельскій безропотно покорялся операціи. Капитанъ Самоновъ освободилъ его отъ казака.

Послѣ ухода послѣдняго губернаторъ и вице-губернаторъ, послѣ только что пережитаго, совсѣмъ пали духомъ и плакали. Ващукъ, похлопывая его по плечу, говорилъ: «Ну, что ваше превосходительство, струсили? Какой же вы губернаторъ. Вотъ скоро вамъ придется еще явиться къ генералу Алиханову и дать ему отвѣтъ. Что-то вы скажете ему въ свое оправданіе?» Старосельскій плакалъ и спрашивалъ у всѣхъ до самыхъ Квириль: «А что меня разстрѣляютъ?»

Но ничего этого не случилось. Отправленный въ Тифлисъ, онъ былъ подвергнутъ домашнему аресту въ гостиницѣ «Оріантъ» и сданъ на руки ротмистру Мартынову. Гарнизонъ требовалъ преданія его военно-полевому суду, какъ измѣнника. Управление намѣстника приняло его подъ свое покровительство, и среди гарнизона стала распространяться увѣренность, что ему дана будетъ возможность бѣжать за границу. Поэтому за нимъ зорко слѣдили, и два раза произошелъ большой переполохъ, когда Старосельскій куда-то выѣзжалъ изъ гостиницы. Телефонировали на вокзалъ о задержаніи его, если онъ вздумаетъ сѣсть въ поѣздъ, искали по всему городу. Найденный бывший губернаторъ водворялся на мѣсто, и все понемногу успокаивалось, сохраняя увѣренность, что онъ понесетъ заслуженную кару.

Но дѣло искусно повели на затяжку; командировали для ревизіи его управленія члена совѣта намѣстника сенатора Мицкевича. Тотъ долго возился въ Кутаисѣ и наконецъ представилъ докладъ намѣстнику. Послѣ этого доклада распространенъ былъ слухъ, что Старосельскаго передаютъ суду сената и что потому ему предстоитъ вскорѣ выѣхать въ Петербургъ.

Прошло уже немало времени, наиболѣе горячіе требователи преданія его военно-полевому суду попали въ командировки или были переведены, гарнизонъ и общественное мнѣніе нереволюціонныхъ кружковъ были отвлечены новыми заботами и происшествіями, и потому судьба Старосельскаго отошла на задній планъ. Въ одинъ прекрасный день Старосельскій безпрепятственно выѣхалъ изъ Тифлиса въ Петербургъ на судъ сената. Впослѣдствіи въ тифлис-

скихъ бюрократическихъ сферахъ говорили, что сенатъ, разобравъ дѣло его и Кишшидзе, обоихъ оправдалъ.

Интересно, однако, что во время обсужденія кавказскаго запроса стали наводить справки по этому поводу въ сенатѣ, но никакого дѣла о Старосельскомъ не оказалось, такъ что сложилось предположеніе, что всѣ слухи о судѣ надъ нимъ въ сенатѣ просто распустились для успокоенія общественнаго мнѣнія. Было бы весьма желательно вполне выяснитъ это обстоятельство и узнать, какой былъ приговоръ сената по его дѣлу, если таковое было разсмотрѣно сенатомъ.

Заканчивая на этомъ отвѣтъ моимъ оппонентамъ и дополненіе къ моему разсказу, не могу не отмѣтить, что, судя по всѣмъ опубликованнымъ даннымъ, Ващукъ былъ, повидимому, незаурядной личностью и вездѣ, гдѣ являлся, дѣйствовалъ на пользу дѣла, въ исполнѣ опредѣленномъ и именно нужномъ направленіи.

Полковникъ Шешкевичъ возражаетъ противъ высказаннаго мной положенія, что послѣ дѣйствій Ващука въ Кутаисѣ революціи какъ не бывало, а между тѣмъ и генералу Алиханову не удалось за время своего управленія губерніей подавить окончательно революцію. Но это не совсѣмъ такъ: генералу Алиханову не дали совершенно искоренить революціонныя организаціи въ Кутаисской губерніи, и когда эта опасность для нихъ назрѣла, его отозвали и назначили другого, который не могъ продолжать начатаго генераломъ Алихановымъ дѣла. Оттого и до сихъ поръ революціонное движеніе въ Кутаисской губерніи сохраняется. Прекрасный случай былъ покончить съ нимъ, когда слѣдствія по дѣламъ объ ограбленіи Душетскаго казначейства и убійствѣ экзарха Грузіи Никона могли довести до корня зла, до главарей, до организаціи того движенія, которое возникло въ восьмидесятыхъ годахъ и дало такіе кровавые результаты во время управленія краемъ графа Воронцова-Дашкова. Но... предпочли надъ вторымъ дѣломъ опуститъ занавѣсу, прекратить его, а первое свести къ совершенно ничтожнымъ результатамъ.

Поэтому корень зла уцѣлѣлъ и кто знаетъ, какіе плоды онъ дастъ Россіи въ будущемъ.

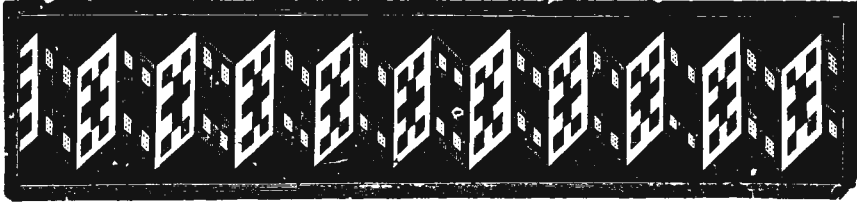
Мое же выраженіе «революціи какъ не бывало» надо понимать такъ, какъ я его понимаю: прибытіе Ващука, какъ лица, командированнаго по Высочайшему повелѣнію, его рѣчи и дѣйствія сразу подняли духъ всего гарнизона и всей благомыслящей части кутаисскаго городского общества и произвели панику среди кутаисскихъ революціонеровъ. Ожила эта часть общества, и поджали хвостъ мятежные элементы. Пощечина, данная Ващукомъ вооруженному милиціонеру въ передней губернатора передъ лицомъ другихъ вооруженныхъ милиціонеровъ, произвела на революціонеровъ гораздо болѣе сильное моральное воздѣйствіе, чѣмъ всѣ приказы генерала Шешковскаго и совѣщанія у него. Сила и импульсъ имѣютъ

свое обаяніе, недаромъ говорить пословица: «кто палку взялъ, тотъ и капраль».

Но не странно ли распорядилась судьба? Всѣ главные дѣятели, стоявшіе на стражѣ интересовъ государства и боровшіеся съ революціей на Кавказѣ, убиты, ранены, уволены въ отставку, преданы суду и въ самомъ благопріятномъ случаѣ переведены съ Кавказа. Всѣ же дѣятели, руководившіе революціоннымъ движеніемъ и покровительствовавшіе ему, остались преспокойно на мѣстѣ, нѣкоторые даже получили повышенія и награды, а если кого и пришлось въ силу положительной необходимости перевести, то ихъ дни успокоили на благополучныхъ и хлѣбныхъ мѣстахъ. Даже Старосельскаго не разъ хотѣли вернуть на государственную службу. Теперь возвратили на Кавказъ административно высланныхъ; въ огонь подлили масла, но дай Богъ, чтобы онъ снова не вспыхнулъ тамъ яркимъ кровавымъ заревомъ...

И. Подольскій.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФІЯ

А. С. Мумокинъ. Прїѣздъ иностранцевъ въ Московское государство. Изъ исторіи русскаго права XVI и XVII вѣковъ. Спб. 1909. Стр. 285.

НИГА г. Мумокина состоитъ изъ введенія (стр. 1—30), трехъ главъ (стр. 31—249), заключенія (стр. 249—253) и приложений (стр. 257—285). Введеніе, озаглавленное: «Прїѣздъ иностранцевъ въ древнюю Русь», распадается на два параграфа. Въ первомъ сообщаются историческіе факты прїѣзда иностранцевъ; во второмъ—нормы писаннаго права, касавшіяся прїѣзда ихъ въ Русь. Глава первая, озаглавленная: «Общія условія прїѣзда иностранцевъ въ Московское государство», распадается на два отдѣла, изъ коихъ второй раздѣляется, въ свою очередь, на шесть параграфовъ. Въ первомъ отдѣлѣ говорится объ общихъ условіяхъ прїѣзда купцовъ, служилыхъ, духовенства, путешественниковъ, лицъ, имѣвшихъ особыя къ тому цѣли, и спутниковъ иностранцевъ. Выясняется, что купцы, въ силу характера своей профессіи, имѣли свободный доступъ въ пограничные города Московской Руси; служилые люди—пропускались къ намъ, поскольку они желали поступить на службу и были приняты на таковую правительствомъ,—такимъ образомъ, служба была условіемъ прїѣзда и впуска ихъ въ Русь; православное духовенство допускалось за милостыней, а инославное лишь для удовлетворенія нуждъ тѣхъ группъ иностранцевъ, которыя сами по себѣ были допущены, напр., купцы; путешественники проникали лишь подъ видомъ агентовъ иностранныхъ государствъ или подъ видомъ купцовъ, такъ какъ путешествія, какъ цѣли прїѣздя въ Русь, Москва не признавала; въ видѣ исключенія допускался прїѣздъ для свиданія съ родственниками и для обученія русскому языку; спутники пропускались свободно, разъ были пропущены тѣ, кому они сопутствовали.

Второй отдѣлъ посвященъ «иностранцамъ свободныхъ профессій». Въ немъ сначала ставится вопросъ о самой возможности пріѣзда и пребыванія иностранцевъ свободныхъ профессій въ Московскомъ государствѣ. Рѣшеніе дается отрицательное: Московское государство «допускало пріѣздъ иностранцевъ свободныхъ профессій не иначе, какъ на службу государя», такъ что «въ Москвѣ не было иностранцевъ свободныхъ профессій, осуществлявшихъ свое дѣло такъ, чтобы не стоять къ государственной власти не только въ общемъ подчиненіи всѣхъ находящихся на ея территоріи, но и въ особенномъ подчиненіи государю, въ качествѣ служилыхъ у него людей» (стр. 62, § 1). Второй параграфъ носитъ странное заглавіе: «Внѣшняя форма нѣкоторыхъ дѣйствій московскаго правительства, касавшихся пріѣзда иностранцевъ свободныхъ профессій». Оказывается, что «дѣйствія» московскаго правительства состояли въ томъ, что оно, нуждаясь въ разныхъ мастерахъ, приглашало ихъ къ себѣ на службу, а когда сосѣднія государства этому препятствовали,—приглашало тайно. Что же касается «внѣшней формы» приглашеній, интересующей автора, то она, оказывается, состояла въ томъ, что приглашали именно на службу, а не для вольной практики. Слѣдующіе четыре параграфа специально и посвящены доказательству того, что иностранцы свободныхъ профессій не были въ Москвѣ людьми свободныхъ профессій, а были людьми служилыми. Вторая глава, озаглавленная: «Пріѣздъ иностранцевъ на русскую службу», и состоящая изъ шести параграфовъ, посвящена детальному разсмотрѣнію тѣхъ основаній, по которымъ служилые люди получали право въѣзда въ Русь, и тѣхъ юридическихъ нормъ, которыя такъ или иначе возникали въ связи съ ихъ пріѣздомъ и нормировали ихъ пребываніе на московской территоріи. То же самое, только относительно купцовъ, изслѣдуется въ третьей и послѣдней главѣ: «Пріѣздъ иностранцевъ для торговли». Въ заключеніе авторъ дѣлаетъ слѣдующіе выводы. «Въ древней Руси право пріѣзда иностранцевъ существовало въ качествѣ института обычнаго права и въ видѣ общаго для всѣхъ иностранцевъ безразлично». Зато въ послѣдствіи «въ виду нѣкоторыхъ особенностей московскаго строя, иностранцы оказались совершенно лишены права пріѣзда, за-исключеніемъ купцовъ. Купцы... сохранили то же самое право пріѣзда въ Московскомъ государствѣ, которое они имѣли въ удѣльно-вѣчевой періодъ. Остальнымъ же разрядамъ иностранцевъ нельзя было въѣхать въ Россію иначе, какъ съ особаго разрѣшенія» (стр. 249)¹⁾. Далѣе (стр. 250) авторъ говоритъ: «Сознательно или не отдавая себѣ вполне яснаго отчета, но Иванъ Васильевичъ (Грозный) хотѣлъ первый и послѣдній за всю московскую эпоху установить право пріѣзда въ Россію англи-

¹⁾ Впрочемъ, выше авторъ говоритъ нѣсколько иначе и тщательно доказываетъ свою мысль, именно: «Купцы пріѣзжали безъ разрѣшенія, но, какъ можно замѣтить, эта свобода пріѣзда распространялась только на пограничные города. Право иностранцевъ на внутреннюю торговлю, преимущественно въ г. Москвѣ, было обставлено также цѣлымъ рядомъ ограниченій и допускалось не иначе, какъ съ особаго разрѣшенія» (стр. 60 и др. *passim*). Очевидно, что на стр. 249, какъ и въ другихъ мѣстахъ, авторъ отождествляетъ «пріѣздъ въ пограничные города» и «пріѣздъ въ Московское государство», какъ цѣлое, что, впрочемъ, едва ли основательно.

чань безъ различія профессій и цѣли прїѣзда» (сообщается проектъ договора 1569 г. съ англійской королевой Елизаветой), но не удачно. «Этотъ вопросъ о свободѣ прїѣзда въ Россію иностранцевъ удалось разрѣшить только великому царю, и этотъ послѣдній остановился на немъ столько времени, сколько требовалось для двухъ росчерковъ пера»—приводится справка посольскаго приказа и двѣ резолюціи Петра 1695 и 1696 годовъ.

Таково въ краткомъ пересказѣ содержаніе книги.

Приступая къ болѣе детальному ея анализу, слѣдуетъ прежде всего отмѣтить колебанія автора относительно объема взятой темы. Судя по первымъ страницамъ, онъ имѣлъ въ виду говорить о прїѣздѣ вѣсхъ вообще иностранцевъ въ Московское государство, будутъ ли то купцы, служилые, духовенство и проч. Между тѣмъ уже на 42 стр. авторъ, послѣ нѣсколькихъ замѣчаній, отказывается говорить дальше объ иностранномъ духовенствѣ, считая этотъ вопросъ слишкомъ специальнымъ и достаточно освѣщеннымъ проф. Каптеревымъ и Цвѣтаевымъ. На стр. 56, намѣчая дальнѣйшій порядокъ изложенія, обѣщаетъ говорить уже только объ однихъ купцахъ и служилыхъ, но тутъ же дѣлаетъ отъ своего обѣщанія крупное отступленіе, заявляя о необходимости особо рассмотреть право прїѣзда иностранцевъ свободныхъ профессій, чему и посвящены цѣлыхъ 52 слѣдующихъ страницы. Наконецъ, во второй и третьей главахъ авторъ нѣрѣдко сбивается съ главной своей темы—права прїѣзда—на разсмотрѣніе правового положенія иностранцевъ во время пребыванія ихъ на Руси. При этомъ само собою разумѣется, что это положеніе авторъ разсматриваетъ не полно, а только постольку, поскольку оно связано, по его мнѣнію, съ самымъ правомъ прїѣзда.

Второе замѣчаніе должно быть сдѣлано относительно пользованія источниками. Изъ подстрочныхъ примѣчаній видно, что авторъ работалъ въ московскомъ и петербургскомъ архивахъ министерства иностранныхъ дѣлъ, слѣды чего остались, въ частности, въ видѣ одиннадцати приложений къ книгѣ. Но большая часть матеріала почерпнута авторомъ изъ печатныхъ источниковъ. При этомъ нельзя не отмѣтить, что весьма немало документальныхъ выписокъ авторъ дѣлаетъ не изъ первоисточниковъ, хотя бы и печатныхъ, а изъ сочиненій предшествовавшихъ изслѣдователей¹⁾. Даже лѣтописныя свидѣтельства нѣкоторыя берутся изъ исторіи церкви Голубинскаго, напр., на стр. 4 о походѣ Олега 907 года, хотя рассказъ о немъ находится на первыхъ страницахъ Лавреньевской и др. лѣтописей; на стр. 21—изъ книги Андреевскаго «О правахъ иностранцевъ въ Россіи». Вообще авторъ цитируетъ кое-гдѣ только Софійскую вторую, Воскресенскую и Никоновскую лѣтописи и нигдѣ не говоритъ, что имъ обследованъ весь лѣтописный матеріалъ, такъ что позволительно предположить обратное. То же позволительно сказать и о пользованіи остальными родами источниковъ, какъ-то: записками иностранцевъ, актами и проч. Видимо, свое вниманіе авторъ обратилъ главнымъ образомъ на предшествующую ему литературу вопроса, отчего книга его неволью производитъ впечатлѣніе старательной компіляціи.

¹⁾ Ср., напр., цитаты о Шимонѣ на стр. 5; о переписи 1665 г. на стр. 105—107 и passim по всей книгѣ.

Третье замѣчаніе относится къ системѣ книги. Вполнѣ основательно древняя Русь выдѣлена въ введение, такъ какъ въ заглавіи авторъ общаеъ говорить объ эпохѣ московской, хотя, кстати сказать, почему-то въ подзаголовкѣ суживаеъ ее до двухъ столѣтій—XVI и XVII. Въ дальнѣйшемъ же система изложенія оказываеъся спутанной. Обо всѣхъ возможныхъ, по его мнѣнію, разрядахъ иностранцевъ авторъ кратко говоритъ въ первомъ отдѣлѣ первой главы, заключая этотъ отдѣлъ словами: «этимъ мы заканчиваемъ перечисленіе тѣхъ возможныхъ случаевъ, пользуясь которыми, иностранцы могли попасть въ Россію» (стр. 56), но тутъ же внезапно появляются не появившіе раньше въ перечисленіе иностранцы свободныхъ профессій. Имъ посвященъ обширный второй отдѣлъ первой главы. Однако оказываеъся, что иностранцы свободныхъ профессій это тѣ же служилые люди (ср. стр. 62), а слѣдовательно выдѣлять ихъ изъ ранѣ упоминавшейся (стр. 39) группы служилыхъ едва ли основательно. Послѣ указанія разныхъ соображеній (см. выше сказанное объ объемѣ темы) авторъ сосредоточиваеъся на служилыхъ и купцахъ и подробнѣе повторяеътъ, а отчасти развиваеътъ то, что уже было сказано въ первомъ отдѣлѣ первой главы. Казалось бы, между тѣмъ, нѣтъ надобности разбивать на части матеріалъ, относящійся къ одному и тому же предмету. Кромѣ того, подробности, а особенно вставляемыя въ текстъ выписки съ сохраненіемъ старинной орѳографіи неизбѣжно разбиваютъ вниманіе и затрудняютъ чтеніе. На ряду съ повтореніемъ крупныхъ отдѣловъ встрѣчаются и мелкія повторенія одного и того же, а также не соответствующія основному содержанію параграфа вставки (напр., на стр. 59—61 вставка о купцахъ въ параграфѣ объ иностранцахъ свободныхъ профессій).

Четвертое замѣчаніе касается юридическихъ понятій. Въ книгѣ трактуеъся объ иностранцахъ, подданствѣ, служилыхъ (людяхъ) и проч., но нигдѣ нѣтъ попытокъ опредѣлить эти понятія, вывести ихъ изъ исторіи русскаго права. Отсюда возникаютъ недоумѣнія. Такъ (стр. 4), для времени похода Олега на грековъ въ 907 году «иностранцами» являютъся, для автора, хорваты, дулебы и тиверцы... Затѣмъ авторъ не знаетъ, отнести ли къ иностранцамъ, или нѣтъ нашихъ іерарховъ и духовенство изъ грековъ, такъ какъ они были православными ¹⁾ и пребывали на Руси не временно, а какъ служители русской церкви (стр. 21—23). Очевидно, что авторъ понимаетъ, что въ этомъ вопросѣ рѣшающимъ могло бы быть понятіе о подданствѣ. Онъ даже явно мечтаетъ о такихъ данныхъ, «которые указали бы на порядокъ принятія русскаго подданства (это—для удѣльно-вѣчевого-то періода) и на вышнее отличіе русскихъ подданныхъ отъ иностранцевъ» (стр. 22), но при этомъ не дѣлаеътъ никакихъ попытокъ вывести понятіе подданства путемъ историческаго анализа, указать время его зарожденія и его роль въ древней Руси. Ту же неясность необходимо отмѣтить и въ понятіи «служилые», которое авторъ всегда употребляетъ безъ прибавки «люди», какъ это обычно. Понятіе это нигдѣ не опредѣляеъся. Но зато сначала оно обозначаетъ, повидимому, только лицъ, несущихъ преимущественно военную службу, и затѣмъ все болѣе и болѣе расширяеъся, и, наконецъ, въ число «служилыхъ» попа-

¹⁾ Интересно, что въ прим. 1 на стр. 159 сказано: «Принятіе православія влекло за собой вступленіе въ русское подданство» (въ московское время).

даютъ иностранцы свободныхъ профессій (стр. 62 и слѣд.). Далѣе, глава первая трактуетъ объ «общихъ условіяхъ», между тѣмъ какъ въ заключеніи (стр. 250) и кое-гдѣ въ текстѣ говорится, что «въ вопросѣ о правѣ пріѣзда въ древнюю Русь иностранцы сливались въ одну общую массу. Въ московскій же періодъ это понятіе иностранца вообще исчезло изъ правового обихода, замѣнившись такими группами иностранцевъ, которыя ... ничего общаго между собою не имѣли. Каждая группа регулировалась соответственными законами, только къ ней одной относящимися». Слѣдовательно, объ «общихъ условіяхъ» пріѣзда говорить невозможно.

Не лучше обстоятъ дѣло съ юридической терминологіей. Напр. (стр. 31 и 249), «Московская Россія» (имя «Россія» введено только Петромъ В.); «люди частнаго права» (?—стр. 62, 75, 77); «рафинированное законодательство» (стр. 71); «выѣзжикъ» (стр. 121); «пріѣзжать на наемъ» (стр. 154); «торговля съ заграницей» (стр. 212) и др. Наконецъ, попадаются просто странныя выраженія: «эффекты національныхъ и вѣроисповѣдныхъ отличій» (стр. 3), «которая свобода» (стр. 213) и т. п. и чуждые серьезной мысли «Геркулесовы столбы» (стр. 90), разныя дѣтскія отступленія (въ родѣ перваго абзаца стр. 213), а также полные юношескаго форса выпады по адресу пресловутой московской замкнутости (стр. 59, 66, 248, 251 и др.).

Что касается содержанія разсматриваемой книги, то нельзя не сознаться, что она не очень богата выводами. Выше, при обзорѣ содержанія, выяснилось, что оно сводится къ двумъ основнымъ тезисамъ: 1) въ удѣльное время ограниченной пріѣзда не было; 2) въ московское время, напротивъ, въѣздъ въ Русь былъ всемъ запрещенъ, кромѣ купцовъ (имѣвшихъ право свободнаго пріѣзда въ пограничные города), желающимъ же въѣхать необходимо было получить особое разрѣшеніе, которое давалось иногда и въ международныхъ договорахъ и въ привилегіяхъ. Все это болѣе или менѣе было извѣстно и ранѣе, такъ какъ источники, послужившіе для книги, уже давно были напечатаны и предметъ изслѣдованія интересовалъ многихъ.

Впрочемъ, поскольку книга даетъ сводъ матеріала, разбросаннаго въ множествѣ старыхъ сочиненій и изданій, а отчасти лежащаго въ архивахъ, иными словами, поскольку книга представляетъ собою добросовѣстную компиляцію, постольку и она имѣетъ свою цѣну для работающихъ въ наукѣ. Однако отъ большихъ похвалъ справедливость требуетъ воздержаться¹⁾.

П. Верховской.

¹⁾ Да проститъ намъ авторъ строгость критики, въ которой, къ сожалѣнію, мы не одиноки (ср. очень сдержанную, но отмѣчающую все-таки рядъ крупныхъ промаховъ рецензію проф. В. Латкина въ «Журналѣ Министерствъ Юстиціи», ноябрь 1909 г., № 9, стр. 417). Безъ критики не можетъ быть совершенствованія научныхъ силъ и прогресса въ наукѣ.

**Чтенія въ императорскомъ обществѣ исторіи и древностей
россійскихъ при московскомъ университетѣ. 1909 годъ. Книга
третья. Двѣсти тридцатая. Издана подъ завѣдываніемъ М. К.
Любавскаго. М. 1909. Стр. IV+222+135+329+32. Ц. 3 р.**

Настоящая книжка «Чтеній» особенно богата своимъ содержаніемъ, какъ въ отдѣлѣ «матеріаловъ», такъ и въ отдѣлѣ «изслѣдованій». Въ послѣднемъ до 340 стр. занимаетъ «Путеводитель» по Троице-Сергіевой лаврѣ, принадлежащій перу извѣстнаго историка церкви, профессора Е. Е. Голубинскаго, и составляющій какъ бы вторую часть его обширнаго изслѣдованія «Преподобный Сергій Радонежскій и созданная имъ Троицкая лавра», первая часть котораго— «Жизнеописаніе преподобнаго Сергія»,—была напечатана во второй книжкѣ «Чтеній» за 1909 годъ. Представивъ въ первой главѣ общія свѣдѣнія о монастырѣ, авторъ слѣдующія главы посвящаетъ историческому обзорѣню отдѣльныхъ его частей и подробнѣ всего останавливается на описаніи 15 монастырскихъ церквей, въ особенности Троицкаго и Успенскаго соборовъ и Никоновской церкви, на описаніи келій и прочихъ зданій монастыря, богатѣйшей во всей Россіи ризницы лаврской, какъ по цѣнности золотыхъ и серебряныхъ церковныхъ предметовъ, нерѣдко украшенныхъ драгоценными камнями, такъ и по высоко-религіозному значенію цѣлага ряда священныхъ предметовъ, оставшихся послѣ преподобныхъ Сергія и Никона; на описаніи «примѣчательныхъ окрестностей монастыря» (Радонежа, Хотькова монастыря, Крестовской часовни, Виоанскаго монастыря, Геосиманскаго скита и Корбуха) и «осады лавры поляками».

Въ самомъ текстѣ «Путеводителя» помѣщено до 32 рисунковъ разныхъ священныхъ предметовъ и въ приложеніи—20 фототипическихъ и цинкографическихъ таблицъ общихъ видовъ и плановъ лавры и видовъ и плановъ отдѣльныхъ ея зданій.

Въ отдѣлѣ «матеріаловъ» особаго вниманія заслуживаютъ «Матеріалы для исторіи русскаго дворянства» В. Н. Сторожева. Собираніемъ и изданіемъ послѣднихъ В. Н. Сторожевъ занимается уже около 20 лѣтъ. Первый выпускъ «Матеріаловъ» появился въ печати въ 1891 г., изданный на средства московскаго архива министерства юстиціи и заключающій въ себѣ десять десятень XVI вѣка и тысячную кличу 1550 года. Въ 1895 г. было напечатано его «Тверское дворянство XVII вѣка», на средства тверской архивной комиссіи. Нынѣ появляются въ свѣтъ, «благодаря ученому вниманію и неизмѣнной заботливости объ изданіи первоисточниковъ русскаго прошлаго императорскаго общества исторіи и древностей російскихъ», матеріалы, собранные и подготовленные къ изданію В. Н. Сторожевымъ 12 лѣтъ тому назадъ и представляющіе, несмотря на это, высоко-научный интересъ, судя по массѣ вошедшихъ въ нихъ архивныхъ «выборокъ» и сопровождающихъ послѣднія примѣчаній. Чтобы судить о содержаніи и характерѣ этихъ «архивныхъ выборокъ», достаточно привести одни заголовки ихъ, какъ-то: Переяславльскія десятины верстальная и денежной раздачи 1584 г.; списокъ дворянъ и дѣтей боярскихъ Переяславля Залѣскаго, составленный по документамъ 1550—1560 гг., списокъ дворовыхъ, приказныхъ и служилыхъ

людей разных чиновъ, 1582 г., съ азбучнымъ указателемъ къ нему; два боярскихъ списка: 1610—1611 г. и 1621—1622 г.; родословная Нелидовыхъ-Отрепьевыхъ и «Родъ Николая Ивановича Новикова».

Въ послѣдній подотдѣлъ архивныхъ матеріаловъ вошло немало новыхъ и цѣнныхъ документовъ, извлеченныхъ изъ московскаго архива министерства юстиціи, которые даютъ возможность возстановить полную родословную всего рода знаменитаго мариниста Н. И. Новикова и которые мы по этому поводу позволимъ себѣ здѣсь вкратцѣ назвать: 1) «Дѣло неспорное по прошенію братьевъ Николая и Алексѣя Ивановыхъ дѣтей Новикова о справкѣ и объ отказѣ за ними доставшагося имъ по раздѣлу послѣ покойнаго отца ихъ коломенскаго недвижимаго имѣнія, за исключеніемъ части, проданной ими въ 1768 г. своему племяннику Ивану Андрееву сыну Новикову» (здѣсь приведено до 16 различныхъ актовъ); 2) «Отрывокъ изъ коломенской писцовой и межевой книги 7135—7136 г. (1627—1628), касающійся помѣстья и вотчины Ивана Андреевича сына Новикова»; 3) «Допросъ статскаго совѣтника Ивана Васильева сына и жены его Анны Ивановой дочери Новикова объ отдачѣ ими за дочерью ихъ Александрю въ приданое коломенскаго и пошехонскаго недвижимаго имѣнія съ людьми и съ крестьянами—отъ 29 сентября 1760 года»; 4) «Выдержка изъ дѣлопроизводства герольдмейстерской конторы, касающаяся Ив. В. Новикова и его мужскаго потомства»; 5) поколѣнная роспись рода Новиковыхъ, представленная въ Разрядъ въ концѣ XVIII вѣка, съ приложеніемъ справки о родѣ Новиковыхъ, сдѣланной въ 1798 году; 6) справка о происхожденіи матери Николая Ивановича Новикова, и др.

Въ заключеніе нельзя не указать на нѣсколько новыхъ и интересныхъ матеріаловъ, напечатанныхъ въ отдѣлѣ «Смѣсь». Таковы: 1) списокъ воеводъ города Арзамаса Нижегородской губерніи, за 1573—1718 гг. (болѣе полный, чѣмъ помѣщенный подобный же списокъ въ «Нижегородскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ» за 1850 г., № 15), сообщенный А. А. Титовымъ; 2) письмо князя Дмитрія Кантемира къ графу Гавриилу Головкину, извлеченное тѣмъ же А. А. Титовымъ изъ собранія рукописей архива св. синода; 3) замѣтка В. И. Саввы «объ одномъ изъ списковъ житія патріарха Никона», принадлежащемъ И. Н. Михайловскому въ Нѣжинѣ, съ выдержками изъ него, и 4) «Дополнительныя свѣдѣнія, неизвѣстныя въ печати, о судьбѣ автора записки, относящейся къ исторіи освобожденія крестьянъ въ Россіи, камергера М. А. Везобразова».

В. Рудаковъ.

С. Н. Тройницкій. Гербовые девизы русскаго, польскаго, финляндскаго и прибалтійскаго дворянства. Спб. 1910. Стр. 54.

Ц. 1 р. 25 к.

Рѣдки книги по геральдикѣ. «Начертаніе гербовѣдѣнія» І. Гаттерера въ переводѣ секретаря герольдіи Глѣба Мальгина, напечатанное по Высочайшему повелѣнію въ 1805 г. (переиздано Н. Шапошниковымъ. Спб., 1898 г.), классическій трудъ А. Лакіера, неоконченное изданіе «Геральдики» П. фонъ-Винклера, (три выпуска вмѣсто семи обѣщанныхъ), случайный сборникъ «Heraldica»

Шапошникова и небольшія замѣтки въ его же дворянскихъ адресъ-календаряхъ, наконецъ вышедшія годъ тому назадъ лекціи Ю. Арсеньева¹⁾—вотъ и вся, не считая нѣсколькихъ журнальныхъ статей, литература наша по этому предмету, далеко отставшая отъ иностранной, богатой своими историческими атласами, тяжеловѣсными словарями, иллюстрированными журналами и очень специальными учеными изслѣдованіями. Вотъ почему каждое новое изданіе, посвященное тому или иному вопросу этой вспомогательной исторической науки, должно быть отмѣчено.

«Гербовые девизы» С. Н. Тройницкаго являются вторымъ изданіемъ (предназначеннымъ для продажи) одного изъ періодически издаваемыхъ имъ для друзей очень изящныхъ сборниковъ, подъ общимъ заглавіемъ: «Notitiuncula Heraldica», изъ которыхъ въ первомъ помѣщена замѣтка самого издателя «о гербахъ Ечелиновъ, королей венгерскихъ Анжуйскаго дома и герцоговъ Бургундскихъ второй линіи», а во второмъ—гербовые девизы.

«Цѣль названнаго сборника дать указатель, ко которому легко было бы находить какъ фамилію по девизу, такъ и девизъ по фамиліи». Составитель его использовалъ всѣ доступные и мало доступные источники, и не только официальные, какъ общій гербовникъ дворянскихъ родовъ Всероссийской имперіи—19 частей (изъ которыхъ только десять первыхъ отпечатаны, восемь въ рукописи, а послѣдняя составляется), гербовникъ дворянскихъ родовъ царства Польскаго, дипломные сборники и «Девизы высочайше утвержденныхъ гербовъ» (изданіе департамента герольдіи сената, ставшее библиографическою рѣдкостью), но и частные: князь Долгоруковъ, Винклеръ, Антошевскій, Dunin-Borkowski, Dielitz, Klingspor и даже собранія гравюръ и ex libris'овъ, коллекціи печатей и оттисковъ съ нихъ (при чемъ въ текстѣ сборника, конечно, всюду показаны ссылки).

Вѣдѣнность книжки вполне удовлетворительна, и цѣна ея не кажется дорогой.

Влад. Лукомскій.

А. Н. Куропаткинъ. Россія для русскихъ. Задачи русской арміи. Томъ I, 565 стр. съ 15-ю картографическими приложеніями. Томъ II, 526 стр. съ 16-ю картами и схемами. Спб. 1910 г. Томъ III (печатается). Цѣна за всѣ три тома 8 рублей.

Послѣ многотомнаго сочиненія А. Н. Куропаткина о послѣдней японской войнѣ, не получившаго, къ сожалѣнію, свободнаго распространенія въ широкихъ кругахъ публики, тѣмъ же авторомъ недавно изданы три тома сочиненія, заглавіе котораго написано выше. «Россія для русскихъ» представляетъ собою изслѣдованіе тѣхъ задачъ, которыя выпали на долю русской военной силы въ теченіе историческаго существованія нашей родины. Въ первомъ томѣ изложены задачи русской арміи въ XV—XVIII столѣтіяхъ, выполненныя ею въ цѣляхъ объединенія русскаго племени и расширения предѣловъ Россіи до естественныхъ рубежей: морей Балтійскаго, Чернаго и Каспійскаго. Второй томъ

¹⁾ См. «Истор. Вѣстн.» 1909 г., № 1.

заключаєть въ себѣ описаніе выполненныхъ арміей задачъ, *не связанныхъ* съ русскою національною политикою, къ каковымъ относятся войны начала XIX столѣтія и войны освободительнаго характера на Балканскомъ полуостровѣ. Въ третьемъ томѣ, который въ непродолжительномъ времени будетъ законченъ печатаніемъ, авторъ предполагаетъ намѣтить главныя задачи Россіи и русской арміи, перешедшія на XX вѣкъ. Изъ этого перечня видно, что изслѣдованіе А. Н. Куропаткина обнимаетъ собою весь историческій ходъ постепеннаго роста и окончательнаго развитія Русскаго государства, выполненнаго при содѣйствіи русской военной силы, представительницы драгоцѣнныхъ свойствъ и способностей русскаго племени. При этомъ автору предстояло разобраться въ громадномъ историческомъ и военномъ матеріалѣ и распределить его такъ, чтобы общественные историческіе факты не перегрузили изложенія и чтобы рельефно выяснены были выводы, изъ нихъ вытекающіе. Выводы же эти заключаются въ томъ, что Русское государство крѣпло и развивалось только тогда, когда стремилось, по волѣ своихъ самодержавныхъ государей, къ ясно опредѣленному и твердо поставленному національному цѣлямъ, имѣвшимъ въ виду исключительно интересы русскаго племени; въ тѣ же періоды нашей исторіи, когда мы уклонялись отъ національной политики и преслѣдовали цѣли, не имѣвшія прямого значенія для русской жизни, мы, несмотря на военные успѣхи, на побѣдоносныя войны, въ результатъ получали ослабленіе государственной мощи и культурную отсталость отъ западныхъ сосѣдей.

Во второмъ томѣ именно изложены тѣ обстоятельства, подъ вліяніемъ коихъ слѣдованіе русской національной политикѣ въ XIX вѣкѣ было оставлено и вниманіе власти было обращено на устройство европейскихъ дѣлъ и, между прочимъ, на созданіе на Балканскомъ полуостровѣ независимыхъ государствъ. «Западные вліянія, — говоритъ авторъ, — съ особенною силою проявились въ Россіи въ началѣ XIX вѣка. Русскіе западники, убѣжденные въ полезности скорѣйшей европеизаціи Россіи, проникнувъ въ высшій правительственный слой, вмѣстѣ съ инородцами и иноземцами ослабили къ концу XIX вѣка русское національное самосознаніе и въ то же время, примѣняя къ Россіи западную школу и западныя экономическія системы, привели русское племя не къ усиленію, а къ ослабленію какъ въ духовномъ, такъ и въ матеріальномъ отношеніяхъ». Было бы, однако, своевременно учесть здѣсь, рядомъ съ неблагопріятными вліяніями, все то, что дано намъ Западомъ въ смыслѣ науки и культуры; впрочемъ, вопросъ этотъ разобранъ въ нашей литературѣ давно и всесторонне.

Къ числу выводовъ, къ которымъ приходитъ авторъ, слѣдуетъ отнести также его мнѣніе относительно политики нашей на Ближнемъ Востокѣ: онъ полагаетъ, что всѣ наши усилія должны быть исключительно направлены на обладаніе Босфоромъ, оставивъ безъ вниманія Константинополь и Дарданелы; укрѣпленіе наше хотя бы на незначительной территоріи обоихъ береговъ Босфора, имѣя оборонительный характеръ, въ смыслѣ обезпеченія нашихъ владѣній на Черномъ морѣ, не должно, казалось бы, вызвать значительнаго противодѣйствія со стороны западныхъ державъ, и нѣсколько разъ, въ теченіе нашихъ войнъ съ Турціею, было близко къ осуществленію. Другое рѣшеніе этого вопроса, заключающееся въ томъ, чтобы имѣть на Черномъ морѣ сильный флотъ, кото-

рый могъ бы сдѣлать его недоступнымъ для коалиціоннаго флота, авторъ считаетъ, при настоящихъ обстоятельствахъ, для Россіи непосильнымъ. Другой выводъ, который авторъ дѣлаетъ изъ нашей многовѣковой военной исторіи, состоитъ въ томъ, что образъ дѣйствій нашихъ войскъ въ будущихъ войнахъ, по свойствамъ нашихъ границъ и по возможной неготовности, долженъ быть оборонительный, съ отступленіемъ внутрь страны до тѣхъ поръ, пока перевѣсъ въ моральныхъ и матеріальныхъ силахъ дозволитъ намъ перейти въ наступленіе противъ ослабленнаго противника. Въ подкрѣпленіе этого вывода авторъ приводитъ дѣйствія Петра въ полтавской кампаніи, 1812-й годъ и даже севастопольскую кампанію, въ которой, какъ думаетъ авторъ, если бы мы, потерявъ Севастополь, отступили въ глубь страны, побѣда осталась бы за нами. «Въ войну 1904—1905 гг.,—говоритъ авторъ,—планъ дѣйствій былъ составленъ въ сущности тотъ же, что и въ 1812 г.: рѣшено было отступить, если то потребуется, до Харбина и далѣе». Однако, для успѣха такого плана надо, чтобы непріятель пошелъ въ разставленную ему ловушку; нельзя предполагать, напримеръ, что германская армія будетъ наступать до полнаго своего истощенія внутрь страны: непріятель сумѣетъ взять, что ему надо, и укрѣпиться во взятомъ районѣ. Во всякомъ случаѣ отступленіе внутрь страны не можетъ быть планомъ кампаніи: это есть вынужденный собственнымъ безсиліемъ образъ дѣйствій.

Что касается группировки находившагося въ рукахъ автора матеріала, то нельзя не замѣтить, что изложеніе перегружено общеизвѣстными военно-историческими фактами; излагая всѣ наши войны, начиная съ Святослава и кончая послѣдней турецкою войною 1877—1878 гг., авторъ поневолѣ долженъ былъ ограничиться самымъ элементарнымъ ихъ описаніемъ, что, однакоже, чрезмѣрно увеличило объемъ его труда. Казалось бы болѣе цѣлесообразнымъ ограничиться изложеніемъ обстановки до и послѣ кампаніи и дать надлежащіе выводы. Цѣль и направленіе своей работы авторъ объясняетъ слѣдующими словами, находящимися къ концѣ его предисловія: «Начавшійся нынѣ подъемъ національнаго чувства указываетъ на необходимость предоставить въ распоряженіе читающей русской публики всѣ данныя, которыя могли бы развить и закрѣпить русское національное самосознаніе и сдѣлать его болѣе плодотворнымъ въ разныхъ видахъ дѣятельности. Желая скорѣе удовлетворить этой потребности, я спѣшилъ изданіемъ настоящаго труда, сознавая при этомъ неизбежность многихъ его недостатковъ. Но я утѣшаю себя мыслью, что вслѣдъ за этимъ трудомъ, подъ тѣмъ же общимъ заголовкомъ: «Россія для русскихъ», появятся труды другихъ авторовъ: задачи русскаго флота, задачи русской школы, задачи русскаго земледѣлія, задачи русской обрабатывающей промышленности, задачи русской торговли, задачи русской дипломатіи и т. д. Эти труды помогутъ русскимъ людямъ разобраться въ сложныхъ явленіяхъ современной жизни, спутавшихъ простой укладъ жизни еще недавняго прошлаго, и сознательноѣ послужить на укрѣпленіе во всѣхъ отношеніяхъ «Россіи для русскихъ».

Въ третьемъ томѣ, обѣщанномъ авторомъ и озаглавленномъ «Задачи Россіи и русской арміи въ XX столѣтіи», будетъ сдѣланъ очеркъ внутренняго, вѣдш-

няго и военного положенія Россіи въ концѣ XIX вѣка и изложенъ взглядъ на тѣ задачи, которыя на Россію могутъ выпасть въ XX столѣтіи. Появленіе этого послѣдняго тома, заключающаго въ себѣ окончательные выводы автора изъ всего труда и касающіяся современной русской жизни, представляетъ большой интересъ.

Л. П.

Проф. Баіовъ. Курсъ исторіи русскаго военного искусства. Вып. V. Эпоха императрицы Екатерины II. Спб. 1909. XVI + 231 стр. + 17 табл. чертежей. Цѣна не означена.

Предпринятое профессоромъ императорской Николаевской военной академіи А. К. Баіовымъ изданіе по исторіи русскаго военного искусства выходитъ выпусками, изъ которыхъ пятый, только что вышедшій, посвященъ царствованію императрицы Екатерины II. Своему прямому назначенію быть курсомъ, иначе говоря учебникомъ, трудъ профессора Баіова вполне удовлетворяетъ: онъ даетъ достаточное количество свѣдѣній и указываетъ литературу предмета, а чертежи уясняютъ дѣло. Но это изданіе еще имѣетъ и другое значеніе, болѣе широкое: оно, несомнѣнно, будетъ служить справочнымъ пособіемъ для всякаго занимающагося стариною или даже простого ея любителя, такъ какъ специально-военныя познанія не у каждаго налицо, а въ специальной компетентности профессора Баіова усомниться никакъ нельзя. И въ этомъ отношеніи очень жаль, что свой «курсъ» Баіовъ печатаетъ въ довольно ограниченномъ количествѣ экземпляровъ.

Въ частности, нельзя не привѣтствовать, что профессоръ Баіовъ признаетъ вѣкъ Екатерины—золотымъ вѣкомъ. Дѣйствительно, на ея именно царствованіе выпадаютъ два великихъ полководца—Румянцовъ и Суворовъ, а всего великихъ полководцевъ Россіи академическая наука признаетъ трехъ (еще Петръ Великій, кромѣ указанныхъ). Удивительную военно-административную способность и военно-организаторскій талантъ проявилъ при ней же Г. А. Потемкинъ, великолѣпный князь Тавриды. И екатерининскія знамена—знамена славы, побѣдныя знамена.

Къ такому вполне правильному и спокойному выводу профессора Баіова слѣдуетъ присоединиться отъ всего сердца. Кажется, довольно мы себя безславили. Кажется, усердно мы отрещивались отъ героевъ, которые таковыми признавались даже нашими врагами. Кажется, съ усердіемъ доброй пчелы мы долго и терпѣливо собирали въ свои соты разныя ошибки, какъ чловѣка; какъ женщины, великой императрицы, и литература о «случаяхъ» стала у насъ обильнѣе литературы объ екатерининскихъ войнахъ. Все ужъ это было. И теперь своевременно трезво взглянуть на это блестящее военное царствованіе, когда былъ присоединенъ къ Россіи Крымъ и навсегда надломлено значеніе Оттоманской Порты.

Жаль только, что трудъ Баіова, преслѣдующій прежде всего учебныя цѣли, написанъ дѣловымъ, сухимъ слогомъ. Какая великолѣпная книга могла бы выйти изъ этого же матеріала, если бы авторъ вложилъ свои большія позна-

нія въ оправу художественнаго изложенія и нарядилъ свою содержательную рѣчь въ пестроту художественныхъ образовъ. Этому достоинъ золотой вѣкъ Екатерины, достойны военные пенцы ея славнаго гнѣзда.

М. Околовскій.

С. Р. Минцловъ. На зарѣ вѣка. Спб. 1910. Стр. 310. Ц. 75 к.

Посреди множества «историческихъ» романовъ, написанныхъ по трафарету и безъ всякой руководящей идеи, невольно обращаетъ на себя вниманіе интереснѣйшій романъ изъ эпохи смутнаго времени г. Минцлова подъ названіемъ «На зарѣ вѣка».

Авторъ многихъ историческихъ романовъ, историкъ и археологъ по специальности, г. Минцловъ особенно старательно изучалъ по старымъ лѣтописямъ и запискамъ иностранцевъ эпоху «Смутнаго времени» и вводитъ въ свой съ-интересомъ читающійся романъ оригинальную черту въ характеристикѣ Василя Шуйскаго, проливая новый свѣтъ на двойственность его роли на фонѣ общаго «смятенія» на Руси.

С. Р. Минцловъ утверждаетъ, будто цѣлый рядъ фактовъ свидѣтельствуеетъ о томъ, что Самозванецъ (кто бы ни скрывался подъ этой таинственной личностью) былъ обманутъ Шуйскимъ, убѣдившимъ его при помощи различныхъ пущенныхъ имъ въ ходъ интригъ, что онъ дѣйствительно царевичъ Дмитрій, законный сынъ Іоанна Грознаго.

Авторъ проводитъ мысль, что безъ такого именно убѣжденія въ законности своихъ правъ на московскій престолъ Самозванецъ, конечно, не могъ бы вести себя, какъ настоящій царь. Онъ нуженъ былъ Шуйскому, чтобы очистить этому послѣднему путь къ престолу, устраняя Годуновыхъ, чего онъ и добился. Вотъ эта-то тонкая интрига честолюбца для достиженія трона очень интересно проведена авторомъ въ своемъ романѣ, расцвѣченномъ печальной исторіей любви между стрѣлецкимъ сотникомъ и боярской дочерью. Помимо новизны основной идеи, въ романѣ обращаетъ на себя вниманіе замѣчательно колоритно обрисованный ужасъ смятенія эпохи, художественная и исторически вѣрная передача многихъ сторонъ духа и быта старой Москвы, масса красивыхъ и яркихъ картинъ природы и легкой изящный языкъ.

Книга въ короткое время выдержала уже четыре изданія. **В. С. У.**

Сборникъ учено-литературнаго общества при императорскомъ юрьевскомъ университетѣ. Томъ XV. Юрьевъ. 1909. Стр. XVIII+264. Ц. 2 р.

Настоящій томъ сборника заключаетъ въ себѣ два отдѣла: officialный и научный. Въ officialномъ отдѣлѣ (на стр. VII—XVIII) помѣщенъ отчетъ общества за 1907—1908 г. Изъ этого отчета видно, что дѣятельность учено-литературнаго общества, первымъ предсѣдателемъ котораго былъ извѣстный ученый, ректоръ юрьевскаго университета А. С. Будиловичъ, а теперь уже нѣсколько лѣтъ состоитъ ординарный профессоръ этого университета М. Е. Красноженъ,

«истор. вѣстн.», май, 1910 г., т. сxx.

21

продолжаетъ быть весьма плодотворною. Къ концу 1908 года общество имѣло 78 дѣйствительныхъ членовъ и 4 почетныхъ. Въ 7 открытыхъ засѣданіяхъ его было сдѣлано 7 сообщеній. Въ послѣдніе годы труды членовъ общества печатаются въ двухъ обширныхъ томахъ сборника, выходящаго ежегодно.

Въ научномъ отдѣлѣ XV тома сборника помѣщены слѣдующія обширныя статьи: 1) М. А. Тростниковъ, «Методика грамматики русскаго литературнаго языка» (стр. 1—112). 2) Проф. М. Е. Красноженъ, «Исторія образованія каноническаго кодекса греческой церкви отъ начала его возникновенія до эпохи введенія на Руси христіанства» (стр. 113—150). 3) Г. Г. Сумаковъ, «Образовательная экскурсія въ Закаспійскій край и на Кавказъ группы учениковъ юрьевской гимназій» (стр. 151—184). 4) Профессоръ Евгений Бобровъ, «Этюды по исторіи русскаго языка и просвѣщенія» (стр. 185—264), а именно: I. «Гоголь и Достоевскій» (стр. 185—200). II. «Изъ студенческой жизни шестидесятыхъ годовъ» (стр. 201—218). III. «Неизданное произведеніе І. П. Каменева», казанскаго купца-поэта, а именно его поэма «Авелова смерть» (стр. 218—260). IV. «Полежаевіана» (стр. 261—264).

Особенно интереснымъ является второй изъ этюдовъ проф. Боброва, въ которомъ онъ, на основаніи архивныхъ данныхъ казанскаго университета, воспроизводитъ предъ читателями интересный эпизодъ изъ жизни казанскихъ студентовъ, такъ называемую «Вяземскую» или «Больцаніевскую» исторію, въ которой участвовалъ извѣстный Дмитрій Каракозовъ. Надо замѣтить, что конецъ пятидесятихъ годовъ ознаменовался въ исторіи казанскаго студенчества постоянными волненіями. Одною изъ особенностей этого времени явилось въ казанскомъ университетѣ то, что студенты принялись очищать университетъ отъ нѣкоторыхъ профессоровъ, преимущественно изъ числа нѣмцевъ, казавшихся имъ плохими преподавателями, отсталыми въ наукѣ и не подходящими къ моменту университетскими дѣятелями. Студенты обращались къ отмѣченнымъ профессорамъ съ прямою просьбою очистить кафедру. Если тѣ не повиновались, то на ихъ лекціяхъ происходили демонстраціи, дѣлавшія дальнѣйшее пребываніе профессора на кафедрѣ невыносимымъ.

Такъ одинъ за другимъ въ теченіе трехъ лѣтъ (съ 1878 г.) были удалены нѣмцы Берви (профессоръ физиологіи), Струве (латинской словесности), Шарбе (греческой словесности) и одинъ русскій историкъ Владиміръ Максимовичъ Ведровъ, впоследствии цензоръ въ Петербургѣ. Затѣмъ студенты осенью 1861 г. намѣтили къ удаленію еврея Больцани, въ преподаваніи котораго они, какъ имъ казалось, не видали себѣ никакого толку. Дѣло въ томъ, что Больцани былъ сначала приказчикомъ въ магазинѣ нотъ и эстамповъ Даціаро въ Казани. Здѣсь онъ самоучкою сталъ заниматься математикою и однажды обратилъ на себя вниманіе профессора чистой математики А. Ѳ. Попова, который рекомендовалъ его знаменитому геометру Н. И. Лобачевскому; оба профессора стали работать надъ его развитіемъ, благодаря чему Больцани сдѣлался сперва учителемъ математики, затѣмъ магистромъ и докторомъ и получилъ профессуру по кафедрѣ физики въ казанскомъ университетѣ. Однако Больцани не оправдалъ надеждъ своихъ покровителей, такъ что казанскій университетъ въ его лицѣ сдѣлалъ пріобрѣтеніе сомнительное (стр. 206). Удалить Больцани изъ казанскаго университета

студентамъ не удалось, между тѣмъ послѣдствія этой исторіи оказались весьма тяжелыми. Казанскій университетъ былъ закрытъ и около ста студентовъ были исключены изъ университета.

Въ числѣ исключенныхъ былъ и Дмитрій Каракозовъ, причемъ онъ былъ высланъ изъ Казани, какъ не имѣвшій тамъ ни родныхъ, ни знакомыхъ, былъ высланъ въ свое «родовое село» Жмакино. Вновь Каракозовъ былъ принятъ въ университетъ лишь спустя полтора года, 2 октября 1863 г., снова на тотъ же юридическій факультетъ, на который поступилъ раньше. Затѣмъ, 29 октября 1864 г. онъ пожелалъ перейти въ московскій университетъ и былъ уволенъ 3 октября по прошенію изъ числа казанскихъ студентовъ. Поступивъ въ московскій университетъ, Д. Каракозовъ пробылъ въ немъ до лѣтняго вакаціоннаго времени слѣдующаго 1865 г., когда онъ былъ исключенъ за невзносъ платы за ученіе и окончательно бросилъ занятія въ университетѣ. Окончи онъ курсъ въ университетѣ своевременно,—быть можетъ, и судьба его въ жизни была бы другая (стр. 218)¹⁾. Желаемъ первому ученому русскому обществу на прибалтійской окраинѣ дальнѣйшаго процвѣтанія.

М. Г.

Источники словаря русскихъ писателей. Собралъ С. А. Венгеровъ. Т. II. Гогоцкая—Карамзинъ. Спб. 1910. Ц. 4 р.

Первый томъ названнаго труда С. А. Венгерова (Ааронъ-Гоголь) вышелъ въ 1900 году и теперь, черезъ 10 лѣтъ, вышелъ второй: Гогоцкая—Карамзинъ.

Если томъ за томомъ выходятъ съ такой медлительностью, то отъ труда можно требовать большей полноты и вѣрности сообщеній.

На страницѣ 168 читаемъ: «Гусевъ, Вячеславъ Германовичъ, вологодскій крестьянинъ и поэтъ (1870-хъ г.). Дилакторскій, Вологодскіе писатели. У. П. А.

¹⁾ Долго еще пѣлась казанскими студентами весьма извѣстная пѣсня про своихъ профессоровъ.

«Янишевскій да Больдани,
Князь Сутковскій да Козловъ,
Да еще подобной дряни
Было множество головъ.

Филологи и юристы,
Всѣ, въ комъ совѣсть умерла,
Чьи сердца давно не чисты,
Чьи сомнительны дѣла,—

Собрался это стадо
Подъ защитою штыковъ».. и т. д.

Пѣсня посвящена молодымъ профессорамъ-либераламъ, которыхъ очень радикальный авторъ (Александръ Серафимовичъ Гацисскій) спрашиваетъ:

«Гдѣ жъ вы были, молодые
Либералы-крикуны,
Вы, враги нешоджупные
Пресловутой старины?
Что вы дѣлали?..»

Дилакторскаго есть сочиненія: «Вологжане-писатели (Материалъ для словаря писателей уроженцевъ Вологодской губерніи). Вологда 1900». Но всего интереснѣе, что въ этой книгѣ П. А. Дилакторскій о В. Г. Гусевѣ не говоритъ ни слова, а о комъ въ своей книгѣ говоритъ Дилакторскій, ссылокъ въ трудѣ Венгерова нѣтъ.

Въ книгѣ С. А. Венгерова попадаются пропуски. Укажу нѣкоторые: Е. Я. Головачева-Панаева (18 стр.) «Русская Жизнь» 1893, № 85, 86. И. Ф. Горбуновъ (52—53 стр.) «Свѣтъ» 1895, № 315, «Московскій Листокъ» 1895, № 359. А. А. Дьяковъ (330—331 стр.) «Москов. Листокъ» 1995, № 200. А. С. Жиряевъ (31 стр.) «Сѣверная Пчела» 1856, № 284. В. И. Жуковскій (398 стр.) «Сынъ Отечества» 1899, № 36, «Новое Время» 1899, № 8243, «Новости» 1899, № 38. М. В. Загоскинъ (409 стр.) «Русскія Вѣдомости» 1898, № 233. П. В. Засодимскій (423—424 стр.) «Міръ Божій» 1892, № 12. «Живописное Обзорѣніе» 1893, № 9. Н. А. Иваницкій (458 стр.) Некрологи: «Новое Время» 1899, № 8531, «Новости» 1899, № 324, «Русскія Вѣдомости» 1899, № 350, «Олонецкія Губернскія Вѣдомости» 1899, № 12. М. Θ. Каменская (566 стр.) «Сѣверъ» 1898, № 31, «Новости Дня» 1898, № 5444, «Всемирная Иллюстрація» 1898, № 1540.

Иныхъ писателей С. А. Венгеровъ совсѣмъ не упоминаетъ, напр., о Заваринѣ, Николаѣ Александровичѣ («Вологодскія Епархіальныя Вѣдомости» 1869, № 22, 1870, № 13, «Вологодскія Губернскія Вѣдомости» 1898), Ильинскомъ, Львѣ Ивановичѣ (Григоровъ, 75-лѣтіе вологодскаго духовнаго училища. Вологда. 1889) 49—50 стр. Соколовъ. Празднованіе 75-лѣтія тотемскаго духовнаго училища и исторія сего училища. (Вологда 1890, 96—97 стр.) и нѣкоторыхъ другихъ.

Иногда почему-то С. А. Венгеровъ въ своемъ трудѣ регистрируетъ писателей, о которыхъ не имѣетъ никакихъ библиографическихъ свѣдѣній, наприм., на стр. 166 читаю: «Гусевъ, Дм., сотрудникъ «Сѣверной Почты» (1860-хъ гг.)» и все. «Гурьевъ, М., переводчикъ медицинскаго соч. (1880-хъ гг.)». Къ чему это? По-моему, такія сообщенія совершенно лишни. И на страницахъ 166—167 такихъ лишнихъ сообщеній имѣемъ еще о четырехъ Гурьевыхъ, Гурьяновѣ, Гурьянѣ, двухъ Гурьевыхъ, двухъ Гусаренко, Гусарскомъ, Гусачевѣ, Гусевѣ. Итого только на этихъ двухъ 166—167 страницахъ есть 35 ненужныхъ строкъ. А сколько такихъ ненужныхъ сообщеній во всей книгѣ? П. Д.

Отрывки изъ воспоминаній М. К. Рейхель и письма къ ней А. И. Герцена. М. 1909. Стр. 128. Ц. 1 р.

Марія Каспаровна Рейхель—одинъ изъ самыхъ близкихъ друзей Герцена. Она воспитывалась въ домѣ отца Герцена Ивана Алексѣевича Яковлева, затѣмъ вмѣстѣ съ Герценомъ и его женой выѣхала за границу, была свидѣтельницей многихъ эпизодовъ заграничной жизни Герцена, дружба г-жи Рейхель съ нимъ продолжалась до самой его смерти. Приступая къ чтенію воспоминаній человѣка, такъ близко и долго знавшаго Герцена, ожидаешь найти много гѣннаго и интереснаго, какія-нибудь новыя черты, характеризующія образъ Герцена. Хотя

воспоминанія г-жи Рейхель не лишены интереса и извѣстной цѣнности, но все-таки не оправдываютъ надеждъ, осуществленія которыхъ ожидаешь отъ воспоминаній такого близкаго къ писателю человѣка. Г-жѣ Рейхель не удалось дать яркой характеристики Герцена, въ ея воспоминаніяхъ его образъ вырисовывается довольно блѣдно и никакихъ новыхъ чертъ ею не прибавляется къ его характеристикѣ. Особенно жаль, что, близко зная жену Герцена, Наталью Александровну, г-жа Рейхель не даетъ ея характеристики. Отношенія къ женѣ—важный и интересный вопросъ біографіи Герцена, освѣщенный очень мало.

Но, не давая чего-либо новаго для обрисовки личности и воззрѣній Герцена, воспоминанія даютъ нѣсколько цѣнныхъ данныхъ для біографіи. Такъ, напримеръ, г-жа Рейхель сообщаетъ весьма цѣнные и интересныя свѣдѣнія о родителяхъ Герцена, о которыхъ извѣстно такъ мало, причемъ подтверждаются отзывы самого Герцена о его отцѣ. Г-жа Рейхель жила въ домѣ Яковлева во второй половинѣ тридцатыхъ годовъ, когда ему шель шестой десятокъ. По ея свидѣтельству, въ домѣ царила какая-то мертвая атмосфера. «Вѣчно серьезный, сдержанный, точно давній обѣтъ не принимать участія въ наслажденіяхъ жизни,—говоритъ г-жа Рейхель,—онъ создалъ вокругъ себя такую атмосферу, которая лежала тяжелымъ гнетомъ надъ окружающими... Онъ не былъ злымъ человѣкомъ, хотя и давалъ слугамъ чувствовать всю тяжесть своей власти. Если случалось кому провиниться, то онъ читалъ виновному длинныя нотации, употребляя тяжеловѣсныя выраженія, но не ругался при этомъ и не подвергалъ тѣлесному наказанію. Крестьянъ онъ не тиранилъ. Съ одной стороны, былъ скупъ на мелочи, съ другой—давалъ себя обманывать уже не въ мелочахъ... Онъ былъ умный человѣкъ и не могъ не понимать новыхъ идей и стремленій, но они не согласовались съ его воззрѣніями, мириться съ новыми не позволяла косность воспитанія. Упрямо удерживая старыя формы и мнѣнія, онъ вызывалъ часто противорѣчія, которыя, если не проявлялись въ враждебной для него формѣ, все-таки не могли и быть совсѣмъ подавлены. Если бы онъ немного поддался и далъ волю сердцу, какъ хорошо могъ бы онъ обставить свою жизнь! Но онъ создалъ себѣ непрístupное положеніе, отдалился, такъ сказать, отъ естественныхъ человѣческихъ отношеній, что заставило его быть одинокимъ». Людей, близкихъ къ Герцену, Яковлевъ, по свидѣтельству г-жи Рейхель, не любилъ и относился враждебно. Въ то же время, по словамъ г-жи Рейхель, отецъ Герцена проявлялъ доброту въ отношеніи къ ней. Мать Герцена, Луиза Ивановна, въ противоположность отцу, отличалась пріятливостью, стояла ближе къ сыну, принимала къ сердцу его интересы. «Луиза Ивановна,—говоритъ г-жа Рейхель,—принимала живое участіе въ интересахъ сына и, если сама не получила образованія, то много наслушалась и много читала, чтобы быть въ состояніи понимать своего богато одареннаго Александра». Кромѣ характеристикъ родителей Герцена, г-жа Рейхель даетъ цѣнный матеріалъ для обрисовки другихъ членовъ семьи Яковлевыхъ.

Въ свои воспоминанія г-жа Рейхель включила довольно много писемъ къ ней Герцена, довольно цѣнныхъ для его біографіи, для обрисовки его личности, психологіи, отношеній къ разнымъ лицамъ, напримеръ, Энгельсону, Кетчеру.

А. Г. Ф.

В. В. Даниловъ. Вліяніе бытовой и литературной среды на «Вечера на хуторѣ близъ Диканьки» Н. В. Гоголя. Одесса. 1909.

Рѣчь г. Данилова на гоголевскомъ торжествѣ въ Одессѣ должна занять почетное мѣсто въ юбилейной гоголевской литературѣ. Авторъ даетъ совершенно новое освѣщеніе многимъ фактамъ изъ петербургской жизни великаго писателя.

Біографами Гоголя до сихъ поръ совсѣмъ не упоминалось имя Ор. Мих. Сомова. Между тѣмъ этотъ «безмундирный» литераторъ, малороссъ родомъ, имѣлъ немалое вліяніе на молодого Гоголя. Горячій поборникъ народности въ литературѣ, самъ писавшій повѣсти изъ малорусской народной жизни. Сомовъ въ «Сѣверныхъ Цвѣтахъ» на 1831 годъ пишетъ не замѣченный до сихъ поръ библиографами сочувственный отзывъ о «Гансѣ Кюхельгартенѣ»; рецензентъ обнаруживаетъ тутъ личное знакомство съ молодымъ писателемъ и усматриваетъ въ Гоголѣ «талантъ, обѣщающій въ немъ будущаго поэта». Сомовъ и еще Свиньинъ, два редактора, съ которыми встрѣтился Гоголь на первыхъ шагахъ своей литературной дѣятельности,—оба были увлечены идеєю народности въ литературѣ. И слѣды ихъ вліянія на молодого Гоголя въ этомъ отношеніи безспорны.

До Петербурга, живя въ деревнѣ, Гоголь хотя и наблюдалъ народную жизнь, но «не вникалъ въ нее, не сливался съ нею», вотъ почему онъ и оказался недостаточно знакомымъ съ малорусскимъ народнымъ бытомъ, какъ это признано всѣми, начиная еще съ Кулиша. Всего за два года до своей «Сорочинской ярмарки» Гоголь назвалъ «литературнымъ уродомъ» книжку Кулжинскаго «Малороссійская деревня», посвященную этнографическому описанію Малороссіи. Переломомъ въ своихъ воззрѣніяхъ на народность Гоголь обязанъ въ значительной степени Сомову и Свиньину.

Вотъ тотъ совершенно новый выводъ, который мы извлекли изъ краткой рѣчи г. Данилова. Но имъ далеко не исчерпывается содержаніе этой глубоко интересной рѣчи.

Д. З.

Академическая бібліотѣка русскихъ писателей. Выпускъ 2-ой. Полное собраніе сочиненій М. Ю. Лермонтова. Томъ первый. Подъ редакціей и съ примѣчаніями проф. Д. И. Абрамовича. Изданіе разряда изящной словесности императорской академіи наукъ. Спб. 1910. Стр. XVI+414. Ц. 1 р. въ переплетѣ.

Годъ тому назадъ на страницахъ «Историческаго Вѣстника» я привѣтствовалъ принятую на себя разрядомъ изящной словесности академіи наукъ задачу— «представить нашихъ писателей-классиковъ въ научныхъ и общедоступныхъ изданіяхъ», и не могъ не указать на выдающіяся достоинства изданнаго тогда «Полнаго собранія сочиненій А. В. Кольцова», можно сказать, подареннаго обще-

ству и школѣ въ наиболѣе полной, научно-обработанной и изящно выполненной формѣ за баснословно низкую цѣну (65 к.).

Нынче вышелъ въ свѣтъ первый томъ «Полнаго собранія сочиненій М. Ю. Лермонтова», а въ сентябрѣ обѣщаютъ появленіе и второго и третьяго, по тому же плану и системѣ, какими руководился разрядъ при составленіи перваго выпуска своей «Библіотеки русскихъ писателей». Все изданіе сочиненій М. Ю. Лермонтова рассчитано на пять томовъ; въ первый и второй войдутъ стихотворенія поэта, въ третій—драмы, въ четвертый—проза и въ пятый—переписка и вводныя статьи («біографическій очеркъ; хронологическая канва для біографіи; свѣдѣнія о рукописяхъ и печатныхъ изданіяхъ; обзоръ литературы о Лермонтовѣ; о языкѣ и стилѣ Лермонтова; Лермонтовъ въ музыкѣ и живописи; о переводахъ произведеній Лермонтова на иностранныя языки; указатели»).

Въ разсматриваемый нами первый томъ вошли стихотворенія за 1828—1831 годы, причемъ за 1828 г.—всего семь стихотвореній, въ томъ числѣ—«Черкесы», «Кавказскій плѣнникъ» и «Корсаръ»; за 1829—50; за 1830—157 и 1831—70 стихотвореній; всего 284.

Текстъ всѣхъ этихъ произведеній критически провѣренъ по автографамъ или наиболѣе заслуживающимъ довѣріямъ копіямъ, а въ примѣчаніяхъ даны варианты къ основному тексту, съ соблюденіемъ орѳографіи Лермонтова и его эпохи, и необходимыя критико-библіографическія свѣдѣнія. Въ число произведеній 1830 г. вошли четыре впервые появляющіяся въ печати; три изъ нихъ: «Черныя очи. Много звѣздъ у лѣтней ночи» (№ 209, стр. 188), «Къ ***». «Когда твой другъ съ пророческой тоскою» (№ 210, стр. 188—189) и «Двѣ невольницы» (№ 208, стр. 186—188)—напечатаны по автографамъ, принадлежащимъ А. А. Бахрушину; наконецъ четвертое—довольно обильная по числу стиховъ (863) и весьма цѣнная въ автобіографическомъ отношеніи «повѣсть»-поэма—«Послѣдній сынъ вольности»—по автографу, сохранившемуся у В. Н. Шеншина, отцу котораго, Николаю Семеновичу, какъ товарищу по университету и военному училищу, поэтъ и посвятилъ ее. «Послѣдній сынъ вольности»—Вадимъ Новгородскій, какъ извѣстно, несмотря на всю скудость историческихъ свѣдѣній о немъ, въ нашей художественной литературѣ имѣлъ цѣлый рядъ характеристикъ, описаній и изображеній, нерѣдко несогласныхъ между собою. Но наиболѣе полную и законченную «художественно-литературную обработку сказанія о новгородскомъ витязѣ» далъ, по словамъ проф. Д. И. Абрамовича, нашъ знаменитый поэтъ Лермонтовъ, когда ему было всего 15 лѣтъ отъ роду. Въ его поэмѣ, создавшейся не безъ вліянія Пушкина, «отважный» витязь Вадимъ, послѣ неудачнаго нападенія на варяжскій лагерь, покидаетъ родной край, долго блуждаетъ съ своими друзьями, которые «пали въ землѣ безвѣстной и чужой», и одинъ со старымъ витяземъ-пѣвцомъ, Ингелотомъ, мучимый «местью», рѣшается вернуться въ отчизну и принести родной странѣ «и жизнь и счастье», вступивъ въ единоборство съ Рюрикомъ:

«Не буду у варяжскихъ ногъ!
Иль онъ, иль я: одинъ изъ насъ
Падеть, въ примѣръ другимъ падеть!»

Поединокъ этотъ, главный мотивъ котораго по поэмѣ—месть за поруганную Леду, когда-то съ «холодомъ презрѣнья» отвергнувшую витязя, окончился побѣдой Рюрика:

«Надъ непреклонной головой
Ударъ спустился роковой..
Онъ палъ въ крови, и палъ одинъ —
Послѣдній вольный славянинъ!»...

«Въ качествѣ иллюстрацій къ тексту,—читаемъ въ предисловіи редактора,—будутъ даны воспроизведенія всѣхъ существующихъ портретовъ Лермонтова и значительное количество репродукцій съ рисунковъ самого Лермонтова, а также картинъ, исполненныхъ поэтомъ-художникомъ масляными красками и акварелью» (стр. XV).

Въ настоящій первый томъ вошли: три портрета—1) М. Ю. Лермонтовъ въ 1837 году. (Съ акварельнаго портрета, сдѣланнаго самимъ поэтомъ), 2) М. Ю. Лермонтовъ—студентомъ въ 1831—1832 гг. и 3) Ю. П. Лермонтовъ—отецъ поэта; одинъ рисунокъ—«Кавказскій видъ» (автотипія съ картины масляными красками работы М. Ю. Лермонтова) и пять факсимиле (первыхъ четырехъ страницъ «Кавказскаго плѣнника» съ рисункомъ, первыхъ двухъ и послѣдней страницы поэмы—«Послѣдній сынъ вольности», первыхъ строфъ стихотворенія «Ангель смерти» и заглавной страницы тетради съ стихотвореніями 1830 г.).

Въ виду рѣдкой добросовѣстности и изящества выполненія, при своей крайней дешевизнѣ, новое академическое изданіе сочиненій нашего гениальнаго поэта, далеко еще не вполне извѣстнаго современной публикѣ и школѣ, слѣдуетъ только рекомендовать и рекомендовать и благодарить всѣхъ, кто только принималъ участіе въ составленіи и изданіи его, не щадя ни времени, ни средствъ.

В. Рудаковъ.

**В. В. Варнеке. Исторія русскаго театра. Т. 2-й, XIX вѣкъ.
Опытъ изложенія. Казань. 1910. Стр. 432. Ц. 2 р. 50 к.**

Область исторіи театра—въ буквальномъ смыслѣ нелюбимая падчерица нашей исторической науки вообще. Какой-то злой рокъ точно тяготѣетъ надъ нею. И всѣ начинанія, какъ единоличныя, такъ и коллективныя, терпятъ здѣсь неизбѣжное пораженіе.

Литература о театрѣ посейчасъ стоитъ чуть ли не на той точкѣ, на какую ее нѣкогда поставилъ Пимень Араповъ, доведшій лѣтопись нашего театра до 1825 г. Есть хроники, но и лучшая изъ нихъ—Вольфа—обрывается только на 1880 г. Есть сырые архивные матеріалы, увы!—имѣющіе дѣло съ чуть ли не елизаветинской только стариной. Есть попытки историческаго изслѣдованія, вродѣ книги П. О. Морозова и нѣсколько поверхностныхъ и чисто компилятивныхъ «исторій» (напр., Божерянова). Есть, наконецъ, 17 томовъ «Ежегодника Императорскихъ театровъ», дающихъ не обобщенные, не разработанные, сырые годичные отчеты Императорскихъ сценъ.

Имя Варнеке послѣ имени П. О. Морозова—самое значительное изъ именъ работниковъ на этомъ необитаемомъ островѣ. Профессоръ казанскаго универ-

ситета, читающий эту науку съ каедры, Варнеке нынѣ выходящимъ вторымъ томомъ завершаетъ первую стадію своего чрезвычайно полезнаго труда.

Исторія театра въ Россіи доведена имъ здѣсь до сегодняшняго дня. Сюда уже вошли и андреевскія пьесы, и Мейерхольдъ со стилизаціей, и Комиссаржевская, а театръ настроеній Станиславскаго разсматривается уже, какъ вполне установившееся и кристаллизовавшееся явленіе.

Второй томъ начинается съ эпохи Александра I, и хотя передъ вами книга въ 432 страницы убористаго шрифта, тѣмъ не менѣе мѣстами авторъ можетъ давать скорѣе только конспектъ исторіи нашей сцены, чѣмъ подлинную исторію. Легко сказать!—здѣсь удѣлено вниманіе и актерамъ, и драматургамъ, и репертуару александровской, николаевской, снова александровской поры вплоть до нынѣшнихъ дней, Шаховскому и Грибоѣдову, Кукольнику и Полевому, Гоголю и Островскому, Потѣхину и Чехову, трагедіи и водевилю, наконецъ—провинціальному театру. Это, конечно, задача двадцатитомнаго изслѣдованія, а не одной книги.

Все это говорится не къ тому, чтобы понизить цѣнность этой хорошей и пужной книги, которая въ своемъ родѣ является совершенно единственной и созданіе которой, при полномъ отсутствіи раннѣйшихъ опытовъ, при хаотичности даже библиографическаго указателя по исторіи театра,—говоритъ уже о преодолѣніи исключительныхъ трудностей. Авторъ поневолѣ вынужденъ былъ работать по первоисточникамъ, поневолѣ долженъ былъ создавать свой планъ, свои хронологическія дѣленія, свои рубрики.

Пересмотрѣнный имъ матеріалъ подавляетъ количествомъ. Приложенный имъ библиографическій указатель—уже неоцѣнимое подспорье для всякаго, кто хотѣлъ бы работать въ этой области. Вынужденный обиліемъ матеріала на краткость и сжатость, Варнеке умѣетъ, однако, избѣгать сухости учебника. Въ его книгѣ много живыхъ чертъ актерскаго быта и театральныхъ нравовъ. Не забыть театральныя анекдоты. Его книгу любителю можно читать и въ качествѣ занимательнаго чтенія.

Можно пожелать автору и театральнымъ появленія его новыхъ трудовъ, которые служили бы уже частичной разработкѣ отдѣльныхъ періодовъ жизни театра и со временемъ превратили бы эти его два тома исторіи—только въ конспектъ.

А. Измайловъ.

Ежегодникъ императорскихъ театровъ. Выпуски XVII и XVIII, подъ редакціей П. П. Гнѣдича. Спб. 1909. Ц. вып. 3 р. 50 к.

Въ 1890 году министромъ двора гр. Воронцовымъ-Дашковымъ было разрѣшено П. П. Гнѣдичу, согласно прошенію послѣдняго, изданіе «Ежегодника императорскихъ театровъ». Задача изданія состояла въ томъ, чтобы давать ежегодно подробный иллюстрированный отчетъ каждаго сезона. Директоромъ театровъ тогда былъ покойный Н. А. Всеволожскій. Ему очень понравилась мысль объ «Ежегодникѣ», ему хотѣлось увѣковѣчить рядъ постановокъ, къ которымъ онъ относился съ такой любовью. Тогда какъ разъ ставилась «Пиковая дама» въ оперѣ, «Спящая красавица» въ балетѣ, «Гамлетъ» въ петербургской

драмѣ, «Макбетъ»—въ московской. Благодаря его ходатайству, изданіе было утверждено, и въ первый годъ издавалось на частныя средства П. П. Гнѣдича, А. Е. Молчанова и В. П. Погожева.

Въ слѣдующемъ году изданіе перешло въ собственность дирекціи. Редакторомъ назначенъ былъ А. Е. Молчановъ, доведшій изданіе до 1899 года. Со вступленіемъ на постъ директора кн. С. М. Волконскаго, редакція перешла къ С. П. Дягилеву, выдавшему всего одинъ роскошный кипсекъ и значительно отошедшему отъ программы изданія. Все вниманіе новаго редактора была обращено на внѣшность: великобѣдную бумагу, шрифтъ, чудесныя фотогравюры и цинкографіи,—отчетная же часть и справочная сократились. Хроника одного изъ сезоновъ была даже совершенно пропущена редакторомъ. Затѣмъ временно за вѣдывалъ редакціею г. Полѣновъ, но съ появленіемъ директора г. Теляковскаго немедленно ушелъ. Редакторомъ былъ назначенъ Л. А. Гельмерсенъ—человѣкъ не литературный и не театралный. Два года редактировалъ онъ, съ чужою помощью, изданіе и вскорѣ умеръ. На его мѣсто былъ приглашенъ основатель «Ежегодника»—П. П. Гнѣдичъ. Онъ получилъ дѣло сильно запоздавшимъ. Ему сдано было оно подъ условіемъ, что онъ поправитъ прежніе недочеты и догонитъ по возможности въ скоромъ времени отставшую отчетность.

И вотъ въ четыре года—съ 1905 года до 1909,—задача эта была имъ выполнена: онъ выпустилъ шесть отчетныхъ сезоновъ. Нынѣшнимъ лѣтомъ вышли послѣдніе отчетные года (XVII и XVIII)—сезоны 1906—1907 и 1907—1908 годовъ.

Этими томами въ сущности и оканчивается циклъ того справочно-историческаго изданія, которое было задумано П. П. Гнѣдичемъ. По мысли дирекціи, въ прошломъ году изданіе «Ежегодника» должно было прекратиться, и взамѣнъ его долженствовали появиться «Ежемѣсячникъ», и при томъ не однихъ императорскихъ театровъ, а вообще всѣхъ театровъ русскихъ и заграничныхъ, причемъ «Ежемѣсячникъ» долженъ быть посвященъ интересамъ текущаго сезона.

Прекращая изданіе, дирекція дѣлала пробѣлъ въ двухъ сезонахъ (1906—1908 годовъ). Такія дѣйствія кабинетъ Его Величества нашелъ неправильными, и, образовавъ комиссію, подъ предсѣдательствомъ д. с. с. Струкова, рѣшилъ все-таки издать пропущенные сезоны, для чего и пригласилъ вновь въ редакторы П. П. Гнѣдича.

Лежащіе передъ нами два тома «Ежегодника» и есть послѣдніе анналы того изданія, которое было задумано его основателемъ.

Нынѣшнія средства къ воспроизведенію фотографій путемъ автотипіи нашли широкое примѣненіе въ этомъ роскошномъ изданіи. Печать въ два тона, столь распространенная за границей, нашла у насъ блестящее воспроизведеніе въ тѣхъ портретахъ, которые помѣщены въ «Ежегодникѣ». Тутъ цѣлая галерея художниковъ пера и сцены; большинство портретовъ появляется первый разъ въ печати и были совершенно неизвѣстны публики.

Особенно интересны портреты: Ленскаго и Сумбатова (Сърова), Ермоловой (его же), Федотовой (его же), Горбунова (Лебедева), Савиной (Далькевича), Кузнецовой (парижская фотографія), Тургенева (Полѣнова), гр. Толстого (неизданная фотографія), Щепкина (Пукирева) и мн. др.

Въ хроникѣ театровъ видное мѣсто отведено блестящей постановкѣ «Смерти Иоанна Грознаго»—А. К. Толстого. Множество рисунковъ воспроизводитъ представленіе этой исторической драмы и можетъ служить руководствомъ для постановки ея въ провинціи. Очень подробно изображены постановочныя пьесы «Измѣна» и «Холопы». Кромѣ хроники и официальныхъ списковъ, помѣщено рядъ статей: Вейльберга, Ганзена, Гнѣдича, барона Дризена, Карнѣва, Шаломтова и др.

В. Г.

**С. Ф. Либровичъ. Необыкновенный рубль. Спб. 1909. Стр. 58.
Цѣна 30 к.**

Рубль, о которомъ составлена г. Либровичемъ брошюра, «необыкновененъ» тѣмъ, что съ нимъ связана любопытная исторія предполагавашагося, но не состоявашагося царствованія Константина Павловича, которому было разрѣшено императоромъ Александромъ I жениться на простой польской дворянкѣ съ условіемъ, чтобы Константинъ Павловичъ отказался отъ престола въ пользу младшаго брата Николая Павловича. Министръ финансовъ графъ Канкринъ принадлежалъ къ числу тѣхъ сановниковъ, которые, хотя и знали объ отреченіи отъ престола цесаревича Константина Павловича, но были убѣждены, что цесаревичъ, послѣ кончины императора Александра I, воспользуется своимъ правомъ, возьметъ отреченіе свое обратно и будетъ царствовать.

Въ этомъ взглядѣ Канкринъ укрѣпила еще больше присяга, которую послѣ смерти Александра I принесъ цесаревичу, какъ законному императору, великій князь Николай Павловичъ, и настойчивое требованіе великаго князя, чтобы и всѣ сановники приняли такую же присягу.

Поэтому, по полученіи въ Петербургѣ извѣстія о кончинѣ императора Александра I, Канкринъ немедленно распорядился, чтобы на монетномъ дворѣ были отчеканены пробныя монеты, числомъ шесть, съ изображеніемъ цесаревича.

— Народъ долженъ поскорѣе привыкнуть, что у него есть новый государь, а для этого самое лучшее средство выпустить поскорѣе какъ можно больше монетъ съ изображеніемъ новаго императора,—говорилъ Канкринъ.

Однако, когда Канкрину стало окончательно извѣстно, что Константинъ Павловичъ царствовать не будетъ, тогда онъ велѣлъ доставить себѣ штемпеля, оловянные слѣпки и даже рисунокъ рубля для храненія въ секретномъ архивѣ министерства финансовъ. Туда же были доставлены и пробныя рубли.

Такъ Константиновскій рубль въ обращеніе пуценъ и не былъ.

По восшествіи на престолъ императора Николая Павловича,—замѣчаетъ г. Либровичъ,—всѣ слѣды междоцарствія и мнимаго царствованія Константина Павловича, по приказанію правительства, были уничтожены. Подверглись уничтоженію заготовленные документы съ печатнымъ заголовкомъ «по указу императора Константина Павловича», подверглись уничтоженію портреты Константина Павловича, какъ государя и пр., а въ учебникахъ по истории и другихъ книгахъ запрещено было упоминать объ этомъ событіи. Правительство рѣшило, что ничто не должно напоминать о мнимомъ вступленіи на престолъ и царствованіи Константина Павловича. Но серебряныя рубли съ изображеніемъ

Константина Павловича, хранившіеся въ секретномъ архивѣ министерства финансовъ, все же уцѣлѣли. Эти рубли лежали безъ движенія въ архивѣ до 1879 года, когда о нихъ было доложено императору Александру II великимъ княземъ Георгіемъ Михайловичемъ, рьянымъ собирателемъ монетъ, пожелавшимъ имѣть одинъ такой рубль въ своей коллекціи. По повелѣнію государя всѣ рубли—константиновскіе рубли, какъ ихъ называли,—были взяты изъ архива министерства финансовъ. Одинъ рубль былъ предоставленъ великому князю Георгію Михайловичу, другой былъ присоединенъ къ небольшому собранію монетъ и медалей въ кабинетѣ государя, третій—отосланъ въ императорскій Эрмитажъ, четвертый—препровожденъ великому князю Сергію Александровичу, пятый—посланъ въ подарокъ принцу Александру Гессенскому.

Существуетъ, однако, предположеніе, что, кромѣ этихъ рублей, Канкринъ отчеканилъ еще нѣсколько рублей съ изображеніемъ императора Константина I, и одинъ изъ такихъ рублей имѣется даже въ коллекціи монетъ Шуберта.

Какъ одно изъ очень немногихъ вещественныхъ воспоминаній о «нецарствовавшемъ императорѣ», Константинъ Павловичъ, эти рубли стали величайшею рѣдкостью и сдѣлались предметомъ искусственныхъ поддѣлокъ, которыя, выдаваемые за подлинныя рубли, продавались любителямъ по огромной цѣнѣ.

Въ настоящее время собиратели монетъ и торговцы рѣдкими монетами за Константиновскій рубль предлагаютъ до трехъ тысячъ рублей, но и за эту цѣну получить настоящіе экземпляры этого необыкновеннаго рубля нельзя, такъ какъ владѣльцы коллекцій, у которыхъ онъ имѣется,—а всѣ они наперечетъ,—конечно, не желаютъ разстаться съ этою рѣдчайшею историческою монетою.

А. Фаресовъ.

И. А. Родіоновъ. Наше преступленіе (Не бредъ, а былъ). Изъ современной народной жизни. Спб. 1910. Стр. 420. Ц. 1 р. 75 к.

Страшную картину распаденья народной сельской жизни рисуетъ въ своей книгѣ И. А. Родіоновъ, относя всѣ ужасы, имъ здѣсь представленныя, на счетъ преступленія интеллигенціи, благодаря ея разобщенію съ народомъ. «Народъ,—говоритъ онъ въ предисловіи,—спился, одичалъ, озлобился, не умѣетъ и не хочетъ трудиться. Не моя задача перечислять причины, приведшія насъ къ такому ужасающему положенію, но есть одна, на которую неоднократно указывалось въ печати и которую я не могу обойти молчаніемъ. Причина эта—разобщеніе русскаго культурнаго класса съ народомъ. Народъ брошенъ и, безпомощный и невѣжественный, предоставленъ собственной бѣдной судьбѣ. Если во время не прійти къ нему, то исходъ одинъ—бездна, провалъ, дно. Пора тѣмъ образованнымъ людямъ, въ комъ бьется горячее русское сердце, приняться за лихорадочную созидательную работу. Понесемъ туда «въ глубину Россіи» миръ, свѣтъ и знанія. Тамъ этого нѣтъ, тамъ въ этомъ кровно нуждаются. И мы обязаны итти туда, обязаны тамъ дѣйствовать, иначе мы умремъ, не выполнивъ нашего назначенія, умремъ неоплатными должниками того народа, который насъ поить, кормить, одѣваетъ, обуваетъ, который трудомъ рукъ своихъ обеспечиваетъ намъ лучшее существованіе, чѣмъ его собственное. Нашимъ слу-

женіемъ мы заплатимъ народу хотя малую крупицу того огромнаго долга, который записанъ за нами на скрижаляхъ судьбы». Авторъ объясняетъ, что самое названіе его лѣтописи современной русской жизни «нашимъ преступленіемъ» истекаетъ изъ того, что всѣ по истинѣ ужасы, которые имъ описаны и которые, по его мнѣнію, суть обиденное явленіе въ деревнѣ,—именно вина наша, вина бросившаго народъ «въ произволъ стихіи» образованнаго русскаго общества. Второй подзаголовокъ книги «Не бредъ, а быль» имѣетъ свое объясненіе въ томъ, что въ книгѣ, по удостовѣренію автора, нѣтъ вымысла, сгущенія красокъ, а имѣется въ наличности своего рода кинематографическая дѣйствительность, схваченная имъ литературнымъ аппаратомъ и нанесенная на широкое полотно.

«Наше преступленіе»... преступленіе интеллигенціи, бросившей народъ въ стихію произвола,—вотъ страшное обвиненіе талантливаго прокурора, брошенное въ лицо русскаго общества, обвиненіе очень сильное своими красками, своимъ фактическимъ содержаніемъ, потрясающее слушателей и вызывающее въ нихъ дѣйствительно ужасъ и страданіе, страданіе за народъ, за современную Россію. Но не преувеличиваетъ ли авторъ, не есть ли его голосъ—голосъ испуганнаго человѣка; современника, видящаго лишь поверхность событій, ихъ наружное проявленіе, но не желающаго окунуть ту историческую даль, изъ коей эти событія вырисовались и выступили на авансцену? Винить интеллигенцію за ея забвеніе народа, сваливать на нее цѣликомъ всю мерзость и запустѣніе современной деревни шагъ рискованный и не оправдываемый историческимъ ходомъ вещей. Интеллигенція въ лицѣ многихъ и многихъ своихъ единичныхъ представителей, въ лицѣ цѣлыхъ группъ и литературныхъ теченій на протяженіи минувшаго вѣка рвалась къ народу, искала сближенія съ нимъ, возможности проникнуть въ его душу и глубину его духовнаго бытія, но терпѣла въ этихъ своихъ стремленіяхъ и начинаніяхъ или непреодолимые препятствія, или роковыя неудачи, находящія свое объясненіе въ той огромной пропасти, которая всегда разъединяла и, вѣроятно, будетъ всегда разъединять простой русскій народъ отъ его интеллигенціи. Вѣдь даже въ Западной Европѣ разнь между интеллигенціей и народомъ несомнѣнна, и послѣдній, если судить о немъ хотя бы по роману Золя «Земля», далеко не представляетъ собою чего-то совершеннаго и идеальнаго. Картины сельской жизни, нарисованныя французскимъ романистомъ-натуралистомъ, вѣдь также леденятъ кровь своимъ звѣрскимъ ужасомъ, но никому не приходитъ въ голову дѣлать отсюда заключеніе, что Франція пропала, провалилась въ бездну, пошла ко дну. Если въ жизни этой страны и замѣчаются дефектныя стороны, отталкивающія и смущающія насъ своимъ отрицательнымъ характеромъ, то причины тутъ не озвѣрѣніе народа, а сумма причинъ иного порядка—соціально-политическаго. А то, что даетъ намъ г. Родіоновъ, во многихъ отношеніяхъ родственно тому, что въ свое время рисовалъ и Золя въ примѣненіи къ Франціи и наши бытописатели (Глѣбъ Успенскій, Ант. Чеховъ и др.) въ примѣненіи къ Россіи. Мракъ издавна царитъ въ жизни нашего народа, и происхожденіе этого мрака уже достаточно выяснено въ нашей литературѣ. Нынѣ этотъ мракъ сгустился, сталъ рельефнѣе, смраднѣе. Эти рельефность и смрадъ, ужасающіе и болѣзненные сами по себѣ, вмѣстѣ съ тѣмъ могутъ быть разсматриваемы и какъ симптомы, и симптомы при-

томъ очень важныя, къ выздоровленію, къ лучшему будущему. Россія нынѣ больна, да больна отъ низовъ до верху. Историческій ходъ событій выгналъ на поверхность жизни всю дрянъ и гадость, что таились долго въ глубинѣ народной жизни во всей ея совокупности, и намъ, современникамъ, конечно, нелегко присутствовать при вскрываніи всѣхъ нарывовъ. Но надо быть мужественнымъ и не впадать въ отчаяніе и тѣмъ болѣе, что даже въ книжкѣ г. Родіонова имѣемъ налицо такія данныя, которыя непереложно свидѣтельствуютъ, что какъ ни темна жизнь современной деревни, въ ней все же пробиваются, мерцаютъ такія свѣтлыя искорки, которыя даютъ полное основаніе говорить, что положеніе дѣлъ въ ея потенціи не такъ уже безнадежно. Въдъ рядомъ съ типами отрицательными, убійць, воровъ, пьяницъ, хулигановъ, проституттокъ и прочимъ отребьемъ рода человеческого онъ, быть можетъ, и противъ своей воли, вывелъ и типы положительныя, тѣ немногіе типы если не праведниковъ въ полномъ смыслѣ слова, то полу-праведниковъ, ради которыхъ и во имя которыхъ Содомъ и Гоморра современной деревни имѣютъ право на помилованіе. Да, нарисованная такъ высокоталантливо г. Родіоновымъ жизнь русской деревни полна ужасовъ, но развѣ не ужасна и жизнь современнаго русскаго города и его обывателей. Развѣ городская хроника, приносимая повседневною печатью, не вызываетъ въ насъ страха и трепета, и развѣ не этимъ страхомъ до извѣстной степени можетъ быть объяснена та общая неврастенія, которая такъ наглядно проявляется сейчасъ во всѣхъ общественныхъ классахъ? Но развѣ можно дѣлать отсюда одни лишь безнадежныя выводы? Конечно, нѣтъ. Всѣ болѣзни нынѣ вскрыты, и мы знаемъ ихъ діагнозъ. Въ этомъ большой шагъ исторіи впередъ, и отсюда наше утѣшеніе и вѣра въ лучшее будущее, которое, повидимому, далеко не за горами. При наличіи сознанія зла, при знакомствѣ съ его составными частями—съ одной стороны, и съ другой—при наличіи той идеалистической потенціи, которая просачивается и черезъ ужасающую дѣйствительность г. Родіонова, наша вѣра не есть плодъ простого благодушія. Черныя тучи заволокли небосклонъ, мракъ низко опустился на землю, по лицу ея несется «волчій голось»... Все это такъ. Но и разсвѣтъ не такъ ужъ далекъ. Надо потерпѣть за прежніе грѣхи, пострадать и въ этомъ терпѣнни, терпѣнни только непремѣнно сознательномъ, въ этомъ страданіи—залогъ и добраго будущаго. Спасибо, сердечное спасибо талантливому автору, который сразу одной небольшою книжкой создаетъ себѣ крупное имя въ русской литературѣ, за его трудъ, за его діагнозъ больной деревенской Россіи. Правда, обнаженная и наглядно выставленная на свѣтъ Божій,—большая заслуга со стороны того, кто это сдѣлалъ. Въ настоящемъ случаѣ за г. Родіоновымъ большая заслуга, и она не забудется; но рядомъ съ этимъ пусть читателей не охватываетъ и безнадежность. Положеніе, по-нашему, не такъ ужъ отчаянно: мы имѣемъ дѣло съ явленіями проходящаго порядка. И они минуютъ. Въ это надо вѣрить.

В. Г.

В. В. Латышевъ. Изборникъ научныхъ и критическихъ статей по исторіи, археологіи, географіи и эпиграфикѣ Скиѣи, Кавказа и греческихъ колоній. Спб. 1909.

Выдающійся классикъ, знатокъ археологіи, греческой исторіи и литературы, академикъ В. В. Латышевъ выпустилъ сборникъ своихъ статей, разбросанныхъ по разнымъ періодическимъ изданіямъ. Передъ нами плодъ двадцатипятилѣтняго труда и многосторонней эрудиціи. Почти всѣ статьи относятся къ древнѣйшей эпохѣ русской исторіи, съ которой началъ свой трудъ Карамзинъ, но о которой онъ по всеобщему тогда незнакомству съ эпиграфикой и археологіей могъ сказать очень мало достовѣрнаго. Строго говоря, это еще не русская исторія, а только исторія областей, вошедшихъ въ послѣдствіи въ предѣлы Россіи. Южнорусскія области, прилегающія къ Черному морю, замѣчаетъ авторъ, представляютъ весьма привлекательное поле для разысканій историка, географа и археолога. На сѣверныхъ берегахъ его нѣкогда процвѣтала чисто эллинская гражданственность, кипѣла бодрая, жизнерадостная дѣятельность эллинскаго духа, о которой даже теперь, по прошествіи долгаго ряда вѣковъ, послѣ многихъ опустошительныхъ урагановъ, проносившихся надъ этими областями, свидѣтельствуютъ многочисленные и разнообразныя слѣды; здѣсь лежатъ развалины городовъ, описанныхъ и даже посѣщавшихся великими эллинскими писателями, здѣсь отыскиваются изящныя, художественныя произведенія эллинскаго искусства, открываются письменныя памятники, объясняющіе и пополняющіе свидѣтельства древнихъ писателей объ этихъ странахъ. Всѣ сохранившіеся здѣсь остатки дороги и святы для всего образованнаго міра, для всякаго, кто не живетъ исключительно интересами настоящаго, а обращаетъ свой мысленный взоръ назадъ, въ глубь вѣковъ, стараясь познать и уяснить себѣ великую созидательную работу челоуѣческаго духа. Ученые, углубляющіеся въ изслѣдованіе русской исторіи и жизни, развѣ не должны обращаться за свѣдѣніями къ этой же великой сокровищницѣ? Положимъ, эллинскія поселенія южной Россіи, за исключеніемъ Херсонеса и Воспора, уже давно лежали въ развалинахъ, когда только что начинала заниматься заря русской исторіи; положимъ, что ихъ исторія есть только исторія нашей территоріи, а не наша собственная; но вѣдь эллины здѣсь жили не въ пустомъ пространствѣ, они были окружены туземными народами, съ которыми постоянно приходили то во враждебныя столкновенія, то въ мирныя, дружескія сношенія, причемъ ихъ высокая культура не могла не дѣйствовать обаятельно на грубыхъ туземцевъ, не могла не восприниматься ими и производить свое облагораживающее вліяніе. Специалисты, знающіе, какъ много требуется эрудиціи и таланта для истолкованія греческихъ надписей, оцѣнятъ по достоинству трудъ В. В. Латышева. Это книга настоящаго ученаго для ученыхъ, но соображенія и выводы его сдѣлаются со временемъ популярными, когда ими воспользуется историкъ для первой главы исторіи Россіи.

П. Б.

Двѣ рѣчи Θεодора Дафнопата, изданныя съ введеніемъ о жизни и литературной дѣятельности автора и съ русскимъ переводомъ В. В. Латышевымъ. (Православный палестинскій сборникъ. Вып. 59-й). Изданіе императорскаго Палестинскаго общества. Спб. 1910. Стр. СХХ + 144. Ц. 4 р.

«Проповѣди градоначальника» или «проповѣди министра»—явленіе въ современной намъ гомилетической литературѣ немислимое, но во времена Греческой имперіи произнесеніе духовныхъ рѣчей мірянами, занимавшими высокіе посты въ государствѣ, было довольно обычнымъ явленіемъ. Міряниномъ былъ и тотъ Θεодоръ Дафнопатъ, современникъ и сотрудникъ императора Константина Вагрянороднаго, патрицій византійскій, которому принадлежать оба слова, нынѣ впервые изданныя въ подлинномъ видѣ съ обширными комментаріями и въ прекрасномъ переводѣ академика В. В. Латышева. Θεодоръ Дафнопатъ не менѣе 20 лѣтъ занималъ высокую должность протасикрита, т. е. начальника собственной канцеляріи императора, а затѣмъ былъ епархомъ города Константинополя. По первой изъ этихъ должностей Дафнопатъ написалъ, отъ имени императора Романа Лакапина, рядъ дошедшихъ до насъ дипломатическихъ писемъ: къ князю Симеону Волгарскому, къ римскому папѣ Іоанну XI и къ египетскому эмиру Ихшиду, а также рѣчь къ митрополитамъ по вопросу объ избраніи патриарха. Никакого отношенія къ его служебнымъ обязанностямъ, однако, не имѣютъ многочисленныя его богословскія сочиненія, какъ гомилетическія, такъ и агіографическія. Въ этихъ сочиненіяхъ сановный авторъ просто отдавалъ долгъ духу времени. Интересная фигура этого любителя-богослова, можно сказать, впервые вырастаетъ передъ нами благодаря труду академика В. В. Латышева, такъ какъ до сихъ поръ еще никто изъ византинистовъ не бралъ на себя труда собиранія и подробнаго изученія всего того, что въ имѣющемся рукописномъ преданіи можетъ быть признано безспорно принадлежащимъ Дафнопату, упоминаемому едва въ немногихъ словахъ въ имѣющихся общихъ трудахъ по исторіи византійской литературы.

Такъ какъ опредѣленныя указанія другихъ писателей на авторство Θεодора Дафнопата крайне скудны, а въ рукописномъ преданіи зачастую Дафнопату приписывается не то, что имъ написано, или, съ другой стороны, его сочиненія приписываются другимъ лицамъ, то издателю его рѣчей пришлось, въ обширномъ предисловіи къ настоящему изданію, продѣлать огромную кропотливую работу по установленію того, чтѣ безспорно принадлежитъ нашему автору. За отсутствіемъ во многихъ случаяхъ какихъ-либо иныхъ указаній, издатель принужденъ былъ при этомъ главное вниманіе обратить на языкъ писателя, на характерныя его реченія и обороты; въ видахъ уясненія особенностей языка Дафнопата къ изданію приложенъ, кромѣ указателя собственныхъ именъ, еще довольно обширный указатель словъ и выраженій, характерныхъ какъ для обѣихъ издаваемыхъ рѣчей, такъ и для нѣкоторыхъ изъ безспорно написанныхъ Дафнопатомъ житій святыхъ.

Изъ обѣихъ изданныхъ рѣчей первая—на рожденіе Іоанна Крестителя—является простымъ комментариемъ къ евангельскому разсказу и поэтому пред-

ставляетъ только богословскій интересъ. Болѣе общинтересна вторая рѣчь, посвященная перенесенію десной руки Іоанна Предтечи изъ Антиохіи въ Константинополь. Какъ извѣстно, это событіе до сихъ поръ празднуется православною церковью 7-го января. Феодоръ Дафнопать былъ свидѣтелемъ этого перенесенія, и подробный разсказъ его о томъ, при какихъ обстоятельствахъ оно произошло, отличается, при всей своей обычной византійской витіеватости, свѣжестью и непосредственностью разсказа очевидца. Упомянувъ о чудесахъ, совершенныхъ силою десницы святого, Дафнопать подробно разсказываетъ легенду о спасеніи въ Антиохіи дѣвцы, которая предназначалась въ пищу дракону. Это сказаніе извѣстно и по славянскимъ прологамъ, откуда издатель Дафнопата приводитъ выдержки для сравненія съ греческимъ текстомъ.

А. М. Л.

Протоіерей А. Рождественскій. О приходской жизни во Франціи. Прага Чешская. 1908. Стр. IV+556.

Однимъ изъ важнѣйшихъ церковныхъ вопросовъ, въ послѣднее десятилѣтіе обратившимъ на себя вниманіе не только духовной, но и свѣтской печати, является вопросъ о благоустройствѣ или, какъ выражаются нѣкоторые, «о возрожденіи» православнаго церковнаго прихода, причемъ высказывается надежда, что обновленіе церковно-приходской жизни будетъ способствовать улучшенію даже государственной жизни нашего отечества.

Не осталась равнодушною къ этому вопросу и власть церковная. Между прочимъ, вопросъ «о благоустроеніи прихода» былъ включенъ въ программу работъ особаго присутствія для разработки вопросовъ, подлежащихъ сужденію предполагаемаго помѣстнаго собора. Занимавшійся этимъ вопросомъ IV отдѣлъ этого предсоборнаго присутствія выработалъ даже проектъ нормальнаго устава для православныхъ приходовъ въ Россіи ¹⁾, который, къ сожалѣнію, за недостаткомъ времени не могъ быть вполне подвергнутъ обсужденію въ общемъ собраніи предсоборнаго присутствія, закрытаго 15 декабря 1906 года. Поэтому, по опредѣленію 28 февраля 1907 года, было учреждено при св. синодѣ особое совѣщаніе для окончательнаго разрѣшенія приходскаго вопроса, уже закончившее свои работы.

Правильное разрѣшеніе вопроса о церковномъ приходѣ представляется настолько же важнымъ, насколько сложнымъ и труднымъ. Достаточно упомянуть, что одно только опредѣленіе понятія «приходъ», съ церковной и гражданской точекъ зрѣній, вызвало много споровъ и заняло немало времени: одни доказывали, что приходъ есть «церковное установленіе», другіе, подъ вліяніемъ, какъ намъ кажется, протестантскаго понятія о приходѣ, отстаивали приходъ

¹⁾ Кроме того, были составлены профессоромъ И. С. Бердниковымъ «сепаратный» проектъ положенія о православномъ русскомъ приходѣ и А. А. Папковымъ (бывшимъ тавастгусскимъ губернаторомъ) свой проектъ устава для православныхъ приходовъ въ Россіи. Гг. Бердниковъ и Папковъ, бывшіе членами предсоборнаго присутствія, своими трудами оказали большую услугу при разработкѣ вопроса о благоустройствѣ православнаго русскаго прихода.

какъ какую-то довольно неопредѣленную «церковную общину», совершенно не соответствующую духу нашего церковнаго устройства.

Понятно поэтому, насколько важнымъ представляется знакомство съ католическимъ церковнымъ приходомъ и его организацией: вѣдь католическая церковь по своему устройству неизмѣримо ближе подходитъ къ церкви православной, чѣмъ общества протестантскія.

Въ обширномъ, весьма интересномъ, сочиненіи протоіерея А. Рождественскаго приходская жизнь во Франціи представлена съ замѣчательною обстоятельностью и полнотою.

Книга протоіерея Рождественскаго заключаетъ въ себѣ введеніе, семь главъ и приложения; въ послѣднихъ приведены статистическія свѣдѣнія о приходскомъ населеніи по діоцезамъ (стр. 518—521) и указатель огромной литературы (стр. 522—545), которою пользовался авторъ при составленіи своего труда.

Указавъ во введеніи (стр. I—IV) на важное значеніе для религіозно-нравственнаго развитія церковнаго прихода, протоіерей Рождественскій въ I главѣ своей книги, подъ заглавіемъ: «Приходы» (стр. 1—58), даетъ опредѣленіе «прихода», подробно объясняетъ его организацію во Франціи, а также рисуетъ картину внутренней жизни приходовъ. Во главѣ каждаго прихода стоитъ священникъ. Трудъ приходскаго священника довольно сложенъ: онъ долженъ совершать богослуженіе, исправлять требы, проповѣдывать, посѣщать своихъ прихожанъ въ особенности больныхъ, помогать бѣднымъ. Но этимъ еще не ограничиваются его пастырскія обязанности. Онъ долженъ обращать свое вниманіе на воспитаніе и образованіе молодого приходскаго населенія, въ виду того, что Законъ Божій въ правительственныхъ школахъ Франціи не преподается, причѣмъ ученикамъ этихъ школъ нерѣдко внушаются антирелигіозныя идеи. Кромѣ этого, священникъ долженъ заботиться объ уясненіи и расширеніи религіозныхъ знаній (стр. 7). Приходскія учрежденія довольно разнообразны. Къ нимъ принадлежатъ: фабрики, кладбища, церковно-приходскія школы, братства, патронаты, сельскія кассы и др. Уставъ фабрикъ утвержденъ правительственною властью 30 марта 1809 года. Фабрики состояли изъ совѣта и комитета. Члены прихода, какъ таковыя, не пользуются никакими юридическими правами. Они не участвуютъ ни въ выборѣ своего священника, ни въ выборѣ лицъ, управляющихъ церковнымъ имуществомъ; всѣ эти лица служатъ по назначенію властей. При дѣленіи всѣхъ прихожанъ во Франціи, а именно 38.769,809 (по даннымъ, относящимся къ 1901 году), на общее число священниковъ—41,891, оказывается, что на каждаго священника во Франціи приходится среднимъ числомъ 925 прихожанъ. Что касается воспитанія и образованія лицъ, предназначенныхъ къ должности приходскихъ священниковъ, то авторъ книги касается этого вопроса въ слѣдующій II главѣ, подъ заглавіемъ: «Семинаріи» (стр. 59—117). Въ католическихъ семинаріяхъ «стремятся не къ тому, чтобы приготовить людей ученыхъ, а къ формировкѣ убѣжденныхъ священниковъ. Воспитанію даютъ въ семинаріяхъ предпочтеніе предъ обученіемъ и упражненіемъ умственныхъ подчинены въ нихъ упражненіямъ духовнымъ» (стр. 76). Внутренній строй семинарской жизни организованъ такимъ образомъ, что семинаріи походятъ скорѣе на монастыри, чѣмъ на учебныя заведенія. Въ учебно-воспитательномъ

и административномъ отношеніяхъ семинаріи находятся въ зависимости отъ епископовъ. Директора и профессора семинарій назначаются и увольняются епископами.

Въ III главѣ, озаглавленной: «Частная жизнь приходскихъ священниковъ» (стр. 118—176), протоіерей Рождественскій описываетъ ту обстановку, среди которой приходится жить и дѣйствовать французскому священнику, и отмѣчаетъ весьма любопытное явленіе среди католическаго духовенства—существованіе обществъ священниковъ, ставящихъ себѣ задачей достиженіе идеала святости путемъ особыхъ благочестивыхъ упражненій (стр. 153—154).

IV глава касается «религіознаго образованія въ приходсахъ» (стр. 177—248), а V глава — «приходскаго богослуженія» (стр. 249—312), причемъ авторъ подробно останавливается на католической исповѣди.

Весьма интересно представляется слѣдующая VI глава: «Приходское управленіе» (стр. 313—375). Здѣсь авторъ говоритъ, между прочимъ, о необходимости изученія жизни прихожанъ, чтобы направлять ихъ по религіозному пути. Средствами для этого изученія могутъ служить исповѣдь, визиты, разспросы и наблюденія. «Визиты пользуются во Франціи самою широкою распространенностью. Кюре, говоритъ аббатъ Дарэ, вступивъ въ свою должность, обязана сдѣлать визитъ всѣмъ своимъ прихожанамъ по порядку, а не по богатству. Интересны совѣты касательно визитовъ, преподаваемые священникамъ. «Будемъ посѣщать, говоритъ аббатъ Бертье, даже тѣхъ, которые относятся къ намъ враждебно. Всѣ должны быть убѣждены въ томъ, что мы ихъ любимъ» (стр. 331). Кюре долженъ слѣдить за нравственностью своихъ прихожанъ: онъ наблюдаетъ за мастерскими, въ которыхъ работаютъ вмѣстѣ мужчины и женщины, — мастерскія эти часто бывають школами разврата; онъ долженъ заботиться о лицахъ, находящихся въ услуженіи; онъ долженъ знать, повѣнчаны ли супруги церковнымъ бракомъ, — нѣтъ ли въ его приходѣ лицъ, имѣющихъ наложницъ, существуютъ ли разведенные, есть ли супруги, враждующіе между собою, нѣтъ ли покинутыхъ дѣтей, или такихъ, къ которымъ родители относятся съ преступнымъ невниманіемъ. Кюре долженъ имѣть точные списки прихожанъ. Въ видахъ болѣе широкаго воздѣйствія на прихожанъ съ цѣлью направить ихъ на путь истинный, приходскіе священники организуютъ попечительства, клубы, братства и благочестивыя общества, члены которыхъ напоминаютъ монашествующихъ (тьерсъ-ордръ); члены послѣднихъ даютъ обѣты вести истинно христіанскую жизнь. Папа Левъ XIII указывалъ на важное значеніе такихъ обществъ. На реймскомъ конгрессѣ высказано было пожеланіе, чтобы такія общества существовали въ каждомъ приходѣ (стр. 361).

Еще болѣшій интересъ представляетъ VII глава книги, въ которой протоіерей Рождественскій даетъ «очеркъ религіозно-нравственнаго состоянія приходскаго населенія» (стр. 376—458). Большинство населенія относится къ религіи индифферентно, а нѣкоторые классы, какъ, на примѣръ, рабочіе, даже враждебно. «Во множествѣ сель, сообщаетъ г. Тэнъ, къ большимъ воскреснымъ мессамъ приходятъ только женщины; иногда въ незначительномъ количествѣ дѣти и старики; огромное же большинство мужчинъ не ходитъ въ церковь» (стр. 399).
Злоупотребленіе алкоголемъ, табакомъ, половая распущенность широко рас-

пространены во Франціи. Отравленіе алкоголемъ начинается съ колыбели. Какъ въ городахъ, такъ и въ селахъ распространено такого рода заблужденіе: кормилица, чтобы имѣть много молока, должна употреблять значительное количество вина и въ особенности пива. Поэтому ей ежедневно даютъ литръ или, по крайней мѣрѣ, бутылку вина и стаканъ какой-нибудь настойки; пива же она можетъ пить сколько ей угодно. Алкоголь, чрезъ молоко кормилицы, передается дитяти и производитъ на него гибельное дѣйствіе. Дѣтямъ даютъ вино за каждымъ пріемомъ пищи; учителя насчитываютъ 60% дѣтей, въ возрастѣ отъ 6 до 9 лѣтъ, которыя ежедневно употребляютъ спиртные напитки. Въ особенности плачевно то, что пьянство развивается среди женщинъ, даже высшаго общества. Рабочіе большихъ городовъ являются жертвою алкоголизма. Въ нѣкоторыхъ улицахъ Парижа на 40 домовъ приходится 38 кабаковъ. Небольшіе города и села наводнены кабачками. Въ Нормандіи приходится одинъ кабакъ на 66 обитателей. Одна коммуна въ Бретани имѣетъ 52 кабака на 850 жителей. Широко распространена и половая распущенность. Въ Сенскомъ департаментѣ, гдѣ находится Парижъ, количество незаконнорожденныхъ достигаетъ 24,3% на сто рожденій! Слѣдствіемъ незаконныхъ сожитій является проституція, главнымъ центромъ которой служитъ Парижъ; дѣтская проституція возрастаетъ съ каждымъ годомъ... Такова печальная картина современныхъ нравовъ французскаго населенія.

Въ слѣдующей VIII главѣ подъ заглавіемъ: «Причины неудовлетворительнаго состоянія приходской жизни» (стр. 459—478) протоіерей Рождественскій объясняетъ, что причины эти лежатъ въ самомъ католицизмѣ, въ характерѣ приходскаго населенія, въ сферахъ научной, литературной и политической, въ учебно-воспитательной жизни семинарій, въ дѣятельности правящаго духовенства и въ личныхъ качествахъ и дѣятельности приходскихъ священниковъ. Насколько широка пропаганда антирелигіозныхъ идей и какъ велика симпатія къ нимъ со стороны приходскаго населенія,—это видно изъ слѣдующихъ статистическихъ данныхъ: въ Парижѣ на 174 ежедневныя газеты 136 находятся въ оппозиціи съ христіанскими идеями. Успѣхъ газеты прямо зависитъ отъ ея враждебности къ религіи, или, по крайней мѣрѣ, отъ безразличнаго отношенія къ ней (стр. 479—480).

Таково приведенное нами въ самыхъ краткихъ чертахъ богатое содержаніе книги протоіерея А. Рождественскаго, представляющей собою цѣнный вкладъ въ литературу о церковномъ приходѣ. Книгу, эту написанную яснымъ живымъ языкомъ, съ интересомъ и пользою прочтеть не только занимающійся вопросомъ о приходѣ, но и всякій образованный человѣкъ.

Профессоръ М. Красножель.

Иисусъ Христосъ въ изящной литературѣ, поэзи, живописи и скульптурѣ. Часть I. Спб. 1909. Стр. 240. Цѣна 1 руб.

Еще одно завоеваніе въ области доступной литературы по эстетическому воспитанію. Книга, о которой мы говоримъ, это—хрестоматія, гдѣ собраны рассказы и стихотворенія, относящіяся къ Христу.

Относительно выбора литературнаго матеріала можно спорить по отдѣльнымъ пунктамъ; можно признать ненужными (или же не всегда нужными) примѣчанія составителя, желающаго примирить чисто художественные замыслы авторовъ съ евангельскими свидѣтельствами (примѣчанія относятся главнымъ образомъ къ рассказамъ сербскаго беллетриста Драгутина Јовановича Илича); но общее впечатлѣніе отъ всего литературнаго матеріала хрестоматіи получается даже больше, чѣмъ удовлетворительное. Здѣсь не замѣтно и тѣни клерикальной тенденціи: все проникнуто тѣмъ понятнымъ обаяніемъ передъ образомъ великаго Галилеянина, который не можетъ не быть притягательнымъ, чистымъ, любовнымъ для читателей всѣхъ возрастовъ. Здѣсь много того «мірскаго», что именно и дѣлаетъ этотъ образъ такимъ близкимъ, прекраснымъ. Изъ стихотвореній Л. Мея найдемъ здѣсь «Слѣдъ порожденнаго» и «Отойди отъ меня, сатана», изъ А. Толстого—«Грѣшницу», изъ А. Полежаева—«Грѣшницу», изъ О. Чюминой—«Христа и самарянку» и т. д. Многіе рассказы помѣщены почему-то безъ подписи, и читателя это можетъ, конечно, смущать. Таковъ, на примѣръ, «Великій инквизиторъ» безъ ссылки на Достоевскаго и др.

Свой взглядъ на задачи художественной хрестоматіи и альбома снимковъ составитель высказываетъ въ слѣдующихъ словахъ предисловія: «Нѣтъ сомнѣнія, что не можетъ быть и попытокъ открыть что-нибудь новое сверхъ того, какъ ликъ Господень отразился на Его словахъ, въ Его книгѣ. Но вѣдь евангеліе это—золотыя россыпи, откуда каждый беретъ правду въ мѣру своей силы, своей молитвы, своего вдохновенія. Сильный близостью къ Богу чловѣкъ можетъ вскрыть въ святыхъ письменахъ книги—тайны, которые спрятаны отъ менѣе проникновеннаго. Художникъ, христіански настроенный писатель—близки къ Богу; они одарены своеобразнымъ «даромъ духа» больше, чѣмъ обыкновенные люди, способны проникать въ души чловѣчeskія и въ душу «мысли». Художественное творчество—высшій даръ неба чловѣку. Въ минуты, когда художника охватываетъ священный огонь вдохновенія, онъ ближе, чѣмъ любой холодный умъ, къ откровеніямъ, къ познанію истины... Онъ—пророкъ... Для него открыты всѣ тайны...

И горній ангеловъ полеть,
И гадъ морскихъ подводный ходъ,
И дольней лозы прозябанье...

Божественная личность Христа Спасителя и Его евангельское слово, конечно, не нуждаются въ истолкованіи ихъ художественной мыслью. Ни одинъ художникъ не можетъ схватить чертъ божественнаго лика, какъ не могъ ихъ схватить художникъ Авгаря въ преданіи о нерукотворенномъ образѣ. Точно

также нельзя пересказать и евангелія... Это значить вытравлять изъ великой книги книгъ аромать вѣчнаго, безпредѣльнаго, истинно великаго».

Реальной иллюстраціей къ этимъ мыслямъ въ словѣ можетъ служить такъ же тепло и дѣльно написанный очеркъ (авторъ не обозначенъ) «Христосъ въ живописи» (стр. 14—27). Снимки съ картинъ, съ немногихъ статуй и горельефовъ исполнены автотипіей, въ общемъ недурно. Многіе—на отдѣльныхъ листахъ, и книга пріобрѣтаетъ значеніе самостоятельнаго альбома по религіозному искусству. Снимки даны съ картинъ разныхъ школъ и эпохъ, начиная съ возрожденія и кончая нашими днями («Святая Русь» Нестерова, выставленная впервые въ 1907 году).

Вся книга напечатана изящно, редактирована довольно умѣло. Недоумѣніе возбуждаетъ только заглавіе ея. Почему при словахъ «въ изящной литературѣ» прибавлено еще «въ поэзіи»? Вѣдь «поэзія»—такая же «изящная» (художественная) литература.

А. Я.

**А. А. Башмаковъ. Балканскія рѣчи. Спб. 1909. Стр. 39.
Цѣна 40 к.**

Это собраніе рѣчей, произнесенныхъ извѣстнымъ знатокомъ балканскаго славянства, редакторомъ «Правительственнаго Вѣстника» А. А. Башмаковымъ, въ петербургскомъ Славянскомъ благотворительномъ обществѣ. Небольшая книжечка, всего въ сорокъ страницъ, но она написана живымъ человѣкомъ и, какъ все живое, интересна и заслуживаетъ вниманія, хотя во многомъ съ авторомъ можно и не соглашаться.

Кое-что изъ невольныхъ откликовъ автора на современныя славянскія событія уже отшумѣло. Такъ, отошелъ въ сторону австро-русскій конфликтъ, и рѣчи, посвященныя ему, сохранили только значеніе историческаго документа, какъ искреннее выраженіе русской мысли и русскаго чувства, которымъ не суждено было отлиться въ дѣло. Но многое имѣетъ и теперь еще интересъ живой современности. Такова рѣчь въ защиту славянской традиціи противъ неославянофиловъ, которые, сами выйдя въ значительной мѣрѣ изъ стараго славянофильства, тѣмъ не менѣе всѣми силами открещиваются отъ этого родства, можетъ быть, потому, что старое славянофильство, будучи въ самомъ началѣ своемъ сверхпартійнымъ, въ дальнѣйшемъ развитіи сосредоточилось, однако, въ предѣлахъ одной политической партіи. Г. Башмаковъ справедливо указываетъ, что въ неославянствѣ славянская идея вышла за эти границы, затронувъ и тѣ общественные круги, въ которыхъ до сихъ поръ не думали о славянствѣ. Авторъ видитъ въ этомъ расширеніи интереса къ славянству ростъ того самаго дѣла, надъ которымъ трудились старые славянофилы, и привѣтствуетъ его, какъ «признакъ торжества славянской реальности и русской жизни».

Собственная программа автора выражена, имъ въ нижеслѣдующихъ словахъ: «Насталъ моментъ, когда мы должны снизойти съ высотъ отвлеченныхъ формулъ гегеліанства, ворожившаго у колыбели славянофильства; мы теперь должны дать, согласно съ завѣтами прошлаго, но улавливая потребности бу-

душаго, стройное, новое построение тѣхъ практическихъ цѣлей, къ которымъ должна идти политическая дѣятельность славянскихъ вождей. Какъ основное начало, краеугольный камень всего зданія, я прежде всего считаю необходимымъ, съ нашей точки зрѣнія, признать стремление къ жизни и конечному государственному росту всѣхъ славянскихъ народовъ до самостоятельной ихъ территоріи и государственной независимости включительно. Въ Россіи я вижу четыре особи, могущихъ обосновать со временемъ четыре отдѣльныхъ славянскихъ государства: 1) сербо-хорватскій народъ (съ присоединеніемъ словенцевъ), 2) болгарскій народъ, 3) чешско-моравскій народъ (съ присоединеніемъ словаковъ) и 4) польскій народъ. Какъ бы мы ни шагали осторожно, изъ цѣлесообразностей политической минуты и вѣчной необходимости считаться съ вѣяніями и посторонними теченіями, но если мы хотимъ мыслить ясно и отдать себѣ отчетъ въ томъ, куда мы идемъ, то должны честно и открыто признать, въ чемъ конечная и несомнѣнная цѣль славянофильства, безъ которой самое ученіе теряетъ свое политическое значеніе. Эта цѣль заключается въ государственно-культурномъ опредѣленіи указанныхъ четырехъ народныхъ единицъ съ соотвѣтственной переработкой карты Европы въ болѣе или менѣе отдаленномъ будущемъ». Опредѣляя такимъ образомъ цѣль славянофильства, авторъ указываетъ и путь, которымъ она можетъ быть осуществлена: «только съ Россією и черезъ Россію можетъ объединиться славянскій міръ».

А. О.

Профессоръ Вильгельмъ Оствальдъ. Изобрѣтатели и изслѣдователи. Переводъ съ нѣмецкаго подъ редакціей В. В. Битнеръ. Спб. 1909.

Въ разсматриваемой работѣ Оствальдъ, недавно увѣнчанный преміей Нобеля, даетъ интересные матеріалы для характеристики типа великаго чловека науки. Въ основу труда нѣмецкаго профессора легли біографіи только трехъ выдающихся нѣмцевъ — Мейера, Гельмгольца и Либиха, что, конечно, далеко недостаточно для всесторонняго освѣщенія такой широкой темы. Но матеріалы Оствальда, въ отличіе отъ всѣхъ прочихъ научныхъ матеріаловъ, отнюдь нельзя назвать сырыми, т.-е. неудобочитаемыми. Въ литературномъ отношеніи они прекрасно обработаны, въ нихъ много не только ума, но и остроумія и сдобрены они большимъ педагогическимъ опытомъ автора.

Что даютъ чловѣчеству изобрѣтатели и изслѣдователи? Изобрѣтатели и изслѣдователи служатъ чловѣчеству лишь постольку, «поскольку они, во-первыхъ, научаютъ насъ, какъ можно довести до миимума отмѣченные нами выше неизбѣжные остатки, а, во-вторыхъ, показываютъ намъ, что кромѣ извѣстныхъ и примѣняемыхъ нами энергій, въ запасахъ природы лежатъ еще другія, которыя тоже можно преобразовать въ интересахъ чловѣчества».

Въ каждый историческій моментъ имѣется извѣстный запасъ, такъ сказать, потенциальныхъ великихъ изобрѣтателей и изслѣдователей. Но при однихъ историческихъ и социальныхъ условіяхъ ихъ потенциальная энергія легко и свободно принимаетъ осязательныя формы, а при другихъ такъ и остается

неиспользованной. Семья и школа далеко не всегда способствуют появлению великих людей науки и техники. Огромное большинство людей, выдающихся в области научного открытия, выросло в буржуазных семьях среднего достатка. В высших классах энергия изобретателя и исследователя не находит должного применения, замирая в атмосфере полного непонимания научных целей в среде, где все интересы вращаются около военной и дипломатической карьеры. В низших классах общества талант погасается нуждой. Обыкновенно говорят, что талант всегда сумеет пробить себе дорогу. Вот комментарий Оствальда на эту ходячую мысль. Он думает, что борьба с препятствиями в юности так подрывает организм, что потом уже не оказывается сил для выполнения выдающихся научных трудов. В лучшем случае из обездоленных кругов может выдвинуться лишь практик науки—изобретатель, а не теоретик, философ, исследователь—почти никогда. Жизнь Эдисона отлично иллюстрирует эту мысль. Великий американец пробился вперед, начав свою карьеру с тротуара, где он в ранней юности продавал газеты, и в результате Эдисон «продлал на своем вку больше опытов, чем кто-либо другой», но «все же не сдлал ни одного научного открытия в собственном смысле этого слова. Он, без сомнения, видел бесчисленное множество вещей, которые менее одаренного, но привыкшего к научному мышлению человека тотчас же привели бы к научному открытию; но его не интересовали такие вещи, практическое применение которых он не сознавал, поэтому он не обращал на них никакого внимания».

Итак, людей науки, исследователей, дают миру главным образом средне-зажиточные буржуазные семьи. Но и родившись в такой семье, сколько мытарств предстоит еще великому человеку, сколько будет перед ним случаев отклониться от своего настоящего призвания. Как мудрить над выдающимся ребенком семья! Гельмгольц скрывал от домашних, пугавших его материалистического направления, все свои работы, и аналогичные истории далеко не представляют исключения. А как влияет на будущих великих людей школа! На этот счет у Оствальда готов целый обвинительный акт.

Вот характерный эпизод из жизни немецкой школы. Юный Либих отвратительно отвѣчает латинский урок. Латинист начинает иронизировать: Ну, скажите, кто же в конце концов выйдет из вас? «Химик». отвѣчает Либих, вѣрно предугадывая свою славную судьбу. Слѣпой педагог хохочет, а ему вторит весь класс. Да, смертельно скучно будущим великим изобретателям и исследователям на уроках латинского языка. Гельмгольц во время их придумывает и решает задачи по оптике. Не ограничиваясь лгтыню, автор обрушивается вообще на загромождение школьных занятий изучением многих языков. Его доводы оригинальны и не лишены значительности. Языкам,—говорит Оствальд,—приписывают особое «образовательное значение», доказательство которого все еще заставляет себя ждать. Видѣли ли вы когда-нибудь, чтобы человек, владый многими языками, давал что-нибудь выдающееся в других отношениях. Видѣ, если бы это было так, то лакеи отелей и кондуктора международных спальных ваго-

новъ представляли бы тогда интеллектуальный цвѣтъ человечества. При изученіи языковъ дѣло сводится къ примѣненію произвольныхъ правилъ, которые имѣють такія же произвольныя исключенія. Это—какъ разъ противоположность тому, чему учитъ математика и естественныя науки, и ученикъ, напрактиковавшійся въ языкахъ, долженъ кореннымъ образомъ измѣнить свой способъ мышленія для воспріятія, напримѣръ, какихъ-либо физическихъ явленій. Женскій умъ особенно способенъ воспринимать иностранныя языки и владѣть ими въ совершенствѣ, а женщины вообще лишены таланта изслѣдованія. Но если даже выбросить изъ школьной программы языки, дѣло отнюдь не улучшится. Виновать не тотъ или другой предметъ, а вся схема школьнаго преподаванія. Цѣль школы дать среднія знанія по вѣсьмъ предметамъ, а великій человекъ по природѣ своей одностороненъ. Въ этомъ и лежитъ причина вѣчнаго конфликта великихъ людей съ общеобразовательной школой. И вотъ Оствальдъ мечтаетъ о такой постановкѣ дѣла, когда каждый учитель будетъ выбирать изъ круга своихъ учениковъ нѣсколько «избранныхъ». Онъ будетъ развивать ихъ по возможности болѣе односторонне и смотрѣть снисходительно на ихъ незначительныя успѣхи въ прочихъ областяхъ знаній.

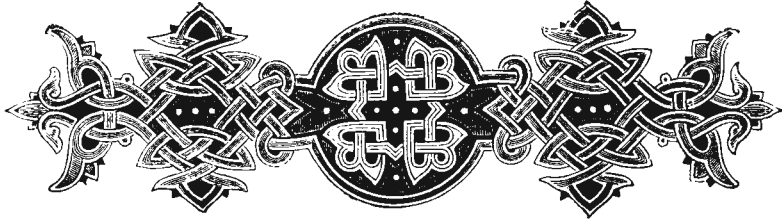
Если односторонность является одной характерной чертой великаго человека, то другой будетъ критически настроенный, самостоятельный складъ мышленія. Именно эту послѣднюю сторону и освѣтилъ Оствальдъ на запросъ японскаго правительства.

Признаки талантливаго человека, думаетъ Оствальдъ, слѣдующія: ученики, которымъ суждено выдвинуться, «никогда не довольны тѣмъ научнымъ матеріаломъ, который имъ планомѣрно преподается». «Они всегда выказывали къ нему скептическое отношеніе или, по меньшей мѣрѣ, всегда задавали по поводу его всевозможные вопросы». «Человекъ со средними способностями тратитъ все свое время на то, чтобы воспринять научный матеріалъ и просто усвоить его; человеку же, стоящему выше средняго уровня, предлагаемый ему научный матеріалъ послужитъ лишь поводомъ къ дальнѣйшему научному изслѣдованію и работѣ». «Выдающійся человекъ уже въ юности отличается способностью и потребностью выработать себѣ самостоятельный взглядъ и самостоятельно вести работу».

Приведенное выше изложеніе далеко не исчерпываетъ всего содержанія работы Оствальда, которую каждый прочтетъ съ интересомъ и не безъ пользы. Издана она журналомъ «Вѣстникъ Знанія», который приобрѣлъ дурную репутацію неряшливостью своихъ изданій и скверными переводами. И настоящее изданіе не помогло репутаціи г. Битнера.

В—овъ.

ЗАГРАНИЧНЫЯ ИСТОРИЧЕСКІЯ НОВОСТИ И МЕЛОЧИ.

ВЪЛИТЕЛЬНАЯ польза мумій. — Профессоръ-египтологъ руэнскаго университета докторъ Видеманъ сообщаетъ, что не такъ далеко было время, когда врачи прибѣгали для излеченія болѣзней къ цѣлебной силѣ мумій. Ихъ существовало два сорта: настоящія и искусственныя. Настоящія, выкраденныя арабами изъ усыпальницъ въ долинѣ Нила, разсылались по Азіи и Европѣ. Цѣлебное свойство этихъ мумій заключалось въ асфальтъ, которымъ бальзамировщикъ пропитывалъ ихъ, и къ нимъ прибѣгали противъ насморка, экземы, конвульсій, эпилепсій, нагноеній и другихъ болѣзней. Этимъ средствомъ пользовались также и греческіе врачи. По словамъ Видемана, слово «мумія» собственно означаетъ по-арабски и персидски—асфальтъ; для бальзамировки же онъ сталъ примѣняться только впоследствии. Въ Персіи было въ такомъ ходу это цѣлебное средство, что шахъ предлагалъ муміи, какъ подарокъ, государямъ, съ которыми находился въ дружескихъ отношеніяхъ. Такого рода подарокъ получили Людовикъ XIV и Катерина Медичи, это была не цѣлая мумія, а золотой ящикъ, наполненный набальзамированными членами человеческого тѣла. Въ 1809 г. врачи еще прибѣгали къ подобнымъ цѣлительнымъ средствамъ и англійской королевѣ Шарлоттѣ прописывали вытяжки изъ муміи. За недостаткомъ настоящихъ мумій изъ долины Египта муміи выдѣлывались искусственныя въ другихъ странахъ. Послѣ смерти персидскаго поэта Низами остался слѣдующій странный рецептъ искусственной муміи. «Надо взять человѣка краснокожаго и съ красными волосами и кормить его плодами до тридцати лѣтъ. Затѣмъ опустить его въ каменный сосудъ съ медомъ и другими составами, заключить этотъ составъ въ обручи и герметически закупорить. Черезъ сто двадцать лѣтъ его тѣло обратится въ мумію и тогда его можно примѣнять, какъ цѣлебное

средство». Въ XVIII вѣкѣ вытяжки изъ мумій были въ большомъ ходу и даже въ 1853 г. ихъ можно еще было достать у австрійскихъ аптекарей.

Профессоръ-ассиріологъ берлинскаго университета Фридрихъ Деличъ въ своемъ недавно напечатанномъ трудѣ «Handel und Wandel in Babylonien», трактующъ о серьезныхъ предметахъ, между прочимъ приводитъ и одно любовное письмо, найденное при сипарскихъ раскопкахъ. Конечно, оно написано на глиняной дощечкѣ и по внѣшности мало напоминаетъ современные любовныя записочки. Что же касается внутренняго смысла, то вѣка мало произвели перемѣнъ въ области любви. Прекрасная вавилонянка такъ же нѣжно обращается къ своему милому, какъ и современная женщина, но поэтичнѣе. «Моему Биби Сомилъ Мардюкъ,—пишетъ она:—да пошлють тебѣ Самасъ и Мардюкъ долгую, счастливую жизнь для моего счастья! Какъ ты поживаешь? Напиши же мнѣ. Я ѣздила въ Вавилонъ, но не нашла тебя тамъ, Меня это очень огорчило. Извѣсти меня, что ты скоро пріѣдешь, и я обрадуюсь. Въ Марчешвау (что приблизительно означаетъ въ ноябрѣ) безусловно надо тебѣ пріѣхать. Живи вѣчно ради любви ко мнѣ». Это несложное письмо такъ комментируется ученымъ профессоромъ: «Супруга Сомила Мардюкъ искала своего Биби въ Вавилонѣ: тамъ она его не нашла и въ своемъ посланіи нѣжно его упрекаетъ. Быть можетъ, этотъ Мардюкъ не мужъ ей, опредѣлить это филологія не можетъ изъ подобнаго письменнаго обращенія; но это письмо служитъ доказательствомъ, что три тысячи лѣтъ тому назадъ глиняныя дощечки служили и для писемъ.

— Новая книга о Рашели. — Несмотря на множество напечатанныхъ воспоминаній, статей и замѣтокъ, касающихся Рашели, недавно вышедшая въ Парижѣ книга г-жи Томсонъ представляетъ много любопытнаго. Авторша постаралась отыскать еще неизвѣданный уголокъ въ интимной жизни Рашели, и это придало ей книгѣ интересъ. Кромѣ того, нашлись новые документы, а именно письма Рашели къ Кремье, къ неизвѣстному, которому она обѣщала свою руку, и къ Франсуа Понсару. Впрочемъ, г-жа Томсонъ заранѣе объявила, что она не пытается написать новую біографію героини, столько разъ прославляемой, а лишь даетъ читателю проникнуть въ сентиментальную жизнь Рашели, умѣвшей обращать въ дружбу даже легкія увлеченія. Для начала она приводитъ забавный анекдотъ относительно перваго посѣщенія будущей трагической актрисой, въ то время еще ребенкомъ, профессора драматическаго искусства, актера и автора, Самсона. Мать, недовольная худобою своего «маленькаго Пьерро», какъ она называла Рашель, придала ей искусственную полноту. Результатъ вышелъ совсѣмъ для нея неожиданный: вмѣсто того, чтобы выразить удовольствіе, Самсонъ испугался представленнаго ему страннаго феномена. «Она слишкомъ толста,—сказалъ онъ:—она болѣе не вырастетъ». Мать, въ отчаяніи отъ такой неудачи, робкимъ голосомъ призналась въ своей продѣлкѣ. «Раздѣньте и покажите мнѣ ее, какъ она есть». Только убѣдившись въ худобѣ Рашели, Самсонъ успокоился. Впослѣдствіи Рашели нравилось рассказывать про этотъ единственный въ своемъ родѣ случай. когда ее упрекали за ея полноту.

Любопытно рисуетъ портретъ Рашели въ дѣтствѣ Жюль Жаненъ: «Странная вещь, маленькая дѣвочка невѣжда, безъ знанія искусства, безъ подготовки прямо попадаетъ въ старую драму. Она ее оживляетъ, съ силою дуетъ на ея августѣйшій пепель и заставляетъ его выбросить пламя. Да, это удивительно. И за-

мѣтьте, это ребенокъ маленькаго роста, довольно некрасивый, съ узкою грудью, вульгарной наружностью и тривіальнымъ разговоромъ».

Рашель пользовалась любовью супруговъ Кремье. Знаменитый ораторъ первый далъ ей уроки исторіи, литературы и расиновской миѳологіи, руководилъ ею въ выборѣ репертуара, объяснялъ ей все, чего самъ по себѣ ея геній одинъ не могъ угадать, исправлялъ ея орѳографію и даже писалъ за нее письма. Къ Кремье Рашель писала, какъ дочь. Первое письмо, въ которомъ она увѣдомляетъ о невозможности провести вечеръ у Кремье вслѣдствіе приглашенія къ знаменитому адвокату оратору Беррье, заканчивается словами: «Если бы великій ораторъ умѣлъ читать въ моемъ сердцѣ, то онъ скоро вернулся бы мнѣ мое слово, вѣдь онъ меня немного любитъ; что до меня, то съ наивностью признаюсь, я неблагодарная и мнѣ невозможно ему дать то, что вы сумѣли взять».

Во второмъ письмѣ она извиняется, что къ нимъ не пришла. Мать повела ее къ герцогинѣ Бервикъ, и та не согласилась ее отпустить къ нимъ, ссылаясь на то, что мать довѣрила ей Рашель и она находитъ неприличнымъ отвести ее въ другое мѣсто, кромѣ ея дома. Оканчивается письмо нѣжно: «Меня осаждаютъ со всѣхъ сторонъ и мнѣ совершенно невозможно обнять васъ хотя разокъ. Не правда ли, я очень несчастлива. Но я еще разъ прошу оказать маленькую услугу: мадемуазель Дежазе только что написала мнѣ очаровательное письмо, посылаю его вамъ, ради Бога, напишите отвѣтъ, но очень любезный, ибо я отказываюсь отъ ея приглашенія: скажите же ей хорошенько, что я очень сожалѣю объ этомъ, но не все потеряно, мое посѣщеніе останется до другого раза. Но напишите письмо такое, какъ мало бываетъ, она покажетъ его своимъ пріятельницамъ. Тысячу поцѣлуйте!».

Слава вскружила голову маленькой уличной пѣвицѣ, и послѣ успѣха въ Парижѣ ее осыпали похвалами и пѣвтами въ Лондонѣ. Пэры, лорды, придворныя дамы и прочія важныя особы выпрашивали ея автографы, не подозревая, что ихъ приготовилъ Кремье. Королева подарила ей браслетъ съ своимъ именемъ «Victoria». «О, слава, слава,—писала Рашель,—это самое прекрасное послѣ Бога!» Въ глазахъ супруговъ Кремье Рашель тщательно старалась сохранить ореолъ дѣвственной и дѣломудренной актрисы; въ жизни она играла такъ же искренно, какъ и на сценѣ. Но слава и тайна не уживаются вмѣстѣ, и до супруговъ Кремье дошелъ слухъ, что жизнь Рашель становится все менѣе назидательной и она уже вступила въ связь съ докторомъ Веронъ. Кремье поручилъ женѣ написать объ этихъ слухахъ Рашели.

«Дорогое дитя!—пишетъ г-жа Кремье:—мое сердце раздирается отъ горя: сегодня вечеромъ мужъ возвратился изъ Парижа, гдѣ провелъ свое дообѣденное время, дѣлая визиты, и со всѣхъ сторонъ съ печалью узналъ о достовѣрности слуховъ, о которыхъ мы вамъ говорили, повторяющихся съ ужасающимъ постоянствомъ. Рашель, дитя мое, колебаться болѣе нельзя, надо сдѣлать выборъ между открытымъ разрывомъ, единственнымъ средствомъ сразу положить конецъ всѣмъ слухамъ, или же паденіемъ съ высоты. Но гдѣтъ, кто находился на такой высотѣ, не можетъ этого желать, пока еще не ушло время для своего униженія: невозможно имѣть желаніе потерять въ одинъ день такую славную репутацію. Мужъ видѣлъ сегодня отъ часу до четырехъ самыхъ избранныхъ

лицъ и почтенныхъ журналистовъ, выражавшихъ восторгъ вами. Ваше представленіе въ четвергъ получило бы заслуженную дань восторга, но нѣтъ иной причины холодности публики, какъ распространившаяся новость объ успѣхѣ Вернона. Не ищите другого мотива—его нѣтъ. Многія высокопоставленныя дамы пріѣхали изъ своихъ замковъ съ руками, полными цвѣтовъ, чтобы присутствовать при вашемъ возвращеніи; но въ залѣ только и говорили о вашемъ паденіи съ мельчайшими подробностями... и букеты остались въ рукахъ тѣхъ, кто не хотѣлъ дать вамъ доказательства своего уваженія. Надо порвать, мое дитя, порвать со славой. Если вы не примите этого энергичнаго рѣшенія, то ежедневно вы будете получать еще болѣе чувствительныя доказательства силы общественнаго мнѣнія, предъ которыми, какъ бы ни былъ великъ человѣкъ, онъ склоняетъ голову. Рашель, умоляю васъ, не жертвуйте такимъ великолѣпнымъ положеніемъ для какого-то рокового увлеченія. Выходите замужъ, если вы любите; я лучше хочу, чтобы поэтическое имя Рашель замѣнилось другимъ, чѣмъ слышать, какъ это красивое имя оскверняется словами, которыя разрываютъ намъ сердце. Что могутъ сдѣлать нѣсколько дружескихъ голосовъ среди этой сумятицы. Увы, они заглушаются подъ тяжестью тысячи положительныхъ подробностей и они васъ обвиняютъ. Каждый говоритъ: она отправилась къ В... тамъ она проводитъ цѣлыя часы; она купила цѣною послѣдней жертвы письма, написанныя ею и которыя онъ угрожаетъ напечатать. Еще въ воскресенье она заставила его проводить себя въ Монморанси и вернулась ночью съ нимъ въ своей каретѣ. Наконецъ, что еще вамъ сказать? Надо сразу пресѣчь: долѣмъферы невозможны; надо или не видѣть болѣе В., или отказаться отъ дружбы и уваженія всѣхъ честныхъ людей. Если онъ честный челаѣвъкъ, если это не происходитъ ради жестокой игры для униженія васъ, чтобы легче покорить,—онъ васъ пойметъ. Вѣрите мнѣ, Рашель, быть можетъ, мы одни скажемъ вамъ всю правду: не сопротивляйтесь моимъ просьбамъ. Вы готовяете себѣ ужасное будущее. Вы быстро придете въ упадокъ! Вы будете плакать горькими слезами. Безъ сомнѣнія, вы найдете небольшое число какихъ-нибудь друзей, которые будутъ вмѣстѣ съ вами стонать, но, Боже мой, вы стоите такъ высоко, вы предметъ нѣжно любимый, уважаемый и достойный общаго обожанія и вы принуждены стонать или не обращать вниманія на общественный ропотъ. Нѣтъ, это невозможно! Правда ли, что вы опасаетесь за ваши письма. Но если вы считаете его способнымъ ими злоупотреблять, какъ вы колеблетесь не принимать его.

«Рашель, дорогое дитя, если мои просьбы имѣютъ какую-нибудь силу—отвѣтите мнѣ и скажите, что вы сдѣлаете, о чемъ мы васъ просимъ. Если вы не отвѣтите мнѣ, я пойму ваше молчаніе и съ разбитымъ сердцемъ навсегда замолчу. Но, нѣтъ, вы не захотите быть ни въ Парижѣ, ни въ Лондонѣ заброшенной женщиной, которую идутъ смотрѣть въ театръ только какъ актрису за ея превосходный талантъ; васъ до сихъ поръ считали такимъ чистымъ, очаровательнымъ ребенкомъ, что королевы и высшія лица считали за счастье приглашать васъ въ салоны и дворцы. Вы не захотите, чтобы молодья дѣвушки самаго высшаго общества, ранѣе дававшія вамъ титулъ сестры, избѣгали васъ. Рашель, дорогое дитя, вы—на краю пропасти. Отступите, сегодня еще есть время,—не ждите завтра. Я предпочитаю писать вамъ сама, чѣмъ предоставить

это мужу: онъ въ уныніи. Онъ былъ далекъ отъ мысли услышать этотъ общій крикъ. Въ понедѣльникъ, въ часъ онъ придетъ къ вамъ за отвѣтомъ. Позволяется ли намъ напечатать, что вы попрежнему такая же, какой мы васъ знали, Рашель, любимая нами со всей нѣжностью нашего сердца».

На это письмо отвѣта не послѣдовало, и между Рашелью и супругами Кремье послѣдовалъ разрывъ. Теперь ее окружали блестящіе, но менѣе преданные друзья: Мюссе, Теофиль Готье, Арсенъ Уссе, Александръ Дюма-сынъ и графъ Валевскій. Когда впослѣдствіи у Рашель завязался опасный процессъ противъ Легувэ, то она отправилась передать это дѣло въ руки Кремье. Послѣдній былъ радъ ея возвращенію, но г-жа Кремье обошлась съ нею иначе, и Рашель обидѣлась. Теперь она уже не стѣснялась въ своихъ привязанностяхъ, и отъ прессы не было болѣе секретовъ. Но немало всѣ были поражены, когда почти въ апогеѣ славы она сдѣлалась невѣстой Гектора Б. и писала къ нему страстные письма, въ родѣ слѣдующаго, отъ 2-го іюля 1849 года:

«Дорогой другъ! Вы просили меня написать вамъ по пріѣздѣ; вѣрите мнѣ что я спѣшу это сдѣлать, но мое сердце бьется съ такой силой при воспоминаніи объ очень короткихъ минутахъ, проведенныхъ съ вами, что перо каждый моментъ выскальзываетъ изъ моей дрожащей руки, моя грудь разрывается, я не могу болѣе жить безъ васъ, а васъ здѣсь нѣтъ! Все, что я люблю, уже далеко отъ меня. Другъ! я не умѣю вамъ сказать сегодня, какъ радостно бьется мое бѣдное сердце, оно такъ живо говоритъ въ этотъ моментъ, что моему перу невозможно слѣдовать за нимъ, такъ я взволнована. Я разбита, уничтожена, нѣтъ, я не въ силахъ перенести неизмѣримаго счастья, испытываемаго мною съ тѣхъ поръ, какъ ты сумѣлъ читать въ моей душѣ. Моя впечатлительная и слабая натура не сумѣетъ сопротивляться такой радости; въ этотъ моментъ я смѣюсь, плачу, чувствую себя безумной... Боже мой, что со мною станетъ; я не знала, что значить любить.

«Когда вы меня покинули, я считала себя одинокой на свѣтѣ; мнѣ казалось, что я васъ потеряла навсегда, и мои глаза пролили цѣлый потокъ слезъ. Васъ болѣе не было здѣсь, а между тѣмъ странное дѣйствіе производило во мнѣ воображеніе: мнѣ казалось, я васъ еще вижу, прижимаю къ своему сердцу, съ моихъ устъ сходятъ самыя нѣжныя слова, все мое сердце трепещетъ, какъ будто я еще въ твоихъ объятіяхъ.

«Я не могу болѣе продолжать, страшная боль сжимаетъ мнѣ грудь; я страдаю отъ избытка счастья, даннаго мнѣ тобою. Прощай, пиши мнѣ постоянно и сто разъ повтори, что вы меня любите, мнѣ надо было столько мужества, чтобы отъ тебя удалиться».

Въ слѣдующемъ письмѣ, отъ 6-го іюля 1849 г., она называетъ себя его женою. «Я нахожу, нѣжный другъ, что, замѣщающій васъ возлѣ меня въ данный моментъ не все сказалъ, и если постоянное повтореніе самыхъ нѣжныхъ словъ моего сердца вамъ не надоѣстъ, я напишу вамъ, другъ моей души: я люблю тебя, вѣрь въ меня, въ твою Рашель, въ твою жену—надо же мнѣ ею быть—вѣрь, что я всегда буду тебя такъ любить. Кто сумѣетъ тебѣ лучше это доказать. Будущее мнѣ улыбается и до того приводитъ меня въ восторгъ, что, въ свою очередь, я говорю себѣ, я начала существовать тольکو недѣлю. Шлю тебѣ все нѣжное чувство моего сердца и считаю себя всю твоей».

Роль влюбленной Рашель играетъ въ жизни такъ же искренно, какъ и на сценѣ, и чрезвычайно разнообразно. Во второмъ письмѣ она уже говорить о сомнѣніяхъ ея друга: «Когда ты получишь это второе письмо изъ Тулузы, безъ сомнѣнія, твои оскорбительныя опасенія, нѣжный другъ, перестанутъ мучить твое сердце страданіями. Какъ, послѣ увѣреній, данныхъ мною тебѣ, ты можешь думать, что со дня на день такое счастье насъ можетъ оставить? Но дѣйствительно, надо быть въ бреду, и я бросилась бы въ твои объятія, чтобы успокоить, мой дорогой Б., и на будущее время запретила бы тебѣ писать подобныя безумія; я хочу, чтобы мой другъ полагался на меня, какъ я полагаюсь на него». Далѣе она прибавляетъ: «Видите, мой другъ, я уже смотрю на себя, какъ на вполнѣ вашу, я говорю съ вами о дѣлахъ, какъ будто мы уже мечтаемъ о будущемъ маленькой, миленькой Рашель или привѣтливомъ хорошенькомъ Гекторѣ».

Въ послѣднемъ письмѣ Рашель уже болѣе касается театра, хотя говорить, что бросается къ ногамъ его отца и поднимется только для того, чтобы броситься въ объятія Гектора. Очевидно, экспансивную натуру Рашели, вводившую всю гамму драматическихъ моментовъ въ свои любовные эпизоды съ Гекторомъ, потянуло къ новой роли любовницы, и съ 1859 г. уже появляется ея переписка съ Понсаромъ, къ которому сначала она питала антипатію и всегда прежде ссорилась. Въ одномъ изъ писемъ Рашель упрекаетъ его за то, что онъ пересталъ ее любить, и Понсаръ отвѣчаетъ: «Я люблю тебя, не я перестану любить тебя, а вы, сударыня, въ одинъ прекрасный день замѣтите, что вашъ несчастный другъ совсѣмъ нелюбезенъ, хотя очень любящій,—и въ этотъ день мнѣ ничего не останется, какъ зарыться въ землю въ какомъ-нибудь уединенномъ мѣстѣ. Но я наслаждаюсь теперешнимъ счастьемъ, остальное въ волѣ Бога и Рашели».

Въ отвѣтномъ письмѣ Рашель восклицаетъ въ любовномъ экстазѣ: «Пусть все будетъ забыто, исключая моего поэта, который у меня въ сердцѣ, мысляхъ жизни, хотя бы она длилась тысячу лѣтъ. Мнѣ предлагали это лѣто въ Парижѣ ангажементъ на 400,000 франковъ за одинъ мѣсяць представленій въ Россіи,—могла ли я его не принять. Что тебѣ сказать о моемъ успѣхѣ здѣсь. Театръ здѣсь менѣе Французскаго театра, а между тѣмъ каждый разъ, какъ я играю, выручаютъ 12,000 франковъ. Я ничего тебѣ не скажу ни о странѣ русскихъ, ни о дворѣ: такого хорошаго мнѣнія я о нихъ, а почта, говорятъ, здѣсь и нескромна, а я не хочу, чтобы она вообразила, не пишу ли я лестныя тирады о Россіи, чтобы быть для нея одной пріятной». Письмо заканчивается слѣдующей нѣжной фразой: «Будьте, сударь, немного польщены тѣми чувствами, какими вы сумѣли вдохновить, ибо, несмотря на многочисленный штатъ баръ, составлявшихъ мой дворъ въ Петербургѣ, я мечтаю только о васъ и я хочу только васъ. Если бы вы были человѣкъ, желающій имѣть тому доказательства, вамъ стоило только присоединиться ко мнѣ, чтобы въ этомъ убѣдиться, но добрый Богъ, какъ бы ни былъ добръ, не можетъ разомъ дать столько счастья одной изъ своихъ маленькихъ созданій. Пиши мнѣ только чаще и много и дай мнѣ разъ въ жизни доказательство, что ты меня очень любишь, потребуй отъ меня чего-нибудь невозможнаго...

«Много я наговорила тебѣ глупостей, но это потому, что я такъ довольна. Если ты на это жалуешься, ты легко можешь измѣнить по твоему желанію

мое настроеніе, но во всякомъ случаѣ подумай, что отвѣта надо ждать двадцать дней; если ты, словомъ, меня приведешь въ отчаяніе, я могу умереть, не получивъ твоихъ извиненій и сожалѣній».

Отвѣтъ Понсара не менѣе страстный. Объ ея поѣздкѣ въ Россію онъ пишетъ: «Очень завидую Россіи и между тѣмъ признаюсь, что ты хорошо сдѣлала. Не должно отказываться отъ восторга народа: искусство не сокровище скупца, оно сіяетъ для всѣхъ и разъ тебѣ нравится видѣть, какъ любятъ и цѣнятъ нашу литературу иностранцы, разъ ты гордишься, что Франція сіяетъ во всемъ мірѣ, я не вижу, какъ можно тебя порицать за распространеніе нашего литературнаго вліянія; хорошо, что Корнеля и Расина узнаютъ въ Россіи, это выгода русскихъ, имъ выгодно, что ты обучаешь ихъ важнымъ предметамъ искусства, а для нашей страны—слава. Кто говоритъ противное—говоритъ глупости и не надо этимъ себя озабочивать. Затѣмъ есть еще очень вѣрная вещь: матеріальное состояніе должно быть въ соотвѣтствіи со знаменитостью. Когда нѣтъ равновѣсія, является стѣсненіе, страданіе, отвращеніе, и все кончается въ ущербъ искусству. Желаютъ, чтобы министры и государственные люди имѣли выдающееся положеніе, почему же литературной знаменитости хотятъ отказать въ этой независимости. Не считая, что ничего не стоитъ государству то, получаемое тобою лично за границей,—что государственный человѣкъ беретъ изъ бюджета. Видишь, ты тысячу разъ права и не безпокойся изъ-за этого ропота. Если бы ты была бѣдна и только знаменита, они были бы въ восторгѣ видѣть тебя бѣдной, это удовлетворяло бы ихъ зависть, и никто не пришелъ бы тебѣ на помощь. Совершенно справедливо, что ты богата и оставишь большое состояніе твоимъ дѣтямъ. Мой другъ Вольтеръ, олицетвореніе здраваго смысла, часто говорилъ въ своихъ письмахъ: «Рано понявъ, что писатель безъ денегъ никогда не добьется никакого важнаго значенія, я началъ богатѣть; разъ я сдѣлался богатъ, то могу писать по своему вкусу и внушать мои идеи, а мое богатство придало авторитетъ моимъ сочиненіямъ». Такъ дѣлалъ Вольтеръ, такъ дѣлалъ бы и я, если бы могъ, такъ дѣлаетъ Рашель, которая можетъ, и Рашель исполнѣ права, дѣлая, какъ Вольтеръ».

Быть можетъ, одинъ разъ въ жизни Рашель была искренна и перенесла настоящее горе—это было по случаю смерти сестры. Въ письмѣ къ своему другу Понсару она такъ его изливала: «О, жестокая колесница! Ни мое горе, ни крики души не остановили ея колесъ, двигавшихся скорѣе по моему сердцу, чѣмъ по мостовой длинныхъ бульваровъ. Знаете, почему я не умерла, потому, что въ мои объятія бросили моихъ двухъ мальчиковъ, этихъ двухъ мужчинъ, да они сдѣланы мужчинами, чтобы удержать послѣднее дыханіе, которое, казалось, хотѣло вырваться изъ моей груди».

Понсаръ остался искреннимъ другомъ Рашели до конца, она умѣла даже легкія увлеченія превращать въ послѣдствіи въ дружбу. На это письмо онъ прислалъ ей сердечный отвѣтъ и въ концѣ прибавилъ: «Простите меня, я не знаю, что говорю, такъ я взволнованъ, я былъ очень тронутъ, что вы мнѣ написали, даже испытывалъ сильное горе; это большое доказательство дружбы, это самое большое доказательство. Вѣрьте, дорогая и добрая Рашель, что вы имѣете дѣло не съ кѣмъ-нибудь безчувственнымъ и неблагодарнымъ, я люблю васъ отъ глубины сердца и страдаю вашими страданіями».

Рашель вскорѣ скончалась отъ той же болѣзни, какъ и ея сестра. Незадолго до своей смерти, повторяя роль Адриенны Лекувреръ, Рашель плакала. На вопросъ взволнованнаго этимъ зрѣлищемъ Легувэ она отвѣтила: «Я оплакиваю не Адриенну, а себя... Не знаю, что-то во мнѣ заговорило, что я умру молодой, какъ и она; мнѣ казалось, что я у себя въ комнатѣ въ предсмертный часъ присутствую при собственной смерти. Когда вы увидѣли меня, проливавшею слезы при фразѣ: «Прощай театральнѣйшій триумфъ, прощай опьяненіе искусствомъ, которое я такъ любила»,—вы видѣли, какъ я проливали настоящія слезы, потому что я съ отчаяніемъ думала, какъ время унесетъ всѣ слѣды того, что было моимъ талантомъ, и вскорѣ ничего не останется отъ того, что было Рашелью.

— Отовсюду.—Въ еженедѣльномъ литературномъ прибавленіи «Figaro» приведенъ любопытный трактатъ доктора и профессора Тиссо, написанный и посвященный сенаторамъ Бернской республики въ 1768 г., озаглавленный: «О здоровьи писателей и хворыхъ людей». Писателямъ приписывалась въ XVIII в. болѣзнь ипохондрія. Тиссо считалъ, что она въ прямомъ отношеніи съ питаніемъ. По его описанію, это совершенно теперешняя неврастенія со всѣми ея признаками. Какъ неврастенникъ, ипохондрикъ теряетъ память, его идеи загуманиваются, у него происходитъ общій упадокъ силъ, является страхъ смерти, отъ котораго внезапно выпадаетъ перо изъ рукъ. «Отдыхъ и физическія упражненія отчасти возвращаютъ ему силы, но какъ только онъ возвращается къ книгамъ, прежнія явленія возвращаются. Раздраженные нервы не даютъ ему спать, и часто онъ не въ состояніи думать. Главными причинами Тиссо считалъ: напряженіе ума и бездѣятельность тѣла. Онъ предписывалъ такимъ больнымъ работать днемъ, а спать ночью, какъ дѣлалъ римскій консулъ и ораторъ Поліонъ, не вскрывавшій ни одного письма за два часа до захода солнца. Прогулка не казалась Тиссо достаточной для ипохондрика: онъ, какъ Гиппократъ, требовалъ еще гимнастики и, какъ Циціонъ и Сцевола, игры въ шары. Прогулку въ экипажѣ по хорошей дорогѣ Тиссо считалъ бесполезной.

Особенное вниманіе онъ удѣлялъ питанію писателей, совершенно изгоняя съ ихъ стола жирныя блюда, сливочное пирожное, копченое, соленыя и кислыя блюда, которыхъ ихъ утонченные нервы не могутъ выносить. Но ихъ надо кормить нѣжнымъ мясомъ молодыхъ животныхъ, исключая свинины, гуся и утки, а также рыбы съ плотнымъ и нѣжнымъ мясомъ; овощами, какъ предписывалъ Пинеагоръ, бывшій вегетаріанцемъ, исключая бобовъ. Относительно говядины разрѣшалось нѣжное бычье мясо, хорошая телятина, баранина только отъ кормленнаго на сухомъ мѣстѣ барана, куръ, цыплятъ, кашлуновъ и пулярдъ, не очень жирныхъ, индѣекъ, голубей, куропатокъ и перепеловъ. Однако всего этого лучше не ѣсть по вечерамъ. Какъ напитокъ, онъ предлагалъ воду изъ источника и очень мало чая. Во времена Тиссо голландцы уже цѣлый вѣкъ употребляли чай, и онъ энергично возставалъ противъ него. Между тѣмъ голландецъ докторъ Вонтеко, умершій въ Берлинѣ первымъ врачомъ бранденбургскаго курфюрста, напечаталъ въ 1679 года небольшой трудъ, въ которомъ совѣтовалъ пить крѣпкій чай въ довольно сомнительномъ количествѣ: отъ двухсотъ до трехсотъ чашекъ въ день. Этотъ совѣтъ распространился по всему сѣверу

Европы и имѣлъ самыя неприятыя послѣдствія. «Отъ него такъ умножились изнурительныя болѣзни,—говоритъ Тиссо,—что можно было легко судить, приглядѣвшись внимательно къ здоровью жителей города, пьютъ они чай, или нѣтъ. Эти чайники съ теплой водой на столахъ напоминаютъ мнѣ сосудъ Пандоры». И Тиссо совѣтуетъ писателямъ подражать благоразумію англійской колоніи въ Америкѣ, отказавшейся отъ употребленія чая. Куреніе табаку онъ называлъ времяпровожденіемъ дикарей. «Не предвидѣли двѣсти лѣтъ тому назадъ,—говоритъ онъ:—что въ одинъ прекрасный день надо будетъ предупреждать писателей объ опасности этого обычая. Напротивъ, шоколадъ онъ расхваливаетъ. Относительно помѣщенія писателей Тиссо очень строгъ. Впрочемъ, деревня, «гдѣ лучше думается», не всегда подходящее мѣстожителство: писателю необходима атмосфера городовъ, но тамъ они должны селиться, гдѣ чистъ воздухъ, и потому въ то время тѣнистая сторона холма св. Женевьевы сдѣлалась «Латинскимъ кварталомъ». Но если, несмотря на всѣ эти предписанія, писатель заболѣваетъ, то Тиссо запрещаетъ всякую умственную работу и прописываетъ молочную и овощную діету. Если не боитесь ослабить больного, то давайте ему скорѣе кашку изъ кассіи, пускайте кровь и холодныя ванны, а при надобности леченіе минеральными водами.

Въ Парижѣ возникла новая вѣра, пока еще насчитывающая не болѣе тридцати адептовъ—бехаизмъ, происшедшій отъ бабизма, возникшаго въ 1844 г., нѣсколькими годами ранѣе бехаизма. Мѣсто зарожденія этой вѣры—Персія, а ея основатель Мирза-Али-Мухаммедъ уроженецъ Шираза и происходившій изъ семьи Сейеди, потомковъ Магомета. Двадцатипятилѣтній Мирза взялъ символическое имя «Бабъ», т. е. «дверь», и выдавалъ себя за предтечу другого пророка, болѣе великаго, называемаго Высшимъ Откровеніемъ, который вскорѣ долженъ появиться и повести родъ людской къ познанію истины. Возникновеніе бабизма было вызвано притѣсненіями могущественнаго и порочнаго шиитскаго духовенства. Движеніе въ пользу новой религіи распространилось и вызвало строгія мѣры. Баба разстрѣляна въ Тавризѣ 9 іюля 1850 года, кромѣ того, были умерщвлены тысячи мучениковъ до и послѣ смерти Баба. Среди этихъ несчастныхъ выдѣлялась по своей блестящей, дивной красотѣ идеальная фигура женщины по прозванію Хуретъ-уль-айнъ, т. е. утѣшеніе глазъ. Это была великая героиня религіозной трагедіи. Уроженка Казвина, она вышла замужъ за юриконсультанта и, какъ исключеніе среди гаремныхъ женщинъ, получила выдающееся образованіе. Въ придачу къ ея красотѣ природа наградила ее добрымъ сердцемъ, умомъ и поэтическимъ даромъ. Какъ только до нея достигла вѣсть о пророкѣ и его религіи, она вмѣшалась въ это религіозное движеніе. Освободивъ свои прекрасныя черты лица отъ традиціоннаго покрывала, изгнаннаго изъ употребленія Бабомъ, она переѣзжала изъ провинціи въ провинцію и своей страстной пропагандой увеличивала количество старонниковъ новой вѣры, пока не попала въ заточеніе, окончившееся смертью въ страшныхъ мученіяхъ. Среди вѣрующихъ находился и Мирза-Хуссейнъ-Али-Нури, извѣстный подъ прозваніемъ Беха-Улла, Сіяніе Бога и основатель бехаизма. Онъ родился 12 ноября 1817 года въ Нургѣ (Мазандеранъ). Онъ былъ богатъ и принадлежалъ къ высшему классу общества. Но страсть къ религіозной пропагандѣ отвлекла его отъ другой карьеры. Беха никогда не встрѣчался съ

Бабомъ, но вель съ нимъ дѣятельную переписку, и когда послѣдняго разстрѣляли, то бабисты избрали его своимъ главою. Въ свою очередь, арестованный въ эту кровавую эпоху, онъ спастся отъ смерти только благодаря вмѣшательству русскаго и англійскаго посланниковъ, и дѣло ограничилось высылкой его въ 1852 году въ Багдадъ, гдѣ онъ сдѣлался душою сосланныхъ.

Мало развитой Бабъ, руководимый лишь созерцаніемъ Бога, мечталъ только о реформахъ, примѣнимыхъ въ его странѣ. Беха-Улла, напротивъ, въ своихъ мечтахъ парилъ высоко. Онъ зналъ, что творится за иранскими границами, и его мысль обнимала все человѣчество. Онъ мечталъ о перерожденіи цѣлаго міра посредствомъ труда и любви—этихъ двухъ столповъ всей его социологіи—и для подготовленія къ этой великой роли онъ внезапно исчезъ, и никто не зналъ, гдѣ онъ находится. Черезъ два года прошелъ слухъ, что въ уединенныхъ горахъ, высившихся на сѣверѣ Солейманіе, проживаетъ молодой шейхъ съ невообразимыми познаніями. Это былъ Беха-Улла. Онъ занялъ мѣсто среди своихъ послѣдователей и только въ 1852 г., когда персидское правительство выслало его въ Константинополь, онъ объявилъ свою миссію. Это произошло въ цвѣтущемъ саду Резвана, гдѣ его послѣдователи собрались, опечаленные его отъѣздомъ и озабоченные будущимъ. «Я,—сказалъ имъ торжественно Беха,—Высшее Откровеніе, возвѣщенное пророческими книгами и Бабомъ».

Нѣкоторые не смѣли слѣдовать за нимъ, другіе горячо привѣтствовали его. И такъ зародился бехаизмъ, въ основаніи котораго лежитъ существованіе Бога, дѣйствительность молитвы, но молитвы, не назначенной заранѣе въ опредѣленное время, въ опредѣленномъ мѣстѣ, а молитвы во всякое время, исходящей изъ души человѣческаго существа, убѣжденнаго, что высшее существо ему внимаетъ и руководитъ имъ. Для бехаизма не надо ни храма, ни духовенства. Изъ труда онъ дѣлаетъ законъ и болѣе всего требуетъ для дѣвочекъ и мальчиковъ по возможности обширнаго образованія. Личную собственность бехаизмъ признаетъ, благопріятно относится къ наукамъ и искусству, отрицаетъ войну, предлагаетъ посредничество и хотѣлъ бы установить всемірный языкъ. Основа его морали одинакова съ христіанской: чистота нравовъ, единобрачіе, безусловное братство. Въ глазахъ бехаизма еретиковъ нѣтъ.

Несмотря на кочевую жизнь послѣдователей бехаизма и различныя преслѣдованія, эта религія распространилась повсюду, гдѣ побывали ея послѣдователи въ изгнаніи. Ихъ тюремщики смягчали свою суровость и предоставляли имъ жить, какъ они хотѣли. Мало-по-малу они организовались, какъ и прежде, на свободѣ: устраивали сады, предпринимали работы по оздоровленію мѣстностей, между тѣмъ какъ ихъ начальникъ, то находившійся подъ замкомъ, то получавшій свободу, смотря по настроенію вали, отправлялся къ подножью Кармель, преслѣдуя свою мечту—обезпечить царство мира и всемірнаго братства, давъ міру религію, находящуюся въ гармоніи съ наукой и цивилизаціей. Беха-Улла излагаетъ это ученіе во многихъ сочиненіяхъ, нѣсколько неясныхъ для западныхъ людей, настолько своеобразенъ его языкъ, но кто читалъ его въ текстѣ, находитъ чрезвычайно краснорѣчивымъ. Эти сочиненія называются «Китабе-иганъ», «Китабе-акдесъ», «Постановленія бехаизма», «Книги договора», въ которой онъ занимается вопросомъ о томъ, что

должно быть сдѣлано послѣ него, и «Курату-я-Молукъ», въ которой заключаются настойчивыя воззванія, оставшіяся безъ отвѣта, къ европейскимъ государямъ и самому папѣ.

Беха-Улла умеръ 29 марта 1892 года. Его старшій сынъ и лучшій помощникъ, Аббасъ-Эффенди или Абдуль-Бела (Рабъ-Беха), родившійся въ 1844 году, продолжаетъ его работу. Это красивый старикъ, энергичный, кроткій, привѣтливый и ученый. Онъ женатъ и у него двѣ замужнія дочери. До послѣдняго времени онъ находился въ заключеніи, и за нимъ строго слѣдятъ. Видѣть его можно только съ помощью переодѣванія въ турецкую одежду или длинное черное покрывало и такимъ образомъ пройти незамѣтно среди мусульманъ. Въ настоящее время, благодаря событіямъ въ Турціи, Абдуль-беха освобожденъ, но не покидаетъ древняго Птолемаиса, теперешняго укрѣпленнаго города въ азіатской Турціи (Сирія), гдѣ онъ сгруппировалъ вокругъ себя общину, образецъ будущаго города, о какомъ мечтаютъ послѣдователи бехаизма. Здѣсь чувствуется трогательная, братская любовь, сблизившая людей всевозможныхъ религій и націй, восточныхъ и западныхъ: христіанъ, евреевъ, мусульманъ, послѣдователей Зороастра и буддистовъ, и нѣтъ мѣста мелочному честолюбію, ненависти и зависти. Многіе изъ членовъ общины бросали на родинѣ свои богатства, блестящее положеніе и живутъ трудами своихъ рукъ возлѣ учителя, слушая на прекрасномъ поэтическомъ языкѣ ученіе Беха-Уллы. Парижане, послѣдователи Беха, справляютъ персидскіе праздники и 24 марта, день новаго года и весны, Норузъ, они собрались въ одномъ изъ салоновъ Парижа и послѣ привѣтствій, согласно обычаю, читали книги закона «Китабе-акдесъ» и «Китабе-иганъ». Затѣмъ послѣдовало пѣніе персидскихъ и арабскихъ псалмовъ.

Въ «Neue Rundschau» приводятся интересныя свѣдѣнія объ евреяхъ въ Америкѣ. По словамъ Занбара, они собственно могли бы считаться хозяевами Америки давно, находясь тамъ съ ея открытія. Ученые португальскіе евреи, благодаря ихъ познаніямъ и работамъ по математикѣ и астрономіи, сдѣлали поѣздку Колумба осуществимой, предоставивъ ему деньги для ея устройства. На кораблѣ Колумба находились евреи, и первымъ вступилъ на американскую землю еврей Луи де-Торресъ. Наконецъ, съ первыхъ дней колонизаціи евреи толпами эмигрировали въ Америку, такъ что королева Іоанна въ 1511 г. пыталась воспротивиться этому наплыву. Евреи поселились въ городѣ св. Ѳомы и основали тамъ сахарное производство, а Бразилія обязана имъ своимъ первымъ расцвѣтомъ до изгнанія ихъ въ 1654 году. Ямайка процвѣтала благодаря евреямъ, и одинъ изъ англійскихъ губернаторовъ заявилъ, что евреи лучшіе подданные. Что касается Соединенныхъ Штатовъ, то Занбара говоритъ, что они никогда бы не добились благополучія безъ еврейскаго элемента. Президентъ Рузвельтъ въ двухсотлѣтній юбилей еврейской эмиграціи объявилъ: «Евреи способствовали основанію этой страны», а Кливлендъ прибавилъ: «Никто болѣе евреевъ не вліялъ на теперешній американизмъ».

14 марта въ обществѣ конференцій Альбертъ Вандаль прочиталъ лекцію объ отношеніяхъ Франціи и Россіи съ 1853 по 1870 гг. Новаго въ ней немного—его личные взгляды на нѣкоторые факты. Онъ указалъ на начинавшуюся дружбу между обѣими странами, дружбу, правда, нѣсколько бурную вначалѣ,

но со временемъ становившуюся все устойчивѣе. Первые недоразумѣнія, какъ извѣстно, возникли на почвѣ этикета, а именно величанія Наполеона въ первые годы имперіи, когда Николай отказался написать ему «Monsieur mon frèге», замѣнивъ фразою «Sire et bon ami». Это было въ нѣкоторомъ родѣ дерзость или нѣсколько рѣзкій намекъ. Наполеону III сначала это не понравилось; стали поговаривать о войнѣ. Но когда Киселевъ вручилъ ему это посланіе, то Наполеонъ придалъ себѣ добродушное и немного лукавое выраженіе и произнесъ: «Братъевъ переносятъ, друзей же выбираютъ». А Киселевъ обернулся и произнесъ: «Именно это одинъ изъ...»

Наступила Крымская кампанія. Наполеона серьезно за нее упрекали, но Вандаль не соглашается съ этимъ и въ защиту Наполеона говоритъ: «Онъ порвалъ трауръ нашихъ знаменъ. Это одна изъ войнъ, облагороженныхъ блестящими военными дѣйствіями; она намъ стоила славы, будемъ ее заботливо любить. И затѣмъ изъ всѣхъ войнъ она носить исключительный, почти смѣшной и во всякомъ случаѣ очаровательный характеръ. вмѣсто того, чтобы поссорить обѣ націи, Францію и Россію, вмѣсто того, чтобы образовать между ними злопамятство, она сблизила ихъ и воодушевила настоящей дружбой. Обѣ сражающіяся стороны уважали другъ друга и питали симпатію одинъ къ другому. Конечно, онѣ не ладили между собою, но какъ только было объявлено на нѣсколько дней перемиріе, онѣ премило выражали обоюдную симпатію. И для французовъ и русскихъ Крымская война была необыкновеннымъ, опаснымъ и очень хорошимъ случаемъ познакомиться и наконецъ сблизиться.»

Затѣмъ посольство Морни въ Петербургѣ имѣло наилучшій успѣхъ. Морни безконечно понравился въ Петербургѣ; его полюбили за умъ, пріятное обращеніе и изящную роскошь, среди которой онъ жилъ. Среди дипломатовъ царь уважалъ его болѣе всѣхъ и его надо отмѣтить изо всѣхъ, кто принесъ въ Россію милый образъ Франціи. Въ 1867 году Александръ II пріѣхалъ на парижскую выставку, и Вандаль нарисовалъ передъ слушателями картину блестящаго кортежа царственныхъ гостей, показавшихся Парижу, въ то время могущественныхъ и счастливыхъ, а затѣмъ не избѣжавшихъ предназначенной имъ судьбы. Александръ—убитъ нигилистами; Францъ-Иосифъ пережилъ столько ужасныхъ драмъ; Абдула-Азиса—убили; его сопровождали два племянника: Мурадъ, процарствовавшій три мѣсяца и затѣмъ заключенный въ качествѣ сумасшедшаго, и Абдуль-Гамидъ, нынѣ болѣе не царствующій и оканчивающій злополучно свою тревожную жизнь. Побѣдоносный Бисмаркъ страдалъ отъ жестокой немилости. Всѣ эти тогдашніе герои были приняты Наполеономъ, перенесшимъ ужасное седанское наказаніе, и его сыномъ, покоящимся въ Виндзорской часовнѣ, гдѣ для своего юнаго тѣла онъ получилъ пріютъ въ изгнаніи. Веронскіе дипломаты всѣ умерли.

Путешествіе Александра въ Парижъ очень мало помогло для будущихъ дружескихъ сношеній Россіи и Франціи. Александръ II не безъ нѣкоторой досады узналъ, что по отношенію Березовскаго, автора покушенія на жизнь императора, подыскали смягчающія вину обстоятельства. Кромѣ того, очевидно, ему не понравились восклицанія въ судѣ: «Да здравствуетъ Польша». Къ тому же парижане не были очень воодушевлены его пріѣздомъ и даже учтивы. Поль-

ская политика служила большой помѣхой между французской и русской политикой. Наполеонъ III, вѣрный принципу націонализма, благосклонно относился къ Польшѣ, и этотъ пунктъ Россія не допускала оспаривать. Таковы были отношенія между Россіей и Франціей до конца имперіи, превосходныя во время Крымской войны и трудныя въ мирное время.

Затѣмъ все устроилось какъ нельзя лучше. Вандаль сравниваетъ это примиреніе съ золотой ниткой, проходящей по грубой матеріи: нитка прячется и вдругъ исчезаетъ. Наконецъ, освободившись, золотая нитка скрѣпила окончательно союзъ обѣихъ странъ, только еще лучше пришедшихъ къ соглашенію, положивъ немного времени для распознаванія другъ друга.

— Европейскіе юбилеи.—Послѣдніе мѣсяцы были богаты различными европейскими юбилеями. Въ Лондонѣ торжественно отпраздновали столѣтіе со дня рожденія Гладстона и по этому случаю на его памятникъ было возложено множество вѣнковъ какъ отъ англичанъ, такъ и отъ иностранцевъ, и въ либеральныхъ кварталахъ Лондона произошли многочисленныя демонстраціи. Чествовать маститаго политическаго дѣятеля собрались не одни англичане: въ Лондонъ пріѣхали также депутаціи отъ Италіи, Сербіи, Черногоріи, Греціи и Болгаріи. Послѣдняя возложила на памятникъ серебряный вѣнокъ. Одни только русскіе, по словамъ «Review of Review», по своему обыкновенію, не явились выразить чувства уваженія, и только корреспонденція г-жи Новиковой, напечатанная въ прошедшемъ году Мельрозомъ, показываетъ, какъ глубоко чувство благодарности старшаго брата славянской семьи къ великому англійскому гражданину, разстроившему англо-турецкій союзъ и помогавшему Россіи освободить Болгарію.

22 февраля въ Германіи отпраздновали семидесятилѣтіе со дня рожденія популярнѣйшаго главы нѣмецкаго социализма Августа Бебеля. Незадолго до юбилея онъ напечаталъ свои воспоминанія «Aus meinem Leben», гдѣ рассказываетъ свою жизнь. «Надо же гдѣ-нибудь родиться человѣку,—говоритъ онъ:—что меня касается, то я родился 22 февраля 1840 года въ казармѣ близъ Кельна». Его отецъ былъ унтеръ-офицеръ Іоганнъ Бебель, а мать Вильгельмина-Іоганна, урожденная Симонъ. «Первый свѣтъ сего міра,—продолжаетъ Бебель,—замѣченный мною при рожденіи, ограничивался копотью маленькаго пламени масляной лампы, едва освѣщавшей сѣрыя стѣны большой казарменной комнаты. Эта комната служила и спальней, и залой, и столовой, и кухней».

Появленіе Бебеля на этомъ свѣтѣ совершилось нѣсколько минутъ спустя послѣ девяти часовъ. Барабанная дробь выбила послѣднія ноты вечерней зори, сигнала къ тишинѣ, послѣ котораго малѣйшій шумъ строго запрещался, и Августъ Бебель выбралъ именно этотъ моментъ для своего появленія на свѣтѣ, какъ бы для того, чтобы нарушить своимъ крикомъ военную дисциплину и выказать оппозицію. «У моего отца,—говоритъ Бебель,—не было недостатка въ духѣ оппозиціи и независимости. Къ тому же рейнскія провинціи были въ ту эпоху благопріятной почвой для того и другого. Часто онъ возвращался съ ученія взбѣшеннымъ. Безъ Луи-Филиппа и Тьера война между Франціей и Пруссіей въ извѣстный моментъ готова была вспыхнуть. Однажды мой отецъ вернулся въ казарму совершенно разстроенный, потому что одинъ безусый офицерикъ

обошелся съ нимъ грубо, и отецъ сказалъ матери: «Жена, если правда, что у насъ вспыхнетъ война съ Франціей, мой первый выстрѣлъ будетъ въ прусскаго офицера». Вотъ при какихъ обстоятельствахъ прошли первые годы жизни Бебеля. Впослѣдствіи его отецъ бѣжалъ въ Саксонію, гдѣ ему пришлось испытать и голодъ и горе.

Послѣ смерти мужа мать Бебеля едва не умерла съ голода и единственнымъ исходомъ для нея былъ бракъ съ ея дядей, инвалидомъ, лишившимся ногъ и получавшимъ маленькую пенсію. Августъ Бебель научился токарному ремеслу, сдѣлался подмастерьемъ, женился и, благодаря бережливости, настолько скопилъ денегъ, что могъ самостоятельно вести собственное дѣло. Приговоренный къ тюремному заключенію за свои нападки на бисмарковскую политику, Бебель оказался почти одинокимъ среди народа, опьяненнаго побѣдой. Всѣ кліенты бросили его, и дѣло настолько упало, что жена писала ему о невозможности содержать учениковъ. Но вскорѣ социализмъ восторжествовалъ, и Бебель вышелъ изъ тюрьмы въ ореолѣ пророка. Онъ возстановилъ свое дѣло, сталъ разбѣзжать въ качествѣ торговаго комиссіонера своего предпріятія и увеличилъ количество кліентовъ, а также сторонниковъ своего учения. Его способности руководителя партіи, ни на минуту не выказавшаго малѣйшей слабости въ дни нравственнаго ненастья, теперь вполне расцвѣли.

Нечего и говорить, какъ торжественно былъ отпразднованъ его юбилей. Бебель завоевалъ симпатіи не только въ партійныхъ кругахъ, но и въ буржуазныхъ. Центральный комитетъ германской социаль-демократической партіи поднесъ Бебелю альбомъ съ привѣтствіями всѣхъ германскихъ партійно-профессиональныхъ организаций и адреса социалистическихъ партій всего свѣта, начиная съ Европы, кончая Японіей. Кромѣ безконечнаго количества цвѣточныхъ подношеній, Бебель получилъ до 150 телеграммъ. На банкетѣ въ честь юбиляра были произнесены рѣчи, отъ германской социаль-демократіи говорилъ депутатъ Дицъ, отъ австрійской—Викторъ Адлеръ, отъ французской—Жюль Гэдъ.

Во Франціи 24 марта отпраздновали пятидесятилѣтіе присоединенія Савойи. Ровно пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ 24 марта 1860 года въ Туринѣ былъ подписанъ Талейраномъ и Бенедетти со стороны Франціи и Кавуромъ и Фарини со стороны Сардиніи—трактатъ, по которому Савойя и Ницца уступались Франціи. Это бывшее герцогство, а затѣмъ часть Сардиніи размѣромъ 10784 кв. кил., расположенное между Франціей, Швейцаріей и Италіей (Пьемонтомъ), представляетъ гористую мѣстность, такъ какъ на востокъ находятся Грайскіе Альпы (Монбланъ), на западъ—Коттійскіе и на сѣверо-востокъ Пеннинскіе. Судьба Савои мѣнялась, но савойцы оставались всегда неизмѣнными «*testa dura*», отъ кого бы они ни зависѣли. Сначала Савойя была занята аллоброгами, потомъ принадлежала бургундцамъ и франкамъ, а въ 1032 года подчинилась Германской имперіи. Основателемъ Савойской династіи, самой древней изъ всѣхъ династій, къ которой принадлежитъ и нынѣшній итальянскій королевскій домъ, былъ графъ Гумбертъ. Его сынъ Оддо присоединилъ къ Савойѣ посредствомъ брака Пьемонтъ, а слѣдующіе графы расширили ея предѣлы въ Италиі и нынѣшней Швейцаріи. Въ 1416 году Амедей VIII получилъ титулъ герцога,

а въ 1530—36 году при Карлѣ III Савойя лишилась владѣній въ Швейцаріи. Въ 1713 году по Утрехтскому миру герцогъ Викторъ-Амедей II получилъ титулъ короля Сициліи, но послѣ ея занятія испанцами въ 1718 году получилъ въ 1720 году Сардинію, которая съ Савойей и Пьемонтомъ образовала Сардинское королевство. Въ 1860 году сардинскій король Викторъ-Эмануиль II, какъ уже говорилось, уступилъ Сардинію и Ниццу—Франціи.

Эта уступка была вызвана разными причинами. Маленькій, бѣдный, но благоразумный народъ, отличавшійся необыкновенной прямою, вошедшей даже въ поговорку, какъ и его «бригада», сдѣлавшаяся легендарной, любилъ своихъ принцевъ и, казалось, навсегда съ ними былъ связанъ. Но вышло иначе. Короли не довольствовались заботами о Савойѣ, ихъ взгляды уносились дальше: не объ одной Савойѣ они мечтали. Тогда у савояръ проснулось сознательное отношеніе къ своему положенію. Разные вопросы возбуждали въ нихъ охлажденіе къ Италіи—законъ объ обученіи, таможни, торговый союзъ, соединившій съ 1847 г. Римъ, Флоренцію и Туринъ—все это ихъ раздражало. По выраженію Леона Коста Ворегара, хлопотавшаго въ парламентъ о Савойѣ, «высокій и крѣпкій барьеръ отдѣлялъ Савойю отъ Италіи: ея нравы, обычаи, языкъ, торговля не давали ей мѣста въ большой итальянской семьѣ, которая въ одинъ прекрасный день должна организоваться»... Онъ указалъ, насколько Савойя заброшена, истощена, какъ относительно людей, такъ и денегъ, и на ошибку туринской административной централизаціи. Послѣ Кустоци и Навары Викторъ-Эмануиль взялъ въ свои руки власть и призвалъ Кавура. Десятилѣтняя политика Кавура, блестящая по отношенію Италіи, была для савояръ неблагоприятной, и мало-по-малу Савойя отрывалась отъ Сардиніи. Ея присоединеніе къ Франціи поэтому было не вынужденное. Выборъ между Пьемонтомъ и Франціей естественно склонялся въ пользу послѣдней, такъ какъ не могла же Савойя стать вассаломъ Пьемонта. Пьемонтцы утруждали ихъ контрибуціями, пьемонтскіе чиновники, не знавшіе савойскихъ обычаевъ, дѣлали имъ тысячи неприятностей. Строгіе католики, савойцы не могли перенести закона инкамерациі, по которому изгонялись религіозные ордена и порывалась связь съ Ватиканомъ. Обстоятельства складывались въ пользу передачи ея Франціи. Въ 1858 году Кавуръ впервые познакомился съ Наполеономъ и видѣлся съ нимъ въ Пломбьерѣ. Наступилъ 1859 годъ. Италія начала вооружаться противъ Австріи; въ послѣдній разъ савойцы служили вѣрой и правдой своему королю. Во все время, пока длилась кампанія, савойскіе солдаты и знаменитая «бригада» выказывали чудеса храбрости. Французскія союзныя войска встрѣчали савояръ съ восторгомъ. Война окончилась для союзниковъ удачно. Съ этихъ поръ сталъ циркулировать адресъ: «Савойя не итальянская, она не можетъ быть ею». Послѣ предварительнаго трактата въ Виллафранкѣ Кавуръ подалъ въ отставку, будучи недоволенъ этимъ договоромъ, но въ началѣ 1860 года онъ снова взялъ министерскій портфель и, несмотря на протесты Австріи, не ожидая согласія Наполеона, онъ принялъ предложеніе Пармы, Модены, Тосканы и Романьи примкнуть къ Сардиніи, а Францію успокоилъ, уступивъ ей Савойю и Ниццу.

Савойя не протестовала: Франція была для нея болѣе близкой по языку. Изъ 130839 голосовъ за переходъ къ Франціи въ Савойѣ было подано 130533 голоса и только 235 голосовъ—противъ перехода; въ Ниццѣ же только 160 противъ

25000, выразивших согласіе. 29 мая трактатъ былъ ратификованъ палатой депутатовъ, а 10 іюня—сенатомъ и едва 12 іюня Франція была извѣщена о подписи королевскаго декрета, какъ сенатъ окончательно принялъ новую альпійскую Францію. По поводу торжества возникли недоразумѣнія, которыми была очень недовольны клерикалы. Надо было выбрать который-нибудь изъ знаменательныхъ дней—для празднованія или 24 марта, когда былъ подписанъ туринскій трактатъ, или 22 апрѣля—голосованія, или 12 іюня—ратификаціи трактата, но только не 4 сентября.

2-го апрѣля въ Сериньякъ, маленькой деревенькѣ Воклюзъ, безъ всякой помпы французы чествовали шестидесятилѣтне ученое дѣятельности современнаго великаго натуралиста, «короля изслѣдователей», по выраженію Дарвина, «неподражаемаго наблюдателя» міра насѣкомыхъ, такъ сказать, психолога ихъ души—Анри Фабра. Восьмидесятисемилѣтній энтомологъ почти всю свою жизнь посвятилъ изслѣдованію и разгадкѣ загадочнаго міра насѣкомыхъ, и всѣ ихъ законы, традиціи и привычки не были для него тайной. Но онъ работалъ не какъ старинные ученые въ темныхъ лабораторіяхъ, отягчая себя и своихъ учениковъ ненужными латинскими терминами, изслѣдуя полуживыхъ, измученныхъ созданій. Нѣтъ, работа Фабра живая, жизненная; онъ изучаетъ не мертвый, а живой міръ со всѣми его страстями, преступленіями, пороками и добродѣтелями, внося въ науку неисчерпаемый источникъ интересныхъ, любопытныхъ и даже назидательныхъ наблюденій. Душа насѣкомаго для него сдѣлалась открытой книгой, онъ такъ сжился съ своими друзьями, что самыя микроскопическія мошки не боятся его и позволяютъ ему спокойно наблюдать за ними. Я не вскрываю животное, я изучаю его живымъ,—говорилъ Фабръ ученымъ старой школы:—вы работаете въ пыточной мастерской, я—подъ синимъ небомъ; вы изслѣдуете смерть, а я изслѣдую жизнь».

Этотъ «Гомеръ насѣкомыхъ», какъ называлъ его Викторъ Гюго, родился въ Сень-Леонѣ (Авейронѣ) въ 1823 году въ семьѣ настолько бѣдныхъ крестьянъ, что зимою, не имѣя топлива, они были принуждены ночевать въ хлѣбѣ. Уже шести лѣтъ мальчикъ проявлялъ склонность къ наблюденіямъ за насѣкомыми. Бѣдность родителей заставила его рано покинуть родезскую гимназію и только, благодаря своимъ способностямъ, онъ окончилъ первоначальную авиньонскую школу, получивъ тамъ очень незначительное образованіе. Но мальчикъ дополнял его самостоятельно различными научными познаніями безъ учителей и благодаря этому онъ получилъ мѣсто преподавателя въ школѣ въ Карпантра. Здѣсь Фабръ доказалъ, чего можетъ добиться человекъ, твердо рѣшившійся итти къ намѣченной цѣли. Обучая другихъ, онъ продолжалъ дополнять свое научное образованіе настолько основательно, что получилъ степень доктора наукъ. Назначенный въ Аячціо профессоромъ физики, онъ познакомился тамъ съ профессоромъ Миккэнъ Тандиномъ, который сказалъ ему: «Бросьте математику, вернитесь къ растеніямъ, къ насѣкомымъ». Но надо было существовать и содержать родителей, и Фабръ принялъ мѣсто въ авиньонскомъ лицейѣ. Здѣсь онъ написалъ научные труды и получилъ степень доктора наукъ.

Однажды въ руки ему попалось сочиненіе натуралиста Дюфура, и судьба Фабра была рѣшена: онъ написалъ свои первые труды по естественной исторіи, продолжая заниматься химіей.

Въ эту эпоху Фабръ пытался основать въ Авиньонѣ роль второстепенной школы для дѣвушекъ, но его мысль была истолкована иначе: на него стали нападать и клеветать. Тогда ему все опротивѣло въ городахъ, и онъ, сбросивъ городское ярмо, удалился сначала въ Оранжъ, а затѣмъ въ деревушку Сериньянъ, гдѣ его садъ служилъ ему рабочимъ кабинетомъ ученаго. Фабръ напечаталъ много трудовъ по геологіи, химіи, физикѣ, астрономіи и т. д. Во время имперіи министръ народнаго просвѣщенія пригласилъ его въ Парижъ, украсилъ орденомъ Почетнаго легіона и представилъ Наполеону III. Но Фабръ слишкомъ любилъ независимость и свободу, чтобы обольститься эфемерными почестями и промѣнять на нихъ свою свободу. Онъ былъ не въ силахъ оставаться въ Парижѣ и вернулся къ своимъ друзьямъ-насъкомымъ, въ ихъ сказочный міръ, посвящая свободное отъ наблюденій и изслѣдованій время своимъ «Энтомологическимъ воспоминаніямъ». Стоитъ прочесть десять томовъ этого сочиненія, чтобы убѣдиться въ талантѣ Фабра не только какъ ученаго наблюдателя и психолога насъкомыхъ, но также и поэта.

Онъ знаетъ всѣ душевныя движенія, если можно такъ выразиться, насъкомыхъ, какъ лучший психологъ знаетъ движеніе человѣческой души. Его наблюденія надъ борьбою двухъ враговъ, ихъ дипломатическими приемами въ этой борьбѣ, уловками, коварствомъ, материнскимъ инстинктомъ насъкомыхъ, въ который они вкладываютъ весь свой гений; надъ ихъ брачнымъ ритуаломъ—являются сказкой изъ «Тысячи и одной ночи». Вообще, по наблюденіямъ Фабра, супружескіе нравы насъкомыхъ—ужасны и почти всѣ свадьбы оканчиваются немедленной смертью супруга. Часто женихъ прежде брака пожретъ нѣкоторое количество претендентовъ, но и его участь въ концѣ концовъ оказывается не лучше: новобрачная, выпивъ до дна чашу наслажденій, убиваетъ супруга и съ жадностью пожираетъ его. Особенно любопытно описываетъ Фабръ бракъ зеленыхъ кузнечиковъ. Вообще его «Энтомологическія воспоминанія» являются неожиданностью для читателя, привычнаго видѣть въ такого рода научныхъ сочиненіяхъ безконечное количество наименованій и сухое изложеніе. Фабръ же сразу вводитъ читателя въ волшебный міръ трагической фееріи, какая только можетъ представиться человѣческому уму. Вѣрный своей привычкѣ уединяться настолько, что, возвращаясь домой съ своихъ изслѣдованій, онъ готовъ обходить деревню, чтобы не встрѣчаться съ жителями, Фабръ и въ день юбилея остался сериньянскимъ отшельникомъ. Комитетъ, составившійся изъ Роллана Бонапарта, Думерга, лорда Авбюри, Перье и другихъ, рѣшилъ отправить къ нему депутацію. Когда въ деревнѣ раздался залпъ салютванія и появилась депутація ученыхъ отъ имени республики, Фабръ спокойно стоялъ на порогѣ своего дома, удивленный происходившимъ нарушеніемъ тишины. Ему вручили золотую медаль, и затѣмъ всѣ собрались въ залъ деревенской гостиницы обѣдать. Фабръ появился съ женою, двумя дочерьми и старымъ братомъ. Затѣмъ послѣдовало чтеніе телеграммъ со всего свѣта и между прочимъ Ростана, не имѣвшаго возможности лично поздравить, по его словамъ, «одну изъ самыхъ чистыхъ славъ Франціи, великаго ученаго, самаго проникновеннаго глубокаго поэта, Виргилия насъкомыхъ». Первый сказалъ рѣчь Эдмонъ Перье, за нимъ послѣдовали другіе, и скромное торжество этимъ закончилось.

С М Ъ С Ъ.

ГОДОВОЕ общее собраніе императорскаго русскаго историческаго общества. 2-го апрѣля, въ 9 ч. 15 м. вечера, въ царскосельскомъ Александровскомъ дворцѣ, подъ предсѣдательствомъ Его Императорскаго Величества Государя Императора состоялось годовое общее собраніе императорскаго русскаго историческаго общества. На собраніи присутствовали: предсѣдатель общества его императорское высочество великій князь Николай Михайловичъ, дѣйствительные члены общества: А. Н. Куломзинъ, гр. С. Д. Шереметевъ, Д. Ѳ. Кобеко, В. И. Сергѣевичъ, А. Н. Филипповъ, Е. С. Шумигорскій, С. Ѳ. Платоновъ, Н. Д. Чечулинъ, С. А. Панчулидзевъ, В. С. Иконниковъ, В. В. Щегловъ, А. А. Голомбѣевскій, К. А. Губастовъ и С. В. Рождественскій; не присутствовали: по нахожденію внѣ Петербурга его императорское высочество великій князь Константинъ Константиновичъ, П. И. Бартеневъ, А. П. Извольскій, В. О. Ключевскій, А. З. Мышлаевскій и Г. В. Форстенъ; по болѣзни—бар. Ѳ. Р. Остенъ-Сакенъ. Когда Его Императорское Величество изволилъ выйти изъ внутреннихъ покоевъ, члены общества имѣли счастье поднести Его Величеству свои печатные труды. По открытіи засѣданія августѣйшій предсѣдатель общества великій князь Николай Михайловичъ прочелъ годичный отчетъ. Со времени послѣдняго общаго собранія своего императорское русское историческое общество понесло цѣлый рядъ горестныхъ утратъ. 19-го марта 1908 г. скончался членъ общества, Александръ Георгіевичъ Влангали, состоявшій въ обществѣ съ 1883 г. и въ свое время много содѣйствовавшій обществу въ собираніи матеріаловъ для изданій. 31-го декабря 1908 г. скончался въ концѣ девятаго десятка лѣтъ членъ общества Иванъ Егоровичъ Забѣлинъ. Избранный въ члены въ 1899 г., онъ не могъ уже принимать участія

въ работахъ общества, но въ русской исторической наукѣ онъ занимаетъ видное мѣсто, какъ талантливый и оригинальный ученый. Забѣлинь представлялъ собою чистый типъ великорусса—смѣтливаго, даровитаго, степеннаго, твердаго, до мозга костей проникнутаго старинными тенденціями, непоколебимо преданнаго своей родинѣ и своей народности. 7-го іюня 1909 г. скончался членъ совѣта общества Федоръ Федоровичъ Мартенсъ, извѣстный ученый, первый авторитетъ въ Россіи по международному праву; въ теченіе нѣсколькихъ десятковъ лѣтъ онъ былъ виднымъ дѣятелемъ въ нашемъ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ, а послѣдніе годы игралъ замѣтную роль уже не въ русской только государственной и общественной жизни, а въ жизни международной, потому что къ нему многократно обращались иностранныя державы по дѣламъ, лежащимъ внѣ сферы интересовъ Россіи. 24-го сентября 1909 г. скончался предсѣдатель императорскаго русскаго историческаго общества статсъ-секретарь Александръ Александровичъ Половцовъ, послѣдній изъ числа тѣхъ двѣнадцати лицъ, которыя въ 1866 году, осуществляя мысль въ Бозѣ почивающаго императора Александра Александровича и великаго князя Владимира Александровича, положили основаніе обществу. Половцовъ былъ однимъ изъ самыхъ выдающихся работниковъ его. Онъ былъ первымъ секретаремъ общества, а съ 1879 года былъ 30 лѣтъ его предсѣдателемъ. При обществѣ, но исключительно на свои личныя средства, Половцовъ печаталъ «Русскій Біографическій Словарь». На русскомъ языкѣ не было подобнаго рода изданія; мало было даже подготовительныхъ работъ, но потребность въ немъ ощущалась самая настоятельная. Половцовъ рѣшился приняться за этотъ трудъ и 25 лѣтъ велъ его со всею энергіею, на какую былъ способенъ. Онъ не успѣлъ докончить дѣла, но, напечатать 13 большихъ томовъ и до 70 листовъ сверхъ того, выполнилъ двѣ трети всего дѣла. Если изданіе «Русскаго Біографическаго Словаря» будетъ закончено, русская наука получитъ пособіе совершенно исключительнаго значенія, 6-го февраля 1910 г. внезапно скончался Павелъ Яковлевичъ Дашковъ, свѣтлая личность котораго занимала выдающееся мѣсто среди любителей исторической науки и литературы на почвѣ безпредѣльной любви во всему русскому. Ученая дѣятельность общества въ 1908 и 1909 гг. выразилась въ изданіи пяти томовъ «Сборника», съ 126 по 130-й. По прочтеніи отчета Его Императорскому Величеству были представлены вновь вышедшіе 5 томовъ «Сборника» и 2 тома «Русскаго Біографическаго Словаря» (Притвиць—Рейць и Смѣловскій—Суворина). Произведенною баллотировкою избраны: помощникомъ предсѣдателя—вновь А. Н. Куломзинъ; на освободившееся по жребію мѣсто члена совѣта—А. А. Голомбѣвскій, казначеемъ—К. А. Губастовъ; въ члены ревизіонной комиссіи: гр. С. Д. Шереметевъ, С. В. Рождественскій и В. В. Щегловъ. Въ дѣйствительные члены общества избраны: членъ государственнаго совѣта бар. Юлій Александровичъ Икскуль-фонъ-Гильденбандтъ, ген.-отъ-кавалеріи Дмитрій Антоновичъ Скалонъ, товарищъ министра иностранныхъ дѣлъ Сергѣй Дмитріевичъ Сазоновъ, докторъ русской исторіи Николай Петровичъ Лихачевъ, магистръ русской исторіи Сергѣй Михайловичъ Середонинъ, посолъ при его величествѣ султанъ Николай Валеріевичъ Чарыковъ и дѣйств. ст. сов. Владимиръ Николаевичъ Смольяниновъ. Въ почетные члены общества избраны члены французской академіи:

Albert Vandal, Gabriel Hanotaux и Frédéric Masson. Въ заключеніе были прочитаны доклады: А. Н. Куломзинимъ—«Некрологи его императорскаго высочества великаго князя Владимира Александровича», В. С. Иконниковымъ—«Екатерина II какъ историкъ», А. Н. Филиповымъ—«Депутаты Екатерининской комиссіи и Правительствующій Сенатъ» и его императорскимъ высочествомъ великимъ княземъ Николаемъ Михайловичемъ: «Разговоръ Поццо ди Борго съ барономъ Т. К. Мейендорфомъ въ 1832 году въ Вѣнѣ».

Годовое общее собраніе императорскаго русскаго археологическаго общества. 24-го марта, подъ предѣдательствомъ графа И. И. Толстого, состоялось годовое общее собраніе членовъ общества. Среди присутствовавшихъ находились: директоръ императорскаго археологическаго института, почетный членъ общества тайный совѣтникъ проф. Н. В. Покровский, предѣдательница императорскаго московскаго археологическаго общества графиня П. С. Уварова, академикъ П. В. Никитинъ и др. лица. Предѣдателемъ ревизіонной комиссіи проф. Н. В. Покровскимъ прочитанъ былъ отчетъ комиссіи, нашедшей какъ все денежное хозяйство, такъ и канцелярію, бібліотеку и музей въ образцовомъ порядкѣ. По предложенію комиссіи выражена благодарность должностнымъ лицамъ общества. Предѣдатель медальной комиссіи Я. И. Смирновъ доложилъ собранію, что медальная комиссія общества, среди сочиненій, вышедшихъ въ свѣтъ въ 1908—1909 гг., не нашла ни одного, заслуживающаго, по мнѣнію комиссіи, награжденія медалью или почетнымъ отзывомъ общества. Секретарь общества Б. В. Фармаковскій доложилъ отчетъ о дѣятельности и состояніи общества за 1909 г. Въ составъ общества, находившагося въ отчетномъ году подъ августѣйшимъ предѣдательствомъ великаго князя Константина Константиновича, входило: почетныхъ членовъ—12, иностранныхъ почетныхъ членовъ—11, дѣйствительныхъ членовъ—151, членовъ-сотрудниковъ—56, всего—301 членъ. Выбыли—2 почетныхъ, 5 дѣйствительныхъ и 2 иностранныхъ члена; избрано вновь 1 почетный, 3 дѣйствительныхъ, 8 членовъ-сотрудниковъ и 3 иностранныхъ члена. Ученая дѣятельность общества состояла въ засѣданіяхъ: а) общихъ собраній—4, изъ числа которыхъ одного—чрезвычайнаго для присужденія медали имени графа А. С. Уварова, б) ревизіонной и двухъ медальныхъ комиссій и в) отдѣленій археологіи русской и славянской—11, древне-классической, византійской и западно-европейской—8 съ 14 докладами, восточной—8 съ докладами 14 лицъ и состоящаго въ августѣйшемъ управленіи великаго князя Георгія Михайловича отдѣленія нумизматическаго—5 съ докладами, сдѣланными 7-ю лицами. Общество принимало активное участіе въ двухъ археологическихъ сѣздахъ: международномъ конгрессѣ классической археологіи въ Каирѣ и IV-мъ областномъ сѣздѣ въ Костромѣ, готовило матеріалы къ XV всероссійскому археологическому сѣзду въ Новгородѣ. Издательская дѣятельность общества заключалась въ выпускѣ «Записокъ» и «Трудовъ» отдѣлений, разработкѣ проекта изданія «Исторіи античнаго искусства». Учреждена медаль имени покойнаго управляющаго восточнымъ отдѣленіемъ общества Гарона В. Р. Розена. Бібліотека общества и музей обогатились многими цѣнными изданіями и коллекціями. Между прочимъ, въ музей общества поступило собраніе находокъ трагически погибшей въ истекшемъ году женщины-археоло-

лога Ю. Г. Гендуне. Изъ прочитаннаго казначеи общества А. К. Марковымъ денежнаго отчета видно, что общество обладает капиталомъ въ процентныхъ бумагахъ на сумму 24,300 р. и капиталомъ восточнаго отдѣленія—15,100 р. Бюджетъ въ отчетномъ году выразился суммою въ 12,250 р. 17 к. Произведенными выборами въ казначеи и хранители музея на новое трехлѣтне избраны А. К. Марковъ и А. А. Спицынъ, въ дѣйствительные члены—М. Р. Фасмеръ и въ иностранные члены-сотрудники нѣмецкій ученый по сравнительному языкознанію, прекрасно знакомый съ русскимъ языкомъ—Отто Шрадеръ. Архитекторъ К. К. Романовъ сдѣлалъ докладъ «Георгіевскій соборъ въ гор. Юрьевъ-Польскомъ, Владимирской губ., и его скульптуры». Демонстрированный въ засѣданіи богатый матеріалъ гипсовыхъ слѣпковъ наглядно свидѣтельствовалъ о художественности украшеній собора, какъ единственнаго въ своемъ родѣ выдающагося въ исторіи русскаго искусства памятника старины. Докладчику осенью 1909 г., по порученію императорской археологической комиссіи, пришлось произвести предварительное изслѣдованіе храма, давшее весьма значительные результаты. Постройка храма, древняя кладка котораго, изъ бѣлаго камня, найдена изслѣдователемъ, относится по лѣтописнымъ свидѣтельствамъ къ 1230 г. Въ 1234 г. храмъ былъ перестроенъ заново княземъ Святославомъ Всеволодовичемъ. Кромѣ основной кладки обнаружено еще два типа позднѣйшихъ кладокъ. Юрьевъ-Польскій подвергался, за свою историческую жизнь, 5 разъ полному разграбленію; страдалъ, очевидно, и главный храмъ города. Рельефныя скульптурныя украшенія храма поэтому перемѣшаны. Большой интересъ представляетъ разнообразная въ высшей степени орнамента храма. Здѣсь встрѣчаются и растительный, и животный орнаменты, львы, центавры, и рядомъ изображенія святыхъ, окаймленные рамками, въ видѣ круглаго медальона. Раскопки среди собора открыли три пола. Хоръ въ храмѣ никогда не было—одна изъ отличительныхъ чертъ храма сравнительно съ другими древними храмами владими́ро-суздальской архитектуры. Въ 1910 г. императорская археологическая комиссія, въ виду важнаго художественнаго значенія собора, предполагаетъ продолжать начатыя работы по изслѣдованію и реставраціи храма, ассигновавъ на этотъ предметъ до 12,000 руб. Въ преніяхъ къ докладу принимали участіе: графиня П. С. Уварова, о. настоятель Георгіевскаго собора, проф. Д. В. Айналовъ, гр. И. И. Толстой, проф. Н. В. Покровскій и другія лица.

Годовое собраніе географическаго общества. 6-го апрѣля, подъ предсѣдательствомъ П. П. Семенова-Тянь-Шанскаго, состоялось годовое общее собраніе русскаго географическаго общества. Собраніе въ первый разъ происходило въ большомъ залѣ новаго дома общества. По предложенію предсѣдателя, собраніе почтило вставаніемъ память недавно скончавшагося Ѳ. П. Рябушинскаго, на средства котораго была снаряжена состоящая подъ руководствомъ географическаго общества экспедиція на Камчатку. Секретарь А. А. Достоевскій прочиталъ затѣмъ краткій отчетъ о дѣятельности общества въ 1909 г., выразившейся, главнымъ образомъ, въ работахъ монголо-сычуанской и камчатской экспедицій. А. А. Достоевскій объявилъ затѣмъ списокъ лицъ, которымъ присуждены почетныя награды. Константиновскую золотую медаль общество при-

судило сэру Эрнесту Шекльтону за выдающійся географическій подвигъ по изученію южнаго полярнаго пространства и его физико-географическихъ условій. Медаль имени гр. Ө. П. Литке присуждена В. В. Витковскому за многочисленныя труды по геодезій и практической астрономіи, а медаль имени П. П. Семенова—Л. С. Бергу за труды по изученію Аральскаго моря. Медали имени Н. П. Пржевальскаго получили А. П. Герасимовъ (за работы по изученію физико-географическихъ явленій Восточной Сибири) и А. С. Васильевъ (за труды по математической географіи на Шпицбергенѣ). Остальныя медали присуждены: серебряная имени П. П. Семенова—М. П. Осипову, малыя золотыя—П. И. Ваннари и А. Г. Безсонову—за собранныя имъ татарскія и другія сказки, малая серебряная—Г. К. Мерчингу и бронзовая—г. Жукову. По предложенію начальника монголо-сычуанской экспедиціи П. К. Козлова, общество присудило медали членамъ экспедиціи С. С. Четыркину (малая серебряная), М. Давыденкову (малая серебряная) и др. Въ почетныя члены русскаго географическаго общества избраны: Г. Н. Потанинъ, Г. Е. Грумъ-Гржимайло, П. К. Козловъ и профессоръ географіи въ геттингенскомъ университетѣ Германъ Вагнеръ. Членами-корреспондентами избраны слѣдующіе иностранныя ученые: директоръ прусскаго метеорологическаго института и вице-президентъ германскаго географическаго общества Густавъ Гельманъ, профессоръ географіи въ вѣнскомъ университетѣ и председатель международной ледниковой комисіи Эдуардъ Брюкнеръ и профессоръ географіи въ Сорбоннѣ Павелъ Видаль де-ла Блашъ. На мѣсто выбывшихъ по очереди И. И. Померанцева и А. И. Воейкова избраны въ члены совѣта Н. Д. Артамоновъ и А. В. Клоссовскій, а въ казначей—П. Г. Москалевъ. Въ заключеніе собраніе выслушало интересный и богато иллюстрированный діалозитивами докладъ начальника зоологическаго отдѣла камчатской экспедиціи П. Ю. Шмидта на тему: «Полтора года на Камчаткѣ».

Торжественное открытіе общества охраненія правъ женщинъ. 25-го марта въ помѣщеніи городской думы состоялось торжественное открытіе общества охраненія правъ женщинъ. Большой залъ думы былъ переполненъ. Присутствовали видныя общественныя дѣятели, представительницы женскаго движенія, учащаяся молодежь и др. Среди присутствовавшихъ, между прочимъ, были Л. Ф. Пантелѣевъ, А. П. Философова, П. Н. Милюковъ, И. Я. Фойницкій, Д. А. Дриль, Г. А. Фальборкъ, М. А. Чехова и др. Собраніе открыла председательница общества О. В. фонъ-Кубе, обрисовавъ въ своей рѣчи цѣли и задачи новаго общества. Въ борьбѣ за равноправіе женщина не должна, однако, терять облика женщины. Новое общество ставить своей цѣлью объединеніе мужчинъ и женщинъ въ одну общую семью для достиженія общей идеи. Главная задача общества—развитіе женщины и поднятіе въ ней интереса къ ея правовому положенію. Общество не ставитъ никакихъ политическихъ или партійныхъ задачъ, а имѣетъ въ виду исключительно общее благо. Въ составъ общества могутъ войти не только женщины, но и мужчины. Рѣчь председательницы покрывается продолжительными аплодисментами. Съ горячимъ призывомъ къ дружной работѣ на новомъ поприщѣ выступила вице-председательница общества М. Л. Вахтина. А. А. Кальмановичъ говорила, что главная цѣль женскаго движенія дать женщинѣ самоопредѣленіе. Успѣхъ новой органи-

защиты будетъ зависѣть прежде всего отъ самихъ женщинъ съ ихъ обездоленными сестрами. Прис. пов. П. А. Брюнелли въ своей рѣчи отмѣчаетъ, что общество будетъ охранять права женщинъ. Права эти, къ сожалѣнію, не велики. Законодательство до сихъ поръ принимаетъ во вниманіе исключительно интересы мужчинъ, хотя во всѣ острые моменты политической жизни женщины шли съ мужчинами рука объ руку. Коснувшись вопроса о правахъ русскихъ женщинъ, ораторъ говоритъ, что недостаточно отстаивать то, что имѣется, а нужно идти энергично впередъ. Послѣ непродолжительнаго перерыва на кафедрѣ выступили прив.-доц. П. И. Люблинскій и проф. А. Л. Погодинъ. Первый закончилъ свою рѣчь словами: каждый изъ насъ долженъ сознавать свои права, и только тогда свобода озаритъ нашу жизнь. Проф. Погодинъ говорилъ на тему: «Женщина, какъ идейная дѣятельница». Женщины, какъ консервативный элементъ, крѣпче держатся за идеи, чѣмъ мужчины. Побѣда женщинъ всегда есть побѣда нравственной силы надъ физической. Пусть женщина,—закончилъ проф. Погодинъ,—освѣщаетъ нашъ путь въ темнотѣ, пусть поддержитъ въ насъ надежду въ лучшее будущее. Горячо привѣтствовалъ новое общество Г. А. Фальборкъ. Женское движеніе имѣетъ у насъ особую историческую страницу. Женщина-декабристка была товарищемъ своего мужа. Русская женщина примкнула къ освободительному движенію не какъ помощница, а какъ равный товарищъ. Она одинаково несла страдальческій вѣнокъ за права русскаго обществ. Г. А. Фальборкъ привѣтствуетъ русскую женщину, какъ равнаго члена русскаго общества. Оковы спадутъ лишь въ тотъ моментъ, когда надъ нами загорится огонь свободы. Многолюдная аудиторія покрываетъ эти слова бурными аплодисментами. Продолжительными рукоплесканіями былъ встрѣченъ П. Н. Милоковъ. На этой кафедрѣ, сказалъ онъ, были освѣщены задачи общества съ разныхъ сторонъ. Своими аплодисментами Г. А. Фальборку вы показали свое отношеніе къ тому отѣнку женскаго движенія, которому вы сочувствуете. П. Н. Милоковъ говоритъ, что и его оцѣнка мыслей предыдущаго оратора совпадаетъ съ оцѣнкой собранія. Русское просвѣтительное и передовое общество съ сочувствіемъ встрѣтитъ женское движеніе, вливающееся въ общее русло русскаго освободительнаго движенія. Привѣтствія прислали А. Θ. Кони, Ольга Шапиръ, предсѣдательница русскаго женскаго благотворительнаго общества А. Н. Шабанова, С. И. Шохоръ-Троцкій (отъ имени педагогическаго совѣта Фребелевскихъ курсовъ) и др.

Открытіе выставки произведеній печати. 1-го апрѣля, въ 3 ч. дня, въ зданіи министерства внутреннихъ дѣлъ (Морская, 61) открылась выставка произведеній печати, вышедшихъ въ 1909 г. Выставка занимаетъ два этажа. Въ нижнемъ этажѣ выставлены книги на русскомъ языкѣ и неперіодическія художественныя изданія, а также литература, посвященная юбилеямъ А. В. Кольцова, Н. В. Гоголя, С. Т. Аксакова, Полтавской побѣды и др. Верхній этажъ заняли періодическія изданія и книги на инородческихъ языкахъ. На щитахъ развѣшаны выходившія въ Россіи въ 1909 г. ежедневныя и еженедѣльные газеты. Ежедневныя періодическія изданія распределены по районамъ: петербургскому, московскому, сѣверному, прибалтійскому, южному, кавказскому, сибирскому и т. д. На щитѣ съ петербургскими изданіями преобладаютъ

органы правой печати. Изъ прогрессивныхъ газетъ нѣкоторыя уже прекратили свое существованіе («Слово» и «Наша Газета»). Въ минувшемъ году въ Россіи печаталось 1,319 журналовъ и 854 газеты, въ томъ числѣ 981 журналъ и 662 газеты на русскомъ языкѣ, 325 журналовъ и 183 газеты на инородческихъ языкахъ и 13 журналовъ и 9 газетъ на смѣшанныхъ языкахъ. Газеты и журналы выходили на 20 языкахъ и нарѣчійхъ (книги печатались на 37 языкахъ). Периодическія изданія выходили на слѣдующихъ инородческихъ языкахъ: на польскомъ—172 журнала и 46 газетъ, на нѣмецкомъ—39 журналовъ и 30 газетъ, на латышскомъ—21 журналъ и 21 газета, на грузинскомъ—29 журналовъ и 10 газетъ, на эстонскомъ—17 журналовъ и 21 газета, на армянскомъ—16 журналовъ и 12 газетъ, на татарскомъ—7 журналовъ и 9 газетъ, на литовскомъ—10 журналовъ и 5 газетъ, на еврейскомъ—9 журналовъ (5 на жаргонѣ и 4 на древне-еврейскомъ) и 13 газетъ (9 на жаргонѣ и 4 на древне-еврейскомъ), на азербейджанскомъ нарѣчій—2 журнала и 5 газетъ, на французскомъ—1 журналъ и 3 газеты, на греческомъ—2 газеты, на финскомъ—2 газеты, на персидскомъ и корейскомъ по 1 газетѣ, на эсперанто—1 журналъ и молдавскомъ, тюркскомъ и сартскомъ нарѣчійхъ по 1 журналу. По даннымъ главнаго управленія по дѣламъ печати, политическихъ, общественныхъ и литературныхъ изданій было 503 (82 журн. и 421 газ.), иллюстрированныхъ—51 (45 журн. и 6 газ.), правительственныхъ—88 (исключительно газеты), изданій для войскъ и народа 31 (19 журн. и 12 газ.), для семьи и дѣтей 35 (исключительно журналы) и сатирическихъ и юмористическихъ—55 (49 журналовъ и 6 газетъ). Приводимъ нѣкоторыя цифры о содержаніи периодическихъ изданій. Богословію посвящено 9 изданій, старообрядчеству—3, сектантству—11 (10 журн. и 1 газ.), педагогикѣ—35, праву—10 (5 журн. и 5 газ.), женскому вопросу—3, еврейскому вопросу—4, рабочему вопросу—10, профессиональному движенію—10, коопераціи—15, политической экономіи и финансамъ—9, торговлѣ и промышленности—49 (37 журн. и 12 газ.), алкоголизму—4, страховому дѣлу—5, исторіи—5, библиографіи—15, этнографіи—6, живописи—2, театру—31 (20 журн. и 11 газ.), пѣнію и музыкѣ—12 и т. д. Вопросами физико-математическихъ наукъ занимались 18 периодическихъ изданій, технологіей и механикой—39, горнымъ дѣломъ—7, электротехникой—3, желѣзными дорогами—13, воздухоплаваніемъ—5 (4 журн. и 1 газ.), военнымъ дѣломъ—15 и т. д. Обширный отдѣлъ на выставкѣ занимаетъ польская литература. Въ 1909 г. на польскомъ языкѣ напечатано 1906 сочиненій въ 4.882,170 экз. Изящно издаются на польскомъ языкѣ дѣтскія книги. Въ истекшемъ году дѣтскихъ книгъ напечатано 82 въ 197,000 экз. Приключенія сыщиковъ на польскомъ языкѣ издаются болѣе красиво, чѣмъ на русскомъ языкѣ. Беллетристическихъ произведеній на польскомъ языкѣ появилось 226 въ 567,244 экз., драматическихъ—34 въ 61.550 экз., сборниковъ—48 въ 215,000 экз. Изъ сравнительной таблицы о книгахъ 1908 г. и 1909 г. мы узнаемъ, что въ 1908 г. въ Россіи появилось 23,852 соч. въ 75.868,320 экз., а въ 1909 г.—26,638 соч. въ 101.466,908 экз., Стоимость опредѣлялась: въ 1908 г. въ 25 мил. руб., а въ 1909 г. 29¼ мил. рублей.

Открытие древлехранилища въ Александро-Невской лаврѣ. Состоялось открытіе древлехранилища при Александро-Невской лаврѣ. Посѣ-

истор. вѣстн., май, 1910 г. т. сxx.

сѣтитъ его изволила ея императорское высочество великая княгиня Марія Павловна. Хотя тамъ нѣтъ такихъ реликвій, какъ въ Новгородѣ, Кіевѣ, Владимирѣ, передъ сѣдой древностью которыхъ лавра является совсѣмъ юной, но все же за ея двухвѣковое существованіе накопилось много драгоценныхъ въ историческомъ и художественномъ смыслѣ предметовъ. Наибольшее количество ихъ касается событій жизни и дѣятельности св. Александра Невского или пожертвовано въ лавру въ память его. Древлехранилище нашло помѣщеніе въ юго-восточной монастырской башнѣ, гдѣ до сей поры помѣщалась библиотека. Оно имѣетъ немало существенныхъ недостатковъ, изъ коихъ главные—тѣснота и плохое освѣщеніе. Многіе предметы можно разсмотрѣть только при помощи электричества. Очень красиво, когда неожиданно вспыхиваетъ яркимъ свѣтомъ то та, то другая изъ множества развѣшенныхъ драгоценныхъ лампадъ. Любопытна старинная пелена XVII в., привезенная изъ Владимира въ 1714 г.; весьма рѣдкое изображеніе св. великаго князя въ схимѣ. Кажется, существуетъ еще только одно подобное изображеніе: это —образъ св. князя, хранимый во Владимирѣ въ архіерейской ризницѣ, работа опальной царицы Прасковьи Соловухъ, жены царевича Ивана Ивановича (убитаго Грознымъ). Но владимирская работа, не менѣ тонкая по выполнению, много меньше по размерамъ. Далѣе идетъ множество изображеній святого Александра въ видѣ картинъ масляныхъ, миниатюръ на серебрѣ, финифти, драгоценныхъ камняхъ, преимущественно XVIII в., и нѣсколько фотографій съ иконъ работы Брюлова, Шебуева, Васнецова. Видное мѣсто занимаютъ и воспоминанія, связанныя съ именемъ основателя лавры—Великаго Петра: его портреты, предметы, которыми онъ пользовался во время пріѣздовъ въ лавру. По верхнимъ хорамъ хранилища—богатѣйшее собраніе антиминсовъ (около 2,000). Конечно, выставлены не всѣ, а лишь наиболѣе замѣчательные по рисункамъ, по которымъ можно прослѣдить любопытное сходство съ рисунками плащаницъ XVII—XVI вѣковъ, изъ чего можно заключить, что рисунки антиминсовъ заимствовались съ плащаницъ. Самые древніе, рукописные—1456-го, 1486-го, 1528-го годовъ. Съ половины XVII вѣка появляются уже антиминсы печатные. Множество иконъ, складней, крестовъ, драгоценныхъ по старинѣ и по матеріалу облачений, монеты, старинныя книги рукописныя и проч., и проч. Подробная оцѣнка всего тутъ собраннаго потребовала бы цѣлой книги.

Экспедиція академика С. Ѳ. Ольденбурга. Въ мартѣ мѣсяцѣ вернулся въ Петербургъ начальникъ снаряженной русскимъ комитетомъ по изслѣдованію Средней и Восточной Азіи экспедиціи въ Китайскій Туркестанъ, акад. С. Ѳ. Ольденбургъ. Экспедиція отправилась въ путь 6-го іюля 1909 г. Въ составъ ея входили, кромѣ акад. Ольденбурга, художникъ Дудинъ, горный инженеръ Смирновъ, археологъ В. И. Каменскій и служащій при керченскомъ музеѣ Петренко. Послѣдніе два члена экспедиціи на пути между Чугучакомъ и Урумчи заболѣли лихорадкой и вынуждены были вернуться въ Россію. Экспедицію сопровождалъ все время переводчикъ Босукъ Темировичъ Хохо, уроженецъ гор. Хама. По словамъ С. Ѳ. Ольденбурга, г. Хохо оказалъ экспедиціи неоцѣнимыя услуги. 15-го іюля экспедиція прибыла въ Урумчи. 19-го августа она уже была въ Карашарѣ, гдѣ оставалась около мѣсяца. Здѣсь были осмотрѣны

буддійскіе храмы, монастыри и пещеры. Въ Турфанскомъ оазисѣ экспедиція посѣтила небольшія селенія Карахаджу, Сенгимачьцъ и Туюкъ-Маіарь. Въ Карахаджѣ открыты развалины стараго города Идиктушари (отъ IX до XIV столѣтія) и найдены другія интересныя развалины и пещеры (около 100). Въ пещерахъ Сенгимачьца экспедиція обнаружила образцы древней китайской скульптуры. Экспедиція достигла Китая и совершила свои разслѣдованія на разстояніи нѣсколькихъ сотъ верстъ отъ извѣстнаго озера Лобнора. Повсюду экспедиція встрѣчала со стороны мѣстнаго населенія и администраціи полное содѣйствіе. Собрано экспедиціей свыше 30 ящиковъ съ разными коллекціями. Коллекціи экспедиціи состоятъ изъ фресокъ, деревянныхъ и бронзовыхъ статутокъ и другихъ предметовъ китайскаго искусства. Рукописей собрано немного, такъ какъ собраніе такого матеріала требовало бы болѣе продолжительнаго пребыванія въ Китаѣ. Настоящая же экспедиція между тѣмъ имѣла, главнымъ образомъ, въ виду подготовительныя работы для болѣе обширной экспедиціи. Вторая экспедиція, вѣроятно, будетъ снаряжена приблизительно черезъ 1½ года. Экспедиціей сдѣлано около 1,500 фотографическихъ снимковъ съ монастырей, пещеръ, отдѣльныхъ пещерныхъ построекъ и храмовъ. Всѣ эти коллекціи поступятъ въ распоряженіе академіи наукъ

Юбилей императорскаго клиническаго института. 25 марта императорскій клиническій институтъ великой княгини Елены Павловны торжественно справлялъ 25-лѣтнюю годовщину своего существованія. На актѣ присутствовали покровитель института его высочество герцогъ Михаилъ Михайловичъ Мекленбургъ-Стрелицкій, товарищъ министра народнаго просвѣщенія Г. К. Ульяновъ, помощникъ главнаго медицинскаго инспектора П. Н. Булатовъ, и. д. директора проф. Долгановъ, главный военно-санитарный инспекторъ т. с. лейбъ-медикъ Евдокимовъ. Участвовали также всѣ профессора и ассистенты. Послѣ отчета за 1909 годъ, прочитаннаго секретаремъ совѣта преподавателей фонъ-Валемъ, профессоромъ В. Н. Никитинымъ, состоящимъ со дня открытія въ институтѣ, въ блестящей рѣчи была очерчена дѣятельность и жизнь института за 25 лѣтъ, и ярко обрисована польза, принесенная обществу и врачамъ, стремящимся къ научному усовершенствованію. Съ открытіемъ по мысли великой княгини Елены Павловны и профессора Эйхвальда въ 1885 году клиническаго института для врачей явилась возможность заниматься не только научными изысканіями въ различныхъ отрасляхъ медицины, но и посвятить себя чисто практическимъ занятіямъ въ лабораторіяхъ, клиникахъ и поликлиникахъ, причемъ въ основу дѣятельности института профессоръ Эйхвальдъ положилъ идею о вольной медицинскои школѣ, не дающей никакихъ правъ, но свято вѣрующей въ любовь русскихъ врачей къ наукѣ и въ сознательное отношеніе къ священнымъ задачамъ врачеванія. Профессоръ В. В. Строгановъ въ весьма изящной и законченной по формѣ рѣчи разобралъ вопросъ «О значеніи ранняго вставанія послѣ родовъ», доказавъ свою громадную эрудицію и глубокое знакомство и опытность въ области акушерства. Вечеромъ въ ресторанѣ «Контана» собрались профессоръ, ассистенты и служебный персоналъ института; во время ужина и. д. директора института проф. В. Н. Долгановымъ были прочтены многочисленные

привѣтственные телеграммы (между прочимъ, отъ ректора императорскаго Николаевскаго университета въ Саратовѣ—профессора Разумовскаго). Дружеская бесѣда профессоровъ и врачей института затянулась далеко за полночь.

Юбилей В. А. Алексѣева. 20-го марта исполнилось двадцатипятилѣтіе литературной дѣятельности извѣстнаго переводчика древнихъ классическихъ писателей и знатока классическихъ древностей, В. А. Алексѣева. Юбиляру принадлежитъ рядъ прекрасныхъ переводовъ античныхъ произведеній художественной литературы. Хорошій художественный переводъ древнихъ классиковъ—дѣло крайне нелегкое и заслуживающее всякаго уваженія. И В. А. Алексѣеву принадлежитъ бесспорная честь возстановленія доброй славы незаслуженно презрѣнныхъ и обиженныхъ великихъ писателей древности. Въ его переводахъ чувствуются красоты подлинника, бережно охраненныя любящей и опытной рукой отъ малѣйшихъ уклоненій въ область учебника и школьной макулатуры. Въ нихъ ясно слышится то великое и прекрасное, что придало этимъ стариннымъ произведеніямъ способность и силу негнѣнными пройти чрезъ вѣка... Литературная дѣятельность Василія Алексѣевича Алексѣева началась съ изданія прекраснаго перевода Овидіевыхъ «Метаморфозъ». Затѣмъ появился цѣлый рядъ переводовъ другихъ античныхъ писателей, изъ которыхъ многіе были до той поры совершенно неизвѣстны у насъ. Изъ греческихъ авторовъ В. А. Алексѣевымъ были переведены: избранныя эпиграммы греческой антологіи, Антонинъ Либераль, Аристофанъ, Эврипидъ, Эпиктетъ, Каллимахъ, Лукіанъ, Плутархъ, Софокль, Теофрастъ, Эзопъ, Эсхиль и Ѳукидидъ. Изъ римскихъ писателей онъ переводилъ Виргилія, Овидія, Квинтиліана, Плавта, Светонія, Сенеку, Теренція и Цицерона. Всѣ эти переводы снабжены прекрасными комментаріями. Кромѣ того, В. А. Алексѣевъ составилъ обширные и совершенно своеобразные сборники, единственные въ русской литературѣ: «Древне-греческіе поэты въ біографіяхъ и образцахъ» и «Древне-римскіе поэты въ біографіяхъ и образцахъ»—превосходное пособіе для лицъ, интересующихся античной литературой. Далѣе, имъ составлены: интересная «Хрестоматія по исторіи древней Греціи» и «Избранныя латинскіе афоризмы и цитаты». Ему принадлежатъ также труды и въ области новѣйшей литературы. Такъ, имъ выпущены переводы «Разбойниковъ» Шиллера и «Притчъ» Крумахера. Последняя книга обратила на себя особое вниманіе нашей читающей публики: знаменитыя притчи нѣмецкаго поэта и философа появились въ переводѣ В. А. Алексѣева впервые на русскомъ языкѣ въ полномъ видѣ. Въ короткое время онѣ выдержали у насъ нѣсколько изданій. В. А. Алексѣевъ сотрудничаетъ въ очень многихъ журналахъ и газетахъ, помѣщая въ нихъ статьи и замѣтки по вопросамъ классической бібліографіи. Среди занятій классической литературой онъ находитъ также время и для изысканій о жизни и личности нашего знаменитаго полководца Суворова, въ которомъ онъ видитъ много общихъ чертъ съ героями излюбленной юбиляромъ классической древности. Онъ издалъ нѣсколько книгъ и статей о Суворовѣ и подготавливаетъ къ выпуску въ свѣтъ «Письма Суворова», критически провѣренныя и снабженныя обширными историческими примѣчаніями. Немало замѣтокъ по своей специальности напечаталъ В. А. и на страницахъ «Историческаго Вѣстника».

Юбилей профессора В. К. Рота. Въ большой залъ психіатрической клиники, на Дѣвичьемъ полѣ въ Москвѣ, 14-го марта, въ торжественномъ засѣданіи общества невропатологовъ и психіатровъ происходило чествованіе директора клиники нервныхъ болѣзней и предсѣдателя общества В. К. Рота. Декорированная тропическими растеніями зала наполнилась къ часу дня многочисленными представителями медицинскаго міра, научныхъ и общественныхъ учреждений. Появленіе юбиляра въ залѣ встрѣчено было единодушными аплодисментами. В. К. Ротъ занялъ предсѣдательское кресло. Чествованіе юбиляра продолжалось около трехъ часовъ. Въ теченіе этого времени къ столу непрерывно подходили одна за другой многочисленныя депутаціи, тепло и задушевно привѣтствовавшія юбиляра отъ различныхъ обществъ и учреждений. Юбиларъ отгѣчалъ на каждое привѣтствіе. Первый адресъ прочитанъ былъ отъ общества невропатологовъ и психіатровъ товарищемъ предсѣдателя общества, директоромъ психіатрической клиники проф. В. П. Сербскимъ, указавшимъ, какое огромное вліяніе имѣли на всю постановку научнаго дѣла и преподаванія невропатологіи и психіатріи въ московскомъ университетѣ глубокая общая и специальная медицинская эрудиція юбиляра. Что касается научной дѣятельности юбиляра, то имъ данъ рядъ блестящихъ фундаментальныхъ изслѣдованій. Этими работами юбиляръ завоевалъ себѣ громкое европейское имя. Членъ совѣта общества Л. С. Миноръ поднесъ альбомъ съ фотографическими портретами знаменитыхъ европейскихъ ученыхъ, приславшихъ свои привѣтствія юбиляру, и портретами членовъ общества. Отъ совѣта московскаго университета привѣтствовала юбиляра депутація въ составѣ помощника ректора М. А. Мензбира и декановъ факультетовъ: историко-филологическаго — М. К. Любавскаго, физико-математическаго — К. А. Андреева и юридическаго — гр. Л. А. Комаровскаго. М. А. Мензбиръ обратился къ юбиляру съ рѣчью, въ которой высказалъ, что совѣтъ университета привѣтствуетъ въ немъ образцоваго профессора, соединившаго въ своемъ лицѣ глубокія научныя знанія съ исключительной преданностью и любовью къ преподаванію, выдающагося клинициста, который также настойчиво добивался расширенія ввѣренныхъ ему учреждений и увѣнчиваетъ ихъ теперь созданіемъ невропатологическаго института. Принося отъ имени университета глубокую благодарность В. К. за его труды въ этомъ направленіи, помощникъ ректора отмѣтилъ далѣе, что въ теченіе послѣднихъ десяти лѣтъ имя юбиляра тѣсно связано съ цѣлымъ рядомъ просвѣтительныхъ учреждений, возникавшихъ при его горячемъ участіи или по его инициативѣ для широкаго распространенія научныхъ знаній въ народной массѣ. Проф. А. Ѳ. Рейнъ отъ совѣта высшихъ женскихъ курсовъ въ Москвѣ привѣтствовалъ юбиляра, какъ горячаго поборника высшаго женскаго образованія въ лучшемъ смыслѣ. Съ большимъ сочувствіемъ было встрѣчено аудиторіей привѣтствіе депутаціи отъ студентовъ-клиницистовъ, въ которомъ говорилось, что образъ благороднаго, сіяющаго внутренней красотой, проникнутаго любовью къ людямъ учителя будетъ для нихъ поддержкой и свѣточемъ въ предстоящемъ жизненномъ пути. Слѣдующій адресъ поднесенъ былъ депутаціей отъ городскаго народнаго университета имени А. Л. Шаявскаго въ составѣ

Н. В. Давыдова, С. А. Муромцева, А. А. Кизеветтера, Н. М. Кулагина, гр. Е. А. Уваровой и др. Предсѣдатель правленія Н. В. Давыдовъ привѣтствовалъ юбиляра, какъ ближайшаго сотрудника А. Л. Шанявскаго по осуществленію его благотворной мысли, положившаго на созданіе народнаго университета много просвѣщеннаго труда и энергіи. Отъ общества психіатровъ въ Петербургѣ привѣтствовали юбиляра профессора О. А. Чечотъ и П. А. Останковъ, какъ выдающагося невропатолога, талантливаго профессора, популярнаго врача и человѣка широкихъ общественныхъ начинаній. Проф. П. А. Останковъ передалъ также привѣтствіе отъ своего учителя академика Бехтерева и петербургской клиники. Отъ клиническихъ учрежденій московскаго университета поднесла адресъ депутація въ составѣ директора института общей патологіи А. В. Фохта, директора терапевтической факультетской клиники Л. Е. Голубинина, директора хирургической клиники И. К. Спижарнаго, директора фармакологическаго института С. І. Чирвинскаго и профессоровъ В. Д. Шервинскаго, А. И. Тальянцева и др. Проф. А. В. Фохтъ прочиталъ адресъ. Отъ клиники нервныхъ болѣзней привѣтствовала многочисленная депутація во главѣ съ Н. И. Коротневымъ, поднесимъ юбиляру фотографическую группу медицинскаго персонала клиники. Отъ психіатрической клиники сказали привѣтствіе Ѳ. Е. Рыбаковъ, отъ императорской Ново-Екатерининской больницы—помощникъ главнаго доктора А. В. Мартыновъ, отъ клиники нервныхъ болѣзней при той же больницѣ—Г. И. Россолимо, отъ пропедевтической клиники вышихъ женскихъ курсовъ—В. Е. Предтеченскій, отъ комиссіи общественнаго здравія городской думы—гласные Н. Д. Титовъ и Д. Е. Гороховъ. Депутація отъ врачебнаго совѣта московской городской управы въ составѣ члена управы В. Ѳ. Малинина, врачей Е. М. Иванова и В. Я. Зеленина поднесла адресъ, прочитанный В. Ѳ. Малининымъ. Въ адресѣ говорилось, что, будучи предсѣдателемъ комиссіи общественнаго здравія въ качествѣ гласнаго думы и членомъ врачебнаго совѣта, юбиляръ много содѣйствовалъ правильной постановкѣ и разрѣшенію вопросовъ врачебно-санитарной организациі въ Москвѣ. Далѣе слѣдовала депутація отъ московскаго психологическаго общества въ составѣ профессоровъ Л. М. Лопатина, Г. И. Челпанова, М. К. Любавскаго, В. П. Сербскаго и друг. Привѣтствіе сказано было Л. М. Лопатинымъ, отмѣтившимъ, что сегодня исполняется также 25-лѣтіе со дня избранія юбиляра членомъ московскаго психологическаго общества, и привѣтствовавшимъ его, какъ многолѣтняго дѣятельнаго члена общества и сотрудника журнала «Вопросы философіи и психологіи». Далѣе прочитаны были адреса и сказаны привѣтствія: отъ общества польскихъ естествоиспытателей и врачей въ Петербургѣ—проф. О. А. Чечотомъ; отъ Пироговскаго общества—проф. Ѳ. А. Рейномъ при членахъ депутаціи И. В. Поповъ и К. И. Шидловскомъ; отъ московскаго венерологическаго и дерматологическаго общества; отъ московскаго общества народныхъ университетовъ—проф. В. Д. Шервинскимъ; отъ акушерскаго гинекологическаго общества проф. Н. И. Побѣдинскимъ; отъ физико-терапевтическаго общества, избравшаго юбиляра почетнымъ членомъ общества; отъ физиологическаго отдѣленія общества любителей естествознанія—проф. И. Ф. Огневимъ; отъ общества военныхъ врачей; отъ общества фабричныхъ врачей; отъ общества борьбы съ дѣтской смертностью; отъ общества борьбы съ алкоголизмомъ; отъ студенческаго

общества въ память Н. И. Пирогова—проф. И. П. Алексинскимъ; отъ московскаго взаимно-вспомогательнаго общества фельдшеровъ, фельдшерницъ и акушерокъ; отъ петербургской больницы св. Николая—проф. О. А. Чечотомъ; отъ Старо-Екатерининской больницы и отъ состоящей при ней фельдшерской школы имени М. К. Клейнъ—главнымъ докторомъ І. Д. Сарычевымъ; отъ слушательницъ фельдшерской школы имени М. К. Клейнъ; отъ Преображенской больницы—главнымъ докторомъ Н. Н. Важенковымъ; отъ Алексѣевской психіатрической больницы; отъ Покровской психіатрической лечебницы губернскаго земства; отъ центрального пріемнаго покоя; отъ Яузской городской больницы, отъ Маріинской, Софійской, Медвѣдниковской и Стрекаловской больницъ ихъ главными докторами; отъ редакціи «Медицинскаго обозрѣнія—проф. А. В. Мартыновымъ; отъ редакціи журнала «Психотерапія»; отъ студенческой издательской комиссіи; отъ лечебницы г-жи Кишкиной и отъ санаторій «Надеждино» и «Крюково». Привѣтствій въ видѣ писемъ и телеграмъ отъ разныхъ учрежденій и лицъ была получена на имя юбиляра и общества невропатологовъ и психіатровъ такая масса, что изъ нихъ были оглашены только главнѣйшія. Торжество закончилось подписнымъ обѣдомъ, даннымъ въ честь юбиляра въ гостиницѣ «Прага».

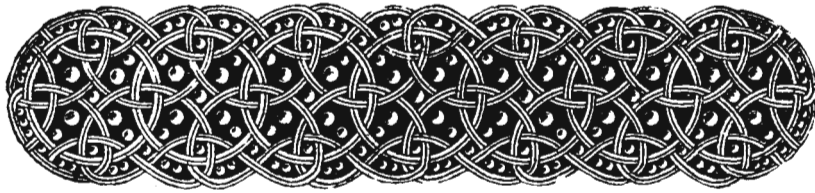
Юбилей В. В. Безекирскаго. Рѣдкій въ тернистой жизни артиста шестидесятилѣтній юбилей артистической и педагогической дѣятельности старѣйшаго изъ русскихъ скрипачей В. В. Безекирскаго не былъ отпразднованъ съ большой помпой, но зато съ несомнѣнной сердечностью. Юбилейное чествованіе было приурочено къ музыкальному вечеру, устроенному курсами Рапгофъ, въ которыхъ маститый педагогъ фигурируетъ въ качествѣ профессора скрипичной игры, и благодаря этому «торжество» носило нѣсколько семейный характеръ. Среди публики преобладали «свои», бывшіе отъ всего въ большомъ восторгѣ и неистово апплодировавшіе не только юбиляру, но и музыкальнымъ знаменитостямъ in spe. Наибольшее вниманіе обратила на себя г-жа Грамматичкова, которая, занимаясь по двумъ музыкальнымъ специальностямъ, является и прекрасной скрипачкой, и талантливой піанисткой. Исполненіемъ двухъ скрипичныхъ сочиненій своего профессора Безекирскаго («Rêverie» и «Morceau caractéristique») она выказала свое владѣніе струннымъ инструментомъ, между тѣмъ какъ передача концерта Листа свидѣтельствовала объ ея недюжинномъ техническомъ совершенствѣ на роялѣ. Кромѣ этой наиболѣе выдающейся ученицы, участвовали еще въ концертѣ воспитанницы классовъ проф. І. Тартакова, Хомутовой-Нардуччи, Е. В. Шау, съ большимъ стараніемъ демонстрировавшія свои вокальныя данныя и полученную ими педагогическую шлифовку. У Мироновой, Шваревой, Гриничъ имѣются болѣе или менѣе симпатичныя задатки. Чествованіе юбиляра состоялось въ антрактѣ между первымъ и вторымъ отдѣленіями концерта. Само собой разумѣется, что не обошлось безъ всякихъ адресовъ, подношеній и телеграммъ, полученныхъ не только отъ императорскаго русскаго музыкальнаго общества и отъ разныхъ его провинціальныхъ отдѣленій, отъ проф. Соловьева, Ауэра и друг., но и отъ московскаго филармоническаго общества, Лешетицкаго, Григоровича и проч. Послѣ кон-

перта состоялся ужинъ, прошедшій съ оживленіемъ. Было произнесено множество рѣчей, свидѣтельствовавшихъ о симпатіяхъ и значеніи, которыми пользуется маслитый юбилляръ.

Юбилей Н. Д. Чечулина. 4 апрѣля исполнилось четверть вѣка учено-литературной дѣятельности доктора русской исторіи Н. Д. Чечулина. Юбилляръ уклонился отъ всякихъ торжественныхъ чествованій и въ день юбилея его лишь заѣхали поздравить: директоръ императорской публичной библіотеки членъ государственнаго совѣта Д. Ѳ. Кобеко, проф. С. Ѳ. Платоновъ, проф. Рождественскій и др. Кромѣ того, юбиляромъ получено много телеграммъ и письменныхъ привѣтствій: отъ члена государственнаго совѣта статсъ-секретаря Куломзина, вице-президента академіи наукъ П. В. Никитина, бывш. оберъ-прокурора Святѣйшаго Синода Извольскаго, профессоровъ: Шляпкина, Середонина, Каринскаго, Грота и Шумигорскаго, отъ редакціи «Вѣстника Министерства Народнаго Просвѣщенія» и др. Къ означеннымъ привѣтствіямъ и редакція «Истор. Вѣстн.» присоединяетъ свое поздравленіе нашему ученому историку.

Всероссійская подписка на народный домъ имени В. Г. Бѣлинскаго. Граждане гор. Чембара, въ лицѣ городского управленія, въ заботахъ о болѣе достойномъ ознаменованіи предстоящаго дня столѣтія со дня рожденія знаменитаго своего земляка Виссаріона Григорьевича Бѣлинскаго пришли къ мысли, что лучшимъ памятникомъ великому творцу русской художественной критики будетъ устройство въ гор. Чембарѣ народнаго дома имени Бѣлинскаго. Бѣлинскій провелъ въ гор. Чембарѣ дѣтскіе годы, здѣсь онъ началъ учиться, здѣсь протекли первые годы его юности. Народный домъ, гдѣ должны быть сосредоточены: 1) существующая уже, но не имѣющая своего помѣщенія библіотека имени писателя, 2) народная аудиторія, 3) первоначальная школа,—явится не только памятникомъ великому учителю-идеалисту, но и просвѣтительнымъ учрежденіемъ для гор. Чембара и его уѣзда. Открывая нынѣ съ Высочайшаго соизволенія Государя Императора всероссійскую подписку на народный домъ имени В. Г. Бѣлинскаго, комитетъ по сбору пожертвованій обращается ко всѣмъ, кому дорога память о великомъ писателѣ, кому дороги просвѣтительныя цѣли, которыя будетъ преслѣдовать народный домъ, съ просьбою принять посильное участіе въ созиданіи этого дома.

НЕКРОЛОГИ.

ФАНАСЬЕВЪ, М. И. Телеграфъ извѣстилъ о кончинѣ 4-го апрѣля въ Мургабскомъ государевомъ имѣніи одного изъ выдающихся представителей медицинской науки, популярнѣйшаго въ Петербургѣ врача, профессора императорскаго клиническаго института великой княгини Елены Павловны, редактора-издателя журнала «Современная медицина и гигиена», Михаила Ивановича Афанасьева. Покойный, какъ ученый, занимался самостоятельными научными изслѣдованіями, которыя прославили его имя не только въ Россіи, но и за границей. Какъ профессоръ, онъ создалъ новую школу учениковъ-врачей и поставилъ, благодаря примѣненію микроскопическихъ изслѣдованій, діагностику, особенно заразныхъ болѣзней, на высоту точной науки. М. И. родился въ Оренбургѣ въ 1850 г., первоначальное образованіе получилъ въ уфимской гимназій, гдѣ окончилъ курсъ съ золотою медалью. Въ петербургскомъ университетѣ онъ окончилъ курсъ со степенью кандидата естественныхъ наукъ, затѣмъ перешелъ въ медико-хирургическую академію. Еще будучи студентомъ университета, былъ удостоенъ золотою медали за работу «О первахъ, завѣдующихъ отправленіями поджелудочной железы». По окончаніи академіи отправился на театръ войны. Вернувшись изъ Турціи, былъ принятъ покойнымъ проф. Эйхвальдомъ въ число ассистентовъ терапевтической клиники. Въ 1881 году покойный защитилъ диссертацию на степень доктора медицины. Въ томъ же году былъ избранъ по конкурсу стипендіатомъ баронета Вилліе и отправился на три года за границу для усовершенствованія. Въ теченіе трехъ лѣтъ М. И. слушалъ лекціи почти у всѣхъ медицинскихъ свѣтилъ того времени, изучая практически и теоретически важнѣйшія отрасли медицины во всѣхъ первоклассныхъ научныхъ центрахъ Германіи, Франціи и Англіи. Плодомъ этого изученія явился цѣлый рядъ научныхъ ра-

боть, доставивших молодому еще тогда ученому широкую известность в области бактериологии и внутренней медицины. Особенное внимание обратили на себя его работы о желтухѣ, о коклюшѣ, котораго болѣзнетворный возбудитель былъ имъ открытъ и носить его имя (*bacillus Afanassievi*), обь актиномикозѣ. Последній трудъ обнаругованъ былъ въ 1880 г., когда М. И. состоялъ уже профессоромъ клиническаго института. Съ этого времени въ его научной дѣятельности наступило нѣкоторое затишье. Новыя условія жизни, вызванныя начавшеюся широко преподавательскою дѣятельностью, и обширная практика въ значительной степени поглощали его время. Тѣмъ не менѣе онъ продолжалъ неутомимо руководить молодыми врачами: изъ его клиники и бактериологической лабораторіи (между прочимъ первой по времени въ Россіи и устроенной по его инициативѣ) вышло до пятидесяти научныхъ работъ и диссертаций. Въ врачебной журналистикѣ покойный приобрѣлъ большую известность, какъ редакторъ обширнаго изданія «Реальной энциклопедіи медицинскихъ наукъ» и какъ редакторъ-издатель двухъ распространенныхъ медицинскихъ журналовъ «Современной медицины и гигиены» и «Терапевтическаго Вѣстника». Изъ его печатныхъ трудовъ назовемъ «Лекціи по клинической микроскопіи и бактериологіи», «По поводу азиатской холеры, ея предупрежденія и леченія» и совмѣстный трудъ съ докторомъ Риделемъ— «Азиатская холера, ея происхождение, сущность, предупрежденіе и леченіе». Умеръ М. И. 60 лѣтъ, оставивъ по себѣ славную память. (Некрологъ его: «Новое Время», 1910 г., № 12238).

† **Виреніусъ, А. С.** 28-го марта скончался послѣ кратковременной болѣзни докторъ медицины Александръ Самойловичъ Виреніусъ. Покойный пользовался обширной известностью, какъ врачъ-гигиенистъ, популяризаторъ гигиеническихъ и санитарныхъ знаній и горячій сторонникъ физическаго развитія и закаливанія организма для противодѣйствія заболѣваніямъ. Онъ принималъ живѣйшее участіе во многихъ общественныхъ организаціяхъ въ качествѣ дѣятеля и неустаннаго докладчика, общество охраненія народнаго здравія по гигиенической секціи, общество тѣлеснаго развитія «Богатырь», педагогическій музей военно-учебныхъ заведеній и другія учрежденія потеряли въ немъ одного изъ своихъ любимыхъ референтовъ. Рѣдкій знатокъ гигиенической и педагогической литературы, покойный пользовался общимъ расположеніемъ. Образъ жизни его всегда былъ скромнымъ и, можно сказать, образцовымъ въ гигиеническомъ отношеніи. Умеръ онъ 78 лѣтъ неожиданно, сохранивъ до послѣдняго времени свою обычную трудовую дѣятельность. По окончаніи курса въ медико-хирургической академіи онъ избралъ своей спеціальностью школьную гигиену. Его интересовали не только вопросы внѣшней гигиены, но и вліяніе системы образованія на здоровье учащихся; въ этомъ отношеніи интересна его работа: «Отношеніе классической системы образованія къ психической дѣятельности мозга съ точки зрѣнія физиологіи и гигиены». Для своей диссертации на степень доктора медицины онъ избралъ тему: «Отношеніе углекислоты въ воздухѣ классовъ и спаленъ нѣкоторыхъ учебныхъ заведеній», и блестяще защитилъ въ 1884 году. Имъ написано болѣе 300 работъ по различнымъ вопросамъ гигиены, педагогики, дѣтскихъ и отроческихъ болѣзней. Нѣсколько его фельетоновъ по школьной гигиенѣ было напечатано въ «Новомъ Времени». Изъ его отдѣльно изданныхъ работъ назовемъ

«Воспитаніе и гигиена», «Трудъ съ точки зрѣнія санитарной и этической», «Характеристика учащагося», «Переутомленіе учащихся», «Воспитаніе на вольной природѣ», «Рациональный способъ письма» и др. Кромѣ того, имъ переведены «Аффекты» проф. Ланге, «Школьная гигиена» Делобеля, «Програма высшаго курса физическаго воспитанія» Демени и др. А. С. неоднократно выступалъ публичнымъ лекторомъ. Послѣ него осталась богатѣйшая библіотека, преимущественно по школьной гигиенѣ и тѣлесному воспитанію. (Некрологъ его: «Новое Время», 1910 г., № 12230).

† **Врубель, М. А.** 1-го апрѣля, въ 2 часа дня, въ Петербургѣ, въ больницѣ для душевно-больныхъ д-ра Бари скончался извѣстный художникъ, авторъ «Демона», Михаилъ Александровичъ Врубель. М. А. родился въ гор. Омскѣ въ 1857 г. По окончаніи курса гимназіи и университета онъ поступилъ въ академію художествъ. Въ 1884 г. покойный былъ проф. Праховымъ приглашенъ въ Кіевъ, гдѣ въ Кирилловскомъ соборѣ работалъ надъ реставраціей фресокъ. Позже онъ работалъ тамъ же во Владимирскомъ соборѣ. Въ 1890 г. М. А. переселился въ Москву. Здѣсь онъ написалъ «Судъ Парисъ», «Времена дая», «Панъ», «Сирень» и «Лошади». Кисти его принадлежатъ также иллюстраціи къ произведеніямъ Пушкина и Лермонтова. Въ Москвѣ М. А. написалъ также свою знаменитую картину «Демонъ». Дальнѣйшей художественной дѣятельности М. А. помѣшала неизлечимая психическая болѣзнь. Онъ былъ помѣщенъ въ больницу для душевно-больныхъ. (Некрологъ: «Рѣчь», 1910 г., № 90).

† **Кириичезъ, К. Л.** 30-го марта скончался отставной генераль-инженеръ Константинъ Львовичъ Кириичезъ, пользовавшійся обширной популярностью въ военно-инженерномъ мірѣ, какъ знатокъ строительнаго искусства и видный дѣятель по военно-инженерному вѣдомству: около двадцати пяти лѣтъ былъ профессоромъ строительнаго искусства и въ теченіе двѣнадцати лѣтъ — помощникомъ начальника главнаго инженернаго управленія. Покойный родился 26-го іюля 1844 г. По окончаніи курса въ Николаевской инженерной академіи въ 1868 г. онъ всецѣло посвятилъ свои силы инженерному вѣдомству. Въ русско-турецкую войну 1877—78 гг. онъ принималъ дѣятельное участіе въ постройкѣ мостовъ при переправѣ русской арміи черезъ Дунай, потомъ находился въ распоряженіи начальника инженерной части въ тылу арміи и былъ начальникомъ отдѣленія военнодорожнаго отдѣла управленія военныхъ сообщений въ Болгаріи. По возвращеніи въ Петербургъ началась его профессорская дѣятельность въ Николаевскихъ инженерныхъ академіи и училищѣ, а также въ технологическомъ институтѣ. Въ это время онъ привлекался къ разрѣшенію разнообразныхъ вопросовъ: по примѣненію къ военнымъ цѣлямъ воздухоплаванія, по устройству желѣзнодорожныхъ батальоновъ и др. Въ 80-хъ годахъ онъ осматривалъ въ Германіи, Бельгіи и Франціи мостовыя и желѣзнодорожныя сооруженія и особенно фортификаціонныя постройки. Въ 1891 году покойный занялъ постъ помощника начальника главнаго инженернаго управленія. Въ 1903 г. К. Л. былъ назначенъ постояннымъ членомъ инженернаго комитета и въ прошломъ году уволился по болѣзни отъ службы. Ему принадлежитъ рядъ цѣнныхъ научныхъ работъ, изъ которыхъ наиболѣе извѣстенъ его трудъ «Военные мосты». Ведя въ теченіе 20 лѣтъ отдѣлъ библіографіи въ «Военно-Инженерномъ Журналѣ», онъ печаталъ также въ немъ

свои статьи: «Переправа через Дунай въ турецкую кампанію», «Сень-Готардскій туннель». Имъ переведена между прочимъ книга Тиндала «О ледникахъ». Досуги службы К. И. посвящаль живописи и садоводству, Какъ человекъ, покойный отличался замѣчательно ровнымъ и мягкимъ характеромъ и добрымъ сердцемъ, оставивъ по себѣ хорошую память среди всѣхъ, знавшихъ и уважавшихъ его. Умеръ онъ 60 лѣтъ. (Некрологъ его: «Новое Время», 1910 г., № 12232).

† **Компанейскій, Н. И.** Въ ночь на 17 марта внезапно скончался Николай Ивановичъ Компанейскій, имя котораго, какъ духовнаго композитора, достаточно извѣстно и въ отдаленныхъ уголкахъ Россіи. Всякій же, кто интересуется литературой о музыкѣ и нашей общественной музыкальной жизни, хорошо зналъ Н. И., какъ писателя и дѣятеля общественнаго. Музыкальные наклонности обнаружили у него рано. Знакомство съ Сѣровымъ, Мусогорскимъ, Даргомыжскимъ и извѣстнымъ пѣвцомъ Петровымъ дало толчокъ его музыкальному творчеству, и онъ написалъ двѣ оперы: «Тарась Бульба» и «Майская ночь» въ духѣ русской школы. Хорошо обеспеченный матеріально, онъ могъ свободно отдаваться творчеству. Но положеніе это измѣнилось, и, потерявъ все свое состояніе, онъ долженъ былъ поступить на службу и оставить музыку вовсе. Начавъ службу въ военномъ министерствѣ съ маленькаго чиновника, онъ дослужился до генеральскаго чина, занимая должность одного изъ редакторовъ въ кодификаціонномъ отдѣленіи канцеляріи военнаго министерства и долженъ былъ ее оставить, въ виду взведенной на него клеветы, которую ему удалось опровергнуть, но такъ и не удалось дожидаться полнаго торжества права. Досуги свои отъ службы Н. И. отдавалъ искусству. Онъ предался всецѣло церковной музыкѣ и за всю свою жизнь успѣлъ написать свыше сорока отдѣльныхъ церковныхъ пѣснопѣній и два большихъ сочиненія—«Литургія болгарскаго распѣва» и «Догматики знаменнаго распѣва». Сочиненія Компанейскаго отличаются простотой и выдержанностью русскаго стиля, чистотой голосоведенія и мелодической красотой. Композиторъ, однако, на этомъ поприщѣ встрѣтилъ неожиданное препятствіе. Такъ называемый наблюдательный совѣтъ при московскомъ синодальномъ училищѣ не пропускалъ въ печать его сочиненій и Компанейскому пришлось отстаивать свои авторскія права. Онъ доказалъ незаконность самаго учрежденія этой тайной цензуры, написалъ рядъ блестящихъ статей въ «Русской Муз. Газетѣ» и журналѣ «Музыка и Пѣніе», онъ принёсъ жалобу въ сенатъ, и изъ трудной и неравной борьбы вышелъ побѣдителемъ: его произведенія стали пропускаться безъ цензуры. Сотрудникъ въ повременной печати и между прочимъ у насъ въ «Рѣчи», по вопросамъ военно-общественнымъ, Н. И. послѣдніе годы своей жизни много удѣлялъ времени и музыкально-общественной дѣятельности. Такъ, онъ явился энергичнымъ дѣятелемъ по учрежденію въ Петербургѣ «Общества писателей о музыкѣ», явившись составителемъ устава общества. Ему же принадлежитъ честь инициатора созданія «Народной консерваторіи» въ Петербургѣ. На рѣдкость энергичный, разносторонне одаренный, Н. И. былъ человекъ рѣдкой души. Въ высшей степени правдивый, прямой, борецъ за правду и справедливость, онъ отличался большой добротой и отзывчивостью къ нуждамъ ближняго и первый въ печати поднялъ, напр., голосъ въ защиту «меньшого брата», пѣвчаго. (Некрологъ его: «Рѣчь», 1910 г., № 76).

† **Кропивницкій, М. Л.** Скончался даровитый драматургъ и одинъ изъ талантливейшихъ представителей современнаго русскаго театра вообще — Маркъ Лукичъ Кропивницкій. М. Л. родился въ 1841 г. въ одномъ изъ городовъ Херсонской губерніи. По окончаніи курса въ кievской гимназіи, онъ поступилъ на историко-филологическій факультетъ университета св. Владимира, но пробылъ въ немъ недолго и скоро весь отдался сценѣ. Свою артистическую карьеру М. Л. началъ на любительскихъ подмосткахъ, а потомъ поступилъ въ труппу Старицкаго, кочуя по городамъ и весямъ юго-западной и южной Россіи. Въ 1880 году М. Л. организовалъ собственную труппу, изъ которой вышли такіе талантливые представители малорусскаго театра, какъ Заньковецкая, братья Тобиловичи (Саксаганскій, Карпенко-Карый и Садовскій) и Затыркевичъ. Труппа эта высоко подняла малорусскій театръ и нашла восторженный пріемъ. Впослѣдствіи труппа распалась на дѣльный рядъ самостоятельныхъ маленькихъ труппъ, и это послужило началомъ упадка малорусскаго театра. Лишь въ самое послѣднее время была сдѣлана вновь попытка возродить малорусскій театръ и М. Л. снова объединяетъ выдающихся представителей его, но не надолго. Умеръ М. Л. на 70-мъ году, играя до самаго послѣдняго момента. Перу его принадлежитъ очень много драмъ и комедій, изъ которыхъ не всѣ отличаются литературными достоинствами. Особой популярностью и извѣстностью пользуется весьма сценичный и живой водевиль его «По ревизіи». Въ июньской книжкѣ нашего журнала покойному М. Л. Кропивницкому будетъ посвященъ особый очеркъ.

† **Архіепископъ Неофитъ.** Скончался бывшій архіепископъ кишиневскій Неофитъ, старѣйшій питомецъ московской духовной академіи и въ первые годы своей дѣятельности—близкій знакомецъ Гоголя. Почившій, въ міръ Николай Неводчиковъ, родился въ Петербургѣ (1819 г.), но воспитывался въ екатеринославской семинаріи и затѣмъ въ московской духовной академіи. По окончаніи академическаго курса кандидатомъ богословія (1844 г.) онъ былъ назначенъ преподавателемъ въ одну изъ семинарій; однако, векоръ подалъ въ отставку и поступилъ къ извѣстному дѣятелю на югѣ А. С. Стурдзѣ домашнимъ секретаремъ, а также учителемъ его внука. Въ этотъ періодъ дѣятельности (1845—1850 гг.) ему не разъ пришлось встрѣчаться съ Гоголемъ, пріѣзжавшимъ въ Одессу, вести съ нимъ бесѣды и даже переписку, а позже напечатать любопытное «Воспоминаніе о Н. В. Гоголѣ» («Библиографическія Записки» 1859 г., № 9, стр. 263—268). Послѣ пятилѣтней частной службы покойный занялъ мѣсто преподавателя библейской исторіи и логики въ кишиневской семинаріи (1850—1858 гг.), а по принятіи священства (21 мая 1858 года) состоялъ учителемъ (1858—1864 гг.) и позже—инспекторомъ одесской семинаріи (1864—1880 гг.). Постриженный въ монашество (17 мая 1880 г.) и затѣмъ возведенный въ санъ архимандрита (25 мая того же года), о. Неофитъ былъ хиротонисанъ во епископа елисаветградскаго, викарія херсонской епархіи (10 августа 1880 г.), потомъ былъ епископомъ ташкентскимъ и туркестанскимъ (1883—1892 гг.), наконецъ—архіепископомъ кишиневскимъ и хотинскимъ (1892—1898 гг.). По преклонности лѣтъ онъ самъ отпросился на покой (съ 26 января 1898 г.) и до кончины проживалъ въ городѣ Измаилѣ, гдѣ и скончался 10 марта текущаго года. Передъ смертью, даже находясь вдали отъ

дѣль, покойный былъ почтенъ Высочайшимъ рескриптомъ съ пожалованіемъ ордена св. Александра Невскаго (21 мая 1908 г.) по случаю пятидесятилѣтія его священнослуженія. Почившій извѣстенъ въ духовной литературѣ изданіемъ «Одесскаго Воскреснаго Листка» (1876—1877 гг.), большимъ изслѣдованіемъ «О началѣ и распространеніи христіанства въ кишиневской епархіи» и рядомъ статей въ «Херсонскихъ Епарх. Вѣдомостяхъ», какъ, на примѣръ: «Амвросій Серебренниковъ» (1860 г., № 10), «Письма о бомбардированіи Одессы» (1862 г., № 8), «Воспоминанія о Е. А. Хитрово» (1864 г., №№ 3, 5, 7), «Евгеній Булгарисъ» (1875 г., №№ 7, 11—13). Кромѣ того, недавно появилось интересное «автобіографическое» письмо покойнаго къ тверскому архіепископу Саввѣ, въ «Хроникѣ» послѣдняго (Сергіевъ посадъ 1909 г., т. VIII, стр. 657—659). (Некрологъ его: «Московскія Вѣд.», 1910 г., № 65).

† **Троицкій, Д. И.** ¹⁾ 18-го марта въ Пензѣ, въ учительской комнатѣ епархіальнаго женскаго училища въ перемѣну между уроками внезапно скончался отъ разрыва сердца старѣйшій преподаватель пензенской духовной семинаріи Дмитрій Ивановичъ Троицкій. Уроженецъ тульской епархіи, гор. Вѣлева, гдѣ отецъ его былъ псаломщикомъ, покойный прошелъ духовную школу и закончилъ высшее образованіе въ казанской духовной академіи въ 1870 году. Въ томъ же году онъ поступилъ въ пензенскую духовную семинарію преподавателемъ гражданской исторіи и оставался на этой должности до послѣдняго дня жизни. Среди учащихся покойный пользовался славой неподражаемаго мастера передавать историческія событія въ столь живомъ разсказѣ, что чувствовалось, какъ будто самъ разсказчикъ былъ ихъ очевидцемъ или участникомъ. Это мастерство разсказа сказалось и на печатныхъ работахъ покойнаго. Его перу принадлежать слѣдующія книги: 1) «Иннокентій (Смирновъ), епископъ пензенскій и саратовскій» (Пенза. 1882), очеркъ жизни и дѣятельности извѣстнаго соперника митрополита Филарета московскаго. 2) «Двѣнадцатый годъ. Очерки и разсказы изъ исторіи Отечественной войны». (Спб. 1900. 2-е изд. М. 1904). 3) «Низложеніе Наполеона». (Спб. 1901. 2-е изд. М. 1904). 4) «Домонгольская Русь». (Спб. 1907). 5) «Русь въ монгольскій періодъ». (Спб. 1909). 6) «Севастополь. Очерки и разсказы изъ исторіи Крымской войны». (Изд. Фену-Морева. Спб. 1906). 7) «Севастополь». Т. II (въ рукописи). 8) «Оборона Севастополя. Очеркъ для народнаго чтенія». (Спб. 1906). Изъ своихъ трудовыхъ денегъ покойный педагогъ оставилъ по завѣщанію двѣ тысячи рублей на ученическую стипендію при пензенской духовной семинаріи, которой онъ служилъ всю жизнь.

† **Проф. М. Г. Халанскій.** 29 марта скончался историкъ русской литературы, бывшій профессоръ харьковскаго университета, Михаилъ Георгіевичъ Халанскій. Покойный, по происхожденію изъ духовнаго званія, родился въ 1857 году въ Щигровскомъ уѣздѣ [Курской губ. и воспитывался въ бѣлгородской семинаріи, а затѣмъ на историко-филологическомъ филологическомъ факультетѣ харьковскаго университета. По окончаніи курса со степенью кандидата (1881 г.) онъ оставленъ при университетѣ для приготовленія къ профессорскому званію, но

¹⁾ Сообщено А. Э. Селивановымъ.

вмѣстѣ съ тѣмъ опредѣленъ преподавателемъ русскаго языка въ бѣлгородской гимназіи (съ 1883 г.), а оттуда переведенъ во 2-ю харьковскую гимназію (1885 г.). Послѣ полученія степени магистра (1888 г.) и двухлѣтняго научнаго путешествія по славянскимъ землямъ, М. Г. занялъ въ 1891 году въ харьковскомъ университетѣ каѳедру русскаго языка и словесности, приобрѣлъ степень доктора (1896 г.) и продолжалъ свою профессорскую дѣятельность до ноября 1909 года, когда по болѣзни вышелъ въ отставку. Къ ученымъ трудамъ М. Г. Халанскаго относились: «Великорусскія былины кievскаго цикла», магистерская диссертация (Варшава, 1886 г.), «Южнославянскія сказанія о Кралевичѣ Маркѣ въ связи съ произведеніями русскаго былевого эпоса» (Варшава, 1893—1896 гг.), «Былина о Жидовинѣ» (Варшава, 1900 г.), «Экскурсія въ область древнихъ рукописей и старопечатныхъ изданій» (Харьковъ, 1900—1902 гг.), «Къ исторіи поэтическихъ сказаній объ Олегѣ Вѣщемъ» («Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія» 1903 г., кн. 8 и 11) и многія другія статьи по исторіи русской литературы. (Некрологъ его: «Московскія Вѣдомости», 1910 г., № 77).

† **Шукевичъ, І. Б.** Въ присутствіи родныхъ, друзей и многочисленныхъ товарищей по службѣ 23-го марта на Выборгскомъ католическомъ кладбищѣ опустили въ могилу прахъ бывшаго завѣдывающаго отдѣленіемъ наблюденій и повѣрки инструментовъ Николаевской физической обсерваторіи, Іосифа Бенедиктовича Шукевича. Родился І. Б. въ Ригѣ въ 1862 г.; среднее образованіе онъ получилъ въ гимназіи своего родного города, а высшее въ дерптскомъ, нынѣ юрьевскомъ университетѣ. Окончивъ университетъ со степенью кандидата математики, І. Б. въ 1889 г. поступилъ на службу въ главную физическую обсерваторію въ отдѣленіе метеорологическихъ наблюденій, и этому отдѣленію посвящена была почти вся его служебная дѣятельность, за исключеніемъ четырехъ лѣтъ, проведенныхъ имъ въ качествѣ наблюдателя въ Константиновской обсерваторіи въ Павловскѣ. Завѣдывалъ отдѣленіемъ онъ съ 1898 г. по день смерти. І. Б. былъ всецѣло преданъ своему любимому дѣлу, изученію приборовъ и методовъ наблюденій. Будучи прекрасно знакомъ съ конструкціей метеорологическихъ инструментовъ, онъ ввелъ немало усовершенствованій въ способы повѣрки этихъ деликатныхъ приборовъ, а также и методовъ наблюденій. Въ 1900 г. І. Б. былъ командированъ обсерваторіей въ Парижъ для завѣдыванія на всемірной выставкѣ отдѣломъ метеорологіи и земнаго магнетизма и за успѣшное выполненіе этой задачи былъ отличенъ французскимъ орденомъ «Officier d'Academie». Въ 1908 г. онъ принималъ участіе въ качествѣ представителя обсерваторіи на всемірномъ холодильномъ конгрессѣ въ Парижѣ, о которомъ онъ представилъ отчетъ, напечатанный въ «Извѣстіяхъ Императорской Академіи Наукъ». Несмотря на массу прямыхъ служебныхъ обязанностей, онъ все же нашелъ время написать цѣлый рядъ весьма цѣнныхъ научныхъ изслѣдованій, изъ которыхъ два напечатаны еще въ 1910 г. Благодаря своему весьма доброму, отзывчивому и всегда ровному характеру, онъ пользовался всеобщимъ уваженіемъ какъ всѣхъ товарищей по службѣ, такъ и тѣхъ многихъ лицъ, которымъ приходилось имѣть съ нимъ дѣло. Преждевременная смерть унесла этого талантливаго, добросовѣстнаго, скромнаго труженика въ полномъ расцвѣтѣ силъ. (Некрологъ его: «Новое Время», 1910 г., № 12225).

По поводу домика Петра Великаго.

I.

Въ апрѣльской книжкѣ «Историческаго Вѣстника» помѣщена интересная статья А. А. Танкова: «Курскій музей». Здѣсь, между прочимъ, сказано, что «домикъ Петра Великаго», сожженный чернью въ печальные «освободительные» годы, находился «въ Грайворонскомъ уѣздѣ, недалеко отъ слободы Борисовки» (стр. 297, примѣч.). Въ дѣйствительности же онъ былъ въ центрѣ этой слободы, по сосѣдству съ базарной площадью, недалеко отъ базарной Успенской церкви. Въ окружавшей домикъ оградѣ находилось и помѣщеніе управляющаго шереметьевскими имѣніями: злоба невѣжественной толпы была направлена, конечно, противъ послѣдняго, но вмѣстѣ съ тѣмъ сгорѣлъ и историческій домикъ, составлявшій гордость культурной части борисовскаго населенія, которое глубоко скорбитъ о невознаградимой утратѣ. Этого дѣла я уже не разъ касался въ печати (на страницахъ «Странника» и «Колокола» въ 1907 г.).

А. Бронзовъ

II.

Къ статьѣ о графѣ Муравьевѣ-Виленскомъ.

Въ «Историческомъ Вѣстникѣ» за мартъ сего года помѣщена статья г. Маркова «Къ характеристикѣ графа М. Н. Муравьева (Виленскаго)». Въ этой статьѣ между прочимъ сказано: «...Графъ выполнилъ свою задачу и быстро, и, какъ ни покажется страннымъ, съ гораздо меньшими жертвами (въ смыслѣ казней), нежели его слабые предшественники, какъ, напримѣръ, слабовольный и ни на что въ сущности не способный генералъ Потаповъ, при которомъ число политическихъ казней было гораздо больше, чѣмъ при Муравьевѣ...».

Въ цѣляхъ возстановленія истины слѣдуетъ имѣть въ виду, что генералъ-адъютантъ Потаповъ былъ не предшественникомъ М. Н. Муравьева, а гораздо позже занялъ его мѣсто въ Сѣверо-Западномъ краѣ, и политическихъ казней во время управленія этимъ краемъ Потаповымъ не было вовсе.

Что же касается мнѣнія автора статьи о Потаповѣ, какъ о человѣкѣ слабо-вольномъ и ни на что въ сущности не способномъ, то эти качества не проявлялись въ Потаповѣ, когда онъ былъ оберъ-полицеймейстеромъ въ Москвѣ и въ Варшавѣ и атаманомъ войска Донскаго.

Но еще большимъ доказательствомъ противоположныхъ свойствъ, приписываемыхъ Потапову авторомъ упомянутой статьи, можетъ служить то обстоятельство, что въ 1864 году самъ М. Н. Муравьевъ выбралъ Потапова къ себѣ въ помощники.

Одинъ изъ сослуживцевъ покойнаго г.-ад. Потапова.

коль: Мистеръ Таффъ заявилъ, что теперь станетъ ясно для всѣхъ, что этотъ судъ подстроенъ Аарономъ Смитомъ.

— Я называю его заговоромъ Аарона Смита,—продолжалъ Таффъ:—ибо онъ подстроилъ и подговорилъ свидѣтелей. Онъ нанялъ Лента и увѣрилъ лорда-мейора, что онъ честный человѣкъ. Не кто иной, какъ Ааронъ Смитъ, грозилъ мнѣ судебнымъ преслѣдованіемъ, если я раскрою гнусные его замыслы. Я рѣшился всеми зависящими отъ меня средствами спасти несчастныхъ обвиняемыхъ отъ гибели, но могущество Аарона Смита устрашало меня. Я не зналъ, на что рѣшиться, пока ссора между Лентомъ и Вильсономъ не натолкнула меня на мысль раскрыть ихъ козни.

Послѣ прочтенія показанія Таффа было допрошено еще нѣсколько свидѣтелей.

— Господа присяжные засѣдатели,—началъ предсѣдатель.—Въ этомъ дѣлѣ для насъ есть рискъ совершить несправедливость. Если мы повѣримъ свидѣтелямъ короны, то эти люди, несомнѣнно, являются главарями заговора, имѣвшаго цѣлью поднять возстаніе и призвать къ намъ французовъ. Но если мы допустимъ, что весь этотъ заговоръ есть только измышленіе Лента и рассчитанъ на то, чтобы воспользоваться имуществомъ подсудимыхъ, какъ увѣряютъ свидѣтели защиты, тогда вы должны оправдать ихъ. Это дѣло,—продолжалъ онъ, послѣ нѣкотораго раздумья,—требуетъ обсужденія, и потому мы сдѣлаемъ перерывъ на два часа. Въ это время вы успѣете разобраться въ показаніяхъ, успѣете оцѣнить, насколько заслуживаютъ довѣрія свидѣтели короны и подсудимыхъ.

Старшина присяжныхъ заявилъ, однако, что для нихъ нѣтъ надобности обдумывать что-либо въ этомъ дѣлѣ. Не выходя изъ зала суда, они вынесли единогласно вердиктъ: «не виновны».

Раздались было радостныя восклицанія, но предсѣдатель быстро остановилъ публику.

— Джентльмены,—обратился онъ къ обвиняемымъ, не скрывая своего неудовольствія:—вы видите, сколь милостливо и справедливо правительство, при которомъ вамъ приходится жить. Вы должны теперь убѣдиться, что оно одинаково бережетъ жизнь католиковъ и протестантовъ. Подсудимые, вы свободны, но берегитесь отнынѣ составлять заговоры противъ правительства и злоумышлять противъ него.

Подсудимые были немедленно освобождены. Когда они вышли изъ зала суда, друзья окружили ихъ со всѣхъ сторонъ и съ триумфомъ прошли по городу.

Невозможно описать, какое впечатлѣніе произвелъ на толпу, ждавшую на улицѣ, оправдательный приговоръ.

Поднялся неслыханный шумъ. Тысячи католиковъ ринулись къ подсудимымъ, чтобы позвать имъ руку, но стража отгѣснила ихъ назадъ.

Быстро подъѣхали три открытые экипажа, запряженные каждый четверкой и заранѣе приготовленные Траффордъ, который редвидѣль, что его друзья будутъ оправданы. Лакеи помогали героямъ дня подниматься въ экипажи. Усердствовала и окружавшая ихъ толпа.

Въ сопровожденіи дюжины своихъ единомышленниковъ якобиты тихо ѣхали по главнымъ улицамъ города. Въ окнахъ стояли дамы и махали платками, привѣтствуя оправданныхъ.

Погода, словно нарочно, разгулялась: утромъ было пасмурно и облачно, но вечеръ насталъ прекрасный.

Общее настроеніе было радостное, довольное исходомъ судебного процесса; въ немъ видѣли торжество якобитовъ и пораженіе правительства.

Ни для кого не было тайной, что предсѣдатель употреблялъ всѣ усилія, чтобы добиться обвинительнаго приговора.

Хотѣли было произвести легкую демонстрацію противъ Оранской династіи, но дѣло, къ счастью, до этого не дошло.

Проѣздивъ по городу около часа въ сопровожденіи ликующей толпы, герои дня отправились къ мистеру Траффорду, гдѣ ихъ ожидали собравшіеся здѣсь друзья. При входѣ въ залъ ихъ встрѣтили ихъ семьи—сюрпризъ, лучше котораго нельзя было и придумать.

Мы не станемъ здѣсь описывать разыгравшейся трогательной сцены. То была встрѣча, которую рѣдко приходится переживать въ жизни.

Освободившись отъ объятій женъ и дѣтей, лордъ Молинэ и другіе были привѣтствованы лицами, которыхъ они никакъ не ожидали здѣсь видѣть: сэръ Джонъ Фенвикъ и полковникъ Тильдеслей, которые, отправляясь въ Сентъ-Жерменъ, нарочно сдѣлали крюкъ и явились повидать своихъ друзей.

Пока происходили взаимныя привѣтствія, дворецкій широко отворилъ двери и доложилъ, что ужинъ готовъ.

Никогда еще ужинъ не проходилъ такъ весело. Присутствовавшіе, казалось, хотѣли вознаградить своихъ друзей за всѣ претерпѣнные ими страданія. Ни одинъ изъ присутствовавшихъ за ужиномъ не уѣхалъ въ эту ночь отъ гостепріимнаго Траффорда.

Пока оправданные обвиняемые съ триумфомъ выходили изъ зданія суда, прокуроръ и его свидѣтели подвергались большой опасности. Если бы Ленъ и его покровитель Ааронъ Смитъ попались въ это время въ руки толпы, они дорого поплатились бы за свои гнусныя интриги. Но они рѣшились выйти лишь много спустя послѣ окончанія засѣданія, да и то съ большими предосторожностями.

Эти негодяи, несомнѣнно, сильно повредили правительству и оказали, вопреки своему желанію, поддержку якобитамъ, которыхъ они стремились погубить. Они выѣхали изъ города тайно ночью и сѣли въ почтовую карету, которая направлялась въ Стокпортъ.

За ними пустились въ погоню два всадника, которые пагнали карету недалеко отъ этого города. Незнакомцы приказали спустить оконное стекло и произвели внутрь кареты два выстрѣла.

Лентъ былъ убитъ, Ааронъ Смитъ отдѣлался испугомъ.

Винювники преступленія остались не обнаруженными.

XIV.

Бѣглецы въ Сень-Жерменъ.

Черезъ недѣлю послѣ отъѣзда изъ Майерскофа Беатриса въ сопровожденіи отца Джонсона и Вальтера Кросби прибыла въ Сень-Жерменъ.

Во время пути священникъ прилагалъ всѣ усилія, чтобы отговорить молодую дѣвушку отъ поступленія въ монастырь, но она твердо стояла на своемъ. Вальтеръ счелъ за лучшее не вступать съ нею въ споръ, рассчитывая на помощь со стороны королевы.

Въ день ихъ пріѣзда король и королева были въ Версалѣ, откуда должны были вернуться не ранѣе слѣдующаго дня. Беатрисѣ отвели ея прежнее помѣщеніе, которое королева приказала сохранить для нея.

Какъ красивъ показался ей замокъ послѣ долгаго отсутствія! Сможетъ ли она отказаться отъ міра, въ которомъ все еще столько притягательной силы?

На другой день, помолившись усердно въ церкви, Беатриса вышла на террасу, сопровождаемая своими друзьями.

Погода была великолѣпная, общество подобралось веселое. Тѣ, которые были знакомы съ нею, были очень обрадованы ея возвращеніемъ, хотя всѣмъ было извѣстно, что она носитъ трауръ.

Съ террасы гуляющіе сошли внизъ въ садъ. Вскорѣ со стороны павильона Генриха IV показались королевскіе экипажи.

Королева уже знала о возвращеніи Беатрисы, и ей такъ хотѣлось видѣть свою любимую фрейлину, что, отбросивъ въ сторону всякій этикетъ, она вышла изъ экипажа и, взявъ съ собою двухъ фрейлинъ, быстро пошла пѣшкомъ къ Беатрисѣ.

— Какъ я рада видѣть васъ здѣсь, — сказала королева, заключая Беатрису въ свои объятія. — Я начинала уже бояться, что вы не вернетесь. Принцъ каждый день спрашивалъ о васъ, но я не могла ничего ему сказать о васъ: послѣднее время вы мнѣ не писали. Полковникъ Паркеръ и докторъ Бромфильдъ недавно пріѣхали изъ Майерскофа, но писемъ отъ васъ не привезли. Они только сообщили мнѣ печальную новость, которая, надѣюсь, окажется невѣрной, будто бы вы разочаровались въ мірской жизни и собираетесь въ монастырь.

— Я не разочаровалась въ мірской жизни, ваше величество, — отвѣчала Беатриса: — а просто потеряла къ ней вкусъ. Мнѣ кажется, въ монастырскомъ уединеніи я буду счастливѣе.

— А капитанъ Кросби примирился съ этимъ рѣшеніемъ? — спросила королева, обернувшись къ нему.

— Я былъ бы самымъ несчастнымъ человѣкомъ, — воскликнулъ Вальтеръ: — если бы это намѣреніе осуществилось. Я уповаю на помощь вашего величества и питаю надежду, что вамъ удастся удержать отъ этого миссъ Беатрису.

— Я не могу удержать ее отъ этого, — возразила королева: — но надѣюсь, что Беатриса сама внемлетъ голосу благоразумія. У васъ, въ сущности, вѣдь нѣтъ никакихъ поводовъ бѣжать отъ міра, — обратилась она къ ней.

— Я хотѣла сдѣлать этотъ шагъ, повинуюсь внутреннему голосу, оправдывалась Беатриса. — Если вы позволите мнѣ переговорить съ вами по этому поводу, то вы увидите, что я права. Мои чувства совершенно измѣнились.

— Грустно слышать это, — замѣтила королева. — Я готова васъ выслушать, конечно, но заранѣе предупреждаю васъ, что я не согласна съ вами. Я вовсе не желаю разставаться съ вами.

— Я и не разстанусь съ вами, государыня. Хотя я не буду всегда съ вами, но зато всегда буду молиться за васъ.

— Но не всегда же вы будете въ такомъ настроеніи, дорогая Беатриса.

— Надѣюсь, однако, что я всегда буду достойна уваженія вашего величества.

— Нѣтъ, нужно будетъ поручить отцу Джонсону переговорить съ вами, — сказала королева серьезно.

— Я уже пытался вразумить ее, всемилостивѣйшая государыня, — замѣтилъ священникъ: — но все напрасно.

— Я приняла твердое рѣшеніе, ваше величество, — заговорила Беатриса. — Чувствую, что въ монастырѣ я буду счастливѣе.

— Вы еще слишкомъ молоды, чтобы говорить такимъ образомъ, — замѣтила королева: — какъ бы васъ ни влекло къ иноческой жизни, вы, конечно, раскаетесь въ сдѣланномъ шагѣ, и я считаю своимъ долгомъ удержать васъ отъ него.

— Я чувствую, что его величество будетъ того же мнѣнія, — сказалъ Вальтеръ.

— Да вотъ король самъ идетъ сюда, и мы сейчасъ его спросимъ, — сказала Марія.

Иаковъ, вышедшій гулять на террасу, увидѣвъ Беатрису, спустился внизъ съ полковникомъ Паркеромъ и лордомъ Мельфордомъ. Едва поздоровавшись, онъ спросилъ ее:

— Я слышалъ, что вы собираетесь въ монастырь?

— Это правда, государь.

— Хорошо ли вы обдумали этотъ шагъ прежде, чѣмъ его предпринять?—спросилъ король серьезно.—Я лично того мнѣнія, что монашеская жизнь—самая счастливая. Не слѣдуетъ, однако, принимать такое рѣшеніе слишкомъ поспѣшно и необдуманно.

— Мое рѣшеніе хорошо обдумано, —отвѣтила молодая дѣвушка,— и я не могу его измѣнить!

— Я не могу одобрить этого шага, государь, —сказала королева.— У васъ,—прибавила она,—такое блестящее будущее, вы, кажется, предназначены для того, чтобы разливать счастье вокругъ себя,—и вы хотите оставить мѣръ.

— Я, напротивъ, думаю, что Беатриса выбрала себѣ благую часть,—возразилъ король.—Я только сомнѣваюсь, хорошо ли она обдумала свое рѣшеніе.

Вальтеръ бросился къ его ногамъ.

— Государь, если я имѣю какое-нибудь право просить награды вашей за мою службу, то я прошу оказать мнѣ теперь эту милость: не дайте совершиться такому жертвоприношенію.

— Я охотно исполнилъ бы вашу просьбу,—растроганно сказалъ король.—Но я не могу вмѣшиваться въ это дѣло.

Въ это время къ Беатрисѣ подбѣжалъ маленькій принцъ. Увидѣвъ ее издали, онъ бросился къ ней со всѣхъ ногъ. Но происшедшая въ ней перемѣна поразила и его. Только теперь онъ замѣтилъ, что она въ траурѣ.

Поцѣловавъ ее, мальчикъ посмотрѣлъ на нее тревожнымъ взоромъ и спросилъ:

— Не больны ли вы?

— Да, я была больна, принцъ. Я и теперь еще не совсѣмъ поправилась.

— Вашъ отецъ умеръ, какъ мнѣ передавали?

— Это было большимъ горемъ для меня, принцъ. Я теперь хочу уйти въ монастырь и тамъ проведу остатокъ дней своихъ.

Мальчикъ посмотрѣлъ на нее съ изумленіемъ.

— Какъ! вы станете монахиней? А какъ же вы выйдете замужъ за капитана Кросби?

— Со мною въ этомъ случаѣ не считаются, принцъ,—замѣтилъ тотъ печально.

— Это очень жестоко!—воскликнулъ мальчикъ.—Развѣ вы его разлюбили?

— Нѣтъ, принцъ, я всегда буду любить его.

— Тогда почему же вы дѣлаете его несчастнымъ?

— Не думайте обо мнѣ дурно, принцъ,—сказала Беатриса.— Вы, принцъ, умны не по лѣтамъ и можете понять, что если бъ легко было возстановить душевное спокойствіе, я давно бы это сдѣлала. Но иногда теряешь его неожиданно.

— Я то же думаю,—сказалъ король, съ интересомъ слѣдившій за этимъ разговоромъ.—Но будемъ продолжать нашу прогулку,—прибавилъ онъ, обращаясь къ принцу.

— Я пойду съ Беатрисой,—отвѣчалъ мальчикъ, беря ее за руку.

Королевская чета направилась въ садъ. Король, интересуясь, какъ идутъ дѣла въ Ланкаширѣ, сдѣлалъ Вальтеру нѣсколько вопросовъ. Но тотъ выѣхалъ изъ Майерскофа еще до начала манчестерскаго процесса и потому не могъ ничего сообщить королю на этотъ счетъ. Вѣсть объ этомъ пришла въ Сентъ-Жерменъ лишь черезъ недѣлю и вызвала здѣсь взрывъ восторга.

Въ первый разъ за послѣдніе года король Іаковъ сталъ думать, что судьба складывается благопріятно для него, въ первый разъ воспрянулъ онъ духомъ.

Очевидно, якобитскія чувства должны теперь крѣпнуть въ Ланкаширѣ, судя по тому удовлетворенію, которое всѣ испытывали, узнавъ, что шпіонъ Лентъ убитъ.

Прибывшіе въ Сентъ-Жерменъ сэръ Джонъ Фенвикъ, полковники Тильдеслей и Тоунлей были немедленно приняты королемъ. На аудіенціи въ числѣ другихъ присутствовало на этотъ разъ новое лицо—герцогъ Берикъ.

Герцогъ Берикъ, незаконный сынъ, прижитый Іаковомъ въ бытность его герцогомъ Іоркскимъ отъ нѣкоей Арабеллы Черчилъ, несмотря на свои двадцать четыре года, пользовался уже громкой военной славой и обѣщалъ стать однимъ изъ лучшихъ полководцевъ того времени. Онъ сопровождалъ Іакова въ Ирландію, принималъ участіе въ битвѣ при Бойнѣ и присутствовалъ при разгромѣ французской эскадры соединенными флотами Англій и Голландіи.

Затѣмъ онъ служилъ въ Голландіи подъ начальствомъ маршала Люксембурга, отличился въ нѣсколькихъ битвахъ и при Норвиндѣ попался въ плѣнъ.

Красивый, прекрасно сложенный, герцогъ Берикъ имѣлъ очень воинственный видъ. Его обращеніе было холодно, сухо и высокомерно. Сторонникъ строгой дисциплины, онъ никогда не вдавался въ излишества, и его отецъ питалъ непоколебимую увѣренность, что онъ никогда не ошибается.

Въ послѣднее время возникъ вопросъ о новой экспедиціи на сѣверъ Англій, и король отправился вмѣстѣ съ герцогомъ Берикомъ въ Версаль, чтобы обсудить дѣло вмѣстѣ съ Людовикомъ.

По обыкновенію Людовикъ принималъ ихъ любезно, но замѣтилъ:

— Я готовъ помогать вашему величеству, но мнѣ такъ часто приходилось разочароваться въ вашихъ сторонникахъ, что на этотъ разъ пусть они сперва покажутъ себя.

— Ваше величество совершенно правы, соблюдая осторожность,—сказалъ Берикъ:—и я не совѣтую вамъ выступать, пока я самъ не удостовѣрюсь, что наши друзья вполнѣ готовы.

— Пусть они сами откроютъ походъ, тогда и я окажу имъ поддержку.

— Я передамъ имъ обѣщаніе вашего величества.

— Хорошо, но если они и на этотъ разъ пойдутъ назадъ, то отъ меня имъ ждать больше нечего,—прибавилъ Людовикъ.

На большомъ совѣтѣ якобитовъ, состоявшемся въ Сень-Жерменѣ, полковникъ Тильдеслей упорно утверждалъ, что со времени манчестерскаго процесса надежды ихъ партіи окрѣпли и что возстаніе, если его поддержать, ни въ какомъ случаѣ не можетъ окончиться неудачею.

— Я далеко не увѣренъ въ этомъ, полковникъ,—отвѣчалъ герцогъ Берикъ.—Ланкаширскіе якобиты всегда даютъ широкія обѣщанія, но плохо исполняютъ ихъ.

— По моему мнѣнію, мы не достигнемъ ничего,—сказалъ Джорджъ Барклей, пока не устранимъ узурпатора.

— Я очень радъ, что этотъ взглядъ начинаетъ пріобрѣтать сторонниковъ,—сказалъ сэръ Джонъ Фенвикъ.—Я давно думалъ, что это самый правильный курсъ. Если устранить Вильгельма, все остальное пойдетъ, какъ по маслу.

При этихъ словахъ въ комнату, гдѣ происходилъ совѣтъ, вошелъ капитанъ Кросби. По его глазамъ видно было, что у него есть какая-то важная новость.

— Я имѣю передать вашему величеству новость, которая удивитъ и огорчитъ васъ,—сказалъ онъ.—Ваша дочь Марія, королева англійская, скончалась.

Всѣ были поражены.

— Скончалась?—спросилъ Іаковъ.—Но я не слыхалъ, чтобы она была больна.

— Она скончалась послѣ непродолжительной болѣзни,—отвѣчалъ Вальтеръ.

Это неожиданное извѣстіе произвело удручающее впечатлѣніе на присутствовавшихъ.

Нѣсколько минутъ прошло въ глубокой тишинѣ. Наконецъ король прервалъ молчаніе.

— Да проститъ ее Господь Богъ!—сказалъ онъ.—Извините меня, господа, я сегодня немного усталъ. Дайте мнѣ вашу руку, капитанъ,—прибавилъ онъ, обращаясь къ Вальтеру.

Поддерживаемый имъ, Іаковъ направился въ свою моленную и, ставъ тамъ на колѣни, горячо молился о дочери.

— Я могу сообщить вамъ, государь, нѣкоторыя подробности, которыя могутъ принести вамъ утѣшеніе,—сказалъ Вальтеръ, когда Іаковъ поднялся.—Два мѣсяца тому назадъ я видѣлся съ вашей дочерью въ Кенсингтонскомъ дворцѣ, и она сильно раскаивалась въ своей неблагодарности по отношенію къ вамъ и высказывала величайшее желаніе добиться вашего прощенія...

— Я уже простилъ ее въ своемъ сердцѣ,—перебилъ его король.— Богъ также проститъ ее.

— Теперь ваше величество свободны отъ всякихъ родственныхъ связей съ принцемъ Оранскимъ,—сказалъ сопровождавшій Иакова отецъ Петръ.—Вы можете теперь видѣть въ немъ то, что онъ на самомъ дѣлѣ и есть—узурпатора. Я не сомнѣваюсь, что теперь вы отдадите приказаніе покончить съ нимъ.

— Совѣсть еще не позволяетъ мнѣ этого.

Въ моленную вошла королева.

— Извините мое вторженіе,—начала она.—Но я не могла не прійти сюда. Небесное мщеніе пало на голову этой чудовищной дочери. Я жалѣю ее. Но теперь надо покончить и съ ея мужемъ.

— Для него у меня нѣтъ жалости,—строго сказалъ Иаковъ.

— Вашему величеству не слѣдуетъ теперь заступаться за него. Прикажите устранить его.

Король промолчалъ.

На другой день состоялось новое совѣщаніе заговорщиковъ. Послѣ долгихъ разговоровъ рѣшено было, что нѣсколько человѣкъ проберутся тайнымъ образомъ въ Лондонъ и приведутъ свой замыселъ въ исполненіе. Въ числѣ этихъ заговорщиковъ были между прочимъ знакомые уже намъ сэръ Джонъ Фенвикъ, полковникъ Паркеръ и капитанъ Чарнокъ.

Иаковъ весьма неохотно далъ свое согласіе на этотъ умыселъ и сдѣлалъ это только по настоянію отца Петра.

Тильдеслей и Тоунлей рѣшительно отказались принимать участіе въ этомъ дѣлѣ.

Сэръ Фенвикъ встрѣтилъ препятствіе для себя тамъ, гдѣ и не ожидалъ. Вступилась лэди Марія и стала отговаривать мужа отъ этого шага, увѣряя, что заговоръ непременно будетъ открытъ и заговорщики жестоко поплатятся. Но Фенвикъ стоялъ на своемъ.

— На всѣхъ нашихъ вполне можно положиться. Никого нельзя заподозрѣть въ шпіонствѣ,—сказалъ онъ.

— Я подозреваю капитана Пендерграсса.

— Ты крайне несправедлива по отношенію къ нему. Спроси Вальтера Кросби, что онъ думаетъ о немъ. Имѣете вы какія-нибудь подозрѣнія на него?—спросилъ онъ капитана, который вошелъ въ павильонъ Генриха IV, гдѣ происходилъ этотъ разговоръ.

— И не думаю его подозрѣвать!—воскликнула Вальтеръ, удивляясь неожиданности вопроса.

— Лэди Марія подозрѣваетъ, что онъ можетъ насъ выдать.

— У меня нѣтъ основаній подозрѣвать его,—сказала лэди Фенвикъ.—Но я почему-то не довѣряю ему.

— Мнѣ кажется, ваши подозрѣнія неосновательны,—замѣтилъ Вальтеръ.

— Мнѣ надоѣли эти постоянные заговоры,—раздраженно замѣтила лэди Марія.—Боюсь, что они кончатся гибелью всѣхъ участниковъ.

— Если бы этотъ планъ былъ приведенъ въ исполненіе съ самаго начала, тогда все давнымъ-давно было бы устроено,—произнесъ Вальтеръ.

— Богъ не благословитъ такое злое дѣло!—воскликнула лэди Фенвикъ.

— Поговори съ отцомъ Петромъ,—съ неудовольствіемъ промолвилъ ей мужъ.—Онъ сумѣетъ убѣдить тебя, что ты не права. А меня ты не переубѣдишь, мое рѣшеніе принято.

— Вы также рѣшились взяться за это дѣло?—спросила она Вальтера.

— Непремѣнно.

— Въ такомъ случаѣ не стоить и говорить съ вами. Я поговорю съ самимъ королемъ.

— Тебѣ совѣмъ незначѣмъ вмѣшиваться въ это дѣло. Королева рѣшила, что во всякомъ случаѣ узурпаторъ долженъ поплатиться, и его величество не пожелаетъ больше говорить объ этомъ.

Съ первыхъ же дней своего возвращенія въ Сень-Жерменъ Беатриса почти безотлучно была при королевѣ и маленькомъ принцѣ, который успѣлъ искренно къ ней привязаться. Она вставала очень рано и подолгу простаивала въ церкви на молитвѣ; эти благочестивые подвиги придавали ей изможденный и усталый видъ.

Полковникъ Тильдеслей постоянно спорилъ съ ней, но безъ всякаго результата, и начиналъ даже тревожиться за ея здоровье. Придворныя дамы не могли прійти въ себя отъ изумленія, какъ могла Беатриса перемѣниться до такой степени.

Однажды въ замокъ пріѣхала м-ше де-Ментенонъ въ сопровожденіи Людовика. Королева успѣшила подѣлиться съ нею новостью и объявила, что Беатриса собирается въ монастырь. М-ше де-Ментенонъ выразила желаніе лично переговорить съ молодой дѣвушкой. Послали за Беатрисой, которая не замедлила явиться.

— Бѣдная дѣвушка! Она ужъ и теперь стала монахиней!—сказала м-ше де-Ментенонъ, взглянувъ на Беатрису.—Но, можетъ быть, въ монастырѣ она, дѣйствительно, будетъ счастливѣе. Впрочемъ, она, кажется, помолвлена съ капитаномъ Кросби, который спасъ короля?

— Да, бѣдный капитанъ въ отчаяніи,—отвѣчала королева.

Приблизившись къ м-ше де-Ментенонъ, Беатриса сдѣлала глубокой реверансъ версальской гостьѣ.

— Ея величество передали мнѣ,—начала м-ше де-Ментенонъ:—что вы собираетесь въ монастырь. Едва ли вы могли уже такъ устать отъ міра, и я думаю, что вы потомъ будете глубоко раскаиваться.

— Я не устала отъ міра, — возразила Беатриса: — я только хочу бѣжать отъ его искушеній.

— Это хорошо. Но, когда вы войдете въ монастырскія стѣны, вамъ придется предаться исключительно Богу. Надѣюсь, что ваше рѣшеніе не есть результатъ ссоры съ капитаномъ Кросби?

— Мы не ссорились съ капитаномъ. Это единственная связь съ міромъ, которая у меня еще осталась.

— Но легко ли вамъ будетъ разорвать эту связь?

— Надѣюсь на помощь Господа Бога.

— Я вамъ совѣтую мѣсяца на два поселиться съ Сень-Сирѣ, — сказала м-ше де-Ментенонъ. — Вы вступите тамъ подъ начало настоятельницы, и, если черезъ два мѣсяца ваши чувства не переменятся, вы можете вступить и въ монастырь. Я переговорю о васъ съ м-ше Сень-Жеранъ.

— Благодарю васъ отъ всего сердца за ваше ко мнѣ вниманіе, — сказала Беатриса, дѣлая реверансъ.

— Вы думаете, пребываніе въ Сень-Сирѣ отклонить ее отъ ея намѣреній? — спросила королева, когда Беатриса удалилась.

— По всей вѣроятности, — отвѣчала м-ше де-Ментенонъ. — Тутъ она воочию увидитъ, что такое монашеская жизнь.

— Слѣдовательно, для капитана Кросби есть еще надежда. Надо будетъ сказать ему.

Отправляясь въ Лондонъ, Вальтеръ Кросби не могъ не проститься съ Беатрисой. На этотъ разъ она согласилась принять его.

— Васъ напрасно отговаривать отъ вашего безумнаго намѣренія. Мнѣ теперь дѣло представляется совершенно иначе, чѣмъ прежде. Я считаю его великимъ преступленіемъ и я желала бы, чтобы оно не удалось. А если оно удастся, то вы всю жизнь будете чувствовать угрызенія совѣсти. Можно убить принца Оранскаго въ битвѣ или при самозащитѣ, но напасть на него изъ-за угла — недостойно порядочнаго человѣка, и я увѣрема, что вы откажетесь отъ этого намѣренія.

— Я ужъ такъ далеко зашелъ по этому пути, что отступать мнѣ нельзя, — смущенно отвѣчалъ Вальтеръ.

— Никогда не поздно отказаться отъ дурнаго дѣла. Предоставьте это дѣло судьбѣ: она лучшій судья. Она не позволитъ принцу Вильгельму погибнуть, и ваша рука не поднимется противъ него. Не берите себѣ на душу такого грѣха, Вальтеръ. Оставьте это намѣреніе, отъ котораго я теперь прихожу въ ужасъ. Я готова была бы донести на васъ, если бы только могла.

— Не ожидалъ я этого отъ васъ, — мрачно промолвилъ Вальтеръ. — Но вашъ умъ, очевидно, подавленъ печалью. Вы, очевидно, забываете что Вильгельмъ Оранскій — злѣйшій врагъ нашей религіи, что онъ

сдѣлалъ все, что могъ, для того, чтобы погубить всѣхъ, кто исповѣдуетъ римскую вѣру. Такого врага слѣдуетъ уничтожить. Если такова воля Божія, онъ и будетъ уничтоженъ. Онъ принесъ столько зла нашей странѣ, что его мало присудить къ двѣнадцати казнямъ. И каждый разъ я готовъ былъ бы выступить его палачомъ.

— Мнѣ больно слышать это. Вы говорите такъ по ложно понимаемому чувству долга.

— Богъ покаралъ королеву Марію, возставшую противъ отца,— возбужденно продолжалъ Вальтеръ.— Она умерла, и бракъ ея остался бездѣтенъ. Пройдетъ еще немного, и я увѣренъ, что не станетъ и самого Вильгельма.

— Итакъ, вы рѣшились не считаться съ тѣмъ, что я говорю, Вальтеръ?—спросила Беатриса.

— Не вижу причинъ щадить мятежнаго принца. Напротивъ, все говорить за то, что его нужно убить.

— Вы заплатите сами за его смерть,—печально сказала молодая дѣвушка.

— Пусть будетъ такъ. Я приготовился ко всякимъ ударамъ судьбы. А теперь прощайте, Беатриса. Не думалъ я, что наше прощаніе выйдетъ такимъ скорбнымъ. Но дайте мнѣ возможность надѣяться, что я увижу васъ еще разъ.

— Не обѣщаю вамъ, Вальтеръ. Будущее такъ смутно, что я боюсь и заглядывать въ него. Возможно, что когда вы вернетесь въ Сенъ-Жермень, я уже буду тамъ, откуда нѣтъ возврата.

Отъ этихъ словъ сердце его мучительно сжалось, но онъ мужественно поборолъ свое волненіе.

— Итакъ, намъ нужно теперь проститься?—спросилъ онъ, пристально смотря ей въ лицо.

— Да, это лучше будетъ. Никто изъ насъ не хочетъ измѣниться. Ваше рѣшеніе принято, мое также. Прощайте.

Схвативъ ея руку, Вальтеръ осыпалъ ее поцѣлуями.

Простившись съ королемъ, королевой и принцемъ, капитанъ Кросби вмѣстѣ съ сэромъ Джономъ Фенвикомъ въ легкой коляскѣ выѣхалъ въ Кале.

XV.

Гроза разражается.

Спустя недѣлю послѣ ихъ отъѣзда въ старинной гостиницѣ «Королевской Головы», въ самой большой комнатѣ, гдѣ давались обѣды и угощенія, состоялось многолюдное собраніе якобитовъ.

Въ то время Лондонъ кишѣлъ якобитскими клубами, которые открыто собирались въ лучшихъ гостиницахъ Сити и Вестминстера и на южной сторонѣ Темзы. Очевидно, готовилось важное событіе.

Собраніе, о которомъ мы говоримъ, отличалось гораздо болѣе опаснымъ характеромъ, чѣмъ обычныя скопища якобитовъ. На немъ присутствовали выдающіеся члены всѣхъ якобитскихъ партій. Всѣ, получившіе приглашеніе на это собраніе, должны были явиться въ гостиницу въ назначенное время вооруженными, на случай нечаяннаго нападенія. Когда всѣ собрались, комната получила совершенно необычайный видъ. Но присутствовали здѣсь только одни дворяне, среди которыхъ было и нѣсколько титулованныхъ лицъ.

Были приняты всѣ мѣры предосторожности, чтобы сюда не проникъ какой-нибудь шпионъ и если бы онъ и проникъ, то никогда не рассказалъ бы о томъ, что онъ здѣсь видѣлъ и слышалъ.

Въ передней гостиницы стоялъ отецъ Джонсонъ, приводившій каждаго входившаго къ присягѣ на вѣрность королю Іакову. Затѣмъ каждый участникъ собранія вписывалъ свое имя въ особую книгу и только тогда входилъ въ большую комнату.

Здѣсь стояла дюжина солдатъ гвардіи короля Іакова, привезенныхъ изъ Сень-Жермена полковникомъ сэромъ Барклеемъ. То были молодцы на подборъ, на которыхъ вполне можно было положиться. На лицахъ всѣхъ присутствовавшихъ лежалъ отпечатокъ какой-то рѣшимости, словно всѣ сознавали необходимость во что бы то ни стало исполнить то, ради чего они собрались сюда.

То были заговорщики, но заговорщики не изъ простого народа. Всѣ они были вѣрными сынами римско-католической церкви и принадлежали къ семьямъ, которыя давно подвергались преслѣдованіямъ и рѣшились теперь освободиться отъ нихъ.

Впрочемъ, они собрались сюда не для того, чтобы вспоминать причиненныя имъ несправедливости. Цѣлью совѣщанія было устранить принца Вильгельма, котораго они считали узурпаторомъ, и возвести снова на престолъ сверженнаго Іакова.

На возвышеніи среди комнаты сидѣло человекъ двѣнадцать, которые хотѣли сдѣлать собранію нѣкоторыя предложенія. Всѣ они были одушевлены горячимъ желаніемъ осуществить свои мечты. Среди нихъ выдавалась красивая фигура сэра Барклея, который привезъ съ собой приказъ короля Іакова вступитъ въ борьбу съ принцемъ Оранскимъ и его министрами. Возлѣ него сидѣлъ гордый сэръ Джонъ Фенвикъ, рискнувшій поставить на карту все свое богатство и жизнь ради желанія отомстить Вильгельму за какія-то мелкія причиненныя ему обиды. Остальные были воодушевлены чувствомъ преданности къ Іакову и ревностью къ католической религіи.

Первымъ сталъ говорить сэръ Фенвикъ. Выступивъ впередъ и сдѣлавъ легкій поклонъ, онъ началъ свою рѣчь такъ:

— Я радъ видѣть здѣсь столько знатныхъ лицъ, которыя собрались сюда для обсужденія важнѣйшаго нашего дѣла. Я убѣжденъ, что оно встрѣчаетъ общее одобреніе, и мы не услышимъ здѣсь ни од-

ного голоса противъ него. Вотъ въ чемъ моя мысль. Необходимо захватить принца Оранскаго и подъ сильнымъ конвоемъ отвезти немедленно въ принадлежащій мнѣ домъ въ Ромни-Марчъ и отсюда на приготовленномъ уже кораблѣ отправить его во Францію. Если этотъ планъ удастся,—а въ этомъ я не сомнѣваюсь,—то все будетъ сдѣлано. Узурпаторъ будетъ въ нашей власти, и мы можемъ выдать его королю Іакову, который уже поступитъ съ нимъ по своему усмотрѣнію.

— Мнѣ извѣстно, что король Іаковъ находится теперь въ Кале,—сказалъ Вальтеръ, выступая впередъ.—Принца Оранскаго можно отправить туда.

— Лучшаго мѣста нельзя и выбрать,—сказалъ сэръ Джонъ.

— Вашъ планъ очень хорошъ,—началъ капитанъ Чарнокъ, въ свою очередь выступая впередъ.—Но только корабль, на которомъ мы повеземъ принца во Францію, навѣрно, будетъ захваченъ. Было бы смѣлѣе и надежнѣе напасть въ глухую ночь на стражу Кенсингтонскаго дворца, силою проложить себѣ дорогу до апартаментовъ Вильгельма и умертвить его. Да, умертвить его,—прибавилъ онъ энергично.—Я съ удовольствіемъ принялъ бы участіе въ этомъ дѣлѣ.

— И я также!—вскричалъ майоръ Ловикъ.—Когда узурпаторъ будетъ убитъ, намъ останется только провозгласить королемъ Іакова.

— Все это хорошо,—замѣтилъ Джонъ Френдъ:—но мы сильно рискуемъ, ибо нападеніе можетъ и не удался.

— Мы рискуемъ при всякомъ нападеніи,—возразилъ полковникъ Темпестъ.—Что же вы съ своей стороны предлагаете?

— Мой планъ,—сказалъ сэръ Джонъ Френдъ,—заключается въ слѣдующемъ. По воскресеньямъ принцъ Оранскій всегда ѣздитъ изъ Кенсингтонскаго дворца въ церковь при Сентъ-Джемскомъ дворцѣ. Надо стрѣлять въ него въ это время. Что вы скажете на это?

— Да, это вѣрнѣе,—послышалось нѣсколько голосовъ.

— Можетъ случиться, однако, тысяча непредвидѣнныхъ обстоятельствъ, которыя могутъ спасти принца,—произнесъ капитанъ Портеръ.—У меня есть свой планъ, который я не могу, однако, вамъ сообщить сейчасъ.

— Войдите на возвышеніе и говорите,—кричали нѣкоторые.

Но капитанъ оставался на своемъ мѣстѣ.

— Теперь послушайте, господа, и меня,—сказалъ, входя на возвышеніе, сэръ Барклей.—Охрана короля Вильгельма состоитъ не болѣе, какъ изъ двадцати пяти человѣкъ. Я привезъ съ собою сорокъ человѣкъ гвардіи короля Іакова. Съ ними я беру съ собою на карету принца, когда она вѣдетъ въ Гайдъ-паркъ. Полдюжины нашихъ солдатъ захватятъ ворота и запрутъ ихъ. Если смѣло повести нападеніе, неудачи быть не можетъ.

Это предложеніе было принято всѣми, насколько можно было судить по возгласамъ одобренія, раздававшимся во всѣхъ углахъ зала.

— Гвардія принца будетъ, безъ сомнѣнія, храбро защищать его,—сказалъ сэръ Джорджъ.—Но имъ съ нами не справиться. Всѣ они должны быть убиты, какъ и ихъ государь. Я лично берусь руководить нападеніемъ.

— Тогда побѣда несомнѣнна,—загудѣли голоса.

Когда стихли апплодисменты, сэръ Фенвикъ сказалъ генералу Барклею:

— Кажется, мы остановились на вашемъ планѣ.

— Да, да,—раздались голоса со всѣхъ сторонъ.

— Ручаюсь, что мы достигнемъ своего, если только не возникнутъ какія-нибудь непредвидѣнныя затрудненія,—продолжалъ сэръ Фенвикъ.—Черезъ два дня должно состояться въ этой комнатѣ другое собраніе для того, чтобы условиться относительно окончательныхъ приготовленій.

Рѣшеніе было принято, и собраніе стало расходиться.

Въ тотъ же самый вечеръ трое изъ заговорщиковъ, присутствовавшихъ на собраніи, а именно капитанъ Пендерграссъ, Фишеръ и Делярю, засѣдали въ другой тавернѣ на той же улицѣ.

Они тихо говорили между собою.

— Не знаю, какъ вы думаете, господа,—сказалъ одинъ изъ нихъ:—но что касается меня, то я, по совѣсти, не могу примириться съ предполагаемымъ убійствомъ короля Вильгельма. Одно слово можетъ предупредить это злодѣяніе, и слово это нужно сказать. Я говорилъ объ этомъ съ отцомъ Джонсономъ, но онъ сталъ угрожать мнѣ смертью, если я позволю себѣ хоть пикнуть. Тѣмъ не менѣе я рѣшилъ открыть заговоръ графу Портланду. Вы, впрочемъ, можете дѣйствовать, какъ хотите.

— Нѣтъ, если вы такъ рѣшили, то и мы не отстанемъ отъ васъ.

На слѣдующее утро около 11 часовъ Вальтеръ былъ уже въ Сентъ-Джемскомъ паркѣ, откуда черезъ Гайдъ-Паркъ направился въ Кенсингтонскій дворецъ съ цѣлью сдѣлать предварительную рекогносцировку.

Онъ былъ не болѣе, какъ въ двухстахъ шагахъ отъ дворца, какъ вдругъ дворцовыя ворота широко распахнулись и показался самъ король, ѣхавшій верхомъ. Впереди него было около дюжины гвардейцевъ и столько же ихъ двигалось сзади. Рядомъ съ нимъ ѣхалъ его адъютантъ капитанъ Вернонъ.

На Вильгельмѣ былъ великолѣпный малиновый камзолъ, шитый золотомъ, и широкополая, украшенная перьями шляпа, изъ-подъ которой спускались на плечи длинные локоны парика. Высокіе сапоги и галстукъ изъ франдрскихъ кружевъ довершали его костюмъ.

Нельзя было сомнѣваться, что это былъ самъ король. Крупныя черты лица, орлиный носъ, темные быстрые глаза, какъ будто-то чего-то ищущіе, все это указывало на Вильгельма III.

Тихо проѣзжая возлѣ Вальтера, Вильгельмъ устремилъ на него свой орлиный взоръ. Капитанъ Кросби снялъ шляпу и сдѣлалъ низкій поклонъ. Король быстро обернулся къ своему адъютанту и спросилъ:

— Кто это?

— Не знаю, ваше величество,—отвѣчалъ капитанъ.

— Спросите, какъ его зовутъ,—продолжалъ Вильгельмъ, останавливая красиваго коня, на которомъ онъ ѣхалъ.

Вальтеръ сдѣлалъ было попытку итти дальше, но адъютантъ былъ уже около него.

— Его величество желаетъ знать ваше имя, сэръ,—сказалъ онъ

— Меня зовутъ Вальтеръ Кросби,—послѣдовалъ отвѣтъ.

Когда адъютантъ передалъ его слова королю, тотъ на нѣсколько секундъ задумался и сказалъ:

— Велите ему явиться завтра къ десяти часамъ утра въ Кенсингтонскій дворецъ.

Вальтеръ почтительно поклонился, и король поѣхалъ дальше. Это происшествіе чрезвычайно смутило молодого якобита, который не зналъ, что ему теперь дѣлать. Ему представлялся великолѣпный случай покончить съ королемъ, но вся душа возмущалась въ немъ при этой мысли. Обсудивъ дѣло, онъ рѣшилъ исполнить приказаніе короля, но не сообщать ничего объ этомъ свиданіи своимъ товарищамъ.

На слѣдующее утро онъ явился въ Кенсингтонскій дворецъ безъ всякаго оружія, чтобы потомъ его нельзя было обвинить въ какомъ-нибудь преступномъ умыслѣ.

При входѣ во дворецъ Вальтеру сказали, что его величество въ саду. Привратникъ провелъ его по террасѣ въ прелестный садикъ, по которому король прогуливался съ однимъ изъ своихъ министровъ, графомъ Портландскимъ. Его движенія были рѣзки, онъ, видимо, сердился и то и дѣло пристально взглядывалъ на графа.

Король былъ гораздо красивѣе на лошади, но и теперь его фигурѣ нельзя было отказать въ величавости.

Вильгельму Оранскому въ это время было сорокъ пять лѣтъ. Несмотря на постигшій его ударъ—смерть жены, онъ былъ полонъ энергіи и предпримчивости. Не отличаясь, впрочемъ, крѣпкимъ здоровьемъ, онъ нерѣдко прибѣгалъ къ возбуждающимъ средствамъ и поражалъ всѣхъ силою воли. Въ эту эпоху, изобиловавшую военными талантами, Вильгельмъ считался однимъ изъ лучшихъ полководцевъ.

Въ его родной странѣ Голландіи его обожали, и онъ далъ клятву защищать ее до послѣдней капли крови. Успѣхи, скоро имъ достигнутые, заставили считаться съ нимъ всю Европу. Революція 1688 г., которой его страна обязана своей свободой, возвела его на англійскій престолъ, на которомъ онъ окончательно утвердился послѣ битвы при Бойнѣ.

Въ тотъ періодъ, къ которому относится нашъ разсказъ, Вильгельму приходилось бороться уже только съ тайными сторонниками Иакова и съ постоянными заговорами на его жизнь.

Переговоривъ съ министромъ, король сѣлъ на скамейку. Когда графъ Портландъ удалился, Вальтеръ выступилъ впередъ и, сдѣлавъ глубокій поклонъ, предсталъ передъ королемъ.

— Вашему величеству угодно было видѣть меня.

— Я хотѣлъ бы предложить вамъ нѣсколько вопросовъ,—сказалъ король.—Я слышалъ, что вы имѣли въ этомъ дворцѣ разговоръ съ покойной королевой.

При послѣднихъ словахъ его голосъ задрожалъ.

— Совершенно вѣрно, ваше величество,—отвѣчалъ Вальтеръ.

— Можете ли вы сообщить мнѣ содержаніе вашего разговора?—Отвѣчайте безъ всякаго стѣсненія.

— Ея величество говорила со мною о своемъ отцѣ, съ которымъ, какъ ей было извѣстно, я незадолго до того видѣлся въ Сенъ-Жерменѣ и жизнь котораго мнѣ удалось спасти отъ ножа преступника.

Вильгельмъ не могъ подавить въ себѣ вспышки негодованія.

— Скажите мнѣ,—вскричалъ онъ съ гнѣвомъ:—неужели это правда, что этотъ негодяй взвелъ на меня обвиненіе, будто я подкупилъ его на такое дѣло?

— Онъ сознался въ этомъ, но король Иаковъ не повѣрилъ его объясненія.

— Я радъ слышать это! Онъ былъ только справедливъ ко мнѣ. Но, какъ я слышалъ, его величество относится ко мнѣ иначе, и уже сотни кинжаловъ готовы пронзить меня.

— Король Иаковъ тутъ ни при чемъ, ваше величество,—произнесъ Вальтеръ такимъ тономъ, который показывалъ, что онъ не намѣренъ входить въ дальнѣйшія подробности.

— Я знаю, что составилъ огромный заговоръ съ цѣлью убить меня. Я могу даже назвать главныхъ его членовъ. Это сэръ Джонъ Фенвикъ, сэръ Джонъ Френчъ, Вильямъ Перкинсъ, сэръ Джонъ Барклей, полковникъ Темпестъ и человекъ двадцать другихъ.

— Неужели кто-нибудь выдалъ ихъ!—воскликнулъ Вальтеръ.

— Стало быть, вы признаете, что заговоръ существуетъ?—поймалъ его король.

— Было бы напрасно отрицать то, о чемъ ваше величество, видимо, такъ хорошо освѣдомлены.

— Въ теченіе двухъ дней всѣ лица, въ немъ замѣшанныя, будутъ арестованы и заключены въ тюрьму,—продолжалъ король.—По этому случаю вы можете видѣть, что заговоры удаются очень рѣдко. Графъ Портландъ получилъ сообщеніе о заговорѣ отъ капитана Пендерграсса и Фишера. Бѣжать бесполезно, ибо стража теперь утроена.

— Ваше величество,—сказалъ Вальтеръ:—я теперь вполне понимаю положеніе, въ которомъ я оказался. Не стану скрывать,

что я также принималъ и принимаю участіе въ заговорѣ. Но когда я видѣлъ въ послѣдній разъ королеву, она дала мнѣ это кольцо и обѣщала, что въ минуту опасности оно спасетъ меня.

— Покажите мнѣ его,—сказалъ король.

Вальтеръ передалъ кольцо.

Король долго смотрѣлъ на него и наконецъ сказалъ:

— Обѣщаніе ея величества будетъ исполнено, и ваша жизнь пощажена. Не благодарите меня. Вы обязаны жизнью покойной королевѣ, а не мнѣ. Но вы должны поручиться мнѣ вашимъ честнымъ словомъ, что вы оставите свой замыселъ.

— Клянусь вамъ, государь,—сказалъ Вальтеръ.

— Вы должны также оставаться здѣсь, пока я не найду удобнымъ выпустить васъ на свободу.

— Готовъ повиноваться вашему величеству.

Все время, пока король разговаривалъ съ Вальтеромъ, привратникъ, который его привелъ въ садъ, стоялъ недалеко отъ нихъ. По знаку короля, онъ приблизился къ скамейкѣ.

— Отведите капитана Кросби въ комнату, которую онъ съ этого дня будетъ занимать,—сказалъ король.

Привратникъ поклонился и пригласилъ Вальтера слѣдовать за собой.

[XVI.]

Неудачный маскарадъ.

Со времени своего прибытія въ городъ сэръ Фенвикъ занималъ домъ на Сентъ-Джемской площади. Въ то самое утро, когда король задержалъ Вальтера въ Кенсингтонскомъ дворцѣ, гордый нортумберлендскій баронетъ и лэди Марія сидѣли за завтракомъ, когда вдругъ появился генералъ Барклей.

Онъ, видимо, былъ сильно взволнованъ и, какъ только лакей, доложившій объ немъ, удалился, воскликнулъ:

— Дурныя вѣсти, сэръ Джонъ. Насъ выдали.

— Выдали!—вскрикнулъ хозяинъ, поднимаясь съ кресла съ выраженіемъ ужаса.

— Я могу только объ этомъ догадываться. Но насъ всѣхъ немедленно арестуютъ, если мы не сдѣлаемъ чего-нибудь для спасенія своей свободы.

— Вотъ страшная новость!—сказала лэди Марія.—Опасность уже наступила?

— Боюсь, что такъ,—отвѣчалъ генералъ.—Я отступаю и стараюсь возможно скорѣе перебраться во Францію. Вы, вѣроятно, поступите такъ же?—спросилъ онъ хозяина.

— Конечно. Я всегда готовъ къ бѣгству. Я скроюсь у себя въ Ромни-Марчъ, а оттуда переправлюсь въ Дюнкирхень.

— Я хочу бѣжать съ вами,—сказаль сэръ Джорджъ.—Вамъ, къ счастью, бѣжать не надо и вы спокойно можете оставаться здѣсь,—прибавиль онъ, обращаясь къ хозяйкѣ:—только домъ будутъ теперь караулить.

— Я готова ко всему,—отвѣчала лэди Марія.—Но я ошеломлена этою неожиданностью.

— Разсчитываю, что всѣ наши друзья ускользнуть безопасно,—сказаль сэръ Фенвикъ.—Жаль, что я не могу съ ними проститься.

— Это совершенно невозможно,—возразила ему жена.—Видѣли ли вы капитана Кросби, генераль?

— Я заходилъ сегодня утромъ къ нему въ гостиницу, но не могъ его застать тамъ. Хозяинъ сказаль, что онъ вышелъ очень рано. Невозможно предположить, что это онъ выдалъ насъ!

— Это невѣроятно!—воскликнула лэди Марія.—Я отвѣчаю головой за капитана Кросби. Я подозрѣваю въ измѣнѣ капитана Пендерграсса. Слѣдите за нимъ.

— Мы еще не успѣли заглянуть къ нему сегодня. Если онъ окажется измѣнникомъ, то мы еще успѣемъ его наказать.

— Позвольте,—произнесъ хозяинъ.—Да кто же сказаль, что заговоръ открытъ, сэръ Джонъ?

— Капитанъ Чарнокъ. Къ несчастью, это правда. Надо скорѣе предостеречь всѣхъ нашихъ друзей. А то нѣкоторые явятся сегодня вечеромъ на собраніе въ гостиницу «Королевской Головы», и тогда неизбежно будутъ арестованы.

— Во что бы то ни стало надо ихъ предупредить,—сказаль Джонъ Фенвикъ.—Я никогда не прощу себѣ, если кто-нибудь изъ насъ будетъ захваченъ.

При этихъ словахъ въ сосѣдней комнатѣ послышались возмущенные голоса, и въ столовую ворвались Перкинсъ и сэръ Френдъ.

— Мы пропали,—кричаль Перкинсъ.—Заговоръ открытъ, и мы попадемъ на эшафотъ.

— Успокойтесь прежде всего,—сказаль хозяинъ.—Смерть подъ топоромъ—самая достойная для настоящаго джентльмена.

— Ну, это меня мало утѣшаетъ,—возразиль Френдъ.—Я вовсе не хочу теперь умирать. И мы прибѣжали сюда посоветоваться, что дѣлать.

— Мы должны спастись какъ можно скорѣе,—сказаль хозяинъ.—Есть съ вами деньги?

— Двѣсти или триста фунтовъ.

— Да у меня столько,—прибавиль сэръ Френдъ.

— Въ такомъ случаѣ спасайтесь. Не заходите только къ себѣ на квартиру. Бѣгите сейчасъ же къ рѣкѣ, наймите лодку и уѣзжайте на ней какъ можно дальше. На берегъ вы всегда успѣете выйти. Вамъ, можетъ быть, удастся сѣсть на какой-нибудь корабль, отправляющійся въ Ярмутъ или Харвичъ. Бѣгите изъ Лондона, пока еще не распространилась вѣсть объ открытіи заговора.

— Вашъ совѣтъ хорошъ, и мы ему послѣдуемъ,—сказалъ Перкинсъ.—Эхъ, если бѣ удалось нанять быструю лодку съ парой хорошихъ гребцовъ.

— Вотъ еще что я вамъ посоветую, господа. Когда вы будете выходить изъ этого дома, выходите боковымъ ходомъ, а не черезъ главный подъѣздъ.

Оба посѣтителя паскоро простились съ встревоженной лэди Маріей и, сопровождаемые хозяиномъ, спустились въ нижній этажъ дома. Прежде, чѣмъ выйти на улицу, они выслали впередъ слугу, который долженъ былъ осмотрѣть мѣстность. Возвратившись, онъ сообщилъ, что на улицѣ все спокойно, и посѣтители быстро двинулись впередъ.

— Мнѣ пришла въ голову одна мысль, сэръ Джорджъ,—сказалъ хозяинъ, вернувшись въ столовую.—Мы рискуемъ быть арестованными, если вздумаемъ оставить квартиру. Намъ надо переодѣться слугами. Костюмъ моего буфетчика будетъ вамъ какъ разъ впору, а я надѣну платье кого-нибудь изъ слугъ. Можно добытъ еще и пару хорошо напудренныхъ париковъ, которые дополнятъ нашъ нарядъ. Что вы скажете на это?

— По-моему, мысль эта недурна. Надо только поскорѣе привести ее въ исполненіе.

— Нѣтъ ничего легче,—замѣтила лэди Марія.—Надо только сойти внизъ и взять костюмъ Грега и Гопкинса.

Черезъ четверть часа сэръ Джонъ превратился въ представителя лакея, а сэръ Джорджъ въ дюжанаго и преисполненнаго важности буфетчика.

Окончивъ переодѣваніе, оба бѣглеца спустились къ боковой двери. Но только что сэръ Фенвикъ вышелъ на улицу, какъ около нихъ очутился Кулленфордъ, пресловутый секретарь Аарона Смита, и, не узнавъ его, спросилъ:

— Послушай, любезный, дома сэръ Джонъ Фенвикъ?

— А вамъ онъ на что нуженъ?—спросилъ мнимый лакей.

— Это дѣло не твое. Отвѣчай на вопросъ: дома сэръ Фенвикъ?

— Нѣтъ, его дома нѣтъ. Онъ утромъ уѣхалъ куда-то съ сэромъ Джорджемъ Барклеемъ и раньше ночи не вернется.

— Не вѣрю я этому,—вскричалъ Кулленфордъ.—Я знаю навѣрное, что твой хозяинъ дома и что сэръ Барклей у него. Я имѣю приказъ арестовать ихъ и хочу обыскать домъ. У меня тутъ съ собой мои люди.

— Что тутъ такое, Гопкинсъ?—строго спросилъ вышедшій съ крыльца важный буфетчикъ.

— Явился чиновникъ съ приказомъ объ арестѣ нашего господина и сэра Барклея. Я ужъ ему сказалъ, что ихъ нѣтъ, но онъ мнѣ не вѣритъ. Можетъ быть, онъ повѣритъ вамъ.

— Въ такомъ случаѣ пусть онъ войдетъ и убѣдится самъ. Это будетъ лучше всего,—сказалъ переодѣтый Барклей.—Или для васъ надо открыть парадный ходъ?—спросилъ онъ, обращаясь къ Кулленфорду.

— Я здѣсь не одинъ. Со мною дюжина моихъ людей. Двое войдутъ черезъ парадный входъ. Двое направятся черезъ эту дверь, а остальные будутъ сторожить домъ снаружи.

Онъ подозвалъ двоихъ агентовъ.

— Стойте здѣсь,—сказалъ онъ имъ.—Не позволяйте никому ни подъ какимъ видомъ выходить изъ дому.

— Слѣдуетъ ли пускать въ ходъ оружіе?—спросилъ одинъ изъ агентовъ, ставъ у двери и вытаскивая пистолеть.

— Только въ случаѣ необходимости. Не выпускайте никого изъ дому безъ моего разрѣшенія.

— Позвольте узнать ваше имя, сударь?—спросилъ мнимый лакей.

— Я Кулленфордъ. А васъ, кажется, зовутъ Гопкинсъ?

— Такъ точно.

— А меня зовутъ Грегомъ,—прибавилъ мнимый буфетчикъ.

— Отлично. Ну, мистеръ Грегъ, ведите меня по дому.

— А я пойду впередъ и впущу вашихъ людей черезъ парадный входъ,—сказалъ Фенвикъ, пустившись впередъ. Въ передней онъ столкнулся съ лэди Маріей, которая едва могла узнать его.

— Не безпокойся,—шепнулъ онъ ей.—Все идетъ хорошо. Кулленфордъ настаиваетъ на обыскѣ дома, но не догадывается о нашей хитрости. Грегъ и Гопкинсъ уже скрылись?

— Да, но знаютъ ли другіе слуги, что вы заняли ихъ мѣсто?

— Знаютъ. Но тише. Кулленфордъ уже недалеко.

Пока сэръ Джонъ открывалъ дверь, чтобы впустить въ несстоявшихъ снаружи полицейскихъ, сэръ Джорджъ велъ Кулленфорда по лѣстницѣ.

Отвѣсивъ поклонъ лэди Маріи, Кулленфордъ въ почтительныхъ выраженіяхъ объяснилъ ей цѣль своего визита.

— Я получилъ свѣдѣнія, что оба джентльмена, которыхъ я ищу, вышли изъ дому. Я долженъ удостовѣриться въ этомъ самъ.

— Пожалуйста,—отвѣчала хозяйка.—Можетъ быть, вы начнете обыскъ съ этой комнаты,—прибавила она, вводя Кулленфорда въ столовую.

— Позвольте васъ спросить: обѣдали ли съ вами сэръ Джорджъ Барклей?—спросилъ Кулленфордъ, быстро оглядывая столъ.

— Онъ пріѣхалъ, когда я еще завтракала, но онъ ничего не ѣлъ.

— Сколько времени тому назадъ онъ былъ здѣсь?

— Часъ, а можетъ быть и больше, не могу точно сказать.

— Его ждали здѣсь?

— Не знаю, по всей вѣроятности, нѣтъ.

— Мистеръ Грегъ,—обратился Кулленфордъ къ сопровождавшему его буфетчику.—Вы видѣли здѣсь сэра Барклея утромъ?

— Такъ точно, сэръ. Я никогда не видалъ его въ такомъ веселомъ настроеніи.

— Въ веселомъ настроеніи?—недовѣрчиво вскричалъ Кулленфордъ.—Но это невозможно.

— Увѣряю васъ,—продолжалъ мнимый буфетчикъ.—Онъ безпрестанно смѣялся. Можетъ быть, ваша милость также изволили это замѣтить,—обратился онъ къ лэди Маріи.

— Мнѣ онъ также показался веселымъ,—отвѣчала хозяйка.

— Не говорилъ ли сэръ Фенвикъ, что открытъ заговоръ и что они будутъ арестованы?

— Я этого не слыхала,—сказала лэди.—Онъ казался совершенно спокойнымъ.

— Все это довольно удивительно!—вскричалъ Кулленфордъ.

— Сэръ Джорджъ приглашалъ моего господина ѣхать съ нимъ гулять въ Сантъ-Джемскій паркъ,—вмѣшался мнимый буфетчикъ.

— И сэръ Джонъ согласился?

— Такъ точно. И если они вамъ нужны, то вы найдете ихъ тамъ.

— Давно ли они уѣхали?

— Будетъ больше часу. Я полагаю, что они теперь какъ разъ въ паркѣ. Вы скорѣе всего могли бы захватить ихъ тамъ.

— А сколько вы дадите мнѣ, если я возьму своихъ людей и уведу ихъ въ паркъ?—неожиданно спросилъ Кулленфордъ, подмигивая переодѣтому сэру Барклею.

— Сто фунтовъ,—отвѣчалъ тотъ, не растерявшись.

— Но вѣдь у меня два приказа,—продолжалъ Куллерфордъ, размахивая бумагой.

— За каждый по сотнѣ фунтовъ.

Кулленфордъ кивнулъ головой въ знакъ согласія.

— Кромѣ того, со мною дюжина людей. Всѣ они рассчитываютъ, что кое-что перепадетъ и на ихъ долю.

— Вы можете раздѣлить между ними пятьдесятъ фунтовъ. Идетъ?

Кулленфордъ вторично кивнулъ головой.

Въ началѣ этого разговора лэди Марія вышла изъ комнаты. Она возвратилась вмѣстѣ съ мужемъ, который быстро спросилъ Кулленфорда:

— Улажено дѣло?

— Улажено,—отвѣчалъ сэръ Джорджъ.—Мы столковались съ мистеромъ Кулленфордомъ. За двѣ съ половиной сотни онъ согласенъ увести своихъ людей.

— Отлично!—воскликнулъ хозяинъ.—Мы сейчасъ же все это устроимъ.

Деньги были переданы, и Кулленфордъ сіялъ отъ удовольствія.

— Вы вообразили, господа, что, переодѣвшись, вы можете меня обмануть,—сказалъ онъ со смѣхомъ.—Ошибаетесь. Я сразу узналъ васъ и понялъ вашу хитрость.

— Если бъ мы знали, что арестовать насъ явитесь именно вы, то мы, конечно, не стали бы и переодѣваться. Съ вами легко столковаться. Но вѣдь могъ быть кто-нибудь другой...

— Кто могъ бы поступить съ вами иначе...—подсказалъ Куллендорфъ.—Уѣзжайте изъ Лондона какъ можно скорѣе. Вамъ здѣсь грозитъ опасность, а я не всегда могу васъ выручить. Прежде, чѣмъ я уйду съ моими людьми, я долженъ сдѣлать видъ, что обыскалъ весь домъ. Можетъ быть, вамъ угодно будетъ сопровождать меня, сэръ Джонъ? Къ вашимъ услугамъ, сэръ Барклей. Вашъ покорнѣйшій слуга,—поклонился онъ лэди Маріи, которая смотрѣла на него, едва скрывая свое отвращеніе.

Въ сопровожденіи сэра Джона онъ вышелъ изъ комнаты.

— Я радъ, что отдѣлался отъ него,—сказалъ сэръ Джорджъ, когда дверь захлопнулась. —Счастье для насъ, что прислали именно его. Однако я долженъ проститься съ вами, лэди. Я сейчасъ же ѣду въ Ромни-Марчъ. Надѣюсь, что мы встрѣтимся съ вами въ Сень-Жерменѣ.

— Будемъ надѣяться. До свиданія,—простилась съ нимъ хозяйка.

Вошедшій сэръ Фенвикъ объявилъ, что Кулленфордъ увелъ своихъ людей и что теперь онъ свободно можетъ выйти. Сэръ Джорджъ бросился въ комнату буфетчика и, облачившись опять въ свой костюмъ, съ величайшей осторожностью вышелъ на улицу.

Снявъ костюмъ слуги, сэръ Джонъ поспѣшилъ къ своей женѣ.

— Сэръ Джорджъ уже уѣхалъ,—сказалъ онъ.—Мнѣ также нужно исчезать скорѣе.

— Ты не можешь взять меня съ собою?—спросила она, умоляюще глядя на него.

— Никакъ не могу. Мы можемъ попасть въ такое положеніе, когда твое присутствіе неизбѣжно выдастъ насъ. Кромѣ того, ты здѣсь въ полной безопасности и можешь бѣжать, когда пожелаешь.

— Что бы мнѣ ни грозило, я не поколебалась бы слѣдовать за тобой, если хоть чѣмъ-нибудь могла быть тебѣ полезной. Но, если я только осложню ваше положеніе, то я не буду больше просить тебя взять меня съ собою. Меня томитъ предчувствіе чего-то недобраго и я не успокоюсь, пока не услышу, что вы во Франціи.

— Есть еще одна причина, которая заставляетъ тебя остаться здѣсь. Мое имущество, навѣрно, будетъ конфисковано и ты подашь отъ моего имени прошеніе королю.

— Это примиряетъ меня нѣсколько съ разлукою. Обѣщай мнѣ, если тебѣ удастся спастись, не принимать болѣе участія ни въ какихъ заговорахъ.

— Не могу тебѣ дать такого обѣщанія,—отвѣчалъ мужъ.—Не успокоюсь, пока не отомщу Вильгельму.

— Богъ не хочетъ того. Всѣ ваши планы терпятъ неудачу и обрушиваются на вашу же голову. Если вы будете идти по тому же пути, дѣло кончится вашею гибелью и конфискаціей вашего имущества.

— Ты меня не запугаешь,—отвѣчалъ онъ.—Я пойду до конца, будь, что будетъ.

— Ты похожъ на азартнаго игрока и все стараешься увѣрить себя, что судьба въ концѣ концовъ улыбнется тебѣ. Но я не имѣю такой увѣренности. Дѣло короля Іакова проиграно безповоротно. Сколько благородныхъ людей умереть теперь на плахѣ, какъ измѣнники!

— Попробую спасти ихъ и предупредить, чтобы они не дожидались назначеннаго на сегодняшній вечеръ собранія и бѣжали, мрачно отвѣчалъ сэръ Фенвикъ.

— Ты не поможешь имъ, а только будешь рисковать еще сильнѣе. Спасайся лучше самъ.

— Нѣтъ, я рѣшилъ идти непремѣнно. Можетъ быть, я встрѣчу тамъ Вальтера Кросби. Его поведеніе необъяснимо для меня.

— Не подозрѣвай его въ измѣнѣ!—вскричала лэди Марія.—За него я отвѣчаю тебѣ.

— Я и не подозрѣваю его. Однако, мнѣ нельзя оставаться здѣсь больше. Прощай!

Онъ нѣжно обнялъ жену. Лэди Марія собрала всѣ силы, чтобы сохранить спокойствіе, но рыданія невольно потрясли ея грудь.

Сэръ Джонъ бросился изъ комнаты.

Не обращая вниманія на опасность своего положенія, онъ рѣшился прежде, чѣмъ покинуть Лондонъ, побывать на главной квартирѣ заговорщиковъ. Спустившись по Темзѣ до Лондонскаго моста, онъ сошелъ на берегъ у Фишъ-Стритъ-Гилля и направился по Лиденголь-стриту.

Все было, повидимому, спокойно, но, войдя въ гостиницу, сэръ Джонъ по виду хозяина сейчасъ же догадался, что заговоръ открытъ.

— Дѣло плохо, сэръ Джонъ, очень плохо,—забормоталъ онъ.—Боюсь, что мы попадемъ въ большую бѣду.

— Я пришелъ предостеречь васъ, а оказывается, что меня ужъ предупредили.

— Я получилъ извѣстіе о томъ, что заговоръ открытъ, часа два тому назадъ черезъ посыльнаго отъ сэра Барклея,—сказалъ Бولدвинъ.—Вамъ извѣстно, что солдаты гвардіи короля Іакова, которыхъ сэръ Барклей привезъ съ собой, были помѣщены въ этомъ домѣ. Онъ прислалъ имъ порядочную сумму денегъ и приказалъ какъ можно скорѣе ѣхать во Францію.

— Они уже отправились?

— Нѣтъ еще, сэръ Джонъ. Джонсонъ и еще два-три лица, принимавшія участіе въ заговорѣ, тоже еще здѣсь, — отвѣчалъ Больдвинъ.

— Какая неосторожность!

— Никто изъ нихъ, повидимому, не боится. У насъ было столько ложныхъ тревогъ, что они не вѣрятъ теперь въ опасность.

— За это они жестоко заплатятся, Больдвинъ. Цѣль моего прихода сюда — предостеречь всѣхъ членовъ нашего кружка и предупредить, чтобы они не появлялись здѣсь.

— Я не знаю, удастся ли мнѣ разыскать даже третью часть ихъ, но во всякомъ случаѣ я сдѣлаю все, что могу. Позвольте, что это? — неожиданно спросилъ онъ, выглянувъ въ двери. — Къ намъ подходитъ отрядъ гренадеръ. Не выходите теперь, а то васъ схватятъ. Бѣгите на задній дворъ. Тамъ есть другой выходъ.

Увидѣвъ гренадеръ, сэръ Джонъ бросился въ переднюю того самого зала, гдѣ происходило собраніе. Здѣсь столпились восемь гвардейцевъ, привезенныхъ сэромъ Барклеемъ, отецъ Джонсонъ и капитаны Чарнокъ, Портеръ и Гилль.

— Враги ужъ здѣсь! — крикнулъ онъ. — Отрядъ гренадеръ входитъ въ ворота.

— Идемъ въ большой залъ! — закричалъ Чарнокъ. — Мы должны защищаться! Скорѣе, ребята!

Французскіе гвардейцы схватили свои мушкеты, забаррикадировали дверь и приготовились къ защитѣ.

— Ихъ отрядъ великъ? — спросилъ капитанъ Чарнокъ.

— Человѣкъ пятнадцать, — отвѣчалъ сэръ Джонъ. — Но если мы и отбросимъ ихъ, намъ все-таки нельзя будетъ выйти на улицу. Насъ тамъ непременно схватятъ.

— Но здѣсь есть задняя лѣстница, которая ведетъ на черный дворъ. Оттуда черезъ переулокъ мы можемъ скрыться, — воскликнулъ отецъ Джонсонъ. — Я бѣгу сейчасъ туда, и пусть всѣ слѣдуютъ за мной.

Съ этими словами онъ открылъ маленькую дверку въ глубинѣ комнаты, но никто не захотѣлъ послѣдовать его примѣру.

Въ теченіе нѣсколькихъ минутъ царила полная тишина. Вдругъ послышались глухіе удары: очевидно кто-то стучалъ въ дверь прикладомъ.

— Немедленно отворите дверь, — послышался повелительный голосъ: — откройте дверь, иначе мы ее выломаемъ.

— Кто здѣсь? — спросилъ сэръ Джонъ.

— Гренадеры его величества. Мы знаемъ, что здѣсь собрались измѣнники и мятежники. Еще разъ приказываю отворить дверь, иначе пеняйте на себя.

Французскіе гвардейцы отвѣтили смѣхомъ.

Раздраженный такимъ вызывающимъ образомъ дѣйствій, офицеръ приказалъ своимъ гренадерамъ выломать дверь. Но едва они

принялись за дѣло, какъ грянулъ залпъ. Пули пробили доски двери, и нападавшіе бросились прочь.

Опомнившись, гренадеры рѣшились вломиться силою. Потребовавъ въ третій разъ, чтобы мятежники открыли дверь, и не получивъ на это отвѣта, гренадеры быстро выломали дверь.

Комната была пуста.

XVII.

Среди болотъ и во дворцѣ.

Исчезнувъ черезъ заднюю дверь гостиницы «Королевы», сэръ Джонъ наскоро далъ кое-какія приказанія французскимъ гвардейцамъ и успѣлъ сказать нѣсколько словъ капитану Чарноку. Послѣ этого онъ разстался съ отрядомъ и, перейдя Лондонскій мостъ, быстро пошелъ по Лай-стриту, направляясь къ гостиницѣ «Табарда».

На дворѣ этой старинной и славной гостиницы онъ встрѣтился съ капитаномъ Чарнокомъ, вскорѣ подошли и гвардейцы.

Приказавъ имъ войти внутрь гостиницы и держаться какъ можно тише, онъ отвелъ капитана въ конюшню, гдѣ они могли говорить, не привлекая на себя вниманія, и сказалъ:

— Вамъ, кажется, извѣстно, что у меня есть домъ въ Ромни-Марчъ, недалеко отъ морского берега. Оттуда во всякое время можно отправиться моремъ въ Дюнкирхенъ или Кале.

— Я знаю, сэръ Джонъ, — отвѣчалъ Чарнокъ. — Хотя я самъ тамъ не бывалъ, но слышалъ объ этомъ отъ нѣкоторыхъ моихъ друзей, которые рассказывали мнѣ объ этихъ мѣстахъ.

— Если вы согласны, то мы можемъ отправиться туда вмѣстѣ.

— Благодарю васъ. Надѣюсь, что мое общество не навлечетъ на насъ какой-нибудь новой опасности.

— Конечно, нѣтъ, — возразилъ сэръ Джонъ. — У меня здѣсь нѣсколько прекрасныхъ лошадей, и я вамъ дамъ одну. Я хочу взять съ собою двухъ гвардейцевъ. Всѣхъ взять съ собою будетъ опасно.

— Это вѣрно. Такой отрядъ не замедлитъ привлечь на себя вниманіе и вызоветъ за собою погоню.

Въ это время показался громъ.

— Здѣсь сэръ Барклей, Веберъ? — спросилъ сэръ Фенвикъ.

— Онъ былъ здѣсь часа два тому назадъ, — отвѣчалъ съ поклономъ громъ. — Теперь онъ уже на полдорогѣ къ Аппльдору.

— Отлично. Не теряя времени, я поспѣшу вслѣдъ за нимъ. Нужно будетъ лошадей для меня, капитана Чарнока и двухъ гвардейцевъ. Ихъ останется здѣсь еще десять человѣкъ, но остальные двинутся позднѣе.

— Я долженъ оставаться здѣсь и смотрѣть за ними?

— Да. Надѣюсь, что ты доставишь ихъ благополучно въ Марчъ.

— Приложу всѣ старанія. Прикажете явиться сегодня ночью?

— Да, И, пожалуйста, приведи скорѣе лошадей. Я хочу ѣхать сейчасъ же.

Приказаніе сэра Джона было исполнено немедленно. Веберъ привелъ четырехъ сильныхъ осѣдланныхъ лошадей.

Подвигаясь рысью и почти не дѣлая остановокъ, всадники мѣнѣе чѣмъ въ два часа достигли Аппльдора.

Передъ ними разстиались неизмѣримыя болота, лежація вдоль морского берега. Капитанъ Чарнокъ и французскіе гвардейцы, которымъ раньше не приходилось видѣть ничего подобнаго, были поражены и подавлены.

Съ возвышенности, на которую они въѣхали, передъ ними открывалась вся эта мѣстность до Димчерча въ одну сторону и Нью-Ромни въ другую.

Пересѣченная безчисленными плотинами, рѣка Ротеръ, запертая высокими берегами, искусственно поднятыми для предупрежденія наводненій, медленно катила свои воды по плоской пустынной равнинѣ; лѣсовъ совсѣмъ не было видно, и вся мѣстность, особенно въ этотъ часъ, имѣла самый дикій и печальный видъ.

Кое-гдѣ на равнинѣ виднѣлись небольшія старинныя церковки и маленькія деревушки съ десяткомъ хижинъ. Рѣдко-рѣдко можно было различить зданіе покруинѣе, какой-нибудь помѣщичій домъ или ферму.

Общій видъ мѣстности отличался унылымъ колоритомъ, несмотря на то, что стада овецъ и рогатаго скота попадались довольно часто, а воздухъ былъ наполненъ морскими птицами, которыя оглашали окрестность своими пронзительными криками.

— Какъ вамъ нравится Ромни-Марчъ?—спросилъ сэръ Джонъ своего спутника.

— Удручающее мѣсто! Какое счастье, что я не осужденъ на постоянное житіе здѣсь.

— А мнѣ нравится пустынный характеръ мѣстности,—замѣтилъ сэръ Джонъ.—Какъ ни печальна эта мѣстность, но я люблю свое Ромни.

— Домъ отсюда видно?—спросилъ Чарнокъ.

— Я могу указать отсюда мое имѣніе, но дома не видно. До него еще около шести миль. Надо, однако, ѣхать поскорѣе, иначе насъ захватитъ темнота прежде, чѣмъ доберемся до него.

И, давъ шпоры конямъ, они поскакали вдоль плотины, которая перерѣзывала равнину.

Быстро спускался вечерній сумракъ. Было еще, однако, довольно свѣтло, и путники могли различать мѣстность. Мало-по-малу, однако, окружающіе предметы стали принимать фантастическій видъ. Капитанъ Чарнокъ, не свободный, какъ и большинство людей, отъ суевѣрнаго страха, сознался, что онъ никогда не испытывалъ такихъ жуткихъ впечатлѣній.

— Можно подумать, что тамъ бродятъ бѣсы,—сказаль онъ, указывая на мелькавшіе въ отдаленіи огоньки.

— Это болотные огни,—замѣтилъ сэръ Фенвикъ.

Становилось все темнѣе и темнѣе. Болота сдѣлались совсѣмъ черными, и только кое-гдѣ поблескивала вода.

Наконецъ, сдѣлавъ нѣсколько поворотовъ по какой-то безлюдной дорогѣ, они добрались до обширнаго, уединенно стоявшаго зданія.

Насколько можно было разсмотрѣть въ темнотѣ, то былъ старый домъ съ большими трубами, окруженный широкимъ рвомъ, черезъ который былъ перекинутъ деревянный мостъ.

Можно было бы подумать, что домъ совсѣмъ необитаемъ, если бы не легкій свѣтъ въ его окнахъ.

— Наконецъ-то мы у цѣли нашего путешествія. Вотъ и мой Херстъ-Плэсъ,—сказаль сэръ Фенвикъ.

Хотя пребываніе въ такомъ домѣ не сулило веселья, капитанъ Чарнокъ все-таки былъ очень радъ, что удалось наконецъ добраться до мѣста.

Въѣхавъ на мостъ, сэръ Джонъ вынулъ изъ кармана свистокъ и громко свистнулъ. Ворота отворились. Показался человекъ съ фонаремъ. Изъ конюшенъ прибѣжали два конюха. Одинъ изъ нихъ былъ также съ фонаремъ.

— Есть здѣсь кто-нибудь, Джеффри?—спросилъ сэръ Джонъ, подвѣзая къ крыльцу.

— Я здѣсь,—раздался знакомый голосъ сэра Барклея.—Я приѣхалъ сюда часа два тому назадъ, и радъ, что и вы добрались сюда благополучно. Кто это съ вами?

— Капитанъ Чарнокъ.

Сойдя съ коня и сдѣлавъ всѣ необходимыя распоряженія, сэръ Джонъ Фенвикъ повелъ капитана Чарнока въ столовую, гдѣ уже сидѣлъ сэръ Барлей. Джеффри быстро принесъ ветчины и яицъ. Бутылка превосходнаго бургундскаго довершила ужинъ обоихъ бѣглецовъ.

Устроившись съ возможнымъ въ такихъ обстоятельствахъ комфортомъ, хозяинъ и гости стали обсуждать планъ бѣгства.

— Относительно судовъ намъ повезло,—сказаль сэръ Барлей.—Здѣсь въ Нью-Ромни есть три шлюпки, которыя могутъ доставить насъ въ Дюнкирхенъ, въ Кале или куда мы имъ прикажемъ. Я не знаю, друзья, вашихъ намѣреній, но, по-моему, мы должны бѣжать какъ можно скорѣе. Я послалъ сказать, что я сяду на шлюпку сегодня ночью, а завтра рано утромъ мы поднимаемъ паруса. Совѣтую и вамъ присоединиться ко мнѣ.

— Я не могу двинуться такъ скоро,—возразилъ сэръ Джонъ.— Не думаю, чтобы здѣсь грозила намъ какая-нибудь опасность.

— Было бы лучше ѣхать, не теряя времени,—продолжалъ настаивать сэръ Джорджъ.—Мало ли что можетъ случиться, чего мы и не предвидимъ.

— Я не боюсь,—отвѣчалъ сэръ Фенвикъ.—Оставьте двухъ гвардейцевъ со мною. Я переправлю весь ихъ отрядъ, если другіе подъѣдутъ во время. Если же они опоздаютъ, то мнѣ придется распорядиться насчетъ ихъ отъѣзда уже потомъ.

Сэръ Джорджъ обратился къ капитану и спросилъ, поѣдетъ ли онъ съ нимъ.

— Нѣтъ, я хочу подождать сэра Джона. Спѣшить нечего,—отвѣчалъ Чарнокъ.

Черезъ часъ сэръ Джорджъ, подкрѣпившись на дорогу стаканомъ вина, ѣхалъ уже въ сопровожденіи конюха въ Нью-Ромни. Тамъ онъ благополучно сѣлъ въ одну изъ шлюпокъ.

Ночью въ Херстъ-Плэсъ прибылъ Веберъ съ отцомъ Джонсономъ и остальными гвардейцами.

Днемъ Херстъ-Плэсъ представлялъ довольно любопытный домъ. Выстроенный почти исключительно изъ дуба и крытый дранью, онъ отлично сохранился. Несмотря на сѣдую древность, это зданіе обѣщало простоять безъ поправокъ еще нѣсколько столѣтій.

Широкій ровъ наполнялся водою изъ рѣки Ротера, такъ что, въ случаѣ надобности, можно было проѣхать по немъ и на лодкѣ.

Мѣстность вокругъ дома была совершенно безлюдна. Почти на милю кругомъ не было ни жилища, ни дерева. Домъ былъ, очевидно, очень древній; его постройка относилась ко временамъ Эдуарда IV. Все это приводило въ восторгъ отца Джонсона, который охотно остался бы здѣсь на мѣсяць-другой, но объ этомъ, конечно, нельзя было и думать.

На другой день утромъ сэръ Джонъ отправился въ Нью-Ромни, чтобы нанять тамъ судно. Съ нимъ поѣхали капитанъ Чарнокъ и отецъ Джонсонъ, но изъ слугъ онъ взялъ съ собою только Вебера.

Городокъ Нью-Ромни ко времени нашего разсказа считался довольно зажиточнымъ и, когда теченіе рѣки Ротера послѣ одной сильной бури перемѣнило свое русло, приобрѣлъ даже большее значеніе, чѣмъ настоящей Ромни. На рейдѣ стояло нѣсколько кораблей, но сэръ Джонъ ограничился лишь тѣмъ, что посмотрѣлъ на нихъ издали. Наемъ для себя шлюпки и вообще всѣ приготовленія къ отъѣзду онъ возложилъ на Вебера.

Пока тотъ хлопоталъ о томъ, чтобы все было готово къ ночи, сэръ Джонъ со спутниками направились въ старинную церковь св. Николая. Дождавшись здѣсь Вебера, они всѣ вмѣстѣ двинулись обратно въ Херстъ-Плэсъ.

Имъ и въ голову не приходило, что за ними тщательно слѣдили и что сзади на нѣкоторомъ разстояніи осторожно ѣхалъ отрядъ голландскихъ драгунъ подъ предводительствомъ капитана Бриджа.

Бриджъ, конечно, могъ легко арестовать сэра Джона и его спутниковъ въ городѣ, но онъ предпочелъ осложнить все дѣло, правильно расчитавъ, что такъ для него будетъ выгоднѣе.

Не доѣзжая до Херстъ-Плэса ярдовъ двѣсти, капитанъ Чарпокъ случайно оглянулся и замѣтилъ, что какой-то отрядъ на рысяхъ быстро нагоняетъ ихъ. Это его чрезвычайно встревожило.

— За нами погоня!—воскликнулъ онъ.

— Это Бриджъ съ его драгунами!—сказалъ сэръ Джонъ.

Какъ можно скорѣе бросились они черезъ ровъ.

— Поднять сейчасъ же мостъ!—распорядился сэръ Джонъ.— Вывести сюда французскихъ гвардейцевъ.

Когда явились гвардейцы съ мушкетами, Бриджъ былъ уже у воротъ. Онъ, очевидно, не зналъ, что въ домѣ были сдѣланы приспособленія для защиты, и остановился не далѣе, какъ ярдахъ въ двадцати отъ него.

— Теперь я поймалъ васъ, сэръ Джонъ!—закричалъ онъ.— Именемъ короля приказываю вамъ сдаться. Убѣжать отсюда вы не можете.

— Вы думаете?—крикнулъ сэръ Фенвикъ.—Я на этотъ счетъ другого мнѣнія. Я не сдамся, пока могу здѣсь держаться. Но прежде всего я хотѣлъ бы сказать вамъ нѣсколько словъ. Можетъ быть, вы подѣдете къ мосту, чтобы мы могли слышать другъ друга.

— Дайте мнѣ честное слово, что мнѣ не будетъ причинено никакого вреда,—отвѣчалъ Бриджъ.

Заручившись обѣщаніемъ, Бриджъ подѣхалъ къ мосту.

— Я думаю, что мы можемъ скоро сговориться, капитанъ Бриджъ,—сказалъ Фенвикъ.—Я знаю, что вы человѣкъ умный, съ которымъ нечего попусту тратить слова. Не лучше ли намъ столкнуться?

— Говоря откровенно, я отъ этого не прочь,—сказалъ Бриджъ.— Но не знаю, какъ это сдѣлать.

— Нужно только столкнуться, остальное сдѣлать не трудно.

— Вамъ придется хорошенько заплатить, сэръ Джонъ,—сказалъ Бриджъ, понижая голосъ.

— Заплатить я готовъ,—такъ же тихо сказалъ Фенвикъ.—Но надо включить въ сдѣлку и всѣхъ тѣхъ, кто здѣсь находится со мною.

— Противъ этого я ничего не имѣю,—отвѣчалъ Бриджъ.—Не могу только выпустить сэра Джорджа Барклея.

— Сэръ Джорджъ уже бѣжалъ, такъ что о немъ говорить нечего.

— Отлично. Тогда мы условимся въ домѣ. Мнѣ нужно войти къ вамъ. Ваше исчезновеніе должно совершиться ночью и должно имѣть видъ побѣга.

— Эта мысль мнѣ нравится,—сказалъ сэръ Джонъ.—Только бы привести ее въ исполненіе.

— Предоставьте дѣйствовать мнѣ,—отвѣчалъ Бриджъ.—Можете положиться на меня: я васъ спроважу отсюда. Но не слѣдуетъ подавать и виду передъ моими людьми.

— Я понимаю. Здѣсь больше разговаривать не нужно. Опустите мостъ,—сказаль онъ слугамъ.

Мостъ былъ спущенъ. Но какъ только драгуны проѣхали по нему, онъ былъ опять поднятъ, такъ что весь отрядъ Бриджа оказался отрѣзаннымъ.

Сэръ Фенвикъ наскоро объяснилъ друзьямъ положеніе дѣла. Капитанъ Чарнокъ даль совѣтъ не платить Бриджу до тѣхъ поръ, пока этотъ хитрый капитанъ не выпуститъ ихъ на свободу.

— Я подозрѣваю, что онъ хочетъ провести насъ,—сказаль онъ.—Мы теперь сдѣлались его плѣнниками и такъ какъ онъ вдвое сильнѣе насъ, то, очевидно, онъ можетъ держать насъ здѣсь до тѣхъ поръ, пока найдете нужнымъ.

— Я лучше знаю его. На взятку онъ всегда пойдетъ и не захочетъ терять тысячу фунтовъ.

Когда капитанъ Бриджъ вошелъ въ комнату, по выраженію его лица всѣ поняли, что появленіе это не предвѣщаетъ ничего хорошаго.

— Сэръ Джонъ,—обратился онъ къ хозяину:—къ крайнему сожалѣнію, я долженъ объявить вамъ, что я не могу способствовать вашему бѣгству.

— Почему же?—тревожно спросилъ Фенвикъ.—Сумма мала, что ли? Если такъ, то назначайте сами.

— Ошибаетесь, сэръ Джонъ,—сказаль Бриджъ.—Я могъ бы, конечно, отпустить васъ и вашихъ друзей за тысячу фунтовъ, но для васъ это будетъ бесполезно, и вы только попадете въ ловушку. Мой лейтенантъ Клейтонъ донесъ мнѣ, что отдано уже распоряженіе арестовать васъ всѣхъ, когда вы будете садиться на шлюпку въ Нью-Ромни.

— Вотъ несчастье!—воскликнули арестованные.

— Сэръ Джорджъ Барклей ускользнулъ сегодня ночью,—продолжалъ Бриджъ.—Это подняло на ноги береговую стражу, и она рѣшила, что второй разъ ее уже не проведутъ. Если вы появитесь тамъ сегодня ночью, васъ непременно схватятъ и вамъ придется гораздо хуже, чѣмъ здѣсь.

— Слишкомъ поздно!—воскликнулъ Фенвикъ.—Что за безуміе было оставаться здѣсь! Отчего я не поѣхаль ночью съ сэромъ Барклеемъ!

— Да, это было бы лучше,—замѣтилъ Бриджъ.—Теперь тревога уже распространилась, и каждое судно, идущее изъ Нью-Ромни, подвергается обыску. Такимъ образомъ, при всемъ желаніи спасти васъ, я ничего не могу сдѣлать.

— Благодарю васъ за ваши добрыя чувства ко мнѣ, капитанъ Бриджъ,—сказаль сэръ Фенвикъ.—Но вы не будете ничего имѣть противъ, если я все-таки сдѣлаю попытку бѣжать?

— Она будетъ совершенно бесполезна, сэръ Джонъ,—отвѣчалъ капитанъ.

— Вы забываете, что у меня есть десятокъ французскихъ гвардейцевъ?

— Нѣтъ, они всѣ уже арестованы.

— Какъ арестованы?

— Я распорядился арестовать ихъ во избѣжаніе напраснаго кровопролитія,—сказалъ Бриджъ.—Теперь они заперты подъ стражей въ сараѣ.

— Стало бытъ, никакой помощи отъ нихъ ждать нельзя, и намъ остается только покориться своей участи,—промолвилъ отецъ Джонсонъ.

— Позвольте мнѣ предложить вамъ одинъ вопросъ, капитанъ Бриджъ. Могу я написать моей женѣ и извѣстить ее о моемъ арестѣ? Я могъ бы послать это письмо съ моимъ вѣрнымъ слугою Веберомъ.

— Не знаю, въ правѣ ли я это сдѣлать,—сказалъ Бриджъ:—но такъ и быть, беру это на свою отвѣтственность. Пусть Веберъ отвезетъ ваше письмо вашей супругѣ.

Поблагодаривъ капитана за любезность, сэръ Джонъ, захвативъ съ собой священника, отправился писать письмо. Отецъ Джонсонъ совѣтовалъ написать его очень осторожно и не упоминать ничего объ арестѣ. Но неосторожный баронетъ не послушалъ его совѣта и, рассказавъ все, какъ было, просилъ жену приложить всѣ усилія, чтобы спасти его. Онъ рекомендовалъ ей, между прочимъ, добиться свиданія съ королемъ и тѣмъ самымъ какъ бы сознавался въ своей виновности.

Какъ ни просилъ его отецъ Джонсонъ не посылать этого компрометирующаго письма, сэръ Фенвикъ настоялъ на своемъ.

Письмо было вручено Веберу въ присутствіи капитана Бриджа, который далъ ему хорошую лошадь и позволилъ ему безпрепятственно выѣхать изъ Херстъ-Плэса. Но недалеко уѣхалъ Веберъ: въ Апшльдорѣ его задержали, письмо отъ него было отобрано и сейчасъ же отправлено къ тогдашнему министру внутреннихъ дѣлъ графу Шрусбери.

Самъ Веберъ былъ оставленъ на свободѣ и продолжалъ свой путь. Около девяти часовъ утра онъ пріѣхалъ въ городъ и немедленно направился къ дому на Сентъ-Джемской площади. Лэди Марія приняла его сейчасъ же. Увидавъ его, она сразу поняла, что онъ привезъ плохія вѣсти. Но безпокойство ея еще болѣе увеличилось, когда она узнала, что письмо ея мужа перехвачено и отправлено графу Шрусбери.

— Боюсь, что это письмо надѣляетъ большого вреда,—сказалъ Веберъ.—По нѣкоторымъ замѣчаніямъ отца Джонсона, которыя мнѣ удалось услышать, сэръ Джонъ сказалъ въ немъ, очевидно, больше, чѣмъ нужно было. Я знаю, что въ письмѣ онъ между прочимъ просилъ васъ всячески похлопотать за него и добиться свиданія съ его величествомъ.

— Зачѣмъ онъ писалъ объ этомъ! Почему не поручилъ передать это устно!—воскликнула лэди Марія.

— Такъ было бы гораздо лучше,—согласился Веберъ.—Но я подозрѣваю, что капитанъ Бриджъ нарочно предложилъ ему написать письмо, а потомъ велѣлъ отобрать письмо въ Ашльдорфъ и отправить его графу Шрусбери.

— Я сегодня же поѣду въ Кенсингтонскій дворецъ,—сказала лэди Марія.—Прикажите заложить карету. Черезъ десять минутъ я буду готова.

Карета была подана немедленно, и лэди Марія отправилась къ королю. Веберъ помѣстился на козлахъ. Скоро экипажъ подѣхалъ къ подѣзду дворца, откуда вышелъ дежурный привратникъ.

По его манерѣ держать себя видно было, что онъ уже зналъ объ арестѣ сэра Джона.

— Графъ Шрусбери теперь въ кабинетѣ короля,—сказалъ онъ, подойдя къ экипажу.—Поэтому я не могу сказать, изволить ли его величество принять васъ. Но если вамъ угодно будетъ сойти, я отведу васъ въ пріемную и, какъ только можно будетъ, сообщу вамъ отвѣтъ его величества.

Лэди Марія, выйдя изъ экипажа, поднялась по лѣстницѣ въ первую изъ цѣлой амфилады комнатъ. Привратникъ, поклонившись, оставилъ ее одну.

Едва она успѣла овладѣть собою, какъ дверь открылась и, къ величайшему ея изумленію, въ комнату вошелъ Вальтеръ Кросби.

— Я вижу, что вы удивлены, видя меня здѣсь,—началъ онъ.—Вы, конечно, думаете, что я измѣнилъ нашему дѣлу. Но я здѣсь плѣнникъ, задержанный на честное слово, и долженъ оставаться, пока король не разрѣшитъ мнѣ уѣхать.

— О, если бъ мой мужъ былъ такъ же счастливъ!—вскричала лэди.—Боюсь, однако, что если король не пощадитъ его, то онъ лишится головы.

— Не буду скрывать отъ васъ, лэди,—сказалъ Вальтеръ:—что жизнь сэра Джона въ его собственныхъ рукахъ. Онъ можетъ получить прощеніе отъ короля, но только съ тѣмъ условіемъ, что сдѣлаетъ разоблаченія относительно своей партіи.

— Другими словами, вы хотите сказать, что для спасенія себя сэръ Джонъ долженъ предать своихъ друзей. Я думала, что вы лучшаго мнѣнія о моемъ мужѣ. Никогда онъ не захочетъ спасти свою жизнь на такихъ условіяхъ. Да и разоблаченія дѣлать не зачѣмъ: вѣдь заговорщики всѣ извѣстны.

— Король на этотъ счетъ другого мнѣнія. Его величество думаетъ, что въ заговорѣ принимаютъ участіе нѣсколько важныхъ лицъ, извѣстныхъ сэру Джону, которыя должны быть отданы въ руки правосудія.

КНИЖНЫЯ НОВОСТИ

МАГАЗИНОВЪ

„НОВАГО ВРЕМЕНИ“

А. С. СУВОРИНА

(С.-Петербургъ, Москва, Харьковъ, Одесса, Саратовъ и Ростовъ н.-Д.)

«Книжныя Новости» магазиновъ «Новаго Времени» (ежемѣсячные списки вновь поступающихъ въ магазины «Новаго Времени» книгъ) выдаются въ магазинахъ и изъ шкафовъ А. С. Суворина на станціяхъ желѣзныхъ дорогъ бесплатно, пересылка въ теченіе года 25 коп. (можно марками).

Нижепоименованныя, а также и другія, находящіяся въ продажѣ русскія книги можно выписывать черезъ книжные шкафы А. С. Суворина на желѣзныхъ дорогахъ.

ВЪ АПРѢЛѢ 1910 г. ПОСТУПИЛИ НОВЫЯ КНИГИ.

№ 5-й.

Богословіе.

Бернасовскій, Н. Вабизмъ, исторія возникновенія и его развитіе. Тифлисъ. 1909. Ц. 10 к.

Юна, архимандритъ. Свѣтъ съ Востока. Вып. 3-й. Спб. Ц. 30 к.

Одигитріевскій, Н. Отвѣтъ мусульманину на его возраженія противъ христіанства. Малмыжъ. 1910. Ц. 1 р.

Стеллецкій, Н. Введеніе въ нравственное богословіе. Харьковъ. 1910. Ц. 1 р. 25 к.

Толкованіе на книгу «Исходъ». Г. Х. М. Спб. 1910. Ц. 70 к.

Филевскій, І. Цельсь и Оригенъ. Х. 1910. Ц. 50 к.

Чельцовъ, М. О вѣрѣ и невѣрїи. Ч. 1-я. Основныя религіозныя истины. Спб. 1910. Ц. 65 к.

Философія, психологія, логика.

Вольфонъ, Вл. Левъ Толстой о половой жизни и любви. Спб. 1910. Ц. 1 р.

Вороновъ, Н. Эфирныя волны и сознаніе. М. 1910. Ц. 50 к.

Вундъ, В. О наивномъ и критическомъ реализмѣ. Имманентная философія и эмпириовритицизмъ. М. 1910. Ц. 2 р.

Джексъ, У. Бесѣды съ учителями о психологіи. М. 1910. Ц. 50 к.

Свѣтъ Египта или наука о душахъ и о звѣздахъ. Вязьма. 1910. Ц. 2 р. 25 к.

Смайльсъ, С. Саморазвитіе (самодѣятельность) умственное, нравственное и практическое съ дополнительною статью «Русскіе дѣятели». Изд. 3-е. Спб. 1910. Ц. 1 р.

Somme г, R. Криминальная психологія и судебная психопатологія. Спб. 1909. Ц. 2 р.

Теософія и Богостроительство. Спб. 1910. Ц. 25 к.

Толстой, Л. Кругъ чтенія. Т. 1-й. М. 1910. Ц. 1 р. 30 к.

Труды второго Всероссийскаго Съѣзда по педагогической психологіи въ Спб. въ 1909 г. Отчетъ составленный М. И. Коновымъ и А. И. Неклюдовой и Н. Е. Румянцевъ. Спб. 1910. Ц. 1 р. 50 к.

Фреймаркъ, Г. Оккультизмъ и сексуальность. М. 1910. Ц. 2 р.

«истор. вѣстн.», м.а.в., 1910 г., т. с.хх.

1/225

Словесность, исторія литературы, критика и библиографія.

- Амфитеатровъ, А. Современники. М. 1910. Ц. 1 р.
- Базаровъ, В. Орловскій, П., Фриче, В. и Шулатниновъ, В. Изъ исторіи новѣйшей русской литературы. М. 1910. Ц. 1 р. 75 к.
- Гротъ, К. Празднованіе лицейскихъ годовщинъ при Пушкинѣ и послѣ него. Спб. 1910. Ц. 30 к.
- Извѣстія отдѣленія русскаго языка и словесности Императорской Академіи Наукъ 1909 г. Т. XIV, книжка 2 и 3. Спб. 1910. Ц. кажл. кн. 1 р. 60 к.
- Исторія русской литературы подъ ред. проф. А. Вороздяна. Т. 1-й. Русская литература до XIX вѣка. М. 1910. Ц. 6 р.
- Источники словаря русскихъ писателей. Собралъ С. А. Венгеровъ. Т. II. Гогоцкая—Карамзинъ. Спб. 1910. Ц. 4 р.
- Куммъръ, Ф. О сѣбѣ литературныхъ поколѣній и литературныхъ кумировъ. М. 1910. Ц. 25 к.
- Лернеръ, Н. Вѣлинскій. Критико-биографическій очеркъ. М. 1910. Ц. 50 к.
- Памяти В. А. Жуковскаго и Н. В. Гоголя. В. 3. Спб. 1909. Ц. 2 р.
- Пушминъ и его современники. Матеріалы и изслѣдованія. Выпускъ 12-й. Спб. 1909. Цѣна 75 коп.
- Чуковский, М. И. Натъ Пинкертонъ и современная литература. II. «Куда мы пришли?» М. 1910. Ц. 60 к.

Беллетристика, поэзія и драматическія произведенія.

- Альманахъ для всѣхъ. Книга первая. Н. Архиповъ, А. Ремизовъ, Ф. Сологубъ, О. Дымовъ, Гр. А. Толстой, Г. Чулковъ. Спб. 1910. Ц. 60 к.
- Блехъ, В. Три года. Комедія въ 3 д. и 6 карт. М. 1910. Ц. 1 р. 25 к.
- Вѣнскій, Е. «Мое копыто». Литературные шаржи, карикатуры, пародіи. Спб. 1910. Ц. 97 к.
- Гамсукъ, К. Собраніе сочиненій. Т. 12-й. Подъ осенними звѣздами. Спб. 1910. Ц. 1 р. 25 коп.
- Гернень, Е. Лирическая стихотворенія. В. I. Казань. 1909. Ц. 60 к.
- Гешинъ, Е. Въ роковомъ кругу. Очерки. Спб. 1910. Ц. 40 к.
- Гнѣдичъ, П. Передъ зарею. Картины старыхъ дней, въ 4 дѣйств. Спб. 1910. Ц. 1 р.
- Гурзуфскій, М. Занялася заря. Стихотворенія и поэмы. Спб. 1910. Ц. 75 к.
- Гусевъ-Оренбургскій, С. Разказы. Спб. 1910. Ц. 50 к.
- Гюи-де-Мопассанъ. Полное собраніе сочиненій. Т. 10-й. Ненужная красота и др. разказы. Спб. 1910. Ц. 1 р.
- Тоже. Ц. 30 к.
- Де-ля-Водеръ, Ж. Двуполые. Ромѣнъ. Спб. 1910. Ц. 1 р. 50 к.
- Дымовъ, О. Разказы. Кн. 1-я. Спб. 1910. 1 р. 25 к.
- Нѣребцовъ, В. Таблица подсудности уголовныхъ дѣлъ. Саратовъ. 1910. Ц. 20 к.
- Нязевъ, В. Сатирическія пѣсни. Спб. 1910. Ц. 30 к.
- Крыжановская, В. (Рочестеръ). Адскія чары. (Оккультный романъ). Спб. 1910. Цѣна 1 р. 60 к.
- Лагерлефъ, С. Полное собраніе сочиненій. Т. 7-й. Иерусалимъ. Часть 1-я. М. 1910. Ц. 1 р.
- Лоти, П. Рынокъ любви. Спб. 1910. Ц. 1 р.
- Рамунчо. М. 1910. Ц. 1 р.
- Минъева, Е. Стихотворенія. Спб. 1910. Цѣна 1 р. 75 к.
- Миртовъ, О. Мертвая зыбь. Романъ. Спб. 1910. Ц. 1 р. 25 к.
- Мольеръ. Полное собраніе сочиненій подъ редакціей П. И. Вейнберга и П. В. Выкова. Томъ 1, 2 и 3, Спб. 1910. Ц. по 1 р. 25 к.
- Надеждинъ, С. Дуэль. Драматическій этюдъ въ 1 д. Спб. 1910. Ц. 50 к.
- Нилусть, П. Разказы. М. 1910. Ц. 1 р.
- Общественскій литературный сборникъ. М. 1910. Ц. 1 р.
- Огни. Литературный альманахъ памяти В. Васкина. Спб. 1910. Ц. 1 р. 25 к.
- Окуличъ-Ониша, С. Гибель культуры. Симфонія-стихи. М. 1910. Ц. 50 к.
- Олигеръ, Н. Разказы. М. 1909. Ц. 1 р. 25 к.
- Пальгунъ, С. На 15-лѣтіе царствованія на Всероссійскомъ Престолѣ Его Величества Государя Императора Николая II. Стихотвореніе. Ц. 10 к.
- Паперъ, М. Парусъ. Стихи. М. 1910. Ц. 50 к.
- Полевой, П. Сочиненія. Томъ I. На роковомъ просторѣ. Спб. Ц. 1 р.
- Ратгаузъ, Д. Полное собраніе стихотвореній. Т. 3-й. Тоска бытія. Спб. 1910. Ц. 1 р. 50 к.
- Рейтеръ, Г. Везъ обручальнаго кольца. Романъ. М. 1910. Ц. 1 р.
- Роденбахъ, Ж. Призваніе. М. 1910. Ц. 1 р.
- Рославлевъ, А. Карусели. Книга стиховъ. Спб. 1910. Ц. 1 р.
- Ростанъ, Э. Шантеклеръ. Пьеса въ 4 д. въ стихахъ. Перев. А. Н. Вознесенскаго и Н. Чернова. М. 1910. Ц. 1 р.
- Тоже. Переводъ Щепкиной-Куперникъ. Т. М. 1910. Ц. 1 р. 50 к.
- * Рудичъ, В. Въ осеній полдень. Стихотворенія. Изданіе А. С. Суворина. Спб. 1910. Ц. 60 к.
- Сатирическій альманахъ. Казанскіе интенданты. Ц. 15 к.
- Сенковичъ, Г. Въ омутѣ жизни. Романъ. М. 1910. Ц. 1 р.
- Стернъ, А. Сочиненія. Т. 2-я. Выродокъ. Повѣсти и разказы. Спб. 1910. Ц. 1 р.

Стунтѣвъ, А. Очерки и наброски. Смоленскъ. 1910. Ц. 75 к.
 Сѣверцевъ-Полиловъ, Г. Ошибки. Мелкіе рассказы. 1910. Ц. 80 к.
 Узлльсъ, Д. Собраніе сочиненій. Т. 6. Пища боговъ. Спб. 1910. Ц. 1 р. 25 к.
 Хардтъ, Э. Шуть Тантрисъ. Драма въ 5 акт. Спб. 1910. Ц. 3 р.
 Хернъ, Л. Душа Японіи. Изъ сборниковъ Кокоро, Кью-Шу и Ицумо. Перев. Лоріе. М. 1910. Ц. 1 р. 50 к.
 Черный Саша. Сатиры. Спб. 1910. Ц. 1 р.
 Чулновъ, Г. Рассказы. Книга 2-я. Спб. 1910. Ц. 1 р. 25 к.

Эноутъ, Ж. Полное собраніе сочиненій. 1-й М. 1910. Ц. 1 р.
 Шлихтъ (графъ В. фонъ-Водиссенъ). «Подъ сѣнью побѣдныхъ знаменъ». Юмористическіе очерки и сатиры изъ быта германской арміи. Книга 1-я. Спб. 1910. Ц. 80 к.
 Юбилейный Сборникъ литературнаго фонда. 1859—1909. Спб. 1910. Ц. 3 р.
 Южннъ, Д. Изъ дневника артиста русской оперы. Рассказы, сцены и курьезы. М. 1910. Ц. 60 к.
 Ясинскій, І. Люди и нелюди. Рассказы. Спб. Ц. 20 к.
 — Отблески. Ц. 30 в.

Исторія, біографія и археологія.

Апушинъ, В. Русско-Японская война 1904—1905 г. М. 1910. Ц. 1 р. 75 к.
 Баженовъ, Н. Исторія московскаго Долгиза, нынѣ московской городской Преображенской больницы для душевно больныхъ. М. 1909. Ц. 3 р.
 Гершензонъ, М. Жизнь В. С. Печерина. М. 1910. Ц. 2 р. 50 к.
 Зайцевъ К. Къ вопросу о платежныхъ книгахъ и платежницахъ. Спб. 1909. Ц. 15 к.
 Киевская Русь. Сборникъ статей, подъ ред. В. Н. Сторожева. Т. 1-й. М. 1910. Ц. 2 р. 75 к.
 Книга русской сборби. Т. 5-й. Спб. 1910. Ц. 40 к.
 Нулшерь, І. Лекціи по исторіи экономическаго быта Западной Европы. Спб. 1910. Ц. 2 р. 50 к.
 Нулзминъ, А., Рейтернъ, В. бар. Нольнень, М. X. Рейтернъ. Біографическій очеркъ. Спб. 1910. Ц. 1 р. 20 к.
 Нунцевичъ, Г. Сказаніе о послѣднихъ дняхъ жизни митрополита Макарія. Спб. 1910. Ц. 40 к.
 Незабвенному Владимиру Васильевичу Стасову. Сборникъ воспоминаній. Спб. 1910. Ц. 3 р.
 Негушмилъ И., проф. Лекціи по римской исторіи. Тома I до Гравховъ. X. 1909. Ц. 1 р. 20 в.
 — Т. II отъ Гравховъ до Клавдія Ц. 1 р.
 — В. III до паденія Западно-Римской Имперіи. Ц. 1 р.
 — Римская историографія. Введеніе въ

лекціямъ по римской исторіи. X. 1909. Ц. 80 в.
 Павловъ-Сильванскій, Н. Феодализмъ въ Удѣльной Руси. I. Община и боярщина. II. Феодальная учрежденія. Спб. 1910. Ц. 2 р. 50 к.
 Памятники законодательства Петра Великаго. М. 1910. Ц. 80 к.
 Первый царь. Историческій этюдъ М. Р. Спб. 1910. Ц. 75 к.
 Рѣчи, произнесенныя въ торжественномъ засѣданіи въ память Императора Александра III 26 мая 1909 г. обществомъ Ревнителей русскаго историческаго просвѣщенія въ память императора Александра III, Славянскаго благотворительнаго, русскаго окранныаго и русскаго собранія. Спб. 1910. Ц. 40 в.
 Уманецъ, Ф. Александръ и Сперанскій. Историческая монографія. Спб. 1910. Ц. 1 р.
 Фюстель де-Нуламмъ. Исторія общественнаго строя древней Франціи. Т. 5. Начала феодальнаго строя. Перев. подъ ред. проф. Гревса. Спб. 1910. Ц. 3 р. 50 к.
 Цветаевъ, Д. Царь Василій Шуйскій и мѣста погребенія его въ Польшѣ. Т. 1-й. Историческое изслѣдованіе. М. 1910. Ц. 5 р.
 Яворскій, Ю. Два замѣчательныхъ карпато-русскихъ сборника XVIII вѣка, принадлежащихъ университету св. Владимира. Описаніе рукописей и тексты. Кіевъ. 1909. Ц. 1 р.
 — Византійскія сказанія о Львѣ Премудромъ въ русскихъ спискахъ. 17 и 18 вв. Спб. 1909. Ц. 60 в.

Правовѣдѣніе, общественныя науки и публицистика.

Бенедиктъ, Э. Адвокатура нашего времени. Спб. 1910. Ц. 1 р.
 Бернштейнъ-ноганъ, С. Численность, составъ и положеніе петербургскихъ рабочихъ. Опытъ статистическаго изслѣдованія. Спб. 1910. Ц. 1 р. 20 к.
 Билимовичъ, А. Разборъ положенія о землеустройствѣ. Кіевъ. 1910. Ц. 75 к.
 Боровскій, А. Наказъ земскимъ начальникамъ, утвержденный министромъ внутреннихъ дѣлъ 11 августа 1905 г. Петрозаводскъ. 1910. Ц. 2 р. 15 к.

Гриммъ, Д. Лекціи по догмѣ римскаго права. По жюбле для слушателей. Изд. 3-е. Спб. 1910. Ц. 2 р. 50 к.
 Ельшавичъ, В. Юридическое лицо, его происхожденіе и функціи въ римскомъ частномъ правѣ. Спб. 1910. Ц. 2 р. 50 в.
 Загорскій, К. Наша желѣзнодорожная тарифная политика. Спб. 1910. Ц. 75 к.
 Зап. С. Соціально политическія таблицы всѣхъ странъ міра. М. 1910. Ц. 1 р. 50 к.
 Интеллигенція въ Россіи. Сборникъ статей. Спб. 1910. Ц. 1 р. 50 к.

1/225*

Кредитъ для земствъ и городовъ. Сборникъ статей и проектъ устава банка для земствъ и городовъ. М. 1910. Ц. 50 к.

Литвиновъ-Фалинский, В. Новый законъ о вознагражденіи увѣчныхъ рабочихъ. Спб. 1910. Ц. 3 р.

Милюновъ, П. Балканскій кризисъ и политика А. П. Извольскаго. Спб. 1910. Ц. 2 р.

Немировский, Э. Задачи по уголовному праву. Одесса. 1910. Ц. 75 к.

Нефедовъ, Г. Законъ народонаселенія и Россія. Моршанскъ. 1910. Ц. 1 р. 30 к.

Новиковъ, В., и Постолюевскій, Д. Законы уголовные. Спб. 1910. Ц. 1 р. 25 к.

Нордманъ, Н. Статистическій методъ въ изслѣдованіяхъ древне-русскаго хозяйственнаго быта. Спб. 1909. Ц. 65 к.

Объ отменѣ стѣсненій малорусскаго печатнаго слова. Спб. 1910. Ц. 25 к.

Орженцій, Р. Сводные признаки. Ярославль. 1910. Ц. 3 р.

Плетневъ, А. Старое и новое. Матеріалы къ исторіи нашего обновленія. Одесса. 1910. Ц. 20 к.

Процессъ А. Н. Гиллерсона. Спб. 1910. Ц. 1 р.

Розановъ, В. Когда начало ушло... 1905 и 1906 гг. Спб. 1910. Ц. 2 р.

Ротенбергъ, Л. Полный сводъ рѣшеній общаго собранія перваго и кассационныхъ департаментовъ и Кассационнаго Департамента Царствующаго Сената. Съ подробнымъ предметн. алфавитнымъ указа-

телемъ за 1897 — 1908 гг. Томъ 4-й. Екатеринбургъ. 1910. Ц. 5 р.

Сводъ мѣстныхъ законовъ Западныхъ губерній. Спб. 1910. Ц. 5 р.

Святловскій, В. Очерки по исторіи политической экономіи. Вып. 1-й. Спб. 1910. Ц. 1 р.

Соколовъ, И. Усыновленіе и его отношеніе къ браку въ Византіи и на современномъ греческомъ Востокѣ. Спб. 1910. Ц. 75 к.

Соколовскій, Б. Какъ урегулированъ привязчивый вопросъ границей и у насъ. Спб. 1910. Ц. 65 к.

Сдѣ надъ «Саннимъ» въ Германіи. Спб. 1910. Ц. 55 к.

Таубе. Преступленіе или безуміе? Воспоминанія объ Андрѣй Гилевичѣ. Спб. 1910. Ц. 30 к.

Уставъ Крестьянскаго Поземельнаго Банка. Спб. 1910. Ц. 75 к.

Что такое въ дѣйствительности страхование на дожитіе и на случай смерти. Спб. 1910. Ц. 40 к.

Шетакъ-Устиновъ, Н. Почему бѣдѣетъ трудящійся людъ. Спб. 1910. Ц. 10 к.

Яблочковъ, Т. Учебникъ русскаго гражданскаго судопроизводства. Ярославль. 1910. Ц. 1 р. 80 к.

— Значеніе Ф. Ф. Мартенса въ наукѣ частнаго междунагоднаго права. Ярославль. 1910. Ц. 25 к.

Искусство.

Бенюзанъ, С. Рубенсъ. Съ 8 иллюстр. въ краскахъ. М. 1910. Ц. 1 р. 25 к.

— Веласкецъ. Съ 8 илл. въ краскахъ. М. 1910. Ц. 1 р. 25 к.

Грабарь, И. Исторія русскаго искусства. В. 1-й. М. 1910. Ц. по подпискѣ за 40 вып. 64 р. Допускается разсрочка по

1 р. 60 к. за выпускъ. Первый взносъ 4 р. 30 к.

Ежегодникъ Императорскихъ театровъ. 1909. Выпуски 6 и 7, Ц. 2 р.

Коргановъ, В. Ветховень. Биографическій этюдъ. Спб. 1910. Ц. 7 р. 50 к.

Тиграновъ, Э. Кольцо Нибелунга. Критическій очеркъ. Спб. 1910. Ц. 1 р. 35 к.

Естествознаніе и математика.

Бельше, В. Вѣсды о вселенной. Этюды натуралиста. Спб. 1910 г. Ц. 1 р. 25 к.

— Эрнстъ Геккель его жизнь и ученіе. Спб. 1910. Ц. 40 к.

Бернось, П. Практическая зоотомія. Вып. 3-й. Окунь и щука. Спб. 1910. Ц. 40 к.

Винда, В. Майкопскій нефтяной районъ по изслѣдованіямъ Геологическаго комитета и личнымъ наблюденіямъ. Критическій очеркъ. 1910. Ц. 1 р. 25 к.

Гампсонъ-Шеферъ. Парадоксы природы. Одесса. 1908. Ц. 1 р. 20 к.

Де-Неен, Р. Матерія, ея зарожденіе, жизнь и конецъ. Спб. 1910. Ц. 80 к.

Найгородовъ, Дм. Наши весеннія бабочки. Популярныя очерки. Съ двумя красочными таблицами и рисунками въ текстѣ по акварелямъ съ натуры Т. Д. Марсевой. Изд. А. С. Суворина. Спб. 1910. Ц. 80 к.

Найзеръ, Г. Современное развитіе спектроскопіи. Одесса, 1910. Ц. 25 к.

Нимдъ, В. Нефть на сѣверѣ Россіи. Очеркъ Ухтенскаго нефтеноснаго района. Спб. 1910. Ц. 70 к.

Клейнъ, Г. Астрономическіе вечера. Спб. 1910. Ц. 1 р. 25 к.

Лебомъ, Г. Часть 1-я. Эволюція силъ. Ч. 2. Опытъ надъ дематериализаціей матеріи. Спб. 1910 г. Ц. 2 р.

Лоренцъ, Г. Курсы физики. Т. II. Одесса. 1910. Ц. 1 р. 75 к.

Лунневичъ, В. Основы жизни. Популярная биологія. Спб. 1910. Ц. за 2 тома 5 р.

Народная энциклопедія научныхъ и прикладныхъ знаній. Т. II, 1-й полутомъ. Природовѣдѣніе. Изд. Харьков. 0-ва распространенія въ городѣ грамотности. Москва. 1910. Ц. 1 р. 25 к. въ перепл. 1 р. 75 к.

Остроумовъ, А. О ростѣ мальковъ стерляди. Казань. 1910. Ц. 40 к.
 — Происхождение видовъ и естественный подборъ. Къ 50-лѣтню дарвинизма. Казань. Ц. 10 к.
 Пуанкаре, А. Наука и методъ. Спб. 1910. Ц. 1 р. 50 к.
 Р—нь, В. Кометы 1910 года. Харьковъ. Ц. 25 к.
 Стратоновъ, В. Солнце, вып. 6 и 7. Спб. 1910. Цѣна по 1 р. 20 к.
 Томсонъ, Д. Корпускулярная теорія вещества. Одесса. 1910. Ц. 1 р. 20 к.

Фельзенмайеръ, В. Обращеніе земли вокругъ солнца—естъ вѣковое заблужденіе. Спб. 1910. Ц. 25 к.
 Ферворнь, М. Общая физиологія. Основы ученія о жизни. М. 1910. Ц. 2 р. 50 к.
 — Рѣчи и статьи. М. 1910. Ц. 2.
 Шиффъ, В. Сборникъ упражненій и задачъ по дифференціальному и интегральному исчисленіямъ. Ч. 2-я. Спб. 1910. Ц. 2. р.
 Штрайхманъ, А. Сборникъ задачъ по механикѣ, съ подробными рѣшеніями. Ч. 1-я. Статика. Спб. 1910. Ц. 1 р. 50 к.

Географія, этнографія, антропологія, путешествія.

Вульфсонъ, Э. Боснія и Герцеговина. М. 1910. Ц. 60 к.
 Григорьевъ, А. Архангельскія былинныя и историческія пѣсни, въ 1899—1901 гг., съ напѣвами, записанными посредствомъ фонографа. Т. 3-й. Мезень. Спб. 1910. Ц. 3 р.
 Дунинъ-Горнавичъ, А. Тобольскій сѣверъ. Т. 2-й. Географическое и статистико-экономическое описаніе страны. Тобольскъ. 1910. Ц. 2 р.
 — Сѣверный морской путь изъ Атлантическаго въ Тихій Океанъ. Спб. 1909. Ц. 50 к.
 Луаре, М. Сицилія. Путевыя замѣтки. М. 1910. Ц. 1 р. 25 к.

Сержпутовскій, А. Н. Земледѣльческія орудія Вѣлорусскаго Полѣсья. Изъ 1-го тома «Матеріалы по этнографіи Россіи». Спб. 1910. Ц. 60 к.
 Матеріалы по этнографіи Россіи. Т. 1-й. Спб. 1910. Ц. 7 р. 50 к.
 Неслуховскій. Карта Европейской Россіи. 2 арш. 5 верш. 4 лист. Ц. 3 р. 50 к., наклеены на холстъ 6 р.
 — Карта Европы. 2 арш. 13 верш. 6 лист. Ц. 3 р. 50 к., наклеены на холстъ 6 р.
 Чериковеръ, С. Сербія. М. 1910. Ц. 30 к.
 Шидловскій, А. Библиографическій указатель литературы о сѣверѣ по матеріаламъ, собраннымъ Архангельск. Общ. изученія Русскаго Сѣвера. Спб. 1910. Ц. 75 к.

Языковѣдѣніе.

Томсонъ, А. Общее языковѣдѣніе. Одесса. 1910. Ц. 3 р.

Сельское хозяйство и домоводство.

Адамовъ, Н. Растеніеводство общее и частное. Хлѣбныя злаки, бобовыя, клубнеплоды и корнеплоды, технич. растенія, кормовыя травы; луга и выгоны. Спб. 1910. Ц. 3 р. 50 к.
 Анимычъ. Деревенское бахчеводство. Дѣдушкинъ баштанъ. Разведеніе арбузовъ и дынь различныхъ сортовъ. Спб. 1909. Ц. 15 к.
 Бергъ, А. Домашній обиходъ хозяина. Сборникъ испытанныхъ рецептовъ по предметамъ домашняго обихода. Спб. 1910. Ц. 50 к.
 Богомоловъ, Б. Вамбукъ и издѣлія изъ него. Спб. 1910. Ц. 40 к.
 Бѣдуновичъ, Г. Дезинфекція, какъ одно изъ главныхъ мѣропріятій противъ распространенія среди домашней птицы заразныхъ заболѣваній. Спб. 1910. Ц. 10 к.
 Васильевъ, В. Молочное хозяйство, молочный скотъ, маслосдѣланіе и сыровареніе. Спб. 1910. Ц. 30 к.
 Власовъ, А. Деревенское птицеводство. Какъ самому дешево сдѣлать инкубаторъ.

(Аппаратъ для вывода цыплятъ). Спб. 1910. Ц. 20 к.
 Дубровинъ, А. Защита молодыхъ деревьевъ отъ зайцевъ, крысъ и мышей. Спб. 1910. Ц. 20 к.
 Карцовъ, А. Значеніе закона 9 ноября 1906 г. о выходѣ изъ общины для крестьянскаго плодководства и огородничества. Спб. 1910. Ц. 30 к.
 Пермякъ, Л. Деревенскій ягодный садъ. Спб. 1910. Ц. 15 к.
 — Сыръ изъ снятого молока. (Зеленый сыръ). Спб. 1910. Ц. 10 к.
 Познинскій, С. Лучшие кактусы и агавы для комнатъ, уходъ за ними и размноженіе сѣменами, черенками и прививкой. Спб. 1910. Ц. 20 к.
 Поспѣлова-Гатцунъ, М. Альбомъ буквъ, монограммъ русскихъ и иностранныхъ и разнообразныхъ рисунковъ по вышиванію гладью, съ 1,117 рис. Спб. 1910. Ц. 2 р. 50 к.
 Шредеръ, Д. Цвѣтники и травники. Спб. 1910. Ц. 50 к.

Торговля и промышленность. Счетоводство.

- Волновъ, А.** Курсъ международной хлѣбной торговли. Спб. 1910. Ц. 3 р.
- Исторія торговли и промышленности въ Россіи.** Т. I. В. 1-й. Спб. 1910. Ц. 1 р.
- Левинъ, И.** Свеклосахарная промышленность въ Россіи. Спб. 1910. Ц. 1 р. 25 к.
- Мошкинъ, А.** Рациональное счетоводство земскихъ и городскихъ управъ. М. 1910. Ц. 2 р. 50 к.
- Сиверсъ, Е.** Темы для практическихъ работъ по счетоводству. В. 3-й. Спб. 1910. Ц. 10 к.
- Смоличъ, М.** Сахаръ. Спб. 1910. Ц. 1 р.

Технологія, строительное и инженерное искусства. Ремесла.

- Александровъ, П.** Ковка жернововъ и постройка различныхъ приспособленій для мукомольныхъ мельницъ. Спб. 1910. Ц. 30 к.
- Астонъ, В.** Модели летательныхъ машинъ, какъ ихъ чертить и строить. Спб. 1910. Ц. 1 р. 50 к.
- Бануринскій, К.** О ремонтѣ шоссе. Изд. 3. Спб. 1910. Ц. 75 к.
- Бартельсъ, Н.** Технологія металловъ. Спб. 1910. Ц. 1 р. 25 к.
- Бѣлогловъ, А.** О постройкахъ изъ бетонныхъ камней. М. 1909. Ц. 25 к.
- Вегнеръ, Р.** фонъ-Дальвицъ. Воздухоплавание. Описание разныхъ типовъ управляемыхъ аэростатовъ и аэроплановъ. Спб. 1910. Ц. 60 к.
- Верещагинъ, Н.** Определеніе работы при продольной прокаткѣ. Спб. 1910. Ц. 2 р. 25 к.
- Гданскій, Л.** Электротехникъ любитель. Ц. 30 к.
- Какъ самому провести домашній телефонъ. Ц. 30 к.
- Гейфтеръ, С.** Обзоръ успѣховъ въ конструкціи счетчиковъ для учета электрической энергіи. Спб. 1910. Ц. 1 р.
- Долинскій, Р.** Самоучитель кройки статскаго, гражданскаго, дѣтскаго платья, платья для духовенства и спортивъ-костюмы для дамъ. Юрьевъ. 1910. Ц. 4 р.
- Подробное руководство кройки и изготовления новѣйшаго гардероба для двушекъ всякаго возраста. Юрьевъ. 1910. Ц. 1 р. 75 к.
- Ковальскій, М.** Выжиганіе по дереву, кожѣ и папкѣ. Спб. 1910. Ц. 30 к.
- Ламтевъ, М.** Дешевое электрическое освѣщеніе при примѣненіи дешеваго элемента «Сатурнъ». Спб. 1910. Ц. 20 к.
- Ленеръ З.** Производство чернилъ. Спб. 1910. Ц. 40 к.
- Моллеръ, Мак.** Таблицы для опредѣленія давленія земли, при расчетахъ подпорныхъ стѣнъ. М. 1910. Ц. 1 р. 60 к.
- Мясоедовъ-Ивановъ, проф.** Эксплуатація желѣзныхъ дорогъ. Общія свѣдѣнія. Служба движенія. Краткое изложеніе лекціи. Спб. 1910. Ц. 1 р. 60 к.
- Новгородскій, М.** Разработка торфа на топливо. Спб. 1910. Ц. 25 к.
- Нырновъ, Н.** Строеіе и распыленіе струй. Кіевъ. 1910. Ц. 1 р.
- Петровъ, А.** Театральная техника съ приложеніемъ правилъ устройства, оборудованія и содержанія театровъ. Спб. 1910. Ц. 3 р.
- Поварнинъ, Г.** Практическіе этюды о хромовомъ дубленіи Спб. 1910. Ц. 1 р. 75 к.
- Руководство къ употребленію расчетной линейки А. В. Фабера въ Швейцаріи у Нюрнберга.** Берлинъ. 1910. Ц. 75 к.
- Рюминъ, В.** Деревенскій мыловаренный заводъ. Спб. 1910. Ц. 15 к.
- Старческій, Р.** Ручныя буровыя снаряды. Спб. Ц. 30 к.
- Уваровъ, П.** Какъ самому устроить электрическое освѣщеніе безъ машинъ и станцій. Спб. 1910. Ц. 30 к.
- Федоровъ, Н.** Деревенскій маляръ. Ц. 15 к.
- Бустарное лаковаренное производство. Ц. 30 к.
- Кустарное лаковаренное производство. Спб. 1910. Ц. 30 к.
- Финисовъ, П.** Желѣзо-бетонныя балки системы Византии. Спб. 1910. Ц. 60 к.
- Чернецовъ, С.** Кустарное производство ручныхъ гармоникъ. Спб. 1910. Ц. 30 к.
- Шиларевичъ, А.** Установщикъ электрическаго освѣщенія, справочникъ и элементарное руководство для техниковъ, монтажеровъ и владѣльцевъ электрическихъ установокъ. Спб. 1910. Ц. 1 р. 50 к.

Медицина, гигиена, анатомія, физиологія и хирургія. Ветеринарія.

- Блуменау, Л.** Мозгъ человѣка. В. 4-й. Средній и промежуточный мозгъ. Спб. 1910. Ц. 90 к.
- Боссе.** Уходъ за больными, роженицами и за новорожденными. Х. 1910. Ц. 1 р.
- Бредисъ.** Искусственное безплодіе. Спб. 1910. Ц. 1 р. 25 к.
- Брейтманъ, М.** Новѣйшія лекарственныя средства въ систематическомъ критическомъ изложеніи. Т. 2. в. 1. Спб. 1910. Ц. 1.
- Буйневичъ, И.** Руководство къ изученію внутреннихъ болѣзней. Частная патологія и терація. М. 1910. Ц. 3 р. 20 к.

Воскресенскій, А. Стовантъ. Экспериментальныя данныя и климатическія наблюденія. Одесса. 1909. Ц. 1 р. 20 к.

Гальфданъ Зеленландтъ. Дыши тазъ, чтобы быть здоровымъ. М. 1910. Ц. 75 к.

Ганъ. Острый и затяжной перелой мочеиспускательнаго канала мужчины. Одесса. 1910. Ц. 3 р.

Гданскій, Л. Лечение солнцемъ. Солнечныя ванны. Спб. 1910. Ц. 30 к.

— Воздушныя ванны. Ц. 30 к.

— Лечение грязями. Ц. 30 к.

— Лечение виноградомъ. Ц. 30 к.

— Лечение земляникой. Ц. 30 к.

— Морскія купанія. Спб. 1910. Ц. 40 к.

— Лечение кумысомъ. Спб. 1910. Ц. 30 к.

Heitzmann, Dr. Анатомическій атласъ съ 625 рис. Киевъ. 1910. Ц. 3 р.

Грассе, проф. Гипнозъ и внушеніе (леченіе болѣзней). Спб. 1910. Ц. 50 к.

Гюббенетъ, В. Въ осажденномъ Портъ-Артурѣ. Очерки военно-санитарнаго дѣла и записки по полевой хирургіи. Спб. 1910. Ц. 3 р.

Günther, C. Руководство бактериологіи въ особенности микроскопической техники для врачей и студентовъ. Изд. 4-е. Саратовъ. 1910. Ц. 6 р.

Друмининъ, Н. Исслѣдованіе душевнаго состоянія воиновъ въ разныхъ случаяхъ боевой обстановки по опыту русско-японской войны. 1904—1905 г. Спб. 1910. Ц. 1 р.

Дуговская Л. Лечебныя мѣста, санаторіи и кумысолечебныя заведенія русскія и заграничныя для легочныхъ туберкулезныхъ. Спб. 1910. Ц. 1 р.

Нейхертъ, В. Самоассириваніе. 1909. Ц. 1 р.

Иохъ Ф. Некрасивые и уродливые носы и ихъ исправленіе. Берлинъ. 1910. Ц. 50 к.

Красноярскій, П. Медицинскій латинско-русскій словарь.

Нагеръ, Ф. О глухонѣмотѣ. Спб. 1910. Ц. 25 коп.

Народная энциклопедія научныхъ и прикладныхъ знаній Харьков. Общества распространенія въ народѣ грамотности. Т. V. 1-й полутомъ. Медицина. Москва. 1910. Ц. 1 р. 35 к., въ перепл. 1 р. 75 к.

Осокинъ, Н. О леченіи послѣ апонлексическихъ двигательныхъ разстройствъ упражненіями. Казань. 1909. Ц. 15 к.

Павловская, Р. О необходимости санаторіи для недостаточныхъ чахоточныхъ. Спб. 1910. Ц. 35 к.

Раунтонд, проф. Неврозы и психо-неврозы, неврастенія. Психастенія. Исторія. Спб. 1910. Ц. 1 р. 50 к.

Сборникъ клиническихъ работъ изъ Терапевтическаго отдѣла. Импер. Клинич. Инст. Великой Княгини Елены Павловны. Вып. 3. Спб. 1910. Ц. 1 р. 50 к.

Солье, д-ръ. Неврастенія и ея леченіе. Спб. 1910. Ц. 50 к.

Фишеръ, А. Курсъ фармаціи. В. 1-й. Казань. 1910. Ц. 1 р. 50 к.

Военное и морское дѣло.

Виноградскій, А. Исторія Русско-Японской войны 1904—1905 гг. Вып. 2. Спб. 1909. Ц. 3 р.

Де-Шаріеръ, Н. Къ вопросу объ оборонѣ нашей отъ непріятельскаго воздушнаго флота. Спб. 1910. Ц. 75 к.

Елчанниковъ, А. Тактика въ дѣйствіяхъ подъ вѣрстями. Опытъ историческаго изслѣдованія. Спб. 1910. Ц. 2 р.

Ивадри, В. А. Артиллерія. Спб. 1909. Ц. 3 р.

Гренадерскіе и пѣхотные полки. Справочная книга. Спб. 1909. Ц. 3 р.

Инженерныя и желѣзнодорожныя войска. Справочная книжка Императорской главной квартиры. Ц. 2 р.

Носовъ, В. Сборникъ статей по вопросу: основы реформъ нашей арміи. М. 1910. Ц. 50 к.

Марновъ, Руководство для изученія сокольской гимнастики и постановки ея въ войскахъ. Севастополь. 1909. Ц. 35 к.

Мартыновъ, Е. Воспоминанія о Японской войнѣ командира пѣхотнаго полка. Г. Плоцкъ. 1910. Ц. 2 р. 50 к.

Орловъ, М. Организациа полевыхъ поѣздокъ во Франціи. М. 1910. Ц. 30 к.

Риттихъ, П. У альпійскихъ егерей. Письма изъ Франціи о методахъ подготовки французской пѣхоты съ приложеніемъ уставовъ, программъ и положеній о школахъ. Съ рис. Спб. 1910. Ц. 3 р.

Романовскій, Ю. Японская армія. Справочникъ современнаго устройства японскихъ вооруженныхъ силъ. Спб. 1910. Ц. 1 р. 50 к.

Шеманскій А. Вой на Кушкѣ и его 25-лѣтній юбилей. Спб. 1910. Ц. 60 к.

Воспитаніе и обученіе. Учебныя руководства.

Альмедингенъ, А. Учебникъ товаровѣдѣнія Ч. 1-я. Топливо, строительные, вязущіе, освѣтительные, смазочные и др. Спб. 1910. Ц. 1 р. 50 к.

Аменицій, Н. Забавная ариеметика. В. 3. Старшій возрастъ. М. 1910. Ц. 30 к.

Anderson, Th. Illustriertes Lehrbuch der deutschen Sprache. Спб. 1910. Ц. 1 р. 15 к.

Аншелесъ, І. Исторія русской литературы въ вопросахъ и отвѣтахъ. Вып. 1-й. «Евгевій Онѣгинъ». Разборъ. Библиографія. Одесса. 1910. Ц. 30 коп.

Бородичъ, В. Къ вопросу о развитіи рѣчи у дѣтей. М. 1910. Ц. 40 к.

Вальтеръ. Въ царствѣ природы. М. 1910. Ц. 65 к.

МАТЕРІАЛЫ ПО ЭТНОГРАФІИ РОССІИ

Подъ редакціей **Θ. К. Волкова.**

≡ **Томъ I.** ≡

ЕЖЕГОДНОЕ ИЗДАНИЕ ЭТНОГРАФИЧЕСКАГО ОТДѢЛА РУССКАГО МУЗЕЯ ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА III.

ТОМЪ IN 4° ЗАКЛЮЧАЕТЪ ВЪ СЕБѢ
(XVII+214+5) СТРАНИЦЪ ТЕКСТА, 199 ИЛЛЮСТРАЦІЙ,
7 ФОТОТИПИЧЕСК. ТАБЛИЦЪ, 2 ТАБЛИЦЫ
ВЪ КРАСКАХЪ.

Цѣна 7 р. 50 коп.

СКЛАДЪ ИЗДАНІЯ ВЪ КНИЖН. МАГАЗИНАХЪ
ТОВАРИЩЕСТВА **М. О. ВОЛЬФЪ**

Поставщиковъ Двора ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА

С.-Петербургъ, Гостиный Дворъ, 13. | Москва: 1) Кузнецкій Мостъ, № 12.
Невскій, 13. | 2) Моховая ул., 22.

ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ

ЖУРНАЛЪ

„ИСТОРИЧЕСКІЙ ВѢСТНИКЪ“.

Подписная цѣна за 12 книгъ въ годъ **десять** рублей съ пересылкой и доставкой на домъ.

Главная контора въ Петербургѣ, при книжномъ магазинѣ „**Новаго Времени**“ (А. С. Суворина), Невскій просп., д. № 40. Отдѣленія главной конторы въ **Москвѣ, Харьковѣ, Одессѣ, Саратовѣ и Ростовѣ на Дону** при книжныхъ магазинахъ „**Новаго Времени**“.

Программа „**Историческаго Вѣстника**“: русскія и иностранныя (въ дословномъ переводѣ или извлеченіи) историческія, бытовыя и этнографическія сочиненія, монографіи, романы, повѣсти, очерки, рассказы, мемуары, воспоминанія, путешествія, біографіи замѣчательныхъ дѣятелей на всѣхъ поприщахъ, описанія нравовъ, обычаевъ и т. п., бібліографія произведеній русской и иностранной исторической литературы, некрологи, характеристики, анекдоты, новости, историческіе матеріалы, документы, имѣющіе общій интересъ.

Къ „**Историческому Вѣстнику**“ прилагаются **портреты и рисунки**, необходимые для поясненія текста.

Статьи для помѣщенія въ журналъ должны присылаться по адресу главной конторы, на имя редактора **Сергѣя Николаевича Шубинскаго**.

Редакція отвѣчаетъ за точную и своевременную высылку журнала только тѣмъ изъ подписчиковъ, которые доставили подписную сумму непосредственно въ главную контору или ея отдѣленія съ сообщеніемъ подробнаго адреса: имя, отчество, фамилія, губернія и уѣздъ, почтовое учрежденіе, гдѣ допущена выдача журналовъ.

О неполученіи какой-либо книги журнала необходимо сдѣлать заявленіе главной конторѣ тотчасъ же по полученіи слѣдующей книги, въ противномъ случаѣ, согласно почтовымъ правиламъ, заявленіе остается безъ разслѣдованія.

Оставшіеся въ небольшомъ количествѣ экземпляры «Историческаго Вѣстника» за прежніе годы продаются по 9 рублей за годъ безъ пересылки, пересылка же по разстоянію.

Издатель А. С. Суворинъ.

Редакторъ С. Н. Шубинскій.

Типографія А. С. Суворина. Зртелевъ пер., д. 13

ИСТОРИЧЕСКІЙ
ВѢСТНИКЪ

ИСТОРИКО-
ЛИТЕРАТУРНЫЙ
ЖУРНАЛЪ.

ГОДЪ ТРИДЦАТЬ ПЕРВЫЙ
ЮНЬ, 1910 Г.

СОДЕРЖАНИЕ.

ИЮНЬ, 1910 г.

СТРАН.

I. Семейная хроника. (Изъ записокъ моей бабушки). Часть вторая. VIII—X. (Продолженіе). В. З. Головиной.	785
II. Восемь лѣтъ въ Сибири. XVI—XXVI. (Продолженіе). Е. В. Корша.	806
III. Неразбериха. (Изъ провинціальныхъ настроеній). I—III. Н. Н. Оглоблина.	835
IV. Царскій смотръ. (Изъ воспоминаній кадета). В. Артемьева.	859
V. Грибоѣдовъ и музыка. Н. В. Шаломытова.	865
VI. Памяти С. Я. Дерунова. И. С. Бѣльева.	884
VII. «Странствующія села». (Изъ прошлаго Юго-Западнаго края). Д. В. Федорова.	893
VIII. Русскія метаморфозы. V. Политическія настроенія Москвы. (Продолженіе). Н. М. Ежова.	906
IX. Хунхузы. В. Н. Рудокопова.	923
X. По стопамъ Христа. Князя Б. А. Щетинина.	955
XI. В. Г. Бѣлинскій и А. В. Кольцовъ. И. Александрова.	961
XII. Памяти М. Л. Кропивницкаго. В. В. Уманова-Каплуновскаго.	972
XIII. Второй всероссійскій съѣздъ писателей. Б. Б. Глинскаго.	978
XIV. Изъ жизни археологическихъ учрежденій. А. А. Миронова.	1009
XV. Яблочанскій монастырь—ядро православія и русской народности въ Холмско-Подляшскомъ краѣ. В. И. М—на.	1020
Иллюстраціи: 1) Яблочинскій монастырь.—2) Иконостасъ въ Яблочинскомъ монастырѣ.—3) Скитская церковь.—4) Церковь-алтарь.	
XVI. Аксаковскій народный домъ въ Уфѣ.	1031
Иллюстраціи: 1) Главный фасадъ Аксаковскаго народнаго дома.—2) Фасадъ Аксаковскаго народнаго дома по Пушкинской улицѣ.—3) Александръ Степановичъ Ключаревъ.	
XVII. Критика и библиографія.	1037

1) Царь Василій Шуйскій и мѣста погребенія его въ Польшѣ 1610—1910 гг. I томъ. Историческое изслѣдованіе проф. Д. В. Прѣтаева. Москва—Варшава. 1910. и. с. б. — 2) В. И. Веретенниковъ. Исторія тайной канцеляріи петровскаго времени. Харьковъ. 1910. проф. п. в. Верховскаго. — 3) Bulletins mémoires de la Société Nationale de Antiquaires des France, tome LXVIII. Ам. Титова.—4) Кн. В. Л. Вяземскій. Верховный тайный совѣтъ. Сиб. 1909. в. Грибовскаго.—5) И. Ф. Павловскій. Полтава. Историческій очеркъ ея, какъ губернскаго города, въ эпоху управленія генералъ-губернаторомъ (1802 — 1856). По архивнымъ даннымъ, съ 80 рис. и планомъ города Полтава. 1910. в. Рудамова. — 6) Е. Коаубскій, дѣятельный членъ-секретарь дагестанскаго областного статистическаго комитета. Исторія Дагестанскаго коннаго полка. Петровскъ. 1909. в. п. Федорова. — 7) Смоленская Старина. Выпускъ I. Часть I. Изданіе смоленской ученой архивной комиссіи. Смоленскъ. 1909. в. Рудамова.—8) П. А. Ниве.

(См. слѣд. стран.).

Русско-шведская война 1808 — 09 г. Спб. 1910. Мих. Соколовскаго. — 9) Извѣстія русскаго генеалогическаго общества. Выпускъ третій. (Съ приложеніемъ фототипическаго портрета. Спб. 1909. В. Р-ва. — 10) Прот. А. А. Бвляевъ. Профессоръ московской духовной академіи П. С. Казанскій и его переписка съ архіепископомъ востромскимъ Платономъ. Выпускъ I. Сергіевъ Посадъ. 1910. В. Р-ва. — 11) Матеріалы по этнографіи Россіи. Изданіе этнографическаго отдѣла Русскаго музея императора Александра III. Т. I. Спб. 1910. А. Фаресова. — 12) Народный университетъ. Воспитательно-образовательныя учрежденія для народа въ Англіи. Составлено по докладамъ членовъ этихъ учреждений Е. Т-ой. Спб. 1909. Н. А. — 13) Л. Н. Соболевъ. Куропаткинская стратегія. Краткія замѣтки бывшаго командира 6-го Сибирскаго армейскаго корпуса, Съ 6 планами и схемами. Спб. 1910. Л. Н. — 14) А. Н. Норцовъ. Путь солнца въ процессѣ мирового движенія. Тамбовъ, 1909. А. Я. — 15) Жизнь и труды М. П. Погодина. Николая Варсукова. Посмертное изданіе. Книга двадцать вторая. Съ приложеніемъ подробнаго указателя ко всѣмъ двадцати двумъ книгамъ. Спб. 1910. Б. Гл. — 16) В. В. Варнеке. Новыя комедіи Менандра. Казань. 1909. А. М. — 17) Современники. Альбомъ біографій Н. И. Афанасьева, т. II. Спб. 1910. Г—снаго.

XVIII. Заграничныя историческія новости и мелочи 1067

1) Самый древній человѣческій черепъ. — 2) Архивъ графа Нессельроде отъ 1840 г. — 1846 г. — 3) Мнѣніе иностранцевъ о немцахъ. — 4) Пан-американскій конгрессъ. — 5) Смерть Артура Вальтера, Мельхіора де-Вогюз, Надара, Ахенбаха, Жана Мореа и негуса Менелика II.

XIX. Смѣсь. 1095

1) Археологическія пріобрѣтенія въ 1909 году. — 2) Въ литературномъ фондѣ. — 3) Годичное собраніе литературнаго общества. — 4) Собраніе общества литературнаго музея. — 5) Юбилей «Посредника». — 6) Юбилей графини П. С. Уваровой. — 7) Юбилей А. Цатуріяна. — 8) Освященіе памятника императору Петру Великому. — 9) Памятникъ В. А. Грингмуту. — 10) Проектъ памятника М. Ю. Лермонтову. — 11) Отъ императорской академіи наукъ. — 12) Конкурсъ на составленіе книжекъ при все-россійскомъ національномъ клубѣ.

XX. Некрологи. 1110

1) Балакиревъ, М. А. — 2) Валицкая, А. С. — 3) Голицына, княг. М. М. — 4) Гринченко, В. Д. — 5) Желобовскій, А. А. — 6) Зининъ, Н. Н. — 7) Кремлевъ, Н. А. — 8) Буза, Е. И. — 9) Оболенскій, князь П. Д. — 10) Пассоверъ, А. Я. — 11) Перелешинъ, А. В. — 12) Семеновъ, Вл. И. — 13) Стевень, А. Х. — 14) Тимоховичъ, С. Я. — 15) Чижовъ, Н. Е. — 16) Шаховская, княгиня М. А. — 17) Шмелевъ, Г. Н.

XXI. Замѣтки и поправки. 1124

I. Любовная исторія временъ Николая I. с. Козубскаго. — II. Къ статьѣ «Московскія трущобы», Василя Сабурова. — III. Къ воспоминаніямъ о Лялячахъ. Эрминіи Осиповны Лишиной. — IV. Къ статьѣ о Чернышевскомъ, Н. Хованскаго.

ПРИЛОЖЕНІЯ: 1) Портретъ Саввы Яковлевича Дерунова. — 2) Борьба за тронъ (Beatrice Tyldesley). Историческій романъ В. Энсвортъ. Переводъ съ англійскаго А. М. Бѣлова. (Окончаніе).

СОДЕРЖАНІЕ СТО ДВАДЦАТАГО ТОМА.

(АПРѢЛЬ, МАЙ и ІЮНЬ 1910 года).

	СТРАВ.
Семейная хроника. (Изъ записокъ моей бабушки). Часть вторая. I—X. В. З. Головиной	5, 401 785
Первое 25-лѣтіе моихъ литературныхъ мытарствъ. А. М. Скабичевского . (Окончаніе).	24
«Покажи!..» (Памяти Ивана Александровича Всеволожскаго). В. Я. Свѣт- лова	45
Силуэты времени реформъ. (Воспоминанія шестидесятника). Н. Н. Фирсова (Л. Рускина)	61
Одна изъ московскихъ труппъ и мировой судья Багриновскій. А. И. Соко- ловой	75
Изъ давнихъ эпизодовъ. Последняя гитара. Н. А. Энгельгардта	89
Миражъ. (Изъ жизни). А. И. Филатовой	117
Воспоминанія о Ляличахъ. Е. С.	129
Авантюристы, самозванцы и блюстители закона. (Изъ уголовной и поли- цейской хроники). А. Е. Евгеньева	142
Русскія метаморфозы. III. Москва и реформы. IV. Манифестъ 17 октября 1905 г. V. Политическія настроенія Москвы. Н. М. Ежова . 149, 555,	906
Народныя суевѣрія о кометахъ. Д. З. Зеленина	161
Первый кружокъ писателей «изъ народа». (Къ 30-лѣтію со дня смерти И. З. Сурикова . 24 апрѣля 1880 года). А. И. Яцимирскаго	169
иллюстрація: Иванъ Захаровичъ Суриковъ.	
Н. Г. Чернышевскій въ 1886—1889 гг. (По воспоминаніямъ Н. Ф. Хован- скаго). Сообщ. Александръ Лебедевъ	192
Сергій Федоровичъ Дуровъ . (Къ сорокалѣтію его кончины). Г. А. Пальма . иллюстрація: Сергій Федоровичъ Дуровъ .	199
Новое о Гоголѣ. (По поводу опубликованія новыхъ рукописей Гоголя). А. Г. Фомина	206
«истор. вѣстн.», июнь, 1910 г., т. сxx.	1/2

Цареубійство 1-го марта 1881 года. (Историческіе очерки). III. Террористическія выступления. А. Дѣло Вѣры Ивановны Засуличъ. В. Убійство шефа жандармовъ Н. В. Мезенцова. Б. Б. Глинскаго.	214, 618
Иллюстраціи: 1) Федоръ Федоровичъ Треповъ.—2) Николай Владимировичъ Мезенцовъ.	
Театральныя странички. (Памяти В. В. Чарскаго). А. Е. Науфмана.	258
По ущельямъ Агридага. Я. Я. Полферова.	262
Курскій историко-археологическій и кустарный музей. А. А. Танкова.	285
Бѣлгородъ и его святыни. А. И. Фирсова.	301
Иллюстраціи: 1) Общій видъ Бѣлгорода. — 2) Смоленскій соборъ.—3) Монастырь, гдѣ почиваютъ мощи св. Іоасафа. — 4) Желѣзнодорожный вокзалъ.—5) Женская гимназія.—6) Мужская гимназія. — 7) Св. Іоасафъ, епископъ бѣлгородскій.—8) Гробъ съ мощами святителя Іоасафа.	
Восемь лѣтъ въ Сибири. I—XXVI. Е. В. Корша.	423, 806
Юношеская любовь И. М. Съченова. І. І. Ясинскаго.	450
Воспоминанія о князѣ А. И. Урусовѣ. А. И. Соколовой.	456
Воспоминанія о Петрѣ Семеновичѣ Ванновскомъ. П. А. Крыжановскаго.	465
Кавказскій бунтъ. (Отрывки изъ воспоминаній о 1905 годѣ). Г. А. Затеряннаго.	
Изъ бесѣды Поццо ди Борго съ барономъ Мейендорфомъ въ Вѣнѣ въ 1832 году. Великаго князя Николая Михайловича.	540
Одинъ изъ немногихъ. (Памяти К. П. Воскресенскаго). Князя Б. А. Щетинина.	544
Живыя встрѣчи. А. И. Фаресова.	555
Евангелисты ислама. (Изъ личныхъ воспоминаній о кавказскихъ бабмдахъ). С. И. Уманца.	602
Среди малолѣтнихъ преступниковъ. П. И. Кореневскаго.	636
Иллюстраціи: 1) Общій видъ исправительной колоніи. 2) Группа воспитанниковъ и воспитателей во главѣ съ председателемъ общества. — 3) Группа служащихъ въ колоніи.—4) Добываніе торфа.—5) Оркестръ.—6) Сапожная мастерская.—7) Кузнечная мастерская.	
Трехсотлѣтіе памяти героя. Князь Михаилъ Васильевичъ Скопинъ-Шуйскій. М. М. Тебеньнова.	660
Къ вопросу о происхожденіи крѣпостного права въ Россіи. В. Е. Руданова.	667
Собраніе Пушкинскаго лицейскаго общества въ память П. Я. Дашкова.	673
Памяти Павла Яковлевича Дашкова. Великаго князя Николая Михайловича.	684
Памяти артиста Ѳ. П. Горева. Н. Ежова.	688
По поводу статьи «Губернаторъ-революціонеръ». И. Подольскаго.	691
Неразбериха. (Изъ провинціальныхъ настроеній). I—III. Н. Н. Оглоблина.	835
Царскій смотръ. (Изъ воспоминаній кадета). В. Артемьева.	859
Грибоѣдовъ и музыка. Н. В. Шаломытова.	865

Памяти С. Я. Дерунова. И. С. Бѣляева.	884
«Странствующія села». (Изъ прошлаго Юго-Западнаго края). Д. В. Ое- дорова.	893
Хунхузы. В. Н. Рудокопова.	923
По стопамъ Христа. Князя Б. А. Щетинина.	955
В. Г. Бѣлинскій и А. В. Кольцовъ. И. Александрова.	961
Памяти М. Л. Кропивницкаго. В. В. Уманова-Каплуновскаго.	972
Второй всероссійскій съѣздъ писателей. Б. Б. Глинскаго.	978
Изъ жизни археологическихъ учреждений. А. А. Миронова.	1009
Яблочинскій монастырь—ядро православія и русской народности въ Холмско-Подляшскомъ краѣ. В. П. М—на.	1020
Иллюстраціи: 1) Яблочинскій монастырь.—2) Иконостасъ въ Яблочин- скомъ монастырѣ.—3) Скитская церковь.—4) Церковь-алтарь.	
Аксаковскій народный домъ въ Уфѣ.	1031
Иллюстраціи: 1) Главный фасадъ Аксаковскаго народнаго дома.—2) Фа- садъ Аксаковскаго народнаго дома по Пушкинской улицѣ.—3) Александръ Степановичъ Ключаревъ.	
КРИТИКА И БИБЛИОГРАФІЯ	327, 711, 1037

1) Памятники русской исторіи (въ шести выпускахъ), издаваемые подъ редакцію проф. В. О. Ключевскаго, М. К. Любавскаго и др. М. 1909—1910 гг. м. к—ва. — 2) Проф. Н. О. Каптеревъ. Патріархъ Никонъ и царь Алексѣй Михайловичъ. Томъ первый. Сергіевъ посадъ. 1909. г. — 3) Проф. С. О. Платоновъ. Учебникъ русской исторіи для средней школы. Курсъ систематическій. Часть II (отъ Петра Великаго). Спб. 1910. в. т—аго. — 4) Известія отдѣленія русскаго языка и словесности императорской академіи наукъ 1909 г. Тома XIV книжка 1. Спб. 1909.—То же, тома XIV книжка 2. Спб. 1909. в. р—ва. — 5) Труды I-го всероссійскаго женскаго съѣзда при русскомъ женскомъ обществѣ въ С.-Петербургѣ 10—16 декабря 1908 года. Спб. 1909. б. г.—6) Е. Д. Любченко. Народное образованіе и сокольскія общества у чеховъ. Москва. 1910. нф.—7) Н. М. Затворницкій. 1) Указатель біографическихъ свѣдѣній, архивныхъ и литературныхъ матеріаловъ, касающихся чиновъ общаго состава по канцеляріи военнаго министерства съ 1802 до 1902 г. включительно. Спб. 1909. 2) Приложение къ историческому очерку дѣятельности канцеляріи военнаго министерства и военнаго совѣта. Спб. 1910. Мих. Соколовскаго.—8) Изъ архива князя С. В. Шаховскаго. Матеріалы для исторіи недавняго прошлаго прибалтійской окранны (1885—1894 гг.). Т. II. Спб. 1909. б. г.—9) Лашинъ, П. Соборъ, какъ высшій органъ церковной власти. Историко-каноническій очеркъ. Казань. 1909. м. г. н.—10) Г. В. Плехановъ, Н. Г. Чернышевскій. Спб. 1910. А. Фаресова. — 11) Чернышевскій, М. Н. Библиографическій указатель статей о Н. Г. Чернышевскомъ и его сочиненіяхъ. Спб. 1909. А. Ф—на.—12) Болтоновская, Е. А. Новая жизнь. Критическія статьи. Спб. 1910. А. Фомина.—13) А. С. Мумокинъ. Пріѣздъ иностранцевъ въ Московское государство. Изъ исторіи русскаго права XVI и XVII вѣковъ. Спб. 1909. П. Верховскаго.—14) Чтенія въ императорскомъ обществѣ исторіи и древностей россійскихъ при московскомъ университетѣ. 1909 годъ. Книга третья. Дѣйстви тридцатая. Издана подъ завѣдываніемъ М. К. Любавскаго. М. 1909. В. Руданова.—15) С. Н. Тройницкій. Гербовые девизы русскаго, польскаго, финляндскаго и прибалтійскаго дворянства. Спб. 1910. Влад. Лукомскаго.—16) А. Н. Куропатинъ. Россія для русскихъ. Задачи русской арміи. Томъ I, съ 15-ю картографическими приложениями. Томъ II, съ 16-ю картами и схемами. Спб. 1910 г. л. н.—17) Проф. Байовъ. Курсъ исторіи русскаго военнаго искусства. Вып. V. Эпоха императрицы Евкатерины II. 17 табл. чертежей Спб. 1909. М. Соколовскаго.—18) С. Минцловъ. На зарѣ вѣкъ. Спб. 1910. Е. С. у.—19) Сборникъ учено-литературнаго общества при императорскомъ юрьевскомъ университетѣ. Томъ XV. Юрьевъ. 1909. м. г.—20) Источники словаря русскихъ писателей. Собралъ С. А. Венгеровъ. Т. II. Гогоцкая—

Карамзинъ. Спб. 1910. п. д.—21) Отрывки изъ воспоминаній М. К. Рейхель и письма къ ней А. И. Герцена. М. 1909. А. Г. Ф.—22) В. В. Даниловъ. Вліяніе бытвой и литературной среды на «Вечера на хуторѣ близъ Диканьки» Н. В. Гоголя. Одесса. 1909. Д. З.—23) Академическая бібліотека русскихъ писателей. Выпускъ 2-ой. Полное собраніе сочиненій М. Ю. Лермонтова. Томъ первый. Подъ редакціей и съ примѣчаніями проф. Д. И. Абрамовича. Изданіе разряда изящной словесности императорской академіи наукъ. Спб. 1910. В. Руданова.—24) В. В. Варнеке. Исторія русскаго театра. Т. 2-й, XIX вѣкъ. Опытъ изложенія. Казань. 1910. А. Измайлова.—25) Ежегодникъ императорскихъ театровъ. Выпуски XVII и XVIII, подъ редакціей П. П. Гябдіча. Спб. 1909. Б. Г.—26) С. Ф. Либровичъ. Необыкновенный рубль. Спб. 1909. А. Фаресова.—27) И. А. Родіоновъ. Наше преступленіе. (Не бредъ, а быль). Изъ современной народной жизни. Спб. 1910. Б. Г.—28) В. В. Латышевъ. Изборникъ научныхъ и критическихъ статей по исторіи, археологіи, географіи и эпиграфикѣ Скии и Кавказа и греческихъ колоній. Спб. 1909 г. П. Б.—29) Двѣ рѣчи Теодора Дафиопата, изданныя съ введеніемъ о жизни и литературной дѣятельности автора и съ русскимъ переводомъ В. В. Латышевымъ. (Православный палестинскій сборникъ. Вып. 59-й). Изданіе императорскаго Палестинскаго общества. Спб. 1910. А. м. л.—30) Протоіерей А. Рождественскій. О приходской жизни во Франціи. Прага Чешская. 1908. профессор М. Красномена.—31) Исусъ Христосъ въ изящной литературѣ, поэзіи, живописи и скульптурѣ. Часть I. Спб. 1909. А. Я.—32) А. А. Вашиковъ. Валканскія рѣчи. Спб. 1909. А. С.—33) Профессоръ Вильгельмъ Оствальдъ. Изобрѣтатели и изслѣдователи. Переводъ съ нѣмецкаго, подъ редакціей В. В. Виттера. Спб. 1909. в—ова.—34) Царь Василій Шуйскій и мѣста погребенія его въ Польшѣ 1610—1910 гг. I томъ. Историческое изслѣдованіе проф. Д. В. Дятлаева. Москва — Варшава. 1910. И. С. Б.—35) В. И. Веретенниковъ. Исторія тайной канцеляріи петровскаго времени. Харьковъ. 1910. проф. П. В. Верховскаго.—36) Bulletins et mémoires de la Société Nationale de Antiquaires des France, tome LXVIII. Ам. Титова.—37) Кн. В. Л. Вяземскій. Верховный тайный совѣтъ. Спб. 1909. в. Грибовскаго.—38) И. Ф. Павловскій. Полтава. Историческій очеркъ ея, какъ губернскаго города, въ эпоху управления генераль-губернаторомъ (1802—1856). По архивнымъ даннымъ, съ 80 рис. и планомъ города Полтавы. 1910. В. Руданова.—39) Е. Козубскій, дѣйствительный членъ-секретарь дагестанскаго областного статистическаго комитета. Исторія Дагестанскаго коннаго полка. Петровскъ. 1909. в П. Федорова. — 40) Смоленская Старина. Выпускъ I. Часть I. Изданіе смоленской ученой архивной комисіи. Смоленскъ. 1909. в. Руданова — 41) П. А. Ниве. Русско-шведская война 1808—09 г. Спб. 1910. Мих. Соколовскаго.—42) Извѣстія русскаго генеалогическаго общества. Вып. третій. (Съ приложеніемъ фототипическаго портрета). Спб. 1909. в. Р—ва.—43) Прот. А. А. Вѣдлеръ. Профессоръ московской духовной академіи П. С. Казанскій и его переписка съ архіепископомъ костромскимъ Платономъ. Выпускъ I. Сергіевъ Посадъ. 1910. В. Руданова.—44) Матеріалы по этнографіи Россіи. Изданіе этнографическаго отдѣла Русскаго музея императора Александра III. Т. I. Спб. 1910. А. Фаресова.—45) Народный университетъ. Воспитательно-образовательныя учрежденія для народа въ Англіи. Составлено по докладамъ членовъ этихъ учрежденій Е. Т—ой. Спб. 1909. н. а.—46) Л. Н. Соколовъ. Куропаткинская стратегія. Краткія замѣтки бывшаго командира 6-го Сибирскаго армейскаго корпуса. Съ 6 планами и схемами. Спб. 1910. л. н. — 47) А. Н. Норцовъ. Путь солнца въ процессѣ мирового движенія. Тамбовъ. 1909. А. Я.—48) Жизнь и труды М. П. Погодина. Николай Варсуговъ. Посмертное изданіе. Книга двадцать вторая, съ приложеніемъ подробнаго указателя ко всѣмъ двадцати двумъ книгамъ. Спб. 1910. Б. Гл. — 49) В. В. Варнеке. Новыя комедіи Менандра Казань. 1909. А. м. — Современники. Альбомъ біографій П. И. Афанасьева, т. II. Спб. 1910. г—скаго.

ЗАГРАНИЧНЫЯ ИСТОРИЧЕСКІЯ НОВОСТИ И МЕЛОЧИ. . . 354, 746, 1067

1) Шекспиръ и Вальзакъ.—2) Воспоминанія графини Вестморландъ.—3) Висмаркъ и Горчаковъ на Берлинскомъ конгрессѣ.—4) Мысль въ искусствѣ.—5) Отоскоду.—6) Европейскіе юбилеи.—7) Смерть Морфила и Люгера.—8) Цѣлительная польза мушій.—9) Новая книга о Рашели.—10) Отоскоду.—11) Европейскіе юбилеи.—12) Самый древній человѣчскій черепъ.—13) Архивъ графа Нессельроде отъ 1840—1846 гг.—14) Мнѣніе иностранцевъ о нѣмцахъ.—15) Пан-американскій конгрессъ.—16) Смерть Артура Вальтера, Мельхиора де-Вогюэ, Надара, Атенбаха, Жана Мореа и негуса Менелика II.

СМЪСЬ 376, 763, 1095

1) Императорское училище глухонемых.—2) 50-лѣтіе русскаго этно-логическаго общества.—3) Въ обществѣ любителей древней письменности.—4) Въ русскомъ генеалогическомъ обществѣ.—5) Торжественное открытіе общества имени А. И. Куинджи.—6) Отъ комитета литературнаго фонда.—7) Юбилейное чествованіе М. Г. Саввиной.—8) Юбилей С. И. Шохорь-Троцкаго.—9) Юбилей священника С. Е. Звѣрева.—10) Открытіе памятника Л. Г. Гуревичу.—11) Годовое общее собраніе императорскаго русскаго историческаго общества.—12) Годовое общее собраніе императорскаго русскаго археологическаго общества.—13) Годовое собраніе географическаго общества.—14) Торжественное открытіе общества охраненія правъ женщинъ.—15) Открытіе выставки произведеній печати.—16) Открытіе древлехранялица въ Александро-Невской лаврѣ.—17) Экспедиція академика С. Ф. Ольденбурга.—18) Юбилей императорскаго клиническаго института.—19) Юбилей В. А. Алексѣева.—20) Юбилей профессора В. К. Рота.—21) Юбилей В. В. Везевирскаго.—22) Юбилей Н. Д. Чечулина.—23) Всероссийская подписка на народный домъ имени В. Г. Вильинскаго.—24) Археологическія приобретения въ 1909 году.—25) Въ литературномъ фондѣ.—26) Годичное собраніе литературнаго общества.—27) Собраніе общества литературнаго музея.—28) Юбилей «Посредника».—29) Юбилей графини П. С. Уваровой.—30) Юбилей А. Патуряна.—31) Освященіе памятника императору Петру Великому.—32) Памятникъ В. А. Грингмуту.—33) Проектъ памятника М. Ю. Лермонтову.—34) Отъ императорской академіи наукъ.—35) Конкурсъ на составленіе книжекъ при все-російскомъ національномъ клубѣ.

НЕКРОЛОГИ 388, 777, 1110

1) Анненковъ, К. Н.—2) Верховскій, В. В.—3) Волковскій, Н. С., князь —4) Воскресенскій, К. П.—5) Кирилловъ, П. А.—6) Куровскій, Е. А.—7) Лемохъ, К. В.—8) Мочалкинъ, О. С.—9) Муриискій, П.—10) Нефедьевъ, Е. А.—11) Оболенскій, И. М., князь.—12) Подгородниковъ, И. Г.—13) Тиме, Г. А.—14) Чарскій, В. В.—15) Черныкъ, А. Ф.—16) Афанасьевъ, М. И.—17) Виренуць, А. С.—18) Врубель, М. А.—19) Кирпичевъ, К. Л.—20) Компанейскій, Н. И.—21) Кропивницкій, Ш. Л.—22) Архіепископъ Неофитъ.—23) Троицкій, Д. И.—24) Проф. Халаскій, М. Г.—25) Шукевичъ, І. В.—26) Балакиревъ, М. А.—27) Валицкая, А. С.—28) Голицина, М. М.—29) Гринченко, В. Д.—30) Желобовскій, А. А.—31) Зиницъ, Н. Н.—32) Кремлевъ, Н. А.—33) Куза, Е. И.—34) Оболенскій, князь П. Д.—35) Пассовъ, А. Я.—36) Перелешинъ, А. В.—37) Семеновъ, Вл. И.—38) А. Х. Стевень.—39) Тимоховичъ, С. Я.—40) Чижовъ, Н. Е.—41) Шаховская, М. А.—42) Шмелевъ, Г. Н.

ЗАМЪТКИ И ПОПРАВКИ 398, 784, 1124

1) I. По поводу вновь открытаго письма Теофана Прокоповича къ кн. А. Д. Меншикову. А. К—ово.—2) II. Къ очерку А. И. Соколовой «Маленькая польская графиня и маленькая русская княжна». («Истор. Вѣстн.» 1910 г., мартъ). М. Соколовскаго.—3) III. Домъ, гдѣ жилъ Гоголь, В. Семеновичева.—4) IV. По поводу юбилея государственной канцеляріи. Н. Елдячича. 5) I. По поводу домика Петра Великаго. А. Бронзова.—6) II. Къ статьѣ о графѣ Муравьевѣ-Виленскомъ. Однѣмъ изъ сослуживцевъ покойнаго г.-ад. поталова.—7) I. Любовная исторія временъ Николая I. С. Козубскаго.—8) II. Къ статьѣ «Московскія трущобы». Василія Сабурова.—9) III. Къ воспоминаніямъ о Ядличахъ. Эрминіи Осиповны Мишиной.—10) Къ статьѣ о Чернышевскомъ. Н. Хованскаго.

Приложенія: 1) Портретъ Николая Петровича Макарова.—2) Портретъ Константина Павловича Воскресенскаго.—3) Портретъ Саввы Яковлевича Дерунова.—4) Борьба за тронъ. (Beatrice Tyldesley). Историческій романъ В. Энсвортъ. Переводъ съ англійскаго А. М. Бѣлова. (Окончаніе).

Отъ Отдѣла Воздушнаго Флота ВЫСОЧАЙШЕ учрежденнаго Особаго Комитета по усиленію военнаго флота на добровольныя пожертвованія.

Съ соизволенія ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА. Комитетъ по усиленію военнаго флота на добровольныя пожертвованія вновь приступилъ къ сбору пожертвованій — въ настоящее время, согласно волѣ жертвователей, на воздушный флотъ.

Комитетъ надѣется, что всѣ, кому дорога военная мощь Россіи, понесутъ свои копейки и рубли на дѣло созданія воздушнаго флота, которому въ будущей войнѣ суждено рѣшить исходъ борьбы.

Воздушный флотъ, создаваемый Комитетомъ, въ мирное время будетъ оставаться собственностью жертвователей; Комитетъ подготавливаетъ личный составъ, и только во время войны этотъ воздушный флотъ будетъ переходить въ распоряженіе военнаго или морского вѣдомства.

На созданіе воздушнаго флота Комитетомъ, согласно волѣ жертвователей, обращенъ весь остатокъ отъ прежнихъ пожертвованій въ суммѣ около 900,000 р. Вновь пожертвованій поступило—33.000 рублей.

Комитетъ приложитъ всѣ усилія къ тому, чтобы каждая копейка была бы использована наилучшимъ образомъ.

Комитетъ всѣми силами будетъ стараться, обзаведясь теперь же наилучшими образцами заграницей, дальнѣйшую постройку флота проводить въ Россіи.

Въ настоящее время Комитетомъ уже заказаны 9 аэроплановъ слѣдующихъ системъ: Антуанеттъ (1), Блеріо (2), Зоммеръ (2), Телле (1) и Фарманъ (3); личный составъ (6 офицеровъ и 6 нижнихъ чиновъ) обучается на заводахъ, гдѣ заказаны аппараты.

Добровольныя пожертвованія принимаются въ С.-Петербургѣ, въ Управленіи Дѣлами Почетнаго Предсѣдателя Комитета Великаго Князя МИХАИЛА АЛЕКСАНДРОВИЧА, (Галерная, 38), въ Конторѣ Двора Предсѣдателя Комитета Великаго Князя АЛЕКСАНДРА МИХАИЛОВИЧА (Офицерская, 35), въ Конторахъ и Отдѣленіяхъ Государственнаго Банка Казначействахъ, во всѣхъ Государственныхъ Сберегательныхъ Кассахъ, въ Волжско-Камскомъ Коммерческомъ Банкѣ и его Отдѣленіяхъ, въ Московскомъ Купеческомъ Банкѣ и его Конторахъ, въ Конторахъ газетъ «Новое Время» (СПБ., Невскій, 40) и «Русское Слово» (Москва, Тверская, 48).

Въ цѣляхъ упрощенія взноса пожертвованій и пересылки ихъ въ Кассу Комитета въ С.-Петербургѣ, Комитетъ имѣетъ въ С.-Петербургской Конторѣ Государственнаго Банка условный текущій счетъ № 34359 и кромѣ того, основываясь на практикѣ истекшей шестилѣтней дѣятельности своей, разсылаетъ квитанціонныя книжки во всѣ учрежденія правительственныя, воинскія, сословныя и общественныя, которыя пожелаютъ оказать содѣйствіе на мѣстахъ этому народному дѣлу.

Защищать родину отъ нападенія враговъ жизнью, дѣломъ или средствами есть священное право каждаго вѣрнаго ея сына, богатаго и бѣднаго, сильнаго и слабаго. Комитетъ, обращаясь ко всѣмъ жителямъ необъятной Россіи, безъ различія вѣры, званія и пола, проситъ принести посильную жертву на воздушный флотъ Россіи, на защиту славы и могущества Отечества.

ВЫШЛА ВЪ СВѢТЪ НОВАЯ КНИГА

Юбилейный Сборникъ Литературнаго фонда.

Съ тремя фототипіями. Ц. 3 р.

СОДЕРЖАНІЕ:

С. В. Отъ редакціи. **Корниловъ, А. А.** Пятидесятилѣтіе Литературнаго Фонда. Общій очеркъ. Списокъ членовъ-учредителей. Списокъ членовъ комитета со времени основанія Общества. **Л. Павтелъевъ.** Изъ исторіи первыхъ лѣтъ существованія Литературнаго Фонда. **Левъ Толстой.** Единая заповѣдь. **Н. Костомаровъ.** Петербургскій университетъ начала 1860-хъ годовъ. Съ замѣткой **В. Г. Котельникова.** **Кольцовъ.** Неизданное письмо къ Бѣлинскому и дума «Неразгаданная истина». **О. Чужина.** Онъ погибъ въ бою великомъ. **Мих. Альбовъ.** Разгадка впереди. Отрывки изъ неоконченной повѣсти. **Петръ Быковъ.** Изъ настроеній. Въ степи. **Ал. Будищевъ.** Въ дѣтской. **Вл. Лихачовъ.** Изъ весеннихъ думъ. **В. Котельниковъ.** Земля и наука. Сельскохозяйственный этюдъ. **А. Федоровъ.** Вечеръ. **А. Федоровъ.** Кукушка. **Ал. Будищевъ.** Только вечеръ затеплится синій. **Л. Шестовъ.** Изъ книги «Великіе кануны». **З. Гиппиусъ.** Женское. Вѣнокъ. **С. Надсонъ.** Къ тихой пристани. Незаконченная юношеская повѣсть. Сообщила **М. В. Ватсонъ.** **П. Соловьева (Allegro).** Въ дорогѣ. Вечеръ. Утро. **Ивановъ-Разумникъ.** Творчество и критика. (Отрывокъ изъ письма). **Валерій Брюсовъ.** Въ моей странѣ. **С. Венгеровъ.** Дружининъ. **К. Фофановъ.** Поэзія—богъ. **Александръ Блокъ.** Осенній день. **Ө. Воропоновъ.** Нѣсколько словъ о **В. П. Гаевскомъ.** **Д. Мережковский.** Люблю иль нѣтъ, легка мнѣ безнадежность. **Л. Павтелъевъ.** **Е. П. Ковалевскій,** первый председатель Комитета Литературнаго Фонда. **Д. Ратгаузъ.** Изъ книги «Тоска бытія». **Ө. Батюшковъ.** Завѣты Литературнаго Фонда. **Сергій Городецкій.** Отданіе молодости. **Н. Карѣевъ.** Традиціи Литературнаго Фонда. **В. А. Манассенинъ,** какъ выразитель ихъ. **А. Лукьяновъ.** Въ городѣ. **Дмитрій Цензоръ.** Въ большомъ домѣ. **Н. Карѣевъ.** **Я. Г. Гуревичъ.** Добролюбовъ. Дневникъ 1857 г. Съ замѣткой **С. Венгерова.** **А. Купринъ.** Кляча. **К. Арсеньевъ.** **Н. А. Бѣлоголовый** и **Г. А. Джаншиевъ.** **Ал. Луговой.** Въ тихіе ясные дни. Лебединая пѣснь. **Федоръ Сологубъ.** Отчего боятся дѣти. **Н. Карѣевъ.** Что дѣлалось на свѣтѣ въ годъ основанія Литературнаго Фонда. Изъ переписки **В. П. Острогорскаго** **І.** Письмо Тургенева. **И.** Три письма Гончарова. Сообщила **Н. В. Ельмановъ.** **Ольга Шапиръ.** Одна изъ многихъ. Пушкинъ. Неизвѣстная эпиграмма его. Сообщила **П. Морозовъ.** **Н. В. Шелгуновъ.** Изъ воспоминаній. Сообщила **В. И. Семеновскій.** **А. Горифельдъ.** Объ одной фамиліи у Льва Толстого. **Несторъ Котляревскій.** Петръ Исаевичъ Вейнбергъ. **Н. Минскій.** Безъ отчизны, безъ семьи. **Николай Морозовъ.** Сѣверный Вѣнецъ (Изъ звѣздныхъ пѣсенъ). **Вл. Короленко.** На Свѣтлоярѣ. **Н. Минскій.** Изъ Верлена. **А. Посниковъ.** Чернышевскій и его комментарий къ «Политической экономіи» Милля. **Н. Златовратскій.** Изъ воспоминаній о **Н. А. Добролюбовѣ.** **Влад. Набоковъ.** Пятидесятилѣтіе Литературнаго Фонда. **Левъ Толстой.** Разговоръ съ прохожимъ. **Вас. Немировичъ-Данченко.** Цвѣтокъ Великаго океана. Отрывокъ. **М. Ватсонъ.** Съ итальянскаго. **Ал. Луговой.** Манассенинъ. **С. Дрожжинъ.** Пѣсни и думки. **С. Дрожжинъ.** Въ деревнѣ. **Георгъ Брандесъ.** Рѣчь. Переводъ съ датскаго **В. Спасской.** **Гр. Градовскій.** Капитанъ Копѣйкинъ. **Вл. Ладыженскій.** Въ комнатѣ тихо. Сижу безъ огня. **Максимъ Ковалевскій.** Баденскій періодъ жизни Тургенева. **Левъ Толстой.** Пѣсни въ деревнѣ. **Н. Анненскій.** Памяти **Н. К. Михайловскаго.** Празднованіе юбилея Литературнаго Фонда. Привѣтствія, полученные Литературнымъ Фондомъ 8 ноября 1909 года.

НОВАЯ КНИГА:

АЛЕКСАНДРЪ И СПЕРАНСКІЙ

ИСТОРИЧЕСКАЯ МОНОГРАФІЯ

Ө. М. УМАНЕЦЪ

Можно получать: 1) въ складѣ типографіи М. Д. Ломковскаго (С.-Петербургъ, Думская улица домъ № 5), 2) во всѣхъ книжныхъ магазинахъ и 3) по слѣдующему адресу: „С.-Петербургъ, до востребованія Оедору Михайловичу Уманцу.

Цѣна 1 рубль.

Поступилъ въ продажу II томъ

«АЛЬБОМА БІОГРАФІЙ»

Н. И. АФАНАСЬЕВА:

„СОВРЕМЕННОКИ“.

Въ немъ 246 біографій современныхъ государственныхъ, ученыхъ, литератур., худож., музык. и общественныхъ дѣятелей, съ 129 портретами и 35 иллюстраціями. Ц. 3 р. 85 к. I томъ — 244 біографіи, ц. 2 р. 50 к. Продается во всѣхъ крупныхъ книжн. магазинахъ. Складъ — книжный магазинъ «Новаго Времени» (Невскій, 40).

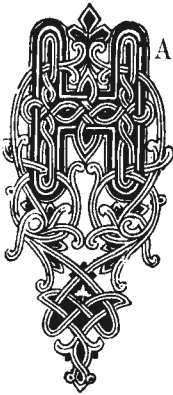
САВВА ЯКОВЛЕВИЧЪ ДЕРУНОВЪ.

СЕМЕЙНАЯ ХРОНИКА ¹⁾.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

VIII.

А СВЯТУЮ былъ большой пожаръ. Съ улучшеніемъ нашего города и наша пожарная команда улучшилась, но нѣкоторые кварталы по краямъ города были такъ тѣсно застроены, такъ ветхи, что загорались, какъ сѣрныя спички. «Погорѣла наша голь мѣщанская», повторялъ вездѣ нашъ молодой, красивый и изящный вице-губернаторъ Неждановъ, предлагая дать концертъ въ пользу погорѣвшихъ. Послѣ концерта будутъ танцы. Время было раннее, весеннее; балы съ постомъ прекратились, но помѣщички не всѣ еще развѣхались, и предложеніе Нежданова всѣмъ очень понравилось... Заручившись одобреніемъ и содѣйствіемъ нашего милого старичка-губернатора, онъ началъ вербовать диллетантовъ. Самъ онъ былъ пианистъ и, надѣвши двѣ пары очковъ (онъ былъ очень близорукъ, а тогда еще у насъ играли по нотамъ), исполнялъ очень хорошо на своихъ журфиксахъ и Листа, и Фильда, и Калькбренера. Оказалось, что между нашими новыми чиновниками и ихъ дамами были хорошіе музыканты и музыкантши. У предсѣдателя одной изъ палатъ была племянница съ прелестнымъ, трогательнымъ голосомъ и необыкновенно пріятной манерой пѣть. Она не любила показываться въ обществѣ, потому что была горбата, но согласилась участвовать въ концертѣ, поборовши себя изъ желанія помочь бѣднымъ погорѣ-

¹⁾ Продолженіе. См. «Историческій Вѣстникъ», т. СХХ, стр. 401.
«Истор. вѣстн.», июнь, 1910 г., т. СХХ.

рѣльцамъ. Потомъ еще говорили, что недавно пріѣхалъ прекрасный флейтистъ. Я его еще совсѣмъ не видала; онъ попалъ въ самый разгаръ нашего балнаго сезона, но бѣдный молодой человекъ очень хромалъ, конфузился этого и на балахъ не показывался. Еще между пріѣзжими былъ хорошій піанистъ. Онъ игралъ Шопена восхитительно, съ большимъ чувствомъ и умѣньемъ, хотя былъ глухъ почти какъ Бетховенъ. Составили программу и поскорѣе послали ее къ уѣхавшимъ помѣщикамъ, чтобы заманить ихъ опять въ городъ. Начались уже репетиціи, когда кто-то сказалъ Нежданову, что я большая музыкантша и даже могу сыграть что-нибудь съ оркестромъ.

Неждановъ сейчасъ же пріѣхалъ къ намъ, извиняясь, что онъ, какъ пріѣзжій, не зналъ мѣстныхъ талантовъ, а потому и не началъ прямо съ меня. Онъ такъ и разсыпался передъ маменькой въ самыхъ изящныхъ фраззахъ, но она никогда не вмѣшивалась въ мою музыку. Сама она не играла, и не только не интересовалась моей игрой, но затворяла отъ себя нѣсколько дверей, чтобы не слышать ея. Вообще она не любила, когда я выходила напоказъ, но теперь предоставила рѣшеніе концертнаго вопроса мнѣ самой.

Я отказывалась, Неждановъ просилъ: музыканты ему сказали, что я два года тому назадъ играла съ ними концертныя вещи.

— Неужели они не говорили вамъ, какъ я дурно ихъ играла. А теперь даже совсѣмъ забыла.

Но Неждановъ все думалъ, что я не хочу играть, потому что обидѣлась, и продолжалъ упрашивать. Чтобы кончить скучную сцену, я сказала, что попробую, и завтра дамъ отвѣтъ. Только что онъ уѣхалъ, какъ явились съ тѣми же извиненіями и съ той же просьбой играть въ концертѣ депутаты отъ нашего старичка-губернатора, Винтовскіе. Это были мои постоянные балные кавалеры, съ ними я не церемонилась, и рѣшительно имъ отказала. Но на каждую причину моего отказа они находили мгновенно возраженія, не заботясь о ихъ вѣскости и логичности, и сидѣли передо мной въ самыхъ почтительныхъ позахъ, но съ явнымъ намѣреніемъ не уѣзжать, пока я не соглашусь.

— Я, разумѣется, никогда не играла въ концертѣ, да еще и за деньги... Я думаю, это такъ страшно.

— Никогда не играли?! Такъ попробуйте!.. Неужели васъ не интересуеетъ именно то, что совсѣмъ для васъ ново!—сказалъ статскій.

— Знаете ли, вѣдь и страхъ испытать хорошо, —подхватилъ гвардеецъ.—Какъ это мило говорила Плэси въ «Ecole des vieillards»: «tout ce qui me fait peur, m'amuse au dernier point» ¹⁾.

— Вы шутите, а мнѣ, право, не до шутокъ. Тутъ у насъ все новое общество, я почти никого не знаю.

¹⁾ «Школы стариковъ»: «Все, что меня пугаетъ, необыкновенно занимаетъ меня».

— А что до новаго общества,—продолжалъ гвардеецъ:—то здѣсь есть, мнѣ кажется, только три опасныхъ человѣка: Колумбовъ, Македонскій и Камбизовъ, но мы попросимъ дядошку ихъ арестовать передъ концертомъ... надѣюсь, Вадимъ, что у него хватитъ на это военной силы?

— Вы потѣшаетесь надъ нами, надъ нашимъ городомъ, надъ нашимъ концертомъ...

— Bravo! bravo!.. Мы побѣждаемъ... вы назвали концертъ вашимъ,—подхватилъ Вадимъ.

— Да, вы надъ нами потѣшаетесь. И чѣмъ у насъ будетъ хуже, тѣмъ вамъ будетъ веселѣе... А я люблю свой городъ и желаю, чтобы все было у насъ хорошо. Безъ меня концертъ сойдетъ отлично... А я могу вдругъ остановиться среди пьесы...

— Что за бѣда, дайте мнѣ легкій знакъ, что дѣло плохо,—сказалъ гвардеецъ:—я закричу, «пожаръ!» и всѣ бросятся вонъ изъ зала...

— И это только придастъ вечеру мѣстный колоритъ,—прибавилъ Вадимъ.

Они смѣялись надъ нами, но и я ужъ смѣялась вмѣстѣ съ ними. Въ самомъ дѣлѣ, только чтобы было весело, а тамъ будь, что будетъ... И я рѣшилась играть въ концертѣ.

Молодые люди разсыпались въ благодарностяхъ передъ маменькой и передо мной.

— Не дадите ли вы мнѣ первую кадрили послѣ концерта?—сказалъ гвардеецъ, кланяясь и доставая до полу криньерой своей каски.

— А мнѣ вторую кадрили и мазурку,—сказалъ статскій, прижимая къ груди свой клакъ.

На это я охотно согласилась: съ ними мнѣ всегда было очень весело.

— Такъ затвори къ намъ двери и играй,—сказала маменька, когда они уѣхали:—а то ты теперь въ своемъ веселомъ духѣ выразишь, что ты Листъ и тебѣ все доступно. Да послала бы за Никитой, посоветовалась бы съ нимъ, что тебѣ играть. И вотъ что я тебѣ еще скажу: зачѣмъ ты отдала два танца Вадиму Винтовскому. Они приѣзжіе, мы ихъ совсѣмъ не знаемъ. И потомъ, еще военный мнѣ больше нравится (маменькѣ всегда больше нравились тѣ молодые люди, которые мнѣ нравились меньше), а этотъ кудрявый краснобай... отъ него лучше подальше. Да и что за манера приглашать заранѣе; въ наше время кавалеры не смѣли утруждать такъ памяти дамъ; а если уже хотѣли съ кѣмъ танцовать, такъ умѣли пригласить раньше другихъ и на самомъ балѣ... Ну, такъ приготовляйся, пошли за Никитой и не забудь къ намъ дверей затворить.

Никита часто игралъ первую скрипку въ оркестрѣ Андрея Кирилловича. Братъя Ступиловы были близкіе сосѣди, очень дружны, и Дмитрій Кирилловичъ всегда отпускалъ своего Никиту къ брату,

если тому хотѣлось щегольнуть своимъ оркестромъ или самому потѣшиться. Оба Ступилова были большіе любители музыки, и Никита безпрестанно пересылался отъ одного къ другому, какъ какой-нибудь Страдивариусъ.

Когда мнѣ еще давали уроки сестры, и я начала немного играть, Александра Петровна сказала маменькѣ, что лучшее средство приохотить къ музыкѣ играть со скрипкою, тотчасъ же прислала мнѣ легонькіе дуэты и обѣщала, когда нужно, присылать своего Никиту. Когда я въ первый разъ услышала за собой его скрипку, сердце у меня дрогнуло отъ радости, и я спуталась. Тогда черезъ мое плечо протянулся къ нотамъ смычокъ, ткнулъ въ то мѣсто, гдѣ я ошиблась, и Никита самъ сыгралъ эту фразу такъ прелестно, что я ее не узнала. Послѣ этой первой пробы мнѣ безпрестанно хотѣлось съ нимъ играть, и я часто писала Александрѣ Петровнѣ, когда они были въ деревнѣ: «Милая Александра Петровна, пришлите мнѣ пожалуйста Никиту». И Никиту мнѣ присылали. Мнѣ хотѣлось не только съ нимъ играть, но и разговаривать, но онъ отвѣчалъ только «да» или «нѣтъ», едва шевеля губами; а разговоръ со мной велъ смычкомъ, указывая мнѣ на нотахъ: *legato*, *moderato*, *pianissimo* и прелестно наигрывая мотивы, которые выходили у меня такими неинтересными.

У Никиты было лицо стараго, некрасиваго итальянца: страшно худое, длинное, съ горбатымъ носомъ. Черные прямые волосы покрывали его голову, какъ соломенная крыша. У него всегда былъ такой видъ, будто онъ только что похоронилъ своихъ близкихъ и еще не опомнился послѣ этого. Я знала, что онъ пьяница, запоець; что во время запоя его запираютъ одного. Я часто знала эти періоды, потому что Александра Петровна сама заботилась, чтобы его вытрезвлять, и наказывала его потомъ тѣмъ, что онъ долженъ былъ служить за столомъ. Она часто присылала за мной послѣ моихъ утреннихъ уроковъ и оставляла у себя обѣдать, если у нихъ не было гостей; и когда я видѣла между служившими за столомъ лакеями печальную фигуру Никиты, съ прижатой къ груди тарелкой, я знала, что Никита запивалъ и что это только что съ нимъ прошло. Это стоянье за столомъ было что-то вродѣ позорнаго столба: онъ ничего не видалъ и не понималъ, что вокругъ него дѣлается, никогда не перемѣнялъ никому тарелокъ, а думалъ свою тяжелую, аупокойную думу.

Няня, которая вездѣ всѣхъ знала, рассказала мнѣ его біографію. Онъ былъ мальчикомъ-пастухомъ у одного изъ богатыхъ помѣщиковъ нашей губерніи.

— Всегда былъ длинноногій, черный, худой, сурьезный, — рассказывала она:— дѣвки его Лимонкой прозвали. И быть бы ему весь вѣкъ пастухомъ, да ихній баринъ услышалъ, какъ онъ на дудочкѣ играетъ, и отдалъ его учить въ музыканты. Когда онъ

выучился, его Дмитрій Кириллыч купилъ. Молодой еще баринъ онъ тогда былъ, и много, говорятъ, денегъ за него далъ!.. Пожелалъ Никита у нихъ жениться; ну, волей никто за него не пошелъ. Это ужъ Александра Петровна свою горничную, такъ немудреную, рябоватую, уговорила за него пойти. А какъ онъ въ ученьи былъ, за него, говорятъ, учителява дочь нѣмка шла. Ну, отецъ съ матерью побоялись... крѣпостной... Онъ и пьяный и все такой же; только все самъ съ собою говорить. Скрипку возьметъ, играетъ; ужъ такъ хорошо, говорятъ, играетъ, лучше трезваго, а то вдругъ кулакомъ по столу хватить, да такъ жалостно, жалостно заплачетъ... Онъ ничего, онъ и пьяный тихій; и вино ему веселья не даетъ.

Я послала няню за Никитой. Она тамъ очень замѣшкалась и таинственно сообщила мнѣ, возвратясь, что Никиту еще выдерживаютъ послѣ запоя; что его приведетъ къ намъ Ананій (вторая скрипка) и будетъ сторожить чернѣй ходъ, а на парадномъ она предупредила Вавилу.

— Онъ теперь ничего, все утро съ нами игралъ. Только очень тоскуетъ. Всѣ боятся, какъ бы не убѣжалъ, да не запилъ. Онъ теперь у нихъ за капельмейстера.

Никита пришелъ со скрипкой и остановился у дверей. Въ лицѣ у него было новое для меня выраженіе робости и растерянности. Я позвала его къ фортепіано и показала нѣсколько пьесъ, которыя два года тому назадъ я съ ними играла. Это все былъ Герцъ. Онъ потрогалъ тетради своими необыкновенно худыми, смуглыми и дрожащими пальцами и что-то неодобрительно промывчалъ. Я сказала, что просятъ играть съ оркестромъ, а у меня нѣтъ ничего другого, надо изъ этого выбрать. Онъ поставилъ на пюпитръ вещь, которая и мнѣ больше другихъ нравилась, открылъ на *adagio*, взялъ скрипку и началъ играть. Я слушала его, облокотясь на фортепіано и стараясь запомнить его разнообразныя, прелестныя, грустные отгѣнки. Вдругъ музыка оборвалась. Я подняла голову. Никита стоялъ передо мной на колѣнахъ и робко шепталъ:

— Барышня!.. рюмочку!.. только одну... Мочи моей нѣтъ... Пожалѣйте!.. Хуже смерти... Тоска!.. больше не могу!..

Я ужасно испугалась, но старалась принять строгій видъ и сказала ему, чтобы онъ всталъ; но онъ не поднимался и заговорилъ необыкновенно жалобно:

— Только одну... Только изъ вашихъ ручекъ... больше не дадутъ!.. Анашка сторожить... А мнѣ смерть!.. тоска, барышня... Тоска!.. Сосеть!.. сосеть!..

Онъ плакалъ и протягивалъ ко мнѣ свои худыя, жалкія руки.

Я не могла больше выносить. Будь, что будетъ, а я принесу ему эту рюмку. Я пошла къ дверямъ.

— Барышня...—остановилъ онъ меня въ испугѣ, вскакивая съ колѣнъ.—Барышня, ради Бога, не зовите ихъ!.. Пожалѣйте!.. Мочи моей нѣтъ!.. Тоска!.. Сосеть!..

Когда я наливала ему въ столовой рюмку водки, у меня дрожали руки и ноги: я боялась, что кто-нибудь помѣшаетъ мнѣ дать ему выпить эту рюмку... Какъ онъ обрадовался... весь задрожалъ... И какъ отвратительно началъ пить, проливая себѣ на пальцы... Онъ выпилъ не все и суетливо поставилъ рюмку на окно, между банками цвѣтовъ.

— Господи!.. всѣ добрые!.. всѣ!.. А ужъ Андрей Кириллович!.. Лучше его нѣтъ!.. Чуть новыя ноты... за Никитой!.. «Играй, братецъ»... И нашъ баринъ!.. Всѣ, всѣ хороши!.. Да вѣдь и за меня за что-нибудь пять тысячъ заплатили!..—заговорилъ онъ вдругъ трагическимъ шопотомъ, сильно ударя себя въ худую, узкую грудь. Пять тысячъ... Стало, Никита этого стоить... Я играю... я надъ всѣми царь... Духъ захватываетъ... Ангелы кругомъ летаютъ.. Андрей Кириллычъ говорить: «Никита... будетъ... перестань, братецъ!.. такъ ты это хорошо играешь... ты меня замучилъ!.. Стало быть, я этихъ денегъ стою!..

Вышла маменька и съ удивленіемъ посмотрѣла на насъ обоихъ. Никита весь съежился; бросился къ окну, быстро выпилъ остатокъ водки и, растерявшись, не зная, куда поставить рюмку. Я взяла ее у него изъ рукъ. Глаза у меня были полны слезъ. Маменька поняла, что тутъ было, и велѣла мнѣ уйти.

Никиту повели домой. Онъ шелъ и жестикулировалъ. Но на другой день на репетиціи былъ тихъ и мраченъ, какъ всегда. Запой его кончился.

IX.

Пришелъ день концерта. Утромъ была репетиція, и хотя къ намъ никого изъ постороннихъ не пускали, но Юленька ворвалась. Она только наканунѣ пріѣхала изъ деревни, узнала, что я тоже участвую, и, несмотря на увѣщанія своего мужа, пріѣхала къ намъ въ собраніе и велѣла вызвать меня въ переднюю.

— Къ намъ не участвующихъ не пускаютъ,—сказала я, цѣлуя ее и радуясь, что она пріѣхала.

— А ты устрой, чтобы меня впустили.

— Не могу, душа моя, къ намъ на первую репетицію пріѣхалъ чуть не весь городъ, и теперь Неждановъ объявилъ, что никого не будетъ пускать. Его жена заѣзжаетъ за мной и за Очаковой, такъ что ни ея тетка, ни маменька тоже не бываютъ.

— А ты все-таки устрой. У меня въ карманѣ интересное письмо отъ дядюшки Андрея Кирилловича; въ немъ говорится о вашемъ концертѣ. Если ты устроишь, чтобы меня впустили, я тебѣ его покажу.

— А самъ онъ прїѣдетъ?—спросила я.

— Нѣтъ, и изъ письма узнаешь почему.

— Попробую,—сказала я, заинтересованная письмомъ, и послала швейцара попросить къ намъ Нежданова.

Онъ сначала самымъ вѣжливымъ образомъ, но рѣшительно отказалъ, потомъ началъ сдаваться, и послѣ нѣкоторыхъ колебаний ввелъ въ залъ. Да и можно ли было ей отказать, такой хорошенькой, такой настойчивой, съ такими прелестными локонами и съ такими удивительными перьями на петербургской шляпѣ. Я провела ее въ нашу артистическую комнату и познакомила ее съ Неждановой и съ нашими артистами. Когда они съ ней говорили, какой-то особенный, веселый огонекъ блестѣлъ въ ея живыхъ черныхъ глазахъ.

«Сдѣлала по-своему и радуется», подумала я.

Началась репетиція флейты, я увела Юленьку въ залъ и потребовала письмо.

— Вотъ читай, что подчеркнуто карандашомъ. Это дѣловое письмо къ Алешѣ, разные распоряженія въ пользу погорѣвшихъ, интересно только то, что онъ отвѣчаетъ на приглашеніе въ концертъ.

Въ длинномъ письмѣ было подчеркнуто только нѣсколько строкъ:

«Посылаю еще пятьдесятъ рублей, купи билетовъ и подари своимъ клеркамъ и ихъ женамъ. А я на вашъ концертъ не прїѣду. Конечно, очень трогательно, что глухіе, слѣпые, хромые и увѣчные будутъ играть и пѣть въ пользу погорѣвшихъ, но все-таки въ вашу Виѣзду меня не тянетъ: у меня здѣсь жаворонки такъ и звенять, и соловьи заливаются».

— Это ужасно зло...—заговорила я, совсѣмъ взволнованная.— Ужъ этого я никакъ отъ него не ожидала...

— Можетъ быть, это и зло, но совершенная правда,—возразила смѣясь Юленька.—Я не знала, какъ съ собой справиться, когда ихъ увидала. Подобрали же вы такую команду!..

— Вообрази, что мнѣ и въ голову не приходило, что они всѣ... въ самомъ дѣлѣ такіе... Да и другіе видѣли въ нихъ только хорошихъ музыкантовъ... Это только его злому, насмѣшливому уму все такое въ глаза бросается... Скажи Алексѣю Петровичу, чтобы онъ, ради Бога, не говорилъ никому объ этомъ ужасномъ сравненіи... Что будетъ, если кто-нибудь изъ нихъ объ этомъ узнаетъ... Особенно Очакова... Если бъ ты знала, какая она прелестная... Вотъ ты сейчасъ услышишь, какъ она восхитительно поетъ!..

— Знаешь что,—сказала Юленька, оглядывая въ лорнетъ нашу эстраду:—мнѣ ужасно жаль, что я не могу что-нибудь сыграть или спѣть. Я прелестное платье изъ Петербурга привезла, и какъ бы оно было эффектно на эстрадѣ... Послушай, что если я тебѣ буду листы у нотъ перевертывать?

— По нашей программѣ выведетъ меня на эстраду и будетъ перевертывать листы Неждановъ, но я бы такъ была рада, если бы это была ты. Tu lui a donné dans l'oeil ¹⁾, какъ выражается Вадимъ Винтовскій, и я впередъ увѣрена, что онъ на все согласится.

— А что ты надѣнешь?—спросила съ безпокойствомъ Юленька.

— Бѣлое платье.

— Съ чѣмъ-нибудь цвѣтнымъ?

— Нѣтъ, только будутъ большіе банты на плечахъ изъ бѣлыхъ газовыхъ лентъ съ золотомъ.

— Отлично; наши туалеты будутъ выигрывать одинъ подлѣ другого, какъ у французенокъ въ Михайловскомъ театрѣ.

— Мнѣ надо итти репетировать,—сказала я:—а ты поди къ Нежданову и завоевывай эстраду.

— Нѣтъ, ужъ это ты мнѣ сдѣлай. Скажи, что ты привыкла, чтобы я тебѣ листы перевертывала... Только я тебѣ впередъ скажу, что я слѣдить за ногами не умѣю... да и не хочу; а ты мнѣ будешь дѣлать какой-нибудь знакъ... Да вотъ еще что! Алеша говоритъ, что тебѣ готовятся два букета. Этотъ сумасшедшій Вадимъ Винтовскій, тихонько отъ своего дядюшки, поскакалъ вчера въ Удолье тебѣ за цвѣтами. А за другимъ букетомъ послалъ сегодня Силичъ въ Ступиловку. Только нашъ любезный дядюшка такъ самъ любить свои цвѣты, что пришлетъ развѣ резеды да желтофіолей; да и за это еще нельзя ручаться.

— Мнѣ ужасно досадно, что онъ не прійдетъ,—сказала я.— Онъ бы раскаялся въ своемъ ужасномъ сравненіи, если бъ услышалъ, какъ поетъ Очакова.

— Ну, я думаю, ужъ онъ давно ни въ чемъ не раскаивается,—сказала Юленька тономъ замужней женщины, которая ужъ все отлично знаетъ о разныхъ мужскихъ дѣлахъ.

Неждановъ назначилъ намъ съѣхаться за часъ до начала концерта, и мы почти въ срокъ, въ нарядныхъ туалетахъ, подѣхали съ Юленькой къ собранію. Хоть она была только на годъ старше меня, но въ качествѣ замужней дамы меня шаперонировала. Маменька была довольна остаться лишній часъ дома и отпустила меня съ Юленькой въ Виездку, какъ я, къ стыду моему, называла мысленно нашъ концертъ. Въ передней насъ встрѣтилъ Вадимъ Винтовскій.

— Пожалуйста, не смотрите на наши туалеты,—сказала ему Юленька, когда онъ помогаль намъ снимать наши бедуины.—Концертъ проиграетъ, если публика увидитъ ихъ заранѣе. Вы слышите, я говорю «наши туалеты», я тоже участвую въ концертѣ.

— Вы меня приводите въ отчаяніе, Юлія Владимировна. Пощадите! Неужели еще не конецъ моимъ мученіямъ! Миропія Ва-

¹⁾ Онъ тебя очень отмѣтилъ.

сильевна, послушайте меня и хоть крошечку пожалѣйте!.. Я страстно желалъ имѣть честь поднести вамъ букетъ: сказался дядюшкѣ больнымъ, поскакалъ въ Удолье, такъ тамъ обворожилъ толстаго англичанина-управляющаго своимъ англійскимъ языкомъ, что онъ самъ срѣзалъ мнѣ лучшіе цвѣты. Возвратясь сегодня утромъ, я уснулъ, какъ убитый; брата не было дома; дядюшка пришелъ навѣстить больного племянника; выпросилъ все у моего глупаго слуги, поймалъ меня, что называется, съ поличнымъ и отобралъ у меня букетъ. Потомъ преспокойно раздѣлилъ его на два и намѣренъ самъ поднести одинъ вамъ, другой Очаковой. Слыхали ли вы когда о подобномъ тиранствѣ!.. Теперь для Юліи Владимировны онъ раздѣлитъ цвѣты на три букета; что же тогда достанется вамъ, Миропія Васильевна... Я протестую, я рѣшительно протестую противъ вашего участія въ концертѣ, Юлія Владимировна, и непремѣнно буду вамъ шикать до тѣхъ поръ, пока меня изъ зала не выведутъ!..

— Bravo, bravo. Вашъ монологъ стоитъ двухъ букетовъ, — сказала я смѣясь.

— И вотъ награда за мою преданность... Вашей похвалою моему «монологу» вы хотите показать, что находите удачнымъ прозвище, которое далъ намъ вашъ доморощенный Ювеналь и вѣрите ему, что братья Винговскіе французскіе водевили здѣсь разыгрываютъ. Но я сразу увидалъ, что онъ самъ страстно желалъ бы, какъ Фаустъ, изъ *rêve noble* обратиться въ *jeune premier*¹⁾, да еще духи ему не повинуются; оттого онъ и засѣлъ въ свою берлогу...

— *Mesdames, entrez de grâces. Le public se rassemble*²⁾ — заговорилъ укоризненно Неждановъ, отворяя дверь артистической комнаты и приглашая насъ туда.

Всѣ наши въ парадныхъ туалетахъ были ужъ въ сборѣ. Я пытливо посмотрѣла на всѣхъ, желая по ихъ лицамъ угадать, не знаетъ ли кто про Виеезду; но всѣ они были только торжественно взволнованы ожиданіемъ своего появленія передъ публикой. Нежданова, очень нарядная, сидѣла передъ серебрянымъ самоваромъ за чайнымъ столомъ, уставленнымъ фруктами, конфетами и разнымъ печеньемъ. Она была малороссіянка, говорила много, съ сильнымъ акцентомъ, на всѣхъ языкахъ и все о своемъ мужѣ. Ея красивые, черные глаза постоянно слѣдили за нимъ съ восхищеніемъ, и она не замѣчала подвинутыхъ ей чашекъ и забывала, что взялась наливать чай. Подлѣ нея сидѣла Очакова и была очень мила въ свѣтломъ вырѣзномъ платьѣ. Недостатка ея спины почти не было видно подъ широкой кружевной бертой. Флейтистъ стоялъ у ней за стуломъ и сбивалъ гоголь-моголь. Къ мнѣ сейчасъ подошелъ пианистъ

¹⁾ Благородный отецъ. Первый любовникъ.

²⁾ Пожалуйста войдите, сударыни! Публика собирается.

Чувашевъ и неприятнымъ голосомъ глухого человѣка началъ мнѣ что-то рассказывать. Онъ выбралъ меня въ постоянныя собесѣдницы, потому что я старалась говорить съ нимъ отчетливо и повторяла свои реплики, пока онъ ихъ не услышитъ. Но теперь я его не слушала, заинтересованная общимъ разговоромъ.

— А что, не прѣхалъ ли къ нашему концерту monsieur Ступиловъ?—спросила Очакова.—Объ немъ всё такъ много говорить, что мнѣ бы хотѣлось его видѣть.

— Мой мужъ получилъ отъ него сегодня письмо, что онъ не прѣдетъ,—сказала Юленька.

— И хорошо сдѣлалъ, что остался дома,—сказала Нежданова.—Безъ него спокойнѣе. Вѣдь онъ страшный насмѣшникъ.

Между тѣмъ залъ быстро наполнялся публикой. Около нашей двери слышался по временамъ шелестъ шелковыхъ платьевъ, голоса знакомыхъ дамъ и почтительнѣйшія заявленія лакея, который стоялъ съ другой стороны у двери: «Сюда просить не входить». Но вотъ раздался звонокъ. Въ залѣ сильно зашумѣли стульями, и не все скоро стихло. Лакеи вошли на эстраду и зажгли свѣчи у рояля. Первый вышелъ Неждановъ, его встрѣтили и проводили аплодисментами. Второй игралъ флейтистъ съ оркестромъ, его тоже приняли хорошо. Потомъ Очакова пропѣла два романса Глинки, и ей много аплодировали. А вотъ и мы выходимъ. Намъ шумно аплодируютъ. Сердце у меня бьется сильно, но я съ любопытствомъ смотрю въ ярко освѣщенный залъ, ищу и нахожу знакомыя лица: вотъ маменька смотритъ на меня съ безпокойствомъ, какъ бывало смотрѣла на меня маленькую, когда я несла чашку съ горячимъ чаемъ, вотъ старичокъ-губернаторъ между нарядными дамами, вотъ Силичъ, Винтовскіе, вся наша молодежь. Многіе стоятъ отъ недостатка мѣстъ и всё намъ шумно аплодируютъ. Мнѣ бы хотѣлось поблагодарить ихъ хоть легкимъ поклономъ, но Неждановъ заранѣе предупредилъ, что это не принято. Я сажусь за рояль, Юленька становится съ боку; налѣво отъ рояля черная толпа музыкантовъ. Я подаю Никитѣ знакъ начинать. Страшно было ударить первый аккордъ послѣ ихъ прелестнаго *tutti*, но вотъ я начала, и все идетъ хорошо; Юленька ловко перевертываетъ листы и совсѣмъ не говоритъ со мной, вариации прошли бойко; очень красиво вышло *adagio*, и ужъ началось послѣднее *allegro*.

— Вообрази,—заговорила вдругъ Юленька:—дядюшка Андрей Кирилловичъ!.. Остановился въ дверяхъ... Запрещаетъ къ себѣ подходить... Показываетъ, что всё должны слушать твою божественную музыку...

— Молчи, трудное мѣсто,—прервала я ее.

Мѣсто было не трудное, но я никогда не могла его хорошо выучить. Это были коротенькіе скучные мотивы съ безпрестанными

модуляціями. Когда я два года тому назадъ учила эту вещь съ Кречетовымъ и играла съ оркестромъ, то непременно тутъ сбивалась, бросала и начинала опять съ вступительнаго аккорда, отъ котораго шли цѣлыхъ два листа этой скучной музыки. Музыканты, мои добрые друзья, терпѣливо повторяли одно и то же. Теперь послѣ уроковъ Таниловой я играла толково; къ концерту все старательно выучила и оба раза, какъ играла на ренетиціи, оркестръ былъ мной очень доволенъ, а Ребристовъ мнѣ апплодировалъ. И теперь я ужъ довела благополучно до половины мои модуляціи, когда Юленька сказала, что вошелъ Ступиловъ. Сердце у меня дрогнуло отъ радости. «Пріѣхалъ, какъ хорошо»... — пронеслось у меня въ мысляхъ, и я забыла все остальное, потеряла строчку, остановилась. Слышу, Никита играетъ въ оркестрѣ мотивъ, на которомъ я остановилась, хочеть, чтобы я его подхватила и поправила, но я совѣмъ растерялась, перекинула, къ удивленію Юленьки, листъ назадъ и ударила мой прежній вступительныхъ аккордъ... Начала я играть, не помня себя отъ страха... а за мной идутъ всѣ инструменты оркестра... «Милые, голубчики»... — восторженно благодарила я ихъ отъ души, а пальцы мои отъ радости летѣли съ небывалой быстротой и вѣрностью. Вотъ кончены несносныя модуляціи, и я быстро понеслась въ моемъ любимомъ финалѣ; чисто, смѣло сыграла всѣ блестящіе пассажи, и рояль дрогнувъ подъ бойкими послѣдними аккордами... Конецъ!..

Залъ затрещалъ отъ громкихъ рукоплесканій. Я вскочила со стула и бросилась къ музыкантамъ.

— Милые, родные... голубчики!.. Какъ это вы меня выручили, какъ догадались.

Всѣ они весело смѣялись, охорашивая свои инструменты; даже у Никиты была настоящая улыбка.

— Какъ же намъ было не догадаться,—заговорилъ протолкавшійся ко мнѣ Ребристовъ.—Вѣдь два года тому назадъ у насъ тутъ всегда это самое было. Начали вы опять «я въ пустыню удаляюсь», а Никита вздумалъ было за вами «ты постой, красавица, постой», а я прямо показалъ сосѣдямъ вашъ всегдашній аккордъ и говорю: передавайте всѣмъ, барышня сейчасъ его ударить. Ну, такъ и вышло...

— Мирочка!—позвала меня Юленька.

Я обернулась. Въ артистической комнатѣ, передъ лѣстницей на эстраду, подъ руку съ моей матерью стоялъ нашъ милѣйшій старичокъ губернаторъ съ букетомъ въ рукѣ и съ миной совершенно восхищеннаго человѣка. Я сбѣжала къ нимъ.

— Прелестно, прелестно!—заговорилъ онъ, продолжая мнѣ апплодировать.—Прелестно! и хоть вы сами лучше всякихъ цвѣтовъ, но позвольте поднести вамъ этотъ букетъ въ память вашего сегоднешняго торжества. Прелестно! прелестно.

Я поблагодарила его и очень похвалила цвѣты.

— Это изъ удольскихъ оранжерей,—сказаль онъ небрежно.— А какая страстная музыкантша ваша дочка,—обратился онъ къ маменькѣ.—Какъ только кончила, не обращая вниманія на наши аплодисменты, побѣжала распекать оркестръ за какую-то оплошность... Прелестно! Мнѣ особенно понравилось одно мѣсто: сначала что-то таинственное, заунывное, недостижимое, и потомъ этотъ увлекательный финаль. Прелестно! прелестно! *Mademoiselle votre fille est une musicienne accomplie* ¹⁾),—продолжалъ онъ, уводя маменьку въ залъ.

Мы съ Юленькой пошли за ними. Залъ опустѣль, публика, пользуясь антрактомъ, разошлась по другимъ комнатамъ. Въ дверяхъ насъ встрѣтили Винтовскіе. Близъ эстрады стоялъ Андрей Кириллычъ; его окружали мужчины, а онъ что-то весело говорилъ съ музыкантами. Юленька пошла къ нему; я остановилась съ Винтовскими.

— Что же вы не выручали меня, не закричали: «пожаръ»?—сказала я гвардейцу.—Вѣдь я совѣмъ погибала!

— Я не видалъ знака тревоги,—отвѣчалъ онъ:—а ужъ я ли не смотрѣлъ на васъ.

— Никто ничего не могъ замѣтить,—насмѣшливо заговорилъ Вадимъ, постукивая клакомъ по колѣну.—Весь залъ былъ увлеченъ тѣмъ же, кѣмъ и вы...

— Да, да!—перебилъ его гвардеецъ:—вотъ какого туза мы сюда заманили, благодаря тому, что ваше имя появилось на программѣ. Не надо забывать и нашей благотворительности: эти господа платятъ щедро.

— Благодарю васъ за цвѣты,—сказала я Вадиму:—но я такъ провалилась, что мнѣ совѣстно было получать такую прелесть. Надо было все отдать Очаковой.

— О, я не цѣнитель музыкальныхъ талантовъ,—отвѣчалъ онъ.— Я просто радъ былъ возможности увидеть мой букетъ въ вашихъ рукахъ.

«Навѣрное, это изъ Скриба», подумала я.

Къ намъ подходили Юленька съ Андреемъ Кирилловичемъ; я пошла къ нимъ навстрѣчу.

— Я иду благодарить васъ за вашихъ музыкантовъ,—сказала я, здороваясь съ Ступиловымъ.

— Я тоже шелъ благодарить васъ за нихъ,—отвѣчалъ онъ.— Я не знаю, что вы имъ сказали, но они теперь счастливы и горды, какъ побѣдоносные рыцари. Вы и Никиту научили радоваться, что къ нему просто совѣмъ нейдетъ.

— Это мои старые добрые друзья. Какъ я, бывало, мучила ихъ моей невозможной музыкой.

¹⁾ Ваша дочь совершенная музыкантша.

— А теперь вы играли прелестно! Въ вашемъ allegro былъ такой неудержимый молодой задоръ, что онъ расшевелилъ и меня. А я теперь только злосъ и ничѣмъ не интересуюсь... Вы какъ будто всѣмъ намъ говорили: «Я ошиблась... Ну, такъ вотъ вамъ!.. вотъ вамъ за это!..»

— А знаете, дядюшка,—начала смѣясь Юленька:—Мира очень разсердилась на васъ за Виѳезду. Признайтесь... вѣдь вы бы удержались отъ этого сравненія, если бъ знали, что и она съ ними.

— Я въ отчаяннiи, Миропiя Васильевна, что опять заслужилъ вашъ справедливый гнѣвъ, и смиренно прошу у васъ прощенiя. Но отъ своихъ словъ я никогда не отказываюсь... Да и тутъ ваше присутствiе даже подтверждаетъ мое сравненiе... Я только не зналъ, что сегодня тотъ день, когда свѣтлый ангелъ сходитъ возмущать воду... И я очень счастливъ, что захватилъ хоть немного его присутствiя... Вѣдь вы во второмъ отдѣленiи не играете.

— Ради Бога, дядюшка, не возводите ее въ ангельскiй чинъ,—сказала смѣясь Юленька.—Хоть она и надѣла сегодня воздушные банты на плечи, но у ней тамъ не запряганы крылья, увѣряю васъ.

— Вы оба такъ остроумно смѣетесь надо мной, что я теперь не берусь защищать передъ вами моихъ товарищей,—сказала я.—А вотъ сейчасъ Очакова начнетъ пѣть, и я посмотрю, что будетъ съ вами, Андрей Кирилловичъ... Вѣдь она могла бы узнать о вашей Виѳездѣ...

— Вы научили радоваться Никиту, можетъ быть, выучите и меня раскаиваться...—сказалъ онъ.

Уже звонили, и публика шумно наполняла залъ. У насъ съ Юленькой не было опредѣленныхъ мѣстъ, и Ступиловъ вдвинулъ намъ два стула въ свободное мѣсто, сбоку эстрады. Лакеи засуетились, чтобы подать ему стулъ, и онъ сѣлъ сзади насъ за Юленькой.

— У васъ прелестные цвѣты,—сказалъ онъ, наклоняясь къ моему букету.—Все рѣдкiе экземпляры. Вотъ этого цвѣтка и у меня еще нѣтъ. Я тоже везъ вамъ букетъ: его желалъ вручить вамъ здѣсь Силичъ. Но когда я приѣхалъ, мнѣ передали отъ него загадочную записку, изъ которой я узналъ, что съ позволенiя вашей матушки его букетъ будетъ ждать въ вашей гостиной вашего возвращенiя изъ концерта. Я думалъ, что онъ рѣшилъ такъ по какимъ-нибудь своимъ кабалистическимъ выкладкамъ; но теперь я вижу, что онъ просто боялся соперничества. Посмотрите, какимъ сфинксомъ стоитъ онъ тамъ, у окна, и неидетъ сюда, хоть мы съ нимъ давно не видались. А мои цвѣты тоже хороши; любовно выхожены... Вы тамъ найдете прелестную лилю: она только что распустилась и стояла такая высокая, свѣжая, бѣлая... гордая... Когда мои ножницы взвизгнули на ея стеблѣ, мнѣ казалось, что она вскрикнула отъ негодованiя на мою дерзость....

— Это ужасно, дядюшка! Вы говорите о своихъ цвѣтахъ, какъ о живыхъ людяхъ! Вотъ ужъ не взяла бы у васъ ни одного цвѣтка, если они вамъ такъ дороги,—сказала Юленька.

— А мнѣ кажется, что только тотъ подарокъ и цѣненъ, когда отдаютъ вамъ то, чѣмъ сами очень дорожили,—сказала Ступиловъ:—отрываю отъ сердца и даю, вотъ настоящій подарокъ. А все другое, что-то вроде распродажи дешевыхъ товаровъ.

Въ публикѣ зааплодировали, началось второе отдѣленіе. Выходили Чувашевъ, Неждановъ, флейтистъ. Ступиловъ мѣтко, въ двухъ словахъ, отмѣчалъ достоинства и недостатки ихъ игры и всеѣмъ аплодировалъ. Я слушала ихъ разсѣяннo, ожидая Очакову. Вотъ наконецъ и она вышла. Неждановъ старательно сыгралъ прелюдію, и она запѣла шубертовское «Adieu». Прелестный, трогательный голосъ, и какъ хорошо она пѣла! Я обернулась къ Ступилову. Онъ слушалъ съ новымъ для меня выраженіемъ лица, тихій и грустный. Я невольно укоризненно взглядывала на него при каждомъ особенно удачномъ исполненіи и встрѣчала его глубокій задумчивый взглядъ. Очакова спѣла нѣсколько романсовъ, и когда кончила, вся публика поднялась, аплодируя и шумно отодвигая стулья, потому что концертъ кончился. Почему-то Ступиловъ ей не аплодировалъ, но я видѣла, какое сильное впечатлѣніе сдѣлало на него ея пѣніе, и торжествовала.

— Хорошо?—спросила я его, вставая и пропуская впередъ уходящую Юленьку.—Хорошо? Не правда ли?

— Да, хорошо,—отвѣчалъ онъ съ тѣмъ же новымъ для меня выраженіемъ глазъ.—Но если бы вы знали, какъ неотразимо прелестны вы сами...

Наше время было время комплиментовъ; какъ теперь дамы на балахъ танцуютъ всеѣ обшпиленные котильонными вещами: блестящими жучками и козявками, такъ мы, если можно такъ выразиться, были всеѣ обстрѣляны комплиментами; но эта неожиданная выходка сильно смутила меня.

— Не сердитесь!—сказала Ступиловъ.—Это вырвалось у человѣка, который, благодаря вамъ, начинаетъ... раскаиваться...

Мнѣ послышался въ этой фразѣ его обыкновенный шутиливый тонъ, и я доврчиво заговорила съ нимъ:

— Вотъ что было бы прекрасно: пойдите къ Очаковой и похвалите ея пѣніе... Вы это такъ хорошо умѣете... А она такъ желала видѣть васъ... Вы пойдете?.. Не правда ли?..

— Да, я пойду... Развѣ вы не видите, что я буду дѣлать все, что вы прикажете...

— А развѣ вы сами не хотите загладить чѣмъ-нибудь вашу злую шутку?

— О! увѣряю васъ, какъ честный человѣкъ, что мнѣ теперь ни до кого и ни до чего нѣтъ дѣла!.. Я только страстно хочу своего собственнаго счастья... И мнѣ чудится, что оно отъ меня близко... Только смѣю ли я взять его!.. Миропія Васильевна!.. Я великій

грѣшникъ... а вы совѣмъ святая... Помолитесь, чтобы Господь внушилъ мнѣ, что я долженъ дѣлать... Помолитесь обо мнѣ!..

— Знаете ли, что я съ дѣтства молюсь о васъ,—сказала я, не поднимая глазъ отъ моего букета, потому что необычный тонъ Ступилова смущалъ меня.—Когда я, маленькая, была у васъ въ Ступиловкѣ, меня просила молиться за васъ ваша Аринушка. Я и теперь часто ловлю себя на моей дѣтской молитвѣ: «Помилуй, Господи, Андрея Кириллыча и его Аринушку».

Я весело подвняла на него глаза, думая, что мое дѣтское прошеніе развеселитъ его... Но что съ нимъ сдѣлалось... Какъ онъ поблѣднѣлъ... Какъ странно смотрѣлъ на меня, точно передъ нимъ стояло привидѣніе... Онъ взялъ свою шляпу со стула.. я видѣла, какъ дрожала его рука... потомъ раздвинулъ передо мной стулья, чтобы пропустить меня, поклонился и пошелъ къ двери. Сердце мое сжалось... Что такое случилось!.. Я тревожно провожала его глазами... Въ дверяхъ его окружили, должно быть, просили остаться. Я видѣла, что онъ говоритъ, смѣется; подошелъ къ моей матери, еще къ другимъ дамамъ; потомъ окинулъ взглядомъ залъ, какъ бы ища кого-то. Подошелъ къ Очаковой; она радостно вспыхнула, отвѣчая ему; поговорилъ съ ней немного, поклонился и пошелъ къ дверямъ. Его опять окружили; но онъ, привѣтливо кланяясь направо и налево, ушелъ изъ зала. Что же это значитъ?..

— Voulez vous bien m'accorder un tour de valse, mademoiselle? ¹⁾.

Передо мной стоялъ Вадимъ Винтовскій; музыка играла вальсъ. Я спѣшила надѣть перчатки.

— Triste est le sort humain ²⁾,—продолжалъ онъ, пока я застегивала непослушныя пуговицы, а онъ держалъ мой букетъ.—Нѣсколько лишнихъ бокаловъ шампанскаго, и самый интересный гость долженъ уѣхать.

— Вы это говорите о Ступиловѣ?

— Да, къ сожалѣнію, о немъ.

— Такъ это онъ былъ пьянъ!..

Когда гвардеецъ Винтовскій велъ меня къ нашему мѣсту въ кадрили, я его спросила:

— Неужели это правда, что Ступиловъ долженъ былъ уѣхать потому, что выпилъ много шампанскаго?

Онъ засмѣялся и, добродушно глядя на меня, сказалъ:

— Позвольте отвѣтить вамъ двумя строками одного поэта, нѣсколько измѣненными:

И влюбленнаго отъ пьянаго
Не сумѣли отличить.

¹⁾ Позвольте попросить васъ на туръ вальса.

²⁾ Печальная участь человѣка.

— Можетъ быть, это нескромно, но мнѣ бы хотѣлось знать, кто могъ это сказать вамъ?

— Вашъ братъ...

— О, что говорить о Ступиловѣ Вадимѣ, не можетъ быть серьезно: онъ сердитъ на него за скрибовскихъ *jeunes premiers*. А теперь злятся еще больше потому, что наше пребываніе здѣсь кончается совсѣмъ по Скрибу: дядюшка платитъ наши долги и высылаетъ насъ отсюда. Будете ли вы насъ добромъ вспоминать?

— Еще бы. Съ вами всегда было такъ весело... А вашъ братъ...

— Былъ все время пьянъ,—докончилъ за меня гвардеецъ.

Я поняла намекъ и нѣсколько смутилась... но потомъ мы оба засмѣялись.

Х.

Прошло два дня, волненіе, поднятое концертомъ, совсѣмъ улеглось, но крайней мѣрѣ для меня. Очакова прислала мнѣ нѣсколько книгъ, и я читала «запоемъ», какъ выражалась маменька. Я сидѣла въ своей комнатѣ за «*La mare au Diable*»¹⁾ и была вся поглощена прелестнымъ разсказомъ, какъ вошла няня.

— Что все сидишь за книжкой, точно Ванька кантонистъ! И платьѣ надѣла кой-какое, и волосы зализала...

— Няня, милая, голубушка, ради Бога не мѣшай! Ужасно интересно!—просила я ее, не отрывая глазъ отъ книги.

— Интересно! Нашла чего интереснаго!.. Ты бы лучше спросила, кто у насъ въ гостиной сидитъ... Никого принимать не велѣли; чай, тебя скоро позовутъ. Тебя ступиловскій баринъ пріѣхалъ сватать!..

Дамы часто падали въ обморокъ въ то время, къ чему я относилась недоувѣрчиво; думала, что онѣ притворяются; но теперь, не будь я такъ молода и здорова, я бы упала безъ чувствъ: вся кровь бросилась мнѣ въ голову, въ ухахъ зазвенѣло, руки похолодѣли и дышать было нечѣмъ. Но это продолжалось одну минуту.

— Да, Мирушка, я у барыни пыль стирала, мнѣ и слышно; такъ участливо все говорить. Я и пришла къ тебѣ сказать: платьѣ другое надѣнь да голову-то по-людски причеши, я тебѣ Матрену пошлю. А меня тамъ, можетъ, барыня спросить...

И она заковыляла по лѣстницѣ съ небывалой быстротой.

Прибѣжавшей Матрешѣ я ужъ могла выговорить, что она мнѣ не нужна. Я начала было совсѣмъ приходить въ себя, какъ меня вдругъ охватило то невыразимое чувство восторга, съ которымъ я летѣла птицей на «Джеральдѣ», когда онъ меня несъ. Я старалась взять себя въ руки, но мысли кружились въюгой. «Такъ вотъ что

¹⁾ Чортово болото.

случилось! Ступиловъ за меня сватается!... Но какъ же это можетъ быть? Значитъ, онъ въ меня влюбленъ! Какъ это страшно». Я пролетѣла мыслью по романамъ, которые читала; ничто не подходило. Вспомнила Николеньку, да, тотъ былъ влюбленъ, но онъ совсѣмъ мальчикъ... Юленькинъ мужъ говорить, что въ меня былъ влюбленъ Вадимъ; такъ онъ и выросталъ, какъ изъ земли, вездѣ, гдѣ я бывала. И въ вихрѣ моихъ мыслей промелькнулъ смѣшной эпизодъ: я говорила съ его братомъ о книгѣ, гдѣ главную роль игралъ аббатъ... «Я никогда не видала аббатовъ,—сказала я,—и мнѣ бы очень хотѣлось увидать хорошаго аббата».—«Ради Бога, не говорите этого Вадиму,—съ комическимъ ужасомъ просилъ меня гвардеецъ:—онъ сейчасъ уѣдетъ безъ отпуска искать вамъ хорошаго аббата». Тотъ не былъ влюбленъ, но хорошо по Скрибу игралъ влюбленного. «Я только не зналъ, что сегодня тотъ день, когда свѣтлый ангелъ сходить возмущать воду»... Такъ вотъ почему онъ это такъ хорошо сказалъ, а я только удивлялась, какъ онъ ловко вышелъ изъ затруднительнаго положенія... Потомъ еще говорилъ, что я прелестна... что онъ все готовъ для меня сдѣлать... Но это всѣ мужчины считаютъ своимъ долгомъ повторять на разные лады. У него, разумѣется, все это живѣе и потому смущаетъ. Потомъ горячо просилъ за него молиться и такъ странно ушелъ, точно чего испугался. Вдругъ я вспомнила, что мнѣ говорилъ о немъ Борисъ... сердце у меня замерло... мнѣ казалось, что всѣ эти влюбленные въ него женщины не дадутъ его мнѣ... Но что со мной... Онъ сидитъ теперь тамъ, въ гостиной... онъ сдѣлалъ мнѣ предложеніе. И что же теперь будетъ?.. Я войду туда, онъ низко, какъ всегда, мнѣ поклонится и спроситъ: «Вы согласны, Мировія Васильевна?» Я скажу: «Да, я согласна». Онъ поцѣлуетъ мнѣ руку, а я поцѣлую его... въ голову... У него должны быть такіе мягкіе, душистые волосы... они всегда казались мнѣ такими... Теперь они засеребрились, эти черные, какъ смоль, кудри; да, замѣтно засеребрились... Вотъ почему онъ не такъ влюбленъ, какъ другіе... онъ уже не молодой человѣкъ... И онъ за меня сватается, значитъ онъ любитъ меня... Вотъ почему онъ далъ Силичу цвѣтовъ... Я вспомнила непріятныя слова Барычевой, наклонившейся надъ моимъ букетомъ: «Удивляюсь, что сдѣлалось съ Андреемъ Кирилловичемъ. Прежде онъ всегда говорилъ: «Ужъ дамамъ никогда цвѣтовъ не даю, онѣ имъ нужны только для того, чтобы ими похвастаться, а потомъ ихъ общипать». А для меня даже срѣзалъ свою любимую лилію... Я наклонилась надъ его букетомъ, нѣжно расправляя уже пожелтѣвшіе атласные лепестки его лиліи. И мнѣ представилась ступиловская оранжерея, не такая, какъ я ее видѣла въ дѣтствѣ, когда статуи были въ сарафанахъ и въ фартукахъ, а вся въ цвѣтахъ, съ бѣлыми прелестными фигурами между яркой зелени; и я иду по ней вмѣстѣ съ нимъ. Я смѣло держу его подъ руку, и

онъ своимъ прелестнымъ, задушевымъ голосомъ говорить. Но я еще не знаю, какія радостныя слова онъ будетъ мнѣ говорить... А я ему скажу, что я съ дѣтства помнила каждое слово, которое онъ мнѣ говорилъ, каждое его замѣчаніе и возводила все это въ законъ. Я хорошо училась, я, такая разсѣянная, потому что онъ мнѣ сказалъ, что надо учиться... Скажу, что я еще подросткомъ сидѣла чуть дыша, чтобы не проронить ни одного слова изъ разсказовъ о немъ, объ его охотничьихъ походахъ, объ его женитьбѣ. Я такъ живо воображаю его себѣ Гиреемъ, точно сама была на этомъ праздникѣ, а меня еще тогда и на свѣтѣ не было... Какъ помню я портретъ его жены, хотя видѣла ее только разъ въ дѣтствѣ. И къ ней у меня какое-то странное чувство: я какъ-то и жалѣю, и люблю, и боюсь ея, точно я въ чемъ передъ ней виновата... Я знаю, что онъ избалованный, гордый, своевольный... Онъ самъ мнѣ это сказалъ... Но я тоже знаю, что онъ никогда не могъ сдѣлать ничего дурного... Что онъ никогда не посрамилъ и не посрамилъ своей боярской чести!.. Скажу ему, что для меня онъ всегда былъ и будетъ тотъ богатырь, который бьетъ неправду и мечомъ, и словомъ... Мой Добрыня Никитичъ!.. мой Илья Муромецъ!.. мой сказочный принцъ!..

— Барышня! васъ маменька къ себѣ зовутъ,—прибѣжала мнѣ сказать моя горничная.

— Есть у насъ кто-нибудь?—спросила я, зная напередъ, что мнѣ отвѣтятъ, больше для того, чтобы попробовать, какой у меня теперь голосъ.

— Были Андрей Кириллычъ, да уѣхали,—услыхала я совсѣмъ неожиданно.

«Уѣхалъ!—подумала я.—Должно быть, всегда такъ дѣлается, и такъ, пожалуй, лучше». Я старалась принять самый мой обыкновенный видъ и вошла въ маменькину комнату. Она стояла у открытаго окна спиной ко мнѣ. Я подошла къ ней, обняла ее привычнымъ жестомъ и заглянула ей въ лицо. Оно у ней было серьезное и задумчивое. Она смотрѣла далеко на Волгу, на синѣвшія тамъ горы. Видъ изъ этого окна былъ прелестный, и я теперь не могу представить его себѣ, не вспомнивъ этого дня. Волга была въ весеннемъ разливѣ: свѣтлая, широкая. Двѣ расшивы на всѣхъ парусахъ бѣжали внизъ, догоняя другъ друга. Рыбачьи лодки ныряли тутъ и тамъ. За Волгой, въ лѣсу, подъ горой бѣлѣла церковь.

— Мирочка,—заговорила маменька, все еще не глядя на меня:—сейчасъ здѣсь былъ Андрей Кириллычъ. Онъ пріѣзжалъ сватомъ, тебѣ Петръ Александровичъ дѣлаетъ предложеніе.

Я опять почувствовала, что могу упасть въ обморокъ... но теперь меня поддержало чувство невыразимаго стыда, страшная боязнь, что я какъ-нибудь выкажу то, о чемъ смѣла думать. Я только крѣпче обняла мою мать, чтобы удержаться на ногахъ, положила

голову ей на плечо, закрыла глаза, и мнѣ казалось, что я лечу стремглавъ съ крутой горы, покрытой острыми камнями и колючками; что я вся изранена и изуродована, но что мнѣ надо непременно остановиться и бодро стать на ноги. Каждая жилка во мнѣ билась, но я уже держала себя въ рукахъ.

— Что же ты мнѣ ничего не скажешь?—спросила маменька, повертываясь, чтобы взглянуть мнѣ въ лицо, которое я прятала въ складкахъ ея шали.—Андрей Кириллычъ говоритъ, что Силичъ ждетъ отвѣта въ такомъ волненіи, какъ пятнадцатилѣтній мальчикъ.

Вся моя бунтующая кровь поднялась при имени Силича.

— Какъ онъ смѣлъ за меня свататься!..—заговорила я, задыхаясь.—Чѣмъ я подала ему поводъ?..

— Что съ тобой?—удивилась маменька, съ безпокойствомъ повертывая къ себѣ мое лицо.—Ты ужасно поблѣднѣла!.. Что съ тобой?..

— Ничего... это такъ... Я просто очень... обидѣлась... Какъ могъ... Андрей Кириллычъ,—я съ трудомъ произнесла это имя,—сватать меня... за моего родственника?—сказала я, сама удивляясь моей ловкой лжи.

— Какой онъ тебѣ родственникъ! Наши бабушки съ нимъ были двоюродныя сестры, такъ что онъ тебѣ я ужъ и не знаю кѣмъ приходится,—сказала маменька, смѣясь и подводя меня къ дивану, гдѣ она обыкновенно сидѣла и гдѣ стояла скамеечка, на которую съ ранняго дѣтства и до сихъ поръ я садилась у ея ногъ, если мнѣ надо было поговорить съ ней по душѣ. Я сѣла и спрятала лицо ей въ колѣна, боясь, что она сейчасъ прочитаетъ на немъ и мою ложь и мой стыдъ. Она положила руку мнѣ на голову, какъ дѣлала всегда, чтобы меня успокоить.

— Ты знаешь, я часто не понимаю, шутить или серьезно говорить Андрей Кириллычъ,—заговорила она:—а тутъ я такъ смутилась, когда онъ вошелъ ко мнѣ блѣдный и серьезный и началъ съ того, что человѣкъ никогда не можетъ предвидѣть, въ какое положеніе поставить его судьба; и что вотъ теперь онъ, къ своему величайшему удивленію, пріѣхалъ ко мнѣ въ роли свата. Что онъ никогда не взялъ бы на себя этой смѣшной роли, если бъ ему не былъ такъ жалокъ Силичъ, которому къ тому же онъ обязанъ спасеніемъ во время польскаго мятежа. Ты знаешь, какой Петръ Александровичъ суетливый человѣкъ; ему почему-то пришло въ голову, что ему тогда только будетъ счастливый отвѣтъ, если не онъ самъ, а Андрей Кириллычъ будетъ просить для него твоей руки.

Она остановилась, ожидая, что я скажу что-нибудь, но я не находила ни одного слова, чтобы кончить эту пытку.

— Андрей Кириллычъ говоритъ,—продолжала маменька:—что Петръ Александровичъ просилъ сказать, что онъ чувствовалъ къ тебѣ что-то особенное, когда ты была еще ребенкомъ. Да ты, я думаю,

сама помнишь, какъ онъ тебя баловаль... А теперь, какъ опять сюда прѣхалъ и увидаль тебя большой барышней, онъ съ перваго взгляда полюбилъ тебя.

Маменька замолчала, ожидая, что я скажу. А я, слушая ее, тоскливо повторяла, что и онъ зналъ меня маленькую, и онъ какъ-то особенно встрѣтилъ меня большую. Это было на Юленькиномъ дѣвичникѣ. Тутъ я въ первый разъ увидала его глазами взрослой; и онъ смотрѣлъ на меня совсѣмъ новымъ для меня взглядомъ и съ незнакомой мнѣ ноткой въ голосѣ сказалъ, что я очень перемѣнилась. Я не знаю другихъ глазъ, которые бы такъ ясно говорили, что хотѣли... и я видѣла, что ему нравится, какъ я перемѣнилась... А теперь...

— Андрей Кириллычъ говорить,—начала опять маменька, не подозрѣвая, какъ она мучить этимъ именемъ свою любимую дочь:— что онъ познакомился съ Силичемъ, когда онъ былъ шестнадцатилѣтнимъ корнетомъ; знаетъ всю его жизнь и смѣло можетъ сказать, что онъ настоящій *chevalier sans peur et sans reproche* ¹⁾.

Мое бѣдное сердце болѣзненно сжалось: зачѣмъ онъ это вспомнилъ!..

— Мы съ тобой не корыстолюбивы,—продолжала она, ласково глядя мои волосы:—но я все-таки скажу тебѣ, что Петръ Александрычъ богатый человекъ. Андрей Кириллычъ говорилъ, что, какъ свать, онъ долженъ сказать мнѣ, что у Силича два прекрасныхъ имѣнія, одно въ Черниговской, другое въ...

— Маменька!.. Я никакъ не могу за него выйти!..—заговорила я, быстро вставая и дрожа отъ негодованія, что Ступиловъ думаетъ приманить меня къ Силичу его богатствомъ.

Маменька съ удивленіемъ посмотрѣла на меня.

— Вотъ что значить отпустить отъ себя свою дѣвочку! Я совсѣмъ не узнаю тебя!—сказала она грустно.—Прежде я знала всѣ твои мысли, всѣ твои желанія... Впрочемъ, до сихъ поръ я все-таки понимала тебя. Жаль мнѣ было, что ты не хотѣла выйти за Николая Степановича... но тогда ты все прямо сказала мнѣ, что чувствовала, и я согласилась съ тобой, что онъ былъ слишкомъ молодъ... моложе своихъ лѣтъ. А теперь тебя полюбилъ такой прекрасный человекъ, такъ хорошо намъ извѣстный, и ты съ такимъ ужасомъ приняла его предложеніе, точно за тебя посватался... Стенька Разинъ!..

Я невольно улыбнулась на ея выходку.

— Я не шучу,—продолжала она,—и совсѣмъ не могу понять, отчего это предложеніе такъ взволновало тебя... Можетъ быть, тебѣ нравится кто-нибудь другой?..

Кровь бросилась мнѣ въ лицо, и я молчала, не смѣя поднять глазъ.

¹⁾ Рыцарь безъ страха и упрека.

— Добиваться твоей откровенности я не буду,—сказала она послѣ долгаго молчанія и такимъ необычнымъ тономъ, что я быстро подняла на нее глаза. Она грустно смотрѣла въ окно на Волгу, нервно сжимая свои красивые, сложенные пальцы.— Уговаривать тебя я тоже не намѣрена и просто напишу... что мы съ папенькой благодаримъ Петра Александровича за честь, которую онъ тебѣ дѣлаеть, но находимъ, что ты еще молода для замужества.

Я наклонилась поцѣловать ея руку; она обняла меня и перекрестила большимъ, тяжелымъ крестомъ.

— Поди къ себѣ; къ намъ, кажется, кто-то пріѣхалъ.

Я вышла изъ ея комнаты, стараясь быть, какъ всегда. Въ коридорѣ были няня, Матреша, другія дѣвушки. Всѣ онѣ съ любопытствомъ смотрѣли на меня и почтительно разступились передо мной, какъ передъ проходящей королевой. И вотъ я опять въ моей комнатѣ, откуда часъ тому назадъ вышла молодая, счастливая, самонадѣянная... И что же я теперь?... Вотъ букетъ... вотъ его лилія... Это надо сейчасъ выбросить!.. сжечь!.. Я дрожащими руками вынула изъ вазы увядающіе цвѣты; вода съ стебелей закапала по моему платью, и тутъ же полились мои первыя, горькія, женскія слезы.

Когда я сошла внизъ къ обѣду, бѣлая лилія, тщательно расправленная, была крѣпко застегнута между листами моего молитвенника. Я не могла уничтожить воспоминанія о моемъ воображаемомъ минутномъ счастьѣ...

В. З. Головина.

(Окончаніе въ слѣдующей книжкѣ).

ВОСЕМЬ ЛѢТЪ ВЪ СИБИРИ. ¹⁾

XVI.

А ДРУГОЙ день, въ 10 часовъ утра я былъ въ приемной губернатора, гдѣ, кромѣ меня, еще никого не было. Курьеръ, доложившій о моемъ приходѣ, получилъ приказаніе просить меня въ кабинетъ.

Комната, въ которую я вошелъ, была не велика, съ двумя окнами во дворъ, между окнами стояла большая оттоманка, перпендикулярно къ одному окну стоялъ большой письменный столъ изъ ясневаго дерева, весь гладкій, безъ всякихъ украшеній, вдоль всей правой отъ входа стѣны стояли открытые шкапы съ книгами; всѣ остальные стѣны и пристѣнки были увѣшены портретами извѣстныхъ русскихъ дѣятелей литературы, искусства, сцены, адвокатуры, представителей московской городской думы, передового купечества, высшей и московской администраціи, большею частью съ собственноручными надписями изображенныхъ лицъ. Видно была, что хозяинъ этого кабинета не только чиновникъ, но и человѣкъ съ общественными привязанностями и отношеніями. Передо мной сидѣлъ за столомъ человѣкъ немолодой, лѣтъ 60-ти, но бодрый, подвижной, съ мягкими, добрыми чертами лица; на головѣ не осталось не единого волоса—это была сплошная лысина, во всю, довольно большую голову. Еще когда Иванъ Ивановичъ былъ инспекторомъ студентовъ въ московскомъ

¹⁾ Продолженіе. См. «Историч. Вѣстн.», т. СХХ, стр. 423.

университетѣ, онъ былъ пожалованъ званіемъ камергера двора Его Величества. Тогда же извѣстный въ Москвѣ поэтъ Алмазовъ, присутствуя вмѣстѣ съ Красовскимъ на какомъ-то товарищескомъ обѣдѣ, или ужинѣ, сказалъ слѣдующій экспромтъ:

Краса инспекціи московской,
Краса имперскаго двора,
Иванъ Ивановичъ Красовскій,
Ахъ, гдѣ же ваши волосы?

Сейчасъ же вспомнилъ я это шуточное четверостишіе, какъ вошелъ въ кабинетъ, и мнѣ навстрѣчу всталъ и протянулъ руку совершенно лысый старикъ.

— Здравствуйте, Е. В., я привезъ вамъ поклонъ отъ старика дяди, онъ просилъ меня не притѣснять и не преслѣдовать васъ. Вѣдь у насъ, въ Москвѣ, полагаютъ, что ссыльныхъ въ Сибири еженедѣльно сбькутъ въ полиціи; а въ Петербургѣ Ядринцевъ увѣрялъ меня, что вы управляете губерніей, и вся администрація смотритъ вамъ въ глаза и ждетъ вашихъ, если не распоряженій, то совѣтовъ. Правда это?

— Злопамятенъ же вашъ Николай Михайловичъ,—отвѣтилъ я, и рассказалъ вкратцѣ мое столкновение съ Ядринцевымъ.

— Да, онъ съ пѣною у рта говорилъ о васъ и готовъ утопить васъ въ ложкѣ воды. Но помните, не такъ страшень чортъ, какъ его малюютъ. Расскажите мнѣ подробно, какъ вы здѣсь живете, я общалъ вашему дядѣ написать тотчасъ же, какъ приѣду сюда и повидаюсь съ вами..

— Напишите, что я живу тихо, смирно, цѣлые дни работаю, въ ожиданіи возможности уѣхать изъ этого омута грязи, доносовъ, злобы и зависти. Не завидую я вамъ, очень тяжело будетъ вамъ бороться здѣсь и съ людьми, и съ правами.

— Я не изъ робкаго десятка и постараюсь въ основаніе предетоящей мнѣ борьбы положить любовь и вѣру въ человѣка; думается мнѣ, что и здѣсь я найду нѣсколько человѣкъ, которые придутся мнѣ по душѣ и помогутъ послужить далекому краю года 3—4, а тамъ уѣду опять въ Москву. Съ тѣмъ я и принялъ назначеніе сюда. Очень надѣюсь я на дружескую помощь искренно уважаемаго и любимаго мною Павла Моисеевича, считаю его умнымъ, глубоко честнымъ и нравственнымъ человѣкомъ, павшимъ жертвою своей довѣрчивости и своей вѣры въ свою счастливую звѣзду. Я слышалъ вчера отъ него, что вы въ большой дружбѣ, и порадовался и за него, и за васъ.

— Да, П. М. пользуется здѣсь общимъ уваженіемъ и завидною репутаціею человѣка серьезнаго, дѣловаго, неспособнаго ни на какую подозрительную махинацію, на которыя такъ падки томскіе дѣльцы всѣхъ видовъ и оттѣнковъ. Къ нему, говорятъ, съ чѣмъ-нибудь сомнительнымъ не сунешься, такъ приметъ, что двери не сразу найдешь, чтобъ уйти.

— Онъ вчера то же самое говорилъ о васъ, къ вамъ тоже никто, по его словамъ, ни съ какимъ подозрительнымъ дѣломъ сунуться не рѣшится.

— Возможностью обставить такъ свое безправное существованіе мы обязаны доброму къ намъ отношенію губернской администраціи, давшей намъ доступную работу и избавившей насъ отъ голодной нищеты и совершеннаго паденія. Не встрѣтъ я въ Мерцаловѣ человѣка, способнаго отнестись къ ссыльному участливо и человѣколюбиво, что было бы со мной? Весьма вѣроятно, что и я погибъ бы окончательно, спасаясь отъ голодной смерти всѣми возможными мѣрами, и, не видя никакого добропорядочнаго выхода, началъ бы помогать томичамъ писать жалобы и клеюзы, ссорить ихъ и въ мутной водѣ ихъ ссоръ и клеюзъ ловить гроши для пропитанія. Благодаря Мерцалову и Шпейеру, эта грустная чаша миновала меня, и мнѣ не было надобности добывать этимъ роковымъ путемъ свое скудное пропитаніе. Павла Моисеевича отъ такой судьбы избавили Дмитріевъ-Мамоновъ и Пѣтуховъ. Въ дальнѣйшемъ наша судьба теперь зависитъ отъ васъ, позволите ли вы намъ работать попрежнему, или послѣдуете совѣту Ядринцева: откажетесь отъ нашей работы и предоставите насъ водовороту ссыльной жизни.

— Полянскій знаетъ меня давно и хорошо. Пусть онъ вамъ скажетъ: способенъ ли я лишить работы людей, живущихъ смиренно и добросовѣстно исполняющихъ взятыя ими на себя обязанности. Да и къмъ я замѣню васъ? Не выписывать же мнѣ изъ Москвы секретаря статистическаго комитета на 750 рублей въ годъ? А гдѣ я найду полноправныхъ писцовъ для губернскаго правленія съ знаніями, опытностью и образованіемъ Павла Моисеевича? Нѣтъ, я долженъ радоваться тому, что судьба дала мнѣ такихъ дешевыхъ и рѣдкихъ здѣсь работниковъ, а не избѣгать ихъ, какъ того желаютъ г-да Ядринцевы и К°. Да, я буду пользоваться вами и П. М. во всю, и плевать хочу на Ядринцева. Жаль, конечно, что вы попали сюда, но разъ вы здѣсь, я беру отъ васъ всю ту работу, какую вы можете мнѣ дать, и плачу вамъ за нее не только тѣми грошами, которые находятся въ моемъ распоряженіи, но и искренней дружбой и полнымъ довѣріемъ. Такъ-съ.

Этаь закончилась первая моя бесѣда съ Ив. Ив. Красовскимъ. Я ушелъ отъ него, успокоенный, что мнѣ не грозитъ никакая катастрофа, т. е. что я не останусь безъ заработка и могу спокойно продолжать свою работу.

XVII.

Въ горедѣ долго еще новый губернаторъ составлялъ злобу дня. О немъ рассказывали массу анекдотовъ, дивились его оригинальности, веселости, остроумію, находчивости, добродушію, рѣзкой, но не злой требовательности, доступности безъ привычной сибир-

скимъ администраторамъ надменности, простотѣ и быстротѣ рѣшеній и т. д. На другой же день его прїѣзда рассказывали, что, замѣтивъ изъ окна кабинета нѣсколько разбросанныхъ по двору пустыхъ ящичковъ изъ-подъ товаровъ, Ив. Ив. приказалъ тотчасъ же позвать къ себѣ домовладѣльца, купца Ненашева, подвелъ его къ окну и спросилъ:

— Это что?

— Порожніе ящички отъ полученныхъ вчера новыхъ товаровъ,— отвѣчалъ Ненашевъ.

— Вижу, что ящички, но думаю, что имъ здѣсь, передъ губернаторскими окнами, не мѣсто.

— Гдѣ же прикажете, ваше превосходительство, разбирать новые товары и складывать пустые ящички. Мы всегда это дѣлаемъ на дворѣ, больше негдѣ.

— Ищите другое мѣсто, а у меня на дворѣ всегда должно быть такъ же чисто, какъ на головѣ.

И Ив. Ив. провелъ рукой по своей лысинѣ.

— Слушаю-съ, ваше превосходительство, будемъ разбирать товары въ лавкѣ,— отвѣтилъ Ненашевъ и поклонился, намѣреваясь уходить.

— Погодите, еще не все. Я пришлю полицеймейстера посмотрѣть, гдѣ и какъ вы будете разбирать ящички въ лавкахъ. Теперь прощайте.

Ненашевъ вышелъ ворча, что согласился сдать квартиру губернатору. Но пустые ящички навсегда исчезли съ губернаторскаго двора.

Каждое утро, въ 9 часовъ, къ губернатору являлся съ докладомъ полицеймейстеръ. Однажды губернаторъ встрѣтилъ его словами:

— Я видѣлъ вчера выставленный у подѣзда фотографіи большой портретъ Валгусова въ формѣ вѣдомства императрицы Маріи (Валгусовъ былъ членомъ губернскаго попечительства дѣтскихъ притовъ), въ бѣлыхъ брюкахъ. Скажите ему, что, если онъ осмѣлится явиться въ этомъ видѣ въ соборъ, я прикажу ему тамъ же снять бѣлые штаны. Это возмутительно: Валгусовъ и бѣлые штаны.

Старикъ Валгусовъ не только не пошелъ въ соборъ въ бѣлыхъ невыразимыхъ, но упросилъ фотографа снять съ выставки злополучный портретъ.

Эти комичныя проявленія губернаторской власти забавляли нетребовательнаго томскаго обывателя, который хихикалъ и радовался, что такъ «смѣшно» попались два столба мѣстнаго крупнаго купечества.

XVIII.

Къ чиновничеству Ив. Ив. относился безъ уваженія, считалъ его чуть не поголовно взяточниками, круглыми невѣждами, злыми интриганами, доносчиками. Съ собой онъ привезъ двухъ молодыхъ «чистыхъ» (какъ онъ любилъ говорить) чиновниковъ особыхъ порученій: И. Ф. Мосолова и В. А. Геркена и ждалъ пріѣзда приглашеннаго имъ полицеймейстера, д. с. с. М. А. Архангельскаго, рекомендованнаго ему въ Петербургѣ. Изъ мѣстныхъ крупныхъ чиновниковъ онъ наиболѣе довѣрчиво относился къ Н. Н. Пѣтухову, А. Г. Лейбину, недавно прибывшему новому управляющему контрольной палатой, котораго И. И. зналъ еще въ Москвѣ, гдѣ А. Г. былъ много лѣтъ старшимъ ревизоромъ въ тамошней контрольной палатѣ, М. К. Шпейеру и Б. И. Сциборскому, директору училищъ Томской губерніи. Къ остальнымъ тузамъ губернской администраціи, особенно къ М. А. Гилярову и къ полковнику Н. И. Александрову, начальнику жандармскаго управленія, Красовскій относился подозрительно, считая ихъ неискренними, способными на тихую, злую интригу и даже на прямой доносъ. Онъ съ ними, конечно, видѣлся, они выказывали ему полное уваженіе и видимую симпатію, но вѣрить имъ онъ не могъ и не вѣрилъ, прямо боялся сблизиться съ ними. Они, конечно, это знали, но нисколько не смущались яснымъ для нихъ недовѣріемъ губернатора, пытались побороть это недовѣріе, настойчиво предлагали ему свои совѣты и указанія, ссылаясь на свою опытность и свое знаніе мѣстныхъ условій. Красовскій терпѣливо всегда ихъ выслушивалъ и поступалъ такъ, какъ подсказывалъ ему собственный здравый смыслъ, тактъ и знаніе людей. И. И. не обладалъ большимъ умомъ, но у него было много такта и практическаго здраваго смысла, соединеннаго съ большой административной смѣткой, которая часто помогала ему съ честью выходить изъ затруднительнаго нерѣдко положенія сибирскаго губернатора, призваннаго ежедневно рѣшать самые разнообразныя вопросы мѣстной жизни, давно изъятые изъ вѣдѣнія губернаторовъ въ Европейской Россіи.

Доклады Красовскій принималъ у себя на квартирѣ, по утрамъ. Разъ, въ назначенный для доклада по статистическому комитету день, прихожу я и застаю въ пріемной томскаго окружнаго судью, И. А. Раева.

— Вы, И. А., съ докладомъ?—спрашиваю я.

— Нѣтъ,—отвѣчаетъ Раевъ:—по вызову, велѣлъ явиться всему окружному суду, въ полномъ составѣ, я пришелъ первымъ и жду остальныхъ.

— Не знаете зачѣмъ?

— Догадываюсь. У насъ въ судѣ вчера украли шубу у одного тяжущагося, вѣрно, подалъ жалобу.

Для поясненія нужно сказать, что рѣчь идетъ о старомъ «уѣздномъ» судѣ, который въ Сибири носилъ названіе «окружнаго» потому, что сибирскія губерніи были раздѣлены не на уѣзды, а на округа. Судъ состоялъ изъ окружнаго судьи (предсѣдателя) и двухъ засѣдателей (члены суда), всѣ они назначались губернаторомъ и были ему вполне подчинены, получали отъ него предписанія и сносились съ нимъ рапортами.

Дверь губернаторскаго кабинета открылась, въ ней показался Ив. Ив. и жестомъ пригласилъ меня въ кабинетъ.

Я еще не кончилъ доклада, какъ вошелъ курьеръ и доложилъ, что окружный судъ явился.

— Посидите пять минутъ,—обратился И. И. ко мнѣ:—я ихъ сейчасъ сплавлю. И вышелъ въ приемную. Я началъ разсматривать висѣвшіе на стѣнахъ портреты. Вдругъ дверь изъ приемной раскрывается, и И. И. рукой манитъ меня въ приемную. Я подумалъ, что случилось что-нибудь неожиданное, и Ивану Ивановичу нужна моя помощь, и поспѣшилъ къ двери. Въ приемной стояли Раевъ, 2 засѣдателя, 2 секретаря суда и нѣсколько канцелярскихъ чиновниковъ въ самыхъ разнообразныхъ одѣянiяхъ, у одного на одной ногѣ былъ сапогъ, а на другой пимъ (валенокъ), картина была уморительная, понятная только тому, кто, какъ я, зналъ, что это—не судъ, а нищія, которымъ часто буквально ѣсть нечего, ибо судья получаетъ 600 рублей, засѣдатели по 400 р., секретари по 300 р. въ годъ, а канцелярскіе чиновники отъ 10 р. до 1 р. 50 к. въ мѣсяцъ.

— Полюбуйтесь,—сказалъ мнѣ И. И., показывая на стоящую передъ нимъ грущу:—это окружный судъ. Хорошъ?

Я промолчалъ. И. И. обратился къ суду и рѣзко сказалъ:

— Смотрите, у меня шубъ не воровать. Всѣхъ выгоню.

И, пропустивъ меня въ кабинетъ, зашелъ туда вслѣдъ за мной и закрылъ дверь.

Эта грубая, недостойная порядочнаго человѣка сцена произвела на меня впечатлѣніе, и я сказалъ Ивану Ивановичу:

— За что вы обидѣли несчастнаго Раева? Развѣ вамъ неизвѣстно, что онъ вполне честный судья, не взяточникъ, не лихоимецъ? Онъ навѣрное очень огорченъ вашимъ рѣзкимъ обращеніемъ и незаслуженнымъ оскорбленіемъ и будетъ правъ, если станетъ думать и говорить, что вы—человѣкъ грубый и несправедливый.

— Я найду случай поправить свою невольную ошибку, и Раевъ, если онъ не глупъ и не золъ, пойметъ, что я не хотѣлъ его обижать, мои рѣзкія слова, вѣдь, относились не къ нему лично, а къ его чиновникамъ, которыхъ полиція подозрѣваетъ въ кражѣ шубы и которые живо напомнили мнѣ московскій Хитровъ рынокъ. И вѣдь никто до васъ не сказалъ мнѣ, что Раевъ не похожъ на другихъ и составляетъ жемчужное зерно въ навозной кучѣ, именуемой томскимъ окружнымъ судомъ. Я его позову на дняхъ и прямо попрошу у него извиненія.

XIX.

Служба отнимала у Красовскаго все утро, до обѣда; послѣ обѣда онъ не любилъ и избѣгалъ заниматься дѣлами, вечерами онъ охотно посѣщалъ драматическій театръ, ѣздилъ иногда въ общественное собраніе (клубъ), но неохотно, потому что въ карты онъ не игралъ, ужинать любилъ дома и въ клубѣ скучалъ. Болѣе всего любилъ онъ позвать къ себѣ пріятныхъ ему людей, провести съ ними вечеръ въ разнообразной веселой, интересной бесѣдѣ, накормить ихъ скромнымъ домашнимъ ужиномъ, съ бутылкой вина отъ Лева, привезенной изъ Москвы, легкаго бордо; ни водки, ни крѣпкихъ винъ И. И. не пилъ и не подавалъ на своихъ интимныхъ вечерахъ. За ужиномъ подавалось то, что осталось отъ обѣда, «какъ въ Москвѣ», говорилъ добрѣйшій хозяинъ, мысленно уносясь въ любимый имъ городъ.

Я забылъ сказать, что И. И. былъ старый холостякъ, большой любитель дамскаго общества, избалованный послѣднимъ въ Москвѣ, онъ скучалъ въ Томскѣ, гдѣ интереснаго дамскаго общества не было вовсе; семипудовыя молчаливыя жены томскихъ купцовъ, немолодые, безобразныя, ничего не видѣвшія, малограмотныя и потому ничего не читавшія жены чиновниковъ не представляли никакого интереса, молодежи было мало, ее представляли лишь гимназисты старшаго класса, а молодыхъ дѣвушекъ не было ни одной, «не уродились», какъ говорилъ городской голова Е. И. Королевъ. Во всемъ городѣ была одна единственная сколько-нибудь образованная и воспитанная барышня—Ольга Борисовна Циборская, дочь директора училищъ. На ней И. И. и сосредоточилъ свое вниманіе, возилъ ее въ свою ложу въ театръ, дарилъ ее цвѣты и конфеты, стараясь сблизить ее съ пріѣхавшей съ нимъ изъ Москвы молодой дѣвушкой, которую онъ рекомендовалъ всѣмъ своей племянницей. Дѣвушка эта была не первой молодости, ей навѣрное было уже за 30, видимо, очень любила своего дядю и берегла его; онъ платилъ ей горячею привязанностью и всячески старался, чѣмъ возможно, разнообразить ея скучное, одинокое существованіе. Сама по себѣ, Ольга Ѳедоровна (такъ звали племянницу) была дѣвушка не глупая, довольно образованная и воспитанная, любившая читать, умѣвшая бесѣдовать о видѣнномъ и прочитанномъ. На упомянутыхъ интимныхъ вечерахъ она была радушной, пріятной хозяйкой и собесѣдницей. Она тоже не любила клубныхъ вечеровъ и купеческихъ приглашеній, избѣгала украшать своимъ присутствіемъ чиновничьи именины, посѣщала преимущественно театръ, рѣдкіе въ Томскѣ концерты и семью Циборскихъ; къ другимъ она ѣдила рѣдко и по необходимости.

На интимныхъ вечерахъ Красовскаго бывали: К. А. Шапошниковъ, недавно пріѣхавшій въ Томскъ на новую должность непремѣннаго члена губернскаго совѣта по крестьянскимъ дѣламъ, быв-

шій студентомъ московскаго университета, когда И. И. былъ тамъ инспекторомъ студентовъ, И. Ф. Мосоловъ, В. А. Геркенъ, Полянскій и я. Этотъ постоянный составъ пополняли иногда: Б. И. Циборскій съ дочерью и А. А. Ауэрбахъ, ссыльный, отличный образованный музыкантъ, артистически игравшій на рояли. Вечера эти начинались въ 7—8 часовъ и продолжались до 12. Шла все время живая, интересная бесѣда, въ которой милѣйшій хозяинъ принималъ самое дѣятельное участіе, рассказывалъ о своихъ многочисленныхъ встрѣчахъ съ крупными представителями литературы, искусства, общественной и государственной жизни, слышались имена: Щедрина, Тургенева, Соловьевыхъ, отца и сына, гр. Л. Н. Толстого, М. П. Щепкина, И. Е. Рѣпина, М. Н. Ермоловой, Г. Н. Оедотовой, кн. А. И. Урусова, Ѳ. Н. Плевако, С. М. и П. М. Третьяковыхъ, кн. В. А. Долгорукова и многихъ, многихъ другихъ; они то и дѣло повторялись въ интересныхъ рассказахъ Красовскаго, и намъ оставалось только поражаться изумительной свѣжести памяти рассказчика и спрашивать себя: кого этотъ человѣкъ не видѣлъ, не зналъ, съ кѣмъ не былъ друженъ, съ кѣмъ не служилъ, кого не выручалъ изъ бѣды своими связями? Говорилось на этихъ незабвенныхъ для меня вечерахъ о каждой возбуждавшей газетный говоръ литературной новинкѣ, обсуждались вопросы русской текущей жизни и пр., словомъ, гостиная далекаго сибирскаго губернатора превращалась въ мѣсто собранія друзей-единомышленниковъ, нуждающихся въ свободномъ, искреннемъ обмѣнѣ мыслей. Самъ И. И. забывалъ, что онъ губернаторъ, и чувствовалъ себя просто живымъ, образованнымъ человѣкомъ, который съ удовольствіемъ сбросилъ съ себя губернаторскую форму и съ радостью одѣлся въ простой пиджакъ, ни къ чему его не обязывающій, позволяющій ему думать, чувствовать и поступать такъ, какъ ему подсказываютъ его умъ и сердце.

Когда бесѣда смолкала, И. И. обращался къ Ауэрбаху:

— Сыграйте-ка намъ что-нибудь хорошенькое изъ Шопена или Листа. Надоѣло болтать, хочется хорошей музыки.

И Ауэрбахъ шелъ въ залъ, садился за рояль, и чудные звуки оглашали всю квартиру. Игралъ Ауэрбахъ, какъ артистъ, сильно, съ душой и съ полнымъ пониманіемъ автора. Такое исполненіе въ Томскѣ было случайною рѣдкостью. Городъ былъ самъ по себѣ не музыкальный, нигдѣ, даже въ самыхъ богатыхъ семейныхъ домахъ, не было ни инструментовъ, ни любителей музыки, даже въ семьяхъ, гдѣ были молодья взрослые дѣвушки, послѣднія или не умѣли, или не любили, или стѣснялись играть на роялѣ; въ городѣ не было ни одной учительницы музыки, эстрадные музыканты заѣзжали въ Томскъ очень рѣдко; имѣлось, впрочемъ, отдѣленіе русскаго музыкальнаго общества, но оно спало глубокимъ, непробуднымъ сномъ, и имъ никто не интересовался. Невольный пріѣздъ изъ Москвы образованнаго и талантливаго музыканта А. А. Ауэрбаха быстро поднялъ

музыкальное дѣло въ Томскѣ: страдая предприимчивостью и обладая организаторскою жилкою, Ауэрбахъ въ короткое время сумѣлъ собрать оркестръ и хоръ любителей, цѣлымъ рядомъ репетицій, терпѣливыми и полными знанія и умѣнья указаніями довелъ эту вполнѣ сырую и невѣжественную массу до возможности выпустить и хоръ, и оркестръ публично, въ залѣ общественнаго собранія. На этомъ концертѣ Томскъ впервые услышалъ свой оркестръ и свой хоръ, подъ управленіемъ ссыльнаго. Весь залъ горячо рукоплескалъ даровитому режиссеру. Успѣхъ вышелъ полный и вполнѣ заслуженный, мѣстная печать единодушно привѣтствовала энергію и талантъ Ауэрбаха, предсказывая созданному имъ новому дѣлу дальнѣйшіе успѣхи и зло кивая въ сторону сладко спавшаго отдѣленія музыкальнаго общества. Казалось, ничто не можетъ помѣшать Ауэрбаху продолжать начатое имъ, вполнѣ безобидное дѣло, не требующее ничего, кромѣ знанія, никакихъ правъ, кромѣ права таланта, котораго никакимъ приговоромъ лишить нельзя. Вышло, однако, иначе. М. А. Гиляровъ, полковникъ Александровъ и еще кое-кто поспѣшили заявить губернатору, что они находятъ неудобнымъ и недопустимымъ, чтобы ссыльный публично дирижировалъ хоромъ и оркестромъ, выходилъ на вызовы публики и пр. Въ результатѣ Ауэрбаху было разрѣшено вести обученіе хора и оркестра, готовить ихъ къ концертамъ, но не выступать публично въ качествѣ дирижера. Это обидѣло, конечно, Ауэрбаха, передать публичное дирижерство было некому, и музыкальное развитіе мѣстныхъ силъ прекратилось бы, если бы Ауэрбахъ не сумѣлъ подавить въ себѣ чувства незаслуженной обиды и не послѣдовалъ совѣтамъ и просьбамъ любителей музыки, убѣдившихъ его продолжать начатое дѣло. Кстати, въ Томскъ пріѣхалъ чехъ Тершакъ, извѣстный въ Европѣ музыкантъ, скрипачъ. Его упростили дать въ Томскѣ концертъ, онъ пожелалъ познакомиться съ мѣстными оркестровыми силами. Городъ не могъ похвалиться ни количествомъ, ни качествомъ своихъ двухъ «бальныхъ» оркестровъ: клубнаго и любительскаго; Тершакъ попробовалъ оба и рѣшилъ для своего концерта соединить ихъ въ одинъ и обратился къ Ауэрбаху съ просьбой приготовить соединенный оркестръ къ публичному концерту. Ауэрбахъ сначала отказывался, ссылаясь на трудность сыграть новый большой оркестръ въ короткое время, оставшееся до дня концерта, но Тершакъ убѣдилъ Ауэрбаха попробовать.

Недѣлю спустя, Томскъ въ первый разъ слушалъ большой оркестръ подъ искуснымъ дирижерствомъ европейскаго музыканта. Это было настоящее музыкальное торжество, успѣхъ былъ такъ великъ, что самъ Тершакъ пожелалъ повторить свой концертъ въ пользу общества попеченія о начальномъ образованіи. Тершакъ громко всюду говорилъ, что успѣхомъ своихъ концертовъ онъ всецѣло обязанъ Ауэрбаху, что самъ онъ не смогъ бы достигнуть такихъ

изумительныхъ результатовъ съ сброднымъ оркестромъ, едва разбирающимъ ноты, лишеннымъ даже тѣни музыкальнаго образованія. «Ауэрбахъ просто чудодѣй, въ Германіи его носили бы на рукахъ, у насъ никто не повѣритъ, что можно въ недѣлю времени сдѣлать изъ сброда людей, едва умѣющихъ держать въ рукахъ инструменты, такой дружный, стройный и музыкальный оркестръ», говорилъ Тершакъ...

Теперь возвратимся къ вечерамъ Красовскаго. Съ ними не мирились Гиляровъ, Александровъ и... Ядринцевъ, который печаталъ въ своемъ «Восточномъ Обзорѣннѣ», что губернаторъ никогда не долженъ превращаться въ частнаго человѣка и имѣть друзей среди уголовныхъ ссыльныхъ, общеніе съ которыми унижаетъ власть. Мнѣніе это раздѣляли Гиляровъ и жандармскій полковникъ, они всячески старались убѣдить И. И., что онъ повторилъ ошибку Мерцалова, рискуя, какъ послѣдній, потерять довѣріе министра внутреннихъ дѣлъ, необходимое для того, чтобы сохранить мѣсто губернатора. Но Красовскій оставался глухъ къ этимъ «дружескимъ» совѣтамъ и предупрежденіямъ, упорно повторяя, что, принимая назначеніе въ Томскъ, онъ не отрекался отъ права каждаго человѣка свободно устраивать свою частную жизнь, до которой министру нѣтъ никакого дѣла, пока губернаторъ, самъ или въ сообществѣ съ другими, не дѣлаетъ ничего предосудительнаго, преступнаго или несомвѣстимаго съ его служебнымъ положеніемъ или достоинствомъ. «Ни въ чемъ такомъ я не чувствую себя виновнымъ, не быть виновенъ и мой предмѣстникъ, и я увѣренъ, что причину его увольненія надо искать скорѣе въ его отношеніяхъ къ Манасевичу и Пастухову, чѣмъ къ Коршу, которымъ онъ пользовался, какъ отличнымъ работникомъ и полезнымъ, приятнымъ собесѣдникомъ, умнымъ, образованнымъ исполнителемъ. Коршъ не жертвовалъ, какъ Манасевичъ и Пастуховъ, десятки тысячъ на пріюты, чтобъ одѣться въ шитый золотомъ мундиръ V-го класса и прикрыть имъ свой, всеѣмъ извѣстные здѣсь «грѣшки». Слѣдовъ вліянія Корша на Мерцалова я по дѣламъ не вижу, а вліяніе Манасевича и Пастухова по многимъ дѣламъ несомнѣнно. Къ тому же я отъ многихъ слышалъ, что эти господа просто торговали своими близкими отношеніями съ губернаторомъ, а о Коршѣ все въ одинъ голосъ говорятъ, что онъ всегда уклонялся отъ какихъ бы то ни было ходатайствъ у губернатора. Зная это, я всегда открыто предпочту ссыльнаго Корша полноправнымъ Манасевичу и Пастухову. И суди меня военная коллегія...»

Но Гиляровъ и Александровъ не унимались, отъ Красовскаго они переходили къ Ольгѣ Ѳедоровнѣ, нашептывали ей всякіе ужасы, «умоляли» ее употребить все ея вліяніе, чтобы «спасти» старика-дядю отъ неминуемой, по ихъ словамъ, бѣды. О. Ѳ., смущенная и озабоченная, не знала, что ей начать, какъ оберечь горячо любимаго человѣка отъ грозившихъ ему, можетъ быть, бѣдъ. Она пыталась даже

прибѣгать къ щекотливому объясненію съ Полянскимъ и со мной, но что мы могли сказать встревоженной дѣвушкѣ, чѣмъ утишить ея волненія и сомнѣнія? Мы дѣлали все, что могли: не искали встрѣчь съ Красовскимъ въ публичныхъ мѣстахъ, просили его не афишировать его къ намъ расположеніе, не посѣщать насъ, не звать насъ къ себѣ внѣ служебной необходимости; но все это было напрасно: И. И. пользовался тѣмъ, что мы жили въ квартирѣ старшаго ревизора контрольной палаты, что въ этой квартирѣ, кромѣ того, помѣщалась канцелярія статистическаго комитета, котораго онъ состоялъ предсѣдателемъ, нерѣдко заѣзжалъ къ намъ, чтобы—какъ говорилъ—отвести душу, отрѣшиться отъ служебной суетоки, отъ разговоровъ съ Гиляровыми, Александровыми и т. п. Что могли мы сдѣлать съ этимъ добрымъ и упрямымъ въ своей добротѣ человѣкомъ? Мы могли только любить и уважать его и не злоупотреблять его довѣріемъ и расположеніемъ къ намъ, не быть проводниками ничьихъ домогательствъ, не заниматься никакими ходатайствами. Такъ мы и поступали, отказавшись отъ мысли «отдалить отъ насъ губернатора», какъ хотѣла и просила меня добрѣйшая, но ни на шутку встревоженная Ольга Федоровна.

XXII.

Съ января 1884 г. моя жизнь вновь вошла въ свою обычную колею. Въ первомъ же засѣданіи статистическаго комитета губернаторъ предложилъ издать «Памятную книжку Томской губерніи за 1883 годъ» и передалъ мнѣ для образца нѣсколько привезенныхъ имъ съ собой «памятныхъ книжекъ» разныхъ губерній, изданныхъ за послѣдніе годы мѣстными статистическими комитетами.

Просмотрѣвъ эти «образцы», я убѣдился, что все содержаніе «книжекъ» заключается въ простой перепечаткѣ ежегодныхъ приложений къ обычному всеподданнѣйшему губернаторскому отчету, даже безъ всякой обработки губернскаго officialнаго статистическаго матеріала. Слѣпо слѣдовать за рекомендованными мнѣ образцами я не находилъ интереснымъ и задумалъ дать нѣчто иное: мнѣ казалось возможнымъ критически обработать имѣющійся officialный матеріалъ о санитарномъ состояніи губерніи (отчетъ врачебной управы) и о положеніи школьнаго дѣла (отчетъ дирекціи училищъ). Къ этимъ двумъ очеркамъ я находилъ интереснымъ прибавить статистическія свѣдѣнія объ экономическомъ состояніи губерніи, взявъ ихъ изъ приложения къ губернаторскому отчету, и подробный указатель личнаго состава всѣхъ губернскихъ и окружныхъ (уѣздныхъ) правительственныхъ и общественныхъ установленій.

При первомъ очередномъ докладѣ я высказалъ мои соображенія губернатору, который отвѣтилъ:

— Составьте докладъ комитету, созовите комитетъ, доложите вашу программу и просите ассигновать необходимую на вознагражденіе сотрудниковъ сумму. Выборъ же сотрудниковъ комитетъ, конечно, предоставитъ вамъ, съ моего, однако, одобренія.

Я не замедлилъ исполнить предложеніе губернатора, вскорѣ получилъ необходимыя полномочія и денежный кредитъ. Оставалось найти сотрудниковъ. Эта нелегкая задача случайно облегчилась: я получилъ незадолго до этого времени письмо отъ присяжнаго повѣреннаго В. М. Бобрищева-Пушкина, въ которомъ онъ просилъ меня помочь найти какую-нибудь работу недавно присужденному къ ссылкѣ въ Томскую губернію главному доктору флота Б. И. Бушу. «Я глубоко убѣжденъ, — писалъ мнѣ уважаемый В. М.: — что осужденіе старика Буша грустная судебная ошибка; я защищалъ его съ полнымъ убѣжденіемъ въ его безусловной невинности и считаю злополучнаго старика жертвою злой интриги, зависти и злорадства окружавшаго его чиновничества. Это — не мздоимецъ и не лихоимецъ, а скромный, можетъ быть, излишне довѣрчивый человѣкъ, упорный труженикъ, знающій врачъ, строгій, требовательный администраторъ, не всегда пріятный начальникъ и сослуживецъ, но человѣкъ безусловно честный, добрый, заслуживающій полного довѣрія и всяческаго участія въ его грустной долѣ».

Довѣряя вполне этому прямому, ясному и авторитетному для меня отзыву, я рѣшилъ разыскать Буша и поручить ему работу по составленію врачебно-санитарнаго очерка для «Памятной книжки». Мнѣ казалось, что лучшаго выбора сдѣлать я не могъ. Бушъ — опытный и знающій врачъ-администраторъ, независимый отъ мѣстнаго управленія врачебной частью, могущій свободно и съ знаніемъ дѣла отнестись къ дѣятельности мѣстныхъ врачебныхъ властей и указать ея дефекты и путь къ улучшенію. Но не легко было разыскать Буша: я съ нимъ нигдѣ не встрѣчался, и всѣ, кого я ни спрашивалъ, отзывались незнаніемъ таинственнаго старика, а полицеймейстеръ усомнился даже въ его нахожденіи въ Томскѣ.

Прошло нѣсколько дней, мои розыски не приводили ни къ какимъ результатамъ, и я начиналъ уже думать о томъ, кому бы другому поручить мою работу, боясь, что дальнѣйшіе розыски бесполезно задержать печатаніе книжки, и ее не удастся выпустить въ текущемъ году. Но на ловца и звѣрь бѣжитъ. Какъ-то утромъ прислуга объявила мнѣ, что «пришелъ какой-то старичокъ, спросилъ васъ или Павла Моисеевича, я сказала, что вы дома, и впустила старика въ пріемную, фамиліи не разобрала». Я вышелъ въ пріемную. Меня ожидалъ маленькій, сѣдой старичокъ въ сѣромъ пиджакѣ, бѣлые не первой свѣжести, въ очкахъ, покрывавшихъ свѣтлые, добрые умные глаза.

— Бушъ, — отрекомендовался старикъ, протягивая мнѣ мягкую, пухлую руку.

— Очень радъ, — отвѣтилъ я. — Вотъ уже нѣсколько дней я тщетно пытался найти васъ, но никто не могъ указать мнѣ вашего адреса, даже полиція не знаетъ, гдѣ вы поселились, и полицеймейстеръ серьезно думаетъ, что васъ нѣтъ въ Томскѣ.

— Я дѣйствительно живу анахоретомъ, сижу почти безвыходно въ своей берлогѣ, никого не вижу, ни съ кѣмъ не знакомъ, провожу все время за книгой или за письмами, которыхъ пишу и получаю много. Квартира моя извѣстна только почтовой конторѣ.

— Мнѣ писалъ о васъ Бобрищевъ-Пушкинъ, онъ просилъ меня добыть для васъ работу; случайно я могу предложить вамъ небольшую, но, кажется, интересную работу для статистическаго комитета.

И рассказалъ ему, въ чемъ дѣло.

Старикъ внимательно выслушалъ меня и сказалъ:

— Съ удовольствіемъ возьмусь за эту работу и думаю, что выполню ее вполне удовлетворительно.

Тутъ же я передалъ Бушу отчеты врачебнаго инспектора и приказа общественнаго призрѣнія, въ вѣдѣніи котораго была единственная въ Томскѣ городская больница, возбуждавшая серьезные нареканія за неудовлетворительное продовольствіе больныхъ и плохое леченіе, хотя средства на содержаніе больницы отпускались приказомъ, повидимому, достаточныя. Я просилъ Буша обратить на больницу особенное вниманіе.

Побесѣдовавъ еще немного о предстоявшей ему работѣ, старикъ собрался уходить, предварительно попросивъ меня записать его адресъ.

— Мою улицу даже не всѣ извозчики знаютъ, надо, чтобы вы знали, какъ добраться до моей берлоги.

— Какъ же вы устроились? — спросилъ я. — Достали какую-нибудь постоянную работу, или наладилась кое-какая врачебная практика?

— Нѣтъ, работы найти не пришлось, а о докторской практикѣ я и не помышляю. Развѣ она возможна безъ знакомствъ или безъ содѣйствія здѣшнихъ врачей. Да я и не думаю искать врачебнаго заработка. Я отсталъ уже отъ практической медицины, и здѣсь слѣдить за ея успѣхами невысказанно — нѣтъ ни новыхъ книгъ, ни специальныхъ журналовъ, а выписывать ихъ у меня нѣтъ средствъ; я живу на небольшую эмеритуру, которую у меня пока не отняли, сестра по моей довѣренности получаетъ ее и высылаетъ сюда. Просилъ перевести на здѣшнее казначейство, не знаю, почему-то эта несложная операція замедлилась. Тоска отъ непривычнаго бездѣлья гнететъ меня, и я ищу работы не столько для заработка, сколько для избавленія себя отъ мучительной скуки бездѣлья. Вся жизнь прошла въ постоянномъ трудѣ, и въ 65 лѣтъ привыкать къ бездѣлью не приходится.

У старика показались слезы. Я поторопился переменить разговоръ.

— Какъ встрѣтили васъ здѣшніе врачи? Вы были у нихъ?—спросилъ я.

— Былъ у одного Оржеско. Принялъ радушно, звалъ бывать. Кажется, хорошій человѣкъ. Вы его знаете?

— Знаю, Оржеско пользуется здѣсь большою популярностью, его знаетъ весь городъ, онъ ссыльный полякъ 1863 года и живетъ здѣсь болѣе 20 лѣтъ, у него огромная практика, и онъ могъ бы быть вамъ полезенъ, приглашая васъ на консилиумы.

— Богъ съ нимъ и съ его консилиумами,—грустно отвѣтилъ Бушъ.—Проживу и безъ нихъ. Не вѣрю я въ здѣшнюю привѣтливость, не искренна она, всюду волки въ овечьей шкурѣ, лучше подальше отъ нихъ.

— Оржеско—не волкъ, ему нужно довѣриться, его любить весь городъ, я знаю его хорошо, онъ состоитъ годовымъ врачомъ при контрольной палатѣ, и никто не жалуется на него, напротивъ, всѣ безъ исключенія отзываются о немъ, какъ о хорошемъ человѣкѣ и внимательномъ, искусномъ врачѣ.

— Можетъ быть, я и неправъ, но все-таки предпочитаю держаться въ сторонѣ отъ здѣшнихъ врачей и избѣгать ихъ «милостей». Однако я вамъ навѣрное надоѣлъ, пора и до дому,—заклучилъ старикъ, протягивая мнѣ руку.

XXIII.

Такъ состоялось мое знакомство съ Б. И. Бушемъ. Одна статья для книжки была заказана. Надо теперь искать другого сотрудника—для статьи о народномъ просвѣщеніи. Я задумался. Но на ловца самъ звѣрь бѣжитъ. Прошло нѣсколько дней, и ко мнѣ заявился (сибирское выраженіе) одинъ изъ подсудимыхъ по процессу 193-хъ, С. Л. Чудновскій, недавно переселившійся въ Томскъ изъ какого-то маленькаго городка, кажется, Тобольской губерніи, гдѣ онъ былъ первоначально поселенъ, тотчасъ по окончаніи процесса. Ему былъ необходимъ заработокъ, за нимъ Чудновскій и пришелъ ко мнѣ. Зналъ онъ меня еще въ Петербургѣ.

— Работа есть, только не постоянная, а штучная,—отвѣтилъ я на просьбу Чудновскаго помочь ему найти работу.

— И то хлѣбъ, давайте хоть штучную пока,—весело отвѣтилъ Чудновскій.

Я сообщилъ ему, какую работу могу предложить, и какимъ матеріаломъ располагаю для ея выполненія.

— А расширить задачу нельзя?—спросилъ Чудновскій.

— Какъ расширить?

— Я думаю,—отвѣтилъ онъ:—что лучше было бы составить полный историческій очеркъ развитія народнаго просвѣщенія въ Томской губерніи, съ возникновенія первой школы и до настоящаго времени.

— Это, конечно, было бы лучше, но гдѣ вы найдете необходимый матеріаль?

— Въ архивѣ томской дирекціи училищъ. Добудьте мнѣ только удостовѣреніе губернатора въ томъ, что я извлекаю изъ архива свѣдѣнія для статистическаго комитета, и дѣлю въ шляпѣ.

— Хорошо, попытаюсь. Во всякомъ случаѣ, такъ или иначе, буду считать работу за вами,—сказаль я.

— Конечно,—отвѣтилъ Чудновскій и протислся.

При первомъ же очередномъ докладѣ губернаторъ вполне одобрилъ оба мои выбора, но призналъ выдачу на руки Чудновскому просимаго имъ удостовѣренія неудобнымъ.

— Не забывайте, что Чудновскій, хотя и по суду, но все-таки поднадзорный, и я не могу открыто поручить ему никакой работы для правительственнаго установленія. Подведу и себя и Сциборскаго (директора училищъ). Лучше я на словахъ скажу Борису Ивановичу (Сциборскому), чтобъ онъ частнымъ образомъ пустилъ Чудновскаго въ свой архивъ.

Дня три спустя, Чудновскій уже работалъ въ архивѣ дирекціи училищъ.

Такимъ образомъ, содержаніе «Памятной книжки» было обезпечено, и я могъ приняться за срочную работу статистическаго комитета—приложеніе къ губернаторскому отчету за 1883 годъ.

Эта работа не встрѣтила уже никакихъ затрудненій, и мы съ К. А. Томасомъ кончили ее своевременно. Сдавъ губернатору «приложеніе» къ его отчету, я занялся приведеніемъ въ порядокъ моей запущенной работы въ контрольной палатѣ.

Между прочимъ, просматривая отчетность приказа общественнаго призрѣнія, я замѣтилъ, что на приходъ записывается много лѣтъ одна и та же сумма дохода, получаемая приказомъ изъ хозяйственнаго департамента министерства внутреннихъ дѣлъ, какъ проценты съ принадлежащихъ приказу бумагъ. Я поинтересовался узнать, какими бумагами владѣетъ приказъ и почему свои финансовыя операціи онъ производитъ черезъ хозяйственный департаментъ, а не черезъ государственный банкъ. Палата послала по этому поводу запросъ приказу. Послѣдній отвѣтилъ, что его капиталъ помѣщенъ, по распоряженію министерства внутреннихъ дѣлъ, въ 5% облигаціи главнаго общества россійскихъ желѣзныхъ дорогъ, если не ошибаюсь, въ 1869 году, причемъ облигаціи были тогда же присланы приказу и хранятся въ томскомъ казначействѣ, а купонные листы министерство удержало у себя, само получало все время и получаетъ теперь проценты, ежегодно вы-

сылая приказу одну и ту же сумму на расходы. Я зналъ, что облигаціи главнаго общества были выпущены въ металлической валютѣ, и проценты по нимъ уплачивались золотомъ. Приказъ же получалъ ежегодно одинаковую сумму кредитными билетами, т. е. хозяйственный департаментъ, повидимому, безъ всякаго законнаго основанія, уменьшалъ доходы томскаго приказа на всю сумму лажа, что за 15 лѣтъ составляло довольно значительную сумму. Управляющій контрольной палаты приказалъ мнѣ написать о сдѣланномъ открытіи въ Петербургъ, въ канцелярію государственнаго контроля. Послѣдняя снеслась съ министерствомъ внутреннихъ дѣлъ и увѣдомила контрольную палату, что въ хозяйственномъ департаментѣ получаютъ проценты съ процентныхъ бумагъ всѣхъ приказовъ общественнаго призрѣнія и распредѣляются между послѣдними, сообразно съ ихъ потребностями, по утвержденнымъ министромъ смѣтамъ. На этомъ, сколько помню, переписка и окончилась. Такъ и не выяснилось, по какому праву деньги томскаго приказа были употреблены не по прямому ихъ назначенію.

Изданіе неофіціальной части «Губернскихъ Вѣдомостей» продолжалось, но вызвало ропотъ чиновниковъ губернскаго правленія, не получавшихъ прежнихъ наградныхъ изъ типографскихъ суммъ. Н. Н. Пѣтуховъ просилъ меня сократить расходы по редакціи, не выпускать большихъ нумеровъ, не выписывать новыхъ шрифтовъ, уменьшить расходъ на выписку газетъ и журналовъ и проч. Я видѣлъ, что въ сущности дальнѣйшее продолженіе «Губернскихъ Вѣдомостей» по новой программѣ лишь терпится, и губернское правленіе ждетъ только приличнаго повода прекратить «дорогую мерцаловскую затѣю», поглощающую наградныя деньги; съ умиленіемъ вспоминали чиновники губернскаго правленія недавнее еще время, когда казенная типографія, не требуя никакихъ расходовъ на ея улучшеніе, давала губернскому правленію возможность раздавать ежегодно личному составу правленія къ Рождеству и къ Пасхѣ по нѣскольку тысячъ рублей, сверхъ штатнаго содержанія. Повести дѣло въ открытую никто, однако, не рѣшался, опасаясь противодѣйствія губернатора, въ распоряженіи котораго, по закону, находились типографскія суммы. Совѣтники губернскаго правленія пытались подѣйствовать на Н. Н. Пѣтухова, убѣждая его доложить губернатору объ убыточности отдѣльнаго изданія неофіціальной части «Губернскихъ Вѣдомостей» и о скоромъ истощеніи типографскихъ суммъ, накопленныхъ въ теченіе многихъ экононыхъ лѣтъ. Н. Н. Пѣтуховъ не рѣшался послѣдовать совѣту своихъ сослуживцевъ и ограничивался преподаніемъ мнѣ вышеуказанныхъ наставленій.

Неожиданно вопросъ вскорѣ разрѣшился министерствомъ. Какъ-то утромъ, въ не указанный день, губернаторъ прислалъ за мной, прося явиться немедленно «по экстренному дѣлу».

— Что случилось?—спрашиваю я, входя въ кабинетъ.

— Читайте,—отвѣтилъ И. И., протягивая мнѣ какую-то бумагу.

Это было предложеніе министра внутреннихъ дѣлъ, графа Д. А. Толстого, по главному управленію по дѣламъ печати. Министръ спрашивалъ: на какомъ основаніи въ неофициальной части «Томскихъ Губернскихъ Вѣдомостей» допускается печатаніе сообщеній подъ рубриками: «мы слышали», «намъ сообщаютъ», «мы узнали» и т. п., критическія замѣтки о новыхъ книгахъ, не имѣющихъ никакого отношенія къ Томской губерніи, театральная хроника, статьи по мѣстнымъ вопросамъ, не получившимъ еще окончательнаго разрѣшенія въ установленномъ порядкѣ, разные не всегда вѣрные слухи о правительственныхъ намѣреніяхъ и предположеніяхъ, статьи о предметахъ, касающихся другихъ губерній (напримѣръ, большая статья о минусинскомъ мѣстномъ музеѣ) и т. д. Въ заключеніе министръ поручаетъ губернатору немедленно вернуть изданіе «Губернскихъ Вѣдомостей» къ законному предѣлу, давъ соотвѣтственныя указанія цензирующему ихъ лицу, и увѣдомить объ исполненіи, предваряя, что главному управленію по дѣламъ печати предложено строго слѣдить за содержаніемъ «Томскихъ Губернскихъ Вѣдомостей» на будущее время.

— Ясно?—спросилъ Красовскій, когда я кончилъ читать бумагу.—Надо сейчасъ же прекратить нашу газету. Я сегодня же пошлю предложеніе объ этомъ Пѣтухову, съ графомъ Толстымъ нельзя шутить.

— «Сейчасъ» прекратить нельзя,—отвѣтилъ я.—У насъ есть необязательные подписчики, которые могутъ потребовать подписныя деньги назадъ, если мы до конца года вдругъ измѣнимъ содержаніе газеты. Не найдете ли вы возможнымъ испросить отсрочку до новаго года? Осталось выпустить немного номеровъ, не больше десяти.

— Нѣтъ, спорить и торговаться съ Толстымъ я не намѣренъ и прошу васъ немедленно приступить къ исполненію предложенія министра, не думая ни о какихъ подписчикахъ; будете давать то, что позволяютъ, телеграммы «Сѣвернаго агентства», онѣ стоятъ всей подписной цѣны на неофициальную часть. Что же дѣлать, если нельзя иначе? Не могу же я рисковать мѣстомъ? И изъ-за чего? Подумайте, какъ лучше исполнить желаніе министра, и покоритесь обстоятельствамъ; для борьбы у насъ, по крайней мѣрѣ у меня, нѣтъ ни силъ, ни желанія.

Я ушелъ огорченный, подавленный случившимся. У меня отнималось дѣло, которое я вель съ любовью, съ надеждой, что оно разовьется и принесетъ пользу мѣстному обществу, особенно въ глухихъ сибирскихъ захолустьяхъ, гдѣ никакихъ газетъ не получается, а «Губернскія Вѣдомости» высылаются обязательно.

Приходилось поставить крестъ на двухлѣтней работѣ, похѣренной однимъ почеркомъ пера всемогущаго министра, на радость мѣстныхъ поборниковъ тьмы и общественнаго невѣжества.

Предложеніе министра на другой день поступило въ губернское правленіе, съ резолюціей губернатора: «Исполнить немедленно». Надо было видѣть радость чиновниковъ, предвкушавшихъ рождественскаго «гуся». До Рождества оставалось только два мѣсяца. Сейчасъ же началось сокращеніе типографскихъ расходовъ: были уволены лучшіе наборщики, приглашенный мною искусный печатникъ, телеграммою отмѣненъ сдѣланный передъ тѣмъ заказъ новыхъ шрифтовъ въ Москвѣ,—словомъ, типографія спѣшно приводилась въ свой прежній убогій видъ, на радость единственной частной, отлично оборудованной типографіи; казенной печати для печатанія публикацій о сыскахъ и официальной части «Губернскихъ Вѣдомостей» надолго еще хватить стараго, слѣпного, сбитаго шрифта и еле живого наборщика, работающаго въ типографіи съ ея основанія, болѣе 40 лѣтъ, возвратился старый, уволенный мною печатникъ-пьяница; частные заказы сейчасъ же были все отмѣнены и переданы въ типографію Макушина, даже я не нашель возможнымъ печатать въ казенной типографіи «Памятную книжку» и испросилъ разрѣшеніе комитета перенести ея печатаніе въ типографію Макушина. Въ нѣсколько дней было варварски разрушено все, созданное съ трудомъ и съ любовью въ теченіе двухъ лѣтъ. И. И. Красовскій и Н. Н. Пѣтуховъ предлагали мнѣ остаться завѣдующимъ типографіей и сохранить содержаніе, которое я получалъ за редактированіе неофициальной части (75 р. въ мѣсяць), но я категорически отказался отъ этой синекуры, находя, что завѣдывать нечѣмъ, и начальникъ газетнаго стола отлично справится одинъ съ пустой и не имѣющей заказовъ типографіей.

Такъ кончилась просвѣтительно-литературная «затѣя» В. И. Мерцалова. Отъ всей этой затѣи у меня осталось одно пріятное воспоминаніе—знакомство съ прекраснымъ человѣкомъ—несчастливымъ А. А. Кропоткинѣмъ, братомъ извѣстнаго эмигранта. Объ этомъ исключительно хорошемъ человѣкѣ я обязанъ и хочу сказать нѣсколько теплыхъ словъ.

XXIV.

Князь Александръ Алексѣевичъ Кропоткинъ былъ сосланъ въ Сибирь въ административномъ порядкѣ, еще до введенія въ дѣйствіе послѣдняго положенія о поднадзорныхъ, когда назначеніе срока высылки не было обязательно. До изданія этого положенія Кропоткинъ пробылъ въ ссылкѣ нѣсколько лѣтъ въ гор. Минусинскѣ Енисейской губ. Тамъ засталъ его новый законъ,

по которому министерство внутреннихъ дѣлъ обязано было назначить срокъ ссылки всѣмъ лицамъ, высланнымъ ранѣе административнымъ порядкомъ. Кропоткину былъ назначенъ наибольшій срокъ, допущенный новымъ закономъ,—пятилѣтній, безъ зачета времени, уже прожитаго имъ въ Минусинскѣ. Болѣзнь сына, мальчика 7—8 лѣтъ, требовавшая специальной медицинской помощи, побудила князя просить о разрѣшеніи ему переселиться въ Томскъ. Разрѣшеніе послѣдовало, и онъ перебрался въ Томскъ съ женою и двумя дѣтьми, гдѣ и рѣшилъ ждать окончанія срока своей ссылки, лечить больного сына и думать о будущемъ, которое не могло не заботить его: средства, вырученныя отъ продажи послѣдняго клочка родовой земли гдѣ-то въ Тамбовской губерніи, приходили къ концу, другихъ источниковъ для существованія семьи, которую онъ горячо любилъ, для воспитанія и образованія дѣтей, въ виду не имѣлось; заработка, сколько-нибудь обеспечивающаго потребности семьи, онъ въ Сибири найти не могъ, не рассчитывалъ легко найти его и въ Россіи по возвращеніи изъ ссылки. Положеніе представлялось ему безнадежнымъ, онъ тщетно искалъ выхода въ постоянныхъ бесѣдахъ о своемъ горѣ съ симпатичными ему и симпатизирующими его думамъ людьми, просилъ совѣтовъ, указаній, ловилъ мысли, казавшіяся ему удачными, осуществимыми, задумывалъ научныя и литературныя работы, переводилъ иностранныя сочиненія, но издателя на свои работы не находилъ, сколько ни переписывался по этому поводу съ Москвою и съ Петербургомъ.

Мнѣ довелось познакомиться съ А. А. въ періодъ наивысшаго напряженія его душевной тоски.

— Какой вѣтеръ загналъ васъ ко мнѣ, князь?—спросилъ я.

— Потребность видѣть простого, культурнаго, образованнаго человѣка, не заключеннаго въ рамки обязательнаго мышленія здѣшняго кружка «политиковъ», думающаго и чувствующаго не по чужой указкѣ, а по своему свободному разумѣнію.

— Желалъ бы оправдать ваши надежды,—отвѣтилъ я.

— Вы не можете себѣ представить всей мучительности положенія человѣка, которому судьба и люди навязали политическій ярлыкъ, отнявшій отъ него всякую свободу мысли, даже свободу въ ничтожныхъ, случайныхъ проявленіяхъ настроенія; всюду и вездѣ за каждымъ его шагомъ наблюдаютъ, слѣдятъ,—какъ бы носящій ярлыкъ не вышелъ изъ предѣловъ разрѣшенной ему жизни. Меня это положеніе измучило, и я не удивился бы, если бы выкинулъ невольню какую-нибудь ни съ чѣмъ не сообразную штуку.

— Кто же въ вашемъ кружкѣ такъ зорко слѣдитъ за вами?

— Больше всѣхъ Феликсъ Волховской, наша ходячая «политическая» мораль. Вы его знаете?

— Знаю и считаю его очень умнымъ, дѣльнымъ человѣкомъ, рожденнымъ вожакомъ партіи.

— Да, онъ—умный, дѣльный, очень даровитый вожакъ своихъ единомышленниковъ, я его очень высоко ставлю, люблю и уважаю, но подчиняться всѣмъ его требованіямъ, отказаться отъ всякой тѣни личной свободы въ мельчайшихъ случаяхъ жизни,—до такого уничтоженія личности я не въ состояніи дойти, и меня угнетаетъ это положеніе «поднадзорнаго» среди своихъ товарищей по ссылкѣ. Я ищу просто культурнаго общества, мнѣ нужны просто порядочные люди, образованные, свободомыслящіе, умные, съ общечеловѣческими просвѣтительными стремленіями и интересами, а не фанатики «положенія политическаго ссыльнаго». На дняхъ у насъ въ кружкѣ завязался споръ о томъ, какая возможна и желательна конституція въ Россіи. Я имѣлъ смѣлость высказать мнѣніе, что у насъ, при настоящихъ условіяхъ, при полной безграмотности мужика, дикости и политической невѣжественности буржуазіи и крайней незначительности интеллигентнаго элемента, возможенъ лишь земскій соборъ, совѣщательный, а не законодательный. Всѣ напали на меня, какъ на еретика, а Волховской прямо отрѣзаль: «такъ разсуждать политическому ссыльному неприлично», и строго, обратившись прямо ко мнѣ, прибавилъ: «не вздумайте повторить ваши слова внѣ нашего кружка, у васъ есть дурная привычка забывать свое положеніе, которое обязываетъ васъ къ извѣстному опредѣленному образу мыслей, и мы, ваши товарищи по ссылкѣ, въ правѣ не только желать, но прямо требовать, чтобы вы, высказывая такія мнѣнія, какъ сегодня, не компрометировали «политическихъ ссыльныхъ, которымъ, повторяю, неприлично довольствоваться «совѣщательнымъ» земскимъ соборомъ». И, повѣрьте, всѣ, буквально всѣ, захлопали Волховскому, давая мнѣ понять, что я совершилъ нѣчто нехорошее. Какъ вамъ это нравится?

— Да, это ужъ очень сурово,—не могъ я не согласиться.—Но какъ же вы, князь, попали въ Сибирь съ такими, болѣе чѣмъ умѣренными взглядами?

— Это—секретъ департамента полиціи. Главная моя вина состоитъ въ томъ, что я—братъ моего брата, былъ съ нимъ всегда друженъ, горячо любилъ и люблю его, пользовался его взаимностью, но это не мѣшаетъ мнѣ не раздѣлять его крайнихъ политическихъ воззрѣній, и онъ не считаетъ меня анархистомъ и все-таки любитъ и вѣритъ мнѣ, какъ благородному, чѣстному, свободомыслящему человѣку.

— Васъ выслали за сношенія съ братомъ?

— Нѣтъ, мы не переписывались. У меня при обыскѣ нашли написанное задолго до обыска не отправленное письмо къ П. Л. Лаврову. Написавъ его, я ждалъ случая переслать, случай не приходилъ, письмо залежалось въ столѣ, я и забылъ о немъ, а въ резуль-

татѣ—почти десять лѣтъ ссылки, полное разореніе семьи и въ будущемъ ничего...

— Не надо отчаиваться, А. А., можетъ быть, все наладится, вернетесь изъ ссылки, найдете работу и успокоитесь душой среди дорогихъ вамъ людей.

— Плоха надежда на это. Бесѣда съ вами меня немного развлекла. Спасибо вамъ. Пойду къ женѣ и дѣтямъ, подѣлюсь впечатлѣніемъ новаго знакомства. Зайдете ко мнѣ?

— Обязательно и скоро, если позволите.

Такъ окончилось первое мое свиданіе съ княземъ А. А. Кропоткинымъ.

Въ первый же праздничный день утромъ я отправился отдать визитъ Кропоткину. Въ отдаленномъ углу города онъ занималъ небольшую квартирку въ деревянномъ домѣ, окруженномъ довольно большимъ садомъ, въ которомъ я увидѣлъ двухъ бѣгающихъ мальчиковъ. Это были сыновья Александра Алексѣевича, они подбѣжали ко мнѣ, видя, что я ищу кого-то.

— Вы кого ищете?—смѣло спросили меня подбѣжавшіе мальчуганы.—Не Кропоткина ли?

— Да.

— Пала дома, взойдите по лѣстницѣ наверхъ.

И мальчикъ побѣжалъ впередъ по указанной имъ мнѣ лѣстницѣ. Входная дверь была, очевидно, не заперта, мальчикъ скрылся за ней безъ чьей-либо помощи извнутри. Когда я добрался до входной двери, она была уже открыта и въ ней стоялъ А. А.

— Добро пожаловать. Скоро нашли?

— Вы тутъ, какъ на дачѣ, отлично устроились, зелень кругомъ, дѣтямъ приволье.

— Для нихъ и забрались въ это захолустье: сидимъ съ женой и любуемся въ окно на нашу дѣтвору.

Въ первой комнатѣ у окна сидѣла некрасивая, лѣтъ 35—40, женщина въ темномъ, скромномъ, простомъ домашнемъ платьѣ. Это была супруга Александра Алексѣевича, княгиня Варвара Васильевна. Она радушно протянула мнѣ руку, сказавъ:

— Я ужъ знакома съ вами. А. А. подробно разсказалъ мнѣ о своемъ визитѣ къ вамъ. Очень буду рада, если вамъ удастся расшевелить моего мужа, разогнать его вѣчную хандру.

— Буду очень радъ, если мнѣ суждено пробудить въ А. А. бодрость духа,—отвѣтилъ я.

— Его уныніе вредно отзывается даже на дѣтяхъ, и они начинаютъ ныть и капризничать.

— Завела,—мрачно отозвался А. А.—Вотъ лучше дай намъ позавтракать. Тамъ есть бутылка краснаго вина, я вчера купилъ и нарочно не пилъ, точно предчувствовалъ, что сегодня надо будетъ угостить дорогого гостя.

Черезъ четверть часа мы сидѣли за столомъ, и любезные хозяева усердно потчевали меня превосходными сибирскими рябчиками и краснымъ виномъ отъ Дегре. Бесѣда, оживленная, интересная, шла сама собой, касаясь разныхъ современныхъ событій. А. А. говорилъ много о своемъ пребываніи въ Минусинскѣ, о тамошнемъ музеѣ и объ его основателѣ—Мартьяновѣ.

— Знаете что, А. А.,—сказалъ я.—Я много слышалъ и читалъ о Мартьяновѣ и его музеѣ, но никто ни разу такъ живо и интересно не обрисовалъ мнѣ этого почтеннаго дѣятеля Минусинскаго края. Не полѣнитесь, напишите объ этомъ музеѣ небольшой очеркъ, я напечатаю его въ «Губернскихъ Вѣдомостяхъ» и заплачу вамъ высшій гонораръ: по 5 коп. за строчку. Больше губернское правленіе никому не платитъ.

— Сдѣлаю это не только съ удовольствіемъ, но и съ любовью,—горячо отозвался Кропоткинъ. На дняхъ же принесу вамъ рукопись. Кстати, это будетъ первый мой заработокъ въ Сибири.

Поговоривъ еще полчаса, мы разстались.

Прошло 3—4 дня, Кропоткинъ принесъ мнѣ обѣщанный очеркъ возникновенія и развитія минусинскаго музея. Я въ тотъ же день прочелъ его рукопись и послалъ ее въ типографію для ближайшаго нумера «Губернскихъ Вѣдомостей». Могъ ли я думать, что этотъ вполне мѣстный культурный очеркъ, чуждый какихъ-либо запретныхъ тенденцій, попадетъ въ число обвинительныхъ пунктовъ противъ моей редакціи?

Мои свиданія съ Кропоткинскимъ происходили все чаще и чаще, отношенія становились все ближе; казалось, ничто не грозитъ ихъ разрушенію. Случилось, однако, иначе. Но объ этомъ послѣ. Теперь надо рассказать о другой встрѣчѣ, имѣвшей большое значеніе въ моей томской жизни до конца пребыванія моего въ Томскѣ.

XXV.

Еще осенью 1881 года появился въ Томскѣ молодой, довольно красивый брюнетъ, съ большими темными глазами, неглупымъ, живымъ взглядомъ,—въ общемъ, фигура интеллигентная и симпатичная. Я увидѣлъ интереснаго брюнета въ театрѣ, обративъ невольно вниманіе на красовавшійся на его сюртукѣ не виданный еще въ Томскѣ знакъ присяжнаго повѣреннаго.

— Кто это?—спросилъ я одного знакомаго, знавшаго всѣхъ.

— Новый адвокатъ изъ Кіева, Василій Петровичъ Картамышевъ, недавно пріѣхалъ, Хотите познакомлю?

— Богъ съ нимъ. Захочетъ, самъ познакомится,—отвѣтилъ я.

Въ слѣдующемъ же антрактѣ Картамышевъ подошелъ ко мнѣ, назвалъ себя, сказалъ, что слышалъ обо мнѣ самые лестные отзывы,

желалъ очень познакомиться, но не успѣлъ еще заѣхать ко мнѣ, сдѣлаеть это непременно на дняхъ.

— Радъ познакомиться съ первымъ, появившимся въ Томскѣ присяжнымъ повѣреннымъ,—отвѣтилъ я.

— Не нужны они здѣсь. Ничего путнаго моему значку здѣшніе обыватели не предсказываютъ, говорятъ: старыхъ сутягъ довольно, и новыхъ, да еще съ какими-то значками, намъ не требуется.

— А что заставило васъ промѣнять родной, теплый Кіевъ на чужую и холодную Сибирь?

— Я—хохолъ, уроженецъ Слободской Украины, нынѣ Харьковская губернія, дѣйствительный студентъ московскаго университета, по окончаніи курса поселился сначала въ Харьковѣ, тамъ женился, потомъ перебрался въ Кіевъ, тамъ поступилъ въ присяжные повѣренные. Но практика какъ-то шла скачками: то-есть, то нѣтъ, никакого бюджета составить было нельзя, а жить на авось мнѣ, человѣку семейному, не приходилось, надо было предпринять что-нибудь радикальное. Вотъ я и надумалъ искать счастья въ новомъ краѣ, гдѣ еще нѣтъ ни новыхъ судовъ, ни патентованныхъ адвокатовъ, а дѣла, и большія, есть. Написалъ въ Иркутскъ Загоскину, спрашивая его совѣта, какъ сибиряка, отлично знающаго сибирскія условія жизни. Загоскинъ любезно отвѣтилъ, что одобряеть мой планъ и предсказываетъ мнѣ полный успѣхъ, ибо въ Сибири очень сильная нужда въ знающихъ, образованныхъ и честныхъ юристахъ. Я и поѣхалъ удовлетворять эту нужду. Вотъ какъ и зачѣмъ попалъ я въ Сибирь, и думаю основаться въ Томскѣ.

— Искренно желаю вамъ полного успѣха,—отвѣтилъ я своему новому знакомому.—Пожалуй, сдѣлаетесь сибирскимъ патриотомъ, въ родѣ Ядринцева и Загоскина, станете проповѣдывать, что Сибирь—для сибиряковъ, что желѣзная дорога во внутреннюю Россію не нужна, даже вредна, что Сибирь должна развивать внутренне, а не внѣшніе пути сообщенія, которые вывезутъ все сибирское сырье и обездолятъ все придорожное населеніе, живущее теперь «кнутикомъ».

— Въ этомъ и состоитъ сибирскій патриотизмъ?

— Да, къ этому сводится вся проповѣдь мѣстной патриотической печати. Не читали вы развѣ, какъ «Сибирская Газета» отдѣлала ген. Богдановича за его пропаганду Сибирской желѣзной дороги? Дошло до того, что она пожелала генералу подавиться тѣми пельменями, которыми его угощали въ Перми.

Поднялся занавѣсъ, и мы разошлись по нашимъ мѣстамъ.

Вскорѣ Картамышевъ сдѣлался героемъ дня. Онъ живо приспособился къ мѣстнымъ нравамъ, сталъ пить утромъ, днемъ, вечеромъ и въ пьяномъ видѣ производить разныя безчинства въ клубѣ, въ гостиницѣ, въ вольныхъ маскарадахъ, вызывая справедливыя нареканія и жалобы томскихъ обывателей. Наконецъ въ городѣ

узнали, что Картамышевъ выѣхалъ въ Иркутскъ по большому наслѣдственному дѣлу, обещающему ему крупный гонораръ, если онъ скоро и благополучно утвердитъ въ правахъ наслѣдства одного бокового родственника умершаго недавно въ Иркутскѣ миллионера, генерала изъ купцовъ, золотопромышленника Хаминова. Затѣмъ разнеслась по городу вѣсть, что Картамышевъ перевелъ изъ Иркутска женѣ большую сумму полученнаго имъ гонорара и на дняхъ возвратится въ Томскъ.

Дѣйствительно, черезъ нѣсколько дней я встрѣтилъ Картамышева на улицѣ. Завидѣвъ меня, онъ остановилъ кучера, вышелъ изъ экипажа и направился навстрѣчу мнѣ.

— Давно пріѣхали?—спросилъ я.

— Сегодня рано утромъ.

— Удачно съѣздили?

— Да, кончилъ дѣло, но не обошлось безъ непріятностей, пришлось разойтись съ моимъ иркутскимъ повѣреннымъ, помощникомъ присяжнаго повѣреннаго Птицинымъ, которому я было хотѣлъ оставить кончать дѣло, надѣясь, что онъ, какъ мѣстный адвокатъ, скорѣе меня добьется выдачи денегъ. Но сейчасъ же увидѣлъ, что онъ занимается болѣе сотрудничествомъ въ газетѣ «Сибирь», чѣмъ адвокатурою. Нечего дѣлать, пришлось остаться и самому добиться выдачи наслѣдственнаго капитала, отказавшись отъ сотрудничества Птицына.

— Здѣсь говорятъ, что вы получили громадный гонораръ. Правда?

— Не громадный, а дѣйствительно большой, на мою долю пришлось болѣе 20 тысячъ. Я уже купилъ фотографію и думаю купить домъ женѣ.

— Желаю вамъ полного успѣха,—сказалъ я, и мы разстались.

За три года, прожитыхъ Картамышевымъ въ Томскѣ, онъ пере-знакомился со всѣмъ городомъ, за нимъ установилась репутація юриста знающаго, но не всегда выгоднаго, благодаря своему буйному нраву. Въ пьяномъ видѣ онъ не зналъ никакого удержа, лѣзь, что называется, на рожонъ и причинялъ немало заботъ администраціи, которая въ то же время боялась его, какъ независимаго и смѣлаго человѣка. Въ началѣ 1882 года, послѣ столкновенія Картамышева съ главою мѣстнаго еврейскаго общества купцомъ Манасевичемъ, пользовавшимся большимъ фаворомъ губернатора, В. И. Мерцаловъ грозилъ выслать Картамышева въ Нарымъ, но не рѣшился привести свою угрозу въ исполненіе («охранъ» еще не было, губернаторы еще помнили, что въ Россіи есть законы, и побаивались слишкомъ грубо нарушать ихъ). Картамышевъ ходилъ козыремъ, вездѣ и всюду кричалъ, что съ нимъ никто ничего сдѣлать не смѣетъ, а угрозъ онъ не боится.

Обыватели относились къ его безчинствамъ въ общемъ терпѣливо, а часто прямо съ сочувствіемъ: имъ нравились прямота и смѣлость его характера, свобода его рѣчи, отсутствіе въ немъ низкопоклонства передъ властью, радушіе и хлѣбосоольство, готовность всегда раздѣлить веселую компанію, постоять за товарища и т. д. Въ итогѣ Картамышева всѣ любили и потому многое ему прощалось. Я лично симпатизировалъ ему, какъ искреннему, неглупому человѣку, чуждому чловѣконенавистничества и дутаго, глупаго чванства. Его жена—Марья Ѳедоровна—встрѣтила меня, какъ истая хохлушка, просто и гостепріимно; она отлично видѣла недостатки своего мужа, сознавала ихъ неустранимость, мирилась съ ними, безусловно требуя лишь одного: полнаго уваженія съ его стороны домашняго очага. И надо отдать ему справедливость—онъ умѣлъ беречь спокойствіе и покой своей семьи: всѣ свои безчинства онъ продѣлывалъ внѣ дома, часто не пуская къ себѣ домой своихъ собутыльниковъ, даже въ трезвомъ видѣ, говоря имъ: «жена—моя святыня, она не должна видѣть моихъ безобразій, для нашихъ пооекъ есть «Европа».

Когда былъ назначенъ томскимъ губернаторомъ И. И. Красовскій, Картамышевъ ликовалъ, весело рассказывалъ, что помнить И. И. еще инспекторомъ студентовъ, послѣднимъ любимымъ студентами инспекторомъ, поздравлялъ томичей съ такимъ губернаторомъ, какого у нихъ еще не бывало. Это—не чиновникъ, это—«человѣкъ»,—грѣмѣлъ В. П., разгѣвая по обыкновенію цѣлое утро по городу. Возвратившись изъ Иркутска, Картамышевъ завелъ себѣ такую же пару сѣрыхъ лошадей, какая была у Красовскаго, купилъ хорошій двухэтажный домъ въ центрѣ города, М. Ѳ. зажила барыней, довольная, что мужъ, повидимому, успокоился и прекратилъ свои безобразія. Ходили слухи, что Красовскій, очень привѣтливо встрѣтивъ стараго московскаго студента, взялъ съ него слово, что онъ безобразничать не будетъ, и что Картамышевъ далъ это слово. Самъ Картамышевъ отрицалъ это. Какъ бы ни было, цѣлый годъ ни о какихъ новыхъ выступленіяхъ буйнаго Василя Петровича не было слышно. Скоро узнали, что онъ думаетъ крѣпкую думу. Какъ-то вечеромъ онъ зашелъ ко мнѣ.

— Что новенькаго, Василій Петровичъ?—спросилъ я.

— Думаю издавать газету,—выпалилъ Картамышевъ.—Завтра поѣду къ Красовскому, буду просить его поддержать мое ходатайство о газетѣ. Очень рассчитываю на ваше содѣйствіе. Можно? Кстати, у васъ отняли «Губернскія Вѣдомости».

— Объ этомъ надо серьезно подумать, вѣдь это—затѣя не дешевая и очень сложная,—отвѣтилъ я.

— Для начала деньги у меня есть, а потомъ, я надѣюсь, газета будетъ окупать себя и даже давать барышъ. Макушинъ говорилъ мнѣ, что его «Сибирская Газета» въ первый же годъ покрыла всѣ расходы и дала остатокъ.

— Скажите, В. П., какую новую идею думаете вы положить въ основаніе вашей газеты? Безъ опредѣленной, ясно выраженной программы за газету приниматься нельзя. Не стоитъ также затѣвать новую газету для перепѣва мотивовъ, достаточно смѣло, настойчиво и послѣдовательно распѣваемыхъ дѣйствующею сибирскою печатью. Надо выставить девизомъ новой газеты какой-нибудь новый мотивъ, способный привлечь вниманіе мѣстной читающей, пишущей и думающей публики, иначе успѣхъ невозможенъ.

— Совершенно согласенъ съ вами. Безъ ясной программы невозможно существованіе газеты, и она у меня есть. Существующія газеты кричатъ вѣсьмъ патріотическимъ хоромъ: Сибирь—для сибиряковъ, не нужно Сибири ни желѣзной дороги, ни морского пути. Сибирь должна развиваться внутри себя, беречь свои богатства для своей страны, а не обогащать метрополию, Сибирь—русская Америка. Моя же газета будетъ говорить: Сибирь для Россіи, для русскаго народа, все будущее Сибири заключается въ ея тѣсномъ единеніи съ остальной Россіей, развитіе Сибири должно итти въ связи съ культурными успѣхами всей Россіи, необходимо скорѣе построить желѣзную дорогу, обѣщанную еще покойнымъ государемъ въ 1880 году, полезно, а не вредно, подробно изучить вопросъ о возможности обезпечить международной торговлѣ морской путь въ Сибирь. Богатства Сибири суть богатства Россіи, Сибирь—не колонія Россіи, а сама Россія, не русская Америка, а русская провинція и должна развиваться такъ же, какъ развивались другія окраины Русскаго государства. Вотъ—программа моей газеты, она достаточно ярко отличается отъ программы существующихъ сибирскихъ газетъ, общее у насъ будетъ одно—прогрессивность общихъ стремленій и посильная борьба съ невѣжествомъ и тьмою. Согласны вы помогать мнѣ? Безъ васъ я не рѣшусь начать это дѣло, мнѣ нужна ваша газетная опытность,—закончилъ свою длинную тираду Картамышевъ.

Вопросъ былъ поставленъ ребромъ. Любимое дѣло соблазнило меня, я согласился, если мнѣ будетъ гарантирована полная редакторская свобода и самостоятельность.

— Ни одной строчки не будетъ напечатано, даже сдано въ наборъ безъ вашего одобренія,—торжественно провозгласилъ Картамышевъ, протягивая мнѣ руку въ знакъ того, что соглашеніе состоялось.

— Вечеромъ, попозднѣе, заходите ко мнѣ, напишемъ вмѣстѣ прошеніе министру, программу и окрестимъ газету, а завтра я поѣду къ Ивану Ивановичу, буду просить его, для выигрыша времени, принять мое прошеніе министру и представить его съ своимъ отзывомъ, во избѣжаніе запроса. И безъ того уже Рождество на носу, раньше марта—апрѣля разрѣшеніе прійти не можетъ.

Картамышевъ уѣхалъ, а я сѣлъ составлять программу и сочинять названіе газеты. Вспомнился мнѣ мой злополучный петербургъ-

скій «Сѣверный Вѣстникъ», отцвѣтшій, не успѣвъ расцвѣсть, но я не убоялся дурного прецедента и рѣшилъ предложить Картамышеву назвать новую газету «Сибирскій Вѣстникъ». Выбравъ названіе, я набросалъ программу. Въ 11-мъ часу я отправился къ Картамышеву. Онъ сейчасъ же согласился со всѣми моими предположеніями и отдалъ своему писцу переписать набѣло прошеніе и программу и пригласилъ меня въ столовую, гдѣ М. Θ. ждала насъ ужинать. Ужинъ прошелъ весело. М. Θ. была отличною хозяйкою, любила и умѣла угостить; такихъ наливокъ, какъ у нея, не было ни у кого въ Томскѣ, и Картамышевъ справедливо гордился ими.

На утро Василій Петровичъ отвезъ губернатору свое прошеніе, былъ благосклонно принятъ и получилъ обѣщаніе, что его ходатайство будетъ серьезно поддержано.

Утромъ слѣдующаго дня Иванъ Ивановичъ прислалъ за мной.

— Вы знаете, конечно, о прошеніи Картамышева издавать газету?—обратился ко мнѣ Красовскій.

— Знаю, онъ пригласилъ меня редактировать его «Сибирскій Вѣстникъ».

— Мнѣ некому поручить написать представленіе министру, въ канцеляріи нѣтъ ни одного человѣка, который сумѣлъ бы толково выяснитъ, почему я усиленно прошу объ удовлетвореніи просьбы Картамышева. Будьте добренькій, садитесь за мой столъ и набросайте черныякъ представленія. Вы знаете, въ чемъ дѣло, васъ учить не надо.

Черезъ часъ проектъ представленія былъ готовъ и переданъ мною губернатору. Онъ прочелъ написанное мною, отложилъ въ сторону, сказавъ, что находить нужнымъ сдѣлать въ моемъ проектѣ небольшія измѣненія, «чисто губернаторскія», и отпустилъ меня.

XXVI.

Къ Рождеству весь матеріалъ для «Памятной книжки» былъ готовъ, и я началъ ея печатаніе въ частной типографіи Макушина. Оба мои сотрудника прекрасно справились съ своею задачей.

«Книжка» вышла интересной, статистическій комитетъ, по предложенію предсѣдателя, выразилъ мнѣ благодарность за отличное исполненіе порученія комитета по составленію и изданію «Памятной книжки».

Расплатившись съ своими сотрудниками, я началъ размышлять о томъ, смогу ли я сохранить всѣ мои занятія и взять еще на себя редакцію «Сибирскаго Вѣстника», если онъ будетъ разрѣшенъ. Кромѣ того, управляющій контрольною палатою усиленно просилъ меня сосредоточить мои занятія въ палатѣ, оставивъ всѣ другія постоянныя занятія въ правительственныхъ мѣстахъ. Онъ предлагалъ увеличить мое содержаніе въ палатѣ до размѣра штатнаго содержанія

помощника ревизора, если я буду исправно посѣщать палату и нигдѣ больше служить не стану. Это давало мнѣ тысячу рублей въ годъ, на 250 р. болѣе, чѣмъ я получалъ, исполняя обязанности секретаря статистическаго комитета. Правда, палата отнимала бы у меня все утро, отъ 10 час. до 3¹² дня, оставляя мнѣ для газеты лишь вторую половину дня, зато ставила меня въ совершенно независимое отъ администраціи положеніе, что было очень важно для будущей редакціи. Къ тому же я былъ увѣренъ, что добрѣйшій А. Г. Лейбинъ не станетъ придирается ко мнѣ, отнесется снисходительно, если случится необходимость пропустить служебный день, даже два подъ рядъ. Обдумавъ этотъ важный для меня вопросъ, я рѣшилъ отказаться отъ секретарства въ статистическомъ комитетѣ. Мое рѣшеніе искренно обрадовало А. Г. Лейбина, который дѣйствительно цѣнилъ мое отношеніе къ дѣлу и дорожилъ моей службой. Красовскій, напротивъ, видимо, огорчился тѣмъ, что я предпочелъ контрольную палату службѣ у него.

— Неужели вы думаете, что газета съ перваго же года обезпечить вашъ личный бюджетъ?—спросилъ меня Иванъ Ивановичъ, когда я сказалъ ему, что, какъ только получится разрѣшеніе издавать «Сибирскій Вѣстникъ», я вынужденъ буду просить освободить меня отъ обязанностей секретаря статистическаго комитета.

— Я далеку отъ мысли взвалить на бюджетъ газеты свое личное существованіе,—отвѣтилъ я.—Редакціонный трудъ будетъ оплаченъ послѣднимъ, если останутся какія-нибудь деньги за покрытіемъ всѣхъ другихъ расходовъ по изданію.

— Такъ на что же вы рассчитываете жить?—перебилъ меня Красовскій.

Я рассказалъ о сдѣланномъ мнѣ предложеніи А. Г. Лейбинымъ и о моемъ рѣшеніи предпочесть службу въ палатѣ секретарству въ статистическомъ комитетѣ.

— Это очень печально для меня, вѣдь вы знаете, что мнѣ некъмъ замѣнить васъ въ комитетѣ, гдѣ работа, слава Богу, наладилась, и вы, благодарный, хотите уходить, бросить дѣло, которое васъ кормило два года. Такъ поступать нельзя, этого я отъ васъ не ожидаю. Я думалъ, что въ правѣ рассчитывать на большее вниманіе съ вашей стороны къ моей дружбѣ. Буду очень радъ, если всѣ ваши расчеты на снисходительность А. Г. Лейбина не оправдаются, и служба въ палатѣ окажется гораздо требовательнѣе, чѣмъ у меня.

— Ну, что будетъ, то будетъ, я уже далъ слово А. Г. и нарушить его не могу, хотя мнѣ очень больно слышать ваши упреки въ неблагодарности, я подумалъ и о кандидатахъ, изъ которыхъ вы могли бы выбрать секретаря статистическаго комитета.

— Кто это?—обрадовался Красовскій.

— Волховской и Зубокъ,—отвѣтилъ я.

«Истор. вѣстн.», июнь, 1910 г., т. сxx.

— Волховского не возьму ни въ какомъ случаѣ: весь комитетъ запротестуетъ и будетъ правъ, этому хитрому фанатику нельзя вѣрить, онъ погубитъ родного отца, если найдетъ это выгоднымъ для нигилистовъ.

— Волховской—человѣкъ умный и талантливый, я не считаю его непримиримымъ фанатикомъ и думаю, что онъ былъ бы полезнымъ работникомъ,—замѣтилъ я.

— А Толстой что мнѣ скажетъ? Вы думаете, похвалить за поощреніе умныхъ и талантливыхъ нигилистовъ? Да и Александровъ навѣрное сейчасъ же донесетъ. Нѣтъ, о Волховскомъ не можетъ быть и рѣчи. Зубокъ—другое дѣло, онъ полноправный хохоль, его можно опредѣлить на государственную службу. О немъ я подумаю. Вы съ ними говорили?

— Говорилъ. Я сказалъ имъ, что выставлю кандидатуру обоихъ, а выборъ будетъ зависѣть отъ васъ, конечно.

— Пока ничего больше не говорите ни тому, ни другому. Время еще есть, разрѣшеніе газеты не придетъ раньше Пасхи. Я скажу Лейбину, что не могу отпустить васъ раньше Страстной недѣли. Къ Пасхѣ, я надѣюсь, вы успѣете закончить «приложеніе» къ моему отчету за прошлый годъ. Въ этомъ вѣдь вы мнѣ не откажете?

— До Пасхи я и не думалъ уходить, и постараюсь къ этому времени собрать весь статистическій матеріалъ за минувшій годъ и, если не закончить, то направить всю работу для «приложенія» къ вашему отчету, такъ что съ этой работой мы не запоздаемъ. Будьте покойны. Срочной работы я никогда не брошу, и васъ не подведу.

— Хотя вы и сильно огорчили меня, все-таки желаю вамъ полнаго успѣха. Боюсь, вамъ трудно будетъ ладить съ бурнымъ и необузданнымъ нравомъ Картамышева. Онъ и студентомъ былъ дикій, я отлично помню его. Меня даже пугаетъ, что онъ притихъ въ послѣднее время, даже пьетъ меньше. Авось выправится, а то наживу я съ нимъ бѣдъ.

— Не бойтесь, Иванъ Ивановичъ, Картамышевъ—человѣкъ не глупый, пойметъ, что редактору газеты не слѣдъ безчинствовать и перестанетъ своимъ поведеніемъ поддерживать репутацію дикаго буяна.

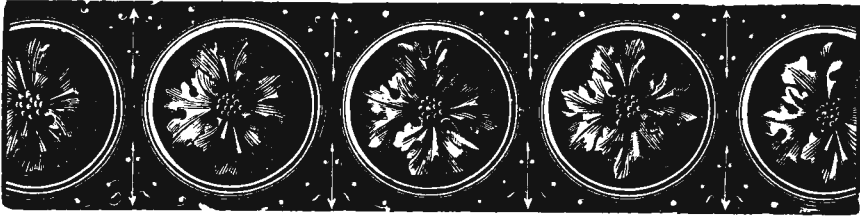
— Очень буду радъ за себя и за васъ, если онъ образумится.

Мы разстались.

Е. В. Коршъ.

(Окончаніе въ слѣдующей книжкѣ).

НЕРАЗБЕРИХА.

(Изъ провинціальныхъ настроеній).

I.

Нѣчто отъ политики.

СЕРЬЕЗНО говорить въ настоящую минуту о политическихъ настроеніяхъ провинціи не приходится. Политики тамъ совсѣмъ не видно и ничего о ней не слышно. Она куда-то ушла, исчезла съ глазъ, скрылась снова въ подполье да затаилась въ тайникахъ обывательскихъ душъ. Обыватель молчитъ и что-то думаетъ про себя, никому не высказываясь, страха ли ради іудейска, или потому, что еще не выносилъ до конца своихъ думъ.

Но при всей скрытности и затаенности обывателя кое-что можно раскрыть въ его политическихъ думахъ: то самъ онъ волею-неволею проговаривается, то въ его поступкахъ обрисовываются его взгляды. Такъ, нельзя не отмѣтить несомнѣнно продолжающагося поправѣнія лѣвыхъ, несмотря на видимое духовное обнищаніе правыхъ... Последнее всѣмъ бьетъ въ глаза, а лѣвые элементы забираютъ все вправо и вправо. Ларчикъ этотъ открывается не хитро.

Надъ «старымъ режимомъ» давно поставленъ крестъ, и отъ воротъ къ нему никто не ждетъ никакихъ благъ. Всѣми владѣеть одна мысль, что «такъ жить нельзя», какъ жили доселѣ, а надо жить «поновому, по-хорошему»... Но этого новаго нѣтъ и никто не знаетъ, какими путями итти къ нему. Полный крахъ «россійской революціи» вызвалъ явное разочарованіе въ ней, въ ея дѣятеляхъ, пріемахъ, средствахъ. Болѣе здоровые обывательскіе элементы были напуганы

надвигавшимся переходомъ революціи въ анархію—и волею-неволею ухватились за старыя средства, чтобы остановить движеніе, принявшее ложное и опасное направленіе. Цѣль достигнута—революція съ анархіей смята, но обыватели по инерціи продолжаютъ держаться старыхъ палліативовъ, не зная и не видя новыхъ путей къ новой жизни, о которой всё только мечтаютъ пока... И всё стоять въ раздумьѣ и растерянности, придерживаясь до поры до времени старой, всёмъ постылой дороги...

Такова преобладающая струя въ настроеніи провинціи, переживающей переходное время, чреватое послѣдствіями. Надвигается страшный вопросъ: поймутъ ли такое настроеніе руководители нашей жизни и пойдутъ ли навстрѣчу ему?.. Не дай Богъ, чтобы они оказались слѣпцами, готовящими странъ рядъ горькихъ потрясеній!..

Не будемъ, однако, пророчествовать, а займемся обзорѣмъ текущихъ фактовъ провинціальной жизни, рисующихъ разныя стороны ея настроеній.

Насколько лѣвые элементы продолжаютъ правѣть—въ этомъ всего лучше убѣдиться на примѣрѣ одного крупнаго подмосковнаго фабричнаго центра. Здѣсь находятся двѣ очень большія (около 20,000 и около 15,000 рабочихъ) мануфактуры, принадлежація двумъ вѣтвямъ одной фамиліи. Въ прежнее время, когда начиналась заворушка рабочихъ на одной мануфактурѣ, «товарищи» другой обязательно поддерживали первыхъ. Теперь же нѣтъ и помина о такомъ «товарищескомъ единеніи»...

Передъ Пасхою вторая мануфактура забастовала, недовольная тѣмъ, что обычные $7\frac{1}{2}\%$ «наградныхъ» денегъ были почему-то сокращены у насъ до 5% . Но первая мануфактура, получившая по-прежнему свои $7\frac{1}{2}\%$, и не подумала поддержать обиженныхъ товарищей, несмотря на всякіе призывы ихъ. Даже когда забастовщики были наказаны отнятіемъ у нихъ и обѣщанныхъ 5% , да около 300 рабочихъ уволены съ фабрикъ—первая мануфактура не шевельнулась...

Рабочіе этой мануфактуры, «довольные» своими процентами, вносили полученныя деньги въ казенную сберегательную кассу (въ первый день внесли 30,000 и т. д.) да осаждали свою потребительскую лавку, дѣлая предпраздничныя закупки провизіи и проч. На Страстной недѣлѣ эта лавка торговала по 30,000 въ день. На Пасху, какъ водится, рабочіе усердно пьянствовали, картежничали и т. п. Надъ «сгруппившимися товарищами» второй мануфактуры открыто смѣялись, издѣвались...

«1-е мая» прошло здѣсь въ работѣ и спокойно, если не считать усиленнаго количества пьяныхъ. И послѣднихъ было не столько молодежи, сколько пожилыхъ и стариковъ: очевидно, ими справлялась традиціонная «маевка», но совсѣмъ не «всеобщій рабочій праздникъ».

На Оминой недѣлѣ по случаю возобновленія работъ служились молебны и двѣ ткацкія фабрики (первой мануфактуры), т. е. еще недавно самые радикальные элементы, спорили между собою о томъ, гдѣ молебенъ будетъ торжественнѣе (гдѣ больше духовенства, голосахъ дьяконъ, лучший хоръ пѣвчихъ) и гдѣ будетъ присутствовать «больше начальства» (фабричнаго)... Оба молебствія удались на славу, и довольные рабочіе обѣихъ фабрикъ послали торжественныя благодарственныя телеграммы своей престарѣлой хозяйкѣ, главѣ фирмы, за выданные проценты: «мы удовлетворены»—писали они. Все это дѣлалось и писалось самими рабочими, по ихъ инициативѣ, безъ всякаго воздѣйствія фабричныхъ властей.

Такъ скоро «обуржуазились» эти недавніе «радикалы» всякихъ марокъ... Буржуйныя наклонности фабричныхъ особенно рѣзко сказываются въ ихъ частной жизни. Вологодскій мужикъ изъ глухого уѣзда, благодаря протекціи, быстро добился хорошо оплачиваемаго мѣста «смотрителя» одной изъ рабочихъ казармъ. Дома, въ деревнѣ, осталась большая семья—мать, жена и 6 дѣтей. Получая 25 рублей жалованья (при готовой квартирѣ и проч.), онъ высылалъ въ семью гроши... Старуха-мать всполошилась и приѣхала навѣстить сына. Съ страшнымъ негодованіемъ рассказывала она, что сынъ, поавшій на легкіе хлѣба, и не помышляетъ о поддержкѣ своей полуголодной семьи и падающаго крестьянства, а все тратитъ и даже входитъ въ долги «ради своихъ прихотей». За 25 рублей вставилъ онъ себѣ новые зубы, сдѣлалъ костюмъ—«тройку» въ 30 рублей, пальто за 30 рублей, зеркало въ 3 рубля и т. д.

— Икону вымѣнялъ себѣ,—плакалась старуха,—въ цѣлыхъ 10 рублей!.. А мы, грѣшные, мало молимся-то и передъ иконой въ 20 копейекъ... На что намъ такая дорогая?! Вотъ и наказалъ Господь...

Одинъ рабочій женился на вдовѣ, имѣющей дочь 11 лѣтъ. Оба новожены зарабатываютъ на фабрикѣ до 30 рублей, при готовой квартирѣ. Но вотчимъ принудилъ 11-лѣтнюю слабую падчерицу идти въ няньки къ двумъ ребятамъ, чтобы не кормить ее и еще отбирать на пропой ея жалованье въ два рубля...

Въ старыхъ фабричныхъ семьяхъ, наоборотъ, даже взрослую молодежь, очень рано кончающую школу, удерживаютъ дома, не позволяя уходить на сторонніе заработки. Родители ихъ «записываютъ въ очередь» (на открывающіяся мѣста), и дѣти долго болтаются безъ дѣла, такъ какъ этихъ кандидатовъ на своихъ фабрикахъ масса. Когда спрашиваютъ родителей, почему не отпускаютъ дѣтей на сторону, они обидчиво отвѣчаютъ:

— Помилуйте! мы здѣшніе—прирожденные... Наши отцы и дѣды покоя въѣка были фабричными... И наши мѣста должны дѣти занимать...

И дѣти болтаются, опускаясь во всѣхъ отношеніяхъ, пока рѣдко-рѣдко набѣжитъ освободившееся мѣсто. Устроенныя первой мануфактурой чтенія для народа, обслуживаемыя хорошими лекторами изъ Москвы, привлекали не столько молодежь, сколько пожилыхъ, степенныхъ рабочихъ обоого пола. Особеннымъ успѣхомъ пользовались чтенія по финансовымъ и экономическимъ вопросамъ: Чтеніе о жизни заграничныхъ рабочихъ слушали, «затаивъ дыханіе»... Но молодежь, къ удивленію, просто «не повѣрила» рассказамъ лектора о томъ, какъ хорошо живетъ рабочимъ въ Америкѣ, Англійи и проч. Рабочіе, не потерявшіе связей съ деревнею, ухитрились въ самыхъ отвлеченныхъ финансовыхъ темахъ находить намеки на излюбленный старый вопросъ о «даровой прирѣзкѣ земли» и т. п. Бабамъ болѣе всего нравилось, что рѣчи талантливаго лектора тянутся, «какъ ручеекъ»...

Конечно, впечатлѣніе отъ этихъ чтеній получается въ массѣ рабочихъ самое поверхностное и быстро проходящее. О рѣдкихъ исключеніяхъ сознательныхъ слушателей нечего говорить. Но нельзя утверждать о благотворномъ якобы вліяніи чтеній на массу рабочихъ. Это вліяніе такъ же ничтожно, какъ ничтожно вліяніе фабричныхъ школъ на молодежь. Какъ ни хорошо обставлены школы съ внѣшней стороны, но внутренняго содержанія въ нихъ черезчуръ мало. Въ 12—14 лѣтъ выпускаютъ юнцовъ якобы съ «законченнымъ» образованіемъ!.. О воспитаніи же дѣтей нѣтъ и помину, и въ этой области продѣлываются надъ дѣтьми невѣроятныя по своей дикости вещи...

Въ школѣ первой мануфактуры учительницы отказались принять отъ дѣтей въ подарокъ даже пасхальные яйца, а въ школѣ второй мануфактуры (гдѣ была плачевная забастовка) учительницы ничтоже сумняся принимаютъ отъ дѣтвора и дорогіе подарки... Одинъ классъ маленькихъ дѣвочекъ (10—12 лѣтъ), числомъ около 50, нагрянулъ всею толпою въ потребительскую лавку, выбралъ тамъ чайный сервизъ, цѣною въ 6 рублей, и поднесъ его своей «злой учительницѣ» (какъ выразились дѣти), очевидно, не изъ любви къ ней, а чтобы умилостивить «злую» особу... Дѣти сложились по грошамъ, собирая ихъ «по состоянію родителей—съ кого больше, съ кого меньше»... Какіе дебаты на эту скользкую тему должны были происходить среди дѣтвора!.. 4 дѣвочки со слезами отказались внести свою лепту по явной бѣдности... И этотъ вымученный и облитый слезами подарокъ «злая» учительница приняла и, вѣроятно, стала «добрѣе»...

Всѣ это видѣли, знали, слышали и—никто не протестовалъ... Впрочемъ, и въ болѣе серьезныхъ случаяхъ фабричныя опасаются теперь протестовать даже въ самыхъ невинныхъ формахъ: неохота вылетѣть съ фабрики и очутиться въ станѣ безработныхъ... Своя шкура всѣмъ стала дорога, а «гражданское мужество» всѣмъ не

въ почетѣ... Завѣдующій казармами рабочихъ, убѣжденный консерваторъ и большой ригористъ, откровенно говорить:

— Наши правила о жизни рабочихъ въ казармахъ такъ тяжелы, что если бы я былъ рабочимъ, то непременно протестовалъ бы...

А рабочіе не протестуютъ... и идутъ все вправо и вправо, пока снова не упрутся въ стѣну и снова попробуютъ расшибить ее своими лбами...

Въ описываемомъ фабричномъ центрѣ правое движеніе имѣло свою организацію—отдѣленіе «союза русскаго народа», открытое и вдохновляемое наѣзжавшимъ изъ Москвы союзническимъ «ораторомъ», человѣкомъ, вышедшимъ изъ народа и умѣющимъ говорить и дѣйствовать съ народомъ. Въ прошломъ у него была богатая практика—онъ былъ «зубатовцемъ»... Двѣ зимы онъ усердно наѣзжалъ изъ Москвы, бесѣдовалъ и направлялъ своихъ «союзниковъ», рисуясь человѣкомъ глубоко-идейнымъ, преданнымъ дѣлу только своей организаціи, ея развитію и всякимъ успѣхамъ... Но въ концѣ концовъ оказалось, что этотъ «идейный» работникъ преслѣдовалъ только свои личныя цѣли... Онъ мечталъ заполучить тепленькое мѣстечко въ мануфактурѣ, но когда это не удалось, добился мѣста въ московскомъ городскомъ управленіи, а на свои союзническія гастроли и всякія организаціи махнулъ рукою и опочилъ отъ дѣлъ своихъ.

Благодаря лицу, устроившее его контролеромъ на городскомъ трамваѣ, бывшій «зубатовецъ» упрекнулъ его, что другому рабочему «оратору» то же лицо добилось «болѣе выгоднаго мѣста»...

— Какъ «болѣе выгоднаго»?! Вы получаете 50 рублей, а онъ всего 40 рублей. И у васъ въ будущемъ предстоятъ прибавки... и работа ваша чистая... А онъ—десятникъ по очисткѣ улицъ и дворовъ!..

— Совершенно вѣрно...—отвѣтилъ «зубатовецъ»:—но, кромѣ 40 рублей жалованья, у него будетъ до 40 рублей разныхъ «доходовъ»...

— Какихъ доходовъ?

— Мало ли какихъ!.. Вотъ, на примѣръ, поставить въ счетъ, что у него работало 10 возовъ и получить за нихъ деньги, а на работу возьметъ только 5 возовъ.

— Вотъ что...—прозрѣлъ собесѣдникъ и очень пожалѣлъ, что поспѣшили «рекомендовать» этого черезчуръ развязнаго «идейнаго» господина...

И остались теперь фабричныя «союзники» безъ своего энергичнаго руководителя и единственнаго почти «оратора», и дѣло ихъ замираетъ, тухнетъ постепенно. Наѣзжали, правда, изъ Москвы и другіе «ораторы»—какой-то прогорѣвшій баринъ и т. п., но они ознаменовали свой наѣздъ пьянымъ дебошемъ и болѣе не появлялись на фабричномъ горизонтѣ..

Кстати, сколько ни приходилось наблюдать въ провинціи «истинно-русскихъ» дѣятелей—большинство ихъ обязательные по-

клонники старорусскаго девиза: «Руси веселіе есть пити...» А многіе даже изъ «интеллигенціи»—явные кандидаты въ пропойцы и босяки... Съ такими «силами» не трудно похоронить и не столь безнадежное дѣло.

Конечно, на пьяной «платформѣ» легко объединяются и всякія другія російскія партіи, но тамъ это всероссійское зло не такъ бросается въ глаза, очевидно, потому, что ни одна партія не страдаетъ такимъ малолюдствомъ, какъ «истинно-русскіе» разныхъ наименованій... И эта «истинно-русская» черта тѣмъ рѣзче выступаетъ, что при поразительномъ невѣжествѣ союзническихъ столповъ и дѣтскомъ непониманіи общественныхъ явленій, всякій рядовой «союзникъ» мнитъ себя «спасителемъ отечества» и на этомъ фальшивомъ основаніи держитъ себя относительно «инако мыслящихъ» рѣзко, вызываясь, съ нахальнымъ апломбомъ. Такіе господа, да еще вѣчно пребывающіе на положеніи «съ мухой», становятся нестерпимыми и отравляютъ жизнь обывателя. Въ любомъ городишкѣ мѣста прежнихъ «анфанъ-терриблей» изъ прогорѣвшихъ дворянъ, выгнанныхъ чиновниковъ, опившихся писарей и т. п. теперь обязательно заняты маленькими «Пуришкевичами» и т. п. «истинно-русскими» обывателями. Обыватель сторонится этихъ пьяныхъ господъ, а когда они становятся ужъ черезчуръ нестерпимыми, подвергаетъ ихъ своего рода бойкоту—выгоняетъ съ квартиръ... Побьется такой набившій всѣмъ оскомину мѣстный патріотъ въ одномъ городѣ и волею-неволею переселяется въ другой, гдѣ его еще не знаютъ и откуда со временемъ также выживутъ возмущенные обыватели, если только самъ онъ не покончитъ своего жалкаго житія въ какой-нибудь пьяной свалкѣ «за отечество».

II.

На злобы дня.

Тая про себя политическіе взгляды и отказываясь отъ явной формулировки ихъ, провинціальныя обыватели въ то же время весьма отзывчиво относятся ко всякимъ злобамъ дня и по поводу ихъ откровенничаютъ вполне свободно, вскрывая тутъ свои подлинныя настроенія. Происходятъ удивительныя вещи... По внѣшнимъ признакамъ обыватели видимо правѣютъ, а по внутреннимъ проявленіямъ оказываются далеко на лѣвой сторонѣ!.. Извольте повѣять російскаго обывателя!..

Снаружи все обстоитъ «тихо и благородно». Полоса «затишья» продолжается, и чиновники благодушествуютъ отъ 20-го числа до 20-го, весьма довольные, что «стадо» угомонилось и мирно пасется подъ своими смоковницами. Но... если есть зрячіе среди бюрократовъ, неужели они не видятъ, что оппозиціонное настроеніе противъ

всякаго рода «начальственныхъ» мѣръ стало рѣшительно доминирующимъ въ душахъ обывателя?!

Что бы ни сыпалось сверху на обывателей—и крупное, и мелкое, и доброе, и злое, и безобидное,—ко всему обыватель относится критически, противъ всего протестуетъ, ничего-то онъ не одобряетъ и ничто ему не нравится... Трудно угодить на нынѣшняго обывателя, у котораго пропала послѣдняя вѣра въ чиновника и ужъ никогда, конечно, не возродится, хотя бы чиновникъ и пересталъ топтаться на мѣстѣ, а рѣшительно двинулся впередъ. И тогда ему не повѣрять, ибо не ждуть уже отъ Назарета ничего добраго... Слишкомъ онъ насолилъ обывателю и надоѣлъ ему до тошноты...

Между тѣмъ чиновникъ самоувѣренно продолжаетъ руководить обывателемъ. Какъ изъ рога изобилія сыплются сверху на обывателей всякія мѣропріятія, «улучшенія» и т. д. А обыватель отмахивается отъ нихъ всячески, то благодушно иронизируя, когда чиновники садятся въ лужу, то искренно негодуя и протестуя, елико возможно. Поговорите съ обывателемъ о любой чиновничьей мѣрѣ—и вы диву дадитесь, какъ онъ принципиально не вѣритъ чиновнику, хотя бы онъ сулилъ ему золотыя горы и самъ горѣлъ бы любовью къ народу!..

И понятно, что при такомъ отношеніи народа къ бюрократіи самыя благія намѣренія послѣдней разлетаются дымомъ и даютъ только отрицательные результаты. Что распаяла сама жизнь—того не соединишь никакими искусственными спайками.

Если даже рѣдкія «благія намѣренія» бюрократовъ заканчиваются полнымъ крахомъ, то нечего говорить о массѣ повседневныхъ бюрократическихъ «благоглупостей», которымъ цѣна грошъ. Обыватель походя издѣвается надъ ними...

Взять хотя бы такую характерную мелочь. Не знаю, какія власти, духовныя или свѣтскія, придумали одну удивительную мѣру «для поднятія патріотизма»... Извѣстно, что гражданскіе праздники, чествуемые церковью, никогда не празднуются народомъ, исключая чиновниковъ и учащихся. И вдругъ въ нѣкоторые изъ этихъ праздниковъ завели цѣлодневный пасхальный звонъ въ церквахъ... Собирались, очевидно, поднять престижъ этихъ дней и привлечь къ празднованію ихъ народъ, а добились самыхъ плачевныхъ результатовъ... Народъ попрежнему не празднуетъ эти дни, а къ нововведенію относится съ иронически, то негодуя.

— Какъ же съ,—говорятъ болѣе благодушные обыватели:—завели новую Пасху... торжествуютъ... Ну, и пусть ихъ!.. а мы остаемся при своей старой Пасхѣ.

Но глубокіе христіане страшно возмущены и негодуютъ:

— Помилуйте! вѣдь это же кощунство!.. Спокойнъ вѣка у насъ чествовался пасхальнымъ звономъ одинъ самый величайшій христіанскій праздникъ—Воскресеніе Христа. Даже другіе великіе праздники, какъ Рождество Христово и т. п., и тѣ такъ не честву-

ются... А тутъ приравняли къ Пасхѣ самое обыденное, часто повторяющееся, человѣческое, рядовое событіе!.. Возмутительно!.. А господа чиновники еще хлопочуть объ укрѣпленіи религіи!..

Такъ плачутся обыватели, оскорбленные въ своихъ христіанскихъ чувствахъ и не знающіе, кому и куда жаловаться на это? Не въ государственную же думу?! Увы! въ глазахъ обывателей государственной думы уже нѣтъ... Никто о ней не говоритъ, не вспоминаетъ, не интересуется ею. Газетные столбцы, посвященные думскимъ засѣданіямъ, никѣмъ не читаются, кромѣ завзятыхъ политикановъ. Интересъ къ нимъ лишь тогда усиливается, когда дается отчетъ о безчисленныхъ думскихъ скандальчикахъ... Дума исчезла, превратясь въ казенное учрежденіе съ засѣдающими въ ней и получающими «жалованье» гг. «чиновниками», отъ коихъ въ лучшемъ случаѣ ни тепло, ни холодно обывателямъ, а въ худшемъ—жди однѣхъ непріятностей.

И большія непріятности уже посыпались изъ государственной думы. Одинъ «законъ 9-го ноября» (о выходѣ изъ общины и пр.) чего стоитъ... Годами слѣдовало посидѣть надъ нимъ и посидѣть на мѣстахъ, чтобы изучить всѣ разнообразныя оттѣнки этого страшно сложнаго вопроса. Обыватели припоминаютъ блаженной памяти «крестьянскіе» комитеты передъ реформой 19-го февраля, сдѣлавшіе много добра... А теперь министерскіе и думскіе чиновники тяпъ-ляпъ и построили «кораль», который сразу же усѣлся на мели и трещить по всѣмъ швамъ...

Разумѣется, «хозяйственные мужички» чрезвычайно довольны новымъ закономъ... Они блаженно ухмыляются, чувствуя, какъ надѣльныя земли плывутъ въ ихъ «сильныя и крѣпкія руки» и какъ естественно накапливается для нихъ масса даровыхъ батраковъ-рабовъ. Врядъ ли и «20 лѣтъ» пройдетъ «мирнаго житія», какъ вся Россія покроется злокачественными болячками во образѣ «новыхъ помѣщиковъ», отъ которыхъ безземельной массѣ народа будетъ во 100 разъ горше, чѣмъ отъ прежнихъ помѣщиковъ дворянской крови...

Скорбитъ обо всемъ этомъ обыватель и только руками разводитъ предъ людскою слѣпотою и самымъ дѣтскимъ пониманіемъ жизни... Имѣть въ рукахъ такое могучее орудіе народнаго развитія, какъ община, споконъ вѣка знакомая народу и излюбленная имъ, и не сумѣть развить ее, направить по надлежащему руслу, отбросивъ вся ея изъяны и шероховатости—это непростительно!.. Артелямъ и коопераціямъ мы готовы сочувствовать и содѣйствовать, а естественныя общинныя ячейки того же характера рубимъ съ плеча... Полная неразбериха во всемъ!..

Можно, конечно, найти кое-какія крупіцы добра и въ новыхъ законахъ о крестьянскомъ благоустройствѣ, но и тѣ не доходятъ до крестьянъ, благодаря полной неосвѣдомленности ихъ въ этихъ дѣлахъ. Не умѣютъ у насъ организовать дѣло такъ, чтобы оно ста-

новилось извѣстно всѣмъ, до кого касается... Конечно, «хозяйственные мужички» за годъ учуютъ своими чуткими носами, гдѣ запахло для нихъ жаренымъ. А слабая масса бродитъ во тьмѣ, ничего не зная, теряетъ свои права, достатки и становится легкою жертвою пауковъ-міроѣдовъ. И ниоткуда никакой защиты!.. сами-де виноваты, что стали слабыми и не можете раздавить пауковъ... А какъ ихъ раздавить, если сверху громогласно и не краснѣя заявляютъ, что «имъ» нужны только «крѣпкіе и сильные», а слабые-де пусть гибнуть... Какое извращенное понятіе о назначеніи государства!.. Раньше полагали, что въ охранѣ слабыхъ главная цѣль государства, а теперь даже «государственные мужи» мыслятъ наоборотъ...

По этой извращенной «государственной» теоріи дѣйствуетъ, очевидно, и крестьянскій банкъ, помогающій однимъ «сильнымъ» мужикамъ и губящій «слабыхъ»... Крестьяне обездоленного Моложскаго края (Моложскій, Весьегонскій, Череповецкій, Устюженскій уѣзды), съ которыми пришлось бесѣдовать на пароходѣ по рѣкѣ Мологѣ, плакались, что кругомъ ихъ сель и деревень лежатъ громадныя пустующія земли богатыхъ помѣщиковъ, а у нихъ, крестьянъ, такое малоземелье, что у рѣдкихъ «счастливецъ» своего хлѣба не всегда хватаетъ и до Рождества, большинство же начинаетъ покупать хлѣбъ уже съ осени... И это—земледѣльцы!.. Пытались они покупать свободныя земли чрезъ посредство крестьянскаго банка, но... «сдѣлки не удавались»!.. Нѣсколько болѣе посчастливилось крестьянамъ Череповецкаго уѣзда, гдѣ за 20 лѣтъ крупное землевладѣніе уменьшилось на 50%.

Съ трескомъ и великимъ апломбомъ открытыя недавно «землеустроительныя комиссіи» уже переименованы обывателемъ въ «землеразорительныя»... И дѣйствительно, смѣхъ и горе возбуждаютъ эти комиссіи уже на первыхъ порахъ, что же будетъ дальше?! Одни вдохновители этихъ комиссій—господа «непремѣнные члены»—чего стоятъ!.. Набрали ихъ съ борку да съ сосенки, перетасовали въ одну кучу и разсыпали зря по всей Россіи, куда кому придется: новгородца послали къ хохламъ, хохла на Волгу и т. д. И вышла одна неразбериха!..

И невольно старымъ обывателямъ припоминаются приснопамятные «мировые посредники 1-го призыва», которые на своихъ плечахъ вынесли реформу 19-го февраля и именно потому, что были мѣстные, «излюбленные» люди, а не чиновники...

А нынѣшніе «землеразорители»... Въ одномъ приволжскомъ городкѣ первымъ «непремѣннымъ членомъ» былъ невѣдомо откуда прибывшій какой-то странный господинъ, производившій впечатлѣніе сумасшедшаго человѣка... Вся его дѣятельность (около 2 лѣтъ) состояла въ томъ, чтобы внѣдрить въ мужика правила благоприличія, хотя онъ самъ всегда былъ неприличенъ въ сношеніяхъ не только съ мужикомъ, но и съ независимыми отъ него людьми. Вся его служба

прошла въ хлопотахъ о своей квартирѣ, обстановкѣ и т. п., въ нескончаемой вознѣ съ столярами, плотниками, лавочниками и т. д. Въ уѣздъ, къ счастью мужика, онъ заглядывалъ рѣдко и велъ себя тамъ невозможнымъ образомъ...

Наконецъ его куда-то убрали (кажется, не совсѣмъ, а только перевели въ какой-то другой несчастный уѣздъ...) и на его мѣсто назначили приличнаго господина, зятя одной чиновной питерской особы. Но и онъ былъ чужимъ человѣкомъ для уѣзда. И не успѣлъ онъ изучить новое для себя дѣло (кажется, онъ изъ лѣсничихъ) и мѣсто, какъ его черезъ годъ «повысили»—перевели въ губернский городъ на Волгѣ...

Понятно, новый членъ ничего почти не сдѣлалъ въ комиссіи уѣзднаго городка, а кое-что, вѣроятно, по неопытности, продѣлалъ и плохое. Разсказывали о такой «землеустроительной» исторіи: очень нуждающіеся въ землѣ крестьяне и вообще крайне бѣдные сторговали, при посредствѣ комиссіи, землю богатаго сосѣда-помѣщика. Понатужась, они кое-какъ собрали послѣднія крохи и внесли помѣщику задатокъ, по 10 рѣблей съ лица, какъ было условлено въ договорѣ. Мужики торжествовали, что будутъ наконецъ съ землею. Вдругъ помѣщикъ потребовалъ, вопреки сдѣлкѣ, чтобы мужики внесли еще по 10 р., а иначе-де сдѣлка будетъ расторгнута. Взыли мужики, а особенно бабы: пришлось продавать холсты, самовары, платье, послѣднюю птицу. Еле-еле собрали новый незаконный задатокъ и удовлетворили помѣщика. Произвели разверстку купленной земли и ждали только послѣднихъ бумагъ изъ комиссіи. И вдругъ имъ объявляютъ, что «сдѣлка не состоялась»—помѣщикъ-де раздумалъ продавать землю... Разоренные задатками мужики въ отчаяніи... И подобныя трагикомедіи продѣлываются подъ флагомъ «землеустроительныхъ комиссій!..» Какъ правъ обыватель, величая ихъ «землеразорительными»!..

Не въ лучшемъ, конечно, видѣ обрѣтаются и «лѣсоустроительныя» дѣла. Правда, такихъ комиссій еще нѣтъ, но есть «лѣсоохранительныя комитеты», которые, по чиновничьей ироніи, устраиваются тамъ, гдѣ лѣсовъ почти нѣтъ... А гдѣ лѣсу много—тамъ-де охранять нечего... И вотъ каждый годъ по всѣмъ лѣснымъ рѣкамъ Волжской системы—по Мологѣ (лѣсная уже только на верховьяхъ), Костромѣ, Унжѣ, Керженцу, Ветлугѣ, по Камѣ и ея притокамъ сплавляется лѣса на десятки милліоновъ. Лѣсопромышленники поднимаются все выше и выше по этимъ рѣкамъ и ихъ многочисленнымъ притокамъ, и валить лѣса свободно, сколько душѣ угодно. Пройдетъ 20—30 лѣтъ, и эти рѣки перестанутъ быть лѣсными, какъ обезлѣсѣли на нашей памяти низовья Суры, Вятки, Бѣлой и др. рѣкъ. Тогда, конечно, и тамъ заведутъ «лѣсоохранительныя» комитеты, а можетъ быть и додумаются и до «лѣсоустроительныхъ», съ «непремѣнными членами» изъ разорившихся штыкъ-юнкеровъ...

Между тѣмъ, отъ такого возмутительнаго истребленія лѣсовъ страшно мелѣютъ наши водные пути (лѣса сплошь вырубаются даже на самой Волгѣ!..) и происходитъ быстро растущее высыханіе почвы во всемъ Поволжьѣ, Прикамьѣ и т. д. Для младенцевъ ясно, что въ недалекомъ будущемъ этимъ богатымъ когда-то прирѣчнымъ краямъ грозитъ участь средне-азіатскихъ пустынь—и никому до этого нѣтъ дѣла!.. Казалось бы, что страшный рядъ прогрессивно растущихъ неурожаевъ въ прежнихъ «житницахъ» Россіи долженъ бы возбудить тревогу у предержавшихъ властей и заставить ихъ серьезно подумать о надвигающейся бѣдѣ. Но имъ не до того!.. Обыватели голодаютъ, плачутъ, чуютъ страшную истину, почему «земля стала неродимой», но помочь бѣдѣ не могутъ своими слабыми силами. Тутъ нужны государственныя силы и средства. А государство молчитъ и не видитъ того, что давнымъ-давно предсказано наукою.

Талантливый русскій географъ князь П. А. Кропоткинъ, промѣнявшій, къ великому сожалѣнію, тогу ученаго на хламиду анархиста, еще въ началѣ 1870-хъ годовъ въ своихъ научныхъ трактатахъ поднималъ вопросъ о надвигавшемся на юго-восточную Россію страшномъ явленіи «высыханія» почвы, область котораго съ тѣхъ поръ уже распространилась и на центральную Россію. Въ недавно изданныхъ «Запискахъ революціонера» князь Кропоткинъ напоминаетъ, что засухи и неурожаи въ Россіи уже «нельзя считать случайнымъ бѣдствіемъ: они являются... естественной чертой даннаго округа... Вся хозяйственная жизнь южной Россіи должна быть поэтому построена на предусмотрѣніи неизбѣжныхъ повтореній періодическихъ недородовъ» (ч. I, с. 213). Это и подтвердили голодовки 1876, 1889, 1891, 1895, 1898 гг. и т. д. (с. 216) Несомнѣнно, что громадная часть Россіи находится «въ періодѣ быстрого высыханія... и человѣку нужно найти способъ, какимъ образомъ остановить это угрожающее юго-восточной Европѣ высыханіе, жертвой котораго уже пала Центральная Азія» (с. 217).

Угрожающіе признаки высыханія растутъ въ страшной прогрессіи: быстро мелѣютъ рѣки, рѣчки, ручьи, высыхаютъ озера, болота, колодцы, пропадаютъ ключи, надвигаются пески, растутъ овраги и пр. пр. Давнымъ-давно официально признано даже «оскудѣніе центра» Россіи, а не одного юго-востока.

Между тѣмъ, у насъ подъ руками есть и втуне пропадаетъ могучее средство противъ высыханія... Каждую весну мимо оторопѣлыхъ взоровъ обывателей и ничего не видящихъ властей несутся миллиарды вѣшнихъ водъ, не приносящихъ почти никакой пользы, если не считать заливныхъ луговъ. Разлива однѣхъ рѣкъ Волжской системы было бы достаточно, чтобы устроить орошеніе всей Россіи. Конечно, это страшно грандіозная задача, но для нынѣшней техники нѣтъ непреодолимыхъ задачъ. И страшно дорогая задача—нѣтъ сомнѣній. Но если съ подобною задачею справились средне-

азиатскіе халатники, превратившіе клочки пустыни въ роскошныя сады, благодаря именно орошенію, то какъ же не справиться намъ?! Удачныя опыты орошенія, давшіе блистательныя результаты, уже произведены въ Самарской губерніи и нѣкоторыми землевладѣльцами и казною (при лѣсонасажденіяхъ по Сырту).

Вотъ о чемъ мечтаютъ обыватели Поволжья и, конечно, мечтаютъ безнадежно... Гдѣ ужъ тутъ мечтать о грандіозныхъ планахъ орошенія, когда и болѣе доступныя, самыя простыя мечты не осуществяются. Чего стоило бы, напримѣръ, признать заповѣдными всѣ лѣса по берегамъ судоходныхъ и сплавныхъ рѣкъ и рѣчекъ, чтобы остановить ихъ обмелѣніе.

Но наше лѣсное вѣдомство занято чѣмъ угодно, но никакъ не охраною лѣсовъ и питаемыхъ ими рѣкъ. Оно такъ же ретиво истребляетъ лѣса, какъ и обыватели. Давно извѣстно, что нѣтъ болѣе злого истребителя лѣсовъ, какъ русскій человѣкъ. И русскіе лѣсничіе сами подаютъ въ томъ примѣръ. Приведу одну характерную мелочь.

Мѣстами въ Россіи сохранились чудныя екатерининскіе «большаки» (дороги), осѣненные вѣковыми березовыми аллеями. Казна отказалась отъ нихъ и передала дороги земствамъ. Но земства не заботятся о поддержаніи ихъ, а обыватель жестоко рубитъ вѣковыхъ великановъ на дрова, пользуясь отсутствіемъ всякаго надзора за дорогами.

Проходитъ такой большакъ черезъ гор. Васильсурскъ, составляя одно изъ лучшихъ его украшеній. Но варвары-обыватели уже успѣли истребить въ чертѣ города большую часть тѣнистыхъ великановъ, съ легкой руки именно мѣстнаго казеннаго лѣсничаго. Роскошная усадьба его расположена у самой большой дороги, вдоль которой разбитъ его же садъ. Чтобы послѣдній не затѣняли великаны-березы, лѣсничій срубилъ около десятка ихъ... Таковы эти охранители лѣсовъ!..

У того же лѣсничаго есть казенный питомникъ, въ которомъ онъ разводитъ, между прочимъ... шиповникъ и жимолость... хотя эти «полезныя» породы въ страшномъ изобиліи растутъ въ мѣстныхъ лѣсахъ и только глушатъ ихъ...

Всей вообще лѣсной братіи совсѣмъ теперь не до заботъ о лѣсахъ, такъ какъ всего больше они заняты «хозяйственными» вырубками лѣсовъ. Много, очень много могли бы рассказать обыватели про эти удивительныя «хозяйственныя» и иныя операціи нашихъ «лѣсоохранителей», но они надѣются, что и для этой области найдется со временемъ сенаторъ Гаринъ—и тогда обыватели поразскажутъ достаточно... И еще вопросъ—кто побьетъ рекордъ: гг. интенданты, или гг. желѣзнодорожники, или гг. лѣсничіе?.. На Волгѣ къ этому состязанію охотно привлекли бы и гг. «водяновскихъ», какъ величаются здѣсь чины путейскаго вѣдомства (см. о нихъ

IV главу настоящих очерковъ). Дѣйствительно, конкурсъ вышелъ бы блдстательный...

Имя г. Гарина стало очень популярно въ провинціи и ему обыватели шлютъ искреннюю благодарность и самыя добрыя пожеланія всякаго успѣха. Вообще, въ глазахъ обывателей сенаторскія ревизіи были бы самымъ свѣтлымъ явленіемъ бюрократической дѣятельности, если бы не обходились такъ страшно дорого... Во всякомъ случаѣ, обыватели страстно ждутъ подобныхъ ревизій рѣшительно во всѣхъ углахъ нашей обширной страны и во всѣхъ отрасляхъ администраціи. Для сотенъ «Гариныхъ» найдется самая продуктивная работа...

Ревизоры начинаютъ мерещиться обывателямъ повсюду. Достаточно проѣхать неизвѣстному чиновнику, съ обычною «подорожною», гласящею въ обычной формулѣ, что «по указу Его Императорскаго Величества» и т. д. предписывается «безвозбранно давать лошадей» и пр., какъ обыватель уже таинственно шепчетъ о прибывшемъ «ревизорѣ»... Такъ жадно вездѣ ждутъ ревизій и ревизоровъ... столько зла всюду накопилось... Хватитъ ли силъ очистить всѣ эти Авгіевы конюшни?!

Обыватели находятъ, что не мѣшало бы ревизорамъ заглянуть и во многія общественныя учрежденія—городскія, земскія и т. п. И эти учрежденія успѣли испакостить сами же обыватели, и уже не могутъ исправить ихъ своими силами... Сами напустили туда волковъ—и не въ силахъ выжить ихъ оттуда...

Города и земства никакъ не могутъ объединить своихъ интересовъ и плачутся другъ на друга. Напримѣръ, горожане Весьегонска (Тверской губерніи) жалуются, что платяты уѣздному земству 11,000, а получаютъ отъ земства всего 800 рублей на женскую гимназію да 2 койки для мѣщанъ въ земской больницѣ (и тѣ часто бываютъ заняты крестьянами). Земцы указываютъ еще на «земскія дороги», коими пользуются и горожане, но послѣдніе увѣряютъ, что «хуже земскихъ дорогъ нѣтъ на свѣтѣ»...

Или такая нелѣпость: Весьегонскъ расположенъ на самой границѣ своего уѣзда съ Череповецкимъ—городъ на правомъ берегу рѣки Мологи, а чужой уѣздъ на лѣвомъ. Крестьяне послѣдняго обязаны обращаться за медицинскою помощью въ свой городъ. Череповець; за 100 верстъ. Ближайшій же фельдшерскій пунктъ въ 50 верстахъ. Извольте при такихъ условіяхъ лечиться... Правда, весьегонская земская больница приметъ и череповецкаго больного мужика, но... «если есть свободныя мѣста», чего почти никогда не бываетъ. Правда и то, что весьегонскіе врачи не откажутся выѣхать къ больнымъ въ Череповецкій уѣздъ, но... берутъ за выѣздъ по 10 рублей. И подгороднымъ череповецкимъ мужичкамъ остается молча помирать...

Толки о будущей «мелкой земской единицѣ» проникли и въ этотъ глухой край, и мологжане высказали оригинальное пожеланіе:

— Дѣло это доброе: земство такое будетъ ближе къ намъ и у насъ подь рукою... Это ладно, а только вотъ... чай, и деньги потребуютъ на это земство?

— Разумѣется, что же безъ денегъ дѣлается?..

— Оно такъ... А только, ежели деньги на мелкое земство пойдутъ отъ казны—тогда такъ... А мужики денегъ не дадутъ!..

— Не дадутъ и на «доброе дѣло»?

— И на «доброе» не дадутъ... А вотъ ежели отъ казны...

Такъ и уперлись мужики на своемъ: не надо имъ и «добраго дѣла», если оно потянетъ гроши изъ мужицкой кошны... Правда, эта кошна тамъ очень скудная...

Единственное учрежденіе, которое, по мнѣнію обывателей, не требуетъ сенаторской ревизіи—это винная монополія. По единогласному приговору обывателей (исключая, конечно, пропойць и гг. монополистовъ), это дѣло ведется такъ образцово, что тутъ требуется не ревизія, а... полное закрытіе этого учрежденія, съ воспрещеніемъ производства и продажи водки. Гибнетъ отъ нея Русь, пропивается въ конецъ... и безъ этой драконовской мѣры никакіе «режимы» ея не спасутъ!..

Провинція пьетъ страшно, пользуясь и казенными лавками, и массою тайныхъ корчемницъ, расплодившихся въ неимоверномъ количествѣ. Въ любомъ селеніи десятки лицъ открыто, на глазахъ полиціи и питейнаго надзора, занимаются этой выгодной и безошлинной торговлей. Жалкіе штрафы, налагаемые на слишкомъ откровенныхъ корчемниковъ, не пугаютъ ихъ. Большинство же остается безнаказаннымъ. Да и за что наказывать ихъ, когда они приносятъ одну пользу казнѣ?! Недаромъ и сидѣльцы винныхъ лавокъ получаютъ наградныя деньги за большое количество проданнаго ими вина, а за невыручку до положенной нормы—выговоры и лишеніе мѣсть... Коммерческое дѣло!..

Но если бы творцы этой губительной коммерціи знали, какъ народъ относится къ ней, какъ издѣвается надъ нею, какія пѣсни поются про монополію!.. За послѣднихъ полвѣка ни одна правительственная мѣра не подрѣзала такъ жестоко престижа правительства, какъ именно винная монополія...

Гг. монополисты глухи ко всему и стараются высоко держать свое торговое знамя... Дѣла объ «оскорбленіи» монополюшки уже доходили до суда. Но обыватели не унимаются и продолжаютъ «оскорблять» своего кровнаго врага. Рассказывали о такой сценкѣ: въ одну винную лавку входитъ крестьянинъ и покупаетъ водку, не снимая шапки. Барыня-сидѣлица набрасывается на мужика:

— Какъ ты смѣешь стоять тутъ въ шапкѣ?!

— Эвона!.. а передъ кѣмъ же тутъ ломать шапку?! Нешто передъ бутылками?.. не гоже, кажись...

— Ахъ ты, дуракъ!.. Я 12 лѣтъ училась...

— Только-то!.. а я 37 лѣтъ живу, и то изъ дураковъ не вышедъ, какъ говорить твоя милость...

— Пошелъ вонъ!.. вотъ твое вино...

— Ладно!.. 12 лѣтъ училась, а сѣла въ такую яму...—бормоталь мужикъ, уходя.

Кстати: скорбя объ «интересахъ казны», обыватели недоумѣваютъ, зачѣмъ завели эти дорого стоящія винныя лавки, съ дорогимъ персоналомъ и пр. Достаточно было бы имѣть простые склады водки и разрѣшить всѣмъ свободную торговлю... Здорово бы заторговали!.. и безъ всякихъ расходовъ для казны. На этотъ путь ясно указываетъ сильное развитіе корчемной торговли, явно поощряемой и полиціей, и водочнымъ вѣдомствомъ...

Вообще, надо отдать честь полиціи: она всегда 'приходитъ на помощь обывателю, чтобы «разъяснить» въ его пользу всякія запретительныя мѣры правительства... Вышелъ новый рыболовный законъ, запрещающій ловъ и продажу «маломѣрной» стерляди. Рыболовы запротестовали, резонно толкуя, что чѣмъ же они виноваты, что маломѣрная рыба сама лѣзетъ въ снасти, не признавая новаго закона?!. Однако дѣло обошлось, къ удовольствію и ловцовъ, и обывателей, благодаря «любезности» полиціи. На Волгѣ стали разыгрываться такія сцены: несетъ рыболовъ связку стерлядей въ 2 вершка и меньше. Городовой останавливаетъ его:

— Стой! куда несешь такую мелочь?.. ее запрещено продавать...

— Да я не продаю, а несу для себя...

— Ну, для себя можно...—разрѣшаетъ власть.

И всѣ довольны: и власть, блюдущая о новомъ законѣ, и ловцы, продающіе мальковъ за глазами полиціи, и обыватели, вкушающіе уху изъ дешевой стерляди...

Лѣтомъ много толковъ вызвали монашескій сѣздъ въ Троицкой лаврѣ. Заинтересовались имъ и обыватели, и всего болѣе, конечно, сами монахи. И тѣ, и другіе, всѣ въ одинъ голосъ оказались на сторонѣ монашеской оппозиціи въ лицѣ почтеннаго о. Герона и его товарищей, говорившихъ горькую правду. Приходилось бесѣдовать и съ учеными монахами, и съ рядовыми простецами провинціальныхъ монастырей—и всѣ въ восторгѣ отъ рѣчей о. Герона и т. п. оппонентовъ чиновникамъ-монахамъ.

Но въ общемъ сѣздомъ недовольны, что онъ «занимался пустяками»... Одинъ монахъ говорилъ:

— Смѣху достойно, какъ святые отцы толковали про дойку коровъ... Монаху якобы не подобаетъ доить коровъ—заворно-де!.. А держать бабъ въ монастырѣ не заворно?! Вотъ въ Черемисскомъ монастырѣ подъ г. Василемъ держали прежде на скотномъ дворѣ трудницъ—и сколь много грѣха съ ними было!.. Теперь трудницъ тамъ нѣтъ, и монахи спокойно доятъ коровъ, какъ и въ Саровѣ, и

въ другихъ монастыряхъ—и ничего зазорнаго тутъ нѣтъ... Переборщили святые отцы...

Когда указываютъ монахамъ на такое серьезное постановленіе съѣзда, какъ введеніе «общежитія», они усмѣхаются:

— Какое еще общежитіе-то будетъ!.. на словахъ только... Есть и теперь общежитные монастыри, напимѣръ, одинъ въ Казани... И что же? Братія пустыя щи хлебаютъ и ходитъ чуть не въ дерюгахъ... А молодой архимандритъ разѣзжаетъ на монастырскихъ рысакахъ и резинахъ, ходитъ лѣтомъ въ дорогихъ свѣтлыхъ рясахъ, въ сѣрой шляпѣ... и на монаха-то не похожъ этотъ чухонецъ!..

Обыватели много толкуютъ про богатства монастырей, лежащія втуне... О Саровѣ говорятъ, что основу его богатства положили прежніе его настоятели: одинъ былъ изъ купцовъ (современникъ св. Серафима) и положилъ въ монастырь вкладу 7 милліоновъ, его преемникъ—изъ столбовыхъ дворянъ—принесъ 14 милліоновъ... Потомъ уже потекли въ богатый монастырь и мужицкія «последнія копейки»...

Но что говорить о такихъ богачахъ... Даже захудалые, умирающіе монастыри живутъ не тужа о завтрашнемъ днѣ. Напимѣръ, въ гор. Чебоксарахъ, въ Троицкомъ мужскомъ монастырѣ всего 30 человѣкъ братія, а владѣютъ они 100 десятинами лѣса, 50 десятинами пашенной земли, 70,000 капитала и пр. и пр. И все-таки монахи бѣгутъ изъ него...

О мужскомъ Черемисскомъ монастырѣ рассказывалъ не безъ зависти одинъ крестьянинъ:

— Ъдятъ монахи до отвалу и всего не поѣдаютъ, что наготовить кухонникъ... Каждый день всѣ остатки отъ обѣда и ужина—щи, кашу, даже рыбу, когда она полагается, все валяютъ въ яму... Ей-Богу!.. А сколько голоднаго народа могли бы кормить на эти остатки...

— Кормятъ же богомольцевъ?

— Кормятъ-то-кормятъ, да не столь сытно, какъ сами ѣдятъ... не даютъ имъ засиживаться: 2—3 дня покормятъ, а тамъ гонять... А остатки своей ѣды въ яму!.. Ни себѣ, ни людямъ... Больно на то смотрѣть... А вѣдь разжились на наши же гроши!..

Да... на эту тему монашескій съѣздъ не толковалъ... По поводу юбилея Полтавской битвы обыватели добромъ поминали Петра Великаго, сумѣвшаго между прочимъ и монаховъ-лежебокъ подвигнуть на служеніе народу. Вообще о Петрѣ Великомъ обыватели такъ толковали:

— Охъ, кабы онъ всталъ, да посмотрѣлъ на наше житье-бытье... Не вытерпѣлъ бы—съ маху взялъ бы свою дубинку и сталъ бы косить всю російскую неправду... Того ли онъ ждалъ отъ Россіи? До чего довели ее!.. Ожили бы мы съ нимъ—вспрыснуть бы онъ насъ живой водицей!..

— Нѣтъ, братцы! другого Петра Великаго не было и не будеть... такими людьми Богъ не балуетъ насъ...

— Что жъ намъ дѣлать? помирать, что ли?!

— Зачѣмъ помирать?.. Авось и такъ промаячимъ...

— Да нельзя такъ жить!.. Опять приходится говорить, что «земля наша велика и обильна, а порядка все нѣтъ да нѣтъ»...

— Ну, что жъ! видно, судьба ужъ наша такая злосчастная... Значить, опять надо браться за старое средство, которое разъ ужъ помогло: снова приходится звать варяговъ. Безъ нихъ не обойдемся!..

— Нынѣшніе варяги пожаднѣ давешнихъ: живо насъ слопають..

— Ну, гдѣ этакую машину слопать—подавятся!.. Ну, а почистить насъ—пусть чистятъ да порядокъ всякій наводятъ и звѣриный обликъ съ насъ снимають... Это дѣло гожее... А наведутъ они на насъ лакъ европейскій—и буде! въ шею ихъ!..

— Держи карманъ шире! не уйдутъ тогда отъ насъ... Нѣтъ, оно лучше бы своими средствами управляться... Ахъ, кабы вновь родился Петръ Великій!.. то-то зажили бы мы по-новому, по-хорошему.

III.

По звѣриному обычаю.

Въ ожиданіи не то «новаго Петра Великаго», не то «варяговъ», провинція живетъ пока «по звѣриному обычаю», какъ сильно выразился одинъ волгарь. Можетъ быть, это выраженіе нѣсколько преувеличено и, конечно, не должно быть понимаемо буквально. Но мысль его вѣрна и близка къ дѣйствительности...

Въ самомъ дѣлѣ, развѣ не подлинныя звѣри эти разбойники, душегубы, насильники, грабители, о звѣрскихъ дѣяніяхъ коихъ ежедневно съ ужасомъ читаемъ въ газетахъ, а еще болѣе того слышимъ и видимъ. Не все доходитъ до газетъ изъ глухой провинціи, а тутъ творятся ужасныя вещи... Расскажу объ одномъ массовомъ проявленіи звѣрства, о которомъ, сколько знаю, не дошла вѣсть до газетъ.

Въ Самарскихъ степяхъ это лѣто былъ случайный, давно небывалый урожай: за уборку одной десятины давали отъ 25 рублей до 40 рублей. Рабочихъ нахлынуло много, но скоро они стали разбѣгаться, какъ рассказывалъ одинъ крестьянинъ Васильскаго уѣзда, ходившій туда на жнитво и поспѣшившій въ началѣ августа удрать домой, бросивши на рѣдкость выгодный заработокъ. Спрашиваю его:

— Почему же рабочіе разбѣгаются?

— Страшно стало жить въ степяхъ... рѣжутъ рабочихъ...

— Какъ?! Кто рѣжетъ?..

— Разбойники рѣжутъ и грабятъ заработки... Ходятъ шайками и рѣжутъ... Недавно въ одномъ мѣстѣ вырѣзали 14 человѣкъ и забрали всѣ деньги, пожитки... Напугались рабочіе и бѣгутъ... Охраны никакой нѣтъ...

— Почему же рабочіе не принимаютъ своихъ мѣръ, не защищаются?

— А чѣмъ защищаться? Голыми-то руками?! А у разбойниковъ всякаго оружія вдоволь... Они не спрашиваютъ разрѣшенія полиціи, а намъ добиться его трудно... Было у насъ раньше кой-какое ружьишко—охотничали малость... Теперь все забрала полиція... И остались мы безоружны противъ разбойниковъ...

Да, крестьянинъ былъ правъ: по чиновничьей логикѣ выходитъ, что можно разоружить мирное населеніе, несмотря на явное развитіе разбойничества въ странѣ... Даже въ настоящій моментъ «затишья» ростъ разбойничества почти не уменьшился, несмотря на устрашающій гнетъ смертныхъ казней, всякихъ «охранъ» и т. п. палліативныхъ мѣръ.

И страшный народный самосудъ, всегда кровавый даже за мелочные, не кровавые проступки (недавно гдѣ-то мужики казнили смертью двухъ хулигановъ, «покушавшихся украсть гуся!»— и тотъ мало уменьшаетъ разбойничество. Звѣрство развивается со всѣхъ сторонъ—и вверху, и внизу...

И гуманисты лгутъ, увѣряя, будто русскій народъ—врагъ смертной казни... Ни одинъ военный судъ никогда не повѣсилъ бы хулигана, «покушавшагося украсть гуся», а «добрые русскіе мужички» учинили сіе звѣрство, ничтоже сумняся...

Даже болѣе и совсѣмъ развитые обыватели рѣшительно стоятъ за смертную казнь для звѣрей-разбойниковъ. Обыватели резонно рассуждаютъ:

— Когда на васъ нападетъ дикій звѣрь или взбѣсившаяся скотина—вы убиваете ихъ спокойно, безъ зазрѣнія совѣсти, даже считаете это своимъ священнымъ долгомъ—спасти отъ нихъ себя, своихъ близкихъ и всякихъ людей... А человѣкъ, проливающій кровь другого,—развѣ же это не звѣрь, не бѣшеный? Какъ же его не казнить, какъ мы казнимъ звѣрей, нападающихъ даже не на насъ, а на нашу скоть, птицу и пр.?!..

— Можно изъять изъ общества человѣка-звѣря...—замѣчаетъ болѣе гуманный обыватель.

— А почему же вы не примѣняете этой мѣры къ дикимъ звѣрямъ? Вѣдь и имъ жизнь сладка!..

— Ну, это было бы неудобно...

— Ага! Ради своего удобства вы проливаете кровь дикаго звѣря, а жизнь человѣка-звѣря готовы щадить, хотя и это тоже «неудобно» для общества—и дорого стоитъ и т. д. А вѣдь человѣкъ-звѣрь вреднѣе и гнуснѣе дикаго звѣря...

— Но вы забываете тѣ муки, которыя переживаетъ приговоренный къ смерти и какихъ не знаетъ звѣрь...

— А вы ни во что ставите тѣ болѣе ужасныя муки, какія пережили невинныя жертвы разбойниковъ, насильниковъ, грабителей!.. Кромѣ убитыхъ или искалѣченныхъ навѣки, сколько близкихъ людей пострадало и долго будетъ страдать, прямо и косвенно, отъ этихъ преступленій!.. Вы плачете о мукахъ людей-звѣрей и игнорируете муки ихъ невинныхъ жертвъ... Какой ложный, дутый гуманизмъ!..

— Значить око за око, зубъ за зубъ?

— Да, Моисей отлично зналъ психику человѣка... многія его положенія будутъ живучи до скончанія міра...

Кромѣ кроваваго разбойничества, въ провинціи продолжаетъ расти и хулиганство всякаго рода. Даже такіе медвѣжьи углы, какъ, напр., Ветлужскій край, еще недавно такой мирный и спокойный, и тѣ стали проникаться хулиганствомъ. Мѣстные бурлаки—эти «дѣти природы»—въ конецъ исхулиганились.

Одинъ ветлужанинъ рассказывалъ о такой исторіи, ставшей въ послѣдніе годы заурядной на р. Ветлугѣ. Пароходъ «Алексѣй» шель (этимъ лѣтомъ) вверхъ по рѣкѣ, съ трудомъ лавируя среди массы сплавляемыхъ плотовъ. Въ одномъ мѣстѣ (выше г. Варнавина) «Алексѣй» натолкнулся на плотъ, занявшій всю ширину рѣчки, и волею-неволею далъ ему порядочную встряску. Бурлаки пострадавшаго плота, вмѣсто того, чтобы принять мѣры для приведенія въ порядокъ разтѣхавшихся отъ удара «челеновъ» (звеньевъ плота), собрались въ кучу, вооружились палками, обрубками, дровами и пр., и стали этими снарядами бомбардировать пароходъ. Находявшіеся на борту его бурлаки, возвращавшіеся домой съ плотовъ, сведенныхъ на Волгу, стали отбивать нападеніе, бросая въ атакующихъ пустыя бутылки и всякій хламъ. Съ обѣихъ сторонъ многіе были ранены, въ пароходныхъ каютахъ побиты окна и проч. «Бурлаки были въ восторгѣ отъ этого сраженія»... закончилъ ветлужанинъ.

Въ прежніе годы подобныя столкновенія пароходовъ съ плотами, гдѣ виновниками всегда бывали обѣ стороны, обычно заканчивались виртуозною бранью высокой марки, а теперь бурлаки лѣзутъ въ драку и пытаются елико возможно повредить пароходъ. Раньше было только крайне неудобно проѣхать на ветлужскомъ пароходѣ, набитомъ возвращающимися съ Волги бурлаками, а теперь это становится даже опаснымъ...

Въ прошлую навигацію мнѣ выпало это удовольствіе—прокатиться на такомъ «бурлацкомъ пароходѣ». И въ прежніе годы я ходилъ не разъ на нихъ, но никогда бурлаки не были такъ грубы, дерзки, нахальны, какъ въ этотъ разъ. Мы, классные пассажиры, были, можно сказать, арестованы въ своихъ помѣщеніяхъ... Выйтп

на палубы (нижнюю и верхнюю) было немислимо и не только оттого, что наша «Зинаида» была набита бурлаками до невозможности, но особенно потому, что на каждомъ шагѣ можно было натолкнуться на какую-нибудь дерзкую выходку пьяныхъ бурлаковъ, на ихъ кровавыя драки между собой, услышать возмутительную матерную брань и т. д.

Пьянство шло у нихъ гомерическое, и пьяныя свалки быстро и безъ всякой причины загорались въ разныхъ углахъ парохода. Послѣ одной такой свалки на полѣ битвы оказалось чуть не мертвое тѣло... Пострадавшая партія бурлаковъ потребовала отъ команды парохода, чтобы ихъ противниковъ высадили на берегъ. Но тѣ «учинились сильны» и отказались высаживаться.

Обѣ разъяренныя партіи окружили лоцманскую будку и мѣшали правезу парохода. Вдругъ изъ-за кривуля рѣки показалась грузная «сойма» (тяжелый плотъ въ нѣсколько рядовъ бревень), летѣвшая на пароходъ... Съ трудомъ мы увернулись отъ нея, но вполнѣ избѣжать столкновенія не могли: пароходъ налетѣлъ на правую «рею» (рамы, протянутыя съ бортовъ соймы, для правежа ея) и расшибъ ее, едва не поломавши своего праваго колеса. Бурлаки на соймѣ сгрудились, схватили топоры и бросились къ пароходу... Но «Зинаида» успѣла отчалить отъ соймы и пошла дальше. Неописуемая брань съ обѣихъ сторонъ повисла въ сумракѣ майскаго вечера...

Послѣ этой аваріи наши бурлаки нѣсколько поугомонились. Вечеромъ пошли слухи, что ночью предполагается бурлаками «нападеніе» на I и II классы... Единственная дама I кл., ѣхавшая съ кучей дѣтвы, страшно переполошилась за нихъ и хотѣла высадиться въ какой-нибудь прибрежной деревнѣ. Насилу мы успокоили ее, обѣщая дежурить ночь по очереди.

Ночь прошла спокойно: бурлаки устали отъ дневной сутолоки и забылись пьянымъ сномъ. Впрочемъ, небольшая кучка продувшихся въ карты бурлаковъ (азартныя игры очень распространены у нихъ) учинила довольно мирное нашествіе на I кл. и отступила, получивши отъ меня назначенную ими копеечную сумму «на разживу»...

Такъ хулиганничаютъ ветлужскіе бурлаки. Набираются они преимущественно съ верховьевъ р. Велуги, гдѣ обитаютъ сущіе еще дикари, до сихъ поръ не ушедшіе далеко отъ «подлиповцевъ» Рѣшетникова и близкіе къ нимъ топографически. Верховые ветлугари рѣзко отличаются отъ низовыхъ, какъ и между собою: здѣсь чуть не въ каждой деревнѣ свои особенности въ говорѣ, одеждѣ, обычаяхъ и пр. Объясняется это, конечно, тѣмъ, что первоначальниками края были сбродные элементы изъ всевозможныхъ концовъ Руси. Бродячая вольница охотно осѣдалась въ этихъ краяхъ, долго бывшихъ недоступными для тяжелой московской руки...

Но при всей внѣшней разницѣ есть и общія черты у этихъ дикарей, живущихъ еще по звѣриному обычаю. Живутъ они страшно грязно, избѣ никогда не моютъ, развѣ рѣдкая хозяйка кое-какъ развезетъ по избѣ грязь предъ Рождествомъ и Пасхой. Бань у нихъ нѣтъ и сами очень рѣдко моются въ печяхъ. Ыдятъ отвратительно: именовъ «штей» называютъ жиденькую похлебку изъ овсяныхъ крупъ, изрѣдка съ мясомъ, которое ѣдятъ, обливши холодною (sic) водою. Также ѣдятъ и творогъ, разбавляя холодною водою. Капусты и другихъ огородныхъ овощей совсѣмъ не знаютъ.

Каждая дѣвушка и одинокая женщина обязана *«марьяжить»* (въ какія дебри забралось это французское слово!), т. е. имѣть любовника, но чтобы дѣтей не было... Марьяжатъ всѣ поголовно, до стариковъ и старухъ включительно. Когда появляется среди нихъ новое лицо, напр., учительница, не придерживающаяся этого мѣстнаго обычая, ветлугари съ изумленіемъ вопрошаютъ ее: «Неужли ни съ кѣмъ не марьяжишь?!»

Хулиганничаютъ не одни ветлужскіе дикари, но и болѣе развитые мужики, обитающіе не въ медвѣжьихъ углахъ, а на самыхъ бойкихъ, большихъ дорогахъ. Вотъ большая дорога съ Волги въ Питеръ—р. Шексна. Населеніе здѣсь развитое, промышленное, издавшее виды. Но и здѣшніе мужики, какъ хулиганничали въ періодъ «революціи», такъ и теперь не прочь похулиганничать.

Въ смуту мужики с. Васильевского на Шекснѣ отказались грузить дрова въ баржу за хорошую плату, требуя невѣроятныхъ цѣнъ, а когда явились для нагрузки сосѣдніе мужики, васильевцы избили ихъ и прогнали. Лѣсопромышленникъ вызвалъ 5 казаковъ, узрѣвъ коихъ, хулиганы разбѣжались, и нанятые рабочіе могли покончить нагрузку.

Тогда же въ другомъ сосѣднемъ селѣ мужики такъ разбуянились, что для усмиренія ихъ была вызвана рота солдатъ, которой мужики, однако, не испугались и продолжали дебоширить. Но когда вслѣдъ за ротой показалась походная кухня, хулиганы разбѣжались, принявъ ее за пулеметь...

Хулиганничаютъ тамошніе мужики и нынѣ, но, разумѣется, не такъ грубо, какъ въ періодъ смуты. Напр., прошлою весною общество торговаго села Козьмодемьянска потребовало вдругъ, чтобы «Коммерческо-Крестьянское» пароходство платило за пристань въ селѣ не 150 р., какъ въ послѣдніе годы, а 350 р.—цѣна невѣроятная для сельской пристани. Мужикамъ просто захотѣлось содрать лишнія деньги «для удовольствія міра»—на общественный пропой... Понятно, компанія только посмѣялась надъ мужицкою жадностью и поставила пристань на церковной землѣ, снявши мѣсто на 3 года, по 100 р. годовой аренды. Мужики взбѣленились, что по своей же винѣ лишились и 150 р. Они послали епископу доносъ на мѣстнаго священника, будто онъ «отнялъ до-

ходы у бѣдныхъ мужиковъ» и т. п. каверзы. Епископъ назначилъ слѣдствіе, результатовъ котораго не знаю. Во всякомъ случаѣ парходная компанія рѣшила, что если церковь заставить отказаться отъ выгодной аренды, то пристань будетъ поставлена на землѣ одного мѣстнаго собственника. Если же озлобленный «міръ» запретить ему всякими угрозами сдать свой берегъ подъ пристань, послѣдняя будетъ переведена въ сосѣдную деревню—и большое торговое село будетъ наказано за пьяный капризъ мужиковъ-хулигановъ...

Конечно, это хулиганство—вышей марки, не той, въ какой повинны ветлужскіе дикари... Но такому болѣе тонкому хулиганству предаются не одни мужики, а и болѣе «вышія» сословія. Погоня за даровыми, бѣшенными деньгами при помощи самыхъ подлыхъ мѣръ—одолѣваетъ россійскихъ обывателей... Не говорю уже объ открытыхъ и самыхъ наглыхъ разбояхъ, грабежахъ, воровствѣ и т. д., которые вездѣ страшно растутъ. Остановлюсь на болѣе тонкомъ видѣ грабительства—на поджогахъ застрахованныхъ домовъ и усадебъ.

Вотъ маленькій приволжскій городокъ, который охватила настоящая эпидемія поджоговъ. Поджигаютъ здѣсь дома и пр. не столько голытьба, которой все болѣе или менѣе прощительно, сколько люди состоятельные: жгутъ мельники, булочники, даже гг. чиновники и т. д. Одинъ чиновникъ м-ва финансовъ не только спалилъ свой несуразный большой домъ, но еще покушался при этомъ удобномъ случаѣ спалить и нелюбимую жену... Послѣднее ему не удалось, а домъ сгорѣлъ блистательно, освѣщая Волгу къ далекому пространству, къ удовольствію ночныхъ парходовъ.

И все сходитъ съ рукъ этимъ иллюминаторамъ, благодаря тому, что мѣстные «шерлокъ-холмсы» и ихъ руководители ниже всякой критики... Можетъ быть, будетъ изобличенъ финансовый чинуша, и то благодаря его женѣ, поднявшей дѣло. Остальные поджигатели свободно получаютъ вздутыя страховыя преміи и благодумствуютъ, поучая «дураковъ, какъ надо жить»...

А «дураки» открыто говорятъ, кто теперь на очереди «самовозгоранія»... Въ городкѣ прямо указываютъ имена 8—10 домовладѣльцевъ, которые «должны горѣть»... У булочника 3 дома въ разныхъ мѣстахъ города, и когда загорѣлся самый плохонькій, пожарная команда объѣхала всѣ 3 дома, не зная сначала, какой именно горитъ... Теперь «на очереди» второй домъ булочника, и сосѣдъ его, домъ котораго обязательно при этомъ сгоритъ, прямо говоритъ: «Ежели онъ запалитъ свой домъ—я брошу его въ огонь»... И ничего не остается дѣлать обывателямъ, страдающимъ отъ поджоговъ, какъ прибѣгать къ страшному самосуду, ибо администрація не видитъ и не знаетъ того, что видятъ и знаютъ всѣ обыватели...

Между тѣмъ достаточно бы наказать одного поджигателя, «дабы инымъ не повадно было то дѣлать»,—и «эпидемія» прекратилась бы. А пока она свирѣпствуетъ въ томъ городкѣ, какъ и во многихъ другихъ російскихъ градахъ и весяхъ.

Вездѣ царитъ какая-то сонная администрація, занятая чѣмъ угодно, но только не заботами о благѣ обывателей... Провинціальное чиновничество страшно пьетъ, картежничаетъ и—благодарствуетъ по-своему, сидя въ своихъ мурьяхъ. А до нуждъ обывателя имъ мало дѣла: сидѣли бы спокойно, да не тревожили начальства...

До чего опустилась провинціальная полиція (вѣроятно, перетумившаяся въ преслѣдованіи «внутренняго врага»...), показываютъ похождения извѣстнаго когда-то силача Фосса, превратившагося теперь въ хулигана, съ которымъ власти рѣшительно «не могутъ» справиться... Пьяный нахаль, пользуясь своей громадной силой, на даровщинку разтѣзжаетъ, гомерически пьетъ, ѣсть, обираетъ деньги и бьетъ всѣхъ, кто ему сопротивляется. А полиція... только «наблюдаетъ» за нимъ на почтительномъ разстояніи и никакъ «не можетъ» одолѣть хулигана!..

Прошлымъ лѣтомъ Фоссъ осчастливилъ своимъ посѣщеніемъ и Волгу. Сѣлъ въ Нижнемъ на кашинскій пароходъ, занявши, конечно, даромъ, самую лучшую 4-мѣстную каюту и стѣвши, тоже даромъ, за 12 часовъ плаванія до Василя 14 порцій разныхъ кушаній, при соотвѣтствующей выпивкѣ. На пароходѣ вздохнули облегченно, когда наглець сошелъ въ Василѣ. Здѣсь онъ посѣтилъ первымъ дѣломъ, «изрядно проголодавшись» въ пути, обѣ гостиницы. Хитроумному хозяину одной удалось какъ-то сплавить Фосса, отдѣлавшись взносомъ 30 к. «на извозчика», но хозяинъ другого «отеля» здорово поплатился... Закусивши тутъ вплотную, нахаль отправился на Самолетскую пристань, выгналъ пассажировъ изъ каюты и сталъ ждать верховаго парохода. Толпы народа и усиленный нарядъ полиціи только ходили по его пятамъ и «восхищались» верзилой...

— Экое счастье послалъ Богъ человѣку!..—иронизировали обыватели.—Пьетъ и ѣсть, что твой боровъ 10-пудовый, а замѣсто денегъ кажетъ кулакъ... И всѣ покоряются ему... и полиціи не боится, и суда на него нѣтъ!.. Не жите, а малина!..

Да, хулиганамъ всегда у насъ было житье, а нынѣ и подавно на ихъ улицѣ праздникъ... Откровенно хулиганничаютъ теперь не одни низы народа, но и верхи общества, до самыхъ радикальныхъ включительно. Развѣ же это не хулиганство своего рода, когда, напр., знаменитый и прославленный общественный дѣятель г. Р—въ, помѣщикъ Весъегонскаго у., хлопочетъ о такомъ направленіи проектируемой Кинельской дороги, которое обойдетъ и обездолитъ г. Весъегонскъ, но зато пройдетъ чрезъ имѣніе г. Р—ва

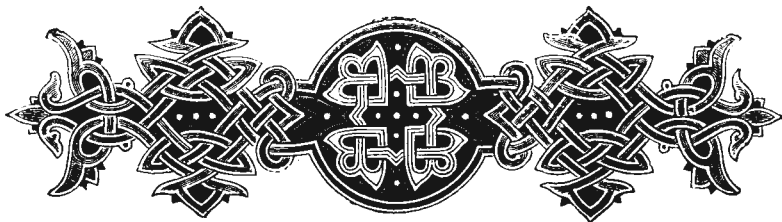
и поднять его пошатнувшуюся (когда-то миллионную) цѣнность!.. Какъ послѣ этого вѣрить г. Р—ву, когда онъ плачетъ печатно и устно надъ вошющими неправдами русской жизни?! Бѣдная русская земля, если даже лучшіе сыны ея оказываются столь невысокой пробы!..

Другимъ такого же рода дѣятелямъ, только высшей марки, специально посвящается слѣдующая глава.

Н. Н. Оглоблинъ.

Окончаніе въ слѣдующей книжкѣ.

ЦАРСКІЙ СМОТРЪ.

(Изъ воспоминаній кадета).

Е. МОГУ точно вспомнить, въ какомъ году, но, кажется, что въ 1892 или 1891-мъ, нашъ 2-й московскій корпусъ посѣтилъ императоръ Александръ III.

Послѣ Пасхи разнеслась вѣсть, что пріѣдетъ государь. Уроки прекратились, и весь корпусъ почти каждый день отправлялся въ полномъ составѣ на огромную московскую Театральную площадь, гдѣ происходили репетиціи предстоящаго смотра.

На площади колыхались знамена, грохотала колесами пушекъ артиллерія, джигитовали казаки, тѣснились тысячи любопытныхъ, суетилась полиція...

Все было для кадетъ ново, необычно, интересно и похоже на невиданный праздникъ.

Обѣдали не во время, иногда глубокимъ вечеромъ, завтракали на площади холодными котлетами, завернутыми въ разрѣзанныя булки, и потому, что это было необычно, казалось очень вкуснымъ.

Мимо кадетъ скакали многочисленные генералы, одно появленіе которыхъ въ другое время произвело бы въ корпусѣ переполохъ, но теперь на нихъ рѣшительно никто не обращалъ вниманія.

— Вотъ, смотрите, — равнодушно показывалъ воспитатель М-въ: — э тотъ, въ бѣлой папахѣ, командующій войсками, а тамъ рядомъ съ нимъ начальникъ артиллеріи округа.

Гдѣ-то далеко десятки тысячъ голосовъ ревѣли:

— Гав-гав-гав, гав-гав-гав...

Очевидно, кто-то изъ высшихъ начальниковъ здоровался съ войсками.

Гремѣла музыка, и войска шли церемоніальнымъ маршемъ, шли часть, другой, третій, и, казалось, не было конца этой черной массѣ штыковъ, производившей грандіозное впечатлѣніе на зрителя.

Наконецъ доходила очередь и до кадетъ.

Старались пройти въ ниточку и страшно сердились, если кто-нибудь пускалъ журавля, т.-е. ломалъ фронтъ, выскакивая или отставая на ходу.

Кто-то сзади кричалъ:

— Молодцы кадеты!

И всѣ, надрывая глотки, отвѣчали тонкими, не окрѣпшими голосами:

— Рады стараться, ваше высокопревосходительство.

Наконецъ насталъ и долго ожидаемый день смотра.

Кадетъ разбудили въ пять часовъ утра и повели изъ Лефортова по длиннымъ, еще спавшимъ улицамъ Москвы на знакомую Театральную площадь, гдѣ и оставили возлѣ зданія Большого театра. Здѣсь уже были выравнены по веревкамъ десятки тысячъ людей, чернѣвшихъ густыми рядами черезъ всю длину огромной площади.

Кадетамъ позволили стоять «вольно», но почти каждыя пять минутъ раздавалась тревога.

Приходилось хватать ружья и равняться, но тревога оказывалась фальшивой.

Стояли часа четыре и совершенно истомились. Былъ очень жаркій весенній день, и солнце пекло во всю. Съ нѣсколькими кадетами произошли обмороки.

У меня тоже начала кружиться голова. Я уже хотѣлъ выйти изъ строя, но вдругъ опять закричали «смирно», и вдали показалась кавалькада всадниковъ.

— Государь,—шеннулъ кто-то рядомъ дрогнувшимъ голосомъ.

Я вытянулся, онѣмѣлъ и старался разсмотрѣть государя, котораго трудно было издалека отличить въ толпѣ приближавшихся всадниковъ.

Одна фигура вдругъ выдѣлилась, и я сразу по портрету узналъ государя.

Все замерло и застыло.

— Государь,—успѣлъ я подумать еще разъ въ то время, какъ императоръ, осадивъ коня противъ того мѣста, гдѣ я стоялъ, произнесъ ласковымъ густымъ низкимъ басомъ:

— Здравствуйте, дѣти!

— Ура... а-а... а... а-а...

— А-а-а...—кричалъ я, не помня себя отъ счастья.—А-а... а-а...

И мнѣ казалось, что если бы сейчасъ государь потребовалъ у меня жизнь, то я, нимало не колеблясь, легъ и умеръ бы у его ногъ.

Уже фигура государя давно скрылась за рядомъ войскъ, мимо скакали какіе-то люди въ раззолоченныхъ кафтанахъ, сверкая

сталью обнаженныхъ пашекъ, а я все еще не могъ опомниться и сдавленнымъ громкимъ крикомъ кричалъ свое:

— А-а... а-а... а-а-а...

И всё были въ такомъ же нервно-приподнятомъ состояніи, и не было конца разговорамъ о томъ, какой государь красивый, какіе у него добрые, прекрасные глаза, какой у него великолѣпный конь, и какъ жаль, что трудно было разсмотрѣть его подробно, потому что онъ остановился лишь на нѣсколько секундъ.

— Какъ разъ противъ меня...—говорилъ захлебываясь мой товарищъ, но никто его не слушалъ, потому что каждый старался скорѣе высказать свои впечатлѣнія.

Въ тотъ же день государя ожидали въ корпусъ.

Кадеты построились въ парадномъ залѣ, а директоръ корпуса, толстый и еще не старый генераль, подбирая свой отвислый животъ, потерявъ всю свою величавость, ходилъ походкой ощипа-наго гуся, волнуясь и нервничая.

Когда же въ дверяхъ показалась огромная величественная фигура императора, директоръ окончательно струсиль и, бѣлый, какъ стѣна, подошелъ съ рапортомъ, стараясь безуспѣшно втянуть въ себя свой непослушный животъ.

— Ваше императорское величество,—произнесъ онъ медленно и раздѣльно, точно читая ектенію.

Государь чуть замѣтно улыбнулся и подаль руку.

Директоръ изъ бѣлаго сталъ багровымъ, и слезы сами собой потекли по его рыжимъ усамъ.

Я глядѣлъ во всё глаза, стараясь однимъ взглядомъ вобрать въ себя всё подробности, чтобы запечатлѣть ихъ навсегда. Мнѣ бросились въ глаза почему-то двѣ вещи: во-первыхъ, то (думаю, что мнѣ никто не повѣритъ, но я это очень ясно видѣлъ), что лѣвый сапогъ государя былъ съ заплатой, во-вторыхъ, то, что государь былъ необычайно высокъ ростомъ, плотенъ и широкъ въ плечахъ, но вслѣдъ за государемъ шелъ адъютантъ, который былъ, какъ бы для контраста, необычайно худъ, но ростомъ былъ выше государя, отчего казался тонкой, готовой переломиться жердью.

Лицо монарха имѣло утомленное и, какъ показалось мнѣ, печальное выраженіе.

Государь что-то спросилъ у директора, но я не могъ слышать что.

Черезъ минуту государь уже вышелъ въ парадныя стѣны корпуса и спустился по широкой каменной лѣстницѣ внизъ.

Кадеты вдругъ, точно по сигналу, разорвали фронтъ и, сшибая съ ногъ государеву свиту, очутились внизу въ обширномъ корпусномъ вестибюлѣ.

Я видѣлъ, какъ одинъ изъ моихъ товарищей выдернулъ изъ рукъ швейцара генеральское пальто на красной подкладкѣ и помогъ его надѣть государю.

У меня защемило сердце, отчего я не догадался это сдѣлать.

Толпа кадетъ выбѣжала на подъѣздъ, окружая коляску, и въ то время, какъ кучеръ стегнулъ по лошадямъ, масса кадетъ всѣхъ возрастовъ схватилась за кузовъ, повисла на подножкахъ, а одинъ, совѣтъ маленькій, вѣроятно, перваго или втораго класса вскочилъ въ самую коляску, отчаянно крича:

— На память! На память! Ваше величество!

Государь засмѣялся и далъ кадету носовой платокъ.

Я съ минуту висѣлъ, уцѣпившись за крыло коляски, которая сперва ѣхала шагомъ, но потомъ быстро понеслась по мягкой немощеной дорогѣ. Я началъ соскальзывать и беспомощно оглянулся назадъ.

Сзади бѣшено мчалась пара огромныхъ лошадей, разбрызгивая во всѣ стороны землю, и въ экипажѣ стоялъ военный министръ генераль-адъютантъ Ванновскій съ необычайно сердитымъ лицомъ и, гнѣвно крича, размахивалъ кулаками, указывая кому-то на толпу кадетъ въ коляскѣ государя; но тотъ, очевидно, его не слышалъ, или не понималъ.

Я хотѣлъ перемѣнить неудобное положеніе, но поскользнулся и, въ послѣдній разъ взглянувъ на профиль государя, упалъ ничкомъ, крѣпко стукнувшись носомъ и локтями о землю. Мгновенно надо мной, чуть не задѣвъ меня копытами, пронеслись фыркающая лошадь и коляска военнаго министра, который все еще кричалъ что-то сердитымъ дискантомъ, но что—нельзя было разобрать.

Я всталъ и, потирая ушибленную колѣнку, съ сожалѣніемъ долго смотрѣлъ въ ту сторону, гдѣ исчезла въ пыли коляска государя и куда унеслась эта совершенно неизвѣстная мнѣ и, какъ казалось, радостно вся сверкающая, полная блеска жизнь людей, окружавшихъ монарха.

Изъ города неслоь длительное «ура».

Прихрамывая, я пошелъ по направленію къ корпусу черезъ огромный Екатерининскій паркъ съ заросшими тиной прудами и бесѣдками въ греческомъ стилѣ, полуразрушенными временемъ. Надъ ними, зловѣще каркая, носились тысячи галокъ и, точно аккомпаниментъ къ этому крику, то вспыхивало, то потухало далекое «ура».

Переполненный ощущеніемъ счастья, которое я бережно несъ въ груди и точно боялся расплескать, я усѣлся на скатъ у пруда и долго прислушивался то къ отдаленному ура, то къ музыкальному тонкому писку комаровъ, то къ галочьему крику, и всѣ эти звуки сливались въ моемъ мозгу въ необыкновенно звучную, торжественную гармонию, какъ будто молитву съ аккомпаниментомъ органа.

Жгучая радость и сладкая печаль—два конца одного чувства—вспыхивали и потухали въ душѣ, такъ же, какъ эти далекіе крики.

Тихо скользили мысли, какъ прозрачныя тѣни утра, и терялось сознание времени. Тихое блаженное состояніе, когда нѣтъ времени, бываетъ, вѣроятно, только въ раю.

Не помню, сколько времени я тамъ просидѣлъ, но когда я пришелъ на знакомый кадетскій плацъ, окруженный валомъ, весь корпусъ былъ уже здѣсь.

Всѣ тѣснились кругомъ директора, усѣвшагося на складномъ стулѣ среди плаца.

Я протиснулся впередъ и увидѣлъ счастливое, вспотѣвшее лицо директора съ выраженіемъ отблеска того счастья, которое было на лицахъ у всѣхъ.

— Самъ царь ба-тю-шка два ра-за ру-ку по-далъ,—говорилъ директоръ, раздѣляя каждый слогъ фразы, точно желая продлить этотъ мигъ необычайнаго удовольствія.

Директоръ что-то рассказывалъ, но его перебивали восторженные голоса кадетъ, и трудно было разобраться въ этомъ сливающимся хаосѣ словъ.

— Самъ царь ба-тю-шка два ра-за ру...—пробовалъ говорить директоръ, но ему не давали говорить.

Въ этой совершенно необычной обстановкѣ кадеты находились до самаго захода солнца.

На слѣдующей день въ корпусъ пріѣхалъ главный начальникъ военно-учебныхъ заведеній генералъ Махотинъ, который приказалъ выстроить кадетъ на плацу.

Поздоровавшись, онъ вдругъ сдѣлалъ очень строгое официальное лицо и, подойдя къ директору корпуса вплотную, взялъ подъ козырекъ. Директоръ также быстро послѣдовалъ его примѣру, тщетно стараясь вобрать въ себя свой неповинующійся животъ.

Нѣсколько секундъ два генерала стояли въ такомъ положеніи, молча глядя одинъ на другаго.

— Ваше превосходительство,—началъ генералъ Махотинъ тонкимъ, но очень далеко слышимымъ голосомъ. —Только принимая во вниманіе вашу прежнюю безпорочную службу, я ограничиваюсь на сей разъ выговоромъ за тотъ безпорядокъ и полный хаосъ, который вы допустили вчера при отъѣздѣ Его Величества...

Начальникъ военно-учебныхъ заведеній распекалъ директора съ полчаса, все время держа подъ козырекъ, и чѣмъ больше кричалъ онъ, тѣмъ все краснѣй и краснѣй становилось его лицо, точно онъ подхлестывалъ себя собственной горячностью, и тѣмъ все блѣднѣй становилось лицо директора.

— Первый разъ въ жизни вижу, ваше превосходительство, подобное безобразіе,—гремѣлъ генералъ Махотинъ.

А директоръ застылъ въ позѣ гробоваго молчанія и покорности судьбѣ. Только вѣтеръ развѣвалъ его рыжіе пушистые усы.

Утомившись наконецъ и выпустивъ весь парь, генераль Махотинъ быстрымъ шагомъ очень разсерженнаго человѣка отошелъ отъ директора, сѣлъ въ коляску и уѣхалъ, даже не подавъ директору руки.

Несчастный отнялъ затекшую руку отъ головного убора и, прищуривъ глаза, молча обошелъ весь фронтъ кадетъ, пристально заглядывая каждому въ глаза, точно задавая мысленный вопросъ:

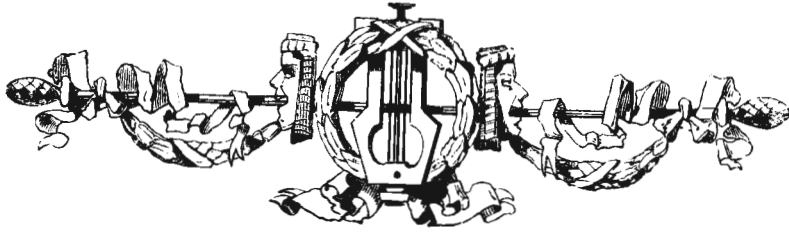
— Что? Каково? Хорошо было?

А потомъ вышелъ на середину и сказалъ добродушно:

— А вѣдь палка всегда бываетъ о двухъ концахъ.

Вячеславъ Артемьевъ.

ГРИБОЎДОВЪ И МУЗЫКА.

ВЪ ПЛОХО разработанной биографіи А. С. Грибоѣдова довольно дружно отмѣчается черта, исключительно при- сущая гению этого замѣчательнаго человѣка и необык- новенно характерная, — глубокое, неизмѣнное тяготѣніе его къ музыкѣ, къ фортепіано... Самый задушевный другъ Грибоѣдова С. Н. Бѣгичевъ свидѣтельствуетъ, говоря о 13-лѣтнемъ Грибоѣдовѣ, что онъ «имѣлъ не- обыкновенную способность къ музыкѣ, игралъ отлично на фортепіано, если бѣ посвятилъ себя только этому искусству, конечно, сдѣлался бы первокласс- нымъ артистомъ». Еще ребенкомъ, повидимому, Грибоѣдовъ началъ учиться музыкѣ; по крайней мѣрѣ, сестра его, получившая домашнее только образованіе (она была на два года старше брата), сдѣлалась скорѣ извѣстной въ Москвѣ музыкантшей, и домъ Грибоѣдовыхъ «на Но- винской площади» собиралъ впоследствии въ своихъ стѣнахъ вы- дающихся представителей тогдашней музыкальной Москвы — гра- фовъ Віельгорскихъ, А. Н. Верстовскаго, кн. В. О. Одоевскаго, А. А. Алябьева, А. В. Всеволожскаго и др. «Часто въ домѣ Гри- боѣдовыхъ устраивались музыкальные кружки, — вспоминалъ по- томъ кн. В. О. Одоевскій: — Марья Сергѣевна (сестра писателя) превосходно играла и на фортепьянахъ, и въ особенности на арфѣ»¹⁾.

¹⁾ Домъ Грибоѣдовыхъ, какъ извѣстно, сохранился и до нашихъ дней и почти въ томъ же видѣ, какъ былъ при жизни писателя. Конечно, послѣ 1812 года онъ былъ перестроенъ: надстроенъ второй деревянный этажъ, нѣсколько рас- ширены службы и т. п. Онъ стоитъ въ Москвѣ, на углу Новинскаго бульвара и Б. Десятинск. пер. и принадлежитъ наследникамъ В. И. Ускова. На его фасадѣ можно разглядѣть и сейчасъ оставшіяся, вѣроятно, по традиціи, лѣшныя укра- шенія въ видѣ лиръ.

Трудно сказать, кто былъ учителемъ музыки у Грибоѣдовыхъ, можно лишь предполагать, что это былъ Фильдъ, очень извѣстный и модный въ то время преподаватель и музыкантъ¹⁾. Необходимо отмѣтить, что интересъ къ музыкѣ въ пору дѣтства и юности Грибоѣдова поддерживался широкимъ распространениемъ въ Москвѣ домашнихъ концертовъ и вообще театральныхъ зрѣлищъ, почти всегда сопровождавшихся или музыкой, или пѣніемъ, а чаще и тѣмъ, и другимъ. Домашнихъ театровъ въ самомъ концѣ XVIII столѣтія насчитывалось немало: «въ 1796 году въ Москвѣ существовало до двадцати домовыхъ театровъ, при коихъ были оркестры музыки, оперныя и даже балетныя труппы,—сообщаетъ хорошо освѣдомленный театральный лѣтописецъ П. Араповъ:—у графа Шереметева былъ свой театръ не только въ городѣ, но и въ двухъ подмосковныхъ имѣніяхъ: въ Кусковѣ и Останкинѣ устроены были сцены съ изящнымъ вкусомъ; туда съѣзжалось все высшее общество, а народъ ликовалъ въ саду или передъ домомъ боярскимъ, гдѣ сжигались блестящіе фейерверки»... Въ началѣ XIX вѣка эти домашніе театры еще болѣе разрослись. Особенно славились—«Степана Степановича Апраксина, гдѣ играли часто и благородные любители, Николая Алексѣевича Дурасова и кн. М. Волконскаго» (у нихъ распорядился извѣстный П. А. Плавильщиковъ) и, конечно, театръ П. А. Познякова, которымъ долго управлялъ извѣстный артистъ Сила Сандуновъ. Театру этому пришлось функционировать во время пребыванія Наполеона въ Москвѣ, а разорившійся впоследствии хозяинъ его заслужилъ осужденіе поэта въ лицѣ Чацкаго:

Или тотъ еще, который для затѣи
 На крѣпостной балетъ согналъ толпы дѣтей,
 Отъ матерей, отцовъ отторженныхъ и сирыхъ!
 Самъ погруженъ умомъ въ Амурахъ и Зефирахъ
 Заставилъ и Москву дивиться ихъ красѣ!
 Но должниковъ не согласилъ къ отсрочкѣ:—
 Амуры и Зефиры всѣ
 Распроданы по одиночкѣ!

¹⁾ Джонъ Фильдъ (1782—1837) былъ ученикъ Клементи и съ 1804 г. поселился въ Россіи. Его вальсы, фантазіи, романсы, полонезы, а особенно ноктюрны, которые онъ первый началъ писать, приводили въ свое время въ восторгъ музыкальные круги и публику. Однимъ изъ его учениковъ былъ А. Н. Верстовскій, авторъ «Аскольдовой могилы». Любопытный отзывъ объ его исполненіи оставилъ М. И. Глинка, который ваялъ у него нѣсколько уроковъ: «Казалось, что не онъ ударялъ по клавишамъ, а сами пальцы падали на нихъ, подобно крупнымъ каплямъ дождя, и рассыпались жемчугомъ по бархату. Ни я, ни другой искренній любитель музыкальнаго искусства не согласится съ мнѣніемъ Листа, сказавшаго однажды при мнѣ, что Фильдъ игралъ вяло (endormi); нѣтъ, игра Фильда была часто смѣла, капризна и разнообразна, но онъ не обезображивалъ искусства шарлатанствомъ и не рубилъ пальцами котлетъ, подобно большей части новѣйшихъ модныхъ піанистовъ». (Записки М. И. Глинки, стр. 13). Скончался Фильдъ въ Москвѣ и погребенъ на Введенскомъ кладбищѣ. На памятникѣ его можно прочесть «John Field born in Ireland in 1782, dead in Moscow in 1837. Erected to thys memory by his grateful friends and scholars».

Мы знаемъ, что и Алексѣй Ѳедоровичъ Грибоѣдовъ (дядя писателя и прототипъ Фамусова), женатый на А. С. Нарышкиной, не отставалъ отъ богатыхъ меценатовъ и устраивалъ до 1812 года въ Москвѣ, въ своемъ замоскворѣцкомъ домѣ, а затѣмъ и въ Петербургѣ маскарады и спектакли, на которые разсылалъ приглашенія именитымъ людямъ. Московскіе императорскіе театры возникли на глазахъ 11-лѣтняго Грибоѣдова изъ подобнаго же частнаго театра А. Е. Столыпина, крѣпостная труппа котораго цѣликомъ была куплена въ казну. Театръ въ домѣ Пашкова (на Моховой, гдѣ университетская церковь) и императорскій Арбатскій театръ (на Арбатской площади, гдѣ теперь стоитъ памятникъ Н. В. Гоголю) не рѣшались еще во времена юнаго Грибоѣдова присвоивать себѣ исключительное право на театральныя публичныя зрѣлища, и московскіе студенты, современники Грибоѣдова, очень любили посѣщать, напримѣръ, публичныя представленія частной нѣмецкой труппы Штейнсберга въ Демидовскомъ театрѣ. Императорская французская труппа, а за ней и русская давали одновременно съ драмой и балетомъ оперы слѣдующихъ авторовъ: Моцарта, Глюка, Керубини, Далеирака, Мегюля, Мартини, Сальери, Чимарозо, Буальдѣ, Изуара, Стейбелъта, Крейцера, Кауера, Кавоса, Кашина, Давыдова, Титова и другихъ. Въ разнообразномъ репертуарѣ этой итальянской, нѣмецкой и преимущественно французской оперы развивался музыкальный слухъ юноши Грибоѣдова. Всего ближе, однако, могли вліять на Грибоѣдова концерты и спектакли въ московскомъ университетѣ и благородномъ университетскомъ пансіонѣ, гдѣ въ организациі развлеченія благороднаго юношества принимали горячее участіе профессора (П. Страховъ, Н. Сандуновъ) и выдающіеся артисты того времени П. А. Плавильщиковъ и С. Н. Сандуновъ. Особенно П. Страховъ поощрялъ студентовъ къ музыкѣ и театральнымъ представленіямъ. По указаніямъ нѣкоторыхъ, Грибоѣдовъ даже самъ принималъ участіе въ любительскихъ спектакляхъ. Такимъ образомъ, Грибоѣдовъ университету обязанъ не только широкимъ своимъ развитіемъ въ области строго научнаго мышленія и познаній, но отчасти и своей привязанностью къ театру и музыкѣ¹⁾. «Онъ страстно любилъ музыку,—свидѣтельствуетъ К. Полевой,—и съ самыхъ юныхъ лѣтъ сдѣлался превосходнымъ фортепіанистомъ. Механическая часть игры на фортепіано не составляла для него никакой трудности». Намѣченная имъ докторская степень, къ которой онъ стремился и готовился по окончаніи университета, усердно посѣщая

¹⁾ Питомецъ благороднаго университетскаго пансіона въ Москвѣ, кн. В. Ѳ. Одоевскій всегда съ благодарностью вспоминалъ нѣкоего Шпревича—учителя музыки при московскомъ университетѣ,—который первый познакомилъ его съ Бахомъ.

лекцій и частные курсы излюбленныхъ профессоровъ, не далась ему. Настала неожиданно «черный годъ» для Москвы и всей Россіи. Наполеонъ побѣдоносно двигался съ своими войсками на древнюю столицу, и мирной жизни и юношескимъ планамъ Грибоѣдова грозилъ конецъ. Покинувъ родной кровъ подъ Новинскимъ уже добровольцемъ-корнетомъ гусарскаго полка, Грибоѣдовъ посѣщать его затѣмъ только во время своихъ кратковременныхъ проѣздовъ черезъ Москву. Но и въ своей полубивуачной жизни онъ не пренебрегалъ случаемъ воспользоваться первымъ подвернувшимся подъ руку хорошо знакомымъ ему музыкальнымъ инструментомъ. Такъ, племянникъ Грибоѣдова Д. А. Смирновъ рассказываетъ, со словъ С. П. Бѣгичева, какъ лѣтомъ 1814 года Грибоѣдовъ съ Бѣгичевымъ забрался какъ-то еще до начала службы въ монастырскую католическую церковь въ Брестъ-Литовскѣ, гдѣ стоялъ въ то время ихъ Иркутскій гусарскій полкъ: «Бѣгичевъ остался внизу, а Грибоѣдовъ отправился на хоры, гдѣ органъ. Ноты были раскрыты. Собрались монахи, началась служба. Когда по порядку службы потребовалась музыка, Грибоѣдовъ заигралъ и игралъ долго и отлично». Правда, онъ выкинулъ при этомъ непристойную шутку: вдругъ прекратилъ играть по нотамъ и познакомилъ молящихся католиковъ съ развеселой русской камаринской. Но въ этомъ эпизодѣ съ 19-лѣтнимъ гусаромъ, вырвавшимся на свободу изъ-подъ домашней опеки, обыкновенно упускаютъ изъ виду явное влеченіе Грибоѣдова къ инструменту, котораго, конечно, негдѣ было достать въ бѣдномъ жиновскомъ мѣстечкѣ, какимъ былъ, особенно въ то время, Брестъ, и наличіе котораго въ храмѣ властно потянуло молодого музыканта на монастырскіе хоры, а также несомнѣнное знакомство Грибоѣдова даже съ церковной музыкой... Въ концѣ того же года Грибоѣдовъ уже былъ въ сѣверной столицѣ и могъ отводить душу за милымъ его сердцу фортепiano, посѣщать концерты, театры, гдѣ онъ быстро сдѣлался своимъ человѣкомъ. Черезъ князя Шаховскаго, который, кромѣ комедій, писалъ и оперы и былъ въ то время, «властелиномъ русской сцены», Грибоѣдовъ долженъ былъ познакомиться съ знаменитымъ Кавосомъ, капельмейстеромъ и опернымъ композиторомъ, и многими другими музыкальными дѣятелями, стоявшими близко къ сценѣ. Къ этому періоду его жизни (1815—1818) относятся его первыя театральныя пьесы, въ которыхъ неизмѣнно отводится хотя и небольшое мѣсто музыкѣ («Молодые супруги», гдѣ Эльмира садится за фортепiano и поетъ романсъ, а А. М. Колосова, одна изъ исполнительницъ этой роли, кромѣ того, прелестно, по свидѣтельству современниковъ, играла рондо Фильда; «Притворная невѣрность», гдѣ одно изъ дѣйствующихъ лицъ уходитъ съ пѣніемъ изъ «Жокоиды» (извѣстной въ то время оперы Изуара); «Проба интермедіи», гдѣ всѣ поютъ и танцуютъ, а актеры Алегриши прямо заявляютъ: «Музыки у насъ вволю, выби-

рай люблю» и т. д.). Въ Петербургѣ музыкальность Грибоѣдова сдѣлалась настолько общеизвѣстной, что онъ прямо заявляетъ министру Нессельроде на предложеніе ѣхать на службу въ Персію: «Музыканту и поэту нужны слушатели, читатели, ихъ нѣтъ въ Персіи...». Но обстоятельства «все-таки заставили Грибоѣдова покинуть Петербургъ и принять предложенную службу при персидской миссіи. Проѣздомъ черезъ Москву Грибоѣдову послѣ музыкальнаго Петербурга показалась особенно холодной и безучастной къ его таланту древняя столица. «Въ Москвѣ все не по мнѣ,—возмущается онъ въ письмѣ къ Бѣгичеву (18/IX. 1818):— праздность, роскошь, не сопряженныя ни съ малѣйшимъ чувствомъ къ чему-нибудь хорошему. Прежде тамъ любили музыку, нынче и она въ пренебреженіи: ни въ комъ нѣтъ любви къ чему-нибудь изящному»... Зброшенный въ дикую страну, онъ скучаетъ по любезномъ своемъ фортепіано, которое ему не высылали, можетъ быть, потому, что считали его уже неспособнымъ къ игрѣ послѣ дуэли съ жестокимъ Якубовичемъ, который намѣренно прострѣлилъ ему въ Тифлисѣ ладонь, хорошо зная, что лишитъ Грибоѣдова возможности играть значить отнять у него полжизни. Ему остается въ Персіи только чутко прислушиваться къ своеобразной восточной музыкѣ и мотивамъ и сопоставлять ихъ съ русскими солдатскими пѣснями. При выводѣ изъ Персіи русскихъ плѣнныхъ солдатъ въ 1819 г.—этомъ смѣломъ патріотическомъ подвигѣ юнаго дипломата,—Грибоѣдовъ записалъ въ своемъ дневникѣ слѣдующія слова: «Пѣсни: «Какъ за рѣченькой слободушка». «Во полѣ дороженька». «Солдатекая душечка, задушевный другъ». Воспоминанія. Невольно слезы накатились на глаза. «Спѣвались ли вы въ батальонѣ?»¹⁾—«Какія, ваше благородіе, пѣсни? Бывало, пьяные безъ голоса, трезвые объ Россіи тужать»...

Но Грибоѣдову, къ счастью, только слегка свело мизинецъ послѣ дуэли и когда ему удалось наконецъ вырваться изъ Тавриза къ Ермолову на службу, онъ спѣшитъ приобрести у Н. Н. Муравьева едва ли не единственное въ Тифлисѣ фортепіано, за которымъ наслаждается по цѣлымъ днямъ. Въ это же время онъ посѣщаетъ домъ П. Н. Ахвердовой, дочь которой рассказывала пишущему эти строки, что поэтъ часто, придя къ ея матери, садился за инструментъ и игралъ большею частью вещи своего сочиненія... Искренно любя музыку, онъ любилъ пріохочивать къ ней и другихъ. «Поклонись Алексѣю Скуратову,—пишетъ онъ Катенину (1817 г.),—да сажай его почаще за фортепіано». Будущую жену свою, тогда еще маленькую дѣвочку, княжну Чавчавадзе, онъ любилъ больше всего видѣть за фортепіано и слѣдилъ за

¹⁾ Въ персидскомъ батальонѣ, на службѣ у персовъ.

ея исполненіемъ. О томъ же свидѣтельствуесть и Е. П. Соковинна: «Любовь къ музыкѣ и серьезному чтенію были развиты во мнѣ (ей было тогда 12 лѣтъ) моимъ дядей С. Н. Вѣгичевымъ и его другомъ А. С. Грибоѣдовымъ»...—Вскорѣ по приѣздѣ въ отпускъ изъ Тифлиса въ Москву, постомъ 1823 года, Грибоѣдовъ отдался обработкѣ привезенныхъ съ собою первыхъ двухъ актовъ «Горе отъ ума» или «Горе Уму», какъ называлась еще тогда комедія, не предназначавшаяся пока для сцены. «Онъ работалъ тамъ, гдѣ Богъ приведетъ, и почти никогда не трудился прибирать свою работу, рѣшительно не дорожа ею,—разсказывала сестра поэта своему родственнику Д. А. Смирнову.—Очень часто приходилъ онъ писать въ комнату сестры и потомъ разбрасывалъ листы своей рукописи по разнымъ угламъ дома, гдѣ ни пошало. Комедія оставалась въ то время еще тайною не только для публики, но и для большинства знакомыхъ. Изъ числа ихъ графъ М. Ю. Віельгорскій, перебирая разъ ноты на фортепяно Марьи Сергѣевны, нашель листъ, потомъ другой, третій, написанные стихами и рукою Грибоѣдова. На вопросъ хозяйкѣ, чѣмъ это такое, она отвѣчала, желая замаять дѣло: «ce sont les folies d'Alexandre». Но было уже поздно». Віельгорскій почти насильно увезъ съ собою найденныя «folies» Грибоѣдова, и вѣсть о новой комедіи обѣжала Москву изъ устъ извѣстнаго въ то время музыканта-любителя... Легко представить себѣ изъ этого разсказа, какъ неразрывно поэтическое творчество А. С. Грибоѣдова связывалось съ музыкой, съ игрой, съ фортепяно любимой сестры... «Забылись музыкой, и время шло такъ плавно» — вспоминаются слова Софьи изъ 1-го акта великой комедіи... Не только исполненіе, но и вопросы по теоріи музыки живо интересовали въ этотъ періодъ Грибоѣдова. Онъ часто съ кн. В. Ѳ. Одоевскимъ, тогда еще 20-лѣтнимъ молодымъ человѣкомъ, вступалъ въ бесѣду о законахъ гармоніи, останавливаясь на такихъ деталяхъ, что непосвященные отказывались понимать ихъ разговоръ. Кружокъ общихъ пріятелей даже подсмѣивался: «Ну, ужъ какъ Грибоѣдовъ съ Одоевскимъ заговорятъ о музыкѣ, пиши пропало: ничего не поймешь». Изъ одной записки Грибоѣдова въ Москвѣ видно порученіе Одоевскому купить Гессъ де-Кальве—Теорію музыки (или разсужденіе о семь искусствѣхъ, перев. съ нѣмецкаго Разумникъ-Гонорскій, 2 ч. Харьковъ, 1818). Нѣкоторые приписываютъ вліянію петербургскаго профессора гармоніи Юганна Миллера тщательное изученіе Грибоѣдовымъ законовъ музыки¹⁾. Во всякомъ случаѣ «генераль-басъ онъ зналъ въ совершенствѣ»—свидѣтельствовала про брата сестра поэта... Набравшись непо-

¹⁾ Къ сожалѣнію, объ этомъ преподавателѣ музыки, котораго П. Бартенева, а за нимъ и А. Веселовскій въ своей біографіи А. С. Грибоѣдова производятъ въ «знаменитости», намъ не удалось собрать никакихъ свѣдѣній. Повидимому, Юганнъ Миллеръ—самая скромная музыкальная величина.

средственныхъ впечатлѣній о свѣтской Москвѣ, Грибоѣдовъ уѣхалъ къ Бѣгичевымъ въ ихъ имѣніе (Тульской губерніи, Ефремовскаго уѣзда с. Дмитріевское, Полевые Локотцы тожь), гдѣ въ іюнь—августъ 1823 года были написаны знаменитый 3-й и 4-й акты комедіи. Вернулся Грибоѣдовъ съ Бѣгичевыми въ Москву и поселился у нихъ же въ домъ на всю зиму 1823—24 гг. Онъ усиленно занялся отдѣлкой своей комедіи и уединялся съ этою цѣлью по пѣлымъ днямъ въ своемъ кабинетѣ. «Тогда по вечерамъ,—сообщаетъ Е. П. Соковнина,—раздавались его чудныя импровизаціи на роялѣ, и я, имѣя свободный доступъ въ его кабинетъ, заслушивалась ихъ до поздней ночи. У меня сохранился сочиненный и написанный самимъ Грибоѣдовымъ вальсъ, который онъ передалъ мнѣ въ руки ¹⁾... Почти ежедневными посѣтителями дяди были кн. В. Ѳ. Одоевскій, В. Кюхельбекеръ и часто оживлялъ общество весельчакъ А. Н. Верстовскій, который тогда написалъ знаменитый свой романъ «Черная шаль» и пѣвалъ его съ особеннымъ выраженіемъ своимъ небольшимъ баритономъ, аккомпанируемый Грибоѣдовымъ». Тотъ же Верстовскій сочиняетъ музыку къ оперѣ-водевилю, спѣшно написанному А. С. Грибоѣдовымъ и княземъ П. А. Вяземскимъ къ бенефису извѣстной московской актрисы М. Д. Львовой-Синецкой (24-го января 1824 года). Она не имѣла успѣха въ Москвѣ, но все же раза 2—3 была повторена еще до отъѣзда Грибоѣдова изъ Москвы (5-го, 12-го и 16-го февраля 1824 г.). Хотя «Вѣстникъ Европы»—московскій журналъ, враждовавшій съ Грибоѣдовымъ и Вяземскимъ,—и замѣтилъ по поводу перваго представленія «Кто братъ, кто сестра»: «Г. Верстовскій сочеталъ блестящую талантомъ, прекрасную, богатую и знатную музыку свою съ водевилемъ, не имѣющимъ ни качествъ ея, ни преимуществъ», но не нужно упускать изъ виду, что «богатая и знатная» музыка, конечно, была прослушана предварительно Грибоѣдовымъ и Верстовскій не преминулъ воспользоваться компетентными указаніями такого тонкаго знатока музыки, какъ Грибоѣдовъ, который былъ и старше его, и гораздо болѣе его развитъ во всѣхъ отношеніяхъ. О какой-то оперѣ Верстовскаго «Мавры» Грибоѣдовъ вспомнилъ въ августъ 1824 года уже въ Петербургѣ и хотѣлъ хлопотать объ ней въ цензурѣ. Самый выборъ національныхъ сюжетовъ для своей музыки, который привелъ А. Н. Верстовскаго къ «Аскольдовой могилѣ»—первой русской оперѣ съ національнымъ сюжетомъ,—произошелъ, вѣроятно, не безъ вліянія А. С. Грибоѣдова, такъ горячо всегда терзавшагося за рабское подражаніе западнымъ образцамъ и вызываваго къ пробужденію оригинальнаго національнаго творчества какъ въ литера-

¹⁾ Вальсъ этотъ съ автографа Грибоѣдова былъ напечатанъ при «Воспоминаніяхъ о Бѣгичевѣ»—Е. П. Соковниной въ «Историческомъ Вѣстникѣ», 1889 г., № 3. До того напечатанъ въ «Лирическомъ альбомѣ» на 1832 г., изд. И. Ласковскаго и Н. Норова, но съ нѣкоторыми измѣненіями противъ автографа.

турѣ, такъ и въ искусствѣ. Не даромъ онъ считалъ своимъ долгомъ собирать народныя пѣсни и чутко прислушивался къ ихъ красота-тамъ... Въ тотъ же сезонъ 1823—24 года Грибоѣдовъ часто видался и проводилъ время въ Москвѣ съ Александромъ Всеволодовичемъ Всеволожскимъ, который былъ хорошии музыкантъ и писалъ романсы. Сынъ его, покойный директоръ Эрмитажа И. А. Всеволожскій, рассказывалъ мнѣ, что его отецъ съ дѣтства былъ въ самыхъ дружескихъ отношеніяхъ съ авторомъ «Горе отъ ума» и пользовался особымъ расположеніемъ даже суровой матери Грибоѣдова... За годъ пребыванія своего въ 1824—25 году въ Петербургѣ Грибоѣдовъ истратилъ много труда и крови на окончательную переработку «Горе отъ ума» для сцены, на хлопоты по цензурѣ, на печатаніе двухъ крупныхъ изъ нея отрывковъ и на многократныя чтенія комедіи въ разнообразныхъ кругахъ петербургскаго общества. Поэтъ не имѣлъ въ Петербургѣ постоянной квартиры и перемѣнилъ за годъ около 6 мѣстъ жительства. Но излюбленный инструментъ у него, видимо, былъ всегда подъ рукой. По крайней мѣрѣ, П. А. Каратыгинъ вспоминалъ, какъ Сашка Грибовъ, молочный братъ и крѣпостной слуга поэта, однажды въ его присутствіи сѣлъ за хромоногое фортепiano своего барина и сыгралъ извѣстную пѣсню: «Барыня, сударыня, протяните ножку»... Уѣхавъ изъ Петербурга въ Крымъ лѣтомъ 1825 года, Грибоѣдовъ по дорогѣ въ Кіевъ встрѣтилъ общихъ съ Верстовскимъ знакомыхъ и послалъ въ Москву, въ письмѣ къ кн. В. Ѳ. Одоевскому, привѣтъ по адресу молодого музыканта: «Верстовскаго обними за меня; здѣсь я узналъ, что отецъ его перебрался на житье въ Москву, что же отъ того, лучше или хуже для музыки? Я почти увѣренъ,—сознается Грибоѣдовъ:—что истинный художникъ долженъ быть человекъ безродный. Прекрасно быть опорой отцу и матери въ важныхъ случаяхъ жизни, но вниманіе къ ихъ требованіямъ, часто мелочнымъ и нелѣпымъ, стѣсняетъ живое, свободное, смѣлое дарованіе».—Пріѣхавъ въ Симферополь, Грибоѣдовъ прислушивается къ мѣстнымъ напѣвамъ и музыкѣ. «Цыганская пынѣшняя музыка въ Крыму смѣсь татарскаго съ польскимъ и малороссійскимъ»¹⁾—отмѣтилъ онъ въ путевыхъ запискахъ (24-го іюня 1825 года). Музыка занимаетъ его и при поѣздкѣ въ Бахчисарай. Въ симферопольской гостиницѣ пришлось столкнуться съ путешественниками, которымъ имя Грибоѣдова оказалось хорошо извѣстнымъ: «потому ли, что фортепiанная репутація моей сестры извѣстна, или чутьемъ открыли, что я умѣю играть вальсы и кадрили, ворвались ко мнѣ, осыпали привѣтствіями, и маленькій городокъ сдѣлался мнѣ тошнѣ Петербурга». Однимъ изъ этихъ путешественниковъ былъ Н. В. Сушковъ. Онъ вспоминалъ, что Грибоѣдовъ часто услаждалъ его на чужой сторонѣ

¹⁾ Сборникъ старинныхъ малороссійскихъ пѣсенъ былъ въ числѣ книгъ, которыя возилъ съ собою Грибоѣдовъ во время путешествія.

среди татаръ въ Крыму «своею пѣвучею, раздумною игрою на клави-кордахъ, по прежней бѣглости въ ней уже не было». Повидимому, сведенный послѣ дуэли съ Якубовичемъ мизинецъ давалъ себя знать. Разставшись съ Крымомъ, Грибоѣдовъ на нѣкоторое время разстался съ музыкой. Онъ переѣхалъ морскимъ путемъ на Сѣверный Кавказъ и проѣхалъ на линію къ начальнику штаба Ермолова— Вельяминову, гдѣ дѣлилъ походную жизнь съ рядовыми кавказскими офицерами. Высочайшій приказъ объ арестѣ настигъ его въ крѣпости Грозной, откуда съ фельдъегеремъ въ январскую стужу курьерскіе кони повезли поэта къ отвѣту въ Петербургъ. Тревожныя думы бродили въ головѣ арестованнаго, но и при тяжелыхъ обстоятельствахъ потребность подѣлиться настроеніемъ съ другомъ-фортепіано ни на минуту не покидаетъ Грибоѣдова. Въ Твери у фельдъегеря оказалась сестра, у которой была сдѣлана продолжительная передышка для государственнаго преступника. «Войдя въ комнату, Грибоѣдовъ увидалъ фортепіано... не вытерпѣлъ и сѣлъ къ нему... Девять битыхъ часовъ его не могли оторвать отъ инструмента!»— рассказывалъ, со словъ самого Грибоѣдова, С. Н. Вѣгичевъ. По приѣздѣ въ Петербургъ Грибоѣдовъ былъ посаженъ подѣ арестъ въ комнатахъ главнаго штаба (за переполненіемъ Петропавловской крѣпости), но подкупленный смотритель за арестованными капитанъ Жуковскій, когда дѣло Грибоѣдова и др. болѣе или менѣе выяснилось въ ихъ пользу, допускалъ всевозможныя по отношенію къ нимъ поблажки. Декабристъ Завалишинъ, заключенный вмѣстѣ съ Грибоѣдовымъ, рассказывалъ, какъ Жуковскій водилъ ихъ обоихъ къ извѣстному Лореду (на Невскомъ рядомъ съ зданіемъ главнаго штаба); тамъ, въ отдѣльной комнатѣ кондитерской стояло фортепіано, и на немъ игралъ Грибоѣдовъ. Кромѣ того, сенаторъ А. А. Жандръ удостовѣрилъ, что Грибоѣдовъ почти всякую ночь приходилъ къ нему изъ-подъ ареста, «ужиналъ или пилъ чай и игралъ на фортепіано. Последнее и было его отрадой,—рассказывалъ сенаторъ:—...онъ былъ замѣчательный музыкантъ, не только ученый, но страстный, онъ возвращался отъ меня въ свою конуру только поздно ночью или на разсвѣтѣ»... Очевидно, съ старымъ другомъ Грибоѣдовъ менѣе всего стѣснялъ свои музыкальные порывы и забывался за инструментомъ. Когда лѣтомъ 1826 года Грибоѣдова, наконецъ, освободили изъ заключенія, онъ поселился на дачкѣ Косиковскаго, у Булгарина, на берегу Невки и, конечно, отдался на свободѣ музыкѣ. «Онъ страстно любилъ музыку, будучи самъ искусенъ въ игрѣ на фортепіано, — свидѣтельствуешь и Булгаринъ. — Фантазіи его и импровизаціи отзывались глубокимъ чувствомъ меланхоліи»... Въ Шуваловѣ, въ паркѣ, на такъ называемомъ «Парнаскѣ», куда поэтъ ѣздилъ для прогулки, слухъ Грибоѣдова привлекли «звучные, плясовые напѣвы, голоса женскіе и мужскіе»... Онъ ихъ

заслушался. «Родныя пѣсни!—воскликаетъ онъ—Куда занесены вы съ священныхъ береговъ Днѣпра и Волги?». Эти пѣсни, однако, навѣяли грустныя мысли—о вѣчной розни, посѣянной между русской интеллигенціей и народомъ, и возвратили ихъ къ стародавнему прошлому, къ историческимъ воспоминаніямъ о временахъ необузданной вольности на широкой Волгѣ, къ простотѣ отечественныхъ правовъ, «сердцу его чрезвычайно любезныхъ». Петербургъ, какъ кошмаръ, давилъ впечатлительную душу поэта воспоминаніями о друзьяхъ, изъ которыхъ одни поплавились жизнью (Рылѣевъ, Муравьевъ), другіе навсегда были оторваны отъ его вѣрной груди (кн. А. И. Одоевскій, В. К. Кюхельбекеръ, А. А. Бестужевъ и др.). Онъ уѣхалъ въ Москву, помышляя оставить службу навсегда; тамъ онъ «чуть-чуть не разыскался отъ хворости». Цѣль жизни и дальнѣйшаго существованія, казалось, была ясна: «Поэзія! Люблю ее безъ памяти, страстно»... Но рядомъ съ этимъ сомнѣнія въ своихъ силахъ, которыя стали угнетать поэта вслѣдъ за окончаніемъ работы надъ «Горе отъ ума», ставили вопросъ: «Но любовь одна достаточна ли, чтобы себя прославить? Что слава? По словамъ Пушкина...

Лишь яркая заплата
На ветхомъ рубищѣ пѣвца.

«Кто насъ уважаетъ, пѣвцовъ истинно вдохновенныхъ, въ томъ краю, гдѣ достоинство цѣнится въ прямомъ содержаніи къ числу орденовъ и крѣпостныхъ рабовъ? Все-таки Шереметьевъ у насъ затмилъ бы Омира (Гомера), скотъ, но вельможа и крезъ. Мученье быть пламеннымъ мечтателемъ въ краю вѣчныхъ снѣговъ...¹⁾ Среди глубокихъ сомнѣній и разочарованій Грибоѣдовъ уступилъ фамусовскимъ и хлестовскимъ идеаламъ родни и поѣхалъ согласно съ настойчивыми желаніями матери опять на Кавказъ продолжать службу при Ермоловѣ подъ тайнымъ покровительствомъ кузена—новой восходящей звѣзды новаго царя—генерала Паскевича. Служебное положеніе было фальшивое. Приходилось вертѣться между двумя генералами, которые не знали, какъ повѣрѣе насолить другъ другу. Грибоѣдовъ и тутъ искалъ утѣшенія въ поэзіи и въ обществѣ испытанной своей пріятельницы П. Н. Ахвердовой, гостепріимный кровъ которой давалъ ему возможность помузицировать и отдохнуть душой въ семейной обстановкѣ отъ служебныхъ дразгъ и интригъ. Но кризисъ кончился. Ермоловъ отставленъ. Объявленъ походъ на Эривань, и Грибоѣдовъ надолго распро-

¹⁾ Эти слова, написанныя поэтомъ въ письмѣ къ С. Н. Вѣгичеву, отъ 9 декабря 1826 г. (автографъ въ «Музеѣ имени А. С. Грибоѣдова» въ Москвѣ), напоминаютъ рѣшительныя слова Пушкина: «Чортъ догадалъ меня родиться въ Россіи съ умомъ и талантомъ».

стился съ музыкой, которая доносилась до него развѣ въ формѣ полковой музыки, сопровождавшей двинувшіяся на Эривань войска, или мѣстной, грузинской, гремѣвшей въ бубны и національные инструменты при проѣздѣ новаго главнокомандующаго. Страшныя жары, доходившія до 47° по Реомюру, вѣчная тревога и заботы о капризномъ и мало свѣдущемъ генералѣ, плохое питаніе, а главное: «нѣтъ ни чтенія, ни фортепіано»—вотъ на что жалуется Грибоѣдовъ своей тифлисской корреспонденткѣ (П. Н. Ахвердовой). Во время похода ему пришлось встрѣтиться съ полковникомъ гр. Симоничемъ и даже увидѣть у него любезное сердцу фортепіано. «Que j'étais content de voir Simonitch, — сообщаетъ онъ той же корреспонденткѣ:—mais le cruel ne m'a pas offert le cher piano». Послѣ взятія Аббасъ-Абада (7 іюля 1827 г.) уже начались переговоры съ персами о мирѣ, которые велъ преимущественно Грибоѣдовъ лично съ Аббасъ-Мирзою (наслѣдникомъ персидскаго престола). Послѣ же взятія Эривани и особенно Тавриза мирныя переговоры приняли рѣшительный характеръ, и наши дипломаты усиленно были заняты вмѣстѣ съ персидскими выработкой условій мира. Когда миръ съ персами, наконецъ, былъ подписанъ (10. II. 1828), Грибоѣдовъ не былъ отпущенъ, какъ онъ того хотѣлъ, а получилъ почетную миссію ѣхать въ Петербургъ для поднесенія государю императору Туркманчайскаго трактата. 14 марта 1828 г. императоръ Николай I принималъ уже въ особой аудіенціи нетерпѣливожданнаго вѣстника мира. По исполненіи порученія Грибоѣдовъ ждалъ, что теперь-то его, наконецъ, отпустятъ на всѣ четыре стороны. «Все, чѣмъ я до сихъ поръ занимался, для меня дѣла постороннія,—говорилъ онъ Бѣгичеву:—призваніе мое кабинетная жизнь, голова моя полна, и я чувствую необходимую потребность писать». Въ гостиницѣ Демуть (на Б. Конюшенной, нынѣ домъ великихъ князей Андрея и Кирилла Владимировичей), гдѣ поэтъ остановился, жилъ А. С. Пушкинъ, который давно (еще съ 1817 года) зналъ лично Грибоѣдова по службѣ въ одномъ и томъ же вѣдомствѣ, по театру и общимъ знакомымъ (Чаадаевъ, Кюхельбекеръ, Катенинъ, Жандръ, Вяземскій, Левъ Серг. Пушкинъ и много другихъ). Оба поэта, раздѣленные судьбой, зорко слѣдили за произведеніями другъ друга. Пушкинъ высоко цѣнилъ «Горе отъ ума» и глубоко вѣрилъ въ талантъ ея автора, хотя «рѣзвоскачущая» кровь Грибоѣдова и не совѣмъ ему нравилась. Грибоѣдовъ еще съ лицейскихъ опытовъ живо интересовался всѣмъ выходящимъ изъ-подъ пера русскаго генія. Они встрѣтились, какъ братья по духу, какъ передовые умы того времени, геній которыхъ не имѣлъ себѣ ничего равнаго во всей послѣдующей исторіи русской литературы. Грибоѣдовъ появлялся въ обществѣ вмѣстѣ съ Пушкинымъ, подолгу бесѣдовали они... Общество старыхъ друзей—Крылова, П. Свинына, Греча, кн. В. Одоев-

скаго и др. театральные знакомые успокоительно дѣйствовали на Грибоѣдова, попавшаго въ свою атмосферу. На Пасхѣ, входя передъ обѣдомъ къ Гречу, К. Полевой увидѣлъ уже знаменитаго писателя со старымъ другомъ—за фортепiano; Грибоѣдовъ аккомпанировалъ баритону Този (Баттистини того времени) и еще какому-то итальянцу¹⁾. Очевидно, Гречъ, зная любовь къ музыкѣ Грибоѣдова, постарался украсить свой обѣдъ званными итальянцами-пѣвцами. «Дуэтъ кончился, и Грибоѣдовъ былъ окруженъ многими изъ своихъ знакомыхъ, которые вошли во время его игры и не хотѣли прерывать музыки привѣтствіями»²⁾. Впрочемъ, тотъ же К. Полевой рассказываетъ, что кто-нибудь изъ театральнхъ всегда состоялъ при Грибоѣдовѣ, «чѣмъ-то въ родѣ адъютанта». Часто бывалъ Грибоѣдовъ и у князя В. Одоевскаго, съ которымъ могъ вволю отдаваться теоретическимъ спорамъ о музыкѣ. Не Одоевскій ли познакомилъ его и съ будущимъ творцомъ русской оперы?³⁾ По крайней мѣрѣ, М. И. Глинка отмѣтилъ въ своихъ запискахъ: «Провелъ около цѣлаго дня съ Грибоѣдовымъ, авторомъ комедіи «Горе отъ ума». Онъ былъ очень хорошій музыкантъ и сообщилъ мнѣ тему грузинской пѣсни, на которую вскорѣ потомъ А. С. Пушкинъ написалъ слова: «Не пой, волшебница, при мнѣ ты пѣсни Грузіи печальной»...⁴⁾ Когда опредѣлилось назначеніе Грибоѣдова на постъ посланника и полномочнаго министра въ Персію, Грибоѣдовъ переѣхалъ отъ Демута въ домъ Косниковскаго, на углу Морской

¹⁾ Въ это время спектакли въ императорскихъ театрахъ давались на французскомъ, нѣмецкомъ и русскомъ. Опера, кромѣ того, шла съ итальянскими исполнителями, съ Този (баритонъ) и Николини (теноръ) во главѣ.

²⁾ «Горе отъ ума», 2-е изданіе, Спб., 1839. Предисловіе К. Полевого «О жизни и сочиненіяхъ А. С. Грибоѣдова», стр. XLIII.

³⁾ Кн. В. Ө. Одоевскій познакомился съ М. И. Глинкой въ С.-Петербургѣ въ самомъ концѣ 1826 или въ началѣ 1827 года. (См. Н. Барсуковъ—Жизнь и труды М. Погодина, кн. 2, стр. 67).—Весьма возможно, что и самъ Пушкинъ, уже знакомый съ Глинкой съ Москвы, могъ представить Грибоѣдову молодого музыканта.

⁴⁾ Глинкинскій автографъ этого романа хранится въ рукописномъ отдѣленіи Императорской Публичной Библіотеки. Это—грузинская пѣсня (*Andantino*, *B-dur* 4/8), слова А. С. Пушкина: «Не пой, красавица, при мнѣ ты пѣсни Грузіи печальной» и т. д. Внизу рукой Глинка выписанъ текстъ второго куплета. На оборотѣ позднѣйшая приписка: «NB. Національная эта грузинская мелодія сообщена М. И. Глинкѣ отъ А. С. Грибоѣдова; (зачеркнуто: А. С. Пушкинъ написалъ слова сей пѣсни нарочно подъ самую мелодію). Извѣстныя уже давно публикѣ слова сей пѣсни написаны А. С. Пушкинымъ подъ мелодію, которую онъ случайно услышалъ». (См. Н. Финдейзенъ.—Каталогъ нотныхъ рукописей, писемъ и портретовъ М. И. Глинка, хранящихся въ рукописномъ отдѣленіи Имп. Публ. Библіотеки въ Спб.—Спб. 1898, стр. 15). Д. Ө. Харламова рассказывала мнѣ, что А. С. Пушкинъ по дорогѣ въ Эрзерумъ посѣтилъ въ 1829 году домъ ея матери П. Н. Ахвердовой въ Тифлисѣ и, задержанный гдѣ-то въ карантинѣ на Кавказѣ, написалъ на стѣнѣ свое стихотвореніе: «Не пой, красавица, при мнѣ ты пѣсни Грузіи печальной...»

п Невскаго; квартирка была въ самомъ верхнемъ этажѣ, небольшая, обставленная съ походной простотой. «Самымъ дорогимъ украшеніемъ его комнатокъ,—разсказываетъ К. Полевой, не разъ побывавшій у него,—былъ богатый рояль: онъ составлялъ для него необходимую принадлежность!»... К. Полевой встрѣтилъ Грибоѣдова и въ театрѣ на представленіи «Волшебной флейты» Моцарта. Онъ сидѣлъ въ ложѣ съ однимъ знакомымъ ему семействомъ, но въ каждый антрактъ приходилъ въ кресла побранить пѣвцовъ. «Надобно прибавить,—замѣчаетъ Полевой: — что бѣднаго Моцарта терзали ужасно! Въ 1828 г. на петербургской сценѣ не было ни одного пѣвца и ни одной пѣвицы. Самойловъ жилъ еще старою своею славою, но и онъ почти не могъ пѣть. Первою пѣвицею была Иванова. Особенно смѣшиль насъ своимъ неискусствомъ Папагенъ, котораго игралъ, если не ошибаюсь, Рамазановъ»¹⁾. «Я ничего не понимаю: такъ поютъ они,—говорилъ Грибоѣдовъ.—И зачѣмъ братья за Моцарта?»—Но на замѣчаніе кого-то, что такимъ пѣвцамъ довольно было бы и Буальдѣ, Грибоѣдовъ возразилъ: «А что вы думаете: Буальдѣ достоинъ этихъ пѣвцовъ? Онъ не гениальный, но милый и умный композиторъ; не отличается большими мыслями, но каждую свою мысль обрабатываетъ съ необыкновеннымъ искусствомъ. У насъ испортили его «Калифа Багдадскаго», а это настоящій брильянтикъ... Музыка Моцарта требуетъ особенной публички и отличныхъ пѣвцовъ, даже потому, что механическая часть ея не богата средствами. Но выполните хорошо музыку Буальдѣ—всѣ поймутъ ее. А теперь посмотрите, какъ восхищаются многіе, хоть ничего не понимаютъ! Это больше портитъ, нежели образуетъ вкусъ публики».—Нужно прибавить, что одинъ изъ замѣчательныхъ французскихъ композиторовъ комической музыки первой трети минувшаго столѣтія Буальдѣ (1775—1834) былъ хорошо извѣстенъ и Петербургу, и Москвѣ. Съ 1803 по 1811 г. онъ находился въ Россіи и служилъ капельмейстеромъ императорскихъ театровъ. Его оперы шли и во французскомъ, и въ русскомъ исполненіи. Одноактные—«*La jeune femme colère*», «*Les voitures versées*», «*Deux mots ou une nuit dans la forêt*» и двухактные—«*Ma tante Aurore ou le roman impromptu*» и мн. другихъ имѣли большой успѣхъ въ Москвѣ, преимущественно во французскомъ исполненіи. Но самый замѣчательный успѣхъ выпалъ на долю его оперы «*Le Calife de Bagdad*», opéra en l'acte, de S. Juste (поставлена первый разъ въ Парижѣ 16 сент. 1801 г.), которую такъ цѣнили Грибоѣдовъ и которая создала первый круп-

¹⁾ Единственный разъ за время пребыванія Грибоѣдова въ 1828 г. въ С.-Петербургѣ (14. III—6. VI) «Волшебная флейта» Моцарта шла 15 апрѣля 1828 г., въ воскресенье, въ Б. Театрѣ; роль Папагено (судя по афишѣ) исполнялъ г. Долбиловъ. «Донъ-Жуанъ» Моцарта впервые поставленъ на сценѣ Большого театра также во время пребыванія Грибоѣдова въ С.-Петербургѣ—21 апрѣля 1828 года—съ Самойловымъ въ главной роли и Н. Семеновою въ роли Церлины,

ный успѣхъ автору, Она была переведена съ французскаго Лифановымъ и не сходила (съ 1806 г.) съ репертуара императорскихъ театровъ Петербурга и Москвы первой половины минувшаго столѣтія, хотя исполненіе ея, повидимому, стояло далеко не всегда на высотѣ. Грибоѣдовъ еще студентомъ, вѣроятно, не разъ слушалъ «Калифа Багдадскаго» и во французскомъ, и въ русскомъ исполненіи. Самый серьезный музыкальный успѣхъ имѣла опера Буальдѣ «La dame blanche» (1826), которую Грибоѣдовъ могъ слышать въ нѣмецкомъ исполненіи въ свой пріѣздъ въ Петербургъ (спектакль 28 апрѣля 1828 г.). Тогда же (18 апрѣля) давали въ нѣмецкомъ исполненіи «Жана Парижскаго», оперу Буальдѣ и, по-русски, «Красную Шапочку» оперу въ 3 д. (30 мая въ М. театрѣ) того же автора. Рѣдкій концертъ филармоническаго общества и другихъ обходились безъ исполненія романсовъ Буальдѣ... Разставшись навсегда съ музыкальнымъ Петербургомъ (6 іюня 1828 года), Грибоѣдовъ мелькнулъ, какъ зарница, въ домѣ матери подъ Новинскимъ, у С. Н. Бѣгичева въ его деревнѣ, у сестры, которая съ мужемъ—А. М. Дурново—«музыкантомъ и великимъ химикомъ», какъ назвалъ его Грибоѣдовъ, жила въ своемъ имѣніи Сергіевскомъ (Чернскаго уѣзда Тульск. губ.), и покатылъ на Кавказъ въ Тифлисъ, гдѣ охотцо замѣшался передъ отъѣздомъ своимъ навсегда въ Персію. Отъ новыхъ сложныхъ и тревожныхъ обязанностей посланника онъ находилъ въ Тифлисѣ отдыхъ въ обществѣ старой своей пріятельницы П. Н. Ахвердовой, подъ опытнымъ глазомъ которой выросла и воспиталась княжна Нина (Чавчавадзе), юная невѣста Грибоѣдова. Часто заглядывалъ онъ подъ гостепріимный кровъ Ахвердовой и по обыкновенію отдавался музыкѣ, играя не только для себя но и для многочисленныхъ подростковъ и дѣтей, жившихъ въ обширномъ домѣ генеральши. Дѣтвора было много. Къ старшему возрасту принадлежали Егорушка, пасынокъ, и бѣдная племянница хозяйки дома Анна Андреевна Ахвердовы, княжны Нина Чавчавадзе и Манко (Марія Иван.) Орбеліани, къ младшему—княжна Катя Чавчавадзе (впослѣдствіи свѣтлѣйшая княгиня Дадіанъ-Мингрельская), княжна Сонико (Софья Иван.) Орбеліани, Дашенька (младшая дочь Ахвердовой, впослѣдствіи Харламова), Варенька Туманова и еще совсѣмъ маленькій князь Давидъ Чавчавадзе, котораго поэтъ любилъ гладить по курчавымъ волосамъ. Обыкновенно Грибоѣдовъ, рассказывала пишущему эти строки 84-лѣтняя Дарья Ѳедоровна Харламова (помянутая Дашенька Ахвердова), если былъ въ хорошемъ расположеніи духа и не было малознакомыхъ гостей у ея матери, по окончаніи обѣда обращался къ дѣтямъ: «Enfants, venez danser!» (онъ говорилъ большею частью по-французски) и направлялся въ залъ, гдѣ садился за фортепіано такъ, чтобы видѣть дѣтей. «Игралъ онъ всегда танцы своего сочиненія,—вспоминала Д. Ф. Харламова:—

мелодію которыхъ еще ясно помню, не очень красивые и несложные. Потомъ, когда дѣти натапцуются, переходилъ къ другимъ импровизаціямъ и проводилъ за инструментомъ иногда весь вечеръ. Сонико Орбелиани имѣла обыкновеніе подходить вплотную къ клавишамъ, чтобы слушать музыку; это не нравилось Грибоѣдову и, послѣ финальнаго аккорда, онъ слегка ударялъ ее по выставленному животу, что обращало ее въ бѣгство». «Музыкѣ насъ училъ тифлискій капельмейстеръ Соколовскій, — рассказывала Дарья Ѳедоровна: — только княжнѣ Нинѣ давалъ совѣты Грибоѣдовъ». Даже въ памятный день 16 іюля (1828), когда Грибоѣдовъ рѣшилъ объясниться въ любви княжнѣ Нинѣ и, вставъ изъ-за обѣда, сказалъ ей: «Venez avec moi, j'ai quelque chose à vous dire», юная княжна думала, что ее посадятъ за фортепiano. Молоденькую жену свою (ей не было еще 16 лѣтъ) Грибоѣдовъ не преминулъ познакомить въ Тавризѣ съ персидскимъ театромъ и разными представленіями, въ которыхъ восточная музыка играетъ неизмѣнную роль... 9 декабря 1828 года Грибоѣдовъ простился, и навѣки, съ женой, оставивъ ее въ Тавризѣ на попеченіи жены англійскаго посланника *м-ме Macdonald*, а 30 января слѣдующаго года послѣ трагической катастрофы въ Тегеранѣ — и съ жизнью... Ровно черезъ три мѣсяца послѣ катастрофы, обрушившейся такъ неожиданно надъ нашей миссіей, Пушкинъ видѣлъ, какъ жалкая, скрипучая арба везла въ горахъ неподалеку отъ границы русской гробъ съ тѣломъ, названнымъ ему именемъ «Грибоѣда»; оно было выдано только послѣ энергичныхъ требованій русскаго правительства и возбуждало въ свое время, какъ возбуждаетъ и донынѣ, сомнѣнія, дѣйствительно ли то были останки самого автора «Горе отъ ума». Грустные, пророческія слова пришли въ голову великому поэту, глядѣвшему вслѣдъ удалявшейся жалкой погребальной процессіи: «Замѣчательные люди исчезаютъ у насъ, не оставляя по себѣ слѣдовъ... Мы лѣнивы и нелюбопытны!» Эти слова свинцомъ тяготѣютъ надъ памятью автора великой комедіи не только какъ писателя и замѣчательнаго государственнаго человѣка, но и какъ музыканта. Отъ долготѣннаго музыкальнаго творчества, которому такъ страстно отдавался Грибоѣдовъ съ юныхъ лѣтъ и до конца своей жизни, у насъ осталось всего два маленькихъ вальса, изданныхъ въ 1832 году, одинъ изъ которыхъ былъ переизданъ, съ грибоѣдовскаго автографа, въ «Историческомъ Вѣстникѣ» (1889 г., № 3), а другой такъ съ 1832 года и не удостоился попасть ни въ одно «собраніе сочиненій» великаго автора. Оба вальса носятъ замѣтные слѣды вліянія Фильда. Они въ его духѣ, стилѣ, манерѣ. Одинъ изъ нихъ (въ *sol majeur*), написанный, по свидѣтельству г. Соковниной, въ 1823 году, и, какъ естественно думать, для 3 акта въ томъ же году вчернѣ законченнаго «Горе отъ ума», удивительно напоминаетъ одинъ вальсъ Шопена *Cismoll. M. M.* Ивановъ, обратившій мое вниманіе на это сходство и даже воспользовавшійся мелодіей

грибоѣдовскаго вальса для 3 акта своей оперы «Горе отъ ума» именно въ шопеновской тонаціи, не допускаетъ почему-то мысли о возможности заимствованія Шопеномъ у Грибоѣдова. По его мнѣнію, нужно предполагать, что Грибоѣдовъ и Шопень черпали изъ одного источника—изъ польской народной пѣсни, мелодіи, обоимъ имъ знакомой. Не отрицая *raison d'être* этого объясненія, я долженъ напомнить шти, связывавшія Шопена (1809—1849) съ Польшею и Россіею въ 30-хъ годахъ. Это былъ Мицкевичъ, личный знакомый А. С. Грибоѣдова. Онъ въ 30-хъ годахъ дружилъ съ Шопеномъ и Жоржъ-Зандъ. Въ 1828 году К. Полевой видѣлъ Мицке-

Cov. А. Грибоѣдова.

Waltzer.

Вальсъ А. С. Грибоѣдова, напечатанный въ нотномъ сборникѣ «Лирическій альбомъ» на 1832 годѣ, изд. И. Ласковскаго и Н. Норова.

вича и Грибоѣдова у Булгарина, также поляка, съ которымъ Грибоѣдовъ былъ на дружеской ногѣ. Одинъ изъ издателей нотнаго сборника «Лирическаго альбома» на 1832 г., гдѣ на ряду съ произведеніями М. И. Глинки, кл. В. Ѳ. Одоевскаго, гр. Мих. Віельгорскаго, Г. Белинга, И. Ласковскаго и др. появились впервые грибоѣдовскіе вальсы,—былъ полякъ по происхожденію, хотя и на русской службѣ, Ив. Фед. Ласковскій, авторъ многочисленныхъ вещицъ для фортепіано, совершенно умершихъ вмѣстѣ съ композиторомъ. Очень легко предположить, что Мицкевичъ слышалъ въ исполненіи самого Грибоѣдова его вальсы и обратилъ на нихъ вниманіе Шопена, когда «Лирическій альбомъ» на 1832 г. былъ до-

ставлень ему его друзьями изъ Россіи. Среди послѣднихъ ближе другихъ была жена Мицкевича—дочь извѣстной петербургской піанистки Шимановской. Отъ нея онъ также легко могъ слышать о грибоѣдовскихъ композиціяхъ, такъ какъ имя Грибоѣдова было широко извѣстно въ музыкальныхъ кругахъ... Но гениальный авторъ «Горе отъ ума» сочинялъ не одни вальсы и мазурки¹⁾... Нина Александровна Грибоѣдова, уже сорокадвухлѣтней вдовой, съ любовью вспоминала уроки музыки, которые ей давалъ мужъ. «Онъ былъ учителемъ строгимъ и старался воспитать ея вкусъ классической школой,—говорить съ ея словъ К. Бороздинъ, слы-

отъ А. Грибоѣдова

Вальсъ

Вальсъ А. С. Грибоѣдова, напечатанный въ нотномъ сборникѣ «Лирическій альбомъ» на 1832 годъ, изд. И. Ласковского и Н. Норова²⁾.

шавшій игру Н. А. и рассказы ея о мужѣ въ 1854 году въ Горди, у свѣтлѣйшей княгини Е. А. Мингрельской.—Много знала Нина Александровна пьесъ собственной композиціи Грибоѣдова, весьма замѣчательныхъ оригинальностью мелодіи

¹⁾ Какой-то вальсъ Грибоѣдова обѣщали переписать въ альбомъ гр. Е. П. Ростовчиной, кн. В. Ф. Одоевскій (См. «Р. Архивъ» 1864, стр. 1038).—И. А. Шляпкинъ въ Собр. соч. Грибоѣдова (т. II, дополненія и опечатки) упоминаетъ о мазуркѣ, приписываемой также А. С. Грибоѣдову, но не указываетъ на источникъ.

²⁾ Напечатанъ съ автографа въ «Ист. Вѣстникѣ» 1839 г., № 3, съ нѣкоторыми измѣненіями.

«Истор. вѣстн.», июнь, 1910 г., т. сxx.

и мастерскою обработкою. Она охотно ихъ играла любящимъ музыку. Изъ нихъ въ особенности была хороша одна соната, исполненная задушевною прелести; она знала, что эта вещь была моя любимая, и, садясь за рояль, никогда не отказывала мнѣ въ удовольствіи ее прослушать. Нельзя не пожалѣть, — прибавляетъ Бороздинъ: — что пьесы эти остались не записанными никѣмъ: Нина Александровна унесла ихъ съ собою» († 25 іюня 1857 года)....

Такъ долго еще жили въ памяти и постепенно растаяли въ прошломъ звуки музыкальнаго творчества гениальнаго человѣка. А вѣдь въ нихъ таились черты — и, можетъ быть, характерныя — огромной души творца первой русской художественной комедіи. И кто знаетъ, какое глубокое значеніе Грибоѣдовъ придавалъ музыкѣ? (Кн. В. О. Одоевскій не разсказалъ намъ объ этомъ никакихъ подробностей). Вѣдь «Горе отъ ума» — вся гордость и слава Грибоѣдова — начинается не съ человѣческой рѣчи, а со звуковъ, изъ-за сцены слышатся фортепіано и флейта, которыя должны создать первое настроеніе, подготовить зрителя. Мотивъ нѣсколько грустнаго вальса, подъ который кружатся всѣ, заканчиваетъ 3-й актъ и главный монологъ Чацкаго. И не только Софья и Молчалинъ занимаются музыкой въ комедіи, къ ней тянутся едва ли не всѣ дѣйствующія лица. Даже плутовка Лиза, видимо, не для одной остротки увлекшейся господскою парочки, но и для собственнаго иногда удовольствія заводитъ часовую музыку и заставляетъ ее играть. Самъ Фамусовъ хотя ворчитъ и бранится, а учить у иностранцевъ свою дочь не только музыкѣ, но даже и пѣнью. Конечно, всѣ княжны Тугоуховскія, вся московская свѣтская молодежь проходитъ ту же школу: «французскіе романсы вамъ поютъ и верхнія выводятъ нотки» — такъ ужъ на Москвѣ принято. И Горичевъ играетъ на модной въ то время флейтѣ, и болтунъ Репетиловъ, съ наслажденіемъ вспоминая Варкулова Евдокима, спрашиваетъ Чацкаго:

Ты не слыхалъ, какъ онъ поетъ? О! диво!
Послушай, милый, особливо
Есть у него любимое одно:
«А! понь ла-шьяръ ми, по, по, по»

— поетъ онъ. А водевильныя издѣлія Репетилова! Ихъ шестеро на музыку кладутъ и преклоненіе передъ ними заставляетъ его, въ концѣ концовъ, сказать классическую фразу:

Да! водевиль есть вещь, а прочее все гиль!

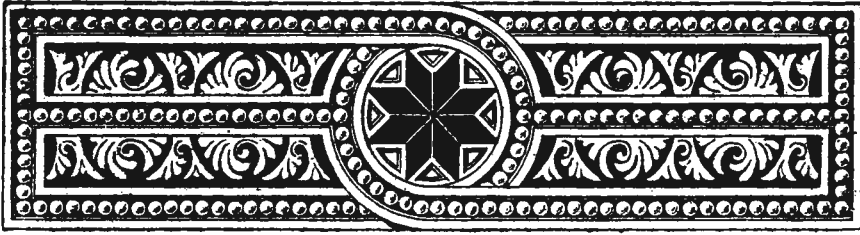
Даже Чацкій — этотъ нервъ пьесы, въ которомъ вся глубокая общественная мораль комедіи, — и тотъ выдаетъ свое знакомство съ музыкой замѣчаніемъ Горичеву, что онъ отлично помнитъ дуэтъ А-мольный, что тотъ твердилъ на флейтѣ тому назадъ пять лѣтъ....

Вся тонко рассчитанная конструкція пьесы, звучность и ритмичность фразъ и репликъ и неподобная пластичность стиха великой комедіи свидѣтельствуютъ о глубокой, тонкой музыкальности ея автора. И можно только удивляться, какъ наши композиторы 80 лѣтъ обходили этотъ глубоко національный сюжетъ, не только вполне поддающийся музыкальной трактовкѣ, но почти прямо на нее напрашивающійся. Въдѣ горе Чацкаго—нераздѣленная любовная страсть, глубокая гражданская скорбь его, нападки, сарказмъ, раздраженіе, убѣжденный и громкій призывъ къ свѣту и правдѣ, наконецъ плохо скрываеемая злоба и возмущеніе—вся эта гамма чувствъ и настроеній центрального лица комедіи доступны какъ нельзя болѣе такому эмоциональному искусству, какъ музыка. О прочихъ дѣйствующихъ лицахъ, въ сущности лишь дополняющихъ основную идею пьесы, вложенную въ горе отъ ума Чацкаго, и говорить нечего: они сами напрашиваются на музыкальную обрисовку...

Поставленная 19 апрѣля с. г. на сценѣ Маріинскаго театра опера М. М. Иванова «Горе отъ ума» доказала самымъ краснорѣчивымъ образомъ, что грибоѣдовскій сюжетъ—блестящая тема для музыкальнаго произведенія.

Н. Шаломытовъ.

ПАМЯТИ С. Я. ДЕРУНОВА.

ВЪ ПОЛОВИНѢ августа мѣсяца 1909 года въ селѣ Козьмодемьянскомъ, Пошехонскаго уѣзда Ярославской губерніи, скончался 79 лѣтъ отъ роду народный поэтъ и писатель изъ самоучекъ Савва Яковлевичъ Деруновъ.

Съ умершимъ С. Я. Деруновымъ мнѣ пришлось познакомиться въ 1897 году, когда я только что началъ издавать основанный мною двухнедѣльный журналъ «Родную Рѣчь», къ каковому времени относится и портретъ Саввы Яковлевича, помѣщенный здѣсь. Тогда имъ въ моемъ журналѣ было напечатано нѣсколько стихотвореній, при его же рассказахъ о своей жизни она меня настолько заинтересовала, что Савва Яковлевичъ, согласно своего давняго желанія, напечаталъ въ «Родной Рѣчи» свою автобіографію подъ заголовкомъ «Жизнь одного ярославца», въ которой подъ псевдонимомъ «Востроробородова» въ безпристрастномъ живомъ и правдивомъ очеркѣ передалъ значительную часть своей жизни. Она, въ связи съ многими другими его мнѣ рассказами, и служитъ источникомъ для настоящей статьи. Въ средѣ современныхъ автобіографій «Жизнь ярославца» является въ высокой степени талантливо и интересно написаннымъ, крупнымъ, даже литературнымъ вкладомъ при рѣдкой правдивости автора какъ къ самому себѣ, такъ и къ окружающей его бытовой жизни съ широкой ея характеристикой.

С. Я. Деруновъ родился въ 1830 или 1831 году въ бѣдной крестьянской семьѣ, въ Костромской губерніи. Самъ онъ о своемъ дѣтствѣ напечаталъ слѣдующіе стихи:

Вспомню золотые дѣтскіе года—
 Дороги, ролные, будете всегда!
 Вспомню я избушку съ маленькимъ окномъ,
 Бабушку-старушку съ прялкой предъ свѣтцомъ.
 Помню я любимый бабки голосокъ,
 А избы родимой черныи потолокъ.
 Огонекъ чуть блещеть, разливая свѣтъ,
 Вьюга въ стѣны хлещеть—удержка ей нѣтъ.
 Вой ея несется жалобно въ трубѣ,
 Голосъ бабки летяся... Грустно! Тишь въ избѣ
 «Слушай-ка, желанный, сказку я скажу!
 Или иди въ постельку—спать я уложу».
 Ну, скажи, родная, сказки я люблю,
 Посмотри мнѣ въ глазки: я гляжу, не сплю.
 Слушаю родную въ домикѣ родномъ,
 Вьюга завываетъ, воетъ подъ окномъ.
 Подъ ея напѣвы я ложуся спать,
 Бабка меня крестить—на ночь засыпать.
 Снится: я сердечно всѣхъ хочу любить,
 Радости и горе пополамъ дѣлать.
 Охъ вы, золотые, дѣтскіе года!
 Вамъ не возвратится: нѣтъ отъ васъ слѣда! ¹⁾

До 13—14 лѣтъ Савва Яковлевичъ оставался неграмотнымъ; въ этомъ возрастѣ «вѣтряною и сырою осенью 1844 года»,—какъ пишетъ онъ, изъ его ярославской деревни на «долгихъ», на одной лошаdkѣ, вмѣстѣ еще съ тремя мальчиками его отправили въ Москву—«золотыя маковки», какъ говаривали въ его деревнѣ. До столицы было 300 верстъ, ѣхали они 6 дней, будучи прикрыты сверху рогожами. Когда мальчики обращались съ просьбою къ старику Ивану, который шелъ при лошади, поглядѣть на свѣтъ Божій, возница открывалъ рогожи, мальчики поднимались на телѣгѣ: дождь обливалъ ихъ лица холодными каплями, вѣтеръ порывисто раздувалъ рогожи, а они беззаботно и весело смотрѣли вдаль и на новыя мѣста по краямъ грязной дороги, забывая грустныя и слезливыя сцены при разставаніи съ родными и милыми дома.

За провозъ дѣтей до Москвы съ родины дѣдушка Иванъ бралъ 2 рубля, а съ поставкою на мѣсто въ услуженіе, такъ сказать, за его хлопоты, 3 рубля. Такія поѣздки онъ дѣлалъ каждагодно раза по два,—по три, покупая, при обратномъ слѣдованіи изъ Москвы, на толкучкѣ спорки и разное старое платье, которое онъ по пріѣздѣ домой и продавалъ на ярмаркахъ и базарахъ. Старикъ этотъ былъ чрезвычайно бережливъ, про него сосѣди говаривали, что онъ «копеечку рублемъ приколачиваетъ».

¹⁾ «Родная Рѣчь» 1897 г., кн. 23, стр. 49.

Такимъ самымъ «обычнымъ способомъ перевозки телятъ» былъ я доставленъ въ первый разъ въ Москву,—добродушно всегда рассказывалъ самъ Савва Яковлевичъ. Онъ поступилъ мальчишкой въ пивную лавку на Швивой горкѣ, содержимую мужемъ его двоюродной сестры. Жалованья онъ, при всемъ готовомъ, получалъ въ первый годъ 24 рубля, или по 2 рубля въ мѣсяцъ. На его обязанности было выметать полъ, обтирать отъ пыли столы, стулья и рамы со стеклами въ лавочкѣ, вымывать стаканы и бутылки, встрѣчать при входѣ съ поклономъ покупателей, подавать имъ пиво и трубку; послѣднихъ было нѣсколько глиняныхъ на длинныхъ—въ 1¹/₄ и 1¹/₂ аршина—чубукахъ, для постоянныхъ посѣтителей подавалась почетная, набиваемая не простымъ табакомъ, а «Жуковскимъ»; для закуриванія трубокъ постоянно горѣлъ ночникъ, такъ какъ спички были дороги.

— Кудряшъ! Ярославчикъ! пивца бутылочку,—кричали мнѣ гости и часто неудержимо хохотали, когда я имъ говорилъ что-нибудь съ выговоромъ на «о»,—передавалъ въ своихъ воспоминаніяхъ Савва Яковлевичъ ¹⁾).

Хозяинъ часто загуливалъ, а его жена, двоюродная сестра Саввы Яковлевича, всегда оставалась дома и въ отсутствіе мужа пѣла свои задушевные пѣсни, которыя такъ трогали сердце мальчика, что, вѣроятно, подъ ея вліяніемъ у него пробудилась творческая способность къ поэзіи: «въ утѣху сестрѣ Дуни,—говорилъ Савва Яковлевичъ,—я набиралъ ей слова для пѣсенъ, а она клала ихъ на голоса; конечно, наивны были пѣсни ребенка неграмотнаго для неграмотной пѣвуньи».

Почетнымъ и уважаемымъ лицомъ въ семьѣ хозяина былъ дядя Адрианъ, старообрядецъ, приказчикъ у трактирщика Егорова, въ Охотномъ ряду. Самъ Савва Яковлевичъ говоритъ про него, что «онъ оказалъ мнѣ громадныя услуги и много времени я находился подъ вліяніемъ его умственного воздѣйствія». Онъ научилъ мальчика читать и писать, принеся ему псалтирь и «библію—мать всѣмъ книгамъ», водилъ его съ собою къ паперти Успенскаго собора, гдѣ шли споры и толкованія Апокалипсиса.

Пробывъ года два у зятя, Савва Яковлевичъ отправился на побывку на родину. Это первое пребываніе въ деревнѣ послѣ служенія въ столицѣ оставило на подростка сильное впечатлѣніе: онъ полюбилъ навсегда простоту деревенской жизни и ея природу, которая «съ полями, лугами, лѣсами и рѣчками казалась ему милѣе Москвы». Какъ въ Москвѣ подъ вліяніемъ «сестры Дуни», такъ и въ деревнѣ подъ вліяніемъ троюродной сестры Марьяши, о которой въ своихъ воспоминаніяхъ такъ сердечно отзывается Савва Яковлевичъ и ласки которой, какъ выражается онъ, «способствовали выработкѣ

¹⁾ «Родная Рѣчь» 1897 г., кн. 14, стр. 9.

въ немъ доли извѣстнаго мягкосердечія», въ деревнѣ былъ имъ написанъ цѣлый рядъ пѣсенъ «долевыхъ», «игровыхъ» и «плясовыхъ», напечатанныхъ впоследствии въ «Трудахъ» московскаго общества этнографіи и антропологии.

Одну изъ этихъ пѣсенъ онъ сложилъ экспромтомъ по просьбѣ Марьяши:

Въ поле дѣвица пошла
Въ свѣтлу горенку зашла.
Гдѣ ты—здѣсь ли, милый мой
Расхорошій, дорогой?
Милый двери растворилъ
И со мною говорилъ:
Здравствуй, милая моя!
Жду давно я здѣсь тебя.
Отправляюсь въ дальній путь,—
Ты жъ въ разлукѣ не забудь...
Скоро свидимся съ тобой,
Будешь милой мнѣ женой ¹⁾

По словамъ Саввы Яковлевича, въ сосѣднихъ ярославскихъ деревняхъ въ это время пьянства почти не было, вино покупалось только на праздникъ богатыми семьями по $\frac{1}{4}$ ведра на 4—5 домовъ, да и то говорили, что не для себя, а для—«поповичей». Въ двухъ сосѣднихъ деревняхъ,—передаетъ Савва Яковлевичъ,—было всего только по одному крестьянину, который курилъ и нюхалъ табакъ.

По возвращеніи въ Москву, Савву Яковлевича назначили приказчикомъ-буфетчикомъ въ снятую его зятемъ другую пивную лавочку на углу Николо-Ямской улицы съ жалованьемъ по 10 рублей въ мѣсяцъ. Здѣсь онъ набросился на чтеніе и, кромѣ четы-миней и церковныхъ книгъ отъ дяди Адриана, сталъ получать свѣтскія черезъ псаломщика Федора Григорьевича: «Дѣянія Петра Великаго» Голикова, «Исторію» Карамзина и одновременно читать газеты: «Пчелу» и «Вѣдомости Московской Полиціи». Наконецъ, книгоноша-ярославецъ же началъ доставлять книги самаго разнообразнаго содержанія, какъ: «Таинственнаго монаха», «Послѣдняго Новика», «Рославлева», «Ледяной домъ», «Трехъ мушкетеровъ», «Вѣчнаго жида», «Графа Монте-Кристо», Пушкина, Лермонтова, Кольцова, Жуковскаго, Козлова.

«Вспоминаю,—говорить Деруновъ,—какой восторгъ произвели на меня стихотворенія Пушкина, я былъ подавленъ и восхищенъ разнообразіемъ поэтическихъ образовъ, разсыпанныхъ въ его трудахъ; глубину его таланта я понималъ мало, но какъ-то чувствовалъ сердцемъ» ²⁾).

¹⁾ «Родная Рѣчь» 1897 г., кн. 16, стр. 11.

²⁾ Тамъ же, кн. 18, стр. 4.

Одновременно съ этимъ Савва Яковлевичъ замѣчаетъ, что книги прочитывались безъ руководителя, безъ опредѣленнаго научнаго ума, а—при развитіи только сердечной впечатлительности.

Дядя Адрианъ, видѣвшій, что Савва Яковлевичъ сталъ усваивать церковныя книги, рассказывалъ ему объ отцѣ Аввакумѣ, Пероновѣ и прочихъ «страстотерпцахъ», а потомъ сталъ водить его на служенія и на собесѣдованія на Преображенское кладбище. Савва Яковлевичъ довольно много мѣста отводитъ описанію быта этого кладбища. Однажды онъ присутствовалъ на бесѣдѣ, гдѣ очень продолжительно говорилъ старикъ съ бѣлыми волосами, одѣтый въ бѣлое полукафтанье.—«Это нашъ Бѣлый голубь, Гучковъ», шепнулъ дядя Адрианъ. Ему возражалъ кротко и ясно полустарикъ съ широкою бородою, темными глазами и съ бородавками на лицѣ—«философъ съ Дѣвичья поля» Погодинъ, какъ узналъ Савва Яковлевичъ впоследствии. «Мнѣ странно только показалось,—говоритъ Савва Яковлевичъ:—что этотъ «философъ» слабо защищалъ Петра Великаго, о которомъ шла рѣчь ¹⁾).

Въ дальнѣйшихъ собесѣдованіяхъ принималъ участіе и Савва Яковлевичъ, часто дѣлая на нихъ по памяти безъ книгъ разныя справки по предметамъ преній. Старики тому удивлялись, а дядя Адрианъ склонялъ его къ переходу въ старообрядчество, но Деруновъ постоянно отказывался, говоря, что не хочетъ жить отъ нихъ въ зависимости. Въ большинствѣ изъ нихъ онъ видѣлъ сильнѣйшую жажду къ обогащенію, ему также не нравились и взаимныя отношенія между собою. Савва Яковлевичъ мнѣ передавалъ, что основныя мысли идущаго ниже стихотворенія подъ названіемъ «Сравненія» были надуманы при его посѣщеніяхъ Преображенскаго кладбища:

На лицѣ смиренье,
 На устахъ молитва,
 А въ глазахъ презрѣнье,
 Что ни слово—бригва.
 Сытый рвется къ славѣ, небу,
 Отъ звѣзды къ звѣздѣ порхаетъ,
 А голодный радъ и хлѣбу.
 Нѣтъ—о немъ вздыхаетъ.
 Нѣтъ ума безъ воли,
 Не безъ свѣта міръ,
 Не обѣдъ—безъ соли,
 Безъ рѣчей—не пиръ.
 Не пустая кадка
 Юмора въ нашъ вѣкъ,
 И для всѣхъ загадка
 Въ мірѣ человѣкъ ²⁾).

¹⁾ «Родная Рѣчь» 1897 г., кн. 18, стр. 11.

²⁾ Тамъ же, кн. 22, стр. 14.

Но сношенія съ старообрядцами оставили въ С. Я. Деруновѣ и много хорошихъ сторонъ. Имъ онъ былъ обязанъ, что никогда во всю свою долгую жизнь не оставался индифферентнымъ въ религиозныхъ вопросахъ, научился у нихъ широко смотрѣть на постановку вопроса при проведеніи его въ дѣло и, наконецъ, подъ ихъ глубокимъ вліяніемъ полюбилъ наше историческое прошлое и весь обиходъ родной старины со всѣми его мелочами.

Въ 1851 году, когда зять Саввы Яковлевича сталъ сильно загуливать и мало заниматься дѣломъ, Савва Яковлевичъ по его настоянію сдалъ лавочку домовому хозяину и, оставшись безъ мѣста, опять уѣхалъ въ деревню. Здѣсь онъ женился на дочери волостного головы Верещагина¹⁾. Свою жену Савва Яковлевичъ вначалѣ описываетъ такъ: «она была удивительно скромна и молчалива, роста ниже средняго, круглолица, бѣла и румяна, съ мутно-голубыми глазами и полной грудью».

— Маша! пойдешь ли за меня замужъ?—спросилъ ее Савва Яковлевичъ въ одинъ изъ «бесѣдовыхъ» вечеровъ, когда она сидѣла у него на колѣняхъ.

— Пойду, если тятя отдастъ,—обернувшись къ нему лицомъ, тихо отвѣтила дѣвушка.

Но Верещагинъ не скоро отдалъ дочь за Савву Яковлевича. Онъ посоветовалъ пожить еще годикъ-другой въ Москвѣ, составить себѣ кое-какія средства, а самое главное—«отправить» подходившее Саввѣ Яковлевичу рекрутство путемъ покупки квитанціи. Вновь пришлось Саввѣ Яковлевичу ѣхать въ Москву и стать буфетчикомъ въ пивныхъ. Самообразованіемъ заниматься у него времени почти не было. Свое тогдашнее настроеніе онъ излилъ въ слѣдующемъ стихотвореніи:

Не читаю я книжонокъ,
 Что читать ихъ—пустяки!
 Сталъ охотникъ до деньжонокъ,
 Съ ними ладно—все съ руки.
 Ни сатиры, ни статейки
 Не пишу,—въ ладу съ людьми
 Углубляюся въ копейки,
 Отъ нихъ счастье, чортъ возьми.

Изъ своего жалованья Савва Яковлевичъ скопилъ только 450 р., квитанція же рекрутская стоила 595 руб. Зять прибавилъ недостающіе 145 рублей, и Деруновъ отъ солдатства сталъ свободенъ. На святкахъ онъ уѣхалъ въ деревню и женился, наконецъ, на Верещагиной. Повидимому, бракъ не вполне удовлетворилъ его, потому

¹⁾ Онъ былъ родственникъ М. Н. Верещагину. С. Я. Деруновъ и всѣ его родные по женѣ были убѣждены, что М. Н. Верещагинъ былъ невинно казненъ Ростовичинимъ въ 1812 г. Въ запискахъ С. Я. Дерунова много удѣляется мѣста всей Верещагинской исторіи.

что въ «Жизни ярославца» Савва Яковлевичъ говорить о женѣ, что она была «всегда спокойная, ровная, совсѣмъ не отвѣчавшая на страстные порывы любви». На его вопросъ, любить ли она его, жена обыкновенно отвѣчала: «Коли мужъ, знамо люблю».

На эту тему онъ написалъ слѣдующіе стихи:

Что же: полюбилъ я?
Сердцу нѣтъ отвѣта,
Знать я, сиротинка,
Не дождусь привѣта...
Неужель бездольнымъ,
Жить мнѣ одинокимъ,
Такъ зачѣмъ родился
Страстнымъ, черноокимъ?

Въ началѣ Великаго поста, простившись съ молодой женой, Савва Яковлевичъ вновь прибылъ въ Москву и при помощи зятя снялъ собственную пивную лавочку, на углу Мясницкой и Кривоколѣннаго переулка. Только черезъ годъ прибыла къ нему жена на побывку, а къ весенней порѣ—опять уѣхала въ деревню на работы. Въ ея отсутствіе произошло увлеченіе Саввы Яковлевича одной молодой вдовой-трактирщицей. Савва Яковлевичъ пишетъ, что онъ «погибалъ нравственно, отъ любви страдалъ, не находя ея»:

Былъ я очарованъ
Отъ чаруньи-грезы,
Сердце замирало,
Ждало любви, ласки
Но какъ мигъ пропали
Эти были-сказки.

Вскорѣ, однако, къ Саввѣ Яковлевичу пріѣхала жена, а 5 февраля 1854 года у него родился первый сынъ Ѳедоръ, на воспитаніе котораго Савва Яковлевичъ приложилъ всѣ усилія, чтобы онъ не былъ, по его словамъ, «подобнымъ отцу, блуждающему во тьмѣ и постоянно порывающемуся къ свѣту». Сыну своему онъ написалъ пѣсенку:

Зачѣмъ, дитя, съ улыбкой ясной
Глядишь ты вдаль на міръ прекрасный?
Вся эта даль, просторъ широкій—
Жизнь, тайна, былъ, потокъ глубокой.
Гляди жъ, дитя, на даль-загадку,
Живи, терпи, ищи разгадку! ¹⁾

Послѣ рожденія сына жизнь Саввы Яковлевича потянулась обычнымъ для мелкаго торговца порядкомъ, съ переходомъ изъ одной мѣстности въ другую, то съ начинавшейся удачей, то съ явнымъ неуспѣхомъ. Въ Крымскую войну Савва Яковлевичъ написалъ цѣлый рядъ стиховъ, подъ названіемъ «Военныя пѣсни», но онѣ

¹⁾ «Родная Рѣчь» 1897 г., кн. 24, стр. 7.

съ 1857 года пропали; двѣ изъ нихъ по памяти были имъ напечатаны въ «Родной Рѣчи»¹⁾). Онъ началъ сотрудничать въ повременныхъ изданіяхъ: «Грамотеѣ», «Воскресномъ Досугѣ», «Развлеченіи», «Иллюстрированной Педѣлѣ», «Разсвѣтѣ» и др. За свои «обрядныя» пѣсни былъ избранъ членомъ общества этнографіи, антропологіи и исторіи.

Савва Яковлевичъ очень любилъ и былъ друженъ съ двумя поэтами-самоучками И. З. Суриковымъ и А. Е. Разореновымъ (последній авторъ очень распространенной пѣсни: «Не брани меня, родная...»), въ нихъ, по его словамъ, онъ слышалъ «духъ Кольцовскій». Въ кружкѣ народныхъ поэтовъ «Памяти И. З. Сурикова» С. Я. Деруновъ былъ почетнымъ членомъ.

Когда покойный наслѣдникъ цесаревичъ Николай Александровичъ путешествовалъ по Россіи, Савва Яковлевичъ, зная по своему опыту, какъ нужна грамота для крестьянскаго просвѣщенія, лично представлялся и просилъ наслѣдника о распространеніи образованія въ Россіи, и въ особенности на родинѣ Саввы Яковлевича. Просьба его не прошла безслѣдно: послѣ этого въ Пошехонскомъ уѣздѣ былъ открытъ цѣлый рядъ народныхъ училищъ.

Интересныя воспоминанія Саввы Яковлевича Дерунова, по случаю передачи мною журнала «Родной Рѣчи» въ другія руки, не были доведены до конца; для полной характеристики его личности и трудовъ они, конечно, необходимы, тѣмъ болѣе, что и самъ Савва Яковлевичъ неоднократно писалъ мнѣ, что «Жизнь ярославца» имъ продолжается, что имъ написано еще 25—37 главъ. «Исполнится ли мое желаніе напечатать ихъ при моей жизни, не знаю», сообщалъ мнѣ Савва Яковлевичъ въ письмѣ отъ 2 апрѣля 1906 года. Для всѣхъ, кому дорога память Саввы Яковлевича, не мѣшало бы позаботиться исполненіемъ воли покойнаго, тѣмъ болѣе, что его воспоминанія полны и общественнаго значенія.

Последніе годы своей жизни Савва Яковлевичъ доживалъ на родинѣ, въ с. Козьмодемьянскомъ. Еще въ 1898 году, когда онъ былъ у меня въ Москвѣ, онъ жаловался на болѣзнь глазъ, вскорѣ ему сдѣлали операцію—снятіе катаракта, но зрѣніе все слабо. Въ приведенномъ мною письмѣ его отъ 2 апрѣля 1906 года онъ писалъ, что «глаза не позволяютъ слѣдить за текущими событіями». Тѣмъ не менѣе, всю жизнь свою проведя въ упорномъ трудѣ, онъ посильно работалъ до конца своихъ дней. Въ 1907 году имъ были напечатаны двѣ «Розовыя книжки дѣтямъ-грамотеямъ», вслѣдъ за ними онъ готовилъ цѣлый рядъ такихъ же книжекъ: «юношамъ, старцамъ и дѣльцамъ-грамотеямъ». Вышли ли онѣ въ свѣтъ, я не знаю, такъ какъ въ послѣдній 1909 годъ, годъ его кончины, писемъ я отъ него уже не получалъ.

На моемъ жизненномъ пути личность С. Я. Дерунова оставила самое пріятное воспоминаніе, какъ даровитаго, самобытнаго, вполнѣ русскаго человека-работника, необычайно искренняго, неизмѣнно

¹⁾ Тамъ же, стр. 9 и 10.

стремившагося, несмотря на тягостную обстановку, быть честнымъ, до конца жизни равнагося къ правдѣ, къ идеалу.

Изъ глубины крестьянской среды вышелъ цѣлый рядъ даровитыхъ русскихъ людей: Посошковъ, Ломоносовъ, Никитинъ, Кольцовъ, Суриковъ, Разореновъ, Деруновъ и т. д. Одинъ изъ нихъ поднимался выше, другой ниже, но несомнѣнно, что все они горѣли глубокою любовью къ родинѣ; несмотря на тяжелыя условія, при которыхъ шла ихъ дѣятельность, они вложили свои посильные труды въ общую сокровищницу русской мысли.

Жизнь скончавшагося С. Я. Дерунова выдвигаетъ, по моему мнѣнію, на очередь давній вопросъ: какъ бы полезно было для такихъ талантливыхъ самоучекъ имѣть институтъ, гдѣ бы они могли, при извѣстныхъ субсидіяхъ, не заботясь о хлѣбѣ насущномъ, развиваться въ своемъ творчествѣ, расширяя въ то же время кругозоръ своихъ познаній.

Имъ необходимы не народные университеты, имѣющіе и свои задачи и своихъ слушателей, а институты съ систематическими курсами, въ которыхъ бы самоучки подвергались (что для нихъ существеннѣе всего) провѣркѣ проходимыхъ знаній и всего, ими усвоеннаго. Думаю, что денежныя на такія учрежденія затраты вполне бы окупались появленіемъ цѣлой цѣпи добрыхъ и полезныхъ работниковъ государству и обществу на всехъ поприщахъ, не одностороннихъ карьеристовъ, только и думающихъ о служебной и иныхъ лѣстницахъ, и не носителей однихъ только дипломовъ, по полученіи ихъ нерѣдко забывающихъ не только объ обязанностяхъ къ государству и народу, но и о самомъ предметѣ, о которомъ мы въ правѣ бы были ждать ихъ трудовъ.

Самъ С. Я. Деруновъ, вращаясь большую часть своей жизни въ столичной сутолокѣ, въ высшей степени тепло отзывался о деревенскомъ бытѣ, называя его «поэзіей сердечной простоты съ искорками свѣта, любви и правды вѣчной».

— Глубоко жалѣю,—говоритъ онъ:—зачѣмъ я не жилъ такою же жизнью, зачѣмъ пошелъ за наживой и знаніями, для которыхъ трудился въ суетѣ-суетѣ?.. Я стоялъ на распутьи!.. ¹⁾

Да, «на распутьи»,—прибавимъ мы отъ себя,—между идеаломъ и дѣйствительностью, между стремленіемъ къ истинѣ и уродливыми предрасудками, между полетомъ духа свободнаго и нашими обязанностями и долгомъ, между разсудкомъ и сердцемъ, между наклонностью къ одному любимому предмету и нашимъ повседневымъ трудомъ,—на томъ распутьи, на которомъ въ настоящее время бьется жизнь не одного русскаго интеллигентнаго работника.

И. С. Бѣляевъ.

¹⁾ «Родная Рѣчь» 1897 г., кн. 19, стр. 17.

«СТРАНСТВУЮЩІЯ СЕЛА».

(Изъ прошлаго Юго-Западнаго края).

I.

ТОЯКО прелестное іюньское утро, когда я въ сопровожденіи члена п—скаго отдѣленія крестьянскаго банка, выйдя на одной изъ станцій Юго-Западныхъ желѣзныхъ дорогъ и взявъ почтовыхъ лошадей, поѣхалъ на осмотръ имѣнія, принадлежавшаго нѣкогда богатѣйшему магнату Подольской губерніи г. Ю—чу. Дорога шла между обширными лѣсами, состоявшими преимущественно изъ двадцатилѣтней поросли ольхи, дуба и березы. Кое-гдѣ это море древесной растительности прерывалось довольно значительными полянами, занятыми свекловичными плантаціями или роскошными лужайками. Последнія были усѣяны самыми разнообразными и красивѣйшими цвѣтами, на которыхъ дрожали еще брильянтовыя капли ночной росы, сіявшей подобно радугѣ въ золотыхъ лучахъ утренняго солнца. Мѣстность въ общемъ была весьма гориста, благодаря чему мы подвигались впередъ медленно, то поднимаясь на крутыя возвышенности, то опускаясь въ глубокія долины, по дну которыхъ струились ручейки хрустальной чистой воды. Почти на каждомъ шагу навстрѣчу намъ попадались болѣе или менѣе крупныя деревни, села и мѣстечки, прятаншіяся въ густой зелени высокихъ деревьевъ.

Нашъ путь лежалъ чрезъ одинъ изъ живописнѣйшихъ уголковъ Л—скаго уѣзда, гдѣ находится большое мѣстечко М—въ, бывшее лѣтъ шестьдесятъ тому назадъ резиденціей богатѣйшаго здѣсь помѣщика Северина О—скаго, прославившагося необычнымъ самодурствомъ, широкимъ образомъ жизни и безграничнымъ развратомъ. Легенды о сказочномъ богатствѣ этого магната и о его чудачествахъ встрѣчаются и до сихъ поръ среди туземнаго деревенскаго населенія.

Поднявшись около десяти часовъ утра на одно изъ болѣе значительныхъ возвышеній, мы были до глубины души поражены очаровательной картиной, развернувшейся предъ нашими глазами на далекое пространство и представлявшей обширнѣйшую низменность, покрытую многочисленными лѣсами, рощицами и садами. Между ними то здѣсь, то тамъ были разбросаны въ живописномъ безпорядкѣ небольшіе пруды, озера и рѣчонки, ярко сверкашіе на солнцѣ своею зеркальной поверхностью... По краямъ горизонта синѣли подернутые прозрачной дымкой и уходящіе въ даль дремучіе лѣса. Пробивавшіяся въ нѣсколькихъ мѣстахъ чрезъ густой коверъ лѣсной зелени бѣлоснѣжныя колокольни церковей съ горѣвшими на ихъ верхушкахъ крестами свидѣтельствовали о присутствіи въ этой мѣстности многочисленнаго населенія.

— Боже, какая прелесть!—воскликнулъ я, окидывая очарованными глазами этотъ чудный уголокъ и полной грудью вдыхая волны свѣжаго, ароматнаго воздуха...

— Да,—произнесъ мой спутникъ:—природа дѣйствительно щедро надѣлила этотъ край красотою и всевозможными благами; но, благодаря феноменальной косности здѣшнихъ капиталистовъ-помѣщиковъ и забитости мѣстнаго деревенскаго населенія, всѣ находящіяся тутъ богатства и до сихъ поръ остаются безъ надлежащей разработки... Вѣдь еще въ началѣ минувшаго столѣтія весь этотъ округъ, заключающій въ себѣ около двадцати крупныхъ сель и мѣстечекъ, принадлежалъ, какъ вы уже знаете, одному О—скому, и что же—все осталось здѣсь почти въ такомъ же первобытномъ видѣ, въ какомъ оно находилось и лѣтъ шестьдесятъ-семьдесятъ тому назадъ... Надо только удивляться, какъ подобные магнаты, пользуясь даровымъ трудомъ сотенъ и даже тысячъ крѣпостныхъ и огромными наличными капиталами, не могли создать здѣсь въ то время хотя бы сколько-нибудь сносной фабрично-заводской промышленности, какая существовала уже тогда не только за границей, но даже и въ нѣкоторыхъ губерніяхъ Привислинскаго края. Мало того, швыряя сумасшедшія деньги на осуществленіе своихъ безумныхъ затѣй фантастическаго характера, они отнюдь не позаботились объ улучшеніи мѣстнаго сельскаго хозяйства, о расширеніи сѣти болѣе удобныхъ путей сообщенія и о содѣйствіи поднятію умственнаго уровня своихъ крестьянъ...

— Но, вѣроятно, такіе инертные помѣщики являлись здѣсь исключеніемъ?—замѣтилъ я.

— Далекое нѣтъ,—продолжалъ мой собесѣдникъ:—подобныхъ магнатовъ было здѣсь очень много. Такимъ, напримѣръ, сумасбродомъ и рутинеромъ оказывался и сосѣдъ О—скаго, Станиславъ М—скій. Въ его рукахъ сосредоточено было десять или двѣнадцать такъ называемыхъ «ключей», изъ которыхъ каждый заключалъ въ себѣ одно мѣстечко и нѣсколько болѣе или менѣе крупныхъ селеній, не считая мелкихъ деревушекъ. Интересна, между прочимъ, судьба этого выдающагося богача. Принимая активное участіе въ возстаніи 1831 года, онъ былъ разбитъ со своимъ отрядомъ, попалъ въ плѣнъ и вмѣстѣ съ другими лицами пошелъ въ Сибирь. Конечно, эта ссылка сопровождалась конфискаціею имущества, принадлежавшаго М—скому; неприкосновенными же остались только тѣ маестности, которыя составляли собственность его жены! Уходя въ Якутскую или Тобольскую губернію, онъ предлагалъ своей женѣ разводъ, но она категорически отказалась, рѣшившись, во что бы то ни стало, послѣдовать за своимъ мужемъ на мѣсто его ссылки. Уладивъ кое-какъ въ теченіе зимы свои дѣла, она дѣйствительно съ наступленіемъ первыхъ весеннихъ дней стала снаряжаться въ дорогу. Съ этою цѣлью былъ снаряженъ огромный обозъ, который заключалъ въ себѣ почти всю домашнюю прислугу помѣщицы и огромное количество предметовъ барской обстановки.

Въ первыхъ числахъ мая М—ская, въ сопровожденіи своего близкаго родственника Ф—скаго, тронулась въ далекій и многотрудный путь, о чемъ заранѣе былъ увѣдомленъ ея мужъ. Однако въ дорогѣ обстоятельства сложились такимъ образомъ, что злополучному пану М—скому не пришлось уже увидѣться въ Сибири со своею молодой еще супругой. Произошло же это по слѣдующей причинѣ.

Недѣли черезъ три послѣ выѣзда изъ дому М—ская остановилась на нѣсколько дней въ Смоленскѣ, гдѣ въ то время находился хорошій пріятель Ф—скаго, нѣкто Ю—чъ, командовавшій расположеннымъ тамъ уланскимъ полкомъ. Это былъ блестящій гвардейскій офицеръ-холостякъ. Отличаясь незаурядной красотою, изящностью и рѣдкимъ по тому времени образованіемъ, онъ пользовался громаднымъ успѣхомъ среди мѣстнаго дамскаго общества. Не удивительно поэтому, что и на М—скую этотъ «левъ» произвелъ сильное впечатлѣніе при первой же встрѣчѣ ея съ нимъ. А такъ какъ знакомство Ю—ча съ нашей магнаткой затянулось по нѣкоторымъ обстоятельствамъ на довольно продолжительное время, то симпатіи ея къ bravому уланскому полковнику перешли постепенно въ болѣе глубокое романическое чувство. Развитію и укрѣпленію этого послѣдняго немало способствовалъ и Ф—скій, не совсѣмъ-то охотно ѣхавшій въ холодную Сибирь. Къ концу мая дѣло дошло до того, что сердце М—ской было уже окончательно покорено Ю—чемъ, ко-

торый, улучивъ удобный моментъ, предложилъ своей возлюбленной взять разводъ и создать себѣ новую, болѣе счастливую жизнь. Послѣ незначительнаго колебанія М—ская дала на это полное согласіе и, въ видѣ гарантіи, не замедлила перевести на имя полковника одно изъ лучшихъ своихъ подольскихъ имѣній, чтобы ея будущей супругъ сдѣлался прежде богатымъ помѣщикомъ. Одновременно она послала и своему мужу письмо, въ которомъ отказывалась уже ѣхать къ нему и просила дать ей разрѣшеніе на вступленіе въ новый бракъ.

Неизвѣстно, какъ было принято сразу это письмо томившимся въ далекой ссылкѣ М—скимъ; достовѣрно же лишь то, что къ осени того же года онъ прислалъ женѣ просимое разрѣшеніе...

Небезынтересно будетъ отмѣтить здѣсь тотъ фактъ, что когда, спустя нѣсколько лѣтъ, М—скій, благодаря какому-то манифесту, былъ возвращенъ изъ Сибири и, поселившись въ Одессѣ, вторично женился, то у него съ Ю—чами установилась вскорѣ самая тѣсная дружба...

— Да, подобные факты приходилось и мнѣ наблюдать въ то время,—замѣтилъ я, когда рассказчикъ замолчалъ.

— Не лишнимъ будетъ,—снова заговорилъ мой спутникъ,—дополнить еще нѣкоторыми подробностями исторію Ю—чей. Надобно вамъ сказать, что одна изъ ихъ дочерей вышла впоследствии замужъ за небезызвѣстнаго въ то время австрійскаго графа Ш—ка, получившаго въ видѣ приданаго около двадцати мѣстечекъ въ сѣверо-западной части Подольской губерніи. Это было поистинѣ колоссальное богатство, давшее названному графу возможность вести необычайно веселую и шумную жизнь въ Италіи, Швейцаріи и особенно въ Парижѣ, гдѣ во времена второй имперіи этотъ магнатъ давалъ роскошные балы, на которыхъ неоднократно присутствовалъ даже самъ Наполеонъ III. Естественно, что при такой безумной расточительности скоро наступило и полное истощеніе богатства графа Ш—ка; въ концѣ же шестидесятыхъ годовъ онъ былъ вынужденъ заложить парижскимъ ростовщикамъ всѣ фамиліныя драгоценности своей жены, стоимость которыхъ превышала, какъ говорятъ, десять милліоновъ. Вскорѣ, однако, судьба опять улыбнулась разорившемуся въ конецъ графу, пославъ ему въ наслѣдство крупное имѣніе, оставшееся послѣ смерти какого-то родственника въ Подоліи.

Возвратившись въ Россію, Ш—къ сейчасъ же принялся хлопотать о выручкѣ оставшихся въ Парижѣ драгоценностей. Къ несчастью, оказалось, что выкупить-то ихъ не трудно, но перевезти ихъ домой чрезъ границу было очень и очень не легко по причинѣ огромной пошлины, которую предстояло уплатить за брильянты въ русской таможенѣ. По мнѣнію компетентныхъ лицъ, налогъ этотъ могъ превышать милліонъ рублей. Какъ ни ломалъ графъ

свою голову надъ изысканіемъ мѣръ, могущихъ сократить столь большой расходъ,—ничего не выходило. Ш—къ уже готовъ былъ выбросить подобную уйму денегъ, какъ въ этотъ критическій моментъ его горю помочь приближенный къ нему шляхтичъ Л—скій. Проектъ этого лица оказался до нельзя простъ. Необходимо было прежде всего подать въ соответствующее учрежденіе заявленіе о томъ, что въ имѣніи графа Ш—ка предполагается сооруженіе стекляннаго или фаянсоваго завода, для котораго необходимо будетъ выписывать изъ-за границы какой-то особенный кварцевый песокъ. Такое разрѣшеніе было, разумѣется, скоро выдано, заказъ на необходимый для завода песокъ сдѣланъ, и въ первомъ же транспортѣ этого матеріала свободно прошли чрезъ одесскую таможенную графскіе брильянты. Никому, понятно, и въ голову не могло прійти, что въ огромныхъ бочкахъ съ пескомъ скрывается столь рѣдкій и дорогой кладъ... Въ благодарность за удачное выполненіе такой важной мисси Л—скій былъ сдѣланъ пожизненнымъ контролеромъ, или такъ называемымъ «уполномоченнымъ», всѣхъ графскихъ имѣній.

II.

Спустившись въ долину и перерѣзавъ ее въ болѣе узкомъ мѣстѣ, мы проѣхали чрезъ незначительную рѣчку Р. по мосту самага первобытнаго устройства и затѣмъ стали вновь подыматься на очень большое возвышеніе, съ вершины котораго остававшаяся позади насъ картина представлялась еще болѣе чарующей и величественной.

— Вотъ и знаменитое въ нашей мѣстности урочище Замчисько!—произнесъ мой спутникъ, показывая рукою на поднимавшуюся по сосѣдству съ нами большую гору, на вершинѣ которой было расположено обширное село Севериновка и красовался чудный замокъ какого-то помѣщика.

— Чѣмъ же эта мѣстность замѣчательна?—спросилъ я.

— А тѣмъ, что здѣсь проживалъ нѣкогда упомянутый мною раньше польскій магнатъ О—скій, по имени котораго названо и выстроенное на горѣ селеніе.

— Но вѣдь этотъ помѣщикъ жилъ въ М—вѣ?—прервалъ я своего собесѣдника.

— Да, совершенно вѣрно: онъ сначала жилъ тамъ, а затѣмъ перенесъ свою резиденцію на вершину Замчиська, чему предшествовала исторія довольно романческаго характера.

— Интересно бы познакомиться съ ней...

— А вотъ я сейчасъ расскажу вамъ ее,—отвѣчала чиновникъ.— Все равно,—продолжалъ онъ.—мы долго еще будемъ подвигаться черепашинымъ шагомъ по кособогу этой возвышенности...

— Надобно вамъ сказать,—началъ онъ, усаживаясь на своемъ мѣстѣ:—что О—скій, унаслѣдовавъ послѣ своихъ родителей, умер-

шихъ, кажется, отъ холеры, всё принадлежавшія имъ тогда здѣсь имѣнія, долгое время оставался холостякомъ, ведя при этомъ жизнь турецкаго султана. Въ М—вѣ у него былъ обширный гаремъ, часть котораго слѣдовала обыкновенно за О—скимъ даже во время его путешествій по обширнымъ имѣніямъ. Штатъ этого магометанскаго «учрежденія» набирался, конечно, изъ среды подвластнаго магнату деревенскаго населенія, безропотно несшаго подобную «натуральную» повинность. А сколько тайныхъ слезъ и страданій со стороны наиболѣе красивыхъ дѣвушекъ влекло за собою ежегодное «комплектованіе» гарема пана Северина,—объ этомъ знали только стѣны замка О—скаго и лица, сторожившія собраніе этихъ «одалисокъ».

О вступленіи въ законное супружество нашъ магнатъ сталъ подумывать лишь тогда, когда ему уже стукнуло тридцать лѣтъ. Посѣщая часто окружающихъ его богачей-помѣщиковъ, онъ въ концѣ концовъ остановилъ свой выборъ на очень красивой и умной графинѣ Ольгѣ Потоцкой, принадлежавшей къ высшей аристократіи Юго-Западнаго края. Однако О—скому долго не удавалось обратиться на себя благосклонное вниманіе гордой красавицы, которая относилась ко всѣмъ ухаживаніямъ м—скаго магната съ полнымъ пренебреженіемъ. Повидимому, этому немало способствовали и слухи о мусульманскомъ поведеніи О—скаго, давно разнесшіеся по всему краю и дошедшіе до слуха графини Потоцкой. Не взирая на это обстоятельство, О—скій все-таки настойчиво преслѣдовалъ свою цѣль, добившись въ концѣ концовъ того, что графиня Ольга стала относиться къ нему съ болѣе снисходительностью и даже подавать ему нѣкоторыя надежды. Дабы еще болѣе достигнуть въ этомъ отношеніи, панъ Северинъ задумалъ поразить очаровавшую его красавицу блескомъ своего богатства, для чего рѣшилъ задать въ своемъ роскошномъ палаццо грандіозный балъ, на которомъ должны были присутствовать не только всѣ сосѣдніе помѣщики, но даже нѣкоторые магнаты изъ Галиціи. Съ этою цѣлью О—скій сталъ готовиться къ подобному торжеству за нѣсколько мѣсяцевъ раньше. Руками тысячъ крѣпостныхъ приводились въ наилучшій порядокъ дворецъ, сады и парки владѣльца М—ва, создавались особые павильоны, эстрады; на прудахъ и озерахъ сооружались цѣлые острова съ рощами, гротами и водопадами; приготавлилась огромная флотилія шлюпокъ и гондолъ, въ которыхъ предполагались прогулки гостей по рѣкѣ и озерамъ; на случай охоты или пикниковъ шились обширныя палатки и пр.; мѣстами въ садахъ и паркахъ были срыты значительныя возвышенности и засыпаны землей большія котловины. Кромѣ всего этого, изъ крѣпостныхъ были организованы: оркестръ музыкантовъ, хоръ пѣвцовъ и довольно сносная труппа доморощенныхъ актеровъ, которые также должны были принимать участіе въ предстоящемъ торжествѣ... Однимъ

словомъ, О—скій не останавливался ни предъ какими тратами и препятствіями, лишь бы только устроить достойный пріемъ графинѣ Потоцкой и покорить ея сердце.

О томъ, сколько всѣ эти приготовленія потребовали денегъ и даже человѣческихъ жизней, зналъ только одинъ управитель О—скаго, нѣкто Щ—скій, стяжавшій себѣ среди туземнаго деревенскаго населенія славу страшнаго палача и въ концѣ сороковыхъ годовъ убитый крестьянами на берегу вотъ этой самой рѣчонки, чрезъ которую мы сейчасъ переѣхали.

Благодаря столь экстраординарнымъ и энергичнымъ мѣрамъ, начатымъ среди зимы, къ маю всѣ приготовленія были уже закончены, и днемъ съѣзда гостей въ М—въ былъ назначенъ праздникъ Троицы. Въ это время и сама природа Подоліи тоже какъ бы приготовилась во всеоружіи своей пышной красоты встрѣтить приглашенную въ усадьбу О—скаго знать. Находившіяся въ паркѣ липы и акаціи были въ полномъ цвѣту; распространяемый ими ароматъ, смѣшиваясь съ острымъ запахомъ жасмина и сирени, густыми волнами носился въ воздухѣ, раздражая обоняніе и возбуждая нервы. По ночамъ сотни соловьевъ оглашали дремавшіе лѣса, роціи и сады своими звонкими трелями... Наступилъ, наконецъ, давно ожидаемый м—скимъ магнатомъ день. Прибытіе въ имѣніе О—скаго графа Потоцкаго съ женой и дочерью было обставлено особой торжественностью. Далеко за околицей деревни ихъ встрѣтилъ почетный эскортъ изъ отборной барской молодежи, сидѣвшей на чудныхъ лошадяхъ и одѣтой въ живописные національные костюмы; на террасѣ же у парадныхъ дверей дома именитыхъ гостей привѣтствовали оркестръ и хоръ пѣвчихъ музыкой и пѣніемъ польскаго гимна, причемъ графъ и его семья были осыпаны красивѣйшими, душистыми цвѣтами, взятыми изъ богатыхъ и обширныхъ оранжерей пана Северина...

Подобный пріемъ ясно показалъ всѣмъ присутствующимъ, какую роль предстоитъ сыграть дочери Потоцкаго въ жизни О—скаго. Въ виду этого обстоятельства каждый изъ остальныхъ гостей спѣшилъ и съ своей стороны выказать величайшее вниманіе и предупредительность въ отношеніи будущей владѣлицы М—ва.

Празднество тянулось почти цѣлую недѣлю, сопровождаясь самыми разнообразными и шумными развлеченіями. Въ одинъ изъ послѣднихъ дней для гостей была организована, между прочимъ, грандіозная охота, въ которой приняли участіе не только мужчины, но также многія дамы и дѣвицы, умѣвшія ѣздить верхомъ на лошадяхъ. А въ то отдаленное время рѣдко какая изъ молодыхъ женщинъ аристократическаго круга не считала себя отличной амазонкой. О—скій и тутъ, конечно, былъ постояннымъ и неразлучнымъ рыцаремъ своей Дульцинеи, которая, сидя на великолѣпномъ арабскомъ скакунѣ и съ быстротою вѣтра проносясь по лу-

гамъ и лѣсамъ, казалась влюбленному въ нее магнату еще болѣе красивой, изящной и оригинальной. Посѣтивъ съ графиней въ течение дня почти всѣ наиболѣе интересные и живописные уголки ближайшихъ къ М—ву окрестностей, О—скій предъ вечеромъ очутился вмѣстѣ съ нею на вершинѣ пустыннаго дотолѣ Замчиська, увѣнчаннаго лишь кое-гдѣ группами вѣковыхъ дубовъ, буковъ и вязовъ... Развернувшаяся предъ ними внизу величественная картина, будучи озаряема блѣдно-золотистыми лучами заходящаго солнца, дѣйствительно была волшебна прекрасна...

— Видали ли вы, панна Ольга, что-либо болѣе грандіозное и живописное въ нашей Подолиі?—спросилъ О—скій молодую графиню, видя, съ какимъ восторгомъ она смотритъ на раскинувшуюся у ея ногъ обширную равнину.

— Да, дѣйствительно, это—райскій уголокъ!—отвѣчала тихо красавица, опершись о луку сѣдла и не отрывая очарованныхъ глазъ отъ виднѣвшейся на краю далекаго горизонта темно-синей полосы лѣса.—Одно только странно, панъ Северинъ,—продолжала мечтательнымъ голосомъ Потоцкая...

— Что такое?—прервалъ ее О—скій.

— А вотъ что: почему вы или ваши предки не создали себѣ резиденціи на этой чудной возвышенности, а построили свой замокъ и нѣсколько деревень тамъ, внизу, на берегу гнилой рѣчки, чуть ли не на самомъ болотѣ?

— Очаровательная панна,—заговорилъ страстнымъ голосомъ магнатъ:—вы совершенно правы въ данномъ случаѣ; но виновникомъ подобной ошибки являюсь не я, а прежніе владѣльцы этого имѣнія...

— Однако такая ошибка всегда можетъ быть исправлена!—задорнымъ тономъ произнесла графиня.

— Вамъ, слѣдовательно, панна Ольга, было бы пріятно видѣть мой замокъ на Замчиськѣ?—спросилъ О—скій.

— Для меня это безразлично, панъ Северинъ,—отвѣчала графиня Потоцкая:—но полагаю, что вамъ было бы и самому лучше наслаждаться здоровымъ горнымъ воздухомъ, чѣмъ всю свою жизнь задыхаться въ сырой и переполненной ядовитыми міазмами долинѣ...

— А развѣ для васъ имѣетъ какое-нибудь значеніе моя личная жизнь?—спросилъ магнатъ, приближаясь къ дѣвушкамъ.

— Быть можетъ; но даже и безъ этого, по-человѣчеству, я бы желала, чтобы вы перемѣнили свое мѣстопробываніе,—отвѣчала графиня.

— О, въ такомъ случаѣ ваше желаніе является для меня закономъ!—воскликнулъ сіяющій отъ радости О—скій.—Я непременно постараюсь въ самомъ недалекомъ будущемъ осуществить на практикѣ вашу чудную мечту, если только...

— Что—«если только»?—обратилась къ нему Потоцкая, подтягивая шелковые поводья лошади и приводя въ порядокъ полы своей амазонки.

— Если только вы, панна Ольга, согласитесь въ качествѣ супруги раздѣлить со мною жизнь въ новомъ замкѣ,—робкимъ и еле слышнымъ голосомъ закончилъ О—скій.

— Вотъ какъ!—произнесла, разсмѣявшись, дѣвушка.

— Да или нѣтъ?—продолжалъ владѣлецъ М—ва.

— Пока—ни да, ни нѣтъ!—отвѣчала съ загадочной улыбкой на лицѣ своенравная красавица.

— Только пока?—переспросилъ магнатъ.

— Пока!—подтвердила графиня тѣмъ же тономъ и, повернувъ свою лошадь, стрѣлой помчалась къ небольшой группѣ великолѣпныхъ буковъ и грабовъ, откуда доносились веселые голоса охотниковъ и громкій переливчатый лай собакъ...

Счастливый панъ Северинъ съ радостно бьющимся сердцемъ послѣдовалъ тѣмъ же аллюромъ за своей богиней, мелѣя въ душѣ надежду на то, что скоро графиня Ольга дастъ ему болѣе утѣшительный отвѣтъ.

Блестящій балъ закончился грандіозной иллюминаціей и фейерверкомъ, устроеннымъ въ паркѣ, расположенномъ позади барскаго замка и окаймлявшемъ одинъ изъ самыхъ обширныхъ прудовъ. Приготовленная заранѣе «флотилія» была уже спущена на воду. На каждой шлюпкѣ и гондолѣ, украшенныхъ цвѣтами, разнообразными свѣтящимися фонариками и дорогими коврами, сидѣло по два дюжихъ гребца. При фантастическомъ освѣщеніи и звукахъ лопавшихся ракетъ, бураковъ и шутихъ гости пустились въ плаваніе, продолжавшееся почти до утренней зари. Понятно, что графиня Потоцкая и тутъ являлась предметомъ всеобщаго вниманія; что же касается пана Северина, то онъ былъ на верху блаженства, сидя съ красавицей на одной гондолѣ и правя рулемъ... Когда на слѣдующій день послѣ довольно поздняго завтрака гости стали собираться уже по домамъ, то О—скій, улучивъ удобную минуту, еще разъ попытался задать паннѣ Ольгѣ вчерашній вопросъ; но она съ прежней очаровательно-загадочной улыбкой отвѣтила ему:

— Послѣ, послѣ, дорогой панъ Северинъ!

— Но я сгораю отъ нетерпѣнія!—воскликнулъ О—скій.

— А вы запаситесь побольше хладнокровіемъ и тогда не будете такъ горѣть!—присовокупила тѣмъ же шутивымъ тономъ графиня.

III.

Вскорѣ послѣ отъѣзда гостей владѣлецъ энергично принялся за осуществленіе идеи своей будущей супруги, обративъ прежде всего вниманіе на сокращеніе штата своего гарема, легенды о которомъ стали въ послѣднее время расти не по днямъ, а по часамъ. На вершинѣ Замчиська закипѣла работа: рубился и корчевался лѣсъ, рылись колодцы и доставлялся строительный матеріалъ,

изъ котораго началось сооруженіе нѣсколькихъ сотъ избъ со всѣми необходимыми для нихъ службами. Одновременно съ этимъ тамъ же, на болѣе живописномъ пунктѣ горы, было приступлено и къ постройкѣ новаго величественнаго замка-дворца.

Къ сожалѣнію, періодъ этого строительства ознаменовался здѣсь особенно жестокимъ обращеніемъ съ крѣпостнымъ людомъ, трудившимся дни и ночи надъ выполненіемъ безумной затѣи м—скаго магната со всѣми своими рабочими животными. О законѣ, обязывавшемъ помѣщиковъ освобождать своихъ крѣпостныхъ отъ «панщины» на три дня въ недѣлю, никто, разумѣется, и не думалъ здѣсь...

Благодаря столь экстраординарнымъ мѣрамъ и миллионнымъ тратамъ, къ веснѣ слѣдующаго года Замчиско представляло уже совершенно иной видъ, а къ маю мѣсяцу значительная часть этого урочища была занята обширнымъ селомъ; на болѣе же возвышенномъ пунктѣ его красовался чудной архитектуры огромный замокъ.

Чтобы довести начатое дѣло до конца, О—скій въ среднихъ числахъ мая отдалъ своему управителю приказаніе перевести въ теченіе одной ночи во вновь выстроенное село крестьянъ трехъ деревень, расположенныхъ на берегу р. Р—ва. Подобная поспѣшность объяснялась тѣмъ обстоятельствомъ, что панъ Северинъ ожидалъ къ себѣ въ гости графиню Потоцкую. Дѣлая распоряженіе относительно переселенія деревень, О—скій велѣлъ, чтобы обитатели ихъ забрали съ собою не только движимое имущество, но даже и матеріалъ, изъ котораго были сдѣланы принадлежащія имъ жилища; неприкосновенными же оставались только находившіяся тамъ церковь и дома церковнаго причта.

Естественно, что новая фантазія м—скаго помѣщика тоже потребовала немалыхъ усилій со стороны и безъ того въ конецъ уже измученныхъ крестьянъ. Несмотря на это, приказаніе сумасброднаго магната было выполнено съ пунктуальною точностью. Съ наступленіемъ ночи крестьяне со своими семьями стали дружно готовиться къ «исходу» изъ р—ской долины въ «обѣтованную землю». Работа ихъ шла съ такимъ успѣхомъ, что къ утру слѣдующаго дня на мѣстѣ бывшихъ деревень оказалось совершенно пустынное пространство, посреди котораго одиноко стояли убогая церковь и квартиры причта...

Мѣстный священникъ находился еще въ кровати, когда въ его спальню стремглавъ ворвался съ крайне изумленнымъ лицомъ старый дьякъ Варсонофій.

— Что съ тобою, дьяче? Чего ради ты ни свѣтъ, ни заря влетѣлъ сюда, словно пыжъ ружейный?—воскликнулъ, въ свою очередь, озадаченный этимъ невѣроятнымъ фактомъ батюшка.

— Бѣда, о. Андрей, случилась!

— Какая бѣда, откуда бѣда?—спрашивалъ священникъ, вылъзая изъ-подъ одѣяла.

— А такая, что совершилось чудо-чудное, диво-дивное!

— Какое чудо?

— Да такое, о. Андрей, что всѣ наши деревни, весь приходъ исчезли неизвѣстно куда!

— Что ты мелешь, дьяче!—заоралъ уже не своимъ голосомъ батюшка.—Въ своемъ ли ты умѣ, Варсонофій? Гдѣ это видано, чтобы три деревни въ одну ночь пропали?

— А вотъ взяли же да и пропали!—продолжалъ дьякъ.—Ну, словно сквозь землю провалились!—закончилъ онъ, разводя руками...

Не слушая больше своего помощника, священникъ набросилъ на себя подрясникъ и кинулся къ окну. Первый же взглядъ, брошенный имъ по направленію къ рѣкѣ, произвелъ на скромнаго сельскаго пастыря ошеломляющее впечатлѣніе. Въ теченіе нѣсколькихъ секундъ онъ не могъ даже повернуть языкомъ...

— Боже милостивый! Что же это за наводженіе такое?—воскликнулъ онъ, наконецъ, приходя постепенно въ себя.—Или я вижу во снѣ подобную штуку?

— Нѣтъ, о. Андрей, это не сонъ, а самая что ни на есть истинная явь!—возразилъ дьякъ, приближаясь къ священнику и тоже всматриваясь въ опустѣвшую равнину.

— А это что же тамъ за люди и «худоба»?—спросилъ батюшка послѣ нѣкотораго молчанія, указывая псаломщику на движущіяся подлѣ берега рѣки группы какихъ-то живыхъ существъ.

— Гдѣ?—въ свою очередь, обратился съ вопросомъ дьякъ къ священнику.

— Да вонъ тамъ, гдѣ раньше стояла хата Степана Загоруйки.

— А это, должно быть, уже «скарбові» (экономическіе) плуги работаютъ здѣсь!

— Ты думаешь?

— Да, навѣрное, плуги, о. Андрей,—повторилъ дьякъ, съ неменьшимъ удивленіемъ разглядывая чрезъ окно производимую распашку мѣстности, на которой еще вчера стояла обширная деревня.

— Такъ оно и есть, дьяче!—согласился священникъ, отходя отъ окна и смотря недоумѣвающими глазами въ лицо своему сослуживцу.—Воистину, дивны дѣла Твои, Господи!.. Догадываюсь, что это какое-то новое сумасбродство нашего пана Северина!—закончилъ онъ вслухъ свои размышленія.

— А не иначе, что такъ!—поспѣшилъ согласиться съ мнѣніемъ о. Андрея дьякъ...

Только къ вечеру предположенія причта относительно исчезновенія деревень вполнѣ оправдались; кромѣ того, священникъ

узналъ, что очищенная отъ обывателей земля пахнетъ съ цѣлью посѣва на ней гречихи...

Однако переселеніе О—скимъ трехъ деревень на Замчисько обошлось ему не дешево. Говорятъ, что когда обиженное духовенство сообщило объ этомъ происшествіи по начальству, а послѣднее довело о поступкѣ пана Северина до свѣдѣнія императора Николая Павловича, то помѣщику-самодуру велѣно было немедленно выѣхать изъ имѣнія въ Петербургъ и жить тамъ безвыѣздно въ теченіе десяти лѣтъ.

О—скій, никакъ не ожидавшій подобнаго наказанія, былъ страшно пораженъ, получивъ чрезъ жандарма увѣдомленіе объ этомъ; однако надо было покориться грозному повелѣнію и спѣшить въ столицу. Ближайшимъ слѣдствіемъ этого обстоятельства явилось то, что графиня Потоцкая отказалась отъ брака съ м—скимъ магнатомъ, о чемъ онъ узналъ, находясь уже въ Петербургѣ. Это удручающимъ образомъ подѣйствовало на О—скаго, и онъ съ горя повелѣлъ самую разгульную жизнь, не щадя ни средствъ, ни здоровья...

Года три спустя послѣ переѣзда въ столицу, панъ Северинъ какъ-то совершенно случайно женился на одной изъ дочерей своей прачки-нѣмки. Этотъ «мезальянсъ» имѣлъ какъ бы характеръ мщенія красавицѣ Ольгѣ. Впрочемъ, супруга О-скаго, несмотря на свое низменное происхожденіе, тоже отличалась рѣдкой красотой и была хорошо образована. Она оказала самое благотворное вліяніе на взбалмошный характеръ своего мужа; имѣя же возможность выѣзжать изъ столицы, владѣлица М—ва немало успѣла сдѣлать и въ отношеніи урегулированія разстроенныхъ дѣлъ своего хозяйства въ Подоліи. Каждое лѣто она вмѣстѣ съ дѣтьми уѣзжала въ имѣніе и проживала тамъ во вновь выстроенномъ дворцѣ на Замчиськѣ.

Нельзя сказать, чтобы О—ская питала особенно нѣжныя чувства къ своему супругу, который хотя и значительно остепенился послѣ женитьбы, однако отъ времени до времени попрежнему не прочь былъ повеселиться со старыми пріятелями, проводя такимъ образомъ цѣлыя ночи... Послѣ одной изъ такихъ пирушекъ онъ схватилъ тифъ и, несмотря на всѣ усилія лучшихъ врачей, отправился на лоно Авраамово, оставивъ женѣ всѣ свои несмѣтныя богатства, до совершеннолѣтія дѣтей. Въ качествѣ опекуниши молодая и красивая вдова вела свои дѣла прекрасно, проводя лѣто въ имѣніи, а зиму въ столицѣ; но съ теченіемъ времени, увлекшись какимъ-то конногвардейцемъ, она лишь изрѣдка навѣдывалась въ Севериновку; веденіе же хозяйства было ею всецѣло предоставлено главноуправляющему и его помощникамъ, не всегда, конечно, относившимся съ должной добросовѣстностью къ своимъ обязанностямъ. Находясь подъ сильнымъ вліяніемъ своего сожителя,

О—ская скоро создала себѣ кругъ знакомыхъ изъ самой легкомысленной, аристократической молодежи и повела необычайно широкій образъ жизни, предоставивъ и воспитаніе своихъ дѣтей постороннимъ лицамъ.

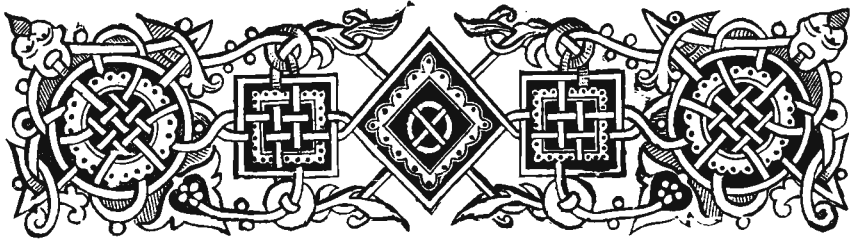
Естественно, что такое положеніе вещей и не совѣтъ скромное поведеніе красивой вдовы создавали вокругъ нея массу легендъ самаго невѣроятнаго характера и повлекли за собой серьезное разстройство всѣхъ вообще сельско-хозяйственныхъ дѣлъ О—ской. Это послѣднее обстоятельство обратило на себя вниманіе ея старшаго, уже восемнадцатилѣтняго, сына, воспитывавшагося въ пансіонѣ или въ какомъ-то другомъ привилегированномъ учебномъ заведеніи. Получивъ нѣкоторыя указанія со стороны своихъ знакомыхъ, молодой человекъ сталъ ближе присматриваться къ образу жизни матери; заставъ же какъ-то въ ея будуарѣ браваго кавалергарда, онъ безъ всякой церемоніи выпроводилъ его изъ дому съ просьбой прекратить дальнѣйшіе визиты. Немедленно послѣ этого казуса, скоро облетѣвшаго всю столицу, О—скій обратился на высочайшее имя съ мотивированнымъ прошеніемъ о назначеніи особой опеки надъ оставшимся послѣ отца движимымъ и недвижимымъ имуществомъ. Просьба эта была удовлетворена въ самомъ непродолжительномъ времени, что страшно возстановило О—скую противъ сына, который не переставалъ порицать свою мать за крайнюю расточительность и за несоотвѣтствующее ея положенію поведеніе... Вдова, въ свою очередь, дѣлала сыну страшныя сцены и всякаго рода непріятности, вовсе не думая о прекращеніи старыхъ знакомствъ или объ уменьшеніи своихъ расходовъ.

Трудно сказать, до какихъ бы размѣровъ дошла вражда О—ской къ своему сыну, если бы не случилась внезапная смерть этого послѣдняго отъ какой-то не понятой врачами болѣзни.

Послѣ торжественнаго отпѣванія молодого человека въ столицѣ, тѣло его было отправлено въ Севериновку и погребено въ фамиліномъ склепѣ. О—ская, по крайней мѣрѣ для виду, крѣпко убивалась по поводу смерти сына; однако народная молва упорно обвиняла вдову въ преждевременной кончинѣ его. Мало-по-малу эти слухи приняли такой характеръ, что по поводу ихъ было назначено серьезное слѣдствіе. Хотя фактъ преступленія не былъ доказанъ, тѣмъ не менѣе, по опредѣленію высшихъ властей, О—ская, какъ и ея покойный мужъ, должна была безвыѣздно жить въ Петербургѣ до самой смерти.

Д. В. Федоровъ.

РУССКІЯ МЕТАМОРФОЗЫ.

Политическія настроенія Москвы.

V.

ВАЗСТРѢЛЪ казаками студентовъ и безоружной публики произошелъ 20 октября 1905 года, и на другой день Москва, что называется, кипѣла. Открылся съездъ делегатовъ «союза союзовъ», на который, однако, публику не пускали; тамъ исторія возлѣ университета комментировалась на всѣ лады. Въ газетахъ стали печататься письма съ яримъ протестомъ противъ насилія вообще, а также противъ казаковъ, совершающихъ—судя по тексту писемъ въ редакціи—явныя безчинства. Такъ, врачъ А. А. Т. оповѣстилъ читающую Москву, что именно казацкій, а не иной патруль, встрѣтивъ его, врача Т., и его сына, набросился на нихъ и избилъ ногойками, хотя оба Т. ни своимъ видомъ, ни дѣйствіемъ не давали повода къ подобной расправѣ.

Газеты и публика негодовали, а въ городской думѣ состоялось засѣданіе, на которомъ печальный случай разстрѣла былъ предметомъ подробнаго и горячаго обсужденія. Гласный Н. П. Шубинской былъ избранъ уполномоченнымъ отъ города для разслѣдованія этой катастрофы. Гласный Н. М. Кипкинъ предложилъ московской думѣ ходатайствовать объ уничтоженіи градоначальства въ Москвѣ и о передачѣ полиціи въ полное вѣдѣніе города. Гласный Н. И. Гучковъ рекомендовалъ, во-первыхъ, вывести войска изъ ма-

нежа, во-вторыхъ, нанять особый домъ, гдѣ бы могли устраиваться митинги разныхъ сословій и корпорацій. Гласный графъ С. Л. Толстой (сынъ писателя) заявилъ, что свободы манифеста 17 октября нарушены администраціей Москвы, въ силу чего необходимо устранить отъ должности генерала Д. Ѳ. Трепова.

Тутъ же была организована комиссія изъ гласныхъ Н. И. Гучкова, Н. П. Шубинскаго, П. А. Столповскаго, Бурышкина и Григорьева, которая нанесла визитъ генералъ-губернатору Дурново и просила удалить казаковъ изъ Москвы и—пока объ этомъ московская администрація будетъ сноситься съ С. Ю. Витте—не назначать казаковъ на какія-либо полицейскія службы.

П. П. Дурново, слыша по крайней мѣрѣ въ десятый разъ просьбу потревоженныхъ московскихъ обывателей относительно казаковъ, отвѣтилъ, что въ принципѣ онъ согласенъ вывести войска изъ манежа, но высылать ихъ изъ Москвы находить преждевременнымъ. Вообще же сослался на своего непосредственнаго дирижера—Петербургъ. Что послѣдній прикажетъ, то онъ, Дурново, и сдѣлаетъ.

У меня записанъ текстъ думскаго постановленія, и я, для характеристики настроенія умовъ гг. гласныхъ, привожу его цѣликомъ:

1) Признать необходимымъ подчиненіе наружной городской полиціи московскому городскому общественному управленію на тѣхъ же финансовыхъ основаніяхъ, на какихъ она существуетъ теперь.

2) Возбудить ходатайство о передачѣ частей полиціи, имѣющихъ отношеніе къ слѣдственному дѣлу, въ вѣдѣніе прокурорскаго надзора.

3) Возбудить ходатайство объ упраздненіи охраннаго отдѣленія.

Вопросъ о милиціи, о «національной гвардіи» города Москвы, сильно соблазнявшій многихъ гласныхъ, рѣшили отложить до тѣхъ поръ, когда особая комиссія разслѣдуетъ все дѣло насилій и представитъ думѣ подробный докладъ.

Между тѣмъ, пока городская дума засѣдала и посылала своихъ депутатовъ и къ П. П. Дурново, и къ барону Медему, цѣлая партія пьяныхъ хулигановъ сдѣлала нападеніе на инженерное училище. Студенты заперли ворота, потомъ стали стрѣлять изъ оконъ. Въ результатѣ—раненые и убитые. Неизвѣстно, чѣмъ бы кончилось это побоище, если бы полиція и тѣ же самые казаки не явились на мѣсто происшествія и не разогнали толпу.

На многихъ улицахъ неизвѣстные, одержимые духомъ войны и разрушенія, вступали въ бой съ небольшими нарядами войскъ. Тутъ и тамъ слышались выстрѣлы. Стала заурядной картина: или на извозчикѣ везуть окровавленнаго человѣка, или ѣдетъ солдатъ на подстрѣленной лошади...

Въ газетахъ ужъ давно винили московскаго митрополита преосв. Владимира въ томъ, что его проповѣди, разрѣшенныя къ чтенію въ другихъ церквахъ, написаны въ духѣ подстрекательства и вражды и порождаютъ кровавыя столкновенія. Особенно подчеркивали случай на Москвѣ-рѣкѣ: патріотически настроенная толпа погналась за студентомъ московскаго университета Лопатинымъ, который ничѣмъ не нарушилъ процессін, поймала его и варварски утопила въ Москвѣ-рѣкѣ.

Митрополитъ Владимиръ отвѣтилъ письмомъ въ «Русскихъ Вѣдомостяхъ», говоря, что онъ вовсе не идетъ противъ освободительнаго движенія, если оно основано на правилахъ христіанской любви, но рѣшительно осуждаетъ потрясенія государства, борьбу, убійства, и что цѣль разрѣшенныхъ имъ проповѣдей—внести умиротвореніе, а никакъ не вражду.

Но было такое время, что никакія умиротворяющія письма не могли утишить страсти и хоть нѣсколько возстановить порядокъ. Возбужденіе росло вездѣ, во всѣхъ слояхъ общества. Разразился ударъ тамъ, гдѣ и не предполагали: произошла грандіозная забастовка во всѣхъ ресторанахъ, трактирахъ; официанты, половые, повара, лакеи—все запротестовало и предъявило разныя требованія, какъ экономическаго, такъ и политическаго характера. Учебныя заведенія не открывались, начальники ихъ основательно страшились за безопасность учениковъ и ученицъ. Только газъ и электричество, послѣ всякихъ уступокъ со стороны предпринимателей, стали снова освѣщать улицы и зданія Москвы, и многіе театры были открыты.

Однако въ театрахъ было также неблагополучно. Не помню, 21-го или 22-го октября, въ Художественномъ театрѣ шли въ первый разъ «Дѣти солнца» М. Горькаго. Эта плохая во всѣхъ отношеніяхъ пьеса была на современность: въ ней была изображена сцена нападенія толпы на интеллигенцію, побоища, криковъ и револьверныхъ выстрѣловъ; авторъ, вѣроятно, ожидалъ триумфа, но именно ошибся въ расчетахъ: москвичи, переживающіе куда посерьезнѣе ужасы дѣйствительности, вдругъ стали свистать, шикать и даже кричать:

— Довольно этихъ безобразныхъ сценъ! Опустите занавѣсъ! Долой! и т. д.

Конецъ сцены скомкали и, дѣйствительно, опустили занавѣсъ.

Этотъ характерный протестъ публики вполне понятенъ. Кому нужно созерцать грубую пародію на переживаемое? Въ театрѣ московскій житель явился какъ разъ отдохнуть отъ сценъ крови и насилій, а его вдругъ угощаютъ тѣмъ же самымъ...

Вообще же Москвѣ было не до театровъ, не до имитацій погромовъ. Послѣдніе происходили не только на улицахъ, но и въ умахъ и сердцахъ. Все начинало чутъ грозу и затрепетало. Все заурядное,

ординарное, не имѣя запаса мужества, удалялось отъ общаго дѣла и сидѣло по своимъ семейнымъ норамъ. Богачи умчались цѣлыми стаями за границу. Но о богачахъ что говорить. Забывали свое назначеніе тѣ, кому слѣдовало охранять порядокъ. Я ужь имѣлъ случай говорить о растерянности, нераспорядительности и прямомъ страхѣ московской администраціи. Не въ лучшемъ психическомъ настроеніи находились и «отцы города», гласные московской думы. Многіе изъ нихъ забыли свои служебныя обязанности и сидѣли дома сиднями. А 25 октября думу ждалъ еще неожиданнѣе репримандъ: членъ управы Д. Д. Дувакинъ прочиталъ собравшимся гласнымъ заявленіе городского головы князя В. М. Голицына.

Лордъ-мэръ извѣщалъ, что при настоящемъ положеніи дѣлъ, а также и по болѣзни онъ не считаетъ возможнымъ сохранить свои полномочія и слагаетъ съ себя обязанности московскаго городского головы.

Для публики это было сюрпризомъ, для гласныхъ нѣтъ. Князь Голицынъ, уже давно потерявъ почву подъ ногами, не игралъ роли въ думѣ и выражалъ неоднократно желаніе уйти. На одномъ изъ послѣднихъ засѣданій голова ушелъ къ себѣ въ кабинетъ, заплакалъ, сложилъ съ себя цѣпь и сказалъ:

— Я ухожу! Я не могу болѣе оставаться!

Теперь онъ исполнилъ свое намѣреніе. Этотъ фактъ рисуется всего князя Голицына. Общественный дѣятель, городской голова, обязанный въ смутные дни крѣпко держать власть и разумными распоряженіями умалить беспорядки, можетъ ли въ самый разгаръ бури покинуть свою должность? Можетъ ли капитанъ первымъ бѣжать съ затрещавшаго отъ бури корабля? Этотъ поступокъ московскаго городского головы—апоѳеозъ растерянности, которая овладѣла Москвой и ея передовыми людьми. Я не удивился поступку князя Голицына. Его дѣятельность мнѣ была хорошо извѣстна. Какъ голова, важно сидящій на думскихъ засѣданіяхъ, онъ былъ наружно приличенъ и имѣлъ «корректную фигуру». Какъ голова-работникъ, голова-иниціаторъ московскихъ хозяйственныхъ реформъ и предпріятій, князь Голицынъ не выдерживалъ самой снисходительной критики. Городского дѣла онъ не зналъ, и все было въ рукахъ товарища головы И. А. Лебедева. Но еще болѣе г. Лебедева незамѣтно вертѣли городскимъ головой гласные А. И. Гучковъ, Н. И. Гучковъ, Н. Н. Щепкинъ и нѣкоторые другіе. Они составляли думскую вліятельную и дружную группу, и только политика раздробила бывшихъ друзей: Н. Н. Щепкинъ ушелъ въ «кадеты», а гг. Гучковы впоследствии организовали партію «союза 17 октября».

Что сдѣлали гласные, какъ они «реагировали» на заявленіе князя В. М. Голицына? Признаюсь, я съ нетерпѣніемъ ждалъ тогда рѣшенія думы. Всталъ С. А. Муромцевъ и неожиданно выдалъ изу-

нительную по неправдоподобности аттестацію ушедшему головѣ. По Муромцеву выходило такъ, будто бы князь Голицынъ поставилъ думу въ независимое положеніе отъ управы (!?), тогда какъ именно при князѣ Голицынѣ управа дѣлала все, что ей было угодно. Былъ даже такой случай: управа испрашивала у думы кредитъ на тѣ работы, которыя уже были полностью закончены! Выходить, значить, что не дума отъ управы, а, наоборотъ, городская управа была при кн. Голицынѣ «въ независимомъ положеніи отъ думы».

Выслушавъ Муромцева, гласные постановили благодарить (за что?—спрашивали тогда въ публикѣ) городского голову, повѣсить его портретъ въ зданіи думы и настоящій приговоръ вручить князю черезъ депутацію.

На этомъ же собраніи былъ доложенъ ѣздившими въ Петербургъ депутатами отвѣтъ графа Витте. Премьеръ-министръ сказалъ, что передать полицію въ вѣдѣніе московскаго городского общественнаго управленія онъ лично не можетъ и, при этомъ, считаетъ такую мѣру нецѣлесообразной. Затѣмъ онъ обѣщалъ видѣться съ Треповымъ и принять энергичныя мѣры къ подавленію московскихъ беспорядковъ.

Гласный Н. П. Шубинской доложилъ о результатѣ своихъ разслѣдованій по дѣлу побоища возлѣ университета. По его свѣдѣніямъ, казаки вышли безъ офицеровъ, съ однимъ урядникомъ. Послѣдній скомандовалъ — и казаки дали всего 80 выстрѣловъ. Предлагая обо всемъ этомъ довести до свѣдѣнія генераль-губернатора, гласный Шубинской рекомендовалъ настаивать на томъ, чтобы начальники ни въ какомъ случаѣ не покидали своихъ войсковыхъ частей. Дума единогласно приняла это предложеніе.

Реприманды и сюрпризы засѣданія думы отъ 25 октября на этомъ не кончились. Г. Дувакинъ прочиталъ письмо отъ думскихъ служащихъ въ канцеляріяхъ управы, гдѣ вся эта «корпорация» требовала (а не только просила) уволить отъ должности товарища городского головы И. А. Лебедева, присовокупляя, что вопросъ этотъ, въ случаѣ отказа думы, грозитъ всякими осложненіями со стороны массы городскихъ служащихъ.

Такимъ образомъ, это была прямая угроза забастовкой, а можетъ быть и другими мѣрами насилія. Письмо произвело удручающее впечатлѣніе на гласныхъ. Многіе потеряли способность разсуждать здраво. Даже А. И. Гучковъ хотя и не видѣлъ въ требованіи служащихъ мотивировки, почему именно нежелателенъ И. А. Лебедевъ, но ничего лучшаго не придумалъ, какъ предложить думѣ организовать комиссію для разслѣдованія, что именно сдѣлалъ Лебедевъ, и почему противъ него такъ возстановлены служащіе.

Такое оскорбительное отношеніе къ товарищу городского головы вызвало слабые протесты меньшинства. Большинство высказалось за комиссію. Надо замѣтить, что И. А. Лебедева вообще не долюбивали. Онъ былъ знатокомъ городскихъ дѣлъ, отличнымъ работникомъ, но такого яраго, фанатическаго и упрямаго врага какихъ бы то ни было реформъ нельзя, я думаю, найти даже въ партіи крайнихъ правыхъ, все же допускающихъ улучшенія и нововведенія. И. А. Лебедевъ шель противъ всѣхъ свободъ манифеста 17 октября, смѣялся надъ словомъ «конституція» и знать не хотѣлъ ни о какихъ свободныхъ собраніяхъ, митингахъ и сходкахъ.

Дума все это учла и постановила «разслѣдовать» дѣло товарища городского головы, забывая, что она, только что почтивъ не по заслугамъ городского голову, отметала теперь въ сторону 22 года полезной службы И. А. Лебедева. Интересно спросить думскихъ гласныхъ-юристовъ, чего бы они добились своимъ разслѣдованіемъ? Уволить товарища городского головы можно было только по суду или по распоряженію высшей администраціи.

На этомъ же знаменитомъ и даже историческомъ засѣданіи сильно дебатировался допросъ объ организаціи «мирной городской стражи» (слово «милиція» было предусмотрительно выкинуто). За законность учрежденія подобной стражи высказались всѣ юристы думы, но гг. Н. Гучковъ, Баршевъ и нѣкоторые другіе гласные, очевидно, придя въ выводъ, что, какъ ни назови стражу, все-таки выходитъ та же «милиція», стали говорить противъ. Кто-то изъ гласныхъ предложилъ учредить «стражу безъ оружія», но тѣ же противники организаціи стражи своими рѣчами повернули большинство умовъ за собой, и учрежденіе «мирной стражи», съ оружіемъ или безъ оружія, было большинствомъ голосовъ отклонено.

Событія, потрясавшія Москву и всю Россію, вызывали все большія и большія осложненія и примѣры гражданской растерянности. Въ газетахъ появились извѣстія объ уходѣ генерала Трепова, и это никого не могло удивить.

Затѣмъ примѣръ крайняго испуга явилъ ректоръ московскаго университета г. Мануиловъ. 29 октября 1905 года онъ сообщилъ въ «Русскія Вѣдомости» о самовольномъ занятіи университета студентами. Дѣло было такъ. Совѣтъ профессоровъ разрѣшилъ студенческую сходку, но московскій градоначальникъ извѣстилъ ректора, что, въ виду тревожнаго настроенія въ городѣ, онъ эту сходку разрѣшить не можетъ.

Центральный университетскій органъ, извѣщенный о такомъ препятствіи, отвѣтилъ ректору, что не принимаетъ во вниманіе заявленія градоначальника и настаиваетъ, чтобы 29-го октября сходка была ректоромъ обязательно допущена.

Однако г. Мануиловъ сказалъ:

— Я ничего не могу сдѣлать! Московская администрація не допускаетъ сходки.

По поводу этого «оглашенія» внутреннихъ неурядицъ «автопомнаго» университета въ Москвѣ говорили разнo и между прочимъ сообщали, что ректоръ университета выходитъ въ отставку. Къ этимъ слухамъ присоединили давно блуждающую легенду о нападеніи на университетъ, «а также на всѣхъ интеллигентныхъ людей» черной сотни. Заговорили о погромахъ, о поджогахъ, грабежахъ и т. п. близящихся прелестяхъ анархіи.

Относительно университетской исторіи много бы толковать не пришлось, если бы въ тѣхъ же «Русск. Вѣд.» (отъ 1-го ноября 1905 г.) центральный университетскій органъ не напечаталъ пространнаго объясненія по поводу конфликта съ ректоромъ. Студенческая организація обрушилась съ рѣзкими упреками противъ всѣхъ профессоровъ. Образъ дѣйствій совѣта профессоровъ названъ насиліемъ. Обвиненіе ректора, будто бы студенты самовольно заняли университетъ, было названо ложнымъ.

Вотъ главные пункты возраженія студентовъ:

«14-го октября центральный университетскій органъ устроилъ митингъ съ участіемъ народа, а гг. профессора «взяли и закрыли» университетъ, что является насиліемъ именно со стороны совѣта профессоровъ.

«15-го и 16-го октября московскій университетъ былъ забаррикадированъ: въ его зданіяхъ студенты и народъ спаслись отъ кровавой бойни, а гг. профессора «осмѣливаются винить студентовъ въ самовольствѣ и даже чуть ли не въ расхищеніи университетскаго имущества».

Далѣе центральный органъ говоритъ, что послѣ похоронъ Баумана, когда городская дума отказала въ охранѣ свободы гражданъ, а полиція избивала послѣднихъ, правленіе центрального университетскаго органа обязано было изыскать мѣры защиты. Вотъ почему студенты завалили ворота бревнами, нагроулили камень въ зданіяхъ и собрали всѣ предметы, которыми можно было дать отпоръ въ случаѣ нападенія.

«Что же сдѣлали вы, профессора? — стоялъ въ письмѣ въ редакцію вопросъ.—Вы пригрозили студентамъ военной силой выгнать изъ университета студентовъ-насилъниковъ!»

Въ концѣ письма центральный органъ требовалъ устроить общую сходку и обѣщалъ немедленно покинуть университетъ, если профессорская коллегія отыщетъ студентамъ болѣе удобное мѣсто для митинговъ. Кромѣ того, правленіе требовало открыть университетъ. Оставляя на совѣсти ректора и профессоровъ вводъ войска въ зданіе университета, центральный органъ считалъ закрытіе университета недопустимымъ. Почему именно? А вотъ почему:

«Закрытіе университета—kozyрь въ рукахъ черной сотни, уступка реакціи; студенчество, выступившее на путь политической борьбы, не можетъ обойтись безъ университета».

Итакъ, университетъ, какъ храмъ науки, почти отметался, а какъ арена политической пропаганды—признавался и даже... требовался.

Между тѣмъ митинги и сходки происходили всюду по Москвѣ. Здѣсь и тамъ можно было встрѣтить процессію съ красными флагами, услышать русскую марсельезу или похоронный маршъ, попасть въ толкотню, давку и сцену столкновенія съ полиціей. Въ особенности бульвары были использованы, какъ арена для политической сходки и проповѣди. Появились какіе-то ораторы въ высокихъ сапогахъ и косовороткахъ; они страшно жестикулировали руками, требовали возвѣщенныхъ свободъ и указывали на освободительное движеніе, какъ на единственный путь къ достиженію цѣли.

4-го ноября происходилъ грандіозный митингъ въ зимнемъ саду «Акваріумъ», въ театрѣ «Олимпія». Сошлись ремесленники, фабричные, мелкіе служащіе въ конторахъ и лавкахъ. На этомъ митингѣ говорили обо всемъ: о восьмичасовомъ трудѣ, о четырехчленной формулѣ выборовъ, о парламентаризмѣ, о свободѣ совѣсти, релігіозныхъ взглядахъ, а также и о свободѣ печати. Однакоже стоялъ страшный шумъ, и время отъ времени (я былъ въ «Олимпіи» и слышалъ это самъ) раздавался отчасти недоумѣвающий, отчасти пьяный возгласъ:

— Товарищи! Дозвольте спросить: что такое значить—сво-бо-да!?

— Тише! Тише!—отвѣчалъ «президіумъ», и какія-то синія блузы, поднимаясь изъ-за стола, громко кричали:—Товарищи, вы должны себя вести какъ можно лучше, иначе скажутъ, что мы не въ состояніи понять своей задачи! И потому—говорите дѣло, или вовсе молчите...

Но нѣтъ-нѣтъ, а снова слышалось съ разныхъ сторонъ:

— Что такое—свобода? Мы этого никакъ въ толкъ не возьмемъ... Насчетъ чего свобода?

Изъ многихъ «постановленій» этого митинга помню два, наиболѣе интересныхъ: постановленіе бойкота «Московскихъ Вѣдомостей» (Грингмута), «Московского Листка» (Пастухова), «Русскаго Листка» (нынѣшнее «Раннее Утро» того же г. Казецкаго) и «Дня» (Берга). Затѣмъ привожу текстъ еще болѣе знаменательнаго постановленія:

«Представители земствъ, либералы и конституціоналисты-демократы не имѣютъ права высказываться отъ имени народа и за него».

Словомъ, на русскую «Жиранду» собирались неумытые «монтаньяры» и давали понять, что въ случаѣ революціи умѣренный либерализмъ первую скрипку въ будущемъ концертѣ играть рѣшительно не будетъ...

Но и «кадеты» не сдались. 6-го ноября въ Москвѣ открылся знаменитый съѣздъ обще-земскихъ и городскихъ дѣятелей, и въ этотъ же день состоялось открытіе не менѣе характернаго съѣзда делегатовъ крестьянскаго союза. Я каждодневно посѣщаль первый и, къ сожалѣнію, не успѣлъ побывать на второмъ.

На крестьянскомъ съѣздѣ разбирался жгучій вопросъ, какъ можно ускорить передачу земли въ собственность народа и какъ установить свободное народное самоуправленіе—земское, волостное и сельское. Впослѣдствіи многихъ участниковъ съѣзда арестовали и подвергли отвѣтственности за крайности въ рѣчахъ. Особого значенія этотъ съѣздъ не имѣлъ и слѣда въ крестьянской жизни не оставилъ.

Другое дѣло—съѣздъ городскихъ и обще-земскихъ дѣятелей. Тутъ была борьба будущихъ думскихъ партій, первые дебюты будущихъ лидеров и политическихъ дѣятелей. Съѣхались сливки интеллигенціи, пѣнки ума и дарованія.

Первое засѣданіе этого (по счету второго) съѣзда состоялось въ квартирѣ князей Петра и Павла Долгоруковыхъ (тогда острили по этому поводу, говоря, что шумнѣе всѣхъ «звонятъ у Петра и Павла»). Предсѣдательствовала И. И. Петрункевичъ, извѣстный дѣятель тверскаго земства. Онъ и многіе другіе члены конституціонно-демократической партіи произнесли рядъ блестящихъ рѣчей, гдѣ вылилась цѣликомъ программа «кадетовъ».

Тверской земець и впослѣдствіи членъ государственной думы Ѳ. И. Родичевъ произноситъ горячій и имѣвшій огромный успѣхъ монологъ на тему о томъ, какъ надо понимать манифестъ 17-го октября. Ораторъ громовымъ голосомъ («Мирабо! Мирабо!»—шептали тогда кругомъ.—«Нашъ русскій Мирабо!») и съ большимъ чувствомъ доказывалъ, что манифестъ 17-го октября есть законъ, вводившій конституцію въ Россіи, и что этотъ актъ Монаршей воли нельзя иначе ни понимать, ни комментировать. Только тотъ, кому выгоденъ или пріятенъ старый монархическій режимъ, можетъ оспаривать смыслъ манифеста 17-го октября, но это будетъ не только ложь, провокація или непониманіе, но и нарушеніе воли Государя Императора.

Рѣчь г. Родичева произвела прямо сенсацію. Ораторъ приглашалъ сплотиться всѣхъ конституціоналистовъ и начать дружную работу на основаніяхъ даннаго закона о конституціонныхъ свободахъ. Пора дѣлать дѣло, иначе выступить на сцену темная сила,

поднимаемая ретрограднымъ чиновничествомъ, народъ не сдастся, страсти будутъ колебать умы, и, въ концѣ концовъ, вспыхнетъ анархія.

Рѣдко кто и даже самъ г. Родичевъ испыталъ такія оваціи, которыя были устроены краснорѣчивому «русскому Мирабо» въ «дворянскомъ гнѣздѣ» князей Долгоруковыхъ...

Послѣ г. Родичева говорилъ г. Абрамовъ и сообщилъ, что въ Россіи бѣда растеть: 24 губерніи охвачены аграрнымъ движеніемъ, всюду бунтъ, насилія, кровь, погромы, горять барскія усадьбы, расхищается господское имущество и т. д.

Нѣкто Тавчерадзе (изъ Сухума) предложилъ послать Государю депутацію съ благодарностью за актъ 17-го октября, но при этомъ требовалъ, «чтобы и Государь, и правительство, и весь народъ присягнули въ вѣрности конституціи».

Этотъ замѣчательный съѣздъ, гдѣ, разумѣется, говорили и хорошо и плохо, и разумно, и неумно, имѣлъ нѣкоторую странность: выдвинулъ впередъ и сдѣлалъ «львомъ засѣданій» не главарей партіи «кадетовъ», не социаль-демократовъ или революціонеровъ. Центромъ всеобщаго вниманія, вниманія безъ симпатій, но невольнаго и неизбѣжнаго, явился гласный московской думы А. И. Гучковъ. Прежде всего г. Гучковъ, объявивъ себя представителемъ новой политической партіи «союза 17-го октября», во главѣ которой, кромѣ Гучкова, стояли Д. И. Шиповъ и М. А. Стаховичъ, началъ свою рѣчь съ ламентаций по поводу того, что почти во всѣхъ типографіяхъ отказались печатать воззванія «союза 17-го октября». И г. Гучковъ, приводя тѣ же возвѣщенные въ манифестѣ свободы, спрашивалъ:

— Значитъ, это будетъ свобода по выбору? Для однихъ печатать можно все, а для другихъ—ничего нельзя? Вотъ жаловались на управленіе по дѣламъ печати, угнетавшее разные органы русской прессы. А теперь, надо полагать, явилось новое управленіе по дѣламъ печати, съ воли, и угнетаетъ всѣхъ, кто съ нимъ не солидаренъ во взглядахъ. Что же это такое, господа: старый режимъ, но съ другого, такъ сказать, конца? Остается намъ, гражданамъ конституціонной страны, воспользоваться практикой во времена абсолютной монархіи и посылать свои воззванія печатать въ заграничныхъ подпольныхъ типографіяхъ!

Переходя къ общимъ темамъ, А. И. Гучковъ выяснилъ программу своей партіи. Онъ допускалъ всеобщее, но не прямое избирательное право, соглашался, что съ 17-го октября Россія дѣлается «конституціонной монархіей», и настаивалъ на осуществленіи возвѣщенныхъ свободъ. Кромѣ того, онъ протестовалъ противъ требованія бюро съѣзда объ отмѣнѣ военнаго положенія и говорилъ такъ:

— Ни одна страна безъ такого положенія не обходится въ исключительныхъ случаяхъ. Представители Польши говорятъ, что

у нихъ спокойно и военное положеніе не нужно, но я оспариваю ихъ и утверждаю, что въ Польшѣ—возстаніе!

Почуявъ врага, поляки и лѣвые закричали:

— Ложь! Неправда!

Но г. Гучковъ продолжалъ своимъ негромкимъ и ровнымъ голосомъ:

— Намъ, октябристамъ, чужды конечныя цѣли и приемы революціонныхъ партій, и наша молодая партія партіямъ крайнимъ руки никогда не протянетъ! (Шумъ).

На замѣчаніе И. И. Петрункевича, что конституціоналисты-демократы, въ свою очередь, ближе стоятъ къ социалистамъ, хотя послѣдніе идутъ напроломъ, а «кадеты» желаютъ бороться мирно и что же касается рѣчи г. Гучкова, то здѣсь сквозятъ нелады Гучкова съ Витте послѣ несостоявшагося принятія Гучковымъ министерскаго портфеля, и что это обстоятельство отчасти примиряетъ его, Петрункевича, съ графомъ Витте, на всѣ эти указанія со стороны вліятельнаго представителя партій к.-д. А. И. Гучковъ находчиво возразилъ:

— Я остаюсь при своихъ убѣжденіяхъ. Я буду всегда ратовать противъ политическихъ насилій. Что же касается министерскаго портфеля, то я очень радъ, что мой отказъ примиряетъ Петрункевича съ Витте. Жалѣю, что самъ не могу предложить ему этотъ портфель: тогда, быть можетъ, это еще болѣе сдѣлало бы Петрункевича сторонникомъ его сіятельства!

Это выступленіе, эта твердость, спокойствіе и ядовитыя реплики сразу всполошили участниковъ съѣзда. Всѣ почуяли серьезнаго противника и приготовились къ бою. И какъ только г. Гучковъ выступилъ съ своими формулами и поправками, ихъ немедленно провалили.

Такъ, съѣздъ вносилъ постановленіе:

«Полная амнистія политическимъ и религіознымъ преступленіямъ, совершеннымъ до изданія манифеста 17 октября».

Гучковъ исправлялъ такъ:

«Пересмотръ дѣлъ по всѣмъ политическимъ преступленіямъ, коихъ не коснулась новая амнистія, съ возможнымъ облегченіемъ участи осужденныхъ, и полная амнистія по религіознымъ преступленіямъ».

По вопросу о смертной казни съѣздъ требовалъ отмѣны таковой, а г. Гучковъ добавлялъ:

«И безусловно осуждаетъ насилія и убійства, какъ способы политической борьбы».

Всталъ С. А. Муромцевъ и объявилъ предложенія А. И. Гучкова «выходящими за предѣлы предметовъ, подлежащихъ обсужденію съѣзда». Это было указаніемъ, какъ баллотировать поправки новаго октябриста: большинствомъ всѣхъ противъ 8 голосовъ предложенія г. Гучкова были отклонены.

12 ноября съѣздъ обсуждалъ польскій вопросъ. Со стороны пріѣхавшихъ поляковъ выступилъ ковенскій адвокатъ Врублевскій. Его страстныя рѣчи были направлены къ тому, чтобы обновленная Россія дала автономію изстрадавшейся Польшѣ. Онъ въ краткихъ чертахъ, но въ сильныхъ и характерныхъ образахъ нарисовалъ исторію несчастій Польши. Онъ взволнованно говорилъ о старомъ угнетеніи родного ему народа, объ ужасахъ, внесенныхъ въ Польшу жестокими сановными людьми; если бы только въ одной Вильнѣ собрать кровь убитыхъ поляковъ, то генераль Муравьевъ, пролившій ее, могъ напиться этой горячей крови, не сходя съ коня...

Рѣчь Врублевскаго была рѣчью поляка, фанатически любящаго свое отечество; при этомъ онъ не позволялъ себѣ некорректныхъ выходовъ и выпадовъ по адресу нынѣшней власти; въ немъ чувствовался искренній гражданинъ-патріотъ, и всѣ слушатели, безъ сомнѣнія, были глубоко тронуты этими изъ глубины тоскующаго сердца идущими словами.

Врублевскій горячо требовалъ снятія военнаго положенія въ Польскомъ краѣ, этого бича страны, остановителя и разрушителя культурной жизни. Онъ отрицалъ коварныя намѣренія, будто бы имѣвшіяся у поляковъ относительно отложенія отъ Россіи, если Польшѣ дать автономію. Такъ могутъ думать или ограниченные, или злонамѣренные люди. Автономія дастъ миръ и Россіи, и Польшѣ, единеніе, а не разрывъ ихъ... Рѣчь эта имѣла огромный успѣхъ: оратору хлопали и участники съѣзда, и вся многочисленная публика.

Противъ Врублевскаго ополчился опять одинъ А. И. Гучковъ. Передъ вечернимъ засѣданіемъ говорилъ, впрочемъ, его братъ Н. И. Гучковъ, скромно и въ краткихъ словахъ рекомендовавшій вопросъ объ автономіи Польши отложить до учрежденія государственной думы; съѣздъ же, по его мнѣнію, мало освѣдомленъ въ польскихъ дѣлахъ...

На слова будущаго московскаго городского головы почти не обратили вниманія: ждали серьезнаго сраженія вечеромъ. И когда засѣданіе послѣ обѣденнаго перерыва опять возобновилось, публики съѣхалось еще больше. Было шумно, нервно въ переполненномъ залѣ, напоминающемъ какія-то фантастическія бани въ помпейскомъ вкусѣ (засѣданіе происходило на Воздвиженкѣ, въ домѣ декадентской архитектуры молодого милліонера, нынѣ уже умершаго, Арсенія Морозова).

Но какъ только поднялся А. И. Гучковъ,—тишина, жуткая и внезапная, наступила въ огромномъ залѣ.

Г. Гучковъ, непроницаемый, спокойный, тихо говорящій, опять приступилъ къ смѣлому изложенію своихъ мыслей. Эти послѣднія шли въ разрѣзъ съ идеями большинства. Онъ, нисколько подобнымъ порядкомъ вещей не смущаясь, назвалъ поляковъ, столь жало-

бывшихся теперь на свою судьбу, маленькими деспотами, всегда угнетавшими другія народности. Отсюда и проистекаетъ сложность вопроса объ автономіи Польши. Не потеряютъ ли отъ этой автономіи другіе, не поляки? Можно ли отмѣнить въ Польшѣ военное положеніе? Въ данное время это сдѣлать прямо невозможно, потому что Польша охвачена пожаромъ революціи, она желаетъ бунта и полнаго освобожденія отъ Россіи.

Далѣе А. И. Гучковъ поднялъ вопросъ о цѣлости и единствѣ Русскаго государства. Онъ рѣшительно отвергъ всякія автономіи окраинъ, взывалъ къ благородному патриотизму русскихъ, говорилъ, что дробить Россію можетъ только ея врагъ, а тотъ, кто любитъ свою страну, обязанъ заботиться о ея цѣлости, недробленіи.

Это была сильная рѣчь, сильная своей безстрастной стойкостью, и она стоила «крика сердца» Врублевскаго. Оратора-октябриста слушали, затаивъ дыханіе. Онъ кончилъ, — мертвое молчаніе продолжалось. Смѣлость Гучкова ошеломила многихъ. Опомнившись, стали слегка шикать. Затѣмъ на кафедре вышелъ П. Н. Милюковъ и сталъ выпучивать рѣчь Гучкова. Онъ изловилъ послѣдняго въ плохомъ знаніи государственнаго права, поймалъ даже въ нѣкоторомъ невѣжествѣ (А. И. Гучковъ что-то напуталъ насчетъ «дуализма» и, по словамъ нынѣшняго кадетскаго лидера, смѣшалъ унію съ автономіей). Г. Милюкову отчаянно хлопали, но слова Гучкова о цѣлости Россіи, его призывъ къ разумному и честному патриотизму — это были слова неизгладимыя и, въ виду тогдашняго смутнаго времени, вдвое цѣнныя. Насмѣшкамъ Милюкова не удалось разогнать ихъ яркаго впечатлѣнія.

Возражалъ и Врублевскій, но на этотъ разъ слабо. Впрочемъ, особенно трудиться и нечего было: съѣздъ написалъ резолюцію не въ пользу мнѣнія А. И. Гучкова. Но Гучковъ съ этого дня выросъ до неузнаваемости.

Послѣднимъ постановленіемъ съѣзда была резолюція о еврейскомъ равноправіи. Къ «дарованному» равноправію прибавили: евреямъ, пострадавшимъ отъ погромовъ, государство обязано прійти на помощь...

Подводя итоги съѣзду обще-земскихъ и городскихъ дѣятелей, можно, конечно, найти въ немъ не мало пустословія, провинціальныхъ грубостей и безтактностей (напримѣръ, депутатъ тверской думы объявилъ, что нынѣшнія русскія событія знаменуютъ «полученіе правительствомъ подзатыльника» (!); предсѣдатель остановилъ оратора и просилъ его выражаться приличнѣе); было на этомъ съѣздѣ много излишняго азарта, суматохи и политическихъ ошибокъ, но въ то же время нельзя не поставить ему въ заслугу подготовку будущимъ нашимъ парламентаріевъ. Милюковъ, Родичевъ, Кокошкинъ, Ледницкій образовали ядро кадетской партіи.

А. И. Гучковъ рѣчами на этомъ съѣздѣ какъ бы кликнулъ кличь, и къ нему пошли октябристы. Графъ Гейденъ, прекрасный человекъ, гуманный дѣятель, полезный и нужный для всякой партіи, сталъ во главѣ новой группировки—партіи «мирнаго обновленія». Тутъ же опредѣлились дѣятели будущаго «польскаго кода», выяснились идеалы польскихъ депутатовъ и программы различныхъ партій. Каждое засѣданіе съѣзда было высокопоучительно. Это были первыя политическія лекціи о будущей парламентарной жизни Россіи. Города и земства, повторяю, дали все выдающееся изъ своей среды, и Москва услышала рѣчи разнообразныя, талантливыя, зажигательныя и просвѣщающія...

А. И. Гучкову, конечно, не прошла даромъ его стойкость и смѣлость. 15 ноября въ засѣданіи городской думы было оглашено заявленіе городскихъ служащихъ о томъ, что общественная дѣятельность гласнаго А. И. Гучкова «не соотвѣтствуетъ тѣмъ демократическимъ началамъ, которыя выдвигаются передъ городскимъ самоуправленіемъ самой жизнью и великимъ освободительнымъ движеніемъ, въ силу чего всѣ служащіе протестуютъ противъ кандидатуры А. И. Гучкова на должность московскаго городского головы, какъ равно будутъ протестовать и противъ всякаго кандидата реакціоннаго лагеря».

А. И. Гучковъ, дѣйствительно, считался у насъ кандидатомъ въ городскіе головы. При первыхъ выборахъ записками за него хотѣли голосовать многіе, но вдругъ произошла какая-то еще менѣе ожидаемая перетасовка: въ кандидатахъ очутился Н. И. Гучковъ, а А. И. Гучковъ весь ушелъ въ хлопотливое дѣло организаціи партіи «союза 17 октября».

Я въ то время ѣздилъ къ А. И., чтобы потолковать и о новой партіи, и о будущемъ головѣ. Гучковъ глядѣлъ тогда впередъ взоромъ побѣдителя. Онъ откровенно сказалъ мнѣ, что его братъ наиболѣе отвѣчаетъ роли городского головы: онъ человекъ тактичный, мягкій, умѣющій умиротворять и т. п.

— А я человекъ политической борьбы, и мое присутствіе къ новой государственной думѣ гораздо нужнѣе!

Увы, онъ, какъ и многіе изъ общественныхъ дѣятелей, и не подозрѣвалъ объ истинномъ настроеніи москвичей. Въ тѣ дни у насъ любой избиратель чувствовалъ себя какъ бы цензоромъ политическихъ нравовъ и всюду чужалъ лукавство власти и черносотенство чиновниковъ. Москва изъ одной крайности ударила въ другую: изъ сонной, вялой и отставшей она быстро превратилась въ энергичную, взбудораженную и что-то ужъ черезчуръ передовую. Большинство избирателей желало освободительныхъ реформъ и сочувствовало всѣмъ лѣвымъ партіямъ. Вотъ почему кадеты, видѣвшіе въ Г. Думѣ арену пропаганды своихъ идей, имѣли на пер-

выхъ выборахъ въ Москвѣ безпримѣрный успѣхъ. А плохо соорганизованная партія «союза 17 октября», обезсиленная уходомъ купечества въ торгово-промышленную, провалилась самымъ злымъ образомъ...

Пора была приступать къ выборамъ, пора открывать Г. Думу!

Революціонныя сходки и всевозможные митинги разлились по всей Россіи. Начался бунтъ въ войскахъ и во флотѣ. Въ Москвѣ арестовали 19 ноября всѣхъ членовъ бюро крестьянскаго съѣзда. Это произвело взрывъ. Газеты печатали статьи, доказывая, что такой арестъ—возвратъ къ прежнему режиму. Скоро открылся съѣздъ 80-ти делегатовъ всероссійскаго почтоваго союза. На первомъ засѣданіи постановили разослать по всѣмъ линіямъ желѣзныхъ дорогъ такой «циркуляръ»:

«Отвѣта Витте на просьбу принять уволенныхъ на службу—нѣтъ. Бастуйте. Съѣздъ продолжается».

Полиція ринулась въ помѣщеніе съѣзда и немедленно его закрыла.

Съ этого дня началась знаменитая забастовка почтъ и телеграфовъ. Письма, газеты, бандероли, посылки—все это было навалено горами не только въ помѣщеніи почтамта, но и на его дворахъ, лѣстницахъ, въ сѣняхъ и коридорахъ...

Я ходилъ по этому морю корреспонденціи вмѣстѣ съ почтъ-директоромъ и ужасался массѣ пересылаемыхъ предметовъ. Когда же ихъ разберутъ? И можно ли будетъ разобрать это множество?

На другой день въ «Русскихъ Вѣдомостяхъ» безпартійный и объявившій себя «дикимъ» князь Евгенийъ Трубецкой напечаталъ статью, которую я готовъ наименовать «позднимъ обращеніемъ къ человѣческому благоразумію». Недавній либеральный обличитель правительства и сторонникъ крайнихъ свободъ, кн. Трубецкой вдругъ объявилъ, что «необходимо поддержать правительство, такъ какъ близится диктатура анархіи, возможно даже крушеніе всякой государственной жизни и всякой общественности!

Да, судя по забастовкамъ, внезапно превращающимъ стройный порядокъ культурной жизни въ прямую мерзость запустѣнія, кн. Трубецкой былъ близокъ къ истинѣ. Но онъ и многіе другіе поздно спохватились. Они пошли, какъ говоритъ пословица, спустя лѣто въ лѣсъ по малину...

Другой потревоженный авторъ, нѣкто А. Максимовъ, увѣрялъ въ газетахъ, что въ Москвѣ говорятъ о близости вооруженнаго возстанія. При этомъ онъ наивно толковалъ азбучную истину, что съ войсками даже вооруженная толпа бороться не въ состояніи, и что поэтому надо оставить армию въ покоѣ. Иначе дѣло свободы сгинетъ безъ слѣда...

Газеты, въ свою очередь, сообщали объ уличныхъ безобразіяхъ, стрѣльбѣ, хулиганскихъ скандалахъ, воровствѣ, грабежѣ и т. п.

Начиналась гроза. Грома еще не было слышно, и лишь издали сверкала красная молнія...

Н. Ежовъ.

(Продолженіе въ слѣдующей книжкѣ).

Р. С. Въ этой статьѣ я упоминалъ о митингѣ въ театрѣ «Аква-риумъ». Надо прибавить, что многочисленный митингъ, разрѣшенный въ силу манифеста 17 октября, гдѣ была объявлена свобода собраній, кончился довольно плачевно.

Наскучивъ слушать нескладныя и одна на другую похожія рѣчи «синихъ блузъ» о томъ, что хозяева эксплуатируютъ рабочихъ и поэтому надо требовать свободы слова, совѣсти, печати и т. д. и т. д., я вышелъ въ садъ и тамъ съ удовольствіемъ вдохнулъ въ себя чистый воздухъ. Однако я тутъ же замѣтилъ, что многіе изъ гуляющихъ по саду и курящихъ «сознательныхъ рабочихъ» соединяются въ группы и о чемъ-то встревоженно разсуждаютъ. Я спросилъ у парня лѣтъ 19, не случилось ли чего?

— Да что, баринъ, плохо наше дѣло! Возлѣ воротъ «Аква-риума» драгуны и городовые стоятъ: кто выйдетъ—бьютъ прикладами, и шабашъ!

— Не можетъ быть, отвѣчалъ я.—Митингъ проходитъ мирно, за что же стануть избивать уходящихъ? Вы получили невѣрныя свѣдѣнія...

— Эхъ, господинъ!—отвѣчалъ парень.—Вѣрно тебѣ говорю! Я самъ хотѣлъ уйти, высунулъ, а меня солдатъ какъ шарахнетъ! Я назадъ, смотрю—барышню саданули въ два приклада, она такъ и покатила...

— Какъ, и женщинъ бьютъ...

— Всѣхъ! Говорятъ тебѣ, дѣло дрянъ! А вотъ стемнѣетъ, сюда зайдутъ, и тогда, братъ, только держись...

Нашъ разговоръ услышало нѣсколько человекъ. Всѣ были явно испуганы словами парня.

— Вотъ что, господа!—сказалъ какой-то субъектъ въ сѣрой поддевкѣ.—Надо на Бронную, черезъ заборъ перемахнуть...

— Гдѣ, гдѣ можно перелѣзть? Показывай!

— Вонъ тамъ! Идемъ скорѣе... Только, товарищи, у кого есть револьверы—кидай въ снѣгъ... А то тамъ, на улицѣ ежели схватятъ тебя съ оружіемъ, тогда живой не уйдешь отъ нихъ!

— Мы ужъ кинули!—послышался голосъ.—Тамъ наши столько револьверовъ закопали, что страсть... Пошли потомъ къ выходу, а городовые и драгуны насъ бить... Мы—назадъ!

— Ну, безъ разговоровъ! Скорѣе! Вались, ребята!

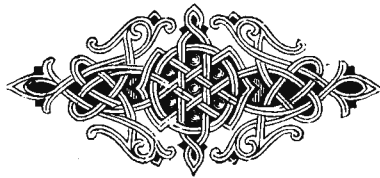
Выслушавъ все это, я поневолѣ присоединился къ бѣгунамъ и «перемахнулъ» черезъ заборъ, оборвавъ нѣсколько пуговиць своего пальто.

Къ счастью, на улицѣ, гдѣ мы очутились, не было ни души, и мы избѣгли, можетъ быть, серьезныхъ увѣчій или хотя бы оскорбительныхъ побоевъ.

Вспоминая этотъ прискорбный случай, я никакъ не могу понять образа дѣйствій тогдашней московской администраціи. То генералы маршировали подѣ краснымъ знаменемъ и ходили съ буйной толпой освобождать заключенныхъ, то разрѣшались грандіозныя похороны «безъ участія полиціи», а тутъ внезапно устраивали ловушку, впуская тысячи людей на разрѣшенный митингъ, а потомъ звѣрски расправлялись съ выходящими и мужчинами и женщинами. Вечеромъ, кромѣ того, въ «Акваріумѣ» было, по слухамъ, арестовано много участниковъ собранія. Спрашивается, за что? За разговоры о «четырёхчленной формулѣ» и за вопросы: «Что такое свобода?»

«Только растерянностью и можно объяснить подобные поступки власть имѣющихъ», но въ критическіе моменты плохо и вредно ею распоряжающихся...

Н. Е.

ХУНХУЗЫ.

I.

ЛОВО «хунхузы» въ достаточной степени знакомо всей читающей Россіи. Однако мнѣ ни разу не приходилось видѣть на страницахъ нашихъ повременныхъ изданій вполнѣ яснаго и точнаго опредѣленія, что такое хунхузы. Между тѣмъ это чрезвычайно сложное и интересное явленіе государственной жизни Китая.

Мнѣ довелось два года прожить бокъ-о-бокъ съ хунхузами, тѣсно съ ними сблизиться, понять ихъ, научиться уважать ихъ, бояться и заставлять ихъ, въ свою очередь, бояться себя. Поэтому я беру на себя смѣлость въ настоящемъ очеркѣ дать нѣсколько новое и болѣе полное освѣщеніе хунхузскаго вопроса. Оно довольно наглядно иллюстрируетъ ту «желтую опасность», которая зародилась и прогрессивно крѣпнетъ и усиливается здѣсь на

Дальнемъ Востокѣ.

Опасность эта всецѣло зависитъ отъ индивидуальныхъ свойствъ китайцевъ, по крайней мѣрѣ тѣхъ представителей желтой расы, которые наводнили сѣверныя области Небесной имперіи и съ которыми намъ уже очень приходится считаться. При самомъ, поверхностномъ даже, знакомствѣ китайцы поражаютъ своею способностью и умѣньемъ вести торговлю, поражаютъ своей промышленной изобрѣтательностью. Они отличаются своей всеядностью: питаются рѣшительно всѣмъ—мясомъ кошекъ, собакъ, крысъ; ѣдятъ свѣжее мясо и падаль; ѣдятъ чуть ли не всѣ породы грибовъ, лишай, стелющиеся и лѣсные коренья и травы. Китайцы большіе гастрономы, обѣды

нихъ иногда имѣютъ болѣе 100 блюдъ, и въ то же время они могутъ довольствоваться самымъ малымъ количествомъ пищи, чего для европейца совершенно недостаточно. Китайцы поражаютъ своею способностью къ ремесламъ: въ годъ китаецъ основательно можетъ изучить любое мастерство. Они отличные столяры, плотники, каменщики, кузнецы, маляры; отличные, аккуратные кочегары и машинисты, портные, часовыхъ дѣлъ мастера и т. д.

Китайцы замѣчательные лингвисты; въ какой-нибудь годъ они научаются сносно, со своеобразнымъ акцентомъ, говорить по-русски, читать и писать. Они отличная прислуга, хорошіе повара, прачки, лакеи (бойки). Китайцы лучшіе въ мѣрѣ земледѣльцы, рыболовы, отличные охотники на всякаго звѣря и птицу, примѣняя для этого не порохъ и свинецъ, а множество всякихъ разнообразныхъ силковъ, ловушекъ, капкановъ, основанныхъ на точномъ изученіи характера, привычекъ и образа жизни ловимыхъ животныхъ. Китайцы хорошіе наѣздники и вообще отличные дрессировщики животныхъ. Запряжка чуть не въ десять лошадей управляется ими голосомъ безъ вожжей. Лошадь, переступившая и запутавшаяся въ постромкахъ, подымаетъ ногу сама по приказанію возницы и становится правильно въ упряжку. Китайцы въ сущности безъ религіи, они поклоняются предкамъ, живутъ въ настоящемъ и прошломъ и смотрятъ впередъ за нѣсколько поколѣній. У нихъ почти не развита каста духовенства. Они совершаютъ въ память предковъ нѣсколько несложныхъ обрядовъ и этимъ въ сущности исчерпывается весь ихъ религіозный культъ. Китайцы въ нравственномъ отношеніи, съ нашей точки зрѣнія, стоятъ очень низко. Въ душѣ всѣ они преступники. Если для каждаго изъ нихъ станетъ вполне ясна его безнаказанность, то онъ не задумается изъ-за рубля убить чело-вѣка—европейца главнымъ образомъ. Китайцы поражаютъ своею жестокостью и полнымъ равнодушіемъ къ чужимъ страданіямъ.

Они не боятся смерти, смотря ей прямо въ глаза. Китайцы—народъ безчестный, но въ то же время люди большого расчета. Китаецъ можетъ на слово вернуть или сохранить хотя бы миллионъ, но только въ томъ случаѣ, если это нужно или для его престижа, или для хода его коммерческихъ операцій. А иначе самый богатый купецъ рублемъ даже не брезгаетъ.

При всемъ томъ китайцы большіе патріоты и шовинисты и поголовно всѣ ненавидятъ чужестранцевъ. Китай для китайцевъ.

Почти всѣ китайцы грамотны, по крайней мѣрѣ постольку, поскольку это требуется для ихъ торговыхъ и дѣловыхъ сношеній. Среди нихъ въ высшей степени развито уваженіе къ общественнымъ своимъ нуждамъ. Ни одинъ китаецъ никогда не нарушитъ ни одного установленнаго вѣками обычая, служащаго общимъ интересамъ населенія. Вообще китайцы поражаютъ своимъ практическимъ умомъ, хитростью, терпѣніемъ и страшной выдержкой. Въ то же

время они злы, вспыльчивы и мстительны. Наконецъ китайцевъ очень много, и когда начнетъ шевелиться этотъ гигантскій «драконъ», разбуженный отъ своего глубокаго вѣкового сна нами же, европейцами, то «заморскимъ чертямъ» станетъ очень тошно.

«Заморскіе черти» должны помнить, что на Востокѣ, въ скрытомъ пока состояніи, огромное накопленіе энергіи, которая, перейдя въ состояніе явное, можетъ обрушиться гигантской волной на Западъ и захлестнуть и потошить въ себѣ все, что будетъ встрѣчаться на ея пути. Крылатое слово Вильгельма «желтая опасность» съ каждымъ годомъ облачается все въ болѣе и болѣе реальныя формы. И если яркая вспышка энергіи, проявленная уже маленькимъ желтолицымъ народомъ, какъ детонаторъ, передается гигантской китайской массѣ, то недалекъ, быть можетъ, часъ, когда прорицаніе «Михеля» почувствуется на своихъ плечахъ вся Европа.

Всѣ изложенныя положенія можно подтвердить примѣрами и эпизодами изъ дѣйствительной жизни на Дальнемъ Востокѣ, но это очень большой трудъ, который, можетъ быть, будетъ мнѣ и не подь силу, поэтому я выбираю для настоящаго очерка тему, во-первыхъ, наиболѣе всего мнѣ знакомую, а, во-вторыхъ, такую, которая ярче и рельефнѣе всего обрисуетъ именно китайскій типъ, непонятный для насъ и чрезвычайно трудно поддающийся наблюденію.

Хунхузами обыкновенно называютъ всякаго китайскаго разбойника или громилу. Но по китайскому же опредѣленію это не такъ: они подь хунхузами подразумѣваютъ не простыхъ разбойниковъ и городскихъ громилъ, а тѣхъ, которые принадлежать къ довольно многочисленнымъ и хорошо организованнымъ шайкамъ или отрядамъ. Вотъ именно описанію быта этихъ разбойниковъ хочу я посвятить настоящую статью.

II.

Хотя въ минувшую русско-японскую войну въ моемъ даже распоряженіи состоялъ небольшой хунхузскій отрядъ, но знакомство мое съ ними было самое поверхностное, а различнымъ небывалымъ розказнямъ о нихъ какъ-то не вѣрилось. Чувствовалось только, что въ Манчжуріи хунхузничество очень распространенное явленіе и представляетъ собою весьма замѣтную силу, съ которой не только китайскимъ властямъ и населенію, но и нашей администраціи приходилось весьма считаться. Такъ, напримѣръ, строитель Хинганскаго тоннеля, получая транспорты серебра изъ Благовѣщенска, поручалъ охрану ихъ въ пути хунхузамъ за небольшую сравнительно плату. Деньги каждый разъ прибывали въ цѣлости и въ срокъ.

Въ 1906 году я взялъ въ аренду у Китайской Восточной желѣзной дороги угольныя копи близъ разъѣзда Удзимихэ и въ маѣ мѣсяцѣ

собирался туда переселиться. Восточная вѣтвь Китайской дороги большей частью проходить по горной и лѣсистой мѣстности. Необъятныя пространства дремучаго лѣса служатъ здѣсь убѣжищемъ для большого числа пѣшихъ хунхузскихъ отрядовъ. Они главнымъ образомъ располагаются недалеко отъ линіи желѣзной дороги. Это всѣмъ извѣстно. И я сталъ спрашивать о хунхузахъ нѣкоторыхъ агентовъ желѣзной дороги, служащихъ на восточной ея вѣтви.

Всѣ добытыя свѣдѣнія о нихъ сводились приблизительно къ слѣдующимъ общимъ выводамъ.

Горныхъ хунхузовъ очень много, кто говорить 30,000, кто и болѣе. Всѣ они вооружены новѣйшими винтовками и обильно снабжены патронами. Хунхузы составляютъ много отдѣльныхъ отрядовъ, численностью отъ 200 до 700 человекъ. При нѣкоторыхъ отрядахъ есть пулеметы и даже горныя пушки. Они облагаютъ все окрестное населеніе данью, кромѣ того, ловятъ вліятельныхъ и богатыхъ лицъ и требуютъ за свободу ихъ выкупъ. Въ городѣ Харбинѣ и вездѣ по линіи дороги у нихъ много тайныхъ агентовъ, увѣдомляющихъ всегда о грозящей опасности. Поэтому хунхузы всегда все знаютъ и для властей неуловимы. Русскихъ они не трогаютъ, но имъ приходится платить за цѣлость и неприкосновенность жилья и имущества рабочихъ.

Съ такими свѣдѣніями я прибылъ на угольные копи, принялъ ихъ отъ дороги и началъ работать.

На копяхъ и по близости въ лѣсу было много фанзъ, наполненныхъ какими-то китайцами. Это были по большей части шахтеры, среди нихъ нашлись знающіе русскій языкъ. Одного, къ тому же еще грамотнаго по-русски, я взялъ себѣ въ переводчики.

Угольные копи были расположены въ 10 верстахъ отъ главной линіи желѣзной дороги. Къ нимъ отъ развѣзда Удзимихэ шла специальная подъѣздная вѣтка. Кругомъ копей вездѣ дѣвственный дремучій лѣсъ, расположенный на гористой, крайне пересѣченной мѣстности. Гдѣ-то недалеко въ 2—3 верстахъ стояли въ лѣсу хунхузскіе отряды. Полученныя мною общія объ нихъ свѣдѣнія подтвердились показаніями шахтеровъ и вообще лицъ, живущихъ въ районѣ копей.

Недѣли черезъ двѣ послѣ прибытія моего на копи явилась для меня надобность поѣхать въ Харбинъ. Такъ какъ пассажирскій поѣздъ, ходящій по угольной вѣткѣ, не согласовался съ пассажирскимъ поѣздомъ, то во избѣжаніе траты времени на ожиданіе его всего лучше было бы поѣхать верхомъ черезъ тайгу прямо на станцію Удзими. Но для этого надо было заручиться соизволеніемъ хунхузовъ. Переводчикъ мой Занкули, узнавъ, что я хочу поѣхать въ Харбинъ, взялся устроить мою поѣздку. Онъ куда-то исчезъ и, вернувшись черезъ нѣсколько времени, сказалъ, что часамъ къ шести все будетъ готово, и лошади и проводники.

Когда наступило уже время отъезда, на кухню пришел какой-то высокій, жилистый китаец, некрасивый, съ приплюснутым носомъ и сильно развитою нижнею челюстью. Онъ о чемъ-то долго говорилъ съ моимъ переводчикомъ, послѣ чего послѣдній передалъ мнѣ, что лошади готовы и ожидаютъ недалеко, въ сторонкѣ, «вонъ тамъ за оврагомъ». Сюда, къ моему дому подать они не хотятъ, во избѣжаніе излишней огласки.

Я и переводчикъ пошли пѣшкомъ слѣдомъ за китайцемъ, спустились въ оврагъ и на другой сторонѣ за густой порослью орѣшника дѣйствительно увидѣли четырехъ лошадей, которыхъ въ поводу держалъ молодой, съ блѣднымъ и почти красивымъ лицомъ хунхузъ. Онъ съ любопытствомъ, какъ-то радостно и въ то же время подозрительно глянулъ на меня и молча подаль мнѣ лошадь. Китаецъ, который проводилъ насъ сюда, надѣлъ на себя двѣ перевязи съ патронами, вскинулъ за плечи винтовку, стоявшую у ствола огромнаго вяза, и, вскочивъ въ сѣдло, тронулся впередъ. Нѣкоторое время мы подымались на берегъ оврага напрямки, пробираясь сквозь густой кустарникъ. Затѣмъ показалась чуть замѣтная тропинка, проводникъ повернулъ по ней вправо.

Могучая, роскошная, дѣвственная растительность давила меня своей силой, своей чарующей прелестью. Дремуцій лѣсъ, гигантскіе кедръ, прямоствольные орѣхи, дубъ, сѣверная березка, громадные вязы, густой кустарникъ, какія-то громадныя травы, крупные оранжевые цвѣты на нихъ, все это издавало таинственный шопоть, испускало одуряющій сладкій, какой-то медовый ароматъ, и все это жило полной могучей жизнью; торопилось насладиться ею послѣ долгой манчжурской зимней стужи подъ жаркимъ солнцемъ южнаго лѣта. Чуть замѣтная тропинка вилась между стволами лѣсныхъ гигантовъ. Косые лучи солнца пробивались черезъ густую листву, ударяли въ глаза, слѣпили, потомъ снова пропадали, и густыя тѣни ложились на насъ, на листву, на землю. Тогда лѣсъ надвигался на меня, охватывалъ какой-то тайной; дивной чарующей сказкой отъ него вѣяло. И сладко и жутко замирало сердце, и всматривался я въ эту дремучую заросль пытливо и трепетно.

А впереди меня мелькали спины съ винтовками.

И эти люди такая же тайна, какъ чудный, могучій манчжурскій лѣсъ.

И отъ нихъ и отъ лѣса иногда вдругъ какъ-то вскользь, но остро и больно, ударяло по сердцу безотчетнымъ страхомъ, вѣяло какой-то смертью, преступленіемъ, ужасомъ, муками человѣческими, а потомъ опять сладкій пряный запахъ—солнце, шопоть, шумъ, стрекотаніе, и я отдаюсь чарующей силѣ природы цѣликомъ, забываю прожитое, не думаю о будущемъ и живу настоящей жизнью, тѣсно тѣсно сливаясь съ этимъ таинственнымъ міромъ!

Но дивная сказка кончилась, лѣсъ порѣдѣлъ, тропинка вышла на какую-то лѣсную дорожку, изрытую глубокими колеями. Показались полѣнницы дровъ, а гдѣ-то вдали раздался свистъ паровоза. Показалась эта даль, и тамъ бѣлый дымокъ. Еще немного, и виднѣлась уже станція. Мы выѣзжали на полянку. Спутники мои остановились, и Занкули сказали, что они дальше не поѣдутъ, а будутъ здѣсь дожидать его у опушки лѣса.

Прошло мѣсяца два-три, я еще нѣсколько разъ ѣздилъ такимъ же способомъ въ Харбинъ и обратно. Но далѣе мое знакомство съ хунхузами не двигалось ни на шагъ, несмотря на сильное желаніе поближе разсмотрѣть этихъ загадочныхъ, таинственныхъ людей, сила которыхъ чувствовалась и сказывалась во всемъ.

Одинъ разъ стало извѣстнымъ, что хунхузы куда-то ушли, въ одну изъ своихъ таинственныхъ экспедицій. Ихъ не было съ недѣлю, но затѣмъ они появились снова.

Черезъ день послѣ ихъ прихода, какъ-то подъ вечеръ, мой переводчикъ Занкули вошелъ ко мнѣ съ таинственнымъ видомъ и, приотворивъ поплотнѣе дверь, проговорилъ на своемъ волапоукѣ:

— Капитана. Шибко худо есть. Хунхуза ходи на Гирингъ. Много-много китайски солдата ходи, шибко много стрѣляй, солдатъ убита много, хунхуза убита многа, двадцать люди больной сюда сопка приноси. Старшинка Туньянь нога ломай есть. Совсѣмъ больной фанза лежи.

— Ну, такъ что же надо?

— Надо лечи мало-мало. Твоя фельшиль скажи.

Послѣ минутнаго раздумья я рѣшилъ оказать медицинскую помощь раненымъ хунхузамъ и особенно предводителю ихъ Туньяну, про котораго ходило много легендарныхъ разсказовъ.

Въ оврагѣ стояли уже осѣдланная лошадь, и фельдшеръ съ переводчикомъ, сѣвъ на нихъ, скрылись въ лѣсной чащѣ.

Совсѣмъ уже ночью вернулись они обратно, сдѣлавъ перевязки всѣмъ раненымъ хунхузамъ. У предводителя ихъ навывлетъ была ниже колѣна прострѣлена нога, кость повреждена, но, по словамъ фельдшера, рана была «правильная», и черезъ мѣсяць онъ ручался поставить Туньяна на ноги.

Дѣйствительно, недѣли черезъ три Занкули съ важнымъ, торжественнымъ видомъ передалъ мнѣ поклонъ Туньяна и желаніе его лично принести благодарность за оказанную ему помощь. Я понятнo согласился. И на другой день около 6 часовъ вечера на площадкѣ у моего домика подъ тѣнью развѣсистаго орѣха накрытъ былъ столъ, поставленъ китайскій самоваръ и тарелочки съ разными сладостями.

Занкули, облаченный въ новый шелковый, золотистаго цвѣта колетъ и голубыя шаровары, появился изъ-за стоявшей невдалекѣ длинной деревянной казармы для рабочихъ и съ какимъ-то благоговѣніемъ и гордостью сказалъ:

— Идешь!

Опираясь на палку, прихрамывая, шелъ высокій китаецъ въ широкополой соломенной шляпѣ, окруженный десяткомъ хунхузовъ съ винтовками.

Шествіе это остановилось у моего дома.

Туньянъ одинъ вышелъ впередъ и, подойдя ко мнѣ, нагнулся, дотронувшись рукой до земли. Это былъ тонный китайскій поклонъ, послѣ чего послѣдовало рукопожатіе и приглашеніе садиться. Свита Туньяна тоже приблизилась къ столу, отвѣщая такіе же поклоны. Онъ жестомъ разрѣшилъ сѣсть за столъ тремъ китаецамъ, остальные же остались стоять.

Я съ огромнымъ любопытствомъ вематривался въ интересный легендарный типъ не то злодѣя, не то героя, грозу китайскихъ войскъ и чиновниковъ. И дѣйствительно, передо мною сидѣлъ, конечно, недюжинный человѣкъ.

Туньянъ высокаго роста, сухой, жилистый, немолодой уже, въ его густой косѣ серебрились сѣдые нити. Лицо смуглое, желтоватое, немного изрыто оспой, неправильное, некрасивое. Нѣсколько воспаленныя красныя вѣки и большіе черные глаза, грустные, задумчивые и глубокіе. Какимъ-то покоемъ, огромнымъ самообладаніемъ и силой вѣяло отъ всей фигуры Туньяна. Онъ рѣзко выдѣлялся и совершенно не былъ похожъ на его спутниковъ. Что-то сильное, властное чувствовалось въ немъ. Чувствовалось, что это дѣйствительно вождь, за которымъ пойдутъ тысячи, чувствовалось, что это не жестокій, кровожадный головорѣзь-разбойникъ, а сильный умъ, сильная воля. Именно вождь, который силой своего духа можетъ въ желѣзной дисциплинѣ держать свое войско, оно за нимъ пойдетъ въ огонь и въ воду, а онъ, Туньянъ, всегда будетъ во главѣ этого войска и не отступитъ ни передъ чѣмъ, не дрогнетъ передъ лицомъ смерти. Онъ за всѣхъ, всѣ за него.

Я первый освѣдомился о здоровьѣ.

— Капитанъ, ты мнѣ добро большое сдѣлалъ, — произнесъ Туньянъ довольно правильно по-русски, отчетливо, не торопясь. — Я это всегда долженъ помнить. Тебя благодарятъ мои больные. Что мнѣ тебѣ дать, что хочешь?

— Мнѣ ничего не надо, для меня не трудно было послать къ вамъ фельдшера, тутъ никакой услуги не сдѣлано.

Туньянъ снова разсыпался въ благодарностяхъ и въ заключеніе сказалъ, что онъ проситъ его считать моимъ другомъ, и будетъ терпѣливо ждать того «самаго счастливаго дня въ его жизни, когда ему выпадетъ случай доставить мнѣ самую большую радость».

Онъ приглашалъ меня «пролить лучъ свѣта» на его бѣдное жилище, т. е. попросту посѣтить его фанзу.

Я, конечно, былъ этому приглашенію очень радъ, его рѣдко кому приходилось получать.

Отвѣтный визитъ былъ назначенъ на завтра, и въ двѣнадцать часовъ дня я уже былъ тамъ въ лѣсу. На небольшой полянкѣ стояла длинная, крытая камышомъ, глинобитная фанза. Меня уже тамъ ждали. Вдоль дорожки перпендикулярно къ фанзѣ выстроилась длинная шеренга хунхузозъ человекъ въ полтораста, лучшая часть отряда Туньяна. Правый флангъ ихъ примыкалъ къ строенію.

Туньянъ со «штабомъ» вышелъ впередъ къ лѣвому флангу шеренги.

Начались обычныя китайскія присѣданія, справки о здоровьѣ, цвѣтистыя привѣтствія. Я шелъ мимо строя, и каждый хунхузъ, держа ружье у ноги, присѣдалъ, дотрогиваясь до земли кончиками пальцевъ лѣвой руки. На хунхузахъ были обычныя китайскія темносинія куртки и шаровары; на ногахъ кожаные лапти изъ толстой свиной кожи. Всѣ были сплошь обвѣшаны патронами. Двѣ перевязи, надѣтыя черезъ плеча, перекрещивались на груди и спинѣ. Вмѣсто пояса тоже двѣ кожаныя ленты съ патронами. Общій вѣсъ всѣхъ патроновъ на каждомъ хунхузѣ не менѣе пуда. Большинство имѣло на головѣ соломенныя шляпы съ широкими полями, подшитыми синей матеріей. Винтовки у всѣхъ японскія, на длинныхъ ремняхъ. За поясомъ ножи. Народъ большею частью рослый, сухощавый, загорѣлый. Бронзовыя лица, маленькіе раскосые глазки пытливо смотрятъ на васъ, точно хотятъ вывѣдать все, что вы думаете.

У самыхъ дверей, на заваленкѣ сидѣло нѣсколько блѣдныхъ, съ изможденными лицами китайцевъ. Это были раненые, которыхъ лечилъ мой фельдшеръ. Они еще не оправились вполне, но быстро шли на выздоровленіе.

Туньянъ, пропустивъ меня впередъ, знакомъ пригласилъ войти въ его фанзу. Тамъ между длинными рядами канъ ¹⁾ «сервированъ» былъ довольно большой столъ. На немъ стояло много чашекъ съ разнообразными китайскими закусками. Въ большихъ цилиндрическихъ чайникахъ заваренъ былъ чай. «Штабъ» Туньяна усѣлся съ нами за общій столъ.

— Вотъ это мой старшинка Теза,—отрекомендовалъ его Туньянъ.—Онъ начальникъ хунхузозъ, которые хорошо ходятъ.

Подъ командой Тезы былъ дѣйствительно небольшой отрядъ человекъ въ 70 самыхъ лучшихъ ходоковъ. Всѣ они были вооружены коротенькими маузеровскими карабинчиками. Теза могъ въ сутки со своимъ отрядомъ дѣлать чуть не стоверстные переходы.

¹⁾ Лежанки, служащія для отопленія помѣщеній, они же служатъ какъ нары и какъ диваны.

Онъ сидѣлъ передо мной, маленькій, сухой, легкой. Я взглянулъ на его лицо, и мнѣ какъ-то жутко стало. Это было не лицо, а какая-то маска. Равнодушная, безстрастная. Его черные глубокие глаза ничего не выражали, но смотрѣли куда-то въ глубь, черезъ васъ. Теза именно былъ страшенъ своимъ равнодушіемъ. Ни одинъ мускулъ на лицѣ не дрогнулъ бы у него при видѣ самыхъ невѣроятныхъ человѣческихъ страданій. Никакими мольбами и проклятіями невозможно вывести Тезу изъ его ледяного спокойствія. Онъ обыкновенно исполнялъ обязанности главнаго палача въ отрядѣ Туньяна. Не одна сотня жертвъ прошла черезъ руки неумолимаго Тезы. Непроницаемый, безстрастный, онъ не терялъ никогда своего самообладанія, даже въ минуту опасности. Онъ такъ же равнодушно смотрѣлъ въ лицо смерти, которую ему приходилось видѣть не разъ.

Другой старшинка, Цунъ, былъ огромный китаецъ со звѣрскимъ, безобразнымъ лицомъ, но его прямо-таки разбойничій видъ не производилъ такого тяжелаго впечатлѣнія, какъ блѣдное красивое, холодное лицо Тезы. Цунъ былъ начальникомъ отряда относительно хуже вооруженныхъ хунхузовъ, у него были разные ружья и много русскихъ трехлинейныхъ винтовокъ. Ихъ же хунхузы не особенно долюбиваютъ потому, что трудно къ нимъ доставать патроны.

Рядомъ съ Цуномъ сидѣлъ, такъ сказать, «начальникъ штаба» Гуньяна, онъ же «главный бухгалтеръ». Имъ велись самыя точныя и подробныя записи прихода денегъ въ кассу отряда Туньяна и раздачи ихъ хунхузамъ въ счетъ заработка, полный подсчетъ коего и окончательная дѣлежка производилась всегда въ концѣ осени, передъ наступленіемъ сильныхъ морозовъ.

Тутъ же за столомъ въ средѣ хунхузовъ, къ моему удивленію, сидѣлъ китаецъ Пуланфынь, имѣющій свой домъ, лавку на станціи Удзими и занимающійся довольно большими торговыми дѣлами. Онъ на мой удивленный вопросительный взглядъ отвѣтилъ хитрой улыбкой и, какъ-то стыдливо склонивъ голову на бокъ, прижалъ руку къ сердцу и, указывая на Туньяна, проговорилъ:

— И го-янь братка,—что на мѣстномъ волапюкѣ должно было служить признаніемъ въ самой закадычной съ нимъ дружбѣ.

Туньянь на мои вопросы очень охотно отвѣчалъ, рисуя полную картину хунхузскаго быта.

Зимой, въ жестокую маньчжурскую стужу, когда всѣ лѣсныя тропы закрываются сухимъ, иглистымъ, сверкающимъ на солнцѣ снѣгомъ, хунхузы, попрятавъ куда-то свои ружья, принимаютъ обычный видъ мирныхъ «ходовъ» и идутъ въ большіе города и населенные пункты и растворяются въ массѣ китайскаго населенія. У нихъ въ городахъ и по линіи желѣзной дороги на всѣхъ станціяхъ сообщники, у нихъ они находятъ убѣжище, поддержку, за-

нятія. Сообщники эти имѣются вездѣ и въ числѣ челяди, наполняющей дворы дзянь-дзюней, фудутуновъ, даотаевъ, и среди богатыхъ купцовъ. Почти всѣ переводчики при ротахъ и сотняхъ пограничной стражи хунхузы. Поэтому они все знаютъ и всегда могутъ своевременно принять мѣры противъ какихъ бы то ни было враждебныхъ дѣйствій со стороны какъ русскихъ, такъ и китайскихъ властей. Но когда вслѣдъ за первымъ теплымъ весеннимъ вѣтромъ сойдетъ снѣжный покровъ, и тайга зачернѣетъ, нахмурится, распустишь вездѣ болотца, ручейки, тогда двуногіе лѣсные волки бросаютъ все и идутъ въ свои горы и дремучія заросли, достаютъ спрятанное оружіе и быстро формируются въ небольшія группы, которыя затѣмъ со всѣхъ сторонъ сходятся къ своимъ предводителямъ и свертываются въ концѣ концовъ въ сильные отряды.

Это время хунхузской мобилизаціи для нихъ самое тяжелое. Китайскія власти посылаютъ въ лѣса отряды своихъ войскъ. Имъ легко было бы разбить по одиночкѣ слабыя, разрозненные шайки хунхузовъ и не давать соединяться въ большія массы. Но вялость и неосвѣдомленность китайскихъ войскъ извѣстна хорошо хунхузамъ. На китайскіе коронныя отряды нападаетъ какая-нибудь легкая шайка, заводитъ перестрѣлку, втягиваютъ солдатъ въ бой, затѣмъ сама быстро отступаетъ, заманиваетъ и на недѣлю, а то и болѣе, овладѣваетъ всѣмъ вниманіемъ китайскихъ начальниковъ. Подъ прикрытіемъ такой «демонстраціи» другія шайки скоро соединяются въ одно цѣлое, и объ этомъ обыкновенно китайскимъ экспедиціоннымъ отрядамъ посылается полное угрозы увѣдомленіе. Коронныя войска тогда немедленно выходятъ изъ лѣса, и онъ остается всецѣло въ рукахъ хунхузовъ. Они въ своей родной стихіи, они у себя дома.

Дѣлается все теплѣе и теплѣе, почки наливаются, кустарникъ уже гонитъ листь, травка пробивается, черная угрюмая тайга зеленеется, одѣвается въ свой лѣтній уборъ. Хунхузы въ это время готовятся къ дѣлу. Ихъ старшины и вожди собираются то въ одномъ, то въ другомъ мѣстѣ и вырабатываютъ планъ предстоящей кампаніи. Туньянъ и другіе ему подобные предводители цѣлый день на ногахъ, осматриваютъ оружіе, организуютъ продовольственные пункты.

Гдѣ-то на сопкахъ слышны частые ружейныя выстрѣлы. Это идетъ учебная стрѣльба хунхузовъ. Въ это же время принимаются новички, имъ производится испытаніе, знакомятъ ихъ со строгимъ хунхузскимъ уставомъ, съ желѣзной дисциплиной.

По всей линіи желѣзной дороги отъ станціи Маоэршань до Пограничной стоятъ организованные хунхузскіе отряды. Всѣхъ предводителей 35. Между ними строго разграничены районы ихъ дѣятельности, вѣрнѣе—ихъ владычества. Они дѣйствуютъ самостоя-

тельно и только важные вопросы общаго значенія рѣшаютъ совместно. Въ этомъ главная слабость хунхузовъ. У нихъ нѣтъ центральной власти, часто происходятъ несогласія, и отряды поэтому нерѣдко дѣйствуютъ вразбродъ.

Все мѣстное населеніе изъ-за страха отчасти, а также и по убѣжденіямъ на сторонѣ хунхузовъ; оно ихъ кормитъ и оказываетъ всякое содѣйствіе. Оно обложено, такъ сказать, податью, но не особенно обременительной; характеръ этой подати скорѣе всего подоходный.

Въ маѣ мѣсяцѣ хунхузы уже «работаютъ». Дѣятельность ихъ двоякая. Во-первыхъ, они, какими-то невѣдомыми способами, вылавливаютъ богатыхъ купцовъ-китайцевъ и крупныхъ чиновниковъ, уводятъ ихъ въ лѣсъ и требуютъ выкупа за ихъ свободу, который почти всегда бываетъ внесенъ. Во-вторыхъ, они уходятъ въ далекія экспедиціи, подходятъ къ городамъ и богатымъ селеніямъ, нападаютъ тамъ на базары, грабятъ ихъ, или же прямо требуютъ дани, которая также въ большинствѣ случаевъ имъ выплачивается.

Помимо этого общаго характера дѣятельности хунхузовъ, въ ней есть много еще специальныхъ оттѣнковъ и деталей, но о нихъ потомъ.

Такъ время проходитъ до осени и когда листъ опадаетъ, тайга чернѣетъ, морозъ сковываетъ землю, тогда хунхузы, раздѣливъ между собой всю добычу, прячутъ оружіе и уходятъ изъ лѣса. Остаются на зимовку только небольшіе отряды въ самыхъ глухихъ отдаленныхъ мѣстахъ тайги. Это, такъ сказать, кадры хунхузскаго войска.

Послѣ перваго моего знакомства съ Туньяномъ мы стали встрѣчаться съ нимъ чуть не ежедневно. Онъ обыкновенно подходилъ къ послѣобѣденному чаю и выпивалъ его у меня по нѣскольку стакановъ съ вареньемъ, которое, кстати сказать, очень любилъ.

III.

На вопросъ: что такое хунхузы?—обыкновенно отвѣчаютъ: это разбойники. Конечно, это разбойники, но, скажу также коротко, не простые, а особенные.

Чтобы уяснить себѣ, въ чемъ же заключается «особенность» ихъ, я опишу нѣсколько извѣстныхъ мнѣ хунхузскихъ біографій, а изъ нихъ уже ясно, самъ собой создается общій выводъ и, можетъ быть, станетъ понятенъ и отвѣтъ на вопросъ, поставленный въ заголовкѣ.

1) «Купеза» *Вампуинъ*. Четыре года тому назадъ молодой, щеголевато одѣтый китаецъ вмѣстѣ съ толпой прибывшихъ пекинскихъ пассажировъ выходилъ изъ вагона на перронъ вокзала въ

Инкоу. Съ важнымъ видомъ, по-начальнически отдавалъ онъ какія-то приказанія грязному оборванному китайцу, несшему его ручной багажъ. Вампуинъ былъ счастливъ и полонъ надеждъ, бодро и весело смотрѣлъ впередъ въ неизвѣстное, но заманчивое будущее, которое рисовалось ему въ розовомъ свѣтѣ. Онъ только что получилъ полный расчетъ изъ конторы чайной плантаціи. У него были деньги. Онъ говорилъ хорошо по-русски, умѣлъ читать и даже писать.

Онъ ѣхалъ на сѣверъ въ Маньчжурію, тамъ только что загоралась война, а Вампуинъ зналъ, что это такое. Онъ со своимъ знаніемъ языка и умѣніемъ вести торговые обороты даже крупной фирмы надѣялся такъ или иначе выгодно устроиться. Наконецъ, у него тамъ гдѣ-то былъ братъ-шахтеръ, работавшій на угольныхъ копахъ въ качествѣ мелкаго подрядчика. На его-то зовъ загребать русское золото Вампуинъ и рѣшилъ ѣхать въ далекую Маньчжурію. До Синминтина добрался онъ благополучно, а дальше до Мукдена надо было ѣхать по дорогѣ, занятой хунхузами. Но это обстоятельство не смущало Вампуина, какъ вообще не смущало никого изъ китайцевъ, надо было только заплатить хунхузскому старшинкѣ нѣсколько ланъ, вообще что слѣдовало по положенію. Въ тотъ же день по прибытіи въ Синминтинъ вечеромъ въ заѣзжій домъ, въ которомъ остановился съ нѣсколькими попутчиками Вампуинъ, явился старшинка и взыскалъ слѣдующую пропускную плату. Онъ выдалъ взаменъ ея каждому пассажиру по зеленой бумажкѣ съ желтой каемкой, на которой было написано имя предводителя хунхузовъ. Рано утромъ, усѣвшись въ фудутунку, ѣхалъ Вампуинъ, подсакивая на твердыхъ, какъ камень, замерзшихъ колеяхъ и выбоинахъ грунтовой дороги.

Недѣли черезъ двѣ Вампуинъ съ братомъ добывалъ для желѣзной дороги уголь по очень выгодной для нихъ цѣнѣ. Братъ его постоянно на шахтѣ, а самъ Вампуинъ, благодаря его «хорошимъ манерамъ», умѣнью говорить по-русски и вообще благодаря его бывалости, околачивался въ конторѣ и обдѣлывалъ тамъ очень ловко свои дѣлишки.

Онъ уже въ компаніи со штейгеромъ, и потому уголь выбирался безъ всякихъ правилъ и предосторожностей, выработка ведется только выгодная. Не бѣда, что на дняхъ задавило трехъ забойщиковъ, но это вѣдь китайцы—они «не считанные».

Послѣ Мукденскаго «ломаило» Вампуинъ въ Харбинѣ получаетъ окончательный расчетъ. На рукахъ у него очень выгодный пріемочный актъ, въ немъ описаны работы тѣ, которыя были, и даже тѣ, которыхъ не было.

Война подходит къ концу. Вампуинъ держитъ два винно-бакалейныхъ магазина въ Харбинѣ. Но это былъ уже закатъ его счастья. Тутъ не помогла Вампуину даже врожденная китайская

способность вести торговлю. Онъ все предвидѣлъ, но не рассчиталъ только того, что вагонъ съ цѣннымъ товаромъ, въ числѣ котораго было 200 ящиковъ шампанскаго, безслѣдно куда-то пропалъ. Не рассчиталъ онъ также и того, что участокъ подъ домъ отвели Вампуину не свободный, а кому-то раньше принадлежавшій. Не предвидѣлъ онъ, однимъ словомъ, много такихъ чисто «желѣзнодорожныхъ обстоятельствъ», которыя даже и китайцамъ во снѣ не снились.

Все благосостояніе бр. Вампуинъ и К^о рухнуло какъ-то сразу, и они очутились уже въ долгахъ. Братъ скрылся неизвѣстно куда, а Вампуина арестовала китайская полиція. Онъ отдалъ послѣдніе гроши, и дао-тай его отпустилъ, вздувъ для порядка палками.

Наступила весна. Но не сладкій трепеть, не истома, не тихая грусть, смѣняющаяся какой-то безотчетной радостью, надеждой, охватили Вампуина. Нѣтъ, его охватило чувство обиды, ярости, ненависти къ себѣ, къ людямъ, ко всему міру, а въ особенности къ тому жирному усатому полковнику, который шурился, какъ котъ, и зѣвалъ, оглаживая пухлой рукой съ длинными грязными ногтями свою лоснящуюся морду въ то время, какъ его, Вампуина, жестоко били. Онъ въ грязномъ, вонючемъ притонѣ, избитый, разоренный, стоналъ всю ночь. Временами вскакивалъ и въ безсильной злобѣ рычалъ, какъ звѣрь.

Онъ прямо сходилъ съ ума. Передъ глазами его стояла эта ненавистная рожа, это тучное тѣло; но онъ видѣлъ на немъ ножевыя раны, а изъ нихъ лилась ручьями кровь. Онъ не думалъ, не объяснялъ себѣ ничего, онъ проникся весь какимъ-то ссзнаніемъ, увѣренностью, что всѣ несчастія, обрушившіяся на него, рѣшительно всѣ, зависятъ отъ этого полковника. Въ лицѣ его онъ долженъ былъ отомстить за всѣ пережитыя страданія. На другой день утромъ Вампуинъ въ поѣздѣ зайцемъ ѣхалъ изъ Харбина на востокъ. а еще черезъ день онъ въ шайкѣ и даетъ Цуну страшную хунхузскую клятву...

2) «Сынка». Туньяна всегда сопровождаетъ молодой китайченокъ, подростокъ лѣтъ 16, «сынка», какъ называютъ его хунхузы. Онъ боготворитъ Туньяна, ходитъ за нимъ по пятамъ, какъ вѣрная собака, не сводитъ съ него глазъ. На «сынкѣ», какъ и на всѣхъ, тоже пудъ патроновъ, но они, видимо, не тяготятъ его, и маленькая, но плотная фигурка «сынки» легко перескакиваетъ черезъ канавы и поваленные стволы деревьевъ въ лѣсу. Его открытое простоватое лицо всегда радостно и бодро, а ласковый взглядъ «сынки», оторвавшись отъ Туньяна, съ любовью останавливается на отличномъ новенькомъ карабинѣ, который крѣпко сжимаютъ его маленькія, почти дѣтскія руки съ розовыми тонкими пальцами.

Два года тому назадъ «сынка» съ отцомъ и старшимъ братомъ возили изъ лѣсу дрова у монополиста Китайской жел. дороги,

крупнаго подрядчика Скидельскаго. У нихъ ходило пять саней, имѣли работниковъ, жили зажиточно, и отецъ прикапывалъ деньжонки, думая на будущій годъ расширить дѣло.

Раннею весною въ фанзу, въ которой жилъ «сынка», пришло человекъ 15 знакомыхъ китайцевъ. Это были хунхузы. Каждый годъ они въ это время проходили мимо «сынкинаго» дома. Всегда останавливались въ немъ, приносили много новостей, сами расспрашивали о томъ, какъ въ лѣсу зима прошла, и все было хорошо. Но въ этомъ году, едва только ушли хунхузы, какъ къ отцу «сынки» нагрянули солдаты. Схватили его, повели къ офицеру. Тотъ сталъ его допрашивать: сколько было хунхузовъ, когда они ушли, какъ ихъ зовутъ? Отецъ, конечно, отвѣтилъ полнымъ незнаемъ. Но улики противъ него были сильныя, и онъ очутился въ Имяньпо, въ китайскомъ лѣсномъ бюро. На другой день арестовали брата «сынки». Обыскали весь домъ, забрали все цѣнное. Нашли также и деньги.

Отца и брата «сынки» увезли въ Ажихэ.

И вскорѣ «сынка» увидѣлъ отца. Но въ какомъ видѣ? Всѣ пальцы рукъ его были обожжены и даже обуглены. Спина—былъ сплошной вздувшійся черно-синій кровоподтекъ, покрытый рубцами и ранами съ какими-то бѣлыми краями. У брата отъ пытки «цѣпочкой» на ногахъ икры были перерѣзаны почти до кости. Красное мясо отворочено, сочилась сукровица...

Они стояли на колѣняхъ, палачъ схватилъ отца за косу, подтянулъ ее къ себѣ. Другой, стоящій съ боку, взмахнулъ прямымъ мечомъ и...—ухъ!—глухой ударъ по шеѣ. Отецъ ткнулся ничкомъ въ землю, и сразу вокругъ него лужа крови, конвульсія въ спинѣ и въ связанныхъ назадъ рукахъ.

«Сынка», какъ безумный, полный ужаса, рванулся сначала впередъ къ трупу, потомъ бросился бѣжать куда-то въ сторону.

Желѣзные нервы китайца все перенесутъ. Черезъ два-три дня «сынка» въ отрядѣ Туньяна валется передъ нимъ въ ногахъ и молить принять его въ число хунхузовъ. Туньянъ сначала смѣялся, говоря, что «дѣтей мы не принимаемъ», но, выслушавъ исторію «сынки», сказалъ короткое «хоу». И однимъ хунхузомъ еще прибавилось.

Теперь «сынка» счастливъ. Хунхузамъ попался въ лапы Ванминъ, тотъ самый офицеръ, который первый арестовалъ отца и брата «сынки». Хунхузы назначили ему выкупъ въ 3,000 рублей. Кровь прилила къ головѣ сынки. Въ вискахъ стучало, мутилось въ глазахъ. Дикая ярость охватила его. Безумная жажда мести и муки. Вѣдь нельзя его тронуть, убить, онъ достойные шайки. Заплатить 3,000 рублей и будетъ свободенъ.

Плѣнникъ связанный стоялъ у дерева. «Сынка» дикими глазами впился въ него и не можетъ оторваться. Онъ ничего уже не видитъ, не слышитъ, не понимаетъ. Нѣтъ, онъ видитъ, впрочемъ,

его, Ванмина, и ту площадь въ Ажихэ, трупъ отца, потокъ крови, ноги брата... Онъ медленно, ничего не соображая, поднимаетъ ружье и смотритъ, жадно, страстно, безумно на него, на того связаннаго человѣка.

Но и Туньянъ зорко слѣдилъ и видѣлъ все, что дѣлалось въ душѣ «сынки». Онъ оттолкнулъ ружье и улыбнулся.

— Ванминъ будетъ убитъ,—произнесъ Туньянъ, обращаясь къ хунхузамъ.—Три тысячи выкупа я вамъ даю. Казнить Ванмина приказываю тебѣ, мальчикъ.

Дикая радость охватила «сынку», онъ завизжалъ и бросился къ Ванмину...

Теперь «сынка» думаетъ другую крѣпкую думу, онъ долженъ отомстить еще тому фудутуну въ Ажихэ. Онъ проситъ Туньяна пустить его съ «удавами» выкрасть фудутуна и притащить въ лѣсъ. Туньянъ далъ слово, что это опасное дѣло онъ поручитъ ему, но только не сейчасъ, а тогда, когда это будетъ удобно. Пока же что за каждымъ шагомъ фудутуна кто-то невидимо, неустанно слѣдитъ и постоянно посылаетъ донесенія въ отрядъ Туньяна.

3) *Братъ Тимошана, Янъ-ю.* У старшаго Тимошана въ Харбинѣ большой, каменный двухъэтажный домъ; въ немъ одна изъ лучшихъ гостиницъ. Она биткомъ набита, никогда нѣтъ свободнаго номера. Арендаторъ получаетъ ежедневно не менѣе 500 руб., но ему, Тимошану, платить по письменному долгосрочному договору только 1,800 руб. въ годъ. Тимошанъ отъ досады грызетъ себѣ руки, но договоръ заключенъ былъ раньше войны и разрушить его никакъ не удастся.

Всѣ вокругъ Тимошана работаютъ, обогащаются, а онъ сидитъ почти безъ дѣла. Правда, онъ богатый человѣкъ, у него дома, земли, но наличныхъ денегъ мало. И вотъ Тимошанъ ищетъ дѣло и наконецъ находитъ. Онъ беретъ большой подрядъ на заготовку сѣна для арміи. Вкладываетъ въ это дѣло весь свой капиталъ. Тысячи косарей работаютъ у него на необъятныхъ монгольскихъ степяхъ. Онъ торопится снять покосъ до наступленія періода дождей, и дѣйствительно успѣваетъ это сдѣлать. Повѣрочная комиссія считаетъ безъ конца, на пространствѣ чуть не 500 кв. верстъ, безчисленное множество зародовъ. Все хорошо. Дожди кончаются, дороги подсыхаютъ, Тимошанъ начинаетъ вывозить сѣно къ линіи дороги. Сдаетъ его и получаетъ деньги. Заработокъ рубль на рубль.

Но наступилъ миръ. Зима, усиленный вывозъ войскъ, распродажа лошадей, и сѣно становится ненужнымъ. Тимошану отказываютъ въ дальнѣйшей пріемкѣ его, придираясь къ какимъ-то нарушеніямъ контракта. Онъ получилъ деньги только за вывезенное сѣно, а то, что осталось въ степи, не нужно и не оплачено.

Правда, Тимошанъ ничего не потерялъ, но и не заработалъ. Вернулъ свой капиталъ и зря «провелъ только время».

Но вслѣдъ за этой неудачей на Тимошана неожиданно обрушилась бѣда. Интендантство должно было за сѣно платить аренду китайскому правительству по копейкѣ съ пуда. Оно дѣйствительно и заплатило, но только за то сѣно, которое было выставлено къ линіи дороги, а за сѣно, хотя и скошенное въ степи, платить отказалось.

Новый ццикарскій дзянь-дзюнь, ненавистникъ Россіи, обозлился и потребовалъ къ себѣ Тимошана. Какіе у нихъ были разговоры, неизвѣстно, но только дзянь-дзюнь посадилъ Тимошана въ тюрьму и приказалъ ему за все скошенное сѣно внести пени 30,000 руб. въ десятидневный срокъ подъ страхомъ, въ случаѣ несостоятельности, смертной казни. Тимошанъ, зная, что тутъ ничего не подѣлаешь, просилъ пустить его за деньгами въ Харбинъ. Дзянь-дзюнь согласился, но въ залогъ арестовали родного брата Тимошана, которому въ случаѣ неуплаты въ срокъ—голову долой.

Старшій братъ поѣхалъ въ Харбинъ за деньгами.

Десять дней показались для младшаго Тимошана вѣчностью. Дзянь-дзюнь прежде всего забилъ ему ноги въ колодки. Черезъ день послѣ этого приказалъ къ колодкамъ приковать и руки. Такъ молодой Тимошанъ лежалъ въ такомъ видѣ въ смрадномъ, сыромъ, темномъ подвалѣ. Его ѣли клопы и вши.

Когда былъ внесенъ платежъ, то узника вынесли на рукахъ. Ноги его вздулись, почернѣли, всѣ члены задеревенѣли, онъ долго еще не могъ самъ шевельнуть ни ногой, ни рукой. Съ нимъ сдѣлался жаръ, бредъ.

Старшій братъ его рѣшилъ искать правосудія, продалъ за безцѣнокъ свой домъ и съ этими деньгами поѣхалъ въ Пекинъ съ жалобой на дзянь-дзюня. Черезъ полгода онъ вернулся безъ денегъ, нищимъ. Все оставилъ онъ у пекинскихъ чиновниковъ и не добился ничего. Изъ богатаго китайца онъ превратился въ мелкаго лавочника, открывъ торговлю съ оборотнымъ капиталомъ въ 500 рублей. Правда, у него оставалась еще претензія къ русской казнѣ тысячъ въ тридцать, но какъ ихъ получить? Нужно вести судебный процессъ, длинный, тягучій. Нужны для этого тоже деньги и немалыя. Младшій братъ Тимошана ходилъ съ недѣлю темнѣе тучи и затѣмъ пропалъ.

Еще однимъ хунхузомъ прибавилось тогда у Туньяна.

4) *Оріантскій бойка Василій*. Исторія простая и несложная. Василій, служа въ гостиницѣ «Оріантъ», зарабатывалъ на чайхъ огромныя деньги. Но еще больше проигрывалъ въ кости и тратилъ на женщинъ, особенно русскихъ, которыя ему нравились больше китаянокъ. Въ концѣ концовъ онъ подстерегъ одного хорошо платившаго ему на чай постояльца, у котораго надѣялся найти деньги. Убилъ его въ переулкѣ недалеко отъ гостиницы, нашель въ кар-

манѣ кошелекъ всего съ семью рублями и въ ту же ночь скрылся безслѣдно, чтобы сдѣлаться хунхузомъ.

б) *Шахтеръ подрядчика Селена*. Селень добываетъ «китайскимъ способомъ» уголь для желѣзной дороги.

Всѣ мысли его заняты не столько самой добычей, такъ сказать, техническимъ вопросомъ, сколько тѣмъ, чтобы не платить своимъ рабочимъ денегъ. У Селена довольно странная манія: онъ не можетъ отдавать денегъ. Для него совершенно не мыслимъ и не переносимъ самый видъ платежа. Онъ органически не можетъ вынуть рубль изъ кармана и отдать его кому бы то ни было. Селень готовъ дать плату за работу, онъ отъ этого никогда не отказывался, но какъ-нибудь иначе, только не деньгами. Онъ выработалъ совершенно особый пріемъ, чтобы избѣгать ненавистныхъ для него денежныхъ платежей. Селень въ Харбинѣ подыскиваетъ какую-нибудь паровую мельницу и продаетъ ей нѣсколько вагоновъ угля изъ своей шахты. Взамѣнъ этого получаетъ вагонъ муки. Часть ея въ Харбинѣ же онъ мѣняетъ на бобовое масло, чумизу и сахаръ и весь товаръ везетъ къ себѣ на шахту. Своимъ рабочимъ онъ платитъ аккуратно, но не деньгами, а товаромъ. Денегъ же у него никогда нѣтъ или почти никогда, потому что послѣ большого скандала, особенно если Селена къ тому же еще побьютъ его шахтеры, ему приходится раскошелиться. Эти дни причиняютъ Селену глубокое горе, и онъ послѣ выдачи денегъ ходитъ самъ не свой, какъ помѣшанный. Несмотря на колоссальную фигуру, громадное лицо съ крупнѣйшими чертами и акулій ротъ съ лошадиными зубами, Селень въ эти дни ведетъ себя, какъ ребенокъ, и часто принимается плакать и выть тоненькимъ, какимъ-то дѣтскимъ голосомъ.

Сегодня у Селена была неприятность. На него наѣлъ старшій забойщикъ. Но наѣлъ одинъ, и потому Селень проругался съ нимъ до вечера, вступалъ нѣсколько разъ даже въ драку, выдержалъ характеръ до конца и денегъ все-таки не далъ. Забойщикъ Селена, не добившись ничего, поклялся проломить ему голову. Ночью во время сна Селень получилъ по лбу страшный ударъ острой кайлой. Безъ памяти, съ разбитой въ черепки лобной костью доставленъ былъ Селень въ желѣзнодорожную больницу. Долго былъ при смерти, но такая лошадь, какъ Селень, все вынесетъ, и мѣсяца черезъ три его выписали изъ больницы.

Шахтеръ-убійца, конечно, скрылся и, конечно, сдѣлался хунхузомъ.

б) *Патріотъ Туньянъ*. Когда-то онъ былъ школьнымъ учителемъ въ одномъ изъ городовъ Южнаго Китая.

Въ народѣ зарождалось движеніе противъ иностранцевъ, и одновременно съ нимъ падало довѣріе къ правительству, слабость котораго дѣлалась для всѣхъ жителей приморскихъ городовъ съ каждымъ днемъ яснѣе и яснѣе. Народники-патріоты, объеди-

нясь подь лозунгомъ «Китай для китайцевъ», вошли въ связь съ правительствомъ. Сначала все шло хорошо. Государственная власть и народная партія были единомышленники, они всѣ шли къ общей цѣли. Но государственная власть, во главѣ со старой императрицей, стала заправилою этого движенія. Патріоты - народники повѣрили въ мудрость и неподкупность этой власти, и вскорѣ потерпѣли горькое разочарованіе. Продажность правительства, особенно Лихунчана, чудовищный эгоизмъ сановниковъ, косность, полнѣйшее незнаніе силъ противника, заморскихъ чертей,—разбили всѣ иллюзіи патріотовъ.

Учитель Туньянь на небольшой сходкѣ далъ клятву положить жизнь за народное дѣло и мстить безпощадно тучному, сонному, лѣнивому, развращенному и продажному правительству. Его горячая рѣчь глубоко запала въ душу слушателей. И они почти всѣ дали ту же клятву и вмѣстѣ съ Туньяномъ пошли на сѣверъ, въ лѣса Маньчжуріи, гдѣ, взявшись за оружіе, стали внѣ закона, бросая смѣлый гордый вызовъ тому правительству, которое не живетъ для своего народа и не любитъ его. Клятву свою Туньянь держитъ крѣпко и теперь уже онъ предводитель отряда въ 700 хорошо вооруженныхъ хунхузовъ. Онъ сила, которой власти боятся. За его голову назначено 5,000 лань.

7) *Плотникъ Хо-чен-ю и товарищъ его Ли-фу-за.* Хо-чен-ю года два какъ работаетъ въ мастерскихъ 8 участка пути Китайской дороги. Онъ устроился хорошо. Мастеръ онъ хорошій, деньги платять ему исправно. Проживаетъ ихъ онъ не болѣе половины. Но Хо-чен-ю очень жаденъ и то, что онъ получаетъ теперь, не можетъ его удовлетворить. Ему хочется получить больше. Зимой къ нему приходитъ и съ нимъ живетъ до весны его землякъ Ли-фу-за. Они когда-то вмѣстѣ сѣли на пароходъ въ Чифу и вмѣстѣ же добрались до Владивостока. Ли-фу-за уже три года, какъ хунхузъ. Въ долгіе зимніе вечера онъ рассказываетъ Хо-чен-ю про ихъ лѣтнее житіе, про ихъ экспедиціи. Ли-фу-за любитъ «свое дѣло», любитъ просторъ и ширь лѣсовъ, любитъ крутыя сопки, глубокіе овраги. Любитъ свою независимость, которая, несмотря на желѣзную дисциплину, все-таки ясно ощущается каждымъ хунхузомъ и для Ли-фу-зы есть благо и источникъ наслажденій. Онъ съ наслажденіемъ ждетъ весны, проклиная зимнюю стужу. Но главное, что прельщаетъ болѣе всего Хо-чен-ю, это 420 руб., которые сегодня ему показалъ Ли-фу-за и говорилъ, что это деньги «чистенькія», а въ дополненіе къ нимъ съ марта по ноябрь хунхузы жили на «всемъ готовомъ», ни въ чемъ не нуждаясь, а это тоже чего-нибудь да стоитъ. Выходитъ, что простымъ хунхузомъ быть выгоднѣе, чѣмъ хорошимъ плотникомъ. Съ новаго года вслѣдствіе сокращенія штатовъ Хо-чен-ю уволенъ и уже не работаетъ въ мастерскихъ участка. Этой весной Ли-фу-за идетъ на «сборъ»

въ лѣсъ уже не одинъ, съ нимъ вмѣстѣ Хо-чен-ю. И любопытство и жадность къ деньгамъ, и страхъ, и какое-то точно раскаяніе охватываетъ Хо-чен-ю, но онъ все же не отстаётъ отъ Ли-фу-зы. Къ осени онъ дѣлается убѣжденнымъ хунхузомъ, считая, что ихъ дѣло гораздо лучше, чѣмъ то, которымъ занимался раньше.

Описанныя «біографіи»—все портреты съ натуры, съ живыхъ людей.

Мы видимъ, что весьма различныя побужденія толкаютъ человека въ среду хунхузовъ, но все же главный смыслъ хунхузничества, основа его—это вооруженный протестъ противъ существующаго въ Китайской имперіи порядка. Протестъ этотъ больше всего выливается въ форму личной мести, но также со стороны многихъ является идейнымъ. Несомнѣнно, что хунхузничество отличается нѣкоторыми социальными формами. Пока хунхузы еще не революціонеры. Они наша понизовая вольница, они наша Запорожская Сѣчь. Они признали несовершенство государственнаго строя Китая, признали это открыто, съ оружіемъ въ рукахъ. Они смѣло называютъ зло зломъ и твердо рѣшили не подчиняться ему и не гнуть шею подъ ярмомъ продажнаго китайскаго чиновничества, бюрократическій строй коего окончателно дѣлаетъ жизнь мирнаго обывателя невыносимой. Хунхузы не революціонеры, потому что у нихъ нѣтъ никакой ясной цѣли и программы. Они не задаются вопросами, какъ устранить зло, у нихъ въ основѣ нѣтъ социальнаго ученія. Они, повторяю, только вольница, которая не желаетъ подчиняться правительственнымъ властямъ, считая, что желѣзная дисциплина хунхузовъ все-таки много разъ лучше той безправной, незаконной «свободной жизни», которая государствомъ предоставляется каждому вѣрнопопданному сыну Поднебесной имперіи.

Это объясненіе хунхузничества, мнѣ думается, всего ближе къ истинѣ. Оно въ то же время вполне объясняетъ какъ историческую давность явленія, теряющагося, собственно говоря, во мракѣ вѣковъ, такъ и необыкновенную стойкость и прогрессивный ростъ подобной оппозиціи.

Въ послѣднее время на югѣ Китая зарождается уже настоящее революціонное движеніе. Оно перекинется къ хунхузамъ и найдетъ въ ихъ средѣ благодатную почву для воспріятія идей социализма. Тогда «понизовая вольница» превратится въ революціонную, народную армію, которая вызоветъ большіе перевороты въ государственномъ строѣ Китая. Эта армія встряхнетъ и разбудитъ спящаго дракона. Я думаю, что хунхузы въ недалекомъ будущемъ сыграютъ видную историческую роль. Они будутъ исполнителями революціонной программы. Они будутъ передовыми силами, которыя примутъ первый бой по повелѣнію «народной воли» пробуждающагося Китая.

Правъ я или нѣтъ—покажетъ будущее.

А пока въ послѣдующихъ главахъ я изложу рядъ эпизодовъ изъ хунхузскаго быта, эпизодовъ, списанныхъ съ натуры и потому, надѣюсь, интересныхъ.

IV.

Хунхузы не только всегда все знаютъ, что дѣлается въ ихъ лѣсахъ и сопкахъ, но также имъ извѣстно все, что дѣлается въ городахъ и на линіи желѣзной дороги.

Неудивительно поэтому, когда лѣтомъ 1907 г. они выслѣдили двухъ японцевъ, одѣтыхъ простыми китайцами, которые, высадившись на ст. Мулинъ, пошли на югъ по перевалу для какихъ-то геодезическихъ работъ. Объ этомъ знали, конечно, только хунхузы, и, конечно, не имѣли понятія китайскія власти, наша пограничная стража и жандармерія, занятая всецѣло внутренними революціонными вопросами.

Японцы были немедленно захвачены въ плѣнъ и по хунхузскому обычаю уведены въ другой районъ, подальше отъ мѣста поимки. На этотъ разъ ихъ переправили въ Удзимихэ, въ отрядъ Туньяна. Тамъ выяснилось, что японцы эти—офицеры генеральнаго штаба. На общемъ совѣтѣ нѣсколькихъ предводителей было постановлено назначить за нихъ выкупъ по 25 тысячъ за каждаго. Совѣтъ этотъ прошелъ не безъ горячихъ споровъ. Туньянъ, къ удивленію остальныхъ предводителей, высказалъ мысль, что японцевъ надо отпустить безъ выкупа:

— Я предвижу, что назначеніе большой за нихъ суммы вызоветъ то, что Японія потребуетъ отъ китайскаго правительства принять всѣ мѣры, чтобы освободить захваченныхъ нами офицеровъ. Насколько я знаю япошекъ, они денегъ не дадутъ, но зато могутъ придратъся къ этому случаю, и если наше правительство не выполнитъ ихъ требованія, то можетъ произойти политическое осложненіе, и наша страна, такъ или иначе, теперь, пока она слаба и безсильна, обязательно что-нибудь да прогадаетъ въ этомъ дѣлѣ. Если же въ Пекинѣ рѣшатъ добиться освобожденія японцевъ, то будутъ сюда посланы войска съ юга Маньчжуріи изъ арміи Ю-аншикая; я думаю, что пошлютъ бригаду Джана, и намъ придется принять бой, а это хотя для насъ и не трудно, но все-таки невыгодно.

Эти слова Туньяна вызвали горячіе споры. Нѣкоторые вожаки хунхузовъ соглашались съ нимъ, другіе же были противъ. Въ концѣ концовъ коммерческія соображенія взяли верхъ, и собраніе постановило японцевъ не выпускать безъ пятидесятитысячнаго выкупа.

Немедленно было приказано японцамъ написать письмо, гдѣ было бы изложено это постановленіе хунхузовъ. Въ тотъ же день письмо было опущено въ почтовый вагонъ проходившаго поѣзда.

Другое посланіе, китайское, пошло въ Куаньченцзы на имя тамошняго дао-тая. Въ немъ подробно было изложено все дѣло и указано, что если дао-таю интересна жизнь японскихъ плѣнныхъ, то онъ долженъ принять для переговоровъ хунхузскаго уполномоченнаго. Ему же, въ случаѣ согласія Японіи, должны быть вручены 50,000 р.

Уполномоченнымъ этимъ былъ выбранъ на общемъ собраніи Туньянъ.

Отвѣтъ отъ дао-тая пришелъ скоро; онъ приглашалъ къ себѣ въ Куаньченцзы Туньяна для переговоровъ.

Все это дѣлалось подѣ большимъ секретомъ отъ рядовыхъ хунхузовъ и даже отъ начальниковъ частей.

Поѣздъ станцію Удзимихэ проходилъ въ 2 часа ночи и рано утромъ прибывалъ въ Харбинъ. Старшинкамъ Туньяна было объявлено, что ихъ предводитель долженъ по дѣламъ поѣхать въ Харбинъ, откуда вернется черезъ недѣлю. Хотя такія поѣздки дѣлались нерѣдко хунхузскими начальниками, но всякій понималъ, что тутъ есть нѣкоторый рискъ и что Туньяна сегодня, въ день его отъѣзда, отрядъ, можетъ быть, видить въ послѣдній разъ. Въ виду подобнаго предположенія, каждый хунхузъ, естественно, ощутилъ желаніе проводить Туньяна и бросить на своего вожда, быть можетъ, послѣдній взглядъ.

Начальники хунхузовъ, Теза, Цуя и другіе, со своими сотнями часамъ къ 11 ночи подошли къ тропѣ, по которой долженъ былъ ѣхать Туньянъ. Ночь была темная, безлунная, облачная; парило, послѣ жаркаго дня сырая теплая мгла лежала на днѣ овраговъ и понемногу разрасталась, подымалась все выше и выше и лѣзла на сопки. Туньянъ распрощался уже съ ходоками Тезы, объявивъ имъ, что своимъ замѣстителемъ онъ оставляетъ ихъ ближайшаго начальника Тезу. На эти слова, какъ вздохъ, вырвалось изъ сотни грудей дружное

— Хоу!!!

Теза и нѣсколько другихъ китайцевъ шли вокругъ Туньяна, освѣщая путь масляными шахтерными лампочками. Такіе же красные мигающіе огоньки показались впереди, въ лѣсу. Это вдоль тропы вытянулись хунхузы Цуна. Туньянъ, непрерывно присѣдая, прошелъ мимо длинной шеренги и говорилъ всѣмъ прощальныя привѣтствія.

Тропинка спустилась въ оврагъ. Туньяна и его спутниковъ окутала туманъ, все скрылось въ густой молочной мглѣ, а тамъ на другомъ берегу оврага опять огоньки и третій отрядъ хунхузовъ. Послѣ прощанія съ ними всѣ сѣли на коней, и небольшая кавалькада, тихо разговаривая, гуськомъ, наощупь, безъ огней, потянулась черезъ тайгу. Временами изъ лѣсной чащи вдругъ выходило 5—6 вооруженныхъ китайцевъ, они присоединялись къ всадникамъ и шли съ ними вмѣстѣ. Въ эту ночь вся тропа была занята вплоть до станціи хунхузскими патрулями.

Прошла недѣля, срокъ, данный хунхузами дао-таю для отвѣта, кончился, а Туньянъ не возвращался. Снова собрался въ лѣсу совѣтъ. Плѣнныхъ, по условію, поставленному дао-таю, должны были убить, но хунхузы рѣшили обождать еще немного, пока не получатъ вѣстей о судьбѣ Туньяна отъ двухъ своихъ агентовъ, слѣдившихъ на мѣстѣ за дѣйствіями дао-тая.

Черезъ пять дней ожидаемая съ большимъ нетерпѣніемъ вѣсть наконецъ пришла. Переговоры не привели ни къ чему. Японцы подъ страхомъ объявленія чуть ли не военныхъ дѣйствій потребовали отъ китайскихъ властей выдачи плѣнныхъ. Власти, въ свою очередь, потребовали того же отъ хунхузовъ, угрожая имъ карательной экспедиціей регулярныхъ войскъ въ глубь ихъ родныхъ лѣсовъ. Назначенный для этого генераль Джанъ уже шелъ со своимъ отрядомъ въ Куаньченцзы, чтобы тамъ посадить людей на воинскіе поѣзда. Туньяна дао-тай даже арестовалъ, но не очень «крѣпко», и онъ на другой день бѣжалъ. Назадъ Туньянъ уже не могъ ѣхать по желѣзной дорогѣ и долженъ былъ пробираться напрямки, черезъ горы, изъ Куаньченцзы въ большое селеніе Маянхэ, расположенное въ 600 верстахъ на югъ отъ лиши желѣзной дороги. Тамъ, въ Маянхэ, Туньянъ будетъ уже въ полной безопасности. Хунхузы приготовились къ бою, упрятавъ своихъ плѣнниковъ подальше въглубь лѣса.

Въ половинѣ августа войска генерала Джана высадились на ст. Шитоухецзы.

Дальше пошло что-то странное и страшное. Джанъ входитъ въ глубь лѣса, настигаетъ шайку хунхузовъ; идетъ перестрѣлка.

Въ русскихъ даже газетахъ печатаютъ реляціи Джана: «настигъ шайку хунхузовъ въ 300 человекъ; шайка разсѣяна, оставивъ 50 человекъ убитыми и ранеными; съ нашей стороны потерь нѣтъ...» и т. д. въ такомъ же родѣ.

Ежедневно идетъ «бой за боемъ», хунхузы разбиваются. Джанъ постепенно передвигается на западъ. Наводитъ трепетъ на мирныхъ жителей; арестовываетъ ихъ десятками по подозрѣнію въ сообщничествѣ. Рубить десятками головы, но главной цѣли все-таки не достигаетъ. Хунхузы, несмотря на «пораженія», цѣлы. Помимо гласныхъ военныхъ дѣйствій, Джанъ ведетъ еще негласные переговоры съ хунхузами. Ему надо во что бы то ни стало добыть плѣнныхъ японцевъ здоровыми и невредимыми. Но гдѣ ихъ найти въ необъятной тайгѣ?

Хунхузамъ надо во что бы то ни стало пятьдесятъ тысячъ.

Послѣ долгихъ препирательствъ и безрезультатныхъ перестрѣлокъ Джанъ изъ какихъ-то источниковъ, говорятъ даже, будто бы изъ своихъ личныхъ средствъ, уплачиваетъ хунхузамъ выкупъ.

Чтобы передъ японцами сохранить свой престижъ, продѣлывается до нѣкоторой степени театральное представленіе. Двадцать

солдаты Джана одѣваются хунхузами; приходятъ затѣмъ туда, гдѣ держатся плѣнные, берутъ ихъ и куда-то ведутъ. Плѣнные уже спасены, они въ рукахъ правительственныхъ войскъ, но они этого не знаютъ и должны думать, что ихъ подъ сильнымъ хунхузскимъ конвоемъ переводятъ куда-то въ другое мѣсто. Вдругъ въ лѣсу раздается какой-то окрикъ и залпъ, конвой начинаетъ тоже стрѣлять и затѣмъ разбѣгается. Въ кустахъ мелькаютъ китайскіе коронные солдаты, въ кого-то стрѣляютъ, издаютъ побѣдные крики и, обступивъ японцевъ, торжественно ведутъ ихъ къ Джану.

Японія удовлетворена, китайское правительство тоже, хунхузы получили свои пятьдесятъ тысячъ. Трещитъ только джановскій карманъ, но, впрочемъ, никому точно не извѣстно, какія деньги пошли на выкупъ японцевъ. Еще нѣсколько стычекъ, и Джанъ съ триумфомъ возвращается въ Харбинъ. Въ гиринскомъ бюро ему дѣлается торжественная встрѣча. Онъ побѣдитель хунхузовъ.

Если это такъ, то странно, почему пять тысячъ хунхузовъ не могли уничтожить, сражаясь въ своей родной стихіи, какую-нибудь тысячу регулярныхъ солдатъ Джана? Но на это есть объясненіе, которое указываетъ на хунхузскую тактичность и дальновидность и замѣчательную выдержку. Передъ походомъ Джана именно этотъ вопросъ обсуждался вождями хунхузовъ. Многія пылкія головы предлагали обрушиться всѣми силами на Джана и покончить съ его отрядомъ разъ навсегда. Но болѣе дальновидные предводители разсуждали иначе.

— Если мы уничтожимъ отрядъ Джана, что сдѣлать не трудно, то мы поставимъ правительство наше въ непріятное положеніе. Оно вѣдь дѣйствуетъ подъ давленіемъ Японіи. Оно тогда послѣ неудачной экспедиціи Джана обязательно двинетъ на насъ уже большія силы и, по всей вѣроятности, соединится еще и съ русской пограничной стражей. Если бы мы и тутъ одержали успѣхъ, то противъ насъ пойдутъ еще новыя силы. Въ концѣ концовъ намъ не выдержать. Но главное, все это будетъ страшнымъ несчастіемъ для цѣлаго края. Жители должны насъ кормить, мы силой можемъ заставить ихъ это сдѣлать. Но въ то же время власти разорять и уничтожать много селеній за оказаніе намъ поддержки. Цѣлый край очутится между двухъ огней. Нѣтъ, трогать Джана не надо, покажемъ ему ясно только, что безъ денегъ ему не видать японцевъ, какъ своихъ ушей. Онъ не посмѣетъ итти напроломъ, не пожелаетъ портить своей карьеры, да и побойтсѣ вступить съ нами въ открытую войну. Онъ дастъ выкупъ, и исторія эта будетъ тогда улажена.

Джанъ тянулъ недѣли съ двѣ, нагналъ ужасъ на мирныхъ обывателей, но не испугалъ хунхузовъ.

Терпѣніе у Джана допнуло раньше, чѣмъ у нихъ, и 50 тысячъ хунхузы получили. Туньянъ во время описанныхъ перестрѣлокъ пробрался благополучно къ своему отряду и сейчасъ же переслалъ

Джану письмо, которое сильно повліяло на его рѣшимость и подвинуло на сдѣлку съ хунхузами.

За это лѣто, помимо японцевъ, хунхузы выловили нѣсколько богатыхъ кушцовъ и, кажется, пятерыхъ крупныхъ чиновниковъ. За освобожденіе всѣ заплатили требуемыя деньги, и кампанія 1907 года для хунхузовъ закончилась прибыльно.

V.

По китайскимъ обычаямъ и законамъ, нѣдра земли есть достояніе государства. Оно очень неохотно даетъ частнымъ лицамъ разрѣшеніе на добычу ископаемыхъ богатствъ; тѣхъ же, кто занимается этимъ дѣломъ самовольно, наказываетъ смертною казнью. Благодаря такому положенію вещей, въ сѣверо-восточной Маньчжуріи, изобилующей минеральными богатствами, совершенно нѣтъ горной промышленности.

Лѣтомъ 1907 г. мнѣ пришлось сдѣлать по горамъ въ районѣ восточной линіи Китайской дороги небольшую геологическую развѣдку. Ближайшей цѣлью было золото. О маньчжурскомъ золотѣ ходили легендарныя сказанія, говорилось всегда о колоссальномъ богатствѣ золотыхъ росышей, о какихъ-то чудовищныхъ жилахъ, о самородкахъ. Чтобы провѣрить справедливость этихъ сказаній, я рѣшилъ обслѣдовать долины золотоносныхъ рѣчекъ Селинхэ и Суйфуна.

Рѣки эти расположены близъ восточной границы Маньчжуріи. Изъ рассказовъ выяснилось, что, благодаря хунхузамъ, подобная экспедиція далеко не безопасна и, собственно говоря, безъ ихъ согласія туда за золотомъ проникнуть невозможно.

Однажды, когда у меня былъ Туньянь и мы наслаждались тихимъ прохладнымъ вечеромъ, я повелъ разговоръ о золотѣ и высказалъ ему свое желаніе посѣтить золотоносныя мѣста. Туньяну какъ будто бы не понравилась эта затѣя, но онъ не могъ отказать мнѣ въ просимомъ содѣйствіи. Подумавъ нѣсколько, Туньянь сказалъ:

Я сдѣлаю все, что могу, но я прошу, чтобы ты далъ слово никакихъ работъ тамъ не начинать, не сказавши объ этомъ мнѣ. Если это не будетъ исполнено, то могутъ произойти и для меня и для тебя большія непріятности.

Я общалъ торжественно, что безъ одобренія Туньяна не предприму ничего и вполнѣ надѣюсь на его умъ и расположеніе ко мнѣ.

Тогда Туньянь сказалъ, что дастъ мнѣ проводника и съ нимъ я могу быть совершенно покойнымъ.

Въ назначенный день отъѣзда пришелъ ко мнѣ молодой небольшого роста хунхузъ съ маузеровскимъ карабиномъ, сказавъ, что

онъ назначенъ проводникомъ и готовъ ѣхать со мной куда угодно хоть сейчасъ.

Экспедиція наша состояла изъ проводника-хунхуза, носившаго имя Тень-тионъ-вюнь, или проще Тень, переводчика Занкули, двоихъ русскихъ рабочихъ и одного стараго золотоискателя-русскаго, говорившаго очень хорошо по-китайски.

Мы благополучно добрались до ст. Селинхэ и рано утромъ пошли вверхъ по долинь рѣчки того же наименованія. За день прошли верстъ 30 и остановились на ночлегъ прямо подъ небомъ среди дикой, величественной природы. Рѣчка кончилась; выбивались только изъ-подъ камней горные кристалльные ключи. Обломки скаль громоздились въ дикомъ ущельѣ съ отвѣсными почти берегами.

На другой день мы занялись изслѣдованіями коренныхъ горныхъ породъ и наносовъ. Золото попадалось, но развѣдку вести было очень трудно, благодаря недоступности и непроходимости ущелья.

Въ теченіе двухъ дней мы въ этой дикой мѣстности не встрѣтили никого. Ущелье было мертво. Въ немъ не только не видно было звѣря, но не было даже птицъ, и только глухой шумъ лѣса гдѣ-то высоко наверху да густой аккордъ, испускаемый мириадами оводовъ, слѣпней и мухъ, нарушалъ мертвое безмолвіе долины.

Черезъ день мы перебрались на станцію Сяо-Суйфунъ и должны были обслѣдовать золотоносный бассейнъ Суйфуна, извѣстный въ наукѣ и отмѣченный на геологической картѣ Анерта. Тень бывалъ въ этихъ мѣстахъ и взялся оборудовать перевозочныя средства. Июльская жара стояла страшная, ночи лунныя, и потому мы рѣшили выѣхать со станціи Сяо-Суйфунъ въ горы подъ вечеръ и ѣхать всю ночь, чтобы на разсвѣтѣ быть уже въ золотоносныхъ мѣстахъ.

Часовъ въ шесть вечера, запасшись провіантомъ, на двухъ китайскихъ арбахъ тронулись мы въ путь. Передъ нами открывалась широкая долина Суйфуна. Дорожка шла по кособору, по краю бобовыхъ посѣвовъ, которыми было занято дно этой долины. Верстахъ въ пяти отъ станціи мы увидѣли небольшую заимку и группу китайцевъ. Они работали на маковомъ полѣ, собирая сокъ изъ подрѣзанныхъ головокъ мака. За этой заимкой посѣвы кончались, по дну долины шель вмѣсто нихъ мелкій кустарникъ, на склонахъ сталъ появляться молодой дубнякъ. Вдругъ долина стала быстро суживаться и круто поворачивать вправо. Погодіе, гладкіе, зеленые, покрытые густой травой берега ея пересѣкала за поворотомъ каменная обнаженная гряда; она какъ гигантская стѣна совсѣмъ запирала долину; и только сквозь узкую расщелину въ этой стѣнѣ пробивались струи Суйфуна, шума и пѣнясь, сверля и подтачивая нагроможденныя тутъ глыбы скаль и камней.

Ночь совсѣмъ опустилась на землю, и изъ-за горъ выкатился полный дискъ луны. Густыя таинственныя тѣни легли на долину, засеребрился освѣщенный гребень горы. Природа вся замерла, затаила дыханіе. Тишина и глубокое безмолвіе, торжественное, сильное, великое. Его точно боялся нарушить рокоть Суйфуна и монотонный, длинный говоръ нашего возницы старика-китайца. И Суйфунъ глухо, сдержанно шумѣлъ, и китаецъ, понизивъ голосъ, говорилъ чуть не шопотомъ, что-то рассказывая, и все, кромѣ нихъ, молчало, застыло какъ-то, боясь нарушить это безмолвіе великой ночи, когда такъ полно, такъ сильно чувствуешь величіе и прелесть могучей природы и чувствуешь, и сознаешь всю свою близость къ ней, чувствуешь, что есть жизнь и источникъ жизни, и она въ эту святую ночь вливаетъ въ душу новую силу, даетъ ей покой, забвеніе и счастье, настоящее, полное, но мимолетное и короткое. А возница все говорилъ, говорилъ. Онъ рассказывалъ о тѣхъ тайнахъ, которыя знаетъ эта долина, онъ рассказывалъ о томъ духѣ зла, который стережетъ сокровище въ ней богатство и который никогда не проститъ дерзкому человѣку его безумной смѣлости и страстнаго желанія проникнуть сюда, къ старому Суйфуну, къ сокрытымъ въ немъ сокровищамъ. А мы подвигались все дальше и дальше; разсѣлина въ каменной грядѣ кончилась, долина опять стала расширяться. Горы какъ-то понизились, разбѣжались, и мы незамѣтно очутились наверху. И передъ нами сверкала серебристая сѣрая даль, сбѣгающая какъ-то внизъ во всѣ стороны, а тамъ за ней показались совсѣмъ далеко, далеко сѣрыя и темныя, свѣтлыя и блестящія формы далекихъ горныхъ громадъ.

Темный небесный сводъ, и опять-таки эта величественная, могучая тишина, эта торжественная ночь охватила меня всей своей мощью, и я перенесся въ новый міръ, въ новую жизнь...

Забыто все мое прошлое, нѣтъ будущаго, нѣтъ тоски, заботъ, горя, сомнѣній, тревоги. Есть только великое настоящее, есть полная жизнь этой великой минутой, этимъ счастьемъ. Міръ Божій, какъ ты прекрасенъ! И какъ рѣдко мы прибѣгаемъ къ тебѣ! Какъ рѣдко мы беремъ отъ тебя то, что ты можешь дать...

Арба вдругъ остановилась. Тень соскочилъ и осмотрѣлъ свой карабинъ. На мой вопросъ: въ чемъ дѣло?—онъ отвѣтилъ: «Фанза, люди живи!» Я глянулъ въ указанномъ имъ направленіи и впереди увидѣлъ красный огонекъ. Оттуда потянуло дымкомъ, гдѣ-то близко чуждось жилью. Тень, оставивъ насъ, побѣжалъ впередъ и скрылся скоро въ тѣни густой поросли. Легкій свистъ пронесся въ воздухѣ, и все затихло. Мы молчали. Свистъ повторился, и кто-то ему отвѣтилъ тѣмъ же. Послышались голоса. Затѣмъ окрикъ Тена. Возница нашъ прокричалъ что-то, и мы двинулись впередъ.

Минуты черезъ двѣ наши арбы въѣхали на утопанную площадку передъ небольшой глинобитной фанзой. Около нея толпи-

лось человекъ десять китайцевъ съ ружьями. Одинъ изъ нихъ велъ оживленный разговоръ съ Теномъ. Это былъ передовой хунхузскій постъ, прикрывающій входъ въ золотоносный бассейнъ одного изъ ручьевъ, впадающаго въ Суйфунъ. На посту мы не останавливались, а, взявъ вооруженнаго проводника, поѣхали дальше къ главной заставѣ.

Версть черезъ пять съ тѣми же предосторожностями Тень подвелъ насъ уже къ большой фанзѣ, въ которой жило 50 хунхузозъ. Было уже за полночь, и мы рѣшили здѣсь остановиться до разсвѣта, чтобы утромъ пойти на развѣдки. Я заранѣе составилъ себѣ планъ ихъ. Прежде всего необходимо обследовать дно долины. Открыть присутствіе золота въ руслѣ водостока, въ пескахъ, въ галькѣ. Потомъ подыматься вверхъ, изслѣдовать всѣ боковыя пади, характеръ горныхъ породъ, отложенія и т. п.

Но планы мои сразу измѣнились. Протекція Туньяна и «дипломатическія способности» Тена сразу позволили мнѣ проникнуть, минуя всѣ предварительныя изслѣдованія, въ коренное мѣстороженіе золота. Рано утромъ человекъ 20 хунхузозъ, взявъ съ собой, кромѣ ружей, кожаныя ведра, мѣшка два съ провизіей, чайники, горныя лампочки, пошли гуськомъ по тропѣ куда-то въ сторону. Мои переводчики, послѣ долгихъ оживленныхъ разговоровъ съ хунхузами, вдругъ передали мнѣ слѣдующее.

Здѣшній начальникъ Йу-день-чинъ хочетъ показать то мѣсто, гдѣ уже идетъ разработка золота. Онъ говоритъ, что не надо трудиться искать золота, онъ самъ покажетъ, но только мнѣ; остальные же мои спутники, всѣ, кромѣ Тена, пока я буду въ отсутствіи, должны быть задержаны здѣсь въ фанзѣ и никуда не должны выходить.

Если я согласенъ, то Йу-день-чинъ сейчасъ поведетъ меня туда, куда уже пошли его люди. Это они тамъ работаютъ.

Я, конечно, согласился, и мы тотчасъ же пошли въ горы.

Тропинка круто поднималась вверхъ, перевалила черезъ небольшой водораздѣлъ, и мы очутились въ неглубокой пади. Склоны ея были покрыты наносными отложеніями и растительнымъ слоємъ. Въ одномъ мѣстѣ большая черная куча отвальной земли указывала на то, что здѣсь происходитъ какая-то выработка. Тамъ дѣйствительно уже копошились только что вышедшіе изъ фанзы хунхузы. Около отвала на склонѣ горы зяло небольшое черное отверстие, въ которое входили люди и выносили оттуда въ кожаныхъ мѣшкахъ землю. Это былъ входъ въ орту, помощью коей шла здѣсь добыча золота. Темная сѣрая галерея отъ входа шла въ глубь горы саженъ на тридцать и въ концѣ давала развѣтвленіе въ обѣ стороны. Это были штреки, шедшіе по золотоносному слою. Въ ихъ головахъ работало при свѣтѣ тускло горящихъ лампочекъ двѣ смѣны забойщиковъ.

Я подошелъ вплотную къ головѣ забоя. Шахтеръ-хунхузъ приподнял лампочку и сталъ ее подносить къ золотымъ блесткамъ, вкрапленнымъ въ сѣрый, чистый, плотно слежавшійся кварцевый песокъ. Мѣсторождение было богатѣйшее, гнѣздовое. Изъ 100 пудовъ породы намывалось золота отъ 5 до 12 золотниковъ. Правда, золотоносный слой, по рассказамъ искателей, шелъ очень неровно, т.-е. не ровное было накопленіе въ немъ золота, иногда оно совсѣмъ пропадало, то затѣмъ появлялось снова. Попадались самородки, но небольшіе, не болѣе 5 золотниковъ. Въ общемъ хунхузы намывали золота около одного фунта въ смѣну, т.-е. около двухъ фунтовъ въ сутки. Промывка шла на примитивныхъ бутарахъ и, конечно, въ отвалахъ оставалось еще очень много мелкихъ золотинокъ.

На этомъ оригинальномъ приискѣ я пробылъ цѣлый день до вечера и вернулся съ шахтерами, послѣ того, какъ ихъ мѣсто заступила ночная смѣна. Намываемое золото собиралъ старшинка и сыпалъ въ замшевый мѣшечекъ. Вечеромъ, придя въ фанзу, взвѣшивалась дневная добыча и сдавалась начальнику заставы, который сыпалъ золото тоже въ кожаный мѣшечекъ и запиралъ его въ сундукъ. Время отъ времени, когда набиралось около десяти фунтовъ золота, его тутъ же плавилъ и выливалъ въ плитку. Ставили на ней какое-то клеймо и затѣмъ кѣмъ-то плитка эта увозилась.

Куда? Конечно, отвѣта на этотъ вопросъ я получить не могъ. Все было обставлено весьма таинственно. А самый приискъ охранялся съ оружіемъ въ рукахъ сильнымъ отрядомъ, человекъ въ полтораста, среди которыхъ были и рабочіе. Сюда не допускался ни одинъ посторонній человекъ. Работу вели только хунхузы. Для охраны золотоноснаго района, къ сторонѣ желѣзной дороги, на горахъ стояло три передовыхъ поста, силою по 10 человекъ въ каждомъ. Затѣмъ главная застава, куда мы прибыли ночью, состояла изъ 50 хунхузовъ. Кромѣ нихъ, еще человекъ 50 стояло въ видѣ резерва, невдалекѣ отъ прииска. Въ случаѣ какой-либо тревоги на постахъ, весь резервъ долженъ былъ немедленно итти туда на выручку.

Южнѣе, верстахъ въ двадцати по направленію къ городу Нингута оперировалъ еще большій отрядъ хунхузовъ, силою не менѣе двухсотъ человекъ, который также, на случай «открытыхъ военныхъ дѣйствій» близъ прииска, долженъ былъ принять участіе въ этомъ бою. Конечно, благодаря подобнымъ мѣрамъ охраны, хунхузы дерзко, открыто занимались дѣломъ, за которое по китайскимъ законамъ грозила смертная казнь. Но полтораста винтовокъ и полтораста пудовъ патроновъ не шутка, и приисковая работа шла покойно, безъ помѣхъ. Гораздо больше затрудненій встрѣчалось въ обмѣнѣ слитковъ на деньги, т.-е. попросту въ продажѣ добытаго золота. Нужно было прежде всего имѣть мѣста сбыта

и должна быть организована тайная перевозка золота съ приска туда, къ какимъ-то таинственнымъ скупщикамъ.

Золото возили по двумъ направлєніямъ: въ Харбинъ и во Владивостокъ.

Что съ нимъ дѣлалось во Владивостокѣ, разузнать мнѣ такъ и не удалось, а въ Харбинѣ ему давали довольно оригинальное примѣненіе. Каждый харбинецъ знаетъ, что такое Фудядянь. Это многочисленное китайское селеніе, расположенное на китайской территоріи, рядомъ съ нашей желѣзнодорожной полосой отчужденія. Фудядянь—настоящій китайскій городъ. Власти, учрежденія, полиція въ немъ китайскія. Здѣсь, въ какой-нибудь верстѣ отъ русскаго Харбина, промышленные предприимчивые китайцы развили цѣлый рядъ всевозможныхъ тайныхъ производствъ. Здѣсь въ Фудядяни буквально царство поддѣлокъ.

Здѣсь обширное винодѣліе. Фабрикуются: вина, коньякъ, ликеры, причемъ главное вниманіе обращено не на внутреннее качество продукта, а на его внѣшность. Бурда темно-краснаго цвѣта, совсѣмъ не похожая на вино, вливается въ бутылку и снабжается отлично поддѣланной этикеткой «удѣльнаго вѣдомства». По внѣшнему виду фудядянское вино почти не отличишь отъ настоящей марки. Невозможныя папиросы изъ какой-то слабо похожей на табакъ дряни укладываются въ коробочки съ этикетками Богданова, Кушнарєва, точно и изящно скопированными. Здѣсь чеканятся оловянные двугривенные. Печатаются довольно недурно рублевья, трехрублевья бумажки. Здѣсь дѣлаютъ изъ собакъ колбасы, изъ всякой падали—консервы. И все это имѣетъ хорошо поддѣланную внѣшность, расходуется по разнымъ мелкимъ лавочкамъ Маньчжуріи, раскупается обывателями, которые постоянно нарываються за настоящія деньги на фудядянскую дрянъ. Здѣсь находятъ сбытъ и убѣжище всякая краденая вещь; здѣсь совершаются и укрываются всевозможныя преступленія. И Фудядянь, эта болячка Харбина, живетъ бойко, кишмя кишитъ китайцами, въ ней совершаются всякія легальныя и нелегальныя сдѣлки, это и биржа, и притонъ.

Вотъ сюда-то, въ эту Фудядянь, какъ узналъ я потомъ изъ другаго совсѣмъ источника, отъ лица, бывшаго въ русскомъ полицейскомъ надзорѣ Харбина ¹⁾, идетъ хунхузское золото и находятъ себѣ сбытъ. Изъ него попросту, безъ всякой примѣси лигатуры, чеканятся наши пятирублевки и отлично расходятся повсюду, принимаются даже банкомъ, потому что онѣ настоящія золотыя. Чеканка чистая, хорошая, вѣсъ и размѣръ соответствующіе. И подмѣтить тутъ фальсификацію трудно, да ея въ сущности и нѣтъ. Незаконенъ только самый «монетный дворъ».

¹⁾ Завѣдывавшій полицейскимъ надзоромъ ротмистръ Усачевскій.

Въ концѣ 1906 года, послѣ долгаго выслѣживанія, былъ заарестованъ нашей полиціей при содѣйствіи китайской одинъ такой станокъ. Онъ былъ сдѣланъ прекрасно. Разбирался быстро на главныя свои части и могъ быть весь разнесенъ совершенно незамѣтно подъ полами и въ карманахъ обыкновенной одежды. Штампъ былъ чистый. Единственный изъянъ въ выпускаемой съ такого «двора» монетѣ заключался въ томъ, что обрѣзы пятирублевокъ чуть замѣтно косили и ихъ трудно было поставить на ребро, онѣ падали, тогда какъ настоящіе, нашей государственной чеканки, золотые становились на ребро легко.

Хотя въ 1906 году одинъ такой станокъ и былъ конфискованъ, но кто же поручится, что въ такомъ вертепѣ, какъ Фудядянь, нѣтъ еще подобнаго «монетнаго двора»? Вѣдь хунхузы-то на Суйфунѣ работаютъ, добываютъ же они золото и возятъ его въ Харбинъ, а выгодноѣ чеканки изъ него монетъ, пожалуй, трудно что-либо придумать. Хотя здѣсь покупаютъ присковое золото, но платятъ за золотникъ не болѣе какъ 3 руб. 50 коп. бумажками. Покупаютъ къ тому же по мелочамъ, больше ювелирныя мастерскія. Я думаю, что, если пошарить, то не одинъ «монетный дворъ» найдется въ Фудядяни, въ этомъ биткомъ набитомъ китайцами городѣ или, какъ его официально, называютъ «селеніи». И ничего съ этимъ зломъ тутъ не подѣлаешь, потому что на подмогу изобрѣтательнымъ китайцамъ Харбинъ еще кишмя кишитъ всякими отбросами одесскаго еврейства, которые неизвѣстно чѣмъ занимаются и ходятъ подъ общей кличкой «конходники»¹⁾.

VI.

Если всѣмъ жителямъ Маньчжуріи извѣстны районы, занятые хунхузами, если къ тому же безъ пропусковъ нельзя ѣздить безопасно по дорогамъ въ мѣстностяхъ, гдѣ они оперируютъ, то естественно возникаетъ вопросъ: зачѣмъ же богатые купцы или сановники какъ бы сами лѣзутъ въ лапы хунхузозъ?

На самомъ дѣлѣ, конечно, жертвы попадаютъ въ плѣнъ не такъ. Они, особенно зная за собой кой-какіе грѣшки, держатъ себя очень осторожно, и передвиженіе совершаютъ главнымъ образомъ по желѣзной дорогѣ, т.-е. при условіяхъ сравнительно безопасныхъ. Однакоже хунхузы, несмотря на это, захватываютъ намѣченныхъ лицъ, примѣняя тутъ совсѣмъ особый приемъ, противъ котораго очень трудно уберечься. Они пользуются «удавами». Они иногда берутъ жертву чуть не изъ дома, что называется, съ постели. За намѣченнымъ купцомъ или жирнымъ фудутуномъ неустанно слѣ-

¹⁾ Конходи—въ переводѣ на русскій языкъ: работай.

дять хунхузскіе тайные агенты; имъ извѣстенъ каждый шагъ поднадзорнаго субъекта. Около этихъ агентовъ живутъ въ полной готовности нѣсколько дюжинъ ловкихъ китайцевъ или даже русскихъ—«удавовъ», какъ ихъ здѣсь называютъ.

Допустимъ, что сыщики разузнали и точно опредѣлили время, когда какой-нибудь фудутунъ отправился въ гости или въ такой-то день долженъ ночью съ вокзала ѣхать домой. Тогда объ этомъ дается знать приготовленнымъ уже «удавамъ». И вотъ какіе-то люди наскакиваютъ на намѣченнаго купца или чиновника, ловко затыкаютъ ему ротъ, давятъ горло, выхватываютъ изъ экипажа, и жертва безслѣдно пропадаетъ. Черезъ нѣсколько времени она въ лѣсу. Развязываются веревки, вынимается изъ рта «кляпъ», и полузадохшійся жирный фудутунъ начинаетъ приходить въ себя. А на другой день подъ ружейными дулами пишетъ онъ письмо, указывая точно потребованную съ него сумму выкупа.

Приведу въ видѣ примѣра одинъ довольно интересный случай, который былъ въ Харбинѣ въ 1906 году.

На Китайской Восточной желѣзной дорогѣ работаетъ довольно крупный подрядчикъ Тіень-ліень-шинъ, его на русскій ладъ называютъ «Зеленшинъ». Онъ, помимо официальныхъ отношеній къ дорогѣ, пользуется еще большою вхожестью къ главнымъ тузамъ, вплоть до самого управляющаго включительно. Случалось не разъ, что къ Зеленшину пріѣзжалъ курьеръ или конторщикъ и звалъ немедленно къ «начальнику» по экстренной надобности. Зеленшинъ дѣло свое тонко понимаетъ и немедленно же ѣдетъ къ начальству.

Этимъ обстоятельствомъ воспользовались чины «охраннаго хунхузскаго отдѣленія».

Зеленшинъ живетъ на отлетѣ около Стараго Харбина. Однажды, сумерки уже сгущались, наступала ночь, какъ къ дому Зеленшина подъѣхала парная извозчичья коляска. Изъ нея вышелъ какой-то русскій статскій, прилично одѣтый. Спросилъ, дома ли Зеленшинъ. И на утвердительный отвѣтъ прошелъ къ нему. Поздоровавшись съ Зеленшиномъ, неизвѣстный человекъ этотъ сказалъ, что его требуетъ къ себѣ немедленно начальникъ одной изъ службъ. Зеленшинъ засуетился, приказалъ запрягать лошадей. Но неизвѣстный предложилъ ему ѣхать скорѣе на извозчикѣ, который ждетъ у воротъ, говоря, что назадъ Зеленшина проводить курьеръ. Надобность была экстренная, и Зеленшинъ поѣхалъ на извозчикѣ. Затѣмъ всѣ куда-то пропали—и извозчикъ, и самъ Зеленшинъ, и таинственный неизвѣстный. А немного спустя, компаньонъ Зеленшина (у каждаго китайскаго «купезы» есть компаньонъ) получилъ отъ него слезное посланіе съ требованіемъ 20 тысячъ выкупа. Разговаривать тутъ не приходится: или деньги, или жизнь. Компаньонъ, раскошелившись, конечно, доставилъ въ назначенное мѣсто 20 тысячъ рублей и вмѣсто нихъ получилъ оборваннаго, изможденнаго, полуживого отъ страха Зеленшина.

Это была чистая работа «удавовъ».

Прошлый годъ, послѣ надѣлавшей много шума и нагнавшей смертельный ужасъ на мирное населеніе карательной экспедиціи генерала Джана, въ газетахъ и въ обществѣ высказывалось предположеніе, что хунхузы, равно какъ и мирные обыватели въ конецъ терроризованы.

Съ любопытствомъ ждалъ я начала лѣта этого года. И что же!— «живъ курилка». Опять появились на тѣхъ же мѣстахъ эти лѣсные волки. Но теперь уже они и на насъ, подданныхъ Россійской короны, стали какъ-то по-волчьи поглядывать.

Въ прежніе годы было правило, что первыми никого они изъ русскихъ не трогаютъ; конечно, разумѣю мирныхъ обывателей, съ которыми у хунхузовъ нѣтъ острыхъ точекъ соприкосновенія. Но въ этомъ году подобное правило вдругъ нарушилось самымъ неожиданнымъ образомъ. На одной изъ лѣсныхъ вѣтокъ мѣстнаго милліонера Скидельскаго захваченъ въ первыхъ числахъ мая среди бѣлаго дня одинъ изъ его крупныхъ служащихъ, по фамиліи Горѣликъ. Захваченъ и куда-то уведенъ. По обычаю, на дняхъ должно отъ него прійти письмо, котораго родные Горѣлика и самъ Скидельскій ожидаютъ съ понятнымъ нетерпѣніемъ. Этой выходкой хунхузы какъ бы намѣренно объявляютъ, что они живы и сильны попрежнему и дѣлаютъ вызовъ не только китайской власти, но и намъ, русскимъ.

В. Н. Рудокоповъ.

ПО СТОПАМЪ ХРИСТА.

Сестра во Христъ! ежедневно, вставши отъ сна, скажи сама себѣ: «я рѣшилась итти по стопамъ Христа, моего Спасителя; Господи, благослови и помоги мнѣ сегодня исполнить на дѣлѣ во внутренней и внѣшней моей жизни это мое сердечное желаніе и долгъ»...

Изъ «Наставленія» сестрамъ Марео-Маринской обители милосердія).

ВЪ МОСКВѢ недавно возникло новое благотворительное учрежденіе подъ названіемъ «Марео-Маринская обитель милосердія», всецѣло созданное инициативой, заботами и трудами великой княгини Елизаветы Теодоровны, ставшей въ настоящее время во главѣ обители, ея настоятельницей ¹⁾. Это учрежденіе строго христіанское и православное. Какіе мотивы вызвали его къ жизни,—на это даетъ вполне опредѣленный и обстоятельный отвѣтъ духовникъ Марео-Маринской обители милосердія о. Сребрянскій въ своемъ «пояснительномъ словѣ».

Главнымъ основаніемъ христіанской религіи, ея краеугольнымъ камнемъ служить любовь къ Богу и ближнему, и проповѣдью этой любви первые христіане покорили древній языческій міръ. Нынѣ же весь строй современной общественной жизни далеко ушелъ отъ завѣтовъ древняго христіанства, и наше теперешнее общество, будучи «христіанскимъ» лишь по названію, въ сущности, погрузилось въ новое язычество и

¹⁾ Торжественный обрядъ посвященія великой княгини Елизаветы Теодоровны въ настоятельницы Марео-Маринской обители милосердія былъ совершенъ московскимъ митрополитомъ Владимиромъ 10 апрѣля с. г. Авт.

притомъ неизмѣримо худшее, нежели древнее, болѣе утонченное и лицемѣрное. Древніе язычники, по крайней мѣрѣ, открыто обоготворяли свои страсти и разныя силы природы, а нынѣшніе, лицемѣрно прикрываясь христіанствомъ и цивилизаціей, творять то же, что и язычники Содомы и Гоморры, проявляя одинаковую съ ними жестокость, то же отсутствіе милосердія, такой же развратъ. Жизнь стала совершенно ненормальной. Утративъ вѣру, забывъ лучшіе завѣты Христа, люди стали тяготиться своимъ существованіемъ; отсюда—общее недовольство и неудовлетворенность жизнью, общее пониженіе ея цѣнности и въ результатѣ та легкость, съ какою представители даже наиболѣе культурныхъ слоевъ общества рѣшаются на самоубійство. Да, современная жизнь, несущая съ собой всевозможныя тѣлесныя и душевныя страданія, физическое и психическое вырожденіе, сдѣлалась невыносимо тяжелымъ бременемъ для большинства людей. Человѣчество сознало это и въ лицѣ лучшихъ своихъ представителей выступило на борьбу съ людскими страданіями въ ихъ разнообразнѣйшихъ проявленіяхъ: чтобы облегчить участь бѣдняковъ, больныхъ, калѣкъ и вообще людей, нуждающихся въ физической и нравственной поддержкѣ, уже съ давнихъ поръ начали возникать разныя благотворительныя учрежденія. Но большинство этихъ послѣднихъ, касаясь различныхъ сторонъ матеріальной жизни, къ сожалѣнію, не имѣло живой связи съ христіанскою религіей. Между тѣмъ, вступая въ борьбу со зломъ и страданіями міра, христіанство имѣетъ въ виду не только физическія страданія, не только оказываетъ милосердіе человѣку въ его матеріальной нуждѣ—даетъ голодному хлѣбъ, холодному кровь и одежду, больному врачебную помощь, но, главнымъ образомъ, стремится проявить милосердіе по отношенію къ душѣ человѣка, призывая его къ нравственному усовершенствованію, къ духовному обновленію и преображенію по примѣру и при помощи Христа. Христіанская религія заставляетъ человѣка вспомнить, что онъ сынъ вѣчнаго Бога, сынъ Вѣчности, побуждаетъ его подняться надъ землей, возненавидѣть грѣхъ и жить не одними только узкими, чисто-земными интересами, а, наоборотъ, постепенно приготовить всего себя, все свое, такъ сказать, духовно-тѣлесное существо къ возможности жить вѣчною жизнью, въ самомъ близкомъ общеніи съ Богомъ. Эту работу милосердія съ древнихъ временъ исполняла церковь Христова всѣмъ своимъ составомъ и строимъ. Однако съ древнихъ же временъ христіанства на почвѣ служенія Богу и ближнимъ стали появляться люди, которые въ пламенной рѣшимости идти по стопамъ Христа добровольно выдѣлялись изъ среды своихъ собратій и, давши обѣтъ самоотверженнаго служенія Богу, шли на борьбу со зломъ міра, обрекали себя на высокое, христіанское подвижничество.

Люди эти еще изстари дѣлились на два вида, соотвѣтственно двумъ путямъ, которыми они шли къ Богу: монашескимъ и діа-

конскимъ или діаконисскимъ. Въ сущности, оба пути имѣютъ одинъ корень и выросли на одной почвѣ. Корень ихъ тотъ, что какъ монахиня, такъ и діаконисса несомнѣнно и нерушимо вѣровали въ Бога, во святую Троицу и Христа Богочеловѣка, Искупителя міра; имѣли непреклонную рѣшимость самоотверженно работать во славу Бога, на благо своихъ ближнихъ и для вѣчнаго спасенія души своей, вслѣдствіе чего онѣ отказывались не только отъ мірской суеты вообще, но и отъ такихъ позволительныхъ соблазновъ міра, какъ бракъ или собственность. Почва ихъ—это церковь, общая мать, съ ея духовнымъ, неистощимымъ капиталомъ—библейско-евангельскимъ ученіемъ, святоотеческими преданіями и писаніями и всѣмъ ея чуднымъ богослужебно-уставнымъ строемъ. Разница лицъ въ томъ, что монашество спасается и спасаетъ преимущественно подъ видомъ внутренняго преображенія человѣка посредствомъ усиленнаго молитвеннаго, самоуглубленнаго и созерцательнаго труда. Оно этимъ подвигомъ такъ облагораживаетъ человѣка, такъ возвышаетъ и очищаетъ его, что всѣ тѣ, которые приходятъ съ нимъ въ соприкосновеніе, которые приближаются къ этой духовной сокровищницѣ и обильно черпаютъ изъ нея необходимое для себя руководство, становятся чище, обновляются и преображаются духовно. Несомнѣнно, что заслуги самоотверженной работы монашества надъ очищеніемъ и возвышеніемъ внутренняго человѣка огромны. Но еще болѣе велики заслуги діакониссъ, которыя, служа Богу, спасали ближнихъ и души свои преимущественно дѣятельной любовью, трудомъ милосердія для бѣднаго, падшаго, темнаго и скорбнаго человѣка, неся этотъ трудъ во имя и ради Христа.

Первый путь—монашество—благополучно существуетъ и здравствуетъ до сихъ поръ, а путь дѣятельнаго служенія любви Христовой, діаконисство, по различнымъ обстоятельствамъ утратился, и теперь лишь слабый отголосокъ его можно встрѣтить въ различныхъ благотворительныхъ учрежденіяхъ, особенно въ общинахъ сестеръ милосердія.

Открывая Марео-Маріинскую обитель милосердія, имѣлось въ виду именно вызвать къ жизни этотъ забытый въ церкви путь діаконисскаго служенія христіанской любви. Сообразно этой идеѣ и устройство обители милосердія дано чисто церковное. Во главѣ стоитъ настоятельница, при ней духовникъ, казначея; всѣ сестры непремѣнно православныя, вѣрующія; дисциплина—въ смыслѣ храненія послушанія, исполненія уставовъ церкви и данныхъ обѣтовъ—чисто монастырская. Въ періодъ испытанія сестры должны прослушать, помимо медицинскихъ, главнымъ образомъ, духовные курсы, чтобы еще разъ передъ началомъ дѣятельности оживить въ сознаніи своемъ и въ сердцѣ корень жизни самоотверженной—вѣру въ Бога, вообще религію и уставы христіанскіе и любовь къ человѣку; познакомиться съ общей христіанской и особенно святооте-

ческой литературой, чтобы умѣть впослѣдствіи не только физически, но и духовно поддерживать своихъ ближнихъ. Такимъ образомъ, обитель милосердія отнюдь не отрицаетъ монастырей, наоборотъ—она становится рядомъ съ ними, стремясь дѣлится съ ними общій трудъ служенія Богу и ближнимъ. Въ дальнѣйшемъ будущемъ даже предполагается за Москвою, среди природы, создать свой собственный скитъ, въ которомъ приготовившіяся духовно сестры, не моложе 45 лѣтъ, могли бы постричься въ монашество и въ молитвенной тиши, въ молитвенномъ подвигѣ о спасеніи міра и процвѣтаніи родной имъ обители благочестиво окончить свою жизнь.

Открываемая обитель милосердія должна сдѣлаться въ будущемъ какъ бы школой діакониссъ, откуда онѣ могли бы итти работать и въ попечительства церковныя и городскія, и въ другія благотворительныя учрежденія, и въ дома богатые и убогіе, и въ деревни наши темныя, бѣдныя и скорбныя, гдѣ дѣятельность сестеръ обительскихъ должна принести особенно благотворные результаты. При этомъ неерушимо должно соблюдаться одно условіе, а именно: гдѣ бы ни работали сестры, обитель милосердія должна всегда оставаться для нихъ духовнымъ центромъ, своего рода семейнымъ очагомъ, откуда онѣ получаютъ поддержку, полномочія и директивы, и куда по временамъ могутъ возвращаться для нравственнаго отдыха и вмѣстѣ съ тѣмъ для обновленія своихъ духовныхъ силъ передъ дальнѣйшими подвигами христіанской любви и милосердія. Этотъ центръ будетъ способствовать уничтоженію губительной разрозненности и разобщенности въ дѣятельности діакониссъ, онѣ объединить ихъ въ одинъ могучій организмъ, въ одну тѣсную, неразрывную семью, какое бы разстояніе ни раздѣляло ея отдѣльныхъ членовъ и какія бы скорби, тяготы и неприятели ни пришлось бы имъ претерпѣвать на ихъ тернистомъ, но славномъ пути.

Названіе «обитель» дано для выраженія главной мысли, что каждый работающій здѣсь долженъ сердце свое и душу сдѣлать обителью, вмѣстилищемъ любви Христовой, милосердія. Названіе же «Марео-Маріинская» является соотвѣтствующимъ евангельскому сказанію о двухъ сестрахъ: Марѣѣ и Маріи, въ которыхъ выразились понятія о христіанской любви. Каждая, идущая работать въ обитель, должна, съ одной стороны, избрать, подобно Маріи, благую часть—Христа и, просвѣтившись серьезно и сердечно Его ученіемъ и благодатью, итти съ молитвой, словомъ утѣшенія и христіанскаго просвѣщенія къ темному и скорбному человѣку; съ другой,— подобно Марѣѣ, должна желать и умѣть служить Христу радушіемъ къ странникамъ, уходомъ за больными, всякаго рода помощью и трудомъ въ пользу ближнихъ. Отсюда—лица, посвятившія себя дѣлу Марео-Маріинской обители милосердія, по роду своей дѣятельности, должны всецѣло принадлежать ей и отказаться, по возможности, отъ своей личной жизни—во время пребыванія въ оби-

тели, будучи связаны добровольными обѣщаніями на извѣстные сроки времени.

Въ виду трудности возлагаемыхъ на сестеръ обязанностей, по уставу обители обѣщанія назначаются на опредѣленные сроки (1, 3, 6 лѣтъ и болѣе), чтобы вступающая въ обитель милосердія діаконисса серьезно обдумала предварительно тотъ путь, по которому она думаетъ итти, и не обольщала себя какими-либо надеждами, которыя не смогутъ осуществиться. Назначеніе сроковъ, кромѣ того, имѣетъ еще цѣль: 1) укрѣпить волю и постепенно приучить человѣка къ новой подвижнической жизни, сохранить въ немъ этой постепенностью ровность души, миръ, такъ какъ обѣщаніе, данное сразу на всю жизнь, безъ собственнаго, хотя бы краткаго опыта въ новой дѣятельности, тяжелымъ камнемъ ложится на человѣка, ослабляя его энергію; 2) соблюсти извѣстную правильность въ распредѣленіи работы обители милосердія и, наконецъ, 3) достигнуть наибольшей ея полезности, такъ какъ для вступленія въ обитель требуется извѣстная подготовка въ видѣ запаса знаній и духовнаго проникновенія ¹⁾).

Итакъ, всякая намѣревающаяся вступить въ обитель милосердія діаконисса должна заранѣе приготовить себя къ подвижнической жизни, къ тому, чтобы до самаго гроба неуклонно итти по стопамъ Христа.

«Сестра!—говорится, между прочимъ, въ «Наставленіи» духовника обители,—помни всегда ту цѣль, ради которой учреждена обитель и ты пошла на трудъ. Цѣль эта: при помощи Божіей показать современному обществу истинно-христіанскую жизнь такъ, какъ свѣтилась она предъ древнимъ языческимъ обществомъ. Этимъ сознаниемъ укрѣпляй свою бодрость духовную. Употреби же все силы твои, чтобы явить на дѣлѣ силу религіи Христовой; покажи, что еще жива вѣра Христова, что еще дѣйствена любовь Христова, что ученіе и благодать Христовы дѣйствительно преобразуютъ душу, тѣло и всю жизнь отдѣльнаго христіанина, семьи и общества; покажи на себѣ, что эту силу Христову не могутъ поколебать ни соблазны міра, ни злоба, ни зависть, ни раны и болѣзни, ни самая смерть. Она—эта сила—велика и вѣчна, какъ великъ и вѣченъ Христосъ».

Мѣстонахожденіе !Марео-Маріинской обители милосердія — за Москвой-рѣкой, на Большой Ордынкѣ. Съ улицы обитель представляетъ четыре большихъ корпуса, красиво и прочно выстроен-

¹⁾ Соответственно своимъ цѣлямъ обитель милосердія принимаетъ къ себѣ не только сестеръ (діакониссъ), но сотрудницъ, при помощи которыхъ надѣется шире проявить свою дѣятельность, въ особенности въ обительскихъ стѣнъ, и привлечь къ участію въ своей благотворительной и духовно-нравственной дѣятельности и широкій кругъ населенія Москвы устройствомъ соответствующихъ филиальныхъ отдѣленій.

Авт.

ныхъ. Снаружи—три входа; средний, самый маленькій, едва замѣтный, что-то въ родѣ небольшой сѣренькой калиточки—ведетъ въ опрятный и чистый, какъ игрушечка, дворикъ, позади котораго, за оградю, виднѣтся еще не совсѣмъ отстроенный, прекрасный храмъ въ древне-русскомъ стилѣ, занимающій часть обширной площади съ раскинувшимся на ней полукругомъ тѣнистымъ садомъ. Со двора, съ правой стороны отъ входа, лѣсенка въ десятокъ ступеней ведетъ прямо въ церковь.

Была Страстная недѣля, когда я зашелъ сюда помолиться. Все казалось мнѣ здѣсь такимъ необычнымъ: и пѣніе, какое-то особенное, хватающее за душу, и великопостная служба, хотя и по-монастырски длинная, но вмѣстѣ съ тѣмъ удивительно стройная, красивая и простая, и самая церковь, такая маленькая-маленькая, точно походная. За перегородкой—крошечный алтарь, клиросовъ нѣтъ, въ притворѣ длинный обѣденный столъ, покрытый сѣрой суконной скатертью. Передъ царскими вратами электрическая люстра съ матовыми колпачками, сбоку, у свѣчнаго столика электрической розетки—все такъ не похоже на обычную церковную обстановку.

Молящіеся состояли преимущественно изъ сестеръ обители, постороннихъ было мало. Сестры стояли направо отъ входа, за переброшеннымъ шнуромъ, въ простыхъ сѣрыхъ платьяхъ и такого же цвѣта покрывалахъ, съ бѣлыми кипарисовыми крестиками на груди.

Терпѣливо выслушавъ до конца службу, я обошелъ кругомъ всю обитель, съ ея тремя бесплатными амбулаторіями для приходящей бѣдности, съ больницей для неизлечимо больныхъ, съ часовой для покойниковъ и разными службами.

Среди сестеръ есть представительницы высшаго московскаго общества, носящія княжескіе и графскіе титулы,—всѣ онѣ трудятся въ больницѣ и амбулаторіяхъ, вмѣстѣ съ августѣйшей настоятельницей, какъ простыя сидѣлки, трудятся поистинѣ въ потѣ лица, не зная отдыха ни днемъ, ни ночью.

У воротъ обители, когда я вышелъ на улицу, толпились «божьи люди»: нищіе, убогіе и калѣки,—они ждали обычнаго подаянія, которое они здѣсь щедро получаютъ ежедневно, далеко разнося молву о добротѣ сестеръ Марео-Маринской обители милосердія.

— Вотъ что съ ними подѣлаешь,—жаловался мнѣ постовой городской.—Валять и валять, что ни день, то все новые и новые... И откуда только берется эта гольтьба, прости Господи мое согрѣшеніе! Одному подадутъ—онъ сейчасъ другому сболтнетъ, вотъ и лѣзутъ всѣ... А разгонять не велѣно!

Я понялъ, какую траги-комедію переживалъ въ душѣ городской, и «изъ приличія» посочувствовалъ ему.

Князь Б. А. Щетининъ.

В. Г. БЪЛИНСКІЙ И А. В. КОЛЬЦОВЪ.

БЮГРАФИЧЕСКІЙ очеркъ Кольцова, написанный В. Бѣлинскимъ красиво, дѣльно по общему настроенію и положенный затѣмъ въ основу всеми безъ исключенія историками русской литературы,—источникъ далеко не надежный.

Стоявшій на стражѣ интересовъ русской поэзіи, способный восторгаться иногда и тѣмъ, что почему-нибудь просто превышало его пониманіе, связанный воспоминаніями о покровительствѣ и дружбѣ съ рано угасшимъ поэтомъ, наконецъ, самъ хрустально-прозрачный,—Бѣлинскій или на самомъ дѣлѣ видѣлъ одно хорошее въ первомъ яркомъ самородномъ талантѣ, или же завѣдомо желалъ скрыть дурныя стороны. Но только оставилъ онъ намъ не живописный портретъ Кольцова, а какой-то иконописный образъ.

Здѣсь все условно, все не договорено, даже шаблонно. Все затемнено тѣми стереотипами, которые скрадываютъ индивидуальныя черты и неизбѣжны въ біографіяхъ писателей «изъ народа».

Власть Бѣлинскаго, подобранныхъ имъ и имъ же объясненныхъ біографическихъ фактовъ изъ жизни «природнаго пѣвца», котораго такъ долго ждала русская поэзія, власть сдѣланной имъ оцѣнки всей «деревенской музы» Кольцова, наконецъ, даже власть взятаго критикомъ минорно-елейнаго тона съ первыхъ же словъ известной статьи о Кольцовѣ—замѣтна и теперь. Замѣтна она и на наиболѣе содержательныхъ очеркахъ, появившихся въ юбилейные дни. Авто-

ры этихъ очерковъ какъ бы загнипнотизированы Бѣлинскимъ. Они не хотятъ или не могутъ отрѣшиться отъ всего обаянія его красивыхъ и цѣльныхъ по настроенію статей. А потому никто почти не рѣшается взглянуть на всю жизненную и поэтическую сущность Кольцова мимо призмы Бѣлинскаго.

I.

Кто имѣлъ возможность познакомиться съ нѣсколькими біографіями и автобіографіями русскихъ «самородковъ»,—того, навѣрное, поражала ихъ схематичность. Стоитъ прочесть хотя бы десять такихъ біографій—и схему одиннадцатой уже легко угадать. Словно въ житіяхъ святыхъ, здѣсь должны быть бѣдныя, во всякомъ случаѣ неграмотные родители, полевые и инныя работы въ раннемъ дѣтствѣ, случайное знакомство съ грамотой, препятствія чтенію и первымъ литературнымъ опытамъ со стороны матеріалістовъ-старшихъ, затѣмъ—«открыватели» и покровители талантовъ, тяжелыя условія дальнѣйшей жизни и т. д. Всегда найдутся клише, и разобраться въ мелочахъ нелегко.

Біографія Кольцова, въ этомъ смыслѣ, нисколько не отличается отъ тысячъ подобныхъ. Поэтому болѣе надежнымъ матеріаломъ, чѣмъ извѣстныя статьи Бѣлинскаго и другихъ авторовъ, усвоившихъ и обыкновенно только развивающихъ его точку зрѣнія,—должны служить письма Кольцова. И тѣ новыя данныя, которыя сообщаетъ впервые изданное въ «Академической библіотекѣ русскихъ писателей» письмо къ кн. В. Одоевскому отъ 22 марта 1841 года, представляются необыкновенно характерными. Въ письмахъ своихъ Кольцовъ всегда и лучше всего выдаетъ себя—съ тѣмъ «добромъ» и тѣмъ «зломъ», которыя только и дѣлаютъ уловимой, осязаемой, живой, пластичной фигуру всякаго дѣятеля. Быть можетъ, они дѣлаютъ ее менѣе симпатичной и разрушаютъ нѣкоторую «пріятную иллюзію»,—зато дѣлаютъ ее болѣе близкой къ дѣйствительности.

Жизнь Кольцова необыкновенно бѣдна фактами. Если Бѣлинскій зналъ изъ нихъ много больше, чѣмъ нашелъ нужнымъ отмѣтить въ своихъ статьяхъ, то это, очевидно, входило въ его программу,—и факты эти едва ли были благопріятны для представленія объ образѣ Кольцова. Если выдѣлить изъ недолгой и сѣренькой жизни русскаго *Naturşanger*'а все случайное, то классификація всѣхъ факторовъ, имѣвшихъ вліяніе на него, какъ на писателя, а также всѣхъ внѣшнихъ событій сводится къ слѣдующимъ тремъ группамъ: первая—семья и среда; вторая—природа степей и родъ занятій; третья—сношенія съ литературными кружками Москвы

и Петербурга. И надъ всѣмъ властвуетъ мощный и цѣльный темпераментъ поэта...

Разсмотримъ каждую изъ трехъ группъ въ отдѣльности.

Разжившаяся мѣщанская семья, богатая настолько, что владела своими крѣпостными, олицетворяла собой весь домострой московскаго уклада; впрочемъ, безъ того внѣшняго «обхожденія», которое все-таки скрашиваетъ неприглядныя стороны жизни. Отецъ— типичный стяжатель, человѣкъ крутой и хитрый, кулакъ и сутяга въ торговомъ дѣлѣ, деспотъ и самодуръ въ семьѣ, характеръ сильный, самобытный, совершенно недисциплинированный. Мать— женщина мягкая, добрая, повидимому, неглупая, неграмотная, рыхлая физически и морально—во всемъ подчинялась мужу и представляла въ семьѣ своего рода обстановку. О сестрахъ Кольцова можно и не говорить: онѣ или безцвѣтны, какъ все безсодержательное въ сѣромъ мѣщанствѣ, то лѣзущее въ барство, то цинично-пошлое въ своей грубости и алчности.

Въ домѣ царить духъ наживы, разговоры о выгодѣ и убыткахъ, судебной волокитѣ, торговыхъ продѣлкахъ, недалекихъ отъ плутовства. О томъ, что выходитъ за узкіе предѣлы домашняго интереса, говорится лишь съ точки зрѣнія «умнаго» мошенничества однихъ и «глупой» непредпріимчивости другихъ. Лицемеріе и низкопоклонство предъ тѣмъ, кто былъ или могъ быть выгодеи, чередуются съ бранью и униженіями тѣхъ, кого можно было или слѣдовало эксплуатировать. Словомъ, рано поставленный въ необходимость активно участвовать въ торговомъ дѣлѣ отца, молодой Кольцовъ практически усваиваетъ науку «труда и капитала», конечно, съ точки зрѣнія послѣдняго. Приходится не только эксплуатировать, но и кривить душой, притворяться. Припомнимъ хотя бы тотъ случай, когда одинъ изъ работниковъ хотѣлъ зарѣзать Кольцова, и послѣдній спасся только водкой и хитростью... Желая смягчить впечатлѣніе разсказа, прекраснодушный Бѣлинскій называетъ этотъ эпизодъ почему-то «трагикомедіей».

Несмотря на внѣшнюю борьбу съ семьей, въ душѣ Кольцовъ во многомъ походилъ на отца. Въ принадлежащей ему характеристикѣ отца проглядываютъ, быть можетъ, и автобіографическія черты, хотя молодой Кольцовъ, повидимому, желалъ противопоставить себя именно старику. «Онъ человѣкъ простой, купецъ, спекулянтъ, вышелъ изъ ничего, вѣкъ рожи молотилъ на обухѣ,—писалъ Кольцовъ Бѣлинскому.—Его грудь такъ черства, что его на все достанетъ для своей пользы и для своей торговли. Настоящій купецъ устраиваетъ одни свои дѣла, а есть ли польза отъ нихъ другимъ—ему и дѣла нѣтъ, и онъ, что только съ рукъ сойдетъ, все сдѣлать во всякую пору готовъ. Миѣ отъ него и такъ достается довольно. Чуть мало-малыски что не такъ, ворчить и сердится: вы, говорить, все по книжному, да по печатному, народный грамотный—ума палата».

Стараніе показаться инымъ сквозить и въ слѣдующемъ сообщеніи Кольцова, въ письмѣ отъ 15 іюля 1838 года, послѣ пріѣзда изъ Москвы. «Съ моими знакомыми расхожусь помаленьку. Наскучили всѣ эти разговоры пошлые. Я хотѣлъ съ пріѣзда увѣрить ихъ, что они криво смотрятъ на вещи, ошибочно понимаютъ; толковалъ и такъ, и такъ. Они надо мной смѣются, думаютъ, что я несу имъ вздоръ. Я повернулъ себя отъ нихъ на другую дорогу; хотѣлъ ихъ научить— да ба!—и вотъ какъ съ ними поладилъ: все ихъ слушаю, думая самъ про себя о другомъ; всѣхъ ихъ хвалю во всю мочь; всѣ они у меня люди умные, ученые, прекрасные поэты, философы, музыканты, живописцы, образцовые чиновники, образцовые купцы, образцовые книгопродавцы—и они стали мною довольны, и самъ про себя смѣюсь надъ ними отъ души. Такимъ образомъ, все идетъ ладно; а то что въ самомъ дѣлѣ изъ ничего наживать себѣ дураковъ-враговъ? Уже видно, какъ кого Господь умудрилъ, такъ онъ съ своею мудростью и умретъ».

Не случайное это сообщеніе и даже не хвастовство, а житейскій рецептъ опытнаго и неискренняго человѣка.

Не отсутствіемъ воспитанія или свѣтской выдержки, не неумѣніемъ обращаться съ людьми, стоящими выше и болѣе сильными, а именно наслѣдственными чертами объясняются и тонъ, и содержаніе писемъ Кольцова къ Жуковскому, кн. Вяземскому, О. Глинкѣ, кн. Одоевскому и другимъ. Онъ льститъ имъ, называя Жуковскаго все время «вашимъ превосходительствомъ, добрымъ вельможей, любезнымъ поэтомъ» и т. д. «Сіятельные» титулы—въ полномъ ходу и никакъ не вяжутся съ представленіемъ о «поэтѣ-пахарѣ», какимъ на самомъ дѣлѣ Кольцовъ никогда не былъ. Онъ восторгается даже генераломъ Глинкой съ супругой: «были у меня... что это стоит!»—воскликаетъ Кольцовъ послѣ посѣщенія его въ Воронежъ въ 1836 году. «Если что-нибудь дурно написалъ, простите, ваше сіятельство: въ первой съ роду пишу къ князю» (письмо къ П. Вяземскому того же года).

Онъ всячески унижаетъ себя, хотя на дѣлѣ больше всего говоритъ о себѣ, какъ о поэтѣ и недюжинной натурѣ, и этими униженіями направляется на похвалы. Наконецъ, проситъ видныхъ писателей похлопотать во всякаго рода казенныхъ судахъ, въ сенатѣ, предъ вице-губернаторами и прочими властью имущими, съ цѣлью выиграть гражданскія тяжбы купцовъ Кольцовыхъ... Замѣчательно, что и органическій дѣлецъ старикъ-Кольцовъ раньше издѣвался надъ литературными занятіями сына, а затѣмъ пересталъ косо смотрѣть на столичныя знакомства съ «превосходительными» литераторами—послѣ того, какъ ихъ вліяніе на судебныя дѣла стало приносить видимую выгоду.

Однимъ словомъ, вліяніе семьи и среды только усилило въ Кольцовѣ тѣ противорѣчія, которыя характерны для писателей вообще

и для русскихъ писателей въ особенности. И если мы станемъ на ту точку зрѣнія, что эти противорѣчія служатъ источникомъ творчества, то, конечно, оцѣнка ихъ будетъ совсѣмъ иная, чѣмъ въ жизни.

II.

Кольцова-поэта воспитала степь, та особенная степь, которая не раскидывается широко, какъ южныя или восточныя степи, отъ горизонта до горизонта, а представляетъ мѣрный переходъ съ сѣвера къ югу. Это—граница между Великороссіей и Малороссіей: донскія степи, вѣдь, начинаются недалеко отъ Воронежа, верстахъ въ сорока, не больше.

Указывая на степь, какъ на закономѣрный факторъ въ дѣлѣ самовоспитанія Кольцова-поэта, Бѣлинскій былъ правъ, конечно, но не свободенъ отъ увлеченій, идеализаціи. Ремесло прасола подолгу держало молодого Кольцова въ степи, на хуторахъ и на ярмаркахъ. Кольцовы арендовали большіе участки выпаса, пускали туда закупленный по дешевой цѣнѣ у крестьянъ и помѣщиковъ скотъ. Слѣдили за отвѣтственными пастухами, торговали мясомъ, шерстью, кожами, саломъ, овчинами—продуктами слишкомъ далекими отъ всякой поэзіи.

Отрывокъ изъ письма 1836 года представляетъ яркую картину его занятій: «Батинька два мѣсяца въ Москвѣ, продаетъ быковъ; дома я одинъ, дѣлъ много. Покупаю свиней, становлю на винный заводъ на барду; въ рошѣ рублю дрова; осенью пахаль землю; на скорую руку ѣзжу въ села: дома по дѣламъ хлопочу съ зари до полночи». Для Бѣлинскаго достаточно было самаго факта близости Кольцова къ природѣ, чтобы нарисовать красивую, мало вѣроятную картину взаимоотношеній между природой и поэтомъ. По его мнѣнію, ремесло прасола не только не тяготило Кольцова, но было даже по душѣ его. «Оно познакомило его со степью и дало ему возможность цѣлое лѣто не разставаться съ нею. Онъ любилъ вечерній огонь, на которомъ варилась каша; любилъ ночлегъ подъ чистымъ небомъ, на зеленой травѣ; любилъ иногда цѣлые дни не слѣзать съ коня, собирая бродящій скотъ въ одно мѣсто или перегоняя его съ одного пастбища на другое». Правда, «случалось цѣлые дни и недѣли проводить въ грязи, слякоти, на холодномъ осеннемъ вѣтру, подъ шумъ дождя, подъ защитой войлока или овчиннаго тулупа». Но все это проходило какъ будто мимо поэта.

Мы лично смотримъ на дѣло иначе.

Необходимо подчеркнуть ту мысль, что близость Кольцова къ природѣ рѣзко отличалась отъ той же близости къ ней крестьянина, настоящаго пахаря. Крестьянину недоступно понима-

ніе красоть природы прежде всего потому, что онъ ее эксплуатируетъ, смотритъ на нее, какъ на источникъ пропитанія. Онъ самъ какъ бы погруженъ въ нее, такъ что въ борьбѣ за существованіе, въ самомъ процессѣ добыванія пропитанія не можетъ отдѣлять себя самого отъ природы, и потому смотритъ на нее съ точки зрѣнія только экономической. Духовная организація, степенъ поэтичности и музыкальности каждаго отдѣльнаго индивидуума здѣсь ни при чемъ: вѣдь народная устная поэзія совсѣмъ не знаетъ «самодовлѣющаго» пейзажа. И если Кольцовъ плѣнялся имъ, воспѣвая разныя картины степи, то и эта черта доказываетъ лишь то, что онъ—продуктъ культуры городской.

Предъ нами—отрывокъ изъ письма къ Бѣлинскому отъ 15 іюня 1838 года изъ Воронежа «А степь опять очаровала меня: я, чортъ знаетъ, до какого забвенія любовался ею. Какъ она хороша показалась! И я съ восторгомъ пѣлъ: «Пора любви». Она къ имъ (къ ней?) идетъ. Пѣлъ, конечно, дурно. Только это чувство было не прежнее, другого совсѣмъ рода; послѣ мнѣ стало на ней скучно. Она хороша на минуту, и то не одному, а самъ-другъ, и то не долго. Къ ней пріѣхалъ погостить—и въ городъ, въ столицу, въ кипяткъ жизни, въ борьбу страстей, въ головоломный омутъ жизни; а то она сама по себѣ слишкомъ однообразна и молчалива».

Только смѣна картинъ степи, степи потому, что здѣсь онъ былъ гостемъ, могла повліять на его безусловно поэтическую натуру. Иначе, почему онъ ни одного стихотворенія не посвятилъ мѣщанскому быту, среди котораго провелъ большую часть времени? Это объясняется общимъ наблюденіемъ: мы цѣнимъ только то, чего лишены, что видимъ рѣдко. У жителей степи, а не гостя,—такое «изобиліе» природы, что онъ уже не можетъ цѣнить ее. Перепроизводство пейзажа и всего, что мы цѣнимъ въ близости къ природѣ. Городскимъ человѣкомъ былъ Кольцовъ, когда воспѣвалъ степь, разубранную цвѣтами, съ пѣвучими птицами.

Степь раздольная
 Далеко вокругъ
 Широко лежитъ,
 Ковылемъ-травой
 Разстилается...
 Ахъ ты, степь моя,
 Степь привольная!
 Широко ты, степь,
 Пораскинулась,
 Къ морю Черному
 Понадвинулась...

III.

Школа—полный курсъ приходскаго училища и полтора года въ уѣздномъ—ничего не дала Кольцову. Онъ остался на всю жизнь безграмотнымъ. Положительное вліяніе школы сказалось, быть можетъ, на охотѣ къ чтенію.

По словамъ Бѣлинскаго, «получаемыя отъ отца деньги на игрушки онъ, Кольцовъ, употреблялъ на покупку сказокъ, и «Бова Королевичъ» съ «Ерусланомъ Лазаревичемъ» составляли его любимѣйшее чтеніе». «На Руси не одна одаренная богатою фантазіей натура, подобно Кольцову, начала съ этихъ сказокъ свое литературное образованіе,—говорить по этому поводу критикъ.—Охота къ сказкамъ всегда есть вѣрный признакъ въ ребенкѣ присутствія фантазіи и склонности къ поэзіи,—и переходъ отъ сказокъ къ романамъ и стихамъ очень естественъ: тѣ и другіе даютъ пищу фантазіи и чувству, съ тою только разницей, что сказки удовлетворяютъ дѣтскую фантазію, а романы и стихи составляютъ потребность уже болѣе развитой и болѣе подружившейся съ разумомъ фантазіи. Читая сказки, Кольцовъ почувствовалъ охоту составлять самому что-нибудь въ ихъ родѣ. Но такъ какъ тогда онъ еще не имѣлъ привычки повѣрять бумагѣ все, что ни приходило ему въ голову, то его неясные самому ему авторскіе порывы и остались въ однѣхъ мечтахъ». Затѣмъ онъ бралъ книги у школьнаго товарища, прочиталъ нѣсколько переводныхъ авантюрныхъ романовъ, «Тысячу и одну ночь», «Кадма и Гармонію» Хераскова, купилъ сочиненія Ломоносова, Державина, Богдановича.

Впослѣдствіи онъ прочелъ и другихъ писателей, но этому обязанъ былъ знакомству съ людьми не чуждыми литературы. Изъ такихъ непосредственныхъ литературныхъ вліяній первымъ было знакомство съ Сребрянскимъ, въ то время семинаристомъ, затѣмъ студентомъ медико-хирургической академіи. Въ сравненіи съ Кольцовымъ Сребрянскій былъ человекъ образованный, съ книжнымъ вкусомъ, съ широкимъ философско-общественнымъ горизонтомъ. Онъ прекрасно читалъ стихи, любилъ литературу. вмѣстѣ они читали Шекспира, спорили на отвлеченныя темы,—и памятникомъ дружбы молодыхъ людей осталось стихотвореніе Кольцова «А. П. Сребрянскому».

Не посуды: чѣмъ я богатъ,
 Послѣднимъ подѣлиться радъ.
 Вотъ мой досугъ; въ немъ умъ твой строгій
 Найдеть ошибокъ слишкомъ много:
 Здѣсь каждый стихъ—чай, грѣшной бредъ.
 Что жъ дѣлать! Я такой поэтъ,
 Что на Руси смѣшнѣе нѣтъ!

Но не щади ты недостатки,
 Замѣть, что требуетъ поправки...
 Когда бь свобода, время, чинъ,
 Когда бь, примѣрно, господинъ
 Я былъ такой, чтобъ только съ трубкой
 Сидѣть день цѣлой и зѣвать,
 Роскошно жить, безопасно спать,—
 Тогда, клянусь тебѣ, не шуткой
 Я бь вышелъ въ люди, вышелъ въ свѣтъ!
 Теперь я самъ-собою поэтъ,
 Теперь мой геній... но довольно
 Душа груститъ моя невольно.
 Я чувствую, мой милой другъ,
 Съ издѣтскихъ лѣтъ какой-то духъ
 Владѣть ею не напрасно!
 Нѣтъ! Я не даромъ сладострастно
 Люблю богиню красоты,
 Уединенье и мечты!

Затѣмъ слѣдуетъ знакомство съ профессоромъ мѣстной семинаріи А. Д. Вельяминовымъ, съ бездарнымъ писателемъ Сухачевымъ, который напечаталъ въ Москвѣ три стихотворенія Кольцова подъ своею подписью (1830), и кружкомъ Н. В. Станкевича. Станкевичъ послалъ въ «Литературную Газету» «Перстень» Кольцова (1831), познакомилъ съ Бѣлинскимъ.

Бодрящее вліяніе Бѣлинскаго имѣло большое значеніе и для самоработы Кольцова, и для популярности «природнаго поэта». Въ кружкѣ Станкевича Кольцовъ встрѣтилъ Грановскаго, Аксакова, Кетчера, Е. Корша, Кудрявцева, Боткина, Красова и другихъ. Отсюда начались связи съ петербургскимъ литературнымъ міромъ. Краевскій, Панаевъ, кн. Одоевскій, Жуковскій, кн. Вяземскій, Плетневъ, Никитенко, Гребенка, Пушкинъ, Ф. Глинка—каждый изъ нихъ, вспоминая Алипанова, Слѣпушкина и другихъ «самоучекъ», незадолго до того появившихся и попавшихъ подъ покровительство П. Свинына, старался чѣмъ-нибудь выказать свое удивленіе даровитому поэту «изъ народа», обласкать его, оказать покровительство. Кольцова демонстрируютъ, показывая на журфиксахъ, какъ Wunder Kind'a, расхваливаютъ, сулятъ разныя обѣщанія. Конечно, бывали и такіе случаи, когда слишкомъ аристократичные писатели-дворяне относились къ Кольцову съ учтивою пренебрежительностью.

Для нашей характеристики Кольцова интересна одна подробность, подмѣченная Бѣлинскимъ и другими. Въ гостиницхъ століцы Кольцовъ держитъ себя съ достоинствомъ, замѣтно холодно и осторожно. Больше молчитъ, умѣетъ цѣнить и себя, и другихъ. «Онъ былъ слишкомъ уменъ, слишкомъ хорошо зналъ жизнь и людей, чтобы играть глупенькую и пошленькую роль энтузіаста». Многія его наблюденія надъ литераторами поражали мѣткостью тонкой ироніей: всюду виденъ былъ трезвый дѣлецъ-ирасоль.

Кругъ знакомства расширяется еще больше послѣ 1838 года, когда Кольцовъ снова побывалъ въ Москвѣ и Петербургѣ. Воронежскій мѣщанинъ теперь не имѣетъ уже свободнаго вечера и каждый день видится те съ Венеціановымъ, Григоровичемъ, Булгаринимъ, то съ Полевымъ, Бенедиктовымъ, Сахаровымъ, Губеромъ, Бернетомъ и другими. Теперь онъ ведетъ себя иначе. По опредѣленнымъ днямъ принимаетъ у себя, вступаетъ въ споры, часто настаиваетъ на своемъ мнѣніи и въ письмѣ къ Бѣлинскому шутить и надъ своей перемѣной, и надъ противниками.

Результатомъ продолжительнаго пребыванія въ столицахъ было прежде всего то, что послѣ возвращенія домой воронежская обстановка показалась Кольцову еще болѣе чуждой, чѣмъ, раньше. Въ немъ усилилось раздвоеніе. Онъ еще болѣе тяготится торговлей, грубымъ отцомъ, мѣщанствомъ, провинціей. На первыхъ порахъ онъ старается утѣшить себя, примириться съ противорѣчiami. «Въ Воронежъ я пріѣхалъ хорошо,—пишетъ Бѣлинскому въ половинѣ іюля 1838 года.—Но въ Воронежѣ жить мнѣ противу прежняго вдвое хуже: скучно, грустно, бездомно въ немъ. И все какъ-то кажется то же, а не то. Дѣла коммерціи безъ меня разстроились порядочно, новыхъ непріятностей куча; что день—то горе, что шагъ—то напасть. Но, слава Богу, какъ-то я всѣ ихъ переношу теперь терпѣливо, и онѣ сдѣлались для меня будто предметами посторонними и до меня почти не касающимися. На душѣ тепло, покойно. Хорошее лѣто, славная погода, синее небо, свѣтлый день, вечерняя тишь—все прекрасно, чудесно, очаровательно, и я жизнью живу и тону своею душой въ удовольствіяхъ нашего лѣта. Да, благодарю васъ, Виссаріонъ Григорьевичъ, благодарю и вмѣстѣ и всѣхъ нашихъ друзей. Вы и они много для меня сдѣлали, о, слишкомъ много, много! Эти послѣдніе два мѣсяца стоили для меня пяти лѣтъ воронежской жизни... Я теперь гляжу на себя—и не узнаю. Словесностью занимаюсь мало, читаю немного—некогда; въ головѣ дрянъ такая набита, что хочется плюнуть; матеріализмъ дрянной, гадкій и вмѣстѣ съ тѣмъ необходимый. Плавай, голубчикъ, на всякой водѣ, гдѣ велятъ дѣла земныя; ныряй и въ тинѣ, когда надобно нырять; гнись въ дугу и стой прямо въ одно время. И я все это дѣлаю теперь даже съ охотой. Новаго не написалъ ничего—некогда. Воронежъ прінялъ меня противу прежняго въ десять разъ радушиѣе; я благодаренъ ему. До меня люди выдумали, будто я въ Москвѣ женился; будто въ Питерѣ уѣхалъ навсегда жить; будто оставили меня въ Питерѣ стихи писать... И всѣ встрѣчаются со мною и такъ любопытно глядятъ, какъ на заморскую чучелу. Я стгоряча немного посердился на нихъ за это; но подумалъ, и вышло, что я былъ глупъ. На людей сердиться нельзя, и требовать строго отъ нихъ нельзя:—кривое дерево не разогнется прямо, а въ лѣсу больше

кривого и суковатаго, чѣмъ ровнаго. Слѣдовательно, люди правы: они судятъ по-своему, какъ имъ угодно. Спасибо и за это; и мнѣ они нравятся въ этихъ странностяхъ. Старикъ отецъ со мною хорошъ; любить меня болѣе за то, что дѣло хорошо кончилось: онъ всегда такія вещи очень любить... Съ моими знакомыми расхожусь помаленьку: наскучили всѣ они».

IV.

«Познаніе добра» подѣйствовало на Кольцова въ томъ смыслѣ, что онъ увидаль всю пошлость своихъ прежнихъ друзей и милостивцевъ—и разошелся съ ними. Дѣла торговыя разстроились. Онъ растратилъ деньги, вырученныя отъ продажи большой партіи скота.

Въ писаніи стиховъ Кольцовъ находитъ теперь органическую потребность. «А что въ 1838 году написалъ такъ много порядочнаго,—это потому, во-первыхъ, что я былъ съ вами,—сообщалъ онъ Бѣлинскому,—съ людьми, которые меня каждый день настраивали, а во-вторыхъ, я почти ничего не дѣлалъ и былъ празденъ. Тяготило меня до смерти одно дѣло, но только одно дѣло, не больше. И я все еще писалъ такъ мало. А здѣсь кругомъ меня другой народъ—татаринъ на татаринъ, жидъ на жидъ, а дѣлъ беремя: стройка дома (которая кончилась съ мѣсяцъ назадъ), судебныя дѣла, услуги, прислуги, угожденія, посѣщенія, счета, расчеты, брани, ссоры. И какъ я еще пишу? И для чего пишу? Для васъ однихъ; а здѣсь я за писаніе терплю оскорбленія. Всякій подлець такъ на меня и лѣзетъ, дескать, писакъ-то и крылья опичать...»

Не угѣшился отецъ и выигрышемъ одного изъ двухъ судебныхъ процессовъ: «мнѣ все равно,—писалъ онъ сыну,—хоть бы кончилось дурно. Мнѣ 69 лѣтъ, и жить осталось меньше, чѣмъ вамъ». Настроеніе Кольцова понижалось. «Писать къ вамъ хочется, а ничего не идетъ изъ головы. Плоха что-то моя голова сдѣлалась въ Воронежѣ, одурѣла вовсе, и самъ не знаю отъ чего,—не то отъ этихъ дѣлъ торговыхъ, не то отъ перемѣны жизни. Я было такъ привыкъ быть у васъ и съ вами, такъ забылся для всего другого; а тутъ вдругъ все надобно позабыть, дѣлать другое, думать о другомъ—вѣдь и дѣла торговыя тоже сами не дѣлаются, тоже кое о чемъ надобно подумать. Такъ одряхлѣлъ, такъ отяжелѣлъ: право, боюсь, чтобъ мнѣ не сдѣлаться вовсе человѣкомъ матеріальнымъ. Боже избави! Ужъ это будетъ весьма рано».

Къ этому времени относится увлеченіе Кольцова какой-то купчихой-вдовой. Она поиграла любовникомъ, заразила его дурной болѣзью, уѣхала въ Москву съ офицеромъ и оставила въ душѣ поэта мракъ, горечь, досаду. Родители узнали о болѣзни—

у нихъ была младшая дочь невѣста,—и понятно то отвращеніе къ «прокаженному» сыну, которое такъ умѣстно въ филистерско-добродѣтельномъ мѣщанствѣ.

«Пророчески угадали вы мое положеніе,—писалъ онъ въ 1840 году Бѣлинскому въ Петербургъ. — У меня у самого давно лежитъ на душѣ грустное это сознаніе, что въ Воронежѣ долго мнѣ не сдобровать. Давно живу я въ немъ и гляжу вонъ, какъ звѣрь. Тѣсенъ мой кругъ, грязенъ мой міръ, горько жить мнѣ въ немъ, и я не знаю, какъ я еще не потерялся въ немъ давно. Какая-нибудь добрая сила невидимо поддерживаетъ меня отъ паденія и, если я не перемѣню себя, то скоро упаду; это неминуемо, какъ дважды два четыре».

Наконецъ, послѣ свадьбы сестры, больного и разбитого, его перевели въ сырую каморку. Докторъ призналъ неизлечимость болѣзни. Послѣдніе дни поэта были такъ же мрачны, какъ и всѣхъ русскихъ талантовъ-горемыкъ.

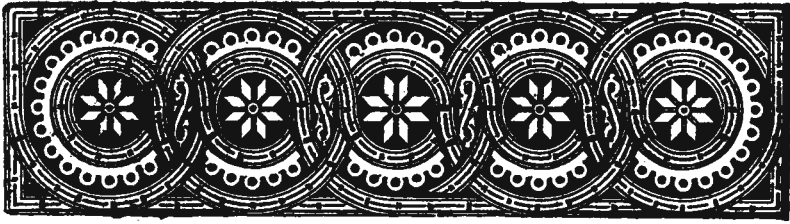
Развязка жизни Кольцова—не случайность, а фактъ закономерный.

Перечисленные три фактора въ связи съ внѣшними біографическими данными, конечно, вліяли на поэтическое творчество Кольцова, но все-таки не они создали его. Его создалъ цѣльный темпераментъ Кольцова-поэта, его высокая музыкальность, его безконтрольная страсть. Въ этой области, только въ ней, а не въ области религіозныхъ и философскихъ темъ и не въ области описаній крестьянской жизни,—онъ отрѣшается отъ Кольцова-прасола.

И тѣмъ не менѣе, тщательно подбирая жизненные факты, освѣщая ихъ съ своей точки зрѣнія, усиливая свѣтъ и удаляя тѣневые стороны, Бѣлинскій все-таки угадалъ въ Кольцовѣ тѣ главныя черты, которыя особенно дороги въ талантливомъ «пѣвцѣ изъ народа».

И. Александровъ.

ПАМЯТИ М. Л. КРОПИВНИЦКАГО?..

В ОДИНЪ и тотъ же день, 9 апрѣля, газеты принесли намъ изъ разныхъ странъ свѣта двѣ печальныя телеграммы С.-Петербургскаго агентства: одну изъ Нью-Йорка—о смерти Марка Твэна, другую изъ Одессы—о кончинѣ Марка Кропивницкаго.

Первый—выразитель американской культуры, юмористъ чистѣйшей воды; второй—съ ногъ до головы истинный сынъ Украины съ юморомъ Котляревскаго, Квитки, Гоголя, съ элегіей Шевченка...

Англійскій языкъ—международный языкъ, и Марку Твэну, естественно, открылись широко двери вселенской аудиторіи.

Малорусскій языкъ, напротивъ, извѣстенъ далеко даже не всѣмъ русскимъ, а въ Западной Европѣ, не говоря уже объ Америкѣ, о немъ и вовсе почти не имѣютъ никакого понятія, и все же имя Марка Лукича Кропивницкаго—то славное имя, которое не забудется и долго будетъ сіять яркой звѣздой на ряду съ лучшими именами міровыхъ писателей и артистовъ. По случаю исполнившагося 35-лѣтія его литературно-артистической дѣятельности я уже довольно подробно писалъ о немъ въ «Историческомъ Вѣстникѣ» (1906 г., № 5) и въ этой замѣткѣ не стану повторять читателямъ о тѣхъ мытарствахъ, которыя пришлось претерпѣть неутомимому Кропивницкому ради неуслышанаго служенія родному искусству, родной мысли... Врядъ ли кто-нибудь будетъ искренно сомнѣваться въ томъ, что онъ по всей

справедливости заслужилъ дѣйствительно мѣткое единогласное прозвище «батьки» южно-русскаго театра... а между тѣмъ въ послѣдніе годы было сдѣлано нѣсколько поползновеній умалить заслуги этого артиста-художника, борца за свѣтлую идею.

Въ «Воспоминаніяхъ» М. Садовскаго («Науково-Лит. Вістник»), въ «Украинской драматургіи» М. Комарова и въ «Корифеяхъ украинской драматургіи», принадлежащихъ перу, кажется, г. Лотоцкаго, создателю и вдохновителю малорусскаго театра, М. Л. Кропивницкому отводится далеко не главное мѣсто и лавры приписываются другимъ. Авторы подчасъ скромно выдвигаютъ и свои собственныя имена, забывая великую тѣнь учителя...

Стихійный могучій талантъ первокласснаго артиста и виртуозный художественный даръ писателя-драматурга не остановили ихъ самолюбиваго порыва. Они забыли, что

Идетъ Исторія... Въ пути ей нѣтъ притину
Безстрашно въ пламя и въ стремнину
Свой свитокъ вѣковой съ собой несетъ она.
Равно въ дни радости и въ тяжкую годину
Туда заноситъ письмена...

А Кропивницкій, между тѣмъ, страдалъ отъ такой несправедливости и въ послѣднемъ письмѣ ко мнѣ (отъ 1 февраля) обѣщалъ прислать матеріалы, опровергающіе свѣдѣнія, сообщенныя въ «Воспоминаніяхъ» г. Садовскаго.

Отъѣздъ въ городъ Купянскъ «по хозяйскому дѣлу», а затѣмъ гастроли помѣшали исполненію этого намѣренія въ ближайшіе дни, а тамъ и смерть пришла...

Онъ умеръ, не доживъ двухъ недѣль до 70-лѣтняго возраста (родился 25 апрѣля 1840 г. въ с. Бешбайракахъ Елисаветградскаго уѣзда Херсонской губ.).

Еще совсѣмъ недавно, 25 марта, въ Александринскомъ театрѣ на экзаменаціонномъ спектаклѣ класса В. Н. Давыдова, гдѣ выступала ученица императорскихъ драматическихъ курсовъ Александра Кропивницкая, дочь Марка Лукича, я встрѣтилъ супругу покойнаго теперь артиста, Надежду Васильевну Кропивницкую, и она рассказывала мнѣ, что ея мужъ, въ послѣднее время сравнительно рѣдко выступавшій на подмосткахъ, опять сталъ гастролировать.

— Представьте, передъ каждымъ выходомъ на сцену началъ волноваться!—прибавила она, и это волненіе опытнаго артиста, повидимому, тревожило ее.

Какъ женщина-врачъ, она видѣла въ этомъ угрожающіе симптомы.

И вотъ старческое сердце, полное, однако, юношескаго жара, не выдержало.

Въ одесской телеграммѣ говорится, что Кропивницкій по нездоровью (нѣсколько приступовъ кровохарканья) прервалъ «тріумфально начатыя гастроли» и выѣхалъ въ имѣніе (хуторъ «Затышокъ», близъ станціи Старовѣровки Харьковско-Балашовской желѣзной дороги), но на пути отъ станціи Голты къ Подгороднѣ скончался отъ кровоизліянія въ мозгъ. Контроль, рано утромъ обходившій вагонъ, засталъ его мертвымъ. Учителя и ученики изъ ближайшихъ сель явились первыми поклониться его праху и возложили вѣнокъ съ надписью: «М. Л. Кропивницкому—борца за мріі».

13 апрѣля, послѣ заупокойной литургіи въ харьковскомъ кафедральномъ соборѣ, состоялись похороны на городскомъ кладбищѣ при громадномъ стеченіи народа. Задушевныя надгробныя рѣчи и горы вѣнковъ не могли, конечно, выразить той силы печали, что охватила и сжала сердца многочисленныхъ поклонниковъ «батьки».

Мало-по-малу Петербургъ, Москва, Одесса, Полтава, Харьковъ подали дружно голосъ за увѣковѣченіе памяти покойнаго—постановкой ему памятника на могилѣ... Только Кіевъ молчитъ... Видно, нѣтъ пророка въ отечествѣ!

Почтенный возрастъ патріарха до послѣднихъ дней не уменьшилъ ни энергіи Марка Лукича, ни работоспособности, ни вѣры въ будущее.

Его «автобіографія» росла и развивалась. Интересная жизнь выдающагося дѣятеля проходитъ въ яркихъ страницахъ, написанныхъ чуднымъ образнымъ языкомъ Украины.

Жаль, что авторъ не успѣлъ довести ее до конца и перевести на русскій языкъ, какъ ему совѣтовали!

Не переставалъ писать Кропивницкій и пьесы даже для народнаго дѣтскаго театра, переводилъ Шекспира («Отелло»)... Сколько еще богатствъ таилось въ его поэтической душѣ!

Перебираю его письма съ 1902 года...

Вотъ онъ собирается открыть школу съ правомъ преподаванія на украинскомъ языкѣ, подкрѣпляя свое прошеніе тѣмъ несомнѣннымъ доводомъ, что простолюдину трудно почерпать лучи знанія, пока ему не будетъ дозволено читать и писать на языкѣ, на которомъ онъ говоритъ съ младенчества.

Потерпѣвъ неудачу, онъ сейчасъ же мечтаетъ приступить къ изданію малорусской газеты для народа.

По этому поводу такъ писалъ мнѣ Кропивницкій въ 1902 г., пересыпая грустныя строки обычными для него юмористическими словцами:

...«А что же я сдѣлалъ для роднаго края? И увидѣлъ я дьявольскую хохочущую рожу съ высунутымъ предлиннѣйшимъ языкомъ,

вытянувшимся въ *минусь*. Серьезно, чѣмъ родному краю буду я памятенъ?.. Не надо мнѣ ни серебра, ни злата, ни славы, ни почестей... Вспомнились мнѣ слова государя Александра III, обращенныя ко мнѣ, когда я былъ въ ложѣ Его Величества 4 января 1887 г. въ театрѣ «Фантазія» въ Петербургѣ:

«Желаю вамъ успѣха. Большое удовольствіе доставила мнѣ игра вашей труппы... Желанные гости...»

«И я послѣ этого подумалъ: «и насъ признали!..» Увы, улы, улы! Прошло 15 лѣтъ, и въ Украинѣ моей милой попрежнему нѣтъ ни школы народной, ни газетъ, ни журналовъ, попрежнему украинскій языкъ вышучиваютъ, не признаютъ, селятся уничтожить... За что же это все, за что? Неужели все за то, что предки наши устлали костями своими и полили своей кровью тотъ край, который называется благословеннымъ и благодатнымъ и который присоединился къ родственному народу, какъ равный къ равному? Обидно, больно, тяжело!..»

Малорусская газета для народа тоже не была ему разрѣшена. 1905 годъ принесъ Кропивницкому новыя волненія.

...«Послѣ каждаго почти свѣжаго нумера газеты нервы мои, — пишетъ онъ въ октябрѣ, — такъ натягиваются, что я ложусь въ постель, закрываю глаза и лежу по часу и больше, какъ бы въ забытьи; всѣ мысли кружатся и цѣпляются за какой-то узелъ, который то распутывается, то спутывается больше... Правда, мнѣ нѣсколько разъ казалось, что я помѣшался. Воображаю, какъ наши дѣти будутъ ужасаться, перечитывая перечень казенныхъ?..»

Или дальше: «Старыя мои пьесы, благодаря измѣнившемуся такъ быстро и, пожалуй, неожиданно такъ направленію, принесли мнѣ въ этомъ году (въ 1906 г.) почти на 1,000 рублей менѣе прошлыхъ годовъ, а вѣдь это — моя пенсія!.. Надо писать на новыя темы, да и грѣшно, впрочемъ, замалчивать». Но и писаніе новыхъ пьесъ не дало радости.

Маркъ Лукичъ дѣлится со мной горемъ въ письмѣ отъ 2 апрѣля 1906 г.: «Увы, племяшъ мой, Марьяненко ¹⁾, поторопился сказать вамъ, что я уже издалъ 4-й томъ моихъ сочиненій, — ничего подобнаго пока не произошло. Правда, у меня уже имѣется нѣсколько написанныхъ и разрѣшенныхъ цензурой (съ громаднѣйшими по-марками) пьесъ, но я ихъ, вѣроятно, не издамъ, пока не передѣлаю и не получу разрѣшенія напечатать въ должномъ видѣ. Такъ, на-примѣръ, «Конон Блискавиченко» (пьеса въ 5 дѣйствійхъ) — въ ней вычеркнуто 19 страницъ; «Мамаша» (комедія въ 3 д.) — возвращалась мнѣ цензурой 3 раза! Я ее все передѣлывалъ, и тогда только на ней оказалась надпись: «дозволено къ исполненію», когда я передѣлалъ ко-

¹⁾ Талантливый украинскій артистъ.

нець, согласно желанію цензора, г. Алфераки. Этюдъ «На вокзалі» псчерканъ во многихъ мѣстахъ, такъ что содержаніе совсѣмъ выходитъ не то... Этюдъ «Ошибка провзойшла» также почерканъ. «Замуняні джерела» запрещена. Теперь «Розгардіяш»... «Загальний скрут» на дняхъ посылаю въ цензуру. Матеріалу такъ много у меня, что я въ немъ тону»...

Письмо отъ 16 апрѣля уже звучитъ глубокой горечью: «Правду вы говорите, какъ же писать современные малорусскія пьесы? А вотъ я съ 1862 г. пишу; хлещетъ меня цензура, а я пишу. Вспомните, что говоритъ Шевченко:

Ну щоб здавалося слова,
Слова та голос—більш нічого?
А серце бється, ожива,
Як їх почуя...
Знать від Бога
І голос той,
І ті слова
Ідуть меж люди!..

«Тѣ слова и голосъ тотъ вошли въ плоть и кровь съ молокомъ кормилицы, украинки-крестьянки, и вотъ «серце бється ожива, як їх почуя»... Несмотря на запрещеніе, я посылаю на дняхъ новую пьесу въ этомъ же родѣ... Харьковскіе издатели приуныли и повѣсили носы на квинту... А у меня ужъ неберется на 10 листовъ! Скверное дѣло... Я теперь не у дѣлъ»...

Той же грустью проникнуты и стихи Кропивницкаго, присланные имъ для моего альбома автографовъ. Привожу начало:

«Нехай знущаються над нами,
Нехай кують міцніш кайдани,
На наші зъятрєнні руки
Хай завдають найтяжкі муки—
Терпітимем аж до загину
За безталанну Україну...
І доки языка не втнули—
Казатимем: нас обманули!..»

Въ письмѣ отъ 16 октября 1907 г. опять тотъ же вопль: «Цензура снова не разрѣшила... Опустились руки... Есть многія темы, но какъ писать—не вѣмъ. Вообще намъ, украинцамъ, велятъ во всемъ быть на затычкахъ, въ арьергардѣ... Что касается «автобіографіи», то я пишу ее на украинскомъ языкѣ и, разумѣется, помѣщу либо въ «Україні» (бывшая «Кіевская Старина»), либо въ «Науково-Литературнімъ Вістнику»... Да, опадають руки!..»

Но «автобіографія» такъ и не появилась пока въ печати... Съ одной стороны, авторъ, естественно, не пожелалъ итти на тѣ урѣзки, которыя предлагались ему, по личнымъ соображеніямъ, редакто-

рами, съ другой—матеріаль такъ разросся, что Кропивницкій продолжалъ писать до самаго своего конца, воскрешая давно промелькнувшее, освѣщая его... Это будетъ цѣнная книга настоящей, живой исторіи южно-русскаго театра... Пожелаемъ скорѣйшаго выхода въ свѣтъ какъ ея, такъ и другихъ литературныхъ матеріаловъ, оставшихся въ бумагахъ покойнаго.

Телеграмма о смерти Марка Лукича еще отдается у меня въ мозгу... «Умеръ ли Кропивницкій?» И невольно хочется отвѣтить на этотъ вопросъ стихами С. Надсона:

Не говорите мнѣ: «онъ умеръ!..» Онъ живетъ!

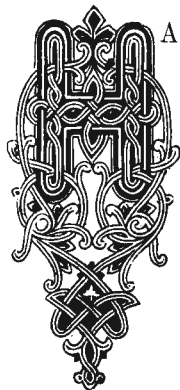
Пора забыть распри и у свѣжей могилы воздать должное великому украинцу!

В. Умановъ-Каплуновскій.

ВТОРОЙ ВСЕРОССИЙСКИЙ СЪЕЗДЪ ПИСАТЕЛЕЙ.

А ПРОТЯЖЕНИИ послѣднихъ двухъ лѣтъ мнѣ пришлось въ Историческомъ Вѣстникѣ говорить о двухъ сѣздахъ, отмѣтивъ одинъ какъ образецъ организаціонной неудачливости и другой, какъ отмѣченный печатью административной талантливости и чувствомъ любви къ поставленной задачѣ. Въ первомъ случаѣ я разумѣю первый «Толстовскій всероссійскій сѣздъ писателей», во второмъ — женскій сѣздъ, къ которому пришлось недавно вернуться въ одной изъ своихъ рецензій по поводу «Трудовъ» этого сѣзда. Повторять сказаннаго уже тамъ я не буду и обращаюсь прямо къ только что осуществившемуся «второму всероссійскому сѣзду писателей», созданному при чрезвычайныхъ обстоятельствахъ и явившемуся очень любопытной иллюстраціей къ той идейной неразберихѣ, которая царитъ нынѣ въ умахъ нашей передовой интеллигенціи. Въ этомъ отношеніи сѣздъ писателей заслуживаетъ особеннаго вниманія и регистраціи въ исторіи нашей общественности.

«Толстовскій сѣздъ» закончился выборами обширнаго организаціоннаго комитета для созыва слѣдующаго сѣзда, намѣченнаго на 1910 годъ. При этихъ выборахъ взяла верхъ одна тенденція, которая охватила тогда все наличіе выборщиковъ-писателей: избирать исключительно «генераловъ» отъ литературы передоваго лагеря, дабы придать будущему сѣзду авторитетность, популярность передъ лицомъ массы населенія и блескъ литературныхъ ре-

путацій. Никто изъ выборщиковъ не задавался тогда вопросомъ: а кто же изъ этихъ почтеннѣйшихъ мужей будетъ нести на себѣ ту очень трудную и отвѣтственную работу, которая неразрывно связана съ процессомъ созыва и осуществленія всякаго съѣзда? Люди съ практической смѣлкой указывали на слабую сторону готовившихся тогда выборовъ, въ пользу которыхъ шла широкая агитація, говоря, что всякій «генераль» лицо, несомнѣнно, почтенное, но сплошь да рядомъ своенравное, капризное, «кудетатистое», слишкомъ любящее носиться съ своей собственной персоной и съ тѣмъ рангомъ, который достался ему въ удѣлъ велѣніями судьбы. Но если съ однимъ-двумя «генералами» можно еще справиться, то положеніе дѣлъ въ высшей степени осложняется, когда соберется десятокъ генераловъ. Тутъ уже махни рукой на дѣло и знай, что изъ него толку никакого не выйдетъ, если только кому-нибудь не вздумается взять палку въ руки и стать капраломъ. Предупрежденія скептиковъ въ 1908 г. успѣха не имѣли, выборы произошли по генеральской линіи, да и сами скептики нѣсколько успокоились, когда увидали, что въ число выборныхъ громаднымъ большинствомъ прошелъ Г. К. Градовскій, только что вынесшій на своихъ плечахъ весь Толстовскій съѣздъ, въ сущности его тогда организовавшій и его осуществившій, нося вмѣстѣ съ тѣмъ скромное званіе генеральнаго секретаря этого съѣзда и предоставивъ другимъ своимъ сотоварищамъ по литературной профессіи право представительства и роль «напоказъ». Выборъ г. Градовскаго въ число членовъ новаго организаціоннаго комитета для всякаго знавшаго энергію и упорство въ достиженіи намѣченной цѣли этого публициста, являлся достаточной гарантіей, что будущій съѣздъ будетъ осуществленъ и созванъ. Тутъ я вынужденъ сдѣлать нѣкоторое отступленіе и привести изъ своей обѣденной рѣчи на нынѣшнемъ съѣздѣ нѣсколько словъ, относящихся до характеристики Г. К. Градовскаго, какъ общественнаго дѣятеля. Дѣлаю это въ надеждѣ, что почтенный писатель не посѣтуетъ на меня, что я при его жизни позволю себѣ по его адресу комплиментарную откровенность.

Я отмѣтилъ въ своей рѣчи на обѣдѣ 25 апрѣля, что г. Градовскій представляетъ собою типъ выдающагося борца въ нашей общественной средѣ. 23 года тому назадъ, когда онъ выступилъ съ проектомъ основанія кассы взаимопомощи литераторовъ и ученыхъ, этой благодѣтельной литературной организаціи, скрасившей печальные дни многихъ и многихъ представителей нашей литературы и ихъ семей, по всей тогдашней генеральской литературной линіи проекту былъ объявленъ бойкотъ и оказана оппозиція. На то засѣданіе Литературнаго фонда, гдѣ этотъ проектъ долженъ былъ слушаться, специально стогнали народъ для предвзятой цѣли—«провалить проектъ Градовскаго», но, по счастью, председателемъ фонда тогда былъ К. К. Арсеньевъ, и этотъ нашъ безупречный общественный

дѣятель, оцѣнивъ по справедливости значеніе проекта г. Градовскаго и оппозиціи, ему оказанной, сталъ на сторону справедливости, и касса при содѣйствіи его, а также В. И. Сергѣевича была осуществлена, нынѣ, по истеченіи многихъ годовъ превратившаяся въ обширную и плодотворную литературную организацію. Прошли года, г. Градовскій ревностно конструировалъ свое литературное дѣтище, но внезапно постигшій его тяжелый недугъ на цѣлыхъ десять лѣтъ вырвалъ его изъ строя нашей общественности, почти приблизилъ къ краю могилы и держалъ въ положеніи инвалида, лишеннаго возможности принимать активное участіе въ событіяхъ жизни. Но вотъ наступили бурные девятидесятые годы, и волны этихъ бурь докатились и до ложа больного — толчокъ, ими данный, встряхнулъ стараго общественнаго дѣятеля и прежнія силы вернулись въ его изнуренный организмъ. Черезъ короткое время Г. К. очутился на берегахъ Невы, и прежніе его единомышленники, друзья и сотоварищи по общественной работѣ встрѣтили «воскресшаго изъ мертвыхъ» съ распростертыми объятіями, раздвинули для него свои ряды и скоро увидали его на былыхъ аванпостахъ общественнаго служенія. Такимъ образомъ ему на первыхъ же порахъ пришлось расшевелить комитетъ по устройству Толстовскаго съѣзда и достигнуть осуществленія послѣдняго; на слѣдующій 1909 годъ онъ выступаетъ душою дѣла защиты кассы взаимопомощи литераторовъ и ученыхъ отъ нависшей надъ нею грозы со стороны министерства внутреннихъ дѣлъ. Читатели «Историческаго Вѣстника», знакомые съ его отдѣломъ «Смѣси» за 1909 г., освѣдомлены о ходѣ и исходѣ всей надѣлавшей столько шума «исторіи по недоразумѣнію», ликвидированной нынѣ довольно благополучно для кассы. Энергія борьбы за существованіе кассы вливалась именно нашимъ публицистомъ, и его настойчивость и упорство сыграли въ вопросѣ рѣшающую роль. Не успѣла стихнуть эта борьба, какъ жизнь снова зоветъ къ отвѣту Г. К. Градовскаго, создавъ изъ него тотъ общественный центръ, около котораго закружились жизненныя теченія писательской среды, образуя шумный водоворотъ, откуда и вышелъ второй всероссійскій съѣздъ писателей въ той его формѣ и при наличіи тѣхъ силъ, обрисовкѣ коихъ и посвященъ настоящій очеркъ.

Дѣло въ томъ, что организаціонный комитетъ, избранный на Толстовскомъ съѣздѣ, какъ и слѣдовало ожидать, въ теченіе полуктора лѣтъ бездѣйствовалъ, не озабочиваясь даже вопросомъ объ изданіи «Трудовъ» этого съѣзда. Наконецъ, подъ вліяніемъ все того же Г. К. Градовскаго имъ въ исходѣ 1909 года во исполненіе постановленія съѣзда было возбуждено передъ правительственными сферами ходатайство о созывѣ второго очереднаго съѣзда, съ представленіемъ соотвѣтствующей программы. Съѣздъ былъ разрѣшенъ, но изъ программы его были исключены вопросы о правовомъ положеніи печати и о драматической цензурѣ, обсужденіе

которых организационный комитет включил в проект своей программы. Благодаря такому исключению, в разрешенную министерством внутренних дел программу вошли следующие вопросы:

1. Доклад об исполнении постановлений первого съезда представителей печати (1908 г.).

2. Авторское право и литературные конвенции.

3. Улучшение условий сбыта произведений печати, торговли ими и издательского дела. Меры против эксплуатации литературы и писателей издателями и книгопродавцами, расположенными слепо служить неразборчивому спросу и вкусам малоразвитой части читателей. Почтовые и телеграфные таксы для произведений печати, в том числе периодической.

4. Взаимные отношения литературных деятелей и издателей.

5. Профессиональные организации литературных деятелей и отношения к международным организациям.

6. Материальное обеспечение литературных деятелей.

7. Литературная этика; достоинство печати; судь чести.

8. Статистика печати.

9. Организация периодических съездов писателей.

Как могут убедиться читатели, и разрешенная программа давала съезду обильную пищу для докладов, суждений и резолюций, причем для всякого непредубежденного человека было очевидно, что каждый из этих вопросов так или иначе, но близко касается и с вопросом о правовом положении печати, находится с ним в тесном единении и неразрывной связи, вследствие чего при обсуждении этого вопроса по необходимости приходится касаться и исключенного из программы общего вопроса. Не зная в точности мотивов, побудивших министерство внутренних дел исключить сказанный вопрос из программы, и становясь на почву доброжелательных догадок, до некоторой степени можно предполагать, что министерство, при наличии существующих суровых условий общественной жизни, опасалось допустить на съезде обсуждение во всей его совокупности и рельефной изолированности такого большого вопроса отечественной жизни, около которого неминуемо должны были разгораться страсти, проявиться эксцессы и создаться шум, последствия которых могли бы принести для наиболее горячих и несдержанных элементов съезда нежелательные вредные последствия, могущие осложнить и без того сложное разветвление современной отечественной жизни. Только что перед тем закончившийся противоялкогольный съезд отчасти давал основание полагать, что именно таковою могла быть точка зрения министерства при утверждении представленной ему программы министерского съезда. Совершенно иначе взглянули на дело некоторые влиятельные представители нашей печати, которые, не дожидаясь

даясь рѣшительнаго слова по сему предмету со стороны организаціоннаго комитета и результатовъ предпринятой послѣднимъ анкеты литературныхъ редакцій и учреждений, сразу вступили на путь оппозиціи организуемому съѣзду и объявили ему на страницахъ газетъ и журналовъ рѣшительный бойкотъ. Мотивами для такого бойкота были выдвинуты всевозможные «жупелы и металлы», и шумъ, поднятый отъ послѣднихъ, оказался въ результатѣ настолько сильнымъ, что почти во всей періодической печати двухъ столицъ водворился по сему предмету настоящій хаосъ, который по комической неожиданности втянулъ въ свой круговоротъ органы самыхъ противоположныхъ направленій. Создался какой-то общественный гипнозъ, во власти котораго одинаково очутились люди, организаціи, группы о ть крайнихъ лѣвыхъ до крайнихъ правыхъ. Передъ дирижерскою палочкою главныхъ бойкотистовъ—г. Пѣшехонова изъ «Русскаго Богатства» и г. Милюкова изъ «Рѣчи» покорно выстроились въ рядъ люди, ничего общаго по своему общественному исповѣданію не имѣющіе, и одинаково старательно провозглашали: не быть съѣзду! не надо съѣзда! Конечно, внутреннія побудительныя причины къ такого рода окрикамъ у разныхъ литературныхъ наслоеній были разныя: «правые» руководились въ своемъ рѣшеніи нежеланіемъ сходитья даже на нейтральной профессиональной почвѣ съ лѣвыми, полагая, что у литературныхъ противниковъ рѣшительно ничего въ жизни общаго быть не можетъ, лѣвые—потому, что профессионализмъ съѣзда, какъ онъ намѣчался по программѣ, вышибалъ изъ-подъ ихъ ногъ скамью политиканства, позволявшую имъ принимать красивыя позы и дѣлать мелодраматическіе жесты. Гипнозъ провозглашеннаго бойкота въ сущности создалъ въ высшей степени комическое положеніе для многихъ почтенныхъ представителей печатнаго слова и, пожелай кто-нибудь пройтись по фалангѣ бойкотистовъ съ сатирической плеткой въ рукѣ, онъ встрѣтилъ бы на своемъ пути немало спинъ, готовыхъ для подходящаго удара.

Подъ вліяніемъ проповѣди бойкота многіе члены организаціоннаго комитета вышли изъ его состава; тогда по инициативѣ Г. К. Градовскаго этотъ составъ былъ пополненъ представителями отъ кассы взаимопомощи литераторовъ и ученыхъ и с.-петербургскаго литературнаго общества, двухъ обширныхъ литературныхъ организацій, высказавшихся, несмотря на энергичные происки бойкотистовъ, за съѣздъ. Новый составъ комитета рѣшилъ довести дѣло до конца и, главное, не взирая на поднятый столичной печатью шумъ, дожидаться результатовъ всероссійской литературной анкеты. Какъ засвидѣтельствовалъ на съѣздѣ секретарь его К. И. Арабажинъ въ своей рѣчи, посвященной темѣ—«О задачахъ съѣзда писателей», эта анкета дала въ общемъ результатъ довольно неожиданный матеріаль.

Въ цѣломъ рядѣ писемъ, резолюцій и постановленій, въ рядѣ газетныхъ статей выразилось, по его словамъ настроеніе дѣятелей

печати, работников пера. Съ удивительнымъ единодушiемъ откликнулась провинцiя, отмѣчая, что вопросъ о правовомъ положенiи печати привсей своей значительности не является настолькоъ исключительнымъ, чтобы изъ-за его отсутствiя отказаться отъ возможности профессиональнаго объединенiя.

Доводы сторонниковъ бойкота, съ наибольшею полнотою выраженные въ статьѣ г. Пѣшехова въ «Русскихъ Вѣдомостяхъ», были подвергнуты критикѣ. обстоятельно было освѣщено правовое положенiе печати и громадное значенiе этого вопроса въ жизни журналистовъ. Но при этомъ указывалось, что даже безъ обсужденiя вопроса о правовомъ положенiи печати у съезда масса текущихъ и организацiонныхъ задачъ, которыя не ждутъ и осуществленiе которыхъ можетъ подготовить писательскiй мiръ для послѣдующихъ выступленiй на защиту своихъ интересовъ.

Разобраны были всѣ доводы бойкотистовъ.

Съездъ, якобы, будетъ какой-то кому-то декорацией. Но почему же тогда не объявить такой декорацией и всѣ другiе съезды? Почему не бойкотировать и государственную думу? Но попытки ея бойкота давно признаны ошибкой.

Кiевскiя газеты указывали, что по вопросу о правовомъ положенiи печати литераторы пишутъ ежедневно во всѣхъ органахъ печати, что печать освѣщаетъ вредъ безправiя не только въ отношенiи печати, но и во всѣхъ другихъ сферахъ жизни. Промышленность, земледѣлие, просвѣщенiе, театръ, всѣ стороны культурной жизни одинаково нуждаются въ устойчивомъ правопорядкѣ.

Сотрудникъ «Кiевской Мысли» г. Сѣверскiй, возражая П. Н. Милюкову, говорилъ:

«Если ссылаться на безправiе печати, то почему въ условiяхъ царящаго безправiя не отказаться отъ всякой публицистической и общественной дѣятельности? Вѣдь писать въ журналахъ и газетахъ, выступать съ политическими рѣчами и заниматься общественной дѣятельностью сейчасъ могутъ лишь тѣ, кто, подобно сторонникамъ участiя въ съездѣ писателей, полагаетъ, что въ цѣляхъ развитiя общественной самодѣятельности и выясненiя необходимыхъ вопросовъ должны быть использованы всѣ пути и средства, представляемые дѣйствительностью». Поэтому многiе съезды собираются и безъ разрѣшенiя вопроса о правовомъ положенiи печати.

Газета «Саратовецъ» шла въ этомъ отношенiи дальше другихъ, выражая недоумѣнiе, что бы нужно было дѣлать, если бы вопросъ о правовомъ положенiи былъ теперь же поставленъ на очередь. Разсказать нѣсколько сотъ анекдотовъ о безправiи печати и потомъ вынести резолюцiю. Что измѣнилось бы отъ этого?

«Время красивыхъ жестовъ и непримиримыхъ позъ» прошло безвозвратно, заявлялъ членъ 1-й государственной думы г. Шольцъ, и отъ трубныхъ звуковъ, а тѣмъ болѣе отъ шуршанiя черныхъ листовъ не падаютъ стѣны современнаго Иерихона.

Жизнь улучшается правильной организаціей общественных силъ, и къ борьбѣ съ распыленностью призывала одна изъ лучшихъ провинціальныхъ газетъ «Вятская Рѣчь» въ своей вдумчивой резолюціи, проникнутой глубокимъ и серьезнымъ пониманіемъ и переживаемого нами общественнаго момента, и задачу профессиональнаго объединенія.

Въ провинціальныхъ отзывахъ звучала всюду увѣренность, что при дѣловомъ и спокойномъ обсужденіи профессиональныхъ нуждъ неизбѣжно придется касаться и естественной ихъ связи съ правовыми условіями печати—объ этомъ гласятъ резолюціи «Бессарабской Жизни» и «Вятской Рѣчи». Во всякомъ случаѣ на съѣздѣ надо идти дѣлать дѣло и не бояться всегда возможныхъ и всегда неожиданныхъ послѣдствій.

Указывалось наконецъ и на то, что картина жизни печати съ исчерпывающей полнотой будетъ обрисована по разрѣшенному пункту программы статистики печати.

Подмѣчено было печатью и внутреннее противорѣчіе въ доводахъ печати.

За бойкотъ, какъ это высказывали и люди строго принципиальные, по мотивамъ максималистскимъ, оказались и герои, и ихъ антитеза, шоклонники всяческаго минимализма и жертвы общественнаго испуга.

— Мы соберемся, а насъ разгонять,—говорили эти послѣдніе.— Это ловушка!—кричали люди этого типа въ Петербургѣ.—Провокація!—увѣрялъ одинъ членъ московскаго общества дѣятелей печати, и тутъ же и тѣ и другіе требовали включенія вопроса о правовомъ положеніи печати. Въ политической демонстраціи,—говорили они,—нѣтъ смысла въ съѣздѣ писателей. Печать всегда была Маріей. Она не желаетъ милостей и не живетъ ими... и тутъ же, сейчасъ же, слышалось чисто обывательское опасеніе, что все то, что члены съѣзда скажутъ, будетъ кѣмъ-то записано и гдѣ-то учтено.

Противники съѣзда выдвигали одновременно два взаимно исключаютелыхъ другъ друга обвиненія: 1) сторонники съѣзда—люди компромисса, защитники принципа: сперва успокоеніе, а потомъ реформы; 2) сторонники съѣзда идутъ на съѣздъ для политической демонстраціи и взрыва съѣзда.

По свидѣтельству г. Арабажина, «противники съѣзда, очень немногочисленные въ провинціи, ограничивались въ большинствѣ случаевъ перепечаткой неточныхъ свѣдѣній столичныхъ газетъ о дебатахъ о съѣздѣ въ обществахъ; двѣ-три газеты, какъ, на примѣръ, «Кубанскій Край», помѣстили статьи браннаго характера по адресу устроителей. «Одесскія Новости» назвали сторонниковъ съѣзда «улицей».

«Отрицательные отвѣты присланы были комитету только изъ Сорокъ («Бессарабское Обзорѣніе»), Сызрани («Библиографическій

Листокъ»), отъ малорусской газеты «Рада» и «Кубанскаго Края». Изъ этихъ изданій однако «Библиографическій Листокъ» примкнулъ къ сѣздовцамъ.

«Громадное значеніе для рѣшенія вопроса о сѣздѣ имѣли постановленія литературныхъ обществъ,—говоритъ ораторъ,—Съ большимъ единодушіемъ высказалась за участіе въ сѣздѣ касса взаимопомощи литераторовъ и ученыхъ—самое крупное изъ литературныхъ учреждений по числу членовъ и единственное изъ тѣхъ, которыя успѣли дать замѣтные результаты въ области матеріальной взаимопомощи.

«Слѣдующимъ по значенію является спб. литературное общество, принявшее, несмотря на рѣшеніе большинства своего совѣта, резолюцію объ участіи въ сѣздѣ большинствомъ болѣе $\frac{2}{3}$ голосовъ общаго собранія.

«Кромѣ него, за сѣздъ высказались «Союзъ драматическихъ писателей», «Библиологическое общество», «Общество писателей о музыкѣ», «Самарское отдѣленіе литературнаго общества», примкнувшее единогласно, «Кіевское общество дѣятелей періодической печати», «Общество литературнаго музея» (Толстовское общество), «Вечера Случевского» и нѣкоторыя другія, а всего 12 литературныхъ обществъ. Противъ сѣзда высказались только четыре общества: 1) Литературный фондъ,—учрежденіе благотворительное,—большинствомъ 23 голосовъ противъ 11, 2) «Группа думскихъ журналистовъ», т.-е. репортеровъ съ наиболѣе обезпеченнымъ и крупнымъ заработкомъ: это общество не представляетъ, однако, правильной литературной организаціи, такъ какъ мѣста на думской трибунѣ журналистовъ выдаются по усмотрѣнію главнаго управленія по дѣламъ печати, и сотрудники-репортеры посылаются редакторами и издателями, а не избираются отъ редакцій.

«Московское общество дѣятелей періодической печати», которое подъ первымъ впечатлѣніемъ бойкота сѣзда «именами», отказалось единодушно отъ участія,—при пересмотрѣ своего рѣшенія 14 апрѣля большинствомъ членовъ высказалось по существу за сѣздъ (18 голосами противъ 13), но сохранило по формальнымъ причинамъ прежнее рѣшеніе большинствомъ 16 противъ 13. Въ числѣ сторонниковъ оказались предсѣдатель совѣта Ю. А. Бунинъ и А. П. Мертваго.

«Сюда же нужно отнести и «Саратовское отдѣленіе литературнаго общества», гдѣ отрицательное рѣшеніе вынесено большинствомъ только одного голоса.

«Анкета дала подавляющее большинство за сѣздъ, говоритъ Арабажинъ.—Организаціонному комитету оставалось только исполнить постановленіе перваго всероссійскаго сѣзда, столь энергично поддержанное плебисцитомъ, и озаботиться мѣрами для безотлагательнаго его созыва. Организаторы сѣзда не дѣйствовали самочинно; они руководились постановленіями перваго сѣзда, за-

конными постановленіями объ анкетѣ членовъ организаціоннаго же комитета и результатами плебисцита. Этотъ плебисцитъ, правда, пробовали подорвать утверженіемъ, что въ съѣздѣ не участвуютъ имена.

«Это соображеніе невѣрное и по существу (вопросъ объ «именахъ», вообще весьма спорный) и фактически, такъ какъ съѣзду выразили свое сочувствіе или непосредственно приняли въ немъ участіе достаточно замѣтныя имена: Л. Н. Толстой, П. Д. Боборыкинъ, А. П. Философова, К. С. Баранцевичъ, І. І. Ясинскій, А. Луговой, В. А. Тихоновъ, Арцыбашевъ, Е. И. Чириковъ, О. А. Шапиръ, Г. К. Градовскій, проф. М. В. Довнаръ-Запольскій, проф. В. Н. Петръ, проф. А. Н. Красновъ, проф. В. И. Сергѣевичъ, А. Н. Потресовъ, Л. З. Слонимскій, П. М. Невѣжинъ и мн. др. Но дѣло не въ именахъ.

«Литературу создаютъ таланты, оставляя свои имена въ исторіи, но литературное профессиональное объединеніе создается массами рядовыхъ литературныхъ работниковъ».

«Такимъ образомъ мы видимъ, что послѣ ухода большинства изъ организаціоннаго комитета его меньшинство не потеряло почвы подъ ногами и, переформировавшись въ новомъ составѣ, достигло анкетой достаточно благопріятныхъ результатовъ. Достигнуть этого было нелегко, ибо директивы, даваемые бойкотистами изъ Петербурга, въ значительной мѣрѣ продолжали слѣпить провинціальную литературную массу. Нелегко было достигнуть благопріятныхъ результатовъ и въ тѣхъ литературныхъ организаціяхъ, которыя примкнули къ съѣзду». Борьбу въ нѣдрахъ этихъ организацій главнымъ образомъ вынесъ на своихъ плечахъ Г. К. Градовскій, которому приходилось все время и личнымъ участіемъ въ разныхъ засѣданіяхъ, и перомъ на страницахъ газетъ парировать удары дѣлу, взятому имъ подъ защиту и къ осуществленію. Союзниками, кромѣ «кассы» и «спб. литературнаго о-ва», какъ таковыхъ въ ихъ юридическомъ составѣ, главными и вліятельными, ему въ этой работѣ явились представители редакціи «Современнаго Мира» и социаль-демократической литературной группы, которые сумѣли остаться внѣ вліянія общаго гипноза и, согласно своей политической платформѣ и тактикѣ, увидавшіе въ дѣлѣ съѣзда тотъ благопріятный общественный моментъ, который побуждаетъ ихъ отрѣшиться отъ политики пассивнаго сопротивленія. Сочувствіе социаль-демократовъ съѣзду, нельзя не отмѣтить, совершенно терроризировало умѣренныя и правыя литературныя группы, которымъ умѣлые руководители идеи бойкота, какъ бы въ насмѣшку, бросили своего рода «saveant»: социаль-демократы на съѣздѣ едѣлають-де пужное имъ политическое «выступленіе». На эту ловко кинутую удочку недалёковидные люди клонули. Но впоследствии, когда съѣздъ уже состоялся, Н. И. Иорданскій, какъ представитель «Современнаго Мира», выступилъ въ «Вѣстникѣ Съѣзда» (№ 3) съ слѣдующимъ разъясненіемъ по сему предмету. Въ статьѣ «Странное опасеніе» онъ писалъ:

«Предстоящій съѣздъ писателей имѣеть и сторонниковъ и противниковъ. Пока они остаются въ области противоположныхъ мнѣній,—ихъ споръ носитъ принципиальный характеръ и заслуживаетъ полнаго вниманія и уваженія.

«Къ сожалѣнiю, въ послѣднiе дни появились такiя заявленiя противъ съѣзда, которыя должны быть отвергнуты самымъ рѣзкимъ образомъ, какъ недопустимые приемы полемики.

«Съ одной стороны намъ говорятъ, что на съѣздъ не слѣдуетъ итти, такъ какъ съѣздъ является «провокацiей». Все, что выскажутъ участники съѣзда, будетъ къ-то записано и гдѣ-то учтено. Это наивное, провинциально-обывательское опасенiе не заслуживаетъ возраженiй. Для писателей, которые сами «записываютъ» и публикуютъ свои мысли во всеобщее свѣдѣнiе, смѣшно думать о томъ, что кто-то запишетъ ихъ слова на съѣздѣ.

«Болѣе непрiятный запахъ имѣеть другое заявленiе противъ съѣзда. Пользуясь тѣмъ, что на съѣздѣ примутъ участiе литераторы различныхъ политическихъ взглядовъ, вплоть до крайнихъ лѣвыхъ, противники съѣзда распространяютъ слухи, будто крайнiя лѣвыя группы пошли на съѣздъ съ цѣлями, чуждыми литературѣ, что они стремятся къ демонстрацiи, что они намѣрены «взорвать» съѣздъ.

«Эти запугиванiя совершенно ни на чемъ не основаны.

«Никакихъ партiйныхъ директивъ о «взрывѣ» съѣзда нѣтъ и быть не можетъ.

«Литераторы крайнихъ политическихъ взглядовъ идутъ на съѣздъ прежде всего, какъ литераторы, т. е. какъ труженики печати, которымъ непосредственно важны и близки всѣ профессиональные интересы дѣятелей печатнаго слова.

«Они, несомнѣнно, ставятъ своею цѣлью стойкую защиту свободы печати, переживающей въ наши дни невыразимо тяжелый перiодъ. Но они полагаютъ, что защита печати осуществляется разумными средствами, а не бесплоднымъ вспышкопускательствомъ. Если бы они думали иначе, они стали бы въ ряды бойкотистовъ, устроившихъ бесплодную демонстрацiю отказа отъ съѣзда.

«Какiя же средства защиты свободы печати должны быть признаны разумными?

«Прежде всего организацiя литературныхъ работниковъ, организацiя политическая и профессиональная. Политическая организацiя—дѣло партiй. Дѣло съѣзда—организацiя профессиональная. Съѣздъ долженъ связать прочными организацiонными нитями распыленную литературную массу. Онъ долженъ доставить литературнымъ труженикамъ возможность бороться съ тѣми неблагоприятными правовыми, бытовыми и экономическими условiями, которыя унижаютъ достоинство и литературы и литераторовъ и ограничиваютъ свободу ихъ дѣятельности.

«Эта цѣль ни въ малѣйшей степени не достигается самымъ шумнымъ, самымъ эффектнымъ «взрывомъ» съѣзда; это достигается только широкой и крѣпкой организаціей силъ и настойчивой систематической работой этой организаціи. «Взрывъ» съѣзда—мгновенная вспышка, отъ которой останется мимолетное облако. Профессіональная организація, созданная съѣздомъ,—острое оружіе, которое останется въ рукахъ писателей на долгое время.

«И на предстоящемъ съѣздѣ мы должны выковать это оружіе, не останавливаясь передъ всѣми трудностями такой задачи и не увлекаясь мягкостью демонстративной тактики».

Съ большою борьбою и значительными трудностями новообразованному организаціонному комитету удалось къ серединѣ марта мѣсяца составить благоприятную атмосферу для созыва съѣзда; на сторонѣ послѣдняго оказались вліятельныя литературныя организаціи, нѣкоторыя, хотя весьма немногія, столичныя редакціи, многія провинціальныя. Понемногу къ съѣзду стали приставать единичные представители изъ лагеря «бойкотистовъ» и изъ враждебныхъ дѣлу съѣзда редакцій. Это—изъ числа наиболѣе смѣлыхъ, но многіе наименѣе смѣлые, признавая фактъ побѣды сторонниковъ съѣзда, только ограничивались платоническими пожеланіями ему успѣха и выражали сожалѣніе, что, по соображеніямъ политической «тактики», имъ невозможно принять въ немъ активнаго участія. Доставшееся намъ въ удѣлъ наслѣдіе въ видѣ партійнаго рабства, видимо, еще продолжало давать о себѣ знать... Какъ бы то ни было, но Г. К. Градовскій, являвшійся центромъ, около котораго сгруппировались всѣ сочувствующіе съѣзду, могъ дать знать администраціи, что съѣздъ состоится и назначается на 22—28 апрѣля сего года. Положеніе его, надо отмѣтить, какъ организатора съѣзда, было не изъ легкихъ: въ короткое время надо было все устроить и привести сложную машину въ дѣйствіе, и въ этомъ отношеніи достойнымъ ему сподвижникомъ явился испытанный работникъ на поприщѣ русскаго литературнаго профессионализма—Я. Н. Колубовскій; незамѣнимый работникъ, человѣкъ высокихъ нравственныхъ качествъ и знатокъ-практикъ нашего журнальнаго быта и литературной среды. Я. Н. Колубовскій сталъ пружиной пракческаго хозяйственнаго осуществленія съѣзда—быстро и энергично соорганизовалъ онъ изданіе «Вѣстника 2-го всероссійскаго съѣзда писателей», выпустилъ первый номеръ его, организовалъ въ своей квартирѣ справочное бюро, принялъ непосредственное участіе въ отысканіи для съѣзда подходящихъ помѣщеній, и машина завертѣлась. Было очевидно уже къ началу апрѣля, что какія бы спицы и бревна ни вставляли въ колеса этой машинѣ, она докатится по назначенію; открылась черезъ бюро и «Вѣстникъ» запись на съѣздъ его участниковъ, потекли деньги, получилась возможность опубликовать программы предстоящихъ занятій, давать мѣсто для разъясненій по вопросамъ не-

яснымъ или ошибочно освѣщеннымъ общеою печатью и газетными репортерами и, что особенно важно, создать связь между литературною столицей и провинціей. Выпускъ № 1 «Вѣстника Съѣзда» былъ тою ласточкою, которая возвѣстила, что дѣло съѣзда отнынѣ уже не можетъ отойти въ область гаданій, споровъ и пререканій, и дѣйствительно 22 апрѣля въ залѣ Петровскаго коммерческаго училища состоялось открытіе 2-го всероссийскаго съѣзда писателей. Организационный комитетъ, открывшій съѣздъ, былъ въ составѣ: К. И. Арабажина, П. А. Берлина, Д. Н. Бородина, В. В. Водовозова, Г. К. Градовскаго, М. В. Довнара-Запольскаго, И. В. Жилкина, Н. И. Иорданскаго, Я. Н. Колубовскаго, В. П. Кранихфельда, Д. А. Линева, М. В. Морозова, Л. З. Слонимскаго, В. Н. Перетца, М. И. Тугана-Барановскаго, Е. Н. Чирикова, И. В. Чернышева, при чемъ предсѣдателемъ комитета состоялъ Г. К. Градовскій, товарищами предсѣдателя Д. Н. Бородинъ (онъ же казначей) и Л. З. Слонимскій, секретарями К. И. Арабажинъ, В. В. Водовозовъ и Н. И. Иорданскій, редакторомъ «Вѣстника» съѣзда Я. Н. Колубовскій. Всѣхъ участниковъ съѣзда, согласно произведенной регистраціи, оказалось записавшимися свыше 300 человекъ.

Съѣздъ открылъ въ помѣщеніи Петровскаго коммерческаго училища 23 апрѣля рѣчью Г. К. Градовскій, сказавшій:

Мм. Гг.!

Сегодня осуществляется многолѣтнее желаніе, многолѣтняя потребность представителей русской литературы и печати.

Сегодня мы могли бы повторить радостное восклицаніе знаменитаго драматурга нашего на московскомъ обѣдѣ 1880 года по поводу открытія памятника Пушкину:

— Нынче на нашей улицѣ праздникъ, господа!

Къ сожалѣнію, мы не можемъ повторить этого восклицанія.

Не можемъ повторить потому, что въ самыя мрачныя времена реакціи, удручавшей Россію въ прошломъ вѣкѣ, русская литература и журналистика не находились въ болѣе тягостномъ положеніи, нежели теперь. Не можемъ потому еще, что многіе изъ тѣхъ, кому слѣдовало бы находиться здѣсь, отсутствуютъ, другіе же и желали бы быть съ нами, но лишены этой возможности: они далече.

Если общее положеніе литературы и печати неудовлетворительно, то это вѣрнѣйшій признакъ, что и общее положеніе страны ненормально. Въ настоящее время распространеніе печати и степень ея свободы служатъ вѣрнѣйшими мѣрилами благосостоянія народовъ, духовной силы и могущества государствъ. Намъ опередили и опережаютъ не только въ гражданственности, но и въ техникѣ даже азіатскія страны, едва вступившія на путь общечеловѣческой цивилизаціи. Нынѣшнимъ лѣтомъ свободная Болгарія устраиваетъ съѣздъ представителей свободной славянской печати. О нашемъ національномъ достоинствѣ очень много теперь говорятъ, но неужели національное достоинство Россіи не страдаетъ отъ очевиднаго для всѣхъ постыднаго явленія, что русская литература, богатая величайшими въ мірѣ писателями и публицистами, весьма далека еще отъ той свободы, которою безпрепятственно пользуется все просвѣщенное челоуѣчество?

Такое событіе, какъ съѣздъ русскихъ писателей, слѣдуетъ отнести къ числу отраднѣйшихъ признаковъ нашего возрожденія; но нельзя того же сказать о необходимости испрашивать разрѣшенія даже на столь полезное и необходимое проявленіе умственной дѣятельности и общественной жизненности. Еще прискорбнѣе отсутствіе этого сознанія не только въ вліятельныхъ сферахъ русскаго общества, но даже въ извѣстной части литературной среды. Иные отрицаютъ даже самую мысль о возможности объединенія писателей и ея представителей во имя такихъ общихъ всѣмъ имъ интересовъ, какъ свобода мысли и слова, законность и правосудіе, матеріальное обезпеченіе, борьба съ разнузданностью и продажностью.

Мы привѣтствуемъ, поэтому, ту часть просвѣщеннаго общества, которая любила и любитъ русскую литературу, и благодаримъ присутствующихъ здѣсь представителей этого общества, почтившихъ открытіе нашего съѣзда своимъ вниманіемъ. Они понимаютъ, что русская литература призвана «сѣять разумное, доброе, вѣчное», что человѣколюбіе и милосердіе, правда-истина и правда-справедливость—основныя, неотъемлемыя достоинства идеальной русской печати и русской публицистики. Этому честному, свѣтлому знамени послужить и нашъ первый литературно-профессиональный съѣздъ. Это вполне выяснилось на вчерашнемъ предварительномъ нашемъ собраніи.

Въ этой увѣренности, отъ имени организационнаго комитета имѣю честь объявить всероссійскій съѣздъ писателей открытымъ!..

Послѣ вступительной рѣчи Г. К. Градовскій, награжденный долго не смолкавшими шумными аплодисментами, былъ избранъ почетнымъ предсѣдателемъ съѣзда и предсѣдателемъ перваго общаго собранія. Затѣмъ послѣдовали выборы президіума; предсѣдателемъ его былъ избранъ И. В. Жилкинъ («Вѣстникъ Европы»), товарищами—Шольцъ (Кіевъ), проф. А. Н. Красновъ (Харьковъ) и О. А. Шапиръ; секретарями К. И. Арабажинъ и М. М. Могилянскій, на долю котораго выпала роль произнести рѣчь, гдѣ была протянута рука примиренія отколовшимся отъ съѣзда и дано освѣщеніе общественному значенію раскола въ литературной средѣ въ связи съ созывомъ съѣзда. М. М. Могилянскій сказалъ:

Второй всероссійскій съѣздъ писателей открывается при вдвойнѣ неблагоприятныхъ обстоятельствахъ—внѣшнихъ и внутреннихъ: извнѣ механически усѣчена программа съѣзда, внутри—это усѣченіе программы создало расколъ по самому вопросу о возможности съѣзда въ такихъ условіяхъ. И намъ кажется, что, какъ бы ни оцѣнивать послѣдствія удара, нанесеннаго дѣлу писательскаго съѣзда извнѣ, придется признать, что неизмѣримо больше это дѣло должно пострадать отъ раскола по вопросу о съѣздѣ, отразившагося на его составѣ. Какъ бы успѣшно ни протекали занятія открывающагося съѣзда, реализація главной задачи его—внѣшняго и внутренняго объединенія работниковъ пера (вопросы профессиональной организаціи, періодичности съѣздовъ, выборъ суда чести...) натолкнется на трудно преодолимыя препятствія вслѣдствіе неучастія въ съѣздѣ вліятельныхъ и распространенныхъ прогрессивныхъ изданій столицъ («Русское Богатство», «Рѣчь», «Вѣстникъ Европы», «Русскія Вѣдомости») и такихъ литературныхъ организацій, какъ Литературный фондъ и московское общество дѣятелей періодической печати. Если, имѣя эти препятствія въ виду, сторонники созыва съѣзда тѣмъ не менѣе не сочли ихъ за рѣшающій аргументъ contra, то прежде всего потому, что моральный авторитетъ будущихъ рѣшеній съѣзда, стоя на извѣстной высотѣ, можетъ достигнуть желаемыхъ результатовъ своей внутренней сущностью, а не однимъ формальнымъ признакомъ перечисленія тѣхъ, къмъ

эти рѣшенія приняты... Оберегая морально-общественный авторитетъ съѣзда и его будущихъ рѣшеній, необходимо теперь же а limine устранить одно недоразумѣнiе, создаваемое полемическими зигзагами вокругъ вопроса о созывѣ съѣзда. Мы съ глубокимъ уваженiемъ относимся къ тому высокому подъему морально-политическаго идеализма, который диктовалъ противникамъ съѣзда ихъ воздержанiе, мы допускаемъ, что этотъ идеализмъ у всѣхъ ихъ былъ единственнымъ источникомъ рѣшенiя. Но это нисколько не препятствуетъ намъ видѣть всю ошибочность ихъ рѣшенiя. И мы надѣемся, что послѣ съѣзда эта ошибочность станетъ совершенно наглядной. Независимо, однако, отъ успѣха или неуспѣха съѣзда, независимо отъ вопроса о томъ, кто правъ и кто неправъ—возможно, что до нѣкоторой степени равно правы и равно неправы обѣ стороны,—нельзя не протестовать противъ полемическаго утвержденiя—secundum non datur, противъ обвиненiя несогласно мыслящихъ въ оппортунизмъ, въ готовности хотя до нѣкоторой степени мириться съ нынѣшнимъ правовымъ (т. е. вѣрнѣе безправнымъ) положенiемъ печати, въ готовности отдать первородство за чечевичную похлебку, забыть изъ-за вопроса объ удешевленiи какихъ-то лечебныхъ ваннъ для писателей высокую миссию общественнаго служенiя литературы etc... Пять лѣтъ тому назадъ въ жизни русскаго народа готовилось событiе болѣе крупное во всѣхъ отношенiяхъ, нежели 2-й всероссийскiй съѣздъ писателей—открытие перваго всероссийскаго парламента. Были и тогда сторонники бойкота, обвинявшiе всѣхъ несогласно мыслящихъ чуть ли не въ измѣнѣ народному дѣлу. И, однако, далеко не всѣ, ясно сознававшiе несовершенство избирательнаго закона и учрежденiя Г. Думы, а также всю безнадѣжность политической конъюнктуры, стояли въ рядахъ бойкотистовъ. Да и сами бойкотисты менѣе чѣмъ черезъ годъ—въ обстановкѣ неизмѣримо менѣе благоприятной—отказались отъ бойкота. Пусть же эта историческая справка убѣдитъ всѣхъ способныхъ къ безпристрастiю, что и нынѣ участiе во второмъ писательскомъ съѣздѣ вовсе не означаетъ ни примиренiя съ безправнымъ положенiемъ печати, ни забвенiя высокой общественно-политической миссии ея. Неисповѣдимыми судьбами въ лагерѣ противниковъ съѣзда объединились органы столь несходной общественно-политической тактики, какъ, напр., «Русское Богатство» и «Рѣчь». Для насъ это любопытный симптомъ росси́йской общественности, но видѣть въ немъ убѣдительный аргументъ за единоспасающее рѣшенiе—да не будетъ съѣзда—мы отказываемся. Мы идемъ на съѣздъ въ глубокомъ убѣжденiи, что работа его надъ объединенiемъ писателей служить, а не препятствуетъ осуществленiю высокихъ морально-политическихъ задачъ литературы, что отъ препонъ, ставимыхъ этой работѣ извиѣ, несетъ ущербъ не достоинству литературы, а достоинству силы, пугающей свободной мысли, и что въ концѣ концовъ освобожденiе слова вопросъ времени, ибо по слову поэта

Надъ вольной мыслью Богу негодны
Насилiе и гнѣтъ;
Она, въ душѣ рожденная свободнѣ,
Въ оковахъ не умретъ!..

Въ борьбѣ за освобожденiе, увы, страшнѣе силы внѣшней, лишенной моральнаго авторитета, язва внутренняя, каковой, несомнѣнно, является нынѣшнiй расколъ по вопросу о съѣздѣ. Не будемъ этотъ расколъ раздувать въ распрю: признаемъ одинаковую искренность и высоту моральныхъ побужденiй обѣихъ сторонъ. А все сказанное да будетъ принято только какъ свидѣтельство тѣхъ трудностей, среди которыхъ приходится дѣлать дѣло второго всероссийскаго съѣзда писателей. Но чѣмъ труднѣе дѣло, тѣмъ необходимѣе отдать ему свои силы...

Не менѣе интересна была очень красиво сказанная рѣчь К. И. Арабажина о задачахъ сѣзда, фактическія свѣдѣнія изъ которой мною приведены выше. Касаясь возможныхъ итоговъ текущаго сѣзда, г. Арабажинъ отъ имени своихъ товарищей по организаціонному комитету между прочимъ сказалъ:

«Если въ итогъ этого сѣзда по перечисленнымъ вопросамъ будетъ возбуждено вниманіе дѣятелей литературы и общества, если, кромѣ того, будетъ утверждена постоянная организація сѣздовъ писателей, будетъ положено основаніе «всероссійскому обществу писателей», избранъ судъ чести и организаціонный комитетъ для осуществленія задачъ сѣзда и созыва третьяго, то работа всероссійскаго сѣзда можетъ быть признана не безплодной.

Организаціонный комитетъ не скрываетъ, однако, отъ себя тѣхъ трудностей, которыя стоятъ на пути намѣчаемъ начинаній сѣзда.

Тутъ и общія причины, одинаково подрывающія въ русской жизни каждое новое начинаніе; тутъ и особыя условія нашей печати: ея правовое положеніе, ея кустарный характеръ, участіе въ литературной средѣ лицъ, не заинтересованныхъ въ литературномъ заработкѣ, неоднородность заработка, партійныя группировки, наконецъ то серьезное обстоятельство, что литературный трудъ—не только профессія, но и общественное дѣло. Тутъ и обычный нашъ скептицизмъ къ новому дѣлу—результатъ апатіи, косности и недостатка творческаго воображенія, тутъ и коренное недовѣріе «политиковъ» къ профессиональнымъ задачамъ, тутъ и недостатокъ общественныхъ инстинктовъ и общественнаго воспитанія нашей литературной среды, тутъ и тѣ специфическія кружковыя препятствія, о которыхъ говоритъ въ своей блестящей статьѣ о сѣздѣ писателей г. Бикерманъ въ «Бодромъ Словѣ».

Мы и не дѣлаемъ иллюзій. Ничто сразу не дѣлается. Но лучше хоть какое-нибудь единеніе, чѣмъ никакого. На третій всероссійскій сѣздъ придутъ многіе изъ нынѣшнихъ бойкотистовъ, а мы, говоря словами Г. К. Градовскаго, поработаемъ пока и за отсутствующихъ.

И пусть намъ говорятъ, что литература наша всегда была Маріей. Мы отвѣтимъ: да, пусть литература всегда останется Маріей но профессиональная организація явится Марѳой, которая позаботится о Маріи, чтобы ей легче было отдаться своему призванію.

Никто, однако, не смѣетъ заподозрѣть насъ въ отступленіи отъ высшихъ завѣтовъ литературы.

Мы будемъ работать во имя великаго званія писателя, выше котораго мы ничего не знаемъ.

Мы будемъ бороться за свободное слово. Мы знаемъ, никто болѣе насъ не убѣжденъ въ томъ, что мысль никогда не вредна; она можетъ быть ошибочна, но только черезъ ошибки путь къ истинѣ.

На козни, на вредную рѣчь
Въ тебѣ жъ и дѣленье готово,—
О духа единственный мечъ—
Свободное слово.

Мы будемъ создавать почву для свободнаго слова, бороться противъ всѣхъ формъ его порабощенія. И нашимъ лозунгомъ всегда будутъ слова гр. Голенищева-Кутузова:

Господень судъ не упреждае,
Да не коснется власть земная
Того, въ чемъ властенъ Богъ одинъ.

Не стану утомлять читателей изложением прочих рѣчей и привѣтствій, сказанных на засѣданіи, и ограничусь замѣчаніемъ, что сразу установившаяся на съѣздѣ атмосфера произвела на присутствующихъ чрезвычайно благоприятное впечатлѣніе, обнаруживъ значительное идейное единеніе собравшихся, ихъ горячее желаніе поработать на пользу литературнаго профессионализма и профессиональнаго единенія. Такое же впечатлѣніе вынесъ и представитель «Новаго Времени» г. Суходревъ, давшій отзывъ въ газетѣ объ открытіи съѣзда и писавшій:

«Если на первомъ собраніи не было пышности ни въ рѣчахъ, ни въ одеждѣ, то было нѣчто другое: это сердечное доброжелательное отношеніе другъ къ другу, желаніе ближе сойтись, душевно поговорить,—безъ политическихъ платформъ и выступленій,—а попросту потолковать о самомъ дорогомъ для сердца каждого пишущаго—о литературѣ, о газетномъ дѣлѣ, о положеніи пишущей братіи.

«Нужно сказать, что этотъ доброжелательный тонъ, чуждый столичнымъ писательскимъ кружкамъ, внесли именно провинціальныя газетныя работники, которые еще вѣрятъ въ возможность единенія среди работниковъ пера на почвѣ профессиональныхъ интересовъ, вѣрятъ, что съѣздъ можетъ способствовать этому единенію».

Г. Суходревъ, такъ мѣтко обрисовавшій атмосферу съѣзда, несомнѣнно, сыгралъ въ дѣлѣ репортажа о немъ въ столичныхъ газетахъ добрую роль и оказалъ съѣзду большую услугу. Если многіе собратія г. Суходрева репортажу до появленія въ печати отмѣченнаго отчета не знали, какой принять въ отношеніи съѣзда тонъ даже въ газетахъ доброжелательнаго настроенія, то послѣ его характеристики стали болѣе сочувственно и внимательно говорить о съѣздѣ. Въ общемъ, однако, нельзя не замѣтить, что травля съѣзда, проявившаяся еще до его созыва, оказала значительное вліяніе на газетные отчеты. Наша столичная пресса, отводившая въ тѣ дни такъ много мѣста на своихъ столбцахъ отчетамъ о протекавшихъ въ тѣ же дни съѣздахъ—Пироговскомъ, борьбы съ проституціей, даже эсперантистовъ,—относилась къ писательскому съѣзду довольно невнимательно, какъ бы конфузливо, а порою давала свои отзывы о немъ съ явными искаженіями и невѣрными фактическими свидѣніями. Отмѣчу, что наиболѣе полно движеніе работъ съѣзда было представлено покойной нынѣ «Новой Русью» и «С.-Петербургскими Вѣдомостями».

Чтобы покончить съ открытіемъ съѣзда, нельзя не отмѣтить привѣтствія послѣднему, присланнаго изъ Ясной Поляны Л. Н. Толстымъ. Наши философъ-романистъ писалъ г. Градовскому:

«Вы желаете, чтобы я выразилъ свое отношеніе къ предполагаемому и устраиваемому вами съѣзду писателей. Отношеніе мое къ людямъ, стремящимся къ единенію, не можетъ быть инымъ, какъ самое сочувственное, особенно въ настоящемъ случаѣ, когда стремятся

къ объединенію писатели, люди, къ которымъ и я принадлежу, занятые дѣятельностью слова, могущественнѣйшаго орудія единенія людей. И потому вполне сочувствую и желаю наибольшаго успѣха съѣзду».

Цитированное мѣсто являлось частью письма нашего великаго писателя, которую можно было опубликовать, ибо вторая его часть являлась, такъ сказать, «нецензурною», чтеніе которой было недопустимо даже съ формальной стороны въ интересахъ безопасности съѣзда и самого гениальнаго старца. Увы, однако, не въ мѣру услужливые его друзья и почитатели постарались въ послѣдствіи раздуть значеніе второй неопубликованной части и представить ее какъ бы недружелюбной самому съѣзду. Что руководило ими въ данномъ случаѣ, трудно сказать; единственный правильный выводъ изъ ихъ выступленія можно сдѣлать тотъ, что около великихъ людей всегда копошатся дѣятели мелкаго разряда, которые именемъ первыхъ создаютъ себѣ положеніе и привлекаютъ къ себѣ вниманіе толпы. Они какъ бы берутъ на откупъ, въ опеку своихъ учителей и создаютъ вокругъ нихъ тотъ шумъ и обстановку, которые имъ или выгодны, или соотвѣтствуютъ ихъ личнымъ вкусамъ и потребностямъ. Таковыми были официальные послѣдователи покойнаго о. Іоанна Кронштадтскаго, таковы и г. г. толстовцы съ г. Чертковымъ во главѣ...

Съ вечера же 23 апрѣля, послѣ торжественнаго открытія съѣзда, начались и его дѣловыя секціонныя занятія, которыя непрерывно слѣдовали до 28 апрѣля—дня закрытія съѣзда. Эти засѣданія протекали по слѣдующей программѣ и въ слѣдующей постепенности, заранѣе установленной по «программѣ» занятій съѣзда, опубликованной въ № 3 «Вѣстника» съѣзда. Вотъ эта программа:

21-го апрѣля, среда.

9 час. веч.

Предварительное собраніе членовъ съѣзда въ помѣщеніи женскаго клуба (Фонтанка, 83, подъездъ изъ-подъ воротъ направо).

22-го апрѣля, четвергъ.

2 часа дня.

(Залъ Петровскаго коммерческаго училища, Фонтанка, 62).

Общее собраніе съѣзда.

1. Открытіе съѣзда председателемъ организаціоннаго комитета.
2. Избраніе председателя съѣзда, двухъ его товарищей и генеральнаго секретаря.
3. Рѣчь председателя съѣзда.
4. Рѣчь К. И. Арабажина о задачахъ съѣзда.
5. Рѣчь М. А. Стаховича о задачахъ общества для устройства дома-музея имени Л. Н. Толстого.
6. Докладъ секретаря о подготовительныхъ къ съѣзду работахъ.
7. Привѣтствія.

9 час. вечера.

(Заль гимназіи Е. М. Гедда, улица Глинки, 6).

Соединенное засѣданіе всѣхъ секцій.

1. *В. П. Краиницфельдъ*. Литература и капиталъ.
2. *Л. З. Слонимскій*. Обь отношеніяхъ между издателями и сотрудниками періодическихъ изданій.
3. *Ф. Н. Лебедевъ* (Самара). Матеріальное положеніе провинціальныхъ журналистовъ.

23-го апрѣля, пятница.

10 час. утра. (Театръ «Сказка», Галерная ул., 33).

Засѣданіе организаціонной секціи.

1. *Г. К. Градовскій*. Обь организаціи съѣзда писателей.
2. *К. И. Арабажинъ*. О профессиональной организаціи среди писателей.
3. *В. В. Водовозовъ*. О проектѣ устава всероссийской профессиональной организаціи, выработанномъ Спб. литературнымъ обществомъ.

3 часа дня. (Тамъ же).

Засѣданіе юридической секціи.

1. *Г. К. Градовскій*. Обь отвѣтственности сотрудниковъ періодическихъ изданій передъ судомъ.
2. *В. В. Водовозовъ*. Обь авторскомъ правѣ.

24-го апрѣля, суббота.

10 час. утра. (Театръ «Сказка», Галерная ул., 33).

Засѣданіе профессиональной секціи.

1. *М. М. Бродовскій*. Профессиональные интересы писателей и нѣкоторыя резолюціи I всероссийскаго съѣзда издателей и книгопродавцевъ.
2. *Я. Н. Колубовскій*. Матеріальная взаимопомощь среди писателей.
3. *В. О. Тотоміаничъ*. Кооперативныя попытки интеллигенціи и участіе въ нихъ литераторовъ.

3 часа дня. (Тамъ же).

Соединенное засѣданіе всѣхъ секціи.

1. *Е. В. Анничковъ*. Современные журналы и ихъ сотрудники.
2. *Л. Н. Клейнбортъ*. Литература и литературный бытъ.
3. *Г. К. Градовскій*. О судѣ чести.
4. *Е. Г. Шольмъ* (Кіевъ). Судъ чести.

8 часовъ вечера. (Заль гимназіи Е. М. Гедда).

Засѣданіе организаціонной секціи.

1. *И. А. Марголисъ*. О необходимости организовать російское товарищество періодическихъ изданій.
2. *Г. К. Градовскій*. О взаимодействіи существующихъ литературныхъ учрежденій.

Въ 8^{1/2} час. вечера въ театрѣ «Сказка».

Литературно-музыкальный гечеръ для членовъ сѣзда.

25-го апрѣля, воскресенье.

10 часовъ утра. (Театръ «Сказка»).

Засѣданіе профессиональной секціи.

1. М. М. Бродовскій. О борьбѣ съ недобросовѣстнымъ журнальнымъ издательствомъ.

2. К. И. Арабажинъ. О пониженіи почтовыхъ тарифовъ на произведенія печати.

Въ 2 часа дня. (Заль собранія экономистовъ, зданіе б. Панаевского театра, Адмиралтейская наб., входъ съ Черноморскаго пер.).

Засѣданіе Общества для устройства дома-музея имени Л. Н. Толстого, на которомъ приглашаются всѣ члены сѣзда.

Въ 7 часовъ вечера.

Товарищескій обѣдъ по подпискѣ въ одномъ изъ ресторановъ. Цѣна 3 р безъ вина. Записываться слѣдуетъ до 9 час. веч. 24 апрѣля въ справочномъ бюро сѣзда.

26-го апрѣля, понедѣльникъ.

10 часовъ утра. (Театръ «Сказка»).

Засѣданіе профессиональной секціи.

1. Г. К. Градовскій. Матеріальное обезпеченіе писателей.

2. В. Я. Муриновъ. Будущій домъ-музей Толстого и русскіе писатели.

3. Т. В. Локоть (Кіевъ). Націонализмъ и періодическая печать.

2 часа дня. (Тамъ же).

Соединенное засѣданіе всѣхъ секціи.

1. А. Я. Антонюкъ. Украинская печать въ цифрахъ и фактахъ.

2. П. К. Соколовъ (Пенза). О положеніи земской печати.

3. Н. И. Иорданскій. Къ статистикѣ печати.

4. Д. А. Линевъ. О профессиональномъ органѣ печати для писателей.

27-го апрѣля, вторникъ.

10 часовъ утра. (Тамъ же).

Доклады, оставшіеся по какимъ-либо причинамъ не рассмотрѣнными (списокъ ихъ будетъ опубликованъ въ «Вѣстникѣ Сѣзда» 26-го апрѣля).

2 часа дня. (Тамъ же).

Соединенное засѣданіе всѣхъ секціи.

1. И. М. Бикерманъ. О литературной этикѣ.

2. К. И. Арабажинъ. О достоинствѣ печати.

3. Л. З. Слонимскій. О допустимыхъ приемахъ полемики.

28-го апреля, среда.

2 часа дня. (Заль собранія экономистовъ).

Общее собраніе съезда.

1. Утвержденіе резолюцій, принятыхъ въ секціяхъ.
2. Избраніе постояннаго комитета съездовъ.
3. Избраніе ревизіонной комиссіи.
4. Избраніе суда чести.
5. Назначеніе мѣста и времени слѣдующаго съезда.
6. Закрытіе съезда.

Въ порядкѣ такого слѣдованія съ небольшими перемѣщеніями во времени протекали на протяженіи почти недѣли занятія съезда. Не вступая въ критику докладовъ, изъ коихъ каждый могъ бы явиться темою для отдѣльной статьи и, пожалуй, даже не одной, ограничусь тѣмъ резолюціями, которыя съездъ вынесъ по обсужденіи главнѣйшихъ докладовъ.

По докладамъ Ф. Н. Лебедева «О матеріальномъ положеніи провинціальныхъ журналистовъ» и В. П. Кранихфельда «Капитализмъ и литература».

1) Принимая во вниманіе, что съ развитіемъ капитализма въ странѣ періодическая печать все болѣе организуется на крупно капиталистическихъ началахъ, а дѣятели печати превращаются въ эксплуатируемый капитализмомъ литературный пролетаріатъ; что съ переходомъ періодическихъ органовъ печати въ коммерческія предпріятія, въ нихъ развивается подкупность, вносящая коррупцію въ ряды работниковъ пера; что съ проникновеніемъ въ періодическую печать крупнаго капитала особенно ухудшается положеніе сотрудниковъ мелкихъ органовъ печати, что переходъ литературныхъ предпріятій къ капиталистическому типу совершается при безправномъ положеніи печати, приводящемъ къ искусственному росту конкуренціи среди сотрудниковъ періодической печати, 2-й всероссийскій съездъ писателей и журналистовъ высказывается за необходимость организациі всероссийскаго профессиональнаго союза писателей и за созданіе органа печати для защиты интересовъ работниковъ пера.

2) Считаая крайне важнымъ въ настоящее время, наканунѣ созданія профессиональнаго союза писателей, производство общей анкеты о положеніи работниковъ пера, 2-й всероссийскій съездъ писателей обращается къ Литературному фонду съ предложеніемъ произвести анкету о положеніи сотрудниковъ періодической печати, предоставивъ право комитету съездовъ, въ случаѣ отказа Литературнаго фонда, обратиться къ какой-либо другой литературной организациі.

3) Принимая во вниманіе, что развитіе прессъ-бюро смѣшаннаго типа является однимъ изъ послѣдствій начавшейся усиленной капитализациі русской прессы, что эти прессъ-бюро, при безправномъ положеніи русской печати грозятъ превратиться въ орудіе систематической фальсификаціи общественнаго мнѣнія; что, съ другой стороны, дѣйствительная борьба противъ вреднаго вліянія прессъ-бюро возможна только при полной свободѣ печати, которая дастъ возможность всѣмъ существующимъ въ странѣ общественно-политическимъ теченіямъ имѣть свои органы и организациі и свободно между собою состязаться, 2-й всероссийскій съездъ писателей обращаетъ вниманіе редакцій и авторовъ на развитіе прессъ-

бюро и рекомендуетъ относиться къ нимъ съ особою осторожностью. Съездъ признаетъ обязательнымъ для каждаго уважающаго себя и литературу изданія, пользующагося услугами прессъ-бюро, отмѣчать происхожденіе каждой статьи, каждаго сообщенія, исходящаго отъ прессъ-бюро.

4) Признавая необходимость бороться съ фальсификаціей общественнаго мнѣнія, 2-й всероссійскій съездъ писателей считаетъ необходимымъ организовать при постоянномъ комитетѣ съездовъ особое бюро общественной информации на слѣдующихъ основаніяхъ:

а) Информационное бюро публикуетъ отъ своего имени въ профессиональномъ органѣ и въ другихъ изданіяхъ,—по просьбѣ какъ отдѣльныхъ литераторовъ, такъ и литературныхъ организацій и изданій,—опроверженія или разъясненія неточныхъ свѣдѣній, появляющихся въ печати и имѣющихъ политическое, общественное, литературное и литературно-профессиональное значеніе.

б) Информационное бюро содѣйствуетъ опубликованію, отъ имени обращающихся къ его помощи тѣхъ же лицъ и организацій, опроверженій и разъясненій, появляющихся въ печати неточныхъ свѣдѣній ихъ касающихся.

в) Бюро состоитъ изъ 5 лицъ, избираемыхъ комитетомъ съезда изъ своей среды. Порядокъ функціонированія бюро устанавливается имъ самимъ.

По докладу Н. О. Пружанскаго «Кто убиваетъ книгу».

5) Признать весьма желательнымъ устройство кооперативныхъ книжныхъ складовъ, преимущественно для авторовъ-издателей, на строго коммерческихъ основаніяхъ.

По докладу Л. З. Слонимскаго «О допустимыхъ приемахъ полемики».

6) Въ печатной полемикѣ допускаются всякіе способы выясненія истины, кромѣ тѣхъ, которые могутъ считаться оскорбительными для личности противника.

По докладу В. В. Водозова «Объ авторскомъ правѣ».

7) Право на переводъ въ составъ авторскаго права въ настоящее время входитъ не должно и должно быть свободнымъ.

8) Срокъ авторскаго права долженъ быть ограниченъ 30-ю годами послѣ смерти автора вмѣсто существующаго 50-лѣтняго.

9) Возникшее по постановленію перваго всероссійскаго съезда писателей имени Толстого общество литературнаго музея 2-й всероссійскій съездъ постановилъ: 1) считать своимъ дѣломъ, близкимъ дѣламъ профессиональнаго объединенія писателей; 2) признать необходимымъ, принимая во вниманіе, предложенія делегата Толстовскаго общества Муринова, чтобы на каждомъ всероссійскомъ съездѣ писателей выслушивался докладъ представителя Толстовскаго общества о дѣятельности общества; 3) чтобы участники съезда, лица, изданія и учрежденія оказывали всяческое содѣйствіе Толстовскому обществу, поддерживали его морально и матеріально.

По докладу В. Я. Муринова «Будущий домъ-музей Толстого и русские писатели».

10) Докладчикъ предлагаетъ: просить редакціи и сотрудниковъ періодическихъ изданій, сочувствующихъ идеѣ дома-музея имени Л. Н. Толстого, оказывать обществу для устройства музея свое содѣйствіе широкой пропагандой въ прессѣ его задачъ, бесплатнымъ печатаніемъ его объявленій, воззваній и отчетовъ и всѣми другими подобными мѣрами; просить издателей-авторовъ и періодическія изданія высылать бесплатно названному обществу по экземпляру вновь выходящія книги, статьи и замѣтки, какъ самого Л. Н. Толстого, такъ и о Толстомъ; просить російскія литературныя общества и редакціи періодическихъ изданій предложить желающимъ изъ своихъ членовъ и сотрудниковъ сдѣлать единовременный взносъ на устройство дома-музея Л. Н. Толстого, или же отчислять на эту цѣль изъ гонорара извѣстный процентъ до того времени, пока музей не будетъ устроенъ.

По докладу П. Е. Соколова «О положеніи земской печати».

11) Второй всероссийскій съездъ писателей считаетъ необходимымъ сплоченіе земскихъ и городскихъ литературныхъ работниковъ и обращается къ соответствующимъ отдѣламъ императорскаго русскаго техническаго общества и его московскому отдѣленію съ выраженіемъ пожеланія объ организаціи справочнаго консультативнаго и объединяющаго бюро по вопросамъ земскаго и городского самоуправления.

Вмѣстѣ съ тѣмъ съездъ признаетъ крайне желательнымъ, чтобы «Земское Дѣло» и «Городское Дѣло», какъ центральные органы, обратили особенное вниманіе на выясненіе нуждъ мѣстной земской и городской прессы и содѣйствовали удовлетворенію этихъ нуждъ.

По докладу Н. И. Юрданскаго «Къ статистикѣ печати».

12) Для полнаго освѣщенія тяжелыхъ условий существованія русской прессы съездъ поручаетъ інформаціонному бюро при комитетѣ съездовъ писателей организовать путемъ регулярныхъ сношеній съ періодическими изданіями полную регистрацію всѣхъ явленій и событий въ жизни періодической прессы и cadaго отдѣльнаго изданія въ частности.

13) Поручить комитету изыскать средства для изданія сборника матеріаловъ о современномъ положеніи русской печати.

По докладу Д. А. Линева «О профессиональномъ органѣ печати».

14) Принимая во вниманіе: 1) что отсутствіе періодическаго изданія, посвященнаго интересамъ печатнаго слова, разработкѣ и освѣщенію вопросовъ писательской жизни и вообще обслуживанію правовыхъ, профессиональныхъ и бытовыхъ нуждъ писателей, — вредно отражается какъ на общемъ ходѣ писательской жизни, такъ и на положеніи отдѣльныхъ органовъ и дѣятелей печати и служитъ причиной многихъ неурядицъ и недоразумѣній, 2) что основаніе и изданіе такого профессиональнаго органа печати для писателей должно быть дѣломъ не того или другаго отдѣльнаго лица или учрежденія, а лишь такой общей писательской организаціи, какъ всероссийскіе съезды писателей, въ лицѣ ихъ постояннаго

комитета, выдѣляющаго для этого изъ своей среды особую издательско-редакціонную комиссію,—второй всероссійскій съездъ писателей:

1) признаеть необходимымъ изданіе періодическаго профессиональ, наго органа печати подъ названіемъ «Вѣстникъ Писателей» на началахъ, изложенныхъ въ докладѣ;

2) изысканіе средствъ, необходимыхъ для изданія (предварительная подписка, обращеніе къ столичнымъ и провинціальнымъ литературнымъ организаціямъ) и возможно скорое его осуществленіе—возлагается на постоянный комитетъ създовъ писателей и

3) для непосредственнаго веденія дѣла изданія «Вѣстника Писателей» комитетъ выдѣляетъ изъ своей среды особую издательско-редакціонную комиссію, одинъ изъ членовъ которой и является официальнымъ редакторомъ-издателемъ «Вѣстника».

По докладу Л. З. Слонимскаго «Объ отношеніяхъ между издателями и сотрудниками періодическихъ изданій».

15) Постоянные сотрудники должны имѣть право голоса при рѣшеніи вопросовъ, касающихся судьбы того изданія, въ которомъ они участвуютъ.

16) Постоянные сотрудники періодическихъ изданія, работавшіе въ нихъ въ теченіе опредѣленнаго срока, приобретають право считаться участниками или пайщиками ихъ въ опредѣленной долѣ.

17) При передачѣ или продажѣ изданія въ другія руки должны быть принимаемы во вниманіе интересы прежней редакціи и сотрудниковъ.

По докладу Г. К. Градовскаго «Матеріальное обезпеченіе писателей».

18) Предложить литераторамъ вступать въ члены кассы взаимопомощи литераторовъ.

19) Предложить издателямъ отчислять ежегодно, по своему усмотрѣнію, опредѣленную обязательную сумму въ пользу кассы взаимопомощи литераторовъ.

Кромѣ того, въ связи съ этимъ же докладомъ, приняты еще двѣ резолюціи, предложенныя г. Арабажинымъ:

20) Съездъ выражаетъ пожеланія, чтобы между Литературнымъ фондомъ и другими литературными учрежденіями установилось болѣе тѣсное взаимодѣйствіе и

21) Чтобы Литературный фондъ черезъ своего делегата вносилъ доклады о своей дѣятельности на будущихъ съездахъ писателей для свѣдѣнія.

22) Въ ознаменованіе столѣтія со дня рожденія В. Г. Бѣлинскаго съездъ писателей постановляетъ назвать 3-ій всероссійскій съездъ—съездомъ имени В. Г. Бѣлинскаго и поручить комитету създовъ разработать форму чествованія памяти В. Г. Бѣлинскаго, объявить конкурсъ на премію за брошюру для широкаго круга читателей: «Очеркъ жизни и литературной дѣятельности В. Г. Бѣлинскаго». Поручить комитету създовъ открыть подписку на премированіе и изданіе этой брошюры.

Подводитъ итогъ, какія изъ этихъ резолюцій съезда жизненны съ практической стороны ихъ осуществленія, было бы бесполезнымъ. Постановленія всѣхъ създовъ въ большинствѣ случаевъ носятъ характеръ desiderii, и значеніе ихъ развертывается въ большинствѣ

случаевъ лишь на пространствѣ длиннаго времени. Несомнѣнно, и резолюціи писательскаго съѣзда, за нѣкоторыми исключеніями, прежде, чѣмъ войти въ право жизни, переживутъ немало измѣненій, перипетій и потребуютъ борьбы и упорнаго труда поколѣній для своего осуществленія. Но одно, что въ качествѣ конкретнаго и вполнѣ реальнаго факта остается въ наличіи,—это, что дѣло «писательскихъ съѣздовъ» отнынѣ поставлено на практическую почву, что органы осуществленія этихъ съѣздовъ въ будущемъ наличи, а отсюда и возможность широкаго и постояннаго единенія писательской среды, съ мирнымъ обмѣномъ мнѣній и сомнѣній, какъ по многимъ вопросамъ отечественной жизни вообще, поскольку писательское сословіе можетъ на нихъ такъ или иначе реагировать, такъ и по специальнымъ профессиональнымъ вопросамъ въ частности. Въ этомъ смыслѣ и подвелъ идейные итоги съѣзда его почетный предсѣдатель Г. К. Градовскій, сказавшій при закрытіи съѣзда 28 апрѣля:

Сегодня заключительное собраніе съѣзда писателей.

Заключительное, но не послѣднее. Мы имѣемъ полное право это сказать. Дѣло литературныхъ съѣздовъ мы упрочили вдвойнѣ. Мы наглядно доказали, что съѣздъ писателей необходимъ не только для разбросанной и разъединенной литературной среды, но государству, обществу, народу въ такой же мѣрѣ, въ какой необходимы человѣку и человѣчеству знанія, свобода мысли и слова, свобода обсужденія и широкая гласность. Мы твердо держали свѣтлое знамя русской литературы и публицистики и ни на минуту не измѣняли лучшимъ традиціямъ нашихъ знаменитыхъ предшественниковъ, незабвенныхъ умственныхъ вождей русскаго народа.

Правда и истина взяли верхъ. Польза и необходимость съѣздовъ писателей признана теперь всѣми сколько-нибудь безпристрастными людьми и газетами. Удовлетвореніе этой важной потребности мы упрочили навсегда, выработавъ положеніе о съѣздахъ писателей. Положеніе это будетъ той правовой почвой, на которой получится возможность созыва будущихъ съѣздовъ.

Я не сомнѣваюсь, что «положеніе о съѣздахъ писателей» не встрѣтитъ препятствій. Моя увѣренность основана на тѣхъ же данныхъ, въ силу которыхъ я и печатно и устно заявлялъ, что со стороны правительства не будетъ препятствій къ обсужденію правовыхъ вопросовъ, лежащихъ въ основѣ каждаго вопроса нашей программы. Ни одинъ изъ докладовъ, свободно выработанныхъ нами, не былъ изъять изъ гласнаго и свободнаго обсужденія съѣзда. Всѣ толки и слухи о томъ, будто съѣздъ не болѣе, какъ «ловушка» или «провокація», оказались неосновательными.

Точно также дѣйствительность опровергла утвержденія, будто съѣздъ будетъ сорванъ одной изъ политическихъ партій.

Господа! знаменитый сатирикъ нашъ считалъ, что высшее изъ званій— есть писатель.

Мы желали и желаемъ, чтобъ это помнилъ и свято соблюдалъ каждый изъ работниковъ печати. Отнынѣ, я убѣжденъ, будутъ уважать и званіе члена съѣзда писателей.

Въ 1908 году я былъ почтенъ избраніемъ въ два организованныхъ тогда и преемственно связанныхъ съ нынѣшнимъ съѣздомъ учрежденія: въ организаціонный комитетъ и судъ чести. Вся политика моя и устойчивость

въ созывѣ съѣзда основаны были на неуклонномъ сознаниі, что оказанное мнѣ довѣріе я обязанъ оправдать.

Въ настоящее время я бы желалъ отдыха и предоставленія другимъ полной возможности потрудиться для дорогого мнѣ и всеѣмъ намъ дѣла, съ болѣе молодыми и не утомленными силами.

Г. Градовскій правильно освѣтилъ значеніе «второго всероссійскаго съѣзда писателей», какъ дѣловой прологъ къ будущимъ съѣздамъ, и намъ остается только отмѣтить основанія, на которыхъ эти съѣзды будутъ осуществляться.

I. Общія постановленія.

1. Для сближенія, общенія и объединенія дѣятелей всѣхъ отраслей литературы на почвѣ литературныхъ интересовъ, для содѣйствія всестороннему развитію и процвѣтанію литературы и для улучшенія бытовыхъ, этическихъ и правовыхъ условій литературной дѣятельности учреждаются съѣзды писателей.

2. Съѣзды могутъ быть очередные и чрезвычайные.

II. Цѣль и права съѣздовъ.

3. Цѣль съѣздовъ:

- а) объединять представительство интересовъ писателей;
- б) способствовать возникновенію мѣстныхъ литературныхъ учреждений;
- в) содѣйствовать улучшенію положенія писателей и упорядоченію отношеній между дѣятелями печати и издателями;
- г) устраивать конкурсы, выставки печатныхъ произведеній; открывать курсы; собирать статистическія свѣдѣнія; издавать изслѣдованія по вопросамъ литературы и литературнаго быта; издавать періодическія изданія и труды съѣздовъ;
- е) организовать судъ чести, бюро труда, бюро інформаціонное.

4. Съѣздамъ предоставляется владѣть движимымъ и недвижимымъ имуществомъ, принимать на себя обязательства, искать и отвѣчать на суды и имѣть свою печать.

III. Составъ съѣздовъ.

5. Членами съѣзда могутъ быть:

а) Члены с.-петербургскаго литературнаго общества, кассы взаимопомощи литераторовъ и ученыхъ, общества любителей Россійской словесности, московскаго общества дѣятелей періодической печати и литературы и другихъ существующихъ въ Россіи обществъ, вступленіе въ которыя обусловлено по уставу литературнымъ или научнымъ цензомъ, а также члены бывшаго союза взаимопомощи писателей.

б) Избранные указанными въ пунктѣ 1-мъ обществами, а также обществомъ для пособія нуждающимся литераторамъ и ученымъ (Литературнымъ фондомъ); отдѣленіями с.-петербургскаго литературнаго общества и кассы взаимопомощи литераторовъ и ученыхъ и другими обществами, имѣющими ближайшее отношеніе къ литературѣ; императорской академіей наукъ, императорскимъ вольно-экономическимъ обществомъ и иными учеными обществами и учрежденіями представители, въ числѣ не болѣе трехъ отъ каждаго.

в) Избранные сотрудниками представители частных периодических изданий литературного, научного и общественно-политического характера, въ числѣ не болѣе трехъ отъ каждаго.

г) Писатели, не принадлежащіе къ перечисленнымъ категоріямъ, но имѣющіе труды въ области литературы и науки или участвующіе въ периодической печати.

6. Лица, редакціи и учрежденія могутъ быть не допущены на съѣздъ постановленіемъ $\frac{2}{3}$ находящихся въ С.-Петербургѣ членовъ комитета. Это постановленіе комитета можетъ быть обжаловано общему собранію.

IV. Управление дѣлами съѣздовъ.

7. Управление дѣлами съѣздовъ возлагается на комитетъ, избираемый каждыиъ съѣздомъ въ числѣ не менѣе 15 лицъ, проживающихъ въ Петербургѣ, и шести членовъ, живущихъ внѣ Петербурга. Въ этотъ же комитетъ входитъ по одному представителю отъ с.-петербургскаго литературнаго общества и кассы взаимопомощи литераторовъ и ученыхъ. Въ случаѣ необходимости комитетъ съѣздовъ имѣетъ право кооптаціи трехъ новыхъ членовъ и сверхъ того членовъ замѣнъ выбывающихъ.

8. Комитетъ съѣздовъ выбираетъ изъ своей среды предсѣдателя, товарищей предсѣдателя, казначея и секретарей.

9. Комитетъ съѣздовъ имѣетъ своимъ мѣстопребываніемъ С.-Петербургъ.

10. Комитетъ собирается по мѣрѣ надобности. Для дѣйствительности постановленій комитета необходимо присутствіе не менѣе $\frac{1}{3}$ членовъ, живущихъ въ С.-Петербургѣ, въ томъ числѣ присутствіе предсѣдателя комитета или его товарища. Дѣла комитета рѣшаются простымъ большинствомъ.

11. Дѣятельность комитета и состоящихъ при немъ органовъ и учреждений опредѣляется выработанными имъ инструкціями.

12. На обязанности комитета лежитъ: а) созывъ съѣздовъ; б) провѣрка литературныхъ правъ и полномочій членовъ съѣздовъ; в) выработка программъ съѣздовъ; г) подготовленіе докладовъ къ съѣздамъ; д) представительство съѣздовъ предъ правительствомъ и общественными учрежденіями; е) сношенія съ подлежащими учрежденіями и лицами по предметамъ, входящимъ въ кругъ дѣйствій съѣздовъ; ж) общее завѣдываніе дѣлами, имуществомъ и денежными средствами съѣздовъ; з) представленіе съѣзду отчета о своей дѣятельности.

13. При комитетѣ съѣздовъ состоятъ: а) периодическій органъ; б) бюро информаций; в) бюро труда.

14. Для ревизіи денежныхъ книгъ, смѣтъ, отчетовъ и провѣрки денежныхъ суммъ очередной съѣздъ избираетъ ревизионную комиссію изъ пяти лицъ, которая представляетъ отчетъ слѣдующему съѣзду.

V. О судѣ чести.

15. Для разсмотрѣнія и разрѣшенія недоразумѣній и споровъ, возникающихъ на почвѣ нравственныхъ и профессиональныхъ интересовъ, при съѣздахъ учреждается судъ чести. Организация и процедура суда чести опредѣляются правилами, утверждаемыми общими собраніями съѣздовъ.

VI. Порядокъ созыва и занятій съѣздовъ.

16. Очередные съѣзды созываются въ срокъ и въ мѣстѣ, назначенные предыдущимъ съѣздомъ.

17. Чрезвычайные съѣзды созываются по мѣрѣ надобности комитетомъ.

VII. Средства създовъ.

18. Денежныя средства създовъ составляютъ изъ членскихъ взносов, пожертвованій, доходовъ отъ продажи изданій, доходовъ отъ капиталовъ и имуществъ и другихъ поступленій. Размѣръ членскаго взноса, уплачиваемаго участникомъ създа, опредѣляется комитетомъ предъ каждымъ създомъ.

19. Редакція, желающая участвовать въ създахъ, уплачиваетъ взносъ въ размѣрѣ не менѣе 10 рублей.

20. Литературныя общества и учрежденія, желающія участвовать въ създахъ, уплачиваютъ: столичныя не менѣе 25 рублей и провинціальныя не менѣе 15 рублей для провинціи.

VIII. Прекращеніе дѣятельности създовъ.

21. Ликвидация дѣль създовъ производится постановленіемъ $\frac{2}{3}$ голосовъ очереднаго създа или чрезвычайнаго, на этотъ предметъ созваннаго създа.

22. Въ случаѣ прекращенія существованія създовъ писателей имущество, могущее оказаться по ликвидациі его дѣль, передается одному изъ существующихъ литературныхъ учрежденій по опредѣленію общаго собранія създа.

Основныя положенія устройства и процедуры.**А. Устройство.**

§ 1. Судъ чести при създахъ писателей находится въ Петербургѣ и состоитъ изъ судей, избираемыхъ общимъ собраніемъ създа въ составѣ не менѣе 12.

§ 2. Судъ чести избираетъ изъ своей среды предсѣдателя, его товарища и секретаря—для общаго направленія дѣль.

§ 3. На каждомъ очередномъ създѣ производятся выборы половиннаго состава судей, взаменъ выбывшихъ. Выбытіе производится первоначально по жребію, а затѣмъ по старшинству избранія. Выбывающіе судьи могутъ подлежать переизбранію.

§ 4. Число судей, участвующихъ въ каждомъ процессѣ, опредѣляется общимъ собраніемъ судей, но должно быть не менѣе трехъ.

Б. Процедура.

§ 1. Разсмотрѣнію суда чести при създахъ писателей подлежатъ: а) всѣ споры между литературными дѣятелями, органами печати и литературными обществами, имѣющими право участвовать въ създахъ (глава III § 5 положенія о създахъ писателей), возникшіе на почвѣ или по поводу ихъ литературной дѣятельности, б) споры третьихъ лицъ съ литературными дѣятелями и органами печати и литературными обществами, возникшіе на той же почвѣ, если третье лицо обратится въ судъ чести или согласится на разрѣшеніе въ немъ спора.

§ 2. Судъ чести приступаетъ къ сужденію: а) по заявленію одной или обѣихъ сторонъ, б) по постановленію комитета литературнаго общества, къ которому принадлежитъ сторона.

§ 3. Судъ чести прежде всего, до вызова противной стороны, разрѣшаетъ вопросъ о подсудности ему дѣла.

§ 4. Процесс имѣеть состязательный характеръ, и самъ судъ чести никакихъ обвинительныхъ функций не выполняетъ.

§ 5. Въ случаѣ возбужденія процесса комитетомъ какого-либо литературнаго общества его представитель замѣняетъ одну изъ сторонъ.

§ 6. Стороны пользуются правомъ отвода постоянныхъ судей. Каждый членъ суда можетъ отвести себя лично.

§ 7. Процессъ долженъ удовлетворять принципамъ гласности, устной и непосредственности, насколько эти начала совмѣстимы съ особенностями суда чести.

§ 8. Объемъ спора устанавливается судомъ чести въ распорядительномъ засѣданіи.

§ 9. Представительство сторонъ въ процессѣ разрѣшается.

§ 10. Приговоръ суда чести носитъ характеръ мотивированныхъ сужденій, оцѣнивающихъ установленные судомъ факты съ точки зрѣнія этическихъ требованій, лучшихъ литературныхъ традицій и интересовъ общественнаго служенія печати.

§ 11. Спора противъ правильности приговоровъ суда чести не допускается.

§ 12. О каждомъ своемъ приговорѣ, равно и о случаяхъ уклоненія отъ суда чести или неподчиненія стороны его приговору судъ чести доводитъ до свѣдѣнія комитета съѣздовъ и той литературной организаціи, къ которой принадлежатъ стороны.

§ 13. Всѣ остальные процессуальныя правила устанавливаются судомъ чести.

Въ печать уже проникли сѣтованія на нѣкоторые параграфы положенія о съѣздахъ, причѣмъ главное неудовольствіе вызываетъ § 6 отдѣла III, согласно которому «лица, редакціи и учрежденія могутъ быть не допущены на съѣздъ постановленіемъ $\frac{2}{3}$ находящихся въ Петербургѣ членовъ комутета. Это постановленіе комитета можетъ быть обжаловано общему собранію». Въ этомъ параграфѣ не безъ основанія усматривается широкая возможность разныхъ тенденціозныхъ усмотрѣній, къ сожалѣнію, дѣйствительно часто встрѣчающихся въ практикѣ нашей писательской жизни и вызываемыхъ партійною тактикою. Но кто же виноватъ, если опредѣленный составъ собранія провелъ нарочитую тенденцію? Кто мѣшалъ гг. «бойкотистамъ» и «отколовшимся» присутствовать на съѣздѣ, принимать въ немъ дѣятельное участіе и своимъ вліяніемъ и агитаціей добиваться провала несимпатичныхъ предложеній? Послѣдствія общественнаго гипноза, о которомъ сказано мною въ началѣ статьи, налицо и остается лишь сказать: впередъ наука, по дѣламъ вору и мука... Наличный съѣздъ избиралъ того, кто былъ налицо, кто былъ ему любъ, въ чью пользу была организована опредѣленная агитація, постановлялъ рѣшенія, соотвѣтствующія его настроенію, его тенденціямъ и взглядамъ на будущее. Поле побѣды всегда за активными, а слабосильный пискъ пассивныхъ и отсутствующихъ—насъ, молъ, обидѣли или хотятъ обидѣть!—въ дѣлахъ общественнаго порядка неумѣстенъ и не приводитъ къ опредѣленнымъ результатамъ. Не нравится многимъ и составъ будущаго организаціоннаго комитета, но опять-таки всѣ

эти заявленія акты *post factum*. Что сдѣлано—сдѣлано, и въ общемъ собраніи съѣзда 28-го апрѣля въ составъ организаціоннаго комитета 104 записками оказались избраны: Г. К. Градовскій (101 голосъ), Я. Н. Колубовскій (99 голосовъ), К. И. Арабажинъ (96 голосовъ), Вл. П. Кранихфельдъ (91 голосъ), Л. З. Слонимскій и Д. А. Липневъ (по 90 голосовъ), В. В. Водовозовъ (87 голосовъ), Е. Г. Шольцъ—Кіевъ (85 голосовъ), Ф. Н. Лебедевъ—Самара и И. В. Жилкинъ (по 84 голоса), Н. И. Иорданскій (83 голоса), А. Н. Красновъ—Харьковъ (81 голосъ), М. В. Морозовъ (78 голосовъ), И. В. Чернышевъ (71 голосъ), М. Н. Довнаръ-Запольскій—Кіевъ (71 голосъ), А. А. Жмудскій—Харьковъ (64 голоса), М. И. Эйшикинъ—Кіевъ (64 голоса), В. Я. Муриновъ (57 голосовъ), И. Ф. Василевскій (56 голосовъ) и Д. Н. Бородинъ (53 голоса). Въ судъ чести 114 записками были избраны Г. К. Градовскій (100 голосовъ), К. К. Арсеньевъ (87 голосовъ), К. С. Баранцевичъ и Л. З. Слонимскій (по 84 голоса), П. Д. Боборыкинъ, Е. Н. Чириковъ, В. В. Водовозовъ (по 83 голоса), Е. В. де-Роберти (79 голосовъ), И. В. Жилкинъ (77 голосовъ), Е. Г. Шольцъ (73 голоса), В. П. Засуличъ (71 голосъ), С. А. Муромцевъ (69 голосовъ), А. Н. Потресовъ (67 голосовъ) и Н. Д. Соколовъ (66 голосовъ). Въ ревизионную комиссію избраны: А. Е. Лосицкій, Э. К. Пекарскій, М. М. Могиланскій, А. К. Семеновъ, Е. В. Аничковъ и В. В. Святловскій. Новый организаціонный комитетъ изъ своей среды выбралъ: предсѣдателемъ—Г. К. Градовскаго, товарищами предсѣдателя—Л. З. Слонимскаго и Вл. П. Кранихфельда, секретарями—И. В. Чернышева, К. И. Арабажина и В. В. Водовозова и казначеемъ—Я. Н. Колубовскаго.

Согласно описанію въ № 10 «Вѣстника» съѣзда, 28-го апрѣля въ залѣ собранія экономистовъ въ 2¹/₂ часа дня состоялось послѣднее общее собраніе и закрытіе съѣзда. Собраніе открылось рѣчью Г. К. Градовскаго (приведенной мною выше). Затѣмъ генеральный секретарь съѣзда К. И. Арабажинъ далъ фактическій отчетъ о дѣятельности съѣзда. Д. Н. Бородинъ доложилъ проектъ положенія о воевропейскихъ съѣздахъ писателей и проектъ устава всероссійскаго общества писателей. Оба проекта были приняты съѣздомъ. Затѣмъ съѣздъ приступилъ къ выборамъ организаціоннаго комитета, суда чести и ревизионной комиссіи. Арабажинъ прочелъ всѣ принятія съѣздомъ резолюціи (приведены выше), Я. Н. Колубовскій сообщилъ о рѣшеніи комитета слѣдующій съѣздъ, согласно приглашенію кievскихъ журналистовъ, устроить въ 1911 году въ Кіевѣ, назвавъ его по случаю исполняющагося въ этомъ году столѣтія со дня рожденія В. Г. Бѣлинскаго съѣздомъ имени В. Г. Бѣлинскаго (аплодисменты). При этомъ комитетъ оставляетъ за собою право, въ случаѣ измѣненія обстоятельствъ, назначить другое время и мѣсто для съѣзда. Генеральный секретарь съѣзда М. М. Могиланскій произноситъ краткую рѣчь, въ которой, указывая, что не время

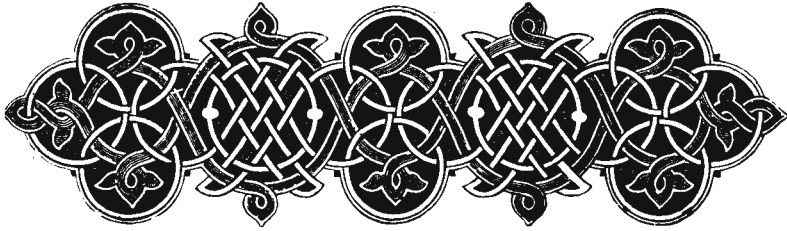
и не мѣсто оцѣнивать достигнутые съѣздомъ результаты, говорить, что съѣздъ, однако, можетъ сказать: *Feci, quod potui, faciant meliora potentes...* Прежде, чѣмъ сказать товарищеское «до свиданія» другъ другу, съѣздъ не можетъ не благодарить организационный комитетъ и, кромѣ его предсѣдателя, которому благодарность уже неоднократно выражена,—Я. Н. Колубовскаго, въ особенности за его труды по изданію «Вѣстника» съѣзда (аплодисменты всего съѣзда). Кромѣ чисто дѣловой атмосферы, успѣху съѣзда способствовало товарищеское сближеніе участниковъ съѣзда, и съѣздъ долженъ выразить свою благодарность неутомимому организатору всего того, что содѣйствовало этому сближенію,—литературно-музыкальнаго вечера, товарищескаго обѣда и пр. Б. В. Глинскому (аплодисменты) и всѣмъ артисткамъ и артистамъ, принявшимъ участіе въ вечерѣ въ театрѣ «Сказка» (аплодисменты). Е. Г. Шольгъ отъ имени провинціальныхъ участниковъ съѣзда благодарилъ организационный комитетъ за созывъ съѣзда. И. В. Жилкинъ говорилъ о роли съѣздовъ въ общественной жизни и указывалъ, что успѣху съѣзда содѣйствовали провинціальные члены его, пріѣхавшіе въ значительномъ количествѣ. Предложеніе о благодарности лицамъ, предоставившимъ съѣзду для занятій помѣщеніе (администраціи театра «Сказка», Е. М. Гедда и собранію экономистовъ), покрывается аплодисментами.»

Такъ состоялся и при такихъ условіяхъ протекъ 2-й всероссийскій съѣздъ писателей, около котораго въ теченіе декабря—марта мѣсяцевъ возбужденъ былъ такой шумъ, разыгрывались такіе страсти и скоплялись грозныя тучи. Какъ видятъ читатели, все обошлось не только благополучно, но и хорошо. Съѣздъ отмѣченъ былъ по сознанію и его противниковъ, и самой администраціи дѣловитостью, спокойствіемъ и сознаніемъ присутствующихъ своей обязанности беречь идею съѣздовъ и не приносить ее въ жертву темпераменту нѣкоторыхъ ораторовъ и ихъ наклонности къ ненужному шуму. Правда, безъ нѣкоторыхъ эксцессовъ нѣкоторые наиболѣе страстные или истеричные не обошлись, но это были лишь на общемъ спокойномъ небосклонѣ небольшія тучки, которыя промелькнули, не бросивъ на дѣло съѣзда серьезной и значительной тѣни. Нѣкоторымъ исключеніемъ изъ этого можетъ считаться инцидентъ съ профессоромъ Т. В. Локтемъ изъ Кіева, докладъ котораго на острую тему «Націонализмъ и періодическая печать» вызвалъ шумный инцидентъ, нашедшій вслѣдъ за симъ свое отраженіе на столбцахъ періодической печати. Этотъ инцидентъ, обнаружившій, правда, извѣстную нетерпимость со стороны большинства присутствовавшихъ въ залѣ засѣданія участниковъ съѣзда къ націоналистическимъ тенденціямъ бывшаго депутата 1-й государственной думы изъ фракціи трудовиковъ, легъ нѣкоторою тѣнью на съѣздъ, но ошибка тутъ была со стороны редакціоннаго комитета, пропустившаго до-

кладъ. Если бы этотъ комитетъ, зная свободомысліе и опредѣленную идейную окраску большинства членовъ съѣзда, ознакомился съ содержаніемъ доклада заранѣе, то онъ не долженъ былъ во избѣжаніе могущаго произойти скандала и допускать его къ прочтенію. Вопросы націоналистическіе самыя острые вопросы вообще и гласное обсужденіе ихъ въ такой страстной средѣ, какъ писательская, не можетъ привести къ добрымъ результатамъ. Это надо помнить на будущее время, ибо иначе дѣло съѣздовъ можетъ легко взлетѣть на воздухъ. Нынѣ между г. Локтемъ и его главнымъ противникомъ г. Водозовымъ условлена словесная дуэль; пусть они внѣ условій отвѣтственной общественности и дуэлируютъ между собою—отсюда никто не понесетъ отвѣтственности и ни для кого не будетъ ущерба. Но къ дѣлу профессиональныхъ съѣздовъ пусть ихъ предметъ спора не имѣетъ касательства....

Заканчивая настоящій очеркъ и бросая взглядъ на будущее, не могу не высказать своего соображенія, что созывъ 3-го съѣзда, приурочиваемый кievской интеллигенціей къ мѣстной этнографической выставкѣ въ 1911 г., врядъ ли дѣло цѣлесообразное. Отдавать молодое дѣло на усмотрѣніе и во власть провинціальной администраціи—шагъ рискованный. Эта администрація далеко еще не освоилась съ условіями обновленной отечественной жизни, часто кладетъ ея законному развитію препоны, будучи не всегда освѣдомлена о вѣяніяхъ среди высшей бюрократіи и отдавая этимъ временнымъ и случайнымъ вѣяніямъ, которыя не всегда издали толкуются правильно, предпочтеніе передъ закономъ. Въ столицѣ, гдѣ налицо всѣ нити государственнаго управленія, всякое дѣло легче можетъ быть проведено и приведено въ исполненіе; есть съ кѣмъ столковаться, отъ кого получить непосредственный отвѣтъ, кому дать соотвѣтствующее объясненіе. Иначе дѣло стоитъ въ провинціи, откуда и несутся непрестанно основательные волни на правонарушенія, которыя столицѣ заднимъ числомъ приходится возстановлять. Поэтому мое откровенное мнѣніе сводится къ тому, что на первыхъ порахъ переносить дѣло съѣздовъ въ провинцію рискованно. Провинція не уйдетъ отъ насъ, столичныхъ писателей, мы побываемъ въ ней, но только впослѣдствіи, а сейчасъ будемъ ожидать ее къ себѣ въ гости, въ желанные гости, которые сами получатъ среди насъ здѣсь возможность свободнѣе поговорить о своихъ нуждахъ и горестяхъ, чѣмъ имъ это возможно дома. Это практическій совѣтъ многолѣтняго работника на поприщѣ безпартійнаго литературнаго профессионализма, безкорыстно и искренно ему преданнаго.

Б. Глинскій.

ИЗЪ ЖИЗНИ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХЪ УЧРЕЖДЕНІЙ.

Пожертваніе великимъ княземъ Георгіемъ Михайловичемъ нумизматической коллекціи музею имени императора Александра III.—Проектъ устройства въ Афинахъ русскаго археологическаго института.—Проектъ устройства новой серіи областныхъ археологическихъ съездовъ Волжско-Камскаго и Приуральскаго района.—«Новыя данныя о масонахъ», докладъ Т. О. Соколовской въ императорскомъ археологическомъ институтѣ.—Присужденіе императорскимъ русскимъ археологическимъ обществомъ медали имени графа А. С. Уварова.—Возникновеніе въ Пекинѣ общества охраны историческихъ памятниковъ Китая.

ВЫДАЮЩИМСЯ за послѣднее время фактомъ въ жизни археологическихъ учреждений было пожертваніе августѣйшимъ управляющимъ русскимъ музеемъ имени императора Александра III великимъ княземъ Георгіемъ Михайловичемъ управляемому имъ музею своихъ богатѣйшихъ коллекцій русскихъ монетъ и медалей. Въ декабрѣ минувшаго года опубликованъ былъ по этому поводу слѣдующій высочайшій рескриптъ, данный на имя его императорскаго высочества великаго князя Георгія Михайловича. «Ваше императорское высочество. Ваше императорское высочество пожелали принести въ даръ русскому музею императора Александра III составленное вашимъ императорскимъ высочествомъ собраніе отечественныхъ нумизматическихъ памятниковъ. Повелѣвъ русскому музею императора Александра III принять этотъ даръ и утвердивъ предположенныя вами основанія, на коихъ приношеніе ваше имѣетъ перейти въ собственность музея, выражаю вашему императорскому высочеству

мою искреннюю признательность за столь цѣнный вкладъ въ сокровищницу русскаго искусства. Пребываю къ вамъ неизмѣнно благо-склонный. На подлинномъ собственною Его Императорскаго Величества рукою написано: «и сердечно васъ любящій Николай». Ливадія. 15-го декабря 1909 года».

Цѣнный даръ—результатъ кропотливаго научнаго труда многихъ лѣтъ жизни и большихъ денежныхъ затратъ, встрѣченъ былъ какъ всѣми нумизматами, такъ и археологами и любителями старины и искусства съ искреннимъ восторгомъ и чувствомъ глубочайшей признательности. Въ горячей статьѣ «Цѣнный даръ», помѣщенной на страницахъ «Новаго Времени», предсѣдатель императорской археологической комиссіи графъ А. А. Бобринскій такъ характеризуетъ коллекцію великаго князя и значеніе пожертвованія этой коллекціи для всеобщаго пользованія. «Всѣ эти металлическіе кружки,— говоритъ графъ,— отличающіеся между собою лишь годами чеканки, поражаютъ неспециалиста своею однообразностью; но стоитъ лишь вникнуть въ смыслъ этихъ кружковъ и приглядѣться къ ихъ значенію, чтобы завѣса спала и передъ нами раскрылись неизданныя страницы исторіи, исполненныя интереса и жизни. Коллекція открываетъ передъ вашими глазами первыя монеты, чеканенныя на Руси, монеты Владимира Святого и его ближайшихъ преемниковъ: Ярослава, Святополка и т. д. «Владимиръ на столѣ (престолѣ); а се его серебро», такъ гласитъ наивная надпись на одной изъ этихъ древнѣйшихъ монетъ. Къ той же древнѣйшей эпохѣ относятся металлическія печати, привѣшивавшіяся къ грамотамъ, съ именами пословъ, митрополитовъ, князей. За расцвѣтомъ культуры столярно-киевскихъ князей наступаетъ татарское затменіе. Русская монета замѣняется татарскою. На серебряныхъ деньгахъ, битыхъ для Тверскаго княжества, значитя арабскими буквами слово: «Тверичи». Но вотъ возстановляется чеканка русской монеты: некрасивыя мелкія монетки, неправильной формы, съ грубѣйшими изображеніями. Два глаза да носъ представляютъ портретъ рязанскаго князя. Надписи свидѣтельствуютъ, что мы имѣемъ дѣло съ «печатью князя Ивана» или «князя Бориса». По немногу, однако, дѣло налаживается. Появляются серіи монетъ «Великаго Новагорода» и «деньги псковскія»; серія красивенькихъ можайскихъ и тверскихъ монетъ и, наконецъ, Москва съ ея иностранными мастерами и ихъ подражателями. Таковы «Аристотелесъ», мастеръ «Александровъ» и другіе. Московскіе великіе князья, «осподари всея Руси», государи и цари чеканятъ свои серебряныя монеты со всевозможными изображеніями. Тутъ и охота на медвѣдя, и цари на тронѣ, и всадники съ мечомъ и лукомъ. Появляются копейки съ изображеніемъ московскаго герба: всадникъ, поражающій копьемъ дракона. Изрѣдка попадаетя мелкая золотая монета. Чрезвычайно рѣдки монеты царя «Владислава Жигизмондовича», большая серебряная монета самозванца,

величиною побольше рубля, съ портретомъ Димитрія, и золотые дукаты съ изображеніемъ трехъ царей: Софьи, Іоанна и Петра. Этими медалями царица Софья одарила участниковъ крымскаго похода, руководимаго ея любимцемъ Голицынымъ. Интересны монеты Петра съ его величественнымъ обликомъ на рубляхъ и медаляхъ, съ латинскими надписями и хитросплетеннымъ исчисленіемъ даты, при помощи заглавныхъ буквъ; монета съ изображеніемъ большихъ усовъ съ лаконической надписью: «Деньги взяты», свидѣтельствующей, что эти монетки представляютъ удостовѣреніе въ уплатѣ пошлины за право ношенія бороды, медаль съ характерною надписью по поводу взятія шведскаго корабля въ устьяхъ Невы: «Небывалое бываетъ». Полвѣка спустя, Екатерина II также отчеканила медаль съ изображеніемъ кораблей и съ однимъ только словомъ: «Быль». Это гризна по чесменско-турецкомъ флотѣ. Огромные мѣдные квадратные плитки-рубли Екатерины I, серія монетъ съ прусскимъ одноглавымъ орломъ и съ надписью: «Moneta regni Prussiae». На оборотѣ ея помѣщенъ портретъ императрицы Елизаветы, въ воспоминаніе эпохи, когда наши войска занимали Берлинъ; медали императрицы Екатерины II въ честь Очакова, Измаила, Чесмы, Кагула, на покореніе Крыма съ надписью: «Безъ капли крови», медаль съ надписью: «Орловымъ отъ бѣды избавлена Москва»... Рѣдкіе рубли съ прекрасными портретами императора Александра I; рѣдчайшій рубль съ портретомъ императора Константина, никогда не царствовавшего, платиновыя монеты Николая I, достоинствомъ въ 12, 6 и 3 рубля». Заканчиваетъ графъ свою статью пожеланіемъ, чтобы богатѣйшая коллекція августѣйшаго жертвователя не потерялась въ массѣ выставляемаго матеріала, а, имѣя дѣйствительно большое воспитательное значеніе, служила бы прекраснымъ нагляднымъ пособіемъ для изученія отечественной исторіи. «Создайте, — говоритъ графъ, — изъ коллекціи великаго князя наглядный томъ исторіи Россіи. Начертайте большими буквами наименованія нашихъ побѣдъ и крупныхъ событій нашей государственной жизни. Пусть случайный посѣтитель или любознательный студентъ почтительно останавливается передъ именами Дмитрія Донскаго или Петра Великаго, передъ громкими названіями Полтавы, Рымника».

Позволимъ себѣ, съ своей стороны, пожелать въ интересахъ большаго значенія коллекціи организациі періодическихъ устныхъ объясненій въ музеѣ. Живое слово еще болѣе и ярче отгнѣнитъ значеніе богатой коллекціи, подарка, память о которомъ не забудется ни русской наукой, ни русскимъ обществомъ.

Мечта нашихъ классиковъ-археологовъ создать въ Афинахъ, въ этомъ центрѣ греческой культуры, «школѣ древней Эллады», русскій археологическій институтъ — облекается мало-по-малу въ реальныя формы близкой возможности. Вопросъ двинулся впередъ отчасти благодаря рѣшенію послѣдняго международнаго конгресса

классической археологіи въ Каирѣ—организовать въ Аѳинахъ постоянный комитетъ этихъ сѣздовъ. Въ составъ комитета входятъ представители иностранныхъ археологическихъ институтовъ въ Аѳинахъ. Институты эти имѣютъ: Франція, Германія, Австрія, Англія, Америка и Италія. Обсудивъ вопросъ объ учрежденіи русскаго института въ Аѳинахъ, классическое отдѣленіе императорскаго русскаго археологическаго общества внесло въ общее собраніе общества принятое собраніемъ предложеніе: возбудить передъ правительствомъ соотвѣтственное ходатайство объ учрежденіи института. Въ основу ходатайства положены слѣдующіе мотивы: замѣтно усилившійся интересъ среди русскаго общества къ серьезнымъ научнымъ изслѣдованіямъ въ области археологіи, желаніе поставить археологію на высотѣ западно-европейской науки и дать болѣе солидныя основанія дѣлу подготовки будущихъ ученыхъ, путемъ методическаго изученія первоисточниковъ и практическихъ занятій подъ опытнымъ руководствомъ на мѣстахъ, стремленіе къ дѣятельному общенію ученыхъ съ западно-европейскими. Аѳины являются главнымъ центромъ, гдѣ вырабатываются нынѣ всѣ европейскія ученые силы и гдѣ всѣ страны, претендующія на какую-либо культурную роль, имѣютъ археологическіе институты. Русскій археологическій институтъ въ Аѳинахъ, помимо подготовки профессоръ и преподавателей исторіи и языковъ, ученыхъ богослововъ и т. п., можетъ содѣйствовать большей плодотворности нашихъ экскурсій въ Грецію и всячески поддерживать наши археологическія предпріятія, какъ ученыхъ учреждений, такъ и отдѣльныхъ специалистовъ. Русскій археологическій институтъ въ Аѳинахъ предполагается учрежденіемъ самостоятельнымъ, подвѣдомственнымъ министру народнаго просвѣщенія и содержимымъ на счетъ правительства. Осуществленіе задуманнаго проекта облегчается въ настоящее время и тѣмъ, что для института есть мѣсто, пожертвованное Россіи королевой эллиновъ, а также средства для сооруженія дома. Проектъ вызвалъ возраженія со стороны управляющаго русскимъ отдѣленіемъ общества Я. И. Смирнова, указавшаго на преждевременность учрежденія института въ Аѳинахъ въ то время, когда нужды археологіи въ предѣлахъ Россіи далеко не удовлетворены. Россія, кромѣ того, имѣетъ преимущество передъ другими странами, сама обладая на югѣ многочисленными памятниками классической древности, на которыхъ и могли бы готовиться молодые ученые. Я. И. Смирнову возражали: М. И. Ростовцевъ и С. А. Жебелевъ. Предложеніе общимъ собраніемъ было принято.

Успѣхъ областныхъ археологическихъ сѣздовъ, устраиваемыхъ съ 1901 г. въ городахъ, входившихъ нѣкогда въ предѣлы бывшей Ростово-Суздальской и Новгородской областей: Ярославль, Твери, Владимиръ и Костромъ вызвалъ, со стороны общества археологіи, исторіи и этнографіи при казанскомъ университетѣ, инициативу

организации новой серии подобныхъ же областныхъ археологическихъ съездовъ Поволжья, Приуралья и Вятской земли. IV-ый всероссийскій съездъ, положившій начало упомянутому обществу, состоялся въ Казани въ 1877 г. Съездъ собралъ рядъ выдающихся представителей науки, не только русскихъ, но и иностранныхъ. Результатомъ занятій съезда явились два обширныхъ тома его «Трудовъ» съ атласомъ и двѣ книги «Извѣстій», содержащія цѣнные научные матеріалы. Другіе города принимали уже у себя по два съезда (Москва, Кіевъ), Казани невозможно, однако, по крайней мѣрѣ въ ближайшемъ будущемъ, рассчитывать на это: слишкомъ великъ пробудившійся интересъ къ археологіи, слишкомъ много имѣется въ разныхъ мѣстахъ Россіи цѣннаго научнаго матеріала, требующаго разработки и изученія соединенными силами ученыхъ. Югъ Россіи въ послѣднее время пользовался исключительнымъ вниманіемъ всероссийскихъ съездовъ, устраивавшихся послѣдовательно въ Кіевѣ (1899 г.), Харьковѣ (1902 г.), Екатеринославлѣ (1905 г.) и Черниговѣ (1908 г.). Въ ближайшее время пунктами всероссийскихъ съездовъ намѣчаются: Псковъ, Самаркандъ или Ташкентъ, Вологда, представляющая еще совершенно нетронутый богатый археологическій матеріалъ, Крымъ съ его древностями, Одесса съ ея въ высшей степени интересными находками въ Ольвіи и на о. Березани, оставшимися сокрытыми въ нѣдрахъ земли въ теченіе многихъ вѣковъ и т. д. Для Поволжья, такимъ образомъ, устройство археологическаго съезда возможно только въ отдаленномъ будущемъ. Между тѣмъ, богатство памятниковъ старины, многочисленный контингентъ работниковъ въ обширномъ краѣ отъ Вятки до Астрахани и отъ Оки до Урала, которые могли бы потрудиться для подготовленія съезда, даютъ надежду на осуществимость въ краѣ серии областныхъ археологическихъ съездовъ. Цѣлью съездовъ общество-иниціаторъ ставитъ изслѣдованіе старины въ предѣлахъ Поволжья, Приуралья и Вятской земли. Пунктомъ перваго съезда намѣчается Казань. Общество надѣется встрѣтить откликъ и сочувствіе со стороны обществъ и учреждений края: ученыхъ архивныхъ комиссій: саратовской, симбирской, вятской и оренбургской, петровскаго общества изслѣдователей Астраханскаго края, чердынскаго общества любителей древности, пермскаго научнаго музея и находящагося за Ураломъ екатеринбургскаго общества любителей естествознанія. Матеріала для научныхъ работъ съезда найдется достаточно. На молодое казанское церковно-археологическое общество инициаторы возлагаютъ надежды что оно поможетъ имъ въ подготовительныхъ работахъ. Научныхъ силъ въ городѣ, обладающемъ тремя высшими учебными заведеніями и цѣлымъ рядомъ почтенныхъ и уважаемыхъ ученыхъ, много лѣтъ работающихъ для археологіи, немало. Среди учащейся молодежи замѣтенъ интересъ къ старинѣ,—здѣсь опытные археологи могутъ

найти также цѣнныхъ помощниковъ въ незамѣтной для глазъ, но тяжелой и кропотливой подготовительной работѣ. Много въ высшей степени интересныхъ предметовъ для выставокъ, сопровождающихъ съѣзды, въ коллекціяхъ какъ частныхъ лицъ, такъ и археологическихъ обществъ; много цѣнныхъ находокъ можно сдѣлать путемъ раскопокъ. Для экскурсій членовъ съѣзда и для раскопокъ въ присутствіи ихъ есть интересные необслѣдованные пункты по Волгѣ и Камѣ. Въ отношеніи матеріальныхъ средствъ инициаторы предполагаютъ обратиться къ губернскому и уѣзднымъ земствамъ, городамъ и частнымъ лицамъ и къ подпискѣ среди лицъ, сочувствующихъ идеямъ съѣздовъ. Временемъ перваго съѣзда предполагается назначить 1912 или 1913 гг. (въ которые не предполагается ни все-російскаго, ни другаго областного съѣзда, а именно—вторую половину іюня мѣсяца (съ 15 по 25 число), когда кончаются занятія во всѣхъ учебныхъ заведеніяхъ, когда могутъ приѣхать иногородные члены и найдется для нихъ достаточно свободныхъ помѣщеній.

Нельзя не привѣтствовать инициативы казанскихъ археологовъ. Изученіе прошлаго наглядно путемъ изслѣдованія вещественныхъ памятниковъ старины, пощаженныхъ безпощаднымъ временемъ, поднимаетъ національный духъ, возбуждаетъ невольно благородную національную гордость, вѣру въ мощь русскаго народа, постепенно подчиняющаго своему культурному вліянію и мирно ассимилирующаго покоренныя имъ народности.

Въ императорскомъ археологическомъ институтѣ въ Петербургѣ возобновились истекшей осенью, подъ предсѣдательствомъ директора Н. В. Покровскаго, общія собранія членовъ и слушателей института. На одномъ изъ нихъ докладчицей выступила членъ обоихъ столичныхъ археологическихъ институтовъ, петербургскаго и московскаго, и нѣсколькихъ ученыхъ архивныхъ комиссій Т. О. Соколовская. Докладъ открываетъ много новыхъ и любопытныхъ данныхъ по исторіи русскаго масонства, добытыхъ изъ архивныхъ источниковъ. Исторія масонства до сихъ поръ весьма мало разрабатывалась. Г-жа Соколовская, отдавъ всѣ свои силы и знанія этому вопросу, работая неустанно въ одномъ и томъ же направленіи, по розыску документовъ и матеріаловъ въ архивахъ, музеяхъ и бібліотекахъ Россіи и Швеціи въ теченіе цѣлаго ряда лѣтъ, бросаетъ въ эту туманную область все новый и новый яркій свѣтъ. Кто былъ въ уютной квартирѣ супруговъ Соколовскихъ на Васильевскомъ островѣ и любовался коллекціями рѣдкихъ масонскихъ знаковъ и другихъ предметовъ масонскаго ритуала, заботливо собираемыхъ Т. О., слушая ея объясненія, тотъ могъ ясно убѣдиться, насколько прошлая судьба масонства сдѣлались близкими неутомимой изслѣдовательницѣ, насколько серьезна эрудиція ея по излюбленному вопросу. Можно быть спокойнымъ,—сборъ матеріаловъ

по исторіи русскаго масонства, сыгравшаго такую видную роль въ культурномъ развитіи русскаго общества конца XVIII и начала XIX столѣтій, въ надежныхъ рукахъ. Большое значеніе имѣютъ добытыя съ большими усиліями, неизвѣстныя до сихъ поръ секретныя инструкціи тайнымъ масонскимъ ложамя. Основными формулами введенія въ тайныя ложи были: непрекословное подчиненіе всѣхъ членовъ ложи управляющему мастеру, полное посвященіе себя, всего своего, чести, имущества и самой жизни на пользу ордена. Число членовъ тайныхъ ложъ не должно было превышать 20, возрастъ, для явныхъ ложъ установленный въ 21 годъ, для тайныхъ пониженъ былъ до 17-ти. Путемъ тайныхъ ложъ масонство, преслѣдовавшееся въ концѣ XVIII вѣка, проникло въ XIX столѣтіе. Послѣ открытой дѣятельности масоновъ въ первой четверти XIX столѣтія, окончательное запрещеніе масонства въ 1822 году вызвало снова къ жизни тайныя ложи, въ которыхъ рѣшено было, несмотря на преслѣдованія, продолжать масонскую дѣятельность. Вновь изслѣдованные документы открываютъ еще одну новую интересную страничку въ исторіи русскаго масонства. Т. О. Соколовской найдено описаніе обряда причащенія «тайной вечера», существовавшаго исключительно въ ложахъ высшихъ степеней въ царствованіе императора Александра I-го (1820 г.) и обставлявшагося особой таинственностью. Въ четвергъ Страстной недѣли въ ложѣ собиралось 13 братьевъ. Въ особой рѣчи объяснялся сокровенный смыслъ тайной вечера. Обрядъ продолжался въ теченіе часа. Затѣмъ слѣдовалъ простѣйшій обрядъ—столовое собраніе, на которомъ происходилъ, между прочимъ, сборъ на бѣдныхъ. Переламывая хлѣбъ, братья-масоны передавали его другъ другу по очереди со словами: «Богъ да благословить хлѣбъ сей». Отпивая изъ круговой чаши вино, произносили по отношенію къ вину ту же фразу. Обрядъ заканчивался фразою: «Да будетъ для насъ сіе воспоминаніе союза ненарушимой вѣрности и любви къ нашимъ братьямъ». Затѣмъ шли разговоры на возвышенныя темы: о созданіи міра, о свойствахъ души и т. д. Г-жею Соколовской заимствованъ изъ архивныхъ источниковъ рядъ именъ и девизовъ, которые служили условнымъ шифромъ и присваивались братьямъ, принадлежавшимъ преимущественно къ высшимъ степенямъ. Давались имена и девизы и составлялись рисунки гербовъ великимъ герольдомъ, утверждались—великимъ префектомъ. Задача герольда—въ имени очертить возможно яснѣе нравственный обликъ брата, дать характеристику его личности. Т. О. Соколовскою записано до 70 именъ и девизовъ. Таковы: имя—великій орелъ девизъ—«Смотрю на солнце и не боюсь молніи». Мечтатель-мистикъ, любитель музыки, названъ—«Бѣлымъ лебедемъ». Есть имя «Вѣчно зеленѣющій лавръ»; каждая ложа, въ свою очередь, имѣла отдѣльный девизъ. Таковъ, напримѣръ: «За Бога, царя и братство». Девизъ—«Скромность». Девизы выписывались на лентахъ и орден-

скихъ знакахъ. Въ русскомъ отдѣленіи императорской публичной библіотеки Т. О. найдено интересное описаніе посвященія въ тамплиеры. Обрядъ происходилъ съ большой торжественностью. Кровавый залъ, все кругомъ затянуто краснымъ сукномъ, красное сукно раздѣляетъ полъ на четыре части зеленымъ андреевскимъ крестомъ. 7 стульевъ. Подъ балдахиномъ—три префекта. Орденовое знамя. Рыцарь ордена храмовниковъ въ полномъ вооруженіи, съ опущеннымъ забраломъ. Завѣса украшена восьмиконечными іоанновскими крестами. 81 свѣча. Посреди висѣлица, подъ нею—черный покровъ съ серебряными языками пламени. Обрядъ начинается стукомъ мечей. Префектъ ударяетъ мечомъ о жертвенникъ и лежащую на немъ сѣкиру. Клятвы вѣрности ордену и защиты его, подъ единственнымъ условіемъ побѣды или смерти, произносятся посвящаемымъ подъ висѣлицей. Сначала совершается посвященіе въ рыцари свѣтскіе, а затѣмъ—въ духовные. Последнее происходитъ въ капеллѣ, гдѣ вновь посвящаемый клянется бороться со страстями, исповѣдываться и никогда не покидать религіи апостольской и евангельской. По окончаніи обряда вновь посвященный разоружается восприимниками, облакаясь въ бѣлое платье—символь смиренія и любви, и опоясываясь кинжаломъ и мечомъ. Въ то же время ему обрѣзаютъ пучокъ волосъ. Эти пучки до сихъ поръ сохранились среди архивныхъ дѣлъ. Залъ окутывается куреніями. Сообщивъ эти новыя добытыя ею данныя, докладчица изложила при этомъ краткій очеркъ исторіи масонства въ Россіи. Масонство, запрещенное при императрицѣ Екатеринѣ II и императорѣ Павлѣ I, возродилось вновь и развивалось открыто съ 1810 по 1822 годъ. Въ основу управленія масонами легла неограниченная пожизненная власть старшихъ надъ младшими. Вначалѣ создана была одна «Великая директоріальная ложа Владимира къ порядку», которая и являлась уполномоченнымъ органомъ союза всѣхъ масонскихъ ложъ въ предѣлахъ Россіи, представлявшимъ отчеты правительству. Въ 1814 году картина мѣняется; наплывъ членовъ въ масонскія ложи вызываетъ раздѣленіе ихъ на двѣ группы; одна изъ нихъ имѣетъ во главѣ великую ложу «Астрею», другая—«Великую провинціальную ложу». Но и полный расцвѣтъ масонскихъ ложъ, бравшихъ на себя высокую роль «приведенія къ совершенству рода человѣческаго», засталъ въ рядахъ ихъ немного болѣе 2000 членовъ. Практически масоны осуществляли свою высокую миссію устройствомъ школъ, учрежденіемъ стипендій въ учебныхъ заведеніяхъ, усыновленіемъ дѣтей, причемъ они брали на себя не только нравственное, но и матеріальное воспитаніе, сношеніями съ заграничными масонами. Въ 1819 году масоны обращаются къ правительству за покровительствомъ, отъ котораго отказались въ 1810 году, и затѣмъ вторично—къ цесаревичу Константину Павловичу, но оба раза просьбы ихъ не имѣли успѣха.

Чрезвычайнымъ собраніемъ императорскаго русскаго археологическаго общества, въ декабрѣ истекшаго года, присуждена была золотая медаль имени одного изъ первыхъ выдающихся русскихъ археологовъ и основателя общества графа А. С. Уварова. Медаль эта присуждается черезъ каждые три года за выдающіеся ученые труды, написанные, за указанный промежутокъ времени, на русскомъ языкѣ и посвященные изслѣдованію вещественныхъ памятниковъ, относящихся непосредственно къ кругу русскихъ древностей, найденныхъ въ предѣлахъ Россіи. Въ истекающемъ году день присужденія медали совпалъ съ 25-лѣтіемъ со дня смерти графа. Медальною комиссіею, согласно рецензій профессора С. А. Жебелева и дополнительной рецензій Я. И. Смирнова, признаны были достойными медали труды А. Л. Бертье-Делагарда, какъ извѣстнаго изслѣдователя южно-русскихъ классическихъ и христіанскихъ древностей. За послѣдніе три года, 1906—1909 гг., имъ выпущено нѣсколько крупныхъ ученыхъ трудовъ, среди которыхъ наиболѣе видное мѣсто занимаетъ работа «О Херсонесѣ», помѣщенная въ «Извѣстіяхъ императорской археологической комиссіи». Она заключаетъ три отдѣльныхъ изслѣдованія объ архитектурныхъ памятникахъ Херсонеса: крестообразномъ храмѣ, крещальнѣ и крѣпостной стѣнѣ. Знаніе техники строительнаго дѣла весьма способствовало автору болѣе ярко освѣтить вопросъ о сооруженіи и передѣлкахъ храма, построеннаго въ VI вѣкѣ въ царствованіе Юстиніана. Крещальня построена около того же времени (VI—VII вѣка). При изслѣдованіи крѣпостной стѣны авторъ коснулся внутренняго смысла постройки и боевого значенія ея въ зависимости условій мѣста. Имъ восстановлена исторія постепеннаго сооруженія стѣны, за періодъ времени съ IV вѣка до Р. Х. по VI вѣкъ нашей эры. Вопросъ о старомъ и новомъ Херсонесѣ выдвинутъ авторомъ въ особой книгѣ—«Древнѣйшій Херсонесъ по Страбону и раскопкамъ». Древнегреческій Херсонесъ былъ городомъ бѣднымъ и оставилъ мало памятниковъ старины, въ противоположность Херсонесу эпохи христіанской и византійской. По мнѣнію автора, раскопки во многомъ подтверждаютъ свидѣтельства Страбона. Въ концѣ текущаго года А. Л. выпустилъ работу «Какъ Владимиръ осаждалъ Корсунь». Кромѣ того, А. Л. принадлежатъ нѣсколько нумизматическихъ работъ, напечатанныхъ въ «Извѣстіяхъ одесскаго общества исторіи и древностей» и «Запискахъ нумизматическаго отдѣленія императорскаго русскаго археологическаго общества». Разнообразіе содержанія трудовъ А. Л. Бертье, важность полученныхъ научныхъ результатовъ, тонкость наблюденій, остроумно обоснованная критика — все это дало основаніе для единогласнаго присужденія ему большой золотой медали. За рецензію, согласно положеніямъ о медали, единогласно присуждена малая золотая медаль профессору С. А. Жебелеву.

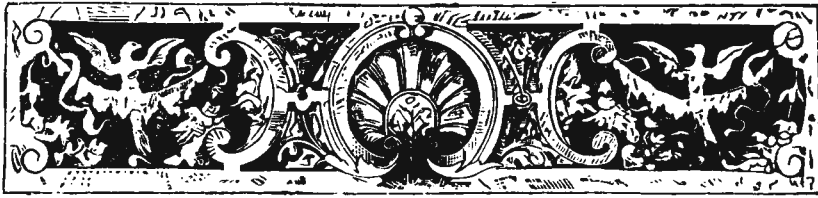
Вопросъ объ охранѣ древностей давно уже составляетъ одну изъ важныхъ заботъ государствъ Европы. Китай, съ его тысячелѣтной культурой, въ отношеніи охраны своихъ безчисленныхъ памятниковъ древности и искусства, до сихъ поръ былъ свободно предоставленъ хищническимъ и разрушительнымъ стремленіямъ какъ невѣжественной части населенія, такъ и скушчиковъ-иностранцевъ. Даже такія грандіозныя сооруженія, какъ дворцы и усыпальницы императоровъ различныхъ династій, правившихъ Китаемъ въ теченіе его многовѣковой исторіи, являвшіеся сосредоточіемъ лучшихъ произведеній всѣхъ отраслей искусства своего времени, въ большинствѣ случаевъ безслѣдно исчезли или представляютъ собою развалины, съ каждымъ годомъ принимающія все болѣе и болѣе запущенный видъ. Процессъ уничтоженія китайскихъ древностей пошелъ особенно быстро съ появленіемъ въ Китаѣ иностранцевъ, разрушавшихъ во время карательныхъ экспедицій дворцы, усыпальницы, кумирни и храмы и, съ другой стороны, скупавшихъ по мелочамъ и отправлявшихъ за границу драгоценности, не подвергавшіяся уничтоженію. Лишь въ послѣдніе годы было обращено вниманіе на историческія древности Китая, и былъ выдвинутъ вопросъ объ охранѣ національныхъ китайскихъ памятниковъ и произведеній искусства. Въ сентябрѣ минувшаго года китайское министерство внутреннихъ дѣлъ выработало проектъ положенія о порядкѣ отысканія и охраны историческихъ памятниковъ и древностей въ Китаѣ. Новыми правилами на начальниковъ провинцій возлагается обязанность не ограничиваться лишь формальными отчетами о состояніи историческихъ памятниковъ, какъ это дѣлалось до сихъ поръ, но принимать дѣйствительныя мѣры къ ихъ охранѣ, устраивать музеи, куда могли бы быть собраны коллекціи произведеній древняго искусства. На основаніи новаго положенія, лица, виновныя въ уничтоженіи или порчѣ какого-либо произведенія древняго искусства или историческаго памятника, не только подвергаются денежному штрафу, но привлекаются къ судебной отвѣтственности. Средства на поддержаніе національныхъ историческихъ памятниковъ предполагается собирать отчасти изъ пожертвованій частныхъ лицъ, отчасти изъ суммъ, предназначенныхъ на дѣла благотворительности, которыя будутъ находиться въ распоряженіи органовъ мѣстнаго самоуправленія, причемъ послѣдніе, съ своей стороны, должны принимать всѣ зависящія отъ нихъ мѣры, дабы содѣйствовать администраціи въ дѣлѣ собранія и охраны древностей. Стремленія китайскаго правительства положить конецъ быстрому разрушенію и уничтоженію драгоценныхъ историческихъ памятниковъ были встрѣчены съ большимъ сочувствіемъ интеллигентными представителями иностранной колоніи Китая, интересующимися его многовѣковымъ прошлымъ, и вызвали среди нихъ жела-

не оказать въ этомъ отношеніи поддержку китайцамъ. По инициативѣ американца Макъ-Кормика въ Пекинѣ организовано общество охраны историческихъ памятниковъ Китая. Въ составъ общества вошли видные представители пекинской иностранной колоніи.

Даже китайцы взялись за охрану памятниковъ древностей. Яркое свидѣтельство, насколько успѣшно прогрессируетъ, въ ряду другихъ человѣческихъ знаній, археологическая наука.

А. Мироновъ.

ЯБЛОЧИНСКИЙ МОНАСТЫРЬ — ЯДРО ПРАВОСЛАВІЯ И РУССКОЙ НАРОДНОСТИ ВЪ ХОЛМСКО-ПОДЛЯШСКОМЪ КРАѢ¹⁾.

ЯБЛОЧИНСКИЙ первоклассный Св.-Онуфріевскій монастырь расположенъ въ Бѣльскомъ уѣздѣ Сѣдлецкой губерніи, на лѣвомъ берегу рѣки Западнаго Буга, въ полуверстѣ отъ ст. Дубица Брестъ-Холмской желѣзной дороги. Время его возникновенія относится къ сѣдой, незапамятной древности и за отсутствіемъ вѣскихъ данныхъ не можетъ быть установлено съ непрекаемой точностью, такъ какъ всѣ документы вмѣстѣ съ монастырскимъ имуществомъ въ 1754 году были захвачены базилианами, напавшими на обитель. До нашего времени дошло лишь преданіе, что основаніе монастырю было положено явленіемъ иконы св. Онуфрія, припавшей по рѣкѣ къ тому мѣсту, гдѣ теперь находится обитель. Достоверно, однако, что монастырь существовалъ въ XV вѣкѣ, какъ объ этомъ упоминается въ грамотѣ короля Сигизмунда I отъ 1 августа 1522 года. Изъ одной надписи, сдѣланной холмскимъ православнымъ епископомъ Паисіемъ на древнемъ напрестольномъ евангеліи²⁾, помѣченной 29 мая 1624 года, равно

¹⁾ Источниками, послужившими матеріалами для составленія этого историческаго очерка, были: «Холмская Русь», VII и VIII вып., изд. Батюшковымъ, «Холмско-Епархіальный Вѣстникъ» 1902 г., краткая брошюра іеромонаха Стефана (Твердынскаго) и разпросы и наблюденія на мѣстѣ, въ самой обители, гдѣ я провелъ мѣсяцъ лѣтомъ 1909 года.

²⁾ Хранится въ Холмѣ въ братскомъ музеѣ.

и изъ грамоты, данной въ 1659 г. монастырю кievскимъ митрополитомъ Діонисіемъ (Балабаномъ), видно, что основателями монастыря были представители православнаго вельможнаго рода Богушей. Родъ Богушей пользовался вліяніемъ и извѣстностью въ XV и XVI вѣкахъ. Кромѣ того, изъ выписей о монастырскихъ фундашахъ извѣстно, что обитель была основана въ вотчинномъ имѣніи князя Радзивилла—Славатыче, находившемся въ заставномъ владѣніи княгини Масальской, и въ XVI вѣкѣ онъ пользовался особымъ вниманіемъ князей Радзивилловъ, Сангушковъ, Пронскихъ, Лещинскихъ. Эти князья надѣляли монастырь фундашами и угодами. Но такого вниманія монастырь къ себѣ не могъ бы привлечь, если бы внутренній, нравственный его строй того не за-

Яблочинскій монастырь.

служивалъ. Вообще XVI вѣкъ и начало XVII были лучшими днями исторической жизни обители. Послѣдующая его исторія, почти вплоть до нашихъ дней, представляетъ собою рядъ страницъ очень грустныхъ.

Брестская унія 1596 г., постепенно входя въ силу во всѣхъ областяхъ Западной Россіи, съ половины XVII вѣка даетъ себя чувствовать и монастырю Яблочинскому. Съ переходомъ окрестнаго населенія въ унію монастырь клонится къ упадку: число братіи уменьшается, церковь и келіи близки къ разрушенію. Нужна была сильная поддержка со стороны. Такую поддержку и оказалъ было монастырю подкоморій Бреста-Литовскаго графъ Владиславъ Лещинскій, но не надолго. Выписанный имъ изъ православнаго Мѣлецакаго (въ нынѣшней Волынской губ.) монастыря іеромонахъ

Макарій Корниловичъ возстановилъ пришедшее въ ветхость монастырское строеніе, собралъ достаточное число братіи и ввелъ для нея уставъ св. Василия Великаго. Но Корниловичъ скоро умеръ, и дѣло его продолжать было некому.

27 октября 1670 г. монастырь перешелъ въ вѣдѣніе православнаго луцкаго епископа Гедеопа изъ рода князей Святополкъ-Четвертинскихъ. Но и въ луцкой епархіи подъ натискомъ уніи православіе замѣтно таяло: монастырю Яблочинскому пришлось искать новой точки опоры. Съ 1712 года онъ переходитъ въ вѣдѣніе митрополитовъ кievскихъ, подъ властью которыхъ и остается до послѣдняго раздѣла Польши въ 1795 году. Этотъ періодъ (1712—1795 гг.) въ исторіи монастыря является самымъ прискорбнымъ. До Кіева было далеко, и монастырь являлся одинокимъ, почти беззащитнымъ представителемъ православія и русской народности въ Холмщинѣ и Подлясьѣ. Дѣло доходило до открытыхъ нападеній на него фанатичной католической и уніатской толпы (1724 и 1753 гг.). Одновременно съ тѣмъ польскою шляхтою была насильственно захвачена значительная часть монастырской земли. Объ упадкѣ монастыря въ этотъ періодъ, между прочимъ, свидѣтельствуешь то, что игумень Кассіанъ (Аравскій), прибывъ въ 1753 г. въ обитель, обнаружилъ полное отсутствіе богослужебныхъ книгъ, а потому 28 января 1754 года онъ обратился въ св. синодъ съ просьбою о высылкѣ ему необходимыхъ книгъ, каковая просьба была уважена, и «заграничному» Яблочинскому монастырю было прислано изъ московской синодальной типографской конторы на 31 р. 17¹/₂ коп. богослужебныхъ книгъ (дѣло архива св. синода 1754 г. № 298, озаглавленное: «доношеніе о выдачѣ въ заграничный Яблочинскій монастырь безмездно книгъ церковнаго круга»¹). Отъ окончательнаго уничтоженія спасло монастырь только заступничество русскаго правительства, въ частности императрицы Екатерины II; послѣдняя, узнавъ объ обидахъ, причиняемыхъ въ Польшѣ ея единовѣрцамъ, 23 сентября 1763 года предписала русскому посланнику въ Варшавѣ Гроссу оказать защиту между прочимъ и Яблочинскому монастырю, и чтобы впредь притѣсненій отнюдь не было; по этому поводу императрицей былъ заключенъ 13 февраля 1768 г. особый договоръ съ королемъ Антономъ Понятовскимъ, въ силу 8 ст. коего была ограждена неприкосновенность описываемаго монастыря²).

¹) Подлинная резолюція на прошеніи игумена Кассіана: «Навести справки московской типографской конторѣ, не были ли когда-нибудь отпущены богослужебныя книги въ заграничный Яблочинскій монастырь и если не были, то отпустить изъ «подносныхъ» (предназначенныя для высшихъ іерархическихъ лицъ и свѣтскихъ, служащихъ въ вѣдомствѣ православнаго исповѣданія), а буде оныхъ нѣтъ, изъ наличныхъ въ переплетѣ одинъ кругъ безмездно».

²) Императоръ Петръ I проявилъ тоже свое заступничество за «польскіе монастыри»; а затѣмъ, при той же императрицѣ Екатеринѣ II въ 1858 г. игу-

Послѣ третьяго раздѣла Польши (1795 г.) люблинское воеводство, въ предѣлахъ котораго находился Яблочинскій монастырь, отошло къ Австріи, и монастырь, какъ православный, былъ подчиненъ буковинскому митрополиту. Съ 1815 г. монастырь перешелъ въ вѣдѣніе православнаго минскаго епископа, которому и былъ подчиненъ до 1835 года. Этимъ годомъ начинается новый, болѣе спокойный и отраднѣйшій періодъ монастырской исторіи, хотя его не миновалъ 1863 годъ, когда монастырь подвергся нападенію мятежниковъ, которые ограбили имущество обитатели, многія зданія были сожжены,

Иконостасъ въ Яблочинскомъ монастырѣ.

и энергичное сопротивление настоятеля было остановлено наложеніемъ ему петли на шею. Назначенный въ 1835 году на вновь открытую православную варшавскую кафедру епископъ Антоній принялъ

мены Кассіанъ Яблочинскій и Спиридонъ Брестскій писали кіевскому митрополиту донесеніе, въ коемъ просятъ довести до свѣдѣнія ея императорскаго величества, дабы она приказала писать о ихъ защищеніи его величеству королю польскому, ибо уже явственно монастыреви здѣшнихъ благочестивыхъ всеконечное отъ супостатъ приходится разореніе и вѣры святой истребленіе». Резолюція св. синода: «въ отвращеніе притѣсеній и о срамныхъ хулахъ на православную католическую вѣру учинено было благоприсойное средство чрезъ каковое бы тѣ благочестивыя монастыри въ надеждащемъ бы своемъ благосостояніи находилися». Дѣло арх. св. синода 1763 г. № 321 отъ 29 октября.

живѣйшее участіе въ бѣдственномъ положеніи монастыря. Возбужденное имъ въ 1836 году передъ высочайшею властью ходатайство о возвращеніи монастырю несправедливо отнятыхъ у него угодій увѣнчалось успѣхомъ. Въ апрѣлѣ 1838 г. императоръ Николай I повелѣлъ не только возвратить Яблочинскому монастырю отнятыя у него угодья, но и оставить въ его пользованіе 8,000 злотыхъ польскихъ аренды, назначенныхъ ему въ прежніе годы взамѣнъ этихъ угодій, съ тѣмъ, чтобы при монастырѣ немедленно учреждено было и содержимо на его счетъ училище для греко-уніатскихъ дѣтей. Училище это, открытое 6 декабря 1838 г., выпустило въ среду греко-уніатовъ не малое число своихъ воспитанниковъ и, хотя въ скромныхъ размѣрахъ, но вѣрно служило и служить интересамъ примиренія и объединенія насиліемъ расторгнутыхъ русскихъ людей. До 1896 года училище это помѣщалось въ самомъ монастырѣ, но въ этомъ году, въ виду умноженія учащихся и крайней тѣсноты помѣщенія, оно перенесено въ село Яблочно (въ двухъ верстахъ отъ монастыря), причемъ монастырь надѣлилъ училище достаточнымъ участкомъ земли. Съ перенесеніемъ въ Яблочно училище это было преобразовано во второклассную церковно-приходскую школу. 12 октября 1907 года при этой школѣ, въ бытность настоятелемъ монастыря архимандрита Іосифа, въ присутствіи преосвященнаго Евлогія, торжественно открыты церковно-учительскіе курсы по программѣ и съ правами церковно-учительскихъ школъ. Лица изъ монастырской братіи, владѣющія образованіемъ, помимо обычныхъ монастырскихъ послушаній, трудятся и въ Яблочинской школѣ. Въ настоящее же время, по инициативѣ архимандрита Серафима, учреждается министерствомъ земледѣлія на монастырской землѣ сельско-хозяйственная школа, получившая уже въ принципѣ санкцію, но фактически она будетъ функціонировать не раньше, какъ въ будущемъ 1911 году. Постройка зданій, службъ и оборудованіе школы вызоветъ крупный расходъ, въ отпускѣ котораго и встрѣчаются нѣкоторыя затрудненія.

Съ 1 января 1898 г. существуетъ въ самомъ монастырѣ школа причетническая. Изъ питомцевъ ея выходятъ ревностные, достаточно обученные теоретически и практически псаломщики для цѣлой холмской епархіи, получая въ обители воспитаніе, вполне приспособленное къ этому, при всей своей скромности высокому и полезному для церкви служенію. Монастырь содержитъ для нихъ особаго учителя, даетъ имъ помѣщеніе, продовольствіе, одежду и учебныя пособія. Въ этой школѣ ежегодно обучаются 20 человекъ. Обученіе ведется въ строго объективномъ христіанскомъ направленіи, безъ ненужной полемики противъ инославія.

Переходя теперь къ современному состоянію монастыря, необходимо сказать нѣсколько словъ о его храмахъ, святыняхъ и другихъ достопримѣчательностяхъ. Главный монастырскій, въ честь

преи. Онуфрія, храмъ сравнительно недавней постройки. Онъ за-
ложенъ въ 1838 году, а освященъ въ 1840 году. Небольшихъ размѣ-
ровъ, но хорошо выдержаннаго романскаго стиля, храмъ этотъ —
лучшее украшеніе обители. Осенью 1907 г. онъ капитально ремон-
тированъ и 16 декабря того же года вновь торжественно освященъ;

Сантская церковь.

лѣтомъ же 1909 года всѣ внутреннія стѣны и куполь художественно
расписаны фресками, изображеніями многихъ святыхъ угодниковъ
и картинами событій Стараго и Новаго Завѣтовъ, между которыми
выдѣляются: «Спаситель въ пустынѣ», «Рождество Христово» и др.
Чудно прекрасенъ въ этомъ обновленномъ храмѣ новый иконо-
стасъ—даръ отъ щедротъ хорошо извѣстнаго въ здѣшнемъ краѣ
«истор. вѣстн.», июнь, 1910 г., т. сxx. 16

своею просвѣтительною и благотворительною дѣятельностью московскаго протоіерея Н. А. Копьева. Въ этомъ обновленномъ храмѣ и помѣщаются тѣ немногіе, уцѣлѣвшіе отъ глубокой древности памятники, которые и составляютъ главную святыню обители. Таковы: 1) чудотворная икона преп. Онуфрія (преподобный изображенъ во весь ростъ съ длинною, спускающеюся ниже колѣнъ, волнистою бородою; тѣло изможденное, взглядъ живой, строгій); 2) икона Спасителя и 3) икона Божіей Матери. Обѣ иконы одинаковыхъ (1½ арш. высоты и 1 арш. ширины) размѣровъ, одинаковаго (византійскаго) стиля, но не одинаковой степени древности: икона Божіей Матери темнѣе и старше иконы Спасителя. На оборотной сторонѣ ея есть надпись: 1151 года 10 мая ¹⁾. Слѣдуетъ упомянуть также объ иконѣ Казанской Божіей Матери, сооруженной «въ память избавленія отъ смерти настоятеля и братіи Яблочинскаго монастыря отъ польскихъ жандармовъ-вѣшателей 1863 года іюля 7 дня».

Другая малая въ честь Іоанна Богослова церковь помѣщается въ нижнемъ этажѣ братскаго корпуса, здѣсь же трапеза, сооружена она въ 1902 году на средства посѣтившаго обитель П. В. Алексѣева.

Третья церковь-алтарь въ честь Успенія Пресвятой Богородицы устроена на монастырскія средства въ 1908 г. и 14 августа того же года освящена. Храмъ этотъ сооруженъ по оригинальному, необычному въ коренной Россіи плану: онъ расположенъ на красномъ возвышенномъ холмикѣ, противъ сѣверо-западныхъ вратъ обители (гдѣ прежде стояла кузница) и состоитъ собственно изъ одного алтаря; вмѣсто западной стѣны—двери, которыя во время богослуженія открываются; богомольцамъ предоставлена остальная часть возвышенности. Вся окружающая мѣстность, обезаженная деревьями, представляетъ собою обширный храмъ. Такая оригинальная постройка вызвана необходимостью имѣть для обители храмъ, вмѣщающій въ себѣ 5,000—8,000 богомольцовъ, которые и собираются, значительно даже въ большемъ количествѣ, 12 іюня на храмовой праздникъ преп. Онуфрія, имя и икона котораго читается не только православными, но и католиками.

Кромѣ описанныхъ трехъ церквей, 4 октября 1909 года былъ освященъ скитъ съ храмомъ во имя препод. Сергія и Германа, чудотворцевъ валаамскихъ; скитъ этотъ расположенъ на монастырской землѣ, въ разстояніи 4—5 верстъ отъ обители. Исторія его возникновенія слѣдующая: въ числѣ угодій, принадлежащихъ Яблочинскому монастырю, есть мѣстность, называемая «Вѣлое озеро», на-

¹⁾ Дата эта наводитъ нѣкоторыхъ лицъ, интересовавшихся исторіей Яблочинскаго монастыря, на мысль, что и возникновеніе обители относится къ XII вѣку, къ эпохѣ процвѣтанія православія въ Холмщинѣ.

Церковь-алтарь.

ходящаяся въ глухомъ чудномъ сосновомъ лѣсу, вдали отъ всякихъ поселеній и жилищъ человѣческихъ; чистая, какъ слеза, вода озера, окаймленного съ трехъ сторонъ лѣсомъ, здоровый воздухъ и выдающаяся вообще красота мѣстности, обратили на себя вниманіе бывшего настоятеля обители, блаженной памяти (1902 г.) преосвященнаго Германа¹⁾, отличавшагося слабымъ здоровьемъ, который и построилъ себѣ два домика—свою келью и другую для бывшихъ при немъ иноковъ. Въ 1900—1901 гг. у покойнаго владыки зародилась мысль основать въ этой мѣстности первый скитъ съ церковью въ Холмско-Подаянскій Руси, по осуществленію этого благого намѣренія помѣшала безвременная смерть святителя. Спустя лишь 5 лѣтъ, 22 июля 1907 года, была совершена торжественная закладка скита преосвященнымъ Евлогіемъ, въ сослуженіи съ бывшимъ настоятелемъ архимандритомъ Іосифомъ, но приступить къ дальнѣйшимъ строительнымъ работамъ не представлялось возможнымъ за недостаточностью средствъ. На помощь этому благому начинанію пришелъ щедрый московскій протоіерей Н. А. Копьевъ, стараніями и средствами котораго въ теченіе лѣта 1909 года возведенъ деревянный на каменномъ фундаментѣ сѣверно-русской простой, но очень изящной архитектуры, храмъ, освященный 4 октября минувшаго года. Его же заботами церковь вполне оборудована: имѣется цѣпная священная утварь, чудное парчевое облаченіе для служенія соборомъ, включая и архіерейское, а также имъ доставлено въ скитъ не мало иконъ очень хорошаго письма.

Въ этотъ день, 4-го октября, при чудной прохладной погодѣ, въ 8 час. утра вышли изъ обители при колокольномъ звонѣ крестные ходы; кромѣ монастырской братіи, въ шествіи принимали участіе до 6 окрестныхъ приходовъ. Молящихся собралось болѣе 5,000 человѣкъ, изъ нихъ до 2,000 богомольцовъ прибыли изъ Волынской и Гродненской губерній. Сильное впечатлѣніе произвела эта процессія: яркіе, изящные и своеобразные наряды женщинъ и красивые совершенно однообразные и строго выдержанные мужскіе костюмы, громкое стройное пѣніе трошаря и другихъ священныхъ пѣсень, чередовавшихся со звукомъ военного оркестра, гудко неслись въ самую глубину лѣса, отдаваясь эхомъ, — все это молитвенное торжество било по нервамъ всѣхъ присутствовавшихъ и высоко поднимало ихъ нравственно, чувствовалось сознаніе силы русскаго духа, воспрянувшаго нынѣ здѣсь, благодаря свѣтлымъ надеждамъ на близкое радужное будущее—отдѣленіе отъ Польши и воссоединеніе съ коренною Русью. Вотъ эти-то чувства особенно рельефно выразились при

¹⁾ Яблочинскій монастырь еще въ XVII вѣкѣ былъ мѣстожительствомъ другого епископа—Пансіа Ипполитовича (1621—1633), вынужденнаго тягостными условіями, въ которыя былъ поставленъ уніатами, покинуть Холмъ и переселиться въ эту обитель, о нуждахъ которой онъ неустанно заботился. («Холмская Русь», Батюшкова, стр. 83).

обогащені монастыря въ текущемъ февралѣ мѣсяцѣ двумя новыми колоколами—одинъ въ 302 пуда 20 фун., а другой вѣсомъ въ 30 пуд. Первый изъ нихъ поднятъ на временную звонницу при храмѣ св. Онуфрія, а второй помѣщенъ въ Скитской церкви; приобрѣтены они частью на средства обители, но главнымъ образомъ стараніями того же щедрого благодѣтеля протоіерея о. Николая Копьева; стоимость колоколовъ около 8,000 рублей и отлиты они въ Москвѣ, на заводѣ бр. Самгиныхъ.

Торжествененъ былъ день 9-го февраля—день доставки колоколовъ съ полустанка Дубица и перевозки ихъ черезъ р. Бугъ на двухъ соединенныхъ помостомъ понтонныхъ лодкахъ; не успѣли отчалить отъ восточнаго (праваго) берега, какъ лопнулъ канатъ и лодки съ грузомъ и монастырскою братією, во главѣ съ архимандритомъ Серафимомъ, затираемая льдомъ, оказались въ серьезной опасности—быстрое теченіе и громадныя ледяныя глыбы нагнали ихъ на свай разведеннаго моста, и, благодаря лишь энергіи и самообладанію о. настоятеля, руководившаго этою трудною работою, удалось сростить канатъ и благополучно добраться до другого берега и затѣмъ на лошадяхъ доставить колокола къ мѣсту ихъ назначенія. Перевозка продолжалась въ теченіе 11 часовъ—съ 8 утра до 7 вечера и въ этотъ часъ было отслужено соборнѣ благодарственное молебствіе.

14-го февраля большой колоколъ былъ поднятъ на звонницу и въ присутствіи преосвященнаго Владимира¹⁾ братією совершенъ былъ чинъ его освященія, и съ этого памятнаго дня окрестный православный народъ стекается на всѣ молитвенныя торжества въ обитель не однимъ влеченіемъ души помолиться въ истинно-русскомъ храмѣ, но и призывомъ московскаго колокола, названнаго «Николаемъ», оглашающаго окрестныя мѣстности на разстояніи болѣе десяти версть.

Помимо описанныхъ выше невзгодъ и горя, причиненныхъ Яблочинскому монастырю враждующимъ съ нимъ смежнымъ населеніемъ, чуждымъ по убѣжденіямъ религіознымъ и политическимъ, ему пришлось не мало страдать и отъ стихійныхъ напастей, благодаря его исключительно особому географическому положенію: рѣка Бугъ, отличающаяся необыкновенно быстрымъ теченіемъ, рѣдко капризна въ избраніи своего русла, въ особенности весною характеръ ея рѣзко проявляется, она разливается на нѣсколько версть, и въ былые годы вода доходила до храма и келій, чѣмъ и объясняется возведенный вокругъ обители валъ, время сооруженія котораго неизвѣстно; но и эта мѣра не ограждала ее отъ ежегодныхъ наводненій, и, лишь благодаря заботамъ архимандрита Наркисса, въ 1870-хъ годахъ русло р. Буга было отведено сажень на 300 отъ монастырскаго вала, что вызвало большія денежныя затраты (до

¹⁾ Епископа бѣлостокскаго.

20,000 р.), но этимъ было достигнуто, что храмъ и келліи съ того времени не затопляются, хотя все-таки весной сообщеніе желѣзнодорожной станціи Дубица съ монастыремъ возможно только на лодкахъ, на которыхъ приходится ѣхать не менѣе одной версты.

Во внутренней жизни монастыря останется памятнымъ 1906 г. Въ этомъ году въ составъ монастырскаго управленія вошли новыя лица, съ высшимъ образованіемъ¹⁾; своимъ прибытіемъ они внесли новую струю въ начинавшую застывать, темнѣть и гложнуть монастырскую жизнь. Монастырь въ настоящее время совершенно преобразованъ на началахъ строгаго общежитія; введено неуклонное исполненіе богослужебнаго устава и лучшіе изъ древне-русскихъ напѣвовъ.

Такова въ краткихъ чертахъ исторія обители Яблочинской. Исторія эта изумительна тѣмъ, что этотъ монастырь—живой свидѣтель и славнаго прошлаго Холмщины, и тѣхъ испытаній, какія выпали на его долю въ неравной борьбѣ за вѣру и народность съ воинствующимъ католицизмомъ и полонизаціей этого неконя русскаго края—удѣла св. Владимира Равноапостольнаго и Даниіла Галицкаго, въ самые черные дни своей многоскорбной исторіи не измѣнили православію, и тогда, какъ сосѣди его—монастыри Холмскій, Драгочинскій и Брестскій²⁾, уступая силѣ, сначала приняли брестскую унію, а потомъ и совершенно исчезли съ лица земли, Яблочинскій монастырь стойко переносилъ все испытанія, проявлялъ великое мужество и ни одного дня не измѣнилъ своей родной вѣрѣ и нынѣ представляетъ собою ядро православія и народности русской въ Холмско-Подляшскомъ краѣ.

В. П. М—нъ.

¹⁾ Настоятель монастыря архимандритъ о. Серафимъ, намѣстникъ іером. о. Сергій (Королевъ)—питомцы московской академіи: іеромонахи о. Стефанъ (Твердыньскій) и о. Алексій (Кузнецовъ)—с.-петербургской академіи: послѣдній нынѣ занимаетъ должность преподавателя въ томской духовной семинаріи.

²⁾ Монастыри эти въ перепискѣ кievскаго митрополита Тимофея (Щербацкаго), въ вѣдѣніи коюго они находились (1753 г.) именовались «благочестивые Подлясскіе монастыри».

АКСАКОВСКІЙ НАРОДНЫЙ ДОМЪ ВЪ УФЪ.

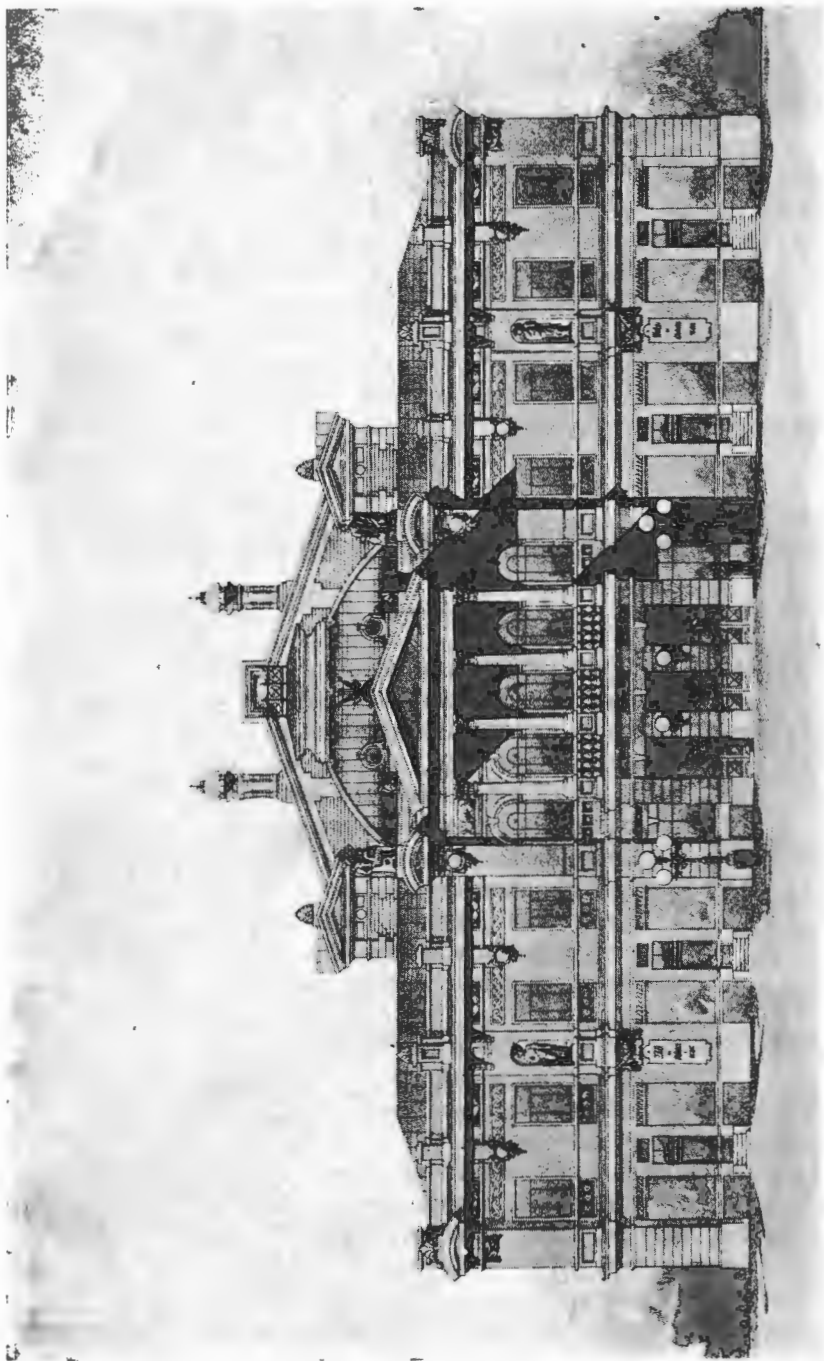
ПРЪЛЯ 30-го 1909 года исполнилось 50 лѣтъ со дня смерти Сергѣя Тимофеевича Аксакова—уроженца Уфимской губерніи, являющагося однимъ изъ лучшихъ истинно-русскихъ писателей, однимъ изъ наиболѣе прекрасныхъ людей силою своего нравственнаго духа и знаніемъ глубины жизни и красотъ природы.

Значеніе С. Т. Аксакова для отечественной литературы и происхожденіе его изъ дворянъ Уфимской губерніи возбудили въ уфимцахъ желаніе почитать память о немъ признательностью потомства и увѣковѣчить такую въ какомъ-либо внѣшнимъ проявленіемъ.

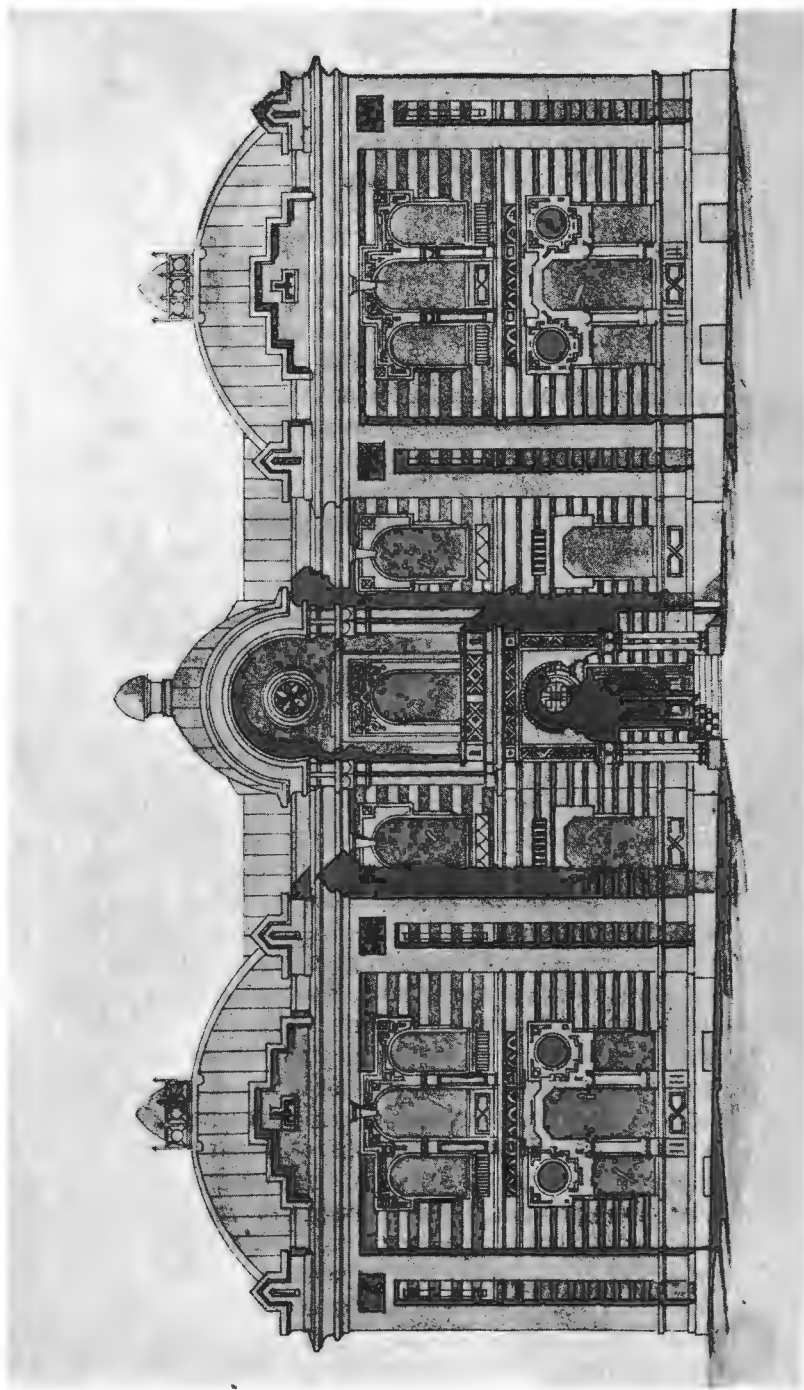
По счастливой мысли губернатора А. С. Ключарева, пятидесятилѣтній юбилей со дня кончины С. Т. Аксакова предположено было ознаменовать сооруженіемъ въ Уфѣ «Аксаковского народнаго дома».

Задавшись цѣлью объединить представителей всѣхъ правительственныхъ, общественныхъ, сословныхъ и частныхъ учреждений и отдѣльных лицъ въ этомъ симпатичномъ дѣлѣ—увѣковѣченіи памяти писателя,—губернаторъ 30 ноября 1908 года созвалъ въ залѣ дворянскаго собранія особое совѣщаніе.

Означенное совѣщаніе, въ составѣ болѣе 200 лицъ, единодушно одобрилъ мысль губернатора, для скорѣйшаго осуществленія этого предположенія образовало «комитетъ по увѣковѣченію памяти

Главный фасадъ Аксаковскаго народнаго дома.

Фасадь Аксаковскаго народнаго дома по Пушкинской улицѣ.

С. Т. Аксакова», председателемъ котораго единогласно избрало губернатора, какъ инициатора этого проекта.

Сразу началась кипучая дѣятельность. Уже въ началѣ декабря приступлено было къ сбору въ предѣлахъ губерніи пожертвованій на сооруженіе народнаго дома; въ виду же значительности потребной на этотъ предметъ суммы и въ увѣренности, что имя С. Т. Аксакова одинаково дорого не только уфимцамъ, но и всей мыслящей Россіи, губернаторомъ испрошено было Высочайшее соизволеніе на производство повсемѣстной въ имперіи для сего подписки.

Подъ постройку Аксаковского народнаго дома уфимское городское общественное управленіе отвело самое лучшее, центральное въ городѣ мѣсто, въ количествѣ всего 1250 кв. сажень.

Торжественное освященіе мѣста состоялось 30-го апрѣля, т. е. въ самый день 50-лѣтняго Аксаковского юбилея, послѣ заупокойной литургіи и торжественной панихиды по бояринѣ Сергіи, совершенныхъ въ кафедральномъ соборѣ преосвященнымъ Нафаниломъ, епископомъ уфимскимъ и мензелинскимъ.

Съ цѣлью полученія возможно наилучшаго художественнаго проекта народнаго дома, объявленъ былъ конкурсъ на составленіе проекта, который и предложенъ былъ императорскому обществу архитекторовъ. На конкурсѣ премированы были три проекта, но ни одинъ изъ нихъ, въ виду, къ сожалѣнію, совершеннаго несоответствія ихъ прямому назначенію сооружаемаго зданія и мѣстнымъ условіямъ, комитетомъ не былъ принятъ, и посему комитетъ поручилъ разработку проекта мѣстнымъ силамъ и единогласно принялъ проектъ, составленный по чертежамъ председателя комитета, — губернатора, и члена его, губернскаго инженера П. П. Рудавскаго.

По этому проекту Аксаковскій народный домъ будетъ имѣть два главныхъ фасада: одинъ по Центральной улицѣ въ стилѣ «ренессансъ», а другой (въ концѣ зданія) — по Пушкинской улицѣ, въ восточно-азиатскомъ стилѣ, приближающемся къ мавританскому. Последнее условіе есть дань башкирамъ и татарамъ, составляющимъ половину населенія Уфимской губерніи.

Народный домъ будетъ вмѣщать въ себѣ: театръ на 1100 человекъ, народную аудиторию на 600 человекъ, музей Уфимскаго края, состоящій изъ отдѣловъ: этнографическаго (русскаго, башкирскаго, татарскаго и пр.), физической географіи, сельскаго хозяйства и заводской промышленности; картинную галерею, пожертвованную художникомъ Нестеровымъ, тоже уфимскимъ уроженцемъ, народную бібліотеку-читальню, магазины и всѣ необходимыя для театра, аудитории и музея дополнительныя служебныя помѣщенія.

По приблизительнымъ расчетамъ, на постройку и отдѣлку этого зданія потребуется не менѣе 500000 рублей.

Закладка народнаго дома торжественно совершена также преосвященнымъ Нафаниломъ 14 сентября, въ праздникъ Воздвиже-

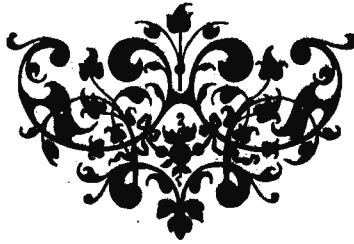
Александръ Степановичъ Ключаревъ,
предсѣдатель комитета по увѣковѣченію памяти Аксакова.

нія Честнаго Животворящаго Креста, послѣ литургіи въ кафедральномъ соборѣ. Въ минувшемъ году въ рабочее время почти закончена громадная земляная выемка и почти закончена укладка бетоннаго фундамента и подвальныхъ этажей, а заснмъ, по зимнему пути, производилась усиленная подвозка строительныхъ матеріаловъ. Въ нынѣшнемъ году съ первыхъ весеннихъ дней началась работа и теперь таковая идетъ полнымъ ходомъ. Комитетъ надѣется, что къ концу октября все зданіе будетъ отстроено вчернѣ и покрыто кры-

шею. Здѣсь кстати упомянуть, что покрыть зданіе, такъ сказать, увѣнчать его, изъявиль готовность Михаилъ Александровичъ Бутлеровъ, сынъ извѣстнаго выдающагося профессора-ученаго Бутлерова, къ которому по духовному завѣщанію перешло крупное имѣніе С. Т. Аксакова въ Уфимской губерніи.

Къ настоящему времени собрано пожертвованій на постройку дома около 200000 рублей.

Насколько извѣстно, это будетъ первый смѣлый опытъ сооруже- нія,—исключительно на общественныя средства,—столь капита- льнаго зданія и сосредоточенія въ немъ такого количества разнообразныхъ просвѣтительныхъ и научныхъ учрежденій. Не безъ страха комитетъ приступалъ къ исполненію своихъ обязанностей, однако, въ виду проявляемаго всеобщаго сочувственнаго отношенія къ осуществленію проекта постройки народнаго дома, комитетъ съ упова- ніемъ смотритъ на будущее и надѣется, что онъ доведетъ, съ Божіей помощью, начатое имъ дѣло до конца и тѣмъ выполнить принятую имъ на себя трудную, но высокую задачу.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФІЯ

Царь Василій Шуйскій и мѣсто погребенія его въ Польшѣ. 1610—1910 гг. I томъ. Историческое изслѣдованіе проф. Д. в. Цвѣтаева. Москва—Варшава. 1910 In 8°. Стр. XXI + 609. Цѣна 6 рублей.

УССКОМУ историку, попадающему по волѣ судебъ въ Варшаву для чтенія лекцій въ университетѣ, вполне естествененъ интересъ къ личности царя Шуйскаго, увезеннаго въ плѣнъ въ столицу Польши послѣ сверженія съ престола, понятно самое серьезное вниманіе къ имени, стоявшему въ ряду царей его родины. Въ эпоху смутнаго времени, въ московскую «розруху» начала XVII вѣка ни одна выдающаяся личность, оставившаяся слѣдъ въ исторіи, не представлялась столь непривлекательной, столь неблагодарной для изслѣдователя, какъ именно личность царя Василя Ивановича Шуйскаго, избраннаго на царство «малыми нѣкими вельми», какъ говоритъ Палицынъ въ своемъ «Сказаніи». Тѣмъ не менѣе историку приходится, «не мудрствуя лукаво», разбирать и положительныя и отрицательныя стороны общественной жизни выдающихся правителей и заурядныхъ, хорошее и плохое, и проф. Д. В. Цвѣтаевъ исполнилъ свой долгъ, детально освѣтивъ всю дальнѣйшую судьбу несчастнаго и несчастливаго царя Шуйскаго, вмѣстѣ съ братьями, по доставленіи ихъ въ Варшаву, въ обширномъ изслѣдованіи, мастерски и живо написанномъ. А еще ранѣе, въ 1901—1902 г.г., имъ были изданы два обширныхъ тома «Матеріаловъ», составляющихъ источники, на основаніи которыхъ была написана вышеозначенная книга.

Широко задуманное, это изслѣдованіе не менѣе широко и выполнено. Въ него въ обработанномъ видѣ вошли пересмотръ и исправленіе прежнихъ источниковъ и изслѣдованіе громаднаго количества новыхъ матеріаловъ, главнымъ

образом почерпнутыхъ изъ варшавскихъ архивовъ, а также изъ архивовъ Кракова, Львова, Рима, Москвы и Петербурга.

Потомокъ Юриковичей, удѣльныхъ князей Суздальскихъ, Василій Ивановичъ Шуйскій органически сложился, какъ и его предшественникъ Борисъ Годуновъ, въ деспотизмъ царствованія Грознаго, вынеся изъ этой школы хитрость, угодливость, изворотливость. Впослѣдствіи къ этимъ свойствамъ прибавились нерѣшительность, недовѣріе къ людямъ, подозрительность, отсутствіе прямоты и искренности—такія качества, наличность которыхъ болѣе всего роняетъ въ общемъ мнѣніи лицъ, призванныхъ къ власти.

Отправленный въ 1851 г. въ Угличъ изслѣдовать дѣло о убіеніи царевича Дмитрія, бояринъ В. И. Шуйскій такъ ведетъ и путаеъ его, что дѣло и до сихъ поръ остается загадкой. При царѣ Борисѣ Шуйскій съ Лобнаго мѣста объявлялъ народу, что онъ самъ погребалъ въ Угличѣ истиннаго царевича Дмитрія, а вслѣдъ за убійствомъ Ѳедора Годунова отправляется бить челомъ Лжедмитрію отъ Москвы, признаеъ его царемъ, а спустя какіе-нибудь 10 дней тайно разглашаеъ въ народѣ, что вступившій въ Москву царь—самозванецъ. Приговоренный соборомъ за эти слухи, и повидимому, за заговоръ къ смерти, Шуйскій уже былъ привезенъ къ плахѣ, но прошеъ Разстригой, позволившимъ ему жениться и даже приблизившимъ его въ качествѣ своего совѣтника. Черезъ 11 мѣсяцевъ Шуйскій, забывъ милосердіе, поднимаетъ противъ Лжедмитрія новый заговоръ, окончившійся гибелью послѣдняго и достиженіемъ наконецъ Шуйскимъ престола. По сверженіи съ царства В. И. Шуйскаго, гетманъ Жолкѣвскій вопреки договора съ русскими боярами—не переводитъ жителей, а всѣхъ плѣнныхъ освободить, сверженнаго царя съ его братьями Дмитріемъ и Иваномъ и женою перваго Екатериной Григорьевной, урожденной Малюта-Скуратовой, родной сестрой жены Годунова, отправляетъ всѣхъ троихъ въ Польшу.

Со времени появленія плѣнныхъ Шуйскихъ на варшавскомъ сеймѣ, увѣковѣченнаго поляками въ извѣстной картинѣ Долабеллы, дошедшей къ намъ въ снимкахъ, и начинается изслѣдованіе Д. В. Цвѣтаева. Въ описаніи наружности В. И. Шуйскаго г. Цвѣтаевъ поправляетъ ошибку историка Соловьева, писавшаго, что сверженный царь во время представленія на сеймѣ былъ съ большою бородами» и пр.¹⁾

«Василій казался приземистымъ,—точно цитируетъ Д. В. Цвѣтаевъ источникъ,—съ круглымъ темнымъ лицомъ, небольшою круглою, подстриженною бородою, болѣе чѣмъ на половину сѣдою, съ глазами воспаленными, бровями густо заросшими, что придавало глазамъ суровое выраженіе, съ длиннымъ, нѣсколько горбатымъ носомъ и довольно широкимъ ртомъ. Грустный, печальный, со взглядомъ понурымъ, унылымъ, онъ, видимо, дѣлалъ большія усилія, чтобы во время проѣзда по улицамъ Варшавы съ наружнымъ спокойствіемъ кивать головой народу».

Послѣ низысканнаго издѣвательства въ Польшѣ надъ лицами, которыхъ по условіямъ не въ правѣ были не только представлять на варшавскомъ сеймѣ,

¹⁾ Исторія Россіи, С. М. Соловьева, изд. тов. «Общественная Польза», т. VIII, тр. 991.

но вывозить изъ московскихъ предѣловъ». Шуйскіе были водворены въ древнемъ замкѣ Гостынскомъ, верстахъ въ 130 отъ Варшавы. Зданіе было двухъэтажное; въ нижней части жили братья Иванъ и Дмитрій, послѣдній съ женою, а вверху надъ каменными воротами, въ комнаткѣ въ 4 окна, съ поломъ изъ гладкаго кирпича, съ полированной печью, каминомъ и шкафомъ въ стѣнѣ жилъ, или вѣрнѣе, содержался въ заключеніи, бывший царь Шуйскій, потому что его комната «запиралась на замокъ и на задвижки», при замкѣ была военная стража до 40 пѣхотинцевъ и жила русская прислуга, отправившаяся съ Шуйскимъ въ количествѣ 13 человекъ. На содержаніе всѣхъ ихъ вмѣстѣ съ приставомъ тратилось до 35 р. въ мѣсяцъ, но у плѣнныхъ были и свои небольшія средства.

Первымъ скончался въ Гостынскомъ замкѣ Василій Ивановичъ 12 сентября 1612 г., 70 лѣтъ отъ роду, почти черезъ недѣлю 17 сентября же—его братъ Дмитрій, а спустя съ небольшимъ двѣ недѣли—24 ноября его жена. Такая скорая смерть сидѣльцевъ одного за другимъ для современниковъ казалась загадочной, въ Польшѣ ходили слухи, что Шуйскіе отравились сами, не будучи съ состояніи переносить своего положенія. Покойниковъ похоронили въ замкѣ передъ воротами.

Единственный оставшійся въ живыхъ князь Иванъ Ивановичъ Шуйскій былъ отпущенъ изъ плѣна на родину послѣ Деулинскаго перемирія въ 1620 г., сталъ виднымъ бояриномъ, близкимъ къ царю Михаилу Ѳеодоровичу, былъ женатъ, но дѣтей не имѣлъ; со смертію его прекратился и знаменитый родъ Шуйскихъ.

Послѣ же Деулинскаго перемирія Сигизмундъ, увидѣвъ, что на дальнѣйшіе успѣхи въ Московскомъ государствѣ съ упроченіемъ на престолѣ Михаила Ѳеодоровича разсчитывать уже трудно, «для славы своего царствованія»—по польскимъ источникамъ, а по московскимъ—«себѣ на похвалу, а Московскому государству на укоризну», въ Варшавѣ, у окраины Краковскаго предмѣстья выстроилъ каменный мавзолей; сюда въ особый склепъ подъ поломъ въ 1620 г., въ присутствіи короля, были поставлены 3 гроба съ тѣлами Шуйскихъ.

Послѣ извѣстнаго уже въ исторической литературѣ перевезенія гробницъ съ останками Шуйскихъ изъ Варшавы, уже при королѣ Владиславѣ, въ Москву и погребенія тѣла царя Василія въ Архангельскомъ соборѣ 11 июня 1635 г., Д. В. Цвѣтаевъ сообщаетъ новыя данныя о доставленіи въ Москву и надгробнаго камня-плиты, находившейся на стѣнѣ мавзолея, или «московской каплицы»,—какъ называли поляки зданіе, гдѣ до 1620 г. находились гроба съ тѣлами Шуйскихъ. Плита эта красовалась надъ входной дверью въ каплицу, она была черная мраморная, на ней по-латыни были вырѣзаны буквы, покрытыя золотомъ, гласившія «о торжествѣ короля надъ великимъ княземъ московскимъ».

При царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ въ 1647 г. въ Москву былъ присланъ польскій посоль Адамъ Кисель; для переговоровъ съ нимъ были назначены бояре Трубецкой и Пушкинъ, которые и предложили Киселю исходатайствовать у короля Владислава уничтоженіе московской каплицы или, по крайней мѣрѣ, снятіе оттуда указанной плиты. Владиславъ, дорожа уже дружбою съ московскимъ государемъ, согласился снять плиту изъ каплицы. Она была привезена въ Москву и зарыта въ землю, но не въ соборѣ, а въ другомъ мѣстѣ.

Возвращенная доска была послѣднимъ реваншемъ Россіи за смутное время. Съ тѣхъ поръ ея отношенія къ Польшѣ приняли другой, болѣе соотвѣтствующій могуществу Россіи характеръ.

Въ изслѣдованіи г. Цвѣтаева излагается далѣе судьба Гостынского замка, гдѣ умерли Шуйскіе, на развалинахъ его устроена нѣмецко-лютеранская кирка, стоящая до сего времени. Мѣсто же, гдѣ была сооружена «московская каплица», испытало много превратностей, переходовъ вліяній польскаго и русскаго. Нынѣ на немъ расположена первая мужская гимназія съ православнымъ храмомъ, а невдалекѣ стоитъ памятникъ Копернику.

Трудъ проф. Д. В. Цвѣтаева является, безъ сомнѣнія, весьма солиднымъ вкладомъ въ нашу небогатую историческую литературу о смутномъ времени.

И. С. В.

В. И. Веретенниковъ. Исторія тайной канцеляріи петровскаго времени. Харьковъ. 1910. 8°. Стр. VI + 270 + приложение 273—297 и указатель именъ. Цѣна 2 рубля.

Книга, заглавіе которой приведено выше, распадается на десять главъ и заключение. Первые двѣ главы и десятая являются вводными и заключительной и, такимъ образомъ, главное содержаніе изслѣдованія передано въ 3—9 главахъ, которыя и обращаютъ на себя особенное вниманіе читателя. Основная мысль молодого историка заключается въ томъ, что тайная канцелярія возникла въ 1718 г. въ связи съ розыскомъ по дѣлу царевича Алексѣя и изъ канцеляріи вѣдѣнія графа П. А. Толстого постепенно превратилась въ особое самостоятельное учрежденіе, просуществовавшее до 1726 года. Тайная канцелярія была первымъ учрежденіемъ, вѣдавшимъ специально и исключительно дѣла по государственнымъ преступленіямъ, тогда какъ ранѣе учрежденный въ Москвѣ Преображенскій приказъ, пережившій и тайную канцелярію, вѣдалъ не одни дѣла по государственнымъ преступленіямъ, а изъ послѣднихъ—болѣе маловажныя. Возникшая по случайному поводу, въ силу порученія Петромъ графу П. А. Толстому розыска по дѣлу царевича, тайная канцелярія тѣмъ не менѣе вошла въ систему нашихъ государственныхъ учрежденій и, несмотря на временныя упраздненія ея, возрождалась снова и продолжала жить, хотя бы и подъ новымъ наименованіемъ. Эта, такъ сказать, живучесть тайной канцеляріи даетъ поводъ В. И. Веретенникову подробно остановиться на ея исторіи времени Петра Великаго, хотя она обнимаетъ собою лишь 1718—1726 годы. Однако и кратковременное существованіе тайной канцеляріи при Петрѣ столь богато содержаніемъ и такъ значительно, что вполне справедливо можетъ быть сдѣлано предметомъ особаго изслѣдованія, и потому, съ нашей точки зрѣнія, В. И. Веретенниковъ поступилъ вполне правильно, не расширяя хронологическихъ границъ своей темы. Отъ этого его изслѣдованіе только выигрываетъ въ сосредоточенности вниманія и матеріала и въ вышуклости выводовъ. Впрочемъ, также вполне основательно съ методологической точки зрѣнія и по существу, авторъ предваряетъ свои центральныя главы краткой исторіей «слова и дѣла» до учрежденія тайной канце-

лярій и очеркомъ исторіи майорскихъ розыскныхъ канцелярій петровскаго времени, съ которыми тайная канцелярія безусловно имѣетъ тѣсную историческую и идейную связь.

Живо и интересно написанная книга г. Веретенникова, несомнѣнно, является цѣннымъ приобрѣтеніемъ нашей исторической науки. Для ея характеристики достаточно было бы сказать, что авторъ ея почти не имѣетъ литературныхъ предшественниковъ и во всякомъ случаѣ впервые полно и всесторонне воспользовался чрезвычайно цѣннымъ матеріаломъ государственнаго архива, а также московскаго архива министерства юстиціи и сенатскаго архива въ Петербургѣ. Но къ этому надо прибавить, что молодой изслѣдователь, взявшись за очень трудную тему, сумѣлъ проявить большой критическій тактъ въ собираніи, группировкѣ и оцѣнкѣ плохо сохранившихся и разрозненныхъ документовъ и мастерски создать изъ нихъ цѣльную и живую историческую картину. Въ научномъ отношеніи обращаетъ на себя вниманіе глава четвертая, гдѣ излагается обзоръ матеріаловъ, относящихся къ тайной канцелярії. Эта глава выясняетъ матеріальный базисъ всего изслѣдованія и однимъ своимъ присутствіемъ въ книгѣ показываетъ, что авторъ книги владѣетъ точнымъ историческимъ анализомъ и вполне знакомъ съ научными приѣмами. вмѣстѣ съ тѣмъ и выводы автора въ его книгѣ представляются намъ всесторонне обоснованными и сразу войдутъ въ научный обиходъ.

Только трогательная скромность г. Веретенникова, замѣчаемая при чтеніи его книги, помѣшала ему высказаться относительно болѣе глубокихъ причинъ какъ возникновенія, такъ и живучести тайной канцелярії. Напримѣръ, на 268 страницѣ (то же и въ другихъ мѣстахъ) онъ пишетъ: «исторія ея кратковременнаго существованія можетъ имѣть видъ только случайнаго эпизода, и таковою она была дѣйствительно для петровскаго царствованія. Но было тутъ что-то болѣе сильное, болѣе мощное, чѣмъ даже непреклонная воля Петра и его сподвижника (Толстого, который хотѣлъ отдѣлаться отъ тайной канцелярії); это «что-то», болѣе властное, чѣмъ самъ могучій Петръ, заставило простой эпизодъ его царствованія приобрѣсти опредѣленное мѣсто въ ходѣ исторіи Россіи XVIII вѣка». Это «что-то», несомнѣнно, должно быть относимо къ тому крупному перелому, который произвела реформаціонная эпоха конца XVII и начала XVIII вѣка въ исторіи русскаго права, при чемъ явилась необходимость обычное право замѣнить законодательствомъ. Народное пониманіе права разошлось съ наличной дѣйствительностью и именно въ связи съ этимъ стали не только возможными, но и неизбѣжными государственныя преступленія, а слѣдовательно и преслѣдованіе ихъ...

Возвращаясь къ книгѣ г. Веретенникова, замѣтимъ, что вообще, какъ писанная не историкомъ права, она не всегда договариваетъ все, что можно было бы сказать. Тѣмъ не менѣе мы встрѣчаемъ ее съ большимъ удовольствіемъ.

Проф. П. В. Верховской.

Bulletin et mémoires de la Société Nationale des Antiquaires de France, tome LXVIII.

Изъ статей, помѣщенныхъ въ послѣднемъ 68 томѣ записокъ національнаго французскаго общества древностей, заслуживаетъ вниманія статья г. Беснѣ о найденномъ планѣ развалинъ около деревни Корсели въ Бретани. Онъ составленъ въ 1709 году инженеромъ Горанжо. О развалинахъ немало писалось, но этотъ планъ дополняетъ многое. Деревня Корсель въ древности была городомъ Кюрсозолить.

Статья г. Мартрей—этоудъ о происхожденіи права церковныхъ обществъ къ наслѣдству церковнослужителей и монаховъ—подъ заглавіемъ: «Св. Августинъ и права наслѣдства церквей и монастырей»—заслуживаетъ вниманія. Въ концѣ IV вѣка былъ основанъ первый католическій монастырь. Немало тогда лицъ изъ аристократіи и занимавшихъ высшія служебныя должности воодушевились стремленіемъ осуществить идеаль христіанской жизни и въ религіозномъ экстазѣ принимали монашество и священство. Св. Августинъ, говоря о монастырской жизни, проповѣдывалъ полное отреченіе отъ личной, предоставляя только заботу во славу одной общины. По его ученію, монахъ ничего не долженъ былъ считать своимъ и все, что получалъ, долженъ былъ отдавать настоятелю въ пользу монастыря. Это полное поглощеніе личности общиной должно было создать въ пользу послѣдней права на родовыя наслѣдства послѣ смерти ея членовъ. Государство также этому не противилось, потому что, основываясь на новомъ ученіи, оно стремилось создать универсальныя учрежденія, государственную религію, чего не могло достигнуть съ язычествомъ. Интересы церкви были и интересами государства и предметами его непрестаннаго попеченія. Монастыри не только способствовали спасенію душъ и полученію царства небеснаго, но и готовили святой и ученой жизнью людей, достойныхъ священства, подчиненныхъ дисциплинѣ и проникнутыхъ истинными доктринами католической церкви.

Въ Африкѣ церкви управлялись епископами, выбираемыми изъ монастыря въ Галпонѣ; они жили общинно со священниками.

Но еще и въ V вѣкѣ право церквей и монастырей къ наслѣдству священниковъ и монаховъ не было утверждено, потому что, слѣдуя примѣру св. Августина, св. Меланіи, св. Павлина и друг., лица, рѣшившіяся отказаться отъ міра, раздавали свое состояніе бѣднымъ или благотворительнымъ учрежденіямъ. Первые затрудненія явились въ Африкѣ, и св. Августинъ былъ призванъ ихъ разрѣшить. Его рѣшенія и были впослѣдствіи санкціонированы въ законахъ Θεодосія и Юстиніана. Правила Августина заключались въ четырехъ статьяхъ и они были вполнѣ сходны съ правилами африканскихъ соборовъ: въ Галпонѣ 393 года, въ Карагенѣ 397 и 401 года и съ постановленіями императоровъ Θεодосія и Валентина. Особенно интересенъ докладъ А. Бабу о Кадунскомъ монастырѣ. Кадунѣ—маленькая крѣпость стариннаго графства Перигоръ, находящагося въ центральной Франціи; теперь это главное мѣсто кантона въ департаментѣ Дордонья. Аббатство было основано въ началѣ XII вѣка. Въ 1167 году сюда былъ присланъ святой саванъ или плащаница Спасителя, най-

денный въ Антиохіи, въ церкви св. Петра. Съ этого времени началось пропвѣтаніе аббатства, которое сдѣлалось однимъ изъ самыхъ богатыхъ и могущественныхъ. О немъ писалось очень много, и авторъ взялся лишь прослѣдить три эпохи. Въ XIV вѣкѣ, когда большая часть Перигора перешла въ руки Англии, Кадуэнъ остался подъ покровительствомъ Франціи. Но аббатъ покинулъ монастырь и въ 1392 году увезъ съ собою и его святыню, что послужило причиной полнаго упадка и разоренія монастыря, лишившагося массы богомольцевъ и жертвователей. Въ 1456 году, когда въ странѣ возстановилось спокойствіе, Петръ де-Генсъ рѣшилъ реставрировать монастырь и церковь. Монастырь, бывшій въ романскомъ стилѣ, разрушился и его перестроили; уцѣлѣли однѣ стѣны, украшенныя великолѣпной скульптурой, которая прекрасно сохранилась донынѣ. Во время религиозныхъ войнъ аббатство, къ счастью, перешло въ собственность гугенотскаго начальника, который и спасъ отъ окончательнаго разрушенія этотъ замѣчательный памятникъ. Въ 1790 году, когда были уничтожены монашескіе ордена, Кадуэнъ предназначался къ продажѣ. Его купилъ мэръ города и въ 1797 году, при возстановленіи католичества, пожертвовалъ его церкви. Въ 1830 году извѣстный писатель графъ Монталамберъ обратилъ особенное вниманіе на этотъ архитектурный памятникъ и просилъ поддержать его. Въ 1838 году, благодаря участію президента генеральнаго совѣта, монастырь былъ купленъ и сдѣлался собственностью департамента. Церковь сохранила свой чистый романскій стиль, въ которомъ была построена въ 1154 году, но монахи при реставраціи въ XVI вѣкѣ придали ему стиль ренесансъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ еще уцѣлѣли аркады романскаго стиля и остатки фресокъ XV вѣка. Передѣлка церкви была закончена монахами въ первой половинѣ XVI вѣка, и все отъ этого времени хорошо сохранилось.

Въ настоящее время ассигнованы средства на реставрацію, которая и производится подъ наблюденіемъ археологовъ. Цѣль работъ—поднять восточную галерею, а также исправляются стоячіе бруски у оконъ и ажурныя украшенія. Весь стиль строго сохраненъ, и черезъ нѣсколько мѣсяцевъ Кадуэнскій монастырь, какъ одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ памятниковъ Перигора и центральной Франціи, снова приметъ свой прежній видъ ренесанса XVI вѣка.

Наконецъ, г. Октавъ Вовиллэ сообщилъ объ оградѣ св. Петра въ Шастрѣ, въ департаментѣ Уазы. Онъ доказалъ, что она не римскаго происхожденія, а болѣе позднѣйшаго—гальскаго. Раскопки внутри крѣпости, произведенныя по повелѣнію Наполеона III, дали много находокъ, которыя пожертвованы въ С.-Жерменскій музей.

Ан. Титовъ.

**Кн. Б. Л. Вяземскій. Верховный тайный совѣтъ. Спб. 1909.
Стр. 423. Ц. 3 р.**

Книга князя Вяземскаго представляетъ собою студенческое сочиненіе, удостоенное золотой медали. Представляя свой трудъ факультету, авторъ могъ рассчитывать на большую снисходительность. Дѣло шло о первомъ опытѣ и притомъ же ученическаго характера. Выпуская книгу въ свѣтъ, авторъ взялъ

на себя серьезную отвѣтственность, въ особенности полемизируя со многими крупными именами въ области исторіи русскаго права. Полемика, конечно, свидѣтельствуетъ о самостоятельности мышленія, но вмѣстѣ съ тѣмъ она требуетъ осторожности, которою, повидимому, авторъ располагаетъ не въ достаточной мѣрѣ. Въ самомъ дѣлѣ, князь Вяземскій высказываетъ требующій большого подтвержденія взглядъ, будто бы верховный тайный совѣтъ, представляя собою посредствующее соединительное звено между верховной властью и управленіемъ, замѣнилъ собою петровскаго генераль-прокурора. На такое предположеніе авторъ былъ натоленъ замѣчаніемъ Градовскаго: «если средство уничтожить личный произволъ и хаотическое состояніе администраціи Петръ видѣлъ въ иноземно-коллегіальномъ устройствѣ, то средство удержать вполне прежнюю связь и единство верховной власти съ учрежденіями Петръ нашелъ въ личномъ началѣ». Авторъ подстановляетъ въ этой формулѣ генераль-прокурора тайнымъ совѣтомъ и думаетъ, что сдѣлалъ большое открытіе. Не будемъ говорить о томъ, что такой способъ выясненія государственныхъ установленій слишкомъ простъ самъ по себѣ. Вѣдь пробѣлъ, причиненный коллегіальнымъ устройствомъ, нельзя было устранить учрежденіемъ новой коллегіи. Градовскій высказалъ правильную мысль и на генераль-прокурорѣ временъ Екатерины II доказалъ, какое значеніе могъ имѣть «страпчій о дѣлахъ государственныхъ» въ области управленія. Князь же Вяземскій перенесъ вопросъ совѣтъ въ другую сферу. Предвзятость заставила его забыть, что съ учрежденіемъ верховнаго тайнаго совѣта власть генераль-прокурора вовсе не была юридически упразднена, а даже подтверждена; увлеченіе предвзятой идеей побудило автора утверждать, будто бы верховный совѣтъ узурпировалъ власть генераль-прокурора. Авторъ не остановился на томъ простомъ фактѣ, что прокурорская власть главнымъ образомъ была надзирающая за законностью и цѣлесообразностью дѣйствій сената и что собственной власти генераль-прокуроръ не имѣлъ. Генераль-прокуроръ дѣйствовалъ въ сенатѣ, и совѣтъ сталъ дѣйствовать подъ сенатомъ. Доводы, приводимые авторомъ въ защиту своего мнѣнія, вообще крайне слабы, и потому тягостно видѣтъ, какъ онъ поправляетъ ошибки Градовскаго, Филиппова и др. Чтобы свободно и съ полнымъ правомъ спорить съ людьми, посвятившими свою жизнь изученію исторіи русскаго права, мало написать ученическую работу, нужно произвести большой трудъ и ознакомиться не только съ правовымъ, но и общеисторическимъ матеріаломъ. Между тѣмъ автору, повидимому, совершенно неизвѣстна личность Екатерины I, ея отношенія къ Меншикову и другія условія, вызвавшія къ жизни верховный тайный совѣтъ. Авторъ любитъ говорить «мы», «наше мнѣніе», но на ряду съ этимъ обнаруживаетъ промахи, касающіеся не высшихъ выводовъ, а основныхъ началъ. Для исторіи петровскаго сената князь Вяземскій, по его словамъ, пользуется новѣйшими сочиненіями: работами Милюкова, Градовскаго и Владимірскаго-Буданова. Признаться, мы не знаемъ специальныхъ работъ Милюкова и Буданова, посвященныхъ сенату; работа Градовскаго «Высшая администрація и генераль-прокуроры» относится къ 1866 г., а о специальномъ и капитальномъ трудѣ Петровскаго, вышедшемъ въ 1876 г., князь Вяземскій не говоритъ ни слова. Говоря о синодѣ, авторъ не обнаруживаетъ никакого

знакомства не только съ новѣйшей литературой, напримѣръ, съ трудомъ Рункевича, но вообще ни съ какими спеціальными трудами; онъ не стѣсняется цитировать въ данномъ случаѣ энциклопедическій словарь Брокгауза-Ефрона. Утвержденіе автора, будто бы время существованія верховнаго тайнаго совѣта было эпохой критики петровскихъ преобразованій, болѣе чѣмъ наивно. Конечно, работа князя Вяземскаго и по задачѣ не такой трудъ, къ которому должно относиться съ полной суровостью; онъ имѣетъ право на большіе недостатки, но тѣмъ не менѣе приходится еще разъ указать автору, что даже при крупныхъ начинаніяхъ нужно быть осторожнѣе какъ въ высказываніи собственныхъ рѣшительныхъ мнѣній, такъ и въ оспариваніи чужихъ. Пройдетъ нѣсколько времени, и автору, если онъ дѣйствительно захочетъ быть человѣкомъ науки, станетъ неловко при чтеніи своей книги. А работы положено много.

В. Грибовскій.

И. Ф. Павловскій. Полтава. Историческій очеркъ ея, какъ губернскаго города въ эпоху управленія генераль-губернаторомъ (1802—1856). По архивнымъ даннымъ, съ 80 рис. и планомъ города. Полтава. 1910. Стр. XXVIII + 415. Ц. 1 руб. 50 к.

Имя И. Ф. Павловскаго, какъ виднаго мѣстнаго историка, особенно послѣ его весьма обстоятельныхъ работъ: «Битва подъ Полтавой и ея памятники», съ 141 рис. и 4 планами, «Историческій очеркъ Петровскаго полтавскаго корпуса (1840—1890)», «Къ исторіи Малороссіи во время генераль-губернаторства Н. Г. Репнина» (очерки, матеріалы, переписка) и мн. др., довольно извѣстно въ нашей исторической литературѣ. Въ своихъ работахъ онъ руководился почти всегда архивнымъ матеріаломъ, который удачно разыскивалъ въ мѣстныхъ архивахъ. Знакомый хорошо съ печатной литературой о Полтавѣ, И. Ф. Павловскій давно уже сталъ печатать свои историческіе этюды о своемъ родномъ городѣ въ «Кіевской Старинѣ», «Хуторянинѣ», «Военномъ Сборникѣ» и «Трудахъ» полтавской архивной комиссіи. Въ настоящемъ же историческомъ очеркѣ онъ собралъ воедино все имъ ранѣе напечатанное, конечно, съ значительными дополненіями и поправками, основанными на архивныхъ данныхъ, почерпнутыхъ, главнымъ образомъ, изъ архива губернскаго правленія, городского архива и архива губернскаго земства; въ виду этого его «Полтава», благодаря еще довольно живому изложенію, пріобрѣтаетъ большую цѣнность, какъ документальное историческое описаніе.

Все содержаніе книги раздѣлено на 29 главъ, въ видѣ предисловія къ которымъ авторъ помѣстилъ сравнительно небольшой очеркъ, основанный лишь на печатныхъ источникахъ, — «Полтава до переименованія въ губернскій городъ». Первые 17 главъ посвящены описанію Полтавы въ генераль-губернаторства: князя А. Б. Куракина (1802—1808), князя Я. И. Лобанова-Ростовскаго (1808—1816) и князя Н. Г. Репнина (1816—1836). За послѣднее 20-лѣтіе до 1856 года, когда было уничтожено малороссійское генераль-губернаторство, перебивало четыре генераль-губернатора и далеко нельзя сказать, чтобы удачныхъ (графъ А. Д. Гурьевъ, графъ В. В. Левашовъ, князь Н. А. Долгоруковъ

и С. А. Кокочкинъ. Сообщая свѣдѣнія по преимуществу объ устройствѣ города, его внутреннемъ бытѣ, различныхъ городскихъ учрежденійхъ и т. п., авторъ въ то же время много даетъ и біографическихъ данныхъ о полтавскихъ дѣятеляхъ, причѣмъ о нѣкоторыхъ говоритъ даже весьма подробно, какъ, на примѣръ, объ И. П. Котляревскомъ. Небезынтересны также его сообщенія объ уроженцахъ Полтавы (напримѣръ, Н. И. Гнѣдичѣ, П. Ѳ. Богдановичѣ, И. Ѳ. Паскевичѣ и др.), о ссыльныхъ въ Полтавѣ, о существованіи тамъ масонской логи и ея членахъ, о знаменитомъ артистѣ М. С. Щепкинѣ, по поводу выкупа котораго И. Ѳ. Павловскій отыскалъ доселѣ неизвѣстную переписку князя Н. Г. Репнина съ помѣщицей-владѣлицей семьи Щепкиныхъ А. А. Волькенштейнъ и ея братомъ П. А. Анненковымъ (послѣдніе съ запрошенной ими въ самомъ началѣ суммы въ 8,000 рублей, несмотря на просьбы князя Репнина, ничего не уступили, и 8,000 рублей были покрыты сборомъ со спектакля и деньгами князя), и мн. др.

Въ заключеніе нельзя не указать на то, что авторъ свое изложеніе снабдилъ множествомъ рисунковъ—до 80. Сюда вошли 37 портретовъ, 12 видовъ храмовъ и монастырей, 8 видовъ города Полтавы, 8 памятниковъ, 6 видовъ различныхъ городскихъ зданій и проч. Въ концѣ книжки находимъ «Приложеніе о цѣнахъ на жизненные продукты въ 1856 году» и планъ города Полтавы въ 1837 году.

В. Рудаковъ.

Е. Козубскій, дѣятельный членъ-секретарь дагестанскаго областного статистическаго комитета. Исторія Дагестанскаго коннаго полка. Петровскъ. 1909.

При одномъ упоминаніи о Дагестанѣ вырастаютъ передъ глазами чудныя картины суровой и въ то же время чарующей природы Кавказа... Поднимаются воспоминанія о той титанической борьбѣ, которую вели между собою два сильныхъ духомъ народа десятки лѣтъ, и невольно начинаешь ждать отъ труда г. Козубскаго сильнаго впечатлѣнія. Это ожиданіе вполне оправдывается; хотя составитель специалистъ по другой отрасли, а не по военной исторіи, но съ честью выполнилъ принятое на себя обязательство написать исторію «войсковой» части.

Первый годъ сформированія полка въ 1851 году былъ и первымъ годомъ его боевой славы, которую онъ съ честью поддержалъ, идя твердою стопою по полямъ сраженій, начиная съ похода на Кайтагъ (1852 г.), кончая боями подъ Сандепу (1905 г.). Не оказали вліянія на боевыя способности полка ни рядъ перемѣнъ во внутренней его жизни, ни частая смѣна командировъ, которыхъ на протяженіи 50 лѣтъ существованія полка смѣнилось 11 человекъ; приписать это можно тому, что всѣ командиры избираемы были изъ рядовъ славныхъ боевыхъ кавалерійскихъ частей Кавказа, будучи сами на счету выдающихся бойцовъ и притомъ знакомые съ туземными порядками, какъ уроженцы Кавказа. Только одинъ князь Петръ Багратіонъ назначенъ былъ изъ Апшеронскаго пѣхотнаго полка, но онъ былъ коренной кавалеристъ, начавшій службу въ лейбъ-гвардіи Кирасирскомъ полку.

Переходя затѣмъ къ обзорѣнню того, какъ справился г. Козубскій съ описаніемъ боевыхъ подвиговъ и мирной жизни полка и не имѣя возможности по принятымъ размѣрамъ рецензій, дать подробныя выборки изъ боевой хроники, ограничиваюсь перечисленіемъ крупныхъ боевыхъ этаповъ, чрезъ которые съ честью и славой прошелъ полкъ съ огнемъ и мечомъ. Зарабатывая наименованіе «боевого», всадники и офицеры полка издавали свой побѣдный кличъ на поляхъ сраженій: въ кавказскую войну 1852—1859 гг.; при подавленіи возстаній въ Дагестанѣ съ 1861 до 1877 года; въ войнѣ 1877—1878 гг., когда даны были кадры отъ полка; въ дѣйствіяхъ за Каспиемъ съ 1870 по 1879 г. (Мангиплакскій и Хивинскій походы, Ахаль-Текинская экспедиція) и наконецъ на поляхъ Манчжуріи въ 1905 году въ видѣ части 2-го Дагестанскаго коннаго полка.

Съ этихъ полей сраженій много вынесено полковыми героями награды, украсившихъ ихъ грудь за честно исполненный долгъ и пролитую за Россію кровь. Послѣдствіемъ заслугъ отдѣльныхъ лицъ и дробныхъ частей полка явились награды и самому полку: георгиевскія знамена и трубы, знаки отличія на папахи. Здѣсь, кстати, нельзя не высказать сожалѣнія, что объ этихъ плодахъ, собранныхъ въ боевую страду, плодахъ, которые составляютъ гордость и славу войска, г. Козубскій занесъ въ «примѣчанія», какъ о чемъ-то постороннемъ, упомянутомъ между прочимъ. Кстати же скажу, что нельзя считать удачнымъ помѣщеніе въ текстѣ (сплошь) свѣдѣній о георгиевскихъ кавалерахъ и о чинахъ, навшихъ въ славныхъ бояхъ,—эти предметы должно было помѣнять мѣстами съ выписками о штатахъ полка. Въ этой ошибкѣ сказался «статскій», хотя и жалостливый человекъ. Заканчивая обзоръ данной историкомъ боевой хроники, считаю обязательнымъ отмѣтить фактъ изъ нея, который близокъ къ подвигамъ Ганнибала и Суворова. Въ концѣ августа мѣсяца 1853 года Шамиль задумалъ вторгнуться въ Кахетію, и свѣдѣніе объ этомъ дошло до князя Аргутинскаго уже въ то время, когда Шамиль началъ спускаться къ Закаталамъ тридцатитысячный отрядъ; медлить было нельзя,—надо было спасти Кахетію, красу Закавказья; Аргутинскій избралъ кратчайшій путь чрезъ главный Кавказскій хребетъ, путь, по которому никто никогда не ходилъ. Надо было одолѣть три труднѣйшихъ перевала: Дюльти-Дагъ, Кутурь-Дагъ и Кусурь. На нихъ въ это время лежали глубокіе снѣга и свирѣпствовали жесточайшія бури, но Аргутинскій вѣрилъ въ своихъ всадниковъ, они вѣрили въ него и... невозможное оказалось возможнымъ: 7-го сентября отрядъ очутился въ Кахетіи, а Шамиль благородно ретировался, какъ только услышалъ о такомъ сюрпризѣ. Былъ моментъ, когда отрядъ едва не погибъ, сбившись съ пути въ снѣгахъ, но его спасъ всадникъ 3-й сотни Ганали, который показалъ дорогу. Шесть дней полкъ провелъ въ неимоверной борьбѣ съ грозной природой, но Кахетія была спасена.

Мирная жизнь полка описана не менѣе подробно, чѣмъ боевая. Даны прекрасныя бытовые картины за весь періодъ существованія полка. Всѣ полковые Пирбудагъ-Эйдаровы, Гайдерь-бекъ-Дебировы и прочіе «беки» и «оглу» обрисованы какъ живые въ массѣ историческихъ архивныхъ справокъ, страдающихъ лишь отсутствіемъ цитатъ на матеріалы, что въ настоящее время ставится особымъ требованіемъ историкѣ и даетъ труду историческую цѣнность.

Восхваливъ боевыя способности чиновъ полка, составитель говорить, что по особому складу натуры дагестанцы менѣе пригодны къ службѣ мирнаго времени.

Впрочемъ, читающій исторію не найдетъ въ этомъ ничего удивительнаго, увидя изъ послѣдующихъ страницъ, что даже внѣшнія проявленія дисциплины и чинопочитанія приходится прививать всадникамъ не путемъ обученія, а путемъ доказательства, какъ равнымъ. Для этого назначается къ вновь прибывшимъ одинъ изъ векилей (унтеръ-офицеровъ), который старается доказать имъ, что не по писаннымъ правиламъ, которыхъ они не признаютъ за авторитетъ, а по русскому адагу (обычаю) «нельзя протягивать руку начальствующимъ лицамъ и обнимать ихъ», «нельзя въ присутствіи старшаго курить трубку и садиться», «неприлично плевать на стѣны черезъ зубы» (какъ принято у нихъ дома) и т. п.

Къ привычкамъ и нравамъ горцевъ, поступающихъ въ полкъ добровольно и на короткій срокъ (одинъ годъ), невольно приходится примѣняться, чтобы «не отпугивать ихъ отъ полка». На этихъ основаніяхъ установленъ въ полку порядокъ судопроизводства: только преступленія воинскія разсматриваются военнымъ судомъ, а во всѣхъ остальныхъ случаяхъ вопросы рѣшаются по адагу (обычаю) и шаріату (мусульманскому закону), какъ и въ той средѣ, откуда они на время вышли. Характеристика преступленій дана г. Козубскимъ въ рядѣ удачно подобранныхъ примѣровъ, которые показываютъ, что на первомъ планѣ стоитъ кинжальная расправа вообще и... по пьяному дѣлу въ частности, а затѣмъ преступленія противъ женской чести. Очень возможно, впрочемъ, что преступленія второго рода перешли бы по натурѣ горцевъ и на первый планъ, но приведенныя составителемъ исторіи выписки изъ документовъ свидѣлствуютъ, что божокъ любви щедръ къ чинамъ Дагестанскаго коннаго полка: найдены письменныя жалобы аульныхъ (сельскихъ) обществъ, что «всадники полка совершенно отбили у нихъ женъ и дочерей», такъ что выступленіе взводовъ изъ ауловъ сопровождается плачемъ женщинъ и благословеніемъ мужчинъ.

Въ заключеніе скажу, что шестьсотъ двадцать одна страница труда г. Козубскаго имѣютъ сплошной интересъ, даютъ массу прекрасныхъ впечатлѣній и легко читаются. Издана книга богато, на отличной бумагѣ, съ большимъ количествомъ фототипій, на которыхъ даны портреты всѣхъ командировъ полка, виды Дагестана и виды нѣкоторыхъ мѣстъ, бывшихъ театромъ для боевыхъ подвиговъ полка. Хорошо также по мысли и комбинаціи рисунковъ обложки, составленный однимъ изъ офицеровъ полка, но исполненъ аляповато, хотя въ общемъ провинціальная типографія недурно справилась съ принятой работой.

В. П. Федоровъ.

Смоленская Старина. Выпускъ I. Часть I. Изданіе смоленской ученой архивной комиссіи. Смоленскъ. 1909 годъ. Стр. XVI+16+371. Цѣна 2 р.

Настоящій выпускъ «Смоленской Старины» является, можно сказать, всецѣло плодомъ рѣдкой по энергіи и драгоценной для родного края дѣятельности мѣстнаго историка и археолога Ив. Ив. Орловскаго, создавшаго въ Смо-

ленскѣ ученую архивную комиссію и безвременно скончавшагося черезъ 14 мѣсяцевъ (въ іюнь 1909 г.) послѣ открытія послѣдней. Памяткою ему или некрологомъ открывається первый выпускъ «Смоленской Старины», въ которомъ помѣщена и предсмертная работа покойнаго: «Борисоглѣбскій монастырь въ Смоленскѣ на Смядыни и раскопки его развалинъ». Здѣсь авторъ точно и подробно рассказываетъ исторію монастыря, подвергаетъ пересмотру «вопросъ о судьбѣ мощей св. мучениковъ Бориса и Глѣба», гдѣ приходитъ къ весьма правдоподобию выводу, что мощи были уничтожены во время нападенія половцевъ на Кіевъ и Вышгородъ въ 1202 году, и говоритъ о результатахъ раскопокъ на Смядыни членовъ московскаго археологическаго общества въ 1907—1908 гг. и «Борисоглѣбскихъ развалинъ» архитектора Д. В. Милѣва, иллюстрируя свое изложеніе цѣлымъ рядомъ видовъ и изображеній найденныхъ предметовъ.

Слѣдующею, наиболѣе крупною и цѣнною статьею разсматриваемаго выпуска «Смоленской Старины» является «опытъ историко-литературнаго изслѣдованія» г. Н. Рѣдкова, подъ заглавіемъ: «Преподобный Авраамій Смоленскій и его житіе, составленное ученикомъ его Ефремомъ». Въ виду того, что «Житіе» служитъ почти единственнымъ источникомъ для біографіи одного изъ замѣчательнѣйшихъ представителей древне-русскаго просвѣщенія, какимъ и былъ преподобный Авраамій, родившійся послѣ 1146 г. и скончавшійся около 1219 г.,—изслѣдователь ведетъ свою работу какъ бы параллельно или совмѣстно, и въ одинаковой мѣрѣ останавливаясь на изложеніи біографическихъ данныхъ и на разборѣ самого «Житія», что усматривается уже изъ одного перечня главъ, на которыя разбито изслѣдованіе, а именно: 1) «Время жизни преп. Авраамія и время написанія житія его»; 2) «Церковная жизнь и просвѣщеніе Смоленска въ періодъ времени, предшествующій преп. Авраамію и написанію житія его» (довольно интересная глава); 3) «Авторъ житія преп. Авраамія Смоленскаго»; 4) «Цѣль написанія житія, его составъ и литературный характеръ» и 5) «Жизнь преп. Авраамія Смоленскаго, его характеръ и прославленіе». Въ приложеніи помѣщено и самое «Житіе» по списку смоленской духовной семинаріи второй половины XVII вѣка, съ обзоромъ изслѣдователя и другихъ списковъ «Житія».

Остальное содержаніе книги составляютъ двѣ статьи Гр. Бугословскаго: «О результатахъ изысканій гнѣздовскаго могильника Смоленскаго уѣзда, произведенныхъ 23 іюня—12 сентября 1899 г. и нѣсколько словъ о самомъ могильникѣ» (Гнѣздовскій могильникъ находится на правомъ берегу р. Днѣпра, въ 8 верстахъ отъ Смоленска, изобилуетъ предметами различныхъ эпохъ и культуръ и сравнительно мало изученъ) и «О Борисоглѣбской церкви г. Смоленска»; статья Н. П. Попова—«Соборы патріарха Іоакима на митрополита смоленскаго Симеона» (Милюкова, лишеннаго сана въ 1686 г. «за новшества» и «непокорность» патріарху), и статья А. В. Жиркевича—«Смоленскіе архивы въ 1812 г.».

А. В. Жиркевичъ, на основаніи матеріаловъ, найденныхъ имъ въ 1903 году въ «сгнивающимъ архивѣ смоленскаго губернатора» (въ «Аврааміевской» башнѣ), дополняетъ и частью поправляетъ тѣ свѣдѣнія, которыя сообщаетъ извѣстный смоленскій историкъ священникъ Никифоръ Мурзакевичъ о гибели въ 1812 году, во время нашествія французовъ, смоленскихъ архивовъ: «губернской архивы», архива городского магистрата и архива православной консисторіи. Первые два

архива выгорѣли и разорены совершенно; кое-что осталось отъ консисторскаго бумагохранилища, «безъ сомнѣнія», прибавляетъ А. В. Жиркевичъ, «благодаря священнику Мурзакевичу, энергично отстаившему святыни и хранилища, помѣщавшіяся на Соборной горѣ, отъ истребленія французовъ» (стр. 348). Погибли также и бумаги, привезенныя въ Смоленскъ «для сохраненія» изъ мстиславскихъ присутственныхъ мѣстъ. Главною причиною ничѣмъ невознаградивой гибели древнихъ архивныхъ сокровищъ были растерянность и ограниченность мѣстнаго начальства, съ губернаторомъ барономъ Ашомъ во главѣ, и явное равнодушіе къ старинѣ и невѣрный взглядъ на тогдашнія военныя событія главнокомандующаго Барклая-де-Толли, запрещавшаго смолянамъ вывозку изъ города казеннаго имущества.

В. Р—въ.

**П. А. Ниве. Русско-шведская война 1808—09 гг. Спб. 1910.
Стр. II+420. 28 картъ. Цѣна 3 р.**

Въ виду того интереса, который представляетъ нынѣ въ жизни Россіи такъ называемый финляндскій вопросъ, весьма своевременною является всякая серьезная историческая справка, соприкасающаяся съ Финляндіею. Тѣмъ болѣе это имѣетъ значеніе по отношенію къ той войнѣ, театромъ которой служила Финляндія, т.-е. къ русско-шведской войнѣ 1808—1809 гг. Нельзя не признать, что Финляндія, сохранивъ для насъ весьма важное военное значеніе, еще мало намъ знакома. Тутъ не помогаетъ дѣлу даже ея близость къ столицѣ. И потому нужно привѣтствовать желаніе трудолюбиваго исторіографа этой войны ознакомить насъ съ особенностями Финляндіи на ближайшихъ къ намъ по времени военно-историческихъ фактахъ.

Новое изслѣдованіе полковника генеральнаго штаба Ниве во многомъ основано на архивныхъ первоисточникахъ, преимущественно на документахъ военно-историческаго отдѣленія главнаго управленія генеральнаго штаба и архива морскаго министерства и далеко оставляетъ за собою сочиненіе Михайловскаго-Данилевскаго, которое давно признано устарѣвшимъ. Посвятилъ свой трудъ г. Ниве памяти Н. И. Бобрікова, коимъ ему была внушена первоначальная мысль изученія въ военномъ отношеніи войны 1808—1809 гг. Написанъ трудъ литературно; онъ легко читается и, если не вполне выдержанъ въ строго-научномъ стилѣ, на что не претендуетъ и самъ авторъ, то тѣмъ дѣлается болѣе доступнымъ для обыкновеннаго читателя, желающаго найти въ книгѣ не туманную, выпренную философію отвлеченныхъ принциповъ военнаго искусства, а удобопонятность и легкую усваиваемость. А съ этой точки зрѣнія авторъ вполне исчерпалъ свою задачу, давъ своему труду возможность выхода въ широкія читательскія массы.

Весьма полезно прочесть книгу г. Ниве для тѣхъ, кто, возмущаясь фантомъ чловѣконенавистничества, ратуетъ съ пѣною у рта о сохраненіи въ полной неприкосновенности фальшиваго status quo Финляндіи. Читатель изъ книги увидитъ, какъ завоевывалась Финляндія русскою кровью. Графъ Каменскій говорилъ: «мы завоевали Финляндію—сохраните ее!» Графъ Румянцовъ

сдавалъ въ Фридрихсгамѣ Россіи «въ собственность и державное обладаніе шесть губерній». Всѣ русскіе дѣлали въ этой войнѣ русское дѣло, не помышляя объ образованіи великаго княжества Финляндскаго, а тѣмъ болѣе объ отторженіи отъ Россіи Выборгской губерніи.

Какъ всегда, мы надѣлали и въ эту войну не мало ошибокъ. Тутъ уже, видно, надъ Россіей тяготѣеть какой-то злой историческій рокъ. Начали мы войну со Швеціей съ малыми силами; но точно также съ малыми же силами мы сунулись и въ Турцію въ 1877 году, когда пришлось дважды переваливать Балканскій хребетъ. Сухопутная армія дѣйствовала безъ связи съ флотомъ; это же самое мы всѣ видѣли и въ послѣднюю войну. Чрезмѣрно увлекались мы углубленіемъ въ Финляндію. Не избѣгли мы даже смѣны главнокомандующаго, что неизмѣнно продѣлывали затѣмъ чуть ли не каждую кампанію.

Но, конечно, и эта война родила истыхъ героевъ. Безъ трепетâ нельзя читать повѣствованіе о легендарномъ героѣ, Я. П. Кульневѣ, дань уваженія къ которому отдалъ даже финляндскій поэтъ Рунебергъ. Участникъ блестящей и доблестной за-ботнической операціи, онъ съ тремя сотнями казаковъ и тремя эскадронами регулярной кавалеріи въ теченіе восьми часовъ перешелъ отъ Сигнальшера до шведскаго берега. Грисслегамъ былъ сданъ Кульневу безъ боя, и онъ доносилъ оттуда Вагратіону: «честь и слава російскаго воинства на берегахъ Швеціи; я съ войскомъ въ Грисслегамнѣ воспѣваю: «Тебѣ Бога хвалимъ»».

Безпримѣрный, единственный въ своемъ родѣ переходъ черезъ Кваркенъ совершилъ Барклай-де-Толли. Аракчеевъ, играя на самолюбіи Барклая, справедливо писалъ, что онъ не желалъ бы быть министромъ, каковыхъ много, а желалъ бы быть Барклаемъ, которому одному Провидѣніе предоставляетъ переходъ Кваркена. И дѣйствительно, военная исторія знаетъ лишь одинъ зимній переходъ войскъ черезъ море, это—переходъ шведскаго короля Карла X черезъ Большой и Малый Бельты въ 1658 году. Но тотъ переходъ былъ гораздо короче, а черезъ Кваркенъ нужно было итти 60 верстъ по льду. 8-го марта начался переходъ. Борьба съ природою началась съ первыхъ же шаговъ. Карабкаясь на утесистые обломки, обходя и дѣлая извилины, знобя и засѣкая ноги объ острые края льдинъ, бодро шли впередъ воины. Къ вечеру добрались войска до безплодныхъ острововъ Гольмена и Гаддена, гдѣ они передохнули, не разводя костровъ за недостаткомъ лѣса, до полуночи; тяжелый переходъ далѣе пришлось совершить по колѣна въ снѣгу. Наконецъ отрядъ достигъ Умео; съ отмороженными ногами оказалось до 200 человекъ.

Смѣненный главнокомандующій Буксгевденъ особенно вызываетъ симпатіи у автора. Правда, его участь трагична, тѣмъ болѣе, что въ его паденіи очень видное участіе принималъ злой геній того времени графъ Аракчеевъ, и что нельзя обставлять главнокомандующаго, которому—полная мощь, разными соглядатаями и контролями. Однако онъ далеко не былъ орломъ изъ славной Екатерининской стои, какъ отзывается о немъ авторъ.

Къ книгѣ приложены карты, иллюстрирующія текстъ.

Мих. Соколовскій.

**Извѣстія русскаго генеалогическаго общества. Выпускъ третій.
(Съ приложеніемъ фототипическаго портрета). Спб. 1909. Стр.
34+377+23.**

Русское генеалогическое общество въ Петербургѣ существуетъ уже болѣе 10 лѣтъ и за этотъ періодъ времени издало три выпуска своихъ «Извѣстій», конечно, съ весьма значительными перерывами. Въ изданномъ въ концѣ 1909 г. третьемъ выпускѣ главное содержаніе составляютъ обычные два отдѣла: 1) «ислѣдованія и замѣтки» и 2) «матеріалы». Въ первомъ отдѣлѣ попрежнему преобладаютъ небольшія статьи «маститаго генеалогиста» Д. Θ. Кобеко, напечатаннаго: 1) «Родословныя замѣтки о нѣкоторыхъ дѣятеляхъ смутнаго времени» (о князьяхъ Татевыхъ и Голицыныхъ, постельничемъ Семенѣ Ивановичѣ Шапкинѣ и дворянинѣ Григоріи Ивановичѣ Микулинѣ); 2) «Мать царицы Евдокіи Лукьяновны Стрѣшневой» (авторъ «предполагаетъ, что ею была дочь Константина Григорьевича Юшкова, умершаго въ 1642 году, Анна Константиновна); 3) «Крестьянская вѣтвь рода Строгановыхъ» и 4) «Дѣяки Щелкаловы». Кромѣ Д. Θ. Кобеко, свой вкладъ въ отдѣлъ «ислѣдованій и замѣтокъ» настоящаго третьяго выпуска «Извѣстій» внесли: Н. Н. Кашкинъ—«Изъ козельской старины» (нѣсколько новыхъ свѣдѣній о родѣ Кавелиныхъ), Н. В. Мятлевъ—«Родство Квашиныхъ съ новгородцами», наиболѣе интересная работа) и И. С. Вѣляевъ—«Къ родословію Нагихъ».

Въ отдѣлѣ «Матеріаловъ», кромѣ небольшой «Рядной записи Елены Алексѣевны Зюзинной (жены князя Дмитрія Мамстрюковича Черкаскаго)», сообщенной графомъ С. Д. Шереметевымъ, все остальное содержаніе, на протяженіи 250 страницъ, принадлежитъ редактору «Извѣстій», Н. П. Лихачеву. Здѣсь наибольшее значеніе должны имѣть: 1) «Десятня Новиковъ всѣхъ городовъ московскія и новгородскія земли не служилыхъ и безпомѣстныхъ, поверстанныхъ помѣстнымъ окладомъ въ 1596 году» (изъ рукописи, хранящейся въ библиотекѣ архива министерства иностранныхъ дѣлъ) и 2) «Документы о князьяхъ Сицкихъ», куда вошли: духовное завѣщаніе князя Семена Ѳедоровича Сицкого, много заботившагося о своихъ слугахъ и рабахъ, и довольно пространное «Судное вотчинное дѣло стольника князя Юрія Андреевича Сицкого о наслѣдствѣ послѣ князя Петра Владимировича Бахтеярова-Ростовскаго».

Въ «приложеніи» помѣщена довольно интересная статья графа П. С. Шереметева—«Княжна Марія Борисовна Куракина († 1660 г.)», гдѣ впервые устанавливается новое родство Шереметевыхъ, «доселѣ не установленное и не вошедшее ни въ одну родословную». Оказывается, что дочь Бориса Петровича Шереметева, отъ перваго его брака съ Екатериной Никитичной, родовая фамилія которой неизвѣстна, Марія была замужемъ за княземъ Григоріемъ Семеновичемъ Куракинымъ († 1682 г.).

Въ заключеніе нельзя не указать на тѣ біографическія данныя, которыя сообщаетъ К. А. Губастовъ о князѣ Никитѣ Ивановичѣ Одоевскомъ, по поводу помѣщеннаго въ началѣ тома снимка съ его портрета.

Р. Р—въ.

Прот. А. А. Бѣляевъ. Профессоръ московской духовной академіи П. С. Казанскій и его переписка съ архіепископомъ костромскимъ Платономъ. Выпускъ I. Сергіевъ Посадъ. 1910. Стр. 339. Ц. 1 р.

Профессоръ П. С. Казанскій, скончавшійся въ 1878 году на 58 году отъ роду, пользовался репутацией весьма серьезнаго историка-критика. Первыми его трудами были изслѣдованія по истории восточнаго монашества; затѣмъ онъ перешелъ къ изслѣдованію русскаго монашества отъ основанія Печерской лавры Антоніемъ до основанія Троицкой лавры преп. Сергіемъ, и однимъ изъ первыхъ возбудилъ сомнѣніе, вопреки категорическимъ утвержденіямъ Погодина, Будукова, Кубарева и др., въ томъ, чтобы преп. Иустору могла принадлежать первоначальная наша лѣтопись, и удачно полемизировалъ съ Бутковымъ. Статьи его по этому вопросу въ тогдашнее время (1849—51 гг.) были большою новостью и доставили автору рядъ «непріятностей», закончившихся запрещеніемъ митрополита Филарета писать о первоначальномъ лѣтописцѣ. Большое значеніе имѣло въ нашей исторической наукѣ и изслѣдованіе П. С. Казанскаго о личности перваго Лжедмитрія, гдѣ его умѣнье критически разбираться въ источникахъ сказалось съ особенною яркостью. Кромѣ того, ему принадлежитъ множество статей и книгъ духовно-нравственныхъ и нѣсколько службъ и акаѳистовъ, написанныхъ имъ во время продолжительной профессорской службы въ московской духовной академіи. Будучи «истымъ ученымъ подвижникомъ», всю жизнь, начиная съ академической скамьи, посвятившимъ наукѣ, «монахомъ по духу и жизни», П. С. Казанскій, какъ оказывается изъ нынѣ публикуемой его переписки съ роднымъ братомъ Платономъ, архіепископомъ костромскимъ, сильно интересовался всѣмъ, что происходило около него, какъ въ академической и духовной жизни того времени, такъ и общественной, особенно богатой событіями въ 1850—1870 годахъ. Памятникомъ этого его интереса къ современной дѣйствительности осталась его обширная вышеупомянутая переписка, любопытная по выясненію личныхъ взглядовъ извѣстнаго въ свое время ученаго историка и по многочисленнымъ сообщеніямъ и наблюденіямъ его надъ тогдашними событіями и лицами. Въ настоящемъ первомъ выпускѣ прот. А. А. Бѣляевъ предварительно сообщилъ «біографическій очеркъ» П. С. Казанскаго, составленный «на основаніи его автобіографическихъ записокъ, очень интересныхъ для характеристики тогдашняго семинарскаго воспитанія и обученія, дававшихъ «очень немного положительныхъ знаній» и извращавшихъ у громаднаго большинства «нравственное религиозное чувство»,—«свѣдѣній о немъ людей, близко его знавшихъ, и своихъ воспоминаній». Много тутъ интересныхъ данныхъ и изъ переписки П. С. Казанскаго съ его другомъ, знаменитымъ изслѣдователемъ и ректоромъ московской духовной академіи, протоіереемъ А. В. Горскимъ. Со стр. 146 начинаются выдержки изъ писемъ П. С. Казанскаго, относившихся къ 1859—1864 годамъ. Въ нихъ, конечно, преобладаютъ сообщенія о митрополитѣ Филаретѣ и вообще о духовныхъ лицахъ и писателяхъ, но есть небезынтересныя данныя и о многихъ другихъ, напр., о П. И. Мельниковѣ-Печерскомъ (стр. 165, 281 и др.), князѣ П. В. Долгоруковѣ (стр. 173, 201), М. П. Погодинѣ (стр. 174), Т. И. Филипповѣ (стр. 229, 250), проф. А. П. Шаповѣ (стр. 146), М. П. Катковѣ и

Леонтьевъ и др. За обнаруженіе этой переписки, несомнѣнно, слѣдуетъ отдать должную признательность прот. А. А. Бѣляеву, не покутившемуся на свои пояснительныя примѣчанія къ ней.

В. Р—въ.

Матеріалы по этнографіи Россіи. Изданіе этнографическаго отдѣла Русскаго музея императора Александра III. Т. I. Спб. 1910 г. Стр. XVII+220. Цѣна 7 р. 50 в.

Музей императора Александра III извѣстенъ большинству петербургской публики только своимъ художественнымъ отдѣломъ, а между тѣмъ онъ имѣетъ еще этнографическій отдѣлъ, который также интересенъ и который въ скоромъ времени будетъ доступенъ публикѣ для обзорннхъ многочисленныхъ матеріаловъ, накопившихся въ теченіе восьмилѣтней дѣятельности названнаго отдѣла. Дѣятельность его была до сихъ поръ сосредоточена въ собираніи коллекцій по этнографіи Россіи, ихъ регистраціи, систематизаціи и описаніи.

Однѣми командировками пріобрѣтено для музея 56,152 предмета; покупкою въ Петербургѣ—12,260 и принесено въ даръ—10,304. Итого 78,716 предметовъ.

Кромѣ того, отдѣлъ богатъ рѣдкими книгами, журналами, атласами, коллекціями дубочныхъ картинъ, фотографическими снимками и фотографическими негативами.

Музей не только предоставляет свои богатства въ распоряженіе ученыхъ учреждений и лицъ, для учебныхъ цѣлей, но его этнографическій отдѣлъ въ настоящемъ году предпринялъ самостоятельно изданіе «Матеріаловъ по этнографіи Россіи», подъ редакціей Ѳ. К. Волкова, съ характеристиками отдѣльных мѣстностей Россіи, съ описаніемъ отдѣльных коллекцій предметовъ, типичныхъ для народностей нашего отечества и т. д. Изданіе, сплошь иллюстрированное, общааетъ, по мѣрѣ возможности, заключать въ себѣ, кромѣ статей, относящихся къ великорусской, малорусской и бѣлорусской этнографіи,—и матеріалы, относящіеся къ прочему населенію Россіи и прилегающихъ къ ней странъ.

Для болѣе удобнаго пользованія этимъ изданіемъ къ каждому тому его, пока одному въ годъ, будетъ прилагаться алфавитный указатель предметовъ, личныхъ и географическихъ именъ.

Первый томъ настоящаго изданія начинается работой Н. Могилянскаго: «Поѣздка въ центральную Россію для собиранія этнографическихъ коллекцій», въ которой авторъ хочетъ показать, что деревня еще до сихъ поръ сохранила свои типичныя особенности. Собранные имъ по Тульской и Орловской губерніи снимки крестьянскихъ избъ, одежда («обряда»), головные уборы у женщинъ («сороки», «кички», «налобники»), орнаменты (полотенца, рубахи, павевы и т. д.), описаны авторомъ довольно тщательно и изображены въ статьѣ наглядными рисунками.

Между прочимъ онъ упоминаетъ о физическомъ типѣ населенія съ прикосью къ славянскому племени инородческаго элемента.

Статья Ѳ. К. Волкова: «Старинныя деревянныя церкви на Воляни» касается украинской церковной архитектуры, начиная съ односрубной часовни или хаты

съ крестами на крышѣ и походнымъ иконостасомъ на полотнѣ внутри и кончая трехглавыми (трехсрубными) и пятиглавыми (пятисрубными) церквями.

Авторъ обратилъ специальное вниманіе также на придорожные кресты («хвигури»), которые недавно еще подвергались очень энергическому преслѣдованію и даже просто истребленію со стороны администраціи, по подозрѣнію ихъ въ польско-католическомъ происхожденіи, на основаніи того, что они не встрѣчаются въ Великороссіи. Въ наиболѣе развитомъ видѣ—это деревянные кресты, иногда очень значительныхъ размѣровъ (до 5-ти и болѣе метровъ высоты), украшенные изображеніями, разумѣется, достаточно грубыми, распятого Христа и, кромѣ того, возможно большимъ количествомъ орудій страстей Господнихъ: губки и копія, лѣстницы, молота, клещей, гвоздей, тридцати сребренниковъ и т. п., а также маленькими херувимами и пр. Благочестивыя женщины часто вѣшаютъ на придорожные кресты рубашечку ребенка или специально для этого сшитый передничекъ, какъ приношеніе въ благодарность за выздоровленіе больного ребенка и т. п. Три придорожныхъ креста, стоящіе рядомъ поперекъ дороги возлѣ с. Залисы, Ковельскаго у., имѣютъ совершенно особенное значеніе. Это холерные кресты противъ холеры, преграждающіе этой страшной путешественницѣ путь въ деревню: они поставлены на всѣхъ четырехъ вѣздахъ въ с. Залисы во время одной изъ эпидемій.

Въ статьѣ А. Сержпутовскаго «Земледѣльскія орудія Бѣлорусскаго Полѣсья» читатель найдетъ ясное и толковое описаніе примитивныхъ орудій, которыми бѣлоруссы-польшукки обрабатываютъ подлѣсныя земли въ пашни. Это—дубовыя палки съ разнообразными крючьями на концѣ (мотыка, копаница), заступъ, сошка, соха, вершалина (стволь дерева съ заостренными сучьями), борона и т. д. Первобытность орудій держится не только тѣмъ, что народъ хочетъ жить, какъ жили отцы и дѣды, но и свойствомъ подлѣсной почвы, съ безчисленными корнями и камнями, которую плугъ не всегда въ состояніи разрыхлить, дешевизной деревянныхъ орудій, починка которыхъ не требуетъ расходовъ, и т. д.

Болѣе разносторонней статьей по обследованію мѣстнаго быта являются записки А. А. Миллера «Изъ поѣздки по Абхазіи въ 1907 г.». Послѣ историческихъ данныхъ объ Абхазіи авторъ знакомитъ подробно съ бытомъ современныхъ абхазскихъ селеній, начиная съ жилищъ, домашней утвари и кончая обычаями и языческими вѣрованіями. Въ заключеніе г. Миллеръ говоритъ: «Съ общимъ упадкомъ благосостоянія въ краѣ стали быстро исчезать и разные виды кустарнаго производства. Повліяла на это и мода. То, что раньше шилось изъ домашняго производства матерій, теперь покупается въ магазинахъ. Женскій національный костюмъ давно уже исчезъ, уступивъ мѣсто ситцевымъ кофтамъ городского покроя. Сильному измѣненію подверглась и мужская одежда. Съ большимъ трудомъ удалось мнѣ достать лишь два экземпляра высокихъ коническихъ войлочныхъ шапокъ, которыя давно уже заброшены даже стариками. Въ женскомъ костюмѣ сохранились лишь бумажныя или шелковыя косынки, своего хотя производства, но изъ купленныхъ въ магазинѣ нитокъ. Раньше же хлопокъ культивировали и обрабатывали въ краѣ. Что касается шелководства, то оно никогда не прививалось въ Абхазіи въ силу суевѣрія, что селенія, занимающіяся шелководствомъ, наказываются бездождіемъ».

Въ замѣткѣ кн. Д. Э. Ухтомскаго «Рай сукавати» иллюстрируется любопытной картинкой, символизирующей страну безконечнаго счастья буддистовъ.

Очень подробная статья гг. Пекарскаго и Васильева посвящена «Плащу и бубну якутскаго шамана», изъ которой мы узнаемъ, что шаманъ, надѣвая плащъ, получаетъ содѣйствіе тѣхъ духовъ, которые изображены на плащѣ. Плащъ—это живое существо, и всѣ его части символичны, одухотворены религиознымъ и бытовымъ содержаніемъ. Что касается бубна, то хотя имъ шаманъ призываетъ или прогоняетъ духовъ, но его можно замѣнить не только конскимъ хвостомъ, но и простой палкой, на которую опираясь, шаманъ даетъ понять, что онъ «странствуетъ» и вступаетъ въ общеніе съ духами. Не менѣе интересны изслѣдованія Клеменца и Хангалова объ «общественныхъ охотахъ у сѣверныхъ бурятъ», имѣвшихъ значеніе не только какъ промысловое занятіе, но входившихъ въ культъ государственной и религиозной жизни сѣверныхъ инородцевъ. Какъ указываютъ старинныя народныя преданія и призванія шамановъ, воинственные шаманы-начальники часто превращали охоту въ военный набѣгъ и нападали на другія враждебныя племена, причемъ людей забирали въ плѣнъ и обращали въ рабовъ и рабынь, а захваченное имущество дѣлили между собою.

Въ статьѣ г. Руденка «Чувашскіе надгробныя памятники» авторъ сумѣлъ дать яркую картину бытовой жизни чувашей. Убѣжденіе, что душа не умираетъ вмѣстѣ съ тѣломъ, является основнымъ мотивомъ, изъ котораго развивается культъ мертвыхъ. Жизнь загробная, по мнѣнію чувашей, является прямымъ продолженіемъ земной: тѣ же матеріальныя нужды, тѣ же заботы о благосостояніи, тѣ же супружескія отношенія и родственныя связи. Умершія дѣти растутъ и по достиженіи зрѣлаго возраста женятся или выходятъ замужъ, обзаводятся семьей и т. д. Жилищемъ умершему первое время, пока онъ не обзавелся на томъ свѣтѣ своимъ домомъ, служитъ гробъ, а мѣстомъ поселенія—деревенское кладбище, гдѣ его встрѣчаютъ уже умершіе родные и знакомые. Все загробное населеніе подчинено кладбищенскому начальнику, которымъ обыкновенно является первый погребенный на данномъ кладбищѣ и т. д.

Разъ существуетъ представленіе, что души покойниковъ продолжаютъ жить послѣ смерти, неизбѣжнымъ является и выводъ, что онѣ такъ или иначе вліяютъ на судьбу оставшихся въ живыхъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ онѣ представляются болѣе дѣятельными и болѣе могущественными, чѣмъ живые люди. Чувашаи убѣждены, что покойники принимаютъ дѣятельное участіе въ ихъ земной жизни: напускаютъ болѣзни (боль въ поясницѣ и рѣзь въ животѣ), покидаютъ домашній скотъ для своего пропитанія. Иногда гибель умершихъ можетъ быть причиной засухи и другихъ бѣдъ. Съ другой стороны, признательный своимъ родственникамъ покойникъ является для нихъ благодѣтелемъ: онъ принимаетъ живое участіе въ ихъ дѣлахъ, наблюдаетъ за ихъ хозяйствомъ, даетъ имъ успѣхъ въ работѣ, посылаетъ на ихъ домъ благословеніе. («Мертвый у порога не стоитъ, а свое возьметъ»—чувашская пословица).

Тѣмъ же гг. Руденку и Волкову принадлежитъ подробное описаніе этнографическихъ коллекцій изъ бывшихъ російско-американскихъ владѣній, относящихся къ первобытной культурѣ алеутовъ, эскимосовъ, индѣйцевъ и т. д.

Такимъ образомъ «Матеріалы по этнографіи Россіи» страдаютъ иногда только количественно: для юга Россіи и Бѣлорусско-Полѣвскаго края желательно было имѣть не только описаніе церквей, придорожныхъ крестовъ и земледѣльческихъ орудій, но и другихъ сторонъ быта; для черноземной полосы Россіи—недостаточно головныхъ уборовъ у бабъ и т. д. Но тѣмъ не менѣе каждая изъ поименованныхъ работъ сдѣлана тщательно, толково описана и снабжена рисунками. Такимъ образомъ, чтеніе перваго тома по этнографіи Россіи знакомитъ съ отечествовѣдѣніемъ, если не всесторонне, то повсемѣстно и глубоко. Въ будущемъ, конечно, «Матеріалы» будутъ издаваться этнографическимъ отдѣломъ музея въ томъ же направленіи и дополнять собою прочія отрасли и особенности народной жизни Россіи.

А. Фаресовъ.

Народный университетъ. Воспитательно-образовательныя учрежденія для народа въ Англіи. Составлено по докладамъ членовъ этихъ учрежденій Е. Т—ой. Спб. 1909. Стр. 132. Ц. 70 к.

Съ обновленіемъ нашего государственнаго строя надъ Россіей занялась заря новой жизни, лучшаго, болѣе свѣтлаго будущаго, въ которомъ живымъ общественнымъ силамъ открытъ широкій просторъ для культурно-просвѣтительной работы на пользу нашего темнаго, нищаго народа, вынесшаго на своихъ плечахъ всю нашу тысячелѣтнюю исторію, создавшаго самое обширное и могущественное государство въ мірѣ, но и посейчасъ пребывающаго въ жалкомъ положеніи чуть ли не полудикарей. Самымъ больнымъ мѣстомъ нашей страны является глубокое невѣжество широкихъ народныхъ массъ, неисходная темнота нашего крестьянства, при которой невозможно введеніе въ жизнь культурныхъ способовъ обработки земли, а слѣдовательно немислимъ и подъемъ экономическаго благосостоянія Россіи, какъ государства земледѣльческаго. Поэтому самой насущной задачей, которая первую стоитъ передъ правительствомъ и обществомъ, является вопросъ о народномъ образованіи. Отъ скорѣйшаго и удовлетворительнаго его рѣшенія зависитъ все будущее нашей родины, далеко отставшей отъ другихъ народовъ въ ихъ стремительномъ бѣгѣ впередъ по пути прогресса. Работы на этомъ поприщѣ неизмѣримо много: въ то время, какъ въ Германіи, несмотря на обязательное всеобщее обученіе, при втрое меньшемъ, чѣмъ у насъ, населеніи, 7742 воскресныхъ школы, у насъ ихъ всего 83 на 150-милліонное населеніе; въ то время, какъ въ дѣбряхъ Африки, Австраліи, и Азіи учреждаются народные университеты, и недавній дикарь считаетъ газету въ числѣ своихъ насущныхъ потребностей, у насъ на 100 жителей 80 неграмотныхъ и на то же число жителей приходится 2 экземпляра газетъ (въ Германіи—2817); тогда какъ Оранжевая республика тратитъ на одного учащагося 65 рублей въ среднемъ, у насъ тотъ же расходъ выражается суммою въ 11 р. 33 к.

«Истор. вѣстн.», июль, 1910 г., т. сѣх.

18

Громадная роль въ дѣлѣ народнаго просвѣщенія можетъ принадлежать образованнымъ классамъ общества, такъ называемой интеллигенціи. Въ этомъ насъ убѣждаетъ примѣръ Даніи, этой чисто крестьянской земледѣльской страны, достигшей небывалаго расцвѣта экономическаго благополучія, шедшаго объ руку съ подъемомъ народнаго просвѣщенія. Послѣ войны 1848—1849 гг. и особенно послѣ войны съ Германіей 1864 г., грозившей самостоятельному существованію маленькаго трудолюбиваго народца, въ датскомъ обществѣ возникло сильное движеніе въ пользу поднятія народнаго образованія, поставившее задачей воспитать поколѣніе «достойныхъ людей и женщинъ, сильныхъ духомъ». Большинство высшихъ школъ для народа, черезъ которыя прошло 140000 человѣкъ, было основано частными лицами и кружками. Въ результатѣ—Данія превосходитъ всѣ другія страны какъ по матеріальному благосостоянію, такъ и по образовательному цензу своего крестьянства. На двухъ-трехъ десятинахъ датскій крестьянинъ живетъ такъ, какъ не снилось у насъ мужику, владѣющему десяткомъ десятинъ. Наша беспочвенная интеллигенція, видящая панацею всѣхъ социальныхъ золъ въ той или иной политической программѣ, въ томъ или иномъ курсѣ правительства, отъ котораго, какъ отъ мудраго Эдипа, она привыкла ожидать рѣшенія всѣхъ задачъ жизни, и не желающая сама взяться ни за какое живое общественное дѣло, можетъ поучиться изъ интересной книги г-жи Е. Т—ой, заглавіе которой мы выписали выше, какъ дѣлается культурное дѣло у другихъ народовъ. Большинство культурно-просвѣтительныхъ учрежденій для народа, вечерніе курсы, народные университеты, такъ называемыя университетскія поселенія, народные дома, политехническіе народные институты, читальни и т. д.—обязаны своимъ возникновеніемъ частному почину, которому общество оказывало щедрую матеріальную и нравственную поддержку, а правительство приходило на помощь послѣднимъ, лишь убѣдившись въ цѣлесообразности и плодотворности даннаго предпріятія. Немаловажнымъ условіемъ успѣха служитъ принципъ строгой виѣспартійности перечисленныхъ начинаній, позволяющій объединить въ этомъ дѣлѣ борьбу съ народнымъ невѣжествомъ людей самыхъ противоположныхъ политическихъ убѣжденій; въ этомъ отношеніи намъ тоже слѣдуетъ поучиться у англичанъ. Книга г-жи Е. Т—ой на 132 страницахъ убористой печати большого формата даетъ обзоръ, а иногда и краткую исторію всѣхъ главнѣйшихъ типовъ воспитательно-образовательныхъ учрежденій для народа въ Англіи. Воспитательное значеніе этихъ учрежденій едва ли не больше, чѣмъ образовательное. «Тысячи молодыхъ людей посѣщаютъ эти учрежденія (только столичныя соединяютъ около 50 тысячъ). Всѣ они изъ народа и даже изъ его бѣднѣйшихъ классовъ. Всѣ трудятся и работаютъ изо дня въ день, а между тѣмъ, благодаря подобнымъ учрежденіямъ, живутъ здоровой жизнью физической, умственной и нравственной. Здоровая дѣятельность предохраняетъ ихъ отъ искушеній тѣхъ социальныхъ золъ, которыя точатъ націи и называются пьянствомъ, невѣжествомъ и развратомъ». Главная роль въ дѣлѣ социального воспитанія народныхъ массъ принадлежитъ такъ называемымъ «университетскимъ поселеніямъ», различныхъ типовъ «социальнымъ институтамъ» и «литамъ надежды»; эти учрежденія ставятъ своей задачей давать своимъ клиентамъ на ряду съ образованіемъ и облагораживающія развлеченія. «Нравствен-

ное вліяніе этого учрежденія въ Англіи было необычайно велико,—говоритъ авторъ о поселеніи Тойнби-холль.—Оно дало наглядный примѣръ того, что можетъ сдѣлать даже въ самой неблагопріятной средѣ преданность дѣлу нѣсколькихъ культурныхъ людей: показало возможность проникновенія въ среду даже подонковъ общества здороваго воспитательнаго вліянія». Въ высокой степени интересна дѣятельность общественной просвѣтительной организаціи, носящей названіе «University Extension» (распространеніе университетскаго образованія) и поставившей цѣлью приобщить къ высшимъ знаніямъ даже самыя низшіе и бѣднѣйшіе слои населенія. Не имѣя возможности хотя бы въ общихъ чертахъ передать содержаніе весьма интересной книги г-жи Е. Т.—ой въ виду обилія заключающагося въ ней матеріала, изложеннаго по возможности кратко, иногда даже сухо, отсылаемъ интересующихся вопросами народнаго образованія къ самой книгѣ. Въ ней они найдутъ сжатую картину всего достигнутаго въ этой области въ Англіи во вторую половину прошлаго десятилѣтія. Для насъ, у которыхъ это дѣло еще въ зародышѣ, примѣръ нашей новой союзницы можетъ быть весьма поучительнымъ.

Н. А.

Л. Н. Соболевъ. Куропаткинская стратегія. Краткія замѣтки бывшаго командира 6-го Сибирскаго армейскаго корпуса. Съ 6 планами и схемами. Спб. 1910. 477 стр. Ц. 3 р. 50 к.

На долю нашего бывшаго главнокомандующаго въ Манчжуріи выпало послѣ войны столько нареканій, что многіе были склонны считать его чуть ли не единственнымъ виновникомъ катастрофы—дѣло обычное въ психологіи массъ: отыскать реального виновника. Конечно, наша несчастная война есть результатъ совокупности многихъ причинъ, иногда весьма глубоко лежащихъ; тѣмъ не менѣе, дѣло исторіи уяснить значеніе каждаго изъ элементовъ, обуславливавшихъ неудачу и, между прочимъ, степень отвѣтственности, лежавшей исключительно на главнокомандующемъ, словомъ, выполнить ту работу, которая въ старыхъ учебникахъ называлась: «воздать каждому должно». За пять лѣтъ, протекшихъ послѣ войны, въ этомъ смыслѣ появилось въ печати немало матеріала, начиная съ обширнаго сочиненія самого генерала Куропаткина и кончая множествомъ критическихъ замѣчаній объ его дѣятельности, иногда относящихся къ ней страстно, а иногда написанныхъ съ возможнымъ безпристрастіемъ. Къ числу такихъ сочиненій относится только что появившаяся книга, подъ заглавіемъ: «Куропаткинская стратегія», написанная генераломъ Соболевымъ, бывшимъ командиромъ 6-го армейскаго Сибирскаго корпуса, близкимъ участникомъ послѣдней войны.

Въ своемъ предисловіи авторъ, указавъ на отрицательныя свойства Куропаткина, какъ главнокомандующаго, замѣчаетъ, что собственно «стратегіи» у него не было никакой, ибо нельзя назвать стратегіей ту систему войны, которая заключалась въ словахъ: «окопаться», «упорно обороняться» и «отступать», и которую прозвали въ арміи *оборонительно-отступательной*. Цѣль автора заключается не въ томъ, чтобы уяснить стратегію Куропаткина, трудно под-

дающуюся уясненію, а въ томъ, чтобы возразить ему на возведенныя имъ на армію и ея начальниковъ обвиненія. Въ февралѣ 1906 г. Куропаткинъ въ своемъ прощальномъ обращеніи къ офицерамъ 1-й манчжурской арміи взвелъ на всѣ три арміи рядъ обвиненій, явно несправедливыхъ. Разсматривая причины нашихъ неудачъ, онъ называетъ слѣдующія: недостаточно сознательное, особенно при наступленіи, веденіе боя и главное—недостатокъ инициативы, недостатокъ самостоятельности у частныхъ начальниковъ, недостатокъ боевого воодушевленія у офицеровъ и нижнихъ чиновъ, малое стремленіе къ подвигу, недостаточная взаимная выручка сосѣдей, недостатокъ непреклонной воли, отъ нижняго чина до старшихъ начальниковъ, неумѣніе доводить начатое дѣло до конца, несмотря ни на какія жертвы.

Между тѣмъ сотни тысячъ убитыхъ и раненыхъ нижнихъ чиновъ, небывалыя потери въ офицерахъ громко свидѣтельствуютъ о честномъ и доблестномъ выполненіи офицерами и нижними чинами своего долга. Въ предлагаемыхъ замѣткахъ авторъ пытается между прочимъ выяснитъ вопросъ, насколько слѣдуетъ придавать вѣры обвиненіямъ Куропаткина, съ такимъ легкимъ сердцемъ возведеннымъ на нашу армію.

Всѣ пораженія, понесенныя нами на манчжурскомъ театрѣ войны, произошли, какъ это въ достаточной степени установлено документальными данными, отъ многихъ сложныхъ причинъ, во главѣ которыхъ надлежитъ, по словамъ автора, поставить: 1) слабое и неискусное управленіе Куропаткинскимъ военнымъ министерствомъ; 2) полное пренебреженіе къ дѣлу нашей подготовки къ войнѣ съ Японіей; 3) ошибочно направленная воля Куропаткина и его неумѣнье справляться съ массами войскъ и 4) излишнее его самомнѣніе и его недовѣріе къ войскамъ и главнымъ своимъ сотрудникамъ, многіе изъ коихъ, несомнѣнно, были выше его. Вотъ къ доказательству этихъ положеній, а также къ оправданію войскъ и ихъ начальниковъ отъ возводимыхъ на нихъ нареканій и направлена вся аргументація автора.

Во время боевыхъ дѣйствій Куропаткинъ, какъ говоритъ авторъ, велъ не одну, а двѣ кампаніи: одну противъ японцевъ, другую противъ своихъ подчиненныхъ генераловъ. Въ первой кампаніи онъ строго придерживался обороны, а во второй велъ постоянное наступленіе, съ самаго пріѣзда своего на театръ войны, стараясь уронить своихъ подчиненныхъ въ глазахъ арміи и ослабить ихъ значеніе въ Петербургѣ; съ апрѣля же мѣсяца 1905 г., водворившись въ званіи командующаго 1-ю манчжурскою арміею, онъ повелъ противъ нихъ рѣшительную атаку. Надо замѣтить, что это было въ то время, когда большія подкрѣпленія двигались изъ Россіи на Сыпингайскія позиціи, когда армія горѣла нетерпѣніемъ сразиться съ японцами и когда дискредитированіе начальниковъ могло принести большой вредъ арміи. «Въ этомъ отношеніи,—говоритъ авторъ,—пробываніе Куропаткина въ арміи, послѣ смѣны его съ должности главнокомандующаго, было крайне вредно, и эта сторона его дѣятельности будетъ, несомнѣнно, со временемъ въ точности выяснена».

Не входя въ подробное изложеніе содержимаго книги г. Соболева, замѣтимъ, что въ ней критически разбираются бои на Шахѣ и подъ Мукденомъ, въ которыхъ авторъ былъ участникомъ въ званіи командира 6-го армейскаго сибирскаго корпуса, а также операціи подъ Сандепу. Описывая бои на Шахѣ и

подъ Мукденомъ, авторъ документально опровергаетъ обвиненія, возведенныя на войска 6-го корпуса Куропаткинѣмъ. Въ текстѣ книги, а особенно въ приложеніяхъ приводится много любопытныхъ документовъ, доселѣ въ печати не появлявшихся. Сюда относятся: обширное письмо Куропаткина къ командовавшему 3-й арміей генералу Ботьянову, имѣвшее цѣлью выяснить дѣйствія войскъ въ мукденской операціи и въ которомъ ставится 33 обвинительныхъ вопроса войскамъ и ихъ начальникамъ; двѣ подробныхъ записки генерала Соболева, написанныя по поводу этихъ писемъ, и др.

Въ заключеніе замѣтимъ, что если критика дѣйствій и распоряженій Куропаткина рѣзка и безпощадна, если характеристика его личности, какъ полководца и человѣка, производитъ безотрадное впечатлѣніе, если въ томъ и другомъ, быть можетъ, есть доля личнаго чувства, то это дѣла не портитъ: исторія разберется въ этихъ показаніяхъ и безпристрастно возстановитъ истину. Во всякомъ случаѣ авторъ основываетъ свои заключенія на документальныхъ данныхъ (въ его распоряженіи собралось до 3,000 документовъ), на подлинныхъ полученныхъ имъ во время боевыхъ дѣйствій приказаніяхъ и донесеніяхъ. Книга издана хорошо, съ приложеніемъ плановъ и схемъ, и читается съ интересомъ.

Л. Н.

**А. Н. Норцовъ. Путь солнца въ процессы мирового движенія.
Тамбовъ. 1909. Стр. 372.**

Покойный философъ В. С. Соловьевъ предсказывалъ Европѣ скорое пораженіе восточными народами. Бушующая волна ихъ должна смести европейскую культуру... Начиная съ Соловьева, высказанія Шлейденомъ опасенія получаютъ практическое значеніе. Желтая опасность смущаетъ многихъ видныхъ представителей науки и литературы. Въ своемъ обзорѣ А. Н. Норцовъ собралъ данныя, рисующія этотъ вопросъ. Нужно сознаться, самые разнообразные факты подобраны такъ удачно, что читатель можетъ почувствовать дымъ пожара и грохотъ орудій въ невинныхъ на первый взглядъ научныхъ данныхъ. Проникнутая цѣльнымъ и красивымъ мистицизмомъ, книга А. Н. Норцова представляетъ цѣпь доказательствъ неизбежнаго нашествія, почерпнутыхъ изъ астрономіи, геологіи, ботаники, исторіи, этнографіи, философіи, филологіи и т. д. Здѣсь онъ поражаетъ читателя своей начитанностью, умѣніемъ владѣть самымъ разнообразнымъ матеріаломъ, великолѣпно группировать его и т. д.

Громадная область, охваченная предѣлами книги, богатые матеріалы, съ которыми приходится имѣть дѣло автору, — все это придастъ книгѣ много интереса и значенія. Дѣйствительно, для того, чтобы представить вѣковую борьбу Востока и Запада, нужно написать миниатюрную исторію культуры, исторію религій, не говоря уже о чередованіи политическихъ событій. И съ этой точки зрѣнія А. Н. Норцовъ хорошо справился со своей задачей. Матеріалы не затасканные, часто даже оригинальные. И каждый, кому придется разрабатывать ихъ, принесетъ автору искреннюю благодарность. Зато съ другой точки зрѣнія подобная многосторонняя отдѣлка мѣшаетъ цѣльности образа. Исходя

изъ научнаго опредѣленія: «все подчинено законамъ движенія», и уловивъ признаки передвиженій и ихъ вліяніе на судьбу народовъ,—авторъ развиваетъ на протяженіи 300 страницъ свою идею.

Яркое подтвержденіе этого принципа А. Н. Норцовъ находитъ въ міровомъ движеніи съ востока на западъ, а такъ какъ исторія человѣчества неразрывно связана съ измѣненіями очертаній материковъ и геологическими переворотами, то оно должно подчиняться вышеуказанному закону. Уже въ древности Востокъ считается мѣстомъ зарожденія культуры, религіи и философіи. Европа всегда находилась подъ его вліяніемъ. Громадная роль солнца въ жизни человѣчества заставила обратить взгляды на Востокъ—колыбель свѣта. Отсюда символизмъ ориентации—многочисленные обряды и легенды. Разсмотрѣвъ роль Востока въ мистикѣ и религіи, авторъ въ кругообращеніи, въ различныхъ ритуалахъ видитъ основу движенія по направленію видимаго пути солнца. Сюда же присоединяетъ онъ движеніе вѣтровъ, морскихъ теченій, эпидемій, переселеніе хлѣбныхъ злаковъ и культурныхъ растений. Нельзя не согласиться съ тѣмъ, что какъ въ религиозныхъ обрядахъ, такъ и въ растительномъ мірѣ солнце имѣло громадное значеніе. И всѣ приводимые авторомъ примѣры, повторяемъ, очень интересны.

Далѣе авторъ приступаетъ къ обзору историческихъ передвиженій азіатскихъ племенъ. Необходимость эмиграціи, по закону Морица Вагнера, толкала лучшіе элементы къ правильному перемѣщенію. Въ этой увѣренности, что Азія—исходный пунктъ всѣхъ стихійныхъ нашествій кочевниковъ, слѣдовавшихъ по пути солнца, выражается основной принципъ книги А. Норцова. «Во всѣхъ этихъ движеніяхъ, будь ли это переходъ культуры или религіи, переселеніе животныхъ, перелетъ птицъ, появленіе эпидеміи, вторженіе варваровъ»,—авторъ подчеркиваетъ стихійный характеръ всѣхъ подобныхъ переселеній по направленію солнечнаго пути. Отрицать всѣ эти отдѣльные факты было бы нелѣпо, но согласиться съ нѣкоторыми выводами автора не всегда возможно. Можно быть совершенно согласнымъ съ тѣмъ, что холера и чеснокъ азіатскаго происхожденія, но развѣ отсюда вытекаетъ, что мы будемъ вскорѣ разбиты монголами? Едва ли объ этомъ можно судить и на основаніи того факта, будто «на Западѣ полный упадокъ нравственныхъ идеаловъ, проявляющийся въ социалистическихъ ученіяхъ, поразительно напоминаетъ разлагающійся Римъ» (стр. 7). Нельзя на основаніи такихъ данныхъ говорить о порабощеніи Европы. Отрицать же западную культуру, хотя бы и съ ея нѣкоторыми отрицательными явленіями, мы лично не можемъ.

Вотъ—единственный пунктъ, по которому мы расходимся съ почтеннымъ авторомъ. Но, какъ изслѣдованіе въ области всемірнаго фольклора, какъ необыкновенно оригинальная страница изъ исторіи культуры, книга его заслуживаетъ глубокаго интереса. Другое изслѣдованіе А. Н. Норцова, «Символь чашы», переведено по-чешски: «Symbol kalichu v křesťanské malbě a v dějepisú» (переводъ сдѣланъ А. Кашпаромъ и напечатанъ въ Оломюцѣ въ 1908 г. съ цѣнными добавленіями изъ старой чешской живописи). Надо думать, что и на новое изслѣдованіе того же автора обратятъ заслуженное вниманіе славянскіе и западно-европейскіе ученые.

А. Я.

Жизнь и труды М. П. Погодина. Николая Барсукова. Посмертное издание. Книга двадцать вторая, съ приложеніемъ подробнаго указателя ко всеѣмъ двадцати двумъ книгамъ. Спб. 1910. Стр. VI+385. Ц. 3 р.

Менѣе всего въ своей текущей литературной дѣятельности въ качествѣ рецензента ожидалъ я, что мнѣ придется еще говорить о какой-нибудь изъ книжекъ прерваннаго за смертью Н. П. Барсукова его громаднаго труда о московскомъ профессорѣ... А вмѣстѣ съ тѣмъ вышло именно такъ: передо мною все та же аккуратно выпущенная книжка въ столь знакомой и милой моему сердцу свѣтло-зеленой обложкѣ «Жизни и трудовъ Погодина»... Воскресшій Барсуковъ!.. и снова слышатся столь дорогія ему при жизни «дни миднушіе и рѣчи, ужъ замолкшія давно». Увы, эти рѣчи на сей разъ не длинны и обрываются онѣ на VI главѣ, той самой, которая была послѣдней законченной и обработанной главой всего громаднаго труда Барсукова, долженствовавшей вмѣстѣ съ первыми пятью служить началомъ очереднаго XXII тома. Смерть помѣшала дальнѣйшему движенію работы, но эти главы были найдены братомъ покойнаго, извѣстнымъ авторомъ «Рода Шереметевыхъ» и другихъ историческихъ трудовъ, А. П. Барсуковымъ, и нынѣ онѣ вмѣстѣ съ превосходнымъ указателемъ ко всеѣмъ томамъ громаднаго труда о Погодинѣ выпущены въ свѣтъ, въ видѣ литературнаго вѣнка на могилу дорогаго брата съ библейскимъ обращеніемъ къ нему: «Волѣзную о тебѣ, брате мой, красный ми зѣло». Въ этомъ незаконченномъ отрывкѣ труда помѣщены почти исключительно однѣ выдержки изъ неопубликованныхъ еще «Воспоминаній» нашего ученаго юриста, историка и философа Бориса Николаевича Чичерина, данныя въ распоряженіе автора о Погодинѣ вдовою Чичерина.

Передъ читателемъ въ этихъ нынѣ опубликованныхъ выдержкахъ вырисовывается образъ Чичерина въ роли наставника безвременно скончавшагося наслѣдника цесаревича Николая Александровича, привлекательный образъ этого царственнаго юноши, въ обстановкѣ классной комнаты, дорожной обстановкѣ и во время его путешествія по Западной Европѣ въ сопутствіи своего наставника, во время тяжкой болѣзни и передъ лицомъ надвинувшейся на него столь трагически роковой смерти. Чичеринъ заносилъ въ свою записную книжку обстоятельно все наиболѣе важные моменты своего сопутствія царственному путешественнику, и, благодаря этому, мы имѣемъ не мало интересныхъ свѣдѣній изъ жизни русскаго двора того времени, изъ взаимоотношеній членовъ царствующаго дома между собою и къ ихъ иностраннымъ родичамъ. Быту иностранныхъ дворовъ посвящено не мало страницъ, при чемъ главнымъ центромъ вниманія читателей въ ряду этихъ страницъ является датскій дворъ, гдѣ цесаревичъ нашель себя по сердцу невѣсту въ лицѣ принцессы Дагмары, будущей русскаго императрицы, благополучно здравствующей Маріи Феодоровны. Записки Чичерина даютъ не мало любопытныхъ свѣдѣній, являющихся хорошимъ дополненіемъ къ тому, что намъ извѣстно о болѣзни Николая Александровича и его кончины изъ труда Татищева, посвященнаго царствованію Александра II, и прочихъ историческихъ

источниковъ, сюда относящихся. Свѣдѣніями о кончинѣ старшаго сына царя-Освободителя кончаются нынѣ опубликованныя шесть главъ труда Барсукова.

Дальнѣйшая часть книги занята, какъ упомянуто, «Указателемъ», настоятельная потребность въ которомъ такъ сильно ощущается въ нашей справочной литературѣ. Трудъ о Погодинѣ занимаетъ въ нашей исторіи литературы такое серьезное мѣсто по количеству вложеннаго сюда матеріала, по громадной массѣ сдѣланныхъ здѣсь выдержекъ изъ дневниковъ московскаго профессора, его переписки съ обширнѣйшимъ кругомъ лицъ, что изслѣдователямъ судебъ отечественной жизни за XIX вѣкъ безъ труда г. Барсукова невозможно обходиться. Несмотря на то, что каждая книжка покойнаго изслѣдователя сопровождалась указателемъ ad hoc, несмотря на то, что къ первымъ томомъ уже имѣется специальный указатель, тѣмъ не менѣе настоятельная надобность общаго ключа ко всѣмъ 22-мъ книгамъ «Жизни и трудовъ М. П. Погодина» оставалась внѣ сомнѣнія и отсутствіе его было большимъ пробѣломъ въ нашей справочной литературѣ. Нынѣ этотъ пробѣлъ выполненъ братомъ покойнаго исторіографа, его племянникомъ Михаиломъ Барсуковымъ и племянницей Зинаидою Барсуковой, которымъ и приходится сказать спасибо за хорошее сбереженіе памяти старшаго представителя ихъ рода. Вѣнокъ на могилу Николая Платоновича Барсукова возложенъ дѣйствительно неуважимый и своимъ постоянствомъ онъ будетъ навсегда украшать исторію отечественной литературы.

Б. Гл.

**Б. В. Варнеке. Новыя комедіи Менандра. Казань. 1909. Стр. 104.
Ц. 1 р.**

Уже болѣе 20 лѣтъ наука классической филологіи получаетъ новые, разнообразныя по содержанію и достоинству матеріалы изъ страны древнихъ фараоновъ, гдѣ или въ гробницахъ, или въ сокрытыхъ подъ землею развалинахъ находятся многочисленные папирусы. Иногда, конечно, сравнительно рѣдко, эти подупстлѣвшіе документы содержатъ такіе памятники, содержаніе которыхъ можетъ заинтересовать не однихъ специалистовъ. Таковъ былъ открытый въ самомъ концѣ 80-хъ годовъ прошлаго вѣка трактатъ Аристотеля о государственномъ устройствѣ Аѳинъ, сообщившій столько новыхъ и важныхъ данныхъ, что они должны были попасть даже въ школьные учебники. Столь же крупный интересъ представляютъ и найденные въ 1906 году французскимъ археологомъ Лефевромъ значительные отрывки изъ комедій Менандра. Менандръ, древне-греческій поэтъ, жившій въ IV—III вѣкахъ до Р. Х., давно уже и вполне справедливо признается родоначальникомъ современной комедіи. Въ древности имъ буквально зачитывались; до насъ дошло огромное количество небольшихъ отрывковъ или отдѣльныхъ стиховъ изъ его комедій, даже въ древне-русскихъ переводахъ (В. Семеновъ. Мудрость Менандра. Спб. 1892 года), но долгое время не было извѣстно не только ни одной цѣлой пьесы, но даже отдѣльной сцены изъ нея. Первые папирусныя находки связанныхъ сценъ изъ пьесъ Менандра относятся лишь къ 1900 году, но эти на

ходки значительно превзойдены открытіемъ 1906 года, когда достояніемъ науки сдѣлались цѣлыхъ 1300 стиховъ, принадлежащихъ 4 пьесамъ. Профессоръ Б. В. Варнеке принялъ на себя похвальную и трудную задачу познакомить нашу публику съ этими комедіями въ русскомъ переводѣ. Сложность этой задачи видна изъ того, что текстъ панируса сохранился неважно, поэтому, помимо общихъ хлопотъ съ передачей оригинала, г. Варнеке пришлось считаться съ тѣмъ, что около отрывковъ успѣла вырасти огромная иностранная литература, за которой автору, живущему въ провинціи, трудно было услѣдить въ ея полномъ объемѣ. Но слѣдуетъ признать, что въ доступныхъ ему предѣлахъ г. Варнеке сдѣлалъ все отъ него зависящее. Упрекнуть автора можно, пожалуй, за нѣкоторую вульгарность перевода, такъ какъ не надо забывать, что Менандръ считается однимъ изъ изящнѣйшихъ и остроумнѣйшихъ писателей древности. Кромѣ перевода, авторъ даетъ любопытныя замѣчанія объ интригѣ пьесъ, главную основу которыхъ представляютъ любовныя исторіи, происходящія иногда въ причудливой и сложной обстановкѣ. Интересны также наблюденія г. Варнеке надъ характерами дѣйствующихъ лицъ, особенно рабовъ, въ которыхъ Менандръ, въ противоположность огромному большинству своихъ современниковъ, видѣлъ такихъ же людей, какъ и всѣ остальные. Обширныя познанія автора въ исторіи театра вообще даютъ ему, наконецъ, возможность освѣтить переведенныя отрывки сравнительными историко-литературными параллелями. Таково, напримѣръ, остроумное, хотя, можетъ быть, и нѣсколько рискованное, сопоставленіе одного сюжета Менандра съ комедіей Г. Θ. Квитки «Бой жинка». Вообще, смѣемъ думать, всякій образованный читатель, пожелавшій познакомиться съ книгой г. Варнеке, не пожалѣетъ о своемъ намѣреніи. Добавимъ въ заключеніе, что брошюра посвящена учителю автора, профессору Θ. Ф. Зѣлинскому, по случаю 25-лѣтія его учено-литературной дѣятельности, и представляетъ оттискъ изъ XII книжки «Ученыхъ записокъ казанскаго университета» за прошлый годъ.

А. М.

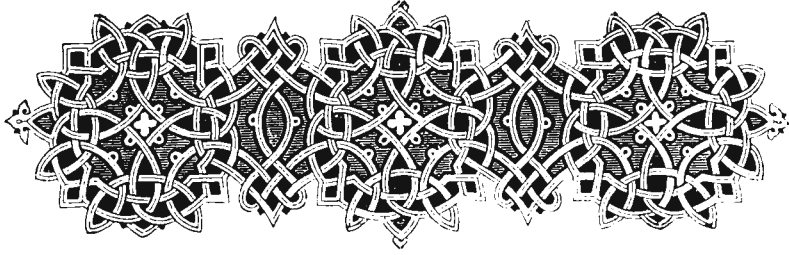
Современники. Альбомъ біографій Н. И. Афанасьева, т. II. Спб. 1910. Стр. 492. Ц. 3 р. 85 к.

На страницахъ «Историческаго Вѣстника» было уже высказано привѣтствіе выходу въ свѣтъ I тома прекраснаго и въ высшей степени полезнаго изданія г. Афанасьева «Современники». Авторъ продолжаетъ свое издательское дѣло, и выпущенный нынѣ второй томъ вмѣщаетъ въ себя 246 біографій современниковъ разныхъ профессій, общественныхъ положеній и служебныхъ ранговъ. Очень многие изъ этихъ біографическихъ очерковъ снабжены прекрасно выполненными портретами, изъ которыхъ нѣкоторые становятся извѣстными публикѣ впервые. Эти иллюстраціи являются цѣннымъ новшествомъ, внесеннымъ издателемъ въ свое дѣло. Какъ и въ первомъ томѣ, біографіи составлены тщательно, кратко и полно и даютъ въ распоряженіе пользующихся ими тѣ драгоценныя *curricula vitae*, которые на небольшомъ пространствѣ мѣсть исчерпываютъ общественное и служебное положеніе даннаго лица. Такого

рода тщательность редактирования материала придаетъ труду г. Афанасьева особенное значеніе — безпристрастнаго и обстоятельнаго справочнаго изданія, чрезвычайно полезнаго и удобнаго на случай пользованія ими. Въдѣ достаточно извѣстно, въ какомъ затрудненіи бываетъ всякій историкъ нашей общественности, когда ему примѣнительно къ тому или иному изъ нашихъ дѣятелей, живыхъ или только-что сошедшихъ съ жизненной сцены, требуются свѣдѣнія о немъ. Справочники въ видѣ существующихъ энциклопедическихъ изданій даютъ сплошь да рядомъ пристрастный и тенденціозно освѣщенный матеріаль, разныя спекулятивныя изданія, въ видѣ благотворительныхъ альбомовъ далеко не всегда достовѣрное собраніе свѣдѣній, преподносимыхъ подчасъ даже въ безграмотной формѣ, газетныя свѣдѣнія, составляемыя иногда случайными и неопытными работниками, также не располагаютъ къ довѣрію. Въ такихъ-то затруднительныхъ случаяхъ литературныя альбомы г. Афанасьева и могутъ сослужить добрую службу добросовѣстныхъ энциклопедій біографическаго порядка, которыми всякій можетъ вполне спокойно и сознательно пользоваться, не опасаясь за скудость и невѣрность почерпаемыхъ отсюда свѣдѣній. Въ Западной Европѣ изданія, подобныя настоящему, въ большомъ ходу, пользуются широкимъ вниманіемъ современниковъ, которые не скупятся снабжать издателей нужными имъ свѣдѣніями и даже матеріальною поддержкою. Иначе стоить дѣло у насъ, гдѣ общественная жизнь плохо организована, гдѣ культура стоитъ на низкомъ уровнѣ развитія. Мы не удивились бы, если бы узнали, что предпріятіе г. Афанасьева не встрѣчаетъ достаточной общественной поддержки и оцѣнки и только выразили бы пожеланія, чтобы, если онъ къ тому имѣетъ достаточныя средства и вѣритъ въ полезность своего начинанія, не смущаться отечественной косностью и продолжать начатое съ такою же энергіей, искусствомъ и любовью дѣло, какowymi отличаются первые два выпуска «Современниковъ». Съ своей же стороны считаемъ долгомъ обратить на эти выпуски особое вниманіе нашего общества съ пожеланіемъ, чтобы въ нашихъ интеллигентныхъ гостиныхъ, ученыхъ кабинетахъ и библіотекахъ альбомы «Современниковъ» находили себѣ подобающее имъ мѣсто.

Г—скій.

ЗАГРАНИЧНЫЯ ИСТОРИЧЕСКІЯ НОВОСТИ И МЕЛОЧИ.

А МЫ И древній человѣческой черепъ.—Лондонскій музей королевскаго хирургическаго института привлекаетъ со всѣхъ концовъ свѣта массу антропологовъ, благодаря находящемуся тамъ старѣйшему изъ человѣческихъ череповъ. Его доставили туда два года тому назадъ съ Гибралтара, гдѣ онъ былъ найденъ, и теперь эта почтенная реликвія вызываетъ попытки освѣтить происхожденіе человѣческой расы. Отчасти это удалось профессору Кейту съ помощью новой системы измѣреній и проч. современныхъ научныхъ пособій. Онъ убѣдился, что данный черепъ не имѣетъ никакого сходства съ черепами всѣхъ живущихъ народовъ и потому можетъ быть отнесенъ только къ доисторической эпохѣ. По его словамъ, онъ принадлежалъ женщинѣ, жившей 600000 лѣтъ тому назадъ. Ея челюсти необыкновенно крѣпки и, судя по ихъ построению, онѣ созданы для пережевыванія крѣпкихъ предметовъ, какъ опредѣлилъ Кейтъ—орѣховъ и корней. Судя по черепу, ея тѣло было маленькое, съ очень длинными руками, съ крѣпкимъ и толстымъ затылкомъ. Въ отличіе отъ другихъ извѣстныхъ ученыхъ череповъ его обладательница владѣла болѣе развитымъ мозгомъ. «Съ нѣкоторою увѣренностью можно сказать,—замѣчаетъ Кейтъ,—что люди той эпохи уже умѣли обмѣниваться мыслями и разговаривать между собою. Однако у нихъ еще не было жилищъ, и они спали подъ открытымъ небомъ. Семейная жизнь была имъ неизвѣстна, они жили бандами, безъ всякаго закона». По его предположенію, они занимались рыбной ловлей и охотой и надо полагать, что это было ради удовольствія, а не ради необходимости, въ виду ихъ питанія орѣхами и корнями, если только однѣ женщины не были вегетарианками по праву болѣе слабыхъ. Судя по данному черепу, у нихъ были толстые носы и уста на треть шире, чѣмъ у нашихъ современниковъ.

— Архивъ графа Нессельроде отъ 1840 г.—1846 г.—Вышедшій въ Парижъ восьмой томъ ¹⁾ писемъ и бумагъ графа Нессельроде заключаетъ въ себѣ письма, адресованныя канцлеромъ барону Петру Мейендорфу, русскому посланнику въ Берлигъ, большое количество писемъ графини Нессельроде изъ Парижа, Петербурга, Рима и Бадена къ мужу и сыну, нѣсколько писемъ русскаго посланника въ Лондонъ барона Бруннова, барона Мейендорфа, графа Михаила Хрептовича, зятя канцлера, и жены перваго Елены, графа Дмитрія Нессельроде, письмо Николая I къ Викторіи, нѣмецкаго генерала Рауха къ нему. Письма канцлера къ Мейендорфу, къ которому онъ питалъ искреннее расположеніе, дышать искренностью и откровенностью мнѣній о событіяхъ и государственныхъ людяхъ той эпохи, начиная съ императора. Восточный вопросъ, въ то время представлявшій сложную задачу международной политики, гдѣ сталкивалось столько различныхъ интересовъ, выступилъ на сцену вслѣдствіе возмущенія вице-короля Египта Мегемета-Али, которому султанъ отказалъ въ наслѣдственномъ намѣстничествѣ въ Египтѣ и Сирии. Это послужило предметомъ важныхъ сообщений, гдѣ вполне обнаруживалась политика лорда Пальмерстона, князя Меттерниха, Гизо, прусскаго короля и русскаго императора. Письма графини Нессельроде, хотя и пристрастно относившейся къ несимпатичнымъ ей лицамъ, полны пикантныхъ наблюденій и цѣнныхъ свѣдѣній. Большая часть писемъ касается восточнаго вопроса, который держалъ дипломатовъ въ напряженіи, и только вторая половина книги посвящена Россіи.

Нессельроде опасался, чтобы предпринятая русскими хивинская экспедиція во главѣ съ Перовскимъ, уже благополучно совершившая, несмотря на стужу, триста верстъ, не отозвалась неблагоприятно на восточныхъ переговорахъ,—въ то время существенномъ для Россіи вопросѣ. Но первыя объясненія по этому дѣлу Бруннова съ Пальмерстономъ успокоили его. Положеніе восточнаго вопроса оставалось невыясненнымъ, и окончательное рѣшеніе все затягивалось. Хотя Брунновъ, которому уже были высланы полномочія подписать восточную конвенцію, вполне переговорилъ съ Пальмерстономъ, но окончательное рѣшеніе зависѣло отъ совѣта, гдѣ у Россіи, по подстрекательству Себастьяни, ожидалось не мало противниковъ. Такимъ образомъ, русскіе дипломаты находились, по выраженію Нессельроде, между опасеніемъ и надеждой. Впрочемъ, онъ оговаривается въ письмѣ къ Мейендорфу, что какое бы ни было рѣшеніе, Россія отъ этого не пострадаетъ и русскіе испытываютъ скорѣе чувство сомнѣнія, чѣмъ боязни. Къ тому же Франція понемногу сдавалась, и Нессельроде былъ увѣренъ, что она совсѣмъ сдастся, если этого пожелаетъ Англія. Это было тѣмъ болѣе вѣроятно, что Меттернихъ, по требованію Бруннова, передѣлалъ и умѣрилъ первыя инструкціи, данныя австрійскому дипломату Нейману, и если Пруссія пошлетъ своихъ уполномоченныхъ въ Лондонъ, то Франція, любившая, по выраженію канцлера, во все вмѣшиваться, не захочетъ остаться одна противъ четверыхъ; такая роль не подходитъ ни къ ея интересамъ, ни къ ея тщеславію. Однако дѣло тормозилось нерѣшительностью англійскаго кабинета, поставленнаго въ затруднительное

¹⁾ Lettres et papiers du chancelier comte de Nesselrode 1840—1846.

положеніе относительно Франціи—или порвать съ нею, или отказаться отъ предложенія, которое Пальмерстонъ съ такимъ жаромъ поддерживалъ шесть мѣсяцевъ. «Что бы ни говорили болтуны во французской палатѣ,—писалъ Нессельроде барону Мейендорфу:—но борьба теперь идетъ не между Россіей и Франціей, а между Франціей и Англіей. Мы изъ этого выйдемъ по обыкновенію съ честью, каковъ бы ни былъ конецъ миссіи Бруннова. Потому подождемъ съ полнымъ спокойствіемъ и прошу васъ не очень огорчаться, если рѣшеніе не вполнѣ будетъ соотвѣтствовать нашему желанію».

Эта затяжка изъ-за борьбы Пальмерстона съ Франціей уже возбуждала нетерпѣніе у Порты; турецко-египетскій вопросъ все не могъ разрѣшиться, поэтому Мегеметь-Али, вице-король Египта, уже хотѣлъ послать уполномоченнаго въ Константинополь. Наконецъ Николай I самъ написалъ Викторіи письмо, гдѣ объяснилъ критическое положеніе Турецкой имперіи, изъ котораго можетъ ее вывести откровенное и положительное соглашеніе съ англійскимъ правительствомъ и тѣмъ сохранить европейскій миръ. Наконецъ 8 августа 1840 г. Россія, Англія, Пруссія и Австрія подписали Лондонскую конвенцію, и Нессельроде сообщилъ Мейендорфу, что «Лондонская конвенція подписана: вино налито—надо его выпить. То, что намъ нальетъ Франція, не будетъ люнель, но я надѣюсь, если мы будемъ хорошо держаться, то оно обратится въ чистую воду. Вотъ къ чему должны стремиться всѣ наши дипломатическія усилія. Съ того момента, какъ Англія съ нами, Пруссіи почти нечего бояться Франціи; только опираясь на Англію, Франція можетъ быть опасна континенту».

Франція осталась, такимъ образомъ, изолированной. Меттернихъ, однако, въ письмѣ къ бельгійскому королю говорилъ, что, въ случаѣ осложненій на Востокѣ, державы должны посовѣтоваться съ французскимъ кабинетомъ, какъ лучше поступить въ этомъ случаѣ, не измѣняя мѣръ, принятыхъ ранѣе. Когда въ Лондонѣ узнали о взятіи Бейрута, Пальмерстонъ предложилъ обратиться къ Франціи съ коллективной нотой. Прусскій и австрійскій посланники въ Лондонѣ согласились на это, но Брунновъ не рѣшился безъ разрѣшенія императора. Тогда прусскій король черезъ генерала Рауха обратился къ императору, предлагая участвовавшимъ въ конвенціи державамъ оборонительный и наступательный союзъ, о которомъ тотчасъ же сообщили бы и Франціи, что, по его мнѣнію, облагородить умѣренную часть французскаго общества и произвести желательное дѣйствіе на внутреннія дѣла страны. Впрочемъ, въ договорѣ находилось бы объясненіе, что никто не думаетъ атаковать страны, но что малѣйшее съ ея стороны насильственное дѣйствіе на территоріи участвовавшей въ этомъ договорѣ страны будетъ принято какъ объявленіе войны. Этотъ проектъ предлагался уже Бруннову, который отклонилъ его. Нессельроде тоже не хотѣлъ ничего отвѣчать, пока не увидитъ меморандума Пальмерстона, хотя его торопиль отвѣтомъ, со стороны Германіи, Либерманъ. Нессельроде принужденъ былъ послать короткую депешу Мейендорфу по этому вопросу. Но русскій императоръ критически отнесся къ предлагаемому проекту. По его мнѣнію, не слѣдовало впутывать восточный вопросъ въ дѣло Германіи. «Она хочетъ атаковать Германію,—сказалъ онъ,—потому, что четыре державы согласились поддержать султана противъ его мя-

тежнаго паши. Видѣли ли когда-нибудь причину войны болѣе несправедливую и нелѣпую. Это только предлогъ. Настоящая причина—желаніе французовъ отвоевать лѣвый берегъ Рейна, а ни одна изъ четырехъ договаривавшихся державъ и не думаетъ отнимать у Франціи и пяди территоріи. Это она хочетъ войны, а не мы хотимъ на нее напасть. Императоръ первый воспротивился бы такому проекту. По словамъ Нессельроде, императоръ горячо желаетъ, чтобы всѣ державы были готовы отразить самое несправедливое нападеніе. Онъ желаетъ оборонительнаго союза, независимаго отъ восточнаго вопроса, который слѣдовалъ бы по своему теченію, какъ указано въ Лондонскомъ трактатѣ, и ничего общаго не имѣлъ съ Германіей. «Въ Берлинѣ часто говорятъ,—пишетъ Нессельроде:—что императоръ противится примирительнымъ пріемамъ въ интересахъ мира, а хочетъ зажечь войну въ Европѣ. Нѣтъ, конечно, не онъ того хочетъ,—говоритъ Нессельроде,—и спокойное поведеніе, которое онъ хранилъ во время всего кризиса, должно доказать это всѣмъ слѣпымъ. Напротивъ, онъ хочетъ, чтобы тѣ, кому угрожаетъ Франція нападеніемъ, защищались бы, и онъ предлагаетъ—поддержать ихъ своимъ оружіемъ. Онъ не хочетъ дѣлать унижительныхъ шаговъ къ Франціи, но тѣмъ болѣе не оттолкнуть ея шага къ сближенію; только бы это не повлекло за собою нарушенія конвенціи, на которую онъ смотритъ какъ на важное современное условіе, потому что оно привело Англію въ наши ряды».

Однако Пальмерстону пришлось столкнуться съ несговорчивыми нѣмецкими дипломатами, отказавшимися послать нѣсколько офицеровъ въ Сирію. Слухи о появленіи французскаго флота въ Дарданелахъ Нессельроде называлъ «немножко тяжелой пищей для нѣмецкаго желудка». Онъ считалъ большою заслугой Россіи предъ Европой, что удалось прервать пагубный англо-французскій союзъ. «Мы оказали большую услугу Европѣ,—пишетъ онъ 25 сентября 1840 г.:—со временемъ ее поймутъ и примутъ, какъ всегда принимаютъ съ жадностью нашу помощь во время крупныхъ социальныхъ кризисовъ, но намъ никогда не бываютъ благодарны, ибо благодарность предъ Россіей и ея государями стала тяжестью, которая обременяетъ всѣхъ. Лучше насъ ненавидѣть безъ причины, чѣмъ отплатить намъ добромъ. Все потому, что міромъ руководятъ теперь умы узкіе, видящіе затрудненіе только въ данный моментъ, и скрываютъ будущую опасность». Извѣщая, что Мегеметъ-Али подъ вліяніемъ французскаго правительства разсчитываетъ у Порты просить Сирію пожизненно, Нессельроде говоритъ, что у русскихъ все готово для защиты Константинополя. Онъ выражалъ удовольствіе, что Меттернихъ не поддается ни ласкамъ, ни угрозамъ Тьера, и надѣется, что въ Берлинѣ такъ же настроены. Это напряженное настроеніе, вызываемое то слухами о войнѣ, то противоположными извѣстіями, возбуждало всѣхъ. Германія, въ виду значительнаго вооруженія Франціи, не оставалась сложа руки и тоже вооружалась. Меттернихъ, напротивъ, началъ слабѣть и готовъ былъ совершенно выйти изъ четвертнаго союза, какъ вдругъ пришло извѣстіе о полной неудачѣ Мегемета-Али, поразившее Меттерниха. Нессельроде увѣрялъ, что Брунновъ прекрасно велъ это дѣло, несмотря на жалобы по его адресу австрійскихъ и нѣмецкихъ

дипломатовъ, которымъ онъ совѣтовалъ поддерживать его, такъ какъ можно быть спокойнымъ, что онъ не возбудитъ войны.

Непріязнь къ буржуазному Луи-Филиппу возбуждала въ канцлеръ негодование за похвалы ему со стороны англійскихъ газетъ, находившихъ его умѣреннымъ и не желавшимъ войны. Поэтому Нессельроде восклицаетъ: «Не вижу, почему его поведеніе великодушно! Онъ не воюетъ по той причинѣ, что ему не съ чѣмъ вести войны и, кромѣ того, это можетъ обернуться для него невыгодно».

Нессельроде теперь переходилъ отъ надежды къ отчаянію. 6-го ноября онъ писалъ о своемъ предчувствіи, что прекрасно выйдетъ изъ кризиса и что Сирія вернется подъ господство султана, а Франція поплатится бесполезно потраченными милліонами. Но уже въ слѣдующемъ письмѣ онъ видѣлъ будущее въ мрачномъ свѣтѣ; миръ, конечно, будетъ сохраненъ, но Франція достигнетъ своей цѣли; она умѣритъ Лондонскую конвенцію и положеніе трехъ державъ будетъ еще хуже, чѣмъ до заключенія трактата. «Дай Богъ, чтобы я ошибался!» восклицаетъ онъ. А причиной всему слабость Меттерниха. Прусскій дипломатъ Арнимъ по пріѣздѣ въ Парижъ держался твердо и положительно. Нельзя сказать того же объ австрійскомъ. «Меттернихъ, право, ниже посредственности,—писалъ Нессельроде.—Онъ возмущаетъ небо и землю, пишетъ цѣлые непонятные никому тома, чтобы испортить самое прекрасное положеніе, въ какомъ три двора континента находятся еще съ іюльской революціи. Съ одной стороны, онъ хочетъ выполнить трактатъ, съ другой—во что бы то ни стало хочетъ, чтобы Франція вступила въ переговоры съ Англійей за нашъ счетъ». Но на другой же день Нессельроде успокоился и измѣнилъ свое мнѣніе о Меттернихѣ, «сдѣлавшемся теперь совершенно честнымъ», пославъ въ Сирію подкрѣпленіе изъ 300 солдатъ и 5000 ружей; болѣе того, онъ даже не хочетъ предлагать Мегемету-Али наслѣдственного права на Египетъ.

Хотя въ концѣ года все шло къ сохраненію мира со стороны Франціи, но Нессельроде боялся, чтобы его союзники на континентѣ, устоявъ противъ угрожающихъ рѣчей Тьера, не поддались «сладкимъ рѣчамъ Гизо». Во Франціи тѣмъ временемъ назрѣвала мирная симпатія къ русскимъ, и отъ 11-го декабря графиня Нессельроде, сообщая мужу объ угнетенномъ настроеніи Палена, котораго ничто не интересовало, говоритъ: «Я хотѣла навести его на интересный сюжетъ, говоря ему о проявляющемся во всѣхъ классахъ общества желаніи вступить съ нами въ союзъ; намъ объ этомъ говорятъ съ такой наивностью, которая доказываетъ, что насъ здѣсь любятъ больше, чѣмъ всѣ думаютъ: естественно намъ говорятъ, что нашъ императоръ никогда не согласится на этотъ союзъ, потому что онъ не любитъ короля. Между тѣмъ княгиня Ливень сказала Мишѣ, что надъ этимъ будутъ работать и не откажутся отъ даннаго проекта. Палену потребуется большое умѣнье, чтобы не испортить этого намѣренія. Въ Германіи, какъ и во Франціи, сильно сомнѣваются, что согласіе, повидимому, царствующее между вами и англичанами, можетъ длиться. Позволь мнѣ сказать тебѣ, что я раздѣляю это мнѣніе, тѣмъ болѣе, что графиня Ливень думаетъ, будто Пальмерстонъ хочетъ сдѣлать султана опаснымъ; я думаю, что самое большее вы желаете привести его въ

равновѣсіе на прочномъ основаніи. Англичане насъ окружили со стороны Персіи, они повсюду, гдѣ въ нашихъ интересахъ имѣтъ вліяніе. Не долго держатся хорошія отношенія съ деспотическимъ другомъ, часто находящимся въ сварливомъ настроеніи. Это національное пробужденіе Франціи къ союзу съ нами успокаиваетъ меня относительно будущихъ отношеній съ нею, ибо она опасается особенно этого союза. Княгиня Ливень говорила мнѣ, что Кларикардъ вручилъ Пальмерстону меморандумъ, очень хорошо составленный, который будто бы она читала и гдѣ онъ излагаетъ свои опасенія по этому поводу; я не думала, что онъ такъ предусмотрителенъ». По ея словамъ, хотя Гизо взялъ министерскій портфель въ самый тяжелый моментъ и отважно поддерживалъ миръ—его ненавидѣли и относились несправедливо. Всѣ говорили, что страсть къ власти, а не къ общественному благу заставила его принять на себя тяжелую задачу. Его упрекали за коалицію и за принятіе посольскаго поста при Тьерѣ. Народная масса не была противъ Тьера, у нея осталось впечатлѣніе, что онъ желалъ избавить Францію отъ униженія, которое Англія хотѣла заставить ее перенести, и вся страна была бы ему благодарна за его поведеніе и рѣчи. Говорятъ, что въ провинціи всѣ неженатые мужчины пошли бы добровольцами, если бы объявили войну Англіи. Мужчины и женщины всѣхъ классовъ отъ принцевъ до поденщиковъ приходятъ въ ужасъ отъ мысли, что ихъ хотѣли унижить. Если малѣйшая вещь воспламенитъ это чувство, сомнѣваюсь, что можно вторично помѣшать войнѣ. Я знаю положительно, что въ данный моментъ Тьеръ въ полной немилости среди своихъ близкихъ. Французы находили, что, держась въ тѣни въ восточныхъ дѣлахъ, Россія вела ловкую политику. Нѣкоторые, впрочемъ, думали, что чрезъ это мы потеряемъ наше вліяніе на Порту, которая припишетъ Англіи свое возрожденіе и будетъ считать долгомъ выразить ей благодарность, позволяя скорѣе ей, чѣмъ намъ, вдохновлять ее».

Конецъ года принесъ Нессельроде новую тревогу: русскаго дипломата беспокоило извѣстіе о поѣздкѣ прусскаго короля въ Англію. Двѣ вещи тревожили его: религиозныя мечты короля и поѣздъ чрезъ Францію, гдѣ онъ встрѣтился бы съ Луи-Филиппомъ и возвратился бы въ Берлинъ совершенно влюбленнымъ въ него. Собственно же въ глазахъ русскаго дипломата поѣздка была полезна для сближенія обоихъ нѣмецкихъ дворовъ съ Англіей. «Потому, — прибавлялъ Нессельроде въ письмѣ къ Мейендорфу, —остерегайтесь выказывать малѣйшую ревность. Мы требуемъ отъ этихъ двухъ дворовъ не сближать снова Англіи и Франціи, что даже болѣе въ ихъ интересахъ, чѣмъ въ нашихъ. Впрочемъ, по правдѣ, я не знаю, чего надо опасаться или ожидать въ будущемъ отъ Пруссіи. Ваши письма со дня на день становятся мрачнѣе и отчаяннѣе. Здравый смыслъ, логика, послѣдовательность и непоколебимость мысли— вотъ посредствомъ чего господствуютъ и хорошо господствуютъ. Ничего этого я не вижу у Фридриха-Вильгельма. Что изъ этого выйдетъ—Богъ знаетъ».

Центральной темой почти всѣхъ писемъ Нессельроде за 1840 г. являлся восточный вопросъ; что же касается другихъ темъ, то въ двухъ письмахъ его сынъ Дмитрій писалъ изъ Берлина графинѣ Нессельроде во время карнавала. Послѣ блестящаго русскаго двора нѣмецкій показался ему незна-

чительнымъ. «Представь себѣ трлста человекъ, обѣснующихся въ тѣсномъ помѣщеніи; затѣмъ пріемъ у королевскаго принца и принца Вильгельма—и все это для того, чтобы отнять у дипломатическаго корпуса желаніе жаловаться, что онъ не принятъ при дворѣ. Самымъ знаменитымъ былъ балъ по подпискѣ въ Шаушильгаузѣ. Этотъ балъ удостоиваетъ своимъ посѣщеніемъ дворъ, и здѣсь дипломатическій корпусъ за эсю съ половиной можетъ видѣть короля. Въ 7 ч. 30 м. появился дворъ; всѣ принцы были во фракахъ, и въ залѣ было только восемьдесятъ человекъ. Худо или хорошо, въ 9 ч. принялись за танцы. Въ эту минуту дворъ удалился, а за нимъ и мы. Конечно, это было самое смѣшное, что я когда-либо видѣлъ на свѣтѣ».

Во второмъ письмѣ онъ касается Англій. Лондонъ его поразилъ своей грандіозностью и громадностью.—«Я вижу второй разъ эту столицу,—писалъ онъ матери 25-го февраля,—и всегда она производитъ на меня то же впечатлѣніе. Эта грандіозность, громадность всѣмъ давятъ. Чувствуешь себя какъ бы затерявшимся и много недѣль пройдетъ, пока себя найдешь». То же отсутствіе блеска замѣтилъ онъ и въ англійскомъ придворномъ обществѣ. «Третьяго дня я былъ на балу у маркизы Лондондери,—писалъ онъ,—и меня поразило, когда я очутился у нея въ маленькомъ, плохо освѣщенномъ помѣщеніи и сверхъ того услышалъ преотвратительную музыку».

Въ остальныхъ за 1840 г. письмахъ сообщалось о заговорѣ въ Греціи, о хивинской экспедиціи, голландскихъ дѣлахъ, о рожденіи дочери у великой княгини Маріи и о помолвкѣ наслѣдника съ дармштадтской принцессой. «Въ семь часовъ утра насъ извѣстили пушечными выстрѣлами изъ крѣпости о помолвкѣ наслѣдника съ дармштадтской принцессой,—писалъ Нессельроде Мейендорфу объ этомъ событіи 25-го апрѣля.—Это радуетъ императорскую семью. Императоръ, съ которымъ я работалъ сегодня утромъ, внѣ себя отъ счастья».

Всѣхъ тревожила боязнь, чтобы новый прусскій король изъ ложной филантропіи не далъ своимъ подданнымъ новыхъ учреждений, которыя могли только нарушить спокойствіе Германіи. Но послѣ его свиданія съ Меттернихомъ всѣ успокоились. По словамъ Эстергази, никогда онъ не видѣлъ человека, такъ сильно опустившагося физически и нравственно, какъ былъ Меттернихъ за послѣднія шесть недѣль... Въ одномъ изъ означенныхъ писемъ графиня пространно описываетъ церемонію перенесенія останковъ Наполеона, «отъ начала до конца одну комедію», не произведшую на нее ожидаемаго впечатлѣнія, котораго ожидали извѣстныя партіи, рассчитывавшія на беспорядокъ и шумъ, надѣясь, что это повлечетъ за собою паденіе министерства. «Никакого волненія,—пишетъ она:—ни одной обнаженной головы,—я не вѣрила своимъ глазамъ: въ этой толпѣ были только любопытные. Тѣерь громко говорилъ у инвалидовъ, что стыдно такъ заглушать національный порывъ, что были приняты всѣ мѣры для умаленія торжества. Англійскій посланникъ былъ извѣщенъ о готовившемся ему скандалѣ предъ домомъ посольства и удалился съ женою еще съ утра. По дорогѣ толпа кричала предъ русскимъ посольствомъ: «Долой англичанъ!» Когда графиня вернулась домой, то нашла свою горничную совсѣмъ перепуганной, такъ шумѣла толпа. Народъ упре-

каль министерство за распоряженіе не допускать участія въ церемоніи учениковъ высшихъ школь.

Въ одномъ изъ писемъ она говоритъ о сильномъ влияніи на короля. «Знаешь ли, кто вице-король Франціи?—спрашиваетъ графиня Нессельроде мужа.—Это Ротшильдъ. Тьеръ ему надоѣлъ, что же касается другихъ министровъ, то онъ знаетъ ихъ всѣхъ». «Какъ только я замѣчаю,—разсказывалъ онъ ей:—что они слѣдуютъ противно правительственнымъ интересамъ, я отправляюсь къ королю, котораго вижу, когда хочу, и высказываю ему свои наблюденія. Онъ знаетъ, что я многое теряю и желаю только спокойствія, онъ исполнѣ мнѣ довѣряетъ, слушаетъ меня и во всемъ сказанномъ мною дастъ себѣ отчетъ».

Въ началѣ 1841 г. стремленіе Франціи къ союзу съ Россіей уже очевидно обнаруживалось во всѣхъ слояхъ общества, хотя мысль объ укрѣпленіи Парижа еще не была оставлена, и этотъ вопросъ стоялъ на очереди, какъ видно изъ письма отъ 18 января. Четверной союзъ распатывался. «Сколько разъ,—лишетъ графъ Нессельроде,—Меттернихъ проповѣдывалъ намъ, заклиналъ насъ сблизиться съ Англіей. Теперь, когда мы съ нею хороши, онъ боится, чтобы наши отношенія не сдѣлались слишкомъ близкими. Не знаешь, какъ поступать, чтобы стать пріятнымъ людямъ. Меттернихъ находилъ, что пора положить конецъ дѣлу, такъ какъ Австрія не можетъ жертвовать своими интересами въ Италіи и на Рейпѣ и своимъ долгомъ относительно германской конфедераціи ради желанія Англии, чтобы послѣдственное право на Египетъ было за Мегеметомъ-Али. «По послѣднимъ извѣстіямъ изъ Лондона, говорилъ онъ, англичане поговариваютъ о бомбардировкѣ Александріи и объ уничтоженіи двухъ флотовъ, но это интересы англичанъ, а не европейскіе, и потому австрійская эскадра не будетъ содѣйствовать англичанамъ. Мы достигли цѣли, наша подчиненъ—чего же болѣе?» Вообще Меттернихъ, по словамъ Нессельроде, въ восточномъ вопросѣ выказывалъ невообразимую трусость. Однако конецъ восточному вопросу еще затянулся, такъ какъ Мегеметъ-Али отказался принять фирманъ; но Нессельроде это не тревожило.

Несмотря на любезность англійскаго парламента, обольщавшаго французовъ, всѣ партіи во Франціи хотѣли союза съ Россіей. Со стороны Россіи Нессельроде не находилъ препятствія для возвращенія Франціи въ европейскій концертъ, хотя и считалъ ее великою націю при Людовикѣ XIV и Наполеонѣ, теперь же «мелкой управляемой синагогой болтуновъ», споры которыхъ объ укрѣпленіи останутся навсегда памятникомъ человѣческой нелѣпости, примѣромъ, до какой точки безсмыслія можетъ быть доведенъ человѣкъ. Эта нація, по его словамъ, любитъ жить противорѣчiami, ей ничего не подходитъ разумное, и она менѣе другихъ создана для представительнаго управленія. Несмотря на это, предложи французамъ отказаться отъ столь горькихъ и печальныхъ результатовъ ихъ прославленной революціи, отъ этого дешеваго правительства, которое дороже всѣхъ,—и на васъ они набросается.

Въ апрѣлѣ петербургскій дворъ готовился къ свадьбѣ наслѣдника, поэтому слѣдовалъ цѣлый рядъ празднествъ, но въ письмахъ объ этомъ говорится мало. Внѣшнія дѣла теперь мало озабочивали Нессельроде, даже па-

деніе англійскаго кабинета «Мы не идемъ къ Англіи, чтобы броситься въ ея объятія, — говорилъ онъ: — а мы стараемся привлечь ее въ нашу систему, приготовить ей мѣсто, которое она могла бы занять возлѣ насъ. Если мы считали возможнымъ успѣхъ при выгахъ, то тѣмъ болѣе причины добиться результатовъ при горяхъ». Гизо затормозилъ подпись окончательнаго акта по турецко-египетскому вопросу, предъявивъ Пальмерстону новыя претензіи. Со стороны Пруссіи тоже ничего не ожидалось, исключая отставки Авенслебена, которая была Нессельроде непріятна изъ-за торговыхъ вопросовъ. Теперь его болѣе тревожили внутреннія дѣла Россіи, плохіе финансы, которые поправить думали, съ одной стороны, дѣлая экономію на свѣчныхъ огаркахъ, а съ другой, — швыряя деньги за окно, да время отъ временъ назначая комитеты, гдѣ поднимались вопросы, оставшіеся неразрѣшенными, и этимъ только усиливалось броженіе умовъ.

Въ одномъ изъ писемъ Нессельроде высказываетъ свое неудовольствіе таможенными порядками въ Россіи. «Послалъ ваше письмо Канкрину, — пишетъ онъ: — это прелестно, и я поддержу, какъ могу заключающіяся въ немъ причины. Главное препятствіе — онъ самъ; и онъ думаетъ, что его таможенники — святые, и, какъ можетъ, поддерживаютъ ихъ; не въ его программѣ гуманныя мѣры. Что касается правосудія и безпристрастности, то, къ сожалѣнію, мы отстали отъ всѣхъ другихъ европейскихъ націй. Пограничные жители хотятъ заниматься у насъ контрабандой; прусское начальство допускаетъ ихъ это дѣлать и ободряетъ, наш же подчиненное начальство, которому поручено этому противиться принимаетъ каждаго пруссака за контрабандиста и становится несправедливо и грубо при исполненіи своихъ обязанностей. Вотъ точная картина того, что происходитъ на границѣ, истинная причина всѣхъ чрезмѣрностей. Не легко придумать лекарство противъ этого зла».

Въ юль 1842 г. Нессельродъ былъ раздраженъ рѣчами Пиля въ англійскомъ парламнтѣ по поводу русской администраціи въ Польшѣ. «Какая ему необходимость, — говорилъ онъ, — обсуждать хорошо или дурно управляемъ мы Польшей, благоразумно или нѣтъ наше поведеніе относительно эмигрантовъ? Пусть онъ предоставитъ намъ заботу совѣтоваться съ нами самими. Богъ мой! Этотъ человѣкъ никогда не сумѣетъ понять императора и Россіи. Въ основѣ его мысли много хорошаго, есть даже вещи, очень хорошо сказанныя въ его рѣчи; какому чрту вмѣшалъ онъ фразы, испортившія все впечатлѣніе и которыя могутъ произвести на умъ императора самое досадное впечатлѣніе». Въ юль въ Россію прибылъ прусскій императоръ съ своимъ министрами и это повлекло неудовольство пѣмцами, съ которыми приходилось торговаться изъ-за возобновленія договора, какъ съ торгашами. «У короля золотое сердце, умъ и особенно воображеніе, но, чтобы хорошо управлять своей страной въ трудное время, этого недостаточно. Съ императоромъ у нихъ все шло хорошо и ихъ прощаніе было трогательно, если бы не глухой отвѣтъ относительно возобновленія договора».

Въ одномъ изъ писемъ графиня Нессельроде пишетъ сыну изъ Петербурга, что императоръ перехватилъ у курьера пакеты, адресованные графу Мейендорфю. Курьеръ явился прямо къ императору, который, получивъ пакеты

на свое имя, спросилъ, нѣтъ ли у него еще чего. Курьеръ долженъ былъ отвѣтить правду и показать пакетъ ему. Государь былъ нѣсколько дней такъ разсерженъ, что придворные изумились. По словамъ графини, понесенное на Кавказѣ пораженіе не довело бы его до такой степени раздраженія. Орловъ и Бенкендорфъ выразили свое удивленіе, что онъ придаетъ такое важное значеніе подобному пустяку, и онъ на нихъ разсердился. «Твой отецъ,—писала она,—оставался спокоенъ передъ такой грозой; случайно онъ увидѣлъ его только чрезъ десять дней, когда государь былъ уже менѣе раздраженъ, но все-таки рѣшился заставить Мейендорфа заплатить шестьсотъ рублей серебромъ въ таможену». Щетно Нессельроде умолялъ императора перенести на него всю тяжесть наказанія, все было напрасно. Далѣе графиня увѣдомляетъ, что «г-жа Нелидова попрежнему *grande favorite*, но не больше, что бы тамъ ни говорили,—прибавляетъ она,—и я бы хотѣла лучше, чтобы она была просто его возлюбленной; она скоро прискучила бы ему».

Въ одномъ изъ писемъ, выражая негодованіе на нѣмцевъ и берлинскія газеты, печатавшія относительно русскіхъ всевозможныя нелѣпости, графиня пишетъ: «Это меня такъ сердитъ и, несмотря на то, что я ненавижу Луи-Филиппа, я хотѣла бы, чтобы Россія братски сблизилась съ Франціей, хотя бы для того, чтобы уколоть другія націи, которыя, видя это, не замедлятъ перемѣнить тонъ. По моему скромному мнѣнію, вы слишкомъ ласкаете англичанъ, которые всегда были фальшивыми братьями и покидали васъ, какъ только вы имъ болѣе не нужны». У императора Николая, по ея словамъ, по временамъ было такое суровое лицо, что страшно было на него смотрѣть. Въ своихъ рѣшеніяхъ онъ былъ порывистъ и дѣйствовалъ съ невообразимой быстротой. Такъ, еще недавно министръ внутреннихъ дѣлъ представилъ ему нѣкоторые факты, касающіеся полиціи и судей; онъ тотчасъ же приказалъ Чернышеву составить два указа—одинъ объ увольненіи, а другой—о назначеніи. Уволенный узналъ объ этомъ въ тотъ же день чрезъ генераль-губернатора и легъ спать ни живъ, ни мертвъ, а на другой день, явившись къ императору, не былъ принятъ, но черезъ день государь не зналъ, что для него сдѣлать, и далъ ему шифръ, что тогда было большою милостію. Императоръ его ласкалъ и съ этого дня сталъ осыпать его вниманіемъ. «Скажи, пожалуйста, можно ли объяснить подобное поведеніе и могутъ ли различные классы общества понять такой способъ царствовать. Ты, должно быть, читалъ рескриптъ Головину; онъ составленъ такимъ стилемъ, который заставляетъ думать, что кому адресованъ рескриптъ, былъ совершенство. Греблинъ, скомпрометировавшій честь войска и давшій рѣзать какъ барановъ своихъ солдатъ, не на дурномъ счету, а нашъ бѣдный Ганъ попрежнему въ немилости, его же врагъ Позень осыпанъ милостіями и, говорятъ, сдѣлается министромъ. Въ этомъ нѣтъ здраваго смысла; всѣ удивляются, что еще дѣло идетъ. Повсюду царствуетъ смертельная скука и всѣ въ ожиданіи чего-то, не предвидя, что имъ угрожаетъ и не пугая въ этомъ заранѣе. Klein Michel (Клейнмихель) становится съ каждымъ днемъ могущественнѣе; его часто посѣщаютъ и подземный телеграфъ часто въ движеніи. Недавно на балу въ Аничковскомъ дворцѣ государь долго разговаривалъ съ офицеромъ Люцкимъ по

простой причинѣ, что онъ родствъ шникъ маленькаго Михеля. Полицеймейстеръ Кокочкинъ, который вслѣдствіе разрѣшенія воровать является орудіемъ безнравственности, по тому же мотиву поддерживается на своей службѣ. Императоръ, у котораго до сихъ поръ нелѣпная мысль, что костюмъ вліяетъ на того, кто его носитъ, болѣе, чѣмъ когда, ненавидитъ фраки. Странная голова у монарха! Онъ пашетъ свою обширную землю, не сѣя хорошихъ сѣмянъ. Министръ внутреннихъ дѣлъ Перовскій дѣлаетъ все, что возможно, чтобы возродить суды, и пользуется услугами только честныхъ людей; онъ никого не щадитъ и отрѣшается отъ должности, когда это надо. Онъ заботится о сѣстныхъ припасахъ, ихъ цѣнѣ, о булочникахъ, поэтому его любятъ бѣдняки. У Киселева дѣло не идетъ впередъ, судя по общественному мнѣнію; онъ разстраиваетъ ихъ вмѣсто того, чтобы устраивать. Нужны на службу люди, въ нихъ у насъ нѣтъ недостатка, но какая дрянь».

1843 г. начался благополучно. Политическій горизонтъ, по словамъ графини Нессельроде, былъ спокоенъ. «Франція процвѣтаетъ,—пишетъ она 23-го января:— что меня не радуетъ. Гизо останется министромъ, онъ слишкомъ гордъ, и надо сбить съ него спесь». Австрія относительно Россіи вела себя не совѣмъ хорошо въ дѣлѣ Сербіи и, по слухамъ, подстрекала Порту твердо держаться, чтобы уступила Россія. Пруссія тоже была неприятна. Императоръ съ каждымъ днемъ все болѣе занятъ мадемуазель Нелидовой, у которой презлое выраженіе лица. Кромѣ того, что онъ ходитъ къ ней по нѣсколько разъ въ день, но онъ еще старается на балахъ быть всегда ближе къ ней. Бѣдная императрица все это видитъ и переноситъ съ достоинствомъ; но какъ она должна страдать».

Расхваливая министра внутреннихъ дѣлъ за его дѣятельность по устройству собственной полиціи безъ вмѣшательства Кокочкина, графиня сообщаетъ, что онъ добился полезныхъ результатовъ. Съ помощью ловкаго агента они захватили шайку изъ ста пятидесяти человекъ, изящно одѣтыхъ, имѣвшихъ свой экипажъ и квартиру, гдѣ укрывались. Затѣмъ она переходитъ къ отношеніямъ между Николаемъ и Нелидовой. «Публика какъ въ массѣ, такъ и отдѣльныя лица или привязаны къ императрицѣ, или восторгаются ея неизмѣнной кротостью и выдержкой предъ Нелидовой, постоянно находящейся у нея на глазахъ и въ которую влюбленъ императоръ, еще не имѣя ея любовницей, что кажется страннымъ, когда знаешь, что онъ ходитъ къ ней во всякій часъ дня. На балу, на глазахъ у всѣхъ, не заботясь, что объ этомъ скажутъ, онъ часто къ ней подходитъ, садится за ужиномъ рядомъ съ нею. Нашъ монархъ не пропустилъ ни одного костюмированнаго бала, оставаясь на немъ до трехъ часовъ утра и прогуливаясь съ самыми ничтожными людьми. Одна изъ такихъ личностей, съ которой онъ не опасался разговаривать за-просто, сказала своему дядѣ, что трудно вообразить себѣ, какіе онъ ведетъ вольные разговоры».

Полиція Перовскаго продолжала арестовывать воровъ и садить ихъ въ крѣпость. Перовскій и Кавелинъ оба находили необходимымъ удалить Кокочкина, но государь продолжалъ ему покровительствовать, несмотря на очевидныя доказательства его виновности.

Нессельроде чувствовал, насколько Россія отстала отъ Европы, и прїѣздъ въ Петербургъ нѣмецкаго экономиста Гакстаузуена его немного смущалъ. Жалуясь на подагру, помѣшавшую ему познакомиться съ нимъ, онъ пишетъ Мейендорфу, что, откровенно говоря, досадно, зачѣмъ его вызвали въ Россію. «Показать иностранцамъ наши слабыя стороны,—пишетъ онъ 4-го апрѣля,—значить не достигнуть ничего хорошаго. Прїѣзжай онъ черезъ пятьдесятъ лѣтъ, быть можетъ, онъ оказалъ бы намъ пользу, но въ данный моментъ Россія еще не созрѣла. Лучшая организція правосудія должна предшествовать эмансипации. Всѣ эти планы эмансипации, которыми намъ угрожаетъ Киселевъ, въ данный моментъ поведутъ лишь къ крестьянскому бунту и разоренію дворянства. Въ настоящее время я предпочитаю, чтобы ограничились улучшеніемъ быта крестьянъ, обезпеченіемъ ихъ сильными административными мѣрами отъ незаконнаго притѣсненія помѣщиковъ и обезпеченіемъ ихъ землею. Имъ самимъ это будетъ полезнѣе, чѣмъ свобода, которую они въ виду недостатка развитія своей нравственности и цивилизаціи дурно примѣняютъ. Последній указъ—настоящая безуспѣшная попытка, за исключеніемъ Михаила Воронцова, который произвелъ сдѣлку съ своими 300 муринскими крестьянами, никто не примѣнилъ этого принципа къ своимъ землямъ».

Черезъ нѣсколько дней онъ извѣщалъ, что государь жалуется на головокруженіе и очень беспокоится о своемъ здоровьи. «По правдѣ,—прибавляетъ Нессельроде—онъ долженъ волноваться, что не находится болѣе на вѣрномъ пути; онъ начинаетъ замѣчать, что ему ни въ чемъ не везетъ, что все у него хромаетъ, и раздражается вмѣсто того, чтобы хорошенько поразмыслить и исправить».

Въ императорской семьѣ предстояло выдать замужъ двухъ великихъ княженъ, красавицъ-дочерей государя, и двухъ дочерей великой княгини Елены Павловны. Задача была не изъ легкихъ, и Нессельроде озабочивалъ вопросъ, гдѣ взять подходящихъ жениховъ. Елена Павловна видѣла, что сравненіе ея дочерей съ дочерьми государя невыгодно для первыхъ, и потому снѣвшила уѣхать за границу, когда нашелся женихъ для ея дочери. «По правдѣ сказать,—писалъ Нессельроде 2-го апрѣля,—разгадка всего этого та, что великая княгиня немного боится, и не безъ причины, сравненія между великими княжнами ея дочерьми и дочерьми государя. Вотъ почему она предпочитаетъ, чтобы они видѣлись, сблизились и рѣшили дѣло за границей, а не въ Петербургѣ. Хотя бракъ между великимъ герцогомъ Мекленбургскимъ и одною изъ дочерей государя вещь невозможная, но зрѣлище этихъ ангельчиковъ, великихъ княженъ Ольги и Александры, легко можетъ произвести впечатлѣніе на сердце и умъ великаго герцога Мекленбургскаго, а это будетъ невыгодно для дочери великой княгини. Эти соображенія, дорогой баронъ, сообщаю вамъ одному, никому не передавайте ихъ. Я считалъ долгомъ не оставлять васъ въ незнаніи, чтобы вы могли хорошо объяснить себѣ истинную причину, которая побуждаетъ великую княгиню не измѣнять ни времени, назначеннаго для ея отъѣзда, ни желанія видѣться съ великимъ герцогомъ въ Дрезденѣ. Прошу васъ, дорогой баронъ, приложить всѣ заботы и старанія, чтобы онъ былъ въ Дрезденѣ, когда великая княгиня будетъ тамъ».

Черезъ нѣсколько дней великая княгиня написала Мейендорфу письмо, въ которомъ сама о томъ же проситъ. Нессельроде даетъ совѣты, какъ устроить это свиданіе. Однако изъ позднѣйшаго письма видно, что свиданье не состоялось и Нессельроде сожалѣлъ объ этомъ. Благодаря Мейендорфа за справки, онъ находилъ благоразумнымъ, что она на лѣто поѣдетъ въ Германію съ цѣлью увидѣть жениха тамъ. Въ декабрѣ онъ извѣстилъ, что въ Петербургѣ идутъ приготовления къ свадьбамъ и празднествамъ и онъ занятъ составленіемъ свадебныхъ контрактовъ. «Контрактъ великой княжны Александры заставилъ меня отправить въ Копенгагенъ курьера, —увѣдомляя Нессельроде.— У насъ въ данный моментъ политика совершенно заснула; я занятъ только составленіемъ свадебныхъ контрактовъ; пріятная и легкая работа, когда только даешь и не требуешь ничего обратно. Наши женихи заставляютъ себя еще ждать; несмотря на это, обрученіе великой княжны Александры назначено на послѣзавтра, великой княжны Елизаветы въ первый день новаго года; свадьбы 16-го и 20-го января. Нельзя веселѣе начать годъ. Дай Богъ, чтобы онъ такъ же и кончился. Такъ и было бы, если бы мы могли найти мужа для божественной великой княжны Ольги, съ каждымъ днемъ становящейся все прекраснѣе и прекраснѣе, по которой черезъ немного лѣтъ достигнетъ своего апогея. Когда я примусь объ этомъ думать, то прихожу въ смущеніе. Съ тѣхъ поръ, какъ вся надежда имѣть эрцгерцога Этьена потеряна, мы буквально не знаемъ, на какого святого намъ положиться, такъ какъ королевскій принцъ Вюртембергскій на восемь мѣсяцевъ моложе великой княжны Ольги, а великій герцогъ Мекленбургскій—троюродный братъ. Что до остальныхъ, то альманахъ Гота не даетъ ни одной живой души—печально!».

Въ 1846 г. Нессельроде успокоился отъ своихъ матримоніальныхъ заботъ: для великой княжны Ольги нашлся женихъ въ лицѣ королевскаго принца Вюртембергскаго. «Только бы самъ король не слишкомъ влюбился въ великую княжну, —писалъ онъ Мейендорфу:— что касается сына, то любовь его совершенно измѣнила съ ногъ до головы; личности, предубѣжденныя противъ него, теперь находятъ его очаровательнымъ. Изъ всего этого я дѣлаю заключенія, что наша прелестная великая княжна будетъ счастлива. Встаньте передъ нею на колѣни, прошу васъ, она проститъ мнѣ, что я такъ сильно волнуюсь, думая о ней, о ея будущемъ, такъ какъ знаетъ, что въ теченіе четырехъ лѣтъ это было главнымъ предметомъ всѣхъ моихъ помысловъ». Однако семейное счастье Ольги Николаевны нарушалось нерасположеніемъ къ ней сестеръ мужа, недовольныхъ этимъ бракомъ. «Принцесса Оранская ведетъ оскорбительные разговоры насчетъ нашей доброй императрицы, —пишетъ графиня Нессельроде, —и беретъ въ наперсники графа Сень-При. Ей слѣдовало бы постыдиться: бракъ ея брата съ дочерью императрицы ставить ей это въ обязанность. Она позволяетъ себѣ сомнѣваться въ красотѣ своей невѣстки и говорить русскимъ дамамъ, что онѣ ослѣплены по отношенію къ ней. Это меня возмущаетъ. Ея сестра также дурно расположена къ ней и выказываетъ свое неудовольствіе этимъ бракомъ. Нашей дорогой великой княжнѣ много придется испытать неприятностей. Надо признаться, что принцы и принцессы выродились».

Нессельроде теперь тревожило здоровье императрицы, покинувшей слишком рано Италию, куда ее отправили доктора. «Признаюсь,—писал он 30-го мая 1846 г.:—что беспокоен на ее счет; боюсь, что она рано покинула Италию, боюсь петергофских волнений; боюсь переживаний свадебных и разлуки с дочерью. Наконец я всего за нее боюсь. В известиях, доходивших до нас, много противоречий. Вчера я был у княгини Салтыковой, но не застал ее одну. Скажите, что есть и на что можно надеяться. Я, как и вы, сожалею, что ее маршрут назначен так, что она не может встретити ни короля, никого из своих родных; между нами будь сказано, я склонен думать, что причиной этому она сама. После смерти принцессы она написала, что не хочет проезжать через Силезию, где у нея только тяжелыя воспоминанія. Но если она должна присоединиться къ государю, тогда свиданіе дѣлается возможнымъ. Фонтонъ передаетъ, что принцъ прусскій отправляется въ Варшаву, это уже много, но это не все».

Императоръ все болѣе увлекался Нелидовой, поэтому Нессельроде радовался, что по случаю смерти невѣстки она будетъ отсутствовать на празднествахъ. «Это помѣшаетъ иностранцамъ,—пишетъ онъ,—быть свидѣтелями ухаживаній за нею государя во время празднествъ. Но отсутствіе этого дорогого его сердцу предмета сдѣлало то, что императоръ возненавидѣлъ балы и часто удаляется послѣ краткаго пребыванія, покинувъ тамъ свою семью. Головкинъ, въ своей книгѣ назвавшей Нелидову возлюбленной государя, имѣлъ смѣлость послать одинъ томъ Николаю, что привело императора въ ярость. Авторъ обнаружилъ всѣхъ придворныхъ, донесъ обо всѣхъ злоупотребленіяхъ, представилъ Нелидову какъ возлюбленную императора, а Клейнъ Михеля посредникомъ между ними. Монархъ говорилъ своему отцу, какое онъ испытываетъ огорченіе, видя, какъ заставляютъ терять репутацію личность, которой, конечно, онъ интересуется и любитъ проводить съ нею нѣсколько часовъ, но она ему не любовница, въ этомъ онъ клянется предъ Богомъ. Онъ такъ во всемъ непопостижимъ, что въ этомъ ничего нѣтъ невозможнаго».

Характеръ Николая становился все тяжелѣе. «Императоръ держитъ всѣхъ приближенныхъ въ лихорадочномъ напряженіи—пишетъ графиня Нессельроде сыну,—точно избалованный, ужасный ребенокъ, который не умѣетъ и не хочетъ ничего переносить. Онъ увѣряетъ, что не будетъ жить ни въ Зимнемъ, ни въ Аничковскомъ дворцѣ; вѣроятно, онъ раскинетъ палатку на большой площади. Одинъ поступокъ Михаила Павловича его сильно раздражилъ, и онъ отмстилъ ему по-своему. Во время ученья Михаилъ Павловичъ безъ всякаго повода набросился съ грубыми словами на герцога Лейхтенбергскаго во время смотра его бригады. При этомъ онъ повторялъ на всѣ лады, что тотъ небрежно смотритъ за солдатами, встаетъ поздно и занимается только дамскимъ угодничествомъ. Когда окончился смотръ, онъ собралъ генераловъ и офицеровъ и на ихъ глазахъ съ нимъ произошелъ настоящій припадокъ безумія. Онъ сталъ ему говорить противоположное тому, что ранѣе говорилъ, находя его солдатъ изнеможенными отъ усталости, что онъ мало ими занимается, а теряетъ время въ лабораторіяхъ за гальванопластическими работами и проч. Герцогъ слушалъ его какъ по чиненный и заговорилъ только, чтобы защитить полковника, кото-

раго Михаилъ Павловичъ приказаль арестовать. Онъ сказалъ, что у полковника наканунѣ умерла жена и все-таки онъ явился на смотръ, потому что это его долгъ и проч. трогательныя вещи, которыя не тронули великаго князя. Послѣ отъѣзда Михаила Павловича герцогъ Лейхтенбергскій объявилъ солдатамъ, что онъ откажеться отъ командованія, такъ какъ его личность навлекаетъ на нихъ такія непріятности. Возвратясь домой, онъ разсказаль женѣ объ этой сценѣ. Несмотря на его протесты, она отправилась къ государю и разсказала ему обо всемъ. Николаю Павловича это раздражило и при смотрѣ Семеновскаго полка, которому въ тотъ моментъ покровительствовалъ Михаилъ Павловичъ, государь сильно разгнѣвался. Онъ сталъ привязываться къ каждому пустяку, дурно обращался съ солдатами и офицерами и съ энергичными выраженіями отправилъ ихъ домой. «Что должны думать солдаты, — добавляетъ графиня: — видя себя игрушками интимныхъ чувствъ принцевъ? Меня увѣряють, что послѣдникъ до сихъ поръ ведетъ себя предъ солдатами осторожно; выдержать ли онъ такую роль?»

Между различными слетнями графиня Нессельроде разсказываетъ сыну о смерти папы, котораго совершенно обокрали окружающіе, какъ только узнали объ его безнадежномъ положеніи. Они никого къ нему не впускали подъ предлогомъ слабости и держали его голодомъ. Когда доктора стали балзамировать тѣло папы, то всѣ воскликнули отъ удивленія, увидя, что его желудокъ былъ совершенно пустъ и онъ умеръ голодной смерью; хотя надежды на жизнь уже не было, но это голоданіе ускорило развязку. О Горчаковѣ графиня отзывалась критически. «Теперь, когда я увидѣла Горчакова ближе, то убѣдилась, что онъ не долженъ занимать никакого важнаго поста. Конечно, у него есть способности, но онъ такъ волнуется, что все портить, и его не любить ни его коллеги, ни общество. Онъ утомляетъ короля. Я не думаю, что онъ годится для Неаполя, и жалко, если ему дадутъ этотъ постъ».

Изъ позднѣйшихъ писемъ видно, что прусскія, а также волненія въ Швейцаріи теперь волновали Нессельроде. Скандалъ съ польскою монахиней въ Минскѣ, надѣлавшій много шума за границей, благодаря клерикальнымъ газетамъ, встревожилъ Нессельроде, какъ и вообще польскія дѣла. Вообще онъ мало вѣрилъ въ умиротвореніе Польши. Когда Николай I пріѣхаль изъ Варшавы, довольный своей поѣздкой, то графиня Нессельроде писала сыну: «Народъ вышелъ къ нему навстрѣчу, въ городѣ, гдѣ онъ проходилъ среди толпы совершенно одинъ, его сопровождали ораціи. Я спрашиваю себя, неужели онъ принялъ это за чистую монету, и удивилась, что полиція имѣетъ довольно власти, чтобы открыть столько ртовъ и заставить ихъ кричать противное тому, что думаютъ ихъ сердца». Въ другомъ письмѣ она говорить, что одинъ высокопоставленный полякъ, эмигрировавшій изъ Россіи, прямо сказалъ, что если русскіе сойдутся съ папой относительно сближенія церковей, то полякамъ останется одно — перейти въ протестантство. Правда, въ послѣднихъ письмахъ онъ говорить, что краковскія дѣла способствовали успокоенію умовъ русскыхъ поляковъ. «Дайте понять — писалъ онъ Мейендорфу: — что наше положеніе послѣ краковскаго дѣла сдѣлалось съмымъ прекраснымъ на свѣтѣ». Этимъ письмомъ заканчивается VIII томъ переписки графа Нессельроде.

— Мнѣніе иностранцевъ о нѣмцахъ.—Профессоръ Штейнгаузенъ напечаталъ въ «Deutsche Rundschau» статью «Какъ судять о нѣмцахъ другіе народы», гдѣ изложилъ причины, почему не любятъ нѣмцевъ. Въ настоящее время нѣтъ такого народа на свѣтѣ, говоритъ онъ, котораго бы такъ не любили, какъ нѣмцевъ. Безъ сомнѣнія, вообще рѣдко двѣ сосѣднія націи любятъ другъ друга и относятся другъ къ другу справедливо, но этой антипатіи есть мѣра: нелюбовь же къ нѣмцамъ достигаетъ максимума. Между тѣмъ древніе были о нѣмцахъ иного мнѣнія. Тацитъ горячо восторгался ихъ героической храбростью и чистотой нравовъ; правда, онъ ихъ также и порицалъ за пьянство, буйство, любовь къ игрѣ и отсутствіе дисциплины. Впослѣдствіи римляне все сильнѣе выказывали къ древнимъ германцамъ антипатію и презрѣніе. Кромѣ упомянутыхъ пороковъ, Веллей Патеркулъ и Сальваній находили еще другіе: лицемѣріе и страсть ко лжи. «Кажется, они рождены для лжи», говорилъ Веллей. Во время и послѣ вторженія они оскорбляли галло-римлянъ своимъ пьянствомъ и неряшествомъ. Мужчины и женщины распространяли такой запахъ отъ одежды и тѣла, что заражали воздухъ.

Между тѣмъ франки понемногу цивилизовались, воспринимая счастливое вліяніе побѣжденныхъ. «Gallia capta ferum victorem cepit».

Едва они обтесались, какъ уже начали презирать «германскихъ олуховъ»; со своей стороны, южные и западные германцы, сосѣдніе съ латинизированными странами и поселившіеся въ областяхъ, бывшихъ нѣкоторое время римскими, считали себя гораздо превосходнѣе дикарей центральной и восточной Германіи. И такъ было всегда: малѣйшая крошка латинизаціи шла за дворянскій титулъ—по крайней мѣрѣ интеллектуальное дворянство, за превосходство цивилизаціи. Еще теперь баварцы и рейнцы презираютъ другихъ нѣмцевъ, позднѣе ихъ обтесавшихся.

Безспорно, что многіе вѣка, почти до половины XVIII вѣка, латинскія страны, Италія и Франція, служили источникомъ, куда нѣмцы приходили черпать все, что составляло ихъ артистическую, интеллектуальную и свѣтскую культуру и что они были учениками римлянъ и романизированныхъ народовъ.

Въ болѣе блестящую эпоху средневѣковья—двѣнадцатаго, тринадцатаго и первой половины четырнадцатаго вѣковъ во главѣ христіанской цивилизаціи безспорно стояла Франція—даже Италія уступала ей мѣсто. У Франціи нѣмцы заимствовали готическую архитектуру, схоластическую философію и то, что можно назвать рыцарскою цивилизаціею. Нѣмецкіе студенты тысячами являлись въ Парижъ—источникъ всѣхъ наукъ, какъ тогда его называли, и французы не преминули ихъ осмѣивать, находя тяжелыми, грубыми, неуклюжими, тупоумными и лѣнливыми. Они не вспомнили, говоритъ авторъ, что одинъ изъ самыхъ извѣстныхъ профессоровъ университета, философъ Альберъ ле-Гранъ, явился къ нимъ изъ Германіи. Во время крестовыхъ походовъ французы также насмѣхались надъ своими германскими братьями, между тѣмъ послѣдніе прилагали всѣ усилія подражать имъ и, если возможно, сравниться съ ними. Французскій вкусъ господствовалъ при всѣхъ мелкихъ дворахъ сеньоровъ по ту сторону Рейна, и вся рыцарская литература миннезингеровъ болѣе или

менше подражаніе французскимъ поэтамъ или вдохновеніе ими. Провансальскіе трубадуры были не лучшаго мнѣнія о нѣмцахъ. Пейръ Видадь насмѣхался надъ грубостью ихъ ума и вульгарными манерами. Итальянцы тѣхъ вѣковъ, видѣвшіе германцевъ близко, презирали и ненавидѣли ихъ еще болѣе французовъ. Нѣмцы, говорить печально авторъ, не умѣли заставить себя любить. «Тевтоны никому не друзья», говорить одинъ латинскій поэтъ XIII вѣка. Итальянцы признавали за ними лишь военную отвагу, но и этотъ *furor teutonicus* имѣлъ въ себѣ что-то скотское. Нѣмцы совсѣмъ не знали военного искусства. Нѣмецкая цивилизація, до тѣхъ поръ дремавшая, довольно живо вспыхнула въ XV и первой половинѣ XVI вѣковъ. Это была эпоха процвѣтанія нѣмецкихъ народовъ: ихъ торговля развилась, и народонаселеніе увеличилось. Уже въ 1438—39 г. кастилецъ Педро Тафуръ, объѣздившій всѣ нѣмецкіе города, восторгался ихъ великолѣпьемъ и величиною. Русскій митрополитъ Исидоръ, французъ Фруассаръ и различные итальянскіе писатели между прочимъ Сильвій Пикколomini, будущій папа Пій II, дипломатъ Агостино Патриціо, Маккиавелли, Амброзіо Траверсари были того же мнѣнія. Сильвій находилъ, что у нѣмцевъ ничего болѣе не осталось варварскаго, исключая языка. Однако среди восхваленій слышалось и порицаніе. Нѣмцевъ находили разбогатѣвшими, и ихъ цивилизація на первый взглядъ была довольно блестящая, но подъ соблазнительной внѣшностью нѣмецкій народъ оставался грубымъ, чуждымъ настоящей деликатности и лишеннымъ того, что украшало и облагораживало другія цивилизованныя націи. Нѣмецкое дворянство, побѣжденное, обѣднѣло, а съ нимъ исчезла полуфранцузская цивилизація. Буржуазные торговцы засыпаны были богатствомъ, но не умѣли его примѣнять: имъ не хватало вкуса, они не понимали красоты, они растрчивали свои деньги на ѣду и чудовищное пьянство. Еще Петрарка съ XIV вѣка, восторгаясь роскошью Кельна, свидѣтельствовалъ, что буржуа, поклоняясь деньгамъ, любятъ только свое брюхо, стараются удовлетворить свою глотку, отдыхать и спать. Маккиавелли былъ того же мнѣнія; онъ находилъ нѣмцевъ вульгарными, дурно воспитанными, поглощенными матеріальными наслажденіями. Поджъ писалъ о нихъ: «Боги, развѣ эти люди! Какія это сонныя, пьяныя, отяжелѣвшія храпящія созданія! Право, они заслуживаютъ ненависти Бога и людей». Джіантонио Кампано, Берни и много другихъ были того же мнѣнія. Филиппъ Коминъ говоритъ: «Ихъ поэзія, пѣніе и празднества дышатъ грубымъ весельемъ и любовью къ матеріальнымъ наслажденіямъ». «Увы!—писалъ Лютеръ,—я слишкомъ хорошо знаю, что мы, нѣмцы, были грубыя и глупыя животныя, какъ справедливо говорятъ всѣ иностранныя народы». Лютеранская реформа, по словамъ автора, много увеличила эту грубость и сдѣлала нравы еще болѣе дурными. «Это была народная реакція противъ интеллектуальной культуры, которая начала развиваться, и противъ проповѣди морали католическихъ патеровъ». Каспаръ Шнейдеръ утверждалъ въ 1551 г., что итальянцы и французы не называли нѣмцевъ иначе, какъ *porco tedesco* (нѣмецкая свинья) и *allemand ivrogne* (пьяница нѣмецъ).

Англичане временъ королевы Елизаветы, сами не отличавшіеся трезвостью, часто насмѣхались надъ пьянствомъ и обжорствомъ нѣмцевъ. Морисонъ, востор-

гавшийся ими, жаловался также на ихъ пьянство, которое охватывало даже артистовъ и ученыхъ, достойныхъ восхищенія за безкорыстныхъ рвеніе, съ какимъ они предаются наукѣ и искусству. Другъ короля Іакова, Джонъ Барклей, долго бывший посланникомъ во Франціи, говорилъ, что «они знаютъ болѣе, чѣмъ ихъ сосѣди, но понимаютъ менѣе. Въ XVII вѣкѣ Германія, опустошенная войнами, разорилась, обезлюдилась и, казалось, вернулась къ варварству. Съ другой стороны, Італія тяжело заснула подъ игомъ Іспаніи. Послѣ короткаго періода испанской гегемоніи Франція становится королевой цивилизаціи; ея блестящая и гармоническая цивилизація приводитъ всѣхъ въ восторгъ и ее копируютъ всѣ остальные народы Европы. Нѣмцы становятся ея покорными и услужливыми учениками и дѣлаются чѣмъ-то вродѣ полуфранцузовъ». Послѣдніе находятъ ихъ довольно добрыми людьми, но любящими ссоры («querelle d'Allemands»), смѣшными, дураковатыми и мало интеллигентными. «Вы меня принимаете за нѣмца» было синонимомъ «вы меня принимаете за скотину». Кардиналъ Перронъ, говоря объ іезуитѣ Гретцерѣ, замѣтилъ: «Для нѣмца онъ уменъ!» Однако полуофранцузившійся Лейбницъ вызывалъ восторгъ у образованныхъ французовъ; а позднѣе философъ Вольфъ нашелъ во Франціи поклонниковъ. Бейль хвалилъ ихъ научныя открытія въ области физики и особенно химіи; онъ находилъ ихъ трудолюбивыми, терпѣливыми и изобрѣтательными. Маркизь Аржанъ въ своихъ «Lettres juives» признавалъ ихъ способными на науки и довольно способными для философіи, но краснорѣчіе и поэзія имъ не давались, чему много способствовалъ ихъ ужасный языкъ. Но особенно они отличались въ практическихъ открытіяхъ. «Это родина машинъ», говорилъ Гриньонъ. Маркизь Аржанъ уже сталъ признавать, что они начали дѣлаться недостойными прежней своей репутаціи пьяницъ; въ этомъ отношеніи они сдѣлали большіе успѣхи. Наступила середина XVIII вѣка; въ умахъ нѣмцевъ произошла большая перемѣна, и мнѣніе о нихъ измѣняется. Въ Германіи зародилась литература, и въ 1750 г. нѣсколько французскихъ писателей вдругъ сдѣлали открытіе, что тамъ существуетъ литература. Это была группа французскихъ гугенотовъ, поселившихся въ Германіи и основавшихъ журналъ «Германская Библіотека». Они старались ознакомить французовъ съ нѣмецкой литературой, а нѣмцевъ съ французской, и этому знакомству много способствовалъ Гриммъ. Въ 1751 г. Фреронъ признается, что Германію до сихъ поръ считали способной только на научный и юридическій трудъ, но теперь видятъ, что она любитъ поэзію и беллетристику. Въ то же время де-Лапоръ писалъ: «Мы смотрѣли на Германію почти тѣми же глазами, что афиняне когда-то смотрѣли на Беотію. Мы начинаемъ отказываться отъ такого неблагоприятнаго предразсудка».

Вскорѣ Геллертъ, Рабнеръ, Гагедорнъ, Клейстъ вызвали во Франціи хвалебные отзывы, и нѣкоторыя изъ ихъ статей были переведены, хотя съ ними познакомились пока только литераторы. Общая же публика начала читать нѣмецкихъ авторовъ только съ Соломона Гесснера. Клопштокъ также достигъ нѣкоторой популярности во Франціи; одинаково, какъ и Лессингъ, онъ былъ апостоломъ «чувствъ» и «природы», и этого было достаточно, чтобы его читали французы. Вилландъ также былъ имъ знакомъ. Но главный успѣхъ выпалъ на долю Гете, такъ какъ его романтизмъ совпалъ съ новой французской модой на сентиментальную

литературу. Этимъ на вр мя закончился успѣхъ нѣмцевъ во Франціи. Съ 1780 г. Гриммъ и другіе писатели нашли, что Германія вышла изъ моды. Періодъ Sturm und Drang не могъ привлечь къ себѣ французовъ. Но нѣмецманія еще не совсѣмъ умерла, и нѣкоторые писатели попадали подъ нѣмецкое вліяніе, а по временамъ подражали имъ, какъ, напримѣръ, Рамонъ, Бонъвиль, Гранвиль, Нодье. Горячимъ поклонникомъ нѣмецкой поэзіи и философіи былъ Шарль Виллеръ и Бенжаменъ Констанъ, проведеншій много лѣтъ въ Германіи, а также Мирабо съ 1787 г., послѣ путешествія по Германіи. Сочиненіе г-жи Сталь «De l'Allemagne» было напечатано въ Парижѣ въ 1810 г., но Наполеонъ приказалъ уничтожить все изданіе, хотя сначала далъ согласіе его напечатать, и г-жа Сталь издала его въ Лондонѣ въ 1813 г. Успѣхъ былъ такъ великъ, что опять поднялъ моду на нѣмцевъ, и тщетно Беранже давалъ совѣты не увлекаться Германіей. Молодая романтическая школа восхищалась нѣмецкими поэтами. Гете и Шиллеръ переводились наперебой и послѣдняго даже больше любили, но, конечно, восторгъ не доходилъ до такой степени, какъ восхищеніе Шекспиромъ, Вальтеръ Скоттомъ и Байрономъ. Сказки Гофмана, переведенныя на французскій языкъ, пользовались продолжительнымъ и большимъ успѣхомъ. Жераръ де-Нерваль и переводилъ и подражалъ нѣмцамъ.

Въ то же время нѣмецкая философія не мало вскружила французскихъ головъ. Кузенъ ее изучалъ и акклиматизировалъ съ первыхъ годовъ реставраціи и, смѣшавъ нѣмецкую философію съ шотландской школой, извлекъ изъ нихъ свой эклектизмъ. Кузенъ, Эдгаръ Кинэ, Жераръ де-Нерваль, Мишлэ смотрѣлъ на Германію, какъ на сестру Франціи. Тэнъ, Литтре, Ренанъ восторгались ею, особенно послѣдній восхищался нѣмецкими наукою и философіею. Нѣмецкіе ученые и историки еще болѣе царствовали во Франціи, чѣмъ поэты, а композиторы со времени Глюка получали заслуженную дань поклоненія; въ теченіе XIX вѣка нѣмецкіе авторы встрѣтили столько же поклонниковъ во Франціи, какъ и въ Англіи. Въ послѣдней—фанатическимъ поклонникомъ нѣмецкихъ авторовъ являлись Карлейль, Бульверъ-Литтонъ и Бокль. Въ эту же эпоху въ Россіи былъ общій восторгъ передъ нѣмецкой литературной культурой.

Однако Стендаль и Жоржъ-Зандъ, совершенно противоположные по уму, одинаково соглашались, что нѣмцы «глупы». Стендаль, какъ и трубадуръ Видаль, признавалъ, что нѣмецкій языкъ похожъ на карканье воронъ, и осмѣивалъ г-жу Сталь за нѣмецманію; а Жоржъ-Зандъ порицала Литтре и Ренана за поклоненіе писателямъ изъ которыхъ ни одинъ ихъ не стоилъ. Французы смотрѣли на нѣмецкую націю, какъ на народъ мечтателей и философовъ, неспособныхъ дѣйствовать практически. Только Сень-Симонъ и Кинэ предсказывали ей одинъ экономическое пробужденіе, другой—политическое и военное, а Наполеонъ III писалъ Евгенію въ 1856 г.: «Нѣмецкая раса—раса будущаго».

Наступилъ 1866 г., въ особенности 1870, и естественно послѣдовала рѣзкая реакція. Однако Штейнгаузенъ признаетъ, что многіе французскіе писатели безпристрастно и справедливо описываютъ современную Германію, какъ, напримѣръ, Лихтенберже, Жюль Гюрэ. Напротивъ, Марсель Прево въ своемъ романѣ «Monsieur et Madame Moloch», гдѣ авторъ пытается противопоставить вѣчную Германію, Германію Канта и Шопенгауера, Вертера и Лютты, Герма-

ни теперешней, имперской, той Германіи побѣдительницѣ и практичной, которую онъ называетъ «фальшивой Германіей» и объявляетъ ее погибшей. Штейнгаузенъ не понимаетъ, почему погибшая Германія была истинной, вѣчной, а та, что живетъ теперь, фальшивая. Мимоходомъ упоминая о сочиненіяхъ Барреса, Поля Дерулада и Ренэ Базена, онъ дѣлаетъ открытіе, что французы презираютъ грубость нѣмцевъ, которая, несмотря на ихъ побѣды и матеріальный прогрессъ, остается въ глазахъ французовъ полувзварствомъ мало отесанныхъ выскочекъ, раса которыхъ вдвойнѣ ниже французской, будучи гораздо естественнѣе, грубѣе и не имѣя позади себя длинныхъ вѣковъ традиціонной культуры, которая сближаетъ ее съ великолѣпной греко-латинской цивилизаціей.

Въ заключеніе Штейнгаузенъ печально замѣчаетъ, что иностранцы всѣхъ странъ согласны между собою въ томъ, что нѣмцы дурно воспитаны, шумливы, грубы, некорректны, иногда заносчивы и дерзки, иногда раболѣпны и довольно пошло добродушны. Но любовь къ нимъ возбуждается отчасти завистью, угрызениемъ совѣсти и опасеніемъ. Метерлинкъ не зря назвалъ Германію «нравственной совѣстью человѣчества».

— Панамериканскій конгрессъ. — Постоянныя неурядицы между республиками Южной Америки пробудили аппетитъ вашингтонскаго правительства къ поглощенію этихъ маленькихъ, но неспокойныхъ странъ, и такое империалистическое стремленіе очень встревожило латинскую Америку. Обычные конфликты между республиками возстановляютъ ихъ одну противъ другой, что на руку Соединеннымъ Штатамъ, смѣлая политика которыхъ въ концѣ концовъ одержитъ верхъ надъ крошечными республиками. Затрудненія латинской Америки усложняются предстоящимъ четвертымъ панамериканскимъ конгрессомъ, который долженъ состояться въ Буэнос-Айресѣ 9-го іюля 1910 г. Нравственная атмосфера, при которой совершались послѣднія работы, совсѣмъ неблагоприятна для союза, который преслѣдуетъ панамериканизмъ. Уже теперь шесть республикъ не отвѣтили на призывъ, и только три изъ учтивости будутъ присутствовать лишь на открытіи конгресса. Какъ нарочно, предъ самымъ конгрессомъ возникли конфликты между республиками, а также между нѣкоторыми изъ нихъ и Соединенными Штатами. Впрочемъ, какъ замѣчаетъ, разсматривающій этотъ вопросъ въ первой майской книжкѣ «La Revue» Манюэль Укартъ, это просто семейныя ссоры республикъ-сестеръ и нравственное единство расъ господствуетъ надъ теперешними недоразумѣніями и затрудненіями. Конфликтъ съ Чили, особенно событія въ Никарагуа, гдѣ Сѣверная Америка открыто вмѣшалась, сдѣлали очевидными желанія и намѣренія Америки. Газеты тѣхъ странъ, которымъ Америка прямо угрожаетъ послѣдними интригами, полны горячихъ патріотическихъ воззваній къ героизму расъ. Вашингтонская пресса, съ своей стороны, еще болѣе усиливаетъ недовѣріе латинской Америки къ Соединеннымъ Штатамъ, «Washington Times», ссылающійся всегда на официальные источники, напечаталъ, что необходимо установить стратегическія станціи близъ канала, какъ со стороны Тихаго океана, такъ и Атлантическаго, такимъ образомъ поднимая вопросъ объ автономіи не только центральной Америки, но Экуа-

дора, Колумбіи и Венецуэлы. «Las Novedas» съ своей стороны говорить о фантастическомъ планѣ раздѣлить Новый Свѣтъ между пятью самыми сильными республиками: Мексика, съ согласія Соединенныхъ Штатовъ, будто бы поглотить центральную Америку, оставивъ сѣверо-американцамъ широкую ленту территоріи близъ канала (т. е. Коста-Рику), создавъ на кульминаціонномъ пунктѣ соединенія двухъ океановъ со стороны Тихаго океана—новый Гибралтаръ. Остальное будетъ соединено въ три группы. Аргентина возьметъ Парагвай, Уругвай, провинціи Перу и Боливии, находящіяся на восточной сторонѣ Кордильеръ и Андъ. Бразилія присвоитъ Венецуэлу, Колумбію и Эквадоръ. Чили будетъ господствовать по всему берегу Тихаго океана до перешейка. А высшая глава надъ ними Соединенные Штаты окончательно наложатъ руку на Антильскіе острова и расширять владѣнія вокругъ канала, запаса себѣ острова и склады угля вездѣ понемногу. Какъ ни фантастиченъ этотъ планъ, но въ «Nuevo Tiempo», главномъ органѣ Богота, появился отвѣтъ, перепечатанный въ большинствѣ газетъ. «Мы не принимаемъ за серьезное то, что не можетъ быть инымъ, какъ фантазія писателя, ищущаго сенсаціонныхъ новостей. Чтобы распредѣлять обрывки нашей страны, нужны безконечныя войны. Опасность для насъ никогда не придетъ ни отъ Бразиліи, ни отъ Аргентины, Чили или Мексики; единственная опасность находится въ величайшемъ честолюбіи Соединенныхъ Штатовъ».

Всего болѣе оскорбилъ общественное чувство на Ангильскихъ островахъ и въ нѣкоторыхъ южныхъ республикахъ Америки инцидентъ на Кубѣ. Два тамошніе депутата цвѣтной расы однажды вечеромъ пошли въ самый лучший ресторанъ Гаваны, посѣщаемый богатыми сѣверными американцами. Зная заранее, какъ послѣдніе относятся къ мулатамъ, директоръ просилъ ихъ удалиться. Финаломъ была жалоба въ судъ, и директора приговорили къ крупному штрафу. Приговоръ придалъ смѣлости, и негры, ради удовольствія раздражать бѣлыхъ, стали часто посѣщать этотъ ресторанъ.

Панамериканскій конгрессъ покоится на добровольномъ забвеніи дѣйствительности. Между двумя Америками не существуетъ другого звена, какъ челоувѣческая солидарность. Какъ могутъ онѣ разсматривать сообща интересы двухъ расъ, двухъ цивилизацій различнаго происхожденія, неодинаковыхъ религій. Близкое сосѣдство, вмѣсто того, чтобы благоприятствовать согласію, дѣлаетъ его затруднительнымъ. Къ этому присоединяется еще другая ошибка. Въ то время, какъ 80 милліоновъ англо-саксовъ посылаютъ на конгрессъ делегацію защищать опредѣленную политику, 60 милліоновъ латинскихъ американцевъ посылаютъ двадцать соперничающихъ между собою делегацій, преслѣдующихъ различныя цѣли, которыя видятъ только интересы своей маленькой республики и предоставляютъ Соединеннымъ Штатамъ роль повелителей и посредниковъ. Взявъ во вниманіе, насколько малы эти республики въ сравненіи съ Америкой, ясно становится, что панамериканскій конгрессъ полезенъ только Соединеннымъ Штатамъ. Для испанской Америки полезнымъ былъ бы латино-американскій конгрессъ, на которомъ дружно, соединясь, работали бы совмѣстно всѣ латинскія республики.

— Смерть Артура Вальтера, Мельхиора де-Вогюэ, Надара, Ахенбаха, Жана Мореа и негуса Менелика II. — Весенние и особенно начало летних месяцев особенно богаты печальными потерями в области литературной и политической.

10-го февраля скончался Артуръ-Фразеръ Вальтеръ, представитель и главный владѣлец газеты «Times», существующей съ 1785 г. и болѣе ста лѣтъ находившейся въ рукахъ семьи Вальтеръ. Основатель ея, Джонъ Вальтеръ, сначала занимался страховымъ дѣломъ, но разорился на немъ, уплативши крупныя преміи за суда, застрахованныя противъ каперства, когда французы въ XVIII вѣкѣ стали захватывать коммерческіе корабли. На уцѣлѣвшіе остатки капитала Вальтеръ купилъ маленькую газету, которую назвалъ «Times». Покойный Артуръ Вальтеръ не очень умѣло ее велъ, и интересъ къ газетѣ уменьшился. Видя, что дѣло требуетъ энергичной поддержки, онъ пригласилъ цѣлую группу лицъ съ тѣмъ, однако, что предсѣдательствовать будетъ все-таки онъ. Согласно традиціямъ, послѣ его смерти замѣстителемъ является сынъ Джонъ Вальтеръ, бывшій мадридскимъ корреспондентомъ. Артуръ Вальтеръ скончался 64 лѣтъ въ своемъ имѣніи Бэкингемъ.

11-го марта внезапно скончался извѣстный популяризаторъ русской литературы виконтъ Евгений-Мельхиоръ де-Вогюэ. Онъ родился въ Ниццѣ 25-го февраля 1848 г. въ аристократической семьѣ и воспитывался въ старинномъ замкѣ Жэвенна, среди воспоминаній о своихъ предкахъ. Согласно семейнымъ традиціямъ онъ рано началъ готовиться на дипломатическое поприще, но война 1870 г. заставила его стать въ ряды защитниковъ отечества и онъ получилъ за храбрость медаль. По возвращеніи въ Парижъ, Вогюэ поступилъ въ министерство иностранныхъ дѣлъ. Въ то время Тьеръ старался выбирать въ посольство лицъ со старинными аристократическими фамиліями, на которыхъ бы старая традиционная Европа смотрѣла съ уваженіемъ. Въ 1873 г. Вогюэ былъ назначенъ состоять при французскомъ посланникѣ сначала въ Константинополь въ 1873 г., потомъ въ Каиръ въ 1875 г., а съ 14-го октября 1876 г. — въ Петербургъ. Здѣсь онъ пользовался большимъ успѣхомъ въ великосвѣтскомъ кругу и приобрѣлъ много друзей. Со своей стороны, Вогюэ полюбилъ Россію и женился на русской, сестрѣ строителя Закаспійскихъ и Полѣвскихъ желѣзныхъ дорогъ генерала Анненкова. Покинувъ дипломатическую карьеру, Вогюэ вполне отдался литературѣ, и первое его выступленіе въ «Debats» началось съ писемъ о Россіи, затѣмъ онъ помѣщалъ еще различныя статьи о русской литературѣ. До него французскіе критики очень мало были знакомы съ русской литературой; они знали Гоголя, потому что Меримэ написалъ о немъ, Тургенева, какъ жившаго почти постоянно въ Парижѣ, хотя въ этомъ виноватъ былъ самъ Тургеневъ, заботившійся болѣе о произведеніяхъ Толстого, чѣмъ о своихъ, и только Вогюэ положилъ начало этому ознакомленію. Вогюэ постарался объяснить французамъ не только Гоголя и Тургенева, но предоставлялъ въ своей критикѣ такое видное мѣсто Толстому и Достоевскому, на которомъ первый предсталъ во всемъ своемъ могучемъ ростѣ, а второй явился мастеромъ въ психологической литературѣ. Никогда еще ни одна критика не была въ такомъ ходу, какъ этотъ трудъ Вогюэ.

Онъ вызвалъ моду на все русское, крѣпко державшуюся нѣкоторое время и дошедшую до того, что самъ Вогюэ былъ готовъ ее нарушить ради спасенія русской литературы отъ позора. Дѣло въ томъ, что французы принялись переводить безъ разбора русскіе романы даже самыхъ ничтожныхъ авторовъ и этимъ роняли цѣнность русской литературы. Вогюэ, будучи инициаторомъ въ дѣлѣ ознакомленія съ нею своихъ соотечественниковъ, испугался, чтобы не оказать Россіи медвѣжьей услуги. Душа Вогюэ была родственна русской душѣ, и въ сочиненіи о русскомъ романѣ онъ такъ живо выразилъ свои впечатлѣнія, что захватилъ другихъ. Въ предисловіи Вогюэ подаль сигналъ къ неохристіанскому движенію, призвавъ сторонниковъ идеализма къ борьбѣ противъ натурализма въ литературѣ и позитивизма въ философіи. Вогюэ постоянно сотрудничалъ въ «Debats» и «Revue de deux Mondes» и являлся чрезвычайно разностороннимъ, краснорѣчивымъ писателемъ въ области философіи, политики, исторіи литературы, морали и даже науки; только театръ онъ не очень любилъ. Своей поэзіей въ прозѣ онъ напоминалъ Шатобриана. Излюбленными его авторами были Шекспиръ и Сервантесъ. Черезъ два года послѣ появленія его «Roman russe», т. е. въ 1888 г., когда ему исполнилось 40 лѣтъ, его сдѣлали «безсмертнымъ» на мѣсто Низара, и онъ двадцать два года былъ академикомъ и, отличаясь ораторскимъ талантомъ, заставлявшимъ забывать Ренана, принималъ дѣятельное участіе въ засѣданіяхъ. Его лучшимъ произведеніемъ можно считать «Maitre de la Mer», и особенно популяренъ его романъ «Les morts qui parlent».

До послѣднихъ дней Вогюэ сохранилъ любовь къ Россіи и къ русскимъ привычкамъ. Въ послѣднее его посѣщеніе во время Гоголевскихъ празднествъ онъ сказалъ своимъ друзьямъ послѣ того, какъ побывалъ въ государственной думѣ: «Посмотрѣвъ новую Россію, я попросилъ бы показать мнѣ старую, моего времени. Прежде, чѣмъ умереть, я хотѣлъ бы еще разъ послушать цыганъ на островахъ... и какъ въ прежнія времена меня повезли въ Самаркандъ». Описывая этотъ вечеръ, онъ говоритъ: «Истинно русскій человѣкъ цѣлыя ночи можетъ неподвижно сидѣть, заслушиваясь пронзительныхъ голосовъ цыганъ, какого-то призыва безконечнаго, который подымаетъ въ сердцѣ русскаго желаніе невозможной любви и сверхчеловѣческихъ поступковъ—всѣ заснувшія силы, изъ которыхъ по привычкѣ онъ ничего не дѣлаетъ и внезапно выплывающія въ безумной страсти, героизмѣ или преступленіи».

Послѣ этой поѣздки новые русскіе писатели заняли его умъ и если бы не внезапная смерть, то «Roman russe» обогатился бы новыми главами о Чеховѣ, Горькомъ и Андреевѣ.

20 марта въ Парижѣ скончалась на восьмидесятомъ году необыкновенная личность, совмѣщавшая въ себѣ самые разнообразныя таланты, начиная съ революціонера и кончая аэронавтомъ—Феликсъ Турнашонъ, болѣе извѣстный подъ псевдонимомъ Надаръ. Онъ родился въ Парижѣ въ 1820 г. и учился въ Collège Bourbon, а въ свободные часы рисовалъ и сочинялъ. Съ молодости Надаръ терпѣлъ крайній недостатокъ въ матеріальныхъ средствахъ, едва не доведшій его до рокового исхода. Однажды въ декабрь 1840 г., скитаясь по аллеямъ Люксембурга, несмотря на стужу, въ одной холодной курткѣ, уцѣлѣвшей

отъ заклада благодаря своей ветхости, Надаръ съ отчаяніемъ проповѣдывалъ своему другу Фонтолару право грабить буржуа и этимъ заставить общество возстановить воровскую собственность. Но онъ скоро вернулся на путь истины и любопытно, что это рѣшеніе привело его къ своего рода счастью—находкѣ въ снѣгу серебряной монеты. Отъ радости Надаръ воскликнулъ: «Если бы Провидѣніе повторяло такой фокусъ каждая пять минутъ, я кончилъ бы тѣмъ, что сталъ въ него вѣрить». Съ этихъ поръ судьба стала къ нему привѣтливѣе: онъ получилъ мѣсто на 5 луи жалованья въ редакціи «Comptence» Шарля Лессепа. Но это была такая ничтожная сумма, что одинъ изъ редакторовъ сказалъ ему: «Я знаю, что ты завтракаешь, но какъ ты обѣдаешь?» И, недовольствуясь неяснымъ отвѣтомъ Надара, врасплохъ пришелъ къ нему въ обѣденный часъ и засталъ его въ крошечной комнаткѣ, да еще раздѣленной на двѣ, гдѣ онъ жилъ съ матерью и, конечно, не засталъ никакого обѣда. «Теперь я знаю, какъ ты обѣдаешь. Съ 1 января ты будешь получать 300 франковъ». Но 31 декабря журналъ прекратилъ свое существованіе. Несмотря на приглашеніе своей сосѣдки, молоденькой швейки, Надаръ имѣлъ мужество отказываться отъ ея обѣдовъ, хотя страшно голодалъ.

Послѣ 1848 г. онъ уже сотрудничалъ во многихъ журналахъ Филиппона, писателя и сатирическаго рисовальщика, и сталъ на товарищескую ногу со всѣмъ артистическимъ міромъ Парижа. Въ это время ему минуло тридцать лѣтъ и онъ уже прославился и разбогатѣлъ. Теперь онъ занялся дагерротипіей и фотографіей. Онъ проявилъ необыкновенный талантъ улавливать характеристическія черты лица, такъ что вмѣсто холоднаго мертваго портрета получалось живое лицо. Даже Бальзакъ, до странности не любившій фотографическихъ аппаратовъ, послѣдовалъ примѣру Готье и Жерара Нерваля—первыхъ кліентовъ Надара—и снялся. Этотъ талантъ послужилъ Надару особенно въ карикатурѣ. Послѣдняя дала ему идею завести «Пантеонъ Надаръ», гдѣ проходилъ цѣлый рядъ всякаго рода знаменитостей. Дѣло пошло такъ удачно, что карманы Надара переполнялись деньгами, но избытокъ уходилъ на нуждающихся людей, которымъ разрѣшалось черпать при каждомъ посѣщеніи до двухъ луи. Изобрѣтательный умъ Надара постигалъ всѣ фокусы фотографіи. Онъ первый съ успѣхомъ примѣнилъ при фотографированіи искусственный свѣтъ посредствомъ электричества и магніа для работъ въ катакомбахъ и проч. Онъ же создалъ аэростатическую фотографію для снятія съ воздушныхъ шаровъ различныхъ плановъ, а также фотографическое интервью. Такимъ образомъ онъ съ Шеврелемъ положилъ начало фотографіи въ прессѣ.

Но главное открытіе Надаръ сдѣлалъ въ области аэронавтики, объявивъ аксіому «тяжелое, какъ воздухъ». Доказать эту истину нельзя было безъ матеріальныхъ затратъ, и Надаръ прибѣгнулъ для увеличенія средствъ къ менѣе тяжелому, чѣмъ воздухъ, своему шару «Géant»; 4 октября 1863 г. онъ поднялся на немъ съ 13 пассажирами. Вильмесанъ хотѣлъ достигъ цифры 14, но Надаръ отстаивалъ 13, и это ему принесло неудачу. Во всѣхъ городахъ, гдѣ поднимался «Géant», Надаръ получалъ массу денегъ, но, плохо контролируемая, онъ ускользала. Кромѣ того, съ нимъ приключилось печальное происшествіе въ Ганноверѣ; шаръ упалъ и протащилъ его съ женою и экипажемъ въ полчаса семь лье;

они получали ужасные удары при каждом толчкѣ лодочки. Надаръ занимался также и живописью, но живописью фотографа, какъ онъ заявлялъ изъ скромности. Семидесяти четырехъ лѣтъ, уступивъ дѣло сыну, Надаръ отправился въ Марсель наживать состояніе для уплаты нѣкоторыхъ нравственныхъ обязательствъ. Марсельцы были рады видѣть у себя Надара; имъ льстило, что у нихъ живетъ человѣкъ, которому Викторъ Гюго адресовалъ письма, только надписывая на конвертѣ «Надаръ». Добрый, сердечный человѣкъ, Надаръ вездѣ имѣлъ друзей, но относился не ко всѣмъ одинаково. Питая расположеніе къ Додэ отцу и сыну, онъ менѣе любилъ Гонкуровъ и Мюссе изъ-за Жоржъ-Зандѣ. Въ маѣ 1871 г. политическое положеніе этого революціонера было самое опасное; но, несмотря на то, онъ никогда не покидалъ друзей въ бѣдѣ и на этотъ разъ также рисковалъ своей участью. Однажды предъ его дверью остановился роскошный съ ливрейнымъ лакеемъ экипажъ, изъ котораго вышла его приятельница, одна высокопоставленная дама. Она явилась къ нему, умоляя переодѣться въ привезенную одежду ея ливрейнаго лакея и въ такомъ костюмѣ покинуть Парижъ, а затѣмъ Францію. Но Надаръ отказался въ виду того, что ему предстоитъ оказать необходимую помощь скрывавшимся отъ правительства друзьямъ.

Его любовь къ женѣ была настолько сильна, что во время катастрофы съ «Géant» онъ держалъ ее все время въ своихъ объятіяхъ. По его словамъ, онъ чувствовалъ, что въ ней была вся его жизнь, и боялся, чтобы смерть не разъединила ихъ. «Она имѣетъ право, — говорилъ онъ, — взять насъ вмѣстѣ». Пораженная параличомъ, несчастная женщина сохранила жизнь только въ сердцѣ и глазахъ и всегда ея механическое кресло стояло возлѣ Надара. Когда въ прошедшемъ году она умерла, то это было для него смертельнымъ ударомъ. «Но я не могу присоединиться къ ней, пока не увѣковѣчу ея память, — говорилъ Надаръ: — долженъ написать «Madame Bonpe». За недѣлю до своей смерти онъ только что окончилъ эту книгу. Изъ его сочиненій извѣстны: «Les Mémoires de Géant» и «Le Droit au vol», пьесы «Pierrot ministre», «La Robe de Déjanire», «Quand j'étais étudiant» и др. Его пьесы и послѣднія два сочиненія были такія игриво-легкія, что его друзья не допускали въ немъ способности къ серьезнымъ размышленіямъ и никогда не могли у него различить шутки отъ дѣла, каламбура отъ серьезной вещи.

Въ послѣднихъ числахъ марта въ Дюссельдорфѣ скончался на девяносто пятомъ году старѣйшій изъ германскихъ художниковъ, Андреасъ Ахенбахъ. Онъ родился въ Касселѣ въ 1815 г. и уроки живописи бралъ у Фридриха Шадова, основателя новой школы въ Дюссельдорфѣ, однимъ изъ замѣчательныхъ представителей которой являлся покойный Ахенбахъ. Онъ почти исключительно рисовалъ пейзажи и въ этой области составилъ себѣ основательную репутацію. Излюбленнымъ его сюжетомъ были норвежскіе фіорды и берега Голландіи. Здѣсь у него проявляется стремленіе къ сказочному и всего любопытнѣе, что онъ до того времени никогда не бывалъ въ Норвегіи, а ѣздилъ туда вполнѣдствіи. Лучшей изъ его картинъ считается «Гибель парохода «Президентъ», хранящаяся въ Карлсруэ. Въ 1843 г. Ахенбахъ впервые посѣтилъ Италію, гдѣ написалъ свои знаменитыя «Понтійскія болота» и «Утесы циклоповъ» (нахо-

дядюся теперь въ Филадельфін) и «Карлеонъ», пріобрѣтенную германскимъ императоромъ. По примѣру своего учителя Шадова покойный Ахенбахъ также перешель въ католичество въ 1846 г. и затѣмъ поселился въ Дюссельдорфъ, работая до послѣдней минуты жизни. Братъ покойнаго Освальдъ былъ его ученикомъ и такъ же, какъ онъ, избралъ пейзажъ, почти исключительно итальянскій, но въ противоположность брату, вкладывавшему реализмъ въ свои произведенія, Освальдъ придавалъ своимъ сюжетамъ идеализмъ и отчасти условность.

29 марта въ одной изъ парижскихъ санаторій («Saint Mandé») скончался на 55 году Паппандіамандопуло, грекъ-поэтъ, писавшій на французскомъ языкѣ подъ псевдонимомъ Жапа Мореа. Сынъ первоприсутствующаго кассационнаго департамента въ Аѳинахъ, Мореа родился въ 1856 г. и юность провелъ въ Марселѣ. Много путешествуя по Германіи, Швейцаріи и Италіи, онъ наконецъ повелъ осѣдную жизнь въ Парижѣ, гдѣ оставался до самой смерти. Выдѣляясь оригинальной красотой, необыкновенно выразительными, жгучими глазами и чрезвычайнымъ изяществомъ, даже чрезчуръ изысканнымъ, Мореа пользовался симпатіей французовъ, смотрѣвшихъ на него, какъ на своего согражданина. Самъ Мореа настолько сжился съ новой родиной, что послѣ смерти отца натурализировался. На литературномъ поприщѣ онъ выступалъ у себя на родинѣ совѣмъ юнымъ подъ псевдонимомъ «Неанто» въ «Семейномъ Альмапахѣ», и первымъ его греческимъ сочиненіемъ была «Дочь Сѣвера», подъ которой подразумѣвалась одна нѣмецкая пѣвица. За нимъ послѣдовали разныя поэмы, и наконецъ онъ принялся за издательство маленькаго обозрѣнія «Партенонъ», гдѣ помѣщалъ свои поэтическія произведенія и переводы съ французскаго языка. Но «Партенонъ» существовалъ недолго, и его замѣнили «Ласточки», послѣ втораго нумера прекратившія свое существованіе. Тогда онъ началъ издавать книги и напечаталъ сатирическія поэмы «Сутцо» и «Новый Парнасъ». Въ 1875 г. восемнадцати лѣтъ онъ порвалъ съ поэзіей, перешель къ историческимъ романамъ и написалъ «Юаннъ II» и «Вальдемаръ Жераръ или Фанатизмъ». Въ то же время онъ выступалъ какъ критикъ, предлагая возвратиться отъ вульгарнаго греческаго языка къ античному. Многія изъ его лучшихъ поэмъ написаны демотикомъ. Въ литературномъ спорѣ, можетъ ли современная Греція имѣть поэзію, онъ высказывалъ мнѣніе, что вообще современная поэзія—интернаціональна. Послѣднимъ его сочиненіемъ, напечатаннымъ на родинѣ, было «Голубки и гадюка».

Дальнѣйшая его жизнь вся протекла въ Парижѣ, гдѣ онъ въ 1884 г. появился на литературномъ горизонтѣ съ «Syrtes». Векорѣ послѣ онъ напечаталъ «Cantilènes», вызвавшее протестъ со стороны Анатоля Франса и Поля Бурда. Въ отвѣтъ Мореа напечаталъ въ «Figaro» свой манифестъ символизма, требуя для поэзіи выраженія чистыхъ идей, и это выраженіе—символь. По его тогдашнему мнѣнію, идею надо пріодѣть для воплощенія въ литературное состояніе, и этой одеждой являлся—символь. Позитивисты, реалисты и парнасцы описывали только матеріальную или психологическую реальность, прямо ее копируя; новыя же поэты для концепціи прибѣгали къ другимъ источникамъ. Кромѣ того, Мореа старался обогатить французскій языкъ, требуя, чтобы

это былъ языкъ Раблэ, Филиппа Коммина, Виллина, Рютбефа, но большинство находило это требованіе чрезмѣрнымъ. Мореа подобный свободный языкъ можно было довѣрить въ виду его деликатнаго вкуса, но другимъ—опасно. Да и самъ Мореа замѣтилъ это въ 1889 г. и, продолжая проповѣдывать ту же идею, онъ оговорился: «Изгонимъ только непонятное: это шарлатанство».

Недолго Мореа оставался символистомъ и въ 1891 г., печатая «*Le Pelerin passionné*», онъ объявилъ смерть символизму, эфемерной поэтической школѣ и вернулся къ традиціямъ романской школы. Онъ забросилъ символъ и принялся за реформу языка, находя, что послѣдніе классики обезкровили словарь, романтики его обогатили, но какъ понало, не глубоко зная традиціи языка.

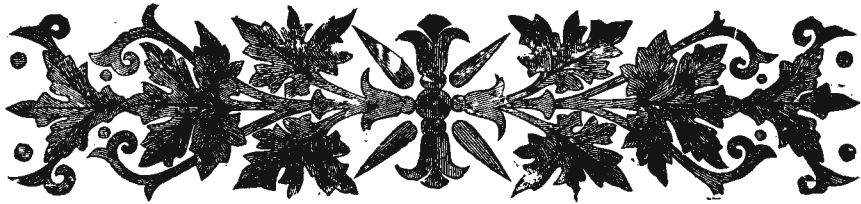
Онъ находилъ, что французскій языкъ слѣдуетъ ввести во владѣніе его собственнымъ богатствомъ, которымъ онъ пренебрегалъ. Поэтому въ то время, какъ окружавшіе его поэты изобрѣтали новыя слова, онъ прибѣгалъ къ традиціямъ, изучалъ старый французскій языкъ. Его переходъ во французское подданство многіе приписывали желанію попасть въ академію, но этотъ слухъ несправедливъ. Уже семь лѣтъ, какъ врачи приговорили Мореа къ смерти, и его натурализація была единственно изъ любви къ Франціи. Онъ немного не дожилъ до появленія на французской сценѣ его комедіи «Ифигенія». Послѣднія минуты жизни Мореа ни о чемъ другомъ не думалъ, какъ о комедіяхъ Ронсара, Малерба и своихъ, и цѣлый день повторялъ ихъ, напоминая собою мудреца древней Эллады, не противившагося судьбѣ и старавшагося лишь украсить послѣднія тяжелыя минуты. По желанію Мореа, его останки были преданы кремаци, въ присутствіи многочисленныхъ поклонниковъ и друзей, собравшихся отдать послѣдній долгъ.

27 марта скончался на 65 г. жизни повелитель черныхъ христіанъ, главный объединитель и устроитель абиссинскаго государства, состоящаго изъ нѣсколькихъ областей—негусъ Менеликъ II, считавшій себя потомкомъ легендарнаго Менелика, сына царя Соломона отъ эфемернаго брака съ царицей Савской. Сынъ Гаэли Меликота, властителя области Шоа, Менеликъ II, въ дѣтствѣ именовавшійся Сахала Мариэли, родился въ 1844 г. и двѣнадцати лѣтъ остался послѣ отца, умершаго насильственной смертью въ 1856 г. Съ этого времени въ жизни Менелика II наступила пора, полная драматическихъ моментовъ борьбы и всевозможныхъ испытаній, которыя онъ стойко выдерживалъ. Сосланный послѣ смерти отца негусомъ Ходримъ въ Гондаръ, гдѣ онъ заставилъ его жениться на своей дочери Бафанъ, будущій Менеликъ II удачно оттуда скрылся и возвратился въ Шоа, гдѣ его провозгласили негусомъ Менеликомъ. Вступить въ прямую атаку съ Теодоромъ III ему было трудно, и молодой негусъ для расширенія своихъ владѣній направилъ силы къ странѣ Балласъ, Харраръ и Каферъ и приложилъ всѣ старанія, чтобы его призналъ за своего преемника сынъ Теодора—Юганесъ. Но этотъ планъ ему не удался по двумъ причинамъ: у Юганеса былъ сынъ Ареа, да, кромѣ того, Менеликъ не пользовался его расположеніемъ. Тогда Менеликъ прибѣгнулъ къ хитрости, онъ сдѣлалъ форменный актъ своего подданничества негусу и взялъ въ зятя Ареа, общая оставить ему корону послѣ своей смерти. Но Ареа умеръ. Когда Юганесъ былъ убитъ въ сраженіи противъ дервишей, то главные феодальные вожди заявили,

что его послѣдней волей было отказать тронъ своему незаконному сыну Мангаши. Тогда Менеликъ объявилъ себя предъ мятежниками императоромъ, отправивъ Мангаши въ вице-королевство Тигра.

Теперь онъ очутился лицомъ къ лицу съ Европой, и ему предстояло противоѣдствовать ея мирному и немирному вторженію въ его государство. Итальянцы съ симпатіей смотрѣли на успѣхи Менелика, рассчитывая завязать съ нимъ дружественныя сношенія, которыя впослѣдствіи перешли бы въ покровительство. Сначала обстоятельства покровительствовали плану итальянцевъ, и негусъ какъ будто не замѣчалъ ихъ попытокъ. Мало того, на другой день послѣ его восшествія на престолъ онъ подписалъ Уччіальскій трактатъ. Но вскорѣ Менеликъ прозрѣлъ и приготовилъ свой реваншъ. Онъ выписалъ изъ Европы оружіе и серьезно преобразовалъ войска. Затѣмъ послѣдовалъ неудачный для Италіи походъ генерала Баратьери; побѣда сдѣлала Менелика популярнымъ и привлекла къ нему вниманіе Европы, но онъ зналъ настоящую цѣну европейскаго вниманія. Сначала онъ какъ будто былъ не прочь распахнуть двери прогрессу, но европейскія интриги открыли ему глаза. Зная, что подъ видомъ путешественниковъ являются европейскіе шпіоны, Менеликъ сталъ пользоваться противъ нихъ произведеніемъ прогресса—телефономъ. Всякій явившійся въ его страну иностранецъ обязанъ былъ испросить разрѣшенія негуса пребывать въ его столицѣ Адисъ-Абебѣ, но обыкновенно разрѣшеніе не давалось. У Менелика осталось много денегъ, но никто не знаетъ, гдѣ онѣ скрыты. При всей своей осторожности Менеликъ не избѣгнулъ участи подпасть подъ вліяніе иностранцевъ. Три такія личности играли при его дворѣ значительную роль: французъ Шефне, швейцарецъ Ильгу, инженеръ, завѣдывавшій общественными работами, и Витальень—врачъ. По странной случайности европейскому прогрессу пришлось сыграть печальную роль въ жизни негуса. Чувствуя въ себѣ ослабленіе силъ, негусъ хотѣлъ воспользоваться плодами европейской цивилизаціи—электричествомъ. Витальень нашелъ, что возрастъ Менелика слишкомъ преклонный для абиссинца и электричество, это чудотворное средство, опасно для него. Тогда придворные ненавистники европейцевъ воспользовались отсутствіемъ Витальена, привели врача-сирійца, который взялся электризовать Менелика. Результаты были столь плачевны, что Менеликъ цѣлые полтора года пролежалъ въ постели. Когда вернулся Витальень, то уже ничего не могъ сдѣлать, и онъ скончался. Корона перешла къ его тринадцатилѣтнему сыну Лиди Яесу отъ его супруги Таиты-Цегенетіе Беренау, «лучезарнаго солнца Эѳіопіи», имѣвшей громадное вліяніе на негуса. Но послѣдовавшія внутреннія усобицы вызвали арестъ царицы.

С М Ъ С Ъ.

АРХЕОЛОГИЧЕСКІЯ пріобрѣтенія въ 1909 году. 9-го апрѣля въ полукругломъ залѣ Александровскаго дворца въ Царскомъ Селѣ были представлены на высочайшее Государя Императора благовозрѣніе собранія древностей, добытыхъ въ 1909 году изъ нѣдръ земли членами императорской археологической комиссіи и другими лицами при ея посредствѣ, а также доставленныя ей случайныя находки старинныхъ предметовъ. Объясненія Его Императорскому Величеству давалъ предсѣдатель комиссіи графъ А. А. Бобринской и члены ея, профессора Н. И. Веселовскій и Б. В. Фармаковскій. Наибольшее вниманіе археологической комиссіи обращено на югъ Россіи, гдѣ курганы и городища даютъ предметы быта и культа, выдающіеся по художественному значенію и матеріальной цѣнности, столь соблазнительной для мѣстныхъ обывателей, ищущихъ легкой наживы.

Приходится спѣшить съ раскопками въ этихъ мѣстахъ по преимуществу, такъ какъ другого способа борьбы съ укоренившимся зломъ кладоискательства пока не существуетъ. Въ Кубанской области, въ Майкопскомъ отдѣлѣ, была подвергнута изслѣдованію членомъ комиссіи профессоромъ Н. И. Веселовскимъ группа кургановъ въ юртѣ Ульскаго аула, гдѣ еще ранѣе производились раскопки археологическою комиссіею, но были оставлены вслѣдствіе сильнаго расхищенія могильныхъ насыпей еще въ древнее время. Такъ какъ эти курганы содержатъ скиѣскія погребенія за пять столѣтій до Р. Х., то и отдѣльные предметы, забытые или не взятые грабителями, могутъ имѣть большое значеніе для выясненія скиѣской культуры, а потому рѣшено было продолжать раскопки. Въ результатѣ получились интересныя бронзовыя наперья: прорѣзные шары съ бычьими головами и огромныя плоскія бляхи съ птичьими клювами, украшенныя изображеніями горныхъ козловъ и чело-вѣческихъ глазъ. Много найдено : оловяныхъ украшеній отъ платья, новаго типа,

и двѣ пары серегъ; особенный интересъ представляетъ золотой наконечникъ, повидимому, отъ меча, въ видѣ морды, похожей на собачью, украшенный изображеніями зайцевъ и инкрустаціею изъ пиленого янтаря. Изъ предметовъ лошадиного убора между прочимъ попались впервые серебряныя псаліи съ выгравированными на нихъ рѣзцомъ различными животными: олень, заяцъ и др. Въ Черноморской губерніи у Гелецджика производилъ раскопку кургановъ г. фонъ-Мерсъ и доставилъ собраніе предметовъ XIV—XV вѣковъ по Р. Х., обычнаго черкесскаго типа. Изъ этихъ вещей обращаютъ на себя вниманіе сирийская и венеціанская серебряная и глиняная посуда, поливные кувшины и стеклянные стаканы; новостью является разноцвѣтный фаянсовый кувшинъ изъ Венеціи. Изъ Закавказья поступили интересныя золотыя съ гранатами привѣски трехугольной формы съ перегородками для инкрустаціи, которая, однако, не сохранилась. Отъ г. Мачаваріани приобрѣтены древности изъ Кутаисской губерніи. Древности классическія оказались въ преобладающемъ количествѣ и, какъ и раньше, находки путемъ раскопокъ въ античныхъ поселеніяхъ нашего юга обогатили науку цѣнными приобрѣтеніями. Богатый архаическій некрополь др. вней Борисѣниды (нынѣ островъ Березань около Очакова), разслѣдованный профессоромъ Э. Р. фонъ-Штерномъ, далъ любопытныя терракотовыя статуэтки и образцы керамики стиля Навкратиса и Клазомена. Съ Березани же происходитъ глиняная лампочка VI вѣка до Р. Х. съ круговою греческою надписью въ стихахъ: «я есмь свѣтильникъ и свѣчу богамъ и людямъ». Рядъ прекрасныхъ образцовъ древней греческой художественной промышленности дали раскопки въ Керчи (въ древней Пантикапейѣ), производившіяся членомъ комиссіи В. В. Шкорпиломъ. Среди множества находокъ особенны замѣчательны сосудъ краснолаковый въ формѣ слона съ поднятымъ хоботомъ, большой чернолаковый тазъ эллинистической эпохи, украшенный растительнымъ орнаментомъ, терракотовый сосудъ въ формѣ группы тритона и nereидъ, золотая цѣпочка очень тонкой работы, краснолаковое блюдо съ рельефнымъ медальономъ (Юнона съ конемъ). Съ Таманскаго полуострова происходитъ чернофигурная ваза іонійскаго архаическаго стиля съ изображеніемъ сфинкса, пальметокъ и лотоса, а также глиняная амфора съ криволинейнымъ орнаментомъ, аналогичнымъ съ украшеніями древнихъ самосскихъ сосудовъ. Въ устьяхъ Дона, на мѣстѣ древняго Танаиса (нынѣ станица Елизаветовская), раскопками А. А. Миллера добыто нѣсколько замѣчательныхъ золотыхъ предметовъ: обивка ноженъ меча съ рельефными изображеніями животныхъ, массивный шейный обручъ (вѣсомъ два фунта), рядъ бляшекъ отъ одежды съ изображеніями сиренъ, серебряный рогъ для питья съ золотой обкладкой сверху, украшенный рельефными изображеніями орловъ, клюющихъ дельфиновъ, рѣзной стеклянный медальонъ съ изображеніемъ головы Аполлона. Раскопки П. И. Веселовскаго въ Танаисѣ младшемъ (у Недвиговки) вслѣдствіе древняго разоренія не увѣнчались значительнымъ успѣхомъ, давъ лишь собраніе терракотовыхъ сосудовъ. Раскопки древней Ольвіи (нынѣ села Парутино Херсонской губерніи), которыя производилъ членъ комиссіи Б. В. Фармаковский, сткрыли дома греческой и римской эпохи. Особенно хор шо сохранился домъ греческій I вѣка до Р. Х., дворъ вымощенъ плитами, въ углу двора цѣф-

лѣла цистерла, кругомъ идутъ портики и къ нимъ примыкають комнаты. Изъ мелкихъ предметовъ замѣчательны: высокохудожественная терракотовая голова Авины, рельефный медальонъ отъ терракотовой чаши, съ изображеніемъ Эрота, мраморный фрагментный рельефъ (мужскія фигуры), курильница изъ египетскаго фарфора. Въ некрополѣ Ольвіи найдены между прочимъ два курьезные сосуда въ формѣ ежей. Изъ Ольвіи происходятъ: коринѣскій арибаль съ изображеніемъ льва и лебедя, большая эллинистическая амфора, украшенная фигурами грифоновъ, пальметокъ и букрашіевъ, римскій рельефный свѣтильникъ съ изображеніемъ юноши и коня, нѣсколько хорошо сохранившихся стеклянныхъ сосудовъ, «мегарскихъ» чашекъ и золотыхъ украшеній. Древности скиѣскія были извлечены П. П. Веселовскимъ изъ кургановъ Таврической губерніи, въ Мелитопольскомъ уѣздѣ, въ селеніи Большая Бѣлозерка. Въ курганѣ «Чмырева могила», ограбленномъ въ древности, остались въ довольно значительномъ количествѣ золотыя украшенія: бляшка отъ одежды, женское шейное ожерелье и пара чрезвычайно эффектныхъ серегъ съ привѣсками, вѣсомъ двадцать два золотника; но преимущественное значеніе имѣють десять серебряныхъ сосудовъ, запрятанныхъ хоронившими въ особый тайникъ, не замѣченный грабителями. Тамъ оказались три фіала съ позолотой, одинъ киликъ съ изображеніемъ периды на гипсокаміѣ; ковшикъ, вазочки, чаша съ вытисненными лебедями, ловящими рыбъ, и др. Предметы эти по совершенству техники и по рисункамъ указываютъ на IV вѣкъ до Р. Х. Сосѣдній курганъ того же типа, называемый «Орель», оказался основательно обобранымъ въ древности: онъ далъ немного золотыхъ бляшекъ отъ одежды и въ числѣ ихъ нѣсколько новыхъ типовъ. Въ предѣлахъ Кіевской губерніи производили раскопки предѣдатель комиссіи графъ А. А. Бобринской и г. Акимовичъ, изслѣдовавшій «глиняныя площадки». Въ числѣ красивой расписной посуды находится большая миска изъ черной глины латискаго типа, добытая въ селѣ Балаклеѣ. Раскопки въ городѣ Кіевѣ, въ усадьбѣ Десятинной церкви, производившіяся подъ наблюденіемъ Б. В. Фармаковского архитекторомъ Д. В. Милѣвымъ, открыли между прочимъ большой некрополь, время котораго восходитъ къ эпохѣ до построенія храма св. Владиміромъ. Замѣчательно, что некрополь—христіанскій. Получается интереснѣйшая картина быта Кіевской Руси IX и X вѣковъ. Среди находокъ интересны десять золотыхъ и нѣсколько серебряныхъ серегъ, два серебряныхъ змѣвика, три серебряныхъ крестика, серебряныя арабскія монеты начала IX вѣка, свинцовыя вислыя печати XI вѣка. Изъ предметовъ болѣе поздней эпохи интересна фляжка изъ гофрированнаго стекла XVII вѣка. Кромѣ изслѣдованій у Десятинной церкви, архитекторъ Милѣвъ изслѣдовалъ полы въ алтарѣ храма св. Софіи въ Кіевѣ; эти изслѣдованія дали интересные результаты для исторіи храма, и открыты новыя фрески. Раскопки В. В. Нагевича въ приморской части Ковенской губерніи литовскихъ могильниковъ главнымъ образомъ VIII—IX вѣковъ дали богатое собраніе погребальныхъ предметовъ, изъ которыхъ особенный интересъ представляютъ большія фибулы съ пышнымъ убранствомъ. Обрядъ погребенія—сожженіе. Въ той же губерніи производилъ раскопки кургановъ И. С. Абрамовъ преимущественно въ Ра-

ганянь. Тамъ также много фибулъ и серебряная гривна, украшенная гравированными. Н. Е. Макаренко продолжалъ раскопки извѣстнаго Томниковскаго могильника въ имѣніи графа И. И. Воронцова-Дашкова Тамбовской губерніи. Раскопано до шестидесяти погребеній X вѣка по Р. Х. Получились вещи богатаго финскаго наряда: вѣнчики, шейныя гривны, ожерелья изъ бусъ и привѣсокъ, нагрудныя пряжки, разнообразныя подвѣски, браслеты, перстни, поясной наборъ, украшенія обуви, остатки ткани, оружіе, разнообразныя подѣлки изъ желѣза. Цѣлый рядъ кладовъ цѣнныхъ вещей поступилъ въ археологическую комиссію въ 1909 году. Въ Пермской губерніи найдено серебряное сасанидское блюдо съ изображеніемъ пира (изъ окрестностей Добрянки). Кладъ серебряныхъ вещей изъ деревни Аниковой Чердынскаго уѣзда: блюдо съ изображеніемъ не совсѣмъ понятной сцены, какъ бы осады башни конными воинами, чашки съ арабскими надписями, шейныя гривны вѣсомъ полфунта и фунтъ. Хорошій кладъ разнородныхъ вещей изъ села Редикора Чердынскаго уѣзда IX—X вѣковъ, серебряный поясной наборъ, серебряныя подвѣски къ ожерелью, разнообразныя подвѣски съ цѣпочками, стеклянныя и мѣдныя бусы, мѣдныя браслеты, пронизки и пр. Есть рядъ неизданныхъ подѣлокъ, особенно интересна поясная бляха съ изображеніемъ человѣческихъ фигуръ и съ растительнымъ орнаментомъ. Отлично собраніе золотыхъ вещей изъ Торгохино Кузнецкаго уѣзда Томской губерніи: кувшинчикъ, пот рѣзанный отъ огня, значительное количество золотыхъ бляшекъ, остатки ноженъ отъ меча. Вещи эти китайской техники и съ китайскими изображеніями (драконъ, голова старца) и могутъ быть относимы къ VI—VIII вѣкамъ. Кладъ золотыхъ украшеній изъ села Беноково Кубанской области, Майкопскаго отдѣла. Кромѣ перечисленныхъ предметовъ, археологическая комиссія выставила чертежи и рисунки нѣкоторыхъ изъ ея реставрацій русскихъ монументальныхъ памятниковъ, а именно: планы и обмѣры смоленской стѣны, снимки съ рельефовъ Георгіевскаго собора въ Юрьевѣ Польскомъ, результатъ изслѣдованія архитектора К. К. Романовъ, чертежи по изслѣдованію алтарной части кievскаго Софійскаго собора—архитектора Милѣва и др. Эти рисунки свидѣтельствуютъ, что дѣло реставраціи, въ которой принимаютъ живѣйшее участіе всѣ главныя силы по архитектурѣ и искусству въ Петербургѣ, поставлено у насъ на строго научную почву: памятникъ изучается всесторонне прежде его передѣлки или исправленія, и чѣмъ важнѣе памятникъ, тѣмъ серьезнѣе онъ изслѣдуется. Представлены приготовленные рисунки съ расписныхъ склеповъ, открытыхъ въ Керчи и въ Анапѣ. Изъ церковныхъ древностей были выставлены двѣ узкія доски отъ царскихъ дверей съ изображеніями святыхъ, изъ строгановскаго дома въ Нижнемъ Чусовскомъ городкѣ.

Въ Литературномъ фондѣ. Въ актовомъ залѣ гимназіи Гуревича 15 апрѣля состоялись подъ предѣлательствомъ Л. Ф. Пантелѣва два засѣданія, посвященныя обыкновенному общему и экстренному общему собраніямъ. Первое началось поминками покойной В. Θ. Коммиссаржевской, памяти которой Θ. Д. Батюшковъ посвятилъ прочувствованную рѣчь. Покойная была членомъ фонда и поддерживала его своею игрою въ театрахъ и на литературныхъ вечерахъ. Память В. Θ. была почтена вставаніемъ. Послѣ утвержденія собраніемъ

протокола прошлаго засѣданія былъ прочитанъ слѣдующій отчетъ секретаря. За время съ января по апрѣль нынѣшняго года комитетъ фонда имѣлъ одиннадцать засѣданій, въ которыхъ состоялось 475 постановленій по различнымъ ходатайствамъ о денежной или неденежной помощи, о сношеніяхъ съ разными учрежденіями и лицами и по различнымъ заявленіямъ и предложеніямъ, относящимся къ дѣятельности общества. Просьбъ о разнаго рода пособіяхъ было подано 279. Изъ нихъ комитетъ удовлетворилъ 202 и 77 отклонилъ. Денежныя пособія назначены: единовременныя 120 лицамъ на сумму 2,656 р. 50 к.; на похороны 3 лицамъ—130 р.; изъ капитала Дамича—300 р.; вновь назначено продолжительныхъ пособій 12 лицамъ на 1,645 р.; продолжено пособій 21 лицу на 2,760 р.; пенсіи назначены 3 лицамъ на 708 р.; срочныя ссуды 8 лицамъ на 835 р.; безсрочныя ссуды 6 лицамъ на 320 р. и пособія на воспитаніе и обученіе 29 лицамъ на 1,754 р. Всего денежныхъ пособій назначено на 11,180 р. 50 к. Отказано въ пособіи за недавней выдачей, по малымъ правамъ, по уставу фонда за чрезмѣрностью просьбы и по другимъ причинамъ 74 лицамъ. Изъ текущихъ дѣлъ отмѣчены: Я. Я. Гуревичъ предоставилъ въ распоряженіе фонда двѣ бесплатныя стипендіи въ своей гимназіи; г-жа А. П. Шуйская предоставила въ распоряженіе фонда двѣ стипендіи въ своей гимназіи; П. М. Юзевичъ выразилъ готовность принять бесплатно нѣсколькихъ дѣтей кліентовъ фонда въ тѣ классы своей гимназіи, въ которыхъ откажутся свободныя вакансіи; Л. Ф. Пантелѣевымъ уплачено 84 р. 53 к. по печатанію «Сборника»; Ю. А. Демарацкій пожертвовалъ въ пользу фонда 250 р. (изъ нихъ 100 р.—пожизненный членскій взносъ); отъ А. Я. Тимофѣева поступило пожертвованіе въ 5 р., вечеръ въ память А. П. Чехова въ залѣ Тенишева далъ чистой прибыли 851 р. 15 к.; оперный спектакль въ Маріинскомъ театрѣ, устроенный въ пользу литературнаго фонда, далъ чистой прибыли 4,247 р. 10 к.; комитетъ выразилъ глубокую благодарность Н. Θ. Анненскому за его многотрудную дѣятельность по обществу; комитетъ привѣтствовалъ М. Г. Савину съ 35-лѣтіемъ ея сценической дѣятельности; онъ же возложилъ вѣнокъ на могилу скончавшагося члена фонда В. Θ. Комиссаржевской; с.-петербургская городская дума постановила назначить пособіе Литературному фонду въ размѣрѣ 500 р. въ годъ изъ городскихъ средствъ для учрежденія въ домѣ писателей имени В. Θ. Голубева стипендіи для престарѣлыхъ литераторовъ и ученыхъ съ тѣмъ, чтобы замѣщеніе этихъ стипендій было предоставлено городской исполнительной комиссіи по благотворительности; по предложенію Л. Ф. Пантелѣева, комитетъ постановилъ образовать изъ пожертвованныхъ суммъ специальный капиталъ на воспитаніе и обученіе дѣтей недостаточныхъ литераторовъ и ученыхъ, для чего рѣшено было обратиться черезъ газеты къ обществу съ просьбою сочувственно отнестись къ этому дѣлу; Л. Ф. и С. В. Пантелѣевы пожертвовали въ капиталъ «воспитанія и образованія» 1000 р. процентными бумагами; О. А. Бильбасова пожертвовала 100 р. и выразила желаніе ежегодно вносить эту сумму на воспитаніе и образованіе дѣтей одного изъ кліентовъ фонда; г. Набоковъ пожертвовалъ 1000 р.; отъ С. Н. Цейтлина получено пожертвованіе въ 1000 р. въ капиталъ «воспитанія и образованія»; отъ лица, пожелавшаго остаться неизвѣстнымъ, черезъ посредство М. М. Ковалевскаго, получено 300 р.; Л. Ф. Пантелѣевъ предложилъ зачислить въ капиталъ «образованія» 2,333 р. 37к.,

составляющих капитал учрежденной имъ въ 1889 г. преміи за лучшее сочиненіе о В. Г. Бѣлинскомъ и шнѣ закрытой въ виду того, что 1 января 1910 г. истекъ второй срокъ и ничего не представлено, и 200 р., пожертвованныхъ въ 1899 году въ капиталъ этой преміи Н. П. Карбасниковымъ—съ его согласія. Въ совѣтъ дома писателей на текущій годъ избраны Л. Ф. Пантелѣевъ, С. Е. Савичъ и В. Г. Котельниковъ. 7 апрѣля, въ день 25-й годовщины смерти Н. И. Костомарова, въ Казанскомъ соборѣ была отслужена панихида. При комитетѣ образована комиссія изъ 5 лицъ по разсмотрѣнію вопроса о срочныхъ ссудахъ; комитетъ принимаетъ участіе въ чествованіи императорскимъ вольно-экономическимъ обществомъ исполняющей 3 мая с. г. 25-й годовщины со дня смерти К. Д. Кавелина. Кромѣ того, комитетомъ оказана надежная помощь въ слѣдующихъ случаяхъ: 1) комитетъ ходатайствовалъ о предоставленіи одной писательницѣ бесплатнаго леченія на старорусскихъ минеральныхъ водахъ. Ходатайство удовлетворено; 2) комитетъ успѣшно ходатайствовалъ передъ княземъ Голицынымъ о предоставленіи одному писателю бесплатнаго леченія въ Маріинской больницѣ; 3) комитетъ предоставилъ сыновьямъ двухъ писателей 2 стипендіи въ гимназій Гуревича; 4) онъ же предоставилъ дочери одного писателя стипендію въ гимназій княгини Оболенской и 5) онъ же сносился съ редакціями газетъ и журналовъ, а также съ разными учреждениями и лицами по претензіямъ, предъявленнымъ къ нимъ тремя писателями. Затѣмъ слѣдовало чтеніе казначейскаго отчета за срокъ январь—мартъ, въ которомъ главнѣйшія цифры представляются въ слѣдующемъ видѣ. Капиталъ неприкосновенный на 1-е апрѣля состоитъ изъ 48,176 рублей, именные на 1-е апрѣля 1910 года составляли 631,657 рублей 74 коп. и на 1-е апрѣля состоитъ 660,268 рублей 99 коп. Капиталъ фонъ-Дамича—43,542 рубля 39 коп.; капиталъ расходный—4,577 рублей 63 коп.; ссудный—37 рублей 56 коп. и переходящей суммы—8,545 рублей 69 коп. Общій оборотъ суммы фонда составляетъ 747,925 рублей процентными бумагами и 46,446 рублей 43 коп. наличными. Затѣмъ слѣдовали выборы новыхъ членовъ. Избранными закрытою баллотировкой оказались: Н. О. Абельсонъ, В. П. Аршауловъ, князь В. В. Барятинскій, Н. Е. Введенскій, Н. Гальковский, А. А. Колычевъ, С. Ф. Либровичъ, Н. В. Мѣшковъ, Г. Н. Потанинъ, В. А. Рышковъ, В. П. Сукачевъ, Г. Н. Тимофѣевъ и Д. В. Философовъ. Безъ баллотировки избраны: княгиня Л. Б. Барятинская (Яворская), графиня С. В. Панина и С. С. Ющенко-Караскевичъ. Въ 3 часа дня было открыто чрезвычайное общее собраніе, посвященное вопросамъ объ участіи общаго собранія фонда черезъ своихъ делегатовъ въ съѣздѣ писателей. Пренія по этому вопросу были долги, многорѣчивы и страстны. Присутствующіе раздѣлились на два противные лагеря—сторонниковъ и противниковъ съѣзда. Комитетъ фонда принципиально высказался противъ участія въ съѣздѣ въ виду того, что изъ программы послѣдняго вычеркнуть важный вопросъ о правовомъ положеніи писателей. Послѣ долгихъ дебатовъ вопросъ былъ поставленъ на баллотировку и 24 противъ 10 голосовъ рѣшенъ отрицательно: фондъ своего представителя въ съѣздѣ не посылалъ. Засѣданіе закончилось докладами текущихъ дѣлъ.

Годичное собраніе литературнаго общества. Годичное собраніе литературнаго общества состоялось 9-го апрѣля, подъ предѣдательствомъ Е. В. Аничкова. Казначей общества С. П. Елисеѣвъ прочиталъ отчетъ о движеніи денежныхъ средствъ общества. Въ 1909 году поступило 2,991 рубль 80 копеекъ, изъ нихъ членскихъ взносов—2,064 рубля, платы за пригласительные билеты—849 рублей 65 копеекъ и т. д. Израсходовано 1,759 рублей 13 копѣекъ. Наиболье крупный расходъ на наемъ помѣщенія выразился въ 1,000 рублей. Осталось въ кассѣ 1,412 рублей 67 копеекъ. Смѣта на 1910 годъ вычислена при доходѣ въ 3,000 рублей и расходѣ въ 1,800 рублей. Затѣмъ Д. М. Герценштейнъ прочиталъ отчетъ о дѣятельности общества въ минувшемъ году. Новыхъ членовъ поступило 85, выбыло за невзносомъ членскихъ взносов 79. Осталось въ обществѣ 431 членъ. Совѣтъ имѣлъ 18 засѣданій. Общихъ собраній было 32. Прочитано 22 реферата на литературныя, общественныя и философскія темы. По словамъ отчета, «литературныя пятницы» приобрѣли прочныя симпатіи и отвѣчаютъ потребностямъ значительной части интеллигенціи города Петербурга. Дѣловыя собранія общества посвящены были разработкѣ вопросовъ объ обезпеченіи литературныхъ тружениковъ, о писательскомъ сѣзѣтѣ, объ авторскомъ правѣ, о свободѣ печати, о международной ассоціаціи печати и т. п. При совѣтѣ были организованы особыя временныя комиссіи по организаціи бюро труда и по выработкѣ проекта профессиональной организаціи литераторовъ. Комиссіи закончили свои занятія. Выработанный проектъ одобренъ общимъ собраніемъ. Продолжаютъ свои занятія комиссіи рефератная, библиотечная и хозяйственная. Касаясь вопроса о возрастающей недоимочности членовъ общества, отчетъ отмѣчаетъ, что причины этого печальнаго положенія коренятся, между прочимъ, въ общемъ «тяжеломъ положеніи, переживаемомъ нынѣ массою пишущей братіи». Въ заключеніе совѣтъ указываетъ, что литературное общество въ теченіе года продолжало оставаться «единственнымъ мѣстомъ реального и живого схожденія писателя и читателя», безъ различія партій и оттѣнковъ общественной мысли. По предложенію ревизіонной комиссіи, общее собраніе выразило благодарность совѣту за его усиленные труды. Послѣ продолжительныхъ преній собраніе утвердило отчетъ совѣта со всѣми примѣчаніями къ нему, предложенными ревизіонной комиссіей. Э. К. Некарскій предложилъ понизить членскій взносъ. Предложеніе это поддерживали К. И. Арабакинъ, Д. И. Ливневъ и др. Постановлено поручить совѣту обездѣлать этотъ вопросъ.

Собраніе общества литературнаго музея. 25-го апрѣля въ помѣщеніи общества экономистовъ подъ предѣдательствомъ Н. А. Рѣзцова состоялось многолюдное годичное собраніе общества литературнаго музея. Среди присутствовавшихъ находились, между прочимъ, М. А. Стаховичъ, Г. К. Градовскій, С. А. Венгеровъ, скульпторъ И. Е. Гинзбургъ, художникъ Пархоменко, Л. З. Слонимскій и другіе. На особомъ возвышеніи красовался портретъ Л. Н. Толстого. Собранію былъ доложенъ отчетъ о дѣятельности общества за 1909—10 гг. Въ обществѣ числилось 66 членовъ. Центральное мѣсто въ дѣятельности общества, какъ видно изъ отчета, заняла работа по подготовкѣ музея имени Л. Н. Толстого. Обращеніе общества къ разнымъ учрежденіямъ о пожертвованіи на

проектируемый музей до сихъ поръ, къ сожалѣнію, дало очень незначительные результаты. На разосланныя предложенія о пожертвованіи пока отозвались петербургскій желѣзнодорожный клубъ, пожертвовавшій 300 рублей, хабаровское общественное собраніе—50 рублей. Такое незначительное поступленіе пожертвованій совѣтъ объясняетъ отчасти тѣмъ, что обращеніе о пожертвованіяхъ было сдѣлано слишкомъ преждевременно,—когда дѣятельность общества литературнаго музея не могла еще проявиться. Одной изъ ближайшихъ своихъ задачъ совѣтъ общества считаетъ устройство временнаго музея имени Л. Н. Толстого. Въ настоящее время въ распоряженіи общества имѣется около 1,000 писемъ, журналовъ, газетъ и рукописей, такъ или иначе связанныхъ съ именемъ Л. Н. Этотъ музей долженъ явиться преддверьемъ къ постоянному дому-музею имени Толстого. Общество озабочено также изданіемъ перваго сборника имени Л. Н. Толстого. Въ этомъ сборникѣ предполагается помѣстить: переписку Л. Н. Толстого съ А. А. Толстой (теткой Л. Н.), письма иностранныхъ писателей по поводу 80-лѣтняго юбилея Л. Н., воспоминанія А. А. Стаховича (старшаго) о первой постановкѣ «Власти тьмы» и исторіи ея запрещенія и послѣдовавшаго затѣмъ разрѣшенія, библиографію переводовъ Толстого на иностранныя языки и другіе. Однимъ изъ главныхъ препятствій къ осуществленію ближайшей задачи общества—устройства временнаго музея имени Толстого—служитъ отсутствіе подходящаго помѣщенія. Въ заключеніе совѣтъ выражаетъ надежду, что русское общество въ необходимую минуту пойдетъ навстрѣчу обществу литературнаго музея и поможетъ ему создать памятникъ великому писателю земли русской. Собраніе, выслушавъ докладъ общества, единогласно постановило принять предложеніе совѣта общества объ открытіи осенью 1910 года временнаго музея и изданіи перваго сборника имени Л. Н. Толстого и ассигновать на это 4,000 рублей. вмѣстѣ съ тѣмъ собраніе поручило Н. А. Рѣзцову выяснить вопросъ объ отношеніи города къ проектируемому музею и въ частности къ предоставленію обществу помѣщенія для этого музея. Г. К. Градовскій заявилъ, что онъ предоставляетъ въ распоряженіе музея полученное имъ письмо Л. Н. Толстого по поводу втораго съѣзда писателей. Въ заключеніе собраніе постановило отправить телеграмму Л. Н. Толстому по поводу исполнившагося 25-лѣтія со дня основанія «Посредника». Телеграмма гласитъ: «Общество литературнаго музея поздравляетъ васъ, глубокопочтимый Левъ Николаевичъ, съ 25-лѣтней годовщиной прекраснаго дѣла «Посредника». Его постоянный ростъ лучшее обезпеченіе будущаго, а причина роста и успѣха лежитъ въ его святомъ девизѣ». Послана также телеграмма Горбунову-Посадову. Постановлено затѣмъ привѣтствовать отсутствующаго «по независящимъ причинамъ» В. Я. Богучарскаго за его неустанную работу въ обществѣ литературнаго музея.

Юбилей «Посредника». Большой сердечностью и простотой отличалось празднованіе въ Москвѣ 25-лѣтія существованія книгоиздательства «Посредникъ», происходившее въ воскресенье, 25 апрѣля. Въ помѣщеніи конторы издательства на Арбатѣ, въ домѣ Тѣстова, къ 1 часу дня собрались представители періодической печати и литературы, ученыхъ, педагогическихъ и просвѣтительныхъ обществъ для принесенія привѣтствій главѣ издательства И. И. Горбунову-Посадову. Первой прочитана была полученная на его имя отъ графа

Л. Н. Толстого телеграмма слѣдующаго содержанія: «Радуюсь тому, что вамъ пришлось увидѣть самому великіе благіе плоды вашего 25-лѣтія служенія народу. Отъ всей души желаю безпрепятственнаго продолженія дѣятельности «Посредника». Затѣмъ прочитаны были привѣтствія отъ В. Г. Черткова и А. К. Чертковой, П. И. Бирюкова, отъ петербургскихъ свободныхъ христіанъ и правленія. Пироговскаго общества врачей. Предсѣдатель общества любителей россійской словесности А. Е. Грузинскій сказалъ привѣтствіе отъ лица общества, отмѣтивъ, что дѣятельность «Посредника», развивавшаяся на широкихъ гуманно-демократическихъ началахъ даже въ такое трудное время, когда всякое выраженіе сочувствія народу считалось преступнымъ, оставила глубокій культурный слѣдъ въ жизни русскаго народа. Своѣ привѣтствіе предсѣдатель общества закончилъ словами: «Всѣ вы, образующіе душу «Посредника», его дѣйствующую армію, неволью представляетесь тѣми дѣятелями, о которыхъ говоритъ поэтъ, тѣми «умѣлыми», съ бодрими лицами, которые вышли на ниву народную съ «полными кошицами» прекраснаго чистаго безподмѣснаго зерна и четверть вѣка тому назадъ смѣло двинули впередъ «трудъ засѣвающихся робко, крупницами». Вы, не ослабѣвая и не отступая, работали все это время, и, конечно, исполнится и заключительное пожеланіе поэта: «Спасибо вамъ скажетъ сердечное русскій народъ». Отъ общества дѣятелей періодической печати и литературы сказалъ привѣтствіе предсѣдатель правленія И. И. Поповъ. И. А. Данилинъ привѣтствовалъ отъ московскаго правленія кассы взаимопомощи литераторовъ и ученыхъ, Н. Д. Телешовъ—отъ литературно-художественнаго кружка и А. Ѳ. Гартвигъ—отъ московскаго общества содѣйствія внѣшкольному образованію. Далѣе прочитана была за подписью К. К. Арсеньева привѣтственная телеграмма отъ редакціи «Вѣстника Европы». Ю. А. Бунинъ принесъ поздравленіе отъ редакціи «Вѣстника Воспитанія». Н. И. Горбуновъ прочиталъ привѣтственный адресъ отъ служащихъ «Посредника». С. А. Сѣрополко сказалъ привѣтствіе отъ журнала «Юная Россія», П. М. Шестаковъ—отъ редакціи журнала «Для народнаго учителя». Помощникъ члена городской управы, завѣдующаго училищнымъ отдѣленіемъ, Н. В. Чеховъ въ своемъ привѣтствіи отмѣтилъ, что «Посредникъ» произвелъ большія перемѣны въ народной и дѣтской литературѣ, въ убѣжденіяхъ читателя изъ народа. Въ заключеніе прочитаны были привѣтственные телеграммы: отъ иркутскаго общества просвѣщенія, отъ правленія товарищества Кушнарева, отъ правленія московскаго общества грамотности, отъ редакціи «Русскихъ Вѣдомостей», «Вѣстника Трезвости», вегетаріанской столовой, отъ писателя Н. И. Тимковскаго, отъ редакціи журнала «Хуторъ», отъ общества взаимопомощи при московскомъ учительскомъ институтѣ, отъ «Вегетаріанскаго Обзорнія», отъ крестьянъ Нижегородской губерніи. Получено также много телеграммъ отъ частныхъ лицъ, въ томъ числѣ и отъ отдѣльныхъ крестьянъ. На привѣтствія юбиляръ отвѣчалъ краткой прочувствованной рѣчью, выразивъ въ ней сердечную благодарность за оказанное вниманіе «Посреднику», дѣятельность котораго происходила подъ девизомъ единенія и любви къ людямъ, и закончилъ рѣчь словами: «Все минется—одна любовь останется». Отъ собравшихся на юбилей лицъ послана была привѣтственная телеграмма графу Л. Н. Толстому, какъ основателю и вдохновителю высокополез-

наго для народа и просвѣтительнаго дѣла, книгоиздательства «Посредникъ». Также послана телеграмма В. Г. Черткову.

Юбилей графини П. С. Уваровой. 30-го апрѣля исполнилось двадцатипятилѣтіе предсѣдательства графини П. С. Уваровой въ императорскомъ московскомъ археологическомъ обществѣ. Хотя графиня и уклонилась отъ чествованія ея въ этотъ день и уѣхала изъ Москвы (она предполагала вернуться къ 11—12-му мая), въ ея домѣ была получена дочерью ея графиней Е. А. Уваровой масса привѣтственныхъ телеграммъ, писемъ и адресовъ. Изъ учреждений получены привѣтствія: отъ императорской академіи наукъ, московскаго университета, академіи художествъ (съ извѣщеніемъ объ избраніи въ почетные члены), историко-филологическаго факультета московскаго университета, московской духовной академіи, императорской археологической комиссіи, новороссійскаго университета, императорскаго русскаго археологическаго общества (Спб.), императорской археографической комиссіи, императорскаго Николаевскаго университета (Саратовъ), историко-филологическаго факультета харьковскаго университета, Лазаревскаго института, историко-филологическаго факультета казанскаго университета, петербургской духовной академіи (адресъ), общества любителей россійской словесности, императорскаго общества испытателей природы, императорскаго общества любителей естествознанія, антропологіи и этнографіи, кавказскаго отдѣленія московскаго археологическаго общества (адресъ), кievской археографической комиссіи, Румянцовскаго музея (адресъ), московскаго главнаго архива министерства иностранныхъ дѣлъ, московскаго архива министерства юстиціи, императорскаго русскаго военно-историческаго общества, московскаго отдѣла того же общества, харьковскаго историко-филологическаго общества, кавказскаго отдѣла императорскаго русскаго географическаго общества, церковно-историческаго и археологическаго общества при кievской духовной академіи, историко-филологическаго общества при новороссійскомъ университетѣ, православнаго палестинскаго общества, новгородскаго общества любителей древности, русскаго библиографическаго общества, харьковской общественной библіотеки, кавказскаго музея, донскаго музея, виленской публичной библіотеки и археологической комиссіи, губернскихъ архивныхъ комиссій рязанской, симбирской, владимирской, нижегородской, ярославской, костромской, курекой, екатеринославскаго научнаго общества, орловскаго церковнаго историко-археологическаго общества, московской синодальной типографіи, комитета общества воспитательницъ и учительницъ, общества преподавателей графическихъ искусствъ, комиссіи по постройкѣ инвалиднаго дома имени первопечатника Ивана Федорова и др. Изъ отдѣльныхъ почитателей прислали привѣтствія нѣкоторые высокопоставленныя лица, епископы, сенаторы, курскій губернаторъ, профессора, художники, преподаватели, любители древностей и другіе. Многія лица пріѣзжали лично и оставили свои карточки. Кромѣ того много привѣтствій получено московскимъ археологическимъ обществомъ.

Юбилей А. Цатуріяна. Армянская литература праздновала 2-го мая 25-лѣтіе писательской дѣятельности одного изъ своихъ талантливейшихъ представителей—поэта и переводчика Александра Цатуріяна. Молодые годы писателя протекли въ сильной нуждѣ, такъ какъ Цатуріянь рано лишился родителей и по

окончаниі городского училища въ городѣ Закаталы, не имѣя средствъ, долженъ былъ отказаться отъ страстнаго желанія продолжать дальнѣйшее образованіе. Былъ поденнымъ рабочимъ, телеграфнымъ разсылнымъ, наконецъ «мальчикомъ» въ магазинѣ сукна, откуда его уволили за любовь къ чтенію. Литературная дѣятельность Цатуріана началась въ 1885 году, когда онъ перевелъ на армянскій языкъ нѣсколько рассказовъ Мопасана и «Асю» Тургенева. Съ этого времени онъ начинаетъ работать почти во всѣхъ армянскихъ періодическихъ изданіяхъ, выходящихъ въ Россіи и за границей. Въ 1891 году вышелъ первый томъ стихотвореній поэта. Затѣмъ онъ издалъ «Стихотворенія въ прозѣ» Тургенева на армянскомъ языкѣ, а въ 1906 году объединилъ всѣ свои переводы русскихъ поэтовъ въ двухъ объемистыхъ томахъ и вмѣстѣ съ Ю. Веселовскимъ перевелъ на русскій языкъ нѣкоторыхъ армянскихъ писателей. Въ настоящее время Цатуріану 56 лѣтъ. Чествованіе его происходило въ Москвѣ, гдѣ онъ живетъ съ 1887 года.

Освященіе памятника императору Петру Великому. 13 мая въ С.-Петербургѣ состоялось торжественное открытіе памятника Петру Великому въ саду передъ казармами л.-гв. Преображенскаго полка. Къ 11 час. утра вокругъ памятника былъ выстроенъ л.-гв. Преображенскій полкъ. На лѣвомъ флангѣ стали прежде всего служившіе преображенцы, среди которыхъ находились ихъ императорскія высочества великіе князья Кирилль Владимировичъ, Константинъ Константиновичъ и его высочество принцъ Петръ Александровичъ Ольденбургскій. На торжество открытія и освященія памятника прибыли и прослѣдовали въ царскую палатку, гдѣ находились полковныя дамы, ихъ императорскія высочества великія княгини Анастасія Михайловна, великая герцогиня Мекленбургъ-Шверинская, Марія Павловна, Викторія Ѳеодоровна и Ольга Александровна. Вблизи царской палатки собрались: его императорское высочество великій князь Борисъ Владимировичъ, министръ Двора баронъ Фредериксъ, военный министръ генералъ Сухомлиновъ, временно-командующій войсками гвардіи и с.-петербургскаго военного округа генералъ Газенкампфъ и др. лица. Въ 11 час. утра прибылъ Его Величество. Послѣ молитвы съ колѣнопреклоненіемъ и царскаго многолѣтія была возглашена вѣчная память въ Бозѣ почивающему императору Петру I. Во время пѣнія «вѣчная память» завѣса, закрывавшая памятникъ, была снята матросами. Взорамъ всѣхъ присутствовавшихъ представился памятникъ, изображающій императора Петра Великаго въ формѣ стараго Преображенскаго полка, опирающимся на шпагу лѣвой рукой, держащей свитокъ, а въ правой рукѣ имѣющимъ историческую «дубинку». На памятникѣ высѣчены слѣдующія слова: съ лицевой стороны—«Державному основателю—преображенцы»; со стороны казармъ—«Сооруженъ въ благополучное царствованіе Императора Николая II, въ двухсотлѣтнюю годовщину Полтавской побѣды»; съ правой стороны—«Потомъ трудовъ моихъ—создалъ я Васъ»; и съ лѣвой стороны: «А при Полтавской баталіи сражался я съ полкомъ моимъ, лично былъ въ великомъ огнѣ». Въ офицерскомъ собраніи полка въ Высочайшемъ присутствіи состоялся завтракъ.

Памятникъ В. А. Грингмуту. 25-го апрѣля послѣдовало торжественное освященіе намогильнаго памятника Владимиру Андреевичу Грингмуту. Па-

мятникъ сооруженъ по рисунку Виктора Михайловича Васнецова, предложившаго свой безвозмездный трудъ для увѣковѣченія памяти человѣка, котораго онъ глубоко уважалъ. Памятникъ при своей массивности отличается рѣдкою художественною красотой и производитъ неотразимое впечатлѣніе на зрителя. Среди намогильныхъ монументовъ памятникъ В. А. Грингмуту является украшеніемъ кладбища Скорбященскаго монастыря и, занимая прекрасное положеніе на главной центральной дорожкѣ, будетъ останавливать на себѣ вниманіе каждаго посѣтителя кладбища. Для памятника, въ виду его массивности, пришлось занять въ три раза большее мѣсто, чѣмъ полагается для одной могилы. Вся эта площадка (4—3 аршина) занята пьедесталомъ изъ темнаго гранита, покоящимся на прочномъ фундаментѣ, стѣнки котораго покрыты широкими гранитными же плитами; на этихъ послѣднихъ покоятся массивныя плиты изъ темнаго гранита, образующія двѣ ступени. Самый памятникъ исполненъ изъ свѣтло-сѣраго гранита, специально выпсаннаго производителемъ работъ В. И. Орловымъ и доселѣ, какъ говорятъ, не примѣнивавшегося для надгробныхъ памятниковъ. Онъ состоитъ изъ двухъ частей: изъ монументальной гранитной глыбы, которой художникъ придалъ неправильную, къверху немного суженную форму, и одноцвѣтнаго съ глыбой массивнаго гранитнаго креста, имѣющаго въ вышину до четырехъ аршинъ; высота же всего памятника съ пьедесталомъ простирается до семи аршинъ. Весь чудный гранитъ превосходно обработанъ по рисунку В. М. Васнецова. По отзывамъ специалистовъ, такой обработкѣ для намогильнаго памятника твердый гранитъ былъ подвергнутъ въ первый разъ въ Москвѣ. Эта работа потребовала очень много времени и послужила, между прочимъ, причиною, почему памятникъ не могъ быть установленъ осенью минувшаго года. Массивный крестъ въ художественной обработкѣ украшенъ чуднымъ Распятіемъ съ ликами «предстоящихъ» по сторонамъ, прекрасно исполненнымъ фабрикой М. П. Овчинникова по рисунку г. Васнецова. Бронзовое распятіе надолго приковываетъ взоръ зрителя, восторгающагося новымъ дивнымъ созданіемъ великаго русскаго художника. Къ распятому на крестѣ Спасителю наклонили свои лики Богоматерь и св. Іоаннъ Богословъ, исполненные также изъ бронзы. Эти два образа—также художественныя творенія. Въ верхней части креста, надъ главою распятаго Христа, высѣчено рельефными буквами: «Господи силъ, съ нами буди», а внизу креста высѣченъ евангельскій текстъ: «Иже хочетъ по Миѣ ити, да отвержется себе, возьметъ крестъ свой и по Миѣ грядеть». На задней сторонѣ высѣченъ посрединѣ большой рельефный крестъ, который можно видѣть на старинныхъ намогильныхъ плитахъ; вверху высѣчена надпись: «Иного бо развѣ помощника въ скорбѣхъ не имамы», а внизу высѣченнаго креста читаемъ: «Господи силъ, помилуй насъ». Монументальная глыба украшена знаменемъ-хоругвью русскою монархическою партіи (представляющей копію стяга князя Пожарскаго изъ временъ лихолѣтя); древко знамени высѣчено изъ гранита, а самая хоругвь исполнена изъ вызолоченной въ византійскомъ стилѣ бронзы. На лицевой сторонѣ хоругвь поставлена въ наклоненномъ видѣ и на ней выдѣляется ликъ Казанской Божьей

Матери. Здѣсь хоругвь немного захватываетъ высѣченный вѣнокъ съ бантомъ, внутри котораго золотомъ начертаны предсмертныя слова В. А. Грингмута: «Православные русскіе люди, собирайтесь, объединяйтесь, молитесь...» По бокамъ высѣчены даты рожденія (3-го марта 1851 года) и кончины (28-го сентября 1907 года). Внизу крупными буквами высѣчена надпись: «Монархисты—своему вождю Владимиру Андреевичу Грингмуту». На задней сторонѣ глыбы хоругвь съ ликомъ Спасителя находится въ приподнятомъ положеніи, и здѣсь начертано изреченіе изъ книги пророка Іереміи: «Наострите стрѣлы, наполните колчаны, яко противу Вавилона гнѣвъ его, отмщеніе Господне есть. Воздвигните знамя». Далѣе на правой сторонѣ глыбы помѣщены слѣдующія надписи: 1) «Не чудитесь, братіе моя, аще ненавидитъ васъ міръ» (1 посл. Іоанна, III, 13); 2) «Бодрствуйте, стойте въ вѣрѣ, мужайтесь» (Коринѣ., XIV, 13); 3) «Всѣхъ почитайте, братство возлюбите, Бога бойтесь, Царя чтите» (1 посл. Петра, II, 17). На лѣвой сторонѣ глыбы высѣчены такія изреченія: 1) «Не вотще текохъ, не вотще трудихся» (посл. къ Филипп., II, 16); 2) «Въ усердіи не ослабѣвайте, духомъ пламенѣйте, Господу служите. Будьте единомысленны между собою» (посл. къ Римл., XII, 11, 16). Памятникъ окружаетъ невысокая, простая, но изящная рѣшетка цинковаго желѣза, исполненная по рисунку В. М. Васнецова П. П. Шабаровымъ.

Проектъ памятника М. Ю. Лермонтову. 30-го апрѣля въ ложѣ манежа сотни Николаевского кавалерійскаго училища состоялось засѣданіе экспертной комиссіи соединенныхъ комитетовъ — устроительнаго всероссійскаго съѣзда художниковъ по сооруженію при Николаевскомъ кавалерійскомъ училищѣ памятника М. Ю. Лермонтову, при участіи литераторовъ В. П. Буренина и П. П. Гнѣдича, подъ предѣдательствомъ графа А. А. Голенищева-Кутузова. Экспертная комиссія признала «лучшими» проекты, представленные подъ девизами: а) «Я бичъ рабовъ моихъ земныхъ, я царь познанья и свободы»; б) «Родному поэту», и в) «Лира». По вскрытіи пакетовъ съ этими девизами, авторами проектовъ, признанныхъ «лучшими», оказались: а) Л. А. Дитрихъ и В. В. Козловъ; б) Я. П. Сергѣевъ и в) А. М. Денисовъ. Соединенные комитеты постановили обратиться съ просьбою къ авторамъ перваго проекта: «о переработкѣ середины пьедестала для большей гармоничности связи основанія со скалой», втораго проекта: «о разработкѣ пьедестала» и третьяго: «о приданіи большей экспрессивности фигурѣ и объ уничтоженіи рисунковъ на пьедесталѣ». Въ томъ же засѣданіи постановлено: «уполномочить предѣдателей—устроительнаго комитета всероссійскаго съѣзда графа А. А. Голенищева-Кутузова, комитета по сооруженію при Николаевскомъ кавалерійскомъ училищѣ памятника М. Ю. Лермонтову генераль-лейтенанта Л. В. де-Виттъ, секретаря комитета съѣзда А. А. Карелина и дѣлопроизводителя комитета по сооруженію памятника А. В. Ремпель повергнуть проекты; признанные лучшими, на высочайшее благоусмотрѣніе Государя Императора.

Отъ императорской академіи наукъ. Въ виду исполняющагося 8-го ноября 1911 года двухсотлѣтія со дня рожденія великаго русскаго ученаго Михаила Васильевича Ломоносова императорская академія наукъ доводитъ до всеобщаго свѣдѣнія, что при академіи существуютъ преміи за ученое жизне-

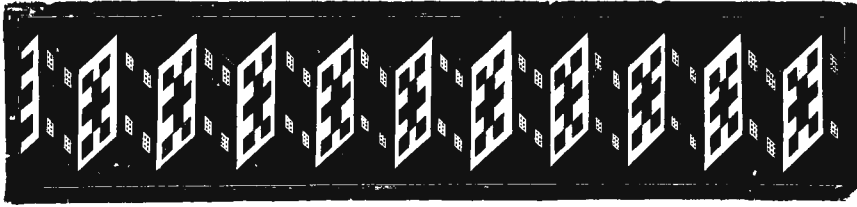
описание Ломоносова, присуждаемая на нижеслѣдующихъ основаніяхъ. На преміи за ученое жизнеописание Ломоносова назначается 4,000 рублей. Изъ нихъ 2,000 рублей образуютъ большую премію, а остальные 2,000 рублей образуютъ четыре малыхъ преміи, по 500 рублей каждая. Большая премія присуждается за ученое жизнеописание Ломоносова, съ оцѣнкою его дѣятельности, какъ писателя, ученаго и гражданина. Въ ученомъ жизнеописаніи Ломоносова должны быть даны полное изображеніе всѣхъ сторонъ его дѣятельности и оцѣнка его трудовъ въ области физики, химіи, минералогіи, геологіи, металлургіи, географіи, статистики, политической экономіи, русской исторіи, филологіи и словесности, съ изъясненіемъ, въ какомъ состояніи находились эти отрасли вѣдѣнія въ его время, и что именно сдѣлано имъ по каждой изъ нихъ. Въ отношеніи къ заслугамъ Ломоносова по филологіи и словесности должно быть обращено особое вниманіе на значеніе его въ развитіи русскаго письменнаго языка. Малыя преміи присуждаются за сочиненія, обнимающія дѣятельность Ломоносова въ области: 1) физики и химіи ¹⁾, 2) минералогіи, геологіи, металлургіи; 3) философіи и словесности; 4) географіи, статистики, политической экономіи и русской исторіи. На соисканіе премій принимаются оригинальныя сочиненія на русскомъ языкѣ, какъ печатныя, такъ и рукописныя; сочиненія могутъ быть представлены или самими авторами, или дѣйствительными членами императорской академіи наукъ. Рукописи должны быть четко написаны и съ подписью имени автора, или же безъ нея, но съ девизомъ и приложеніемъ запечатаннаго пакета, содержащаго имя автора. Дѣйствительные члены императорской академіи наукъ не имѣютъ права участвовать въ соисканіи премій. Разборъ ученаго жизнеописанія Ломоносова и присужденіе за него преміи предоставлены императорской академіи наукъ, которою, въ конкурсномъ году, въ январскомъ засѣданіи общаго собранія, назначается коммиссія изъ академиковъ для предварительнаго разсмотрѣнія сочиненій, представленныхъ на соисканіе. На основаніи донесенія этой коммиссіи присужденіе премій будетъ произведено въ декабрьскомъ засѣданіи общаго собранія конференціи. Преміи могутъ быть выданы лишь самому автору или его законнымъ наследникамъ, но не издателю. Срокомъ представленія сочиненій на соисканіе премій назначается 1 января 1912 года. Отчетъ о присужденіи премій будетъ прочитанъ въ годовомъ торжественномъ засѣданіи академіи 29 декабря 1912 года и затѣмъ напечатанъ во всеобщее свѣдѣніе. Всѣ преміи присуждаются только одинъ разъ, и, по присужденіи четырехъ малыхъ премій и одной большой, конкурсъ закрывается.

Конкурсъ на составленіе книжекъ при всероссійскомъ національномъ клубѣ. 1) Наше прошлое (полный курсъ національной исторіи Россіи). Срокъ представленія рукописей 1-го января 1911 г. 2) Великая крестьянская реформа при царѣ-Освободителѣ (съ краткой исторіей крестьянства на Руси до нашихъ дней). Срокъ представленія рукописей 1-го декабря 1910 г. 3) Двѣнадцатый годъ (къ 100-лѣтію Отечественной войны).

¹⁾ Премія за сочиненіе о дѣятельности Ломоносова уже присуждена сочиненію Б. Н. Меншуткина.

Срокъ представленія рукописей 1-го ноября 1911 г. 4) Наша страна (полный курсъ отечествовѣдѣнія). Срокъ представленія рукописей 1-го сентября 1911 г. 5) Домъ Романовыхъ. Срокъ представленія рукописей 1-го января 1912 г. 6) Смутное время на Руси (съ 17-го юля 1610 г. по 21-го февраля 1613 г.). Срокъ представленія рукописей 1-го декабря 1910 г. Преміи за лучшія сочиненія— 500, 300, 200, 150 и 100 рублей. Сверхъ того, гонораръ за принятое сочиненіе до 150 рублей за печатный листъ (въ 35 тысячъ буквъ). Размѣръ каждой книжки, составленной популярно, до 100 (и въ рѣдкихъ случаяхъ до 160—200) страницъ. Подробныя условія и правила конкурса могутъ быть высланы всѣмъ интересующимся этимъ вопросомъ. За справками обращаться въ издательскую комиссію при всероссійскомъ національномъ клубѣ (Литейный, 10).

НЕКРОЛОГИ.

БАЛАКИРЕВЪ, М. А. 16 мая, въ 7 часовъ утра, на 74 году жизни скончался композиторъ Милій Алексѣевичъ Балакиревъ. Это былъ одинъ изъ крупнѣйшихъ и талантливѣйшихъ нашихъ музыкантовъ. Если въ послѣдніе годы онъ велъ уединенную жизнь, почти сторонясь отъ музыкальнаго міра, то въ свое время онъ занималъ въ немъ одно изъ первыхъ мѣстъ. Ему, какъ и Рубинштейну, въ большой степени обязана музыкальная Россія своимъ движеніемъ. Онъ не занималъ официальнаго мѣста, которое давало Рубинштейну возможность широко вліять на музыкальныя дѣла, но его талантъ и энергическая, страстная натура, въ свою очередь, позволили ему оставить глубокой слѣдъ въ нашемъ искусствѣ. Разумѣемъ здѣсь не его сочиненія, хотя очень талантливыя, но непосредственное вліяніе его личности и характера. Онъ сгруппировалъ вокругъ себя въ своей ранней молодости кружокъ даровитыхъ людей: Римскаго-Корсакова, Бородина, Кюи и Мусоргскаго, составившій противовѣсъ музыкальному обществу и обѣимъ консерваторіямъ, во главѣ которыхъ стояли братья Рубинштейны. Развернувшіеся таланты этого кружка, безусловно обязанные своимъ развитіемъ импульсу, данному имъ Балакиревымъ, оказали впослѣдствіи немалое вліяніе на ходъ музыкальнаго дѣла въ Россіи, особенно Корсаковъ при посредствѣ своей школы и многочисленныхъ учениковъ. Балакиревъ проявилъ свои силы въ разнообразныхъ родахъ музыки, не исключая и духовной. Онъ только не касался оперы и балета. Во всѣхъ же остальныхъ областяхъ—фортепіано, романсъ, симфонія,—имъ оставленъ рядъ прекрасныхъ, иногда первоклассныхъ произведеній. Чувство гармоніи, формы и оркестровыхъ красокъ было какъ бы врожденнымъ у него. Даже въ фортепіанномъ аккомпаниментѣ его романсовъ нерѣдко слышится оркестровый колоритъ.

Если назовем его «Тамару», 1-ю симфонию, увертюру «Русь», «Исламея», то сразу становится передъ глазами большой, тонкій художникъ. Затѣмъ почти всѣ его романсы прелестны. По своему композиторскому дарованію онъ долженъ былъ занять одно изъ первыхъ мѣстъ въ нашей литературѣ, но онъ отдалъ столько силъ другимъ, помогая и направляя ихъ, что для себя ему оставалось уже сравнительно мало времени, а можетъ быть даже и охоты. Онъ вообще писалъ медленно и оставилъ гораздо менѣе произведеній, чѣмъ могъ. Можетъ быть, причина относительной его неплодовитости лежала въ высотѣ его идеаловъ: онъ требовалъ и отъ себя, какъ отъ другихъ, безупречности. Онъ жилъ вдаль отъ дѣлъ съ 1895 г., когда оставилъ мѣсто управляющаго придворною пѣвческою капеллою, которое занималъ съ 1883 года. (Некрологъ его: «Новое Время», 1910 г., № 12275).

† **Балицкая, А. С.** 8-го апрѣля скончалась одна изъ дѣятельнѣйшихъ благотворительницъ Петербурга Анна Соломоновна Балицкая. Имя ея особенно тѣсно связано съ обществомъ попеченія о больныхъ и бѣдныхъ дѣтяхъ (Синій Крестъ). Это общество возникло по ея инициативѣ. Ея стараніями былъ составленъ уставъ общества и утвержденъ въ 1882 году, и она, имѣя въ своемъ распоряженіи 1,300 рублей, энергично приступила къ осуществленію своей гуманной задачи. У покойной была замѣчательная способность привлекать къ добродѣлю людей. Вскорѣ около нея собралась маленькая сплоченная общимъ одушевленіемъ армія новобранцевъ, и общество быстро разрослось, достигнувъ нынѣ блестящаго положенія и оказавъ въ теченіе своего существованія помощь нѣсколькимъ десяткамъ тысячъ бѣдныхъ дѣтей, болѣе чѣмъ на 3 милліона рублей. Съ расширеніемъ дѣятельности общества вскорѣ образовалось шесть порайонныхъ отдѣловъ (нынѣ восемь) въ разныхъ частяхъ города, и покойная приняла на себя предсѣдательство въ московско-нарвскомъ отдѣлѣ общества. Она была предсѣдательницей отдѣла въ теченіе двадцати пяти лѣтъ (съ 1883 года по 1908 годъ, когда отказалась по разстроенному здоровью), и за это время основала трое яслей для дневного призрѣнія дѣтей-работницъ, школу садоводства въ Ботаническомъ саду для 15 неимущихъ мальчиковъ, убѣжище для 45 дѣвочекъ, подготовлявшихся къ обязанностямъ обученной прислуги, временное убѣжище для малолѣтнихъ дѣтей, оставшихся безъ пристанища, дѣтскую сельскую колонію въ усадьбѣ Затишье близъ станціи Плюсса для 30 дѣтей. Кромѣ того, организовывала разные выставки и базары въ пользу общества. Богатая инициативой и чувствомъ милосердія и любви къ ближнимъ, А. С. работала, не зная отдыха. По ея предложенію былъ созданъ при обществѣ отдѣлъ защиты дѣтей, разросшійся нынѣ въ самостоятельное общество, по ея почину возникъ также союзъ учрежденій дѣтской помощи для болѣе правильной и планомѣрной постановки ея организациі. Общество попеченія о бѣдныхъ и больныхъ дѣтяхъ отмѣтило неустанную и полезную дѣятельность своей основательницы избраніемъ покойной въ почетные члены. Помимо Сняго Креста, А. С. основала еще с.-петербургское общество трезвости и сумѣла привлечь къ нему симпатіи и участіе сенатора Барыкова, графа Толя, профессора Вагнера, Л. Е. Оболенскаго, О. А. Новиковой и др. лицъ. Не мало потрудились она и на пользу деревни, устроивъ сообще съ графиней Татищевой на станціи Плюсса ясли для крестьянскихъ дѣтей, амбу-

латорію и пожарное общество. Всѣ эти факты наглядно свидѣтельствуютъ о крупной цѣнности добра, которое осуществила покойная на дѣлѣ въ предѣлахъ возможнаго. Она всѣми силами старалась вывести дѣло благотворенія изъ прежнихъ узкихъ рутинныхъ рамокъ по казенному шаблону на путь общественнаго дѣла, и это удалось ей. (Некрологъ ея: «Новое Время», 1910 г., № 12241).

† **Голицына, княг. М. М.** 1-го апрѣля, въ восьмомъ часу утра скончалась внезапно въ Зимнемъ дворцѣ, въ своихъ апартаментахъ статсъ-дама Ихъ Величествъ и оберъ-гофмейстерина при Ея Величествѣ Государынѣ Императрицѣ Александрѣ Феодоровнѣ свѣтлѣйшая княгиня Марія Михайловна Голицына, рожденная Озерова, вдова свѣтлѣйшаго князя Голицына. Въ послѣднее время свѣтлѣйшая княгиня часто недомогала. Внезапно утромъ княгиня почувствовала боль въ сердцѣ и въ восьмомъ часу ея не стало. Покойная по смерти своего мужа была назначена статсъ-дамой, въ 1893 г. заняла должность гофмейстерины при Государынѣ императрицѣ Александрѣ Феодоровнѣ, а въ 1907 г. назначена оберъ-гофмейстериною при Высочайшемъ Дворѣ. Покойная пользовалась глубокимъ уваженіемъ не только по своему положенію, но и по качествамъ своей души. Она отличалась широкой благотворительностью и большой энергіей, принимая участіе во многихъ благотворительныхъ учрежденіяхъ столицы. Она состояла вице-предѣвателемъ императорскаго женскаго патріотическаго общества, почетнымъ членомъ попечительства о трудовой помощи, членомъ комитета главнаго попечительства дѣтскихъ пріютовъ вѣдомства Императрицы Маріи и Алексѣевскаго главнаго комитета по призрѣнію дѣтей лицъ, погибшихъ въ войнѣ съ Японіей. Покойной княгинѣ было около 70 лѣтъ, она была кавалерственной дамой малаго креста ордена св. Екатерины, имѣла Маринскій знакъ отличія за 15 лѣтъ, знакъ отличія Краснаго Креста первой степени и французскій знакъ officier de l'instruction publique. (Некрологъ ея: «Новое Время», 1910 г., № 12,240).

† **Гринченко, Б. Д.** Тяжелую утрату понесла украинская литература и общественность въ лицѣ безвременно скончавшагося 23-го апрѣля въ Италіи Б. Д. Гринченка. Въ продолженіе послѣдняго тридцатилѣтія имя его было не только именемъ популярнаго на Украинѣ писателя, но и рѣдкой стойкости и выдержанности общественнаго дѣятеля, всегда свѣшившаго туда, гдѣ требовалась инициатива, гдѣ нуждались въ работникахъ. Еще въ прошломъ году, больной и измученный жизнью, онъ стоялъ во главѣ тоже нынѣ покойной «Просвѣты» въ Кіевѣ, отдавая свои послѣднія силы дорогому дѣлу народнаго просвѣщенія. Еще наканунѣ отъѣзда въ Италію онъ лихорадочно дописывалъ свои произведенія, какъ бы торопясь сказать послѣднее «прости» родному народу. До послѣдняго момента онъ не переставалъ горячо интересоваться дѣломъ всей своей жизни, и его письма изъ Оспедалетти предствдляютъ не только личныи интересъ, но и глубокое общественное значеніе. Это была жизнь въ полномъ смыслѣ слова подвижническая, не знавшая компромиссовъ, не боявшаяся лишений; натура, готовая все вынести и претерпѣть ради дорогой идеи. И дѣйствительно, онъ все вынесъ... Б. Д. Гринченко родился въ 1864 году. Первые его печатные труды относятся къ 1881 г., когда въ львовскомъ журналѣ «Свѣт» появилось нѣсколько принадлежащихъ ему стихотво-

реній. Съ этого времени изъ-подъ пера плодовитого и разносторонняго писателя вышелъ цѣлый рядъ стихотвореній (сборники ихъ — «Під хмарним небомъ», «Пісні та думи»), рассказовъ (лучше: «Без хліба», «Хата. «Непокірний», «Сестриця Галя» и др.), повѣстей («Соняшний промѣнь», «На роснутті», «Середь темної ночі», «Під тихими вербами»), драматическихъ произведеній («Драми і комедії», два тома), популярно-научныхъ и публицистическихъ произведеній, переводовъ съ нѣмецкаго и французскаго языковъ и т. д. Кроме того, ему же принадлежать редактированіе нѣсколькихъ томовъ украинскихъ этнографическихъ матеріаловъ, а также большаго четырехтомнаго украинскаго словаря, премированнаго петербургскою академіей наукъ. Одинъ перечень печатныхъ трудовъ Б. Д. Гринченка въ области художественной литературы, публицистики и науки составилъ бы объемистую книгу. Но и помимо плодотворной и разнохарактерной литературной дѣятельности имя Б. Д. Гринченка надолго останется въ лѣтописяхъ украинской жизни, благодаря его выдающимся заслугамъ общественаго характера. Начавъ свою общественную дѣятельность въ качествѣ скромнаго сельскаго учителя, онъ всю жизнь оставался особенно близокъ вопросамъ просвѣщенія роднаго украинскаго народа и являлся неустоимымъ защитникомъ правъ его на собственную національную школу. Изъ работъ Б. Д. Гринченка въ этой области особенно популярной является брошюра «На безпросвѣтномъ пути», напечатанная первоначально въ «Русскомъ Богатствѣ». Она считается лучшей въ литературѣ вопроса работъ, полно и всесторонне охватывающей какъ теоретическія, такъ и практическія положенія въ дѣлѣ народнаго образования на Украинѣ. (Некрологъ его: «Русскія Вѣдомости», 1910 г., № 97).

† **Желобовскій, А. А.**, протопресвитеръ. Скончавшійся 29 апрѣля протопресвитеръ военнаго и морскаго духовенства, членъ св. синода о. Александръ Алексѣевичъ Желобовскій пользовался обширною популярностью среди духовенства, какъ выдающійся пастырь и многолѣтній руководитель духовенства военнаго и морскаго вѣдомства. Онъ былъ протопресвитеромъ въ теченіе двадцати лѣтъ (съ 1890 г.), и всѣ крупныя реформы военно-духовнаго характера за это время неразрывно связаны съ его именемъ. При немъ административный механизмъ вѣдомства созданъ почти заново, въ мертвыя формы администраціи вложенъ живой духъ. Ему были подчинены до 1.000 человекъ духовенства и болѣе 600 церквей, и онъ умѣлъ бережно и заботливо внести всюду улучшенія, порядокъ и обновленіе. Онъ за время своего управленія устроилъ и благоустроилъ болѣе 70 храмовъ, привлекая щедрыя пожертвованія своихъ почитателей и самъ лично въ большинствѣ случаевъ освящалъ церкви. Имъ устроены, приведены въ порядокъ полковыя кладбища, заведены виѣбогослужобныя собесѣдованія, учреждено изданіе «Вѣстника Военнаго Духовенства»; учреждены при разныхъ войсковыхъ частяхъ церковно-приходскія школы. Заботясь о религіозно-нравственномъ просвѣщеніи въ средѣ войскъ, покойный ввелъ въ курсъ полковыхъ учебныхъ командъ преподаваніе по новой программѣ Закона Божьяго, поощрялъ военныхъ священниковъ къ открытію церковныхъ бібліотекъ съ книгами религіозно-назидательнаго характера, открывалъ церковныя братства, ввелъ братскія собранія священнослужителей подъ своимъ предсѣдатель-

ствомъ. Онъ же устроилъ на пожертвованной имъ землѣ въ Тверской губерніи свѣчной заводъ для военныхъ церквей и для заводскихъ рабочихъ выстроилъ храмъ съ церковно-приходской школой. Предпринимая ревизіи и обозрѣнія, покойный изъѣздилъ всѣ уголки Россіи, гдѣ стоятъ войска. Ему удалось при содѣйствіи ген. Куропаткина въ бытность его военнымъ министромъ ввести новыя табели содержанія военнымъ и морскимъ священникамъ, прежде бѣдствовавшимъ, и исходатайствовать усиленные оклады и пенсіи. Духовенство было присоединено его хлопотами къ эмеритурѣ. Его заботы объ облегченіи тяжелой доли вдовъ и сиротъ выразились въ расширеніи дѣятельности Николаевской богадѣльни для осиротѣлыхъ семействъ военного духовенства, въ постройкѣ въ 1905—1906 г. большого трехъэтажнаго дома-богадѣльни въ Гатчинѣ для призрѣнія вдовъ и находящихся въ отставкѣ по болѣзни военныхъ священнослужителей и въ образованіи особаго комитета для воспитанія сиротъ и дочерей подчиненнаго ему духовенства. Изъ этого сиротскаго комитета стали получать пособія сыновья военныхъ священнослужителей въ годы своего пребыванія въ духовныхъ академіяхъ. По его мысли, при протопресвитерѣ учреждено духовное правленіе, выстроены домъ съ домовою церковью. Словомъ, всѣ нововведенія и улучшенія въ жизни военного и морского духовенства за послѣднія двадцать лѣтъ обязаны своимъ осуществленіемъ инициативѣ и стараніямъ покойнаго. А. А. родился 28 августа 1834 года. Онъ былъ сыномъ многосемейнаго псаломщика Никольской желобовской церкви и началъ свое образованіе въ бѣлозерскомъ духовномъ училищѣ, откуда поступилъ въ новгородскую духовную семинарію. Какъ лучший изъ воспитанниковъ, покойный былъ посланъ на казенный счетъ въ петербургскую духовную академію, изъ которой вышелъ со степенью магистра богословія. Отклонивъ предложенное ему званіе профессора семинаріи, онъ началъ службу въ 1859 г. скромнымъ армейскимъ священникомъ 14-го Митавскаго гусарскаго полка въ Тверской губ., одновременно съ 1861 г. онъ былъ благочиннымъ 7-й кавалерійской дивизіи. Съ Митавскимъ полкомъ А. А. совершилъ походы во время польскаго возстанія. Уже въ то время онъ обратилъ на себя вниманіе своею дѣятельностью и проповѣдями. Въ 1866 г. былъ переведенъ въ Петербургъ и служилъ въ церквахъ л.-гв. Кирасирскаго Ея Величества, Коннаго и затѣмъ Кавалергардскаго полковъ. Проведя 12 лѣтъ въ послѣднемъ полку, о. Александръ приобрѣлъ себѣ общую любовь кавалергардской семьи, устроившей ему особо трогательные проводы при назначеніи его на должность настоятеля Сергіевскаго всей артиллеріи собора. Въ приказѣ по полку значится: «Служа въ военной средѣ, протоіерей Желобовскій вполне понималъ требованія военныхъ лицъ и такъ близко стоялъ къ нимъ, что вполне сроднился съ нашей семьей». Въ 1880 г. получилъ назначеніе благочиннаго гвардейскаго духовенства, что открыло ему широкое поприще для административной дѣятельности по духовному вѣдомству. Сперва за болѣзнь, потомъ за смертью протоіеря Бажанова исполнялъ обязанности главнаго священника гвардейскаго духовенства. При его настоятельствѣ въ Сергіевскомъ соборѣ учреждены вѣбогослужебныя собесѣдованія, выстроены часовня и домъ для причта, заведенъ общенародный хоръ. Объединеніе духовенства гвардіи и гренадеръ, арміи и флота подъ упра-

вліенієм одного лица было Высочайше предположено тотчас послѣ смерти прот. Важанова. Для разсмотрѣнія этого дѣла была учреждена особая комиссия, А. А. былъ ея членомъ. Въ 1888 г., послѣ смерти главнаго священника арміи и флота о. Покровскаго, поручено было ему исправлять должность покойнаго. Въ 1890 г. послѣдовало Высочайшее утвержденіе выработаннаго комиссіею положенія объ управленіи церквами и духовенствомъ военнаго и морского вѣдомствъ, и А. А. вступилъ въ должность главнаго священника гвардіи и гренадеръ, арміи и флота и вскорѣ былъ переименованъ въ протопресвитера военнаго и морского духовенства. Покойный былъ однимъ изъ учредителей (съ 1878 г.) общества вспомошествованія недостаточнымъ студентамъ духовной академіи и въ теченіе многихъ лѣтъ былъ предсѣдателемъ этого общества. Какъ проповѣдникъ, онъ былъ замѣчателенъ своей манерой говорить просто и вмѣстѣ тепло и картинно. Каждое его слово входило въ душу слушателя и вызывало яркіе образы въ его умѣ. Какъ человекъ, покойный былъ доступенъ, привѣтливъ и всегда былъ готовъ помочь въ нуждѣ, глубоко религіозенъ, мягокъ и задушевенъ. Въ 1905 г. А. А. назначенъ членомъ св. синода. Въ 1896 г. какъ петербургская духовная академія, такъ и училищный совѣтъ при св. синодѣ отмѣтили его выдающуюся дѣятельность избраніемъ его въ свои почетные члены. А. А. имѣлъ съ 1887 г. митру и всѣ ордена до звѣзды Владимира 1-й степени включительно. Послѣдняя награда получена имъ въ день полувѣкового юбилея его дѣятельности въ 1909 г. при Высочайшемъ рескриптѣ. Его перу принадлежитъ нѣсколько духовно-литературныхъ работъ, изъ которыхъ наиболѣе извѣстны: «Слова, бесѣды и поученія», произнесенныя имъ въ 1862—1882 гг., краткія объясненія: «Семи таинствъ Христовыхъ», «Божественной литургіи», «Молитвы Господней», «Символа вѣры», «10 заповѣдей Господнихъ», поученія: «Кому легче живется на свѣтѣ: вѣрующему въ Бога или невѣрующему?», «Не всякое ученіе душъ во спасеніе», «Совѣты духовнаго отца духовнымъ дѣтямъ, полезныя всегда и особенно во дни Великаго поста», внѣбогослужебныя бесѣды о потопѣ, объ Іовѣ, о мученикахъ Маккавеехъ, о Рождествѣ Христовомъ и др. Въ смутное время 1905 г. онъ издалъ «Внѣбогослужебныя бесѣды пастыря съ военными о высокомъ значеніи воинскаго званія». (Некрологъ его: «Новое Время», 1910 г., № 12259).

† **Зининъ, Ш. Н.** 9-го апрѣля въ Новочеркасскѣ скончался управляющій донскимъ политехническимъ институтомъ Николай Николаевичъ Зининъ, бывшій заслуженный ординарный профессоръ императорскаго варшавскаго университета. Покойный, сынъ извѣстнаго химика академика Н. Зинина, родился 14-го июня 1854 года. Высшее образованіе получилъ въ петербургскомъ университетѣ по математическому отдѣленію физико-математическаго факультета, удостоившаго молодого ученаго золотою медалью за сочиненіе на тему: «Теорія весьма малыхъ колебаній маятника въ зависимости отъ сопротивленія воздуха и движенія земли около оси». По окончаніи университета со степенью кандидата Ш. Н. былъ оставленъ при университетѣ. Вскорѣ покойный назначенъ былъ исправляющимъ должность доцента варшавскаго университета по каѳедрѣ чистой м. тем. тики, какъ рекомендованный съ самой лучшей стороны академикомъ Чебыш. въ мѣ и профессоромъ Коркинымъ. Послѣ нѣкотораго перерыва,

за переходомъ на службу въ ново-александрійскій сельско-хозяйственный институтъ, съ 1883 года до выхода въ отставку онъ свои лучшіе годы посвятилъ варшавскому университету. Въ 1885 году Н. П. былъ утвержденъ экстраординарнымъ профессоромъ варшавскаго университета. Въ 1893 году послѣ защиты диссертациі «Различныя приемы приведенія кратныхъ интеграловъ и главнѣйшія приложенія этихъ приѣмовъ» московскій университетъ присудилъ ему степень доктора чистой математики, а вскорѣ послѣ этого онъ былъ утвержденъ ординарнымъ профессоромъ варшавскаго университета. Въ 1905 году былъ деканомъ физико-математическаго факультета. Въ 1907 году Н. П. оставилъ службу въ варшавскомъ университетѣ, а затѣмъ былъ назначенъ управляющимъ донскимъ политехническимъ институтомъ. (Некрологъ его: «Новое Время», 1910 г., № 12244).

† **Кремлевъ, Н. А.** 12-го апрѣля въ Казани скончался бывшій ректоръ казанскаго университета, заслуженный ординарный профессоръ Николай Александровичъ Кремлевъ. Н. А. родился 11-го июля 1883 года. По окончаніи тобольской гимназіи поступилъ въ казанскій университетъ, изъ котораго въ 1855 году выпущенъ со степенью кандидата юридическихъ наукъ. Получивъ званіе старшаго учителя законовѣдѣнія, въ теченіе 1857—1862 годовъ несъ эту должность въ первой и второй казанскихъ гимназіяхъ. Въ 1858 году былъ командированъ къ казанскому университету для преподаванія уголовнаго судопроизводства, уголовно-полицейскихъ законовъ и юридической практики. Въ 1860 году избранъ и утвержденъ исправляющимъ должность адъюнкта по кафедрѣ римскаго права. Получивъ въ 1866 году степень магистра гражданскаго права, онъ вскорѣ былъ утвержденъ въ званіи доцента, въ 1868 году въ степени доктора гражданскаго права. Въ томъ же году избранъ ординарнымъ профессоромъ по кафедрѣ римскаго права. Помимо преподавательской дѣятельности заслуживаетъ быть отмѣченнымъ его многолѣтнее административное служеніе казанскому университету въ званіяхъ проректора и ректора. Въ 1875—1876 годахъ состоялъ членомъ комиссіи, учрежденной при министерствѣ для пересмотра университетскаго устава 1863 года; въ 1879—1881 годахъ Н. А. несъ должность инспектора классовъ казанскаго Родіоновскаго института. Въ 1881 году Н. А. былъ перемѣненъ на должность директора ярославскаго Демидовскаго юридическаго лицея. Въ 1890 году Н. А. покинулъ университетскую службу, будучи назначенъ членомъ консультаціи министерства юстиціи, причѣмъ читалъ въ петербургскомъ университетѣ въ качествѣ привать-доцента курсъ римскаго права. (Некрологъ его: «Новое Время», 1910 г., № 12253).

† **Куза, Е. И.** Послѣ двухнедѣльной болѣзни (перитонитъ кишекъ) и четырехдневной агоніи скончалась 15 мая въ Петербургѣ артистка императорскихъ театровъ Евфросинія Ивановна Куза. Въ лицѣ покойной Маріинская сцена потеряла талантливую пѣвицу, съ честью служившую оперному дѣлу шестнадцать лѣтъ. Е. И. происходила изъ Румыніи изъ рода князей Куза. Во время борьбы балканскихъ славянъ за свою независимость имѣніе Куза было совершенно разорено турками, и мать Е. И. съ дочерью, тогда дѣвочкой, должна была спастись бѣгствомъ. Онѣ попали въ русскій лагерь въ тотъ пунктъ, гдѣ находилась квартира великаго князя Владиміра Александровича, который принялъ въ нихъ

участіе. Послѣ русско-турецкой войны 1877—78 гг.—онѣ прибыли въ Россію, въ Петербургъ, гдѣ Е. И. и получила образованіе. Когда у нея обнаружился голосъ, она поступила въ консерваторію и училась два года у профессора Габеля. Но такъ какъ ее нашли неспособной, то она принуждена была оставить консерваторію и стала брать частные уроки у профессорши г-жи Ирецкой. Затѣмъ она отправилась за границу и долгое время занималась подготовкой оперныхъ партій съ г-жей Сассъ. Когда по возвращеніи въ Россію она выступила въ частной оперѣ, въ Панаевскомъ театрѣ, въ оперѣ Верди «Аида» въ заглавной роли и еще въ нѣсколькихъ спектакляхъ здѣсь же, она еще не имѣла достаточной подготовки, особенно въ сценическомъ отношеніи, но красивый и большой ея голосъ—драматическое сопрано—былъ оцѣненъ и пѣвицѣ былъ предложенъ дебютъ въ Маринскомъ театрѣ. Она дебютировала въ той же «Аидѣ» и была тотчасъ же принята. Такимъ образомъ съ 1 августа 1894 года началась ея артистическая карьера на императорской оперной сценѣ. Первые ея шаги на этой сценѣ обнаруживали ея неопытность, но она быстро освоилась и развилась, можно сказать, на глазахъ у публики. Настойчивое и добросовѣстное изученіе оперныхъ партій съ извѣстнымъ виолончелистомъ г. Бееромъ, неизмѣнно до послѣдняго времени бывшимъ ея аккомпаниаторомъ и совѣтчикомъ, дало самые благіе результаты. Е. И. Куза сдѣлалась одной изъ видныхъ артистокъ. Одной изъ лучшихъ ея ролей была роль Валентины въ «Гугенотахъ» и она любила, чтобы ее звали Валентиной. Она пѣла Татьяну въ «Евгеніи Онѣгинѣ», Иоланту въ одноименной оперѣ Чайковского, Лизу въ «Пиковой Дамѣ» его же, Недду въ «Паяцахъ», Наташу въ «Русалкѣ», Беранжеру въ «Сарацинѣ» Кюи, Сервилію въ оперѣ Римскаго-Корсакова, Елизавету въ «Тангейзерѣ». Послѣднее время она пѣла въ вагнеровскихъ операхъ, выступая въ такой отвѣтственной партіи, какова партія Изольды. Вагнеровскія партіи ей какъ-то особенно были по душѣ. Всюду она являлась большой артисткой, плѣнявшей своимъ голосомъ, въ тембрѣ котораго было много непосредственной свѣжести и неподдѣльной красоты. Пѣвица была еще въ расцвѣтѣ силъ, и неожиданная кончина ея наноситъ Маринской сценѣ чувствительный ущербъ. Е. И. была очень интересной личностью, имѣвшей свои независимые взгляды, свободные отъ шаблонныхъ ходячихъ мнѣній, но всегда основанные на чувствѣ справедливости и доброты. (Некрологъ ея: «Рѣчь», 1910 г., № 132).

† **Оболенскій, князь П. Д.** 14 апрѣля скончался послѣ тяжелой и продолжительной болѣзни артистъ императорскихъ театровъ князь Павелъ Дмитріевичъ Оболенскій, по сценѣ Ленскій. Въ его лицѣ смерть унесла въ могилу одного изъ даровитыхъ артистовъ Александринскаго театра. Онъ выступалъ на императорской сценѣ часто и пользовался большимъ успѣхомъ. Въ его исполненіи сказывался опытный, умный артистъ. П. Д. родился въ 1852 году. Окончивъ курсъ частной гимназіи Эйнсесъ въ Москвѣ, поступилъ въ университетъ, но вскорѣ перешелъ въ военную службу. Затѣмъ служилъ по министерству финансовъ. Во время русско-турецкой войны 1877—78 гг. состоялъ при главномъ полевомъ казначействѣ въ качествѣ чиновника особыхъ порученій. При введеніи въ Болгаріи гражданскаго управленія былъ старшимъ чиновникомъ особыхъ порученій при варненскомъ губернаторѣ. Послѣ кампаніи, въ 1879 г.,

посвятилъ себя исключительно сценѣ, къ которой чувствовалъ неотразимое влеченіе съ одиннадцатилѣтняго возраста. Въ первый разъ участвовалъ въ публичномъ спектаклѣ въ Кишиневѣ. Затѣмъ игралъ въ Ярославлѣ, Казани (два сезона), Воронежѣ (два сезона), Таганрогѣ, Новочеркасскѣ, Одессѣ, Саратовѣ, Москвѣ у Корша (два сезона). Въ августѣ 1890 г. былъ приглашенъ въ составъ труппы Александринскаго театра. Среди товарищей покойный пользовался общими симпатіями. Когда въ лѣтнія каникулы образовывались артистическія группы для поѣздки по провинціальнымъ городамъ, на его долю выпадало распорядительство хозяйственными дѣлами. Онъ принималъ также живое участіе въ дѣятельности театральнаго общества и лично помогалъ нуждающимся сценическимъ дѣтелямъ. Умеръ онъ отъ нервнаго заболѣванія. (Некрологъ его: «Новое Время», 1910 г., № 12248).

† **Пассоверъ, А. Я.** Въ ночь на 19-е апрѣля послѣ продолжительной болѣзни скончался присяжный повѣренный А. Я. Пассоверъ. 19-го и 20-го апрѣля у гроба покойнаго были отслужены панихиды, привлекшія много друзей и почитателей покойнаго. Среди присутствовавшихъ были между прочимъ члены совѣта присяжныхъ повѣренныхъ во главѣ съ предсѣдателемъ Леонтьевымъ. На гробъ возложены серебряные вѣнки отъ совѣта присяжныхъ повѣренныхъ округа петербургской судебной палаты, отъ помощниковъ присяжныхъ повѣренныхъ съ надписью: «Славному учителю, великому адвокату отъ товарищей по работѣ», и изъ живыхъ цвѣтовъ отъ Шефтеля, Потѣхина и др. Послѣ панихиды краткое слово, посвященное памяти покойнаго присяжнаго повѣреннаго Пассовера, произнесъ петербургскій раввинъ Айзенштадтъ, отмѣтившій, что покойный всегда принималъ близко къ сердцу интересы народа, изъ котораго вышелъ. «Мы, евреи, — заявилъ раввинъ, — съ гордостью смотрѣли на А. Я., какъ на одно изъ тѣхъ, который изъ-за еврейства отказался отъ благъ земныхъ». Русская адвокатура понесла тяжелую утрату въ лицѣ Пассовера. Покойный принадлежалъ къ той плеядѣ высокоталантливыхъ адвокатовъ, съ именами которыхъ связана цѣлая эпоха въ жизни адвокатскаго сословія. Обладая блестящимъ ораторскимъ талантомъ и разносторонней эрудиціей въ вопросахъ права, А. Я. съ давнихъ поръ пользовался громкой извѣстностью. Въ средѣ адвокатуры покойный занималъ выдающееся мѣсто и всегда пользовался общимъ уваженіемъ. Главнымъ поприщемъ дѣятельности А. Я. была область гражданскаго права. Онъ имѣлъ широкую извѣстность, какъ выдающійся цивилистъ. Въ этой области имъ проявлены рѣдкія способности анализа самыхъ сложныхъ дѣлъ и запутанныхъ юридическихъ положеній. А. Я. скончался въ преклонномъ возрастѣ. Онъ родился въ 1840 г. въ гор. Умани Кіевской губ. По окончаніи курса въ московскомъ университетѣ онъ былъ оставленъ при университетѣ для подготовки къ профессурѣ. По возвращеніи изъ-за границы, куда онъ былъ командированъ для научныхъ занятій, А. Я. успѣшно выдержалъ экзаменъ на степень магистра государственнаго права. Однако ученую карьеру А. Я. пришлось покинуть. Въ жизни университетовъ тогда получили властное господство такія теченія, которыя А. Я., какъ еврей, въ его дальнѣйшей карьерѣ на этомъ поприщѣ ставили непреодолимыя преграды. Тѣ же властные факторы создали препятствія А. Я. и для службы по судебному вѣдомству. Въ концѣ 60-хъ годовъ онъ сначала занималъ

должность секретаря при прокурорѣ московской судебной палаты, а затѣмъ товарища прокурора окружного суда. Оставивъ службу, А. Я. въ 1871 году поступилъ въ сословіе присяжныхъ повѣренныхъ сначала въ Одессѣ, а потомъ въ Петербургѣ, гдѣ скоро выдвинулся въ первые ряды сословія. Последнимъ громкимъ процессомъ, по которому выступилъ А. Я. Пассоверъ, было дѣло А. А. Лопухина въ особомъ присутствіи сената. (Некрологъ его: «Русскія Вѣдомости», 1910 г., № 90).

† **Перелешинъ, А. В.** 8-го апрѣля получена телеграмма, что въ Буйскомъ уѣздѣ Костромской губерніи, въ своемъ имѣніи послѣ тяжелой болѣзни скончался на 53 году жизни членъ 2-й государственной думы, крупный общественный и земскій дѣятель, Александръ Васильевичъ Перелешинъ. А. В. особенно выдвинулся во время земскаго движенія 1904—1906 годовъ, какъ участникъ земскихъ сѣздовъ, въ которыхъ онъ примыкалъ къ лѣвому направленію. Покойный былъ первымъ выборнымъ членомъ государственнаго совѣта отъ костромскаго губернскаго земства. Послѣ роспуска 1-й государственной думы онъ сложилъ съ себя званіе члена государственнаго совѣта, не считая возможнымъ сохранить это званіе. Во время выборовъ во 2-ю государственную думу А. В. Перелешинъ принималъ дѣятельное участіе въ нихъ въ качествѣ выборщика и былъ избранъ членомъ 2-й государственной думы. И въ государственномъ совѣтѣ, и въ государственной думѣ А. В. принадлежалъ къ фракціи народной свободы. Въ качествѣ земскаго дѣятеля А. В. оставилъ крупные слѣды въ области народнаго образованія. Состоя членомъ костромской губернской земской управы, онъ завѣдывалъ училищнымъ отдѣломъ, много времени и труда. посвятилъ внѣшкольному обученію взрослыхъ и земскому книжному складу. Послѣ роспуска 1-й государственной думы къ А. В. стала особенно подозрительно относиться мѣстная администрація, подвергая покойнаго ряду преслѣдованій. Будучи уѣзднымъ предводителемъ дворянства, А. В. Перелешинъ, по инициативѣ костромскаго губернатора Веретенникова, былъ привлеченъ къ суду за допущеніе въ губернскомъ земскомъ собраніи рѣчи Сафонова, а еще раньше—за распространеніе изданій въ разъясненіе манифеста 17-го октября. Въ результатъ обвиненія въ превышеніи власти покойный потерялъ возможность принимать участіе въ общественной и земской дѣятельности, въ томъ дорогомъ для него земскомъ дѣлѣ, которое составляло все содержаніе послѣднихъ годовъ его жизни. Какъ костромское дворянство, такъ и костромское земство, независимо отъ политическихъ симпатій, единодушно сошлись въ признаніи безусловной прямоты, честности и высоко развитаго чувства чести, присущихъ покойному. Въ самыхъ глубокихъ уголкахъ губерніи знали А. В. не только благодаря его земской дѣятельности, но и благодаря его письмамъ изъ государственной думы въ газетѣ «Костромичъ». Популярность покойнаго Александра Васильевича особенно рельефно сказалась въ томъ, что, будучи предводителемъ дворянства, онъ былъ избранъ членомъ 2-й государственной думы въ качествѣ кандидата демократической партіи въ то время, когда волна общественного настроенія вздымалась высоко влѣво. (Некрологъ: «Рѣчь», 1910 г., № 97).

† **Семеновъ, Вл. И.** Въ пасхальную полночь, въ расцвѣтъ силъ и таланта, всего 42 лѣтъ, скончался Вл. И. Семеновъ, начинавшій приобрѣтать громкую извѣстность публицистъ-писатель по морскимъ вопросамъ. Литературному труду покойный посвятилъ себя всего 4 года назадъ, со времени выхода въ отставку, а до тѣхъ поръ онъ несъ строевую службу во флотѣ, которую покинулъ «по болѣзни, отъ ранъ и контузій происходящей». Такъ гласилъ офиціальныи приказъ, но не такъ было въ дѣйствительности. Боевая карьера Вл. Семенова началась съ первыхъ же дней войны. Бывшій адъютантъ адмирала Макарова, онъ покинулъ спокойную береговую службу, какъ только «запахло порохомъ». Прибывъ въ Портъ-Артуръ въ качествѣ старшаго офицера крейсера «Бояринъ», онъ узналъ, что его судно только что погибло. Назначенный командовать миноносцемъ «Рѣшительный», онъ былъ смѣщенъ съ этой должности потому, что оказались офицеры старше его въ чинѣ, но ничѣмъ не командовавшіе. Почтенный адмиралъ Алексѣевъ не нашелъ ничего лучшаго, какъ переимѣнить Семенова на транспортъ. Съ прибытіемъ Макарова В. И. немедленно назначается старшимъ офицеромъ крейсера «Діана», участвуетъ во всѣхъ морскихъ дѣлахъ, особенно отличается въ бою 28 іюля, когда «Діана» прорвалась и ушла въ Сайгонъ. Во время этого боя В. И. задѣлалъ съ громаднымъ рискомъ для жизни подводную пробоину, но Георгія не получилъ, хотя по статуту онъ ему полагался. Послѣ разоруженія «Діаны» В. И. не могъ остаться въ Сайгонѣ. Онъ обратился съ просьбой къ адм. Роже-ственскому взять его на вторую эскадру, мотивируя свое желаніе «невозможностью сидѣть сложа руки, когда война еще продолжается». Скрывшись изъ Сайгона, В. И. подъ чужимъ именемъ благополучно пробрался сквозь сѣть японскихъ шпионовъ и появился въ Либавѣ наканунѣ ухода 2-ой эскадры. Въ штабъ Роже-ственскаго онъ сдѣлалъ весь историческій походъ и въ бою при Цусимѣ получилъ тяжелую рану въ правое бедро (мускулы были сорваны до кости) и раздробленіе пальца на лѣвой ногѣ, кромѣ того, нѣсколько осколковъ въ бокъ и спину. Перегруженный вмѣстѣ съ Роже-ственскимъ сначала на «Буйный», потомъ на «Бѣдовый», онъ былъ сданъ японцамъ. Пролежавъ 4 мѣсяца въ японскомъ госпиталѣ и выздоровѣвъ, В. И. по возвращеніи изъ плѣна былъ преданъ суду по обвиненію въ сдачѣ «Бѣдоваго». На судѣ выяснилось, что, несмотря на тяжкія раны, В. И. утромъ въ день сдачи выползъ на верхъ и требовалъ, чтобы миноносецъ шелъ полнымъ ходомъ. Спустившись внизъ, онъ потерялъ сознание и пришелъ въ себя, когда миноносецъ былъ уже сданъ. Узнавъ объ этомъ, онъ пытался застрѣлиться, но докторъ вырвалъ у него револьверъ. Такимъ образомъ, вина В. И. въ сдачѣ оказалась болѣе чѣмъ сомнительной, и судъ, признавъ, что В. И. не зналъ о готовящейся сдачѣ, оправдалъ его. Но когда послѣ этого адм. Бирилевъ пожелалъ спросить мнѣніе офицеровъ о томъ, могутъ ли оправданные по суду оставаться на службѣ, то В. И., хотя и не сомнѣвался въ отвѣтъ своихъ товарищей, немедленно подалъ въ отставку. Предположенный Бирилевымъ опросъ мнѣній былъ отмѣненъ, но В. И. на службу уже не вернулся. Выступивъ въ роли безпощаднаго обличителя «порядковъ» нашего морского вѣдомства, В. И. вмѣстѣ съ тѣмъ написалъ трилогію: «Расплата», «Бой при Цусимѣ» и «Цѣна крови», гдѣ художе-

ственно изложил все, чего онъ былъ свидѣтелемъ, т. е. осаду Портъ-Артура, походъ 2-й эскадры, Цусимскій бой и наконецъ японскій плѣнъ. Эти книги имѣли большой успѣхъ у насъ, но несравненно большій за границей. Въ Англіи «Бой при Цусимѣ» выдержалъ четыре изданія за полгода. Во Франціи также вышло четыре изданія этой книги. Въ результатъ книги В. И. оказались переведенными на всѣ европейскіе языки. Въ Германіи ихъ издало морское министерство, а наше морское министерство... не сочло возможнымъ рекомендовать «Бой при Цусимѣ» для морскихъ библиотекъ. Послѣднія свои произведенія В. И. печаталъ въ «Вѣстникѣ Европѣ». Его мелкія беллетристическія вещи появлялись въ «Нивѣ». В. И. превосходно владѣлъ стихомъ, и въ «Нивѣ» же была напечатана еще 15 лѣтъ назадъ его большая поэма «Петропавловскъ». До войны В. И. состоялъ сотрудникомъ «Новаго Времени» и здѣсь было напечатано его прекрасное описаніе боя при Таку, очевидцемъ котораго онъ также былъ. Кромѣ того, были напечатаны его фельетоны о японской поэзіи. В. И. былъ однимъ изъ немногихъ морскихъ офицеровъ, знавшихъ и практически и теоретически японскій языкъ. (Некрологъ его: «Новое Время», 1910 г., № 12250).

А. Х. Стевень. Скончался бывшій товарищъ министра земледѣлія и государственныхъ имуществъ, гофмейстеръ высочайшаго двора и членъ государственнаго совѣта Александръ Христіановичъ Стевень. А. Х. родился въ 1844 г. Окончивъ петербургскій университетъ по физико-математическому факультету, А. Х. въ 1865 г. опредѣленъ былъ въ департаментъ торговли и мануфактуръ. Въ 1867 году А. Х. былъ командированъ на парижскую всемірную выставку, гдѣ успѣшно выполнилъ порученіе. Въ 1869 году А. Х. былъ назначенъ секретаремъ при директорѣ департамента неокладныхъ сборовъ, а годъ спустя былъ командированъ въ распоряженіе комиссіи по устройству всероссійской мануфактурной выставки 1870 года. По выходѣ въ отставку въ 1871 году А. Х. послѣдовательно занималъ по избранію должности: симферопольскаго почетнаго мирового судьи, предсѣдателя сѣзда мировыхъ судей, уѣзднаго предводителя дворянства, таврическаго губернскаго предводителя, предсѣдателя таврической губернской земской управы. Въ 1892 году А. Х. по вызову министра земледѣлія и государственныхъ имуществъ принималъ участіе въ обсужденіи проекта положенія о ссудахъ на сельско-хозяйственныя улучшенія, а въ слѣдующемъ году участвовалъ въ засѣданіяхъ особой комиссіи для пересмотра устава особаго продовольствія. Въ 1894 году снова вступаетъ на государственную службу въ качествѣ завѣдующаго земельно-заводскимъ отдѣломъ кабинета Его Величества. Вскорѣ А. Х. утверждается и членомъ сельско-хозяйственнаго совѣта при министерствѣ земледѣлія. Въ 1899 г. А. Х. былъ пожалованъ въ гофмейстеры и скорѣй назначенъ былъ товарищемъ министра земледѣлія и государственныхъ имуществъ. Въ качествѣ послѣдняго онъ неоднократно управлялъ, за отсутствіемъ министра, министерствомъ. Въ 1904 году А. Х. былъ назначенъ членомъ государственнаго совѣта. А. Х. состоялъ членомъ многихъ сельско-хозяйственныхъ и техническихъ обществъ. (Некрологъ его: «Спб. Вѣдомости», 1910 г., № 102).

«Истор. вѣстн», июнь, 1910 г., т. сxx.

¹/322

† **Тимоховичъ, С. Я.** 20 апрѣля послѣ тяжкихъ страданій скончался инженеръ-механикъ Сергѣй Яковлевичъ Тимоховичъ. Покойный пользовался большою популярностью, какъ изобрѣтатель. Ему принадлежить цѣлый рядъ изобрѣтеній, изъ которыхъ его вентиляціонная система и торфяные клозеты нашли наиболѣе широкое распространеніе. Затѣмъ извѣстны его печи и многія другія болѣе мелкія усовершенствованія, нашедшія примѣненіе въ домашнемъ обиходѣ. Покойный имѣлъ замѣчательно пытливый умъ, что вмѣстѣ съ его обширными техническими знаніями дало ему силы и возможность внести въ нашу строительную технику много новаго. Въ Петербургѣ онъ основалъ машиностроительный заводъ, приготовлявшій между прочимъ укупорочныя машины его изобрѣтенія для отдѣла казенной продажи питей. С. Я. родился въ 1853 г. По окончаніи курса въ императорскомъ техническомъ училищѣ въ Москвѣ онъ около 15 лѣтъ служилъ на писчебумажной фабрикѣ Говарда въ Калужской губерніи, въ послѣднее время въ качествѣ директора. Затѣмъ жилъ въ Москвѣ и только лѣтъ пять назадъ переселился въ Петербургъ. Какъ человѣкъ, покойный отличался, помимо своей изобрѣтательности, замѣчательной энергіей и трудоспособностью. Онъ имѣлъ прямой, правдивый характеръ, заставившій его пережить множество житейскихъ непріятностей. Особенныя заботы онъ посвящалъ улучшенію быта и жизни рабочихъ. Умеръ онъ въ полномъ расцвѣтѣ своей дѣятельности послѣ тяжелой операціи. (Некрологъ его «Новое Время», 1910 г., № 12252).

† **Чижевъ, Н. Е.** Телеграфъ извѣстилъ о кончинѣ въ Одессѣ профессора новороссійскаго университета Николая Ефимовича Чижева. Ученая и педагогическая дѣятельность покойнаго была тѣсно связана съ новороссійскимъ университетомъ, гдѣ онъ читалъ лекціи въ теченіе 28 лѣтъ (съ 1882 года). Онъ пользовался заслуженной извѣстностью, какъ знатокъ права; въ 1880 году защитилъ въ варшавскомъ университетѣ диссертацию «Элементы понятія права» на степень магистра государственнаго права; въ 1890 году—диссертацию: «Право и его содержаніе по ученію Лоренца фонъ-Штейна» на степень доктора государственнаго права. Въ новороссійскомъ университетѣ онъ читалъ сперва энциклопедію права, затѣмъ, кромѣ энциклопедіи,—исторію философіи права. Н. Е. родился въ 1853 году. По окончаніи курса на юридическомъ факультетѣ варшавскаго университета отправился въ заграничную поѣздку и занимался преимущественно въ Вѣнѣ, подъ руководствомъ Лоренца Штейна. Въ бытность профессоромъ покойный слушалъ во время командировокъ лекціи извѣстныхъ юристовъ берлинскаго, парижскаго и страбургскаго университетовъ. Изъ его ученыхъ трудовъ, помимо диссертаций, извѣстны: «Матеріалы къ исторіи системы права», «Источникъ и формы права», «Задачи современной науки права» и др. Его «Записки» по государственному, гражданскому, торговому и вексельному праву выдержали по нѣскольку изданій. (Некрологъ его: «Новое Время», 1910 г., № 12254).

† **Шаховская, М. А.** 11 мая скоропостижно скончалась отъ разрыва сердца на 55 году жизни княгиня Марія Алексѣевна Шаховская. Покойная была дочь корпуснаго командира князя А. И. Шаховскаго, потерпѣвшаго столь горестную неудачу въ турецкой кампаніи при такъ называемой «второй Плевнѣ». Въ лицѣ

княгини М. А. русское общество лишилось крупнаго художественнаго таланта. Это была тонкая артистическая натура и человекъ съ необыкновенно гордымъ отзывчивымъ сердцемъ. Княгиня Шаховская была одной изъ талантливѣйшихъ ученицъ Антокольскаго. Работы ея отличались всегда необыкновенной искренностью и изяществомъ. Извѣстны ея работы бюстъ Владимира Соловьева, одинъ изъ наилучшійшихъ, бюстъ княгини А. А. Оболенской и многія другія работы. Княгиня М. А. была натура художественная, нервная, мистическая. Если она увлекалась какимъ-нибудь дѣломъ, то отдавалась ему всецѣло. Лѣтъ двадцать назадъ она была одна изъ первыхъ русскихъ женщинъ, посвятившихъ свой трудъ, свои матеріальныя средства на усовершенствованіе и распространеніе кустарныхъ художественныхъ рукодѣлій русскихъ крестьянокъ. Дѣло, начатое ею въ своемъ родовомъ имѣніи Пензенской губ., нынѣ получило широкое распространеніе по всей Россіи, и народныя женскія наши рукодѣлія получили громкую извѣстность за границей. (Некрологъ ея: «Новое Время», 1910 г., № 12270).

† **Шмелевъ, Г. Н.** 1-го апрѣля текущаго года скончался за границей старшій помощникъ архиваріуса московскаго архива министерства юстиціи, коллежскій совѣтникъ Григорій Николаевичъ Шмелевъ. Помимо службъ въ архивѣ, Г. Н. Шмелевъ преподавалъ еще на высшихъ женскихъ курсахъ и въ Поливановской мужской гимназіи. Среди археографовъ покойный былъ извѣстенъ своими научными работами. Усиленные занятія подорвали здоровье молодого архивиста, и тяжелый недугъ унесъ его въ могилу въ самомъ расцвѣтѣ дѣятельности, когда онъ достигъ полнаго развитія для самостоятельныхъ историческихъ работъ. Г. Н. Шмелевъ родился 24-го января 1868 г. 30-го іюля 1891 г., по окончаніи курса въ императорскомъ московскомъ университетѣ по историко-филологическому факультету, онъ былъ опредѣленъ учителемъ русскаго языка въ серпуховскую Николаевскую женскую гимназію. Преподавателемъ въ гор. Серпуховѣ Г. Н. Шмелевъ былъ 6 лѣтъ. 1-го сентября 1897 г. переведенъ былъ на службу въ московскій архивъ министерства юстиціи и назначенъ на должность младшаго помощника редактора описей и изданій архива. 1-го апрѣля 1901 г. назначенъ былъ и. д. старшаго помощника архиваріуса, а 12-го мая того же года утвержденъ въ означенной должности. Въ этой должности Г. Н. Шмелевъ состоялъ до послѣдняго дня своей жизни, т.-е. ровно 9 лѣтъ. Нѣтъ возможности перечислить всѣ научныя работы г. Шмелева. Укажу только на капитальный трудъ покойнаго: «Къ исторіи вотчинника московскаго Успенскаго собора». Работа эта удостоена преміи. Г. Н. Шмелевъ состоялъ членомъ-соревнователемъ общества исторіи и древностей россійскихъ при императорскомъ московскомъ университетѣ и императорскаго московскаго археологическаго общества. (Некрологъ его: «Московскія Вѣдомости», 1910 г., № 85).

ЗАМѢТКИ И ПОПРАВКИ.

I.

Любовная исторія временъ Николая I.

Въ интересной статьѣ А. И. Соколовой «Императоръ Николай Первый и васильковыя дурачества» («Историческій Вѣстникъ», 1910 г., № 1), рассказана, между прочимъ, исторія любви князя Трубецкого (стр. 105—106), съ которымъ бѣжала Лавинія Жадиміровская; оба бѣглеца были будто бы пойманы въ Одессѣ. Последнее обстоятельство невѣрно, какъ увидимъ ниже; вообще вся эта исторія съ нѣкоторыми характерными для тѣхъ временъ штрихами болѣе обстоятельно изложена въ «Актахъ Кавказской Археографической Комиссіи», т. X (Тифлисъ, 1885, стр. 831—832), откуда мы ее и извлекаемъ.

Въ маѣ 1851 года сынъ коммерціи совѣтника, почетный гражданинъ Алексѣй Жадиміровскій довелъ до свѣдѣнія с.-петербургскаго оберъ-полицеймейстера, что жена его Лавинія, подъ предлогомъ свиданія съ матерью, находящаяся во второмъ бракѣ съ великобританскимъ подданнымъ купцомъ Кохунномъ, ушла 5-го мая въ англійскій магазинъ, откуда уже не возвращалась. Открылось, что Лавинія бѣжала съ уволеннымъ въ отставку изъ Апшеронскаго пѣхотнаго полка штабсъ-капитаномъ княземъ Сергѣемъ Васильевичемъ Трубецкимъ¹⁾, и что карету, въ которой они уѣхали изъ англійскаго магазина, занималъ отставной лейбъ-гвардіи Гродненскаго гусарскаго полка штабсъ-ротмистръ Федоровъ, который объясняетъ, что ему неизвѣстна была женщина, скрывавшаяся подъ вуалью.

Князь Трубецкой выѣхалъ изъ столицы съ Лавиніею въ тарантасѣ, на вольнонаемныхъ лошадяхъ, прибылъ 6-го мая въ Крестцы, Новгородской губерніи, а оттуда отправился чрезъ Москву и Тулу въ Тифлисъ, по подорожной отставнаго штабсъ-ротмистра Федорова, взятой изъ канцеляріи с.-петербургскаго оберъ-полицеймейстера 5-го мая.

Вслѣдствіе высочайшаго повелѣнія о принятіи строгихъ мѣръ къ отысканію бѣжавшихъ, былъ командированъ въ Тифлисъ поручикъ с.-петербургскаго жандармскаго дивизіона Чулковъ, съ просьбою къ намѣстнику кавказскому, князю М. С. Воронцову, въ случаѣ, если по дознанію этого офицера князь Трубецкой пріѣдетъ во ввѣренный ему край, приказать задержать его и Лавинію и отправить ихъ въ С.-Петербургъ отдѣльно, подъ конвоемъ жандармскихъ офицеровъ. Съ такимъ же порученіемъ генераль Дубельтъ

¹⁾ Князь Трубецкой 1 августа 1842 г. переведенъ въ полкъ изъ находившихся при Гребенскомъ линейномъ казачьемъ полку; 18 марта 1843 г. уволенъ отъ службы за болѣзнью для опредѣленія къ статскимъ дѣламъ съ повышеніемъ чина («Исторія Апшеронскаго полка», III, 61).

отправилъ въ Одессу поручика того же дивизиона Эка, увѣдомивъ о томъ генераль-лейтенанта Федорова.

Князь Трубецкой былъ арестованъ въ *Редуть-Кале*, представленъ въ Тифлисъ, гдѣ и содержался на гауптвахтѣ, впредь до распоряженія. Для сопровожденія его въ Петербургъ былъ командированъ начальникъ тифлисской жандармской команды, поручикъ Карскій 3-й.

Содержась на тифлисской гауптвахтѣ, князь Трубецкой составилъ 8-го іюня 1851 г. въ пользу Лавиніи актъ, которымъ обязывался давать ей ежегодно по день смерти ея 1,200 р. с., а въ случаѣ смерти своей или по другимъ непредвидѣннымъ обстоятельствамъ предоставлялъ ей полное право получать означенные 1,200 р. с. съ наследственнаго его имѣнія, состоящаго въ Орловской, Костромской и Симбирской губерніяхъ и находящагося въ нераздѣлѣ съ 4 его родными братьями и 5 сестрами. Дарственную запись, въ качествѣ свидѣтелей, подписали гвардіи капитанъ Бартоломей, подполковникъ Мезенцевъ и князь Юрій Гагаринъ; 8-го іюня запись явлена въ тифлисской палатѣ уголовнаго и гражданскаго суда у крѣпостныхъ дѣлъ и въ книгу подлинникомъ записана подъ № 119.

Князь Трубецкой былъ задержанъ въ Редуть-Кале 3-го іюня, въ 12 часовъ пополудни, когда онъ собирался выѣхать за границу. Его задержалъ кутаисскій полицеймейстеръ Мелешко, при содѣйствіи редуть-кальскаго воинскаго начальника майора Флепа. У князя Трубецкого было найдено 800 полумпериаловъ деньгами.

Чулковъ, отправившись изъ Кутаиса и въ 18 верстахъ отсюда не найдя возможности переправиться чрезъ р. Губисъ-Укали, по случаю разлитія оной, возвратился въ Кутаисъ и, явившись къ управлявшему губерніею вице-губернатору полковнику Колюбакину, объяснилъ ему о цѣли своей поѣздки, вслѣдствіе чего Колюбакинъ тотчасъ командировалъ для преслѣдованія бѣглецовъ полицеймейстера Мелешко; онъ оказался храбрѣ Чулкова, не убоаяся рѣки и доставилъ бѣглецовъ въ Кутаисъ. Отсюда Лавинія была доставлена Чулковымъ въ Тифлисъ, а потомъ въ Петербургъ; князь же Трубецкой, какъ сказано, поручикомъ Карскимъ. Къ обоимъ офицерамъ было назначено по одному жандарму.

Намѣреніе Трубецкого и Лавиніи было отприваться, какъ сообщилъ Колюбакинъ, на нанятой кочермѣ въ Константинополь. Сами же они, по доставленіи въ Тифлисъ, объявили князю Бебутову, что думали отправиться сначала въ Крымъ, а оттуда въ Одессу.

Вся эта любовная исторія обошлась казнѣ въ 2,269 р. 16³/₄ коп. сер., которые были издержаны на отысканіе и доставленіе бѣглецовъ въ С.-Петербургъ.

С. Козубскій.

II.

Къ статьѣ «Московскія трущобы».

Въ апрѣльской книгѣ «Историческаго Вѣстника», въ статьѣ «Московскія трущобы и судья Багриновскій», г-жа А. П. Соколова, предполагая, вѣроятно, что покойный графъ Капнистъ, служившій одно время прокуроромъ московской судебной палаты, былъ иностранецъ, утверждаетъ, что онъ былъ «весьма поверхностно знакомъ съ русскимъ языкомъ» и влагаетъ въ его уста фразы (стр. 87 и 88), которыя, по обороту своему и произношенію нѣкоторыхъ словъ, дѣйствительно могли бы доказать «весьма поверхностное знакомство графа Капниста съ русскимъ языкомъ».

По наличность послѣдняго обстоятельства врядъ ли возможно предположить. Полагаю, что въ Россіи нѣтъ и не было лицъ прокурорскаго надзора поверхностно знакомыхъ съ русскимъ языкомъ.

Что касается въ частности бывшаго прокурора московской судебной палаты, графа Капниста, то утверждаю, что онъ говорилъ по-русски вполне правильно и чисто и даже подчасъ любилъ употреблять народныя русскія выраженія, которыя незнакомы иностранцамъ, плохо знающимъ русскій языкъ.

Означенный графъ Капнистъ мнѣ былъ лично извѣстенъ, какъ находившійся въ дружескихъ отношеніяхъ съ семьей моихъ родителей. Онъ чисто русскій человекъ, хотя отдаленные его предки, вѣроятно, были и не русскіе, такъ какъ Капнисты носятъ титулъ графовъ Римской имперіи. Родился онъ и учился въ Россіи, кончивъ курсъ наукъ въ московскомъ университетѣ, а уже по этому одному трудно предположить, чтобы онъ говорилъ неправильно по-русски и имѣлъ бы «поверхностное знакомство съ русскимъ языкомъ».

Затѣмъ представляется немислимымъ сообщаемое г-жей Соколовой, чтобы прокуроръ судебной палаты былъ уполномоченъ таковой на подношеніе государю Александру III, по случаю чудеснаго избавленія отъ опасности въ Боркахъ,—евангелія съ неграмотною надписью на немъ слѣдующаго содержанія: «Ангеломъ Своимъ заповѣсть о Тебѣ сохранить Тя во всѣхъ путехъ Твоихъ отъ членовъ московской судебной палаты»,—не говоря уже о возможности возложенія магистратурой сказаннаго дѣйствія на лицо прокурорскаго надзора.

Василій Сабуровъ.

III.

Къ воспоминаніямъ о Ляличахъ.

Въ апрѣльской книжкѣ «Историческаго Вѣстника», въ статьѣ «Воспоминанія о Ляличахъ», говорится о Григоріи Андреевичѣ Лининѣ и о братѣ его Иванѣ Андреевичѣ. Въ выноскѣ о немъ вкралась ошибка, которыя я, вдова его, спѣшу исправить.

Предсѣдателемъ земской управы ни уѣздной, ни губернской онъ никогда не былъ; былъ онъ гласнымъ отъ Николаевского уѣзда Самарской губерніи и непремѣннымъ членомъ крестьянскаго присутствія (тогда еще земскихъ начальниковъ не было).

Въ 1890—1891 годахъ по Самарской губерніи былъ *недородъ* или попросту голодъ, и мужъ мой взялъ на себя трудъ раздавать порученный намъ англичанами-благотворителями и другими лицами хлѣбъ на сѣмена. Зима 1891 г. была ужасно холодная, и онъ, уже больной, окончательно изнемогъ и получилъ скоротечную чахотку (а не Брайтову болѣзнь, какъ сказано въ выноскѣ), отъ которой и скончался въ Самарѣ 7-го октября 1892 года. Похороненъ онъ на военномъ кладбищѣ. Лечили его Португальовъ и Постниковъ. Вкралась ошибка и относительно его отставки. Онъ дѣйствительно, состоя командиромъ 88-го Петровскаго полка 22-й дивизіи, взялъ двухмѣсячный отпускъ, и мы съ нимъ направились въ Сербію. Въ Кишиневѣ мы провели около четырехъ недѣль, пока онъ обучалъ стрѣльбѣ свой отрядъ, состоявшій изъ 20 офицеровъ и 200 рядовыхъ старыхъ казаковъ, почти забывшихъ службу. При отрядѣ было 220 или 230 лошадей и все необходимое вооруженіе. Все это было перевезено по только что отстроенной желѣзной дорогѣ, подъ видомъ санитарнаго отряда. Изъ Унгенъ я была отправлена обратно съ донесеніями отъ моего мужа въ славянскій комитетъ въ Петербургъ.

Въ военныхъ дѣйствіяхъ въ Сербіи онъ не участвовалъ, но въ Парачинѣ устроилъ Черняеву почетный караулъ изъ добровольцевъ, о чемъ Немировичъ-Данченко написалъ въ «Новомъ Времени», что и повредило Ивану Андреевичу въ служебномъ отношеніи. Вернулся онъ изъ Сербіи въ срокъ и 8-го ноября 1877 г. вновь вступилъ въ командованіе полкомъ. Стояли мы въ Грузинѣ, Новгородской губерніи. Въ 1878 году Иванъ Андреевичъ Лишинъ сдалъ полкъ, такъ какъ былъ назначенъ правителемъ канцеляріи при комитетѣ Глинки-Маврина въ Одессѣ. Въ 1876 г. мужъ мой изобрѣлъ военно-походную кухню, которая была такъ полезна въ войну 1877 года и въ японскую войну. Относительно его записокъ, о которыхъ упоминается въ выноскѣ, я должна сказать, что, къ сожалѣнію, онѣ не уцѣлѣли... уѣзжая больной изъ нашего имѣнія, онъ велѣлъ все уничтожить. Стихотворенія его уцѣлѣли и хранятся у меня. О Ляличахъ, гдѣ онъ часто бывалъ, онъ мнѣ много рассказывалъ. Его военные труды сданы мною въ книжный магазинъ главнаго штаба, на Невскомъ, а именно: «Забѣтки изъ военной практики» и «Тактическія задачи по Гельвичу».

Стихи Григорія Андреевича Лишина изданы его вдовой отдѣльнымъ сборникомъ. Съ Екатериной Иларіоновной я познакомилась въ Петербургѣ; при ней былъ тогда ея сынъ Володя, имѣю портреты ихъ; но потеряла теперь ихъ изъ вида.

Очень желала бы обмѣняться письмами съ авторомъ статьи «Воспоминанія о Ляличахъ», для чего прилагаю свой адресъ.

Гор. Вольскъ, Саратовской губерніи, Амурская ул., 41, свой домъ.

Эрминія Осиповна Лишина.

IV.

Къ статьѣ о Чернышевскомъ.

Н. Ф. Хованскій просить насъ напечатать: «Въ послѣдней книжкѣ «Историческаго Вѣстника» А. Лебедевъ, потрудившійся уже надъ біографіей Н. Г. Чернышевскаго, опубликовалъ, съ моего согласія, составленныя мною въ свое время замѣтки о свиданіяхъ моихъ съ Н. Г. Чернышевскимъ въ Астрахани и Саратовѣ, но при этомъ г. Лебедевъ, не справившись лично у меня, именуется меня съ чьихъ-то словъ родственникомъ знаменитаго писателя. Эту ошибку я спѣшу отмѣтить по понятнымъ побужденіямъ: непріятно вѣдь дать поводъ думать, что я будто лѣзу въ чужія хоромы».

Н. Хованскій.

— Подобнымъ предложеніемъ я могла бы только оскорбить сэра Джона,—гордо отвѣчала лэди Марія.

— Этотъ отвѣтъ я могу передать его величеству?—спросилъ Вальтеръ.

— Я не знала, что вы допрашиваете меня,—сказала лэди.— Я думала, что вы найдете себѣ болѣе порядочную должность.

— Я только хотѣлъ спасти васъ и вашего мужа. Поэтому я такъ и дѣйствовалъ. Я считалъ необходимымъ прямо сказать вамъ, что жизнь вашего мужа можетъ быть сохранена лишь на извѣстныхъ условіяхъ.

— Эти условія для него неприемлемы!

— Миѣ кажется, что ему слѣдовало бы подумать объ этомъ,—сказалъ Вальтеръ.—Итакъ, вы рѣшительно отвергаете эти условія?

— Да.

— Можетъ быть, будетъ лучше притвориться, что вы ихъ принимаете, чтобы выиграть время? Если вы другого мнѣнія, то я не вижу повода добиваться свиданія съ королемъ, которое все равно ни къ чему не приведетъ.

Въ этотъ моментъ дверь изъ сосѣдней комнаты открылась, и въ приемную вошелъ Вильгельмъ въ сопровожденіи графа Шрусберри.

Сдѣлавъ нѣсколько шаговъ впередъ, онъ остановился передъ лэди Фенвикъ, которая сдѣлала глубокій поклонъ, и стала пристально смотрѣть на нее. Видя, что лэди смутилась и молчитъ, король обратился за разъясненіемъ къ Вальтеру Кросби и рѣзко спросилъ его:

— Что угодно лэди Фенвикъ?

— Лэди явилась для того, чтобы просить ваше величество о прощеніи ея супруга,—отвѣчала Вальтеръ.

— Вы объявили единственное условіе, при которомъ онъ можетъ сохранить свою жизнь?

— Да, государь. Лэди увѣрена, что ея мужъ согласится подчиниться требованію вашего величества.

Лэди Марія была такъ ошеломлена этими словами, что не нашла даже, что сказать.

— Приятно слышать это,—сказалъ король.—Его судьба въ его рукахъ. Всѣ главные зачинщики должны быть указаны миѣ.

— Я передамъ моему мужу приказаніе вашего величества,—промолвила лэди Марія.—Миѣ извѣстно, что онъ писалъ миѣ, но я не получала его письма.

— Вотъ это письмо,—сказалъ графъ Шрусберри, подавая пакетъ.

— Оно доказываетъ его виновность,—сурово замѣтилъ король.— Прочтите его ей,—обратился онъ къ графу, показывая ему на лэди.

«То, чего я боялся, случилось,—съ разстановкою сталъ читать графъ.—Если бъ я не рисковалъ моей жизнью, чтобы спасти другихъ, то спасся бы самъ. Такова воля Божія и надо ей покориться. Не

вижу, что могло бы спасти меня. Развѣ только лордъ Карлейль будетъ просить о моей пощадѣ. Я могу, съ своей стороны, обѣщать, что я покину Соединенное королевство и больше не подыму оружія противъ короля».

— Довольно! довольно!—вскричала лэди Марія.—Ваше величество! пощадите меня, избавьте отъ этой пытки!

Вильгельмъ далъ знакъ, чтобы графъ остановился.

— Теперь вы довольно слышали и сами понимаете, что это письмо равносильно признанію своей вины,—сказалъ король.

— Увы! я не могу ея отрицать!—съ тоскою воскликнула лэди Марія.—Но вѣдь оно доказываетъ также и раскаяніе моего мужа и его готовность покориться вашему величеству.

— Можетъ быть, я еще и прощу его,—отвѣчалъ король.—Вы должны повидаться съ нимъ и передать ему мои слова.

— Я немедленно отправлюсь къ нему въ Ромни-Марчъ.

— Вы можете видѣться съ нимъ въ Тоуерѣ,—сказалъ графъ Шрусбери.—Капитанъ Бриджъ доставилъ его туда сегодня утромъ.

— Заготовьте разрѣшеніе на это свиданіе,—приказалъ король.—Вы должны сопровождать лэди въ Тоуеръ,—прибавилъ онъ, обращаясь къ Вальтеру.—Возвращаться сюда вамъ незачѣмъ.

— Слушаю, ваше величество.

— Если вы пожелаете что-либо мнѣ сообщить, я готовъ видѣть васъ у себя, лэди,—сказалъ онъ и, не дожидаясь отвѣта, вышелъ съ графомъ Шрусбери изъ комнаты.

Прошло нѣсколько минутъ. Наконецъ появился камеръ-лакей, который принесъ приказъ на имя коменданта Тоуера майора Вентворта и, подавая его Вальтеру, сказалъ:

— На основаніи этого приказа вамъ и лэди Фенвикъ будетъ разрѣшенъ доступъ въ крѣпость.

XVIII

Свиданіе въ крѣпости.

Выйдя изъ дворца, лэди Марія ни слова не сказала Веберу. Но когда она приказала ѣхать къ Скотландъ-ярдъ и нанять крытую лодку, чтобы она подвезла ихъ къ Тоуеру, онъ понялъ, что его господинъ находится въ заключеніи.

Черезъ часъ несчастная лэди и ея спутникъ достигли этой мрачной крѣпости. Пройдя двое воротъ, они были остановлены. Веберу не позволили итти дальше и предложили остаться въ караулѣ, гдѣ онъ долженъ былъ ждать возвращенія своей госпожи.

Лэди Марія неоднократно бывала въ Тоуерѣ и раньше, но никогда онъ не казался ей такимъ ужаснымъ, какъ на этотъ разъ. Двое широкихъ воротъ съ башнями и бастіонами навели на нее

страхъ, хотя по своей природѣ она была и неробкаго десятка. Войдя на внутренній дворъ, она нѣсколько овладѣла собою и въ сопровожденіи караульнаго направилась къ дому коменданта. По дорогѣ караульный успѣлъ сообщить, что сэръ Фенвикъ заключенъ въ башнѣ Бьючамнъ, лучшемъ, по его словамъ, помѣщеніи во всемъ Тоуерѣ.

Коменданта Тоуера лорда Льюка не было дома, и его обязанности исполнялъ майоръ Вентвортъ, которому и былъ переданъ приказъ лорда Шрусбери.

Получивъ его, майоръ вышелъ въ полной формѣ къ лэди Маріи и, поклонившись, вѣжливо предложилъ себя къ ихъ услугамъ.

— Сэръ Джонъ,—сказалъ онъ,—помѣщенъ въ башнѣ Бьючамнъ, которая тутъ рядомъ. Я сейчасъ провожу васъ туда. Но, можетъ быть, вы желаете предупредить его о вашемъ посѣщеніи. Сторожежъ можетъ сообщить ему, что вы и капитанъ Кросби здѣсь.

— Не будемъ терять времени, умоляю васъ,—сказала лэди Марія.—Я горю нетерпѣніемъ увидать моего супруга.

Майоръ Вентвортъ не сталъ больше говорить и, пригласивъ посѣтителей слѣдовать за нимъ, ввелъ ихъ въ мрачное каменное зданіе съ узкими окнами, выходившими на огромную башню, стоявшую передъ ними.

За зубчатой стѣной, окружавшей башню Бьючамнъ, въ которую вели массивныя, обсаженныя огромными гвоздями двери, стоялъ мрачнаго вида человекъ въ темно-сѣромъ одѣяніи со связкою ключей.

То былъ тюремщикъ Джонъ Моді.

Моді видѣлъ, какъ лэди Марія направилась къ дому коменданта и вышла оттуда съ майоромъ Вентвортомъ. Онъ сразу догадался, что она явилась для свиданія съ мужемъ, и приготовился отпереть его камеру.

При входѣ въ нее майоръ Вентвортъ предупредительно остановилъ лэди Марію, снова повторивъ, что онъ радъ сдѣлать все, что отъ него зависитъ, для того, чтобы обставить арестованнаго возможно лучше. Послѣ этого онъ въ сопровожденіи Вальтера сталъ спускаться по каменной витой лѣстницѣ въ камеру сэра Джона.

Лэди Марія бросилась къ двери и распахнула ее.

Сэръ Джонъ сидѣлъ у стола. Увидѣвъ жену, онъ вскочилъ на ноги и крѣпко обнялъ ее.

Чтобы не мѣшать свиданію, Вальтеръ и тюремщикъ остались за дверью.

Первою заговорила лэди Марія.

— Вотъ какъ пришлось намъ встрѣтиться! Я всегда боялась, что съ тобою случится какое-нибудь несчастье, но я никакъ не ожидала такой бѣды!

— Письмо, которое я тебѣ отправилъ съ Веберомъ, должно было объяснить тебѣ все. Получила ли ты его?

— Часть его я знаю.

— Какъ часть? Что это значить?—вскричалъ онъ, испуганно глядя на нее.

— Твое письмо было перехвачено и доставлено графу Шрусбери, который, въ свою очередь, показалъ его королю,—сказала лэди Марія.

— Боже мой!—воскликнулъ сэръ Джонъ.—Теперь я пропалъ!

— Нѣтъ еще. Ты можешь получить прощеніе, если согласишься на нѣкоторыя условія.

— Какія условія?—спросилъ онъ.

— Выдать всѣхъ, кто участвовалъ въ этомъ заговорѣ,—сказала она, понижая голосъ до шопота.—Я получила такое обѣщаніе отъ самого короля.

— Отъ Вильгельма Оранскаго? Ты видѣла его?

— Я только что отъ него. Веберъ явился только сегодня утромъ, и я немедленно отправилась во дворецъ, гдѣ видѣла короля и графа Шрусбери. Король прямо сказалъ мнѣ, что твоя жизнь можетъ быть сохранена только на этомъ условіи.

— Я скорѣе умру, чѣмъ соглашусь на это!—вскричалъ сэръ Джонъ.

— Я знала это и потому заранѣе отвергла это позорное условіе. Тѣмъ не менѣе король приказалъ мнѣ отправиться въ Тоуеръ, а Вальтеру Кросби сопровождать меня.

— Вальтеръ Кросби здѣсь?—спросилъ сэръ Джонъ.

— Да, я здѣсь,—сказалъ капитанъ, входя въ комнату и съ шумомъ захлопывая за собою тяжелую дверь.

— Какимъ образомъ вы оказались на службѣ у принца Оранскаго?—сурово спросилъ его узникъ.

— Потому я вамъ все объясню. А теперь только скажу, что я не купилъ свободы цѣною раскрытія заговора.

— Капитанъ Кросби полагаетъ, что ты могъ бы согласиться на предложеніе короля,—вмѣшалась лэди Марія.

— Ваша задача сводится, по-моему, къ тому, чтобы выиграть время и дать вашимъ могущественнымъ друзьямъ возможность вступить за васъ. Если вы сразу откажетесь отъ предложенія, которое вамъ дѣлаетъ король, то ихъ вмѣшательство станетъ невозможнымъ. По-моему, вы такимъ путемъ могли бы какъ-нибудь выпутаться, и я совѣтую вамъ поступить такъ.

— Я подумаю,—сказалъ сэръ Джонъ.—Но не скрою отъ васъ, что планъ этотъ мнѣ въ высшей степени несимпатиченъ.

— И мнѣ тоже,—прибавила лэди Марія.

— Но имъ нельзя пренебрегать, если можно спастись. Скажите, сэръ Джонъ, что сдѣлалось съ капитаномъ Чарнокомъ и отцомъ Джонсономъ.

— Оба они въ Ньюгетской тюрьмѣ. Благодарю Бога за то, что мнѣ удалось избавиться отъ такого позора. Я умеръ бы, если бъ мнѣ

пришлось попасть въ тюрьму, куда сажаютъ всякихъ мошенниковъ. Здѣсь же, въ этой комнатѣ, которая хранитъ память о столькихъ благородныхъ людяхъ, я чувствую себя какъ дома. Если меня отправятъ отсюда на эшафотъ, я не буду раскаиваться.

Не успѣлъ онъ сказать этихъ словъ, какъ появился майоръ Вентвортъ и, къ общему изумленію, объявилъ, что въ Тоуеръ прибылъ король.

Вильгельмъ вошелъ въ сопровожденіи графа Шрусбери. Майоръ тотчасъ закрылъ дверь и во все продолженіе разговора неподвижно стоялъ передъ нею.

Сдѣлавъ нѣсколько шаговъ, Вильгельмъ молча остановился. Сэръ Джонъ бросился къ его ногамъ.

— Простите меня, государь!—вскричалъ онъ.—Я знаю, что я совершилъ большое преступленіе. Но я знаю также ваше милосердіе и надѣюсь получить прощеніе.

— Встаньте, сэръ,—строго сказалъ король.—Я не могу давать вамъ никакихъ обѣщаній. Я прибылъ сюда для того, чтобы лично допросить васъ и такимъ образомъ судить о вашей искренности. Вы можете отвѣчать или не отвѣчать—это дѣло ваше.

— Я буду правдиво отвѣчать на всѣ вопросы, какіе вашему величеству угодно будетъ мнѣ поставить.

— Въ такомъ случаѣ скажите, дѣйствительно ли эти заговоры, о которыхъ мнѣ такъ много приходилось слышать въ послѣднее время, серьезно угрожали моей жизни?

— Да, государь,—отвѣчалъ Фенвикъ, не обращая вниманіе на предостерегающіе взоры Вальтера и лэди Маріи.

— Велико ли число моихъ подданныхъ, которые стремятся отнять у меня жизнь?

— Многіе считаютъ себя оскорбленными, многіе обижены по другимъ причинамъ, и всѣ они опасны.

— Можете ли вы подтвердить это на судѣ?—спросилъ король.

— Прежде, чѣмъ отвѣчать на этотъ вопросъ, я долженъ знать, что я выигрываю этимъ.

— Полное и откровенное признаніе будетъ вознаграждено прощеніемъ.

— Полное признаніе запутало бы въ это дѣло слишкомъ многихъ, и я не смѣю обѣщать его. Я долженъ подумать.

— Вы хотите сказать, что всѣ якобиты принимали участіе въ заговорѣ?

— Конечно. Одни изъ нихъ держались спокойно, другіе дѣйствовали болѣе активно. Первые безвредны, вторые опасны. Всѣ якобиты раздѣляются на двѣ партіи—компаундеровъ и нонкомпануандеровъ.

— Я никогда не слышалъ этихъ названій,—замѣтилъ король.—Объясните мнѣ, въ чемъ ихъ различіе.

— Позволено ли мнѣ будетъ говорить откровенно?

— Конечно.

— Да будетъ вашему величеству извѣстно, въ такомъ случаѣ, что компаундеры, которые группируются около графа Миддлтона, считаютъ нужнымъ прежде, чѣмъ возстановить на престолѣ короля Іакова, заручиться гарантіями, что религія и свобода страны останутся неприкосновенными. Напротивъ, нонкомпаундеры, примыкающіе къ лорду Мельфорду, полагаютъ, что призваніе Іакова должно совершиться безъ всякихъ условій.

— Теперь я понимаю,—сказалъ король.—И обѣ эти партіи дѣйствуютъ совмѣстно?

— Обыкновенно нѣтъ, государь.

— Къ которой вы принадлежите сами?

— Я нонкомпаундеръ.

— Я такъ и думалъ. Но такому положенію вещей долженъ быть положенъ конецъ. Обѣ партіи идутъ противъ меня. Нужно уничтожить ихъ обѣ. Въ королевствѣ не должно быть болѣе якобитовъ.

— Это было бы благодѣяніемъ для государства, если бъ только это можно было осуществить,—сказалъ Вальтеръ.—Но боюсь, что это едва ли возможно.

— Возможно или нѣтъ, но это нужно сдѣлать,—твердо сказалъ король.—Трудности меня не смущаютъ. Черезъ два года въ Англіи не будетъ ни одного якобита.

— Если ваше величество исполните это, тогда я скажу, что вы творите чудеса,—замѣтилъ графъ Шрусбери.

— Вы должны мнѣ помочь въ этомъ, сэръ Джонъ,—сказалъ король.—Но вы должны работать со мною безъ задней мысли. Оставаясь якобитомъ, вы не выиграли ничего.

— Это правда, но я и не проигралъ ничего.

— Вы должны быстро принять рѣшеніе. Пришлите мнѣ вашъ отвѣтъ черезъ три дня. Въ это время лэди Марія можетъ навѣщать васъ, сколько ей угодно. Можетъ приходить сюда и капитанъ Кросби, если, конечно, онъ пожелаетъ.

— Я долженъ просить у вашего величества одной милости,—сказалъ Вальтеръ.

— Что вы желаете?

— Позвольте мнѣ немедленно отправиться во Францію.

— Почему вы такъ спѣшите во Францію?—спросилъ король.

— Если я не поѣду немедленно, то я никогда уже не увижу ту, которую люблю.

— Беатрису Тильдеслей?

— Да, государь. Осмѣлюсь спросить ваше величество, что вы изволили слышать о ней?

— Это для васъ безразлично. Вы можете ѣхать, но не возвращайтесь обратно. Вы приносите въ жертву любви очень многое.

— Я не могу поступить иначе, государь. Я долженъ ѣхать.

— Въ такомъ случаѣ пусть будетъ по-вашему.

По знаку короля, майоръ Вентвортъ открылъ дверь, и царственный посѣтитель вышелъ въ сопровожденіи графа Шрусбери.

XIX.

Лучъ счастья.

Первый вопросъ Вальтера въ Сенъ-Жерменѣ былъ о Беатрисѣ.

Когда онъ узналъ, что она внѣ опасности, у него съ души словно бремя скатилось. Лихорадка у нея прекратилась, и черезъ нѣсколько дней она могла уже выходить изъ комнаты.

Полковникъ Тильдеслей сдѣлался очень близокъ къ королю. Повидавшись съ Беатрисой, Вальтеръ направился въ его комнаты, которыя были расположены въ самомъ концѣ замка.

Полковникъ былъ одинъ. Увидя Вальтера, онъ чуть не подпрыгнулъ отъ радости и заключилъ его въ свои объятія.

— Если вы здѣсь, значить, мое письмо о болѣзни Беатрисы дошло до васъ. Я не рассчитывалъ на это, но все-таки рѣшилъ написать, зная, что вы пріѣдете, если можете.

— И хорошо сдѣлали,—отвѣчалъ Вальтеръ.—Я получилъ разрѣшеніе ѣхать во Францію отъ самого короля Вильгельма.

— Я думаю, что эта болѣзнь окажетъ на Беатрису хорошее дѣйствіе, заставивъ ее отказаться отъ мысли уйти въ монастырь.

— А у ней эго желаніе еще не прошло?—спросилъ Вальтеръ.

— Къ сожалѣнію, нѣтъ,—отвѣчалъ полковникъ.—Но, кажется, въ ея настроеніи произошла нѣкоторая перемѣна, судя по словамъ отца Петра. Охватившее ее религіозное воодушевленіе въ значительной степени улеглось и, я думаю, скоро пройдетъ совсѣмъ.

— Дай-то Богъ!

— Что касается постриженія въ монастырь,—продолжалъ полковникъ:—то этого никто не одобряетъ. Королева и мадамъ де-Ментенонъ считаютъ этотъ шагъ неразумнымъ. Теперь вернулись и вы...

— Но мои просьбы были бессильны,—перебилъ его Вальтеръ.

— Не отчаивайтесь. Теперь вы можете дѣйствовать съ большимъ успѣхомъ, чѣмъ прежде. Но какія новости отъ нашихъ друзей? Дѣло якобитовъ, кажется, окончательно проиграно?

— Кажется, что такъ. Я недавно видѣлся съ сэромъ Фенвикомъ въ Тоуерѣ. Но онъ еще можетъ спастись и купить себѣ прощеніе.

— Лучше умереть на эшафотѣ!—воскликнулъ полковникъ.— Но онъ долженъ былъ прибыть сюда съ сэромъ Барклеемъ, который теперь въ Сенъ-Жерменѣ.

— Увы! Тутъ явилось роковое обстоятельство, которое погубило его. Бѣдный Чарнокъ теперь въ Ньюгетѣ, откуда нѣтъ возможности бѣжать. Послѣдній заговоръ былъ для насъ несчастенъ. Слава Богу, что, по крайней мѣрѣ, хоть вы и полковникъ Тоунлей не принимали въ немъ участіе. Человѣкъ сорокъ будутъ казнены въ Тайбернѣ.

— Какая масса!—простоналъ полковникъ.

— Всѣ они подъ стражей и, конечно, будутъ осуждены. Свидѣтелями выступаютъ Нортеръ Гаррисъ, Бертрамъ, Фишеръ и Пендерграссъ.

И Вальтеръ подалъ полковнику списокъ арестованныхъ яковитовъ.

— И всѣ они будутъ казнены?—спросилъ полковникъ, пробѣжавъ глазами роковой списокъ.

— Всѣ.

— Это будетъ послѣднимъ актомъ этихъ несчастныхъ заговоровъ, грустно замѣтилъ полковникъ.—Всѣ они только навлекли гибель на насъ.

— Да,—согласился Вальтеръ.—Теперь намъ нечего ждать пощады. Король знаетъ, что въ заговорѣ принимаютъ участіе многія важныя лица, и потому онъ обѣщаль пощадить жизнь сэра Фенвика, если только онъ выдастъ своихъ соучастниковъ.

— Но сэръ Джонъ, конечно, отказался?—спросилъ полковникъ.—Онъ не можетъ быть доносчикомъ. Мы живемъ въ несчастныя времена,—продолжалъ онъ.—Развѣ это не несчастіе, когда приносится въ жертву жизнь столькихъ благородныхъ людей? Боюсь, что теперь мнѣ уже не придется возвратиться въ Майерскофъ. Мысль, что я уже не увижу нашего стараго дома, не даетъ мнѣ покоя.

— Не разстраивайтесь, полковникъ,—успокаивалъ его Вальтеръ.—Вамъ нужно переждать. Наступитъ время, когда вамъ можно будетъ и вернуться.

— Я не могу жаловаться на свою судьбу,—сказалъ Тильдеслей.—Къ моимъ услугамъ все, что только можно пожелать,—королевскіе апартаменты, королевская прислуга, королевскій столъ,—и все-таки мнѣ жаль моего стараго дома. Какъ мнѣ хочется иногда знать, что-то теперь тамъ дѣлается!

— Не слыхали ли вы чего-нибудь о Горнби, полковникъ?

— Я ни о комъ не имѣю вѣстей.

— Тогда не удивительно, что вы беспокоитесь. Но успокойтесь. Вы не въ худшемъ положеніи, чѣмъ ваши друзья. Вы совершенно здоровы, а это большое утѣшеніе. Повѣрьте, что вы еще поживете въ Майерскофѣ.

— Будемъ надѣяться,—сказалъ полковникъ, просвѣтлѣвъ.—Пока вы будете жить въ Сенъ-Жерменѣ, останавливайтесь у меня въ комнатахъ. Моя спальня достаточно велика для насъ обоихъ.

— Благодарю васъ, полковникъ. Я съ удовольствіемъ остановлюсь у васъ. А теперь мнѣ нужно представиться ихъ величествамъ.

Король и королева были очень рады видѣть Вальтера. Не зная всего, что произошло съ нимъ, они боялись, что онъ также арестованъ. Королева сейчасъ же вышла вмѣстѣ съ нимъ на террасу, чтобы имѣть возможность говорить съ нимъ болѣе спокойно наединѣ.

— У меня есть къ вамъ нѣсколько вопросовъ по поводу недавнихъ событій,—начала она:—но прежде всего я должна сообщить вамъ о Беатрисѣ. Послѣ вашего отъѣзда я просила отца Петра отговорить ее отъ ея намѣренія относительно монастыря. Онъ согласился и ему удалось удержать ее отъ этого шага, по крайней мѣрѣ, въ настоящее время. Отецъ Петръ увѣряетъ, что Беатриса забрала себѣ въ голову, что она должна рано умереть и что поэтому ей слѣдуетъ отречься отъ свѣта, несмотря на всѣ его приманки.

— Я такъ и зналъ, ваше величество, и полагалъ, что отцу Петру безъ труда удастся отвлечь ее отъ этихъ идей.

— Ему это и удалось, но недавняя болѣзнь, отъ которой она едва могла поправиться, снова усилила ея опасенія. Впрочемъ, теперь она стала гораздо веселѣе. Вашъ пріѣздъ весьма кстати. Счастье для нея также, что здѣсь полковникъ Тильдеслей: онъ пользуется на нее большимъ вліяніемъ, чѣмъ кто-либо.

— Я видѣлся уже съ полковникомъ, и онъ пригласилъ меня остановиться у него.

— Вотъ и отлично,—замѣтила королева.—Дѣло принимаетъ болѣе благоприятный для васъ оборотъ. Но его величество удрученъ послѣдними событіями. Я удивляюсь, какъ тяжело подѣйствовала на него неудача заговора, тѣмъ болѣе, что онъ въ сущности и не рассчитывалъ на успѣхъ. Онъ даже не говорилъ еще съ сэромъ Барклеемъ. Можетъ быть, онъ захочетъ говорить съ вами, хотя и это сомнительно.

— Я всегда опасался, что кто-нибудь выдастъ заговоръ. Слишкомъ много было заговорщиковъ.

— Бѣдный сэръ Фенвикъ!—воскликнула королева.—Я боюсь, что онъ уже осужденъ. Какъ бы мнѣ хотѣлось спасти его.

— Вильгельмъ Оранскій готовъ пощадить его.

— Вы ошибаетесь! Онъ въ когтяхъ тигра, который жаждетъ его крови.

Вальтеръ молчалъ, зная, что королева Марія Моденская ненавидитъ Вильгельма и не желаетъ признавать за нимъ никакихъ хорошихъ качествъ. На его счастье, къ нимъ подбѣжалъ принцъ, и разговоръ принялъ другое направленіе.

Вальтеръ почти не видѣлъ короля. Погрузившись въ меланхолію, его величество избѣгалъ общества своихъ приверженцевъ и проводилъ время или въ кабинетѣ, или въ уединенныхъ прогулкахъ

по лѣсу. Рѣдко-рѣдко появлялся онъ на террасѣ и обѣдалъ всегда отдѣльно.

Каждое утро Вальтеръ долженъ былъ являться къ королевѣ и сопровождать ее на прогулку.

Онъ прожилъ въ Сень-Жерменѣ почти недѣлю и ни разу еще не видалъ Беатрисы, которая, по словамъ королевы, поправлялась и скоро должна была выйти изъ своей комнаты. То же говорилъ ему и полковникъ Тильдеслей.

Однажды утромъ полковникъ и Вальтеръ получили черезъ пажа приглашеніе сопровождать королеву. Вальтеръ хотѣлъ было разузнать, почему ихъ приглашаютъ такъ рано, но пажъ не могъ сообщить ему ничего.

Утро было великолѣпное, а день обѣщаль быть жаркимъ. Вальтеръ предчувствовалъ, что Беатриса будетъ съ королевой. И дѣйствительно, когда оба они вышли на террасу, то увидѣли внизу въ саду двухъ дамъ, которыя сидѣли на скамейкѣ. Онѣ были совершенно однѣ. При ихъ приближеніи королева приказала своей фрейлинѣ встрѣтить гостей и привести ихъ къ ней. Беатриса бросилась впередъ и чрезъ секунду прижималась уже къ груди Вальтера. Полковникъ Тильдеслей быстро подошелъ къ королевѣ, которая приняла его весьма милостиво.

— Проводите меня, полковникъ, къ моимъ фрейлинамъ,—сказала она, поднимаясь. —Онѣ должны быть на другой сторонѣ парка. Я принимаю большое участіе въ Беатрисѣ,—продолжала она,—и хотѣла бы поскорѣе устроить ея бракъ. Его величество также весьма расположенъ къ этому. Онъ считаетъ Вальтера какъ бы своимъ сыномъ и дѣлаетъ для него все, что можетъ.

— Если только мое имущество не подвергнется конфискаціи, Вальтеру не придется испытывать щедрость его величества. Беатриса получить Майерскофъ, не говоря уже о значительномъ состояніи, которое ей осталось послѣ отца.

— Я знаю о вашемъ великодушіи, полковникъ. Но его величество самъ хочетъ сдѣлать что-то для Вальтера, но что—я не знаю. Можетъ быть, онъ дастъ ему титулъ, если у него будутъ средства его носить.

— Средства у него будутъ, лишь бы только не конфисковали мое имущество,—сказалъ полковникъ.

— А одинъ титулъ ему совершенно не нуженъ,—замѣтила королева.

Тѣмъ временемъ къ нимъ подоспѣли и Вальтеръ съ Беатрисой. Послѣдній такъ волновался, что нѣсколько минутъ былъ не въ состояніи говорить.

— Я не буду теперь противиться вашему желанію, Вальтеръ,—сказала Беатриса.—Но я не хотѣла бы дѣлать такого шага безъ согласія королевы. Можетъ быть, она пожелаетъ отложить мой бракъ изъ опасенія разстаться со мною.

— Но вѣдь вы не предполагаете разставаться съ нею? Вамъ нельзя вернуться въ Майерскофъ, по крайней мѣрѣ теперь.

— Значитъ мы изгнаны изъ нашего дорогого стараго дома?

— Увы, да.

— Какъ бы мнѣ хотѣлось жить въ немъ съ вами и съ полковникомъ, но такое счастье, видно, недоступно намъ.

— Надо подождать,—утѣшала ее Вальтеръ.—Послѣ ужаснаго крушенія послѣдняго заговора правительство будетъ дѣйствовать мягче относительно насъ, и полковникъ получитъ прощеніе. Тѣмъ временемъ мы и здѣсь постараемся устроиться счастливо, тѣмъ болѣе, что вы любите Сень-Жермень.

— Да, но теперь я ужъ не могу быть такой веселой, какъ прежде. Королева возвращается и намъ нужно поскорѣе присоединиться къ ней.

— Какъ жаль!—вскричала Вальтеръ.—Мнѣ нужно бы сказать вамъ еще много.

— Угадайте, Беатриса, о чемъ мы только что говорили съ полковникомъ?—спросила королева, когда они поравнялись съ нею.—Мы хотимъ устроить одинъ бракъ,—продолжала она, не дожидаясь отвѣта:—но мы оба того мнѣнія, что не слѣдуетъ спѣшить съ этимъ дѣломъ. Что вы объ этомъ думаете?

— Если уже все улажено, то я вполне раздѣляю мнѣніе вашего величества,—отвѣчала Беатриса, улыбаясь.

— Но я все-таки боюсь, что этотъ бракъ совершится раньше, чѣмъ я бы желала,—продолжала королева.

— Чтобы успокоить ваше величество,—сказалъ Вальтеръ:—мы просимъ васъ назначить день нашей свадьбы.

— Нѣтъ, этого я не могу, хотя бы желала. Я должна сначала спросить его величество. Завтра утромъ вы должны явиться въ частный кабинетъ короля,—прибавила королева, обращаясь къ Вальтеру.—Я буду тамъ. Вѣроятно, намъ удастся получить согласіе его величества на вашъ бракъ.

Вальтеръ поклонился.

Королева сдѣлала знакъ, что она отпускаетъ обоихъ, а сама съ Беатрисой вернулась во дворецъ.

На слѣдующее утро она прислала за Вальтеромъ и вмѣстѣ съ нимъ отправилась къ королю.

Не ожидавшій такого ранняго посѣщенія Іаковъ сначала былъ очень недоволенъ ихъ вторженіемъ, но затѣмъ мало-по-малу смягчился. Вальтеръ сталъ на колѣни, прося его согласія на бракъ съ Беатрисой.

— Вы не могли сдѣлать лучшаго выбора, сынъ мой,—отеческимъ тономъ сказалъ король.—Призываю благословеніе Божіе на васъ и вашу невѣсту.

И онъ распростеръ руки надъ головою Вальтера.

— Я сдѣлаю для васъ все, что могу,—продолжалъ Іаковъ.— Но не ожидайте отъ меня многого. Я могу выхлопотать мѣсто для васъ у короля Людовика.

— Я предпочелъ бы остаться въ Сень-Жерменъ, государь,—отвѣчалъ Вальтеръ.

— Я предполагала, что вы дадите ему титулъ,—замѣтила королева, обращаясь къ супругу.

— Вы предвосхитили мое намѣреніе,—сказалъ Іаковъ.—Я посмотрю, что для васъ будетъ удобнѣе сдѣлать, Вальтеръ. Но всѣ приготовленія къ свадьбѣ нужно отложить до моего возвращенія изъ монастыря Ла-Трапъ, куда я ѣду завтра. Мнѣ хочется повидаться съ аббатомъ де-Ранси. Это человѣкъ святой жизни. Мое отсутствіе продолжится дня три-четыре. Вы должны были бы сопровождать меня, но я не хочу разлучать васъ съ вашей невѣстой.

— Поѣзжайте, непременно поѣзжайте съ королемъ,—замѣтила Марія:—за Беатрису я отвѣчаю.

— Я не могу отказать отъ милостиваго предложенія вашего величества,—съ поклономъ сказалъ Вальтеръ.—Я съ радостью поѣду съ вами.

— Вы должны, однако, помнить, что вы ѣдете въ одинъ изъ самыхъ строгихъ монастырей во Франціи,—сказалъ король.—Въ немъ всегда царила самая суровая дисциплина. Какъ бы тяжело ни казалось вамъ пребываніе въ немъ, вы должны оставаться со мною до тѣхъ поръ, пока я не найду нужнымъ ѣхать назадъ.

— Я могу остаться тамъ, сколько вашему величеству будетъ угодно,—вторично поклонился Вальтеръ.

— Отлично,—промолвилъ король.—Я ѣду туда верхомъ завтра рано утромъ.

— Я буду готовъ къ назначенному часу.

— Если строгости этого монастыря дѣйствительно таковы, какъ объ нихъ рассказываютъ, то, пожалуй, я больше и не увижу васъ,—вмѣшалась королева.—Вамъ нужно будетъ захватить съ собою провизію.

— Для меня не надо,—возразилъ Іаковъ.—Я ѣду туда не для веселья, а поститься. А вы какъ желаете,—прибавилъ онъ, обращаясь къ Вальтеру.

— Я послѣдую примѣру вашего величества,—отвѣчалъ Вальтеръ.

— Прежде, чѣмъ ѣхать, я хочу сказать Беатрисѣ нѣсколько словъ,—произнесъ король.—Я хочу это сдѣлать теперь же, если вамъ угодно будетъ меня проводить къ ней.

— Въ такомъ случаѣ идемте къ ней всѣ вмѣстѣ,—предложила королева.

Беатриса и сидѣвшій у нея полковникъ Тильдеслей были чрезвычайно изумлены, когда дверь отворилась, и въ ея комнату вошли король, королева и Вальтеръ.

Послѣ установленныхъ поклоновъ король взялъ Беатрису за руку и, съ нѣжностью глядя на нее, сталъ говорить:

— Вы знаете, какъ я уважаю васъ. Самъ полковникъ Тильдеслей едва ли можетъ такъ интересоваться вами, какъ я. Нужно наконецъ закончить сватовство Вальтера, котораго я люблю, какъ сына. За этимъ я и пришелъ къ вамъ лично вмѣсто того, чтобы дожидаться, пока къ вамъ обратится королева.

— Благодарю васъ, ваше величество,—произнесла Беатриса, едва говоря отъ волненія.

— Бракъ вашъ будетъ счастливъ,—продолжалъ король:—ибо Вальтеръ любитъ васъ беззавѣтно. Но полнаго счастья на землѣ нѣтъ. И тѣ, которые стремятся къ нему, бывають жестоко обмануты.

— Я знаю это, государь, и если мое счастье будетъ не полно, я жаловаться не стану. У меня не будетъ поводовъ жаловаться и жалѣть себя.

— Вы веселаго темперамента. Это хорошо,—замѣтилъ король.— Я родился подъ злосчастной звѣздой и отъ рожденія отличаюсь меланхолическимъ настроеніемъ. Вы тоже хорошо переносите ваши невзгоды,—прибавилъ онъ, обращаясь къ полковнику Тильдеслею.

— Я стараюсь не терять мужества, государь, хотя временами мнѣ бываетъ очень тяжело. Впрочемъ, я увѣренъ, что въ концѣ концовъ все будетъ хорошо.

— Завидую вашей увѣренности,—сказалъ Іаковъ.—Завтра я ѣду въ монастырь Ла-Трапш и беру Вальтера съ собой. Онъ, впрочемъ, скоро вернется.

— Но бракосочетаніе все-таки придется отложить,—замѣтилъ королева.

— Это не важно, ваше величество. Кромѣ того, неудобно было бы назначить день свадьбы въ отсутствіе короля,—воскликнула Беатриса.

— Благодарю васъ,—сказалъ Іаковъ, которому это, видимо, было пріятно.—А теперь все улажено, и я долженъ проститься съ вами.

Съ этими словамъ онъ поднесъ руку Беатрисы къ своимъ губамъ и вышелъ изъ комнаты.

Вальтеръ получилъ приказаніе выбрать изъ королевской свиты двухъ лицъ, которыя могли бы сопровождать короля съ тѣмъ условіемъ, чтобы безропотно подчиняться всѣмъ строгостямъ монастырской службы.

Откланявшись королю, онъ послѣшилъ въ садъ къ Беатрисѣ, но имъ не удалось остаться наединѣ: принцъ, увидѣвъ ихъ, подбѣжалъ къ нимъ и не покидалъ ихъ ни на минуту.

XX.

Монастырь Ла-Траппъ и его настоятель.

Вечеромъ зашелъ къ Вальтеру полковникъ Барклей и, узнавъ, что онъ ѣдетъ съ королемъ въ монастырь Ла-Траппъ, спросилъ его, знаетъ ли онъ исторію аббата де-Ранси.

— Если не знаете, я могу вамъ разсказать. Это довольно любопытно.

— Лѣтъ двадцать тому назадъ,—началъ полковникъ,—графъ Арманъ де-Ранси считался красивѣйшимъ мужчиной въ Парижѣ. Онъ вель веселый и разсѣянный образъ жизни. Будучи страстнымъ игрокомъ, онъ, однако, проигрывалъ очень рѣдко, дрался нѣсколько разъ на дуэли, но ни разу не былъ раненъ. Вы легко поймете, что у прекраснаго пола онъ имѣлъ огромный успѣхъ. Но женщины жаловались на его непостоянство. Говорили и, кажется, не безъ основаній, что онъ былъ вѣренъ только одной женщинѣ.

Но у графа Армана де-Ранси были и хорошія качества, о которыхъ нельзя умолчать. Онъ былъ очень добръ и благороденъ и старался всегда избѣгать ссоръ, несмотря на то, что отлично владѣлъ оружіемъ. Хотя онъ игралъ всегда весьма счастливо, но никто не смѣлъ и подумать, чтобы тутъ была какая-нибудь нечестность съ его стороны. Онъ бѣгло говорилъ на нѣсколькихъ языкахъ—мнѣ самому случалось говорить съ нимъ по-англійски—великолѣпно танцевалъ, изумительно ѣздилъ верхомъ и отличался замѣчательнымъ остроуміемъ.

— А теперь онъ превратился въ настоятеля монастыря ла-Траппъ?—спросилъ Вальтеръ.

— Да, но теперь онъ страшно постарѣлъ и перемѣнился, какъ вы увидите сами.

— Вы сказали, что, какъ гласила молва, онъ былъ вѣренъ одной только женщинѣ. Кто же эта женщина?—спросилъ Вальтеръ.

— Это прекрасная герцогиня Монбазонская. Я знавала ее лично. Никогда не приходилось мнѣ встрѣчать болѣе прелестнаго созданія. Мягкіе голубые глаза, золотистыя косы, станъ, достойный самой Венеры. Арманъ де-Ранси безумно влюбился въ нее, она также раздѣляла его чувства. Оба казались созданными другъ для друга. Имъ нужно было только встрѣтиться раньше, пока между ними не воздвиглась еще преграда.

— А герцогъ былъ ревнивъ?—спросилъ Вальтеръ.—Мнѣ кажется, что французская знать рѣдко обращаетъ вниманіе на поведеніе своихъ женъ.

— Герцогъ былъ ревнивъ, но старался всѣми силами скрывать свою ревность, чтобы не сдѣлаться смѣшнымъ. Наоборотъ, зная

навѣрно, что герцогиня ему невѣрна, онъ старался быть въ самыхъ дружескихъ отношеніяхъ съ ея любовникомъ.

Въ тѣ времена, къ которымъ относится мой рассказъ, герцогъ жилъ въ Санъ-Жерменскомъ предмѣстьѣ. Апартаменты супруговъ были въ разныхъ половинахъ дома, и мужъ почти не посѣщалъ жену. Армандъ имѣлъ свой ключъ отъ потайной двери, которая выходила на скрытую лѣстницу, и такимъ образомъ могъ навѣщать герцогиню, когда ему было угодно. Онъ ничего не боялся и не принималъ никакихъ мѣръ предосторожности.

Съ тѣхъ поръ, какъ графъ Армандъ сталъ посѣщать герцогиню, онъ не пропускалъ ни одного дня. Но вотъ однажды по какому-то важному дѣлу онъ долженъ былъ уѣхать изъ Парижа на цѣлую недѣлю. Онъ едва имѣлъ силы оторваться отъ нея и оставилъ ее всю въ слезахъ.

— Пріѣзжайте опять какъ можно скорѣе. Я живу только для васъ,—сказала она ему на прощанье.

— Я явлюсь къ вамъ сейчасъ же, какъ только мнѣ удастся вернуться,—отвѣчалъ онъ.

Во время своего отсутствія изъ Парижа онъ не получалъ писемъ отъ герцогини и самъ не писалъ ей. Но отъ этого его страсть только усиливалась.

Вечеромъ на седьмой день послѣ отъѣзда графъ де-Ранси вернулся въ Парижъ и, не наводя никакихъ справокъ, бросился къ дому герцогини; горя нетерпѣніемъ, онъ отперъ потайную дверь и сталъ подниматься по узкой лѣстницѣ, которая вела въ ея комнаты. Когда онъ достигъ ея двери, имъ овладѣлъ какой-то безотчетный страхъ. Одну минуту онъ хотѣлъ было вернуться назадъ, но, поборовъ чувство страха, вошелъ въ комнату. Въ ней никого не было, пуста было и сосѣдняя, слабо освѣщенная гостиная.

Дверь въ будуаръ герцогини была полуоткрыта, и въ ней свѣтился огонь. Армандъ быстро распахнулъ дверь и оцѣпенѣлъ отъ ужаса.

На смертномъ одрѣ, окруженная свѣчами, лежала герцогиня. Ея неподвижныя черты продолжали сохранять неподобную красоту, которой она отличалась при жизни.

Графъ, овладѣвъ собою, подошелъ къ покойницѣ, поцѣловалъ ее въ лобъ и замертво упалъ у гроба.

Съ этого времени Армандъ де-Ранси сталъ другимъ человѣкомъ и строгимъ покаяніемъ и умерщвленіемъ своей плоти искупаетъ грѣхи своей прежней жизни.

— Любопытно будетъ посмотреть на него,—сказалъ Вальтеръ.— А о судьбѣ прелестной герцогини Монбазонъ вамъ ничего неизвѣстно?

— Говорили, что она была отравлена герцогомъ, но это осталось недоказаннымъ. Такъ какъ графъ де-Ранси сейчасъ же послѣ

ея смерти удалился въ монастырь, то мало-по-малу объ этомъ происшествіи перестали и говорить. Въ настоящее время Армандь де-Ранси—самый замѣчательный человѣкъ въ своемъ монастырѣ, куда удалилось не мало и якобитовъ. Такъ, сэръ Томасъ Станлей сдѣлался тамъ отшельникомъ. Возможно, что въ концѣ концовъ и я самъ стану монахомъ.

— Вы!—съ изумленіемъ вскричалъ Вальтеръ.

— Да. Я усталъ отъ міра и чувствую разочарованіе въ немъ.

— Не дѣлайте такого шага, не обдумавъ его хорошенько,—наставительно сказалъ подошедшій къ собесѣдникамъ полковникъ Тильдеслей.—Вы совсѣмъ не созданы для того, чтобы быть монахомъ, да еще такого строгаго ордена. Иногда и у меня являлось такое же желаніе, но оно быстро проходило.

— Посмотримъ, что вы скажете о монастырѣ, когда вернетесь оттуда,—возражалъ сэръ Барклей.

— Почему бы вамъ не отправиться вмѣстѣ съ нами, чтобы самимъ видѣть монастырскую жизнь?—спросилъ Вальтеръ.—Его величество уполномочилъ меня пригласить съ нами двухъ лицъ. Одно изъ нихъ сэръ Барклей. Не хотите ли быть вторымъ?—спросилъ онъ полковника Тильдеслея.

Оба охотно согласились.

— Только знайте, что король не беретъ съ собою никакихъ запасовъ и вамъ придется подчиняться всѣмъ строгостямъ монастырской жизни.

Возраженій не было. Сэръ Джорджъ заявилъ даже, что онъ желаетъ сдѣлать опытъ, можетъ ли онъ выдерживать постъ.

Въ тотъ же день вечеромъ посыльный повезъ аббату де-Ранси собственноручное письмо Іакова, въ которомъ король извѣщалъ достопочтеннаго аббата, что онъ собирается посѣтить его завтра и останется въ монастырѣ съ своими спутниками два или три дня.

Быль чудный день, когда король двинулся въ монастырь. Кромѣ Вальтера, Тильдеслея и Барклея, Іакова сопровождали еще четыре конныхъ служителя. Отца Петра король съ собою не взялъ.

Сначала дорога шла лѣсомъ. Король ѣхалъ одинъ, погруженный въ свои мысли.

Въ Уданѣ, гдѣ была остановка на полчаса, король перемолвился съ спутниками нѣсколькими словами, но казался серьезнѣе, чѣмъ обыкновенно.

Проѣзжая по равнинѣ мимо живописнаго городка Дре съ его замкомъ, Іаковъ вспоминалъ о кровопролитной битвѣ, происшедшей здѣсь въ 1563 году между католиками, подъ предводительствомъ герцога Гиза, и гугенотами, которыми начальствовалъ принцъ Конде.

— Еретикамъ тогда приходилось хуже,—замѣтилъ Барклей.

— Да, но замокъ потомъ былъ отобранъ отъ Гиза Генрихомъ IV.

До самаго Вернейля король ѣхалъ молча. Здѣсь онъ остановился въ гостиницѣ, гдѣ заранѣе были сдѣланы все притотвленія къ его приему.

Иаковъ, впрочемъ, и не дотронулся до притотвленныхъ для него блюдъ, зато его спутники пообѣдали очень плотно, зная, что это послѣдній обѣдъ, которымъ они могутъ насладиться до обратнаго возвращенія сюда. Нѣкоторые, впрочемъ, устращася поста, запаслись продовольствіемъ и даже захватили съ собою вича. Самъ Иаковъ, храня строгое воздержаніе, довольствовался кускомъ хлѣба и стаканомъ воды.

Двинувшись въ дальнѣйшій путь, они отклонились отъ большой дороги и пересѣкли высокій кряжъ, съ вершины котораго былъ уже виденъ монастырь Ла-Траппъ—большая куча мрачныхъ зданій, разбросанныхъ среди лѣса и озеръ.

Долина, въ которой былъ расположенъ этотъ монастырь, казалась отрѣзанной отъ всего міра: со всеѣхъ сторонъ поднимались горы.

Иаковъ, не видавшій никогда этого монастыря, остановилъ лошадь и сталъ пристально смотрѣть на него. Казалось, онъ былъ пораженъ его уединеннымъ положеніемъ.

Его спутники глядѣли внизъ съ большимъ любопытствомъ, и у многихъ изъ нихъ зашевелилась мысль, что они не выжили бы здѣсь и нѣсколькихъ дней.

Благодаря чудному вечеру, все зданія выдѣлялись очень красиво, но, несмотря на розовый оттѣнокъ, лежавшій на нихъ, весь монастырь имѣлъ очень грустный, унылый видъ.

Всадники добрались до монастыря не такъ-то скоро, какъ они предполагали, ибо имъ пришлось объѣзжать озера, которыя со всеѣхъ сторонъ его окружали. Наконецъ Иаковъ подѣхалъ къ сводчатымъ воротамъ и слѣзъ съ лошади.

Въ этотъ моментъ изъ монастыря вышелъ высокій худой монахъ съ благороднымъ, но изможденнымъ лицомъ, съ каемкой темныхъ волосъ. На немъ была шерстяная бѣлая сутана, на груди висѣлъ крестъ.

Онъ быстро подошелъ къ королю и поклонился ему въ ноги. Сначала Иаковъ не догадался, что передъ нимъ самъ графъ де-Ранси. За нимъ вышла монастырская братія съ низко опущенными головами и сложенными на груди руками.

Вальтеръ и оба полковника поспѣшили сойти съ лошадей, но оставались въ нѣкоторомъ отдаленіи отъ короля. Дополняя картину, сзади всеѣхъ держался служителя, слѣзавшіе съ лошадей.

— Встаньте, достопочтенный отецъ,—сказалъ Иаковъ, поднимая аббата.—Такой святой человекъ, какъ вы, не долженъ преклоняться передъ такимъ грѣшникомъ, какъ я. Я долженъ пасть передъ вами ницъ. Благословите меня.

Король почтительно склонилъ голову, и аббатъ, распростерши надъ нимъ руки, торжественно призвалъ на него благословеніе Божіе.

— Аббатъ перемѣнился не такъ сильно, какъ я думалъ,—шепнулъ спутникамъ сэръ Джорджъ Барклей.—Я бы узналъ его.

— Ни у кого я не встрѣчалъ такой наружности,—сказалъ Тильдеслей.—Такое выраженіе можно видѣть только на изображеніяхъ святыхъ.

— Это вѣрно,—согласился Вальтеръ.—Съ перваго взгляда видно, что это въ высшей степени благочестивый человѣкъ.

Извинившись передъ королемъ въ томъ, что онъ пойдетъ впередъ, аббатъ повелъ своего царственного посѣтителя въ трапезную съ каменнымъ поломъ, заставленную простыми дубовыми сидѣньями.

Здѣсь они остановились, поджидая, пока подойдутъ остальные спутники короля. Затѣмъ аббатъ повелъ посѣтителей черезъ длинный коридоръ въ церковь, гдѣ тѣмъ временемъ собралась уже вся монастырская братія.

Едва освѣщенная нѣсколькими свѣчами, церковь была такъ же скромна и проста, какъ и другія помѣщенія монастыря, которыя они уже видѣли. Только на алтарѣ были кое-какія украшенія. Полъ былъ устланъ цыновками изъ тростника.

Для короля было поставлено дубовое кресло, всѣ прочіе усѣлись на скамьяхъ. Торжественность богослуженія и важная осанка монаховъ произвели глубокое впечатлѣніе на Іакова.

Послѣ богослуженія, когда братія разошлась, король представилъ аббату своихъ спутниковъ. Настоятель встрѣтилъ ихъ очень любезно и, обращаясь къ сэру Барклею, спросилъ:

— Мы, кажется, встрѣчались съ вами, сынъ мой?

— Вы не ошиблись, достопочтенный отецъ,—отвѣтилъ полковникъ.—Мы дѣйствительно когда-то встрѣчались. Но я не рѣшился самъ напомнить вамъ о быломъ.

— Увы! Покаяніе и молитва могутъ дать намъ душевный покой, но не могутъ низвести на насъ забвеніе. Прошлое постоянно мучитъ меня. Прежде, чѣмъ вы тронетесь въ обратный путь, я хотѣлъ бы имѣть съ вами бесѣду.

Замѣтивъ, что король желаетъ говорить съ нимъ наединѣ, аббатъ взялъ свѣтильникъ и провелъ его въ небольшую комнату, гдѣ стояли простой столъ и кресло.

Поставивъ свѣтильникъ на столъ, аббатъ подвинулъ кресло къ королю, но тотъ рѣшительно отказался сѣсть.

— Достопочтенный отецъ,—сказалъ онъ.—Я желаю получить отъ васъ духовное исцѣленіе. Я дѣлалъ много грѣховъ, и, хотя совѣсть постоянно мучитъ меня за это, хотя я и стараюсь искупить свои грѣхи молитвою и раскаяніемъ,—мира все-таки нѣтъ въ душѣ моей.

— Не впадайте въ отчаяніе, государь. Миръ придетъ. Я тоже великій грѣшникъ и мнѣ казалось, что не будетъ мнѣ прощенія, а теперь моя душа спокойна. При вашемъ высококомъ положеніи ваше величество постоянно подвергается многочисленнымъ искушеніямъ, которымъ, вѣроятно, поддаетесь иногда. Отъ этого и происходятъ угрызенія совѣсти.

— Вы сказали святую истину, досточтимый отецъ. Если бы я могъ удалиться отъ міра, подобно императору Карлу V, я пришелъ бы сюда и получилъ бы здѣсь то душевное спокойствіе, котораго тщетно добиваюсь теперь. Но, увы! Я не могу этого сдѣлать!

— Раскройте мнѣ ваше сердце,—сказала аббать,—и я дамъ вамъ совѣтъ и утѣшеніе.

Король опустился на колѣни и сталъ исповѣдываться. Аббать слушала его внимательно и, сдѣлавъ ему надлежащее наставленіе, произнесъ:

— Да разрѣшитъ тебя Господь Иисусъ Христосъ отъ всѣхъ грѣховъ твоихъ и да помѣститъ онъ тебя въ средѣ избранныхъ своихъ.

Несмотря на то, что ни король, ни его спутники ничего еще не ѣли, имъ объявили, что до ужина будетъ еще одна служба. Для Іакова не существовало усталости и лишеній и онъ умѣлъ вездѣ быстро приспособиваться. Но для его спутниковъ это было серьезнымъ испытаніемъ, почти превосходящимъ ихъ силы.

Наконецъ наступило время ужина.

Онъ былъ поданъ въ трапезной и состоялъ изъ кореньевъ, яицъ, хлѣба и овощей. Все это едва могло утолять приступы голода.

Король сидѣлъ рядомъ съ настоятелемъ и велъ съ нимъ оживленную бесѣду. Но Вальтеру, Тильдеслею и Барклею, истощеннымъ голодомъ, было не до разговоровъ. Да и не отъ чего было имъ оживиться, ибо вмѣсто всякихъ напитковъ подавалась только чистая вода.

По окончаніи ужина снова маленькая молитва, послѣ чего гостей отвели въ спальныя комнаты, гдѣ они должны были спать на соломѣ.

На утренней службѣ, въ половинѣ третьяго ночи, присутствовалъ одинъ король. Аббать и монахи были всѣ налицо. Между ними выдавался когда-то красавецъ щеголь сэръ Станлей. Теперь онъ жилъ въ хижинѣ, которую самъ построилъ себѣ въ лѣсу, прилегающемъ къ монастырю. Хотя сэръ Станлей былъ одѣтъ во влашняницу и совершенно обросъ бородой, король сразу узналъ его.

Въ шесть часовъ въ трапезной былъ поданъ завтракъ. Посѣтители надѣялись, что имъ дадутъ что-нибудь существенное, но дѣйствительность горько разочаровала ихъ.

Въ ихъ распоряженіи оказались только овсяная похлебка и хлѣбъ. О маслѣ не было и помину. При видѣ этого скуднаго стола

сэръ Джорджъ почувствовалъ, что онъ умираетъ. Вальтеръ и полковникъ Тильдеслей едва могли переносить терзанія голода.

Король казался совершенно довольнымъ.

Одни служители не терпѣли никакихъ лишеній, привези съ собою хорошій запасъ провизіи.

Послѣ завтрака аббатъ просилъ къ себѣ сэра Барклея и имѣлъ съ нимъ въ своей кельѣ продолжительный разговоръ, настойчиво уговаривая его вступить въ число братіи монастыря. Но сэръ Джорджъ успѣлъ уже сдѣлать важное открытіе, что монастырская жизнь съ ея постами и молитвами не годится для него, и рѣшительно отказался отъ предложенія аббата.

— Я удивляюсь вашему благочестію и самоотверженію, достопочтенный отецъ,—отвѣчалъ онъ:—но самъ рѣшительно не способенъ подражать вамъ.

— Попробуйте, сынъ мой,—настаивалъ аббатъ.—Вы скоро одолѣете первыя трудности.

Настоятель имѣлъ также разговоръ съ Вальтеромъ и Тильдеслеемъ. Молодой человѣкъ особенно ему понравился.

— Сынъ мой,—сказалъ онъ ласково.—Его величество передавалъ мнѣ, что вы собираетесь жениться на особѣ, блистающей красотой и благонавіемъ. Я радъ слышать это. Да будетъ она мила, какъ Рахиль, мудра, какъ Ревекка, и вѣрна, какъ Сарра!

Въ монастырскомъ саду, тянувшемся сзади монастыря, была устроена между озерами искусственная терраса, съ которой открывался дивный видъ.

Погода была прекрасная, и король долго ходилъ съ аббатомъ по террасѣ, ведя съ нимъ тихія рѣчи.

— Чѣмъ больше я вижу Ла-Трапшъ,—замѣтилъ онъ:—тѣмъ больше онъ мнѣ нравится. Возможно, что здѣсь я и кончу свои дни.

— Посѣтите насъ еще разъ, государь, прежде, чѣмъ принимать окончательное рѣшеніе. Мѣстечко не всегда такъ красиво, какъ теперь.

— Мнѣ больше нравится братія, чѣмъ мѣстность. Я увѣренъ, что я легко привыкну къ строгимъ правиламъ монастыря.

— Въ такомъ случаѣ вы будете здѣсь счастливѣе, чѣмъ прежде, во времена вашего могущества и власти.

Погоулявъ на террасѣ около часа, Іаковъ выразилъ желаніе посѣтить пустыножителство, гдѣ обиталъ бывшій сэръ Станлей.

— Онъ носитъ у насъ имя брата Назарія,—сказалъ аббатъ.—Онъ самый суровый изъ братьевъ и налагаетъ на себя больше строгихъ подвиговъ, чѣмъ другіе. Его подвигамъ изумляюсь даже я. Жилище брата Назарія находится отсюда въ разстояніи мили, въ самой глубинѣ вотъ того лѣса. Вы сами его не найдете, и я пошлю съ вами провожатаго.

Иаковъ поблагодарилъ его и, созвавъ своихъ спутниковъ, направился въ указанномъ направленіи, предшествуемый монахомъ, который служилъ ему проводникомъ.

Обогнувъ озеро, король скоро достигъ лѣса, который оказался необыкновенно густымъ и заросшимъ, такъ что ходить по немъ безъ проводника было бы небезопасно.

Пустыножителство было немного лучше обыкновеннаго сарая, затеряннаго среди дремучаго лѣса. Трудно было предположить, чтобы здѣсь могъ кто-нибудь жить.

Братъ Назарій стоялъ недалеко отъ своего жилища и рубилъ лѣсъ.

Изумленный появленіемъ Иакова и его спутниковъ, онъ, однако, не смутился и бросился къ ногамъ короля, который поспѣшилъ его поднять.

— Я удивленъ, что нахожу здѣсь сэра Томаса Станлея,—сказалъ король.

— Здѣсь мое послѣднее жилище на землѣ, государь,—отвѣчалъ отшельникъ.—Даже приказаніе вашего величества не заставило бы меня покинуть его. Не могу просить васъ зайти ко мнѣ.

— Тѣмъ не менѣе я хочу заглянуть въ вашу хижину,—сказалъ Иаковъ, бросая взглядъ въ отворенную дверь.

Соломенный матрацъ, стулъ и ведро съ водою—вотъ вся ея обстановка.

На стѣнѣ висѣло Распятіе, а подъ нимъ бичъ, на узлахъ котораго виднѣлись слѣды крови.

— Какъ можете вы жить здѣсь, сэръ Томасъ,—воскликнулъ король, съ ужасомъ отступая назадъ.—Неужели вы живете здѣсь цѣлый годъ?

— Зимой и лѣтомъ, когда земля трескается отъ жару и когда она покрыта глубокимъ снѣгомъ.

— Я видѣлъ васъ сегодня утромъ въ церкви въ половинѣ третьяго утра. Вы аккуратно посѣщаете всѣ службы?

— Аккуратно, государь.

— Сколько времени посвящаете вы на сонъ?

— Часа два, не больше трехъ и при томъ я не всегда позволяю себѣ лечь на этотъ тюфякъ.

— Неужели вы никогда не чувствуете усталости?—спросилъ сэръ Барклей.

— Если я не чувствовалъ усталости, служба земному царю, то какъ мнѣ чувствовать ее, когда я служу Царю Небесному?

— Но уединеніе и одиночество должно все-таки тяготить васъ?—продолжалъ сэръ Джорджъ.

— Я никогда не бываю одинъ. Я веду разговоръ со святыми. Они поучаютъ и утѣшаютъ меня.

— Вы говорите о ихъ писаніяхъ?—спросилъ Іаковъ.

— Да, государь,—отвѣчалъ отшельникъ.—Путь, который я выбралъ, труденъ и тернистъ, но онъ ведетъ къ вѣчной жизни, и я буду итти по немъ, сколько бы мнѣ ни приходилось страдать.

— Вы умрете смертию праведнаго и вознесетесь со святыми,—замѣтилъ Іаковъ.

— Да будетъ такъ! Что значать нѣсколько дней страданія въ сравненіи съ вѣчнымъ блаженствомъ!

— Я хотѣлъ бы быть такъ же увѣреннымъ въ спасеніи, какъ вы!—замѣтилъ король.

— Государь, вы живете среди искушеній, отъ которыхъ я свободенъ. Грѣхи, которые вы могли совершить, могутъ быть тяжки и велики, но, несомнѣнно, вы загладите ихъ своимъ раскаяніемъ. Надѣйтесь и молитесь Всевышняго!

— Вы удивительно успокоили меня!—воскликнулъ король.— Я многимъ обязанъ вамъ, сэръ Томасъ. Другіе учили меня жить, а вы учите меня умереть. Я воспользуюсь вашимъ ученіемъ.

— Я смѣлѣе говорилъ вамъ, государь, чѣмъ бы слѣдовало, но я имѣлъ добрыя намѣренія. Прощайте. Вѣрю, что мы еще встрѣтимся съ вами, государь.

— Да, встрѣтимся за гробомъ,—отвѣчалъ Іаковъ.

Съ этими словами онъ сдѣлалъ знакъ своимъ спутникамъ слѣдовать за нимъ и направился обратно въ монастырь. Во время пути онъ не говорилъ ни слова и только ударялъ себя въ грудь, шепча про себя:

— Какъ я хотѣлъ бы походить на этого челоуѣка! Какъ я хотѣлъ бы жить въ такой хижинѣ, носить такую же власяницу и спать на такомъ же тюфякѣ!

Король оставался въ монастырѣ до слѣдующаго утра и присутствовалъ на всѣхъ службахъ. Рано утромъ онъ замѣтилъ въ церкви отшельника, но уже не говорилъ съ нимъ больше.

На прощанье Іаковъ оставилъ аббату значительную сумму денегъ для раздачи бѣднымъ прилегающей къ монастырю мѣстности.

Между тѣмъ терпѣніе спутниковъ короля окончательно истощилось, и они объявили, что не могутъ болѣе переносить столь суроваго образа жизни.

Прощаясь съ аббатомъ, король бросился ему въ ноги и просилъ его благословенія.

— Прощайте, достопочтенный отецъ,—сказалъ король.—Я еще побываю въ вашемъ монастырѣ. Я встрѣтилъ здѣсь такъ много поучительнаго, какъ нигдѣ.

Іаковъ сдержалъ впослѣдствіи свое обѣщаніе: не прошло и нѣсколькихъ мѣсяцевъ, какъ онъ опять былъ въ монастырѣ Ла-Траппъ.

XXI.

Неудачная попытка.

Когда Иаковъ вернулся съ своими спутниками въ Сентъ-Жерменъ, полковникъ Тильдеслей съ удивленіемъ узналъ, что въ его отсутствіе къ нему прибылъ посоль отъ лэди Маріи Фенвикъ. Въ своемъ письмѣ лэди умоляла полковника и Беатрису немедленно ѣхать къ ней, увѣряя, что только они могутъ спасти жизнь ея мужа. Хотя лэди и не объясняла, какимъ образомъ они могутъ это сдѣлать, но письмо было написано такъ горячо, что мягкосердечный полковникъ не могъ не отозваться на ея призывъ.

— Что бы это могло значить?—спросилъ онъ, прочитавъ письмо.

— Намъ нужно ѣхать немедленно,—сказала Беатриса, стоявшая около него.

— А какъ же ваша свадьба?

— Придется ее отложить.

— Опять отложить!—въ отчаяніи воскликнулъ Вальтеръ.— Въ такомъ случаѣ и я поѣду съ вами.

— А что скажете о нашемъ отъѣздѣ король?—спросилъ полковникъ.

— Вы должны объяснить ему, что вы ѣдете по просьбѣ лэди Маріи,—отвѣчала Беатриса.—Королева чрезвычайно ее любитъ, и король, конечно, сдѣлаетъ все возможное, чтобы спасти ея мужа.

Такъ оно и случилось. Хотя этотъ отъѣздъ и разстраивалъ планы короля, тѣмъ не менѣе онъ даже принялся самъ торопить ихъ. Королева также не отговаривала ихъ.

— Надѣюсь, что вы вернетесь невредимы,—напутствовала она отъѣзжающихъ,—и привезете съ собою сэра Джона и его преданную жену.

— Я бы также охотно поспѣшилъ на помощь сэру Джону, если бы я могъ ему понадобиться,—сказалъ сэръ Барклей.—Но тотъ же самый посланецъ, который привезъ письмо полковнику, говорилъ мнѣ, что она сама не желаетъ моего пріѣзда.

Приготовленія къ отъѣзду были недолги, и черезъ часъ спутники уже ѣхали на почтовыхъ лошадяхъ, направляясь въ Кале. Отсюда они переправились въ Нью-Ромни и остановились въ домѣ на Сентъ-Джемской площади, который еще нанимала лэди Марія. Лэди ожидала лишь полковника Тильдеслея и Беатрису и была чрезвычайно обрадована, увидѣвъ съ ними и Вальтера.

— Не могу найти словъ, чтобы благодарить васъ за то, что вы пріѣхали,—сказала лэди.—Въ этомъ домѣ вы въ совершенной безопасности: его уже обыскивали недавно. Завтра я объясню вамъ планъ, который у меня есть для спасенія сэра Джона.

— Онъ все еще въ Тоуерѣ?—спросилъ Вальтеръ.

— Да, и подь такимъ же строгимъ карауломъ, какъ прежде. Но я навѣщаю его каждый день и, по всей вѣроятности, мнѣ разрѣшатъ захватить васъ съ собою,—сказала лэди Марія, обращаясь къ Беатрисѣ.

— Присутствіе двухъ женщинъ можетъ дать ему случай бѣжать,—замѣтилъ Тильдеслей.—Сэръ Джонъ могъ бы воспользоваться женскимъ костюмомъ.

— Я не откажусь занять его мѣсто въ случаѣ надобности,—сказала Беатриса.

— Можетъ быть, можно будетъ подкупить тюремщика,—прибавилъ Вальтеръ.

Вскорѣ подали легкій, наскоро приготовленный ужинъ, послѣ котораго путники, утомленные дорогой, разошлись по своимъ комнатамъ.

На слѣдующее утро было рѣшено, что Беатриса поѣдетъ вмѣстѣ съ лэди Маріей въ Тоуеръ и тамъ составятъ какой-нибудь планъ бѣгства, который можно будетъ привести въ исполненіе.

Майоръ Вентвортъ любезно встрѣтилъ обѣихъ дамъ у воротъ Тоуера и разрѣшилъ Беатрисѣ сопровождать лэди Марію.

Не ожидая посѣщенія Беатрисы, сэръ Джонъ чрезвычайно удивился, увидѣвъ ее на порогѣ своей тюрьмы. Когда тюремщикъ удалился, лэди Марія рассказала мужу о пріѣздѣ Беатрисы и ея спутниковъ, которые скрываются теперь въ ея домѣ на Сентъ-Джемской площади.

— Мы явились сюда, чтобы какъ-нибудь освободить васъ, сэръ Джонъ,—сказала Беатриса.—Король разсчитываетъ скоро видѣть васъ опять въ Сентъ-Жерменѣ.

— Я не могу утѣшать себя этой мыслью,—возразилъ узникъ, слабо улыбаясь.—Я тщательно обдумалъ свое положеніе и нахожу, что убѣжать изъ Тоуера рѣшительно невозможно.

— Я не раздѣляю вашего мнѣнія,—сказала Беатриса,—и нахожу, что ваше спасеніе вполнѣ возможно.

— Что же вы придумали?

— Нашъ планъ еще не совсѣмъ выработанъ,—отвѣчала лэди Марія.—Тебѣ придется бѣжать въ женскомъ костюмѣ.

— А я останусь здѣсь вмѣсто васъ,—прибавила Беатриса.

— Нѣтъ, я на это не согласенъ,—вскричалъ узникъ.—Если ужъ рисковать, то рисковать должна моя жена.

— Я ей то же самое говорила,—замѣтила лэди Марія.—Но дѣло не въ этомъ. Теперь нужно только обсудить, насколько осуществимъ этотъ замыселъ.

— Изъ-за капора лица видно не будетъ,—сказала Беатриса.—Сверху можно надѣть широкое платье. Вотъ и все, что нужно будетъ для этого переодѣванія.

— Это вѣрно!—воскликнулъ сэръ Джонъ.—Если такъ переодѣться, то, мнѣ кажется, ускользнуть можно.

— Хочешь попробовать завтра?—спросила лэди Фенвикъ.— Завтра я могу прїѣхать въ такомъ платьѣ, и ты выйдешь въ немъ вмѣстѣ съ Беатрисой.

— Только не завтра. Дайте мнѣ немного обдумать это дѣло.

— Лучше бы рѣшить его сейчасъ же,—замѣтила лэди.

— Мнѣ не хотѣлось бы оставлять тебя здѣсь. Неизвѣстно, что можетъ случиться.

— Не думай обо мнѣ. Моя жизнь внѣ опасности.

— А какъ только вы выберетесь изъ Тоуера, васъ встрѣтятъ мой родственникъ полковникъ Тильдеслей и Вальтеръ Кросби,—добавила Беатриса.

— Въ такомъ случаѣ хорошо,—согласился сэръ Джонъ.—Я согласенъ. Прїѣзжайте завтра попозднѣе и захватите съ собою денегъ.

— Деньги мы захватимъ, но прїѣхать позднѣе нельзя, иначе насъ не пропустятъ сюда.

Условившись явиться завтра въ пять часовъ, дамы уѣхали, а сэръ Джонъ сталъ подготавливаться къ бѣгству.

Тюремщикъ, выпуская ихъ, какъ-то особенно лукаво посмотрѣлъ на обѣихъ дамъ.

— Надо думать,—сказала лэди Марія:—что мой мужъ не станетъ подкупать его. Я увѣрена, что онъ измѣнитъ ему.

— Боюсь, какъ бы онъ не подслушалъ нашъ разговоръ,—замѣтила ея спутница.

Отъ волненія сэръ Джонъ не спалъ цѣлую ночь, которая тянулась для него мучительно. Несложныя приготовленія были закончены очень скоро, и ему не оставалось ничего другого, какъ ходить изъ угла въ уголъ и прислушиваться къ малѣйшему шуму.

Прошла ночь. Наступило утро. Наконецъ-то дверь отворилась, пропустивъ вчерашнихъ посѣтительницъ.

Какъ только тюремщикъ оставилъ ихъ однихъ, лэди Марія увела мужа въ сосѣднюю комнатку и, когда онъ вышелъ оттуда, его совершенно нельзя было узнать. Его лицо было закрыто капоромъ, а длинное широкое платье дѣлало его похожимъ на женщину. Превращеніе его было настолько удачно, что Беатриса не могла удержаться отъ восклицанія.

— Превосходно!—кричала она, хлопая въ ладоши.—Великолѣбно! Теперь васъ рѣшительно нельзя узнать!

— Будемъ надѣяться,—отвѣчала высокая дама.—Впрочемъ, меня тяготятъ дурныя предчувствія.

— Все будетъ хорошо,—утѣшала узника Беатриса.—Я благополучно сдамъ васъ на руки полковнику и Вальтеру, которые ждутъ васъ въ концѣ улицы Темзы. Они уже приготовили для васъ лодку.

— Мы сочли болѣе удобнымъ отослать экипажъ назадъ,—сказала лэди Марія.

— Это ничего, а привезли ли вы съ собою деньги?

— Вотъ кошелекъ съ сотней фунтовъ. Возьми его сейчасъ же.

Сэръ Джонъ простился съ женою и, закрывъ лицо капоромъ, приготовился выйти. Беатриса позвала тюремщика.

Моди бросилъ кругомъ пыливый взглядъ, впился глазами въ высокую женскую фигуру въ капорѣ, но, не давая понять, что замѣтилъ обманъ, спустился по витой лѣстницѣ.

Осторожно отворивъ дверь, онъ далъ имъ уйти. Сэръ Джонъ уже поздравлялъ себя съ избавленіемъ отъ тюрьмы, какъ вдругъ тюремщикъ бросился къ нему и крѣпко схватилъ его за руку.

Сэръ Джонъ не рѣшался сопротивляться, боясь, что тотъ позоветъ стражу.

— Ха-ха-ха!—залился тюремщикъ.—Вы думали, что вы уже на волѣ? Ошибаетесь. Не угодно ли вамъ пожаловать со мною назадъ.

— Пусти меня, я тебѣ дамъ сто фунтовъ,—сказалъ сэръ Фенвикъ.

— Здѣсь я не буду говорить съ вами,—грубо отвѣчалъ тюремщикъ.—Идите назадъ.

Сэръ Джонъ счелъ лишнимъ спорить съ нимъ и вмѣстѣ съ Беатрисой вернулся въ свою камеру. Лэди Марія сразу догадалась о томъ, что случилось, но встрѣтила неудачныхъ бѣглецовъ молча.

— Вотъ теперь будемъ говорить съ вами о сотнѣ фунтовъ,—началъ тюремщикъ Моди.—Если вы мнѣ ее дадите, то я выпущу васъ отсюда.

— Отдайте ему деньги,—сказалъ сэръ Джонъ Беатрисѣ.

— Вотъ вамъ сумма, которую вы просите,—произнесла молодая дѣвушка, подавая тюремщику кошелекъ.

— Я не прошу денегъ,—отвѣчалъ тотъ:—а полагаю, что имѣю право потребовать ихъ. Вы счастливо отдѣлались, сэръ Джонъ. Если бы я донесъ о вашемъ бѣгствѣ его величеству, то васъ не замедлили бы отправить въ Ньюгетъ. Не вздумайте вторично пытаться бѣжать, иначе вамъ будетъ плохо.

И съ этими словами онъ вышелъ.

— Слава Богу, что все обошлось такъ,—замѣтила лэди Марія мужу.—Мнѣ не хотѣлось огорчить тебя, но я была увѣрена, что нашъ планъ не удастся.

— А я страшно разочарована,—вскричала Беатриса.—Не обращайтесь вниманія на слова тюремщика и попробуйте еще разъ.

— Теперь меня будутъ стеречь тщательно. Передайте моимъ друзьямъ, которыхъ я не увижу, что я имъ очень благодаренъ и что имъ незачѣмъ больше рисковать изъ-за меня.

Онъ сбросилъ женское платье и впалъ въ глубокое уныніе. Напрасно лэди Марія старалась его развеселить.

Выпуская ихъ изъ камеры, тюремщикъ замѣтилъ:

— Надѣюсь увидѣть васъ завтра, леди. Надо вести себя такъ, какъ будто ничего и не случилось.

Между тѣмъ полковникъ Тильдеслей и Вальтеръ тщетно ждали въ условленномъ мѣстѣ, что вотъ-вотъ появится сэръ Джонъ. Узнавъ о постигшей его неудачѣ, оба, скрѣпя сердце, посадили дамъ въ лодку, нанятую было для узника, и вернулись на Сентъ-Джемскую площадь придумывать новыя средства для спасенія сэра Фенвика.

Не отчаиваясь въ спасеніи мужа, лэди Марія рѣшилась, въ случаѣ необходимости, подкупить свидѣтелей, по доносу которыхъ онъ былъ арестованъ,

Такъ какъ для привлеченія къ отвѣтственности по обвиненію въ государственной измѣнѣ требовалось два свидѣтеля, то стоило только устранить одного, и сэръ Джонъ былъ бы спасенъ. Вальтеръ вызвался отыскать капитана Портера и попробовать какъ-нибудь съ нимъ столкнуться. Съ этою цѣлью онъ вошелъ въ сношеніе съ хозяиномъ гостиницы «Чернаго Быка», который зналъ адресъ Портера, но капитанъ наотрѣзъ отказался отъ всякихъ переговоровъ, желая оставаться вѣрнымъ правительству.

Тогда рѣшили подѣйствовать на другого свидѣтеля Гудмана. Здѣсь дѣло, повидимому, обѣщало устроиться лучше.

Послѣ продолжительныхъ поисковъ Вальтеру удалось разыскать его и уговорить его прійти вечеромъ въ домъ на Сентъ-Джемской площади. Слуга незамѣтнымъ образомъ ввелъ его въ комнату, гдѣ находились лэди Марія, Беатриса, полковникъ Тильдеслей и Вальтеръ. Съ лэди Маріей Гудманъ встрѣчался раньше, а Вальтеръ былъ ему хорошо знакомъ.

Хозяйка приняла его очень любезно и сказала:

— Я знаю, мистеръ Гудманъ, что вы выступаете свидѣтелемъ обвиненія въ процессѣ моего мужа и что правительство уплатило вамъ за это значительную сумму денегъ. Но, можетъ быть, мы можемъ также столкнуться съ вами относительно сэра Джона, которому, несмотря на все, вы не откажете въ чувствѣ уваженія.

— Вы совершенно правы, лэди,—отвѣчалъ Гудманъ.—Я предпочелъ бы спасти сэра Джона, чѣмъ губить его, и былъ бы очень доволенъ, если бъ это удалось.

— Весьма возможно, что это и удастся,—замѣтилъ Вальтеръ.—Лэди Марія оплатитъ ваши услуги очень щедро и предложитъ вамъ сумму, вдвое большую, чѣмъ даетъ правительство. Но вы должны будете оставить Англію и жить въ Сень-Жерменѣ до тѣхъ поръ, пока не уляжется это несчастное дѣло.

— Я долженъ отправиться во Францію теперь же?—спросилъ Гудманъ.

— Вамъ придется ѣхать немедленно,—отвѣчалъ лэди Марія.—Я знаю, какъ опасно медлить въ такихъ случаяхъ. Мой мужъ—наглядный тому примѣръ.

— Вы сказали, капитанъ Кросби, что я получу вдвое больше, чѣмъ мнѣ предложило правительство. А предлагаютъ мнѣ по сту фунтовъ въ мѣсяць.

— Вы получите вдвое, сэръ,—подтвердила лэди.—Уплатить вамъ сэръ Барклей, которому уже даны соотвѣтствующія распоряженія. А на ваши расходы мы можемъ сейчасъ же выдать вамъ двѣсти фунтовъ.

— Я уже приготовилъ ихъ для васъ,—сказалъ Вальтеръ, подавая деньги.

— Принимаю ихъ безъ всякихъ колебаній, лэди,—сказалъ Гудманъ.—Я очень радъ ѣхать въ Сень-Жерменъ и примириться съ королемъ Іаковомъ, который мнѣ всегда больше нравился, чѣмъ Вильгельмъ Оранскій.

— Итакъ, дѣло рѣшено?—спросилъ Вальтеръ.

— Да.

— Потрудитесь, Вальтеръ, передать деньги мистеру Гудману.

— Благодарю васъ, лэди. Скажу вамъ прямо, что вы прибѣгли къ единственному средству спасти вашего мужа. Насколько я знаю, правительство рѣшило добиться обвиненія его въ государственной измѣнѣ. Но если оно не въ состояніи будетъ выставить меня, оно неминуемо потерпитъ неудачу.

— Было бы очень хорошо, если бъ вы уѣхали во Францію незамѣтнымъ образомъ,—замѣтилъ Вальтеръ.

— Постараюсь, сэръ. Но мнѣ необходимо отправиться какъ можно скорѣе во избѣжаніе всякихъ случайностей.

— Конечно. Я буду чувствовать себя гораздо спокойнѣе, когда услышу, что вы уже въ Сень-Жерменѣ,—сказала лэди Фенвикъ.

— Я постараюсь сейчасъ же уведомить васъ о своемъ прибытіи во Францію,—добавилъ Гудманъ, прощаясь съ хозяйкой.

Сэръ Джонъ вполне одобрилъ новый планъ своего спасенія и опять просвѣтлѣлъ.

На другой день послѣ переговоровъ съ Гудманомъ къ лэди Фенвикъ неожиданно пріѣхала герцогиня Норфолькская. Лэди Марія приняла ее въ гостиной, посадивъ около себя Беатрису.

Красивая, богато одѣтая герцогиня являлась воплощеніемъ высокомѣрія. Она довольно прозрачно намекнула, что присутствіе Беатрисы ее стѣсняетъ, но хозяйка сдѣлала видъ, что не поняла ее намека, и удержала молодую дѣвушку около себя.

— Чрезвычайно сожалѣю о несчастіи, постигшемъ сэра Джона,—начала гостя:—но я полагаю, что онъ еще можетъ спастись, и пріѣхала сказать вамъ объ этомъ.

— Весьма обязана вамъ,—отвѣчала хозяйка.

— Графъ Монмутъ, котораго я вчера видѣла, передавалъ мнѣ, что если сэръ Джонъ будетъ поддерживать обвиненіе противъ графа Шрусбери въ томъ, что онъ поддерживаетъ тайныя сношенія

съ королемъ Иаковомъ, то онъ выхлопочетъ для него прощеніе у короля.

— Я не припомню, чтобы сэръ Джонъ когда-либо обвинялъ графа Шрусбери въ этомъ. Можетъ быть, вы припомните,—обратилась лэди Марія къ молодой дѣвушкѣ.

— Я тоже не припомню,—рѣшительно отвѣчала Беатриса.

— Вотъ письмо, которое мнѣ далъ графъ Монмоутъ. Можетъ быть, вы передадите его сэру Джону?

Лэди Марія взяла письмо и, взглянувъ на него, сказала:

— Мнѣ кажется, что это совершенно свѣжій списокъ уликъ, противъ графа Шрусбери. Какъ вы думаете? — спросила она Беатрису.

— Вы правы. Всѣ эти обвиненія расчитаны, очевидно, на то, чтобы погубить графа.

— Я не могла бы подумать, что графъ Монмоутъ позволитъ себѣ прибѣгать къ такимъ низкимъ средствамъ, чтобы повредить своему противнику. Даже ради спасенія своей жизни сэръ Джонъ не приметъ участія въ этой интригѣ. Прошу вашу милость взять это письмо обратно.

— Вамъ придется пожалѣть о вашей запальчивости,—сказала герцогиня, подымаясь съ кресла.

Беатриса позвонила. Вошелъ слуга.

— Прикажете подать карету герцогини,—распорядилась лэди Марія.

— Карета уже подана.

Сдѣлавъ хозяйкѣ церемонный поклонъ, герцогиня быстро вышла изъ комнаты.

XXII.

Конецъ многихъ.

За послѣдній мѣсяцъ Лондонъ превратился въ настоящую бойню. То и дѣло казнили участниковъ якобитскаго заговора. Разрубленные члены ихъ тѣлъ были выставлены напоказъ по всему городу, а головы торчали на зубцахъ Темплъ-Бара. Отвратительное зрѣлище!

Въ Тайборнѣ было казнено около пятидесяти почтенныхъ обывателей, осужденныхъ по доносу шпионовъ, порядочные люди отказывались выступать противъ нихъ свидѣтелями. Прежде, чѣмъ жизнь окончательно покинула ихъ тѣло, звѣрскій палачъ съ своими помощниками принялись четвертовать ихъ.

Несмотря на лютыя муки, всѣ осужденные защищали изо всѣхъ силъ короля Иакова, котораго обвиняли въ наущеніи убить принца Вильгельма Оранскаго.

Капитанъ Чарнокъ также былъ признанъ виновнымъ, но смертный приговоръ не былъ еще приведенъ надъ нимъ въ исполненіе. Народное негодованіе противъ якобитовъ стало послѣ многочисленныхъ казней утихать, и несчастный капитанъ началъ уже надѣяться, что ему удастся спасти свою жизнь.

Узнавъ, что Чарнокъ еще живъ, Вальтеръ рѣшился немедленно навѣстить своего злосчастнаго друга въ Ньюгетской тюрьмѣ.

Не обращая вниманія на опасность, которой онъ подвергался, капитанъ направился прямо въ тюрьму. Назвавшись чужимъ именемъ и вручивъ тюремщику гиню, онъ безъ особаго труда добился доступа въ казематъ, гдѣ томился несчастный Чарнокъ.

Если принять во вниманіе страшныя обстоятельства, въ которыхъ находился капитанъ, то нужно признать, что онъ глядѣлъ сравнительно бодро. Онъ, казалось, не замѣчалъ своихъ тяжелыхъ цѣпей, и быстро поднялся съ мѣста, когда тюремщикъ ввелъ къ нему Вальтера.

— Васъ желаетъ видѣть мистеръ Дрейкотъ,—сказалъ онъ.

— Очень радъ васъ видѣть,—радостно сказалъ узникъ, узнавъ своего друга.

— Разъ вы не католическій священникъ, сэръ,—сказалъ тюремщикъ, обращаясь къ мнимому мистеру Дрейкоту:—то, я думаю, я могу васъ оставить наединѣ.

И онъ вышелъ изъ камеры.

— Какъ грустно мнѣ видѣть васъ въ такомъ положеніи, дорогой Чарнокъ,—началъ Вальтеръ.

— Грустно умереть смертью преступника,—отвѣчалъ узникъ.— Но какъ подумаешь, сколько достойныхъ людей подверглись той же участи, то пропадаетъ охота жаловаться. Давно вы пріѣхали сюда изъ Сень-Жермена?

— Всего три дня тому назадъ.

— Ахъ, если бъ я былъ теперь тамъ!—воскликнулъ Чарнокъ.— Не придется мнѣ больше увидѣть нашего добраго короля, за котораго я умираю!

— Не вернуть королю Іакову своего престола,—замѣтилъ Вальтеръ.—Я былъ недавно съ нимъ въ монастырѣ Ла-Трапизъ, и съ того времени онъ, кажется, разстался съ мыслями о земномъ величій.

— Ахъ, если бъ я такъ же могъ кончить свои дни въ этомъ монастырѣ! Я знаю сэра Станлея, который теперь тамъ.

— Я видѣлъ его. Не могу ли я сдѣлать что-нибудь для васъ?

— Благодарю васъ. Пусть ваша жизнь будетъ продолжительна и счастлива. Пусть Беатриса Тильдеслей будетъ вашей женой, если только она не уйдетъ въ монастырь.

— Беатриса сейчасъ въ Лондонѣ и живетъ у лэди Марин.

— Это очень пріятно. Боюсь, однако, что судьба сэра Джона рѣшена. Его можно спасти только при помощи какой-нибудь хитрости. Принцъ Оранскій ни въ какомъ случаѣ его не помилуетъ.

— Вѣроятно, такъ и будетъ, несмотря на героическія усилія его жены спасти его,—грустно замѣтилъ Вальтеръ.

— Не говорите ей объ этомъ. Не нужно отнимать у нея энергію. Ей и такъ придется бороться съ огромными трудностями.

— Да, и эти трудности почти непреодолимы,—произнесъ Вальтеръ.

— Свиданіе кончено,—сказалъ тюремщицъ, открывая дверь.

Друзья стали прощаться навѣки. Это прощаніе растрогало даже тюремщика, и по его морщинистымъ щекамъ скатились непривычныя слезы.

Узнавъ отъ Вальтера о всемъ происшедшемъ, полковникъ Тильдеслей понялъ, что онъ уже ничѣмъ не можетъ пригодиться ни лэди Фенвикъ, ни ея мужу. Его охватило неудержимое желаніе побывать во что бы то ни стало въ своемъ Майерскофѣ. Брать съ собою Беатрису ему не хотѣлось, онъ отправился верхомъ одинъ. Онъ тосковалъ по старинному дому, котораго не видалъ уже больше трехъ мѣсяцевъ, и заранѣе предвкушалъ удовольствіе вновь посѣтить эти мѣста, съ которыми его связывало столько воспоминаній.

Прежде, чѣмъ пуститься въ путь, онъ облачился въ костюмъ простаго крестьянина, рассчитывая, что его не узнаютъ въ такомъ видѣ. Но едва онъ сталъ приближаться къ Майерскофу, какъ ему начали попадаться навстрѣчу знакомые, которые кланялись ему, увѣряя его при этомъ, что они готовы скорѣе умереть, чѣмъ выдать его.

Отъ нихъ онъ узналъ, что Горнби попрежнему бережетъ домъ вмѣстѣ съ нѣкоторыми старыми слугами, которые еще живутъ въ Майерскофѣ. Эта новость ободрила его.

Полковникъ былъ уже вблизи дома, какъ вдругъ навстрѣчу ему показался Горнби. Старый дворецкій шелъ пѣшкомъ, направляясь, видимо, въ Бронъ. Увидѣвъ передъ собою всадника, онъ сразу узналъ въ немъ своего господина, несмотря на перемѣну костюма. Онъ вскрикнулъ отъ радости и сталъ цѣловать его колѣна.

— Умѣрь свою радость, милѣйшій Горнби,—сказалъ полковникъ.—Если насъ увидятъ, то я погибъ. Какъ хорошо, что ты попался мнѣ навстрѣчу. Можно войти въ домъ безопасно?

— Можно, можно,—засуетился дворецкій.— Не бойтесь ничего. Я устрою все такъ, что о вашемъ пріѣздѣ никто не узнаетъ.

— Я знаю, на тебя можно вполне положиться.

— Я отсюда никуда не выѣзжалъ, ваша милость,—продолжалъ вѣрный дворецкій.—Судя по тому, что вы говорите, я боюсь, что мое письмо не дошло до васъ.

— Я ничего не слышалъ о тебѣ цѣлые три мѣсяца,—сказалъ полковникъ.

— Въ такомъ случаѣ тутъ должна быть измѣна,—вскричалъ дворецкій.—Я послалъ вашей милости съ десятокъ писемъ и все удивлялся, что не получаю на нихъ никакого отвѣта.

— О чемъ же ты писалъ?—спросилъ полковникъ съ удивленіемъ.

— Я писалъ, что дѣло идетъ не такъ плохо, какъ кажется, и что вы можете возвратиться безопасно, какъ только пожелаете.

— Твои письма были, очевидно, задержаны, чтобы предупредить мое возвращеніе.

— Сказать по правдѣ, г. полковникъ, во Франціи для васъ будетъ безопаснѣе, чѣмъ здѣсь. Впрочемъ, мы всѣ очень рады вашему приѣзду, и вы найдете въ Майерскофѣ одного человѣка, котораго не ожидаете здѣсь встрѣтить.

— Отца Джонсона?

— Точно такъ.

— Я ничего не слыхалъ о немъ съ того времени, какъ онъ рѣшился бѣжать изъ Ньюгетской тюрьмы. Впрочемъ, я такъ и думалъ что онъ здѣсь.

— Онъ прибылъ сюда прямо изъ тюрьмы и до сихъ поръ тщательнѣе скрывается,—продолжалъ рассказывать дворецкій.—О пребываніи въ Майерскофѣ достопочтеннаго отца знаютъ только самыя надежныя слуги.

— Буду очень радъ его видѣть,—отвѣчалъ полковникъ.

Горнби шелъ рядомъ съ своимъ господиномъ до самыхъ воротъ парка. Не обращаясь къ привратнику, который, очевидно, принялъ всадника за простаго крестьянина, онъ отперъ самъ ворота и пропустилъ впередъ полковника.

Подѣхавъ къ дому, Тильдеслей слѣзъ съ лошади и приказалъ Горнби отвести ее въ конюшню и пока не говорить никому объ его приѣздѣ.

Медленно пошелъ онъ пѣшкомъ, наслаждаясь видомъ своего стариннаго гнѣзда. Никакихъ перемѣнъ онъ не замѣтилъ, все было попрежнему, только домъ казался печальнѣе, чѣмъ прежде. Тутъ только почувствовалъ онъ всю силу своей привязанности къ этому гнѣзду. Онъ понялъ, что умереть, если его принудятъ къ изгнанію.

Онъ еще продолжалъ оглядывать съ умиленіемъ родное пепелище, какъ дверь открылась и къ нему бросился отецъ Джонсонъ, который, очевидно, слѣдилъ за его приближеніемъ изъ оконъ верхняго этажа.

Войдя въ домъ, оба направились прежде всего въ церковь, гдѣ священникъ отслужилъ краткій благодарственный молебенъ.

Помолвившись, полковникъ вошелъ въ свою комнату и переоделся въ свой обычный костюмъ.

Никто изъ слугъ, кромѣ Горнби, не зналъ о его прибытіи. Но, спустившись въ залъ, полковникъ былъ встрѣченъ тамъ всей своей дворней, выразившей живѣйшую радость по поводу благополучнаго его возвращенія.

Поблагодаривъ ихъ за добрыя чувства, полковникъ вмѣстѣ съ отцомъ Джонсономъ направился въ бібліотеку. Здѣсь священ-

никъ пустился рассказывать, какимъ образомъ ему удалось бѣжать изъ тюрьмы.

— О моемъ присутствіи на собраніи въ гостиницѣ «Королевской головы» донесли три свидѣтеля—Портеръ, Пендерграссъ и Деларю. Поэтому я былъ арестованъ и, конечно, былъ бы казненъ, какъ государственный преступникъ, если бы не одинъ тюремщикъ—тайный католикъ. Съ большою опасностью для себя онъ далъ мнѣ возможность бѣжать. Одинъ изъ его друзей принесъ какъ-то вечеромъ широкое платье, которое тотъ передалъ мнѣ вмѣстѣ съ мѣховою шапкой. Нужно еще сказать, что предварительно тотъ же другъ успѣлъ передать мнѣ пилку, при помощи которой я освободился отъ своихъ оковъ. Въ Лондонѣ я пробылъ два дня, а затѣмъ бѣжалъ сюда, зная, что въ Майерскофѣ я буду въ полной безопасности.

— Вамъ повезло,—сказалъ полковникъ.—Ахъ, если бы и Чарпоку выпала такая же удача. Его только что казнили въ Тайборнѣ, и онъ умеръ героемъ.

— Я зналъ, что онъ способенъ на это,—промолвилъ священникъ.—Едва ли уцѣлѣетъ и сэръ Джонъ Фенвикъ.

— Лэди Марія прилагаетъ всѣ усилія, чтобы спасти мужа. Съ ней Беатриса и Вальтеръ.

— Я думалъ, что они въ Сентъ-Жерменѣ,—сказалъ священникъ:—и надѣялся, что ихъ бракъ наконецъ состоялся.

— Наоборотъ, до свадьбы имъ попрежнему далеко,—сказалъ полковникъ.—Объ ней ничего не будетъ, пока не рѣшится судьба бѣднаго сэра Джона.

Цѣлый день провели они въ домѣ и вышли въ паркъ, лишь когда совсѣмъ стѣмнѣло.

На слѣдующее утро полковникъ прямо изъ комнаты отправился въ церковь къ заутренѣ. Вся прислуга замѣтила, что онъ сталъ какъ-то серьезнѣе и набожнѣе. Послѣ завтрака онъ обошелъ весь домъ, подолгу останавливаясь передъ каждой вещью: онъ какъ бы прощался съ ними навѣки.

Вернувшись съ отцомъ Джонсономъ въ бібліотеку, полковникъ отперъ маленькій ларецъ и, вынувъ оттуда какой-то документъ, показалъ его отцу Джонсону.

— Вотъ мое завѣщаніе,—сказалъ онъ.—Я хочу познакомить васъ съ нимъ на случай, если что-нибудь со мною случится. Я оставляю Майерскофъ и все мое имущество Беатрисѣ, а душеприказчиками назначаю полковника Тоунлея и мистера Стандинша.

И онъ опять заперъ бумагу въ ларецъ.

Прошло нѣсколько дней.

Полковникъ проводилъ время большею частью въ молитвѣ и благочестивыхъ бесѣдахъ съ отцомъ Джонсономъ. Вечеромъ онъ гулялъ въ паркѣ, но никогда не выходилъ за границу своихъ владѣній.

Посѣщеніе монастыря Ла-Трапъ, видимо, произвело на него сильное впечатлѣніе. Хотя теперь онъ велъ жизнь отшельника, но никогда еще, повидимому, не былъ такъ счастливъ и спокоенъ и молился только о томъ, чтобы такъ же спокойно прошли и послѣдніе дни его жизни.

Прошла недѣля со времени пріѣзда полковника въ Майерскофъ. И вотъ однажды, когда оба бѣглеца сидѣли за завтракомъ, вбѣжалъ взволнованный Горнби и доложилъ, что прибылъ капитанъ Кросби, который въ ту же минуту на порогѣ явился и самъ. По лицу его видно было, что нехорошія вѣсти привезъ онъ съ собою.

Оба бѣглеца вскочили ему навстрѣчу, а Горнби отошелъ въ сторону, въ ожиданіи приказаній.

— Кажется, вы совершили длинный путь?—спросилъ полковникъ молодого человѣка.

— Я прямо изъ Лондона и не терялъ времени въ дорогѣ,— отвѣчалъ Вальтеръ.—Я явился, чтобы предостеречь васъ.

— Предостеречь отъ чего?—вскричалъ полковникъ.

Острая боль сжала его сердце.

— Намъ нельзя оставаться здѣсь?

— Вы подвергаетесь огромной опасности. Графъ Шрусбери узналъ, что вы вернулись сюда, и уже отправилъ капитана Бриджа съ его драгунами, чтобы арестовать васъ и отправить въ Ланкастерскую крѣпость. Но я опередилъ его. У васъ еще есть время бѣжать.

— Я не хочу бѣжать,—сказалъ полковникъ рѣшительнымъ голосомъ.—Я поклялся не разставаться больше съ Майерскофомъ и сдержу свое слово. Я буду сопротивляться.

— Но это безразсудно,—вскричалъ Вальтеръ.—Бриджъ ведетъ съ собою весь свой отрядъ.

— Все равно. Я сдѣлаю все, что въ моихъ силахъ.

— Въ такомъ случаѣ надо приготовиться поскорѣе къ защитѣ,—прошепталъ Горнби, выходя изъ комнаты.

— Я узналъ объ этомъ въ Лондонѣ три дня тому назадъ,— продолжалъ Вальтеръ,—и, убѣдившись, что мои свѣдѣнія вѣрны, поспѣшилъ сюда васъ предупредить. Если, однако, вы не хотите бѣжать, полковникъ, то лучше будетъ покориться.

— Я не хочу покоряться! Я скорѣе умру, чѣмъ позволю арестовать себя здѣсь. Но прежде, чѣмъ сдѣлать послѣднія свои распоряженія, я хочу отдать вамъ кое-что на храненіе. Вы знаете, кого это касается.

И, отперевъ ларець, полковникъ передалъ Вальтеру свое завѣщаніе.

Тотъ спряталъ его на груди.

— Я передамъ его Беатрисѣ,—промолвилъ онъ.

Между тѣмъ подъемный мостъ былъ уже поднятъ, и за нимъ поставлены три человѣка съ ружьями и пистолетами. Изъ-за моста ихъ совершенно не было видно.

Горнби распоряжался на дворѣ, дѣлая возможныя въ его положеніи приготовленія къ защитѣ. Къ несчастью, большинство слугъ были уволены, и онъ уже не могъ выставить такой отрядъ, какъ прежде. Но зато оставшіеся, вооружившись мушкетами, поклялись защищать полковника до послѣдней капли крови.

Горнби раздавалъ людямъ боевые припасы, а Вальтеръ размѣщаль ихъ на возможно удобныхъ мѣстахъ. Полковникъ, запершись въ церкви, вознесъ горячую молитву и исповѣдывался у отца Джонсона, который даровалъ ему полное отпущеніе грѣховъ.

— Теперь, что бы ни случилось,—воскликнулъ онъ:—я готовъ ко всему.

И онъ принялся уговаривать отца Джонсона, чтобы тотъ не выходилъ на дворъ и оставался все время въ домѣ.

— Если дѣло приметъ дурной оборотъ, вы можете еще бѣжать. Въ паркѣ въ прибрежныхъ кустахъ на этой сторонѣ рва вы найдете спрятанную лодку.

Подойдя къ мосту, онъ сказалъ Вальтеру, стоявшему на стражѣ вмѣстѣ съ Горнби:

— Дайте мнѣ ваше ружье. Если вы пустите его въ ходъ, то тѣмъ самымъ вы уничтожите прощеніе, дарованное вамъ принцемъ Оранскимъ. Удалитесь въ домъ. Здѣсь вы не можете ничего сдѣлать для меня.

Вальтеръ согласился неохотно и присоединился къ священнику, сидѣвшему въ главномъ залѣ.

Вскорѣ послышался стукъ копытъ. То подѣзжалъ Бриджъ со своимъ отрядомъ. Прошло нѣсколько секундъ, и около моста появилось нѣсколько дюжихъ драгунъ въ блестящихъ латахъ и каскахъ.

Подѣхалъ и капитанъ Бриджъ.

Узнавъ полковника, который стоялъ посреди двора, онъ предложилъ ему сдаться.

— Никогда бы я не повѣрилъ, что вамъ придетъ въ голову безумная мысль вернуться въ Майерскофъ,—закричалъ онъ.—Вы словно нарочно бросаете вызовъ правительству. Я посланъ для того, чтобы захватить васъ и доставить въ Ланкастерскую крѣпость.

— Не думаю, чтобы эта обязанность доставляла вамъ особое удовольствіе,—сказалъ полковникъ.

— Неужели вы настолько безумны, что рѣшаетесь сопротивляться!—вскричалъ Бриджъ.

— Несмотря на всю вашу силу, вамъ не удастся увезти меня отсюда.

— Увидимъ, —насмѣшливо размѣялся Бриджъ.

— Можетъ быть, это тебя остановитъ, —вдругъ крикнулъ чей-то голосъ изъ-за моста.

Грянулъ выстрѣлъ, и капитанъ Бриджъ упалъ съ лошади съ раздробленной головой.

Пораженные внезапной смертью своего начальника, солдаты сначала было растерялись, но затѣмъ быстро оправились и дали залпъ.

Горнби и стоявшіе за мостомъ остались невредимы, но полковникъ упалъ, раненый на смерть.

Услышавъ залпъ, Вальтеръ бросился изъ комнаты и съ помощью Горнби перенесъ полковника въ сѣни. Нѣсколько пуль просвистало мимо нихъ, но ни одна изъ нихъ не задѣла ни того, ни другого.

Полковника положили на полъ. Отецъ Джонсонъ наклонился надъ нимъ и сталъ читать отходную, приложивъ крестъ къ его губамъ. Слабымъ пожатіемъ руки раненый давалъ понять, что онъ узнаетъ своихъ друзей.

Черезъ минуту все было кончено, и лучший изъ ланкастерскихъ дворянъ отошелъ въ вѣчность.

Вальтеръ и отецъ Джонсонъ не могли оторвать взгляда отъ этого благороднаго лица, которое не измѣнило своего выраженія и послѣ смерти.

Вошелъ Горнби.

— Извините меня, господа,—сказалъ онъ.—Но вамъ незачѣмъ здѣсь оставаться. Моему благородному господину больше нечего бояться, но бѣда, если эти разъяренные драгуны захватятъ васъ здѣсь. Пощады никому не будетъ. Слѣдуйте за мною, и я незамѣтно перевезу васъ черезъ ровъ, а тамъ уже заготовлены для васъ лошади, на которыхъ вы можете унести къ куда угодно. Позвольте же мнѣ оказать вамъ эту услугу.

Втроемъ они быстро пустились къ той части рва, которая примыкала къ саду. Здѣсь они нашли плоскодонную лодку, на которой уже были перевезены на другую сторону слуги, женщины, нѣкоторый домашній скарбъ и лошади, о которыхъ говорилъ Горнби.

Черезъ минуту Вальтеръ и священникъ очутились на другомъ берегу и галопомъ скакали къ Престону, сопровождаемые Горнби и двумя слугами. Они неслись сломя голову и, нанявъ въ Престонѣ новыхъ лошадей, летѣли впередъ и ночью. Къ счастью, они никого не встрѣтили на своемъ пути и благополучно достигли Лондона.

Между тѣмъ голландскіе драгуны, ворвавшись, наконецъ, въ Майерскофъ, не нашли тамъ никого, на комъ можно было бы сорвать свой гнѣвъ. Они бросились грабить и тащить все, что было цѣннаго въ домѣ.

Тѣло хозяина они отнесли въ церковь и погребли тамъ.

На надгробной плитѣ не было никакихъ надписей, а значились лишь простыя слова: «вѣчный покой».

XXIII.

Гибель послѣдняго якобита.

Вечеромъ въ день прибытія въ Лондонъ Вальтеръ вмѣстѣ съ отцомъ Джонсономъ направились къ дому лэди Фенвикъ на Сентъ-Джемской площади передать подробности смерти полковника Тильдеслея.

— Не падайте духомъ, дитя мое,—утѣшалъ священникъ горько плакавшую Беатрису.—Полковникъ вполне приготовился къ смерти. Незадолго до своего конца онъ съ трогательной заботливостью говорилъ о васъ, выражая надежду, что Майерскофъ останется за вами. Я горячо молюсь, чтобы поскорѣе исполнилось его послѣднее желаніе.

— То же самое говорилъ полковникъ и мнѣ. Онъ просилъ меня сохранить его завѣщаніе, которымъ онъ оставляетъ вамъ все свое имущество.

— Онъ всегда относился ко мнѣ, какъ родной братъ,—промолвила Беатриса, едва удерживаясь отъ рыданій.

— Выѣзжайте поскорѣе изъ Лондона, капитанъ Кросби,—сказала лэди Марія.—Вы уже и такъ много сдѣлали для меня и моего несчастнаго мужа. Васъ, достопочтенный отецъ, я очень попросила бы остаться со мною,—обратилась она къ Джонсону.—Ваше присутствіе будетъ большимъ утѣшеніемъ для Беатрисы.

— Въ такомъ случаѣ, я остаюсь, будь что будетъ,—отвѣчалъ священникъ.

— Горнби я привезъ съ собою, ему нельзя было оставаться въ Майерскофъ,—сказалъ Вальтеръ.—Съ вашего позволенія я оставляю его здѣсь.

— Мнѣ онъ не нуженъ,—отвѣчала молодая дѣвушка.—Но я хотѣла бы его видѣть, если онъ здѣсь.

Позвали Горнби.

Лэди Марія, неоднократно бывавшая въ Майерскофъ, хорошо помнила этого вѣрнаго дворецкаго. Она приняла его милостиво. Беатриса подала ему руку, которую онъ крѣпко прижалъ къ губамъ.

— Я потерялъ своего дорогого господина, которому служилъ я еще мальчикомъ,—началъ Горнби прерывающимся отъ слезъ голосомъ.—Какъ бы я хотѣлъ, чтобы вы могли ѣхать сейчасъ же въ Майерскофъ, но придется нѣкоторое время подождать.

— Ты долженъ ѣхать со мной во Францію, Горнби,—сказалъ Вальтеръ.

— Во Францію, сударь?—съ изумленіемъ вскричалъ дворецкій.

— Да, въ Сентъ-Жерменъ, гдѣ ты увидишь короля Іакова, королеву и принца Уэльскаго.

Дворецкій съ недоумѣніемъ смотрѣлъ на свою новую госпожу.

— Я скоро приѣду туда сама,—сказала Беатриса.—А теперь я должна нѣкоторое время жить здѣсь съ лэди Фенвикъ. Вы когда ѣдете во Францію, Вальтеръ?

— Сегодня ночью. Мнѣ здѣсь дѣлать нечего, да и опасно медлить. Я сяду на корабль въ Сифордѣ. Послѣ ареста сэра Джона я не рискую показаться въ Нью-Ромни.

— Можетъ быть, вамъ лучше остаться здѣсь до завтра,—замѣтила лэди Марія.—Впрочемъ, вамъ лучше знать. Если бы мой мужъ не замѣшкался, онъ не былъ бы теперь въ Тоуерѣ.

Черезъ часъ послѣ этого разговора Вальтеръ вмѣстѣ съ Горнби ѣхали въ почтовой каретѣ въ Сифордѣ. Въ два часа утра они были уже на борту небольшого судна, направлявшагося въ Діеппъ. А на слѣдующій день къ вечеру они благополучно добрались до Сень-Жермена.

Вскорѣ послѣ возвращенія въ замокъ Вальтеръ Кросби, по желанію короля, принялъ фамилію Тильдеслей и былъ сдѣланъ баронетомъ. Король рѣшилъ, что свадьба Вальтера должна состояться въ Сень-Жерменѣ и по возможности безъ промедленія.

Сэру Вальтеру страстно хотѣлось отправиться въ Лондонъ за своей невѣстою, но король рѣшительно протестовалъ, не желая, чтобы молодой человѣкъ подвергалъ себя новымъ опасностямъ. Вальтеръ долженъ былъ ограничиться встрѣчею невѣсты въ Діеппѣ.

Королева написала Беатрисѣ письмо, въ которомъ просила ее немедленно вернуться къ ней. Хотя письмо было написано въ мягкихъ выраженіяхъ, но все-таки это было приказаніе. Передать его по назначенію поручено было Горнби, котораго долженъ былъ сопровождать особый служитель.

Горнби везъ съ собою и другое письмо—отъ Вальтера, который извѣщалъ свою невѣсту, что, по приказанію короля, онъ принялъ фамилію «Тильдеслей».

Какъ ни грустно было для лэди Фенвикъ разстаться съ близкимъ ей человѣкомъ, но приходилось все-таки отпустить Беатрису.

Переѣздъ въ Діеппъ совершился безъ всякихъ приключеній.

Увидѣвъ свою невѣсту, сэръ Вальтеръ горячо прижалъ ее къ своей груди—и оба они почувствовали, что прошли для нихъ дни горя и печали и наступилъ новый, счастливый періодъ.

Для будущей лэди Тильдеслей готовился сюрпризъ, о которомъ зналъ только Вальтеръ: въ Руанѣ ее встрѣтила королева съ принцемъ, прибывшіе сюда въ коляскѣ, запряженной четверкой. Ея величество встрѣтила свою фрейлину самымъ сердечнымъ образомъ и приказала ей пересѣсть въ ея экипажъ.

Немедленно по прибытіи въ Сень-Жерменъ Беатриса была принята королемъ. Іаковъ на этотъ разъ измѣнилъ себѣ, и его угрюмое холодное лицо просіяло.

На другой день пріѣхала m-me де-Ментенонъ поздравить Беатрису съ возвращеніемъ и съ помолвкою.

Свадьба Беатрисы состоялась на третій день послѣ ея возвращенія. Вѣнчалъ ихъ вѣрный спутникъ отецъ Джонсонъ въ присутствіи королевской семьи и всего двора. По окончаніи церемоніи королева горячо обняла Беатрису и надѣла ей на шею великолѣпную золотую цѣпь.

Сэръ Вальтеръ и лэди Тильдеслей оставались при Сенъ-Жерменскомъ дворѣ до 1699 года, когда ихъ имѣніе было возвращено имъ и они получили возможность, послѣ многолѣтняго изгнанія, вернуться въ родной Майерскофъ.

Горнби занялъ прежній постъ.

Первымъ дѣломъ новыхъ хозяевъ было поставить въ церкви надъ прахомъ полковника достойный его памятникъ.

Остается сказать нѣсколько словъ о судьбѣ злосчастнаго сэра Джона.

Благодаря исчезновенію Гудмана, у правительства не оказывалось второго свидѣтеля, требуемаго закономъ по дѣламъ о государственной измѣнѣ, и сэра Фенвика судъ долженъ былъ оправдать. Тогда правительство прибѣгло къ другому способу и внесло новый законъ о покушеніи на короля. Этотъ законъ встрѣтилъ сильную оппозицію въ обѣихъ палатахъ и лишь незначительнымъ большинствомъ голосовъ прошелъ въ палатѣ лордовъ. Правительство, разумѣется, поспѣшило его утвердить.

Уступая горячимъ мольбамъ лэди Маріи, король Вильгельмъ готовъ былъ уже простить ея мужа, но, къ несчастью, въ это дѣло вмѣшался графъ Шрусбери.

— Ваше величество,—говорилъ онъ.—Конечно, лэди Фенвикъ заслуживаетъ сожалѣнія, но, удайся только этотъ заговоръ, Англія заслуживала бы еще большаго сожалѣнія. Страна не только пролила бы слезы, какъ благородная лэди, но и обагрилась бы потоками крови лучшихъ своихъ гражданъ.

Эти соображенія поколебали короля, и онъ согласился оказать осужденному единственную милость: ему должны были отрубить голову на Тоуеръ-Хиллѣ.

Утромъ въ день казни сэръ Джонъ трогательно простился съ своей преданной женой.

— Прощай, моя дорогая. Я умираю, примиренный съ своею судьбой. Мнѣ жаль только разстаться съ тобою. Пусть кровь моя падетъ на голову моихъ враговъ, которые довели меня до этого. Я ожидалъ большаго милосердія отъ принца Оранскаго. Я пощадилъ его, когда онъ былъ въ моей власти.

Вошелъ майоръ Вентвортъ съ тюремщикомъ; хотя онъ не сказалъ ни слова, сэръ Джонъ понялъ, что его ведутъ на казнь.

Поцѣловавъ въ послѣдній разъ жену, упавшую въ обморокъ, онъ обернулся и твердо сказалъ:

— Я готовъ, г. майоръ.

У дверей его тюрьмы стояло нѣсколько аллебардистовъ и карета, въ которую ему предложили сѣсть. Затѣмъ весь кортежъ послѣдовалъ къ мѣсту казни.

У главныхъ воротъ Тоуера къ нимъ присоединился отрядъ стражниковъ, а у Бульварискаго выѣзда ихъ встрѣтилъ шерифъ, сопровождаемый своими копьеносцами.

На Тоуеръ-Хиллѣ былъ уже воздвигнутъ эшафотъ. По прибытіи кареты, его немедленно плотнымъ кольцомъ окружила конная гвардія. Впрочемъ, въ мѣрахъ предосторожности не было и надобности: зрителей было немного, да и тѣ держали себя очень робко.

Взойдя на эшафотъ, сэръ Джонъ вздрогнулъ, увидѣвъ плаху и стоящаго около нея палача въ маскѣ съ топоромъ въ рукѣ. Холодная дрожь пробѣжала по всему его тѣлу, но онъ быстро овладѣлъ собою и поклонился палачу.

Воцарилось глубокое молчаніе. Шерифъ объявилъ осужденному, что если онъ хочетъ сдѣлать какія-либо заявленія, то можетъ сдѣлать это сейчасъ же. Осужденный воспользовался этимъ разрѣшеніемъ и подошелъ къ рѣшеткѣ эшафота. Его благородная фигура возбудила общее удивленіе, къ которой примѣшивалось и замѣтное сочувствіе.

— Моя преданность родинѣ остается незапятнанной,—сказалъ онъ громкимъ голосомъ.—Я всегда старался удержать корону для законнаго наследника въ прямой нисходящей линіи.

Въ толпѣ поднялся шумъ. Но сэръ Джонъ не смутился и продолжалъ:

— Сердечно благодарю тѣхъ благородныхъ людей, которые отвергли несправедливый законъ о покушеніи, безъ котораго нельзя было погубить меня на плахѣ.

— Да благословитъ Богъ моего законнаго государя короля Іакова и возстановитъ Онъ его на престолѣ для блага народа, который не можетъ благоденствовать, пока не имѣетъ законнаго правительства.

Шерифъ тронулъ его за руку и объявилъ, что онъ запрещаетъ ему говорить далѣе на эту тему.

— Я кончилъ,—отвѣчалъ сэръ Джонъ.

Онъ упалъ на колѣни и сталъ молиться:

— Прими, Господи, духъ мой съ миромъ.

Отстранивъ приблизившагося священника, онъ нѣсколько секундъ молился молча. Затѣмъ онъ обнажилъ шею и положилъ голову на плаху.

Раздался глухой ударъ—и красивая голова упала на подмостки эшафота. Палачъ поднялъ ее и показалъ присутствовавшимъ.

Толпа ахнула и стала расходиться. Все было конечно.

К О Н Е Ц Ъ.

КНИЖНЫЯ НОВОСТИ

МАГАЗИНОВЪ

„НОВАГО ВРЕМЕНИ“

А. С. СУВОРИНА

(С.-Петербургъ, Москва, Харьковъ, Одесса, Саратовъ и Ростовъ н.-Д.)

«Книжныя Новости» магазиновъ «Новаго Времени» (ежемесячные списки вновь поступающихъ въ магазины «Новаго Времени» книгъ) выдаются въ магазинахъ и изъ шкафовъ А. С. Суворина на станціяхъ желѣзныхъ дорогъ бесплатно, пересылка въ теченіе года 25 коп. (можно марками).

Нижепоименованныя, а также и другія, находящіяся въ продажѣ русскія книги можно выписывать черезъ книжные шкафы А. С. Суворина на желѣзныхъ дорогахъ.

ВЪ МАѢ 1910 г. ПОСТУПИЛИ НОВЫЯ КНИГИ.

№ 5-й.

Богословіе.

Бончъ-Бруевичъ, В. Штудіи св. Писанія. Свободныя христіане. Духовныя свящцы. Старообрядцы. Спб. 1910. Ц. 2 р.

Коновниковъ, В. О значеніи христіанскаго подвижничества въ прошломъ и въ настоящемъ. Ч. 1 и 2-я. М. 1910. Ц. по 35 к.

Мейеръ, Ф. Христіанскіе ученіе о талмудѣ и Шульханъ-Арухъ. Вильна 1910. Ц. 25 к.

Рейнне, Н. Маріавиты. Спб. 1909. Ц. 50 к.
Соколовъ, И. Вопросъ о реформѣ календаря предъ судомъ православныхъ церквей Востока. Спб. 1910. Ц. 30 к.

Философія, психологія, логика.

Безантъ, А. Дхарма. Вступленіе. Раздѣленности. Эволюція. Добро и зло. Спб. 1910. Ц. 30 к.

Брандлеръ-Прагъ, И. Оккультизмъ. Руководство къ воспитанію оккультныхъ силъ въ человѣкѣ. Спб. 1910. Ц. 1 р.

Вагнеръ, В. Біологическія основанія сравнительной психологіи. Т. 1. Спб. 1910. Ц. 3 р.

Гейслеръ, А. Основныя ученія логики. Спб. 1910. Ц. 1 р. 50 к.

Лойко, Л. Къ пониманію историческаго процесса. М. 1910. Ц. 80 к.

Михновъ, С. О красотѣ. Юрьевъ. 1910. Ц. 40 к.

Петцольдъ, І. Введеніе въ философію чистаго опыта. Томъ 1-й. Определенность души. Спб. 1910. Ц. 2 р.

Радинъ, Е. Проблема пола въ современной литературѣ и большыя нервы. Спб. 1910. Ц. 40 к.

Смирновъ, И. Метафизическое ученіе о душахъ у Лейбница и Гербарта. Х. 1910. Ц. 75 к.

Чинскій, Ч. Страданія самоубійцы въ потустороннемъ мірѣ. Спб. 1910. Ц. 20 к.

Штирнеръ, М. Единственный и его достоинство. Спб. 1910. Ц. 2 р.

«Истор. вѣстн.», июнь, 1910 г., т. СХХ.

1/228

Словесность, исторія литературы, критика и библиографія.

Анцелесъ, І. Исторія русской литературы. В. 2-й. Поэмы и сказки Пушкина. Одесса. 1910. Ц. 35 к.
Витте, Софія. Леонидъ Андреевъ. Критическій очеркъ. Одесса. 1910. Ц. 25 к.
Гоголевскіе дни въ Москвѣ. М. 1910. Ц. 1 р. 50 к.
Замотинъ, И. А. П. Чеховъ и русская общественность. Варшава. 1910. Ц. 30 к.
Заозерскій, Н. А. С. Пушкинъ въ воспоминаніяхъ современниковъ и письмахъ. М. 1910. Ц. 1 р.

Ксимиловъ, Г. Обзоръ исторіи современной японской литературы 1868 — 1906. Спб. 1909. Ц. 1 р.

Стороженко, Н., проф. Очеркъ исторіи западно-европейской литературы. М. 1910. Ц. 1 р. 40 к.

Чеховская бібліотена. О Чеховѣ. Л. Авидова, П. Боборыкина, Г. Брандеса, В. Брендеръ, И. Вушинъ, И. Вьдоусовъ, М. Горькій, С. Елпатьевскій, Е. Карповъ и др. М. 1910. Ц. 1 р. 50 к.

Беллетристика, поэзія и драматическія произведенія.

Альга. Въ поискахъ ощущений. Дневникъ праздной женщины. Спб. 1910. Ц. 1 р.
Андреевъ, Л. Черныя маски. Спб. 1910. Ц. 50 к.
— Анфиса. Спб. 1910. Ц. 75 к.
Анненскій, И. Кипарисовый дарецъ. Вторая книга стиховъ. М. 1910. Ц. 80 к.
Аннуціо, Г. Полное собраніе сочиненій. Т. 12. Можетъ быть—да, можетъ быть—нѣтъ. М. 1910. Ц. 1 р. 50 к.
Бабинъ, В. Жизнь и смерть. Сборникъ прозы и стихотвореній. Ярославль. 1909. Ц. 85 к.
Бальмонтъ, И. Зѣбные цвѣты. М. 1910. Ц. 3 р.
Барзиловичъ, Г. «Студентъ-самоубійца». Сборникъ. Спб. 1910. Ц. 40 к.
Башинъ, В. Рассказы. Т. 3. Спб. 1910. Ц. 1 р. 25 к.
Бьернстерне-Бьернсонъ. Собраніе сочиненій. Т. 2-й. Одинъ разъ. Волосы Авессалома. Повѣсти. Спб. 1910. Ц. 1 р.
Бѣловичъ, И. Нѣсколько картинъ изъ кавказской войны и нравовъ горцевъ. Спб. 1910. Ц. 1 р.
Бѣльскій, С. Подъ кометою. Записки на камнѣ о гибели и разрушеніи земли. Спб. 1910. Ц. 75 к.
Вешнія воды. Литературно-общественный сборникъ. Книга 1-я. Спб. 1910. Ц. 1 р.
Вилли. Игривая жена. Романъ. Спб. 1910. Ц. 1 р. 25 к.
Въ тущобахъ Манчжури и нашихъ восточныхъ окраинъ. Сборникъ очерковъ, рассказовъ и воспоминаній военныхъ топографовъ подъ ред. М. Н. Левитскаго. Одесса. Спб. 1910. Ц. 3 р. 50 к.
Гедройць, С. Стихи и сказки. Спб. 1910. Ц. 2 р.
Герцинъ, А. Стихотворенія. Спб. 1910. Ц. 75 к.
Голландская Элеонора. Мужъ науки. Пам'яті Яся. Спб. 1910. Ц. 1 р.
Горнунгъ, Э. Мертвые молчатъ. Романъ. Спб. 1910. Ц. 1 р.
Гуцковъ, И. Урѣль Акоста. Трагедія въ 5 д. Спб. 1910. Ц. 50 к.
Гуцкинъ, А. Рассказы. Т. 1-й. Спб. 1910. Ц. 1 р.
Гэльсвортъ, Д. Человѣкъ изъ Девона. Спб. 1910. Ц. 50 к.

Еврейскій міръ. Сборникъ. Вып. 1. Спб. 1910. Ц. 1 р.

Жемчужниковъ, М. Стихотворенія за 1909 годъ. Спб. 1910. Ц. 50 к.

Захеръ-Мазохъ, В. Исповѣдь моей жизни. Спб. 1910. Ц. 1 р. 25 к.

Зноско-Боровскій, Е. Брейсеръ «Алмазь». Цусима. Оцены изъ войны. Спб. 1910. Ц. 50 к.

Иверъ, К. Сервелинкя. Романъ М. 1910. Ц. 1 р. 50 к.

Исканія. Сборникъ молодыхъ писателей. Спб. 1910. Ц. 25 к.

Кернеръ, Ю. По ту сторону смерти. Записки ясновидающей. Спб. 1910. Ц. 1 р.

Конаръ-Дойль, А. Покража плавовъ подводной лодки. М. 1910. Ц. 45 к.

Курпринъ, А. Рассказы. Т. 6-й. М. 1910. Ц. 1 р. 25 к.

Ленскій, В. Рассказы. Т. 1. М. 1910. Ц. 1 р.

Лермонтовъ, М. Полное собраніе сочиненій. Т. 1-й. Изданіе Импер. Акад. Наукъ. Ц. въ перелетѣ 1 р. По подпискѣ за пять томовъ 4 р. 50 к.

Литературно-художественные альманахи издательства «Шиповникъ». Книга 12-я. Спб. 1910. Ц. 1 р.

Любовная лирика XVIII вѣка. Съ біо-библиографическими примѣчаніями А. Веселовской, статьей барона Н. Врангеля «Женщина въ русскомъ искусствѣ XVIII в.» Спб. 1910. Ц. 2 р.

Маннъ, Т. Его Королевское Высочество. Романъ. М. 1910. Ц. 1 р. 50 к.

— Собраніе сочиненій. Т. 4-й. М. 1910. Ц. 1 р.

Нагродская, Е. Гявъ Дюниса. Спб. 1910. Ц. 1 р. 50 к.

Ножинъ, Е. Томъ 1-й. Рассказы. Ты, учителя Висѣлицы и др. Спб. 1910. Ц. 1 р. 50 коп.

Нѣгинъ, А. Мелочи жизни. Нѣжинъ. 1910. Ц. 1 р.

Пасхальный альманахъ. Ц. 20 к.

Писарева, Ю. Улыбки и слезы. Сборникъ рассказовъ и стихотвореній. Варшава. 1910. Ц. 95 ко.

Потанино, И. Сочиненія, т. 2-й. На дѣѣ ствительной службѣ. Спб. 1910. Ц. 1 р. 50 к.

Пшибышевскій, С. «День судный». Романъ. М. 1910. Ц. 1 р. 50 к.
 Решаль, А. Бракъ втроемъ. Романъ. М. 1910. Ц. 1 р.
 Роденбахъ, Ж. Миражъ. М. 1910. Ц. 1 р.
 Ростанъ, Э. «Шантеклеръ», пьеса въ 4 д. Спб. 1910. Ц. 50 к.
 Рудичъ, В. Стихотворенія, «Въ осенній полдень». Изданіе А. С. Суворина. Спб. 1910. Ц. 60 к.
 Рунавишниковъ, И. Diarium. Спб. 1910. Ц. 70 к.
 Семеновъ-Волжскій, С. Разказы, т. 1-й. Спб. 1910. Ц. 1 р.
 Свенцицкій, В. «Смерть», драма. «Пасторъ Реллигъ». Драма въ 3 д. М. 1910. Ц. 75 к.
 Сегардъ, А. Одинъ изъ семи смертныхъ грѣховъ. Романъ. Спб. 1910. Ц. 1 р. 20 к.
 Сенкевичъ, Г. Въ омутъ жизни. Ч. 2-я. Романъ. 1910. Ц. 80 к.
 Сологубъ, Ф. Собраніе сочиненій. Т. 5-й. Стихи. Спб. 1910. Ц. 1 р. 50 к.
 Становъ, И. Сатавогъ шаржъ. Гимнъ Анатѣѣ. Харьковъ. 1910. Ц. 33 к.
 Студія импрессионистовъ. Книга 1-я. Редакція Н. И. Кульбина. Спб. 1910. Ц. 1 р. 50 к.
 Стѣрова, Н. Интимныя страницы. Спб. 1910. Ц. 1 р.

Стѣрцевъ-Полиловъ, Г. Проснулась женщина. Повѣсти и разказы. Спб. 1910. Ц. 1 руб.
 Танъ, В. Колымскіе разказы. Спб. 1910. Ц. 1 р.
 — Восемь племенъ. Романъ. Спб. 1910. Ц. 1 р. 50 к.
 Фарреръ, К. Курильщичи опиума. Съ предислов. П. Люиса. 1910. Спб. Ц. 1 р.
 Формонъ, М. Красный поцѣлуй. Романъ. Спб. 1910. Ц. 1 р. 25 к.
 фонъ-Шамиссо, А. Петеръ Шлемиле. Чудесная исторія. Спб. 1910. Ц. 1 р. 25 к.
 Шапиръ, О. Въ бурные годы. Романъ. Спб. 1910. Ц. 2 р.
 — Роза Сарона. Повѣсть. 1910. Спб. Ц. 1 р.
 Шоломъ Алейкемъ, Дѣти «Черты». Кн. 2. М. 1910. Ц. 1 р.
 Шоу, Б. Трущобы. Пьеса. М. 1910. Ц. 1 р.
 Шульговскій, Н. «Аза». Историческая и религіозно-философская драма въ 4 д. и 7 карт. Спб. 1910. Ц. 1 р.
 Щегловъ, И. Новые разказы. Спб. Ц. 1 руб.
 Янубовичъ-Мельшинъ, П. М. Стихотворенія, Т. 1-й. Спб. Ц. 1 р. 50 к.
 Ѳedorовъ, А. Буруны. Разказы. М. 1910. Ц. 1 р. 25 к.

Исторія, біографія и археологія.

Афанасьевъ, Н. Современники. Альбомъ біографій. Т. 2-й. Спб. 1910. Ц. въ пер. 3 р. 85 к.
 Барсуковъ, Н. Жизнь и труды М. П. Погодина. Кн. 22-я. Спб. 1910. Ц. 3 р.
 Бенуа, А. Царское Село въ царствованіе Императрицы Елисаветы Петровны. Спб. 1910. Цѣна въ роскоши. перепл. 100 р.
 Воспоминанія И. И. Янжула о пережитомъ и видѣнномъ въ 1864—1909 гг. Вып. 1. Спб. 1910. Ц. 1 р.
 Документы, относящіеся къ послѣднимъ мѣсяцамъ жизни и кончинѣ въ Возѣ почивающаго Государя Императора Александра Павловича, оставшіеся послѣ смерти генералъ-вагенмейстера главнаго штаба Афанасія Даниловича Соломко, состоявшаго при особѣ Государя безотлучно 11 лѣтъ, съ 1814 по 1825 г. и нѣсколько писемъ, относящихся къ похоронамъ въ Возѣ почивающей Императрицы Елисаветы Алексѣевны. Въ текстѣ 15 рис. и 4 факсимиле писемъ. Спб. 1910. Ц. 1 р. 80 к., на лучшей бумагѣ 2 р. 50 к.
 Дьяконовъ, М. Очерки общественнаго и государственнаго строя древней Руси. Изд. 3-е. Спб. 1910. Ц. 2 р. 75 к.
 Задонская, Е. Выль XIX столѣтія (дѣтамъ моимъ). Томъ 5 й. X. 1910. Ц. 2 р. 50 к.
 Извлеченіе изъ устава Московскаго верховаго Вольшого Успенскаго Собора. М. 1910. Ц. 40 к.
 Морозовъ, Н. А. Письма изъ Шлиссельбургской крѣпости. Спб. 1910. Ц. 1 р. 20 к.

Назаревскій, В. Русская исторія. Т. 5-й. В. 2-й. 1855—1881. М. 1910. Ц. 50 к.
 Петровъ, В. Что такое деньги? Описаніе монетъ. Польскія монеты. М. 1910. Ц. 6 р.
 Петръ Великій въ его изреченіяхъ. Первая серія. О религіи. Петръ о себѣ самомъ и сподвижникахъ. Верховная власть, законы, учрежденія, судъ. Военное дѣло. О морскомъ дѣлѣ. Образованіе. Торговля и промышленность. Спб. 1910. Ц. 3 р.
 Поповъ, Н. Рукописи Московской Синодальной (Патріаршей) Библіотеки. Вып. 2-й. Симоновское собраніе. М. 1910. Ц. 1 р. 50 к.
 Пфлугъ-Гартунгъ. Всемирная исторія. Отъ Вѣнскаго конгресса до нашихъ дней (1815—1910). Спб. 1910. Цѣна за два тома въ переплетахъ 11 р.
 Пыпинъ, А. Мои замѣтки съ приложеніемъ статей: «Два мѣсяца въ Прагѣ» и «Вячеславъ Ганка» М. 1910. Ц. 2 р.
 Сборникъ Новгородскаго Общества любителей др.-вѣности. Вып. 3-й. Новгородъ. 1910. Ц. 1 р.
 Свѣчинъ, М. Сѣверо-западная граница Россіи въ различные эпохи и Выборгская губернія. Спб. 1910. Ц. 15 к.
 Слабченко, М. Малорусскій полкъ въ административномъ отношеніи. Одесса. 1909. Ц. 2 р.
 Смирновъ, А. Уроженцы и дѣятели Владимірской губ., получившіе извѣстность на различныхъ поприщахъ общественной пользы. Вып. 4. Владимірской губ. 1910. Ц. 75 к.

Соллертинскій, прот. Опыт исторической записки о состоянїи Спб. Духовной Академіи. По случаю 100 юбилея. Спб. 1910. Ц. 1 р.
Томилінъ, С. Грюнвальдская битва 1410 года. Вильна. 1910. Ц. 30 к.

Францовъ, В. Изъ переписки гр. Н. П. Румянцева. Матеріалы для исторїи славянской филологїи. Варшава. 1909. Ц. 30 к.
— Къ біографіи В. А. Мацѣевского. Ц. 40 коп.

Правовѣдѣніе, общественныя науки и публицистика.

Бентовинъ, Б. Торгующія тѣломъ. Очерки современной проституціи. Изд. 3. Спб. 1910. Ц. 1 р. 25 к.

Бернгейфъ, Ф. и колеръ, І. Гражданское право Германіи. Спб. 1910. Ц. 2 р. 50 к.
Бѣльскій, С. Новая земледѣльческая Россія, очерки землеустройства. Изд. 2. Спб. 1910. Ц. 1 р. 25 к.

Выборочныя дѣти, улучшение ихъ участи, проектъ измѣненія закона. Спб. 1910. Ц. 20 к.

Врачебно-полицейскій надзоръ за городской проституціей. Спб. 1910. Ц. 1 р.

Высоцкій, И. Сущность и значеніе русскаго націонализма. Рига. 1910. Ц. 20 к.

Гагенъ, В. Обязательное призваніе трудоспособныхъ бѣдныхъ въ Западной Европѣ. М. 1910. Ц. 60 к.

— Вродяга, нищія и бѣдняки въ Западной Европѣ. Спб. 1910. Ц. 50 к.

Гейнингъ, А. Задачи русской благотворительности въ Лондонѣ. Спб. 1910. Ц. 15 к.

Гессенъ, І. Узаконеніе, усмысленіе и выборочныя дѣти. Изд. 2-е. Спб. 1910. Ц. 1 р.

Залеманъ, Н. Лѣсной уставъ. Часть. 1-я. Спб. 1910. Ц. 4 р.

Назанскій, П. Отзывъ о диссертациі проф. Н. Н. Годубева: «Международныя административныя комиссіи XIX в.» Ярославль. 1908. Одесса. 1909. Ц. 50 к.

Наутскій, К. Размноженіе и развитіе въ природѣ и обществѣ. Киевъ. 1910. Ц. 1 р. 80 к.

Кноррингъ, Э. Пыткя опредѣлить хозяйственность эксплуатаціи желѣзной дороги. Забайкальская ж. д. 1906—1909. Иркутскъ. 1910. Ц. 1 р. 80 к.

Лаговъ, Н. Что такое Франція. Очерки современности. Спб. 1910. Ц. 1 р. 25 к.

Липранди, А. Нуженъ ли Россіи парламентаризмъ? Х. 1910. Ц. 60 к.

Мигулинъ, П. Возрожденіе Россіи. Экономическіе этюды. Х. 1910. Ц. 3 р.

Мирный переворотъ въ экономической жизни. Кооперация въ Великобританіи. М. 1910. Ц. 1 р.

Нагродскій, В. Хозяйственность въ желѣзнодорожномъ дѣлѣ. Ц. 50 к.

Назаровъ, Д. и Сабимовъ, Л. Уставъ лѣсной по изд. 1905 г. съ прод. 1906 и 1908 г. относящимися узаконеніями, иностр. правил. и цирку. Лѣсного Д-та и разъяснен. Правит. Сената 2 тома. Спб. 1910 г. Ц. 7 р.

О волостномъ писарѣ. Спб. 1910. Ц. 50 к.

Омь-Беръ. Къ «Вѣхамъ». Изъ современныхъ настроеній въ области философіи исторіи. Киевъ. 1910. Ц. 60 к.

Поповъ, П. Рѣчи. Томъ II. М. 1910. Ц. 2 р. 50 к.

Плевако, Э. Конституція и земскія учрежденія въ Китаѣ. Спб. 1910. Ц. 40 к.

Путерень, ванъ, М. Историческій обзоръ призванія выборочныхъ дѣтей и подкидышей и настоящее положеніе этого дѣла въ Россіи и другихъ странахъ. Спб. 1910. Ц. 4 р.

Сапелкинъ, В. Потребительныя и сельскохозяйственныя общества Россійской Имперіи. Спб. 1910. Ц. въ пер. 5 р.

Труды юридическаго общества при Императорскомъ Спб. университетѣ. Т. 1-я. Спб. 1910. Ц. 2 р.

Фрейтагъ-Лоринговень, А. Наслѣдованіе въ крестьянской недвижимости по германскому праву. Томъ 1-й. Юрьевъ. 1910. Ц. 2 р.

Фриче, В. Отъ Чернышевскаго къ «Вѣхамъ». М. 1910. Ц. 40 к.

Чамберлэнъ, Г. Евреи, ихъ происхожденіе и причины ихъ вліанія въ Европѣ. Изд. 5-е. А. С. Суворина. 1910. Ц. 1 р.

Чупровъ, А. Ученые труды. Т. 2-я. В. 1-я. Курсъ статистики. М. 1910. Ц. 1 р.

Шараповъ, С. Что дѣлать съ Финляндіей. М. 1910. Ц. 30 к.

Энгель, Г. Очеркъ теоріи общества и права. Спб. 1910. Ц. 50 к.

Искусство.

Бобринскій, А. Гр. Народныя русскія деревянные издѣлія. Предметы домашняго хозяйственнаго и отчасти церковнаго обихода. В. 1-я. М. 1910. Ц. 2 р. 50 к.

Врангель, Н. Ворисовъ-Мусаловъ. Біографическій очеркъ. Спб. 1910. Ц. 1 р. 25 к.

Ивановъ, М. Исторія музыкальнаго развитія Россіи. Т. 1-я. Спб. Ц. 3 р.

Лисицынъ, М. О древнихъ и новыхъ пѣснопевцахъ. Историческій очеркъ. Спб. 1910. Ц. 30 к.

— О новомъ направленіи въ русской церковной музыкѣ. М. 1909. Ц. 50 к.

Преображенскій, А. Очеркъ исторіи церковнаго пѣнія въ Россіи. Спб. 1910. Ц. 60 к.

Естествознаніе и математика.

- Броуновъ, П. Курсъ физической географіи. Спб. 1910 г. Ц. 4 р.
- Гертвигъ, О. Развитие и наследственность. Основные и спорные вопросы биологіи. Спб. 1910. Ц. 70 к.
- Грядущая гостья. Къ встрѣчѣ кометы Галлея съ землей. М. 1910. Ц. 5 к.
- Дюгамъ, П. Физическая теорія. Ея цѣль и строеніе. Спб. 1910. Ц. 2 р.
- Клейнпетеръ, Г. Теорія познанія современного естествознанія. Спб. 1910. Ц. 1 р. 25 к.
- Клейтъ, Г. Астрономическіе вечера. Очерки изъ исторіи астрономіи. М. 1910. Ц. 1 р. 25 к.
- Колянковскій, Д. Двѣ теоремы Гюльдена о вычисленіи поверхностей и объемовъ тѣлъ, полученныхъ отъ вращенія плоскихъ фигуръ около оси, лежащей въ плоскости фигуры. Киевъ. 1910. Ц. 10 к.
- Комета Галлея и что она видѣла на землѣ 24 раза. М. 1910. Ц. 20 к.
- Красновъ, А. Лекціи по ботаникѣ. X. 1910. Ц. 3 р.
- Лоренцъ, Г. Элементы высшей математики. Томъ 1-й. М. 1910. Ц. 3 р.
- Менделѣевъ, Д. Попытка химическаго пониманія мірового эфира. Спб. 1910. Ц. 40 к.
- Морозовъ, М. Что можетъ принести намъ встрѣча съ кометой? М. 1910. Ц. 50 к.
- На границѣ невѣдомаго. М. 1910. Ц. 1 р.
- Самно, А. Великая философская гипотеза. Одесса. 1910. Ц. 30.
- Субботинъ, Н. Исторія кометы Галлея. Спб. 1910. Ц. 1 р.
- Томашевичъ, В. Новыя теоремы и формулы, рѣшающія вопросъ о статической неопредѣленности въ строительной механикѣ. Спб. 1909. Ц. 1 р. 50 к.
- Флоровскій, Н. Начала механики по Генриху Гертцу. Спб. 1910. Ц. 75 к.
- Четвериковъ, Н. Относительность движенія и начало наименьшаго дѣйствія въ природѣ. 1910. Ц. 50 к.

Географія, этнографія, антропологія, путешествія.

- Иллюстровъ, І. Жизнь русскаго народа въ его пословицахъ и поговоркахъ. Сборникъ русскаихъ пословицъ и поговорокъ. Спб. 1910. Ц. 3 р. 50 к.

Сельское хозяйство и домоводство.

- Беттнеръ, І. Садъ и огородъ. В. 4-й Разведеніе плодоваго сада. М. 1910. Ц. 45 к.
- Борисова, В. Поваренная книга для небогатыхъ хозяевъ. Тула. 1910. Ц. 1 р.
- Зарисенъ. Домашняя химія. Спб. 1910. Ц. 20 к.
- Елмъ, И. Какъ ухаживать за огородами и парниками. М. 1910. Ц. 15 к.
- Ершовъ, С. Справочная книга земледѣльца. Ч. 1-я. Ц. 50 к. Ч. 2-я. Ц. 40 к.
- Малантаръ, А. Приготовленіе сыровъ въ мелкомъ хозяйствѣ и домашнемъ быту. Спб. 1910. Ц. 40 к.
- Нузминская, Т. Вегетаріанскій столъ. Изд. 4-е. А. С. Суворина. 1910. Ц. 40 к.
- Пасхальный столъ по рецептамъ прабабушекъ и современнымъ источникамъ. Спб. 1910. Ц. 60 к.
- Попова, Л. Пасхальный столъ. Люблинъ. 1910. Ц. 65 к.
- Сборникъ статей по сельскому хозяйству Саратовской губ., съ огдѣломъ саравчаныхъ и календарныхъ свѣдѣній на 1910 г. Ц. 50 к.
- Уварова-Дюбуа, М. Кухарка за повара. Полная поваренная книга. Спб. 1910. Ц. въ пер. 1 р. 50 к.
- Шваллахъ, А. Лѣсная политика, политика охоты и рыболовства. Спб. 1910. Ц. 3 р.
- Шмидтъ, С. Нужнѣйшія свѣдѣнія для хозяекъ, съ прибавленіемъ поваренной книги для средняго стола. М. 1910. Ц. 80 к.

Торговля и промышленность. Счетоводство.

- Масальскій, В. Хлопководство, орошеніе государственныхъ земель и частная предпринимчивость. Спб. 1910. Ц. 1 р.
- Саханскій, В. Очеркъ Амурской области въ связи съ грузооборотомъ проектируемой Средне-Амурской жел. дор. Спб. 1909. Ц. 5 р.
- Усовъ, И. Полный курсъ основной бухгалтеріи для самообразованія и коммерческихъ училищъ. Теорія и практика. Спб. 1909. Ц. 3 р.

Технологія, строительное и инженерное искусства. Ремесла

- Абрамовскій, в. Современное воздухоплавание. I. Управляемые шары или «дирижабли». Ихъ теорія, устройство, полеты и значение въ прогрессѣ человечества. Варшава. 1910. Ц. 1 р. 15 к.
- Барцъ, Э. Орошение въ долинѣ рѣки Мургаба и Мургабское Государево имѣніе. Спб. 1910. Ц. 3 р.
- Берне, а. Воздушный путь. Введеніе къ изученію воздухоплаванія. Спб. 1910. Ц. 2 р.
- Бодри-де-Сонье, л. Воздухоплаваніе и авіація. Киевъ. 1910. Ц. 2 р.
- Вальтеръ, К. и Реттингеръ, м. Техническая термодинамика. Спб. 1910. Ц. 90 к.
- Гиргенсонъ, г. Какъ построить дешевой каменный особнякъ для одного семейства. Спб. 1910. Ц. 40 к.
- Графининъ, г. Аэропланы, конструкція новейшихъ системъ аэроплановъ и двигателей. Спб. 1910. Ц. 60 к.
- Долговъ, н. Воряба со снѣгомъ на русскихъ желѣзныхъ дорогахъ. В. I. Екатеринбургъ. 1909. Ц. 5 р.
- Золотаревъ, л. Описание гальванической машины съ вращающимися элементами и съ постояннымъ равномернымъ сильнымъ гальваническимъ токомъ. М. 1910. Ц. 1 р.
- Критина аэроплановъ. Ansbert Vorreiter. Харьковъ. 1910. Ц. 30 к.
- Margmis, l. Теорія аэроплана. К. 1910. Ц. 90 к.
- Махаевъ, в. Необходимѣйшія въ сельскомъ быту ремесла. (Корзиночное, столярно-плотничное, малярное и проч.) Спб. 1910. Ц. 40 к.
- Мегаде, а. Техническое черченіе. Спб. 1910. Ц. 80 к.
- Орловскій, н. Воздухоплаваніе безъ техническихъ объясненій. Спб. 1910. Ц. 80 к.
- Поварининъ, г. Основы хромового дубленія. (Опытъ примѣненія теоріи коллоидовъ къ производству хромодубленой кожи). Спб. 1910. Ц. 3 р.
- Реевскій, Р. Къ вопросу о шлюзованіи части рѣки Сѣвернаго Донца и улучшенія условій плаванія въ части рѣки Дона ниже впаденія рѣки Сѣвернаго Донца. Спб. 1910. Ц. 50 к.
- Смирскій, н. Спутникъ слесаря и токаря по металлу. Спб. 1910. 50 к.
- Takiel L. Теорія несущихъ поверхностей аэроплана. М. 1910. Ц. 1 р.
- Толле, м. Регулированіе двигателей. Расчетъ и построение моховиковъ, уравнивъ шиванія масть и регуляторовъ двигателей. Спб. 1910. Ц. 2 р.
- Ушановъ, а. Испытаніе индикаторныхъ пружинъ. X. 1910. Ц. 40 к.
- Файнбергъ, г. Очеркъ развитія перепускныхъ клапановъ. Харьков. паровозостроит. завода. X. 1910. Ц. 25 к.
- Францусъ, г. Способы нахождения подпочвенной воды. Спб. 1910. Ц. 60 к.
- Хайремъ, м. Естественное и искусственное воздухоплаваніе. Спб. 1910. Ц. 1 р. 25 к.
- Эвальдъ, в. Строительные матеріалы, ихъ приготовленіе, свойства и испытанія. Спб. 1910. Ц. 3 р.

Медицина, гигиена, анатомія, физиологія и хирургія. Ветеринарія.

- Абастуманъ, какъ курортъ и дачное мѣсто. Тифлисъ. 1910. Ц. 20 к.
- Анохинъ, а. Новая система. Здоровье — сила. Спб. 1910. Ц. 40 к.
- Божовскій, в. Краткій курсъ анатоміи и физиологіи нервной системы и органовъ чувствъ, какъ введеніе въ психологію. Тифлисъ. 1910. Ц. 75 к.
- Вгиск, с. Серодіагностика сифилиса. Спб. 1910. Ц. 2 р.
- Внуковъ, н. Лечение бугорчатки легкыхъ смѣсю керосина съ эозромъ. Троицкъ. 1910. Ц. 40 к.
- Гданскій, л. Лечение кефиромъ. Спб. 1910. Ц. 30 к.
- Климатолечение. Спб. 1910. Ц. 30 к.
- Городищъ, с. Катетеризація мочеточниковъ. Современная техника и лечебное примѣненіе. Спб. 1910. Ц. 2 р. 80 к.
- Зиновьевъ, а. Освидѣтельствованіе душевно-больныхъ. Спб. 1910. Ц. 30 к.
- Канювскій, в. Старая Русса и ея курортъ. Спб. 1910. Ц. 1 р.
- Карицкій, а. Пища ребенка какъ источникъ здоровья и силы человѣка (дѣтство, отрочество, юность). Настольная книга для матерей. В. I. Киевъ. 1910. Ц. 1 р. 75 к.
- Моневниковъ, а. Курсъ первыхъ болѣзней. Изд. 5. М. 1910. Ц. 2 р.
- Мурдимовскій, е. Краткій курсъ патологической гистологии женской половой сферы. Спб. 1910. Ц. 2 р. 80 к.
- Лебедевъ, н. Врожденная косожачность и ея леченіе. Спб. 1910. Ц. 1 р. 75
- Лозинскій, а. Кеммертъ. Путеводитель для врачей и больныхъ. Спб. 1910. Ц. 25 к.
- Малюгинъ, е. Волъзни уха и носа, ихъ леченіе. М. 1910. Ц. 3 р.
- Навяжскій, г. Краткое руководство по акушерству. Спб. 1910. Ц. 1 р. 50 к.
- Патологія и терапія. Спб. 1910. Ц. 1 р.
- Отечественные и заграничные курорты, санаторіи и кумысолечебницы. М. 1910. Ц. 40 к.
- Рамарана тогъ, Гата Юга. Ближе къ природѣ! Тайны индусовъ о здоровомъ чловѣкѣ. Спб. 1910. Ц. 1.
- Рауберъ, а. Руководство анатоміи чловѣка. Томъ IV. Внутренности. Юрьевъ. 1910. Ц. 7 р. 20 к.

Sonnenburg, E. Краткое руководство по десмургии. Харьков. 1910. Ц. 1 р. 10 к.
 Stimpfrell, A. Учебникъ частной патологии и терапіи внутреннихъ болѣзней. Т. 1-й. X. 1910. Ц. за два тома по подпискѣ 8 р.
 Троицкій, И. Ученіе о дѣтскихъ болѣзняхъ. В. 1-й. X. 1908. Ц. 1 р. 25 к.

Фаррингтонъ, Е. Клиническая фармакологія. Одесса. 1910. П. 6 р.
 Фрильдъ, С. Сборникъ дешевыхъ рецептовъ съ терапевтическими указаціями. Спб. 1910. Ц. 1 р.
 Шниреръ, М. Терапевтический справочникъ. Спб. 1910. Ц. 1 р.

Военное и морское дѣло.

Блюзе, Р. Японская армія въ 1908 г. Спб. 1910. Ц. 90 к.
 Зандеръ, А. Взаимопомощь въ арміи. Спб. 1910. Ц. 90 к.

Шварцъ фонъ. Вліяніе борьбы за Портъ-Артуръ на устройство крѣпостей. Спб. 1910-Ц. 2 р. 50 к.

Воспитаніе и обученіе. Учебныя руководства.

Алексѣевъ, В. Общія коммерческія свѣдѣнія и вычисленія для 4-хъ клас. гор. учил. М. 1908. П. 35 к.
 — Учебникъ коммерческой бухгалтеріи. М. 1910. Ц. 45 к.
 — Учебникъ разумной математики. Ц. 1 р. 20 к.
 Больдтъ, Р. Организованное изслѣдованіе родины въ Финляндіи. Спб. 1910. П. 20 к.
 Брандъ, Я. Самоучитель китайскаго разговорнаго языка по методу Гуссана и Лангеншейдта. Ч. 1-я. Пекинъ. 1909. Ц. 4 р. 50 к.
 Волковичъ, В. Другъ человѣчества Н. И. Пироговъ. Спб. 1910. Ц. 40 к.
 Гласовъ, А. Забѣтки по русскому языку. Спб. 1910. Ц. 15 к.
 Гольденъ, Е. Что необходимо знать каждому. Міръ фактовъ. Астрономія. Физика. Метеорологія. Химія. Геологія. Краткое зна-
 коство съ природою. Спб. 1910. Ц. 1 р. 50 к.
 Декоппель, А. Проповѣди для дѣтей. Вып. 2-й. Рига. 1910. Ц. 85 к.
 Долговъ, А. Сборникъ геометрическихъ упражненій и задачъ. М. 1910. Ц. 30 к.
 Дюньинъ, И. и Новиковъ, А. И. А. Крыловъ. Біографія и разборъ его главныхъ произведеній. Спб. 1910. Ц. 30 к.
 Ерошенко, И. Русская грамматика и письменныя упражненія по программѣ назшихъ классовъ средней школы. В. 1. Одесса. 1910. Ц. 57 к.
 Кечедни-Шопаловъ, М. Коммерческій университетъ для всѣхъ. Указатель книгъ по всѣмъ отраслямъ коммерческихъ знаній. Спб. 1910. Ц. 50 к.
 Ковалевскій, П. Проф. Національное воспитаніе и образованіе въ Россіи. Спб. 1910. Ц. 50 к.
 Колесниковъ, М. Полныя рѣшенія и объясненія всѣхъ геометрическихъ задачъ Н. Рыбкина. ч. 2 в. 1. Стереометрія. Спб. 1910. Ц. 1.
 Константеръ. Біографія. Литературная дѣятельность М. Ломоносова. Д. Фонвизина. Н. Карамзина. И. Крылова. В. Жуковскаго. А. Грибоедова. А. С. Пушкина и Н. Гоголя. Спб. 1910. Ц. 60 к.

Конспектъ русской исторіи по учебнику К. Елпатьевскаго съ приложеніемъ хронологической и двухъ родословныхъ таблицъ. Одесса. 1910. Ц. 30 к.
 Красногорскій, П. Для пересказа. Сборникъ разсказовъ и описаній (съ примѣненными планами). Книжка 1-я. Спб. 1910. Ц. 35 к.
 — Тоже. Вып. 2. Спб. 1910. Ц. 35 к.
 Кульманъ, Н., Шохоръ-Троицкій, С. и др. Методы первоначальнаго обученія. Ч. 1-я. Русский языкъ. Начальная математика. Новые языки и Исторія. М. 1910. Ц. 1 р. 60 к.
 Левитусъ, Д. Курсъ-элементарной алгебры. Ч. 1-я. М. 1910. Ц. 50 к.
 Маннавъевъ, А. Начертательная геометрія съ дополненіемъ теоріи тѣней и свѣдѣній о проецирющихъ: косоугольной, изометрической и горизонтальной, съ отбѣтками. Спб. 1910. П. 3 р.
 Маргель, Ф. Быстрый счетъ правила и упражненія для учащихся въ низшихъ и среднихъ учебныхъ заведеніяхъ. Спб. 1910. Ц. 25 к.
 Масловъ, П. Сборникъ задачъ по геометріи, предлагавшихся на конкурсныхъ экзаменахъ въ высшихъ спеціальныхъ учебныхъ заведеніяхъ въ 1908—9 гг. съ полными рѣшеніями. Спб. 1910. Ц. 1 р. 15 к.
 Мейманъ, Э. Лекціи по экспериментальной педагогіи. Ч. 3-я. М. 1910. Ц. 1 р. 25 к.
 Мрочень, В. и Филипповичъ, Ф. Педагогика математики. Т. 1-й. Спб. 1910. Ц. 1 р. 50 к.
 Овсяннико-Куликовскій, Д. Учебникъ русской грамматики. Спб. 1910. Ц. 35 к.
 Одиннадцатая книжка педагогической психологіи. Подъ ред. А. П. Нечаева. Томъ 3-й. Спб. 1910. Ц. 70 к.
 Пабстъ, А. Практическое воспитаніе. М. 1910. Ц. 25 к.
 Pachalety, A. Anthologie des prosateurs et des poètes français du XIX siècle. Odessa. 1910. Ц. съ вокабуляріемъ 1 р. 55 к.
 Перовъ, М. Сборникъ ариметическихъ задачъ для устнаго рѣшенія. М. 1910. Ц. 15 к.
 Писнуновъ, И. Отдѣлъ словесности. О темѣ, планѣ и сочиненіи. Онѣгинъ и Печеринъ. Саратовъ. 1910. Ц. 25 к.

Прияшниковъ, Д. По высшимъ агрономическимъ школамъ Европы. М. 1910. Ц. 30 к.
Рашевскій, К. Краткій курсъ геометріи. М. 1910. Ц. 50 к.

Ройтманъ, Д. Курсъ элементарной геометріи. М. 1910. Ц. 1 р. 40 к.

— Последствіе къ курсу геометріи. М. 1910. Ц. 7 к.

Стратоновъ, Е. Текущіе вопросы начальнаго образованія и низшей школы. М. 1910. Ц. 50 к.

Страховъ, Н. Очеркъ исторіи философіи съ древнѣйшихъ временъ философіи до настоящаго времени. Х. 1910. Ц. 70 к.

Тулуловъ, Н. и Шестановъ, Л. Забѣты школы. М. 1910. Ц. 15 к.

Книги для дѣтей и юношества.

Богдановъ, М. Мірскіе захребетники, очерки изъ быта животныхъ, селящихся около человека. Спб. 1910. Ц. 1 р.

Буснахъ, В. Маленькій господинъ. Разсказъ для дѣтей. М. 1910. Ц. 40 к.

Вагнеръ, Г. Въ полѣ и на лугу. Разсказы о разныхъ животныхъ, растеніяхъ и камняхъ. Спб. 1910. Ц. 65 к.

Вальтеръ, В. Царствѣ природы. Книга 1 я. М. 1910. Ц. 65 к.

Величина, В. Другъ дѣтей. Спб. 1910. Ц. 20 к.

Веселыя занятія и забавы. М. 1910. Ц. 20 к.

Волнова, Е. Князь Михаилъ Скопинъ-Шуйскій. Историческій разсказъ. Спб. 1910. Ц. 25 к.

— Петръ Васмановъ. Историческій разсказъ. Спб. 1910. Ц. 20 к.

Гольцеваѣ Н. Труды и подвиги Миклухи-Маклая. М. 1910. Ц. 20 к.

Горбуновъ-Посадовъ, И. Жить—любови служить. Сборникъ былей и стихотвореній. М. 1910. Ц. 25 к.

— Освободители первыхъ рабовъ. М. 1910. Ц. 40 к.

Для маленькихъ людей. Картинки Е. Вемъ, съ разсказами и стихами. М. 1910. Цѣна 1 р. 20 к., въ пакѣ 1 р. 45 к.

Дудоровъ, П. Скитанія Егорки. Повѣсть. М. 1910. Ц. 20 к.

— Золотые дни. Разсказы. М. 1910. Ц. 75 к.

— Золотая медаль. Разсказы. М. 1910. Ц. 50 к.

Заринъ, А. Лукашка-маларь. Повѣсть. М. 1910. Ц. 30 к.

— Скопинъ-Шуйскій. Истор. повѣсть. Ц. 65 к.

Игра и трудъ. № 2. Физическіе опыты для дѣтей. М. 1910. Ц. 50 к.

— Тоже. № 3. Электрическій звонокъ. Спб. Ц. 25 к.

— Тоже. № 4. Змѣя и воздушный шаръ. Спб. 1910. Ц. 40 к.

Избранныя сочиненія В. А. Жуковскаго

съ краткимъ біографич. очеркомъ и портретомъ. М. 1910. Ц. 35 к.

Ильина, М. Антошка. Повѣсть изъ временъ крѣпостнаго права. М. 1910. Ц. 40 к.

Кругловъ, А. Лѣсные люди. Очерки и впечатлѣнія. М. 1910. Ц. 1 р.

— Сильная рука. Разсказъ для дѣтей. Ц. 25 к.

Литвиненко, П. Въ лѣтній день. Разсказы для дѣтей. М. 1910. Ц. 25 к.

Мицловъ, С. Собраніе сочиненій, т. 1-й. Спб. 1910. Ц. 2 р.

Новикова-Зарина, Е. Три друга. Повѣсть. М. 1910. Ц. 50 к.

Новичъ, Н. Женихи индійской принцессы. Фантастическая пьеса для юношества въ 2 д. съ пѣніемъ. Спб. 1910. Ц. 50 к.

Остерманъ, А. На пути къ славѣ. Повѣсть для дѣтей старшаго возраста. Спб. 1910. Ц. 50 к.

Перро, Ш. Снятая борода. Сказка. Рисунки С. Плошинскаго. Изданіе А. С. Суворина. Спб. 1910. Ц. въ пакѣ 1 р. 75 к.

Портъцій, С. Давайте работать. В. 2. Столярныя работы. Ц. 60 к.

— Тоже. Вып. 3-й. Слесарныя, токарныя и другія работы по металлу. М. 1910. Ц. 80 к.

Робертсъ, Ч. Домъ въ водѣ. Разсказъ изъ жизни бобровъ. М. 1910. Ц. 25 к.

Рубанинъ, Н. Гибель корабля «Гроветоръ». Спб. 1910. Ц. 50 к.

Сандрильона, по-русски Золушка. Дѣтская комедія въ 3 д. М. 1910. Ц. 20 к.

Сетонъ-Томпсонъ, Э. Жизнь сѣраго медвѣдя. М. 1910. Ц. 35 к.

Соломинъ, Е. За работу! Работы по дереву. Кн. 1-я. Работы ножомъ. М. 1910. Ц. 15 к.

Шиле, А. Волга и ея значеніе для Россіи. М. 1910. Ц. 15 к.

Эллиотъ, Д. Золотые кудри. Повѣсть. М. 1910. Ц. 65 к.

*) Изданіе А. С. Суворина.

ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ

ЖУРНАЛЪ

„ИСТОРИЧЕСКІЙ ВѢСТНИКЪ“.

Подписная цѣна за 12 книгъ въ годъ **десять** рублей съ пересылкой и доставкой на домъ.

Главная контора въ Петербургѣ, при книжномъ магазинѣ „**Новаго Времени**“ (А. С. Суворина), Невскій просп., д. № 40. Отдѣленія главной конторы въ **Москвѣ, Харьковѣ, Одессѣ, Саратовѣ и Ростовѣ на Дону** при книжныхъ магазинахъ „**Новаго Времени**“.

Программа „**Историческаго Вѣстника**“: русскія и иностранныя (въ дословномъ переводѣ или извлеченіи) историческія, бытовыя и этнографическія сочиненія, монографіи, романы, повѣсти, очерки, рассказы, мемуары, воспоминанія, путешествія, біографіи замѣчательныхъ дѣятелей на всѣхъ поприщахъ, описанія нравовъ, обычаевъ и т. п., бібліографія произведеній русской и иностранной исторической литературы, некрологи, характеристики, анекдоты, новости, историческіе матеріалы, документы, имѣющіе общій интересъ.

Къ „**Историческому Вѣстнику**“ прилагаются **портреты и рисунки**, необходимые для поясненія текста.

Статьи для помѣщенія въ журналъ должны присылаться по адресу главной конторы, на имя редактора **Сергѣя Николаевича Шубинскаго**.

Редакція отвѣчаетъ за точную и своевременную высылку журнала только тѣмъ изъ подписчиковъ, которые доставили подписную сумму непосредственно въ главную контору или ея отдѣленія съ сообщеніемъ подробнаго адреса: имя, отчество, фамилія, губернія и уѣздъ, почтовое учрежденіе, гдѣ допущена выдача журналовъ.

О неполученіи какой-либо книги журнала необходимо сдѣлать заявленіе главной конторѣ тотчасъ же по полученіи слѣдующей книги, въ противномъ случаѣ, согласно почтовымъ правиламъ, заявленіе остается безъ разслѣдованія.

Оставшіеся въ небольшомъ количествѣ экземпляры «Историческаго Вѣстника» за прежніе годы продаются по 9 рублей за годъ безъ пересылки, пересылка же по разстоянію.

Издатель А. С. Суворинъ.

Редакторъ С. Н. Шубинскій.

Типографія А. С. Суворина. Зртелевъ пер., д. 13

